

Серия
«ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

Редакционный совет:

С. И. Богданов (Санкт-Петербург), Ю. А. Виноградов (Санкт-Петербург),
О. Л. Габелко (Москва), В. А. Горончаровский (Санкт-Петербург),
М. А. Дандамаев (Санкт-Петербург), В. А. Дмитриев (Псков), Б. В. Ерохин (Санкт-Петербург),
О. Ю. Климов (Санкт-Петербург), А. И. Колесников (Санкт-Петербург), С. Ю. Монахов
(Саратов), В. П. Никоноров (Санкт-Петербург), И. В. Пьянков (Великий Новгород),
Э. В. Рунг (Казань), Р. В. Светлов (Санкт-Петербург), А. А. Сеницын (Саратов / Санкт-
Петербург), М. М. Холод (Санкт-Петербург)

**A HISTORY AND EPIGRAPHY
OF OLBIA, CHERSONESUS
AND BOSPORUS
VII Century B.C. – VII Century A.D.**

by Valery Yailenko

Nestor-Historia
St. Petersburg
2016

В. П. Яйленко

**ИСТОРИЯ И ЭПИГРАФИКА
ОЛЬВИИ, ХЕРСОНЕСА,
БОСПОРА
VII в. до н. э. — VII в. н. э.**

Нестор-История
Санкт-Петербург
2016

Яйленко, В. П.

Я42 История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса, Боспора VII в. до н. э. — VII в. н. э. — СПб.: Нестор-История, 2016. — 980 с., ил. — (Исторические исследования).

ISBN 978-5-4469-0379-2

В книге исследуется история и эпиграфика трех главных центров античного Северного Причерноморья — Ольвии, Херсонеса, Боспора. Основное внимание уделено истории Ольвии от основания поселения на острове Березань в VII в. до н. э. до гибели города в III в. н. э. Рассмотрены различные аспекты ее политической, социально-экономической, культурной и бытовой истории на основе анализа ольвийских надписей. Ряд очерков посвящен выдающимся гражданам Ольвии. Несколько очерков уделено дискуссионным проблемам истории и эпиграфики Херсонеса. Исследованы остающиеся актуальными в литературе вопросы древнегреческой колонизации Нижнего Побужья и Боспора в архаическую эпоху. Еще один ряд очерков посвящен истории и эпиграфике Боспора, в частности его политической истории VI–II вв. до н. э. Заключает книгу раздел о раннехристианских надписях Северного Причерноморья, в особенности Боспора.

Книга предназначена для специалистов по истории античного и средневекового периодов истории юга России и Украины, а также более широкого круга историков, археологов и филологов. Студенты, краеведы и просто читатели тоже смогут пополнить свои знания о прошлом наших стран.

ББК 63.3(0)32

Yailenko, Valery

A History and Epigraphy of Olbia, Chersonesus and Bosphorus VII Century B.C. — VII Century A.D. — St. Petersburg: Nestor-Historia, 2016. — 980 p., ill. — (Historical Studies).

In this book the author researches the history and epigraphy of the three chief centers in the antique Northern Pontic area — Olbia, Chersonesus and the Bosphorus. The main attention is paid to the history of Olbia from the foundation of a settlement on the Berezan Island in the 7th century BC to the destruction of the city in the 3rd century AD. Considered are various aspects of the political, social-economic, cultural and everyday history of Olbia on the basis of the analysis of inscriptions from there. A series of essays is devoted to outstanding Olbian citizens. Several essays deal with controversial problems of the history and epigraphy of Chersonesus. Examined are matters of the ancient Greek colonization of the lower Southern Bug area and of the Bosphorus, which are still topical in scientific literature. Another series of essays covers the history and epigraphy of the Bosphorus, in particular its political history from the 6th to 2nd centuries BC. The book is ended with a section concerning early Christian inscriptions of the Northern Pontic area, especially of the Bosphorus.

The book is intended for experts in the antique and medieval history of Southern Russia and Ukraine, as well as for a wider circle of historians, archaeologists and philologists. Students, explorers of local history and common readers can also enrich their knowledge about the past of our countries.

На обложке — эпитафия Леокса и рельеф в реконструкции Б. В. Фармаковского.
На титульной странице — курос из Ольвии (Эрмитаж).

Содержание

Предисловие	9

Часть первая

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ И ЭПИГРАФИКИ ОЛЬВИИ

Раздел I. Греческие и туземные культы Нижнего Побужья VI–V вв. до н. э.

1. Аполлон Иетр и Аполлон Дельфиний	15
1.1. Аполлон Иетр	15
1.1.1 Каталог надписей Аполлона Иетра и Борей	16
1.1.2. Происхождение и существо культа Аполлона Иетра	18
1.2. Оракулы из Ольвии и с Березани	30
1.2.1. Березанский оракул на костяной пластинке	31
1.2.2. Ольвийские оракулы V–IV вв.	37
1.3. Происхождение, существо и характер культа Аполлона Дельфиния в Ольвии, вопросы реконструкции зданий его теменоса	47
1.3.1. Существо культа Аполлона Дельфиния	47
1.3.2. Идентификации и реконструкция зданий на теменосах Ольвии ..	49
2. Стефанефоры и мольпы V в.	72
2.1. Посвящения стефанефоров и мольпов V в.	72
2.2. Датировка посвящений мольпов-стефанефоров	83
2.3. Ольвийские мольпы и стефанефоры	87
2.4. Список ольвийских эсимнетов-эпонимов	93
3. Культ Ахилла в Нижнем Побужье	95
3.1. Скифский Ахилл	95
3.2. Амулеты с Бейкуша	104
3.3. Скифский Ахилл и персонажи индоарийской мифологии	109

Раздел II. История и эпиграфика Ольвийского полиса VII–V вв. до н. э.

1. Колонизация Нижнего Побужья	121
1.1. Исторический и материальный аспекты колонизации региона	121
1.1.1. Основание Борисфена и вопрос об эмпориальном периоде	121
1.1.2. Основание Ольвии	128
1.1.3. Этапы ионийской колонизации Северного Причерноморья	131
1.1.4. Материальное становление Березани и Ольвии	140
1.2. Политический аспект колонизации региона	147
1.3. Колонизация и туземные трудовые ресурсы	168
Приложение 1. Псевдо-Скимн о времени возникновения Ольвии и вопрос об источниках его известий об основании городов Понта	172
Приложение 2. Древнегреческая колонизационная практика	183
Приложение 3. Платоновская теория основания полиса и эллинская колонизационная практика	187
2. Проблемы социального развития Ольвийского полиса в VI–V вв.	196
2.1. Письмо Ахиллодора	197
2.2. Письмо Апатурия	232

2.3. Письмо Артикона	237
3. Фантом тирании в Ольвии	242
4. Ольвия, ближние и дальние варвары в VI–V вв.	252
4.1. Гилея в надписях VI–V вв.	252
4.2. Гипотеза о скифском протекторате над Ольвией	269
4.3. Скил и Ольвия	272
4.4. Арих и Эминак	274
5. Ателии и проксении последней трети V — начала IV в.	281
6. Текстология и интерпретация ольвийских надписей VI–V вв.	296
6.1. Граффито Ксанфа	296
6.2. Вотив IOSPE I ² 164	299
7. Эпиграфика Березани	303
7.1. Два древнейших березанских граффити	303
7.2. Эпитафия Мастора	305
7.3. Надпись Идана	312
Приложение 1. Как доктор Суриков Гермона да Фанагора порешил, а бесплотную Гермонассу воскресил	326
Приложение 2. Об имени Иданфирс	334
7.4. Березанское граффито — приношение другу	335
7.5. Эпиграфическое свидетельство о выпечном хлебе	339
Раздел III. Ольвия в IV в.	
1. Политический строй Ольвии в V–IV вв.	341
2. Проксения гераклейскому тирану Сатиру и договор с ним	344
3. Декрет Каноба о деньгах	355
4. Проксении IV — первой четверти III в.	363
5. Ольвия и поход Зопириона в Скифию	383
Приложение 1. Зопирион не осаждал Ольвию (ответ критикам)	396
Приложение 2. К интерпретации граффито из Козырки с именем Зопириона	399
Раздел IV. Ольвия эллинистического и римского времени (конец IV в. до н. э. – III в. н. э.)	
1. Внутренняя и внешняя история Ольвии в конце IV — III в. до н. э.	403
1.1. История оборонительных сооружений и внешние угрозы Ольвии по эпиграфическим данным	404
1.2. Основные этапы и события внутренней истории Ольвии в конце IV — III в. до н. э.	419
2. Демография Ольвийского полиса и вопрос об ойкетах	434
2.1. Демография Ольвийского полиса	434
2.2. Ойкеты ольвийской хоры	437
3. Каллиник мнимый и подлинный	440
4. Декрет в честь сыновей херсонесита Аполлония	449
5. Кризис в Ольвии по эпиграфическим данным	469
5.1. Письмо Анонима	469
5.2. Декрет в честь Анфестерия	476
5.3. Вотив ситонов НО 72	478

6. Каталог ольвийских граждан и олигархические кланы Ольвии IV–II вв. до н. э.	481
7. Декрет в честь Протогена	498
7.1. Датировка декрета	498
7.2. Миксэллы Протогеновского декрета	504
7.3. Социальный портрет Протогена	508
8. Декреты в честь сограждан-благотелей и их текстология	510
9. Декреты в честь благотелей-инополитов и их текстология	536
10. Уроженцы Ольвии в духовной жизни Греции: философ Бион, мифограф Дионисий, историк и географ Посидоний	566
11. Повторное основание Ольвии после гетского разгрома	570
12. Ольвия, Рим и варвары в I в. до н. э. — III в. н. э. по эпиграфическим данным	585
12.1. От Лукулла до конца I в. до н. э.	585
12.2. От Августа до Траяна	586
12.3. Вотивы центуриона Северина	591
12.4. От Антонина Пия до Северов	595
12.5. Посольства к скифским и сарматским царям во II в.	601
12.6. Эпиграфические свидетельства в ложном освещении	602
13. Боспорцы и боспорские надписи в Ольвии	605
14. Надписи разных жанров	612
14.1. Сакральные надписи	612
14.2. Строительные надписи	622
14.3. Рабство и вольноотпущенничество в поздней Ольвии	624
14.4. Эпитафии	629
14.5. <i>Varia et Pars critica</i>	634
14. 5. 1. <i>Varia</i>	634
14. 5. 2. <i>Pars critica</i>	637
14. 5. 2. 1. Как не надо интерпретировать декреты (НО 19+32)	637
14. 5. 2. 2. Фантом конных монументов	639
14. 5. 2. 3. Публикация Стефанова декрета как обирание покойника 14. 5. 2. 4. О рецензии А. И. Иванчика на обложку «Тысячелетнего Боспорского рейха»	642
14. 5. 2. 5. Проблемы с северочерноморским разделом в <i>Supplementum epigraphicum Graecum</i>	655
15. Новые мелкие надписи	660
	664

Часть вторая

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ И ЭПИГРАФИКИ ХЕРСОНЕСА И БОСПОРА

Раздел V. Очерки истории и эпиграфики Херсонеса

1. Тени ольвиополитов и херсонесских олигархов в Западной Тавриде (граффиты с Панского I)	671
2. Некоторые вопросы интерпретации херсонесской присяги и почетной надписи Агасикла	685
3. Херсонес, Северное Причерноморье и Маркоманские войны по данным херсонесского декрета 174 г. н. э. в честь Тита Аврелия Кальпурниана Аполлониды	694

3.1. Декрет	694
3.2. К дискуссии о херсонесском декрете в честь Т. Аврелия Кальпурниана Аполлонида	725
4. Заметки к херсонесским надписям	754
4.1. Остраконы и владельческие надписи	754
4.2. Датировка надписи об аренде / продаже земли	757
4.3. Надпись из Кара-Тобе	759
4.4. К публикации свода херсонесских граффити	760

Раздел VI. Очерки истории и эпиграфики Боспора

1. Политическая история Боспора VI–II вв. до н. э.	774
1.1. Политическое состояние Боспора в VI–V вв.	774
1.2. Спартокиды IV в.	797
1.3. Спартокиды эллинистической эпохи	806
1.4. Культ правящего монарха у Спартокидов	818
1.5. Общая оценка развития Боспора и Ольвии в эллинистическую эпоху	823
1.6. Вотив жены (?) Спартока IV из Кеп	825
2. Иранское происхождение Спартокидов	829
3. Новые женские эпитафии Боспора	841
4. Новые надписи Фанагории	857
4.1. Эпитафия тегеата Пантия	857
4.2. Опистограф со строительной надписью и эпитафией фиасота	860
5. Вотив Авлудзениса, происходящий с Боспора (?)	871

Раздел VII. Христианская эпиграфика Северного Причерноморья

1. Христианские лапидарные надписи раннесредневекового Боспора	876
1.1. Надпись гуннской царицы (Б)оарекс и гуннского царя Грода	877
1.2. Фрагмент эпитафии IX–X вв.	884
1.3. Надпись царя Дуптуна (КБН 67)	885
1.4. Надпись комита Саваги с Тамани	889
1.5. Эпитафия Евтропида (КБН Add. 3)	890
1.6. Эпитафия Агораста	893
1.7. Краткие заметки к отдельным надписям	894
1.8. Стихотворная эпитафия с Тамани	898
1.9. Надписи КБН 735a и 742	900
1.10. Эпитафия КБН 1225	903
2. О «Корпусе византийских надписей с территории России, Украины и Закавказья»	906
Приложение. «Березанские алканавты»	919
Список литературы	922
Сокращения	985
Указатели	989
Указатель надписей	989
Указатель имен собственных	996
Указатель греческих и других слов, оборотов, эпиграфических формул, грамматических особенностей.	1003
Предметный указатель.	1017
Указатель к византийскому разделу VII	1018

ПРЕДИСЛОВИЕ

Отечественная эпиграфика послевоенных лет достигла определенных успехов в изучении древнегреческих надписей Северного Причерноморья. Опубликовано много новых лапидарных памятников, особое внимание уделено и граффити как содержательному историческому источнику. В 1965 и 1968 гг. вышли в свет сборники *«Корпус боспорских надписей»* и *«Надписи Ольвии»*, в которых подытожено все, сделанное в этой области за советское время. Оба свода — бесспорное достижение отечественного антиковедения: разрозненный новый обширный материал систематизирован и кратко прокомментирован. Вместе с тем им свойственны недостатки, отмеченные рецензентами, хотя основной они все же не указали — несовершенство текстологической базы: чтение сотен надписей требует уточнения текста. Достаточно сказать, что многие надписи переизданы по публикациям, без сверки с доступными подлинниками; особенно это относится к сборнику *«Надписи Ольвии»* (далее НО). Однако нет оснований предъявлять претензии его составителям, археологам и филологу, напротив, ученое сообщество благодарно им за то, что, не будучи эпиграфистами, они взяли на себя нелегкий труд по сбору и обработке свыше 150 найденных с 1917 г. надписей Ольвии. В дальнейшем эпиграфистам предстоит большая работа по уточнению текста многих надписей посредством изучения подлинников, объединения разрозненных фрагментов одной надписи, при помощи тщательного филологического да исторического анализа содержания и пр. Давно назрела нужда в переиздании ольвийских надписей, опубликованных В. В. Латышевым в 1916 г. в IOSPE I², т. е. републикация на уровне современного состояния знаний «Корпуса ольвийских лапидарных надписей», что справедливо отметила рецензент НО А. И. Болтунова [1971, с. 290]. В этом плане отдельными исследователями уже проведена некоторая работа.

Основу данной монографии составляют статьи по истории и эпиграфике Ольвии да Березани. В 1970–1980-х гг. я проводил сверку изданных в IOSPE I² и НО надписей Ольвии с подлинниками, хранящимися в ОАМ, Историческом музее Украины (Киев), в музеях

Херсона, Николаева, Керчи, отчасти Москвы и Ленинграда. По результатам этой работы с камнями я опубликовал в 1985 и 1987 г. подготовительные «Материалы к “Корпусу лапидарных надписей Ольвии”» (в целом 178 с.)¹. Основная их цель — улучшение текстологии и анализ ольвийских надписей, изданных в IOSPE I² и HO². К сожалению, в условиях того времени публикация научных трудов большого объема была затруднена, так что «Материалы» опубликованы в малотиражных сборниках по эпиграфике и языкам древности, которые я издавал в Институте всеобщей истории АН СССР³. Далее я продолжал кабинетную работу по изучению ольвийских надписей, развивая положения, высказанные в МКЛНО. Параллельно публиковал в различных сборниках и периодике статьи по истории Ольвии. Предлагаемая вниманию читателя монография представляет собой сборник моих неизданных и опубликованных статей (примерное соотношение *fifty-fifty*). В книге собраны воедино и подытожены мои представления об истории античной Ольвии от основания Борисфена в VII в. до гибели в III в. н. э.

В 1970–1990-х гг. параллельно писались три истории Ольвии. Киевские и питерские археологи изучали ее материальную культуру, работа киевских коллег увенчалась изданием хорошего обобщающего труда «Ольвия» (1999), важна и книга Е. И. Леви [1985]. Я и Ю. Г. Виноградов параллельно писали историю Ольвии на основе эпиграфических источников. Его взгляды нашли отражение в книге 1989 г., а также в сборнике его статей 1997 г. *Pontische Studien*. Моя история Ольвии изложена во многих статьях 1974–2009 гг., в том числе таких больших, как МКЛНО и «Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху»; в виде книги она приходит к читателю только сейчас, ибо по характеру научной деятельности я кунктатор — написанное подолгу лежит в столе. Наша параллельная работа над одним и тем же материалом приобрела антагонистический характер, что имело некоторые издержки этического плана, но само по себе было плодотворно, ибо в столкновении мнений добываются факты и достигается

¹ Далее МКЛНО I, II, см. список сокращений.

² В нескольких случаях я дал гипотетическое объединение фрагментов, которых не видел в подлиннике, все они оговорены как требующие апробации посредством сличения камней.

³ В целом я собрал и издал 5 таких сборников: 1) *Эпиграфические памятники древней Малой Азии и античного Северного и Западного Причерноморья как исторический и лингвистический источник*. М., 1985; 2) *Исследования по эпиграфике и языкам Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья*. М., 1987; 3) *Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и античного Северного Причерноморья*. М., 1987; 4) *Ономастика и эпиграфика средневековой Восточной Европы и Византии*. М., 1993; 5) *История и культура древнего мира*. М., 1996.

адекватное их понимание. В книге много полемики, так как наши взгляды на текстологию и анализ эпиграфических памятников существенно разные.

Сущность постижения научной истины хорошо сформулировал Питер Акرويد [1985]: «История — не законченный рассказ, а продолжающийся диалог».

Данная книга в основном посвящена Ольвии, в качестве дополнения приложены статьи по истории и эпиграфике Херсонеса и Боспора. Тем самым вместе с изданной в 2010 г. книгой «Тысячелетний Боспорский рейх» основные мои работы по лапидарной эпиграфике Северного Причерноморья собраны вместе. В дальнейшем планирую собрать в одной-двух книгах свои опубликованные и главным образом неизданные материалы по малой эпиграфике Боспора, Ольвии, Херсонеса, Тиры.

Изданием этой книги я и читатель обязаны финансовой помощи моих студентов факультета искусств МГУ им. Ломоносова (факультет платный, непомерно дорогой, так что они люди не бедные). По их словам, это благодарность своему преподавателю за лекции по истории изобразительного искусства древнего мира, Византии, Древней Руси и западного XIX в., которые они слушали на 1, 2 и 4 годах обучения. Я сердечно признателен им за бескорыстную готовность помочь науке, рад, что в наше время разгула средневековых суеверий, раздуваемых на государственном уровне, сумел внушить им представление об основополагающем значении научного знания. Это Наташа Аргамасова, Женя Боркова, Наташа Воркунова, Лена Гончарова, Саша Иваницкая, Катя Исаева, Оля Куликова, Саша Лекомцева, Оля Малиманова, Саша Мельникова, Надя Аванесова, Маша Угольников, Аня Шамалова. Им всем моя сердечная благодарность. Особо я признателен Свете Денисовой: ей принадлежит идея таким способом профинансировать издание книги, она же провела организационную работу. Жена Маша Хотомлянская, тоже бывшая моя студентка, выполнила большую техническую работу по редактированию рисунков, сердечное ей спасибо.

Всем названным замечательным девушкам с удовольствием и благодарностью посвящаю эту книгу с пожеланием доброго здоровья, успехов и счастья на всем жизненном пути.

Рад с благодарностью упомянуть и тех, кто любезно содействовал мне в работе над камнями в музеях (живых и, увы, покойных): И. Б. Клеймана, А. М. Тарадаш (ОАМ), С. В. Башарина, В. Н. Боровкову (Керчь), М. И. Лют (Темрюк), Л. Н. Романюк (КИМ), Г. А. Лом-

тадзе (ГИМ), сотрудников Херсонского и Николаевского музеев. По старой дружбе С. Б. Охотников организовал съемку камней в ОАМ и прислал мне полтора десятка фотографий, а С. Ю. Монахов, В. Кожокару, А. А. Масленников, М. Ю. Лаптева, Н. В. Завойкина, В. П. Никоноров, когда я долго болел и не мог посещать библиотеки, любезно предоставили нужную литературу, — и им моя благодарность.

*Atque tu, lector, vale faveque meis progressibus et erroribus*⁴.

---

⁴ «И ты, читатель, будь здоров да благосклонен к моим достижениям и ошибкам».

Рекомендую читателю прорабатывать нижеследующие материалы, имея перед глазами IOSPE I² и НО. Дополненный текст и подразумеваемые слова выделены в переломах курсивом. В ссылках на сборники надписей (например, Michel, 527) цифра означает номер надписи. Если фамилия ученого часто фигурирует в тексте, инициалы ставятся лишь при первом упоминании. Рукопись сдана в издательство в марте 2014 г.

Часть первая

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ
И ЭПИГРАФИКИ ОЛЬВИИ

*«Там, где начинается знание,
кончается религия».*

Кази-заде Руми¹

Раздел I

ГРЕЧЕСКИЕ И ТУЗЕМНЫЕ КУЛЬТЫ НИЖНЕГО ПОБУЖЬЯ VI–V вв. до н. э.

1. АПОЛЛОН ИЕТР И АПОЛЛОН ДЕЛЬФИНИЙ

1.1. Аполлон Иетр²

В Ольвии, в отличие от других городов Сев. Причерноморья, получили активное развитие культы Аполлона Иетра и Ахилла, при том что в метрополии почитание Иетра вовсе не засвидетельствовано, Ахилл был второстепенным божеством. Эти особенности религиозной жизни Ольвии могут быть объяснены только ее местными условиями — взаимодействием с религиозными воззрениями и практикой туземного населения. Классический греческий культ Аполлона — результат длительного и сложного процесса контаминации ряда религиозно-мифологических традиций, начавшегося еще в крито-микенскую эпоху [Kothe, 1970; Schretter, 1974; Siegert, 1976]. Основа этого культа малоазийская, вобравшая в себя более широкие ближневосточные элементы. Второй пласт — собственно греческие представления, во многом основанные на впитанных догреческих верованиях. Еще один важный для нашей темы ареал формирования культа связан с религиозными воззрениями и практиками туземного населения Фракии и Сев. Причерноморья, — тут греки позаимствовали и приспособили к своим представлениям культ Аполлона Гиперборейского, он же Аполлон Иетр. Известия об этом Аполлоне чрезвычайно разрозненны и отрывочны, даже собранные воедино [Crusius, 1890; Daebritz, 1914; Лосев, 1957], они не дают ясного ответа на вопрос о происхождении и сущности его культа. Благодаря публикациям А. С. Русяевой [1986; ГОП; Виноградов, Русяева, 2001] мы располагаем подборкой посвяtitельных надписей Аполлону Иетру и связанным с его культом персонажам VI–V вв.³

¹ Салах ад-дин Муса ибн Махмуд Кази-заде, по прозвищу Руми, т. е. «Грек», — математик и астроном первой половины XV в., учитель Улугбека, слывший среди современников «Платоном своей эпохи» [Бартольд, 1964, с. 135].

² Этот параграф опубликован [Яйленко, 2013, с. 270/90].

³ Я нередко критиковал эпиграфические публикации А. С. Русяевой, тем не менее отмечу важность этой ее работы: она ввела в оборот много надписей, которые весьма обогатили наши знания об Ольвии. Не согласен я и с отрицательной оценкой И. Ю. Шаубом [2007] работ А. С. Русяевой по религии Сев.

Они предоставляют нам решающие данные о происхождении культа Иетра, его существе и характере. Сведем эти надписи воедино.

1.1.1 Каталог надписей Аполлона Иетра и Борея

1. Граффито с Березани на венчике родосско-ионийского килика первой четв. VI в.: [Α]πόλλω(ι) Ἰητροῖ «Аполлону Иетру» [Русяева, 1986, с. 39, № 1].
2. На фр. венчика чл. чаши рубежа VI–V вв. с Березани: [Ἰητ]ροῖ «Иетру» [Яйленко, 1982, с. 289, № 96].
3. Фр. стенки диноса стиля Фикеллюра третьей четв. VI в. с Березани: [Απόλλω]νος ἐμὶ Ἰη[τροῖ] «я принадлежу Аполлону Иетру» [Яйленко, 1982, с. 289, № 96].
4. Граффито на венчике восточногреч. чаши второй четв. VI в.: [Α]πόλλω(ι) Ἰητροῖ «Аполлону Иетру» [ГОП, 46, № 6]⁴. Под надписью и далее следует волнистая черта, указывающая на водную природу божества.
5. Фр. края восточногреч. тарелки второй четв. V в., бустрофедон: [Ἰ]ητροῖ «Иетра» [ГОП, 46, № 7].
6. Фр. ручки восточногреч. кратера второй четв. VI в.: [Ἰ]ητρ(ῶ) «Иетра» [ГОП, 46, № 8].
7. Фр. горла восточногреч. кувшина третьей четв. VI в.: Ἰητροῖ «Иетра» [ГОП, 47, № 9].
8. Фр. глиняного антефикса третьей четв. VI в.: [Ἰ]ητροῖ «Иетра» [ГОП, 44, № 2].
9. Фр. терракотового акротерия второй пол. VI в.: Ἰητ[ροῖ] «Иетра» [ГОП, 45, № 3].
10. Фр. калиптера ок. последней четв. VI в.: Ἰη[τροῖ] «Иетра» или как следующее граффито [ГОП, 45, № 4].
11. Фр. калиптера второй пол. VI в.: Ἰητροῖον «*святилище Иетра*» [ГОП, 45, № 5] см. ниже, с. 72.
12. Фр. края терракотовой симы третьей четв. VI в.: [Α]πόλλω(ι) Ἰηττροῖ Βορυσθένε «Аполлону Иетру Борисфену» [ГОП, 44, № 1]⁵.
13. Костяной амулет с Березани, надпись третьей четв. VI в. (рис. 1): Βορυσθένηςος | ἐμὶ || Θέν|ιος Ἰητροῖς «я есмь Борисфенов, Иетр Сопричастный» [Русяева, 1986, с. 41]⁶.
14. Кольцевой поддон чл. открытого сосуда конца V — начала IV в. из Ольвии: [--]πος Ὑπάτι Βορυσθένει «*такой-то посвятил* Гипанису-Борисфену» [ГЛБО II, с. 80, № 71] (Гипанис-Борисфен тут Днепро-Бугский лиман).

Причерноморья: несомненно, его указанная монография — лучшее, что написано по этой тематике, но и вклад в нее А. С. Русяевой велик. Вообще она из числа самых плодотворных и основательных специалистов по Сев. Причерноморью, давно назрела необходимость издать ее многочисленные статьи в виде 3–4 тематических сборников.

⁴ Нижеследующие надписи 4–12, 15, 17–20 происходят с Зап. теменоса Ольвии.

⁵ Читаем по прописи А. С. Русяевой. Ее текст: [Α]πόλλω(ι) Ἰητ(τ)ροῖ Βορυσθένε[ος μεδέοντι ?] «Аполлону Иетросу, Владыке (?) Борисфена». Так дополнял текст и Браво, полагая, что Борисфен скорее река, нежели город [SEG 51, 969]. Дополнение излишне, как и исправление эмфатически удвоенного Т. В Βορυσθένε окончание дат. падежа ε̄ = εἰ, как в ряде других березанских надписей (с. 211 и др.).

⁶ Безусловно, читаемое ΘΕΝΙΟΣ понятно и без исправлений (к которым напрасно прибегли Русяева и Дюбуа [Dubois, p. 142]) через глоссу Гесихия θένιοι· οἱ προσήκοντες, т. е. «подходящие, находящиеся в родстве, сопричастности».

15. Мрам. постамент с посвятит. надписью V в.: Ξάνθος Πό[σιος?]| Ἀπόλλωνι Ἰη[τρῶι]| Ἰστρὸ μεδέον[τι]| Ὀλβιοπολίτης «Ксанф, сын Посия (?), ольвиополит, *посвятил* Аполлону Иетру, владыке реки Истр» [Dubois, 58]⁷.
16. Кф. килик позднего VI — раннего V в. из Журовки Киевской губернии: Δελφινίῳ ξυνῇ Ἰητρὸ «Дельфинию совместно с Иетром» [Толстой, 1905].
17. Фр. венчика горловины клазоменской амфоры, надпись ок. сер. VI в. (рис. 2): ἀναγέρρεν ἀχυρόσ(α)ς κλοτῆ Ἀπ(ό)λλωνι Βορήι μέλι Πατρί «собрал, смешав с мякиной в амфоре мед, Аполлону Борею Отцу»⁸.
18. Фр. стенки чф. кратера третьей четв. VI в.: [Ἀπόλ]λωνι Βορῆι «Аполлону Борею» [ГОП, 48, № 11].
19. Фр. стенки чф. амфоры V в.: [Ἀπόλ]λωνι Βορήι «Аполлону Борею» [Виноградов, Русяева, с. 137, № 10; ГОП, 49, № 12].

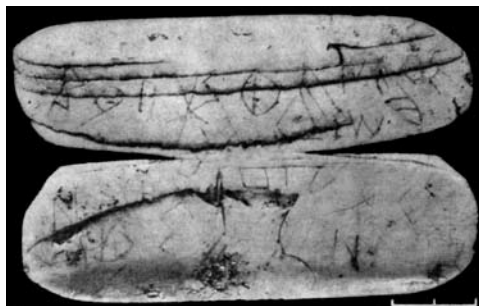

Рис. 1. Амулет с Березани [Русяева, 1986]

Рис. 2. Посвящение Аполлону Борею Отцу [ГОП, т. 10]

⁷ А. С. Русяева [1992] и Ю. Г. Виноградов [1989, с. 111] ошибочно приняли Истр надписи за город Истрию: ввиду очевидной водной функции Иетра — хотя бы по связи с Борисфеном — это река Истр [Bravo, 2001, p. 238; SEG 42, 712; 51, 969; Braund, 2007]. Поэтому Посий посвятил статую не в храм бога в Истрии, как сочли издатели, а в ольвийское святилище Иетра, где оно и найдено [Dubois, 58], по мысли Браво, может быть, за спасение во время плавания по Дунаю.

⁸ Глагол ἀναγέρρω редкий, в значении «собирать вместе» представлен у позднего эпического поэта Квинта Смирнского, однако он подражал гомеровскому языку, так что его форма аутентична: гомеровский глагол ἀγείρω с префиксом ἀνα-. Двойное ρ в aor. 2 ἀναγέρρω может быть свойством гомеровского языка, но ср. эолийское ἀγέρρω и см. ниже, с. 317 сл., об эолийско-ионийском смешанном диалекте пограничья Северной Ионии и Эолии. Перед Ν резчик пытался 2–3 раза написать букву, теперь нечитаемую. Омикрон ошибочно проставлен после первой сигмы причастия ἀχυρόσ(α)ς (к глаголу ἀχυρόω), он должен стоять перед нею. Форма κλοτῆ вполне мыслимый жен. род при masc. или neutr. редкого слова κλότιος, -ον «сосуд», засвидетельствованного в III в. до н. э. (LSJ, s. v.); слияние ιη в η обычно в ионийском [Thumb, Scherer, S. 253]. Ю. Г. Виноградов не разобрался в надписи, поскольку наполнил ее не засвидетельствованными именами собственными: Ἀναγέρρης Ἀναχίρσος Σκ(ο)λότῃ(ς) Ἀπ(ό)λλωνι Βορήι μέλι πατρ[ῶιον] (?) ἀνέθηκε «Анагерр, сын Анахирса, сколот (?), Аполлону Борею мед отеческий (?) посвятил» [Виноградов, Русяева, 2001, с. 136]. Анахирс у него Анахарсис, и далее в романическом духе. Тохтасьев принял его понимание надписи и со своей стороны украсил ее именем Анапердес [ГОП, с. 48], о смысле которого скромно умолчал, а мы озвучим его очередное антропонимическое изобретение: означает оно «Распердун».

20. Дно чл. чаши V в., надпись III–II вв.: имена-патронимики 5 членов фиаса борейков (Βορείκοι θιαοῖται) — Каллиник Филоксенов, Посейдоний Сократов, Геросон Филоксенов, Деметрий Сократов, Филон Сократов [ГОП, с. 55] (текст см. на с. 488).

Кроме того, Иетр упоминается в оракуле Ликею из Ольвии (с. 37), в гилейском гимне из Ольвии фигурирует жрец Иетра (с. 255); к Иетру обращены 5 амулетов с Березани [Яйленко, 1982, с. 295]. Итого 27 памятников (26 от VI–V вв., одна III–II вв.), из которых 8 происходят с Березани, в том числе древнейшие, 14 с тематического Иетра в Ольвии, начиная со второй четверти VI в.; 4 надписи найдены в разных частях городища, 1 в Журовке.

1.1.2. Происхождение и существо культа Аполлона Иетра

Теперь изложим свое понимание природы и сущности Иетра⁹. Об этом сложились две точки зрения, восходящие к Р. Ганшинецу и М. Нильссону. Первый усмотрел в Аполлоне Иетре заимствованное греками туземное причерноморское божество; согласно второму, этот культ в древности существовал в Ионии и оттуда перенесен колонистами в Причерноморье [Ganszyniec, 1923, S. 41; Nilsson, 1955, S. 540]. При этом оба оперировали соображениями косвенного характера, поскольку ни в Ионии, ни вообще в Малой Азии культ Аполлона Иетра не документирован, как не было и свидетельств о туземном божестве Зап. и Сев. Причерноморья, которое составило бы основу культа Иетра. В последующей литературе безраздельное предпочтение получила вторая точка зрения, наиболее подробно аргументированная Н. Эрхартом [Ehrhardt, 1989, S. 115 f.]¹⁰. Он тщательно собрал осколки, по его мнению, распространенного некогда в Ионии культа Иетра, — в основном сложные с этим теонимом личные имена. Но он упустил самое важное: явление первично там, где оно хорошо представлено, и вторично там, где имеются лишь его следы. Иначе говоря, то, что Эрхарт счел остатками некогда бывшего в метрополии культа Иетра, наоборот, является следствием влияния северо-западных колоний ионийцев на метрополию.

Ныне появились материалы, свидетельствующие в пользу идеи Ганшинеца. На водную природу Иетра указывают березанские и ольвийские граффити VI в. — [Α]πόλλωι Ἰηττῶι Βορυσθενέ[ωι] «Аполлону Иетру Борисфену», Βορυσθενέος | ἐμί, | Ἰητρός Θέν[ι]ος «Иетр Сопричастный, я есмь Борисфенов», т. е. подразумевается сопричастность Аполлона Иетра Борисфену, по существу Иетр тут паредер Борисфена (наш каталог, № 13); также ольвийское граффито, упоминающее божество Борисфен-Гипанис (№ 14). Борисфен здесь божество, олицетворяющее Днепро-Бугский лиман и Днепр. Иетр обеих березанских надписей идентичен Борисфену, и это означает, что по природе Иетр связан с почитанием больших речных акваторий, на это же указывает и ольвийское посвящение Ποσειά Απόλλωι Ἰητ[τῶι] Ἰστρὸ μεδέου[τι] «Аполлону Иетру, владыке реки Истр». Следовательно, в Тире его культ

⁹ Краткое изложение наших представлений об этом [Яйленко, 2006, с. 363/6; 2013а, с. 270/90], здесь даем развернутую аргументацию.

¹⁰ Сюда примыкает и бездоказательная идея Ю. Г. Виноградова и А. С. Русаевой [1980, с. 31] об Аполлоне Иетре-Враче как покровителе первых колонистов. Популярная в нашей литературе, она рассыпается в прах, задайся ее создатели простым вопросом: если это покровитель ионийских колонистов, почему его культ ограничен территорией от Аполлонии Понтийской до азиатского Босфора и нет в других областях, колонизованных ионийцами?

связан с почитанием реки Днестр, в Истрии с Дунаем, на Боспоре с Керченским проливом (лишь в Аполлонии Понтийской такая связь напрямую не выражена)¹¹. Одно это обстоятельство показывает, что эпиклеса Ἰήτρος не имеет прямой содержательной связи с греческим словом ἰατρός «врач», как считали до сих пор (Аполлон Врач). Однако между ними есть этимологическая связь, дающая еще один ключ к пониманию природы Иетра: греч. ἰατρός «врач» этимологически соответствует славянскому *ветер*, авест. и др.-инд. *vāta-* «ветер» и *nr.* [Фасмер, 1986, с. 306], но содержательное их единство пока не объяснено. Полагаем, семантическую связь между понятием *ветер* (в качестве божества) и Иетром как божеством больших открытых акваторий помогает установить атрибут Аполлона Иетра — стрела. С одной стороны, стрела метонимически связана с понятием *ветер*: к примеру, обитающие в воздухе рудры индийской мифологии мечут стрелы-ветры. С другой стороны, стрела через то же свойство быстроты связана с водной средой: так, по Курцию Руфу (IV, 9, 16), название реки Тигр происходит от иранского обозначения стрелы (т. е. *tigra-*). Таким образом, все три базовые составляющие семантики Иетра — большая акватория, ветер, стрела — по содержанию объединены понятием быстрого полного движения воды (ветер Борей как символ быстроты у Тиртея, fr. 9, 4). Развитие семантики тут обычное: ветер → дождь → вода → река. При этом обозначение Аполлона Бореом (каталог, № 17–20; в Сев.-Зап. Причерноморье [Panait-Bîrzescu, 2010]) указывает на связь Аполлона Иетра конкретно с северным ветром. Семантическое развитие ветер → река представлено в мифологии Борея: он мыслится родителем реки Стримон или его сыном [*Callim.* IV, 26; *Hermias*, FHG IV, p. 427; Стефани, 1872, с. 7], Орозию известна река *Boreum* [Adv. pag. I, 47]¹². Ассоциация Аполлона Иетра с северным ветром необъяснима для фракийцев и греков Сев. Причерноморья, но понятна для греков метрополии: возвращение Аполлона из страны гиперборейцев в Аттику знаменовалось посвящением ему первых весенних месяцев аттического календаря, насыщенных сельскохозяйственными работами [Лосев, 1957, с. 408, 423/6]. Иначе говоря, в Аттике наступление весны и ее хтонического плодородия связывалось мифологическим сознанием с прибытием Аполлона с севера — в это время ее достигал мягкий северный ветер. То же и в Беотии: Борей несет плодородие почве (*Hesiodus*, Erga, 547 sq.).

Культ Иетра локально ограничен небольшой дугой западного и северо-западного черноморского побережья: Аполлония, Истрия, Тира, Ольвия, в стороне от нее Боспор¹³. Отсюда следует, что коренная территория культа Иетра связана

¹¹ Физиографические особенности места расположения Аполлонии-Созополя отчасти проясняют этот вопрос. Аполлонийский залив Понта тут весьма глубок, линия берега делает крутой разворот, с моря город прикрыт тремя островами, так что расположен в относительно закрытом месте (*Mela*, II, 22). Протекающая неподалеку река Ропотамо (в античности Дебелт) невелика, но исследования показали, что в древности она была значительной.

¹² На водную природу Борея указывает также изображение его в виде змея на ларце Кипсела (*Paus.* V, 19, 1). Таким написал его Рубенс в картине из Дрезденской галереи «Нептун, усмиряющий волны».

¹³ В Аполлонии стояла статуя Аполлона Иетра с луком и стрелой работы скульптора первой половины V в. Каламида; стрелком он изображен и на пантикапейских монетах (*Strabo*, VII, 6, 1; *Plin.* Nat. h. XXXIV, 39 [Ehrhardt, 1983, S. 147; IGBulg. I² 399, 400, 403]). В Истрии известна семья потомственных жрецов Иетра конца V — начала IV в. [Pippidi, 1977, p. 16]. О культе Аполлона Иетра в Зап. Понте [Gočeva, 1976; Tačeva-Nitova, 1976] (увы, обе эти мои добрые болгарские коллеги недавно скончались). В Тире культ Иетра подтвержден надписью III в. [Nicorescu, 1933, p. 564]. В Ольвии и на Березани

с фракийской средой, следовательно, имя Иетр заимствовано греками из нее. Как сказано, греч. *iatrós* «врач» родственно славянскому *ветер*, восходящему к индоевр. **vēt-* «ветер». При этом славянский и балтийский термины выделяются наращением -г: литовск. *vėtra* «буря, ураган», др.-прусск. *wetro* «ветер», церк.-слав. *ВѣТРЪ*¹⁴. Но в прошлом балтийский, славянский и фракийский языки составляли единство (распались в античную эпоху), так что в эту группу входит и фрак. **iēthru-* «быстрый», реконструированное по названию притока Дуная Янтра, известного Геродоту как *Ἰαθρυς*, Плинию как *Ieterus*, Иордану как *Iatrus*¹⁵. Итак, во фракийском существовало слово **iēthru-* «быстрый», по семантической связи с понятием *ветер* название Я(н)тра означает «быстрая, как ветер». Поскольку божество Иетр олицетворяет природную силу, ветер, это значение исходное для фрак. **iēthru-*, значение «быстрый» вторичное от него. О. Н. Трубачев [1968, с. 66, 208/9] указал параллель болгарскому гидрониму на территории Средней Украины — Янтра, правый приток р. Синюхи, левого притока Юж. Буга. В надписи № 14 нашего каталога фигурирует пара Гипанис-Борисфен, тогда как в более ранней надписи № 13 Иетр-Борисфен, что указывает на замещение названия Иетр № 13 гидронимом Гипанис. Это дает основание думать, что в надписи № 13 *Θέτιος Ἰητρός* представляет собой не столько теоним, сколько гидроним, на что прямо указывает и эпиклеса при нем «Сопричастный»: «Иетр Сопричастный, я есмь Борисфенов», т. е. Борисфен (род. падеж: «я есмь Борисфена») и есть Иетр. Это означает, что *Ἰητρός* — древнейшее туземное наименование Юж. Буга, воспринятое греками, так что Янтра (приток Синюхи) представляет собой его же в законсервированном состоянии. Связь Аполлона Иетра с речной водной средой засвидетельствована и литературными источниками: по Евмелу (fr. 17 Kinkel), Аполлон Гиперборейский (= Иетр, см. ниже) — отец нимфы Борисфениды. Это уравнивает названия Иетр и Борисфен, собственно, об этом и свидетельствует надпись № 14¹⁶. Эпиклеса Иетр употребляется в бережанских и ольвийских надписях исключительно в посвящениях и на амулетах, что указывает на ее преимущественно сакральный, а не гидронимический характер.

На основании гидронима Янтра и других фракийского происхождения на территории Средней Правобережной Украины О. Н. Трубачев заключил, что часть туземного населения была фракийской по происхождению (рис. 3). Появление фракийского названия Буга *Ἰητρός* у греков Нижнего Побужья, безусловно, обязано этому фракийскому субстратному населению (о нем ниже, с. 28). Обычно считается, что заимствованный у фракийского населения культ Аполлона Иетра возник сначала в греческих городах Зап. Понта, затем у греков Сев. Причерноморья. Однако хронологически источниками фиксируется обратная картина: древнейшие

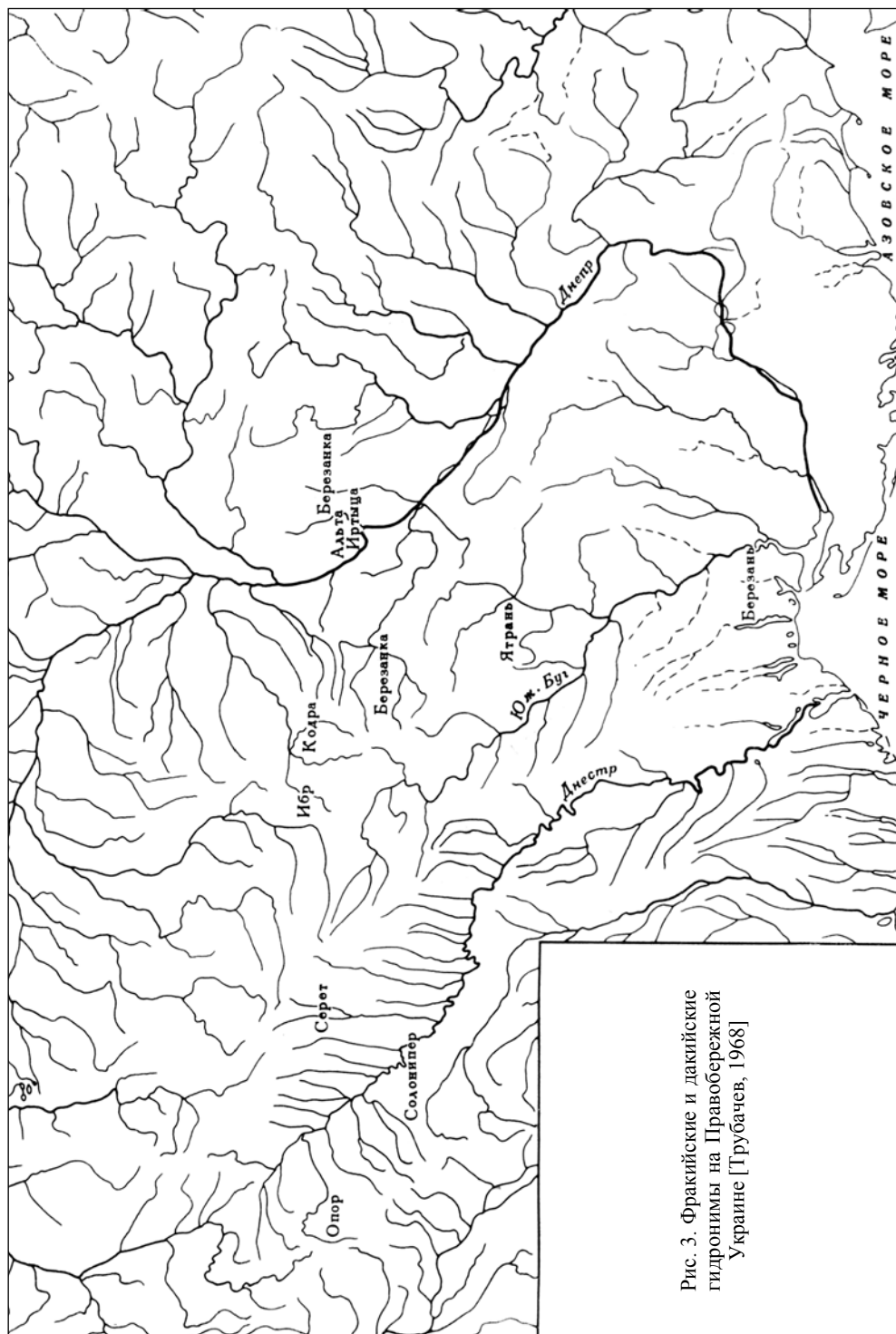
почитание Иетра засвидетельствовано с VI в. (см. каталог). На Боспоре было 3 центра почитания Иетра с рубежа VI–V вв. — Пантикапей, Фанагория, Гермонасса [КБН 6 сл., 974, 1037, 1044; Сударев, 1999; Яйленко, 2006].

¹⁴ [Pokorny, 1959, S. 84]. Иотация корневого гласного в указанной группе возникла по сандхи с г-наращением. Слав. *h* фонетически = *iā* или *iē*. В группу языков с г-наращением относится и греческий с его *iatrós*.

¹⁵ [Detschew, 1957, S. 7–8; Russu, 1959, p. 57]. В реконструкции В. Георгиева [1977, с. 63] **iēthru-* опущено корневое *i*; по И. Дуриданову [1976, с. 31, 76], фрак. **iēt(h)u-* иного происхождения — родственно др.-верхненем. *ātgar*, латыш. *atrs* «быстрый».

¹⁶ В нижнем течении Буг и Днепр сливаются, образуя 100-километровый Днепро-Бугский лиман, это обстоятельство и породило единство туземного названия обеих рек.

памятники Иетра идут на Березани с начала VI в. (№ 1 каталога), тогда как в Зап. Понте только с V в., так что речь следует вести о независимо протекавшем одном и том же явлении — греки Сев. Причерноморья заимствовали культ Иетра у местных фракийцев, греки Зап. Причерноморья — у своих соседей, и процесс этот начался раньше в Скифии. Подобный пример заимствования греками местного фракийского божества дают тетрадрахмы раннего IV в. из Одессы с именем «великого бога Кирсы» [Koromila, 1991, p. 93]. В Нижнем Побужье необычайное распространение получил культ туземного божества Ахилла, имя его индоарийского гидронимического происхождения (ниже, с. 109).

На хтоническую (плодородие земли-воды) природу культа Аполлона Иетра указывает еще один вид источников — монеты-стрелки, широко распространенные в Сев.-Зап. Причерноморье от Аполлонии до Нижнего Поднепровья. В их числе есть редкие экземпляры с буквой Α, в которой усматривают инициал Аполлона; поскольку Иетр изображался со стрелой в руках (такова, к примеру, его статуя в Аполлонии), полагают, что функционирование этой квазимонеты связано с его храмом [Анохин, 1986, с. 83]. На хтоническую природу этой стрелы указывают известия, что стрела гиперборейского Аполлона перенесена на небо, где помещена рядом с плодами Деметры (*Ps. Eratosth. Catast.* 29; *Hygin.* II, 15). Локализация на небе указывает на дождевую семантику стрелы. Принесение в дар Аполлону Борею меда (каталог, № 17) подчеркивает семантику бога как покровителя природного плодородия у нижебужских греков. В связи с нею тут же стоит и не засвидетельствованный другими источниками эпитет Отец. Коллегия борейков (№ 20) представляет собой жреческий род, осуществлявший в Ольвии культ Аполлона Борея, его полный аналог — такой же жреческий род в стране гиперборейцев (Гекатей Абдерит у *Diod.* II, 47), что бесспорно увязывает в единую традицию ольвийский культ и литературное предание¹⁷.

Из представления об Аполлоне Гиперборейском как отце нимфы Борисфениды явствует хтоническая его природа как божества плодородия, в том числе дождевых, почвенных и речных производительных вод. Это общечеловеческая ценность, по этой причине греческие колонисты позаимствовали ее у местного населения: они тоже земледельцы, тут издревле существует божество плодородия, которое грекам следует почитать. Из многих литературных свидетельств о хтонической природе Аполлона [Лосев, 1957, с. 271 *сл.*] нам интересно известие Аполлония Родосца (*Arg.* IV, 610): он оплакивает своего убитого сына Асклепия, и из его слез образовалась река Эридан. У Аполлония Эридан — это Истр, и согласно нашей надписи № 15, Иетр — владыка этой реки; надпись также подтверждает, что Аполлон «Аргонавтики» — Иетр. Но Иетр также наименования Буга и Днепра, поэтому можно предположить, что в этой мифологеме из слез Аполлона родились и они. Этимологическое единство

¹⁷ На семейный характер борейков указывает их перекрещивающийся именование. Название Βορείκοι образовано по типу *μολτοί* — *μολτικοί*, это известная в Милете коллегия [Milet VII, S. 68], т. е. ольвиополиты руководствовались принятой в метрополии сакральной лексикой. Предания о гиперборейском Аполлоне излагались в сочинениях Гомера, Олена, Гесиода (*Herod.* IV, 35); в надписи конца VIII или первой половины VII в. из святилища Зевса на Фере упоминается его эпитет Βορεῖος [Guarducci, 1987, p. 79] — эпиграфическое подтверждение столь ранней даты предания. Северная страна Борея отождествлялась греками с разными регионами, открывавшимися ими в ходе Великой колонизации: сначала с Фракией, затем Скифией, с эллинистического времени с Кельтикой вплоть до Ирландии [Daebritz, Sp. 272/8; Лосев, 1957, с. 414/8].

греч. ἰατρός «врач» и слав. ВѣТРЪ, семантически кажущихся весьма далекими друг от друга, становится понятным в свете наших сближений: ветер — это, собственно, движущийся воздух, т. е. ветер и воздух одно и то же. Но воздух — самое эффективное лечебное средство (кто был в Эпидавре, тому это понятно: именно воздухом лечили в этой прославленной лечебнице местные врачи античного времени), отсюда и семантический сдвиг понятия «ветер» в лечебную сферу. Есть и мифологические данные о связях такого рода. У греков эпиклеса Аполлона Ἰητρός, Ἰατρός стала отождествляться со словом ἰατρός «врач» с V в., в результате чего Аполлон Иетр стал считаться «Врачом»¹⁸. Такое смешение находим и у просивших здоровья березанцев, которые делали в V в. амулеты с сокращенным именем Аполлона Иетра [Яйленко, 1982, с. 295]. В Аттике с V в. существовал культ Аполлона Ἰατρός «Врача», отсюда и распространение там имен с композитом -ιατρο-. Тамонский культ «Героя Врача» (Ἦρως Ἰατρός) посвящен Аристомеху, погребенному на Марafone [Hesych. s. v. Ἰατρός. Usener, 1948, S. 149/53]. Связь культа Аполлона Ἰατρός и Ἦρως Ἰατρός непрямо выражена через сына Аполлона Асклепия, который почитался в Кирене с эпиклесой Ἰατρός, а Пиндар (Pyth. III, 7) называет Асклепия «Героем». В связи с аттическим культом Аполлона Ἰατρός находится местная традиция об исцелении гипербореем Абарисом афинян от мора (Pind. fr. 288). Абарис — антропоморфная ипостась Аполлона Иетра, отсюда эпитет Аполлона у афинянина Эсхила (Eum. 263) ἰατρόματις «врачеватель». Первые известия об Абарисе исходят от авторов V в. Пиндара и Геродота (testimonia [Bethe, 1894; Лебедев, 1989, с. 96]). Абарис связан с Аполлоном: согласно оратору IV в. Ликургу, он его жрец, наученный богом прорицать и исцелять, по стреле он связан с ним, ибо у него была стрела как символ Аполлона, так как этот бог — стрела (apud Cosm. Hier. Syn. 38, 509 = SC I, p. 717). По стреле, своему атрибуту, Абарис — антропоморфизированный Аполлон Иетр; в Аполлонии Иетр тоже почитался в антропоморфном виде (статуя Каламида). Прозвище летавшего на стреле Абариса «Небесный ходок» (Αἰθροβάτης) также указывает на него как на вочеловеченную ипостась Аполлона Иетра, перемещавшегося из местности в местность по небу.

Тождество Аполлона Иетра и Аполлона Гиперборейского нигде прямо не выражено, даже в надписях ольвийского теменоса Иетра (в № 15 Аполлон Иетр, в № 17–19 Аполлон Борей). Это связано с их разной природой: Иетр, как мы видели, — атмосферное божество (ветер), Βορέας же по происхождению физиографический термин — образован от иллирийского слова *bore- «(горный) снег» (в названии горной цепи в Македонии Вора, при албанском bogë «снег», ср. и славянское бора «гора» [Нерознак, 1978, с. 190])¹⁹. Хотя фигура гиперборейца Абариса переносит Аполлона Иетра и Аполлона Гиперборейского, тождество обоих явствует из фундаментального признака — стрелы, древнего хтонического символа [Лосев, 1957, с. 410]. Как сказано, ассоциация Аполлона Иетра с Бореем, логичная для

¹⁸ Впервые в такой функции у Аристофана (Av. 584: Ἀπόλλων, ἰατρός γ' ὦν, ἰάσθω «о, Аполлон, коль ты врач, так и лечи»). Дальнейшие упоминания у позднейших авторов Ликофрона, Гимерия, Прокла и др., так что И. Коломбо констатировала даже, что почитание Аполлона Врача — это городской терапевтический культ эллинистического времени [Colombo, 1973].

¹⁹ Значения греч. Βορέας «северный ветер» и «север» вторичны — образованы от варианта упомянутой иллирийской основы *bore-, именно от *bora «гора», т. е. дословно греч. Βορέας означает «ветер с горы»; по Х. Педерсену, Ὑπερβόρειοι — это «(обитающие) по ту сторону горы» [Frisk, 1955, S. 252/3, ср. Chantraine, 1968, p. 185].

греков метрополии, для северных фракийцев и греков необъяснима, ибо тут северный ветер не приносил им блага. Здесь кроется какая-то иная связь, которую нужно выявить. Вопреки эпитету Аполлона Борей «Северный», страна гипербореев мыслится в греческих преданиях отнюдь не снежной — она сад Аполлона (*Soph.* fr. 870), там поют соловьи (*Alcaeus*, fr. 1); земля плодородная, дает два урожая в год. Ряд авторов называет ее родиной различных растений, аккультурированных в Греции: отсюда Геракл доставил грекам масличное дерево (*Pind.* Ol. 3), девы гиперборейские принесли начатки злаковых и пр. Аполлон Гиперборейский почитался в разных областях Греции как божество плодородия, жатвы и урожая [Mannhardt, 1905, S. 243 f.; Лосев, 1957, с. 421]. Однако самое характерное в ее описаниях то, что она священная страна блаженных людей, отличающихся справедливостью, почитанием богов, долголетием, вегетарианством, они живут 60 лет (вариант 1000), после чего уходят из города и пропадают. Там непрерывно поются гимны Аполлону, вьются хороводы, в храме совершаются приношения²⁰.

Предание о стране гиперборейцев у греков может быть типологическим, ибо представление о стране, куда удаляются блаженные покойники, есть у скандинавов (Валхалла, *Valhöll* «Дом убитых»), иранцев (*Garō dōmānē* «Дом хвалы»), индоариев (*Suargā* «небо» и один из 7 миров для покойных героев и мудрецов) *etc.* Все они обитали на территории современной Украины, и с ними контактировали тамошние греки²¹. Уже давно индологи и античники обратили внимание на сходство греческих представлений о стране гипербореев с индийскими сказаниями о счастливой стране на севере *Сваргā*, в которой проводит урочное время Индра²². Индра обладает теми же чертами, что Аполлон Гиперборейский. В его небесном царстве есть столичный город Амаравати с дворцом, здесь он восседает на золотом троне в мирное время, когда не занят воинскими подвигами, окруженный богами и мудрецами. Близ города расположена дивная роща, Индра объезжает на белом коне свои владения. Сюда, в царство Индры, уходят павшие в битве герои и благочестивые мудрецы. Ни холод, ни жара не угнетают обитателей страны, они не ведают старости, недугов, страха. Их взоры улаждаются плясками апсар, а гандхарвы нежат слух восхитительными мелодиями. Сходными чертами характеризуется в греко-латинских сочинениях и страна гипербореев: она плодородна, там прекрасный климат, есть там посвященная Аполлону роща с храмом; есть и город, большинство жителей которого кифаристы, прославляющие деяния Аполлона. Сходны характеристики Аполлона и Индры, по происхождению бога-грозовика: оба совершают воинские подвиги, оба победители драконов, освободители рек. Иногда совпадают

²⁰ В качестве образца приведем пересказанный Диодором (II, 47 = SC I, p. 461) пассаж сочинения Гекатея Абдерского, современника Александра Македонского и диадохов, «О гиперборейях» [FGH 264, fr. 7; Jacoby, 1912, Sp. 2751; Подосинов, 2013]: «Говорят, что на нем (острове гипербореев) родилась Латона, вследствие чего из всех богов наиболее почитается там Аполлон. Жители его являются как бы жрецами Аполлона, потому что каждый день беспрерывно воспевают его в своих гимнах и оказывают ему высочайшие почести. Есть на острове прекрасная роща, посвященная Аполлону, и достопримечательный храм шарообразной формы, украшенный множеством приношений. Есть также город, посвященный этому богу, большинство его обитателей кифаристы и постоянно в храме играют на кифаре и поют гимны в честь Аполлона, прославляя его деяния».

²¹ Даже древнескандинавская традиция помещает свою прародину в Подонье — Поднепровье (Сага об Инглингах [Яйленко, 2012, с. 582]).

²² Например, в нашей литературе [Бонгард, Грантовский, 1983; Шилов, 1995; Дудко, 1999]. Царство Индры описано в Махабхарате, кн. II, пересказ описания [Темкин, Эрдман, с. 71].

даже детали: после убийства дракона Вритры Индра бежал за 99 потоков (*Rigveda*, I, 32, 14), Аполлон после убийства киклопов скрылся в своей гиперборейской вотчине (*Apol. Rhod.* IV, 612 sq.). У обоих одинаковые космические функции — они оба солнечных боги, у них одинаковые культуртрегерские задачи: оба податели блага людям, богатства, победы, долголетия, здоровья, вдохновители певцов. Оба антропоморфны — они красивые молодые люди, совершающие бесчисленные любовные подвиги. У обоих одинаковые атрибуты: у Индры *vāja* «молния, стрела», у Аполлона стрела.

В связи с природой Аполлона Иетра и Борея как божества ветра нам важна связь Индры с Ваю-Ватой, тоже богами ветра (да и сам Индра полный аналог Аполлона Иетра — он тоже бог-грозовик)²³. Веды различают две ипостаси бога ветра: более ранняя *Vāta*-олицетворяет ветер как природную стихию, более поздняя *Vāyu* антропоморфна. Они часто отождествляются, обычно выступают в паре с богом-громовержцем: Вата с Парджаньей, Ваю с Индрой. Вата перворожденный бог, он правит колесницей громовика, которая сокрушает все на своем пути. В паре с Парджаньей он ассоциируется с грозой и дождем. Вместе с тем Вата целитель и податель долголетия людям, в его обиталище хранится дар бессмертия (*Rigveda*, X, 186). Ваю предстает в Ведах в образе красивого юноши, который мчится на блестящей колеснице, запряженной парой красных коней. Его основные качества быстрота и сила, у него 99, 100, 1000 коней, он податель богатства, мужского потомства, славы и победы. Он правит золотой колесницей Индры, блистающей подобно солнцу, их сопровождает дружина марутов, божеств бури и ветров, все сокрушающих на своем пути. Особенность древнеиндийской мифологии состоит в том, что боги часто выступают в паре в качестве неразделимого целого. Такова пара Индра — Ваю: все, что они совершают вместе, это деяния обоих сразу, иначе говоря, Индра — это Ваю, Ваю — это Индра, с Парджанью он тоже одновременно одно синкретическое божество — отсюда личное имя *Vātāparjanya*. Ваю/Индра — хранитель мифологического Северо-Запада, там находится Сварга, это полная параллель Аполлону Гиперборейцу.

Как видно, сходство северных стран Индры и Аполлона выражено настолько, что общей типологией эпоса его не объяснить: достаточно сказать, что третьего подобного сказания нет. Остается заимствование, и тут самое время напомнить читателю гипотезу об индоариях как древнем населении Сев. Причерноморья, издавна развиваемую К. Риттером [Ritter, 1820], П. Кречмером [Kretschmer, 1944], О. Н. Трубачевым [1999], автором этих строк [Яйленко, 2011а; 2012; 2013; 2013а]. По существу, предания о северном царстве Индры представляют собой пережиточные воспоминания индоариев о пребывании на юге Вост. Европы. Так как часть индоариев осталась там, от них греки и почерпнули представления об Индре-Аполлоне Гиперборейском, о блаженном царстве гипербореев. Найденные в Поднепровье и на территории других групп скифских памятников изделия из металла с изображением Аполлона Гиперборейского свидетельствуют о принадлежности этого образа к мифологии местного населения [Онайко, 1977].

Таким образом, представление о стране гипербореев как вотчине Аполлона Иетра греки Сев. Причерноморья позаимствовали у тамошних индоариев, конкретно у киммерийцев, индоарийского этноса [Яйленко, 2012, с. 571 сл. = 2013а, с. 127 сл.].

²³ [Невелева, 1975, с. 60 сл.; Эрдман, 1980, с. 66 сл.; Keith, 1925; Benveniste, Renou, 1934; Wikander, 1941; Gonda, 1965].

У них же греки Нижнего Побужья позаимствовали культ хтонического змея Áhi Valá, которого они отождествили со своим Ахиллом (ниже, гл. 3). У фракийцев они взяли имя Иетра, сопоставив со своим Аполлоном. Еще одним результатом культурного заимствования у туземных народов было раннее появление у греков орфических представлений о посмертной судьбе покойного. В своей сущности фракийский орфизм близок традиционным индоиранским представлениям о переселении душ покойных и их реинкарнации²⁴. Под влиянием рассказа Геродота (IV, 93–96: «они полагают, что не умирают, — мертвые отправляются к богу Залмоксису») считалось, что пограничные с Фракией греки восприняли эти представления в VI–V вв. Однако орфические надписи V в. из Ольвии свидетельствуют и о северочерноморском источнике заимствования греками орфических представлений. Тут источником заимствования могла быть не только фракийская этническая среда, но также индоиранская. Царства Аполлона и Индры — это рай индоиранских и фракийских орфических представлений о посмертной судьбе людей. Не случайно орфические тексты найдены на обоих ольвийских святилищах — Иетра и Дельфиния [ГОП, 33–35, 55]. (Ввиду сказанного целиком ошибочно мнение П. Левека [SEG 49, 699], что орфизм проник в Ольвию из Милета, тем более что реальных следов его там нет.) Но к погребальному культу имеет отношение один Иетр. К индоарийской традиции связывания ветра с погребальной функцией ср. Rígvēda, X, 16, 3: «да поидет глаз (*убитого Индрой Пуруши*) к солнцу, душа к ветру», т. е. в царство Индры.

Таким образом, появление у греков Сев.-Зап. Понта культа Иетра не единичное заимствование, но результат активного взаимодействия с туземным населением в духовной сфере. Конечно, эта активность определялась не их притягательностью, а сущностно едиными потребностями людей разного этнического происхождения: все нуждаются в пропитании, поэтому у всех основа хозяйства земледелие, все смертны, поэтому необходим погребальный обряд. Греки пришли не на пустое место, здесь уже обретались вместе с туземным населением боги земледелия и погребального культа. Грекам следовало чтить их, поэтому туземные религиозные представления и обряды воспринимались ими как необходимое дополнение к собственным установлениям.

У Аполлона Иетра есть еще одна функция, не засвидетельствованная в Сев.-Зап. Понте, но хорошо представленная на Боспоре — покровительство царской власти. От времени Спартокидов дошли 6 посвящений ему (4 сделаны отбывшими свое жречество сановниками, 2 самими Спартокидами: КБН 6, 10, 25, 974, 1037, 1044, самая ранняя от первой половины IV в.). По нашему мнению, Спартокиды в основе своей были туземным иранским родом Тамани, который ок. 432 г. установил свое господство над греческим и туземным Боспором (ниже, с. 829/41). Необычную для Сев.-Зап. Понта функцию Иетра как подателя царской власти можно объяснить только их иранской принадлежностью. По Геродоту (IV, 59), скифский аналог Аполлона Φαίτόςκυρος, имя его объяснялось из иранского по-разному²⁵. На наш взгляд, это Vāta-sūra, где *vāta- «ветер», *sūra- «мощный»,

²⁴ При трапезах фракийской знати в VI–V вв., в том числе религиозного свойства, употреблялись ахеменидские серебряные сосуды [Gergova, 2010]; это обязано дипломатии (с конца VI до середины V в. Фракия персидская провинция), но стимулировалось указанной близостью религиозных представлений.

²⁵ Посредством разного рода исправлений [Vasmer, 1923, с. 13; Народы, 1982, с. 297; Nagel, Jacobs, 1989, S. 352; Абаев, 1990, с. 106]. Они неприемлемы, рукописи Геродота дают форму Οἰτόκυρος,

«герой» = «Ветер-повелитель» (при авест. *sū/ūga-* «мощный, смелый», «герой», др.-инд. *śūri-* «повелитель, властелин» *etc.*, индоевроп. **k'ūgo-* [Bartholomae, 1904, Sp. 1584/5]; иран. *sū/ūga-* входит в состав теонимов, например, *Arđvī-sūrā*). Сопоставление с ветром в этой этимологии подтверждается близким именем сарматского божества *Οὐαταφάρνος* < **vāta-* «ветер» + *farnah-* «солнце», «фарн» *etc.* на золотом амулете III в. н. э. с Кубани [Яйленко, 2005, с. 505]²⁶. По значению имя *Vāta-sūra* «Ветер-повелитель» — очевидный аналог Аполлона Иетра, что делает понятными и отождествление Геродотом скифского Войтосуры с Аполлоном, и функцию покровителя царской власти у Аполлона Иетра на Боспоре. **Vāta-* исконное иранское божество, на что помимо одноименной индоарийской пары указывает почитание Ваты зороастрийцами. Функция покровителя царской власти выражена на монетах I–II вв. н. э. кушанского правителя Канишки его именем — *Oado*. Но и ранее иранский бог ветра был покровителем царской власти: со времен Ахеменидов иранцы отождествляли своего бога-грозовика и стреленосца Тиштрию с греческим Аполлоном, во II в. до н. э. засвидетельствована его функция покровителя царской власти²⁷. Оба примера позднее геродотовского Войтосира, но индоиранское происхождение Ваты, при функции хранителя

у Гесиохия и Цельса *Γοιτόσυρος*, обе формы равноценны: обычно *дигамма* опускается, но иногда пишется, причем она передается также через близкую по начертанию *гамму* (*F, Γ*) — в ряде глосс у Гесиохия (LSJ, s. vv. *γελίκτη, γέλιον, γελλίξαι* и мн. др.), в эолийском диалекте [Thumb, Kieckers, S. 24-25; Thumb, Scherer, S. 13, 83]. На этом основании последний издатель тейбнеровского текста Геродота Б. Розен логично восстановил форму *Γοιτόσυρος* [Rosén, 1987, p. 384]. Ойтосир у скифов династический бог [Nagel, Jacobs, 1989, S. 352].

²⁶ Нашу этимологию имени *Γοιτόσυρος* оспорил С. В. Кулланда [2013, с. 42]: передача иран. *ā* греческими *οι* о невозможна, вторую часть *-συρος* нельзя возводить к иран. *sūra-*, так как скифский *s* перед гласным не мог восходить к иран. *ś*, давшему в скифском *θ*. Эти возражения не вполне правомочны. Вообще передачи иранских звуков на скифо-сарматской почве греческим *οι* редки, в нескольких известных случаях это иран. *aē* (*οι* — вариант более обычной передачи *αι*), *vī* (в *οιορπάτα*); на персидской почве также *hu-* (*Οὐβάρης* = *hu-bara-*), при этом в скифо-сарматском обычна передача *hu-* через греч. *ο* (*Хофарнос* и др.), но известно и *ου* — в *Οὐστάνος* [Абаев, 1979, с. 291]. Аналогичным образом колеблется и передача слога *vā* иранского слова *vāta-* — в скифском через *φοι* (в *Γοιτόσυρος*), в сарматском через *ου* (в *Οὐαταφάρνος*). Передача иран. *(h)vā-* через греч. *οι* представлена в имени из Танаиса *Ραχοισακος* (< осет. *gaxwāy-* < *fra-hvāh-* [Абаев, 1979, с. 300; ср. Vasmer, 1923, S. 49; Zgusta, 1955, 321]), ср. и *va* в *Φαρζης* — *Φαρζοιος* [Zgusta, 1955, 336]) — из осет. *farzev-* < *pari-jiva-* ? [Абаев, 1979, с. 288]. Передача иран. *ā* через греч. *ο* тоже известна (напр., [Zgusta, 1955, 349]), так что *Γοιτο-* в принципе может быть отражением иран. *vāta-* наряду с *οὐατα-*. Не вполне точно и возражение Кулланды по поводу второй основы *sūra-*, что иран. *ś* давало в скифском *θ*: такое отражение было в древнеперсидском, а в скифском иран. *ś* (из палатального индоевр. *k'*) давало *s* — *dasa, vinsati* [Эдельман, 1986, с. 41, 43, 81; Абаев, 1979, с. 287, 308] (индоевр. *k'ūgo-* > др.-инд. *śūga-* «мужественный; герой», авест. *sūra-* «сильный, смелый; герой», фракийское **sura-* «смелый; герой» [Дуриданов, 1976, с. 83], о фракийском слове см. далее). Но даже и в случае перехода иран. *ś* в скифском в *θ* (что дало бы скиф. **θūga-* из иран. *sūra-*), как и в древнеперсидском, это *θ* передавалось бы в греческом через *сигму*, на что указывают греческие фиксации персидских имен со второй основой *θūga-* (< иран. *sūra-*) — *Ἀρτασύρας, Ἀρτασούρας* у Николая Дамасского и др., начиная с сатрапа Гиркании при Камбисе [PB, 147; Justi, 1895, S. 37–38, 513; Bartholomae, 1904, Sp. 1585]. Ввиду сказанного наша этимология имени *Γοιτόσυρος* остается в силе.

²⁷ Он показан сидящим на троне со стрелами на тетрадрахмах Антиоха V, смысл чего раскрывает соответствующая сцена на монетах Аршакидов с изображением сидящего на троне основателя рода Аршака с луком в руках [Calmeyer, 1991, S. 128]. Тиштрия по происхождению небесное звездное божество, его основная функция лучник [Schlerat, 1986, S. 446/7].

царской власти у древнеиндийского аналога, гарантирует изначальность этой прерогативы также у иранского Ваты.

Основа *suga- с тем же значением «владыка, герой» представлена и во фракийском: в личных именах (в т. ч. Συρα, Συρας, Συρος), в теонимике, а также в этнониме Σουρογέτης [Георгиев, 1977, с. 94, 102; Дуриданов, 1976, с. 83], который означает «Владыка гетов» (*surogeta-). Популярный фракийский бог римского времени Ἥρως был ранее Аполлоном [Gočeva, p. 222; Тацева-Нитова, S. 240], в свете наших сопоставлений можно думать, что его первоначальным именем было *Sugo- «Герой» и по происхождению он Аполлон Иетр. Западнопонтийские греки перевели своим словом ἥρως имя фракийского бога *Sugo-. Фракийские *Iēthru- и *Sugo- близки друг другу как божества по символам власти — у Иетра стрела, у *Суры копье. *Сура, он же «Герой» и «Фракийский всадник», изображался на коне с копьем наперевес, он бог победы (копье всегда направлено слева направо — левое символизирует смерть, правое — победу, см. с. 45, 106). С течением времени, возможно, в Нижнем Побужье этот Герой вобрал в себя отдельные черты хтонического Ахилла²⁸.

Контаминация функций богов у народов Вост. Европы была результатом взаимодействия индоарийского, иранского, фракийского населения в украинской лесостепи: на фракийском Правобережье Днепра, иранском его Левобережье, в индоарийской степи и лесостепи²⁹. Тут с индоарийским, фракийским Иетром сблизился скифско-иранский бог ветра Vāta-suga. По нашему мнению, этногенез оставшихся на юге Вост. Европы индоариев проходил на стадии позднего бронзового и раннего железного века в тесной связи с фракийским этносом, вплоть до того, что киммерийцы-треры были отраслью тех и других [Яйленко, 2012, с. 572/80]. В этой смешанной среде и происходила контаминация религиозных представлений. Спартокиды прокламировали божественность своей власти не при помощи неизвестного грекам Войтосира, но посредством уже известного грекам и почитавшегося ими его фракийского аналога Иетра.

²⁸ На рельефе ситонов II в. до н. э. NO 72 (рис. 108а на с. 658), посвященном «Внемлющему герою», пятеро ситонов изображены у алтаря с рельефной сценой заклания овцы на фасадной грани. В правой части рельефа ситонов показана хтоническая трапеза: «Внемлющий герой» возлежит на пиришественном ложе с приподнятым ритонном в правой руке, опираясь на левую руку с чашей. На столике перед ним яства, справа от столика маленькая фигурка виночерпия у кратера, в ногах героя восседает крупная женщина с кастрюлей в руках. Это эпифания еды и питья, актуальная во времена постоянного хлебного кризиса II в. тема. Нам интересна свисающая змея с длинным извивающимся телом: перевалившись кольцом через левую руку героя, она окунается головой в чашу. На рельефах Фракии герой в подобных сценах считается Асклепием, но, если мы примем ее на рельефе ситонов за ольвийскую мифологему, ярко хтонический образ бога будет соответствовать хтоническому Ахиллу ранних времен, когда он почитался в Нижнем Побужье в образе змея и дракона (ниже, с. 107/9). Подобным образом в римское время черты древнего Ахилла-змея нашли воплощение в Сев.-Зап. Понте, в т. ч. в Ольвии, в образе Ахилла Понтарха как морского бога (о нем [Diehl, 1953; Avram, Bărbulescu, Ionescu, 2004; Нуре, 2007]).

²⁹ [Трубачев, 1968, с. 274 сл., 282 сл.]. На основании выявленной Трубачевым фракийской гидронимии на Правобережной Украине (рис. 3) и тоже, безусловно, фракийского названия «Борисфен» (так именовался и Боспор Фракийский [Яйленко, 1991а]; добавь также данные И. М. Железняк [1990, с. 29]), мы полагаем, что киевская и подольская лесостепные скифские культуры фракийские по этносу, отсюда фракийское население и их духовные ценности иррадиировали в Нижнее Побужье. Наряду с ними в VI в. источником фракизации Нижнего Побужья была также область Истрии: по мысли И. В. Бруяко [2004], со второй половины VII в. фракийцы из области Истрии переселялись в Нижнее Побужье. О дальнейших исторических судьбах северных фракийцев [Бруяко, 2003/4].

Адаптацию Аполлона Иетра у скифов-иранцев представляет собой, по нашему мнению, и Абарис, стержень образа которого — стрела. Его имя можно возвести к понятию «носитель стрелы» в иранских языках (типа перс. *arštibaga-*), которое в греческой адаптации могло звучать как Ἀβάρης³⁰. Абарис одет по-скифски (*Himer. Decl. 25, 2 = SC I, p. 870*), он связан с Аполлоном: согласно оратору IV в. Ликургу, он его жрец, наученный богом прорицать и исцелять, по стреле он связан с ним, ибо у него была стрела как символ Аполлона, так как этот бог — стрела (*apud Cosm. Hier. Syn. 38, 509 = SC I, p. 717*). Как отмечено выше, по стреле он Аполлон Иетр. Прозвище летавшего на стреле Абариса «Небесный ходок» (Αἰθροβάτης) тоже указывает на него как на вочеловеченную ипостась Аполлона Иетра, перемещавшегося из местности в местность по небу. Этот образ был настолько популярен, что его черты были перенесены греческой традицией на реальную историческую личность, члена правящего дома царских скифов третьей четверти VI в. Анахарсиса (ниже, с. 259)³¹. Оба они северяне — скиф и гиперборей, оба путешествуют по Греции, у обоих в руках стрела, так что один этот поразительный штрих объединяет два образа античных источников в один персонаж. Таким образом, в легендарной греческой традиции первоначальный мифический образ Абариса был «клонирован» в образ Анахарсиса. Таковы и другие его «клоны» — Пифагор (*Iambl. Vita Pyth. 19, 91; 28, 135*), Персей (в X Пифийской оде Пиндара он представлен двойником Аполлона Гиперборейского), Аристей — всех их также сочли вочеловеченным Аполлоном Гиперборейским. Наличие этих двойников указывает на первичность мифологичности образа Абариса, свидетельством чего является и представление о его путешествиях верхом на стреле.

Если иранская традиция адаптировала чуждого Аполлона Иетра к своему богу-грозовику Ватесуре, то греческая традиция эллинизировала его. По парадоксографу Аполлонию, Абарис писал пророчества, которые сохранились до его времени (*Apoll. Hist. IV = SC I, 870*). До нас они не дошли, но частично процитированный выше рассказ историка раннеэллинистического времени Гекатея Абдерита об острове гипербореев представляет собой прозаическое переложение одного из таких гимнов³². Понятно, что речь идет не о подлинных сочинениях Абариса, — он, как сказано, фигура мифологическая, а о гимнах, написанных греками и приписанных Абарису³³. Были среди сочинителей и греки из городов

³⁰ С предполагаемой синкопой группы *gšt*, ср. сокращение слова *aršti-* (с утратой *g*) в осетинском до арг «копье»; в греческих передачах обычна синкопа гласной (Γωβρύης из *Gaubaruva*) и пр. [*Zgusta, 1955, 376; Кулланда, 2006, с. 204*]; в армянском заимствовании *ašteau* тоже утрачено *g*; но в греческой передаче Ἀροτὶβάτης синкопы нет [Лившиц, 2010, с. 58], что делает наше сопоставление предположительным.

³¹ Обычно оба считаются легендарными персонажами [Скржинская, 1982].

³² В рассказе Диодора говорится о рождении Лето на острове гипербореев и тамошнем храме в честь Аполлона, а в I гомеровском гимне в честь Аполлона идет речь о рождении Латоны на Делосе, причем остров ставит условием приема ее у себя для родов сооружение храма (ст. 25 сл.). Гиперборейцы — жрецы Аполлона и кифаристы, поющие ему гимны под звучание кифар — рассказа Диодора находят параллель в X Пифийской оде Пиндара (ст. 29 сл.).

³³ Гимерий (Ог. 14, 10) пересказал пеан Аполлону, сочиненный Алкеем: бог на колеснице направился к гиперборейцам и пребывал там год; встревоженные делосцы хороводом призывали его вернуться; летняя жара пылала на Делосе, и когда Аполлон вернулся, она сменилась мягким климатом. По сообщению Гераклида Понтийского (FGH 34), Абарису принадлежат сочинения «Скифские оракулы», «Свадьба реки Гебр», «Очищения», «Теогения» в прозе и стихотворное «Прибытие Аполлона

Сев.-Зап. Причерноморья, поскольку именно тут культивировалось почитание Иетра. Сочинение неведомым ольвийским поэтом третьей четверти VI в. гимна, в котором упоминается Иетр (с. 255), указывает, что они могли происходить и отсюда. Так замыкается очерченный нами круг: греки понтийского Северо-Запада заимствуют у туземного населения культ северного бога ветра и дождевых вод Иетра, аккультурируют его в своей религиозной практике, придают божеству природной стихии антропоморфный вид, материализуя в статуарном облике и в виде персонажа гимнов.

Наша иранская атрибуция имени и образа Абариса скорее гипотеза, ибо происхождение и образ его могут быть шире. Так, В. П. Нерознак [1974, с. 43] указал на кельто-иллирийские изогlossы имени Абариса, что оставляет этот мифологический персонаж в сфере исследованных выше индоарийских и фракийских истоков Аполлона Иетра. Поскольку Иетр был туземным божеством Фракии и Сев. Причерноморья, привлекает внимание сообщение Гераклида Понтийского (FGH 34), что он скиф, сын Севта. Под Севтом подразумевается властитель Одрисского царства, простиравшегося от Абдер до устья Истра, правивший в V в., сын Ситалка (*Thuc.* II, 97). Этимологическое значение имени Σέυθης «жрец» [Георгиев, 1977, с. 93] показательно для нашей темы: жрецом Иетра считался и Абарис. Видимо, кельто-иллирийские изогlossы имени Абарис вводят культ Иетра не только в северобалканскую иллирийскую этническую среду, но также в иллирийский пласт населения между Карпатами, Средним и Нижним Поднепровьем (ниже, с. 278/80).

Дальнейшее развитие культа Аполлона Иетра в Зап. и Сев. Причерноморье различно. После VI–V вв. на Березани следов его нет, культ переместился в Ольвию, где дожил лишь до IV в. (НО 65)³⁴. На Боспоре он угас вместе со Спартокидами во II в. Лишь в Зап. Понте — в Аполлонии и Истрии — он остался жизненным до начала новой эры. Разница судеб культа объясняется сильной иранизацией греческого и туземного населения Сев. Причерноморья с VI–V вв., которой не было в Зап. Понте.

1.2. Оракулы из Ольвии и с Березани

Есть два известия о запросе ольвиополитами оракулов: на рубеже эр они запросили дельфийскую Пифию, которая велела им устроить конские ристания в честь Ахилла (IOSPE I² 34. 30), по какому-то поводу в 149 г. н. э. ими запрошен оракул Аполлона в Кларосе [Карышковский, 1968а]³⁵. Находки последних десятилетий в Ольвии дали связанные с запросами оракулов надписи. Рассмотрим их.

к гиперборейцам». «Род гиперборейцев и почитание у них Аполлона воспевают не только поэты, но и писатели, среди которых и Гекатей, не из Милета, а из Абдер» (*Ael. Var. Hist.* 11, 1). Возможно, к этому пеану принадлежит сохранившаяся строка Алкея об Ахилле, владыке Скифии (свидетельства об Абарисе [Лосев, 1957, с. 406/8; Лебедев, 1989, с. 96–97].

³⁴ Впрочем, память сохранялась: во II в. н. э. на ольвийских монетах воспроизводилась архаическая статуя Аполлона с луком и стрелой [Зограф, с. 143; Анохин, 1989, с. 73, т. XXIII, 382]. То же и на поздних монетах Истрии.

³⁵ Ср. также оракул II в. до н. э. из Каллатиса [Pippidi, 1975, p. 131 f.].

1.2.1. Березанский оракул на костяной пластинке

А. С. Русяева [1986] опубликовала важную надпись на костяной пластинке, найденную на Березани (рис. 4: фото и прориси 4а, 4б, 4в). Ее текст и перевод: ἑπτὰ·λύκος ἀσθενής, ἐβδομήκοιτα·λέων δεινός, ἑπτ(α)κόσιοι·τοξοφόρος φίλι(ο)ς δωρεῇ δύναμι' ἱππη(ρ)ος, ἑπτακι(σ)χι[⁵λι(οι)·δελφὶς φρόνιμος εἰρήνη Ὀλβίη πόλι, μακαρίζω ἐκεῖ, | μέμνημαι Λη[τ]ο[ι]? «семь: волк слаб (немошен, бессилен); семьдесят: лев грозен (могуч, страшен); семьсот: лучник (стрелок) дружелюбен — дар силой врачевателя; семь тысяч: дельфин разумен (мудр) — мир Ольвийскому полису; благословляю (считаю счастливыми вас) там, я сам благословен Лето (?)»³⁶. Она датировала надпись третьей четвертью VI в., что палеографически возможно, однако следует обратить внимание, что там фигурирует Аполлон Дельфиний, появляющийся в Ольвии лишь в последней трети века, что датирует надпись этим временем³⁷. По мысли издателя, это дидимский оракул, в котором цифра 7 и ее производные не только напрямую связаны с культом Аполлона, но в контексте с общим содержанием «может нести и другую смысловую нагрузку»: цифрой 7 символически обозначено число милетских семей, наметивших Березань для заселения; 70 — это численность второй партии колонистов, 700 — следующие переселенцы, которые с начала VI в. осваивают берега Березанского лимана; 7000 — это уже численность населения Ольвийского полиса во второй половине VI в. Такое понимание надписи принял Ю. Г. Виноградов [1989, с. 78 сл.], внесший свои уточнения: выражение «лев могуч» резонно связывать с основанием Ольвийского поселения; «дарование силой врачевателя» заключалось в объединении Березанского и Ольвийского поселений в единый полис; цифра 7000 — это «мощная волна» переселенцев ок. середины VI в., в контексте с «разумным дельфином» и «миром» подразумевающая стасис между старыми и новыми колонистами, который был улажен дидимским оракулом.

Какой-либо аргументации своего абсолютно произвольного понимания текста названные ученые не дали, так что остается недоказанным, почему «ужасный лев» — основатель колонии, а не что-либо иное, например персонификация Аполлона. Почему цифровая мультипликация отражает именно рост населения Нижнего Побужья, разве «дарование силой врачевателя» — это только объединение Березани и Ольвии, ничто другое? Никак не аргументированная интерпретация Русяевой и Виноградова осталась всего лишь произвольным набором домыслов, что Н. Эрхарт справедливо оценил как *geradezu phantastisch*; сам он дал более адекватное понимание надписи, указав на ее орфический контекст и лексику; она связана с орфиками или какой-либо иной религиозной сектой (например, гебдомастами, в представлениях которых Аполлон и семерка играли существенную роль); слова εἰρήνη, μακαρίζω, μέμνημαι принадлежат к орфическому словарю [Ehrhardt, 1987, S. 116/7; 1989]. Мнение Эрхарта стало почти общепринятым³⁸. Но на наш

³⁶ Ее перевод выражения μέμνημαι Λη[τ]ο[ι]? «я сам благословен Лето (?)» ошибочен, так как глагол μέμνημαι не имеет значения «быть благословенным».

³⁷ Без аргументации, но правильно, Л. Дюбуа отнес надпись к последней четверти VI в. [Dubois, 93]. Л. Онишкевич датировала ее концом VI — началом V в. [Onishkevych, 2004].

³⁸ [Dubois, 93; Lévêque, 2000; Penkova, 2003; Onishkevych, 2004; Fol, 2004]. Дюбуа отверг псевдоисторические построения Виноградова и Русяевой. Л. Онишкевич сочла надпись заклинанием жреца с перечислением эпитетов Аполлона, либо гимном. Совсем несуразную интерпретацию дала

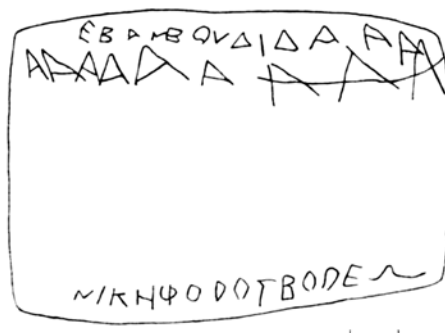
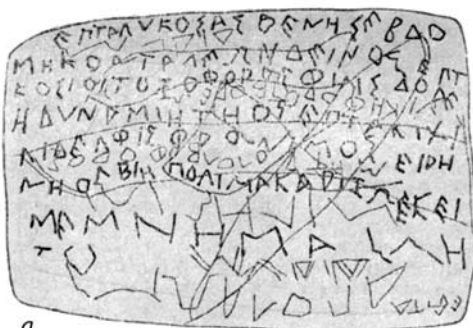
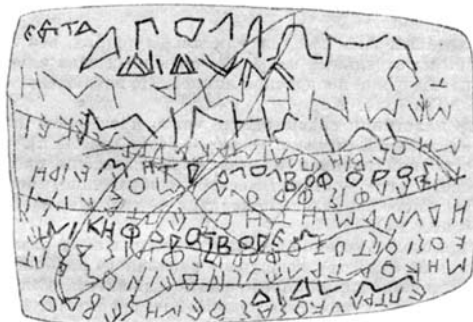

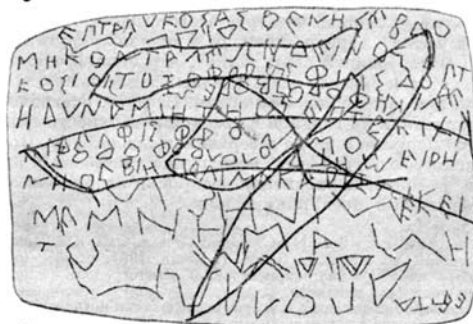
Рис. 4. Дидимский оракул, фото лицевой стороны [Русяева, 1986]

а

б

в

взгляд, это не так, ибо лексика надписи в целом, в том числе и «орфическая», имеет нарративный характер и может употребляться в текстах разного жанра. Приведем близкую аналогию — стихотворный наговор II–I вв. до н. э. сирийки из Гадир «для всеожжения» от головной боли: [μ]υστοδόκος катека- [ύθη ύψ]οτάτῳ δ' ἐν ὄρει, катекаύθ[η] ἐπτά λύ[κ]ων κρήνας, ἐπτά ἄρ[κ]των, ἐπτά λεόντων «мист сжег на высочайшем месте холма, сжег *при* источниках семи волков, семи медведей, семи львов» (в акции участвуют 7 девушек); в следующем наговоре от головной боли говорится об изгнании волков, лошадей [Preisendanz, 1974, S. 145 f.]. В так называемом пророчестве Фазэнно говорится о судьбе фракийского царя, владеющего землей Византа, на котором был основан г. Византий: «ο, царь фракийцев, утратишь город — среди овец возрадив громадного льва, кривокогтого, ужасного

А. Бошнакова, увидевшая в надписи на обороте музыкальную нотную запись [Boshnakova, 2007]. Ее ошибочные чтения текста: ΦΙΛΙΣ(ΤΟΣ), — дополнение излишне; остальное комментари-ев не требует: ΔΥΝΑΜ(?) ΙΗΘΗΣ с переводом “mighty gift — a Healer”; ΕΙΡΗΝΗ ΟΛΒΙΗ “Blessed peace!”; ΠΟΛΙΝ ΜΑΚΑΡΙΩ “J bless the city!”

(λέοντα δεινόν) [Zosim. 37, 1]³⁹. Примеры мультипликации цифр тоже содержатся в текстах разного жанра [Dubois, p. 149]. Березанский текст представляет собой, согласно другой надписи на той же пластинке, оракул, данный в Дидимском святилище Аполлона Дельфиния⁴⁰. Этому тексту свойственны формальные признаки оракулов: язык краткий, емкий, по смыслу темный, вместе употребляются личные и безличные предложения, как и в других ольвийских прорицаниях (см. ниже).

Наше чтение надписи:

ἑπτὰ, λύκος ἀσθενής· ἑβδο-	«семь, волк слаб; семьдесят,
μήκοντα, λέων δεινός· ἑπτ(α)-	лев грозен; семьсот, друже-
κόσιοι, τοξοφόρος φίλι(ο)ς δωρέ-	ственный лучник одарит силой
η δύναμ' ἰήτης· ἑπτακ(σ)χί-	стрелка; семь тысяч, дельфин
5 λι(οι), δελφίς φρόνιμος· εἰρή-	разумен; я счастлив миром
νη Ὀλβίη πόλι μακαρίζω, ἐκεῖ	Ольвийскому полису, там
μέμνημαι Λητῶς)	помню о Лето».

Оракул аполлонический, на что указывают семерка, волк (Аполлон Ликий), лев — символ Милета [Laumonier, p. 49], следовательно, язык оракула символический. Начало его представляет собой рецитацию первых строк гомеровского гимна к Аполлону: «О, повелитель, Ликийей ты владеешь, Меонией милой, прекрасным городом Милетом» (Нум. Ном. II, 1–3)⁴¹. Отсюда начало оракула «семь, волк слаб; семьдесят, лев грозен» означает следующую ситуацию: Ликия или Аполлон Ликийский слаб, напротив, Милет или Аполлон милетский грозен. Далее оракул развивает тему грозного Милета или его Аполлона словами «дружественный лучник одарит силой стрелка»: τοξοφόρος «лучник, стрелок» — эпитет Аполлона; он дружественно настроен к кому-то, кого «одарит силой стрелка»⁴². Ситуацию разъясняет следующая формула «дельфин разумен; я счастлив

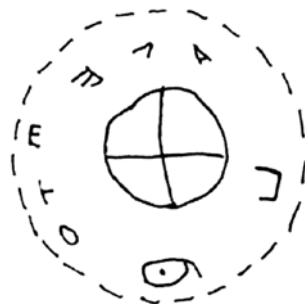

Рис. 5. Вотив Лето и Аполлону [ГОП, т. 27]

³⁹ Лев фигурирует и в одном из халдейских оракулов II в. н. э. [Majercik, 1989, p. 104].

⁴⁰ Вслед за Русяевой оракулом счел надпись и В. Буркерт [1990]. Не согласные с этим указывали, что дидимские оракулы, собранные Дж. Фонтенроузом [Fontenrose, 1988], сильно отличаются по форме. Они упускают из виду, что это «приглаженные» литературной традицией поздние варианты первоначальных оракулов.

⁴¹ Связь Аполлона с Ликийей более всего известна по данным о древнейшем слагателе гимнов ликийце Олене: он жрец Аполлона, прибыв на Делос, сочинил гимн в честь гиперборейских дев [Herod. IV, 35; Paus. I, 18, 5; V, 7; X, 5; Suda, s. n. Ὀλβίη. Crusius, Sp. 2812; Schmid, Stählin, 1979, S. 53]. Милет во времена Дария, по словам Геродота (V, 28), процветал как никогда, отсюда его грозность супостатам.

⁴² В стк. 4 четко написано ΙΗΤΗΟΣ, что Русяева исправила на ιητ(ρ)ός, но исправление излишне, так как у Гесихия есть необходимое слово: s. v. ἰήτης· τοξότης, ἰοβόλος «стрелок, стреловержец», оно органично вписывается в контекст с τοξοφόρος фразы. Ионийский род. падеж будет ἰήτεος, форма ἰήτης с этой на месте эпсилон гипериионизм, известный ольвийским надписям (с. 42, 312, 317). При всей неточности прочтения надписи в целом это слово правильно уловила А. Бошнакова [Boshnakova, 2007, p. 74]; правда, она ошибочно сочла ἰήτης эпитетом Аполлона, равнозначным эпитету ιητρός.

миром Ольвийскому полису» (вариант: «миром в Ольвийском полисе»): она вводит нас в конкретное историческое событие — перед оракулом поставлен вопрос о мирном существовании Ольвии. С этой точки зрения и раскрывается смысл предшествующего текста: Милет силен (грозен), его Аполлон Дельфиний разумен и дружески настроен по отношению к Ольвии — он поможет ей с помощью некоего лучника⁴³. Единственное известное нам событие последней трети VI в., которое могло негативно сказаться на Ольвии, — скифский поход Дария: Милет активно содействовал персам, что могло иметь отрицательные последствия для его колонии Ольвии. Таким образом, предположительное время запроса ольвиополитами дидимского оракула — ок. 512 г. Ответ оракула благоприятен: с помощью Аполлона Дельфиния Ольвия пребудет в мире. Эту помощь он окажет через «мощь стрелка», под которым следует понимать персов: греки именовали их, как и своего Аполлона, τοξοφόροι «стрелки, лучники» (*Herod.* IX, 43 и др.). Иначе говоря, согласно оракулу, благодаря связям милетян с персами Ольвия будет обезопасена от скифов⁴⁴.

Переход оракула на первое лицо («я счастлив миром Ольвийскому полису; там помню о Лето») относится к прорицателю, на что указывает аналогичная ситуация в ольвийском оракуле Фарнабазу: «знаю заранее, что ты умер, и спокоен я, прорицатель Гермеса» (ниже, с. 44). Выражение «я счастлив миром Ольвийскому полису», как сказано, выражает удовлетворение жреца дидимского Аполлона ситуацией с Ольвией, по нашему предположению, в связи с походом Дария. Формально слова εἰρήνῃ Ὀλβίῃ πόλι μακαρίζω могут быть поняты и как удовлетворение жреца «миром в Ольвии»: «я счастлив миром в Ольвийском полисе»⁴⁵. В таком случае была бы возможна идея Виноградова о внутреннем стасисе в Ольвии, однако других данных о нем нет, поэтому остается наиболее вероятным увязывание запроса ольвиополитов с походом Дария как единственно засвидетельствованным событием последней трети VI в., которое могло негативно сказаться на Ольвии, что и послужило причиной обращения к дидимскому оракулу⁴⁶.

⁴³ Автор записи подчеркнул то обстоятельство, что оракул дан Аполлоном Дельфинием контурным изображением 3–4 дельфинов, нанесенных поверх надписи (рис. 4в).

⁴⁴ Из ольвийского гимна третьей четверти VI в. явствует, что в то время царские скифы разорили Гилею (ниже, с. 259). По времени гимн и березанский оракул могут быть синхронны, однако разгром Гилеи был единичным актом, он был следствием убийства тут царем Савлием брата Анахарсиса, так что Ольвии в целом этот разгром не угрожал. Кроме того, странно, что по поводу исключительно локального конфликта ольвиополиты обратились к заморскому оракулу. Все это исключает обращение к дидимскому оракулу в связи с разорением Гилеи.

⁴⁵ В дат. падежах εἰρήνῃ Ὀλβίῃ πόλι *iota* опущена, как и в δωρέῃ, что обычно для ионийских надписей VI–V вв., в том числе березанских и ольвийских.

⁴⁶ В связи с этим в дальнейшем условно называем эту надпись оракулом 512 г. Чтение Русяевой εἰρήνῃ Ὀλβίῃ πόλι μακαρίζω ἐκεῖ «мир Ольвийскому полису; благоденствую там», вопреки ее ошибочной интерпретации, подразумевает под благоденствием жреца его удовлетворение состоянием дел с почитанием Аполлона Дельфиния в Ольвии. Однако в таком случае пропадает суть запроса оракула ольвиополитами: конечно, их интересовало нечто более важное, нежели отношение дидимского жреца к степени почитания ими Дельфиния. Наименее ясны слова жреца «там помню о Лето»; может быть, подразумевается, что в Ольвии ее подзабыли: относящиеся к ней памятники VI–V вв. тут скудны [Ehrhardt, 1983, S. 158 f.]. Есть лишь одно посвящение Лето, да и то совместно с Аполлоном, — графито на донце чл. сосуда, по Русяевой [ГОП, 76], последней четверти VI в. Она разобрала буквы ΑΛΕ, ΕΤΟ (рис. 5). Слева направо читаем по фото сокращение имени Аполлона Απ, от *альфы* его, справа налево читается Λε <ε> τός, род. падеж имени Лето; в целом «Аполлона, Лето».

Предсказание оракула, что Ольвия пребудет в мире, сбылось. В рассказе Геродота о движении войска Дария в Сев.-Зап. Понте нет и намека на участие местных греческих городов в персидской акции, несмотря на активное содействие персидскому походу их метрополии Милета. Такая благоразумная позиция обеспечила им мир после ухода персов, тогда как скифские народы, отказавшие царским скифам в помощи, подверглись их нападению. По изложению Геродота (IV, 122) можно понять, что поначалу войско Дария, добравшись до Истра, перешло его и оказалось в Добрудже, где стало преследовать скифов. Дальнейший маршрут Дария неизвестен (возможная реконструкция [Рыбаков, 1979, с. 171/81]), но стратегическая цель скифов заключалась в переводе военных действий на земли народов, отказавшихся помогать им — агафирсов, невров, тавров. На территории Нижнего Побужья нет разрушений конца VI в., напротив, хора Ольвии процветала.

Примерно три десятилетия спустя катастрофа все же произошла: Ольвия почти целиком лишилась хоры, основной базы своей экономики. Скопившееся в городе население сельских поселений оказалось в критической ситуации — масса бездомных наполнила его (письмо Артикона, с. 240). Местной экономике пришлось перестраиваться с аграрного производства на ремесло и торговлю [Лейпунская, 1995]. Столь радикальные перемены в жизни Ольвии не позволяют согласиться с популярным у киевских коллег мнением, что сокращение хоры вызвано оптимизацией ее экономики (например, [Крыжицкий, Отрешко, 1986, с. 15; Буйских, 2009а, с. 23, *лит.*]). Нормально, что наряду с сельским хозяйством развиваются торговля и ремесло, но ненормально, когда для их развития крушат основу своей экономики — аграрный сектор. Греция испытывала недостаток пахотной земли под зерновые, поэтому всегда импортировала хлеб с заморской периферии, так что странно думать, будто ольвиополиты отказались от прибыльного экспорта хлеба (ниже, с. 268/9). Замена отраслей хозяйства — это всегда вынужденная форсмажорными обстоятельствами мера (пример — нынешняя Россия с ее сырьевой экономикой), поэтому логична связь сокращения хоры со скифской угрозой, как считал К. К. Марченко [1980, с. 142] (далее обо всем этом *см.* с. 269). Поскольку примерно в то же время резко уменьшилось число сельских поселений на Тамани (ниже, с. 788), это, бесспорно, единый процесс, причиной которого не могли быть какие-либо внутренние проблемы греков, это внешняя угроза.

На пластинке есть и другие надписи, сделанные той же рукой (сторона с оракулом лицевая). *Recto* A (рис. 4б): <ε> ἑπτά Ἀπόλλωνι | Διδυμ(αίω)ι | Μιλησίωι «семь жертв Аполлону Дидимейскому Милетскому». Дателный падеж надписи показывает, что цифра означает количество приносимых богу жертв. В оракуле цифры умножаются на десятку, считавшуюся совершенным числом, чем подчеркивается значимость предстоящих по очереди ипостасей Аполлона⁴⁷.

Recto B (рис. 4б): Μητρός ὀλβοφόρος, | ικηφόρος Βορέω | Διδυμ(αῖος) «от Матери приносящий счастье, от Борея доставляющий победу Дидимейский Аполлон». Конструкция *род. надеж теонима* + *пот. существительного* обычно выражает связь одного с другим: «победитель Борея» (как *Хен. Mem.* III, 4, 5: τοῦτου ικηφόρος того же смысла). У Аполлона есть эпитет ικηφόρος [Hymni Orph. XXXIV, 2: Orphica,

По письму вторая половина V в., алфавит не ионийский: ε = η, δ = ου. В Ольвии другие памятники второй половины V в. с таким алфавитом аттические.

⁴⁷ Оракулы Аполлона Дидимского [Fontenrose, 1988; Erbse, 1995].

1885, p. 285], однако в большом корпусе известий о Борее, подобранном Л. Стефани [1872], сведения о победе Аполлона над ним нет, да это и противоречило бы всему, что известно об их отношениях. Поэтому принимаем этот род. падеж за *gen. originis*, указывающий на происхождение данного качества Аполлона от соответствующего божества: он «по матери (от матери) приносящий счастье, по Борею (от Борей) доставляющий победу»⁴⁸. К примеру, Борей как подателя победы чтили афиняне, которые полагали, что с его помощью они одолели персидский флот и построили ему храм; за свои победы почитали его в именных святилищах мегалополиты и фурийцы (*Herod.* VII, 189; *Ael.* V. h. 12, 61; *Paus.* VIII, 36, 6). Но представления о победоносных свойствах Аполлона, идущих от Борей, нет. Оно есть в индоарийской традиции, где бог ветра Ваю предстает подателем победы, поэтому березанский автор надписи В (это уже не дидимский оракул!) придерживается ее, что указывает на обогащение индоарийской мифологией образа Аполлона Борей у нижебужских греков, о чем мы уже вели речь.

У Лето нет эпитета ὀλβοφόρος, она вообще маргинальное божество в греческом пантеоне, единственная ее функция — материнство, что само по себе показательное: это божество из разряда Матерей [Gruppe, 1906, S. 333, 1248]. Такой характер ее прообраза как раз показывает истоки наименования ее «доставляющей достаток»: она ипостась Великой Матери (Реи, Геи, Кибелы, Деметры и пр.), у которых эпитет ὀλβία «процветающая, материально богатая» обычен и передается тем, кого они осчастливят⁴⁹. Лето — волчица, родилась она в земле гипербореев, это первоначальный образ Лето, когда боги еще были животными⁵⁰. Таков источник эпитета ὀλβοφόρος «от матери доставляющий достаток» у березанского Аполлона. Лето почиталась в Дидимах⁵¹, отсюда присутствие ее на пластинке с записью полученного в Дидимах оракула. Связка Лето и Борей в данной записи имеет мифологиче-

⁴⁸ Казалось бы, все проблемы решает раздельное чтение νίκη, φόρος Βορέω «победа, дань Борей» (дань как результат победы Борей). Однако надпись в целом Μητρὸς ὀλβοφόρος, | νικηφόρος Βορέω имеет хиатическую композицию, так что эпиклеса ὀλβοφόρος, которую не расчленишь, требует в пандан к себе эпиклесе же νικηφόρος. В хиатической композиции из двух синтагм вторая синтагма (эпиклеса + *gen.* теонима) представляет собой зеркальное отражение первой (*gen.* теонима + эпиклеса).

⁴⁹ Ограничимся одним примером: в гомеровском гимне к Матери богов — Рее говорится о ее плодородии, к кому она благосклонна, тому дарует ὄλβος (*Hymni Hom.* 30, 1). Согласно Геродоту (II, 156), египтяне называют Аполлона и Артемиду детьми Диониса и Исида, причем под Исидой подразумевается Деметра. При этом он сослался на Эсхила, в одной из трагедий которого Артемиду представлена дочерью Деметры. Геродот ошибочно приписал эту версию египтянам, так как она была у аркадян, у которых в храме Владычицы (Деспойны) стояла двойная статуя Владычицы — Деметры (*Paus.* VIII, 37). Уже в V в. такая композиция трактовалась в Аттике как Кибела с Гермесом и Корой в скульптурной группе ученика Фидия Агоракрита, в которой Деспойна и Деметра слились в единый образ Кибелы, а архаическую Артемиду заменила ее двойник Кора [Blümel, 1966]. В предании о древнейшей пророчице аполлоновских храмов-оракулов Герофиле говорится, что она жена и сестра Аполлона, ее мать — идейская нимфа (*Paus.* X, 12); владычицей этой малоазийской горы была Кибела (*Catullus*, 63). На краснофигурной амфоре из Британского музея аполлоническая троица показана с атрибутами: Лето с пантерой, Артемиды с ланью, Аполлон с лирой. Изображение Лето с ланью указывает на ее природу в прошлом как Великой Матери, Кибелы и пр., которые изображались с дикими животными (поэтому этимологическое сопоставление имени Лето с ликийским *lada* «женщина» [Laumonier, 545] маловероятно).

⁵⁰ (*Hymni orph.* LV; Gruppe, S. 332. 1236, Anm. 1]. К слову сказать, Афродита в своем первобытном облике тоже слыла волчицей, отсюда и физический аспект ее любви, можно сказать, животный.

⁵¹ [Gruppe, S. 333], другие места почитания [Ib. S. 287].

ский исток: когда боги, страшась гнева Геры, отказывались оказать содействие Лето в родах, Борей доставил ее к Посейдону, который переправил ее на Делос (мозаика в Portus magnus [Gruppe, S. 240]).

Оборотная сторона тоже была целиком записана, но разрушение поверхности кости уничтожило ее, оставив лишь по 1–2 строки вверху и внизу. *Tergo C* (рис. 4г): ἑβδ(ο)μέου Διδ(υμαίῳ) Ἀπόλλωνος) «Почитаемого в седьмой день Дидимейского Аполлона» (инициал имени Аполлона написан 13 раз). У Аполлона был эпитет ἑβδόμειος «Почитаемый в седьмой день» [IG II, 1653]. Редчайшая в надписях VI в. графема ου представлена также в ольвийском гимне к Гилее третьей четверти VI в. (ниже, с. 259). *Tergo D* (рис. 4г): νικηφόρος Βορέω.

1.2.2. Ольвийские оракулы V–IV вв.

1.2.2.1. Оракул Лукию⁵²

Надпись середины или третьей четверти V в. на дне скифоса из Ольвии содержит важный для изучения милетско-ольвийского календаря перечень месяцев (рис. 6). Также на дужке основания чаши сделана посвятельная надпись, которую Ю. Г. Виноградов и А. С. Русяева прочли как посвящение некоего Андокида Аполлону с перечислением 4 его эпиклес (прозвищ) — Дельфиний, Врач, Таргелий, Ликей: Ἀπόλλωνι Δελφινίῳ, Ἰατρῶι, Θαργηλίῳ, Λυκεΐῳ, Ἀνδοκίδος. В их прочтении надпись содержит два неясных элемента: издатели отметили, что имя Андокид, обычно имеющее форму Ἀνδοκίδης, в форме Ἀνδοκίδος им найти не удалось; незасвидетельствованную эпиклесу Аполлона Θαργηλίος издатели сочли новым и важным свидетельством о культе Аполлона⁵³. Полагаем, нет нужды сочинять новую форму имени Ἀνδοκίδος, ибо в надписи представлен род. падеж единственно известной формы имени Ἀνδοκίδης, именно Ἀνδοκίδος (= Ἀνδοκίδους)⁵⁴. Эту аттическую форму род. падежа подтверждает аттическая же форма Ἰατρῶι данной ионийской надписи⁵⁵. Однако род. падеж Ἀνδοκίδος порождает затруднение:

⁵² Опубликовано [Яйленко, 1996, с. 179/81; *cp.* SEG 47, 1185], здесь доработано.

⁵³ [Виноградов, Русяева, 1980]. А. С. Русяева устно сообщила мне тогда, что эпиграфическая часть статьи принадлежит Виноградову; позднее заявила, что за материалы об эпиклесах Аполлона ответственна она [Русяева, 2003, с. 117, примеч.]. И в позднейших работах она отстаивала прежнее чтение, видимо, признав лишь род. падеж имени Ἀνδοκίδος [Русяева, 2003, с. 117; ГОП, с. 49–51]: в ее переводе [ГОП, с. 49] дан род. падеж «(от) Андокида», а в греч. тексте прежнее Ἀνδοκίδος вместо должно-го Ἀνδοκίδος.

⁵⁴ Эта аттическая форма род. падежа основ на -s- распространена в IV в., но употреблялась и в V в., к примеру, на остраконах 417 г. — Ὑπέρβολος Ἀντιφάνος наряду с Ἀντιφάνους [Threatte, 1980, p. 36, № 35; Guarducci, 1970, p. 533].

⁵⁵ Л. Дюбуа предложил считать форму Ἀνδοκίδος род. падежом неизвестного женского имени Ἀνδοκίς [Dubois, 99], что не лучше варианта издателей. С. Р. Тохтасьев [1999, с. 191] отклонил идею Дюбуа со спорной мотивировкой: сомнительно, что автором такого граффито могла быть женщина. Поскольку посвящений женщин раннего времени предостаточно (например, [Naukratis, 1886, p. 61, № 104, 117; 1888, p. 64, № 761; p. 66, № 798; Jeffery, p. 411, № 2, 11; p. 412, № 4, 43a; p. 415, № 63]), видимо, он имел в виду календарь. Далее мы отметим, что граффито написано жрецом, а женщины издавна были и жрицами, как знаменитая Кидиппа, мать Клеобиса и Битона, так что автором ольвийского граффито все же могла быть и дама. В форме Ἀνδοκίδος С. Р. Тохтасьев [1999, с. 191] тоже усмотрел род. падеж: либо мой вариант -ος = -ους (он воспринял мое устное сообщение об этом

Рис. 6. Оракул Ликию, прорись [ГОП, т. 14]

Δελφινί(ωι), Ταρτῶι Θαρῡγλί(ῶ), Λυκεί(ωι) Ἀνδοκίδῶς «Аполлону Дельфинию, Иетру от Таргелия, Ликею — от Андокида»⁵⁸. Такое чтение элиминирует оба не засвидетельствованных элемента в чтении издателей — эпиклесу Таргелий и имя Ἀνδοκίδος. Недостаток этого моего чтения состоит в сокращенном написании имени Таргелий, при полном имени Андокида, ввиду чего позднее я согласился с мнением издателей, что Θαρῡγλι эпиклеса [Яйленко, 2006, с. 379]. Мысль издателей, что Θαρῡγλι — не засвидетельствованная ранее эпиклеса Аполлона, поскольку в Милете отмечался аполлоновский праздник Таргелии [ГОП, с. 50],

[Тохтасьев [1994, с. 158]], либо «речь идет о гиферезе -εος > -ος». Тохтасьев [1994, с. 158] даже безапелляционно заявил, что понимание Русяевой и Виноградовым формы Ἀνδοκίδος как номинативной «конечно, невозможно». Это либо элементарное неведение (как раз самая распространенная конструкция ранних посвячительных надписей с дативом имени бога включает номинатив имени посвяителя!), либо неточно сформулированная иная мысль.

⁵⁶ Таково посвящение VI в. из Амикл Δορκῶνιδα Ἀπέλῶι «Аполлону от Дорконида» (можно читать и Ἀπέλῶι Δορκῶνιδα). Полагаем, Л. Джеффери напрасно добавила в тексте надписи сигму для получения муж. рода имени — Δορκῶνιδα(ς) [Jeffery, p. 188, 407, № 5], так как это естественно образованная форма распространенного как раз в Пелопоннесе имени Δορκῶνι [PB, 319] с гентильным суф. -ιδας, т. е. значение имени *Δορκῶνιδας — «потомок Доркона» (в вотиве из Амикл представлен его род. падеж Δορκῶνιδα). Нет и оснований видеть в Δορκῶνιδα мужское имя на -α ввиду их редкости, ср. [Buck, p. 87].

⁵⁷ [Milet, I, S. 219, 228, 239, 240; SGDI III/2, № 5515; Anacr. fr. 40 Bergk; Etymologicum magnum, 443, 24–25; PB, 481; LGPN I, 209; Dubois, p. 162]. Известны и жен. имя Θαρῡγλία, Θαρῡγλῖς, муж. Θαρῡγλος [Plut. Pericl. 24; PB, 481; LGPN I, 209], с III–II в. до н. э. имя Таргелий представлено также на Родосе и Мелосе.

⁵⁸ По словам М. Ладдзарини, в числе ранних посвячительных надписей «нет недостатка в посвящениях, сделанных двумя и более лицами» [Lazzarini, 1976, p. 61] (обычно это братья или родители и дети). На указанной странице она привела ссылки на десятки вотивных надписей своего каталога, сделанные двумя и более посвящателями. Из их числа особенно отметим посвящение Мегилы и Хремеса Афине, первый из которых адресовал посвящение богине с ее эпиклесой «Тритогеция Паллада», а второй с иной эпиклесой — «Дочь великого Зевса» (она дополнена с бесспорностью [Ib. № 619]). Это полная структурная параллель ольвийской надписи.

логична: по существу Аполлон был Таргелием⁵⁹. Полагаем теперь, что Θαρρηλι надо понимать в качестве сокращения существующих однокоренных названий собственных — месяца Θαρρηλι(ων) или праздника Θαρρηλι(α). Последнее отпадает, так как употребляется только с артиклем (с. 215), название месяца же употребительно с членом и без него⁶⁰. Как мы увидим ниже, в следующем оракуле Анониму речь ведется о месяце — Тавреоне, поэтому предположительно усматриваем и в данном оракуле указание на месяц Таргелион: Απόλλ(ωνι) Δηλφινί(ωι), Ἰατρῶι Θαρρηλι(ῶνος?) Λύκει Ἀνδοκίδος «Аполлону Дельфинию, Иетру в месяце Таргелионе (?), о Ликий, сын Андокида!»⁶¹ Из такого содержания явствует, что это оракул с обращением к вопрошающему по имени (о Ликий!), как в нижеследующем ольвийском оракуле-заклятии: «Фарнабаз, любитель красоты» (с. 44)⁶². Таким образом, оракул велит Ликию сделать приношение Аполлону Дельфинию и Иетру в посвященном ему месяце Таргелионе. Предложенное чтение надписи снимает все вопросы, порожденные предшествующими чтениями, и, что важно, говорит лишь о двух эпиклесах Аполлона, с которыми он почитался в Ольвии, — Иетр и Дельфиний. Святилища Иетра и Дельфиния, в которые оракул повелел Ликию сделать приношения, действительно существовали в Ольвии.

Наряду с рассмотренной надписью на ободке дна написаны также буквы AZMΘ. Приняв Θαρρηλι за эпиклему Аполлона, издатели на этом основании не только пришли к выводу о праздновании Таргелий в Ольвии, но даже установили их дату по указанной приписке: «Нам думается, не будет большой натяжкой предположить, особенно учитывая характер всей надписи, что в последних двух буквах скрывается имя месяца Таргелиона и весь текст (ἐν τῇ) α' (καὶ) ζ' μηνὸς Θ(αρρηλιῶνος) должен расшифровываться следующим образом: “в первое и седьмое число месяца Таргелиона”, — в эти дни Андокид сделал свое посвящение богу» [с. 33]. Л. Дюбуа упомянул параллель, найденную Н. Эрхардом в позднеэллинистической надписи из Милета: μηνὸς Θ(αρρηλιῶνος), но отверг предложенное издателями раскрытие сокращения ввиду позднего времени этой аналогии [Dubois, p. 163: «non liquet»]. На наш взгляд, издатели в основном правильно раскрыли аббревиатуру, и поскольку тут мы имеем дело с бесспорным сокращением всех четырех слов, апелляция к позднему времени аналогий безосновательна⁶³. Полагаем, в раскрытии аббревиатуры

⁵⁹ [Gruppe, S. 281, Anm. 13]: в частности, в Милете — Архилох (fr. 113) и Гиппонакт (fr. 37). А. Ф. Лосев [1957, с. 425] указывал, что аттический месяц Таргелион именовался также Аполлоном Таргелием.

⁶⁰ Так, к примеру, в одном предложении Плутарха (Camill. 19, 7) Θαρρηλιῶνος и τοῦ Θαρρηλιῶνος.

⁶¹ Формула посвящений с *dat.* имени божества + *nom.* имени посвяtitеля обычна, встречается с VII–VI вв. (ограничимся примерами [Guarducci, 1975, p. 12, 21, 27, 29, 31, 42, 51, 55, 58–60 и пр.]).

⁶² Личное имя Λύκειος представлено в Каллатисе III в. до н. э. [LGPN IV, 213]: Λύκει[ος]. С IV в. известна и форма личного имени Λύκιος [Xen. An. III, 3, 20; PB, 823]; *cp.* и формы Λυκέας (Кос, III в. до н. э.), Λυκίας (Фасос, Ia — Ip) [LGPN I, 290]. На Березани уже в V в. отмечается ранний итацизм — растяжение краткого ι в ει (φεῖλωι < φίλωι, ниже, с. 337/8 и [Dubois, p. 186]), отсюда форма Λύκειος из Λύκιος. Обе формы личного имени представляют собой эпиклеса Аполлона Λύκειος и Λύκιος. Звательный падеж Λύκειε, но перед гласной следующего имени Андокид *эпсилон* элидируется (*cp.* Aesch. Sept. 145: σὺ Λύκει' ἄναξ).

⁶³ Даже при ином характере сокращения — до двух первых букв, тогда как сокращение слова μήν «месяц» до одной первой буквы известно лишь с I–II вв. н. э. [Avi-Yonah, p. 82; Lang, 1976, p. 70, 85]. Понимать буквы AZMΘ в качестве цифр вовсе затруднительно.

издателями не мотивированы указание на первый день и тем самым дополнение связки καί. *Альф*у следует раскрывать ближе к содержанию надписи, к которой она явно добавлена. Поскольку надпись упоминает Аполлона, буква Α — сокращение его имени, что встречается на амулетах с раннего времени⁶⁴. Ζ, как правильно поняли издатели, — его священная цифра 7, ΜΘ — это μ(ηνὸς Θ(αργηλιώνος). Раскрытие аббревиатуры в целом: Α(πόλλωνι ἐν) ζ' μ(ηνὸς) Θ(αργηλιώνος) «Аполлону в 7 день месяца Таргелиона». Как видно, это сокращенная запись основного содержания оракула Ликий — сделать приношение Аполлону в месяце Таргелионе. Ликий лишь добавил указание на седьмой день праздника Таргелий, который справлялся в Афинах 6–7 числа месяца Таргелиона.

Мы уже обращали внимание на аттицизмы надписи: написание Ἰατροῖ и *gen.* основы на -s-, выраженный через ὀ = ου в имени Андокида. Еще один аттицизм — форма Λύκει вместо Λύκη(ι), а в перечне месяцев — написание Ἀπατουριών через -ου-, в V в. не свойственное ионийским надписям⁶⁵. Это указывает, что Ликий, сын Андокида, происходил из Аттики, в Ольвии он обратился к оракулу Аполлона с запросом о каких-то своих нуждах и получил ответ: для успеха необходимо сделать приношение в оба ольвийских святилища бога — Дельфиния и Иетра. Ликий записал оракул на черепке для памяти и целиком, и в сокращенном виде. Повеление оракула сделать приношение сразу в два святилища папахивает шкурной заинтересованностью причта святилища Гермеса, при котором находился оракул (см. ниже).

В связи с этим встает вопрос о цели написания данного граффито с перечнем всех месяцев ольвийского годового календаря и посвятительной надписью. По мысли издателей, перечислением всех месяцев года Андокид рассчитывал заполучить круглогодичную благосклонность Аполлона. Полагаем, это непросто доказать. Из трех известных списков месяцев два найдены вне греческого мира — в Ниневии и Армении [Dubois, p. 164], что делает понятным их назначение: это записи для памяти у негреков, причем наиболее вероятные авторы этих записей жрецы, которым они нужны для знания распорядка храмовых богослужений⁶⁶. Эти аналогии показывают, что таково назначение и ольвийского перечня, так что автор этой записи, скорее всего, был жрецом храма Аполлона Иетра. По мысли А. С. Русаевой [ГОП, с. 51], скифос сначала находился в его храме на Зап. теменосе, затем разбился и дно оказалось перемещенным на место святилища Гермеса и Афродиты (соседний участок АГД). На наш взгляд, дело не в переложениях культурного слоя, как сочла исследовательница, — перечень месяцев редкость, так что даже дно сосуда с такой памятной записью было полезно жрецам святилища Гермеса и Афродиты, т. е. этот перечень не случайно оказался в этом святилище, а был нужным его служителям⁶⁷. Таким образом, перечень месяцев на донце составлен жрецом, а оракул на ободке скифоса записан Ликием.

⁶⁴ [Яйленко, 1982, с. 295, № 137, *ср.* № 131–136; 2005, с. 466; Русаева, 1986, с. 40, рис. 8].

⁶⁵ Это свойственно аттическим надписям V в. [Threatte, 1980, p. 27–36] (подробнее см. ниже, с. 259).

⁶⁶ Отдаленной аналогией служит надпись XIV в. с перечнем дней недели на юго-вост. столбе Нередицкой церкви под Новгородом [Рождественская, 1992, № 23]: видимо, это памятная запись клирика для службы в тот или иной день недели. Любопытно, что и в ней перечень состоит из сокращений: НЕПУСЕЧПЯСУ «не(деля), п(онедельник), у(второк), се(реда), че(тверг), пя(тница), су(бота)».

⁶⁷ В заключение отметим ошибки, неточности и просто ляпы Виноградова и Русаевой, коих много. С. 25; по поводу сокращения Δελφικι они пишут: такая форма уже встречалась в посвящении Артеми-

1.2.2.2. Оракул Анониму на месяц Тавреон⁶⁸

Виноградов и Русяева [1980, с. 46–49] издали граффито на обломке стенки светлоглиняного лутерия (рис. 7), которое датировали V в. до н. э.: $\mu\eta\nu\delta\varsigma$: $\tau\alpha\upsilon\rho\epsilon\omega\nu\varsigma$ $\tau\omicron$ $\pi\rho\omega\tau\omicron$: $\upsilon\sigma\tau\epsilon\rho\acute{\alpha}\eta$ $\nu\epsilon\omicron\mu\eta|\nu\eta\varsigma$: $\eta\rho\iota<\iota>$ $\mu\acute{\iota}\sigma\theta\omicron$: $\mu\eta\nu\delta\varsigma$ $\tau\alpha\upsilon\rho\epsilon\omega\nu\varsigma$ $\tau\omicron\upsilon\tau\epsilon\rho\omicron$ $\kappa\alpha\tau'$ $\epsilon\pi\alpha\upsilon\omicron[\mu|\epsilon|\nu[as--]$ «в первый месяц Тавреон, весной (?), сдавай в аренду, во второй месяц Тавреон в течение вставных дней...» Согласно издателям [с. 48], это «выписка из более раннего закона, трактовавшего вопросы, связанные со сдачей внаем или аренду. В таком освещении значение надписи трудно переоценить, поскольку она свидетельствует о том, что уже в столь раннее время Ольвийское государство взяло в свои руки контроль над этой отраслью коммерческой жизни». Однако на самом деле смысл надписи совсем другой. Обратимся к ключевой стк. 3, где они прочли $\eta\rho\iota<\iota>$ $\mu\acute{\iota}\sigma\theta\omicron$ «весной (?), сдавай в аренду». На прориси (рис. 11 у них) между Р и М показаны две вертикали, однако на фото (рис. 10 у них) хорошо видно, что эти две вертикали соединены поперечиной, т. е. данная буква — *эта* (Н)⁶⁹.

де Дельфинии, «так что ее скорее следует считать языковой особенностью местного говора, а не прослойкой». Заметим: принять обыкновенное сокращение, которым полна эта надпись и множество вотивов, за опisku или «языковую особенность местного говора» — это круто. Если думать так, то сокращения $\Delta\epsilon\lambda$, $\eta\rho\iota$, $\Lambda\pi$, $\mu\eta$, $\Delta\iota\omicron$ и прочие на ольвийских вотивах и амулетах — тоже «особенности местного говора». Словом, чушь. С. 26: (перечень месяцев) — «В названии месяца таргелиона альфа и ро вырезаны в лигатуре; омикрон поставлен ошибочно». Это странное наблюдение издателей, так как других лигатур в надписи нет, да они и не свойственны надписям V в. На самом деле все проще: между головками $\Lambda\rho$ случайный горизонтальный прочерк, так что нет ни лигатуры, ни лишнего *омикрона*. С. 29: «Надпись вырезана по естественному фону глины, покрытому лаком натурального цвета». Здесь подмена нормальной лексики странными словесами: «естественный фон глины» — нонсенс, у глины нет фона, есть цвет и тон, не бывает и «лака натурального цвета» — есть бесцветный лак. С. 29: в граффито $\Lambda\rho\tau\Delta\eta\lambda\Phi\iota$ Виноградов и Русяева усмотрели известный из Поллукса титул Артемиды Дельфинии, но текст раскрыли курьезно: « $\Lambda\rho\tau(\epsilon\mu\iota)$ $\Delta\epsilon\lambda\phi\iota(\nu\iota\omega\iota)$ (sic!)», т. е. Артемиде Дельфинию (муж. род!). И это не описка, потому что пометкой «sic!» они указали на необычность формы. Разумеется, должно читать $\Lambda\rho\tau(\epsilon\mu\iota)$ $\Delta\epsilon\lambda\phi\iota(\nu\iota\eta\iota)$, так позднее исправила Русяева [ГОП, с. 107]. Можно и так, но эпиклеса Артемиды Дельфинии засвидетельствована, судя по их данным, лишь дважды и только литературными источниками (*Pollux*, VII, 119; *Schol. in Dem.* 23, 74), тогда как эпиграфических посвящений совместно Артемиде и Аполлону много. Поэтому предпочитаем видеть в ольвийской надписи именно такое посвящение: $\Lambda\rho\tau(\epsilon\mu\iota)$, $\Delta\eta\lambda\phi\iota(\nu\iota\omega\iota)$ «Артемиде, Дельфинию». С. 37: комментарий Виноградова и Русяевой к написанию названия месяца $\Lambda\pi\alpha\tau\omicron\upsilon\rho\epsilon\omega\nu$ через *иоту*: так писали «в Милете и надписи Андокида, в то время как в другой ольвийской надписи и в прочих милетских колониях употребительной формой было $\Lambda\pi\alpha\tau\omicron\upsilon\rho\epsilon\omega\nu$ » (т. е. с *эпсилоном*). Тут они напутали, см. LSJ, s. n. $\Lambda\pi\alpha\tau\omicron\upsilon\rho\epsilon\omega\nu$: с *эпсилоном* в Кизике (SIG 3661) и Ольвии (IOSPE I² 47), с *иотой* на Делосе, Теносе, Иасе, Аморгосе. Уж не за эти ли ошибки и ляпы Иванчик, извергая на меня сионистскую брань [ВДИ. 2011. 4, с. 278] (о ней см. ниже, с. 655/60), назвал Виноградова общепризнанным «крупнейшим эпиграфистом своего поколения»?

⁶⁸ Опубликовано [Яйленко, 1996, с. 185/8], здесь доработано.

⁶⁹ Одновременно со мной это отметил и Л. Дюбуа [Dubois, 100]. В целом он повторил текст издателей, но сделал несколько замечаний, из которых приемлемы: 1) в стк. 2 *dat.* $\upsilon\sigma\tau\epsilon\rho\acute{\alpha}\eta$, а не $\upsilon\sigma\tau\epsilon\rho\acute{\alpha}\eta$ издателей, так как указание на день ставится в дативе; 2) в стк. 4–5 он дал чтение $\tau\omicron$ $\upsilon\sigma\tau\epsilon\rho\omicron$ «второго» против $\tau\omicron\upsilon\tau\epsilon\rho\omicron$ (= $\tau\omicron\upsilon$ $\epsilon\tau\epsilon\rho\omicron$) издателей, ибо предположенный ими красис ставит проблему в виде не вполне уместного для середины V в. диграфа $\tau\omicron\upsilon$ (впрочем, см. с. 37, 40 о нем в надписях VI–V вв.), так что $\tau\omicron\upsilon\tau\epsilon\rho\omicron$ возможно в качестве исключения из правила). Дюбуа увидел остаток *сигмы* на фото, но оно плохое и там мало что видно, так что читаем $\upsilon[\sigma]\tau\epsilon\rho\omicron$. Неприемлемо предположенное Дюбуа в стк. 3 чтение теонима $\eta\rho\iota$, поскольку он не вписывается в общее содержание надписи. В определении ее характера Дюбуа колебался — это выписка из сакрального закона или частный акт, в конечном счете назвал «черепком, имеющим отношение к календарю» (!)

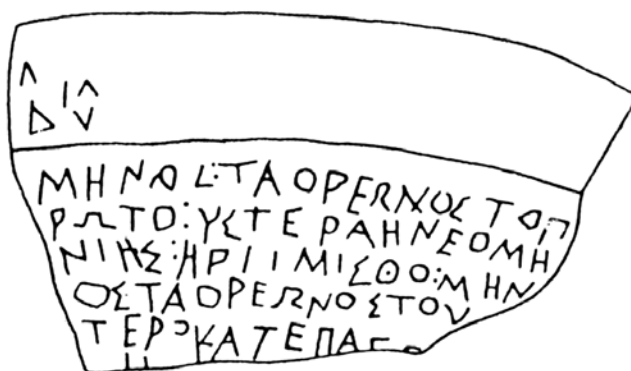

Рис. 7. Оракул Анониму, прорись [Виноградов, Русаева, 1980]

Даже и без этого обстоятельства чтение двух мачт как двух *иот*, вторая из которых оказывается излишней (их ἦρι <ι>), само по себе указывает на то, что обе вертикали в действительности принадлежат другой букве, и чтение здесь буквы Н дает вполне органичное для контекста надписи слово ἡρημισθω «пусть успокоится, будет спокоен»⁷⁰. Глагол с той же основой и значением ἡρεμέω представлен в другом оракуле (см. ниже): «Фарнабаз, ценитель красоты, предвижу — ты мертв, и спокоен я (ἡρεμέω), прорицатель Гермеса». Употребление в обеих надписях столь характерного слова показывает, что также рассматриваемая надпись является прорицательной, т. е. оракулом. В таком контексте следует понимать и сохранившееся неполностью в стк. 5–6 слово, начинавшееся буквами КАТЕПАΓ: не только ἐπαυ[μ|έ]ν[ας--] «в течение вставных дней», но в свете выявленного прорицательного характера надписи также кат' + существительное ἐπαυωγή «доставка, привлечение; заклинание, вызывание подземных божеств», либо причастие от глагола ἐπάω «привожу, веду, добавляю, навлекаю, налагаю, убеждаю, понуждаю», наконец, причастие же от глагола κατεπάω «понижаю, принимаю».

Третье лицо императива ἡρημισθω показывает, что это ответ оракула на частный запрос о судьбе действий какого-то третьего персонажа (имена обоих могли быть

⁷⁰ 3-е л. ед. числа императива пассивного перфекта глагола ἡρεμίσειν. Хотя фото издателей неважное, на нем видно, что буква после *теты* не *омикрон*, но *омега*, ибо снизу не смыкается в кружок, а продолжается книзу, т. е. это правая лапка *омеги*. Написание второй *эты* в ἡρεμίσειν — это гипернионизм, т. е. не обусловленная этимологически мена краткой гласной на долгую, о чем см., например, [Herzog, 1912, S. 64–65, 72 f.]; мена ε на η в именах как гипернионизм [Bechtel, 1917, S. 78]. Гипернионизмы есть и в ольвийских надписях V в., например, как и в нашем случае, написание эпиклеса Δελφίνος через *эту* в предыдущем оракуле Ликию, сыну Андокида, также в посвящении Ἀρτέμι, Δηλφινίωι (см. выше), написание *эты* в котором Дюбуа бездоказательно счел ошибочным [Dubois, p. 162]. Более того, он принял мнение издателей, что одинаковое написание Δηλφι через *эту* означает, что оба граффити сделаны одним автором, и предположил, что Андокида (по его мнению, сделавшая предыдущее граффито, см. выше) написала также посвящение Ἀρτέμι, Δηλφινίωι. В результате трактовки издателей и Дюбуа получается, что ошибка сделана дважды, но это неубедительно и вызывает надуманный характер этой гипотезы. Словом, ни издатели, ни Дюбуа не уловили, что это естественный в ионийской Ольвии гипернионизм. Равным образом мена ε на η свойственна и аттическому диалекту [Thumb, Scherer, S. 308], и далее мы покажем, что ряд фонетических черт надписи может быть не только ионийским, но и аттическим, поэтому написание Δηλφι и ἡρημισθω можно считать также аттицизмом.

в утраченном тексте). Запись оракула на черепке сосуда, т. е. на случайном письменном материале, поднятом из-под ног, также указывает, что это скорее ответ на индивидуальный запрос, а не коллективный. В целом читаем оракул так: μηρὸς Ταορεῶνος τὸ πρῶτον ὑστερὰν νεομηνίας ἡρημίσθω· μηνὸς Ταορεῶνος τὸ ὑ[σ]τέρω κατ' ἐπαυ[ω]γὴν ?--] «в первый месяц Тавреон, на второй день после новолуния, пусть он будет спокоен; во вставной месяц Тавреон, согласно заклинанию (?)...»

Итак, это оракул, предписывающий какому-то лицу образ действий и поведения в начале и конце года: «первый месяц Тавреон» — это первый месяц принятого в Ольвии милетского календаря, «второй месяц Тавреон» — вставной месяц лунного календаря, в конце года восполнявший неучтенные дни. Нижеследующее прорицание Фарнабазу показывает, что в Ольвии оракул действовал при святилище Гермеса⁷¹.

Как видно, заключение Виноградова и Русяевой о данном граффито как о выписке из более раннего закона, трактовавшего вопросы, связанные со сдачей внаем или аренду» и о контроле Ольвийского государства «над отраслью коммерческой жизни», совсем не «трудно переоценить» — это просто несостоятельное прочтение и понимание текста надписи. Любопытно проследить, как она стала «выпиской из более раннего закона» об аренде. Издатели датировали надпись по шрифту IV в., что, по их мнению, находится в противоречии с употреблением интерпункции, по их словам, «используемой в греческой эпиграфике, как правило, до конца V — начала IV в. до н. э.», и языком надписи, обильной ионизмами; «учитывая лингвистические наблюдения, граффито следует датировать не позднее V в. до н. э., вероятно, в пределах первой половины этого столетия. Такой резкий диссонанс между языком и палеографией... заставляет видеть в ней копию с какого-то более раннего архетипа» [с. 47–48]. По этому поводу отметим следующее. Интерпункция, хотя и была в особенном употреблении в архаическое и раннеклассическое время, оставалась достаточно употребительной и впоследствии, вплоть до императорской эпохи⁷². Поэтому ее наличие ни в коей мере не может служить указанием на датировку надписи V веком в предпочтении IV веку.

Что же до «лингвистических наблюдений» издателей (конкретно Виноградова, ибо Русяевой вопросы языка надписей неведомы), то приведенные ими 9 фонетических особенностей не обязательно ионизмы именно V в., ибо эти признаки свойственны ионийским надписям и следующего столетия. Но существеннее то, что большинство их свойственно также аттическому диалекту и графике IV в., в которых представлены передача ου через ὀ, переход ηι в η (в том числе в окончании датива), также αι в α перед гласной, контракция ου+ε в ου⁷³. О слиянии в аттическом языке ε + α в η студенты узнают в начале обучения греческому. Усмотренный Виноградовым ионийский псилосис (утрата придыхания) в красисе τοῦτέρω (= τοῦ ἑτέρου) также не свидетельствует об обязательно ионийском языке надписи, так как псилосис встречается и в аттическом диалекте [Buck, p. 54]. На то, что это не только ионийские, но и аттические диалектные черты, Виноградов обязан был обратить внимание, утверждая тезис об ионийском языке надписи. Словом,

⁷¹ Над текстом рассмотренного оракула у левого облома черепка сохранились прочерченные в 3 строки буквы Λ | ΙΑ | ΔΥ (Виноградов проигнорировал их, Дюбуа дал ΔΥ).

⁷² [Larfeld, 1902, S. 564/6], в том числе точечная интерпункция. В позднеионийских надписях см. употребление ее в каталоге имен III в. до н. э. из Эретрии [DGE, 809]. Подробнее об интерпункции в ольвийских надписях см. ниже, с. 238.

⁷³ [Meisterhans, Schwyzler, S. 30, 36 f.; Kuhner, Blass, 1890, S. 223; Thumb, Scherer, S. 291/2].

из 9 признаков только 2 — передача дифтонгов *au*, *eu* через *ao*, *eo* и сохранение *η* после *ι* — характерны для ионийского языка, причем первый из этих признаков изредка встречается в V в., но характерен как раз для IV в.⁷⁴ Остальные ионийско-аттические фонетические признаки встречаются равно в памятниках V и IV в., так что никакого противоречия между языком надписи из Ольвии и ее палеографией, усмотренного Виноградовым, нет: ее письму IV в. вполне соответствует ионийско-аттический ее язык⁷⁵. Произвольность заключения Виноградова о данном граффито как о копии с более древнего закона очевидна, а выясненное нами обстоятельство, что это оракул, а вовсе не документ об аренде, лишь подтверждает сказанное, ибо трудно представить себе, что оракул на частный запрос был переписан на черепке столетие спустя, когда уже вряд ли был жив получивший его человек.

По характеру письма надпись определенно относится к IV в.: достаточно указать на мелкий *омикрон*, мелкую же *омегу*, «подвешенную» к середине строки, горизонтальность усиков *сигмы*, П в стк. 5 с равновеликими мачтами. Все эти признаки представлены в датированной лапидарной ольвийской надписи IV в. — сигнатуре Стратонида НО 65 (см. также колонку букв IV в. [Книпович, 1966, с. 10]).

1.2.2.3. Оракул-заклятие Фарнабаз

Дно чл. чаши конца V в. с процарапанным профильным изображением мужской головы влево, вокруг надпись [ГОП, 70–72]: *Φαρνάβαζος φιλοκαλός, πρόοιδα τέθνηκας, ἤρεμέω, θεοπρόπος* «Ярмоу «любитель красоты Фарнабаз, знаю заранее, что ты умер, и спокоен я, прорицатель Гермеса» (рис. 8). По интерпретации А. В. Лебедева, этот Фарнабаз, принадлежавший к знатной персидской фамилии, как странствующий маг оказался в Ольвии, где прорицал [Lebedew, 1996a, p. 268/71]. Ю. Г. Виноградов отождествил этого Фарнабаз с персидским сатрапом Даскилейона в конце V в., указав на антиперсидскую позицию Ольвии после греко-персидских войн [Vinogradov, 1998a, p. 153/5]. По мысли Б. Браво, это заклятие, в котором Фарнабаз предавался Гермесу Хтонию [SEG 51, 979]. Надпись загадочна, хотя текст читается целиком. Не случайно исследователи уделили ей по 2–3 странички — мало что можно сказать по существу. Мы отметим, что употребление в ней весьма характерной лексемы *ἤρεμέω*, как и в предыдущем оракуле Анониму, показывает, что и надпись с Фарнабазом является оракулом. На его голове ленты, принадлежность головного убора знатных персов, т. е. он действительно принадлежал к видной персидской фамилии, известной с VI в. Какова связь его с Ольвией, почему оракул дан ему именно тут, показывает слово *φιλοκαλός* и изображение множества фаллов над его головой и под нею. В классе *καλός*-надписей, которые писали любовники своим мальчикам на даримых чашах, прилагательное *καλός* означает не просто «красивый», но «красивый мальчик». У нас красноречиво говорят о том же изображения фаллов при «портрете» Фарнабаз. Таким образом, сей Фарнабаз состоял в связи с каким-то или какими-то ольвийскими красавчиками. В Ольвии V–IV вв. ничего персидского нет, так что и Фарнабаз не местный резидент, следовательно, мальчики были у него «на выезд». Из своей резиденции, может быть, в вифинском Даскилейоне он запро-

⁷⁴ [Buck, p. 33; Thumb, Scherer, S. 253]: лишь 2 примера V в. (подробнее см. с. 41, 205, 850, 854 (Λαυδίκη вместо Λαοδίκη)).

⁷⁵ Вслед за издателями Л. Дюбуа отнес надпись ко времени ок. 450 г.

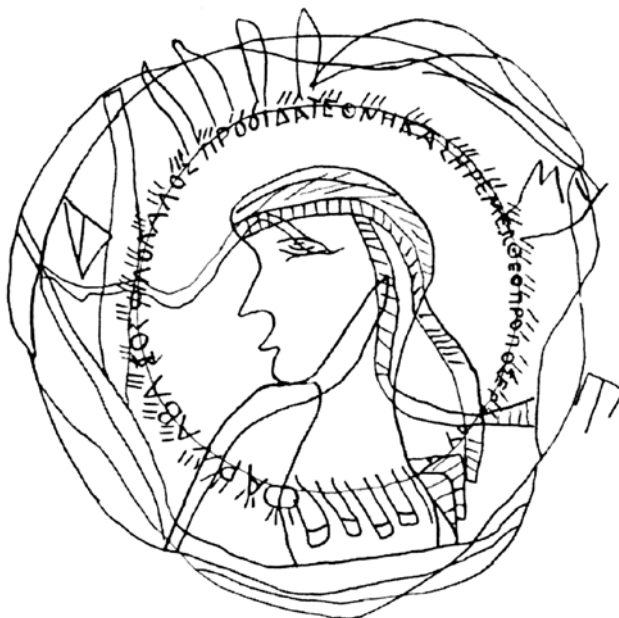

Рис. 8. Оракул-заклятие Фарнабазу [ГОП, т. 26]

сил ольвийский оракул о своих перспективах дальнейших связей такого рода, вследствие чего обратился к тамошнему оракулу. На такую причину обращения указывает единственная характеристика Фарнабазы в надписи — он *φιλοκαλός*. По какой-то причине ответ был отрицательный для Фарнабазы — смерть. На это указывает и левый поворот его головы на рисунке, как и в других подобных случаях (с. 28, 106). Смертельный вердикт Фарнабазу стал облегчением для прорицателя — теперь он спокоен. На любовное содержание оракула Фарнабазу указывает и то обстоятельство, что в святилище Гермеса, где функционировало прорицалище, почиталась также Афродита. Святилище Гермеса и Афродиты располагалось на Западном теменосе [ДТО, с. 23–26; ГОП, с. 68 *сл.*]. Оракул Анониму (выше, № 2) также связан с запросом об образе действий и поведения вопрошавшего, видимо, и тут любовное дело, что обычно для мантики всякого рода.

Уточним дату надписи, так как Виноградов по своему обыкновению зависил ее, отнеся к концу V в. Филолог Лебедев был намного точнее — первая треть IV в. Укажем в этом отношении на графему *ου*, появляющуюся в надписях во второй четверти IV в. (см. с. 362), этим временем и следует датировать оракул Фарнабазу. Отметим также идущие по краю рисунка буквы *ΜΥ*, которые в контексте оракула неплохо раскрываются в *μυστικός* и прочее, относящееся к магии. Слева монограмма из букв *ΔΑ*, справа буква *Ε*, обе надписи неясного значения.

1.2.2.4. НО 114

Загадочная фрагментарная надпись, вырезанная на лицевой и оборотной сторонах обломка известняковой плиты (рис. 9). На лицевой стороне с надписью А сохранен левый край (остальные обломаны), на оборотной стороне с надписью Б

Рис. 9. НО 114

соответственно сохранен правый край. Издатель НО Брашинский дал текст в маюскулах. (А): -- | ΠΗ-- | ΣΙΔ (?)-- | ΝΟ-- | ΕΣΙ-- | --, (Б): -- | --Π | --ΝΕΡΩ | --ΗΣΕΤΑ | --ΝΤΟΤΕ | --ΩΝΤ. Он предположительно отнес надпись к числу постановлений народного собрания и датировал III в. до н. э. (в тексте стоит н. э., что, вероятно, опечатка), отметив, что надпись А более ранняя. Однако по характеру письма обе стороны, во-первых, относятся к IV в. до н. э. (ср. IOSPE I² 24, НО 4 с теми же формами Σ, Ω, Π)⁷⁶, во-вторых, это

оπιστογραφ — надпись сделана на обеих сторонах одной стелы. Разница заключается лишь в том, что на оборотной стороне буквы размещены убористей, ибо резчик увидел, что места может не хватить. Даем примерный текст. Сторона А: -- | ΠΗ[--? ἀνατίθη]σι ἃ[--? ἐλεῦθε]ριο --|εσ--. Сторона Б: --Ι | --ν ἐρώ[ττημα? | --]ήσεται[αι | --]ν τότε | --ωντ[|αι?--] «--ют -- свободного -- запрос -- будет -- тогда --». Жанровая принадлежность надписи неясна. Хотя ольвийские декреты писались на мраморных плитах, первый по времени написан на известняке (НО 1), так что возможен такой характер и НО 114. Обращает на себя внимание присутствие глагольных флексий: 3-е лицо ед. числа *aor. conj.* --ήσεται[αι], возможно, 3-е лицо мн. числа *praes. conj.* --ωντ[|αι], 3-е лицо мн. числа *praes. ind.* --σι. Если правильна наша разбивка --ν ἐρω, остаются лишь 3 варианта прочтения слова: от глаголов ἐρωέω «отступать, отставлять, прекращать», ἐρωτάω «спрашивать» или от существительного ἐρως «любовь». Во втором случае можно думать о запросе оракула (например, ἐρώ[ττημα] «запрос»), чему соответствует активное присутствие глагольных, в том числе конъюнктивных, форм (с. 43, 44), ср. Syll.³ 557. 2–10 (ἐρώτησις «запрос» Пифийского оракулу). В индексе Syll.³, Vol. IV (р. 358) присутствует только глагол ἐρωτάω в правительственных постановлениях (705, 741, 826, 953) и в запросе оракула (1163). Это может указывать на аналогичный характер также надписи НО 114.

Итак, мы имеем 5 оракулов — один березанский последней трети VI в. и четыре ольвийские V — первой половины IV в. Это означает, что оракул располагался в Ольвии; упоминание в оракуле Фарнабазу «прорицателя Гермеса» указывает, что оракул функционировал в святилище Гермеса. Оно размещалось на Зап. теменосе и функционировало с первой половины V в., судя по древнейшему посвящению Гермесу [ГОП, с. 68]. Здесь как раз и была найдена надпись с оракулом Фарнабазу. Гермес у греков более всего связан с мантикой. Позднее IV в. посвящений Гермесу в Ольвии нет. Судя по дате оракула Фарнабазу, последнего в Ольвии, оракул исчез в первой половине IV в. вместе со святилищем. Березанский оракул 512 г. дан Дидимским прорицалищем. На рубеже эр ольвиополиты прибегли к помощи Дельфийского оракула (I² 34. 30), в дальнейшем, как сказано, к прорицалищу в Кларосе.

⁷⁶ Хотя есть сходство с некоторыми буквами эпитафии тавра Тихона V в. (КБН-альбом, 114), думать о принадлежности НО 114 к этому столетию оснований нет: на стороне Б *омикрон* в два раза меньше соседних Т, *омега* «подвешена» посередине строки — это признаки письма IV в. (с. 44).

1.3. Происхождение, существо и характер культа Аполлона Дельфиния в Ольвии, вопросы реконструкции зданий его теменоса

Как сказано, основа культа Аполлона в Ионии малоазийская, которая в свою очередь вобрала в себя более широкие ближневосточные элементы; другой пласт — собственно греческие представления. Распространенный в Ольвии культ Аполлона Дельфиния как милетский имеет малоазийское происхождение.

1.3.1. Существо культа Аполлона Дельфиния

С третьей четверти VI в. до н. э. и до разгрома ок. середины I в. до н. э. в Ольвии почитался Аполлон Дельфиний, до конца V в. он был главным божеством полиса. Становление Ольвии как города и политического центра Нижнебужской агломерации во второй половине VI в. связано с третьей и четвертой волной переселенцев из Ионии (ниже, с. 133/6). Среди них ведущую роль играли выходцы из Милета и его хоры, которые не только перенесли сюда культ основного милетского бога Аполлона Дельфиния, но и превратили его к началу V в. в важнейшее божество города, оттеснив на второй план культ более древнего Истра, возникший в среде первых колонистов. В начале V в. для Дельфиния выгорожена восточная часть теменоса, на которой устраивается главный алтарь божества, ряд сопутствующих алтарей, храм и алтари его сотеменных богов: Зевса, Афины, Гекаты. Жрецы святилища Дельфиния, мольпы-стефанефоры (дословно «певцы/танцоры-венценосцы»), играли важную роль в сакральной, финансовой и социально-политической жизни полиса в V в. Для адекватной интерпретации сооружений теменоса, чем мы займемся далее, необходимо пояснить сущность Дельфиния как божества, что до сих пор сделано не было и потому породило их неточную идентификацию.

В прошлом исследователи принимали на веру свидетельство гомеровского гимна к Аполлону о его воплощении в дельфина (Hymni Hom. I, 493/6: «так как впервые из моря туманного в виде дельфина близ корабля быстроходного я поднялся перед вами, то и молитесь мне впредь как Дельфинию», *пер.* В. В. Вересаева) и считали Дельфиния изначальным покровителем мореходов⁷⁷. М. П. Нильссон, тоже считавший Дельфиния божеством мореплавателей, тем не менее отметил, что сущность этой ипостаси Аполлона еще правильно не разъяснена [Nilsson, 1967, S. 554]. Особняком стояло мнение О. Группе, который привел существенные соображения в пользу того, что Дельфиний — божество восточного происхождения с функцией покровителя растительного и морского живого мира (Getreidegott, Fischgott [Gruppe, 1906, S. 1228]). Хтоническую суть дельфийского Аполлона блестяще показал А. Ф. Лосев [1957, с. 313 *сл.*]. Прозорливая догадка О. Группе подтвердилась исследованиями послевоенного времени. Сначала Р. Барнетт высказал мнение, что Дельфиний — это отражение имени хеттского бога плодородия Telepinus'a на греческой почве [Barnett, 1956, p. 219], затем Л. А. Гиндин [1977, с. 105 *сл.*] развил это положение на большом конкретном материале, свидетельствующем о далеко

⁷⁷ [Roscher, 1884, S. 429; Jessen, 1901, Sp. 2515; Farnell, 1907, p. 145 *f.*; Толстой, 1904, с. 11; Хирст, 1908, с. 94].

идущем тождестве обоих божеств; диахронически хаттско-хеттский миф о Телепинусе неоднократно отражался в греческой мифологии, культах и ономастике. Из богатейшей подборки Лосева о хтоническом Аполлоне Гиндин привел свидетельства о первичной «атмосферной» сущности Дельфиния, которые были отражением изначальной природы Телепинуса как божества ветра, сына бога грозы Тару и богини-матери Ханны-ханны. Аполлон как божество ветра выступает, к примеру, в рассказе о чудесном спасении обреченного на сожжение Креза, который взмолился к нему и тот наслал дождевую тучу, погасившую костер (*Herod.* I, 87). Особого внимания заслуживает вскрытая Гиндиным связь Дельфиния с сагой о гиперборейцах — их мифологическое единство зиждется на сохранности воспоминания о нем как о божестве (северного) ветра, *resp.* плодородия⁷⁸.

Выводы Гиндина находят подтверждение на материале ольвийских граффити, свидетельствующих о почитании здесь Аполлона Борей (два посвящения на сосудах второй половины VI в. с Западного теменоса [Русяева, 1991, с. 128; 1992, с. 18; ГОП, с. 47–49]; см. выше, с. 17, 35). Это же божество под именем Βορέας (так сказать, «Северский») почиталось на Фере наряду с Дельфинием уже в конце VIII в. — оно упоминается в числе скальных граффити с именами Зевса, Аполлона и др. около храма Аполлона Карнейского (IG XII, f. 3, 350, 537). Столь ранние данные ферской эпиграфики о связи божества северного ветра Борей с Аполлоном показывают, что ольвийский Аполлон Борей не местная инновация, а продолжение раннеархаического культа метрополии. Из одного имени Аполлона Борей следует представление о природе божества как ветре по происхождению. Культ Аполлона Борей существовал в Афинах V в., где ему был посвящен храм (*Herod.* VII, 189); тут отправлялся культ самостоятельного бога северного ветра Борей. В Ольвии еще в IV в. функционировало сообщество его почитателей Βορείοι θασιῖται. Контаминация Борей с Аполлоном продолжалась в преданиях об Аполлоне Гиперборейском, пребывающем в царстве Борей. Ольвийские посвящения Аполлону Борейю не случайно найдены на Западном теменосе с его святилищем Иетра, а не на Восточном теменосе Дельфиния — уже в VIII в. Дельфиний и Борей функционировали как самостоятельные ипостаси Аполлона, и их разделение понятно: ввиду важности северного ветра для мягкой погоды в Эгеиде из Дельфиния как бога ветра вообще рано выделился Борей как бог северного ветра.

Итак, Дельфиний как божество в Милете и Ольвии по происхождению олицетворял силы природы: он почитался тут преимущественно в качестве божества атмосферных явлений, прежде всего ветра, благоприятного для мореплавания и плодородия земли (податель дождя). Функция покровителя мореплавателей обусловлена не только народно-этимологическим сближением эпиклеса Δελφίνιος со словом δελφίς «дельфин», но и генетической атмосферно-водной природой божества, связь которого с морем явствует, в частности, из того, что святилища Дельфи-

⁷⁸ Хочу упомянуть тут добрым словом Леонида Александровича Гиндина. Завершив обучение истории изобразительного искусства и истории древнего мира на истфаке МГУ и понимая, что важным инструментом для исследователя древнего мира являются лингвистика и филология, в особенности ономастика, я слушал разные курсы на филологическом факультете. Но практические навыки я получал у Гиндина: я часто навещал его в его квартиру на Садовом кольце напротив американского посольства и он, выдающийся знаток малоазийско-эгейско-палеобалканской лингвистики, наставлял меня в работе в этой области, по существу, исследованию ономастики, за что я ему чрезвычайно благодарен. К нему относились по-разному, у меня осталась о нем светлая память.

ния в Милете, Массалии и на Хиосе располагались на берегу у самого моря и порта; например, «Священная гавань» Оропа называлась также Дельфинием (*Thuc.* VIII, 38; *Strabo*, IV, 1, 4; IX 2, 6). Исходя из установленного первичного характера Дельфиния, следует идентифицировать сооружения на его ольвийском теменосе.

1.3.2. Идентификации и реконструкция зданий на теменосах Ольвии⁷⁹

Исследование теменоса экспедицией ЛОИА под руководством А. Н. Карасева и Е. И. Леви проводилось в основном в 1951–1960 гг. (основные отчеты [Ольвия, 1964; Карасев, Леви, 1978; Леви, 1978; 1985, с. 65 сл.]). Основные выводы Карасева [1964, с. 27 сл.] следующие. Святилище функционировало со второй половины VI по II в. и пережило 3 строительных периода: вторая половина VI в., V в., IV–II вв.⁸⁰ К югу от святилища располагалась агора, северная часть святилища уничтожена глубокой балкой. От первого периода дошли фундаменты главного алтаря, квадратного здания неясного назначения около него $4,8 \times 4,8$ м, священная роща. В V в. это уже теменос, огражденный стеной на востоке и западе, с рощей, алтарями и небольшим храмом Дельфиния в антах; к восточной ограде пристроены металло-ремонтная мастерская и, возможно, сокровищница. Посвятительные граффити Зевсу указывают, что рядом с Дельфинием располагался его храм, от которого ничего не сохранилось (рис. 10). В IV–III вв. святилище коренным образом перестроено: с юга и запада его обрамляют стои, храм Дельфиния стал большим периптером, рядом возведен храм Зевса в антах (рис. 11).

Сомнения в ряде положений Карасева высказали С. Д. Крыжицкий и А. В. Буйских: если типология храма Зевса точна — это храм в антах или простиль, то назначение и тип здания, определенного Карасевым в качестве периптерального храма Дельфиния эллинистического времени, неясны⁸¹. Они обратили внимание на разницу в 0,8–0,9 м глубины его зап. и вост. портиков, которая делает асимметричными план здания и его фасад относительно продольной оси; излишне узка целла; фундамент задней стены пронаоса нелогичным для периптера образом доведен до фундаментов боковых колоннад. Эти аргументы, на наш взгляд, неравноценны. Целла храма действительно узка, но это вообще свойство периптеральных храмов, так что ширина ольвийского периптера 7 м обычна для небольших периптеров того же IV в. (к примеру, такова целла храма Афины Никефоры в Пергаме, на метр шире целла храма Аполлона Сминфея в Троеде). Что до фундамента, то понятно, что продолжение фундамента задней стены пронаоса до смычки с фундаментами боковых колоннад укрепляет ленточные слоевые фундаменты посредством перевязывания их друг с другом. Для трактовки сев.-вост. здания теменоса в качестве храма показательна установленная Леви [1985, с. 87–88] концентрация надписей

⁷⁹ Этот параграф опубликован [Яйленко, 2002], здесь доработан.

⁸⁰ Из 24 опубликованных граффити-посвящений Аполлону Дельфинию только одно датируется по керамическим признакам третьей четвертью VI в. (ГОП, с. 25), еще несколько последней четвертью VI или концом VI — началом V в., основная же часть относится к V в. (ГОП, с. 25–31). Это означает, что святилище Дельфиния устроено не во второй половине VI в., как считал Карасев, а в последней четверти; далее строительная история шла по датировкам Карасева.

⁸¹ [Крыжицкий, 1985, с. 64 сл., 82 сл.; Крыжицкий, Буйских, 1990, с. 27 сл.].

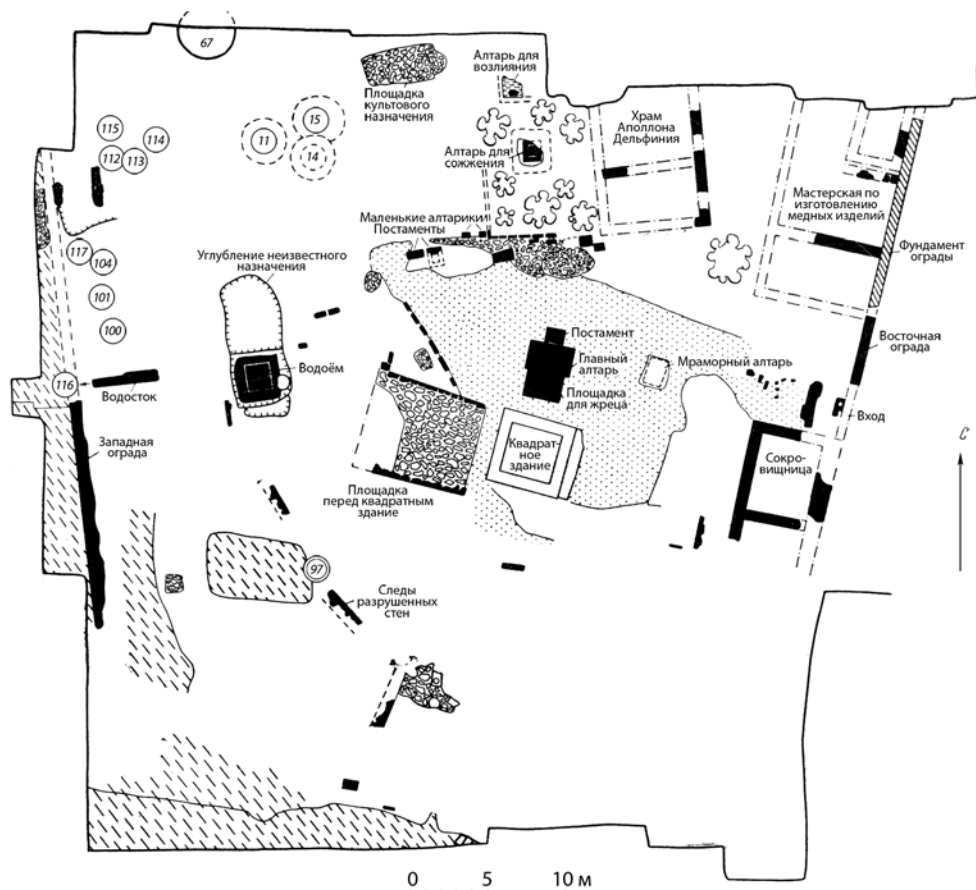

Рис. 10. План ольвийского теменоса Дельфиния V в. [Карасев, 1964, рис. 6]

перед этим зданием (рис. 11). Вместе с тем указание Крыжицкого и Буйских на существенную разницу в глубине боковых колоннад справедливо и служит основанием для сомнений в типе здания⁸².

На наш взгляд, интерпретация Карасева, замечательного исследователя ольвийской архитектуры, должна быть существенно скорректирована в ряде своих положений по следующим причинам⁸³. Начнем со святилища V в. Если наличие роши

⁸² Эту неодинаковость глубины боковых портиков видел и сам Карасев, но, судя по его чертежам, отнес ее на счет обрушения слоевых фундаментов зап. портика, которые дополнил в графической реконструкции: ср. его рис. 18 (вскрытые фундаменты) с рис. 12 у нас — реконструкцией [Карасев, 1964, с. 45 и вклейка к с. 52].

⁸³ Из старших исследователей Сев. Причерноморья Александр Николаевич был для меня одним из самых симпатичных — замечательный ученый, прекрасный и доброжелательный человек. В 1960–1970-х гг. у меня было 3 тома сочинений Н. Я. Марра (в дальнейшем они отошли к Вадиму Цимбурскому), я с увлечением читал их и мне были интересны рассказы Карасева о Марре, об обстановке в ГАИМК'е в 1920–1930-х гг. В 1966–1968 гг. я работал в охране памятников архитектуры, и ценными для меня были воспоминания Карасева о своем учителе, замечательном архитекторе и реставраторе Н. Б. Бакланове, о других архитекторах, искусствоведах, лингвистах. Тогда в ГАИМК'е счастливым

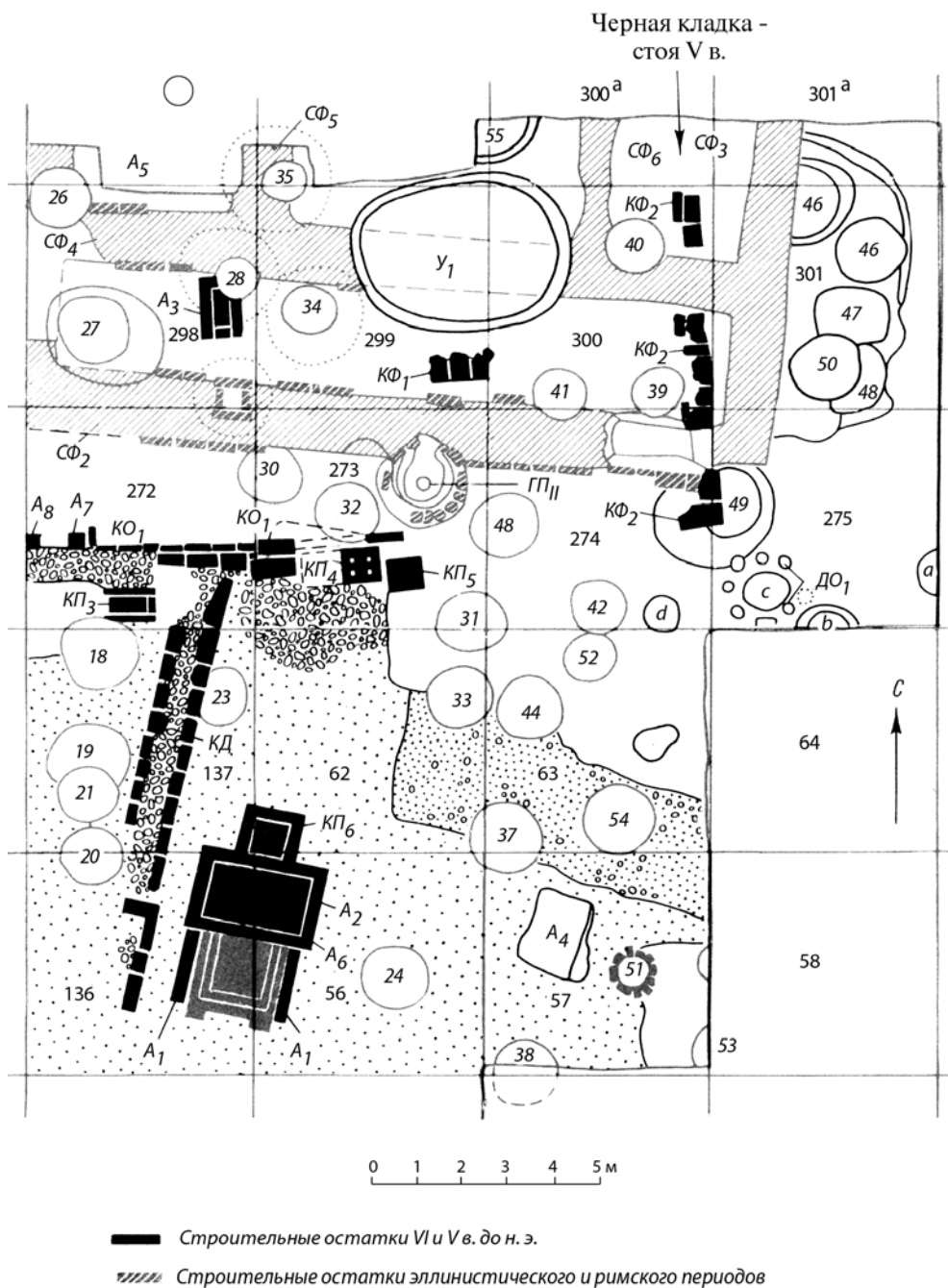

Рис. 106. План ольвийского теменоса Дельфиния V в. [Карасев, 1964, рис. 18]

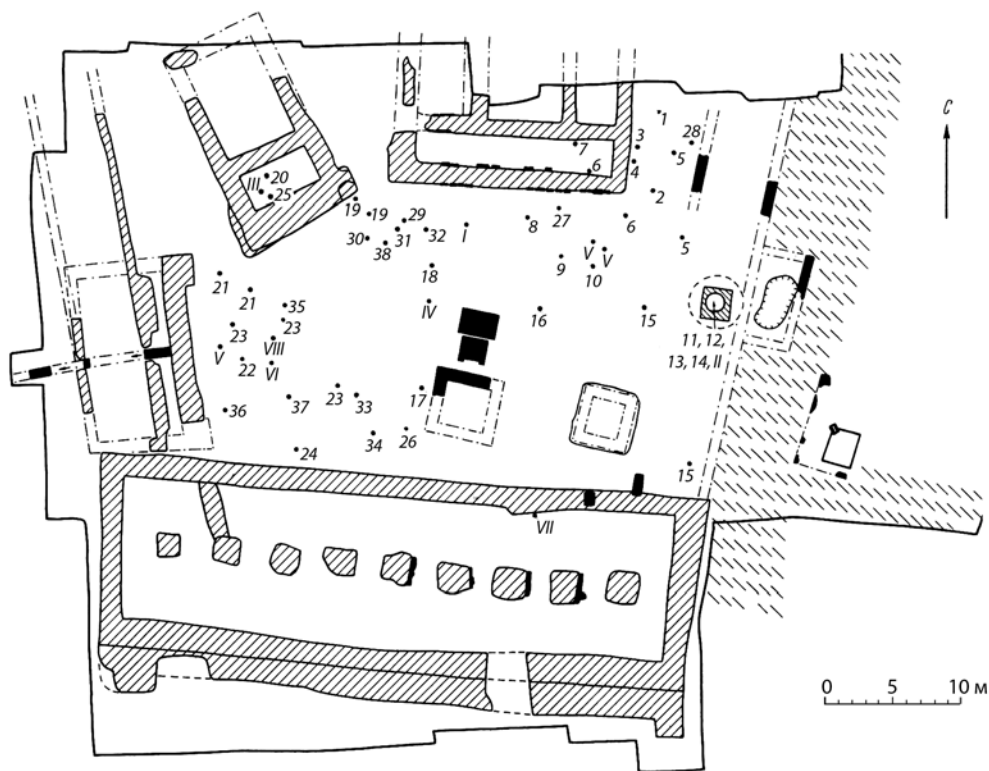

Рис. 11. План эллинистического теменоса Дельфиния с показом расположения надписей; римские цифры — посвятельные надписи, арабские — декреты и прочие [Леви, 1985]

сомнений не вызывает — она была и в милетском Дельфинионе [Milet, I, 132, надпись VI в.], то реконструкция храма в антах предположительна ввиду незначительности имеющихся строительных остатков. Три камня фундамента $K\Phi_1$, южный фас которых выровнен заподлицо, а северный фас рваный (рис. 12), Карасев [1964, с. 55 сл.] счел остатком южной стены целлы храма в антах, поскольку в ольвийских сооружениях V в. внешний фас стенки выравнивался заподлицо, а внутренний оставался рваным. Однако в данном случае эта закономерность сомнительна, так как в результате оказалось, что фасадная (южная торцовая) линия и стена пронаоса не параллельны друг другу — стена пронаоса скошена относительно восточной продольной стены здания⁸⁴. Главный алтарь теменоса оказывается не напротив входа храма в антах, а сбоку, более того, ряд алтарей располагается у глухой зап. стены храма, что странно (см. рис. 10). Эти трудности обусловлены интерпретацией трех

образом были собраны вместе большие ученые разных специальностей, слава нашей исторической науки. Достаточно сказать, что там трудился выдающийся востоковед В. В. Бартольд, чтение многотомных «Сочинений» которого — мое любимое занятие.

⁸⁴ Так на рис. 6 Карасева (= рис. 10 у нас), так же на рис. 18 Карасева (= рис. 10б у нас) направления кладки $K\Phi_1$ и крайнего на юге углового камня вост. стены разные; на реконструкциях плана храма рис. 16 и 22 Карасева (рис. 10а, 12 у нас) эта скошенность завуалирована, что понятно: реконструкции дают идеализированный исходный план.

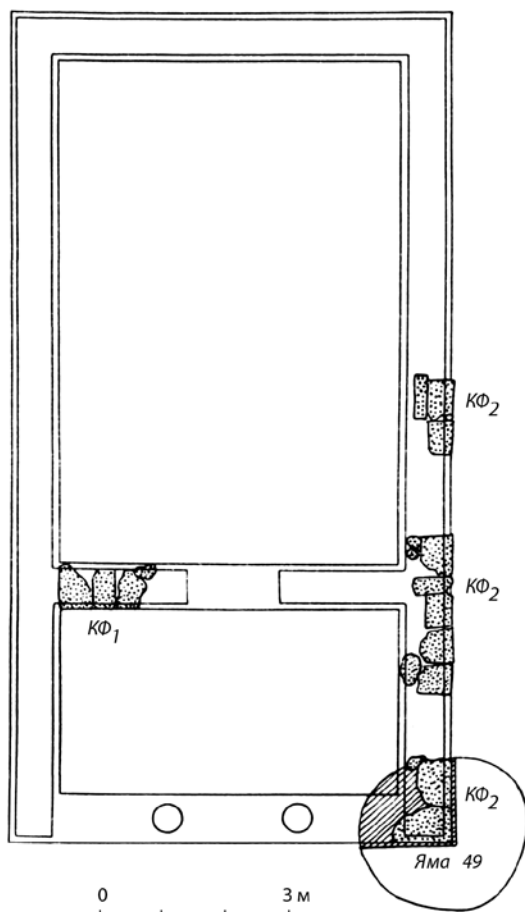

Рис. 12. Реконструкция плана храма Дельфиния V в. [Карасев, 1964, рис. 22]

строенная в 430–420 гг. на Афинской агоре Южная стоя I в своей задней части разделена рядом поперечных стенок на отдельные компартименты, причем эти стенки сложены из сырцовых кирпичей [Athenian Agora, 1990, p. 25, 168 f.] (о греческой стое в целом [Coulton, 1976]). На предпочтительность реконструкции стое указывает и ориентация входной фасадной стороны на расположенные рядом алтари — алтарь для возлияния, алтарь для сожжений и малые алтарики (см. план участка — рис. 10; при реконструкции Карасевым храма в антах оказалось, что эти алтари вместе с рощей располагаются у его глухой западной стены). Стоя как тип архитектурного сооружения могла одновременно выполнять функции и гражданского, и сакрального здания. К примеру, таковой была стоя Зевса V в. на Афинской агоре: под ее перекрытием и рядом находились посвященные дары — статуи,

каменной фундамента $K\Phi_1$ в качестве стены пронаоса. Между тем восточный камень этой кладки дополнен с севера четвертым камнем, который может указывать, что с севера кладка выбрана; выборка тем более вероятна, что к кладке примыкает углубление Y_1 (см. фото и план [Карасев, 1964, с. 52–53], у нас рис. 106). Таким образом, при сохранившейся длине кладки $K\Phi_1$ 1,3 м ширина ее в точности неизвестна, соответственно неясен и характер кладки. Между тем она — единственное основание для восстановления именно храма в антах, что сомнительно⁸⁵. Реально имеется вост. продольная стена здания, заканчивающаяся на юге остатком торца, да остаток упомянутой кладки $K\Phi_1$, не параллельной южному торцу. Если придерживаться этих реальных остатков, можно реконструировать не только храм в антах, но и стое — несомый задней (восточной) стеной навес, короткими сторонами опирающийся на торцовые стены, а спереди на столбы или поперечные стенки (остаток фундамента поперечной стенки в таком случае — кладка $K\Phi_1$), которые разделяют внутреннее пространство стое на отдельные компартименты (рис. 13). К примеру, вы-

⁸⁵ Таким его восстановил также И. Р. Пичикийн [1984, с. 178 сл.], возможность простилиа или амфи-простила отмечал Крыжицкий [1985, с. 84].

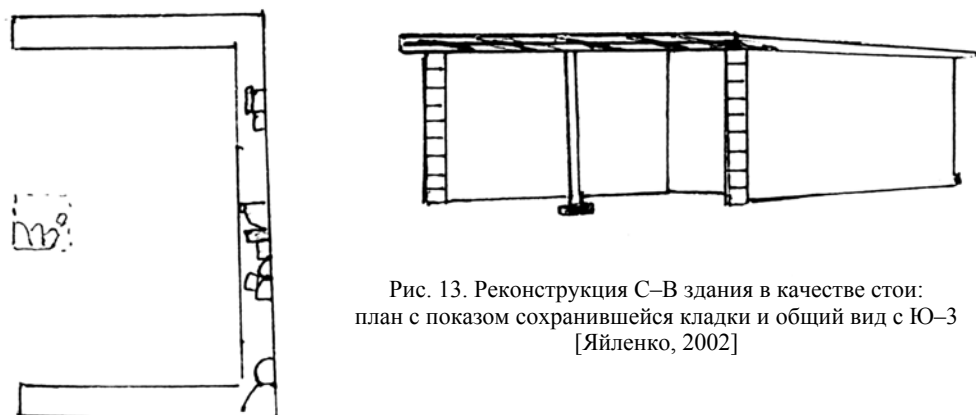

Рис. 13. Реконструкция С–В здания в качестве стои: план с показом сохранившейся кладки и общий вид с Ю–З [Яйленко, 2002]

картины и прочее, в том числе статуя Зевса Освободителя, располагавшаяся перед колонным фасадом стои. Видимо, ей предшествовало небольшое святилище VI в., также посвященное Зевсу, при нем обнаружены постамент для статуи и остатки алтаря [Athenian Agora, 1990, p. 78–79].

Более всего на невозможность реконструкции храма в антах в качестве храма Аполлона Дельфиния указывают причины культового свойства, а именно атмосферный характер этого божества. Дело в том, что милетский Дельфинион никогда не был крытым храмом — это гипетральная постройка, открытое святилище, в VI–V вв., возможно, огражденное стеной, в эллинистическое время огражденное крытой галереей с трех сторон, т. е. тремя стоями (рис. 13а)⁸⁶. Такое оформление святилища вызвано не архитектурными или финансовыми соображениями, а характером культа: поскольку Дельфиний — греческая адаптация хетто-хаттского божества плодородия Телепинуса, по происхождению бога ветра, его «атмосферный» характер и определил архитектурный облик святилища как открытого темена, огражденного с двух или более сторон (огражденность вытекает из самого значения слова *теменос* — «отрезанный»), но не сверху. Иначе говоря, это культовая площадка под открытым небом, к которому и обращены священнодействия. «Атмосферное» существо культа Дельфиния не терпело закрытости сверху, и потому его святилище не могло быть крытым храмом⁸⁷. *Стало быть, ольвийским святилищем Аполлона Дельфиния, подобно милетскому Дельфиниону, был весь теменос по ограды включительно, а не какая-либо отдельная постройка на нем.* Именно поэтому

⁸⁶ О строительной истории милетского Дельфиниона [Milet I, S. 125 f., 165, 408; Кобылина, 1965, с. 76 сл.].

⁸⁷ Внутри большого открытого к небу храма Аполлона в Дидимах были наиск для статуи божества, роща, источник [Кобылина, 1965, с. 100 сл.], которые можно характеризовать как ὑπόστευον, т. е. находящиеся внутри здания, под его кровлей. Наиск архаического времени небольшой (4 × 8 м), в нем могла размещаться лишь культовая статуя, новый большой наиск закончен в 295 г. Павсаний (I, 19, 1) в рассказе о появлении Тезея в Афинах упоминает святилище (ἱερόν) Аполлона Дельфиния и храм с крышей на нем (τῶν ναῶν τῆν στέγην). Различение святилища и храма на нем показывает, что это реалии эллинистической и римской эпох, когда на святилище Дельфиния воздвигались храмы связанных с Аполлоном божеств, как на ольвийском теменосе, где в III в. возведен сев.-зап. храм в антах (Тезей не реальная, а легендарная фигура [Яйленко, 1990а, с. 229], так что сказания о нем создавались на протяжении всей древности).

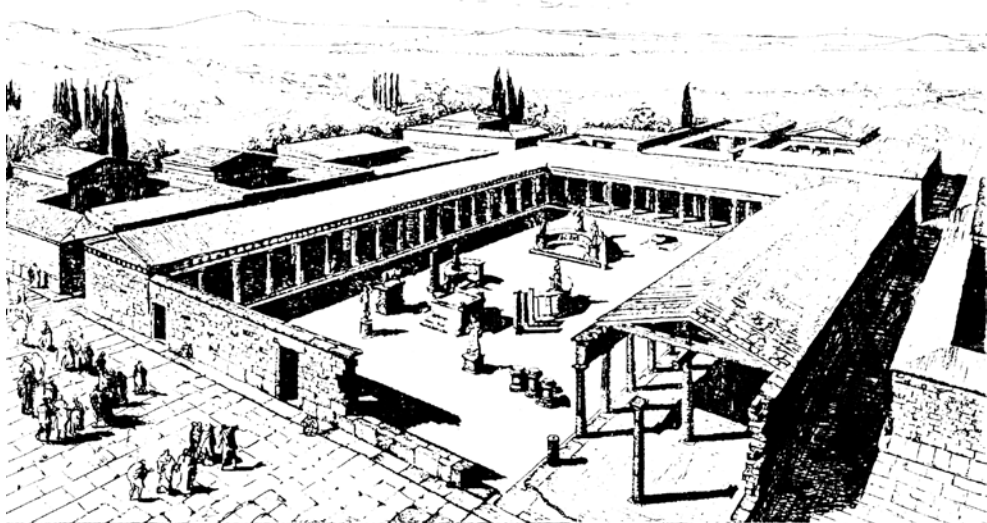

Рис. 13а. Дельфинион в Милете, реконструкция Г. Каверау [Milet, 1914]

посвящения Дельфинию — граффити и лапидарные надписи — найдены на всей территории теменоса, в том числе за его периметром.

Установленное обстоятельство заставляет пересмотреть также идентификацию отдельных зданий ольвийского теменоса Карасевым. В милетском святилище Дельфиния почитались в качестве сотеменных богов (θεοὶ ἐντεμένιοι) Зевс, Геката, Артемида [Milet I, № 129–131; Ehrhardt, 1983, S. 129; Кобылина, 1965, с. 78 сл.]. На ольвийском теменосе найдены посвятельные граффити тоже трем богам — в основном Аполлону Дельфинию, существенно меньше Зевсу и Афине [Ольвия, 1964, с. 140; ГОП, с. 31–33]. Посвящения Зевсу VI–V вв. навели Карасева [1964, с. 36] на догадку о наличии его храма того времени в сев.-зап. углу теменоса, целиком выбранного позднее, при постройке храма III в., посвященного ему же. Однако уточним, что почти все посвятельные граффити на краснофигурных и чернолаковых сосудах сделаны совместно Зевсу и Афине и найдены в ботросах № 69, 71, 72, которые располагались у северного борта раскопа, между сев.-зап. и сев.-вост. храмами (Зевса и Дельфиния, по Карасеву) эллинистического времени [Ольвия, 1964, с. 33, 175]. Следовательно, место находок посвятельных граффити, вопреки Карасеву, не дает основания для отождествления храма Зевса только со зданием в сев.-зап. углу теменоса — таковым вполне мог быть и сев.-вост. храм (т. е. Дельфинион Карасева).

Это важное обстоятельство для переатрибуции зданий теменоса эллинистического времени, а тем самым и классического периода, поскольку, как мы выяснили, Дельфинион Карасева в действительности таковым не был. Посвящения Зевсу и Афине, сделанные им как сохранным божествам, могут указывать на принадлежность им одного храма. Не дает однозначного решения и раздельная храмовая маркировка ἱρὴ Ζηνός и Ἀθηνᾶς ἱρὴ [Ольвия, 1964, с. 175, 185] — она свидетельствует о раздельной собственности разных коллегий жрецов на посвященные сосуды, но не предполагает обязательной принадлежности каждому из богов отдель-

ного храма. Более же всего необходимо учитывать, что в раннеэллинистическое время, когда были сооружены оба здания в северной части святилища, культ Зевса был главным культом Ольвии, тогда как культы Дельфиния и Афины стали маргинальными. Поскольку оба эти здания неравноценны по своей архитектуре — сев.-вост. храм, несомненно, центральный храм города, — он и должен быть атрибутирован главному божеству полиса этого времени Зевсу. Принадлежность сев.-зап. храма (Зевса, по Карасеву) неопределенна, во всяком случае нет твердых оснований приписывать его Афине ввиду крайней незначительности ее культа в эллинистическую эпоху: эпиграфические свидетельства отсутствуют, есть лишь несколько терракот IV–III вв., в том числе найденные в цистерне теменоса два щитка и статуэтка Медузы, которых вовсе недостаточно для предположения А. С. Русяевой [1982, с. 76–78, 92] о посвящении их храму Афины; скорее они позволяют думать, что Афина оставалась хранительницей Зевса и в эллинистическое время⁸⁸. На принадлежность эллинистического сев.-вост. храма Зевсу, а также Афине как его хранительнице может указывать и упомянутое картографирование мест нахождения проксений IV–II вв. на теменосе, которое показало их концентрацию перед ним и так называемой Короткой стоей (рис. 11). Это не случайность, а отражение функций тех божеств, которым принадлежали храмы и теменос в целом: именно Зевс, Аполлон и Афина были покровителями ксенов, на что указывает свойственный только им эпитет *Ξένιος* «Гостевой, Гостеприимный»⁸⁹.

Относительно V в. можно определенно констатировать лишь то, что сев.-вост. храм в антах (или реконструированная нами стоя) был предшественником эллинистического храма Зевса; судя по упомянутым совместным посвящениям второй половины VI–V вв., Зевс почитался тут совместно с Афиной. Предположение Карасева о наличии в V в. сев.-зап. храма маловероятно ввиду отсутствия остатков построек на этом месте до III в.

В почетном декрете III в. в честь сыновей Аполлония и проксии II в. амисенцу (ниже, с. 452, 548), найденных у сев.-вост. и сев.-зап. зданий, впервые упоминается *ἱερόν* (святилище) Аполлона Дельфиния (именно так, *ἱερόν τοῦ Ἀπόλλωνος*, именуется в надписях с IV в. и милетский Дельфинион [Milet I, № 135, 144, 150 *etc.*]), куда чествуемых пригласили к жрецу «на угощение». Следовательно, одно из зданий ольвийского теменоса эллинистического времени служило местом пребывания жреца Дельфиния. В III–II вв. тут стояло несколько зданий: 2 упомянутых храма, Короткая стоя, 2 квадратных в плане здания, мастерская по производству терракот у восточной ограды; видимо, сюда относится и раскопанное к северу от сев.-зап. храма здание IV–II вв. с полихромной штукатуркой, у которого найдены посвященные граффити Аполлону и Зевсу предшествующего времени [Брашинский, 1965, с. 98 *сл.*; Карасев, Леви, 1976, с. 37]. Видимо, здание с цветной штукатуркой более всего соответствует резиденции жреца Дельфиния.

Если характер культа милетского Дельфиния понуждает к переатрибуции зданий ольвийского теменоса, то обстройка периметра милетского святилища стоями в эллинистическое время заставляет обратиться также к вопросу о характере ограж-

⁸⁸ Три посвящения Афине найдены на Зап. теменосе [Русяева, 1991, с. 131; ГОП, с. 74–75], что трудно осмыслить однозначно.

⁸⁹ Od. IX, 270 *etc.*; Paus. III, 11, 11: храмы Зевса Ксения и Афины Ксении в Спарте. [CIG, 1828, № 2214e]: Аполлон (Хиос); позднее эпитет прилагается к Эроту — Anth. Pal. IX, 85; *cp.* XII, 524: *Ξενόδοτος*, о Дионисе.

дения ольвийского Дельфиниона V–IV вв. Раскопками Карасева вскрыты каменные фундаменты зап. и вост. оград теменоса. Западной оградой он счел каменный фундамент стены V в. (рис. 10); уже в IV в. ее заменил Длинный портик, оградивший едва ли не всю западную сторону теменоса (рис. 11). Обращает на себя внимание синхронность обстройки периметра открытых к небу милетского и ольвийского святилищ Дельфиния крытыми стоями. Это не случайное совпадение, а следствие культовой общности, так как именно в последней четверти IV в. Милет и Ольвия, по свидетельству декрета об их исополитии (Syll.³ 286), возобновили свои отношения как метрополия и колония; декрет установлен как раз в милетском Дельфинионе, и основное его содержание направлено на обеспечение равного доступа граждан обоих полисов к отправлению культа (ниже, с. 421/3).

От Длинного портика сохранились лишь слыевые фундаменты длиной 24 м (при ширине галереи 5 м), на севере уничтоженные балкой. По мнению Карасева [1964, с. 44], это была неглубокая галерея с глухой задней стеной и обращенной в сторону теменоса колоннадой, перекрытие односкатное (т. е. сохранившийся ленточный фундамент служил опорой колоннады). После сооружения в III в. сев.-зап. храма, полагал Карасев, Длинный портик оказался частично закрытым, и потому его перестроили во второй половине столетия — сделали короче, но глубже, в ширину он достигал 6 м: устроили внутренний ряд колонн, который указывает на двускатный навес (рис. 14; мы условно называем это сооружение Короткой стоей, Карасев

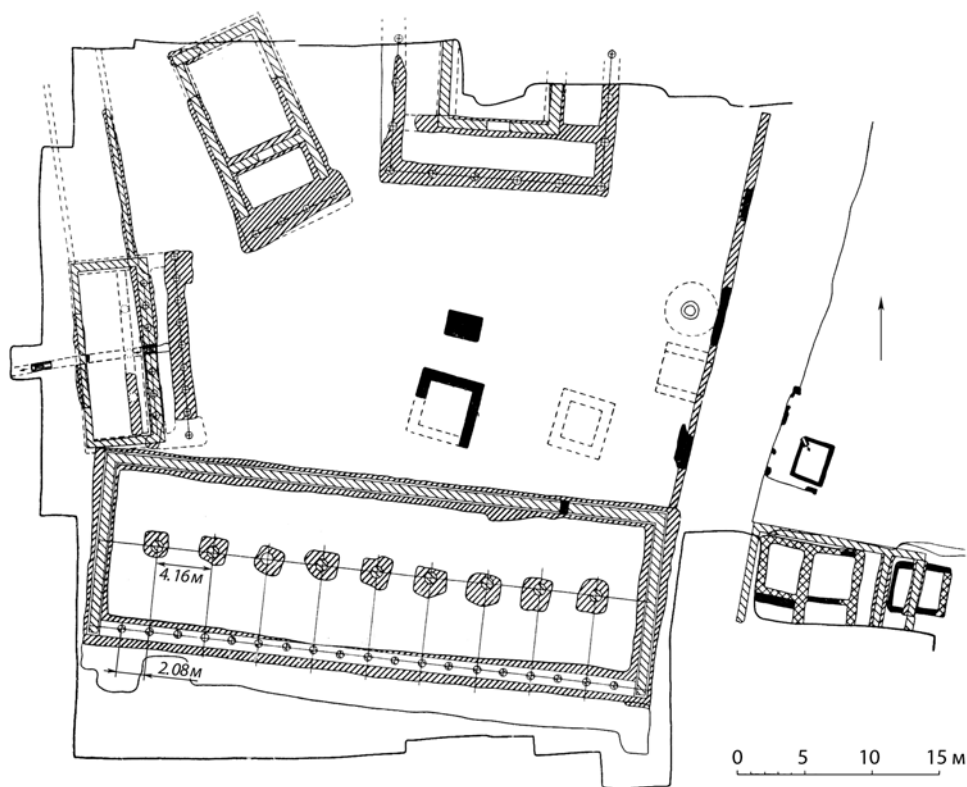

Рис. 14. План Короткой стоей (внизу) на эллинистическом теменосе [Карасев, 1964]

именовал его Малой, затем Западной стоей; от нее также сохранились лишь слевые фундаменты). Судя по изложению Леви [1985, с. 76], в дальнейшем Карасев различал два строительных периода: во второй половине III в. стою еще раз углубили до 8,25 м, вынеся вперед на новом ленточном фундаменте, крайнем к востоку, фасадные столбы. К сожалению, реконструкция Карасева оставила неясным соотношение залегающих к востоку от задней стены стои трех ленточных фундаментов.

Свою интерпретацию дал Крыжицкий [1985, с. 109 *сл.*]: он предположил, что главный вход на святилище Дельфиния располагался не в восточной ограде, а в западной — со стороны примыкавшей к ней Главной продольной улицы, и усмотрел в Короткой стое (Малой, Западной, по Карасеву) проходной пропилон, который пережил два строительных периода: сначала это был небольшой портик, во втором периоде его колоннада выдвинулась вперед и здание стало портиком в антах. На первый взгляд Крыжицкий логично предположил наличие входа на святилище со стороны главной улицы. Однако Карасев [1964, с. 44] отмечал, что с перестройкой теменоса в раннеэллинистическое время прежний вход со стороны Восточной улицы переделали для улучшения: устроена площадь 20×20 м с водоемом посередине, для чего снесли стоявшие тут постройки. Уместно вспомнить, что и милетский Дельфинион располагался на самой широкой улице, шедшей к нему от главной площади, однако вход в него был устроен с боковой стороны (*см.* план центра Милета [ВИА, 1973, с. 310]). Мысль Крыжицкого о пропилоне не вполне соответствует и строительным остаткам: остается необъясненным назначение одной из двух внутренних поперечных перемычек. Наконец, трактовка здания в качестве проходного пропилона плохо согласуется с расположением примерно десятка проксений и лапидарных посвящений прямо напротив выхода из пропилона в святилище (рис. 11) — они определенно мешали бы прохождению людей (еще Карасев [1964, с. 46] заметил, что надписи теменоса расположены перед фасадами сев.-вост. и юго-зап. зданий).

Обратимся к строительным остаткам рассматриваемого здания. По наблюдению Карасева, оно сложено из известняковых блоков, но сохранились лишь слевые фундаменты. Фундамент задней стены (крайний к западу) проходит по линии каменного ограждения теменоса V в. Далее к востоку залегают три параллельно идущие ленты фундаментов (обозначим их в порядке следования на восток буквами *а*, *б*, *в*). Внутренний фундамент *а* (в качестве фундамента его обозначила Леви [1985, с. 77, подпись к рис. 64], у Карасева [1964, с. 50] это кладка из сырцовых кирпичей) сохранился на длину 4 м; в контексте окружающих остатков он вряд ли может быть чем-либо иным, нежели внутренней перемычкой, достигавшей северной стены здания. На расстоянии 1 м от него следует лента фундамента *б*, проходящего по линии колоннады предшествующей Длинной стои; далее тоже через 1 м следует крайний восточный фундамент *в*. Фундаменты *б* и *в* слишком близки друг к другу, чтобы на обоих покоились несущие столбы, следовательно, они принадлежат разным строительным периодам. Строительный период I Короткой стои, представляющий собой перестройку Длинной стои, собственно ее укорочение, вероятно, свелся к возведению северной стены (от нее ничего не осталось) и наращиванию фундамента колоннады Длинной стои, по линии которой прошла колоннада новой стои. Во II строительном периоде колоннаду Короткой стои с целью углубления ее внутреннего пространства вынесли на 2,25 м вперед, для чего сложили новый фундамент *в*. Глубина стои составила теперь 8,25 м, поэтому для несущей опоры перекрытия проложили фундамент *а*, который нес внутренний ряд столбов, поддерживавших

двухскатную крышу. Не исключено, что это была не стоя, а храм, на что может указывать концентрация перед его фасадом посвятительных надписей Дельфинию и проксений, — напомним, что надписи концентрируются также у сев.-вост. здания. Все это наводит на мысль о возможной интерпретации также так называемой Короткой стои в качестве культового сооружения. Строительные остатки не противоречат такой типологии здания: стоя I строительного периода легко могла быть перестроена во II периоде в простильный храм (в таком случае фундамент *a* не внутренние столбы стои I строительного периода, с перестройкой стои в храм их убрали). Превышение ширины здания над его глубиной известно эллинистическим храмам, например Метроону на афинской Агоре [Athenian Agora, 1990, p. 51].

Эллинистической Короткой стое определено предшествовало здание V–IV вв., на что указывает расположение перед фасадом Короткой стои двух посвящений V в. Дельфинию и двух проксений начала IV в. (НО 3 + 12, 11, 59, 60). Возможно, с этим строением связаны сохранившиеся каменные фундаменты V в., нерегулярные по плану: кладка с легким изгибом следует на юго-восток, затем поворачивает на юго-зап. угол теменоса (рис. 10: следы разобранных стен). По месту расположения эти остатки примерно соответствуют позднейшей Короткой стое.

Как и на милетском Дельфинионе, на ольвийском теменосе стояло несколько алтарей [Карасев, 1964, с. 73 сл.]. На обоих святилищах с VI в. почиталась близкая триада божеств: в милетском Дельфинионе наряду с Дельфинием Зевс и Геката, в ольвийском те же Дельфиний и Зевс, а место Гекаты по меньшей мере с V в. заняла ее ипостась Артемиды, судя по граффито конца V — IV в. АРТДНА [Русяева, 1992, с. 107, рис. 2] — посвящение Артемиде и Дельфинию (выше, с. 42). Отсутствие прямых свидетельств о культе Гекаты на ольвийском теменосе обусловлено двумя причинами. Во-первых, в Ольвии Геката по связи с Ахиллом почиталась не столько в городе, сколько на хоре — на Кинбурнском полуострове располагалась посвященная ей роща (*Ptol. Geogr. III, 5, 2*)⁹⁰. Во-вторых, глубинная связь Дельфиния с Гекатой, в прошлом паредыры Аполлона [Kraus, 1960, S. 11 f.], просматривается и на ольвийском теменосе — в именнике местных стефанефоров: по меньшей мере один из них носил имя, образованное от имени богини (Екат- НО 58), что не случайность, а закономерность, подтверждаемая частым употреблением гекатофорных имен в среде милетских стефанефоров [Milet I, № 122]: Гекатей, Гекатокл, Гекатоним, эсимнеты 520, 519, 510, 499, 497, 495, 494 и сл. годов. Отсюда можно предположить, что в V в. ольвийские мольпы патронировали также культ Гекаты на хоре, а тем самым в какой-то мере и культ Ахилла. У входа в милетские святилища Дельфиния и Аполлона в Дидимах располагались алтари Гекаты; отсюда следует, что один из алтарей также ольвийского Дельфиниона V в. посвящен Гекате; в соответствии с функцией Гекаты как «привратной» богини (ее эпитет Προπύλαια «Привратная») это ближайший ко входу⁹¹.

⁹⁰ О культе Гекаты в Сев.-Зап. Черноморье, в том числе Ольвии [Соломоник, 1992, с. 49 сл.; Русяева, 1992, с. 119 сл.]. Культ Гекаты в Милете VI–V вв. на святилище Дельфиния [Milet I, № 129 — посвящение пританов, № 122 — имена эсимнетов, образованные от имени Гекаты, № 133 (= Syll.³ 57. 25 sq.) — алтарь Гекаты при входном пилоне]; Kraus, 1960, S. 11 f.; Кобылина, 1965, с. 78 сл.].

⁹¹ Согласно закону милетских мольпов 479/49 гг. [Milet I, № 133 = Syll.³ 57. 25 sq.; Herda, 2006], при движении праздничной процессии из святилища Дельфиния в Дидимы мольпы совершали возлияния несмешанным вином у алтарей Гекаты при входных пилонах Дельфиниона и Дидимейона, а также на пути между ними у алтаря Силы. Упоминаемый далее в этой надписи алтарь Артемиды-Гекаты

Триада милетского Дельфиниона — Зевс, Аполлон, Геката — была по происхождению триадой божеств, олицетворявших силы природы: Зевс божество сверхающего неба (имя его этимологически родственно нашему слову *день*), он родитель Дельфиния, божества ветра (*ср.* обычный эпитет Зевса *тучегонитель*), *resp.* плодородия, и Гекаты как inferнальной паредры Аполлона (в Эфесе было совместное святилище Зевса Отчего и Аполлона [Inscr. Ephesos, 1979, № 102, ок. 300 г.]). Природа совместного почитания Дельфиния и Гекаты, декретированного милетским постановлением мольпов V в. (Syll.³ 57. 25 сл., 36: праздничному шествию в честь Дельфиния предписано также совершение песнопений и возлияний Гекате), находит объяснение в хаттско-хеттском первоисточнике культа Дельфиния. Хеттский миф об исчезновении бога плодородия Телепинуса, вызвавшем всеобщее бесплодие природы, и о последующих поисках его содержит общие мотивы с греческим мифом об удалении Деметры после увода Аидом Персефоны (Телепинус тоже увел богиню злаков Каит). В поисках Персефоны Деметре помогала Геката (греки порой отождествляли Гекату с Персефой [Heckenlach, 1912, Sp. 2773]), а Телепинуса нашла богиня Камрусеп, полифункциональная устранительница зла. Она и фигурирует в милетском культе Дельфиния в образе Гекаты.

К позднеархаическому времени на греческой почве Гекату отождествляли с сестрой и паредрой Аполлона Артемидой, но связь всех троих сохранялась: так, на теменосе Геры (Артемиды) в Эфесе позади ее храма стояла статуя Гекаты (*Plini* XXXVI, 32), а в Массалии, основанной фокейцами из Ионии, рядом стояли храмы Артемиды Эфесской и Дельфиния⁹². Посвятительная надпись середины V в. с Фасоса Ἀρτέμιδος Ἐπαυλίδος Ἑκάτης [Lazzarini, 1976, № 514] свидетельствует об отождествлении Артемиды и Гекаты, причем, судя по эпитету Ἐπαυλίη, дословно «привдворовая» (как сказано, алтари Гекаты располагались у входа во двор святилищ) или «надворная» (в смысле «на открытом дворе святилища») — в исконном виде атмосферного божества. Генетической связью Артемиды и Гекаты обусловлено, в частности, начертание во II в. н. э. на круглом древнем алтаре VI–V вв., стоявшем на милетском Дельфинионе, надписи о принадлежности алтаря Артемиде — изначально это был несомненный алтарь Гекаты. Все это свидетельства того, что милетская и шире — ионийская — Геката по происхождению была туземной малоазиатской богиней, близкой Артемиде [Laumonier, 1958, p. 334, 418 sg., 436; Kraus, 1960, S. 14, 24 f., 166 f.; Кобылина, 1965, с. 81]. К классическому времени триада милетского Дельфиниона представляла собой уже обычную культовую тройку — Зевс со своими детьми Аполлоном и Артемидой. Эта триада представлена и в Ольвии, но неравномерно: при обилии посвящений Аполлону и Зевсу посвящения Артемиде редки: известны несколько терракот [Русяева, 1982, с. 78 сл.], два граффити конца V — IV в. с ольвийского городища, одно с Коцербуба под Очаковым [ГЛБО II, с. 76, № 64], одно посвящение V в. Артемиде Эфесской с Березани [Яйленко, 1982, с. 290], лапидарный votiv III в. (IOSPE I² 190) (*см.* и [Хирст, 1908, с. 112 сл.; Русяева, 1992, с. 106 сл.]).

стоит на милетском святилище Дельфиния направо у входа внутри. О Гекате как о «привратном» божестве [Kraus, 1960, S. 13]. Правое крыло Пропилей афинского Акрополя, по нашему мнению, было святилищем Гекаты Эпипиргидии [Яйленко, 2001в, с. 39].

⁹² [Strabo, IV, 1, 4; Gruppe, 1906, S. 1296 f.; Heckenlach, 1912, Sp. 2770]. Об Артемиде Дельфинии [Pollux, VIII, 119; Schol. in Dem. 23, 74; TLG дает также отсылки к Schol in Pind. и St. Byz.; Gruppe, S. 37, Anm. 19; 1295, Anm. 1].

Особенность ольвийского теменоса Дельфиния — почитание Афины, как самостоятельно, так и совместно с Зевсом. Афина — еще микенских времен богиня-воительница, популярная в Милете, где было 3 посвященных ей храма, причем культ генетически унаследован еще из микенских времен: храму Афины геометрического и архаического времени у городской стены предшествовало ее святилище микенской эпохи [Kleiner, 1966, S. 17–18; Ehrhardt, 1983, S. 162 f.; Кобылина, 1965, с. 83 сл.]. Перенос культа Афины-воительницы из метрополии в Ольвию вполне оправдан варварским окружением Нижнего Побужья. Афина и Зевс почитались в Ольвии в качестве покровителей города [Ehrhardt, 1983, S. 139]. Этим особым значением Афины для ольвиополитов, на наш взгляд, и объясняется ее появление на главном святилище города. Не последнюю роль играли ее функции покровительницы ксенов, поскольку вопросами проксенической деятельности полиса ведали именно жрецы Дельфиния мольпы, что и обусловило почитание этой богини на его теменосе.

Култ Афины засвидетельствован в Ольвии с третьей четверти VI в., зенит его приходится на первые полтора-два столетия. Начало знаменует фрагментированное посвящение --ΕΝΔΘΗΝ-- ([ἀνέθηκ]εν Ἀθην[αίῃ]) на расписном сосуде ок. 540 г., найденном в ботросе на Зап. теменосе [Русяева, 1992, с. 90], это посвящение самой Афине или совместно с Зевсом. Такие совместные посвящения Зевсу и Афине на краснофигурных киликах последней четверти VI в. происходят с теменоса Дельфиния [Ольвия, 1964, с. 186]. На V в. приходится звездный час ее культа как покровительницы города: изображение головы Афины бьют на городских монетах⁹³; имелись ее статуэтки из мрамора и терракоты⁹⁴, посвящения на керамике [ГЛБО II, с. 75, № 61, ср. № 62; Яйленко, 1982, с. 288 — Березань]. Еще два посвящательных граффити Афине найдены на Зап. теменосе [Русяева, 1991, с. 131]. В IV в. культ Афины вытесняется в Ольвии культом Зевса Освободителя и Спасителя.

На основании характера культа Дельфиния можно предположительно установить почитание еще одного божества на его ольвийском теменосе. Специалисты давно указывали на хтоническое единство Аполлона и Диониса, которое в особенности реализовалось в Дельфах [Gruppe, 1906, S. 41, 1241, 1246; Лосев, 1957, с. 322 сл.]. По мысли С. Я. Лурье, поскольку в микенское время Аполлона не было, можно думать, что было некое божество, отождествлявшееся в ахейской среде с Дионисом и Аполлоном [Luria, 1963, S. 34]⁹⁵. Н. Эрхардт справедливо предположил, что культ Диониса появился в милетских колониях не из Фракии, а из Милета [Ehrhardt, 1983, S. 167 f.]. Богатая подборка источников Лосева [1957, с. 324/8] содержит примеры отождествления Аполлона и Диониса, в том числе Дельфийского Аполлона, т. е. Дельфиния, и милетского Аполлона. В отправлении культа милетского Дельфиния наряду с мольпами и стефанефорами большую роль играло сообщество онитадов (Syll.³ 57, V в.); в частности, эсимнет мольпов, наиболее значительная фигура этого культа, уподобляется онитаду: «выйдя (из “дома мольпов”), эсимнет предоставляет (жертвенные дары) подобно онитаду и получает, как онитад» (стк. 17–18). Название этого сообщества Ὀνιτάδαι («потомки Онита») восходит к имени спутника Диониса-Вакха Ὀνίτης (Nonni Dionys. 28, 112), что выдает дионисийский компонент

⁹³ По Анохину [1989, с. 13], с 480/70 гг., согласно Карышковскому [1988, с. 45], со второй четверти V в.

⁹⁴ [Фармаковский, 1905, с. 69 сл.; Хирст, с. 115 сл.; Русяева, 1982, с. 75 сл.; 1992, с. 93 сл.].

⁹⁵ Подразумевается ахейское божество Эсимнет, одним своим прозвищем связанное с Дельфинием, а культовой практикой с Дионисом (Paus. VII, 20, 1; 21, 6).

природы Дельфиния. Дионисийство также ольвийского Дельфиния наглядно и сильно проявляется в именнике его ольвийских жрецов-мольпов: из шести-семи известных нам их имен-отчеств четыре связаны с Дионисом⁹⁶. Культ Диониса в Ольвии хорошо представлен с конца VI в., в том числе эпиграфически⁹⁷. Эти посвященные надписи V–IV вв. указывают на существование святилища или храма Диониса; ввиду сказанного о генетической связи Дельфиния и Диониса резонно предположить, что оно располагалось на теменосе Дельфиния. На наш взгляд, это подтверждается находкой в цистерне у восточной ограды теменоса 7 букраниев, сброшенных сюда ок. рубежа III–II в. [Леви, 1985, с. 83]. Возможно, эллинистическое юго-зап. здание на ольвийском теменосе Дельфиния (наша Короткая стоя) связано с Дионисом; соответственно ему же могло быть посвящено упоминавшееся предшествующее здание V в., от которого сохранились каменные фундаменты (предположенная нами стоя с курватурой в плане). Расположение проксений IV в. перед фасадом здания (рис. 11) оправдывается упомянутым эпитетом Диониса $\xi\nu\omicron\delta\omega\tau\tau\eta\varsigma$ и служит аргументом в пользу возможной связи здания с ним. Упомянутые материалы с Зап. теменоса могли бы свидетельствовать о локализации там святилища Диониса, однако ввиду находки предметов дионисийского культа на теменосе Дельфиния, на наш взгляд, в вопросе о локализации святилища или храма Диониса определяющая роль принадлежит его генетической связи с Дельфинием.

К компетенции жрецов-мольпов милетского Дельфиниона наряду с культовой проблематикой относились вопросы гражданства, особенно приема новых граждан, и дела, связанные с проксенами [Milet I, № 32a sq., 94–98, эллинистическое время]. Последнее обстоятельство поясняет, почему в Ольвии проксении выставлялись главным образом на святилище Дельфиния. При храме Дельфиния в Афинах, кроме того, решались дела, связанные с праведным убийством (*Paus.* I, 28, 10), что позволяет понять, почему псефы из ольвийского дикастерия, расположенного у юго-зап. угла Дельфиниона и Большой стои [Леви, 1985, с. 96], снабжены надписью $\iota\epsilon\rho\alpha'$, — это был священный суд Аполлона. В V в. территория теменоса Дельфиния простиралась на юг по Большой стою агоры включительно, и особенности ориентации здания эллинистического Дикастерия позволили Леви [Ib., с. 69] заключить, что он возведен на территории, первоначально принадлежавшей теменосу. Таким образом, в V в. судопроизводство в Ольвии осуществлялось под патронажем Дельфиния и вершилось на его святилище. Предшествующие эллинистическому дикастерию два каменных мегарона второй половины VI в. [Копейкина, 1975, с. 194 сл.] и здания V в. [Леви, 1985, с. 93], на наш взгляд, принадлежат дикастерию Дельфиния.

⁹⁶ Дионисодор Ленеев NO 58, Аполлофан Дионисиев NO 167, Дионисий IOSPE I² 189. Аналогичную картину дает и милетское постановление мольпов Syll.³ 57, принятое при эсимнете Филте Дионисиевом. В списке милетских стефанефоров жрецы по имени Дионисий значатся под 508, 502, 462 и прочими годами [Milet I, № 122; см. также № 163 и Index, S. 292].

⁹⁷ [Русева, 1979, с. 72 сл.]. Отметим посвященные и магические граффити V в. [ГЛБО II, с. 77, № 67a, с. 85, № 85], в том числе березанские [ГЛБО I, с. 89, № 17, ср. с. 90, № 19; Яйленко, 1982, с. 290]. На серебряных монетах Ольвии конца V в. [Анохин, 1989, с. 22] или первой половины IV в. [Карышковский, 1988, с. 53] помещаются атрибуты Диониса — букраний и тирс. Празднество ольвиополитов в честь Диониса-Вакха обрисовал Геродот (IV, 79). От середины и второй половины IV в. сохранились лапидарные посвящения Дионису (IOSPE I² 166, 167). На Зап. теменосе найдены два граффити с именем Диониса, свинцовые букрании и формы для их отливки, фрагмент мраморной статуэтки бога, терракотовые статуэтки его спутников [Русева, 1991, с. 131].

Выше мы предположительно отождествили здание IV–II вв. с полихромной штукатуркой, расположенное к северу от сев.-зап. храма III в. (Зевса, по Карасеву), с обиталищем жрецов Дельфиния. Но подобное здание должно было быть у ольвийских мольпов и в позднем VI–V вв., судя по «дому мольпов» V в. в Милете (Syll.³ 57. 17, 20: ἐμ (ἐς) μολπῶν [Luria, 1963, S. 33]), которое несомненно располагалось на святилище Дельфиния. На том месте Ольвии, где стояло эллинистическое здание с полихромной штукатуркой, в VI–V вв. находились какие-то производственные объекты, видимо, связанные с обслуживанием святилища Дельфиния [Брашинский, 1965, с. 103], так что «дома мольпов» тут в эти столетия не было. В связи с этим привлекает внимание здание, каменные фундаменты которого расположены у восточной ограды (рис. 10) и которое Карасев [1964, с. 36] предположительно счел сокровищницей. Оно по меньшей мере двухкамерное, размеры одной из камер 4 × 5 м. Ограда святилища служила задней стеной этого здания, причем ее увеличенная толщина как раз и стала для Карасева основанием для предположения о сокровищнице. Оно кажется недалеким от истины: если это был «дом мольпов», в нем располагались всякого рода дары и необходимые для отправления культа приношения (такие приношения «в дом мольпов» упомянуты в указанных строках милетского закона Syll.³ 57), что и вызывало необходимость большей прочности внешней стены здания.

С. Д. Крыжицкий и А. В. Буйских [1990, с. 34] сочли сокровищницей квадратное в плане здание V в. около главного алтаря. Это одна из возможных интерпретаций назначения данного здания. Карасев [1964, с. 34] отмечал его большую значимость, но определить назначение затруднялся.

В заключение рассмотрим вопрос о здании конца VI в. на теменосе Аполлона Иетра, от которого остались контуры траншей с двумя поперечными стенками [Русяева, 1991, с. 124 сл.; Крыжицкий, 1998, с. 170 сл. и др.]. По аналогии с другими храмами Ольвии и Березани С. Д. Крыжицкий [1998, с. 173/5, 189] реконструировал его в качестве храма в антах плюс вариант с навесом при вост. стене (в последующих его публикациях этот вариант не фигурирует).

«Аналогии и опыт — две клюки, на которых мы тащимся по дороге умствований».

Фридрих Великий

По нашему мнению, следует реконструировать храм с навесом, и не только у вост. стены, а по периметру всего здания (разумеется, кроме фасадной стороны), поскольку без навеса не получают объяснения каменные плиты, равномерно следующие вдоль вост. стены, назначение которых очевидно — они несли столбы бокового навеса (рис. 15)⁹⁸. Есть точная параллель этому сооружению — мегарон Б IX в. из Термоса (рис. 15а) длиной 21,4 м, шириной 7,3 и 8,15 м: его интерьер также разделен на

⁹⁸ Сохранились две северные плиты и четыре у средней части стены. Тут нет усмотренного Крыжицким [1998, с. 173] «неравномерного шага в пределах от 1,25 до 4,70 м в осях». Промежуток между двумя группами камней образовался в результате выборки, в чем легко убедиться посредством промера циркулем расстояния в осях между вторым (с севера) и третьим камнями — оно в точности совпадает с расстоянием в осях между тем же третьим и самым южным сохранившимися камнями. Камни следуют друг за другом на примерно равном расстоянии, столь же равномерно они отстоят и от стены (допустимы легкие колебания промежутков ввиду естественного смещения плит в почве

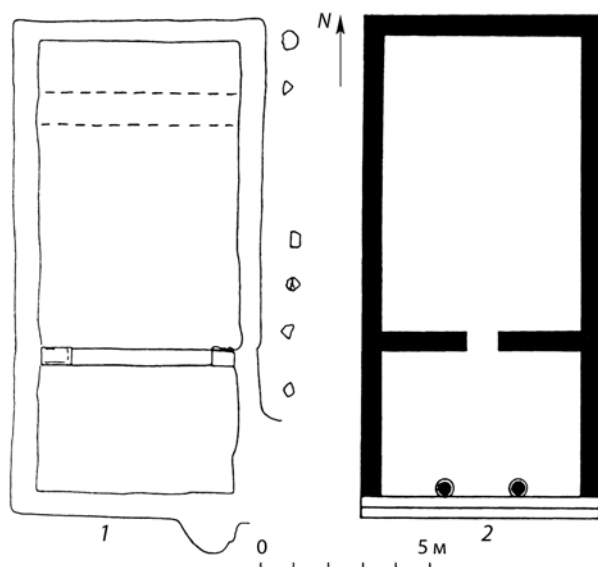

Рис. 15. План здания на Западном
теменосе Ольвии [Крыжицкий, 1998]:
1 — схема обмерного плана, 2 — реконструкция

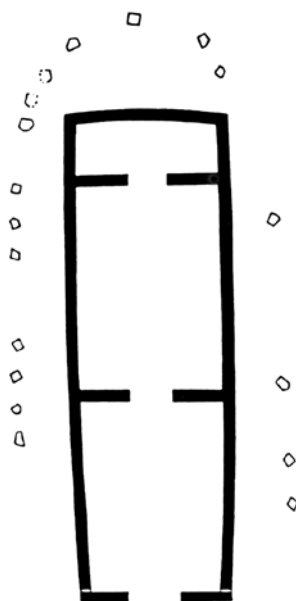

Рис. 15а. План храма
в Термосе [ВИА, 1970]

3 помещения (длина основного помещения 9,13 м), перекрытие двухскатное, т. е. на торцах фронтовое; с трех сторон, кроме фасадной, его обходят 18 столбов (первоначально было больше), отстоящие от стены на 1,2–1,6 м; они несли перекрытие или навес; характер перекрытия здания в целом предмет дискуссии [Dregur, 1969, S. 15 f., 117; ВИА, 1973, с. 26; Parnicki-Pudelko, 1985, s. 33]. Данная параллель определенно показывает, что также ольвийское здание — мегарон, окруженный с трех сторон навесом на столбах (рис. 16) и состоящий из 3 компартиментов: простиля, зала и сокровищницы (характер последнего компартимента как сокровищницы поясняется его утолщенной внутренней перемычкой). Предназначение навеса на столбах не вызывает сомнения — он предохранял сырцовые стены ольвийского здания от воздействий стихии (фундамент был каменным — сохранились 2 известняковые плиты). Судя по небольшому расстоянию между лентой опорных камней и траншеей, т. е. восточной стеной, — 0,77 м (среднее от реального 0,55–1 м), глубина навеса не превышала метра с небольшим (0,77 + вынос карниза не более полуметра). Соответственно высота столь неглубокого навеса не превышала 2–3 м (иначе дождь омыл бы стены)⁹⁹. Эти цифровые прикидки позволяют реконструировать навес с подводом к карнизу двухскатного перекрытия здания, т. е. перевязать

после разрушения здания). Все это снимает сомнения раскопавшей здание А. С. Русаевой в связи плит с ним.

⁹⁹ В 1990-х я сложил своими руками на дачном участке бревенчатую избу, высоко поднял конек для крутизны двухскатной крыши, также удлинил свес крыши за стеной на метр с лишком. Поэтому дождь поливал только 2–3 нижних ряда бревен, десяток вышележащих оставался сухим. Напротив, фронтовая стена, где не было свесов, целиком заливалась дождем, так что пришлось обшить ее и углы досками.

на стене стропила бокового навеса со стропилами двухскатного перекрытия (рис. 16). Что до архитектурного декора, которым Крыжицкий оснастил свой храм в антах, то ввиду расположения рядом еще одного здания и принимая во внимание, что оба здания неоднократно поновлялись, на наш взгляд, лучше воздержаться от атрибуции декора конкретному зданию конца VI в.

Мегарон в Термосе долгое время оставался уникальным, не имеющим аналога в греческой архитектуре. Теперь ему нашлась параллель в Ольвии, позднейшая на 3 столетия. Х. Дреруп указывал в качестве аналогии мегарону из Термоса центрально-европейское жилище IV в. Это обстоятельство косвенно подтверждает наше мнение, что Аполлон Иетр, культ которого засвидетельствован только в Зап. и Сев. Причерноморье, представляет собой туземное божество ветра (см. выше). Поначалу мегарон в Термосе был дворцом, затем использовался в качестве святилища (в VII в. его заместил известный храм Аполлона); есть также мнение, что это только храм. Параллель из Термоса отчасти разясняет и назначение ольвийского сооружения — это мегарон, гражданское здание на теменосе, возможное обиталище жрецов Аполлона Иетра, подобный «дому мольпов» на теменосе Дельфиния. Данный мегарон не первый в Ольвии: как сказано, два мегарона второй половины VI в. принадлежали дикастерии Дельфиния. Л. В. Копейкина [1975, с. 197] связала их с ионийской традицией раннеархаического периода, что справедливо и в отношении мегарона на Зап. теменосе. Поэтому датировка мегарона из Термоса IX в. не предполагает такой же ранней даты его ольвийского аналога.

Наши соображения о реконструкции на теменосе Дельфиния стои V в., а на теменосе Иетра мегарона со столбами по внешнему периметру для поддержки свеса двускатной крыши, изложенные в статье 2002 г., вызвали критику С. Д. Крыжицкого [2004, с. 91–95]. Предварительно напомним читателю, что от здания V в. на теменосе Дельфиния сохранились лишь 3 фрагмента каменного фундамента вост. стены $K\Phi_2$, напротив среднего фрагмента к западу залегает фрагмент фундамента $K\Phi_1$, поперечный по направлению, длиной 1,3 м, шириной в половину меньше (см. рис. 12). Критик согласен со мной, что эти остатки здания, реконструированные А. Н. Карасевым в качестве храма в антах, слишком скудны, но счел мой вариант со стоей еще менее вероятным. Для ясности приведем сначала вкратце свою доказательную базу (подробно она изложена выше), затем рассмотрим аргументы критика. По нашему мнению, трактовке здания в качестве храма в антах Карасева препятствует скошенность кладки $K\Phi_1$ относительно вост. стены, а также то обстоятельство, что главный алтарь теменоса оказался не напротив входа храма в антах, а сбоку, более того, ряд алтарей располагается у глухой зап. стены храма, что странно. Эти трудности обусловлены интерпретацией трех камней фундамента $K\Phi_1$ в качестве стены (про)наоса. Между тем 3 камня этой кладки дополнены с севера четвертым камнем, который может указывать, что северная сторона кладки выбрана; выборка тем более вероятна, что к кладке примыкает углубление $У_1$. При сохранившейся длине кладки $K\Phi_1$ 1,3 м ширина ее в точности неизвестна, соответственно неясен и характер кладки. Между тем кладка $K\Phi_1$, понимаемая именно как поперечная стенка, — единственное основание для восстановления Карасевым, Пичилянком, Крыжицким храма в антах.

По мнению Крыжицкого [с. 91–92], критику реконструкции Карасева и свою идею о стое я во многом строю «на основании ошибочного утверждения», что

кладка $K\Phi_1$ идет не перпендикулярно кладке $K\Phi_2$, а под небольшим углом. Действительно, на рис. 6 Карасева, утверждает Крыжицкий, художник издательства ошибочно показал поперечную стену пронаоса не параллельной линии фасада, но на двух других чертежах (№ 16, 18 у Карасева = 10а, 10б у нас) эта ошибка не повторяется. В научном же отчете Карасев, отмечает Крыжицкий, специально указал в тексте и показал на чертеже, что кладка наоса идет под прямым углом к вост. стене. Крыжицкий не точен ни в своем утверждении, что это краеугольный камень моих соображений, ни в том, что на самом деле кладка $K\Phi_1$ перпендикулярна вост. стене. Во-первых, мои указания на скошенность кладки относятся лишь к критике карасевского храма в антах, для вопроса о стое они несущественны¹⁰⁰. Во-вторых, направление кладки $K\Phi_1$ — реальная проблема: вопреки утверждению Крыжицкого об ошибке художника на рис. 6 Карасева (= рис. 10 у нас), в результате которой она идет под небольшим углом к линии фасада и вост. стене, то же представлено и на рис. 16 Карасева (= рис. 10а у нас). На его рис. 18 (= рис. 10б у нас) вост. кладка «пляшет», извиваясь, ввиду чего неясно направление кладки $K\Phi_1$ относительно нее; более того, направления кладки $K\Phi_1$ и крайнего на юге углового камня вост. стены разные¹⁰¹. Лишь на реконструкции плана здания (рис. 22 Карасева = рис. 12 у нас) кладки $K\Phi_1$ и $K\Phi_2$ расположены под прямым углом, т. е. представленная на других чертежах их скошенность завуалирована, что понятно: реконструкции дают идеализированный исходный план — таким, каким он задуман. Из всего изложенного остается заключить, что реальная картина была не вполне ясной и чертежи выявляют колебания А. Н. Карасева по этому вопросу за 10 лет после раскопок, хотя поначалу (согласно Крыжицкому) в отчете о раскопках он отметил в тексте и показал на чертеже перпендикулярность кладок $K\Phi_1$ и $K\Phi_2$ ¹⁰². Кладка $K\Phi_1$ слишком мала, ее 3 плиты не могли не «заиграть» под воздействием разных факторов (участок неоднократно перестраивался), потому не вполне ясно их направление. Это и показано на окончательных чертежах статьи Карасева (его рис. 6, 16, 18 = рис. 10, 10а, 10б у нас), когда же он дал реконструкцию плана здания [с. 57], он эту неясность, как и должно быть в реконструкции, завуалировал на своем рис. 22 (= рис. 12 у нас), о чем я и писал в 2002 г.

¹⁰⁰ Для реконструкции стои безразлична небольшая скошенность или прямое расположение фундамента под столб по отношению к вост. стене, даже если применить к данному случаю (кладке $K\Phi_1$) наблюдение Карасева [1964, с. 55–56], что в Ольвии V в. кладка фундамента возвышалась снаружи здания над землей на 5–10 см. Важно было прямое расположение положенной на фундамент базовой плиты под столб, что и показано на нашей реконструкции стои (рис. 13).

¹⁰¹ По-видимому, положение южного углового камня определило направление фасадной линии на реконструкциях Карасева, представленных на его рис. 6, 16, 18 (= 10, 10а, 10б у нас), как идущей под углом к вост. стене. В результате на его рис. 6, 16 (= 10, 10а у нас) направления этой фасадной линии не параллельны кладке $K\Phi_1$, т. е. стенке карасевского (про)наоса.

¹⁰² Сомнительно и утверждение Крыжицкого об ошибке художника, ибо Александр Николаевич сам делал хорошие чертежи (общаясь с ним, я видел это в Парутино и на Чайке). Он ученик архитектора Николая Борисовича Бакланова, известного в 1920–1930-х своей деятельностью по изучению и охране памятников архитектуры Древней Руси и юга СССР, в том числе Кавказа и Средней Азии. Бакланов был еще художником (закончил Академию художеств) и потому хорошим рисовальщиком чертежей (кстати, он выполнил чертежи раскопок в Ольвии 1917 г.), чему и научил Карасева. Будучи студентом отделения истории искусства истфака МГУ, я знал печатные работы Бакланова, остальное о нем рассказывал мне Виктор Никитич Лазарев, а в 1970-х Карасев.

Перейдем теперь к вопросу о реконструкции стои. Наши аргументы: минимальным остаткам здания (вост. продольная стена плюс кладка $K\Phi_1$ — остаток то ли поперечной стенки, то ли основания под столб перекрытия) вполне соответствует минималистский характер стои как весьма распространенного в V в. типа здания (даны параллели с афинской Агоры). На предпочтительность реконструкции стои указывает и ориентация входной фасадной стороны на расположенные рядом алтари — алтарь для возлияния, алтарь для сожжений и малые алтарики, тогда как в случае с храмом в антах они оказались у его глухой зап. стены. Более всего на невозможность реконструкции храма в антах в качестве храма Аполлона Дельфиния указывают причины культового свойства, а именно атмосферный характер этого божества, ввиду которого культовые действия совершались под открытым небом (этот аргумент критик обошел молчанием, что понятно: против него возразить нечего). По этой причине милетский Дельфинион, без сомнения, служивший прототипом для ольвийского теменоса, никогда не был крытым храмом — это гипетральная постройка, открытое святилище. Периметр двора милетского Дельфиниона обстроен в эллинистическое время тремя стоями служебного (подсобного) характера, что и послужило мне основанием для реконструкции на ольвийском темене служебной же стои. Она могла состоять как из нескольких компартиментов (подобно милетскому Дельфиниону или стое Зевса на афинской Агоре), так и из одной секции; ввиду минимального числа строительных остатков я реконструировал однокамерную стою¹⁰³.

Критические соображения С. Д. Крыжицкого: моя реконструкция стои не выдерживает критики из-за малой величины для такого типа здания и необычных пропорций, установленных мною «совершенно произвольно»; опорный квадрат под столб, несущий перекрытие портика, «не подходит для этого ни по своим размерам», «ни по конструкции»; поскольку никаких остатков торцовых стен нет, размеры моей «стои» произвольны; все это лишает мою реконструкцию какой-либо достоверности. Прежде всего отметим как раз полную произвольность этих соображений критика: никаких подтверждающих их конкретных данных он не привел, это всего лишь череда голословных деклараций. Коль нет конкретики, можно и не обращать внимания на утверждения критика, однако в интересах дела все же разберемся с ними. Сначала о размерах стои, на что и опираются изложенные критические замечания. Повторим уже сказанное: имеющиеся остатки здания незначительны и стоя могла состоять из ряда компартиментов; если исходить не из возможностей, а из наличного материала, его минимальности соответствует реконструкция однокамерной стои. Ширину здания вполне установил А. Н. Карасев [с. 56] — 7 м. С. Д. Крыжицкий ошибается, утверждая, что никаких остатков торцовых стен нет. Крайняя южная плита вост. стены на всех четырех планах статьи Карасева (у нас рис. 10, 10а, 10б, 12) положена так, что не оставляет сомнения в том, что это последний камень вост. стены (как ясно выразился Карасев [с. 56], «нам известен юго-восточный угол» здания). Он же непреложно показал, что и юго-зап. угол здания отстоял от вост. стены на 7 м. Отложив проекцию южной

¹⁰³ Крайняя юж. плита вост. стены лежит перпендикулярно ее направлению (рис. 10б), что Карасев и другие понимали как принадлежность ее юж. фасаду здания. При реконструкции стои это может быть и стена, и пилястра вост. стены, т. е. стоя могла не иметь боковых стен. В таком случае, при однокамерной стое, по фасаду ее стояли три столба. Условно реконструируем вариант с боковыми стенами и одним столбом между ними.

стороны кладки $K\Phi_1$, т. е. южной грани базы опорного столба, на вост. стену, исчисляем расстояние от полученной точки до крайней южной грани вост. стены — 3,5 м. Толщина кладки $K\Phi_1$ 0,5 м, но коль мы сочли ее базой опорного столба, которая должна быть квадратной, сторона квадрата должна быть примерно равна ее сохранившейся стороне, т. е. 1, 3 м. Прибавив половину этой цифры (0,65 м) к полученным 3,5 м, находим ширину половины секции стои — ок. 4,15 м (понятно, что конструктивно несущий перекрытие стои столб располагается посередине фасада). Удвоив эту цифру, получаем общую ширину стои ок. 8,3 м; глубина, напомним, 7 м. Пролет здания в 8,3 м при одной опоре по фасаду определенно указывает, что балка перекрытия деревянная, ибо при каменном архитраве в V в. шаг каменных опор насчитывал полтора-два диаметра опоры [Яйленко, 2001в, с. 34]. Карасев подчеркивал, что северная часть здания выбрана, так что тут граница его неизвестна. Поскольку мы приняли, что стоя была однокамерной (ничто не указывает на две и более секции), ее размеры (8,3 × 7 м) показывают, что она была примерно квадратная. Вычтя из 7 м глубины стои половину стороны квадрата опорной базы (1,3 : 2 = 0,65 м) и 0,75 м ширины вост. стены, получим пролет балки перекрытия в глубину ок. 5,5 м, что для деревянной балки возможно и без опоры внутри здания¹⁰⁴.

Эти расчеты, проведенные на основе реально имеющихся параметров здания, снимают и без того голословные утверждения С. Д. Крыжицкого о якобы необычных пропорциях, установленных мною «совершенно произвольно», о непригодности базы опорного столба ни по размерам, ни по конструкции стои, — для всего этого остатки здания предоставляют определенные данные¹⁰⁵.

Теперь о храме Иетра на Зап. темене, от которого остались контуры траншей с двумя поперечными стенками, 2 плиты каменного фундамента и 6 каменных баз под деревянные столбы у вост. стены. Суть вопроса состоит в том, что С. Д. Крыжицкий и тут реконструировал храм в антах, по нашему же мнению, изложенному в статье 2002 г., это мегарон с двухскатной крышей и дополнительным плоским перекрытием обхода, которое опирается на деревянные столбы вдоль периметра здания. И здесь для удобства читателя сначала вкратце суммируем свою, данную выше, аргументацию, затем приведем суждения критика. С. Д. Крыжицкий [1998, с. 173/5, 189] реконструировал наряду с храмом в антах в качестве запасного также вариант храма с навесом при вост. стене, к которому, однако, более не возвращался

¹⁰⁴ При опоре внутри стои, как в милетском Дельфинионе, реконструируется двухскатная крыша, как на рис. 13а.

¹⁰⁵ Критик не уточнил, велик или мал квадратный фундамент стороной 1, 3 м под несущий фасадный столб. Отметим, что он примерно таковым и должен быть при 8-метровом пролете несомой балки перекрытия. Несущий столб, деревянный или каменный, как сказано, покоился не на фундаменте $K\Phi_1$, а на положенной на него базовой плите (плинте), которая, разумеется, была меньше своего фундамента (она показана на нашей реконструкции стои на рис. 13). Что фундамент под столб должен иметь примерно такие размеры, показывает сравнение с колоннадами Южной стои V в. до н. э. и стои Аттала II в. до н. э. на афинской Агоре: плинт под колонной примерно в 2 раза шире ее диаметра, а фундамент под плинтосом еще шире [Athenian Agora, 1990, p. 170, 174, figs. 114, 118]. Диаметр столба ольвийской стои, судя по 8-метровому пролету несомой балки, должен быть не менее полуметра; исходя из указанного соотношения 1 : 2 : 2⁺, можно заключить, что квадратный плинт под столбом должен иметь сторону ок. 1 м, фундамент под ним еще больше, чему вполне соответствует его натурная величина 1,3 м. Можно исчислить также вес черепичной кровли ольвийской стои для определения минимального сечения столба, но в данный момент необходимости в этом нет.

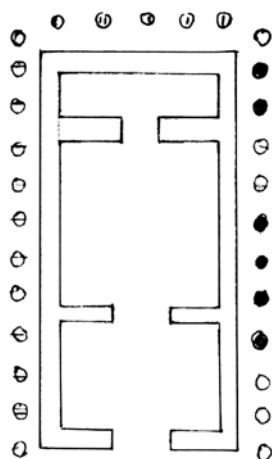
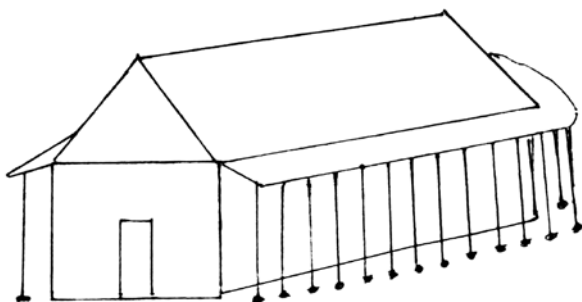

Рис. 16. Реконструкция мегарона на Западном теменосе Ольвии: план и общий вид с Ю-З

(и в статье 2004 г. [с. 102] он дал реконструкцию без навеса). По нашему же мнению, безусловно правильной будет реконструкция навеса по периметру всего здания, поскольку без него не получают объяснения 6 каменных плит, более или менее равномерно следующих вдоль вост. стены, назначение которых очевидно — они несли деревянные столбы бокового навеса (рис. 15, 1 и 16, план; подробности изложены выше). Точной параллелью этому сооружению мы указали мегарон Б IX в. из Термоса (рис. 15а), внутреннее пространство которого также разделено на 3 помещения, перекрытие двухскатное, с трех сторон его обходят 18 столбов, которые несли перекрытие или навес. Соответственно и ольвийское здание — мегарон, окруженный с трех сторон навесом на столбах, с тремя помещениями: простилем, залом, сокровищницей (рис. 16). Навес на столбах предохранял (сырцовые?) стены ольвийского здания от дождя и ветра. Несложные цифровые прикидки позволили реконструировать навес с подводом к карнизу двухскатного перекрытия здания, т. е. перевязать на стене стропила бокового навеса со стропилами двухскатной крыши здания (рис. 16). Что до архитектурного декора, которым Крыжицкий оснастил свой храм в антах, то ввиду расположения рядом еще одного здания и принимая во внимание, что оба сооружения неоднократно поновлялись, на наш взгляд, лучше воздержаться от атрибуции декора конкретному зданию конца VI в.

С. Д. Крыжицкий [2004, с. 93] начал с заявления, что я не рассмотрел его аргументы, но он же и разъяснил почему: «Мною специально было оговорено, что предлагаемая реконструкция в ряде моментов носит, естественно, гипотетический характер». Я бы сказал точнее: вся его реконструкция гипотетична, начиная с самой идеи о храме в антах; потому и не стал углубляться в детали, как не стал делать этого сам Крыжицкий, критикуя мою реконструкцию стои на темене Дельфиния. В случае с храмом Иетра он все же однажды остановился на деталях, именно на каменных плитах у вост. стены. По его мнению, эти рваные плиты расположены с неравномерным, до 0,5 м шагом; мое предположение, что «допустимы легкие колебания промежутков ввиду естественного смещения плит в почве после разрушения здания», наивно, ибо опытным археологам «хорошо известно, что подобные смещения возможны только в результате оползней, сейсмических воздействий, при строительстве на крутых уклонах и т. п. Ничего этого в данном случае нет» [2004,

с. 94 и примеч. 23]. Мне достаточно указать критику на характер кладки $K\Phi_2$ рассмотренного выше здания V в. на темене Дельфиния: три сохранившихся фрагмента этой вост. стены, несомненно, в первоначальном состоянии прямой, «пляшут» настолько, что создают впечатление извивающейся кладки¹⁰⁶. Что же, как не условия бытования, заставило кладку «плясать»? В конце концов мы имеем ясное свидетельство связи этих 6 плит со зданием: все они дружно отстоят от вост. стены не на какие-нибудь 3–5 м, а всего на 0,55–1 м, в среднем на 0,77 м, и это не оставляет сомнений во взаимосвязи их с вост. стеной.

Единственный раз остановившись на деталях, и, как видим, неудачно, критик вновь перешел к общим рассуждениям, что-де моя параллель с мегароном из Термоса неточна: есть различие в пропорциях, кривизна стен в Термосе, прямизна в Ольвии, анфиладность планировки играет важную роль и т. д. Это все общие слова, тоже полные неточностей: откуда, например, ему известно, что стенам ольвийского здания свойственна «четкая прямоугольность» — стен-то ведь нет, есть лишь траншеи выборки. Анфиладность помещений свойственна и мегарону как типологически удлиненному сооружению. За своими критическими щепками Крыжицкий не заметил самого дерева: все его соображения и общего плана, и по деталям снимаются уникальным соответствием зданий Ольвии и Термоса не только по подобию планировки и даже детализации, но прежде всего по уникальному обходу опор по периметру, поддерживающих навес перекрытия (в последние десятилетия открыта такая постройка и на Евбее, тоже архаического времени [Boardman, 1996, p. 31]). На моем предположении, что этот мегарон — гражданская постройка типа «дома мольпов» в Дидимах, Крыжицкий, как ему показалось, поставил крест следующими рассуждениями. Сразу после абзаца о здании в Термосе он пишет: «Что касается ольвийского храма, то сопровождающий материал из раскопок не дает ни малейших оснований считать этот объект “гражданским зданием” — “обиталищем жрецов” в интерпретации В. П. Яйленко. И более того, уже только одна находка монументального фронтального акротерия и следов его отески возле храма говорит о том, что это была постройка, которой придавалось важнейшее значение. Из сказанного следует, что и архитектурный тип, и его функциональное назначение ольвийского храма определяются В. П. Яйленко в корне неверно» [с. 95]. В приведенной цитате выпукло видно все, что типично для критики С. Д. Крыжицкого в целом: и странная логика рассуждений (разве монументальный акротерий украшает только храм и не может быть на гражданском здании?), и подмена многого одним (из «сопровождающего материала раскопок» указан лишь пресловутый акротерий да следы его отески), и генерализация оценки, вынесенной из куцей критики («Из сказанного следует» и т. д.). Что до акротерия и следов его отески, то такие вопросы давно уже решаются не впечатлением «на глазок», а лабораторными анализами. Организуй Крыжицкий анализ всех камней здания и найденных неподалеку (2 плиты фундамента стен, 6 опорных плит под столбы, акротерий, крошка отески), это и было бы его деловым вкладом в точное решение вопроса.

Обсуждаемое здание на Зап. темене потому гражданское, что тут не могло быть храма в антах по культовым причинам: как показано выше, Аполлон Иетр по про-

¹⁰⁶ См. фиксационный чертеж [Карасев, 1964, рис. 18 = рис. 106 у нас]; на реконструкциях (подчеркнем, именно реконструкциях) — рис. 6, 16, 22 Карасева (= 10, 10а, 12 у нас) — он показал стенку ровной.

исхождению атмосферное божество, поэтому, как и в случае с Дельфинием, т. е. как на Вост. темене, его святилище было открытой площадкой. Этим открытым святилищем и был упоминаемый в граффито № 11 второй половины VI в. (выше, с. 16) *Ἱερὸν* — как архитектурное сооружение это не храм в антах, а «святилище Иетра», открытая площадка с алтарями под небом и необходимой гражданской обстройкой, которой и принадлежали найденные раскопками А. С. Русяевой архитектурные терракотовые детали.

Я доволен критикой С. Д. Крыжицкого — отсутствие у него убедительной аргументации показало правильность моих суждений. Обусловлено же ее отсутствие открыто выраженным неудовольствием критика, что эпиграфисту Яйленко [с. 91] «просто очень захотелось сказать хоть что-нибудь (неважно что) в не вполне привычной для него области знаний» [с. 95]. Своей некорректностью С. Д. Крыжицкий вынуждает меня напомнить ему: архитектура — одна из сфер моей работы, что дает мне основание профессионально, вопреки его мнению, заниматься вопросами ольвийской архитектуры¹⁰⁷. Несомненно, С. Д. Крыжицкий мэтр в этой области, но ошибочных суждений у него немало, в статье 2002 г. я вскользь затронул лишь некоторые, поскольку ее цель иная — вопросы восстановления архитектурных форм построек на ольвийских теменах. К сожалению, не столько эти вопросы, сколько мои скептические суждения о его реконструкциях вызвали ответную критику, потому она и не получилась по-настоящему деловой.

2. СТЕФАНЕФОРЫ И МОЛЬПЫ V В.

2.1. Посвящения стефанефоров и мольпов V в.

В числе сакральных надписей Ольвии есть компактная группа посвящений, сделанных мольпами-стефанефорами, жрецами храма Аполлона Дельфиния. Лапидарные надписи дополняются посвятельными граффити Дельфинию [ГОП]. Наиболее сохранный вотив НО 58 служит эталоном для понимания и реконструкции остальных фрагментированных посвящений¹⁰⁸.

¹⁰⁷ У меня есть большая статья по античной архитектуре, исследовательская монография по архитектуре Москвы XVII–XVIII вв. [Яйленко, 2001в; 2004б]. За долгие годы участия в археологических раскопках (1963–1980) я повидал и зарисовал предостаточно северочерноморских кладок — от позднеархаических в Торице (Геленджик) до римских в Орловке на Нижнем Дунае (включая боспорские, херсонесские, ольвийские, березанские), чтобы иметь о них свое суждение. Служил и в системе охраны памятников архитектуры, где получил навыки практической работы с ними. Ныне С. Д. Крыжицкий забыл, а в 1970-х знал, что я занимаюсь архитектурой: как-то в Парутине я, выпускник кафедры истории зарубежного искусства МГУ, предложил ему, выпускнику Архитектурного института, посостязаться в знании истории архитектуры («поиграть в памятники»), но он отказался, чем вызвал усмешку у присутствовавшей при этом своей жены Н. А. Лейпунской (Нина Александровна была прекрасным специалистом и приятной женщиной, мы относились с симпатией друг к другу, очень жаль, что ее больше нет с нами).

¹⁰⁸ В основе этого параграфа лежит раздел «Посвящения мольпов и стефанефоров» МКЛНО II, с. 31–41, здесь основательно переработанный и расширенный.

2.1.1. NO 58

Рис. 17. NO 58

Верхняя часть
мрам. плиты (рис. 17), текст
и пер. издателя (Леви): [Μο]λ[ποί?] με
ἀνέθεσαν(Ε) | Ἀπόλλωνι Δ[ε]λφινίῳ | ἐπὶ Διονυσ[ο]δωρῷ
τῷ Ἀθηναίῳ Μολπ[αγόρῳ] ἄρχον[τι] τοῦ στεφ[ανηφόρου?] Ἑκατ-- «моль-
пы меня посвятили Аполлону Дельфинию при Дионисодоре, сыне Ленея, сына
Молпагора, архонте стефанефоре (?)--». П. О. Карышковский [1969, с. 115] усмот-
рел в стк. 4 сл. имена жрецов: Μολπ[εὸς τῷ Λέον] τοῦ, Στέφ[ανος τῷ δεῖνος] Ἑκατ[αῖος τῷ δεῖνος] и т. д. Однако вскоре Ф. Граф дал бесспорное восстановление
в стк. 4–5 μολπ[ῶν αἰσυμνῶν] τοῦ по аналогичной формуле милетского сакраль-
ного закона коллегии мольпов V в. (Syll.³ 57); по поводу букв ΣΤΕΦ стк. 5 он отметил,
что они могут быть восстановлены в качестве причастия στεφανηφορόντων или
скорее в качестве имени Στέφ[ανος], открывающего список имен¹⁰⁹. Я поддержал
предложенное Леви чтение στεφ[ανηφόρῳ] [Яйленко, 1981, с. 127], после чего и
Карышковский [1984, с. 42–43] склонился к первому варианту реконструкции
Графа: στεφ[ανηφορόντων?], зарезервировав возможность и чтения имени Стефан¹¹⁰.
Однако дополнение букв ΣΤΕΦ в качестве личного имени невозможно: в вотиве
NO 55 + IOSPE I² 307 (см. ниже) сразу вслед за эпонимной датировкой упомина-
ются стефанефоры: [μολπῶν αἰ]συ[μν]ῶν[τοῦ στεφ[ανηφ]όρου] (в NO 58 буквы ΣΤΕΦ
также следуют вслед за обозначением должности эсимнета). Поэтому дополняем
эти буквы в στεφ[ανηφόρῳ]. Посвящения мольпов из Эфеса и с Аморгоса по-
казывают, что ольвийские посвящения мольпов завершались списком их имен-
отчеств¹¹¹, что дает основание видеть такой список и в ольвийских вотивах. Отсю-
да наше чтение NO 58:

¹⁰⁹ [Graf, p. 209 f.]: «στεφ il songe soit à στεφανηφορόντων, mais plutot à un nom debut de la liste Στέφ[ανος]». Карышковский [1978, с. 84, примеч. 11] не вполне точно передал мнение Графа, изложив его так, будто тот допускал лишь восстановление слова στεφανηφορόντων: «следующие буквы ΣΤΕΦ относятся не к должности стефанефора, как допускает с некоторыми колебаниями Граф (такой должности в V в. не было и в Милете), а являются начальной частью имени Στέφανος». Неверно и его утверждение, что в Милете V в. не было должности стефанефора, — они десятки раз упоминаются в законе мольпов Syll.³ 57. Восстановление Графа в стк. 1–2 повторили Виноградов, Русяева [1980, с. 53].

¹¹⁰ Л. Дюбуа дал текст надписи по Леви, инкорпорировав в стк. 4 чтение Графа [Dubois, 2].

¹¹¹ [Inscr. Ephesos, 1980, 900, 901, ок. 100 г.]: посвящения мольпов, отбывших свой срок пребывания в этой коллегии, датированные по притану и эпонимному жрецу, завершаются списком имен-отчеств 23 и 27 мольпов [IG XII, f. 7, 416, 417]: посвящение отбывшего свой срок главы коллегии стефанефоров заканчивается именами 10 его коллег.

ΣΤΟΙΧ. 16–18	«Мольпы посвятили
[Μο]λ[ποί] με ἀνέθεσαν< [ ]	меня Аполлону Дель-
Ἀπόλλωνι Δ[ε]λφινίῳ	финию при эсимнете
3 ἐπὶ Διονυ[σο]δῶρῳ τῷ Λη-	мольпов-стефанефо-
ναῖῳ μολπ[ῶν] αἰσυμνῶν<]	ров Дионисодоре,
5 τοῦ στεφ[ανηφόρων]>	сыне Ленея: Гекат--,
Ἐκατ[-- τῷ δεῖνός κτλ.]	сын такого-то--» ¹¹² .

Со стк. 6 следовало перечисление имен и отчеств сделавших посвящение мольпов-стефанефоров¹¹³. Сохранилось начало имени только первого мольпа Гекатей (либо Гекатеон, Гекатокл, Гекатоним). По Карышковскому [1984, с. 42], тут был либо список стефанефоров с указанием их должности, либо просто имена-отчества рядовых членов коллегии. На наш взгляд, это был просто список мольпов-стефанефоров, без каких-либо дополнительных указаний, как в упомянутых эфесских и аморгосских посвящениях мольпов. Эти списки содержат по одному имени-отчеству мольпа в строке. Видимо, таким был и список в НО 58: при его стойхедоне 16–18 и среднем числе 16–17 букв на одно имя-патронимик (его дает Каталог ольвийских граждан IOSPE I² 201 и милетский список стефанефоров [Milet I, № 133]) каждая строка могла быть заполнена одним именем-патронимиком. Видимо, коллегии милетских и ольвийских мольпов насчитывали 6 человек — по одному представителю от каждой филы (ниже, с. 77, 88). Если это так, надпись в полном виде насчитывала 10 строк (5 строк текста и столько же в списке имен); соответственно первоначальный размер плиты ок. 35 × 36 см (по Леви, это база статуи).

Имя и отчество эсимнета мольпов Дионисодора Ленея носят ярко выраженный дионисийский характер, обусловленный тем, что в культе Аполлона Дельфиния совместились свойства Аполлона и Диониса (выше, с. 62). Имя Дионисодор еще раз встречается в Ольвии римского времени¹¹⁴. Имя Леней более употребительно и интересно своим хронологическим распределением: 4–5 упоминаний в V в.¹¹⁵ и всего 1–2 в последней трети III в.¹¹⁶ Указанная надпись на зеркале имеет ярко выраженный культовый характер: «Демонасса, дочь Ленея, эвай, и Леней, сын Демокла, эйай!»

¹¹² Посвящения Дельфинию, как и прочим богам, делались обычно по отбытии должности, например [Milet I, № 160: αἰσυμνήσας, 163: [στεφανηφ]ορήσας, ср. 157: αἰσυμνήσαντα. Также [Inscr. Ephesos, 1980, 900, 901]: μολπεύσαντες, [IG XII, f. 7, 416]: στεφανηφορήσας, 417: μολπαρχήσας. Тут форма *part. aor.* указывает, что посвятителю совершили приношения по отбытии должности. Причастная форма сама по себе свидетельствует о выборности этой коллегии на определенный срок. По этим аналогиям можно восстановить буквы ΣΤΕΦ НО 58 как στεφ[ανηφορήσαντες], и выражение μολποὶ στεφ[ανηφορήσαντες] в целом означало «мольпы-стефанефоры, отбывшие свой срок». Однако такое дополнение дает 20 букв в строке, что не соответствует стойхедону с 16–18 буквами остальных строк.

¹¹³ Надпись Syll.³ 57 показывает, что в Милете V в. стефанефоры составляли отдельную часть корпорации мольпов. В Ольвии тоже могло быть такое разграничение, но в надписях оно не прослеживается.

¹¹⁴ НО 90; ср. Дионисодор IOSPE I² 132, 176, также [ВДИ 1953. 4, с. 130], все II в. н. э.

¹¹⁵ 1–2) сын Демокла и отец некой Демонассы (надпись первой половины V в. на бронзовом зеркале), 3) владелец чл. открытого сосуда V в. (ГЛБО II, 173), 4) посвяtitель чл. аска конца V в. из погребения на Березани [Толстой, 1953, 75 = ГЛБО I, 19]. Возможно, сюда относится сокращение ΛΗ на две ионийской буролаковой чаши V в. с Березани [Яйленко, 1982, № 61].

¹¹⁶ Леней Геродоров каталога IOSPE I² 201. I, 56, видимо, то же лицо, что и архонт декрета I² 33 (с. 488, 528).

Казалось бы, это исключительно дионисийская надпись, на что указывает и возглас *эвай*, и имя Ленея¹¹⁷ (оно распространено также в среде мольпов Милета, Эфеса и других ионийских центров)¹¹⁸. Однако в свете генетической связи Диониса и Аполлона, в том числе в ипостаси Дельфиния, для полной культовой характеристики данного граффито показателен хоровой речитатив из «Трахинянок» Софокла: «Дружно, юноши, гряните хвалу сребролукому Аполлону Заступнику! Девушки, в лад восклицайте: Пеан! Пеан! Громко, громко призывайте Артемиду Ортигию, Аполлонову сестру... Мой дух парит! О, не отвергну флейты твоей, владыка сердца моего! Несет, влечет меня, эвой, эвой! О плющ! Эвой, эвой! Я несусь в безумной пляске, пляске вакховой — эвой, эвой» (ст. 208 *сл., пер.* С. В. Шервинского). Это обращенное к Аполлону и Артемиде дионисийство, выраженное в ольвийском граффито тем же возгласом *эвай*, вводит его фигурантов V в. в круг почитателей культа Дельфиния¹¹⁹. Следовательно, принимая во внимание дату НО 58 (вторая половина V в., *см.* с. 85, 94), можно предполагать идентификацию Ленея, отца эсимнета Дионисодора, с одним из указанных ольвийско-березанских Лениев. О гекатофорном характере имени первого в списке стефанефора Гекат(--) *см.* выше, с. 60¹²⁰.

¹¹⁷ Это эпитет Диониса. Основа $\lambda\eta\nu$ - негреческого происхождения, по мнению У. Виламовица, вероятно, заимствована из малоазийской среды [Chantraine, 1974, p. 637].

¹¹⁸ На дионисийский характер надписи на зеркале указывали Н. П. Розанова [1968, с. 250/1] и А. С. Русаева [1978, с. 96 *сл.*].

¹¹⁹ Р. Осборн привел к надписи Демонассы высказывание Гераклита (fr. 14a Diels — Kranz): люди ночи — маги, вакханты, ленеи — посвящают в мистерии [Osborn, 2007, p. 385/7]. Полагаем, это поясняет нам, что надпись Демонассы и само зеркало с надписью связаны с дионисийскими мистериями. «Зеркало — дверь в потусторонний мир» [Шейнина, 2006, с. 230], отсюда его употребление в мистериях, но также в погребальном обряде [Скржинская, 1984, с. 107, 110/11].

¹²⁰ Н. И. Николаев присоединил фр. IOSPE I² 307 к середине НО 58, якобы получив одну надпись (Николаев, 2010; выложено в Интернете: antik-yar.ru/events/cl-civ-2011/papers/nilolaevni). Такому объединению противоречит, во-первых, то, что сохранился левый край камня I² 307; Николаев напрасно сомневался в этом, ибо державший его в руках Латышев (IOSPE IV, 48 = I² 307) отметил это. Оно со всей очевидностью явствует из того, что крайние слева ячейки не заполнены буквами. Во-вторых, буквы фр. I² 307 помещены в ячейки ортогональной сетки из вертикальных и горизонтальных линеек, тогда как текст НО 58 написан только по горизонтальным линейкам. В-третьих, и это главное, надписи на пьедесталах под статуи никогда не вписывались в ортогональную сетку для букв, это чушь, порожденная невежеством инженера Николаева в эпиграфике. Фр. I² 307 мелкий — высота 13, толщина 6,6 см, так что у него нет столь большого параметра, по которому он определенно был бы частью пьедестала; по двойной линейке он соединяется с НО 55, *см.* ниже. К статье в Интернете Николаев приложил отзыв такого же «эксперта» по эпиграфике Сурикова, который изрек: если сличение обломков покажет их совместимость, получаем факт с немаловажными последствиями [интересно, какими? — В. Я.], если они не совпадают, то не следовало и писать об этом. Для вящей важности Николаев присовокупил и зарубежную экспертизу — отзыв в одно предложение проф. Ф. Графа из Колумбуса: «Превосходно! Идентичность с НО 2 теперь полная». При чем здесь проксения НО 2, видно только из американского Колумбуса (почтенного Графа наши «эксперты» явно ввели в заблуждение). Признанный столь высоким ученым собранием, Николаев уже внаглую выговаривает мне: Яйленко датировал фр. I² 307 первой половиной V в., а НО 58 последней его третью, тогда как они могут принадлежать одной надписи; при скудости текстов ольвийских надписей V в. датировки их по четвертям столетия недопустимы; он учит меня принципу слогового переноса в ольвийском стойхедоне, установленному Виноградовым и пр. Да будет ведомо ему, что палеографически датировать ольвийские надписи V–IV вв. по четвертям или третям столетия позволяют многочисленные датированные аттические аналогии, что принцип слогового переноса в ольвийском стойхедоне установлен Виноградовым для николаевых да суриковых (об ошибочности этого заключения Виноградова *см.* ниже, с. 85), что безграмотным сочинениям инженера Николаева место на свалке псевдоученой беллетристики. О другом его опусе того же качества *см.* с. 484.

2.1.2. НО 56 + 57

Рис. 18. НО 56 + 57
(реконструкция автора)

Фр. НО 56 — обломок левой верхней части, фр. НО 57 — обломок правой нижней части мраморной плиты (рис. 18). Леви дала их в НО порознь, отметив, что они похожи и, возможно, составляют одну надпись (добавим: их бесспорно объединяет одинаковая разлиновка лицевого поля плиты, свойственная еще лишь посвящению НО 55 + IOSPE I² 307). Текст НО 56: Μολ[παγόρης?] Από[λλωνι--]ΝΙ--|Τ--|Σ--., НО 57: --Ι|--Σ|-- ΟΛΕ|--ΣΤ|--Ο|-- *vac*. При неточном прочтении текста Леви правильно указала, что это посвятельная надпись («Возможно, что две буквы стк. 3 — часть эпитета Аполлона [Δελφι νί[ωι]»). Эти указания издателя реализовал Карышковский [1969, с. 115], который учел также поправку Графа к стк. 1: Μολ[ποῖ ἀνέθεσαν] Από[λλωνι Δελφι νί[ωι ἐπὶ Θεοκρ]ίτ[ο τῷ Φερεκλέ]ος,| Σ[υκράτης τῷ Π]ολε|[μάρχο,

Ἰππόμα]χος|τῷ Ἰππέως, Πολύ]στ[ратος τῷ Εὐδῆμ]ο. Карышковский не восстановил тут эпонимную формулу *τῷ δεῖνος μολπῶν αἰσυμνῶντος*, которая представлена в предыдущем посвящении мольпов и двух последующих (см. ниже), и неоправданно наполнил стк. 3–6 надписи реконструированными именами-отчествами. Все эти посвящения однотипны, поэтому мы восстановили тут необходимую эпонимную формулу [Яйленко, 1981, с. 127]¹²¹. Данное посвящение, как и НО 58, сделано от имени мольпов, в связи с чем дополняем в стк. 4–6: [μολπῶν στεφανηφόρων]. Как и НО 58, этот вотив завершился списком имен мольпов:

ΣΤΟΙΧ. 13–14	
НО 56	Μολ[ποῖ ἀνέθεσαν] Από[λλωνι Δελφι]- νί[ωι ἐπὶ τῷ δεῖνος τῷ δεῖνος] Τ[.....μολπῶν αἰ]- 5 σ[υμνῶντος στεφα-
НО 57	6 νηφόρων·]....Σ .....ολε- .....χος 10 .....στ- .....ο - — (?) <i>vac</i> .

«мольпы *посветили* Аполлону Дельфинию *при таком-то, сыне такого-то, эсимнете мольпов-стефанефоров*: --». На стк. 5 заканчивается фр. НО 56, в стк. 3–4 которого стояло имя-отчество эсимнета (от него сохранилась буква Τ, судя по по-

¹²¹ Затем Карышковский [1984, с. 43] фактически повторил мой текст НО 56 от 1981 г. без прямого указания на это. Если посвящение НО 57 составляет одну надпись с фр. 56, полагал он, она содержит список имен стефанефоров. Полемику между нами по поводу реконструкции надписи см. на указанной странице его статьи и в МКЛНО II, с. 35 *сл.* С удовлетворением вспоминаю, что резкая полемика не испортила наших многолетних дружеских отношений, продолжавшихся до его кончины.

зиции, это часть патронимика). Далее следует фр. НО 57 со списком имен мольпов-посвяtitелей. В милетском законе Syll.³ 57 при эсимнете мольпов фигурируют 5 προσέταροι, три из которых — представители 3 фил, что навело уже первых исследователей закона на догадку о составе коллегии мольпов из 6 человек, по одному от каждой филы (при двоих название двух фил опущено, шестую филу представлял сам эсимнет). В Милете было 6 ионийских фил: 4 древние (гелеонты, эгикореи, аргадеи, гоплеты) и 2 другие, видимо, включавшие неионийские элементы (бореи, ойнопы); в милетских колониях известны те же 6 фил (например, в Истрии известны аргадеи, эгикореи, бореи, возможно, гелеонты [Roussel, 1976, p. 209 f.]). В северочерноморских колониях филы не засвидетельствованы, но в Ольвии, к примеру, на их существование косвенно может указывать то, что коллегия стратегов в римское время насчитывала именно 6 человек [Ehrhardt, 1983, S. 103]. Что это так, в том числе в списке НО 58, может указывать и фр. 57: при стойхедоне 13–14 и среднем числе 16–17 букв на имя-патронимик он со своими 7 строками дает место для имен-отчеств как раз 5 мольпов-стефанефоров (шестой эсимнет). В соответствии с формулярной последовательностью посвящения НО 58 (после должности эпони-ма, т. е. $\mu\omicron\lambda\pi[\omega\nu\ \alpha\iota\sigma\upsilon\mu\iota\omega\nu]\tau\omicron\varsigma\ \sigma\tau\epsilon\phi[ανηφόρων]$, следует список имен) фр. 57 с его списком имен-отчеств пяти мольпов должен подсоединяться непосредственно к фр. 56, что подтверждает догадку о 6 мольпах в Ольвии.

Под последним *омикроном* НО 57 видны линейки следующей строки, так что он не был конечным, за ним в следующей строке стояло еще несколько букв последнего патронимика. Имя-отчество одного стефанефора не помещалось в одной строке этого списка, на что указывает номинативное окончание имени - $\chi\omicron\varsigma$ в конце стк. 9. Ввиду скудных остатков текста нет оснований для данного Карышковским полного восстановления имен и отчеств в списке, даже в целях иллюстрации. Общие размеры первоначальной плиты ок. 28 × 31 см; по отверстию на верхней грани Леви предположила, что это база статуи.

2.1.3. НО 167

Мраморная плита, скорее всего барабан колонны, 14 × 25 × 13 см, верхняя и нижняя грани целы, на лицевой поверхности семистрочная надпись, обколота слева и справа, стк. 7 утрачена целиком (рис. 19). Текст НО (Белецкий, Книпович): -- ΟΥΠΑ Ο (?) ΔΙΟΣ--|--ΝΚΟΙ στέφα[νον-- | -- ἔθεσαν Ἀπόλλ[λωνι--|--ΤΩΝ ΜΟΛ[Π?--|--ος Ἀπολλ--|--ΥΣ--ΣΜ--|--. Комментарий издателей неудовлетворителен, правильно лишь то, что это посвяtitельная надпись Аполлону и дата V в. (еще менее значим коммент. Белецкого [Ольвия 1975, с. 106/7]). Полагаем, текст достаточен для прочтения:

Рис. 19. НО 167

[? τότῳ νη]οῦ πα[ρ]οδίῳ σ[τοὰν]? e. g. Χαίρημ]ων κοί στεφα[νηφό- ροι μ' ἀν]έθεσαν Ἀπόλλ[λωνι ? Βορέῃ ἐπὶ] τῶν μολ[πῶν αἰ- 5 συμνῶν]τος Ἀπολλ[λωνίδῳ] ?Μ..... · Διο]νύσ[το] Μ-- [-]	«(?) меня, <i>стόю</i> этого придорожного храма, e. g. <i>Херемон</i> и <i>стефанефоры</i> посвятили Аполлону <i>Борею</i> (?) при эсимнете мольпов Аполлониде, сыне М--: Дионисий, сын М--».

Два обстоятельства позволяют установить примерную длину строк. Во-первых, стк. 4–5 содержат бесспорно восстанавливаемую эпонимную формулу ἐπὶ τῶν μολπῶν αἰσυμνῶντος, которая представлена в посвящениях мольпов НО 56 + 57, 58, 55 + IOSPE I² 307 и дает длину строки примерно в 20 букв. Во-вторых, слева и справа есть по колонке букв, написанных в каждой строке друг под другом (как в стойхедоне) и потому позволяющих высчитать число утраченных букв в каждой стороне строки¹²². Ключевые слова для прочтения надписи: κοί στεφα[νηφόροι] (с καί + οἱ в красисе), предшествующее --ων стк. 2 при κοί στεφα[νηφόροι] указывает, что тут содержалось имя посвяtitеля, тоже в номинативе¹²³. Иначе говоря, посвящение сделано от имени одного лица и коллегии¹²⁴. Далее следует безусловно читаемый текст: посвящение Аполлону при эсимнете мольпов Απολλο-- , *сыне такого-то*. Лакуну в начале стк. 4 после имени Απολλο-- и перед эпонимной датировкой [ἐπ.] τῶν в соответствии с НО 55–58 следует заполнить его эпиклесой. Поскольку стефанефоры составляли причт Дельфиния, ожидалась бы эта эпиклеса, однако места для нее нет: как сказано, тут утрачено 7 букв, из которых 3 приходятся на обязательный в эпонимной датировке предлог ἐπί. Следовательно, на эпиклесе остается всего 4 буквы; из числа известных в Ольвии эпитетов Απολλο-- подходит единственно Βορέυς в дат. падеже — Βορέῃ¹²⁵. От буквы Π слова μολ[πῶν]

¹²² Колонка букв в конце сохранившегося текста друг под другом в каждой строке (см. рис. 19): стк. 1 О, стк. 2 Φ, стк. 3 Ο, стк. 4 Λ, стк. 5 Λ (чуть левее *ламбды* предшествующей строки 4), в стк. 6 буква Μ стоит правее этой колонки. При учете правил переноса букв формула τῶν μολ[πῶν αἰσυμνῶν]τος имеет два варианта переноса слова αἰσυμνῶντος: или μολ[πῶν αἰ]συμνῶν]τος или μολ[πῶν | αἰσυμνῶν]τος. Это означает, что при первом варианте справа в стк. 1–3, 6 утрачено по 4 буквы, в стк. 4–5 по 5 букв. При втором варианте в стк. 1–3, 6 утрачено по 2 буквы, в стк. 4–5 по 3 буквы. Колонка букв в начале сохранившегося текста друг под другом в каждой строке: стк. 1 Υ, стк. 2 Ν, стк. 3 Θ, стк. 4 Τ, стк. 5 Ο, стк. 6 Ν. При переносе [αἰ]συμνῶν]τος (упомянутый первый вариант) в левой лакуне стк. 5 утрачено 7 букв (столько же в стк. 4), поэтому в соответствии с указанной колонкой в стк. 1–3 утрачено по 6 букв, в стк. 6 по 8 букв. При переносе слова [| αἰσυμνῶν]τος целиком в пятую строку (упомянутый второй вариант) здесь утрачено 9 букв (также в стк. 4), соответственно в стк. 1–3 по 8 букв, в стк. 6 по 10 букв. Поскольку первый вариант дает в стк. 3 полное имя Απολλο-- , он предпочтителен, мы дали его в реконструированном тексте надписи. Надпись исполнена близко к стойхедону, на что указывает также число букв между указанными правой и левой колонками: в стк. 1–3, 6 сохранилось равно по 6 букв (лишь в стк. 4 стоят 5 букв). Наличие в НО 167 колонок расположенных друг под другом букв говорит о влиянии стойхедона на ее письмо (см. с. 84–85).

¹²³ Пример употребления такого красиса дает березанское граффито V в.: κούραφας = καὶ ὁ γράφας (ниже, с. 336).

¹²⁴ Ср. к такой структуре посвящение V в. локридского демиурга Евфама и его коллег Герою: Εὐφάμος καὶ τοῖ δαμῖοργοὶ ἀνέθεκαν τῷ ἡρώϊ [Jeffery, p. 106, 403, 5]. Тут посвяtitель тоже упомянут без отчества.

¹²⁵ Эпиклеса Απολλο-- Борей засвидетельствована на Зап. теменосе Απολλο-- Иетра посвяtitельными надписями с VI в., об этом и об Απολλο-- Борее см. с. 17. Окончание датива --ησι основ на --ευσ известно в ионийском с VI в., также с утратой конечной *иоты* [Thumb, Scherer, S. 253, 273]. Можно

стк. 4 сохранился левый уголок. Имя эсимнета аполлонического свойства, дополняем его как Ἀπολλ[ωνίδος? | Μ. ....] по ряду оснований¹²⁶. Член οἱ при στέφα[νῆφόροι] обладает указательным значением — «эти стефанефоры», так что надпись завершалась их именами-патронимиками, как в вотивах НО 56 + 57, 58 (см. выше); по этой причине после патронимика эсимнета τῷ δεῖνός ставим колон, обозначающий, что далее следует список имен-отчеств¹²⁷.

В стк. 1 ΟΥΠΑ.ΟΔΙΟΣ читаем прилагательное πα[ρ]όδιος «придорожный» (или его род. падеж πα[ρ]οδίος), в источниках с IV в. употреблявшееся применительно к зданию или его частям — фасаду, входу, окнам [LSJ, s. v.]. Предшествующие буквы ΟΥ принадлежат окончанию род. падежа существительного, к которому относится прилагательное. Это означает, что последнее следует читать тоже в *gen.* — πα[ρ]οδίος¹²⁸. Последняя *сигма* стк. 1 относится к тому слову, которым назывался принесенный дар; поскольку речь идет о здании, предположительно дополняем σ[τοάν?]) (стоя обычно представляет собой портик, колоннаду, галерею). Посвященное божеству здание, как правило, — храм, святилище (ναός, ἱερόν и пр.), по числу букв приемлемы оба варианта, даем [? τὸτῷ νη]οῦ «этого храма»; посвящение храма божеству и стоя при храме обычны¹²⁹. Контексту НО 167 как посвячительно-

дополнить и [Βορή ἐπὶ], что дает 8 букв против 7 должных, но две *иоты* занимают площадь одной прямой или круглой буквы.

¹²⁶ В стк. 6 бесспорно читается *nom.* личного имени [Διο]νύσιος (следующее Μ — первая буква его отчества). В лакуне конца стк. 5 — начала стк. 6 утрачено в целом 13 букв, за вычетом 3 букв для бесспорно дополняемого в стк. 6 [Διο] (начало имени Дионисий), на имя эсимнета остается 10 букв. В стк. 5 уже стоят пять его начальных букв Ἀπολλ, а состоящих из 15 букв аполлонических имен нет (в самом длинном Аполлократ 12 букв [PB, 107–111]). Следовательно, к Ἀπολλ конца стк. 5 надо добавить известное в Ольвии аполлоническое имя, а остающиеся буквы придутся на патронимик эсимнета. В качестве имени эсимнета предположительно дополняем Ἀπολλ[ωνίδος?] Μ-- по соответствию этой надписи с НО 63 + I² 273: [Ἀπολλωνίδης: Μ[–]] (см. с. 83); начинавшийся буквой Μ патронимик в таком случае насчитывал 8 букв в лакуне начала стк. 6. Можно дополнить также Ἀπολλ[οδώρ?] (имя Аполлодор фигурирует в ольвийском заклятии позднего V в. [ГЛБО II, с. 86; Dubois, 101], он сын Тимофея). Всего этого не увидел Виноградов, безосновательно предложивший патронимик [τῷ Διο]νύσι[ἐρ]μο [Pont. St. S. 246] (см. об этом имени с. 631). В каталоге ольвийских граждан I² 201 имя-патронимик насчитывает в среднем 16–17 букв.

¹²⁷ Первый из них, как сказано, Дионисий, его патронимик на Μ-- помещался в конце стк. 6; в целом утраченной стк. 7 были имя-отчество еще одного стефанефора. Мы выяснили, что всего их было 6 (выше, с. 74), причина столь краткого перечня в НО 167 неясна. Может быть, список продолжался на нижележащем барабане, но скорее это обусловлено посвящением храма не Дельфинию, а ипостаси Иетра Борею, так что посвящение ему сделали только те стефанефоры, которые имели отношение к его культу. В таком случае вотив поставлен двумя стефанефорами (их имена-отчества в стк. 6, 7) и частным лицом (его имя в стк. 2, он тоже мог быть стефанефором).

¹²⁸ Надпись датируется V в. (ниже, с. 83–84). В ионийских эпиграфических памятниках VI–V вв. графема -ου sporadически встречается наряду с регулярной -ος [Thumb, Scherer, S. 252; Jeffery, p. 414, № 33, 415, № 13; Syll.³ 45, 58, 1218 etc.] (правилом -ου становится с 360-х гг.). Еще 3 примера графемы -ου дают гимн Гилее второй половины VI в. и письмо артикона первой половины V в. (ниже, с. 237, 259).

¹²⁹ Примеры посвящения храма с ναὸν ἀνατίθηναι (Syll.³ 214, 277; КБН 1014; IV в.), без глагола — НО 69; пример с ἱερόν [Guarducci, 1983, p. 46]: Ξενοκράτεια Κηφίσου ἱερόν ἱδρύσατο καὶ ἀνέθηκεν ξυμβάσις τε θεοῖς διδασκαλίᾳς τόδε δῶρον κτλ. «Ксенократия, дочь Кефиса, воздвигла святилище и посвятила соалтарным богам за наставление дар сей...» Стоя при храме: τὰς στοᾶς τὰς πρὸς τῷ Ἀσκληπιεῖω «стои при храме Асклепия» (этот храм, ναός, упомянут в предыдущей стк. 22; Syll.³ 1009. 23, Халкедон, ок. 200а); КБН 1045: περιβάουσι στοᾶς] «окружающие храм портики» (105р); IOSPE I² 184: τοὺς νηοὺς σὺν τῇ στοᾷ «храмы со стойей» (Ольвия, время Александра Севера). В лакуне начала стк. 3 для соблюдения необходимого числа утраченных 6 букв дополняем με «меня»: κοὶ στέφα[νῆφόροι] μ' ἀνέθεσαν

строительной надписи структурно соответствует двойная надпись последней четверти VI в. о сооружении сакрального здания в Сидене на Пропонтиде неким лицом (сохранился остаток его патронимика [--]ηνδ), во что вложились и κοῖ ξυνέωνες «и совместно участвующие» (а также строительство храма иным лицом)¹³⁰. Выше (с. 54, 58, 68) мы отметили, что два здания V в. на святилище Дельфиния и так называемый Иетроон на Зап. теменосе могут быть трактованы в качестве стои. Камень найден на участке Е 7, южнее святилищ Дельфиния и Иетра; поскольку надпись посвятельная, она перемещена сюда с территории одного из них для повторного использования. Храм Иетра выстроен в конце VI — начале V в., святилище Дельфиния строилось с начала V в. [Карасев, 1964, с. 34 сл.; Крыжицкий, 1998, с. 170].

Издатели НО отметили, что камень, возможно, представляет собой «часть барабана колонны», Белецкий [Ольвия, 1975, с. 105] писал определеннее: мраморный барабан колонны с каннелюрами. Это обстоятельство подтверждает, что объектом посвящения было здание — как мы предположили, стоя¹³¹. Это единственный мраморный барабан в Ольвии V в. Поскольку тут не было мраморных культовых зданий, он, видимо, был составной частью известняковой колонны, поддерживавшей антаблемент стои. Из-за сколов и отески определена лишь высота барабана — 14 см.

2.1.4. НО 55 + IOSPE I² 307

НО 55 — обломок мраморной плиты с верхней гранью, 13 × 13 × 4 см (рис. 20). Текст Леви: [--ǎ]νέθε[σαν | Ἀπόλλωνι Δελ]φινί[ωι]--γέρα--[--Ο(?)--]. А. И. Болтунова [1971, с. 286] предположительно понимала буквы ΓΕΡΑ как «дары», что неприемлемо, но правильно усмотрела в стк. 4 после О остатки Ν; заметим, что буква перед этим Ν может быть также *омегой*. Карышковский [1969, с. 115] отметил, что это посвящение аналогично посвящениям НО 56–58, сначала он счел, что оно сделано не мольпами, а архонтами, затем [1984, с. 43] исправил свою ошибку: [ΜΟΛΠΟΙ Α]ΝΕΘΕ[ΣΑΝ ΑΠΟΛ|ΛΩΝΙ ΔΕΛ]ΦΙΝΙ[ΩΙ ΕΠΙ 2–3 буквы | 7 букв] ΓΕΡΑ[6–8 букв | 8 букв]ΟΝ[7–9 букв]. Как видно, и здесь он не включил в текст непременно в ольвийских посвящениях Дельфинию эпонимную датировку по эсимнету. IOSPE

«и стефанефоры меня посвятили». Заменяющее упоминаемый в надписи объект посвящения με часто, например, ἄγαλμα... ἔθηκε με «меня, статую, посвятил» [Ebert, S. 38, VI в., и Index, S. 272].

¹³⁰ [Jeffery, p. 416, № 50]: [--]ηνδ τῇ<ν> στέγην ἐποίησεν κοῖ | ξυνέωνες ἀπὸ τῶν τεμενέωυ καὶ τῶν | θέρματων. [--] ὁ Λευκίππῳ τὸν νεῶν | ἐξέποιήσεν αὐτοχρητῆ «*Имярек, сын -ена, выстроил это здание, также соучаствующие лица, вне теменов и горячих источников*», «*Имярек, сын Левкиппа, выстроил этот храм собственноручно*» (надписи сделаны на двух ионических колоннах).

¹³¹ Известен ряд посвятельных надписей VI–V вв. на колоннах посвященных божеству построек или их частей — колонн, капителей, пилястр и пр. — например, надпись конца VI в. на колонне из Сидены на Гранике в Троаде с посвящением выстроенного храма и прочего [Jeffery, p. 367, 416, № 50] (другие образцы [Lazzarini, 1976, 112, 208, 217, 227, 228 etc.]). Детали ранних ольвийских храмов сделаны из известняка, ракушечника, терракоты, дерева [Буйских, 1988; Русяева, 1988]. Каннелированный мраморный фуст IV–III вв. А. В. Буйских [1992, с. 145] справедливо определила в качестве вотивной колонны. Ввиду скудости архитектурного мрамора в Ольвии можно думать, что барабан с нашей надписью был вмонтирован в колонну с известняковыми барабанами или что одна из колонн здания была мраморной. К примеру, колонны нового милетского Дидимейона были известняковые и мраморные [Didyma I, S. 124 f.]. Афинская Стоя пойкиле сделана из известняка, а ионийские капители мраморные [Athenian Agora, 1990, p. 101]. Барабан колонны или небольшая колонна с вотивной надписью нередко служили постаментом посвященного божеству изделия, в особенности статуй [Lazzarini, 1976, p. 232, 719, 726 etc.].

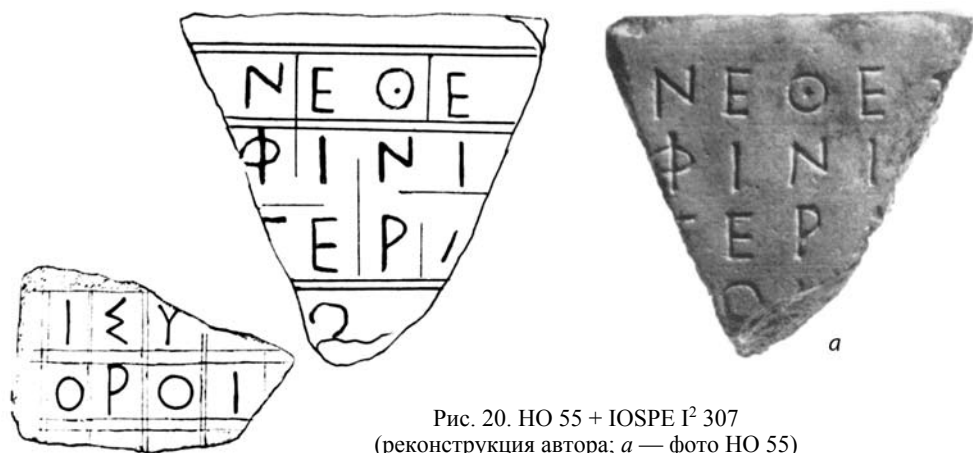

Рис. 20. HO 55 + IOSPE I² 307
(реконструкция автора; а — фото HO 55)

I² 307 — обломок левого края мраморной плиты высотой 13, толщиной 6,6 см; помещен Латышевым в раздел *Varia* с прорисью, без интерпретации. Леви [1966, с. 130, примеч. 7] отметила возможное его соединение с HO 55, указав на идентичную разлиновку лицевого поля. Карышковский [1984, с. 43] не исключил, что фр. I² 307 «является остатком одного из подобных посвящений — во всяком случае, буквы IΣΥ легко могли бы оказаться частью титула айсимнета».

Изложенные наблюдения исследователей дают основание соединить оба обломка в качестве частей одной посвяtitельной надписи. На это более всего указывает одинаковая ортогональная разлиновка лицевого поля сеткой двойных линий для размещения в каждой ячейке по 1 букве стойхедона¹³². Одинаков белый мрамор обоих обломков, близкая высота букв¹³³, причем круглые буквы несколько меньше; на обоих обломках буквы тщательно выписаны и отличаются подобием форм. Фр. I² 307 как левый край плиты текстуально подсоединяется к последней строке HO 55:

ΣΤΟΙΧ. 18	
HO 55 [? ναὸν ἄ]νέθε[σαν Ἀπόλλω- νι Δελ]φινί[ωι οἱ ἐπὶ..] ..... Γερα[ῖδ (?) μολπῶν α]-	«(?) храм посвятили Аполлону Дельфинию при таком-то, сыне Герее (?), эсимнете
I ² 307 ἰσυ[μν]ῶν[τος στεφανηφ]- όροι :..... .MO — — — — —	мольнов, stefanefory: --».

Количество букв в строке дает формула стк. 1–2 [ἄ]νέθε[σαν Ἀπόλλωνι Δελ]φινί[ωι] — это стойхедон 18. Структуру надписи определяют стк. 5–6, показывающие, что при стойх. 18 слово [στεφανηφ]όροι должно непосредственно следовать за эпонимной датировкой [μολπῶν α]ἰσυ[μν]ῶν[τος], как в HO 56–58. Однако

¹³² Такая разлиновка имеется также на камне HO 56 + 57, но фр. I² 307 с его буквами [α]ἰσυ- не подходит к ним, ибо от слова αἰσυμῶντος там сохранилась *сигма*, так что это разные надписи.

¹³³ HO 55: от 1,8 до 2,2 см, I² 307: 2 см; толщина плиты HO 55–4 см, I² 307 — 6,6 см, разница при столь малой толщине незначительна. Примеры разной толщины верха и низа плиты [Яйленко, 2010, с. 640].

при утрате в начале стк. 2 пяти букв невозможно дополнение в начале стк. 1 слова $\mu\omicron\lambda\pi\omicron\iota$, с которого начинаются те же посвящения НО 56–58. Тут должно стоять обозначение посвященного стефанефорами объекта, насчитывающее 4 буквы, или его заменитель. Из объектов посвящения [Lazzarini, 1976, p. 87 *f.*] в *асс.* столько насчитывает, пожалуй, лишь слово $\nu\alpha\acute{o}\nu$, которое и дополняем¹³⁴. Сохранившиеся в стк. 3 буквы Т/ГЕРА принадлежат патронимику эсимнета (первая сохранившаяся буква Т или Г), предположительно дополняемому как $\Gamma\acute{\epsilon}\rho\alpha\iota\omicron\varsigma$ ¹³⁵. На слове $[\sigma\tau\epsilon\phi\alpha\nu\eta\phi]\acute{o}\rho\omicron\iota$ надпись не заканчивалась: в первых изданиях фрагмента Латышев давал под буквами РО остатки букв МО [ЗРАО, IV, с. 128; IOSPE IV, 48], но в I² 307 отметил, что на эстампаже эти буквы уже неразличимы; полагаем, в их реальности вряд ли стоит сомневаться. В соответствии с НО 56–58 можно думать, что за словом $[\sigma\tau\epsilon\phi\alpha\nu\eta\phi]\acute{o}\rho\omicron\iota$ следовало перечисление имен-отчеств стефанефоров, так что буквы МО, судя по их расположению в стк. 6 после лакуны на 15 букв, — начало имени второго из них — $\text{Μο}[\lambda\pi\alpha\upsilon\acute{o}\rho\eta\varsigma?]$. Вторая позиция этого имени следует из того, что в среднем имя-отчество ольвиополитов насчитывало 16–17 букв, судя по каталогу ольвийских граждан (I² 201). Имя $\text{Μο}[\lambda\pi\alpha\upsilon\acute{o}\rho\eta\varsigma]$ представлено в вотиве мольпов НО 58 (также в эпитафии V в. I² 270).

2.1.5. НО 59, 63

Рис. 21. НО 63

НО 63 — это два обломка мраморного лутерия с остатками надписи на закраине (фр. А = IOSPE I² 273), оба даны В. М. Скудновой [СА. 1959, XXIX–XXX, с. 252; Блаватская, 1962, с. 252] (рис. 21). Текст издателя НО Брашинского: А (по Латышеву) [-- οἱ ἔμπ]οροι, Б --ΔΔΗΣΜ---. Полагаем, на основании предыдущих вотивов стефанефоров следует усмотреть их обозначение в буквах ΕΡΟΙ and читать всю надпись

¹³⁴ По числу букв подходит также распространенное в посвятительных надписях указательное местоимение $\tau\omicron\upsilon\delta\epsilon$, написанное на посвященном объекте или под ним, оно заменяет его обозначение [Lazzarini, 1976, p. 104, № 747, 748, 757, 759, 774, 851, 870]. В качестве примера приведем посвящение № 759, написанное на мраморной базе (Фасос, V в.): $\text{Ἡρακλεῖ Ἑρμιππος παῖς τόνδ' ἀνέθηκ' Ἐχεκίδεος}$ «Гермипп, сын Эхекида, посвятил это Гераклу» (тут $\tau\omicron\upsilon\delta\epsilon$ заменяет собой обозначение объекта, стоявшего на базе). Обычно обозначение объекта стоит вторым или далее в предложении [Ib. 774, 851 и пр.]; редко занимает и первую позицию [Ib. 748, 757], вследствие чего предпочтительнее восстановление обычного для посвящений слова $\nu\alpha\acute{o}\varsigma$.

¹³⁵ [Bechtel, 1917, S. 489 = IG IX, *f.* 2, 234. 92], Фарсал, IIIa.

в соответствии со структурой посвящения НО 167, сделанного неким лицом *имярек* и стефанефорами (к посвящению Аполлону лутериев ср. НО 59–61): [Ἀπολλωνί]δης: Μ[..... καὶ οἱ στεφανηφόροι: Δ[ελφινίωι] «Аполлонид, сын М--, и стефанефоры посвятили Дельфинию»¹³⁶. Отсутствие эпонимной датировки посвящения определяется недостатком места на закраине лутерия для размещения имени эсимнета. Поскольку предыдущие посвящения делали мольпы и стефанефоры, можно думать, что Аполлонид был действующим эсимнетом мольпов. По ранним чертам письма (трехчастная головка *ро*, «ползучее» *мю*, выпуклость боковин *дельты*, интерпункция в виде двоеточия) надпись синхронна посвящению НО 167, что и определяет их одинаковую структуру. В соответствии с аполлоническим именем эсимнета НО 167 восстанавливаем и тут имя Аполлонид: там сохранилось Ἀπολλ[--], тут [--]δης, что при общности структуры обеих надписей дает вместе Ἀπολλ[ωνί]δης¹³⁷. Стало быть, посвятитель НО 63 и 167 — одно лицо, эсимнет мольпов.

Данный лутерий имеет большой диаметр (1,1 м) и вполне предоставляет место дополненному тексту, — такой же по объему посвятельный текст написан также на лутерии НО 59: [(ὁ δεῖνα)]ς Ἦρ[οδώ]τῳ Ἀπό[λλω]νι Δε[λφινίωι] *vac.* «такой-то, сын Геродота, посвятил Аполлону Дельфинию»¹³⁸. По аналогии с НО 63 можно думать, что это посвящение, сделанное помимо сына Геродота также стефанефорами: [οἱ στεφανηφόροι καὶ (ὁ δεῖνα)]ς Ἦρ[οδώ]τῳ Ἀπό[λλω]νι Δε[λφινίωι] *vac.* «стефанефоры и такой-то, сын Геродота, посвятили Аполлону Дельфинию». В таком случае *имярек*, сын Геродота, скорее всего, был действующим эсимнетом мольпов.

2.2. Датировка посвящений мольпов-стефанефоров

Пять рассмотренных посвящений сделаны стефанефорами и мольпами, однако не исключено, что и другие ранние посвятельные надписи сделаны ими, в частности на лутериях НО 60, 61, 64. Даже посвящение НО 59, определенно сделанное одним человеком, нельзя наверняка исключить из числа их надписей, ибо он мог принадлежать к корпорации мольпов и стефанефоров (это, конечно, не означает, что ранние посвящения делались только ими). Рассмотрим вопрос о датировке ранних посвящений в целом. Надписи стефанефоров и мольпов датированы по эсимнету, однако хронология их неизвестна, так что ни одна не имеет абсолютной даты. Ввиду этого действительны обычные методы датировки эпиграфического материала — по характеру письма документа и датированным внешним аналогиям, в основном аттическим¹³⁹. Наиболее ранние вотивы НО 63 и 167 отличаются

¹³⁶ Не исключен и вариант дополнения не с подразумеваемым, а со стоящим в тексте словом ἀνέθηκεν, т. е. [Ἀπολλωνί]δης: μ[ε ἀνέθηκεν]: καὶ οἱ στεφανηφόροι: Δ[ελφινίωι] «Аполлонид посвятил меня и стефанефоры Дельфинию».

¹³⁷ Поскольку в НО 167 патронимик Аполлонид насчитывал 8 букв (выше, с. 79), здесь после букв М показываем 7 точек. Аполлонические имена популярны в среде адептов культа Дельфиния: например, Аполлон, сын Дельфиния, Аполлоний, сын Дельфинада [Inschr. Erythrai, 1973, 209, 349 etc.].

¹³⁸ Сигма — окончание имени посвятеля. Текст НО (Леви): [--]ς [--]τῳ Ἀπό[λλω]νι Δε[λφινίωι] *vac.*

¹³⁹ По причине отсутствия датированных внешних аналогий не имеет силы хронология надписей VI–V вв. Виноградова [2001] (собственно, это несколько страниц чернового наброска, извлеченного

элементами позднеархаического письма. Круглые буквы НО 167 крупные, особенно характерна *омега* с удлинённым туловом на округлых лапках, «ползучее» М, усики *ипсилона* удлинены и изысканно изогнуты. Параллели этим формам дают, к примеру, милетские и хиосские надписи рубежа VI–V и первой четверти V в. [Didyma II, 14 (посвящение тирана Гистиея); Jeffery, Pl. 64. 33; 65. 46, 47]. Вместе с тем *альфа* НО 167 имеет переходный характер, так как представлены 3 ее разновидности: две архаичные (с косой переключиной или с выпуклыми наклонными гасками) и классическое А с горизонтальной переключиной. Также Е почти классической формы — с параллельными и равновеликими горизонталями. Эти формы и отчасти Ф на ножке свидетельствуют, что надпись моложе начала V в. Хотя она примыкает к группе надписей первой четверти века, также отличающихся позднеархаическим письмом [IOSPE I² 212, 213, 215; Книпович, 1966, с. 18], классические формы указанных букв понуждают отнести ее ко второй четверти V в.¹⁴⁰ Несколько менее архаичное по письму посвящение НО 63 относится ко второй четверти или к середине века, а также посвящение Зевсу и Афине НО 64¹⁴¹.

Пять однострочных посвящений сделаны на закраинах лутериев (НО 59–61, 63, 64), столько же посвящений на мраморных плитах исполнены стойхедоном: 3 вотива стефанефоров и мольпов (НО 55–58) и 2 вотива частных лиц Иетру [IOSPE I² 164; Ольвия, 1999, с. 415]. Вопрос о развитии стойхедона в ольвийской эпиграфике поставила Т. Н. Книпович, полагавшая, что он возник в Ольвии под воздействием аттической эпиграфики ввиду ее торговых связей с Афинами [Knipovich, 1971, p. 117]. Посвящение НО 55 она датировала примерно серединой V в., остальные тем же временем и следующими десятилетиями века. Свою схему развития ольвийского стойхедона вкратце дал Виноградов [1981, с. 72–73]: он возник «в рамках переходного этапа от архаического ионийского к классическому шрифту еще во второй четверти V в., причем не под аттическим, а под ионийским, возможно милетским, влиянием, что доказывается ионийскими рудиментами шрифта, встречаемостью двух иот, подписанных под одной буквой, и силлабическим принципом переноса, известным в аттических постановлениях V в. отнюдь не как система, но в редчайших исключениях»¹⁴². Наиболее ранние его образцы, счел он, — IOSPE I² 164 и посвящение Ксанфа, содержащие все перечисленные признаки. По его мнению, примерно серединой века датируется посвящение НО 55, сохранившее ионийское *ро*. К третьей четверти века, когда стойхедон достиг наивысшего подъема, относятся надписи мольпов НО 56–58, IOSPE I² 307 вместе с «Тимесилеевым» декретом; в них отсутствуют рудименты ионийского шрифта, это классическое письмо. «Полностью сохраняя сложившуюся палеографию, ольвийский стойхедон как система постепенно деградирует к концу V в. (НО 2), полностью исчезая,

---

из его бумаг публикатором): он оперирует только изменением характера букв, что без привязки к датированным надписям может служить лишь некоторым ориентиром для обозначения тенденций развития письма, но не может дать абсолютных дат ни конкретным эпиграфическим памятникам VI–V вв., ни общей хронологии документов этой эпохи в целом.

¹⁴⁰ НО 167 стоит ближе к более продвинутому письму стелы Леокса первой половины V в. (с. 267/8).

¹⁴¹ В НО 64 сохранились 3 буквы. Ввиду классической формы *альфы* неприемлема дата Виноградова [1978, с. 71], отнесшего ее к рубежу VI–V вв.

¹⁴² Позднее Виноградов [2001, с. 9–10] вынужден был признать аттическое влияние: возник стойхедон в Ольвии «по милетско-ионийскому образцу», но упрочился тут ввиду связей с Атикой.

по-видимому, на рубеже столетий (НО 11)». Схему Виноградова принял Карышковский [1984, с. 42 сл.].

Изложенные положения частью приемлемы, частью ошибочны. Нет оснований приписывать ольвийскому стойхедону исключительно силлабический принцип переноса, а тем самым и ионийское происхождение, ибо одно краткое посвящение НО 55 + IOSPE I² 307 дает 2 примера несиллабического переноса: αἰσιμῶνιτος и [στεφαυηφ]όροι, таково и ΣΤ конца стк. 10 НО 56 + 57 (сама разлиновка этих надписей на ортогональные ячейки, в которой помещено по одной букве, предполагает свободный перенос слова). Ошибочно и утверждение об исключительной редкости силлабического переноса в аттическом стойхедоне: к примеру, в постановлении о Фаселиде 469/450 г. [ML 31] при 12 несиллабических переносах 9 силлабических. Виноградов в целом правильно уловил хронологическую последовательность упомянутых им надписей, но абсолютная дата их несколько удревнена, поскольку его схема не привязана к каким-либо датированным аналогиям; также свою дату появления стойхедона — вторая четверть — он ничем не обосновал. Действительно, посвящение Йетру IOSPE I² 164 стоит первым в ряду памятников стойхедона, но отнести его ко 2 четверти не позволяют аналогии — очень близкий ему по письму горос из Галикарнасса датируется временем ок. 450 г. [Jeffery, Pl. 69. 39], а наиболее характерная для этого посвящения Йетру полнотелая *омега* с прямыми «лапками» находит параллель в надписи 3 четверти века [Ib. 33. 6, Трезен]. Это указывает, что посвящение IOSPE I² 164 относится к середине V в. или его 3 четверти (детально см. о датировке этой надписи с. 302). Мы подробно рассмотрели вопрос о дате «Тимесилеева» декрета и выявили его датировку концом V в. (ниже, с. 248); поскольку посвящение НО 58 близко ему по письму, оно датируется не 3 четвертью века, а тем же концом столетия. В целом письмо посвящений НО 56–60 и «Тимесилеева» декрета находит близкие аналогии в аттических надписях, датированных 434, 408, 403, 399, 398 и 394 г. [Kirchner, 35, 41, 43–46]. Посвящение НО 55 Виноградов (вслед за Книпович) датировал временем ок. середины века, а IOSPE I² 307 третьей четвертью; поскольку выяснилось, что это фрагменты одного декрета, они не могут иметь разную дату. Это посвящение находит аналогии в аттических надписях 440 и 427 г. [Kirchner, 34, 36], т. е. относится к 3 четверти V в.

Итак, упомянутые ольвийские посвящения имеют следующее хронологическое распределение: НО 63, 64, 167 — вторая четверть V в. Далее следуют стойхедонные надписи (посвящения, ателии, проксении): IOSPE I² 164 и, вероятно, посвящение Ксанфа — середина века. Затем следуют НО 55 + IOSPE I² 307 и НО 56 + 57 — третья четверть, а НО 58, «Тимесилеев» декрет и НО 2 А, Б относятся к последней четверти, преимущественно к концу века (об НО 2 см. с. 289). На наш взгляд, стойхедон появляется в Ольвии, вопреки Виноградову, не ранее середины V в., когда почти все ионийские центры как члены Афинского морского союза испытывали сильное аттическое влияние; достаточно напомнить, что сам Милет с 450 г. полностью подпал под воздействие Афин¹⁴³. Стало быть, для предположения об ионийском происхождении ольвийского стойхедона нет исторической почвы. Это указывает, что стойхедон в Ольвии развивался в основном под аттическим влиянием

¹⁴³ [ML, p. 106, *лит.*; Gehrke, 1980, S. 17 f.; Карышковский, 1984, с. 45 сл.; Борухович, 1985, с. 26 сл.].

и его ионизмы вторичны. Определенно связи Ольвии с Атикой вполне наладились по меньшей мере с 425 г., когда она была членом Морского союза и следовала Клеархову декрету об использовании союзниками аттических мер, весов и монеты, о чем свидетельствует происходящий из Ольвии его фрагмент¹⁴⁴. Можно полагать, что выставленный в Ольвии этот исполненный стойхедоном декрет дал импульс развитию здесь гармоничной стойхедонной манеры изготовления общественных актов. Ольвийский фрагмент Клеархова декрета не копировал аттическое письмо (его скопировали лишь косский фрагмент, и то без аттической *сигмы*, да в Афитисе), — как и в 5 других центрах, он был переложен на ионийское письмо. Это означает, что в Ольвию, Смирну, Афитис, на Кос, Сифнос, Симе прислали аттический подлинник, который был переведен на камень во всех местных мастерских с локальными отличиями в письме и языке¹⁴⁵. Работа с аттическим декретом стимулировала восприятие ими культивируемого аттической документацией высокоэстетичного стойхедона: копии декрета были выполнены в этой манере не только в Ольвии, но также в Афитисе и на Косе. Именно в этом следует усматривать причину того обстоятельства, что в Ольвии стойхедон более всего представлен надписями последней четверти V в. С распадом Морского союза и ослаблением роли Афин в конце столетия стойхедон почти выходит из употребления в Ольвии¹⁴⁶. Сигнатура Стратонида середины или 3 четверти IV в. на базе НО 65 исполнена стойхедоном, но 6-й буквой (далее текст утрачен) строгость расположения знаков друг под другом нарушена, что свидетельствует об увядании этой манеры в Ольвии (ионийская форма $\text{Ἰ}\eta\tau\rho\omega\iota$ указывает, что это ольвийская, а не привозная аттическая надпись)¹⁴⁷. Тем не менее само присутствие стойхедона в этой ольвийской надписи указывает, что тут по-прежнему существовали памятники, исполненные в этой манере.

Как видно, в локальных центрах аттическое письмо Клеархова декрета перелажается на местный алфавит, но около половины копий воспроизводит его совершенную манеру письма. Этой тенденции заимствования достижений аттических мастерских — не только в эпиграфике, но и в скульптуре, коропластике, монетном деле и пр. — следовала также провинциальная Ольвия, для которой приобщение к эталонным ценностям Греции было средством самоутверждения и самосохранения на краю варварского мира.

¹⁴⁴ [ML 45, ок. 450–446 г.; Карышковский, 1959, с. 57 сл.]. Дата ольвийского фрагмента ограничена последним десятилетием V в. — временем развала Афинского союза, что снимает датировку Карышковского [Ib., с. 65] концом V — началом IV в. Неприемлема и датировка Виноградова [1989, с. 129] третьей четвертью V в., им ничем не обоснованная и противоречащая шрифту надписи. Ее письмо (см. фото и прорись [Карышковский, 1959, с. 66–67]) в целом, а формы Π и Ν в частности (правая гаста первой лишь слегка укорочена, второй слегка приподнята), находит аналогии в датированных аттических надписях последней четверти V в. [Kirchner, 36 (427 г.), 40 (410 г.), 43 (403 г.)]. Это означает, что ольвийская копия Клеархова декрета ограничена 420–410-ми гг.

¹⁴⁵ Речь идет только о тех городах, в которых сохранились лапидарные копии декрета. Разумеется, декрет был разослан всем членам Афинского союза и рассылался позднее его новым членам по мере вступления в союз.

¹⁴⁶ Но это не обязательно: например, на Евбее стойхедон употребляется и в IV в. [Austin, 1938, p. 91 f.].

¹⁴⁷ И в Аттике IV в. есть надписи, исполненные не стойхедоном, но находящиеся под его влиянием [Austin, 1938, p. 103].

2.3. Ольвийские мольбы и стефанефоры

Вопрос об ольвийских мольбах остается практически не исследованным¹⁴⁸. Суммируем полученные выше данные и рассмотрим отдельные аспекты вопроса в меру их освещенности источниками. Как сказано (с. 47–48), Дельфиний — заимствованное из новохеттского пантеона, хаттское по происхождению божество ветра и плодородия Телепинус. Почти все хеттские культы сопровождались пением и танцами, которые исполняли специальные коллегии «певцов» и «танцоров», включавшие также придворных [Alp, S. 52 f.; Ардзинба, с. 72 сл.]. Отсюда ведут свое происхождение музыка и пляски, сопровождавшие отправление культа Дельфиния, а также формирование обслуживавшей его коллегии мольпов. Танцевально-музыкальное прошлое этой коллегии следует из самого обозначения: *μολποί* (к *μέλπω* «петь и танцевать», *μολπή* «пение с пляской») — это «певцы-танцоры»¹⁴⁹. Согласно предписаниям милетского сакрального закона [Syll.³ 57; лучший текст: DGE 726; Herda, 2006], изданного мольпами в 450 г. (ἔδοξε μολποῖσιν стк. 4), на празднествах в честь Дельфиния хоровой гимн запекает эсимнет мольпов (стк. 12); на праздничном шествии в Дидимы стефанефоры поют хоровые гимны не только в честь Аполлона, но также в честь богов и героев, мимо статуй и алтарей которых движется процессия (стк. 28 сл.). Судя по этому закону, мольпы уже не столько поют или пляшут, сколько выполняют сугубо деловые функции: они распоряжаются средствами, предназначенными для совершения культовых действий и праздничных мероприятий, причем часть средств их собственная, часть предоставлена полисом; они принимают решения в культовой сфере — по распределению обязанностей разных сообществ и отдельных лиц, по порядку ведения церемоний и пр. Их резиденция, «дом мольпов» — полная чаша, в нем находится все необходимое для отправления культа: сосуды, вино, жертвенные животные и пр. Полис поставлял жертвенные дары лишь для процессии в Дидимы, для священнодействий на Дельфинионе необходимую продукцию обеспечивали мольпы. Понятно, что обилие «дома мольпов» припасами обеспечивалось частными приношениями граждан и ксенов.

В сакральном законе Syll.³ 57 явственно выражено первенство мольпов перед стефанефорами, онитадами, жрецами, призванными исполнять их предназначения. Стефанефоры делятся на «молодых» и «жрецов»: «и состязаются друг с другом

¹⁴⁸ Уделенная ему статья П. О. Карышковского «Ольвийские мольбы» 1984 г. носит постановочный характер: в ней дана его текстология надписей мольпов (мы привели ее выше), рассмотрены милетско-афинские отношения в V в., статус милетских мольпов; собственно ольвийским мольпам уделено несколько строк последнего абзаца: предостереги от механического переноса ситуации с милетскими мольпами в Ольвию, автор предположил, что институт мольпов с его эсимнетом и стефанефорами был занесен первыми колонистами, выразил уверенность в его аристократическом характере, но отметил, что о степени их политического влияния можно делать лишь предположения — возможно, первоначальное устройство Ольвии было олигархическим.

¹⁴⁹ Согласно О. Семереньи, греч. *μολ-п-*, *μέλ-ос* «песнь», хетт. *malai-* «одобрять» образуют индоевропейскую основу **mel-* «говорить, произносить» [Szemerényi, 1954, p. 159 f.]. Сюда добавляется также ирл. *-molor* «хвалить» (*лут*. [Chantraine, 1974, p. 684]). Однако *p-*суффиксация греческой группы *μέλп-*, *μολп-* не имеет аналогий (полагаем, *mel-* Семереньи скорее представляет собой упрощение индоевр. **meld-* «молиться, совершая жертву», о котором см. [Гамкрелидзе, Иванов, с. 803]), что указывает на ее заимствованный характер, скорее всего из малоазийского неиндоевропейского источника, может быть, карийского. О милетских мольбах и эсимнетах [Борухович, 1985; Andreou, 2000; Лаптева, 2009, с. 319/21; Herda, 2006; 2011].

стефанефоры — молодые и жрецы (ἀμλλῶνται οἱ στεφανηφόροι οἱ τε νέοι καὶ οἱ τε ἱερέωσι), и пьют вино мольпов, и совершают возлияния из сосудов, как в доме мольпов» (стк. 15–16, аутентичный текст закона 450 г.). Одна из вставок внесена из постановления мольпов при эсимнете 479 г. Харопине (стк. 40–41): «ежели что из этого не совершат онитады, постановлено мольпами при Харопине: пусть предоставят стефанефоры из *жертвенных даров* Гестии; чем будут пользоваться онитады, постановили мольпы, то же предоставить стефанефорам».

Приведенные данные позволяют заключить, что к середине V в. милетские мольпы представляли собой культовую корпорацию, в распоряжении которой было младшее сообщество стефанефоров, допущенное в «дом мольпов», т. е. это был младший состав корпорации мольпов. Таким же образом различались мольпы и стефанефоры в Ольвии. В Милете в классическую эпоху значение мольпов существенно уменьшилось: если с конца VI по середину V в. зафиксировано 9 имен, включающих слово *мольп*, то за 5 последующих столетий встречено лишь 7 таких имен [Борухович, 1985, с. 13 сл.]. С IV в. повсеместно в малоазийской Ионии вышли на первый план стефанефоры, переняв эпонимат у мольпов¹⁵⁰. Ольвийские посвящения Дельфинию дают следующую картину: стефанефоры сделали 3 посвящения (НО 63, 167, 55 + IOSPE I² 307) во 2–3 четвертях века, тогда как мольпы, они же отбывшие срок стефанефоры, сделали 2 посвящения в 3 и 4 четвертях V в. (НО 56–58). Этот материал позволяет сделать некоторые выводы. 1) Посвящения стефанефоров и мольпов делались на протяжении почти всего V столетия — от 2 четверти до конца¹⁵¹. 2) Со 2-й четверти V в. сложился формульный язык посвящений, основу которого составила эпонимная датировка по эсимнету ἐπὶ (τῶν) μολπῶν αἰσυμιῶντος *имярека* (НО 167; позже без члена τῶν). 3) Само употребление этой формулы указывает на важную роль мольпов в общественной жизни Ольвии. 4) Более высока сравнительно с Милетом роль стефанефоров в культовой жизни Ольвии V в.

С рубежа V–IV вв. в Ольвии проходил уже отмеченный для малоазийской Ионии процесс упадка значения культа Дельфиния и соответственно его причта, что было естественным результатом общественного и экономического развития. В Ольвии в отсутствие полисных институтов управления их роль выполняли имевшиеся в наличии культовые структуры. Судя по эпонимной датировке посвящений всего V в., такой структурой была корпорация мольпов, а культ Дельфиния, видимо, составил идеологическую основу консолидации нижнебужских греков. Сама по себе замена культа архаического Дельфиния классическим Зевсом — а именно он стал основным божеством полиса ольвиополитов IV в. — знаменует завершение позднеархаической фазы исторического развития Ольвии. Культ Дельфиния и его жрецы играли ведущую роль в полисе на протяжении почти всего V в. Видимо, как и в Милете, в Ольвии от каждой из 6 ионийских фил избирался на годичный срок 1 мольп (и, вероятно, в качестве очередного кандидата стефанефор), возглавлял коллегия эсимнет (выше, с. 79). Эсимнет был эпонимным магистратом города, как, например, в Истрии в том же V в. эпонимом был жрец Аполлона Иетра [Lazzarini, 1976, p. 172/3].

¹⁵⁰ Эпонимная датировка ἐπὶ στεφανηφόρου в Иаце (Syll.³ 169, до 351 г.), в милетском выселке Фивы у Микале [DGE 722, IIIa], Приене [Ib. 289. 84, IIa], Милете [Milet I, № 150 от 180 г.]. Это и привело А. Рема к мысли о стефанефорах как просетерах, т. е. пяти ближайших сотоварищах эсимнета [Ib. 133, *comm.*], но ее нельзя пролонгировать в более древнюю эпоху — до середины V в.

¹⁵¹ Этим снимается утверждение Виноградова [Pont. St. S. 76], что мольпы известны с середины V в.

Рассмотрим теперь по возможности конкретные аспекты деятельности ольвийских мольпов, сообразуясь с милетскими параллелями, которые помогают очертить их. О роли коллегии мольпов не только в культовой, но и в общественно-политической жизни Милета высказывались разные точки зрения¹⁵². Такие функции милетских жрецов Дельфиния в эллинистическое время, как наблюдение за законностью гражданского статуса конкретных милетян и опека ксенов, свидетельствуют об их общественно значимой роли, и ничто не препятствует ее пролонгации в предшествующее время. Выше (с. 63) мы обратили внимание, что в Афинах дела о праведном убийстве разбирались в местном Дельфинионе. Также в Милете раннего времени подобными делами ведали мольпы, и это имело важнейшее значение в критических эпизодах социально-политической истории Милета, о чем свидетельствует рассказ Николая Дамасского¹⁵³. Нам важно отметить такие обстоятельства этого рассказа, как избрание эсимнета посредством голосования в народном собрании (ὑπὸ τοῦ δήμου χειροτονεῖται), широкие полномочия эсимнета в политической сфере: конфискация имущества, определение круга лиц, подлежащих физической ликвидации, установление награды за это, изгнание неугодных лиц. Можно было бы предположить, что народ потому поручил эсимнету мольпов ликвидацию последствий Амфитретовой тирании, что законный царь был убит во время священнодействий, однако тот факт, что и в Афинах после свержения 30 олигархов для управления Пиреем была назначена коллегия 10, которую возглавил мольп [Photii Lex. 201, 9; см. Luria, 1963, S. 34], свидетельствует о старинной ионийской традиции вручения верховной власти во время социально-политического конфликта эсимнету мольпов, авторитетному одной своей связью с божеством-покровителем города [Лаптева, 2009, с. 319 сл.]. Это подсказывает, что и в нормальных условиях жизни государства функции мольпов вряд ли ограничивались культовой сферой, проверкой гражданского состояния и опекой ксенов. Показательна в этом отношении роль жречества Дидим в жизни эллинистического Милета. В роскошно отстроенном

¹⁵² Изложение их [Laumonier, 1958, p. 654 f.; Luria, 1963, S. 33; Карышковский, 1984, с. 47 сл.; Борохович, 1985, с. 12 сл.]. А. Херда отметил, что в Милете мольпы пополняли ряды членов пританея, так что они выполняли не только религиозные функции, но и политические; такая биполярность культа Дельфиния распространялась и на милетские колонии [Herda, 2011].

¹⁵³ Fr. 52–53 Яс: сначала повествуется о распре внутри правящего рода Нелеидов: Амфитрет во время праздника в честь Аполлона убил бацилея Леодаманта, намеревавшегося принести жертвенную гекатомбу богу; его сыновья бежали в Ассес, во время осады которого Амфитрет погиб. «После этого народ избирает эсимнетом Эпимена, получившего право убивать тех, кого сочтет нужным. И не осталось никого из сыновей Амфитрета, кто был бы в силах, ибо они тотчас из страха бежали. Он (Эпимен) конфисковал их имущество и объявил вознаграждение тому, кто убьет их. Из сообщников убийства (Леодаманта) троих он умертвил, остальных приговорил к изгнанию, и они ушли». Обычно этот эпизод приурочивают к концу VIII в. [Лаптева, 1996, с. 56 сл.; 2009, с. 320, 339/40], но принятый ок. 450 г. закон о преследовании тиранов (или стремившихся установить тиранию, — начало надписи не сохранилось: Syll.³ 58) дает ряд параллелей рассказу Дамаскина, которые могут указывать на его хронологические и реальные аберрации. В частности, аналогичным образом этот закон предписывает награду убийцам тиранов, причем эпимены (должность, равнозначная афинским пританам) выплачивают награду из конфискованных средств; Эпимен — очевидная инвенция, навеянная названием должности эпименов (список эсимнетов [Milet I, 122] начинается с 525 г. и не с Эпимена). Поскольку рассказ Дамаскина все же отражает реалии времени не позднее середины V в., его сведения ценны для нас, тем более что конфискация имущества тиранов и награждение их убийц могут быть давними реалиями политической жизни Милета, неоднократно подпадавшего под власть тиранов и избавлявшегося от нее [Лаптева, 1996, с. 334 сл.].

новом Дидимейоне аккумулировались многочисленные дары Аполлону, так что богатство святилища, имевшего свою кассу и выпускавшего собственную мелкую серебряную монету, само по себе было средством влияния на разные сферы жизни Милета. Это олигархическое по духу влияние, ибо главную роль в Дидимах играла корпорация стефанефоров, из числа которых избирались на высшую должность прорицателя представители лишь нескольких семей¹⁵⁴.

Обратившись к ольвийским мольпам, мы также обнаружим их отнюдь не только культовую роль. И они осуществляли финансовую деятельность, которая выражалась прежде всего в выпуске храмовой квазимонеты, так называемых дельфинчиков, в огромном количестве найденных на территории городища в целом и на святилище Дельфиния в частности¹⁵⁵. Появившись в третьей четверти VI в. [Анохин, 1986, с. 85; 1989, с. 5 сл.], дельфины выполняли функцию квазиденег на всей территории полиса около полутора столетий. Неизвестно, где отливалась столь значительная их масса, но в северной части Зап. теменоса обнаружены следы их производства [Русяева, 1986, с. 56, примеч. 138]; в северной части Вост. теменоса найдены остатки производства, обслуживавшего его в VI–V вв.: печи, шлаки, ямы специального назначения [Брашинский, 1965, с. 103]; в сев.-вост. части раскрыты «остатки мастерской, где найдено большое скопление отходов меди» [Карасев, 1964, с. 36; Леви, 1985, с. 71]; в эллинистическое время на ее месте была мастерская по производству терракотовых статуэток, несомненно, приносящая доход святилищу. Подобно тому, как монеты-стрелки выпускало святилище Иетра, дельфины производились святилищем Дельфиния¹⁵⁶. Именно участием святилища Дельфиния в производстве квазимонеты может быть объяснено размещение на первой литой медной монете Ольвии («асссах») датировки по эпонимному эсимнету — ἐπὶ Παύσα (почти наверняка это сокращение имени Павсаний), Παύσ, ἐπὶ Κ, Ἀρίχ. П. О. Карышковский [1984, с. 83–85; 1988, с. 48] и В. А. Анохин [1989, с. 14] с полным основанием сопоставили предлог ἐπὶ легенд с датировочной формулой лапидарных посвящений мольпов, включающей тот же предлог, и усмотрели в легендах имена мольпов-эсимнетов¹⁵⁷. Что это не магистраты, имена которых также могут сопровождаться датировочной формулой с этим предлогом, а эсимнеты мольпов, определенно указывает символика изображений аверса — голова Афины и дельфин: именно Афина и Дельфиний почитались на теменосе, находившемся в V в. в ведении мольпов. В связи с этим Карышковский [1962, с. 223] напомнил, что имена магистратов по-

¹⁵⁴ [Günther, S. 26, 43, 118]. А. Рем построил стеммы нескольких жреческих семей, насчитывавших до 7 поколений [Didyma II, 159, 167, 171, 220].

¹⁵⁵ К примеру, только за 2 года раскопок 1946/7 гг. в сев.-вост. части городища и на Нижнем городе найдено свыше 2 тыс. экз. [Харко, 1964, с. 323]. См. также таблицу с числом находок дельфинов на агоре Ольвии [Карышковский, 1962, с. 224].

¹⁵⁶ Гипотезы о частном и храмовом выпуске дельфинчиков [Анохин, II. cit.; Карышковский, 1988, с. 38 сл.] на нынешнем уровне знаний не противоречат друг другу.

¹⁵⁷ Анохин [1989, с. 13 сл.] различает следующие выпуски «ассов»: 1) анэпиграфный с изображением головы Афины Паллады и дельфином, на обороте колесо, дата ок. 480/70 гг.; 2) тот же тип с легендой ἐπὶ Κ, ок. 470/60; 3) тот же тип с легендой ἐπὶ Παύσα, ок. 460/50; 4) тот же тип, между спицами колеса Παύс, ок. 450/40 (вторичное появление имени Παύс без предлога Анохин объясняет вторичным эпониматом Павсания или тем, что он выпустил монету в качестве частного лица), далее ок. 440/30 следует выпуск серебра с легендой ΕΜΙΝΑΚΟ. Карышковский [1988, с. 41 сл.] поделил эти монеты на 2 серии: 1) со следующими выпусками — анэпиграфным, с легендой ἐπὶ Παύσα, с легендой Παύс; 2) ассы с легендой ΑΡΙΧ; вторая серия более поздняя и датируется 3 четвертью V в.

являются на монетах Греции «не ранее второй четверти и даже середины IV в.», тогда как ольвийские монеты с указанными сокращениями имен, а также с полными именами ΑΡΙΧΟ и ΕΜΙΝΑΚΟ относятся ко второй половине V в.

Первые выпуски ассов с легендами крайне редки, в основном это анэпиграфная медь; дельфины тоже в основном анэпиграфны. Первые легенды на литой ольвийской монете появились, согласно Анохину [1989, с. 14], ок. 470/60 гг., по Карышковскому [1988, с. 45], в 3 четверти V в. Легенды на ассах имеют две разновидности: 1) с предлогом и развернутым сокращением имени эпониμα (ἐπὶ Παυσα), как вариант — с предлогом и инициалом эпониμα (ἐπὶ Κ); 2) без предлога, одно сокращение имени (Παυσ, Ἀριχ). В контексте этих закономерностей следует понимать и легенду на примыкающем к этой меди выпуску серебра Ἐμινάκω — это полное имя эсимнета мольпов в *gen.* (без предлога ἐπὶ), а также легенду ΑΡΙΧ на следующих выпусках меди, которым хронологически соответствуют выпуски дельфинов с той же легендой и ее вариациями ΑΡΙΧΟ, ΑΡΙΧ:Ο (сомнению в их хронологической близости не оставляет места уникальность легенды): Ἀρίχῶ — это *gen.* полного имени эсимнета Ἀρίχος и Ἀριχ — его сокращение (подробнее об Арихе и Эминাকে см. ниже, с. 274)¹⁵⁸.

Уход мольпов с авансены общественной жизни Ольвии в конце V или начале IV в. нашел отражение в легендах ΟΛΒΙΟ = Ὀλβιο(πολιτέων) на меди и серебре последующих выпусков¹⁵⁹. Поскольку символика изображений по-прежнему связана со святилищем Дельфиния — букраний и тирс на серебре (атрибуты Диониса, почтившегося на Дельфинионе, см. с. 62–63), также горгонейон и орел с дельфином на меди, можно заключить, что корпорация мольпов принимала деятельное участие и в создании целиком полисной монеты. Хотя в первой половине IV в. на ольвийской монете господствует изображение генетически уже мало связанной с Дельфинием Деметры, его атрибутика все еще фигурирует на ней (герб города — орел и дельфин), что может быть свидетельством традиционно сохраняющейся связи святилища Дельфиния с городскими финансами, при том что все управление ими уже целиком сосредоточено в полисных органах. По Карышковскому [1978, с. 88], на смену

¹⁵⁸ Анохин [1989, с. 17 сл.] отметил изменение монетного типа следующих (после упомянутых в предыдущей сноске) выпусков ассов: голова Горгоны, на обороте орел на дельфине, более мелкие монеты имеют тот же аверс, но колесо на обороте; к этой же группе принадлежат дельфины с надписью ΑΡΙΧ, все крупные анэпиграфные дельфины, а также мелкие с надписью ΘΥ. Он датировал группу 430/10 гг. и указал на существенные изменения в политической истории Ольвии — она вошла в состав Афинской Архэ, мольпы исчезают из надписей; оба события поясняются изображением орла, когтящего дельфина, и эта символика может объясняться «острой политической борьбой, в результате чего одна социальная группа, видимо, с помощью афинян, одержала верх над другой». Ассы и дельфины с надписью ΑΡΙΧ призваны положить конец обращению квазиденег — стрел и дельфинов, которые выпускались частными лицами: государство обменивало их по весу или по счету на соответствующее количество ассов. Эта гипотеза интересна и логична, однако некоторые положения ее уязвимы с эпиграфической точки зрения: надписи мольпов идут до самого конца V в., когда ни о каком влиянии Афин, разгромленной Спартой, не может быть речи (тем более об участии афинян во внутреннем ольвийском конфликте). Следовательно, не афинское влияние повлекло за собой падение мольпов. Не указывает на социальную борьбу и изображение орла, когтящего дельфина, — когтит ведь орел тунца на монетах Кизика того же времени, но за этим не видно политических обстоятельств.

¹⁵⁹ Анохин [1989, с. 22 сл.] отнес серебро с букранием, тирсом и этниконом ольвиополитов к последнему десятилетию V в., а первую медь с этниконом к 400–380 гг. Карышковский [1988, с. 55] считал одновременными выпуски самого раннего серебра и меди с этниконом ольвиополитов, отнес их к концу 380-х.

эсимнетам пришли в качестве эпонимов города жрецы Аполлона (ἱερεῖς, см. ниже). Поскольку эсимнеты тоже жрецы, полагаем, суть дела состояла в изменении сакрально-должностной лексики, а не существа функций причта Дельфиния.

Начиная с первых выпусков, означенных полисным этником, на монетах появляются сокращения имен — городских эпонимов, как полагал Карышковский, или частных заказчиков, как считал Анохин [1989, с. 27]. В связи с этим обратим внимание на так называемые квадратные здания III в. у главного алтаря святилища Дельфиния, одно из которых Леви [1985, с. 82] сочла святищем Кибелы, а другое, которому предшествовало такое же здание V–IV вв., Крыжичкий и А. В. Буйских [1990, с. 34], на наш взгляд, справедливо определили как сокровищницу. Однотипность этих однокамерных зданий, их существенное значение, выраженное и в расположении у главного алтаря, и в мощном строительном основании, заставляют считать оба здания функционально одинаковыми: скорее всего, это сокровищница святилища, в V–IV вв. ставшая также городским казнохранилищем. Расцвет раннеэллинистической Ольвии, разумеется, определялся в числе прочего увеличением городской казны, для чего и было перестроено прежнее казнохранилище, причем рядом возвели второе аналогичное здание. Храмовая сокровищница называлась ὁ θησαυρός (IOSPE I² 76, вторая половина III в.), городская казна упомянута в Протогеновском декрете 180/70 гг. (τὰ κοινά, I² 32, А. 12, В. 59). Хронологическая близость обеих надписей (при том, что деятельность Протогена приходится на конец III в. — 180/70 гг., см. с. 503) указывает, что во второй половине III в. в Ольвии были две сокровищницы. Соответственно новое здание III в. можно считать отдельной городской сокровищницей. Видимо, в условиях кризиса жречество Аполлона сочло нужным территориальное разделение храмовой и городской казны, для которой было выстроено отдельное здание.

Согласно декрету III в. в честь сыновей херсонесита Аполлония, финансовые расчеты с займодавцами производятся через святилище Аполлона (с. 467), что подтверждает мысль о сохранении финансовой роли Дельфиниона. Красноречивое свидетельство этого — посвящение конца II в. Евника, сына Евдора, внука Протогена, которое он сделал Аполлону Дельфинию по отбытии срока жречества [Русяева, Крапивина, 1992, с. 27]. Другие донаторы III–II вв., как обычно, ограничиваются упоминанием патронимика (IOSPE I² 189), тогда как Евник подчеркивает, что он внук великого финансиста (добавим — и обиралы) Протогена (ниже, с. 508/9) и (вряд ли стоит сомневаться) его наследник (без денег дед вряд ли удостоился упоминания). Исполнение богатейшим человеком города должности жреца Дельфиния указывает, что это святилище по-прежнему оставалось финансовым центром.

Несомненно большое финансовое значение святилища и в первой половине IV в., эсимнетов и мольпов которого тогда, видимо, заменили жрецы (должность жреца Дельфиния уверенно реконструируется в посвящении первой половины III в. I² 163); это позволяет высказать догадку, что упомянутые сокращения имен на городской монете IV–III вв. принадлежат жрецам Дельфиниона. На монетах этих столетий время от времени появлялись изображения Аполлона и почти всегда фигурировали его атрибуты (дельфин, лук, колчан, горит, звезда). На связь жречества Аполлона с финансовой деятельностью полиса прямо указывает следующее обстоятельство. В III в. в связи с кризисом управление городскими финансами сосредоточилось в руках коллегии Семи, которая выпустила 3 серии меди от своего имени — с легендой οἱ Ἑπτά [Карышковский, 1976, с. 109 сл.]. Старший номинал

имеет изображение речного божества Борисфена на аверсе, горита и секиры на реверсе, средний — Аполлона и лучника, младший — Аполлона и горита¹⁶⁰. Все эти изображения (Борисфен — это Иетр, см. с. 18, 20) свидетельствуют, что коллегия Семи состояла из жрецов Аполлона; само число их 7 — священное число этого бога. Они заведовали священной казной (ὁθησαυρός, I² 76 — декрет коллегии Семи второй половины III в.), которая, как мы видели, располагалась на святилище Дельфиния. Казна Дельфиниона выполняла функцию залогового обеспечения меди, выпущенной Семью для поддержания городского денежного хозяйства в условиях кризиса после коллапса ок. 275–270 гг. [Карышковский, 1988, с. 90]. Предшествующий выпуск серебра с изображением Аполлона, но без легенды Семи [Карышковский, 1988, с. 79, 89; Анохин, 1989, с. 41], возможно, был подобным мероприятием городских властей: для поддержания денежного хозяйства они прибегли к помощи храмовой казны святилища Аполлона¹⁶¹.

Ни милетские мольпы и стефанефоры, ни ольвийские не составляли олигархический слой, так как в большом милетском списке эпонимов (Milet I, 122) личные имена, сложные с -δημος, по численности стоят на 3 месте после композитов с теонимами Διον- и Ἀπολλ-¹⁶².

2.4. Список ольвийских эсимнетов-эпонимов

Вышеизложенное о посвящениях мольпов и стефанефоров, а также о монетных легендах позволяет дать примерную хронологическую схему эсимнетов-эпонимов V в.

Вторая четверть:	(?) Ἀπολλωνίδης M[.....]	НО 63, 167.
Третья четверть:	Ἐμνακο/ης	Серебряные статеры ¹⁶³

¹⁶⁰ [Анохин, 1989, с. 41]. По Карышковскому [1988, с. 90], на старшем номинале представлен Зевс, на младшем Артемида. А. Н. Зограф [1951, с. 133] усматривал на старшем выпуске голову θεός μέγας.

Атрибуция бородатой головы речному богу Борисфену потому предпочтительна, что на предшествующей меди, так называемых борисфенах, представлены те же изображения — бородатая голова на аверсе, лук и горит на реверсе.

¹⁶¹ Два выпуска этого серебра снабжены сокращением имени АГА, в котором Анохин [1989, с. 41] с основанием усмотрел имя Агатина Деимахова декрета в честь сыновей херсонесита Аполлония. Этот Агатин был избран в комиссию из 3 человек, которой предстояло уладить все вопросы, связанные с кассацией процентов по долгу и возврату части долга Ольвии сыновьям Аполлония (ниже, с. 466). Поскольку все эти мероприятия велись через ольвийский храм Аполлона, можно думать, что члены комиссии были его жрецами. По эпиграфическим показаниям деятельность Агатина Деимахова приходится на последнюю треть III — первое десятилетие II в. (с. 466). Если правильна догадка о сокращении АГА на серебре с изображением Аполлона как имени Агатина Деимахова, выпуски серебра следует отнести к последней трети III в. [Карышковский [1988, с. 79], оговорившись, что датировать его можно «лишь примерно», отнес к 1–2 десятилетиям III в., Анохин [1989б с. 41] к 280/70 гг.).

¹⁶² По предположению А. С. Русаевой, установление в Ольвии демократии в конце V в. (о чем см. с. 343) привело к изгнанию мольпов [Русяева, 1994б; Ручинская, 2007]. Однако у нас нет данных об их исключительно олигархической ориентации, как и в Милете, часть их могла поддерживать демократию.

¹⁶³ Даем датировку по палеографии легенды: формы букв заострены (ср., к примеру, подобный шрифт легенд на тетрадрахмах Мессаны 440/30 гг. [Guarducci, 1970, р. 630]: М с косыми боковинами, правая гаста N приподнята, Е и А классической формы. Это письмо переходного времени от позднеархаического к классическому. Подробнее об Эминаке см. ниже.

	[ὁ δελῖνα] Γερα[ῖο?]	HO 55 + IOSPE I ² 307
	Ἄριχος	Ассы и дельфины ¹⁶⁴
	-- Т -- (остаток патронимика)	HO 56 + 57.
3 или 4 четверть:	Θυ	Сокращение имени на дельфинах
	Κ	Инициал имени на ассах (ἐπὶ Κ)
Последняя четверть:	Παυσανίας	Сокращение имени на ассах ¹⁶⁵
	(?) [--]ς Ἦρ[οδώ]το	HO 59
	Διονυσόδωρος Ληναῖο	HO 58

Как отмечено выше, постоянное участие жрецов Дельфиния в финансовой деятельности полиса позволяет предполагать, что с IV в. на ольвийской монете помещались сокращения их имен, т. е. за главой культа Дельфиния, подобно эсимнетам V в., возможно, оставался эпонимат в целом, в том числе денежных эмиссий. Это означает, что сокращения имен на монетах IV в. принадлежат именам жрецов Аполлона. Данная в обобщающих работах Карышковского и Анохина систематическая хронология ольвийских денежных эмиссий позволяет построить хронологический список жрецов Аполлона догетского времени, с добавлением имен жрецов из прескриптов ольвийских декретов, открывающихся формулой ἱερομένου τοῦ δελῖνος (HO 26, 30).

¹⁶⁴ Палеография легенд в основном классическая, но встречаются образцы со слегка скошенной перекладной *альфы*. Петелька Р круглая, но есть и примеры слегка округлой трехчастной и даже двухчастной формы головки [Зограф, табл. XXXI, 1, 2]. Это пережитки более ранних форм (например, на афинских остраконах с именем одного и того же предлагаемого к остракизму лица графика не только современная, но и старая), поэтому малоосновательна попытка В. В. Лапина [1971, с. 50] датировать дельфины с АΡΙΧΟ последними десятилетиями VI в., а с ΘΥ — началом V в. [Карышковский, 1988, с. 45]. Анохин [1989, с. 20] на основании редких образцов написания легенды с интерпункцией АΡΙΧ:Ο предположил, что это не антропоним, а сокращение 3 слов: ἄρδς «стрела», ἰχθύς «рыба» (дельфин тоже рыба), *омикрон* — начало этника ольвиополитов. Интерпретация неубедительна, поскольку абсолютное большинство легенд дает написание тех же букв без интерпункции, что указывает на случайность ее появления либо в результате технического брака (ср. [Ольвия 1964, с. 326], легенда второго снизу дельфина, на которой Х и О разделены одной точкой), либо по ошибке (ср. [Jeffery, р. 402. 9A1 и Pl. 5] — ошибочное разделение слова интерпункцией). Наконец, Ἄριχος — засвидетельствованный антропоним (ниже, с. 275), что не позволяет трактовать легенду на дельфинах и ассах иным образом.

¹⁶⁵ Даем датировку по палеографии легенды: *альфа* классической формы с горизонтальной перекладной, усики *сигмы* уплощены. Особенно показательно Π — на одних монетах правая гаста укорочена, на других почти той же длины, что и левая [Зограф, табл. XXX, 3]; вторая форма встречается в датированных аттических надписях последнего десятилетия V в. [Kirchner, 43, 44]. Виноградов [1989, с. 92] разделил монеты Павсания на 2 эмиссии: ранняя имеет архаическое по облику изображение головы Афины, на позднейшей оно приобретает уже «классические» черты (кавычки при слове не объяснены); на этом, буквально изложенном нами кратчайшем основании, он отнес монеты ко второму десятилетию V в. Комментарий к такому «обоснованию» даты не требуется. Трактовка Карышковского [1988, с. 48]: «общая картина обращения двух серий ассов позволяет предполагать, что их анэпиграфная эмиссия отливалась от имени Ольвийского полиса, а затем на монетах стали помещать имя эпонима Павсания», эсимнета мольпов; выпуск им монет без предлога и их стилистическая эволюция указывают, что его власть не ограничивалась одним годом, также ассы с именем Ариха выпускались на протяжении нескольких лет; это дает основание предположить, «что перед нами имена тиранов». Лишь вывод об именах тиранов представляется нам немотивированным. Аргументированную критику этих положений Карышковского (также Виноградова) дал Анохин [1989, с. 15 сл.]. Подробнее об Арихе см. ниже.

3. КУЛЬТ АХИЛЛА В НИЖНЕМ ПОБУЖЬЕ¹⁶⁶

3.1. Скифский Ахилл

Теперь обратимся к культу Ахилла в Нижнем Побужье и Нижнем Поднепровье. Ахилл почитался во всем Сев. Причерноморье, но если на Боспоре и в Херсонесе он был, как и в Ионии, второстепенным божеством, то в Нижнем Побужье и Нижнем Поднепровье широко почитался с архаики до поздней античности, причем тут культ его отличался рядом не вполне ясных особенностей¹⁶⁷. Поставим вопросы, на которые еще нет определенного ответа: почему из сонма ионийских героев, божеств и полубожеств колонисты, освоившие Сев.-Зап. и Сев. Причерноморье, выбрали именно Ахилла; был ли Ахилл не только греческим, но и туземным скифским божеством; почему в указанном регионе его цвет белый; с какого времени литературная традиция связывает Ахилла с Белым (Змеиным) островом¹⁶⁸? Сначала уточним, где находится остров Ахилла, когда впервые упоминается, почему он белый. Забегая вперед, скажем, что ответы на них дает туземный индоарийский культ змея-дракона *Ahi Valá*, которого греки по созвучию отождествили со своим *Ἀχιλλεύς* *ο*μ.

¹⁶⁶ Эта глава — извлечение из статьи «Индоарии — киммерийцы — тавры: Северное Причерноморье VIII–VII вв. до н. э. в мифологической традиции и ономастике» [Яйленко, 2013а, с. 6–157] (в сокращении и по частям опубликована в ДБ, 15, 16, 17). Суть статьи в целом заключается в продолжении поисков индоарийского слоя в ономастике древнего Сев. Причерноморья, начатых еще в 1820 г. выдающимся знатоком древней географии К. Риттером [Ritter, 1820], продолженных крупнейшими лингвистами П. Кречмером [Kretschmer, 1928; 1944] и О. Н. Трубачевым [1999]. Поскольку далее в тексте есть отсылки к параграфам этой работы, а также для того, чтобы читатель получил представление о месте нижебужского материала в моей концепции в целом, даем названия параграфов статьи об индоариях: 1. Методические замечания о работе с мифологическим и ономастическим материалом. 2. Локализация Эи и страны киммерийцев раннегреческой мифологической традиции. 3. Северочерноморские варианты исходного хтонического мифа о соитии Гекаты и Тифона. 4. Огигия «Одиссеи» как эквивалент «Старой Скифии» Геродота. 5. Эя-Колхида в Северо-Восточном Причерноморье? 6. Индийские и цейлонские параллели к северо-восточночерноморским названиям колхи, колы, Фасис. 7. Гипотеза об индоариях на юге России. 8. Синды и «синдская щёлка» на Боспоре. 9. Гидронимы Гипанис, Гифасис, Фасис в Индии, на Цейлоне и в Северном Причерноморье. 10. Индоарии в Нижнем Поднепровье: Гипанис, Гипакирис, Синдика etc. 11. Скифский Ахилл и персонажи индоарийской мифологии. 12. Нижнеднепровская Эя. 13. Тафры и сатархи. 14. Тавры — индоарии. 15. Реки Акесин, Синус, Силис, Сиргис. 16. Топонимические изоглоссы Северного Причерноморья, Закавказья и Индостана, киммерийцы и некоторые аспекты северочерноморской индоарики. Пользуюсь случаем добавить в примечание 8 книги 2013 г. к литературе о плаваниях Одиссея статьи А. В. Подосинова [2012] и Д. В. Панченко [2012].

¹⁶⁷ После капитальной книги И. И. Толстого [1918] и особенно в последние полстолетия были разработаны различные аспекты культа Ахилла — и в Греции в целом, и в Сев. Причерноморье; обзор отечественной литературы [Охотников, Островерхов, 1993, с. 70–103], иностранной [Иванчик, 2005, с. 68–82]. Полезная библиографическая сводка [Белоусов, 2009а, с. 68]. Обстоятельный синопсис источников дали М. В. Скржинская [1991, с. 22–54], И. Ю. Шауб [2007, с. 164/98], обобщающие работы [Hommel, 1980; Der Achilleus-Kult, 2006].

¹⁶⁸ Первый вопрос поставил М. И. Ростовцев [1918, с. 182], ответ он видел в туземной природе Ахилла: его источник — Фракийский всадник, одновременно Герой, хтоническое и солнечное божество. Полагая, близость обоих персонажей подмечена им точно, однако памятники Фракийского всадника существенно моложе памятников Ахилла. Что Ахилл был не только греческим, но и туземным скифским божеством, думали давно (М. И. Ростовцев, В. Д. Блаватский, С. С. Бессонова, Ю. И. Шауб и др.), но подробно вопрос не исследовался.

Сначала уточним, где находится остров Ахилла, когда впервые упоминается и почему белый. Впервые о Белом острове Ахилла говорится в Перигесе второй половины IV в. Псевдо-Скилака, и, судя по контексту, это не западнопонтийский остров, а часть Кинбурна и (или) Тендра¹⁶⁹. Впервые о западнопонтийском острове Белом (с храмом Ахилла на нем) говорит писатель III в. до н. э. Антигон из Кариста [SC I, p. 410 = ВДИ. 1947. 3, с. 275]. Те, кто считает Левку «первоначальным центром культа» Ахилла [Хоммель, 1981, с. 57–60; Иванчик, 2005, с. 71–77], упускают это из виду. Ведь Пиндар не говорит о Левке — у него «светлый остров Ахилла в Евксинском море» (Nem. IV, 49–50: φαεινὸν νῆσος), пишет он и об «острове блаженных», куда Фетида перенесла Ахилла (Ol. II, 71–72, 79), но не о Λευκὴ νῆσος. «Чтимый на острове Белом Ахилл» упомянут в эпитафии, приписываемой Аристотелю (SC I, 384), однако ему она не принадлежит [Christ, 1890, S. 400], в самой же эпитафии говорится о «святом острове» в море, и это не Левка, а остров (острова) блаженных, — ср. такое же их обозначение в позднем финале «Теогонии» (ст. 1015) «далекие святые острова»¹⁷⁰. Так как в литературной традиции Ахилл впервые определенно связывается с островом Левка лишь в эллинистическое время, упоминание ее в «Эфиопиде» Арктина, сохраненной в «Хрестоматии» Прокла (SC I, p. 319) неаутентично [Толстой, 1918, с. 9]. Это тот же случай, что, например, с упоминанием Белого острова Ахилла Павсанием (III, 19, 12–13) в рассказе о кротонце Леониме: в конце рассказа упоминается Стесихор, но слова о Белом острове принадлежат самому Павсанию. На это указывает тот же по содержанию рассказ писателя I в. до н. э. Конона, который говорит не о Белом острове, а об Ахилловом острове, причем под ним подразумевается ольвийское побережье — он лежит «выше Таврики» (SC I, p. 879).

Таким образом, Левка (Змеиный) отнюдь не была первоначальным центром культа Ахилла, пределы его распространения показывают свидетельства Алкея о скифском Ахилле (см. ниже), Геродота об Ахиллодроме (IV, 55, 76) и особенно Еврипида, который отправил героев «Ифигении в Тавриде» (стт. 393 сл., 435–438): «в изобилующую птицами землю, на Белый берег (Λευκὸν ἄκταν), прекрасный бег Ахилла на негостеприимном Понте» (пер. SC I, p. 345). В «Андромахе» (стт. 1260–1262) Фетида обращается к Пелею: «ты увидишь любезнейшего тебе и мне сына Ахилла, обитающим в островном доме на Белом берегу (Λευκῇ κατ' ἄκτῃ) внутри Евксинского моря» (пер. SC I, p. 343)¹⁷¹. Подробный анализ этих текстов Еврипида дал Б. Браво¹⁷². Он с основанием заключил, что Белый берег тут — Ахиллодром, прибрежная полоса Нижнего Побужья и Нижнего Поднепровья с Тендровской

¹⁶⁹ Рег. § 68 = SC I, p. 84: «От Истра до Бараньего лба три дня и три ночи прямого пути, а вдоль берега вдвое, так как там есть залив. В этом заливе есть пустынный остров по имени Белый, посвященный Ахиллу». В Сев.-Зап. и Сев. Причерноморье географам известен лишь Каркинитский залив, так что данный остров определенно не Змеиный. Часть Кинбурна и Тендра тоже были островами [Агбунов, 1992, с. 188/92], но в IV в. до н. э. они функционировали как сакральные центры, на Березани же материалов этого столетия мало, и затем она надолго опустела.

¹⁷⁰ Кроме того, это не текст эпиграммы, а заголовок ее, такие заголовки давались в византийское время составителями сборников эпиграмм.

¹⁷¹ «Островной дом (δῶμος νησιωτικός) на Белом берегу (Λευκῇ κατ' ἄκτῃ)» — это остров Псевдо-Скилака, Антигона Каристийского и др., т. е. часть Кинбурна и Тендра (впрочем, не исключена и аллюзия к «острову блаженных» Пиндара и других авторов).

¹⁷² [Bravo, 1974, p. 137 f.]. Остальные лишь походя затрагивали ее, поэтому сомнение Иванчика [2005, с. 72] недействительно.

и Джарылгачской косами. Браво не знал, что западная часть Кинбурнского полуострова была тогда островом, как и Тендра, поэтому под «островным домом» Ахилла понимал остров Березань. Но в остальном его заключения правильны. Он указал, что название местности при устье Днепра Белобережье в «Повести временных лет» представляет собой продолжение ее античного наименования Λευκή ἄκτις, так как содержится в русско-греческом договоре 945 г., переведенном с греческого. Название Белобережье тогда же вошло и в русский язык [Повесть, 1950, с. 52], что отразилось также в наименовании этой местности Barberese (= Белобережье) на итальянских картах XIV–XV вв.¹⁷³ Напомним, что первое упоминание о Белом острове Ахилла в Периэгесе второй половины IV в. до н. э. Псевдо-Скилака относится к Тендре или Кинбурну, так что название этой местности Белобережьем существовало и после Еврипида. Прежде всего это Λευκή ἄκτις схолий к Пиндару (Nem. IV, 79; их время I в. до н. э. — II в. н. э. [Christ, 1890, S. 155])¹⁷⁴. И эта схолия, и пассаж Псевдо-Скилака показывают, что греческие авторы с IV в. до н. э. смешивали нижнеднепровский Белый остров Ахилла и Белый-Змеиный¹⁷⁵. Особенно это проявляется в источниках с I в. н. э. — разные авторы пишут о двух Белых островах Ахилла: Плиний (IV, 83, 93), Дионисий (Per. 541/3) и его комментатор Евстафий, далее Птолемей (Geogr. III, 10, 8), Филострат (Her. XIX, 16 = SC I, p. 637) и др. [Толстой, 1918, с. 25–27]. Раньше считали, что этот второй остров близ устья Борисфена — Березань (сомнения [Толстой, *l. c.*]), но теперь выяснилось, что это Тендра с храмом Ахилла; наличие храмов на Змеином и Тендре стало причиной смешения островов, справедливо заключил М. В. Агбунов [1992, с. 193/4]. Добавим: причиной было также наименование обоих островов Белым.

Древние особо не озадачивались, почему остров Ахилла белый, лишь поздние авторы рационально указывали на множество гнездящихся на Змеином острове птиц, отчего он и казался белым (Дионисий Периэгет, Филострат и др.). Ученые выдвигали физиографические и мифологические причины такого наименования. Толстой [1918, с. 19–20] указывал на птиц и белизну зданий острова Змеиног. По Иванчику [2005, с. 72], возможно, из-за реального цвета — «остров представляет собой

¹⁷³ Эти вопросы рассматривали также [Брун, 1879; Латышев, 1909; Пападимитриу, 1910; Рыдзевская, 1947; Болтенко, 1949; 1962; Погорелая, 1985].

¹⁷⁴ «Есть на Евксинском Понте некий остров, называемый Белым, на который, по обычному представлению, перенесено Фетидой тело Ахилла; показывают и некие «беги» вследствие упражнений героя. Поэтому и Пиндар металептически назвал Белый остров (νήσον τὴν Λευκὴν) блестящим (φαεινάν): ибо белое *представляется* блестящим. Белым же остров называется по множеству гнездящихся на нем птиц, именно цаплей, ибо такой вид [т. е. белый] представляет *он* плывущим. Иначе: так называемый Белый берег на Евксинском Понте, на котором множество цаплей, виднеясь оттуда, указывает его мореплавателям. Он называется также Ахилловым бегом...» (пер. SC I, p. 332).

¹⁷⁵ Например, у писателя II в. до н. э. Никандра: Артемиду заменила Ифигению теленком и перенесла ее в Понт к Фоанту, сыну Борисфена, а местный народ назвала таврами, т. е. быками, Ифигению же Таврополой (Волопаской); «по прошествии времени она переселила Ифигению на так называемый Белый *остров* (τὴν Λευκὴν) к Ахиллу...» (пер. SC I, p. 445). Упоминание сына Борисфена Фоанта и тавров показывает, что Ифигения как Тавропола была перенесена ольвийской и херсонесской легендарной традицией уже эллинистического времени (у Ольвии и Херсонеса этого времени тесные связи) на близлежащий остров Ахилла — Тендру и (или) Кинбурн. Писатели же метрополии особенно не разделяли Левку-Змеиный и Левку-Тендру, что и проявлялось в рассказах, подобных Никандрову, ср. у Арриана (Per. 32): остров напротив устья Истра одни называют Ахилловым, другие Бегом Ахилла, третьи Белым (поскольку остров Змеиный крошечный, диаметром менее километра, он не мог быть Ахиллодромом, так что это нижнеднепровское побережье).

известняковую скалу»; согласно Х. Хоммелю [1981, с. 62], остров назван Белым «по ослепительно светлым известняковым скалам». Эти мнения ошибочны: поверхностный слой острова включает в себя бурую глину [Охотников, Островерхов, 1993, с. 13], поэтому точнее уловил цвет острова Авиен (Descr. 723): *Levse sana jugum* «Левка серый кряж»¹⁷⁶. Мифологическое осмысление белого цвета острова Ахилла оперирует кругом представлений о загробном мире: 1. Белая скала (*Λευκάδος πέτρη*, *Λευκάτας ἄκρα*) на острова Левкада и др., смертельный прыжок с которой избавлял от несчастной любви (Od. XXIV, 11; *Anacr.* 17; *Strabo*, X, 2, 9, о Сафо); 2. *Λεύκη* — дочь Океана, после смерти превращенная Аидом в серебристый тополь на Елисейских полях (*Servi comm. in Verg. Ecl.* VII, 61); 3) Белые тополя и вязы высажены вокруг храма Ахилла на его острове в Понте¹⁷⁷; 4. Белый кипарис (*λευκά κυπάρισσος*) у источника Мнемосины на пути души умершего в Аиде¹⁷⁸. Вслед за Э. Роде такое мнение разделял ряд ученых (в том числе [Bravo, 1974, p. 136; Топоров, 1990, с. 92]); несмотря на возражения [Иванчик, 2005, с. 71–72], оно справедливо, ибо с этим связано присутствие тополей в роще Гекаты и Ахилла на Кинбурне¹⁷⁹.

По разным причинам (белый песок, меловые выходы, сакральная мифология и пр.) ряд прибрежных местностей Греции назывался Белым — на египетском побережье, на фракийской стороне Пропонтиды, южная оконечность Евбеи и др., Белыми назывались и острова — два у северного побережья Крита и один в Колхском заливе Южной Индии (источники [РВ, 789]). Полагаем, нижнеднепровский остров Ахилла считался Белым ввиду физиографических особенностей ольвийского побережья, затем мифологически переосмысленных¹⁸⁰. Название посвященной ему приморской зоны Белобережьем дано по многочисленным солевым озерам на побережье от устья Днепра до Перекопа; по чистоте песка Белым островом названа также Тендра. Уже Геродот (IV, 53) сообщает, что при устье Борисфена сами

¹⁷⁶ По Авиену, Левка лежит напротив устья Борисфена, но *jugum* «кряж, вершина» точно соответствует острову Змеиный. Это обычная для древних авторов путаница двух мест почитания Ахилла — напротив устьев Истра и Борисфена (у Авиена парафраза ст. 541 сл. Дионисия Перизегета).

¹⁷⁷ *Philostr.* Нег. XIX, 16: δένδρα... λευκαί τε καὶ πτελέαι (SC I, p. 638). Из упоминания рощи, которой не было на острове Змеином, явствует, что и Филострат объединил храмы Ахилла на Левке и Тендре в один.

¹⁷⁸ В орфической табличке V в. до н. э. из южноиталийского Гиппониона: кипарис белый (светлый) для того, чтобы душа видела во мраке, куда ей следует двигаться [Guarducci, 1978, p. 264].

¹⁷⁹ Хотя Филострат (Нег. XIX, 16) спутал Змеиный остров и Ахиллодром, по упоминанию Меотиды, это Кинбурнский остров, на котором тополя росли еще в XVIII в.

¹⁸⁰ И. Ю. Шауб [2007, с. 186] обратил внимание на сходство рассказа о перенесении Фетидой сына на остров Левку с предшествующим эпизодом — сокрытием его на острове Скирос (*Σκῖρος*), название которого, по его мнению, если не научно, то народно-этимологически связано со словом *σκῖρον* «белый». Отметим, что к последнему название острова отношения не имеет (*σκῖρον* — это ритуальный «белый зонт» в Афинах, LSJ); видимо, имеются в виду разъяснения Евстафия, глоссы «Большого этимологика» и Гесихия, которые указывают на слово *σκούρος* как аналог *λατίτη* «осколки битого камня, щебень, гипс, известняк», близкий по значению словам *ἀργιλώδης* «глинистый», *λευκός* «содержащий светлую землю»; название острова понимают в физиографическом смысле — щебеночный, песчаный, состоящий из дроблёного камня (Griesenbeck, Griesingen [РВ, 1417]). Это соответствует геологическому облику Скироса: он сложен из базальта вулканического происхождения, который хорошо дробится на щебень, а по цвету принадлежит к порфиридам — темный, розовый, полихромный, но не белый; упомянув разноцветный мрамор со Скироса, Страбон (IX, 5, 16) как бы специально для нас отметил, что популярность его понизила ценность белого мрамора. Словом, значение «белый» неприменимо к Скиросу. Поэтому понятие «белого» Ахиллова острова зародилось не в Греции, а в Сев. Причерноморье.

собой осаждаются огромные запасы самородной соли¹⁸¹. Поскольку физиографической причины для наименования острова Змеиного Белым не было, остается думать, что оно было перенесено сюда греками с нижнеднепровского побережья как элемент культа Ахилла. Основание Том, Истрии и Березанского поселения случилось в середине VII в., основной votивный эпиграфический материал с острова Змеиного и с ольвийского побережья идет с середины VI в., но более раннее свидетельство Алкея об Ахилле как царе Скифии непреложно указывает на временной приоритет развития его культа на нижнеднепровском побережье; следовательно, культ Ахилла перенесен отсюда с раннего VI в. на остров Змеиный (хронологические выкладки см. ниже).

Теперь обратимся к причинам рьяного почитания Ахилла ольвийскими греками. Освоившие во второй половине VII–VI вв. Сев. Причерноморье ионийские колонисты привнесли с собой культы метрополии [Русяева, 1979; 1992; Ehrhardt, 1983; Диатроптов, 2001; Бондаренко, 2007; Шауб, 2007]. В Нижнем Побужье и Нижнем Поднепровье VII–V вв. до н. э., т. е. на территории Ольвийского полиса, важнейшую роль играли культы общеполисного значения — Аполлона Иетра, Аполлона Дельфиния, Ахилла. Почитание ольвиополитами Аполлона Дельфиния понятно — это важнейшее божество Милета. Аполлон Иетр — сугубо местное явление: колонисты позаимствовали его у туземного населения Зап. и Сев. Причерноморья, они подстроили своего Аполлона к скифскому божеству ветра, и он соединил религии греков и местного скифского населения, что было важно для идеологического консенсуса внутри молодых еще полисов (выше, с. 22, 26 сл.). С Аполлоном проблем нет — он важнейший бог общегреческого пантеона, но почему в тройке наиболее почитаемых в Сев.-Зап. Причерноморье богов оказался Ахилл, в общем второстепенное в Греции божество? Полагаем, ответ подсказывает тот же Аполлон Иетр: как мы предположили выше, греки подстроили своего Ахилла к местному божеству, омонимичному и функционально близкому. Действительно, уже в VII в. существовало представление о негомеровском Ахилле — соименном туземному владыке Скифии. Его упомянул Евстафий, комментируя стт. 306–307 «тавры, населяющие крутой, узкий и длинный Бег Ахилла» Перизгесы Дионисия (SC I, р. 181). Евстафий привел данные Страбона об Ахиллодроме, извлек из какого-то источника распространенный в античной литературе миф о преследовании тут «греческим героем Ахиллом» Ифигении, так что вследствие долгого пребывания Ахилла здесь местность получила его имя¹⁸². И далее продолжил: «По наиболее распространенному преданию, Ифигения была ранее помолвлена за Ахилла¹⁸³; иные же говорят, что это — другой Ахилл, скифский царь этих земель, который влюбился в отосланную туда Ифигению и останавливался *здесь* во время ее преследования, отчего *это* место и *названо* Ахилловым. Те, которые это говорят, ссылаются на слова Алкея:

¹⁸¹ Ему вторят *Dion. Per.* 311 и др., далее об этом см. [Толстой, 1918, с. 7, 19 сл.]. Пишет о добыче соли тут и Константин Багрянородный (*De adm.* 42): «От реки Днепр до Херсонеса 300 миль, а посередине — заводи и пристани, в которых херсонеситы добывают соль» (о разработке их ныне [Мирошниченко, 1967, с. 218/9]). Здесь же Константин называет побережье от Тиры до Днепра «золотым» (*χρυσός*), на наш взгляд, по характерному для него чистому песку, *ср.* [Конст. Багр. 1989, с. 403, примеч. 44].

¹⁸² Евстафий ссылается при этом и на Ликофрона, писавшего о пятилетнем пребывании Ахилла тут в ожидании своей супруги Ифигении. Обзор известных подобного рода [Толстой, 1918, с. 14 сл.].

¹⁸³ Этот мотив восходит к «Илиаде» (IX, 142–145).

«Ахилл, ты, который владычествуешь над скифской землей»» (Ἀχιλλεύς ὃς τᾶς Σκυθικᾶς μεδέεις, — SC I, p. 195). Усилиями издателей текстов Алкея этот фрагмент приобрел следующий вид: Ἀχίλλευς, ὁ τᾶς Σκυθικᾶς μέδεις «Ахилл, владыка Скифии»¹⁸⁴. И сам по себе, и в контексте Евстафия о «другом Ахилле» данный фрагмент означает лишь то, что «Ахилл — владыка Скифии», он прямо не противопоставляет его греческому Ахиллу, но дает существенно иное понимание пределов его царства: вместо крошечного острова Левки Ахилл царит над Скифией¹⁸⁵. Над всей Скифией или ее частью? Как сказано, рассмотревший этот вопрос с подробным анализом текстов Еврипида и других авторов Б. Браво с основанием заключил, что под Скифией тут подразумевается Ахиллодром, прибрежная полоса Нижнего Побужья и Нижнего Поднепровья с Тендровской да Джарылгачской косами [Bravo, 1974, p. 136/7]¹⁸⁶. Приведем и свои аргументы.

Если обратиться к археологии, то и остров Змеиный, и ольвийская округа дают памятники времени Алкея (по Иерониму и Свиде, его акмэ пришлось на 612–595 гг.), связанные с Ахиллом: на Левке древнейшая керамика датируется концом VII — началом VI в. [Охотников, Островерхов, 1993, с. 28], на Бейкушском святилище началом VI в. [Буйских, 2001, с. 40]. Синхронны и первые эпиграфические свидетельства, прямо указывающие на почитание Ахилла: на Левке 2 древнейших граффити относятся к первой половине и середине VI в. [Охотников, Островерхов, 1993, с. 28, 54], на Бейкуше несколько граффити найдены в яме 12 с фрагментом аттической панафинейской амфоры середины VI в. [Буйских, 2001, с. 35–36]. Основной материал на обоих центрах идет с середины VI в., хотя ближайшие к Левке ее патроны Истрия и Тома основаны ок. 650 г., поселение на Березани в 647 г.¹⁸⁷ Но в литературных свидетельствах приоритет безусловно принадлежит

¹⁸⁴ Предпочитаем это чтение Б. Снелла [Frühgriechische Lyriker, 1976, S. 68, fr. 14] другим изданиям. Ряд издателей принял исправление рукописного τας на γας, вместо ὃς дано эол. ὁ (= ὅ), форма 2-го лица μεδέεις заменена причастием μέδεις (Th. Bergk, E. Lobel — D. L. Page и др.): Ἀχίλλευς ὁ γας Σκυθικᾶς μέδεις «Ахилл, владыка Скифской земли». Между тем исправление τας на γας излишне, ибо и без него ясно, что речь идет о Скифии (понятия Скифская земля и Скифия тождественны, что отражено в тексте Б. Снелла), два других исправления возможны, но не обязательны. Чтение ὃς дает долгий слог, чтение ὁ — краткий, однако имя Ἀχιλλεύς трактовалось в поэзии как 3- и 4-сложное, поэтому стихотворный размер фрагмента может быть понят по-разному.

¹⁸⁵ Некоторые видят в этой Скифии остров Левку (например, [Иванчик, 2005, с. 72]), однако Левка не Скифия, это величины абсолютно несопоставимые (даже не слон и моська).

¹⁸⁶ Найденное в Тире фрагментированное граффито последней четверти V в. ΛΕΙΣΚΥ Β. Кожокару [Самойлова, Кожокару, 2002, с. 112] хорошо понял в качестве посвящения «Ахиллу, владыке Скифии»: [Ἀχίλ]λεῖ Σκυ[θίας μεδέουτι], что могло бы подтвердить изложенное понимание свидетельства Алкея.

¹⁸⁷ В. М. Отрешко [2009, с. 61] предложил несколько пониженные даты: ок. 637 г. для Истрии и ок. 625 г. для Березани. Спорной считает дату Евсевия и С. Л. Соловьев [2004, с. 46–49]: импорт второй — третьей четверти VII в. засвидетельствован в 4 центрах: в Истрии, на Березани, Немировском городище, Таганрогском поселении; на Березани от второй четверти VII в. представлен единственный фрагмент восточногреческой чаши, остальные черепки столовой посуды, которых чуть более двух десятков, относятся к третьей и началу четвертой четверти. Заметим, что на Березани есть посвящения Ахиллу конца VI — начала V в. [Яйленко, 1982, с. 290, № 101, 102]. По нашему мнению, сомневаться в данных Евсевия оснований нет, и следует подтянуть датировки упомянутых фрагментов к дате Евсевия 647–645 гг. Иначе говоря, та столовая посуда, два десятка фрагментов которой найдено на Березани, идет по меньшей мере с середины VII в. Именно так и рассуждала Л. В. Копейкина [1981, с. 106/7]. Подробнее см. ниже, с. 121/6.

ольвийскому побережью, а не острову Левке, на связь которого с Ахиллом впервые, как сказано, определенно указывается лишь с эллинистического времени. Напротив, с материковым побережьем связывают Ахилла Алкей, Геродот, Еврипид. Это означает, что упоминания авторов об Ахилле на некоем острове (блаженных, светлом, святом *etc.*) относятся к приморской полосе Нижнего Побужья и Нижнего Поднепровья подобно упоминаниям о «Белом побережье» или Ахиллодроме.

Резюмируем: рассказ Алкея относится к данному региону, и он скорее имеет в виду созвучного по имени туземного бога (о нем далее). Уточним локализацию: с VI в. Ахилл почитался на всем побережье Сев.-Зап. и Сев. Причерноморья — на острове Змеином (посвятительные граффити), на Белобережье (от Бейкуша на Березанском лимане до Тендровско-Джарылгачской косы), у тавров и в Херсонесе, на европейском и азиатском Боспоре [Блаватский, 1978, с. 83; Шауб, 2002; 2007, с. 365/8; Белоусов, 2007; 2008; 2009; 2009а]. Согласно Пиндару (Ol. II, 56–91), Ахилл пребывает в сонме героев на островах блаженных (*см. ниже*), ввиду сказанного о пределах его культа и его царства под этими островами подразумевается все побережье Скифии, т. е. Сев.-Зап. и Сев. Причерноморье в целом, от острова Змеино до Боспора. Отсюда популярность образа Ахилла на изделиях боспорских мастеров, предназначенных для скифов [Раевский, 1980, с. 53 *сл.*; 1985, с. 164/70; Шауб, 2002, с. 188]. Ахилл — царь страны мертвых, посему где его культ, там эта страна, поэтому локализацию автором «Одиссеи» мифологического входа в Аид и киммерийцев в Сев. Причерноморье (§ 2) следует связывать и с островами блаженных, и со всем черноморским ареалом культа Ахилла — от Змеино до Боспора. Поскольку гомеровские киммерийцы реальный народ, в том же ареале располагается их страна — это Сев.-Зап. Причерноморье, Нижнее Побужье и Нижнее Поднепровье, европейский и азиатский Боспор [Яйленко, 2013а, с. 13–19].

Отметим и хронологический фактор. Д. А. Мачинский и В. Т. Мусбахова [2009, с. 416] тонко подметили, что в эпизоде «Одиссеи» (XI, 484/6) с посещением Одиссеем Аида обращенный к Ахиллу стих «ты мощно властвуешь над мертвыми, находясь здесь» перекликается с разобранным стихом Алкея «Ахилл, ты, который владычествуешь над Скифией», — согласно поэме, в земле киммерийцев, где локализован вход в Аид и где спустился в него Одиссей¹⁸⁸. Это означает, заключили они, что культ Ахилла зародился в Нижнем Побужье не позже, чем на Левке, и он развивался тут со второй половины VIII в. Для нашего тезиса о туземном происхождении культа Ахилла это заключение Мачинского и Мусбаховой крайне важно: во второй половине VIII в. греков здесь еще не было, а культ был, следовательно, он местный.

Таким образом, в мифе о северочерноморском Ахилле соединились две традиции — греческая, привнесенная колонистами, и туземная. Ахилл — персонаж

¹⁸⁸ Od. XI, 484–486: νῦν αὖτε μέγα κρατέεις νεκύεσσιν ἐνθάδ' ἐὼν «теперь же и здесь, меж умерших, царить ты» (пер. В. В. Вересаева). Лексического единства нет, но есть полная смысловая близость. В начале статьи об индоариях, рассуждая о локализации Эи и страны киммерийцев в раннегреческой традиции [ДБ, 15, с. 412 *сл.*], в полном варианте статьи [Яйленко, 2013а] я излагаю аргументацию Д. А. Мачинского и В. Т. Мусбаховой [2009] об этом. Однако для ДБ ее, как и многое другое, к сожалению, пришлось сократить, так что уважаемые питерские коллеги напрасно сетуют, будто их работа не нашла отклика [Мачинский 2011, с. 413].

рассмотренного в § 3 туземного северочерноморского предания, паредром его в ольвийской версии выступает Геракл¹⁸⁹. Как партнерша Ахилла Геката заменила в представлениях северочерноморских греков туземную Богиню-Мать, так с Ахиллом-Гераклом они отождествили и мужское божество туземного мифа. Составить определенное представление о нем позволяют, во-первых, основные черты культа греческого Ахилла, во-вторых, археологические данные с Ольвийского побережья и острова Левки. Природа Ахилла сложна, его негреческое имя указывает, что это некое хтоническое божество Сев.-Вост. Эгеиды; так как основные места его культа сосредоточены у Пропонтиды, очень вероятно фракийское гидронимическое происхождение имени Ἀχιλλεύς — при учете названия реки во Фракии Ἀχελῷος, Achillo у Анхиала [Vlahov, 1963, S. 265; Георгиев, 1977, с. 67]. От Пропонтиды ионийские колонисты разнесли его по Черноморью¹⁹⁰. Однако туземный Ахилл Нижнего Побужья прибыл не из Фракии и не с Пропонтиды: приводимые ниже овалы амулеты с Бейкуша, обращенные к Ахиллу, по форме имеют аналогии на Трахтемировском городище Киевской группы скифских памятников и даже в подгорцевской культуре [Русяева, 1971, с. 26], откуда следует фракийский характер местного населения. Исследователи выяснили хтонический характер Ахилла, связь его с культом плодородия, с миром мертвых, принадлежность к кругу умирающих и воскресающих божеств (Х. Хоммель, В. Н. Топоров, В. И. Коршунков, И. Ю. Шабуб и др.). Разовьем эту тему и мы на материале не привлекавшихся еще proverbially выражений, относящихся к Ахиллу, которые выявляют его основные функции (указания на источники [РВ, 186]).

Во-первых, он божество плодородия, на что указывают выражения Ἀχίλλειος μάζα, Ἀχ. φυστί, Ἀχ. κριθαί «Ахиллова лепешка, хлеб, ячмень». Во-вторых, места культа выявляют в нем водное божество — Ἀχίλλειος κρήνη «Ахиллов источник» в Милете, Ἀχ. λιμήν — гавани в Мессении, на Скиросе у Евбеи, Ἀχ. πλάξ (= νῆσος) «Ахиллова площадка», т. е. остров Левка, Achillea — остров около Самоса. В-третьих, он герой, с чем связаны его воинские функции (таков он в «Илиаде»), при этом следует иметь в виду, что по происхождению культ героя — погребальный, таков первоначальный смысл самого слова ἥρωες «герой» (Э. Роде). Отсюда места его культа, так называемые Ἀχίλλειος τύμβος, Ἀχ. τάφος, Achillis tumulus «Ахиллова могила» (Eurip. Нес. 125/6, 221; Plini N. h. IV, 83 etc.; Pseudo-Arist. Peplos, v. 56 [Anthologia, III, p. 328]). Отсюда же, в-четвертых, а также из функции умирающего и воскресающего божества плодородия представление о нем как о «царе Аида», что в гомеровской и послегомеровской традициях ассоциировалось с Сев. Причерноморьем, где он царил на «острове блаженных» и в Скифии.

Тут, согласно гомеровской поэме, Одиссей посещает в царстве теней Ахилла; по существу, и сам Одиссей его двойник — в архетипе своего мифа он такой же умирающий и воскресающий бог: спускается в Аид и выходит оттуда (ср. [Гиндин, 1985, с. 96–98]), именно поэтому феаки доставляют его домой в сонном состоянии

¹⁸⁹ [Болтенко, 1962, с. 18–19]. О местном характере культа Ахилла [Лейпунська, 1970, с. 60 сл.], на это указывали уже Х. Келер, А. С. Уваров (библиография [Белоусов, 2008, с. 125]). На взаимозаменяемость Геракла и Ахилла в сюжетах, связанных с поединками, указывали ранее У. Виламовиц и др.

¹⁹⁰ Кстати, Геката тоже попала в греческий пантеон извне — из Зап. Анатолии [Laumonier, 1958, p. 548, 543; Kraus, 1960, S. 24 f., 166 f.].

(Od. XIII, 74 *sq.*). Да и сами феаки, обретающиеся на краю земли (таково расположение и Аида), — посредники между миром живых и миром мертвых, на что указывает само их имя: Φαίakes к φαίος «сумеречный», это и день и ночь, жизнь и смерть. На божественную природу Одиссея в архетипе сказания о нем указывает и то обстоятельство, что он единственный, кто избег смерти, прослушав пение сирен. Как и Ахилл, хтонический Ὀδυσσεύς представляется нам в архетипе своего мифа водным божеством: возможная основа его имени — индоевр. *ved- (производные *vod-, *udo- «вода», последняя в названии западнопонтийского города Ὀδησσός, совр. Варна [Георгиев, 1958, с. 133]); Приск, Прокопий, Феофилакт и др. дают форму Ὀδυσσός, прямо адаптированную к имени Ὀδυσσεύς¹⁹¹. В 16 км к западу от острова Березань лежит гавань Ὀδησσός (*Arr. Per.* 31; *Pseudo-Arr. Per.* 87), локализуемая при устье Тилигульского лимана [Агбунов, 1992, с. 158/9]¹⁹². Это, так сказать, вторая вотчина Одиссея в Черном море, рядом с владениями Ахилла, — еще одно указание на близость обоих героев-божеств как владык вод и побережья в Зап. и Сев.-Зап. Понте. Как Ахилл связан с царством мертвых, так и Одиссей вариантом своего имени Ὀλυσεύς (Ὀλυτεύς) связан со смертью (к ὄλλυμι «губить, убивать»)¹⁹³.

Приведенные эпитеты указывают, что Ахилл почитался в разных областях Греции прежде всего как хтоническое божество — владыка подземных и морских вод, отсюда он покровитель аграрного производства злаковых и мореходства¹⁹⁴. Согласно сравнительной мифологии, хтонические функции совмещаются с погребальными (яркий пример чего египетский Осирис), так и Ахилл царствует в загробном мире. Не вполне ясна природа его как воина и героя. В. Н. Топоров [1990, с. 64 *сл.*] показал на примере гомеровских текстов и генеалогического окружения Ахилла, что его воинская функция вторична, в своей глубине он хтоническое божество (он назвал того «пред-Ахиллом»); совмещение хтонической и воинской сущности Ахилла он отнес на счет амбивалентности: героическое соседствует с хтонически-демоническим по связи со смертью. В мифологии через героическую смерть катахтоник-бог мертвых может превратиться в героя, однако нам представляется, что функция героя проистекает скорее из катахтонической покровительственно-охранительной функции божества. Иначе говоря,

¹⁹¹ О. Н. Трубочев выявил ряд индоарийских названий в Нижнем Подунавье; если считать название Ὀδησσός индоарийским, можно видеть в его основе др.-инд. udā (*n. pl.*) «воды, волны» + среднеиндоарийский генитивный суффикс -ssa (др.-инд. -sya); *ср.* также útsa «ключ, родник, источник» [Яйленко, 2013а, с. 76].

¹⁹² Размещение Плинием (IV, 82) между Тирой и Борисфеном племени кробигтов и гавани Ордесс (вместо Одесс) обязано смешению с Одессом-Варной, близ которого обитают кробизы [Скржинская, 1977, с. 44].

¹⁹³ О происхождении имени Одиссей и соотношении форм Ὀλυσεύς — Ὀλυτεύς есть разные мнения [Frisk, 1954/65, S. 351/2; Chantraine, 1974, p. 775/6].

¹⁹⁴ Посвящение ему так называемого Ахиллова бега, т. е. Тендровской и Джарылгачской кос, этимологически связано с их опасностью для мореходов: согласно лоции 1867 г., «чрезвычайно низменное положение полуострова Тендры делает его крайне опасным для мореплавателей», в связи с чем в 1824 г. на нем сооружен маяк [Щеглов, 1972, с. 133; Тункина, 2002, с. 452/3, 643]. Отсюда сотериологическая функция Ахилла как спасателя на водах, представленная его эпиклесой Συμμαύτης в граффито III в. до н. э. с Левки: --καίτοι Συμμαύτης] «-- но также Сопутствующий в плавании» [ГЛБО I, с. 86, № 9; Охотников, Островерхов, 1993, с. 58–59]. На Тендре функционировал во II в. до н. э. — IV в. н. э. храм Ахилла с алтарями [IOSPE I² 328–332; Тункина, 2002, с. 452/78].

в представлениях насельников отдельной местности это божество действовало и в качестве их защитника-воина; оно, так сказать, выводилось из подземелья на белый свет и как божество не могло не стать сверхчеловеком, т. е. героем. Таковы Аяксы, само имя которых выдает в них изначально хтонических богов: Αἴας — к αἶα «земля» [Ib., с. 91], таков и Одиссей.

3.2. Амулеты с Бейкуша

С характером функций Ахилла, определяемых его эпитетами, вполне согласуются археологические и эпиграфические данные, прежде всего замечательная серия амулетов с текстуальными и рисуночными граффити, обнаруженная на Бейкушском святилище (более того, ниже мы покажем, что они выявляют также иные функции Ахилла). А. С. Русяева [1971, с. 27], С. Б. Буйских [2001, с. 36], И. Ю. Шауб [2007, с. 164/8] с основанием отметили хтонический характер культа Ахилла тут. Поскольку поныне нет развернутой характеристики керамических амулетов с граффити, рассмотрим их подробнее. Всего опубликовано около полусотни амулетов с надписями и рисунками (есть и анэпиграфные), в основном это черепки столовой посуды и амфорных стенок, которым придана более или менее округлая форма, лишь 4 граффити содержат наряду с именем божества текст (рис. 22. 1–23)¹⁹⁵. Наиболее пространно граффито второй половины VI в.: ἰή, Ἀγρότος στέλλῃ Ἀχιλλεῖ | οἰκόθεν «о! да посылает Агрот Ахиллу из дома» (рис. 1). Три колоска под надписью разъясняют, что Агрот надеялся прислать богу начатки урожая зерновых, и это вполне характеризует Ахилла как божество аграрного плодородия¹⁹⁶. Обычно восклицание радости и энтузиазма ἰή относится к Аполлону (возглас ἰή παιών, *Aristoph. Pax*, 453 и др.; отсюда эпитет Аполлона ἰήϊος «издающий возглас радости»), однако его издают и другие боги, например Гермес (*Aristoph. Pax*, 195 и др.).

Другой амулет того же Агрота (рис. 2) несет надпись ΒΓΔ θ(εί)ῃ Ἀγρότ|ος «БГД, о если поставит Агрот!» Написание начальных букв алфавита имеет магический смысл; в переводе даем общее значение глагола τίθημι «ставить», ибо имевшееся в виду какое-то специальное значение («посвятить», «установить», «внести», всего до полусотни) не может быть выявлено ввиду отсутствия дополнительных указаний¹⁹⁷. Как и вся серия амулетов, это граффито выказывает магическую сторону

¹⁹⁵ [Русяева, 1971; Буйских, 2001]. Прориси 3, 4, 6–8 С. Б. Буйских, остальные А. С. Русяевой. Далее в этой главе ссылки на курсивные номера рисунков — это прориси внутри рис. 22.

¹⁹⁶ Перевод Русяевой [Русяева 1971, с. 26; Русяева, 1987, с. 148]: «Пусть Агрот пошлет Ахиллу из дому» не учитывает восклицание ἰή и рисунка колосьев, оставляя в результате неясным, что же посылается богу. Неточен ее перевод формы *conj. praes. στέλλῃ* совершенным видом «пошлет», эта форма выражает продолжающееся или повторяющееся действие — «посылает». Невозможен и побудительный характер предложения, так как *conj. hort.* употребляется в 1-м лице ед. или мн. числа, а не в 3-м. Из этих грамматических огрехов вытекает ее ошибочная ситуация: некто велит Агроту прислать нечто из дома. Другой амулет Агрота (рис. 2) указывает, что именно он действующее лицо в граффито № 1.

¹⁹⁷ Агрот переставил местами *эпсилон* и *иоту* в глаголе, т. е. написал θιῇ вместо должного θεῇη (*aor. 3 opt.*), и это лучше считать в магическом контексте граффито магическим приемом, а не опiscoй. На амулете Ксантиппа из Ольвии читается этот же глагол в форме θιῇ = θεῇη (с контракцией εἰ в ι и передачей опативного суф. η через графему ε, как в других березанских и ольвийских надписях). Если

Рис. 22. Прориси амулетов с Бейкуша [Русяева, 1971; Буйских, 2001]

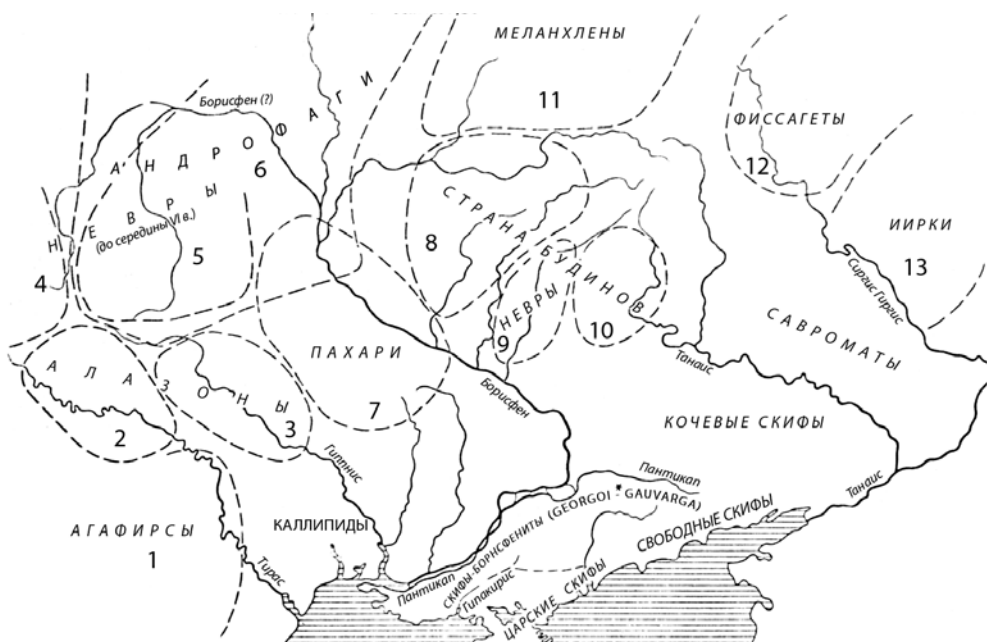

Рис. 22а. Народы и реки Геродотовой Скифии, соотнесенные с группами скифских археологических памятников VI–III вв. до н. э. [Яйленко, 1983а]. Цифрами обозначены археологические культуры.

1 — молдавская группа, 2 — западнopoдoльcкая, 3 — вoсxoднopoдoльcкая, 4 — пoзднeвыcoцкая, 5 — вoлынcкая, 6 — милогpaдcкая, 7 — киевcкая, 8 — пocyльcкая, 9 — пoвopcклинcкая, 10 — ceвepcкoдoнeцкая, 11 — юхнoвcкая, 12 — вopнeжcкиe кyргaны, 13 — cpeднeдoнcкая кyльтyрa

культа Ахилла. Амулет с буквой Α, изображением головы змеи и надписью ἄλος «роща» (рис. 3) имеет в виду того же Ахилла, который почитался вместе с Гекатой в ее роще (*Strabo*, VII, 3, 19; *IOSPE I*² 327).

Ряд амулетов обращен к Ахиллу-воину. Таков амулет с трехстрочной надписью, стк. 2–3 которой обломаны (рис. 4): Ἀχιλλεῖ | парк[λεῖται?] | πάθος? «Ахиллом отвращается напасть (?)». Слева изображен воин со щитом, мечом и в шлеме, шагающий влево¹⁹⁸. По закону левого-правого левый поворот в магических граффити выражает движение в сторону смерти, так что изображенный воин идет на бой¹⁹⁹. Отсюда понятно охранительное содержание надписи: автор уповает на Ахилла, который в числе прочего покровитель воинов²⁰⁰. К военному делу имеет отношение и амулет с инициалом Ахилла, изображением прямого лезвия и надписью μάχα(ιρα) «нож, кинжал, меч» (рис. 5). Такова же семантика амулета с инициалом имени Ахилла — буквой Α, изображением направленной направо вверх стрелы и человеческой фигурки (рис. 6), идущей влево, т. е. на смерть, это пожелание гибели противнику в бою²⁰¹. Таково содержание и амулета с именем Ахилла, направленной вверх стрелой и буквой *тета* (рис. 7), которая представляет собой сокращение слова θάνατος «смерть» (подобное сокращение представлено на афинском амулете с пожеланием смерти проклиняемому человеку [Яйленко, 2006, с. 400]).

Для нашей темы наиболее важен основной массив амулетов с именем Ахилла (иногда полным, обычно сокращенным: Α, Ἀχ, Ἀχι, Ἀχιλ, Ἀχιλλ, Ἀχιλλεύς) и рисуночными изображениями хтонических символов — «ёлочек», волнистых линий, змей, драконов, простых солярных кружков и кружков с вписанным крестом, рыболовных сетей, протом рыб, стрел и пр. (рис. 8 сл.). Хтонические символы просты и понятны. К примеру, «ёлочка», она же дерево, — элемент рисуночной магии на разного рода изделиях, также на черепках вторичного использования, в том числе на сделанных из них амулетах, на целых сосудах²⁰². Она знак апотропеического

это так, возможно чтение ΒΓΔ θί[ε] ἡ Ἀγρότης «БГД, о если поистине поставит Агрот!» Обратим внимание, что все буквы до имени Агрота входят в первую десятку алфавита, а магическим граффити известны случаи с намеренным нарушением их алфавитного порядка в магических же целях [Яйленко, 2005, с. 469/70]. В таком случае читается: ΒΓΔΘΙΕ|Η Ἀγρότης. Еще вариант с *opt. praes.*: ΒΓΔΘ Ιέ|η Ἀγρότης «да пошлет Агрот!» (ε = ι). По существу такое содержание перекликается с предыдущим амулетом Агрота, но нарушение порядка букв *тетой* делает его уязвимым.

¹⁹⁸ Фигура в гоплитском вооружении [Буйских, 2008]. Буквы ПАРК читаем в качестве глагола парк[λεῖται?] «отвращается», поскольку он присутствует на ольвийском амулете V в. Διον[ύ]σω[ι] παρακλεῖτ[αι] «Дионисом отвращается» [ГЛБО II, с. 85]. В обеих надписях теоним стоит в дат. падеже, что прочно соединяет их. В комментарии к ольвийскому граффито в ГЛБО мы отметили, что далее следовал вин. падеж, дополняем его и в надписи с Бейкуша. В языке магических надписей предлог παρὰ мог утратить вторую гласную, как и в эпическом языке; например, παρκάτθεμα «залог, заклад» в заклитии IV–III вв. из района Катандзаро в Юж. Италии [Lazzarini, 1994, p. 164].

¹⁹⁹ [Яйленко, 2005, с. 499; 2006, с. 401]. В ольвийском оракуле Фарнабазу, которому прорицатель предрек смерть, голова его тоже повернута влево (выше, с. 45).

²⁰⁰ *Paus.* III, 20, 8: в спартанском святилище Ахилла «те из эфэбов, которые собираются сражаться “Под платанами”, по установленному для них обычаю, приносят тут жертву Ахиллу» (*пер.* С. П. Кондратьева).

²⁰¹ Что тут изображена стрела, а не «ёлочка», показывает такое же изображение при луке на амфорной стенке с Чокракского мыса [Сапрыкин, Масленников, 2007, с. 294, № 3].

²⁰² Для примера сошлемся на образцы с афинской Агоры [Lang, 1976, p. 49, Pl. 26, № F 307] (при имени владельца сосуда Зосимы); [Ib., p. 94, Pl. 60, № M 8]: амулет из стенки частично покрытого лаком кратера с процарапанным изображением бородатой головы в венке, именем изготовителя

свойства, как и другие рисуночные изображения на керамике — пентаграммы, свастики, лабрисы, кресты разного пошиба, цель которых состоит в санации содержимого в сосуде продукта, с той лишь разницей, что по происхождению она хтонический знак плодородия. «Ёлочки» часты среди граффити на столовой посуде, амфорах, пифосах; встречаются и дипинти. В магических представлениях дерево символизирует жизненные силы (Дерево жизни [Топоров, 2010, с. 107–317]), оно — средство спасения и связи с божественными силами [Тресиддер, 1999, с. 75 сл.]. «Ёлочки» хорошо представлены на керамических изделиях, найденных в разных центрах Сев. Причерноморья²⁰³. К примеру, их изображения нередки на керамике из разных поселений и городов Боспора²⁰⁴. Символика дерева связана также с потусторонним миром и его силами, ибо дерево уходит своими корнями в подземный мир [Тресиддер, 1999, с. 75].

Бейкушские амулеты с именем Ахилла, «ёлочкой», изображениями змей обращены к Ахиллу как подземному владыке земли и воды. Обычно показаны протомы змей или тела драконов, они ползут и идут влево вверх (редко только влево или вверх — рис. 3, 10–12, 15), т. е. из «нижнего» мира в «средний», это акт прорастания растительности («верхний» мир в мифологиях населен небожителями). Левое направление изображений само по себе есть обращение к Ахиллу как подземному богу. Амулеты со змеями, волнистыми линиями и «ёлочками», т. е. с символами воды и растительности, символизируют плодородие²⁰⁵. В сфере магических функций Ахилла было и мужское плодородие, на что указывает амулет с буквой А, протомой змеи и обращенной влево мужской фигуркой с эрективным членом (рис. 12). На другом амулете такого рода фигура человека обращена вправо (рис. 15), видимо, по причине того, что имеется в виду мир людей («средний» мир мифологии). Изображения рыболовных сетей, в том числе с пойманной рыбой (рис. 14), и протом рыб (?) вызывают к Ахиллу как владыке морских вод и местных лиманов, в этом качестве он покровитель рыболовства. А. С. Русяева и С. Б. Буйских справедливо отметили глубоко народный характер культа Ахилла на Бейкушском святилище.

Амулетов с изображениями драконов меньше, нежели со змеями. У драконов круглые человеческие головы, несколько конечностей, тела по-змеиному извиваются²⁰⁶. Два дракона ползут вверх, один без конечностей, третий ползет налево вверх, еще двое, встав прямо, как люди идут на ногах влево, один вправо (рис. 12, 15, 20, 23).

На этих амулетах написано имя Ахилла, также изображены волнистые линии (вода) и соляные кружки. Поразительное, не имеющее аналогов обилие изобра-

амулета Калликсена в род. падеже и «елочкой». Также из Навратиса [Gardner, 1886, Pl. XXXII, 32]. Подобная орнаментика керамических изделий свойственна различным регионам; например, на поселении Джагат-тепе в Бактрии, существовавшем с ахеменидского до позднеантичного времени, представлена керамика, орнаментированная проштампованными «ёлочками», найден и штамп [Кругликова, 2004, с. 488, 517, 519, 523]. О культе дерева в Индии [Viennot, 1954].

²⁰³ К примеру, на поселениях боспорской хоры [Сапрыкин, Масленников, 2007, № 227, 265а, 834, 1019, 1055, 1056, 1220, 1221, 1225, 1250]. На Березани [Штерн, 1901, с. 28, № 31, 32; ГЛБО I, с. 92, 93, № 22, 23; Яйленко, 1982, с. 227, рис. 128–130].

²⁰⁴ Ценная сводка по сельским поселениям [Сапрыкин, Масленников, 2007, с. 58].

²⁰⁵ Волнистая линия и два кружка нарисованы на посвященной Аполлону Иетру родосско-ионийской чаше первой половины VII в. [Виноградов, Русяева, 2001, с. 136 и их рис. 1, 4], это подтверждает наше мнение о связи Иетра с водными объектами (выше, с. 18–22).

²⁰⁶ О различиях змея и дракона [Пропп, 1986, с. 245/7].

жений змей и драконов не оставляет сомнений в том, что ольвиополиты почитали своего Ахилла прежде всего как змея и дракона. Можно счесть, что это результат глубокого знания столь любимых ими гомеровских поэм, так как змеем и даже драконом был тот хтонический «пред-Ахилл», которого В. Н. Топоров [1990, с. 70–81] блестяще извлек из текстов «Илиады». Однако бейкушские изображения уникальны, ни в одной области Сев. Причерноморья или Греции в целом, где почитался Ахилл, нет изображений его в облике змея или дракона²⁰⁷. Например, в Херсонесе есть 1–2 амулета V–IV вв. с именем Ахилла, но изображений они не несут²⁰⁸. Важно отметить, что нет материальных следов почитания Ахилла как змея-дракона в ольвийской метрополии Милете. В таких условиях на территории Ольвийского полиса оно могло возникнуть только под влиянием культа змей и драконов в среде туземного населения²⁰⁹. На это могут указывать два граффити: одно первой трети V в. с Березани: Σποκης τῷ χιλλῖ «Спок *этому* святилищу Ахилла» (имя Спок к иран. *šрака* «пес, собака»?)²¹⁰, другое происходит из греко-варварского святилища II в. до н. э. на мысу Джангул в Зап. Крыму и содержит наряду с именем Ахилла имя Ταρυι [Белоусов, 2009, с. 226/7; Тохтасьев, 2013; Сапрыкин, 2014], принадлежащее Таргитаю, мифическому предку скифов (см. ниже). В связи с вышеизложенными данными об индоарийском населении Нижнего Поднепровья отметим, что культ змей и драконов характерен для индийской религии и мифологии.

²⁰⁷ На Левке есть бронзовый перстень с изображением змеи внутри храма, что несомненно относится к местному святилищу Ахилла [Охотников, Островерхов, 1993, с. 65, 80].

²⁰⁸ [ГАХ, с. 31, № 297; с. 38, № 388], но в нашей интерпретации (ниже, с. 764, № 297, 388). Может быть, амулетом является и донце чернолаковой чашки ГАХ, 389, на котором написано *Αχι*, но это скорее сокращение ахиллофорного личного имени владельца (ниже, с. 764, № 390–402), так как абсолютное большинство граффити Херсонеса представляет собой сокращения имен владельцев, написанные на доньях столовых сосудов.

²⁰⁹ По мнению Русяевой [1979а, с. 181], «возможно, на Бейкушском мысу поселилась какая-то родственная по языку, культуре и религии группа переселенцев из той местности, где почитался Ахилл». Это нашло поддержку И. А. Снытко [2009, с. 368], однако один его перечень мест культа Ахилла в Нижнем Побужье [с. 365/7] показывает, что ни о какой особой группе говорить не приходится — культ распространен по всей приморской полосе Ольвийского полиса, от Бейкуша на западе до Тендры на востоке. Объяснение Русяевой неприемлемо, так как получается, что изолированная группа колонистов навязала свой культ всем остальным переселенцам; кроме того, повторим, ни в Милете, ни в Греции культ Ахилла не выражен так, как на Бейкуше. Русяева сочла ольвийский культ Ахилла греческим по той причине, что он распространен лишь в пределах Ольвийского полиса (с этим согласен С. Б. Буйских [2001, *ср.* Bujiskikh, 2007]), однако туземное население составляло немалую его часть, и если культ Ахилла здесь отличен своеобразием, то оно обусловлено как раз туземным компонентом. Своеобразие бейкушского Ахилла не учтено и Д. М. Дудко [1993, с. 17–20]: по мнению этого автора, северочерноморский Ахилл близок индоиранскому Йиме, и эта близость обусловлена общеиндоевропейскими корнями либо тем, что местные греки заимствовали скифо-киммерийские мифологические представления. На сопоставление образа северочерноморского Ахилла с индоиранским материалом Дудко подвигла близость представлений греков о стране блаженных гипербореев и индоиранских преданий о стране предков-героев на мифологическом севере (см. об этом выше, с. 24–25). Но на сходство греческих преданий о стране гиперборейцев, о Левке и индийских о блаженном северном крае Индры индологи давно обратили внимание, а К. Дауден прямо указал в этом контексте на Ахилла и Левку [Dowden, 1979, p. 310 *сл.*], так что идея Дудко не нова.

²¹⁰ По С. Р. Тохтасьеву [2005, с. 137, № 260], имя Спок фракийское, однако для этого ему приходится предположить, что посвящение сделал не местный житель, а приезжий (например, византиец), для чего оснований нет.

3.3. Скифский Ахилл и персонажи индоарийской мифологии

Лишь поставив рассмотренный культ в связь с индоариями, получим разъяснение, почему на территории Ольвийского полиса третьестепенный в Ионии культ Ахилла стал самым популярным в народной среде: «змей, дракон» по-древнеиндийски *āhi*, это и личное имя ряда ведических божеств — *Āhi Budhnyā*, он же *Āhi Vṛtrā* «Змей дна, водных пучин», обитатель морских и речных вод, убитый Индрой; похититель плодородия *Āhi Valā*, тоже пораженный Индрой; мировой змей *Āhi Śeṣa*, поддерживающий землю. На наш взгляд, ольвийцы по созвучию к имени *Āhi Valā* и сходству функций подобрали имя своего божества — *Ἀχιλλεύς*²¹¹. Др.-инд. *āhi*, *nāgā* обозначают класс древних божеств подземного мира, в ведении которых почвенные воды, плодородие, мир мертвых, магия; у них змеиное тело и человеческая голова, они легко принимают вид людей; обитают в океане, реках, в лесу, на горах, стерегут сокровища, порождают реки, проливают дождь и т. д.²¹² Все это, как мы видели, свойственно бейкушскому Ахиллу. Наги могут быть дружественны людям, но и враждебными, точно так же Ахилл «Илиады» проявляет то гуманные чувства, то зверские [Топоров, 1990, с. 66, 72].

Змеи-драконы — воины; наги находятся в состоянии войны с птицами, царь которых Гаруḍа постоянно пожирает их (*Mahābh.* I, 30). Этим мотивом объясняется неожиданная локализация в Нижнем Поднепровье войны пигмеев и журавлей Юлием Солином²¹³. Полагаем, это логично объяснить, за неимением прочего, мифологическим преданием близкого содержания у местных индоариев. По замечанию И. В. Шталь [1985, с. 216; 1989, с. 37], символика мифа о журавлях и пигмеех у Гомера ассоциируется с туманом, мраком, это та же тональность, которая присутствует в его поэмах в связи с царством Аида, землей киммерийцев, «журавли, несущие убийство и кару мужам-пигмеям, несомненно, и реальные птицы и нечто иное, овеванное мраком потустороннего мира». Заметим, что по характеристике античных авторов, все это также свойства подземного мира мертвых, царства Ахилла, т. е. прибрежной зоны в Нижнем Поднепровье от Бейкуша до Тендры и далее до Боспора, где с той же погребальной семантикой миф о журавлях и пигмеех представлен в росписи «склепа пигмеев» и керченских пелик [Ростовцев, 1913, т. ХСV; 1914, с. 148; Шталь, 1989, с. 84 сл.]. И дельфийского Пифона погребали во время праздника; южнославянский аналог Ахи Будхньи и Пифона *бадньак* тоже змей, его похоронам посвящен второй день соответствующего праздника [Топоров, 1976, с. 13–14]. Найденная на острове Змеином гемма с изображением журавля или цапли может указывать на связь культа Ахилла с мифом о пигмеех и журавлях [Охотников, Островерхов, 1993, с. 84].

²¹¹ Опускание срединного др.-инд. *v* в греческих передачах обычно, например *-διβα* = *-dvīpa* в сложных названиях типа *Ναυαδίβα*. Этимологически *Budhnyā* соответствует имени греческого дракона Πύθων [Топоров, 1976, с. 7].

²¹² [Bosch, 1960, p. 132/9; Vogel, 1972, *Index*, p. 306; Темкин, Эрдман, 1982, с. 27–28]. Наги появляются в послеведическую эпоху, происхождение слова *nāgā* неясно [Wackernagel, 1953, S. 381].

²¹³ *Iul. Sol.* X, 11 (подробнее см. [Яйленко, 2013, с. 54–55]). Другие античные авторы помещают пигмеев в Эфиопии, Индии, Кари, на Крайнем севере, в Фулах, а в Причерноморье — во Фракии, Колхиде [Шталь, 1989, с. 37 сл.].

В Индии были пигмеи и журавли, сказания о враждебных их отношениях²¹⁴. В Сев. Причерноморье были журавли (*Arist. Hist. anim.* VIII, 12), но неизвестны пигмеи. Полагаем, приуроченный Солином к Нижнему Поднепровью рассказ о войне пигмеев и журавлей отражает такую местную легенду, в которой пигмеи были не настоящие, а воображаемые. Таков рассказ Махабхараты об истреблении нагов царем птиц Гарудой, близкий греческому мифу о битвах пигмеев и журавлей в том смысле, что он подобно журавлям греческого предания постоянно побеждает змей (*Garuda* означает «Пожиратель»). Нагов можно отождествить с пигмеями греческого мифа, поскольку они способны принимать облик людей самого разного вида, в том числе карликов²¹⁵. Гаруда выкупает свою мать Винату (она мать всех птиц), пребывавшую в плену у своей сестры Кадру, матери и царицы змей, похитив у богов для нагов напиток бессмертия амриту; он проводит время с нею в лесу, пожирая змей [*Mahābh.* I, 18–20, 29–30; Vogel, 1972, p. 51 f.; Темкин, Эрдман, 1982, с. 67–71]²¹⁶. Здесь та же тема смерти, что в греческом предании, — через мотив амриты; война со змеями тоже подана инверсионно: Гаруда убивает двух чудовищных змеев, которые охраняли сосуд с амритой (*Mahābh.* I, 30); в финале повество-

²¹⁴ В Древней Индии были пигмейские племена (Ктесий, Аристотель и др.); по Страбону (XV, 1, 57), пигмеи ростом с 3 пяди воюют с журавлями, согласно Плинию (*Nat. h.* VII, 26), пигмеи уничтожают по весне яйца и птенцов журавлей, чтобы подросшие стаи их не вредили им [Таронян, 2007, с. 87, 113, 403, 533/4] (др.-инд. бака «цапля, журавль»).

²¹⁵ Согласно «Сказанию об Астике» в I книге Махабхараты, добрых змей спасают от поголовного истребления царь нагов Такшака, его сестра Джараткару и племянник Астика (= «Набожный»). Подвижник Джараткару повстречался со своими предками-карликами, висевшими на стебле травы (*Mahābh.* I, 41), их уменьшало Время (в образе крысы), поскольку у них остался единственный потомок — этот *Jaratkāru*. Некогда у него было большое тело, но он уменьшил его (услышав его имя, говорит поэт, под *jāga* разумей «уменьшение»). Он спасает своих предков от уничтожения женитьбой на змее, носящей то же имя, т. е. тоже карлице. Змеи огромны, величиной с гору, но могут изменять свою форму по желанию (*Mahābh.* I, 52). Например, во время Великого сожжения плохие змеи принимали различных вид, некоторые уменьшались в размерах так, что их едва было видно (I, 47); царь нагов Такшака превращается в червя (I, 39). Вообще змеи могут принять любой человеческий облик — старого брахмана, нищего и др., особенно преуспевают в этом нагини, пленяющие своей красотой людей; наги могут превращаться в животных, растения, червей и пр. [Vogel, 1972, p. 49, 62 etc., Index, p. 306].

²¹⁶ Кодифицированная в I тыс. н. э. и перекрытая тогда обильными, но поверхностными брахманическими наслоениями первая книга Махабхараты Адипарва даже не эпическое произведение, т. е. отражающее исторические события I тыс. до н. э., а мифологическое, следовательно, уходящее корнями еще глубже в древность, ср. [Серебряков, 1971, с. 71, 83]. Для датировки Махабхараты показательны упоминания яванов (греков), шаков (*śakas*, скифов), парфян (*pahlāya*), что указывает на время после 300 г. до н. э. и начало н. э. [Macdonell, 1972, p. 288]. Объяснение вражды нагов и птиц дает Гхатасана-джатака [Vogel, 1972, p. 136]: птицы жили в одной стране с нагами, в ветвях дерева над озером; царь змей Чанда решил извести их — по его побуждению озеро вскипело и загорелось, отчего птицы покинули землю нагов. Общую предысторию имеют также пигмеи и журавли греческого мифа: некогда царицей пигмеев была Гера (с «Журавлиха»), она возгордилась, за что Гера превратила ее в журавлиху (произведение писателя эллинистического времени Бойоса «Происхождение птиц», этот фрагмент сохранил Афиней, IX, 393e, f.) [Шталь, 1989, с. 66–67]. В этом рассказе есть еще одна удивительная подробность, объединяющая греческий и древнеиндийский мифы, — черпаха. По Бойосу, от связи Гераны и Никодаманта родилась сухопутная черепаха. В истории Гаруды также фигурирует черепаха, которую он поедает, чем набрался сил для войны с богами (*Mahābh.* I, 25). Значение имени Никодамант — «Победно уничтожающий», это намек на поражение пигмеев, но и смысловое соответствие имени *Garuda* «Пожиратель». Этими едиными чертами подтверждается наше предположение, что миф о войне журавлей и пигмеев существовал у индоариев Сев. Причерноморья в виде предания о войне журавлей с нагами.

вания он проводит время в лесу со своей матерью, пожирая змей. Ранняя версия этого сказания — ведическая, тоже со змеиным контекстом: орел Индры добывает сому для Индры, благодаря которой тот побеждает мирового дракона Вритру (Rigveda, IV, 18, 26 сл.). В своих истоках Вритра — тот же Áhi Budhnyà «Змей дна, водных пучин»: он тоже зовется Áhi, тоже рожден первым из змей, тоже budhnyà — «лежащий на дне» мировых вод; его имя vṛtra по происхождению имело апотропеический смысл и лишь позднее стало эпитетом и эквивалентом Áhi [Benveniste, Renou, 1934, p. 105/7; Renou, 1953, p. 19; Топоров, 1976, с. 6]. Первичный смысл греческого и индийского преданий, входящих в индоевропейский контекст, — битва солнечного героя с хтоническим противником [Иванов, Топоров, 1974, гл. 3], и в ведическом варианте мы находим того самого Áhi Budhnyà, «Змея дна, водных пучин», он же Áhi Vṛtrá, он же Áhi Valá, с которым ольвийские греки отождествили своего Ахилла. По ведической версии, Индра убил его, освободив тем самым речные и дождевые потоки (áhann áhim apás tatarda «он убил змея, проделал русла рекам», Rigveda, I, 32, 1), что стало актом правильного мироустройства, сменившего первоначальный хаос²¹⁷. По мнению А. Людвига, А. Хиллебранта, этот миф относится к тому времени, когда индоарии жили на севере (т. е. в Сев. Причерноморье), и отражает борьбу весеннего солнца с зимней стужей, сковавшей льдами земные воды [Эрдман, 1980, с. 68; Кёйпер, 1986, с. 91]. Ольвийское предание о Геракле в Скифии и похищении его коров Ехидной (Herod. IV, 8–9) подтверждает такую интерпретацию тем, что имеет параллелью индоарийский миф об освобождении Индрой коров (они символ достатка) из пещеры демона Валы. Этот Valá — ипостась Вритры²¹⁸, Вала — это гора в чреве Вритры, ее поражает ваджрой Индра, и мировые воды освобожденно текут [Кёйпер, 1986, с. 122]; освобождение коров тут ассоциируется с высвобождением вод и обретением богатства²¹⁹. Геракл ольвийского сказания явился в Скифию зимой, он засыпает и просыпается, — все изложенное соответствует указанной интерпретации мифа о борьбе Индры и Вритры-Валы как представлению о смене зимы летом. Из сказанного следует также, что предание о Геракле, коровах и Ехидне ольвиополиты позаимствовали у тамошних индоариев и что последние почитали Индру. Судя по образу ольвийского Ахилла, эти индоарии почитали и своего Áhi (Будхню-Вритру-Валу) как бога морских и речных вод, т. е. земного плодородия, покровителя животного и растительного мира.

Освобождение коров (*resp.* скота в целом) из плена Валы образно представляется открытием ворот крепости Валы (Rigveda, VI, 18), что в сопоставлении со скандинавскими, балтийскими и славянскими параллелями мыслится также в качестве освобождения душ людей, томящихся взаперти, т. е. в соответствующих мифологических представлениях «скот = души умерших людей» (от индоевр. *vel-образованы имена Валы, Велеса, Валхаллы, валькирий и пр.), при этом в заговорах Атхарваведы *жизнь* ассоциируется с *человеком*, а *смерть* со *змеем* [Иванов, Топоров, 1974, с. 70–73]). «Генетически змей связан с представлениями о смерти» [Пропп, 1986, с. 248]. Примечательно, что представление греков об Аиде как о «невидимом» подземном пространстве (Αἴδης < A-Fíd-ης = *sm̥-vid(ā), «невидимый» [Frisk, 1954/65,

²¹⁷ [Benveniste, Renou, 1934, p. 141/6; Огибенин, 1968, с. 35–37, 57; Кёйпер, 1986, с. 107/9].

²¹⁸ Возможно этимологическое единство их имен [Иванов, Топоров, 1974, с. 43–44].

²¹⁹ [Rigveda, VIII, X и др.; Огибенин, 1968, с. 52–53, 73–74; Эрдман, 1980, с. 89; Темкин, Эрдман, 1982, с. 22–23, 239].

S. 33–34]), удостоверенное Платоном (*Gorg.* 493b, *cp.* *Crat.* 404a–b: скорее *Ἀΐδης* от *εἰδέναι* «ведать»), имеет лишь древнеиндийское соответствие, причем обоюдное: *sam-vid-* (I) «ведать» и *sam-vid-* (II) «находиться, пребывать», в том числе в мире мертвых [Frisk, 1954/65, S. 34; Tsimbursky, 1991, p. 48]²²⁰. Функции хтонического Ахилла как подателя плодородия и владыки загробного мира находят, таким образом, соответствие в семантике древнеиндийского мифа об убийстве Индрой Змея-*Āhi* (Вритры-Будхны-Валы), причем Индра и *Āhi* образуют диалектическое единство, включающее борьбу противоположностей: древнеиндийскому сознанию присуще представление о положительной и отрицательной по отношению к людям природе змей (*Mahābh.* I, 33–34; об их дуалистической природе [Пропп, 1986, с. 232]). Основные персонажи рассматриваемого ведического мифа сходятся в образе Индры-Вишну, поражающего Вритру-Валу [Огибенин, 1968, с. 35–37], и в числе своих проявлений Вишну ассоциируется со вселенским змеем Шешей.

Шеша (*Śeṣa*) — тот же Будхня-Вритра-Вала: его благочестие в *Махабхарате* (I, 32; 36) обязано брахманской обработке, в более раннем источнике он сокрушитель гор [Vogel, 1972, p. 49]. Собственно, и в *Махабхарате* он сокрушитель горы: для пахтания океана богам понадобилась в качестве мутовки гора Мандара, которая возвышалась над землей на 11 тыс. йоджан (16 600 км) и на столько же уходила в землю; боги и асуры не смогли ее вырвать с корнем из земли, по их просьбе исполинский змей Шеша обвинил ее своими кольцами и вырвал. Белобережье, название посвященной Ахиллу ольвийской прибрежной зоны с Гилеей и Ахиллодромом, позволяет думать, что местные индоарии почитали тут его в числе божеств змеиной природы — Шеша белого цвета: «несущий землю змей, белый, словно луна»²²¹. Согласно древнеиндийской мифологии, Шеша величайший змей, он частица Вишну, его земное воплощение (аватара). У Шешы тысяча голов, на рельефах он изображается с человеческими и змеиными головами, т. е. он и змей, и дракон. Стоя на дне мировой пучины, он поддерживает головой землю; он плавает в океане, и Вишну отдыхает на нем в перерывах между югами, сотворениями вселенной (дословно *Śeṣa* — обозначение того, что «остаётся» в это время от вселенной на-

²²⁰ Замечательную параллель Ахиллу-змее составляет вскрытый В. Л. Цымбурским [1985; Tsimbursky, 1991] Анхиз-змей, из глубин Аида предвидящий и ведающий наперед деяния и судьбы Энея и множества своих потомков. По происхождению он хтонический дракон, как прочие подобные божества (Тифон, гиганты фанагорийского сказания и др., см.: Яйленко, 2013а, с. 25–29), он сочетается с богиней плодородия, крадет приплод от жеребцов Зевса, за что тот поражает его, лишив способности прямохождения. Заметим также, что способность Анхиза предвидеть участь своих потомков указывает на его роль предка-покровителя, отсюда взывания потомков к нему как к источнику знания о будущем, отсюда культ его (Эней устраивает игрища в честь него на Сицилии). Примерно такова и способность Ахилла устраивать будущее тех, кто обращался к нему за содействием посредством магических амулетов. Упомянув Вадима Цымбурского, отмечу с прискорбием, что в 2010 г. его не стало. Это был один из самых глубоких умов, с которыми мне довелось близко общаться. Разносторонняя эрудиция, тонкий анализ широкого круга источников — вот отличительные свойства его работ по палеобалканистике, анатолике, классической филологии. Масштабная личность в науке, по жизни он был трагической фигурой — личная неустroенность, постоянная материальная бедность и происходящая отсюда психологическая подавленность слишком рано свели Вадима в могилу. Увы, давно нет в живых и крупного кельтолога Андрея Королева, выдающегося финно-угроведа Жени Хелимского, с которыми я тоже был в дружеских отношениях. Все они не дожили до старости, ушли из жизни в пору зрелости, *sit quidem iis terra levis!*

²²¹ [Vogel, 1972, p. 198]. В *Махабхарате* фигурируют змеи черные, белые, голубые, красные (I, 49, 52). И реально в Индии были белые змеи [*Ctes. Ind.* 47a = Таронян, 2007, с. 34].

ряду с Вишной). Шеша — царь всех змей, он владыка подземных нагов, другие их цари — Васуки, Такшака и пр. — его братья или воплощения. Его эпитет (как и других богов) — *anantá* «бесконечный» (телом), он «лучший из змей», «первороденный», обитает под землей [Mahābh. I, 16, 31, 32, 36, 61 и др.; Vogel, 1972, p. 57, 192 f.]²²².

Хотя ездовая птица Вишну Гаруда смертельный враг змей, подручные Вишну Шеша и Гаруда друзья (Mahābh. I, 32). Так в окружении Индры-Вишну сходятся противоположности, как и в ольвийском Ахилле, который и податель жизни (божество плодородия), и владыка мертвых. Истоки дружбы Шеша и Гаруды поясняются более ранней (с VII в. до н. э.) литературной традицией — упанишадой Гаруды (Garuda upaniṣad), в которой Гаруда предстает царем нагов, а не их истребителем; змеи служат украшением этой фантастической птицы, настолько исполинской, что «бесконечный» телом Шеша — всего лишь браслет на ее крыле [Varenne, 1972, p. 223 f.]. Единство Шеша и Гаруды прослеживается и в иранской традиции: на эрмитажном сасанидском серебряном блюде из Глазова собака-птица Сэнмурв-Паскудж, соответствующая индийской птице Гаруде, изображена с рыбьей чешуей, по происхождению это собака-птица-рыба [Тревер, 1937, с. 39–41; Бонгард, Грантовский, 1983, с. 124 сл.], т. е. в индоиранских истоках Шеша и Гаруда могли быть одной природы²²³.

Инкарнация Шеша и старший брат Вишну — Баларама (Mahābh. I, 61), его и Шеша атрибут плуг (отсюда эпитеты Баларама-Шеша Haladhara «Плугоносец», Halāyudha «Вооруженный плугом»), что отсылает нас к этногоническому преданию царских скифов об упавших с неба золотых дарах первого аборигена Скифской земли Таргитая — плуге, ярме, сагарисе, чаше. По словам Геродота (IV, 5), скифы более всего берегут это золото и ежегодно почитают большими жертвоприношениями. Эти плуг и ярмо не для пахоты — как и у Баларама-Шеша, они символы власти. Сагарис — неясное по своему виду оружие у скифов, персов, амазонок [Herod. I, 215 etc.; LSJ, s. v. *σάγαις*]; в контексте даров Таргитая и атрибутов Шеша отметим, что *σάγαις* может быть греческой передачей др.-инд. *sakrá* — всеограшающего боевого диска Вишну (Mahābh. I, 17). В чем ценность фиалы Таргитая поясняет упоминаемая здесь же (I, 17) чаша (*pātra*) с *amṛta* — напитком бессмертия у богов. Само имя Ταρύταος, по В. Бранденштейну, отражает др.-инд. *dīrgha-tavaḥ* «сильный обширностью» [Brandenstein, 1953, S. 204], что вполне соответствует эпитету Шеша *anantá* «бесконечный» телом. Это означает, что нижнеднепровские индоарии считали себя потомством Шеша-Таргитая, т. е. нагами, отсюда и происходит их культ Ахилла как змея и дракона. Выше упоминалось граффито, происходящее из греко-варварского святилища II до н. э. на мысу Джангул в Зап. Крыму

²²² О сравнительной мифологии змея [Пропп, 1986, гл. VII].

²²³ Лев-собака-птица-рыба — давний иранский мифологический образ, представлен на золотых ритонах VI в. [Луконин, 1977, с. 53] и V в. до н. э. из Археологического музея в Тегеране. На золотой пластинке VI в. до н. э. из курганов Подонья изображена собака-птица, пожирающая змею; предания о собаке-птице у финно-угорских народов Прикамья и Зауралья показывают, что эта птица могла доставлять героя или шамана в «верхний» мир, т. е. к богам [Бонгард, Грантовский, 1983, с. 130 сл.]. Полагаем, это параллель к реконструируемому нами образу Шеша-Гаруды как спутника и отчасти проявления Индры-Вишну. Дракон «в основном состоит из змеи + птицы» [Пропп, 1986, с. 247]; о превращении змея в собаку/волка, о змеиной природе стерегущего вход в Аид Керберы [Пропп, с. 258, 265/6; Раевский, 1985, с. 119].

и содержащее наряду с именем Ахилла имя Таруι. Это местное божество Таргитай, мифический предок скифов, и Таруι = др.-инд. *dīrghá* «обширный, долгий, длинный», это соответствие эпитета Шеша *anantá* «бесконечный». Шеша-Вала-Вритра же, как показано, — тот самый индоарийский *Āhi-*, к культу которого ольвийские греки подстроили своего Ахилла; имена Ахилла и Тарги на одном вотиве — сильное подтверждение наших отождествлений.

А. С. Русяева [1982, с. 107] отметила две странные особенности распространения культовых терракот на ольвийской территории: на туземных поселениях хоры почти нет изображений греческих божеств, как нет во всей массе ольвийской коропластики и статуэток столь почитаемого ольвиополитами Ахилла. Если первое понятно — у туземцев свои божества, то вторая особенность, на наш взгляд, объясняется туземными индоарийскими истоками культа Ахилла: в изобразительной греческой традиции отсутствует образ Ахилла-змея. Следовательно, Бейкушское поселение со святилищем Ахилла-змея — это культовый центр преимущественно индоарийского туземного населения Ольвийского полиса.

Сыновья Таргитая — Липоксай, Арпоксай, Колаксай, их имена толковались по-разному²²⁴. Если кавказские сближения Н. Я. Марра и монгольские К. Ноймана — экзотика, то иранские этимологии напрашивались сами собой, как содержащие элемент *-ξαῖς*, который давно мнился эквивалентом иран. *xšāu-* «владыка», соответствующего царскому статусу братьев. Отсюда этимологии Э. А. Грантовского [1960, с. 7–9]: *Λιπόξαις* < *gīra-xšāu «гора-царь», В. И. Абаева [1979, с. 278, 313]: *Ἀρπόξαις* < *apra-xšāu «владыка вод», *Κολάξαις* < **hvar (?)*-*xšāu* «владыка-солнце». Однако они неприемлемы, так как эти имена по своему фонетическому облику не иранские²²⁵. Сказанное относится не только к именам Липоксай и Колаксай с их не свойственным иранским языкам *l*, но также к имени Арпоксай, так как общий

²²⁴ [Vasmer, 1923, S. 12, 14; Zgusta, 1955, S. 262/3; Народы, 1982, с. 207/8; Кулланда, 2006, с. 203/6]. Теоретическая проблематика [Раевский, 1985, с. 46 сл.].

²²⁵ В иранском нет *l*, и незначительное число имеющихся примеров обязано заимствованию (например, язгул. *karol* «черепа» заимствовано из индоарийского *karāla* «черепа» (см. о нем [Яйленко, 2013а, с. 60]) или же звукоименической природе отдельных слов (например, перс. *lištan* «лизать»), либо является результатом вторичного развития разных согласных [Эдельман, 1986, с. 28–30, 78, ср. Грантовский, 1970, с. 100/1]. К примеру, в скифском есть *l* < *d* [Кулланда, 2006, с. 196 сл., лит.], и в таком случае иранские этимологии царских имен скифов должны включать исконное *d*, а не *g/l*. Не откажу себе и читателю в удовольствии процитировать хлесткий диагноз С. В. Кулланды [2006, с. 203] приведенным этимологиям: «В дальнейшем <эти> этимологии имен персонажей скифской генеалогической легенды неоднократно приводились в подтверждение гипотезы о существовании в скифской мифологии представления о трех сферах мироздания. Увы, в данном случае нас ждет, по выражению Томаса Гексли, “величайшая трагедия Науки — убийство прекрасной гипотезы безобразным фактом”... “Безобразный факт» в нашем случае заключается в том, что абсолютно все постулируемые при объяснении первых частей имен трех братьев фонетические переходы в скифском были невозможны» (далее разъяснена их ошибочность). Недостаточно убедительны и новые иранские трактовки имен Липоксай, Арпоксай, Колаксай, данные Ф. Корнийо [Cornillot, 1981] и самим С. В. Кулландой. Согласно Кулланде, в *Λιπόξαις* первая основа восходит к корню со значением «сиять» или «мыслить», но такого иранского корня нет, автор апеллирует к древнеиндийской лексике; то же и с именем *Ἀρπόξαις* — его первая часть постулируется на основе др.-инд. *ṛbhū* «умелый», которому в иранском «должно было соответствовать *arbu» [Кулланда, с. 205]. Лишь первая часть имени *Κολάξαις* построена на *hauda «шапка, шлем», имеющем реальную иранскую лексическую базу. Отсюда закономерен вывод самого Кулланды: «предлагаемые этимологии нельзя считать ни твердо установленными, ни фонетически и семантически безупречными. Их единствен-

элемент $-\xi\alpha\iota\varsigma$ всех трех имен обязывает совокупно объяснять их из одного языка, что относится также к имени их родителя Таргитая. Раньше превалировало предложенное В. Томашеком объяснение имени Ταργίτας как иран. tiγatava «сильный стрелой» [Vasmer, 1923, S. 17], В. И. Абаев [1949, с. 163; 1979, с. 287] возвел его к иран. $*\text{darğa-tava}$ «долгомошный»; обеим этимологиям препятствует проблематичность передачи иранского d через греч. τ (ср. [Zgusta, 1955, S. 222]). Как сказано, В. Бранденштейн этимологизировал имя Ταργίτας из др.-инд. $*\text{dirga-tavah}$ «долгомошный»²²⁶. Думаем, имя Ταργίτας можно связать и с др.-инд. dirghatva «длина, длительность, продолжительность», т. е. его природа и в этом случае соответствует эпитету Шешти anantā «бесконечный» телом (мена $a-i$, $i-a$ обычна в древнеиндийском). Индоарийский характер имени Таргитая позволяет думать о таком же происхождении имен его сыновей. По нашему мнению, общая их основа — др.-инд. kṣaṇa «род, племя, народ», так как каждый из братьев — первопредок племени: от Липоксая произошли авхаты, от Арпоксая катиары, траспии, от Колаксая цари-паралаты, сколоты (*Herod.* IV, 6)²²⁷. Древнеиндийскими соответствиями к первым частям имен сыновей могут быть следующие лексемы. Основу имени $\text{Λιπό-}\xi\alpha\iota\varsigma$ может составить др.-инд. līp- «окрашивать», «присоединять»²²⁸; в $\text{Ἀρπό-}\xi\alpha\iota\varsigma$ — глагол ārabh «схватывать, овладевать», значение в целом «владельческий род, племя». Первой основой имени $\text{Κολά-}\xi\alpha\iota\varsigma$ могут быть kūla «множество, знатный род, союз» [Brandenstein, 1953, S. 196/7] или kaulya «происходящий от знатного рода», т. е. имя в целом означает «племя, происходящее от знатного рода», что соответствует указанию Геродота: от Колаксая происходят цари²²⁹. Как прародитель авхатов у Валерия Флакка (VI, 60 = SC II, p. 208) он именуется Авхом (Авхатом), от природы он блондин и повелевает змеями (они изображены на щитах его воинов). Его родина — (Та)мирака, т. е. он владетель царских скифов Геродота, домен которых Нижнее Поднепровье. Еще одно важное известие Флакка — Авх(ат) владеет сокровищами (opes) киммерийцев — может указывать, при нашем понимании имен сыновей Таргитая, на индоарийскую же принадлежность киммерийцев²³⁰. Об этом же свидетельствует и стих Алкмана (fr. 23 = SC I, p. 320): «Колаксаев конь набежал на ибенца», т. е. на лидян, — с лидийцами воевали в 650–40-х гг. киммерийцы во главе с Лигдамисом (*Strabo*, I, 3, 21, см. § 16 в ДБ 16), следовательно, Колаксай соотнесен Алкманом с ними [Иванчик, 2005, с. 162, 167]. Алкман уроженец лидийских

ное преимущество перед общепринятыми состоит в том, что они не входят в неразрешимое противоречие со скифской фонетикой.

²²⁶ Сюда и имя царицы меотов Τίγυαταῶ у Полиена (VIII, 55).

²²⁷ Сохранение ks (в ведическом $\text{ks} > s$) — отмеченная О. Н. Трубачевым особенность, отличающая индоарийский язык Сев. Причерноморья от ведического языка.

²²⁸ К первому значению можно припомнить «раскрашенных (picti) гелонов» (*Verg.* Georg. II, 5, 10; также татуировались даки, фракийцы, сарматы [Яйленко, 2007, с. 69; 2013а, с. 191]). Возможно и значение «присоединять», поскольку заключение союзов в обычае у скифов: так, при нашествии Дария на царских скифов вошли с ними в союз (дословно «согласились помогать») гелоны, будины, савроматы (*Herod.* IV, 119). Согласно Трубачеву [1999, с. 181/3, 199, 221, 280], индоарийское происхождение имеют этноним агафирсов и имена скифских богов Тагимасад, Табити, Гойтосир.

²²⁹ Ср. имя народа на южной оконечности Индии Κωλακοί у Страбона (XV, 1, 11; 14 [Таронян, 2007, с. 441, 443]); далее см.: Яйленко, 2013а, с. 93.

²³⁰ Геродотов Колаксай, первопредок авхатов, расщеплен у Флакка на три образа: собственно Колаксай (vv. 48–54), обладатель киммерийских богатств Авх (vv. 60–64, это интерпретация сообщения Геродота, что скифские цари, потомки Колаксая, берегут золото), наконец, Авхат (vv. 132–134).

Сард и возможный свидетель войны (по Свиде и Евсевию, он жил в Ol. 26, 30, 42, 2 = 676–611 гг.), так что его увязка Колаксия с киммерийцами прочна. Пересказанное Геродотом (IV, 5–7) предание скифов о своем происхождении относится ко всем скифским народам, лишь потомство Колаксия составило племя царских скифов, имена царей которых VI–V вв. — Таксакис, Савлий, Кадвид, Гнур, возможно, Иданфирс, Октамасад (плюс позднейшее Палак) — индоарийского происхождения²³¹.

Обилие змей породило культ их в Индии, этим же обусловлен культ их в Нижнем Поднепровье (сказание о журавлях и змеях) и Нижнем Побужье (амулеты с Бейкуша)²³². Отзвук местного культа змей присутствует и в ольвийской легенде о происхождении скифов, согласно которой Геракл сошелся в Гилее с Ехидной, до пояса женщиной, книзу змеей (*Herod.* IV, 9). Совместный культ Геракла и Матери богов в Гилее удостоверен гимном второй половины VI в. (ниже, с. 255); следовательно, Ехидна версии Геродота — та же Мать или ее ипостась, так что представление о змеиной составляющей местной богини плодородия и шире — культ змей в целом — изначальны на территории Ольвийского полиса. Учитывая универсальность культа плодородия, в том числе со змеиными чертами, нет оснований связывать его здесь исключительно с греческими колонистами — по происхождению он туземный. Если на Боспоре змееногая богиня была туземной [Шауб, 2007, с. 89–99], то и в Нижнем Побужье она туземная. Мать богов упомянутого гимна одновременно и Геката (Гилея посвящена ей), тоже змееподобное божество²³³. В том же гимне упомянуто и третье божество, почитавшееся в Гилее с Гераклом и Матерью богов, — речной бог Борисфен; по скифской версии Геродота, Таргитай — сын дочери Борисфена и Зевса. Согласно «Аргонавтике» Валерия Флакка (VI, 48–52 = SC I, p. 207), Колаксия произвели на Скифском побережье Юпитер и змееногая нимфа, и давно замечено, что геродотовой паре Зевс / дочь реки Борисфен соответствуют эти Юпитер да Ехидна, полужмеиный облик которой указывает на ее хтоническую суть [Раевский, 1977, с. 44 сл.; Народы, 1982, с. 208]. Мы уже вели речь о взаимозаменяемости Зевса и Геракла, Геракла и Ахилла [Яйленко, 2013а, с. 22–29], следовательно, дочь Борисфена, она же Ехидна, приходится матерью Таргитаю-Шеше-Ахиллу. Согласно Валерию Флакку (VI, 57–59), сын Юпитера и змееногой Ехидны Колаксай повелевает змеями. Это указывает на идентичность Колаксия и Ахилла, более того, объясняет связь Колаксия-Ахилла с белым цветом: Колаксай блондин, Ахилл повелевает «белым» побережьем и островом. Почитание троицы богов (Геката, Геракл/Зевс, Борисфен) в ольвийской Гилее уже в VI в. (по данным упомянутого гимна) показывает, что все это не инвенции досужных поэтов, а отражение местной мифологии и реального культа с туземными корнями в Нижнем Побужье²³⁴.

²³¹ [Трубачев, 1999, с. 33, 111, 163, 181, 200/1, 239, 240, 243, 258, 273, 281, 285]. Оговоримся, что Октамасад с такой же вероятностью этимологизируется из иранского [Vasmer, 1923, S. 15; Кулланда, 2006, с. 202].

²³² Году в 1980-м я видел с высокого берега Березани игравших в воде двухметровых змей — зрелище тяжкое.

²³³ Напомним, по происхождению она домашняя змея [Nilsson, 1927, p. 427/9]. Ср. у Аполлония Родосского (III, 1215): «Гекату кругом увенчивали ветви дубовые с ужасными змеями» (эпизод с Медеей, Ясоном и Гекатой).

²³⁴ Небезынтересную попытку связать с культом Шеси курганный обряд на Чонгаре близ Перекопа предпринял Ю. А. Шилов [1991, 1991а]: устроители уникального кургана раннесрубного времени

Как сказано, Шеша — земное воплощение Вишну, а оружие последнего палица, что, полагаем, отсылает нас и к ольвийской этногонической легенде, в которой родителем скифов представлен Геракл (*Herod. IV, 8–10*), т. е. ольвиополиты по этому признаку отождествили Вишну-Шешу скифов-индоариев Нижнего Поднепровья с Гераклом. Также писавшие об Индии греко-римские авторы отождествляли с Гераклом тех индийских богов, оружием которых была палица, — Индру, Шиву, Вишну, Кришну (их эпитет *gadādhara*, дословно «носящий булаву»). Примечательно, что с индийским Гераклом тоже связана этногоническая легенда, восходящая к Мегасфену (*apud Diod. II, 39*): Геракл женат на многих женщинах, от которых имел множество сыновей и одну дочь; когда они достигли зрелости, он всех сыновей сделал царями, также дочь стала царицей в уделенном ей царстве²³⁵. Пространно излагает легенду Арриан (*Ind. 8–9*), добавляющий ряд деталей: предчувствуя кончину и не найдя для дочери Пандеи достойного жениха, он сам сочетался с нею, когда ей было 7 лет, чтобы стал его род от нее царским у индов [Таронян, 2007, с. 55, 106, 187/8, 380, 519/20]. Прямого соответствия этой легенде в индийских литературных памятниках нет, но некоторые параллели имеются. Нам важен сам факт происхождения ряда индийских царей от Геракла, ибо такова же суть и скифского, и ольвийского преданий о происхождении царей скифов от него же. Иначе говоря, рассказ Мегасфена удостоверяет, что у индийцев была этногоническая легенда о божестве, в какой-то мере близком греческому Гераклу, как родоначальнике царских династий, соответственно была она и у северочерноморских индоариев, у которых ее позаимствовали ольвиополиты. Ольвийская и Мегасфенова легенда общие по сути, хотя сюжетно, как и следует ожидать, разнятся. По Геродоту (*IV, 8–10*), от Геракла и Ехидны произошли родоначальники народов Агафирс, Гелон, Скиф, «и от Скифа, сына Геракла, произошли нынешние цари скифов» (напомним, О. Н. Трубачев [1999, с. 181/3, 197] счел имя агафирсов индоарийским).

Обратим внимание также на некоторые древнеиндийские сходжения с мифологией северочерноморского Ахилла, имея в виду его бейкушскую змеиную сущность. Это не прямые соответствия, а глубинные. Как в греческих сказаниях в связи с Ахиллом говорится о его черноморском острове, так в Махабхарате фигурирует остров змей (*I, 23*). Это такой же чудесный остров, как и Левка: покрыт деревьями, травами, цветами, водоемами, это священное место, где проводят время гандхарвы и апсары, где раздается приятное пение разнообразных птиц (обилие птиц на Левке — специальный мотив у ряда авторов). «Отрабатывавший» нагам долг за освобождение матери Винаты из рабства Гаруда доставил нагов сюда. Выше показано, что Гаруда — индоарийский прообраз журавлей, бившихся с пигмеями (~ нагами) в нижнеднепровском варианте предания. Как в связи с Ахилловым островом важна роль белого цвета (Белобережье, Левка), так этот цвет был первопричиной спора

(высота 3,5 м, ширина от 10 до 45, протяженность до 500 м) придали ему конфигурацию ужа, причем внутри заложена пара яиц, к оконечности ужа примыкает посох; «комплекс воплощал, по-видимому, арийский миф о вселенском змее Шеше, порождающем зародыши мироздания (Хираньягарбху) и нового года (Велу) под воздействием посоха бога-странника Вишну» (общую оценку воззрений Ю. А. Шиловой мы даем в неопубликованном § 7). Упомянутые яйца близки имеющимся у скифов золотым сакральным предметам, так называемым ворваркам, которые находят соответствие в джайнской мифологии и культе (с VI в. до н. э.), — конусам в виде верхней половинки яйца, являющим собой модель мира [Болтрик, 2004].

²³⁵ Плиний (VI, 76) уточняет, что она правила народом панду.

сестер Винаты и Кадру, ставшего поводом для повествования о деяниях сына Винаты, чудовищной птицы Гаруды (Mahābh. I, 18 сл.). Приуроченность к мифу о пахтании океана богами свидетельствует о его глубокой древности. Когда боги пахтали океан, из него возник Уччайхшравас, белый чудесный конь Индры, и сестры заспорили о его цвете, ценой спора было рабство. Вината справедливо утверждала, что он белый, Кадру же ради выигрыша велела своим детям-змеям облепить коня, чтоб он стал черным. Так Вината оказалась в рабстве у нагов, из которого ее вызволил Гаруда.

У греков локализация островов (острова) блаженных со временем изменялась (источники [РВ, 843]). Первые авторы говорят лишь о расположении их на краю земли, у океана²³⁶, начиная с Геродота (III, 26), пишут об острове блаженных в песках Ливии. Со времен Страбона (III, 2, 13) острова помещаются в Атлантике, но западная локализация островов, кажется, существовала уже в эллинистическое время: в финальной части «Теогонии» (vv. 1011 сл.), которая представляет собой позднейшую вставку [Christ, 1890, S. 84], далекие острова блаженных сопряжены с тирренцами. Лишь начиная с Пиндара (l. c.) в сонме героев пребывает на островах блаженных Ахилл, как показано выше, это ольвийское Белобережье и шире — Сев.-Зап. и Сев. Причерноморье в целом, от острова Левки до Боспора. Понятно, что мифология размещает острова блаженных неподалеку от входа в Аид, однако во времена Пиндара, в V в., эти места были уже хорошо освоены греками. Со времени освоения Березани в середине VII в. они вполне осознавали, что никаких островов блаженных тут нет, как нет и входа в Аид; так что же могло подвинуть их на поверье, что именно здесь располагается царство Ахилла и тем самым Μακάρων νῆσοι? Полагаем, ответ дает змеинная природа местного Ахилла, как сказано, по сути, адаптированного именем к местному индоарийскому культу Āhi-Валы-Вритры-Шеши. Они первобытные божества морских и речных вод, у них змеинная и драконья природа, они чудовища. По древнеиндийской мифологии, мировой океан полон исполнинских рыб и чудовищ; называется такое чудовище makara (Mahābh. I, 19); Āhi-Ахилл тоже макара, ибо у змея водная природа [Пропп, 1986, с. 253 сл.]. Как греки переименовали нижнеднепровского Āhi-Valá в своего Ахилла, так к макара, прозвищу этого Āhi-Ахилла, в числе прочего повелителя мертвых, они адаптировали свои Μακάρων νῆσοι. Пребывание блаженных на островах — общераспространенный мотив, но совмещению островов блаженных с северочерноморским побережьем способствовало то обстоятельство, что нижнеднепровский Āhi-Вритра-Вала-Шеша водный змей, что и породило мотив Ахилла как владыки острова — острова вообще и острова блаженных героев. Ко времени Плиния или раньше эта мифология реализовалась топонимически: «Перед устьем Борисфена находится вышеупомянутая Ахиллова местность, она именуется также Левкой и Macaron» (Nat. hist. IV, 83, 93). Из приведенных далее расстояний явствует, что Плиний соединил тут остров Змеиный и нижнеднепровские места культа Ахилла, но по существу к Змеиному относится только указание на его расстояние от Борисфена, Тиры и Певки, все остальное относится к Нижнеднепровскому побережью, включая названия Левка и Макарон [Агбунов, 1987, с. 121/8; 1992, с. 193/7].

Рассмотрим теперь ряд имен, слов и названий, относящихся к Нижнему Побужью или Скифии в целом, которые могут быть трактованы в качестве индоарийских

²³⁶ Hesiodi Op. 169; Pind. Ol. II, 70–72; Plat. Conv. 179e, Gorg. 523b, Resp. VII, 519c; Demosth. 60, 34.

реликтов и соответствуют разным аспектам местного культа Ἀήι. Выявленные выше погребальные аспекты образа Ахилла-Ἀήи дополняются, на наш взгляд, вариантом названия Ольвии Σαβία (*Pseudo-Arr.* Per. 86 = SC I, p. 285, *adnot.*). Несомненный вывод М. В. Скржинской [1981, с. 142 *сл.*], что название Ольвии давали выводимым колониям по велению дельфийского оракула, не исключает мысли Н. Я. Марра и С. А. Жебелева об адаптации греческим прилагательным ὀλβία «счастливая» местного топонима, близкого по созвучию или того же смысла²³⁷. Поэтому оправданно сопоставление О. Н. Трубачевым [1999, с. 151, 273] названия Ольвии Σαβία с др.-инд. *savayā* «левый» ~ *«благой». Хотя для впадающего в Бугский лиман Ольвия лежала по левую руку (*Strabo*, VII, 3, 17), в древнеиндийской символике «левое» имело, напротив, отрицательный смысл [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 784], так что греч. Ὀλβία не может быть калькой др.-инд. *savayā* в значении «левый»²³⁸. Однако связь названия Ольвии Σαβία с этим древнеиндийским словом возможна при другом его значении — «южный», семантика которого обращена к смерти и загробному миру: на юге мыслилось царство Ямы, владыки преисподней, обители мертвых. И это семантика также ольвийского побережья в целом — здесь владения хтонического Ахилла. Вообще «юг» выражается в древнеиндийском через понятие «правого», что обусловлено движением индоариев с запада на восток²³⁹. Однако *savayā* «левый» по какой-то причине не получило значения «северный» и тоже стало обозначать южное направление²⁴⁰.

Один из выдающихся царей нагов — Такшака (Takṣaká), убийство им царя пандавов Парикшита стало причиной долгого повествования Махабхараты (I, 13–53) о великом сожжении змей (Sarpasattra, Sarpavināṣana) сыном Парикшита Джанамеджайей, так называемого «Сказания об Астике» (в частности, в него включен рассказ о споре Винаты и Кадру, о подвигах Гаруды; подробнее о Такшаке [Vogel, 1972, p. 203 *f.*]). О. Н. Трубачев [1999, с. 33, 163, 281] закономерно связал его с именем скифского царя конца VI в. Τάξακις (*Herod.* IV, 120)²⁴¹. Значение имени Takṣaká на индоарийской почве неясно. Трубачев возвел его к др.-инд. takṣaká- «тот, кто режет», мы предпочитаем видеть в основе ведич. tvakṣ- «быть сильным» (др.-инд. tvákṣas «бодрость, сила», tvakṣīyas «очень сильный» [Mayrhofer, 1964, S. 141]), т. е. Takṣaká < *tvakṣ-aka «сильный». Это не единичное северочерноморское сходжение: как сказано, по Трубачеву, также индоарийские

²³⁷ Пример такой адаптации: горная цепь в Лигурии τὰ Ὀλβια — это греческое восприятие кельтского или лигурийского названия τὰ Ἀλπια. Посидоний (Fr. 48 Jас. = *Athenaeus*, VI, 233d) ошибочно утверждал, что вторая форма позднейшая относительно первой.

²³⁸ И у греков левое имеет отрицательный смысл: например, по Филострату (*Her.* XIX, 16 = SC I, p. 637), левая для впадающего в Понт сторона одновременно и негостеприимная.

²³⁹ dāksīṇā «правый; южный»; dāksīṇāpath- как топоним «Декан» (= Δακίναβᾶδης, Per. maris Erythr. 50), дословно «путь на юг»; dāksīṇāyana «южный путь», т. е. в «царство мертвых» [Wackernagel, 1953, S. 372/9].

²⁴⁰ Кстати сказать, в Ольвии найдено граффито IV в. до н. э. на чаше с уникальным именем Κολανδακης [Толстой, 1953, с. 11]. Полагаем, оно индоарийское: к др.-инд. kala «нежный» + pandaka «радующий», т. е. *Kalanandaka «нежнорадующий», с гаплографией. Ничего не дала попытка Л. Згусты усмотреть в имени Коландака ту же основу kola-, что в иранском имени Κολά-ξαις + иран. суффикс -акης, так как осталась необъясненной группа -υδ-.

²⁴¹ Имеющиеся иранские этимологии имени скифского царя умозрительны — к авест. tvaša «подвижный, усердный» [Vasmer, 1923, S. 17], taka-sāka «быстрый олень» [Абаев, 1979, с. 301], taxša «стрела» [Кулланда, Раевский, 2004, с. 94].

имена скифских царей Гнура, Октамасада, Иданфирса и др., родственников Такшаки-Таксакиса.

Культ змей у туземного населения Нижнего Побужья и Нижнего Поднепровья позволяет объяснить одну местную ономастическую странность. Согласно уникальному известию Плиния (Nat. h. IV, 83), на побережье к западу от Ольвии расположена Ахейская гавань²⁴². Обычно народ ахейцев, их страна размещаются на северокавказском побережье Черного моря (*Strabo*, XI, 2, 12 *etc.*), неожиданное появление этого названия на ольвийской территории можно объяснить такой же адаптацией греками туземного топонима или просто слова *áhi* из языка туземного населения, как и имени Ахилла. Эта гавань (лиман) могла именоваться туземцами Змеиной (*áhi* + суффикс прилагательных *-a-* или *-ya-*, *-eya-*, *-īya-*) по связи змеи-вода²⁴³, и ольвийские греки адаптировали ее имя к привычному для себя этнониму ахейцев²⁴⁴. Между Ахейской гаванью и островом Березань лежит гавань Ὀδησσός, название которой можно счесть индоарийским (см. выше — к др.-инд. *udā?*); вместе с тем в плане «змеиной» темы на ольвийском побережье ср. также др.-инд. *vā́tāṣa* «змея», буквально *vā́ta* + *āṣa* «пожиратель ветра», что соответствует функции гавани как укрытия от морской бури.

Мы рассмотрели природу нижебужского Ахилла и установили, что его местные особенности, разительно отличающие от греческого Ахилла, могут быть объяснены заимствованием из туземного культа индоарийского змея-дракона Ахи — Валы. Также ряд имен и названий, связанных с Нижебужско-Нижнеднепровским регионом, необъяснимых из греческого или иранского, получает обоснование на индоарийском материале [Яйленко, 2013а, с. 49–64, 101/16].

²⁴² Контекст Плиния дает зацепку для локализации Ахейской гавани. В предшествующем § 82 перечислены прибрежные пункты с запада на восток, от Тиры до Ольвии, а в начале § 83 сказано: *Rursus litore portus Achaëgum, insula Achillis* «Назад по берегу гавань ахейцев, остров Ахилла» (Левка), т. е. идет в обратном направлении [Скржинская, 1977, с. 58]. Ахейская гавань явно соответствует расположенной между Ольвией и Никонием Гавани истриан или Гавани исиаков Псевдо-Арриана (Рег. 87), Плинию неизвестным. Они соотносятся, видимо, с Хаджибейским и Куяльницким лиманами [Отрешко, 2009а, с. 64]. Если правильна связь их с поселениями на Приморском бульваре Одессы и в ее пригороде Лузановке, они существовали в IV–III вв. до н. э. [Агбунов, 1992, с. 155/7], что дает дату одному из них как Ахейской гавани. Ошибочно полагая, что Плиний спутал Гипанис-Буг с Гипанисом-Кубанью, П. О. Карышковский [1966а, с. 151] счел, что Ахейская гавань лежит на кавказском побережье, для чего, как видим, оснований нет.

²⁴³ К примеру, в Индии ряд названий содержит основу *áhi* — *Ahiksetra* (Mahābh. I, 128), *Ahichchatra* (совр. Рамнагар, с культом змей поныне [Dey, 1979, p. 2–3]) и *nāgā*, например, наименование у Птолемея прибрежного города на Цейлоне *Ναγαδίβα* = *nāgá* + *dvīpa* «Змеиный остров» и имя народа в Вост. Индии *Κοκκοράυαι* [Таронян, 2007, с. 444, 491/2].

²⁴⁴ По Страбону (XIII, 1, 32; 36), близ Илиона расположена «Гавань ахейцев» (совр. Каранлык-лимон; считалось, что тут стояли корабли осаждавших Трою греков), поблизости, у Сигея, находятся святилище и памятник Ахилла, также памятник Патрокла. Можно бы предположить, что ольвиополиты перенесли на свою территорию названия Троады, связанные с Ахиллом, однако в таком случае ожидалось бы топонимы типа *Ἀχιλλείος*, *Ἀχιλλείον* (sc. *ἱερόν, πόλις, κόμη, τάφος etc.*), подобно *Ἀχιλλείος πόλις* близ Сигея и Смирны (*Herod.* V, 94; *Xen. Hell.* IV, 8, 17), или *Ἀχιλλείον* — поселение со святилищем на Боспоре (*Strabo*, XI, 2, 6), либо *Ἀχιλλείος χάραξ* «Ахиллова ограда» в Мисии и пр. [Pape, Benseler, 1884, S. 186/7]. Поскольку ничего такого нет (есть лишь *Ἀχιλλεὺς δρόμος*, но он известен только тут), нет и оснований думать о переносе названия Ахейская гавань из Троады на ольвийское побережье.

*«Нет ничего удивительного
в том, что история блуждает
в потемках, повествуя о событи-
ях, столь отдаленных».*

Плутарх, Тезей, 27

Раздел II

ИСТОРИЯ И ЭПИГРАФИКА ОЛЬВИЙСКОГО ПОЛИСА VII–V вв. до н. э.

1. КОЛОНИЗАЦИЯ НИЖНЕГО ПОБУЖЬЯ¹

1.1. Исторический и материальный аспекты колонизации региона

1.1.1. Основание Борисфена и вопрос об эмпоральном периоде

Археологические исследования последнего полувека в Ольвии, на Березани и хоре привели к накоплению большой суммы фактов, относящихся к архаическому периоду. По ним и письменным источникам можно воссоздать процесс материально-экономического и политического становления Березани и Ольвии как эмпория и полиса, т. е. основные черты развития местного исторического процесса².

¹ Опубликована небольшая часть этой главы [Яйленко, 1983а, с. 136/54], тут полностью переработанная. В нескольких местах для оживления изложения я ввел *in marginem* несколько подходящих к случаю высказываний из читанной во время работы над главой в 2012/3 гг. художественной литературы. Также для украшения позаимствовал ряд максим из книги «Энциклопедия афоризмов» (М., 2000). См. ниже и главу о колонизации Боспора.

² Вопросам теории и практики колонизации уделен ряд докладов конференции «Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья» [ПГК, 1979, плюс материалы дискуссии — с. 346 сл.], также статьи сборников, изданных Г. Цецхладзе: [The Archaeology of Greek Colonisation. Essays Dedicated to Sir John Boardman. Oxf. 1994; Greek and Roman Settlements on the Black Sea Coast. Bradford, 1994; The Greek Colonisation of the Black Sea Area. Stuttgart, 1998; Greek Colonisation. An Account of Greek Colonies and other Settlements Overseas. Leiden, 2006. Vol. 1–2]; см. далее [Murray, 1982; Leschhorn, 1984; Malkin, 1987; Miller, 1997; Welwei, 2002; Колесников, 2003; Schulz, 2005; Petropoulos, 2005; Povalachev, 2008; Поваляев, 2014]. Ранее и мы разбирали вопросы теории колонизации в зарубежной и отечественной историографии, в том числе Сев. Причерноморья: ее причины и характер, движущие силы и колонизационную практику, типы колоний и их эволюцию от аграрного поселения к аграрно-ремесленному городу, что было необходимым условием формирования полиса как формы социально-политической организации населения, складывавшейся в VII–VI вв. [Яйленко, 1979б; 1982,

*«Мы богаты знанием, но само
по себе знание — мертвый груз,
важно его применить».*

Саймак, 1988, с. 146

Известие Евсевия об основании Борисфена в 647 г. относится к Березанскому поселению³. Раньше не сомневались, что этой дате соответствует древнейшая керамика типа Темир-горы [Копейкина, 1979, с. 106/7], в последнее время прозвучали сомнения. В. М. Отрешко [2009, с. 61] слегка омолодил даты — ок. 637 г. для Истрии и ок. 625 г. для Березани, еще больше Т. М. Кузнецова [2009; 2013; 2013а, с. 54]: Истрия основана между 620–616 гг., Борисфен — ок. 608 г. Спорной считал дату Евсевия и С. Л. Соловьев [2004, с. 46–49]: импорт второй и третьей четверти VII в. представлен в 4 центрах: в Истрии, на Березани, Немировском городище,

с. 3–46; 1983а, с. 128/54; 1990а, с. 79–90]. Там мы не затрагивали вопрос об эмпориальном периоде и динамике развития колонии от эмпория к полису; теперь рассмотрим его в § 1–2. Предварительно подчеркнем, что основная причина греческой колонизации VIII–VI вв. — земельный голод, главной целью выведения почти всех колоний до середины VI в. было аграрное освоение новых земель. В последней четверти XIX в. — первой трети XX в. Э. Мейер, Р. Пельман, Э. Цибарт и др. развивали представление о торговом характере колонизации (*лит.* [Яйленко, 1982, с. 8–19]). По письменным источникам известны торговые высылки фокейцев и родян, которые шли вслед за более ранними колонизационными предприятиями финикийцев Тира и Сидона; все они выводили колонии обычно в виде эмпориев, на запад Средиземноморья для добычи природных ресурсов, прежде всего металлов (*ср.* Herod. VI, 46: фасосцы разрабатывают залежи золота у себя на острове и в своем высылке Скаптосиле на материке). Раскопки второй половины XX в. дали материальные подтверждения этого, что привело одних ученых к отрицанию аграрного характера Великой колонизации, а других к игнорированию эмпориального периода. Эти историографические новшества базировались на небольшом числе примеров (Питекуссы, Кумы, иберийские центры), поэтому, на наш взгляд, не поколебали мнения о фундаментально аграрном характере ранней греческой колонизации. В ходе колонизационного процесса VII–VI вв. освоение хоры выражалось в устройстве сельских поселков, сосуществовавших с центральным поселением. Например, в хоре Тарента зафиксирован ряд таких поселков, изгибавшихся вокруг равнины; небольшие деревни известны в Сибарисе и в дальней сиракузской хоре; в Юж. Италии выявлены следы парцелляции земельных наделов на хоре [Vallet, p. 100/1]. Если в Великой Греции сельские поселки известны больше по некрополям, то в Нижнем Побужье исследованы они сами. С середины VI в. аграрной по сути была колонизация и Сев. Причерноморья, однако этому этапу, как и повсюду, предшествовали торговые предколонизационные плавания частных лиц в VIII — первой половине VII в., которые вели торговлю предметами роскоши с верхушкой туземного населения. В результате таких плаваний греки знакомились с новыми землями и возможностями их экономического освоения, что открывало пути для последующего поселения греков тут. С середины VII в. это выразилось в устройстве эмпория на Березани — небольшого поселения с непостоянным контингентом обитателей, в основном торговцами. Классические образцы устройства эмпориев дает деятельность фокейцев и родосцев, начиная с VII в., в Испании и на юге Франции [Bilabel, S. 238/43; Козловская, 1981; Циркин, 1970, 1972, 1981; Focci, 1982; Gras, 1993; Osborne, 1998; Монедеро Домингес, 2005; Morel, 2006; Dominguez, 2006]. В Сев. Причерноморье эмпориальный период длился до V в.

³ *Apud Hieron.* p. 95b Helm. Эта же дата и в сирийской версии [Eusebius, 1884, p. 23], только рукопись В. Иеронима дает 645 г. Ольвия называлась в V в. Борисфеном (Геродот), и ученые прошлого относили это известие к ней, однако раскопки показали, что в VII в. ее еще не было и потому сообщение Евсевия относится не к ней, а к Березани [Болтенко, 1930, с. 36; Капошина, 1956, с. 238; Крыжицкий, Отрешко, 1986, с. 8]. Станным образом некоторые коллеги [Виноградов, Доманский, Марченко, с. 84–85] пришли к столь очевидному выводу окольными путями, и уж совсем странно их (точнее, Ю. Г. Виноградова) утверждение, что графито третьей четверти VI в. Βορυσθένης ἐμὶ Βορυσθῆνες Ἰστρὸς подтверждает дату Евсевия, — но их-то разделяет столетие! Я уж не говорю о том, что Борисфен этого графито не Березань и не Ольвия, а река (выше, с. 16, 20).

Таганрогском поселении⁴. На Березани, считает он, найден единственный фрагмент восточногреческой чаши второй четверти VII в., остальные черепки столовой посуды, которых чуть более двух десятков, относятся к 3 и началу 4 четверти⁵. Поскольку слоя VII в. на Березани нет, он отнес появление поселения к последнему десятилетию века⁶. Полагаем, это не основание сомневаться в данных Евсевия, ибо так и должно быть: Березань была в VII в. эмпорием (так считает и сам Соловьев), т. е. поселением с незначительным числом жителей и непостоянным их составом; к концу века поселение несколько утвердилось демографически и материально, отсюда и более ощутимые археологические следы. Поэтому скептикам следует подтянуть датировку упомянутой керамики к дате Евсевия; иначе говоря, эта столовая посуда идет по меньшей мере с середины VII в. (так и считала Л. В. Копейкина [1979, с. 106/7]). Указав на это, Д. А. Мачинский [2011, с. 409/13] справедливо заметил: «В отношении Евсевия вся письменная античная традиция не дает никаких оснований сомневаться в точности его взаимосвязанных сообщений об основании Истрии и Борисфена». В доказательство он добавил данные о находках на Березани расписной восточноионийской керамики VII в.⁷

Сомнения критиков в сведениях Евсевия небезосновательны — ошибочные даты у него бывают⁸. Поэтому важна давно отмеченная исследователями близость времени основания Истрии и Березани, ибо в совокупности они представляют собой

⁴ Надо добавить фрагменты с Трахтемировского городища, вероятно, Тясмина и Жаботина [Русева, 1994, с. 99–100; Задников, 2009, с. 20; Мачинский, 2011, с. 417]. С учетом фрагментов последней четверти VII в. их более полусотни [Tsatskheladze, 1998, p. 11].

⁵ См. о них [Копейкина, 1970, 1982; Шалагинова, 1980; Корпусова, 1987; Solovyov, 1998, 1999; Ильина, 2000; Буйских, 2004; Vachtina, 2007; Posamentir, Solovyov, 2007].

⁶ Есть мнение, что раскрытые остатки указывают на существование Березанского поселения в последней четверти VII в., хотя можно думать и о более раннем времени [Виноградов, Доманский, Марченко, с. 81–83]. Поскольку эти уважаемые коллеги не были знатоками ранней греческой керамики, их мнение относительно. Хорошим знатоком ее была Л. В. Копейкина, сейчас М. Ю. Вахтина, Ю. И. Ильина, консультациями которых пользовался Д. А. Мачинский [2011, с. 411], А. В. Буйских, Я. Боузеке, Дж. Боурдмен, М. Кершнер [Bouzek, 1990; Boardman, 1991, 1998]. В. В. Лапин [1966, с. 81–82], отмечая отсутствие раннего слоя на Березани, не исключал, что древнейшая часть поселения обрушилась в море. Надо учитывать и то, что в районе поселения большая часть культурного слоя переложена или уничтожена строительной деятельностью нового времени. Следует иметь в виду и отрывочность дошедших до нас материалов. Так, по Псевдо-Скимну, Аполлония-Созополь основана лет за 50 до воцарения Кира, т. е. в конце VII в. Сначала поселение располагалось на островке (ныне Св. Кирика), затем передвинулось на материк. Соответственно на острове ожидался бы материал конца VII в., на материке позднейший. Однако на материке найден материал последней четверти VII в., тогда как находки на острове более поздние — от 580/70 гг. [Lazarov, 1998, p. 86–88].

⁷ Подробнее о ней [Ильина, 2000, с. 201/3, 205/9; 2005], верифицировали даты Евсевия по Истрии и Березани также М. Ю. Вахтина, М. Т. Кашуба [2014, с. 75], в том числе со ссылкой на материалы А. В. Буйских [2013а]. К сожалению, в 2012 г. Димы Мачинского не стало. Со времени нашего знакомства, лет 40 назад, он был интересен мне концептуальностью суждений, широким обобщением локальных исторических процессов. Сближал нас интерес к этнической истории античного юга СССР и средневековой Новгородской земли. На Боспорском феномене 2011 г. Иванчик с трибуны призывал бойкотировать мой доклад, который должен был состояться на маленькой филологической секции. Казалось бы, мой доклад о происхождении имени киммерийского царя Лигдамиса должен был заинтересовать писавшего на эту тему Тохтасьева, но перед моим выступлением он ушел вместе с Иванчиком. А Дима остался, высказал полезные соображения по докладу, потом мы еще пообщались, увы, эта наша встреча оказалась последней.

⁸ Например, деятельность милетского философа Фалеса (он предсказал солнечное затмение 585 г.) отнесена к 748 и 641 г.; вывод колонии с Феры в Кирену во главе с Баттом Евсевий отнес к 762 и 632 г., правильна последняя дата [Huxley, p. 198; Chamoux, p. 121].

единое колонизационное предприятие милетян в Сев.-Зап. Причерноморье⁹. Поясним это обстоятельство. Великая греческая колонизация началась в середине VIII в., активно действовали Милет, Халкида, Коринф, Мегара. Три последних города колонизовали Сицилию, а Милет и отчасти Мегара — Причерноморье [Greaves, 2007, *ср.* Dupont, 2007]. Известные нам обстоятельства основания сицилийских колоний показывают, что освоение острова одновременно тремя полисами проходило в условиях конкуренции и выбор места первыми партиями колонистов преследовал стратегические цели — с прицелом на захват самых выгодных земельных угодий. Так, в середине VIII в. Халкида выслала колонистов на Сицилию, где они zaloжили Накс, затем из Накса они несколько лет спустя основали Леонтины и Катану на границах освоенной ими плодородной долины реки Симеф¹⁰. Это была актуальная мера, ибо вскоре на Сицилию прибыли колонисты из других городов. Мегаряне, проблуждав по острову несколько лет, втиснулись между Леонтинами и Сиракузами, основав Мегару Гиблею [Graham, 1988]. Показательна в этом отношении предыстория основания самих Сиракуз. Коринфяне вслед за халкидянами устремились на Сицилию и одним выстрелом убили двух зайцев. Колониальная экспедиция коринфян и других дорийцев по пути на Сицилию остановилась на Керкире, лежавшей на италийской трассе, и выбила оттуда эретрийских колонистов. Часть коринфян во главе с ойкистом Херсикратом осталась на Керкире, другая часть во главе с Архией двинулась на Сицилию и, подобрав по пути дорийцев, неудачно пытавшихся ранее утвердиться там, завладела плодородной долиной реки Анапы, основав Сиракузы.

Если на небольшой Сицилии халкидяне, коринфяне и мегарцы конкурировали между собой, то громадного побережья Понта хватало всем — сюда устремились Милет, другие малоазийские и островные ионийцы, эолийцы, Мегара. Как Халкида методично захватывала ключевые пункты на Западе через основание Занклы, Накса, Кум, так и Милет планомерно осваивал Пропонтиду и все Причерноморье [Bilabel, S. 9–13; Graham, 1958]. Начал он с южного берега — еще до 757 г. милетяне обосновались в Синопе (по Ф. Билабелю, в 780-х, по Д. Робинсону, ок. 790 г.), в 757 г. оттуда вывели колонию в Трапезунт¹¹. Через столетие милетяне обратились к западному и северо-западному побережьям, основав Истрию в 657 г., Борисфен в 647 г. (*Euseb.-Hier.*, p. 95b Helm). По своей функции это были эмпории — руки милетян с товарами, которые они протягивали к состоятельной знати Фракии, скифской степи и Лесостепи, ибо Истрия и Борисфен расположены при устьях важнейших транспортных артерий — рек Истр, Гипанис, Борисфен. Связи оказались перспективными: полвека спустя Милет продвинулся на восток, основав Пантикапей при входе в Меотиду и поселение у Таганрога, неподалеку от реки Танаис; расположение их близ водных транспортных артерий указывает, что и они были эмпориями¹². Следующие по значению торговые пути по рекам Днестр и Кубань

⁹ Более того, разные версии сочинения Евсевия позволяют сгруппировать основание Истрии, Борисфена и Лампсака ок. 654 г. [Bürchner, S. 71–72].

¹⁰ [Bilabel, S. 219 f.; Danbabin, p. 10 f.]. Данные о колонизации Сицилии дает Фукидид в начале кн. VI, он заимствовал их у историка середины V в. Антиоха Сиракузского [Christ, S. 293, 307].

¹¹ О controversies времени основания Синопы и Трапезунта [Bürchner, S. 61–66; Bilabel, S. 30–40; Burn, 1935, p. 136; Максимова, 1956, с. 37 сл.; Graham, 1958, p. 32 f.; Hind, 1988; Huxley, 1990; Ivantchik, 1998; Иванчик, 2005, с. 135/61; Dana, 2007].

¹² О Таганрогском поселении [Копылов, 1998; 1999, 2009; Копылов, Литвиченко, 2006; Копылов, Коваленко, 2011; 2012, *лит.*; Копылов, Рылов, 2006]. По мнению В. П. Копылова и А. Н. Коваленко

Милет освоил вместе с эолийцами, основав Гермонассу и Тиру (ниже, с. 321/9). При устье реки Риони милетяне основали Фасис, замкнув кольцо своих причерноморских колоний, — отныне весь Понт стал открыт для удовлетворения разнообразных торговых интересов Милета и его нужды в природных ресурсах¹³.

Давно замечено, что перечисленные колонии Милета устроены при устьях больших рек, которые служили основными торговыми артериями, ведущими в глубь материка, в мир туземного населения, оседлого и кочевого (это подчеркивают и ныне [Иевлев, 2009, с. 47]). Это означает, что сии выселки предназначались для торговых целей и потому поначалу *de facto* были эмпориями, т. е. торговыми поселениями с небольшим и непостоянным числом жителей, в основном торговцев. Это было понятно исследователям прошлого начиная с В. В. Латышева, Э. Р. Штерна, Э. Миннза¹⁴. В целом большой археологический материал подтверждает связь ионийской торговли и колонизации¹⁵. Однако историческая наука, как и все научное знание, развивается не по прямой восходящей, а осторожно, по принципу *два шага вперед, шаг назад*, — иногда надо оспаривать и очевидные вещи, чтобы верифицировать их. Поэтому вскоре последовала негативная реакция на представление об эмпориальном периоде. В. В. Лапин в книге 1966 г. отрицал эмпориальный характер раннего Березанского поселения, полагая, что оно было обычной аграрно-ремесленной колонией¹⁶. Такие представления распространил на ионийскую колонизацию в целом Н. Эрхард, отрицавший эмпориальный период [Ehrhardt, 1983]; их восприняла часть ученых¹⁷.

Последующие исследования возвратили специалистов к эмпориальному периоду. Большую роль сыграли археологические работы на эмпориях Испании

[2012, с. 205], оно с самого начала было полисом, однако глубокоуважаемые коллеги извлекли этот вывод из расположения поселения на пути сезонной миграции скифов и из предположения о контактах с населением Лесостепи, а это ведь указания на торговые функции Таганрогского поселения! Следовательно, оно было эмпорием. Из него греческая столовая посуда и амфоры второй половины VII в. поступали на Днепровское Левобережье, где найдены на Бельском городище, в Пожарной балке, в курганах на Ворскле у с. Коломак и Купьевахе, оба неподалеку от Бельского [Задников, 2009, с. 20; 2013].

¹³ По Страбону (XI, 2, 17), Фасис — эмпорий колхов.

¹⁴ [Латышев, 1887, с. 11–13; Штерн, 1901а, с. 90; Stern, 1909; Minns, p. 438; Болтенко, 1930, с. 35–36; Славин, 1959, с. 90–91]. Итог исследований в таком ключе подвел К. Ребак: ок. 675–625 гг. торговая активность проявляется в Понте слабо, но установление факторий (эмпориев) привело к развитию более сложных торговых отношений в последней четверти VII в. и далее на протяжении VI в. Бедность Березанского поселения, по его мнению, более соответствует его рыболовецкому назначению, хотя потребности метрополии в аграрной продукции и металлах тоже играли роль [Roebuck, p. 128]. Шире цель основания Березанского поселения сформулировала С. И. Капошина [1956, с. 237]: это эмпорий для связей с дальними скифскими центрами: Немировским, Болтышкой и пр. Ранее к такой мысли подошла Т. Н. Книпович [1934, с. 106/7; *ср.* Марченко, Доманский, 2006]. Подчеркнем справедливость указания Ребака на важность рыболовецкого дела для березанских поселенцев. Рыбы в Бугском лимане и поныне много, в свежем и сушеном/копченом виде она предоставляла им гарантированный годовой запас продовольствия. И до наших дней обитатели Бугского лимана обзаводятся рыбой на зиму. В частности, так делал Володя Рубан, живший в 1970-х — 1980-х на лимане под Николаевом.

¹⁵ [Блаватский, 1954, с. 15–28; Roebuck, 1959, *passim*; Лаптева, 2009, с. 255/76].

¹⁶ Он придерживался так называемой аграрной теории колонизации Ю. Белоха, П. Гиро и др. (*см.* о ней [Яйленко, 1982, с. 9 *сл.*]).

¹⁷ Подробнее об историографии колонизации Нижнего Побужья [COO, с. 12–22]. Прекрасный очерк греческой колонизации Причерноморья в целом [Tsetskhladze, 1998], в частности он полезен полнотой новейшей историографии. Важна и вторая часть книги Э. Петропулоса [Petropoulos, 2005]. Сравнение колонизации Нижнего Побужья с колонизацией Истрии [Марченко, 2005].

и французского побережья, которые явили их материальный облик, торговую направленность хозяйства, отношения с туземцами и пр. Также исследования на Березани, публикация В. П. Копыловым материала с Таганрогского поселения привели к пересмотру воззрений Лапина и возвращению к эмпориальной концепции. обстоятельное освещение вопросов ранней Березани дал С. Л. Соловьев, возродивший представление о ней как эмпории [Solovyov, 1998]; по мысли А. В. Буйских [2005], Березань была эмпорием милетян. Также мы полагаем, что современным критикам эмпориальной теории следует поискать на географической карте Понт, дабы открыть для себя старую истину: почти все ранние колонии Милета в Причерноморье расположены близ устьев больших рек, служивших транспортными артериями в глубь варварского хинтерланда (рис. 22а)¹⁸. И торились эти дороги не столько ради познавательных экскурсий греков для ознакомления с его географией и этнографией, хотя и это было (Аристей), сколько, как показывают греческие изделия, найденные в глубинных центрах Фракии и Скифии, в целях торговли. Найденная на Березани тара VI в. представляет собой существенное свидетельство торгового характера поселения, основные поставщики — Хиос, Самос, Лесбос, Милет, Клазомены, Абдера [Solovyov, 1998, p. 214 f.; Монахов, 1999, с. 40–57]. На устройство названных милетских колоний в качестве эмпориев указывает и компактность выведения их по времени на протяжении нескольких десятилетий с 650-х по начало VI в., т. е. это очевидным образом единый процесс. Еще аргумент: по Страбону, Сенеке, Плинию, Милет вывел 75–90 колоний (Ф. Билабель насчитал их 45 [Bilabel, 1920, S. 60]); разумеется, собственного населения для этого в нем не было, откуда следует, что к милетским колонистам присоединялись выходцы из других ионийских и эолийских городов¹⁹. Населенные разношерстной публикой, эти выселки нужны были Милету только в том случае, если они обслуживали его торговые интересы, т. е. были эмпориями²⁰. Еще в V в. Геродоту известен ряд эмпориев в Нижнем Побужье, при Меотиде и в скифской Лесостепи²¹. Имеющиеся примеры недолго по времени ввоза греческих изделий в туземные центры глубинной Фракии и Скифии характерны как раз для эмпориальной торговли, которая редко была такой

¹⁸ Например [Bilabel, S. 65]. Показательны в отношении рек как транспортных артерий слова Геродота (II, 108): в Египте по дорогам не ездят, а плавают по Нилу и каналам.

¹⁹ Есть примерные выкладки о количестве населения ионийских городов, сделанные на основе данных Геродота (VI, 8) о числе кораблей, собравшихся у острова Лады близ Милета ок. 500 г. (с расчетом 200 человек на триreme и при условии полной мобилизации боеспособных мужчин): в Милете 64 тыс., на Хиосе свыше 75 тыс., на Лесбосе 54 тыс., на Теосе 14 тыс., в Фокее 2,4 тыс. [Roebuck, p. 22].

²⁰ [Латышев, 1887, с. 10–13; Roebuck, p. 122]. К. Рёбак в книге о связи ионийской торговли и колонизации выделил следующие причины выведения ионийцами колоний: поиски металлов на дальнем Западе (гл. VI), нужда в земле, которой обусловлено освоение Пропонтиды, фракийского Херсонеса, Фракии (гл. VII), нужда в продовольствии из Причерноморья, в том числе Северного, приведшая к устройству эмпориев, через которые оно поставлялось в метрополию в обмен на ионийские товары (гл. VIII).

²¹ Это эмпорий борисфенитов, т. е. Березань (см. ниже); эмпорий Кремны при Меотиде; известные Геродоту и прочие эмпории на Понте (поскольку речь ведется о глубинной Скифии, это эмпории Сев. Причерноморья); греки, жившие в Гелоне, городе будинов и гелонов, — это изгнанники из эмпориев (Herod. IV, 17, 20, 24, 108). И Страбон (VII, 3, 17) называет Ольвию «большим эмпорием, который основали милетяне» (μέγα ἐμπόριον, κτίσμα Μιλήσιων), причем существо этого сообщения — эмпорий, основанный милетянами, — явно соотносится не с временем Страбона, а со временем основания. Скорее всего, это выписка из Эфора, который воспользовался сведениями Гелланика (ниже, § 4).

стабильной, как в Навкратисе²². Много милетян VII–VI вв. связано с морской торговлей — их звали αἰναῦται, дословно «вечные мореплаватели», они-то и устраивали эмпории при устьях рек²³. По меткому замечанию Г. Глотца, поддержанному А. Грейемом, айнавы управляли торговлей и колонизацией [Glotz, 1953, p. 79; Graham, 1971, p. 98]. Показательным примером служит крупнейший из них: во времена Псамметиха I (667–613) милетяне приплыли на 30 кораблях к Бальбитинскому устью Нила и основали эмпорий — τεῖχος Μιλησίων «Укрепление милетян», а со временем перенесли его выше по реке, поближе к Саису, столице правящей династии, заложив здесь Навкратис²⁴. По Геродоту, в нем проживало и постоянное население, и приезжие купцы — ναυτὶλλόμενοι «плавающие по морю» [Roebuck, p. 134/5; Kees, Sp. 1961/2; Bowden, 1996]. Одним из таких купцов был брат Сафо Харакс, возивший на продажу сюда лесбосское вино (*Herod.* II, 135; *Strabo*, XVII, 1, 33; *Athen.* XIII, 596). Множество купцов из разных городов Эллады, преимущественно ионийских, оставили свои автографы на посвященной в навкратийские храмы керамике²⁵. Раскопки показали, что в VI в. Навкратис-III был городским поселением [Naukratis, 1886, 1888; Kees, Sp. 1963; Boardman, 1973, p. 115/9; Naukratis, 2006]. В нем были «простаты эмпория» и пританей, но это были не полисные магистратуры и учреждение²⁶. Полисом тот Навкратис не был, он стал им только в раннем эллинизме²⁷.

Метрополия Березанского поселения в источниках не упоминается.

²² Это Багачина в глубинной Фракии с материалом преимущественно первой половины VI в. [Tsetskhladze, 1998, p. 13–14], Немировское городище, куда греческая керамика поступала главным образом в первой четверти VI в. [Вахтина, 2000, с. 210] и др. [Bouzek, 2009].

²³ *Plut.* *Mor.* 298c. *Lum.* о понимании термина «айнавы» [Лаптева, 2009, с. 311/7].

²⁴ [Bilabel, S. 58–59]. На наш взгляд, греки трижды устраивали эмпорий в Дельте (обозначим его номерами I, II, III). По Страбону (XVII, 1, 18), Навкратис (II = «Укрепления милетян») основан при Псамметихе I, современнике мидийского царя Киаксара (625–585). По Геродоту (II, 178/9), эмпорий основан при Амасисе (570–526), это время переноса его к Саису (Навкратис III). Дата Евсевия для Навкратиса Ol. 7 = 752–749 гг., имеет в виду первое устройство эмпория в Дельте (Навкратис I). Эту версию подтверждает известие местного историка Полихарма об обретении деревянной статуи навкратийцем Геростратом в Ol. 23 = 688–685 гг. [FHG IV, p. 480 = *Athen.* XV, 675/6; Kees, Sp. 1957]. Названия укрепленных поселений Τείχος, Τείχη и подобные — PB, 1501.

²⁵ [Gardner, 1886, p. 54–63, Pl. XX–XXII; 1888, p. 62–68, Pl. XXXII–XXXV; Naukratis, 2006].

²⁶ По Геродоту (II, 178), ионийские и дорийские города, а также Митилена образовали в Навкратисе общий теменос, Эллениион, «и назначили простатов эмпория» (προστάτας τοῦ ἐμπορίου) [Bowden, 1996]. Простаты составили совет, занимавшийся устройством дел тех городов, которые они представляли; скорее всего, как и положено, они заседали в пританее, упомянутом мефимнейским историком Гермием: в нем угощались приезжие и местные жители [FHG II, p. 80 = *Athen.* IV, 149d; Kees, Sp. 1961]. Полихарм в вышеупомянутом рассказе о Герострате, приуроченном к 688–685 гг., назвал его «нашим гражданином» (πολίτης ἡμέτερος) [FHG IV, p. 480 = *Athen.* XV, 675/6], что отражает реалию эллинистической эпохи, а не VII в.: со времени основания Александрии Навкратис стал полисом — он выпускал собственную монету, издавал декреты ([Naukratis I, p. 61]: декрет I в. до н. э.), имел свои законы (Адриан позаимствовал их для основанного им в Дельте Антинополиса [Kees, Sp. 1964/5]). Таким же переносом реалий эллинистическо-римского времени объясняется упоминание Гермием применительно к Навкратису VII в. тимухов, — они известны здесь в римское время, а Полихармом — брачного закона, так как наличие юридически оформленных норм свойственно полису. Впрочем, Навкратис-III был, по нашей терминологии, факторией — он располагался при египетском городе, брачные установления которого могли распространяться на греков.

²⁷ Геродот (II, 178/9) пишет, что Амасис «разрешил устроить город» (πόλιν ἐνοικῆσαι), но далее дважды отметил, что он был эмпорием, о чем и свидетельствует его рассказ — он ведет речь о маршруте плавания из Навкратиса в Саис, называет крупнейшие греческие города, которые были

*«Что не записано,
о том не помнят»²⁸.*

Восточноионийское происхождение раннего керамического материала, решительно преобладающего на острове, показательно, но не всегда²⁹. Тем не менее издавна думают, что метрополией Березани был Милет, косвенное свидетельство чего — основание милетянами Ольвии, которое вряд ли могло произойти без участия березанцев. Еще одно косвенное указание — основание милетянами Истрии (*Herod.* II, 33) почти одновременно с Березанью. Добавим к этому графическое выражение дифтонга $\epsilon\upsilon$ через $\epsilon\omicron$, в пределах конца VI — начала V в. представленное только в Милете, на Березани и в Ольвии (ниже, с. 205, 236). Эти данные позволяли считать метрополией Березани Милет, что нашло подтверждение в оракуле 512 г. «Аполлону Дидимейскому милетскому» с Березани (выше, с. 35–37). Давно высказано и мнение, что активная колонизационная деятельность Милета означала его руководящую роль в колониальных переселениях ионийцев в целом, а не одних лишь милетян. Применительно к Березани его подтверждают местные ранние надписи. Они принадлежат к ионийскому диалекту, но в некоторых содержатся языковые и графические отступления от нормы: древнейшее граффито второй половины VII или раннего VI в. написано выходцем с Наксоса, Делоса или Пароса, т. е. с островной Ионии, граффито Идана середины или третьей четверти VI в. отражает особенности языка ионийско-эолийского пограничья, т. е. севера Ионии, «аканье» в письме Ахиллотора ок. 500 г. указывает на происхождение его родителей с юга милетской хоры, пограничной с дорийским Галикарнассом³⁰.

1.1.2. Основание Ольвии

Метрополией Ольвии Пс.-Скимн и опосредованно Геродот называют Милет, вопрос о времени ее основания дискуссионный. По немногочисленным фрагментам керамики конца VII и первой половины VI в. Л. В. Копейкина отнесла возникновение Ольвии, как думали и прежде, к рубежу столетий³¹. Однако незначитель-

---

задействованы в торговле с Египтом, в том числе профессиональных торговцев эгинетов. По Геродоту, Навкратис издавна был единственным эмпорием, другого в Египте не было. О Навкратисе как торговом центре [Möller, 2000].

²⁸ Беназир Бхутто, премьер-министр Пакистана.

²⁹ По справедливому замечанию Дж. Грэйма, если бы мы не знали, что Питекуссы основаны евреями, то по доминирующему удельному весу коринфской керамики это поселение пришлось бы отнести к числу коринфских колоний [Graham, 1971, p. 36]. См. также [Лапин, 1966, с. 141].

³⁰ См. ниже, с. 156/157, 303/4, 318. Новый ареал торговых связей, выявленный открытием на Березани фригийской керамики, производившейся ок. 700–550 гг. в Гордионе и Даскилейоне [Dupont, Lungu, Solovuyov, 2009], возможно, указывает и на контингент переселенцев оттуда. Вероятно и участие в колонизации Нижнего Побужья карийцев, лидийцев [Соловьев, 2013]. Геродот (I, 142) выделил 4 говора внутри ионийского диалекта материковой и островной Ионии: 1) южный, в Карию, на нем говорят жители Милета, Миунта, Приены; 2) средний, в Лидии, — Эфес, Колофон, Лебедос, Теос, Клазомены, Фокея; 3) хиосско-эрифрский; 4) самосский.

³¹ [Копейкина, 1975, с. 194/5; 1976, с. 131 сл.]. Ранняя керамика Ольвии [Ильина, 2004; Буйских, 2010а; 2013]. Граффито Ксанфа из Ольвии, отнесенное Ю. Г. Виноградовым к началу VI в., датируется серединой или скорее второй половиной VI в. (ниже, с. 296/7). Я несколько сезонов раскопок в Ольвии провел по своему желанию на лопате на участке Люси Копейкиной, так как с нею мне было интересно — она прекрасно знала ранний материал. Мы были на дружеской ноге, к несчастью, она рано

ный древнейший материал не служит хорошей опорой для соответствующей датировки основания города (подчеркнем — города, а не эмпория). Так, найденный на Березани килик второй четверти VII в. [Копейкина, 1973] ввиду своей единичности не может быть основанием для удревления поселка, судя по примерам, из Великой Греции³². Присутствие более раннего материала сравнительно с датой литературных источников имело место и там (Акрагант, Гела и др.), но практика показала, что в подобных случаях следует ориентироваться на указания письменных источников³³. Также в Фанагории найдено некоторое количество керамики первой половины и середины VI в., но письменные известия указывают на основание города теосцами в 540-х гг. [Жебелев, с. 61; Кузнецов, 2010]. Несколько черепков, предшествующих времени основания колонии, по письменным данным, свидетельствуют об устройстве эмпория на месте будущего полиса³⁴. Так, небольшое количество керамических изделий второй половины VII — первой половины VI в. на Березани, в Пантикапее, близ Таганрога, как сказано, указывает на устройство первоначального эмпория. То же в Фанагории: керамика первой половины и середины VI в. — до выведения колонии теосцами — свидетельствует, что тут располагался эмпорий восточноионийского происхождения. Существо различий между эмпорием и полисом состоит в торговом характере эмпория, жители его оставались гражданами метрополии и вели натуральное хозяйство для собственных нужд, полис же обладал собственным гражданством, податной системой, администрацией и разнообразной экономикой, в том числе, как правило, собственной монетой³⁵.

покинула нас. Трижды правы ее эрмитажные друзья и коллеги, печатно отметившие ее немалые заслуги в изучении Березани и Ольвии.

³² А. В. Буйских дезавуировала датировку Копейкиной — такие килики бытуют по конец VI в. О методике определения времени основания колонии по археологическим данным [Русяева, 2009].

³³ Например, по кубкам типа Тапса в Сибарисе предлагалось удредить дату его основания, но затем выяснилось, что кубки этого типа существовали дольше, так что оказались правы те, кто полагался на соответствие древнейшей керамики Сибариса в целом (ранней протокоринфской, родосской геометрической и пр.) традиционной дате основания города [Frederixen, p. 58; Guzzo, p. 298 f.].

³⁴ Необходимо условиться о терминах. Полагаем неточной антитезу Э. Грегго и Ж. Вильсона «эмпорий или апойкия?» [Grego, 1994; Wilson, 1997], так как слова ἀποικία, κτίσμα, как и лат. colonia, не несут в себе указания на тип колонии, т. е. на социально-политическую форму организации общества. Одно дело, когда исследуется использование термина античными авторами (например, ἐμπόριον [Casevitz, 1993]), и совсем другое — вкладывать свое понимание в эти термины: например, Э. Петропулос видит в эмпории протополис, а в апойкии полис, что нам представляется правильным. Ср. [Поваляев, 2008]. Непродуктивно смешивать факторию и эмпорий — хотя они одинаковы по своей торговой сути, мы различаем их по признаку расположения: фактории устраиваются при туземном городе (например, Телль-Сукас), эмпории представляют собой отдельное поселение. Дальнейшая форма социально-политической формы организации общества в VII–VI вв. — полис.

³⁵ А. М. Бутягин [2009], вслед за другими обратив внимание на незначительность греческих вещей VII — первой половины VI в. в скифских центрах, заключил, что переселенцы сохраняли гражданство метрополии. В. В. Вахонеев [2011] напомнил мысль М. И. Ростовцева о сезонном характере греческих выселков и отметил, что находников из метрополии могли привлекать в Сев. Причерноморье местные природные богатства — металлы, рыба и пр. Эти суждения Ростовцева, особенно о рыболовстве, повторил К. Рёбак [Roebuck, p. 121] (однако, по В. Д. Блаватскому [1954, с. 15], устройство рыболовецких станций маловероятно до основания постоянных поселений). На наш взгляд, в этом вопросе особо важны фиксированные даты основания Трапезунта, Истрии, Березани в 757, 657, 647 г., которые указывают, что это были не индивидуальные предприятия по вывозу природных ресурсов

В 1980 г. В. В. Рубан на основании керамических данных и свидетельства Пс.-Скимна скорректировал вывод Л. В. Копейкиной: Ольвия как город основана в середине VI в.³⁶ При этом он допускал возможной мысль А. Вонсович, что в ходе аграрного освоения Нижнего Побужья на месте будущего города не ранее второй четверти VI в. (датировка Рубана) появилось небольшое сельское поселение [Wąsowicz, р. 54–55]. Вскоре это подтвердилось раскрытием Западного теменоса второй четверти VI в. близ теменоса Дельфиния: по мнению А. С. Русяевой [1986, с. 51–52; 1998], это указывает, что тогда же была запланирована постройка города. Мнения о целенаправленном основании Ольвии как полиса на рубеже первой — второй четверти VI в., начатого с обустройства Западного теменоса, придерживаются А. В. и С. Б. Буйских [2009]³⁷. По Русяевой [1994, с. 102], вследствие покорения Ионии персами с 546 г. в Нижнее Побужье прибывали новые колонисты, и в третьей четверти VI в. разгорелся конфликт между ними и первопоселенцами. Он был улажен обращением к оракулу Аполлона Дидимейского, который повелел устроить Ὀλβίη πόλις, ставший политическим и религиозно-культурным центром региона. По мнению С. Д. Крыжичкого и В. М. Отрешко [1986, с. 8–9], до конца третьей четверти VI в. Ольвийское поселение не имело полисного статуса, а городом оно стало не ранее начала V в.; формирование Ольвийского полиса произошло ок. 535–525 гг. В коллективной монографии [Ольвия, 1999, с. 43–46] говорится о возникновении Ольвии ок. середины VI в., но как город она складывалась во второй половине века; в середине VI в. она была уже относительно крупным поселением, на что указывают строительные остатки: древнейшие жилища, полуземлянки, расположены в ядре поселения около теменоса и позднейшего административного центра, они ориентированы на ось главной улицы, по заполнению датируются серединой и второй половиной VI в.³⁸

Есть и письменные известия об основании Ольвии.

Причерноморья, а государственные мероприятия Милета, как показано выше, звенья его политики по освоению побережий Понта. Древние хронисты интересовались датами основания эмпориев: так, у Евсевия есть дата основания Навкратиса (750 г.), который всегда оставался классическим эмпорием. Уже логографы VI–V вв. Гекатей, Гелланик и др. знакомились в архивах разных городов с местными хрониками (о них [Christ, S. 274]) и документами, в которых содержались известия об их основании; это породило особый жанр в историко-географической литературе — κτίσεις, т. е. повествования об основании городов (о них ниже, Приложение 1 к этой главе).

³⁶ Рубан В. В. О времени основания Ольвии (рукопись). Он представил статью в ВДИ, но, поскольку в ней критиковалось мнение Ю. Г. Виноградова по этому вопросу, последний, будучи сотрудником журнала, «замотал» ее, и она осталась неопубликованной, а вскоре Рубан ушел из науки. Это тоже «вклад» Виноградова в науку, так что инициаторам сборника его памяти «Анахарсис» да радений 2011 г. и 2012 г. (Иванчик, Тохтасьев и пр.) не мешало бы знать и это. С Володей Рубаном мы были дружны, увы, ныне он ушел и из жизни.

³⁷ Поддержали В. М. Зубарь, Н. А. Сон [2007, с. 27]. По А. В. Буйских [2012, с. 52], Зап. теменос основан в начале VI в., это дата возникновения Ольвии (в ее работе 2005 г. оба события отнесены ко второй четверти VI в.; в статье 2013 г. основание Ольвии отнесено по керамическому комплексу к концу VII — началу VI в., что сомнительно: как сказано, присутствие небольшой группы самой ранней керамики не служит показателем основания поселения именно в это время). К сожалению, у меня не было возможности использовать монографию А. В. Буйских [2013а] об архаической керамике Ольвии, но основные положения исторического характера она дала в статье 2013 г. в ВДИ.

³⁸ [Крыжичкий, Русяева, 1978, с. 3 сл.; Крыжичкий, 1979, с. 331; Ольвия, 1999, с. 47; Wąsowicz, 1975; Povalachev, 2008, S. 111 f.] (в моей работе 1983 г. на с. 137 из ссылки на указанную статью Крыжичкого и Русяевой случайно выпала фамилия С. Д. Крыжичкого, приношу ему свои извинения).

«На письменную историю полагаться нельзя. Во многих случаях оказывается, что все было совсем не так. Это пристрастия, предубеждения или просто тупые суждения, навеки мумифицированные на страницах книг и документов».

Саймак, 1988, с. 281

По Пс.-Скимну (ст. 808/9 = SC I, р. 88), ее «милетяне основали во времена мидийского владычества» (Μιλήσιοι κτίζουσι κατὰ τὴν Μηδικὴν ἐπαρχίαν)³⁹. Так как источник этого сообщения Эфор или Деметрий Каллатийский, под «мидийским» подразумевается персидское господство, т. е. основание Ольвии могло произойти начиная с 540-х гг. (ниже, Приложение 1). На существование Ольвийского полиса в последней четверти VI в. указывает выражение оракула 512 г. εἰρήνη Ὀλβίῃ πόλι, свидетельствующее, что Березанское и Ольвийское поселения были в это время частями единого полиса (ниже, § 2). Соединение данных Эфора и этого оракула приурочивает время основания Ольвии к 540-м гг. — к началу установления персидского господства над Ионией. Встроим такой вывод в общую картину греческой колонизации Сев. Причерноморья.

1.1.3. Этапы ионийской колонизации Северного Причерноморья

С 1970-х гг. популярно мнение о 2–3–4 или даже 5 этапах милетской, и шире, ионийской колонизации Нижнего Побужья⁴⁰. Мы предпочитаем говорить о 4 периодах.

*«В цифре “четыре” есть что-то
милое и уравновешенное».*

Саймак, 1988, с. 269

Первый — этап доколониционных плаваний, когда частные купцы на свой страх и риск достигали Нижнего Побужья еще в VIII и первой половине VII в.

³⁹ Мидяне Пс.-Скимна, Геродота и др. — персы (см. ниже, Приложение 1; там же мы заключили, что источником известия Пс.-Скимна об Ольвии был Эфор или Деметрий Каллатиец). Перизгеса Пс.-Скимна составлена во второй половине II или I в. до н. э. По Геродоту (IV, 78), ольвиополиты называют себя милетянами. Форма наст. времени κτίζουσι «основывают» — это *praes. hist.* вместо аориста: «основали». Выражение Пс.-Скимна «основали во времена мидийского владычества» относится к «милетянам» и не может относиться к «Ольвии», ибо в последнем случае должен быть назван регион, подвластный персам, например: «Ольвию милетяне основали во времена мидийского владычества над Скифией». Можно думать о персидском господстве в Нижнем Побужье во время скифского похода Дария I 513–512 гг., но *ср.* словоупотребление в аналогичном сообщении Пс.-Скимна (ст. 739/42) о возникновении Месембри: ее основали калхедонцы и мегаряне «во время похода Дария на скифов» — этот поход упомянут как указание на время основания города, тут нет речи о «персидском господстве», потому и нет указания на подвластную им территорию.

⁴⁰ [Иессен, 1947, с. 50 *сл.*; Блаватский, 1950, с. 30 *сл.*; 1954, с. 15–28; Блаватская, 1952, с. 33; Капошина, 1956; Доманский, 1965; Лапин, 1966; Доманский, Копейкина, Марченко, 1978; Крижицкий, Русаева, 1978; Копейкина, 1979; Русаева, 1979а; Марченко, 1980, 1994; Яйленко, 1983а; Крыжицкий, Отрешко, 1986; Русаева, 1986, 1994; СОО, с. 20–22; Petropoulos, 2005; Зубарь, Сон, 2007, с. 27; Буйских, 2009 и др.]. Об этих же этапах колонизации Боспора [Кошеленко, Кузнецов, 1990]. Аналогично трем этапам колонизации Нижнего Побужья составляют три этапа колонизации тирийцами юга Испании, начавшейся с основания эмпория в Гадесе, который со временем стал городом (*Strabo*, III, 5, 4–5).

[Neumann, S. 335 f.; Bilabel, S. 64 f.; Roebuck, p. 121, 128, 137; Tsetskhladze, 1998, p. 10–15; Русяева, 1999, с. 87]. С их плаваниями на Березань связаны найденные тут гидриск II геометрического стиля первой половины VIII в. и килик второй четверти VII в.⁴¹ Благодаря им греки VIII в. узнали о населении Лесостепи, которое окрестили гиперборейями, и великой реке Борисфен; согласно Геродоту (IV, 32), о гиперборейях рассказывал Гесиод, упоминает их и Гомер, если ему принадлежат «Эпигоны». Эти знания нашли отражение в гимнах поэтов предгомеровского времени ликийца Олена и кимейца Меланоп в честь Аполлона Делосского и гипербореев (выше, с. 22, 33). Коринфский поэт середины VIII в. Евмел аллегорически претворил реку Борисфен в музу Борисфениду и тоже связал ее с Аполлоном — она его дочь⁴². Это Аполлон Гиперборейский (выше, с. 33). Знает гипербореев и Гесиод (fr. 209 Rz. = *Herod.* IV, 32); хотя ранняя греческая традиция помещала их во Фракии, показательно, что Гесиоду (fr. 51, 55), как и Гомеру (II. XIII, 5–6), известны народ гиппемолгов-млекоедов, передвигающихся на повозках, а также река Ардеск, в позднейшей традиции заместившая притоки Борисфена Гипакирис или Герр⁴³. Это позволяет видеть в гиперборейях Гесиода население лесостепной или лесной Скифии. Известна Гесиоду и «соленая рыба» [Roebuck, p. 127], по аналогии с классической эпохой это может быть осетр, вылавливаемый в Днепро-Бугском лимане, или боспорская рыба. Привлекает наше внимание также место расположения древнейшей милетской колонии Синопы: она выведена не только в плодородную местность, но из нее идет кратчайший путь по прямой в Сев. Причерноморье (*Strabo*, XI, 2, 14; XII, 3, 11–12). Впрочем, говоря о древнейшем этапе, плохо освещенном источниками, будем руководствоваться сентенцией К. Рёбака о колонизации Причерноморья: «Попытка вывести заключение из весьма скудных свидетельств подобна производству ученого кораблекрушения» [Roebuck, p. 116].

⁴¹ [Roebuck, p. 122, 137; Копейкина, 1973; Боузек, 1981, с. 69; Graham, 1994, p. 4 f.; Мачинский, 2011, с. 418]. Есть и сомнения в происхождении этого покупного геометрического кубка с Березани [Roebuck, p. 118; Boardman, 1998, p. 203]. Уточним, что привлеченное Д. А. Мачинским безызвестное граффито на стенке ойнохои относится не к VIII в., а ко второй половине VII в. (ниже, с. 304). В Истрии найдена, по П. Александреску, амфора II или III геометрического стиля, по Дж. Боурдмену, она VI в. [Boardman, 1991]. Ранняя керамика Истрии, которую я видел в музее г. Констанца, не древнее VI в. Древнейшая керамика из зондажа под епископальной базиликой Истрии относится к 630–620-м гг. [Suceveanu, 2012, p. 79], причем не факт, что это греческое, а не туземное поселение.

⁴² Эта Борисфенида — божество реки Борисфен, а не Геллеспонта, тоже именовавшегося Борисфеном: имена муз образуются от названий источников и рек, а не проливов [Блаватский, 1968, с. 120 сл.]. Сомнение в принадлежности этого фрагмента Евмелу [Иванчик, 2005, с. 83] голословно, обоснованию подобного рода сомнений Иванчик мог бы поучиться у И. И. Толстого [1918, с. 9], который аргументированно показал, что упоминание острова Левки в «Эфиопиде» поэта VIII в. Арктина (SC I, p. 319) принадлежит позднейшей вставке.

⁴³ Гесиод в ст. 337–345 «Теогонии» перечислил известные ему реки, Ардеск помещен среди рек Зап. Анатолии, но там таковой нет, да и схолиаст к «Теогонии» (ст. 338 = SC I, p. 319) указал, что это река в Скифии. Он ориентировался на известие Дионисия Перизгета (Per. 314) о ней: близ Борисфена текут Алдеск и Пантикап. К Дионисию восходят сообщения Авиана об этих реках (ст. 453/6 = SC II, p. 357: они текут с Рифейских гор и близ Борисфена впадают в Евксин), Присциана (Per. 306 = SC II, p. 437) и Никифора Влеммида (SC I, p. 291). Евстафий в комментарии к ст. 314 «Теогонии» привел указание Геродота (IV, 54), что Пантикап сливается с Борисфеном. Перечень рек Скифии у Дионисия в конечном счете восходит к перечню их у Геродота (IV, 47–56), и в нем Ардеск явно замещает упоминаемый после Борисфена и Пантикапа Гипакирис или Герр. См. подробнее [Яйленко, 2013а, с. 263/4].

Второй этап приходится на середину VII — первую половину VI в., выше мы уже вели о нем речь: в середине VII в. основан эмпорий на Березани, к концу века у Таганрога, в Пантикапее⁴⁴. В Зап. Причерноморье ему соответствует основание в 657 г. Истрии. Применительно к этому этапу можно говорить о вызванной торговыми интересами эмпориальной деятельности одних милетян [Bilabel, S. 19; Копейкина, 1979, с. 108]. Войны лидийских царей с ионийскими городами, начиная с Гигеса (716–678), могли способствовать выселению части ионян в милетские колонии Понта, в том числе на Березань⁴⁵. Выше мы показали, что эти центры — эмпории, так что в целом это был эмпориальный период⁴⁶.

Березанский эмпорий около сотни лет после основания понемногу накапливал экономический потенциал. Примерно с середины VI в. темп развития ускорился ввиду покорения Ионии и Эолиды персами в 540-х гг., что вызвало отток населения преимущественно в уже существующие колонии. Это начало третьего этапа, который по археологическим показаниям приходится на середину и вторую половину VI в.⁴⁷ Вообще это переломный период истории Греции — с этого времени ее экономика поднимается на качественно новую ступень: ремесло переходит к серийному производству, в соответствии с чем меняется также характер торговли, предметом которой становятся не столько предметы роскоши, сколько изделия массового производства; отсюда первостепенное экономическое значение получает денежное обращение [Heichelheim, 1931, S. 229/54; 1958, p. 239 f., 494 f.]. Таким образом, понятие «архаическая эпоха» покрывает собой два различных периода: до середины VI в. греческая экономика была примитивной, торговля ограниченной, зиждившейся на натуральном обмене, особенно в сношениях с варварским миром; с середины века греческая экономика переходит к серийному промышленному производству и торговля основывается на денежном обращении. В Ионии развитие экономики и колониационного движения находилось в зависимости от внешних обстоятельств — лидийских и персидских войн. До середины VI в. она зависела от Лидии с ее развитым денежным обращением, элементы которого позаимствовала.

⁴⁴ Впрочем, ойнохоя из скифского погребения на Темир-горе, возможно, происходит с Березани: скифы совершали сезонные диагональные перекочевки из Нижнего Поднепровья на Кубань, в результате чего ойнохоя оказалась на Керченском полуострове [Вахтина, Виноградов, Горончаровский, Рогов, с. 78].

⁴⁵ Так, ввиду лидийского нашествия на Колофон при Крезе (560–546) часть его населения удалась вместе с другими ионийцами в Юж. Италию, где основала город Полизион (*Strabo*, VI, 1, 14; *Athen.* XII, 523c), еще одна часть выселилась во Фракию (*Suidas*, s. v. *χρυσὸς Κολοφώνιος*).

⁴⁶ См. об эмпориальном периоде [Velissaropoulos, 1977; L'Emporion, 1993; Hind, 1995/6, 1997; Hansen, 1997; Petropoulos, 2005; BCH. 1999. T. 123]. Предпринятая А. В. Буйских [ВДИ, 2007, 3] критика книги Петропулоса во многом справедлива, но относится главным образом к первой части книги, в которой рассмотрен археологический материал. Ценность книги Петропулоса определяется ее второй частью, в которой дано осмысление вопросов развития эмпориального процесса: первых плаваний торговцев, устройства поселений, существа эмпориального периода, понимание терминов «эмпорий», «апокия» и пр. Книга Петропулоса уделена в основном исторической проблематике, ей просто не хватило хорошего российского или украинского редактора-археолога, специализирующегося на VII–VI вв. Замечания Иванчика, «пристегнутые» к рецензии Буйских, касаются мелочей, для него эмпориальный период в своем классическом виде, как у В. Д. Блаватского [1954, с. 14 сл.], не более чем пережиток историографии, давно преодоленный современной наукой. Это свидетельство лишь того, что пишущий обо всем, но редко со знанием дела, Иванчик мало осведомлен и в теоретической проблематике колонизации.

⁴⁷ Например [Копейкина, 1979, с. 110; Яйленко, 1983а, с. 140; Русаева, 1994, с. 102].

По Геродоту (I, 92), первое покорение Ионии персами произошло после завоевания в 546 г. Лидии (далее он подробно описал захват ионийских городов сатрапами Кира). Персидский натиск на Ионию вынудил к эмиграции жителей Фокеи и Теоса, одни из которых переселились в иные города, другие вернулись, третьи основали новые колонии (*Herod. I, 164/8*). Фокейцы — торговый люд, им свойственна прирожденная мобильность, потому они уходили в эмиграцию легко.

«Торговцы, стало быть, патриотами быть не могут? — Нет, не могут. Первооткрыватели — не патриоты по определению»

Азимов, 2007, с. 150

Остальные ионийцы не торопились оставлять отечество; в целом известие Геродота (I, 169) — «побежденные и покоренные ионийцы оставались каждые в своей земле» — означает, что и персы не предприняли тотального выселения жителей ионийских городов. Зависимость от экономически неразвитой Персии сдерживала рост ионийской экономики. Часть ионян считала персидское иго невыносимым, на что указывает план Бианта по добровольному переселению ионийцев из Малой Азии (*Herod. I, 170*). Персидское завоевание отозвалось эхом и в Сев. Причерноморье: через 3 года после взятия Киром Сард выселившиеся теосцы реколонизовали в 543 г. Абдеру и Фанагорию⁴⁸. Примечательно, что в это же время возрос и Пантикапей, на что указывает большая группа ранней керамики второй четверти VI в. и еще более массовый материал середины и второй половины VI в. [Сидорова, 1962, с. 147/8]. Такая синхронность позволяет предполагать, что и рост Пантикапея может быть поставлен в связь с крупнейшим событием истории Ионии того времени — нашествием персов. В таком случае основание Пантикапея и других колоний обязано не столько социальной борьбе в Милете, как полагали С. А. Жебелев [1953, с. 57–60] и Я. В. Доманский [1965, с. 129], сколько персидскому завоеванию Ионии в середине VI в. В пользу такого вывода говорит интенсификация колонизационного процесса в Сев. Причерноморье в целом. Массовая эмиграция ионян под протекторатом пребывавшего в мире с персами Милета привела к усилению уже существовавших поселений в Пантикапее, на Березани и ее выселках вроде Ольвии, а также в основании сельских поселений на месте позднейших Фанагории, Гермонассы, Кеп, Патрея, Торики, Феодосии, Нимфея, Мирмекия, Тиритак, Порфмия, а в Нижнем Поднестровье Тире и, видимо, через Истрию Никония. Затронута колонизацией и Сев.-Вост. Приазовье: находки амфор с красными полосами второй половины VI в. в Таганроге можно увязывать с сообщением Плиния (*Nat. h. VI, 20*) о карийцах (т. е. милетянах) и клазоменцах в устье Дона; возможно, тогда же основаны в Вост. Приазовье и так называемые клазоменские башни⁴⁹.

⁴⁸ [*Ps. Scymni* vv. 886/7; Жебелев, с. 61–62]. На связь основания Фанагории с натиском персов на Ионию указал Арриан (*Bith. 55*): «Фанагорию основал Фанагор теосец, бежавший от персидского гнета».

⁴⁹ *Strabo*, XI, 21, 4. На основании известий о некоей карийской талассократии в глубокой древности некоторые напрасно думали о собственно карийской колонизации Причерноморья или о существенном участии карийцев в колонизационных предприятиях милетян [*Neumann*, S. 340/2; *Bürchner*, S. 35–36; *Bilabel*, S. 61–63; *Roebuck*, p. 117/8]: полагаем, речь может идти лишь о милетянах, ибо каких-

Добавим возникновение с середины VI в. разветвленной сети аграрных поселений на Боспоре и в Нижнем Побужье, требовавшее большого числа колонистов (цифровые выкладки ниже). Совпадение по времени столь широкой колонизационной волны с жестоким подавлением греческих городов Ионии персами не может быть случайным, и исследователи резонно отмечали, что основание десятка колоний требовало больших человеческих ресурсов. На 3–4 эмпориях предшествующего времени их просто не было [СОО, с. 40]. В самом Милете в середине VI в. разразились сильные гражданские распри между объединениями граждан плутис и хейромаха (*Herod.* V, 28–29; *Athen.* XII, 523/4), которые тоже могли способствовать эмиграции части бедного населения (Геродот пишет о дотла разоренных милетянах, лишь немногие сумели сохранить достояние)⁵⁰. После замирения партий, согласно Геродоту и Афиней, Милет вошел в полосу расцвета [Лаптева, 2009, с. 310/13].

«Первые были специалистами. А те, кто появился позже, были просто поселенцами, задача которых сводилась лишь к тому, чтобы освоить новые земли».

Саймак, 1988, с. 351

Четвертый этап, приходящийся на конец VI — начало V в., обусловлен состоянием дел в Милете. Как сказано, в отличие от других малоазийских греческих городов он заключил мир с Киром еще до персидского нашествия на Ионию, вследствие чего пользовался всеми выгодами мирного развития: вплоть до начала ионийского восстания ок. 499 г. Милет, по словам Геродота (V, 28), процветал, как никогда более, и был украшением Ионии. Но после подавлении ионийского восстания 499–494 гг. персы истребили большую часть милетян, остальных обратили в рабство (*Herod.* VI, 18–20). Лишь часть милетян переселилась в Сицилию, и Геродот заключил: в Милете не осталось милетян (VI, 22). Это означает, что милетяне могли активно действовать в Сев. Причерноморье в период расцвета города — от начала третьей четверти VI в. до гибели в 494 г. Под персидским господством Милет был при тиране Гистиее и до ионийского восстания, т. е. ок. 514–499 гг.⁵¹

либо реальных следов пребывания карийцев нет. И на побережье южнее Каллатиса известна «гавань карийцев», окрестная область называлась Карией (*Arr.* Рег. 35), есть названия типа Кария, Карийский и в других областях Причерноморья [Bürchner, S. 35], но примечательно, что все это места колонизационной деятельности Милета. По Геродоту (I, 146), карийское население Милета истребили греки; по Павсанию (VII, 2, 3), в Милете некогда было смешанное карийско-критское население, пришедшие ионийцы-завоеватели мужчин истребили, а их жен и дочерей взяли в жены [Ehrhardt, 2006]. В этом смысле милетяне карийцы, от их смешения с карийскими женщинами у них встречаются карийские личные имена: таково, к примеру, имя Тимна, который давал Геродоту в Ольвии информацию о скифах; это же имя носил отец милетского тирана Гистиея, кариец (*Herod.* IV, 76; V, 37; VII, 98). См. полный обзор вопроса о карийцах в Сев. Причерноморье [Ефремов, 2013]. О клазоменских «башнях» («вышках») [Кулакова, 2003]; импорт клазоменской амфорной тары в Сев. Причерноморье один из самых интенсивных [Монахов, 1999; 2003].

⁵⁰ По Геродоту, эта междоусобица случилась за 2 поколения до ионийского восстания, т. е. в середине VI в. О милетской хоре [Lohmann, 2007].

⁵¹ Персидское господство продолжалось и после подавления восстания, но милетян для переселения в Сев. Причерноморье уже не было. По словам Дж. Грейема, Милет был свободен от Персии лишь в годы ионийского восстания [Graham, 1971a, p. 105].

Несколько лет ионийского восстания (499–494) также способствовали активной эмиграции населения, ибо в ходе его подавления персы сожгли все ионийские города, кроме Самоса (*Herod.* V, 25). Колонии милетян расположены в Пропонтиде, но главным образом в Сев. Причерноморье, сюда они и выселялись. Личные имена, представленные в надписях VI и V в. на Березани и в Ольвии, разные, нет последовательного употребления одних и тех же имен во времени, что свидетельствует о появлении нового населения тут с рубежа VI–V вв.⁵² С указанными событиями конца VI — начала V в. можно связать основание милетянами в Зап. Причерноморье Каллатиса, калхедонцами и византийцами (мегарцами) Месембрии⁵³, основание в Крыму поселка на месте будущего Херсонеса⁵⁴, также Керкинитиды [Кутайсов, 1990], в Нижнем Поднестровье — дальнейшее освоение хоры Тиры⁵⁵. На Боспоре и в Нижнем Побужье эти последние колонизационные предприятия ионийцев придали импульс продолжавшемуся тут развитию процесса внутренней колонизации. В Нижнем Побужье с ними связан наивысший размах в освоении хоры, оборвавшийся во второй четверти V в. ввиду скифской угрозы. На европейском Боспоре, где кочевые соседи были всегда, роль аграрных поселений наряду с таковыми играли небольшие городки, возникшие в процессе внутренней колонизации, — Киммерик, Тиамба, Корокондама, Лабрис (Семибратнее городище) и др.⁵⁶ Скифская угроза обнаружилась здесь примерно с того же времени, что в Нижнем Побужье, вследствие чего ряд городков обстроился оборонительными стенами⁵⁷. Как и в Нижнем Побужье, на азиатском Боспоре хора сократилась во второй четверти — середине V в., тоже пустуя до конца века.

Идея о 3–4 волнах ионийских переселенцев в Сев. Причерноморье, как видно, соответствующая имеющимся письменным и археологическим данным, в последнее время вытесняется мнением о накоплении городами собственных демографических ресурсов, которые позволили им перейти с последней четверти VI в. к внут-

⁵² Имена VI в.: Матор, Аристоним, Идан, Смикрий, Тихон, Метродор, Милесия. Имена рубежа VI–V вв.: Ахиллодор, Анаксагор, Протагор, Матасий (письмо Ахиллодора), Апатурий, Леанакт, Менон, Гераклид, Татайя, Тимол (письмо Апатурия), Никосфен, Мика, --ксейн, Гегесиполид, Темист. Имена V в.: Посий, Артемес, Аполлофан, Архепола, Гикесий, Леагр и пр. [Яйленко, 1982, с. 281].

⁵³ Каллатис как милетская колония (*Mela*, II, 22). Об основании Месембрии калхедонцами и византийцами, бежавшими после поражения от неназванного противника, свидетельствует Дионисий Византийский (у Евстафия: GGM II, р. 356/7), согласно Пс.-Скимну (ст. 739/42), город основан калхедонцами и мегарянами во время похода Дария против скифов. Совмещение обоих известий увязывает основание Месембрии с покорением городов Геллеспонта персами. Хотя некоторые думают и о 2–3 этапах основания Месембрии, важно иметь в виду, что археологический материал отсюда не выходит за пределы V в. [Lazarov, 1998, р. 90–91]. Подробнее об основании Каллатиса и Месембрии [Hind, 1998, р. 134, 137/41; Сапрыкин, 2011, с. 132/8, 147; Robu, 2014].

⁵⁴ Ю. Г. Виноградов, М. И. Золотарев [1999] полагали, что ионийский поселок на берегу Карантинной бухты существовал как минимум с последней четверти VI в., по справедливому мнению А. В. Буйских [2008], в Херсонесе нет материала VI в.

⁵⁵ Об этом и предыдущем этапах колонизации Нижнего Поднестровья [Охотников, 1990; Охотников, Субботин, Островерхов, Редина, 2000; Левинский, 2009; Редина, 2012; Самойлова, 2012].

⁵⁶ Первые два упомянуты Гекатеом (*apud Strab.* VII, 3, 6 fr. 214 Jac.), т. е. уже существовали в конце VI или начале V в., время возникновения остальных городков дает археологический материал.

⁵⁷ О развитии поселений на Таманском полуострове частично со второй четверти VI в. и в основном с третьей четверти см. [Завойкин, Гарбузов, 2010], о развитии сельских поселений таманской хоры в первой половине V в. и упадке их в третьей — четвертой четвертях [Гарбузов, Завойкин, Строкин, Сударев, 2011] (подробнее мы пишем об этом ниже, в главе о колонизации Боспора).

ренной колонизации — к основанию малых городов и активному освоению хоры⁵⁸. В связи с этим подвергнут сомнению и популярный в 1980-х тезис о скифской угрозе как причине сворачивания сельских поселений нижнебужской и боспорской хоры ок. второй четверти V в. Между тем тезисы о колонизационных волнах и накоплении местных производственных ресурсов не противоречат друг другу, напротив, взаимно дополняют, более того, был и третий фактор — вовлечение туземных людских и материальных ресурсов в экономику греческих центров. Подчеркнем, что на поселения Сев. Причерноморья направлялась очень небольшая по численности масса переселенцев, поэтому не приходится говорить о качественном изменении характера самих поселений и социальных отношений в среде их обитателей. Новые поселенцы придавали импульсы дальнейшему развитию экономики и социально-политическим отношениям.

К изложенному о 4 этапах ионийской колонизации Сев. Причерноморья и связи их с лидийским и персидским завоеваниями Ионии добавим сведения главного нашего источника о них Геродота. У него находим примеры выселения жителей греческих городов по причине военных действий⁵⁹. Древнейший пример: ок. 688 г. смирнейцы приняли беженцев из Колофона (I, 150)⁶⁰. Следующие выселения относятся ко времени завоевания ионийских городов персами после 546 г. В результате персидской осады фокейцы выселились в свою колонию на Корсике Алалию, через 5 лет подселились в качестве эпойков в Регий (I, 165/6). По той же причине теосцы выселились в клазоменскую колонию Абдеры (I, 168). Примеры последней четверти VI — начала V в.: ок. 520 г. сибариты, готовясь к войне с Кротомом и нуждаясь в воинах, приняли спартанских переселенцев во главе с Дориеем (V, 44); теснимые беотийцами гефирейцы отселились в Афины (V, 61). Ряд примеров связан с ионийским восстанием 499–494 гг. Вождь восстания милетянин Аристагор, когда стала неизбежной осада Милета персами, выселился с частью милетян в Миркин во Фракии, уже освоенный ранее тираном Милета Гистиеем (V, 124/6). Тогда же хиоты и лесбосцы укрепились в Византии и захватывали корабли, идущие с Понта, кроме тех, кто плыл из понтийских городов, примкнувших к ионийскому восстанию (VI, 5; 26). *Vice versa* это означает, что ряд черноморских городов вовлечен в ионийское сопротивление персам, и поскольку восстание поднял Милет, можно думать, что это были его тамошние колонии — Истрия, Пантикапей, Ольвия и др. По взятии Милета в 494 г. часть самосцев и милетян приняла приглашение занклейцев заселить Кале акте на Сицилии (*Herod.* VI, 22; *Thuc.* VI, 4, 5). Есть и свидетельство о переселении участников восстания в Понт: когда по взятии Ионии персы стали захватывать города по обе стороны Геллеспонта, калхедонцы и византийцы, не дожидаясь их подхода, выселились в Месамбрию (*Herod.* VI, 33). Эти переселения ионийцев, обязанные персидскому нашествию, не могли не затронуть

⁵⁸ Мнения о сокращении ольвийской хоры вне связи с внешней угрозой, а по причине внутренней реорганизации Ольвийского полуострова придерживается ряд киевских коллег [Крыжицкий, Буйских, Отрешко, 1990; Буйских, Буйских, 2009] (см. об этом выше, с. 268/9). Ю. А. Виноградов [1999а] видит причину в демографическом взрыве, что нашло сторонников [Гречко, 2011].

⁵⁹ Это было обычное явление. По Каллимаху (у Страбона, I, 2, 39), гнавшиеся за аргонавтами колхи основали городок на Адриатике Пола, название которой означает на их языке «город изгнанников».

⁶⁰ По Геродоту (I, 16), Смирну основали колофонцы; по Страбону (XIV, 1, 14), смирнейцы вышли из Эфеса; когда соседние эолийцы обложили их, они бежали в Колофон, затем вместе с колофонцами отвоёвывали свой город. Подробности истории древнейшей Смирны [Яйленко, 1990а, с. 26–28].

и Сев. Причерноморье, так как расцвет тамошних греческих центров начинается как раз с рубежа VI–V вв.

Суммируем изложенные доводы в пользу непосредственной связи развития северочерноморских центров с третьей и четвертой колонизационными волнами и разовьем аргументацию далее. Во-первых, основание в середине VI в. ряда городов в Сев. Причерноморье требовало значительных людских ресурсов, и появиться они могли только из Ионии, так как до этого времени тут существовали лишь 2–3 греческих эмпория — Березань, Пантикапей, Таганрог. Поэтому совпадение по времени столь широкой колонизационной волны с опустошительным подавлением персами греческих городов Ионии не случайность, а взаимосвязанные звенья одного процесса. Во-вторых, распространение с последней четверти VI в. широкой сети аграрных поселений на Боспоре и в Нижнем Побужье тоже требовало большого числа колонистов, и они появились извне — из метрополии и из местного туземного мира, нежели из тамошних греческих городов, на что указывают соображения демографического порядка. По аналогии с новым временем в колониях предполагается повышенная деторождаемость: имеющиеся для древности данные, если их сопоставить с параллелями нового времени, показывают, что повышение рождаемости в основанной колонии наступало не сразу, а спустя примерно полвека⁶¹. Так, в течение более 50 лет, прошедших со времени основания Кирены, «населявших страну киренян было столько же, сколько человек с самого начала выселилось в колонию» (*Herod. IV, 159*), было их около 150⁶². По подсчетам В. М. Отрешко [2009б, с. 117], в первой половине VI в. на Березани проживало около 150–200 чел., чего, полагаем, хватало для обеспечения продовольствием и ремесленными изделиями самих себя.

Дальнейшие доводы таковы. Рассказ Геродота (I, 17 сл.) об 11-летней войне лидийцев с Милетом в 623–612 гг. позволяет уловить связь между потребностями Ионии в хлебе и Сев. Причерноморьем⁶³. Лидийцы ежегодно опустошали хору Милета, чтобы взять его измором: «уничтожали деревья и хлеб на полях». Таким образом, 11 лет милетяне потребляли привозной хлеб, и поскольку он не мог поступать к ним из Ионии, логично предположить его доставку из милетских черно-

⁶¹ [Яйленко, 1990а, с. 82–83]. Аналогичное явление в новое время имело место и при освоении греками Приазовья. В 1778 г. из Крыма вышло 30 тыс. человек, до Приазовья добралось около трети. Через 40 лет, в 1817 г., здесь насчитывалось 11 тыс. греков, а в 1926 г. 98 тыс. Таким образом, первые 40–50 лет сохранялась примерно одна и та же численность населения. Стабилизация хозяйства за это время привела в дальнейшем к значительным демографическим накоплениям — к росту числа жителей уже существовавших деревень и образованию новых выселков населением, увеличившимся за столетие в 10 раз, т. е. в среднем после 1820-х гг. каждые 10 лет число жителей условно возрастало в 2 раза.

⁶² В киренской «Клятве основателей» сохранились имена-отчества примерно 250 первых колонистов [Яйленко, 1979б, с. 73]. По Геродоту (IV, 153), их предводитель Батт отправился заселять Кирену на двух 50-весельных судах, т. е. примерно с таким же числом колонистов (см. ниже, Приложение II).

⁶³ На это обратила внимание Л. В. Копейкина [1970, 1973], а в связи с колонизацией Боспора Г. А. Кошеленко, В. Д. Кузнецов [1990, с. 37]. Есть разные хронологии правления лидийских царей (В. В. Струве, Х. Калеч и др.), мы отталкиваемся от правления Креза в 560–546 гг., что при указаниях Геродота (I, 14; 25) на длительность правления предшествующих царей дает даты: Гигес 716–678, Ардис 678–629, Садият 629–617, Алиатт 617–560. Шесть лет воевал с Милетом Садият, 5 лет Алиатт, что датирует войну 623–612 гг. Лидийцы с конца VIII или начала VII в. воевали с ионийцами: Гигес ходил походом на Милет и Смирну, взял Колофон; Ардис воевал с Милетом и взял Приену; Алиатт взял Смирну и пошел на Клазомены, но отступил с большим уроном (*Herod. I, 14–17*).

морских колоний Синопы, Трапезунта, Истрии, Том, Березани⁶⁴. Хлеб — основная статья вывоза с Понта, поэтому можно думать, что его в числе прочего конфисковали хиоты и лесбосцы, укрепившись в Византии и захватывая идущие из Понта корабли (*Herod.* VI, 5; 26)⁶⁵. Так как на березанской хоре разветвленная сеть сельских поселений появляется лишь с середины VI в., в 623–612 гг. хлеб мог поступать только из внутренних районов Скифии⁶⁶. За него в числе прочего и расплачивались греки своими товарами, наиболее зримая часть которых родосско-ионийская керамика⁶⁷. На глубокую древность связей ионийских городов со скифскими центрами Лесостепи как поставщиками зерновых указывают так называемые дары гипербореев [Русяева, 1999, с. 91] — нечто священное (*ἱρά*), завернутое в сноп колосьев (*Herod.* IV, 33; *Paus.* I, 31, 2). По Павсанию, это «жертвенные начатки» (*ἀπαρχαί*), первинки нового урожая [Народы, с. 266]. Творцы легенды о гиперборейских

⁶⁴ Милету помогал только Хиос, сельское хозяйство которого ориентировано на виноградарство. Пример снабжения ионийского города хлебом из другого ионийского центра: во время восстания 499–494 гг. хиоты для снабжения себя хлебом заполучили в Мисии Атарней с его хлебобродными угождями, но очень скоро персы разбили здесь греков (*Herod.* I, 160; VI, 28). Еще пример из Пс.-Скимна (ст. 693/5): для снабжения себя хлебом самосцы послали колонистов, которые захватили остров Самофракию. Не будем считать лидийцев настолько глупыми, что, намереваясь взять Милет голодом, они не отсекали каналы хлебных поставок из других городов запада Малой Азии.

⁶⁵ [Roebuck, p. 129; Braund, 2007a]. К. Рёбак напомнил и эпизод с Ксерксом, который во время греко-персидской войны пропускал корабли с хлебом, шедшие из Понта в Грецию (*Herod.* VII, 147).

⁶⁶ К. Рёбак обратил внимание на совпадение по времени нужды милетян в хлебе в войне с Алиаттом и основанием Навкратиса и Борисфена, откуда заключил, что поставки хлеба из Нижнего Побужья шли уже в первой половине VI в. [Roebuck, p. 129]. Однако в первой половине VI в. березанцы еще слабо освоили хору, поэтому хлеб мог поставляться из скифских центров Лесостепи. На это указывает принадлежность греческого керамического импорта на Немировском городище именно к последней четверти или трети VII в. — началу VI в. или его первой половине [Вахтина, 1999, с. 209/10; Вахтина, Кашуба, 2013, с. 374]. Распространенное мнение [Щеглов, 1990; Отрешко, 2009в, с. 47] (и др.), что производившаяся в скифских центрах Лесостепи мягкая пшеница не подлежала транспортировке и долгому хранению, восходит к палеоботанику З. В. Янушевич [ПЭЭ, с. 387]. Оно странно, ибо Геродот (IV, 17) говорит об обратном: живущие выше Ольвии каллипиды и гализоны, в отличие от (кочевых) скифов, сеют и едят хлеб, «выше ализонов живут скифы-пахари, которые сеют хлеб не для еды, а на продажу» (попытки иначе истолковать это ясное свидетельство [Щеглов, 1990, с. 99 сл.; Отрешко, 2009г, с. 31] не впечатляют). Пахари продавали хлеб кочевникам, но те потребляли его мало, а другие земледельческие народы Скифии сами его растили и потребляли [Народы, с. 227]. Так что потребителями хлеба пахарей остаются греки, но не нижебужские, которые тоже выращивали хлеб, а метрополия. Если пахари хранили хлеб круглый год [Граков, 1971, с. 39], то его можно и транспортировать. Да и на Бельском городище частично выращивалась твердая пшеница, пригодная к экспорту [Янушевич, 1986, с. 24, 29]. Заключение А. Н. Щеглова, что в метрополию шел хлеб, выращенный на сельских поселениях Нижнего Побужья, справедливо, но только для времени не ранее последней четверти VI в., когда местное аграрное производство, судя по количеству поселков, приобрело товарный характер. Мы же ведем речь о предшествующем времени. Мягкая лесостепная пшеница малотоварна, но в условиях постоянных войн городов Ионии с лидийцами и персами спросом пользовалась и она, на что указывает упомянутое предание о гиперборейских дарах. В нем говорится о снопах, видимо, таким способом ее перевозили [Русяева, 1999, с. 92]. Лидийцы воевали с ионийцами с конца VIII — начала VII в., предание восходит к VIII в., этим хронологическим совпадением подтверждается связь между началом лидийско-ионийских войн и преданием о гиперборейском хлебе, доставляемом в снопах из Фракии и скифской Лесостепи в Грецию. См. также [Povalahev, 2011].

⁶⁷ К. Рёбак отметил, что за хлеб из Навкратиса ионийцам приходилось платить серебром, тогда как за хлеб из скифских центров они расплачивались товарами своего производства [Roebuck, p. 130]. Это делало поставки скифского хлеба более привлекательными для них.

дарах — гиперборей или ликиец Олен и Меланоп из эолийской Кимы, поэты VIII в. [Christ, S. 18; Schmid, Stählin, 1979, S. 53]. Их гимны о дарах посвящены Аполлону Гиперборейскому, он же Аполлон Иетр Сев.-Зап. Причерноморья (выше, с. 23–24), что дает адрес отправителей гиперборейских даров — это глубинная Фракия и скифская Лесостепь. Таким образом, можно думать, что в VII в. Милет выстоял в 11-летней войне с Лидией в числе прочего при помощи фракийского и скифского хлеба, поступавшего через эмпории Истрию и Березань. Видимо, милетяне учли уроки лидийского «голодомора» и стали активнее осваивать не слишком дальние от них земли Зап. Понта, где в начале VI в. основали Аполлонию, Одесс, Оргаме в Истрийской агломерации сельских поселков [Bilabel, S. 13 f.; Копейкина, 1979, с. 108; Tsetskhladze, 1998, p. 35]. Все это позволяет связать возникновение сельских поселений Нижнего Побужья в середине VI в. со второй волной переселенцев, а сложение широкой сети сельских поселений в последней четверти VI в. — с третьей волной (наши третий и четвертый этапы колонизации). Большое число поселений — более сотни — привело исследователей к выводу, что хлеба они давали больше, чем нужно было для собственного потребления, т. е. он производился на экспорт (сомнения в этом неубедительны), прежде всего в Ионию, особенно нуждавшуюся в нем во время восстания 499/4 гг. [Щеглов, 1990, с. 116].

1.1.4. Материальное становление Березани и Ольвии

Примеры показывают, что каждая удачно основанная колония с накоплением собственного экономического потенциала на протяжении первых десятилетий существования в определенный момент начинала расти вширь настолько, что это может быть установлено археологически. На Березани застройка городского типа с элементами правильной планировки кварталов и каменными зданиями появляется примерно через сотню лет после основания эмпория — в середине VI в. (согласно Л. В. Копейкиной; по С. Д. Крыжицкому, С. Л. Соловьеву, в последней четверти VI в.). Лучше сказать, с этого времени или чуть ранее на Березани и в ряде других центров Сев. Причерноморья появляется особый тип жилища, так называемые дома колонистов — четырехугольные в плане однокамерные постройки такой площади, которая достаточна для проживания небольшой семьи, с каменно-сырцовыми стенами, очагом [Чистов, 2013]. Они пришли на смену полуземлянкам округлой или подпрямоугольной формы, порой с легкими турлучными стенами первой половины VI в. [Ib., с. 600], что следует понимать, полагаем, в качестве временных жилищ эмпориального периода.

Пример превращения эмпория в город дают фокейские эмпории в Каталонии и галльском Провансе (Эмпорион, Агата и др.); например, в Эмпорионе городская застройка тоже появилась примерно через столетие по основанию в начале VI в. [Alvar, p. 102; Козловская, 2006]⁶⁸. Кроме того, известно, что Сиракузы (*Thuc.* VI,

⁶⁸ Ю. А. Виноградов [2000, с. 230/1] обратил внимание на разницу примерно в 70–80 лет между основанием Пантикапея, Мирмекия и началом городской застройки поселения; то же в Ольвии и Керкинитиде. В течение этого начального периода, справедливо заключил Ю. А. Виноградов, греки адаптировались к местным природно-климатическим условиям и военно-политической обстановке. Лишь с накоплением необходимого материального и демографического потенциала колонисты могли приступить к кардинальной перестройке своих поселений, которые только после этого приобретали урбанистические черты. От себя добавим: если переформатировать эту точную

3), Кирена (*Herod.* IV, 156/7), каталонский Эмпорион (*Strabo*, III, 4, 8), Истрия, Аполлония, Месембрия и другие апойкии и эмпории, основанные на острове или полуострове, отделенном от материка узким перешейком, через некоторое время «переползли» на материк вследствие экономического роста начального поселения⁶⁹. Поскольку общая типология такова, основание Березанью ряда аграрных поселений во второй половине VI в. и было следствием экономического роста на протяжении первого столетия (во второй половине VII — первой половине VI в.) жизни Березанского эмпория, выходцы из которого частично перешли на материк, что, возможно, дополнительно стимулировалось прибытием переселенцев из Ионии в экономически перспективную колонию.

Экономическое развитие греческой аграрной агломерации в Нижнем Побужье шло с середины VII по начало V в. примерно следующим образом. Основание в 647 г. эмпория на Березани само по себе выражает заинтересованность милетских купцов в торговых связях с земледельческими скифскими центрами Лесостепи и степи, на что указывает ряд керамических фрагментов VII в. с Немировского, Трахтемировского городищ, из Красноперекопского района (на роль степи указала М. Ю. Вахтина [1984; 2005, с. 310, 313/4]). Связи были эпизодическими, что следует также из отсутствия культурного слоя VII в. на Березани. Но ориентация на торговлю с Лесостепью и степью оказалась перспективной, ибо на протяжении

археологическую картину в исторические категории, то, суммировав материалы наших § 1, 3, получим следующую картину. Отсутствие городской застройки в выселках VII — первой половины VI в. означает, что первоначальный период существования милетских поселений всего Причерноморья был эмпориальным, т. е. милетяне устраивали тогда эмпории в торговых целях (см. выше о милетских торговцах — айнавах «вечных мореплавателях»). Это были торговые выселки с небольшим числом поселенцев и непостоянным составом обитателей. Милетская колонизация Причерноморья по своему характеру была сродни фокейской и родосской колонизации Зап. Средиземноморья — она торговая, направлена на освоение местных сырьевых ресурсов и налаживание местных рынков для сбыта своей ремесленной продукции. Торговля была и регулярной, и обменного типа, как показывает характер греческого импорта на Немировском городище в Восточной Подолии [Вахтина, 1998; 2000] или на фракийских поселениях Румынии и Молдовы [Banaag, 2013]. Когда туземные общества с развитием торговых связей в течение столетия достигли уровня потребления, потребовавшего более интенсивного товарооборота, тогда эмпории, показавшие свою экономическую состоятельность, трансформировались в городские поселения. Это иллюстрирует идеи А. А. Иессена [1947] о колонизации как двустороннем процессе, равно с греческой стороны и туземной. Политически эти поселения оформлялись в полисы. На этот колонизационный процесс сильно повлиял во второй половине VI в. персидский прессинг Ионии, приведший к выселению значительных масс ионийцев в черноморские колонии (см. § 1): первоначально торговый характер колонизации преобразовался тогда в аграрный. Демографический потенциал разраставшихся до городского уровня поселений увеличился на протяжении второй половины VI в. за счет трех источников: 1) роста численности собственного населения, наступавшего через столетия по основаниям эмпория; 2) пополнения людских ресурсов вновь прибывавшими переселенцами; 3) добровольного привлечения туземного населения, так сказать, за счет подселявшихся «гастарбайтеров», заинтересованных в переходе на более высокий жизненный стандарт (см. ниже, § III). К динамике демографического роста колонии *ср.* [Колесников, 2001].

⁶⁹ Березанское поселение располагалось на оконечности полуострова [Лапин, с. 128/36], но жители легко могли оказаться на острове, если им угрожала какая-либо опасность с материка, — достаточно было прокопать перешеек в узком месте. К примеру, такое мероприятие задумали кидяне, город которых расположен на оконечности полуострова: ввиду персидской угрозы они стали прокапывать перешеек шириной почти в 5 стадий (до 800 м), чтобы изолировать город от материка (*Herod.* I, 174). Клазоменцы ввиду персидской угрозы переселились с материка на близлежащий остров, Александр же Македонский решил соединить остров с материком посредством насыпи (*Paus.* VII, 3, 5).

первых 60–70 лет шел постепенный экономический рост эмпория, судя по греческому керамическому импорту, начиная с последней четверти VII в., в скифских поселениях Лесостепи. Как обычно считают, из скифских центров шли поставки рабов, зерна, кожи и прочей продукции в метрополию в обмен на ее промышленные изделия — керамику, вино, предметы роскоши⁷⁰. Быть посредником в торговле между метрополией и туземным миром, собственно, и призван эмпорий. Росло благосостояние и самих эмпоритов — часть изделий из метрополии доставалась им⁷¹. Один из них, березанский «Протоген» раннего VI в., зарыл клад, состоявший из золотых ионийских монет (статер, 3 триты) да мелких ювелирных изделий (по паре поломанных сережек и подвесок, бусины)⁷². К этому времени (по Штерну, к концу VII в.) относится и более или менее богатое захоронение с украшениями из золота [Фабрициус, с. 59; Капошина, 1956, с. 221].

Начальный период экономической стабилизации занял несколько десятилетий и привел к «перешагиванию» поселения на материк — к образованию с начала VI в. по Березанскому лиману ряда сельских поселений, а также ремесленных сезонных мастерских на Кинбурнском полуострове⁷³. По заключению исследователей хоры, «наиболее ранние образцы керамики обнаружены на поселениях Березанского лимана и датируются началом — первой половиной VI в. до н. э. На северных поселениях Бугского лимана наиболее ранняя керамика относится к середине — третьей четверти VI в. до н. э. Вырисовывается картина постепенного заселения этого района в направлении с запада на восток на протяжении первой — третьей четвертей VI в.»⁷⁴ Понятно, что несколько сельских поселений на ближайшем побережье Березанского лимана могли удовлетворять потребности лишь самих березанцев⁷⁵. В третьей четверти VI в. в связи с прибытием в середине VI в. новой партии колонистов (третий этап колонизации Сев. Причерноморья) количество сельских поселений существенно возросло⁷⁶.

⁷⁰ Вопреки Лапину, полагавшему, что Березань изначально была апоикией, Копейкина [1979] резонно сочла вслед за предшественниками (см. выше), что в первые десятилетия после основания Березань была торговой факторией. Возражения Отрешко [2009в, с. 47] ей, что Березань была производственным центром, справедливы лишь отчасти, так как понятно, что поселенцы-эмпоры должны обеспечивать себя собственной аграрной и ремесленной продукцией. Предположение Лапина [1966, с. 138] о металлургическом производстве на Березани уже в VII в. подтвердилось открытием двух мастерских конца VII в. [Доманский, Марченко, 2007]. О керамическом импорте VII — раннего VI в. из метрополии через Березань в степь и Лесостепь [Онайко, 1966, с. 14–16; Вахтина, 1984, 1996, 1998, 2000, 2005; Русяева, 1999]. Торговый путь из Ольвии на днепровское лесостепное Правобережье шел по рекам Ингул и Ингулец [Болтрик, 2000].

⁷¹ О керамическом импорте на Березань раннего времени [Копейкина, 1973, с. 244; Ильина, 2000, с. 201/3, 205/9]. Браслет кипрского происхождения ок. середины VI в. с березанского некрополя [Штейн, 1927].

⁷² [Лапин, Карышковский, с. 105]. Монеты последней четверти VII — начала VI в.

⁷³ [Островецких, 1978, 1978а, б, 1979, 1980, 1981; Отрешко, 1979; Крыжицкий, Бураков, Буйских, Отрешко, Рубан, 1980, с. 3 сл.; Буйских, Отрешко, 2009, с. 138].

⁷⁴ [Крыжицкий, Бураков, Буйских, Отрешко, Рубан, 1980, с. 7].

⁷⁵ По данным С. Б. Буйских [2009, с. 559], на Березанском лимане расположены 18 сельских центров архаического времени, из которых 7 — стационарные поселения, 1 святилище (Бейкуш), 10 сезонных пастушеских стоянок. (Пользуюсь случаем послать добрые слова привет старинному другу Сергею Буйским — он прекрасный знаток своего дела и хороший поэт, воспевавший Ольвию.)

⁷⁶ Культурный слой на сельских поселениях невелик (0,5–1 м) и размыт под воздействием естественных факторов. Часто датировка находок с поселений хоры суммарна: VI в. или первая — вторая половина VI в., в итоговом исследовании о поселениях ольвийской хоры [Крыжицкий, Буйских,

*«Отгремели окончательно панические войны
Разбредлись по огородам героические войны
Яблоки груши умело окучивают...
Справедливо гордятся
Славными урожаями на своих участках
Что посеют — то пожинают
Что откусят — то и съедят»⁷⁷.*

Судя по расположению группы аграрных поселений между Березанским и Днепро-Бугским лиманами, а ремесленного Ягорлыцкого комплекса на Кинбурнском полуострове, уже в первой половине VI в. березанцы освоили материковые ресурсы на обоих берегах Днепро-Бугского лимана, планомерно эксплуатируя их естественные возможности — сырьевые, производящие, торговые. Огромная масса керамической продукции метрополии, концентрировавшаяся на Березани, которая, по наблюдению А. М. Тарадаш (устная информация), значительно превосходила внутренние нужды самих березанцев, свидетельствует о ее товарном характере⁷⁸. Эта импортированная из метрополии керамика направлялась в Лесостепь, степь и на поселения хоры, но здесь импортная керамика представлена менее изысканными типами, тут обитал малосостоятельный потребитель, ойкос которого, по данным В. М. Отрешко, состоял из нескольких землянок. С начала VI в. у березанцев было собственное ремесленное производство, настолько выросшее на протяжении VI в., что оно могло наряду с промышленным импортом из метрополии удовлетворять спрос самого Березанского поселения, аграрных поселений хоры, скифов Лесостепи и степняков⁷⁹.

Отрешко, 1990] нет даже такого разграничения. Отсюда возникает хронологически «смазанное» впечатление о одновременном возникновении этих свыше 100 известных ныне поселений (например, по мнению К. К. Марченко [1980, с. 138 сл.], все они появились во второй половине VI в., в конце которого и завершили существование), хотя реально их образование происходило на протяжении столетия с начала VI в. по начало V в. [Ольвия. 1999, с. 54–57; Буйских, Отрешко, 2009, с. 138/9]. Важны в этом отношении работы А. В. Буйских [2010; 2013а]. Характеристика эталонных поселений [Марченко, 2013].

⁷⁷Егор Летов. Стихи. М., 2011, с. 391. Егор Летов — лидер группы «Гражданская оборона», яркая личность, бунтарь, матерщинник, кумир молодежи, увы, рано ушедший из жизни.

⁷⁸О товарном характере керамического импорта из метрополии на Березань свидетельствует огромное количество найденных Э. Р. Штерном в отдельных местах, притом залежавших концентрированно, фрагментов восточноионийских сосудов последней трети VII — первой половины VI в. Штерн полагал, что это дома эмпоров. По его материалам в ОАМ, из общего числа около 4000 фрагментов керамики последней трети VII — первой половины VI в. ориентировочно выделяется 400 диносов, 1300 кратеров, ойнохой и амфор, 2000 тарелок и блюд на подставке, 300 киликов, 300 крышек от разных сосудов [Скуднова, 1960, с. 167] (следует иметь в виду при этом, что материалы Штерна в значительной мере утрачены во время Отечественной войны). По словам В. М. Скудновой [1957, с. 138], коллекция ОАМ включала также большое количество хиосских кубков — около 400 обломков, принадлежащих к хронологически небольшому периоду конца VII — первой половины VI в. Полагаем, типологическое разнообразие сосудов в местах их концентрации и большое число на отдельных участках подтверждает мнение Штерна о товарном характере этой продукции, т. е. предназначенной на вывоз, адрес ее — степь, Лесостепь.

⁷⁹[Онайко, 1966, с. 17–34; Іллінська, Тереножкін, 1971, с. 50–51]. О металлургическом, керамическом производстве на Березани и в Ольвии позднеархаического времени и об импортных предметах роскоши, найденных тут [Штейн, 1927; Капошина, 1956, с. 237; Лапин, с. 138; Алексеева, 1972, с. 4 и лит.; Назаров, Крутилин, 2002; Отрешко, 1979, 2009в; Leypunskaya, 2007; Ольговский, 2009; Крапина, Буйских, 2011; Крутилов, Смирнов, Бондаренко, 2012].

Производственная и торговая роль Березанского эмпория в многовекторном экономическом комплексе *метрополия — Березань / Нижнее Побужье — Лесостепь — степь* — наглядно прослеживается на примере Ягорлыцкого памятника, исследованного А. С. Островерховым [1978, 1978а, б, 1979, 1980, 1981]. Это не столько поселение, сколько комплекс сезонно функционировавших ремесленных мастерских. По мнению Рубана [1980а], они действовали на протяжении второй половины VII — первой половины VI в., по Островерхову, с начала VI в. На комплексе функционировало железоплавильное и стеклоделательное производство, изготавливались железные орудия труда и оружие, лили и обрабатывали цветные металлы. Сырье для железоделательного производства поступало из Криворожского бассейна или Сев. Приазовья. Железные, бронзовые орудия труда и оружие удовлетворяли не только спрос местного эллинизма, но также поставлялись в Скифию. Самая многочисленная группа находок бронзовых изделий — наконечники стрел архаических скифских типов. Есть и скифские гвоздевидные булавки-украшения, также бронзовые браслеты, известные в Лесостепи. Спектральный анализ бронзовых изделий показал, что в ряде случаев использовались карпато-дунайские источники сырья, чем, по мнению Островерхова, объясняется присутствие фракийского этнического и культурного элемента на архаических поселениях Нижнего Побужья, постулированного К. К. Марченко [1974, 1979, 1988]. Для стеклоделательной мастерской на Кинбурнском полуострове было все необходимое сырье⁸⁰. В числе изделий были стеклянные бусы, получившие распространение в Лесостепи⁸¹.

Во второй половине VI в. — первой четверти V в. существенно возросла сеть аграрных поселений, выведение которых, возможно, шло уже не с Березани, а из Ольвии, судя по их расположению к северу и востоку от нее (Чертоватое II, VII, Козырка V, VI, IX, XXII, Старая Богдановка II, Варваровка, Лупарево, Лиманы, Станислав и др.)⁸². На крупнейших из них осуществлялась разнообразная хозяйственная деятельность [Иевлев, Минаева, 2009]. Видимо, функции организатора сельскохозяйственных поселений хоры во второй половине VI в. перешли от (полу)островной Березани к удачно расположенной материковой Ольвии, где к тому же находился один из сакральных центров нижнебужских греков (два других — Бейкуш и Гилея). Сохранилось любопытное свидетельство внутреннего оборота хлеба: березанское граффито второй половины VI в., представляющее собой долговую запись булочника с указанием, кто сколько задолжал ему за булки (ниже, с. 339/40). В Ольвии развивалось и ремесло, продукция которого шла на удов-

⁸⁰ Об использовании местных природных ресурсов см. также [Евлев, 1992; Одрін, 2005; Иевлев, Минаева, 2006].

⁸¹ В Перизгесе географа IV в. до н. э. Гермия мегимнейца упомянут город в Скифии Χαλκίς, земля его зовется Χαλκίτις, этникон жителя Χαλκίται [FHG II, p. 81; PB, 1665, № 3 / = SC I, p. 269 = St. Byz., s. n. Χαλκίς]. Поскольку других сведений об этом городе нет, это скорее всего раннее название какого-то центра в Сев. Причерноморье, возможно, замещенное впоследствии другим именем. По прозорливой догадке В. Томашека, эта Халкида располагалась в Нижнем Побужье, откуда металлы поступали в метрополию [Tomaschek, 1899, Sp. 2090]. Ягорлыцкий комплекс служит хорошим подтверждением этой гипотезы, и в таком случае древнейшая Березань была эмпорием еврейских халкидян. Однако в VIII–VII вв. их интересы целиком сосредоточились в Великой Греции и на Пиренеях, так что во второй половине VII или с начала VI в. тут преобладали милетяне. Подтверждением присутствия халкидян в Нижнем Побужье могут служить языковые и графические особенности березанских надписей VI в., имеющие аналогии в эпиграфике островной Ионии (с. 238, 303).

⁸² [Крыжицкий, Бураков, Буйских, Отрешко, Рубан, 1980, с. 4–7; Буйских, Отрешко, с. 138/9].

летворение не только местных нужд, но и скифского спроса: как сказано, с рубежа VI–V вв. здесь налажено производство скифских наконечников и другого вооружения, найдены и отливки блях уздечной упряжи и петелек к ним. Таким образом, торговые функции Ольвии как контрагента Скифии прослеживаются с рубежа VI–V вв.⁸³ Переход функций главного поселения во второй половине VI в. к Ольвии, первоначально культовому центру и рядовому аграрному поселку, определялся прежде всего ее расположением в наиболее выигрышном сравнительно с другими поселениями месте — у кромки большого массива плодородных надлиманных земель Бугского устья и вместе с тем на стыке морского побережья и Днепровско-Бугского лимана, конечного пункта двух великих водных торговых артерий, ведущих в глубь степи и к земледельческим центрам Лесостепи, которые выступали, как и метрополия, торговым партнером Березанско-Ольвийской агломерации. Судя по сообщению Геродота (IV, 108) о проживавших в скифском городе Гелоне эллинов и гелонах как греко-скифах, нижебужские или боспорские греки устроили в левобережной скифской Лесостепи факторию (в лексике Геродота *эмпорий*)⁸⁴. Видимо, еще одна фактория устроена ольвийцами в Журовке, где найден килик раннего V в. с храмовой маркировкой $\Delta\epsilon\lambda\phi\iota\nu\acute{\iota}\varsigma\ \xi\iota\nu\eta\ \text{I}\eta\tau\rho\acute{o}$ «совместная *собственность* Дельфиния и Врача»⁸⁵. Наличие маркировки на посвященном богам килике указывает, что в Журовке было святилище Дельфиния и Иетра, двух основных божеств Ольвии VI–V вв., причем Иетр по происхождению туземное божество (выше, с. 18 *сл.*)⁸⁶.

Таким образом, на протяжении VI в. экономический потенциал Нижнебужской агломерации рос за счет ряда факторов. Во-первых, благодаря наличию больших массивов плодородных земель с середины столетия березанские эмпориты приступили к созданию собственной товарной сельскохозяйственной базы, продукция которой предназначалась не только для собственного потребления, но также направлялась в метрополию в обмен на ее промышленные товары⁸⁷. Во-вторых, свое ремесленное производство Березани да Ольвии удовлетворяло внутренние нужды и спрос скифов степи и Лесостепи. В-третьих, была налажена через Березань, затем и Ольвию транзитная торговля между метрополией, поставлявшей промышленную

⁸³ [Островерхов, 1978, с. 15; Отрешко, 1979; Крапивина, Буйских, 2011].

⁸⁴ О Гелоне и гелонах [Шрамко, 1975; Народы, 1982, с. 355/7; Яйленко, 2007, с. 68–69]. Гелонам и будинам принадлежит посольская и северско-донецкая группы скифских памятников [Яйленко, 2013а, с. 169 *сл.*]. По Русаевой [1999, с. 93 *сл.*], гелоны Геродота как эллиноскифы были результатом эллинизации жителей Лесостепи.

⁸⁵ [Толстой, 1905, с. 44 *сл.*; Онайко, 1966, с. 27, т. VIII]. Журовка расположена в киевской группе скифских памятников. Любопытные сведения об устройстве фактории в каталонском Эмпории дал Страбон (III, 4, 3): поначалу эмпориты жили на островке, затем иберы и греки составили один город, но разделены в нем стеной, со временем они объединились в один полис. Материальное представление о фактории дает, к примеру, Телль-Сукас [Sukas, 1970–1983]. По мнению А. Г. Плешивенко, озвученному на харьковской конференции, «акрополь» Каменского городища был, вероятно, греческим эмпорием IV в. [ВДИ. 2012. 2, с. 207].

⁸⁶ [ГЛБО II, с. 79]. Ошибочно мнение, что килик с граффито вывезен из Ольвии: тут они почитались раздельно, у каждого был свой теменос. Как раз совместность почитания обоих богов в журовском граффито указывает на местное, а не ольвийское святилище.

⁸⁷ Для сравнения: по словам Эфора, жители острова Эгина стали заниматься морской торговлей по причине скудости земли (у Страбона, VIII, 6, 16). У березанцев земли и производственных ресурсов было вдоволь, что и определило переход эмпория к ремесленно-аграрному типу экономики, подготовившему почву для возникновения тут полиса.

продукцию, и Лесостепью, поставлявшей зерно, скот, кожи, рабов. Иными словами, на протяжении VI в., в особенности во второй его половине, функционировала многоплановая система экономических взаимосвязей между метрополией, с одной стороны, степью да Лесостепью с другой, и Нижнебужской агломерацией — с третьей, приведшая к значительному росту последней⁸⁸. Судя по возникновению с рубежа VII–VI вв. квазимонеты в виде стрелок, а в последней трети столетия и в виде дельфинчиков, в Нижнебужской агломерации функционировал внутренний рынок; употребление монеты как всеобщего товарного эквивалента свидетельствует об активизации экономических взаимоотношений [Solovyov, 2006]. Появление монет-стрелок и дельфинов указывает нам еще одну сферу экономических связей Нижнего Побужья — Зап. Причерноморье, где стрелки широко обращались на протяжении всего VI в. [Загинайло, 1976, с. 70–72; Анохин, 1986; Sojosa, 2011]. Распространение их от Аполлонии-Созополя до Нижнего Побужья позволило В. В. Рубану [2009, с. 147/9] поставить вопрос о региональном Панионийском валютном союзе, возникшем ок. 600 г. и существовавшем до начала V в.⁸⁹ С третьей четверти VI в. до середины V в. в Аполлонии, Истрии и Березани/Ольвии в качестве квазимонеты наряду со стрелками начинают обращаться также дельфины [Папанова, Каира, 2014]. Стрела — атрибут Аполлона Иетра, дельфин — символ Аполлона Дельфиния, что указывает на выпуск этих денег храмами Аполлона Иетра и Дельфиния⁹⁰. Это воспроизводило практику Милета, в котором храм Аполлона в Дидимах выпускал мелкую серебряную монету [Карышковский, 1989, с. 38–39]⁹¹. Становление Ольвии как города и политического центра Нижнебужской агломерации в последней трети VI в. связано с новой волной переселенцев из Ионии, среди которых, стало быть, ведущую роль играли выходцы из Милета и его хоры, которые не только перенесли сюда культ своего основного божества Аполлона Дельфиния, но и сделали его к началу V в. важнейшим божеством Ольвии, оттеснив на второй план культ древнего Иетра, возникший в среде первых колонистов и их потомков на местной почве.

⁸⁸ [Островерхов, 1980]. Такую же эволюцию проделали финикийские эмпории в Испании: финикийцев интересовали местные залежи металлов, на которых они строили торговлю, так что первоначально Гадес был эмпорием, затем в нем появляется своя металлургия, осваиваются и тамошние плодородные земли, в конечном счете создается сложная система торгово-экономических связей *метрополия — колония — туземный рынок* [Шалаев, 2011].

⁸⁹ По Рубану, монеты-стрелки идут на сельских поселениях Нижнего Побужья со времени ок. 600 г. Карышковский [1988, с. 31], говоря о VI в., отметил, что в скифских центрах подобный тип боевых стрел относится к VII–VI вв. По Анохину [1989, с. 6], монеты-стрелки хорошо представлены среди материалов последней трети VII в. О монетах-стрелках и дельфинчиках на Березани [Лапин, 1966, с. 142/6; 1971].

⁹⁰ Есть и другие мнения о них [Карышковский, 1988, с. 34 сл.; Анохин, 1989, с. 8 сл.].

⁹¹ Храмы для богов, для веры — это словесное прикрытие материальных интересов жречества (яркий пример — дельфийское храмовое жулье, что сознавали и сами древние). В олигархических полисах большую роль играли жреческие роды, отсюда активное участие храмов в финансовых операциях полиса. Так было в Милете, так было и в Ольвии (см. с. 90–92, 467). В том-то и заключается «секрет» Греции, что в масштабах всей страны не сложилась мощная жреческая корпорация, как это было в древнем Шумере, Египте или средневековой Европе, — Греция развивалась как светская страна, отсюда гуманистическое существо идеологии ее общества, культуры, науки, величайшие их достижения. Человечество прогрессирует вопреки религии, а не вместе с ней, как старается доказать современное жулье в рясах и их пособники из числа новых российских «культурологов», вчерашние атеисты, перепевающие за деньги западных идеологических «толерантов».

Накопление во второй половине VI в. экономического потенциала, основанное на транзитной и самостоятельной внутренней и внешней торговле, на собственном развитии аграрном и ремесленном производстве, нашло выражение к концу VI — началу V в. в начальных элементах незначительной урбанизации Березанского и Ольвийского поселений — возникновении городской планировки с начатками регулярности в центре и в каменном домостроительстве⁹².

«Археологи выкапывают из земли историю, которую закопали политики»⁹³.

1.2. Политический аспект колонизации региона

До сих пор мы пользовались для определения в совокупности Березанского да Ольвийского квазигородских поселений и многочисленных аграрных поселений хоры VI в. нейтральным термином «Нижебужская агломерация», которым выражается лишь материальный аспект этого экономико-географического комплекса. Рассмотрим теперь вопросы его политической организации. Применительно ко второй половине VII в., когда в греческом мире еще только происходило становление полиса как основной формы политической организации общества, Березанское поселение можно классифицировать в качестве зародышевой структуры — то ли эмпория, то ли апойкии-протополиса⁹⁴. У нас мало данных, чтобы решить, к эмпории или протополису относится сообщение Евсевия об основании Борисфена в 647 г.⁹⁵ Как сказано в § 1, тут есть немного керамики да 2–3 граффити второй половины VII в. (о граффити см. с. 303/4), но показательно, что слой этого времени не обнаружен, хотя большая часть поселения уже вскрыта⁹⁶. Это само по себе указывает,

⁹² Л. В. Копейкина [1975, с. 195/6; 1979, с. 110] отнесла начало массового каменного домостроительства на Березани и в Ольвии к середине VI в. и связала его со второй волной переселенцев из Ионии. Ее датировка нашла в дальнейшем поддержку [Чистов, 2012]. С. Д. Крыжицкий [1979а, с. 121; 1982, с. 15 сл.] датировал массовое каменное домостроение в Ольвии началом V в. По его мнению, тут известны остатки одного каменного дома середины VI в., другого — конца VI в. О каменном домостроительстве на Березани в VI–V вв. [Копейкина, 1981; Соловьев, 1997; Отрешко, Мазарати, 2009; Čistov, 2012], об элементах регулярной планировки поселения [Крутилов, Чистов, 2012]. Жилье колонистов второй половины VI в. [Чистов, 2013], это лучшее, что написано по данной теме. Под упоминаемыми в письме Ахиллодора конца VI — начала V в. домами (οἰκία стк. 6) Матасия могут подразумеваться и (полу)земляночные и каменно-сырцовые жилищно-хозяйственные комплексы; часть их могла быть на Березани и (или) в Ольвии.

⁹³ Габриэль Лауб, чешский писатель.

⁹⁴ Материальная и социально-политическая характеристика протополиса VIII–VII вв. [Яйленко, 1990а, с. 24–28, 39–62, 94–95]. Мнения ранних исследователей по вопросу о Березани как эмпории или полисе и литература [Wąsowicz, 1975, p. 33 f.; Povalachev, 2008, S. 68 f.]. Особенно рьяно отвергал эмпориальный характер Березани и настаивал на ее статусе апойкии В. В. Лапин [1966, с. 146/7].

⁹⁵ Определение Борисфена как *civitas* в сирийской версии «Хроники» Евсевия ничего не дает, ибо это либо заимствованное из источника неизвестного времени выражение πόλις Βορυσθένης, либо эмендация позднеантичного времени, поясняющая читателю, что такое этот Борисфен. Слово ἀποικία не включает в себе политического содержания, дословно означая всего лишь «выселок», а по отношению к μητρόπολις — «колонии» (Thuc. I, 34).

⁹⁶ См. карту раскопок [Лапин, с. 112; Ольвия, 1999, с. 38], новые материалы [Крутилов, Чистов, 2012].

что в середине VII в. тут основан эмпорий с небольшим и, видимо, нестабильным населением. Некоторые специалисты увязывают более активную колонизацию Нижнего Побужья в VI в. с торговой деятельностью эмпория: когда торговля со скифскими центрами Лесостепи и степью показала экономическую состоятельность вывода сюда колонии, в начале или середине VI в. прибыла партия колонистов [Славин, 1959, с. 90–92; Мачинский, 2011, с. 411/5]. С этого времени Березанское поселение формально могло стать полисом — автономным политическим организмом. Заметим, однако, что в вопросе о степени политической организации Березанского поселения следует иметь в виду основополагающее обстоятельство — *она было настолько мелким, что каких-либо активных политических процессов, подобных тем, что происходили тогда в Милете или Сиракузах, там и не могло быть*. Мелкая Эгина, ведшая в VI–V вв. посредническую торговлю аттической продукцией в Этрурии, была в тысячи раз богаче Березани, что создавало условия для сложения там полиса. На Березани VI–V вв. материальных условий для развития такого процесса было немного, поэтому он носил латентно застойный характер. Реально полис сложился в Нижнем Побужье лишь в V–IV вв. (ниже, с. 341 сл.).

Другие специалисты увязывают образование полиса с Ольвийским поселением. Образование тут Зап. теменоса во второй четверти VI в., по мнению А. С. Русяевой, А. В. и С. Б. Буйских, было запланированной на будущее акцией по постройке города⁹⁷. В связи с возникновением Ольвийского полиса ставят и образование во второй половине VI в. на материке разветвленной сети сельских поселений, но оценки этого явления разные. Согласно С. Д. Крыжицкому, С. Б. Буйских, А. В. Буракову, В. М. Отрешко, это был стихийный процесс: на Березанском поселении было немного народу, поэтому сельские поселки-хоры образовывали крестьяне метрополии, бежавшие от войн [СОО, с. 40]. Мнение о стихийности освоения хоры оспорил К. К. Марченко [1980, с. 141; 1994]; хотя его сомнение в их цифре в 12–16 тыс. населения аграрных поселков неубедительно, он прав в том, что немалую часть жителей хоры составили туземцы, переселявшиеся из Карпато-Дунайского бассейна (также, по нашему мнению, из поселений киевской и подольской групп скифских поселений, с. 279/80). Есть и мнение, что Ольвийский полис — плод синойкизма поселений Нижнего Побужья⁹⁸.

Полагаем, изложенные в предыдущем параграфе данные показывают, что греческая колонизация Нижнего Побужья прошла два основных этапа — эмпориальный (с середины VII по середину VI в.), когда Березань была торговым выселком Милета с незначительным и непостоянным населением, и аграрный, начавшийся с середины VI в., когда началось активное освоение нижнебужской хоры. Поскольку основной целью колонизации было освоение новых земель для ведения сельского хозяйства⁹⁹, образование разветвленной сети сельских поселений само по себе

⁹⁷ [Русяева, 1986, с. 51–52; 1998; Буйских, Буйских, 2009; С. Б. Буйских, 2011; А. В. Буйских, 2013; 2013а]. А. В. Буйских удревнила основание темена до рубежа VII–VI вв.

⁹⁸ Это обычный путь возникновения полиса: например, Афины стали полисом в результате синойкизма нескольких поселений Аттики; Тегея и Гереея возникли из объединения 9 поселений, Мегара и Мантинея — из 5 деревень, Амастрия была полисом, состоящим из 3 отдаленных друг от друга городов, и т. д. [Яйленко, 1990а, с. 22–23].

⁹⁹ [Яйленко, 1982, с. 130/4]. Основная причина колонизации архаической поры — недостаток земли в метрополии, в колонию отправлялись главным образом обезземеленные [Яйленко, 1990а, с. 68–69].

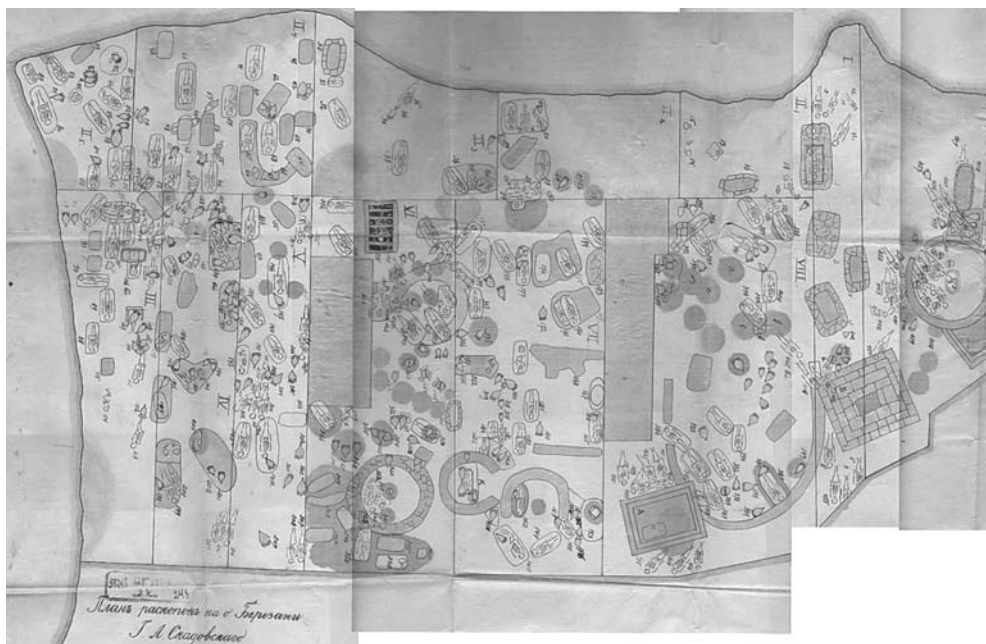

свидетельствует о качественном изменении колониционного процесса в Нижнем Побужье: торговля с отдаленным скифским хинтерландом уступила первенство сельскохозяйственному освоению региона. Таким образом, лишь с середины VI в. появляются основания для возникновения здесь полиса (эмпорий середины VII — середины VI в. не мог быть полисом). Обычно обосновавшиеся на новом месте переселенцы делили землю между собой на участки. Между ними и у их потомков как частных землевладельцев возникали разного рода отношения, требовавшие юридического урегулирования, что способствовало раннему развитию права в колониях Сицилии и Южной Италии (Залевк в Локрах Эпизефирских, Харонд в Катане и пр.), это было основой превращения апойкии в полис¹⁰⁰. Но там свободной земли было немного, особенно ввиду немалого туземного населения, отсюда и необходимость ее дележа, а в Нижнем Побужье земли много и дележа не было — каждый брал столько, сколько мог освоить¹⁰¹. Отсюда отсутствие конфликтности в отношениях между частными собственниками и необходимости в кодификации правил, регулирующих эти отношения, т. е. в целом тех глобальных причин, которые порождали возникновение полиса. Если нет полиса, нет политической мотивировки для урбанизационного процесса, он замедленный и движется лишь экономическими стимулами. Березанское поселение вовсе не стало городом, а Ольвия приобретала урбанизационные черты настолько медленно, что исследователи говорят о ней как о городе применительно к V в. в целом, лишь констатируя рост территории и наличие отдельных общественных зданий [Ольвия, 1999, с. 98 сл.]. Обратим внимание и на то, что становление Ольвии как города не стало результатом роста ее как полиса, т. е. внутреннего социально-политического развития, на это повлиял внешний фактор — сокращение хоры в первой четверти века вследствие скифской угрозы (ниже, с. 240/1), которое привело к концентрации населения в Ольвии, что и вызвало увеличение ее территории, а также внутреннее социально-политическое напряжение. Письмо Ахиллодора показывает, что в социально-политическом отношении Нижнебужская агломерация еще в конце VI — начале V в. оставалась протополисом, т. е. обществом без кодифицированного законодательства, без гражданства и всех вытекающих из него юридических нормативов (ниже, с. 224/6)¹⁰². Это политическое состояние, характерное для сельского населения средней Греции (Фессалия, Фокида, Восточная Локрида) и Пелопоннеса (Ахайя, Аркадия), в которых в архаическое и классическое время было всего несколько полисов, главным же образом коммуникация населения осуществлялась в виде сельских общин, группы которых тяготели к какому-либо локальному святилищу. Такая картина наблюдается и на Боспоре (подробнее см. об этом ниже, с. 781/4).

¹⁰⁰ [Яйленко, 1983а, с. 164 сл.]. Кодификация права в эпиграфике архаической Греции [Thomas, 1996].

¹⁰¹ Даже в период наибольшего развития сети сельских поселений оставалась свободная земля [Паромов, 2006, с. 375]. Земли Таманского полуострова (тогда острова [Журавлев и др., 2010, с. 167/8]) не осваивались *in toto*: оставались свободными, во-первых, буферные зоны между 4 кластерами сельских поселений, во-вторых, слабо освоена восточная часть полуострова, обращенная к зоне обитания туземного населения.

¹⁰² Те, кто считает Березанское поселение полисом с момента его возникновения (например, [Зубарь, Сон, 2007, с. 16, 21]), приводят в качестве аргументации самые общие соображения о возникновении полисов в ранней Греции, березанской конкретики у них нет [Яйленко, 1983а, с. 164 сл.]. Кодификация права в эпиграфике архаической Греции [Effenterre, Ruzé, 1994; Thomas, 1996].

В ходе греческой колонизации сложился феномен ойкиста, основателя колонии. Если у города есть ойкист, это означает, что на новом месте закладывается полис: οἰκιστής происходит от οἰκεῖν «населять, жить» и означает того, «кто устраивает населенное». Складывание полиса связано с разделом земли колонистами, возникновением хозяйственных, социальных, политических и юридических отношений в их среде, нормами взаимоотношений с эпойками (присоединяющимися позднее переселенцами), а также с местным населением. Поэтому и формально, и практически наличие ойкиста указывает на начало возникновения гражданского общества в новооснованном городе, иначе говоря, на сложение полиса (впрочем, не всегда, см. ниже, с. 775/6]. Относительно Березани мы располагаем важным памятником, способным прояснить вопрос об ойкисте и тем самым о ее политическом устройстве VI в., — это эпитафия Мастора. У нее нет аналогов во всем Причерноморье VI в., включая Пропонтиду и даже Северную Эгеиду. В Ольвии следующий такой памятник появится столетие спустя — эпитафия Леокса (с. 260), так что уникальность надгробия Мастора весьма показательна: это надгробие выдающегося в масштабах Нижнего Побужья деятеля. Известно, что в колониях первенствующее положение занимали ойкисты. Плита с надписью найдена на березанском некрополе в кладке круглой каменной ограды центрального кремированного захоронения (рис. 23а, б, в). По характеру письма эпитафия датируется серединой VI в., что дает нам и время устройства могилы Мастора с круглой каменной оградой¹⁰³. На березанском некрополе открыто всего 8 погребений с круглыми каменными оградами (4 в полукруга и 4 в ¾ круга) при сотне с лишком простых кострищ от кремации, к тому же без учета трупоположений (рис. 23б), что свидетельствует об их особой значимости:

¹⁰³ Все подробности о надписи см. ниже, с. 305/11.

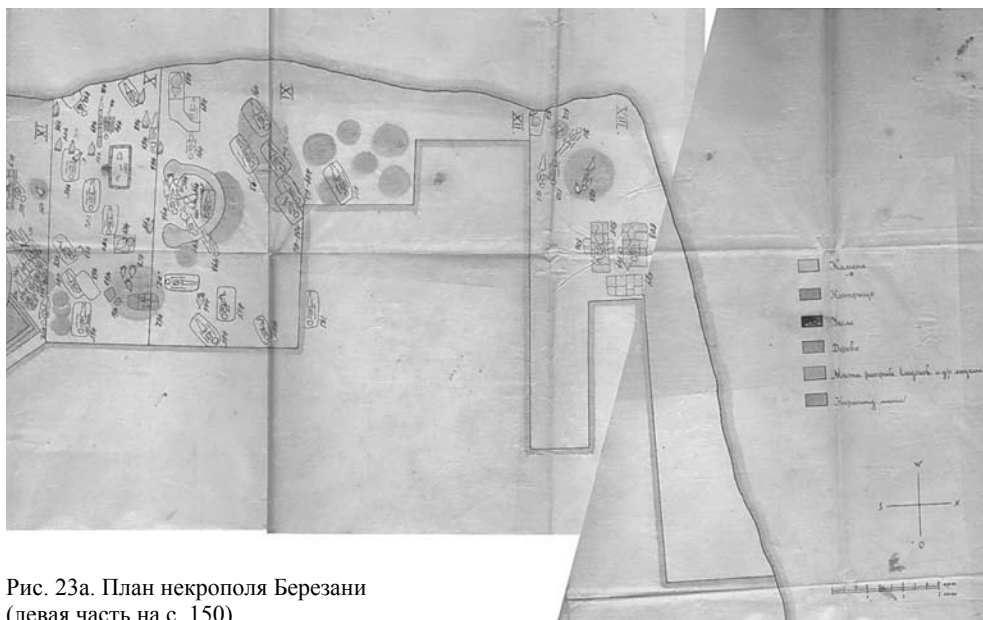

Рис. 23а. План некрополя Березани (левая часть на с. 150)

погребения с оградой принадлежали местной знати¹⁰⁴. Значимость погребального комплекса Мастора подчеркивается и пристроенной снаружи к сев.-вост. части стены площадкой С (рис. 23в), на ней нет следов сожжения (они производились внутри ограды, см. с. 155), поэтому она предназначалась не для кремирования, а для постановки алтаря. Принесение на нем жертв означает почитание памяти погребенного тут Мастора. Устройство героона для основателя города и почитание его потомками колонистов в обычае у греков¹⁰⁵. Значимость этой части некрополя

¹⁰⁴ По С. И. Капошиной, их 13, на плане показаны 8.

¹⁰⁵ В Коринфе при захоронениях геометрического времени поставлены героон и сооружение типа алтаря [Kurtz, Boardman, p. 298]. Фукл, основатель первых халкидских колоний на Сицилии Накса и Леонтин, погребен в герооне и почитаем наксосцами (о нем: *Thuc.* VI, 3, 1; *St. Byz., s. n. Χαλκίς. Polyaei* V, 5). Жители Херсонеса Фракийского после смерти Мильтиада приносят ему жертвы как герою-основателю (*Herod.* VI, 38). В Ай-Ханум, эллинистическом городе на Аму-Дарье, раскрыто святилище, которое по ряду признаков определено П. Бернардом и Л. Робером в качестве героона — намогильного святилища основателя города, которого звали, согласно найденной тут надписи на базе, Кинеем. Назовем и других героизированных государственных деятелей, которым воздавались почести в героонах: Ликург или Арат, считавшиеся основателями государства в Спарте, ойкист Фасоса Главк, Брасид как второй основатель Амфиополя [Lampros, σ. 48 сл.; Kurtz, Boardman, p. 184/5]. Согласно логографу Харону из Лампсака [FHG, fr. 7], его родной город назван в честь дочери царя местных бебриков Лампсаки, которая спасла фокейских колонистов от злоумышлений своего отца; когда она умерла, лампсакенцы стали воздавать ей героические почести как эпониму. Героизация ойкистов выражалась в таких почестях, как постановка статуи (Батт в Кирене, Автолик в Синопе), почитание могил, устройство героонов (в Кизике, Абдере, Кротоне и др.), совершение жертвоприношений при них и пр. [Lampros, σ. 29–30, 48–54; Leschhorn, 1984; Miller, 1997, *passim*; Malkin, 1996]. Приведем в качестве примера рассказ Павсания (X, 4, 7) о почитании основателя Давлиды в Фокиде Ксантиппа (Фока): ему выстроен героон, фокиядне ежедневно воздают ему почести и совершают жертвоприношения, причем кровь жертвенного животного сливается в приемок на могиле, здесь поедается и мясо. Похороны героя

Рис. 236. Фрагмент плана некрополя Березани Скадовского, полосы VI–IX [Лалин, 1966]

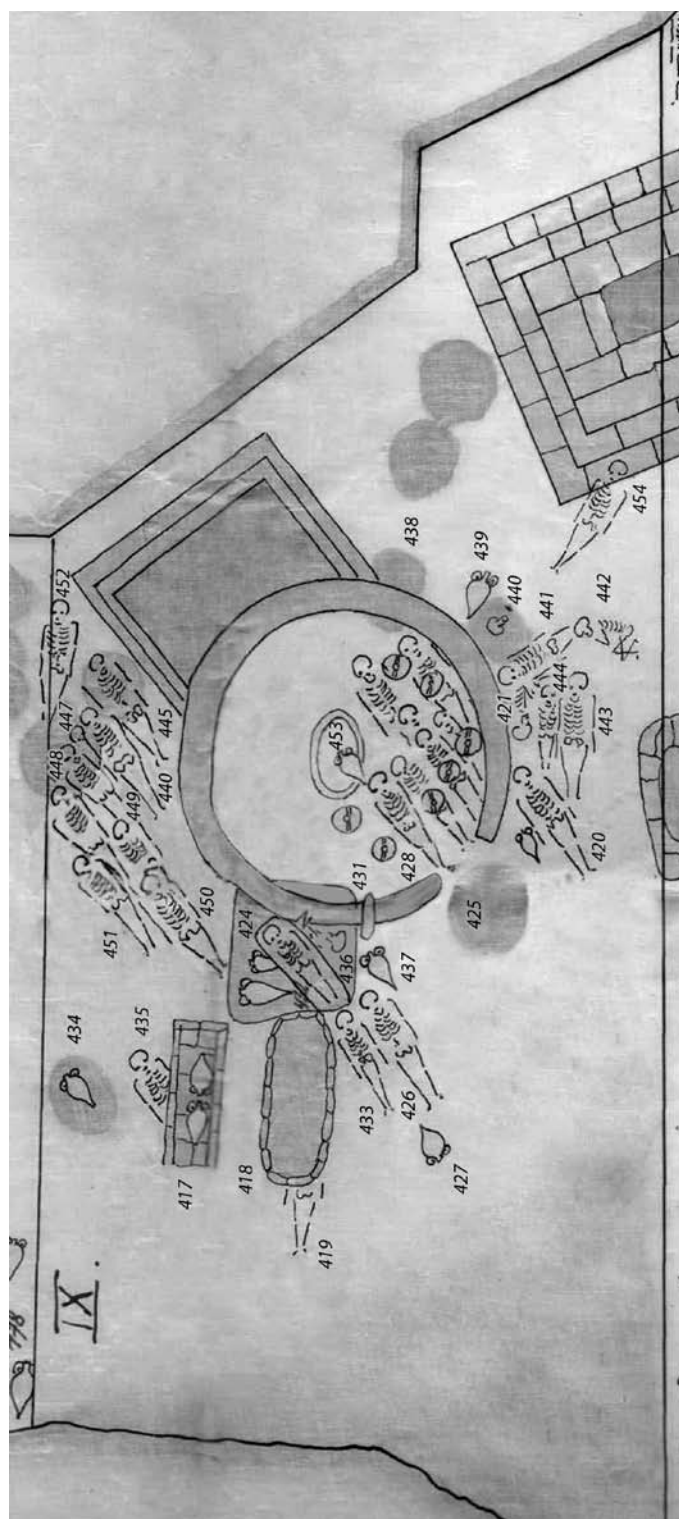

Рис. 23в. Деталь: героон Мастора, фото ОАМ

подчеркивает и расположенное рядом (на полосе VIII) самое большое сооружение березанского некрополя с апсидальной задней стеной (см. о нем ниже). Что героон с могилой основателя мог быть на Березани, показывает раскрытие вероятного курганного героона основателя милетского поселения Оргаме ([Lungu, 2000/1]; эта «Преистрия» лежит примерно в 20 км к северу от Истрии классического и эллинистического времени, составляя тем самым аналогию к паре Березань — Ольвия)¹⁰⁶. Если в эллинистической (может, и классической) Ольвии был памятник «Героя Сосия», видимо, героон, воздвигнутый в честь возможного «Спасителя» города, тем более вероятна трактовка указанного намогильного ансамбля Мастора в качестве героона ойкиста¹⁰⁷.

На надгробии Мастора над надписью вырезано профильное его изображение — голова в левом повороте, в венке или с головной повязкой либо в шлеме. Аналогией этому рельефу составляет надгробие основателя Эфеса Андрокла: эфесяне похоронили его близ святилища и на могиле поставили его изображение как воина в паноплии (Paus. VII, 2, 6). Мраморная стела с изображением героя Элата, основателя города Элатея в Фокиде, стояла на агоре города, возможно, при его могиле (Ib. X, 34, 3). К погребению основателя на агоре ср. Xen. Hell. VII, 3, 12: фиванцы погребли на агоре Евфрона, почитая его основателем города. На агоре стоял и героон Киней, основателя эллинистического города Ай-Ханум в Бактрии [Яйленко, 2004, с. 609 сл., лит.].

Полагаем, приведенные данные удостоверяют, что погребальный комплекс Мастора принадлежит ойкисту Березанского полиса. Героон представлял собой невысокую каменную стену-ограду диаметром около 4–5 м, в центре располагалась

Кизика, основателя и эпонима города, кратко описал Аполлоний Родосский (Arg. I, 1058–1077): после трехдневного оплакивания прах положен в могилу (τύμβος) на поле, кизикенцы в вооружении трижды обошли ее, воздали положенные почести и устроили погребальные ристалища; могила выделяется на местности и видна до сих пор (она обозначена словом στήλη «сооружение» или «курган»). Рассказ Аполлония не эллинистическая мифологема, а историческое предание: он упоминает, что живущие в Кизике ионийцы до его времени ежегодно совершают в честь героя жертвоприношения, для которых изготавливаются лепешки из муки, смолотой на «всенародной мельнице». В материальном плане герооны — разного рода постройки типа храма в антах, простой часовни и пр., например, героон в Пестуме представляет собой стену-ограду, внутри которой заглублена в землю погребальная камера-кенотаф [Kurtz, Boardman, p. 298].

¹⁰⁶ Из этих двух пар Оргаме — Истрия и Березань — Ольвия А. В. Буйских [2013, с. 30 сл.], добавив пару Никоний — Офиусса (Тира), вывела некую закономерность колонизационного процесса в виде дублетных оснований. Это сомнительно: во-первых, Истрия архаического времени существовала не в качестве города с хорой, а в виде нескольких сельских поселений [Avram, 2000/1], города не было (то же на Тамани, см. с. 777 сл.); во-вторых, колонисты Тиры милетяне (Ps. Scymnus, 798–804), тогда как Никоний, по распространенному мнению, основан истрийцами. В-третьих, пара Березань — Ольвия, что называется, из другой оперы: это нередкое в колонизационной практике устройство первоначального поселения колонистов в целях безопасности на полуострове близ материка, затем перенос поселения на материк. Так было в Сиракузах, Аполлонии-Созополе и во многих других. Так называемые дублетные основания поселений — это просто 2 (а то и 3–4) ступени поисков наиболее выгодного модуса освоения территории. Например, на Сицилии халкидяне прошли три ступени, основав сперва Накс, затем Катану и Леонтины, чем закрепили господство над плодородной долиной реки Симеф. На протяжении архаической поры менялось и местоположение центра Милета [Greaves, 2000] и т. д.

¹⁰⁷ Протогеносский декрет, I² 32 В.4: ἕως οὗ ὁ ἥρωας ὁ Σωσίας «до места, где расположен Герой Сосия». Тут может подразумеваться скульптура или здание, во втором случае это определенно героон, но и скульптурное изображение может быть частью героона (см. примеры на этой странице).

кремированное захоронение Мастора в амфоре. В стену ограды вставлена надгробная известняковая плита с эпитафией. Перед входом в ограду расположено кострище, в нем можно усматривать место сожжения покойного. Амфора с его кремированными останками поставлена в приемке, предназначенном для поминальных жертвенных возлияний (как в упомянутом рассказе Павсания о почитании основателя Давлиды в Фокиде). К оградке могилы Мастора пристроена каменная площадка для алтаря для совершения поминальных обрядов. Как и в Эретрии, могила Мастора была семейной — позднее вовнутрь ограды подзахоронены еще 7 урн. Это примерно два поколения, т. е. героон функционировал порядка 50–65 лет. Но внутри ограды есть еще 6 трупоположений. Для их интерпретации обратимся к истории соседнего «мегарона» (о нем см. с. 306). В какое-то время, в конце VI или V в., он разрушился — его перекрыли каменные площадки А и В под алтарем. При этом обе площадки не «сели» на «мегарон», а только одним углом «нашли» на его стену, — это указывает на соблюдение святости места (*locum sacrum*!), при том что обе площадки окружены грунтовыми захоронениями с трупоположениями хаотичной ориентации. Наряду с центральным трупоположением, расположенным в самой середине «апсиды», внутри «мегарона» расположены еще 7 трупоположений; у них иная ориентация, и одно из них «село» на южную стену, все это указывает на их позднейшее относительно «мегарона» время¹⁰⁸. Иная картина размещения грунтовых захоронений у ограды и внутри могилы Мастора: десяток их с трупоположениями (индивидуальными номерами обозначены семь из них: № 445–451) с единой ориентацией аккуратно расположились при сев.-зап. стороне ограды, еще 5 трупоположений с той же ориентацией совершены внутри могилы; ни одно из них не «село» на ограду и площадку С при ней. Это явно почетное место, *locum sacrum*, такой картины не дают другие участки некрополя. Следовательно, могила Мастора почиталась долгое время, в его роду в соответствии с общей тенденцией кремация сменилась трупоположением. Долговременностью почитания еще раз подчеркивается значимость могилы Мастора.

Время его деятельности и захоронения определяется рядом обстоятельств. Согласно дневнику Скадовского (с. 72–74) и плану, стена-ограда его могилы частично легла на другое кострище, т. е. и до ее сооружения тут производилась кремация. Иначе говоря, погребальный комплекс Мастора лежит не на материке и потому не самый древний на этом месте. Дата его эпитафии — середина или третья четверть VI в. — показывает, что он прибыл с колонистами ок. середины VI в., затем скончался. За свою деятельность он почтен сооружением героона с установкой эпитафии. Аналогичным образом упомянутый выше (§ I) халкидянин Фул руководил организацией не только Накса, но также выведением из него Катаны, Леонтина, Каллиполя [Яйленко, 1990а, с. 73–75], за что удостоился погребения в герооне и почестей. Суть не в продолжительности деятельности ойкиста, а в ее плодотворности. Установленное время Мастора совпадает с началом

¹⁰⁸ Иную картину дают захоронения в урнах внутри «мегарона» и снаружи (рис. 236). Внутри их 15; снаружи, у площадки В, 4 захоронения в урнах положены крестообразно, в правильном порядке, это явно групповое расположение; одно из них перекрыло площадку, т. е. эта группа урн заложена после сооружения площадки, последовавшего за разрушением «мегарона». Соответственно групповое расположение имеют и сосуды с кремацией внутри «мегарона» — в одной 6, в другой 9 сосудов. Почти двойное превалирование числа захоронений в урнах над трупоположениями (15:8) указывает на раннее время сооружения «мегарона».

третьего этапа колонизации Нижнего Побужья, обусловленного покорением Ионии и Эолиды персами, начиная с 546 г. (выше, § I, 3). С прибытием новой массы колонистов на Березань в середине VI в., во главе которых стоял Матор, связаны такие важные события, как широкое устройство сельских поселков на материке (сравнительно с первыми единичными поселками), начатки каменного домостроения. Свидетельствуют о появлении новых переселенцев и выкладки В. М. Отрешко об увеличении населения Березани во второй половине VI в. (см. ниже). В эти перемены и новшества развития жизни на поселении в середине VI в., связанные с некоторым увеличением населения за счет новых колонистов, вполне вписывается уникальная фигура Матора как ойкиста колонии. Обязательному в греческой колонизационной практике выбору основателя из аристократической среды вполне соответствует эпический или аристократический характер его имени (ниже, с. 311), как и имени постановщика его надгробия Аристонида, вероятного сооснователя (синойкиста) Березани¹⁰⁹.

Наличие ойкиста указывает на основание полиса (ниже, с. 775). Произошло это, судя по времени прибытия колонистов во главе с Матором, ок. середины VI в.

«Отправляют ведь колонистов не для того, чтоб были рабами, но для того, чтоб они были равными в правах тем, кто остается (в метрополии)».

Thuc. I, 34

Как сказано (§ I, 3), завоевание персами Ионии с 546 г. вынудило часть населения к эмиграции, так что в колонизационных предприятиях, проводившихся под эгидой процветавшего тогда Милета, состоявшего в мире с Киром, принимали участие выходцы из разных областей Ионии. Этому соответствуют языковые данные березанских надписей второй половины VI в. Различение кратких и долгих гласных в эпитафии Матора применительно к середине — третьей четверти VI в. указывает, что ее постановщик, Аристонид, происходил из ионийского Двенадцатиградия, т. е. из малоазийской Ионии (в остальных греческих центрах, в том числе и островной Ионии — на Кикладах, Евбее, в это время *δ* и *δ̄* еще не различались на письме). Помимо общего указания письма и языка березанских граффити второй половины VI в. на ионийский Додекаполис (с. 35, 205, 318) говорить о разношерстном происхождении колонистов середины VI в. позволяют и следы аканья в письме Ахиллодора, которые указывают на происхождение его родителей с юга милетской хоры, пограничной с дорийским Галикарнассом: в словах ἀπέρυρσαι стк. 4 и Ἀρβινατῆσι стк. 12 Ахиллодор сначала вырезал *альфу*, а затем исправил

¹⁰⁹ Так, партию колонистов, отправившихся из Коринфа, возглавили два Гераклида: основатель Сиракуз Архий, ойкист Керкиры Херсикрат и третий — Агесий из аркадского жреческого рода Иамидов, синойкист Архия по основанию Сиракуз [Thuc. VI, 3, 2; Pind. Ol. 6; Strabo, VI, 2, 4; Яйленко, 1990а, с. 76]. Род Гераклидов многочисленный (РВ, 464; одна его коринфская ветвь Бакхиадов насчитывала 200 человек), его члены обретались в разных дорийских городах, некоторые были ойкистами [Lampros, σ. 27–35]. Царь Спарты Фера, который вывел колонистов на получивший его имя остров, происходил из рода Кадма (Herod. IV, 147). По этой причине имена основателей городов обычно аристократические.

ее на *эту*, что определенно указывает на наличие примесей дорийского диалекта в языке ольвийских ионийцев¹¹⁰. Это свидетельство происхождения части колонистов из южных районов милетской хоры, пограничных с дорийским Шестиградьем, именно из ионийско-дорийского Галикарнасса и его хоры. Ахиллодор родился в Нижнем Побужье, на что указывает его имя, данное родителями по популярному местному божеству, так что его язык отражает семейную традицию. Менее двух поколений семейная языковая традиция быть не может, так что ее вынесли из Ионии родители Ахиллодора. Поскольку письмо его написано ок. 500 г., они прибыли в Нижнее Побужье в середине VI в.¹¹¹ Граффито Идана середины или третьей четверти VI в. отражает особенности языка ионийско-эолийского пограничья, т. е. севера Ионии (с. 318). В поисках области происхождения большей части основателей Ольвии, полагаем, оказывает помощь необыкновенная любовь ольвиополитов к гомеровским поэмам, засвидетельствованная с VI в.¹¹² В числе претендовавших на право называться родиной Гомера ионийских городов Смирна, Колофон, Хиос; Смирна и Колофон составляют единство: по Геродоту (I, 16), Смирну основали колофонцы; по Страбону (XIV, 1, 14), смирнейцы вышли из Эфеса, но Эфес и Колофон соседи, так что можно думать о происхождении массы ольвийских колонистов из северной части Ионии, на что указывает и граффито Идана (во II в. до н. э. засвидетельствованы связи Ольвии со Смирной, см. ниже, с. 653). По числу стихотворных надписей VI–V вв. березанско-ольвийская малая эпиграфика (граффити) стоит на одном из первых мест в Греции вообще, что также указывает на исход колонистов из, так сказать, поэтического региона¹¹³. При этом и по количеству граффити разных жанров березанско-ольвийская эпиграфика VI–V вв. в числе первых в Греции; поскольку массовая грамотность — характерный признак городского населения, это означает, что основная масса основателей происходила из городов Ионии, а не из хоры. Для сравнения: на Боспоре мало граффити этого времени, что указывает на происхождение тамошних колонистов из сельской местности.

Все перечисленное свидетельствует, что в третьей волне переселенцев в Нижнее Побужье принимали участие наряду с милетянами выходцы из разных областей малоазиатской Ионии, в том числе с юга и севера. Разношерстность колонистов сама по себе чревата внутренними неурядицами, примеров чему в истории греческой колонизации немало¹¹⁴. Еще чаще возникали внутренние раздоры между

¹¹⁰ Это не эолизм, поскольку форма ἀγέσθαι (с начальной *альфой*) свойственна дорийскому и северо-дорийскому диалектам [LSJ, s. v. ἡγεσθαι. См. *Pind.* Pyth. 4, 248; дельфийский оракул у *Dem.* 43, 66; DGE 74. 28 (Мессения, 92a), 381. 40 (эолийский Термос, первая половина IIIa)].

¹¹¹ У Ахиллодора взрослый сын Протагор, которому он написал письмо ок. 500 г. Отсюда явствует, что Ахиллодору не менее 40 лет, родился он, стало быть, в Нижнем Побужье ок. 540 г., следовательно, родители прибыли с партией колонистов середины VI в.

¹¹² Граффити V в. с цитатами из Илиады и Одиссеи; в граффито середины VI в. «поскольку я светильник, то и служу богам и людям» выражение θεοῖσιν κἀνθρώποισιν — реминисценция из «Илиады» (XX, 64) или из гомеровского гимна (XXXI, 8) [Виноградов, 1969; ГЛБО II, с. 68, № 33; Яйленко, 1979a, с. 58; Скржинская, 2013, с. 174/5].

¹¹³ О березанских шуточных и застольных стихотворных граффити см. с. 318, 336, а также [Яйленко, 1982, с. 298–303; Скржинская, 2013].

¹¹⁴ Показательный пример — раздоры между халкидянами и дорийцами в партии колонистов во главе с Фуком [Dunbabin, p. 10 f.; Козловская, 1990, с. 376/7; Яйленко, 1990a, с. 75–79]. Еще пример: спартанцы приняли к себе родственников минийцев, изгнанных с Лемноса, впоследствии решили их

старыми насельниками города и вновь прибывшими колонистами¹¹⁵. Об изрядной остроте социально-политических отношений в местном обществе говорит напряженная конфликтная ситуация, изложенная в письмах Ахиллодора, Апатурия, Артикона (см. ниже § 2).

По выкладкам В. М. Отрешко [2009, с. 117/9], на Березани в первой половине VI в. проживало около 150–200 чел., во второй половине — начале V в. около 1000 чел.¹¹⁶ Семи- или пятикратный рост населения за столетие может быть естественным результатом внутреннего развития. Однако во второй половине VI в. основной вектор развития перемещается на материк, о чем свидетельствуют выкладки Отрешко о численности населения Ольвии и хоры: в конце VI — начале V в. в Ольвии проживало около 1800 чел., на хоре около 11 200 чел.; в целом население Нижнего Побужья составляло около 14 000 чел. Разница общего числа населения (14 000) и Березани (1000) в 14 раз слишком разительна, чтобы принять ее за результат внутреннего развития, она может быть объяснена только притоком нового населения, т. е. третьей и четвертой волнами колонизации [СОО, с. 40]¹¹⁷. С экономическим ростом поселений Нижнего Побужья в VI в., с увеличением числа колонистов, прибывавших в середине VI в. и на рубеже VI–V вв., можно предполагать формирование к началу V в. реального местного полисного организма с такими его чертами, как коллектив-

---

перебить, но жены освободили их из тюрьмы и они выселились на Тайгет (*Herod. IV, 145/6*). Сиракузский тиран Гиерон изгнал из Катаны халкидян и заселил город другими поселенцами, назвав его Этной (*Strabo, VI, 2, 3*); Пиндар (fr. 105) назвал его «отцом-основателем Этны». После смерти Гиерона катанцы выбили этнейцев, т. е. поселенцев Гиерона, «и разрушили могилу тирана», этнейцы же утвердились на другой стороне вулкана, где основали новую Этну, провозгласив покойного уже Гиерона ее основателем (подробности [Высокий, 2002, с. 87]).

¹¹⁵ [Яйленко, 1982, с. 79–80, 95–97, 103/6, 121/2, 129–134].

¹¹⁶ Цифру в 150–200 чел. верифицируют известные нам данные о численности колониальных партий: в IX–VII вв. на Феру и Кирену прибыли около 150 чел., при Перикле афиняне выслали 250 колонистов на Андрос, 500 на Наксос, 1000 во Фракию и на Херсонес Фракийский (см. ниже Приложение 2).

¹¹⁷ Согласно Д. С. Гречко [2011, с. 461], в Ольвии в 530–490 гг. проживало около 420 чел. — та же цифра, что у Отрешко, но данных по хоре и Березани нет, чем дезавуируется мнение Гречко об исключительно внутренних ресурсах развития местного полиса. Неточна и посылка Е. Я. Рогова и Ю. А. Виноградова о некоем демографическом взрыве, наступающем в третьем поколении колонистов, принятая Д. С. Гречко, — выше (с. 138) мы показали на данных статистики, что в первые полвека после основания население колонии не растет, через последующие 100 лет фиксируется десятикратный прирост. Отсюда подсчитаем: если к концу первой половины VI в., по Отрешко, на Березани было 200 чел., а в Ольвии в начале третьей четверти около 560 чел. (эту цифру Отрешко счел преувеличенной, округлив до 500), то через 100 лет, примерно к 450 г., население Березани, Ольвии и хоры достигнет около 7000 чел. Поскольку расчетный период составляет 60 или 70 лет (550–490/480 гг.), разница должна быть примерно шести- или семикратной: $700 \times 6 = 4200$ или $700 \times 7 = 4900$ чел. Эта тройная разница с цифрой Отрешко 14 000 чел. может быть восполнена только за счет новых поселенцев второй половины VI в. Расчетное их число с ориентацией на общую численность полиса в начале V в. 14 000 чел. будет 1600 или 1300 чел. (делим 14 000 на $6 \approx 2300$ и отнимаем $700 = 1600$; если делить 14 000 на $7 = 2000$ и отнимаем $700 = 1300$); это вполне адекватное архаике число эпойков; его надо уменьшить при учете туземных гастарбайтеров, о чем см. ниже, § 3. Воспользуюсь случаем вспомнить тут добрыми словами своего старинного друга Валеру Отрешко, с которым познакомился в Ольвии [ОД, с. 343]. Как и я, он работал в основном в стол, не торопился публиковать свои труды, хотя они были вполне фундированы. Увы, смерть рано исторгла его из наших рядов, и трижды прав наш общий друг Сергей Буйских, издавший сборник его статей, а также работ друзей Валеры «Ольвийские древности», посвященный его памяти.

ное обеспечение жизнедеятельности общества, управляемая экономика, податное обложение, выборные магистратуры, воинская мобилизация¹¹⁸. Ниже мы покажем, что проходил процесс сложения полиса уже не на Березани, а в Ольвии. Поскольку важным индикатором полисного статуса в VI–V вв. является выпуск собственных денег, окончательное оформление Ольвийского полиса приходится на вторую четверть V в., когда Ольвия впервые выпустила свои анепиграфные «ассы» [Карышковский, 1988, с. 41–45; Анохин, 1989, с. 13].

Применительно к первой половине VI в. можно говорить об однородной в целом социальной структуре населения Березани, типичной для протополиса — ни бедного, ни богатого: массовое жилище — землянки да полуземлянки, но в них в равной мере встречается и стандартная ионийская лаковая посуда для повседневного обихода, и роскошная расписная керамика [Отрешко, Мазарати, с. 91; Ольвия, 1999, с. 42]. Лишь местный «Протоген» раннего VI в., зарывший в полу землянки свое сокровище из четырех мелких золотых монеток, пары золотых серег, подвесок и бусины, был по-своему состоятельным. Таков и другой «клад», опубликованный В. А. Анохиным [2011]. Инвентарь захоронений середины — второй половины VI в. беден, выделяются лишь два богатых погребения [Фабрициус, с. 59; Лапин, с. 103/4]. Некоторые социальные и экономические изменения стали происходить на протяжении второй половины VI в., и общество достигло поляризации к концу столетия, что явствует из напряженной конфликтной ситуации, изложенной в письме Ахиллора ок. 500 г. В нем нашли отражение такие акции, как долговая отработочная кабала Ахиллора и Матасия у состоятельного ольвиополита Анаксагора, попытка увода в рабство свободного ольвиополита-березанца Ахиллора, в недавнем прошлом кабальника; очевидна и дифференциация населения по имущественному признаку: богат Анаксагор, богат и Матасий, владелец нескольких домов и не менее 4 рабов, но беден Ахиллор (ниже, с. 216/26). Проблемы кабальной задолженности обрисованы и в письме Апатурия (с. 234/6). Причиной изменений в социальной и экономической жизни населения Березани и Ольвии к концу VI в. был некоторый экономический и демографический рост их во второй половине столетия.

Показательно присутствие «высоких» (аристократических и эпических) имен в антропонимической номенклатуре Березани VI в. — Матор, Аристоним, Анаксагор, Гегесиполид, Посий, они сосуществуют с простонародными именами Смикрий, Смика, Гикесий [Яйленко, 1982, с. 281]. Не рискуем заключить отсюда, что березанско-ольвийская олигархия носила аристократический характер, но могло быть и так. В любом случае это обстоятельство указывает на присутствие представителей ионийской аристократии на Березани, что согласуется с древнегреческой колонизационной практикой, согласно которой партию колонистов обязательно возглавлял как ойкист представитель аристократии (наряду с ним в контингенте переселенцев могли быть и другие аристократы, как, например, в Сиракузах). Сама знатность родов основателей города проистекала, можно полагать, от свойственного греческой колонизационной практике обычая сосредоточения в руках первых

¹¹⁸ Подробнее [Крыжицкий, Отрешко, с. 8 сл.; Ольвия, 1999, с. 9–10]. О процессе социально-политического развития от протополиса к полису [Яйленко, 1982, с. 45; 1990а, с. 79–90]. Заметка Н. В. Бурлаченко [2011] об эволюции гражданской общины Ольвийского полиса на протяжении архаической эпохи, к сожалению, не вышла за рамки студенческой дипломной работы.

колонистов всей полноты гражданских прав, не распространявшейся на прибывавших позднее переселенцев (эпойков), что и было одним из путей возникновения олигархических режимов¹¹⁹.

*«Аристократия годится для государства
не очень богатого и не очень большого».*

Ж.-Ж. Руссо

Первое столетие истории греков в Нижнем Побужье, начиная с основания Березанского эмпория, характеризовалось стихийным складыванием мелкой местной экономики — развитием ремесла, начальным освоением хоры для внутреннего продовольственного и промышленного обеспечения [Иевлев, Минаева, 2009], установлением эпизодических торговых связей с метрополией и скифским миром степи и Лесостепи. Как сказано, прибытие колонистов во главе с ойкистом Мас-тором в середине VI в. означает, что тут мог быть устроен полис, но материальных условий — достаточного количества людских и материальных ресурсов — для этого не было. Время возникновения полиса в Нижнем Побужье — не столько дискуссионный вопрос, сколько неясный ввиду скудости источников, которые появились лишь в последние полвека; красноречива и сама скудость. Это немногие археологические и эпиграфические данные, к тому же неоднозначно интерпретируемые. Существует некая связь между полисным устройством города и развитым каменным строительством в нем, в особенности с элементами регулярной планировки [Ю. А. Виноградов, 1999а; 2000]. На Березани, вероятно, в середине VI в. возникает каменное домостроение, которое к концу века постепенно вытесняет земляночные жилищно-хозяйственные строения; в планировке центральной части поселения появляются элементы регулярности¹²⁰. С середины VI в. на материке начинает складываться разветвленная сеть сельских поселений, в чем одни исследователи видят направляющую роль полиса, другие ее не усматривают (см. § I).

Ю. Г. Виноградов [1989, с. 63] со ссылкой на Б. Н. Гракова [1971, с. 125] привел как аргумент наличия полиса найденные на Березани бронзовые разновесы архаического времени с изображением монеты-стрелки и боевой стрелы; поскольку это датировка Гракова, аргумент приемлем¹²¹. По существу, это все, что дает археология, так что более значимы скудные эпиграфические данные, в свою очередь тоже неоднозначно интерпретируемые. По Виноградову [1989, с. 60–66], «ряд эпиграфических памятников дает нам право говорить о едином Ольвийском государстве как о реальности уже во второй половине VI в.». Это: 1) серия граффити на чернолаковых киликах последней четверти VI — первой четверти V в.

¹¹⁹ [Яйленко, 1982, с. 121/2, 130/4; 1990а, с. 95–100, 108/10, 115/8].

¹²⁰ К такой дате склонялись Лапин, Копейкина, последней четвертью VI в. и концом века датировали это Соловьев, Крыжицкий. Реалии планировки поселения во второй половине VI в. [Крутилов, Чистов, 2012].

¹²¹ Это меры веса, регулируемые полисом; приведем в качестве аналогии свинцовую гирику из Истрии в форме сердечка с надписями II в. до н. э. на обеих сторонах: τε(τάρτη), ἰστρί(ῆων) «четверть мины, истрийцев» и ἀγορά(νίου) Φανόκλ{κ}έ(ους) «при агораноме Фанокле». К сожалению, общая датировка разновесов архаическим временем не позволяет уточнить время существования местного полиса.

с надписями ПО, ПОΛΕ, ΠΟΛΕΩΣ; 2) мерная ойнохоя второй половины VI в. из Ольвии с граффито [δ]ίκαλον «правильная мера», свидетельствующая об осуществлении полисом контроля за мерами в розничной торговле; 3) «письмо жреца» из Ольвии середины или третьей четверти VI в., в котором говорится об инспекционной поездке жреца в Гилею, тем самым указывающее, что к этому времени Ольвийский полис сложился как территориальное единство. Виноградов странным образом проигнорировал опубликованную Русяевой в 1986 г. надпись, упоминающую «Ольвийский полис» (как мы выяснили, это оракул, данный в Дидимах ок. 512 г., с. 33–34). Ее правомерно использовала Русяева [1994, с. 101/2]: в третьей четверти столетия в результате какой-то борьбы между группировками перво-поселенцев и эпойков был запрошен оракул Аполлона в Дидиме, по которому полис получил постоянное название Ὀλβίη πόλις, отныне он стал политическим и культурно-религиозным центром Нижнего Побужья. По Русяевой, в «Письме жреца» говорится о «вывозе леса из Гилеи для общественных нужд», тем самым подразумевается контроль со стороны полиса над деятельностью пограничных территорий¹²².

К сожалению, мало что из изложенного действительно подтверждает наличие полиса в Нижнем Побужье во второй половине VI в. Надписи ПО, ПОΛΕ, ΠΟΛΕΩΣ относятся не к VI, а к V в.¹²³ Мерная ойнохоя с граффито [δ]ίκαλον «правильная мера» свидетельствует о регулировке полисом торговых операций с жидкостями на местном рынке¹²⁴, однако надпись не опубликована, Виноградов прорисовки не приложил, а ошибочное зачисление им упомянутых граффити на киликах в VI в., как и ряд других необоснованных удревнений им даты надписей, не позволяет принять на веру его датировку мерной надписи второй половиной VI в.¹²⁵ «Письмо

¹²² По мнению Русяевой, также выпуск монет-стрелок и дельфинчиков с начала VI в. показывает, что Березань была независимым полисом со всеми элементами экономического самообеспечения. Но это не аргумент, ибо монеты-стрелки греки Зап. и Сев.-Зап. Причерноморья позаимствовали у местного фракийского населения [Карышковский, 1988, с. 32–33]. По мнению А. В. Буйских [2013, с. 28], Ольвия с самого начала основана как политический центр, на что указывает ряд признаков. По существу из этих признаков лишь один более или менее ощутим — зонирование ее территории (т. е. планировка, организация ее пространства) с выделением теменоса и места для собрания граждан. При этом выделение Зап. теменоса она датировала первой четвертью VI в., основание Ольвии удревнила до конца VII — начала VI в., что ставит под вопрос саму идею зонирования: кроме Зап. теменоса каких-либо строительных остатков столь раннего времени нет.

¹²³ Приложены фото 6 граффити [Виноградов, 1989, с. 63]: два πο, три πολε, одно πολεω (отнюдь не πολεως). В одной надписи Π с почти равновеликими опорами, в двух надписях ομικρον мелкий, во всех надписях Ε с горизонтальными и равновеликими «усиками» — это все признаки письма V в. По Русяевой [ГОП, с. 92], одно из граффити с буквами ΠΟ сделано на дне чл. килика последней четверти VI — начала V в., ввиду сказанного о форме буквы Π — это начало V в. (Русяева резонно сочла граффито владельческим; добавим: на это указывает размещение его на дне сосуда, что характерно для владельческих надписей, см. с. 762, 770).

¹²⁴ Регулирование рыночных мер и весов — прерогатива полисной администрации, приведем два примера: на Фасосе полисные магистраты на людном месте вмонтировали в конце V в. в стену плиту с указанием точных мер для виноторговли; в сицилийских Акрах найдена каменная гиря с надписью раннего V в. στατὴρ δίκαιος («правильный по весу статар») [Guarducci, 1970, р. 465/71, 475]. В демократических Афинах с конца VI в. обычно употреблялся термин δημόσιον, встречается и δίκαιος [Ib., р. 467/9, 474; Lang, Crossby, 1964, р. 61 f.; Lang, 1976, р. 57, 61, 62, cf. 39]. М. Лэнг правомерно допущала и частный характер мерных сосудов с δίκαιος.

¹²⁵ До публикации надпись на ойнохое остается лишь кандидатом в число «полисных» аргументов.

жреца» третьей четверти VI в. ни в том тексте, который опубликован Виноградовым и Русаевой, ни в нашем чтении (ниже, с. 253, 255) не содержит никаких данных о полисе: все, что извлечено ими в качестве аргументации этого, — чистой воды домыслы.

Более или менее определенным свидетельством наличия полиса в Нижнем Побужье пока остается лишь березанский оракул 512 г., в котором говорится о «мире Ольвийскому полису» (εἰρήνῃ Ὀλβίῃ πόλι, выше, с. 33–34). Русаева обоснованно поняла эту формулировку в качестве свидетельства существования полиса¹²⁶. Но πόλις тут не политическая категория — он еще не сложился, о чем свидетельствуют данные письма Ахиллодора: свободный грек, по существу, не свободен, сделана попытка захвата его в рабство местным же состоятельным жителем, при том что и сам Ахиллодор беден (с. 226). Его письмо показывает, что основной социально-экономический процесс, проходивший на Березани и в Ольвии, состоял в развитии отношений собственности и задолженности между обитателями региона, то же представлено и в нижеследующем письме Апатурия. Он проходил по всей Греции этого времени и более всего известен нам по Аттике, где выборные власти предпринимали юридические меры по регулировке этих отношений; в результате складывалось объективное по отношению ко всем заинтересованным сторонам полисное законодательство. В письмах Ахиллодора и Апатурия нет и намек на кодификацию прав и обязанностей жителей региона: Ахиллодора защищает не закон, а обычай — потерпевший прибегает к стихийно сложившемуся приему самозащиты *Hilferuf* (ниже, с. 216, 224/6). Это означает, что в Ольвии не было главной институции полиса — кодекса гражданских прав, который регулировал права и обязанности городского населения по отношению к гражданскому коллективу в целом, т. е. к полису, и гарантировал свободное состояние личности. Из письма Апатурия следует, что крупные в денежном выражении конфликты хозяйствующих субъектов решало буле, но руководствовалось оно при этом практикой, выработанной в Греции, а не собственным законодательством (с. 234/5). По существу, и в V в. Ольвия оставалась протополисом, городом без кодифицированных законов (с. 341/3).

Обратим внимание на происхождение упомянутого оракула, полученного в Дидимах, с Березани, а не из Ольвии, как того требовало бы выражение εἰρήνῃ Ὀλβίῃ πόλι. Это может быть понято двояко: 1) полис основан и на Березани, и на Ольвийском поселении, так что в последней трети VI в. было два политических центра Нижнебужской агломерации; 2) полис основан в Ольвии, Березань была его составной частью. В пользу первого варианта свидетельствует размещение могилы ойкиста на Березани, да и общность названий у них говорит о том же — Ольвия и Березань достаточно рано одинаково именовались Борисфеном и Борисфенидой¹²⁷. Однако экономическая деятельность переселенцев середины VI в. была сосредоточена не столько на Березани ввиду ограниченных возможностей ее как небольшого острова, сколько на Ольвии и других сельских поселениях хоры. Вселение

¹²⁶ Мысль Русаевой о борьбе между группировками первопоселенцев и эпойков выведена из слова εἰρήνῃ. Однако выше мы показали (с. 31–35) невозможность ее понимания надписи.

¹²⁷ Βορυσθένης — Ольвия (*Herod.* IV, 78), Березань и Ольвия (*Chrest. Strab.* VII = SC I, p. 166), Βορυσθενίς — Березань и Ольвия (*Mela*, II, 7; *Ptol. Geogr.* III, 10, 9; VIII, 10, 3). По Карышковскому [1967, с. 87], Березанское поселение именовалось Борисфеном или Борисфенидой, видимо, с раннего времени.

основной массы этих колонистов туда явствует из того, что у Пс.-Скимна речь ведется об основании «при мидийском (*resp.* персидском, см. с. 177) владычестве» именно Ольвии (ст. 805/8): «город, прежде называемый Ольвией, впоследствии (μετὰ ταῦθ') вновь прозванный греками Борисфеном». Поскольку Березань никогда не именовалась Ольвией, это означает, что колонисты середины VI в. основали Ольвийский полис, на что указывает и выражение Ὀλβίη πόλις упомянутого оракула 512 г. Он происходит с Березани, но отражает тот недолгий период 540–530-х гг., когда Березань еще имела статус одного из двух политических центров местного полиса. Разъясним ситуацию.

Происходивший на протяжении VI в. в Нижнем Побужье некоторый рост экономики все же дает основания для возникновения сопутствующего политического процесса — начала формирования с середины VI в. местного полиса в связи с прибытием партии колонистов во главе с ойкистом. Название «Борисфен» одинаково относится в V в. к Березани и Ольвии не случайно: выделение Ольвийского поселения в силу его более выгодного географического положения привело в середине VI в. к совместному существованию двух экономических и политических центров, а с последней трети VI в., как показывает упомянутое выражение Ὀλβίη πόλις, к переносу политического центра полиса с Березани в Ольвию, о чем свидетельствует также начало формирования тогда ольвийского общественного центра — Вост. теменоса и агоры¹²⁸. Таким образом, местный политический организм с третьей четверти VI в. назывался Ольвийским полисом. Как сказано, роль Мастора как ойкиста означает, что на Березани в середине VI в. основана, по крайней мере формально, апойкия, т. е. автономный полис. Освоение колонистами середины VI в. преимущественно материковых сельских поселений, так же как и прибытие в конце VI в. или в самом начале V в. колонистов четвертой волны, тоже осевших в Ольвии и на сельских поселках хоры, привело к лишению Березани политического статуса: из двух экономико-политических центров середины VI в. первенство отошло к экономически более перспективной Ольвии. Напомним, что по прикидкам В. М. Отрешко на Березани в первой четверти V в. обреталось около 1000 чел., в Ольвии проживало около 1800 чел., на хоре около 11 200 чел. Это означает, что четвертая волна колонистов, состоявшая главным образом из милетян, бежавших ввиду осады и затем разгрома персами Милета в 499/4 гг. (*Herod.* IV, 178: сами себя ольвиополиты называют милетянами), осела главным образом в Ольвии и на хоре. Березань с ее ориентацией на море не представляла для них особого интереса: они нуждались в земле — и для собственного продовольственного обеспечения, и для прибыли от сбыта товаров в метрополию. Политическая независимость подтверждается военной силой, а ее у березанцев не было, судя по общему числу населения в 1000 чел. вместе с детьми, женщинами, стариками (Отрешко ориентировался

¹²⁸ Разные мнения о соотношении Березани и Ольвии [Лапин, 1966, с. 104 сл.; Виноградов, 1976; Крыжицкий, 1979а, с. 121; Буйских, 2005]. Согласно Б. Браво, до второй половины VI в. Ольвийское поселение (Борисфен) могло быть частью Березанского полиса или независимым городом (*cité*). В первом случае на протяжении второй половины VI в. мог произойти переход политического центра с острова на материковое Ольвийское поселение (*ville*); во втором случае *cité*, центр которого располагался на Березани, был поглощен Борисфеном посредством синойкизма, чему предшествовал (или нет) период отношений типа симполитии [Bravo, 1974, p. 111, 178]. По вероятной мысли А. В. Буйских [2005], Ольвия была полисом, а Березань эмпорием Милета.

на данные некрополя). Кажется, перехват ольвийскими поселенцами политического суверенитета у березанцев, по существу, был актом повторного основания полиса (см. ниже)¹²⁹.

Небезынтересны названия города Ольвии, их у него 4. Исследователи 1930–1950-х гг. (И. И. Мещанинов, Т. Н. Книпович и др. [Иессен, с. 59 *сл., лит.*]) были увлечены поисками свидетельств о туземных поселениях в Сев. Причерноморье, на которых селились греческие колонисты. В 1960–1990 гг. преобладало обратное мнение — туземных поселений на побережье Сев. Причерноморья в эпоху греческой колонизации не было, отсутствовало и какое-либо туземное население на месте основанных греками колоний. Причиной появления этой поверхностной точки зрения было казавшееся повсеместным отсутствие предметов туземной материальной культуры в греческих центрах региона, ввиду чего констатировался некий перерыв в освоении прибрежных частей Сев. Причерноморья туземным населением в VIII–VI вв.¹³⁰ Более адекватной была позиция таких ученых, как В. Д. Блаватский, которые учитывали свидетельства нематериального плана: туземные названия ряда греческих центров и природных объектов региона, свидетельства письменных источников, в частности мифологии, распространение негреческих культов, антропонимию, элементы негреческого происхождения в материальной культуре — лепная керамика, некоторые черты погребального обряда и пр.¹³¹ Поэтому обоснованы попытки специалистов выявить туземную природу названий Ὀλβίη, Σαβία (Σαυία). По мнению Н. Я. Марра [1927, с. 14], название Ольвия было адаптировано к средиземноморскому наименованию этой местности Olba. Сближение ошибочное (основа olbe выведена из средиземноморского otbe-urbi), но мысль о туземном его происхождении перспективна на унылом фоне десятка и более греческих по происхождению названий Ольвия в Средиземноморье

¹²⁹ Пример с повторным основанием теосцами Абдер, ранее основанных клазоменцами (*Herod. I, 168*), мы приводили выше. Еще пример: согласно Евсевию, Трапезунт основан ок. 757 г., а Ксенофонт говорит о выведении его из Синопы (Ап. IV, 8, 22), что предполагает основание Синопы до этой даты. Но, по Евсевию, Синопа основана в 631 г., и эту разноречивость надо понимать в том смысле, что после киммерийских вторжений в область Синопы произошло повторное основание ее в 631 г. [Huxley, p. 198].

¹³⁰ Активным создателем этой позиции был В. В. Лапин [1966, гл. III].

¹³¹ О туземном населении Нижнего Побужья сказано достаточно. В последнее время открываются новые факты занятия греческими колонистами Боспора туземных поселений [Иванов, Сударев, 2012; 2013; Куликов, Бейлин, Ермолин, Столяренко, 2012; Сударев, 2014]. Сейчас А. В. Иванов и Н. И. Сударев [2013, с. 183] развивают перспективную мысль, что причиной неоформленности археологической культуры у туземного населения Тамани времени перехода к железному веку стали появившиеся тут с первой половины VI в. греки. Важны методические соображения О. В. Шарова [2012] по поводу присутствия германцев на Боспоре во II–III вв. н. э.: согласно письменным источникам, они там были, но материальных свидетельств нет. Исследователь объясняет это тем, что германцы восприняли боспорскую материальную культуру. Полагаем, это можно сказать и об автохтонах времени Великой греческой колонизации: в целом они адаптировались к цивилизационно более развитым грекам, по причине чего мы не располагаем традиционным набором какой-либо туземной материальной культуры. На Боспоре негреческих и неиранских названий немало, упомянем, к примеру, фракийские названия Тиритака, Тирамба, Борисфен, Тракана, Торокка, Тадзос, индоарийские Гипанис, Пантикап, Корокондама, Тамирака и целый куст топонимов во Внутреннем Крыму [Яйленко, 1984, 1991, 1991a, 2012, 2012a; 2013a, с. 52–64, 98–107, 116–121; 2014; Jailenko, 1996].

и Понте¹³². Давно обсуждается идея об иллирийском происхождении названия Ольвия — в Иллирии есть своя Ὀλβία (*St. Byz.*: Ὀλβία· πόλις Ἰλλυρίδος)¹³³. В случае с северопонтийской Ольвией, полагаем, имела место адаптация — приспособление греческой формы к сходно звучащему местному топониму¹³⁴. Ниже мы не раз констатируем наличие иллирийского населения в Нижнем Побужье (с. 275/80), что позволяет думать об иллирийском *alb- «поселение, поселок» (при албанском olbe «селение») как источнике греческой адаптации. Таким образом, названия иллирийской и нижнебужской Ольвий одинакового происхождения, т. е. название нижнебужского города Ὀλβία вторично — оно происходит не от греч. ὄλβος «счастье» (с оттенком материального богатства), а возникло по созвучию с туземным словом «поселение», которым местное иллирийское население называло свой поселок¹³⁵.

Имя города Савия, по мнению О. Н. Трубачева и нашему, индоарийское (выше, с. 119). Таким образом, имена города Савия и Ольвия как туземные древнейшие, времени основания. Два других имени города привел Плиний (IV, 82): его «древние названия Ольвиополь и Милетополь». Как греческие они связаны с утверждением греков в Нижнем Побужье: полагаем, они соответствуют времени прибытия третьей и четвертой партий колонистов: в третьей, как сказано, были преимущественно ионийцы, отсюда позднейшее имя березанско-ольвийского полука Ὀλβιόπολις «Счастливыи город», в четвертой партии превалировали беглые милетяне, отсюда имя Μιλήτιοις «Милетский город». Наличие в названиях Ольвиополь и Милетополь элемента πόλις говорит о полисном статусе Ольвии: когда авторы VI и последующих веков пишут об основании города, они используют его в соответствии со словоупотреблением своего времени — полис как автономное государство. В таком смысле употребил его источник Пс.-Скимна (Эфор, Деметрий Каллатиец), говоря об Ольвии после приведенной выше цитаты (v. 808/9): ταύτην τὴν πόλιν Μιλήσιοι κτίζουσι «этот же полис основали милетяне»). Напротив, в березанском письме Ахиллодора конца VI — начала V в. под словом πόλις подразумевается Ольвия как урбанистический, а не социально-политический организм (с. 213). Переселившиеся в Ольвию на рубеже VI–V вв. милетяне, возможно, воспроизвели социально-политическое устройство метрополии, в которой поочередно брала верх то олигархия, то демократия (см. с. 342)¹³⁶.

Отметим, что со второй четверти VI в. Ольвия была поселением при святилище немилетского и вообще неионийского культа Аполлона Иетра, греко-туземного божества (выше, с. 19 сл.). Таким же поселением при туземном святилище божества Ахи-Ахилла был Бейкуш, функционировавший с начала VI в. (выше, с. 108). Культ Иетра не связан с культами Ионии, он продукт взаимодействия

¹³² В античном мире было 11 Ольвий [PB, 1048].

¹³³ [Fick, 1905, S. 106; Krahe, 1955, S. 94–95, 97; Treimer, 1960/1, S. 740, *ср.* Георгиев, 1977, с. 236]. Предполагается иллир. *alba «белая».

¹³⁴ Пример такой адаптации дает горная цепь в Лигурии τὰ Ὀλβια — это по-гречески адаптированное кельтское или лигурийское название τὰ Ἀλπια. Посидоний (Fr. 48 Jac. = *Athenaeus*, VI, 233d) ошибочно утверждал, что вторая форма позднейшая относительно первой.

¹³⁵ С этим иллирийским корнем *alb- / *arb- связан куст названий в Сев. Причерноморье, в том числе Арбинаты в Нижнем Побужье (с. 278).

¹³⁶ О фальшивом характере аристократии [Яйленко, 1990а, с. 108/9].

религии греческих колонистов Зап. и Сев. Причерноморья с религией туземного населения на громадном колонизованном пространстве побережья от Аполлонии-Созополя до Боспора Киммерийского (с. 25–26, 28). Поэтому в устройстве Западного теменоса с культом Иетра в Ольвии, вопреки мнению киевских коллег (см. с. 148), нельзя усматривать «запрограммированное» на будущее основание тут полиса (с таким же успехом можно говорить о запрограммированном на будущее основании полиса на месте Бейкушского поселения). Если бы Ольвийское поселение второй четверти VI в. было заселено главным образом милетянами и предназначалось для устройства полиса, в нем был бы внедрен тогда главный в Милете культ Аполлона Дельфиния. Но он появился в Ольвии лишь в конце VI в. (выше, с. 49), и это обстоятельство — важный аргумент в пользу фактического основания Ольвии как полиса в конце VI в. беглыми милетянами четвертой колонизационной волны. Столь позднее появление Дельфиния тут еще раз показывает, что во второй — третьей четверти VI в. население Ольвийского поселения не было только милетским — как и на Березани (см. выше), оно было восточноионийским. Преобладание тут в последней трети века аттической керамики, как и повсюду, может свидетельствовать не только о торговых связях с Атикой, но и о более широких источниках эмиграции. Показательно в этом отношении граффито эгинета Ксанфа последней четверти VI в. из Ольвии (с. 297/8), есть на Березани и амулет второй половины VI в., сделанный еще одним дорийцем, — он написан мегарским алфавитом [Яйленко, 1982, с. 277/81]. Если эгинет мог быть поставщиком аттической керамики в Ольвию (его надпись на сосуде подарочная), то мегарец скорее житель Березани, судя по изготовлению им амулета из подобранныго на земле черепка. Преобладали же в Ольвии и на Березани, как сказано, ионийцы, на что указывает ионийский диалект тамошних надписей VI–V вв., также характер и фонетический облик личных имен этого времени отсюда. Участие неионийцев в колонизационных предприятиях ионян засвидетельствовано источниками [Bilabel, S. 149/53].

Имеющиеся материалы позволяют думать, что примерно в течение столетия с середины VI по первую половину V в. в Нижнем Побужье было два экономических центра¹³⁷. Одним центром, сельскохозяйственным и ремесленным по преимуществу, с торговлей, ориентированной на внутренние районы Нижнего Побужья, степь и Лесостепь, была Ольвия. Другим центром, торговым, ремесленным и отчасти аграрным (принимавшим продукцию с сельских поселений по Березанскому лиману), ориентированным главным образом на торговлю с метрополией, была Березань¹³⁸. Во второй половине VII в. — первой половине VI в. Березань была эмпорием, и она попала в сочинение Евсевия по хронологии древнего мира потому, что греческие писатели отмечали основание не только полисов, но и

¹³⁷ Пример полиса с 4 экономическими центрами — Амастрия. Они протянулись вдоль примерно стокилометрового побережья: Тией, Сесам, Китор, Кромны, собранные в единый полис Амастрией, племянницей Дария Кодомана, женой гераклейского тирана Дионисия. Расположенный в отдалении от остальных Тией вскоре вышел из объединенного полиса. Политическим центром был Сесам, переименованный в Амастрию (*Strabo*, XII, 3, 10).

¹³⁸ Упоминание в стк. 3 письма Ахиллодора фортегесии — перевозки груза — свидетельствует о морских или речных перевозках в Нижнем Побужье, видимо, связанных с торговлей. В колодце № 4 на Березани этого времени (конец VI — первая четверть V в.) найдены фрагменты амфор Милета, Хиоса, Самоса, Лесбоса, Клазомен, Фасоса [Монахов, 1999, с. 67–77].

эмпориев¹³⁹. Полисный статус Березань обрела с выводом сюда ок. середины VI в. колонистов во главе с ойкистом Матором (повторим: если у города есть ойкист, это апойкия, сиречь полис). Принимая во внимание, что это было время становления полиса как формы политической организации общества у греков в целом, Березанско-Ольвийский полис был по существу еще протополисом.

До середины VI в. квазиполитическим центром местного эллинства была Березань (как эмпорий она не имела политической организации), но с третьей четверти или конца VI в. эта функция отошла к Ольвии. Ее удобное положение было рано оценено березанцами, судя по устройству на берегу Днепро-Бугского лимана во второй четверти VI в. святилища Аполлона Иетра, синкретического греко-туземного божества, и росту собственно поселения с середины VI в. Само по себе святилище никак не указывает на переход политического центра Нижнебужской агломерации с Березани на Ольвию, ибо устройство святилища главного и других божеств полиса вне города в обычае у греков¹⁴⁰. Поэтому само по себе наличие святилища Иетра не может служить основанием для мнения о переходе к Ольвии политических функций от Березани во второй четверти VI в. Основной фактор перемещения политико-экономического центра с Березани на Ольвийское поселение — его стратегически выгодное положение на материке. Ольвия расположена в сердцевине хоры, гавань на берегу Днепро-Бугского лимана удобна для плаваний по рекам в глубь Скифии. Отсюда раннее возникновение тут, а не на Березани, культа речного божества Борисфена, по сути — самой реки [Карышковский, 1967, с. 83] (и выше, с. 18, 93). Березань же находится в море, с нее удобно сносятся с метрополией, в этом причина живучести ее почти до конца V в. Отсюда и обширность географии событий, описанных в письме Ахиллодора: Березань, где пребывают Анаксагор и Протагор; названная просто городом Ольвия, куда Ахиллодор велит сыну перевезти мать и братьев и которая, стало быть, была более безопасным местом; некое поселение хоры Арбинаты, где пока находятся жена и дети Ахиллодора; наконец, еще какой-то населенный пункт, где Матасий предпринял попытку порабощения Ахиллодора (ниже, с. 220 сл.). Налицо мобильность населения в пределах всей Нижнебужской агломерации в конце VI — начале V в. Мобильность удостоверена уже в середине — третьей четверти VI в.: на Березани и в Ольвии действует одно и то же лицо по имени Στρ(--) [Яйленко, 1982, с. 292, № 116], что подтверждает тезис о них как о двух звеньях единой политико-экономической системы в это время. Наконец, об одинаковой роли Ольвийского и Березанского поселений, т. е., в сущности, о двух экономических центрах местного политического организма, свидетельствует наличие здесь каменного домостроительства

¹³⁹ У самого Евсевия есть дата основания Навкратиса. Эмпории перерастали в города-полисы, отсюда интерес древних краеведов к эмпориальному этапу. Например, Кальпа при Гибралтарском проливе — эмпорий, со временем он стал городом; согласно наварху III в. до н. э. Тимосфену, его второе название Гераклея, ибо его якобы основал Геракл (*apud Strab.* III, 1, 7; 4, 2). Финикийцы из Тира основали в тех же краях эмпорий, превратившийся в крупный город Гадес (*Strabo*, III, 5, 4–5). Сошлемся и на города с названием Эмпорий — современный Ампуриас в Каталонии (*Ib.* III, 4, 8), Танаис при устье Азовского моря (*Alex. Polyhistor*, fr. 36 = SC I, p. 266; *Strabo*, VII, 4, 6; XI, 2, 3).

¹⁴⁰ Так, важнейший у милетян храм Аполлона расположен на дальней хоре — в Дидимах, на хоре стоит и храм Афины (*Herod.* I, 19; VI, 19). Главный у эфесян храм Артемиды находится в 7 стадиях (около 1,2 км) от старого города (*Ib.* I, 26).

во второй половине VI в. Покорение Ионии персами к 494 г. не привело к полному упадку торговли с метрополией: судя по массовому восточноионийскому материалу V в., она могла затормозиться, но затем возобновилась. Решающую роль в низведении Березани на второстепенную позицию сыграло вселение ионийских колонистов середины VI в. и милетских переселенцев рубежа VI–V вв. в Ольвию и на хору, повлекшее за собой в V в. сосредоточение полисных функций в Ольвии.

Предложенная схема исторического развития Нижнего Побужья во второй половине VII — VI в. не претендует на бесспорность, поскольку ряд ее звеньев при современном состоянии источников выявлен пока в недостаточной степени. Но основное в ней — тезисы о 3–4 колонизационных волнах и естественном внутреннем развитии хозяйственного потенциала как основных причинах экономического роста сначала Березанского эмпория, затем Березанско-Ольвийского полиса, наконец, Ольвийского полиса — представляются нам исходным пунктом интерпретации существа процесса греческой колонизации Нижнего Побужья. Отдельные детали этого процесса со временем уточнятся, но и нынешние данные позволяют представить себе в целом экономико-географический аспект греческой колонизации региона, воплотившегося здесь в формировании агломерации поселений, на основе которой и при посредстве новых масс переселенцев, видимо, дважды возникал местный полис — Березанско-Ольвийский в середине VI в. и Ольвийский в VI в. особенно в начале V в.

1.3. Колонизация и туземные трудовые ресурсы

Рассмотрим теперь естественно встающий в связи с широким аграрным и ремесленным освоением колониальных областей вопрос об источниках рабочей силы. По А. А. Иессену [1947, с. 34 сл.], греческая колонизация Сев. Причерноморья была двухсторонним процессом, она стала возможной только с того времени, когда местный варварский мир достиг такой степени социально-экономического развития, что обе стороны были заинтересованы друг в друге. Эта и другие глубокие мысли Иессена составляют необходимый базис для осмысления проблем развития варварских обществ и их взаимодействия с греками не только в эпоху Великой колонизации, но и позднее. Вопрос о степени развития туземных обществ существен для архаической Греции в целом, ибо в экономическом плане оно в конечном счете повлияло на уровень ее собственного развития, а в социальном плане обусловило сложение системы различных состояний зависимости. Результаты археологических исследований в Великой Греции показывают, что в экономическую деятельность греческих колоний широко вовлекались туземные элементы [Problemi, 2001]. При этом необязательно надо стремиться, подобно Ж. Вале, повсюду видеть порабощение туземцев греками, так как твердых доказательств порабощения местных элементов в греческих колониях до конца VI в. нет. С основанием Сиракуз ближние сикульские поселения Финоккито и Панталика стали хиреть, — отсюда, заключил Вале, и черпалась рабочая сила для обработки сиракузской хоры; киллирии — это оказавшиеся в рабской зависимости окрестные сикулы [Vallet, p. 110]. Отметим, однако, что нет достаточных оснований считать вслед за Геродотом (VII/III, 155: δοῦλοι) киллириев рабами, поскольку Аристотель

(fr. 586 Rose) сравнивает их с фессалийскими пенестами и критскими кларотами, которые находились отнюдь не на рабской ступени зависимости [*ср. Thuc.* III, 103, 1; Шишова, 1975, с. 39 сл.].

На наш взгляд, следует различать 3 основных типа взаимоотношений греков с местным населением в архаическую эпоху. 1) Древнейший тип, относящийся к миграционной поре, — приведение местного населения к зависимости от коллектива завоевателей. Как правило, это побежденное пришельцами население остается на своей земле. Такими были лакедемонские илоты, фессалийские пенесты, критские клароты и мноиты (*Strabo*, XII, 3, 4; *Athen.* VI, 263, 267), милетские гергиты (*Athen.* XII, 524a; *ср. Herod.* V, 122). Образование слоя киллириев в Сиракузах VI–V вв. — рецидив этой древней практики, причем здесь подобный феномен, видимо, возник под влиянием института аргосских гимнетов, поскольку в основании этой колонии приняли участие аргосцы, в Коринфе же подобная практика не зафиксирована. 2) Близкий статус имели периэки — институт менее зависимых туземцев, образовывавшийся в процессе греческой колонизации различных местностей: каллипиды в Нижнем Побужье (*Herod.* IV, 17)¹⁴¹, мариандины в Геракле (*Arist. Pol.* VII, 5, 7), возможно, мисахеи, перкофарии в Навпакте (ML 20. 22–28). 3) Сектор частновладельческих рабов, наиболее поздний в архаической Греции, формировавшийся как из числа греков-военнопленных (например, *Herod.* I, 66), так и из числа туземцев (*Theopompus*, fr. 122 Jac.). Начало развития частного рабовладения в архаическую эпоху приходится в основном на VI в.¹⁴² Можно полагать, что главным источником частного рабовладения служили все те же пленные, как взятые греками в боевых операциях против туземцев, так и поступавшие к ним через посредство самих же туземцев (Феопомп в указанном фрагменте свидетельствует, что на Хиосе, впервые в греческом мире начавшем продажу рабов, они были варварами). Судя по данным о рабах в Нижнем Побужье и на Боспоре в надписях VI–V вв. (с. 171, 218/9, 223/31, 257/60), частное рабовладение активнее формировалось в колониальном греческом мире, нежели в метрополии.

Полагая, перечисленные формы зависимости не были основной формой экономического взаимодействия между греческим колониальным и туземным мирами, — главенствующей была добровольная трудовая кооперация. Повсюду более высокий сравнительно с туземным уровень жизни в греческих колониях привлекал местные элементы. Архаическое греческое общество еще не знало противопоставления эллин — варвар, и это облегчало взаимодействие обоих миров [Weiler, p. 21 f.]. Трудовое участие туземцев в экономической деятельности греческих колоний предоставляло и им более высокий жизненный стандарт. Такая экономическая заинтересованность местных элементов в трудовой деятельности на полях и в мастерских греков в сочетании с потребностью греческих колоний в трудовых ресурсах и породила возникновение сельских поселений со смешанным населением, проникновение туземцев в греческие поселения и греков в туземные, а в конечном счете — материальное и культурное сближение греческого и туземного миров. Например, долина реки Гелы в VIII в. до прибытия греческих колонистов оставалась

¹⁴¹ Разные мнения о каллипидах см. ниже, с. 505 сл.

¹⁴² [Syll.³ 4. 8; *Theop.* fr. 122 Jac., cf. *Thuc.* VIII, 40, 2; Westermann, 1935, Sp. 898–901; Forrest, p. 58].

незаселенной и не культивируемой сикулами, которые проживали на склонах окаймляющих долину холмов. С прибытием греков в расположенных в 20–30 км от Гелы сиккульских поселениях Бутера и Дизуэри в VII в. наблюдается сосуществование многих греческих и туземных черт. Некрополи Бутеры и Гелы сближались по обряду (в Геле были найдены и акефальные захоронения по туземному обычаю). Взаимоотношения гелойцев с окрестным населением были многообразными и разноплановыми. Так, по преданию, основатель города Антифем сжег Омфаку, поселок сиканов, всегда остававшихся враждебными грекам (*Paus.* VIII, 46, 2). Сиккулы же, напротив, легко контактировали с греками, но и с ними у гелойцев были разные отношения. Так, по данным П. Орландини, сиккульское поселение на горе Сан-Мауро было замещено греческим сторожевым пунктом, а на поселении Монте-Буббониа наблюдается мирное сосуществование греческих и туземных элементов¹⁴³. Все это показывает, что взаимоотношения гелойцев с окрестным туземным населением носили различный характер, причем, по П. Орландини, мирная конвергенция этих миров была существеннейшим фактором местного исторического процесса.

Подобное взаимодействие греческого и туземного миров прослеживается в различных колониальных областях. На той же Сицилии показателен пример сосуществования греческих Леонтин, занимавших верхнюю часть холма Сан-Мауро, и синхронного сиккульского поселения, расположенного у подножья этого холма. Туземное поселение было и на соседнем холме Метапиккола. Хорошим примером взаимовлияния греческой и сиккульской культур в глубинной части Сицилии служит туземное поселение Граммикеле, расположенное к западу от Леонтин. Материалы раскопок этого центра позволили заключить, что здесь проживали и греки. Поселения такого типа на Сицилии со времени прихода греческих колонистов импортировали эллинские товары, а со времени ок. 600 г. мы располагаем свидетельствами того, что на них представлены святилища и погребения полностью греческого типа, в туземных же погребениях встречаются греческие вещи. Другой формой экономических и культурных контактов было производство греками товаров, пользовавшихся спросом на туземных рынках: на некоторых сиккульских поселениях, например, представлены местные по форме, но с греческим декором сосуды, специально, стало быть, расписанные греческими мастерами для местного населения [Boardman, 1973, p. 186/7]. Рассматривавший вопрос о взаимоотношениях сицилийских греков с туземцами Э. Сьоквист заключил, что греки, осваивая глубинные части острова, не применяли насилия, процесс сближения обоих этносов носил здесь мирный характер. Безусловно, сиккулы играли вторые роли в архаическом обществе, но они не подвергались ни искоренению, ни подавлению. Напротив, археологические данные позволяют говорить о кооперации обоих этносов [Sjöquist, p. 23 f., 35]. Сиккулы утратили часть территории, но взамен обрели более высокий жизненный уровень благодаря контактам с греками.

В Южной Италии также известны примеры сосуществования греческого и туземного миров [Lepore, 1988]. Очень вероятно проживание греков на туземном

¹⁴³ Поскольку работа П. Орландини мне недоступна, излагаю ее по указанной выше статье Ж. Вале. С тех пор опубликована большая лит., упомянем лишь [Sjöquist, 1973; Convivenze etniche, 2012].

поселении в Торре Галли у Гиппониума, возле святилища Аполлона Алея на мысе Кримисса между Сибарисом и Кротонем (святилище использовалось греками с VII в.). В районе Локр Эпизефирских найдены греческие вазы, изготовленные для туземцев, датируемые временем ок. 700 г. В Апулии около Тарента зафиксировано долго существовавшее керамическое производство в туземном стиле, но связанное в основе с греческим геометрическим стилем [Boardman, 1973, p. 188]. В основанном ок. 721 г. Сибарисе контакты с местным населением прослеживаются с начала VII в.: здесь найдена япигская геометрическая керамика, а на близлежащем туземном поселении Торре Мордилло встречается протокоринфская керамика [Guzzo, p. 299–300].

Сосуществование греческих и туземных элементов прослеживается и в Сев. Причерноморье, в частности в Нижнем Побужье¹⁴⁴. Находки греческих граффити владельцев и посвяtitельных граффити на нескольких архаических поселениях (Бейкуш, Старая Богдановка II, Большая Черноморка II и др.) указывают на присутствие здесь греков¹⁴⁵. Наличие ряда типов лепной керамики на поселениях Нижнего Побужья, по данным К. К. Марченко, свидетельствует об этнических элементах, происходивших из Карпато-Дунайского бассейна, а также лесостепной и степной зон Сев. Причерноморья¹⁴⁶. При этом, однако, речь может идти скорее о типологических влияниях туземной керамики на формы и декор лепной керамики Березани и остальных нижебужских поселений, которая, как справедливо указывал Лапин [1966, с. 159 сл.], производилась местными греками для собственных нужд. Появление в эпиграфических источниках V в. Сицилии и Сев. Причерноморья негреческих имен отражает уже прочный симбиоз туземных и греческих элементов в собственно эллинских центрах. В результате взаимных браков, преимущественно греков и туземных женщин, возникли смешанные этносы вроде гелонов и каллипидов (*Herod.* IV, 17, 108). О греческих эмпориях в Скифии сообщает тот же Геродот (IV, 108).

Наличие нескольких рабов и рабынь у Матасия в Ольвии или на Березани, упоминаемых в письме Ахиллодора ок. 500 г., показывает формирование здесь контингента частных рабов, в том числе кабальников (ниже, с. 218/20, 223/6, 231). Вместе с тем, поскольку это зона интенсивных греко-варварских экономических контактов, можно полагать, что основной контингент рабов составляли варвары. Связи Ольвии с кочевниками Сев. Причерноморья, продававшими своих пленников [Вахтина, 1984; 2000], и обусловили здесь, надо полагать, раннее развитие частного рабовладения¹⁴⁷.

¹⁴⁴ Историография вопроса о наличии или отсутствии местного населения в Зап. и Сев. Причерноморье времени греческой колонизации [Cojocaru, 2005].

¹⁴⁵ Материал опубликован лишь частично [Русяева, 1971; Отрешко, 1977, с. 40–44; 2009г, с. 35]. По мнению Отрешко, население поселений Ольвийской хоры было в основной массе греческим.

¹⁴⁶ [Марченко, 1974, с. 149 сл.; 1976, с. 157 сл.; 1979, с. 130 сл.; 1993]. Заметим, что лепная керамика негреческих типов на Березани и других поселениях Сев. Причерноморья, относящаяся к первым десятилетиям их существования, могла быть принесена туземками: переселенцы обычно отправлялись без женщин (ср. *Herod.* I, 146), и поскольку основную их массу составляла молодежь, то она добывала себе жен на новом месте жительства из окрестной туземной среды.

¹⁴⁷ Об этих и других аспектах греко-варварских отношений в колонизационную эпоху, также новую лит. см. [Greek Colonists, 1990; Кузнецов, 2009]. О рабах из числа скифов-борисфенитов см. с. 259.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Псевдо-Скимн о времени возникновения Ольвии и вопрос об источниках его известий об основании городов Понта¹⁴⁸

Раньше, полагая, что надо придерживаться более точной версии о милетянах, и разделяя общее мнение об основании Ольвии в середине VI в., мы предложили эмendaцию текста Псевдо-Скимна: вместо Μηδικήν читать Λυδικήν, т. е. «во время лидийского владычества» над Милетом, которое установилось в царствование Креза (560–546, ср. *Herod.* I, 26), получив тем самым дату, близкую археологическим данным — ок. 546 г. [Яйленко, 1983а, с. 137/8]. Критику этого дал Ю. Г. Виноградов [1989, с. 34–35] (он же в статье [Виноградов, Доманский, Марченко, 1990, с. 77–78]). Если оставить в стороне риторические замечания, то существо возражений сводится к тому, что у Пс.-Скимна нет «нередкого у античных авторов смешения мидян с персами». Сначала он напомнил вывод М. И. Максимовой [1956, с. 49–52], что Пс.-Скимн синхронизировал основание колоний Понта с событиями переднеазиатской истории, и это нехарактерно для его источников — Аполлодора, Эратосфена, Деметрия Каллатийца, Эфора, так что, видимо, он заимствовал эти сведения из какого-то надежного сочинения об основании городов. Виноградов детализировал синхронизацию: говоря об основании греческих колоний, Пс.-Скимн упомянул прорытие Ксерксом канала, преследование киммерийцев скифами, поход Дария на скифов; происхождение города Амастрии связано с дочерью перса Оксатра, основание Элеи и Абдер отнесено ко времени персидского господства, Аполлония основана за 50 лет до Кира, основание Одесса синхронизировано с правлением Астиага в Мидии¹⁴⁹. Точки над і, полагал Виноградов, ставит справка ст. 975, где основание Гераклеи отнесено ко времени подчинения Киром Мидии. Все это, по его мнению, убеждает, что и в сообщении об основании Ольвии речь идет о мидийском господстве, т. е. о времени между 709–550 гг. (он разделял мнение Л. В. Копейкиной об основании Ольвии на рубеже VII–VI вв. или в начале VI в.). Однако эти данные явно не осмыслены Виноградовым¹⁵⁰.

Рассмотрим сведения Пс.-Скимна об основаниях городов в целом, их характер и источники¹⁵¹. В начале сочинения поэт назвал свои источники: более всего при-

¹⁴⁸ Тезисная публикация этого параграфа [Яйленко, 2012а], почти полная [KOINON ΔΩΡON, 2013].

¹⁴⁹ Прорытие Ксерксом канала включено сюда напрасно, так как не связано с основанием города, — просто сказано, что канал прорыт близ города Аканфа. Так же у Страбона (VII, фр. 35).

¹⁵⁰ Считаю теперь излишним свое исправление текста Пс.-Скимна, но не из-за критики Виноградова, а по той причине, что исправление оправдано лишь в безнадежной ситуации, тогда как основание Ольвии κατὰ Μηδικήν ἐπαρχίαν объяснимо. Кроме того, исправление возможно лишь при условии, что Пс.-Скимн или его источник не знал указания Геродота на союзный персам статус Милета и его пребывание в мире с ними (выше, § 1). Это маловероятно, ибо Пс.-Скимн специально подчеркнул, что он подбирал сочинения тех авторов, которые «следовали Геродоту» (ст. 110 сл.). Так как источником известия Пс.-Скимна об основании Ольвии, как мы покажем, скорее всего, был Эфор, тем более нельзя думать так, ибо в описании Скифии Геродот — основной источник Эфора [Яйленко, 2007, с. 62–66].

¹⁵¹ Он писал при Никоমেде II или III, как любезно указал мне А. Твардецкий, т. е. во второй половине II или I в. до н. э. Свою Перизгесу, сиречь «Описание земли» (это поэма, написанная ямбами), он начал с Испании и Ливии, двигаясь на восток в основном по периплу, т. е. по прибрежным местностям, — говоря преимущественно о прибрежных городах и окружающих народах. Далее описаны Южная Италия, Сицилия, Адриатика, Пелопоннес, перечислены города побережья от Аттики до Македонии, Пропонтиды, Геллеспонта. Затем Пс.-Скимн переходит к описанию Понта, но после

влечены сочинения Эратосфена и Эфора, использованы сочинения писавших об основаниях городов Деметрия Каллатийца и Дионисия Халкидского, также Клеона, Тимосфена (далее лагуна: несколько имен утрачено), Каллисфена, Тимея — тех авторов, поясняет Пс.-Скимн, которые следовали Геродоту (ст. 110 сл.)¹⁵². Иногда, приступая к описанию какого-либо региона, он называет свой основной источник; так, переходя от Адриатики к Элладе или говоря об островах, он называет Эфора; входя в Понт, ссылается на Деметрия Каллатийца (ст. 470 сл., 543 сл., 718/20). Пс.-Скимн 15 раз указал время основания городов, для чего прибегал к синхронизации с каким-либо событием¹⁵³. Важно, что 11 из них синхронизированы с событиями азиатской истории (в основном малоазиатской) и только четыре не с ними. Перечислим их.

1. Накс и Мегару Гиблею на Сицилии основали халкидяне и мегарцы на десятом поколении после Троянской войны (ст. 270/9; это легендарная дата, не историческая).

нескольких строк о Фракии (до ст. 724) единственная парижская рукопись этого сочинения (ее обозначают литерой D) обрывается. Уже в 1628 г. Д. Холштен подметил стилистическую и содержательную общность «Перипла» Пс.-Скимна и Псевдо-Аррианова «Перипла Понта Евксинского» VI в. н. э., что позволило получить общее представление о дальнейшем тексте Пс.-Скимна, посвященном описанию городов Причерноморья от Аполлонии во Фракии до Синопы и Гераклеи на южном побережье Понта. Далее для реконструкции черноморской части «Перипла» много сделали М. Летрон [Letronne, 1840, р. 331–420] и К. Мюллер [GGM I, р. 196–237]. Тексту Мюллера следовал А. Башмаков в своем исследовании источников «Перипла» VI в. [Bachmakoff, 1948]. Уточненный текст описания Черноморья, начиная со ст. 722, дал О. Диллер по рукописи В «Перипла Понта Евксинского» (кодексы из Ватопеда, Британского музея, Парижской национальной библиотеки), а также по двум старым апографам парижской рукописи D [Diller, 1952, р. 165/76] (об истории реконструкции текста — *Ib.*, р. 54 f.; изложение ряда его положений [Скржинская, 1980]). Тексты, относящиеся к Зап. Понту, собрал К. Бошнаков [Boshnakov, 2004]. Есть и новое издание поэмы Пс.-Скимна [Marcotte, 2000], но в нем относящийся к Причерноморью текст разделен на фрагменты, что лишило его цельности, существенной для нашей исторической интерпретации, поэтому нам больше подходит издание К. Мюллера, по которому и даем нумерацию строк поэмы (у Диллера дан лишь частичный текст поэмы, нам нужен весь). *Лит.* за 2008–2012 гг. о Пс.-Скимне см. [A Hellenistic Bibliography. Imperial Poets. Ps. Scymnus] (электронный ресурс: sites.google.com/site/hellenisticbibliography).

¹⁵² Деметрий Каллатийский писал в конце III — II в. до н. э.: ему известна смерть сиракузского тирана Гиерона 216 г. Сохранилось несколько фрагментов у Пс.-Скимна и самый большой у Страбона (I, 3, 20) о землетрясениях [FHH IV, р. 380/1; FGH, 85]. Говоря об основании городов, Пс.-Скимн ссылался на Эфора, Тимея, Деметрия Каллатийца, Дионисия Халкидского и др. Казалось бы, он широко должен пользоваться сочинением автора эллинистического времени Дионисия Халкидского *Κτίσεις τῶν πόλεων* «Основания городов», однако ни разу далее не сослался на него. От этого Дионисия дошло немного, но во fr. 10–11 указан ойкист города Рима [FGH III C, S. 911], так что Пс.-Скимн пользовался им в рассказе об основаниях средиземноморских городов. Близок к изданию важный проект — собрание фрагментов всех *Κτίσεις τῶν πόλεων* в качестве IV тома FGH Ф. Якоби [Engels, 2014].

¹⁵³ Этому вопросу краткие заметки в полстраницы-страницу уделили Э. Барн, К. Рёбак, Иванчик. Э. Барн дал перечень колоний, основанных в Понте, и на примере Борисфена, где найдена керамика VII в. (по Э. Штерну), показал точность синхронизаций Пс.-Скимна [Barn, 1935, р. 133]. По мнению К. Рёбака, синхронизации были проведены в эллинистическое время [Roebuck, р. 119/20]. Мусью Иванчик [2005, с. 154/5], не зная работ предшественников, тоже дал список колоний Зап. Понта и заключил, что эти синхронизации сделаны ранее рубежа III–II вв. до н. э., не уточнив, что он имеет в виду. Исключаем из числа синхронизаций сообщение Пс.-Скимна об Амисе (его основали фокейцы за 4 года до того, как Гераклея получила ионийское основание, ст. 917/20) по причине неопределенности абсолютной даты.

2. Кардию основали милетяне и клазоменцы, затем ею завладели афиняне, когда Мильтиад захватил Херсонесский полуостров (ст. 698 сл.).

3. Каллатис основан, когда власть у македонцев получил Аминта (ст. 761/64).

4. Фокейцы основали Массалию за 120 лет до битвы при Саламине (ст. 209/14). Следующие основания городов синхронизированы с азиатскими событиями и царями.

5. Южноиталийскую Элею основали фокейцы, бежавшие от персидского гнета (ст. 250/3).

6. Сооснователями Абдер были теосцы, бежавшие от персидского гнета (ст. 667/71).

7. Милетяне основали Аполлонию во Фракии лет за 50 до царствования Кира (ст. 730/7).

8. Калхедонцы и мегаряне основали Месембрию, когда Дарий выступил в поход на скифов (ст. 739/42).

9. «Одесс основали милетяне, когда Астиаг правил Мидией» (ст. 748/9).

10. Истр основан милетянами, когда войско скифов прошло в Азию, преследуя от Боспора киммерийцев (ст. 767/72).

11. Ольвия основана при Гипанисе и Борисфене милетянами «во время мидийского господства» (ст. 804/9).

12–13. Двойное или тройное заселение греками Синопы в земле амазонок: в первый раз у амазонок были фессалийцы Автолик и Флогий с Деилеонтом, затем милетянин Габрондас «во времена киммерийского владычества здесь». После их господства сюда прибыли Кой, затем Кретин — изгнанники из пределов Милета, они поселились тут, когда войско киммерийцев вторглось в Азию (ст. 941/52).

14. Амастрию основал отряд милетских колонистов из Ионии, по рассказам персов, в то время, когда дочь Оксиарта, брата Дария Кодомана, стала женой тирана Гераклея Дионисия (ст. 958/67).

15. Гераклея основана беотийцами и мегарянами, выселившимися из Эллады, «в то время, когда Кир овладел Мидией» (καθ' οὗς χρόνους ἐκράτησε Κύρος Μηδίας, ст. 972/5).

При этом все 15 оснований связаны с Ионией и Понтом. Это означает, что данные о них извлечены Пс.-Скимном из 1–2 источников и там шла речь об Ионии, Понте и основании ионийцами городов. Показательны в этом отношении ст. 250/3 и 667/71 (наши № 5 и 6): в сообщениях об основании ионийцами таких отдаленных друг от друга городов, как южноиталийская Элея и фракийская Абдера, употреблено одинаковое выражение *φύγοντες ὑπὸ τὰ Περσικά* «бежавшие во время персидского господства». Это означает, что материал об Элее и Абдере взят у одного автора. Однако лишь в одном случае Пс.-Скимн сослался на источник: по Тимею, фокейцы основали Массалию за 120 лет до битвы при Саламине (ст. 209/14). Несомненно и то, что основание городов Зап. Причерноморья Пс.-Скимн дал по сочинению Деметрия Каллатийского «Об Азии и Европе»: «Затем следует Понт, положение которого со знанием дела определил Деметрий Каллатиец, последуем за ним в описании местностей по отдельности» (ст. 718/20). Далее идет рассказ об основании Аполлонии, Месембрии, Одесса, Каллатиса, Истрии, все с синхронизацией по событиям азиатской истории (ст. 730/72), лишь вознаменование Каллатиса увязано с воцарением Аминты в Македонии. В ст. 774/96 описаны устья реки Истр, говорится об «острове Ахилла» и завершен пассаж о городах Зап. Причерноморья ссылкой на источник: «как описал Деметрий». Отсюда явствует, что города от Аполлонии до Истра Пс.-Скимн дал по Деметрию, в сочинении которого и проведена синхронизация их основания с событиями азиатской истории — с правлениями Астиага, Кира, скифским походом Дария

и скифо-киммерийской войной. Затем Пс.-Скимн еще лишь раз упоминает Деметрия — со ст. 874 говорится о реке Танаис, сарматах, язматах, со ссылкой на него и Эфора. Судя по контексту (по Деметрию, за сарматами обитают язматы, а Эфор называет их савроматами), тут Деметрий использован в незначительной мере; основной источник Пс.-Скимна о народах Скифии, начиная с карпидов при Истре и заканчивая савроматами Вост. Приазовья, — Эфор, на которого он неоднократно ссылается. В пассаже об истоках Танаиса упомянут и Гекатей Эретрийский. Названные по разу в связи с Танаисом и живущими при нем народами Деметрий и Гекатей предстают малозначимыми для описания Скифии авторами, без сомнения, география и этнография Скифии между реками Истр и Танаис даны Пс.-Скимном по Эфору. Посмотрим, каковы упоминания Пс.-Скимна об основании городов Сев. Причерноморья и у кого он их позаимствовал — у Каллатийца или Эфора¹⁵⁴.

Первой названа Тира, выведенная милетянами, они же основали Ольвию; Херсонес Таврический заложил Гераклеоты и делосцы, Фанагорию основали теосцы, а Синдскую гавань заселили окрестные эллины; город Киммериду основали боспорские тираны, а Кепы милетяне (ст. 798–899). Упомянуты также Пантикапей и Гермонасса, но об их основании ничего не сказано. Из 6 указанных оснований городов время отмечено только для Ольвии — «во время мидийского владычества». Поскольку, как сказано, таков же характер известий Деметрия об основании городов Зап. Причерноморья, логично заключить, что из его сочинения извлечено и это сообщение, синхронизированное с событием азиатской истории. Однако не все так просто: в ст. 841/9 Пс.-Скимна о народах Скифии от Истра до Борисфена упоминается ольвийская Гилея, а источником сведений назван Эфор. Это, а также другие аргументы, которые приведем далее, позволяют думать, что и сообщение об основании Ольвии восходит к нему. В имеющихся фрагментах «Всеобщей истории» Эфора, начинавшейся с возвращения Гераклидов, немало известий об основаниях городов, причем о некоторых он рассказывал пространно, сообщая географические данные, местную мифологию, имена ойкистов, полисное устройство, перемены названия, окрестные народы, их нравы и пр.¹⁵⁵ По словам Полибия (XXXIV, fr. 1 = *Strabo*, X, 3, 5), Эфор лучше всех рассказывал об основаниях городов. В их числе фигурировали и черноморские города, на что указывает его известие об основателе города Китора на пафлагонском побережье (FHG I, fr. 85 = FGH II, fr. 185 = *Strabo*, XII, 3, 10). Важно и то, что Страбон (VII, 3, 15; 17), говоря об устьях Истра, ссылается на Эфора, а через несколько строк пишет об Ольвии, основанной милетянами, — это еще одно указание на принадлежность Эфору сведений о ее возникновении. В целом характер известий Эфора об основаниях городов иной, нежели у Деметрия Каллатийца: как историк он любит рассказы об эпонимах городов, их генеалогиях,

¹⁵⁴ У Полемона Илионского (ок. 260–185 гг.) было сочинение «Основания городов Понта», но оно не сохранилось [FHG III, p. 108, 125]. Судя по многочисленным фрагментам других его сочинений, у него иная манера подачи материала, нежели у Пс.-Скимна. Был у Полемона и очерк основания городов Италии и Сицилии [Ib., p. 111], но им Пс.-Скимн не пользовался, заимствуя сведения об этом у Эфора и Тимея.

¹⁵⁵ FHG I, fr. 31, 32, 35, 72, 73, 78, 83, 85, 92, 93 = FGH II, fr. 25, 26, 38–40, 44, 46, 126, 127, 154, 158/60, 183, 185. В основном это фрагменты, сохраненные Страбоном (VI, 1, 15; 3, 3; VII, 7, 7; VIII, 3, 33; 5, 4–5; 8, 5; X, 2, 26; 4, 8 и 15–20; XIV, 1, 6). К примеру, Эфор рассказывает об основании Эфеса, Милета, о выселках колофонцев, в том числе об основании ими Клазомен; город Энос во Фракии сперва заселили греки из Алопеканесса, затем прибыли эпейки из Митилены и Кимы; беотийцы и мегаряне основали в Понте Гераклею, Лампсак основали фокейцы [FHG I, fr. 31, 32, 35, 73, 83, 93].

сопутствующую мифологию; Деметрий же как географ ограничивается указаниями на происхождение основателей колонии и время основания. Эфор обычно не указывает время основания, но иногда сообщает и его: так, городок Критоты на фракийском Херсонесе основал Мильтиад [FHG, fr. 72 = FGH, fr. 40, 154]. Есть у него и синхронизация с событиями скифской истории: «Милетяне, пока не впали в изнеженность, побеждали скифов, как рассказывает Эфор, и основали города по Геллеспонту, и Евксинский Понт населили великолепными городами, и все стремились к Милету»¹⁵⁶. Страбон (VI, 2, 2) сохранил примечательный для нас фрагмент Эфора: города Мессена, Тавромений, Катана, Сиракузы, Накс и Мегара первыми основаны на Сицилии через 10 поколений после Троянской войны. У Пс.-Скимна та же синхронизация основания Накса и Мегары Гиблеи (выше, наш № 1), так что это прямое указание на Эфора как его источник об основании городов и времени основания.

Согласно Пс.-Скимну (ст. 958/67), Амастрию основал отряд милетян из Ионии, как говорят персы, в те времена, когда дочь перса Оксиатра стала женой гераклейского тирана Дионисия. Сравним его с параллельным рассказом Страбона (XII, 3, 10) об Амастрии, жене тирана Гераклеи Понтийской Дионисия, дочери брата Дария Кодомана Оксиатра, которая создала из 4 городков один полис, дав ему свое имя. У Пс.-Скимна в рассказе об основании Амастрии нет ряда деталей, изложенных Страбоном, но есть отсутствующее у Страбона известие об основании Амастрии милетянами. В рассказах об основании других городов южного побережья Понта — Гераклеи и Амиса — Страбон (XII, 3, 4; 14) ссылается на Феопомпа; видимо, у него же заимствован и рассказ о Синопе (XII, 3, 11), судя по типовому для трех городов сообщению об основании города милетянами. У Пс.-Скимна же представлена иная традиция: дан подробный рассказ об основателях Синопы, двойное основание города синхронизировано с киммерийцами; указано, что Амис основали фокейцы за 4 года до вселения ионийцев в Гераклею; сама Гераклея основана беотийцами и мегарянами в то время, когда Кир овладел Мидией (ст. 917/20, 941/52, 972/5). Источник Пс.-Скимна весьма отличен от Феопомпа, это явно какое-то сочинение об основании городов, и такая характерная деталь, как синхронизация их с событиями азиатской истории (победа Кира и два вторжения киммерийцев), как мы видели, характерна для Деметрия Каллатийца. Однако имя последнего фигурирует у Пс.-Скимна лишь в связи с Зап. Понтом и еще раз вскользь в связи с меотами, поэтому правомернее вести речь об источнике Каллатийца. Полагаем, его источником, может быть и Эфора, был Гелланник. Рассмотрим этот вопрос.

Как показано выше, из 15 рассказов Пс.-Скимна об основаниях городов, синхронизированных с какими-либо внешними данными, 11 датированы по событиям азиатской истории. При этом события обычно не связаны с самими основаниями (см. выше наши № 1, 3, 4, 7–10, 12, 13, 15). Но в трети случаев связь несомненна (наши № 2, 5, 6, 14): Кардия и Амастрия датированы по своим основателям — известным историческим

¹⁵⁶ FHG, fr. 92 = FGH, fr. 183 = *Athen.* XII, 523. Вряд ли Деметрий обошелся без «Всеобщей истории» Эфора: приведенный его фр. 92 хорошо дополняется словами, следующими после известия Каллатийца (у Пс.-Скимна, ст. 730/7) об основании Аполлонии: ионийцы выслали в Понт множество колоний, так что прежде звавшийся негостеприимным (*ἀξείλος*) от козней варваров, он стал гостеприимным (*εὖξειλος*). Впервые Понт именуется *ἀξείλος* у Пиндара (*Pyth.* IV, 203), *εὖξειλος* у Геродота (I, 5). Представление о том, что город *X* процветал, но жители его впали в изнеженность и он претерпел беды, — обычный троп греческих авторов: так писали о Сибарисе, Кротоне и пр. Например, по Феопомпу (fr. 117 Jас.), колофонцы процветали, но из-за роскоши впали в раздоры и тиранию [Talamo, p. 368/70].

лицам Мильтиаду и Амастрии; основание Элеи и Абдеры датировано временем персидского господства не из-за хронологического совпадения, а по причине их взаимосвязи: после взятия полководцем Кира Гарпагом Фокеи в 543 г. жители покинули город и основали Элею в Южной Италии (Антиох у Страбона, VI, 1, 1); после взятия Гарпагом Теоса жители реколонизовали Абдеру во Фракии (*Herod.* I, 168). Обратим внимание и на сходство выражений: Элея и Абдера основаны фокейцами и теосцами ὑπὸ τὰ Περσικά «во время персидского господства», Ольвию основали Μιλήσιοι κατὰ τὴν Μηδικὴν ἐπαρχίαν «милетяне во время мидийского владычества». Поскольку основание Элеи и Абдеры обусловлено захватом персами Фокеи и Теоса, также в случае с Ольвией речь должна идти о господстве Мидии над Милетом или Ионией в целом. Но Мидия никогда не владела Милетом или Ионией, поэтому Μηδική здесь может быть только эквивалентом слова Περσική¹⁵⁷. Такое словоупотребление обязано самому Пс.-Скимну или его источнику — Эфору или Деметрию. Эфор основывался в описании Скифии главным образом на данных Геродота [Яйленко, 2007, с. 66; 2013а, с. 181/3], который часто называл персов мидянами (I, 206; V, 77, 104; VI, 109 и мн. др.). Это обычный узус греческих писателей: название «мидяне» «у греков, в особенности когда речь идет о Персидских войнах, как правило, употребляется по отношению к персам» [Pape, Benseleg, S. 912] (со ссылками на Геродота, Фукидида, аттических ораторов, трагиков, ионийских поэтов и пр.). К примеру, Фукидид (I, 97 и пр.) и Павсаний (I, 1, 5 и др.) называют греко-персидские войны первой половины V в. мидийскими, персов мидянами. Пример с повторным основанием Занклы самосцами и другими ионийцами: Фукидид (VI, 4, 5) говорит, что они бежали от мидян, но из сообщения Геродота (VI, 22) явствует, что это случилось во время ионийского восстания, т. е. мидянами названы персы. Таким образом, и в плане ионийско-аттического узуса, и в плане поэтического характера сочинения Пс.-Скимна, но главным образом благодаря своему источнику Эфору, продолжателю геродотовской традиции, в известии о времени основания Ольвии «при мидийском господстве» подразумевается персидское владычество.

Персидский протекторат над Ионией установлен почти сразу вслед за разгромом Лидийского царства в 546 г. (*Herod.* I, 153 сл.). По Геродоту (I, 169), лишь выселившиеся фокейцы и теосцы избежали персидского рабства, остальные ионийцы, воевавшие с персами, покорены и уплачивают подать, кроме милетян, «которые еще раньше заключили союз (ὄρκιον ποιησάμενοι) с самим Киrom и пребывали в мире (ἡσύχιον ἦγον)». Однако фактически Милет был подчинен персам, на что указывает хотя бы правление тирана Гистиея (в 514 г. он уже был у власти): он и остальные тираны городов Ионии и Геллеспонта, по существу, ставленники Дария (*Herod.* IV, 137/8). Подчинение персам Милета, как и остальных ионян, указывает на основание Ольвии ок. 540-х гг.¹⁵⁸

¹⁵⁷ Граница между Мидией и Лидией проходила по р. Галис, т. е. посредине Анатолии (*Herod.* I, 72).

¹⁵⁸ Если источник сообщения об Ольвии Деметрий Каллатиец, то надо иметь в виду, что географы четко различали мидийское и персидское: например, Страбон никогда не смешивает их. Поэтому и Деметрий как географ и прозаик не мог свободно употреблять эти понятия. Нет такого смешения и у Пс.-Скимна, однако «мидийских» случаев у него всего 2–3, чего недостаточно для определенных выводов. Кроме того, как поэт он мог называть персидское мидийским. Таким образом, если известие об основании Ольвии заимствовано у Каллатийца, теоретически возможно двоякое решение вопроса: «мидийским господством» могло быть и собственно мидийское владычество (727–550 гг.), и персидское (начиная с 546 г.). Поскольку мидийцы никогда не владели Милетом или Ионией, первый вариант отпадает.

Как сказано, у Пс.-Скимна все 15 датированных оснований связаны с Ионией и Понтом, однако ни Эфор, ни Деметрий специально не писали о них — у первого всеобщая история, у второго география Европы и Азии. Это означает, что Эфор и Деметрий извлекли данные об основаниях из такого источника, в котором шла речь об Ионии, Понте и основании ионийцами городов, т. е. из сочинения типа *Κτίσεις*¹⁵⁹. В этом плане привлекает внимание рассказ Гелланика об основании Илиона [FGH I, fr. 25a = Strabo, XIII, 1, 42]: «ныне существующее поселение и храм основаны во времена владычества лидийцев. Ведь не полисом он был, но стал таковым долгое время спустя, и недавно, как говорят, возрос. Гелланик, чтоб быть приятным илионцам, — таков его дух — признает, что он тот же, что и древний». Выражение Гелланика *ἐπὶ δὲ τῶν Λυδῶν ἢ νῦν ἐκτίσθη* «основаны во времена господства лидийцев» по существу аналогично словам Эфора или Деметрия об основании милетянами Ольвии — *κτίζουσι κατὰ τὴν Μηδικὴν ἐπαρχίαν* «основали во времена мидийского владычества». Здесь помимо лексического тождества присутствует синхронизация основания с событием (мало)азиатской истории. Как раз одно из сочинений Гелланика посвящено основанию городов — *Κτίσεις ἔθνων καὶ πόλεων* «Основания народов и городов»¹⁶⁰. В извлечениях Страбона сохранились, со ссылкой на Гелланика, несколько упоминаний об основаниях городов — Спарты, эолийского Асса и его колоний, этолийских полисов¹⁶¹. Об основании городов Гелланик писал и в разных своих сочинениях по региональной истории¹⁶². Странную синхронизацию Пс.-Скимном,

¹⁵⁹ *Κτίσεις* как литературный жанр возник в VI в., первое сочинение этого типа принадлежит милетянину Кадму, о чем см. далее. До середины VI в. *Κτίσεις* существовали в виде местных преданий, которые поэты включали в свои произведения, подвергнув поэтической переработке (истории как литературного жанра еще не было [Dougherty, 1993; 1994; Bowie, 2001] или он только складывался [Lasserre, 1976]).

¹⁶⁰ FGH II, fr. 66–70. Здесь даны разнообразные сведения: где и какие народы обитают, в числе прочих упоминаются и народы Вост. Понта хариматы, керкеты, гениохи, кораксы. Это означает, что в данном сочинении Гелланик писал также о городах всего Понта, однако по случайности известия об их основаниях не дошли до нас.

¹⁶¹ Strabo, VIII, 5, 5: Гелланик говорит, что Еврисфен и Прокл дали Спарте государственное устройство, но Эфор не согласен с ним: хотя они основали город, им не присвоили звания архегета, который дается всем основателям городов. Ib. X, 2, 6: в числе древних городов Гелланик упоминает и те, что основаны после возвращения Гераклидов. Ib. X, 2, 14: Гелланик писал и о городах, упоминаемых Гомером, но, не следуя ему, он отождествил Кефаллению с Дулихием. Ib. XIII, 1, 58: Гелланик считает Асс эолийским городом, также Гаргары, основанные Ассом, и Лампонию. Сведения о Гелланике [Christ, S. 279/80; FGH I, S. 104 f.]: он родом с Лесбоса, но писал на ионийском диалекте, он современник Геродота, Фукидида, но по типу исторического мышления логограф: у него нередко перемешаны история и миф (Strabo, I, 2, 35; XI, 6, 3); он особо интересовался хронологией, написал много книг по региональной истории, его источником были храмовые и городские хроники (о них [Christ, S. 274]). Эфор отрицательно отзывался о псевдогенеалогиях и мифоисторических построениях Гелланика [Ib. S. 310]: к примеру, в упомянутом пассаже об основании Спарты. Тем не менее из этого же пассажа следует, что Эфор пользовался его сочинениями. Полагаем, Эфор мог заимствовать его хронологические выкладки об основаниях городов, так как они взяты из локальных хроник, — Гелланик много путешествовал для сбора материала.

¹⁶² В книге по истории Эолии он приводит сведения об основании и основателях тамошних городов, в «пеласгической» части «Форониды» (истории Аргоса) упомянут основатель фессалийской Ларисы Акрисий, в «Троянской истории» указано, что лесбосский город Арисба — апокия митиленцев, основатели Скамандрий и Асканий, Илион же основан «во времена господства лидийцев» [FGH I, fr. 24, 25a, 32, 91]. Как логограф Гелланик любит местную мифологию, историю, генеалогии, названия, он сообщает о них разнообразные сведения.

т. е. Деметрием Каллатийским, основания города Каллатиса с приходом к власти Аминты в Македонии, отделенной от него сотнями километров, можно объяснить лишь тем, что Деметрий заимствовал это известие у Гелланика, который жил при дворе Аминты, потому и обозначил таким приемом время основания Каллатиса¹⁶³. Итак, Деметрий Каллатиец заимствовал часть сведений об основании городов Западного Понта у Гелланика.

Как сказано, 11 оснований городов синхронизированы у Пс.-Скимна с событиями азиатской истории (выше, наши № 5–15, в основном они связаны с Малой Азией). В большинстве это события персидской истории (наши № 5–8, 14, 15): основание Элеи и Абдеры обязано захвату Фокеи и Теоса персами; милетяне основали Аполлонию лет за 50 до Кира; калхедонцы и мегаряне основали Месембрию, когда Дарий пошел войной на скифов; Амастрию основала племянница Дария Кодомана; беотийцы и мегаряне основали Гераклею, когда Кир завладел Мидией (это, бесспорно, датировка по Киру, а не по Мидии). В 4 случаях датировки даны по вторжениям киммерийцев и скифов в Азию: калхедонцы и мегаряне основали Месембрию, когда Дарий пошел войной на скифов; милетяне основали Истр, когда скифы вторглись в Азию; двойное основание Синопы датировано по киммерийцам (наши № 8, 10, 12, 13). Лишь в 2 случаях упоминается Мидия: Одесс основан, когда Астиаг правил Мидией; милетяне основали Ольвию при мидийском господстве (№ 9, 10). Но оба «мидийских» случая амбивалентны по содержанию «персидским», т. е. могут быть заимствованы из персидской истории: если Ольвия основана при мидийском владычестве, то формально это может быть временем не только мидийского, но и персидского господства ввиду отмеченного тождества *Μηδικός* = *Περσικός*. Поскольку источник этого сообщения Эфор, подразумевается персидское господство. Бесспорность и «мидийской» синхронизации основания Одесса с правлением Астиага в Мидии кажущаяся: он был последним мидийским царем, его низверг в 553 г. основатель персидского царства Кир, иначе говоря, и эта синхронизация могла быть заимствована из сочинения о персидской истории, т. е. сопоставлена с царем, падшим от персов. Именно такую картину дает «Персидская история» логографа старшего поколения Харона из Лампсака: говорится об Астиаге и низвержении его с трона Киrom [FHG I, р. 32, fr. 4]. Из всего изложенного явствует, что в источниках Пс.-Скимна — сочинениях Деметрия Каллатийца и Эфора — основание городов синхронизировано с событиями персидской и скифско-киммерийской истории, с Мидией же связано лишь одно основание Одесса, но и оно может быть в конечном счете персидским. Все это показывает, что основание Ольвии «во времена мидийского владычества» увязано с персидской историей, как и основание других греческих колоний, в особенности Понта, у Эфора и Каллатийца.

Из 11 синхронизированных оснований городов 10 относятся к VII–VI вв.¹⁶⁴ Это означает, что источники Пс.-Скимна — Деметрий Каллатиец и Эфор — заимствовали свои сведения у раннего писателя. Кроме того, тот должен был писать также о персидской и скифской истории. Это соответствует нашему заключению, что све-

¹⁶³ Имеется в виду Аминта I (540–498); сначала Каллатис основали милетяне (*Mela*, II, 22), затем мегарцы [Hind, 1998, p. 139; Сапрыкин, 2011, с. 132/8].

¹⁶⁴ Кроме Амастрии. Ее основательница была замужем за тираном Гераклеи Дионисием в 322–302 гг., когда тот умер и оставил ей свое государство в наследство, затем за Лисимахом, после развода с которым правила в Гераклее (умерла в 285 г.). Тогда и был благоустроен в качестве крупного города Сесам, переименованный в Амастрию.

дения об основании этих городов Деметрий и отчасти Эфор черпали у Гелланика — у него наряду с упомянутыми Κτίσεις «Об основаниях народов и городов» было сочинение Περσικά «Персидская история»¹⁶⁵. Есть в ней и рассказ об основаниях городов, тоже связанный с персидским царем: один из них устроил в Киликии за один день два города, Тарс и Анхиал [FHG, fr. 158 = FGH, fr. 63]. Окончательную точку над і ставит наличие у Гелланика также очерка скифской истории — Σκυθικά [FHG I, fr. 170/2; FGH, fr. 64–65, 185/7], чем и объясняются 4 синхронизации оснований Месембрии, Истра и дважды Синопы с вторжениями скифов и киммерийцев в Азию. Эти соответствия показывают, что Деметрий Каллатиец и Эфор в датированных сообщениях об основании городов Понта и других регионов пользовались сочинениями Гелланика. В указанных фрагментах «Скифской истории» Гелланика ведется речь о гипербореях, алазонах, каллипидах, Борисфене, т. е. о народах и природных объектах, которые фигурируют в рассказе Геродота об Ольвии, что является весомым аргументом в пользу заимствования Эфором сведений об основании Ольвии именно у Гелланика¹⁶⁶.

Мы должны объяснить и то отмеченное обстоятельство, что у Пс.-Скимна из 11 оснований городов, синхронизированных с событиями азиатской истории, 8 связаны с ионийцами, главным образом с милетянами (6 из 8)¹⁶⁷. У Гелланика не было специального интереса к ионийской истории, тем более сугубо милетской; хотя как логограф он писал на ионийском диалекте, как эолиец он проявлял интерес к своим областям — написал Αἰολικά, Λεσβικά, Τρωικά. Как специалист по региональной истории он лишь однажды коснулся ионийской тематики, написав трактат «Об основании Хиоса»¹⁶⁸. Поэтому правомерно поставить вопрос о его источнике ионийского или милетского происхождения; а что он пользовался таковым, как раз и указывает его сочинение о Хиосе. Ввиду очевидного интереса источника Гелланика (у Пс.-Скимна, *resp.* Эфора, Деметрия Каллатийца) к милетской и шире ионийской истории, а также к сопоставлению ее с персидскими событиями, им был иониец или милетянин (*cp.* [Cobet, 2007]). Судя по имеющимся сочинениям, таковым мог быть Харон из Лампсака и (или) Дионисий Милетский, оба логографы старшего поколения. Пс.-Скимн вряд ли пользовался ими прямо, скорее через посредство Гелланика¹⁶⁹. При учете сохранившихся текстов большие шансы считаться источником Гелланика у Харона

¹⁶⁵ FHG I, fr. 158/69; FGH I, fr. 59–65, 177/84. Гелланик начинает «Персидскую историю» с эпони-ма Перса, излагает начальную историю персов и доводит рассказ до греко-персидской войны, в связи с которой упоминаются фракийские города Стрепса и Тиродидза.

¹⁶⁶ Эфор не мог заимствовать это у Геродота, так как последний не сообщает время основания Ольвии. Известно, что Эфор использовал сочинение Ксанфа Лидийского, сведениями которого пользовался и Геродот [FHG I, p. 102 = *Athen.* XII, 515e], так что известие об основании Ольвии Эфор мог позаимствовать и у Ксанфа.

¹⁶⁷ Из числа датированных с ионийцами связано основание в Понте Аполлонии, Одесса, Истрии, Ольвии, Синопы, Амастрии; вне Понта фокейцы основали Элею, теосцы Абдеру.

¹⁶⁸ FGH, fr. 71: сохранился лишь рассказ о разных заселениях Лемноса.

¹⁶⁹ Как сказано, в перечне источников Пс.-Скимна текст частично утрачен, так что имен писателей было больше. Дионисий Милетский и Харон из Лампсака написали две первые истории Персии на греческом языке (Περσικά). Они современники Дария I, следующая «История Персии» написана младшим логографом Геллаником [FGH III C. S. 411/6]. В IV в. написаны «Персидские истории» Ктесия, Гераклида Кимейского, Динона, Гермесианакта Колофонского [Ib. S. 416 f.]. «Персидские истории» Дионисия Милетского, Харона, Гелланика — самостоятельные сочинения с авторским видением темы [Jacoby, 1956, S. 196].

из Лампсак¹⁷⁰. Персидскую историю» Харон начал с правления лидийского царя Астиага, дочь которого Мандана родила от мужа, перса Камбисы, Кира, который низверг Астиага с трона и основал персидскую империю (*ср. Herod.* I, 107/8); шла речь и о покорении Киром Ионии — упоминалось взятие Хиоса; излагалось начало греко-персидской войны [FGH III C, S. 415/6, fr. 2, 4–6; Jacoby, 1956, S. 193 f.]. Харон синхронизировал рассказ с персидскими событиями: гибель флота Мардония у Афона, ионийское восстание, отпадение лидийца Пактия от Кира, сон Астиага [FGH III C, fr. 2, 3, 5, 9, 10, 14; Jacoby, 1956, S. 178/9, 195]. В интересующем нас плане примечателен его рассказ о лидийском царе Астиаге и низвержении его Киром [FHG I, p. 32, fr. 4; FGH III C, fr. 2]¹⁷¹. Это параллель к синхронизации Пс.-Скимном основания Одесса с правлением Астиага, а Гераклеи с покорением Мидии Киром (наши № 9, 15), которая может свидетельствовать о заимствовании Геллаником сведений у Харона. По Свиде, Харон написал также Κτίσεις в двух книгах и «Перипл от Геракловых столпов» [FHG I, p. XVI–XX, 32–35]¹⁷². Как раз сей «Перипл» Пс.-Скимн мог принять за основу для своей поэмы, начав описание с тех же Геракловых столпов. Наличие у Харона сочинений Κτίσεις и Περίκἀ показывает, что у него были рассказы об основаниях городов, синхронизированные с событиями персидской истории, в этом отношении он — вероятный источник соответствующих сведений Гелланика. Харону принадлежит еще хроника родного города — Ὁροὶ Λαμφακτιῶν (о ней [Jacoby, 1956]), так что у него был интерес к ионийской истории. Лампсак, по сообщению Харона, — фокейская колония [FHG I, fr. 6; *Plut. Mor.* 255], но также милетская колония (*Strabo*, XIII, 1, 19), поэтому он мог интересоваться и милетской историей.

Дионисий Милетский — автор сочинений Περίκἀ и Τὰ κατὰ Δαρείων¹⁷³. Возможно, написал и географическое обозрение населенного мира — Περιήγησις οἰκουμένης, где могли быть сведения о выводе ионийцами колоний, причем как милетянин он мог

¹⁷⁰ О Хароне, его фрагменты [Christ, S. 278; FGH I, p. XVI–XX, 32–35; Schmid, Stählin, 1929, S. 702/3; FGH III C, S. 414–416; Jacoby, 1956, S. 178–206]. Для него есть дата Свида Ol. 69 = 504–501 гг., последнее событие от 464 г. — бегство Фемистокла к персам (*Plut. Them.* 27).

¹⁷¹ Этот рассказ послужил основанием для мнения, что Харон, как Гелланик и Ктесий, начал «Персику» с очерка древней истории Передней Азии [Jacoby, 1956, S. 195], но Астиаг — последний лидийский царь, его сокрушил Кир, основатель персидской державы, так что это начало не переднеазиатской истории, а персидской, это так называемая персидская археология [Schmid, Stählin, 1929, S. 702]. Иначе говоря, «Персика» Харона, как и «Персика» Гелланика, начиналась с истории Кира.

¹⁷² Сохранились 2 фрагмента из рассказа о происхождении аркадян, которые свидетельствуют, что как логограф Харон интересовался легендарной историей.

¹⁷³ Дионисий — младший современник Дария, что явствует из названия его сочинения «История времени Дария» (в рукописях наряду с Τὰ κατὰ Δαρείων есть и Τὰ μετὰ Δαρείων «История после Дария», что справедливо отвергают). Карл и Теодор Мюллеры (они вместе издали 1 том FGH, остальные издал Карл) предположили, что имеется в виду последний мидийский царь Астиаг, которого, по сообщению Синкелла, звали также Дарием [FHG II, p. 5]. Вряд ли это так, ибо для деятельности Дионисия Свида указал Ol. 65 = 520–517 гг., так что речь шла о Дарии I. Дионисий описал раннюю персидскую историю (известно, что он упоминал Псевдо-Смердиса) взаимоотношений персов и ионийцев, особенно в связи со скифским походом Дария, ионийское восстание и начало греко-персидских войн (незначительные фрагменты [FHG II, p. 5–7; FGH III C, S. 411; Schmid, Stählin, 1929, S. 704]). «Персидские истории» Дионисия и Харона во многом посвящены одной тематике, сочинение Дионисия, возможно, написано раньше [Schmid, Stählin, *l. c.*; Jacoby, 1956, S. 201/2]. Гелланик дожил до последней декады V в., умер в преклонном возрасте близ Лесбоса [Christ, S. 279], поэтому не видел подробной «Персидской истории» Ктесия, писавшейся после 399 г. (впрочем, об основаниях городов Ктесий не писал). Дионисия Милетского уже древние путали с соименным автором сочинения «Аргонавтика», который жил во II–I вв. до н. э. [FHG II, p. 6] (о Дионисии Милетском [Яйленко, 2011а, с. 445/7; 2013а, с. 152/4]).

уделить особое внимание выведению колоний Милетом. Логографам свойствен местный патриотизм: так, милетянин Кадм пишет книгу об основании Милета, ученик Аристотеля Клит Милетский — автор сочинения «О Милете» [FHG II, p. 2, 333], кимеец Гелланик уделил особое внимание Эолиде. В «Персидской истории» Дионисия шла речь о покорении персами Ионии, Эолии, Геллеспонта, поэтому возможно, что говорилось и о вызванных этим колонизационных предприятиях. Однако принадлежность Дионисию «Объезда населенного мира» проблематична: как поздние авторы путали его с Дионисием Милетским, автором «Аргонавтики» позднеллинистического времени, так могли и приписать ему «Объезд» Дионисия Перизгета. Поэтому Гелланик скорее заимствовал известия об основании ионийцами колоний и синхронизацию их с персидскими событиями, в том числе сообщение об основании Ольвии «при мидийском владычестве», у Харона¹⁷⁴.

При всем этом общим источником для всех трех логографов — Харона, Дионисия, Гелланика — должно было в той или иной мере служить сочинение древнейшего логографа Кадма Милетского *Κτίσις Μιλήτου καὶ τῆς ὅλης Ἰωνίας* «Основание Милета и всей Ионии» в 4 книгах (о нем [Christ, S. 277; FHG II, p. 2–4]). Он жил в середине — третьей четверти VI в.: согласно Иосифу Флавию (*Contra Ap.* I, 2), описал первое нашествие персов на Элладу. Он несколько старше Гекатея и Ферекида. По Диодору, он склонен к мифологизации истории; между прочим упоминал истоки Нила, из чего заключают, что он писал об основании Навкратиса. Поскольку Кадм писал о покорении Ионии сатрапами Кира, его сведения о выводе ионийских колоний могли быть синхронизированы с событиями персидской истории. По Свиде (*s. n. Κάδμος*), у него заимствовали сведения другие историки. Ввиду изложенных данных вряд ли справедливо мнение, что Кадм скорее мифический персонаж, тем более что в Милете было в употреблении личное имя Кадм. Хотя В. Шмид и О. Штелин сомневались в его историчности, весьма справедливо их замечание, что история и география зародились, скорее всего, в Милете, так как он освоил торговые пути в глубь Малой Азии и далее, на Ближний Восток, в дельту Нила, во все Черноморье; и эта история ориентировалась не на события Греции, а на Персию и Лидию, с которыми ионийцы в основном и имели дело [Schmid, Stählin, 1929, S. 691/3]. Полагаем, это ключевая мысль для поиска источника сведений Пс.-Скимна об основаниях городов, синхронизированных с событиями персидской и киммерийско-скифской истории: Милет был теснейшим образом связан с событиями персидской истории, и он господствовал в Причерноморье, в том числе Северном, так что искомый источник происходил из Милета.

Таким образом, Гелланик в сведениях об основании ионийцами городов пользовался данными Харона из Лампсака или, что менее вероятно, Дионисия Милетского, все трое могли заимствовать данные об этом у Кадма. Сведениями Гелланика воспользо-

¹⁷⁴ Можно предположить, что Каллатиец и Эфор заимствовали материал по синхронизированным основаниям городов непосредственно у Харона и (или) Дионисия Милетского, но этому препятствует отсутствие известий о скифских событиях в их трудах, да и в популярности они уступали Гелланику. Можно думать и об «Описании земли» Гекатея как источнике сведений Деметрия Каллатийца и Эфора об основаниях городов, но из множества сохранившихся фрагментов «Описания» лишь в одном упоминаются основатели Митилены на Лесбосе [FGH I, fr. 140]. Впрочем, в основном фрагменты Гекатея извлечены из словаря Стефана Византийского, который не уделял внимания времени основания городов или происхождению колонистов, так как его книга — это справочник названий. Что в дошедших до нас фрагментах Дионисия нет сведений об основании городов — игра случая: мы видели, что от *Κτίσις* Харона, т. е. труда по основанию городов, как раз ничего такого не сохранилось, а дошли только 2 фрагмента с легендарной историей аркадян.

вался Эфор и (или) Деметрий Каллатиец, у них заимствовал данные об основании городов Пс.-Скимн. Такова сложная, но поддающаяся источниковедческой реконструкции история контекста известий Пс.-Скимна об основании городов Причерноморья.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Древнегреческая колонизационная практика¹⁷⁵

Колонизационный процесс состоит из трех последовательных стадий: выведение колонистов, основание полиса, последующие взаимоотношения между колонией и метрополией. Источники по данной проблеме включают в себя литературные и эпиграфические памятники. Всего сохранилось примерно десятка два более или менее пространных надписей, связанных с отправлением колонистов и (или) основанием полиса. Важнейшие из них суть следующие¹. №1. Киренская Стела основателей (VII — начало IV в.) [ML, 5]. №2. Локридский закон о разделе земли и приеме эпойков (ок. последней четверти VI в.) [ML, 13]. №3. Декрет опунтян об эпойках, отправленных в Навпакт (ок. первой четверти V в.) [ML, 20]. №4. Иссейский закон о разделе земли колонистами (III в.) [Syll³. 141; Lisičar, 1951, p. 98–102]. №5. Афинский декрет о колонии, отправлявшейся в Брею (между 446–438 гг.) [ML, 49]¹⁷⁶.

Эпиграфические данные в сочетании со свидетельствами литературных источников позволяют реконструировать в общих чертах весь процесс отправления колонистов и основания полиса. Конечно, эта реконструкция в силу своего временного и пространственного разнообразия носит несколько отвлеченный характер, — естественно, не все ее предполагаемые черты должны были обязательно находить отражение в каждом конкретном случае. Предлагаемая реконструкция греческой колонизационной практики — это сумма доступных нам фактов о процессе вывода колонистов и основания полиса. При этом, однако, более половины реалий засвидетельствовано для одного случая — основания Кирены (*Herod.* IV, 145–165 и Стела основателей, №1), что не только делает правомерной реконструкцию эллинской колонизационной практики в целом, но и придает такой реконструкции вполне вероятный характер применительно к большинству конкретных оснований.

Древнегреческое колонизационное движение в основном осуществлялось в форме вывода апойкий, процесса, состоявшего из двух последовательных этапов: отправления колонистов и основания нового полиса. Апойкия в традиционном смысле образовывала самостоятельный полис с собственным гражданством, своими общественными учреждениями и своим *jus soli*. Другой формой колонизационной деятельности был вывод эпойков. Традиционная эпойкия представляет собой контингент колонистов, отправляемых в целях усиления военного потенциала какого-либо уже существующего полиса. Формально поселения эпойков именовались эпойкиями (№3. 1) или апойкиями [Tod, 1948, №200. 177].

Набор колонистов производился различным образом: при помощи жребия (*Herod.* IV, 153), посредством обязательного набора среди всего населения (№1. 27–28), но самым

¹⁷⁵ Опубликовано [Яйленко, 19796], поскольку она содержит богатый конкретный материал, республикация ее и следующей статьи о теории основания полиса у Платона будет полезна коллегам, занимающимся вопросами колонизации Сев. Причерноморья.

¹⁷⁶ В дальнейшем ссылки на эти надписи приводятся в соответствии с данными номерами. Их тексты, переводы и интерпретация [Яйленко, 1982].

обычным способом был набор лиц, добровольно пожелавших отправиться в колонию (*Thuc.* I, 27, 1). Численность колонистов обыкновенно была невелика: в экспедицию отправлялось не менее 150, редко более 1000 человек¹⁷⁷.

Обычно вывод колонии производился под эгидой полиса, объявлявшего набор колонистов (*Thuc.* I, 27, 1; 100, 3; *Diod.* XII, 10, 3–11, 2); иногда два или более государства объединялись для этой цели (*Thuc.* VII, 57, 6; 9). В V в. с лиц, записавшихся в число колонистов, отправлявший колонию полис мог взимать денежный залог для подтверждения участия в предприятии (*Thuc.* I, 27, 1). Во главе колониальной экспедиции вставал назначаемый государством ойкист, в архаическую пору архагет, обычно выбиравшийся из древнего знатного рода (*Thuc.* I, 24, 2; № 1. 26–27; *Herod.* IV, 150). В Афинах им мог быть также известный государственный деятель (Гаггон: *Thuc.* II, 58, 1; 95, 3; IV, 102, 3 и др. Демоклид: № 5. 8–9). Перед отправлением экспедиции с давних пор принято запрашивать оракул. В древнейший период прибегали к Додонскому оракулу, однако в процессе Великой колонизации на первое место выдвинулось Дельфийское святилище (*Herod.* V, 42; № 1. 24). Афинские колонисты к оракулу не прибегали, обходясь собственными жертвоприношениями (№ 5. 3–6). Приняв решение о выводе колонии, тот или иной полис отправлял группу в несколько человек на поиски наиболее удобного места для основания города (*Herod.* IV, 151; *Schol. Aristoph.* Nub. 332). Поиски нового места поселения были связаны прежде всего с его пригодностью для земледелия (*Herod.* IV, 158). Отправлявшиеся колонисты клятвенным образом обязывались поддерживать интересы своей метрополии в различных делах и не отпадать от нее. Можно полагать, эта клятва имела силу на протяжении жизни одного поколения (№ 3. 11–14). При этом в отношении колонистов иногда принималось уложение, регулировавшее устройство будущего полиса (№ 3, 4, 5). С согласия обеих сторон отдельные пункты этого уложения могли быть изменены (№ 3. 39–40; № 5. 20–26).

Прибыв к месту основания города, колонисты VI и следующих веков сооружали оборонительные стены (№ 4. 4; *Diod.* XII, 10, 6; *Vitruv.* I, 4, 12), после чего приступали к разделу земельных участков. Для этого от каждой филы (или группы колонистов) выделялось по человеку в комиссию геономов, которые занимались разделением участков (№ 5, 6–8, *ср. Phryn.* Праер. soph. p. 57: «Геоном распределяет в колонии каждому надел, а геометр отмеряет границы надела»). Распределение земли производилось сначала по филам (группам), затем каждый колонист получал участок в том районе, который достался его филе (*Hyperid.* IV, 16–17). Каждый колонист получал в городе ойкопедон — участок под жилищно-хозяйственный комплекс; в отдельных случаях к ойкопедону прирезался приусадебный участок (№ 4. 5). Раздел хоры производился так, что на долю каждого колониста приходилось два или более участка в различных массивах. В целом в основанном полисе различалось три категории земли на хоре. 1. Земля под «основные» наделы (№ 4. 6). 2. «Остальная» земля (τὰ ἄλλα, № 4. 7; IG I², 46. 6). Из этих двух категорий земли нарезались наделы так называемых первых колонистов, т. е. тех переселен-

¹⁷⁷ В надписи № 4 сохранились имена и патронимики примерно 250 первых колонистов. Батт отправился заселять Кирену на двух пятидесятивесельных судах (*Herod.* IV, 153), т. е. примерно со 150 колонистами. Лакедемонянин Фера отплыл в колонию с тремя триаконтерами (*Herod.* IV, 148), т. е. примерно с тем же числом колонистов. При Перикле афиняне выслали 250 колонистов на Андрос, 500 колонистов на Наксос, 1000 во Фракию и на Херсонес Фракийский (*Plut.* Per. 11, 5). В 506 г. афиняне оставили на Эвбее 4000 клерухов (*Herod.* V, 77), в 465 г. 10 000 эпойков послано ими к устью Стримона (*Herod.* I, 100, 3) и т. д. Многочисленность этих афинских клерухов и эпойков обусловлена конкретными военно-политическими обстоятельствами, поэтому данные цифры неприменимы к колонизации VIII–VI вв.

цев, которые первыми прибыли в заранее подобранную местность и основали город. Поскольку партия первых колонистов обычно была невелика, как правило, в основанный полис прибывали дополнительные переселенцы, эпойки, для которых выделялся (если земли было много) или специально резервировался (если земельный фонд колонии был ограничен) особый земельный массив, — 3. ἡ ἀδέσποτος «свободная, незанятая земля» (№ 1. 29–33, *ср. Herod. IV, 195*) или ἡ ἀδιάρητος «неподеленная земля» (№ 4. 10). Земля ценилась в зависимости от качества почвы и по степени близости к городу (*Diod. XII, 11, 1; Plato, Leges, 737b–d*). Размеры участков определялись естественными ресурсами местности и величиной хоры полиса. Один участок определенных размеров представлял собой так называемый основной надел колониста (πρῶτος или παλαιὸς κλῆρος) — земельный ценз, необходимый для пребывания в числе граждан (№ 4. 6; *Arist. Pol. IV, 5, 3–1292b 29 sq.*). Дополнительные колонисты получали ойкопедон в черте города и меньшие наделы из неподеленной земли: они не имели основного надела, что лишало их доступа к высшим магистратурам (№ 4. 9–10; *Diod. XII, 11, 1; № 2. 16, 18–21*).

Как правило, социально-политический строй метрополии переносился в колонию (за исключением тех случаев, когда основание нового полиса было предпринято оппозиционными элементами). Сохранялась также прежняя социальная стратификация общества [Яйленко, 1973, с. 54–57]. Контингент колонистов, участвующих в объявленной государством экспедиции, состоял из свободных граждан, которые и составляли костяк полноправного гражданства будущего полиса (№ 1. 30; *Arist. Pol. IV, 3, 8–1290b 11 sq.*). Ряду греческих полисов свойственна система выделения группы первых колонистов и их потомков в сословие полноправных граждан, в результате чего, по словам Аристотеля, «меньшинство свободных властвовало над большинством свободных и несвободных», поскольку «доступ к магистратурам имели отличавшиеся благородством происхождения и потомки первых колонистов, которые составляют незначительную часть всего населения» (*Ib. IV, 3, 8–1290b 11 sq.*). Аристотель свидетельствует о существовании такого обычая на Фере и в Аполлонии на Ионийском море, колонии Коринфа и Керкиры. Этот факт можно установить также в отношении Кирены, колонии Феры, и Черной Керкиры, колонии Иссы. На основании связи Фера — Кирена (последняя основана ферянами) можно полагать, что это явление было свойственно также колонизационной практике Коринфа, поскольку оно засвидетельствовано в отношении его двух колоний (Исса основана Сиракузами, колонией Коринфа), и Спарты, выславшей колонию на Феру (в самих Сиракузах этому, видимо, обязано выделение сословия гаморов). По всей видимости, эта черта была свойственна общегреческой колонизационной практике, поскольку такие олигархические институты, как правление «тысячи» в Опунте и Локрах Эпизефирских, «шестисот» в Массалии и под., также могут рассматриваться как возникшие в результате закрепления привилегированного положения первых колонистов и их потомков.

Свободные переселенцы, прибывавшие после основания полиса (эпойки), обычно получали неполные гражданские права (*Diod. XII, 11, 1; Arist. Pol. V, 2, 10–11–1303a 25sq.*). В случае острой нужды полиса в военной силе эпойкам могли предоставляться равные права (*Thuc. I, 27, 1*), однако такие обещания, видимо, не всегда выполнялись. Например, в нарушение постановления о разделе земли в случае приема эпойков жители одного из западнолокридских полисов предоставили колонистам участки не в основной части хоры, как предписывал закон, а в более худших массивах. Согласно данным этого же декрета, принятие эпойков в число граждан полиса сопровождалось дискриминационными законодательными мерами, направленными на ограждение интересов исконного населения (№ 2).

В качестве дополнительных переселенцев в колонию уходили также различные слои зависимого, несвободного населения метрополии. Перечисленные категории колонистов составляли соответственно три сословия в новом полисе: полноправные, свободные неполноправные граждане и, наконец, зависимые слои несвободных. Социальная неоднородность переселенческой массы порождала дух корпоративности: при разделе земельных участков и соответствующем определении степени полноты гражданских прав равенство соблюдалось внутри отдельных групп колонистов, но не между ними. Таким образом, социальный статус колониста определялся в соответствии с двумя факторами — по месту, занимаемому в социальной иерархии метрополии, и по принадлежности к той или иной группе колонистов-основателей полиса. Более прочная экономическая база второго и третьего сословия на новом месте жительства, побуждая их к борьбе, могла способствовать изменению их социального статуса (*Arist. Pol. V, 2, 10–11–1303a 25 sq.; Diod. XII, 11, 1*) и изменению государственного строя в целом (*Herod. IV, 159–161*: борьба между первыми и дополнительными колонистами в Кирене сначала ограничила, а затем и упразднила первоначальную монархию).

При устройстве нового полиса обычно сохранялась старая филиация, т. е. распределение по филам (№ 5. 6–7; № 4 — перечень имен колонистов, расположенных по филам). В случае наличия в полисе разношерстной массы переселенцев могли быть образованы новые филы (*Herod. IV, 161; Diod. XII, 11, 3*). Колонисты вносили подати по новому месту жительства (№ 3. 4–6, 10–11). Включение колониста в филу и налоговые списки означало получение им гражданских прав в колонии. Общественные учреждения нового полиса обычно повторяли институты метрополии, что особенно отчетливо проявляется на примере устройства афинских колоний, которые буквально копировали органы народной власти, гражданские разряды, системы налогового обложения, законодательство и прочие социальные институты метрополии. Если колония основывалась двумя или более полисами, то магистратуры могли быть смешанными, как, например, в Геракле Луканской.

Обычно колонии сохраняли разнообразные связи с метрополией. В случае пребывания в метрополии колонисты оказывались на положении привилегированных ксенов. Они могли принимать участие в общенародных и групповых культовых отправлениях (№ 3. 1–4). Из числа жителей метрополии для них назначались простаты (№ 3. 33–35). Их судебные дела подлежали первоочередному рассмотрению (№ 3. 32–33). Права колонистов как наследников сохранялись за ними в метрополии (№ 2. 4–5; № 3. 16 и § 3). Они могли передавать или завещать свое имущество по собственному усмотрению (№ 3. 16–17; № 2, текст С?). Одна из существенных привилегий состояла в праве колониста на возвращение в метрополию (№ 1. 33–37; № 3. 6–10, 14–16, 19–22). Иногда это возбранялось: ферские колонисты, не сумев устроиться в Ливии, вернулись обратно, но феряне не дали возможности их кораблям причалить, так что колонисты вновь вернулись в Ливию. Со своей стороны, колонисты должны были назначить простата для жителя метрополии (№ 3. 34–35), уступать ему первенство при жертвоприношениях (*Thuc. I, 25, 4*). На общенародных празднествах колония воздавала «положенные почести» своей метрополии (*Ib.*). Между метрополией и колониями существовали дружеские отношения, основанные на взаимном равноправии (*Thuc. I, 34, 1*). В случае необходимости они оказывали друг другу помощь (№ 5. 13–17; *Plut. Tim. 2, 1* и т. д.). Враждебные отношения между колонией и метрополией (например, между Керкирой и Коринфом) были исключением. Совершенно особая картина наблюдается в отношениях между Афинами и их колониями, выведенными в V в. Многие традиционные нормы взаимоотношений между колониями и метрополиями получили своеобразное преломление в афинской колонизационной практике.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Платоновская теория основания полуострова и эллинская колонизационная практика¹⁷⁸

Молодой Платон хотел посвятить себя практической государственной деятельности (Epist. 7, 324b, c), но афинская действительность рубежа V–IV вв. до н. э., наполненная кровавой политической борьбой, очень скоро разбила иллюзии лиричного по натуре юноши, и он отстранился от участия в государственных делах (Epist. 7, 324–325)¹⁷⁹. Однако Платон, видя, что справедливые законы пали, по собственному признанию, «с одной стороны, не перестал обдумывать, каким образом может произойти улучшение писаных законов и нравов, в том числе государственного устройства в целом, а с другой — что касалось *моей* практической деятельности — постоянно выжидать подходящего случая» (Epist. 7, 325e–326a).

Одной из целей его дальнейшей деятельности стало желание дать людям справедливые законы, которые были бы основой разумного и гармоничного общественного устройства. Однако первый проект наилучшего государственного строя, изложенный в «Государстве» (380–370 гг.), оказался в высшей степени идеалистичным и абсолютно неприменимым к действительности. Платон же стремился к практической перестройке человеческого бытия, и это заставило его пристальнее взглянуть на реальную жизнь. Его возвышенный ум спустился из заоблачных высот идеального на землю, но не в городскую толчу и суетность, а словно на высокогорные луга, изредка посещаемые людьми: на склоне своих лет, где-то на протяжении 360–350 гг., в «Законах» он изложил второй проект наилучшего государственного устройства, уже гораздо более связанного с действительностью (Legg. 746b, c)¹⁸⁰. Платон не отказался от своего первого проекта, он по-прежнему считал его лучшим (739b, e), но долгий опыт показал философу, что с жизнью и ее реалиями рано или поздно приходится считаться (746b, c). И хотя «Законы» во многом соприкасались с действительностью, Платон понимал, что и второй его проект слишком идеален для практического претворения в жизнь (739a, e, 745e–746a). Он хотел, если судьбе будет угодно, написать и третий проект наилучшего государственного устройства (739e), который был бы наиболее реалистичным по характеру, но смерть помешала этому.

«Законы» обширны, они охватывают самые разнообразные проявления человеческого общежития. Внимательное рассмотрение этого трактата показывает, что Платон, создавая свою теорию государственного устройства, во многом отталкивался от реальности, и это обстоятельство в определенной степени придает труду философа характер исторического источника. В XVIII–XIX вв. ученые не баловали вниманием это грандиозное по содержанию и характеру сочинение, считая его целиком утопией, и лишь в XX в. осознана его историческая ценность. В ряде специальных работ подробно проанализированы многие вопросы, поставленные Платоном в «Законах», такие как философская система в целом, политическая теория государства, социальное устрой-

¹⁷⁸ Опубликовано [Яйленко, 1979в], есть и немецкий перевод сборника «Платон и его эпоха» с этой статьей.

¹⁷⁹ Об этом свидетельствуют дошедшие под его именем эпиграммы: Anthologia Graeca Palat. V, 78–80; VI, 1, 43; VII, 669–670; IX, 51, 506, 747, 823; XVI, 13.

¹⁸⁰ Дальнейшие ссылки на страницы платоновского корпуса без указания произведения имеют в виду «Законы». См. «Законы» и письма философа в кн. : Платон. Сочинения в трех томах. М., 1972. Т. 3. Часть 2. Перевод А. Н. Егунова.

ство полиса, формы собственности, экономика, юриспруденция, педагогика, религия, рабовладение и т. д.¹⁸¹ Эти исследования позволили конкретно определить точки соприкосновения между утопическим государством Платона и действительностью, в первую очередь афинской. Но многие стороны этого энциклопедического по характеру трактата еще не разработаны; к их числу принадлежит и вопрос о платоновской теории основания полиса, исследуемый ниже¹⁸².

Создание утопического государства мыслится в «Законах» как реальный процесс основания города и его социально-политического организма. Платон даже стремится придать своему проекту в какой-то степени реальный характер, указывая, что он сделан по случаю предстоящего основания критской колонии Магнезии (702c, d, 752d–753a, 754b–d, 848d, 860e, 919d *etc.*)¹⁸³.

Итак, обрисует в общих чертах платоновскую теорию основания полиса и сравним ее с реалиями греческой колонизационной практики, в особенности афинской. Прежде всего Платон указывает, что могут быть различные причины вывода колоний: недостаток земли и пропитания, гражданские междоусобицы, наконец, переселение всего города из-за поражения в войне (708b, 840 e). Эти причины реально свойственны исторической Греции; например, нехватка земли в Аттике (*Solo*, fr. 1, 47–48 Diehl; *Thuc.* I, 2, 6; 15, 1; *Plut.* *Solo* 22, 13; *Isocr.* 4, 34–36); нехватка земли и основание колоний эллинами, недостаток пропитания (*Herod.* I, 94; IV, 151; *Timaeus* apud *Strab.* VI, 257); фокейцы и теосцы, осажденные персами, покидают свои города и выселяются в колонии; Биант советует ионянам во избежание подчинения персам отплыть в Сардинию и основать там сообща город (*Herod.* I, 170). Что же касается политических причин, которые также имели место в истории древнегреческой колонизации (*Thuc.* VI, 5, 1; *Strabo*, V, 241 и др.), то Платон указывает, что вывод в колонии — более мягкий (*πραότερος*), нежели другие, способ очищения государства от людей, бунтующих вследствие недостатка пропитания (735e–736a). Такая позиция Платона перекликается с политикой Перикла, удалявшего в колонии праздные и настырные толпы демоса (*Plut.* *Per.* 11, 6). Мы имеем возможность уточнить эту характеристику Плутарха: в колонии высылались беднейшие слои афинского демоса — феты, а также зевгиты (№ 5. 39–42)¹⁸⁴.

Для основания города прежде всего необходимо выбрать подходящую местность, причем наиболее удобными Платону представляются внутренние части суши, удаленные от моря (700a–705c, 745b, *cp.* 706). В эллинской колонизационной практике было принято предварительное отправление людей для разведывания места будущего поселения (*Herod.* II, 151: разведывание местности перед основанием Кирены; *Schol. Aristoph.* *Nub.* 332: перед основанием Фурий афиняне послали 10 человек на разведку местности в Италии). Далее, необходимо принести жертвы перед отправлением колонии (752d). В гре-

¹⁸¹ См. об этом [Трубецкой, 1908; Espinas, 1914; Ritter, 1923, S. 657 f.; Bisinger, 1925; Becker, 1932; Lauffer, 1936; Morrow, 1939; 1960, p. 103 f.; Barker, 1947, p. 292–382; Müller, 1951; Vanhoutte, 1953; Luccioni, 1958; Weill, 1959; Görgemanns, 1960; Saunders, 1961; 1972; Crombie, 1962, p. 169 f., 329 f., 380 f.; Borecky, 1964; Sandvoss, 1971] и др.

¹⁸² О градостроительном аспекте трактата [Кошеленко, 1975].

¹⁸³ Как полагают, Магнезия древний, но во времена Платона заброшенный город на юге Крита (704c), однако его поиски в нынешней долине Мессаре положительных результатов не дали (Kern, 1900, S. VIII; Morrow, 1960, p. 95).

¹⁸⁴ Далее следуют ссылки на номера надписей № 1–4 (они перечислены выше, на с. 183), а также следующие: надпись № 5 — афинский декрет ок. 445 г. об отправлении колонии в Брею (ML, 49); № 6 — афинский декрет конца VI в. о саламинских клерухах (ML, 14); № 7 — афинский декрет 387 г. о лемносских клерухах [Stroud, 1971, p. 163/5]. Их тексты, переводы и интерпретация [Яйленко, 1982].

ческой колонизационной практике имел место обычай запрашивать Дельфийский оракул об основании того или иного города [№ 1. 24; *Herod.* V, 42; Forrest, 1957, p. 160 f.], но Платон следует практике афинских колонистов, которые обходились одними собственными жертвоприношениями (№ 5. 3–6). В полном соответствии с принятым по всей Элладе обычаем платоновские колонисты переносят в основываемый город культы метрополии (738b, d). Предусматриваемый законодателем пантеон 12 богов (745b, e) заимствован им из аттического культа 12 богов, который переносился и в афинские колонии.

Контингент колонистов устанавливается в 5040 человек: по мнению Платона, это наиболее подходящее число граждан для нормального функционирования города (737c–738a). Установленное число граждан должно всегда оставаться неизменным (740b). Эту рекомендацию Платона можно поставить в связь с имевшим место в колонизационной практике стремлением поддерживать одно и то же или большее, но не меньшее число переселенцев, *ср.* № 3. 6–8: если переселившийся в Навпакт колонист захочет вернуться в метрополию, он обязан оставить вместо себя взрослого сына или брата.

Предусмотренное законодателем число граждан достаточно велико, оно составляет половину от гражданского населения Сиракуз (*ср.* *Epist.* 7, 337b, c) и треть-четвертую часть от афинского гражданства V–IV вв. (*Plut. Per.* 37, 4; *Aristoph. Vesp.* 709). Обычно число колонистов было невелико — от 100 до 1000 (выше, с. 184), но афинской колонизационной практике известно отправление и больших контингентов: в 506 г. на Эвбее оставлено 4000 клерухов (*Herod.* V, 77), а в 465 г. к устью Стримона послано 10 000 эпийков из числа афинской и союзнической армий (*Thuc.* I, 100, 3); большое число колонистов участвовало и в основании Фурий в 434 г. (*Diod.* XII, 10–11).

В полном соответствии с греческой колонизационной практикой стоит совет Платона разделять землю только после постройки оборонительных стен (745b, c; *ср.* № 4. 4–5; *Diod.* XII, 10, 6; *Paus.* IV, 27, 3–4; *Vitruv.* I, 4, 12). Затем следует разделить город и хору на 12 частей по числу фил, определить место для акрополя и выделить темены для богов (745b, 738b, d). Выделение священных участков — неременный атрибут основания эллинских колоний. По афинскому обычаю десятая часть всяких обретенных государством новых земель, в том числе в колониях (*Ael. Var. Hist.* VI, 1; *Thuc.* III, 50, 2), отводилась под темены, которые затем сдавались в аренду (№ 5. 9–11; *Arist. Ath. Pol.* 47, 4, № 6. 17). Лишь после этого Платон рекомендует приступить к наделению граждан землей, причем участки должны быть по возможности равными, поэтому там, где почва хуже, они должны быть большими, а где лучше — меньшими. Общее число наделов, 5040, должно соответствовать числу граждан, разделенных на 12 фил (737c, e, 745b–e). В эллинской колонизационной практике раздел земли был одним из самых важных моментов основания города. У афинских колонистов для этого от каждой филы выделялось по одному человеку в комиссию геономов, которая занималась разделом участков (№ 5. 6–8). Распределение земли производилось, как и у Платона, сначала по филам, а затем каждый колонист получал участок в том районе, который достался его филе (*Hyper.* 4, 16–17). Наделы колонистов на практике — и это удивительным образом согласуется с рекомендациями Платона — нередко состояли из двух участков, ближнего и дальнего [№ 4. 6–7; *ср.* *Arist. Pol.* VII, 9, 7–8; *Xen. Vect.* IV, 50; Яйленко, 1971a, с. 19–20]. В городе колонисты получали ойкопедон — участок под дом и гэгпедон — прилегающую площадь под хозяйственные пристройки, а также приусадебный участок (741c, *ср.* 739e). Аналогичным образом иссейские колонисты получали ойкопедон с приусадебным участком (№ 4. 4–5). Во избежание всевозможных недоразумений и междоусобиц раздел земли и жилищ производился поровну при помощи жребия (737c, 741b, c, 745c; № 4. 8; № 5. 6–8).

Полученный надел колонист обязательно должен рассматривать как часть общеполитической собственности, настаивает Платон (740а), и это положение в целом соответствует представлениям древних о том, что полис является верховным собственником земли всех граждан. Особенно явственно такое представление выступает в случае с афинскими клерухиями, территория которых рассматривалась в качестве государственной собственности Афин и поэтому сдавалась клерухам в аренду (*Ael. Var. hist.* 6, 1; № 6. 3–7; № 7. 4 сл., *ср. Herod.* VIII, 11).

Получаемый каждым колонистом надел должен считаться «первоначальным» или «основным», он является цензовым и дает его собственнику право числиться полноправным гражданином, поэтому он ни в коем случае не может быть продан (740b, 741b). В данном случае Платон следует практике землепользования, сложившейся в полисах с аристократическим и олигархическим строем, которые препятствовали дроблению и продаже первоначальных наделов своих граждан (*Arist. Pol.* II, 4, 4; VI, 2, 5; *Plut. Agis*, 5, 1). В умеренно-олигархических государствах в IV–III вв. позволялась продажа части «основного» надела [№ 4. 8–9; Яйленко, 1971а, с. 22].

Далее Платон переходит к вопросам формирования социального организма колонии. Он указывает, что переселенцы прибывают в колонию с неодинаковыми — большими или меньшими — средствами (744b). Аналогичный вывод можно сделать из уложения о навпактских колонистах, которые могли либо оставить в родительском доме свою часть имущества, либо забрать ее с собой (№ 3. 35–37). Платон с сожалением констатирует это имущественное неравенство; оно, как и многие другие причины, приводит к необходимости установить различный имущественный ценз (744b, *ср.* неравенство наделов в среде иссейских колонистов, установленное декретом для первых и присоединявшихся позднее переселенцев: № 4. 3–10); видимо, этому же явлению обязано выделение *ἄριστοι* в локридских колониях (№ 2. 8, возможно, также № 3. 15) и образование сословия гаморов в Сиракузах, а также привилегированной «тысячи» в Локрах Эпизефирских и т. д.

По Платону, в связи с различным имущественным положением колонисты делятся на 4 класса, причем магистратуры и почести распределяются как можно более равным образом внутри классов; при этом допускается переход из низшего класса в высший, и наоборот, в соответствии с достатком. Имущественный ценз для классов устанавливается соответственно в 4, 3, 2 и 1 мины (744b, с, 754d, e). Данная схема социальной организации полиса почти целиком скопирована с афинских имущественных разрядов (*Arist. Ath. pol.* 7, 3–4), которые засвидетельствованы также в афинских колониях (№ 5. 39–42; № 7. 12). При этом любопытно, что установленный Платоном предел бедности — стоимость «основного» надела (744d, e) — имел место в ряде полисов Греции (*Arist. Pol.* VI, 2, 6, *ср.* IV, 4, 3; № 4. 8–9). Интересно отметить, что устанавливаемые Платоном пределы богатства перекликаются с предписанием властей одного из локридских аристократических полисов об изъятии у демиургов излишков, которые они зарабатывают сверх установленной меры (№ 2, текст В).

Обращает на себя внимание еще одна особенность платоновской теории основания. В эллинской колонизационной практике имел место олигархический по своей сущности обычай предоставления привилегий первым колонистам, прибывшим для основания города (*Arist. Pol.* IV, 3, 8; № 4. 3–10). Иногда эти первые колонисты и их потомки образовывали господствующее сословие полноправных граждан (это явление можно констатировать в отношении Феры, Аполлонии на Ионийском море, Кирены, Сиракуз, Иссы, Черной Керкиры [Яйленко, 1971а, с. 17–20]). Прибывавшие же позднее дополнительные переселенцы получали меньшие наделы на земле худшего качества и обра-

зовывали, таким образом, сословие свободных неполноправных граждан (№ 4. 9–10; № 2. 16–21; *Arist. Pol.* IV, 3, 8; V, 2, 9–10, *ср. Herod.* IV, 161). Платоновские же колонисты все без исключения получали равные наделы (737с), и это обстоятельство имеет аналогию в демократической по своим принципам афинской колонизационной практике (*ср.* № 5. 26–29: какие-либо указания на дискриминацию эпойков отсутствуют; № 2. 16–21: напротив, декрет аристократического локридского полиса предписывает получение эпойками половины вновь приобретенных земель, но к основному земельному фонду города они не допускаются). Вместе с тем платоновское равенство корпоративно: магистратуры и почести распределяются поровну внутри имущественных классов, но не между классами (744с), что опять-таки сближает платоновскую теорию основания полиса с аристократическими и олигархическими установлениями.

Наиболее ярко социально-политические тенденции платоновской теории основания полиса проявляются в стремлении законодателя установить семейно-родовой характер собственности (740b, с), свойственный аристократическому строю. *Ср.* № 2. 3–6: земельный надел обязательно сохраняется внутри одного рода; также № 3. 16–19: если у навпактского колониста на новом месте жительства не окажется наследника, его имущество переходит к ближайшим родственникам из метрополии. Во времена Платона семейно-родовая собственность практически была уже анахронизмом и разложилась даже в такой цитадели аристократического строя, как Спарта (*Plut. Agis*, 5).

Таковы основные черты платоновской теории основания полиса¹⁸⁵. Приведенные параллели исторического характера показывают, что она во многом имеет сходство с общегреческой колонизационной практикой, причем это сходство обусловлено тем, что Платон строил свою концепцию основания полиса исходя из реальных обычаев, принятых на этот счет в Элладе. Особенно заметна связь платоновской теории основания с афинской колонизационной практикой, которая отличалась от общезллинской рядом своеобразных моментов и из которой Платоном заимствованы такие черты, как деление населения на имущественные разряды, всеобщее равенство и пр.¹⁸⁶ Однако из этого источника Платон черпал, так сказать, формальные в основном моменты, поскольку демократический характер афинской колонизации оказался в целом чуждым его теории (за исключением, быть может, вопроса о равенстве наделов)¹⁸⁷. Социально-политические черты платоновского полиса полностью ориентированы на аристократическое государственное устройство, идеалы Платона целиком лежат в сфере архаического Ликургова законодательства с его нерушимостью раз и навсегда установленной системы равного землевладения, обязательным сохранением «основного» надела, корпоративностью социальной организации, семейно-родовым характером собственности, а также полным устранением денег и труда благородных из государства (739d, е, 742a–с, 744е–745a, 754d, е)¹⁸⁸. Однако к IV в. этот архаический строй, казавшийся Платону единственно

¹⁸⁵ Рассмотрение детальной регламентации полисного устройства у Платона выходит за рамки нашей задачи; подробно об этом [Mogrow, 1960, p. 138 f.].

¹⁸⁶ О влиянии аттических установлений, особенно юридических на «Законы» [Goetz, 1920; Chase, 1933].

¹⁸⁷ В этом отношении показательно отмеченное Баркером обстоятельство: Платон объединяет каждую из 12 фил одной территорией (745d, е) в противоположность демократической по своему духу реформе Клисфена, распределившего граждан одной филы по 10 демам [Barker, 1947, p. 321].

¹⁸⁸ Подытоживая свое исследование, Г. Морроу отмечает, что моделью платоновского государства были древнейшие Афины [Mogrow, 1960, p. 592], однако в отношении платоновской концепции основания полиса приведенные нами данные скорее свидетельствуют о его ориентации на ликурговскую Спарту.

прекрасным и истинным, в своем крайнем выражении — спартанском типе государственного устройства — оказался практически изжитым; более жизненной оказалась менее крайняя модификация этого типа — умеренно-олигархическое устройство. В этом аспекте привлекает внимание близость ряда установлений «Законов», относящихся к основанию полиса, предписаниям неоднократно упоминавшегося уже декрета иссейцев о разделе земли колонистами¹⁸⁹. Основная его часть гласит следующее.

«Счастливой судьбы! При гиеромненоне Праксидаме, в месяце Маханее, договор ойкистов иссейцев и Пилла и его сына Даза. Они составили следующие предписания и народ постановил: (§ 1) Первым переселенцам, занявшим местность и обстроившим город стенами, получить в качестве преимущества в городе, внутри уже возведенных стен, каждому по одному ойкопедону, *опять-таки* в качестве преимущества — с приусадебным участком, а вне города и на хоре им же в качестве преимущества получить другой ойкопедон и основной надел в три плетра из лучшей земли, а из прочей столько же долей. (§ 2) Записать о клерах, сколько и где каждый получил по жребию. (§ 3) Всегда быть у них и у потомков у каждого по полтора плетра земли. (§ 4) Присоединяющимся переселенцам получить в городе по одному ойкопедону и из неразделенной земли по четыре с половиной плетра. (§ 5) Власти пусть поклянутся, что никогда ни город, ни хору никоим образом не подвергнут переделу. (§ 6) Если же архонт замыслит что-либо против установленного или гражданин поддержит *это*, пусть он будет лишен гражданских прав, а имущество конфисковано в пользу государства; убивший же его пусть остается безнаказанным. (§ 7) Если народу будет угодно, *пусть то-то и то-то будет тем*, которые заняли местность и обвели город стенами:

Диманы Гиллеи Памфилы»¹⁹⁰.

В трактовке ряда вопросов между рекомендациями Платона и иссейских основателей наблюдаются следующие кратко отмеченные выше соответствия.

1. Раздел земли производится после постройки оборонительных стен (745b, c).
2. Распределение участков производится при помощи жребия (737c, 741b, c, 745c) сначала между филами (745b–e): имена первых колонистов, имеющих право на привилегии, распределены по трем дорийским филам; Гиперид (IV, 16–17) определенно свидетельствует о таком обычае. В городе колонисты получали по ойкопедону с приусадебным участком (741c, *ср.* 730e); в хоре они получают по два участка, один из которых был ближним, другой дальним (745c, d). Установленное распределение земли объявляется незыблемым (741b, c, 812e–843e).

3. Наделы имеют незначительные размеры. Декретом устанавливается довольно низкий земельный (и соответственно имущественный) ценз: участок в полтора плетра (или его стоимость). «Пусть пределом бедности будет стоимость надела, должного оставаться у *гражданина*», советует Платон (744e). Установленный им предел бедности относительно удовлетворителен, ибо предел богатства лишь в 4 раза больше (там же). Имея в виду средние («разумные») размеры наделов в платоновском государстве, можно говорить о близости в целом минимального ценза, рекомендуемого философом, к установленному декретом иссейцев гражданскому цензу для полноправных. Незначительность земельных участков иссейских колонистов, разумеется, определялась количеством бывшей в их распоряжении земли, но этот же фактор обусловил мелко-

¹⁸⁹ О других эпиграфических параллелях к отдельным положениям «Законов» [Feysel, 1942/3, p. 183/8; Effenterre, 1948, p. 61].

¹⁹⁰ Далее следуют имена первых колонистов, расположенные в 3 колонки по трем дорийским филам. О текстологии надписи *см.* [Яйленко, 1982, с. 109/34].

землевладельческий характер предписываемых декретом установлений. Отмеченная близость рекомендаций «Законов» и декрета иссейцев тем более показательна, что философ мог избрать для своего идеального государства любые размеры наделов, и это обстоятельство раскрывает мелкоземлевладельческую сущность предлагаемого Платоном проекта наилучшего государственного устройства.

4. Устанавливается необходимость обладания цензовым участком, который всегда должен оставаться у полноправного гражданина и дает ему право участвовать в управлении полисом и занимать магистратуры (740b, 741b, 744e). Здесь наблюдается небольшое различие: Платон настоятельно требовал сохранения первоначальной величины «основного» цензового надела, в то время как устроители иссейской колонии разрешали продажу половины его, поскольку они реально предвидели возможность такого акта в силу разнообразных причин. Кроме того, имущественный ценз различался у Платона по степени достатка, а среди иссейских колонистов — в зависимости от принадлежности к группе первых колонистов.

5. Равенство носит корпоративный характер. У Платона магистратуры и почести распределяются равным образом внутри каждого из установленных классов, а не между ними (744c). Согласно же декрету иссейцев, прибывавшие впоследствии «присоединившиеся» колонисты не имели «основного» цензового надела, т. е. они не могли принимать участия в управлении государством (*cp. Arist. Pol. IV, 5, 3*). Таким образом, декрет иссейцев, положивший в основу распределения земли принцип равенства (*cp.* выражение «как и где каждому досталось по жребию», стк. 7–8), соблюдает его внутри обеих групп колонистов, но не между ними, аналогично платоновским классам.

6. Отмеченное сходство предписаний «Законов» и декрета иссейцев предполагает близость социально-политических установок их авторов. Закладываемые ими основы будущих государств, откровенно мелкоземлевладельческих по своей сущности, могут быть одинаково классифицированы как умеренно-олигархические¹⁹¹. При этом, однако, необходимо иметь в виду, что Платон, включивший, как мы видели, в свой проект ряд черт, характерных для умеренно-олигархических полисов, все же в целом ориентировался на их предшествующую ступень — аристократическое государственное устройство. Однако применительно к IV в. аристократический строй был уже совершенным анахронизмом, поэтому Платон сам видел, что предложенный им проект вряд ли осуществим; его город и колонисты казались ему как бы вылепленными из воска (745e–746c).

Итак, очевидно, что, создавая свои «Законы», Платон, волей обстоятельств вынужденный обратиться к действительности, остался созерцателем, устремившим свой взор к ликурговским и драконтовским временам. Но эта созерцательность парадоксальным образом носила активный характер: она не была мечтательным философствованием, усугубленным политической слепотой, напротив, она была пронизана верой в грядущее торжество идеального государственного устройства, ради которого престарелый философ приступил к нелегкому по своей трудоемкости составлению обширных «Законов». Если Платон признавал неосуществимость «Законов», это значит, что он писал их не столько для своих современников, сколько применительно к будущему и вечному; цель его усилий состояла в том, чтобы дать людям наилучшие законы, сделать их бытие как можно более счастливым и дружелюбным (718a, b, 743c). Активный характер созерцательности платоновской теории государства отмечает и Э. Баркер, полагая, что политическая реформа была целью платоновского ума: «Если он был политическим идеалистом, то по своим стремлениям он был подлинным политиком» [Barker, 1947, p. 239/40].

¹⁹¹ О возможном характере связи между «Законами» и декретом иссейцев см. ниже.

Однако так ли уж пассивен Платон в отношении практической государственной деятельности, как это принято думать? На наш взгляд, такому заключению противоречат некоторые данные. Его стремление к практической государственной деятельности и, возможно, шире — к осуществлению своего проекта наилучшего государственного устройства проявляется в длительных, не раз возобновлявшихся контактах с сиракузскими тиранами. Намеки на эти контакты имеются и в «Законах». Поскольку законодатель, не обладающий тиранической властью — необычное явление, полагает Платон (739a), практическое осуществление предложенного им проекта государственного устройства может быть предпринято тираном, причем таким, который был бы молод, благоразумен, понятлив в ученье, памятливым, мужествен, великолепен и, наконец, счастлив тем, что в его правление найдется достойный хвалы законодатель, которого он по воле судьбы встретит (710c). Тут нетрудно увидеть намек на автора «Законов» и Дионисия Младшего; сам Платон подробно рассказал о своих взаимоотношениях с ним в письмах к нему и особенно к сподвижникам и родным Диона (3, 7, 8, 13)¹⁹². Для нашей темы важно рассмотреть подробно, в чем состояли эти взаимоотношения¹⁹³.

В первый раз Платон посетил Сицилию в 389–387 гг., когда работал над «Государством». В это время он, вступив в пору творческой зрелости, постоянно размышлял о путях улучшения человеческого бытия вообще и государственного устройства в особенности, при этом он ожидал удобного случая для осуществления своих идей на практике в качестве законодателя (Epist. 7, 325e–326b). Он отмечал, что с такими мыслями в первый раз посетил Италию и Сицилию. В это время Дионисий Старший вел активную политическую деятельность, стремясь к гегемонии в западноэллинском мире. Большую роль в его политике играло восстановление старых разрушенных городов Великой Греции и основание новых, в частности в Адриатике [Woodhead, 1970, p. 503 f.]. Он заинтересовался опытами Платона по созданию наилучшего государственного устройства и пригласил его в Сиракузы. Однако философская система Платона, активно отрицавшая тиранию в ее крайних проявлениях, естественно, не могла иметь успеха у Дионисия Старшего, как и нравы сиракузского двора — у философа (Epist. 7, 326b–e; *Plut.* Dion. 5, 1–6).

В 367 г. власть перешла к Дионисию Младшему, который сразу же стал настойчиво приглашать Платона в Сиракузы; философ долго колебался, но в конце концов «склонился к тому, что нужно ехать, ибо если когда-либо братья за воплощение в жизнь задуманных мною проектов законов и государственного устройства, то именно сейчас нужно попробовать сделать это, так как, убедив одного лишь человека, я в достаточной мере воплотил бы на практике все свои благие намерения» (Epist. 7, 328c). Прибыв в Сиракузы, Платон начал давать Дионисию советы по восстановлению старых эллинских городов Сицилии и по наилучшему государственному устройству (Epist. 3, 315d, 319a, b; 7, 332d–333a, 337c, d). Кроме того, он занимался с Дионисием составлением так называемых вступлений (προοίμια) к законам (Epist. 3, 316a), и этот факт находит отражение в «Законах»: Платон различал собственно законы и вступления к ним, содержащим их обоснования; вступления эти должны убедить людей

¹⁹² Характеризуя Дионисия, Платон в письме 7 употребляет частью те же эпитеты, что и в указанном пассаже «Законов»: молодой понятливый человек (νέος, εὐμαθής, Epist. 7, 339e, ср. πολέμικος в Epist. 7, 353a).

¹⁹³ О поездках Платона в Сицилию [Steinhart, 1873, S. 143 f.; Gomperz, 1928, S. 12 f.; Levy, 1956 (популярное изложение); Fritz, 1968].

принять сами законы (722с–724). В 361 г. Платон в третий раз посещает Сицилию (Epist. 7, 339 sq.; *Plut. Dion.* 18–20). Вторая и третья поездки в Сицилию совершены в то время, когда Платон писал «Законы». По сообщению Диогена Лаэртского (III, 21), Платон приехал во второй раз в Сиракузы, стремясь получить у Дионисия землю и людей для осуществления на практике своего идеального государства. Дионисий обещал свое содействие, но сложность их взаимоотношений воспрепятствовала этому.

Таким образом, приведенные данные показывают, что Платон не был чистым теоретиком, творившим в кабинетном уединении проекты идеального государства; напротив, он стремился к практическому осуществлению своей философско-политической концепции, изложенной, в частности, в «Законах».

Теоретическое наследие Платона по вопросам теории государства огромно. Оно пользовалось не только известностью в греческом мире, но и симпатиями ряда политических деятелей его времени. Так, аркадяне и фиванцы, собираясь в 371 г. основать Мегалополь, приглашали Платона в качестве законодателя (νομοθέτην), однако он, узнав, что основатели не намерены придерживаться принципа всеобщего равенства при устройстве полиса, отказался прибыть к ним (*Ael. Var. hist.* II, 42; *Diog. Laert.* III, 23). Это сообщение согласуется с данными «Законов», в которых одним из основополагающих принципов было всеобщее равенство наделов и корпоративное равенство социальной организации. Призывали Платона в качестве законодателя и киреняне (*Ael. Var. hist.* XII, 30). Наконец, уже на склоне жизни его пригласили правители Фасоса с целью составления законов для основываемой ими колонии (Epist. 11, 358d–359c). Хотя полной уверенности в подлинности 11-го письма нет, но его содержание в данном аспекте чрезвычайно интересно. Это письмо служит ответом на одно из посланий фасосского философа и политика Лаодаманта, какое-то время обучавшегося у Платона аналитике (*Diog. Laert.* III, 24), в которых он приглашал учителя принять участие в составлении законов для выводимой фасосцами колонии. Престарелый философ, наученный горьким опытом общения с Дионисиями, особенно Младшим, уже окончательно разуверился в практической осуществимости своих представлений о наилучшем государственном строе (Epist. 11, 358d, e). Все же он, может быть, и взялся бы за предложенную ему задачу, отвечал он Лаодаманту, но преклонный возраст препятствовал этому (Ib.). Платон посоветовал Лаодаманту и колонистам найти подходящего влиятельного человека, который смог бы силой своего авторитета и личного примера дать городу должное государственное устройство; для самого Платона эта роль была уже непосильна. Выработать хорошие законы для города еще не значит, что государство уже устроено: требуется большая организационная и воспитательная работа по их практическому осуществлению (Epist. 11, 358e–359c).

Приведенные данные, несмотря на свой отрывочный характер, показывают, что идеи и поиски Платона не только были известны в среде современных философов и политических деятелей Эллады, но также находили среди них своих адептов. Было бы заманчивым видеть в многократно упоминавшемся иссейском декрете один из примеров влияния платоновского учения об основании полиса на колонизационную практику отдельных греческих городов. Выше было показано, что между рядом рекомендаций «Законов» и статьями этого декрета наблюдается почти полное соответствие, причем это не может быть отнесено на счет тематической близости, так как подобного сходства не обнаруживает ни один из двух десятков эпиграфических документов о выводе и устройстве колонии [Яйленко, 1982], среди которых имеются такие подробные, как уложение о навпактских колонистах (№ 3) или декрет о Брее (№ 5). Кроме того,

пассажи из «Политики» Аристотеля, в которых трактуется вопрос об основании полиса, также практически не имеют общих мест с декретом иссейцев. Конечно, сходство между рекомендациями платоновских «Законов» и декретом иссейских основателей прежде всего обусловлено заложенным в них единым фундаментом — греческой колониционной практикой и социально-политическими нормами умеренных олигархий. Однако при этом следует учитывать уникальность близости обоих памятников социально-политической теории основания полиса. Возможно, в данном случае нужно иметь в виду деятельность Платона в Сицилии, имевшую большой успех в местной среде (*Plut. Dion.* 13, 3–4), а также тот факт, что Исса была основана в первой четверти IV в. Дионисием Старшим. Учитывая эти обстоятельства, вероятно, можно говорить о влиянии, оказанном платоновской теорией основания полиса на иссейских ойкистов, выразившемся в указанных соответствиях между «Законами» и декретом. Составители иссейского декрета либо могли слушать беседы Платона в Сиракузах, что менее вероятно, если учитывать датировку надписи первой половиной III в., либо — и это представляется более вероятным — они были знакомы с «Законами», которые, согласно традиции, Филипп Опунтский опубликовал после смерти философа (*Diog. Laert.* III, 37). Во всяком случае, идейная близость социально-политических основ обоих памятников очевидна, как бы ни рассматривать вопрос об их подлинной или кажущейся непосредственной взаимосвязи.

Мысли Платона о наилучшем устройстве полиса витали в конце I в. н. э. и в Сев. Причерноморье: по сообщению Диона Хрисостома (XXXVI, p. 50–51), в массовом порядке ольвиополиты увлекались произведениями Гомера, но отдельные граждане интересовались и Платоном, его диалогами об устройстве полиса и управлении им. Именно об этом вел здесь речи Дион, вложивший в уста одного из слушателей, ольвиополита Гиеросонта, высказывание, что некоторые ольвиополиты наряду с Гомером любили также Платона, т. е. интерес к проблеме устройства полиса и изучение диалогов Платона взаимно питали друг друга.

2. ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ОЛЬВИЙСКОГО ПОЛИСА В VI–V ВВ.

Социальная история ранней Ольвии исследовалась мало, хотя накопился достаточный для ее обобщения материал — письма Ахиллотора, Апатурия, Артикона, Анонима, декрет в честь Протогена, биография Биона Борисфенита из «Жизнеописаний философов» Диогена Лаэртского. Эти памятники связаны с конкретными людьми Ольвии, перипетиями их жизненных судеб; освещенные источниками отдельные эпизоды их жизни — составная часть общего контекста социальной истории ольвийского населения. С нею тесно связаны вопросы демографии, оказывавшей воздействие на социально-политический строй Ольвии и, в свою очередь, отражавшей закономерности происходивших в ней процессов. Структура нашего исследования определяется характером источников, которые представляют собой как бы несколько отдельных кадров из общей картины социальной истории Ольвии. На удивление, ими совсем не затронута классическая эпоха. Поэтому данная тематика предстает в нашей монографии в виде ряда очерков по социальной истории Ольвии позднеархаического и эллинистического времени, а не в виде систематического ее изложения. Применительно к эллини-

стическому периоду рассмотрены его демография, статус и туземное происхождение ойкетов, а также кризисная социально-политическая ситуация последней трети III в. до н. э. по данным письма Анонима и Анфестериева декрета (с. 434/40, 469/78). Позднеархаический период освещен тремя частными письмами — Ахиллодора, Апатурия, Артикона, они выявляют главным образом отдельные стороны жизни социальных низов и средних слоев ольвийского населения (их мы рассмотрим в этой главе, см. и [Снытко, 2011]). Основным источником по социальной жизни Ольвии позднеархаического периода — письмо Ахиллодора, ему мы уделим наибольшее внимание¹⁹⁴.

2.1. Письмо Ахиллодора

2.1.1. Начало изучения надписи

Хотя текст этого письма на свинцовой табличке хорошо сохранился, кроме последней строки (рис. 24, 25), интерпретация его содержания оказалась весьма сложной ввиду описок его автора, фонетико-морфологических особенностей языка, наличия лексических и ономастических гапаксов и главным образом из-за синтаксических неясностей. Надпись опубликовал в 1971 г. Ю. Г. Виноградов с таким количеством ошибок в чтении текста, интерпретации содержания и датировке, что все его положения были отвергнуты последующими исследователями. Поскольку надпись важна в филологическом и историческом планах, вслед за публикацией последовал ряд статей и заметок специалистов с сокрушительной критикой выводов издателя¹⁹⁵. В филологическом отношении публикация Виноградова малограмотна. К примеру, отмечалось [Яйленко, 1974, с. 143], что, не разобравшись с синтаксисом фразы в стк. 7–10, попросту говоря, не сумев поставить запятую в нужном месте, он переставил местами слова надписи: δὲ τί переправил на τί δέ, больше того, это обычное для греческого языка словосочетание δὲ τί объявил «синтаксической неувязкой», «синтаксической погрешностью» и, наконец, «стилистически корявым» [Виноградов, 1971, с. 87, 91]. Текст в стк. 12 он также подверг исправлению, тоже излишнему, как позднее признал сам. Критически отнесся к публикации Виноградова и О. Н. Трубачев [1999, с. 204].

Первые зарубежные исследователи, отозвавшиеся на публикацию письма Ахиллодора, Джон Чедвик и Бенедетто Браво, согласившись в отдельных пунктах с Виноградовым, отвергли его интерпретацию ключевых строк надписи. По словам

¹⁹⁴ Мы опубликовали несколько статей об этом документе [Яйленко 1974, 1975, 1996, 1998], здесь они переработаны и впервые скомпонованы вместе: § 1 — из статьи 1996 г., § 2–4 — из статьи 1974 г., § 5 — статья 1998 г. плюс выдержки из статьи 1974 г., § 6 — из статьи 1975 г.

¹⁹⁵ [Виноградов, 1971, с. 74–99; Chadwick, 1973, p. 35–37; Bravo, 1974, p. 110/87; 1977, p. 52–53; 1980, p. 879/85; Яйленко 1974, с. 133/51; 1975, с. 133/49; 1996, с. 188/91; Kupiszewski, 1974, p. 188/95, 195/9 — discussion; Miller, 1975, p. 157/60; SEG 1979, 26; 1980, 30, 960; 1987, 37, 634; Dubois, 23] (с дальнейшей литературой — мелкими заметками К. Галлавогги, Ф. Готье и др.). Наша интерпретация надписи в статье 1975 г., как потом выяснилось, по ряду вопросов оказалась ошибочной ввиду того, что мы последовали за неправильным их пониманием Виноградовым. В дальнейшем мы выправили свою точку зрения с учетом мнений Б. Браво, Дж. Чедвика, Х. Купишевского [Яйленко, 1998, с. 91–110] (= § 5 ниже).

Рис. 24. Письмо Ахиллодора, фото [Тохтасьев, 2005]

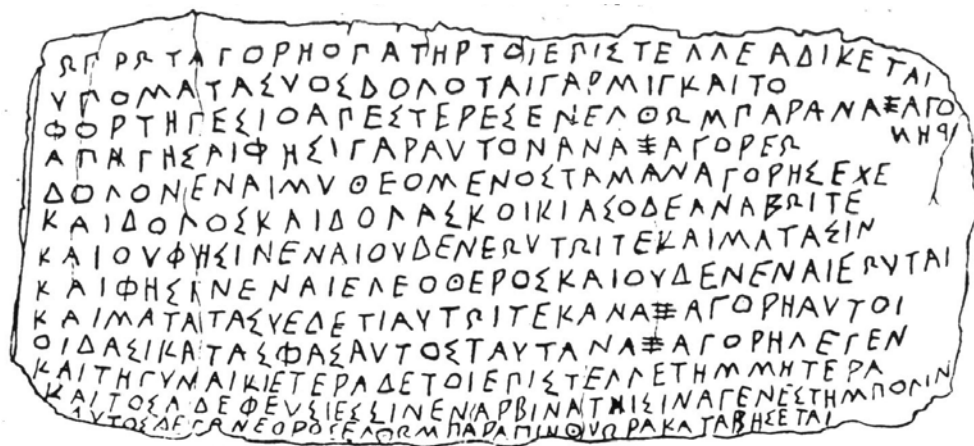

Рис. 25. Письмо Ахиллодора, прорись [Виноградов, 1971]

Чедвика, чтение Виноградова «ἐν ἄρτι очень странно вместо ожидаемого ἐν τῷ ἄρτι, аἶψα с инфинитивом — это чудовищность» (monstrosity); Виноградов исправил δὲ τί подлинника на τί δέ, что «представляется маловероятным видом ошибки»; «Виноградов приводит доводы в пользу формы ἀπεστέρῃσεν в стк. 3 по образцу ἐστόρῃσεν и т. д. Это излишне» [Chadwick, 1973, p. 36]. Статья Б. Браво многим пространнее. Обсуждая вопрос о времени надписи, он отметил, что «датировка, предложенная Виноградовым по формам букв, неточна»; «Виноградов не прав, уверяя, что использование приема бустрофедон в конце стк. 3 нашей надписи подтверждает, что последняя относится ко времени не позднее конца VI в. В действительности бустрофедон — я это повторяю — засвидетельствован в ионийских надписях (среди прочего и в Милете) по начало V в.»; «Его соображения о фонетике и морфологии текста не оказывают нам существенной помощи. Они содержат странную ошибку, учитывают несуществующую форму и зиждятся на плохом чтении» (mauvaise lecture); «Синтаксис текста не привлек внимания Виноградова». Заканчивая разбор аргументации Виноградова в пользу датировки надписи серединой — второй половиной VI в., Браво пишет: «Резюмируем: ни один из аргументов, которыми Виноградов, по его мнению, доказывает свою датировку, не выдерживает критики. Со своей стороны предлагаю, хотя и с колебанием, датировать письмо первой половиной V в. до н. э., с уточнением, что первая четверть столетия более вероятна, нежели вторая» [Bravo, 1974, p. 119–121]. Итак, Браво пришлось затратить 6 страниц текста, мне 7 страниц только на доказательство беспочвенности датировки письма Виноградовым.

Перейдя к вопросам интерпретации надписи, Браво столь же негативен: «Виноградов исключает возможность понимания долотаи как δολῶται («порабощает». — В. Я.) и читает соответственно долῶται («обманывает» в переводе Виноградова. — В. Я.). На мой взгляд, такая интерпретация сразу оказывается ложной, поскольку немногим далее в тексте предметом спора является выяснение того, что некто δοῦλος или ἐλεῦθερος. Рассмотрим аргументацию Виноградова... Оба соображения, начав с которых Виноградов пришел к этим двум заключениям, ошибочны» [Ib., p. 124]. «В том, что касается остальной части письма, помимо фразы в стк. 2–3, которую

мы только что рассмотрели, чтение и интерпретация Виноградова равным образом вызывает множество возражений. В стк. 9 Виноградов исправляет ΜΑΤΑΤΑΣΥΕΔΕΤΙ на Ματα<τα>συ(ι). τί δέ. Законно ли вменять в вину автору письма очень странную ошибку в написании, каковой является перестановка (Виноградовым) слов τί δέ в начале фразы?» [р. 132]. «Чтение и интерпретация двух последних строк текста (стк. 12–13), предложенные Виноградовым, содержат удивительное количество лингвистических несообразностей, часть которых опознается в качестве таковых самого Виноградова. Вот их список: 1) ἵνα с инфинитивом: нигде не засвидетельствовано. 2) Глагол ἄγειν, подразумевающий ἕωτοῦς и обозначающий «посылать», «ехать» (в трактовке Виноградова. — В. Я.): нигде не засвидетельствовано. 3) τῆσι с указательным значением и подразумевающее существительное вроде ἡμέρησι или ἑορτῆσι — существительное, не употреблявшееся ни в каком другом месте надписи: небывалое дело. Хорошо известны слова δευτέρα, τρίτη и др. в значении «на следующий день», «на третий день» и т. д., но это несколько не соответствует тому, что видит под τῆσιν Виноградов. 4) ἐν ἄρτι — нигде не засвидетельствовано. Если принимать предположение Виноградова, следовало бы писать лучше ἔναρτι (ср. ἔναυχος, ἔμπαν, ἔμπροσθεν), но это ничего не меняет, так как ἔναρτι не засвидетельствовано. Это слово тем более подозрительно, что Виноградов получил его посредством исправления текста: в оригинале стоит ΕΝΑΡΒΙ. 5) ἵεσσιν — нигде не засвидетельствовано. Эта форма очень странная, если, как утверждает Виноградов, она должна быть презенсом от ἵημι, третье лицо ед. числа активного залога индикатива: но как объяснить двойную сигму? 6) Существительное θυωρά, (форма) ср. рода мн. числа от θυωρόν со значением «жертвенные обряды»: нигде не засвидетельствовано... Все эти странности, сконцентрированные в двух строках текста, вынуждают нас решительно отклонить без дальнейшего обсуждения предложенный издателем состав текста конечной части письма» [р. 132/4]. В конечном счете трудами Дж. Чедвика, Б. Браво, Х. Купишевского и других исследователей был установлен реальный текст письма Ахиллодора, дана его адекватная интерпретация и установлена дата. Ниже мы подробно рассмотрим текстологию этого письма с изложением ее историографии, а также интерпретацию исторического содержания, но сначала обратимся к вопросам датировки и языка надписи.

2.1.2. Датировка и язык письма Ахиллодора

Вопрос о времени составления документа решается посредством комплексного исследования его археологического контекста, шрифта, графических и диалектных особенностей. Предложенная Виноградовым дата — вторая половина VI в. — явно завышена. Вопреки его мнению, условия находки свинцового свитка, к сожалению, не проясняют датировку письма¹⁹⁶. Поэтому единственным прочным ее критерием

¹⁹⁶ Свинцовый свиток найден на юго-вост. берегу Березани, в том ее месте, где культурный слой невыразителен и хронологическому определению не поддается, поскольку практически не раскапывался. Как счел издатель, свиток находился не в самом слое, а в яме, обвалившейся в результате разрушения берега, причем на месте этой ямы под действием дождевых вод образовалась небольшая ложина, спускающаяся «вниз на несколько метров. Поэтому при ее исследовании выяснилось, что слой, ее заполнявший, целиком исчез. Тем не менее в этой ложине в непосредственной близости от места залегания свитка еще до шурфовки был обнаружен фрагмент расписного сосуда», датированный VI в. [Виноградов, 1971, с. 74–77]. Как уже говорилось, по его мнению, письмо попало вместе

является характер письма, прежде всего шрифт, который, по предварительному заключению, содержит формы, относящиеся ко второй половине VI — первой половине V в. Весь репертуар буквенных форм документа встречается в ольвийских и березанских граффити этого периода¹⁹⁷.

Отдельно обращают на себя внимание особенности начертания следующих букв. *Бета* адреса имеет ближайшую аналогию в ольвийской эпитафии раннего V в.

с мусором в яму, где находился и фрагмент родосской амфоры. По этому фрагменту Виноградов датировал письмо «второй половиной VI в., самое позднее концом этого столетия». Однако такое заключение содержит противоречие: нижняя граница родосских амфор того типа, к которому принадлежит и указанный фрагмент горловины, относится к середине VI в., самое позднее к 530-м гг., и если полагать, что он и свиток находились в закрытом комплексе — яме, то правомерно датировать надпись серединой VI в. Однако ее письмо противоречит столь ранней дате, следовательно, фрагмент амфоры и свиток не связаны хронологическими границами закрытого комплекса. С другой стороны, те фактические данные об условиях залегания свитка, которые издатель не привел в публикации, определенно свидетельствуют против его предположения о наличии в данном месте ямы. Открытый шурфом в этом месте невыразительный культурный слой мощностью около 0,5 м залегает примерно на такой же глубине от современной дневной поверхности, а черепок и свиток найдены в склоне берега на расстоянии примерно 1–1,5 м от нее, т. е. на 0,5–1 м ниже указанного культурного слоя. Таким образом, черепок и свиток должны были бы находиться в устье или по крайней мере в верхней половине предполагаемой ямы, в тех ее частях, которые в первую очередь подверглись бы разрушению сточными водами. Если же яма оказалась размытой до дна, то каким образом смогли сохраниться и «удержать дистанцию» оба этих предмета? Кстати, разрушение находящихся неподалеку в срезе берега ям происходит в вертикальном сечении. Думается, что приведенных соображений достаточно для заключения, что предположение о яме лишено оснований. Скорее всего, свиток находился в упомянутом слое или в непосредственной близости от него. Он мог сползти по склону лощинки несколько ниже места своего первоначального залегания и оказаться в случайном соседстве с черепком родосской амфоры (оба предмета найдены не в грунте, а на поверхности склона, т. е. могли двигаться независимо друг от друга). Фрагментов же родосских амфор на Березани множество, они составляют массовый материал в различных, в том числе и средневековых, слоях острова, так как поверхность его во многих местах подверглась сильному разрушению. Как бы там ни было, единственное заключение, которое можно сделать наверняка, состоит в том, что оба предмета были найдены не *in situ*. Поскольку район, прилегающий к месту находки письма, археологически неясен и поскольку ни в коей мере не может быть исключена вероятность случайного попадания свитка туда, приходится констатировать, что археологические данные не предоставляют надежной опоры для датировки письма. Не служит такой опорой и предположение Виноградова, что данного места достигали границы только поселения VI в., в дальнейшем сильно сократившиеся. Во-первых, время наибольшего расширения Березанского поселения относится к V в. [Лапин, 1966, с. 108/9, 121] (например, раскопками 1946 г. неподалеку от места нахождения письма вскрыты остатки вымостки первой половины V в. [Болтенко, 1949а, с. 33]). Таким образом, еще в первой половине V в. этот район острова входил в территорию Березанского поселения, составляя, видимо, его периферию. Во-вторых, свиток явно утерян, ибо свинцом греки всегда дорожили (*ср. Ps. Arist. Oec. II, 2, 36*), так что, учитывая небольшие размеры Березани, следует счесть, что он случайно попал в ту часть острова, где найден.

¹⁹⁷ Представленные в письме формы характерных букв (взятые в целом без дифференциации их формальных разновидностей, о чем см. ниже) встречаются в ряде ольвийских и березанских граффити второй половины VI или V в. (по номерам в кн. [Толстой, 1953], ее датировки даны А. А. Передольской по керамическим показаниям [Ib., с. 5–6]): А — 18, 78; Е — 2, 6, 10, 13, 24, 44, 48; Λ — 15, 22, 46; Μ — 6, 14, 15, 24, 44, 76; Ν — 10, 14, 22, 79; Υ — 10, 14, 15, 79. Близкие формы Α, Δ, Ε, Λ, Μ, Ν, Υ, Φ есть в граффити конца VI — начала V в. [Ольвия, 1964, с. 141/9]. *Ср.* также формы Ε, Λ, Μ, Ν, Ρ, Ω в лапидарных надписях Ольвии и ее хоры первой половины V в. IOSPE I² 212, 213, 215, 270, 287.

IOSPE I² 213 и граффито того же времени [Толстой, 44]. Эпсилон с горизонтальными усиками, примыкающими перпендикулярно или под разными углами к вертикальной гасте (стк. 1 — ἀδικῆται, стк. 10 — λέγειν и др.), входит в употребление в Греции с середины VI в., а в Ольвии с его последней трети¹⁹⁸. Наряду с архаической формой *мю* (с удлинненными и расползающимися левой или правой гастами, как в стк. 2, 7 в имени Матасий и др.) в письме Ахиллодора представлена и форма с равными крайними гастами, в некоторых случаях почти вертикальными, причем место пересечения средних палочек находится в разных буквах на различных уровнях (стк. 2 — μίγ, 11 — μητέρα и др.). Такая форма также характерна для рубежа VI–V вв.¹⁹⁹ В письме употребляются и две формы *Н*: с наклонными гастами (архаический тип, но встречающийся даже в IV в.; это стк. 3, 5 в имени Анаксагор и др.), но и с почти прямыми, причем правая гаста расположена выше левой (стк. 3 — ἀπεστέρεσεν, 4 — αὐτόν и др.; *ср.* обе разновидности, стоящие почти рядом в стк. 7 — φησὶν εἶναι). Второй тип входит в употребление с последней трети VI в.²⁰⁰ *П* с почти одинаковой длины вертикальными гастами (стк. 12, 13) наблюдается в Ольвии в V в. [Толстой, 22]. В письме имеют место также две формы *ипсилон* — *V* и *Y*, причем второй тип встречается с последней трети VI в.²⁰¹ С этого же времени наблюдается и форма *Ф* с уплощенным кружочком, целиком преобладающая в данном письме²⁰².

Отмеченные особенности указывают, что письмо Ахиллодора отражает переходный период развития ионийского шрифта, приходящийся на конец VI — начало V в., когда архаические формы сосуществовали с инновациями, получившими преобладание в V в. Наиболее показательно в этом смысле сходство шрифта письма Ахиллодора с граффити конца VI — начала V в.²⁰³, а также ольвийских надгробных стел раннего V в. IOSPE I² 212, 213, 215. Тот же самый шрифт переходного типа присутствует и в посвящении Афродите из Кеп первой половины V в.²⁰⁴ Этим шрифтом выполнена также надпись на бронзовом зеркале из Ольвии, правильно датированная издателем по форме букв рубежом VI–V вв. [Розанова, 1968, с. 248/51]. Близки шрифту письма Ахиллодора также формы ряда букв из селинунтского заклатья на свинцовой пластинке, датированного Л. Джеффери второй четвертью V в.²⁰⁵

¹⁹⁸ [Ольвия, 1964, с. 149, 520-е гг., 142, конец VI — начало V в.; IOSPE I² 212, ранний V в.]. *Ср.* и [Jeffery, p. 325] (проводим сравнение форм букв со шрифтом надписей ионийского Додекаполиса, в первую очередь Милета; отметим, что Л. Джеффери учитывала также формы, представленные в граффити). Ахиллодор вырезал усики *Y* под разным углом наклона к вертикальной ножке, *ср.* [Толстой, 6, 10 (последняя треть или поздний VI в.), 2, 13, 24, 25, 44, 48 (все V в.)].

¹⁹⁹ [Ольвия, 1964, с. 142] (к. VI — н. V в.); IOSPE I² 212 (V в.); [Jeffery, p. 325]. Первый тип [Толстой, 5, 76 (оба VI в.), 6 (поздний VI в.), 14, 15, 44 (V в.)]; второй тип [Ib. 24, 25 (V в.)].

²⁰⁰ [Ольвия, 1964, с. 149 (520-е гг.), 142 (к. VI — н. V в.); Jeffery, p. 325]. Первый тип [Толстой, 10 (поздний VI в.), 14 (V в.)]; второй тип [Ib. 14, 22, 79 (V в.)].

²⁰¹ [Jeffery, p. 325]. Первый тип [Ольвия, 1964, с. 149 (520-е гг.), 143 (к. VI — н. V в.); Толстой, 15 (V в.)]. Второй тип [Толстой, 10 (поздний VI в.), 14, 79 (V в.)].

²⁰² [Ольвия, 1964, с. 142 (к. VI — н. V в.); Jeffery, p. 325].

²⁰³ [Ольвия, 1964, с. 141/9 и др.], датировка Е. И. Леви по керамическим показаниям.

²⁰⁴ Н. И. Сокольский [1973, с. 88] ошибочно отнес его по форме сосуда и характеру лака к концу VI в. — по письму это первая половина V в.

²⁰⁵ Так как формы ее букв близки архаическим типам, надпись следовало бы отнести к первой трети V в., *см.* фото [BSCH. 1972. Т. 96, р. 376].

Изложенное показывает, что по письму эпистола Ахиллодора относится к концу VI — началу V в., иначе говоря, ко времени ок. 500 г.²⁰⁶ Нижняя граница даты письма определяется реминисценцией бустрофедонного стиля, имеющей место в стк. 4: последние три буквы имени Анаксагор перенесены с 3-й на 4-ю строку ретроградно. Это само по себе указывает, что письмо составлялось в то время, когда бустрофедон вышел из широкого употребления и бытовали изредка встречавшиеся реминисценции этого стиля. В ионийских надписях бустрофедон выходит из массового употребления во второй половине VI в., однако отдельные примеры его употребления имеются и в надписях раннего V в., в частности в Милете [Jeffery, p. 326, 329, 335/6, 377]. В Ольвии он бытует в памятниках последней трети VI в.²⁰⁷

Определение даты письма Ахиллодора по этой особенности, на наш взгляд, следует связывать с другим отличительным признаком — элементами стойхедона. Первые 4 вертикальных ряда букв слева (до 10–11-й строк) в письме выполнены в этой манере. Далее 4 ряда резчик не выдерживал строгие ряды вертикальных колонок, чему, очевидно, препятствовали скорописные приемы и стремление избежать переноса слов. В ионийских надписях имеются примеры применения стойхедона примерно с последней трети VI в. В Милете первые образцы, выполненные одновременно в стиле стойхедон и бустрофедон, относятся примерно к последней трети VI и началу V в. [Jeffery, p. 329/30, 335/6, 338/9, табл. 64, 34]. Наиболее ранним примером неполного стойхедона в Ольвии является граффито [Толстой,

²⁰⁶ Ср. типичные формы начала и середины VI в. для Е и М в ольвийском граффито [Виноградов, 1971а, с. 234] и березанском [Толстой, 76]. Переходная форма Е [Толстой, 18] (поздний VI в.). Граффито [Толстой, 10], отнесенное А. А. Передольской к VI в., также отражает переходный период: поскольку выполнено в манере бустрофедон и частичный стойхедон одновременно, его следует датировать последней третью VI в. (см. примеч. на с. 200, 201). Граффито [Толстой, 6], датированное Передольской V в., полагаем, также относится к этому времени, поскольку выполнено бустрофедонным и содержит архаичные формы М и Σ (см. примеч. на с. 199, 209). Верхняя граница этих граффити определяется более развитыми, нежели типично архаические, формами *эпсилон*. Интересно сопоставить письмо Ахиллодоровой эпistolы с милетскими граффити из теменоса Аполлона в Навкратисе. Опубликовавший их Э. А. Гарднер полагал, что они почти целиком принадлежат ко времени ок. 650–520 гг. и позволяют воссоздать картину развития ионийского шрифта [Naukratis, 1886, p. 54]. Он выделил 11 серий милетских надписей [p. 56]. Серии IX–XI содержат формы букв, близкие шрифту письма Ахиллодора. В IX серии это *альфа*, *дельта*, *эпсилон*, *лямбда*, *ню*, *пи*, *ро*, *сигма*, *ипсилон*, *омега* и, вероятно, *кси*. В X серии это *альфа*, *эпсилон*, *каппа*, *лямбда*, *мю*, *ню*, *пи*, *сигма*, *омега*. В XI серии — *альфа*, *гамма*, *эпсилон*, *каппа*, *лямбда*, *мю*, *пи*, *сигма* (см. у него табл. 35). По поводу датировки этих серий Гарднер отметил, что V–XI серии могут быть поздней даты, а XI серия определенно поздняя [p. 58]. Верхней границей он счел 520 г., около времени завоевания Египта Камбисой. Отметим вместе с тем, что и в этих граффити нашли отражение переходные формы: IX–XI серии содержат знаки как архаические по типу, так и характерные уже для V в. — ср., например, три формы *альфы*, *эпсилон*, *лямбды*, *мю*, две *ню* и *пи*, что определенно указывает на принадлежность этих серий к позднему VI в. Вместе с тем в письме Ахиллодора содержатся более развитые формы ряда букв, в том числе *ипсилон* на ножке (Υ), Φ с уплощенным кружком и вертикалью, выходящей за пределы круга (в милетских граффити *ипсилон* более раннего вида — V — с равными боковинами, а в Φ вертикальная черта не выходит за пределы круга). Такие формы указывают на более позднее время шрифта письма Ахиллодора по сравнению с определенно более ранними формами букв в навкратийских надписях IX–XI серий.

²⁰⁷ [Толстой, 6, 10] (последняя треть VI в.). Можно упомянуть еще стелу КБН 114 из Пантикапея с так называемым ложным бустрофедоном, датруемую V в.; Л. Джеффри находит возможным отнести ее даже ко второй половине V в. [Jeffery, p. 368].

10 = ГЛБО II, с. 91, № 93], относящееся, как указывалось, к последней трети VI в.²⁰⁸ Надпись на ольвийском амулете [Толстой, 6], датируемая этим же временем, также выполнена бустрофедоном с элементами стойхедона²⁰⁹. В лапидарных памятниках Ольвии стойхедон прочно утверждается с середины V в., но входит в употребление несколько ранее²¹⁰. Приведенные данные о графических особенностях письма Ахиллодора и ряда других надписей Ольвии согласуются с датировкой его шрифта концом VI — началом V в. При этом следует отметить, что в обоих указанных выше граффити последней трети или позднего VI в. [Толстой, 6, 10] встречается более архаичная, нежели в письме Ахиллодора, вытянутая форма *сигмы*, что определенно свидетельствует о сравнительно позднем происхождении сей эпистолы.

Определенный свет на датировку письма проливает также анализ его фонетико-морфологических особенностей. Надпись отличается своеобразным языком, что вообще характерно для частных актов, в том числе древнегреческих²¹¹. В письме нашел широкое отражение живой разговорный язык ионийцев, как и графика позднеархаической поры. Большая часть диалектных фактов, выраженных графически, характерна для ионийских надписей VI и V в. К их числу относятся: $\epsilon = \epsilon\iota$ (в различных позициях: $\epsilon\pi\iota\sigma\tau\acute{\epsilon}\lambda\lambda\epsilon$, $\acute{\alpha}\delta\iota\kappa\acute{\epsilon}\tau\alpha\iota$ и пр.) [Dubois, p. 184], в том числе: $\acute{\epsilon}\nu\alpha\iota$ употребляется в надписи наряду с $\epsilon\acute{\iota}\nu\alpha\iota$, также инфинитив на $-\epsilon\bar{\nu}$ ($\lambda\acute{\epsilon}\gamma\epsilon\bar{\nu}$, $\acute{\alpha}\gamma\epsilon\bar{\nu}$ стк. 10, 12)²¹². $\bar{o} = ou$ (в различных позициях: $\tau\bar{o}$ стк. 2, $\delta\bar{o}\lambda\omicron\nu$ стк. 5 и др.). ϵo неслитное ($\mu\upsilon\theta\epsilon\acute{o}\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma$ стк. 5)²¹³. *Dat. sg.* с *uomoi-adscriptum* или без нее ($\tau\eta$ стк. 11, $\acute{\epsilon}\omega\upsilon\tau\omega\iota$ стк. 7 и др.)²¹⁴. Ассимиляция ν перед гортанным глухим ($\mu\upsilon\gamma$ *ка́* стк. 2)²¹⁵; перед носовым ($\tau\eta\mu$ *μητέρα* стк. 11)²¹⁶; перед губным глухим ($\acute{\epsilon}\lambda\theta\omega\mu$ *пар* стк. 3, а также стк. 12 13 и стк. 2 адреса)²¹⁷.

²⁰⁸ См. примеч. на с. 200, 201. Надпись состоит из двух слов; первые три буквы второго слова, читающегося справа налево, прочерчены под тремя последними буквами первого.

²⁰⁹ Осмотр подлинника в Эрмитаже показал, что на этом амулете имеются две надписи. Основная выполнена более крупными буквами, предположительно читается так: $\mu\omicron\iota\ \gamma\iota\ \bar{o}\ \nu|\bar{o}\sigma\acute{\epsilon}$ «у меня ж не болит» ($\gamma\iota = \gamma\epsilon$, как в посвящении Клеэнета IV в. $\mu\iota$ вместо $\mu\epsilon$ [ГЛБО II, с. 81; Dubois, p. 185]; от предпоследней буквы верхнего ряда сохранилась дужка, т. е. остаток круглой буквы — O, Ω или Θ , принимаем ее за $\bar{o} = ou$). Ретроградно вырезанные буквы помещены не строго вертикально под тремя последними буквами верхнего ряда, а с легким, постепенно увеличивающимся в движении справа налево отступом. Таким образом, надпись выполнена, строго говоря, в манере, близкой к стойхедону.

²¹⁰ IOSPE I² 208 и [Книпович, 1966, с. 18–19]; подробнее см. ниже, с. 247/8.

²¹¹ Ср. значительные особенности в языке, например, заклятия из Селинунта первой трети V в. [BSH. 1972. Т. 96, р. 379] или письма Мнесизэрга [DGE, Appendix I, 14, Аттика, начало IV в.], ольвийских писем Артикона и Анонима (о них ниже, с. 238/9, 471/2).

²¹² [Jeffery, p. 402, № 9, Эретрия, VI в., 414, № 27, Милет, VI в.].

²¹³ [Thumb, Scherer, S. 258; Buck, p. 40; Dubois, p. 187]. Слияние ϵo в ou встречается в ионийских надписях с IV в., тогда как в ряде дорийских с VI в. (Стесихор, Эпихарм [Thumb, Kiekers, S. 210]).

²¹⁴ [DGE 725. 7, Милет, конец VI в.; Thumb, Scherer, S. 254].

²¹⁵ [Jeffery, p. 416, № 50, Сидена на Пропонтиде, последняя четверть VI в.; Толстой, 106, Нимфей, VI в.].

²¹⁶ [Gärtchen, Hoffmann, 1914, S. 924; DGE 777, A. 2, Фасос, 490–480 гг.]. Ср. распространенность подобной ассимиляции в Протогеновском декрете I² 32.

²¹⁷ Ср. [Jeffery, p. 414, № 41, Хиос, VI в.]. Ассимиляция ν в языке письма Ахиллодора носит факкультативный характер: регулярно проявляясь в *acc.* артикля и *nom.* причастия, она отсутствует в окончании инфинитива ($\lambda\acute{\epsilon}\gamma\epsilon\bar{\nu}$ *ка́* стк. 10–11), *acc.* существительного ($\mu\omicron\lambda\acute{\iota}\beta\delta\iota\omicron\nu$ *παρά* стк. 2 адреса) и перед придыхательным ($\mu\upsilon\gamma$ *θυρά* стк. 13).

Особо остановимся на таком фонетическом явлении, как переход *eu* в *eo*, который графически выразился в написании *eo* вместо *eu* (ἐλεόθερος стк. 8). Этот переход приобрел массовый характер лишь с IV в. [Buck, p. 33], в V в. зафиксированы 2–3 примера при безраздельном господстве написания *eu*²¹⁸. Однако есть еще один интересный документ, не рассматривавшийся в указанном аспекте, — милетские списки мольпов-эсимнетов, составлявшие в эллинистическую и римскую эпохи, но переписывавшиеся с более ранних документов. В первом хронологическом списке, который датируется второй половиной IV в. и содержит имена и патронимы эсимнетов с 525 г. до конца IV в., дифтонг *eu* почти полностью выражен через *eo* [Milet I, 122]. Хронологическое распределение имен и патронимиков с этой особенностью в целом отражает вышеизложенную картину: Εδαγόρεω (522 г.), Εόρουπόλο (449 г.), Φυλέος (вместо Φυλεύς, 411 г.), Εἰδημος (437 г.); Πεδιέος (вместо Πεδιεύς, 432 г.), Εδαγόρεω (430 г.). В последующие годы переход *eu* в *eo* представлен во многих именах, т. е. это явление приобрело массовый характер. Но в 322 г. дифтонг *eu* снова возвращается (Εὐανορίδεω), хотя написание *eo* еще сохраняется (Εὐκράτης, 319 г.). Итак, с конца IV в. вновь устанавливается написание *eu*, обязанное койне, и *eo* утрачивает свои позиции.

Поскольку список эсимнетов в целом отражает картину распространения написания *eo* вместо *eu*, известную из других источников, можно быть уверенным в аутентичности представленного в первом списке написания соответствующему хронологическому отрезку (последняя четверть VI — конец IV в.)²¹⁹. На наш взгляд, оптимальный путь заключается в признании того факта, что написание *eo* вместо *eu* входит в массовое употребление в памятниках милетского круга с середины V в., до этого времени оно спорадически встречается примерно с последней четверти VI в. В письме Ахиллодора замена *eu* через *eo* прошла в одном случае. В то же время в письменных памятниках Ольвии, как лапидарных, так и граффити, целиком господствует написание *eu*, тогда как *eo* встречается несколько раз в памятниках V и IV в.²²⁰ Отсюда явствует, что при датировке шрифта надписи концом VI — началом V в. предпочтение может быть отдано более поздней дате, стоящей ближе к тому времени, когда замена *eu* через *eo* стала развитым явлением в ионийских надписях.

Есть в письме Ахиллодора и другие особенности, свойственные надписям V в., но не встречающиеся в них в предшествующее время (часть их рассмотрим ниже). Это контрактированная форма ἐωυτῶι (из ἐο + αὐ); в гомеровских поэмах представлены неслитные формы (слитная лишь один раз: ωὔτος, II. V, 396), слитная форма

²¹⁸ А. Тумб, А. Шерер [Thumb, Scherer, S. 253] привели такие примеры: βασιλεύς [DGE 688 С. 8, Хиос]; но в этой же надписи: D. 3 — Λεύκιππος, также С. 17; Εὐανορίδεω [Ib. 718. 2, Фивы у Микале в Ионии]. Есть еще один случай: имя Εὐδράσ[ης], засвидетельствованное в милетской надписи, как считали, конца VI в., которое и дало основание А. Шереру (а ранее У. Вилламовицу) возвести переход *eu* в *eo* к VI в. [Thumb, Scherer, S. 253]. Однако этот случай сомнителен: Л. Джеффри, например, восстановила здесь другое имя — [Λ]εὐδρασ[—] (начало надписи не сохранилось) и датировала ее началом V в. [Jeffery, p. 335] (есть имена на Λεο-). Кроме того, в этой же надписи есть дифтонг *eu* в слове εὐπρὸτ[α]νεύοντες. Таким образом, эта милетская надпись не может служить надежным критерием для возведения перехода *eu* в *eo* к VI в., поэтому ошибся А. Бартошек, уведя этот процесс на ее основании не только в VI, но даже в VII в. [Bartoněk, p. 110 f.].

²¹⁹ По поводу написания *o* вместо *ou* в этой надписи Ф. Хиллер отметил, что по религиозным соображениям составители списков сохраняли старую орфографию подлинников (коммент. к Syll.³ 272).

²²⁰ [Dubois, p. 183; ЗООИД. 1901. Т. 23, с. 24–25; ИАК. 1908. Вып. 27, с. 68 сл. Ср. КБН 220, 1017].

встречается в VII в. у Алкмана, затем у Аристофана, Феокрита и др.²²¹ В ионийском диалекте слитная форма широко представлена у Геродота, Геронда и др.; в ионийских же надписях форма ἐωυτῶ также встречается только с 450 г. [DGE 726. 44], до этого употребляется обычная форма ἐαυτῶ²²². Дат. падеж мн. числа α-основ -ηισι(ν) (Ἀρβινατηισιν стк. 12), широко представленный в литературных памятниках архаической поры, в ионийских надписях находит отражение лишь с начала V в.²²³ С этого же времени в ионийских надписях наблюдается падежная флексия *acc. pl.* -ευσ, со слитными ε и ου: ἀδε(λ)φεῦς (из ἀδε(λ)φεούς, стк. 12)²²⁴; у Архилоха, Геродота и Семонида встречаются как слитные, так и неслитные формы [Bechtel, 1924, S. 53, 55, 60]. Вероятно, форма ἀδεφεῦς с элидированной *ламбдой* аутентична (см. ниже). К синтаксическим особенностям относится включение δὲ τί в синтагму — между личным именем в *dat.* падеже Ματάτασι и его эквивалентом αὐτῶι (стк. 9, см. ниже).

Отмеченные фонетико-морфологические особенности (написание εο вместо ευ, форма ἐωυτῶι, окончание *dat. pl.* -ηισι(ν), слитное ευ из ου) могут указывать, что при датировке шрифта письма концом VI или началом V в. предпочтительна нижняя дата (однако настаивать на этом нельзя). Суммируя изложенное, приходим к выводу, что в целом шрифт, графические и фонетико-морфологические особенности письма Ахиллодора указывают на конец VI — начало V в., т. е. на время ок. 500 г.²²⁵

2.1.3. Текстология надписи

Наш текст:

Recto

Ἀχιλλοδώρῳ τὸ μολί-
βδιον παρὰ τὸν παῖδα
κἀναξαγόρην

Tergo

ὦ Πρωταγόρη, ὁ πατήρ τοι ἐπιστέλλει ἀδικεῖται
ὑπὸ Ματάσους, δολῶται γάρ μιγ καὶ τῷ
φορτηγεσίῳ ἀπεστέρῃσεν. ἐλθὼμ παρ' Ἀναξαγόρην
ἀπήγησαι· φησὶ γὰρ αὐτὸν Ἀναξαγόρεω
5 δῶλον εἶναι μυθεόμενος· «τᾶμ' Ἀνα(ξ)αγόρης ἔχε,
καὶ δόλῳ καὶ δόλῳ κοίκίᾳ», ὁ δὲ ἀναβῶι τε
καὶ οὗ φησιν εἶναι οὐδὲν ἐωυτῶι τε καὶ Ματάσι<ν>²²⁶

²²¹ [Meyer, 1896, S. 188; Bechtel, 1924, S. 166; Wackernagel, 1953, S. 681/2; Thumb, Scherer, S. 276].

²²² [Jeffery, p. 414, № 50] (конец VI в., Эрифры). В то же время слияние о и α господствует в милетских граффити Навкратиса.

²²³ [DGE 777 (Фасос, 490–480 гг.), 726. 31 (Милет, 450 г.), 782 (Делос, конец V в.). См. Thumb, Scherer, S. 268; Bechtel, 1924, S. 136].

²²⁴ Форма *acc. pl.* ἀδε(λ)φεῦς = ἀδε(λ)φεούς свойственна лишь ионийскому диалекту и эпосу: начиная с Гесиода, здесь появляется окончание -ος [Казанский, с. 8].

²²⁵ Первой в пользу датировки письма Ахиллодора этим временем высказалась К. С. Горбунова [Archaeological Reports for 1971–1972. Leningrad. 1972, p. 49]. Наша датировка [Яйленко, 1974, с. 140] в точности совпала с мнением Л. Джеффери, на которое сослался Дж. Чедвик [Chadwick, p. 35], к этой датировке под влиянием моей аргументации и мнения Л. Джеффери склонился позднее также Б. Браво [Bravo, 1980, p. 879]. Поэтому Л. Дюбуа ошибочно принял дату Виноградова 550/500 гг. [Dubois, p. 50].

²²⁶ Вариант: Ματά(σι)σιν «со всякими Матасиями», см. ниже.

καὶ φησιν εἶναι ἐλεόθερος καὶ οὐδὲν εἶναι ἑωυτ(ῶ)ι²²⁷
 καὶ Μάτα<τα>συ²²⁸, ἔ δέ τι αὐτῶι τε κάναξαγόρη αὐτοῖ
 10 οἶδασι κατὰ σφᾶς αὐτός. ταῦτ' Ἀναξαγόρη λέγειν
 καὶ τῇ γυναικί. ἔτερα δέ τοι ἐπιστέλλε· τῇ μητέρα
 καὶ τὸς ἀδε(λ)φεὺς ἱ (= εἰ?) ἐσσιιν ἐν Ἀρβινατησιν ἄγειν ἐς τῇ πόλιν,
 αὐτὸς δέ γ' ὁ νεῶρος ἐλθῶν παρὰ μιν (ι)θύωρα καταβήσεται

Перевод лицевой стороны:

«Письмо на свинцовом свитке Ахиллодора к сыну Протагору»²²⁹.

Оборотная сторона:

«Протагор, отец сообщает тебе: подвергаюсь захвату со стороны Матасия: он пытается поработить меня и отнял перевозимый груз. Придя к Анаксагору, расскажи: он (*Матасий*) утверждает, что я — раб Анаксагора, говоря: “моим (*Матасия*) имуществом владеет Анаксагор — и рабами, и рабынями, и домами”, я же кричу и не *только* говорю, что у меня самого не было ничего общего с Матасием²³⁰, но говорю, что *теперь* я свободный человек и у меня самого *теперь* нет ничего общего с Матасием, а есть ли что общее у него (*Матасия*) и Анаксагора, они знают сами по себе. Расскажи это Анаксагору и его жене²³¹. И другое сообщаю тебе: мать и братьев, если (?) они в Арбинатах, доставь в город; сам же страж судна, явившись к городу (?), тотчас спустится» (*т. е. приплывет из Ольвии на Березань к Анаксагору*).

Текстуальная сложность надписи требует обоснования предложенного ее понимания. Чтение и интерпретация текста связаны с трудностями разного рода — неясностью значения ряда слов и выражений (δολοται стк. 2, φορτηγεσιδ стк. 3; ιεσσιινεναρβινατησιν стк. 12, ὁ νεῶρος и θυωρα καταβήσεται стк. 13). В частных актах предполагаются известные адресату ситуация или упоминаемые лица, но, поскольку нам они, как и подробности ситуации, неизвестны, трудно досконально разобраться в содержании письма, как и в тех событиях, которые послужили поводом для его написания. Затруднения усугубляются тем, что обо всех упоминаемых в письме персонажах, в том числе об авторе письма, говорится в 3-м лице. В связи с этим необходимо установить правильное чтение текста и по возможности точно определить его содержание, т. е. значение отдельных не вполне понятных элементов. Остановимся на узловых моментах, важных для понимания смысла надписи.

Стк. 1: ἀδικῆται. Б. Браво показал, что в источниках глагол ἀδικεῖν часто употребляется как эквивалент συλᾶν «захватывать» [Bravo, 1980, p. 719/20, 808]. Наша надпись предоставляет хорошую иллюстрацию такого тождества — далее Ахиллодор говорит о попытке Матасия порабощения его и захвате перевозимого груза (стк. 2–3).

Стк. 2: δολοται. Формально можно читать это как δουλοῦται «порабощает» и доλοῦται «обманывает» (ο = ου). Второе значение принял Виноградов, за ним,

²²⁷ Вариант с иной пунктуацией: καὶ οὐδὲν εἶναι ἑωυτ(ῶ)ι, καὶ Μάτα<τα>συ ἔ δέ τι αὐτῶι τε κάναξαγόρη «и у него (Ахиллодора) ничего нет, а что есть у Матасия самого и Анаксагора...», см. ниже.

²²⁸ Вариант с передразниванием имени противника: Μάτατασυ «у Мататасия», см. ниже.

²²⁹ Ахиллодор ведет речь о себе в 3-м лице, что заменяем на 1-е лицо.

²³⁰ Вариант: «со всякими Матасиями».

²³¹ Инфинитивы λέγειν и ἄγειν стк. 10, 12 означают побуждение: «расскажи», «доставь» (об инфинитиве в императивной функции [Красухин, 2000]).

к сожалению, в 1974 г. и мы. Однако Дж. Чедвик с несомненностью показал, что δοῦλον стк. 5 указывает на δολοταί стк. 2 как на акцию порабощения, т. е. δουλοῦται, что приняли последующие исследователи [Chadwick, p. 36; Bravo, 1974, p. 125]. Отсюда текст приобрел цельный смысл: порабощению подвергся автор письма, Ахиллотор, в связи с чем он обращается к Анаксагору и сыну с просьбой разобраться в случившемся и велит сыну перевезти жену и детей в более безопасное от дальнейших возможных посягательств Матасия место.

Стк. 3: φορτηγεσίῳ. Слово еще не встречалось в источниках, но связь его с глаголом φορτηγεῖν «перевозить грузы», φορτηγός «перевозчик грузов» очевидна²³². Род. падеж φορτηγεσίου предполагает форму именит. падежа муж. рода *φορτηγέσιος «перевозчик грузов» или должность перевозчика грузов²³³, либо номинативную форму ср. рода *φορτηγέσιον «перевозка грузов» или «груз»²³⁴. Первый вариант возможен в том случае, если читать δολοταί как δολοῦται «обманывает», т. е. если речь идет о порабощении не Ахиллотора, а третьего лица, именно фортегесия — перевозчика грузов. Поскольку же, как сказано, в надписи говорится о порабощении самого Ахиллотора, такое понимание слова φορτηγεσίῳ отпадает. Хотя второй и третий варианты («перевозка грузов» или «груз») одинаково возможны, обратим внимание на то, что целью акций συλᾶν (у нас ἀδικεῖν) был захват не только человека, но и имущества. Именно эти объекты фигурируют уже в первых договорах об асии, например, в договоре раннего V в. между локридскими городами Эантидой и Халидой: «Не уводить ксена эантейца из Халиды, ни халейца из Эантиды, ни имущество, если кто-либо станет производить захват»²³⁵. Поэтому φορτηγεσίῳ мы понимаем в качестве род. падежа номинативной формы ср. рода τὸ *φορτηγέσιον в качестве обозначения небольшого перевозимого груза²³⁶. При таком понимании текст о захвате становится адекватным обычной практике: предпринята попытка захвата самого Ахиллотора и перевозимого им груза. При этом обратим внимание на временную разницу глаголов, употребленных Ахиллотором для описания акции захвата: ἀδικεῖται, δολοῖται (о захвате его самого) — наст. время, и ἀπεστέρεσεν (о захвате имущества) — аорист. Аорист показывает, что захват имущества (груза) в общем уже состоялся (φορτηγεσίῳ ἀπεστέρεσεν «лишил перевозимого груза»), следовательно, ἀδικεῖται — это *praes. historicum*, употребленный вместо аориста: им Ахиллотор обозначил суть уже происшедшего события; далее он раскрывает, что именно произошло: Матасий δολοῖται Ахиллотора и ἀπεστέρεσεν перевозимый им груз. Противопоставление тут аориста, выражающего законченное действие, презенсу, обозначающему (как и имперфект) действие происходящее или происходившее, но не законченное, имеет явные признаки *de conatu*, т. е. попытку совершения действия: «подвергаюсь захвату со стороны Матасия» (ἀδικεῖται — *praesens*

²³² [Velissaropoulos, p. 68]: обычно φορτηγός является владельцем перевозимого груза, будь он хозяин корабля или же сопровождающий свой груз.

²³³ Так думал Дж. Чедвик [Chadwick, p. 36, *ср.* Виноградов, 1971, с. 87].

²³⁴ Так счел Б. Браво [Bravo, 1974, p. 136/7, 169].

²³⁵ [DGE 363; Bravo, 1980, p. 893]. Много примеров такого рода собрано в названном труде Б. Браво; например, на с. 894 дана цитата из декрета критских городов о теосцах: τῶν σωματῶν καὶ τῶν χρημάτων, εἴ τις καὶ ἄλλῃ «лиц и имущества, если кто-либо произведет захват».

²³⁶ Вероятно, φορτηγεσίῳ — диминутив от основы на -s- типа *φορτήγεις «груз», образованный при помощи суффикса -ιο-, т. е. «небольшой груз». Ср. φορτηγία «перевозка грузов», φορτηγικός «относящийся к перевозке грузов», φορτηγός «перевозчик грузов» (Эсхил, Аристотель, Фукидид и др.).

historicum), а именно: «он пытается поработить меня» (δολῶται — *praesens de conatu*) и «отнял (ἀπεστέρησεν — *aoristus*) перевозимый груз»²³⁷. До сих пор исследователи не обращали внимания на эту синтаксическую особенность документа, однако, как видим, она весьма существенна для понимания ситуации: Матасий уже осуществил захват груза, тогда как захват Ахиллора был лишь попыткой захвата, т. е. не состоялся. Далее Ахиллор конкретизирует развитие происходивших событий.

Стк. 4. Исходя из выявленной сути конфликта — попытки Матасия захватить Ахиллора, слово φησί следует относить к Матасию, а выражение αὐτὸν... δόλον к Ахиллору. Соответственно номинативное причастие μυθεόμενος, вводящее последующую прямую речь, относится к Матасию, подразумеваемому предшествующим φησί (если бы это были слова Ахиллора, стоял бы вин. падеж причастия — μυθεόμενον), т. е. открывающее прямую речь выражение τᾶμ (= τὰ ἐμά) подразумевает «собственность» Матасия. Далее Матасий перечисляет, что именно составляет его собственность: рабы, рабыни и οἰκίαι «дома»²³⁸. В целом пассаж стк. 4–6, сложный по синтаксической атрибуции действующим лицам, переводится так: «он (Матасий) утверждает, что я (Ахиллор) — раб Анаксагора, говоря (т. е. говорит Матасий): “Моим (Матасия) имуществом владеет Анаксагор”»²³⁹.

Стк. 7: Матасиυ подлинника исследователи исправляют на требуемый по тексту дат. падеж имени — Матаσ(υ); но *iota* стоит в тексте, так что если исправлять, то следовало бы инкорпорировать лишь пропущенный *ипсилон*: Матаσ(υ)ι<ν>. Однако обратим внимание на то, что дат. падеж имени Матаσυς Ахиллор писал без *iota* — это форма Матаσυ в стк. 9, и такое написание датива основ на -υ- имело место в разных диалектах²⁴⁰. Вместе с тем письму Ахиллора свойствен ранний итализм (μολίβδιον адреса вм. μολύβδιον), результатом чего, полагаем, явилась *iota* на месте -υ- в дат. падеже имени Матаσι<ν> стк. 7²⁴¹. Итак, принимаем чтение

²³⁷ К разности значений презенса и аориста *ср. Dem. VI, 15: τοὺς μὲν Λακεδαιμονίους ἀναρεῖ, οὓς δ' ἀπόλεσεν αὐτὸς πρότερον Φωκίας, νῦν σώζει* «лакедемонян пытается погубить (досл. *зубит*), а тех фокейцев, которых он ранее погубил, теперь пытается спасти (досл. *спасает*)», с тем же признаком *de conatu* [Нидерле, с. 165]. Переменяя настоящее историческое время и аорист, Ахиллор делает более экспрессивным свое повествование. *Ср.* к этому: *Xen. Суг. I. 4, 8: ὡς εἶδεν Κύρος κάπρον προσφερόμενον, ἀντίος ἐλάυνει καὶ βάλλει εἰς τὸ μέτωπον καὶ κατέσχε τὸν κάπρον* «когда Кир увидел приближающегося кабана, он поскакал (досл. *скачет*) навстречу, ударил (досл. *бьет*) между глаз и связал кабана». Вставка тут между двумя аористами двух глаголов в *praes. hist.*, заменяющего аорист, оживляет рассказ, разнообразит изложение.

В слове ἀπεστέρησεν, по замечанию Чедвика, третье Е нормально передает удлиненное ε̄ аориста слитных глаголов [Chadwick, p. 36]. Такое написание находим, к примеру, в одной из фасосских надписей (IG XII, f. 8, 600. 15). *Ср.* также последовательную замену ε̄ через ε в аттизированном языке надписи V в. до н. э. с Тамани: Ἀρίστῃ μῑτρί «Аристе матери» [Толстой, 1953, 247].

²³⁸ Слово οἰκίαι означает «домá» либо «домочадцев, род, семью». Во втором значении оно обычно употребляется для обозначения происхождения (например, «он из хорошего дома»). Так как в письме Ахиллора подобный контекст отсутствует, подразумевается первое значение.

²³⁹ В стк. 5 стоит ΑΝΑΓΟΡΗΣ — имеющееся в греческой антропонимике имя. Однако в письме 5 раз встречается имя Анаксагор и ни разу более Анагор, что свидетельствует об ошибочном опущении слога в имени: Ἀνα(ξ)γόρης (это единственное наблюдение Виноградова, принятое исследователями).

²⁴⁰ Например, Διὶ Μιλίχῳ в надписи из Феспий, беотийский диалект [Kretschmer, 1894, S. 134], *dat.* имени Δερῖν на стеле начала VI в. из Афин [Richter, 1961, p. 155, fig. 193].

²⁴¹ С. Р. Тохтасьев [1999, с. 176] усмотрел мою ошибку в том, что написание μολίβδιον вместо μολύβδιον я назвал в статье 1998 г. итализмом. Напомню читателю: итализмом в строгом смысле этого слова называется замена υ, η, ει, οι на ι в памятниках, начиная с эллинистического времени. Когда

Ματασι<ν>, в котором флексию датива -ν Ахиллодор по свойственному его языку раннему итализму написал через -ι²⁴². Поскольку же в любом случае написание имени Матасия приходится исправлять, равным образом можно читать Ματασ(υ)ιν, т. е. «со *всеякими* Матасиями», ибо в ΜΑΤΑΣΙΝ вполне вычитывается флексия *dat. pl.* -σιν основ на -υ²⁴³.

Стк. 6–10. Важно разобраться в синтаксисе предложения: ὁ δὲ ἀναβῶι τε⁷ καὶ οὗ φησιν εἶναι οὐδὲν ἐωυτῶι τε καὶ Ματασι<ν>⁸ καὶ φησιν εἶναι ἐλεόθερος καὶ οὐδὲν εἶναι ἐωυτ(ῶ)ι⁹ καὶ Ματα<та>συ, εἰ δέ τι αὐτῶι τε κἀναξαγόρη αὐτοῖ¹⁰ οἶδασι κατὰ σφὰς αὐτὸς «я же кричу и не *только* говорю, что у меня самого не было ничего общего с Матасием, но говорю, что *теперь* я свободный человек и у меня самого *теперь* нет ничего общего с Матасием, а есть ли что общее у него (Матасия) и Анаксагора, они знают сами по себе». Поясним сначала выражение стк. 9 ΜΑΤΑΤΑΣΥΕΔΕΤΙ. Второе ТА имени — возможная диттография, так как имя Матасий упоминается еще дважды и без двойного ТА²⁴⁴. Сложней вопрос с пониманием первого Ε. Большинство исследователей предпочло исправить его на *иоту* для образования правильного датива имени — Ματα<та>συ(ι), но Б. Браво счел его началом частицы ε(ι) «если»: Ματα<та>συ, ε(ι) δέ τι²⁴⁵. Н. Н. Казанский [1983, с. 8] правильно счел, что исправление излишне и читал ε̣ = ε̣ι. И на наш взгляд, в исправлении нужды нет: форма дат. падежа имени, как сказано, писалась Ахиллодором без иоты: Ματασυ (так читал в последней своей публикации Б. Браво), а следующее Ε, полагаем, — необходимый глагол к фразе стк. 9: Ματα<та>συ, εἰ δέ τι αὐτῶι τε

возник этот термин, не было примеров написания ι вместо υ в текстах доэллинистического времени. Теперь несколько образцов есть, так что можно вести речь не просто об альтернации гласных (как [Dubois, p. 51]), а о раннем итализме, понимая под ним также замену е на ι [ГЛБО II, с. 81] (тут мы и вели речь о раннем итализме).

²⁴² Ν-ἐφέκυστικόν в *dat. sg.* не ставилось, хотя широко употреблялось во флексиях дат. мн. числа [Gärtchen, Hoffmann, S. 930/1; Thumb, Scherer, S. 267]. В данном случае наличие приставного π при *dat. sg.* нельзя также рассматривать как результат его переноса с множественного числа на единственное, в чем можно было бы усматривать отражение его узуса в разговорной речи, поскольку в стк. 9 в *dat. sg.* имени Матасий это финальное π отсутствует.

²⁴³ Этот вариант обладает также тем преимуществом, что естественнее думать о пропуске Ахиллодором полного слога, как и в имени Ἀνα(ξ)αγόρης стк. 5, нежели предполагать сначала пропуск *uncu-lona*, затем написание излишнего π. К гаплогическому опущению слога -συ- в сочетании -συσι- ср. имена Δαμείνης из Δαμομένης, Ὀρτυγένης из *Ὀρτυγιγένης и др. [Thumb, Kieckers, S. 199, 269; Thumb, Scherer, S. 267]. Реален этот вариант и в смысловом отношении: приводя свои контраргументы, Ахиллодор заявляет, что «он не имеет ничего общего со *всеякими* Матасиями». Употребление личных имен во мн. числе в источниках по понятным причинам не часто, но встречается (например, *Arph. Ecl.* 1042, *Plat. Leg.* 838c). По поводу приставного π перед *каптой* см. DGE 777 A. I: νύμφησιν κάπῶλλων (Фасос, 490–480) и 710 B. 32–34 (Теос, после 479 г.). Тему сарказма («со *всеякими* Матасиями») может продолжить и следующее упоминание Ахиллодором имени обидчика: он пишет его с лишним слогом, в чем можно усмотреть передразнивание: Ματατασυ «у Мататасия». Но есть привлекательная сторона и у формы с ед. числом имени: в соответствии с контекстом она указывает на конкретное лицо. Поскольку оба варианта возможны, условно читаем имя в ед. числе — Ματασι(ν). Происхождение имени неясно (см. § 6), поэтому место ударения неизвестно.

²⁴⁴ Браво пытался отстоять написание подлинника [Bravo, 1974, p. 155], но потом отказался от этого [Bravo, 1980, p. 880]. Дж. Чедвик излишне радикально исправил текст, предполагая двойное написание имени: Ματα(συι. Μα)τασυ(ι), необходимого для принятого им синтаксиса фразы стк. 9 [Chadwick, p. 35].

²⁴⁵ *Lut.* [Виноградов, 1971, с. 88; Яйленко, 1974, с. 144; Chadwick, p. 35; Bravo, 1974, p. 123; 1980, p. 880].

κἀναξαγόρη... (у меня самого теперь нет ничего общего) «с Матасием, а есть ли что общее у него (Матасия) и Анаксагора (они знают сами по себе)». Приведенная фраза содержит два дат. падежа, что соответствует конструкции предшествующих фраз стк. 7: ἔναι οὐδὲν ἑωυτῶι τε καὶ Μάτασι<ν> и стк. 8–9: οὐδὲν ἔναι ἑωυτ(ῶ)ι καὶ Μάτα<τα>σιν. Эта фраза принадлежит к конструкции типа τί ἐστὶν ἐμοὶ καὶ σοί, при которой стоит или подразумевается κοινόν: «что общего есть у меня с тобой?» или «какое отношение я имею к тебе?»²⁴⁶ Как видно, в ее состав входят конструкция *асс. сит. инф.* (у нас глагол ἔναι с именем сказуемым — местоимением οὐδέν) и два дополнения в дат. падеже: ἑωυτῶι + личное имя. В разбираемой фразе стк. 9 налицо два дополнения в дат. падеже αὐτῶι τε κἀναξαγόρη и имя сказуемого τί, т. е. три из четырех элементов упомянутой конструкции. Не хватает лишь глагола, которым, на наш взгляд, и является ἐ = ῆ, стоящее перед частицей δέ. Это ῆ — форма 3-го лица ед. числа конъюнктива глагола εἶναι, согласованная с именем сказуемого τί «есть ли что-нибудь?» Окончание конъюнктива -ηι в ряде диалектов, а в ионийском под аттическим влиянием, приняло форму -εἰ [Buck, p. 35–36; Thumb, Scherer, S. 277], так что флексия -ηι с утраченным узким звуком ι, т. е. -η, известная ионийским надписям в конъюнктиве с V в., аналогически передана Ахиллодором через ε (при ἀπεστέρῃσεν = ἀπεστέρησεν, см. выше). Иначе говоря, это написание по аналогии, перенос написания ε с ε = εἰ другой природы²⁴⁷.

²⁴⁶ [Kühner, Gerth, 1898, S. 417]. Например, у Геродота (V, 84, *ср. Dem.* 18, 283): эгинеты ответили, что σφίσι τε καὶ Ἀθηναίοις εἶναι οὐδὲν πρᾶγμα «нет у них никаких дел с афинянами». Конструкции подобного типа развились из более простой идиомы ἔστι μοί τι, которая означает наличие чего-либо у кого-нибудь или отношение кого-либо к чему-нибудь. К примеру: οὐδὲν αὐτῷ πρὸς τὴν πόλιν ἐστὶν «у него нет никаких дел с этим городом», «он не имеет никакого отношения к этому городу» (*Dem.* 21, 44; *ср.* перевод Фемеля: *ei nihil cum republica negotii sit* [Voemel, 1843, *ad l. c.*]). Иногда при этом подразумевается что-либо конкретное, о чем речь шла выше, *ср. Isocr.* 4, 12: ἐμοὶ δ' οὐδὲν (*sc. ἐστίν*), под чем подразумевается отсутствие у Исократовых речей, о которых говорилось ранее. В стк. 8 письма Ахиллодора есть фраза подобного типа οὐδὲν ἔναι ἑωυτ(ῶ)ι, где, как указывают приведенные параллели, имеется в виду предыдущее, а именно то, что Ахиллодор не имеет никакого отношения к тому имуществу, о котором говорил Матасий, т. е. он, Ахиллодор, не входит в качестве раба в τὰ ἐμά Матасия. Это же имущество подразумевается и в следующих далее словах Ахиллодора, что Матасий и Анаксагор сами знают, что за имущество перешло от одного к другому. Поэтому рассматриваемая фраза в стк. 8–10 означает: «и он (Ахиллодор) не имеет никакого отношения (*scilicet* к тому имуществу), а что общего есть у самого Матасия и Анаксагора (т. е. какое именно имущество перешло от одного к другому), они знают сами по себе». Таким образом, под τί стк. 9 подразумевается предыдущее τὰ ἐμά стк. 5, причем в противоположность мн. числу последнего выражения употреблено ед. число τί как указание на избирательную конкретность вопроса — что именно из того имущества?

²⁴⁷ К примеру, флексия конъюнктива с -η вместо -ηι представлена в ионийской надписи V в. из Нимфея: μὴ χέσῃς ἱερόν «не загадь святилище» [Яйленко, 2010, с. 117] (в КБН 939 эта надпись дана в неточном, сравнительно с камнем, чтении М. М. Худяка: μὴ χέσῃς ἱεροῦ). С. Р. Тохтасьев [1999, с. 176] объявил ошибочным мое мнение, что в письме Ахиллодора ε = ῆ. Мне достаточно сослаться на написание *conj.* 3 *sg.* глагола εἶμι через εἰ в ионийских надписях IV в. из Оропа [DGE 811]: παρ-εἰ, ἐξ-εἰν, см. и [Thumb, Scherer, S. 277]. В Ольвии это εἰ конъюнктива *вм. ηι* представлено в письме Артикона первой половины V в.: ῆν ἐγβάλεῖ «если выставит» (ниже, с. 237). Поскольку в письме Ахиллодора εἰ передается через ε (*ср.* [Buck, p. 30, 31, 119]), он по аналогии написал и εἰ (= ῆ) через ε, на что повлияла утрата *иоты* в флексиях конъюнктива, т. е. написание -η вместо -ηι, как и в *dat.* τῇ γυναικί письма Ахиллодора. Если же наше предположение об ε = ῆ ошибочно и в ΜΑΤΑΤΑΣΥΕΔΕΤΙ первое Ε означает что-либо иное, выражение καὶ Μάτα<τα>σιν <ε> δέ τι αὐτῶι τε κἀναξαγόρη остается без глагола. В таком случае возможно подразумеваемое ἐστίν, как в аналогичной конструкции у Исократовых (4, 12): ἐμοὶ δ' οὐδὲν πρὸς τοὺς τοιούτους (*sc. ἐστίν*) [Kühner, Gerth, S. 417].

Сток. 9. В подлиннике стоит ΔΕΤΙ, исправление которого Виноградовым на τί δέ обязано недостаточному знанию языка — это не «описка», не «синтаксическая погрешность», как он считал, а результат неправильной расстановки им знаков пунктуации: в стк. 9 он поставил точку после имени Матасий, что и повлекло перестановку δέ τί подлинника на τί δέ. В действительности δέ τί — обычная синтаксическая фигура, свойственная и живой разговорной речи, и литературному языку, вариант обычного словосочетания τί δέ, употреблявшийся в прямых и косвенных вопросах²⁴⁸. Так что нет нужды исправлять подлинник — это простая синтаксическая фигура.

Вернемся к синтаксису предложения в стк. 6–10. Тут в нескольких периодах его содержится конструкция ἔναι οὐδὲν ἑωυτῶι τε καὶ Μатаσι <v> «нет у меня ничего общего с Матасием». При этом два периода в стк. 7 и 8 с этой конструкцией взаимно исключают: один начинается с отрицания — καὶ οὐ φησιν, второй с утверждения — καὶ φησιν. Иначе говоря, в стк. 7 Ахиллодор пишет, что он «не говорит, что у него не было ничего общего с Матасием», а в следующей строке он «говорит, что *теперь* он свободный человек и у него самого *теперь* нет ничего общего с Матасием». Избежать противоречия можно, принимая значение ἔναι стк. 7 за *praes. historicum*, а оба ἔναι стк. 8 за простой инфинитив наст. времени: «не говорю, что у меня самого не было (ἔναι — *praes. hist.*) ничего общего с Матасием, но говорю, что *теперь* я свободный человек (ἔναι ἐλεόθερος — *inf. praes.*) и у меня самого *теперь* нет (ἔναι — *inf. praes.*) ничего общего с Матасием»²⁴⁹. Это важное синтаксическое обстоятельство раскрывает суть конфликта: раньше Ахиллодор был связан с Матасием по причине своего несвободного состояния, но теперь он свободный и ничто более не связывает его с ним. Соответственно Матасий предпринял попытку порабощения его на том основании, что Ахиллодор был рабом Анаксагора.

Для уяснения содержания фразы стк. 6–10 существенно и распределение соединительных союзов καὶ и τε καὶ. Частица τε в соединении с καὶ служит для сочетания однородных элементов внутри периодов фразы: ὁ δὲ ἀναβῶι τε καὶ οὐ φησιν (стк. 6–7); ἑωυτῶι τε καὶ Μата(συ)σιν (стк. 7); Μата(συ)σιν ἔ αὐτῶι τε κάναξαγόρη (стк. 9, дат. падежи). А самостоятельные отдельные периоды фразы соединяются посредством одного лишь καὶ, без τε: ... Μата(συ)σιν, καὶ φησιν ἔναι ἐλεόθερος καὶ οὐδὲν ἔναι ἑωυτῶι (стк. 7–9)²⁵⁰. Таким образом, слова ἑωυτ(ῶ)ι (конец стк. 8)

²⁴⁸ Примеры с этими конструкциями [Denniston, p. 173 f.]: διαφέρει δέ τί; (*Dem.* 18, 205). Σύ δέ τίς εἶ; σοὶ δέ τί προσήκει θάπτειν (*Isaeus*, 8, 24). Ὡ γύναι, ἔφη, ὄνομα δέ σοι τί ἐστίν; (*Xen. Mem.* II, 1, 26).

²⁴⁹ Инфинитив наст. времени может иметь значение имперфекта прямой речи [Kühner, Gerth, 1898, S. 193], например: οἷται ἀμαρτάνειν «он думает, что ошибался» — с *inf. praes.* вместо *impf.* ἡμάρτανον [Нидерле, с. 180]. Поэтому οὐ φησιν ἔναι οὐδὲν ἑωυτῶι τε καὶ Μатаσιν письма Ахиллодора переводим: «и не говорю, что у меня самого **не было** ничего общего с Матасием», а καὶ φησιν ἔναι ἐλεόθερος καὶ οὐδὲν ἔναι ἑωυτῶι καὶ Μата<τα>σιν — «но говорю, что *теперь* я свободный человек и у меня самого *теперь* **нет** ничего общего с Матасием». Полагаем, двойное καὶ в выражении καὶ οὐ φησιν ..., καὶ φησιν (стк. 7–8) не просто соединительный союз, но, принимая во внимание эмфатичность этой фразы, имеет оттенок «не только..., но (и)...» [см. LSJ, s. v. καὶ, A V; Denniston, p. 323/4]. Ср. в этом отношении II. 24, 641: καὶ σίτου πασάμην καὶ αἵθοπα οἶνον, где Деннистон подчеркивает эмфатический характер первого καὶ — «не только хлеба вкусил я, но и багряного вина». Такое понимание указанного выражения письма объясняет разницу в употреблении καὶ οὐ φησιν, с одной стороны, и καὶ φησιν — с другой, которые при одном и том же отрицании οὐδὲν одинаково дают негативный смысл.

²⁵⁰ Для понимания разной роли καὶ и τε καὶ полезно замечание И. А. Коссовича [1848, с. 918, s. v. καί, Ας]: τε καὶ «соединяет подобное, необходимое, καί... καί — разнородное» (см. также [Kühner,

и *Ματατασ* (начало стк. 9) как члены одного периода фразы должны были бы соединяться посредством *τε καί*, наличие же тут одного *καί* указывает, что эти слова относятся к разным периодам фразы: с одной стороны, *καί οὐδὲν εἶναι ἐωυτ(ῶ)ι* (стк. 8), с другой — *καί Ματατασ εἶ δὲ τὶ αὐτῶι τε κάναξαγόρη* (стк. 9). Что чтение может и должно быть таким, показывает образующаяся в результате синтагма с дат. падежами и включенным в нее *δὲ τί*, т. е. *Ματατασ εἶ δὲ τὶ αὐτῶι* (стк. 9)²⁵¹. Также посредством *καί* становятся в пандан оба периода стк. 8: *εἶναι ἐλεόθερος καί οὐδὲν εἶναι*, дословно «быть свободным и ничего нет». Вариант с такой пунктуацией дает иной смысл: *καί οὐδὲν εἶναι ἐωυτ(ῶ)ι, καί Ματατασ εἶ δὲ τί αὐτῶι τε κάναξαγόρη* «и у него (*Ахиллодора*) ничего нет, а что есть у Матасия самого и Анаксагора (они знают сами по себе)». Это означает, что у Ахиллодора нет имущества (об имущественных отношениях персонажей см. ниже).

*Стк. 12: ΙΕΣΣΙΝΕΝΑΡΒΙΝΑΤΗΙΣΙΝ*²⁵². Тут вычленяется выражение *ἐν Ἀρβινατησίῳ* топонимического свойства: «в Арбинатах» (см. § 4). Буквы *ΙΕΣΣΙΝ* понимались по-разному: *ἵεσσι* «посылает» — форма 3-го лица *sg. praes.* глагола *ἵημι* (Виноградов); с исправлениями (*οἳ* *ἕσσι* «которые находятся» (Дж. Чедвик), (*εἰ* *ἕσσι* «если находятся» (Б. Браво); Н. Н. Казанский [1983, с. 8] отметил, что *ἵεσσι* может быть только *dat. pl.* *ι-έ-ντ-σιν, согласованное с *Ἀρβινατησίῳ*, в противном случае придется исправлять на (*οἳ* *εἰσιν*). Так как ни один вариант не решает вопрос окончательно, принимаем чтение Браво как наиболее нейтральное, с той оговоркой, что можно оставить написание подлинника: *ι=εἰ*, ибо написание *εἰ* через *ι* известно аттическому диалекту [Thumb, Scherer, S. 308].

Стк. 12: ἄγεῖν ἐς τὴν πόλιν «доставь в город». Под городом подразумевается Ольвия, которая стала политическим центром Нижнего Побужья с последней трети VI в., когда в ней началось формирование общественно-политического комплекса агоры и теменоса, а также резко увеличилось городское население [Ольвия, 1999, с. 90 и выше, с. 163] (письмо Ахиллодора, как сказано, относится к концу VI — началу V в.). Наименование центра области просто «городом» естественно для просторечия²⁵³ и, следовательно, под ним Ахиллодор подразумевал Ольвию, а не Березань, которая тоже была экономическим центром Нижнего Побужья наряду с Ольвией, но уже не была политическим центром в указанное время (выше, с. 167). Как водится в таких случаях, ольвиополиты и другие жители Нижнего Побужья называли свой центр «городом»: например, в декрете последней четверти

Gerth, 1904, S. 249 f.]). Иначе говоря, *τε καί* соединяет однородные элементы, одно *καί* — разнородные. И в стк. 6 *καί* соединяет однородные элементы (*καί δόλος καί δόλας κοικίας*), но мы ведем речь о том случае, когда в одном предложении употребляются и *καί*, и *τε καί*, чего нет в предложении стк. 5–6.

²⁵¹ Ср. примеры с инкорпорированным в синтагму *δὲ τί* (в вопросительных предложениях): *τοῦτο δ' ἐστὶν ὁ τόκος τῆς θηρίων* (*Arph. Nub.* 1286), здесь *δέ... τί* включено в синтагму *τοῦτο... θηρίων*. У Платона, с одной стороны, *τῷ τίνος δὲ ἔργῳ* и, с другой — *τῷ δὲ τίνος ἔργῳ* (*Crat.* 388 d).

²⁵² Предшествующее *ΤΟΣΑΔΕΦΕΥΣ* исследователи исправляли на *τὸς ἀδε(λ)φεῖς* «братьев». В принципе, как уже отмечалось [Яйленко, 1974, с. 144/5], можно обойтись без исправления: отсутствие *λ* обусловлено слабым его произношением. К сказанному там добавим примеры подобного написания на периферии греческого мира в надписях первых веков н. э.: *[ἀ]δεφῶ* (КБН 967), *ἀδεφῆ* (ΜΑΜΑ. 1956. Vol. 7, № 459), *ἀδουφῶ* (Ib. № 348). См. и [Lifshitz, 1964, p. 362]. К слабому произношению звука *λ* в раннее время ср. написание имени Мильтиад на афинских остраконах 460 г.: *Μιτιάδδ*, *Μιντιάδδ* наряду с *Μιτιάδδ* и др. [Peek, 1941, S. 59–61].

²⁵³ Римляне называли свой город просто *urbs*, средневековые москвичи именовали городом Кремль, а не всю совокупность окружающих его слобод.

IV или рубежа IV–III вв. до н. э. IOSPE I² 325. 5–7: παραγινόμενος εἰς τὴν πόλιν [πο]λλὰ καὶ μεγάλα χρήσιος γέγονεν τῷ δήμῳ] «прибыв в город, оказал много важных услуг народу».

Стк. 13: ΔΕΓΟΝΕΟΡΟΣ. Предлагавшееся в литературе вычитывание тут имен излишне: чтение Б. Браво δὲ γ' ὁ νεῶρος «сам же страж судна» хорошо вписывается в контекст, а гапакс νεῶρος «страж судна» имеет хорошую параллель в слове того же значения ναυφύλαξ [Bravo, 1974, p. 162/9]. Последним термином обозначался член экипажа торгового судна, который выполнял обязанности помощника владельца или арендатора корабля (навклера), наблюдая за порядком на судне, ведя счет количеству товара, выгружаемого и нагружаемого в каждом порту. По мнению Браво, φορτηγέσιον стк. 3 — это товары, которые Ахиллотор перевозил на корабле и за сохранностью которого наблюдал «страж судна».

Стк. 13: ἐλθὼν παρὰ μιν. Так как местоимение μιν — вин. падеж личного и возвратного местоимений всех трех родов (= αὐτόν, αὐτήν, также ἐαυτόν и пр.), неясно, к кому или куда приходит страж судна: к Анаксагору (так считал Браво), Ахиллотору (Чедвик) или к кому другому, например Протагору. Обычно μιν указывает на только что упомянутый предмет или лицо либо на то лицо, о котором ведется речь²⁵⁴. Здесь под этой энклитикой скорее всего подразумевался город²⁵⁵.

Предпоследнее слово письма θύωρα Б. Браво понимал как название Березани θύωρα «жертвенный стол», полагая, что такое наименование приложимо к острову, возвышающемуся плоской поверхностью над морем²⁵⁶. Но мн. число подобного названия в приложении к небольшому (полу)острову невероятно. Дж. Чедвик предложил оптимальное чтение (ι)θύωρα «тотчас» с минимальным исправлением, что принял впоследствии и Браво²⁵⁷. Завершающий письмо глагол καταβήσεται «спустился» подразумевает движение сверху вниз, например с севера на юг, из внутренних частей области к морю, из города в порт и т. д. Поскольку под «городом» стк. 12 имеется в виду, как показано, Ольвия, в данном контексте «спустился» обозначает движение из Ольвии вниз по Днепро-Бугскому лиману, т. е. на Березань, где и было найдено письмо. Тут, следовательно, и обретались адресаты письма Анаксагор и Протагор. Видимо, доставил им послание Ахиллотор «страж судна»²⁵⁸.

²⁵⁴ К примеру: Vascch. XI, 110–111; II, 11, 116–117; 21, 245, 318 etc.

²⁵⁵ В стк. 13 перед μιν упоминается «страж судна» и «город» (πόλιν). Если относить энклитику к стражу, образуется невнятный контекст: «сам страж судна, зайдя к себе...» Соотнесение же энклитики со словом «город» более приемлемо: «явившись к городу, страж судна тотчас спустится», т. е. приплыв к Ольвии, куда Протагор должен перевезти семью, он отправится ниже по течению, на Березань к Анаксагору. Вряд ли под данной энклитикой подразумевается сам Ахиллотор (как в стк. 2: δῶλθα γάρ μιν «пытается поработить меня»), так как страж должен находиться при том самом судне, на котором был Ахиллотор, и ведать теми грузами, которые захватил Матасий; в такой ситуации абсолютно неясно, откуда он может «явиться к Ахиллотору».

²⁵⁶ [Bravo, 1974, p. 169 sq.]. К подобному образованию топонима могу привести аналогию: холм «Трапезонт в Коммагене назван так по сходству со столом» (Strabo, XVI, 2, 8).

²⁵⁷ Догадка В. А. Анохина [1989, с. 11], что под словом θύωρα могут подразумеваться монеты-дельфины, оригинальна, но ей противоречит непереходность глагола καταβήσεται.

²⁵⁸ Выражение стк. 11 ἕτερα δὲ τοι ἐπιστέλλει, по мнению Браво, не имеет значения «другое тебе сообщает», усматриваемого всеми исследователями, его следует понимать как «второе дело»: если ты (Протагор) займешься перевозкой семьи в город, то письмо Анаксагору пусть отвезет «страж судна» [Bravo, 1980, p. 881, n. 147]. Нет нужды оспаривать мнение Виноградова, что письмо, видимо, осталось неотправленным, так как в его пользу не приведен ни один существенный аргумент.

2.1.4. Арбинаты

При обсуждении в Институте всеобщей истории рукописи статьи Виноградова 1971 г. я указал, что в выражении стк. 12 ΙΕΣΣΙΝΕΝΑΡΒΙΝΑΤΗΙΣΙΝ содержится собственное имя в дат. падеже — ἐν Ἀρβινᾷ, при том, что Стефану Византийскому известен некий «город на Понте Ἀρβάνιον» [ср. Яйленко, 1974, с. 145]. Затем Дж. Чедвик дал чтение ἐν Ἀρβινάτησι, усмотрев здесь название острова Березань, и привел близкий по звучанию гидроним Ἀρβινάτης в Элиде [Chadwick, p. 36]. На мой взгляд, Стефанов «город на Понте Ἀρβάνιον» то же, что * Ἀρβινάται письма Ахиллодора, на что указывает аналогичная по образованию пара: Ἀρβίνα — название города в Элиде и Ἀρβινάτης, река при нем (Paus. VI, 21, 8). Б. Браво нашел точное соответствие у Стефана Византийского: Ἀρβινάται, Ποντικὸν ἔθνος «Абринаты: понтийский народ», но, полагая, ошибочно заключил отсюда, что Арбинаты — этноним²⁵⁹. По нашему мнению, у Стефана этот этноним появился в результате перетолкования этника (метатеза ρβ — βρ обычна в греческом), т. е. названия жителей малоизвестного городка на северопонтийском побережье, поскольку название Арбинаты еще не раз встречается: в ольвийском граффито V в. — [Α]ρβινησ[σιν] [Виноградов, 1989, с. 30; ГОП, с. 160], и, вероятно, в березанском граффито второй половины VII — первой половины VI в. --ϐ Ῥβιν-- , что дало бы основание для идентификации Арбинат и Березани (ниже, с. 303). Основа ᾱρβιν- не характерна для греческого языка, из него название не объясняется²⁶⁰. Раньше я думал о переносе этого названия колонистами из Ионии, но связь его с ликийско-карийским личным именем erbbina маловероятна²⁶¹. Теперь ввиду

²⁵⁹ Впрочем, он не исключил и топонимический характер названия [Bravo, 1974, p. 160/1; 1980, p. 883]. Виноградов [1989, с. 30] увидел в выражении ἐν Ἀρβινάτησι название местного праздника, как он высказывался устно, «на время Арбинатий». Однако два формальных момента препятствуют такому пониманию. Прежде всего это форма жен. рода, ибо абсолютное большинство названий праздников — среднего рода (подразумевается τὰ ἑρά). Мужского или женского рода были названия отдельных дней праздника (например, Ὑδροί, восьмой день Анфестерий) либо обрядов (Μαζῶνες) [Nilsson, 1906, S. 300, 457]. В «Лексиконе» Гесихия есть несколько названий преимущественно жен. рода с пометкой ἑορτή (см. индекс 2 в указанной работе Нильссона; мы касаемся лишь названий, состоящих из одного слова, без определений), но о них практически ничего не известно, поэтому неясно, к чему относились эти названия — ко всему празднику или только к его части. Последние же могли совпадать с наименованием праздника в целом, различаясь лишь по категории рода: например, Καριεῖαι составляли часть известного праздника τὰ Κάριεα, второй день праздника τὰ Θεσμοφόρια назывался ἡ Θεσμοφορία и т. д. (Syll.³ 1026, *comm.* 7). Кроме того, эти названия жен. рода могли быть связаны с одними лишь обрядами; М. Нильссон упомянул 2–3 таких названия, которые, видимо, составляли отдельные празднества, но о них также мало что известно [Nilsson, 1906, S. 435, 464]. Таким образом, трактовка названия жен. рода в качестве наименования праздника маловероятна, особенно если мы ничего о нем не знаем. Это негативное заключение усугубляется тем, что названия праздников в *dat. temporis* обычно употребляются без предлога ἐν, хотя и здесь опять-таки не обходится без исключений [Нидерле, с. 87, примеч. 2].

²⁶⁰ Глосса Γесихия ᾱρβινη: κρέας, Σικελοί «мясо, у сицилийцев», сближаемая с лат. *arvina* «свиной жир», в данном случае ничего не проясняет, да и по происхождению она местная, сикульская, т. е. принадлежит к итальянской языковой среде.

²⁶¹ [Яйленко, 1974]: топоним Арбинаты может быть связан с ономастикой Кари, в которой расположена метрополия Ольвии Милет, именно с ликийским личным именем *erbbina* на серии карийских монет конца V в. до н. э. [Babelon, 1893, p. СII–СIII; Шеворошкин, с. 245]. Так как в греческом это ликийско-карийское название передавалось как Ἀρβιν- [Houwink, p. 102, *cf.* Sundwall, S. 7, 70 *f.*, 284;

наличия в Ольвии иллирийской ономастики следует заключить, что Арбинаты письма Ахиллодора — местный топоним или этникон иллирийского происхождения (подробности ниже, с. 275/80)²⁶².

2.1.5. Интерпретация содержания надписи

Установив текст документа, перейдем к интерпретации содержания. Когда Дж. Чедвик выяснил суть конфликта, состоявшую в порабощении Ахиллодора Матасием (с обоснованной выше нашей поправкой — это была попытка захвата), исследователи обратились к уточнению отдельных деталей интерпретации сложившейся ситуации, и лишь Б. Браво дал развернутое истолкование проблемы в целом [Bravo, 1980, p. 882/5]. По его мнению, Матасий некогда жил там же, где Анаксагор, который владел его рабами и домами. В настоящее время он живет где-то в другом месте, вероятно, в другом греческом городе. Он имел претензии к Анаксагору, полагая, что тот лишил его имущества. Ему представился случай удовлетворить их в порядке компенсации посредством наложения ареста на имущество, принадлежащее Анаксагору, которое перевозил Ахиллодор. Матасий поработил Ахиллодора, подчеркивая, что тот раб Анаксагора и составляет, таким образом, часть его имущества. Ахиллодор поднял крик, утверждая, что он свободный человек и, следовательно, у Матасия нет никакого права захватывать его. Он написал письмо сыну Протагору для того, чтобы тот предпринял меры для его освобождения. Он поручил письмо «стражу судна», по получении послания Протагор должен был пойти к Анаксагору и рассказать ему и его жене о случившемся. Но если по прибытии стража семья Ахиллодора будет находиться среди арбинатов (или в Арбинатах), он должен перевезти ее в город, а письмо доставит Анаксагору «страж судна». По мнению Браво, Ахиллодор не считал свое рабское состояние юридиче-

---

Шеворошкин, с. 169], я усмотрел его в основе топонима *Ἀρβινάται (здесь -(a)t- этнотопонимический формант [Schwyzer, 1939, S. 500]). И в самом Милете некогда обретались карийцы, но греки перебили их (Herod. I, 146), по Павсанию (VII, 2, 3), это было смешанное карийско-критское население. Но отсутствие в милетской области (и в Малой Азии в целом) топонима Ἀρβιν- делает это объяснение ольвийских Арбинат маловероятным (хотя образование топонимов от личных имен само по себе продуктивно). Непригодна для топонима и предложенная О. Н. Трубачевым [1999, с. 205, 227] индоарийская этимология названия Арбинаты — к др.-инд. *arbha*- «маленький», *nātha*- «господин».

²⁶² Виноградов [1989, с. 29–30] попытался опровергнуть мое мнение об ἐν Ἀρβινῳ как топониме в попытке спасти свое предположение об Арбинатах как названии праздника. Его доводы: 1) на изданном мною березанском граффито --ν Ρβιν-- мало что видно; 2) в Ликии имя Erbina иранского происхождения; 3) ἐν + *dat.* несочетаемо с глаголом отправления, посылки (не движения, как утверждал я) καταβαίνω. Что до первого аргумента, то не Виноградову указывать на плохую сохранность граффито, ибо у него не то что чтения, а целые исторические конструкции покоятся на вершках букв (примеры см. на с. 242/7, 476, 730). Что до этимологии названия Арбинаты, то мое предположение о переносе его в Нижнее Побужье милетскими колонистами и о происхождении от ликийского личного имени Erbina, вопреки Виноградову, несколько не дезавуируется иранской этимологией этого ликийского династического имени, предложенной Р. Шмитом [Schmitt, 1978a, S. 46–51]: какого бы происхождения оно ни было в Ликии или Карию, важно, что имя употребительно там [Bousquet, 1975, p. 138/48] и потому могло быть перенесено соседними греками, отправившимися колонизовать Нижнее Побужье. Третий аргумент потерял значение, ибо теперь я принял чтение Браво (ἐῖ ἐσσιν «если они находятся») (а не форма от ἵτησι, как я думал раньше). Вопреки грамматике и в 1989 г. Виноградов утверждал, что Арбинаты — название праздника (правда, уже под вопросом), но напрасно, ибо по *opinio communis* это топоним.

ски обоснованным и уже определенным, но напротив, искал средства его избежать, и поэтому он не пишет в своем письме, что Матасий сделал его своим рабом, но что тот пытается сделать его таковым. Он поднял крик в надежде, что кто-либо из жителей того города «наложит руки» на него в соответствии с ритуалом, чтобы вырвать его у Матасия и освободить. И письмо отправлено им с тем, чтобы побудить Анаксагора снестись с кем-нибудь из граждан того города для освобождения Ахиллодора посредством «наложения рук».

Браво полемизирует с Х. Купишевским, который рассматривал крик Ахиллодора как средство, позволявшее ближайшим лицам организовать такую защиту, т. е. это был *Hilferuf* правового порядка: Ахиллодор рассчитывал, что на крик его близкие сбегутся и воспрепятствуют силе акции Матасия. Браво же думает, что дело происходило не среди «своих», а в чужом городе, жители которого не обязаны, за исключением прокшенов, защищать его. Кроме того, отмечает Браво, дело не в противодействии силе силой, а в ритуальном, юридическом противодействии при помощи акции *ἀφαίρεσις εἰς ἐλευθερίαν*, являвшейся актом частного права. Можно думать, продолжает Браво, что Матасий как носитель негреческого имени обрелся не в греческом, а в варварском городе, но Ахиллодор предпринимает меры против своего порабощения такие, какие предпринимались в его среде и которые были близки по своим юридическим нормам греческому обществу. Аргументации Матасия: ты раб Анаксагора, а Анаксагор владеет моим имуществом, следовательно, я имею право захватить тебя, Ахиллодор противопоставил свои доказательства: я свободный человек и ты не имеешь тех прав на мою личность, которые предоставляют тебе твои имущественные отношения с Анаксагором. По Браво, все это хорошо объясняется в рамках обычного, т. е. основанного на обычае, права греков, относящегося к захвату имущества частным лицом, которое может осуществить это право против чужеземца на основании частной претензии к нему.

На наш взгляд, интерпретация Браво, справедливая по пониманию сути конфликта как акции захвата, не вполне адекватна предоставляемым надписью данным о причине конфликта, о характере имущественных отношений Матасия и Анаксагора, о статусе Ахиллодора, наконец, о географической соотнесенности пунктов пребывания действующих лиц. Наше понимание документа обуславливается существенными особенностями его синтаксиса в стк. 1–3 и 6–9, отмеченными выше и указывающими, во-первых, на попытку захвата, а не на осуществившийся захват²⁶³, во-вторых, на причины конфликта: Ахиллодор, ранее связанный с Матасием через Анаксагора узами своего несвободного состояния, теперь свободный человек и потому попытка захвата его Матасием незаконна. Как видно, во всей этой истории главные фигуры — Ахиллодор, Матасий и Анаксагор, взаимоотношения между которыми, прошлые и настоящие, обусловили существо конфликта. Определив социальный и имущественный статус этих лиц, мы сможем адекватно понять суть событий.

Наиболее ясна фигура Анаксагора. Носитель аристократического имени, он, без сомнения, важная «птица»: от него зависит решение участи Ахиллодора, который,

²⁶³ Браво тоже пишет о попытке захвата, но основывается на том, что Ахиллодор поднял крик, а далее он предполагает, что после получения письма Анаксагор должен был организовать освобождение Ахиллодора ритуальным «наложением рук». В результате выходит, что все время, необходимое на организацию этой акции, Ахиллодор либо пребывал в захвате у Матасия, либо продолжал свой крик.

видимо, вместе с сыном Протагором работает на него (вероятно, именно Анаксагору принадлежит груз, конфискованный Матасием), он фактически распоряжается движимым и недвижимым имуществом Матасия²⁶⁴. Обе конфликтующие стороны — Ахиллотор и Матасий — оперируют именем Анаксагора: первый отправляет ему со своим сыном письмо (см. адрес), второй мотивирует свою акцию захвата тем, что Ахиллотор — раб Анаксагора и что его, Матасия, имуществом владеет Анаксагор.

В письме Ахиллотора Анаксагор — фигура за кадром, но он известен нам и по другим памятникам малой березанской и ольвийской эпиграфики: мы давно отождествили его с Анаксагором двух посвящений рубежа VI–V вв.: 1) на фрагменте венчика чернолакового килика: [Α]ναξα[γύρεω] (либо иная форма посвящения); 2) на фрагменте венчика чернолакового или чернофигурного килика: [? Αναξ]αγόρης με ἀν[έθηκεν] «Анаксагор посвятил меня»²⁶⁵.

Обратимся теперь к Ахиллотору. По утверждению Матасия (стк. 4–5), он раб Анаксагора, это же следует из заявления самого Ахиллотора, что он теперь свободный человек (стк. 8), т. е. несвободный в прошлом. Ставший свободным, раб мог быть либо вольноотпущенником, либо кабальником — свободным человеком, временно перешедшим в рабское состояние²⁶⁶. Против вольноотпущеннического статуса Ахиллотора может говорить его имя и решительно свидетельствует имя его сына Протагора. Имя Ахиллотора имеет очень местный характер и указывает, что его носитель был уроженцем Нижнего Побужья, основного центра почитания Ахилла (выше, гл. 3). Имя Ахиллотор специфически ольвийское, засвидетельствованное именно тут и неизвестное другим греческим областям в раннее время²⁶⁷. Сама редкость имени могла бы навести на мысль, что оно вольноотпущенническое, однако этому противоречит тип его образования и применение этого типа: теоним + δῶρον (ср. имена Аполлотор, Геродор, Артемидор в списке ольвийских граждан III в. IOSPE I² 201). Тем более вольноотпущенническому статусу Ахиллотора противоречит имя его сына Протагор, аристократическое по характеру. Ольвийская антропонимика VI–II вв. до н. э. показывает его ионийскую чистоту *en masse*; ольвиополиты верхнего и среднего слоев носили имена аристократического и теофорного происхождения. В упомянутом списке граждан Ольвии сохранилось 135 имен и патронимиков, при этом у 50 лиц аристократические имя и патронимик, еще 15 лиц имеют аристократические и теофорные имена-отчества; теофорных имен и патронимиков 42; бытовых имен лишь 25, причем они в нескольких случаях сочетаются с теофорными именами; бытовые и аристократические имена не сочетаются (ниже, с. 485, 494). Таким образом, распределение имен в Ольвии указывает на невозможность аристократического имени у сына вольноотпущенника.

Напротив, мнение о кабальном статусе Ахиллотора препятствий не имеет. Обычно переход в кабалу связан с должничеством — невозвращением ссуды, не-

²⁶⁴ А. П. Миллер видел в Ахиллоторе и Протагоре служащих Анаксагора или его партнеров [Miller, p. 157 f.]. Во всяком случае, Протагор входил в дом Анаксагора.

²⁶⁵ [Яйленко, 1982, с. 291; 1975, с. 135]. См. рис. [Ольвия, 1964, с. 152, рис. 21, 2]. Не исключено, что еще одна очень фрагментированная надпись связана с нашим Анаксагором [Яйленко, 1979, с. 56, № 7].

²⁶⁶ О вольноотпущенничестве и кабальном рабстве в архаическую эпоху см. ниже.

²⁶⁷ Помимо данного письма оно засвидетельствовано в ольвийском наговоре IV в. [Диль, 1915, с. 50 = Dubois, 105]. Согласно LGPN IV, 105, в Ia — Ip имя представлено в Истрии; но это уже результат развития культа Ахилла там с эллинистического времени.

уплатой податей, невозвращением денег за выкуп из плена и пр. [Соболевский, 1957, с. 303/4; Шишова, 1968, с. 25 сл.]. Возврат долга обеспечивался залогом личности должника и членов его семьи²⁶⁸. Невозврат долга служил основанием для заката должника, который поступал в рабство к заимодавцу до отработки суммы долга. Такая практика имела ряд особенностей, в частности можно было возместить долг из имущества должника. Иногда должнику было выгоднее пойти во временное рабство для отработки долга, нежели лишиться своего имущества. Для иллюстрации сказанного обратимся к галикарнасскому постановлению последней трети V в. о продаже имущества должников (Syll.³ 46). В этом городе храмы выступали в качестве кредиторов и давали ссуды под залог недвижимости. Спустя определенное время имущество несостоятельных должников, включавшее дома и земельные участки, было продано. Кроме лишившихся залога обеспечения была и другая группа должников, которые были проданы с торгов сами или вместе с семьями и принадлежавшим им имуществом. Из этого документа явствует, что должники продавались частным лицам для отработки своего долга, причем вместе с ними переходили к новому владельцу во временное держание также члены их семьи, челядь и имущество²⁶⁹. Вторая группа должников, в отличие от первой группы, сохраняла свое имущество, используя его для отработки долга. Иначе говоря, должник был заинтересован в переходе на временный рабский статус в целях сохранения своего имущества от продажи в уплату долга.

Обратимся к нашему документу. Ахиллотор был рабом Анаксагора, но стал свободным. Это означает, что он выплатил или отработал свой долг Анаксагору. Видимо, при последнем состоял сын его Протагор, в чем предположительно можно усматривать временный переход Ахиллотора в рабство к Анаксагору с сыном, а не всей семьей (она пребывает в другом месте, стк. 11–12). В одном из пунктов ольвийской хоры (см. ниже) Матасий предпринял попытку захвата Ахиллотора, перевозившего груз, мотивируя свою акцию тем, что Ахиллотор — раб Анаксагора, который владеет имуществом и самого Матасия (стк. 4–6). Характер имущественных отношений Матасия и Анаксагора мы выясним далее, а пока отметим, что попытка Матасия захватить Ахиллотора как раба законна: так, гортинское законодательство разрешало захват кабального раба и лиц, проданных в рабство по суду (*Legg. Gort. I, 55 — II, 1: [τὸ]ν δὲ νεῖκαμένον[ν] καὶ τὸν κατὰ κείμενον ἄγοντι ἄπατορ ἔμεν* «проданного по суду и самозакладника можно увести безнаказанно»).

Реакцией на такую практику стали законы Солона в Аттике начала VI в., запрещающие обеспечение ссуды личностью должника. По-видимому, меры аналогичного

²⁶⁸ Источники архаического времени: *Solo*, fr. 3. 17–25; 24. 5–10 Diehl; ср. *Hyper.* V, 22; *Legg. Gort. I, 55 — II, 1; Diod. I, 79, 3–5*. Классическая эпоха: *Lys.* XII, 98; *Isocr.* XIV, 48; *Dem.* 53, 11, ср. *Legg. Gort. VI, 46–55; DGE 180. Lum.* [Beauchet, 1897, p. 414/5; Swoboda, 1905, S. 42 f.; Weiss, S. 498 f.; Woodhouse, p. 72; Willets, p. 97–99; Finley, 1965, p. 159 sq.].

²⁶⁹ См. тексты В, С, D. Под выражением ὧν ἰκνεῖται (стк. 68, 71, 77, ἰκνεῖται πάντων стк. 82) подразумеваются члены семьи должника, его челядь и имущество (в которое челядь входила), с которыми он явится к своему владельцу, ср. стк. 169–174: Διότι μοι[s] Σαρυσώλλῳ Κακρᾶν Ἰσσελδομῷ πλὴν Ἑκαταίης [κ]αὶ ὧν ἡ ἀδελφὴ ἐκράτη[σ]εν ἐν Τερμέροισι καὶ τὸ [μέ]ρος τοῦ κήπῳ «Диотим, сын Сарисолла, купил Какра, сына Иссельдома, со всем его достоянием, за исключением сестры Гекатеи и того имущества, которым она владеет в Термерах, а также часть сада». Продажа в рабство носила символический характер: должник обязан был отработать покупателю сумму своего долга храму. Один из должников был продан сразу четырем покупателям, откуда явствует, что продавался не сам должник, а его долг (см. также [Шишова, 1968, с. 42–44. 116/8]).

рода предпринимались и в других греческих областях, на что может указывать известие Диодора (I, 79, 3) о законах легендарного египетского царя Бокхорида, считающихся в литературе отражением греческой полисной практики [Шишова, 1968, с. 28]. Диодор так излагает мероприятие Бокхорида: «он установил взыскание суммы долга только с имущества должников и никоим образом не разрешил уводить самих людей». Ни источники этого законодательства, ни время их не ясны. Можно лишь предполагать на основании данного свидетельства, что захват должников был распространенной практикой и Афины не были единственной греческой областью, где увод кабльников законодательно возбранялся.

Обратимся теперь к еще более загадочной фигуре — Матасию — и попытаемся выяснить его социальный статус, происхождение, характер имущественных отношений с Анаксагором, но прежде всего место пребывания, где он предпринял попытку захвата Ахиллодора. По мнению Браво, Матасий некогда жил там же, где Анаксагор, но в настоящее время обитает в другом греческом городе, а если и не греческом (имя Матасий негреческое!), то таком, в котором взаимоотношения осуществлялись по нормам, принятым в греческих городах. Это слишком общее и отвлеченное от действительности положение Браво может быть, на наш взгляд, конкретизировано, что в корне меняет ситуацию в ряде отношений. Обратим внимание на предписание Ахиллодора сыну Протагору доставить мать и братьев в город, если (?) те пребывают в пункте или местности, называемой Арбинаты. Подразумеваемая мотивировка данного распоряжения очевидна и не вызывает сомнений: Ахиллодор хочет обезопасить свою семью от захвата ее Матасием вслед за попыткой захвата им самого Ахиллодора. Это означает, что действие разворачивалось в пределах небольшого региона: Арбинаты достижимы как из места пребывания Матасия, так и из пункта пребывания Протагора и Анаксагора, т. е. Березани²⁷⁰. Иначе говоря, дело происходило в пределах Нижнего Побужья и в целом локализация мест действия примерно такова: Протагор и Анаксагор пребывают на Березани, семья Ахиллодора переправляется из Арбинат (т. е. с Березани или из другого пункта хоры) в Ольвию («в город», см. выше), Матасий же захватывает имущество Ахиллодора в каком-то третьем пункте Нижнего Побужья, из которого Арбинаты достижимы.

Экистическая ситуация в регионе нам хорошо известна археологически: на рубеже VI–V вв. тут были два городских центра — Ольвия, Березань, и сотня сельских поселений хоры размерами от хутора до крупного поселка площадью около 50–80 га [Крыжицкий, Буйских, Отрешко, 1990, с. 41–42]. На одном из таких поселений (а все они надлиманые) и обрелся Матасий, захвативший груз плившего тут Ахиллодора и пытавшийся поработить его самого. Локализация этой акции в пределах ольвийской территории снимает тезис Браво об Ахиллодоре как ксене; по утверждению самого Ахиллодора, он свободный человек, и у нас нет оснований сомневаться в этом, поскольку иначе была бы неоправданной его просьба к Анаксагору, имплицитно содержащаяся в распоряжении сыну Протагору рассказать обо всем Анаксагору и его жене, разъяснить Матасию действительный статус Ахиллодора.

Итак, Матасий обрелся на одном из поселений ольвийской хоры, т. е. принадлежал к кругу насельников ольвийского полиса. Для определения его статуса и выяснения характера его имущественных отношений с Анаксагором немаловажное

²⁷⁰ Если Арбинаты то же, что и Березань, то последняя достижима из пункта пребывания Матасия.

значение имеет облик его имени, явно негреческий, ввиду раннего времени, предполагающий негреческое же происхождение его носителя. В Ольвии, на Березани и поселениях хоры, греческих по своей типологии, наряду с эллинизмом было представлено туземное население, включавшее, судя главным образом по керамике и гидронимии, карпато-дунайские элементы (фракийские, дакийские, иллирийские), скифов-пахарей и потомков местного индоарийского населения киммерийского времени²⁷¹. Антропонимическая ситуация VI–V вв. в Нижнем Побужье характеризуется абсолютным преобладанием греческих антропонимов, так что несколько известных нам негреческих имен этого времени должны быть связаны с негреческим этносом их носителей²⁷². Из них лишь имя Идан употреблялось в греческой среде (это определялось наличием греческого населения в районе горы Иды), остальные имена варварские по характеру, и их носители определенно негреки.

Появление туземцев на сельских поселениях Нижнего Побужья, а также в Ольвии и на Березани обуславливалось характерной для колонизационной эпохи конвергенцией греческого и варварского миров во всех областях греческого расселения. Варваров привлекала на греческие поселения возможность приобщения к более высокому жизненному стандарту, коротко говоря, их влекла к грекам экономическая заинтересованность; нельзя исключить и духовную потребность (выше, с. 169/71). С течением времени адаптировавшиеся варвары второго и следующих поколений становились членами греческой общины в лице отдельных туземцев, что для Ольвии второй половины V в. засвидетельствовано негреческими именами городских магистратов Эминака и Ариха (с. 274/6). Подобно названным магистратам и Матасий мог выделиться из туземной нижебужской среды своим имущественным положением. Он располагал рабами, рабынями, домами (стк. 5–6) и возможностями для задержания свободного грека Ахиллодора. То и другое необычно для лица незлилинского происхождения в греческом полисе позднеархаической эпохи. Тем не менее общегреческие реалии указывают на некоторую значимость туземного этноса на греко-варварском пограничье. В колонизационной практике позднего времени известно включение некоторой части туземцев в число граждан основанного на варварской территории греческого полиса (в собственно греческих областях, еще в начале I тыс. до н. э. бывших негреческими — карийскими, ликийскими и пр., —

²⁷¹ Археологические данные [Марченко, 1988, с. 111–120, *ср.* 1979, с. 130 *сл.*; СОО, с. 91; Черняков, 1994; Ольвия. 1999, с. 393/9; Отрешко, 2009б]. Гидронимия [Яйленко, 1991; 1991а; 2011а, с. 438/9; 2013а, с. 52–55, 99–100; 2014, с. 527/9]. О. Н. Трубачев [1999, с. 204, 205, 227, 255] отождествил часть этого населения с индоариями, дав соответствующие этимологии имени Матасий и названия Арбинаты (см. ниже, а также выше раздел о скифском Ахилле). О других возможных толкованиях имени Матасий см. § 6.

²⁷² Это следующие имена: 1) Ἰδαῖος — Березань, середина или третья четверть VI в. (ниже, с. 312/3); 2) Ματασίης письма Ахиллодора, обитатель одного из сельских поселений хоры, рубеж VI–V вв.; 3) Ἰδασιταῖος — Ольвия, первая треть V в. [Яйленко, 1979а, с. 57; ГЛБО II, с. 77–79]; 4) -ιακτῆς — первая половина или середина V в., Ольвия, возможно дополнение по известному на монетах Ольвии ок. 440–430 гг. магистрату Ἐμνιακτῆς (ниже, с. 276) или 5) Χιμνιακτῆς — граффито V в. с ольвийской хоры [Виноградов, Марченко, 1986, с. 66, рис. 4, 9] (они датировали ножку чл. килика с этим граффито рубежом VI–V вв., однако по характеру письма оно не древнее V в.). Известно несколько имен на -ιακτῆς (Hansen, 158), определенно греческое лишь одно из них — Ἀρνίακτῆς; 6) Ἀτακτῆς письма Артикона из Ольвии, первая половина V в. (см. ниже, с. 239/40). Этимологически имя Идан малоазийского происхождения (по горе Ида в Троаде); имя Игдампей, Эминак — иранское; Атак — туземное «детское»; Матасий, Химюнак, Эминак — неясного происхождения.

в числе граждан с самого начала указанного тысячелетия было множество туземцев, ср., к примеру, именник вышеприведенной галикарнасской надписи)²⁷³. В архаическую эпоху туземцы порой инкорпорировались во вновь возникавшие греческие городские общины, но редко. Это связано с олигархическим по преимуществу характером колоний позднеархаического времени, стремившихся к замкнутости гражданских коллективов не только от туземцев, но и от дополнительно приселявшихся греков²⁷⁴. Хотя присутствие некоторого числа негреческих элементов в числе граждан греческих городов несомненно, это были по преимуществу метисы, полугреки-полуварвары²⁷⁵.

В Ионии, метрополии Березани и Ольвии, как и в Греции в целом, в VI в. существовали олигархии, тирании, раннедемократические полисы. В колониальных центрах социально-политическое развитие общества отличалось увеличенной скоростью сравнительно с метрополиями, здесь наличие больших материальных ресурсов у широких слоев населения способствовало некоторой демократизации государственного устройства (например, в Кирене, Сиракузах и пр.)²⁷⁶. Эта тенденция, как и другие обстоятельства, позволяет предположить, что в раннем ольвийском полисе круг граждан не ограничивался первопоселенцами, но включал и эпойков — дополнительных переселенцев. Вероятно, как и в других колониальных центрах (например, в Кирене), на Березани, а потом и в Ольвии первопоселенцы образовали корпорацию полноправных граждан, а прибывавшие на протяжении второй половины VI в. эпойки — неполноправных граждан, прежде всего без права избрания на полисные магистратуры²⁷⁷. Но важно подчеркнуть, что как гражданам они имели право на недвижимость — землю и ойкос. В частности, применительно к Ольвии, об этом свидетельствует исследуемый ниже документ первой половины V в. — письмо Артикона, согласно которому лицо с бытовым (рядовым) именем Миллион и лицо с негреческим именем Атак владеют домами (с. 241/2). Материально это были простые землянки и полуземлянки, по функциям — жилищно-хозяйственные ойкосы (о них [Ольвия, 1999, с. 47, 54]).

В свете этих данных наличие домов у неграка Матасия не неожиданно и указывает, что по меньшей мере с рубежа VI–V вв. местный полис был открыт для отде-

²⁷³ Например, при основании иссейской колонии на Черной Керкире в Адриатике в III в. до н. э. в число полноправных граждан включили небольшое количество иллирийцев [Яйленко, 1982, с. 122].

²⁷⁴ Можем привести лишь один случай с Киреной, где во второй четверти VI в. в результате борьбы демоса с олигархией первых колонистов в число граждан включены перизки — то ли ливийцы, то ли греческое сельское население. Рассказывающий об этой реформе Геродот (IV, 161) в другом месте называет этих перизков ливийцами (IV, 159), однако тождественность этих перизков неясна. Соответственно одни исследователи считали, что в киренский полис были включены туземцы (Бузольт, Ларсен, Джоунз. Шефер), другие (Шаму, автор сих строк) отрицали это [Chamoux, p. 221/2; Яйленко, 1982, с. 81].

²⁷⁵ Дети от негреческих женщин, естественно, считались греками, хотя, например, по отцу митиленский эсимнет позднего VII в. Питтак был бы фракийцем; герой греко-персидских войн Кимон по матери приходился внуком фракийскому царю Олору, у Фемистокла мать была фракиянка или карийка (*Plut. Themist. 1*) и т. д. Этническая принадлежность у полугреков легко менялась: так, дети Метиоха, сына другого героя греко-персидских войн Мильтиада-младшего, родившиеся от жены-персиянки, по словам Геродота (VI, 41), причислялись уже к персам.

²⁷⁶ Подробнее [Яйленко, 1982, с. 80 сл.; 1990а, с. 156 сл.]. О раннедемократических полисах Ионии [Лаптева, 2009; Яйленко, 1990а, с. 166 сл.].

²⁷⁷ Подробнее о статусе эпойков [Яйленко, 1982, с. 77–82, 93–134].

льных имущественно состоятельных лиц — греков и туземцев из «третьего» сословия. Что до последних, то негреческие имена ольвийских должностных лиц второй половины V в. Эминака и Ариха, определенно указывающие на принадлежность их носителей к туземному слою населения ольвийского полиса, свидетельствуют, что не позднее середины V в. круг полноправных граждан Ольвии (т. е. имеющих доступ к магистратурам) стал расширяться за счет отдельных туземных выходцев. Наличие недвижимости у Матасия позволяет отодвинуть этот временной рубеж до конца VI — начала V в. (ниже мы рассмотрим предположение и о вольноотпущенническом его статусе, см. § 6).

Помимо домов Матасий владел рабами и рабынями. Можно думать, что в Нижнем Побужье соседство со скифским царством обеспечивало определенный рынок живого товара, так что рабами мог владеть любой житель ольвийского полиса — и полноправный, и неполноправный, грек и негрек, ибо владение рабами обусловлено не политическим статусом или этническим происхождением, а лишь наличием средств на их покупку. У Матасия было как минимум по два раба мужского и женского пола, что при отсутствии данных о развитом на массовом уровне частнособственническом рабовладении на рубеже VI–V вв. не только в Нижнем Побужье, но и в других греческих областях, без сомнения, указывает на большие финансово-экономические возможности Матасия. Вероятно, мы не ошибемся, сочтя его нуворишем, сумевшим к тому же приобрести недвижимость. Собственником последней (как и рабов) он, однако, в данное время не был: по словам Матасия, «его имуществом владеет (ἐχέ) Анаксагор — и рабами, и рабынями, и домами» (стк. 5–6). Сам по себе глагол ἐχέιν обозначает любые формы нахождения в собственности, аренде и тому подобном [Kränzlein, S. 13–16], поэтому в данном контексте письма Ахиллодора он не может помочь нам определить характер имущественных отношений Матасия и Анаксагора. Мы можем лишь предварительно наметить варианты понимания имущественных взаимоотношений Матасия и Анаксагора, исходя из общегреческих реалий V в.

1) Спорный захват: Анаксагор каким-то способом завладел имуществом Матасия, который считал это несправедливым и в отместку захватил Ахиллодора (так считал Браво [Bravo, 1980, p. 882]). 2) Ипотека: Матасий заложил свое имущество у Анаксагора [Виноградов, 1971, с. 91]. 3) Матасий — вольноотпущенник Анаксагора, который фактически распоряжается его имуществом (об этом варианте см. § 6). 4) опека (этот вариант ничем нельзя подтвердить). 5) Матасий — кабальник Анаксагора, заложивший у него свое имущество. Вероятность того или иного варианта напрямую зависит от акции Матасия по захвату Ахиллодора, т. е. мотивировка его акции обусловлена характером имущественных отношений Анаксагора и Матасия, на что последний прямо указал: *я произвел захват потому, что моим имуществом владеет Анаксагор*. Выше мы пришли к выводу, что синтаксис этой мотивировки раскрывает ее суть: раньше Ахиллодор был связан с Матасием по причине своего несвободного состояния, но теперь он свободный человек и ничто более не связывает его с Матасием (стк. 10–11). Видимо, связь временного кабальника Ахиллодора с Матасием объясняется тем, что и Матасий был кабальником Анаксагора, причем в кабалу к нему они попали не порознь, а купно, например, по причине общего долга. Совокупная ответственность и могла побудить Матасия к захвату сотоварища по закладу, однако Ахиллодор уже отработал свою часть долга и потому его ничто не связывало более с Матасием.

В результате получается, что кабальник, да к тому же негрек Матасий пытается захватить недавнего кабальника, грека Ахиллодора. Это парадоксальная ситуация, и ее можно скорректировать, предположив, что Матасий и Ахиллодор были связаны общим долгом Анаксагору, но в уплату долга Матасий предпочел заложить свое имущество, тогда как Ахиллодор заложил себя самого для сохранения своего имущества. (Напомним, что в упоминавшейся выше галикарнасской надписи представлена такая же картина: одни в уплату долга закладывают свое имущество, другие свою личность.) Такая расстановка фигур образует естественную комбинацию: Матасий как свободный человек или вольноотпущенник захватывает своего соответчика по долгу кабальника Ахиллодора. Мотив захвата очевидно материальный — Матасий успел наложить лапу на перевозимый Ахиллодором груз. По-видимому, он считал, что Анаксагор получил с его имущества уже больше положенного, и хотел вернуть себе этот излишек посредством захвата Анаксагорова кабальника и перевозимого им груза.

Таково, на наш взгляд, существо конфликта²⁷⁸.

Остановимся теперь на обстоятельствах захвата. Как указывалось, он не вполне осуществился: Матасий захватил груз, но порабощение Ахиллодора не состоялось. Противодействуя захвату, Ахиллодор прибег к акции самопомощи — он стал кричать (ὁ δὲ ἀναβῶν, стк. 6) для привлечения внимания окружающих людей. Такой *Hilferuf* («крик о помощи») был простейшим средством начать дело об освобождении. В гортинском законодательстве в подобных ситуациях вопрос решался в судебном порядке: захваченный, будь свободный человек или беглый раб, прежде всего должен быть отпущен, и затем на основании показаний свидетелей судья принимал решение (*Legg. Gort. I, 1 sq.*). Вмешательство Анаксагора, к которому имплицитно вызывает Ахиллодор, вряд ли было связано с апелляцией к суду. В классическое время известен вид судебного разбирательства, называвшийся *δίκη ἐξαίρεσέως* (или *ἀφαίρεσέως*) *εἰς ἐλευθερίαν*²⁷⁹. Суть такого дела хорошо проясняется на примере речи Исея за Евмафа²⁸⁰. Евмаф был вольноотпущенником (в сохранившемся гипотезе он назван метеком) и держал трапезу в Афинах. Наследник его бывшего хозяина Дионисий предпринял попытку поработить его, но за Евмафа, отличавшегося честностью в делах, вступился состоятельный афинянин Ксенокл, объявивший, что тот является свободным, поскольку был отпущен на волю хозяином перед судебскими чинами. Акция Ксенокла именуется *ἐξαίρεσις εἰς ἐλευθερίαν* «утверждение свободного состояния того, кто предполагается рабом» (*Lys. XXIII, 9*). Тогда Дионисий возбудил дело против Ксенокла — *ἐξαίρεσέως δίκη* — «действие против того, кто утверждает свободное состояние раба» (для

²⁷⁸ Можно и упростить ситуацию, предположив, что Матасий усмотрел в Ахиллодоре беглого раба Анаксагора. Греческие законы, разрешающие захват беглого раба в пределах полиса, обобщены Платоном (*Legg. XI, 914c*) в следующей дефиниции: «Можно также задерживать беглого раба своих родственников или друзей, действуя в защиту сохранения их собственности» (пер. А. Н. Егунова). Со статьи, регулирующей поимку и возврат беглого раба владельцем в судебном порядке, начинается гортинское законодательство (*I. 1 sq.*). Имущественное положение Матасия зависело от состояния имущества Анаксагора, что и могло побудить первого предпринять захват показавшегося ему беглым раба Анаксагора. Такой вариант, однако, не объясняет связи в прошлом Матасия и Ахиллодора.

²⁷⁹ *Harposcr. s. vv. ἐξαίρεσέως δίκη, ἀφαίρεσις; Lys. XXIII, 9 и 11; Plato, Legg. 914e–915a; Dem. LVIII, 21; LIX, 40 и 45; Isocr. XII, 97; XVII, 14 и 49; Aeschin. I, 62–63 [Thalheim, Sp. 1548/9].*

²⁸⁰ Сохранились 3 небольших фрагмента [Isée. Discours. Texte établi et traduit par P. Roussel, P. 1922, fr. 8]. См. также [Глускина, 1963, с. 236/7].

Ксенокла и была написана речь Исея). Таким образом, судебное дело о незаконном порабощении связано с необходимым вмешательством свободного гражданина, который вносил поручительство и залог в подтверждение свободного состояния предполагаемого раба (*ср. Lys. XXIII, 9 и 11; Isocr. XVII, 14*).

Вмешательство Анаксагора, на защиту которого уповает Ахиллодор, буде оно состоялось, может быть отнесено к действиям типа *ἐξαιρέσις εἰς ἐλευθερίαν*. Однако следует иметь в виду условность такой квалификации, поскольку у нас нет оснований предполагать (впрочем, и отвергать) возможность судебного разбирательства данного инцидента в Ольвии рубежа VI–V вв. Разбор дел в суде был известен еще ранней Греции²⁸¹; вместе с тем одной из характернейших черт юридических норм архаики было так называемое право самопомощи. Матасий на свой риск предпринимает захват Ахиллодора; последний самостоятельно начинает действовать в свою защиту; от личной воли Анаксагора во многом зависит исход инцидента, ибо фактически Ахиллодор передает решение дела на его усмотрение. Таким образом, в отношении действенности принципа *self-help* наша надпись созвучна другим памятникам юридической мысли позднеархаической поры²⁸². И судя по упомянутым действиям сторон, в Ольвии рубежа VI–V вв. такие вопросы еще решались не законодательным путем, а посредством вмешательства третьей заинтересованной стороны. Как отмечено выше, по мнению Купишевского, «крик о помощи» давал возможность близким Ахиллодора организовать защиту. Браво, полагая, что речь идет о ксене в чужом городе, не усматривал действенности в этом крике [Bravo, 1980, р. 884]. Мы видели, однако, что попытка захвата произведена на ольвийской территории, и это снимает возражения Браво Купишевскому, но и последний ошибался, говоря об организации защиты Ахиллодора его ближайшим окружением, — семья Ахиллодора находилась в Арбинатах, взрослый сын Протагор на Березани (если это не один и тот же пункт), а попытка захвата имела место на одном из поселений хоры. На защиту жителей этого поселка как раз, получается, и рассчитывал Ахиллодор, поднимая крик, и его акция удалась, судя по временной разнице употребленных им в письме глаголов, указывающей на незавершенность акции Матасия, иначе говоря, на несостоявшийся захват (*см. выше*). Захват свободных и рабов, не говоря уже о ксенах и вообще чужеземцах, был обыденным делом во всех областях Греции (*ср. живописное в этом отношении начало гортинских законов: «Боги! Если кто намерен судиться за свободного или раба, до суда пусть не уводит его. А ежели уведет, пусть будет присужден к уплате 10 статеров за свободного, 5 статеров за раба, за то, что увел, и пусть будет обязан освободить его в течение трех дней», Legg. Gort. I, 1–5*). В Ольвии юридическая регламентация таких случаев отсутствовала (*с. 226*), и потому *Hilferuf* был тут важнейшим средством противодействия захвату даже в малознакомом окружении, которому он служил знаком незаконности захвата и необходимости вмешательства в дело, вследствие чего правомерность захвата должна была подтверждаться свидетельскими показаниями. По ознакомлении с письмом Ахиллодора Анаксагор, по имплицитно звучащей мысли автора письма, должен выступить свидетелем его свободного статуса

²⁸¹ [II. XVIII, 497–508. Od. XII, 439–440. Hes. Op. 29 и т. д.; Buck, № 116 (Дрепос на Крите, ок. 650–600 гг.); Вишпер, 1918, с. 104/12].

²⁸² Например, гортинское законодательство признает юридическую правомочность акции самопомощи (*Legg. Gort. I, 55 — II, 2 и др.*), но в то же время оно очевидным образом стремится ограничить сферу ее действия (*I, 1 sq.*). Подробно о праве самопомощи в Греции [Pringsheim, S. 286 f.].

(видимо, вместе с женой, так как Протагор должен был «рассказать это Анаксагору и его жене», стк. 10–11).

Таков, на наш взгляд, смысл и ход событий, подразумеваемых исследованным документом. Таковы были условия жизни социальных низов и средних слоев ольвийского населения в позднеархаическое время. Ахиллотор явно принадлежал не к самым низам общества, напротив, аристократическое имя его сына и теонимический характер имени самого Ахиллотора подразумевают принадлежность их к свободным слоям населения. Но его имущественное положение не блестяще (он перевозит груз, скорее всего, принадлежавший Анаксагору); только недавно, по нашей интерпретации, он перестал быть кабальником. Выше мы отметили, что слова $\acute{\epsilon}\omega\upsilon\tau(\acute{\omega})\iota$ (конец стк. 8) и Ματαταστ (начало стк. 9) как члены одного периода фразы должны были бы соединяться посредством $\tau\epsilon \kappa\alpha\iota$, наличие же тут одного $\kappa\alpha\iota$ указывает, что эти слова относятся к разным периодам фразы: с одной стороны, $\kappa\alpha\iota \omicron\upsilon\delta\acute{\epsilon}\nu \acute{\epsilon}\nu\alpha\iota \acute{\epsilon}\omega\upsilon\tau(\acute{\omega})\iota$ (стк. 8), с другой — $\kappa\alpha\iota \text{Ματαταστ} \acute{\epsilon} \delta\acute{\epsilon} \tau\iota \alpha\upsilon\tau\acute{\omega}\iota \tau\epsilon \kappa\alpha\nu\alpha\xi\alpha\gamma\omicron\rho\eta$ (стк. 9). Такая пунктуация дает чтение $\kappa\alpha\iota \omicron\upsilon\delta\acute{\epsilon}\nu \acute{\epsilon}\nu\alpha\iota \acute{\epsilon}\omega\upsilon\tau(\acute{\omega})\iota$, $\kappa\alpha\iota \text{Ματαταστ} \acute{\epsilon} \delta\acute{\epsilon} \tau\iota \alpha\upsilon\tau\acute{\omega}\iota \tau\epsilon \kappa\alpha\nu\alpha\xi\alpha\gamma\omicron\rho\eta$ «и у него (Ахиллотора) ничего нет, а что есть у Матасия самого и Анаксагора (они знают сами по себе)». Это означает, что у Ахиллотора имущества нет.

В условиях отсутствия развитого законодательства и сильной судебной системы, регламентировавших взаимоотношения между индивидами, был широкий простор для произвола, угроза захвата висела над каждым человеком, имущественное состояние которого не было крепким. Это явно было время первоначального накопления капитала, когда материальный достаток, а не законодательно охраняемые гражданские права гарантировал неприкосновенность личности. В таких условиях в массах стали вырабатываться стихийные меры противодействия, в частности так называемый *Hilferuf*, — здравый смысл подсказывал каждому настоятельную необходимость вмешаться в акцию захвата, поскольку любой человек без крепкого достатка мог подвергнуться незаконному насилию. Еще один существенный фактор стабилизации прав человека — развитие городской жизни. В городе, судя по перевозке Ахиллотором своей семьи туда для безопасности от возможных поползновений Матасия, человек чувствовал себя увереннее, так как в дело всегда могли вмешаться родственники, друзья, соседи. Однако наиболее действенных гарантий безопасности личности и имущества гражданина — юридически оформленного полисного законодательства — в Ольвии не было²⁸³.

Можно догадываться на основании общегреческих реалий позднеархаического времени, что в Ольвии наиболее прочным было положение, во-первых, полноправных граждан — потомков колонистов-основателей города, во-вторых, «денежных мешков», равно греков и негреков, имущественное состояние которых позволяло им проникать даже в столь закрытые сообщества, как сословие полноправных граждан (возможные ольвийские примеры — Эминак, Арих, Скил). В целом на основании данных письма Ахиллотора в Ольвии просматриваются 3–4 социальных слоя, дифференцировавшихся по признакам социального происхождения, имуще-

²⁸³ Гарантированность прав полисным законодательством вполне обрисовал Плутарх (Solo, 18): «если кого-нибудь били, производили над ним насилие, причиняли ему вред, всякий, кто мог или хотел, имел право жаловаться на преступника и преследовать его судом: законодатель правильно поступил, приучая граждан сочувствовать и соболезновать друг другу и быть как бы членами одного тела» (пер. С. И. Соболевского).

ственного состояния и этнической принадлежности. Нерушимых преград между социальными слоями не было, это было подвижное общество эпохи становления полиса, допускающее проникновение отдельных представителей туземного населения в число граждан. Данными письма Ахиллодора дополняются немногие дошедшие до нас известия архаического времени о частновладельческом рабстве. Уникально его известие о захвате спорного имущества и грека среднего социального положения негреком. Интересны и данные о самозащите индивида в условиях отсутствия правовой регламентации минимальной безопасности личности. Наконец, наш документ существенно дополняет известные нам несколько аутентичных свидетельств о кабальном рабстве в позднеархаической Греции.

2.1.6. Matasiana

Самый интересный персонаж исследуемого письма — Матасий. В § 5 мы приняли, что он варвар-туземец, добившийся свободного гражданского состояния в Ольвии, но отметили, что мог он быть и вольноотпущенником, на что, при развитом частновладельческом рабстве в Ольвии, может указывать его негреческое имя. Можно счесть его и важной персоной из числа царских скифов. Рассмотрим эти варианты.

Матасий как отпущенник. Рассмотрим сначала вопрос об отпущенничестве в Греции VI–V вв. В гомеровское время рабство носило патриархальный характер; отпуск рабов на волю был, но его смысл заключался в обретении рабом не свободы, а собственности (Od. XIV, 62–64; XXI, 214–216). Так, наибольшая милость, которую Одиссей обещал своим рабам за помощь в борьбе с женихами, — построить им дома рядом со своим, дать имущество, жен и причислить к своим близким родственникам. Таким образом, смысл гомеровского, по VIII в., отпущенничества заключался в том, чтобы стать ближе к хозяину, а не оторваться от него. Поэтому Геродот (VI, 137) с основанием отметил, что первоначально в Греции рабов не было, — он имел в виду классическое рабство. С VII в. рабовладение становится значимым фактором экономической и социальной жизни Греции²⁸⁴. Развитие рабства шло в ремесленных центрах, в которых рабский труд получил настолько большой размах, что порой конкурировал с трудом свободных²⁸⁵. Развивалось оно и в слабо развитых областях Греции, где преобладало сельское хозяйство, например в Беотии или на Крите²⁸⁶.

С развитием рабовладения возникает институт вольноотпущенничества. Первое известие исторического характера относится к концу VII в.: брат Сафо Харакс за большие деньги выкупил рабыню Родопис, которая, таким образом, стала свободной (Herod. II, 134/5). Другое известие, полу- или почти легендарного характера, относится ко второй половине VI в.: фракиец Залмоксис, бывший рабом у Пифагора, стал свободным и приобрел большое состояние (Herod. IV, 95). Раннему развитию

²⁸⁴ Theopompi fr. 122 Jac. = FGH. Bd. II B, № 115 (B. 1927, S. 564), cf. Thuc. VIII, 40, 2; Syll.³ 4, 8 (Кизик, VI в.). О рабстве в гомеровской Греции [Ленцман, 1963], в архаической Греции [Westermann, 1935, Sp. 898–901]. Мы не учитываем случаи массового отпуска рабов тиранами или государством, так как в письме Ахиллодора речь может идти только об отпуске частным лицом.

²⁸⁵ Nic. Dam. fr. 58 Jac. Hyper. VI, 22. О роли рабовладения в промышленном производстве ранней Греции [Oliva, 1954].

²⁸⁶ Hes. Op. 573, 597, 608. Ср. данные гортинских законов о рабах [Казаманова, 1964, с. 103 сл.].

рабовладения на Хиосе (*Theopompi* fr. 122 Jac.) обязано появление здесь первого документального свидетельства о вольноотпущенничестве — votивной надписи вольноотпущенника последней трети VI в. [Forrest, 1963, p. 54]. Таким образом, в VII–VI вв. вольноотпущенничество было еще редким явлением, как правило, связанным с чрезвычайными обстоятельствами (красота Родопис, мудрость Залмоксиса), но в развитых рабовладельческих центрах отпуск рабов на волю происходил примерно со второй половины VI в. и в обычных условиях. Сословные преграды были в это время еще прочны, и господствовавший в большей части Греции аристократический режим не благоприятствовал отпуску рабов (*ср. Theogn.* 537/8: как из морского лука не рождаются розы, так никогда от рабыни не происходит свободное дитя) [Calderini, 1908, p. 12]. В первой половине V в. идет дальнейшее развитие вольноотпущенничества: отпуск рабов на волю производится уже не столько в чрезвычайных обстоятельствах (как случай с ойкетом Фемистокла, — *Herod.* VIII, 75), сколько в обычных, о чем свидетельствует один из гортинских декретов раннего V в. [DGE 175]. Согласно ему, отпущенникам дозволялось поселяться в Латосионе, одном из кварталов Гортины, отведенном для метеков-чужестранцев, на равных и одинаковых условиях с его обитателями; при этом специально оговаривалось, что их нельзя ни поработать, ни грабить (стк. 1–4) [Казаменова, с. 129/30]. Более зримым отпуск рабов на волю становится со второй половины V в., от которой дошло до нас несколько первых манумиссий²⁸⁷. Тогда вольноотпущенничество, надо думать, становится заметным социальным фактором; во всяком случае, Фриних даже написал комедию «Вольноотпущенники»²⁸⁸. Таким образом, во второй половине VI — первой половине V в. отпуск рабов на волю происходит в обычных условиях, чему имеется документальное подтверждение, но в целом это явление было малораспространенным. Лишь с IV в. отпуск рабов получает массовый характер [Westermann, 1955, p. 18].

Письмо Ахиллодора относится к рубежу VI–V вв., когда отпуск рабов был еще редким явлением, но это не препятствует предположению о вольноотпущенническом статусе Матасия, так как письмо Ахиллодора говорит о развитом рабовладении в Ольвии, — сам Матасий имел по меньшей мере четырех рабов (стк. 6)²⁸⁹. Несмотря на ограниченность политических прав, вольноотпущенники негреческого происхождения уже в VI–V вв. добивались крупного достатка. Таков фракиец Залмоксис, богатый отпущенник Пифагора, в полулегендарном рассказе Геродота (IV, 95). Другому фракийцу, Сосию (имя его рабское, он явный отпущенник), афинский полководец Никий сдал внаем тысячу своих рабов для работы в рудниках (*Xen.*

²⁸⁷ [Syll.³ 1204; Michel, 1389; Recueil, 1904, p. 234, 236; Westermann, 1955, p. 18].

²⁸⁸ *Athen.* III, 115b. Имеется в виду скорее комический поэт последней трети V в., а не автор трагедий, деятельность которого относится к 511 г. — первой трети V в.

²⁸⁹ Вообще известий о рабовладении в Ольвии немного. Отец философа Биона, родом борисфени-та, был клейменным рабом; отпущенный на волю, за какой-то проступок при сборе податей, он снова продан в рабство со всем своим семейством (*Diog. Laert.* IV, 46). Бцион родился ок. 325 г. до н. э., *см.* о нем [Спиридонов, с. 188 *сл.*]. Известие Макробия, что во время осады города полководцем Александра Македонского Зопирином ольвиополиты отпустили на волю своих рабов, к Ольвии не относится (ниже, с. 383 *сл.*). Согласно Протогеновскому декрету, все рабы (οἰκτεῖα πάσα) покинули город во время одного из нашествий скифов (IOSPE I² 32 B. 15–16). Отсюда видно, что рабы в Ольвии III–II вв. были негреческого происхождения. Для Милета второй половины VI в. имеется аналогичное известие о рабах-фригийцах (*Hipponax*, fr. 46 Diehl), что позволяет думать об аналогичной ситуации с рабами и в Ольвии. Другие известия о рабстве в Ольвии *см.* с. 257/60, 383, 624 *сл.*

De vect. IV, 14–15). Матасий, конечно, менее масштабная фигура, но того же плана, что делает возможным предположение о его вольноотпущенническом статусе. При ограниченности прав отпущенники — свободные люди, о чем свидетельствует наличие у них недвижимости. У Матасия тоже есть дома (стк. 6), и это свидетельство его свободного состояния²⁹⁰.

Ключевое обстоятельство взаимоотношений Анаксагора и Матасия заключено в стк. 5–6: по словам последнего, его «имуществом владеет Анаксагор — и рабами, и рабынями, и домами». Если Матасий отпущенник Анаксагора, то последний мог завладеть его имуществом по ряду причин, засвидетельствованных иными источниками. Во-первых, это могло быть отступничество вольноотпущенника от бывшего господина, ибо одной из характерных черт вольноотпущенничества было сохранение определенных обязательств отпущенного раба перед бывшим хозяином. В чем именно состояли эти обязательства, мы знаем лишь отчасти, но они были непеременимы, поскольку декретировались специальными законами²⁹¹. Судебные процессы по такому поводу обычны для V–IV вв., на юридическом языке они именовались *δίκη ἀποστασίου* «тяжба по поводу отступничества»²⁹². Во-вторых, переход имущества отпущенника к бывшему хозяину может объясняться также материальными обстоятельствами: например, Матасий получил ссуду от Анаксагора под залог своего имущества, но в надлежащее время вернуть ее не смог, и оно перешло к займодавцу в счет погашения долга. К примеру, подобную акцию произвел афинянин Гермон, который заключил в тюрьму отпущенника Гермocrates и выпустил не ранее, чем взыскал с него 30 драхм (*Isaeus*, fr. 9 Roussel). Видимо, по мнению Матасия, стоимость изъятого у него Анаксагором имущества перекрывала величину долга, поэтому он захватил товары Анаксагора, которые перевозил кабанчик последнего Ахиллотор, а заодно и самого кабанчика.

Против версии о Матасии как отпущеннике свидетельствует то, что захват лиц такого статуса, имевший место уже в позднеархаическую эпоху, обычно производился третьим лицом, а не бывшим хозяином. Версия о вольноотпущенническом статусе Матасия в принципе возможна, но требует и других условий, которые не отражены в письме Ахиллотора: захват по причине долговой несостоятельности перед бывшим хозяином, тогда как обычно вольноотпущенники свержались в рабское состояние вследствие своего отступничества; непеременимое условие полного отпуска, тогда как в обыкновении был отпуск с последующими обязательствами.

Матасий — состоятельный выходец из царских скифов. Можно предположить, что Матасий — богатый скиф, имевший в Ольвии и на Березани дома и рабов, которыми от его имени распоряжался Анаксагор. Такое предположение можно

²⁹⁰ К примеру, Демосфен (XXIX, 25) называет свободным Милиаса, отпущенника своего отца. У Исократ (XVII, 50) вольноотпущенник Китт называет себя свободным (ср. XVII, 14).

²⁹¹ О наличии законов подобного рода свидетельствует Гарпократион (*Harpocr.*, s. vv. ἀποστασίον δίκη). Он же указывает, что нарушение установленных законами обязательств квалифицировалось как «отступничество», которое могло повлечь за собой возбуждение хозяином процесса против своего отпущенника. Помимо известного *δίκη ἀποστασίον* некоторые сведения об обязательствах подобного рода дает Платон (Leg. 915a). Правда, отпуск мог быть и безусловным, без последующих обязательств, но это, как следует из имеющихся свидетельств, случалось при выкупе третьим лицом (ср. *Herod.* II, 134/5) или в результате выигранного вольноотпущенником процесса об отступничестве (*Harpocr.*, l. c.); письмо же Ахиллотора не предоставляет никаких оснований для подобных предположений.

²⁹² [*Harpocr.*, *Suidas*, s. vv. ἀποστασίον δίκη; *Pol lux*, VIII, 35; *Arist.* Ath. Pol. 58, 3; *Dem.* XXV, 65; XXXV, 48; *Isaeus*, fr. 9 Roussel; Beauchet, 1897, p. 488 sq.; 1897a, p. 573 sq.].

обосновать наличием примерно за полвека до того дома (или дворца — οἰκία) скифского царя Скила в Ольвии (*Herod. IV, 78*). При таком варианте можно думать, что кочевавший в Нижнем Побужье Матасий захватил с целью наживы имущество, которое перевозил Ахиллодор. Такой вариант выглядел бы оправданным в свете развивавшейся в прошлом гипотезы о скифском протекторате над Ольвией. Однако она несостоятельна (с. 270 *сл.*) и вариант с Матасием как скифом наталкивается на иные препятствия внутреннего и внешнего характера. Во-первых, из документа следует, что попытка порабощения не завершилась полным успехом ввиду противодействия Ахиллодора, поднявшего крик, и (как подразумеваемый результат) вероятной поддержки окружающих. В скифском же окружении «крик о помощи» Ахиллорода был бы бессмыслен и безрезультатен, как и его ссылки на свой свободный статус, ввиду отсутствия у скифов понятия о такой акции вообще (она имела смысл только в греческой среде). Во-вторых, предположению о Матасии как о скифе противоречит указание Геродота, что скифы старательно избегали заимствования чужеземных, особенно греческих, обычаев (*IV, 76*). В качестве иллюстрации своей мысли Геродот излагает далее историю скифов Анахарсиса и Скила, склонность которых к греческому образу жизни стоила им в конечном счете головы. Разумеется, скифское общество не смогло полностью отгородиться от греческого воздействия, но это было лишь материальное, так сказать, влияние — скифы активно покупали греческое вино и предметы роскоши, отдельные цари пользовались услугами греков, таких как Тимн, но в целом Геродот считает отношение скифов ко всему греческому негативным, и у нас нет оснований сомневаться в этом, тем более что и материальное воздействие греков в позднеархаическое время не было сильным. Скил с его домом в Ольвии и склонностью к греческому образу жизни, по Геродоту, — исключение, подтверждающее правило. Как раз наличие у Матасия рабов и домов в Ольвийском полисе и имущественные отношения с березанцем Анаксагором, при тотальной ксенофобии скифов, свидетельствуют против предположения о Матасии как о скифе.

Рассмотрев вариант с отпущенническим статусом Матасия и предположение о нем как о выходе из царских скифов, мы отметили связанные с этим противоречия. Принятый нами в § 5 вариант с Матасием как туземцем, который обрел тут имущественный достаток и потому пробился в число свободных обитателей Ольвии, более того, мог позволить себе попытку захвата свободного грека Ахиллодора, тоже представляется малоадекватным. Однако, повторим, он обоснован ольвийскими реалиями: полвека спустя в числе полноправных граждан полиса представлены магистраты туземного происхождения Арих и Эминак. Поэтому можем подвести итог: наиболее естественно и непротиворечиво мнение о Матасии как об оборотистом туземце, сколотившем богатство, однако оно каким-то образом оказалось в распоряжении состоятельного березанца Анаксагора. Рассмотрим этот аспект.

Ипотека либо заклад себя и (или) имущества. Попробуем выяснить, какой характер носил переход имущества Матасия к Анаксагору. По мнению Виноградова [1971, с. 90–91, 98], имела место ипотека — заклад рабов и домов под ссуду. Имея в виду выражение стк. 5 τὰ ἐμά... ἔχει, он счел [с. 91]: «другое предположение, что имущество было получено Анаксагором в полную собственность за невыплаченный долг, кажется менее вероятным как противоречащее словоупотреблению контекста». Отметим, что τὰ ἐμά действительно имеет в виду собственность [Kränzlein, S. 27–28], но и такую, которой собственник лишился целиком или частично: *ср.* выражения

τὰμὰ διοίχεται «все мое пропало» (*Arph. Eccl.* 393); συλῶντα τὰμὰ «...что грабил ты мое» (имеются в виду уведённые дочери Эдипа, — *Soph. OC.* 922); Одиссей в рассказе о выпавших ему странствиях не раз называет погибших спутников и корабли «своими» (ἐμοί, *Od.* IX, 173; X, 128 и др.). Что до слова ἔχειν, то оно выражает нахождение как в собственности, так и во владении [Kränzlein, S. 13–16; LSJ, s. v. ἔχω, A I, 1]. Таким образом, терминология письма несколько не противоречит предположению о переходе имущества Матасия к Анаксагору вследствие его долговой несостоятельности. Следовательно, задача заключается в том, чтобы определить, какой из двух возможных путей перехода имущества — через ипотеку или долговую неплатежеспособность в целом — более отвечает контексту письма Ахиллодора.

Ростовщические операции известны ранней Греции²⁹³, как и заклад недвижимости (*Solo*, fr. 24, 5–6 Diehl). При этом обратим внимание, что в ряде случаев, относящихся к различным эпохам, получение ссуды сопровождалось впоследствии неплатежеспособностью должника и его порабощением, т. е. взимание долга производилось как с имущества должника, так и с его личности²⁹⁴. Долговая зависимость распространена по всей Элладе и в разные времена, но особенно развита в архаическую эпоху. При этом долговая зависимость осуществлялась в форме порабощения или кабалы, связанной с отработкой долга. Таким образом, ипотека и долговая кабала одинаково свойственны реальным условиям архаической поры.

Обратимся к письму Ахиллодора. Утверждение Матасия, что его имуществом владеет Анаксагор, свидетельствует об его имущественной, по меньшей мере, зависимости от Анаксагора. Ахиллодор имплицитно жалуется Анаксагору (как одному из адресатов письма) на чинимые ему обиды со стороны Матасия (стк. 1–3), и если бы Матасий не был зависим от Анаксагора, жалоба на него была бы бессмысленна. Это свидетельствует о личной зависимости Матасия от Анаксагора. Но ни ипотека, ни задолженность по ней не предполагает личной зависимости должника от кредитора и поэтому не соответствует реальным отношениям, вытекающим из текста письма. В то же время переход имущества Матасия к Анаксагору в результате долговой несостоятельности, как показано выше на примере галикарнасской надписи, влечет за собой личную зависимость должника от займодавца. Таким образом, данные письма Ахиллодора соответствуют характерной именно для архаики ответственности должника перед займодавцем не только своим имуществом, но и личностью²⁹⁵.

Происхождение имени Матасий. Так как прямого соответствия имени Μάτασις в источниках древности нет, его лингвотническую принадлежность можно понять

²⁹³ *Plut. Mor.* 295d, Мегара, после 570 г. [Asheri, 1969, p. 14–16].

²⁹⁴ Архаический период: *Solo*, fr. 3, 17–25; 24, 5–10 Diehl, cf. *Hyper.* V, 22; *Leg. Gort.* IX, 40–43; *Diod.* I, 79, 5. Классическое время: *Dem.* LIII, 11, cf. *Legg. Gort.* VI, 46–55; DGE 180; возможно, и *Arph. Plut.* 147–148. Порабощение метеков или ксенов за долги: *Lys.* XII, 98; *Isocr.* XIV, 48. Эллинистическая эпоха: *Menandri* Нег. 2–6; 18–20; Дикайомата (Р. Hal. 1, стк. 115–123, Александрия, середина IIIa); P. Col., inv. 480, стк. 23–29 (198a). [Beauchet, 1897, p. 414/5; Swoboda, 1905, S. 42 f.; Busolt, Swoboda, S. 277/8; Westermann, 1955, p. 4; Woodhouse, p. 72; Willetts, p. 97–99; Finley, 1965, p. 159/84; Шишова, 1968, с. 24–48; Павловская, с. 213/5, 230/5, 247/52].

²⁹⁵ Иногда полис мог вмешаться, если имелся соответствующий договор с какой-либо внешней общиной. Например, в постановлении элидян об общине скиллонтийцев (DGE 418. 6–9; около Va) говорится: «Если же кто-либо из скиллонтийцев окажется в положении уводимого за долги... примет участие в снятии долга и город. Если же город не примет участия в этом, пусть он (город) уплачивает половину долга Зевсу Олимпийскому за каждый год...»

по-разному. По флексии *-суз* можно счесть его греческим²⁹⁶; основа *ματ-* тоже объяснима из греческого²⁹⁷ (распространенность имен с этой основой в греческой ономастике дала Л. Роберу право говорить об их греческом характере)²⁹⁸. Однако отсутствие прямых соответствий в греческой антропонимике скорее указывает на негреческое происхождение имени Матасий. Во фракийской антропонимике имеются основа *ματ-* и суффикс *-υς*²⁹⁹, но разновидность последнего *-суз* ей практически неизвестна³⁰⁰. В дакийском языке также имеется основа **mat-* (ср. литовское *matas* «мера») [Duridanov, S. 94]. Таким образом, имя *Ματασυς* может быть по происхождению связано с фрако-дакийской этнической средой, элементы которой, безусловно, присутствовали в архаической Ольвии (с. 19–22, 28), но лишь теоретически.

В Ольвии зафиксировано одно имя с основой *ματ-*, два таких имени известны на Боспоре, из них особенно интересен иранский патронимик *Ματαττῶς* (ном. **Ματαττης*)³⁰¹. Известен иранским именам и суффикс *-суз*³⁰², так что по происхождению имя *Ματασυς* можно счесть иранским, но тоже теоретически, поскольку в иранской антропонимике его нет³⁰³. Индоарийскую этимологию имени дал О. Н. Трубачев [1999, с. 204, 255]: **mata-su-* «умысливший доброе».

2.2. Письмо Апатурия

Свинцовая табличка, на внешней стороне адрес, на внутренней письмо (рис. 26)³⁰⁴. Текст Виноградова — М. Даны с нашими поправками в стк. 3, 5, 7, 8, 10:

²⁹⁶ См. об именах с этим суффиксом [Locker, 1933, S. 87–89; Leumann, 1959, S. 246/9]. Имена на *-υς* в ионийском диалекте [Bechtel, 1924, S. 148]. Имена на *-суз* выделены в лексиконе Б. Хансена [Hansen, 1957, S. 310]. Небольшая группа негреческих по происхождению имен на *-υς* есть в Малой Азии, но в большинстве случаев наличие этого суффикса рассматривается как показатель эллинизации соответствующего местного имени [Zgusta, 1964, § 135–5, 136–6, 388, 389, 500–5 и примеч. 3, 528 и примеч. 36, 547–2 и примеч. 46, 1163–1, 2, 1480 и примеч. 153a].

²⁹⁷ А. Фик и Ф. Бехтель воздержались от определения значения этой основы и ее производных [Fick, Bechtel, S. 196; Bechtel, 1917, S. 295], но это не значит, что они считали ее негреческой, поскольку она может быть интерпретирована на базе греческой лексики: возможен сближения с *μάταω* (значение имени в таком случае «медлительный», «бездеятельный»), также *μάταλος*, *μάτα* и др.

²⁹⁸ [Robert, 1960a, p. 54–55]. Ср. также большую группу имен на *ματ-* [PB, 871/2].

²⁹⁹ [Detschew, S. 7, 8, 17, 29 *etc.* (суффикс), 291 (основа)].

³⁰⁰ За исключением двух очень поздних случаев [Detschew, S. 121, 145].

³⁰¹ На фр. чл. чаши плохого обжига, относящейся к V–IV вв. (датировать точнее затрудняемся), есть граффито *ΜΑΤ* — сокращение имени владельца (найден в Ольвии в 1939 г., хранится в КИМ⁷е, инв. Б 6–35). Боспор: КБН 1104, Тузла, Va: *Χαρσενακῶ τῷ Ματαττῶς* [Яйленко, 2010, с. 146]; КБН 36, Б. 40, Пантикапей, IIIр: *Ματτ-*. Ср. также упоминаемое Гекатеом скифское племя *Ματικῆται* и древнее название Дуная *Ματόας* (*St. Byz., s. nn. cit.*), которое можно сопоставить с иллирийским гидронимом *Mathis* [Russu, 1969, p. 225].

³⁰² [Zgusta, 1955, § 162 (Пантикапей, IIIa); ср. § 76, 752; Яйленко, 2010, с. 145].

³⁰³ Ср. [Justi, S. 200] *Ματάκας* у Ктесия; может быть, и *Μάταλλος*, имя персидского военачальника (*Aesch. Pers.* 314).

³⁰⁴ Издания надписи [Dana, 2004; Santiago Álvarez, Gardeñes Santiago, 2006; SEG 54, 694]. Свинцовая прямоугольная табличка с письмом найдена в 1971 г. на ольвийской агоре, отдана для публикации Виноградову [ВДИ. 1971, с. 79], который все подгрел под себя и потому 30 лет маринировал ее, в результате не опубликовал ничего, так что мы не располагаем ни фотографией, ни точной прорисью: есть опубликованная М. Даной его прорись и текст, в котором присутствуют слова и буквы, не показанные на прориси [Dana, p. 2–4]. Поскольку сочинение текстов за древних — обыч-

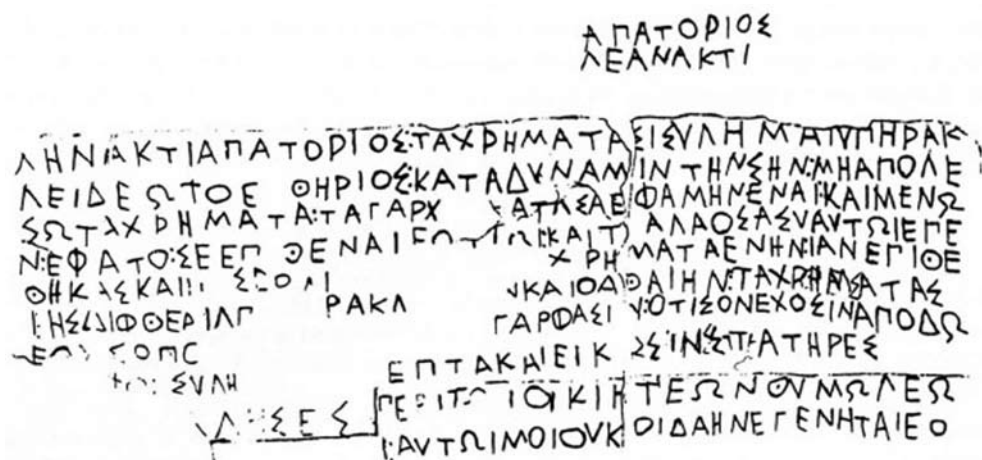

Рис. 26. Письмо Апатурия, прорись [Dana, 2004]

A: Απατόριος | Λεάνακτι.

- B: Λήνακτι Απατόριος : τὰ χρήματα σισύλημαι ὑπ' Ἡρακ-
 λείδew τῷ Ε[ὸ]θήριος: κατὰ δύναμιν τὴν σὴν : μὴ ἀπολέ-
 σω τὰ χρήματα : τὰ γὰρ χρ[ήμ]ατα σὰ ἐφάμην ἔναι : καὶ Μένω-
 ν : ἔφατο : σὲ ἐπ[ι]θήναι ἐωυτῶν : καὶ τ[ᾶ](λ)λα ὅσα σὺ αὐτῶν ἐπέ-
 5 θηκας καὶ π[ρὸς] βῶλ[ῆς] δόγμα (?) τὰ] χρήματα ἐνῆν : ἵαν ἐπιθε-
 ῖης διφθέρια π[ρὸς] Ἡρακλ[είδην] καὶ Θαθαίην : τὰ χρήματα σ'
 ἐθ[ῶ]ς ὅπως [e. g. θέλεις δῶσιν, οἷ] γάρ φασιν : ὅ τι σὺν ἔχουσιν, ἀπόδω-
 [σιν] τὸ : συλ[λ]ήθεις σοι : ἐπτά καὶ εἴκοσιν στατήρες· vac.
 [?] ὥς θε[λ]ήσῃς : περὶ τῶν οἰκητέων θυμωλεῶ-
 10 ι αὐτῶν μοι οὐκ οἶδα ἦν ἔ γένηται εἰ

A. «Апатурий Леанакту».

B. «Ленакту Апатурий: я лишен товара Гераклидом, сыном Евтерия; в твоей власти, чтобы я не потерял товар — я ведь утверждал, что товар твой; и Менон говорил, что ты был передан ему и все остальное, что ты ему передал, и что этот товар находился на *решении* Совета. Если ты отправишь список Гераклиду и Татайе, товар тебе тотчас, когда *захочешь, дадут*: ведь они говорят: то, что у них есть твоего, отдадут захваченное тебе за двадцать семь статеров. Как решишь? Относительно домохладцев у самого Тимолея: мне не ведомо, хорошо ли им стало»³⁰⁵.

ное занятие Виноградова (примеров этому читатель увидит ниже немало, декрет Анфестерия сочинен даже на 9/10, см. с. 476), поэтому не учитываем то, что отсутствует на прориси. Ввиду отсутствия фото нет возможности также судить, насколько точна копия. Дана в основном повторила текст Виноградова, который тот отправил письмом В. Буркерту в 1987 г. Поскольку текст надписи все же издан Даной, для краткости ставим ее фамилию вместо Виноградов — Дана. Точное издание надписи еще предстоит, но нам для вопросов социальной истории ранней Ольвии показанного на прориси текста достаточно. По письму надпись датируется поздним VI в.

³⁰⁵ Разночтения по тексту. Стк. 5: καὶ π[ρὸς] βῶλ[ῆς] δόγμα· {δ} ἐμοὶ σὰ τὰ χρήματα ἐνῆν Dana. Однако на прориси после π[ρὸς] четко читаются буквы ΒΟΛΙ, которые соответствуют слову βῶλ[ῆς] или его производному. Этот казус определенно показывает, что вставленный Виноградовым текст, отсутствующий

По интерпретации М. Даны, между Апатурием, возможно, агентом Леанакта, и Гераклидом случился конфликт, приведший к захвату последним товаров Апатурия; и Менон, вероятно, другой агент Леанакта, подтвердил, что захваченный товар принадлежит Леанакту. В письме Апатурий просит Леанакта составить список товаров, что подтвердит его правоту. Такую версию в основном разделили Р. Сантьяго Альварес и М. Гарденья Сантьяго, сделавшие поправки к чтению и пониманию отдельных мест. Интерпретация содержания надписи Даной, ее исторического существа, минимальна, она мало что добавляет к социальной истории Ольвии³⁰⁶. Этим мы и займемся. Завязка конфликта прозрачна (стк. 1–3): Гераклид отобрал у Апатурия товары, которые тот взял их у Леанакта. Апатурий, бесспорно, розничный торговец (κάπηλος), получавший свою выгоду с разницы между оптом и розницей, отсюда его нежелание утратить товар³⁰⁷. Потому он и обращается к Леанакту: я сказал Гераклиду, что это твой товар, и тебе по силам не допустить конфискации, для этого надо составить список отпущенного мне товара (διφθέρια), чтобы его вернули. Далее следует самое существенное (стк. 3–5): Апатурий упоминает Менона, который «говорил, что ты был передан ему и все остальное, что ты ему передал, и что этот товар находился на *решении* Совета». Тут соединительным звеном с предыдущим содержанием служит слово «товар». Хотя ключевое слово фразы Менона ἐπιτίθημι имеет разные значения — «класть, ставить, давать, налагать, назначать, добавлять, вручать», в данном контексте его содержание вполне поясняется вторым упоминанием тут же в смысле «передать»: τ[ᾱ](λ)λα ὅσα σὺ αὐτῷ ἐπέθηκας «все остальное, что ты ему передал»³⁰⁸. Таким образом, утверждение Менона σὲ ἐπ[ι]θῆναι ἐωρτῶι означает, что Леанакт (σέ) «был передан» (ἐπ[ι]θῆναι — *aor. pass. inf.*) ему, Менону. Это ситуация, о которой мы ранее вели речь (с. 219): невозврат долга служил основанием для закабаления должника, который добровольно поступал в рабство к займодавцу для отработки суммы долга; в галикарнасской надписи V в. Syll.³ 46 упомянута группа должников, которые проданы с торгов сами или вместе с семьями и принадлежавшим им имуществом. Менон говорил не о продаже, а о «передаче» Леанакта ему, причем он называет инстанцию, которая совершила или санкционировала ее, — Совет. В Ольвии Совет, стало быть, выполнял судебные функции.

на прориси, — плод его воображения, а не разобранные им позднее буквы, как пишет Дана. Читаем тут: καὶ π[ρὸς] β[ο]λ[η]ς δόγμ[α] (?) τὰ] χρήματα ἐν[τ]ιν «и что этот товар находился на *решении* Совета». Стк. 6: π[ρὸς] Ἡρακλείδην Dana; не показанные на прориси буквы заключаем в скобки. Стк. 6–7: τὰ χρήματα σ[ε]ῖο ὙΣ ὁπό[σα] (?)...jos· κ[ε]νοι γάρ φασιν Dana; ὁπό[σ]ο ἀποδ[ι]δ[ο]σ[ε] Santiago Álvarez, Gardeñes Santiago (далее AG). Наше чтение в стк. 6–7: τὰ χρήματα σ' ἐθ[ε]λ[η]ς δ[ω]σ[ι]ν, οἷ] γάρ φασιν (тут σ' = σοί) «товар тебе тотчас, когда захочешь, *дадут*».

³⁰⁶ Полностью о ней дает представление перевод Даны: «Apatorios à Léanax. A Léanax, de la part d'Apatorios. Je me suis fait saisir les biens par Hérakleidès, fils d'Eotheris. Il est en ton pouvoir que je ne perde pas les biens. Car j'ai dit que les biens sont à toi et Ménôn a dit ce que tu lui as confié et les autres choses que tu lui as confiées; et en outre il a dit que les biens qui sont dans ma possession sont les tiens. Si tu présentais les registres à Hérakleidès et à Thathaiè, tes biens [seraient recouvres?]. ... Car ces gens-là affirment qu'ils rendront ce qu'ils détiennent de toi, les biens saisis, en tout vingt-sept statères. Qu'est-ce que tu voudras (faire)? En ce qui concerne les esclaves domestiques de Thymôleôs [... à Eu?]thimios; pour moi-même, je ne sais pas si cela ce passera bien».

³⁰⁷ Так как подразумевается торговля, τὰ χρήματα тут имеет то же значение, что в проксениях: «товар».

³⁰⁸ Что под словами τ[ᾱ](λ)λα ὅσα σὺ подразумевается имущество Леанакта или часть его — товар, показывает выражение τὰ γάρ χρ[η]ματα σά стк. 3.

Захват груза Ахиллодора и попытка захвата его самого Матасием, судя по контексту письма Ахиллодора, были незаконным актом, самый *Hilferuf* Ахиллодора — очевидная самозащита от него (с. 226), но все это не означает, что в Ольвии не было суда как правомочной юридической инстанции, ибо суд существовал и в эпоху протополиса (Феспии гесиодовского VIII в. [Яйленко, 1990а, с. 53–58]). Гесиодовский суд вершился на основе обычного права, в продвинутых полисах VII–VI вв. — Хиосе, Афинах и пр. — складывались законы, по которым осуществлялось судопроизводство, так что применительно к Ольвии VI в. вопрос состоит в наличии или отсутствии полисного законодательства. В случае с Апатурием юридический казус заключается в «праве захвата» (συλᾶν, см. о нем [Bravo, 1980]), о чем свидетельствует τὰ χρήματα σισύλημαι (=σεσύλημαι) стк. 1, дословно «я захвачен в отношении товара», т. е. «я лишен товара» (τὰ χρήματα — *acc. relat.*). В Гортине, Эантее и других городах VI–V вв. право захвата регулировалось законодательно, в частности, право захвата должника [DGE 179, 363; Guarducci, 1950; Казаманова, 1964; Willetts, 1965]. Каких-либо указаний на полисное законодательство в Ольвии этого времени нет, в надписях архаического и классического времени отсутствует какая-либо юридическая лексика. Например, в Гортине выработана необходимая юридическая терминология: νενικάμενος «проигравший судебную тяжбу», катаκέιμενος «закладник», «отданный в заклад по суду» и пр. В письме Апатурия глагол ἐπιτίθημι употреблен в общем смысле «передать», а в гортинском законодательстве он имеет юридический смысл: ἐπιθεῖς «тот, кто вложил деньги в чей-либо бизнес» (Legg. Gort. IX, 44; LSJ, s. v. ἐπιτίθημι, VIII). Общее в гортинских законах и в письме Апатурия лишь то, что счет наложенному взысканию идет на статеры, но вряд ли это указывает на наличие судебных решений также в Ольвии. Суть судебного решения о передаче Леанакта и его имущества Менону определялась его задолженностью перед Меноном, Гераклидом и Татайей. Так как передан он Менону, перед ним Леанакт в большем долгу, Гераклид и Татайя получили право захвата имущества Леанакта в возмещение его задолженности перед ними³⁰⁹.

Далее Апатурий пишет Леанакту, что для возврата захваченного товара ему достаточно составить перечень вещей и Гераклид с Татайей готовы вернуть его за 27 статеров. Апатурий знает, что у Леанакта есть деньги («в твоей власти, чтобы я не потерял товар»), и запрашивает его окончательное решение по этому вопросу. В Зап. и Сев.-Зап. Причерноморье в VI–V вв. обращались электрокызикские статеры³¹⁰. 27 статеров (ок. 750 драхм) по тем временам сумма большая: достаточно сравнить ее со стоимостью овцы и медимна хлеба в одну драхму в Афинах при Солоне (*Plut. Solo*, 23), в V в. медимн хлеба шел там за 12 драхм. По словам Менона, Леанакт и его имущество переданы ему по судебному решению. Неясно, касалось ли оно также задолженности Леанакта перед Гераклидом и Татайей, понятно лишь, что они сами предприняли захват Леанактова товара у Апатурия. Предпочитаем вслед за AG чтение *acc.* женского имени Θαθαίην (*cf.* Ταταίῃ в надписи VII в. из ионийских Кум в Юж. Италии [Jeffery, p. 238, 409]), так как в письме Ахиллодора

³⁰⁹ Дана неоправданно удалила из текста *σιγму* стк. 5 (ἔφατο {σ} ἐμοί), а σέ «тебя» в обороте *acc. sim inf.* σέ ἐπ[ι]θῆναι ἐμυτοῖ ошибочно переводит номинативом «ты», в результате чего выпал из всего, что было передано Менону, сам Леанакт (AG: γ' ἐμοί, что тоже ничем не оправдано). Эти текстуальные ошибки и привели Дану к неточной интерпретации конфликта в целом.

³¹⁰ [Карышковский, 1988, с. 28–29; Dana, p. 12]. 1 статер приравнивался примерно к 28 драхмам.

предусмотрено обращение за помощью к Анаксагору и его жене, за чем стоит материальное участие супруги в делах мужа с Ахиллодором. По аналогии можно принять такую ситуацию и в случае с Леанактом: Татайя потому упомянута вместе с мужем Гераклидом в известии о возможном возврате захваченных Гераклидом товаров, что дала ссуду Леанакту наряду с мужем³¹¹.

В конце письма Апатурий коснулся вопроса о домочадцах некоего Тимолея (περὶ τῶν οἰκητέων θυμῶλεω [ἐπιθέντων Εὐ]θυμίῳ αὐτῷ, μοι οὐκ οἶδα ἦν ἔ γένηται εἶδ)³¹². Тут οἰκήτης — ионич. форма к οἰκέτης, понимаем их статус не как рабов (так Дана и АГ), но слуг, домочадцев (ниже, с. 438/9). Дана и здесь напрасно удаляет Ε из текста (οὐκ οἶδα ἦν {Ε} γένηται): это εἶ — *acc. sg.* и *pl.* (Hymni Hom. 3, 267: *fem. pl.* ; LSJ, s. v. οὔ) к местоимению οὗ, οἷ, ε, в нашем случае заменитель предыдущего οἰκήτης. По Дане, смысл стк. 10 «не знаю, будет ли это хорошо», по нашему чтению, «будет ли это хорошо для них (домочадцев)». Поскольку Леанакт попросил Апатурия справиться об их положении, это его домочадцы, заложенные Тимолею.

Таким образом, письмо Апатурия вводит нас в существо важнейшей для Греции VII–VI вв. проблемы — должничества и определяемых им форм зависимости. Более всего она известна по Аттике, где законодательные мероприятия Солона направлены на ликвидацию порабощения должника заимодавцем. Продажа должников по мягкому варианту — с домочадцами и имуществом — для отработки долга, как в Галикарнассе, была другим путем решения общегреческой проблемы, причем для этого не требовалось полисное законодательство (галикарнасское постановление о продаже должников принято храмом). В Ольвии шли этим же путем, что существенно понижало социальную напряженность. Если Гераклид с женой ссудили Леанакту как минимум три десятка статеров, то Менон намного больше, немало ссудил и Тимолей, так что в целом сумма занятых Леанактом денег большая. Хотя Леанакт прогорел с той акцией, для реализации которой он занял внушительную сумму, сама затея дорогостоящего мероприятия говорит об определенном размахе экономической деятельности части ольвиополитов. На хорошие состояния у них указывает и наличие «денежных мешков» вроде Менона, Тимолея, Гераклида, Татайи, у которых желаемый может взять ссуду. На большие экономические возможности ольвиополитов указывает и наивысший размах хоры в конце VI — начале V в. Производство зерновых составляло основу экономики Ольвии в архаическое и классическое время, оно было ориентировано на экспорт в Грецию (с. 436/7), так что наличие состоятельных ольвиополитов в Ольвии конца VI — начала V в. обязано прежде всего внешней торговле хлебом. Правда, пример Леанакта показывает, что и в столь прибыльном деле могли случаться неудачи³¹³.

³¹¹ АГ подробно рассмотрели вопрос о финансовой правомочности женщины в ранней Греции.

³¹² Чтение Даны в стк. 9–10: περὶ τῶν οἰκητέων θυμῶλεω (sic) [-- са. 10–11-- Εὐ]θυμίῳ αὐτῷ, μοι οὐκ οἶδα ἦν {ε} γένηται εἶδ. Поскольку букв θυμίω нет на прориси, не учитываем их. Текст стк. 10 не обязательно должен начинаться у левого края пластинки, тем более что первая сохранившаяся *iota* вполне принадлежит дат. падежу имени θυμῶλεω|ι. Приписка о домочадцах, начинающаяся предлогом περί, сделана мелкими буквами по сравнению с основным текстом; указанная *iota* находится как раз под буквой Π предлога, что определенно указывает на отсутствие текста у левого края пластинки. Имя θυμῶλης не засвидетельствовано; так как есть имя θυμῶδης [PB, 502], надо читать его, — видимо, Виноградов не увидел нижней горизонтали Δ и показал на прориси Λ.

³¹³ Апатурий последовательно пишет дифтонг ευ через εο (εἶ, εὐ(0)ς). В VI в. это сугубо милетское явление засвидетельствовано только письмами Ахиллодора и Апатурия (выше, с. 205).

2.3. Письмо Артикона

Рис. 27. Письмо Артикона, прорись [Латышев, 1904]

Это свинцовая пластинка высотой 3, шириной 13 см (рис. 27), надпись вырезана на обеих сторонах; текст по В. Крёнерту³¹⁴.

Recto

- Артиκῶν: τοῖς ἐν οἴκῳ<ι>
χαίρειν: ἢ ἐγβάλλει : ἐκ τῆς
3 οἰκίης ὑμ[ᾱς] Μυλλίων:
παρὰ Ἀτάκουσ [εἰ]ς τὸ οἶκημα,

Tergo

- 5 ἢ γὰρ δίδωι, εἰ δὲ μὴ,
παρὰ Ἀγάθαρκον: εἰς τὰ
7 παρὰ Κέρδων[ος] ἐρίων
τὸ μέρος κομισάσθω

«Артикон шлет привет своим домашним. Если Миллион выставит вас из дома, отправляйтесь в комнату у Атака, если, конечно, разрешит, а ежели нет — к Агатарку. Что до скарба, находящегося у Кердона, пусть возмет себе³¹⁵ часть шерсти».

Точное место происхождения надписи неизвестно: она поступила в 1902 г. в Археологическую комиссию из коллекции очаковского иерея Н. Л. Левицкого, содержавшей в основном вещи с Березани и отчасти из Ольвии. В. В. Латышев

³¹⁴ Письмо с приложением прориси опубликовал В. В. Латышев [1904, с. 10–13] с ошибками в чтении и толковании письма. Неточна и публикация текста, данная И. Шмидтом сразу после заметки Латышева [Schmidt, 1904, № 227; см.: ИАК. Вып. 14, с. 138]. Чтение документа несколько улучшил А. Вильгельм [Wilhelm, 1909, S. 118/26, с приложением фото]. Но его перевод и толкование далеки от текста, на что указали одновременно В. Крёнерт и А. Рейнак, давшие адекватный подлиннику перевод [Crönert, 1910, S. 158/60; Reinach, 1910, p. 312/3]. Вариант Рейнака незначительно отличается от текста и перевода Крёнерта (в частности, Рейнак дал в стк. 2 *tergo* дополнение εἰς τὰ[ῦτα]). Письмо включено в сборники надписей с текстом Крёнерта [DGE 736; Syll.³ 1260].

³¹⁵ Вариант: отнесет.

предположил ольвийское ее происхождение, что приняли последующие исследователи, хотя возможность обнаружения ее на Березани никто не исключал³¹⁶. Латышев отнес надпись ко времени не позднее первой половины IV в., А. Вильхельм подробно рассмотрел формы некоторых букв и также датировал ее IV в., такая датировка стала общепринятой. К V в. отнес ее Ю. Г. Виноградов [1971, с. 78], но без какой-либо аргументации. На наш взгляд, общий характер письма надписи указывает на принадлежность ее еще первой половине V в. По характеру этот документ находит более всего соответствий в письме Ахиллора рубежа VI–V вв. (рис. 25) и принадлежит времени, непосредственно за ним следующему в пределах первой половины V в. Особо показательно в этом отношении «хвостатое» ρο, написанное Артиконом в словах χαίρειν и παρά (стк. 2 оборота): это архаическая форма буквы, свойственная надписям различных греческих центров по первую половину V в.³¹⁷ Интерпункция представлена в ольвийской малой эпиграфике V и IV в.³¹⁸ Такая особенность, как употребление ее для разделения слогов внутри слова (ῥ:μ[ᾱς]), свойственна памятникам архаического времени и V в. до н. э.³¹⁹

Перейдем к текстологии надписи³²⁰.

Стк. 1: ΤΟΙΣ ΕΝΟΙΚΩΝ. Все, начиная с Латышева, исправляли на τοῖς ἐν οἴκῳ <1> «Артикон шлет привет своим домашним». Это фразеологизм οἱ ἐν οἴκῳ «домашние, семья», употребляемый, к примеру, в аттическом письме Мнесиерга начала IVa: Μνησιέργος ἐπίστειλε τοῖς οἰκῶι χαίρειν «Мнесиерг шлет своим домашним привет и пожелание здравствовать» [DGE, Appendix I, № 14]. Употребление его в отношении бездомной семьи Артикона было, по меньшей мере, недосмотром. Попытка сохранить написание подлинника и читать в конце стк. 1 ἐνοίκῳ (κῆνοικος «житель, обитатель») была бы тщетной, так как это слово плохо вписывается в контекст приветственной фразы.

Стк. 3–4, 7: дом Миллиона, οἰκίη — это дом, включающий различные жилые и хозяйственно-бытовые помещения. Адресуя свою семью к Атаку, Артикон упо-

³¹⁶ По утверждению А. Придика, автора рукописного корпуса малой эпиграфики Сев. Причерноморья, надпись происходит из Ольвии (Архив СПб. ИИМК, фонд 33, д. 56, № 14). Из Археологич. комиссии надпись перешла в музей Петроградского историко-филол. ин-та, где ее видел Придик. Его утверждение об ольвийском происхождении надписи может быть повтором утвердившегося предположения Латышева.

³¹⁷ «Хвостатое» ρο засвидетельствовано в Ионии лишь на посвящении Креза в храм Артемиды Эфесской (сер. VIa). По словам М. Гвардуччи, «это довольно редкая для малоазийской Ионии форма» [Guarducci, 1967, p. 264/5], а по Л. Джеффри, «она необычна в Ионии» [Jeffery, p. 339]. На островных ионийских центрах эта форма буквы представлена хорошо (об ареале ее распространения в местных алфавитах Греции [Guarducci, 1987, Allegati 1–2]). Поздние образцы [Jeffery, p. 290 и Pl. 56–35 (Парос, ок. 500–480), 57–40 (Сифнос, ок. 500), 57–58 (Лемнос, ок. 500–480)] и др. Даем параллели только из ионийских центров, так как письмо Артикона включает в себя элементы ионического диалекта: ἐγβάλεῖ, οἰκίη. «Хвостатое» ρο представлено на Березани и другими образцами второй половины VII–VI вв. [Яйленко, 1982, с. 276, 283 (№ 7), 287 (№ 89), 303], так что можно говорить о традиционном его употреблении здесь и предполагать на этом основании происхождение части березанских колонистов с ионийских островов.

³¹⁸ [Виноградов, Русяева, 1980, с. 47, рис. 11]. Предположение Виноградова, что это граффито представляет собой копию IV в. с документа V в., необоснованно — это оракул IV в., о чем см. выше, с. 41–43. Образец V в. — НО 63.

³¹⁹ Легенда на ольвийских монетах второй половины V в. Ἀρίχ:ῶ. Также, например, [DGE 362 = Roehl, p. 17]: καταλείπον:τα стк. 7.

³²⁰ Не будем входить во все частности чтения, толкования и перевода текста, предлагавшихся в литературе начала XX в., так как она, за исключением текста Крёнерта, устарела или ошибочна.

требил слово οἴκημα «комната», т. е. вел речь о найме комнаты в доме (οἰκίη) Атака. Можно предположить, что съём комнаты в доме Атака и, вероятно, Миллиона указывает на доходный характер домов этих людей. Обратим внимание на не совсем обычное употребление Артиконом предлога παρὰ с род. падежом. Выражение стк. 4 παρὰ Ἀτάκους имеет дословное значение «близ, около Атака», что указывало бы на совет Артикона своей семье поселиться в комнате около (близ, у) Атака, а не в его доме. Однако такой оборот Артикон еще раз дал в стк. 7: εἰς τὰ παρὰ Κέρδω[ν]ος — это, конечно, не «имущество близ Кердона», а «имущество, находящееся у Кердона». Отсюда явствует, что конструкция παρὰ с генитивом имени в языке письма Артикона либо подразумевает слово οἶκος «в доме Атака», «в доме Кердона», либо заменяет конструкцию παρὰ с дативом, что изредка встречается в литературном языке³²¹.

Стк. 8: κομισάσθω. Исследователи начала XX в. усматривали в этом глаголе значение «пусть отнесет». Ю. Г. Виноградов [1971, с. 78–79] предложил значение «пускай заберет, взыщет»: тот, кто пустит семью Артикона к себе, получит часть шерсти в качестве квартирной платы от Кердона, который, как он предположил, вероятно, задолжал эту шерсть Артикону. Отметим по этому поводу, что медиальная форма данного глагола имеет оба значения, которые одинаково подходят к контексту всей фразы. Упомянутая догадка о получении шерсти в уплату за съём квартиры связывает последнюю фразу с основным содержанием письма, однако такой интерпретации препятствует начало этой фразы, где вместо выражения εἰς τὰ παρὰ Κέρδω[ν]ος «что до имущества, находящегося у Кердона» стояло бы ἐκ τῶν παρὰ Κέρδωνος «из имущества, находящегося у Кердона»³²². Поэтому субъектом императива κομισάσθω является упоминаемый во фразе, завершающейся этим глаголом, Кердон — он должен был взять себе часть хранившейся у него шерсти (вариант: отнести ее куда-то).

Итак, содержание письма недвусмысленно указывает, что мы имеем дело с социальными низами ольвийского полиса [Книпович, 1956, с. 122]. Об этом же свидетельствует характер упоминаемых в нем имен: они рядовые, «низкие», а одно и вовсе негреческое. Все эти имена, исключая имя Кердон, местные и, насколько можно судить по общеизвестным ономастическим лексиконам, нигде более не встречаются, что наводит на догадку о них как об индивидуальных прозвищах. Прозвище Ἀρτίκων включает наречие ἄρτι «очень, отлично» и причастие κῶων (к κοίω «замечать, воспринимать, слышать» = «отлично подмечающий», т. е. «острогляд»). Прозвище Μυλλίων имеет основой μυλλ- (κρύλλον «губа» или μυλλός «кривой, скрюченный», «косой»; «пирожок в форме женского полового органа», либо μύλλος — некая засаливаемая черноморская рыба), оформленная суффиксом *genetivus* -ων. Имя Κέρδων «низкое», его часто носят рабы (к κέρδος «выгода», «корыстолюбие»). Имя Ἀτάκης засвидетельствовано на Боспоре в нимфейском надгробии Va: Ἀσάρως Ἀτάκης (КБН 914), где негреческое имя Асар подчеркивает местный, северо-черноморский характер имени Атак. Хотя оно связано с широко распространенной

³²¹ Пример опущения слова οἶκος в конструкции παρὰ с дативом: οἱ παρὰ ἐμοί (sc. οἶκος) «мои домашние» (Хел. Мет. II, 7, 4). Ср. тут же оборот παρὰ с дативом имени: οἱ παρὰ Κεράμωνι δοῦλοι «рабы у Кермона». Примеры замены конструкции παρὰ с дативом в значении «близ, около, у» оборотом παρὰ + генитив [LSJ, s.v. παρὰ A III].

³²² Это имущество Артикона состояло либо из шерсти, упоминаемой далее в этой фразе, либо включало еще какое-нибудь добро.

основой — детским обозначением отца ἄτ(τ)α, известным антропонимике самых разных народов, в том числе греческой [Zgusta, 1955, § 596; Яйленко, 2010, с. 123/9], суффикс -κ- (-χ-), выделяющий группу из общей массы таких имен (Ἀτάκης, Ἀττακόας, Ἀτακοῦας, Ἀταχαῖος), указывает на предпочтительно иранское ее происхождение (показательно в этом отношении колебание κ-χ, характерное для греческой передачи как раз иранских имен собственных: ср. дублетную передачу иранского этнонима Σίρακες и Σίραχοι с этим суффиксом).

Имя Ἀγάθαρκος, неизвестное другим источникам, некоторые из прежних исследователей исправляли на Ἀγάθαρ(χ)ος, но, на наш взгляд, напрасно: в окружении «низких» имен это аристократическое имя («хороший вождь») выглядит белой вороной. По этой причине и форму Ἀγάθαρκος (ἀγαθός «хороший, добрый» + ἀρκεῖν «держат, отражать»), которую можно принять и за аристократическое имя («хорошо отражающий, защищающий» в бою), лучше трактовать в бытовом контексте и считать прозвищем: «хорошо держащий», т. е. «хват».

Наше объяснение имен Ἀρτίκων, Μυλλίων, Ἀγάθαρκος в качестве прозвищ и сопоставление их с греческой лексикой следует понимать в том смысле, что это туземные негреческие имена (подобно имени Ἀτάκης), адаптированные греками к своему языку.

Перейдем к интерпретации содержания. Суть письма состоит в том, что некий Артикон, находясь вне Ольвии или Березани, отдает распоряжение своим домашним по поводу их дальнейшего местопребывания³²³. Распоряжения эти вызваны дошедшими до него сведениями, что домохозяин Миллион собирается выставить из своего дома квартировавшую у него семью Артикаона. В связи с этим глава семейства указывает два адреса, по которым они могут обратиться для найма жилья, из которых второй был, что называется, безотказным, но, видимо, и не самым желательным. Имущество семьи Артикаона (или часть его) хранилось у некоего Кердона, вероятно, близкого человека, и Артикон через семью шлет ему распоряжение то ли отнести куда-то часть шерсти, то ли взять себе оную (может быть, в уплату за хранение скарба или как компаньону по делам, связанным с шерстью).

Перед нами — бездомная семья, скитающаяся по снятым в городе углам. Казалось бы, для Ольвии или Березани такая ситуация немыслима: Артикон мог вырыть землянку в ольвийском предградье, территория которого ничем не лимитирована — оно открыто в степь³²⁴. Следовательно, обстановка диктовала необходимость пребывания не в предградьи, а в самом городе (не на материке, а на острове, если вести речь о Березани). Иначе говоря, ситуация подразумевает какую-то угрозу, и не исключено, что вообще семья Артикаона проживала в хоре, но ввиду опасной обстановки вынуждена перебраться в город. Исследование ольвийской хоры показало, что к исходу первой трети V в. жизнь на большей части сельских поселений прекращается; «во второй половине — конце V в. до н. э. население почти полностью сосредоточивается в Ольвии и, очевидно, на Березани»; «примерно на рубеже

³²³ Из дошедших до нас аттических писем (письмо Мнесиерга, см. также новые находки [Lang, 1976, p. 8–9] следует, что в большом городе, как Афины, авторы писем могли находиться и в ближайших его окрестностях. Применительно же к небольшим городам типа Ольвии и тем более островку Березани пересылка письма из одного квартала в другой бессмысленна. Отсюда и следует, что Артикон находился где-то в ольвийской хоре, возможно, по делам, связанным с шерстью или войной.

³²⁴ Если речь идет о Березани, то поселение занимало западный край острова, большая часть территории которого предназначалась для ведения сельского хозяйства [Лапин, 1966, с. 122 сл.].

первой и второй четверти V в. до н. э. происходит концентрация в Ольвии жителей сельских поселений»³²⁵. Концентрация сельского населения в Ольвии, безусловно, сопровождалась городской стенохорией, нехваткой застроечных площадей и как следствие — недостатком жилья. Дата нашего документа — первая половина V в. — вполне согласуется с археологическим фактом запустения хоры и переходом ее населения в Ольвию и отчасти на Березань³²⁶.

Застройка Ольвии и Березани V в. известна плохо (в Ольвии ее разрушило устройство подвалов эллинистических домов). С начала V в. здесь перешли к сырцово-каменному наземному домостроительству, дома многокамерные с подвалами и двором³²⁷. Существенно, что в застройке главной улицы просматриваются отдельные элементы регламентации [Ольвия, 1999, с. 47]. Это позволяет предполагать, что сложение гражданского коллектива в Ольвийском полисе на протяжении последней четверти VI в. сопровождалось обычным для греческой практики разделом городской территории на равные ойкопедоны — участки, предназначенные для строительства жилищно-хозяйственных комплексов (ойкосов) [Яйленко, 1982, с. 123 сл.; 1990а, с. 85–86]. Число граждан Ольвии, т. е. лиц, обладавших правом собственности на недвижимость в городе, в раннеэллинистическую эпоху было невелико — около 300 человек (ниже, с. 482). В позднеархаической Ольвии их число вряд ли было большим, скорее меньшим. Возможно, в конце VI или начале V в. городская территория была поделена на 200–300 ойкопедонов (исключая общественные центры). Поэтому, когда на рубеже первой и второй четвертей V в. начался отток сельского населения в город, возникла проблема его размещения. В первой половине этого столетия стало заселяться предградье Ольвии с его земляночными жилищами³²⁸.

То, что семья Артикона не окопалась в предградье, а снимала жилье в городе, может указывать на известную состоятельность Артикона. Очевидно и то, что спрос на жилье был использован домовладельцами, которые сделали свои дома доходными, сдавая их внаем. Существенно, что среди домовладельцев, т. е. несомненных граждан Ольвии, упоминаются лица с простыми прозвищами-именами: Миллион, вероятно, Кердон и Агатарк, а один и вовсе с негреческим — Атак³²⁹. Все они выходцы из третьего сословия, видимо, потомки во втором-третьем колене дополнительных переселенцев второй половины VI — раннего V в. У туземца Атака был

³²⁵ [Крыжицкий, Буйских, Отрешко, 1990, с. 42–43; Крыжицкий, Бураков, Буйских, Отрешко, Рубан, 1980, с. 7].

³²⁶ Согласно Л. В. Копейкиной [1981, с. 109/11], наибольших пределов поселение на Березани достигло во второй половине VI в., а с начала V в. наступило резкое его сокращение, тогда как В. В. Лапин [1966, с. 108 сл.] полагал, что расцвет поселения приходится на V в. На наш взгляд, сокращение Березанского поселения имело место не ранее середины V в., до которой идет обильно представленный тут массовый родосско-ионийский материал. Можно, не боясь ошибиться, полагать, что разгром персами Милета в 494 г. привел к переселению части его жителей в Ольвию и на Березань (выше, с. 136), что повлекло за собой дальнейший рост территории и численности населения этих центров.

³²⁷ Л. В. Копейкина [1975, с. 188 сл.] отнесла возникновение каменно-сырцового домостроительства в Ольвии и на Березани к середине VI в., С. Д. Крыжицкий [1982, с. 15–31; Ольвия, 1999, с. 45] к началу или первой четверти V в.

³²⁸ Ю. И. Козуб [1979, с. 3 сл.] датировала возникновение предградья концом VI в., по С. Д. Крыжицкому [1982, с. 14; Ольвия, 1999, с. 99], массовая застройка происходила в первой половине — середине V в. и связана с сокращением хоры.

³²⁹ Кердона можно считать домовладельцем в том случае, если в конструкции παρά Κέρδωνος подразумевается слово οἶκος (см. выше).

предшественник рубежа VI–V вв. Матасий письма Ахиллодора, владевший домами (выше, с. 221). Атак и Матасий, а также Эминак и Арих пробились в число граждан Ольвии (выше, с. 221/3).

Автор письма Артикон, скорее всего, не был гражданином, так как у него нет собственного домовладения. Видимо, его работа связана с шерстью, он мог быть метеком или вольноотпущенником. В афинских надписях среди освобожденных в 349–320 гг. рабов упоминается торговец шерстью, а среди вольноотпущенниц преобладали работницы по шерсти [Доватур, 1980, с. 73, 75]. Афинянин Аристарх посредством займа организовал обработку шерсти для продажи (*Xen. Mem.* II, 7, 11–12). Этот пример показывает, что работу с шерстью могли осуществлять и свободные люди. На Березани и поселении Лупарево-2 позднеархаического времени найдены орудия для обработки шерсти: чесала, изготовленные из рогов благородного оленя, и эпинетроны — оносы, надевавшиеся пряжами на колени для раскатки шерсти [СОО, с. 77]³³⁰.

3. ФАНТОМ ТИРАНИИ В ОЛЬВИИ

В контексте гипотезы о скифском протекторате над греческими полисами Сев. Причерноморья (ниже, с. 269) Ю. Г. Виноградов развивал в ряде работ идею о тирании в них, особенно в Ольвии³³¹. Он увязал возникновения Боспорского царства с усилением скифской державы после победы над Дарием, в результате которой они безраздельно господствовали в Сев. Причерноморье, так что их отношения с греческими полисами приняли здесь форму политического протектората. В результате, по его мнению, в Ольвии и на Боспоре в первой половине V в. утвердились тирании (он считал боспорских Археанактидов тиранами). Идея о тирании в Ольвии V в. не нова — существует более века со времен С. Цыбульского, Э. Р. Штерна, А. Лаума и др. Одновременно с Виноградовым ее, к примеру, излагал В. В. Рубан. Она естественна ввиду общегреческого характера тирании, и применительно к Ольвии вопрос состоит лишь в ее обоснованности: на наш взгляд, пока что нет определенных свидетельств о наличии тут тирании, так что адепты этой точки зрения оперируют исключительно косвенными данными. «Неопровержимым» свидетельством тирании в Ольвии Виноградов считал две изданные им надписи. Первая — обломок декрета ольвиополитов, датированного им третьей четвертью V в. Однако из текста этой весьма фрагментированной надписи определенно явствует лишь то, что каким-то 2–3 лицам ольвиополиты предоставили политию и беспоплиность. Тем не менее Виноградов восстановил декрет таким образом, что в нем оказались этникон «синопейцы» и имя изгнанного в 437 г. из Синоп тирана Тимесилея. Поскольку беглый тиран осел в Ольвии, постольку, заключил он, здесь могла быть тирания. Вторая надпись, также фрагментированная, тоже целиком восстановлена Виноградовым [1989, с. 141 *сл.*] в качестве эпиграммы в честь тираноборца, который не убил (*sic!*) тирана. Его текст принял Л. Дюбуа

³³⁰ Опубликованы еще одно письмо конца VI в. с Березани и другое того же времени из Ольвии [Vinogradov, 1998, р. 155/8], но они слишком фрагментарны, так что судить о содержании невозможно.

³³¹ [Pont. St. S. 100 *f.*; Виноградов, 1981, с. 65 *сл.*; 1981а, с. 49 *сл.*; 1989, с. 109 *сл.*]

[Dubois, 10], но подвергли резкой критике П. Хансен [CEG II, p. 279], А. В. Лебедев [Lebedew, 1996, p. 263/6; 1996, с. 206/18], так что и этот документ лишен доказательной силы.

Адекватную общую оценку построений Виноградова дал А. Дж. Грейэм в рецензии на его немецкую брошюру [Graham, 1983, p. 461/2]: «В тех случаях, где мы можем проверить заключения Виноградова, мы найдем, что они порой скорее смелые, нежели убедительные. Он предлагает теорию, согласно которой Ольвия в V в. управлялась тиранами под скифским протекторатом, и что эта тирания была низвергнута в раннем IV в. Эпиграфическое обоснование этого состоит, во-первых, во фрагменте превосходной надписи V в., которую он восстанавливает весьма пространно и интерпретирует в качестве декрета Ольвии, предоставившего гражданство и землю тирану Синопы и его компаньонам, которые были изгнаны афинянами. Если осмотреть фотографию надписи..., то можно видеть, что там нет никакой определенности — это только верхняя часть памятника, заставляющая сомневаться в восстановлении заголовка [δόγμα]α [Ὀλβιο]πολιτέ[ων], которому Виноградов придает большое значение. Также и длина строк вовсе не определена. Другим эпиграфическим подтверждением его теории является надпись..., которую Виноградов датирует началом IV в., восстанавливает и интерпретирует в качестве памятника освободителю (от тирании. — В. Я.). Ни один квалифицированный эпиграфист не будет счастлив такой датировкой: фотография свидетельствует, что это надпись бесспорно эллинистического времени... Так эта теория, хотя и может казаться яркой, оказывается карточным домиком». Отрицательную оценку дал и Ф. Готье: δόγμα — нейтральный термин, это просто «решение, постановление»; остается неясным, как могла Ольвия, состоявшая в Афинском морском союзе, принять тирана, изгнанного афинянами из Синопы [Gauthier, 1998, p. 1185/6]. С этой частностью согласуется и общая оценка, данная Ф. Готье книге Виноградова *Politische Studien*: «следовательно, этим томом надо пользоваться (в том, что относится к надписям) с осторожностью (avec précaution)» [Bull. ép. 1998, 288].

Общая оценка, при всей ее справедливости, не заменяет подробного анализа гипотезы Виноградова, прежде всего в части эпиграфической, которую мы и рассмотрим³³². Одна из двух его надписей — небольшой фрагмент исполненного стойхедонном ольвийского декрета, обломанного со всех сторон, кроме левой (рис. 28), он дополнил его так: [δόγμα]α [Ὀλβιο]πολιτέ[ων· Τι]μῆσι[εων, Θεό]προπο[ν ...α]γόρεω Σ[υνωπé]ας πολίτ[ας] ἐ[ν]αι καὶ ἀτ[ε]λέ[ας] καὶ ἡῆς [ἐγκ]τ[ησιν] εἶναι αἰ[τ]οῖς καὶ οἰκί[ης] (?) κτλ. Реконструкция надписи кажется мастеровитой, но ее основные положения крайне уязвимы — восстановление санкции [δόγμα]α [Ὀλβιο]πολιτέ[ων], этника Σ[υνωπé]ας и формулы об энктесисе земли.

По поводу преамбулы [δόγμα]α [Ὀλβιο]πολιτέ[ων] Виноградов [1981, с. 73] отметил, что это «достаточно редкая в греческих постановлениях вообще, а для столь раннего времени и попросту уникальная формула». Далее приведена солидная подборка эпиграфических и литературных цитат со словом δόγμα и сделан вывод: «те полисы, в которых этот термин использовался регулярно (Мегары, Кос, Аргос, Локры), по своему устройству были недемократическими» [Ib., с. 79]. Он подкрепил этот вывод цитатой из исследования Ф. Квасса, который отметил, что данное слово «как более позднее выражение неопределенного характера служит в официальном

³³² Дальнейший текст частично опубликован [Яйленко, 1996].

Рис. 28. «Тимесилеев» декрет, фото [Виноградов, 1981]

языке документов прежде всего для обозначения тех постановлений, для которых термин $\psi\eta\phi\iota\sigma\mu\alpha$, установившийся во всеобщем понимании отношений демократического государственного строя, как кажется, не так хорошо подходил». Отсюда Виноградов заключил, что наличие в ольвийском декрете слова $\delta\acute{o}\mu\mu\alpha$ «наводит на то соображение, что государственное устройство Ольвии V в. не походило на конституцию демократических полисов».

Проверим обоснованность такого вывода. Конечно, выборка из 72 текстов со словом $\delta\acute{o}\mu\mu\alpha$, приведенная Виноградовым, солидна,

но в ней вольно или невольно утоплено главное: если он восстановил санкцию $[\delta\acute{o}\mu\mu\alpha] \alpha [\text{Ολβιο}] \text{πολιτῆ} [\omega\nu]$, то прежде всего должен выделить тексты именно с такой санкцией: $\delta\acute{o}\mu\mu\alpha$ + этникон. Если бы он сделал это, то четко выявилось бы, что имеется лишь один пример подобной санкции — $\Lambdaακεδαίμονι\omega\nu \delta\acute{o}\mu\mu\alpha$ [SEG 12, 371, от 242 г.]. Итак, в V в., к которому отнес надпись Виноградов, прескрипт со словом $\delta\acute{o}\mu\mu\alpha$ крайне редок, а в том виде, в каком он его восстановил, вообще встретился лишь раз, и то в надписи III в., отнюдь не V в. Одного этого факта достаточно для вывода о неправомерности восстановления им такой санкции. Приведенные Квассом и Виноградовым примеры узуса термина $\delta\acute{o}\mu\mu\alpha$ показывают лишь то, что он, во-первых, служил для обозначения постановлений союзов, во-вторых, применялся в качестве эквивалента (с какими-то малосущественными отличиями — вспомним дефиницию Квасса: «более позднее выражение неопределенного характера») слов $\psi\eta\phi\iota\sigma\mu\alpha$ и $\nu\acute{o}\mu\omicron\varsigma$ в полисных, коллегияльных и частных актах. В этом смысле слово $\delta\acute{o}\mu\mu\alpha$ широко представлено и в аттических полисных и прочих актах (декреты 2-го Афинского морского союза и коллегии сотериастов, ссылки ораторов и Ксенофонта на полисные постановления), вследствие чего очевидна произвольность заключения Виноградова, что употребление данного термина характерно для недемократических полисов (у Квасса более осторожный вывод: возможно, он был не в полной мере соответствен)³³³.

³³³ Критику утверждений Виноградова о смысле слова $\delta\acute{o}\mu\mu\alpha$ дали также Р. Родес, Д. Льюис, Ф. Готье [Bull. ép. 1997, p. 553; SEG 47, 1180]: этот термин не свидетельствует о недемократическом характере устройства полиса, он нейтрален в этом отношении. Показательные примеры привел Готье: 1) декрет из Халасарны на Косе [Sokolowski, 1969, № 173, 37–41]: $\kappa\alpha\tau\acute{\alpha} \tau\iota\mu\alpha \nu\acute{o}\mu\omicron\nu \eta \delta\acute{o}\mu\mu\alpha \kappa\omicron\iota\nu\delta\acute{\omicron}\nu \tau\omicron\upsilon \pi\alpha\iota\tau\acute{o}\varsigma \delta\acute{\alpha}\mu\omicron\nu$; 2) декрет Ионийского союза от 289 г. в честь милетянина Гиппострата именуется догмой, милетяне же, отреагировавшие на награждение почестями согражданина своим декретом, называют документ Ионийского союза псефизмой (Syll.³ 368).

Таковы же по сути и его выкладки по картографированию имен на -προπος (сделан вывод, что можно читать лишь Θεόπροπος) и -μησιλ- (из нескольких вариантов выбрано именно имя синопского тирана Тимесилея). Соответственно по одной *сигме* восстановлен этникон изгнанников Σ[ινωπέ]ας. А почему, к примеру, не Σ[ιγεί]ας, содержащее столько же букв? Вообще тут может быть дополнен любой этникон (см. ниже). Невозможно и дополнение формулы γῆς [ἔγκ]τ[ησιν εἶναι], прежде всего по причине ее фактического отсутствия на камне: последняя буква читаемого текста *гамма*, после которой следует верхняя часть гасты, так что никакого слова γῆς в подлиннике нет и весь текст после КАПГ последней строки целиком восстановлен (см. рис.). Эти остатки должны быть дополнены иначе по двум причинам. Во-первых, в проксениях в целом предоставление права энктесиса земли и домов не сопровождается предоставлением права гражданства; поскольку исследуемый декрет предоставляет чествуемым лицам право гражданства, восстановление формулы об энктесисе невозможно³³⁴. Во-вторых, при датировке Виноградовым декрета третьей четверти V в. это оказывается вообще первым упоминанием данной формулы; отметивший это Я. Печирка указал, что известные нам случаи ее узуса относятся к более позднему времени [Pečirca, 1986, p. 130]. Поскольку Виноградов [1989, с. 110] выразил сожаление, что-де сомнения Печирки в правильности чтения им данной формулы «не подкреплены никакими доводами», приходится отослать читателя к сводной таблице книги Печирки об энктесисе земли в Аттике, из которой явствует, что наличие формулы об энктесисе в последней четверти V в. лишь предполагается, бесспорное же ее присутствие отмечено только в памятниках начала IV в. [Pečirca, 1986, p. 153]. Следовательно, Виноградов должен либо не датировать надпись третьей четвертью V в., либо не восстанавливать формулу об энктесисе — одно исключает другое.

³³⁴ В проксениях в целом право энктесиса фигурирует часто — это самая обычная статья привилегий, однако оно не сопровождается предоставлением гражданства: такую картину дают 99 % проксений. Например, во всех 60 аттических декретах, предоставивших право энктесиса и прочие привилегии, ни разу не фигурирует πολιτεία или πολιτής (см. восьмую колонку сводной таблицы кн. [Pečirca, 1966, p. 152 f.]. Та же картина и в декретах других полисов — они часто наделяли проксенов правом энктесиса, но без права гражданства [Syll.³ 258a, b, 282, 348, 355, 381, 501 etc.; DGE 22, 48, 92, 136, 138, 153, 155, 163, 397, 404, 415, 425, 449, 458, 460/1, 486, 487, 501, 503, 514, 525, 527, 546, 667; Michel, 184, 191, 202, 206, 217, 218, 221, 229 etc.] (есть редкие случаи предоставления энктесиса вместе с исполитией — например [Michel, 204, 207 etc.], но это не то же, что полития и πολιτής). И такая ситуация вполне понятна: проксены наделялись правом энктесиса для того, чтобы их капиталы вкладывались в экономику полиса, давшего проксению и право энктесиса, но не право гражданства, наделение которым и в IV в. оставалось крайне редким. Из этого всеобщего правила есть ряд исключений, в основном относящихся к III–II вв., когда полисное гражданство утратило свою ценность [Michel, 292, 295/7, 300, 383; DGE 191, 373]. Ряд случаев раннеэллинистического времени обусловлен конкретными обстоятельствами, прежде всего известностью и высоким положением проксена [Яйленко, 2010, с. 61]. Поскольку наша надпись относится к V в., вопрос о таких исключениях вообще не стоит. В боспорских проксениях предоставление политии засвидетельствовано проксениями кромниту, проксениями из ГИМ'а, фрагментом пантикалейской проксении [Шелов-Коведяев, 1985, с. 69, фр. № 2; Виноградов, Толстиков, Шелов-Коведяев, 2002; Яйленко, 2010, с. 57, 61, 66, 72]. Однако πολιτεία и πολιτής не одно и то же. Общегреческая практика IV в. такова: проксену предоставляется потенциальное право гражданства (πολιτεία), если же его делают гражданином (πολίτης), он не проксен. К примеру, по постановлению аттического декрета благодетель-инополит условно вводится в число афинских граждан (εἶναι Ἀθηναῖον) с записью в филу и фратрию, но проксенические привилегии у него отсутствуют, за исключением энктесиса [Michel, 111, 118, 121].

В порядке вещей, что издатель новой надписи дает свое чтение, но плохо, что столь незначительный по сохранности текст служит в реконструированном виде краеугольным камнем ответственных исторических построений. В кратком сохранившемся тексте санкция, этникон и состав имен могут быть прочитаны по-разному, тем более что точное количество букв в строке стойхедона неизвестно. Например, могу дать такой вариант прочтения этой надписи с 13–15 буквами стойхедона: [ἀτελείη|ἥδε κ|α[τὰ τῶν Ὀλβιῶ]|πολιτ[έων δῆμῳ γνῶ]|μης· Ἰλ[ιονέα Θεο]|πρόπῳ, [τὸν δεῖνα Ἦρα]|γῳρεω Σ[αμοθρήκ]|ας πολιτ[ήτας τε ἔ]|ναι καὶ ἀτε[λείας πάσ]|ας γί[νυσθαι αὐτοῖς κτλ.] *«эта ателия (дана) по постановлению народа ольвиополитов: Илионей, сыну Теопрота, такому-то, сыну Герагора, самофракийцам, быть гражданами и быть всем ателиям у них--»*³³⁵. Могу предложить и более пространный вариант — стойхедон 21–22 с эпонимной датировкой по стефанефору: [ἔδοξε βῶλῃ καὶ δῆμῳ ἐπὶ |στεφ|α[νφῳρῷ μολπῶν Ὀλβιῶ]|πολιτ[έων αἰσυμνῶντος Ἐρ]|μησιλ[όχῳ τῷ δεῖνος· Εὐ]|προπ[ῳ] καὶ τὸν δεῖνα τῷ --]|γῳρεω Σ[αμίῳς, αὐτὸς καὶ παῖδ]|ας πολιτ[ήτας καὶ προξένος ἔ]|ναι καὶ ἀτε[λείας αὐτὸς καὶ παῖδ]|ας καὶ γί[νυσθαι αὐτοῖς κτλ.] *«Поставлено советом и народом при стефанефоре-эсимнете мольпов у ольвиополитов Ермесилохе, сыне такого-то: Евпропу и такому-то, сыновьям --гора, самосцам, самим и сыновьям быть гражданами и проксенами, а также свободными от пошлин — самим и сыновьям, и быть у них --»*³³⁶.

Оба варианта восстановления декрета сделаны мною исключительно для демонстрации различных возможностей интерпретации короткого сохранившегося текста, так что претензия Виноградова на свою реконструкцию как «неопровержимое» свидетельство тирании в Ольвии беспочвенна³³⁷. Его восстановление надписи — всего лишь один из возможных вариантов ее интерпретации, который ни

³³⁵ Предложенная реконструкция имеет заголовок и санкцию в стк. 1–3. Ср., к примеру, заголовок ателии IV в. из Калаврии в Мегариде [Michel, 177]: Σιφίους ἀτέλεια ἐν Κалаυρία κατὰ τὰ πατρία. К выражению [ἀτελείη ἥδε] ср. τῇδε στήλῃ τῇδε ателии Манеса (Syll.³ 4, Кизик, VI в.). Термин γνῶμη весьма употребителен в санкциях, известна и форма γνῶμη τοῦ δήμου [Swoboda, 1890, S. 34, 35, 59–61, 69–73, 76, 78, 81–85, 94 f.]. Наряду с восстановленными именами можно подобрать и другие. Восстановление этника Σ[αμοθρήκ]|ας может быть верифицировано двумя ольвийскими посвящениями IV–III вв. «самофракийским богам» (HO 67, IOSPE I² 191). К выражению ἀτε[λείας γί[νυσθαι] ср. Syll.³ 480: ἀτέλεια γέγονε.

³³⁶ В Ольвии есть ряд посвящений, сделанных жрецами мольпами-стефанефорами (HO 56 сл.), в том числе синхронное рассматриваемому декрету посвящение HO 58 (по письму оно близко «Тимесилееву» декрету и сделано в той же мастерской), датированное по эпонимному стефанефору-эсимнету мольпов: ἐπὶ Διονυσ[ο]δῳρῷ τῷ [Λη]ναῖῳ μολπ[ῶν αἰσυμνῶν]τος (см. с. 74). В ряде центров по эпониму-стефанефору датировались декреты совета и народного собрания, например, в малоазийском Иасе: ἔδοξε τῇ βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ -- ἐπὶ στεφανηφόρου Παταίκῳ τοῦ Σκύλακος (Syll.³ 169, около 360a); такая же датировка и санкция с этником приенцев — Syll.³ 282 от 333 г. и др. Все это дает основание реконструировать и в «Тимесилеевом» декрете датировку по эпонимному стефанефору. В Ольвии санкция ἔδοξε βῶλῃ καὶ δῆμῳ впервые представлена в Канобовом декрете 350-х гг. Имена могут быть дополнены разные. От этника проксенов сохранилась только начальная *сигма*, так что этникон самосцев и самофракийцев дополнен исключительно для иллюстрации. Принятое количество букв позволяет дополнить также указание на проксенический статус, т. е. этот вариант дополнения предполагает, что документ представляет собой проксению. Поскольку чтение Виноградовым имен Тимесилей и Теопрот произвольно, называю этот декрет «Тимесилеевым» условно. Имена эти редкие.

³³⁷ Не знавший русского языка издатель SEG Г. Плекет не понял, что эти два варианта я дал лишь для того, чтобы показать разные возможности реконструкции текста декрета, и изложил дело так, что это мое чтение надписи всерьез [SEG 47, 1180].

в коем случае не может быть положен в основу каких-либо построений исторического плана. Повторим, остатки текста предоставляют в наше распоряжение только два факта: ольвиополиты предоставили гражданство и свободу от пошленного обложения каким-то 2–3 лицам, все остальное только догадки. Вот текст надписи, как она должна быть издана для пользования ею в качестве исторического источника: --Α--|ΠΟΛΙΤ--|ΜΝΣΙΛ--|ΠΡΟΠΟ--⁵|γύρεω Σ--|ας πολή[τας--^ξ] και ατε[λε--]|ας και ΓΙ-- (буквы стк. 3–5 принадлежат именам-патронимикам). К сожалению, нет точного ответа и на главный вопрос — ателия это или проксения (возможно даже, что это декрет о предоставлении гражданства). Поскольку предоставление прав гражданства — непереносимая черта ольвийских проксений следующего, IV в., очень вероятно, что это проксения, однако это свойственно и ателиям (Syll.³ 7). Если это проксения, надпись содержала около 15–20 букв в строке (как в нашем иллюстративном варианте 2); на возможность дополнения такого числа букв указывает стойхедон 18 посвящения НО 58, которое вышло из той же мастерской. Аналогичную конструкцию формуляра *acc.* + *inf.* имеют также ателии и проксении Ольвии конца V — начала IV в. (ниже, с. 286, 290).

Теперь о датировке декрета. В небольшом абзаце Виноградов [1981, с. 72–73] конспективно изложил свои представления о развитии стиля стойхедон в Ольвии, где, по его мнению, он зародился во второй четверти V в., в конце которого исчез: пик его пришелся на третью четверть столетия (подробнее см. ниже, с. 302). Это, по существу, все, что послужило ему основанием для датировки надписи третьей четвертью века: не утруждая себя аргументами, он просто построил голословную схему развития письма ольвийских памятников, какой она ему представлялась³³⁸. В связи с этим напомним читателю, какие сложности встают перед специалистами даже при датировке аттических стойхедонных надписей V–IV вв.: например, известный двойной декрет в честь проксына Гераклида (IG II, 8 = Syll.³ 118 = SEG X, 83) датируется по историческим соображениям разными исследователями 424 г., после 403 г., 390 и 387 г. [Pečirka, 1966, p. 23–25]. И это на аттической почве, эпиграфика которой предполагает множеством точно датированных надписей! Что же говорить об ольвийской эпиграфике этих столетий, вовсе не имеющей надписей с точной датой?³³⁹ Выход

³³⁸ Подобным образом он выстроил схему развития письма ольвийских надписей и IV в. (ниже, с. 359/61).

³³⁹ Чего стоит данная Виноградовым схема развития стойхедона в Ольвии, видно на примере его утверждения, что этот стиль полностью исчезает тут в конце V в., поэтому не правы те, кто датирует IV в. сигнатуру афинского скульптора Стратонида НО 65 [Виноградов, 1981, с. 73]. Однако помимо ольвийской сигнатуры этого скульптора известна и другая, найденная на афинском Акрополе, тоже относящаяся к IV в. [Lippold, 1931, Sp. 318; Calder, 1971, p. 325 f.], и ввиду хорошей изученности письма аттических надписей IV в. Виноградову не «втащить» ее в V в. Так как афинская сигнатура относится к середине IV в. или даже к концу его [Денисова, 1982, с. 98], то и ольвийская датируется тем же временем. Стало быть, стойхедон или его элементы существовали в Ольвии IV в. Для выхода из затруднительного положения Виноградов апеллировал к тому обстоятельству, что ольвийская сигнатура Стратонида исполнена не стойхедоном [Виноградов, Карышковский, 1976, с. 27; Виноградов, 1981, с. 73]. Действительно, в этой двухстрочной сигнатуре 5 первых букв второй строки вырезаны строго под буквами первой, а следующие буквы, судя по их остаткам, сбиваются с порядка. Однако и в Аттике IV в. есть надписи, исполненные неполным стойхедоном, т. е. испытавшие его влияние [Austin, p. 103]. Виноградов безосновательно отказал ольвийской эпиграфике IV в. в праве на стойхедон, поскольку в Аттике и прочих центрах этот стиль процветал и в IV в., а существовал по III в. [Austin, p. 101 f.; Guarducci, 1967, p. 413].

один — опора на датированные аттические параллели при учете формулярных, палеографических и просопографических соответствий между надписями Ольвии.

Исходя из сказанного, прежде всего отметим, что «Тимесилеев» декрет по характеру письма близок аттическим надписям, датированным 408, 403, 399, 398 г.³⁴⁰ Сюда относятся также НО 2, 56. Для письма этой группы надписей, говоря словами И. Кирхнера, характерны Е со слегка удлинненными усиками, несколько уменьшенные размеры круглых букв, N с приподнятой правой боковиной, на концах гаст появляются слегка выраженные Knöpfe [Kirchner, S. 18]. Последняя черта особо важна: раньше конца V в. это тонкое декоративное оформление концов гаст стойхедону как системе гармоничной организации письма не свойственно³⁴¹. Весьма показательна для письма данной группы надписей форма *сигмы*, усики которой существенно уплощены сравнительно с более ранними надписями, а средний уголок выступает направо на одинаковое расстояние с верхним и нижним усиками. С аттическим декретом 408 г. [Kirchner, 41] «Тимесилееву» надпись роднит и характерная форма *омеги*: уголки ее лапок прямые, дуга невысока, размеры составляют 2/3 прямых букв, располагается она посередине между линейками строки, т. е. как бы подвешена посередине³⁴². Приведенные данные указывают, что «Тимесилеев» декрет относится к концу V в., и эта палеографическая дата подтверждается эволюцией формуляра группы ольвийских ателий и проксений последней четверти V — начала IV в. (ниже, с. 290).

Перейдем теперь непосредственно к вопросу о тирании в Ольвии. Виноградов полагал, что предоставление ольвиополитами гражданства беглому синопскому тирану может указывать на тиранию и в самой Ольвии. Для вящей убедительности он извлек из монографий Х. Берве о тирании и Я. Зайберта о политических изгнанниках подборку сведений о том, где селились изгнанные со своей родины тираны, и пришел к выводу, что они находили приют либо у тиранов же, либо в союзных городах [1981a, с. 49 сл.]. Отсюда он заключил: если Ольвия приняла изгнанного тирана, в ней тоже была тирания. Между тем вариант с союзными городами некорректен: понятно, что тираны бежали не наобум, куда глаза глядят, а в те города, с которыми у них были связи, причем в этих городах вовсе не обязательно наличие тирании. Например, сиракузский тиран Дионисий Младший, изгнанный в 344 г. присланным ранее из Коринфа Дионом, поселился частным лицом в Коринфе же, где тогда был олигархический строй. Коринф — метрополия Сиракуз, и потому поддерживал связи со своей колонией, в том числе и с ее тиранами, но это вовсе не означает, что бегство Дионисия в Коринф свидетельствует о тирании в этом городе. Соответственно неправомерна посылка Виноградова, что поселение беглого синопского тирана в Ольвии свидетельствует о тирании в ней.

³⁴⁰ [Kirchner, 41, 43–45 и S. 17–18]. Сюда же относится аттический декрет IG II, 174, датированный А. Вильгельмом 412 г., а И. Кирхнером несколько позднейшим временем [Pečirka, 1966, p. 39 и pl. 8].

³⁴¹ Ср. аттический декрет IG II, 308 второй трети IV в. [Pečirka, 1966, p. 59, pl. 11]: письмо близко указанной группе аттических надписей и «Тимесилееву» декрету, но здесь уже присутствует хорошо выраженная апещированность букв.

³⁴² По *омеге* сходной формы, но с дугой более высокого подъема, при общей близости письма с упомянутыми надписями выделяются в отдельную подгруппу надписи стиля стойхедон НО 3 + 12 и 58, которым близки по отмеченным особенностям аттические надписи 394 г. [Kirchner, 46], ее качественное фото [Guarducci, 1987, p. 392].

Решающим свидетельством скифского протектората над Ольвией и тирании в ней Виноградов [1981а, с. 67 сл.; 1989, с. 141 сл.] счел опубликованную им метрическую надпись (рис. 29):

[Σπεῦς]εν (?) ὁ μυριάτης χρόνος οὐδ' Εὐρησιβίου?
[γού]ν Λήθης θεῖναι τῶ[ν ἀρετῶν τὸ κλέος,
οὐ κτάν' ὅς ἄνδρα τύρα[νον ἐλευθερίην δ' ἀπέδωκε]
πατρίδι καὶ λαοὺς ἀοτ[ονόμους ἔθετο]

«Тысячелетнее время позаботилось, чтобы воистину (не) канула в Лету (слава подвигов Евресибия?), который не убил мужа тирана, (однако ж вернул свободу) отчизне и (сделал) народ независимым». По Виноградову, надпись сделана на постаменте статуи освободителя Ольвии от тирана и скифского господства (тиран, думал он, был ставленником скифов). Датировав надпись первой четвертью IV в., он счел, что тогда Ольвия освободилась сразу и от тирании, и от скифского протектората.

Даже с первого взгляда ясно, что базис такой реконструкции исторического содержания надписи составляет восстановленный текст. Основанием для вывода об избавлении Ольвии от тирана послужили Виноградову, во-первых, стк. 3: «не убил мужа тирана» (*sic!*), во-вторых, дополненные в лакунах слова ἐλευθερίην и ἀοτ[ονόμους] (αο = αυ, ионийская диалектная особенность надписей IV–III вв.). Он усмотрел значительный смысл в этих «двух политических терминах, дополняемых вполне надежно»: элевтерия означает обретение Ольвией независимости от скифов, автономия же указывает на избавление ольвиополитов от тирании [1989, с. 142/3]. Если он счел «вполне надежными» дополнения, одно из которых сделано по трем буквам ΑΟΤ, а второе целиком восстановлено, то мы вправе заключить, что имеем дело с научно-популярной фантастикой. Если единственная строка невозможного текста свидетельствует, по чтению издателя, что чествуемый ольвиополит «не убил мужа тирана», то почему отсюда непременно следует вывод об освобождении города от тирана? Должен ли обломок камня, наибольший параметр которого 28 см (хотя тыльная сторона обколота, также и найденный позже второй обломок оказался не толще), обязательно быть фрагментом базы статуи тираноборца, как счел Виноградов? 28 см — это длина ступни человека среднего роста, так что на имеющемся камне уместилась бы лишь одна нога «тираноборца» Евресибия. Ввиду сказанного мнение Виноградова о базе статуи возможно лишь при условии, что «тираноборец» стоял на одной ноге или же был лилипутом (уж не поэтому ли он не смог убить тирана?).

Хотя Л. Дюбуа включил текст Виноградова в свой сборник, а дополнением стк. 3 Виноградов апеллировал к авторитетным именам Буркерта, Хермана и Пека, в целом его чтение эпиграммы специалисты отвергли. П. Хансен включил в свой сборник метрических надписей лишь сохранившийся текст (без второго обломка), довольно неслестно высказавшись по адресу Виноградова [SEG II, 884, р. 279], еще более резкой критике подверг его текст А. В. Лебедев. В сущности, единственным основанием для определения надписи как почетной эпиграммы в честь тираноборца служит стк. 3, которой Виноградов нашел «ошеломляющую», по его словам, параллель в найденной на Хиосе эпиграмме в честь Гармодия и Аристокитона, афинских тираноубийц: οἱ κτάνον ἄνδρα τύρα[νον] «они убили мужа-

Рис. 29. Эпиграмма в честь афинских тираноборцев, фото [Pont. St. Taf. 1]

тирана»³⁴³. Казалось бы, это сильный аргумент, однако, как показал Лебедев, ольвийская эпиграмма вместе с хиосской (SEG XVI, 497) и афинской (IG I³ 502) представляет собой эпиграмму в честь Гармодия и Аристогонита, составленную поэтом Ионом Хосским между 451–423 гг.; копии ее на Хиосе и в Ольвии, заключил Лебедев, обязаны связям обоих центров с Афинами, ибо пропаганда свержения тиранических режимов входила в идеологическую программу демократического по составу Афинского морского союза³⁴⁴.

Итак, и второй эпиграфический памятник не подтверждает гипотезу о тирании в Ольвии. Как выразился Лебедев, ничто не свидетельствует ни об установлении в V в. тирании в Ольвии, ни о свержении ее в раннем IV в. По интересной мысли Лебедева, культ кабиров привнесен выселившимися в Ольвию после персидского разгрома Милета в 494 г. гергитами, которые произвели тут демократический переворот, устранив аристократический режим.

Вопрос о датировке этой надписи Виноградов [1981а, с. 68] решил, по его словам, «довольно легко»: шрифт ее повторяет шрифт декрета НО 4, а надпись IOSPE I² 160 настолько близка, что она вместе с эпиграммой вышла из-под руки одного резчика или из одной мастерской резчиков; все три надписи «с уверенностью» датируются первой четвертью IV в. К этому присовокуплено несколько фраз о форме букв, завершающихся выговором А. Грейему за то, что тот игнорирует-де его аргументацию (заметим, однако: нельзя игнорировать то, чего нет). На наш взгляд, сопоставление Виноградовым эпиграммы с НО 4 и IOSPE I² 160 не вполне правомерно: при общем сходстве букв они отличаются, во-первых, характером письма (в НО 4 и IOSPE I² 160 буквы расставлены свободно, в эпиграмме они теснятся друг к другу), во-вторых, и это главное, буквы НО 4 слегка апещированы,

³⁴³ Могу привести в качестве параллели также начало диалога Лукиана *Tyrannicida*, содержащее выражения ἀποκτείνων τὸν τύραννον и τύραννον ἀποκτείνας.

³⁴⁴ [Lebedew, 1996, p. 266 f.; Bull. ép. 1997, 421 (L. Dubois)]. Лебедев тоже отметил, что ольвийский камень не мог быть базой статуи — он мал, да и на фотографии верхней его стороны не видно следов крепления статуи. По его мнению, камень с эпиграммой в честь афинских тираноборцев, подобно хиосскому, мог быть смонтирован в стену гимназия либо другого общественного сооружения. Наряду с Грейзмом и Яйленко он отметил явную завышенность датировки надписи Виноградовым началом IV в. — это очевидный памятник конца столетия. Лебедев также отметил парадоксальность текста Виноградова в стк. 3: Гармодий и Аристогонит убили тирана, а ольвийский «тираноборец» не убил тирана своего города. Заметим со своей стороны, что Виноградов своей интерпретацией текста создал несколько юмористическую ситуацию: ольвиополиты чтут тираноборца за то, что он: 1) «не убил тирана», 2) «вернул свободу отчизне», 3) «сделал народ независимым». Если придерживаться реально существующего текста, то пункты 2 и 3 на камне представлены только словами «отчизна» и «народ» (остальное придумано Виноградовым), которые могут быть трактованы различным образом, ввиду чего получается, что ольвиополиты чтут своего согражданина за то, что он не убил тирана. Конечно, всего этого можно избежать, убрав читаемое Виноградовым в начале стк. 3 отрицание οὐ (реально тут видно лишь Υ). Но и в таком случае сохранившееся в конце строки ΤΥΡΑ может быть понято по-разному. Даже если не соглашаться с реконструкцией Лебедева, есть различные возможности понимания слов τύραννος и τύραννεῖν, которые могут быть тут восстановлены. В ряде метрических текстов эти слова вовсе не имеют значения «тиран», «быть тираном». Так, в надгробной эпиграмме Арбина, ликийского династа IV в. [SEG II, 888. 8]: он «правит (τύραννει) Ксанфом, Пинаром и широкозаливным Тельмесом». И причастие τύραννεν в эпитафии Архедики (*Thuc.* VI, 59, 3) вовсе не означает, что покойница была тираном города Лампсака. Также в позднеримской эпиграмме с Андроса об Исиде сказано, что она τύραννιν πρέσβα, Κροίσου θυγάτηρ «почтенная владыками-богами, Креза дочь»; и тут слово τύραννιν не имеет значения «тираны».

тогда как в эпиграмме и IOSPE I² 160 апещированность хорошо выражена, и это свойство именно эллинистического письма. Издатели НО 4 справедливо отнесли надпись к первой половине IV в., так что эпиграмма и посвящение IOSPE I² 160 должны быть отнесены к позднему времени — это раннеэллинистическое письмо, на что справедливо указал А. Дж. Грейем (см. выше). Отмечу в связи с этим явную декоративность Υ с его дугообразно изогнутыми усиками, легкий прогиб боковин Μ; вынос верхнего уголка *сигмы* левее нижнего уголка находит соответствие в такой же форме *сигмы* надписей НО 5, 6, 9, относящихся к последней четверти IV в. (см. с. 368/9, 372).

Резюмируем: построения Виноградова о скифском протекторате и тирании в Ольвии возведены на реконструированных им текстах, к тому же неточно датированных, и потому при ближайшем рассмотрении рассыпаются карточным домиком. Повторим, в Ольвии V в., как и в любом другом греческом городе, могла быть тирания, но свидетельствующими об этом фактами мы пока не располагаем.

4. ОЛЬВИЯ, БЛИЖНИЕ И ДАЛЬНИЕ ВАРВАРЫ в VI–V вв.

4.1. Гилея в надписях VI–V вв.

4.1.1. Гимн Гилее и ее богам VI в.

Граффито на внутренней стенке амфоры стиля Фикеллюра (ок. 550–530 гг.) написано мелкими буквами, затем основательно перечеркнуто (рис. 30)³⁴⁵. Издатели А. С. Русяева и Ю. Г. Виноградов дали предварительную публикацию текста, назвав надпись «письмом жреца» [Русяева, 1987, с. 146/7; Russjaeva, Vinogradov, 1991, S. 201; SEG 42, 710] (обещанная ими полная версия статьи не опубликована)³⁴⁶. Согласно трактовке Виноградова [1989, с. 65], это письмо одного священнослужителя к другому, старшему по рангу, возможно, главному

³⁴⁵ Найдено в 1969 г. на римской цитадели Ольвии, 67 × 95 мм, верхняя и нижняя части заглажены, сохранились 12 строк надписи; слева и справа текст немного утрачен. Этот параграф опубликован [Яйленко, 2015б, с. 88–99].

³⁴⁶ Перевод издателей: “... dem Agonotheten (oder: Verfasser der Hymnen) Honig und einen Schafbock... und ein Schiff (?), wie du befehlst zu senden, ...damit er die gottgeschaffenen Orte befahre und sich ständig in der Nähe des Kaps befinde, und auch neben mir ein Mann des Heiligtums, die Insel (?)... (und sie brachten Opfer?) würdig der Frauen in Chalkene, (er selbst jedoch?) reiste von hier zu Schiff nach Hylaia... Auf's neue sind die Altäre beschädigt... und zwar diejenigen der Göttermutter, des Borysthenes und des Herakles..., nach dem Schiffbruch entflohen die Sklaven..., mittels der Kunst des Metrophanes bleibt es, heilige... (anzufertigen?), die schlechten Kiefern und zweihundert andere Bäume..., Pferdejäger fanden, indem sie sich Gefahren aussetzten...” В нашем переводе: «... агониста (или: сочинителя гимнов) мед и барана... и корабль (?), как ты велишь посылать, ...с тем он объезжает богозданные местности и близ мыса двинется (ἄγῃ), также наряду со мною человек святилища, остров (?)... (и приносят жертвы?) женщины достойно в Халкене, (сам же он) поплыл на корабле отсюда к Гилее... Вновь алтари разрушены ... Матери богов, Борисфена и Геракла..., после кораблекрушения рабы разбежались..., посредством умелости Метрофана это остается, священные... (приготовить?), плохие сосны и двести других деревьев..., охотники на лошадей находят, подвергаясь между тем опасностям...»

жрецу какого-то ольвийского культа, «своеобразный отчет об исполненном приказании послать на корабле некое третье лицо со своего рода инспекционной поездкой по землям, окружавшим Ольвию. Целью этого путешествия была одновременно и доставка продовольствия для пропитания и жертвоприношений (мед, баран, священное мясо) находящимся в пункте или местности под названием Χαλκήνη жрецу, названному “мужем святилища” (ἱρὸς φῶς), и женщинам, с тем чтобы первый прекратил свой пост, а вторые смогли достойно (δικαίως), видимо, выполнить жертвенные обряды» (?). Стк. 9 «упоминает рабов, которые после кораблекрушения (?) попытались бежать». Эти же положения развивала Русаева [1987, с. 146/7; 1994а; 1994, с. 103], добавив: в надписи говорится о «вывозе леса из Гилеи для общественных нужд», деятельность на пограничных территориях находится под контролем ольвиополитов³⁴⁷.

Ввел надпись в науку Л. Дюбуа: слегка подправив текст издателей, он впервые дал его пространный анализ [Dubois, 24]:

- [--]νοθέτη μέλι καὶ κρίον--
 --]ΥΝ ὡς ἐπιτέλλεις πέμπων--
 -- ἐ]ς τόπους θεοποιήτους περὶ [--
 --]ΡΑΚΡΗΝΑΙΗΚΑΜΕ ἱρὸς φῶς ΝΗΣ[--
 5 --]δικαίως ἐν τῇ Χαλκήνῃ αἱ γυν[αῖκες--
 -- ἐκπ]λήι ἐντεῦθεν ἐς τὴν Ὑλαί[ην--
 --] αὐτὶς οἱ βωμοὶ βεβλαμμένοι εἰσὶ--
 -- Μ]ητὸς Θεῶν καὶ Βορυσθέ<νεος> καὶ Ἡρακλ[έος --
 --μ]ετὰ τὸ ναυάγιον οἱ δοῦλοι καταδρα[μόντες--
 10 --τ]ε ἱρουργίῃ Μητροφάνεος ἱρὸς ἔλιπε τ[--
 --τ]ῶν πιτύων κακαί, τῶν δένδρων διηκόσι[α--
 --ο]ῖ θηρευταὶ τῶν ἱππων ἡρῆκασιν μετὰ κινδύνων ΤΥΡΑ[--].

Перевода Дюбуа не дал, изложив свое понимание надписи в подробном комментарии, главным образом филологическом. Из его положений содержательного характера отметим следующие. Упоминание меда и ячменя (стк. 1) свойственно сакральным законам, регулирующим состав жертвоприношений, поэтому, полагает Дюбуа, можно думать, что в надписи содержится инструкция этого рода (тем более, что в стк. 3 Браво предложил читать ὕν «свинью»). Первые 3 строки можно понять примерно так: «К жертвоприношению для поэта я возьму мед, ячмень и свинину, как ты велишь мне, отправляя в места, сотворенные божеством». Выражение стк. 4 ἱρὸς φῶς может означать «факел святилища». В стк. 6, видимо, говорится о том, кто «отправляется отсюда на корабле до Гилеи». По стк. 8 можно понять, что скифы-рабы после кораблекрушения разрушили алтари. Читая в стк. 10 ἱρουργίῃ, Дюбуа заключил, что упоминаемый тут Метрофан — жрец. Далее упоминаются испорченные сосны и 200 деревьев, что можно понять в связи с торгов-

³⁴⁷ К сожалению, в русле интерпретации Виноградова выдержаны и суждения Б. Браво о надписи: это письмо жреца или магистрата старшему по должности с рассказом об инспекционной поездке [SEG 51, 970]. Не уловил он и стихотворный характер надписи. В стк. 4, где издатели прочли невразумительное [καὶ πὰρ ἄκρην αἱ ἡ κάμει ἱρὸς φῶς νησ[--], Браво дал связанное чтение [-- διὰ γὰρ ἄκρην λίην ἔ]καμει Ἱρόφως νησ[τείην] увидев тут имя жреца; женщин он счел тоже жрицами.

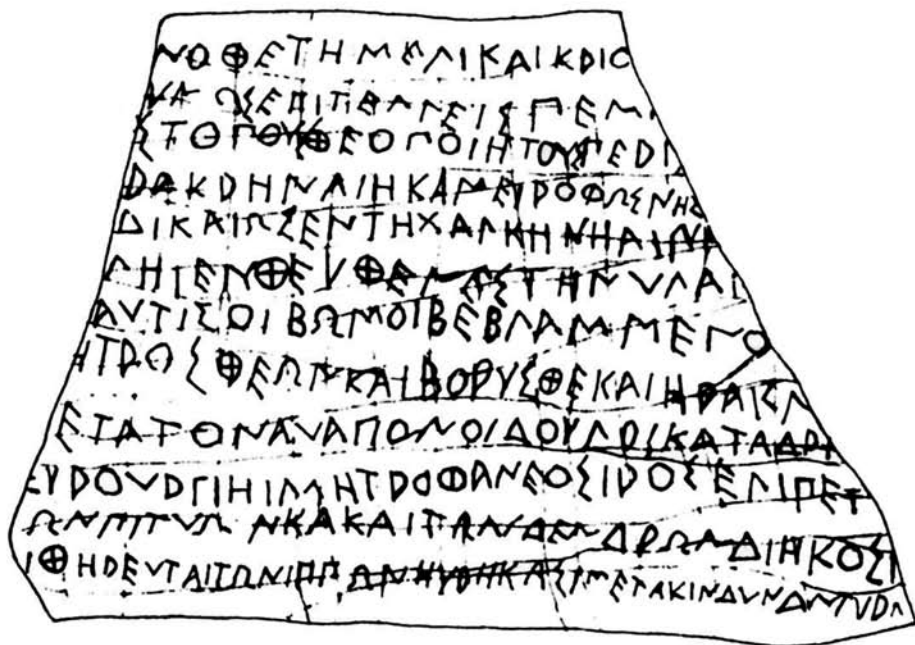

Рис. 30. Письмо Апатурия, фото и прорись [Russjaeva, Vinogradov 1991]

лей лесом. Фигурирующие в последней строке лошади и охотники на них находят соответствие в известии Геродота (IV, 52) о диких белых конях, пасущихся на берегах Гипаниса. По графеме $\sigma\upsilon$ Дюбуа заключил, что надпись относится ко времени ок. 400 г. Сравнительно с невнятным пониманием надписи издателями Дюбуа дал довольно связный по содержанию текст.

По нашему мнению, фото и прорись надписи позволяют читать и понимать ее существенно иным образом. Ни Виноградов, ни Тохтасьев, тоже обращавшийся к этой надписи, не сумели разглядеть в пространном тексте элементарный гекзаметр, хотя автор ее выложил для читателя каждый гекзаметр в отдельную строку. На стихотворный характер надписи указывают и несколько ее слов из поэтического лексикона, а также поэтизмы морфологии. Наш текст:

- [e. g. Μῆτερ, ὑμ]νοθέτη μέλι καὶ κριθ[ὰς ὀπά]ξεις μὲν
 ? ἀντ' ὥδῃς ο[ἶ]ον ὥς ἐπιτέλλεις πέμ[πων] --
 -- ἐ]ς τόπους θεοποιήτους περὶ [-- ροῇ--
 --]ρα κρηναίη· κάμε ἱρὸ φῶς νῆσ[ο] τε
 5 --] δικάως ἔντη χαλκῇ νηλῇ ἸΠ--
 --λῇ ἐνθεῦθεν ἐς τὴν Ἰλαί[ην] --
 -- αὐτὶς οἱ βωμοὶ βεβλαμμένο[ι] --
 -- Μ]ητρὸς Θεῶν καὶ Βορυσθέ<νεος> καὶ Ἡρακλ[έος]
 --έτατον, αὐ̇ ἀπονοὶ δοῦλοι κατὰδρ[ε]ψαν --
 10 -- τ]ε ἱουργίη μ' [Γ]ητρὸ' φανεὸς ἱρὸς ἔλιπε[ν] [-
 --τ]ῶν πτῦων κακαὶ τῶν δένδρων διηκόσι[α καὶ
 ο]ἱ θηρευταὶ τῶν ἵππων ἡνιρῆκασι μετὰ κινδύνῳ' ντυρε[υμένῳ] ? --]

- «Мать, слагателю гимнов мед и ячмень ниспошли
 в воздаяние за песнь, потому как велишь ты, отослав --
 -- в богозданные местности вокруг --, поток--
 -- ключевой. Муж священного острова выковал --
 5 -- как подобает, оружие медное, безжалостное --
 -- оттуда в эту Гилею --
 -- после порушенные алтари --
 --Матери богов и Борисфена и Геракла
 --ейшее, вновь праздные рабы ободрали *деревья* --
 10 -- священнодействием незримого Иетра оставил мне священные --
 двести плохих пиниевых (сосновых) деревьев --
 занимающиеся отловом лошадей нашли с потрясающей опасностью --».

Обоснуем свое чтение и понимание текста, предварительно отметив его ионийский диалект³⁴⁸. В стк. 1–3 мы даем тот же текст, что и предшественники, но понимаем его и дополняем иначе. Упомянутый в стк. 1 поэт, по мнению Дюбуа, —

³⁴⁸ До написания граффито или после автор с какой-то целью начертил ортогональную сетку из криво проведенных линий. После черепок разбит, боковые сколы пошли по наклонной к концу надписи так, что в начальных строках утратилось по несколько букв. в последней строке утрачена 1 буква слева. Поскольку слева все строки надписи имели одну точку старта, можно прикинуть, что в стк. 1 слева утрачено около 7 букв. Справа длина строк разная, поэтому число утраченных тут букв неизвестно, но, поскольку текст поэтический, число слогов лимитировано метрикой гекзаметр.

любимый в Ольвии Гомер; присутствие меда и ячменя означает совершение в честь него жертвоприношений. В качестве параллели он сослался на почитание на Паросе Архилоха в его именном святилище с принесением жертв³⁴⁹. Однако понимание Дюбуа стк. 2–3 (его перевод: «как ты велишь мне, отправляя в места, сотворенные божеством») оставляет неизвестными действующие персонажи: кто велел и отправил и кто такой автор надписи, получивший это задание. Между тем это ключевой пункт для понимания сути надписи в целом. Надпись стихотворная, поэтому [ῥι]νοθέτης «слагатель гимнов» стк. 1 — ее автор, а мед и ячмень — испрашиваемое им вознаграждение за гимн, подобно тому, как автор гимна к Деметре просит богиню: «дай благосклонно в вознаграждение за песнь милого сердцу хлеба»³⁵⁰. Также рапсод Демодок сначала насыщается яствами и лишь после этого приступает к исполнению песни (Od. VIII, 477 sq.). Ольвийский поэт упоминает в своем гимне Мать богов, Борисфена, Геракла, по условиям гимна в честь божества имя его должно упоминаться в первой же строке, в гомеровских гимнах с него обычно начинается текст. Отсюда наше дополнение *exempli gratia* вокатива Μῆτηρ в стк. 1 и буквально воспроизведенное из гомеровского гимна к Деметре (она ипостась Матери богов) выражение ὀπάξεις μὲν ἀντ' ᾧδῆς «ниспосли в воздаянье за песнь». В стк. 2 ὥς с индикативом выражает причину — «дай, потому как велишь ты...» (ср. [Нидерле, с. 269/70]). Гимны пишутся гекзаметром, так и в нашей надписи стк. 1 составляет гекзаметр, с соблюдением всех его норм: — | — ~ | — ~ | — | — ~ ~ | — ~. В третьей стопе цезура, в пятой стопе, как положено, дактиль. Этот размер просчитывается и в остальном тексте, каждый гекзаметр занимает одну строку, лишь в последней строке, написанной над самым краем черепка, текста больше; видимо, был заключительный 13 стих. Зачин гимнов часто обращен к Музе, автор вызывает к ней (например, Hymni Hom. III, 1: Μοῦσά μοι ἔννεπε «расскажи мне, Муза»), поэтому дальнейшее изложение — поэтическая инвенция, а не историческая реальность. Так и в ольвийском гимне «велела, отослав» означает не реальную поездку, а воображаемую, суть которой автор далее раскрывает. Но, как увидим, он ведет речь и о реальных событиях, которые послужили поводом для создания песни, что делает ее ценным историческим источником.

В стк. 3–4 мы узнаем, что поэт отправлен божеством в «в богозданные местности вкруг --, поток -- ключевой»; поскольку далее речь идет о Лемносе или Гилее, поэт мысленно отправился туда. Глагол κάμει — эпич. 3-е лицо *aor.* 2 κάμνω. Так как далее упоминается «медное оружие», значение его «изготовил», как в II. XVIII, 614: Гефест πάνθ' ὅπλα κάμει «все оружие выковал». В нашем гимне тут же упоминается «муж священного островка» (ἱρὸ φῶς νήσ[ιδίῳ τε --]), — это Гефест и его вотчина Лемнос. Сие обстоятельство делает весьма вероятным прочтение букв ΝΗΣ в конце стк. 4 как νήσ[ο] τε «островка». Форма ἱρός ионийская и поэтическая, ее род. падеж указывает, что слово νήσ[ο] стоит в том же падеже; φῶς «муж» тоже из поэтического лексикона. В стк. 5 читаем ἔντη χαλκῇ νηλῇ «оружие медное, безжалостное». Здесь χαλκῇ — *acc. pl. neutr.* < χαλκῆια или χαλκεῖα, так как в ионийском -εῖα и -ηη давали -ῃ [Thumb, Scherer, S. 253]. Эпическое прилагательное νηλεής,

³⁴⁹ Добавим от себя, что в Смирне был храм Гомера с его статуей (Strabo, XIV, 1, 37), жертвоприношения подразумеваются сами собой.

³⁵⁰ Hymni Hom. V, 494: πρόφρων ἀντ' ᾧδῆς βίωτον θυμῆρε' ὀπάξει. Здесь слово βίωτος, в целом означающее «прожиточные средства», имеет конкретное значение «хлеб», так как обращено к Деметре (LSJ, s. v. βίος II).

νηλεής «безжалостный» у нас относится к ἔντη χαλκῇ (как в II. III, 292 sq.: νηλεῖ χαλκῷ «безжалостным оружием»), слово ἔντεα «оружие» раритетное, засвидетельствовано Архилохом (fr. 6. 2 Diehl).

В выражении стк. 6 --λήϊ ἐνθεῦθεν ἐς τὴν Ὑλαίην --] «-- оттуда в эту Гилею» наречие ἐνθεῦθεν относится к Лемносу, в целом смысл заключается в том, что с Лемноса оружие поступит (conj. окончание глагола --λήϊ «--т» ?) в Гилею, в связи с чем в стк. 7–8 говорится о разрушенных алтарях Матери богов, Борисфена, Геракла. Понятно, что разрушили их враги, против них и предназначено оружие.

Возможно и иное понимание остатка --λήϊ: поскольку с Гилеей связан и Ахилл [IOSPE I² 327 (ниже, с. 612); *Strabo*, VII, 3, 19; Яйленко, 2013а, с. 76, примеч. 78–79: с V в. до н. э.] и поскольку, согласно Илиаде (XVIII, 468 sq.), оружие ему выковал Гефест, — а о ковке оружия Гефестом на Лемносе имплицитно говорится и в нашем гимне, — здесь можно читать его имя — [Ἀχι]λήϊ «Ахиллу». Буквы ΥΙ в конце предыдущей стк. 5 тоже можно понять в связи с Ахиллом: υἱ[ῶ Θέτις ? --] «сыну Фетида». Тогда в целом стк. 5–6: ἔντη χαλκῇ νηλῇ υἱ[ῶ Θέτις ? | Ἀχι]λήϊ ἐνθεῦθεν ἐς τὴν Ὑλαίην --] означает «оружие медное, безжалостное Фетида сыну Ахиллу оттуда в эту Гилею --», т. е. выкованное оружие она прислала «оттуда» («с островка» стк. 4 = с Лемноса) Ахиллу в Гилею. Возможно, и стк. 1 начиналась с обращения к Ахиллу, так как представленная в стк. 2 формула πέμπων ἐπετέλλεις в связи с ним употреблена в Илиаде (XXIV, 779–780): Ἀχιλλεύς πέμπων μ' ᾧδ' ἐπέτελλε «ведь Ахилл, отсылая меня, так пообещал» (на нее обратил внимание Дюбуа). Дополнение в стк. 1 [Ἀχιλεῦ, ὕμ]νοθέτη κτλ. «о, Ахилл, слагателю гимнов мед и ячмень ниспошли в воздаянье за песнь, потому как велишь ты, отослав --» укладывается в размер гексаметра (— — | — — | — — | — — | — —), об Ахилле хлебодарном бейкушских вотивов речь велась ранее (с. 102). Скорее всего, гимн написан в честь Ахилла, который, получив, как и в Илиаде, оружие от Гефеста, очистил Гилею от врагов и велел поэту обозреть ее. Как сказано, лакуна в начале стк. 1 вмещает ок. 7 букв, поэтому дополняем имя Ахилла с одной *ламбдой* (это обычная форма, см. примеры [PB, 186–187]), что с буквами ΥΜ слова [ὕμ]νοθέτη дает 8 букв, как и в лакуне начала следующей стк. 2. Если изложенное верно, можно констатировать, что автор данного гимна ориентировался на Илиаду и гомеровские гимны.

Далее в стк. 9 упоминаются «праздные рабы» и буквы кατάδρ--, которые лучше всего понимать в качестве необходимого к тексту глагола. По смыслу возможны три варианта дополнения: 1) кατάδρ[άσσονται] — рабы чем-то «завладели» (aor. I к καταδράσσομαι); 2) кατάδρ[αμον] — они «сбежали» (aor. II к κατατρέχω); 3) кατάδρ[εψαν] — они «ободрали деревья» (aor. I к καταρέπω). Аорист всех трех глаголов не имеет приращения, что тоже эпический поэтизм. Последний глагол наиболее интересен: хотя он засвидетельствован лишь Геродотом (8, 115) и Платоном (Tim. 91d, v. l.), контекст рассказа Геродота содержит те же слова τῶν δένδρων, λείπω, что и следующие за кατάδρ[εψαν ?] строки 10–11 гимна. Это может указывать на близость контекста надписи и фразы Геродота, который писал о голоде в армии отступавших из Фракии солдат Ксеркса — они обдирали кору с деревьев и листву (τῶν δένδρων... καταρέποντες), так что ничего не оставляли после себя (ἐλείπον οὐδέν).

В стк. 11 упоминаются «двести поврежденных пиниевых (сосновых) деревьев», следовательно, их-то и ободрали рабы себе на еду. Между этой строкой и стк. 9,

упоминающей рабов, которые ободрали деревья, стоит стк. 10, смысл которой тоже следует понимать в данном контексте: «-- и священнодействием незримого Иетра оставил мне священные --», т. е. благодаря вмешательству Аполлона Иетра часть священных деревьев была спасена для божества, к которому обращен гимн; но 200 пиний или сосен повреждены³⁵¹. Последняя на черепке стк. 12/13 (судя по размеру стиха, тут больше одного гекзаметра) «ловцы лошадей нашли с опасностями вперемешку --» продолжает предыдущий рассказ: тех рабов, что с голодухи ободрали священные деревья и, видимо, разбрелись по Гилее в поисках пропитания, нашли охотники за дикими лошадьми. Может быть, они удалились даже за Гилею, до берегов Гипаниса, поскольку там водились дикие белые кони, которых отлавливали эти охотники (*Herod.* IV, 52). Таковы, на мой взгляд, жанр, текст и содержание надписи.

Коротко суммируем содержание исследованного гимна. Он обращен к Матери богов или скорее к Ахиллу, его (ее) имя содержалось в лакуне стк. 1. Поэт просит одарить его медом и хлебом за свою песнь, в которой он мысленно исполнил повеление божества отправиться в Гилею или на Лемнос — «в богозданные местности вокруг --», где струится «*поток* -- ключевой» (стк. 1–4). Скорее это Лемнос, так как сразу после этого упоминается «муж священного острова», который «выковал -- как подобает, оружие медное, безжалостное --», и оно доставлено «-- оттуда в эту Гилею --» (стк. 4–6). Сохранившийся текст стк. 6–7 («-- оттуда в эту Гилею -- после порушенные алтари --») короткий, всего 8 стоп из положенных 12, так что здесь и должна вестись речь о том, что с помощью полученного оружия божество изгнало врагов из Гилеи или уничтожило их там. Весь воинский контекст стк. 4–6 указывает на Ахилла:ковка Гефестом оружия для него, равнозначная соответствующему эпизоду Илиады, и изгнание или уничтожение врагов в Гилее. Затем поэт описывает ущерб от вторжения врагов в Гилею (стк. 7–12/13), которая была, согласно Геродоту и другим источникам, священной зоной ольвиополитов. Разрушены алтари Матери богов, Борисфена, Геракла, работавшие в Гилее рабы, оставшиеся без питания, голодали и употребляли в пищу листья да кору священных пиний (сосен). Поскольку они ободрали две сотни деревьев, можно заключить, что рабов было много, либо враг долго владел Гилеей. Следующая стк. 10 «-- и священнодействием незримого Иетра оставил мне священные --», показывает, что благодаря вмешательству Аполлона Иетра, местного божества ветра (выше, с. 19–20), часть священных деревьев была спасена для божества, к которому обращен гимн (о посвященной Ахиллу роще, упомянутой в бейкушском вотиве, см. с. 106). Разбредшиеся по Гилее и скорее всего до берегов Гипаниса рабы (это гастарбайтеры, см. ниже) были обнаружены ловцами диких лошадей и, можно думать, переправлены обратно в святилища Гилеи. Ценно для наших представлений об экономической и военной деятельности ольвиополитов упоминание в гимне этих охотников на диких лошадей, которые, по сообщению Геродота, паслись на берегах Южного Буга (на это обратил внимание Дюбуа). Вряд ли гимн заканчивался на этом, так как гомеровские гимны нередко завершались похвалой божеству, к которому он обращен.

³⁵¹ В этой стк. 10 вполне читается род. падеж имени Метрофан — Μητροφάνεος, однако оно никак не вписывается в контекст ни издателей, ни Дюбуа, ни мой. Поэтому дополняю тут μ' [Π]ητρό «Иетра мне». В стк. 10 ἄφανός дано in cāsī, что тоже свойство только поэтического слога. В конце стк. 13 читаем ὕτρε[μένω? --] — причастие in cāsī от поэтического глагола ἐντάρσσω «потрясать» [LSJ, s. v.].

Как видно, в отличие от бессвязного текста предшественников наше чтение надписи дает связное и цельное содержание (даже при том, что мы заполнили дополнениями лишь несколько лакун), это свидетельство большей его точности.

Граффито написано на черепке вазы стиля Фикеллура позднеархаическим письмом, так что издатели справедливо отнесли его к третьей четверти VI в. Дюбуа обратил внимание на графему ΟΥ, которая в общем указывает на время не ранее V в., и датировал его временем ок. 400 г. Это безосновательно, поскольку данная графема встречается с конца VI в. [Threatte, 1980, p. 238/41; Jeffery, p. 416, № 50], она представлена и в березанской надписи 512 г. (выше, с. 37, 237). Таким образом, разорение Гилеи случилось в третьей четверти VI в., об имени противника гадать не приходится — это царские скифы³⁵². По словам Геродота (IV, 76), они нетерпимы к чуждым обычаям, особенно греческим, ослушников ждала смерть. Склонный к эллинофильству Анахарсис, брат царя Савлия, ездил в Кизик, где приобщился к обрядам в честь Матери богов; вернулся он в Гилею, где принял участие в радениях по Матери, но узнавший об этом царь Савлий убил его в Гилее. Подчеркнем, что это поведал Геродоту поверенный скифского царя Тимн, который излагал приезжему историку ольвийские версии разных событий [Народы, 1982, с. 316], т. е. рассказ близок к реальности. Его подтверждает и наша надпись упоминанием культа Матери богов в Гилее, что делает Анахарсиса историческим лицом и дает конкретное время его жизни и правления владыки царских скифов Савлия. Целая россыпь ценнейших известий! Резюмируем: разгром Гилеи — это акция Савлия, убившего тут брата Анахарсиса. Савлий — отец Иданфирса, владыки царских скифов времени нашествия Дария 512 г. В соответствии с указанной датировкой гимна Гилее случилось это в третьей четверти VI в. Греческая традиция перенесла на Анахарсиса черты Абариса, вследствие чего он предстает мифической фигурой (выше, с. 29).

В историческом отношении интересны и данные о почитавшихся в Гилее божествах — Матери богов, Борисфене, Геракле. Культ последнего тут ожидаем, ибо Геродот (IV, 9) рассказал о соитии его здесь с Ехидной. А культ Матери и в особенности Борисфена — новость (выше, с. 18, 20). Отметим и упоминание рабов. В анонимном письме последней трети VI в. из Фанагории говорится о покупке раба ἐ Βορυσθένης «с Борисфена», но это не Ольвия, как счел Виноградов [Vinogradov, 1998, p. 161], а река Борисфен, так что рабы доставлены из страны геродотовских скифов-борисфенитов (ср. с. 171). Βορυσθένης как река, а не город упоминается в посвячительных граффити VI–V вв. из Ольвии (выше, с. 18–20). Раб «с Борисфена» в Фанагории — это скифский товар, поставлявшийся в обмен на ювелирные изделия, шедшие с Боспора (этот торговый путь функционировал как посуху, через степной Крым, так, возможно, и по воде). Подчеркнем коренное отличие ольвийского раба от классического раба метрополии — ольвийский раб свободен. Это не парадокс, ибо из периферийной Ольвии, открытой на все 4 стороны, «рабы» всегда могли бежать. Поэтому применительно к ольвийским условиям любого времени обозначение их контингента «рабами» условно в отношении их реального социального положения и далеко не соответствует реалиям метрополии. Их положение в хозяйстве владельца и обществе в целом определялось этой потенциальной свободой. Проданные скифами в Ольвию или захваченные греками в плен туземцы

³⁵² Ближайшими к Гилее были скифы-борисфениты и царские скифы [Herod. IV, 18; Народы, 1982, с. 233/5; Яйленко, 2007, с. 70–72 = 2013а, с. 182/3].

всегда могли покинуть ее, поэтому рабов с рынка быть тут не могло. «Рабами» здесь могли быть только явившиеся по своей воле туземцы, иначе говоря, гастарбайтеры для обретения более высокого прожиточного стандарта (выше, с. 169/71). Только проданные с Борисфена далеко, на Боспор, подобно упомянутому фанагорийским рабам, становились классическими рабами (ср. [Gavriljuk, 2003]).

В заключение отметим филологически важные элементы. Мы знали, что на Березани VI–V вв. обретались свои поэты, но это были краткие застольные граффити и небольшая эпитафия ([Яйленко, 1982, с. 298–303] и выше, с. 157). Теперь в нашем распоряжении довольно крупное произведение. Гимн важен в лексическом отношении тем, что удревил до VI в. фиксацию отдельных слов: до него ὑμνοθέτης впервые употреблено Феокритом, ἐντυρεύω комиком; также подтверждено εἵτεα Архилоха³⁵³.

4.1.2. Стела Леокса³⁵⁴

Согласно мнению В. В. Латышева, Б. В. Фармаковского, М. И. Ростовцева, А. В. Никитского, стела с рельефным изображением фигур на обеих сторонах и двумя надписями на боковых гранях (рис. 31, 32) представляет собой посвяtitельный монумент. Текст надписей [IOSPE I² 270; Фармаковский, 1915, с. 87, 126] — № 1: [στήλην τήνδ' ἀνέθ]ηκα, λειωδότη, τῇλε πόλε[ως σοι | ἐν γαίῃ Σκυθικῇ]ι Λέωξος ὁ Μολπαγόρ[εω] «я, Леокс, сын Мольпагоров, посвятил тебе, добычница, сей столп вдали от города в Скифской земле»; № 2 (сохранился пяток букв, текст надписи представлен сокращенной вариацией надписи 1): [λειωδότηδι παμφ]αεῖ | Λέωξος Μολπαγόρ[εω] «светлой Подательнице добычи Леокс Мольпагоров (посвятил)». Большой недостаток такого понимания надписи — прочтение не засвидетельствованного слова λειωδότης «подательница добычи», которое авторы сочли возможным эпитетом Афины или Артемиды. С основательной критикой этого выступил О. О. Крюгер [1920], который указал на надгробный характер надписи и прочел ее так: 1) [ἐνθάδε σῆμ]ι³⁵⁵ ἔστ]ηκα· λέγω δ' ὅτι τῇλε πόλε[ως σου | ἐν Σκυθίῃ (?) κεῖτα]ι³⁵⁶ Λέωξος ὁ Μολπαγόρ[εω], 2) [μνημ]α εἰ[μι] [Λέωξου Μολπαγόρ]εω³⁵⁷. По интерпретации Крюгера, ольвиополит Леокс погиб вдали от родины, так что данная стела, найденная на некрополе Ольвии, принадлежит его кенотафу. Понимание Крюгером надписи 1 как надгробной метрической эпитафии общепринято, как и чтение в стк. 1 λέγω δ' ὅτι. Лакуны надписи 1 по-разному дополнялись учеными (лит. [Крюгер, с. 41 сл.; Jeffery, p. 372; SEG 1991, 619; Dubois, 44; Vinogradov, 1997, S. 231 f.]). С опорой на лексику и обороты эпиграмм предлагались разные, но одинаково субъективные дополнения лакун. К примеру, В. Пек дал такую вариацию чтения Крюгера [Pek, 1955, 1172]: [ὧδε λέων (?) ἔστ]ηκα· λέγω δ' ὅτι τῇλε πόλε[ως σου | ἵσος ἐμοὶ (?) κεῖτα]ι Λέωξος ὁ Μολπαγόρ[εω] «здесь львом стою; свидетельствую,

³⁵³ На слово ναυάγιον текста Виноградова и Русяевой, которого в действительности нет (в стк. 9 читается ἐτάτον, αὐ ἀπονοί, т. е. не Π, а ΓΙ), неосмотрительно «повелся» Э. Деттори [Dettori, 1997, p. 284].

³⁵⁴ Частично опубликовано [Яйленко, 1987, с. 65–66; 2008, с. 579/81], здесь сильно переработано.

³⁵⁵ Vel [κεῖνὸν μνημ'].

³⁵⁶ Vel [εἰνάλιος φέρετα]ι.

³⁵⁷ Наш перевод: 1) «здесь стою, надгробный памятник (вариант: пустая могила); свидетельствую, что где-то вдали от города лежит в Скифии (если Леокс утонул в море, вариант: носится морем) Леокс Мольпагоров»; 2) «я памятник Леокса Мольпагорова».

что *где-то* вдали от города *лежит равный мне* Леокс Мольпагоров» (пер. наш). Тут уподобление Леокса льву не мотивировано ни сохранившейся частью надписи, ни изображениями на рельефах. Такова и реконструкция Ю. Г. Виноградова [1989, с. 89; Vinogradov, 1997, S. 238]: [μνημ' ἀρετῆς ἔσθ]ηκα· λέγω δ' ὅτι τῆλε πόλε[ως πρὸ | οὐλόμενος κείτ]αι Λέωξος ὁ Μολπαγόρε[ω] «памятник доблести, я говорю, что вдали, за отчизну жизнь отдавши, лежит сын Мольпагора Леокс». Выражение [μνημ' ἀρετῆς ἔσθ]ηκα предложил Н. В. Шебалин, самому Виноградову принадлежит лишь дополнение πρὸ οὐλόμενος, постпозитивное πρὸ которого Л. Дюбуа справедливо назвал неоправданным, а все вместе «целиком бесполезным»³⁵⁸.

Ввиду очевидной субъективности предлагавшихся восстановлений текста нам представляется правильной позиция Л. Джеффери, которая дала текст с минимумом дополнений: [— — — ἔσθ]ηκα· λέγω δ' ὅτι τῆλε πόλε[ως] που ? | — — — κείτ]αι Λέωξος ὁ Μολπαγόρε[ω] «...стою; свидетельствую, что где-то вдали от родины... Леокс Мольпагоров» («стою» — о стеле)³⁵⁹. Полагаем, однако, что дополнение Крюгера [κείτ]αι, принятое рядом ученых, неправильно трактовано им в том плане, что при τῆλε πόλε[ως] που Леокс-де похоронен где-то вдали от родины. На самом деле надгробие найдено на некрополе Ольвии, следовательно, в эпитафии речь идет о гибели Леокса вдали от города, так что надо домысливать соответствующую лексику³⁶⁰. Исходя из этого, дадим свою реконструкцию надписи³⁶¹:

[e. g. ἐν τῇ Ὑλαίῃ τέθνη]κα, λέγω δ' ὅτι τῆλε πόλε[ως] μου,
ἐνθάδε μὲν κείμαι Λέωξος ὁ Μολπαγόρε[ω]³⁶²

«e. g. в Гилее я погиб, свидетельствую — вдали от *своего* города, но здесь я *лежу*, Леокс Мольпагоров».

³⁵⁸ [Dubois, p. 87]: «injustifiable, totalement inutile». Пользуюсь случаем помянуть добрым словом Никиту Шебалина — он был прекрасный филолог, хороший товарищ, мы ласково звали его Никешей. К сожалению, в отличие от отца, известного композитора, он не реализовал свой талант в печатные труды, предпочитая про себя собеседовать с древними. Из богов особо почитал Бахуса, который и свел его слишком рано к Аиду.

³⁵⁹ [Jeffery, p. 416], добавляем к ее тексту диакритики и наш перевод.

³⁶⁰ Однако мысль Крюгера о глаголе κείμαι «лежать» удачна, приемлемо и ἐνθάδε «здесь».

³⁶¹ Стк. 1 завершалась словом πόλε[ως] [Dubois, p. 87], или еще одной стопой; сомнения в этом Тохтасьева [1999, с. 184/5] — формалистика. Стела отбита сверху и снизу, в стк. 1 сохранились 3 дактиля и 1 долгий слог, в стк. 2 имя-отчество составляют 2 дактиля и 1 долгий слог. Недостающие в стк. 1 две с половиной стопы гексаметра формально можно поместить поровну в левой и правой лакунах, однако при этом трудно придать начальной части строки определенный смысл. Поэтому все названные специалисты справедливо дополняли необходимый текст в левой лакуне, в правой добавляя лишь одну стопу. Текст стк. 2 занимает столько же места, но тут сохранилось на 1 стопу стиха меньше. Поэтому здесь был не гекзаметр, а пентаметр, так что в целом эпитафия составлена элегическим дистихом, как раз и характерным для надгробных надписей.

³⁶² По мысли Крюгера и др., речь ведется от имени стелы. В нашей интерпретации надпись составлена от имени Леокса, коль глаголы стк. 1 первого лица, то и глагол в лакуне стк. 2 тоже должен быть первого лица. Дополнение [ἐν Ὑλαίῃ τέθνη]κα «в Гилее я погиб» обосновываем ниже. Фармаковский, Латышев, Крюгер осматривали стелу в Петрограде, куда ее временно переместили из Херсона, а и Виноградов видели стелу в Херсоне. Латышев заметил, что перед *этой* стк. 2 видны остатки Α, Λ или Δ, Крюгер [с. 48] усмотрел Α, с чем можно согласиться. Как обычно в таких случаях, неточен Виноградов, показавший *альфу* целой в своем тексте: [κείτ]αι. И в Μολπαγόρε[ω] он показал целое Ε, хотя от него остался лишь верхний уголок, т. е. должно быть ε[ω].

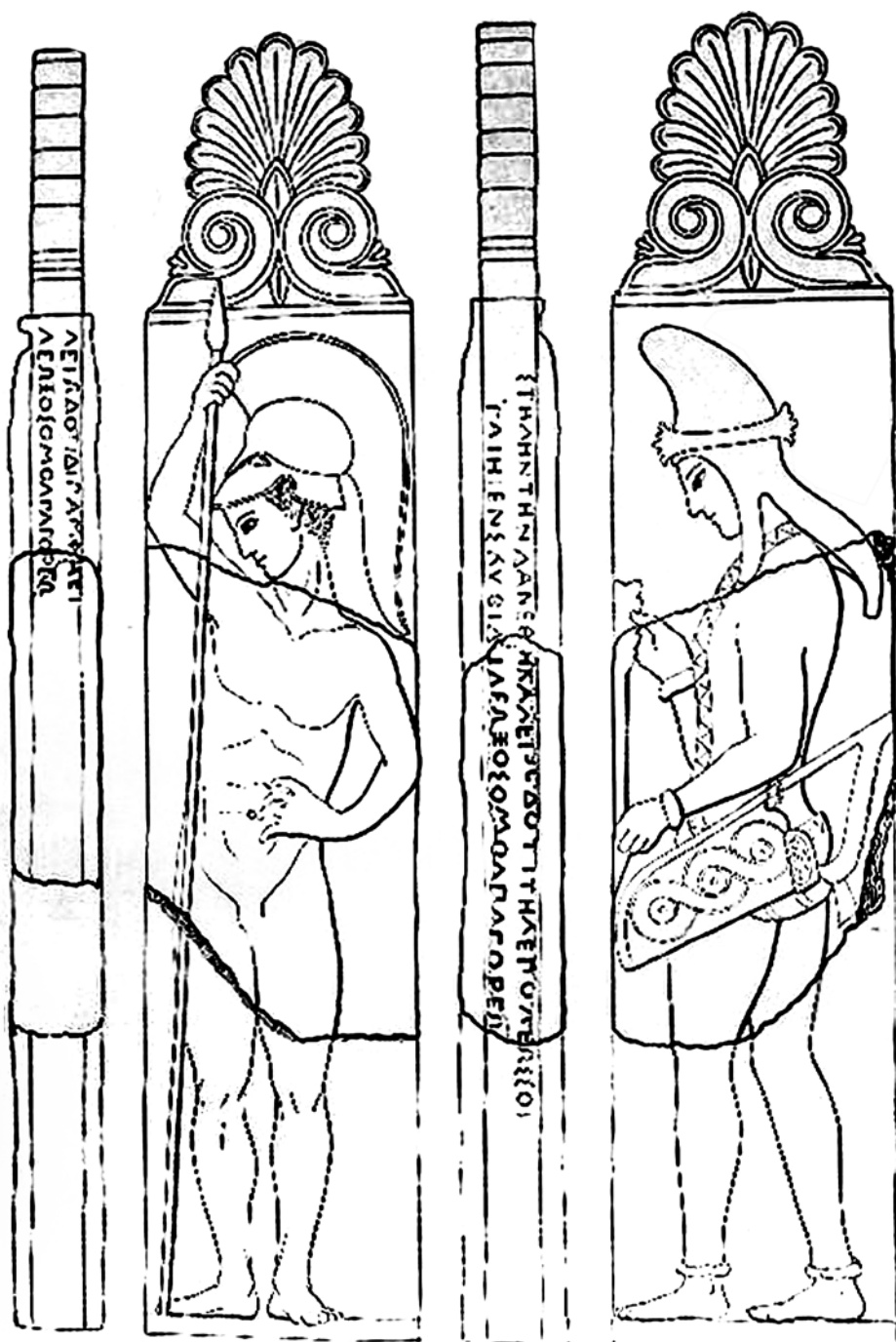

Рис. 31. Стела Леокса, реконструкция лицевой и оборотной сторон
Б. В. Фармаковского [1915]

Рис. 32. Стела Леокса, надпись [фото Археологической комиссии]

Мнение А. Вильхельма о кенотафе, чему следовали Крюгер, Виноградов, маловероятно: смерть Леокса «вдали от города» не обязательно означает, что погибший погребен на поле боя. Стела найдена на ольвийском некрополе, и это означает, что с места гибели тело Леокса доставлено домой (кстати, из неизмеримого числа надмогильных эпитафий лишь единицы относятся к кенотафам)³⁶³. Имеющиеся боспорские эпитафии раскрывают нам, как обстояло дело с погибшими на дальнем поле брани. Так, вдали от греческих центров, на рукаве Кубани, называвшемся Ангелинка (Ангелинский ерик), найдена надгробная стела КБН 1233, поставленная в V или раннем IV в. до н. э. погибшему хиосскому наемнику Ангелиппу [Яйленко, 2010, с. 68]. Надгробие Поликера Дионисиева КБН 1235 найдено очень далеко от греческих центров — на Маджарском городище у реки Большой Зеленчук (поскольку оно известно лишь в неточной копии Де ла Мотрэ, дата его приблизительно — от II в. до н. э. по II в. н. э.). На рельефе изображен всадник, так что это надгробие воина, как и памятник Ангелиппу, поставленный в районе дальних военных действий греков азиатского Боспора. С другой стороны, надгробие пафлагонского наемника Дросаниса КБН 180, при Левконе I (389–349) «сражавшегося в *земле меотов*», поставлено в Пантикапее; следовательно, он раненым или мертвым привезен в Пантикапей, где и погребен. Наемниками были также сиракузянин и киприот, в III в. погребенные в Пантикапее (КБН 203, 236), ахеец из Гелики, похороненный в V в. в Горгиппии [Яйленко, 2010, с. 68, 97]. Ошибочно думать, что все они спокойно умирали в своих домах: наемников приглашали воевать, так что их участь — погибнуть на полях сражений; следовательно, доставлены они ранеными с места битвы домой, где и погребены, причем место битвы не настолько удалено, чтобы доставка раненого или погибшего домой была нецелесообразна, как это было в случае с Ангелиппом и Поликером. Леокс не был наемником, но подобно им он доставлен с поля боя в отечество, где и погребен с почестью. На это указывают также время и место его гибели. Эпитафия Леокса относится ко времени ок. середины V в. (см. ниже), а уже со второй четверти по конец V в. территория Ольвийского полиса была очень небольшой — включала Березань и ближайшие окрестности Ольвии [Буйских, 1986, с. 21; СОО, с. 94–95; Буйских, Отрешко, 2009, с. 139]. В таких условиях τῆλε πόλε[ως] «вдали от города» — не более чем поэтический троп надписи, но в то же время он не может означать, что бой шел под самой Ольвией или, скажем, около Козырки, — это было бы очевидным пустозвонством. Изложенные соображения показывают, что раненый или погибший в нескольких

³⁶³ Она обнаружена парутинским крестьянином на эллинистическом некрополе, где, по мнению Фармаковского [1915, с. 87], употреблена вторично.

десятиках километров от Ольвии Леокс был доставлен домой, где и погребен. В середине V в. единственным дальним районом возможных боевых действий ольвиополитов была Гилея, которая примерно с этого времени начала подвергаться экспансии соседних скифов-борисфенитов. Мы уже разясняли это обстоятельство [Яйленко, 2007, с. 64–65; 2013а, с. 182/3], вкратце приведем основные данные.

В 4 книге «Всеобщей истории» Эфора описаны народы левобережного Поднепровья, и, в частности, отмечено, что «к востоку за Борисфеном так называемую Гилею населяют скифы, за ними к северу георгои»³⁶⁴. Он в основном повторил данные Геродота, но с примечательными отличиями. Разясним их. Живущие на левобережье Нижнего Днепра к северу от Гилеи георгои Эфора — те же георгои Геродота; они, как выяснил В. И. Абаев [1981, с. 74–76], не земледельцы, но иранцы-скотоводы *Gauvarga- «Почитающие скот». Геродот (IV, 18) называет георгоев также скифами-борисфенитами, обитающими над Гилеей. Ввиду ориентации Эфора в описании населения днепровского Левобережья на данные Геродота Эфоровы безымянные «скифы, населяющие к востоку по переходе через Борисфен так называемую Гилею», с большой вероятностью тождественны скифам-борисфенитам. Геродот отметил, что георгои живут к северу от Гилеи, откуда можно сделать вывод, что они не жили в Гилее; согласно же позднейшим данным Эфора, они теперь обитают и там³⁶⁵. С VI в. Гилея входила в территорию Ольвийского полиса: здесь Анахарсис справил по греческому ритуалу празднество в честь Кибелы и был за это убит братом, владыкой царских скифов (Herod. IV, 76); неведомый по имени ольвийский поэт составил стихи о Гилее (выше, с. 255)³⁶⁶. Во времена Геродота (IV, 76) в Гилею беспрепятственно приходили царские скифы, обитали около нее и скифы-борисфениты (они же георгои-гауварга). Однако, по Эфору, в Гилее обитают скифы, так что в промежутке между геродотовской и эфоровской традициями, т. е. между серединой V и серединой IV в., Гилея отнята у ольвиополитов скифами, скорее всего борисфенитами³⁶⁷. Но ольвиополиты вряд ли отдали бы свою сакральную зону без боя. Поскольку, как сказано, в середине V в. территорию Ольвийского полиса составляли только ближайшие окрестности города и Березань, лишь здесь, τῇλε πόλε[ως] «вдали от города», и мог воевать Леокс. Поэтому *exempli gratia* восстанавливаем название Гилеи в утраченной части эпитафии: [e. g. ἐν τῇ Ὑλαίῃ τέθνη]ηκα «в Гилее я погиб» и как противопоставление — [ἐνθάδε μὲν κεῖμα]ι «но здесь я лежу», ибо надгробие найдено на ольвийском некрополе.

Леокс изображен зрелым мужем в коротком кафтане с длинными рукавами, с луком в горите и стрелой в руках, что указывает на его воинский статус; он мог быть командиром ольвийского отряда, сражавшегося за Гилею. Что он погиб в бою, указывает направление наконечника стрелы, которую он держит в обеих руках,

³⁶⁴ Текст Эфора сохранился в безымянном «Перипле Черного моря», составленном в V в. н. э. (Ps. Arr. Per. 75 = SC, I, p. 281).

³⁶⁵ В другом месте Геродот (IV, 18; 54) указывает, что георгои обитают между Борисфеном и Пантикапом, который течет через Гилею.

³⁶⁶ О Гилее как сакральной зоне ольвиополитов [Русяева, 1994а].

³⁶⁷ Наиболее поздние даты «скифского логоса» Геродота относятся к 430-м гг., но в основном он дал картину середины V в. «История» Эфора заканчивалась на событиях 340 г., его описание Скифии, несколько отличающееся от геродотовского, рисует ее этническое состояние в середине IV в. Судя по устройству в 331 г. Зопирионом алтарей Александра Македонского в Гилее, он очистил ее от скифов и возвратил ольвийцам (ниже, с. 386/7).

книзу, к земле, последней обители мертвых³⁶⁸. На высокий воинский ранг Леокса указывает сама уникальность его надгробия, также аристократический характер имени и патронимика, свидетельствующего о принадлежности к местному олигархическому сословию мольпов (его отчество Мольпагор). Сама гибель Леокса в бою или от ран соответствует тому обстоятельству, что скифы отняли Гилею у ольвийцев, т. е. эти два известных нам обстоятельства ольвийской истории середины V в. находятся (по меньшей мере могут находиться) во взаимосвязи. С места гибели или ранения он доставлен в Ольвию, где и погребен. Точно таким образом в I в. н. э. погибший в Гилее Никерат, сын Папия, согласно декрету его памяти, доставлен в Ольвию, где и погребен: «доставить тело его в город для приличествующего погребения»³⁶⁹. В стихотворной эпитафии IOSPE I² 274 того же времени говорится о погибшем где-то в Скифии юноше (ниже, с. 632/3).

Таково наше понимание исторического содержания стелы Леокса, в соответствии с которым мы дали реконструкцию эпитафии. Иную историческую интерпретацию ее дал Ю. Г. Виноградов [1989, с. 87–89; Vinogradov, 1997, S. 230/41]: после победы над Дарием скифы обрушились на народы Сев.-Зап. Причерноморья, их агрессия затронула и тамошние греческие города, «не миновала скифская экспансия и Ольвию»³⁷⁰. По его мнению, в этот «исторический фон великолепно вписывается» и стела Леокса (напомним читателю: на лицевой ее стороне изображен анфас обнаженный юноша, на оборотной дана фигура в профиль, одетая в кафтан, с луком на поясе). Первый рельеф Виноградов счел персонификацией эллинского начала, второй — изображением амазонки, олицетворяющей скифскую стихию. Датировав стелу вторым десятилетием V в., он усмотрел в рельефах отражение войн Ольвии со скифами, завершившихся установлением скифского протектората над нею. Однако рельефы стелы Леокса явно не соответствуют его интерпретации. Обнаженный юноша совсем молодых лет, почти мальчик [Фармаковский, 1915, с. 96], он голый, у него нет чисто греческих атрибутов (копье не в счет, это интернациональное оружие), так что *a priori* он не может служить олицетворением именно греческой национальной или культурной идентификации. Далее, вывод Виноградова о борьбе скифов с греческими городами Сев.-Зап. Причерноморья имел бы смысл, если бы на рельефе действительно была изображена амазонка (хотя еще надо бы доказать при этом, насколько правомерно видеть в амазонке персонификацию именно скифского мира Сев. Причерноморья)³⁷¹. Фигуру на оборотной стороне ошибочно счел

³⁶⁸ См. реконструкцию Фармаковским изображения Леокса как эфеба, с копьем в правой руке, естественно, наконечником вверх (рис. 31). Стрела — символ (в числе прочего) смерти [Тресиддер, с. 360; Гибсон, с. 58; Холл, с. 538], достаточно припомнить смертоносные стрелы Аполлона и Артемиды (например, *Paus.* VIII, 53, 2).

³⁶⁹ IOSPE I² 34. 23: [τὸ μὲν σῶμα αὐτοῦ ἐ]σκ[ο]μίσθῃναι εἰς τὴν πόλιν πρὸς τῆς καθήκουσαν κηδείαν. В декрете I² 72 речь тоже идет о войне или врагах и теле покойного (ниже, с. 529).

³⁷⁰ Критика археологических и прочих аргументов Виноградова [Крыжицкий, Отрешко, 1986, с. 14–15; Ольвия, 1999, с. 152/4; Крыжицкий, 2002], см. ниже, с. 270/1.

³⁷¹ Изображение амазономахии в афинской классической скульптуре (метопы Парфенона, щит Афины Парфенос) и вазописи не только иллюстрирует предание о нашествии амазонок на Аттику, но и является также аллюзией на греко-персидские войны, символизируя персов [Boardman, 1995, р. 171; 1996, р. 201/2, 268, 270; Борухович, 2002, с. 289]. Эфесяне устроили конкурс на исполнение группы амазонок, в котором участвовали Поликлет, Фидий и др., и скульптуры воительниц не только знаменовали основание Эфеса амазонками, но и служили также аллюзией на недавнее освобождение греческих городов анатолийского побережья, прежде всего ионийских, от власти персов [Boardman,

амазонкой издатель памятника Фармаковский, но отвергли все другие специалисты: несомненно, это мужская, а не женская фигура [Иванова, 1953, с. 50]. После издания в 1981 г. Корпуса иконографии изображений амазонок вопрос этот окончательно закрыт, так что возрождение Виноградовым ошибки Фармаковского вызвано поверхностным ознакомлением с этим Корпусом, ему известным.

Фигура на стеле Леокса, о которой идет речь, одета в кафтан до бедер с длинными рукавами, которые завершаются отворотами (Виноградов ошибочно увидел в отворотах браслет), бедра и ноги обнажены, на поясе висят лук и колчан. Этот Корпус содержит 850 известных на 1981 г. изображений амазонок [Lex. iconogr. 1981, S. 440–526], и в абсолютном большинстве случаев амазонки одеты в хитон — от короткого, завершающегося у бедер, до длинного, по шиколотки, без рукавов. Есть немного образцов скифской одежды у амазонок [Ib. № 65, 90, 92 sq.]: короткий кафтан до бедер, с длинными рукавами, порой с отворотами, и обязательно штаны. Поскольку фигура на стеле Леокса одета в короткий кафтан, но, извините, без штанов, оснований усматривать в ней амазонку нет. Кроме того, на скульптурных изображениях амазонок обязательно выражена грудь, чего на стеле Леокса опять-таки нет. Даже филолог Дюбуа справедливо указал на несоответствие изображения на стеле Леокса иконографии амазонок [Dubois, 1996, p. 88]; он напомнил основательное мнение А. Грейема, который видел в обнаженной фигуре на лицевой стороне изображение Леокса как эфеба-атлета, а на оборотной стороне его же изображение как воина-стрелка в скифской одежде³⁷². Сказанное наглядно показывает, сколь неточно Виноградов интерпретирует скульптурные изображения и как легко выстраивает гипотезы исторического свойства на плохо понятых обстоятельствах³⁷³.

Теперь о датировке надписи, о чем можно судить по характеру ее письма и рельефу стелы. Обращавшиеся к этому вопросу специалисты руководствовались исключительно рельефом, опубликованных соображений о характере письма нет. Фармаковский датировал рельеф временем ок. 475–460 гг.³⁷⁴ Наиболее раннюю дату предложил Э. Ланглотц (1927 г.) — рубеж VI–V вв., наиболее позднюю Э. Акургал (1955) — ок. 440 г. Далее Л. Джеффри (1969) отнесла рельеф к 500–475 гг., Г. Бакалакис (1946), Ч. Клермонт (1970) — к 490 г., Х. Хиллер (1975), Х. Мёбиус (1977) — к 490–80, [лит.: Clairmont, p. 32–33; Pfuhl, Möbius, S. 13; Hiller, S. 155; Jeffery, p. 372, 416, Pl. 72. 60; Vinogradov, 1997, S. 230/1]. Как видно, в литературе 1970-х гг. (Клермонт, Мёбиус, Хиллер) предпочтение отдавалось 490–480 гг., но показательно, что эти авторы отделялись одной-двумя фразами, так что их датировки, по существу, голословны. Например, Х. Хиллер в своем каталоге ионийских надгробных рельефов отнесла стелу ко второму десятилетию V в. вообще без обоснования, но имен-

1995, p. 213/4]. Рельеф Леокса следует ионийской традиции, поэтому амазонка (если бы он действительно содержал ее изображение) скорее олицетворяла бы персов, а не скифов. Ср. [Фиалко, 2005].

³⁷² [Graham, 1982, p. 128/9]. Напомним точное наблюдение Фармаковского: нагой юноша совсем молодых лет, почти мальчик. Со своей стороны отметим, что изображение Леокса как воина показывает его зрелый возраст, вполне явствующий из пластичной развитости его обнаженных бедер.

³⁷³ О непрофессиональном характере статьи М. В. Русяевой [2001, с. 143/8], восторгавшейся в числе прочего интерпретацией Виноградовым рельефов стелы Леокса, см. ниже, с. 639/42.

³⁷⁴ Фармаковский пользовался консультациями Латышева, Никитского, Ростовцева по эпиграфике, так что это отражение коллективного мнения [Фармаковский, 1915, с. 102, *ср.* 121; IOSPE I² 270, p. 255]. Эту датировку поддержали Крюгер [1920, с. 41], Книпович [1966, с. 17].

но со ссылкой на нее воспринял эту датировку Виноградов, по словам которого, такой даты придерживается не одно поколение современных специалистов [Vino-gradov, 1997, S. 231]. Как видно, это не соответствует действительности: из предлагавшихся для стелы Леокса дат от рубежа VI–V вв. до 440 г. Виноградов принял лишь ту, которая соответствует его гипотезе о борьбе Ольвии со скифами во втором десятилетии V в. (дав читателю неполную информацию относительно даты памятника в литературе). По его словам, с этой датой согласуется палеография надписи, однако ни одного довода он не привел. Отметим: столь точная датировка вторым десятилетием была бы возможна, располагай мы хорошей хронологической колонкой ольвийской или ионийской палеографии V в. Однако ее нет, поэтому по эпиграфическим аналогиям надпись на стеле Леокса может быть датирована, как это и принято, периодом не менее чем в четверть столетия. Это же относится и к рельефу, стилистический анализ которого не может дать прочных оснований для датировки десятилетием: достаточно напомнить разброс предлагавшихся дат для найденных в 1972 г. замечательных бронзовых «бойцов из Риаче» в пределах не только всего V в., но и ранней римской эпохи³⁷⁵.

Обратимся к письму эпитафии Леокса (рис. 32). Это развитое классическое письмо V в.: обе строки размещены в пределах прямой горизонтальной линии, буквы крупные и равномерно распределены по полю через одинаковые промежутки, *омикрон* немного меньше прямых букв, *альфа* с горизонтальной перекладиной, усики Е смыкаются под прямым углом с вертикалью и т. д. Расположению отдельных букв в строке свойственна легкая архаизация: *альфа*, *лямбда*, *омега* немного отклонены влево так, что стоят на одной ножке. Но это не архаичность письма, а именно нарочитая архаизация, ибо *эпсилон* стк. 1 и *кси*, наоборот, отклонены направо вниз, более того, Е стк. 2 слегка отклонено влево. Такой «сюрпляс» букв указывает на декоративный, а не архаичный разный расположения букв относительно друг друга, т. е. эпитафия Леокса в пределах V в. ближе не к архаической эпохе, а к концу ее, когда стали проявляться черты декоративизма, особенно ставшие характерными в IV в. К примеру, подобный наклон букв, в том числе *омеги*, представлен в сигнатуре мастера на крышке пиксиды последней трети IV в. из сицилийской Кальтаниссетты [Guarducci, 1975, p. 482]. Декоративности расположения букв эпитафии Леокса вполне соответствует явный декоративизм форм отдельных

³⁷⁵ [Boardman, 1995, p. 53–54]. Чего стоят датировки классических скульптурных памятников по десятилетиям, показывает случай с группой «Гермес и младенец Дионис». С 1877 г., когда ее нашли в Олимпии, абсолютное большинство исследователей считало ее подлинным произведением Праксителя. Хотя уже тогда звучали и обоснованные сомнения (скульптуре классики не свойственны подпорки), миф был развеян лишь недавно: исследовавшая обувь на произведениях классической и эллинистических скульптур К. Морроу показала, что фасон сандалий на левой ступне Диониса (правая реставрирована) характерен для II в. до н. э., появляется не ранее конца III в. [Morrow, 1985, p. 83–84, 113/4; Ridgway, 1990, p. 14; Boardman, 1995, p. 53]. Еще один пример мифологичности сверхточных датировок — компендиум аттической чернолаковой керамики, авторы которого Б. Спаркис и Л. Толкот разложили типы сосудов с афинской Агоры по десятилетиям [Sparkes, Talcott, 1970]. Издавшая граффити Агоры М. Лэнг [Lang, 1976] руководствовалась археологическим контекстом черепков, который определялся датировками названных раскопщиков, и в результате у нее оказалось очень мало надписей IV в., что исключено, так как в греческом мире на это столетие приходится как раз самое большое количество граффити. Следовательно, узкие датировки, которые дали Спаркис и Толкот, являются результатом не вполне точной их методики датирования материала.

букв, именно *эты* — ее стойки прогнуты, *каппы* — ее усики округлы, *сигмы* — ее верхняя гаста прогнута. Особенно показательна декоративная *омега*, удлиненное и зауженное тело которой имеет почти прямые бока, завершающиеся округлыми лапками. Такая форма редка и потому служит хорошим индикатором для датировки надписи. В ольвийской эпиграфике близкую, но не идентичную форму содержит посвящение мольпов НО 167 второй четверти V в. (у нас рис. 19): лапки *омеги* скруглены, но и тело округло (в отличие от более поздних по времени прямых боковин *омеги* эпитафии Леокса). В ионийских надписях высокая и зауженная *омега* представлена с середины V в., в аттических памятниках в конце V и начале IV в.³⁷⁶ Вотиву НО 167 свойствен наклон букв вправо, он последовательно выдержан и потому является не декоративным элементом, а реальным наследием позднеархаического письма. Напротив, в эпитафии Леокса, как сказано, такой наклон нарочитый, он присущ декоративизму, проявляющемуся в позднем V в., поэтому она позднее вотива НО 167: датируется временем около середины столетия или третьей четверти. По нашему мнению, на середину V в. указывает рельеф лицевой стороны, на котором Леокс изображен в виде обнаженного атлета с копьем: левая рука положена на бедро, правая поднята к наконечнику копья; опорная нога правая, поэтому бедра слегка отклонены вправо, т. е. фигуре свойствен характерный для классической скульптуры V в. легкий контрапост³⁷⁷. Именно такая постановка тела и положение руки на бедре свойственны фигуре Эномая на восточном фронте храма Зевса в Олимпии, выполненном в 450–440 гг.³⁷⁸ Близка также трактовка мышц груди и живота, с той разницей, что у Леокса она отличается по-ионийски мягкой пластичностью, у Эномая по-дорийски жесткая пластика³⁷⁹.

Установленная дата стелы Леокса — ок. середины V в. — возвращает нас к вопросу о причинах запустения ольвийской хоры, наступившем во второй четверти столетия и длившемся почти до его конца. Как сказано, Виноградов связал его с восстановлением скифского протектората над Ольвией, на что последовали резонные возражения (ниже, с. 270/1). Но неудовлетворительно и мнение С. Д. Крыжицкого, В. М. Отрешко [1986, с. 15], что оно обусловлено реорганизацией Ольвией своей хоры, — она-де сосредоточила сельскохозяйственные угодья близ города, что позволило оптимально распоряжаться ими. Добровольно полисы не сокращали свою территорию, лишь под нажимом врага или по решению арбитров (этому посвящен особый класс надписей, так называемый *termini*), тем более со столь катастрофическим уменьшением ее до окрестностей города и десятка ближних сельских поселков. Приведенные названными коллегами примеры сокращения полисами

³⁷⁶ Это *terminus* ок. середины V в. с Фасоса, афинские декреты 408, 403, 394 г. [Guarducci, 1970, p. 42, 168, 442, 594]. В фасосской надписи левая ножка округла, правая горизонтальна, в аттических ножки горизонтальны.

³⁷⁷ К примеру, такова конструкция тела амазонки в типе Маттеи, созданном ок. 440–430 гг.: правая рука поднята, опорная правая же нога, поэтому правое бедро несколько сдвинуто вправо [Колпинский, рис. 214; Boardman, 1995, p. 216/7].

³⁷⁸ [Виппер, 1972, с. 166; Колпинский, с. 96–97 и рис. 199; Boardman, 1995, p. 33–34]. У Эномая правая рука положена на бедро, в левой руке копье, но у него плечо и рука до локтя горизонтальны, у Леокса правая рука и плечо приподняты.

³⁷⁹ [Акимова, с. 71–72]. Павсаний (V, 10, 8) приписал авторство восточного фронтона Пеонию из ионийского города Менда во Фракии, но специалисты не согласны с этим [Виппер, 1972, с. 167/9; Boardman, 1995, p. 36, 206].

Греции своей территории как раз связаны с военными действиями или приготовлениями к ним. Кроме того, мы располагаем известием о захвате Гилеи скифами-борисфенитами между серединой V — серединой IV в., что естественно увязывается с запустением весьма обширной ранее ольвийской хоры. Также восстановление ольвийской хоры на рубеже V–IV вв. совпадает по времени с основательной перегруппировкой скифских народов — уходом царских скифов, части будинов, гелонов в Нижнее Подунавье и встречным вселением агафирсов в Нижнее Поднепровье [Яйленко, 2007, с. 66–69, 75; 2013а, с. 182/92, 196/7]. Таким образом, вопреки мнению киевских коллег (например, [Буйских, 2013, с. 23]) об отсутствии скифской угрозы, сокращение ольвийской хоры во второй четверти — конце V в. обусловлено натиском скифов-борисфенитов на приднепровскую ее часть, Гилею, и, вероятно, ольвийскую хору. Борисфениты, как сказано, были скотоводами, их не интересовали сельские поселения ольвийской хоры — им нужны были пастбища. Стада и табуны борисфенитов наносили урон возделанным полям, не последней была и угроза порабощения земледельцев скотоводами. Полагаем, по этим причинам население сельских поселков Ольвийского полиса и оставило их, перейдя на постоянное жительство в город и предградье [Марченко, 1982] (раскопщиками замечено, что эти поселки не разрушены, а оставлены жителями).

4.2. Гипотеза о скифском протекторате над Ольвией

С 1980 г. в ряде работ, повторяющих одна другую, Ю. Г. Виноградов развивал гипотезу о скифском протекторате над греческими городами Сев. Причерноморья и особенно Ольвией в V в.³⁸⁰ Он увязал процесс возникновения Боспорского царства с усилением Скифской державы после победы над Дарием, в результате которой они безраздельно господствовали в Сев. Причерноморье, так что их отношения с греческими полисами приняли здесь форму политического протектората. На Боспоре местные полисы объединились в симполицию с целью противостоять скифской угрозе. Не имевшая таких сил Ольвия предпочла поступиться частью своего суверенитета и управлялась скифскими наместниками. В результате этих событий в Ольвии и на Боспоре в первой половине V в., полагал Виноградов, утвердились тирании; по его мнению, боспорские Археанактиды — тираны, нашел он следы тирании и в Ольвии. Аргументы скифского протектората над Ольвией Виноградов усмотрел в монетах Ариха и Эминака, в рассказе Геродота о Скиле, в археологических данных о появлении скифов у ольвийской территории. По поводу монет Ариха и Эминака он отметил, что с конца VI в. в Греции появляются монеты с именами тиранов. Имена Арих и Эминак негреческие. Серебро Эминака — определенно полисная монета, поскольку ее реверс использован неким городским магистратом в качестве марки на мерной ойнохое. Бывший в Ольвии монету носитель этого негреческого имени поместил на ней изображение предка скифов Таргитая-Геракла, что характеризует его, по мнению Виноградова, как царя или династа.

³⁸⁰ [Vinogradov, 1980 = Pont. St. S. 100/32 = Виноградов, 1995; 1989, с. 90/109]. Сокращенные варианты [Виноградов, 1981а, с. 56 сл.; 1983, с. 394 сл.].

Поскольку он выпускал полисную монету, Ольвия находилась под властью скифских царей. Согласно археологическим данным, счел Виноградов, в V в. скифы оказывали мощный нажим на Ольвию: на севере ее хоры появляются погребения кочевников, хора пустеет в начале века, возникает предградье, расширяется агора. Фиксируется существенное количество варварских имен в Ольвии: из всех негреческих имен догетского времени половина приходится на V в. Все это — свидетельства установления скифского протектората над Ольвией, но не следует думать, отметил Виноградов, лишь о силовом давлении: часть греков могла быть заинтересована в нем, поскольку могла извлекать выгоду из посреднической торговли. Важны указания монет из Никония с реверсом ольвийского типа, но на аверсе с головой совы несущие сокращение имени скифского царя Скила. Это подтверждает рассказ Геродота о Скиле, анализ которого привел Виноградова к заключению, что он был протектором Ольвии. Монеты из Никония свидетельствуют, что власть Скила простиралась вплоть до Дуная. Кстати, одрисские цари наложили на города Зап. Понта подать, которую те исправно выплачивали. Скифы также налагали дань на греческие города Сев. Причерноморья: в письме начала IV в. из Керкинитиды упоминается подать скифам. Поскольку демократическое устройство полиса и варварская тирания несовместимы, заключил Виноградов, следует думать, что Ольвия управлялась через поставленных скифами наместников, таковыми были Арих и Эминак. Позднее к числу аргументов Виноградов добавил эпитафию Леокса P 270 (о ней см. предыдущий параграф).

Эта концепция нашла своих сторонников³⁸¹, но в основном критиков³⁸².

По мнению С. Д. Крыжицкого и В. М. Отрешко, будь Ольвия под скифским протекторатом, скифы не были бы заинтересованы в уничтожении ее хоры. Хора не погибла в первой четверти V в. — развивавшаяся до того стихийно, она сократилась вследствие более эффективной реорганизации: сельские поселения сосредоточились вблизи Ольвии, и концентрация населения привела к его политической консолидации. «Трудно предполагать, что концентрация нижебужских греков в Ольвии, сооружение крепостных стен было бы в условиях протектората в интересах скифов». С. Б. Буйских указал на отсутствие следов разрушений на покинутых ольвиополитами сельских поселениях. Краеугольную идею гипотезы о протекторате оспорил В. А. Анохин: связь изображения Геракла на эминаках со скифской генеалогической легендой вовсе не обязательна, так как подобная сцена (натягивающий лук Геракл) представлена также на фиванских монетах, битых ок. 440 г. Кроме того, согласно Геродоту, легенда о Геракле-Таргитае греческого происхождения, скифы же рассказывали о своем происхождении иначе. По мнению Анохина, на основании негреческого имени нельзя считать его носителя обязательно негреком, тем более скифским царем. Неправильно также заключение Виноградова о длительном, свыше года, выпуске Эминаком статеров, выведенное им из того, что они биты 5–6 штемпелями: Анохин привел примеры употребления одним ма-

³⁸¹ Например [Ю. А. Виноградов, Марченко, 1991; Марченко, 1993]. Идея о скифском протекторате над Ольвией восходит к Э. Р. Штерну. Одновременно с Виноградовым гипотезу о даннических отношениях Ольвии со скифами развил Островерхов [1980, с. 33 сл.], работу которого Виноградов игнорировал.

³⁸² [Крыжицкий, Отрешко, 1986, с. 14–15; Буйских, 1986, с. 21; Анохин, 1989, с. 11 сл.; Яйленко, 1996, с. 214; 1998, с. 111; Ольвия, 1999, с. 152/4; Крыжицкий, 2001; Крыжицкий, 2002; Kryzhitskiy, 2005; Sojosaq, 2005, S. 163/6; Кожокару, Лицу, 2009, с. 194/5; Снытко, 2011].

гистратом за год нескольких штемпелей. Упомянем также верное замечание Ю. А. Виноградова и К. К. Марченко [1991, с. 150] (в остальном положительно воспринявших идею о протекторате): запустение хоры в Нижнем Побужье и Поднестровье случилось спустя 40 лет после победы скифов над Дарием, и потому установление протектората не связано с нею. Крыжицкий [2002] в специальной статье критически оценил аргументацию Ю. Г. Виноградова, а также позицию поддержавших идею о скифском протекторате Ю. А. Виноградова и К. К. Марченко. По его заключению, у нее нет оснований, она противоречит археологическим данным, которые показывают, что вторая и третья четверти V в. были временем мирного и независимого существования Ольвии.

Часть изложенных положений критиков может быть оспорена, но в целом ясно, что нет каких-либо данных, определенно свидетельствующих о скифском протекторате над Ольвией. По существу, гипотеза о протекторате построена на умозаключениях о монетах Эминака. Э. Р. Штерн и П. О. Карышковский исходили из простого силлогизма: имя Эминак негреческое, и потому изображение Геракла как намек на легенду о происхождении скифов свидетельствует о его ранге династа или царя. Ю. Г. Виноградов с помощью оттиска реверса монеты на мерной ойнохое установил важное обстоятельство — это полисная эмиссия. Но царь не может выпускать полисную монету, заключил он, следовательно, ее чеканил управлявший Ольвией наместник династического ранга; последнее само по себе предполагает, что город находился под протекторатом скифских царей. Эти соображения по-своему логичны, и мы уже отметили их сильную сторону — установление полисного характера чеканки эминаков. Но уязвимые пункты гипотезы о протекторате — интерпретация изображения Геракла как прокламации царско-династического ранга Эминака, проблематичность не только выпуска наместником полисной монеты от своего имени, но и самого института наместничества.

К изложенному добавим следующее. Само по себе предоставление «даров» скифским царям не означает установления политической власти последних над городами, дающими такие «дары». Это вынужденный *modus vivendi* полиса в соседстве с сильным варварским царством, но не обязательно показатель политического протектората последнего. Из Протогеновского декрета мы знаем, что ольвиополиты подносили проходившим мимо кочевым владыкам «дары», но это была плата за ненападение, ни о какой политической зависимости речь не шла (ниже, с. 601/2). Что до письма из Керкинитиды, то вычитывание тут «податей скифам» крайне сомнительно в контексте с соленой рыбой и волами. Пребывание Скила в Ольвии носило личный характер и обуславливалось его открыто филэллинскими склонностями. Он антипод решительно антигреческой позиции скифской верхушки в целом (*Herod.* IV, 76–80). «Решающий» же, по словам Виноградова, довод о чеканенных в Никонии монетах Скила не имеет отношения к Ольвии, так как Никоний никогда не входил в состав Ольвийского полиса и связан не с установлением протектората Скила над Никонием, а с тем, что это был центр «древней Скифии», домен царских скифов. Как видно, гипотеза о скифском протекторате над Ольвией не имеет основательной аргументации.

Мы затронули лишь часть связанных с нею вопросов. Полное рассмотрение проблемы скифского протектората над греческими полисами Сев. и Зап. Причерноморья, в том числе сокрушительную критику воззрений Виноградова на это, дал В. Кожокару [Cojocaru, 2008, S. 3 f.].

4.3. Скил и Ольвия³⁸³

Историчность скифского царя Скила, отличавшегося эллинофильством, подтвердилась находками его монет [Загинайло, Карышковский, с. 3–15]. Еще раньше в Добрудже обнаружено золотое кольцо с печаткой и надписью на ободке, а на щитке — с именем владельца — Скила, которого сразу идентифицировали с известным Геродоту скифским царем середины V в. (рис. 33). Надпись стала предметом специальной статьи Ю. Г. Виноградова, который усмотрел в ней один из аргументов развивавшейся им гипотезы о скифском протекторате над Ольвией³⁸⁴. Рассмотрим эту надпись. На ободке кольца вырезано ΚΕΛΕΟΑΡΓΟΤΑΝΠΑΡ, под последними буквами на ребре ободка вырезаны в обратном порядке не поместившиеся буквы ΙΑΝΕ, т. е. ΕΝΑΙ; на щитке кольца Σκύλεω. Сравнительно с прежними интерпретаторами надписи Виноградов сумел правильно определить в начале ее императивную форму глагола и антропоним: κέλεοε (= κέλευε) Αργοταν. В целом его чтение надписи и перевод: κέλεοε Αργοταν παρ | ἔναι «вели быть при Арготе». По его мнению, это обращение Аргота к изображенной на перстне богине с просьбой велеть перстню быть при нем, Арготе; надпись написана ямбом, поэтому-де предлог παρ (= παρά) находится в постпозиции [с. 98]. Виноградов получил довольно странный смысл надписи: неясно, почему владелец перстня обращается к божеству с не очень вразумительной просьбой велеть перстню быть при нем. Виноградов не дал сколько-нибудь внятного ответа на это, да он и невозможен, ибо за исключением чтения двух первых слов, все остальное — плод очередной его филологической ошибки. Трудно представить себе написание стихов на кольце, но предположим, что это

так. В таком случае правомерен вопрос: что это за стих? И оказывается, что надпись составлена, по мысли Виноградова, «не какой-то определенной строфой, а просто верифицированными ямбами». Что ж, в числе метрических надписей имеются отдельные образцы с незаконченным стихом (их можно найти в сборниках метрических надписей, например [Friedländer, 1948]), который при желании можно счесть ритмизованным высказыванием, но дело в том, что такому незавершенному стиху обязательно предшествует законченный стих (к примеру, в дистихе пентаметр не завершен, но ему предшествует полная строка гексаметра). Так как законченного стиха в надписи на кольце нет, «верифицированные ямбы» остаются лишь плодом воображения Виногра-

Рис. 33. Перстень Скила, прорись:

а — изображение и надпись на щитке перстня, б — надпись на плоской части дужки, в — надпись на торцевой части дужки [Виноградов, 1980]

³⁸³ Опубликовано [Яйленко, 1996, с. 191/4].

³⁸⁴ [Виноградов, 1980 = Pont. St. S. 613/33]; в Nachträge к статье этого сборника 1997 г. Виноградов добавил новую литературу, но о критике Дюбуа и моей 1996 г. — ни слова.

дова. Он не считает количества стоп, не ищет обязательной для ямба цезуры, и несложно догадаться, что «версифицированные ямбы» появились на свет лишь для того, чтобы как-нибудь оправдать позицию предлога *παρ* не перед именем Аргота, с которым связывает его Виноградов, а после него, что для прозаического текста невозможно, ибо предлог ставится в постпозиции только в стихотворном тексте.

Если же не мудрствовать лукаво, то ясно, что текст надписи прозаический (любимым трем словам можно приписать метрический характер), и, следовательно, указанный предлог может относиться только к последующему за ним слову *εναί*, составляя вместе с ним одно слово *παρ᾽εναί*, а в целом надпись читается и переводится так: *κέλεος Αργουταῖ παρ᾽εναί* «вели Арготу быть под рукой (быть в помощь)»³⁸⁵. Смысл надписи, как видим, совсем иной, нежели в «версифицированных ямбах» Виноградова, и в отличие от его довольно странного толкования прост: Скил передает Арготу через какого-то человека распоряжение явиться к нему — «быть под рукой», и его перстень должен служить подтверждением, что это действительно распоряжение царя (у персов золотой перстень был признаком принадлежности к высшей знати, так что посылка его Скилом — знак распоряжения, исходящего от высокого по рангу лица). Иначе говоря, надпись вырезана на царском перстне с целью гарантировать достоверность царского приказа³⁸⁶. Таков простой смысл простейшей конструкции *acc. cum inf.*, которую Виноградов не смог распознать в надписи из трех слов, вследствие чего дал фантастическое

³⁸⁵ *Inf. praes.* *παρ᾽εναί* «быть в наличии, под рукой, быть в помощь». М. Н. Славятинская, которой я благодарен за полезные критические замечания, предположила, что *παρ᾽εναί* надписи может быть и *inf. aor.* глагола *παρίημι* «пропускать, предоставлять, разрешать» и пр. Однако в целом этот глагол требует по смыслу поясняющих обстоятельств, которых в надписи нет. Конечно, такие обстоятельства могли подразумеваться конкретной ситуацией, но так как мы не знаем их, лучше ограничиться пониманием глагола *παρ᾽εναί* в наиболее общем, не требующем специальных пояснений значении «быть под рукой, быть в помощь». Для Виноградова [с. 98] «вариант *παρ᾽εναί* менее приемлем, поскольку в случае адресования приказа к перстню требовался бы не *acc.*, а *dat.* *Αργουταί*, конструкция же *acc. cum inf.* оставляет не разъясненной, при ком должен был пребывать Аргот (при перстне?!). Обращение от самого «говорящего объекта» — постоянная формула архаических надписей». Как видно из этой цитаты, отрицание Виноградовым очевидной конструкции *acc. cum inf.* основано на идее, что надпись сделана от имени перстня. Если же отталкиваться не от предвзятой идеи о характере надписи, а от ее реальной грамматической конструкции *acc. cum inf.*, рассуждения Виноградова о необходимости *dat.* падежа имени Аргота и какой-то неясности, при ком ему пребывать, отпадают сами собой. Пример надписи на кольце с конструкцией *acc. cum inf.*, зависящей от того же глагола *κέλεῖν* [Bonner, 1950, p. 64]: *θεός, κελεῖν μὴ κύειν καλὸν πόνοιν*. Одновременно со мной в 1996 г. правильное чтение дал Л. Дюбуа [Dubois, 4], интерпретацию Виноградова он назвал романом.

³⁸⁶ Особенно обычной пересылкой с вестником кольца в подтверждение истинности распоряжения царя или вельможи был в употреблении у иранцев, к которым относятся и царские скифы Сев. Причерноморья, в том числе Скил. Персидские, парфянские и прочие примеры [Fourlas, S. 47 f.]. К литературе о надписях на кольцах, приведенной Л. Дюбуа [p. 13–14], добавь [Lasciale, p. 179/82]. Со своей стороны приведем ряд параллелей. *Apuleius*, Met. X, 20: «передала перстень... для подтверждения слов». В Риме времен республики право ношения кольца государство оставило только тем, кто в качестве посла отправлялся в другие страны (*Plini* H. nat. 33, 11), т. е. кольцо подтверждало его полномочия. Красноречивую иранскую параллель дает «Шахнаме» Фирдоуси: царь Кей Хосров посылает богатыря Туса на войну с туранцами и перед лицом всего войска вручает ему свой перстень с печатькой в знак его власти. Дочь Галлы Пластидии Гонория, в 450 г. за незаконную связь с офицером заключенная в императорском дворце в Константинополе, отправила Атилe послание с предложением взять ее в жены и присовокупила кольцо [Кулаковский, 2003, с. 268]. Шекспир, Ричард II, акт 2, сцена 2: Йорк слуге: «К сестре моей отправившись ты в Плэши, скажи: прошу, мол, тысячу я фунтов. На, вот, мое кольцо!» (hold, take my ring).

толкование ее содержания³⁸⁷. И при всем этом он не без кокетливости так охарактеризовал свою интерпретацию: «не требует никаких насилий над текстом, непротиворечива синтаксически и даже являет собой определенное изящество при лаконичном выражении емкой мысли» (*sic!*).

Не менее «определенное изящество», как и в понимании синтаксиса трех слов надписи, Виноградов проявил в исторической интерпретации ее содержания: по его мнению, этот определенно царский перстень «был получен Скилом по наследству (прямо или опосредованно) от близкого родственника или предка по имени Аргот»; далее он, со ссылкой на Гракова, нашел лакуну между правлениями скифских царей Иданфирса и Ариапифа, которую заполнил Арготом рассмотренной надписи [с. 100 сл.]. Если учесть, что об этом Арготе мы ничего не знаем, кроме того, что Скил велел ему «быть под рукой», заключение Виноградова целиком произвольно. Так, начав толкование кратчайшей надписи синтаксической фикцией, он завершил его фикцией исторического плана³⁸⁸.

4.4. Арих и Эминак

Как показано выше (с. 90–91), ольвийские монеты V в. несли имена эсимнетов мольпов, выступавших в качестве эпонимов. Имея в виду сказанное там о важной роли святилища Дельфиния в финансовой сфере и в последующие столетия, можно думать, что имена эсимнетов на монетах не были всего лишь датировочной формулой — это было отражением их значительной роли в организации и функционировании денежного хозяйства полиса в целом. Наряду с сокращениями имен эпонимов (в двух случаях с предлогом ἐπί) на редчайших серебряных монетах второй половины V в. представлено имя Ἐμινάκω (*gen.* к номинативу Ἐμινάκος или Ἐμινάκης), а на дельфинах Ἀρίχῳ (рис. 34), тоже род. падеж полного имени Ἀρίχος (на медных ассах того же времени представлено сокращение ΑΡΙΧ). Медные ассы и дельфинчики с этим именем относятся к 430–410 гг. [Карышковский, 1988, с. 45; Анохин, 1989, с. 17].

Наиболее полно рассмотрел монеты Эминака и Ариха П. О. Карышковский [1960, с. 179 сл.; 1962, с. 221 сл.; 1984а, с. 78 сл.]. Поначалу он справедливо заключил, что один негреческий характер имен не дает оснований для представлений С. Цыбульского и Э. Р. Штерна о них как об именах «неизвестной династии ольвийских тиранов» или «неизвестных нам властителей Ольвии»; негреческие имена вряд ли

³⁸⁷ Трудно разделить мнение Виноградова, хотя оно сопровождается ссылкой на приватное письмо М. Ладзарини, что надпись на ободке старше надписи Σκύλεω на щитке кольца (см. рис.). Да, надпись на ободке выглядит слегка архаизированной сравнительно с классическим стилем надписи на щитке — именем Скила, но это не хронологическая разница, ибо трудно представить себе, что сначала существовала надпись на ободке кольца, а щиток оставался бланковым до тех пор, пока владелец его не решил вырезать свое имя на нем. Судя по датированным аттическим аналогиям, обе разновидности письма, архаизирующая и классическая, сосуществовали во второй — третьей четверти V в. (время Скила — конец третьей четверти столетия: его брат был племянником одрисского Ситалка, правившего до 424 г. и выдавшего Скила скифам). Ср. [Kirchner, 21] — архаизирующий стиль посвящения Диофана середины V в., [Ib. 32] — того же стиля список имен 465 г. С другой стороны, Ib. 20: надпись строго классического стиля на метопе Гекатомпедона от 485 г. и Ib. 34: того же стиля податной список 440 г.

³⁸⁸ Критику исторических построений Виноградова еще раньше дала Т. М. Кузнецова [1984, с. 11–17].

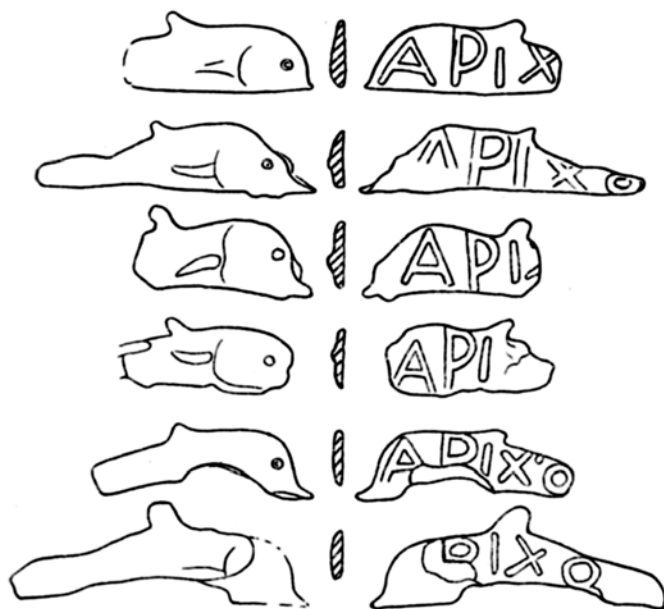

Рис. 34. Дельфинчики с именем Ариха [Харко, 1964]

принадлежат и городским магистратам, тем более что магистратские имена, за редкими исключениями, стали размещаться на монетах с IV в. Карышковский [1962, с. 226; 1988, с. 49] склонился к мысли, что это эмиссия частных лиц — коммерсанта Ариха и, ввиду скифского мотива (натягивающего лук Геракла), — царя или правителя скифского племени Эминака, жившего поблизости от Ольвии. Ю. Г. Виноградов [1981а, с. 61], апеллировав к редким случаям размещения сокращений имен на дельфинах и ассах, усмотрел в монетах Эминака и Ариха доказательство скифского протектората над Ольвией: это поставленные в ней скифами наместники негреческого происхождения. Однако, как мы заключили (с. 90), сокращения имен Павс и других принадлежат эсимнетам мольпов, так что ими являются также обладатели имен Арих и Эминак. Их имена негреческие, что ставит вопрос не только о наличии туземных элементов в Ольвийском полисе V в., но и об активном их участии в его деятельности вплоть до занятия основной магистратуры.

Рассмотрим происхождение обоих имен. Л. Дюбуа счел имя Ἀρίχος греческим ввиду присутствия его в Таренте IV–III в. и Византии римского времени (по одному примеру); по его мнению, глосса Гесихия βάριχοι· ἄριες «бараны» позволяет согласиться с Ф. Бехтелем и А. Н. Зографом, что имя образовано от обозначения животного [Dubois, p. 9–10] (это принял В. Ф. Столба [2002, с. 17]). Дюбуа просто не вник в проблему, ибо βάριχοι — иллирийское слово, а не греческое, поэтому сообщение Гесихия, что глосса βάριχοι· ἄριες «бараны» — лаконская, отражает лишь греческую часть его истории. Греческое слово для «барана, овцы» — ἀρήν (гортинское Φαρήν, F = β, ср. другую глоссу Гесихия: ἄριχα· ἄρρεν πρόβατον «бараны, мелкий скот»), тогда как βάριχοι, ἄριχα находят продолжение в албанском языке, потомке иллирийского: vargër, vërgar, verga «невыхолощенный баран, козел, жеребец» [Нерознак, 1978, с. 181]. Соответственно личное имя Ἀρίχος из Тарента

тоже иллирийского происхождения (мессапского). Тарент — лаконская колония, через него иллирийско-мессапское слово $\beta\acute{\alpha}\rho\iota\chi\omicron\iota$ попало в метрополию, что и отразилось в упомянутой глоссе Гесихия, счешшего слово лаконским. Аналогичным образом у Гесихия и слово $\beta\acute{\alpha}\rho(\upsilon)\kappa\alpha\cdot \alpha\iota\delta\omicron\upsilon\omicron\nu$, παρὰ Ταραντίνους «мужской член, у тарентинцев» не греческое, а мессапское, так как имеет соответствием алб. bark «живот», bars, mbars «беременная» [Ib., с. 166]³⁸⁹. Упомянутые иллирийские глоссы в греческом образуют пары с сохраненным и утраченным начальным сонантом ($\beta = \text{F}$): $\beta\acute{\alpha}\rho\iota\chi\omicron\iota$ — $\tilde{\alpha}\rho\iota\chi\alpha$, $*\text{F}\acute{\alpha}\rho\iota\chi\omicron\varsigma$ — $\tilde{\alpha}\rho\iota\chi\omicron\varsigma$, а у $\beta\acute{\alpha}\rho\iota\omicron\nu$ очевидной пары $*\tilde{\alpha}\rho\iota\omicron\nu$ нет³⁹⁰. Поскольку эти глоссы имеют выход в личные имена, полагаем, что $*\tilde{\alpha}\rho\iota\omicron\nu$ следует усматривать в имени мифического поэта Ариона — $\tilde{\alpha}\rho\iota\omega\nu$, -ονος. Арион на дельфине — это персонификация образов пастуха и мелкого скота ($\delta\epsilon\lambda\phi\iota\varsigma$ «дельфин» — это, собственно, «морская свинья», из $\delta\epsilon\lambda\phi\alpha\varsigma$ «свинья»), т. е. в $*\tilde{\alpha}\rho\iota\omicron\nu$, как и в албанском диалектном *bagi*, совмещались два значения — «пастух» и «мелкий скот». Таким образом, значение имен $*\text{F}\acute{\alpha}\rho\iota\chi\omicron\varsigma$ и $\tilde{\alpha}\rho\iota\chi\omicron\varsigma$ «пастух», *resp.* «пастырь, вождь племени». Наш тезис о присутствии иллирийцев в Ольвии подтверждается словом $\beta\acute{\alpha}\rho\epsilon\chi(\omicron\varsigma)$ «баран» в ольвийском заклятии на чернолаковом черепке V в. до н. э. [ГЛБО II, с. 85]: если употребляется иллирийская лексика, здесь проживают иллирийцы.

Серебряные статеры с именем Эминак относятся к 460–440 гг. [Карышковский, 1988, с. 50] или ко времени ок. 440–430 гг. [Анохин, 1989, с. 15 сл.]. Изображение на статерах Эминака натягивающего лук Геракла Карышковский [1988, с. 49–50] счел иллюстрацией скифской этногонической легенды и, отталкиваясь от мысли А. Г. Сальникова [1960, с. 86] об Эминаке как о скифском царе, счел Эминака одновременно скифским царем и правителем Ольвии. Однако Анохин [1989, с. 12, 15–16] показал, что изображение Геракла с луком может быть и чисто греческим (с примером из Фив, о чем см. также [Зограф, 1982, с. 6]), и дал критику гипотезы о скифском протекторате над Ольвией. Болгарские ученые склонялись к мысли о фракийской принадлежности имени Эминак, но без объяснения [Detschew, 1957, S. 166; Vlahov, 1963, S. 247]. С. В. Кулланда и Д. С. Раевский [2004, с. 91] дали иранскую этимологию: из $*\text{aminaka}$ -«неслабющий, немеркнувший» (о фарне). Мы же обратим внимание на наименование города $\tilde{\epsilon}\iota\mu\nu\acute{\alpha}\kappa\iota\omicron\nu$ в Далмации³⁹¹, что позволяет думать об иллирийском происхождении ольвийского Эминака. Этот вывод поддерживается бесспорно иллирийским происхождением имени следующего по времени эпонима Ариха.

³⁸⁹ Что до параллелей из Византия, то в условиях миграции разнотничного населения в пределах Римской империи нельзя подобно Дюбуа оперировать единичным именем для доказательства греческого его происхождения (даже при греческом патронимике, который естествен для Византия, как, впрочем, и северобалканские имена). Все приведенные данные об иллирийском происхождении имени Арих в очередной раз разъяснил О. Массон, который при этом высокомерно выговаривал российским ученым, что они не знают этого [Masson, 1994, p. 138]. На самом деле ему неизвестны ни книга В. П. Нерознака, ни то, что я все это объяснил задолго до Массона [Яйленко, 1980, с. 85–86; 1982а, с. 197/8]. Поскольку он вскоре умер, я оставил его выпад против советской науки без критики. Резкая реакция Массона вызвана тем, что он ознакомился с непрофессиональным экзерсисом на эту тему Ю. Г. Виноградова [1981, с. 143], который возродил столетней давности сближение В. Фрёнером имени Арих с названиями племенных подразделений у тавров *Arichi* и у меотов $\tilde{\alpha}\rho\eta\chi\omicron\iota$, а возражения С. Р. Тохтасьева [1984, с. 136/7] ему вылились в гадания о возможных формах этих названий в источниках Страбона и Птолемея. Ни Виноградов, ни Тохтасев не задумались об аргументации связей тавров и меотов с Ольвией, что дало бы им основание для увязки с их названиями имени ольвийского эпонима.

³⁹⁰ $*\text{F}\acute{\alpha}\rho\iota\chi\omicron\varsigma$ — это реконструируемая нами по $\tilde{\alpha}\rho\iota\chi\omicron\varsigma$ исходная форма последнего.

³⁹¹ *Ptol. Geogr. II, 16, 12: Εἰμινάκιον ἢ Κεῖμινάτιον.*

Есть и другие иллирийские наименования в Нижнем Побужье. Таковы, на наш взгляд, названия Ольвия и Арбинаты. Исследователи 1930–1950-х гг. (И. И. Мещанинов, Т. Н. Книпович и др. [Иессен, 1947, с. 59 сл., *лит.*]) были увлечены поисками свидетельств о туземных поселениях в Сев. Причерноморье, на которых селились греческие колонисты. В 1960–1990 гг. преобладало обратное мнение — туземных поселений на побережье Сев. Причерноморья в эпоху греческой колонизации не было, отсутствовало и какое-либо туземное население на месте основанных греками колоний. Причиной появления этой поверхностной точки зрения было казавшееся повсеместным отсутствие предметов туземной материальной культуры в греческих центрах региона, ввиду чего констатировался некий перерыв в освоении прибрежных частей Сев. Причерноморья туземным населением в VIII–VI вв.³⁹² Более адекватной была позиция таких ученых, как В. Д. Блаватский, которые учитывали свидетельства нематериального плана: туземные названия ряда греческих центров и природных объектов региона, свидетельства письменных источников, в частности мифологии, распространение негреческих культов, антропонимию, элементы негреческого происхождения в материальной культуре — лепную керамику, некоторые черты погребального обряда и пр.³⁹³ Поэтому обоснованны попытки специалистов выявить туземную природу названий Ὀλβίη и Σαβία (Σαῖα)³⁹⁴. По мнению Н. Я. Марра [1927, с. 14], название Ольвия было адаптировано к средиземноморскому наименованию этой местности Olba. Его сближение ошибочно (основа olbe выведена из средиземноморского orbe / urbi), но мысль о туземном происхождении названия перспективна на унылом фоне бесчисленных греческих по происхождению названий Ольвия в Средиземноморье и Понте. Давно обсуждается идея об иллирийском происхождении названия Ольвия — в Иллирии есть своя Ὀλβία (St. Byz.: Ὀλβία πόλις Ἰλλυρίδος) [Fick, 1905, S. 106; Treimer, 1960/1, S. 740, *ср.* Георгиев, 1977, с. 236]. В случае с северопонтийской Ольвией, полагаем, имела место адаптация — приспособление греческой формы к сходно звучащему местному топониму³⁹⁵. Наличие иллирийского населения в Нижнем Побужье позволяет думать об иллирийском *alb- «поселение, поселок» (при албанском olbe «селение») как источнике греческой адаптации. Таким образом, названия иллирийской и ниже-

³⁹² Активным создателем этой позиции был В. В. Лапин [1966, гл. II].

³⁹³ О туземном населении Нижнего Побужья сказано достаточно. В последнее время открываются новые факты занятия туземных поселений греческими колонистами Боспора [Иванов, Сударев, 2012; Куликов, Бейлин, Ермолин, Столяренко, 2012]. Негреческих и неиранских названий, именно фракодакийских, тут немало [Яйленко, 2014], даже без учета индоарийских [Яйленко, 2013а, с. 121/32]. Нам представляются важными также для нашего случая методические соображения О. В. Шарова [2012] по поводу присутствия германцев на Боспоре во II–III вв. н. э.: согласно письменным источникам, они там были, но материальных свидетельств нет. Исследователь объясняет это тем, что германцы восприняли боспорскую материальную культуру. Полагаем, это можно сказать и о причерноморских автохтонах времени Великой греческой колонизации: в целом они адаптировались к цивилизационно более развитым грекам, по причине чего мы не располагаем традиционным набором какой-либо туземной материальной культуры, улавливая лишь их следы. То же относится и к духовной культуре, прежде всего к сфере верований. Наиболее показательный пример — культ Аполлона Иетра в греческих городах Зап. и Сев. Причерноморья от Аполлонии-Созополя до азиатского Боспора, начиная с раннего VI в., также индоарийский по характеру культ Ахилла-змея (*см.* о них выше).

³⁹⁴ Название Савиа индоарийское (выше, с. 119).

³⁹⁵ Пример такой адаптации дает горная цепь в Лигурии τὰ Ὀλβία — это по-гречески адаптированное кельтское или лигурийское название τὰ Ἀλπία. Посидоний (Fr. 48 Jac. = *Athenaeus*, VI, 233d) ошибочно утверждал, что вторая форма позднейшая относительно первой.

бужской Ольвий одинакового происхождения, т. е. название нижнебужского города Ὀλβία вторично — оно происходит не от греч. ὀλβος «счастливым» (с оттенком материального богатства), как традиционно полагают [Скржинская, 1981], а возникло по созвучию с туземным словом «поселение», которым местное иллирийское население называло свой поселок (см. подробнее с. 164/5).

С этим иллирийским корнем *alb- связан куст названий в Сев. Причерноморье, в том числе Арбинаты в Нижнем Побужье: в березанском письме Ахиллодора, написанном ок. 500 г., содержится топоним в дат. падеже — ἐν Ἀρβινατησίῳ, по Дж. Чэдвигу, это название острова Березань, он привел близкий по звучанию гидроним Ἀρβινάτης в Элиде [Paus. VI, 21, 8; Chadwick, 1973, p. 36]. Б. Браво нашел точное соответствие у Стефана Византийского: Ἀβρινάται, Ποντικὸν ἔθνος «Абринаты: понтийский народ», но, полагая, ошибочно заключил отсюда, что Арбинаты — этноним³⁹⁶. Название Арбинаты еще раз встречается в ольвийском граффито V в. — [Α]ρβιησ[σίῳ] [ГОП, с. 160]. Не исключено, что оно упоминается и в березанском граффито второй половины VII — первой половины VI в.: --υ Ρβιυ — (ниже, с. 303). Это дало бы основание для идентификации Арбинат и Березани, однако наше чтение предположительно, поэтому известие ольвийского граффито означает только то, что Арбинатами называлась какая-то местность в Нижнем Побужье, скорее всего, одно из поселений ольвийской хоры. Упомянутые Арбанион и абринаты Стефана показывают, что это был заметный пункт. В пределах территории ольвийского полиса вторым по значению центром была Березань, так что все-таки не исключено, что это ее древнее название. Основа ἀρβιν- не характерна для греческого языка, на его материале предполагаемый топоним не объясняется. Раньше я думал о переносе названия колонистами из Ионии (выше, с. 215/6). Однако в связи с выявленным происхождением названия Ольвия от иллир. *alp- нет нужды искать источник названия Арбина в столь дальнем регионе, коль она есть тут: у этой иллирийской основы есть вариант *arb-, и обе они представлены в древнем национальном названии албанцев: народ Ἀλβανοί у Птолемея, албан. Arben (диалект. arbenesh; arber, arberesh) [Нерознак, 1978, с. 191]. Это arben- (в нашем случае со значением «иллириец», «иллирийский») составляет основу наименования ἐν Ἀρβινατησίῳ, т. е. Ахиллодор велит сыну укрыть семью от посягательств Матасия «у иллирийцев», или, если это топоним, «в Арбинатах» (по содержанию это будет что-то вроде «в Иллирике», т. е. «иллирийском поселке»)³⁹⁷.

Откуда же появились иллирийцы в Нижнем Побужье, ведь у нас нет оснований думать о проникновении их сюда с сев.-зап. части Балкан (Албания, бывшая Югославия)? Полагаем, это объясняют открытые О. Н. Трубачевым [1968, с. 276 сл.] древние фрако-дакийские и иллирийские гидронимы на Верхнем и Среднем Поднестровье, которые простираются на восток до среднего течения Днестра (рис. 3, 35).

³⁹⁶ Впрочем, он не исключил и топонимический характер названия [Bravo, 1974, p. 160/1]. По нашему мнению, поскольку название Арбинаты еще не раз встречается (см. ниже, с. 215), у Стефана этот этноним появился в результате перетолкования этника, т. е. названия жителей малоизвестного городка на северопонтийском побережье.

³⁹⁷ Равным образом иллирийским по происхождению считается название города Ἄρβα в пелопоннесской Ахайе при соименном названии острова и города на нем в Адриатике у далматинского побережья [Mayer, 1959, S. 12; Гиндин, 1976, с. 68]. Это перенос иллирийского топонима на греческий Пелопоннес, аналог появлению иллирийского топонима в Нижнем Побужье.

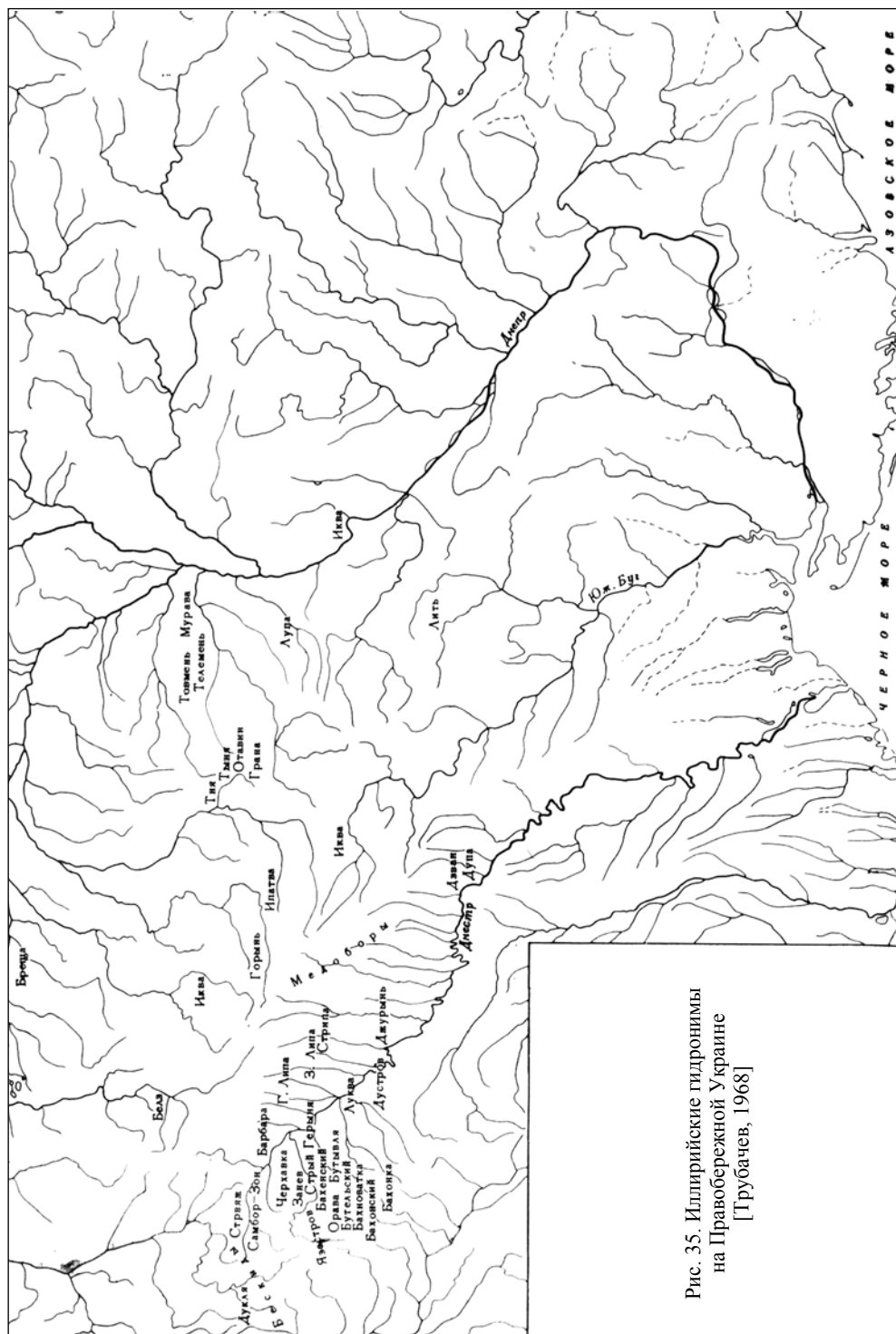

Рис. 35. Иллирийские гидронимы
на Правобережной Украине
[Трубачев, 1968]

Они приходится на территорию распространения западноподольской группы скифских памятников VI–III вв. до н. э., части востчноподольской и киевской групп (рис. 3, 22а, 35). Судя по картографии гидронимов, они распространялись с запада на восток — с Верхнего Поднестровья на Киевщину, это восточный путь миграции иллирийцев по лесной полосе в сторону Днепра. Особенно плотное поле иллирийской гидронимии сосредоточено в Верхнем Поднестровье, что удостоверяет иллирийскую этнолингвистическую принадлежность по меньшей мере населения Западной Подолии. Тут эпицентр иллирики Восточного Прикарпатья, само наименование Карпатской горной цепи Καρπάτης (при албанском *karğë* «скала») иллирийского происхождения [Нерознак, 1978, с. 193, 200], что указывает на Прикарпатье как на исконно иллирийский ареал. На наш взгляд, часть иллирийцев переселилась отсюда по торговым путям в VI–V вв. в Нижнее Побужье вслед за фракийским населением, привлеченная более высоким стандартом жизни. Кратко разясним это (подробнее [Яйленко, 2014, с. 521/2, 530, 532/6]). В западноподольских памятниках ранний античный импорт выражен слабо (незначительные остатки амфорной тары второй половины VI — начала V в. до н. э.), но в востчноподольской группе скифских памятников расположено крупное Немировское городище, куда греческая керамика поступала с VI в. [Вахтина, 2000]. В киевской группе несколько городищ (Трахтемировское, Пастырское, Журовка, Жаботин и др.) связано активными торговыми отношениями с Березанью и Ольвией в VI–V вв. Если ольвийцы устраивали эмпории в Журовке, Гелоне (с. 145), то и местные иллирийские элементы могли переселяться в Нижнее Побужье по этим каналам торговых связей. Присутствие лесостепного населения из Подолии и киевского Поднепровья удостоверяется лепной посудой Ольвии и Березани³⁹⁸. Полагаем, иллирийцы как северные соседи успешных в смысле связей с греческим Нижним Побужьем фрако-дакийских ализонов Восточной Подолии и фрако-даков Киевщины тоже примкнули к их трудовой миграции. Путь в Ольвию шел из Восточной Подолии по Южному Бугу, он был также каналом перетекания иллирийцев отсюда в Нижнее Побужье. Полагаем, таким образом объясняются следы пребывания иллирийцев в Нижнем Побужье V в. до н. э. Одним из источников поступления иллирийцев в Ольвию могло быть племя каллипидов, обитавшее примерно в 130 км к северу по Южному Бугу и западнее до рек Тилигул или Куяльник (ниже, с. 505/6). Их этническому имени Καλλιπ-ἰδαί как греческой адаптации туземного этнонима может соответствовать иллирийское племенное название Colap-iani³⁹⁹. Каллипиды были весьма эллинизированным племенем, Геродот (IV, 17) называет их греко-скифами. Добавим, что в связи с возможным иллирийским происхождением образа Абариса можно думать о некотором влиянии иллирийцев и на мифологию греков Сев.-Зап. Причерноморья (выше, с. 30).

³⁹⁸ К. К. Марченко [1988, с. 80, 132] писал о фракийцах Прикарпатья и скифах-пахарях; по И. В. Бруяко [2003/4; 2004], переселение фракийцев шло из Добруджи и Молдовы. Поскольку фрако-дакийские и иллирийские гидронимы накладываются на обе подольские и киевскую группы скифских археологических памятников, фракийцы и иллирийцы Нижнего Побужья, полагаем, могли прийти и оттуда [Яйленко, 2014, с. 521/2, 532/3].

³⁹⁹ Образовано от названия притока Савы Colapis (совр. Кульпа), неясного по содержанию [Plini Nat. hist. III, 147; Mayer, 1957, S. 194/5; Russu, 1969, p. 30, 189]. Греческий суффикс -ἰδαί и латинский -iani близки по собирательному значению.

5. АТЕЛИИ И ПРОКСЕНИИ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ V – НАЧАЛА IV в.

От последней трети V в. до нас дошли 3–4 ателии — документы, гарантирующие поименованным в них инополитам беспоплатность пребывания в Ольвии, их самих и товаров. От периода с конца V по первую четверть III в. сохранился ряд однотипных проксений, государственных актов Ольвийского полиса, которыми он предоставлял конкретным инополитам и их сыновьям определенный набор привилегий: статус проксена, как правило, право гражданства, а также право бесплатного ввоза и вывоза всех товаров. Большая часть ателий и проксений сохранилась в весьма фрагментированном виде. Ни В. В. Латышев, ни издатели НО не выделили их в отдельный класс, а поместили в общей рубрике декретов. По этой причине до сих пор оставалось неясным ни точное количество ателий и проксений, ни движение их во времени; в литературе вообще не проводилось различие между ателиями и проксениями. Несмотря на плодотворную работу первоиздателей надписей и специальные статьи Е. Б. Новикова, далека от совершенства текстология этих надписей. Мы исследуем здесь этот материал раздельно, в соответствии с историческими периодами: ателии и проксении V — начала IV в., отдельно проксении IV — первой четверти III в. Наша главная цель — исследование их текстологии, так как лишь уточненные тексты позволяют выявить все такие документы (раздельно ателии и проксении), определить их хронологию, дать анализ содержательной стороны и проследить динамику развития проксенической деятельности Ольвийского полиса⁴⁰⁰. Такие документы появились в результате развития института ксении в ранней Греции.

5.1. Институт проксении в VI–V вв. до н. э.

Ксен — это свободнорожденный, не принадлежащий к местной родо-правовой или территориально-правовой общности, т. е. чужестранец [Berneker, 1967, Sp. 1442]. В ранней Греции (до V в.) ксены как лица, оказавшиеся вне пределов своей территориально-родовой общности, в юридическом отношении были бесправны и пользовались покровительством лишь в рамках сакрального права⁴⁰¹. Юридическая бесправность ксенов — причина того, что насилия над ними были частым и обычным явлением повседневной эллинской жизни. Они постоянно подвергались

⁴⁰⁰ Первопубликации этих надписей указаны в НО, из литературы после 1968 г. отметим статьи Е. Б. Новикова [1981; 1983] о текстологии проксений и И. П. Никитиной [1976] об их юридическом аспекте. Текстология проксений исследовалась и нами [Яйленко, 1981; 1984; 2001а; МКЛНО I, с. 216/23]. Несколько замечаний о текстологии проксений, формуляре и датировках есть и в указанных далее работах Ю. Г. Виноградова. Л. Дюбуа ограничился включением в свой сборник 7 проксений по текстам НО 3–7, 9, IOSPE I² 20 и общими соображениями об их преамбулах [Dubois, 15–22]. Поверхностны рассуждения Р. Осборна об ольвийских ателиях и проксениях [Osborn, 2007, p. 339/41].

⁴⁰¹ Подробно о правовом положении ксенов и *лит.* [Busolt, Swoboda, 1926, S. 1241/2; Gauthier, 1972, p. 18 sq.; Berneker, Sp. 1442 f.; Marek, 1984]. О роли проксенов и их функциях [Meiggs, 1972, p. 215 f.]. Проксениям Сев. Причерноморья уделен ряд статей и книга лучшего в последние два десятилетия знатока документов этого рода В. Кожокару [Cojocaru, 2009; 2010; 2013; 2014а; 2016; Кожокару, 2011; Кожокару, Лицу, 2009].

захватам и уводу ($\alpha\gamma\epsilon\iota\nu$), а их имущество было открыто для грабежа ($\sigma\upsilon\lambda\lambda\alpha\nu$): его можно было унести ($\phi\acute{\epsilon}\rho\epsilon\iota\nu$) или забрать в залог ($\rho\upsilon\sigma\iota\acute{\alpha}\zeta\epsilon\iota\nu$)⁴⁰². Такое положение дел препятствовало экономическим связям городов, поскольку ксены и их разновидность метеки в большой степени были заняты в ремесле, торговле и транспортных перевозках. Это привело к возникновению примерно во второй половине VII в. института проксении, развившегося из $\xi\epsilon\nu\acute{\iota}\eta$ «гостеприимства» гомеровской эпохи⁴⁰³. Другим важным шагом было заключение отдельными городами договоров друг с другом, которые гарантировали неприкосновенность своих граждан; первые образцы таких документов дошли до нас от второй половины VI в.⁴⁰⁴ *Exempli gratia* приведем один из них: «Если кто-либо вознамерится произвести захват, не увести ксена зантейца из Халейды, ни ксена халейца из Эантиды, равно как и их достояние. Производящий же захват может делать это безнаказанно. Суда ксенов на море можно уводить, не подлежа за это захвату, кроме как в гавани, прилегающей к городу. Если кто-либо станет захватывать несогласно с законом, пусть уплатит четыре драхмы, а если продержит более десяти дней захваченное, пусть уплатит штраф в полтора раза больший, нежели стоимость захваченного имущества. Если кто-либо проживет более месяца — халеец в Эантее или зантеец в Халее, — пусть пользуется местными законами...»⁴⁰⁵

Подобные договоры дошли до нас не только от поздней архаики, но даже и от римского времени [Michel, 51–68], что указывает на отсутствие общезеллинского института неприкосновенности ксенов⁴⁰⁶. В принципе, однако, уже в VI–V вв. выработался обычай договорного покровительства ксенам со стороны полиса, что делало их правовое положение устойчивым. Прежде всего ксену гарантирована неприкосновенность его личности и имущества, т. е. сохранение свободного состояния. *Cp. Aesch. Suppl.* 605–614: «аргивяне постановили разрешить нам поселиться в этой стране свободными и неподверженными захвату, а также неприкосновенными; и нельзя никакому местному жителю, ни пришлому совершать увод». Гарантом этого выступает под страхом изгнания каждый гражданин Аргоса. Если неприкосновенность ксена не гарантирована договором, он подвергался риску быть уведенным. Даже в начале IV в. была возможна следующая характеристика их положения (*Хен. Мем.* II, 1, 15): ксен — это человек, «не имеющий никаких средств защиты и про-

⁴⁰² [Glottz, 1953, p. 308 sq.; Gauthier, 1972, p. 210 sq.]. В письме Ахиллодора употреблен глагол $\alpha\pi\sigma\tau\epsilon\rho\epsilon\iota\nu$ «отнимать, похищать», по-видимому, из разговорной лексики.

⁴⁰³ [Gauthier, 1972, p. 18 sq.; Wallace, 1970, p. 189–208]. Датировка возникновения института проксении, данная Уоллесом, — середина VI в. — представляется несколько заниженной; помимо разбираемой им эпитафии проксену керкирцев Менеократу, датируемой Л. Джеффери ок. 625–600 гг., *cp. Herod.* I, 22: договор Алиатты с Милетом ок. 600 г., в котором также говорится о проксении.

⁴⁰⁴ [St. Vertr. II, 120 (договор между Сибарисом и Сердами, вторая половина VI в.); IG XIV, 636 (Петелия, первая половина V в.); DGE 363 (договор Халеи и Эантеи, середина V в.), 83 (третейское постановление аргивян о Кноссе и Тилиссе, середина V в.)]. Внутриполисное законодательство: *Leg. Gort.* I, 1–45. *Cp. также Herod.* VI, 42. [Gauthier, 1972, p. 33 sq.].

⁴⁰⁵ Стк. 1–8; текст этой надписи допускает различные толкования; большая *лит.* о ней [St. Vertr. II, S. 51].

⁴⁰⁶ *Cp. Ps. Arist.* Оес. II, 10–1347b: когда халкедоняне в V или IV в. испытывали денежные затруднения, они стали захватывать идущие в Понт корабли, причем делали это те граждане и метеки, которые имели право захвата. Ключ к пониманию выражений «имеющие право захвата» халкедоняне и «производящего захват можно захватывать безнаказанно» (договор Халеи и Эантеи) предоставляет описание акции $\alpha\gamma\epsilon\iota\nu$ у Софокла (ОС, 960–992): Тезей захватывает Креонта, пытавшегося увести у него гостеприимцев — дочерей Эдипа.

водящий много времени в дороге, где чаще всего совершаются нападения, и в какой бы город он ни прибыл, оказывается бесправней совершенно всех граждан, и именно на него более всего нападают охотники до насилий». У ионийцев принятые на этот счет обычаи до начала V в. не отличались от тех, что были распространены по всей Элладе. Согласно Геродоту (VI, 42), жители ионийских городов настолько широко практиковали насилие друг над другом, что в 493 г. сатрап Артафрен вынудил их заключить между собой договоры о разрешении споров судебным путем и прекратить взаимные грабежи имущества, как и увод людей (μη ἀλλήλοισι φέροιέν τε καὶ ἄγοιεν). В березанском письме Ахиллодора представлена коллизия с попыткой захвата гражданина Ольвии другим ее жителем (выше, с. 219, 223/6); отсюда можно заключить, что уж над чужеземцами насилие практиковались не в меньших масштабах, нежели в метрополии. В Ольвии институт проксении возникает во второй половине V в. (НО 1).

5.2. Ателиа синопейцу Иетроклу – НО 1⁴⁰⁷

Известняковая плита, обломанная снизу (рис. 36), текст издателя (Леви): Ἰητροκλέϊ τῷ Ἐκαταίδῳ Σινοπῆϊ ἀπελὲν καὶ ἰ] ἐγγόν]οις] «Иетроклу, сыну Гекатея, синопейцу, ателиа, и сыновьям». На наш взгляд, по аналогии с НО 2 А, Б после ἐγγόν]οις], возможно, следовало καὶ χρήμασι (χρήματι), т. е. беспощинность распространялась не только на личность Иетрокла, но и на его имущество. Леви датировала надпись временем «не позднее второй четверти V в. до н. э.», Книпович [1966, с. 18] — его первыми десятилетиями, Дюбуа — второй четвертью [Dubois, 1]. Хотя характер письма производит впечатление некоторой архаичности, полагаем, это скорее стилизация под архаику, поскольку формы отдельных букв и язык надписи не соответствуют столь ранней датировке. Черты архаичности (*каппа* с укороченным нижним усиком, широко расставленные гасы А с косой перекладиной, высоко поднятая правая гаста N, слегка наклонного, сочетаются с чертами письма уже второй половины столетия: усики Е горизонтальны, *сигма* слегка приплюснута, *омикрон* мелкий, почти в половину высоты прямых букв, правая гаста Π немногим меньше левой. Последние черты встречаются в датированных аттических надписях с 450 г. [Kirchner, 14, 41 от 450 и 408 г.]. Ателиа Иетрокла выполнена непрофессиональным резчиком (Леви [1968, с. 230] напрасно приписала некоторую небрежность шрифта «свойствам известняка»), ибо тут строки «пляшут» то вверх,

Рис. 36. Проксения Иетроклу НО 1

⁴⁰⁷ Этот параграф опубликован [Яйленко, 2001а, с. 195–204].

то вниз, усики Е то длинные, то короткие, то верхний усик длиннее, то нижний, то средний; также усики К либо прилегают к мачте, либо не касаются ее; вертикали прямых букв нередко кривы. Этому непрофессионализму резчика и может быть обязана отмеченная архаизация письма: например, письмо аттических остраконов последней четверти V в. близко письму остраконов эпохи греко-персидских войн [Kirchner, 24–31 *ср.* с 37, 38]. Есть примеры архаизации и в лапидарных надписях: *ср.*, к примеру, посвящение Диофана ок. середины V в. с более развитым письмом списка павших в 465 г. афинян и податным списком 450 г. [Ib. 21, 32, 33], т. е. письмо частного акта существенно отстает от письма полисных актов, исполненных профессионалами. Во второй половине V в. в Ольвии уже достаточно хорошо исполненных надписей, ввиду чего можно полагать, что ателия Иетрокла исполнена непрофессионалом. *Ср.* и хорошее письмо на известняке НО 114 (рис. 9).

Еще более показательна в отношении хронологии флексия *dat.* Ἰητροκλεῖς (*ср.* Σινωπῆι): сокращение флексии датива -ηι в -εῖ иногда встречается с 410 г., чаще с начала IV в., в надписях на западноионийском диалекте евбейских городов Эретрии, Халкиды, Кариста, а также Оропа на прилегающем материковом берегу; в аттическом языке графема EI вместо HI в окончании датива основ 1-го склонения появляется с 425 г. [Thumb, Scherer, S. 254; Threatte, 1980, p. 369: στῆληι λιθίνει]. Эта дата в сочетании с упомянутым характером письма дает хронологический *terminus* для ателии Иетрокла — ок. 425 г.⁴⁰⁸

В историческом плане ателия Иетроклу энigmatична: нам неизвестны какие-либо торговые интересы, которые могли бы связывать Синопу и Ольвию во второй половине V в. и в которых последняя была бы настолько заинтересована, что стимулировала их ателией⁴⁰⁹. Ввоз синопской тары в Ольвию начинается лишь в середине IV в. [Лейпунская, 1981, с. 66]. Во второй половине V в. Синопа поставляла в Сев. Причерноморье строительную керамику и, возможно, лутерии, но найденных в Ольвии нескольких фрагментов [Максимова, 1956, с. 88–89; Скуднова, 1958, с. 74 *сл.*, 82] недостаточно для того, чтобы усмотреть в Иетрокле регулярного поставщика этого товара. Таким образом, нет никаких указаний на то, что за ателией Иетроклу стоят торговые связи Ольвии с Синопой. На наш взгляд, ответ на загадку

⁴⁰⁸ Виноградов [Pont. St. S. 14] «по палеографии» отнес надпись к началу V в., не пояснив, что именно в ее письме дает основание этому. Мой довод о временимены HI на EI не показался ему убедительным, но его единственным контраргументом оказались кавычки при слове *лингвистический* («linguistischen» Umdatierung). Поскольку все же датировка EI-флексии датива временем не ранее последней четверти V в. — факт, для сохранения своей голословной даты надписи он остроумно элиминировал это препятствие посредством «кардинального уточнения чтения» — создания нового имени Ἰητροκλεῖτος (*dat.*). Вообще оно мыслимо, так как есть группа из 14 имен на -κλεῖτος, но среди них только одно теонимического происхождения (Ἡράκλεῖτος [Hansen, 289]), что практически не оставляет созданному Виноградовым имени шансов на существование. А так как имя Ἰατροκλῆς хорошо засвидетельствовано в самых разных центрах (к примеру: LGPN I, 230), имя Иетроклейтос мертворожденное. Голословная датировка послужила Виноградову [1989, с. 62] основанием и для вывода исторического плана: эта проксения свидетельствует-де, что уже в начале V в. ольвийский полис функционировал как государство.

⁴⁰⁹ Восстановленный Виноградовым в ольвийском «Тимесилеевом» декрете конца V в. этникон Σ[ινωπῆ]ας ничего не дает, поскольку сохранилась лишь начальная буква названия города и можно дополнить разные этникины, например Σ[ιγυεῖ]ας, *см.* выше, с. 245. Судя по амфорной таре, основными торговыми партнерами Ольвии во второй половине V в. были Самос, Хиос, Фасос, Менда, Гераклея [Монахов, 1999, с. 148 *сл.*]. Синопа была еще настолько малым производителем, что скорее всего не имела собственной тары.

дает само имя Иетрокла, свидетельствующее не о почитании Аполлона Врача в Синопе (как считали Виноградовы [Pont. St. S. 79]), ибо других свидетельств об этом нет, а о связях еще отца Иетрокла Гекатея с Ольвией, в честь одного из патронов которой Аполлона Иетра он назвал сына⁴¹⁰. Таким образом, ольвиополиты дали ателию Иетроклу как потомственному ксену, который вместе с отцом, возможно, участвовал в отправлении культа одного из главных ольвийских божеств. Такое решение вопроса о причинах предоставления ателии Иетроклу подсказывают ателии раннего и классического времени, в частности ателия Крезу. Лидийский царь ок. 543 г. обратился в Дельфийское святилище и получил благоприятный оракул, в благодарность за который сделал вклад в него (из расчета по 2 золотых на каждого дельфийца), настолько крупный, что они, в свою очередь, предоставили Крезу и лидийцам право первоочередного запроса оракула, ателию, проэдрию и право гражданства (*Herod. I, 44 = Syll.³ 7*). Подобные почести дельфийцы предоставляли и в дальнейшем частным лицам и государственным мужам, но всегда небескорыстно, за крупный вклад в святилище⁴¹¹. Ввиду этого не исключено, что также Иетрокл получил ателию за крупный вклад в святилище Аполлона Иетра, в котором и могла быть изготовлена стела с надписью.

Обратим в связи с этим внимание на отсутствие в его ателии указания на санкционирующую сторону. В упомянутых дельфийских ателиях она есть ($\Delta\epsilon\lambda\phi\omicron\iota \epsilon\delta\omega\kappa\alpha\nu$), есть санкция и в «Тимесилеевом» декрете конца V в. При этом последний подобно всем государственным актам — ателиям и проксениям V–IV вв. — сделан профессиональным резчиком и на мраморе, тогда как ателия Иетрокла сделана непрофессиональным резчиком и не на мраморе, а на известняке, как раз характерном для частных надписей (надгробия и пр.). Отмеченные обстоятельства — отсутствие указания на санкционирующий орган, предоставивший ателию Иетроклу, изготовление ее не в мастерской и не на мраморе, но частным лицом и на характерном для частных надписей материале — указывают, что это частная копия, может быть, $\delta\iota\tau\acute{\iota}\gamma\rho\alpha\phi\omicron\nu$, предназначенный к отправке на родину Иетрокла, но по каким-то причинам не отправленный (подобно оставшейся в Ольвии копии декрета в честь амисенца Аполлократа, см. с. 548/9). В ряде центров проксении помещались в храме (например, [DGE 22, 48, III–IIa, Спарта]). Делопроизводство многих полисов предусматривало хранение оригинала документа в городском архиве, а копии в храме⁴¹². Картографирование мест обнаружения древнейших ольвийских ателий и проксений последней четверти V — начала IV в. дает следующую картину.

Две найдены на святилище Дельфиния на своем первоначальном месте — ателия НО 11 в его южной части и там же, напротив входа в так называемую Короткую стую (храм Диониса?), проксения херсонесита НО 3 + 12. Поскольку Дельфиний был покровителем ксенов, ателии и проксении размещались на его святилище (выше, с. 57, 62, 63). Ателия НО 2 А и проксения НО 2 Б случайно найдены на участке НГ; поскольку этот участок расположен под теменосом Верхнего города, камень, скорее

⁴¹⁰ Этот антропоним может быть и наследственным, ср. Иатрокл, сын Иатрокла (Michel, 240, Херонея, II в.). В Синопе есть и пример наречения Дельфинием по культу Аполлона Дельфиния — эпитафия IV в. Дельфиния, сына Оргиалея [Jons, 1988, p. 193/4].

⁴¹¹ Syll.³ 155, с коммент.: почести селинунтскому послу за дары, ок. 375–370 гг.

⁴¹² [Klaffenbach, 1960, S. 12–13, 21, 23–25], с примерами: IG XI, 681, 682 (проксения), XII, f. 7, № 67, 228 etc. Таким хранилищем документов был и милетский Дельфинион. С V в. документы составлялись на папирусах, которые хранились в полисном архиве.

всего, сброшен сюда со святилища Дельфиния (хотя не исключено, что функционировавший с VI в. Нижний город как портовая часть, где ксены вели свои дела, тоже мог быть первоначальным местом расположения стелы: к примеру, часть афинских проксений располагалась на агоре Пирея, у гавани). Обе части стелы с ателией Иетроклу найдены в юго-вост. части агоры (раскоп Е8), в развале и забутовке стены здания III в.; сказанное выше о связи имени проксена с культом Иетра позволяет предположить, что она первоначально находилась на территории святилища Иетра (может быть, ее изготовили здесь). «Тимесилеев» декрет найден на том же участке Е8 в мешаном слое [Виноградов, 1981, с. 71], т. е. перемещен, видимо, со святилища Дельфиния. Со второй половины IV в. проксении выставлялись главным образом на святилище Дельфиния (применительно к раннеэллинистическому времени точнее было бы называть его святилищем Зевса, см. с. 57), в III–II вв. часть почетно-проксенических декретов выставлялась также на агоре.

5.3. Ателиа и проксения гераклеотам НО 2 А, Б

Две надписи отличного качества на одном мраморном блоке (рис. 37, 38). Краткая ателиа А написана на торцевой стороне, более пространная проксения Б вырезана на лицевом поле. Издатель НО 2 Брашинский так прочел надпись А (текст надписи Б однозначен): [.....]δῶρο Ἦρα[κλεώτηι αὐτῶι κ[αὶ] χρήμ[ασι] «*такому-то, сыну ...дора, гераклеоту, самому и его имуществу*». Он допускал возможность восстановления номинативной или дательной конструкции (с αὐτός или αὐτῶι), Виноградов [1981, с. 84] и Новиков [1983, с. 266], по аналогии с НО 1 только дательной: [τῶι δεῖνι --]δῶρο Ἦρα[κλεώτηι (?) ἀτελέη κ[αὶ] χρήμ[ασι]. Последнее слово все они восстановили одинаково: χρήμ[ασι]. Однако отметим, что в лакуне после Μ есть место только для одной буквы, что указывает на важные для чтения надписи обстоятельства: Брашинский сделал правильный перенос Ἦρα[κλεώτηι], тогда как перенос Новикова и Виноградова Ἦρακλεώτηι невозможен, поскольку на уровне крайних на боковой грани букв Ρ и Μ кончается надпись Б на лицевом поле и еще ниже на нем следует бланковое пространство, т. е. нет никаких оснований думать, что плита продолжалась книзу; по этой же причине нет оснований переносить на нижнюю торцовую грань плиты буквы σι слова χρήμ[ασι]. Следовательно, это слово надо читать в ед. числе χρεῖμα[α], в связи с чем отметим, что у ионийцев эта форма употреблялась в том же значении «цена, деньги, имущество», что и *pl.* χρήματα (LSJ, s. v., ссылка на: *Poll.* IX, 87 и другие источники). Так, у Феогнида в ст. 97 χρεῖμα имеет значение «имущество, достояние», а в таком же контексте его других элегий стоит *pl.* χρήματα (ст. 145 сл.).

Таким образом, учитывая ионийский узус слова в *sg.* в том же значении, что и в *pl.*, который обычно и употребляется в ольвийских проксениях, читаем надпись А так: [ἀτελέη τὸν δεῖνα --]δῶρο Ἦρα[κλεώτην εἶναι αὐτὸν κ[αὶ] χρήμ[α] «*такому-то, сыну --дора, гераклеоту, быть свободным от пошлин, самому и имуществу*». По форме это ателиа, а не проксения, близкая по краткости ателии НО 1, а по конструкции формуляра *acc. + inf.* сходная с «Тимесилеевым» декретом. Эту же конструкцию содержит и надпись Б, в которой сохранились инфинитивы и *acc. pl.* αὐτός = αὐτούς (на *acc. pl.* указал А. И. Доватур [1969, с. 108]). Не исключено, что мн. число местоимения объясняет разницу в *sg.* χρεῖμα и *pl.* χρήματα — ателиа А

дана одному лицу и в ней употреблен *sg.* χρήμα, проксения Б дана двум или более лицам и в ней употреблен *pl.* χρήματα. Присущие НО 3 + 12 и Сатировой проксении инфинитивы εἰσπλεῖν καὶ ἐκπλεῖν надписи Б, безусловно, указывают на ее принадлежность к числу проксений, а не ателий, что определяет реконструкцию ее содержания. Стк. 2 надписи А в нашей реконструкции состоит из 24 букв стойхедона⁴¹³. Сохранившимся на боковой грани семи буквам надписи А на лицевой стороне соответствует 5 строк надписи Б плюс бланковая полоса под последней строкой, итого 6 строк. Отсюда можно подсчитать, что 24 буквам боковой грани соответствовало около 20 строк надписи на лицевой поверхности. Следовательно, в надписи Б утрачено около 15 строк предшествующего текста, и сохранившиеся 5 строк составляют примерно четверть декрета. Каждая строка этой надписи насчитывает 7–10 (в среднем 8) букв стойхедона, так что 20 строк документа насчитывали в целом около 160 букв. Если сравнить это число с количеством букв в целом сохранившихся проксениях IV в. НО 5, 6, составленных по полному формуляру и насчитывающих примерно по 250 букв каждая, то ясно, что проксения 2 Б составлена по более краткому формуляру. Может быть, содержание этого краткого формуляра поясняет проксения Сатиру, включающая санкцию Ὀλβιοπολιται ποῦνται, διδοῦσι, *асс.* имени проксена, *асс.* и *inf.* привилегий (ниже, с. 354). Для наглядности реконструируем проксению 2 Б в построчном соотношении с ателией 2 А на левой боковой грани (жирным показано сочленение сохранившихся букв. ΔΝ на грани плиты с реконструируемыми строками 17–19 проксении на лицевой стороне):

	2 А		2 Б
1	[ḁ	[κ	[e. g. Ὀλβιοπολι-
	τ	λ	ται τὸν δεῖ-
	ε	ε	να καὶ τὸν
	λ	ώ	δεῖνα τῷ
5	ῆ	τ	δεῖνος Ἡρα-
	.	η	κλεώτας
	.	ν	προξένος καὶ
	.	ξ	πολίτας

Рис. 37. Ателиа гераклеоту НО 2 А

Рис. 38. Проксения гераклеоту НО 2 Б

⁴¹³ Новиков в реконструкции НО 2 Б [1983, с. 266] исходил из предположения о 16 строках в ней, что позволило ему восстановить только статью о беспощинности. Он основывался на посылке о конструкции этой надписи по типу НО 3, с управляющим глаголом которой ἔδωκε, однако, несовместим вин. падеж αὐτὸς καὶ χρήματα сохранившегося текста 2 Б, который указывает на иную конструкцию.

	.	ν	ποοῦνται
10	.	α	καὶ αὐτῶς
	.	ι	καὶ ἐγγό-
	.	α	νός καὶ ἁ-
	.	ὕ	τέλειαν
	.	τ	διδούσι
15	.	ὀ	πάντων
	.	ν	χρημάτων
	.]	κ]	καὶ αὐτῶς
	δ	α	καὶ ἐγγό-
	ω	ι	νός καὶ]
20	ρ	χ	ἑσπλεῖν
	ο	ρ	καὶ ἐκπλε[ῖν]
	Н	η̃	καὶ αὐτῶς
	ρ	μ	καὶ χρήμα-
	α	[α]	τα

Ателиа А: «беспоишлинность (дословно: *быть беспоишлинным*) такому-то, сыну --дора, гераклеоту, самому и товарам». Проксения Б: «ольвиополиты таких-то, сыновей такого-то, гераклеотов, делают проксенами и гражданами, и самих и сыновей, также предоставляют беспоишлинность всех товаров — им самим и сыновьям, и вплывать и выплывать, и самим и товарам».

Сложен вопрос о заголовке — санкции документа. В надписях последней четверти V — середины IV в. представлены 4 варианта: 1) что-то вроде ἀτελείη ἢ κατὰ τοῦ τῶν Ὀλβιόπολιτέων δήμου γνώμης «Тимесилеева» декрета; 2) Ὀλβιόπολιται ἔδωκαν древнейшей бесспорной проксении НО 3 + 12; 3) санкция Канобова декрета середины IV в. ἔδοξε βουλῇ καὶ δήμῳ κτλ., интересная тем, что далее она представлена в ольвийских декретах только с III в. (ниже, с. 342/3); 4) Ὀλβιόπολιται ποοῦνται, διδοῦσι Сатиrowой проксении. Решение подсказывают сохранившаяся привилегия «вплывать и выплывать, и самим и товарам», свойственная проксениям, а не ателиям (НО 3 + 12 и проксения Сатиру, ниже, с. 293, 354). Однако санкция НО 3 + 12 не подходит к проксении 2 Б ввиду *асс.* имени чествуемого лица в НО 2 Б при *dat.* в НО 3 + 12. В то же время этот *асс.* имени проксена представлен в Сатиrowой проксении, следовательно, проксения 2 Б построена по формуляру этого документа, с управляющей всей грамматической конструкцией текста санкцией Ὀλβιόπολιται ποοῦνται (διδούσι). Реконструкция статьи о предоставлении проксенического статуса: εἶναι προξένος (ποοῦνται или εἶναι) бесспорна. Поскольку сохранившийся текст ἑσπλεῖν κтл., безусловно, свидетельствует о принадлежности надписи к числу проксений, должно быть непременно восстановлено указание на предоставление проксенического статуса; хотя в проксении Сатира эта статья не сохранилась, она должна быть восстановлена и там (мне известен лишь один случай предоставления проксенических привилегий без упоминания термина «проксения» [Michel, 492, Эфес, 300 г.].

Реконструкция статьи о предоставлении права гражданства εἶναι πολίτης достаточно уверена: Ольвия как город, расположенный на самом краю эллинского мира, на варварском пограничье, был заинтересован в предоставлении своего гражданства тароватым проксенам, которые своими средствами могли способствовать укреплению его мощи. Поэтому уже в «Тимесилеевом» декрете представлена эта статья, присущая ряду ателий и проксений вообще, в ольвийских же проксениях она

обязательна. Определенно в надписи 2 Б фигурировало предоставление ателии как самому ксену, так и его товарам, поскольку оно представлено в надписи А: [ἀτελεῖν -- εἶναι αὐτὸν κ]αὶ χρήμ[α] и поскольку ателия А дана отцу, а проксения Б — его сыновьям (см. ниже). Есть эта статья и в Сатировой проксении. Беспощинность предоставлялась самому проксену, его сыновьям и имуществу с V в.: например, фессалийские тетонийцы ок. 450 г. дали проксену Сотеру, его *Φοικιάταις καὶ χρήμασιν ἀσυλίαν κατέλειαν* «домочадцам и товарам (имуществу) неприкосновенность и беспощинность» (Syll.³ 55). Нередко предоставление ателии сопровождается указанием, что она распространяется на всё: *εἶναι αὐτὸν ἀτελεῖν πάντων* (Syll.³ 368. 9 etc.). Разница между ателией и проксенией заключается в объеме юридических прав проксена. Ателией ему предоставляется пошлинный иммунитет, право (исо)политии, тогда как проксения ставит его под защиту местных законов в первоочередном порядке и предоставляет прочие привилегии [Gschnitzer, 1974, Sp. 710 f.].

Важен вопрос о соотношении надписей А и Б. Брашинский и за ним Новиков считали надпись А заголовком более пространной надписи Б. В первоначальном варианте этой заметки [Яйленко, 1984, с. 216] мы полагали, что обе надписи представляют собой краткую и пространную редакции одной и той же проксении, т. е. сначала была принята краткая редакция, через некоторое время расширенная ввиду окончательного оформления формуляра проксений в целом к концу V в. Однако теперь нам представляется более вероятным иное соотношение надписей, на что наводит разница в грамматическом числе их сохранившегося текста — *sg.* [αὐτὸν κ]αὶ χρήμ[α] в А и *pl.* αὐτὸς καὶ χρήματα в Б, но еще более — разница в формуляре: надпись А представляет собой кратчайшую ателию, надпись Б — проксению с основным набором привилегий. По обычной в проксениях формуле, согласно которой она дается и проксену, и его сыновьям, можно заключить, что надпись А — это ателия отцу, а надпись Б — проксения его сыновьям, что и объясняет размещение обеих на одной стеле. Поскольку надпись Б вырезана на лицевом поле плиты, она основная, и в мемориальных или каких иных целях на боковой грани размещена ателия, данная ранее отцу сыновей-проксенов (αὐτὸς = αὐτοῦς). В связи с этим обратим внимание на проксению гераклестам же НО 6, словоупотребление которой таково, что данные сыновьям Теоπροпа привилегии кажутся предоставленными им, собственно, за то, что они сыновья этого Теоπροпа (ἔδωκαν τοῖς Θεοπρόπου πασίιν «ольвиополиты предоставили сыновьям Теоπροпа Теофану и Аристу» вместо обычного Θεοφάνει καὶ Ἀρίστῃ Θεοπρόπου). Этот пример подтверждает устойчивость связей ольвиополитов с гераклейскими проксенами, сыновья которых продолжали дело отцов и в свою очередь получали привилегии в Ольвии.

Брашинский справедливо датировал надпись концом V в. (палеографического различия между надписями А и Б нет). По краткости формулировки надпись А примыкает к ателии НО 1 и «Тимесилееву» декрету, проксения Б имеет более развитый формуляр проксении Сатира, по которой она и реконструирована выше. Таким образом, проксения 2 Б является древнейшим документом, который содержит формулярный тип Ὀλβιολοίται ποοῦνται, διδοῦσι. Если верно предположенное выше соотношение между надписями А и Б как актами, данными отцу и сыновьям, ателия А по времени вторая после ателии Иетрокла, т. е. она составлена после времени ок. 425 г. (речь идет об архетипе надписи 2 А, не о камне НО 2 А).

Сопоставление упомянутых документов выявляет постепенно возрастающий на протяжении последней трети V — первой четверти IV в. текстуальный формуляр

ателий и проксений. Ателии последней трети V в. имеют следующие формульные типы. Тип I: *dat.* имени чествуемого лица + *nom.* привилегии, т. е. одной лишь статьи о беспощлинности (НО 1). Тип II: *acc.* имени и привилегии (одна беспощлинность) + *inf.* глагола εἶναι (НО 2 А); типам I и II свойственна предельная лаконичность. Тип III — это существенно расширенный тип формуляра II: добавлены санкция, статья о праве гражданства плюс собственно ателия («Тимесилеев» декрет и ателия НО 11, см. ниже, с. 291/2). Поскольку формуляр последних представляет собой развитие формуляра ателии НО 2 А, они моложе ее, так что при датировке ателии НО 2 А концом V в. «Тимесилеев» декрет и ателия НО 11 относятся к рубежу V–IV вв. При этом черты позднеклассического письма ателии НО 11 делают ее позднейшей относительно «Тимесилеева» декрета, вследствие чего она — единственная из ателий — относится к началу IV в. В начале IV в. ателии заменяются в Ольвии проксениями, древнейшие из которых НО 2 Б и 3 + 12 (если «Тимесилеев» декрет проксения, следует добавить и ее). Понятно, что смена ателий проксениями обусловлена выходом Ольвии на активные торговые пути. Поскольку упомянутые древнейшие проксении даны гераклеотам и херсонеситу, первым важнейшим для Ольвии торговым направлением стала Гераклея с ее высылком Херсонесом в Юго-Зап. Крыму. С конца V — начала IV в. Гераклея выходит со своей продукцией на северочерноморские центры, она в числе их основных экспортеров, в том числе Ольвии, по вторую треть III в. [Монахов, 1999, гл. 4; 2003, гл. 13]. Отсюда формульный тип первой по времени бесспорной проксении НО 2 Б (тип Сатириной проксении) преемственен относительно формульного типа III ателий, который по времени — самый поздний среди ателий (он представлен в ателии НО 11 начала IV в., а если «Тимесилеев» декрет конца V в. ателия, то и в нем). В указанных проксениях к формуляру III ателий добавляется санкция Ὀλβιοπολίται ποσὺνται, διδοῦσι и указание на проксенический статус, а статья о беспощлинности расширяется указанием «вплывать и выплывать». Текст строится по конструкции *acc.* + *inf.*; обозначим эту конструкцию как формульный тип I проксений. Тогда же, в начале IV в., появляется характерный для проксений всего столетия, вплоть до первой четверти III в. формульный тип II, открывающийся санкцией Ὀλβιοπολίται ἔδωκαν + *dat.* имени + *acc.* и *inf.* привилегий (НО 3 + 12 и др.). Надо думать, что с выходом на широкую внешнюю торговлю Ольвия заимствовала этот обычный в греческих проксениях того времени формульный тип. Таким образом, в начале IV в. в Ольвии, включившейся в орбиту широкой межполисной торговли, велась собственная работа по выработке государственной документации (тип I проксений) и одновременно был воспринят межполисный стандарт (тип II проксений), ставший основным в местном делопроизводстве⁴¹⁴.

Ателия и проксения НО 2 А, Б открывают череду ольвийских документов, предоставляющих привилегии гераклеотам на протяжении примерно столетия

⁴¹⁴ Впервые, но эскизно разработавший формулярную типологию ольвийских декретов V–IV вв. Виноградов [1981, с. 74] дал 4 формулярных типа проксений, из которых правилен лишь его тип III (= наш тип II) с разновидностью IV. Существенный изъян его типологии состоит в том, что он не различал ателии и проксении. Его «тип I. *Dat.* чествуемого лица + *nom.* привилегий: НО 1, 2 А» констатирует лишь формуляр ателии НО 1, поскольку НО 2 А, как мы показали выше, построена по конструкции *acc.* + *inf.* Тип II Виноградов выделил по восстановленной им в «Тимесилеевом» декрете санкции δόγμα Ὀλβιοπολίτέων + *acc.* + *acc.*, которая маловероятна для надписи V в. (см. с. 244/7).

с конца V до последней четверти IV в.: далее к середине IV в. относится проксения гераклеяскому тирану Сатиру (с. 348) и к последней четверти IV в. — проксения сыновьям Теопрота НО 6 (с. 380). Такая концентрация декретов в честь представителей одного полиса не имеет аналогов в Причерноморье и сама по себе указывает на уникальность отношений Ольвии и Гераклеи⁴¹⁵. По заключению Н. А. Лейпунской [Л. с.], «уже в начале IV в. до н. э. связи Гераклеи Понтийской с Ольвией, прослеженные на амфорном материале, становятся достаточно прочными и устойчивыми и сохраняются на более или менее высоком стабильном уровне по крайней мере до третьей его четверти». Как видно, концентрация эпиграфических памятников по времени соответствует периоду интенсивных экономических связей обоих центров. Такое соответствие как раз подчеркивает неординарность причины предоставления ольвиополитами самой ранней ателии синопейцу Иетроклу (НО 1), ибо экономические связи Ольвии и Синопы начались лишь в середине IV в.

5.4. Проксения НО 11

Надпись трудна для понимания из-за незначительных остатков текста (рис. 39). Издатель НО Е. И. Леви, датировав ее IV в., дала чтение [-- πόλ]εος [[-- αὐτ]ός καὶ ἔκγ[οι] [νοί --] εἰς πάν[τα τὸν χρόνον]. А. И. Доватур [1969] указал на вин. падеж конструкции: [αὐτ]ός καὶ ἔκγ[οι] [νός]. Ю. Г. Виноградов сначала определил ее как «тяготеющую к рубежу» V–IV вв. [1976, с. 24], затем вместе с декретом НО 2 Б отнес к концу V в. [1981, с. 73, 83]. Е. Б. Новиков [1981, с. 116/7] отнес надпись к началу IV в. и указал, что выражение εἰς πάντα τὸν χρόνον не засвидетельствовано в проксениях IV в., но исключительно договорам; поскольку в конце некоторых из них послам представлялся проксенический статус, он определил надпись в качестве декрета о симмахии Ольвии с каким-то государством. Эта точка зрения ошибочна, во-первых, потому, что указанное выражение хоть и редко, но встречается в проксениях (например, в Ламии и фтиотидской Тавмаке в IV–II вв. [Michel, 294, 296–299], во-вторых, документ вполне интерпретируется в качестве проксении. Мы отметили, что восстановленное Леви слово [πόλ]εος рядом с формулировкой проксенических декретов [αὐτ]ός καὶ ἔκγ[οι] [νός] свойственно почетно-проксеническим декретам III и последующих столетий, но так как надпись относится к IV в., ее следует понимать в качестве проксении: [-- τοὺς δεῖνα τοῦ --]εος [[*ethnicum* εἶναι αὐτ]ός καὶ ἔκγ[οι] [νός] προξένος καὶ ἀτελ]εῖς πάν[των] [Яйленко, 1984, с. 215/6]. Здесь εος стк. 1 — окончание патронимика чествуемых проксенов, братьев или одного из проксенов. Что их было

Рис. 39. Проксения НО 11

⁴¹⁵ Проксения НО 2 подтверждает мнение исследователей о начале импорта гераклеяской тары в Ольвию с этого времени [Брашинский, 1963а, с. 195 сл.; Лейпунская, 1981, с. 64].

двое или более, свидетельствует *acc. pl.* [ἀτελ]εῖς, соответствующий мн. числу местоимения [αὐτ]ῶς = αὐτοῦς⁴¹⁶.

Формула Леви εἰς πάντα τὸν χρόνον малоуместна в НО 11 ввиду того, что буквы παν фигурируют в неперменном обороте всех ольвийских проксений IV в. πάντων χρημάτων и что сохранившиеся буквы, как показано, реконструируются в обычный для проксений текст. Поскольку в проксениях формула «на все времена» чрезвычайно редкая, восстановление ее тут — экзотика, но Виноградову она необходима для обоснования его реконструкции декрета НО 3 (см. с. 294), где он восстанавливает ее уже по буквам ΑΝ, что просто безосновательно не только ввиду сказанного, но и потому хотя бы, что в каждой второй проксении присутствует как раз в середине текста частица ἄν.

Обратимся к содержанию надписи НО 11. Ее текст, реконструированный нами в упоминавшейся статье 1984 г., следует скорректировать. Прилагательное ἀτελής свойственно ателиям (Syll.³ 4. 9 *etc.*, НО 2 Α), а не проксениям, в которых употребляется существительное ἀτέλεια. Следовательно, надпись НО 11 — ателия, а не проксения, так что дополнение προξένως невозможно. По прилагательному ἀτελεῖς эта надпись близка «Тимесилееву» декрету: в нем этому прилагательному предшествует статья о предоставлении гражданства, которую и следует дополнить в НО 11, построенную по тому же формулярному типу III: [τόν δεῖνα καὶ τόν δεῖνα τοῦ --][*ethnicum* εἶναι αὐτ]ῶς καὶ ἐκγό[ν]ος πολίτ[ος] καὶ ἀτελ]εῖς πάν[των] *vas.* «*такому-то и такому-то, сыновьям --ея, быть гражданами и свободными от пошлин во всем*». Возможно, надпись предварял заголовок-санкция, подобный заголовку «Тимесилеева» декрета.

Вопрос о дате надписи НО 11 решается на основании палеографии и формулярного типа. По письму очевидна ее принадлежность к переходному от классического стиля к позднеклассическому. Классический характер имеют разомкнутая *сигма* стк. 2, N с высоко поднятой правой гасой, Α с широко расставленными боковинами и крупных размеров *омикрон* стк. 1 да начала стк. 2. Позднеклассические черты: уплощенные *сигмы* стк. 1, 3, меньший в половину *омикрон* конца стк. 2; само наличие разноформатных Σ и Ο указывает на позднеклассический стиль, как и неравномерность распределения букв в строке, а строк на поле плиты. Все это предполагает принадлежность проксении к первой половине IV в. Решающую роль в таких условиях имеет ее формульный тип III, свойственный «Тимесилееву» декрету.

⁴¹⁶Мое чтение вызвало саркастическую реакцию Ю. Г. Виноградова [1989, с. 139]: ионийский *pl. acc.* от ἀτελής не ἀτελεῖς, а ἀτέλεας. В связи с этим отмечу, что ионийских элементов в языке этой надписи нет, можно лишь умозрительно полагать, что поскольку ольвийские надписи классического времени в целом ионийские по языку, то и эта должна быть таковой. Однако на язык ольвийских надписей IV в., как и на греческую эпиграфику в целом, ввиду связей Ольвии с Афинами с последней трети V в. существенное воздействие оказывал аттический язык [Thumb, Scherer, S. 253, *cf.* 268], так что начиная с конца V в. каждый ольвийский декрет, за исключением самого старого — ателии Иетрокла, — содержит аттицизмы: НО 2, 3 — аттические формы инфинитивов ἐσπλεῖν καὶ ἐκπλεῖν, НО 4 — ἀτέλειαν, НО 5 — то же плюс ἀγαθεῖ τύχει, ἔρχεῖ, προξενίαν, πολιτείαν, НО 6, 7 — те же существительные и т. д. Если с начала IV в. в ольвийских декретах употребляется только аттическая форма существительного ἀτέλεια, то и производное от него прилагательное должно присутствовать именно в аттической форме ἀτελεῖς, что и находим, к примеру, в ольвийско-милетской (!) исополитии IV в.: Ὀλβιοπολίτας ἐμ Μιλήτῳ ἀτελεῖς εἶναι (Syll.³ 286. 21). Критическое замечание Виноградова о необходимости ионийской формы тем более курьезно, что в своей монографии он утверждает обратное: «Как раз около середины V в. в язык ольвиополитов начинают проникать аттицизмы», с другими примерами [1989, с. 130].

Время бытования этого формульного типа (конец V — начало IV в., см. с. 290) и определяет дату ателии НО 11. Но ввиду отмеченных позднеклассических черт палеографии она не может быть синхронной «Тимесилееву» декрету и потому датируется началом IV в.

5.5. НО 3 + 12 + 107

Хотя фр. 3 и 12 даны Леви порознь, она отметила возможность принадлежности их одному декрету. Декрет НО 3 (три обломка: А, Б, В) в ее чтении: фр. А + Б Ὀλβιοπολί[ται] | Πιρραλίω [τοῦ δεῖνος Χερσο] | νησίτηι ἔ[δωκαν προ] | ξενίηγ κ[αὶ ἀτελείην | πάν]των [χρημάτων --], фр. В [-- εἰσπλεῖγ | καὶ ἐκπλ]εῖγ κα[ὶ ἐν πολέμωι κ]αὶ ἐν εἰ[ρήνῃ | ἀσυλὲι κ]αὶ ἀσπ[ονδεῖ] | vac. Текст НО 12 (2 обломка): --Α-- | [-- αὐτῶι κα]ὶ ἐκγ[όνοις, καὶ ἐξαγωγὴν καὶ εἰσα]γωγὴν | --ΑΝ | --Ι. Сходство фр. 3 и 12 по всем параметрам (материал, толщина плит, их обработка, высота букв, их формы, расстояние между строками и т. д.) указывает, что это 5 обломков одной стелы. Позднее Леви устно сообщила Виноградову [1981а, с. 66], что к стк. 1 декрета подсоединяется фр. НО 107 с буквами ΑΙ. Итого 6 обломков, 3 из которых (фр. 3 А, Б и фр. 107) образуют верхнюю часть плиты, 2 обломка фр. 12 составляют среднюю правую ее часть, а фр. 3 В — нижняя часть плиты, ее средний кусок (рис. 40)⁴¹⁷. С учетом сказанного даем следующий текст проксении в целом:

НО 3 А, Б + 107	Ὀλβιοπολί[τ]αι..... Πιρραλίω[νος Χερσο]- νησίτηι ἔ[δωκαν προ]- ξενίηγ κ[αὶ ἀτελείην 5 πάν]τω[ν χρημ]ά[των НО 12 καὶ αὐτῶι κα]ὶ ἐκγ[ό]- νοις καὶ εἰσα[γωγὴν [καὶ ἐξαγωγὴν π]άν- [των καὶ αὐτῶι καὶ 10 ἐκγόνοις καὶ ἐσπλεῖγ НО 3 В καὶ ἐκπλ]εῖγ κα[ὶ ἐμ πο]- λέμωι κ]αὶ ἐν εἰ[ρήνῃ, ἀσυλὲι κ]αὶ ἀσπ[ονδεῖ]	«ольвиополиты <i>такому-то</i> , <i>сыну</i> Пирралиона, херсонеси- ту, дали проксению и <i>беспош-</i> <i>линность</i> всего имущества, <i>как самому, так и</i> сыновьям, <i>а также право</i> ввоза и вывоза <i>всего ему и сыновьям, и право</i> <i>вплывать и выплывать и в воен-</i> <i>ное время и в мирное, без ущер-</i> <i>ба и заключения мирного до-</i> <i>говора».</i>

⁴¹⁷ На принадлежность фр. 12 средней части проксении указал Карышковский [1969, с. 114], который правильно прочел в стк. 5 [πάν]τω[ν χρημ]ά[των]; справедливо отметив, что имя проксена следует восстанавливать в стк. 1, он дал правильное чтение патронимика — Пирралион. Вместе с тем предложенная им реконструкция стк. 6–10: [ὦν ἂν αὐτὸς κα]ὶ ἐκγ[όνοι καὶ εἰσαγ]ωγὴν |[καὶ ἐξαγωγὴν π]άν[τη καὶ εἰσπλεῖν κтл.] невозможна по той причине, что выражение χρημάτων ὦν ἂν αὐτὸς καὶ ἐκγονοι требует глагольного оборота εἰσαγάωσιν καὶ ἐξαγάωσιν, как в НО 5, 6 и др. Наличие в тексте не глагольного, а именного оборота (εἰσαγωγὴν καὶ ἐξαγωγὴν) предопределяет постановку местоимения не в именительном падеже, но дательном: [αὐτῶι κα]ὶ ἐκγ[όνοις]. Новиков [1981, с. 113; 1983, с. 268] правильно дополнил указанный именным оборот, однако, к сожалению, восстановил текст НО 12 без соединения с НО 3, что снимает его реконструкцию.

Среднее количество букв в строке (14–17) показывает, что в стк. 1 после этнико-на *ольвиополиты* остается место для имени проксена, которое насчитывало не более 5 букв. Обломки НО 12 текстуально составляют стк. 5–9 декрета, причем в стк. 5 вместе с последней строкой фр. НО 3 Б. Надпись в целом типовая, включая формулы стк. 7–9, но вместо обычного в ольвийских проксениях (НО 5, 6) глагольного оборота (в ед. или мн. числе) $\omega\upsilon\tau\acute{o}\varsigma \epsilon\iota\sigma\acute{\alpha}\gamma\eta\iota \eta \epsilon\zeta\acute{\alpha}\gamma\eta\iota$ здесь употреблен обычный же субстантивный оборот — глаголы заменены существительными: $\epsilon\iota\sigma\alpha\gamma\omega\gamma\eta\nu \kappa\alpha\iota \epsilon\zeta\alpha\gamma\omega\gamma\eta\nu$. Подобные обороты встречаются в проксениях других центров (КБН, с. 937; Syll.³ 278 и др.), а в Ольвии он еще раз засвидетельствован проксениями НО 8, 108 (с. 369, 378). К $\pi\acute{\alpha}\nu\tau\omega\nu$ (sc. $\chi\rho\eta\mu\acute{\alpha}\tau\omega\nu$) при этом обороте ср. то же в горгиппийской проксении: $[\epsilon\iota\sigma\alpha\gamma\omega\gamma\eta\nu \kappa\alpha\iota \epsilon\zeta\alpha\gamma\omega\gamma\eta\nu \tau\acute{\rho}\iota\tau\omega\nu \chi\rho\eta\mu\acute{\alpha}\tau\omega\nu]$ (КБН, с. 937)⁴¹⁸.

Нашу реконструкцию 1984 г. оспорил Виноградов [1989, с. 139] по 4 пунктам. 1) Мои дополнения «дают резкое колебание строки от 9 до 17 букв»; тут он плохо подсчитал: моя реконструкция и в статье 1984 г., и здесь насчитывает от 14 до 17 букв в строке (имя проксена в стк. 1 включало не более 5 букв). 2) При моей реконструкции «сохранившиеся во фр. № 12 буквы в стк. 6 и 9 не будут совпадать так, как они стоят на камне» (замечание сродни предыдущему своей безосновательностью, см. схему соединения всех фрагментов на рис. 40). 3) В стк. 10 нет следов *сигмы*. Это принимаем, как и замечание по поводу конструкции $\omega\upsilon\tau\acute{o}\varsigma \beta\omicron\upsilon\lambda\eta\tau\alpha\iota$ (в данной выше реконструкции этот оборот заменяем лучшим вариантом). При всем этом Виноградов в своей реконструкции надписи повторил мой текст до слова $\epsilon\zeta\alpha\gamma\omega\gamma\eta\nu$ стк. 8. Далее, исходя из ошибочной посылки, что конструктивный тип проксений $\text{Ὀλβιοπολιται} \text{ἔδωκαν}$ + имя проксена с этником + привилегии в *асс.* «никогда не включал в себя инфинитивную конструкцию», он исключил из надписи фр. 3 В с его инфинитивом $[\acute{\epsilon}\kappa\pi\lambda\epsilon\iota\gamma]$. В результате он дал следующее после слова $\epsilon\zeta\alpha\gamma\omega\gamma\eta\nu$ стк. 8 продолжение надписи: $[\pi\acute{\alpha}\nu\tau\alpha \tau\acute{o}\nu \chi\rho\acute{o}\nu\omicron\nu (?) \acute{\epsilon}\nu \text{ } [\epsilon\iota\rho\eta\nu\eta \kappa\alpha\iota \acute{\epsilon}\mu \text{ } \pi\omicron\lambda\acute{\epsilon}\mu\omega\iota \acute{\alpha}\sigma\upsilon\lambda\epsilon\iota \kappa\alpha\iota \acute{\alpha}\sigma\pi\omicron\nu\delta\epsilon\iota]$. Такая реконструкция недостоверна прежде всего ввиду ошибочности его посылки, что указанный тип формулы не включал в себя инфинитивную конструкцию. Для опровержения достаточно сослаться на Сатирову проксению ($\text{Ὀλβιοπολιται} \text{--} [\acute{\alpha}\tau\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\iota\alpha\nu \delta\iota\delta\omicron\upsilon\sigma\iota \pi\acute{\alpha}\nu\tau\omega\nu \chi\rho\eta\mu\acute{\alpha}\tau\omega\nu] \kappa\alpha\iota \alpha\upsilon\tau\acute{\omega}\iota \kappa\alpha\iota \acute{\epsilon}\gamma\gamma\acute{o}\nu[\omicron\iota\varsigma \kappa\alpha\iota \acute{\epsilon}\sigma\pi\lambda\epsilon\iota\nu] \kappa\alpha\iota \acute{\epsilon}\kappa\pi\lambda\epsilon\iota\nu$), которая включает и санкцию $\text{Ὀλβιοπολιται} \text{--}\delta\iota\delta\omicron\upsilon\sigma\iota$ (= ἔδωκαν , разумеется, разница во времени не влияет на характер управления глаголом $\delta\acute{\iota}\delta\omega\mu\iota$ зависимых от него членов предложения), и *асс.* привилегии: $[\acute{\alpha}\tau\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\iota\alpha\nu$, и главное — *dat.* + *inf.* $\alpha\upsilon\tau\acute{\omega}\iota \kappa\alpha\iota \acute{\epsilon}\gamma\gamma\acute{o}\nu[\omicron\iota\varsigma \kappa\alpha\iota \acute{\epsilon}\sigma\pi\lambda\epsilon\iota\nu] \kappa\alpha\iota \acute{\epsilon}\kappa\pi\lambda\epsilon\iota\nu$. Вообще и без приведенного примера указанная посылка Виноградова неправильна ввиду обычного для глагола $\delta\acute{\iota}\delta\omega\mu\iota$ управления: он требует и *dat.*, и *асс.*, и *inf.* (LSJ, s. v. I, 4; II, 2).

На этом в данном вопросе можно было бы поставить точку, однако стоит проследить, как Виноградов крушил надпись в угоду своей ошибочной посылке. 1) Ему пришлось полностью восстановить те самые заключительные статьи декрета, которые представлены на исключенном им фрагменте 3 В (кроме инфинитива $[\acute{\epsilon}\kappa\pi\lambda\epsilon\iota\gamma]$). 2) Исключение им из состава надписи фрагмента, по всем параметрам — и обмерным и текстуальным — соответствующего остальным обломкам, само по себе сви-

⁴¹⁸ Уточненный текст горгиппийской проксении [Яйленко, 1985а, с. 154; 2010, с. 72]. К значению сочетания $\text{ἔδωκαν} \text{--} \epsilon\iota\sigma\alpha\gamma\omega\gamma\eta\nu \kappa\alpha\iota \epsilon\zeta\alpha\gamma\omega\gamma\eta\nu$ см.: LSJ, s. v. $\epsilon\zeta\alpha\gamma\omega\gamma\eta\varsigma$: $\epsilon\zeta\alpha\gamma\omega\gamma\eta\nu \delta\omicron\upsilon\nu\alpha\iota$, grant a right of exporting «предоставить право вывоза».

Рис. 40. Проксения NO 3 + 12 + 107, реконструкция автора

детельствует против его реконструкции стк. 8 сл. 3) Для объяснения букв AN на фр. NO 12 ему пришлось прибегнуть к восстановлению в стк. 8–9 выражения [π]άν[τα τὸν χρόνον (?)], редкого в проксениях вообще; хотя он апеллирует к восстановлению Леви в NO 11 εἰς πάν[τα τὸν χρόνον], там оно не более уместно (выше, с. 291/2). Ошибочна и его трактовка конструктивного типа проксений Ὀλβιοπολίται ἔδωκαν + имя проксена с этниконом + привилегии в *асс.*, как и идея о замещении обычных инфинитивов εἰσπλοῦν καὶ ἔκπλοῦν существительными εἰσαγωγὴν καὶ ἐξαγωγὴν, также очевидная надуманность «редкой оговорки εἰς πάν[τα τὸν χρόνον]». Все эти ляпы да еще пара мелочей послужили Виноградову основанием для вывода, что этот «резкий перелом в языке официальных актов Ольвии позволяет осторожно предполагать в ряду прочих симптоматических явлений определенные изменения и в государственном строе полуострова». Так на нагромождении эпиграфических ошибок

возведены построения исторического характера той же ценности (это прелюдия к его тезису об устранении в Ольвии тирании в начале IV в., выдвинутому на основании... заурядной эпитафии совсем другого времени, о чем *см.* выше, с. 249/52).

Леви датировала фр. 3 первой половиной IV в., фр. 12 IV в., Виноградов сперва отнес фр. 3 А–В к началу IV в. [1978, с. 51], затем, отделив фр. 3 В, включил его в число памятников второй половины V в. [1981, с. 74], а фр. 3 А, Б + 12 счел «тяготеющим к рубежу столетий» [1976, с. 24], потом датировал началом IV в., отметив в том и другом случае, что эту надпись отличает от письма V в. лишь отсутствие стойхедона [1981а, с. 66; Pont. St. S. 523]. Все это жонглирование разными датировками свидетельствует против его расчленения одной надписи на части. Мы включили декрет в группу памятников позднего V — раннего IV в. (МКЛНО II, с. 71–72): его формульный тип II появляется в начале IV в. (выше, с. 290), что и датирует надпись этим временем.

6. ТЕКСТОЛОГИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОЛЬВИЙСКИХ НАДПИСЕЙ VI–V вв.

6.1. Граффито Ксанфа⁴¹⁹

Надпись из Ольвии на двух черепках (не в контакте) одного сосуда Виноградов [1971а = Pont. St. S. 377/84] прочел и перевел так: Χσάνθας ἔδωκε [οὐκ ἔχει δὲ ρύλικας] τιμίας «Ксанф подарил [ведь нет у него киликов] ценных» (рис. 41). По его мнению, данное граффито имеет аналогии по письму среди надписей родосцев в Абу Симбеле, что датирует ее началом VI в.; сославшись также на примеры употребления *теты* с точкой в надписях Родоса, он заключил, что Ксанф был родосцем, — вывод, подтверждаемый лишь тем, что в ранней Ольвии хорошо представлена родосско-ионийская керамика. Исторические его выводы отсюда: родосцы имели торговые интересы в Нижнем Побужье, а дата граффито подтверждает гипотезу об основании Ольвии в начале VI в. Отметим, что аргумент с родосско-ионийской керамикой несостоятелен: как известно, теперь Родос считается всего лишь одним из центров ее производства и она именуется восточно-ионийской. Что Ольвия как город возникла не ранее середины VI в., *см.* выше, с. 146/7. Что до датировки надписи, то она, как обычно у него, неоправданно завышена. Его утверждение о сходстве письма граффито Ксанфа с письмом надписей родосцев в Абу Симбеле не соответствует реальности — у них мало чего общего (*ср.* [Jeffery, p. 354/5, Pl. 67. 4; 69. 48]). Отметим, что нижнюю хронологическую границу надписи Ксанфа определяет форма *теты* с точкой внутри кружка, которая появляется с середины VI в.⁴²⁰ Следовательно, надпись не древ-

⁴¹⁹ Опубликовано [Яйленко, 1996, с. 179/81].

⁴²⁰ По Л. Джеффри, *тета* с точкой встречается в архаических надписях не ранее середины VI в. на дорийской почве и последней его четверти на ионийской почве (наиболее ранний в дорийской эпиграфике образец с точечной *тетой* она датировала ок. 550–525 гг. [Jeffery, p. 29, 346]). Она привела одно исключение: в Беотии такая *тета* представлена в надписи раннего VII в. [р. 89]. Виноградов сослался в подтверждение своей датировки на этот казус, однако опустил сказанное Джеффри: форма с точкой в середине кружка *теты* поздняя, так что обычное для раннего времени средокрестие не

нее этого времени, чему вполне соответствует характерная форма трехчастной *сигмы* с горизонтальной средней гастой и двумя вертикалями при ней (ζ), которая присутствует в памятниках позднего VI — раннего V в.⁴²¹ Это показывает, что надпись Ксанфа датируется последней четвертью VI в. Однако в позднем VI в. в родосский алфавит уже внедрилась ионийская *омега* [Jeffery, p. 346, *ср.* Pl. 68. 25: $\chi\alpha\rho\omega\iota\delta\alpha\varsigma$ в надписи примерно конца VI в.], так что, если бы Ксанф был родосцем, ожидалось бы написание $\xi\delta\omicron\kappa\epsilon$ с *омегой*. Коль ее нет, это надпись не родосца. Все сказанное дезавуирует вывод Виноградова о происхождении Ксанфа с Родоса. Откуда же он происходил?

Прежде всего отметим, что его происхождение определяется на основании трех характерных признаков надписи: *кси* передано через $\chi\sigma$, долгое *о* через $\omicron$, флексия номинатива имени $\chi\sigma\alpha\iota\theta\alpha\varsigma$ на $-\alpha\varsigma$. Все эти особенности указывают на дорийский или эолийский диалект. В совокупности эти три признака встречаются в надписях Беотии, Эгины, Лаконики, Родоса [Ib., p. 89, 109, 183]. Лаконика должна быть исключена, ибо, как заметила Джеффери, *тета* с точкой присутствует в единственной надписи, которую мог выполнить заезжий резчик. Отпадает и Родос ввиду отмеченной передачи в надписи последней четверти VI в. долгого *о* через $\omicron$, а не через ожидаемую *омегу*. Таким образом, остается вариант с эгинским или беотийским происхождением Ксанфа. Беотия была развитым центром в раннеархаическую эпоху, но в позднеархаическое время стала преимущественно аграрной областью со слабым ремесленным производством, незначительным участием в колонизационном движении

Рис. 41. Граффито Ксанфа, прорись [Виноградов, 1971а]

вырезано, возможно, по ошибке. Оспаривая эти данные Джеффери, Виноградов [1989, с. 36] сослался на родосское граффито, датированное А. Джонстоном серединой VI в., но, поскольку, по Дж. Боурдмену, такого типа амфоры бытуют в первой трети века и не позже 556 г., он увидел в нем подтверждение своей датировки надписи Ксанфа первой четвертью VI в. Он апеллировал к мнению М. Гвардуччи, якобы подтверждающему раннее появление *теты* с точкой, но забыл сослаться на ее основной вывод: точечная *тета* вообще идет с конца VI в. [Guarducci, 1967, p. 195]. Таким образом, имеющиеся памятники не дают оснований возводить надпись с точечной *тетой* ко времени ранее середины VI в. (см. также [Jeffery, p. 114/5, 133, 138, 325]).

⁴²¹ Из множества надписей, снабженных в книге Джеффери иллюстрациями, указанная форма *сигмы* представлена всего несколько раз: Pl. 8. 14 (Беотия, ок. 510–500), 32. 3 (Трезен, ок. 500 ?), 39. 6 (Мессения, ок. 500–475 ?), 44. 7 (Ахайа, ок. 525–500), 53. 4 (Тарент, ок. 500–490 ?). Данная форма *сигмы* развилась из ее обычной для архаики четырехчастной формы, и эта ее вторичность сама по себе предполагает позднейшее время бытования.

и дальней морской торговле. Напротив, Эгина вступила с последней четверти VI в. в период наивысшей торговой активности, специализируясь на посреднической торговле изделиями коринфских, аттических, евбейских и родосско-ионийских мастерских, причем в сферу деятельности эгинетов входило и Сев. Причерноморье⁴²². Это заставляет отдать предпочтение эгинскому происхождению Ксанфа⁴²³. И точечная *тета*, и передача *кси* через *хс* засвидетельствованы на Эгине в памятниках позднего VI в., так что граффито Ксанфа также ввиду данного обстоятельства датируется именно этим временем. Таким образом, нет никаких оснований для безапелляционного утверждения Виноградова о его родосском происхождении и соответствующих исторических выводов об интересах родосцев в Сев. Причерноморье. Присутствие родосцев здесь вероятно, но надпись Ксанфа оно не доказывается.

Издатель дополнил в тексте надписи [οὐκ ἔχει δὲ φύλκας] τιμίας «[ведь нет у него киликов] ценных». Это дополнение не аргументировано внутренней связью контекста или внешней параллелью и потому произвольно. Обращает на себя внимание, что в последнем слове вторая *иота* перечеркивает правую наклонную черту буквы М, и это не соответствует общей манере резчика писать буквы на расстоянии друг от друга так, чтобы они не соприкасались. Это может указывать, что косая черта справа от буквы М скорее случайный прочерк, нежели *иота*, что предполагает чтение здесь слова τιμίας (*acc. pl.*) «почести, дары, приношение в храм» и пр.⁴²⁴ Оно есть в березанской малой эпиграфике V в.: Λεάγρῳ τιμαί «дары (приношения) Леагра» [Яйленко, 1982, с. 305]. В греческом языке есть устойчивое выражение διδόναι τιμὴν (τιμὰς, также с глаголами ἀποδιδόναι, ὀπάζειν и др.) «оказывать почести, знаки уважения» (например, *Eurip. Hipp.* 1424; *LSJ, s. v. τιμή, 1*). Поскольку в надписи Ксанфа представлены оба элемента этого выражения, его и следует читать тут: Χσάνθας ἔδωκε [τὰς?] τιμὰς «Ксанф принес в дар» или «Ксанф оказал почесть», под чем подразумевается, как обычно для дарственных или посятительных надписей на сосудах, сам сосуд, то ли пожертвованный Ксанфом в святилище, то ли подаренный им какому-либо лицу⁴²⁵.

⁴²² [Amit, p. 13–16; Jeffery, 1976, p. 150/1]. Деятельность эгинских купцов в Сев. Причерноморье подразумевается упоминанием Геродота (VII, 147) о судах с зерном, идущих из Понта на Эгину и Пелопоннес (480 г.): так как поставка зерна в Грецию осуществлялось главным образом из Сев. Причерноморья, это свидетельство связей Эгины с ним.

⁴²³ Позднее Виноградов [Pont. St. S. 383/4] упомянул изложенное ему в письме мнение А. Джонстона о возможном происхождении граффито Ксанфа с Эгины.

⁴²⁴ Отсутствие *иоты* делает проблематичным чтение Джонстона [ἀντὶ μιᾶς [Vinogradov, 1997, S. 384], что дало бы смысл «Ксанф подарил вместо одной (чаши)».

⁴²⁵ Критикуя Б. Ю. Михлина, Ю. Г. Виноградов [1984а, с. 37] писал: «относить непонятные лексемы на счет неграмотности резчика — это ultimum refugium эпиграфиста; в таких случаях всегда следует задаваться вопросом: что это — непонятные или непонятые издателем элементы текста?» Между тем сам Виноградов неоднократно прибегал к напрасному исправлению непонятого им текста надписей. Примеры из его интерпретации березанского письма Ахиллодора мы уже приводили (выше, с. 197, 199): не разобравшись в синтаксисе и лексике надписи, он в нескольких местах прибег к неоправданному исправлению подлинника. Присутствует это и в других его работах. Так, в краткой надписи V–IV вв. из Ольвии Ἰλιον ἀέδω καὶ Δαρδανίην «Пою Илион и Дарданию» Виноградов [1969, с. 142] исправил ἀέδω подлинника на ἀε(ι)δω, полагая, что резчик ошибочно пропустил *иоту*. Это излишнее исправление, ибо в ионийском и дорийском диалектах уже с VI в. имела место sporadическая монофтонгизация дифтонга εἰ, выражавшаяся написанием его через ε̄ [Buck, p. 31; Bechtel, 1924, S. 34; Thumb, Scherer, S. 252]: ἐπέ в Милете, ἐποίη, κῆνος и т. д. То же в березанских и ольвийских надписях VI–V вв. [Dubois, p. 184]. Одновременно со мной на это указал Л. Дюбуа [Ib. 42].

6.2. Вотив IOSPE I² 164⁴²⁶

Обломок верхнего края мраморной базы (рис. 42), чтение Латышева: --κήϊος Ὀλβιοπολίτης? | Ἀπόλλωνι Ἱητρῶι? «--кей, *ольвиополит* (?), Аполлону Иетру (?)» (*перевод* наш). Поначалу исследователи согласились с таким чтением, сомнения вызывало лишь восстановление эпиклеса Ἱητρῶι?, однако накопление памятников с именем Аполлона Иетра показало его справедливость [Леви, 1965, с. 88, *лит.*]. Иное чтение дал Виноградов по осмотру камня в ГИМ'е [1978, с. 48–52; Pont. St. 359]: [--]ς Κήϊος Ὀλβιοπολίτῶν | ὁ πρόξενος? Ἀπόλλωνι Ἱητρῶι (ἀνέθηκεν)]⁴²⁷. Позднее он улучшил дополнение на основе посвящения Ксанфа: [e. g. Ἀπολλώνιος Κήϊος Ὀλβίης | μεδέοντι Ἀπόλλωνι Ἱητρῶι]⁴²⁸. По Виноградову, «как ни дополнять надпись, она пока первое... свидетельство о связях Ольвии с островом Кеосом... мы можем говорить о налаженных торговых связях ольвиополитов с кеосцами — факт этот новый и немаловажный». На наш взгляд, однако, прочтение этника кеосца и вывод о торговых связях маловероятны, ибо трудно представить себе, что может быть общего у Ольвии и крошечного кикладского островка Кеоса. В торговом отношении Кеос известен лишь своими залежами

Рис. 42. Вотив IOSPE I² 164 и деталь — начало стк. 1; фото автора

⁴²⁶ Опубликован небольшой фрагмент этой заметки [Яйленко, 1987, с. 44–46].

⁴²⁷ У него перевода нет, поэтому даем его: «*имярек, кеосец, проксен (?) ольвиополитов, посвятил Аполлону Иетру*». И Латышев, и Виноградов ошибочно понимали эпиклему Ἱητρῶς как «Врач».

⁴²⁸ [Виноградов, 1989, с. 111; Pont. St. 375]. У него без перевода, даем его: «e. g. *Аполлоний кеосец владыке Ольвии Аполлону Иетру посвятил*». Основой дополнения ему послужило выражение Ἀπόλλωνι Ἱητρῶι Ἰστρου μεδέοντι [i] «Аполлону Иетру, владыке Истра» из вотива Ксанфа (см. выше, с. 17).

свинцового сурика и киновари, которые ввозились в Афины. Связь этого островка с Ольвией столь же маловероятна, как и с другими Кеосами — этникон Κεῖος (ион. Κήϊος [PB, S. 641, 653]) может относиться и к жителю другого соименного островка, отождествляемого с современной Липсокуталой, также третьего Кеоса — полулегендарной местности к югу от Фив [RE. 1921. Hlbd. 21, Sp. 181, 190]. Проблематичность торговых связей с Кеосом усугубляется и ранней датой надписи — вторая половина V в.: получается, что связи с этим крошечным островком из числа самых старых вместе с древнейшими ольвийскими ателией и проксенией гераклеотам НО 2 А, Б последней четверти V в. Если согласиться с чтением этникона «кеосец», странно, что ольвиополиты начали отражать в эпиграфических документах свои торговые связи не с крупными экспортерами (Хиос, Синопа, Афины и пр. [Лейпунская, 1981]), а с мелким островком, хозяйственная деятельность которого ограничена торговлей с Атикой⁴²⁹.

Второй недостоверный пункт трактовки Виноградова, существенный для реконструкции надписи — понимание остатков букв у левого скола стк. 1 перед *канпой* в качестве «явных остатков сигмы». Я видел подлинник в ГИМ'е: поверхность тут испещрена всяческими линиями и мелкими выщерблинами, в том числе у самого скола (рис. 42, деталь), две выбоинки Виноградов и счел апексами *сигмы*⁴³⁰. Что это не так, показывает и направление усиков предполагаемой *сигмы* с этими «апексами» — оно было бы круче усиков *сигмы* стк. 1, которые идут более горизонтально⁴³¹. Малодостоверно и дополнение Виноградова Ὀλ[βίης μεδέοντι], сконструированное по посвящению ольвийца Ксанфа Ἀπόλλωνι Ἰητρ[ῶν] Ἰστρου μεδέοντι [ ] «Аполлону Иетру, владыке *реки* Истр». Вотив Ксанфа обращен не к городу Истрия, как он ошибочно счел, а к реке Истр (выше, с. 17), поэтому вставка в формулу с μεδέοντι не речного названия, а имени Ольвии проблематична. Правда, теоретически можно предложить и иной вариант с этой формулой: Ксанф упомянутого посвящения, сделанного им в ольвийский храм Иетра, указал свой этникон «ольвиополит» по той причине, что обращался к Аполлону как «владыке *реки* Истр», неольвийского природного объекта. В таком плане можно понять и наш вотив: Иетру как «владыке *реки* Истр» сделал приношение ольвиополит с лидийским именем Κεῖος [PB, 641], вполне уместным у ионийца, у которого оно будет иметь форму Κήϊος. Можно даже принять, что перед *канпой* стк. 1 стояла усмотренная

⁴²⁹ Кеос лежит у южной оконечности Аттики, так что с V в. он находился в сфере аттических интересов (Herod. VIII, 1; 46; Thuc. VII, 7, 4). И ныне это излюбленное место отдыха афинян [Греция, 2009, с. 623]. Продовольственные ресурсы Кеоса качественны (сады, виноградники), но количественно ограничены, ибо некогда его старики по достижении 60 лет принимали яд (Strabo, X, 5, 6).

⁴³⁰ Благодарю Г. А. Ломтадзе за любезное содействие.

⁴³¹ В заметке 1987 г. [МКЛНО II, с. 45], еще не видев камня, я принял чтение *сигмы* Виноградовым. Так как присутствие кеосцев в Понте ничем не засвидетельствовано, казалось бы, можно дополнить этникон или этноним на -κεῖος, например [? Φοιν]κήϊος [PB, 1640]. Финикийский экспорт выражен в керамике Сев.-Зап. Причерноморья [Добролюбский, Красножон, 2003]. Боспорским купцам известны финикийские деловые люди: сын губернатора одной из областей Боспора при Сатире I Сопея пользовался в Афинах консультацией финикийца Пифодора (Isocr. 17, 4). О плаваниях финикийцев в Понте вплоть до Меотиды и Боспора сообщает Лукиан (Tox. 4). Отсюда возможен финикийский «след» и в Ольвии — посвящение неким финикийцем статуи Аполлону в знак благодарности за успешные дела тут. Однако остается необъясненным присутствие этникона «ольвиополит» или названия «Ольвия» (буквы ΟΛ), что снимает вариант с любым этником или этнонимом на -κεῖος.

Виноградовым *сигма*. Вариант с этими допущениями будет таков: [ε. γ. τὸςδε ἀνδριάντας] Κήϊος Ὀλ[βιοπολίτης] Ἰ[στροῦ] μεδέοντι Ἀ[πόλλωνι] Ἰ[ητροῖ] ἀνέθηκε] «эти изваяния Кей ольвиополит посвятил владыке (реки) Истр Аполлону Иетру»⁴³². Но дублируя такой реконструкцией вотив Ксанфа, мы удваиваем и без того необычное наличие в Ольвии посвящения ольвиополита владыке реки Истр, ибо в таком случае обе надписи должны находиться в Истрии или ее области. С другой стороны, поскольку они найдены в Ольвии, в них не должно быть этника «ольвиополит», так как жителю Ольвии, делающему посвящение в местный храм, нет нужды употреблять свой этникон, — как правило, его указывают иностранцы, исключения с местными жителями редки [Lazzarini, 1976, p. 66].

Поскольку структура надписи ясна (*имярек посвятил* Аполлону, с ἀνέθηκεν или без него), в -κήϊος (= аттич. -κεῖος), можно бы видеть одно из личных имен на -κεῖος или -κήϊος [Hansen, S. 230, 232]. В таком случае она *xempli. gratia* читалась бы так: [--]κήϊος · Ὀλ[υμπί]δ[ος] · Ἀ[πόλλωνι] · Ἰ[ητροῖ] «--кей, сын Олимпия, Аполлону Иетру посвятил». Изъян этого простого варианта — прочтение в ольвийской надписи букв ΟΔ не в связи с этником ольвиополит или названием Ольвии.

Ввиду невозможности дополнения в исследуемой надписи ни этника, ни этнонима на -κεῖος, -κήϊος и необходимостью чтения букв ΟΔ как Ὀλ[βιοπολίτης] или Ὀλ[βιη-] нам представляется наиболее вероятным вариант с чтением слова [οἰ]κήϊος «родственный». Обратим внимание на структурную близость нашей надписи V в. и вотива двух перинфян ок. 525 г. (датировка Л. Джеффри) в самосский храм Геры: [Με]νίσκος Ε[υνο]δόκος, Δῆμι[ς] Π[υθόκλεος] οἰ[κ]ήϊοι Περ[ι]νθιοι τῇ Ἡρῇ ἀνέθησαν κτλ. «Мениск Ксенодоков, Демис Пифоклеев, сродственники-перинфяне, посвятили Гере» (далее перечислены принесенные дары) [Jeffery, p. 365, 416, № 35]. Перинф — колония Самоса, и А. Дж. Грейем показал, что словом οἰκήϊοι посвятителю обозначили себя не просто сродственниками самосцев, но сродственниками-колонистами [Graham, 1964, p. 74–75]⁴³³. В декрете ферян о выводе колонии в Кирену словом οἰκεῖοι обозначены те феряне, которые захотят впоследствии отправиться в Кирену в качестве дополнительных колонистов [Яйленко, 1982, с. 63]. Иначе говоря, в случае, когда речь идет о колонии и метрополии, жители той и другой стороны οἰκεῖοι — родственны друг другу, они «сродственники». Таким образом, в ольвийском вотиве οἰκήϊος при этнике Ὀλ[βιοπολίτης] имеет значение «сродственник-ольвиополит», и так мог обозначить себя милетянин в Ольвии,

⁴³² Документ написан стойхедоном (это подметил Виноградов); стоящие рядом две *иоты* стк. 2 помещены в одно гнездо. Виноградов не заметил, что слова надписи разделены точечной пунктуацией — она видна после *сигмы* стк. 1 и первой *иоты* стк. 2. Надпись можно восстановить с одинаковым числом букв в обеих строках либо с меньшим в стк. 2, но в левой и правой половинах строк должно быть одинаковое число букв. В лакунах слева дополняем равно по 15 букв в стк. 1–2, справа в стк. 2 реконструируем 12 букв, в стк. 1 — 11 букв + *ламбда*. Множественное число τὸςδε (= τοὺςδε) ἀνδριάντας может относиться и к одной статуе Аполлона на пьедестале с этой надписью (как τὸςδε τὸς ἀνδριάντας) на одном (!) курiose VI в. из Милета [Jeffery, p. 333]; видимо, мн. число употреблено потому, что Аполлон изображен с атрибутами, отсюда «эти изваяния»). Под самим словом ἀνδρίας может подразумеваться Аполлон, как в надписи раннего V в. из Неандрии в Троаде на пьедестале с изображением курiosa: τόνδε τὸν ἀνδριάντα Ἀπόλλωνα ὀνέθεκε Ἑρμείας κтл. «эту статую, Аполлона, посвятил Гермий...» [Ib., p. 360]. Данная параллель подсказывает, что и ольвийский пьедестал нес статую Аполлона.

⁴³³ В декрете 207 г. до н. э. из Эпидамна «сродственниками и друзьями» (οἰκεῖοι καὶ φίλοι) эпидамня названы магнесийцы (Syll.³ 560. 2–3).

колонии Милета. Более того, по договору Ольвии и Милета об исополитии (ниже, с. 421/3), который возобновлен в IV в., но заключен в давние времена [Жебелев, 1953, с. 39], он имеет также ольвийское гражданство. Изложенное дает основание для реконструкции надписи по образцу вотива перинфян:

[ὁ δεῖνα οἱ] κῆϊος Ὀλ[βιοπολίτης ὁ τοῦ δεῖνος Ἀ]πόλλωνι Ἡ[τρῶι ἀνέθηκε]	«имярек, сродственник-ольвиополит, сын такого-то, Аполлону Иетру посвятил» ⁴³³ .

В заключение о дате надписи. Виноградов отметил, что это самый ранний образец стойхедона в Ольвии, и отнес надпись ко второй четверти V в., ничем не обосновав⁴³⁵. Отметим, что по характеру письма этот вотив сходен с ольвийскими стойхедонными надписями второй половины V в. — с ателией НО 2, «Тимесилеевым» декретом и др. (в первой половине V в. стойхедон в Ольвии неизвестен): буквы крупные, свободно расположены в строке, круглые буквы равновелики прямым. Наиболее характерны *омега* и *сигма*, они определяют дату вотива. *Омега* полнотела, ножки широко расставлены (почти на высоту буквы) и слегка округлы, лапки мелкие. *Сигма* отличается довольно редкой для эпиграфики в целом округлостью стыка гаст вместо обычных острых углов. Греческие аналогии этим особенностям свойственны памятникам всего V в. Подобного рода *омега* находим в стойхедонном законе с Пароса начала столетия [Guarducci, 1970, p. 61], в горосе из Галикарнасса ок. 450 г. (сходен и характер письма [Jeffery, Pl. 69. 39]), в дельфийском каталоге теородоков, датируемом V в. в целом [Guarducci, 1970, p. 353], а также в памятниках конца V и даже начала IV в. — в посвящении из Олимпии вскоре после 421 г., аттической эпитафии Дексилея 394 г. [Guarducci, 1974, p. 175, 405 = Kirchner, 46]. В надписях Ольвии точно такая *омега* более не представлена. *Сигму* с округлыми стыками гаст находим в лаконской манумиссии ок. 440/30 гг. [Jeffery, Pl. 38. 54] (особенно в стк. 5), в памятниках раннеэллинистического времени⁴³⁶. В Ольвии прямых аналогий такой *сигме* нет, но округлые стыки у нее представлены в самых ранних посвящениях стефанефоров НО 63, 167 второй четверти V в. (об их дате см. с. 83–84); при этом существенно, что усики их *сигм* идут в диагональном направлении, тогда как в нашем вотиве они уплощены, более склонны к горизонтальности, что указывает на более позднее время. Приведенные соответствия позволяют заключить, что надпись не древнее второй половины V в. Однако памятники ольвийского стойхедона последней четверти V в. (НО 2; НО 55 + IOSPE I² 307; НО 56 + 57; 58; «Тимесилеев» декрет) дают более развитое, классическое по характеру письмо, так что в отношении рассмотренного вотива следует ограничиться третьей четвертью века. На это указывает и сказанное о позднейшей дате его уплощенной *сигмы* сравнительно с *сигмами* посвящений стефанефоров НО 63, 167 второй четверти V в.

⁴³⁴ Принимаем равное число букв в обеих строках и для соответствия этнику *Ὀλ[βιοπολίτης]* + член *ὁ* при патронимике условно дополняем *ἀνέθηκε*. Иные варианты компоновки надписи маловероятны, так как это база статуи (верхняя грань ровная) и текст не может быть большим.

⁴³⁵ Неряшливо выражено и мнение о стойхедоне: датировав надпись второй четвертью V в., Виноградов добавил: стойхедон существовал в Ольвии лишь во второй половине века. Это противоречит его же дате. Ошибочно и утверждение о времени узуса стойхедона в Ольвии (выше, с. 247/8).

⁴³⁶ Крышка пиксиды из окрестностей сицилийской Кальтанисетты с сигнатурой мастера Агройта ок. 330–310 гг., апотропей из Гелы начала III в. [Guarducci, 1974, p. 328, 482].

«Тот, кто создавал азбуку,
дал нам в руки нить наших мыс-
лей и ключ природы»⁴³⁷.

7. ЭПИГРАФИКА БЕРЕЗАНИ

7.1. Два древнейших березанских граффити

Из числа березанских граффити особо выделим два самых ранних, по характеру письма и черепков относящихся ко второй половине VII в. — первой половине VI в.

1. Фр. тулова толстостенного закрытого сосуда со светлой обмазкой и частично рифленой поверхностью [Яйленко, 1982, с. 275/7]. На нем сохранились остатки 4–5 вырезанных ретроградно букв (рис. 43), две из которых показательны для даты: «хвостатое» *rho*, употреблявшееся во многих локальных алфавитах архаической Греции, но не характерное для восточных ионийских (т. е. малоазийских) центров Додекаполиса; следующая налево за нею буква в виде трехчетвертной окружности может быть *бетой* или *омикроном*⁴³⁸. *Rho* и *бета* указанных форм употреблялись в алфавитах ионийских среднекикладских островов Наксоса, Делоса, Пароса и его колонии Фасоса [Jeffery, p. 289, Pl. 56. 35, 57. 40]⁴³⁹. Таким образом, надпись содержит следующие буквы (справа от *rho* сохранился правый уголок, видимо, N): --N P B I-- , что весьма предположительно может быть прочитано как --ν P β ι ν--, ср. Αρβινάται стк. 12 письма Ахиллодора — возможно, иллирийского происхождения топоним в Нижнем Побужье (выше, с. 278)⁴⁴⁰. По характеру письма граффито весьма архаично. Высокие, размашисто написанные буквы

Рис. 43. Древнейшее граффито Березани [Яйленко, 1982]

⁴³⁷ Антуан Ривароль, французский писатель и мыслитель эпохи Просвещения.

⁴³⁸ В ряде центров, в том числе Ионии, известна и *гамма* в виде полукружия, но трехчетвертной доли окружности она достигала в редких случаях. «Хвостатое» *rho* засвидетельствовано в малоазийской Ионии лишь посвящением Креза середины VI в. в храм Артемиды Эфесской. По выражению М. Гвардуччи, «это довольно редкая для малоазийской Ионии форма» [Guarducci, 1967, p. 264/5], а по словам Л. Джеффри, «она необычна в Ионии» [Jeffery, p. 339]. На Березани же «хвостатое» *rho* достаточно употребительно, это нормальный здесь узус [Яйленко, 1982, с. 283, 287, 302, № 7, 89, 173]. Происхождение рассматриваемой надписи не из Малой Азии подтверждается также тем, что в Двенадцатиградье полукружием могла обозначаться *гамма*, и если считать «хвостатое» *rho* восточноионийским, получилось бы бессмысленное сочетание букв N P Γ.

⁴³⁹ На дорийском Мелосе также бытовали «хвостатое» *rho* и *омикрон* в виде полукружия [Jeffery, p. 321], однако участие этого мелкого островка, все внешние интересы которого ориентированы на Мелопоннес, в колонизационных предприятиях Милета исключено.

⁴⁴⁰ О критике Ю. Г. Виноградова см. выше, с. 216.

характерны для надписей VII — первой половины VI в.⁴⁴¹ Это древнейший в Сев. Причерноморье письменный памятник (наряду со следующим № 2), который, сообразуясь со временем основания Березанского поселения, датируется в пределах второй половины VII — первой половины VI в.⁴⁴² Следовательно, он оставлен первооселенцем березанской колонии или ближайшим потомком. Судя по графике надписи, ее оставил выходец из среднекикладского ионийского ареала — Наксоса, Делоса, Пароса, либо из колонии последнего Фасоса. Участие выходцев с перечисленных островов в основании Березанского поселения, возможно, объясняет загадочное приношение гиперборейцами на Делос завернутых в солому священных даров⁴⁴³ в освященной авторитетом Делосского святилища легенде, в основе которой лежали древние попытки установления торговых контактов кикладских ионийцев со Скифией, минуя посредство Милета. Также Парос мог иметь свои интересы на Березани, но иначе — через посредство Милета. Из произведений Архилоха, поэта второй четверти — середины VII в., известны колонизационные предприятия паросцев во Фракии, но об их интересах в Сев. Причерноморье данных нет. Однако есть сведения о тесных связях Пароса с Милетом уже в VII в. (может быть, и ранее [Jeffery, p. 294]), что оставляет шансы участию паросцев в выведенном милетянами эмпории на Березани.

2. Стенка ионийской ойнохои с ретроградным граффито: ЛЕО [Тохтасьев, 2005, с. 136, № 256] (рис. 44). Согласно

Рис. 44. Древнейшее граффито Березани [Тохтасьев, 2005]

Д. А. Мачинскому [2011, с. 417], Тохтасьев относил надпись и к VIII в., что соответствовало мнению самого Мачинского о датировке черепка VIII в. Отметим, однако, что письмо граффито имеет аналогии в ионийских надписях от последней четверти VII до середины VI в. [Jeffery, Pl. 58 61 (Фасос), 71. 44 (Сигей)], этим временем оно и датируется. Направление чтения справа налево указывают усики Е, которые всегда должны быть опущены книзу, *лямбда* по-ионийски пишется углом вверх. Возможно, начало личного имени на Λεο- (типа Λεοντίδης), менее вероятно чтение букв λεο как части имени Ахилла с небольшим *vacat* предшествующих букв.

⁴⁴¹ К примеру, ср. надписи Феры или ионийского Самоса [Jeffery, T. 61 и 63. 1]. Близкую графику содержат и надписи 591 г. в Абу-Симбеле.

⁴⁴² К числу древнейших письменных памятников Сев. Причерноморья принадлежат нижеследующие березанские граффиты [Яйленко, 1982, с. 283/5, 287, 298, № 5, 20, 45, 89, 165]. Также [Ив., с. 220, рис. 3]: оставшаяся от надписи буква Е на фрагменте плеч сероглиняного закрытого сосуда типа кувшина (в книге 1982 г. этот № 3 выпал со с. 277, но показан под № 3 на таблице на с. 220). По характеру письма они относятся к первой половине VI в.

⁴⁴³ Herod. IV, 33–36; ср. Alcaeus apud Himerii Decl. 48, 10–11 Col.= fr. 1 C Page, Lobel.

7.2. Эпитафия Мастора

В альбоме находок Г. Л. Скадовского 1900–1901 гг. на березанском некрополе имеются три фото массивной известняковой плиты с надгробной надписью⁴⁴⁴. В настоящее время местонахождение плиты неизвестно⁴⁴⁵. По дневнику Скадовского, плита найдена в 1900 г. в кладке почти круглой в плане каменной стены с входным проемом шир. около 1 м на ю-з стороне (рис. 23в). В центре круга находится основное кремированное захоронение в амфоре (№ 453), для него сделан овальный приямок; внутри стены-ограды, напротив входа и по периметру ее ю-з части, располагаются еще 7 погребений в урнах⁴⁴⁶. Такие круглые или подковообразные в плане стены выложены в 2–3 слоя из дикого камня и тесаных плит известняка, это ограды кремированных захоронений⁴⁴⁷. Подобного рода каменные ограды при захоронении

⁴⁴⁴ Архив Петербургского ИИМК'а. Археол. комиссия, ф. 1, 1900 г., д. № 141, табл. VIII — качественное фото надписи (рис. 45; наша прорись с фото — рис. 46). Там же, д. № 141а, т. XVIIIа и XVIIIб — еще два фото. Повторяем публикацию этой надписи [Яйленко, 1982, с. 259/67] с доработками как необходимое дополнение к разделу о колонизации Нижнего Побужья (выше, с. 150/7), где она занимает важное место. Г. Михайлов адекватно передал мой текст надписи [SEG 1982, 723], принял его и А. Джонстон во втором издании книги Л. Джеффери [Jeffery, 1990, р. 479]. Ю. Г. Виноградова, всячески стараясь умалить значение надписи, рассылал зарубежным коллегам письма с уверениями, что на фото мало что видно (этот «аргумент» позаимствовала у него А. С. Русаева [1987, с. 136]). На его удочку попался Л. Дюбуа, который ограничил текст 2–3 именами [Dubois, 43], поэтому его публикация оказалась бессмысленной. Не в последнюю очередь злопыхательством Виноградова обусловлена повторная публикация надписи здесь: зарубежные специалисты считают со сборником Дюбуа (хотя репутация его как эпиграфиста невысока у итальянских ученых — рецензенты разнесли в пух и прах его сборник надписей Юж. Италии и Сицилии), во Франции теперь он имеет вес, ибо с возрастом, на мой взгляд, в нулевых годах он стал хорошим эпиграфистом.

⁴⁴⁵ Лучшие вещи из раскопок Скадовского экспонировались в 1904 г. на выставке Арх. комиссии и тогда же переданы в Эрмитаж, в том числе плита с надписью (Архив ИИМК'а. Археол. ком. Ф. 1, 1901, д. № 8, л. 25): по каталогу А вещей Скадовского камень имеет № 498. Л. 32, 33 об. — № 498 каталога А значится в числе вещей, переданных в Эрмитаж; л. 25 — в перечне находок Скадовского номера присланных из Херсона вещей обведены синим карандашом, причем № 498 не обведен, и это, видимо, означает, что камень не прислан в Петербург (К. С. Горбунова и Л. В. Копейкина заверяли меня, что в Эрмитаже его нет). По этой причине В. В. Латышев прошел мимо этой уникальной надписи, хотя по должности товарища председателя Арх. ком. он принимал участие в переписке, связанной с поступлением вещей Скадовского на выставку. В 1907 г. фотограф Арх. ком. И. Чистяков делал в Херсоне съемку вещей Скадовского (его негативы хранятся в фотоархиве Петерб. ИИИМК'а). Я был в фондах Херсонского музея, плиту с надписью не видел, но специально и не искал, может, поищут херсонские коллеги.

⁴⁴⁶ Архив Эрмитажа, ф. 1, оп. 5, 1900 г., д. № 37, л. 72. См. план некрополя [Лапин, с. 112; Ольвия, 1999, с. 40] и у нас рис. 23 (цветной экземпляр плана раскопок 1900 г. хранится в ОАМ, С. Б. Охотников любезно прислал мне его фото — рис. 23а). Эта круглая каменная стена-ограда раскрыта на IX полосе, она слегка уплощена, большой диаметр ее около 5 м, меньший около 4 м (рис. 23в). Судя по плану, толщина стены примерно пол-аршина (ок. 35–40 см), что с учетом визуальных наблюдений над фотографиями камня дает приблизительные его размеры: толщина около 0,4 м, ширина — в две толщины (до 0,8 м), высота — 1,7 ширины, т. е. около 1,5 м. Хотя Скадовский не отметил характер залегания плиты в кладке (надписью наружу или вовнутрь, боком или прямо), из того, что толщина ее равнозначна толщине стены, следует, что плита с надписью и остальные плиты ограды гомогенны и составляют единый комплекс, — это ограда кремированного погребения Мастора, в которую вставлена эпитафия. Амфора с останками Мастора расположена в центре круга.

⁴⁴⁷ Всего Скадовский открыл более 800 погребений, расположенных в 2–3 слоя; кострищ от кремации, по В. И. Гошкевичу, более 100, согласно С. И. Капошиной [1956, с. 217], еще больше, так как

ях, как правило, кремированных, известны в архаической Греции [Kurtz, Boardman, p. 36, 81–82, 177, 185, 246], называлась они *περίβολοι*⁴⁴⁸. Обычно внутри ограды несколько захоронений — это семейные гробницы. С противоположной от входа стороны снаружи к ограде могилы Мастора пристроена каменная площадка С под алтарь для принесения жертв покойным⁴⁴⁹. Восемь (по С. И. Капошиной, 13) каменных оград на березанском некрополе при сотне с лишком остальных кост-

Скадовский отмечал наслоения 2, 3, 5, 7 кострищ одного над другим. Второй способ захоронения — труположение, третий — детские погребения в амфорах. Иногда кострище перекрывается грунтовым погребением, иногда наоборот; статистики нет, но материал из кремированных захоронений, по Капошиной, идет с конца VII в. по V в., что указывает на устойчивость этого обряда. По ее подсчетам, древнейшая керамика происходит из кострищ — хиосские и навкратийские кубки, фикеллюра; в погребениях с труположениями ее нет, материал отсюда идет начиная с середины VI в. [с. 222/7]. Это означает, что кремация была древнейшим обрядом на некрополе; Капошина разделяла мнение Штерна о двух периодах существования некрополя, граница которых пришлась на середину VI в. Диаметр кострищ от 1,42 до 2,5 м. Ряд кострищ обведен невысокой стеной, квадратной, круглой или подковообразной в плане, сложенной из дикого камня и тесаных плит известняка (см. план и описание Гошкевича по дневникам Скадовского [Фабрициус, с. 58]; наиболее подробное описание дала Капошина [1956, с. 215 сл.]). По ее данным [с. 218/9], их 13 (отметим, что круглых и полукруглых из них 8), внутри всех, кроме одного, кострище с тризной, это ограды. Внутри оград несколько наслоений кострищ, т. е., добавим, это семейные места захоронений; отметим также, что круглые приямки кострищ расположены в самом центре оград, и это удостоверяет их сооружение именно для ограждения кремированных погребений. Покойник и вещи сжигались, остатки тризны складывались в сосуд, установленный на месте сожжения. Вовнутрь ограды вели 2–3 ступени, видимо, пол заглублялся.

⁴⁴⁸ *Eurip. Trach.* 1141: *περίβολοι λίθοι* намогильные «каменные ограды».

⁴⁴⁹ См. план некрополя, рис. 23 и 23б. Всего таких площадок три: А, В, С. Площадка С уходит под стену ограды Мастора, и Скадовский счел ее более древней (Дневник, с. 72–74). Однако он не учел, что вовнутрь ограды площадка не заходит, тогда как при одновременности с оградой площадка должна продолжаться внутри круга ввиду своей прямоугольной формы. Иначе соотносятся площадки А и В со стеной самого большого здания некрополя (условно назовем его мегароном, см. далее) на полосе VIII: они накрыли ее, т. е. построены после разрушения здания. Каменные площадки для кремации и постановки на них урн встречаются в архаической Греции [Kurtz, Boardman, p. 184], на некрополе Аполлонии-Созополя V в. [Panayotova, p. 104/6]. С. И. Капошина [1956, с. 218] сочла березанские площадки некрополя культовыми сооружениями некрополя, Лапин [1966, с. 114 сл.] отрицал их связь с некрополем, как и остальных сооружений из камня, полагая, что тут располагался первоначальный теменос и площадки предназначены для алтарей. Его мнение ошибочно: известно размещение теменоса на месте микенских захоронений (например, на Делосе), но устройство некрополя на месте теменоса, тем более в пределах сотни лет, необычно. Да и думать о сотне первых лет жизни Березанского поселения, когда кладбище, по мысли Лапина, «село» на теменос, не приходится, так как каменные площадки перекрывают залегающие под ними кострища [Капошина, 1956, с. 218]. Далее, согласно дневнику Скадовского, ряд кострищ залегает на лессовом материале, о чем писал сам Лапин [1966, с. 113], и одно это исключает его идею о предшествующем кладбищу теменосе. Наконец, древнейшая керамика некрополя, найденная в кремированных погребениях, идет с последней четверти VII в., так что на бытование тут теменоса просто не остается времени. Противоречит идее Лапина о предшествующем некрополю темене и тот его аргумент, что некоторые костяки уходят под круглые каменные ограды, ибо расположение отдельных костяков под ними обусловлено долгим существованием некрополя, — по данным Скадовского и Штерна, на некрополе 2–3 слоя [Фабрициус, с. 57; Капошина, 1956, с. 214], глубина его до 2,5 м [Лапин, с. 113]. К сожалению, ошибочное мнение Лапина о предшествовавшем некрополю темене некритически восприняли последующие исследователи. Исходя из идеи, что некрополь «сел» на древний теменос, Лапин [с. 121] счел упомянутый «мегарон» антовым храмом. Он раскрыл и на городище «дом с апсидой» шириной 5,5 м, длиной до 20 м, который также счел культовой постройкой темена

рищ — свидетельство их особой значимости. При наличии аристократических имен в антропонимике Березани VI–V вв. (см. ниже) их можно считать погребениями местной знати. Рядом с могилой Мастора, на соседней полосе VIII, находится самое большое сооружение березанского некрополя с апсидальной задней стеной; как ни трактовать его, оно подчеркивает особую значимость этого участка некрополя⁴⁵⁰.

По характеру письма эпитафия относится к середине VI в., это и есть дата сооружения подковообразной стены вокруг главного кремнированного захоронения, находящегося в центре⁴⁵¹. Поверхность плиты повреждена выбоинами, что затрудняет чтение текста. Над пятистрочной надписью, идущей бустрофедоном, вырезано профильное изображение головы покойного в левом повороте. Линия углублений, идущая от затылка к темени, как и абрис головы, указывают, что покойный изображен с головной повязкой или в шлеме⁴⁵². Стк. 1 надписи идет справа налево. Перечислим по ходу бустрофедона буквы, различимые на всех трех фото⁴⁵³. Буквы первой строки хорошо видны на рис. 45, справа налево читается ΜΑΣΤΟΡΑΤΟΝ. В стк. 2 слева направо заметны после выбоин у левого края Ρ (рис. 45 и 1в), Τ, Ε (рис. 1в), *omega*, частично Ε. Стк. 3 начинается у правого края плиты с кружочка, затем следует вертикальная черта и *omega*. Далее сохранились неясные остатки, судя по размерам лакуны, примерно 4 букв. В конце стк. 3 хорошо читается ΑΡΙΣ. Стк. 4 читается слева направо, она открывается буквой Τ (рис. 1в), за которой видны левая часть *omega* (рис. 1в) и ΝΥΜΟΣΜ (рис. 45, 1б, 1в). Стк. 5 идет справа налево; у правого края плиты скопление выбоин, где предположительно можно различить усики Κ и остатки боковин Α, далее утрачена 1 буква, за которой следует хорошо различимое ΑΘΙ. Из сохранившегося текста следует, что в стк. 1 читается имя Μάστωρ в вин. падеже, на что указывают артикль τόν в конце строки и наклонные гласные Α после Ρ. В стк. 2 читается -ρτεω, окончание патронимика Мастора. Следующее слово, скорее всего, является эпитетом, характеризующим покойного. В соответствии с различимыми остатками букв предположительно восстанавливаем ἐ[ξ]ολω[λότ'] «погибшего». С конца стк. 3 и в стк. 4 хорошо читается имя Ἀριότῳιμος. В стк. 5 различимые остатки и буквы -ΑΘΙ- позволяют читать необходимый к тексту надписи глагол κᾶ[τ]ήθε[το] «поставил». В целом текст таков:

[с. 119], что поддержал С. Д. Крыжицкий [1982, с. 30]. По мнению Л. В. Копейкиной [1975], это жилой дом.

⁴⁵⁰ См. рис. 23а, 23б. Ширина его около 10 м, если судить по большим размерам, это мегарон. Однако обращает на себя внимание фактическое отсутствие прямых стен. Поскольку еще 3 ограды некрополя имеют такую же полукруглую форму, это скорее укрупненная по размерам ограда вокруг центрального труположения. Поэтому неприемлема догадка, что это сооружение было герооном, гробницей основателя колонии [Ольвия, 1999, с. 42]. Это захоронение какого-то иного важного березанца VI в.

⁴⁵¹ К сожалению, мне не удалось выделить из альбома находок Скадовского керамику, найденную при погребениях внутри данного подковообразного сооружения, что прояснило бы до некоторой степени вопрос о характере и датировке как комплекса в целом, так и надписи.

⁴⁵² Ср. [Richter, 1961, Pl. 80, 81, 83–86, 88 107–109; Snodgrass, 1967, Pl. 39, 47/9; Pais, Pl. 188]. Обычный поворот профильных изображений на архаических надгробных стелах правый, левый редок.

⁴⁵³ Два других фото [Яйленко, 1982, с. 216/7], там и здесь в тексте обозначаем их как рис. 1б, 1в.

Рис. 45. Надгробие Мастора, фото Археол. комиссии [Яйленко, 1982]

Μάστωρα τὸν	←	«меня, <i>памятник</i>
[? Βέ]ρτεω ἐ[ξ]-	→	погибшего Мастора,
οὐωλότ' Ἀρις-	←	<i>сына</i> Берта,
τῶνυμός μ[ε]	→	поставил
κα[τ]άθε[το]	←	Аристоним»

Рис. 45а. Деталь рис. 45: эпитафия Масто́ра

Ионийский диалект эпитафии проявляется в альтернации кратких и долгих гласных на письме, а также в патронимике на $-\epsilon\omega$. Расстояние между левым краем плиты и буквой $\rho\omicron$ стк. 2 показывает, что здесь утрачены 2 буквы. Этому условию, судя по обратному словарю греческих имен Б. Хансена, отвечают имена Μάρτης , Πάρτης , Ἀόρτης , но первое имя византийское, второе из позднего Египта, третье раннее, но мифологическое (один из кентавров, упоминаемый Ферекидом у Поллукса, — 10, 139 [Hansen, 176]). Эти имена малоподходящи для нашего случая, так что вероятно восстановление здесь имени Βέρτης , известного в надписи III в. до н. э. из ионийских Эрифр⁴⁵⁴. Глагол $\epsilon\chi\omicron\lambda\lambda\upsilon\mu\iota$ «полностью истреблять», в среднем залоге «гибнуть» (в том числе причастие медиального перфекта $\epsilon\chi\omicron\lambda\lambda\omega\varsigma$ «погибший»), употребительны в поэтическом языке

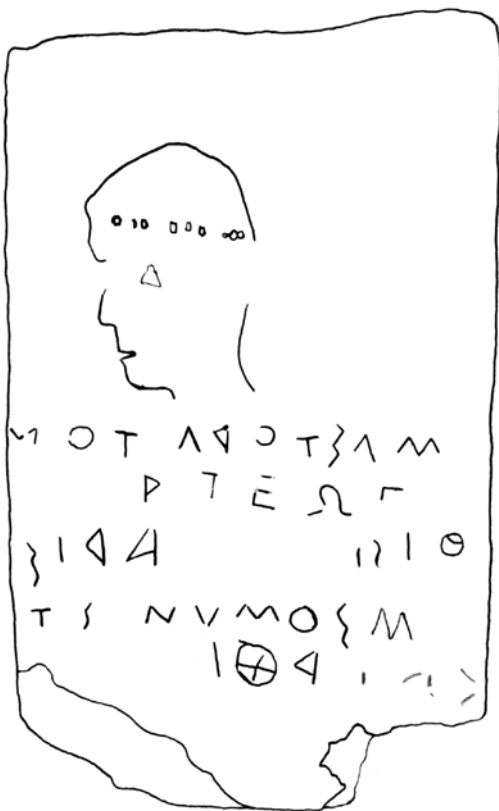

Рис. 46. Эпитафия Масто́ра, прорись с фото 45 [Яйленко, 1982]

⁴⁵⁴ [Robert, 1933, p. 468, 475/6]. И. Кайль восстанавливал это имя еще в одной эрифрейской надписи. Г. Михайлов указал также на имена Μύρτης и Σπάρτης [SEG 1982, 723; Bechtel, 1917, S. 594].

(*cp. Aristoph. Pax*, 483: ἐξολωλότες). В стк. 4 μ[ε] «меня» относится к подразумеваемому при вин. падеже имени Мастора слову στήμα или μνήμα «надгробный памятник», что имеет многочисленные параллели среди эпитафий архаического времени⁴⁵⁵.

Остатки различимых в стк. 5 букв вкупе с хорошо сохранившимися *альфой* (она напоминает *po*, но *po* в надписи имеет наклонную нижнюю черту головки, а не прямую) и *тетой* середины строки позволяют, как уже говорилось, реконструировать глагол κᾱ[τ]ᾰθε[το] «поставил». Употребление не активного залога κατέθη, а *med.* обусловлено тем, что известна медиальная эпическая форма без приращения θέτο, в то время как активная форма и в эпическом языке имеет приращение. Иначе говоря, хорошо различимая перед *тетой альфа* заставляет восстанавливать форму без приращения, т. е. средний залог.

Эпическая форма глагола сама по себе указывает на стихотворный характер эпитафии. Метричность ее текста определялась в первую очередь тем, что вин. падеж имени покойного Μάστορα сам по себе образовывал дактилическую стопу. Метрическая схема эпитафии не вполне ясна из-за утраты текста в конце стк. 2 — начале стк. 3, где предположительно восстанавливаем ἐ[ξ]ολω[λότ]. Выглядит она примерно так: — ∼ | — — | — || ∼ | — ∼ | — — | — ∼. Метрическая схема текста после имени Ἀριστώνυμος также по той же причине не вполне ясна и может быть трактована по-разному. Такие эпитафии со сверхкомплектными к гекзаметру стопами не редкость среди ранних надгробных надписей [Friedländer, № 7, 11, 12, 53, 54e]. Если чтение ἐ[ξ]ολω[λότ] правильно, начальная гласная слова может быть принята за краткую мору аналогично выдержанной в размере того же гекзаметра ольвийской надписи V в. ἡδύποτος κύλιξ εἰμὶ φίλῃ πινόντι τὸν οἶνον «я приятный для питья килик, любезный пьющему вино», где ι в слове κύλιξ краткое вопреки позиции перед двойной согласной. Это явление объясняется утратой ξ в произношении своей двусогласной природы, что повлекло за собой бытование таких форм, как κύλις «килик» другой ольвийской надписи [Яйленко, 1979a, с. 58, 60].

За исключением этого момента, эпитафия составлена хорошим поэтическим языком, несмотря на известные трудности, создаваемые включением трех личных имен в текст. Как во всяком хорошем гекзаметре, в пятой полустопе соблюдена мужская цезура после арсиса третьей стопы. Во второй и пятой стопах применены спондеи, сообщающие эпитафии медленность и торжественность, отвечающие надгробному характеру надписи. Таким образом, эпитафия Мастора является одним из древнейших поэтических текстов, когда-либо созданных на территории бывшего СССР и дошедших до нас в первоизданном виде (*см.* также застольные стихотворные надписи Березани [Яйленко, 1982, с. 298–303]), а автор этого спондеического гекзаметра Аристоним — древнейший поэт нашей страны, известный нам по имени.

Датировка надписи определяется характером письма. Бустрофедон в ионийских памятниках во второй половине VI в. выходит из употребления, и только отдельные его образцы наблюдаются в Милете до раннего V в. [Jeffery, p. 326, 329, 335/6, 377]. Для письма эпитафии Мастора характерно сосуществование архаической формы *ню* на одной ножке в стк. 1 с более развитой формой из двух наклонных параллельных гаст в стк. 4 (*cp.* [Ib. Pl. 4. 43, Аттика, конец VI в.]). Наряду с невысокой, «ползучей» формой *ню* стк. 1, 4, состоящей из четырех равновеликих гаст, примыкающих друг к другу под одинаковыми углами, в конце стк. 4 присутствует форма

⁴⁵⁵ [Friedländer, 1948, № 3e, 27, 32, 61; с другими словами — 37, 41, 42a, 43, 147].

с удлинёнными пропорциями средних гаск буквы, образующих более острые углы (ср. [Ib. Pl. 65. 41, Хиос, ок. 574–550 г.]). Отмеченная неустойчивость письма, сочетающая характерные для VII–VI вв. формы букв с инновациями второй половины VI в., как и параллели эпитафии Мастора из числа ионийских памятников, предполагают ее датировку временем около середины или третьей четверти VI в. (ср. [Ib. Pl. 56. 28; 65. 41]). Особенно характерно совпадение письма березанского надгробия с надписью припонтийского ареала — эпитафией Мандрона примерно середины VI в., найденной близ Кизика [Ib. p. 367, Pl. 72. 52]. Ее письмо включает те же элементы, что и эпитафия Мастора: сильно разомкнутые гаскы четырехчастной *сигмы*, наклон *омеги*, сосуществование двух форм М и N, слегка уменьшенные размеры *омикрона*, *альфа* с перекладиной, касающейся низа левой наклонной гаскы, наклонный *эпсилон*, наконец, *ро* с укороченной ножкой.

Имя Мастор эпическое, встречается в «Илиаде» (XV, 430, ср. 438) и «Одиссее» (II, 158; XXIV, 452), это *nomen agentis* κμαστωρ со значением «ищущий, стремящийся, желающий»⁴⁵⁶. Возможна связь имени и с глоссой Гесихия *μαστα· ἡγεμῶν, ἡ μεγάλως* «владыка, или величаво, величественно», в таком случае имя аристократическое. Безусловный источник имени нашего березанца — гомеровские поэмы. Наряду с надписью на светильнике с Березани *ὥς λύχνον εἰμι καὶ φαίνω θεοῖσιν καὶ ἀνθρώποισιν* «поскольку я светильник, то и свечу богам и людям», содержащей реминисценцию стиха 8 из VIII гомеровского гимна к Солнцу и из «Илиады» (XX, 64) [Яйленко, 1979а, с. 57], это обстоятельство свидетельствует о популярности гомеровского эпоса на Березани и *resp.* в ее метрополии уже в середине VI в. Таким образом, изрядная любовь ольвиополитов к Гомеру (*Dio Chr.* XXXVI, 51) восходит не только к милетским основателям Ольвии середины VI в., но и к березанцам, принявшим, стало быть, участие в основании новой столицы Нижнего Побужья. Аристократический характер носит и имя Аристоним.

Надгробие Мастора уникально не только для Березани, но и для всего Причерноморья в целом — другого такого или подобного нет, и появится оно нескоро: эпитафия Леокса, тоже с рельефом и профессионально исполненной надписью, будет привезена в Ольвию из метрополии спустя несколько десятилетий⁴⁵⁷. По мнению М. В. Скржинской [2013], надгробие Мастора сделано в метрополии (по заказу Аристонима, вероятно, родственника покойного), ибо в Сев. Причерноморье в столь раннее время не было специалистов по изготовлению рельефов и надписей, они появились здесь позже и сначала работали неумело, о чем свидетельствует ольвийская надпись V в. НО 1. А. С. Русаева [1987, с. 157/8] сочла, что стела Мастора изготовлена на месте, но без аргументации. Полагаем, предпочтительна первая точка зрения, так как профессиональные резчики появятся в Ольвии лишь с вхождением ее в сферу аттического влияния в последней четверти V в. Уникальность надгробия в сочетании с аристократической антропонимикой указывает на нерядовое положение Мастора. Такая уникальность позволяет заключить, что он был значительнейшей фигурой ранней Березани. Поскольку в колониях первенствующее положение занимали ойкисты, он очень вероятный ойкист (дальнейшие соображения об историческом содержании надписи см. выше, с. 150/6).

⁴⁵⁶ [Bechtel, 1917, S. 295]. К образованию *ср. μασ-τήρ* «ищущий, ведущий поиски».

⁴⁵⁷ Последующие исследования вряд ли добавят ряд подобных памятников, ибо некрополь и поселение уже в значительной мере раскопаны.

7.3. Надпись Идана

На онийском тонкостенном кувшинчике от основания ручки кругом по тулову идет надпись, завершающаяся у другой стороны ручки (рис. 47): Ἰδάνῳ ἐμὶ τοῖφῶλῃ ἀρύστιχος «я флакончик Идана, этого Трахальщика»⁴⁵⁸. По письму она датируется серединой — третьей четвертью VI в., на что указывает одновременное употребление трехчастной и четырехчастной *сигмы*: такая графика зафиксирована и на посвященных неким березанцем по имени Στρ сосудах, один из которых мелкофигурный килик третьей четверти VI в., второй хиосский кубок с фризом из вертикальных черточек, нанесенных коричневым лаком на венчик [Яйленко, 1982, с. 226, № 116, 116a]. Надпись Идана характеризуется смешением черт эолийского и ионийского диалектов. Здесь οἰφῶλῃ — эолийский род. падеж, причем с эолийским же замещением *омегой* *омикрона* других диалектов или гипериионийской *омегой* вместо нормативного *омикрона* (о характере диалекта надписи см. ниже). Трудно сказать, в какой форме первоначально было написано название сосуда: в общегреческой ἀρύστιχος или эолийской с *омикроном* — ἀρόστιχος⁴⁵⁹. Для лесбосского говора эолийского диалекта более характерно обратное явление — замена о на υ. Если сначала слово написано с *омикроном*, оно обязано происхождению Идана не с Лесбоса, а из материковой Эолиды (см. ниже). Ионийские черты: употребление *эты* и *омеги* при отсутствии их в эолийских алфавитах в целом⁴⁶⁰. Выражение дифтонга ου через ὀ одинаково известно как ионийской, так и эолийской графике. Сочетание τοῖφῶλῃ выражает красис τῶ (= τοῦ) с οἰφῶλῃ (ср. τὸρμέω = τοῦ Ἑρμέω в березанском вотиве VI в. [DGE 737]).

Судя по небольшим размерам, ἀρύστιχος Идана — парфюмерный сосуд. На это же указывает изображение самого Идана в виде карлика, сбивающего палкой цветы лотоса, из которых вырабатывались ароматические средства, возбуждавшие «трахальщика Идана».

По род. падежу Ἰδάνῳ восстанавливается *nom.* имени *Ἰδανός или *Ἰδάνης, не засвидетельствованное в греческой и малоазийской ономастике. Однако оно вполне ожидаемо и происхождение его прозрачно — оно явственно свидетельствует, что Идан выходец из Эолиды, в которой расположена гора Ида. Личные имена с основой Ἰδα- распространены в архаическую эпоху в южной восточно-греческой среде, т. е. в малоазийской Ионии⁴⁶¹. Аналогичные имена последующего времени

⁴⁵⁸ Глава публиковалась частями [Яйленко, 1982, с. 268/75; 2008, 554/63; 2009, с. 528], здесь они сведены воедино и переработаны.

⁴⁵⁹ Он представлен в эолийском: лесб. πρόταυς, беот. Ὀλόντιον, θοοίης *etc.*, также аркадо-кипрском: предлоги ὀπύ (= ὑπό), ὀπέρ, глосса Гесихия μοχοῖ = μυχοῖ [Thumb, Scherer, S. 23, 90, 120, 157; Hoffmann, 1893, S. 363; Bechtel, 1921, S. 26, 62; Schwyzer, 1939, S. 182; Beazley, 1955, № 10]. В эолийских надписях Анатолии лишь форма πρόταυς диалектная, формы с υ заимствованы [Hodot, 1990, p. 55]. Слово ὄνομα (= ὄνυμα) распространено повсеместно, это индивидуальный случай [Buck, p. 27]. Ср. граффито II в. до н. э. из Тиры с близким названием сосуда: ἡμὶ ἀρυστήρ «я чаша *такого-то*» [Яйленко, 1995, с. 250]: здесь ἀρυστήρ — вариант слова ἀρυστήρ «чаша, кубок».

⁴⁶⁰ Присутствие *эты* в надписях из эолийской Ларисы и Магнезии объясняется влиянием соседней ионийской Фокеи [Jeffery, p. 359/61].

⁴⁶¹ Наименование гор Ἰδῆ, Ἰδῆ перешло в название местностей, городов и далее в личные имена, распространено в эгейской Фракии, Эгейском бассейне и на западе Малой Азии: Ἰδακος, Ἰδυμα, Ἰδυρος, Ἰδάρη и *пр.* [Гиндин, 1981, с. 114/6, 175; Откупщиков, 1988, с. 105] (примеры других личных имен, образованных от названий гор: Ὀλυμπος, Παρνάττιος и *пр.* [Bechtel, 1917, S. 542, 554/5]). Отсюда

ΙΔΑΝΟΕ ΜΙΤΟΙΦΛΗΝΑΥΡΥΤΙΧΟΖ

Рис. 47. Граффито Идана, прорись [Яйленко, 1982]

обнаруживают ту же дистрибуцию: все они происходят из достаточно удаленных от Эолиды юго-западных областей Малой Азии (Кария, Ликия) [Zgusta, 1964, S. 191/2]. В этом ареале происхождение имен связано с ионийской глоссой, приведенной Гесихием: Ἰδῆ· [--] ὄρος Τροίας· ἢ ὕλη [--]. δηλοῖ δὲ καὶ τὸν ὑψηλὸν τόπον. [--] Ἰωνες δὲ δρυμῶν ὄρος «Ида... горная цепь Троады, или лес... Обозначает также высокое место... Ионийцы же называют так поросшую лесом гору». Поскольку ионийцы вообще называли словом Ἰδῆ поросшие лесом горы, то в их ареале были свои «Иды», служившие основой для образования соответствующих антропонимов. Напротив, эолизмы надписи Идана предполагают непосредственное происхождение его имени от названия большого горного массива Ἰδα в Эолиде.

множество и разнообразие производных личных имен, распространенных главным образом в очерченном регионе. Фракия, Македония, V–II вв.: Ἰδας, Ἰδαῖος, Ἰδάτας, Ἰδήρατος [LGPN IV, 171]. Эгейский бассейн — острова, Афины, Мегарида и др., с раннего времени: Ἰδας, Ἰδῆ, Ἰδης, Ἰδαῖος, Ἰδαία, Ἰδάλιος [LGPN II, 232; IIIA, 216; IIIB, 205]. Малая Азия, с V в.: Ἰδα, Εἰδα, Ἰδαγρης, Ἰδάγυρος, Ἰδαμενεύς, Ἰδακος [Zgusta, 1964 § 451; Jeffery, p. 348, 353], в особенности Ἰδαος у Саффо в троянском контексте (fr. 55 Snell). А. Фик отнес имена Ἰδας, Ἰδης к корню Ἰδο- «пухнуть, наполняться», что скорректировал Р. Хирцель [Fick, 1894, S. 393; Hirtzel, 1927, S. 53, Anm. 2], за ним Ф. Бехтель относительно гомеровского имени Ἰδαῖος, также Ἰδήρατος [Bechtel, 1917, S. 216, 539, но ср. 573]. Вообще странно, что при таком разнообразии производных от оронима форм не представлен вариант с продуктивным антропонимическим суффиксом -π- (как в Λαπιθανός, Πυθανός etc.), т. е. *Ἰδανός или *Ἰδάνης. Впрочем, есть -ντ-суффикс: Ἰδας, gen. Ἰδαντος у поэта V–IV вв. Антимаха [Etym. magnum, 465. 18; RE. 1916. Bd. 9, Sp. 872]. Чисто теоретически и не в приложении к нашему Идану можно предположить, что в основе имени лежит ἰδανό- «красивый, привлекательный» (Callim., fr. 114. 9 Pf., возможно, философ Мусей, fr. 76; также глоссы Гесихия: ἰδανή· τρυφερά, εὐπρεπής) «нежная, красивая», ἰδανόν· εὐειδής «красивое»). Такое прилагательное вполне может субстантивироваться (ср. φίλη «любимая», имя Φίλη): σᾶς (τᾶς) ἰδανὰς Χάριτες «твои (эти) прекрасные Хариты» Каллимаха можно понять и как «Прекрасные Хариты». Так, устойчивое выражение Σαπφῶ ἡ καλὴ у Платона и других писателей (PB, 1342) имплицитно означает «Саффо Прекрасная» (как Василиса Прекрасная в русских сказках). Если это так, значение имени *Ἰδανός, *Ἰδάνης «Красивый». Прилагательное καλός, -ή того же значения «красивый», что ἰδανός, тоже стало личным именем: Καλός (III в.), Καλοί (IG V/1, 1445, Мессения, II в.), Καλή, Καλλίστη — эпитет Артемиды и личное имя (Aesch. Ag. 140; Paus. I, 29, 2; Anth. Pal. VII, 599) [PB, 596, 605; Bechtel, 1917, S. 233/4; LSJ, s. v. καλός I, 2].

Все это заставляет видеть в Идане колониста середины VI в., прибывшего в числе ионийцев на Березань. Кроме того, граффито Идана — шутивая надпись владельца, что также свидетельствует в пользу того, что он был жителем Березани, а не залетной птицей. Вопросы исторической интерпретации надписи мы рассмотрим ниже, а сейчас продолжим рассмотрение ее чтения и языка в связи с критикой Ю. Г. Виноградова [1981, с. 140/1] и С. Р. Тохтасьева [1985, с. 283 сл.]. По мнению первого, пятая от начала буква не *омикрон*, а *тета* — кружок с точкой внутри, так что читается имя Ἰδανθέμις со «смешанным композитом, в котором выделяется греч. основа θέμις», первая основа Ἰδαν- представлена в имени скифского царя Ἰδανθύρσοις. Его чтение: Ἰδανθέμι τοιφάλη ἀρύστιχος «Идантемиду, развратнику, (эта) кружечка (в подарок)». По поводу этого чтения я отметил: 1) имени Ἰδανθέμις не просто нет, его не может быть, так как не существует имен с одной скифской основой, а другой греческой; 2) чтение Ἰδανθέμι невозможно, так как это форма вокатива, а дат. падеж имен на θέμις обычно θέμιδι (у Гомера — II. XV, 87, имя θέμις имеет *dat.* θέμιστι); 3) скифо-ольвийские отношения, исключая кратковременный эпизод со Скилом, носили враждебный характер, что не могло породить смешанную антропонимику в VI в.; 4) точка в середине О случайная или декоративная [Яйленко, 1982, с. 308/9]⁴⁶².

Суждения Тохтасьева приведу с комментариями. Мой аргумент о написании сначала эолийской формы ἀρόστιχος и исправлении ее на нормативную форму ἀρύστιχος он попытался элиминировать примерами колебания υ — о, помимо эолийского диалекта, в трех надписях: имя Εὐρύλοχος на урне эллинистического времени из Александрии, Δρύσανις — Δρόσανις эпитафии пафлагонца КБН 180, κόλιξ вместо κύλιξ на черепке из Аль-Мины. Это некорректное решение, так как переход υ — о практически представляет собой эолийское и аркадо-кипрское явление (см. выше). Поскольку повсеместно в Греции название сосуда ἀρύστηρ, ἀρυτήρ, ἀρύστις, ἀρύστιχος пишется через *ипсилон*: в Аттике (комики, трагики, Vaseninschriften), Ионии (Геродот, Гиппократ, эпиграфика), дорийском ареале

⁴⁶² В качестве примера случайных точек-сколов внутри кружка О см. известный милетский календарь жертвоприношений последней четверти VI в., стк. 2, 7–10 [Jeffery, Pl. 64. 33; Seider, 1990, S. 59]. В граффито Идана точка может быть и не случайной, так как в надписях с архаического времени *омикрон* порой украшался точкой внутри. Ею могли быть декорированы все О или часть их (как в посвящении ок. 566 г. с афинского Акрополя) либо, как в нашем случае, одно, остальные без декорации [Raubitschek, 1949, p. 228, 351/2; Guarducci, 1975, p. 47, ο = *omega*]; к примеру, в заголовке проксении V в. один *омикрон* с точкой, остальные 4 без нее [Hesperia. 1939. Vol. 8, p. 66]. И позднее такая декорация применялась, например, на боспорском черепичном клейме IV в. до н. э. с именем ΝΙΜΦΟ (Нимфодор) [Анохин, 1999, с. 197, № 95], в граффито IV в. с Панского (ниже, с. 676, рис. 116); в надписях IV в. КБН 8, 1111 *омикрон* с декоративной точкой внутри. При перепечатке своей статьи в 1997 г. [Pont. St. S. 153] он сопроводил ее Nachträge, но не ответил на мои возражения 1982 г., ограничившись отсылкой: «Vgl. Jajlenko... 1982, S. 269», т. е. отослал читателя не к моей критике его чтения [Яйленко, 1982, с. 308/9] и даже не к моей публикации надписи [Ib., с. 219, 268/70], а к моим рассуждениям о слове ἀρόστιχος. Все это означает отсутствие у него контраргументов. Он датировал граффито первой половиной VI в., но голословно, тоже без каких-либо доказательств, я — серединой или третьей четвертью VI в. по употреблению трехчастной и четырехчастной *сигм*, а также по сходству четырехчастных *сигм* двух других березанских граффити на черепках сосудов, имеющих хорошую керамическую дату: одно сделано на фрагменте мелкофигурного клика, другое на хиосском кубке с характерной орнаментальной росписью венчика (см. выше).

(Алкман, эпиграфика), Сев. Причерноморье (вышеупомянутое граффито II в. из Тиры), написание ἀρόστιχος — эолийского или аркадо-кипрского происхождения. Эолийские следы VI–V вв. обнаруживаются на Боспоре, в Тире (с. 321/2). Связи же с Аркадией устанавливаются с IV в. — НО 4; КБН 37, 991 и эпитафия тегеата (ниже, с. 857/8). Отсюда следует, что написание ἀρόστιχος обязано руке эолийца, а не аркадянина или киприота⁴⁶³.

Приняв чтение имени Виноградовым, Тохтасьев вынужден объяснять необъяснимое — «греко-скифский композит» Ἰδανθεῖμι. В отличие от историка Виноградова, вторгшегося в неведомую ему сферу ономастики, филолог Тохтасьев вполне понимает, что такового быть не может⁴⁶⁴. Но стремление поддержать своего симпосиаста Виноградова выше разума: он настаивает, что «единственной прочной основой для истолкования Ἰδανθεῖμι остается... сопоставление его с Ἰδανθύρσος» [с. 289]. Он счел Ἰδανθεῖμι греческой адаптацией двухосновного варварского имени под композиты типа Μολπόμενις: под Ἰδανθεῖμις может подразумеваться какое-либо иранское имя вроде сочиненного им *Vidant-tama- «Достигший наивысшего», хотя тут же признал, что надо «быть осторожнее в подобного рода опытах». Не найдя сколько-нибудь убедительного антропонимического или лексического соответствия на иранском материале, позднее Тохтасьев [1999, с. 179/80] еще раз «помутил воду»

⁴⁶³ Что до пары Δρόσανις — Δρόσανις КБН 180, то неизвестно, какая форма исходная; эта альтернатива не представляет собой «пример из ионийского ареала», как счел Тохтасьев, ибо в ионийском ее нет. Поскольку Дросанис пафлагонец, может быть, это пафлагонская черта, ср. [Thumb, Scherer, S. 181, 191]. Диалектная принадлежность граффито позднего V — IV в. из Аль-Мины с написанием κόλιξ в м. κύλιξ неясна, но эта данная надписи, вопреки Тохтасьеву, не указывает на восточноионийский диалект, так как в позднем V — IV в. она внедрена в самые разные алфавиты. Он допускал и другое объяснение исправления О на У в березанском граффито как результат диттографии: резчик «начал выписывать вторую Р, но вовремя спохватился и переправил получившийся уже кружок на У» [с. 286]. Это несерьезно, так как Р в граффито Идана написано без кружка. Тохтасьев продолжает: Яйленко видит «в авторе надписи эолийца, попавшего в ионийскую среду и не до конца усвоившего ионийский диалект и орфографию, ситуация в принципе естественная, но для данного случая более чем сомнительная. Можно задаться вопросом, почему этот Идан заботится о неродной ионийской орфографии, ведь надпись предназначалась им в сущности для себя». На риторический вопрос даю риторический же ответ: это относится к психологии автора надписи, которой мы не знаем. Отвлечемся от риторики, перейдем к конкретике: Тохтасьев не раз противоречит сам себе. На с. 285 он утверждает, что «надпись предназначалась им (Иданом. — В. Я.) в сущности для себя», т. е. граффито — автограф владельца сосуда, а на с. 292 пишет о том, что кувшинчик с надписью подарен другим лицом: «Может быть, шутник, преподнесший Ἰδανθεῖμι этот сосудик, хотел сказать что-то вроде: “Вот тебе, Идантеמיד, твой аристер!”». На с. 291/2 он заключил, что ἀρόστιχος надписи означает не сосуд, а меру вина, и фантазирует: «В целом фразу можно понять тогда так, что для Идантемида хватит и этого количества вина, больше он выпить почему-то не в состоянии, или, скорее, ему это не рекомендуется». И сразу после этого он соглашается, что сосуд предназначен для парфюмерии: «Яйленко, судя по всему, прав, считая, что наш сосудик должен был вообще-то служить вместилищем для какой-нибудь парфюмерии». Одно из двух: или автор надписи пил вино из парфюмерного флакона, или Тохтасьев не помнит написанного им же в предыдущей фразе. Ко второму решению склоняет общая небрежность данного пассажа: на с. 291 он ссылается на мою книгу «Греческая колонизация», где упоминается граффито из Тиры ἡμὶ ἀρόστῃρ: «[Яйленко, с. 269, примеч. 2]», но на с. 269 нет ни примеч. 2, ни упомянутого граффито, они на с. 268.

⁴⁶⁴ Об этом свидетельствует следующее: когда Л. Дюбуа попытался объяснить название Βορυσθένης как греко-варварский композит, Тохтасьев [1999, с. 179] объявил таковые мнимыми, а рассуждения Дюбуа не заслуживающими обсуждения. Стало быть, гибриды от Дюбуа невозможны, от Виноградова возможны. Одно это показывает, что позиция Тохтасьева в случае с чтением гибрида Идантеמיד продиктована упорным нежеланием признать точность моего прочтения.

другими иранскими именами, ничего общего не имеющими с Ἰδανθεμῖ (Ζαρανδός и *pod.*), рассуждая, где могла заканчиваться основа этого скифского имени: Ἰδανθ-ι или Ἰδαν-. По его заключению, имена Ἰδανθεμῖς и Ἰδανθύρσος «не были для греков словообразовательно прозрачны и, стало быть, лишь частично грецизированы под влиянием созвучных θέμῖς, *resp.* θύρσος». Если раньше он писал об «основательной грецизации всех этих названий» [1985, с. 288], теперь о «частичной грецизации», то все это гадание на кофейной гуще. Поскольку ему приходится объяснять одно неизвестное через другое неизвестное, предположение о греческой адаптации повисает в воздухе, соответственно и само чтение имени Ἰδανθεμῖ⁴⁶⁵.

Слово οἰφώλης написано в березанском граффито с *омегой* (οἰφώλης), что я ранее исправлял, теперь оставляю как аутентичное написание. Тохтасьев сохранил написание подлинника и фантазирует: οἰφώλης составлено из основ οἶφω и ὄλλυμι, что может обозначать того, кто затрахал, и того, кого затрахали. Его объяснение делает слово гапаксом и вообще ошибочно, так как οἰφώλης составлено из οἶφω + суф. существительных и прилагательных -ολη- (о нем [Schwyzer, 1946, S. 56])⁴⁶⁶. Написание через *омегу* имеет фонетическую природу. Во-первых, в эолийском есть примеры употребления в одном и том же слове то *омеги*, то *омикрона*. По словам грамматика VI в. н. э. Иоанна, автора сочинения о греческих диалектах, эолийцы употребляли в ряде слов ω вместо ο, приводит он примеры и обратного свойства [Hoffmann, 1893, S. 217, 221; Bechtel, 1924, S. 52]. Так, согласно грамматикам, слово ἔρως «любовь» по-эолийски ἔρος, и Сафо дает формы ἔρος, ἔρον, также Ἐρωτος, у Алкея ἔρον и ἔρωι [Thumb, Scherer, S. 107]; *gen.* ὠράνω «неба» у Сафо (fr. 1. 11 Page) и Алкея (fr. 355 Page) и ὀράνω у нее же (fr. 52) и Алкея (fr. 138. 1) [Hooker, 1977, p. 84 f.]. Таким образом, с такой точки зрения написание οἰφώλης эолизм, соответствующий другим эолийским чертам березанской надписи. Однако есть

⁴⁶⁵ Идею о греческой адаптации скифского имени Тохтасьев [1982, с. 287] пытался хоть немного подтвердить негативом: «Фемида не имела культа в Ионии» (со ссылкой на К. Лятте и *лит.* в RE. Bd. VI A, Sp. 1626, и подразумевая этим, что среди ионийцев Березани греческого имени Ἰδανθεμῖ быть не может). Его высказыванию противоречат имена Ἀμφίθεμῖς, Διόθεμῖς, Ξενόθεμῖς, Θεμισθομάνδρῳ в Милете и Бранхидях, Ἡρόθεμῖς, Φαννόθεμῖς в Эрифрах [Bechtel, 1917, S. 200/1; Milet III, 122, I. 8; Hualde Pascual, 1997, p. 227], Μολπτόθεμῖς в Нимфее, по Л. Дюбуа, милетского происхождения [Bull. ép. 2000, № 488]. Вообще подборка Ф. Бехтеля имен на -θεμῖς достаточно широка для заключения о представительности культа Фемиды в ионийском мире, так что нет оснований исключать Ионию отсюда. Заявление Тохтасьева [2007, с. 194, примеч. 186], что «труд Бехтеля, без которого серьезные занятия греческой антропониимией невозможны, Яйленко неизвестен», возвращаю обратно: если бы он дал себе труд ознакомиться с именами на -θεμῖς в Ионии по «труду Бехтеля», то не писал бы об отсутствии там культа Фемиды. Дальнейшие соображения об «имени» Идантемид и Иданфирс см. ниже, Приложение 2.

⁴⁶⁶ Основа οἶφω *futui*, в половом значении нынешнего сленга «*трахаю*». Тохтасьев сначала счел οἰφώλης существительным — «сластолюбивый импотент» [с. 290], затем прилагательным *libidinosus* [1999, с. 181]. Это существительное, но не в вольной трактовке Тохтасьевым глоссы Гесихия («сластолюбивый импотент»), а *fututor* (*трахальщик* современного сленга): οἰφώλης· ὁ μὴ ἐγκρατής, ἀλλὰ καταφερής πρὸς γυναῖκα «не сильный (в половом смысле), но склонный к соитию с женщиной». Гесихий же: οἰφώλης· γυνή καταφερής, μάχλος, πασχητίωσα «женщина распутная, похотливая, склонная к противоестественным влечениям». В скальной надписи V в. с Накса [IG XII/5, 97; Jeffery, 1969, p. 412, № 14]: Δωροθέα καλή (?) под текстом изображен плуг, к изъяснению которого П. Кречмер привлек стих Менандра (fr. 105 Mein.: τὸν ἄροτρον τὸν ἀνδρὸς ἐν γυναικί «опашивание бабы мужиком», буквально: плуг (пахота) мужика в бабе) и заключил, что οἰφώλης имеет тут активное значение *fututor* [Kretschmer, 1901, S. 143/4]. Стало быть, переведем надпись так: «Доротея красивая, Карион трахальщик» (ка приличных именах в надписях на вазах — сокращение *καλός, καλή* [Klein, 1898, S. 38, 58 *etc.*]).

и другой способ объяснения этого явления — как гипериионизм, известный в числе прочего и надписям Ольвии (Δηλ-, см. с. 33, 42).

По словам Тохтасьева, эолийский *gen.* -η появляется только в V в., что препятствует моему чтению⁴⁶⁷. Критик не прав: такой род. падеж представлен у Алкея, т. е. с рубежа VII–VI вв.⁴⁶⁸ А вот замечание, что лесбосский *gen.* -η затронул лишь имена собственные, приемлемо: в ранних памятниках нет апеллативов с таким род. падежом, хотя справедливо и то, что ранних восточноэолийских надписей немного, так что мы располагаем скудным лексическим материалом⁴⁶⁹. Тем не менее это не препятствует моему чтению: τοῖφώλη вполне может быть понято как прозвище владельца флакона в род. падеже: τοῦ οἰφώλη «этого Трахальщика». Образование прозвищ от такого благодатного для шутников глагола, как οἶφω, продуктивно⁴⁷⁰. Член τοῦ в οἰφώλη объясняется его употреблением при повторе личного имени⁴⁷¹.

Теперь, в связи с разработкой ареальных данных испанскими филологами, нет нужды говорить об эолийских и ионийских чертах надписи Идана. Ранее ионийские черты в эолийских памятниках считались результатом ионийского влияния

⁴⁶⁷ Так Д. Бэйн [Bain, 1991, p. 73] и Дюбуа [Dubois, 1996, p. 68], которые пользовались заметкой в [SEG 32, 724], т. е. им осталась неизвестной моя аргументация по чтению имени.

⁴⁶⁸ Fr. 383 L. — P.: Δινομένη τῷ Τυρρακῇω. Рукописи «Энхиридиона» грамматика Гестияна, сохранившего фрагмент, дружно дают это чтение, поэтому для одних специалистов наличие *gen.* -η в раннем лесбосском диалекте не вызывает сомнений [Hamm, 1957, S. 156; Thumb, Scherer, 1959, S. 99], другие отрицают, забывая также о патронимике Καλλικρέττη эпитафии V в. из Кебрены [DGE 618, *comm.*; Hodot, 1990, p. 121/2] (сей город Тохтасьев [1985, с. 284] неточно назвал Кубреной). Этот дискуссионный вопрос следует рассматривать шире: образование падежей -s- основ по типу *masc.* -a-основ затронуло не только родительный падеж, но также дательный (Δινομένην у того же Алкея, fr. 34 Snell = 376 L. — P.) и винительный [Hamm, 1957, S. 88, 156; Hodot, 1990, p. 120 s.]. Более того, данный процесс проходил также в ионийском диалекте, аттическом, беотийском, аркадском, кипрском, критском, в северо-западном дорийском ареале (Дельфы) [Hoffmann, 1893, S. 548; Thumb, Kieckers, S. 163; Buck, p. 90], так что это не единичное лесбосское явление, а широкая в ареальном и хронологическом отношении морфологическая новация. Естественность образования падежей -s-основ по типу *masc.* -a-основ показывает независимое от какого-либо внешнего влияния появление его в позднеримское время в аттических надписях, давших *gen.* Εὐτύχη и *dp.* [Threatte, 1996, p. 171/2].

⁴⁶⁹ Скудость раннего эпиграфического материала по этому диалекту следует из такого примера: в основном имена с *gen.* -η относятся в надписях малоазийской Эолии ко II в. до н. э., реже к III в. и лишь одно в эпитафии V в. [Hodot, 1990, p. 121/2]; не сохранилась последняя, указанный *gen.* считался бы эллинистической новацией.

⁴⁷⁰ От глагола οἶφω образован ряд других существительных: φιλοίφας «любител трахать» (так сказать, «трахололюбивый», *Theocr.* IV, 62), φίλοιφος, *то же* (Гесикий: φίλοιφος πασχτήης «склонный к противоестественному разврату»), наконец, κόροιφος «трахальщик дев» (κόρη), ставшее личным именем того же значения Κόροιβος [Bechtel, 1917, S. 570; Chantraine, 1974, p. 788]. Божество по имени Οἰφώλιος упоминает Архилох, в афинском граффито на вазе Евфрония фигурирует итифаллический сатир по имени Οἶφω [Bechtel, 1898, S. 62; Bain, 1991, p. 73; Schulze, 1966, S. 716]. Имя легендарного спартанского царя Οἰβάλος (*Paus.* III, 1, 3 *etc.*), как и имя Κόροιβος, происходит из языковой среды типа иллирийской с ее неаспирированным дериватом οἶφω [Blumenthal, 1930, S. 8–9; Chantraine, I. c.] (*cp.*, впрочем, аргосское γεγράφαι = γεύραφαι). Вообще у греков образование прозвищ от обесценных (неприличного содержания) глаголов вследствие склонности к пирושкам, гетерам и гомосексуализму нередко. К примеру, женское имя VI в. Παλαίστω происходит от обесценного глагола παλαίειν [Kretschmer, 1894, S. 209; Bechtel, 1917, S. 517].

⁴⁷¹ Например, *Plato*, *Alc.* I, 113b: Ἀλκιβιάδης ὁ καλός можно перевести «Алкивиад, этот красивый (сын Клиния)» и «Алкивиад Красавец». Указательное значение члена при личном имени хорошо видно в эпическом языке: Нестор начинает перечисление потерь ахейцев с Диомеда Тидеевича: βέβληται μὲν ὁ Τυδείδης, κρατέρως Διομέδης «ранен этот Тидеевич, могучий Диомед» (Il. XI, 660) [Нидерле, с. 139].

[Hoffmann, 1898, S. 428, 445, 582; Bechtel, 1905, S. 704; Schwyzer, 1939, S. 86]; сейчас сложилось иное представление о характере этого явления⁴⁷². Суть его состоит в том, что на севере малоазийской Ионии в ионийском диалекте издавна проходил процесс развития, сходный по ряду явлений с тем, что был в эолийском, поэтому надо вести речь не об эолизмах в ионийском и не об ионизмах в эолийском, а о параллелизме фонетических явлений в обоих диалектах на пограничной территории [Lopez Eire, 1987, p. 161 s.; Hualde Pascual, 1997, p. 256; Santiago Alvarez, 1997, p. 233 sg., cf. Moraleio Alvarez, 1999, p. 275 sg.]. Отсюда можно заключить, что диалектизмы надписей из Эмпориона, засвидетельствованные равно в восточно-ионийском и восточноэолийском [Slings, 1994, p. 117], отражают этот субдиалект ионийско-эолийской пограничной зоны.

Таково и березанское граффито — оно не только надпись эолийца, оказавшегося в ионийской среде, но и памятник, содержащий черты микшированного субдиалекта ионийско-эолийского пограничья на северо-западе Малой Азии. Иными словами, в числе переселенцев середины VI в. на Березани были насельники малоазиатского ионийско-эолийского пограничья, ионийцы да эолийцы; и их потомки сохранили некоторые особенности тамошнего субдиалекта. В таком аспекте лишь написание οἰφῶλη березанского граффито — то ли действительно эолийская черта этого субдиалекта, то ли гипериионизм, а род. падеж на -η и ἡμί его ионийские черты⁴⁷³. Родительный падеж Ἰδάνω соответствует ионийскому и эолийскому окончанию родительного падежа основ на -ο-; если имело место исправление эолийского написания ὀρόστιχος на ἄρόστιχος, это выявляет стремление автора надписи к выравниванию формы по ионийской норме.

Итак, наше чтение: Ἰδάνω ἐμὶ τοῖφῶλη ἄρόστιχος «я флакончик Идана, этого Трахальщика». По типу надпись владельческая: εἰμί + *gen.* имени собственника. Но содержание ее показывает, что писал не Идан, особенно с учетом его карикатурного изображения, — это дружеский шарж при надписи-насмешке. Ни Виноградов, ни Тохтасьев не привели структурных параллелей своему чтению, тогда как наше имеет достаточно аналогий⁴⁷⁴. Как правило, надпись и рисунок тематически связаны (см. выше о плуге и Карионе; все дипинти на расписных вазах поясняют рисунок), поэтому указательный артикль при прозвище Οἰφῶλης «этого Трахальщика» не столько результат постановки прозвища после имени, сколько отсылка к рисунку. Идан изображен под надписью в виде толстого коротышки, что указыва-

⁴⁷² Толчок ему дали эолизмы двух ионийских надписей V в. из фокейской колонии Эмпорион на пиренейском побережье Средиземноморья (отсюда разработка вопроса испанскими лингвистами). Фокея — ионийский город близ Эолии, что и определило появление «эолизмов» в этих надписях.

⁴⁷³ Форма ἡμί есть и в западноэолийском — беотийском, фессалийском [DGE 440, 561, 731], но Lesb. ἔμμι [Hoffmann, 1893, S. 48, 483; Bechtel, 1921, S. 158; Thumb, Scherer, S. 22, 62, 252]. Поскольку участие беотийцев и фессалийцев в колонизации Сев. Причерноморья не отмечено, а в восточноэолийском этой формы нет (есть ἔμμι), ἡμί березанского граффито — ионизм.

⁴⁷⁴ Конструкция имя + εἰμί + патронимик обычна в подарочных и владельческих надписях, эпиграфиях и пр. Так как березанская надпись владельческая, приведу примеры этого рода: Ἀρχετίῳ εἰμὶ τὸ Εὐκλέος «я принадлежу Архетию Евклееву» (на сосуде V в., также другие надписи с этой конструкцией [Agha, 1989, p. 58; 1992, p. 23, 47]); Горυίνιός ἐμὶ κότυλος καλὸς κ[αλ]ῶ «я прекрасная котила прекрасного Горгиния» [DGE 440/4, Беотия, VI в.]. Почти полную параллель березанской надписи составляет беотийское граффито VI в., в котором отсутствует только подразумеваемое название сосуда: Καλιαία ἐμὶ τὸ κέντρον «я принадлежу Калиайю, этому члену» (вариант «Калиайю, этому Члену») [DGE 440/3]; κέντρον «membrum virile, любовное желание, страсть».

ет на шуточный характер и рисунка, и надписи. Рисунок под надписью включает еще три предмета, которые я раньше называл плодами. Тохтасьев привел мнение ботаника, который считал, что это, возможно, цветки бессмертника. Ботаник — явно серьезный ученый: оговорку «возможно» употребил не случайно, ибо нет маломальски внятной связи рисунка бутонов цветка с человеком, который мечет в них копье или палку, тем более что Тохтасьев узрел в нем воина, а до сражения с цветком бессмертника древняя мифология не додумалась⁴⁷⁵.

Если обратиться к изобразительным мотивам поздней архаики, то это не плоды и не цветы, а гирлянда лотосов — употребительный в вазописи орнаментальный мотив (рис. 48, а)⁴⁷⁶. Семантика лотоса разнообразна, но ключевое по смыслу надписи прозвище «Трахальщик» заставляет обратить внимание на половую сферу.

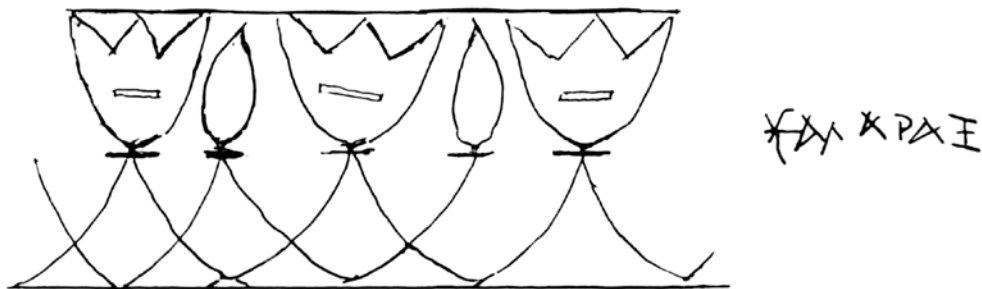

Рис. 48.

а — гирлянда из трех лотосов-трилистников на аргосско-кикладских вазах VII в. [Dugas, 1925];
 б — эолийское граффито V в. из Тиры, прорись [Яйленко, 1982]

⁴⁷⁵ Изображение воина увидели также В. В. Назаров и С. Л. Соловьев [2000, с. 164]. Назаров [1999, с. 82] поначалу думал, что это тяжеловооруженный воин, но разумно скорректировал мнение, зато подхватил идею Виноградов, усмотревший ни много ни мало воина в паноплии [ВДИ. 1999. 4, с. 177, примеч. 4]. Из элементов паноплии при желании можно усмотреть щит и копье, но нет поножей и шлема, ибо изогнутая черта над глазом — скорее бровь, а не основание шлема, которое должно быть прямым и доходить до затылка. Ряд деталей не дает оснований усматривать воина: копье без наконечника, так что это просто палка; на рисунке показаны рука и живот, которых не должно быть видно за щитом. Это коренастый человек в коротком хитоне и плаще, подобного рода широкая, почти квадратная фигура в длинном хитоне и плаще представлена на хиосском кубке VI в., найденном на Березани [Горбунова, 1969, с. 34]. Впрочем, условность изображения Идана не позволяет определенно решить, в гражданском он одеянии или вооружен.

⁴⁷⁶ Он распространен в вазописи VII–VI вв., встречается также в архитектуре и скульптуре. Для примера даем прорисовку гирлянды из трех лотосов-трилистников на аргосско-кикладских вазах VII в. [Dugas, 1925, р. 241]. В предшествующее время гирлянда включала несколько раскрытых цветков лотоса, примерно с конца VIII в. их количество сокращается до трех. Чередуются раскрытые и закрытые бутоны. Другой пример декорации из лотоса-трилистника с чередующимися открытыми и закрытыми бутонами, но обращенными книзу, — киаф беотийско-аттического мастера первой половины VI в. Феозота [Блаватский, 1953, с. 123]. Открытые лотосы-трилистники чередуются и с пальметтами на чернофигурных аттических вазах второй половины VI в., употребляются и в архитектурной декорации [Boardman, 1996, р. 83, 112]. По происхождению это восточный орнаментальный мотив: гирлянда чередующихся пятилепестковых открытых и закрытых опрокинутых бутонов лотоса идет по верхнему фризу саркофага правителя Библоса XI в. Ахирама [Frankfort, 1996, р. 271]. Вертикальная гирлянда трехлепестковых лотосов, увенчанная пальметтой, образует бордюр рельефа из дворца Дария I в Персеполе [Collon, 1995, р. 180], возможно, работа греческого мастера.

В египетской и индийской мифологии раскрытый цветок лотоса отождествлялся по внешнему сходству с женской вульвой⁴⁷⁷. К примеру, бог солнца Ра изображался в колыбели — бутоне голубого лотоса, и это аллюзия на зарождение светила утром, когда цветки раскрывались. Вместе с декорацией в греческий мир проникла с Востока и мифология лотоса⁴⁷⁸. Но она была также местного происхождения. В интересующей нас Северо-Западной Анатолии, откуда происходил Идан или его ближайшие предки, лотос-трилистник произрастает [Steier, 1927, Sp. 1530], так что рисунок воспроизводил родную для него флору. Здесь же лотос имел сексуальную семантику: на горе Ида в Эолии происходит «священный брак» Зевса и Геры: для их соития Земля порождает ложе из лотоса, шафрана и гиацинта (II. XIV, 332, 348). Эта местность фигурирует потому, что Ида была священной горой Афродиты, у которой наряду с Матерью Кибелой был эпитет Ἰδαία [PB, 533]. Здесь она родила от Анхиза Энея (II. II, 820/1). Но с этой горой связано и имя Идана, что перекликается с сексуальным характером его прозвища. Служителями Идейской Матери, Кибелы, были Ἰδαῖοι Δάκτυλοι (Strabo, X, 10, 12; 4, 22), собственно, «Лесные Карлики», и наш Идан представлен на рисунке как идейский дактиль — коротышкой⁴⁷⁹. К тому же его имя перекликается с именем одного из пяти Идейских Дактилей Ἰδᾶς (Paus. V, 7, 4). Если Идан изображен со щитом, он совершает оргиастический обряд в честь Реи-Кибелы, свойственный дактилям-куретам: бьет копьём (палкой) в щит (Strabo, X, 3, 7; 11). Если Идан без щита, возможна иная интерпретация. На березанском рисунке показаны два раскрытых лотоса-трилистника, семантика которых, в свете изложенного, соответствует женской вульве. Идан-Трахальщик обращен лицом к лотосам (корпус повернут в две трети) и собирается метнуть в них палку. Палка по-гречески в числе прочих слов κοῦνῃ «палица, пастушья палка, membrum virile»⁴⁸⁰. Метание им палки в цветки лотоса и выражает акт οἶφω: палка, т. е. membrum virile, бросается в вульву, совершающий сей акт Идан — «этот Трахальщик». Надпись сделана на парфюмерном флаконе, что также увязывается с рисунком: согласно Теофрасту (Hist. plant. IX, 7, 3), лотос-трилистник (*trigonella graeca* Boiss., пажитник греческий) употреблялся для приготвления благовоний. Как известно, парфюмерия и секс сопутствуют друг другу.

⁴⁷⁷ [Тресиддер, 1999, с. 199–201; Вовк, 2007, с. 147; Гибсон, 2007, с. 24]. В тантрическом буддизме стебель, выражающий мужское начало, сочетается с цветком — женским началом.

⁴⁷⁸ Пример такого проникновения — сказание о лотофагах в «Одиссее», отражающее представление египтян о лотосе как символе сна и забвения.

⁴⁷⁹ [Kern, 1901, Sp. 2018; LSJ, s. v. ἰδῆ]. Самые ранние свидетельства об Ἰδαῖοι Δάκτυλοι у Гесиода (fr. 176) и в «Форониде», эпической поэме VII–VI вв. тиринфского происхождения. Идейские дактили — служители Реи, по числу пальцев их 5, они кузнецы, у них 5 сестер (Софокл, fr. 37 Nauk = Strabo, X, 3, 22). Дактили ведали магией: по Ферекиду (fr. 47 Jас.), были левые дактили, которых призывали для проклятий, и правые, отвращавшие от заклятий; первых было 23, вторых 20 [Kern, 1901, Sp. 2018/20]. О культе кабиров в Сев. Причерноморье [Braund, 2011].

⁴⁸⁰ В последнем значении у эпического поэта II в. Никандра (Alex. 400), эпиграмматиста I в. н. э. Автодемонта (Anth. Pal. 129. 8). Для выражения «бросить палку» (ср. его obscene значение «поиметь женщину» в современном сленге) подходит глагол βάλλω, которым Геродот (III, 28) в рассказе о персидском царе Камбисе обозначил вбрасывание быком семени в половой орган коровы. Согласно LSJ, κοῦνῃ = πόσθη «membrum virile» (у Аристофана), и для исследуемого рисунка интересно, что πόσθη имеет также значение «малый» (Aristoph. Pax, 1300), «коротышка» в переводе С. Апта. Это тоже соответствует изображению Трахальщика как коротышки, имплицитно в качестве «полового члена».

Итак, между рисунком и надписью существует разнообразная семантическая перекличка, что удостоверяет точность нашего прочтения ее текста, тогда как чтение оппонентов никак не связывает граффито с рисунком⁴⁸¹.

Теперь обратимся к исторической интерпретации текста. Его языковые особенности, свойственные эолийско-ионийскому пограничью, указывают, что в колонизации Березани примерно в середине VI в. наряду с ионийцами принимали участие и эолийцы. В Сев. Причерноморье это уже третий случай участия эолийцев в основании колоний совместно с ионийцами: оно зафиксировано также в отношении Гермонассы (*Eustathi comm. ad Dion. Per. 549 = Arriani Bith. fr. 60*) и, на наш взгляд, Тиры. Дело в том, что в Тире, основанной в VI в. милетянами, т. е. ионийской колонии (*Ps. Scymn. 802/3*), есть граффито, написанное на неионийском диалекте. Это застольная надпись, прочерченная по краю большого чернолощеного блюда, у закраины снизу: *κάλα ράξ* «отличная ягода» (рис. 48, б)⁴⁸². Форма *ράξ* указывает на неионийский диалект автора надписи (ион. *ρώξ*), чему соответствует и эолийская или дорийская форма прилагательного жен. рода: эол. *κάλα* или дорич. *καλά* (= ион. — аттич. *καλή*) [Thumb, Scherer, S. 93]. Дата надписи близка времени основания Тиры: по шрифту она относится ко второй четверти — середине VI в.⁴⁸³ Это дает *terminus ante quem* для времени возникновения этой колонии. Как памятник, оставленный первыми колонистами Тиры, надпись важна для определения того неионийского пласта, который представлен здесь наряду с ионийским. Ключ к решению этой проблемы дает определение диалектной принадлежности данной надписи. Поскольку можно счесть прилагательное *καλά* и дорийским, и эолийским, для выяснения диалектной принадлежности этой очень краткой надписи мы вынуждены прибегнуть к данным внеэпиграфического характера.

Каких-либо сведений о дорийских элементах в Тире нет, зато привлекает внимание имя расположенного близ Тиры в устье Днестра «Селения Гермонакта» (*Strabo*, VII, 3, 16: *Ἑρμώνακτος κώμη*). Имя эпонима поселения перекликается с именем Гермона, вместе с Семандром основавшего боспорскую Гермонассу. Евстафий в указанном пассаже пишет, что Гермонасса названа по имени ойкиста

⁴⁸¹ По мнению Виноградова [1999, с. 177, примеч. 4], изображение пальмовых плодов — просто декоративный мотив.

⁴⁸² [Яйленко, 1995, с. 249]. В критическом раже Виноградов [Bull. ép. 1990, p. 547] прочел здесь имя *Χαλάραξ*, разумеется, не засвидетельствованное, выдуманное им, потому и неприемлемое. Это и другие граффиты любезно передал мне для публикации Исаак Бенционович Клейман, так что благодаря ему появилась моя заметка о граффити Тиры [Яйленко, 1995]. С большим удовольствием вспоминая наши давние встречи в Одессе и Тире: он вдумчивый ученый, на редкость благожелательный, порядочный и симпатичный человек. Представители следующих поколений ученых — Ю. Г. Виноградов, Иванчик, Тохтасьев — в последние два десятилетия не раз отличились молчаливым заимствованием чужих идей и материалов, о чем читатель уже узнал и еще не раз узнает далее (с. 294, 468, 648/52, 821, также [Яйленко, 2010, с. 18, 20, 71 и др.]). С этой неприглядной бесцеремонностью резко контрастирует деликатность И. Б.: поскольку после 1980-х я не проявлял интереса к тирским граффитам, а у него нашелся заинтересовавшийся ими ученик, он счел нужным осведомиться у меня, буду ли я еще заниматься его граффити, и если нет, то не возражаю ли, чтобы ими занялся его молодой сотрудник? Разумеется, я ответил согласием. К несчастью, в 2012 г. Исаака Бенционовича не стало; да будет земля ему пухом, в моей памяти он остается на редкость светлой личностью.

⁴⁸³ Характерные формы *альфы* с очень архаичным перекосом перекадин, *rho* на развитом корешке и *лямбда* с разновеликими гасами находят хорошие параллели в сигейской надписи Фанодика, исполненной бустрофедоном и датирующейся примерно серединой VI в., а также в хиосском законе второй четверти VI в. [Jeffery, Pl. 65. 41, 71. 43, 44].

Гермона, как Фанагория — по имени своего основателя Фанагора. Он привел и версию Арриана: Гермонасса названа по имени жены митиленца Семандра, которая унаследовала после смерти мужа власть в основанном городе (греческий текст см. на с. 331). Объяснение названия города Ἐρμόνασσα у Арриана народноэтимологическое по характеру: его приняли за женское имя, что и породило легенду о жене ойкиста Гермонассе, якобы правившей (Ἐρμο- + ἄνασσα «правительница» = Ἐρμόνασσα) в названном по ее имени городе⁴⁸⁴. Это ошибочно: топоним Ἐρμόνασσα не входит в группу *composita* с ἄνασσα, ибо ее второй компонент — топоформант -σσα, кроме того, ни одно из женских имен указанной в примечании группы не стало топонимом. Таким образом, версия Арриана содержит лишь одно реальное зерно: Гермонасса основана эолийцами во главе с ойкистом Семандром из Митилены. Но арриановская традиция в передаче Евстафия лакунарна — ионийцы не упоминаются в числе основателей города. Не столь существенно выяснять, Евстафий умолчал об этом в своем пересказе или ионийцы вообще не фигурировали в изложении Арриана. Важно, что географ II в. н. э. Дионисий Перизет (ст. 552) и вслед за ним Евстафий и Стефан Византийский (s. v. Ἐρμόνασσα) называют Гермонассу городом, основанным и населенным ионийцами. Это подтверждается и уточняется наличием милетского культа Аполлона Дельфиния в Гермонассе, так что город определенно основан не только эолийцами, но и милетянами⁴⁸⁵. Абсолютное преобладание в надписях Гермонассы V–IV вв. ионийского диалекта указывает, что основную массу колонистов составляли ионийцы⁴⁸⁶. Но гермонасская эпиграфика подтверждает также сообщение Арриана об участии эолийцев в основании города: это эолийское граффито V в. Ἰουκλέας⁴⁸⁷ и эпитафия IV в. Ατοῦς Ἀταχαίω с эолийским окончанием род. падежа [КБН 1061, *cp.* DGE 446 *sq.*]⁴⁸⁸. Есть еще одно ономастическое подтверждение эолий-

⁴⁸⁴ [Жебелев, 1953, с. 67]: у Арриана есть и другие такие же объяснения топонимов: Фасос назван по Фасосу, сыну Посейдона, Нил — по Нилу, потомку Атланта, и *пр.* Личное имя Гермонасса мало распространено, входит в группу *composita* из ἄνασσα «владычица» и соответствующего эпитета: Καλλιἄνασσα, Λυσιἄνασσα, Ἰφιἄνασσα, Ἀρετἄνασσα и др. [PB, 388; Hansen, S. 42].

⁴⁸⁵ КБН 1038, IV в. О сношениях Боспора с Митиленой в V–IV вв. [Syll.³ 212; КБН 274]. *Ср.* также *Thuc.* III, 2, 2: перед отпадением от Афин Лесбос запросил в Понте стрелков из лука, хлеб и *пр.* Это экспорт, характерный для Сев. Причерноморья, и очень вероятно, что Митилена, согласно греческой практике, обратилась за помощью к тамошней своей колонии, каковой была Гермонасса.

⁴⁸⁶ Рассмотрев версии об основании Гермонассы, С. А. Жебелев [1953, с. 65–68] резонно заключил, что ее основали ионийцы, к основной массе которых «могли примкнуть жители какого-либо из эолийских городов».

⁴⁸⁷ [Ю. Г. Виноградов, 1983, с. 369], с поправкой Тохтасьева [Ю. А. Виноградов, Тохтасьев, 1998, с. 40].

⁴⁸⁸ Справедливое заключение Ф. В. Шелова-Коведяева [1991], что граффиты Гермонассы показывают преобладающие ионийские черты, не отменяет нашего вывода, что там имеются упомянутые надписи с эолийскими характеристиками. На наш взгляд, род. падеж на -ω в Ἀταχαίω эолийский [Яйленко, 2010, с. 129], что соответствует происхождению Семандра и его колонистов с Лесбоса. Замечание Тохтасьева, что он может быть ионийским [Виноградов, Тохтасьев, 1998, с. 39] (неясно, он имел в виду ионийский род. падеж основ на ā, или их переход в s-основы, *ср.* [Тохтасьев, 2004, с. 154]), покоится на том, что диалектные надписи Гермонассы в своей массе ионийские. Однако ионийский род. падеж на -ω засвидетельствован в V–IV вв. в Эретрии, Галикарнассе, Велии (колония Колофона в Юж. Италии), на Хиосе [Thumb, Scherer, S. 255, 269], но не в Милете, откуда происходили колонисты Гермонассы. Напротив, в эолийском диалекте он свойствен именно памятникам Лесбоса [Thumb, Scherer, S. 91, 92], откуда происходили колонисты, судя по этнику их вождя Семандра «митиленец». Это свидетельствует в пользу нашего мнения, что Ἀταχαίω эолийский род. падеж. А *groros*: напротив, липовый эолизм усмотрен Тохтасьевым [Tokhtashev, 1995, S. 489; Виноградов,

ской колонизации Тамани. Плиний (II, 206) упомянул поглощенные Понтом города близ Меотиды *Pirra, Antissa*, по местоположению «близ (circa) Меотиды» и на Понте они находились где-то на Таманском или Фонталовском полуострове. Эта же пара городов — *Púrpa* и *Ἀντίσσα*, была на Лесбосе, и больше нигде, так что, во-первых, у Плиния следует читать Ругга, во-вторых, по участию в основании Гермонассы лесбосцев подтверждается расположение Пирры и Антиссы в районе Таманского полуострова, в-третьих, *vice-versa* это подтверждает реальность лесбосской колонизации в VI в. Таманского полуострова.

В соответствии с греческой колонизационной практикой колониальная экспедиция, состоявшая из двух гетерогенных групп переселенцев, имела двух ойкистов. Предводитель ионийцев, по Евстафию, Гермон, эолийцев, по Арриану, Семандр⁴⁸⁹. Поскольку мы выяснили, что жена последнего — народноэтимологический вымысел, ясно, что в основе названия города лежит имя ойкиста Гермона, оформленное топонимическим суффиксом -ασσα: *Ἑρμων + ασσα > Ἑρμώνασσα*. Что это так, подтверждается параллельным названием того же города у Стефана Византийского *Ἑρμώνεια*, бесспорно, образованного от личного имени *Ἑρμων*⁴⁹⁰. Суффикс -ασσα свидетельствует, что таманский топоним образован по модели, употребительной в Малой Азии, Эгееде, на Балканах, т. е. он привнесен сюда колонистами⁴⁹¹.

Итак, сооснователи Гермонассы — эолийцы, название города подобрано по созвучию к имени ойкиста Гермона (вероятно, с мемориальной целью)⁴⁹². А выше устья реки Тирас основан еще один город с названием, тоже вынесенным из области Трапезунта, — Офиусса, и во всем Сев. Причерноморье более не было других названий такого типа⁴⁹³. Как и в Гермонассе, в Офиуссе-Тире также присутствуют милетские ионийцы, эолийская надпись времени возникновения города, плюс название «Гермонактов поселок» (он расположен километрах в тридцати южнее [Агбунов, 1978, рис. на с. 122]), имя эпонима которого *Ἑρμώνας* то же (или почти

Тохтасьев, 1998, с. 38 сл.] в граффито из Мирмекия, где он прочел эол. ἄμμι «нам», из-за чего оказалось, по его признанию, что «текст, по большому счету, лишен смысла». На самом деле это дат. падеж имени богини Великой Матери Ἀμμί, так что это не стихотворный текст, как он счел, но амулет, на что указывает и овальная форма черепка [Яйленко, 2008, с. 553/4; 2010, с. 184/5].

⁴⁸⁹ Например, Гелу сообщал основали Антифем с родосцами и Энтим с критянами, ойкистами Занклы были Перизерс от Кум и Кратемен от Халкиды и т. д. (*Thuc.* VI, 5, 3–5).

⁴⁹⁰ По Стефану, это параллельное имя Гермонассы упомянул Скимн. Комментаторы (К. Мюллер и др.) отмечали, что у Скимна названа не Гермонея, а Гермонасса. Но это не аутентичный Скимну вывод, так как его подлинный текст в черноморской части утрачен и восстановлен в основном по «Периплу Черного моря» VI в. н. э., т. е. прошел через вторые и третьи руки (выше, с. 173). Напротив, связь названия *Ἑρμώνεια* с личным именем *Ἑρμων* органична, ибо это словообразовательная модель: так возникло и название эолийского города в Троаде *Λαμτώνεια* — от имени основателя *Λάμπων* [PB, 770], города *Ἀγώνεια* во Фракии — от имени основателя же *Ἀγών*, *Μεμνώνεια* от имени *Μέμνων* и пр. [PB, 13, 893].

⁴⁹¹ В этом ареале есть ряд топонимов с основой *herm-* (порт в малоазийской области Понт *Ἑρμόση*, город в Арголиде *Ἑρμών* и др.), исходное значение которой «камень», она средиземноморская, с нею посредством расширения -t- связано греч. *ἔρμα* (*gen. ἔρματος*) «холм, утес»; для личных имен возможно соответствие с агма- «луна» малоазийских языков, откуда и имя бога Гермеса [Frisk, 1954/65, S. 563/4; Chantraine, 1968, p. 373; Гиндин, 1981, с. 35–36].

⁴⁹² О номинации колонии по имени ойкиста см. ниже, Приложение 1 к этому параграфу.

⁴⁹³ Название Офиусса («Змеиная» — о реке, источнике и пр.) в Эгееде [PB, 1100]. Об эгейских названиях с формантом -ssa [Гиндин, 1967, с. 60–64; Откупщиков, 1973, с. 5 сл.]. В Сев. Причерноморье римского времени известны также Антисса, Асса, Ниосс, Описсас, Спандуса. Согласно Плинию (IV, 82), Офиусса — первоначальное название Тиры. О топонимике Нижнего Поднестровья [Редина, 2006].

то же), что у основателя Гермонассы Гермона (Ἑρμων). Все эти схождения позволяют думать о связи основания Гермонассы на Тамани и «Гермонактова селения» при устье Днестра в качестве двух звеньев одного колониационного предприятия. Небольшая разница в имени основателя города на Тамани Ἑρμων и эпонима поселка при устье Днестровского лимана Ἑρμωνᾶξ вполне объяснима семантическим сдвигом во времени: с переносом поселения из Офиуссы [Романчук, 2012] на место будущей Тиры (или из самого «Гермонактова селения») первоначальный поселок получил имя древнего эпонима, вождя (ἄναξ) колонистов, отчего титул и «приклеился» к имени основателя Гермона (Ἑρμων + ἄναξ > Ἑρμωνᾶναξ, что по стяжению гаплоглогической группы -οναλ- в -ῶν- дало форму Ἑρμωνᾶξ).

К истории с основанием Гермонассы и Офиуссы под руководством ойкиста Гермона закономерно примыкает наименование городка близ Трапезунта (примерно в 10 км) Гермонасса, известного Гекатею (*Strabo*, XII, 3, 17). Топонимов Гермонасса всего лишь два — он да таманская апойкия, причем оба расположены по сути в одном регионе — Вост. Причерноморье. Эта уникальная парность не случайна, а связана с планомерной ионийской колонизацией Вост. и Сев.-Вост. Причерноморья. Разъясним это. В 790–80-х милетяне обосновались в Синопе, в 757 г. оттуда вывели колонию в Трапезунт; налицо их планомерное продвижение к Вост. Причерноморью. Базой их дальнейшего продвижения туда и в Сев.-Вост. Причерноморье был Трапезунт — и с плаванием вдоль морского побережья, и укороченным путем, по прямой из него на Тамань, что обусловлено его географическим положением (*Strabo*, VII, 6, 2; *Arriani* Per. 16 Roos). Это естественный путь — так вдоль берега плыла пелагида после нереста в болотах Меотиды: именно через Трапезунт и Синопу она достигала Боспора Фракийского (*Strabo*, l. c.). Такова была и обратная ее дорога (*Arriani* l. c.), так что колониальное движение из Ионии через Фракийский Боспор на Боспор Киммерийский шло по пути, указанному самой природой, т. е. географическими условиями, — через Трапезунт⁴⁹⁴. Ввиду указанной роли Трапезунта как отправного пункта для плавания далее в Диоскуриаду и на Киммерийский Боспор (*Arriani* l. c.) следовавшая на Тамань колониальная экспедиция ионийцев во главе с Гермоном окончательно сформировалась в Трапезунте, чем и объясняется перенос тамошнего названия Гермонасса на основанный таманский поселок. Вряд ли стоит сомневаться, что выбор именно этого названия для колонии обусловлен его созвучием с именем ойкиста Гермона. Важно отметить и то, что примерно в полусотне километров от трапезунтской Гермонассы находится река и город на ней Офиунт⁴⁹⁵. В результате получается, что названиям в области Трапезунта — город Гермонасса, город и река Офиунт — соответствуют на Тамани Гермонасса, а у Днестровского лимана Офиусса (другой в Причерноморье нет)⁴⁹⁶. При этом связующими звеньями

⁴⁹⁴ Так, из Синопы по этой дороге на восток планомерно выведены колонии Котиора и Керасунт, чуть не достигая Трапезунта, — *Arriani* Per. 16 Roos). И поныне «челноки» и прочие пассажиры плывут в Турцию с побережья Краснодарского края в Трапезунт, откуда следуют далее, возвращаются так же.

⁴⁹⁵ *Arriani* Per. 16, 6 Roos; *Ps. Arr.* Per. 38 = SC I, p. 272. А. Рос не включил § 38 (36) Псевдо-Арриана «Перипла», в котором говорится об Офиунте, в подлинный «Перипл» Арриана (*Codex Palat.*; Roos, 1968, p. 119). Последовательность пунктов при плавании с запада на восток: Гермонасса, Трапезунт, Офиунт. Согласно Пс.-Арриану, от Трапезунта до Офиунта 270 стадий, по Арриану, от Гермонассы до Трапезунта 60 ст., в целом 330 ст., что при стадии около 170 м составит около 55 км каботажного плавания.

⁴⁹⁶ В Средиземноморье и Эгеиде известны еще 7 Офиусс [PB, 1100].

служат, во-первых, их уникальность в Причерноморье (две Гермонассы на весь греческий мир), во-вторых, топоним «Гермонактово селение», перекликающийся с именем ойкиста Гермона, которое, как показано, может лежать в его основе, в-третьих, наличие в Тире и таманской Гермонассе (и нигде в Сев. Причерноморье более) золийских надписей. Все это позволяет свести воедино основание города на Тамани и в Нижнем Поднестровье одной экспедицией Гермона и Семандра в качестве единой акции Милета по установлению своего контроля над этими областями. К примеру, таким же государственным предприятием еврейской Халкиды была экспедиция Фукла, первой высланная на Сицилию, которая основала в разных местах три города — Накс, Леонтины, Катану, чем халкидяне закрепили свое господство над плодородной долиной реки Симеф.

Собственно, первым сгруппировал воедино названия Гермонасса на Тамани и близ Трапезунта, топонимы Гермонея да «Гермонактова деревня» и имя ойкиста Гермона Стефан Византийский, мы лишь дали этой уникальной ономастической группе историческое разъяснение. Это объединение мог сделать и другой автор, источник Стефана; судя по упоминанию Страбона, это автор послестрабоновского времени. Комментаторы обычно отмечают, что у Страбона «Гермонактова деревня» лежит далеко от таманской Гермонассы, так что ссылка Стефана (или его источника) на его VII книгу ошибочна. Полагаем, дело не в этом. Страбон как географ пользовался периплом Артемидора, потому и упомянул «Гермонактову деревню» при описании местности, где она реально расположена. В рассказе же Стефана или, лучше сказать, его источника речь шла не о географии, а об истории возникновения перечисленных городов, и сходство названий объяснялось единым колониальным предприятием экспедиции Гермона. Таким образом, уникальное сходство названий Гермонасса на Тамани и близ Трапезунта, топонимов Гермонея да «Гермонактова деревня» и имени ойкиста Гермона обратило на себя внимание уже в древности и получило объяснение в качестве единого комплекса. Наша реконструкция событий разъясняет этот комплекс уникальных соответствий и связей, причем она вполне вписывается в реалии колониальной эпохи. В соответствии с колониальной практикой экспедиция, состоявшая из двух гетерогенных групп переселенцев, имела двух ойкистов. Предводителем ионийцев, по Евстафию, был Гермон, вождем золийцев, по Арриану, Семандр. К примеру, так же сообща основали сицилийскую Гелу Антифем с родосцами и Энтим с критянами; ойкистами Занклы были Перизрес от Кум и Кратемен от Халкиды (*Thuc.* VI, 5). Аналогично экспедиции Гермона и Семандра несколько оснований предприняли на Сицилии не только халкидяне, о чем сказано, но и мегаряне во главе с ойкистом Ламисом: сначала они основали Тротил, но место было неудобное, и когда халкидяне основали Леонтины и пригласили их туда, они ушли из Тротила; потом халкидяне изгнали мегарян из Леонтин, после чего Ламис основал Тапс; когда же сиккульский царь Гиблон предоставил им удобную местность у себя, мегаряне вывели Мегару Гиблею. Еще пример: основание Накса и Леонтин возглавил один ойкист Фукл, вместе с Евархом он основал также Катану, т. е. в целом Фукл вывел 3 колонии (*Thuc.* VI, 3–4).

У золийцев были свои существенные интересы в разное время и в разных областях Причерноморья [Gallavotta, 2005], в VI–V вв. золийский экспорт — важнейший в Сев. Причерноморье наряду с хиосским и милетским [Монахов, 1999, с. 40 сл.], все это указывает на более существенную роль золийцев в колониальном движении, нежели сообщают нам литературные источники.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Как доктор Суриков Гермона да Фанагора порешил, а бесплотную Гермонассу воскресил

Наши соображения о колониционных предприятиях эолийцев на Тамани и в Нижнем Поднестровье, изложенные в книге 1982 г., вызвали критику И. Е. Сурикова [2012, с. 442/6]. Вначале он привел доводы (как ему показалось) исторического характера, затем лингвистического. Первый довод забавен, его стоит привести, дабы читатель полюбовался уровнем исторического мышления критика, соответственного, как увидим, его лингвистическим познаниям. Моей конструкции, что Гермонассу основали эолийцы во главе с Семандром и ионийцы под началом Гермона⁴⁹⁷, он противопоставил [с. 442/3] то соображение, что при равенстве прав двух вождей колонистов один из них не мог допустить, чтобы колонию назвали именем другого (*sic!*). Он пишет: «как допустил бы один из ойкистов, чтобы в названии отразилось только имя второго?! Вопрос представляется вполне риторическим. Если бы Гермон “монополизировал” право быть эпонимом, Семандр воспринял бы это как чудовищное унижение для своего престижа и никак бы ничего подобного не допустил⁴⁹⁸. Апойки-эолийцы, понятно, поддержали бы своего вождя, и опять же, если бы консенсус не был достигнут, — колония немедленно распалась бы на две. А этого, как известно, не произошло. Из этого и приходится исходить, хотим мы того или не хотим». Как видно, мой тезис Суриков развенчал не серьезным анализом (например, источниковедческой штудией, как у Жебелева), а патетикой и визионерством: он будто лично знал обоих основателей Гермонассы («как допустил бы один из ойкистов, чтобы в названии отразилось только имя второго?!»), известен ему и крутой нрав Семандра (он не потерпел бы «чудовищного унижения своего престижа»), известна Сурикову и беззаветность эолийских апойков (они, «понятно, поддержали бы своего вождя»). Это стилистика и уровень исторического мышления нумизмата середины XIX в. князя Сибирского, воспитанного на архаистическом слоге адмирала Шишкова⁴⁹⁹. Но если сегодняшнему читателю (мне уж точно) тексты князя доставляют удовольствие, экзерсисы Сурикова вызывают досаду незнанием колониционных реалий, о которых он трактует. Тут же он пишет: «если полис имел двух ойкистов, то, само собой, предполагается, что они пользовались тождественным статусом, были равны друг другу. Иных вариантов история эллинской колонизации не знает. Да и невозможно представить, чтобы при отправке экспедиции назначался один “главный” или “первостепенный” ойкист и один “подчиненный” или “второстепенный”. Это противоречит всему, что мы знаем об агональном менталитете античных греков...» Древность-то знала, это профессор Суриков не знает, что в колониционную эпоху порой назначался помощник ойкиста — *συνοικιστής* «сооснователь» (примеры: LSJ, s. v.). Так, при ойкисте Сиракуз Архии сооснователем был Агесий из аркадского жреческого рода Иамидов (*Pind. Ol. 6, cp. Thuc. VI, 3, 2; Strabo, VI, 2, 4*).

Суриков излагает мою конструкцию, в которой я объединил в одно целое в качестве колониционных предприятий экспедиции Гермона и Семандра таманскую

⁴⁹⁷ Собственно, это объединение известий Арриана и Евстафия. Повторим более точную формулировку С. А. Жебелева [1953, с. 65–68]: Гермонассу основали ионийцы Гермона, к ним присоединилась часть эолийцев Семандра.

⁴⁹⁸ Следует ссылка: спор Ромула и Рема за право быть эпонимом города «привел, между прочим, к смертоубийству».

⁴⁹⁹ Я уже приводил в удовольствие себе и читателю цитату из его сочинения [Яйленко, 2010, с. 232].

Гермонассу, соименный полис близ Трапезунта и «селение Гермонакта» у Днестровского лимана. Ему кажется странным, что экспедиция эолян «без особых резонов бороздит весь Понт из конца в конец» (опять ему все известно, поскольку он утверждает, что не было у них причин бороздить Понт), а если они покинули только что основанную Гермонассу, то «как объяснить дальнейшее процветание одного из крупнейших городов Азиатского Боспора?» Отвечаю: во-первых, основную массу колонистов составили (как и во всем Черноморье) ионийцы, что, как сказано, выяснил уже Жебелев и, добавим, на что указывает ионийский характер гермонасских надписей по IV в. включительно, эолизмы в них единичны (см. выше, с. 322). Во-вторых, есть и другие примеры с уходом части колонистов из основанной колонии, которая в дальнейшем процветала. Некоторые я привел выше, в главе о колонизации Нижнего Побужья: так, часть отправившихся из Коринфа переселенцев осталась на Керкире колонизовать остров во главе с Херикратом, другие на челе с Архией отплыли на Сицилию, где основали Сиракузы [*Thuc.* VI, 3, 2; *Strabo*, VI, 2, 4; Яйленко, 1990а, с. 76]; уход мегарян из Леонтин не помешал процветанию города и пр. В-третьих, утверждение о Гермонассе как об «одном из крупнейших городов Азиатского Боспора» — фантом времен В. Д. Блаватского, так и не ставший археологической реальностью: даже со своим двухметровым культурным слоем VI–V вв. она не была городом, поскольку строительные остатки этого времени ничтожны⁵⁰⁰.

Впрочем, все это цветочки исторических познаний критика: «перейдем теперь к доводам, связанным с лингвистикой», — приглашает он. Я писал, что женское имя Ἑρμόνιασσα у Арриана — продукт народной этимологии: к топооснове ἑρμό- (о ней см. выше) домыслили слово ἄνασσα «владычица» (= Ἑρμόνιασσα), что было понято в древности в качестве женского имени, это и породило легенду о некоей Гермонассе, якобы правившей в названном по ее имени городе⁵⁰¹. Это ошибочно, отметил я: во-первых, топоним Ἑρμόνιασσα не входит в группу *composita* с ἄνασσα, так как ее второй компонент — топоформант -ασσα, во-вторых, ни одно из женских имен этой группы не стало топонимом. Суриков оспорил оба этих аргумента [с. 444/5], в силу полного непрофессионализма его критики достаточно рассмотреть и один. Топоформант (суффикс) -ασσ-α, полагает он, вовсе не является таковым, ибо Ἑρμόνιασσα — это женская форма мужского имени Ἑρμόνας (*gen.* -ακτος), содержащая слово ἄνασσα «владычица». Иными словами, Суриков разделяет мнение Арриана, что название города Гермонасса представляет собой в чистом виде женское имя. Это свидетельствует об отсутствии у критика, взявшегося писать о топонимике, знакомства с малоазийско-балканско-черноморской топонимией, в которой сотни названий имеют суффикс -σσ- (или -ττ-, с предшествующей гласной α, ι *etc.* и окончанием -α, -ος *etc.*, т. е. -ασσα, -ισσος и пр.). В Греции таких топонимов 70, во Фракии сотня, в Малой Азии и по всему Средиземноморью им несть числа [Гиндин, 1967, с. 60–64; Откупщиков, 1973, с. 5 *сл.*], в Сев. Причерноморье известны также Антисса, Асса, Ниосс, Описсас, Спадуса с этим формантом. Поэтому нет оснований извлекать название города Гермонасса из их числа⁵⁰².

⁵⁰⁰ [Блаватский, 1985, с. 209; Финогонова, 2005, 2006], ср. скепсис А. А. Завойкина [2009], Раскопщик Гермонассы И. С. Финогонова [2006, с. 337, 348], объяснила скудость ее строительных остатков тем, что она была эмпорием. И Фанагория оставалась сельским поселком по V в. (ниже, с. 776/9).

⁵⁰¹ [Жебелев, 1953, с. 67]: у Арриана есть и другие такие же объяснения топонимов: Фасос назван по Фасосу, сыну Посейдона, Нил по Нилу, потомку Атланта, и пр. Личное имя Гермонасса мало распространено, входит в группу *composita* из ἄνασσα «владычица» и соответствующего эпитета: Καλλιἄνασσα, Λυσιἄνασσα, Ἰφιἄνασσα, Ἀρετἄνασσα и др. [PB, 388; Hansen, S. 42].

⁵⁰² Критик своеобразно опроверг это обстоятельство: «Приводимые В. П. Яйленко параллели (он особенно упирает на «Офиусса») никакими параллелями не являются: Ὀφιοῦσσα < Ὀφιοῦσσα <

Но главное в другом: среди сотни composita с -ανασσα, -ωνασσα, -αναξ, -ωναξ, нет ни одного топонима [Hansen, 1958, S. 42, 120–121]. Так как Гермонасса топоним, только по данной причине это не может быть ни личным именем, ни эпиклесой божества. У каждой научной дисциплины есть свои обязательные технические процедуры; в ономастике в числе прочего обязательно, при наличии массового материала, выявление узуса, частотности, сочетаемости и пр. И. Е. Сурикову они неведомы (в его большой статье, посвященной названиям городов, нет ни одной ссылки на работы по топонимике!). Отсюда и его народно-этимологическое представление о названии города Гермонасса как о женском личном имени, ничем не отличающееся от мнения Арриана⁵⁰³.

По этой причине здесь можно поставить точку, но предположим, его озарила интуиция и он проницательно решил вопрос, вынесенный в заголовок статьи — «Об этимологии названий Фанагории и Гермонассы»? Посвятив несколько страниц доказательству своей мысли, что в архаическую эпоху основанным городам не давались имена ойкистов (об этом поговорим далее), он заключил, что Φαναγόρεια и Ἑρμόνασσα эпиклесы божеств [с. 464/5]. Но ведь обе не засвидетельствованы! «Второй корень» названия Гермонасса, пишет он, «происходит от слова “владычица”, а первый — либо от имени Гермеса, либо от ἔρμα». Благоразумно отказавшись от второго решения (все-таки там никак не подходящая основа ἔρματ-), автор новоиспеченной эпиклесы пишет [с. 465]: «Кто же такая эта “Гермесова владычица”? Варианты настолько разнообразны и, в сущности, почти равноценны, что делать какой-либо выбор из них (во всяком случае пока) не представляется возможным». Лукавит Суриков: на деле его «разнообразные варианты» свелись к глухой ссылке на эссе Ж. Вернана о Гестии, которая (цитирую Сурикова) «воспринималась греками как находящаяся в неких парадоксальных связях с Гермесом». Суриков затратил 26 крупноформатных страниц своей статьи на то да се, а дойдя до существа (все-таки в ее заголовке обещана этимология топонимов), отфутболил читателя к Вернану. Впрочем, читателю это не потребуется, ибо на деле нет никаких «вариантов» с богинями, есть всего лишь голословные посулы Сурикова, призванные оправдать открытую им «эпиклесу». Хотя бы по роли Афины в мифологии Геракла мы вполне можем судить, чем и кем должна быть в мифологии Гермеса какая-либо богиня, чтобы иметь эпитет «Гермесова владычица». В связанных с Гермесом мифах, мантике и прочем ничего подобного нет, потому и писать Сурикову не о чем. Впрочем, и это все лишнее, так как он неправильно понял даже порожденную им эпиклесу Ἑρμόνασσα как «Гермесова владычица». Он и не подозревает, что тем самым придал смысл господства над богами ряду имен, включающих теоним и слово ἄναξ,

Ὀφίβεντα», с примечанием: «т. е. имеем женский род прилагательного». Он не понимает, что я вел речь не о параллелях, а о классе топонимов с суффиксом -σσ- (-тт-).

⁵⁰³ При всем этом Суриков глубокомысленно выговаривает мне за выражение «суффикс -ασσα»: «каждому понятно, что сие буквосочетание назвать “суффиксом” никак нельзя, поскольку его последняя гласная уж точно является окончанием, а не частью суффикса» [с. 444]. Не могу не отдать должное хорошей памяти критика: это он помнит из грамматики русского языка 5 или 6 класса, в которой школяров наставляют, что у слова есть суффикс и окончание. А если бы Суриков был знаком с лингвистической терминологией, то знал бы, что суффиксом называется не только послекорневая морфема слова, но и окончание (например, в словаре лингвистических терминов [Ахманова, 1966, с. 464]). Из этих двух значений термина *суффикс* и происходит двойное его употребление. Сошлюсь на первую попавшуюся под руку книгу — «Палеобалканские языки» В. П. Перознака [М.: Наука, 1978], на с. 42 которой находим «суффикс -ιϛθ-» и через пару строк «суффикс -ιϛθος» (то же на с. 55: суффикс -usta, с. 64: «суффикс -ila» и пр., что можно было бы записать и как -ust-a, -il-a).

ἄνασσα — Διώνασσα, Ἑρμώναξ, Ἡρώναξ, Μητρώναξ, Μοιρώναξ, Ποσειδώναξ [Hansen, 1958, S. 42, 120–121]. Если следовать его пониманию, то и Διώνασσα (< Διο-ανασσα) «владычица Зевса» и прочие — «владыки Геры, Матери, Мойр, Посейдона». И кто же это из богов греческого пантеона? Нет таковых и быть не может, потому что Суриков плохо понял смысл придуманной им эпиклеса Гермеса. Как имя Διώνασσα «Зевсовладычица» означает, что она владычица от Зевса, так и Ἑρμώνασσα, буде в нем заключено, как считал Суриков, имя Гермеса, означало бы «Гермесовладычица», т. е. владычица от Гермеса, а вовсе не «Гермесова владычица». Теоним в указанных именах представляет собой основу род. падежа (Διο-, Ἑρμο-, Ἡρο-, Μητρο-, Μοιρο-, Ποσειδαο-), так что это gen. auctoris или originis, выражающий происхождение чего либо от кого-либо, в данном случае статуса правителя от соответствующего божества. Кстати, все они только антропонимы, среди них нет ни одной эпиклеса божества [Pape, Benseler, 1884, S. 315, 388, 474, 920, 1241], так что лишь ввиду одного этого обстоятельства идея И. Е. Сурикова о Гермонассе как «Гермесовой владычице» мертворожденная. С точки зрения образования имен мнение И. Е. Сурикова просто непрофессионально.

Может быть, с Фанагорией дело лучше? Она, согласно Сурикову, получила название от острова Φαναγόρα (-η), по которому он реконструировал эпиклеса Φαναγόρης, основа φαν- которого, происходящая от слова φῶς «свет», близка эпитету Аполлона Φαναῖος [с. 464]. Это решение Сурикова бесплодно потому, что нет оснований усматривать в названии Фанагория не реальное имя Фанагор, а несуществующую эпиклеса, и также потому, что он совсем утерял вторую основу эпиклеса -αγορ-ης, — о ней ни слова.

И промолчал он не случайно, ибо значения слова ἀγορή — «собрание, стечение людей; место собрания; рыночная площадь» — не место в эпиклесе Аполлона, ибо получается, что он «светлый (варианты: чистый, прославленный: φανός) в собрании (варианты: среди людей, на рынке)». Вытекающее из соединения обеих основ значение «прославленный среди людей» естественно для личного имени мужчин и женщин (см. пример ниже), но проблематично для эпиклеса Аполлона неясностью, чем же он прославлен. Вообще, обо всем этом можно и не говорить, так как одно лишь употребление основы -αγόρα, -αγόρη, -αγόρας, -αγόρης в ономастике показывает ее почти исключительно антропонимический характер: около 150 личных имен, несколько топонимов и ни одной эпиклеса [Hansen, 1958, S. 39, 61, 140, 167]. Количественно это настолько репрезентативные данные, что не остается и доли шанса на право существования домыслу И. Е. Сурикова о Φαναγόρης как эпиклесе божества. Прежде чем выступать на ниве этимологии и ономастики, ему не мешало бы освоить эти дисциплины. Без того и результат нулевой, тем более что получен он путем ничем не оправданной вивисекции — удаления имен ойкистов из названий основанных ими городов, в том числе реального антропонима Φαναγόρης из названия Φαναγόρεια. Рассмотревший вопрос о первоначальной форме названия Фанагория П. Харалампакис отверг суждения Сурикова и показал лингвистически чистую связь топонима с именем основателя Φαναγόρης [Charalampakis, 2013, с. 181/4].

Свой тезис об отсутствии примеров наречения города именем ойкиста в архаическое время Суриков [с. 451/7] построил на критике статьи И. Малкина, который утверждал, что в ряде случаев такое имело место [Malkin, 1985]. Статья Малкина слабая, бить слабого легко, но в ряде случаев и критика Сурикова немоточна, так что число доказательных примеров остается достаточным. Мегары Гиблейские (Μέγαροι Ὑβλα, с вариантами) основали в 728 г. мегаряне после долгих скитаний по Сицилии, когда сикульский царь Гиблон (Ὑβλων, Ὑβλος) предоставил им землю (Thuc. VI, 4). Суриков отверг этот

пример, поскольку имя Гиблона, по его словам, «отразилось не в основном названии города, а лишь в дополнительном эпитете, имевшем идентификационные цели» — для различения с метрополией Мегарой Нисейской. Он ошибается: судя по источникам [РВ, 877, 1574], город часто именовался просто Гиблой (Ἰβλα, -η, -αι), а что это было основное его наименование, показывает наличие на Сицилии еще трех городов с таким названием (четвертый в Южной Италии). Посему это сикульский топоним, сикулы и за ними греки так называли мегарскую апойкию, более того, у нее было и другое туземное название — Στύελλα (Филист у *St. Byz. s. n.* Ἰβλαι). То же и с городом на южном побережье Пропонтиды Даскилеем, название которого связывают с отцом лидийского царя Гигеса по имени Δάσκυλος. Суриков счел, что по археологическим данным город явно греческий, а ойкист эллинской апойкии не может быть негреком. И тут он ошибается: в Эолии, Фригии, Ионии, Карии было несколько городов, называвшихся Δασκύλιον, и личное имя Δάσκυλος распространено там же в качестве династического у лидийских Мермнадов (отец, сын, внук Гигеса) и легендарного у мисийцев (отец и сын царя мисов Лика; источники [РВ, 274]). Совпадение территории распространения топонимов и личного имени (это все Западная Анатолия) свидетельствует об их взаимосвязи — города определенно получали имя по династам, тем более что Стефан Византиец (*s. n.* Δασκύλιον) прямо указал: Даскилей в Карии назван по имени сына тирана Периандра Даскила.

Порой критика Суриковым примеров Малкина сводится к уже знакомой нам личной автопсии колонизационных предприятий древних. О параллельном названии основанной при тиране Коринфа Периандре Аполлонии Иллирийской Γυλάκεια, которое Стефан Византиец связал с именем ойкиста из Коринфа по имени Γύλαξ, Суриков пишет: «Нам крайне трудно, практически невозможно представить, чтобы Периандр — исходя из всего, что мы знаем об этом человеке, — разрешил своему эмиссару Гилаку, посланному им во главе колонизационной экспедиции, назвать город в собственную честь»⁵⁰⁴. Вряд ли он стал бы так возвышать подчиненного» (и далее в том же духе едва ли не личного знакомства с Периандром [с. 457]). Это сродни описаниям исторических событий в историографии XVII–XVIII вв. Суриков отказывает Стефану в доверии как источнику: автор-де он поздний, отдаленный на тысячу с лишком лет. Похоже, ему неизвестно, что основным источником Стефана о ранних реалиях был логограф Гекатей. Суриков соглашается: если Аполлония и называлась вначале Гилакией, то ничто не указывает на подлинность сообщения Стефана о связи имен города и ойкиста. Само имя Γύλαξ кажется ему подозрительным: В. Папе и Г. Бензелер объяснили его как «нытик, брюзга», поэтому Сурикову «странно, что кого-то родители “наградили” подобным именем» (*sic!*). В результате он дает свое объяснение названия Гилаккия — «город нытиков», и аргументирует это свое «открытие» так: «Можно только догадываться о причинах такого наименования: возможно, предназначенные Периандром к отправлению в апойкию ехали туда неохотно, с недовольным брюзжанием? А коринфский тиран, отличавшийся остроумием (не зря ведь его включали в перечень “Семи мудрецов”), “отплатил” им за это, дав городу издевательское название» (и т. д.). «Город нытиков» — оригинальный вклад нашего пошехонского историка в топонимику, до сих пор подобного рода названия давали городам лишь авторы книжек для детей. А если отнести к вопросу серьезно, допустимо и сравнение с дорическими именами V в. Γύλις, Γυλάδας, прозвищем Геракла Γύλιος [РВ, 261], которые сопоставимы с глоссой *Etym. Magn.*

⁵⁰⁴ Видимо, пошехонский диалект нашего автора позволяет «назвать город в собственную честь» и сему подобные «красоты» языка.

γύλιος· χοῖρος, λέων «кабан, лев» и омонимом γύλιος (надпись из Локриды V в. до н. э. — LSJ, Suppl. s. v.) того же значения, что γυλαῖος «деревянный, лесной; дикий». Да и пейоративное значение имени эпонима (Γύλαξ «брюзга») переходу его в название не помеха, ибо в топониме оно стусшеывается: к примеру, Σικυών воспринимается не как «огурец» (σικυός), а просто как название города — Сикион (не думаем же мы о краске сурик, встретив фамилию нашего героя).

Проблема Сурикова в том, что он идет по статье Малкина, а не по источникам (это коренной недостаток его творчества в целом — он отталкивается от англоязычной литературы, а не от собственных источниковедческих штудий). Если бы он дал себе труд просмотреть сочинение Павсания, то нашел бы немало местных преданий в Греции архаического времени, связывающих название города с именем реального основателя. К примеру, город Этил в Лакедемонии назван по имени героя Этила, аргосца по происхождению, он сын Амфианакта и внук Антимаха (*Paus.* II, 19, 1; III, 25, 10). Суриков не найдет весомых доказательств, что это только легендарная традиция и в ней нет исторического зерна. Историчен и рассказ Павсания (X, 17) о колонизации греками острова Сардиния, в котором трижды говорится о тождестве имен города и ойкиса. Основанная ок. 510 г. Месембрия, согласно Страбону (VII, 6, 1), прежде называлась по имени ойкиса Мены Менебрией, т. е. это Менаполь, «город Мены». Здесь не место приводить данные Павсания, Страбона и других источников о соименных эпонимам городах архаической эпохи — эту работу должен был провести Суриков, если бы правильно увидел свою задачу. Мне достаточно подытожить изложенное: архаике свойственно наречение городов по именам основателей. То же и в классическую эпоху, ограничусь одним примером. Название города Ἀγώνεια во Фракии дано по имени ойкиса, афинянина Гагнона (Ἀγνων), основавшего в 437 г. также Амфиполь [PB, 13]. По Сурикову [с. 456], оно не имеет отношения к вопросу, ибо это не город, а «какие-то “Гагноновы постройки”» (*Thuc.* V, 11, 1: τὰ Ἀγώνεια οἰκοδομήματα) в Амфиполе. Суриков не знает, что есть этникон Ἀγωνείτης «житель Гагнии» [*St. Byz.*; PB, 13]; так как не может быть этника без города или поселения, Гагния — не присочиненные Суриковым «какие-то постройки», а город близ Амфиполя, имя которого, кстати, «двойной город». Дабы облегчить себе задачу, Суриков искусственно отрывает номинацию архаического периода от классического и эллинистического времени, когда примеры наименования города по эпониму многочисленны (одних Александрий десятки). На деле же, как видно, это одна традиция, проходящая через все три эпохи греческой истории.

Чтобы покончить с домыслами Сурикова о названиях Фанагории и Гермонассы, обратимся к сообщениям Арриана и Стефана Византийца о них. *Arriani Bith. fr.* 55 Roos (= *Eustathi comm. ad Dion. Per.* 549): Φαιναγόρα καὶ Ἑρμόνασσα, Ἰώνων ἀποικοὶ πόλεις, ὧν ἡγήσατο Φαιναγόρας τις καὶ Ἑρμων, ἀφ' ὧν οἱ τόποι καλοῦνται. Ἀρριανὸς δὲ οὕτω φησί· Φαναγόρεια, ἣν ἔκτισε Φαναγόρας ὁ Τήσιος, φεύγων τὴν τῶν Περσῶν ὕβριν. ἔτι δὲ Ἑρμόνασσα ἐπὶ Ἑρμωνάσῃ τῇ γυναικὶ Σημάνδρου Μυτιληναίου τινός, οὗ τινος τῶν Αἰολέων εἰς ἀποικίαν μεταστήσαντος καὶ θανόντος ἐν τῷ τῆς πόλεως οἰκισμῷ, ἣ γυνὴ τῆς τε πόλεως ἐγκρατὴς ἐγένετο καὶ τὸ ἑαυτῆς ὄνομα τῇ πόλει ἐπέθετο «города Фанагория и Гермонасса, основанные ионийскими колонистами, ими предводительствовал некий Фанагор и Гермон, по которым названы эти места». Так свидетельствует Арриан: «Фанагория, которую основал теосец Фанагор, бежав от насилий персов. Еще Гермонасса, названная по Гермонассе, жене некоего митиленца Семандра: когда он вывел некоторых эолян в колонию и умер во время основания города, жена его стала править городом и дала ему свое имя». Источник известия Арриана — Гекатей Милетский: *St. Byz.*, s. n. Φαναγόρεια· πόλις ἀπὸ Φαναγόρου, ὡς Ἑκαταῖος Ἀσία «Фанагория, полис,

названный по Фанагору, как свидетельствует Гекатей в книге «Азия»». А. В. Подосинов [2000], признавая легендарность многих рассказов об основании городов Сев. Причерноморья, считал тем не менее предания об основателях Фанагории и Гермонассе историческими. Рассмотрим этот вопрос с точки зрения характера сочинения Арриана «Вифиника» и сообщения о Фанагории и Гермонассе, также его места в «Вифинике» в целом⁵⁰⁵. По отзыву Фотия, Арриан «начинает *изложение*, как говорится, от мифических времен истории, заканчивает же смертью последнего *царя* Никомеда, который, умирая, оставил царство римлянам по завещанию» (fr. 1). Таким образом, «Вифиника» включала мифологическую предысторию и хронологически последовательное изложение реальной истории Вифинии, больше того, сохранившиеся фрагменты (всего их 72) показывают, что история Вифинии дана в широком контексте греческой мифологии и истории. Волей случая около 4/5 уцелевших цитат и пересказов принадлежит к мифологической части труда Арриана, но сохранилось и несколько фрагментов реальной истории от VII в. до смерти Ганнибала в 183 г.⁵⁰⁶ В мифологической части преобладают сообщения об эпонимах разных местностей и народов Греции и окружающих стран от Ассирии до Сев. Африки и Италии (десятки фрагментов). Рассказы об эпонимах городов весьма редки — Астак, Битинополь (fr. 5, 37), с оговоркой отнесем сюда и Халкедон: от имени сына Кроноса Халкедона получила имя река, по реке — город (fr. 38). Заметим, что все 3 города в той или иной мере вифинские, так что сообщение Арриана об основании Фанагории и Гермонассе стоит особняком; из существа этого известия явствует, что оно принадлежало к рассказу о времени Великой греческой колонизации, следовательно, заимствовано прямо или опосредованно из сочинения типа ктисис (о них выше, с. 178). В этом плане важно, что в качестве источника Арриана упоминается поэт III в. до н. э. Ликофрон (fr. 29, 32 + adnot. 59); судя по параллельности двух рассказов, источником был также Гелланик (fr. 32 adnot., 53 adnot.). Имея в виду выявленную выше (с. 179/80) причастность Гелланика к известиям Пс.-Скимна об основании городов Сев. Причерноморья, вполне вероятно, что сообщение об основании Фанагории и Гермонассе восходит к милетскому логографу. Поскольку Гелланик любил местные мифологемы и ктисис-предания (выше, с. 178/9), ему же принадлежит и народно-этимологическая экзегеза о правительнице Гермонассе, жене ойкиста Семандра⁵⁰⁷. Для сомнений в реальности Семандра и Фанагора сохранившийся текст Арриана никаких поводов не дает. Таким образом, и с точки зрения характера «Вифиники» Арриана мнение Сурикова о неподлинности его известия о Фанагоре, Гермоне и Семандре как ойкистах безосновательно (в распоряжении Н. В. Завойкиной имеется графито конца VI в. из Фанагории, указывающее на раннее употребление имени Фанагор там, что лишает смысла домыслы Сурикова о неисторичности ее основателя). Дальнейшее, весьма расширенное продолжение критики домыслов Сурикова об эпиклесах Фанагор и Гермонасса, см. [Яйленко, 2016, 2017].

Итог рассмотренной статьи Сурикова неутешителен: он некомпетентен в вопросах ономастики, «хлеб» историка источниковедение не числится в его рационе, вследствие чего суждения исторического плана у него по уровню «научпоп». Далеко он и от фило-

⁵⁰⁵ Даем нумерацию фрагментов «Вифиники» по тейбнеровскому изданию [Roos, 1968].

⁵⁰⁶ Это рассказы о вторжении киммерийцев в Понт и Вифинию; о страшном поражении, понесенном скифами от фракийцев, после которого они сменили оседлый образ жизни на кочевой; подробный рассказ об основании Никомедом I (281–246) Никомедии (это родина Арриана); сообщение, что Ганнибал выпил смертельный яд в вифинском местечке Либисса (fr. 44, 54, 63, 65).

⁵⁰⁷ Сам Арриан женщин не жалует — лишь пяток фрагментов посвящен им: город Тир основал Тир или женщина Тира; народ бебриков получил имя по Бебрику или его жене (fr. 28, 38); еще 3 отрывка уделены амазонкам, в том числе как эпонимам местностей, источников, городов (fr. 48–50).

логии, на ниве которой тоже выступает, в том числе с критическими статьями (о работах Э. В. Рунга, моих и пр.). Здесь нет нужды разбирать их, отзовусь лишь на одно его примечание в недавней работе [Суриков, 2013, с. 382, примеч. 19], поскольку в нем явлены в концентрированном виде его филологические познания. Дав свой перевод киренской «Клятвы основателей» (надпись IV в. до н. э., в которую включен договор отправлявшихся с Феры ок. 631 г. колонистов с ферянами), он пишет: «Имеется также русский перевод данной надписи, принадлежащий В. П. Яйленко (Яйленко В. П. Указ. соч. С. 64–65)⁵⁰⁸. Но этим переводом мы всё-таки не стали бы рекомендовать пользоваться, поскольку он производит несколько странное впечатление. Так, переводчик почему-то передает древнегреческие антропонимы “Батикл”, “Евтикл” как “Батуклей”, “Евтуклей”. Возможны самые различные контрверсы по вопросу о правильной русской транскрипции греческих имен собственных (подобного рода споры регулярно ведутся и в прочих европейских историографиях), но, думаем, никому не придет в голову утверждать, что *ипсилон* (вне дифтонга, как здесь) может передаваться через “у”. Далее, в этом переводе встречаются какие-то просторечные вульгаризмы типа “сродственники”. Может быть, таким образом В. П. Яйленко попытался передать соответствующее греческое просторечное выражение? Да нет, в оригинале стоит совершенно нейтральное τῶν οἰκεῖων». Разберемся в этом пассаже.

Не стану говорить, что два, как ему показалось, неправильно переданных мною имени и якобы вульгаризм «сродственники» не могут служить основанием для хулы на мой перевод: для этого Суриков должен привести неточности моего перевода греческого текста. Коль таковых нет, то возведением напраслины на мой перевод он пытается выставить единственно правильным свой перевод. Достойный прием. Но обратимся к его аргументации. Сначала о звуке, обозначавшемся *ипсилоном*. К сведению критика, в диалектных надписях (а таковы все по IV в.), каковой является «Клятва основателей» IV в., он как раз и обозначал звук, подобный русскому «у». Прочитую популярный компендиум К. Бака: «Вместо того, чтобы стать звуком, подобным немецкому *ü*, французскому *u*, как это было в аттическом диалекте раннего периода, первоначальный звук *u* (английское *oo* в слове *food*) был сохранен в некоторых диалектах, возможно, большей их части. Это более всего ясно там, где принят за основу аттический алфавит — произношение *u* заменено на *ou*»⁵⁰⁹. Прочитую и Л. Джеффри об использовании *ипсилона*: «Все греческие диалекты употребляли чистую гласную *u*, звук, который потенциально стоял за семитской буквой; и лишь несколько диалектов использовали его также для передачи полугласного, т. е. *y*» [Jeffery, 1968, p. 24]. Так что утверждение Сурикова: «никому не придет в голову утверждать, что *ипсилон* (вне дифтонга, как здесь) может передаваться через “у”» относится лишь к его голове, которой неведома даже такая элементарщина, как реишлинова и эразмова транскрипции древнегреческих звуков: в первой др.-греч. *υ* транскрибируется по средневековому звучанию как *i* (и это кажется Сурикову единственно возможным), во второй передается как нем. *ü*, франц. *u*, англ. *u*. Далее, в патронимиках Βαθυκλέυς и Εὐθυκλέυς (это дорийский род. падеж = Βαθυκλέους и Εὐθυκλέους) их окончание -εὺς передается по-русски как -ей (Νηλεὺς — Нелей, Εὐκλέυς — Евклея, Μενεσθεὺς — Менесфей; эталонное слово βασιλεὺς — basilей;

⁵⁰⁸ Имеется в виду моя книга 1982 г. «Греческая колонизация».

⁵⁰⁹ [Buck, 1968, p. 28]: Instead of becoming a sound like German *ü*, French *u* as it did in Attic of an early period, the original *u*-sound (English *oo* in *food*) was retained in several, perhaps the majority of dialects. This is most obvious where, the Attic values of the letters being taken as a basis, the spelling *u* was replaced by *ou*.

конечно, наряду с этим есть передачи типа Ἀχιλλεύς — Ахиллес, Ахилл). Ввиду изложенного мои передачи этих патронимиков как «сын Батукля» и «сын Евтукля» как раз точны, именно по этим причинам я передал их реальное звучание в данной диалектной надписи. Суриковские же Батикл, Евтикл — результат рейхлиновской трактовки нового времени. И последний гвоздь в саркофаг Сурикова-филолога, вбитый им самим: слово «сродственники», объявленное им «просторечным вульгаризмом», есть даже в кратком словаре русского литературного языка С. И. Ожегова как вариант слова «родственник»⁵¹⁰. Остается резюмировать: своими экзерсисами Суриков продемонстрировал всего лишь собственную филологическую безграмотность.

Его проблемы заключаются в том, что он пишет на всевозможные темы, не имея специальной подготовки. О филологии и ономастике речь уже шла. Вторгается он в эпиграфику, нумизматику, археологию, и всюду с шиком. Чего стоит, например, его статья о жилищах боспорских колонистов. Серьезные археологи, специалисты в этой области — В. Д. Блаватский, Д. Е. Чистов, С. Д. Крыжицкий, В. Д. Кузнецов, С. Л. Соловьев и др. — плодотворно обсуждают эту не простую тему, сунулся сюда и Суриков с идеей, что боспорские колонисты жили в деревянных бревенчатых избах; впрочем, оговаривается он, леса там мало, так что это не основной вид жилища [БФ, 2011, с. 62]. Автор этой забавной идеи должен был задуматься не просто о лесе, а о строительном лесе для изб (ель, сосна, ясень). Его же не было не только на Боспоре, но и на Сев. Кавказе; даже в Гилее («Лесная» область) сосны были наперечет (выше, с. 258). Для пошехонца изба, конечно, универсальное жилье, но надо быть последовательным: картина неполна без статьи-продолжения о лаптях, косоворотках да панёвах у боспорян (обязуюсь прочесть ее первым). На симпозиуме 2013 г. в Констанце в докладе В. Кожокару о недостатках советской и современной российской историографии приведено в качестве примера творчество Сурикова. По выложенному Суриковым в Интернете списку своих изданных работ Кожокару не поленился подсчитать, что сей ученый муж средних лет опубликовал уже более 4 тыс. страниц. От себя добавлю: плодовитейшие античники Т. Моммзен или И. Винкельман отдыхают. При таком количестве изданного о качестве не может быть и речи, одно число опубликованных книг — около 20! — само по себе диагноз: графомания.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2 Об имени Иганфурс

Выше мы аргументировали невозможность придуманного Виноградовым греко-скифского антропонимического гибрида Ἰδανθέμις (с. 314/6). Добавим, что и первая основа имени скифского царя Ἰδανθύρσος, из которой Виноградов извлек аналог для гибрида Ἰδανθέμις, спорна, так как различные источники и рукописи дают разные формы. Их собрал Иванчик [2005, с. 214; 2009, с. 69–70]: Ἰνδάθυρσος у Мегасфена (= *Arr. Ind.* 5, 6; у Иванчика ошибочно Ἰνδάθυρσις), Ἰδανθούραν у Клемента Александрийского (*Strom.* V, 8, 44), Ἰανθύρσος, Ὑδανθύρσος, Ὑδανθήρσος рукописей Плутарха (*Mor.* 1043c), Antyri, Anthyri Иордана (*Get.* 10), Ianthyri, Iamciri, Lamiri у Юстина (*II*, 5, 8). Отсюда Иванчик за-

⁵¹⁰ С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. М., 2001, с. 760 (в предисловии [с. 6] указано, что это словарь современного русского литературного языка). Хотя в «Словаре русского языка» (М., 1984. Т. 4, с. 240) слово «сродственник» дано с пометами «устарелое», «просторечное», отсутствие их при словах «сродственный» и «сродство» противоречит указанным пометам при словах «сродственник», «сродственница».

ключил, что «имя Иданфирса в греческой литературе подвергалось постоянным искажениям и существует во множестве различных форм». Но сей ученый муж за деревьями не увидел в них главного — за исключением бесспорно искаженных *Iamciri*, *Lamiri* Юстина, эти формы явно распадаются на 2 группы, различающиеся порядком согласных первой основы: -δν- в геродотовской традиции Ἰδάνθυρσος (сюда Ἰδανθοῦραν Клемента, Ὑδανθύρσος, Ὑδανθήρσος рукописей Плутарха), и -νδ-, -nt(h)- в мегасфеновской традиции Ἰνδάθυρσος (Ἰανδύσου Мегасфеновой же Parthica, fr. 1, 3; Antyri, Anthyri Иордана, Ianthyri Юстина). Большая авторитетность Геродота сравнительно с Мегасфеном повлияла на распространенность его варианта в ущерб Мегасфенову. Активно использовавший труды обоих историков Страбон (XV, 1, 6) ссылается на Геродота в два раза чаще, нежели на Мегасфена, и потому в извлеченном из сочинения Мегасфена рассказе о походах Сесостриса и Иданфирса дал не Мегасфенову форму Ἰνδάθυρσος, а геродотовскую Ἰδάνθυρσος. Напротив, Арриан сохранил в этом рассказе аутентичную форму Ἰνδάθυρσος и ее дают все рукописи «Индики», они восходят или к венской рукописи А, или к одному архетипу [Roos, 1968, p. V, *лит.*; p. 9, лемма]. В любом случае ее аутентичность подтверждается слегка испорченным Ἰανδύσου Арриановой «Парфики». Геродотова форма не поддается объяснению, и не случайно А. А. Белецкий сомневался в иранском характере имени Иданфирс [Білецький, 1953, с. 85]. Напротив, форма Арриана предпочтительнее тем, что своей первой основой выказывает ожидаемый иранский характер имени Индафирса. Она представлена в имени одного из 7 магов Ἰνταφέρνης (Herod. III, 70 *etc.*) = др.-перс. Winda-farnah- «Обретший фан» [Лившиц, 2010, с. 86, 165], в имени военачальников VII в. до н. э. Inda-bigaš и II в. до н. э. Ἰνδάτης [Грантовский, 1970, с. 223; Лившиц, 2010, с. 99] (может быть, сюда и раннесредневековые имена Ἰνδαραζαρ, Ἰνδάζαρος [Justi, S. 141]). Вторая основа иранского имени Ἰνδάθυρσος затруднительна для объяснения ввиду своей очевидной адаптации к греческому слову θύρσος «тирс» (как адаптирована к слову φρήν, φρενός «грудь, сердце, душа» другая форма имени упомянутого мага — Ἰνταφρένης). Ф. Юсти предположительно видел во второй части имени Ἰνδάθυρσος скифское соответствие авестийскому θwares «резать» *etc.* [Justi, 514; Bartholomae, 795].

Изложенное показывает, что Геродотова форма Ἰδάνθυρσος скорее всего искаженная, первична Ἰνδάθυρσος. Это вообще лишает базы придуманный Виноградовым и поддержанный Тохтасьевым вопреки логике, а Иванчиком по незнанию предмета греко-скифский гибридный Ἰδανθέμις.

7.4. Березанское граффито – приношение другу

На нижней плоскости круглого основания ножки чл. килика написано трехстрочное граффито (средняя высота букв 8 мм; рис. 49)⁵¹¹. По характеру письма оно датируется ранним V в. до н. э.⁵¹² Надпись идет по кругу, от края к центру; стк. 1 вырезана по внешнему краю основания ножки, как в ряде других многострочных ольвийских граффити⁵¹³. В стк. 1–2 пропуски: буквы в круг не смыкаются; резчик

⁵¹¹ Опубликовано [Яйленко, 1979], здесь переработано. Граффито в ОАМ, инв. № 73197. Раскопки В. В. Лапина 1960 г. (полевой № Б 60/339).

⁵¹² Ср. [Jeffery, Pl. 4, 2; 63. 16; 65. 46; 66. 51], все первой четверти V в. Ранние образцы этого письма восходят к самому концу VI в. [Pl. 65. 50].

⁵¹³ Как на посвящении Главка с Левки и пр. [Толстой, 63; Билимович, 1958, с. 85; ГЛБО I, с. 84], плюс неизданное граффито с Березани из ОАМ (инв. № 23482).

выделил этим приемом 3 стиха своей надписи. От первой *дельты* стк. 2 к Ф стк. 3 проведена линия, как бы указывающая начало стк. 3. Текст:

κόγραψας τῶι διδόντι θεῖν	«и написавший <i>эту надпись</i> по справедливости да сделает свой подарок дающему
δῶρον εἰ δίκῃ	
φείλωι καὶ ἐταίρῳι	другу и товарищу».

Чтение начала стк. 1 предполагает возможность участия в красисе *омикрона* с καὶ выражения καὶ οὐ γράψας «и не написав», однако наличие устойчивого выражения ὁ γράψας, встречающегося в ряде граффити раннего времени, указывает на предпочтительность такого чтения⁵¹⁴. Имеющееся препятствие — καὶ ὁ в красисе обычно дает κῶ — позволяют обойти примеры иного качества⁵¹⁵. В трех последних буквах стк. 1 ΘΕΝ естественно видеть глагол, необходимый ко всему тексту: θεῖν = θείην. Через ε̄ здесь выражен дифтонг εἰ, что обычно в ионийской графике и встречается в березанском письме Ахиллодора и ряде ольвийских надписей [Dubois, p. 184]. В ситуации с актом дарения ожидалось бы выражение διδόναι δῶρον (см. ниже), наличие же здесь глагола τιθέναι указывает на конкретизированный контекст, конкретную обстановку дарения: θείην с последующим объектом δῶρον стк. 2 подразумевает килик, на котором сделана дарственная надпись (т. е. δῶρον — эквивалент слова κύλικς). Употреблением глагола τιθέναι выражается побуждение к акту непосредственной передачи сосуда одариваемому лицу, перед которым даритель в буквальном смысле «ставит» свой дар — килик, поскольку τιθέναι в сочетании с названием какого-либо сосуда употреблялось в конкретном значении: поставить упомянутый сосуд перед действующими лицами⁵¹⁶. Дословно θείην δῶρον означает «пусть поставит подарок», но лучше переводить шире, в смысле «да делает подарок», поскольку τιθέναι является в большой мере эквивалентом глагола ποιεῖν [LSJ, s. v. τίθημι, I, 1].

Рис. 49. Березанское граффито — приношение другу [Яйленко, 1979]

ЕΥ стк. 2 — это εὐ, ионийский эквивалент аттич. αὐτοῦ (как II. 24, 293: εὐ κράτος «по своей мощи», «его сила»). Оно относится

⁵¹⁴ [IG XII/2, 268; Suppl., p. 23; Friedländer, 1948, 177 i; Milne, Bothmer, 1953, p. 218; Lazzarini, 1973, p. 695; 1975, p. 27; BCH. 1995. T. 109, p. 952; Manganaro, 1996, p. 135]. Оно встречается в посвящениях, в стихотворных надписях, часто в застольных надписях нескромного содержания, связанного с коитусом. Однако в березанском граффито такого содержания нет; вообще нескромных надписей на Березани и в Ольвии немного.

⁵¹⁵ [Hoffmann, 1898, S. 368, 417/8, 541/2]. Ср. в ионийской надписи VI в. из Сидены на Пропонтиде κοὶ ξυνέωνες (= καὶ οἱ) [Jeffery, p. 416. 50]. У ионийского поэта VII в. Семонида καὶ ὀνομάκλυτον в краснее дало κοῦ- (fr. 7, 87); у него же, с одной стороны 7, 45: ὦν, с другой 7, 67: οὖν codd., а 7, 49: ὀντινῶν codd.

⁵¹⁶ Arph. Lys. 195: θεῖσαι μέλαιναν κύλικα μεγάλην «поставим большой черный килик». Ib. 358. Alexis, fr. 2, 4–5 K. Eurip. Cycl. 545–547 и др.

к слову δῶρον и при κόγρᾱφας означает «свой подарок», т. е. дар того лица, которое сделало надпись. Последующее наречие δίκη (II. 23, 542; *Plato*, Crit. 112e) не содержит приписной йоты — утеря ее в окончании ηι широко свойственна ионийской графике [Thumb, Scherer, S. 254]. Буквы ΕΥΔΙΚΗ стк. 2 нельзя понимать в качестве особой формы жен. рода к прилагательному двух окончаний εὐδικος, -ον или же личного имени Εὐδίκη, так как последнее не согласуется с существительными муж. рода φείλωι καὶ ἑταίρωι «другу и товарищу» стк. 3⁵¹⁷.

В слове φίλος стк. 3 краткое ι растянуто в ει, что обусловлено метрически (см. ниже), подобное фонетическое явление редко⁵¹⁸. Выражение φείλος καὶ ἑταίρος взято из репертуара устойчивых сочетаний ранней лирики, ср. граффито ок. 700 г. на ойнохое с Итаки: [Ξ]ένφος τε φίλος καὶ πιστός ἑταίρος «ксен и друг и верный товарищ», также *Theogn.* 209: φίλος καὶ πιστός ἑταίρος⁵¹⁹. Оно развилось из популярнейшего в гомеровской поэзии и ранней лирике сочетания φίλος ἑταίρος⁵²⁰. Таким образом, неведомый березанский поэт начала V в. варьировал в своей дарственной надписи популярные в ранней лирике темы о друзьях и оказываемых ими друг другу знаках дружбы⁵²¹. Это свидетельство высокого уровня образованности греческого населения архаической Березани.

⁵¹⁷ Ю. Г. Виноградов дал свое чтение: κό γρᾱφας τῷ δίδοντι | δῶρον Εὐδίκη | καὶ ἑταίρωι Φείλωι [SEG 31, 696]. Перевод своего текста он не дал, не берусь перевести его и я по той причине, что в нем отсутствует глагол. «Выручает» Л. Дюбуа [Dubois, 40], который позаимствовал текст Виноградова, но резонно убрал придуманное им мужское имя Φείλωι (оно не засвидетельствовано). Перевод Дюбуа: «и написавший (эту надпись) для того, кто сделал подарок Евдике и своему дорогому другу». Отсутствие глагола в их греческом тексте привело к бессмысленности содержания надписи, ведь дословно он значит: «и написавший делающему подарок Евдике...» Это вполне очевидно, и Виноградову пришлось предположить, что надпись начиналась где-то на другой части килика, а на дне ее продолжение. Для такого мнения основанием служит лишь неточность его прочтения, в моем варианте надписи имеет и необходимый глагол θέη «да делает (поставит)», и законченный смысл в целом. Виноградов счел последние буквы стк. 1 ФЕ фальстартом личного имени Φείλωι (он даже не показал их в своем тексте, в квадратные скобки заключил их Дюбуа; судя по его комментарию, моей статьи Дюбуа не видел). Но если это фальстарт имени Φείλωι, то Виноградов должен читать вслед за δίδοντι это самое свое имя Φείλωι, а не δῶρον Εὐδίκη. Коль пришлось ему читать иное — фальстарта нет. Окончательно добывает чтение Виноградова то, что никакого ФЕ нет: внутри кружка буквы проарпанана не вертикаль, а крестик (см. рис. 49), так что это не Ф, а тета. С придуманным Виноградовым «именем» Φείλωι, как сказано, разобрался Дюбуа, а я займусь «Евдикой». В своей публикации я рассмотрел такую возможность и признал ее нереальной. Ю. Г. Виноградов нередко брал отвергнутый мною вариант, выставляя его правильным решением; так и в этом случае он ввел личное имя Евдика. Однако имени Εὐδίκη (-α) нет, есть только мужское Εὐδικος [Jeffery, p. 401, 404; Agona, 1967, p. 72; Lazzarini, 1976, p. 184]. Ляпсус Виноградова поддержал филолог (! ?) Тохтасьев, присовокупив к ее имени существительные мужского (!) рода: Εὐδίκη φείλωι καὶ ἑταίρωι [Виноградов, Тохтасьев, 1998, с. 27]. Может быть, он рассчитывал на φίλος как существительное двух окончаний, но такая форма есть лишь в дорическом языке Пиндара (Ol. II, 93), а в нашей надписи ничего дорического нет.

⁵¹⁸ [Hoffmann, 1898, S. 282/5; Buck, p. 30, 66; DGE 688 (Хиос, V в.)]. Также φείλος = φίλα надписи ок. I в. н. э. из Карики [Kaibel, 1878, 289. 6].

⁵¹⁹ [Jeffery, p. 409, Pl. 45. I]. Известно и в прозе: ἑταίρη καὶ φίλη (*Plato*, Resp. 603b).

⁵²⁰ Многочисленные примеры [Ebeling, p. 491/2; *Sappho*, 31; *Theogn.* 95, 753 и пр.].

⁵²¹ [Dirlmeier, 1931, S. 22 f., 29 f.; Maas, 1913, S. 452; Кон, с. 139 сл.]. Ср. надписи краской на канфарах и мегарских чашах из Ольвии: φίλιος (είμι) «я достойные дружбы», φίλια «дружба», φίλοις «друзьям», δῶρον «дар» [Штерн, 1901, с. 23]. На Боспоре ἀδελφῇ δῶρον «подарок сестре» на деревянном гребне [Древности, 1854, inscr. LXIX] и Θιγαρον τὸ δῶρον «дар Тигара» из Эрмитажного же собрания (старый инв. номер 649). Граффиты из метрополии о дружбе [Wolters, 1913, p. 198/9; Kretschmer, 1894, S. 4,

Что конкретно подразумевалось при ὁ διδούς (т. е. τῷ διδόντι стк. 1), то есть какого рода услуги оказывал автору надписи одариваемый друг, наверняка определить нельзя, но лексика граффито приводит к вероятному заключению, что между друзьями состоялся обмен подарками, составляющий один из неперенных атрибутов дружбы. Передача подарка выражалась в греческом языке главным образом выражением διδόναι δῶρον⁵²². Оба слова засвидетельствованы стк. 1–2 нашей надписи (но δῶρον стк. 2 относится к ὁ γράψας), и это обстоятельство позволяет подразумевать при τῷ διδόντι стк. 1 слово δῶρον. Лексическая схема надписи: θέη δῶρον — τῷ διδόντι (δῶρον) находит близкую структурную параллель в Od. 8, 439: τίθει δ' ἐνὶ κάλλιμα δῶρα ἐσθῆτα χρυσόν τε, τὰ οἱ Φαίηκες ἔδωκαν «кладет в сундук прекрасные подарки — одежду и злато, которые дали ему феаки», где представлена та же пара связок: ἔδωκαν τὰ (= δῶρα) — τίθει δῶρα. Есть и прямая эпиграфическая параллель: δῶρον... ἀντιδοῦναι [Lazzarini, 1976, p. 283]. Таким образом, подарок автора нашей надписи по характеру представляет собой ἀντίδωρον: он преподносит свой презент, килик, в ответ на подарок друга. Ср. к этому сентенцию милетского философа второй половины VI в. Анаксимена: ...φίλους εἶ ποιεῖν καὶ τοῖς ἐπεργέταις χάριν ὑποδιδόναι «следует... оказывать благодеяния друзьям и воздавать благодарность оказывающим услуги» (Anaxim. 13, 23 Sp. — Нам.).

Скорее всего, надпись составлялась в обстановке дружеского симпозиа, на что прозрачно намекает неперенный атрибут застолья килик. Далее, сделанное на сосуде дарственное граффито носит метрический характер, а составление стихотворений — тоже один из атрибутов симпозиа. Метрическая схема надписи трехчленна: — — — | — ˘ — ˘ — — || — ˘ — ˘ — || — — ˘ ˘ | — —. Первый и второй члены (стк. 1–2) составляет усеченный итифаллик, причем в стк. 1 ему предшествуют три долгие стопы. Метрическая несвязанность выражения ὁ γράψας с последующим текстом не вполне ясна. Вряд ли стоит полагать, что стк. 1 включала трохеическую диподию, в которой первую стопу составил иррациональный спондей (т. е. — — — | — ˘ — ˘) [Денисов, 1888, с. 169], поскольку слово θέη (— —) при такой схеме не находит своего места в размере. Следовательно, три первые долгие стопы носят вводный характер, составляя стихотворный приступ, обусловленный невозможностью включения формульного для бытовых граффити выражения ὁ γράψας в трохеическую схему. Во всяком случае, автор надписи намеренно подчеркивает долготу первого слога посредством ввода необычного для начала стихотворений слова καί (поскольку ὁ перед *muta cum liquida* могло приниматься и за краткий слог). Третий член (стк. 3 φείλω καὶ ἑταίρῳ) — формула из лирического репертуара — не укладывался в размер итифаллика, и автор в нарушение синтаксических норм выделил его в конец стихотворения, хотя оно должно стоять около τῷ διδόντι θέη стк. 1. Удлинив краткий слог слова φίλος посредством растяжения в ει, автор завершил свою выдержанную в итифаллическом размере дарственную надпись нисходящим иоником с иррациональной трохеической стопой (ср. [Денисов, с. 137]).

Ann. 4], например, граффито на сосуде рубежа VI–V вв. из Гелы: Παντάρους εἰμί· καὶ τῶν φίλων φοινὰ εἰμί «я (сосуд) принадлежу Пантаресу, и я же общая собственность друзей» [Jeffery, p. 411, № 50].

⁵²² Многочисленные примеры [Ebeling, p. 328/9]. Многим менее употребительны сочетания δῶρον с φέρει и другими глаголами. То же в лирике: *Theogn.* 446, 1057, 1387. Ср. [Jeffery, p. 402, Pl. 9. 18].

7.5. Эпиграфическое свидетельство о выпечном хлебе

Ю. Г. Виноградов [1971б, с. 66 сл.] издал весьма фрагментированное граффито на черепке с Березани (2 фр., не в контакте). Фр. А: [-- ἐπώλησα ἔτ' ἀτ[ελες (?) | --]ς ἔκτην | --] ἄρχο ἡ[μίεκτον | τῷ δεῖνος] ἡμίε[κτον | τῷ δεῖνος] ἡμ[ίεκτον. Фр. Б: --σο- | --οκμτ-- (?) -- | -- τ]έταρτο[ν] (vel [τ]ετάρτῳ) | [ἡμίεκτο]ν (?) vac. | τῷ δεῖνος] ἡμ[ίεκτον]⁵²³. Он считал, что тут ключевое слово «ἄρτος обозначает преимущественно пшеницу и употребляется уже у Гомера». Этим он получил стоимость зерновой пшеницы в Сев. Причерноморье большую, нежели в Греции, что нонсенс. Это результат очередной его ляпсуса, ибо словом ἄρτος обозначается не зерновой хлеб, как ему показалось, а выпечной — булки (LSJ, s. v.). Усвоив мое устное замечание об этом, он, вместо того чтобы честно сознаться в своей ошибке, напечатал следующее: «При издании березанского граффито я восстанавливал... [εἶκοσι] ἄρτο, однако теперь я склонен видеть перед альфой не йоту, а небрежно написанное тау, что делает возможным чтение [τ]ετάρτο[ν] или [τ]ετάρτῳ... Возможность разночтения заставляет считать преждевременными все выводы о ценах на хлеб, основанные на этом документе» [ВДИ. 1974. 4, с. 58]⁵²⁴. Однако не вдруг открывшаяся «возможность разночтения», а ошибочное понимание слова ἄρτος сняло его выводы о ценах на зерновой хлеб, которые, разумеется, не «преждевременны», а просто ошибочны с точки зрения греческой лексики, поскольку, повторим, речь в надписи идет не о зерновом хлебе, а о выпечном. Сомнительно и новое чтение слова им: показанный на его прориси штришок перед альфой стк. 3 (рис. 50) не позволяет видеть в первой слева букве Т, ибо на черепке явственно написана *иота* (рис. 51, наша прорись подлинника), так что чтение ἄρτος остается. Лишена оснований и его датировка надписи первой половиной VI в., на что справедливо указали А. Джонстон, отнесший ее к третьей четверти VI в., и Б. Браво — вторая половина VI в. [Bravo, 1977, p. 41–42; Johnston, 1979, p. 209].

Поскольку издатель отказался от своей интерпретации, березанское граффито осталось безмолвным источником. Между тем оно интересно в ряде отношений. Наш текст. Фр. А: --ης τέτα(ρ)τ[ο]ν-- | --]ς ἔκτην-- | -- vac. ἄρτο[ν]-- | --] ἡμίε[κτον] -- | --] ἡμ[ίεκτον] --]. Фр. Б: --σο-- | -- ὁκ μτ-- | --σι ἄρτῳ-- | --] ἡμ[ίεκτον] «-- тетартон -- гекту -- булка-- тетартон -- полугекта -- не предлагать цену

Рис. 50. Березанское граффито с долговой записью, прорись [Виноградов, 1971б]

⁵²³ К березанскому граффито Виноградов добавил граффито из Фанагории, безосновательно удревив его для хронологической близости. И эта надпись была понята им превратно [Яйленко, 2010, с. 95–97].

⁵²⁴ Первым обратил внимание на ошибочность понимания Виноградовым слова ἄρτος Б. Браво в письме ко мне. Ошибку в определении значения слова Виноградов так и не исправил [ДСП, с. 146/8] в ответе на мои замечания [ПГК, с. 354/5].

Рис. 51. Березанское граффито с долговой записью, прорись автора

Рис. 52. Граффито из Никония, прорись И. Б. Клеймана

(?)⁵²⁵ — булки (*gen.*) -- полугекта --». Перед нами запись с денежными знаками и булками, что является памятной записью булочника, и нетрудно догадаться, что это список тех, кому выпечной хлеб дан в долг. Еще одна подобная запись нашлась в Никонии (рис. 52)⁵²⁶. Она тоже написана на черепке, восьмистрочная, по письму вторая половина V в.: --ηρος-- | --ν ἄρτος-- | --σίτο ρ (?)⁵²⁷ -- | -- Παρμις-- |⁵ --αμιχα-- | --σαος-- | --γατό-- | --ας⁵²⁸. Здесь наряду со знакомыми булками (ἄρτος) присутствует и σίτος «зерновой хлеб; мука для булок», и личные имена. Это долговая запись, подобная березанской, они дополняют друг друга: в березанской упомянуты булки да цены, в граффито из Никония фигурируют булки и мука для булок (или хлеб в зерне) да личные имена⁵²⁹. Оба граффити представляют собой любопытный тип документа — долговые записи булочников: кому они продали булки (никониат торговал еще и мукой или зерном) и кто сколько задолжал. На Березани расчет производился мелкими монетками, фракциями электрового кизикина — гектами, полугектами, тетартормориями, которые найдены в Нижнем Побужье [Карышковский, 1988, с. 28]. Почем продавались булки на Березани в VI в., мы, увы, не узнаем, так как неизвестно проданное их количество⁵³⁰.

⁵²⁵ Слов на μιτ- мало, почти все они связаны с ткацкой нитью (μίτος) и повязкой (μίτρα), к контексту подходит лишь греко-латинская глосса μιτίσασθαι «liciare» (LSJ, s. v.).

⁵²⁶ Ее любезно прислал мне И. Б. Клейман.

⁵²⁷ Не исключено и чтение σίτον, ср. Н стк. 2.

⁵²⁸ Поскольку в стк. 4 читается полное имя Παρμις и начинается оно у левого скола, можно принять за полные имена также Ἡρος, Ναρτος в стк. 1–2. Однако, во-первых, со стк. 5 идут явные окончания имен (-αμιχα, -σαος, -γατό, -ας), во-вторых, стоящие рядом в стк. 1–2 ΝΑΡΤΟΣ и ΣΙΤΟ содержат «хлебные» слова ἄρτος, σίτο, что навряд ли случайность, так что это не личные имена. Напротив, полное имя Παρμις (засвидетельствовано в ионийских Клазоменах, на Теосе: ΡΒ, 1139) стк. 4 показывает, что и в следующих стк. 5–8 обрывки, не складывающиеся в слова, тоже личные имена.

⁵²⁹ Нет оснований думать, что это памятная запись автора о взятых в долг муке (зерне) и булках, так как упомянуто несколько личных имен. Есть случаи одалживания у нескольких лиц, как в письме Апатурия, но там взяты в долг деньги, напротив, товар взят Апатурием у одного лица — Леанакта (выше, с. 233/5).

⁵³⁰ Б. Браво прочел в стк. 3 фр. А березанского граффито ἄρχος [Bravo, 1977, p. 41–42], что можно понять как указание на местные власти. Но так как на фр. Б определено читается ἄρτο[ς] или ἄρτο, чтение Браво сомнительно.

«Не будь историка, не будь письменности, потомство могло бы и не знать об этом героическом времени»¹.

Раздел III

ОЛЬВИЯ В IV в.

1. ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ ОЛЬВИИ В V–IV вв.

Имеющиеся письменные источники V в. не дают информации о политическом устройстве Ольвии этого времени. Надписи по, пол, полє на мерных сосудах удостоверяют, что полис функционировал, но это сфера деятельности мелких рыночных чиновников, основные же полисные институты — народное собрание, совет, архонтат — не засвидетельствованы². На это указывает и то, что на протяжении всего V в. тут были жрецы-эпонимы (с. 88–91). Это воспроизведение милетской формы устройства полисных дел в V в., поскольку политической определенности в нем не было: разрушенный персами в 494 г. Милет стал восстанавливаться только после 479 г., и в нем боролись две партии — олигархическая и демократическая — на протяжении остальных десятилетий века. Состояние политических дел в Ольвии было еще более плачевным — как сказано, тут вообще отсутствовали основные полисные институты. Это означает, что полиса как формы политического объединения населения не было. Отсутствие же правового регулирования означало беспредел во внутренних отношениях жителей. Если учесть, что практически все население концентрировалось в V в. в городе ввиду утраты хоры с начала столетия, эти отношения были напряженными. Отсутствие основных полисных институтов объясняет нам, почему первая ольвийская ателия третьей четверти V в. NO 1 дана анонимно — не сказано, кто ее дал (как мы предположили, храм Иетра, с. 285/6). «Тимесилеева» ателия конца века дана «ольвиополитами», и этот этникон является политическим термином, т. е. указывает на существование в каком-то виде местного полиса. Скорее всего, возникновение его стимулировалось вхождением Ольвии в сферу демократических Афин, и П. О. Карышковский [1959] увидел в связях с Афинами указание на демократическое устройство Ольвии, но это не обязательное следствие связей с афинской демократией. Ольвия

¹ О. Бальзак. Собрание сочинений: в 24 т. М., 1960. Т. 5, с. 337.

² Согласно нашему чтению письма Апатурия, на рубеже VI–V вв. в Ольвии крупные долговые дела рассматривались в буле (выше, с. 234), однако неизвестно, обладало ли оно политическими функциями.

следовала во внешнеполитической ориентации за своей метрополией Милетом, который был членом Афинского морского союза, но после поражения Афин в Сицилии в 412 г. отложился. Во время Пелопоннесской войны олигархия и демократия в Милете сменяли друг друга, демократический строй существовал недолго, в 425–412 гг. Кажется, та же картина вырисовывается и в Ольвии: на ее пребывание в сфере афинской демократии указывает лишь найденный в ней обломок афинского постановления о введении у союзников аттических мер, весов и денег [Карышковский, 1959; ML 45; Braund, 2005; Osborn, 2007]. К сожалению, дата этого постановления неизвестна — ок. 450–446 или между 430–415 гг., для Ольвии подходит только поздняя дата, так как в середине века она еще мало что представляла собой в экономическом отношении. Из сказанного следует, что в сфере аттического влияния Ольвия находилась в пору расцвета афинской архе — между 425–412 гг. После 412 г. полисы — члены Афинского морского союза в массовом порядке покинули его, в них, как правило, восстанавливалось правление олигархии (Милет, Самос и др.). Такой путь могла пройти и Ольвия, рассмотрим это.

Самые ранние документы Ольвии конца V — начала IV в. («Тимесилеева» ателия и проксения НО 3 + 12) изданы от имени «ольвиополитов», а не демоса. Выпущенная в это время [Анохин, 1989, с. 22] или позднее ([Карышковский, 1988, с. 55]: 380-е гг.) редкая серебряная монета тоже несет впервые фигурирующий на деньгах сокращенный этникон ольвиополитов. Декреты издавались от имени ольвиополитов вплоть до III в.: проксении НО 4 от 371–362 гг. и гераклейскому тирану Сатиру от 352–345 гг., проксении IOSPE I² 20, 22, НО 5, 6, 9 и др. третьей и последней четвертей столетия, проксении первой четверти III в. НО 7, 15, 20, 23 (аргументация дат на с. 379/80). От имени ольвиополитов издавались только проксении, от имени буле и демоса в IV, но главным образом в III в. — проксении, почетные и прочие декреты, так что формулы с санкциями от «ольвиополитов» и от «буле и демоса» зависят от типа документа, а не от политического устройства Ольвии. Этой картине свойствен поразительный феномен: почти полтора столетия, с конца V по первую четверть III в., полис издавал лишь ателии (в начале V в.) и проксении от имени ольвиополитов. Первый документ IV в., изданный от имени буле и демоса, — Канобов декрет 350-х гг. — по существу, тоже связан с иностранцами, так как трактует вопросы обмена ими кизикинов на местную монету в Ольвии. Примыкающий к нему декрет НО 31 того же Каноба (ниже, с. 362) также издан от имени совета и народа; других постановлений от имени этих институтов не будет до второй четверти III в. Необычность этой картины заключается, во-первых, в полном отсутствии каких-либо декретов, относящихся к регулированию внутренних социально-политических отношений, во-вторых, в вытекающем отсюда долгом отсутствии основных полисных институтов — демоса и буле как постановляющих, т. е. главенствующих на конституционном уровне, органов³. Следовательно, «ольвиополиты», от имени которых изданы проксении V–III вв., не равнозначны «демосу»: он как высший полисный институт не существовал до второй четверти IV в., когда на недолгое время появился, затем исчез до второй четверти III в. Принимая во внимание, что конец V в. — время распада демократической Афинской архе и повсеместного преобладания

³ См. о них обобщающую работу [Nawotka, 1999, p. 45–55 etc.].

олигархии, учитывая, что так было и в Милете, на который в общем ориентировались ее колонии, следует заключить, что в Ольвии тоже установилась олигархия; потому декреты издавались не всем гражданским коллективом — демосом, а некими «ольвиополитами»⁴. Может быть, поэтому при неплохой в целом представительности эпиграфики известий о полисном гражданском законодательстве тут вообще нет до эллинистического времени, когда с IV в. стал функционировать дикастерий [Леви, 1985, с. 93], само существование которого указывает на наличие местного юридического кодекса (о развитии права в Ольвии [Папанова, 1998]).

Формула «совет и народ постановили» господствует лишь в III в.: от их имени изданы почетно-проксенические декреты I² 26, 27, 30, НО 24, 25 + 39, 26, декреты в честь Каллиника и сыновей Аполлония НО 28 + 29⁺, также почетные декреты II в. — I² 29, Протогеновский и др. Отсюда явствует, что (псевдо?)демократическая форма правления утверждается в Ольвии только с III в. Поскольку проксении первой четверти III в. НО 7, 15, 20, 23 изданы еще от имени ольвиополитов, внедрение демократической формы произошло во второй четверти III в. А это время всеобщей дестабилизации скифского мира, потрясшего также греческие города Сев. Причерноморья, поэтому можно заключить, что установление в то тяжелое время демократии в Ольвии было сочтено единственным путем выживания всех, а не только господствовавшей до того периода олигархии. Не случайно декрет в честь Каллиника, деятельность которого связана как раз с проведением мероприятий по преодолению этого кризиса, издан впервые после Канобова декрета от имени совета и демоса, причем демос является основным объектом мероприятий Каллиника (с. 446).

Резюмируем: на протяжении V–IV вв. в Ольвии отсутствовали основные полисные органы — демос, совет, архонтат, следовательно, не было единой политической власти. На короткое время между 425–412 гг. под влиянием Афин (может быть, в результате понтийской экспедиции Перикла) тут установился демократический режим, сменившийся, как почти во всех бывших членах архе, олигархией. По этой причине тут не развивались полисные институты и внутриполисные отношения. Лишь острейший кризис ок. 270-х гг. привел к установлению демократического устройства Ольвии.

Рассмотрим далее несколько эпизодов истории Ольвии IV в., освещенных надписями и литературными источниками.

⁴ В. В. Латышев [1887] датировал этот декрет общо — первой половиной века и считал это временем введения демократического устройства. Это мнение разделил и В. Л. Зуц [1970]. Согласно Ю. Г. Виноградову [1989], «Тимесилеев» декрет третьей четверти V в. свидетельствует о тирании в Ольвии, причем вхождение ее в Афинский союз не противоречит недемократическому характеру ее устройства, так как в состав Афинской архе, например, входил Галикарнасс, управлявшийся тираном Лигдамисом, который был настроен лояльно к Афинам; в начале IV в. тирания в Ольвии низвергнута, о чем свидетельствует эпиграмма тираноборца, и введена демократия. Эта конструкция построена на ошибочных датировках ее автора и произвольных дополнениях текста: на самом деле «Тимесилеев» декрет относится к концу V в. и его содержание никак не свидетельствует о тирании; эпиграмма тираноборца, согласно общему мнению последующих исследователей (Дж. Грейем, А. В. Лебедев, Л. Дюбуа, В. П. Яйленко и др.), датируется раннеэллинистическим временем и аттическая по происхождению — она посвящена Гармодию и Аристогитону (обо всем этом см. выше, с. 248/52). В основных чертах мнение Виноградова разделила А. С. Русаева [Русаева, 1994; Ольвия, 1999, с. 360].

2. ПРОКСЕНИЯ ГЕРАКЛЕЙСКОМУ ТИРАНУ САТИРУ И ДОГОВОР С НИМ

Ю. Г. Виноградов и В. В. Крапивина опубликовали интересный эпиграфический памятник — найденную в Ольвии в 1991 г. мраморную стелу, которая отбита справа и снизу, но сохранила основной текст надписи (рис. 53)⁵. Их текст и перевод:

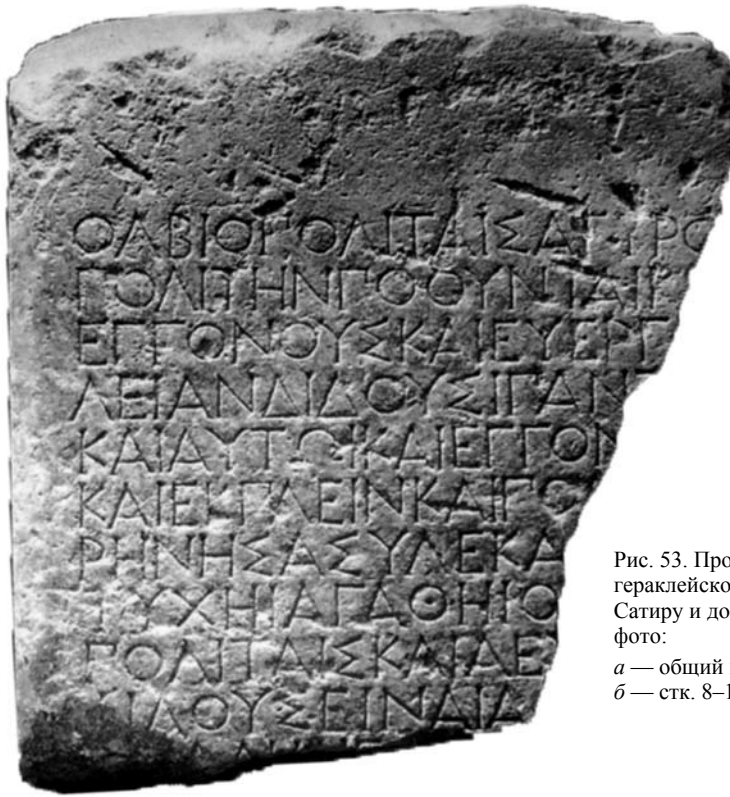
Ὀλβιοπολίται Σάτιρο[ν Σπαρτόκο]
πολίτην ποιοῦνται καὶ αὐτὸν καὶ]
ἐγγόνους καὶ εὐερ[γέτην καὶ ἀτέ-]
λειαν διδοῦσι πάντ[ων χρημάτων]
5 καὶ αὐτῷ καὶ ἐγγόν[οις καὶ ἐσπλεῖν]
καὶ ἐκπλεῖν καὶ πολ[έμου καὶ εἰ-]
ρήνης ἀσυλῆ καὶ ἀσπονδῆ· *vacat*
Τύχῃ ἀγαθῇ. Ὁμολογία Ὀλβιο-]
πολίταις καὶ Λεύκωνι Σατύρο.]
10 φίλους εἶναι ἀλλήλοις, ἐάν τις]
ἢ Ἑλλήν ἐ[ὼν ἢ βάρβαρος ἦτι ἐπὶ]
τὴν χώραν τὴν Ὀλβιοπολίτεων,
βοηθεῖν Λεύκωνα πάντι σθένει κτλ.]

«Ольвиополиты Сатира (сына Спартока) делают своим гражданином, и (его самого и) потомков, и благодетелем и даруют ему самому и потомкам беспощадность на все (товары) и право (входа) и выхода из гавани и в военное и в мирное время без права захвата и без необходимости заключения особого договора».

По мысли Виноградова, надпись представляет собой досье из двух документов — проксении ольвиополитов боспорскому царю Сатиру I и их договора с его сыном Левконом. Его восстановление проксении точно — это стандартный текст (исключая дополнение лакуны стк. 1), правильно определен и характер второго документа. Затем Виноградов выясняет, какие причины могли вызвать предоставление ольвиополитами проксении боспорскому Сатиру, каковы цели соглашения между Ольвией и Левконом о союзе и взаимопомощи. Предложенные объяснения названы им «рабочей гипотезой». Он отметил, что Сатир вел тяжелую войну с Феодосией, а Ольвия с начала IV в. существенно расширила свою хору, она и Боспор были экспортёрами хлеба в Грецию, отсюда и могла происходить их симмахия. В это время Ольвия еще находилась под властью тирана и пребывала под скифским протекторатом. Сатир был в дружеских отношениях со скифскими царями; в войне с Феодосией, которой помогала Гераклея, он нуждался в союзниках и потому оказал помощь Ольвии в освобождении от тирана и скифского протектората. В свою очередь Ольвия через ионийскую колонию Керкинитиду могла противодействовать Гераклею и ее высылку Херсонесу.

Нет смысла излагать далее эту «рабочую гипотезу», поскольку все ее слагаемые — ничем не доказуемые домыслы, некоторые из которых противоречат известным фактам. В частности, Сатир не мог содействовать Ольвии в избавлении от скифского протектората по той причине, что во время войны с Феодосией и Гераклеей находился в дружественных отношениях со скифами — в его войске против гераклейцев сражались скифы (*Polyaeni* VI, 4). С рубежа V–IV вв. у Ольвии существуют крепкие и длительные торговые взаимоотношения с Херсонесом (выше,

⁵ [Виноградов, Крапивина, 1995, с. 69–78]. Позднее Виноградов издал перевод этой статьи только под своей фамилией [Vinogradov, 1997, с. 515/25], т. е. он реальный автор статьи.

а

Рис. 53. Проксения гераклейскому тирану Сатиру и договор с ним, фото:

а — общий вид;
б — стк. 8–11 [Pont. St.]

б

с. 289/90, 293/6), так что ни о каком противодействии ее ни Херсонесу, ни ее метрополии Гераклее речи не может быть. Сама необходимость прибегать к бездоказательным гипотезам в поисках оправдания союза между Ольвией и Боспором заставляет усомниться в точности каких-то элементов чтения и понимания текста надписи Виноградовым. Равным образом его интерпретация вызывает сомнения исторического и эпиграфического плана. Во-первых, крайне удивительна выявленная им связь Ольвии с Боспором, поскольку какие-либо данные об этом применительно к доримской эпохе практически отсутствуют, да и относительно римского времени мы располагаем несколькими случайными фактами⁶. Такое молчание

⁶ [Сапрыкин, 1985, с. 72 сл.; Яйленко, 1987, с. 84–89; Уженцев, 1999, *лит.*]. Единственное свидетельство связей Боспора и Ольвии доримского времени — 3 десятка боспорских монет, найденных

источников вряд ли случайно. Обратим внимание, что связи Боспора идут явно в обход Сев.-Зап. Черноморья: в IV в. он связан и с Херсонесом (КБН 173, 194, 195), и с городами Зап. Понта (КБН 237; беру лишь эпиграфические свидетельства, в целом же источников больше), но не с Ольвией. В свою очередь Ольвия связана и с Зап. Понтом (НО 7, IOSPE I² 20), и с тем же Херсонесом (НО 3 + 12), но на Боспор ее интересы не простирались. Если учесть, что экономика Боспора и Ольвии равным образом зиждилась на экспорте зерновых и что их торговые интересы были направлены на одних и тех же контрагентов — на города Юж. и Зап. Понта, Афины и Эгеиду, то отмеченные обстоятельства наводят не столько на догадку о возможной их конкуренции на одних и тех же путях хлебной торговли, сколько на заключение об однотипности экономик обоих государств: оба были по преимуществу экспортерами хлеба и им просто нечего было предложить друг другу. В таких условиях заключение союза Боспором и Ольвией тем более проблематично⁷.

Виноградов представил вопрос об умолчании источников так: до сих пор эти источники удивительным образом отсутствовали, но вот найдено первое эпиграфическое свидетельство. Однако такая постановка очевидным образом некорректна — вопрос о связях (точнее, об отсутствии таковых) неправомерно сужен до эпиграфической проблемы, т. е. игнорируется умолчание также остальных многообразных видов источников. Но если и основываться лишь на надписях, то при очевидном факте, что эпиграфика Боспора и Ольвии достаточно богата и предоставляет данные об их широких внешних связях, вплоть до Крита, Аркадии и Сиракуз, отсутствие хотя бы одного известия о связях обоих центров друг с другом, да еще расположенных в одном географическом регионе, не случайность, а следствие мало известных нам факторов. Этому соответствует молчание литературных

в Ольвии, и несколько ольвийских монет, обнаруженных на Боспоре. Собравший этот материал Карышковский [1964, с. 144] сделал странный вывод о «довольно тесных связях между этими государствами». Это явное преувеличение: в его распоряжении были 23 найденные в Ольвии медные монетки, из которых два десятка «принадлежат Пантикапею и укладываются в тесные хронологические рамки — они чеканены между 330 и 250 г. до н. э., причем большинство их относится еще к IV в. до н. э.» [Иб., с. 142]. Отсюда явствует, что в последней трети IV в. имело место какое-то незначительное поступление пантикапейской меди в Ольвию, случайное или однократное, возможно, в связи с одномоментным вывозом товара. Именно с таким выводом согласуются данные о боспорских амфорах в Ольвии: «Встречено всего несколько фрагментов амфор, которые могут быть отнесены к боспорским типам» [Лейпунская, 1981, с. 79]. Несколько случайных черепков на бесконечное множество фрагментов тары из самых различных центров — вот самое красноречивое свидетельство об отсутствии сколько-нибудь существенных контактов между Ольвией и Боспором. Разумеется, о тесных связях можно говорить тогда, когда имеются массовый импорт керамической тары, репрезентативная нумизматика и свидетельства нарративных источников, либо, на худой конец, одна из этих групп источников. Например, половину иногородних монет на эллинистическом некрополе Херсонеса составляют боспорские монеты [Стоянов, 2001, с. 85 *сл.*]; хорошо боспорская медь представлена и на херсонесском святилище на Сакской пересыпи [Ланцов, 2001, с. 89 *сл.*], — это и есть показатель оживленных связей Херсонеса и Боспора. Ничего такого, повторим, ни в Ольвии, ни на Боспоре нет, оба города чужды друг другу. Если даже погрузиться в глубь веков и припомнить упоминание Борисфена в письме из Фанагории VI в., то это не Ольвия, как счел Виноградов [Vinogradov, 1998, p. 161], а река Борисфен — рабы были доставлены из страны геродотовских скифов-борисфенитов (выше, с. 259).

⁷ К сожалению, некоторые исследователи, не разобравшись в проблеме, приняли интерпретацию надписи Виноградовым [Анохин, 1999, с. 59 *сл.*; Золотарев, 2001, с. 66; Zolotaryov, Braund, SEG 55, 854; Müller, 2010, p. 52]. Мое мнение разделили В. Кожокару и А. Лицу [2009, с. 193/4; Cojocar, 2013a, p. 91, 105; 2016, каталог, № 37; 2016a, p. 177].

источников, как и отсутствие массового керамического и нумизматического материала одного центра в другом. На таком фоне полного игнорирования Боспором и Ольвией друг друга представляются весьма сомнительными открытые Виноградовым их союзнические отношения, настолько тесные, что Сатир даже обрел по проксеническому декрету гражданские права в Ольвии.

Далее, язык надписи аттический (см. ниже), и если в ней упоминается Сатир I (433–389), как счел Виноградов, она содержала бы только графему $\bar{\omega}$. Но в надписи 4 раза представлена графема ω , ни разу $\bar{\omega}$, и это бесспорное свидетельство датировки документа временем не ранее середины IV в. (выше, с. 362). Одно это обстоятельство целиком снимает его интерпретацию.

Наконец, необычна представленная у Виноградова структура, как он выразился, «досье из двух государственно-правовых актов». Что за странное сочетание двух разноадресных документов на одной небольшой стеле с текстом примерно в 15 строк — проксения ольвиополитов, данная Сатиру I, и договор тех же ольвиополитов, но уже с Левконом? В этом плане отметим, что точную структурную параллель ольвийской надписи дает стела начала III в. до н. э. из Месембрии, включающая проксению месембриян, данную окрестному фракийскому царьку Садаласу, и нижеследующий договор тех же сторон [IGBulg. I, 307 = Staatsverträge, III, 556]⁸. Так должна пониматься структура и ольвийского досье: если проксения дана Сатиру, то и договор заключен с ним же.

Тут мы и подходим к корню странностей интерпретации Виноградова — к прочтенным им в стк. 9 «трем буквам ΛΕΥ», в которых он усмотрел имя Λεῦ[κων]. На самом деле весьма качественное фото надписи в его публикации 1997 г. показывает нечто иное (см. рис. 53 б). Дело не в том, что вычитывание *ипсилона* неоднозначно (видимый на краешке скола остаток вершка левой наклонной линии может принадлежать и букве X), дело в предшествующем тексте: вместо увиденных им букв KAIAE достаточно хорошо читаются буквы KATAE. После букв KA следует не *иота*, а T с целиком сохранившейся правой половинкой горизонтальной (левая уничтожена выщербленной, повредившей также середину предшествующей *альфы*); такую форму имеет T и стк. 1 в имени Сатир. Далее следует не *лямбда*, но *альфа* с целиком сохранившейся горизонталью. Виноградов счел эту горизонталь сколом, но этому противоречит уровень ее расположения: данная надпись отличается необычно низким ее положением — не на середине высоты буквы, как обычно, а ближе к ее основанию. Одна эта особенность начертания *альфы* делает невероятным случайное происхождение перекладины в ней.

Все изложенное в корне меняет чтение стк. 9 (соответственно и восстановление лакуны в стк. 1), а с ним и интерпретацию надписи в целом: имени Левкон в ней нет, вследствие чего и Сатир стк. 1 необязательно должен быть боспорским царем. Такой вывод снимает отмеченные странности интерпретации Виноградова: нет структурного противоречия между проксенией одному лицу и договором с другим, ибо этого другого лица, Левкона, просто нет, так что в лакуне договора должно быть восстановлено имя того же Сатира стк. 1. Коль нет свидетельств о связях Боспора

⁸ Известны также случаи награждения проксеническими привилегиями послов, принимавших участие в заключении договора: например, декрет Гистиеи с договором об обмене привилегиями с Синопой завершен статьей о предоставлении проксении синопским послам [Staatsverträge, III, 563, середина III в.].

и Ольвии, то и данная надпись их не предполагает: Сатир не только может, но и должен быть не боспорским царем, а другим лицом. Поиск этого Сатира, с которым ольвиополиты заключили договор о союзе, предварительно наделив проксеническими и гражданскими правами, следует вести с учетом трех условий: он глава страны, народа или полиса; его государство должно иметь документированные источниками тесные связи с Ольвией; время его деятельности приходится на середину IV в. (как сказано, такова эпиграфическая дата исследуемого документа по характеру письма). При таких условиях обретение искомого Сатира не затруднительно: из числа известных нам носителей имени (большинство их составляют представители творческой интеллигенции [RE. Hlbd. II, 3. 1921. Sp. 224 f.] в IV в. лишь трое были правителями — боспорские цари Сатир I и II да гераклейский тиран, но лишь кандидатура последнего соответствует условию о тесных экономических связях: Гераклея была важнейшим торговым партнером Ольвии. Сатир правил в 352–345 гг., унаследовав власть от своего брата, убитого заговорщиками тирана Клеарха, в качестве опекунов его детей. Он правитель крутой и богатый, проявил себя и в области внешних сношений⁹. Богатство Клеарха, Сатира и сменившего его Тимофея обязано не только экспроприации имущества аристократов и нуворишей, но и деятельному участию в экспортной торговле Гераклеи вином и маслом, материально засвидетельствованной обильной гераклейской керамической тарой во всех черноморских центрах, главным образом северных¹⁰. В этом плане представляется вполне обоснованным мнение П. Балабанова [1985. С. 20 сл.] о начале клеймения тары гераклейскими эпонимными магистратами с приходом к власти Клеарха и об общей связи клеймения с властными структурами местной тирании. Влияние Гераклеи в Сев. Причерноморье было настолько сильным, что в ряде центров ее импорт наиболее интенсивен, как, например, на Елизаветовском эмпории [Брашинский, 1980, с. 25 сл.]. И в Ольвии гераклейские амфоры — наиболее распространенный тип тары [Лейпунская, 1981, с. 63 сл.]. Ее импорт начался еще в конце V в., но пришелся главным образом на следующее столетие, свидетельствуя, что торговые связи обоих центров «становятся достаточно прочными и устойчивыми и сохраняются на более или менее высоком стабильном уровне по крайней мере до третьей его четверти» [Ib. С. 76]. Теснейшие связи обоих центров документированы ольвийской эпиграфикой: наибольшее число проксенических декретов ольвиополиты издали в честь гераклеотов: НО 2 (конец V в. до н. э.), 6 (последняя четверть IV в.)¹¹. Исследуемая надпись, таким образом, уже четвертое эпиграфическое свидетельство связей Гераклеи и Ольвии. Такая концентрация декретов в честь представителей одного полиса не имеет аналогов в Причерноморье и сама по себе указывает на уникальность отношений Ольвии и Гераклеи.

Отмеченные сомнения и вопросы, встающие в связи с идентификацией Сатира обсуждаемой надписи с боспорским царем Сатиром I, отпадают при отождествле-

⁹ О Сатире [Berve, 1967. Bd. I. S. 319; Bd. 2. S. 681; Burstein, 1976, p. 65 f.]. О его предполагаемых дружеских связях со Спартой [Burstein, 1976, p. 134, n. 137]. О богатстве Клеарха и Сатира: *Just.* XVI, 4, 9; *Memn.* Fr. 3, 1 *Jac.* Богатство Тимофея следует из того обстоятельства, что многие гераклеоты — его должники [Asheri, 1969, p. 35 (XV)]. Понятно, что Тимофей не вдруг разбогател, а унаследовал состояние от отца и дяди-регента.

¹⁰ Обзор гераклейской торговли в Сев. Причерноморье [Сапрыкин, 1986, с. 85 сл.].

¹¹ Датировка НО 2 последней четвертью V в. подтверждает мнение о начале импорта гераклейской тары в Ольвию с этого времени [Брашинский, 1963, с. 195 сл.; Лейпунская, 1981, с. 64].

нии его с соименным гераклейским тираном. Если в первом случае мы наталкиваемся на полное молчание источников всех видов о каких-либо связях Боспора и Ольвии, то во втором случае фоном служит стабильный и крупномасштабный торговый обмен между Гераклеей и Ольвией, нашедший свое выражение в мощном импорте керамической тары и ряде надписей. Понятно, что столь активные экономические связи породили и политический союз обоих центров. Поскольку торговая деятельность Гераклеи ориентирована главным образом на Сев. Причерноморье, она вела здесь активную политическую деятельность, нашедшую наиболее яркое выражение в основании своего выселка в Юго-Зап. Крыму Херсонеса и поддержке Феодосии в ее борьбе с боспорскими царями. Свидетельством ее активного воздействия на греческие города и туземные государства Сев. Причерноморья является чеканка монеты Фанагорией, Феодосией, Тирой, Херсонесом, государствами синдов и Атеевых скифов по гераклейским образцам [Сапрыкин, 1986, с. 85 сл.]. В таких условиях вполне логичен политический союз Гераклеи со своим крупным торговым партнером Ольвией.

Обычно договоры торговых партнеров о дружбе закрепляют экономические и прочие связи договаривающихся сторон политическими обязательствами по взаимному оказанию помощи при внешней угрозе. В качестве примера можно привести афинский декрет 284а в честь боспорского царя Спартока, согласно которому в обмен на поставки хлеба афиняне обязались, как это они делали и ранее, «в случае чьего-либо посягательства на власть его (Спартока) предков или самого Спартока помогать всеми силами на суше и на воде» (Syll.³ 370. 17–20). Свидетельством того, что политический союз Ольвии и Гераклеи был следствием их экономических связей, является структура рассматриваемой надписи: сначала идет декрет о проксенических привилегиях торговому партнеру, затем следует договор о дружественном политическом союзе с ним. Из наделения Сатира ольвиополитами наряду с проксеническими привилегиями также титулом *еввергет* (стк. 3) следует заключить, что он уже оказал им некие существенные услуги. Этот титул включен в стандартную проксеническую надпись, что уравнивает его семантику с содержанием этого титула в аттических проксенических декретах V–IV вв., где он следует в паре с титулом проксен¹². Согласно этим декретам, проксены обычно удостоивались титула *еввергет* за содействие афинянам в экономической сфере, прежде всего финансовой, и их деятельность простиралась также на политическую сферу, тем более в условиях военного времени¹³. В нашем случае само соединение в одном досье договора и проксенического декрета говорит о пролонгировании экономических связей партнеров на политическую сферу. Иными словами, обязательства договаривавшихся сторон простирались далее сохранившегося в последней уцелевшей строке надписи пункта о дружбе, т. е. касались вопросов взаимной помощи при угрозе одной из сторон. Какой характер носили такие обязательства, видно из разразившейся всего через несколько лет после заключения рассматриваемого договора войны Филиппа II с Византием, которому во исполнение союзнических обязательств пришли на помощь Афины, Кос, Родос, Хиос (*Dem.* VIII, 14 sq.; *Diod.*

¹² См. об этих титулах [Henry, 1983, p. 116 f.; Lambrechts, 1958, S. 66 f., 143].

¹³ Сошлюсь на первый попавшийся под руку проксенический декрет 217 г. в честь кидониата Евмариды, осуществлявшего финансовое и политическое содействие афинянам в условиях войны между критскими городами, которые вовлекли в нее балканских греков — кносыне этолийцев, а полиррениа Филиппа и ахейцев (Syll.³ 535).

XVI, 77, 2; *Plut. Dem.* 17, Phoc. 14), кровно заинтересованные в свободном плавании своих купцов через Боспор и Геллеспонт, что гарантировал им Византий и на что посягнул Филипп, ограбивший за время осады 180 кораблей (*Just.* IX, 1, 6) [Невская, с. 114 сл.; Брашинский, 1963, с. 115 сл.].

Конкретные формы помощи Гераклеи и Ольвии друг другу в общих чертах ясны. Ольвия в IV в. была крупным экспортером зерновых и в таком качестве полезна Сатиру, который продолжил ориентацию Клеарха на поддержку народных масс Гераклеи; ясно, что в обмен на вино и масло отсюда Ольвия поставляла хлеб, чем, по существу, способствовала прочности власти тирана¹⁴. В военной помощи Ольвии Сатир вряд ли нуждался, ибо наличие мощного флота у него и такие акции Гераклеи предшествующего времени, как основание Херсонеса и военная помощь Феодосии, наглядно демонстрировали ее силу. Как раз военное присутствие Гераклеи в Сев. Причерноморье в случае с Феодосией подсказывает, что заключение Ольвией договора с Сатиром могло определяться ее заинтересованностью в его военном потенциале. В 352–345 гг., когда заключен договор, угрозу Ольвии могло представлять передвижение скифов Атея из Нижнего Поднепровья в Добруджу, поскольку город и его хора лежали на его пути¹⁵. Но если верна наша точка зрения, что эта миграция произошла в начале столетия [Яйленко, 2013а, с. 199–200], угроза Ольвии могла исходить от оставшихся в Нижнем Поднепровье скифов.

Еще одна грань союзных отношений Гераклеи и Ольвии — связи последней с Херсонесом. Уже в начале IV в. Ольвия была в добрых отношениях с этой колонией Гераклеи (НО 3 + 12: проксения этого времени херсонеситу), что объясняется следованием гераклейских товаров в Ольвию через Херсонес. Союз с Гераклеей закреплял деловые связи Ольвии и с Херсонесом. В результате археологических исследований последнего времени выявились два существенных обстоятельства, очевидно связанных друг с другом: в середине IV в. Керкинитиды обстроились новыми оборонительными стенами, а поселение Панское I погибло в пожаре¹⁶. Какую-то роль в связанных с этим событиях сыграла и Гераклея, судя по последнему выпуску керкинитидских монет, скопированных с гераклейского архетипа [Кутайсов, 1990, с. 154, *лит.*]. Поскольку наиболее вероятная причина гибели Панского I — нападение скифов (ниже, с. 381, 385), не будет большой натяжкой предположение, что те же самые нижнеднепровские скифы могли угрожать тогда и Ольвии.

¹⁴ Производство зерновых в Ольвии IV в. рассчитано на экспорт, на что указывают соответствующие расчеты (ниже, с. 436/7). О демократической ориентации Клеарха [Леви, 1947, с. 90 сл.].

¹⁵ В литературе распространено мнение, что переход основной массы скифов на Нижний Дунай имел место после 350-х гг. и мог быть связан с походами Филиппа 350-х и 340-х гг. во Фракию [Блаватская, 1952, с. 80, *ср.* Андрух, 1991, с. 20 сл.], полагаем, это произошло в начале IV в. [Яйленко, 2007, с. 73/7; 2013а, с. 199–200].

¹⁶ [Кутайсов, 1990, с. 51, 153 сл.]. Правда, по заключению В. А. Кутайсова, фортификационные особенности указывают, что оборонительные стены предназначались против греческой осадной техники, в связи с чем он связал укрепление обороны Керкинитиды с угрозой со стороны Херсонеса, но это, во-первых, спорно [Павленков, с. 127, *лит.*], во-вторых, не означает, что эти стены не предназначались одновременно и для защиты от скифской угрозы. Напротив, бездоказательны домыслы Виноградова и Щеглова [1990, с. 323], что в первой половине IV в. поселение Панское I было ольвийским форпостом, который погиб в середине столетия в результате войны Херсонеса с Ольвией (ниже, с. 674).

В связи со сказанным обратим внимание, что примерно в это же время обстроилась оборонительными стенами и Ольвия. Согласно отчету раскопщиков, вскрытая в районе Западных ворот города сырцовая оборонительная стена датируется «по наиболее поздним материалам первой половиной — серединой IV в. до н. э.»¹⁷. Как видно, установленные раскопщиками даты позволяют синхронизировать с временем договора Ольвии и Гераклеи, т. е. с серединой IV в., возведение оборонительных сооружений Ольвии. Конечно, это неотделимо от соответствующих мероприятий в других греческих центрах региона — обустройства крепостными стенами ок. середины IV в. не только Керкинитида, но и городища Чайка, Калос Лимена в Зап. Крыму, также Тира обзавелась тогда оборонительными сооружениями [Карышковский, Клейман, с. 46; Виноградов, Щеглов, с. 322]. Что эти мероприятия были вызваны реальной угрозой, свидетельствует форт Панское I, погибший тогда же в пожаре. Большая или меньшая синхронность этих мероприятий и событий, которые затронули все Сев.-Зап. Причерноморье, Крым и даже азиатский Боспор (гибель в пожарах 350–340-х гг. западных комплексов Мирмекия [Чистов, 2005, с. 350]), позволяет связать их воедино в качестве звеньев одного исторического периода около середины IV в., причем глобальная протяженность региона указывает на скифскую угрозу как единственно возможный фактор принятия защитных мер местными греческими центрами. Вероятно, причиной всех этих событий послужил переход части нижнеднепровских скифов Атея в Добруджу наряду с той малоизвестной нам причиной, которая вынудила их к этому переселению — скорее всего, давлением кочевников Задонья [Яйленко, 2013а, с. 210/4].

Как бы в действительности ни обстояли дела, очевидно, что для заключения Ольвией договора с Гераклеей в середине IV в. были достаточные основания, выявляемые археологическими и историческими данными, реальность которых несопоставима с теми домыслами, которые вынужден был сконструировать Виноградов в поисках причин заключения договора между Ольвией и Боспором. Изложенными соображениями о Сатире ольвийской надписи как гераклейском тиране обусловлено наше прочтение ее стк. 1, 8–10: Ὀλβιοπολίται Σάτιρο[ν πρόξενον καί] πολιτὴν ποοῦνται «ольвиополиты делают Сатира *проксеном* и гражданином»; стк. 8–10: τύχηι ἀγαθῇ· ὁ[μολογεῖ τοῖς Ὀλβιο]πολίταις κατὰ ἐ[ννοίαν] Σάτιρος·]] φίλους εἶναι ἀ[λλήλοισι]--]] «В добрый час. *Заключает договор* с ольвиополитами по *благосклонности (?) Сатир*: быть друзьями *обеим сторонам (?)*--». Обоснуем предложенное чтение договора и начала проксении, напомним, что длину строки в 25–29 букв дают стк. 5–6 надписи, со стандартными формулировками проксений. Конструкция *nom.* (у нас Σάτιρος) + *dat.* (τοῖς Ὀλβιοπολίταις) при личной форме глагола (ὁμολογεῖ) обычна в договорах¹⁸. Единственное число личной формы глагола употребляется в том случае, когда одной из договаривающихся сторон выступает важное лицо, например: βασιλεὺς Εὐμένης ὁμολόγησεν [Syll.³ 627. 11; Staataverträge, II, 152, 165, 277, 303, 308 *etc.* III, 481, 493 *etc.*]. Глагол ὁμολογεῖν обычно употребляется в аористе или перфекте, изредка в настоящем времени — чаще в причастной форме [Ib. II, 180 *etc.*], редко в личной [Ib. 260]. Дополнение личной формы настоящего времени в ольвийском договоре диктуется настоящим

¹⁷ [Крыжицкий, Лейпунская, 1988, с. 17 *сл.*]. Подробнее об этом ниже, с. 385.

¹⁸ Ἰσοῦβροι ὁμολόγησαν αὐτοῖς [Staataverträge, II, 102, 165, 277, 308 *etc.* III, 509], также Syll.³ 955. 23 *etc.*

же временем глаголов предшествующих стк. 2, 4: ποοῦνται, διδοῦσι «делают..., дают»; соответствующим образом «*Сатир заключает договор с ольвиополитами*»¹⁹. При этниконе Ὀλβιοπολίταις необходим член τοῖς, отсутствующий в реконструкции Виноградова. В качестве второй договаривающейся стороны выступает Сатир: приведенная выше точная структурная параллель нашей надписи — месембрийская стела с проксенией царю Садаласу и нижеследующим договором месембриян с ним же — непременно заставляет видеть в договоре с ольвиополитами в качестве партнера того самого Сатира, которому предоставлена предшествующая договору проксения. Высоким положением Сатира как руководителя крупного полиса, экономически и политически мощной в IV в. Гераклеи, объясняется дополняемое нами в договоре *exempli gratia* выражение κατὰ ἐῦνοίαν(?) «по благосклонности». В декретах полисов и в договорах владык с ними εὔνοια — проявление личной благорасположенности правителя к партнерам²⁰. Также εὔνοια в договорах — элемент дружественного союза, приязнь на государственном уровне, как, например, в договоре между Филиппом V и Ганнибалом: τὸν ὄρκον τοῦτον θέσθαι περὶ φιλίας καὶ εἰνοίας καλῆς, φίλους κτλ. «дать эту клятву в дружбе и благой приязни, друзьями (быть)» и т. д. [Staataverträge, III, 528 = *Polyb.* VII, 9, 4]. К сочетанию этого слова с предложением κατὰ *ср.* κατὰ τὴν λοιπὴν εὔνοίαν «по прочей благосклонности» в почетном декрете Теоса (Syll.³ 620. 5, 188 г.). Обратим внимание, что в нашем договоре выражение φίλους εἶναι следует за словом εὔνοια, как и в упомянутом договоре Филиппа и Ганнибала²¹. Оборот φίλους εἶναι обычен в договорах и порой сопровождается дат. падежом как указанием на договаривающуюся сторону (к примеру, Staataverträge, III, 500 = *App.* IIIy. VII, 21: φίλον εἶναι Ῥωμαίοις). В таком качестве в договорах употребляется и слово ἀλλήλοις, восстановление которого Виноградовым приемлемо. Напротив, неприемлема его реконструкция дальнейшего текста стк. 10–11, практически утраченного. Хотя смысл содержащегося тут текста уловлен правильно (*ср.* Staatsverträge, III, 561 и мн. др.), текстуально он выражался по-разному, вследствие чего несколько вершков букв стк. 11 не дают почвы для реконструкции конкретной лексики.

Теперь о восстановлении лакуны в стк. 1, в которой Виноградов поместил патристик боспорского царя Сатира I, в результате чего возникла ситуация, удивившая и самого ее создателя: «сразу же обращает на себя внимание отсутствие проксении» или, добавим от себя, титула *проксен*. Одного этого обстоятельства достаточно, чтобы отвести его восстановление патристик Сатира, ибо проксений без патристика проксена недостаточно, тогда как без титула *проксен* или термина *проксения* примеры единичны (мне известен один пример: Michel, 492 — ок. 300 г. эфесяне наделили проксеническими правами родосца Никагора, который представлял

¹⁹ В абсолютном большинстве проксений употребляется инфинитивная форма глагола (в конструкции *асс. + inf.*). Представленные в проксении Сатира личные формы глагола редки в таких документах, они перешли в чистые проксении из почетно-проксенических декретов (*ср.* Michel, 112, 369, 377. 14).

²⁰ τὴν εὔνοιαν τοῦ βασιλέως τοῖς δῆμοις (Syll.³ 352. 12, декрет эфесян ок. 320 г. в честь Деметрия Полиоркета); τὴν εὔνοιαν τοῦ [βασιλέ]ως πρὸς τὴν τ[ῆς] πόλεως σωτηρίαν (Ib. 762. 28, декрет Дионисополя ок. 481 г.); τὴν εὔνοιαν... διετέλει βασιλεὺς Ἀντίοχος πρὸς Λιττίους (Staataverträge, III, 486, договор Антиоха II с критянами из Литтоса, 250 г.).

²¹ Напомним, что видимый после Ε на краю скола апекс наклонной гаспы может принадлежать и букве Χ, так что возможно дополнение слова на εχ-, например, выражения κατὰ ἐ[χθρῶν] — «заключает договор с ольвиополитами против врагов (?) Сатир».

за греческие города перед Деметрием и Селевком, но титул *проксен* при этом не употребили). Следовательно, в лакуне стк. 1 должен быть помещен титул *проксен*: Ὀλβιοπολίται Σάτιρο[ν πρόξενον καὶ] πολίτην ποιοῦνται -- καὶ ἐϋρυ[έτην], дословно: «ольвиополиты делают Сатира проксеном... и евергетом». Связка πρόξενον καὶ ἐϋρυέτην — самая обычная в проксениях (ограничимся ссылкой на аттические примеры [Henry, p. 116 f.; Lambrechts, S. 66 f.]). Редко употребляются связки πρόξενον καὶ πολίτην (Michel, 489, 501, 508. 25; DGE 191. 29–31; все IV и IIa) и πρόξενον καὶ πολίτην καὶ ἐϋρυέτην²². Понятно, что редкость этих связок обусловлена редкостью предоставления звания πολίτης в проксениях, тогда как титул ἐϋρυέτης фигурирует едва ли не в половине проксений, а титул πρόξενος обязателен, чем и обусловлено восстановление его нами в лакуне стк. 1.

Таким образом, Сатир упоминается в проксении лишь по имени, без патронимика и этника, что хоть и не совсем обычно, но имеет достаточно прецедентов и объясняется тем, что речь идет о значительном, известном лице²³. В частности, нам интересны аттические декреты в честь сиракузского тирана Дионисия Старшего: в начальной части он дважды назван лишь по имени и только в постановляющей части упомянут его официальный титул «архонт Сицилии» (Syll.³ 128, 159, в 163 он назван по имени и с титулом). Как видно, хотя полисные канцелярии и выработали для проксений превалирующее обозначение проксена по имени-отчеству и этнику, отсутствие этих элементов нередко, иногда встречается и полное опущение их, что апробирует наше прочтение стк. 1 ольвийской проксении, тем более что она весьма краткий документ сравнительно с упомянутыми надписями и потому лаконична в формулировках.

Напротив, в языке официальных договоров упоминание правителей только по имени, без патронимика, этника и официальной должности чаще, что обусловлено их всеобщей известностью. Примеры: договор афинян с Аминтой (Staatsverträge, II, 264); договор афинян от 356 г. с фракийским царем Кетрипоридом, пеонийским царем Липейем и иллирийским царем Грабом: первый как наиболее известный назван только по имени, тогда как к менее известным второму и третьему добавлены их этнонимы пеониец и иллириец (Ib. 309); в договоре 349 г. с афинянами сатрап Мизии Оронт называется только по имени; адриатические исеиссы в договоре III в. с местным иллирийским царьком Пиллом и его сыном Дазом называют их лишь по именам (Ib. III, 451). Так и в договоре ольвиополитов с Сатиром, в нашей реконструкции, последний назван только по имени. Вообще должна быть отмечена исключительная немногословность и проксении, и договора — текст обоих документов уместился в небольшой надписи из примерно 15 строк, по 25–29 букв в каждой.

Коротко о характере письма документа в связи с установленной по историческим показаниям его датой. По мнению Виноградова, она вышла из той же эпитафии-

²² [Michel, 501]: декрет Эрифр ок. 357 г. в честь Мавсола; также аттический декрет 394 г. [Osborne, № 8].

²³ К примеру, в проксении 394 г. из Эрифр проксен Конон назван только по имени [Michel, 500]. Аттический декрет в честь Евмариды (Syll.³ 535) называет чествуемого лишь по имени; только в конце постановляющей части, где излагается формула всенародного провозглашения почестей, указаны его патронимик и этникон. В списке проксенов критских кидонян одни упоминаются по имени-отчеству и этнику, другие названы только по имени и этнику, а 4 проксена названы лишь по именам (Syll.³ 940, IIIa).

ческой мастерской, в которой был сделан ряд других надписей, относимых им к раннему IV в. — IOSPE I² 160, 166, 178; НО, 4 и др. По его словам, новый памятник своей палеографией и упоминанием боспорских царей Сатира I и Левкона I убедительно опровергает мнение А. Грейема и мое [Graham, 1983, p. 462; Яйленко, 1990, с. 262/6] о принадлежности упомянутого комплекса надписей к раннему эллинистическому времени. Надпись, однако, принадлежит к 352–345 гг., так что Виноградов поторопился поставить точку в споре о датировке упомянутого комплекса ольвийских документов. К сожалению, время нашей надписи не решает важного вопроса о дате этой группы надписей, за которым стоят различные концепции истории Ольвии в IV — раннем III в. [Виноградов, 1989, гл. III, IV. Яйленко, 1990, с. 260–266] (подробности ниже, с. 404 сл.). Формы букв рассматриваемой ольвийской надписи, безусловно, принадлежат к позднеклассическому стилю и характерны для палеографии IV в. в целом, в том числе и отмеченная выше специфическая *альфа* с низко посаженной перекладиной (она представлена также в надписях НО 2–4, 11, IOSPE I² 178, т. е. с конца V по конец IV в.). Но характер письма, отличающийся чрезвычайной теснотой и букв, и строк, буквально прижатых друг к другу, малосвойствен памятникам первой половины столетия, в особенности важно отметить, чужд ольвийским проксениям IV в., за исключением НО 13 и 114. Проксения НО 13 чрезвычайно близка по письму проксении Сатиру, это единственный ольвийский памятник, который вышел из одной мастерской с ним. Имеет ряд общих черт и фрагмент декрета НО 114.

Другая особенность проксении Сатира — аттическое написание ποῶνται (без *иоты*) — в Ольвии еще раз представлена лишь в сигнатуре аттического скульптора Стратонида последней четверти IV в. (НО 65). Подобное написание свойственно памятникам аттического, дорийского и эолийского диалектов, но не ионийского, принятого в Ольвии IV в., см. [Thumb, Kieckers, S. 230; Thumb, Scherer, S. 26, 29, 291; Buck, p. 32]. Аттицизм проксении Сатира продолжает череду аттицизмов в ольвийской эпиграфике: НО 11, сигнатура Стратонида НО 65, проксения двум афинянам НО 5 последней четверти IV в. и Каллиников декрет первой трети III в. IOSPE I² 25 + 31.

Итак, ныне ольвийская эпиграфика располагает тремя датированными надписями IV в.: сигнатура Праксителя IOSPE I² 271 от второй трети столетия, сигнатура Стратонида, проксения и договор с Сатиром от середины века.

В заключение даем текст и перевод надписи в своей интерпретации:

Ὀλβιοπολίται Σάτιρον πρόξενον καὶ πολίτην ποῶνται καὶ αὐτὸν καὶ ἐγγόνους καὶ εὐεργέτην καὶ ἀτέ- λειαν διδοῦσι πάντ[ων χρημάτων] 5 καὶ αὐτῶι καὶ ἐγγόν[οις καὶ ἐσπλεῖν] καὶ ἐκπλεῖν καὶ πολ[έμου καὶ εἰ]- ρήνης ἀσυλῇ καὶ ἀσπονδῇ. <i>vac.</i> τύχηι ἀγαθῇ· ὁ[μολογεῖ τοῖς Ὀλβιο]- πολίταις κατὰ ἐ[ῆνοιαν (?) Σάτιρος·] 10 φίλους εἶναι ἀ[λλήλοισι (?) κτλ.]	«Ольвиополиты делают Сатира <i>проксе- ном</i> и гражданином, <i>его самого</i> и детей, а также благодетелем, и даруют ему само- му и детям беспощинность всего достоя- ния, и <i>право влиять</i> и выплывать в во- енное время и мирное без ущерба и <i>за- ключения договора</i> . В добрый час, <i>заклю- чает договор</i> с ольвиополитами по <i>благо- склонности (?) Сатир</i> : быть друзьями обеим сторонам (?)--».

3. ДЕКРЕТ КАНОБА О ДЕНЬГАХ

Декрет Каноба установил правила денежного обмена на ольвийской территории, а также курс ольвийской медной и серебряной монеты относительно кизикской золотой (рис. 54)²⁴:

[εις Βο]ρυσθένη εἰσπλεῖν τὸν βου-
 λόμενον κατὰ τὰδε· ἔδοξε βουλῇ
 [καὶ δῆ]μῳ, Κάνωβος Θρασυδάμαντο[ς
 εἰ]πε· εἶναι παντὸς χρυσοῦ ἐπισήμῳ
 15 [κ]αὶ ἀργυρίῳ ἐπισήμου εἰσσαγωγῇν
 [κ]αὶ ἐξαγωγῇν· ὁ δὲ θέλων πωλεῖν [ἢ
 ὦν]εῖσθαι χρυσοῦ ἐπίσημον ἢ ἀργύ-
 [ριο]ν ἐπίσημον πωλεῖτω καὶ ὠνεῖσθ[ω
 ἐπὶ] τοῦ λίθου τοῦ ἐν τῷ ἐκκλησιασ[τη]-
 10 ρί[ω]ι· ὅς] δ' ἂν ἄλλοθι ἀποδῶται ἢ πρίη[ται
 φευ]ξέται ὁ μὲν ἀποδόμενος τοῦ
 πωλῶμε[ν]ου ἀργυρίου, ὁ δὲ πριάμενος τῇ[ς
 τιμῆς,] ὅσου ἐπρίατο· πωλεῖν δὲ καὶ ὦν[ε-
 ῖσθαι] πάντα πρὸς τὸ νόμισμα τὸ τῆς
 15 πόλ]εως, πρὸς τὸν χαλκὸν καὶ τὸ ἀργύριο[ν
 τὸ] Ὀλβιοπολιτικόν· ὅς δ' ἂν πρὸς ἄλλο [τι
 ἀποδ]ῶται ἢ πρίηται, στερήσεται ὁ μὲν [ἀ-
 ποδ]όμενος ὃ ἂν ἀποδῶται, ὁ δὲ πριάμ[ε-
 ν]ος ὅσου ἂν πρίηται· πράξονται δὲ το[ύ]-
 20 σ πα]ρὰ τὸ ψήφισμά τι παρανομῶντας
 οἱ ἂν τὴν ὥνην πρίωνται τῶν παρανο-
 μησάντων δίκην καταλαβόντες[·]
 τὸ δὲ χρυσοῦ πωλεῖν καὶ ὠνεῖσθ[αι τὸ]-
 ν μὲν στατήρα τὸν Κυζικηνὸν ἐ[ἰν]ά]-
 25 τὸ ἡμιστατήρῳ καὶ μῆτε ἀξιώτερο[μ μῆ]-
 τε τιμώτερον, τὸ δ' ἄλλο χρυσοῦ τὸ [πί-
 σ]ημον ἅπαν καὶ ἀργύριον τὸ ἐπίση[μον]
 πωλεῖν καὶ ὠνεῖσθαι ὥς ἂν ἀλλ[ήλους]
 πείθωσι· τέλος δὲ μηδὲν [πράττειν μῆτε
 30 χ]ρυσοῦ ἐπισήμου μῆτ' ἀργυ[ρίου ἐπισή]-
 μου μῆτε πωλόντα μῆτ' ὠνούμενον·
 ? τὰ δὲ πά[ρ]εργα μη--

«Вплывать в Борисфен желающему согласно следующим правилам. Постановлено советом и народом, Каноб Трасидамантов предложил. Дозволен ввоз и вывоз всякой золотой монеты и серебряной монеты. Желаящий продать или приобрести золотую монету или серебряную монету пусть продает или приобретает у каменного стола в экклесиастерии. Кто же станет продавать или покупать в другом месте, будет привлечен к ответственности: продавший — *в размере стоимости* проданного серебра²⁵, приобретший — *в мере той цены*, за которую купил. Все продавать и приобретать на городскую ольвийскую монету — медную и серебряную. Если же кто на другие деньги продаст или купит, лишится: продавший — того, что продаст, купивший — того, что приобрел. Взыскивать штрафы по суду с нарушителей этого постановления будут те, кто возьмет *это* на откуп. Продавать и приобретать золотую монету *по курсу*: за кизикский статар *восемь с половиной* полустатаров, не дороже и не дешевле; всякую другую золотую монету и серебряную монету *можно* продавать и покупать, как сойдутся в цене. Налога же никакого не *взыскивать* ни за золотую монету, ни за серебряную монету, ни с продавшего, ни с *приобретающего*. (?) Дополнительные же --».

²⁴ Сохраняют свое значение текст и перевод в IOSPE I² 24, в основном следующий И. Мортману, текст которого воспроизвел также Р. Меркельбах [Inscr. Kalchedon, 1980, № 16], ему следуют Л. Дюбуа, В. Кожокару [Dubois, 14; Cojocaru, 2013a, p. 105]. Даем текст по Дюбуа, за исключением начала стк. 11, где показана излишняя лакуна; в последней строке читаем [? τὰ δὲ πά]ρεργα μη--, по-видимому, речь идет о чем-то дополнительном. У Дюбуа указана вся лит., см. также [SEG 26, 848; 36, 719 bis.; 48, 1013].

²⁵ Дословно: «по проданному серебру».

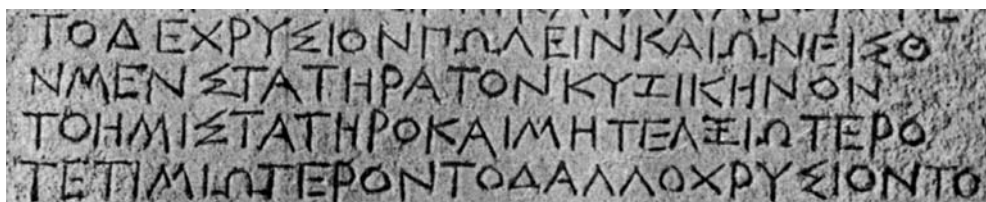

Рис. 54. Декрет Каноба о деньгах IOSPE I² 24, стк. 23–26

Декрет выставлен на Священном мысе азиатской стороны Фракийского Босфора в святилище Зевса Урия. Из самой эпиклесы *Ὀὔριος* «Споспешествующий» (так сказать, посылающий мореплавателям попутный ветер) явствует, что к этому святилищу приставали корабли, следовавшие в Понт или из него [Lehman, 1921, S. 168 f.]. Постановка ольвиополитами своего декрета здесь означает, что он предназначался для купцов, собиравшихся плыть в Ольвию и получавших таким образом предварительное ознакомление с местными правилами валютного обмена. Правила эти, согласно декрету, таковы. Сначала декларируется общее положение: в Ольвии разрешается свободный ввоз и вывоз золота и серебра. Затем следует ряд уточнений. Во-первых, торговые операции здесь осуществляются только на местные деньги: «Все продавать и приобретать на городскую ольвийскую монету — медную и серебряную» (стк. 13–16). Далее поясняется, что под *πωλεῖν δὲ καὶ ὠν[εῖσθαι]* подразумевается также валютный обмен — устанавливается твердый курс местного серебра относительно кизикского золотого статера. Для обмена иной монеты, не кизикинов, декретирован «плавающий» курс («как убедят друг друга», *sc.* «как сойдутся в цене», стк. 26–29). Во-вторых, во избежание валютных махинаций ольвиополиты декретировали единственный меняльный стол: обменивать инополисную монету на ольвийскую можно только в установленном месте — у каменного стола в эклесиастерии, что позволяло полису контролировать валютный обмен.

Эти основные положения данного постановления — декретирование купли-продажи только на ольвийскую монету и введение принудительного твердого курса межполисной золотой валюты, кизикинов, относительно местного серебра — показывают, что декрет Каноба преследовал соответственно две основные цели: во-первых, перевести местную торговлю на собственную монету и, во-вторых, создать условия для накопления запасов золотой кизикской валюты в Ольвии. Это и понятно: не имея собственной ходовой в Причерноморье золотой монеты, Ольвия для денежного обеспечения своих межполисных торговых операций нуждалась в общепринятой золотой монете, каковую роль исполняли в Причерноморье V–IV вв. кизикины. Введение принудительного обмена кизикинов на свою монету предполагает, что Ольвия располагала соответствующей товарной базой, обеспечивавшей это принудительное мероприятие, — хлебом, осетровыми, солью, продукцией варварского хинтерланда, т. е. всем, что могло привлечь купцов других полисов. Карышковский [1960в, с. 12] высказал предположение, что введение твердого курса кизикинов относительно ольвийского серебра «видимо, связано с необходимостью организовать обмен имевшихся у населения мелких номиналов кизикского электра на впервые появившееся в значительном количестве ольвийское серебро», так что «с этого времени кизикины в Ольвии уже не являлись по существу деньгами и должны были рассматриваться как товар, лишь эпизодически выполняющий отдельные

функции денег». Эти утверждения, может быть, отчасти справедливы, но нельзя не видеть их противоречивости: найденные на городище Ольвии мелкие фракции кизикинов относятся к первым десятилетиям V в., «в дальнейшем их приток уменьшается или прекращается», по словам самого Карышковского [Ib., с. 9], что явно противоречит изложенному далее его предположению о «необходимости организовать обмен имевшихся у населения мелких номиналов» кизикской валюты на серебро в IV в. Нерепрезентативность кизикской монеты на ольвийском городище как раз и свидетельствует, что она была платежным средством ольвийских купцов и города в их межполисных торговых операциях, чему и соответствует обычная роль данной валюты. Иначе говоря, она уплывала из Ольвии в другие города. Не случайно в IV в. выпускаются не столько мелкие номиналы кизикской монеты, сколько статеры. Это означает, что введение в Ольвии принудительного обмена по твердому курсу кизикинов на местное серебро имело целью прежде всего накопление полисом валютных запасов, необходимых для межполисной торговли.

Аналогичные мероприятия других греческих городов показывают, что принудительный курс обмена вводился именно при недостатке золота или серебра. Несколько примеров подобного рода содержит Псевдо-Аристотелевская «Экономика». Афинянин Тимофей в 364 г., «испытывая недостаток в серебре, отчеканил медь и стал выдавать ее воинам. Когда воины стали возмущаться, он сказал им, что купцы и рыночные торговцы будут продавать все без всяких изменений. А купцам он объявил, что если кто-нибудь из них возьмет медь, то может на нее покупать все и из местных товаров, и из захватываемой добычи. Ту медь, которая останется у них, они могут приносить к нему и получать серебро»²⁶. В первой половине IV в. Дионисий Сиракузский, «не имея достаточно серебра, отчеканил монету из олова... каждый, какую бы он ни получал монету, считал ее серебряной, а не оловянной» (*Ps. Arist. Оес.* II, 2, 20c). Клазоменцы для выплаты долга в 20 талантов «отчеканили железную монету, приравненную к серебру, в размере 20 талантов, затем, давая самым богатым в полисе, каждому соответственно богатству, взяли у них серебро в равном размере» (II, 2, 16b). Здесь же находим аналогию предпринятому ольвиополитами учреждению одного меняльного стола: византийцы «право обмена монет продали одному меняльному столу, и никакому другому не разрешалось ни выдавать, ни принимать в обмен, — в противном случае грозила конфискация» (II, 2, 3a).

Итак, и сам декрет Каноба, и приведенные примеры свидетельствуют, что введение принудительного курса ольвиополитами было вызвано их нуждой в золотой валюте и направлено главным образом на создание в Ольвии запасов межполисной в Понте золотой валюты, кизикинов. Ясно при этом, что, испытывая нужду в кизикинах и устанавливая их твердый курс относительно местного серебра, ольвиополиты должны были руководствоваться общепринятым курсом серебра относительно золота. Давно существующее мнение, что во второй половине IV в. золото соотносилось с серебром в пропорции 1 : 10 (например, [Зограф, с. 175]), сейчас уточнено — соотношение этих металлов слегка варьировалось во времени: ок. 406 г. 12 : 1, ок. 398 г. 11 : 1, в 370 г. 13 : 1, в 337 г. 10 и 9,5 : 1 [Smekalova, 2002]. По мнению Ю. Г. Виноградова и П. О. Карышковского [1976], чтение Мортмана в стк. 24–25 [ἐνδεκά]τῷ превышает размеры лакуны, в связи с чем они предложили чтение

²⁶ *Arist. Оес.* II, 2, 23a, тут и ниже — переводы Г. А. Тароняна.

ἐ[νδρά]τῳ, означающее, что золотой кизикский статер идет не за 10,5 ольвийских серебряных статеров, как полагали Мортман и другие исследователи, а за 8,5 статеров. Датируется декрет Каноба, согласно Виноградову и Карышковскому, третьей четвертью IV в., так что эта «ольвийская надпись, относящаяся ко времени, когда Кизик прекратил, по всей вероятности, чеканку монеты из электра, и отражает, как представляется, не исконный традиционный их курс на рынках Причерноморья, а курс, сложившийся в результате падения стоимости золота и электра» [с. 40]. Выводы названных авторов противоречат, на наш взгляд, целям издания данного декрета, явственно вырисовывающимся из его содержания, но почему-то не попавшими в поле их зрения.

1. Основная цель декрета, вытекающая из его содержания, как показано, состоит в концентрации запасов кизикинов в Ольвии. Это значит, что у кизикина был высокий курс и он оставался основной валютной единицей в межполисных торговых операциях.

2. Высокий курс кизикина засвидетельствован Псевдо-Демосфеновской речью против Формиона, относящейся к 320-м гг. (XXXIV, 23): на Боспоре кизикин шел за 28 аттических драхм. Виноградов и Карышковский обходят это препятствие посредством предположения, что эта цифра означает первоначально высокий курс кизикина в Сев. Причерноморье, затем понизившийся к третьей четверти IV в. Это маловероятно, поскольку речь против Формиона дает современный ей курс — как раз той самой третьей четверти IV в., для которой соавторы установили пониженный курс.

3. Курс 1: 8,5 не соответствует общегреческой картине второй половины IV в., дающей соотношение золота к серебру от 1: 10 до 1: 9,5 на основании данных, полученных из не зависимых друг от друга источников [Lambert, 1996, p. 86].

4. Сами Виноградов и Карышковский пришли к выводу, что соотношение золота и серебра в Ольвии на рубеже третьей и последней четверти IV в., а также ок. 300 г., соответствовало общегреческому, т. е. равнялось примерно 1: 10. Отсюда, с одной стороны, остается необъясненным ими перепад соотношения стоимости драгметаллов (в их схеме получается, что до середины IV в. золото и серебро соотносились как 1: 10, в третьей четверти как 1: 8,5, с рубежа третьей и последней четвертей снова примерно 1: 10). С другой стороны, кизикины, если их курс понизился с 1: 10 до 1: 8,5, вряд ли могли оставаться единственным платежным средством в межполисной торговле и ольвиополиты вряд ли стремились бы к накоплению монеты с падающим курсом. Между тем, как мы видели, основной целью декрета было создание условий для накопления кизикинов в ольвийской казне.

5. Установив твердый курс ольвийского серебра относительно кизикина, Каноб добавляет, что следует продавать только по установленному курсу, «не дороже и не дешевле» (стк. 25–26). Практически это означает, что в действительности имел или мог иметь место обмен как по большему, так и по меньшему курсу. Если Виноградов и Карышковский полагают, что твердый курс был 1: 8,5, то каким же низким он должен оказаться при практически возможной, как показывает приведенная оговорка декрета, еще меньшей тарификации.

Предпринятый соавторами пересмотр курса драгметаллов на Понте в IV в. основан на констатации невозможности чтения ἐ[νδρά]τῳ в стк. 24 декрета, поскольку в лакуне, как показывает их рисунок на с. 23, *каппа* умещается наполовину, а для *альфы* места вообще нет, она остается за гранью стелы. Это и побудило их читать

тут более короткое слово $\xi[\nu\acute{\alpha}]\tau\bar{o}$, давшее курс 1: 8,5²⁷. Их чтение оптимально и принято в последних изданиях надписи. Таким образом, меньший, чем обычный 1: 10, курс кизикина 1: 8,5, видимо, имел место, поэтому надо выяснить, в чем заключается причина перечисленных нами противоречий концепции Виноградова и Карышковского. Полагаем, вопрос упирается в датировку надписи — она относится к другому времени, когда финансовая ситуация была иной. Рассмотрим это.

Мортман датировал декрет концом IV в., В. Диттенбергер отнес к началу этого столетия, Э. Р. Штерн, В. А. Анохин — к раннему IV в., В. В. Латышев — к первой половине века. Виноградов и Карышковский датировали надпись третьей четвертью IV в. по палеографическим показаниям и нумизматическим соображениям. Последнее — появление ольвийского серебра «в 60-е гг. IV в.», прекращение эмиссии кизикинов и выход им на смену золотых Филиппа и Александра — представляют собой для датировки декрета Каноба, разумеется, показания косвенного характера. Несмотря на утверждения Виноградова и Карышковского [с. 25], что «научно обоснованная датировка данного декрета требует комплексного применения нескольких методов: палеографического, языкового и формулярного», фактически свою аргументацию они свели к рассмотрению палеографии, причем не самого декрета, а письма ольвийских лапидарных памятников IV в., — они дали его краткий очерк: выделены периоды, подгруппы, переходная эпоха, соответствующие им формулярные конструкции, которые, по мнению соавторов, подтверждают их палеографические наблюдения, словом, дана дробная картина хронологической последовательности трех десятков ольвийских надписей по четвертям столетия. Все это, однако, остается ничем не аргументированной декларацией. Вместо доказательств этих довольно ответственных выводов читателю предлагается верить на слово: «Результаты исследования палеографии, формул, а также объединения и реконструкции ольвийских надписей будут изложены подробнее в специальной работе, подготовленной Ю. Г. Виноградовым». Поскольку таковая никогда не появилась, эти датировки — не факт, а только то, что названным соавторам показалось. Более того, через 7 лет, так и не явив миру обещанные доказательства, они позволили себе упрекнуть В. И. Денисову, которая справедливо не сочла нужным руководствоваться недоказанными хронологическими построениями Виноградова: «Недоумение вызывают причины, по которым издатель (Денисова. — В. Я.), привлекая палеографические аналогии, оставил без внимания однажды уже разработанную авторами данной статьи хронологическую схему развития ольвийской лапидарной палеографии IV в.²⁸ Согласно этой схеме, от которой мы не видим никаких оснований отказываться, надпись стеностроителей должна быть помещена в конец второй подгруппы позднеклассического шрифта, т. е. незадолго до середины IV в.». Вот так: «согласно схеме» — в «конец второй подгруппы», и не иначе²⁹. Читателю, однако, позволительно поинтересоваться: почему декрет Каноба относится именно к «первой подгруппе переходной эпохи», «датирующейся 30–40 гг. IV в.», а не, скажем,

²⁷ Их дополнение оставляло в лакуне свободное место, поэтому после них была предложена поправка — ионийская форма $\xi[\nu\acute{\alpha}]\tau\bar{o}$ [Dubois, p. 37], с которой лакуна заполнилась больше.

²⁸ Следует ссылка на их статью о декрете Каноба.

²⁹ Это характерная манера Виноградова: не особенно утруждая себя аргументацией, но с той же уверенностью он продатировал по четвертям столетий и даже с нюансами вроде «ближе к началу четверти» или «ближе к концу четверти» почти все ольвийские надписи. Его дело продолжил инженер Николаев, который снабдил их точными, до 1–3 лет, датами (см. об этом с. 484).

к их предыдущему периоду с двумя подгруппами? Нужны ли такие дробные периоды с подгруппами, которые никогда на ольвийском материале не могут быть доказаны ввиду отсутствия должного числа точно датированных ольвийских надписей. Недостаток датированных реперов соавторы возместили такими аргументами, как «заметное беспокойство букв», откровенный субъективизм которых лишает их выводы сколько-нибудь объективной доказательной базы.

Чтобы быть точным, приведем все, сказанное соавторами о датировке декрета Каноба: «Всю переходную эпоху можно подразделить на три подгруппы (подпериода). К первой, датирующейся 30–40 гг. IV в., следует отнести декрет Каноба, а также НО, 5, 6, 9. Чуткими индикаторами служат здесь *сигма* и *омега*. Первая sporadически приобретает иррегулярность; вторая же сохраняет еще классическую форму, в которой полукружие опускается на горизонтальные усики под прямыми (или почти прямыми) углами, но, подобно *тете* и *омикрону*, значительно уменьшается в размерах. Заметна тенденция к легкому прогибу крайних гас *мю* и *сигмы*». Это все.

Сравним перечисленные палеографические признаки с полутора десятком аттических надписей, имеющих точную датировку от начала IV в. до 340–330-х гг. (Kirchner, 48–63): почти каждая из них содержит и «иррегулярную *сигму*», и «легкий прогиб крайних гас *мю* и *сигмы*», и *омегу* меньших размеров (в декрете Каноба она, кстати, не только с «прямыми или почти прямыми углами», но и с хорошо выраженной округлостью (например, в стк. 9), а эти признаки характерны не только для первой половины IV, но и для позднего V в. Один этот пример показывает, чего стоит вся эта «хронология», и неудивительно, что Виноградов не аргументировал ее: это и невозможно, поскольку даже аттическая эпиграфика с ее множеством точно датированных надписей IV в. не представляет твердых или обязательных хоть в какой-то мере признаков, позволяющих датировать сравниваемые с ними эпиграфические памятники внутри четвертой столетия. Поскольку в Ольвии всего 3 датированные более или менее точно надписи IV в. — проксения гераклейскому тирану Сатиру (см. выше), сигнатуры Праксителя и Стратонида (о них ниже), да и все они относятся ко второй трети столетия, то ясно, что при датировке ольвийских надписей следует руководствоваться аттическими параллелями³⁰.

Чтобы покончить с вопросом о датировке декрета Каноба, а заодно и нагляднее продемонстрировать произвольность уточненных по долям четвертей IV в. датировок ольвийских надписей Виноградова, приведем его хронологию сигнатур Праксителя и Стратонида, которая якобы подтверждает датировку декрета Каноба: «Поскольку статуя была заказана жителем далекой Ольвии, скорее всего художнику уже с именем, то и автограф его IOSPE I² 271 следует, по всей видимости, датировать (с учетом развитой палеографии) временем ἀκμῇ Праксителя, т. е. 30-е гг. IV в. К тому же времени следует отнести и подпись Стратонида». По этому поводу заметим следующее. Что касается акме Праксителя, то мы располагаем совершенно иной датой: Плиний относил начало его ἀκμῇ к 104-й олимпиаде (364–361 гг.) — это вообще первая точная дата деятельности Праксителя. Кроме его синхронизма

³⁰ Если давать характеристику развития письма ольвийских надписей IV в. в целом и устанавливать периоды его развития внутри столетия, то следует иметь в виду периоды развития аттической эпиграфики IV в., выделенные В. Ларфельдом: 403–360, 360–325, 325–275 гг. (подробнее см. об этом ниже, с. 465).

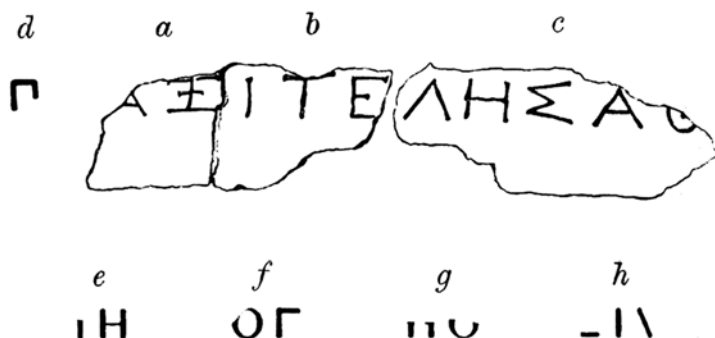

Рис. 54а. Сигнатура
скульптора Праксителя
IOSPE I² 271

с Никием и Фриной, жившими во второй половине IV в., известна и последняя дата — когда Александр вступил в 334 г. в Малую Азию, Пракситель еще не закончил алтарь эфесского Артемисиона [Виппер, 1972, с. 248]. Это означает, что найденная в Ольвии сигнатура афинского ваятеля (IOSPE I² 271; рис. 54а) может относиться ко времени от 370-х до 330-х гг., а не именно к 330-м гг., как сочли Виноградов и Карышковский. Почему же к этому времени «следует отнести и подпись Стратонида» НО 65 (см. рис. 77 на с. 497), они не разъяснили читателю, тогда как ему это весьма интересно, поскольку до Виноградова и Карышковского о времени деятельности данного скульптора было известно лишь то, что он работал в IV в. Уложив описанным образом сигнатуры обоих ваятелей в 330-е гг., авторы заключают (продолжая приведенную выше цитату): «Таким образом, обе надписи оказываются во второй подгруппе переходного периода и, будучи целиком синхронными ей по палеографии, подкрепляют разработанную выше хронологическую классификацию». Каким образом сигнатуры скульпторов оказались во «второй подгруппе переходного периода», мы уже проследили; служить подтверждением их «хронологической классификации» они не могут. Датируя массовый материал (три десятка надписей), Виноградов и Карышковский, вероятно, в каком-то случае и попали в цель, но в общем, на основании вышеизложенного, следует заключить, что их хронология ольвийских надписей IV в., *en masse* уточненных по четвертям столетия и их долям, полностью гипотетична, ибо так и осталась недоказанной³¹.

Придерживаясь традиционного метода сопоставления исследуемой надписи с близкими по характеру письма, но происходящими из другого центра памятниками, в отношении декрета Каноба можно повторить, что он находит соответствие в ряде датированных аттических памятников от начала IV в. до 340–330-х гг. (ср. [Kirchner, 48–63]). Более точной датировки палеография дать не может, так что вступают в силу данные, вытекающие из содержания декрета и соотношения графом $\bar{o}$ — ou . Как мы выяснили выше, ольвиополиты издали его, преследуя целью накопление полисом кизикской золотой валюты, что само по себе является свидетельством достаточно высокой ее тарификации. Поскольку электровы кизикские статеры перестают чеканиться к середине IV в. или к 330-м гг. [Булатович, 1970, с. 83; 1982, с. 102/3], декрет следует датировать временем не позднее указанных рубежей,

³¹ Даже переиздавая статью о декрете Каноба в 1997 г. [Pont. St. S. 250/75], Виноградов так и не удосужился аргументировать в который раз предлагаемую читателю, но по-прежнему бездоказательную «схему развития ольвийской палеографии» IV в.

т. е. в целом с начала IV в. до 330-х гг. Если справедливо заключение Карышковского о возобновлении эмиссии ольвийского серебра то ли ок. 360 г. [Карышковский, 1959б, с. 230], то ли ок. 350 г. [Карышковский, 1969а, с. 13], нижняя граница декрета Каноба может быть синхронизирована с указанными датами. Именно так, кстати говоря, серединой IV в., Карышковский датировал декрет Каноба до соавторства с Виноградовым³².

Резюмируем: по нумизматическим показаниям декрет Каноба о деньгах относится к первой половине или середине IV в. Дату хорошо уточняет графическое выражение флексии род. падежа через -ου и -ῶ, на что обратил внимание Дюбуа [Dubois, p. 32]. В Аттике и многих других областях Греции они совместно употреблялись в период с 375 по 350 г., из чего Дюбуа заключил, что декрет Каноба относится ко времени ок. 360 г. Сейчас мы подробнее рассмотрим это важное для датировки ольвийских и боспорских надписей обстоятельство, но сначала отметим, что в декрете Каноба наблюдается неравное употребление -ου (17 раз) и -ῶ (9 раз). В аттических датированных надписях равное употребление ῶ = ου и ου = ῶ представлено в надписи 370 г., тексты с одним лишь ου, без ῶ появляются с 368 г. [Threatte, 1980, p. 244/50]. На Боспоре как периферийной области ῶ употребляется дольше, по 340-е гг. включительно, но число употребления этой графемы невелико [Яйленко, 2010, с. 23–25]. Ольвия тоже периферия, однако в декрете Каноба обеих графем много и это указывает, что время его создания приходится не на 340-е, а на 350–360-е гг. Ок. 350 г. золотой кизикин шел за 25 аттических драхм [Dubois, p. 38, *лит.*]. По сравнению с 320-ми гг., когда на Боспоре Киммерийском кизикин был равен 28 аттическим драхмам, сие чуть меньше, этим и может быть оправдано дополнение в стк. 24–25 Канобова декрета ξ[ινά]|τῶ. Это соотношение золота и серебра 1 : 8,5 чуть меньше тарификации золотого кизикина в 25 аттических драхм, но необходимо учитывать возможное давление ольвийских спекулянтов на курс кизикина и принудительный характер установленного декретом соотношения 1 : 8,5 в пользу ольвийского серебра.

Таким образом, в активе разобранных нами статьи Карышковского и Виноградова числится лишь указанное восстановление лакуны, остальные положения неприемлемы ввиду их ошибочной датировки декрета Каноба.

Кажется, Каноб издал еще один декрет о деньгах, от которого сохранился фр. НО 31. Это два обломка с верхней гранью плиты, не сходящиеся по изломам. На одном (А) читается δῆμ[ωι], на другом (Б) сохранились остатки двух строк текста: --βοϝ | --υρίου. Комментатор НО 31 Леви справедливо отметила, что текст обломка А принадлежал вводной формуле [ἔδοξε τῇ βουλῇ καὶ τῶι] δῆμ[ωι], а в стк. 1 фр. Б можно читать имя «лица, внесшего предложение, например [Κάνω]βοϝ». В стк. 2 Леви видела окончание патронимика: -υρίου[?], не исключая, что надпись являлась почетным декретом. Мы же обратим внимание на то обстоятельство, что на фр. Б можно читать наряду с именем [Κάνω]βοϝ слово [ἀρυ]υρίου, несколько раз фигурирующее в рассмотренном декрете Каноба о регулировании денежного обращения в Ольвии. Органичное соответствие текста обоих обломков НО 31 началу декрета Каноба позволяет предложить следующее их восстановление: [ἔδοξε βουλῇ καὶ] δῆμ[ωι, Κάνω]βοϝ| [Θρασυδάμαντος εἶπε· τοῦ ἀρυ]υρίου [τοῦ ἐπιστήμου ?--]. Ср. то

³² [1969а, с. 19], еще раньше он относил декрет к первой половине IV в. [Карышковский, 1960в, с. 11].

же в декрете Каноба (стк. 2–5): ἔδοξε βουλῇ [καὶ δῆ]μῳ, Κάνωβος Θρασυδάμαντο[ς εἶ]πε· εἶναι παντὸς χρυσίου ἐπιστήμῃ --. По-видимому, декрет НО 31 представляет собой еще одно эпиграфическое свидетельство деятельности Каноба по организации финансового дела Ольвии в середине IV в.

4. ПРОКСЕНИИ IV – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ III в.³³

В. В. Латышев различал в IOSPE I² три типа декретов: 1. Декреты совета и народа. 2. Эдикты коллегии Семи. 3. Декреты других городов в честь ольвиополитов. Эта классификация не отражает типологического разнообразия декретов Ольвии: почетных декретов, проксений, постановлений в честь инополитов без проксенических прав (подразумевается, что они были даны ранее), декреты других городов в честь ольвиополитов, декреты о хозяйственной деятельности полиса. Фрагментированность многих надписей не всегда позволяет определить, принят ли декрет в честь ольвиополита или инополита, что заставляет отнести их к группе *Varia honorifica*; иногда неясно, к какому типу декретов относится фрагмент. В целом классифицируем ольвийские декреты следующим образом:

I. Почетные декреты:

1. *Декреты в честь ольвиополитов*: IOSPE I² 25 + 31; 26, 29, 32, 34, 37, 39–55; 56 + НО 46; 57, 60, 61, 63, 71, 72; 73 + НО 165 (?); 74, 239, 242, 255, 298, 325. НО 34, 42–44; 46 + IOSPE I² 56; НО 47 + 53 + 179 + IOSPE I² 57 + 263; НО 48–51, 92, 163–166; Анфестериев декрет, парутинский фрагмент (с. 534/5).

2. Декреты в честь инополитов:

а) *Ателии*: НО 1, 2 А, Б, 11, «Тимесилеев» декрет (?). б) *Проксении*: IOSPE I² 20, 21 (= НО 15), 22, 23. НО 3 + 12 + 107; 4–11, 13–16, 18, 20, 22, 23, 108; проксении Сатиру, калхедонцу. в) *Почетно-проксенические декреты*: IOSPE I² 26–28, 30, 35, 46; 57 + 263 + НО 47 + 53 + 179; 246. НО 17 + 21 + 30 + 120; 19 + 32; 24, 25 + 39 (?); 26, 27⁺; 35 + 37 + 38 + 124 + 128 = НО 36 + IOSPE I² 253; 45, 174, 175; декрет из Драгомирны. г) *Почетные декреты в честь иноземных правителей*: IOSPE I² 38.

3. *Varia honorifica*: IOSPE I² 33, 58, 59, 62, 64–67, 69, 70, 72, 75, 198, 241, 243, 245, 247–249, 259, 261, 279, 280³⁴.

4. *Декреты греческих городов в честь ольвиополитов*: IOSPE I² 77–79, 239. Граков, 1939, № 23, 24, 35, 37, 112.

II. Декреты о финансовой деятельности полиса: IOSPE I² 24, 37. НО 31.

III. *Varia decretalia*: IOSPE I² 256, 258. НО 33, 40³⁵. Возможно, НО 180, 183.

IV. *Dubium*: IOSPE I² 36.

Рассмотрим далее декреты из IOSPE I² и НО в соответствии с намеченной классификацией (некоторым из числа наиболее важных декретов уделены отдельные главы). Тут поведем речь о проксениях.

³³ Опубликованы краткие предварительные материалы о проксениях [Яйленко, 1981; 1984; 2001a], здесь даем полный текст.

³⁴ Из сохранившихся обрывков этих декретов неясно, изданы они в честь ольвиополитов или инополитов.

³⁵ Это очень мелкие обломки начала надписи со словом δῆμος, которое позволяет предположительно видеть в них декреты.

4.1. НО 13

Рис. 55. Проксения НО 13

Обломок правого края средней части надписи (рис. 55). Издатель Леви ограничилась в стк. 1–3 маюскулами: --N(?)Α |--Λ(?)ΟΙ ΣΠΡΟ |--ΗΚΟΝ. Декрет в основном правильно интерпретировал Е. Б. Новиков [1981, с. 115], указав, что в стк. 2 читается формула [ῥσα καὶ τοῖς ἄλλοις προξένοις] с ὑπάρχει или δίδεται, а в стк. 3 читается [προσ]-ῆκον. Неприемлемо его мнение о неольвийском происхождении проксении, основанное на том, что формула ῥσα καὶ τοῖς ἄλλοις προξένοις προσῆκον здесь неизвестна, ибо такая же формулировка представлена и в проксении НО 174 (см. ниже, с. 538). Если исходить из подобной презумпции, то и НО 10 с ее уникальным на то время ῥδοσαν пришлось бы считать не ольвийским памятником, однако проксения Сатиру дала второй случай употребления этой формы. Не вполне

прав он и в отрицании восстановления Леви в стк. 4 слова εἰσαγωγῆν: хотя, по Новикову, после формулы ῥσα καὶ τοῖς ἄλλοις προξένοις «добавления каких-либо прав весьма редки», примеров с перечислением привилегий, в том числе εἰσαγωγῆν καὶ ἐξαγωγῆν, на самом деле достаточно [КБН, с. 937; DGE 48, 163]. С учетом сказанного даем следующий текст:

[--ὑπάρχειν αὐτῷ κ]α-
θάπερ καὶ τοῖς ἄλλοις προ-
ξένοις τὰ πάντα προσῆκον-
[τα καὶ ἀτέλειαν ὧν ἂν εἰσάγ-
[ηι ἢ ἐξάγῃ ἢ αὐτὸς ἢ] ἐ[γγο-
νοι κτλ.]

«-- быть у него, как и у прочих
проксенов, всему надлежаще-
му — и беспошлинности того,
что ввезет или вывезет, сам ли,
сыновья ли --».

По характеру письма надпись идентична проксении Сатира, т. е. относится к середине IV в. Близость их такова, что это произведения одной мастерской. Сюда относится и надпись НО 114, также сделанная на известняке, как и НО 13. На известняковой плите вырезана и проксения Иетрокла НО 1.

4.2. НО 5³⁶

Проксения двум афинянам — Ксантиппу Аристофонтону из дема Эрхия и Филополиду Филополидову, дейрадиоту (рис. 56). Текст и перевод НО 5 (Леви):

ἀγαθῇ τύχει·
Ὀλβιοπολῖται ἔδωκαν

«в добрый час, ольвиополиты дали
Ксантиппу, сыну Аристофонта,

³⁶ Этот параграф опубликован [Яйленко, 2001a].

Ξανθίππῳ Ἀριστο-
φῶντος Ἐρχιεῖ,
Φιλοπόλιδι Φιλοπόλιδος
Δειραδιώτει Ἀθηναίῳς
5 αὐτοῖς καὶ τοῖς ἐγγόνοις
προξενίαν, πολιτείαν,
ἀτέλειαν πάντων
χρημάτων, ὧν ἂν αὐτοὶ
εἰσάγῳσιν ἢ ἐξάγῳσιν,
10 ἢ παῖδες ἢ ἀδελφοὶ
οἷς κοινὰ τὰ πατρώια,
ἢ θεράποντες, καὶ
εἴσπλουν καὶ ἔκπλουν
καὶ ἐν εἰρήνῃ καὶ ἐμ πο-
λέμῳ ἀσυλεῖ καὶ
15 ἀσπονδεῖ

эрхиейцу, Филополиду, *сыну* Фило-
полида, дейрадиоту, — афинянам,
им самим и потомкам их проксе-
нию, право гражданства, освобож-
дение от пошлин на все товары,
какие бы ни ввезли или не вывезли
они сами, или *их* дети, или братья,
у которых отцовское имущество
общее, или слуги, и *дали* право
входа *в гавань* и выхода *из гавани*
и в мирное, и в военное время,
без конфискации и без заключения
договора».

Формула стк. 13 οἷς κοινὰ τὰ πατρώια (она же в НО 7) означает, что проксенические привилегии предоставляются тем детям чествуемого проксена и его братьям, которые не выделили свою долю из семейного имущества. Смысл данной оговорки заключается в том, что ольвиополиты чествовали своим декретом не только лично двух проксенов, но и, так сказать, их фирму в целом. Отметим, что условие иметь κοινὰ τὰ πατρώια не предполагает обязательно совместного проживания детей и братьев проксена в одном месте, — *ср.* к этому условие *ἡσστῖς ἀπολίπῃι πατέρα καὶ τὸ μέρος τῶν χρημάτων τῷ πατρί* «кто же оставит отца (т. е. уедет) и свою часть имущества отцу» локридского декрета о колонистах, отправленных в Навпакт (Syll.³ 47. 35–36): сия статья означает, что сын, уехав в Навпакт, оставил свою часть имущества неразделенной в отцовском доме в Опунте. Оговорка двух ольвийских декретов, что данные проксенам привилегии распространяются только на тех членов их семей, кто не выделил свое имущество из общесемейного «котла», подразумевает, что у Ксантиппа и Филополида были братья и (или) сыновья, которые выделились из отцовского надела и вели дела самостоятельно. С ольвиополитами они не имели активных связей и потому были исключены из состава лиц, на которых распространены привилегии. Понятно, что и у других ольвийских проксенов были сыновья, самостоятельно ведущие дела, но ольвиополиты лишь дважды отделили таковых. Это позволяет предположить, что в обоих случаях такие лица были в какой-то мере *personae non gratae* для ольвиополитов либо же они были в натянутых отношениях со своими отцами и братьями.

Леви датировала декрет «IV в. до н. э., едва ли значительно позднее середины», Виноградов, Карышковский [1976, с. 25] — 340–330-ми гг., я, говоря о датировке ряда надписей последней третью IV в., упомянул в их числе эту проксению, что вызвало излишне бурную реакцию Виноградова [1990, с. 58]³⁷. В подтверждение своей точки зрения он сослался на работу Э. Эркслебена, который ввел Филополида

³⁷ [Яйленко, 1985, с. 219]: упомянув датировку Леви, продолжаю: «На мой взгляд, эта проксения относится к последней трети IV в.», с отсылкой к с. 217, на которой сказано: «По характеру письма эта надпись (т. е. IOSPE I² 23 и НО 9) входит в группу проксений НО 5, 6, 8, 15, которые относятся в основном к последней трети IV в.» (далее следуют ссылки на датированные аттические параллели).

Рис. 56. HO 5

в род афинянина Полистрата, известный по XX речи Лисия и трем погребальным лутрофорам IG II/III, 12499, 12658, 12967. Эркслебен предположил, что Филополид ольвийской надписи мог быть сыном Филополида (сына Полистрата), который, согласно датировке упомянутого комплекса лутрофоров, умер перед серединой IV в.; соответственно деятельность торговой фирмы Филополида и Ксантиппа относится ко времени после середины века [Erxleben, S. 489, Anm. 219, 222–224].

Это предположение Эркслебена Виноградов счел доказанным фактом, подтверждающим его датировку.

К сожалению, догадка Эркслебена не решила вопроса о датировке этой проксении. В отличие от Виноградова он был осторожен, обозначив свою догадку словами *nicht unmöglich*, что в общем понятно — просопография рода Полистрата слишком скудна для уверенных отождествлений. Далее, при датировке декрета НО 5 340–330-ми гг. Филополид оказывается 80–90-летним старцем, что ставит под сомнение настолько активную его деятельность в Ольвии, что он был почтен здесь проксеническими привилегиями на будущее время³⁸. Видимо, по этим причинам мнение Эркслебена не разделили авторы последних сводов аттической просопографии Дж. Дэвис и Дж. Трейл. Первый не ввел Филополида ольвийской надписи в род Полистрата, а второй отнес деятельность эрхиейца Аристофонта, отца Ксантиппа НО 5, как и сам декрет, ко времени ок. III в. — предположительно упомянутый Аристофонт идентичен эрхиейцу Аристофону, фигурирующему в надписи 245 г. до н. э. [= Kirchner, 1901–1903, № 2112]³⁹.

Отождествление Трейла может показаться тем более убедительным, что в той же надписи CIA II/1, 334, в которой упоминается эрхиейец Аристофонт, фигурирует и Ксантипп эрхиейец [= Kirchner, 1901–1903, № 11164]. Без сомнения, это члены рода Ксантиппа Аристофонтова НО 5, однако, на наш взгляд, столь поздняя датировка не соответствует палеографии ольвийского декрета, которая определенно указывает на последнюю треть IV в. ввиду датированных аттических параллелей и ряда обстоятельств (см. ниже). Кроме того, нам представляется, что Эркслебен правильно ввел Филополида ольвийской проксении в род Полистрата, хотя, как сказано, его идентификация отца этого Филополида с Филополидом, сыном Полистрата, не вполне правомерна. Приведенные выше в примечании расчеты возраста членов этого рода заставляют ввести между Филополидом Полистратовым и Филополидом-отцом НО 5 одно промежуточное поколение, и в этом случае деятельность Филополида Филополидова НО 5 придется на последнюю треть или четверть IV в.⁴⁰

Сотоварищ Филополида-сына НО 5 по торговой фирме Ксантипп, возможно, принадлежал к роду Драконтида, в котором имя Ксантипп было наследственным: одно лицо с таким именем известно ок. середины IV в., другое в III в. Имеется еще один предполагаемый [Ξάνθιππ?]ος Ἐρ[χιεύς], деятельность которого относится

³⁸ [Lacey, 1968, p. 106/7]: афинский обычай предполагал, что в 60 лет глава семейства передавал дела сыну; в 59 лет он освобождался от военной службы и считался стариком. Поскольку Полистрат родился в 480 г., при счете поколений в 30 лет получается, что сын его Филополид родился ок. 450 г., а внук Филополид Филополидов НО 5 родился ок. 420 г., который в 340–330 гг. был, стало быть, 80–90-летним стариком. Если принять 20-летний промежуток между поколениями, Филополид вообще оказывается более чем столетним долгожителем. В счете поколений греки обычно исходили из расчета 3 поколения на 100 лет [Herod. II, 142; Лурье, 1947, с. 112; Lacey, 1968, p. 106], хотя реальные случаи могли понижать это соотношение — см., к примеру, Herod. I, 7: около 23 лет на поколение.

³⁹ [Davis, 1971, p. 458, 467/8, № 12076; Trail, 1995, с. 224]. В списке жертвователей денег на полисные нужды (CIA II, f. 1, 334) числятся два Антифонта, Ксантипп, Драконтид, все они эрхиейцы.

⁴⁰ Полистрат родился в 480 г., сын его Филополид (I) ок. 450 г., сын последнего (назовем его условно Полистрат II) ок. 420 г.; Филополид (II) — отец в НО 5 — ок. 390 г., Филополид (III) — сын в НО 5 — ок. 360 г. Упомянутые в декрете НО 5 сыновья последнего родились ок. 330 г., после которого, следовательно, был принят этот декрет. При более коротких промежутках между поколениями следует предположить 2–3 промежуточных звена между Филополидами I и II.

ко второй половине или последней четверти IV в.⁴¹ Последний и может быть искомым Ксантиппом, сыном Аристофонта, партнером Филополида по торговым сношениям с Ольвией (соответственно упомянутые Ксантипп и Аристофонт IG II, 344 — его потомки).

Как видно, просопографические возможности для идентификации проксенов декрета НО 5 пока еще предположительны. Если говорить о палеографии документа, то обратим внимание на сочетание черт позднеклассического письма (свободное размещение букв по полю, их гармоничные размеры) с раннеэллинистическим декоративизмом шрифта: концы букв утолщены или апецированы, особенно показательна *сигма* с наклонным штришком, украшающим ее верхнюю оконечность. Ср. в этом плане датированные аттические параллели: декреты 387–378 гг., те же по письму, но лишенные какого-либо декоративизма, и надписи последней четверти века — то же письмо, но с такими же декоративными украшениями, как в НО 5–7 [Kirchner, 49, 50, 65, 68]. Для датировки декрета НО 5 важнейшее значение имеет представленная в нем аттическая графема — передача ионийского окончания датива $\eta\iota$ через $\epsilon\iota$. Как и в случае с выводами Эркслебена, Виноградов [1990, с. 58] подал выводы автора новейшей грамматики аттических надписей [Threatte, 1980] об эволюции этой мены таким образом, что они якобы подтверждают его датировку надписи НО 5 340–330-ми гг.: по словам Виноградова, эта мена «до середины IV в. встречается крайне спорадически... начинает учащаться с 375 г., но превалировать — как и в нашем случае — только с 340–330 гг.». Однако это не вполне точное изложение: Л. Тритт пишет, что графема $\epsilon\iota$ очень редка в начале IV в., увеличение числа примеров наблюдается с 340–325 гг., и далее уточняет: «в период около 340–325 гг. $\epsilon\iota$ все еще довольно редко» (is still fairly rare); в одних декретах этого периода употребляется только $\eta\iota$, в других оно чаще $\epsilon\iota$, лишь немногие дают равное их соотношение; «примерно с 325 г. $\eta\iota$ быстро уступает позиции, после 300 г. $\epsilon\iota$ становится нормой» [Threatte, 1980, p. 378, также 369, 377]. В проксении НО 5 представлено именно то состояние, которое Тритт относит ко времени ок. 325–300 гг.: из трех дательных падежей основ 1-го склонения две переданы графемой $\epsilon\iota$ ($\alpha\gamma\alpha\theta\epsilon\iota\ \tau\acute{\upsilon}\chi\epsilon\iota$) и лишь одна $\eta\iota$ ($\epsilon\iota\rho\acute{\eta}\nu\eta\iota$). Таким образом, употребление этой графемы подтверждает нашу датировку декрета НО 5 последней третью IV в., даже сужает ее до последней четверти столетия. Если же принять датировку Виноградова 340–330-ми гг., то придется признать, что эпиграфика ионийской Ольвии существенно опередила аттическую в узусе графемы $\epsilon\iota$, для чего оснований нет, тем более что проксения дана афинянам, влияние которых на графику их проксении вполне ожидаемо⁴².

⁴¹ [Davis, 1971, p. 172/3]. В упомянутом списке жертвователей CIA II, f. 1, 334 наряду с двумя Антифонтами и Ксантиппом фигурирует также эрхисец Драконтид, что может подтверждать принадлежность Ксантиппа к роду Драконтида-основателя.

⁴² По наблюдению Дюбуа, графема $\epsilon\iota$ еще раз представлена в Ольвии декретом в честь Каллиника (стк. 10: $\acute{\alpha}\phi\epsilon\{\rho\eta\kappa\epsilon\nu\}$), который мы отнесли ко второй четверти III в. (с. 445). Дюбуа принял датировку декрета НО 5 Виноградова, но как грамотный специалист осознал, что она противоречит выводам, которые делает Тритт, и потому предложил искусственное объяснение: можно задаться вопросом — не сами ли афиняне, которым предоставлена проксения, рекомендовали составить ее в соответствии с формой, принятой в последних декадах IV в. у афинских писцов? [Dubois, p. 47]. Однако это предположение Дюбуа грешит подменой фактов: в 340–330-х гг. графема $\epsilon\iota$ еще не была «принятой у афинских писцов», ибо она была еще в это время, как пишет Тритт, «довольно редкой».

Полученная дата важна для датировки проксений НО 6, 9, IOSPE I² 23, с которыми НО 5 сходна по характеру письма. Их объединяет свободное и гармоничное распределение букв по полю плиты, изящные очертания легко и непринужденно вырезанных букв, едва заметная апексация кончиков отдельных *сигм*, общие наборы шрифта — основных форм букв и их разновидностей. Все три проксении вышли из одной мастерской. Из-за отсутствия определенного абсолютного репера хронология этих надписей была затруднительна⁴³. Полученная дата НО 5 дает возможность разместить их в пределах последней четверти IV в. Присущая им характерная *сигма* с уменьшенным основанием представлена в херсонесских клеймах того же времени, что позволяет верифицировать дату (см. ниже коммент. к НО 14, 22). С другой стороны, письмо проксений НО 5, 6, 9, IOSPE I² 23 близко сигнатуре афинского скульптора Стратонида НО 65, которая датируется серединой IV в. (выше, с. 247 и рис. 77 на с. 497). Сие обстоятельство предполагает, что в пределах датировки последней четвертью века данный комплекс проксений стоит ближе к началу этой четверти — к 320-м гг.

4.3. НО 8

Обломок левой нижней части плиты (рис. 57)⁴⁴. Издатель НО Белецкий читал в стк. 1–2: --ΕΙ Σ--|--ην ὦν ἃ[ν --]⁴⁵. Новиков [1981, с. 113] хорошо уловил здесь формулу εἰσαγωγὴν καὶ ἐξαγωγὴν и, опираясь на формулировку проксений из Одесса ὦν ἃν εἰσάγηι ἢ ἐξάγηι ἐπὶ κτήσει, дал следующую реконструкцию текста: [καὶ] εἰσαγωγὴν καὶ ἐξαγωγὴν ὦν ἃ[ν ἐξάγηι ἐπὶ κτήσει] αὐτὸς [ἢ παῖδες--] (с вариантом ὦν ἃ[ν ἔχων ἐξάγηι]). На наш взгляд, тут сомнительно дополнение ἐπὶ κτήσει — оно не свойственно ольвийским проксениям, при αὐτὸς ἢ παῖδες в них употребляется формулировка ὦν ἃν εἰσάγηι ἢ ἐξάγηι (НО 5–7, 15; I² 20, 21, 23)⁴⁶. Поэтому предпочитаем вариант дополнения, напрасно отвергнутый Новиковым, — с εἰσάγηι ἢ ἐξάγηι при εἰσαγωγὴν καὶ ἐξαγωγὴν. Сочетание этих выражений в проксениях редкое и, вопреки Новикову, оно не «недопустимо», что следует и из приведенного им примера ἐξάγοντας ὅσα ἃν ...ἐξάγωσιν (Syll.³ 941, проксения магнетян фокейцам, IIIa) и из его же восстановления ἐξάγηι при указанных существительных. Кстати, если уж восстанавливать этот глагол,

Рис. 57. Проксения НО 8

⁴³ Ранее я отнес НО 6 вместе с НО 5, 8, 9, 15 к последней трети IV в. [МКЛНО I, 217] или второй — третьей четверти IV в. [Яйленко, 1996, с. 213].

⁴⁴ В НО местом хранения указан ИА Украины, теперь он хранится в КИМ'е.

⁴⁵ В сб. [Ольвия, 1975, с. 115] он дал худший вариант чтения.

⁴⁶ В новом фрагменте проксении НО 27 есть ἐπὶ χρ[ήσει] при εἰσάγωσιν ἢ ἐξάγωσιν.

то непременно в паре с εἰσάγηι. Ввиду сказанного предлагаем следующее восстановление надписи: [καὶ] εἰσ[αγωγὴν καὶ ἐξαγωγ]ῆν ὧν ἄ[ν] εἰσάγηι ἢ ἐξάγηι?]] ἢ αὐτὸς [ἢ παῖδες ἢ θερά]]πων, καὶ [εἰσπλοὺν καὶ]] ἔκπλο[υν καὶ εἰρήνης]] καὶ πολέμ[ου, ἀσυλεί]] καὶ ἀσπον[δεί] (ольвиополиты предоставили) «ввоз и вывоз того, что ввезет или вывезет или сам, или сыновья, или слуги, и вливаться и выплывать и в мирное время и в военное, без захвата и заключения договора».

Белецкий отнес надпись ко второй половине IV в., Виноградов и Карышковский [1976, с. 25] к его второй четверти. Надписи свойственно отсутствие декорации букв и приподнятые усики К — черты первой половины IV в. (НО 11 и др.), вместе с тем уплощенная сигма и мелкие О и Ω характерны для более позднего времени. Сравнение с датированной серединой века проксенией Сатира (рис. 53) с ее явно более ранними формами упомянутых букв, с одной стороны, и группой надписей последней четверти века НО 5, 6, 9 — с другой, может указывать на датировку надписи НО 8 третьей четвертью IV в.

4.4. НО 9 и IOSPE I² 23

Фр. НО — 9 верхняя половина стелы (хранится в СПб. ИИИМК'е), фр. I² 23 — нижняя (хранится в ОАМ). Оба фрагмента (рис. 58) производят впечатление двух частей одной надписи, настолько близки они по характеру письма, формам букв,

Рис. 58. Проксении НО 9 (а), IOSPE I² 23 (б — фото ОАМ), левый верхний край IOSPE I² 23 (в)

ширине и толщине стелы. И текстуально оба обломка могут составить единство: скол прошел по стк. 7 НО 9, где в слове πάντ[ων] буква Π — последняя буква фр. НО 9, а три следующие принадлежат уже фр. I² 23. При этом перед буквой Α стк. 1 фр. I² 23, где должна быть буква Π последней строки НО 9, лицевая поверхность сколота, что читатель может видеть на прилагаемой детали. Казалось бы, эти данные свидетельствуют в пользу совмещения обоих обломков, однако это разные надписи: во-первых, расстояние между строками на фр. I² 23 больше, нежели на НО 9, во-вторых, разная форма Ε: в НО 9 усики равной длины и все приподняты кверху, в I² 23 верхний усик всегда длиннее остальных. Упомянутая близость обоих обломков указывает, что они выполнены одним мастером, более того, одна проксения помогает восстановить текст другой. Наш текст НО 9 (курсивом показана дополняемая часть):

ἀγαθῇ τύχῃ ·
Ὀλβιοπολίται ἔδωκαν
Δηλοπτίχῳ Μενίσκου]
Βυζαντίῳ αὐτῷ καὶ]
5 ἐκγόνοις π[ροξενίαν],
πολιτείαν, ἀτέλειαν]
πάντ[ων χρημά]-
των, ὧν ἂν αὐτὸς
εἰσάγῃ ἢ ἐξάγῃ
10 ἢ παῖδες ἢ θεράπον-
τες καὶ εἰσπλουν καὶ
ἐκκπλουν καὶ ἐμ προ-
λέμου καὶ ἐν [εἰρήνῃ
ἀσυλεῖ καὶ ἀσπονδεῖ]⁴⁷

«в добрый час, ольвиопо-
литы предоставили Делопти-
ху, сыну Мениска, визан-
тийцу, самому и сыновьям
проксению, право граж-
данства, беспошлинность
всех товаров, которые сам
ввезет или вывезет, либо
сыновья, либо служащие,
а также вливать и вы-
плывать и в военное время,
и в мирное, без причинения
ущерба и заключения догово-
ра».

Наш текст I² 23:

[ἀγαθῇ τύχῃ ·
Ὀλβιοπολίται ἔδωκαν
τῷ δεῖνι τοῦ δεῖνος
ethnism αὐτῷ καὶ
5 ἐκγόνοις προξενίαν,
πολιτείαν, ἀτέλειαν
πάντ[ων χρημά]-
των, ὧν ἂν αὐτὸς
εἰσάγῃ ἢ ἐξάγῃ
10 ἢ παῖδες ἢ θεράπον-
τες καὶ εἰσπλουν καὶ
ἐκκπλουν καὶ ἐμ προ-
λέμου καὶ ἐν [εἰρήνῃ
ἀσυλεῖ καὶ ἀσπονδεῖ]⁴⁸

«в добрый час, ольвиопо-
литы предоставили имя-
реку, сыну такого-то (эт-
никон), самому и сыновьям
проксению, право
гражданства, беспошлин-
ность всех товаров, кото-
рые сам ввезет или выве-
зет, либо сыновья, либо
служащие, а также вплы-
вать и выплывать и в во-
енное время, и в мирное,
без причинения ущерба и
заключения договора».

⁴⁷ Курсивом показан текст I² 23.

⁴⁸ Курсивом показан текст НО 9.

По характеру письма обе надписи входят в группу произведений одной мастерской с НО 5 и 6, которые имеют идентичную формулярную структуру и по дате НО 5 (см. выше) все относятся к последней четверти IV в. Обращает на себя внимание неодинаковое количество букв в начальной части — 18/16 в НО 9 и 11/17 на фр. Р 23, такую картину дает и целый декрет НО 6: в нем разброс числа букв от 13 до 18, причем короткие строки также приходятся на среднюю часть надписи.

4.5. НО 14, 22

Рис. 59. Проксения НО 14

портеров в Ольвию IV в. наряду с Гераклеей и Хиосом [Лейпунская, 1981, с. 74, 76–77]. Ввиду неопределенности и мы воздержимся от реконструкции этника, но добавим совершенно необходимое указание на

Рис. 60. Проксения НО 22

НО 14 — обломок верхней части плиты (рис. 59). Текст НО (Белецкий): [Αγ]αθῇ τύχῃ· ἔδω[καν Ὀλβιο]ποῖται Ἀρισ[---]εους Θ[ηβαίωι ἐκ Βωωτίας?] πολ[τεῖαν, προ]ξενίαν, ἀ]τέ[λειαν ---]. Мнение о фиванском происхождении проксена восходит к издателю надписи Карышковскому [1966, с. 154 сл.], который усмотрел после *тетты* остаток верхней части апецированной вертикальной гасты «у самого излома»; видимо, он был не очень уверен в этом, поскольку не включил фиванский этникон в текст надписи. Мы предпочли бы дополнения этника на Θ[ασίωι], поскольку о сношениях Ольвии с беотийскими Фивами ничего не известно, тогда как Фасос входил в тройку наиболее активных экс-

предоставление проксении также детям проксена: [Αγ]αθῇ τύχῃ· ἔδω[καν Ὀλβιο]ποῖται Ἀρισ[---]εους Θ[..... καὶ | παισίν] πολ[τεῖαν, προ]ξενίαν, ἀ]τέ[λειαν ---] «в добрый час, ольвиополиты предоставили Арис--, сыну --ея, ф--, и сыновьям гражданские права, проксению, освобождение от пошлин --». По Карышковскому, перед Π стк. 4 видна часть вертикали, поэтому вместо обычного ἐγγόνοις дополняем более редкое παισίν, представленное в проксении НО 6.

НО 22 — обломок нижней части плиты (рис. 60) с остатками текста в чтении Леви: [--ἐκτ]ῶσι· κ[ἀ] πολέμου καὶ εἰρήνης [ἀσυ]λεὶ καὶ ἀσπ[ρον]δεὶ vac. По поводу предположительно прочтенного слова [ἐκτ]ῶσι· она отметила: «отчетливо видны нижние

части *лямбды*, *омеги*, *сигмы*, *иоты*, *ню*». Это чтение справедливо отверг Доватур [1969, с. 108] как «неоправданное изобретение нового слова». По Новикову [1981, с. 115], «восстановление [ἐκπ]λωσιῖν следует признать единственно возможным, но видеть в этой форме нужно не несуществующее слово ἐκπλωσις, а форму dat. pl. partic. praes. act. от глагола ἐκπλέω... либо считать, что перед нами conj. praes. act. от того же глагола в функции conj. hort. “и пусть они впадают и выплывают”». Ясно, однако, что вариант с дат. падежом причастия невозможен (для этого приходится удревать мену ου/ω на 2–3 столетия, как отметил сам Новиков), а что до конъюнктива в побудительном значении, то приведенная им параллель из Syll.³ 305 принадлежит не проксении, а аттическому декрету о снаряжении флотилии в Адриатику. На наш взгляд, здесь содержится формула [ὦν ἂν θέ]λωσιῖν, аналогичная выражению илионской проксении III в. ὅτου ἂν θέλωσι [Michel, 527]. Эта конъюнктивная форма очевидным образом заменяет обычные в ольвийских проксениях ὦν ἂν εἰσάγωσιν ἢ ἐξάγωσιν (НО 5, 6), что предполагает замену их при θέλωσι соответствующими существительными εἰσαγωγὴν καὶ ἐξαγωγὴν, также употребительными в ольвийских проксениях (НО 3 + 12, 8). Вместо связки καὶ при [πολέμου] и εἰρήνης лучше ставить ἢ, поскольку нижний апекс гасты этой связки — то ли *кап-пы*, то ли *эты* — стоит над последней буквой следующей строки, т. е. место для καὶ проблематично. С учетом типовой формулярной структуры ольвийских проксений, прежде всего близкой по времени НО 14 (см. ниже), текст надписи НО 22 иллюстративно, лишь для того, чтобы читатель представлял себе ее содержание, реконструируем так:

ἀγάθῃ τύχῃ Ὀλβιοπολί-
ται ἔδωκαν τῷ δεῖνι καὶ
τῷ δεῖνι τοῦ δεῖνος *ethniscum* καὶ
ἐκγόνοις πολιτείαν, про-
5 ξενίαν, ἀτέλειαν πάντων
χρημάτων καὶ εἰσαγωγῇν καὶ
ἐξαγωγῇν ὦν ἂν θέ]λωσιῖν [ἢ
πολέμου ἢ] εἰρήνης [ἀσ-
λεὶ καὶ ἀσπ]οῦδεῖ

«в добрый час, ольвиополиты пре-
доставили такому-то и такому-
то, сыновьям имярека, *ethniscum*,
и потомкам права гражданства,
проксению, беспошлинность всех
товаров, а также ввоз и вывоз
того, что пожелают в военное
время или мирное без причинения
ущерба и заключения договора».

Обратим внимание на сходство письма и всех параметров фрагментов НО 14 и 22⁴⁹. Особенно показательна характерная для обоих фрагментов *сигма* с уменьшенной нижней частью — у нее нижний усик укорочен, а верхний удлиннен так, что его уголок выдается левее нижнего уголка. Такая *сигма* представлена также в проксениях НО 5 (стк. 5, 16, 17) и 6 (стк. 5, 10, 15), но они отличаются от НО 14 и 22 иным характером письма. Данная форма *сигмы*, в частности, представле-

⁴⁹ Найдены они неподалеку друг от друга на раскопах E³ и E⁶, так что ранее мы даже думали, что они составляют начальную и заключительную части одной проксении [МКЛНО I, с. 221]. Однако проксения НО 14 дана одному проксену, тогда как мн. число [θέ]λωσιῖν указывает, что их было не менее двух. Хотя обязательное ἑγγονοί иногда приводит к тому, что и в случае с одним проксеном употребляется глагол мн. числа [новый фрагмент проксении НО 27, см. ниже § 7; Michel, 521 *etc.*], до сопоставления камней (КИМ и Петербургский ИИМК) совмещать НО 14 и 22 не стоит.

на на херсонесских керамических клеймах I хронологической группы (последняя четверть IV в.)⁵⁰. Это обстоятельство верифицирует датировку указанным периодом комплекса ольвийских надписей, полученную на основании анализа НО 5 (см. выше, § 2).

4.6. Проксения калхедонцу

Фрагмент мраморной плиты, сколот со всех сторон, кроме правой, высота 10 см, ширина 18,7 см, найден на Зап. теменосе (рис. 61). Сохранились 4 строки и остатки еще двух. Издание [Русяева, Одрін, 2003] нуждается в уточнениях⁵¹. Длина строки примерно в 18 букв определяется формулой стк. 2–3 ἐγγό|[νοῖς пр]οξενίαν καὶ πο|[λιτεί]αν. Текст соответствует обычному формуляру ольвийских проксений: после вводной формулы «в добрый час» и санкции «ольвиополиты предоставили такому-то, сыну такого-то» следуют этникон и перечисление привилегий:

[.....^{ca.10}.....]κφ[υ] Καλχη-
[δονίωι] αὐτῶι καὶ ἐγγό-
[νοῖς пр]οξενίαν καὶ πο-
[λιτεί]αν, ἀτέλειαν
[πάν]των χρη[μάτων] φη
[ὧν ἄ]ν αὐτὸς εἰσάγῃ κτλ.]

«-- такому-то, сыну -ка, калхе-
донцу, самому и потомкам прок-
сению и гражданство, беспощин-
ность всех товаров, которые сам
ввезет --» (и далее, как в НО 7,
9 и I² 23).

Виноградов, как обычно, без аргументации отнес проксению к классической эпохе [Vinogradov, 1997, S. 30], издатели датировали ее второй половиной IV в., что точнее. Полагаем, в пределах этой половины надпись скорее принадлежит к последней четверти столетия, поскольку ее письмо несет признаки и классического, и раннеэллинистического времени. Строки ровные, отделены друг от друга промежутком в половину своей высоты, буквы крупные, свободно размещены в строке, *омега* величиной с прямую букву, *омикрон* вполовину ее, правая мачта N приподнята над нижней линейкой — все это признаки классического письма IV в. Вместе с тем формы ряда букв отличаются повышенной декоративностью: верхняя горизонталь *кси* и *эпсилон* прямая, нижняя изогнута, боковины А и Λ прогнуты

⁵⁰ Сошлюсь на рисунок клейма астинома Батилла [Гилевич, Щеглов, 1996, с. 101] (прорись И. Махова), 102 (фото), имеющиеся датировки I группы см. [Ib., с. 110/1].

⁵¹ Текст и перевод по последней публикации А. С. Русяевой [ДТО, с. 118, 243]: ...ΙΚΟΙ (?) ΚΑΛΧΗ[ΔΟΝΙΩΙ] ΑΥΤΩΙ ΚΑΙ ΕΓΓΟ[ΝΟΙΣ ΠΡ]ΟΞΕΝΙΑΝ ΠΟ[ΛΙΤΕΙ]ΑΝ ΑΤΕΛΕΙΑΝ [ΠΑΝ]ΤΩΝ ΧΡΗ[ΜΑΤ]ΩΝ ΩΝ ΑΝ ΑΥΤΟΙ ... «...калхедонянину, самому и потомкам его, проксению и право гражданства, освобождение от пошлин на все товары...» В стк. 1 не может быть [...]ΙΚΟΙ (?), тут, как положено, читается остаток патронимика калхедонца -κφ[υ] (сохранился апекс ножки Υ; напротив, нет *иоты*, которую усмотрел Виноградов [SEG 53, 785], правильно давший окончание -κφου). Между [ΠΡ]ΟΞΕΝΙΑΝ и ΠΟ[ΛΙΤΕΙ]ΑΝ не показана связка ΚΑΙ, остатки которой вполне читаются на фото (Виноградов: [καί]). В выражении ΩΝ ΑΝ ΑΥΤΟΙ стк. 6 не показан дополненный текст — тут видны лишь правая мачта N и верхний уголок Α (Виноградов: [ὧν ἄν αὐτοὶ εἰσάγῃσιν]). Мн. число ΑΥΤΟΙ употребляется в проксениях, данных двум или более лицам (НО 5, 6), в проксениях одного лица, как в случае с калхедонцем (αὐτῶι стк. 2), употребляется sg. αὐτός (НО 7, 15, 9; I² 23). Текст Виноградова воспроизвел В. Кожокару [Cojocaru, 2013a, p. 106].

Рис. 61. Проксения калхедонцу [ДТО]

и широко расставлены, при этом правая наклонная продолжается выше пересечения с левой, буквы тонко гравированы, но каждая гаста завершается расширенным апексом — это признаки раннеэллинистического письма III в., в том числе приподнятая правая мачта N (IOSPE I² 195; НО 70, 72, 98, 99)⁵². В пределах III в. проксения калхедонца ближе к раннеэллинистическому письму надписи Анаксагора⁵³. Свойственная проксии калхедонцу декоративность письма присутствует и в декрете НО 19 + 32, близком по письму аттическим надписям 321–319 гг. [Kirchner, 66, 67] (предшествующая проксии калхедонцу стадия декоративности письма представлена в проксии НО 3 + 12)⁵⁴. Эти обстоятельства, при учете

⁵² I² 195, памятная запись Анаксагора о рекордном выстреле из лука, самая ранняя в этой группе: Латышев по ионийскому языку датировал ее IV в., мы относим к раннему III в. (с. 635); надписи НО 70, 98, 99 отнесены издателями и нами (с. 632) к III в.; наиболее позднее в группе посвящение НО 72 справедливо отнесено Леви к концу III — первой половине II в. Принадлежность надписи I² 195 к раннему III в. определяется, во-первых, сходством ее письма с письмом указанной группы надписей III в., во-вторых, реликтовым характером ее ионизмов — таковы лишь *gen.* имен Δημαγύρεω и Φιλτέω. Во второй половине — конце IV в. завершается активный узус ионийского диалекта, но и в III в. немало его памятников [DGE 698, 709, 709a, 722, 729, 751 (9–10), 756g, 767g, 775 *etc.*], как и надпись I² 195, они содержат лишь отдельные ионизмы. Пережиточно ионизмы встречаются даже в памятниках римского времени [Thumb, Scherer, S. 249; DGE 738, 743 *etc.*], в том числе в Ольвии — IOSPE I² 184: νηούς. Перечисленные признаки декоративизации письма присутствуют и на Боспоре, по ним горгиппийскую проксию мы атрибутировали Селевку, сыну Евмела, правившего в 309–304 гг. [Яйленко, 2010, с. 75, *ср.* 57], таково и письмо вотива КБН 11 времени Перисада. В них представлена типичная для этого стиля уменьшенная *omega*, тогда как в проксии калхедонца она крупная, что не позволяет омолаживать ее глубоко в III в., но в начале его она встречается [Kirchner, 75 от 288 г.]. *Ср.* близкие проксии калхедонца по письму вотивы КБН 15 (без внутренней даты) и КБН 8 времени архонта Левкона (не исключено, что это не Левкон I, а Левкон II, правивший ок. 240–230 гг.).

⁵³ В числе проксий письмо декрета о калхедонце намного раньше письма самой поздней проксии НО 18, относящейся к последней четверти III — первой четверти II в. до н. э. (ниже, с. 377).

⁵⁴ Ранее мы ошибочно отнесли НО 19 + 32 к III в. [МКЛНО II, с. 9].

черт классического письма, указывают на принадлежность проксении калхедонца к последней четверти IV в. или к началу III в., в связи с чем нелишне заметить, что и в калхедонской эпиграфике единственное упоминание о некоем ольвиополите (? [Ὀλβιανὸς τῶν πρὸς] Ὑπανι) [Inscr. Kalchedon, 1980, S. 7–8, № 4. 13] содержится в надписи III–II вв.

4.7. Заметки к отдельным проксениям

НО 4 — проксения Аристандру из аркадского Орхомена. На Боспоре известны 3 памятника, связанные с Аркадией, все они относятся ко времени Левкона I, что позволяет думать, в сочетании с формулой $\epsilon\delta\omicron\zeta\epsilon\ \tau\omicron\iota\varsigma\ \text{Ἀρκάσι}\nu$ декрета КБН 37, изданного Аркадским союзом, о хронологически небольшом отрезке оживленных аркадо-боспорских связей, приходящихся на время существования Аркадского союза (370–362 гг.). Этим же временем можно датировать и ольвийскую проксению Аристандра: демократический режим Аркадского союза осуществлял меры по обеспечению населения хлебом, который вывозил, вслед за своим патроном Афинами, из Сев. Причерноморья, прежде всего с Боспора (обо всем этом *см. ниже*, с. 858/9). *НО 4* показывает, что отчасти он вывозился и из Ольвии.

НО 6. Обращает на себя внимание необычность формулировки в этой надписи — она такова, что данные сыновьям Теопропа привилегии кажутся предоставленными им, собственно, за то, что они сыновья этого Теопропа: $\epsilon\delta\omega\kappa\alpha\nu\ \tau\omicron\iota\varsigma\ \Theta\epsilon\omicron\pi\rho\acute{o}\pi\omicron\upsilon\ \pi\alpha\iota\sigma\iota\nu$ «ольвиополиты предоставили сыновьям Теопропа Теофану и Аристу...», вместо обычного $\Theta\epsilon\omicron\phi\acute{\alpha}\nu\epsilon\iota\ \kappa\alpha\iota\ \text{Ἀρίστ}\iota\ \Theta\epsilon\omicron\pi\rho\acute{o}\pi\omicron\upsilon$. Подобные формулировки редки. Так, в аттической проксении Syll.³ 537 подчеркивается, что награждаемый проксеническими привилегиями Хармион является сыном кидониата Хармида, бывшего проксеном и евергетом афинян. Также в кимейской проксении II в., данной Эльпинику и Афинодору, сделан акцент на том, что они сыновья Агесистрата: $\text{Ἐλπινίκ}\omega\ \kappa\alpha\iota\ \text{Ἀθανάδω}\rho\omega\ \tau\omicron\iota\varsigma\ \pi\alpha\iota\delta\epsilon\sigma\iota\ \tau\omicron\iota\varsigma\ \text{Ἀγασιστράτ}\omega$ [Michel, 512]. В *НО* местом хранения указан Эрмитаж. Камень перемещен в Музей природоведения НАНУ, г. Киев.

НО 7 — утерянная надпись, копия которой известна в карандашной зарисовке. Первый издатель Карышковский [1958, с. 157] отнес ее ко второй половине IV в., мы отметим общее сходство ее письма с проксенией IOSPE I² 23, скопированной той же рукой [Ib., рис. на с. 153]. Эта копия в основных чертах соответствует копии Латышева, хотя и расходится с нею во многих деталях, что позволяет относиться с доверием и к копии с *НО 7*: она передает основные черты ее графики. Хотя нельзя поручиться за подлинность форм букв в целом, одна черта, выдержанная целиком, безусловна: надпись имеет мелкий омикрон, что свойственно и проксении IOSPE I² 23, которая датируется последней четвертью IV в. (выше, § 3), но в том числе совсем крошечный, свойственный уже III в. Следовательно, *НО 7* относится к последнему периоду существования проксений рассматриваемого типа — первой четверти III в. Она отличается интересной текстуальной особенностью: все проксении IV–III вв. содержат стандартный набор из 3 привилегий, перечисляемых в разном порядке, обычно $\pi\rho\omicron\zeta\epsilon\iota\alpha\nu$, $\pi\omicron\lambda\iota\tau\epsilon\iota\alpha\nu$, $\acute{\alpha}\tau\epsilon\lambda\epsilon\iota\alpha\nu\ \pi\acute{\alpha}\nu\tau\omega\nu\ \chi\rho\eta\mu\acute{\alpha}\tau\omega\nu$, в этой же между политией и ателией вклинена проэдрия, вообще не свойственная ольвийским проксениям. Однако в Ольвии институт проэдрии имел место: в договоре

с Милетом об исополитии стороны обязываются предоставлять эту почесть своим заслуженным согражданам (Syll.³ 286. 11, см. с. 421). Виноградов отнес НО 7 к доэллинистическому периоду [Pont. St. S. 30], но без какой-либо аргументации, что ввиду вышеизложенного несостоятельно. См. об этой надписи [Pippidi, 1966, p. 243].

НО 10 — фр. заключительной части проксении, текст НО: --Σ--|--ΣΑΝΕ--|--εμω--|--ασυ--. Издатель НО Брашинский справедливо отметил, что в стк. 3/4 читается заключительная формулировка проксении: [ἐν πολ]έμῳ [καὶ ἐν εἰρήνῃ] ἀσυ[λεῖ καὶ ἀσπονδεῖ]. Отметим, что в таком контексте стк. 2 можно читать [ἔδο]σαν εἰ[σπλοῦν καὶ ἔκπλοῦν], что свойственно проксениям также других центров, в частности Боспора (КБН 1 и др.). В целом фрагмент читается так (разбивка на строки условна):

[-- ἔδο]σαν εἰ[σπλοῦν καὶ ἔκπλοῦν ἐν πολ]έμῳ [καὶ ἐν εἰρήνῃ] ? <i>vac.</i> ἀσυ[λεῖ καὶ ἀσπονδεῖ]	«-- предоставили <i>право вливать и вы- плывать</i> в военное время <i>и мирное</i> , без ущерба <i>и заключения договора</i> ».

Датировка надписи затруднена незначительностью остатков текста. У ее букв легкая апексация, наклонные гасы А и М слегка прогнуты, усики *сигмы* уплощены, М к тому же несоразмерно велика. По некоторому сходству с аттическими надписями 341, 335, 323 гг. [Kirchner, 61, 63, 67, но *ср.* и 75], она относится ко второй половине IV в., скорее к последней четверти.

НО 15 = IOSPE I² 21. Стк. 3–4: Δι[ο]νυσίῳ Σ[ύ]ρῳ | ...υ[ο]ς [Ἰ]σ[τρ]ιανῶ[ι] (НО). Более точный патронимик чествуемого проксена истрийца Στρουθίωνος установила Т. Оциоль, что приняли Роберы и Д. М. Пиппиди, за ними В. Кожокару [Bull. ép. 1963, 169; 1966, 273; 1967, 399; Pippidi, 1965, p. 186 *sg.*; 1966, p. 244 *sg.*; ISM I, 19]. Издатель НО 15 Э. И. Соломоник [1970, S. 429], учтя их мнение, дала новое чтение: Σ[τ]ροῦ[θ]ί[ω]υ[ο]ς. На камне, однако, в конце стк. 3 уверенно читается Σ[τ]ρῳ. Хотя продолжение имени в начале стк. 4 сильно сбито, окончание его -υ[ο]ς тоже читается определенно. Взятые в целом остатки патронимика скорее показывают правильность чтения его как Σ[τ]ροῦ[θ]ί[ω]υ[ο]ς. Подробнее о Дионисии Струтионове данного декрета и его соотношении с соименным лицом, чествуемым истрийским декретом, а также о связях Ольвии и Истрии *см.* указанные работы Соломоник и Пиппиди [ISM I, p. 102/3] (там же *лит.*; добавь [Sojosaqu, 2013a, p. 109]).

НО 16 — фрагмент проксении с тремя последними буквами текста, по которым видно, что надпись отличалась гармоничным классическим письмом. Форма Ε находит полную аналогию в НО 4, что позволяет отнести НО 16 примерно к тому же времени — второй четверти IV в.

НО 18. Палеографически эта проксения сходна с надписью Клеомброта-внука I² 180, которая по близости письма к Каталогу граждан I² 201 и Протогеновскому декрету относится к последней четверти III в. — первой четверти II в., причем по счету поколений для Каталога возможна лишь последняя четверть III в. (ниже, с. 414). Но проксению НО 18 относим к последней четверти III в. — первой четверти II в.

НО 20 — обломок левой средней части проксении, судя по остаткам текста (Леви): -- καὶ ἀτέλ[ειαν πάντων] χρημάτων --. Леви отнесла надпись ко времени «не ранее второй половины III в. до н. э.», что не соответствует сохранившейся

формуле, которая свойственна проксениям IV — раннего III в., тогда как почетно-проксеническими декретами, принятыми после 280–270 гг., чествуемым лицам ателия вообще не давалась (IOSPE I² 27, NO 25+39, 174; см. с. 540, 543, 538, 654, но *ср.* 547). По хорошо выраженной декоративной апексации букв и монументальным их формам надпись раннеэллинистическая, т. е. относится к последней четверти IV или первой половине III в. По письму ей близок фр. NO 22 последней четверти IV в.

NO 23 — обломок с заключительными строками проксении (Леви): [-- καὶ πολέ]μου [καὶ εἰρήνης ἀσπλεῖ κ]αὶ ἀσ[πονδεῖ] *vac.* Датировка Леви («по характеру письма — скорее всего вторая половина III в. до н. э.») невозможна ввиду полного изменения формулярной структуры в свойственных указанному времени почетно-проксенических декретах (ниже, с. 538, 540, 543). В них перечисление привилегий не завершало надпись, тогда как NO 23 очевидным образом представляет собой обломок с последними строками проксении — под буквами ΑΙΑΣ следует бланковая строка. Таким образом, надпись не позднее первой четверти III в. По характерным усикам *сигмы* и мелкому О она близка проксении NO 15 первой четверти III в. (см. ниже).

NO 108. Обломок правой средней части плиты. Издатель NO Леви ограничилась маюскулами: ΩΓΗΣ | Ν | ΑΙ | ΑΙ и справедливо датировала надпись IV в. Новиков [1981, с. 114; 1983, с. 270] правильно усмотрел тут свойственный проксениям NO 3 + 12 и 13 оборот εἰσαγωγὴ καὶ ἐξαγωγή, но в род. падеже: [καὶ ἀτέλειαν εἰσαγ]ωγῆς [|καὶ ἐξαγωγῆς πά]ν[των χρημάτων κ]αὶ | [ἐν πολέμῳ κ]αὶ | [ἐν εἰρήνῃ. Отметим характерные черты палеографии: отсутствие признаков декоративизации, датирующие надпись первой половиной IV в., и низко опущенная правая мачта Ν, что не позволяет относить ее далеко в глубь указанного периода, но скорее ближе к середине столетия.

4.8. Общая характеристика проксений V – первой четверти III в.

Суммируем полученные результаты и рассмотрим общую хронологию проксений, динамику их временного распределения, направления экономических связей. Общее время рассмотренных проксений отграничивается двумя веками — последней четвертью V в., когда были изданы первые ателии, и 280–270-е гг., когда в результате распада *pax Scythica* началась всеобщая дестабилизация Сев. Причерноморья, положившая начало неуклонному упадку Ольвии, который свел ее проксеническую деятельность к минимуму. Таким образом, чисто проксенические декреты издавались ольвийским полисом на протяжении полутора столетий. В последней трети V — начале IV в. издавались ателии, с начала IV в. издавались проксении, что ознаменовало выход Ольвии на оживленные торговые магистрали. Собственно, с этого времени город перестал быть преимущественно «вещью в себе и для себя» и вошел в систему разветвленных экономических связей с Черноморьем и Эгейдой. Формулярная структура проксений претерпела две основные фазы развития — типы I и II. Формулярный тип I первой по времени бесспорной проксении NO 2 Б (тип Сатириной проксении) преемственен относительно формулярного типа III ателий, который по времени самый поздний среди ателий (он представлен в ателии NO 11 начала IV в., а если «Тимесилеев» декрет конца V в. ателия, то и в нем, см. выше,

с. 290). В указанных проксениях к формуляру III ателий добавляется санкция Ὀλβιοπολίται ποobyται, διδοῦσι и указание на проксенический статус, а статья о беспешлиности расширяется указанием «вплывать и выплывать»; текст строится по конструкции *acc.* + *inf.* Тогда же, в первой четверти IV в., из общегреческой проксенической документации заимствуется тип II проксений — формульная конструкция *dat.* имени проксена + *nom.* и *inf.* привилегий, по которой построены все проксения до первой четверти III в. включительно. По текстуальному оформлению эти проксения довольно единообразны, что свидетельствует о стабильно организованном делопроизводстве и целенаправленной государственной деятельности Ольвийского полиса в области внешнеэкономических связей на протяжении столетия с первой четверти IV по первую четверть III в.

Абсолютная хронология ольвийских проксений устанавливается по совокупности признаков — палеографии, историческим обстоятельствам, просопографии, по особенностям формуляра, языка и графем. Выше (с. 290) мы установили три хронологических комплекса, отграничивающих начало, середину и конец проксенической деятельности Ольвии по первую четверть III в. Начало ее ознаменовано первой по времени ателией НО 1, уникальной по письму и формуляру, но главным образом группой из 2–3 ателий, объединенных II и III типами формуляра ателий (*acc.* + *inf.*), палеографически относящихся к последней четверти V в., ближе к концу (НО 2 А, возможно, «Тимесилеев» декрет) и началу IV в. (НО 11). Древнейшая проксения НО 2 Б по своему формуляру I типа примыкает к ателиям III типа. Палеографически близкая этой группе проксения НО 3 + 12 открывает собой новый, употребительный по первую четверть III в. формулярный тип II (*dat.* + *nom.* + *inf.*), что относит ее ко времени после НО 11, но в пределах начала или первой четверти IV в.

Середину означает проксения Сатиру, по обстоятельствам исторического плана атрибутированная гераклеяскому тирану Сатиру (352–345 гг., см. с. 348). Она имеет важнейшее значение для оценки развития ольвийской палеографии. Прежде всего она указывает, что здесь происходил общий для греческой эпиграфики процесс середины века — началась декоративизация букв посредством легкой апексации и утолщения их концов, формы букв изящны и элегантны, круглые буквы крупных размеров. Поскольку апексация и утолщения концов букв лишь слегка намечены, понятно, что это самое начало процесса декоративизации письма в ольвийской эпиграфике; следовательно, надписи, в которых декоративизация в той или иной мере выражена, относятся ко второй половине столетия, надписи без этих признаков относятся к первой половине IV в. По палеографическому сходству с проксенией Сатира к середине века относятся также проксения НО 13 и обломок декрета НО 114. Первой половиной и серединой века датируются также надписи с характерной передачей дифтонгов *ou* и *ei* через *ō* и *ē*, первая более всего выражена в Канобовом декрете (с. 362), вторая — в проксении IOSPE I² 20, 22 (см. [Dubois, p. 184/5]). По историческим обстоятельствам и характеру письма предположительно к 371–362 гг. отнесена проксения аркадянину НО 4, а по сходству письма с нею — НО 16. К этому же периоду относятся сигнатуры на привозных базах: подписи аттических скульпторов Праксителя (IOSPE I² 271), датируемая второй третью века (с. 361), и Стратонида (НО 65), датируемая серединой — третьей четвертью столетия (с. 361). Третьей же четвертью IV в. датируется проксения НО 8.

Важное значение для выделения проксений раннеэллинистического времени имеет декрет НО 5, по соображениям просопографического характера и хронологии употребления графемы $\epsilon\iota$ вместо $\eta\iota$ отнесенный нами к последней четверти IV в. (выше, с. 368). К этому же периоду относятся вышедшие из одной с нею мастерской проксении НО 6, 9, IOSPE I² 23. Наряду с этим элегантным стилем в раннеэллинистической эпиграфике бытовал монументальный стиль (с. 369, 371/2), к которому принадлежат также проксении НО 14, 22. Завершают проксеническую деятельность раннеэллинистической Ольвии перед катастрофой 280–270-х гг. проксении первой трети III в. — НО 15, 23⁵⁵.

Развитие проксенической деятельности полиса во времени для наглядности представим в виде таблицы:

Год	Опорные надписи	Язык, графемы ($\eta\iota$) $\epsilon\iota$, $\bar{\epsilon}=\epsilon\iota$, $\bar{o}=\omicron\upsilon$)	Формуляр:		Палеографическое сходство
			ателии тип I II III	проксении тип I II	
425		НО 1			
Конец V в.			НО 2А (тип I), «Тимесилеев» декрет (тип III)		
400 — нач. IV в.			НО 11 (тип II)	НО 2Б, НО 3 + 12 + 107 (обе тип I)	
371–362?	НО 4	IOSPE I ² 20, 22			НО 16 НО 108
352–345	Сатиров декрет				НО 8, 13, 114
325–300	НО 5				НО 6, 9, 10, 14, 18, 22, IOSPE I ² 23; калхедонец
300–275					НО 7, 15, 20, 23

В целом учтены 4 ателии (условно включая «Тимесилеев» декрет) и 24 проксений конца V — первой четверти III в., т. е. до коллапса 270-х гг. Ателии относятся к последней трети V в. (НО 1, 2 А, «Тимесилеев» декрет?) и началу IV в. (НО 11). Из числа проксений 1 относится к концу V в. (НО 2 Б), 1 к началу IV в. (НО 3 + 12), 5 ко второй четверти IV в. (НО 4, 16, 108; IOSPE I² 20, 22), 4 к середине века (Сатиров декрет, НО 8, 13, 114), 1 к третьей четверти (НО 8), 8 к последней четверти IV в. (IOSPE I² 23, НО 5, 6, 9, 10, 14, 22; калхедонец), 4 к первой четверти III в. (НО 7, 15, 20, 23). Отсюда выявляется следующая динамика проксенической деятельности полиса: в последней трети V — начале IV в. изданы 4 ателии и 2 проксении, во второй четверти и середине IV в. — 8 проксений, в третьей четверти только 1, в последней четверти IV — первой четверти III в. — 13. Налицо ровное развитие проксенической деятельности с последней четверти V по середину IV в., затем сле-

⁵⁵ Во второй половине III в. и далее в Ольвии издаются почетно-проксенические декреты IOSPE I² 27, 28, НО 24, 174, 175 и др. с проксеническими привилегиями (о них ниже, с. 536), тут учитываем лишь проксении.

дует ее почти полное затухание в третьей четверти века и взрыв в раннеэллинистический период (325–275), сменившийся коллапсом после 280–270-х гг.⁵⁶ В историческом плане отсюда следует вывод о благоприятном периоде развития Ольвии с последней четверти V в. по 340-е гг. и особенно в последней четверти IV — первой четверти III в. Провал между 345–325 гг. обязан ухудшению политической обстановки в Сев.-Зап. Причерноморье, вызванному переходом скифов Атея после поражения от Филиппа в 339 г. из Добруджи в Нижнее Поднепровье. Новые обстоятельства греко-скифских отношений в регионе обусловили обустройство Тиры, Ольвии, Керкинитиды и прочих центров Крыма новыми оборонительными сооружениями, заключение Ольвией союза с гераклейским тираном Сатиром (с. 350); затем поход Зопириона на скифов, возможно, поддержанный Ольвией и Боспором; разгром его и ответные нападения скифов продолжили период неустойчивости (с. 387/8 и [Яйленко, 2013а, с. 210/13]). Около 325 г. завершилось сложение мировой державы Александра, которое стабилизировало межрегиональные связи в греческой ойкумене. Сев. Причерноморье, оказавшись в стороне от войн за Александрово наследство, вступило в полосу всестороннего расцвета, который продолжался примерно полстолетия до всеобщей дестабилизации региона в результате распада *pax Scythica* ок. 280–270-х. После него проксеническая деятельность Ольвии свелась к эпизодически появлявшимся единичным актам. В последней четверти III в. — первой четверти II в. издана проксения НО 18 (о дате выше, с. 377), со второй половины III в. и до римского времени следует ряд почетно-проксенических декретов (ниже, с. 536/47).

Направления торговых связей, регистрируемые проксениями, в основном ограничены понтийским регионом, выходы за его пределы редки. К сожалению, ввиду фрагментированности большинства из известных ныне 29 проксений и ателий лишь несколько сохранили этникон проксена. Судя по ним, в последней четверти V в. Ольвия связана лишь с южнопонтийским побережьем — Синопой и Гераклеей (НО 1, 2). Проксения синопейцу Иетроклу не находит обоснования в сфере прямых торговых сношений Ольвии и Синопы и обязана, скорее всего, признанию заслуг потомственного адепта культа Аполлона Иетра, возможно, осуществлявшего посредническую торговлю между Ольвией и каким-то другим центром, скорее всего южнопонтийским. Может быть, следует трактовать этот эпизод как нащупывание Ольвией своих возможных торговых партнеров, которое завершилось установлением прочных связей с Гераклеей, деловым людям которой за столетие было дано 4 проксении, причем половина тогда же, в последней четверти V в. В Причерноморье это наибольшее количество проксений, данных каким-либо полисом выходцам

⁵⁶ В сводке надписей, свидетельствующих о внешних связях Ольвии, Виноградов [Pont. St. S. 30] правильно поместил в числе источников классического времени 11 проксений: НО 1–7, 9, 14, «Тимесилеев» декрет, месембрийский декрет IGBulg. I, 20 (=IOSPE I² 20) и эпиграмму из Амфиополя [SEG II, 723], но не учел проксении НО 8, 10, 11, 13, 16, 22, 108 и Сатиров декрет. Из этой сводки должны быть выведены как ошибочные «посвящение ольвиополита Аполлону Иетру, владыке Истрии» — в действительности это посвящение Аполлону Иетру как владыке реки Истр (выше, с. 17), и «посвятительная надпись некоего кеосского гражданина IOSPE I² 164», в которой нет оснований усматривать кеосца (см. с. 300/2). Его сводка источников раннеэллинистического времени [Ib. S. 46] сама по себе информативна и полезна, но страдает существенным недостатком: включены памятники всего III в., тогда как периоды исторического развития Ольвии до катастрофы 280–270 гг. и после нее несовместимы как время расцвета и время начавшегося длительного упадка, вследствие чего следует датировать раннеэллинистический период последней четвертью IV — первой четвертью III в. Весьма полезна сводка В. Кожокару, дополненная известиями об инополитах в Ольвии [Cojocaru, 2009/10, S. 156/9; 2016, июньский каталог, № 29–69].

из одного города, что само по себе характеризует торговые связи с Гераклеей в качестве наиболее важного направления ольвийской внешнеэкономической деятельности. Этот вывод находит полное подтверждение в преобладании гераклеической керамической тары в Ольвии. Естественным продолжением этих связей выглядит проксения начала IV в. херсонеситу НО 3 + 12.

Первым партнером Ольвии в эгейском региона стал Аркадский союз (НО 4), но кратковременность его (371–362 гг.) указывает на недолговечность сношений. Наличие эгейских связей, однако, удостоверяется размещением в Гиероне, стоянке на выходе из Геллеспонта в Понт, Канобова декрета об обязательном совершении сделок в Ольвии на местные деньги. Тогда же во второй четверти века проксенией месембрийцу IOSPE I² 20 впервые фиксируется западнопонтийское направление ольвийской торговли. Обострение ситуации в скифском хинтерланде в середине — третьей четверти века повлекло за собой обращение Ольвии к своему давнему партнеру — экономические связи с Гераклеей подтверждены проксенией ее тирану Сатиру и заключением договора о взаимопомощи с ним.

Смутный период между 345–325 гг., как сказано, озаглавлен лишь одной проксенией. К этому периоду относится известие Пс.-Демосфеновой речи против Лакрита, произнесенной в 341 г. (*Dem.* XXXV, 10) о возможности плавания из Аттики до Борисфена, но этот маршрут предстает дополнительным или запасным при основном направлении плаваний на Боспор. Тем не менее это первое литературное указание на торговые связи между Ольвией и Аттикой.

Из 9 проксений раннеэллинистической эпохи 5 сохранили этникины проксенов — они происходили из Аттики, Гераклеи, Византии, Истрии, Калхедона (НО 5–7, 9, 15, IOSPE I² 23); еще один проксен происходил из Фив, Фессалии или Фасоса (НО 13). Эти этникины удостоверяют участие Ольвии в основных потоках понтийской и эгейской торговли. Иначе говоря, в раннеэллинистическом периоде получили наиболее полное развитие связи со старыми партнерами позднеклассического времени. Многим меньше сравнительно с числом ольвийских проксений издано проксенических актов ольвиополитам в городах Юж. и Зап. Понта, а также Эгеиды⁵⁷. Вряд ли это указывает на инертность ольвийских деловых людей (свидетельства о них за границей [Avram, 2013, index]), скорее причина кроется в том, что связи с греческими центрами тех регионов ольвийские купцы в основном уступили тамошним торговцам, лучше осведомленным в конъюнктуре, взяв на себя торговлю с варварским хинтерландом Скифии и ближайшими соседями Херсонесом да Тирой. Это подтверждает проксения последней четверти IV в., данная херсонесцами ольвиополиту, сыну Евтия, — стало быть, ближний торговый партнер чествует купца из Ольвии [IOSPE I² 345; Сокосягу, 2013а, р. 107]. Сия проксения указывает на двусторонний характер торговых связей Ольвии с Херсонесом, постулированных ольвийскими декретами IV–III вв. в честь херсонеситов — проксенией НО 3 и псефисмой о сыновьях Аполлония⁵⁸. Во II в. лишь Посидеевичи

⁵⁷ Известны почетно-проксенические декреты Коса, Тенедоса, Калхедона [IOSPE I² 77, 78; Inschr. Kalchedon, 1980, 4 = Сокосягу, 2013а, р. 118]. В середине III в. дельфийцы предоставили проксению ольвиополиту Дионисию Дионисиеву [Граков, 12]. Общая картина внешних связей Ольвии эллинистического времени и географическая карта [Сокосягу, 2014а, S. 67–68].

⁵⁸ Связи Ольвии и Херсонеса засвидетельствованы надписями и в III–II вв. [IOSPE I² 546; НЭПХ II, 109; Белецкий, 1975, с. 115/7; Сокосягу, 2013а, р. 117 № 43–45]. По заключению М. И. Золотарева [1985, с. 29], поступление клейменной херсонесской тары в Ольвию полностью завершается к рубежу III–II вв.

сохраняли связи с Родосом⁵⁹. Ср. надпись второй четверти III в. из Тиры, свидетельствующую о чествовании некоего тирита Ольвией, Кизиком и Родосом [Карышковский, Клейман, 1985, с. 64; Sojosaqu, 2013a, p. 110]; в отношении ольвиополитов мы располагаем такого рода надписями лишь римского времени — IOSPE I² 40, 41, 79, NO 51.

Каталог проксений всех причерноморских центров [Sojosaqu, 2016] показывает особую активность городов Сев. Причерноморья: всего их 175, ольвийских из них 40 (ионийский каталог, № 29–69), херсонесских 39 (дорический каталог, № 24–63), боспорских 21 (ионич. каталог, № 70–91). Остальные проксении происходят в основном из городов Зап. Причерноморья, в них известно по 1–2 или несколько проксений, у «чемпиона» Истрии 13! Причина такой активности Ольвии, Херсонеса, Боспора — огромный экспорт зернового хлеба в Эгеиду и Юж. Причерноморье.

5. ОЛЬВИЯ И ПОХОД ЗОПИРИОНА В СКИФИЮ⁶⁰

Обратимся к давнему историографическому мифу об осаде Ольвии Зопирионом. Сев. Причерноморье оказалось в сфере интересов Александра Македонского. Анализ сведений различных источников показывает, что во время пребывания в Центральной Азии он выказывал пристальное внимание к нему, причем в источниках это проявляется со времени получения им осенью 331 г. известия о гибели Зопирионова войска. Поэтому нет оснований отрывать поход Зопириона от замыслов Александра — этот поход задуман самим царем, о чем свидетельствует большая численность войска, отправившегося в Скифию: 30-тысячный корпус Зопириона немногим уступал армии, с которой царь отправился в восточный поход⁶¹, так что набор Зопирионова воска и военные действия не могли не быть санкционированы Александром. Основные данные о скифском походе 331 г. предоставляет сообщение Макробия о нападении Зопириона на неких борисфенитов: «При нападении Зопириона борисфениты, освободив рабов и наделив гражданскими правами чужеземцев, а также пересмотрев долговые списки, сумели выстоять против врага»⁶². Обычно под этими борисфенитами подразумевают жителей Ольвии, обозначенных так Геродотом (IV, 53, 78, 79) и другими авторами. Однако это отождествление встречает препятствия реального порядка.

Во-первых, сомнительна вероятность отражения 30-тысячной армии небольшим городом, каким была Ольвия IV в. с протяженностью оборонительной стены ок. 2,5 км.

Тем не менее указанные надписи (заголовок почетного декрета Ольвии III или II в. в честь херсонесита, найденный в Херсонесе; посвящение II в., сделанное херсонеситами в Ольвии; стихотворная (?) эпитафия ольвиополита из Херсонеса, II в.) свидетельствуют о сохранении связей и во II в.

⁵⁹ Посвящения Посидея Афине Линдии и нимфе Родос — антиграфы, найденные в Неаполе Скифском [IOSPE I² 672; Дашевская, 1960; Sojosaqu, 2013a, p. 118].

⁶⁰ Опубликовано отдельными частями [Яйленко, 1990; 2007; 2009; 2013a].

⁶¹ По данным Аристобула, у Александра было 30 000 пехоты и 3000 всадников, недалеко и цифра Птолемея, насчитавшего 5000 конных воинов; учитель Александра Анаксимен насчитывал 5500 всадников и 43 000 пехотинцев (*Plut.*, Mor. 327d-e) [Шахермайр, 1986, с. 86; Дройзен, 2003, с. 123].

⁶² *Macr. Sat. I, 2, 33: Borysphenitae, oppugnante Zopyrione, servis liberatis dataque civitate peregrinis, et factis tabulis novis, hostem sustinere potuerunt*. Возможно, это сообщение восходит к историкам похода Александра Клитарху или Onesикриту [Asheri, 1969, p. 36].

К примеру, многим более сильный Перинф едва выдержал осаду 30-тысячного войска Филиппа только с помощью военных отрядов, флотов, оружия, денег и продовольствия Византия, Хиоса, Родоса, Коса и Персии [Невская, с. 117/8]. Ольвия же, если сообщение Макробия связывать с ней, обошлась мобилизацией внутренних ресурсов, которые не могли быть значительными. Число ее граждан, т. е. воинов, не превышало 300–400 человек (с. 436, 482). Кроме того, Зопирион располагал флотом (см. ниже), а надлиманная часть ольвийского городища не имела сплошной оборонительной линии, что сводит на нет шансы города в борьбе с ним⁶³. Во-вторых, оборонительные стены Верхнего города, выстроенные в первой половине IV в., были сырцовыми, т. е. не представляли собой надежного препятствия для большой армии. В-третьих, 30-тысячное войско не могло не оставить мощных разрушений и пожарищ на городище и хоре Ольвии⁶⁴. Однако таковых не имеется, так что археологи, для которых осада Ольвии Зопирионом всегда была аксиомой, связывали с ней не столько разрушения, сколько радикальную перестройку города в конце IV — начале III в.⁶⁵ Однако эти примеры на поверку не оказываются следствием осады Зопирионова войска. Так, в общем очерке истории Ольвии Л. М. Славин [1959, с. 97] писал: «... победа над Зопирионом досталась Ольвии дорогой ценой: раскопки выявили картину значительного разрушения города в конце IV в. до н. э.; много построек — общественных зданий, больших жилых домов перестает в это время существовать». Если же мы познакомимся с отчетами Славина о раскопках, то выясняется, что снесение этих зданий, как правило, связано с их перестройкой в конце IV — III в., зачастую коренной⁶⁶. Важно подчеркнуть отсутствие каких-либо следов пожарищ, сопровождающих эти разрушения, что указывает на строительный, а не какой-либо иной характер этих разрушений, и имеющиеся несколько примеров сгоревших в позднем IV в. зданий вполне могут быть отнесены на счет бытовых пожаров⁶⁷.

⁶³ Декрет в честь Протогена I². 32. В. 1–4: «большая часть города у реки оставалась без оборонительной стены». Это отметил Латышев [1887, с. 103; Леви, 1985, с. 22], датировавший Протогеновский декрет второй половиной III в. В соответствии с нашей датировкой Протогеновского декрета 180–170-ми гг. описанные в нем события происходили в конце III — начале II в. (с. 501/3). Вопреки предположению Е. И. Леви о возведении в конце III в. сплошной стены вдоль реки, исследования затопленной части ольвийского городища не выявили здесь остатков оборонительных сооружений догетского времени, что дало основание С. Д. Крыжицкому [1984, с. 161, *ср.* Ольвия. 1999, с. 161] «предполагать, что город, со стороны лимана, возможно, не имел оборонительных стен», но, вероятно, имелись припортовые укрепления. Это соответствует цитированному здесь тексту Протогеновского декрета: со стороны гавани город все же защищался какими-то сооружениями (ниже, с. 417), но их было недостаточно.

⁶⁴ Глагол *oppugnare* в заметке Макробия может иметь два значения: «нападать» — на противника, страну, и «осаждать, штурмовать, брать приступом» — о городе, крепости. При первом значении надо заключить, что борисфениты со всем своим войском встретились с армией Зопириона где-либо вне города и разбили ее, что применительно к Ольвии IV в. с ее примерно полутысячным отрядом граждан-воинов невероятно.

⁶⁵ Абсолютно уверенный в этом Славин [1959, с. 97] лишь однажды занял более осторожную позицию, указывая на возможность такой связи, а не утверждая это как аксиому [Славин, 1964, с. 192].

⁶⁶ Примеры замещения построек V–IV вв. зданиями конца IV — III в. [Славин, 1964, с. 192/3, 202, 206].

⁶⁷ Пожар в отдельно стоявшем доме [Славин, 1975, с. 34] (остатки сгоревшего здания V–IV вв., включенные в часть здания III в.). Еще один сгоревший в позднем IV в. дом [Лейпунская, 1986, с. 37] может служить образцом бытового пожара (соседние дома квартала не затронуты им). *Ср.* такого же характера пожар в подвале здания V–IV вв., замещенного зданием конца IV в. [Славин, 1964, с. 214, *ср.* с. 217].

Отдельно остановимся на выявленных раскопками разрушениях и пожарище на сырцовом комплексе Зап. ворот Ольвии, сооруженном в первой половине IV в. Выше мы отметили, что заключение Ольвией союзного договора с гераклейским тираном Сатиром вызвано обстоятельствами военного времени, которое имплицитно подразумевается тем, что ряд греческих городов от Истрии на Дунае до Мирмекия на Боспоре обстроился в середине IV в. оборонительными сооружениями (с. 350/1). В частности, поскольку наиболее вероятная причина гибели Панского I — нападение нижнеднепровских скифов, можно думать, что те же самые скифы могли угрожать тогда с Нижнего Днепра и Ольвии, которая примерно в то же время обстроилась оборонительными стенами. Согласно отчету раскопщиков, вскрытая в районе Зап. ворот города сырцовая оборонительная стена датируется «по наиболее поздним материалам первой половиной — серединой IV в. до н. э.»⁶⁸. Как видно, установленные ими даты позволяют синхронизировать с временем договора Ольвии и Гераклеи, т. е. с середины IV в., возведение оборонительных сооружений Ольвии. Конечно, это неотделимо от соответствующих мероприятий в других греческих центрах региона — обустройства тогда же крепостными стенами Керкинитиды, городища Чайка, Калос Лимена в Зап. Крыму, также Тира обзавелась тогда оборонительными сооружениями [Карышковский, Клейман, 1985, с. 46; Виноградов, Щеглов, с. 322]. Что эти мероприятия вызваны реальной угрозой, свидетельствует форт Панское I, погибший тогда же в пожаре. Бóльшая или меньшая синхронность этих мероприятий и событий, которые затронули все Сев.-Зап. Причерноморье, Крым и даже азиатский Боспор (гибель в пожарах 350–340-х гг. западных комплексов Мирмекия) [Чистов, 2005, с. 350], позволяет связать их воедино в качестве звеньев одного исторического периода середины — третьей четверти IV в., причем глобальная протяженность региона указывает на скифскую угрозу как единственно возможный фактор принятия защитных мер местными греческими центрами. Как сказано, первопричиной всех этих событий послужил переход в 339 г. части скифов Атея из Добруджи в Нижнее Поднепровье, где господствовали агафирсы, с которыми им пришлось воевать; против возвратившихся скифов, видимо, выступили Боспор и Ольвия (обо всем этом см. [Яйленко, 2013а, с. 210/11, 214/5]). Ввиду сказанного разрушение комплекса Зап. ворот Ольвии связано с передвижением Атеевых скифов 339 г. — Ольвия лежала на их пути, т. е. произошло до похода Зопириона 331 г.

Таким образом, бесспорного археологического подтверждения осады Ольвии Зопирионом не имеет⁶⁹. Связь отмечавшихся в литературе разрушений Ольвии

⁶⁸ Чернотропская керамика, фасосские клейма и гераклейские I и II групп, по Брашинскому [Крыжицкий, Лейпунская, 1988, с. 17 сл.]. Комплекс сырцовых стен погиб в пожаре, который «возник не ранее второй половины IV в. до н. э. и не позднее третьей четверти — последней трети IV в. до н. э.». Сооружение этой сырцовой стены датировалось также первой четвертью IV в.; на ее месте в конце века создан оборонительный каменный комплекс [Ольвия, 1999, с. 156, 163]. Раскопками 2003/5 гг. открыты остатки этой сырцовой оборонительной стены на северо-востоке, у берегового обрыва, они также погибли в пожаре; сопровождающий материал датируется главным образом последними десятилетиями IV в., в значительно меньшей мере началом III в. Разрушения на обоих участках стены раскопщики связали с осадой Ольвии Зопирионом [Каряка, 2005, с. 199; Крыжицкий, Лейпунская, 2006, с. 201]. Упомянутый пожар середины IV в. мы связали с осадой Ольвии скифами (см. ниже): возможно, Ольвия и Боспор поддержали Зопириона, ибо известно, что в это же время Перисад I воевал со скифами (*Det.* XXXIV, 8). Если учесть, что ок. третьей четверти IV в. гибнет Никоний, можно связать воедино оба эти обстоятельства с нападением скифов.

⁶⁹ По существу, таково заключение и авторов кн. [Ольвия, 1999, с. 156], хотя они продолжают верить в этот миф. Найдены в Ольвии мелкие ядра с надписью на одном [β]ασιλέ(ω)ς «царя»,

в позднем IV в. с нею настолько шатка, что предлагалось и иное их объяснение. Е. И. Леви, отметив, что ок. последней четверти IV в. на агоре разрушаются храм и алтарь возле него, гибнет общественное здание и засыпается гидротехническая система, сочла это возможным результатом не осады Зопириона, который не входил в город, а внутренней борьбы⁷⁰. На городище Ольвии нет каких-либо серьезных следов осады. Так называемые разрушения зданий были результатом коренной реконструкции городской застройки во второй половине IV — III в. Для перепланировки неровной поверхности городища обветшавшие сооружения разбирались, и дневная поверхность выравнивалась посредством подсыпки лесса. Начаты были эти работы во второй половине IV в. на теменосе (ср. [Леви, 1985, с. 71]). Одним из наглядных примеров того, что «разрушения» носили строительный характер, является гимнасий V–IV вв., который, по словам самой Леви, «при реконструкции агоры был почти полностью разрушен» [Ив., с. 99]. Если обратиться к хоре Ольвии, то были попытки исследователей связать с нашествием Зопириона разрушения на некоторых поселениях [Славин, 1976, с. 181; Рубан, 1979, с. 78; Ольвия, 1999, с. 190/2], однако они недостаточно документированы и сомнительны⁷¹. Отсутствие ярко выраженных разрушений на городище и поселениях хоры, которые по времени и характеру могли быть связаны с нашествием Зопириона, определенно свидетельствует, что никакой осады Ольвии в действительности не было. Попытка же Ю. Г. Виноградова и П. О. Карышковского отождествить известие Макробия о проведении кассации долгов борисфенитами с восстановленным ими в ольвийском декрете в честь Каллиника выражением [τῇν ἀποκοπὴν τῶν] χρεῶν, что могло бы подтвердить тождество борисфенитов Макробия с ольвиополитами, основана на грамматическом ляпсусе (ниже. с. 442).

Наше мнение, что Зопирион не осаждал Ольвию, подтверждает и сообщение Аммиана Марцеллина о посвященном Александру Македонскому алтаре (алтарях), расположенном в Гилее, сооружение которого можно связывать только с появлением здесь Зопириона⁷². Воздвижение алтаря в сакральной зоне Ольвии само по

на другом Ἀλεξάνδρου) «Александра», по справедливому мнению Ю. А. Виноградова [2006, с. 106], принадлежали солдатам Александра Македонского, которые явились с ними к Ольвии. Однако, на наш взгляд, это вовсе не свидетельствует об осаде Зопирионом Ольвии, ибо с таким же основанием можно думать о пребывании какой-то части арсенала Зопириона в дружественном городе. Уж вовсе бездоказательна попытка связать с «осадой» Зопириона коллективное захоронение [Karpivina, 2012, p. 271].

⁷⁰ [Леви, 1956, с. 112]. Однако трудно представить себе социальную борьбу, в ходе которой стороны прибегали к таким аргументам, как разрушение храма и засыпка водопровода. Например, во время сильнейшей политической междоусобицы на Керкире побежденных убивали возле святилища, а некоторых замуровывали в храм Диониса, но сами святилища не уничтожались (*Thuc.* III, 81, 5). Ясно, что снесение ольвийских обветшавших построек и засыпка гидротехнической системы были проведены в ходе перепланировки агоры в конце IV–III вв.

⁷¹ [Доманский, 1985, с. 236/7]. Сам он объяснил отсутствие разрушений тем, что неприятель стремился ограбить хору, а не разрушить ее, что применительно к конкретному случаю более уместно, нежели доказуемо. Разрушение хоры, по нашему предположению, — следствие возможного нашествия гетов на Ольвию в последней четверти IV в. (ниже, с. 412/3).

⁷² *Аmm. Marc.* XXII, 8, 40 = SC II, p. 329: «в его (Борисфена) лесистых пределах лежит город Борисфен, Кефалонес и алтари, посвященные Александру Великому и Цезарю Августу». По упоминанию «лесистых пределов» Борисфена алтари локализуются в Гилее (выше по течению берега Днепра безлесны). Гилея была священной зоной Ольвии. На связь воздвижения алтаря Александра

себе исключает враждебность действий ольвиополитов и Зопириона друг против друга⁷³. В связи с выясненными обстоятельствами обратим внимание на сообщение Геродота (IV, 18), что борисфенитами назывались также скифы, обитавшие вдоль нижнего и среднего течения Борисфена на его левобережье⁷⁴. По данным Галикарнасца, скифы-борисфениты обитали к северу от Гилеи. Размещение алтаря Александра Македонского в Гилее, также находившейся на левом берегу Днепра, указывает, что Зопирион перешел туда и был поблизости от борисфенитов. Это уточняет театр его военных действий.

В том же 1990 г., когда опубликована наша работа с изложенными соображениями [Яйленко, 1990, с. 249/60], Виноградов издал граффито с поселения Козырка под Ольвией, в котором упоминался некий Зопирион и в котором издатель опознал македонского полководца [Виноградов, Головачева, 1990; Pont. St. S. 323 f.] и развил на этом основании байку о пятой колонне внутри Ольвии, поддержавшей неприятеля и прочем. Ф. Готье справедливо назвал эти построения Виноградова романтическими и малоубедительными⁷⁵. Со своей стороны отметим, что Виноградов, по существу, уклонился от анализа палеографии надписи, сосредоточив внимание лишь на вопросе об употреблении в Ольвии лунарной *сигмы*, представленной в граффито. Между тем характер письма и формы букв надписи определенно указывают на III в., так что этот Зопирион не может быть полководцем Александра, погибшим в 331 г. Почему в Ольвии появилось имя Зопирион, позволяет понять наш вывод, что поход Зопириона был направлен против скифов, а не против Ольвии: сохраняя благодарную память о македонском полководце, ольвиополиты употребляли его имя в своем именнике (см. ниже приложение II).

Вывод И. Тулумакося, что и на Боспоре люди получали имена в честь выдающихся сподвижников Александра Великого (см. приложение II), свидетельствует о дружественных отношениях также боспорян и македонцев. Мы уже упоминали, что незадолго до 328 г. Перисад I вел войну со скифами (*Ps. Dem.* 34, 8), как раз около времени похода Зопириона (выше, с. 385), а в другой работе пришли к выводу, что проезд Берды и скифских послов осенью 329 г. через Боспор указывает на дружественные и даже союзные отношения Боспора с ними и что у них были общие враги [Яйленко, 2007, с. 90; 2013а, с. 233]. Имея в виду эти обстоятельства,

---

Македонского с походом Зопириона указывал уже Э. Диль (RE. 1937. Bd. 17. Sp. 2422). Упоминание алтаря Августа в ольвийской сакральной зоне вполне исторично, ибо в Ольвии ему посвящена ново-построенная стоя (IOSPE P²181, см. ниже, с. 576).

⁷³ Понятно, что в случае войны с Зопирионом у ольвиополитов были бы все основания разрушить воздвигнутый врагом алтарь. Этого противоречия не заметил Л. А. Ельницкий [1961, с. 106], с одной стороны, связывавший воздвижение алтаря с походом Зопириона, а с другой — принимавший версию об осаде им Ольвии.

⁷⁴ Эти скифы-георгои занимали пространство к северу от Гилеи на 11 дней пути, а к востоку от Борисфена — на три дня пути до Пантикапа (верховья Конки). Скифов-борисфенитов упоминают также Плиний (Nat. hist. IV, 82) и, вероятно, Менандр (fr. 833). Стефан Византийский (s. v. Βορυσθένης), говоря об этнике ольвиополитов «борисфениты», отмечает, что он произошел «не от названия города, а от названия реки». Это означает потенциальную возможность обозначения борисфенитами жителей любых городов, лежащих на Днепре (Борисфене). Как показал В. И. Абаев [1981, с. 74], Геродотовы скифы-георгои на самом деле не «земледельцы», а кочевники: греки адаптировали скифское обозначение племени *gauvargā «почитающие скот» к своему созвучному слову γαυροί.

⁷⁵ [Gauthier, 1998, p. 1187]. См. подробнее нашу критику ниже, с. 400 сл.

можно заключить, что дружественная позиция Ольвии и Боспора в отношении Македонии, война Перисада со скифами, союзные отношения Александра с другими скифами, наконец, поход Зопириона против царских скифов — звенья одной цепи, войны части скифов, греческих государств Сев. Причерноморья и Македонии против царских скифов, вернувшихся тогда из Добруджи. В статье и книге об этнической и политической истории Скифии мы показали, что возвращение последних в Поднепровье дестабилизировало не только пребывавших там агафирсов, но все Сев. Причерноморье — и скифский мир, и греческие государства. Это была война за сохранение той взаимовыгодной системы отношений, которая сложилась в регионе в отсутствие царских скифов на протяжении первой половины IV в. и которая положила тут начало расцвету греческого и скифского миров. Александр вмешался в эту войну, преследуя собственную цель — включение Скифии в свою державу посредством подчинения царских скифов, ключевой туземной силы региона, к которым у него были легитимные претензии династического характера, и поход Зопириона направлен на реализацию оружием этих претензий [Яйленко, 2007, с. 82–83, 94–97; 2013а, с. 210/15, 221, 233/45].

Уяснив цели и общую ситуацию вокруг похода Зопириона, реконструируем по возможности основные вехи его военной кампании, имеющие отношение к Ольвии. Поскольку он располагал флотом (см. ниже), скорее всего, войско прибыло из Фракии по морю — это самый короткий и удобный способ перемещения из Западного Причерноморья в Северное⁷⁶. Первым пунктом в связи с походом Зопириона фигурирует Гилея (тут поставлен алтарь Александра); так как пристани в Гилее нам неизвестны, видимо, флот прибыл в Ольвию, откуда высадившееся войско прошло в Гилею, на левый берег Днепровского лимана. Эта сакральная зона ольвиополитов, согласно Эфору, занята скифами⁷⁷. Ольвиополиты, безусловно, были заинтересованы в освобождении Гилеи от захватчиков, так что одного этого обстоятельства достаточно для заключения ими союза с Зопирионом. С другой стороны, известие о его войне с борисфенитами подразумевает скифское приднепровское население (повторим, что после Геродота борисфенитами называют не конкретное скифское племя, а туземное приднепровское население вообще). Эти обстоятельства ставят точку в вопросе о направлении похода македонского полководца — он предпринят против скифов, о чем и сообщают наши источники. По нашему мнению, конкретно поход направлен против царских скифов⁷⁸.

Судя по сооружению в Гилее алтаря Александра, она очищена от скифов. Одно это обстоятельство делало скифов-борисфенитов союзниками соседних царских

⁷⁶ К примеру, именно по морю доставлены римские войска из Нижней Мезии на азиатский Боспор во время мятежа Митридата, сына Аспурга (*Tac. An. XII, 7*).

⁷⁷ FGH 70 F 158: «По переходе на восток через Борисфен в Гилее живут скифы, над ними к северу обитают георгои». Следовательно, в промежутке между геродотовской и эфоровой традициями, т. е. между 430-ми и 340-ми гг., Гилея отнята у ольвиополитов скифами. (Опустевшая с начала V в. хора Ольвии с начала IV в. стала возрождаться, и в ней появляются скифские памятники.) Во времена Геродота (IV, 76) в Гилею беспрепятственно приходили царские скифы, обитали около нее и скифы-борисфениты (они же георгои-гауварга). Поздние авторы называют борисфенитами не конкретное скифское племя, а приднепровское население в целом (*Menander apud Schol. in Dion Per. v. 311; Properti Eleg. II, 7, 17; Honori Cosmogr. A 38*). Скорее всего, Гилею захватили соседние георгои-борисфениты. См. подробнее [Яйленко, 2007, с. 91–92].

⁷⁸ Подробное изложение нижеизложенного [Яйленко, 2013а, с. 233/45].

скифов. Вряд ли стоит думать, что 30-тысячное македонское войско ограничилось операциями против борисфенитов и, не сумев разбить их, убралось восвояси. Земли борисфенитов и царских скифов обширны, простираются от Нижнего Днепра до Азовского моря и Танаиса, а на север более чем на 300 км вдоль Днепра [*Herod.* IV, 18, 20. *Ср.* Народы, 1982, с. 240 *сл.*]. У них было достаточно пространства для применения уже опробованной в войне с Дарием тактики широкого маневра — изматывающего заманивания противника в глубь пустынной страны, при этом наводя на земли враждебных себе скифов, и не давать генерального сражения [*Herod.* IV, 120–131; Черненко, 1987, с. 82]. На применение такой тактики может указывать воздвижение Александровых алтарей в излучине Нижнего Дона⁷⁹ — следовательно, царские скифы привели их на край Скифии (и в войне с персами царские скифы вкупе с сарматами заманивали врага до Танаиса: *Herod.* IV, 120). Сам факт воздвижения алтарей здесь, в земле сармат, должен быть трактован так же, как и алтари Гилеи: поскольку память об алтарях сохранялась долго (возможно, и сами алтари), сарматы в этой войне были дружественны Зопириону (подробнее об отношениях Александра и сармат [Яйленко, 2007, с. 88]). Вероятно, совместно они нанесли тут поражение царским скифам, в ознаменование которого воздвигли алтари. На наш взгляд, достижение Зопирионом Нижнего Дона находит косвенное подтверждение в легендарной традиции позднеантичного времени о походе Александра в Скифию.

Рассказ об этом содержится в принадлежащей Юлию Валерию латинской версии Псевдо-Каллисфеновой «Жизни и деяниях Александра» и так называемом «Дорожнике Александра». Хотя сюжет рассказа не историчен — Александр в Скифии не был, его спровоцировал переход македонского царя в войне с трибаллами через Дунай, т. е. его появление в Малой Скифии было понято позднейшей традицией как военная кампания в Скифии. И всё остальное представляет собой рецепции подлинных событий. Даже сама локализация действия в Скифии обусловлена обстоятельствами реального свойства — инициативами и планами македонского царя относительно этой страны [Пб., с. 89–90], а также военной кампанией там его полководца Зопириона, деяния которого по закону жанра историко-художественной биографии приписаны позднейшей традицией самому Александру. В частности, Александр планировал поход против скифов — пройти в Евксин к скифам и Меотиде⁸⁰. В рассказе Валерия и «Дорожнике» присутствуют те же Евксин, Меотида и народы Сев.-Зап. Причерноморья.

⁷⁹ Птолемей (*Geogr.* III, 5, 12) и Орозий (I, 2, 5) упоминают алтари Александра на Танаисе-Дону. См. о них [Подосинов, 2010; Яйленко, 2013а, с. 233 *сл.*].

⁸⁰ В числе послдов различных варварских народов, прибывших в 324 г. к нему в Вавилон, вновь, как и в Самарканде, были посланцы «европейских» скифов (*Arr. An.* VII, 15, 4). Царь обдумывал в это время планы новых кампаний: то ли через Сирию, Карфаген и Нумидию перейти Гибралтар и, пройдя Испанию, Италию и Эпир, вернуться домой, то ли выступить к Евксинскому морю, к скифам и Меотиде (*Curt.* X, 1, 17–18; *Arr. An.* V, 27, 7; VII, 1, 1–3.). Что этот регион Понта по-прежнему интересовал Александра и именно в связи с походом на скифов, показывает его распоряжение об отправке из Гиркании морской экспедиции во главе с Гераклидом по Каспию, которая была призвана установить акваторию этого моря — соединяется ли оно с Понтом Евксинским или с Восточным океаном, простирающимся до Индии (*Arr. An.* VII, 16, 1–2). Поскольку все планы Александра относительно Сев. Причерноморья связаны с замыслом похода на скифов, данное мероприятие было не просто сбором географической информации, а призвано выяснить возможность морской экспедиции в Скифию через Каспий. Напомним в связи с этим, что по получении известия о гибели Зопирионова войска именно

В латинской версии «Жизни Александра», составленной неким Юлием Валерием в конце III или начале IV в. н. э. (*Jul. Val. Vita Al.* I, 48–49 = SC I, p. 901, n. 1 = ВДИ. 1949. № 3, с. 268), сообщается: опустошив Боттиєю, Олинф и Халкидику, Александр «направил путь к Евксину и подчинил себе все города его побережья. Совершив затем по установленному обычаю жертвоприношение Конному Нептуну, он двинулся к Меотийскому озеру, довольно суровому и малодоступному вследствие холода». В греческом тексте «Жизни Александра» говорится лишь о том, что царь от Халкидики «пришел к Евксинскому Понту и подчинил себе все ближайшие города» (*Vita Al.* I, 44 = SC I, p. 901), поэтому сообщение о принесении жертвы Посейдону и дальнейшем продвижении до Меотиды взято Валерием из других источников. Один из них — какой-то перелagateль сочинения Птолемея: в рассказе египетского царя о походе Александра на трибаллов, переданном Аррианом (*An.* I, 4, 5), говорится о жертвоприношении царя Зевсу Спасителю, Гераклу и Истру за победу над гетами (упоминание не этих богов, а Конного Посейдона указывает, что Валерий пользовался не сочинением Птолемея, а каким-то посредником). Таким образом, в версии Валерия отражены реальные события похода Александра к дельте Дуная: подчинение тамошних городов и народов (подробнее [Яйленко, 2007, с. 95–96; 2013а, с. 242/5]), а также совершение жертвоприношения. По-своему исторично и упоминание Конного Нептуна: Александр неоднократно устраивал жертвоприношения с конными ристаниями, которые, естественно, учреждались во имя Конного Посейдона⁸¹. Сообщение о походе на Меотиду заимствовано Валерием или его источником из рассказов об упомянутом плане Александра совершить поход к Евксину и Меотиде. Таким образом, в повествовании Валерия соединены события гетского похода Александра и его планы похода на Евксин, Меотиду и скифов.

Близкую картину дает и составленный ок. 340 г. н. э. в связи с походом императора Констанция «Дорожник Александра»: повторив известные нам из сочинения Арриана (= Птолемея) данные о движении Александра на трибаллов через Гем, Филиппополь и гору Орбел к устью Дуная (*An.* I, 1, 5 sq.), автор «Дорожника» продолжает тему Валерия: «затем имея море по правую руку, войдя по Евксину, перейдя Меотиду, уже на обратном пути (Александр) напал на гетов, победил их в сражении, в тот же день вернувшись к своим»⁸². Сообщение о походе на Меотиду

в Гиркании у него проявился план личного похода в Скифию, вероятно, возникший ранее в Персиде [Яйленко, 2007, с. 85, 89]. Поскольку, как сказано, позднее он планировал вторжение в Скифию через Евксин, данное в Вавилоне распоряжение об экспедиции Гераклида было поиском оптимального маршрута в европейскую Скифию.

⁸¹ Александр в соответствии с обычаем ставил победные алтари богам. Так, он поставил алтарь на Танаисе-Сыре, обратив в бегство тамошних саков (*Plin.* N. h. VI, 49). По завершении индийской кампании он воздвиг на реке Гифас 12 алтарей «в качестве знака благодарности богам, приведшим его к стольким победам, и в качестве памятника своим деяниям» (*Arr.* *An.* V, 29, 1–2). Эти алтари представляли собой башнеобразные сооружения. «Когда алтари были сооружены ему, Александр в соответствии с обычаем совершил жертвоприношение на них и устроил состязания — гимническое и конное» (Ib.). Жертвоприношение Зевсу, Гераклу и Истру на Дунае могло быть учреждено Александром также во исполнение обета отца, Филиппа, который намеревался воздвигнуть тут же, при устье Дуная, статую Геракла (*Iust.* IX, 1, 10).

⁸² *Itinerarium Alexandri*, XVI: «...ad Istri ostia, eximque cum mari dextro per Euxinum militans Maeoti transmissa iam remeans Getas (conj. Letr., cod. A Gothas) irruisset, eos quoque superat bello die eadem regressus ad suas» (SC II, p. 311; даем текст по изданию X. Хаусмана [Hausmann, 1970, p. 11–12]). Далее говорится о покорении Александром даков, мезов, иллирийцев и о походе на Фивы. Поход к

заимствовано не у Валерия (рассказы обоих источников не идентичны), а из рассказов о планировавшемся Александром походе к Евксину и Меотиде. Следовательно, и в «Дорожнике» реальное событие гетского похода Александра контаминировано с его планом похода на скифов через Евксин и Меотиду. Однако поражение гетов автор «Дорожника» помещает после нашествия на Меотиду, что противоречит действительности. Поскольку прямое измышление событий не свойственно ни Валерию, ни автору «Дорожника», такой маршрут Александра может быть объяснен тем, что оба автора или их источники следовали повествованию о походе Зопириона, который действительно двигался сначала из Зап. Причерноморья на восток до Борисфена и Танаиса-Дона (сооружение там алтарей), затем в обратном направлении. Повествование «Дорожника» о продвижении Александра от Меотиды к гетам буквально повторяет действительное движение Зопириона на гетов из глубинного Сев. Причерноморья. Сообщения Валерия и автора «Дорожника», таким образом, содержат рецепции повествования о походе Зопириона, восходящего к некоему историку Александра. Что такое повествование действительно существовало, показывают сообщения Трога и Макробия о разных событиях этого похода. По Д. Ашеру, рассказ о походе Зопириона содержался в сочинении Клитарха или Онесикрита [Asheri, 1969, p. 36].

Итак, изложенное позволяет наметить основные вехи похода Зопириона. Прибыв в Гилею, он очищает ее от скифов, водружает тут алтарь Александра, затем движется к Меотиде, проходя землю враждебных царских скифов и себе дружественных агафирсов⁸³. В земле сармат у излучины Дона он наносит поражение (или ряд поражений) противнику, вновь ознаменовав это воздвижением Александровых алтарей, и, преследуя его, движется в обратном направлении, подобно Дарию. Как персидская армия была измотана дальним и длительным продвижением ввиду умелой тактики царских скифов (*Herod.* IV, 130–131), так и войско Зопириона подошло к реке Борисфен ослабленным. Здесь полководец не сумел разбить местное скифское население — борисфенитов; возможно, к этому эпизоду или какому-либо следующему относится сообщение Трога о поражении, нанесенном войску Зопириона скифами (у Юстина: XII, 2, 16). Однако это не было решительным поражением — войско сохранилось, поскольку полководец пошел далее на гетов: он отвел войско к морю и посадил его на корабли, что следует из пролога к XII книге «Истории» Трога: «Зопирион погиб с войском на море»⁸⁴. Катастрофа произошла

Истру и на Меотиду — первый из походов царя в «Дорожнике». Понятно, что в сочинении IV в., заполненного готскими войнами, готы заместили гетов первоисточника. По справедливому разъяснению В. П. Будановой [1990, с. 124], речь идет о покорении Александром народов от Меотиды до Балкан.

⁸³ О таком расположении базилидов и агафирсов [Яйленко, 2007, с. 80–81].

⁸⁴ Hist. Phil. Fr. 90 Seel: Zopyrion in ponto cum exercitu periit. Оба сообщения Трога заимствованы из повествования о походе Зопириона. Для перевозки 30 тыс. солдат необходим флот более чем в сотню судов. Такой флот Зопирион мог набрать единственно при помощи мобилизации кораблей греческих городов Зап. Понта, подвластных ему как стратегу Понта и Фракии. Позиция греческих городов данного региона в отношении Александра Македонского недостаточно ясна [Блаватская, 1952, с. 88 сл.]. Свидетельство Диодора (XIX, 73) о размещении в них македонских гарнизонов только при Лисимахе показывает, что в правление Александра такие меры профилактики были не нужны, значит, города были лояльны к Македонцу. Такое заключение может служить косвенным указанием лояльности также Ольвии в отношении Александра и его наместника Зопириона в силу ее тесных экономических и политических связей с западнопонтийскими городами.

у гетского (Буджакского) побережья, что следует из сообщения Курция Руфа: «Во время похода к гетам наместник Фракии Зопирион был погублен со всем войском внезапно разразившейся бурей и грозой»⁸⁵. Вероятно, Зопирион намеревался высадиться на Буджакском побережье (здесь находились прибрежные города Кремениск и Эполий, Страбон упоминает тут гавань, — VII, 3, 15): не преуспев в войне с приднепровскими базилидами, он, видимо, намеревался покорить тех Атеевых скифов, которые кочевали между низовьями Днестра и Дуная [Яйленко, 2007, с. 76]. Они вкупе с остатками добруджских скифов подразумеваются в сообщении Плутарха (Мог. 327с), что в начале Восточного похода Александра «иллирийцы склонялись к возмущению, а часть скифов угрожала замышлявшим недоброе соседям». Напомним в связи с этим, что после похода Александра к дельте Дуная и заключения мира с тамошними народами нижнедунайское левобережье мыслилось анклавом Македонского царства [Ib., с. 75, 82]. Указанные обстоятельства вполне разъясняют нам причины, которые привели Зопириона к Буджакскому побережью.

Несмотря на конечную неудачу, поход Зопириона имел большое значение для исторических судеб Сев. Причерноморья. Судя по войне с Перисадом полтора-два года спустя, поначалу после ухода македонцев базилиды еще продолжали военные акции против врагов. Однако скоро, по истечении считанных лет, народы Скифии и греческие государства Сев. Причерноморья вступают в полосу наивысшего расцвета [Ib., с. 80–82]. Это означает, что базилиды более не располагали возможностями для дальнейшей дестабилизации региона — борьба с 30-тысячным войском Зопириона измотала и их. Это ускорило мир в регионе, подведший Скифию к расцвету, и в этом заключается важнейшее значение похода Зопириона для Сев. Причерноморья в целом.

Теперь обратимся к скифам-борисфенитам, которые фигурируют в парафразе Макробия как военные противники Зопириона. Сначала соотнесем с археологическими реалиями — есть ли в их земле города или город, в котором могли быть проведены те мероприятия, которые поспособствовали победе над македонским полководцем. Действительно, в Нижнем Поднепровье расположено несколько укрепленных скифских городищ IV в. — Каменское, лежащая неподалеку от него Первомаевка-2 площадью 1,7 га, с укрепленной частью и предградьем, также Глубокая пристань на Днепровском лимане площадью 10 га и фортификационными сооружениями⁸⁶. В целом в Нижнем Поднепровье известно более сотни скифских поселений IV в. [Гаврилюк, Кравченко, 1995], так что у Зопириона было тут достаточно объектов для нападения. Обратим также внимание, что в применении к кочевникам глагол *орригнаге* сообщения Макробия может означать просто «нападение на противника», так что речь об осаде города вовсе не обязательна — это могли быть и военные операции в поле (выше, с. 384). Типологически скифские городища Нижнего Днепра можно отнести к городам кочевников, сравнимым со степными хазарскими или поволжскими золотоордынскими городищами⁸⁷. По-

⁸⁵ Curt. X, 1, 44. Это сообщение также заимствовано Курцием из XII книги «Истории» Трога. Буря такой силы более характерна для осеннего времени, с чем согласуется получение Александром известия о гибели Зопириона после битвы при Гавгамеле в ноябре или декабре 331 г., как мы предположили, в Персиде при встрече скифского посольства [Яйленко, 2007, с. 85, 89].

⁸⁶ [Былькова, 1991, с. 71; 1995, с. 111 сл.]. Характеристика укрепленных городищ [Гаврилюк, 2008].

⁸⁷ Ср. [Плетнева, 1967, с. 44 сл.; Магомедов, 1983, с. 38 сл.]. Степные хазарские городища были укреплены валами или сырцово-глинобитными стенами.

следние также состояли из укрепленной части (арк) и торгово-ремесленного посада (рабат). Возникали они из замков (кешков) кочевой знати — зимних резиденций, принадлежавших отдельным семьям (аилам)⁸⁸. Городища кочевников — результат третьей стадии кочевания, характеризующейся седентаризационными процессами. В районе нижнеднепровских скифских городищ сосредоточено основное число курганов скифской знати. В частности, поблизости от Каменского городища расположены богатейшие курганы Чертомлык, Солоха, Козел, Лемишев и др. В курганах представлены, по наблюдению Гракова, те же группы амфорной тары, что на Каменском городище.

Выдвигая гипотезу, что под борисфенитами Макробия подразумеваются обитатели какого-либо нижнеднепровского скифского укрепленного поселения, нам необходимо выяснить, могли ли в скифском обществе иметь место рабовладение и отпуск рабов на волю, должничество и пересмотр долговых обязательств вплоть до их отмены, существовало ли у скифов понятие о полноправности скифа-горожанина в противовес неполноправному иноплеменнику, были ли в их городах чужеземцы. Иначе говоря, следует определить, мог ли быть описан социальный облик скифских городов средствами греческой социальной лексики полисного уровня. При этом, безусловно, следует иметь в виду, что такая характеристика должна учитывать то, что они возникали и развивались как города кочевников.

Что до рабовладения, то наличие его у скифов бесспорно, неясна лишь степень его развитости⁸⁹. Вопрос о рабском статусе части населения скифских городов дискуссионный. Граков считал ремесленников Каменского городища свободными общинниками, что проблематично с точки зрения типологии: города кочевников пополняются пленными рабами-ремесленниками, которые со временем нередко выходили из рабского состояния⁹⁰. Отпуск рабов на волю в критической ситуации военного времени у скифов тем более возможен, что в ряде кочевых обществ рабы принимали участие в военных предприятиях своих господ (ср. [Аннинский, 1940, с. 91]). Данные об этом имеются и относительно скифов. В сражении с трибаллами Атей применил военную хитрость с использованием земледельцев и коноводов (*Polyaeni* VII, 44 = SC I, p. 566). Вряд ли стоит сомневаться, что эти земледельцы были поработанным местным населением Добруджи⁹¹. Возможна и иная интерпретация отпуска рабов на волю скифами-борисфенитами. Подвластные скифам племена обозначались в греческих источниках словом δοῦλοι (например, *Herod.* IV, 20: «царские скифы считают прочих скифов своими рабами»). В действительности же это не рабское подчинение, а данническая зависимость⁹². Помощь в отражении неприятеля могла быть получена посредством снятия даннических

⁸⁸ [Плетнева, 1982, с. 77 сл.]. Материальная характеристика городов кочевников [Плетнева, 1987, с. 204 сл.].

⁸⁹ [Граков, 1954, с. 23] (автор несколько преувеличил роль рабства). [Хазанов, 1975, с. 133 сл.; Тереножкин, 1966, с. 40 сл.]. Археологические данные о рабстве у скифов IV в. [Ильинская, 1966, с. 166 и сл.].

⁹⁰ [Граков, 1954, с. 57], но ср. [Федоров-Давыдов, 1973, с. 53 сл.; Хазанов, 1975, с. 144] и ниже, с. 394.

⁹¹ [Блаватский, 1954, с. 35]. А. М. Хазанов [1975, с. 152] считал их скифами, но это малообоснованно: земледелием занимались лишь пауперизованные скифы, а в Добрудже именно скифы были господствующей силой.

⁹² Ср. [Strabo, VII, 4, 6; Хазанов, 1975, с. 155 сл.; Ельницкий, 1977, с. 183 сл.; Артамонов, 1974, с. 142].

обязательств, что и соответствовало бы словам Макробия *servis liberatis*; к примеру, именно этими словами античный историк передал бы переход «простых» рабов (*отоле богол*) у монголов в состояние относительно свободных *унаган богол*⁹³.

Следующее сообщение Макробия *dataque civitate peregrinis* ставит вопрос о присутствии в скифских городах чужеземцев и о наличии у скифов понятий о полноправном и неполноправном статусах. У кочевников было представление о роде как о сообществе людей одинакового состояния. Например, у ряда тюркских народов род назывался словом *суок, сёк*, собственно «кость», каковым «определяются все, имеющие одинаковые кости, т. е. все люди одинакового качества и происхождения», причем род «охватывает несколько семейно-родовых групп, которые в то же время образуют небольшие территориальные общины и кочевые группы»; эти семейно-родовые группы называются аулами, что означает «ограду, изгородь, загородки»⁹⁴. На людей, не входящих в семейно-родовую структуру, понятие генетической сопричастности, полноправности (πολιτῆα в терминологии Геродота применительно к скифам) не распространяется. Внутри же рода и аила равные по отношению к внешним элементам индивидуумы дифференцируются в социальном отношении. Данные письменных и археологических источников показывают социальную разнородность скифского общества. Б. Н. Мозолевский насчитывал четыре статуса в среде скифской знати, Е. П. Бунятян столько же у рядовых скифов⁹⁵. Наличие различных статусов в самом скифском обществе предполагает существование отличающегося, особого статуса у иноплеменников. Данные Геродота указывают на различие скифами скифского и нескифского происхождения⁹⁶. Представление их о свободном состоянии соплеменников в противоположность несвободному состоянию иноплеменников явно выражено Геродотом (IV, 20) и в упомянутом сообщении, что царские скифы считают других скифов своими рабами; не забудем о полиэтничном содержании и самого термина «скифы»⁹⁷. Известна и практика признания за иноплеменниками равного статуса: таковыми у будинов

⁹³ Воспользуемся параллелью с казахским ханством, рабство в котором, как и у скифов, имело патриархальный характер. Здесь пленные получали свободу в четвертом колене либо состояли в рабстве шесть лет [Султанов, 1986, с. 348]. По обычаю кочевых арабов, рабы рано или поздно отпускались на волю [Марков, 1976, с. 251, 271]. Социальная группа монгольского общества *утэгу* (*унаган*) *богол* (дословно «древние рабы») образовалась из числа рабов или их потомков, оказавших услуги Чингис-хану, за что он ввел их в состав рядового монгольского гражданства — дарлекинов [Рашид-ад-Дин, 1952, с. 15]. *Утэгу-богол* были по происхождению, скорее всего, зависимыми от монголов племенами, несшими военные обязательства [Марков, с. 66–67, 94]. Подробнее о проблеме [Карагодин, 1987, с. 61 сл., особенно 64 сл.]. С помощью *унаган-богол* Чингис-хан возвысился над другими родами. Отношения между высшим сословием (*нойоны*) и *унаган богалами* со временем сгладились до союзных.

⁹⁴ [Кунов, 1929, с. 460]. В тюркском каганате тюрки — полноправное население, члены *эля* (государства) и *бод* (рода) — отличали себя от нетюрков, основной обязанностью которых было подчинение тюркам [Кляшторный, 1986, с. 320].

⁹⁵ [Тереножкин, 1966, с. 38–39; Бунятян, 1985, с. 100; Грантовский, 1980, с. 133, 137/9; Мозолевский, 1986, с. 76, 78].

⁹⁶ *Herod. IV, 72*: «...царские слуги (θεράποντες) — скифы по происхождению (Σκύθαι ἐγγενέες), купленных же слуг, т. е. чужеземных, у них нет...»

⁹⁷ Близкие скифам по социально-экономическому развитию сарматы-сираки азиатского Боспора при осаде их города Успы противником предлагали выдать осаждающим 10 тыс. рабов в обмен на подачу свободным жителям города — *liberis corporibus* (*Tac. An. XII, 17*).

стали пришлые гелоны и невры (*Herod.* IV, 105, 108). Не подлежит сомнению присутствие чужеземцев в скифских городах. На посещение Каменки греками может указывать обильный греческий импорт, а также графито владельца на сосуде рубежа IV–III вв. *Κερκίνου*⁹⁸. Распределение групп амфорной тары, как заметил Граков, на Каменке то же, что и в Ольвии, т. е. импорт шел сюда через купцов Ольвии (возможно также посещение Ольвии их контрагентами либо существование перевалочных пунктов). Об адаптации греков скифами свидетельствует рассказ Геродота (IV, 108) о гелонах — этнических греках, поселившихся у будинов. Выше отмечалось вероятное иноземное происхождение ремесленников Каменки. Согласно Геродоту (II, 167), скифы, как и большинство других варваров, ставили ремесленников ниже членов своего общества — *πολιτέων*. Из последнего термина, конечно, не следует вывод, что у скифов имелось представление о «гражданстве»; применительно к кочевому обществу *πολίτης* — это свободный и равноправный индивидуум определенной этносоциальной общности в противоположность не-свободному и неполноправному иноплеменнику. Проживание в Каменке чужеземцев-ремесленников является достаточно типичным для кочевых обществ случаем поселения пленных в городах для получения с них дани продукцией земледелия и ремесла (см. о такой практике у скифов [Хазанов, 1975, с. 144]). Изложенное показывает, что адаптация иноплеменников скифами IV в. вполне мыслима, тем более в кризисной ситуации.

Наконец, значительная имущественная дифференциация скифских погребений Нижнего Поднепровья предполагает зависимость обедневших скифов от богатых [Бунятян, 1985, с. 101]. Согласно типологии кочевых обществ, осевшие на землю беднейшие кочевники могли находиться в зависимости от состоятельных соплеменников. Например, в казахском ханстве XV–XVII вв., близком по уровню развития скифскому обществу, источником кабального рабства было порабощение должников — свободных членов племени, при этом заплативший долг раб высвобождался из рабского состояния [Султанов, 1986, с. 342]. Как видно, и кассация долговых обязательств вполне могла иметь место в городах кочевников.

Таким образом, уровень социальных отношений в скифских городах в принципе не противоречит возможности проведения там социальных мероприятий, упомянутых Макробием, и этим верифицируется наше мнение, что в его заметке об отражении борисфенитами войска Зопириона подразумеваются скифы-борисфениты Нижнего Поднепровья⁹⁹. В таком случае установленный выше театр военных действий показывает, что поход Зопириона направлен против скифов-борисфени-

⁹⁸ [Граков, 1954, с. 82]. Он считал графито гераклейским по происхождению, но не видно причин, чтобы сосуд с владельческой маркировкой был взят у владельца в Гераклею для доставки в Каменку. Пример пребывания греческих резидентов у скифов предоставляет почетный декрет из Одессы в честь антиохийца Гермия Асклепидорова, пребывавшего при дворе скифского (в Малой Скифии) царя Канита ок. II в. до н. э. и оказывавшего благодеяния приезжавшим туда одесситам [Граков, 1939, № 17]. Чернотаковое блюдо с графито владельца — буквой А, инициалом его имени, найденное в Чертомлыцком кургане [Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 217], естественно, интерпретируется в качестве дара одного из греческих резидентов на Каменском городище местному скифскому владыке или его близкому окружению.

⁹⁹ Поскольку известие Макробия (конец IV — первая половина V в. н. э.) отстоит на 8 столетий от описанного события, первоисточник мог претерпеть некоторые модификации и сказанное в нем о городе борисфенитов как городе кочевников могло быть адаптировано к более понятным грекам мероприятиям, проводимым во время осады их городов, — кассации долгов и пр.

тов, а также против царских скифов [Яйленко, 2007, с. 86–87; 2013а, с. 241]. Наконец, акцентируем внимание на том, что в сообщении Помпея Трога (*apud* Iust. XII, 2, 16) о походе Зопириона — основном источнике об этом событии — говорится о войне именно со скифами, а не с греческим городом: «Оставленный Александром Македонским в должности наместника Понта Зопирион, считавший, что он будет бездейственным, если сам ничего не предпримет, собрал тридцатитысячное войско и начал войну со скифами, но погиб со всем войском, понеся наказание за необдуманно начатую войну с неповинным народом».

По-видимому, не только Ольвия, но и Боспор оказывал содействие Зопириону. Упоминавшаяся выше (с. 385, 387) война боспорского царя Перисада I со скифами (*Ps. Dem.* XXXIV, 8), судя по датировке речи 328 г., произошла незадолго до этого, т. е. около времени похода Зопириона. Поскольку могущество Спартокидов во многом зиждилось на экспорте хлеба в Грецию, Александр как хозяин Геллеспонта (византийцы оказали содействие своим флотом его походу 335 г. на трибаллов: *Arr. An.* I, 3, 3) располагал рычагами воздействия на Перисада. Если последний действительно участвовал в войне со скифами на стороне Зопириона, он терял доходы от скифской торговли, что и явствует из указанного пассажа Демосфеновой речи, но из двух зол выбирают меньшее¹⁰⁰.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Зопирион не осаждал Ольвию (ответ критикам)¹⁰¹

Фронтальную критику моего мнения о походе Зопириона не на Ольвию, а на скифов-борисфенитов, изложенную в статье 1990 г., предприняли Н. А. Гаврилюк и Е. В. Черненко [1991], рассмотрим ее. Один из моих аргументов выстроен следующим образом: согласно Макробию, поход направлен против борисфенитов; поскольку источники именуют борисфенитами и ольвиополитов, и скифов Нижнего Поднепровья, этот поход мог быть направлен против тех и других; однако остальные авторы согласно указывают, что Зопирион ходил на скифов (по Курцию, на гетов; никто не говорит об ольвиополитах), следовательно, поход направлен против скифов-борисфенитов. Как обходятся критики с этим прочным по логике аргументом? Они указывают, что Курций-де свидетельствует о походе на гетов, и потому остается в силе традиционное представление об осаде Зопирионом Ольвии. Критики не заметили противоречия в своей аргументации: если Зопирион осаждал Ольвию, то не ходил на гетов, так как

¹⁰⁰ Е. А. Молев [1997, с. 87] предпочел локализовать войну Перисада со скифами на Нижнем Дону, хотя сам отметил отсутствие разрушений его времени на Елизаветовском городище, вследствие чего счел акцию царя «недолгой и несильной». Такое заключение не соответствует масштабному характеру следов войны в пределах всего Сев. Причерноморья. В. Н. Зинько [2008, с. 107/8] локализовал войну Перисада со скифами на Керченском полуострове, поскольку сельские поселения вокруг Нимфея прекратили существование на рубеже 3–4 четвертей века. Однако нельзя отрывать судьбу нимфейской хоры от общих свидетельств о нестабильности Сев. Причерноморья в целом от Истрии до Керченского полуострова. Коллапс хоры Нимфея — одно из звеньев обширной цепи. Зинько прав, что нимфейские поселения погибли в результате набега скифов, но показательно, что военные действия не сказались на приазовских сельских поселениях Керченского полуострова, которые существовали на протяжении второй четверти IV — третьей четверти III в. без перерыва [Масленников, 2007, с. 194/6].

¹⁰¹ Опубликовано [Яйленко, 2007, с. 108/10].

Ольвия лежит далеко от гетской земли. Следовательно, они должны принять либо одно, либо другое, но все это излишне, ибо и без того понятно, что геты появились у Курция лишь потому, что войско Зопириона погибло на обратном пути в Гетской пустыне. Столь же малообоснована критика Гаврилюк и Черненко в прочих вопросах исторического плана. Они сомневаются в приложимости к скифскому обществу таких мероприятий, как отпуск рабов на волю, пересмотр долговых обязательств и перевод чужаков в полноправное состояние, но их сомнения носят риторический характер, разбор моих аргументов не дан, хотя я уделил этим вопросам достаточное внимание: привел к каждому мероприятию соответствующие скифские реалии и этнографические параллели из других кочевых обществ, близких по уровню развития скифам. Конечно, сравнительные материалы показывают лишь возможность проведения мероприятий по освобождению рабов в форс-мажорных обстоятельствах и пр., но ведь и критики оперируют предположениями (соратниками ольвиополитов «могли быть союзные скифы», «акция Зопириона... могла стать одной из причин» усиления городской фортификации и т. д.). В дополнение к сказанному в работе 1990 г. обращаю внимание критиков на неполное соответствие греческой терминологии скифским социальным реалиям, обусловленное разным уровнем развития обоих обществ. К примеру, давно отмечено, что нельзя понимать буквально сообщение Геродота (IV, 20) о том, что царские скифы считают остальных скифов своими рабами, — в действительности под словом δοῦλοι подразумеваются разные формы зависимости [Тереножкин, 1966, с. 41; Народы, 1982, с. 242]. Так и в случае с упомянутыми Макробием мероприятиями: его источник, один из историков Александра, обрисовал мероприятия борисфенитов терминами, употребительными в его время (из 40 известных нам случаев кассации долгов, отпуска рабов на волю и пр. в форс-мажорных обстоятельствах 25 относятся к эллинистической эпохе [Asheri, 1969, *passim*]), но мы должны иметь в виду относительность этой терминологии — применительно к скифскому обществу ее нельзя понимать буквально.

Оставим историю, обратимся к археологии. Суждения критиков, специалистов по скифской археологии, основательны лишь в этой области. Вероятно, справедливы их замечания, что Знаменское городище, вопреки Гракову, не может быть «акрополем» Каменского городища, что Лепетихинское и Любимовское городища, по новым данным, возникли не ранее II в. (принимая это замечание и удаляю упоминание о Лепетихинском и Любимовском городищах). Не уверен, что упреки критиков по части скифских поселений должны быть адресованы мне, так как, не будучи специалистом по скифской археологии, я заимствовал этот материал из работ Гракова и «Археології Української РСР», на что сделаны соответствующие ссылки (не было оснований ориентироваться не на них, а на тезисные публикации Гаврилюк конца 1980-х гг.). Суть же дела не в этом — новые материалы нисколько не опровергли существа моего утверждения о походе Зопириона против нижнеднепровских скифов, так как сами критики не отрицают, что в регионе были крупные укрепленные скифские городища IV в.: наряду с Каменским это расположенная неподалеку от него Первомаевка 2 площадью 1,7 га, с укрепленной частью и предградьем, а также Глубокая пристань на Днепровском лимане площадью 10 га и фортификационными сооружениями [Былко-ва, 1991, с. 71; 1995, с. 111 *сл.*]. В целом в Нижнем Поднепровье известно более сотни скифских поселений IV в.¹⁰², так что у Зопириона было тут достаточно объектов для

¹⁰² [Гаврилюк, Кравченко, 1995, с. 95], характеристика двух таких городищ [Гаврилюк, 2008, с. 79–80].

нападения. Обратим также внимание, что в применении к кочевникам глагол *oppugnare* сообщения Макробия может означать просто «нападение на противника», так что речь об осаде города вовсе не обязательна — это могли быть и военные операции в поле (выше, с. 384).

По словам критиков, «с военно-политической и стратегической стороны поход Зопириона, направленный против Каменского городища, был бы совершенно бессмысленной затеей». Однако напомним им, что Дарий захватил и затем сжег крепость будинов (*Herod. IV, 123*) и что скифы именно во избежание разорения своих поселений и плодородных кочевий вели персов по пустынному Сев. Приазовью (*Herod. IV, 120, 123*). Следовательно, у скифов были причины защищать свои городища от врагов, о чем и свидетельствует фортификация некоторых из них. В отличие от Дария Зопирион был вполне осведомлен о расположении скифских городов (кстати, кто, как не ольвиополиты, — первейшие кандидаты на роль осведомителей?), если в источнике Макробия действительно подразумевалась осада «города борисфенитов». По словам Гаврилюк и Черненко, Каменскому городищу не повезло, ибо я в угоду своей концепции заселил его скифами-борисфенитами. Городищу действительно не повезло, так как критики не удосужились справиться у Геродота, где обитали эти скифы. На 10–11 дней плавания вверх по реке, — говорит Галикарнасец (*IV, 18, 53*), что при дневной норме около 24–36 км [Народы, 1982, с. 236/7] составляет 240–370 км и, стало быть, в любом случае Каменское городище находится именно в ареале скифов-борисфенитов. Следуя старой марксистской традиции, иронизируют критики, я разделил население Каменского городища на знать и трудовой люд. Однако об этом писал Граков, считавший Знаменскую его часть акрополем, Кучугуровскую часть — ремесленной. По новым данным, пишут критики, Знаменская часть существовала со II в., а Кучугуры в конце V — IV в. и были конгломератом нескольких разновременных субпоселков, огражденных земляным валом длиной в 3 км, высотой 2,2 м; каждое поселение небольшое и существовало 70–75 лет, одновременно бытовало 2–3 поселения, находки рисуют довольно ровную социальную структуру; по курганам социальная разница видна, а по памятникам оседлости не прослеживается. Не берусь судить, насколько точна эта характеристика, но сомневаюсь, чтобы 2–3 ремесленных поселка были ограждены трехкилометровым валом. Кроме того, вал ограничивает одну часть городища от другой — чем не акрополь по-скифски и ремесленный посад? А укрепления на Первомаевке и Глубокой пристани тоже отделяют одних ремесленников от других? Напомню в связи с этим, что расположение Каменки, крупнейшего скифского городища региона, в эпицентре сосредоточения богатейших скифских курганов отнюдь не случайность, а свидетельство непосредственной его связи с захороненной в них знатью. Вряд ли критики могут исключить, что на огражденной валом территории время от времени располагались юрты знати; поскольку все их достояние движимо, дорогие вещи не остались в земле акрополя, а перемещались вместе с владельцами (после смерти — в его могилу). Как очевидно, приведу в пример современный Улан-Батор: город советского времени выстроен из камня, а периферию составляют анклавы из юрт вчерашних скотоводов, среди которых отнюдь не только бедняки (нередко рядом с юртой стоит японский или российский автомобиль).

Далее уже мелочи. Найденную в Чертомлыцком кургане, расположенном неподалеку от Каменского городища, чернолаковую чашечку с графито-инициалом владельца я интерпретировал как дар одного из греческих купцов-резидентов Каменского городища (графито владельческое!) скифскому владыке или кому-то из его окружения. Столь простая «чашечка как дар нелепа», — комментируют критики, и напрас-

но: в богатейшем инвентаре кургана представлены только два греческих столовых керамических сосуда — эта чашечка и канфар. В таких условиях обычная чернолаковая чашка представляет собой раритет и потому вполне достойный подарок. И последнее. По мнению критиков, конфликт Атея и Филиппа не оказал «заметного влияния на судьбы Великой Скифии», а поход Зопириона был его «далеким отголоском». Надеюсь, изложенный мною в другом месте материал содержит достаточно аргументов в пользу противоположного вывода: поход Зопириона был прямым следствием схватки Атея и Филиппа, и Александр отправил Зопириона для силового присоединения скифов и их земли к своей империи [Яйленко, 2007, с. 86–87; 2009, с. 200–209]. Я благодарен Гаврилюк и Черненко за критический анализ моей работы — он уточнил несколько частностей, но в целом их критика не смогла дезавуировать основные мои положения¹⁰³.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

К интерпретации граффито из Козырки с именем Зопириона¹⁰⁴

Ю. Г. Виноградов издал граффито с поселения Козырка II под Ольвией, называется его заметка многообещающе — «Новый источник о походе Зопириона» [Виноградов, Головачева, 1990; Vinogradov, 1997, S. 323/35]. Граффито написано на амфорном черепке, сохранилось практически полностью (рис. 62). Текст и *пер.* Виноградова [Pont. St. S. 326]: [Νι]κοφάνης Ἀδράστου | Ζωπιρίῳι ἵππον ἔδωκεν, ἀποστείλάτω μοι ⁵ εἰς πόλιν | καὶ δότω [τ]ῷ τὰ γράμ(μ)α(τα) «Nikophanas, der Sohn des Adrastos, schenkte dem Zopyrion ein Pferd; er soll zu mir in die Stadt schicken und soll ihm (d. h. dem Boten) die Schriftstuecke uebergeben»¹⁰⁵. Виноградов отметил, что имя Адраст засвидетельствовано

Рис. 62. Граффито из Козырки II [Pont. St.]

¹⁰³ Продолжение дискуссии [Гаврилюк, 2007; Яйленко, 2008a] свелось к повторению сторонами своих положений, поэтому здесь не даем ее.

¹⁰⁴ Опубликовано [Яйленко, 2000a, с. 185/6].

¹⁰⁵ В стк. 2 после ἔδωκεν ставим запятую (у Виноградова — точка). В начале стк. 7 для восстановленных Виноградовым букв αυ места нет, читаем [τ]ῷ. Вместо его γράμ(μ)α(τα) даем γράμ(μ)α(τα), последние буквы ΜΑ написаны на обороте черепка.

в Ольвии, имени Зопирион нет, однако в 331 г. до н. э. Ольвию осаждал Зопирион, его он и опознал в данной надписи. Отсюда он заключил, что в Ольвии во время осады действовала «пятая колонна» — группа лиц, поддерживавших врага, к которой принадлежал и автор письма, Никофан. Эти и прочие измышления Виноградова Ф. Готье справедливо охарактеризовал как «романические и малоубедительные» [Gauthier, 1998, p. 1187]. По словам Виноградова, палеография надписи соответствует времени осады Ольвии Зопирионом. На мой взгляд, этой интерпретации, более подходящей для сюжета исторической повести, удалось бы избежать, если бы ее автор всерьез обратился к палеографии надписи, от чего он, по существу, уклонился, сосредоточив внимание лишь на вопросе об употреблении в Ольвии лунарной *сигмы*, представленной и в данном памятнике. Между тем характер письма и формы букв определенно указывают не на IV, а на III в. до н. э. Именно для этого столетия, а не предшествующего характерно начертание следующих букв: вертикали П одинаковой высоты и слегка прогнуты посередине (в стк. 3 левая мачта вообще продолжается за пересечением с горизонталью!); и у *дельты* левая гаста прогнута, а правая также продолжается за пересечением с нею; *омикрон* и *омега* мелкие, особенно показательно начертание ОУ в конце стк. 1: *омикрон* совсем крошечный, У с длинной ножкой и почти горизонтальным левым усиком. Такое письмо свойственно папирусам III в. [Seider, 1990, S. 135, 137], памятникам малой и большой эпиграфики метрополии [Kern, 1913, Taf. 35; Guarducci, 1970, p. 543 (*сигма* не лунарная)]. В Ольвии такое письмо свойственно ряду памятников малой эпиграфики III в. до н. э., содержащим также лунарную *сигму* [ГЛБО II, № 80, 82, табл. X, 3 и др.], а также лапидарным надписям [IOSPE I² 22b, 76, 180; HO 18, 24, 174, 175]. По поводу лунарной *сигмы* Виноградов в подтверждение своей датировки IV в. сослался на компендиум М. Гвардуччи, но его ссылка лишь частично раскрывает высказанную там мысль, в связи с чем приведем ее полностью: редкие примеры употребления лунарной *сигмы* известны с IV в., чаще она употребляется в III в., но настоящий узус начинается со II в. [Guarducci, 1967, p. 377]. Именно такой характер имеет узус лунарной *сигмы* и в ольвийской эпиграфике¹⁰⁶. Насильственное удревнение Виноградовым даты козырского граффито объясняется тем, что он не устоял перед соблазном отождествить упоминаемого в нем Зопириона с одноименным полководцем Александра Македонского. Это обстоятельство подчеркнул и Л. Дюбуа, скептически отметивший, что данное отождествление сделано «слишком замысловатым образом» [Dubois, p. 49, n. 1]. Подразумеваемая это отождествление Виноградова и обнаружение им имени Аристоники, известного командира понтийского флота Митридата Евпатора, в заурядной надписи из Кара-Тобе, принятой им за трофей солдат Митридата (см. об этом ниже, с. 759/60), Ф. Готье справедливо отметил: историку древности заманчиво обнаружить в новом документе эпизод «большой истории» или знаменитый персонаж, Виноградов не устоял перед таким искушением [Gauthier, 1998, p. 1188].

Откуда все же появилось в Ольвии имя Зопирион? Ф. Готье резонно заметил, что апелляция Виноградова к отсутствию его в Ольвии неправомерна: оно обычно в ионийских городах, в Афинах, на Самосе, в Эфесе, Приене, Милете, есть и в Горгииппии¹⁰⁷. Следовательно, Зопирион (граффито) — какое-то частное лицо, и в надписи ведется речь о каком-то частном деле, так что нет оснований связывать появление его в Ольвии

¹⁰⁶ [Книпович, 1966, с. 20–21, 23–26; МКЛНО I, с. 177/8; II, с. 41–42]. См. также ниже, с. 470/2, о письме Анонима.

¹⁰⁷ В горгииппийском списке победителей в спортивных состязаниях (КБН 1137. Б I, 5) первой половины III в. до н. э.

именно с полководцем Александра Зопирионом [Gauthier, 1998, p. 1187]. В целом это мнение резонно, однако полководец Зопирион все же в Ольвии был, и это, на наш взгляд, может служить основанием для связи с ним появления его имени там. На это указывает мой вывод, что он осаждал не Ольвию, а одно из крупных скифских городищ Нижнего Поднепровья, для ольвиополитов он был благодетелем, поскольку освободил от скифов Гилею (см. выше с. 386/7 и [Яйленко, 2013а, с. 235/7]). Поэтому вполне резонно думать, что ольвиополиты увековечили у себя память о нем, сохранив его имя в поколениях. Это соответствует выявленному И. Тулумакосом в антропонимике Боспора, Херсонеса и Ольвии обычаю давать имена в честь знаменитых деятелей. В частности, в Ольвии это имена Анаксимен, Анаксимандр, Геродот, на Боспоре в числе прочих известны имена приближенных Александра Македонского — Роксана, Селевк, Пердикка, Филота, до времени Александра тут неизвестные [Touloumakos, 1996, S. 258].

Итак, ввиду всего сказанного рассматриваемый документ III в. до н. э. представляет собой частное бытовое письмо, отправленное из Ольвии на Козырское поселение неким анонимом. Наш *пер.*: «Никофан, сын Адраста, дал коня Зопириону, пусть он (Зопирион) отправит *его* ко мне в город и даст тому (посыльному?) документы»¹⁰⁸. Налицо конкретная бытовая ситуация: некий Никофан отдал коня какому-то Зопириону, в связи с чем автор письма затребовал документы или записи, скорее всего, связанные с передачей коня. Вопреки Виноградову исследованное граффито только лишь по своему более позднему времени никак не может быть прямо вовлечено в события вокруг появления полководца Зопириона в Ольвии.

¹⁰⁸ Отдавший коня Зопириону Никофан не может быть автором письма, так как последний велит доставить коня «ко мне в город». Как сказано, в начале стк. 7 для восстановленных Виноградовым букв *au* места нет, читаем [т]ῷ «тому» (*dat.* указательного местоимения); это предполагает, что Зопирион не сам доставит коня в город, а с посыльным.

«Не допустить, чтобы отечество, издавна береженное, подпало под власть врага».

Протогеновский декрет
(В. 25–27)

Раздел IV

ОЛЬВИЯ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО И РИМСКОГО ВРЕМЕНИ (конец IV в. до н. э. – III в. н. э.)

Эллинизм как историческая эпоха характеризуется новым качественным состоянием греческого общества, когда в отличие от коллективных полисных интересов классической эпохи на первый план выходят личные интересы, но при этом и задачи государств становятся масштабнее. В отдельных регионах эллинизм проявлялся по-разному и с различной динамикой, при сохранении фундаментальных своих сущностных свойств. В эпоху эллинизма велась деформация институций и морального кодекса классического полиса, бывшего в V–IV вв. до н. э. основной формой общественной коммуникации греческого общества. Для периферийных полисов, расположенных на варварском пограничье, важнейшую роль играли экономические и политические связи с варварским окружением. На Боспоре влияние варварского элемента было настолько сильным, что полутора-вековое взаимодействие греков и туземцев здесь завершилось сложением в 438 г. царства Спартокидов, соединившего в себе варварские и греческие черты политического устройства. Ольвия, напротив, была островком греческой государственности на краю варварского кочевого и оседлого миров, и потому определяющими в ней были тенденции самосохранения, чрезвычайно характерные для греческих периферийных полисов в целом. Таким образом, Ольвия и Боспор являют собой два различных пути развития периферийных греческих политических организмов в эпоху эллинизма. Обратимся здесь к историческим судьбам эллинистической Ольвии (о Боспоре см. ниже, с. 774–825). Хронологию эллинистической эпохи Ольвии хорошо определяет ряд важнейших событий — материальный расцвет полиса, поход полководца Александра Македонского Зопириона на скифов-борисфенитов в 331 г., разгром Ольвии гетами Буребисты в середине I в. до н. э. Как и во всем эллинистическом мире, греческие города Сев. Причерноморья прошли два периода эллинизма — ранний и поздний. В этом регионе оба периода, в отличие от остального античного мира, хорошо разделяются глобальной катастрофой 280–270-х гг. — распадом *pax Scythica*, когда под натиском

сармат на востоке, кельтов, гетов, германцев на западе рухнуло скифское царство, в значительной мере определявшее исторические судьбы и *modus vivendi* греческих государств Сев. Причерноморья VI — раннего III в. Вслед за этим и они вошли в длительную полосу экономического и социально-политического кризиса, завершившуюся в I в. до н. э. переходом под политический протекторат Рима. Таким образом, раннеэллинистический период приходится на последнюю треть IV и первую треть или половину III в. до н. э., и это было время наивысшего расцвета греческих государств Сев. Причерноморья¹. Позднеэллинистический период приходится на вторую половину III — I в. до н. э., это время постепенного упадка экономики, а за нею и всех остальных сфер их жизнедеятельности. Рассмотрим далее разные аспекты истории эллинистической Ольвии, как они отражены прежде всего в эпиграфических памятниках, основном нарративном источнике наших сведений о ней.

1. ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ИСТОРИЯ ОЛЬВИИ в конце IV – III в. до н. э.

Внутренняя история эллинистической Ольвии практически не освещена сведениями античной литературной традиции, и это само по себе указывает, что пройденный городом путь развития был настолько типичным для греческой действительности, что ничем не обратил на себя внимание античных авторов. Основные данные представляют археология и эпиграфика. Обычно исследователи относят рубеж классической и эллинистической эпох истории Ольвии к третьей четверти IV в., ориентируясь на так называемую осаду Зопириона; отмечается, что эта борьба стоила городу большого напряжения и разрушений, но он выстоял и вступил в этап наивысшего подъема [Славин, 1959, с. 97; Леви, 1985, с. 3, 6 и мн. др.]. Поскольку мнение об осаде Ольвии Зопирионом, как мы показали выше, безосновательно, начало эллинистического периода истории города, на наш взгляд, определяется не только его походом против враждебных Ольвии скифов Нижнего Поднепровья, но и иными факторами. Важнейшим индикатором наступления этого периода является коренная реконструкция городской застройки, начало которой относится к последней четверти IV в. Она требовала значительных материальных средств, и, следовательно, их было у города намного больше сравнительно с предшествующим временем. Данное обстоятельство означает, что с последней четверти IV в. Ольвия оказалась в весьма благоприятной экономической ситуации.

Рассмотрим теперь данные по внутренней и внешней истории эллинистической Ольвии, предоставляемые главным образом надписями. Сначала исследуем раннеэллинистический период, относящийся, как сказано, к последней трети IV — первой трети III в. до н. э. Он освещен надписями разных жанров, некоторые из которых группируются по типу и историческому содержанию.

¹ С. Д. Крыжицкий [1982, с. 154]: на последнюю четверть IV и III в. приходится наивысший расцвет домостроительства в городах Сев. Причерноморья.

1.1. История оборонительных сооружений и внешние угрозы Ольвии по эпиграфическим данным

Важная группа надписей связана с сооружением оборонительных стен эллинистической Ольвии. Эти сооружения сохранились в незначительной степени, но в целом характер их и топография улавливаются. Раскопками вскрыты остатки Северных и Западных ворот, фланкированных башнями, отдельные части фундаментов и цоколя оборонительной стены, выложенной по фасу из тесаных квадров². Этапы формирования ольвийской оборонительной системы IV–III вв. проявились при раскопках комплекса Зап. ворот. В первой половине или середине IV в. тут возведена оборонительная линия из сырцового кирпича, которая, как полагают раскопщики, погибла от пожара, вызванного осадой Зопириона. В последней трети IV — начале III в. сооружены каменные стены, башни и куртины на слоевых основаниях, в основном повторявшие оборонительные сооружения предшествующего периода³. Эпиграфические материалы, к которым мы обратимся, отчасти уточняют историю развития в IV–II вв. сначала сырцовой, затем каменной оборонительной систем города. Это надписи от середины IV в. по II в., хронологически распадающиеся на несколько групп. Первую по времени группу составляют следующие надписи. Самая ранняя (обозначим ее № 1; рис. 63) — эпиграмма на вставной плите, гласящая, что посвященное Зевсу Элевтерию сооружение воздвиг Евресибий, сын Сирика:

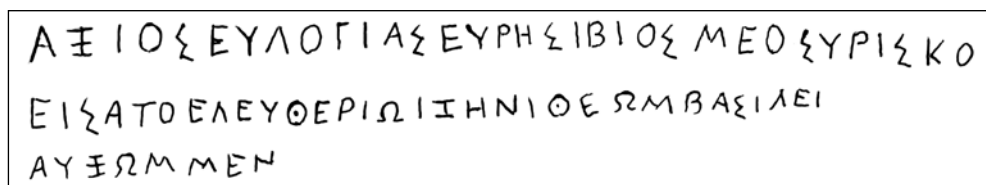

Рис. 63. Посвящение Евресибия Зевсу Элевтерию, прорись автора стк. 1 — начало стк. 3

² Подробности [Леви, 1985, с. 14 *сл.*; Крыжицкий, Лейпунская, 1988, с. 10 *сл.*; Крыжицкий, 1985, с. 30, 91, 175 и др.; Ольвия. 1999, с. 160/6; Крыжицкий, Лейпунская, 2006, с. 201].

³ [Крыжицкий, Лейпунская, 1988, с. 17 *сл.*]. Для нас связь пожарища и гибели сырцовой стены первой половины IV в. с осадой Зопириона остается проблематичной. Предположение С. Д. Крыжицкого и Н. А. Лейпунской [с. 21] о возможном взятии Ольвии Зопирионом логично вытекает из факта разрушения ее западной оборонительной системы. Но этот логичный вывод вступает в противоречие с сообщением Макробия, что борисфениты провели социальные реформы внутригородского характера, вследствие которых они «сумели выстоять против врага». Иначе говоря, контекст сообщения Макробия предполагает, что город борисфенитов был осажден, но не взят (*см.* выше, с. 383), тогда как разрушение Зап. ворот, напротив, предполагает взятие Ольвии. Это противоречие показывает, что гибель этих оборонительных сооружений не связана с осадой Зопириона. (Авторы кн. [Ольвия. 1999, с. 156], видимо, учли это мое замечание, правда, без ссылки, поскольку констатируют: разрушение и пожар Зап. ворот могут быть связаны с осадой Зопириона, но не означают, что город пал.) Не рискуя брать на себя объяснение археологической истории Западного комплекса, предположим, что его разрушение могло произойти вследствие нападения скифов на Ольвию после ухода Зопириона и гибели его войска. Ввиду большой роли Ольвии как партнера скифов в греко-скифской торговле можно предполагать, что скифы не были заинтересованы в уничтожении города и ограничились его разорением, что, кстати, и могло быть одной из причин перестройки Ольвии как урбанистического организма в последней четверти IV в.

ἄξιος εὐλογίας Εὐρησίβιος μέο Συρίσκῳ
εἵσατο Ἐλευθερίῳ Ζηνὶ θεῷ βασιλεῖ,
αὔξων μὲν πάτριον δάπεδον τιμῶν τε δικαίως
Ζηνὸς Ἐλεοθερίῳ πάγ κράτος εὐδόκιμον

«Достойный хвалы моей Евресибий,
сын Сириска, поставил и посвятил Зевсу
Освободителю, царю богов, возвеличи-
вая отеческий край и по праву чтя всю
славную мощь Зевса Освободителя»⁴.

По характеру письма надпись можно датировать едва ли не всем IV в. (ср. аналогии [Kirchner, 55, 56, 58, 60, 61, 68, 69; Guarducci, 1970, p. 402, 404]), к счастью, столь широкую дату ограничивает последовательная передача дифтонга ου через ὀ, что имело место во второй четверти столетия⁵. По характеру письма и посвящению тому же Зевсу Элевтерию эпиграмме Евресибия близки 3 надписи. Это посвящение анонимного сына Евресибия, который поставил статую отца тому же Зевсу Элевтерию (№ 2; рис. 64): [ὁ δεῖνα, εὐ]χὴν τήνδε Εὐρησίβιοι πατέ[ρα ἐσθλόν ? | στῆσας, τὴν δ'] ἑτέρην Διὶ Ἐλεοθερίῳ με ἀνέθηκα «о имярек, поставив по одному обету изображение славного отца Евресибия, по другому обету ты посвятил меня Зевсу Освободителю»⁶. По разнице поколений в четверть или треть столетия вотив

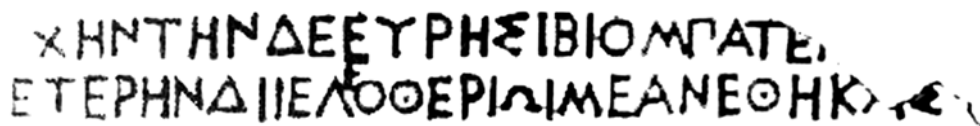

Рис. 64. Посвящение сына Евресибия Зевсу Элевтерию, прорись [Русяева, Крапивина, 1992]

⁴ Перевод наш. Издания: [Белецкий, 1975, с. 91] (только пер.). Две первые строки греческого текста упомянул [Виноградов, 1981, с. 63, 66; 1989, с. 138] (оба раза с невразумительным чтением πάγκρατος — такого слова нет, надо читать πάγ (= πάν перед заднеязычным) κράτος «вся мощь, всё владычество»). Эти строки воспроизвел Л. Дюбуа [Dubois, 9]. Полная публикация [Русяева, Крапивина, 1992].

⁵ Передача εὐ через εο помощи не оказывает, так как употребляется в ионийских надписях на протяжении всего IV в. [Hoffmann, 1898, S. 433/4; Thumb, Scherer, S. 252]. В аттических датированных надписях графема ου появляется в окончании род. падежа в 380–370-х гг. как единичное явление, при полном преобладании графемы ὀ. Равное употребление ὀ = ου и ου = ὀ представлено в надписи 370 г., тексты с одним лишь ου, без ὀ появляются с 368 г. [Threate, 1980, p. 244/50]. На Боспоре ὀ употребляется по 340-е гг. включительно (см. подробное рассмотрение этого важного для датировки надписей IV в. признака [Яйленко, 2010, с. 23–25]). В надписи Евресибия ου последовательно передано графемой ὀ, поэтому ее можно датировать первой третью IV в., однако следующая надпись № 4 (= IOSPE I² 160) близка по письму эпиграмме Евресибия Сирискова, а в ней представлено уже ου, поэтому вотив Евресибия следует отнести к 370 или даже 360-м гг., № 4 ко второй четверти IV в. Раньше мы не придали графеме ὀ должного значения и, отметив, что по письму надпись Евресибия относится ко всему IV в., ошибочно датировали ее последней третью столетия по принадлежности к перечисляемому ниже комплексу, включающему только раннеэллинистические надписи [Яйленко, 1990, с. 264, 266]. Теперь выделяем в этом комплексе 3 группы надписей от второй четверти IV в. по первую половину III в., см. далее.

⁶ В основном это чтение Ю. Г. Виноградова [1989, с. 147]: [Λεοκράτη (?), εὐ]χὴν τήνδε Εὐρησίβιοι πατέ[ρα –/] στῆσας, τὴν δ'] ἑτέρην Διὶ Ἐλεοθερίῳ με ἀνέθηκας «(О Леократ!) По одному обету (воздвигнув) статую своего отца Евресибия..., по другому ты посвятил меня Зевсу Освободителю» (его текст повторили [Русяева, Крапивина, с. 22 сл.]). Л. Дюбуа дополнил в конце стк. 1 ἐσθλόν «славного» [Dubois, 8]. По Виноградову, сыном-посвятителем статуи «своего отца Евресибия» был Леократ надписи NO 71, что вполне возможно: согласно нашим просопографическим изысканиям (с. 487), деятельность Леократа относится к середине — третьей четверти IV в., а его отца Евресибия Сирискова ко второй четверти — середине IV в. При этом письмо вотива сына Евресибия (фото [Ольвия, 1999, с. 361]) и NO 71 различается.

Рис. 65. Вотив IOSPE I² 161

сына Евресибия приходится на середину или третью четверть IV в. По его надписи вполне восстанавливается текст посвящения IOSPE I² 161 (№ 3, рис. 65):

[ὁ δῆμος εἰκόνα] τὴν [τοῦ δεῖνος τοῦ δεῖνος
vac. Διὶ Σωτ[ήρι] vac.
vac.

[ὁ δῆμος εἰκόνα] τὴν [τοῦ δεῖνος τοῦ δεῖνος κτλ.]

«Народ (посвятил) статую имярека, сына такого-то, Зевсу Спасителю. Народ (посвятил) статую имярека, сына такого-то, --»⁷.

Не исключено, что это парное посвящение демоса Зевсу Спасителю сделано за Евресибия Сирискова и его сына за их благодеяния городу, посвященные тому же божеству, — культы Зевса Спасителя и Освободителя настолько близки, что почти идентичны (см. далее).

Последняя надпись этой группы — вотив анонимного сына Гикесия (№ 4; рис. 66): [ὁ δεῖνα Ἰκ]εσίου | [-- Ἐκα]τέ[ω]νος Διὶ Ἐλευθερίῳ «такой-то, сын Гикесия -- Гекатеона посвятил Зевсу Освободителю» (IOSPE I² 160, пер. наш). Латышев констатировал, что соотношение имен может быть понято по-разному: «имярек, сын Гикесия, и такой-то, сын Гекатеона», «имярек, сын Гикесия, за своего сына Гекатеона»⁸. Возможен и третий тип — под посвященной богу статуей отца, дяди и пр. сначала указаны его имя-отчество, затем имя-отчество посвятителя⁹. Латышев датировал надпись первой половиной III в., но письмо ее идентично нашей надписи № 1 второй четверти IV в. При этом *gen. ov* сближает ее с вотивом сына Евресибия середины или третьей четверти IV в. Условно помещаем ее между второй и третьей четвертями — на середину IV в.¹⁰

Рис. 66. Вотив сына Гикесия IOSPE I² 160

⁷ Текст Латышева [1921, с. 17]: --την--|-- Διὶ Σωτ[ήρι]--|--νατην--.

⁸ Например: Λέων Πρακλείδου ὑπὲρ τοῦ υἱοῦ Ἰππασκλείδου Διὶ Ὀλυμπίῳ «Леонт Гераклидов за сына Гераклида посвятил Зевсу Олимпийскому» [Русяева, Крапивина, с. 25–26; КБН 17].

⁹ Примеры: Εὐβίотος Ἀρίστωνος. Ἐπικράτης Νικεράτου τὸν θεῖον θεοῖς τοῖς ἐν Σαμοθράκῃ [ι] ἱερησάμενον «Евбиот Аристонов. Эпикрат Никератов посвятил статую дяди, отбывшего жречество Самофракийским богам» (I² 191; также 410). Вариант с перекрещивающимися именем и отчеством, как у Виноградова, но третьего типа: Ἰκ[έσ]ιος Φιλτέους. Φιλ[τ]ῆς Ἰκεσίου τὸν υἱὸν θεοῖς πᾶσι «Гикесий Фильтов. Фильта Гикесиев посвятил статую своего сына всем богам» (Ольвия, вторая половина III — II в. [Русяева, Крапивина, с. 28–30]). Таким образом, дополнение Виноградовым вотива I² 160 — лишь один из возможных вариантов даже по типологии, не говоря уж о перекрещивании имен.

¹⁰ О малой вероятности реконструкции Виноградова [1989, с. 135] см. ниже, с. 489.

На единство надписей № 1, 2, 4 обратил внимание Виноградов [1989, с. 135/50], по мнению которого Евресий сверг тирана, вернул полису демократию, в связи с чем ввел культ Зевса Освободителя и построил некое оборонительное сооружение. При этом он не разъяснил, как связаны между собой свержение тирана, возобновление демократии и возведение оборонительного сооружения, хотя, по существу, это «в огороде бузина, а в Киеве дядька» — одно с другим стыкуется плохо. Ларчик же открывается просто: выше мы выяснили, что никакой тирании, если судить по имеющимся ныне источникам, в Ольвии не было, а упоенный полетом собственной фантазии Виноградов принял стихотворную эпитафию позднейшего, раннеэллинистического времени в честь Гармония и Аристогитона за гимн местному тираноборцу начала IV в. (выше, с. 250/1). Таким образом, суть событий, повлекших за собой воздвижение 4 вотивов Зевсу Освободителю и Спасителю, может быть выявлена только из их содержания. Хотя оно скудно, кое-что выявляется. Плита с надписью Евресия, сына Сирика, была вмурована в какое-то сооружение: поскольку оно не названо, можно заключить, что это строительная надпись, сделанная от имени «говорящего» объекта (*gen. μέο* «меня, моей» стк. 1). На значительность сооружения указывает и содержание вотива — оно «возвеличивает отеческий край», к нему имеет какое-то отношение «вся славная мощь Зевса Освободителя». Отсюда, в особенности из упоминания «мощи» бога, высказывались догадки, что это была башня оборонительной стены [Виноградов, 1981, с. 63; Леви, 1985, с. 23; МКЛНО II, с. 44] или храм [Крыжицкий и др., 1979, с. 355]. На то, что в надписи подразумевается оборонительное сооружение — башня, стена или ворота, указывает возведение его частным лицом: из нескольких ольвийских надписей мы знаем, что оборонительные объекты возводили частные лица — евергеты (см. ниже), отсутствие же примеров индивидуальной постройки храмов в догетской Ольвии показывает, что это не храм. Кроме того, надпись № 4 также сделана на вмурованной в сооружение плите и сообщает о посвящении постройки двумя лицами тому же Зевсу Освободителю¹¹. Сооружение двух храмов одному богу невозможно, напротив, естественно посвящение верховному божеству пантеона различных объектов обороны системы¹².

Общественный культ Зевса Элевтерия учреждался по разным поводам, связанным с избавлением города от внешней или внутренней опасности¹³. Возведение оборонительных сооружений и посвящение их Зевсу Освободителю недвусмысленно указывает на внешнюю угрозу Ольвии, которой удалось избежать благодаря фортификационным мероприятиям. Иначе говоря, ольвиополиты отстояли свой город от внешнего неприятеля благодаря своевременно возведенной фортификации, с чем и связано посвящение ее Зевсу Освободителю. Мы датировали надписи № 1–4 второй и третьей четвертью IV в., откуда следует связь их с сооружением сырцовый стены города. В связи с этим надо вспомнить заключение оборонительного союза

¹¹ Латышев ясно выразился, что плита с посвящением I² 160 — это *epistylum*, архитрав, Виноградову [1989, с. 135] же привиделась «база статуи». Что это плита, вставлявшаяся в стену, свидетельствует сравнение ее толщины — 22 см с толщиной базы статуи Евресия — 40 см.

¹² В эллинистической Греции это редкость, например [Maier, 1959, № 78]: посвящение городской башни малоазийского города Канителеса Зевсу Ольбию (III–IIa), но в Ольвии есть и другие образцы, см. ниже.

¹³ Например, по изгнании персов из Эллады (*Simon. fr. 140 Bergk*), по избавлении от тирании на Самосе (*Herod. III, 142*) и т. д. Подробнее [Jessen, 1905, Sp. 2348/50].

с гераклейским тираном Сатиром между 352–345 гг. (выше, с. 349/53), которое мы в другой работе сочли эпизодом глобальной конфронтации в скифском кочевом мире середины IV в. — войны между царскими скифами и агафирсами [Яйленко, 2007, с. 79–81; 2013а, с. 196/8]. Эта конфронтация середины — третьей четверти IV в. сказалась на греческих центрах Зап. и Сев. Причерноморья от Истрии до Боспора: одни подверглись разрушению, другие, в том числе Ольвия, обстроились оборонительными сооружениями. Это хорошо прослежено на памятниках Крыма: в середине IV в. в Керкинитиде возведена новая фортификационная система, около этого времени обустроены стенами городище Чайка, Калос Лимен, а поселение Панское I в Зап. Крыму погибло в пожаре (выше, с. 385). Так как наиболее вероятная причина гибели Панского I — нападение скифов, можно думать, что те же самые нижнеднепровские скифы могли угрожать тогда и Ольвии, которая к этому времени уже обстроилась оборонительными стенами.

Как сказано, вскрытую в районе Зап. ворот Ольвии сырцовую оборонительную стену раскопщики датировали первой половиной — серединой IV в., она погибла в пожаре, который «возник не ранее второй половины IV в. до н. э. и не позднее третьей четверти — последней трети IV в. до н. э.» [Крыжицкий, Лейпунская, 1988, с. 17 *сл.*]. Не очень ясную датировку возведения стен и гибели в пожаре мы можем уточнить косвенными показаниями ольвийской эпиграфики. Установленная выше хронология ольвийских проксений последней трети V — первой четверти III в. показала, что в последней трети V — первой четверти IV в. изданы 5 ателий и проксений, во второй четверти и середине IV в. 9 проксений, между 345–325 гг. всего 1, в последней четверти IV — первой четверти III в. 11 (выше, с. 380/1). Налицо провал в экономических связях Ольвии в третьей четверти столетия. В это же время прекратилась жизнь на многих поселениях ольвийской хоры [Ольвия, 1999, с. 113, 190, 191, *лит.*]. На нестабильную обстановку вокруг Ольвии в это время указывает также ее договор о союзе и взаимопомощи с гераклейским тираном Сатиром. Около середины IV в. также Тира обзавелась оборонительными сооружениями, подверглась разрушениям Истрия [Карышковский, Клейман, 1985, с. 46]. Что эти мероприятия были вызваны реальной угрозой, свидетельствует гибель тогда же в пожаре форта Панское I. Погибли в пожарах 350–340-х гг. и западные комплексы Мирмекия [Чистов, 2005, с. 350]. Оборонительные сооружения возведены на хоре европейского Боспора [Масленников, 1988, с. 185 *сл.*]. Большая или меньшая синхронность упомянутых событий и мероприятий, которые затронули все Сев.-Зап. Причерноморье и Боспор, позволяет связать их воедино в качестве звеньев одного исторического периода середины — третьей четверти IV в., причем сама протяженность региона указывает на скифскую угрозу как единственно возможный фактор принятия защитных мер местными греческими центрами. Для Ольвии этот длительный период конфронтации хорошо датируется договором с гераклейским тираном Сатиром, время правления которого дает нам точную дату: 352–345 гг. Таким образом, источники разного характера дружно указывают на середину IV в.: археологические (Ольвия обстроилась сырцовыми оборонительными сооружениями), исторические (договор с Сатиром), эпиграфические (наши надписи № 1–4).

В последней трети или четверти IV в. Ольвия входит в полосу расцвета. Город радикально перестраивается, резко возрастает число поселений хоры. Экономический подъем сопровождается сооружением каменной оборонительной системы. Наряду с археологическими данными [Ольвия, 1999, с. 160/6, *лит.*] об этом свиде-

тельствуется вторая группа надписей, которая позволяет отчасти составить представление о характере сопровождавших строительство военных событий. Одна из них (№ 5; рис. 67) гласит: «*следующие* стеностроители позаботились о *возведении* стены и башен: Лампон Педиеев, Феокл Аристонов, Никострат Никоклов, Алкимедон Промахов, Дионисий Посидиппов»¹⁴. Издавшая ее В. И. Денисова провела тщательный разбор палеографии и с полным основанием отнесла к последней четверти IV в.¹⁵ Эта дата соответствует археологическим данным; совпадение дат двух видов источников свидетельствует о точности их интерпретации. Следующая надпись (№ 6): ἐπε[με]λήθησαν τοῦ τείχους κτλ. «о *возведении* стены позаботились Александр, сын Стесандра, Никарх (?), сын Калликла» (I² 178). Латышев отнес ее к последним десятилетиям IV в.; по аналогичной конструкции и по связи с тем же событием — строительством оборонительных стен — она синхронизируется с предыдущей, т. е. относится к той же последней четверти IV в. Как видно, в одном случае пятеро стеностроителей возводили оборонительную стену и башни, в другом случае их двое. Это означает, что строительство стены распределено по участкам между специально назначенными лицами¹⁶. По завершении работ строительные

Рис. 67. Надпись стеностроителей [Денисова, 1982]

¹⁴ τεῖχοποιῶν ἐπεμελήθησαν τοῦ τείχους καὶ τῶν πύργων· Λάμπων Πεδιεύς, Θεοκλῆς Ἀρίστονος, Νικόστρατος Νικοκλέος, [Ἀλκιμήδων] Προμάχου, [Διονύσιος] Ποσειδίππου [Денисова, 1982; Dubois, 13]. Мы слегка дополнили перевод Денисовой.

¹⁵ Ю. Г. Виноградов голословно удревнил надпись — она создана-де «незадолго до середины IV в.» (см. ниже, с. 359). Это показательный случай: археолог Денисова дала такое подробное обоснование датировки, которого ни разу не провел эпиграфист Виноградов, обычно просто изрекавший даты. Неоднократно давал точные даты сравнительно с Виноградовым и филолог Дюбуа (см. с. 31 и др.). Одно это ставит под сомнение представления Виноградова о развитии письма ольвийских надписей. Глагол ἐπεμελήθησαν «позаботились» означает осуществление мероприятий, требующих постоянного внимания, как в нашем случае — организацию и наблюдение за строительством стен и башен.

¹⁶ Аналогичным образом при строительстве в 402 г. оборонительных стен Сиракуз каждому архитектору выделен участок длиной в 1 стадий, а каждый плетр стены на стадии возводил каменщик (οἰκοδόμος) с 200 помощниками из числа горожан (Diod. XIV, 18, 5).

надписи с указанием имен попечителей строительства обычно вмуровывались в стену сооружения. Интересно, что имена и патронимики двух стеностроителей — Феокла Аристонова и Никострата Никоклова — повторяются в Каталоге ольвийских граждан, составленном примерно столетие спустя (I² 201 А. 14, 53; о дате каталога см. с. 483). Это дает основание думать, что они оба принадлежали к долгое время существовавшим родам (ниже, с. 490/1), в которых из поколения в поколение одни и те же имена передавались от деда к внуку (при счете поколений примерно в 25–33 года эти стеностроители приходились дедами соименным внукам Каталога). Следовательно, во главе работ стояли лица из числа потомственных граждан полиса. Отметим также, что начальные этапы строительства городских оборонительных сооружений осуществлялись полисом (τεῖχοποῖαι — это должностные лица, ведавшие строительством [Блаватская, 1983, с. 242 сл.; Денисова, с. 100]) и частными лицами, причем в дальнейшем нам известно сооружение оборонительных объектов только частными лицами, т. е. город распределял работы между отдельными состоятельными гражданами в порядке литургии или откупа. Выше мы отметили, что с оборонительными сооружениями Ольвии связано введение культа Зевса Освободителя и Спасителя. Поэтому косвенным образом с трактуемой темой стеностроительства связана надпись (№ 7) на мраморной базе НО 71 со списком имен и заголовком: «Зевс Сотер. Жрецы Еврисибиады. Фиситы»; она также датируется последней четвертью IV в. (с. 496/7). Надпись не имеет прямого отношения к стеностроительству, но оно связано с именем почитаемого этим фиасом Евресибия, который, как мы видели, был стеностроителем и по этому поводу ввел культ Зевса Элевтерия. Здесь эпиклеса Зевса — Сотер, что почти то же самое, характерно и то, что культ активизируется через четверть века или чуть более. Это несомненно связано с устройством каменной оборонительной системы Ольвии. Общественный культ Зевса Сотера имел такую же этиологию, как культ Зевса Освободителя: он учреждался по разным поводам, связанным с избавлением города от внешней или внутренней опасности¹⁷. Элевтерий и Сотер настолько близкие по содержанию ипостаси Зевса, что они порой взаимозаменялись¹⁸.

Мы видели, что хронологическая близость трех ольвийских посвящений Зевсу Элевтерию (№ 1, 2, 4) и одного посвящения Зевсу Сотеру (№ 3), при том что два вотива связаны с оборонительными сооружениями, указывает не только на идентичность этих культов, но и на одну и ту же причину их возникновения, связанную с возведением оборонительных сооружений города. Иначе говоря, можно думать, что в последней четверти IV в. оборонительным сооружениям Ольвии пришлось выдержать приступ врага, отражение которого повлекло за собой возобновление или усиление культа Зевса Спасителя. Какие это были военные действия, поясняет нам еще один памятник данной хронологической группы (№ 8) — найденный на Левке декрет ольвиополитов I² 325 в честь своего согражданина, неизвестного по имени (стк. 1–9):

¹⁷ Например, содержание декрета в честь Каллиника второй четверти III в. (I² 25 + 31), завершающегося припиской «Народ *посвятил* Зевсу Спасителю», показывает, что в данном случае Зевс Спаситель покровительствовал улаживанию внутренних проблем полиса.

¹⁸ Например, поставленную в честь освобождения от персов статую Зевса Элевтерия (Paus. I, 3, 2) Исократ называет статуей Зевса Сотера (Isocr. IX, 57).

-- Ὀλβιοπολιτ--
 --]αν καὶ τοὺς τε καταλαβόντας
 ? ἱερὰν νῆσον ἐπὶ ληϊστείαι τῶν Ἑλλήνων
 [ἀπέ]κτει[νεν κ]αὶ τοὺς μεθ' αὐτῶν ἐκ τῆς ν[ήσου
 5 ἐξ]έβαλεν καὶ παραγενόμενος εἰς τὴν πόλιν
 [πο]λλὰ καὶ μέγала χρήσιμος γέ[γ]ονεν τῷ δή-
 μῳ] Ὀλβιοπολιτῶν καὶ διὰ ταῦτα ὁ δῆμος
 [αὐτ]ὸν καὶ [ζ]ῶντα ἐτίμησεν δωρεῇ
 καὶ τελευτήσαντα ἔθαψεν δημοσίαι·
 κτλ.

«-- ольвиополит-- и (варваров),
 захвативших *священный остров*
 для грабежа греков, убил, а тех,
 кто были с ними (варварами), из-
 гнал с *острова*, и явившись в го-
 род, во многом и важном оказался
 полезным народу ольвиополитов,
 и за эти деяния народ почтил его
 и прижизненными наградами,
 и по смерти похоронил на обще-
 ственный счет...»¹⁹

Обычно считается, что речь идет о некоем ольвиополите, который изгнал пиратов с острова Левки, захвативших его для грабежа греков (например, [Robert, 1960, p. 274]). Однако под τοὺς τε καταλαβόντας ни в коей мере не подразумеваются те, кто занял остров, ибо последние определены выражением τοὺς μεθ' αὐτῶν и именно они («те, кто вместе с ними», дословно «теми самими») изгнаны с острова. Иначе говоря, какой-то враг ольвиополитов занял местность в Сев.-Зап. Причерноморье, где грабил греков, и к нему присоединился контингент людей (οἱ μεθ' αὐτῶν), осевших на Левке; только в последних мы можем усматривать пиратов. Ближайшая к острову местность — дельта Дуная с огромным островом Певкой, на котором в 335 г. укрывались геты во главе со своим царем и где Александр Македонский не смог их захватить, а во II в. обосновались бастарны.

В связи с этим привлекают внимание события, связанные с неудачным походом Лисимаха в последней четверти IV в. против гетов в так называемую Гетскую пустыню (Буджак), степную область между низовьями Днестра и Дуная²⁰. Именно сюда, как мы помним, направлялся Зопирион из Нижнего Поднепровья, сюда вторгся и Лисимах из-за Дуная, но был разбит гетами и пленен (или его сын Агафокл). Очевидной задачей обоих походов был удар по гетам в целях защиты греческих городов Зап. Причерноморья от их нападений из Задунавья. После поражения Лисимаха граница между его владениями и гетами установилась по нижнему течению Дуная, и вполне вероятно, что победители-геты вели себя достаточно вольно в отношении греков Сев.-Зап. Понта. Поэтому именно их можно усмотреть в том самом противнике, который, согласно упомянутому ольвийскому декрету, занял какую-то местность здесь «с целью грабежа греков». При этом союз с ними составили пираты,

¹⁹ Текст даем по I² 325 (ср. [Соколов, 2013а, p. 106]), за исключением начала стк. 3, где в лакуне убираем излишнее по числу букв τήν. Перевод наш. Латышев датировал декрет IV — ранним III в., Виноградов [1989, с. 164/6] отнес по письму к 330–320-м гг. и связал со временем похода Зопириона на Ольвию. Так как Зопирион не нападал на Ольвию (с. 383 сл.), его интерпретация неверна. Ошибочно и его предположение, что фигурантом надписи мог быть Каллиник, ибо все содержание декрета в честь Каллиника (ниже, с. 445 сл.) свидетельствует, что он был политиком и финансистом, но не военным. Мы датировем декрет с Левки последней четвертью IV в. по близости его письма проксениям НО 5, 6 этого времени (с. 368/9). Бытующие в литературе сомнения в ольвийском происхождении героя надписи ошибочны: он похоронен на государственный счет в Ольвии, стало быть, ольвиополит.

²⁰ [Strabo, VII, 3, 8; Diod. XXI, 11–12; Paus. I, 9, 5–6; Фол, 1975, с. 55 сл.; Pippidi, 1984, p. 160/2; Никулицэ, 1977, с. 126 сл.]. О территории обитания гетов в IV–III вв. [Никулицэ, 1987, с. 84 сл.].

захватившие Левку, которая была под протекторатом Ольвии. В результате связи последней с Зап. Понтом подвергались урону, что и вызвало поход сюда ольвиополитов. Чествуемый декретом их военачальник, видимо, нанес поражение гетам в районе Буджака или дельты Дуная, а также выбил пиратов с Левки²¹.

Может быть, эти действия и вызвали поход гетов на Ольвию, результатом которого было, во-первых, то разрушение ольвийской хоры, которое исследователи приписывали походу Зопириона, а во-вторых, то самое испытание оборонительных стен Ольвии, которое подразумевается посвящением их отремонтированных или заново возведенных частей Зевсу Освободителю. Связь между экспедицией ольвиополитов в Сев.-Зап. Понт и на Левку с нашествием врага на Ольвию может подразумеваться тем, что руководивший экспедицией военачальник, «явившись в город, во многом и важном оказался полезным народу». Вполне естественно, что этой «большой и важной» услугой военачальника могло быть отражение неприятеля от города (возможно, речь об этом шла в предыдущей, несохранившейся, части надписи).

Таким образом, если наша интерпретация правильна, около времени поражения Лисимаха (последняя четверть IV в. [Фол, 1975, с. 55 сл.]), Ольвии пришлось выдержать натиск гетов, который она сумела отбить. Карательная экспедиция ольвиополитов против засевших на Левке пиратов и союзных с ними гетов Сев.-Зап. побережья Понта могла быть причиной похода последних на Ольвию (равным образом экспедиция ольвиополитов к Левке и в Сев.-Зап. Понт могла быть развитием их успешных действий под стенами Ольвии).

Эпиграфические данные показывают, что деятельность по совершенствованию городских фортификационных сооружений надолго не прерывалась: и от III–II вв. дошел ряд надписей, сообщающих о возведении стен и башен Ольвии. Третья группа надписей с фортификационной тематикой относится ко второй четверти III в. Она открывается метрическим посвящением Клеомброта, сына Пантакла (№ 9, рис. 68, 68а), который посвятил возведенную им башню у реки Гераклу и народу (I² 179): «Клеомброт, сын Пантакла, посвятил башню Гераклу и народу. Геракл, тебе и народу посвятил Клеомброт эту башню у берега этой реки, удивительную на вид и защитницу всех граждан *во время* войны, превзойдя славу предков; за это-то счастливое отечество вознаграждает бессмертными почестями потомка Пантакла» (*пер.* Латышева). По письму его надпись близка Каллиникову декрету, т. е. относится ко второй четверти III в. (о его дате см. с. 444/5). Содержание надписи, горделивое и величавое, не оставляет сомнения в том, что она относится ко времени процветания Ольвии, названной «счастливой отчизной», т. е. до крушения *pax Scythica* и общей дестабилизации греческих центров Сев. Причерноморья в 270-х — 250-х гг.²² Стены последней четверти IV в. защищали только Верхний

²¹ Местонахождение декрета на Левке вполне разъясняется содержанием его заключительной части: «и полис (Ольвия) с очевидностью выказал грекам, что он осуществляет многое *попечение* об острове» (стк. 12–14). Иначе говоря, ольвиополиты выставили декрет на острове с пропагандистской целью показывать посещающим Левку грекам, что все у них под контролем. Не исключено, что это антиграф, копия надписи, подлинник которой, как и положено, находился в Ольвии.

²² Применительно к началу кризисной эпохи дискуссионными остаются вопросы хронологии и этиологии, т. е. выяснение времени начала кризиса и его причин. См. об историографии и проблематике: [Щеглов, 1985, с. 190 сл.; Смирнов, 1984, *passim*; Масленников, 1988, с. 196 сл.; 1999, с. 184 сл.; Полин, 1992, *passim*; Виноградов, Марченко, Рогов, с. 93 сл.; Бруяко, 1999, с. 76 сл.; Виноградов,

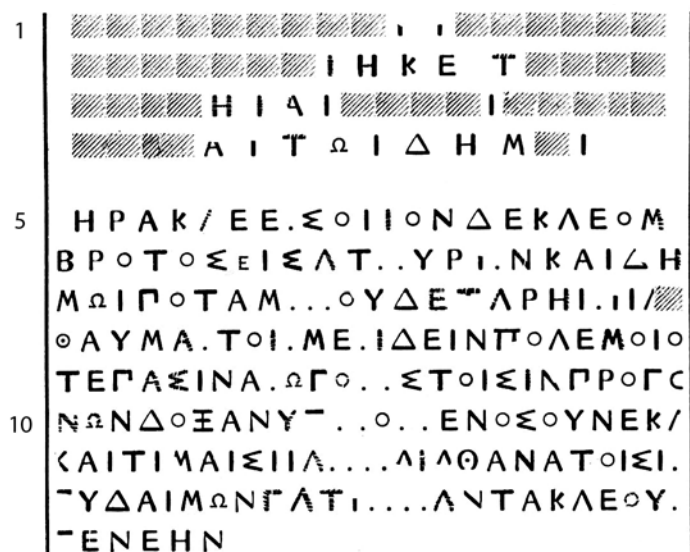

Рис. 68. Посвящение Клеомброта-деда IOSPE I² 179

Рис. 68а. Посвящение Клеомброта-деда IOSPE I² 179, фото автора

город, а стоявшая у лимана башня Клеомброта прикрывала Нижний город с воды. Но сплошной линии обороны города посуху и по воде еще не было, о чем свидетельствует Протогеновский декрет: «по преимуществу город у реки оставался не огражденным — и надлиманная часть, и та, где ранее располагался рыбный рынок — вплоть до героона Сосия»²³.

Это подтверждается и надписью (№ 10) другого Клеомброта, тоже сына Пантакла, который соорудил прясло и пилон оборонительной стены (I²180; рис. 69), письмо ее разительно отличается от предыдущей, а по курсивному его пошибу она отчасти примыкает к КATALOGу ольвийских граждан последней трети столетия I² 201, еще больше к Протогеновскому декрету. По этой причине в обоих лицах нужно видеть соименных деда и внука (в III в. известны и другие соименные пары дедов и внуков, с. 486, 489, 503 и др.), так что надпись Клеомброта-внука I²180 относится к последней четверти III в.²⁴ Надпись в честь Пантакла, сына Клеомброта, I² 188 (№ 11) исполнена шрифтом II в. (рис. 69a)²⁵. Условно его можно счесть сыном или внуком Клеомброта-внука и отнести надпись к первой половине II в.²⁶ Эта семья потомственных стеностроителей посвящала построенные на собственные средства оборонительные сооружения Гераклу и демосу, тогда как старый жреческий род Евресибиев посвящал свои постройки в IV в. Зевсу Элевтерию и Сотеру, а в III в. Басилею (I² 187). Не следует из этого, однако, делать заключение о демократических симпатиях первых и аристократических — вторых: ольвийский народ равно поставил благодарственные статуи и Пантаклу Клеомбровову, и Евресибиию Деметриеву, так как оба рода укрепляли обороноспособность города на свои средства.

1999, с. 56 сл.; Глебов, 2002, 2003; Кутайсов, 2003, с. 73 сл.; Яйленко, 2007, с. 103/8]. Исследователи Ольвии и ее хоры предпочитают говорить о середине III в. как начале эпохи кризиса [Ольвия, 1999, с. 221, *лит.*].

²³ I² 32 В. 1–4. В выражении $\epsilon\omega\varsigma\ \omicron\upsilon\ \delta\ \eta\rho\omega\varsigma\ \delta\ \Sigma\omega\sigma\iota\alpha\varsigma$ «до того места, где *стоит* герой Сосий» подразумевается некий монумент или сооружение. Есть личное имя $\Sigma\omega\sigma\iota\alpha\varsigma$ «Помощник» (РВ, 1474), но в надписи сей Сосий Герой, так что это эпиклеса какого-то божества рыбаков или гончаров, судя по приречному расположению башни. Раскопками на Нижнем городе Ольвии открыты сыровые основания оборонительной стены, датируемые по немногочисленным керамическим материалам раннеэллинистическим временем [Каряка, 2005; Лейпунская, 2006]; видимо, эта стена укреплена во второй четверти III в. башней Клеомброта, см. ниже.

²⁴ Клеомброт-дед действовал во второй четверти III в., Клеомброт-внук, при разнице в 2 поколения, т. е. 50–60 лет, действовал в последней четверти века. Латышев тоже видел хронологическую разницу между надписями I² 179 и 180, но, считая Клеомброта обеих надписей одним лицом, относил ее на счет раннего и позднего этапов его деятельности. По мнению Денисовой [1982, с. 103], существенного временного промежутка между надписями нет, а разница в их письме объясняется тем, что в Ольвии одновременно могли существовать разные манеры. Однако отметим концептуальность разницы в письме обоих памятников, это две разные манеры: в I² 179 представлено раннеэллинистическое письмо, в I² 180 позднеэллинистическое (см. с. 465).

²⁵ Хранится в Херсонском музее. Надписи свойственны четкие прямые линии букв, завершающиеся крупными апексами-«птичками». Такого рода апексы присутствуют в декрете в честь амисенца Аполлократа (рис. 92) и нимфейском декрете в честь Митридата Евпатора, но надпись Пантакла Клеомбровова I² 188 более ранняя ввиду строгости прямых линий, поэтому относим ее к первой половине II в. Возможна и мысль Латышева, что он упомянут в КATALOGе I² 201, где в колонке 2, стк. 32 он не без оснований читал $\text{Пαντακλῆς Κλεομβρότου}$?; в таком случае он сын Клеомброта-внука и действовал в последней четверти III в.

²⁶ Клеомброт-внук I² 180 назван евергетом, значит, тоже занимался строительством оборонительных сооружений, о чем может свидетельствовать посвящение его статуи Гераклу, в честь которого сооружена его отцом башня.

Рис. 69. Посвящение Клеомброта-внука IOSPE I² 180, фото автора

Специализация семьи на укреплении ольвийской фортификации позволяет думать, что ее члены занимали городскую должность стеностроителей (см. об этой должности [Блаватская, 1985, с. 242]). По-видимому, род Клеомбров–Пантаклов связан и с финансовой деятельностью: его божество, Геракл, фигурирует на монетах коллегии Семи, и в единственном дошедшем до нас списке бывших членов этой коллегии фигурирует Геродот Пантаклов (I² 76. 4).

В надписи Клеомброта, сына Пантакла, I² 179 упоминается война: πολέμοιο τέ πᾶσιν ἀ[ρ]ωγὸν ἀ[ρ]στοῖσιν — выстроенная им башня «во время войны спасительна для всех горожан». Вторая четверть III в. была переломной: с одной стороны, это время расцвета Ольвийского полиса, да и всего греческого Сев. Причерноморья, с другой — это и время начала глобальной катастрофы в регионе, распада *rex Scythica*. Отмеченное благополучие Ольвии, названной в надписи «счастливой отчизной», указывает, что упомянутая в ней война — это самое начало кризиса, первый или один из первых эпизодов наступившей вскоре глобальной катастрофы. Мы не можем в точности сказать, с кем ольвиополиты вели эту войну, так как имеющиеся источники позволяют наметить лишь в самом общем виде этническую атрибуцию их врагов со второй четверти III в. по середину I в., когда Ольвию разрушили геты Буребисты. Поэтому сначала завершим перечень надписей о стеностроительстве в III–II вв., затем обратимся к этнической атрибуции разрушителей ольвийской хоры.

Следующие по времени мероприятия по сооружению оборонительных укреплений упоминаются в Протогеновском декрете (№ 12), описанные в нем события происходили с конца III в. по 180–170-е гг. (ниже, с. 503). Напомним, что тогда, согласно декрету, «по преимуществу город у реки оставался не огражденным — и надлиманная часть, и та, где ранее располагался рыбный рынок — вплоть до Героя Сосия» (т. е. до героона Сосия). Протоген на свои деньги выстроил «обе стены» (I² 32 В. 1–4, 40–42); поскольку враги собирались зимой атаковать город по льду, следует заключить, что упомянутые стены оградили Нижний город

Рис. 69а. Надпись Пантакла Клеомбротова IOSPE Γ² 188, фото автора

с воды²⁷. Как сказано, одну прибрежную башню, прикрывавшую посуху Нижний город с севера или с юга, выстроил Клеомброт надписи I² 179. Можно думать, что в пандан ему Клеомброт надписи 180 построил «башню с прясом стены» по другую сторону Нижнего города. Таким образом, Нижний город получил круговую оборонительную линию сначала посуху с севера во второй четверти III в. (Клеомброт-дед)²⁸, затем с юга посуху в последней четверти III в. (Клеомброт-внук), наконец, вдоль прибрежной части в первой четверти II в. (Пантакл I² 188 и (или) Протоген). Тогда же пребывали в ветхости обе башни у Больших ворот (Μεγάλαι πύλαι)²⁹, Категеторова³⁰, Проезжая³¹ и Эпидаврская башни³². На стыке Верхнего и Нижнего города выстроено, но не закончено прясло стены при башне Посия (I² 32 В. 59). Все эти объекты достроил или отремонтировал Протоген³³. Из драгомирнского декрета мы узнаем новые подробности стеностроительства в Ольвии в первые два десятилетия II в. (ниже, с. 560): из Византия приглашен архитектор Эпикрат Никобулов, который занимался укреплением городских стен, в том числе во время «прошлой войны» (τῶι πρῶτῳ πολέμῳ) и ожидавшегося нового нападения галатов и скиров (Протогеновский декрет, I² 32. В. 5–19). «Олатская война» драгомирнского декрета соответствует «прошлой войне» Протогеновского декрета либо указывает, что ожидавшееся нападение галатов и скиров состоялось. Из драгомирнского декрета явствует, что Ольвия благополучно пережила это нападение, надо думать, не в последнюю очередь благодаря своим оборонительным стенам. Эпикрат работал в Ольвии в течение «многих лет», возглавляя коллегию эпимелетов, занимавшейся укреплением ее фортификации. За свои заслуги перед городом удостоен почетно-проксенического декрета, т. е. гражданином Ольвии не был. Во II в. принимал участие в постройке оборонительных укреплений города и представитель ольвийского олигархического рода Посидеевых (№ 13): «Посидей Дионисиев посвятил эту стену Деметре, Коре, Плутону и народу»³⁴. Поскольку ранее вся Ольвия имела круговую линию стен и башен, Посидей скорее всего построил свою стену на месте разрушенной. Это позволяет предположить, что и позднее времени Протогена Ольвия подвергалась нападениям. Н. А. Лейпунская справедливо сочла этого Посидея

²⁷ То есть стена проходила параллельно берегу [Ольвия, 1999, с. 161].

²⁸ К Нижнему городу кочевники подходили с севера, поэтому первая стена должна быть сооружена тут.

²⁹ I² 32 В. 45. Вероятно, это Западные ворота, по Крыжицкому, фланкированные двумя башнями [Ольвия, 1999, с. 164]. Пробная идентификация упоминаемых в Протогеновском декрете башен с археологическими данными [Назаров, 1996].

³⁰ I² 32 В. 45: τὸν Καθηγήτορος, sc. Πύργος ὁ Καθηγήτορος. Название дано по «высокому» имени Καθηγήτωρ «Идущий впереди». Это еще один стеностроитель конца IV–III вв.

³¹ I² 32 В. 45–46: τὸν κατὰ τὴν ἀμαξιτόν, sc. Πύργος ὁ κατὰ τὴν ἀμαξιτόν «Башня при проезжей дороге».

³² I² 32 В. 45–46: τὸν Ἐπιδανίου, sc. Πύργος ὁ Ἐπιδανίου «Эпидаврская башня». По-видимому, названа по близлежащему святилищу Асклепия Эпидаврского. Культ Асклепия в Ольвии: IOSPE I² 184. В Ольвии почитались божества и с другими этниконами — Аполлон Эгинский, Мать Фригийская [ГОП, с. 51, 111]. В Афинах справляли Эпидаврии, праздник в честь Асклепия Эпидаврского (Paus. II, 11, 7).

³³ Подробнее о его строительной деятельности [Отрешко, 2009д, с. 128/30]. Посий тоже стеностроитель III в.

³⁴ Ποσίδεος | Διονυσίου | τὸ τεῖχος | Δήμητρι | καὶ Κόρηι | καὶ Πλουτῶνι | [κ]αὶ τῶι δῆμῳ [ι] | ἀνέθηκεν [Лейпунська, 1990, с. 117/22]. Издательница ошибочно прочла в стк. 7 ΚΑΙ ΤΩΝ ΔΗΜΟ[Υ].

Дионисиева соименным внуком Посидея Дионисиева делосской надписи IG XI, 813³⁵. Так как деятельность последнего пришлась на конец III в. — 170-е гг. (ниже, с. 502), время соименного внука по счету поколений проходила 50–60 годами позже, т. е. в середине — второй половине II в. Ко II в. относится и строительная надпись НО 75 (см. о ней с. 622/3).

Теперь посмотрим, кому противостояли эти оборонительные сооружения Ольвии. Согласно распространенному мнению, во второй четверти III в. на Скифию совершались нападения с востока и запада. С востока Скифию дестабилизировали сарматы, проводившие рейды вплоть до Днепра, с запада — галаты (они кельты), скиры (они германцы) Протогеновского декрета³⁶. Поскольку этот декрет описывает события, имевшие место спустя примерно полстолетия (в конце III — первых двух десятилетиях II в.), мы полагаем, что при правильном определении В. М. Отрешко и другими киевскими коллегами этнического состава этих разрушителей следует уточнить племенную принадлежность противников Ольвии: полагаем, это были бастарны, полукельтский, полугерманский народ. Несомненно, что гибель ольвийской хоры была отзвуком событий, завершившихся ок. второй четверти III в. распадом *pax Scythica*. Так как в III в. на херсонесскую хору нападали скифы Нижнего Поднепровья [Щеглов, 1978, с. 130], можно заключить, что на базилидов и борисфенитов, обитателей Нижнего Поднепровья, оказывалось давление какими-то внешними силами. Если нижнеднепровские скифы вторгались на ольвийскую территорию, то остается необъясненной сохранность поселений левобережья Бугского лимана, которые в таком случае должны были бы пострадать в первую очередь. Гибель поселений на Березанском лимане и на правобережье Бугского лимана указывает на появление противника с запада или северо-запада. Полагаем, одна и та же сила разгромила ольвийскую хору и потеснила нижнеднепровских скифов, а именно заднепровские кельты и германцы. Как известно, с 280 г. первые утвердились в Южной Фракии, где образовали царство со столицей в Тиле, а также в Паннонии (скордиски); возможно, еще одна группа обосновалась на Пруте, где известно скопление латенских памятников III в. [Wielowiejski, 1970. S. 139 f.]. Скорее всего, к этому же времени — а III–II вв. были периодом наибольшей активности кельтов на Балканах — следует отнести возникновение городов в Среднем Поднестровье с кельтскими названиями Карродун, Вибантоварий, Эрактон (*Ptolem. Geogr. III, 5, 15*)³⁷. Около III в., во всяком случае вряд ли позднее конца III — начала II в., в Сев.-Зап. Причерноморье появляются германцы-бастарны³⁸. Археологически этому соответствует, вероятно, появление в могильниках конца III–II вв. Днестро-Прутского междуречья вещей позднепоморского типа³⁹. Смешение кельтов и гер-

³⁵ Она поместила его деятельность в промежутке между протекторатом Скилура и созданием Никератова декрета.

³⁶ В одном из недавних обзоров причин кризиса в Скифии относительно сарматской и галатской гипотез справедливо указано на редкость сарматских и кельтских вещей; в конечном счете галатская концепция все же представляется более основательной [Бруяко, 1999, с. 76 сл.].

³⁷ Как заметил Р. Вульпе, известия о кельтах в связи с Восточной Европой исчезают после эпохи македонских войн, т. е. после середины II в. до н. э. [Vulpe, 1955, p. 10–11].

³⁸ [Vulpe, 1955, p. 10–11]. Дата устанавливается по упоминанию бастарнов на острове Певке Пс.-Скимном (ст. 797), который основывался в описании Зап. Понта на данных писателя позднего III — раннего II в. до н. э. Деметрия Каллатийца (выше, с. 174).

³⁹ Ср. [Монгайт, 1974, с. 351]. Обсуждение вопроса [Никулицэ, 1987, с. 202].

манцев в Днестро-Дунайском междуречье отразилось в том, что одни античные авторы называли их кельтами (галатами), а другие германцами [Мади, 1967, с. 179]. Бастарны совершали дальние походы. В 182 г. они дошли до Амфиополя, в 175 г. вторглись в страну дарданов⁴⁰. Отдельные отряды кельтов достигали в III в. на востоке киевского Поднепровья [Мачинский, 1973, с. 55–56]. Эти данные позволяют предположительно связывать разрушение ольвийской хоры с нашествием бастарнов, кельто-германцев Заднепровья. Не случайно в период между концом III в. — 180–170-ми гг., во времена Протогена, Ольвии угрожали галаты и скиры (I² 32 В. 5; первые — кельты, вторые — германцы), скорее всего, группа тех же кельто-германских бастарнов.

В длительную эпоху кризиса второй половины III — первой половины I вв. Ольвия выстояла благодаря надежности своих оборонительных сооружений, подкрепленных дипломатическими усилиями и выплатой дани господствовавшим в степи кочевникам.

1.2. Основные этапы и события внутренней истории Ольвии в конце IV – III в. до н. э.

Внутренняя история эллинистической Ольвии практически не освещена сведениями античной литературной традиции, и это само по себе может указывать, что пройденный городом путь развития был настолько типичен для греческой действительности, что ничем не обратил на себя внимание античных авторов.

Как сказано, основные данные по истории эллинистической Ольвии представляют археология и эпиграфика. Систематические раскопки показали, что ранне-эллинистический период был временем наивысшего расцвета города. Обычно исследователи относят рубеж классической и эллинистической эпох истории Ольвии к третьей четверти IV в., ориентируясь на так называемую осаду Зопириона; отмечается, что эта борьба стоила городу большого напряжения и разрушений, но он выстоял и вступил в этап наивысшего своего подъема (например, [Славин, 1959, с. 97; Леви, 1985, с. 3, 6]). Поскольку мнение об осаде Ольвии Зопирионом, как мы видели, весьма проблематично, начало эллинистического периода истории города определяется иными факторами. Основным индикатором наступления этого периода является коренная реконструкция городской застройки, начало которой относится к последней четверти IV в.⁴¹ Эта реконструкция требовала значительных материальных средств, и, следовательно, их было у города многим больше сравнительно с предшествующим временем. Это предполагает, что с последней трети или четверти IV в. Ольвия оказалась в новой, весьма благоприятной для себя экономической ситуации. Подобный подъем испытывали также города не только Сев. Причерноморья, но и Греции в целом, что свидетельствует об одних и тех же, или близких, факторах экономического, политического и культурного развития в эпоху раннего эллинизма.

⁴⁰ *Liv.* XL, 57–58; XL, 19; *Oros.* IV. 20, 34–35. Ливий отметил, что бастарны по языку близки скордискам (кельтам), чему соответствуют приведенные им имена вождей бастарнов.

⁴¹ *Ср.* [Крыжицкий, 1982, с. 154]: на последнюю четверть IV и III в. приходится наивысший расцвет домостроительства в городах Сев. Причерноморья.

Реконструкция Ольвии осуществлялась в пределах ее районов, сложившихся в V–IV вв.⁴² Расположенный в середине верхнего города общественный центр — два теменоса и агора — полностью перестроен в последней четверти IV — первой половине III в. Причиной коренной перестройки, по словам А. Н. Карасева, «было очень низкое, по сравнению с окружающими теменос районами, положение культовых сооружений»⁴³. Реконструкция теменоса Аполлона Дельфиния осуществлялась постепенно⁴⁴. Была произведена нивелировка площади посредством подсыпки лессового грунта, которая сохранила для нас фундаменты и цоколи сооружений V–IV вв.⁴⁵ Общая площадь теменоса несколько сократилась вследствие расширения соседней агоры и составляла около 3500 м². В плане она представляла собой трапецию с широкой северной стороной, огражденную каменной стеной. На территории теменоса Аполлона Дельфиния классического времени возведены новые здания; храм Зевса, построенный во второй половине IV в., стал периптером с колоннами по фасаду шириной около 16 м. Храм неизвестного божества, сооруженный примерно в первой половине III в., был более скромной постройкой в антах с двухколонным портиком. Вход на теменос оформлялся Большой колонной стоей, часть примыкающей к ней западной стороны теменоса заняла так называемая Малая стоя⁴⁶. В III в. сооружен и мраморный алтарь. На площади теменоса между храмами и стоями, вокруг стоявшего в центре алтаря, выставлены стелы с декретами и посвятельными надписями (ниже, с. 53).

К югу от теменоса располагалась агора. При перестройке конца IV в. ее отделили от теменоса Большой стоей. Западную и восточную сторону агоры оформляли два здания с торговыми рядами. Эти сооружения с подвалами отличаются концентрацией находок амфорной тары, столовой посуды и монет (в восточном торговом ряду найдено около 700 монет). В сев.-зап. углу агоры на рубеже IV–III вв. возведено почти квадратное здание дикастерия. В южной части агоры располагался гимнасий, включавший палестру с колоннадой и подсобные помещения. Таким образом, агора была средоточием общественной жизни города, прежде всего торговли. Видимо, она и была тем епископием, площадью для народных собраний, который упоминается в постановлении середины IV в. об обмене денег (IOSPE I² 24. 9 = выше, с. 356). В связи с застройкой агоры зданиями раннеэллинистического времени народные собрания могли проходить и в упоминаемом надписями театре, который еще не открыт, но располагался, судя по топографии городища, рядом с общественным центром, на склоне между Верхним и Нижним городом.

Коренной реконструкции подверглась и жилая застройка. Это указывает, что рост благосостояния полиса неразрывно связан с умножением богатства его граждан,

⁴² Общий обзор эллинистической Ольвии как города [Ольвия, 1999, с. 158/90].

⁴³ [Карасев, 1964, с. 39]. Отметив реальную причину реконструкции теменоса, он одновременно отдал дань обычной точке зрения, связав ее также с победой над Зопирионом.

⁴⁴ Детальное ее описание [Карасев, с. 39 сл.; Леви, 1985, с. 71 сл.].

⁴⁵ Напротив, при возведении построек послегетской Ольвии остатки эллинистических сооружений полностью выбраны, что указывает на острую нужду в камне, каковой, следовательно, не было в раннеэллинистическую эпоху, что само по себе свидетельствует о широких строительных возможностях города, иначе говоря, о его богатстве.

⁴⁶ См. выше об атрибуции зданий теменоса Дельфиния, с. 56 сл.

т. е. начало эллинистического периода характеризовалось ростом частных состояний. Естественно, что частновладельческий сектор направлял свои средства прежде всего на строительство городских усадеб. В городе было несколько жилых районов. Два из них примыкали с запада и севера к общественному центру (участки АГД, Западный, Центральный). Такое их расположение показывает, что это наиболее престижные жилые районы, вероятно, принадлежавшие в основном старинным населенникам города (*ср.* с. 149). Еще два жилых района возникли вновь и располагались на мало освоенных ранее северо-восточной и северо-западной частях Верхнего города (Сев.-Зап. участок и участок И). Можно думать, что здесь проживали нувориши из числа новых жителей города, не имевших старинных ойкопедонов. Также и на Нижнем городе, где располагался порт, был участок жилой застройки (НГФ). Перестройка, точнее возведение домов заново, осуществлялась главным образом в конце IV–III вв.⁴⁷ Она носила радикальный характер: планы домов раннеэллинистического времени не совпадают с планировкой предшествовавших им домов V–IV вв., архитектурные детали которых редко включались в новые сооружения. Это обстоятельство, вероятно, указывает на перепланировку частновладельческих городских участков в последней трети IV в. С другой стороны, возникновение новых районов жилой городской застройки ставит вопрос о притоке нового населения в раннеэллинистическую Ольвию⁴⁸. Миграция населения — одна из характерных примет эллинизма. В частности, приток нового населения из метрополии, а также из числа окрестных туземцев отмечается в Пантикапее [Блаватский, 1958, с. 98 *сл.*; Масленников, 1981, с. 74 *сл.*; Яйленко, 2010, с. 110/16]. Относительно Ольвии приток нового населения, документируемый расширением жилой застройки, предполагается ее договором об исополитии с Милетом, в котором трактуются правовые вопросы пребывания милетян в Ольвии и ольвиополитов в Милете [Syll.³ 286 = Граков, с. 264]: «Следующие отеческие установления у ольвиополитов и милетян. Милетянину в городе Ольвии как ольвиополиту приносить жертвы на тех же самых алтарях и в те же самые святилища, принимать участие в общественных мероприятиях на тех же основаниях, что и ольвиополиты. Быть у милетян тем же свободам от пошлин, которые были и ранее. Ежели *кто* пожелает иметь доступ к должностям, пусть явится в Совет и, будучи вписанным, пусть участвует и отправляет должность (μετέχέτω καὶ ἔστω ἐντελής) подобно прочим гражданам. Быть и доступу к проэдри и вызываться через глашатая на состязания...»

Декрет различает три статуса для милетян, пребывающих в Ольвии. 1. В целом милетяне пребывают в Ольвии на условиях ателии, т. е. не уплачивают торговую подать (стк. 6–7: «быть у милетян тем же свободам от пошлин, которые были и ранее»). 2. Милетяне, пожелавшие принять ольвийское гражданство, т. е. пользоваться правом избрания на городские магистратуры, выплачивают в Ольвии гражданский налог (стк. 7 *сл.*: «ежели *кто* пожелает иметь доступ к должностям, пусть

⁴⁷ «Остатки наиболее ранних домов эллинистического типа относятся к концу IV — началу III в. до н. э. и представлены отдельными кладками, иногда подвалами, которые располагаются в планировочной сетке более поздних домов (III–II вв. до н. э.), в составе которых они продолжали функционировать. Подавляющее же число дошедших до нас домов построено в III в. до н. э.» [Крыжицкий, 1982, с. 31].

⁴⁸ Ввиду радикального характера перестройки центрального жилого квартала Н. А. Лейпунская [1986, с. с. 45] поставила вопрос об изменении состава населения данного района после осады Зопириона (после похода Зопириона, уточним мы).

явится в Совет и, будучи вписанным, пусть участвует и отправляет должность подобно прочим гражданам») 3. Этих привилегий не имеют те милетяне, которые уже состоят гражданами других городов (стк. 17–20: «пусть все милетяне пользуются правом беспошлинности, кроме тех, которые являются гражданами других полисов и пользуются *там* правом отправления полисных магистратур и судебных должностей»). Как видно, акт об исополитии представлял в массовом порядке режим наибольшего благоприятствования деловым людям Милета в Ольвии и ольвиополитам в Милете. Важнейшим следствием акта было обретение жителями обоих городов права двойного гражданства: любой милетянин и ольвиополит гражданского состояния имел право быть гражданином Милета и Ольвии одновременно. В Ольвии милетяне могли иметь законные привилегии, не будучи ее гражданами, что указывает на некоторую их привилегированность сравнительно с ольвиополитами в Милете [Graham, 1971, p. 101].

Договоры об исополитии — важный политический инструмент эпохи эллинизма, посредством которого проделана брешь в закрытости полиса как автаркичной политической системы. Вследствие таких актов ксены (если они были гражданами каких-либо городов), часто наиболее активная и состоятельная часть деловых людей и вместе с тем бесправная в том городе, в котором они осуществляли свою деятельность, получали гражданское состояние в нем. Это были акты, дававшие значительной части торгового и производственного капитала города, а именно его ксенам — гражданам других городов, политические права в нем. Преодоление полисной закрытости было одной из важнейших причин резкого оживления экономической жизни в раннеэллинистическом обществе. Выработка такой практики стала следствием обретения греческими городами элевтерии и автономии в результате победного Восточного похода Александра Македонского. Милет получил автономию в 334 г., вскоре после чего и был принят декрет о его исополитии с Ольвией⁴⁹. Сам факт выработки декрета подразумевает, что деловые люди Милета весьма заинтересованы в беспошлинном доступе к рынку Ольвии, которая была не только хлебной житницей (ниже, с. 436/7), но и передовым пунктом скифской торговли. Отнюдь не случайно, что именно ко второй половине IV в. — первой четверти III в. относятся богатейшие скифские курганы — Толстая могила, Чертомлык, Патиниотти, Александропольский и др.⁵⁰ Декрет об исополитии Милета

⁴⁹ А. Рем датировал надпись временем до 323 г., Ф. Хиллер — немного спустя после 334 г., С. А. Жебелев относил к ближайшему после 331 г. времени [Milet I, S. 29–31; St. Vertr. III, S. 20; Жебелев, с. 39, 47]. Правда, П. Шарно отметил, что греческие города Малой Азии могли получить автономию (и следовательно, заключать договоры об исополитии) уже после Антаклидова мира 387 г. [Charneux, 1966, p. 201]. В Милете исополитические отношения с колониями существовали с V в. [Gorman, 2004]. *Лит.* о декрете об исополитии Милета и Ольвии [Cojocaru, 2009/10, S. 152; 2014a, S. 51].

⁵⁰ Б. Н. Мозолевский датировал курган Толстая могила серединой IV в. — началом его третьей четверти [Мозолевский, 1979, с. 229]. По А. Ю. Алексееву [1987, с. 28 *сл.*], он относится ко времени ок. 340–320 гг., Чертомлыцкий курган — ок. 325–300 гг. См. также [Яковенко, 1985, с. 342/3]. По новейшим данным, царские курганы сооружались не позднее третьей четверти IV в. [Мозолевский, Полин, 2005; Бидзиля, Полин, 2012] (указанием на эти работы я обязан С. Ю. Монахову), что не соответствует нашим выкладкам о провале проксенических связей Ольвии в третьей четверти IV в. и расцвете их в последней четверти IV и первой четверти III в. (выше, с. 380, 382). Когда я изложил эти соображения С. Ю. Монахову в письме от 14. 03. 2014, он тогда же дал ответ, на мой взгляд, небезынтересный читателю: «Оно, конечно, логично, Валера, но в твоей логике есть слабые звенья. Во-первых, почему импорт шел только из Ольвии? Мне представляется, что в гораздо большей степени это шло

и Ольвии открывал милетянам беспрепятственный доступ к скифскому рынку, а ольвийским купцам с их ольвийскими и скифскими товарами — к крупным рынкам Милета. Навряд ли Милет заключил договор об исополитии с другой своей северочерноморской колонией — Пантикапеем: в числе сохранившихся милетских исополитий такая не значится, что не случайно ввиду специфики боспорской политической и торговой систем — обычной для эллинистической эпохи монополии царского дома на внешнюю торговлю⁵¹. Вероятно, по этой причине милетяне и обратились к Ольвии, заключив с нею договор о наибольшем торговом благоприятствовании. Бурно разраставшийся в эллинистическую эпоху Милет [Кобылина, 1965, с. 185 *сл.*] был заинтересован в притоке традиционных скифских товаров — хлеба, скота, леса, рабов и пр.⁵² Товары доставлялись туда и обратно преимущественно милетскими и ольвийскими купцами⁵³. Обоснуем это следующими соображениями.

После освобождения от персов Милет заключил договор об исополитии с Кизиком и Ольвией, а в конце IV в. с Фигелой. Следующие договоры подобного рода он заключил уже в 212 и 209 г. [St. Vertr. III, 408, 409, 453, 537, 539]. Хронология договоров показывает, что по обретении автономии в 334 г. Милет уделил основное внимание Понту — Ольвии и пути к ней через Кизик и Пропонтиду. В связи с мнением о производстве в Милете, Эфесе и других крупных центрах Ионии вещей из драгоценных металлов, найденных в скифских курганах Сев. Причерноморья (М. Трейстер и др.), роль Ольвии как важнейшего транзитного пункта поступления их из метрополии в Скифию косвенно подтверждается ее исополитией с Милетом. Роль Пантикапея как транзитного пункта пока остается умозрительной, хотя господствующая ныне точка зрения умалает роль Ольвии в этом плане и отдает ведущую позицию Боспору, утверждая, в частности, боспорское происхождение наиболее ценных статей поступавших на скифский рынок товаров — ювелирных изделий и предметов торевтики из драгоценных металлов⁵⁴. Однако роскошные изделия

из Фракии, частью с Боспора. Посмотри, чем забиты курганы фракийских царей этого времени (того же Севта-3). Согласись, что золото из царских могил не может датировать их, иногда там лежат вещи, выпущенные за 150 лет до того. Самый надежный хроноиндикатор — керамическая тара, как из могил, так и из тризн. В одном только Александрополе С. В. Полин накопал в тризне более 150 амфор! При чем много клейменных. Они определяют время погребения. Что касается коллапса Скифии. Мы традиционно датировали это 280–270-ми годами. Аргумента два. Время гибели Панского в пожаре (считается, что это скифы спалили). И время гибели Елизаветовки (синхронно). Но в эти годы гибнет не Елизаветовское скифское городище, а греческий эмпорий на этой территории. А скифы ушли из Елизаветовки не позднее конца IV в. Там, кстати, нет ни одного кургана более позднего. С Панским же также не все столь ясно. Хронология его гибели установлена 40 лет назад, на другом уровне источниковедения, мне все чаще кажется, что зависли мы эту дату. Очень похоже, что скоро придется серьезно пересматривать хронологию херсонесских клейм В. И. Каца, в сторону понижения. Но это дело будущего». Но *ср.* замечания А. Ю. Алексеева [2013, с. 350/1] на хронологию С. В. Полины: отсутствие в ней царских курганов последней четверти IV и рубежа IV–III вв. «находится в абсолютном противоречии с масштабными историческими событиями последних десятилетий IV в. до н. э. в Скифии и на Боспоре, в которых участвовали скифы» — междоусобная война наследников Перисада I в 309 г., война скифов с Лисимахом 313 г.

⁵¹ См. об этой монополии [Шелов-Коведяев, 1985а, с. 158/9].

⁵² Из товаров метрополии, шедших на припонтный варварский рынок III–II вв., Полибий (IV, 38, 4–5) упоминает оливковое масло, вино, хлеб (подробности [Граков, 1971, с. 52 *сл.*]).

⁵³ Сводка источников о действовавших за рубежом ольвиополисах [Сокосян, 2004; Avram, 2013].

⁵⁴ [Бондарь, 1956, с. 124 *сл.*]. Историография [Онайко, 1970, с. 114 *сл.*; Яковенко, 1985, с. 343 *сл.*].

из золота и серебра, найденные в скифских курганах, не могут быть приписаны исключительно боспорским мастерским — они происходят также частью из Фракии (А. П. Манцевич), а частью из метрополии через Боспор и Ольвию⁵⁵. Если одной из важнейших причин расцвета эллинистического Боспора была торговля со Скифией, то и в расцвете Ольвии мы вправе усматривать действие того же фактора. Поскольку эллинистическая Ольвия в очень незначительной степени снабжала Скифию изделиями собственного массового производства⁵⁶, следует заключить, что ее экономическое благосостояние зиждилось, помимо сбыта своей сельскохозяйственной продукции в метрополию, на посреднической торговле — поставках товаров метрополии в Скифию и скифских товаров в метрополию (так было и в архаическую эпоху, *см.* с. 143 *сл.*). Состав происходящей из метрополии керамики (а в скифских центрах она представлена теми же группами, что и в Ольвии, на Боспоре и других местах Сев. Причерноморья) показывает, какие центры участвовали в северочерноморской торговле⁵⁷. Если говорить о столовой посуде, то это Аттика, Пергам, Александрия и другие центры. Судя по амфорной таре, в последней четверти IV — первой четверти III в. в Ольвии доминировал импорт из Хиоса, Фасоса и его круга, Гераклеи, Синопы, Византия (?)⁵⁸.

Есть и другая группа данных о направлениях ольвийских торговых связей в эллинистическую эпоху — монеты. Ареал их распространения почти исключительно причерноморский, откуда следует, что с метрополией у Ольвии имел место товарный расчет, а с причерноморскими центрами также денежный. Монеты эллинистической Ольвии найдены в следующих областях. 1. Нижнее Поднепровье (включая большой клад «борисфенов» 1824 г. в Понятковке Херсонской области и небольшой клад медных монет на Каменском городище) и Скифия в целом⁵⁹. По Днестровскому торговому пути через какой-то скифский центр три ольвийских «борисфена» по-

⁵⁵ [Онайко, 1970, с. 113/4, 117; Блаватский, 1985, с. 145]. Ольвийско-ионийское происхождение могут иметь, к примеру, золотые обкладки горитов из Чертомлыцкого, Ильинецкого и Мелитопольского курганов, содержащие сцены из жизни Ахилла, популярного в ольвийском регионе божества. Б. Н. Граков [1971, с. 57] предполагал, что в первой половине III в. Ольвия вошла в орбиту боспорской торговли и через нее шла в Скифию часть боспорских товаров, а во второй половине столетия она снова вела самостоятельную скифскую торговлю. Основанием ему служило наличие пантакпейских монет в Ольвии и отсутствие ольвийских на Боспоре. Последнее, однако, неверно: на Боспоре найдено некоторое количество ольвийской монеты второй половины IV — первой половины III в. [Карышковский, 1964, с. 140], что, скорее всего, связано с каким-то частным одномоментным интересом боспорских купцов к ольвийскому рынку (выше, с. 345/6; таков же характер присутствия боспорцев на рынках городов Зап. Понта, где также находят боспорские монеты), а отнюдь не с возникновением Ольвии в систему скифской торговли Боспора. Этих медных монет так мало, что говорить о связях не приходится (выше, с. 345/7).

⁵⁶ [Фурманская, 1953, с. 10–11, *ср.* Лейпунська, 1984, с. 73]. Помимо незначительного числа предметов ольвийской металлургии — бляшек, браслетов, сережек, бус — на скифских памятниках присутствует некоторое количество ольвийских керамических изделий и монеты. Возможно, какое-то число ионийских ювелиров трудилось и в Ольвии, поставляя в Скифию изделия из драгоценных металлов, но с ухудшением положения Ольвии после середины III в. (*см.* ниже) они вернулись в метрополию, почему археологических следов их мастерских в Ольвии нет.

⁵⁷ [Бондар, 1957, с. 127; Шафранская, 1951, с. 11; Шургая, 1972, с. 17 *сл.*].

⁵⁸ [Лейпунская, 1981, с. 78 *сл.*, 112]: массовый импорт с Фасоса и из Византия (?) закончился в первой четверти III в., доминирующий в этом столетии импорт из Родоса и Синопы начался в третьей четверти IV в., хиосский импорт закончился в последней четверти IV в.

⁵⁹ [Абикулова, Пиворович, с. 31; Карышковский, 1987, с. 42–43; Онайко, 1966, с. 108/9].

следней четверти IV — первой половины III в. достигли даже территории Польши⁶⁰. 2. Херсонес, Юго-Зап. и Сев.-Зап. Крым⁶¹. 3. Боспор: Пантикапей, Мирмекий, Фанагория, Гермонасса, Патрей — несколько медных монет второй половины III в.⁶² 4. Нижнее Поднепровье, города Зап. Причерноморья, остров Левка — традиционный ареал экономических связей и активного присутствия ольвийской монеты⁶³. Результатом торговых сношений с Тирой, Никонием, Истрией, Каллатисом, Одессом являются найденные здесь 47 ольвийских, преимущественно медных, монет, из которых большинство относится ко второй половине IV — первой половине III в. В следующий период (ок. 250–150 гг.) находок гораздо меньше. 5. Колхида: 2 серебряные драхмы и 3 медные монеты IV–I вв. до н. э. [Дондуа, Дондуа, 1985, с. 26]. Найденные в перечисленных областях ольвийские монеты показывают одинаковую картину: время наиболее активного поступления их приходится на последнюю четверть IV — первую половину III в. Это означает, что наивысший подъем экономических связей Ольвии с названными местностями приходится на раннеэллинистический период.

Развитие монетного дела в раннеэллинистической Ольвии характеризуется параллельным выпуском золотой, серебряной и медной монеты. Золото чеканилось в последней трети IV в. и первой трети III в. (о последней дате см. с. 430), серебро — в последней трети IV в. и до середины или конца III в. С последней трети IV в. следует более или менее регулярный выпуск нескольких серий меди, начинающийся «борисфенами» и заканчивающийся временем Митридата Евпатора. Во II в. вновь последовала эпизодическая эмиссия серебра, также золотых монет скифских царей. Редкость местного золота объясняется тем, что потребность в нем Ольвии, как и других центров Понта и Эгеиды, удовлетворялась в основном статерами александровских и лисимаховских типов. Хотя ольвийской монеты в других центрах в общем немного и это преимущественно медь, поступление ее во все регионы Понта само по себе указывает на ее экономический подъем в раннеэллинистическую эпоху, который сменился примерно с середины III в. прогрессирующим упадком.

Экономическое состояние Ольвии и развитие торговых связей характеризуют также эпиграфические памятники, прежде всего проксении⁶⁴. В ольвийских проксениях и надгробиях последней трети IV — первой половины III в. фигурируют

⁶⁰ [Mielczarek, 1981, s. 16 sq.]. К возможному пути этих «борисфенов» по Днестру *ср.* предполагаемый путь греко-египетских амулетов на территорию Польши через Ольвию и Днестр [Wielowiejski, 1970, s. 50–51].

⁶¹ [Карышковский, 1965, с. 156 сл.]: в Херсонесе найдено 8 «борисфенов» конца IV — первой половины III в., еще 3 медные и 1 серебряная относятся ко II в. В Керкинитиде обнаружены 3 медные монеты III в. Несколько медных ольвийских монет III–II вв. найдено на городищах Юго-Зап. и Сев.-Зап. Крыма. Карышковский отметил также чрезвычайную близость серебряных гемидрахм Херсонеса конца III в. и ольвийского серебра II в., указывающую на тесные связи обоих городов. Находки херсонесских монет IV–II вв. в Ольвии и Нижнем Поднепровье редки. См. также [Сапрыкин, 1985].

⁶² [Карышковский, 1964, с. 140]. Пантикапейских монет найдено в Ольвии больше. Основная их часть (18 экз.) относится к концу IV — началу III в., 2 экз. датируются временем Митридата Евпатора.

⁶³ [Бондар, 1961, с. 80–88; Mitrea, 1961, p. 85–87; Брашинский, 1970, с. 134/5; Карышковский, 1983, с. 158 сл.]. О найденных в Ольвии западнопонтских монетах см. указанную работу Б. Митри, а также [Карышковский, 1962а, с. 49 сл.].

⁶⁴ О проксениях см. выше, с. 378 сл. Также [Кузьма, 1967, с. 72–76].

уроженцы Афин, Византия, Ф-- (?), Гераклеи, Истрии, Аполлонии Понтийской, Калхедона, Каллатиса, Месембрии, Тиры⁶⁵. В числе проксений последующего времени фигурируют этники херсонеситов (вторая половина III в.), родосцев (поздний III — II в.), смирнейца (II в.), суммарно к III в. относятся посвященное граффито митиленинина и найденная в Тире надпись, сообщающая об увенчании некоего тирита ольвиополитами, кизикенцами, родосцами и др.⁶⁶ В целом данные эпиграфики согласуются с показаниями керамического импорта, и обе группы источников указывают следующие области торговых связей Ольвии: в последней трети IV—III вв. Афины (чернолаковая керамика, проксении, надгробия), Хиос (тара)⁶⁷, Фасос (тара), Митилена (граффито), Родос (проксении и, возможно, тара типа Солоха I) [Лейпунская, 1981, с. 67], Гераклея (тара, проксения), Синопа (тара), Истрия (проксения), Аполлония (надгробие), Тира (надгробие, граффити), Херсонес (тара, проксения)⁶⁸. Связи с Византием (проксения, возможно, тара типа Солоха II, приписываемая также Хиосу [Лейпунская, 1981, с. 77]) обусловлены тем, что этот город обладал ключевой позицией на проливе: по словам Полибия (IV, 38, 2), ни вплыть, ни выплыть из Понта нельзя без разрешения византийцев. Насколько широк круг греческих центров, задействованных в торговле с Ольвией и Нижним Поднепровьем, показывает речь Демосфена против Лакрита, произнесенная ок. 341 г.: «Андрокл из дема Сфеттия и Навсикрат каристиец дали в долг фаселитам Артемону и Аполлодору 3000 драхм на поездку в Менду и Скиону и оттуда на Боспор, а если пожелают, по левой стороне Понта до Борисфена и обратно в Афины» (Борисфен здесь — Ольвия или суммарное обозначение Ольвии и скифских городов Нижнего Поднепровья вроде Каменки)⁶⁹.

Ни до ни после раннеэллинистической эпохи связи Ольвии с другими центрами не документировались таким количеством проксений. Напротив, сведений об ольвиополитах III—II вв. в других центрах куда меньше: в III в. сына Евтия чествуют херсонеситы (IOSPE I² 345), другой ольвиополит пребывал в одном из городов Зап. Причерноморья⁷⁰; в середине III в. дельфийцы предоставили проксению ольвиополиту Дионисию Дионисиеву [Граков, 12]; в раннем II в. косцы чествовали Поси-

⁶⁵ HO, 5, 6, 9 (и IOSPE I² 23), 14, 15, 22, 98, 99 (о датировке этих надписей и текстологии см. выше, с. 364 сл.). IOSPE I² 27, 688. *Inscr. Calchedon*, 1980, № 4 (выше, с. 376). В Ольвии найдено посвящение тирита [? Ли]сандра, сына Филокла, и неизвестного по имени митиленца, оба IIIa [ГЛБО II, с. 82–83, № 79, 80].

⁶⁶ IOSPE I² 30; HO 24, 26 (датировка этих надписей соотнесена с временем наибольшего поступления херсонесского и родосского импорта в Ольвию, о котором см. ниже). О декрете в честь сыновей херсонесита Аполлония см. ниже, с. 449 сл. [Фурманская, 1960, с. 173 сл.; Карышковский, Клейман, 1985, с. 64].

⁶⁷ Отсутствие проксений или надгробий хиосцев в Ольвии при неплохой репрезентативности их на Боспоре (КБН 155, 1233, вероятно, 3) может указывать на опосредованную связь Ольвии с Хиосом, осуществлявшуюся, может быть, милетянами или истрийцами.

⁶⁸ [Лейпунская, 1981, с. 74]: карта основных направлений торговли Ольвии с метрополией и понтийскими центрами в IV—II вв.

⁶⁹ *Dem. XXXV*, 10. Судя была гарантирована 3000 амфор мендейского вина, погруженного в Менде или Скионе на двадцативесельный корабль. Мендейскими считаются амфоры с тюльпанообразной ножкой [Брашинский, 1976, с. 67 сл.]. В Ольвии и ее округе они известны до конца IV в. [Лейпунская, 1981, с. 68]. В скифских центрах Нижнего Поднепровья такие амфоры также известны, например, на Каменском городище [Граков, 1954, с. 85].

⁷⁰ IOSPE I² 26. Этникон чествуемого этим ольвийским декретом лица отсутствует, следовательно, он ольвиополит, обретающийся в одном из близких к Левке городов Зап. Причерноморья.

дея Посидея; во II в. пребывал ольвиополит в Каллатисе (ISM III, 166)⁷¹. Такое соотношение указывает, что в раннеэллинистическую эпоху связи с метрополией осуществлялись преимущественно деловыми людьми метрополии; *vice versa* это означает, что ольвийские купцы ориентировались на связь со Скифией и осуществляли в основном посреднические функции в торговой системе Метрополия — Ольвия — Скифия⁷². Участие в этой системе было настолько прибыльным, что за треть столетия, прошедшую после принятия акта об исополитии с Милетом, старые и новые граждане Ольвии да пребывавшие в ней ксены составили значительные состояния. Соответственно разбогател и полис в целом, материальным выражением чего была описанная коренная реконструкция общественного центра. Материальным выражением индивидуального богатства граждан служат вновь возведенные жилища — крупные городские усадьбы⁷³. Эти дома ордерные и безордерные, первые были двух типов — перистильные и пастадные, площадь их застройки составляла около 240–550 м², площадь двора составляла 10–22 % от нее. Безордерные дома в основном возводились по двум типичным для античного жилища схемам — малой (100–200 м²) и большой (200–400 м²) площади. В домах, как правило, имеются развитые подвальные этажи, указывающие на обязательную связь хозяина с производством или торговлей. Размеры домов, их планировка и декорация типичны для греческого жилища эллинистической эпохи, но ряд специфических черт выработан местной архитектурной школой.

Как сказано, реконструкция города осуществлялась на протяжении последней четверти IV — первой половины III в., домостроительство велось на протяжении всего III в. Во II в. строительство затухает, осуществляются лишь некоторые перестройки. Таким образом, в течение III — первой половины I в. до н. э., в середине которого Ольвия погибла, город существовал в том виде, в каком он сформировался в раннеэллинистическую эпоху (но с разрушением части построек и сокращением северных жилых кварталов).

Развитие хоры продолжалось в эллинистическую эпоху процесс, начавшийся еще на рубеже V–IV вв.⁷⁴ Сеть сельских поселений покрывала берега Бугского, Днепровского и Березанского лиманов, а также склоны прилиманских балок⁷⁵. Основная масса поселений располагалась на правом берегу Бугского лимана и сев.-зап. побережье Днепровского лимана. Наряду с поселениями в раннеэллинистическое время стали возникать отдельные усадьбы (их именуют в литературе также виллами). Площадь поселений колеблется от 0,5 до 2 га, усадеб — от 600 до 2000 м². На поселениях дома сосредоточиваются в кварталы, разделенные улицами, иногда мощеными. Дома многокамерные, с внутренним двором, по планировке они повторяют

⁷¹ [Sojocaru, 2014a, S. 50–51, 69–70, Karte 4]. IOSPE I² 77. На Родосе найдено надгробие борисфенитки Гедеи, дочери Аристокрита, эллинистического времени [Maiuri, 1925, № 95; Граков, 67; Morgelli, 1956, p. 150]. В Аттике известна эпитафия II–I вв. до н. э. борисфенита по имени Πόθος Δημητρίου (IG II/III. Pars 3, f. 2 (1940), № 8424). Судя по бытовому имени, это «маленький» человек, переселившийся из Ольвии.

⁷² В литературе давно бытует мнение о производстве изделий греческой торевтики IV в. для скифов в метрополии — в городах Зап. Малой Азии, Геллеспонта, Македонии.

⁷³ Характеристику домостроительства Ольвии даем по кн. [Крыжицкий, 1971, с. 139; 1982, 32–35].

⁷⁴ См. общую характеристику [Ольвия, 1999, с. 190/8].

⁷⁵ Характеристику поселений хоры даем по [Крыжицкий, Бураков, Буйских, Отрешко, Рубан, с. 7 сл.; Буйских, 1986, с. 23–24].

структуру городских домов. Усадьбы образуют планировочные структуры двух типов (несколько помещений, 1–2 двора, обводная стена). Цоколя домов сложены из рваного известняка, стены сырцовые, черепичное покрытие редко, полы глинобитные. Многочисленны хозяйственные ямы; 80 % керамических находок составляет амфорная тара, остальная часть керамики столовая и кухонная. Типы тары — фасосская, Солоха I, Синопа, Херсонес, Кос, во второй половине III в. появляется родосский импорт. Столовая и красноглиняная керамика ольвийского производства. Ремесленное производство ойкосное по характеру, так как не выходило за пределы удовлетворения домашних потребностей. В эллинистическое время распространены находки ольвийских «борисфенов», реже встречаются монеты с изображением Деметры и лучника, также монеты Александра Великого. В хозяйстве значителен удельный вес скотоводства и рыболовства.

События внутренней истории Ольвии во второй половине IV в. известны нам мало (декрет Каноба о деньгах да договор об исополитии Ольвии и Милета — вот все наши крупные источники). Зато история III–II вв. освещена рядом важных надписей — это декреты в честь Каллиника, Анфестерия, сыновей херсонесита Аполлония, Протогена, письмо Анонима, Каталог ольвийских граждан, акты септемвиров, ситонов. Самый ранний из них — декрет в честь Каллиника⁷⁶. Наиболее информативные начальные строки его, к сожалению, фрагментированы: «Постановлено советом и народом, архонты и коллегия Семи предложили. Поскольку Каллиник Евксенов -- наилучшее народу -- городу при (?) распределении работ -- доходам -- (5) -- был того, что народ впал в раздор, ни -- препятствием, ни ставя дружбу выше и усердно стараясь обратить к согласию расколовшихся в городе *граждан*, за что и совет тогда отдал должное и народ наградил по отбытии им архонтства и рельефами и статуей, налоги же -- (10) -- *от которых* терпели ущерб, уменьшил, а также прекратил (?) выпуск медной монеты. Чтобы и другие старались словом и делом быть усерднее, зная, что каждый получит у народа почесть и награду по благодеяниям, постановлено советом и народом похвалить Каллиника Евксенова за доблесть и услугу народу и увенчать его *венком стоимостью* в тысячу золотых, а также *почтить* статуей, о венке же объявить на *празднике* Дионисий в театре. Народ Зевсу Спасителю».

В историческом плане декрет свидетельствует о следующем. Деятельность Каллиника, приходившаяся на вторую четверть III в., связана главным образом с экономической жизнью Ольвии. Он удачно провел распределение каких-то работ общественного характера, в связи с чем, возможно, затем упоминаются доходы (стк. 3–4). Эти мероприятия находят параллель в декрете в честь Протогена, который также распределил работы по постройке оборонительной системы города и внес на них наличные деньги, чем сберег полису изрядную сумму (IOSPE I² 32 В. 34–37). Другая важная акция Каллиника — умиротворение возникших между гражданами Ольвии раздоров, ликвидированных в его архонтство. За эти деяния экономического и политического характера он награжден народом рельефами и статуей. Следующий этап его деятельности включал уменьшение налогов; это либо социальная мера, либо свидетельство достаточного количества полисных средств в казне. По-видимому, в какой-то связи с этим Каллиник предпринял временную

⁷⁶ См. ниже (с. 440 сл.) посвященный Каллиникову декрету очерк, тут даем ему общую характеристику.

приостановку чекана медной монеты, что могло быть вызвано необходимостью упорядочения количества медных денег в соотношении с золотым запасом полисной казны.

Как видно, основной сферой деятельности Каллиника была экономика, главным образом финансы, что характеризует его как профессионального финансиста, подобного другим ольвийским деятелям этой сферы — Канобу, Протогену, Полихарму и др. Вероятно, как деловой человек Каллиник стоял над политическими неурядицами, возникшими в городе. О причине раздора можно только догадываться ввиду фрагментированности текста. Видимо, нелишне вспомнить в этой связи о пополнении рядов ольвийского гражданства новыми переселенцами, прибывавшими из Милета и его хоры в соответствии с договором об исополитии (см. выше). Появление в городе новых поселенцев было чревато внутренними раздорами вследствие притязаний исконных жителей на привилегированный статус по сравнению с ними. На такую историческую ситуацию указывал Аристотель, приведший в подтверждение несколько примеров из жизни ряда греческих полисов (Pol. V, 2, 10; 5, 6). Вероятно, подобное развитие событий имело место и в Ольвии. Здесь, судя по Каталогу ольвийских граждан последней трети III в. (с. 486 сл.), мы находим полтора десятка родов, члены которых составляли 2/3 полноправных граждан Ольвии и которых всего было около 300 человек. Это чистой воды олигархия. Есть намеки на то, что часть олигархической верхушки составляли едва ли не потомки первых колонистов. По-видимому, таков род Евресибиадов, специализировавшийся с конца IV в. на обслуживании культа Зевса Царя (он же Элевтерий, Сотер, Олимпий): в списке его членов перечислены 7–8 сыновей Леократа, сам Леократ и еще 5–6 человек (ниже, с. 495/6). Что это древний род, восходивший к первооснователям Ольвии, следует из связи его в предшествующее время с культом Аполлона Врача — покровителя первопоселенцев Ольвии (НО 65). Дошедшее до нас посвящение Врачу от имени Леократа, главы этого рода во второй половине IV в. (дата по НО, 65), представляет собой постамент статуи, исполненной афинским скульптором Стратонидом. Следовательно, Леократ вполне состоятелен (если мог заказать статую у известного скульптора) и род его довольно значителен, чтобы претендовать на большие сравнительно с новыми поселенцами права в городе⁷⁷. По связи рода Протогеновых с культом Аполлона Дельфиния (вотив Евника, внука Большого Протогена, — с. 488), внедренным в Ольвии второй волной переселенцев V в. (с. 146), можно думать, что и он восходит к этому контингенту старых колонистов.

Эти примеры говорят о присутствии в Ольвии старинных влиятельных родов, что само по себе могло создавать благоприятную почву для возникновения конфликтов с новопоселенцами, которые, согласно упомянутому договору об исополитии с Милетом, имели равные с исконными ольвиополитами права. Какова бы ни была причина возникшего в Ольвии конфликта, он был удачно улажен Каллиником, который, скорее всего, принадлежал к умеренному слою ольвийского гражданства,

⁷⁷ Примерно в последней трети III в. ольвиополиты почтили статуей члена этого рода Евресибия, сына Деметрия, которую посвятили Зевсу Царю (IOSPE I² 187), т. е. и этот Евресибий отправлял родовые жреческие обязанности. Он фигурирует также в Каталоге граждан I² 201 В. 31 вместе с другими членами своего рода, в том числе Леократидами (по времени каталога — последняя треть III в. — датируется и почетная надпись Евресибия, сына Деметрия I² 187).

судя по его приверженности к ὁμόνοια «гражданскому согласию» (стк. 7); сам он тоже принадлежал к олигархическому роду (с. 491)⁷⁸.

Заключается декрет в честь Каллиника постановлением об увенчании его венком стоимостью в 1 тыс. золотых (χρυσοῖς χίλιοις). Если считать вместе с А. Н. Зографом и другими исследователями, что под «золотыми» подразумеваются статеры александровского и лисимаховского типов, то величина награды окажется поразительно высокой (20 тыс. аттических драхм) и не имеющей аналогов: обычно награда в греческих полисах составляла 500 или 1 тыс. драхм⁷⁹. Как видно, стоимость венка не только неимоверно высока по сравнению с обычной практикой, но и невероятна. Одно это обстоятельство заставляет отказаться от мысли, что под «золотыми» декрета подразумеваются александровские и лисимаховские статеры. В раннеэллинистическую эпоху Ольвия выпускала золотые полудрахмы⁸⁰. Их эмиссия близка по времени деятельности Каллиника, и если мы признаём эти полудрахмы за «золотые» декрета в его честь, то окажется, что ординарная по своему характеру для греческой действительности деятельность Каллиника была оценена согражданами по обычной шкале — в 500 драхм⁸¹. В соответствии с датировкой деятельности Каллиника первой третью III в. эмиссия ольвийских золотых полудрахм, которые в обиходе именовались «золотыми», должна быть отнесена к тому же времени. Однако выпуск своей монеты был недолгим — ее вытеснило ходовое золото александровских и лисимаховских типов. Поэтому столетие спустя, во времена Протогена, под «золотыми» подразумевалась в языке ольвийцев уже эта общегреческая монета.

И выпуск собственного золота, и награждение им отличившихся граждан в солидном размере (тысяча полудрахм) свидетельствуют о финансовом и экономическом благополучии Ольвии в первой трети III в. Отмечаются и другие признаки этого благосостояния города, зиждившегося на сбыте своих зерновых и посреднической торговле между Скифией и метрополией. Расцвет города продолжался примерно до середины столетия, когда в результате нападения какого-то неприятеля погибли все поселения хоры, за исключением расположенных на левобережье Бугского лимана⁸². На городище Ольвии это нашествие прямых следов не оставило, значит, город не был взят. Разрушение хоры не только лишило Ольвию существенных

⁷⁸ В плане сказанного о раздоре в Ольвии и его замирении привлекает внимание фрагмент списка имен конца IV — начала III в. НО 168. Ему предшествует заголовок [? οἱ δε -- τῆς πόλεως] «(?) следующие лица — граждане города». Если такая трактовка надписи правильна, составление списка граждан могло вызвать раздоры в обществе, но равным образом можно думать, что им они сняты.

⁷⁹ [Зограф, с. 123; Guarducci, 1970, p. 21]. Виноградова и Карышковский объясняли громадный размер награды тем, что она присуждена за умиротворение граждан в чрезвычайной обстановке — во время осады Зопириона. Поскольку декрет издан в честь Каллиника спустя примерно полвека, да и «осада» Ольвии Зопириопом — миф, их объяснение теряет смысл.

⁸⁰ Зограф [с. 129] относил их ко времени Александра и Лисимаха, отвергая датировку III в., данную Бертье. Карышковский [1988, с. 67] датировал их последним десятилетием IV в.

⁸¹ Мнение Зографа, что мужской род слова χρυσοῖς подразумевает определяемое существительное мужского же рода οὐρατῆρ, необязательно: полудрахма (ἡμιδραχμὴν) слыла «золотым».

⁸² [Крыжицкий, Бураков, Буйских, Отрешко, Рубан, с. 11–12]. Они датировали нашествие примерно 250–240 гг. и предположительно связывали с галатами и скирами Протогеновского декрета. С. Б. Буйских [1986, с. 24–25, 28] и ранее В. В. Рубан [1985, с. 43] датировали разрушение хоры второй четвертью — серединой столетия. В. М. Отрешко [2009е] писал о середине III в., связывая кризис с нашествием кельтов и фракийцев.

доходов от экспорта зерновых, но и создало неблагоприятную продовольственную ситуацию в самом городе, ибо продолжавшие существовать до начала II в. поселения левого берега Бугского лимана не могли удовлетворительно обеспечивать ольвийское население сельскохозяйственной продукцией. В прямой связи с этими обстоятельствами находится упоминание ситометрии — распределения продовольственных пайков среди населения в Анфестериевом декрете⁸³. Из дальнейшего его текста, отрывочно упоминающего корабли, плавающих по морю, снабжение, нарушителей закона и захват кораблей на море, можно заключить, что речь шла о деятельности Анфестерия по доставке продовольствия в Ольвию морем и что она затруднялась морским разбоем. Поскольку и города Зап. Причерноморья по той же причине (вторжения кельтов, германцев и др.) испытывали в III–II вв. трудности с продовольственным снабжением [Stefan, 1974, S. 648 f.], правомерно думать, что основным источником поставок хлеба и вина в Ольвию был не традиционный торговый ее партнер — города Зап. Понта, а другой, относительно новый — Херсонес с его обширной хорой в Зап. Крыму⁸⁴. Экспансия скифов сюда привела к утрате и Херсонесом большей части этих владений в конце III — начале II в. [Щеглов, 1978, с. 130]. В надписи IOSPE I² 672 из Неаполя Скифского ок. 180-х гг. (ниже, с. 613) упоминаются пиратствовавшие в Керкинитском заливе сатархи. Не исключено, что о них или предшественниках по разбойному морскому промыслу шла речь в Анфестериевом декрете.

И в условиях процветания, и во время кризиса неизбежны финансовые проблемы (инфляция, дефляция и пр.). В Ольвии решать их призвана коллегия Семи. Не случайно она впервые появляется в декрете в честь финансиста Каллиника, с деятельностью которого, может быть, и связано ее возникновение примерно в начале III в. Мы отмечали, что благосостояние Ольвии во многом базировалось на посреднической торговле, поэтому финансисты играли тут важную роль: коллегия Семи выступает в декретах III и первой четверти II в. пробулеватическим органом вместе с высшей полисной властью — коллегией архонтов (IOSPE I² 25 + 31, 26, 32). В III в. состав ее примечателен (I² 76): в основном она состоит из членов олигархических родов (Геродот Пантаклов, Посидоний Евкратов, Леонтомен Геросонтов, Гистикон Метродоров, Гераклид Евбиев, см. главу о Каталоге граждан)⁸⁵, от-

⁸³ [Виноградов, 1984, с. 58 сл.]. В другой работе он отнес надпись ко времени около середины III в. На наш взгляд, по палеографии декрет датируется второй половиной века, что подтверждается несомненным вводом ситометрии после разрушения ольвийской хоры около середины III в. Надпись сильно разрушена: слева и справа на стеле сохранилось по несколько букв в строке, что не позволяет принять почти целиком восстановленный издателем текст и тем более основанные на нем исторические выводы. Подробнее об этом и кризисе в Ольвии см. ниже, с. 476 сл.

⁸⁴ По заключению М. И. Золотарева [1985, с. 29], пик поступления клейменной херсонесской тары в Ольвию приходится на середину первой четверти III в., затем следует некоторый спад, но в середине столетия вновь наступает резкое увеличение херсонесского импорта, который, постепенно убывая, полностью исчезает к рубежу III–II вв. Но связи Ольвии и Херсонеса продолжались и во II в., о чем свидетельствуют вотив херсонеситов из Ольвии [Белецкий, 1975, с. 115/7] и эпитафия ольвиополита из Херсонеса IOSPE I² 546.

⁸⁵ Геродот Пантаклов принадлежал к роду Клеомбровых–Пантакловых, который был связан и с финансовой деятельностью, так как его божество, Геракл, фигурирует на монетах коллегии Семи. Леонтомен Геросонтов принадлежит к богатейшему роду Протогеновых, в котором состояли «денежные мешки» Большой Протоген и его отец Геросонт. Посидоний Евкратов — из рода Посидониевых; поскольку божество этого рода Посейдон, его члены связаны с морем — они мореходы и тем самым торговцы.

части из прочих сословий, возможно, профессиональных финансистов (Эпихар Дионисофанов, Адеймант Апатуриев). Коллегия Семи не связана с определенным божеством⁸⁶, но, поскольку полисная казна Ольвии, как следует из данных декрета в честь сыновей Аполлония, находилась при храме Аполлона (ниже, с. 467/8), деятельность Семи имела непосредственное отношение к сакральной жизни города; именно по этой причине фиксированные цены на жертвенных животных установлены ее бывшими членами⁸⁷.

Как всякая коллегиальная полисная магистратура, коллегия Семи избиралась на определенный срок — это явствует из того, что сакральный закон IOSPE I² 76 издан после того, как установившие цены на жертвенных животных члены коллегии отбыли свой срок⁸⁸. О непостоянном характере этой коллегии свидетельствует и то обстоятельство, что трактующий финансовые вопросы декрет в честь сыновей Аполлония последней трети III в. издан от имени архонтов и синедров, а не коллегии Семи. Это означает, что тогда она либо вовсе не функционировала, либо от случая к случаю, если она действительно упоминалась в Анфестериевом декрете (стк. 47) того же времени, так что появление ее в первой четверти II в. (вместе с архонтами она предложила Протогеновский декрет), видимо, объясняется возрождением ее деятельности ввиду тогдашнего катастрофического состояния городской казны. Иначе говоря, коллегия Семи была экстраординарной, как и коллегия синедров, которая, вероятно, выполняла близкие функции. Судя по меньшему числу членов (три), последняя занималась решением время от времени возникавших (например, улаживанием расчетов с сыновьями херсонесита Аполлония), но не чрезвычайных вопросов, которые решала расширенная по составу коллегия Семи (выпуск монеты и др.)⁸⁹. В случае с постановлением коллегии Семи I² 76 отрегулированы цены на жертвенных животных. Она установила такие цены: 1200 медных монет за корову, что составляет три александровских статера, или аттических 75 драхм, 300 медных монет за овцу или козу, что равно 0,75 статера, или 18,7 драхм-

⁸⁶ Предложенный коллегией Семи декрет в честь Каллиника посвящен Зевсу Спасителю, другой предложенный ими декрет (IOSPE I² 26, см. ниже, с. 527/8) издан в честь пребывавшего в каком-то западнопонтийском городе ольвиополита, специализировавшегося на содействии компатриотам, посещавшим храм на Левке, т. е. в связи с культом Ахилла. Наряду с упоминавшимися символами Геракла на монетах коллегии Семи фигурирует также аполлоновская символика — лук с колчаном и стрелок из лука.

⁸⁷ По мнению П. О. Карышковского [1976, с. 113], *θησαυρός* надписи септемвиров IOSPE I² 76 — храмовая казна, куда вносились деньги за жертвенных животных, не идентичная городской, которая в Протогеновском декрете обозначена словом *τὰ κοινά*. Однако такой вывод необязателен, ибо одна и та же казна может быть обозначена различными словами. Связь городской казны с храмовой вполне явствует из сообщения Протогеновского декрета (I² 32 А. 14 сл.) о закладе архонтами храмового имущества «на полисные нужды».

⁸⁸ Аорист *ἐπταδύσαντες* означает, что члены коллегии отбыли свой срок магистратуры, как, например, *ἱερησάμενος* надписей I² 189–191 означает лицо, отбывшее срок жречества. Но, конечно, цены установлены коллегией еще тогда, когда она функционировала, а опубликование документа произошло уже после прекращения ее деятельности. Поскольку упомянутые в этой надписи лица не фигурируют в Каталоге ольвийских граждан последней трети III в., относим ее примерно к середине столетия (с. 613).

⁸⁹ Ср. [Milet I, № 138. 20 sq.: для финансовых расчетов с заимодавцами-книдьями избрана коллегия из 75 синедров. Во времена Протогена функционировала тоже экстраординарная коллегия Девяти, занимавшаяся финансовыми вопросами (I² 32 А. 38–39), в которой можно усматривать расширенный состав коллегии Семи.

мы (напомним: согласно Протогеновскому декрету, один золотой шел в Ольвии за 400 медных монет, каковыми были трихалки). При всей условности стоимостных прикидок, в целом сравнительно с Грецией цена в Ольвии на мелкий скот небольшая, на корову средняя⁹⁰.

Финансовое положение Ольвии в последней трети или четверти III в. обрисовано декретом в честь сыновей херсонесита Аполлония⁹¹. Его хронологическое соотношение с Протогеновским декретом первой четверти II в. (с. 466) соответствует вырисовывающейся из обеих надписей картине все более ухудшавшегося экономического положения Ольвии в последней трети III — первой четверти II в. Причиной неблагоприятного поворота дел процветавшей еще в первой половине III в. Ольвии, как и городов Зап. Причерноморья, стало резкое изменение их отношений с варварским хинтерландом, перешедшим из относительной стабильности в состояние брожения под влиянием миграций кельтов, германцев, кочевых иранцев и прочих народов севера Балкан и Скифии. В связи с этим, как отмечено выше, еще с первой половины III в. Ольвия предприняла меры по укреплению своей обороноспособности: Клеомброт Старший возвел башню в приречной части города; эту деятельность продолжили его внук Клеомброт и правнук или праправнук Пантакл. Обращает на себя внимание совпадение по времени фортификационных работ Клеомброта-внука и крупного займа Ольвии у херсонесита Аполлония (напомним отмечавшееся выше сходство письма надписи этого Клеомброта и Каталога граждан, что дало нам основание отнести первую к эпохе составления Каталога, т. е. к последней трети III в.). Мы не располагаем свидетельством о прямой связи этих фактов, но ясно, что сумма в 3 тыс. золотых нужна была городу для проведения какого-то единовременного, крупного и дорогостоящего мероприятия, связанного со строительством или ведением военных действий и пр. Например, возведение Протогеном двух прясел в прибрежной части города, возможно, примыкавших к башне Клеомброта Старшего, обошлось в 1500 золотых (I² 32 В. 41). Дорогостоящие фортификационные мероприятия Ольвии, резкое сокращение сельскохозяйственной территории и торговых связей основательно подорвали городскую казну, так что для финансирования необходимых мероприятий полис вынужден обратиться к займам у ксенов — херсонесита Аполлония, родосца Гелланика и др. (ср. декреты I² 29, 30, в которых говорится о каком-то взносе). Увеличены цены на жертвенных животных (I² 76). Как явствует из декрета в честь сыновей Аполлония, в последней трети III в. Ольвия еще была в состоянии погасить долг в 2–3 тыс. золотых, и мы не можем быть убеждены,

⁹⁰ [Ziehen, 1906, S. 249; cf., № 131]: в III в. до н. э. стоимость жертвенной коровы на Косе составляла около 135 александровских драхм, овцы — 15 драхм. Так как скот вывозился в метрополию из припонтийских стран (*Polyb.* IV, 38, 4), в Ольвии его стоимость меньше, что и следует из цены на корову по сравнению с Косом. Постановление предписывает приносящему жертву платить за предоставляемую святыню козу или овцу 300 медных монет. В Греции эти жертвенные животные шли по 10–12 драхм [Sokolowski, 1969, № 18]. В середине III в. в Ольвии обращалась медь стоимостью в халк или тетрахалк, при соотношении серебра и меди 1:46, что вдвое больше обычного [Анохин, 1989, с. 39]. В надписи не указан номинал монеты, сказано просто *τριάκοσις* «триста», так что это не производный номинал тетрахалк, а исходный — халк. 10–12 драхм равны примерно 480–580 халкам, 300 халков ольвийской меди при соотношении тут меди к серебру вдвое меньше, нежели в Греции, дают четверть стоимости козы в метрополии. Это указывает на дешевизну скота тут сравнительно с Грецией и на общую бедность экономики Ольвии, что вполне соответствует неблагоприятному состоянию ее хозяйства в это время.

⁹¹ См. ниже о нем отдельную главу, с. 449 сл.

что уверение в финансовой слабости полиса (стк. 11: κοινὴν ἀσθὲ[νείαν]) не было хитростью в торгах с наследниками заимодавца (как раз в это время действовал отец Протогена, достаточно состоятельный человек: долги ему и сыну достигли в конце концов 6 тыс. золотых!). Следующий по времени Протогеновский декрет обнаруживает уже действительное оскудение городской казны, которая порой и вовсе пустовала. Реальных денежных средств в городе оставалось еще немало, но их сосредоточили в своих руках обиралы вроде Протогена, наживавшиеся на подрядах, откупках и финансировании под немалые проценты прочих мероприятий полиса, также на кредитовании населения. Одолженные городу Аполлонием 3 тыс. золотых — значительная по тому времени сумма. К примеру, Протоген ссужал городу по несколько сот золотых, два раза — по полторы тысячи золотых. Предусмотренные декретом в честь сыновей Аполлония финансовые мероприятия производились через храм Аполлона, который играл в Ольвии ту же роль финансового центра, что и Аполлонион на Делосе (Syll³. 153 и др.)⁹².

2. ДЕМОГРАФИЯ ОЛЬВИЙСКОГО ПОЛИСА И ВОПРОС ОБ ОЙКЕТАХ⁹³

2.1. Демография Ольвийского полиса

Раннеэллинистическая эпоха (последняя треть IV — первая половина III в.) — время наивысшего расцвета Ольвии, специализировавшейся на поставках своей аграрной продукции в метрополию и осуществлявшей посредническую торговлю между Скифией и Грецией. Материальным выражением богатства служит широкая реконструкция города на протяжении последней четверти IV — первой половины III в., а богатства граждан — крупные городские усадьбы. Домостроительство велось на протяжении всего III в. Во II в. строительство затухает, осуществляются лишь некоторые перестройки, так что в III — первой половине I в. до н. э., в середине которого Ольвия погибла, город существовал в том виде, в котором сформировался в раннеэллинистическую эпоху. Развитие хоры продолжало в эллинистическую эпоху процесс, начавшийся на рубеже V–IV вв.: сеть сельских поселений покрыла берега Бугского, Днепровского, Березанского лиманов и склоны надлиманных балок⁹⁴. Основная масса поселений располагалась на правом берегу Бугского лимана и северо-западном побережье Днепровского лимана. Наряду с поселениями возникали отдельные усадьбы (их именуют также виллами). Площадь поселений колеблется от 0,5 до 2 га, усадеб — от 600 до 2000 м². На поселениях дома сосредоточиваются в кварталы. Основная продукция

⁹² Существенные данные об Ольвии этого периода представляет Каталог граждан города, см. о нем с. 481 сл. Надписи о внутреннем кризисе Ольвии в III в. тоже выделены в отдельную главу — с. 469 сл. О событиях ольвийской истории II в. до н. э. см. ниже главу о Протогеновском декрете (с. 498 сл.) и параграф о декрете в честь смирейца Стефана (с. 653/5).

⁹³ Опубликовано [Яйленко, 1998].

⁹⁴ Характеристика поселений хоры [Крыжицкий, Бураков, Буйских, Отрешко, Рубан, с. 7 сл.; Рубан, 1985, с. 36 сл.; Буйских, 1986, с. 23–24; СОО, с. 100 сл.; Крыжицкий, Буйских, Отрешко, 1990, с. 44 сл.; Ольвия, 1999, с. 190/8; Буйских, Отрешко, 2009, с. 136 сл.].

хоры хлеб, производство которого удовлетворяло региональные нужды, но, на наш взгляд, ориентировалось главным образом на вывоз. На это указывают следующие цифровые прикидки. Площадь центральной зоны освоенной земли составляла около 20–25 тыс. га, с учетом отдаленных районов округлим ее до 30 тыс.⁹⁵ Основные возделываемые зерновые культуры ячмень и голозерная пшеница [Пашкевич, 1985, с. 65]. Из расчета калорий гектар пшеницы удовлетворяет годовой спрос 6,7 чел., ячменя 8,7 чел., овощей 2,9 чел. [Sanders, 1984, p. 280]. Это означает, что с посева пшеницы на площади около 30 тыс. га всей ольвийской хоры могут прокормиться около 200 тыс. чел.⁹⁶

Исчислим количество населения ольвийской хоры. На средней по своей площади (1200 м²) усадьбе Дидова Хата № 1 проживало 12 семей в 6 двухкамерных и 6 трехкамерных жилищах [Рубан, 1978, с. 34]. С учетом хозяйственного назначения половины помещений число обитателей усадьбы составит около 20 чел. На поселении площадью 2 га могло проживать 15–20 семей⁹⁷, т. е. около 100 чел.⁹⁸ В целом на поселениях и усадьбах хоры, которых известно примерно по полусотне, обитало около 6000 чел.⁹⁹

Население собственно Ольвии в эллинистическую эпоху, по оценкам Л. М. Славина, составляло более 10 тыс. чел. или около 12–15 тыс. чел., по оценкам С. Д. Крыжицкого, 9–15 тыс., не менее 15 тыс., 17,5–20 тыс.¹⁰⁰ Полагаем, это завышенные оценки, ибо они построены на расчетной жилой площади кварталов и городища в целом. Если же отталкиваться от реально раскопанных городских домов, то окажется, что на 5 га раскопанной территории городища приходится всего 23 эллинистических жилых дома¹⁰¹. Учитывая проблематичность значительной жилой застройки на террасах и преимущественно портово-хозяйственный облик застройки

⁹⁵ По мнению В. П. Былковой [1994, с. 27], в ольвийскую хору IV–III вв. могли входить даже поселения Нижнего Днепра.

⁹⁶ К иному выводу пришли С. Д. Крыжицкий и А. Н. Щеглов [1991, с. 54]: если Ольвия и производила в IV–III вв. зерно на экспорт, то в небольшом количестве. По их подсчетам, общая площадь хоры 375 ± 394 км², численность сельского населения в целом $31\,250 \pm 39\,400$ чел., масса произведенного зерна $30\,000 \pm 55\,160$ т. Для прокорма сельского населения требуется $20\,625 \pm 26\,004$ т, жителям города Ольвия необходимо 3300 ± 4125 т. Всего внутренняя потребность составляет $23\,925 \pm 30\,129$ т, следовательно, товарного зерна на экспорт оставалось не более 32 000 т. Их методика подсчетов: площадь + приблизительное число населения + урожайность 8–14 центнеров на гектар. Мы исходим из площади посевов и расчета калорий, получаемых с гектара пшеницы.

⁹⁷ [Крыжицкий, Отрешко, 1986, с. 11], цифра архаического периода, полагаем, применимая вследствие примерно одинакового числа поселений и к эллинистической эпохе.

⁹⁸ По мнению Крыжицкого [1985а, с. 100], состав средней семьи эллинистического времени 8–10 чел. Ср. NO 71: в левом столбце перечисляются по меньшей мере 7 сыновей Леократа, в правом столбце по меньшей мере 3 сына Евресибия и еще четверо с разными патронниками. Очевидно, что в этом списке жрецов, принадлежащих к одному роду Евресибиадов, соблюдается принцип перечисления по семьям — таковы семьи Леократа и Евресибия. Присутствие 4 лиц с разными патронниками (их могло быть и больше, как и членов семей Леократа и Евресибия, ибо камень отбит снизу) показывает, что в роде Евресибиадов наряду с многодетными были и малодетные, а то и вовсе бездетные семьи. Поэтому принимаем среднюю семью в 5 чел. (вопрос о количестве зависимых лиц в семье рассматриваем ниже).

⁹⁹ 20 чел. умножаем на 50 усадеб = 1000 чел. + 100 чел. × 50 поселений = 5000 чел., всего 6000 чел.

¹⁰⁰ [Славин, 1958, с. 295; 1967, с. 8; Крыжицкий, 1982, с. 164; 1985а, с. 101/2].

¹⁰¹ Цифры Крыжицкого [1971, с. 7]: 23 раскопанных дома; [Крыжицкий, 1985, с. 42]: на 1980 г. раскопано 4,5 га городища. По расчетам В. М. Отрешко [2009ж, с. 60; 2009б, с. 120], в Ольвии V в. на гектар площади приходилось 103 постройки, всего в городе их было 1600–1700. В другой работе

ки Нижнего города, следует признать, что основная жилая застройка Ольвии сосредоточивалась на Верхнем городе, площадь которого 19 га. Если на 5 га раскопанной территории приходится 23 дома, то ясно, что одновременно в городе существовало около 100 жилых домов усадебного типа. При составе средней семьи в 5 чел. общая численность полноправного населения города составляла около 500 чел. (включая женщин и детей, мужчин-граждан было не более 300 чел., см. с. 482).

Учитывая отсутствие в эллинистической Ольвии интенсивного ремесленного производства и ее преимущественно торговый характер, мы не должны увлекаться при оценке числа городского зависимого населения — его было примерно столько же, сколько граждан, что определяется по двум показателям. Во-первых, в среднем доме площадью в 200 м² обитало около 8–10 чел. [Крыжицкий, 1985а, с. 100], что при составе средней семьи в 5 чел. предполагает примерно такое же количество зависимых лиц. Во-вторых, эллинистический ольвийский некрополь наполовину состоит из могил с подбоем, характерных для степной Скифии с IV в.¹⁰² Следовательно, половина погребенных была не греческого, а туземного происхождения, т. е. население Ольвии IV–III вв. наполовину состояло из местных выходцев¹⁰³. По заключению М. Парович-Пешикан, подбойные могилы характерны для средних слоев городского населения, что в общем соответствует нашему выводу об их негражданском статусе.

Таким образом, городское население эллинистической Ольвии составляло около 1000 чел. — обычное для древней и современной Греции количество населения города средней руки¹⁰⁴. В целом население ольвийского полиса вместе с земледельцами составляло около 7 тыс. Из проделанных цифровых выкладок следует ряд существенных выводов. Во-первых, производство возделываемых на хоре зерновых, способное прокормить около 200 тыс. чел., безусловно,

---

Отрешко [2009з, с. 67] счел, что в V в. в Ольвии насчитывалось до 350 домохозяйств с общим числом насельников до 2100 чел.

¹⁰² [Парович-Пешикан, 1974, с. 147; Козуб, 1974, с. 118 *сл.*]. М. Парович-Пешикан вслед за В. Ф. Гайдукевичем и С. И. Капошиной относил эти погребения к местному скифскому населению Ольвии. Ю. И. Козуб настаивала на греческом происхождении погребенных по этому способу. Наличие захоронений подобного рода на пространстве от Днестра до Сев.-Зап. Крыма [Щеглов, Рогов, с. 86–88] однозначно решает вопрос в пользу первой точки зрения. Можно вместе с Козуб найти нишеобразные захоронения в метрополии или вместе со Щегловым считать этнически дифференцирующим признаком ориентацию костяка в подбойной могиле, это все второстепенные детали по сравнению с наиболее существенным обстоятельством: подбойные могилы — скифские, а не греческие по происхождению. В Ольвии они тем более не могли принадлежать грекам, что ольвиополиты отличались чрезвычайным консерватизмом в своей жизни (см. с. 485/6).

¹⁰³ Пополнение населения периферийных греческих городов за счет туземных элементов типично для указанного времени [Briant, 1978, p. 87].

¹⁰⁴ Ср. статистические данные о распределении современного населения Греции: из 6 млн чел. 5 млн живут в населенных пунктах с населением от 200 до 5 тыс. чел. [Kayser, 1965, p. 307]. В древности, по оценке Р. Мартена, на Хиосе, Самосе, в Эретрии, Халкиде, Мегаре, Сикионе, Элиде, Тегее, Мантинее насчитывалось от 1 до 5 тыс. чел. [Martin, 1954, p. 171]. Существуют и другие оценки численности названных городов, но согласимся, что они рангом выше периферийной Ольвии в демографическом и прочих отношениях. Так, в Олинфе, по сообщению Демосфена, в 383 г. насчитывалось 5 тыс. чел. населения. Найденный раскопками в городе материал показал, что Олинф связан торговыми отношениями с полусотней греческих петров, у Ольвии же эта цифра раз в пять меньше.

имело товарный характер¹⁰⁵. Во-вторых, в IV — первой половине III в. основную часть населения ольвийского полиса составляли обитатели поселений и усадеб хоры, т. е. сельское население количественно в несколько раз превышало городское. Оно было преимущественно туземного происхождения, что и рассмотрим далее.

2.2. Ойкеты ольвийской хоры

На присутствие туземного населения в ольвийской хоре, как сказано, указывают подбойные захоронения, открытые на некрополях ряда сельских поселений. По стандарту жизни это негреческое население сильно эллинизировано, причем исследователи хоры отмечают ослабевание эллинских черт на поселениях, более удаленных от Ольвии. К. К. Марченко, основываясь на керамических комплексах лепной посуды, заключил, что удельный вес туземного населения был «весьма значительным», возможно, составляя четверть или половину всего населения сельских поселков¹⁰⁶. К сожалению, соотношение лепной туземной и греческой кружалной керамики, в отличие от архаического периода, не дает представления о количественном соотношении на эллинистических поселениях хоры греческого и туземного населения в силу значительной эллинизации последнего, в том числе и в отношении керамического комплекса¹⁰⁷. Вопрос не разрешают и некрополи при сельских поселениях: известно, что на могильниках при поселениях Дидова Хата, Днепровское, Аджигол, Петуховка, Лагерная коса открыты подбойные захоронения, но статистических данных о соотношении их с греческими грунтовыми захоронениями пока нет. В этих условиях решающим является сообщение Протогеновского декрета об ойкетах, в которых Д. М. Пиппиди справедливо усматривал зависимых крестьян ольвийской хоры¹⁰⁸. В этих ойкетах усматривали и городских рабов (например, [Виноградов, 1984, с. 66]), но все, что мы знаем об ойкетии как социальном институте, указывает на преимущественную связь ее с сельским хозяйством.

Термин *οἰκέτης* впервые в греческих источниках упоминает Протогеновский декрет (I² 32 В. 15), это лексическая инновация эллинистического времени со значением «домочадцы, домашние рабы, слуги» (далее упоминается Страбоном, Лукианом *etc.*), она эквивалент слова *οἰκέται*, от которого образовано. Ойкеты

¹⁰⁵ Вывоз ячменя и пшеницы, основных культур ольвийской хоры, подразумевается в иносказательном контексте мотто Диона Борисфенита, произнесенного им на Родосе: «Привезя пшеницу, продавать ячмень?» (Diog. Laert. IV, 49).

¹⁰⁶ [Марченко, 1985, с. 249], возражения ему [Отрешко, 2009, с. 72–73]. Греческую принадлежность раннеэллинистических захоронений на сельских некрополях отстаивает И. А. Снытко [2000, с. 36–38]: греческая обрядность соблюдается в ямных захоронениях, подбоях, в земляных склепах (см. также [Снытко, 2011]).

¹⁰⁷ По данным В. В. Рубана [1989, с. 68–69], лепная керамика составляет всего 5 % керамического комплекса, да и она испытала сильное влияние греческой кружалной керамики: используются клеймение и метрика объема сосудов. Это был общий процесс в Сев.-Зап. Причерноморье, наблюдаемый также, к примеру, на лепной дако-гетской керамике [Teodor, 1974, p. 161]. См. и [Снытко, Снытко, Халычев, 2011].

¹⁰⁸ IOSPE I² 32 В. 15–20: «были подкуплены все ойкеты и населяющие предгорья миксэллыны, числом не менее 1500, которые в прошлую войну были союзниками городу». [Pippidi, 1975, p. 74–75]. С населением хоры Ольвии сближал ойкетов Протогеновского декрета и Марченко [1985, с. 248/9; 2005, с. 129 сл.].

в классическое и эллинистическое время имели как рабский статус, так и менее зависимый вплоть до личной свободы¹⁰⁹. Обычно в источниках ойкеты связаны с сельскими работами на господских наделах [Колобова, 1963, с. 202]. По происхождению это могли быть и покупные рабы (как у хиосцев: *Thuc.* VIII, 40, 2–3), и местное население какой-либо области, попавшее в зависимость от завоевателей (*ср. Hesych. s. v. ἀφμιῶται*, где ойкеты — эквивалент афамиотов, агройков, периэков), и переселенные военнопленные (например, *Aristeas. Epist.* 9 *sq.* Mend.: увведенные Птолемеем I в Египет иудеи). Статус ойкетов различен в разных местностях: в эллинистическом Египте он рабский и нерабский, в Малой Азии ойкеты могли кроме того иметь свои дома и наделы¹¹⁰. Фундаментальная сущность ойкетии — связь ойкета с господским хозяйством, явствующая из дефиниций стоика III в. до н. э. Хрисиппа и позднейших лексикографов. Согласно Хрисиппу, «раб (δοῦλος) отличается от ойкета по той причине, что отпущенники все остаются рабами, ойкеты же — это те, кто не выпущен из имущества (κτῆσεως), ибо ойкет — это раб (δοῦλος), принадлежащий к имуществу» (*apud Athen.* VI, 267b–c: κτῆσει κατατεταγμένος). Как правило, ойкет принадлежал к земельной части имущества, т. е. к земельному наделу, о чем говорит, в частности, дефиниция александрийского лексикографа Америя: «геркитами называют сельских ойкетов» (*Athen.* VI, 267 с; значение прозвища геркит — «оградник», человек, пребывающий на огражденном сельском владении, поле).

Таким образом, отождествление ойкетов Протогеновского декрета с населением аграрных поселков ольвийской хоры вполне отвечает сущности ойкетии. Поскольку ойкеты — часть земельного надела, можно заключить, что усадьбы, возникающие на хоре Ольвии с конца IV в., представляли собой отдельные частновладельческие хозяйства на земельных наделах ольвиополитов. Поэтому упомянутые выше 12 семейств, обитавших на усадьбе № 1 Дидова Хата, дают нам представление о сельском владении ольвиополита, включавшем наряду с земельным наделом зависимый от него контингент ойкетов [Отрешко, 2009е, с. 42–43]. Как строительный комплекс эти частновладельческие усадьбы возникали в результате одновременного строительства (лишь иногда отмечаются небольшие пристройки). Сельские поселки ольвийской хоры вряд ли правомерно интерпретировать в том же духе, ибо это иная строительно-планировочная структура, которая могла возникать как одновременно, так и формироваться постепенно за счет дополнительных поселенцев, возводивших новые жилища. Иначе говоря, поселения и виллы вряд ли различались только в строительно-планировочном отношении — скорее всего, это и социально разные феномены. Так, на полисных землях имелись массивы, не поделенные на частные владения [СОО, с. 149]. В Нижнем Побужье количество земли не лимитировано, поэтому вполне можно думать о наличии здесь и полисной частнособственни-

¹⁰⁹ Как в классическое время словом δοῦλος раб обозначался с точки зрения его правового положения, так словом οἰκέτης он именовался с бытовой точки зрения в качестве домочадца [Gschntzer, 1963, S. 16–22]. Ф. Гшнитцера интересовал только «рабский» аспект термина ойкет, содержание которого значительно шире, включая различные формы зависимости между рабством и свободным состоянием. *Ср. Athen.* 267 с–е: трагик Ахей (V в.) в «Омфале», говоря о сатире, отмечает: «как добр он был к своим рабам, к своим домашним» (ὥς ἐδούλος, ὥς ἐνοίκος); подразумевается, что тот хорошо относился к своим рабам и домашней челяди. Но слово οἰκέτης может быть, как известно, применимо к любому, кто живет в доме, даже если это свободный человек.

¹¹⁰ [Зельин, 1960, с. 138; Павловская, 1969, с. 216/8; Голубцова, 1969, с. 184].

ческой земли, и полисных угодий, не поделенных на частновладельческие участки¹¹¹. Видимо, поселения ольвийской хоры как раз и располагались на общеполисной земле, и ойкеты поселений принадлежали полису, индивидуально возделывая закрепленный за каждым из них земельный участок. Предположение о наличии на хоре Ольвии полисных хозяйств и частновладельческих вилл вытекает из существования здесь двух строительно-планировочных структур — вилл и поселков. Из того обстоятельства, что после разгрома ольвийской хоры в середине III в. уцелевшие ойкеты переместились в Гилею на нижнеднепровское Левобережье (см. с. 504), следует, что зависимость ойкетов от полиса и, может быть, от частных лиц не была значительной, ибо они сохраняли за собой право передвижения, т. е. личную свободу¹¹². Скорее всего, ойкеты ольвийских поселков были туземным населением, привлеченным сюда более высоким стандартом жизни и выполнявшим условленную трудовую повинность при сохранении личной свободы. Не исключено, что зависимость населения частновладельческих вилл могла быть более жесткой ввиду формирования какой-то его части из покупных рабов¹¹³.

Уяснив ойкетский статус населения ольвийской хоры, вернемся к вопросу о соотношении в нем греческих и местных элементов. Нет основания применительно к периферии греческого мира думать о сведении греков до зависимости типа ойкетии, ибо здесь был обширный рынок туземных рабов, поставляемых кочевниками (даже и в метрополии «греки считают достойным пользоваться варварами-ойкетами», — отмечал Исократ: IV, 181). На греческой периферии в условиях варварского окружения возникали контингенты полукровок. Так, в хинтерланде греческих городов Южной Добруджи «на пограничье кробизов и скифов в хоре обретаются насельники греки-полукровки»¹¹⁴. Таким же контингентом этнически эллинизированных скифов были каллипиды, по характеристике Геродота, эллино-скифы, которые жили у пограничья ольвийской хоры на Южном Буге (с. 505/6), и это позволяет думать, что ойкетами ольвийской хоры были соматически и культурно эллинизированные скифы (в Протогеновском декрете, различающем ойкетов и миксэллов, те и другие мыслятся равнозначными величинами, вместе воюющими на стороне ольвиополитов с общим неприятелем). В числе граффити, найденных на поселениях хоры, представлены в основном греческие имена владельцев сосудов (Аристокл, Деметрий, Прасилат, Артемес, [?Арист]ократ и др.), но есть и граффито с негреческим именем Φαισαλους на амфоре из усадьбы Дидова Хата¹¹⁵. Именно из этой среды вышел Бион Борисфенит, живший в раннеэллинистическую эпоху¹¹⁶. Его отец отпущенник, т. е.

¹¹¹ Например, (γῆ) ἀδίαίρετος иссейского декрета о разделе земли колонистами III в. [Яйленко, 1982, с. 129/30].

¹¹² По мысли Отрешко [2009е, с. 43], население сельских поселков хоры составилось из рабов, освобожденных в 331 г. во время осады Зопириона. Полагаем, поскольку Зопирион не осаждал Ольвию, нет оснований говорить ни об освобожденных ольвийских рабах, ни о том, что они составили население поселков хоры.

¹¹³ По мнению Отрешко [2009е, с. 42 сл.], жители усадеб были домохозяевами. Это ойкеты Протогеновского декрета, которые могли находиться в долгой зависимости от богатеев вроде Протогена и его отца.

¹¹⁴ Scymni v. 756/7: χώρα μιγάδας Ἑλλήνας οἰκετὰς ἔχει (слово οἰκετῆς обозначает свободных поселенцев и даже колонистов).

¹¹⁵ [Рубан, 1985, с. 41; СОО, с. 144; Отрешко, 2009г, с. 35; 2009и, с. 71–72; Буйских, 2006].

¹¹⁶ Диоген Лаэртский (IV, 46–47) излагает автобиографию Биона. Он слушатель Теофраста, ведущего школу перипатетиков в 322–287 гг., умер в Халкиде во время царствования Антигона Гоната. Бион покинул

происходил из числа туземного или метисного населения, видимо, того же происхождения была и мать, городская проститутка. Как торговец рыбой отец жил в Ольвии или прибрежном поселке. Попавшийся на расхищении откупных налогов, он возвращен в прежнее состояние — продан в рабство со своим ойкосом, т. е. включая жену, сына, имущество. Данные об ойкетах и автобиография Биона дают нам представление о градации социальных состояний и занятиях ольвийских низов: 1) городские и сельские рабы; 2) занятые в частных и полисных сельских хозяйствах ойкеты, в основном, судя по всему, лично свободные; 3) ведущие собственное дело и имеющие ойкос вольноотпущенники. Имена этих скифов и полукровок не попадали в лапидарную эпиграфику города, — вот почему антропонимика эллинистической Ольвии кажется чисто греческой [Книпович, 1956, с. 134/5]. Исследователи 1930–1940-х гг. преувеличивали роль туземного населения в Ольвии, называя ее даже греко-скифским городом; в противовес им Б. Н. Граков [1947, с. 84] выдвинул тезис о «некотором количестве туземного населения» здесь. Процентное равенство подбойных могил с захоронениями греческого типа на городском некрополе эллинистического времени определенно свидетельствует, что примерно половина населения Ольвии была туземного или полутуземного происхождения, а данные об ойкетах хоры и семье Биона, так же как и крайняя редкость негреческих имен в эпиграфическом архиве, указывают, что это негреческое и полугреческое население составляло социальные низы ольвийского полиса. На нижних ступенях его социальной иерархии находились и свободные греки, подобные тому безымянному ритору, который купил Биона, освободил его и наследства которого хватило Бionу лишь на оплату поездки в Афины.

3. КАЛЛИНИК МНИМЫЙ И ПОДЛИННЫЙ¹¹⁷

Ю. Г. Виноградов и П. О. Карышковский [1982; 1983] удачно объединили обломки надписей IOSPE P² 25 и 31 (рис. 70), в результате чего подтвердилось чтение в стк. 9 слов, восстановленных В. В. Латышевым и Э. Р. Штерном, в стк. 10 получено выражение τὴν κοττῆ[ν το]ῦ χαλκοῦ «чекан медной монеты», в стк. 11 πρὸς τὸ κα[ὶ] λ[ε]γεῖν καὶ πρά[ττειν]. Справедливо и дополнение ими в стк. 7 формулы [σπεύδων τε τοὺς διαφερομένους]. Однако их интерпретация документа в целом, как и дополнение других строк, неприемлемы. По мнению соавторов, «поскольку единственным близким по времени к нашему декрету событием... была осада ее Зопирионом, следует признать, что ἀποκοττῆ τῶν χρῶν, предложенная и проведенная в жизнь Каллиником, и стоит за словами Макробия *factis tabulis novis*» [1982, с. 44–45]. На основании сближения вырисовывающейся из декрета деятельности Каллиника с известием Макробия (Sat. I, 11, 33) о мероприятиях ольвиополитов, проведенных в связи с осадой города (отпуск на волю рабов, предоставление гражданских прав ксенам, изменение долговых обязательств), Виноградов и Карышковский дали пространную реконструкцию политической и социально-экономической истории Ольвии во второй половине IV в. до н. э. [1983, с. 21 сл.).

Ольвию молодым, по соотношению со временем деятельности Теофраста примерно в первое десятилетие III в. (ниже, с. 567).

¹¹⁷ Опубликовано [Яйленко, 1985, с. 205/15; 1996, с. 198–203], тут суммируем обе работы.

Рис. 70. Декрет в честь Каллиника IOSPE I² 25 + 31, фото [Pont. St.]

Между тем исходная посылка их реконструкции — отождествление статьи декрета об ἀποκοπή τῶν χρῆων с *factis tabulis novis* Макробия — очевидным образом неправомерна: соавторы восстановили в стк. 8 выражение [τὴν ἀποκοπὴν τῶν] χρῆων, которое в источниках имеет исключительно обратный порядок слов: χρῆων ἀποκοπή. Все сведения о кассации долгов собраны Дэвидом Ашером [Asheri, 1969], и все они согласно дают порядок слов χρῆων ἀποκοπή. Из числа собранных Ашером источников сошлюсь на *And.* I, 88; *Plato*, Resp. 566a; *Arist.* Ath. pol. 6; *Dem.* XXIV, 56, 57, 149; *Androtion*, 324, fr. 34 Jac.; *Plut.* Solo, Agis, Cleom., passim; *Diod.* XIX, 9, 5; *App.* Mithr. 48, 62 и т. д. То же и в эпиграфических памятниках: в клятве III в. до н. э. из Итана (Syll.³ 526), в дельфийском законе IV в. до н. э. [Asheri, 1969, p. 107]. Также и в близких или одинаковых по смыслу выражениях χρῆων ἄδεια, ἄφεςις, διάλυσις (*Plato*, Legg. 684d-e; *Dion. Hal.* VII, 8, 1–2; *Plut.* Syncr. Sol. et Popl. III, 1 etc.) представлен тот же неизменный порядок слов: χρῆων стоит на первом месте. Примеров обратного порядка слов в сводке Ашера нет, и это означает, что в стк. 8 Каллиникова декрета выражение χρῆων ἀποκοπή не может быть восстановлено по причине несоответствия сохранившихся после ΧΡΕΩΝ букв слову ἀποκοπήν. Коль это так, рушится усмотренная Виноградовым и Карышковским (вслед за Э. Миннзом) связь между Каллиниковым декретом и *factis tabulis novis* Макробия, а поскольку это краеугольный камень всей их исторической реконструкции, рушится и она.

Посмотрим, что же читается в ключевых стк. 8–10 декрета. Виноградов и Карышковский [1982, с. 32–33] прочли тут: [τὴν ἀποκοπὴν τῶν] χρῆων ἐ[ἰσθήε]υ[κε]ν,¹¹⁸ ὃ τε δῆμος ἐστεφ[ανω]κ[ώ]ς δια[σω]σ[α]ντος αὐτοῦ χ[ρή]μα[σι] καὶ ἀνδριάν[τι τ]ᾶ τε τέλη τὰ ἐπιβεβλη[μένα οἷς ἀπο]ροῦν[τες] ἐβλάπτο[ι]το ἀφείρηκεν καὶ τὴν κοπή[ν το]ῦ χαλκοῦ κατὰ λόγον ἤχεν[?] «внес предложение (об отмене) долгов; и народ, наградив его за свое (спасение / умиротворение) денежной суммой и статуей, не только отменил налоговое обложение, коим причинялся ущерб (неимуществу), но и уменьшил чеканку медной монеты согласно расчету». На наш взгляд, соавторы не вполне правильно разобрались в синтаксисе греческого текста, в результате чего им показалось, что увенчивать Каллиника не за что, ибо перечисленные в стк. 1–8 деяния его уже были отмечены почестями, упомянутыми в стк. 9, а «акции, указанные в стк. 9–10, совершил не он, а сам демос». Для объяснения этой парадоксальной ситуации соавторы прибегли к надуманному предположению о «своеобразии языка надписи», об «окончательном редактировании» текста постановления и т. д. [Ib., с. 32, 34], не дав себе труда объяснить, почему упомянутые в стк. 10 уменьшение налогов и какая-то акция с чеканом медной монеты проведены демосом, а не самим Каллиником, — этим и объясняется парадоксальность ситуации: ее создал не составитель надписи, а современные его истолкователи с учеными степенями. Рассмотрим аргументацию предложенного ими чтения стк. 8–10. О невозможности дополнения в стк. 8 [τὴν ἀποκοπὴν τῶν] χρῆων уже сказано. Свое чтение следующих слов ὃ τε δῆμος ἐστεφ[ανω]κ[ώ]ς они мотивировали так: «К дополнению в стк. 8 part. perf. ἐστεφ[ανω]κ[ώ]ς ср. IPE, I², 32 B. 55 sq. ὧν ἔνεκεν ὁ δῆμος πολλάκις αὐτὸν καὶ πρότερον ἐστεφανωκ[ώ]ς καὶ τότ' ἐστεφάνωσεν» [1982, с. 37, примеч. 48]. Приведенная параллель существенна, но не заменяет собой текстуального анализа, который показал бы, почему тут надо читать именно причастие, а не личную форму глагола, поэтому читатель впра-

¹¹⁸ Так позднее [Виноградов, 1989, с. 159; Pont. St. S. 282]: ἐ[πεψήφ]ι[κε]ν.

ве усомниться в необходимости реконструкции причастия. Структура фразы здесь поясняется дистрибуцией частицы *τέ*, не привлечшей внимания соавторов. Частица *τέ* выражения *ὁ τε δῆμος* в тексте декрета, предложенном ими, оказывается в изолированном положении, вопреки своей функции она не связывает одно слово или предложение с другим, поскольку нет эквивалента слову *δῆμος*¹¹⁹. Следовательно, в лакуне стк. 8 должен стоять эквивалент слова *δῆμος*, поскольку этого требует частица *τέ* при нем, соединяющая его с этим эквивалентом. Таковым в надписях обычно выступает какая-либо административная инстанция полиса, которая наряду с демосом отличила заслуги Каллиника. Этой инстанцией могли быть совет, коллегия архонтов или Семи, как можно судить по твердо восстановленной Штерном и Латышевым преамбуле стк. 1 IOSPE I² 31 [ἔδοξε βουλῇ καὶ δῆμῳ · οἱ ἄρχοντες καὶ οἱ ἐ]πτά εἰπαν. Предположительно восстанавливаем в качестве искомого эквивалента [ἦ τε βουλή], ср. *τήν τε βουλήν καὶ τὸν δῆμον* Феоклова декрета (I² 40. 34). Далее, приведенная параллель из Протогеновского декрета I² 32 В. 55 sq. (также I² 325. 7 и др.) показывает, что в таких случаях выражение *δῆμος* + лаудативный глагол присоединяется к предшествующему перечислению заслуг чествуемого лица словами *διὰ ταῦτα, διὰ ὅ, ὡς ἔνεκεν* и др. в смысле «вследствие чего, за что» и тому подобном. Сказанное предполагает следующее восстановление стк. 8 Каллиникова декрета с учетом сохранившихся букв: [e. g. δι' ὃ ἦ τε βουλή τὸ] *χρεὼν ἐ*[κεῖ? ἔδω]κεν, *ὁ τε δῆμος ἐ*στεφά[νωσεν] «за что и совет тогда отдал должное и народ наградил». Слово *τὸ χρεὼν* «должное» фигурирует, например, в декрете НО 42. 19. К *ἐ*[κεῖ?] ср. *τότε* приведенного выше пассажа Протогеновского декрета. Наша аористная личная форма *ἐ*στεφά[νωσεν], а не перфектное причастие *ἐ*στεφά[νωκώς] Виноградова — Карышковского обусловлена тем, что чтение здесь причастия автоматически влечет за собой вывод, что следующие упоминаемые в стк. 10 акции (уменьшение налогов и операции с медной монетой) произвел не Каллиник, а народ, причем они были следствием установления Каллиником согласия среди граждан и проведенной им отмены налогов. Однако перфектные формы глаголов, которыми, по чтению Виноградова и Карышковского, обозначены деяния чествуемого лица ([γέγο]νεν стк. 5, ἐ[πεψήφ]ι]κεν стк. 8), не могут смениться перфектом же, поскольку деяния народа (уменьшение налогов и монетного чекана, по мысли соавторов) как следствие деяний Каллиника должны выражаться через глаголы другого времени, ибо перфект, как известно, означает результат совершенного действия, а не результата же. Например, в Протогеновском декрете неоднократное предоставление денег городу Протогеном и вытекавшие из этого следствия выражены различными временными формами глаголов: имперфект — аорист (или перфект), аорист — аорист, перфект — аорист, но не перфект — перфект. Отсюда следует, что *ἀφείρηκεν* стк. 10, подобно [γέγο]νεν стк. 5 — это акция самого Каллиника (а не народа, как сочли соавторы), что следующая акция, связанная с чеканкой меди, произведена им же (глагол, ее обозначающий, также должен стоять в перфекте), наконец, что акции буле (?) и народа должны стоять не в перфекте, а в имперфекте или аористе, тут в аористе: *ἐ*[κεῖ? ἔδω]κεν и *ἐ*στεφά[νωσεν] нашего чтения.

¹¹⁹ Частица *τέ* выражения [τ]ά τε τέλη не может быть таким эквивалентом, ибо *δῆμος* и *τέλη* стоят в разных падежах и, кроме того, это *τέ* стк. 9 соединяется с *καί* стк. 10, объединяя как равноценные синтаксические единицы выражения *τέλη... ἀφείρηκεν* и *τὴν κοπήν [ν] τοῦ χαλκοῦ ката[--]*, — два мероприятия Каллиника, послужившие поводом для издания декрета.

Что же касается причастного оборота [διασώσ]αντος αὐτοῦ, восстановленного Виноградовым и Карышковским в стк. 8–9 «по корреляции с Διὶ Σωτῆρι» последней строки надписи, то он условен и, по их же мнению, здесь «не исключено обычное в подобных контекстах [διαλύσ]αντος» [1982, с. 38, примеч. 49]. Оба дополнения не исключены, но нам представляется предпочтительным чтение здесь распространенного в почетных декретах оборота ἄρξαντα αὐτόν «отбывшего свой срок архонства» в контексте с увенчанием чествуемого лица народом за перечисленные деяния (ср., к примеру, Syll.³ 691: ἐπαινέσαι γυμνασιάρχῃσαντα... καὶ στεφανῶσαι αὐτόν). В надписи Каллиника этот оборот поставлен в *gen. abs.* с временным значением: [?] ἄρξ]αντος αὐτοῦ «по отбытии им срока архонства». Увенчание отбывшего свой срок магистрата — обычная форма почестей (например, IOSPE I² 418, 420, 423–425). Какие же почести народ и буле (?) присудили Каллинику в первый раз? По мнению Виноградова и Карышковского, это χ[ρῆμα]σι καὶ ἀνδράν[τι]. Чтение χ[ρῆμα]σι, само по себе хорошее, несколько сомнительно по той причине, что на камне после ножки Υ предшествующего слова αὐτοῦ сохранилась самая нижняя часть скорее вертикальной гасты, нежели наклонной. По-видимому, тут следует читать [?] καὶ εἰκό]σι «и рельефными изображениями», ср., к примеру, награждение хиосца Леотихида [εἰκόσι] χαλκείαις δυσί «двумя рельефными изображениями» (Syll.³ 545. 30, восстановление тут [εἰκόσι] бесспорно). Далее в стк. 10 говорится об уменьшении налогов и какой-то акции с чеканкой медной монеты, проведенных, как мы установили, Каллиником. Именно они послужили (по меньшей мере формально) поводом для постановки статуи чествуемого и увенчания венком стоимостью в 1000 золотых. (Высокая сумма награды свидетельствует, что она присуждена Каллинику за всю его деятельность¹²⁰.)

В конце стк. 10 соавторы предположительно читали κατὰ λ[όγον ἦχεν?] «и уменьшил чеканку медной монеты согласно расчету», с чем связали «переход Ольвии от отливки к чеканке медных обол, сопровождавшийся отказом от полноценной медной монеты» [1982, с. 42]. Поскольку смена литых «ассов» чеканенной медной серией имела место во второй половине IV в., она вряд ли имеет отношение к чеканке меди, упоминаемой в Каллиниковом декрете, относящемся, как покажем сейчас, ко второй четверти III в. Поскольку в Ольвии почти нет точно датированных надписей IV–III вв. (есть 3 надписи второй трети IV в. — Сатинова проксения, сигнатуры Стратонида и Праксителя), для определения времени тех или иных памятников приходится прибегать к сравнению их письма с точно датированными надписями из других областей (это обычная для эпиграфики периферийных центров практика). В эпиграфике Истрии, весьма близкой ольвийской эпиграфике по тенденциям развития, есть ряд декретов, аналогичных в той или иной мере Каллиникову декрету и датирующихся III в. (ISM I, 1–3, 5–7, 18, 19, 65). Если Виноградов и Карышковский датируют Каллиников декрет временем после 331 г. (после Зопирионовой осады Ольвии), то они должны относить и указанные истрийские декреты ко второй половине IV в., что невозможно: например, ISM I, 65 (декрет из Драгомирны, приписываемый в числе нескольких городов и Ольвии) содержит упоминание о галатах, что датирует его временем не ранее 279 г. (IGBulg. I², p. 260; ISM I, p. 183); по характеру пись-

¹²⁰ Дальнейшие критические суждения об этой статье Виноградова и Карышковского [J. et L. Robert, Bull. ép. 1984, 276; Gauthier, 1998, p. 1186].

ма он между тем близок Каллиникову декрету¹²¹. Последний имеет аналогом также договор этолийцев и акарнанов ок. 263 г. [Guarducci, 1970, p. 548], по формам букв близок (но иной по характеру письма) аттический декрет в честь Федра ок. 275 г. [Ib., p. 23, *ср.* также p. 603]. Приведенные аналогии показывают, что декрет в честь Каллиника, как и его деятельность, относится ко второй четверти III в. В этом столетии ольвийская медная монета выпускалась регулярно, но наши представления об этом очень общи и лишены хронологически точной конкретности. Обе упомянутые в стк. 10 меры Каллиника — уменьшение налогов и какая-то акция с чеканом медной монеты — могут быть связаны друг с другом в том плане, что количество выпускаемых городом медных денег зависело, в числе других причин, и от размера поступавших в казну средств с налогообложения. Уменьшение налогов могло повлечь за собой ограничение медной эмиссии, что позволяет нам предположительно дополнить в стк. 10 $\kappa\alpha\tau\alpha\lambda[\acute{\epsilon}\lambda\upsilon\kappa\epsilon\nu?]$, т. е. Каллиник «прекратил чеканку медной монеты».

Суммируем сказанное выше нашим текстом стк. 1–11 декрета (со стк. 12 следуют обычные заключительные формулы):

[ἔδοξε βουλῇ καὶ δῆμῳ· οἱ ἄρχοντες καὶ οἱ ἐ]πτά εἶπαν· ἐπειδὴ Καλ[λίνικος
Εὐξέενου — — — — — τὰ] βέλτιστα τῷ δῆμῳ κα. ....
[- — — — — τῇ] πόλει παρὰ τὴν ἔγδοσι[ν.....]
- — — — — — οὐ τὰς τε προσόδους συν .....
5 - — — — — γέγο]νεν τοῦ τὸν δῆμον κατα[στῆναι
εἰς διαφορὰν οὔτε - — — — — ἐμ]ποδὼν οὔτε φιλίαν περὶ πλείονος
ποιοῦμενος σπεύδων τε τοὺς διαφερομένους] ἐν τῇ πόλει εἰς ὁμόν[οιαν κα-
ταστῆναι, δι' ὃ ἥ τε βουλὴ? τὸ] χρεὼν ἐ[κεῖ? ἔδω]κεν, ὃ τε δῆμος ἐστέφα[νωσεν]
? ἄρξ]αντος αὐτοῦ [καὶ? εἰκό]σι καὶ ἀνδριάν[τι, τ]ὰ τε τέλη τὰ ἐπιβεβ.....
10.ντες ἐβλάπτοντο ἀφείρηκεν καὶ τὴν κοπῇ[ν το]ῦ χαλκοῦ καταλ[έλυκεν·? ἵνα
καὶ] οἱ ἄλλοι φιλοτιμότερον ἔχωσι πρὸς τὸ κα[ὶ] λέ]γειν καὶ πρά[ττειν κτλ.]¹²²

«постановлено советом и народом, архонты и коллегия Семи предложили. Поскольку Каллиник Евксенос --, наилучшее народу -- городу при (?) распределении работ -- доходам -- был того, что народ впал в раздор, ни -- препятствием, ни ставя дружбу выше и усердно стараясь обратить к согласию расколовшихся (граждан) в городе, за что и совет тогда отдал должное и народ наградил по отбытии им архонства

¹²¹ Возражая против моей датировки, Виноградов [1989, с. 162] отметил, что в надписи из Драгомиры давно вместо Ὀλατικός πόλεμος «галатская война» читается личное имя Ολας (со ссылкой на словарь Д. Дечева). Однако в таком случае образуется странная «война Олата», что заставляет вернуться к традиционному пониманию (см. указанные комментарии Г. Михайлова и Д. Пиппиди, также [Кожокару, 2011, с. 304/5]: связь с галатами Протогеновского декрета наиболее вероятна, см. ниже, с. 560). Остальные мои отсылки к близким по письму надписям Виноградов проигнорировал. Вообще Ф. Готье правильно заметил, что Виноградов в своих Nachträge в Pont. Studien игнорирует аргументы критиков [Gauthier, 1998, p. 1186].

¹²² Стк. 1 дополнили Штерн, Латышев. Конец стк. 1 — начало стк. 2 доп. Виноградов, Карышковский. Стк. 5 доп. Лат. Стк. 6 доп. Вин., Кар. Конец стк. 6 — начало стк. 7 доп. Лат., [σπεύδων τε τοὺς διαφερομένους] доп. Вин., Кар. Конец стк. 7 — начало стк. 8: κατήσθησεν доп. Лат., : καταστῆναι Вин., Кар. Далее стк. 8–9 доп. Яйленко. Стк. 9 ἀνδριάν[τι] и в стк. 10 κοπῇ[ν το]ῦ доп. Вин., Кар. Конец стк. 10 доп. Яйл. Конец стк. 10 — начало стк. 11 доп. Лат. Конец стк. 11 доп. Лат., Вин., Кар.

и рельефами и статуей, налоги же -- (от которых) терпели ущерб, уменьшил, а также прекратил (?) выпуск медной монеты. Чтобы и другие ревностнее старались словом и делом--»¹²³.

В историческом плане декрет свидетельствует, по нашему мнению, о следующем. Деятельность Каллиника, приходившаяся примерно на вторую четверть III в., проходила в сфере экономической и внутривойсковой жизни Ольвии. Он удачно провел распределение каких-то работ общественного характера (стк. 3), в связи с чем, возможно, в следующей строке упоминаются доходы. Эти мероприятия находят параллель в акции Протогена, который распределил работы по постройке оборонительной стены города и внес на это наличные деньги, чем сберег полису изрядную сумму (I² 32 В. 34–37). Другая важная акция Каллиника — умиротворение возникших между гражданами Ольвии раздоров, вероятно, ликвидированных в его архонтство. За эти деяния экономического и политического характера он награжден народом рельефами и статуей. Следующий этап его деятельности включал уменьшение налогов; это либо социальная мера, либо свидетельство достаточного количества полисных средств в казне¹²⁴. По-видимому, в какой-то связи с этим Каллиник предпринял временную приостановку чеканки медной монеты, что могло быть вызвано необходимостью упорядочения количества медных денег относительно золотого запаса полисной казны.

На основании данных декрета Каллиника можно представить себе примерно следующий характер развития внутривойскового состояния Ольвии в первой половине III в. Одну из вспышек разногласий удачно уладил Каллиник, скорее всего, принадлежавший к умеренным, судя по его приверженности к гомонией (стк. 7). В дальнейшем его позиция, возможно, сдвинулась в сторону олигархии, если предположить, что он отменил налоги на состоятельных. Это, конечно, не более как допущение, так как у нас нет данных о характере проведенного Каллиником уменьшения налогов, и награда его 1000 золотых, может быть, и свидетельствует о том, что эта акция, как и прекращение чеканки меди, приветствовалась состоятельными слоями, но можно думать и об обратном¹²⁵. Лишь состояние дел в Ольвии, описанное в Протогеновском декрете, дает небольшие основания думать, что в результате деятельности политических протагонистов Ольвии III в. типа Каллиника власть сосредоточилась в руках состоятельных финансистов вроде Протогена, в долгу у которого (а ранее у его отца Геросонта) были многие ольвиополиты, — 6000 золотых одних только долгов Протогену намного превосходили городскую казну, иной раз и вовсе пустовавшую (I² 32 В. 85). Разумеется, изложенный харак-

¹²³ Перевод дальнейшего текста Латышевым, I² 25. 11–17: «Итак, для того, чтобы и другие ревностнее старались быть отличными гражданами (?), хорошо зная, что каждый получит от народа честь и награду, достойную благодеяний, да постановит народ похвалить Каллиника, сына Евксенова, за его доблесть и благодеяние народу и наградить его тысячей золотых и статуей, а об этой награде объявить на празднике Дионисий в театре. — Народ Зевсу Спасителю».

¹²⁴ ἀφεῖρκεν может означать и ликвидацию их, но трудно представить себе нормально функционирующий полис без налогов, тем более что в декрете говорится о налогах вообще, а не о каких-нибудь специальных или экстраординарных податях.

¹²⁵ Стоимость венка в тысячу золотых характерна для состоятельных полисов III в.: например, ок. 279 г. Делос увенчал им сидонского царя Филокла (Michel, 387). Бывают венки и экстраординарной стоимости — 4 тыс. золотых (Ib. 456, Галикарнасс, IIa).

тер развития внутривиталистических отношений в Ольвии первой половины III в. на основании данных Каллиникова декрета лакунарен и основывается на нескольких допущениях (возможное обложение налогами состоятельных лиц в ходе радикальных социальных реформ и отмена этого обложения Каллиником), которые могут быть лишь проиллюстрированы данными внешнего, не ольвийского, плана. Но источниковедческая база этой картины по меньшей мере лишена отмеченных выше фикций текстологического и хронологического характера, на которых основана претенциозная реконструкция политической истории Ольвии Виноградова — Карышковского.

В дальнейшем Виноградов [1989, с. 160/3; кратко: Vinogradov, 1997, S. 321/2] так отреагировал на наши вышеизложенные суждения. Выражение $\chi\rho\epsilon\omega\acute{\nu}$ ἀποκοπή, писал он, соблюдает данный порядок слов, «когда имеется в виду мероприятие как таковое, не конкретное, не реализованное, когда же речь идет о предпринятой кассации долгов, словосочетание получает артикли и смело может менять элементы местами» [1989, с. 160]. В подтверждение он привел два пассажа Дионисия Галикарнасского, который в одном месте (VII, 8, 1) первейшими лозунгами тирании назвал $\gamma\eta\varsigma$ ἀναδασμός καὶ $\chi\rho\epsilon\omega\acute{\nu}$ ἀποκοπή, а в другом (VII, 8, 2), говоря о конкретных мероприятиях, которых старался избежать Аристодем Кумский, употребил иной порядок слов: τὸν ἀναδασμὸν τῆς $\gamma\eta\varsigma$ καὶ τὰς δανεῖων ἀφέσει, т. е. в первом случае Дионисий употребил выражение $\gamma\eta\varsigma$ ἀναδασμός, а во втором, поскольку речь шла об уже проведенной кассации долгов, изменил порядок слов: ἀναδασμὸν τῆς $\gamma\eta\varsigma$. Его другой пример: в Протогеновском декрете сказано, что Протоген ἀφέσεις ἐποίησато τῷ χρημάτων (I² В. 69–70). Этих двух доводов ему показалось достаточно для верификации своего чтения [τὴν ἀποκοπὴν τῶν] $\chi\rho\epsilon\omega\acute{\nu}$ в стк. 8 Каллиникова декрета, связи его с *factis tabulis novis* Макробия и вытекающей отсюда исторической реконструкции, перекочевавшей из журнального варианта в книжный без изменений.

По этому поводу отметим следующее. Во-первых, ссылки на измененный порядок слов в выражениях $\alpha\nu\alpha\delta\alpha\sigma\mu\acute{o}\varsigma$ τῆς $\gamma\eta\varsigma$ Дионисия и ἀφέσεις τῷ χρημάτων Протогенова декрета не имеют прямого отношения к фразеологизму $\chi\rho\epsilon\omega\acute{\nu}$ ἀποκοπή — первое вообще из другой оперы, а второе, хоть и близко по смыслу, не является фразеологизмом с устойчивым порядком слов — это сочетание, допускающее любой их порядок¹²⁶. Еще раз повторим, что выражение $\chi\rho\epsilon\omega\acute{\nu}$ ἀποκοπή — фразеологизм с устойчивым порядком слов, и именно в таком, а не в ином виде оно фигурирует десятки раз в источниках: и у авторов, и в надписях. Виноградов никогда не нашел бы примера с обратным порядком слов (ἀποκοπή τῶν $\chi\rho\epsilon\omega\acute{\nu}$ его реконструкции стк. 8), ибо их просто не может быть. Во-вторых, неверно по существу изобретенное Виноградовым «правило», что-де кассация долгов вообще, как постулат, обозначается выражением $\chi\rho\epsilon\omega\acute{\nu}$ ἀποκοπή, а реализованная кассация

¹²⁶ Фразеологизм — это устойчивый оборот, устойчивое словосочетание с фиксированным порядком слов. Показательный пример фразеологизма со свободным порядком слов — формула о представлении права энкtesis, в аттических и других источниках имеющая разную последовательность своих элементов: $\gamma\eta\varsigma$ (χωρίου, οἰκίας) ἔγκτης [SEG X, 83; XIX, 49; IG II/2, 53, 184, 279, 337 etc.], $\gamma\eta\varsigma$ ἔγκτης καὶ οἰκίας [IG II/2, 80], ἔγκτης $\gamma\eta\varsigma$ (χωρίου, οἰκίας) [IG II/2, 132, 308, 337 etc.]. У каждого фразеологизма свой конкретный узус, так что нельзя ссылками на один или другой фразеологизм подкреплять узус третьего: можно оперировать лишь словоупотреблением того фразеологизма, о котором идет речь.

может обозначаться тем же выражением со свободным порядком слов. Последнего просто нет, так что, к примеру, Плутарх в разных ситуациях строго придерживается формульного порядка слов $\chi\rho\epsilon\acute{\omega}\nu \acute{\alpha}\pi\omicron\kappa\omicron\tau\acute{\eta}$ ($\acute{\alpha}\phi\epsilon\sigma\iota\varsigma$) — и говоря о задуманной или обещанной кассации долгов (Agis et Cleom. VII, 8: Агис задумал $\chi\rho\epsilon\acute{\omega}\nu \acute{\alpha}\phi\epsilon\sigma\iota\varsigma$ и VIII, 1 $\chi\rho\epsilon\acute{\omega}\nu \acute{\alpha}\phi\epsilon\theta\eta\iota\upsilon\alpha\iota$, но не преуспел в этом; XLI, 6: Клеомен обещал аргосцам, но не провел $\chi\rho\epsilon\acute{\omega}\nu \acute{\alpha}\pi\omicron\kappa\omicron\tau\acute{\eta}$), и говоря об уже проведенной в жизнь реформе долговых обязательств (Ib., X, 3: Ликург $\chi\rho\epsilon\acute{\omega}\nu \acute{\alpha}\pi\omicron\kappa\omicron\tau\acute{\alpha}\varsigma \acute{\epsilon}\delta\omega\kappa\epsilon\nu$, XXXIX, 2: $\chi\rho\epsilon\acute{\omega}\nu \acute{\alpha}\phi\epsilon\sigma\iota\varsigma$ об уже реализованной Клеоменом реформе). Так вместо делового рассмотрения доводов критика Виноградов выдумывал некие правила, якобы подтверждающие его грамматический ляпсус. В-третьих, даже если брать реконструкцию Виноградова в стк. 8 Каллиникова декрета [$\tau\eta\upsilon \acute{\alpha}\pi\omicron\kappa\omicron\tau\eta\iota \tau\acute{\omega}\nu$] $\chi\rho\epsilon\acute{\omega}\nu \epsilon\iota\sigma\eta\upsilon\epsilon\gamma\kappa\epsilon\nu$ «внес предложение об отмене долгов», то и в таком случае — при вынесении предложения на народное собрание — сохраняется формульность рассматриваемого фразеологизма: так, согласно Диодору (XXXII, 26, 3), стратеги Ахейской лиги в целях антиримской пропаганды $\chi\rho\epsilon\acute{\omega}\nu \acute{\alpha}\pi\omicron\kappa\omicron\tau\acute{\alpha}\varsigma \epsilon\iota\sigma\eta\gamma\omicron\upsilon\iota\tau\omicron$ «входили с предложением кассации долгов» на народные собрания ахейцев.

Таким образом, контраргументы Виноградова абсолютно несостоятельны (не говорим уж о том, что они послужили ему основанием для обвинения меня в формализме, склонности к банализации и даже «апокалиптическим аккламациям») и потому его чтение в стк. 8 Каллиникова декрета [$\tau\eta\upsilon \acute{\alpha}\pi\omicron\kappa\omicron\tau\eta\iota \tau\acute{\omega}\nu$] $\chi\rho\epsilon\acute{\omega}\nu$ остается фразеологической фикцией со всеми вытекающими отсюда последствиями: никакой связи с *factis tabulis novis* Макробия тут нет и быть не может, а поскольку это базис его построений исторического плана, то и они остаются фикцией. Напомним читателю свое чтение стк. 8 Каллиникова декрета: [$\delta\iota' \omicron \eta \tau\epsilon \beta\omicron\upsilon\lambda\eta\eta? \tau\omicron$] $\chi\rho\epsilon\acute{\omega}\nu \acute{\epsilon}\kappa\epsilon\iota? \acute{\epsilon}\delta\omega\kappa\epsilon\nu$, $\omicron \tau\epsilon \delta\eta\mu\omicron\varsigma \acute{\epsilon}\sigma\tau\epsilon\acute{\alpha}\nu\omega\sigma\epsilon\nu$] «за что и совет воздал тогда ему должное и народ увенчал»: сохранившееся в тексте надписи слово $\chi\rho\epsilon\acute{\omega}\nu$ может быть понято в данном контексте только как [$\tau\omicron$] $\chi\rho\epsilon\acute{\omega}\nu$ «должное». Возражая против чтения Виноградова и Карышковского в стк. 6–9 Каллиникова декрета, я отметил, что оно не учитывает дистрибуции частицы $\tau\epsilon$ и содержит неприемлемое для контекста восстановление причастия $\acute{\epsilon}\sigma\tau\epsilon\acute{\alpha}\nu\omega\kappa\acute{\omega}\varsigma$. Последнее отметил и Л. Робер (Bull. ép. 1984, 276), поэтому Виноградов в своей книге [1989, с. 161] изменил причастие на личную форму глагола $\acute{\epsilon}\sigma\tau\epsilon\acute{\alpha}\nu\omega\sigma\epsilon\nu$ ¹²⁷, но мои замечания о дистрибуции частицы $\tau\epsilon$ оспорил: в стк. 6–7 надписи эти «частицы соединяют три причастных оборота, выражающих образ и цель действия Каллиника, которое само вслед за этим передано личной формой $\epsilon\iota\sigma\eta\upsilon\epsilon\gamma\kappa\epsilon\nu$. Однако $\tau\epsilon$ — $\tau\epsilon$ соединяет однородные члены, а не разнородные, как у Виноградова — причастие и личную форму. Пр процитирую азбучную истину: $\tau\epsilon$ — $\tau\epsilon$ «иногда соединяет синтаксически неодинаковые элементы, например, причастие и глагол в личной форме» (LSJ, s. v. $\tau\epsilon$ II, 4). Писано будто бы прямо для Виноградова: то, как он понимал дистрибуцию частицы $\tau\epsilon$ в декрете, бывает лишь «иногда» — это исключение, а не правило. Вот почему $\omicron\upsilon\tau\epsilon \phi\iota\lambda\acute{\iota}\alpha\nu$ стк. 6 не соотносится с $\omicron \tau\epsilon \delta\eta\mu\omicron\varsigma$ стк. 8 — речь идет о разных субъектах: $\omicron\upsilon\tau\epsilon$ относится к Каллинику, а $\omicron \tau\epsilon$ к демосу. Иначе говоря, до сохранившегося в стк. 8 слова $\chi\rho\epsilon\acute{\omega}\nu$ следует один период фазы, а начиная с него или с $\omicron \tau\epsilon \delta\eta\mu\omicron\varsigma$ — другой период той же фразы. Понимание Виноградовым дистрибуции частицы $\tau\epsilon$ возможно лишь как исключение из правила. Казалось бы, простая осторожность

¹²⁷ «Забыв» отметить, что эту форму предложил я. В [Pont. St. S. 282] он снова поставил причастие.

эпиграфиста, имеющего дело с разрушенным контекстом надписи, должна была бы удерживать его от ответственных исторических выводов, однако и монография, и другие статьи Виноградова, как мы уже много раз видели и как еще столько же раз увидим, к сожалению, являют собой пример того, что восстановленный текст служил ему обильным источником исторических псевдореконструкций. Иной читатель отнесет этот вывод на счет моего антагонизма с Виноградовым, но по сути такое же заключение дали и другие серьезные специалисты: его реконструкции текста надписей и построенные на них интерпретации «порой авантюристичны» (Ф. Готье), они скорее смелые, нежели убедительные, их всегда надо проверять (А. Грейем) [Graham, 1983, p. 461/2; Gauthier, 1998, p. 1185].

4. ДЕКРЕТ В ЧЕСТЬ СЫНОВЕЙ ХЕРСОНЕСИТА АПОЛЛОНИЯ¹²⁸

Два фр. почетного декрета ольвиополитов в честь сыновей херсонесита Аполлония даны в НО под двумя номерами — 28 и 29, но при этом издатель Леви указала на вероятную принадлежность их одной надписи. В пользу этого высказался Карышковский [1969, с. 114], указавший, что к фр. НО 29 примыкает справа обломок IOSPE I² 240 и, возможно, фр. НО 123. Разъясним расположение указанных обломков (рис. 71, 71а). Фр. НО 28 сохранил первые 18 строк надписи. Фр. НО 29 содержит последние 14 строк декрета. Справа в контакте к нему примыкает фр. I² 240. К последним двум строкам фр. НО 29 слева текстуально подсоединяется небольшой обломок НО 123 [Виноградов, Русяева, 1980, с. 54]. Фр. НО 28 и 29, составляющие соответственно верхнюю и нижнюю части декрета, друг с другом не соединяются. Фр. НО 28, т. е. начало декрета, отбит справа, но в первых строках утрачен небольшой, легко реконструируемый текст, что позволяет определить общее количество содержащихся в каждой строке букв. Это обстоятельство в значительной степени способствует реконструкции текста, который с учетом предложенных другими исследователями добавлений восстанавливаем и читаем так:

ἔδοξε βουλῇ καὶ δήμῳ, οἱ σύνεδροι εἶπαν· ἐπειδὴ Ἀπ[ολλώνιος]
Εὐφρόνεος Χερσονησίτης πολλὰ καὶ μεγάλα εὐεργ[έτηκε τὴν]
πόλιν, ὑπὲρ ᾧν ὁ δῆμος ἀποδιδούς χάριν εἰκόνι καὶ ταῖ[s ἄλλαις]
τιμαῖς ἐστεφανώκεν αὐτόν, οἳ τε ὑεῖς οἱ ἐκείνου Ἀπ[ολλωνίου]
5 καὶ Ἀπολλώνιος καὶ Εὐφρόνης, διαδεξάμενο[ι παρὰ τοῦ πατρὸς]
προαίρεσιν, πᾶσαν εὐνοίαν εἰς τὰ συμφέρον[τα τῷ δήμῳ αἰεὶ
ἀποδεικνύμενοι διατελοῦσιν καὶ ὀφεί[λομένων ὑπὸ τῆς πόλεως]
χρυσῶν τρισχιλίων, οὓς ὁ πατήρ συν[αλλάξας? ἐδάνεισε καὶ τὰς]
ἀποδόσεως τάξεις ἐποίησατο, τοὺς [μὲν χρυσοὺς *e. g.* χιλίους ἀφεί]-
10 κασιν τῇ πόλει, τῶν δὲ καταλειπομέ[νων ἀποδόσει πεποιήκασιν]
χρόνους καὶ διὰ τὴν κοινὴν ἀσθέ[νειαν καὶ πόλεμον? ἄτοκον κομ]-
δὴν συντεταγμένοι εἰσί. δεδόχθ[αι βουλῇ καὶ δήμῳ ἐπαινέσαι]
τοὺς Ἀπολλωνίου ὑεῖς καὶ στε[φανῶσαι αὐτοὺς χρυσῶι στεφάνῳ],

¹²⁸ Опубликовано по частям [Яйленко, 1989; МКЛНО II, с. 4–13], тут они впервые объединены.

IOSPE I² 240

Рис. 71. Декрет в честь сыновей Аполлония HO 28 + 29 + 123 + IOSPE I² 240
(последний фрагмент — фото ОАМ). Фотомонтаж автора

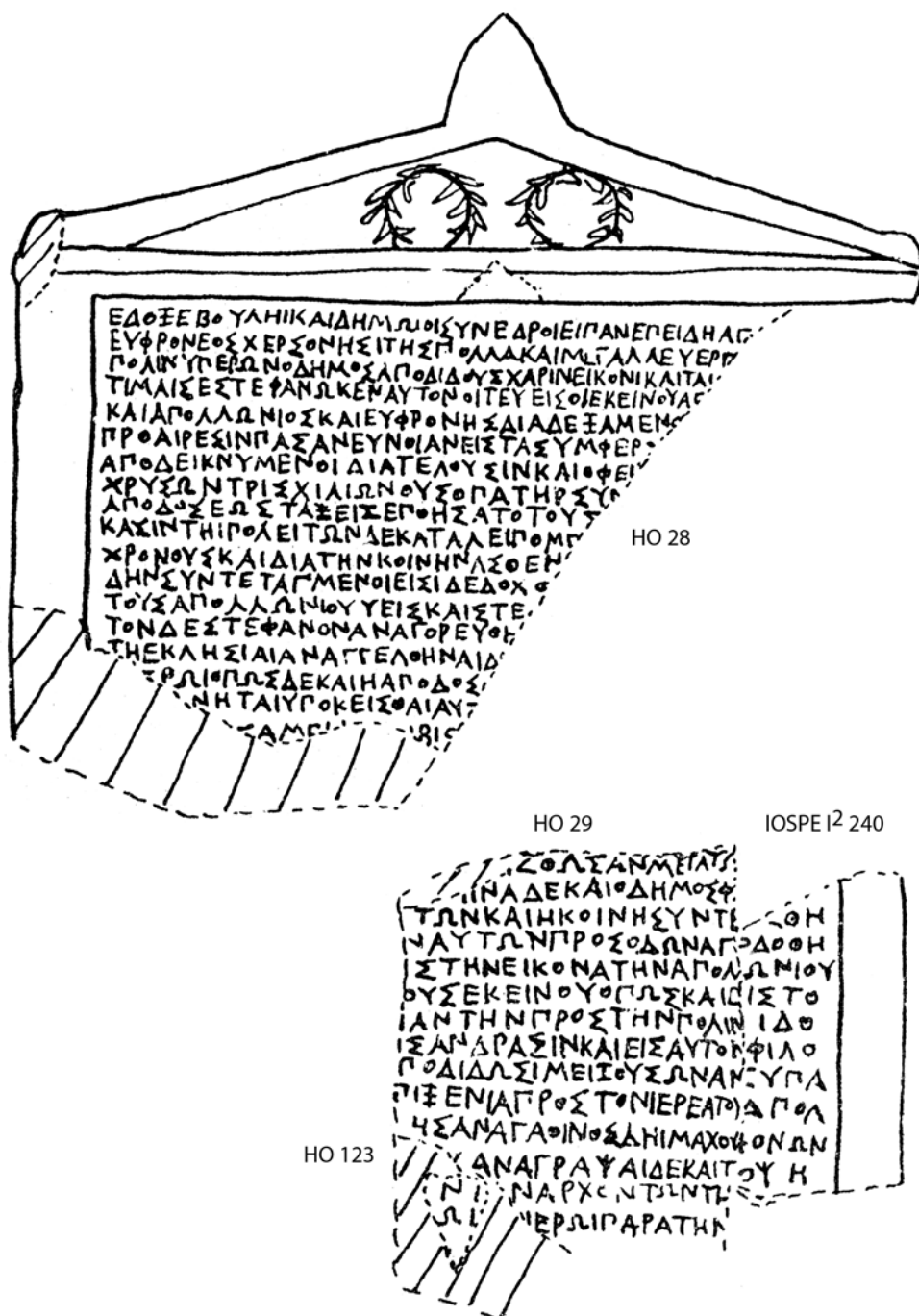

Рис. 71а. Декрет в честь сыновей Аполлония.
Реконструкция [Яйленко, 1989]

- τὸν δὲ στέφανον ἀναγορευθῆ[ναι ὑπὸ τοῦ κήρυκος ἐν τῇ τρί?]-
 15 τη ἐκκλησίαι, ἀναγγελθῆναι δι[ε τὸν στέφανον Διουνυσίοις ἐν τῷ
 θεά]τρῳ, ὅπως δὲ καὶ ἡ ἀπόδοσις τῶν καταλειπομένων ὀφειλημά-
 των γί[νηται, ὑποκεῖσθαι αὐτ[οῖς --^{ca. 22-24}--]
 ...^{ca. 7}...σαμέν[ου το]ῦ βίβ[ου --^{ca. 27-29}--
 --^{ca. 28}--? καλεῖ]σθωσαν μετὰ τῶ[ν εὐερ-
 20 γετῶν εἰς προεδρίαν .....^{ca. 10}.....], ἵνα δὲ καὶ ὁ δῆμος φα[ίνεται
 τιμῶν αὐτοὺς ὑπὲρ τῶν εὐεργετημά]των, καὶ ἡ κοινὴ συντε[λε]σθῇ-
 [ναι θυσίαν, τὸ μὲν ἀργύριον? ἐκ τῶ]ν αὐτῶν προσόδων ἀποδοθῇ-
 [ναι καὶ εἰκόνα τὴν αὐτῶν πρὸ]ς τὴν εἰκόνα τὴν Ἀπολλωνίου
 [ἀνασταθῆναι, οὕτως τιμήσας ὑεῖς τ]οὺς ἐκείνου, ὅπως καὶ εἰς τὸ
 25 [μὲν λοιπὸν παρέχωνται αὐτοῖ χρ]εῖαν τὴν πρὸς τὴν πόλιν, [ε]ἰδό-
 [τες, ὅτι ὁ δῆμος τοῖς τε ἀγαθοῖ]ς ἀνδράσιν καὶ εἰς αὐτὸν φιλο-
 [τιμίαν τε ποιοῦσιν τὰς χάριτας ἀ]ποδίδωσι μείζους ὧν ἂν εἶ πά-
 [σχῃ. καλέσαι δὲ αὐτοὺς εἰς ἱερὸν ἐ]πὶ ξένια τὸν ἱερέα τοῦ Ἀπόλ-
 [λωνος ἐς αὐριον σύνεδροι ἡιρέ]θησαν Ἀγαθίνος Δημάχου, Κόνων
 30 [? Βα--, ὁ δεῖνα τοῦ --ο]ν. ἀναγράψαι δὲ καὶ τὸ ψή-
 [φισμα ἐς στήλην λευκοῦ λίθου ἀναλωμάτω?]ν τ[ῶ]ν ἀρχόντων, τῇ[ν δὲ
 στήλην σταθῆναι ἐν τῷ τοῦ Ἀπόλλ]ω[ος] ἱερῶι παρὰ τὴν [εἰκόνα]

«Постановлено советом и народом, синедры предложили: поскольку Аполлоний Евфронов, херсонесит, оказал городу многие и значительные благодеяния, за которые народ, воздав благодарность рельефом с его изображением и прочими почестями, увенчал его, также и сыновья этого Аполлония Аполлоний и Евфрон, унаследовав от отца склонность, всегда продолжали выказывать всяческое благорасположение к делам народа и из одолженных городом трех тысяч золотых, которые отец, вступив в сделку (?), ссудил и которых установил порядок возврата, (е. г.) тысячу золотых простили городу, а возвращение остающихся сумм отсрочили по причине общей скудости и войны (?) и установили беспроцентный возврат. Постановлено советом и народом поблагодарить сыновей Аполлония, увенчать их золотым венком и глашатаю объявить об увенчании в третью (?) экклесию, возвестить же о венке во время Дионисий в театре. Чтобы и возврат оставшихся сумм долга имел место, заложить у них -- имущества -- пусть зовут в первые ряды в числе прочих благодетелей -- чтобы и народ казался воздающим почести им за благодеяния; и а также пусть свершится общее жертвоприношение, средства же на это выделить из тех же самых поступлений. И поставить рельеф с их изображением рядом с рельефом Аполлония, таким образом почтив его сыновей, чтобы и в будущем они оказывали городу услуги, зная, что народ достойным и проявляющим к нему щедрость мужам воздает благодарность большую, нежели окажут ему. Пусть жрец Аполлона пригласит их на угощение в святилище назавтра. Синедрами избраны Агатин Деимахов, Конон Ба--, имярек, сын такого-то. Также вырезать данное постановление на беломраморной стеле за счет средств (?) архонтов, и поставить ее в святилище Аполлона рядом с рельефом».

Итак, данный декрет чествует сыновей херсонесита Аполлония, которые оказали большую услугу Ольвии, находившейся в затруднительном финансовом положении. Судя по тексту, они отказались от процентов со ссуды в 3000 золотых и, кажется, от части самой ссуды, а также установили новый, более благоприятный

для города порядок и срок возврата долга. Поскольку декрет сильно фрагментирован, большую помощь в восстановлении утраченного текста оказывает близкий по времени Протогеновский декрет. Опубликованный в НО по частям декрет в честь сыновей Аполлония оставался малоинформативным историческим источником¹²⁹. Напротив, Л. Моретти дал хороший комментарий, хотя использовал только фр. А с учетом восстановлений Б. Лифшица, Ж. и Л. Роберов [Moretti, 1976, p. 161/3]. Он отметил, что Аполлоний ссудил ольвиополитам большую сумму — 3000 золотых (10 талантов), это одна из самых больших ссуд эллинистического времени. Частное лицо не могло бы ссудить больше, только храмы или полисы: например, на рубеже IV–III вв. Родос ссудил 100 беспроцентных талантов Аргосу [Moretti, 1967, № 40]. По времени декрет в честь сыновей Аполлония, счел Моретти, отстоит недалеко от декрета в честь Протогена ок. 230 г., который ссужал городу крупные суммы — в целом около 50–60 талантов. Он чаще списывал эти долги, и не все займодавцы были столь благосклонны: например, в Протогеновском декрете упоминается некий Полихарм, который взял в обеспечение возврата одолженных им денег сосуды из святилища. Столь тяжелое положение Ольвии непохоже на другие города — она была в варварском окружении, ее хора сократилась, экономика ее находилась в очень тяжелом положении. Для возврата долга сыновьям Аполлония в обусловленный новым договором срок ольвиополиты заложили им часть своих городских доходов. Такая практика, отметил Моретти, хорошо засвидетельствована источниками¹³⁰.

Перейдем к текстологии; восстановленный полностью декрет становится существенным источником наших сведений об Ольвии III в. до н. э. Незначительно утраченный в первых трех строках текст уверенно восстановлен Леви. Эти прочные восстановления указывают, что в стк. 1, 3 содержалось по 50 букв, в стк. 2–48 букв, т. е. в каждой строке декрета было около 48–50 букв. В стк. 4 Леви предположительно дополнила Α[πολλόδωρος] в качестве имени первого из сыновей Аполлония, отметив при этом, что не вполне ясно, два их было или три, поскольку на фронто-не надписи изображены два венка [Леви, 1956, с. 95]. По этому поводу отметим, что изображение двух венков на стеле определенным образом свидетельствует о чествовании декретом двух сыновей Аполлония, поскольку каждый венок отображал акт увенчания по постановлению совета и народа (так в надписях IOSPE I² 279, 280). Более прозрачно это обстоятельство иллюстрируется, к примеру, афинским декретом в честь акарнанцев Формиона и Карфина (Syll.³ 259, 338 г.), текст которого заключен в конце изображением двух венков, в середине которых обозначено: «народ увенчал Формиона» и «народ увенчал Карфина». Еще пример: на стеле с декретом II в. до н. э. из Деметриады в Фессалии, чествующим трех третейских судей, их секретаря и город Гераклею, который прислал судей, помещены изображения соответственно пяти венков [Guarducci, 1970, p. 613/4]. Есть и другие примеры, которые показывают, что количество изображенных на стеле венков соответствует числу чествуемых лиц¹³¹. Таким образом, ольвийский декрет честву-

¹²⁹ Издатель НО 28 Леви отметила лишь, что «надпись является важным документом, свидетельствующим об экономическом кризисе Ольвии ок. середины III в. до н. э. Она указывает также на тесные связи Ольвии с Херсонесом Таврическим в эллинистическое время».

¹³⁰ Их собрал Л. Робер [Bull. ép. 1959, 43], например, надпись из Оропа [Moretti, 1976, № 61].

¹³¹ [SEG 15, 1958, № 104 (Аттика, 127a, почести эфебам). ID, 1937, № 1497 bis, 1498, 1519].

ет двух сыновей Аполлония — Евфрона и Аполлония, имена которых сохранились в начале стк. 5, а в конце стк. 4 следует дополнять имя их отца, т. е. ἐκεῖνον Απ[ολλωνίου]¹³².

В стк. 5 Роберы [Bull. ép. 1956, 192] предложили чтение διαδεξάμενο[ι τὴν πατρικὴν] προαίρεσιν, а Леви — διαδεξάμενο[ι παρὰ τοῦ πατρὸς]. Оба восстановления возможны, но по большему числу букв предпочтительнее второй вариант. Ср. также близкую формулировку Протогеновского декрета (А. 6–7): Πρωτογένης τε διαδεξάμενος τῇ παρὰ τοῦ πατρὸς εὐνοίαν. Такая формулировка, гласящая об унаследованной от предков склонности, известна и другим декретам эллинистического времени (например, Syll.³ 434, около 266а). К дополненному Леви в стк. 6 фразеологизму (т. е. устойчивому выражению) τὰ συμφέρον[τα τῷ δήμῳ] (ср. Syll.³ 362, Афины, 299 г. до н. э.) добавляем для соблюдения должной длины строки в 48–50 букв обычное в таких выражениях [αἰεὶ], ср., к примеру, ἀεὶ διατελεῖ τὰ συμφέροντα τῇ πόλει (Syll.³ 412, 413, Эрифры, IIIa) или ἀεὶ τὰ συμφέροντα διαπρασσόμενος декрета этолян в честь Евмена II и братьев (Ib. 629, 182 г. до н. э.).

Со стк. 7 следует основное содержание декрета — ведется речь о долге Ольвии херсонеситу Аполлонию, который к моменту издания данного декрета скончался, и заимодавцами стали его сыновья. К восстановлению Леви ὀφεί[λομένων] ср. ὀφειλομένων αὐτῶι καὶ πατρὶ χρυσῶν ἑξακισχιλίων Протогеновского декрета (В. 84–85). В лакуне стк. 7 Леви [1956, с. 96] сначала восстановила к ὀφεί[λομένων] пояснение [ὑπὸ τῆς πόλεως], но в НО 28 отказалась от него. Однако оно может быть принято, так как в стк. 10 декрета указывается, что часть задолженности сыновья Аполлония простили «городу» (τῇ πόλει). Роберы [Bull. ép. 1956, 192] предположительно восстановили здесь близкое ὀφεί[λομένων αὐτοῖς παρὰ τῇ πόλει?]. В лакуне стк. 8 Леви дополнила συ[νένευκε] в смысле «ссудил» (в ее переводе: «три тысячи золотых, которые отец ссудил»), но глагол συμφέρειν означает не ссуду денег, а лишь акт выдачи, внесения их (например, Herod. III, 92; Syll.³ 646). Поскольку далее в декрете речь идет именно о ссуде (ὀφεί[λομένων] стк. 7 означает задолженную сумму, и далее говорится о возврате долга), то в лакуне стк. 8 следует восстанавливать глагол δανείζειν «давать в долг, ссужать», фигурирующий по аналогичному поводу в ряде надписей. Так, наксосец Праксилл ссудил городу аркесинцев три таланта (ἐδάνεισεν τῇ πόλει, Syll.³ 955, IV–IIIa). Тем же аркесинцам и Андروتсион дал беспроцентную ссуду (χρήματα δανείσας ἐγ καίρωι τῇ πόλει, Syll.³ 193, 357 г. до н. э.). Такое же указание на получение ссуды (δανείσασθαι) есть и в оропской проксении IIIa (Syll.³ 544). В декрете гифейцев в честь братьев Клоациев (Syll.³ 748, 71 г. до н. э.) дана такая формулировка: συναλλάξαι, ἐδάνεισαν ὑμῖν δραχμὰς τετρακισχιλίας διακοσίας — когда никто не хотел «вступать с городом в сделку, они одолжили нам 4200 драхм». Это συναλλάξαι позволяет предположить следующее примерное восстановление лакуны стк. 8 ольвийского декрета:

¹³² По Леви (НО 28), имя первого сына Α[πολλόδορος]. Обратим, однако, внимание, что над буквой Π имени находятся в конце стк. 1 эта слова ἐπειδὴ и иота члена ταῖς стк. 3, и следующий за этими буквами текст несколько короче, нежели в дополнении Α[πολλόδορος]. Даже это обстоятельство указывает на необходимость чтения более короткого имени. По частому обычаю именовать сына по отцу читаем Α[πολλώνιος]. Ни вопроса о венках, ни этого обстоятельства не понял Плектет, который предпочел дополнение имени Аполлодор (SEG 39, 702).

χρυσῶν τρισχιλίων, οὓς ὁ πατήρ συν[αλλάξας? ἐδάνεισε καὶ τὰς] ἀποδόσεως τάξεις ἐποίησατο «трех тысяч золотых, которые отец, вступив в сделку, ссудил и установил порядок возврата». Конечно, вместо συναλλάξας здесь могло стоять и другое причастие, скажем, συνενέγκας «внеся» (от глагола συμφέρειν) или причастия от глаголов συγκαλεῖν, συγχωρεῖν и т. д. Но это детали, нам важно на основании приведенных параллелей заключить, что в лакуне стк. 8 содержался глагол δανείζειν, которому, скорее всего, предшествовало причастие¹³³. Аналогичное сочетание причастия с глаголом, выражающее предоставление ссуды, есть и в Протогеновском декрете (А. 69): ἐνέγκας ἔδωκεν «внеся, ссудил», где ἔδωκεν выступает эквивалентом глагола ἐδάνεισεν, как явствует из контекста: Протоген «дал в долг» городу тысячу золотых, триста из которых беспроцентно. Глагол δανείζειν еще не встречался в ольвийских надписях, но в Протогеновском декрете упоминаются δανεισταί (В. 84).

По поводу содержания стк. 9–12 Роберы отметили: «Без сомнения, сыновья сначала отказались от процентов и заключили сделку с отсрочкой для получения обратно ссуженных денег: τοὺς [μὲν τόκους --] κασιν τῇ πόλει, τῶν δὲ καταλειπομέ[νων χρημάτων --]. Эту мысль Роберов развил Моретти: τοὺς [μὲν προτέρους τόκους ἀφεί] κασιν τῇ πόλει, τῶν δὲ καταλειπομέ[νων ἀναβεβλήκασι τοὺς] χρόνους καὶ διὰ τὴν κοινὴν ἀσθέ[νεια]ν ἐν ἔτεσι δυσὶν? τὴν κομ[μ]ὴν δὴν «*прежние проценты* простили городу, оставшихся же *отсрочили* время и ввиду общей скудости возвратом *установили два года (?)*». В этом восстановлении надежны [ἀφεί] κασιν, [ἄτοκον κομ] δὴν и реализация мысли Роберов об отсрочке долга. Ю. Г. Виноградов воспринял дополнения Моретти, но часть их переиначил: τοὺς [μὲν τόκους γενομένους ἀφεί] κασιν τῇ πόλει, τῶν δὲ καταλειπομέ[νων ἀποδόσει ἐμπεποιήκασι] χρόνους καὶ διὰ τὴν κοινὴν ἀσθέ[νεια]ν ἄτοκον τοῦ ἀρχαίου? κομ[μ]ὴν, т. е. братья простили городу накопившиеся с долга проценты и отсрочили возврат оставшихся сумм долга, установив его беспроцентным [Pont. St. S. 94, Anm. 137]. Что взято у Моретти, то надежно¹³⁴, собственные дополнения Виноградова маловероятны. Его восстановление [ἄτοκον κομ] δὴν — беспроцентный возврат оставшихся сумм долга — само по себе делает излишним добавление в лакуне стк. 9 клаузулы о кассации накопившихся процентов (т. е. излишне его дополнение τόκους γενομένους). Вообще, на наш взгляд, в стк. 9–12 речь скорее идет о кассации сыновьями Аполлония не только процентов с долга, но и части самого долга, к примеру, тысячи золотых: τοὺς [μὲν χρυσοὺς ε. g. χιλίους ἀφεί] κασιν. Например, в упоминавшемся декрете гифейцев в честь братьев Клоакиев, которые ссудили городу 4200 драхм из расчета 48 процентов годовых, говорится, что через некоторое время братья понизили процент наполовину, до 24 процентов годовых, и уступили полису из долга (ἀπὸ τοῦ ὀφειλομένου χρημάτων) 1500 драхм (Syll.³ 748. 34–39). Еще пример: полис акрифейцев одолжил у Каллона 1672 драхмы и 5 с половиной оболов, из которых заимодавец все простил городу, кроме 1000 драхм, в том числе и проценты со всей одолженной

¹³³ Принадлежность префикса συν[--] причастию предполагали Роберы: πατήρ συν[--] (participe ? περὶ τῆς) ἀποδόσεως [Bull. ép. 1956, 192]. Разумеется, в лакуне можно восстанавливать артикль τῆς κ ἀποδόσεως, как у Роберов, и τὰς κ τάξεις, как в нашей реконструкции.

¹³⁴ Поскольку сам Виноградов не указал, что именно он позаимствовал у Моретти, а лишь предложил читателю сравнить («Vgl. L. Moretti. № 132»), за него это сделал редактор SEG 29, 716.

суммы — τόκων παντὸς τῷ ἀργυρίῳ, а именно накопившиеся за пятилетие 835 драхм¹³⁵.

В свете приведенных параллелей такое понимание стк. 9–12 представляется не менее вероятным, нежели *sans doute* мысли Роберов о τοὺς [μὲν τόκους --] в лакуне стк. 9. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что в декрете гифейцев, трактующем аналогичную тему, нет речи о том, что братья Клоации простили полису «накопившиеся проценты», поскольку сама клаузула о понижении процентной ставки вдвое делает такое упоминание излишним. Что касается дополненного Виноградовым в стк. 11 указания на беспроцентный возврат суммы собственно долга — [ἄτοκον τοῦ ἀρχαίου? κομ]δὴν (*ср.* κομιδή как возврат долгов в Протогеновском декрете, также κομιδὴ τῶν τόκων καὶ τῶν ἀρχαίων в Syll.³ 1047), то упоминание при катаλειπομέ[νων] еще раз той же самой суммы долга — τοῦ ἀρχαίου — приводит к тавтологии и до некоторой степени противоречиво по смыслу, так как катаλειπομένων, собственно, указывает на остаток долга, а τοῦ ἀρχαίου — на всю сумму долга. Поскольку τῶν катаλειπομέ[νων] стоит в сохранившемся тексте, восстановление τοῦ ἀρχαίου вряд ли имеет основание. Ввиду сказанного предположительно восстанавливаем в лакуне стк. 11 нейтральное διὰ ἀσθ[ε]νείαν καὶ πόλεμον? ἄτοκον κομ]δὴν, *ср.* близкое выражение Протогеновского декрета (В. 80) διὰ τε τοὺς πολέμους καὶ τὰς ἀφορίας κτλ. — всё в городе находилось в упадке «из-за войн и недорода, а городская казна совершенно истощилась». Предложенное Виноградовым справедливое по мысли восстановление лакуны стк. 10 дает длину строки в 53 буквы. Это многовато, и вместо [ἐμπειροήκασιν], может быть, следует читать тот же глагол, но без префикса — [ππειρήκασιν], как у *Dem.* XIX, 163: ἐπείησαν χρόιον (впрочем, некоторые полагают, что в данном пассаже Демосфена следует читать ἐνεπείησαν).

Стандартные стк. 12–13 декрета вполне дополнила Леви. Ее восстановление в стк. 14–15 ἀναγορεύθ[η]ναι ὑπὸ τοῦ κήρυκος -- ἐν] τῇ ἐκ(κ)κλησίᾳ предположительно дополняем указанием [--ἐν τῇ τρί?]ττῇ ἐκκλησίᾳ «в третью экклесию» по образцу аттических декретов: в Афинах дела, касающиеся иностранцев, подлежали разбору в третью экклессию¹³⁶. Стк. 15–16 предписывают объявить в театре об увенчании сыновей Аполлония. Подобная почесть оказывалась наиболее отличившимся лицам. В Аттике оглашение заслуг таких лиц в театре происходило в последние дни Больших Дионисий, праздновавшихся 8–13 числа весеннего месяца Элафеболіона (Syll.³ 287, 374, 485 и др.). Оглашение увенчания или само увенчание чествуемого лица в театре на празднике Дионисий имели место и во многих других греческих полисах, например в Приене, Эрифрах, Пепарефе (Syll.³ 282, 412, 587), Месембрии (IG Bulg. I² 307). В Херсонесе на Дионисиях предполагалось увенчание историка Сирика (IOSPE I² 344). В Ольвии оглашение венка в театре на Дионисиях засвидетельствовано Каллиниковым декретом. Все это делает достаточно уве-

¹³⁵ [Pleket, 1964, № 30]. Здесь же в надписи № 31 также идет речь о прощении заимодавцем части ссуды.

¹³⁶ Согласно ольвийскому декрету рубежа эр в честь Никерата, и здесь слово ἐκκλησία писалось через одну *каппу*; поскольку это написание засвидетельствовано и в более раннем декрете в честь Протогена, можно думать, что оно было здесь, как и в других городах, традиционным, поэтому ἐκκλησία декрета в честь сыновей Аполлония не требует, вопреки утверждению Леви, исправления. На это указали Роберы. В стк. 14 они дополнили ἀναγορεύθ[η]ναι ὑπὸ τοῦ ἱεροκήρυκος --].

ренным восстановление Леви в стк. 15 [τοῖς Διονυσίοις? ἐν τῷ θεᾷ]τρῳ. Его необходимо дополнить обязательным указанием на объект оглашения — венки: ἀναγγελλῆναι δ[ὲ τὸν στέφανον Διονυσίοις ἐν τῷ θεᾷ]τρῳ. Обычно Διονυσίοις употребляется с членом, но иногда, как, например, в указанной месембрийской надписи, и без него. Впрочем, вместо τὸν στέφανον мог быть употреблен его эквивалент, например αὐτόν, что, соразмерясь с числом букв в строке, дает возможность дополнить τοῖς Διονυσίοις¹³⁷.

Разница между глаголами ἀναγορεύειν и ἀναγγέλλειν стилистическая: если первый по преимуществу употребителен в деловой прозе и ораторских речах¹³⁸, то второй принадлежит высокому стилю, употребляется в поэтическом лексиконе и прозе. Ср. ἀναγγελάτωσαν... τὸν στέφανον τοῖς Διονυσίοις «пусть возвестят... о венке на Дионисиях» (Syll.³ 412. 13, декрет IIIa из Эрифр), также ὁ κήρυξ ἀναγγεῖλη, ὅτι στέφανοι ὁ δῆμος «глашатай возвестит, что народ увенчивает» (благодетельницу Гегесарету), и там же: ἀναγγεῖλέτωσαν δὲ καὶ ἀγωνοθέται τοῖς Ἑκατομβίοις ἐν τῷ θεάτρῳ... τὸν στέφανον «пусть агонοфеты объявят на Гекатомбиях в театре... о венке» (Syll.³ 1047, Миноя на Аморгосе, ок. 100 г. до н. э.).

Со стк. 16 следует важный, но почти полностью утраченный текст о дальнейших финансовых взаимоотношениях сыновей Аполлония с Ольвией в связи с погашением долга. Ясно, что ἡ ἀπόδοσ[ις] стк. 16 соответствует тому же слову ἀποδόσεως стк. 9, т. е. и здесь идет речь о возврате долга, точнее его части, оставшейся после кассации процентов, и как мы предположили выше, какой-то части ссуды (стк. 9–12). Это указывает, что в лакуне стк. 16 могло стоять упоминавшееся в стк. 10 καταλείπομε[ν] с соответствующим существительным или без него, например ὀφειλημάτων. В документах, трактующих вопрос о возврате долга, встречаются выражения ἀπόδοσιν τῶν δα[νείσθέντων] χρη[μ]άτων «возврат одолженных денег» или ἀπόδοσιν τοῦ δανείου «возврат долга» [Pleket, 1964, № 28, 33], они могли быть и в нашей ольвийской надписи. В любом случае сохранившиеся начало и конец периода рассматриваемой фразы, обозначенного в стк. 16 словом ἀπόδοσις и в стк. 17 словом γί[ν]ηται (вся фраза продолжалась до стк. 18 и, возможно, далее), бесспорно показывают, что в данном целевом придаточном предложении, открываемом союзом ὅπως, трактуется вопрос о возврате долга. Это предполагает следующее дополнение стк. 16 и 17: ὅπως δὲ καὶ ἡ ἀπόδοσ[ις] τῶν καταλείπομένων ὀφειλημάτων γί[ν]ηται, ὑποκεῖσθαι αὐτ[οῖς] --] «чтобы и возврат оставшихся сумм долга имел место, заложить у них...»¹³⁹. Близкую ситуацию находим в декрете Истрии ок. 200–150 гг. в честь каллатийца Гефестиона [Moretti, 1976, № 130], который ссудил городу 300 золотых, однако в положенный по контракту срок город не смог выплатить долг и через какое-то время он вырос с процентами до 400 золотых: при 8,33 % годовых (= 25 статеров) 100 золотых выросли за 16 лет (проценты нарастали с суммы долга, а не с суммы долга + проценты). Гефестион умер, и его сын согласился снять выросшие проценты — был заключен новый контракт о возврате первоначальной суммы в 300 золотых в течение 2 лет. Моретти [1976, р. 159] отметил, что более или менее близкая картина представлена в ряде

¹³⁷ Провозглашение венка на Дионисиях принято и в других полисах (Michel, 352 и др.).

¹³⁸ Этот прозаизм употреблялся в поэтическом языке ольвийских версификаторов [ГЛБО II, с. 91].

¹³⁹ Уже Роберы читали здесь γί[ν]ηται, ὑποκεῖσθαι αὐτ[οῖς] --], что не нашло отражения в НО 28.

надписей, в частности в декрете о Кононе из Фисбы (№ 66 его сборника). Добавим подобного рода историю в почетном декрете II или I в. до н. э. из Абдер в честь инополита (?), который предоставил городу ссуду (SEG 47, 1027). Его лексика близка лексике ольвийского декрета: [--]ν τῶν προδ[ανιστῶν --]δ[ανείσῃ τῇ πόλει το[--] π[ροθύμῳς ἐπιδοῦς ἐ[αὐτὸν εἰς τὰ παρακαλούμενα | ἐ]δάνεισεν τὰ χρήματα [ἐνδεμήσας? εἰς τὴν πόλιν] ἡμῶν καὶ ἐπιγνοῦς --]οἰς διὰ τῶν τόκων [βαρύτητα--] καὶ ἐν τούτοις φανεράν [ἐπεδείξατο τὴν πρὸς ὑμᾶς | εὖ]νοιαν οὐ μόνον κατ[ὰ κοινόν, ἀλλὰ καὶ κατ' ἰδίαν | τ]οῖς ἐπιδομένοις [-- ὑπεόχετο || δ]ανείσειν ἀργυρίου [--]δέκα τόκων ἐλαφρῶν[--].. τυχόντες ἐλαφ[ρῶν].. ἂν εἰκὸς καταβαλῶ[μεν--] ἂ πόδοσιν ποιήσω[μεν] ἂν ἀστροφὴν τῶν πολ[ειτῶν--]..ν δὲ ἄλλων πολ[ιτῶν--]δ[ανεισαμένους κ[--]..αν καὶ τὴν ΕΠΙΣ-- |.. ἀπόδοσιν κατ[--]..... ἦκεν εἰς βε[βαιωτῆρας?--]--]ΓΑΙΝΙ-- «-- посредников по заключению ссуды -- даст городу -- охотно предоставив себя для покрываемого долга, одолжил средства, *прибыв в наш* город и узнав -- вследствие *тяжести* процентов -- и при этом *выказал* очевидную благосклонность к нам — не только к общественным делам, но и частным: нуждающимся -- пообещал одолжить денег -- легких десяти процентов -- оказавшимся нетрудных -- по справедливости уплатим -- осуществим выплату при возвращении граждан -- других же граждан -- ссуженные -- возврат -- достичь надежных --». Ситуация в Абдерах близка ольвийской: заемщик охотно ссужал городу и частным лицам деньги, которые ввиду тяжелого положения было трудно вернуть в положенное время; заимодавец учитывал плохое состояние дел должников и предоставлял отсрочки подпадающие 10 %, что способствовало возврату долгов. Эта надпись подсказывает варианты дополнений и подтверждает наши чтения.

В греческой финансовой практике ссуда обеспечивалась залогом, доходы с которого шли в уплату долга. Например, в упомянутом законе аморгосской Минои в обеспечение возврата ссуды дан залог (τὸ ἐνέχυρον, Syll.³ 1047). Наксо-сец Праксилл, ссудивший аркесинцам 3 аттических таланта, взял в обеспечение возврата долга общественное и частное имущество аркесинцев и их ксенов (Syll.³ 955). Согласно декрету из Олима, возврат городского долга производился из городских доходов [Pleket, 1964, № 26, IIIa]. Сказанное показывает, что выражение ὑποκεῖσθαι αὐτ[οῖς] ольвийского декрета означает заклад каких-то доходов или имущества ольвиополитов сыновьям Аполлония в обеспечение возврата долга¹⁴⁰.

В связи с установленным контекстом незначительные остатки стк. 18 читаем так: [...^{ca. 7}....]σαμέν[ου το]ῦ βί[ο]υ --^{ca. 27–29}--] «...ного имущества». Вполне читаемое здесь τοῦ βί[ο]υ, безусловно, имеет значение «имущество, средства» (ср. Syll.³ 708.

¹⁴⁰ О наличии такой практики в Ольвии, как отмечали Роберы, свидетельствует Протогеновский декрет (А. 14–20): в обеспечение займа в 100 золотых архонты заложили священные сосуды у ксена Полемарха. Декрет галикарнасцев [OGIS 46 = Pleket, 1964, 33] показывает, что именно город может заложить в обеспечение возврата долга. Они взяли ссуду на постройку стои в честь Птолемея (Филадельфа, 285–247, или Евергета, 247–221), для возврата которой отдали в заклад городские пошлины за вход в гавань (πεντεκοστή), за удостоверение подлинности торговых и прочих сделок (γράφιον τῶν ὄρκων), из годового дохода города (ἐκ τῆς οἰκονομίας). Также продается неподходящий для нового здания строительный материал предшествующего сооружения — столбы, деревянные части, керамическая кровля, разбирается часть колоннады, идущей к дикастерию, также заложены (ὑποκεῖσθαι) заимодателям доходы с аренды за работы. Доходы обозначены словом κομισαμένα, как в декрете сыновей Аполлония.

33; 762. 39–40; 800. 15–16) в установленном контексте о закладе ольвиополитов сыновьям Аполлония, которым обеспечивался возврат долга. Отсюда явствует, что объектом залога было какое-то имущество, доходы с эксплуатации которого шли в зачет уплаты долга. От причастия, пояснявшего, что это было за имущество, осталась только флексия медиального аориста --σαμέν[ου].

Следующий за рассмотренным фрагментом НО 28 обломок НО 29 сохранил исторически малоинформативную заключительную часть декрета, которая содержит обычные для почетных надписей вежливые формулировки совета и демоса, адресованные тщеславию чествуемых лиц и самого полиса. В стк. 19 сохранились окончание императива и союз, которые Роберы восстанавливали как [--καλέϊ]σθωσαν μετὰ τῶν εὐεργετῶν εἰς προεδρίαν·] ἵνα δὲ καὶ «пусть зовут вместе с другими благодетелями в первые ряды. Чтобы и...»¹⁴¹. В пандан к данной клаузуле о призвании благодетелей города в первые ряды на общественных собраниях следует содержащееся в стк. 20 целевое придаточное предложение. В конце стк. 20 восстанавливается обычное в таких предложениях φαίνηται] (ср. [ἵνα (ὅπως) οὖν ὁ] δῆμος] φαίνηται декрета НО 27. 7–9, также 35. 1–3). Следующий в лакуне стк. 21 нашей надписи текст достаточно хорошо реконструируется по типовой формуле почетных декретов ἵνα (ὅπως) ὁ δῆμος φαίνηται τιμῶν с указанием чествуемых лиц в вин. падеже (Syll.³ 409, 412, 535, 587, 651, 762 и др.). Ее причастный оборот с τιμῶν фигурирует в ольвийской надписи НО 45. 10–11: ὁ δῆμος... τιμῶν τοὺς ἀγαθοὺς [σ' ἀνδρας] «народ... чтя добрых мужей». С данной формулой восстанавливаем сохранившееся за лакуной стк. 21 окончание [--]των как ἵνα δὲ καὶ ὁ δῆμος φαίνηται τιμῶν αὐτοὺς ὑπὲρ τῶν εὐεργετημάτων]των «чтобы и народ выказывал им почести за благодеяния», ср. при ἵνα δὲ καὶ ὁ δῆμος φαίνηται обоснование τῶν γενομένων εὐεργετημάτων «за оказанные благодеяния» декрета Пепарефа в честь Филоксена (Syll.³ 587 от 196 г. до н. э.). Параллель к конструкции с ὑπὲρ дает Плутарх (Мог. 1122a).

Следующий далее текст образуют фр. НО 29 и примыкающий к нему справа в контакте обломок I² 240, хранящийся в ОАМ. В стк. 21–22 содержится предписание, продолжающее предыдущую клаузулу, о предоставлении народом почестей благодетелям. Сохранившийся текст стк. 21 (= НО 29, стк. 3) Б. Лифшиц в указанной статье восстанавливал как ἵνα δὲ -- καὶ ἡ κοινὴ συντη[ρήσεται γνώμη], но Роберы отметили, что на сколе справа сохранились остатки *эпсилона*, а не *эты*, и читали здесь ἡ κοινὴ συν[ελήται τιμή]. Названным авторам осталось неизвестным указание Карышковского, что справа к НО 29 примыкает фр. I² 240, но они прозорливо восстановили здесь глагол συντελεῖν. Сам Карышковский [1969, с. 114] прочел здесь συντη[λή]ς ON (три последние буквы видны на фр. I² 240). Таким образом, вопрос о дополнении лакуны стк. 21 оставался открытым¹⁴². Рассмотрим его детально.

¹⁴¹ Bull. ép. 1970. № 480. Здесь же Роберы привели восстановление этой строки [στέφανου]σθωσαν, предложенное Б. Лифшицем в недоступной нам статье [Lifschitz, 1969, p. 243/56].

¹⁴² Оставляем за скобками анекдотическое решение Виноградова. Отметим, что все ранее предложенное «не может быть принято» [1989, с. 214], он тем не менее позаимствовал у Лифшица глагол συντερεῖν «сохранять» и дал такое чтение: ἵνα δὲ καὶ ὁ δῆμος φαίνηται | ἄξιος τῶν αὐτὸν εὐεργετούντων καὶ ἡ κοινὴ συντη[ρή]σου[τα πάντα καταλειπόμενα τῶν] προσόδων κтл. «чтобы и народ явно был (достойн благодействующих его) и было бы в целом сохранено (все оставшееся) из их доходов, вернуть (им это) установкой рядом со статуей Аполлония изображения и его сыновей» [1989, с. 216].

В реконструкции текста стк. 21–22 решающие данные представляет соответствующий пассаж ольвийского декрета III в. до н. э. в честь родосца Гелланика: [-- χρημάτων], ἐξ ὧν αἴτε κοί[ναί] θυσίαι [--]η θύονται «...средств, из которых производится отправление общих жертвоприношений» (I² 30. 4–5). Каковы бы ни были по своей достоверности детали этого восстановления, предложенного Латышевым, ясно, что здесь содержатся предписания о совершении общих жертвоприношений (κοί[ναί], θύονται), и этим предписаниям соответствуют ἡ κοινή и συντελεῖν стк. 21 декрета в честь сыновей Аполлония, поскольку выражение συντελεῖν θυσίαν «производить жертвоприношение» является полным эквивалентом выражения [θυσίαν] θύειν декрета в честь Гелланика. Выражение συντελεῖν θυσίαν обычно для греческих декретов (Syll.³ 604, 631, 661, 1046 и др.). Именит. падеж прилагательного ἡ κοινή указывает, что в лакуне стк. 22 слово θυσία должно быть восстановлено в номинативе, а это предполагает пассивную форму глагола συντελεῖν, как, например, в аморгосском декрете в честь Эпиномида: ἡ θυσία συντελεῖτο (Syll.³ 1046, ок. 250 г. до н. э.)¹⁴³. С таким предварительным заключением полностью согласуются остатки букв, сохранившиеся в стк. 1 фр. I² 240, которые составляют конец стк. 21 декрета (= НО 29, стк. 3). Здесь видны нижняя наклонная гаста *сигмы*, круглая буква (*омикрон* или *тета*) и *эта*, что в целом дает выражение καὶ ἡ κοινή συντε[λε]σθῆ[ναι] θυσίαν «и пусть совершится общее жертвоприношение»¹⁴⁴. Дальнейший текст стк. 22: [-- τῶ]ν αὐτῶν προσόδων ἀποδοθῆ[ναι] показывает, что здесь речь идет о средствах, на которые предполагалось совершить эти жертвоприношения, — их предписывалось произвести «из тех же самых средств». Связка ἡ θυσία и καὶ πρόσδοος имеется, например, в афинском декрете 336–334 гг. о финансировании Великих Панафиней [Pleket, 1964, № 25]. Следовательно, во-первых, в лакуне стк. 21 содержалось слово «средства», или «деньги», что-то вроде τὸ ἀργύριον τὸ εἰς τὴν θυσίαν афинского декрета 329 г. в честь оропских эпимелетов (Syll.³ 298) или δραχμάς, δαπάνας соответствующих выражений других декретов. Предположительно принимаем первый вариант: [-- θυσίαν, τὸ μὲν ἀργύριον? ἐκ τῶ]ν αὐτῶν προσόδων ἀποδοθῆ[ναι] «...жертвоприношение, а средства на это выделить из тех же самых поступлений»).

Во-вторых, следует попытаться выяснить, что подразумевается под «теми же самыми средствами» стк. 22. Ясно, что речь о них шла в утраченных строках середины декрета между фрагментами НО 28 и 29, где содержались предписания о мерах по возврату долга наследникам Аполлония. Как мы выяснили выше, от этого текста сохранилось только указание на заклад какого-то имущества в обеспечение возврата ссуды. В этой связи интересны сведения упоминавшегося

Мы не зря процитировали эту чушь, она стоит того: по мысли Виноградова, для сохранения всего, что осталось от доходов сыновей Аполлония, надлежит поставить их изображения рядом со статуей отца. Обычная стоимость изготовления беломраморной стелы с надписью составляла 20–30 драхм (Syll.³ 184, 362 и др.), изготовление рельефа дороже. По Виноградову получилось, что от 3000 долга вообще ничего не осталось, лишь какая-то сотня, потраченная на рельефы. Он, несомненно, корифей эпиграфики.

¹⁴³ Также [Syll.³ 736. 39; Pleket, 1964, № 26, I. 5; Arist. Mir. ausc. 844 a 35].

¹⁴⁴ В стк. 1 фрагмента I² 240, составляющего самый конец стк. 21 декрета, читается не только ΣΟΝ, как счел Виноградов, но и ΣΘΗ, см. нашу прорись декрета. Ранее мы читали императив: συντε[λε]σθῆ[τω] θυσία, но Г. Плекет правильно указал, что после конъюнктива φ[αίνηται] должен следовать конъюнктив же [SEG 39, 702]. Поэтому исправляем: συντε[λε]σθῆ[ναι] θυσίαν.

аморгосского декрета в честь Эпиномида о совершении жертвоприношений на «накопившиеся проценты» (оставшиеся после этого суммы Эпиномид передал коллегии жрецов на оснащение теменоса: Syll.³ 1046). Согласно другому декрету (Syll.³ 631), калидонец Алкесипп посвятил в Дельфы божеству и городу денежную сумму, которая сдавалась в рост, и на получаемые проценты совершались жертвоприношения. Эти аналогии свидетельствуют в пользу высказанного выше предположения, что ольвиополиты заложили у сыновей Аполлония какое-то (священное?) имущество, проценты с эксплуатации которого шли в зачет долга. О закладе священного имущества, повторим, говорится в Протогеновском декрете (здесь же упоминаются *πρόσοδοι τῆς πόλεως*, — В. 65–66), но это были храмовые сосуды, лишь обеспечивавшие возврат ссуды в 100 золотых, сам же заклад их никаких процентов не приносил (А. 14–19). Видимо, храм Аполлона, основное ольвийское святилище, которое упоминается в конце рассматриваемого декрета и под ауспигиями которого, как мы увидим далее, производились финансовые операции полиса в целом, обладал сакральным имуществом (например, постройки, земля, виноградники, корабли и т. д.) и храмовыми суммами, проценты с заклада которых обеспечивали выплату долга с лихвой, так что оставались еще деньги на совершение жертвоприношений.

Восстановление дальнейшего текста (стк. 23 и далее) следует обычным типовым тропам почетных декретов. Ясно, что благодарные ольвиополиты ставят рельеф с изображением сыновей Аполлония в городском святилище Аполлона рядом с рельефом их отца (стк. 23, *ср.* стк. 3) — этим актом выражались почести, оказываемые Ольвией своим благодетелям: [-- καὶ εἰκόνα τὴν αὐτῶν πρὸς τὴν εἰκόνα τὴν Ἀπολλωνίου ἀνασταθῆναι, οὕτως τιμήσας ὑεῖς τοῦς ἐκείνου «и поставить рельеф с их изображением рядом с рельефом Аполлония, таким образом почтив его сыновей»]. Целевое придаточное предложение следующих стк. 24–25 также содержит достаточно распространенные выражения εἰς τὸ [μὲν λοιπόν] (к примеру, Syll.³ 485. 71–72) и *χρεῖαν παρέχειν*, известное в надписи НО 19 + 32 (*см.* с. 638), а также в Протогеновском декрете (А. 3–4). В целом оно читается так: ὅπως καὶ εἰς τὸ [μὲν λοιπὸν παρέχωται αὐτοῖς χρ]εῖαν τὴν πρὸς τὴν πόλιν «чтобы и на будущее они оказывали услуги городу»¹⁴⁵.

Следующее за этим придаточным предложением главное предложение содержит столь же типовой текст. Оно открывается причастием [ε]ἰδό[τες] и содержит адресованные чествуемым херсонеситам уверения, что народ ольвиополитов добрым и благосклонным к нему лицам воздает благодарность большую, нежели сам получит: [ε]ἰδό[τες, ὅτι ὁ δῆμος τοῖς τε ἀγαθοῖς ἀνδράσιν καὶ εἰς αὐτὸν φιλο[τιμίαν τε ποιοῦσιν τὰς χάριτας ἀ]ποδίδωσι μείζους ὦν ἂν εἴ πά[σχη] «чтобы и в будущем они оказывали городу услуги, зная, что народ достойным и проявляющим к нему щедрость мужам воздает благосклонность большую, нежели

¹⁴⁵ Виноградов [1989, с. 215] утверждал, что мною «неверно разобраны концы стк. 6 и 7, что и вызвало дополнения εἰς τὸ λοιπὸν вместо ποτὸ[τέρων] и [ε]ἰδό[τες] вместо ἰδó[ντες]». Я видел фр. I² 240 в ОАМ, поэтому отмечаю данное утверждение. Виноградов явно руководствовался не камнем, а копией Латышева, на которой перед ΙΣΤΟ показан мелкий вершок вертикали. На камне видна скорее правая оконечность верхней горизонтали (я показал ее на прилагаемой прориси), которая вкупе с левой вертикалью НО 29 образует букву Ε. Если сопоставить буквы ΙΔΟ следующей строки с лежащими над ними буквами ΙΣΤΟ, то бесспорно, что перед ΙΔΟ недостает одной буквы. Этого не учел Виноградов со своим ἰδó[ντες].

окажут ему». Здесь сведены в одну фразу несколько типовых формулировок почетных декретов, для их иллюстрации достаточно привести несколько примеров. Ср. декрет илионцев в честь гаргарейца Малусия: ὅπως ἂν εἰδῶσιν ἅπαντες ὅτ[ι] -- τοῖς οὖσιν ἀγαθοῖς ἀνδράσιν -- χάριν ἀποδιδόναι «чтобы всем было ведомо, что -- добрым мужам -- воздавать благодарность» (Syll.³ 330. 35–37) или аттический декрет 236 г. в честь Аристофана (Syll.³ 485. 25–27): ὅπως ἂν δὲ εἰδῶσιν ἅπαντες -- καὶ χάριτας ἀξίας ἀποδιδόασιν «чтобы всем было ведомо -- и равные благодарности воздают». Слово φιλοτιμία сопровождается в декретах причастиями ἀποδεικνύμενος, ἔχων, ποιῶν (Syll.³ 348, 466, 703 и др., ср. и φιλοτιμότερον ἔχωσι декрета НО 25. 40). *Exempli gratia* дополняем в стк. 26–27 в соответствии с приведенными аналогиями φιλο[τιμίαν τε ποιοῦσιν]. За этим выражением следует типовая формула многих декретов χάριν (χάριτας) ἀποδιδόναι (Syll.³ 162, 330, 336, 559 и т. д.), известная и ольвийским документам в модификации типа χάριτας ἀπονέμειν (НО 35). Свою благодарность демос воздаст «добрым мужам»: [τοῖς τε ἀγαθοῖς ἀνδράσιν] (стк. 26), ср. НО 27. 7–9: τοῖς [ἀγ]αθοῖς ἀνδράσιν] и НО 35: [τοῖς κα]λοῖς καὶ ἀγα[θοῖς ἀνδράσιν] ἀ[ξίας χάριτ]ας ἀπονέμειν «прекрасным и добрым мужам равные почести воздавая».

Весь набор типовых для эпиграфических почетных документов формул составитель ольвийского декрета завершил эффектным выражением из литературного обихода: своим благодетелям народ и совет воздаст благодарность большую, нежели сам получит: [τὰς χάριτας ἀ]ποδίδωσι μείζους ὥν ἂν εἶ πά[σχη], ср. *Dem.* LV, 13: ὅπως χάριν τινὰ μοι ἀποδίδωσιν ὥν εἶ ἔπαθεν «что воздадут мне какую-либо услугу, каковых щедро получали», или *Soph.* OC, 1489–1490: ἄνθ' ὥν ἔπασχον εἶ... χάριν δοῦναι σφιν «за которые щедро получили... воздавать им благодарность» (см. LS J, s. v. πάσχω, III, 1 b). Сохранившийся текст стк. 28 [--έ]πὶ ξένια τὸν ἱερέα τοῦ Ἀπόλ[λωνος], как показывают многочисленные параллели (к примеру, в паросском декрете в честь посольства из Магнесии Syll.³ 562: καλέσαι [δὲ καὶ] τοὺς θεωροὺς ἐ[πὶ ξέ]νια τοὺς ἄρχοντα[ς εἰς τὸ πρυταν]εῖον «архонтам позвать же и феооров на угощение в пританей»), включал обычную клаузулу, предписывавшую жрецу ольвийского храма Аполлона пригласить назавтра сыновей Аполлония на угощение в святилище: [καλέσαι δὲ αὐτοὺς εἰς ἱερὸν ἐ]πὶ ξένια τὸν ἱερέα τοῦ Ἀπόλ[λωνος ἐς αὔριον] «пусть жрец Аполлона пригласит их на угощение в святилище назавтра».

В стк. 29 и 30 перечисляются имена и патронимики трех человек: размеры лакуны в стк. 30 позволяют дополнить патронимик Конона и имя-отчество третьего лица, от патронимика которого на сколе слева сохранился только конечный *ипсилон*. После этого перечня следует заключительная клаузула декрета, к перечисленным лицам не относящаяся. Следовательно, буквы [--]θησαν относятся к глаголу, стоявшему при перечне имен и патронимиков трех упомянутых лиц. Аналогии показывают, что речь идет об избрании коллегии, связанной деловыми отношениями с чествуемыми декретом благодетелями города. Например, в упоминавшемся паросском декрете в честь послов из Магнесии после заключительной клаузулы о постановке псефисмы в святилище Артемиды добавлено, что лицом, ответственным за прием послов, был выбран ([θε]ωρο[δόκος ἡ]ρ[έθη]) Алексарх Неокидов (Syll.³ 562). Ср. также близкое предписание декрета томитян в честь своих сограждан: εἰρέθησαν Ἀπολλοῦς Νικηράτου, Ποσειδώνιος Γέροντος «избраны Аполлонт Никератов, Посейдоний Геронтов» [Граков, 1939, № 19. 25–26].

В ольвийском декрете [--]θησαν также представляет собой флексию пассивной формы глагола, т. е. здесь дана та же формула: к такой-то должности «избраны» ([ἡιρέ]θησαν) поименованные лица. Что это за должность, в точности определить трудно, поскольку государственная номенклатура Ольвии III в. известна недостаточно. В данном декрете упоминаются буле, синедры и архонты. Последние избирались на определенный срок, и их погодный состав был известен. Это же можно сказать и о буле. О синедрах, упоминаемых в декретах Ольвии II–III вв. н. э., можно думать вместе с Латышевым, что они представляли собой городской сенат Ольвии и были пританами, членами буле (его коммент. к I² 43, 44; по Владимирову [2000], синедры обладали пробулевматическими функциями). Но было ли так и в III в. до н. э.? Во всей ольвийской должностной номенклатуре догетского времени синедры упоминаются единственный раз именно в декрете в честь сыновей Аполлония (οἱ σύνεδροι εἶπαν, стк. 1). В то же время в других декретах III–II вв. до н. э. во вводной формулировке ἔδοξε βουλῇ καὶ δήνῳ, οἱ (номенклатура) εἶπαν в качестве вносящих постановление инстанции фигурируют архонты и коллегия Семи (I² 26, 31, 32) либо только архонты (Ib. 33 и вероятно, 29)¹⁴⁶. Следовательно, в случае с чествованием сыновей Аполлония синедры заменили архонтов, откуда можно заключить, что они предложили данную псефисму в качестве коллегии, специально избранной *ad hoc*, по случаю ведения переговоров с сыновьями Аполлония о возврате ссуды. В принципе именно такой характер имеет институт синедрии: это комиссия из ряда лиц, избранных для определенной цели, например для улаживания споров между афинянами и спартамцами (*Thuc.* IV, 22, 1: ξυνέδρους... ἐλέσθαι). Синедры как участники переговоров с сыновьями Аполлония и как авторы данной псефисмы присутствовали на приеме в честь херсонеситов, устроенном жрецом Аполлона в святилище. На основании приведенных соображений восстанавливаем в лакуне стк. 29: [--]ς αὔριον· σύνεδροι ἡιρέ]θησαν «синедрами избраны» *такие-то лица*. К сказанному о характере коллегии синедров небезынтересно добавить, что с упоминаемым в числе синедров Кононом, патронимик которого не сохранился, может быть идентифицирован Конон, фигурирующий в Протогеновском декрете и занимавшийся финансовыми операциями (A. 49); он же Κόνων Βα[--] в Каталоге граждан Ольвии конца III в., в котором числится и отец Протогена Геросонт (I² 201, A. 63; B. 4; см. ниже). Поэтому читаем в стк. 30 Βα[--] как начало патронимика Конона.

Заключительная клаузула почетных декретов, в том числе ольвийских, предписывает записать текст на беломраморной стеле за счет коллегии архонтов и поставить ее в городском святилище. В соответствии с этим читаем и восстанавливаем в стк. 30–32: ἀναγράψαι δὲ καὶ τὸ ψή[φισμα εἰς τὴν στήλην λευκοῦ λίθου ἀναλωμάτῳ?]ν τ[ῶ]ν ἀρχόντων, τῇ[ν δὲ στήλην σταθῆναι ἐν τῷ τοῦ Ἀπόλλων]ω[ος] ἱερῶι παρὰ τὴν [εἰκόνα] «также вырезать данное постановление *на беломраморной стеле* за счет средств (?) архонтов, *а стелу поставить* в святилище Аполлона рядом с *рельефом*»¹⁴⁷. Ср., к примеру, близкую формулировку аттического декрета 236 г. до н. э.

¹⁴⁶ Если упоминается одно лицо, как в НО, 24, 26 и др., это, вероятно, член коллегии Семи или архонт.

¹⁴⁷ Леви восстановила в лакуне НО 29, стк. 12–13 (у нас это стк. 30–31) ἀναγράψαι δὲ καὶ τὸ ψή[φισμα εἰς τελαμῶνα λευκοῦ λίθου τῶ]ν ἀρχόντων ΤΗ, но 2 последние буквы, безусловно восстанавливаемые в качестве артикля жен. рода τῇ[ν], показывают, что надо дополнять не εἰς τελαμῶνα (тогда здесь стоял бы артикль муж. рода τόν), а существительное жен. рода — τῇ[ν δὲ στήλην].

в честь Аристофана: ἀναγρ[άψαι τόδε τ]ὸ ψήφισμα ἐν στέλει λιθίνει καὶ στῆσαι παρὰ τὴν εἰκόνα «написать это постановление на мраморной стеле и поставить около изображения» (Syll.³ 485), также ольвийских декретов НО 35, 36, 45. Указание на постановку стелы с текстом декрета около рельефа с изображением чествуемых лиц находим, к примеру, и в аттическом декрете в честь Евмарида и его сыновей: στῆσαι τὸ ψήφισμα παρὰ τὴν εἰκόνα (Syll.³ 535, 217 г. до н. э.). В Ольвии расходы на постановку стелы выплачивались из средств архонтов (НО 35⁺), а также других коллегий (НО 36, 45). В декрете в честь амисенца Аполлократа НО 35⁺ после указания на изготовление стелы с декретом и постановку ее в святилище Аполлона следует распоряжение: [τὸ δὲ ἐςόμενον] ἀνάλωμα εἰς αὐτ[ὸ] δοῦναι τοῦς ἄρ[χ]οντας «а необходимые на это деньги пусть выделяют архонты». Идентичность контекста позволяет дополнить в декрете в честь сыновей Аполлония статью такого же содержания, но сведенную до лексического минимума в соответствии с возможным количеством букв в строке: [ἀναλωμάτω?]ν τ[ῶ]ν ἀρχόντων «за счет средств (?) архонтов»¹⁴⁸. Обычная стоимость изготовления беломраморной стелы с надписью составляла 20–30 драхм (Syll.³ 184, 362 и др.)

Рассмотрим теперь вопрос о дате декрета. Леви [1956, с. 98] сначала относила его к середине — второй половине III в. до н. э., затем остановилась на времени «около середины III в. до н. э.» (коммент. к НО 28). Т. Н. Книпович [1966, с. 21–22] сопоставила его с декретом Месембрии в честь фракийского царя Садала, который датирован Г. Михайловым по историческим соображениям временем между 281–277 гг. (IGBulg. I² 307), и на основании данной параллели признавала наиболее вероятной датой ольвийского декрета время ок. середины III в. Отметим, однако, что приведенная параллель, в сущности, мало что дает для датировки ольвийского декрета, поскольку время составления месембрийской надписи было определено Михайловым на основании исторических обстоятельств, а палеография ее, как справедливо отметил болгарский эпиграфист в комментарии к ней, характерна для периода в сотню лет. Поскольку сопоставляются особенности шрифта ольвийского и месембрийского декретов, то это может свидетельствовать лишь о том, что временная дистанция между обоими документами укладывается в рамки одного столетия. Грубовато-декоративный стиль, которого придерживались резчики обеих указанных надписей, бытовал в греческой эпиграфике примерно со второй четверти III в. по вторую четверть II в. до н. э. Такой характер шрифта, как отмечали палеографы, во многом сложился под влиянием папирусного письма III–II вв. Один из первых датированных памятников, выдержанных в этом стиле, — афинский декрет в честь Федра, изданный ок. 275 г. (по Syll.³ 409) или после 263 г. [Kirchner, 86]. Этот же аттический декрет дает *terminus post quem* для исследуемой ольвийской надписи и по формальному признаку: стела в честь Федра является одним из первых

В стк. 32 она дополнила [-- καὶ σταθῆναι ἐν ταῖς] [ἐρωῖ παρὰ τὴν [εἰκόνα] «...и установить в храме возле статуи».

¹⁴⁸ Как сказано, текст стк. 31–32 сохранили НО 29 и 123: последняя подсоединяется к НО 29 слева внизу (см. рис. 71). Возражая против моего прежнего восстановления [τέλεσι]ν τ[ῶ]ν ἀρχόντων, Виноградов [1989, с. 215] справедливо отметил, что перед первым N на фр. НО 123 видны следы *омеги*. Поэтому переправляем текст по НО 35; дополняем *gen.* [ἀναλωμάτω?]ν по распространенной формуле (ἐκ) ταῖς ἰδίωι ἀναλωμάτων. Вероятна и конструкция [ἐπιμεληθέντω?]ν τ[ῶ]ν ἀρχόντων «тщанием архонтов», ср. Syll.³ 862: ἐπιμεληθέντος τῆς ἀναστάσεως Σαλβίου «о постановке *статуи* позаботился Сальвий». Возможно и дополнение Виноградова [ἐπιμελούντ]ων. См. с. 650.

датированных образцов декретов, несущих изображение венка [Guarducci, 1970, p. 22]. Конец стиля определяется датой ряда аттических надписей, относящихся ко второй четверти II в.¹⁴⁹ Одним из самых поздних датированных памятников данного стиля является дельфийский декрет в честь Трасона и Сократа ок. 161 г. до н. э. [Guarducci, 1970, p. 605]. Данный стиль бытовал и в дальнейшем, но с большей декоративностью букв и геометризацией письма¹⁵⁰.

Характер письма III–II вв. до н. э. наиболее подробно описан В. Ларфельдом на основании многочисленных датированных аттических надписей. Применительно к IV–II вв. он выделил следующие примерные хронологические ступени развития декоративного стиля аттической эпиграфики: 403–360, 360–325, 325–275, 275–225, 225–150, 150–100 гг. до н. э. [Larfeld, 1902, S. 470 f.]. При этом между указанными смежными периодами III–II вв. нет большой разницы, они намечены скорее по отдельным инновациям *Zierschrift*'а, одинаково имеющимся во всех смежных периодах. То самое столетие, в течение которого, по замечанию Михайлова, бытовал стиль месембрийского декрета в честь Садала и, добавим, нашей ольвийской надписи, как видно, соответствует двум периодам Ларфельда: 275–225 и 225–150 гг.

В ольвийской эпиграфике представлены те же самые периоды эволюции письма (с некоторыми особенностями), которые прослеживаются по датированным памятникам Аттики и других греческих центров III–II вв. (датированных надписей этого времени в Ольвии нет). Период ок. 325–275 гг. открывается проксениями НО 5, 6, 9, IOSPE I² 23 последней четверти IV в. (с. 368/9)¹⁵¹. На основе этого раннеэллинистического шрифта в Ольвии первой половины III в. складывается декоративный стиль. Один из ранних его памятников — декрет в честь истрийца Дионисия (НО 15), справедливо отнесенный Э. И. Соломоник [1970, с. 427 f.] к первой половине III в. Здесь сосуществуют черты раннеэллинистического шрифта (свободное размещение букв по полю надписи, горизонтальные линейки, уменьшенные размеры круглых букв и т. д.) с признаками декоративного стиля (окончания и стыки густ прямых букв апецированы, наклонные густы слегка прогнуты, буквы располагаются плотнее и т. д.). К раннему периоду развития декоративного стиля, т. е. к периоду ок. 275–225 гг., можно отнести также НО 25, 26, 27, 98, 99. Ряд надписей, таких как проксения НО 19 + 32, может принадлежать и к периоду ок. 275–225 гг., и к начальной стадии следующего периода, приходящегося на время ок. 225–150 гг. Сказанное относится и к декрету в честь сыновей Аполлония: хотя ясно, что, например, надпись ситонов НО 72 по времени более поздняя, декрет в честь сыновей Аполлония может принадлежать к тому же периоду ок. 225–150 гг. В этом плане важно отметить сходство его письма с афинской надписью ок. 153 г. до н. э. в честь победителей на Тезеевых играх — это надежный *terminus ante quem* [Kirchner, 104].

Итак, по характеру письма и изображению венков на фронте декрет в честь сыновей Аполлония датируется в пределах времени между второй четвертью

¹⁴⁹ [Kirchner, 100–102; Guarducci, 1967, p. 472/3]. Аттические параллели соответствуют ольвийской надписи по декоративности шрифта, но лишены ее грубоватости.

¹⁵⁰ Ср., к примеру, шрифт посвящения из Олинфа II — начала I в. до н. э. [Guarducci, 1970, p. 14].

¹⁵¹ Проксении НО 4 и 3 + 12 относятся к ларфельдовскому периоду ок. 403–360 гг. (с. 296, 376), проксении НО 5, 6, 10, относящиеся к последней трети или четверти IV в. (с. 368, 377), принадлежат к ларфельдовскому периоду ок. 325–275 гг.

III — серединой II в. до н. э. К счастью, декрет предоставляет в наше распоряжение существенные просопографические данные, которые позволяют уточнить его довольно широкую палеографическую датировку. В стк. 29 декрета упоминаются Агатин Деимахов и Конон. Этот же Агатин Деимахов фигурирует в Каталоге ольвийских граждан (I² 201). Присутствует там и Конон, сын Ба(--)¹⁵². Идентификации по двум именам достаточно для заключения, что декрет о сыновьях Аполлония синхронен в пределах жизни одного поколения, точнее, его деятельности (по греческому счету около 30 лет), Каталогу. Ниже дан подробный анализ делосских декретов в честь двух ольвиополитов, согласно которым Каталог относится к последней трети или четверти III в. (с. 502/3). Поскольку в Каталоге фигурируют Агатин Деимахов и Конон, упоминаемые в декрете о сыновьях Аполлония, последний относится в тому же времени.

Хронологическое соотношение декрета в честь сыновей Аполлония и Протогеновского декрета (180–170-е гг., с. 503) дает картину все более ухудшавшегося экономического состояния Ольвии в последней трети III — первой трети II в. Причиной неблагоприятного поворота дел процветавшей еще в первой половине III в. Ольвии, как и городов Зап. Причерноморья, было резкое изменение их взаимоотношений с варварским хинтерландом, перешедшим из состояния относительной стабильности в состояние брожения под влиянием миграций кельтских, германских, иранских и прочих народов Средней и Вост. Европы. С середины III в. в Ольвии предпринимаются меры по укреплению оборонительных сооружений: Клеомброт-старший возвел крупную башню в прибрежной части города (I² 179, о дате и просопографии см. с. 412, 414). Деятельность по улучшению фортификации города продолжают его внук Клеомброт Пантаклов и Протоген (I² 32, 180). Обращает на себя внимание совпадение по времени начала широких фортификационных работ в Ольвии и ее крупного займа у херсонесита Аполлония. Мы не располагаем свидетельством о прямой связи этих акций, но ясно, что сумма в 3000 золотых нужна городу для проведения какого-то единовременного крупного и дорогостоящего мероприятия, связанного или со строительством, или с ведением военных действий и пр. Например, возведение Протогеном двух прясел в прибрежной части города, возможно, примыкавших к башне Клеомброта-старшего, обошлось в 1500 золотых (I² 32 В. 41)¹⁵³. Дорогостоящие фортификационные мероприятия Ольвии и сокращение ее сельскохозяйственной территории, вероятно, основательно подорвали городскую казну, так что для финансирования необходимых предприятий полис вынужденно обратился к займам у ксенов — херсонесита Аполлония, возможно, родосца Гелланика и др. (I² 29, 30, где говорится о каком-то взносе). Резко увеличили взносы за совершение жертвоприношений частными лицами в святилищах города (I² 76). Как явствует из декрета в честь сыновей Аполлония, в последней трети III в. Ольвия еще была в состоянии погасить долг в 3000 золотых, и мы не можем быть убеждены, что уверение в финансовой слабости полиса (стк. 11: κοινὴν ἀσθὲ[νειαν]) не было хитростью в торгах

¹⁵² По маяускулам Латышева Тохтасъев [2000, с. 301] предложил чтение патронимика Βατ[--]. После буквы Α Латышев показал нижнюю оконечность вертикали, которая может принадлежать любой прямой букве. Если брать только известные в Ольвии имена, то можно прочесть и Βακ[--] при известном тут во II–I вв. до н. э. имени Βάκχιος (Dubois, 110).

¹⁵³ Предположение о займе 3 тыс. золотых для производства фортификационных работ согласуется с данными других надписей о стоимости такого строительства [Maier, 1961, S. 66].

с наследниками заимодавца. Следующий по времени Протогеновский декрет, однако, обнаруживает уже действительное оскудение городской казны, которой непосильны выплаты 1–2 тыс. золотых¹⁵⁴. Отметим при этом, что реальных денежных средств в городе оставалось еще немало, но они сосредоточены в руках воротил типа Протогена, обогащению которых способствовало участие в подрядах и откупках, проводимых полисом (примеры в том же Протогеновском декрете), а также, безусловно, ростовщичество. Одолженные Аполлонием 3000 золотых — значительная по финансам того времени сумма. К примеру, в Протогеновском декрете упоминаются меньшие суммы, порядка нескольких сот золотых, которые Протоген ссужал городу. Два раза он ссужал полторы тысячи золотых, а должникам простил 6000 золотых. Эти шесть тысяч частных долгов сравнительно с небольшой суммой городских долгов ему в 1500 золотых показывают, что «благодетельный» Протоген давал деньги взаймы под большой процент, т. е. он не столько ссужал частным лицам, сколько наживался на драконовских процентах со ссуды. В афинской банковской практике деньги ссужались из расчета 8–36 % годовых, причем обычной была десятипроцентная ссуда. В Ольвии III–II вв. до н. э., видимо, ростовщический процент был очень велик, так что не будет слишком большим преувеличением мысль, что ее погубили не только варвары, но и ростовщики вроде Протогена.

Ольвиополиты удостоили сыновей Аполлония наибольших почестей, какие оказывались в греческих полисах средней руки: в их честь ставились рельефы, декреты, они удостоивались проэдри и венков, оглашавшихся на празднике Дионисий. Все это показывает, что прощенные ими проценты со ссуды и, возможно, часть самой ссуды составляли немалую сумму. Херсонесские финансисты видели, что получить долг с процентами сполна им не удастся, они хотели не столько нажиться на ссуде их отца, сколько вернуть саму ссуду или большую часть ее. Ксены играли значительную роль в экономической, в частности финансовой жизни Ольвии, и полис, дабы не лишиться их капиталов, обязан выполнять все заключенные с ними контракты. К взаимному удовлетворению ольвиополитов и заимодавцев заключено соглашение о кассации процентов и, вероятно, части долга, обставленное торжественной публичной церемонией. Не располагая наличными суммами для выплаты долга, городская казна провела мероприятия по закладу сыновьям Аполлония какого-то имущества, вероятно, храмового. В целом можно резюмировать, что в последней трети III в. Ольвия еще обладала некоторыми материальными ресурсами для ведения крупных финансовых мероприятий, чем она не располагала уже в первые десятилетия II в.

Предусмотренные декретом экономические мероприятия производились через храм Аполлона, упоминаемый в стк. 28, 32, который, стало быть, играл в Ольвии такую же роль финансового центра (*ср.* сакральный закон I² 76, устанавливающий цены на жертвоприношения), что и Аполлонион на Делосе (Syll³, 153 и др.). Херсонеситы также упоминаются в числе жертвователей в делосский Аполлонион [Граков, 25–26]. Имена заимодавцев — Аполлониий (отец и сын) недвусмысленно свидетельствуют, что они были адептами культа Аполлона, как, например, ольвийская семья

¹⁵⁴ Судя по истрийскому декрету ок. 90 г. в честь Диогена, стратега Митридата Евпатора [SEG 47, 1125], к этому времени полисы Сев.-Зап. Понта действительно оскудели: Истрия с трудом вернула заимодавцу Менону сотню золотых.

Дионисия Агротова (I² 189)¹⁵⁵. Это позволяет предполагать, что сделки с Аполлони-ем и его сыновьями были заключены финансистами Ольвии из числа адептов куль-та Аполлона, т. е. финансовые связи шли рука об руку с сакральными. Этими финан-систами были Агатин Деимахов и Конон, которые с третьим товарищем избраны в специально назначенную коллегию синедров, ведущую переговоры с наследниками Аполлония о новых условиях возврата займа. Исследованный декрет вкупе с други-ми данными свидетельствует о более стабильном экономическом состоянии Херсо-неса в последней трети III в. до н. э. сравнительно с Ольвией, что уже отмечалось в литературе.

К сожалению, на этом точку не поставить — неприглядные действия Ю. Г. Ви-ноградова заставляют меня восстановить историографическую действительность по изучению декрета в честь сыновей Аполлония. Станным образом в 1989 г. он, публикуя свой текст надписи [1989, с. 210/7], критически апеллировал к моей те-зисной публикации текста декрета 1981 г., хотя в 1987 г. я дал слегка улучшенный вариант [МКЛНО 1987, с. 4–5]. Замалчивание моей публикации 1987 г. можно объяснить лишь его стремлением приписать себе ввод целого текста надписи в науку. По существу его реконструкция декрета вторична относительно моей: из его дополнений утраченного текста видно, что он молчаливо пытался подобрать свой вариант дополнения, отталкиваясь от моего текста, а то и попросту копировал его, без отсылки к источнику своего вдохновения. Мое чтение стк. 16–17 ἀπόδοσ[ις τῶν -- ὀφειλμμάτων γί]νεται Виноградов варьирует: ἀπόδοσ[ις τῶν -- ὀφειλομένων χρημάτων γί]νεται¹⁵⁶. Мое дополнение [-- αὐτοὺς ὑπὲρ τῶν ἐνεργετημάτων] в стк. 21 Виноградов переложил так: [-- τῶν αὐτὸν ἐνεργετούν]των. Мое ἀποδοθῆ[ναι -- πρὸς] в стк. 22–23 Виноградов воспроизвел дословно, как и мое [ἀνασταθῆναι -- υἱεῖς τ]οῦς в стк. 24. Стк. 26: у меня [-- ὅτι ὁ δῆμος τοῖς τε ἀγαθοῖς] ἀνδράσιν, у Вино-градова то же, нет лишь τε¹⁵⁷. Стк. 26–27: у меня φιλο[τιμίαν τε ποιοῦσιν τὰς χάριτας], у Виноградова пересказ: φιλο[τιμουμένοις ἀξίας χάριτας]. Стк. 27–28: мое πά[σχη. καλέσαι δὲ αὐτοὺς --] Виноградов тоже пересказывает: πά[θη -- καλέσαι αὐτοὺς]¹⁵⁸. Мое [ῥιρέ]θησαν в стк. 29 Виноградов чуток подделал — [εῖρέ]θησαν. Как видно, львиная доля дополнений дословно заимствована Виноградовым у меня. Но до-словностью заимствований дело не ограничено — в самом понимании того, что должно быть в надписи, он следует за мною. Даже там, где он дает свое толкование и дополнения, видно, что это делается в пику моей интерпретации, т. е. отталкивается он от нее. При всей вторичности текста Виноградова относительно моего текста с его стороны по моему адресу одна критика и хула. Я за критику, но без воровства. Виноградов и раньше промышлял заимствованиями из моей копилки (с. 339, 448, 585, 623 и др., также [Яйленко, 2010, с. 71], о молчаливых заимствованиях им у Т. В. Блаватской [Ib., с. 18 сл.]), но в случае с декретом в честь сыновей Аполлония уже *nes plus ultra* — он *fur erat*. Мне не жалко: это своеобразное подтверждение моей реконструкции, но действительная историография вопроса тоже должна быть воссо-здана в точности. Вторичность его текста относительно моего настолько очевидна, что В. Кожокару дал мой текст декрета по SEG, 39, 702 [Cojocaru, 2013a, p. 111].

¹⁵⁵ Связан с храмом Аполлона и амисенский ксен, имя которого, кажется, тоже произведено от имени божества — Аполлократ, см. ниже, с. 548.

¹⁵⁶ [γί]νεται предложили Роберы [Bull. ép. 1956, 192].

¹⁵⁷ Часть дополнила Леви в НО 29: [-- τοῖς ἀγαθοῖς] ἀνδράσιν.

¹⁵⁸ καλέσαι дополнила Леви в НО 29.

5. КРИЗИС В ОЛЬВИИ ПО ЭПИГРАФИЧЕСКИМ ДАННЫМ

5.1. Письмо Анонима¹⁵⁹

В начале XX в. одесский коллекционер П. Маврогордато передал Археологической комиссии три свинцовые пластинки с надписями, происходящие из Ольвии, которые опубликовал В. В. Шкорпил [1908, с. 68–74]. Две из них относятся к числу магических и содержат перечень имен, третья, наиболее интересная, по мысли издателя, представляет собой письмо судье с предложением взятки¹⁶⁰. В примечании к этой статье [с. 73] В. В. Латышев дал уточнение текста последних 4 строк надписи. Вскоре Э. Диль [1915, с. 48, 54] вскользь причислил надпись к числу магических наговоров, полагая, что автор обращался к потусторонним силам для решения судебного дела в свою пользу. В дальнейшем точку зрения Шкорпила поддержала Т. Н. Книпович [1956, с. 122], а Диля — Д. Джордан [Jordan, 1985, p. 195]¹⁶¹. Последний отметил, что упоминаемое в конце надписи слово $\delta\acute{\omega}\rho\omicron\nu$ находит соответствие в двух наговорах из Греции, поэтому ольвийская пластинка тоже магическая. Затем ревизию надписи предпринял Б. Браво [Bravo, 1987, p. 185–218]. Предложив ряд конъектур текста, он также отнес ее к числу магических и подробно рассмотрел вопрос о наговорах (его тексту и интерпретации последовал в основном Л. Дюбуа [Dubois, 109]). Подлинник надписи пропал¹⁶². Мы располагаем лишь прорисью текста, исполненной Н. Макаренко с подлинника (рис. 72), да условной (дипломатической) передачей графики текста, сделанной Шкорпилом (рис. 73). Обе прорисы приложены к его статье и воспроизведены в работе Браво.

Хотя в надписи перечислены 10 имен, имена отправителя и адресата не названы (по этой причине мы именуем документ письмом Анонима). Все исследователи согласны с тем, что надпись связана с судебным делом (на это определенно указывает слово $\mu\alpha\rho\tau\upsilon\rho\acute{\iota}\eta$ стк. 9). Они расходятся лишь в определении характера надписи — как сказано, одни считают ее частным письмом к судье, другие магическим наговором. На основании прорисей документа мы ниже уточняем его прочтение, и наш текст показывает, что это не письмо к судье с предложением взятки и тем более не магический наговор, а частное письмо с предостережением адресату о готовящемся группой лиц новым судебном процессе против него, тогда как другие лица готовы оказать ему содействие. Отправитель письма — из числа последних, и он предлагает адресату задержать свидетелей противной стороны, в чем заинтересован и сам автор письма, обещающий за это адресату удачное устройство всего дела. Наш текст:

[ῶ]σπέρ σε ἡμεῖς οὐ γεινώσκομε-
ν, οὕτως Εὐπολῖς καὶ Διονύσιος,

«Как мы не признаем тебя виновным,
так Евполис и Дионисий, Макарей,

¹⁵⁹ В основном текст раздела опубликован [Яйленко, 1998], здесь расширен.

¹⁶⁰ Текст Шкорпила повторил А. Придик в рукописном корпусе малой эпиграфики Сев. Причерноморья (Архив СПб. ИИМК^а. Ф. 33. Д. 56. № 1 [19]).

¹⁶¹ Ольвийский документ включен в диссертацию П. Миллера о магических надписях, нам недоступную.

¹⁶² Из трех опубликованных Шкорпилом пластинок лишь одна пребывает в поле зрения ученых, она хранится в ОАМ [ГЛБО I, с. 86].

Рис. 72. Письмо Анонима, прорись Н. Макаренко [Шкорпил, 1908]

- Μακαρεύς, Αριστοκράτης
 καὶ Δημόπολις, [Κ]ωμαῖος,
 5 Ἡραγόρης ἐπὶ [?]δινὸν πρᾶγμα παρα-
 γείνονται κ[α]ὶ Λεπτίνας,
 Ἐπικράτης, Ἐστιάος·
 ἐπ' ὅτι πρᾶγμα [π]α(α)γείνονται, ἐπ' ὅτι-
 να μαρτυρίην ο[β]ῆτοί νῶσαν,
 10 ὥ[ς] δὲ ἡμεῖς σε. [ῆ]ν δέ μοι αὐτοὺς
 κατάσχης καὶ μ[οι] λάβης, ἐπ' ᾧ δέ σε
 τειμῶσ καὶ σο[ι] ἄριστον δ[α]ίφ-
 ρον παρασκε[υῶ]

Аристократ и Демополис, Комей,
 Герагор содействуют ужасному (?)
 судебному делу, а также Лептин,
 Эпикрат, Гестией. Они содействуют
 какому-то делу, они поразмыслили
 о каком-то свидетельстве, так и мы
 поразмыслили о тебе. Если же ты мне
 их придержишь и схватишь, то я за
 это вознагражу тебя и умело устрою
 все наилучшим образом».

Рассмотрим текстологию памятника¹⁶³. Относительно чтения первых 10 строк существенных разночтений нет. В стк. 5 восстановление Шкорпила [κ]αὶνὸν вряд ли возможно, так как в лакуне есть место только одной букве. Это учитывает конъектура Браво [δ]ινόν, которую условно можно принять. В стк. 8 читается

¹⁶³ Разночтения. Стк. 1: [ὥ]σπερ Шкорпил, Bravo, Dubois. Стк. 2: οὗτ ὥς Шк., οὕτως Латышев, Br., Dub. Стк. 4: καί Шк., Dub., κα Br., [Κ]ωμαῖος или [Ρ]ωμαῖος Шк., [Κ]ωμαῖος Br., Dub. Стк. 5: [κ]αὶνὸν Шк., [δ]ινὸν Br., Dub. Стк. 8: [π]α(α)γείνονται Шк., Br., Dub. Стк. 8–9: ἐπ' ὅ(ν)τινα Шк., ἐπ' ὅτινα Br., Dub. Стк. 9: ο[β]ῆτοί Шк., Br., Dub. (ἐ)ν(ό)ησαν Шк., (ἐ)κου(ν)ώ(ν)ησαν Br., νῶσαν Dub., νῶσαν Яйленко. Стк. 10: ὥ[ς] Шк., ὥ[σπε]ρ Br., Dub., ὥ[ς] δὲ Яйл., [ῆ]να ἐμοί Шк., ἐ[ῆ]ν δέ μοι Лат., [ῆ]ν δέ μοι Br., Dub. Стк. 11: μ[ε]τα λάβης· ἐπ' ᾧ δέ σε Шк., κ[α]τα λάβης (или π[α]ρα λάβης?), ἐ(γ)ώ δέ σε Br., Dub., καὶ μ[οι] λάβης, ἐπ' ᾧ δέ се Яйл. Стк. 12: καὶ σο[ι] Шк., καὶ σο[ι] Br., Dub. Стк. 12–13: δῶρον или скорее δίφρον Шк., δ[ω] <ρ>он Br., Dub., δῶρον Jordan, δ[α]ίφρον Яйл., παρασκε[υῶ] Шк., Лат., Јог., παρασκε[υῶ] Br., Dub.

1   2 Π Ε Ρ Σ Ε Η Μ Ε Ι Σ Ο Υ Γ Ε Ι Ν Α Σ Κ Ο Μ Ε
       Μ Α Υ Τ Λ Σ Ε Υ Ρ Ο Ι Σ Κ Α Ι Δ Ι Ο Ν Υ Σ Ι Ο Σ
       Μ Α Κ Α Ρ Ε Υ Σ Α Ρ Ι Σ Τ Ο Κ Ρ Α Τ Η Σ
       Κ Α Δ Η Μ Ο Π Ο Λ Ι Σ Λ Μ Α Ι Ο Σ
 5   Η Ρ Α Γ Ο Ρ Η Σ Ε Π Ι Ν Ο Η Π Ρ Α Γ Μ Α Π Α Ρ Α
       Γ Ε Ι Ν Ο Η Τ Α Ι Κ Ι Λ Ε Π Τ Ι Η Σ
       Ε Π Ι Κ Ρ Α Τ Η Σ Ε Σ Τ Ι Α Ι Ο Σ
       Ε Π Ο Τ Ι Π Ρ Α Γ Μ Α Α Ρ Ε Ι Ν Ο Ν Τ Α Ι Ε Π Ο Τ Ι
       Μ Α Μ Α Ρ Τ Υ Ρ Ι Η Ν Τ Ο Ι Ν Λ Η Σ Α Ν
 10   Λ Ε Η Μ Ε Ι Σ Σ Ε Ν Δ Ε Μ Ο Ι Α Υ Τ Ο Υ Σ
       Κ Α Τ Α Σ Χ Η Σ Κ Α Ι Μ Λ Α Β Η Σ Ε Π Λ Δ Ε Σ Ε
       Τ Ε Ι Μ Η Σ Λ Κ Α Ι Σ Α Ρ Ι Σ Τ Ο Η Δ Ι Φ
       Θ Ο Ν Π Α Ρ Α Σ Κ Ε Ι

Рис. 73. Письмо Анонима, дипломатическая копия В. В. Шкорпила [1908]

ΠΑΡΕΙΝΟΝΤΑΙ, но ясно, что это тот же глагол παραγείνεται, что и в стк. 5–6, только с пропущенным слогом¹⁶⁴. Содержание всей фразы стк. 1–7 определяется противопоставлением двух глаголов: мы тебя οὐ γέινώσκομεν, а противная сторона — πρᾶγμα [π]α(ρ)αγείνεται. Действия второй стороны более или менее ясны: поименованные лица «содействуют ужасному (?) *судебному* делу» (на оттенок значения πρᾶγμα как «судебного дела» указывает дальнейшее упоминание в стк. 8–9 при том же повторенном πρᾶγμα [π]α(ρ)αγείνεται слова μαρτυρίην «свидетельское показание»). Действия первой стороны исследователи определяли в соответствии с обычным значением глагола γινώσκω «знать» (например, у Браво: «мы не знаем тебя»). Так как во второй части фразы речь идет о судебной акции, γέινώσκομεν может иметь словарные значения того же «судебного» характера: «опознавать», «признавать виновным». В переводе мы приняли это значение, но оговоримся, что действия этой стороны могут быть поняты по-разному: она либо «не признает виновным» адресата или «не опознает» его, либо просто «не знает».

Стк. 9: ΝΩΗΣΑΝ подлинника, без сомнения, аористная форма глагола νοέω, но без приращения и с омегой вместо омикрона литературной формы. В ней можно видеть уникальную позднеионийскую форму νώησαν (вместо нормативного ἐνώησαν) с *омегой* из ο-η (ε), как в аористных формах νῶσαι, ἐνώησαντα у Геродота (I, 85, 86) и ряде других примеров¹⁶⁵. Отсутствие приращения отмечается

¹⁶⁴ Вряд ли стоит вычитывать тут гапакс παρεῖ(ω)νται со значением «совозбуждаются», из παρά + ἰνῶ «становиться возбужденным» (редкий глагол у Геродиана и Гесихия).

¹⁶⁵ [Thumb, Scherer, S. 259]. Л. Дюбуа в отличие от предшественников дал чтение νώησαν, с инверсивной элизией приращения и ионийским слиянием -οη- в -ω-, как в перфекте νένωκα [Dubois, p. 177]. Не располагая в 1998 г. сборником Дюбуа, вышедшим в 1996 г., в публикации 1998 г. я пришел к

в аттическом диалекте (например, $\rho\acute{o}\iota\epsilon\sigma\epsilon\nu$ вместо $\acute{\epsilon}\rho\acute{o}\iota\epsilon\sigma\epsilon\nu$) под влиянием эпического языка, где это было обычным явлением (например, II. VIII, 91: $\nu\acute{o}\eta\sigma\epsilon$, X, 501: $\nu\acute{o}\eta\sigma\alpha\tau\omicron$)¹⁶⁶. Язык нашего документа содержит ряд ионизмов: $\Upsilon\pi\alpha\rho\acute{o}\tau\eta\varsigma$, $\mu\alpha\rho\tau\upsilon\rho\acute{\iota}\eta\nu$, $\psi\iota\lambda\omicron\varsigma\iota\varsigma$ в сочетаниях $\acute{\epsilon}\pi' \omicron\tau\iota$ и $\acute{\epsilon}\pi' \omicron\tau\iota\nu\alpha$, наряду с которыми употреблены аттические формы $\pi\rho\acute{\alpha}\gamma\mu\alpha$ (ионийское $\pi\rho\acute{\eta}\gamma\mu\alpha$), $\Upsilon\omicron\tau\iota\alpha\acute{\iota}\omicron\varsigma$ (ионийское $\Upsilon\omicron\tau\iota\alpha\acute{\iota}\omicron\varsigma$) [Bravo, p. 193/4]. Наличие ионизмов дало Браво основание отнести надпись к IV в. до н. э., тогда как Шкорпил датировал ее I в. до н. э., отметив чистоту ономастикона от варварских имен, характерных для ольвийской эпиграфики новой эры¹⁶⁷. Если судить по языку надписи — эллинистическому койнэ, включающему отдельные ионизмы, то ее следует отнести к III или II в. до н. э.¹⁶⁸

О характере письма надписи можно судить только по прориси Н. Макаренко. Это позднеэллинистическое письмо с обычными особенностями частных документов — неаккуратным почерком, небрежной резьбой букв, часто заваливающихся набок, различными формами одних и тех же букв (например, E с горизонтальными и наклонными гасами, П различной ширины), неровными строками, следующими вразброс с разными промежутками между собой, и т. д. Лунарная *сигма* (это единственная курсивная форма) перемежается с четырехчастной формой. В ольвийской лапидарной эпиграфике второй половины III — II в. до н. э. утверждается курсивный стиль с лунарными формами *эпсилон*, *сигмы*, *омеги*. При этом включающие их памятники сосуществуют с надписями лишь с одной лунарной *сигмой*¹⁶⁹. Размашистые и расширенные пропорции букв исследуемой ольвийской свинцовой таблички находят близкие параллели в надписях IOSPE I² 22b, 76, 180 и HO 174–176, которые укладываются во вторую половину III — ранний II в. до н. э. (см. ниже). Как мы увидим далее, именник позволяет несколько уточнить дату письма в пределах указанного времени.

Вернемся к текстологии надписи. В стк. 10 Шкорпил показал на своей условной прориси лакуну в одну букву и читал тут $\omega[\delta]\epsilon$. Браво отметил, что на прориси Макаренко лакуна больше, порядка трех букв, и восстанавливал $\omega[\sigma\tau\epsilon]\rho$. Никаких следов буквы P, однако, на обеих прорисях нет, так что и чтение Браво неточно. Обратим внимание, что завершающие фразу слова $\eta\mu\epsilon\acute{\iota}\varsigma \sigma\epsilon$ не имеют глагола. Это

этому же чтению. Разумеется, приоритет за Дюбуа, пишу об этом лишь для того, чтобы подтвердить чтение формы $\nu\acute{o}\eta\sigma\alpha\nu$ или $\nu\acute{o}\eta\sigma\alpha\nu$.

¹⁶⁶ [Thumb, Scherer, S. 297]. К примеру, то же в стихотворных надписях Боспора с IV в. до н. э. по римское время [Доватур, 1965а, с. 821]. Равным образом в нашей надписи можно усматривать и форму без приращения $\nu(\acute{o})\eta\sigma\alpha\nu$, и форму $\nu\acute{o}\eta\sigma\alpha\nu$ с гипериионизмом (долгое o вместо краткого), не требующую исправления.

¹⁶⁷ Ю. Г. Виноградов [1971, с. 79] отнес к III в. до н. э., без обоснования.

¹⁶⁸ Ионийский диалект представлен в массовом порядке в надписях III в. и уже редко в отдельных надписях II в. до н. э. [DGE 743, 796, 810].

¹⁶⁹ Лунарные формы трех названных букв представлены в Каталоге ольвийских граждан (I² 201), датированном нами последней третью или концом III в. до н. э. (ниже, с. 502/3), в декрете в честь аминсена, относящемся к позднему II в. до н. э. (с. 550/1); лунарные *сигма* и *омега* — в сакральном законе I² 76 середины III в. (с. 613), в граффито на чернолаковом сосуде III в. [Толстой, с. 27]. Только лунарная *сигма* употреблена в строительной надписи Клеомброта-внука I² 180 последней трети III в. (выше, с. 414), в Протогеновском декрете 180–170 гг., в декретах HO 18, 24, 174, 175, датированных издателями второй половиной II в. до н. э. Подробнее о курсивном стиле и ольвийской эпиграфике см. с. 400 и [Книпович, 1966, с. 23–26] (с несколько иными датировками части этих надписей, но в пределах III–II вв. до н. э.).

означает, что при них подразумевается тот же глагол ὤψαι, который только что употреблен в отношении замыслов противной стороны. Но ἡμεῖς — это сочувствующая адресату сторона, поэтому она должна грамматически противопоставляться другой стороне посредством частицы δέ (и подобных), которую мы и восстанавливаем в лакуне: ὥ[ς δ]᾽ ἡμεῖς σε «так и мы поразмыслим о тебе». По числу букв эта конъектура примиряет разность лакун в копиях Макаренко и Шкорпила.

В лакуне середины стк. 11 на копии Макаренко не хватает максимум 3 букв, по копии Шкорпила одной, при этом перед лакуной Шкорпил показал отчетливое Μ, а после лакуны — отсутствующее у Макаренко Α, в связи в чем он восстанавливал μ[ετα]λάβης. На прориси Макаренко показана половина буквы Μ, но Браво усмотрел тут остаток καπпы или даже πι и восстанавливал слово κ[ατα]λάβης или π[αρα]λάβης (?). Однако втиснуть в лауну три буквы вряд ли можно, поэтому мы дополняем тут μ[οι], парное к стоящему в предыдущей строке перед глаголом κατάσχης тому же местоимению: δέ μοι αὐτοὺς κατάσχης καί μ[οι] λάβης. Оба они соответствуют употребленному в следующей строке местоимению σο[ί]. В конце стк. 12 Макаренко ничего не разобрал и дал сплошную лауну, Шкорпил же четко показал δελту, за ней лауну в одну букву, затем ΙΦ, но прочел это вместе с началом следующей строки как δῶρον или скорее δίφρον. Браво принял первый вариант (δ[ῶ]<ρ>ον), а Джордан даже оставил оба Ρ: δῶρρον. Чтение этого слова, однако, явно не соответствует прориси: последняя буква стк. 12 Φ, а не Ρ и не два Ρ, поэтому без всякого исправления читаем тут δ[α]ίφρον — прилагательное в форме вин. падежа среднего рода в наречном значении, стоящее в пандан к предшествующему ἄριστον, тоже прилагательному той же грамматической формы и тоже в наречном значении. Прилагательное δαίφρον двух окончаний; хотя оно поэтическое, появление его в частном письме может быть обосновано, во-первых, уже отмеченным эпическим поэтизмом — отсутствием приращения в ὤψαι, свойственным поэтическому языку, во-вторых, чрезвычайной популярностью гомеровских поэм в Ольвии, что способствовало проникновению поэтизмов в разговорную речь ольвиополитов¹⁷⁰.

Чтение слова δῶρον, как отмечено выше, было ключевым основанием для понимания надписи как наговора: Джордан, Браво, Дюбуа привели аналогии из числа греческих заклятий, включающие его. Поскольку оно реально в тексте отсутствует, такое понимание письма лишается основного козыря и должно быть оставлено¹⁷¹.

Итак, перед нами письмо, отправленное неким анонимом адресату и содержащее предостережение ему о судебном разбирательстве, подготавливаемом группой поименованных лиц. В интересе отправителя письма был захват этой группы адресатом, что, видимо, было ему по силам, за что автор письма брался вознаградить его удачным улаживанием судебного дела. Таково в общих чертах содержание

¹⁷⁰ Другие элементы поэтической речи, проникшие в прозу, представлены в НО 34, 75 IOSPE I² 44 (см. с. 521, 526, 622). См. о гомеровских поэмах в Ольвии и их реминисценциях в местной малой эпиграфике: [Виноградов, 1969, с. 142 сл.; ГЛБО II, с. 88–89].

¹⁷¹ По указанию Придика (архивный материал), свинцовая пластинка с нашей надписью найдена в могиле. Это обстоятельство характерно для наговоров, но оно не означает обязательно магический ее характер, ибо свинцовая пластинка могла использоваться вторично как средство заклятия. Для произведения акта заклятия можно было использовать любую свинцовую пластинку или иной свинцовый предмет. В Пантикапее, например, известен случай, когда в могилу в качестве средства заклятия были зарыты свинцовые гирьки [Яйленко, 2005, с. 471].

исследуемого документа. Нам остаются неясными многие обстоятельства всей этой истории, вполне известные ее участникам. Попробуем составить примерное представление о них. Прежде всего отметим, что Ольвия второй половины III — начала II в. до н. э., т. е. времени написания нашего документа, находилась в кризисе, начавшемся в середине III в. в результате гибели сельских поселений хоры¹⁷². Товарное сельское хозяйство, составлявшее, как мы видели (с. 436/7), основу экономики Ольвии, сократилось до минимума, — оставшиеся немногочисленные сельские поселения в ближайшей округе города и на левом берегу Бугского лимана едва поддерживали продовольственное снабжение самого города. Найденное в Ольвии наше письмо прислано либо с этих поселений, либо из-за пределов Нижнего Побужья. Попробуем решить этот вопрос на основании встречаемости имен надписи, иначе говоря, определить, насколько они характерны для Ольвии. Этих имен 10: Евполис, Дионисий, Макарей, Аристократ, Демополис, Комей, Герагор, Лептин, Эпикрат, Гестией. Рассмотревший их Браво пришел к выводу, что 9 из них принадлежат ольвиополитам и одно ксену — Λεπτίνας, судя по огласовке суффикса, несвойственной языку нашей надписи, т. е. койне и ионийскому диалекту, где оно представлено в форме Λεπτίνης [Bravo, 1987, p. 193]. Браво отметил, что имена Дионисий, Аристократ, Герагор, Эпикрат, Гистией встречаются в ольвийских надписях, а имена Евполис и Макарей в милетских, причем Милет связан с Ольвией с IV в. договором об исополитии.

Эти данные следует несколько уточнить. Из 10 имен 7 засвидетельствованы в Ольвии, причем 4 из них зафиксированы в Каталоге ольвийских граждан (I² 201), который, напомним (см. с. 502/3), относится к последней трети или концу III в.¹⁷³ Это обстоятельство уточняет датировку исследуемой надписи последней третью — концом III в. На это указывает также имя Аристократ, упомянутое помимо Каталога еще только в Протогеновском декрете¹⁷⁴. Видимо, не только Лептинас был носителем имени с несвойственной языку нашей надписи дорической огласовкой суффикса (Dubois, 109), но также Комей и Макарей как носители неизвестных в Ольвии имен чужестранцы, а не ольвиополиты¹⁷⁵. Из близкого нашему документу по вре-

¹⁷² [COO, с. 100/1; Крыжицкий, Буйских, Отрешко, с. 76].

¹⁷³ Имена Аристократ, Дионисий, Эпикрат известны в Ольвии и помимо Каталога, имя Гестией дано только в нем (реконструкция Έκ[αταί]ος в наговоре Dubois, 102 ненадежна). Имя Герагор есть в ольвийском граффито V в. [Толстой, 41], в списке жрецов Евресибиадов НО 71 раннего эллинистического времени (с. 496/7) и наговоре III–II вв. [Тохтасьев, 2000, с. 308], дата издателя середина — вторая половина IV в. дана без аргументов, см. ниже. Имена Евполис и Демополис представлены в наговоре — перечне имен II–I вв. до н. э., опубликованном Шкорпилом [1908, с. 71 = Dubois, 110] вместе с рассматриваемым письмом Анонима.

¹⁷⁴ I² 32 А. 91, он вместе с Протогеном послан к царю Сайтафарну. Поскольку Каталог и Протогеновский декрет близки по времени (в Каталоге упомянут отец Протогена Геросонт), в Аристократе обеих надписей можно видеть одно лицо. О датировке Протогеновского декрета и изложенных в нем событий концом III — первой четвертью II в. см. с. 502/3.

¹⁷⁵ В ольвийском наговоре позднего IV в. закликаются тяжущиеся противники и их свидетели: «Связываю языки противников по суду и свидетелей: Телесикрата и сыновей Телесикрата, Агрона, Гиппоника, Артемидора, Ахиллодора и остальных всех, кто вместе с ним» [Толстой, 1953, с. 46]. Из перечисленных тут имен только имя Артемидор известно в Ольвии, а Ахиллодор на Березани, из чего, однако, нельзя делать вывод, что все остальные поименованные лица ксены, поскольку антропонимика Ольвии позднего IV в. не засвидетельствована списком граждан города. Последняя треть III в. документирована списком граждан, что дает основание считать неольвиополитами носителей имен, не засвидетельствованных не только списком граждан, но и антропонимикой в целом.

мени Протогеновского декрета 180–170-х гг. известно, что в Ольвии обреталось немало ксенов (I² 32 В. 20–21), каковых и можно усматривать в носителях неизвестных тут имен письма Анонима. Разумеется, это не более как предположение, ибо эти лица могли быть ольвиополитами негражданского состояния.

Полагаем, одно из ключевых слов надписи — λάβης стк. 11: вне зависимости от разнообразия значений глагола λαμβάνειν его смысл в связке с предшествующим κατάσχεσις достаточно бесспорен: речь идет о захвате предполагавшихся к задержанию лиц. Более того, λαμβάνειν — один из технических глаголов, которыми обозначался акт захвата¹⁷⁶. Предполагаемые нами три ксена составляют только треть противостоявшей адресату и анониму стороны, другие 4 человека — ольвиополиты, причем четверо из этой трети очень вероятные граждане, которых нельзя было уводить, не преступив закон. Как раз этот момент до некоторой степени поясняется ольвийским декретом в честь Анфестерия того же времени, что и наш документ. В стк. 34–36 его чрезвычайно разрушенного текста говорится о --παρανομούτα[ς] -- μισοπονη[ρ--] σ[τασι(?)]άζοντες -- συλοῦσι-- «преступающих законы -- ненависть к негодяям -- бунтующие (?) -- захватывают--» (см. ниже). Перед нами в письме Анонима — свидетельство о захвате, и эти скудные остатки текста позволяют ввести содержание исследуемой надписи в сложную социально-политическую ситуацию, возникшую в Ольвии после гибели хоры, когда в городе наступил экономический кризис. В обстановке политического противоборства, очевидно, была возможна реализация совета захватить группу граждан и, возможно, ксенов, поданного адресату отправителем, который подчеркивал и свою заинтересованность в этом (μοι стк. 10–11).

Таким образом, содержание письма Анонима связано с кризисной экономической и социально-политической ситуацией, в которой Ольвия оказалась после середины III в. Гибель хоры, которая была основой ее экономического процветания, и концентрация населения в городе при общем недостатке продовольствия вызвали социально-политическое противоборство различных сил, о чем позволяют догадываться скудные остатки Анфестериева декрета, упоминающего преступающих законы, ненависть к негодяям, бунтующих (?) и захватывающих людей (см. ниже). Обстановке политической борьбы в Ольвии созвучно противопоставление в письме Анонима двух сторон, одна из которых выступала за адресата, другая против. Видимо, их противостояние носило политический характер, ибо не исключен он, а не имущественный характер готовившегося против адресата судебного процесса. Сделанное адресату предложение захватить противников очевидным образом противозаконно, так как в их числе были граждане Ольвии, не подлежавшие никакой форме захвата на территории своего полиса иначе, чем по суду. Это означает, что противники (по меньшей мере одна сторона) не гнушались противозаконными средствами для достижения своих целей, — такие как раз и подходят под категорию παρανομούτα[ς] «преступающих законы» Анфестериева декрета. Целью практики захвата в Греции было порабощение захваченных лиц и присвоение их имущества. Предлагаемый в письме Анонима захват противников указывает на глубину противоречий между противостоявшими сторонами: ценой их было рабство, конфискация имущества и, может быть, сама жизнь людей.

¹⁷⁶ [Bravo, 1980, p. 842], с примерами из Демосфеновского корпуса и других источников.

5.2. Декрет в честь Анфестерия

Его опубликовал Ю. Г. Виноградов [1984; 1989, с. 194, 205 и др.]. Стела сохранила все строки надписи, но посередине они полностью стерты, так что в каждой строке от 31–37 букв текста сохранилось по несколько букв слева и того меньше справа (рис. 74). Тем не менее издатель восстановил почти весь текст декрета, обоснованность чего по большей части минимальна. В соответствии со своим чтением документа он установил следующие этапы деятельности Анфестерия: ситометрия, строительные мероприятия, приготовления к войне и миксэллины, восстановление алтарей, ремонт и строительство флота, политическая деятельность, участие в работе коллегии Семи. Из них лишь первый и два последних пункта документируются более или менее определенными указаниями сохранившегося текста. Остальные выводы основаны на крайне ненадежных восстановлении текста. Так, вывод о строительной деятельности Анфестерия Виноградов сделал из восстановления в стк. 12–13 ἐκ τῶν ἰδίων -- κ]ατὰ πότ[α]μόν, хотя хорошо различимы там лишь буквы ΕΚΤΩΝΙ -- ΠΟ.. ΜΟΝΤ, которые могут быть прочтены различным образом на основании употребительной в почетных декретах лексики. Сохранившиеся буквы ΝΙΚΩΝΕΜ, которым предшествуют неясные остатки, он прочел как «прилагательное [Μι]ξελ[λη]νικῶν» [1984, с. 65], разумеется, никакими другими источниками не засвидетельствованное, но послужившее ему основой для далеко идущих выводов о миксэллинах и их роли в истории Ольвии. Хотя такое прилагательное вполне мыслимо, для восстановления нового слова требуется контекст лучшей сохранности, ибо ничто не мешает читать здесь, к примеру, встречающееся в декретах причастие νικῶν «победив». Буквы стк. 19–20 ΕΣΤ|ΑΣΩΛΙΝ издатель прочел как указание на восстановление Анфестерием алтарей: ἐστ[ί]ας ὠδίν[ων] «тяжело переживая, что алтари...» [с. 68]. Алтари тут явно надуманы, ибо после Т на конце строки имеется достаточно места для *иоты*, если бы она здесь была, не говоря уж об общей скудости текста, который может быть трактован различным образом. Сохранившиеся в начале стк. 29 и 30 слова πλοῖον и πλεοιτ--, т. е. упоминающие корабль и плавание, но ничего более, Виноградов понял как указание на «ремонт и строительство флота» [с. 69–71]. Подобных образцов толкования им текста данной надписи столько, что нет смысла разбирать их ввиду полной произвольности. В действительности в надписи более или менее определенно упоминается следующее: ситометрия (τῆς σ[ι]τομετ[ρίας]), нарушители закона (παρανομήντα[ς?]), отвращение Анфестерия к ним (μισοπονη[ρ--]), захват кораблей (σύλου, род. падеж к οὔλου), следование, сопровождение ([ἄκο]λουθου[--]), снова плавающий (*или* плавание), нечто гражданское (πολιτικῶ[--]), городские учреждения (τὰ ἄρχε[ι]α), народ (τῶ[ι] δῆμῳ), заканчивается декрет типовыми финальными формулами *laudatio*, в котором интересно лишь упоминание коллегии Семи, вероятно, вместе с другими городскими властями оказавшей почести Анфестерию.

Как же поступать в таких случаях, когда текст надписи сильно разрушен? На наш взгляд, один из продуктивных путей — сопоставление более или менее сохранившихся и удовлетворительно читаемых слов текста с другими надписями Ольвии. В частности, стк. 33–37 Анфестериева декрета: --παρανομήντα[ς] -- μισοπονη[ρ--] σ[τασι?]άζοντες -- συλοῖσι-- «преступающих законы -- ненависть к негодяям -- бунтующие (?) -- захватывают--» имеют параллель в синхронном письме Анонима (*см. выше*), в котором идет речь о предполагаемом захвате группы людей. Обе надписи,

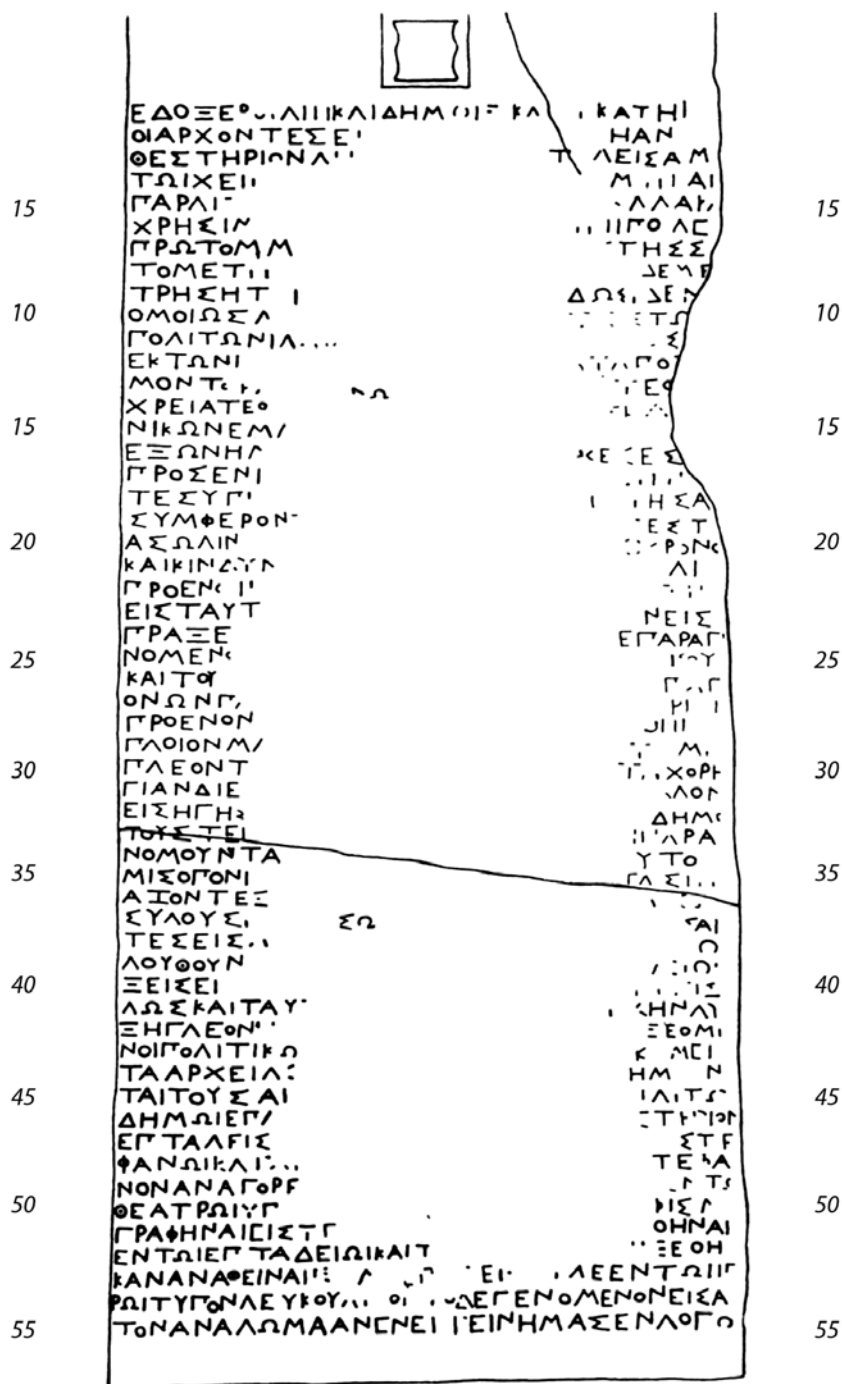

Рис. 74. Декрет в честь Анфестерия, прорись [Виноградов, 1984]

сопоставленные друг с другом, показывают, как в условиях кризиса полиса (гибель хоры, скопление сельского населения в городе) возросло политическое и социальное напряжение: стал возможен захват не только ксенов, но даже граждан, что в нормальных условиях можно было делать только по суду. Упомянутая в данном контексте «ненависть к негодям» характеризует Анфестерия как политического деятеля, противостоящего преступным действиям отдельных групп населения по незаконному («преступающие законы» стк. 33–34) захвату граждан (συλοῦσι стк. 37). В интерпретации же Виноградова речь здесь идет о грабеже священного имущества: [τὰ ἱερὰ] ἃ [ἱ]ερ[ο]συλοῦσι, — вывод, основанный на произвольном дополнении текста. Достаточно ознакомиться с его же прорисью, чтобы убедиться в отсутствии сколько-нибудь определенных остатков букв в конце стк. 36 перед словом συλοῦσι, первым в стк. 37. Виноградов отнес декрет к третьей четверти III в. до н. э., ближе к его середине [с. 54], в другой работе — ок. середины III в. Палеографически надпись, однако, относится ко второй половине столетия, и мы поставили ее в связь с разрушением ольвийской хоры в середине III в., датируя последней его третью (с. 475).

Мы объяснили только несколько строк Анфестериева декрета, но это объяснение зиждется на параллельном и синхронном ольвийском источнике, в силу чего обладает определенной достоверностью. Именно такой путь интерпретации и других мест Анфестериева декрета плодотворен, а не произвольная отсебятина Виноградова, которая вызвала лишь резкую критику: построчно перечислив изъязы его дополнений, Г. Плекет резюмировал: «В целом восстановления Виноградова чрезвычайно самоуверенны (bold) и спекулятивны» [SEG 34, 758].

5.3. Вотив ситонов НО 72

Тему кризиса в Ольвии III–II вв. продолжает рельеф с посвящением НО 72: «отбыв должность ситонов (σιτονήσαντες), Феокл Трасидамов, Деметрий Фокритов, Афиней Кононов, Навтим Героксенов при секретаре Афинодоре Демагоровом посвятили рельеф Герою Внемлющему» (рис. 108а на с. 658)¹⁷⁷. По справедливому мнению издателя Е. И. Леви, это «документ, который свидетельствует об экономических затруднениях в Ольвии в конце III — начале II в. до н. э., потребовавших создания коллегии ситонов; ситоны ведали государственной закупкой зерна, когда цены на хлеб сильно поднимались. Данные о тяжелом экономическом положении соответствуют сведениям декрета в честь Протогена». Леви заметила также, что имена Афиней, Афинодор, Деметрий, Феокл, Трасидам, Конон, Навтим присутствуют в Каталоге граждан Ольвии IOSPE I² 201. Это важное наблюдение помогает, на наш взгляд, уточнению датировки вотива ситонов. Ситону Феоклу Трасидамову соответствуют в каталоге Феокл Аристонов и Трасидам Аристонов (А. 14, 24); Феокл и Трасидам очевидные братья, так что Феокл Трасидамов — сын Трасидама Аристонова, названный в честь брата¹⁷⁸. Таким образом, Феокл Трасидамов принадлежит

¹⁷⁷ В НО указано, что надпись хранится в ЛОИА, мы видели ее в Киеве, в Музее природоведения.

¹⁷⁸ Сказанное о принадлежности указанных лиц одной семье подтверждается присутствием в Каталоге также Аристона Феоклова (А. 42), в надписи стеностроителей последней четверти IV в. упоминается Феокл Аристонов (выше, с. 409/10) [Денисова, 1982, с. 95], полагаем, он приходится дедом Феоклу Аристову Каталога (такова ситуация и с двумя другими стеностроителями — дедом и внуком со сходным именем-отчеством Клеомброт Пантаклов, см. с. 414). По счету поколений в 30 лет дед

к следующему поколению после Каталога I² 201, т. е. к концу III — началу II в.¹⁷⁹ Это время событий, описанных в Протогеновском декрете (см. ниже), когда вопрос о снабжении населения хлебом не раз стоял остро¹⁸⁰. Теперь мы знаем, что этот вопрос ольвиополиты решили посредством учреждения коллегии ситонов. Имеющиеся ныне источники показывают, что ольвиополиты трижды прибегали к ситонии — сначала о ней упоминает Анфестериев декрет последней трети III в., затем вотив НО 72 конца III — начала II в., наконец, намеки на нее содержит и Протогеновский декрет, отражающий события конца III в. — первых двух-трех десятилетий II в. (с. 503) [Виноградов, 1989, с. 204/6]¹⁸¹. Замечено, что во второй половине III в. Ольвия еще располагала хорошей, достаточной для продовольственного обеспечения города: на ее монетах помещены изображения Деметры и колоса, но ок. 200 г. «аграрная» символика исчезает¹⁸².

Что входило в обязанности ситонов, показывает декрет приенцев III в. до н. э. в честь ситонов (Michel, 482): «Постановлено советом и народом, Еветион Аполлониев предложил. Поскольку избранные народом на должность ситофилаков Гегесий Трасибулов, Филиск Аполлониев, Зоил Евагоров сообща отбыли эту должность и исполнили взятую на себя заботу о хлебе (σίτου) и всем прочем, относящемся к хлеботорговле на рынке согласно законам, а также сделали точный и правдивый отчет *перед властями*, похвалить Гегесия Трасибулова, Филиска Аполлониева, Зоила Евагорова за то, что исполнили должность по справедливости и в соответствии с законами»¹⁸³. Отсюда явствует, что ситофилаков избирали на народном собрании, что они контролировали хлеботорговлю на специальном хлебном рынке (κατὰ τὴν ἀγοράν τὴν σιτώπωλιν). Они надзирали за торговым оборотом и зерна (σίτος) и хлебной продукции в целом (σιτώπωλιν πωλουμένην). В Приене приняты законы, регулирующие хлеботорговлю, и ситофилаки должны были в своей деятельности в точности и по справедливости следовать им. По сложению полномочий они отчитывались перед властями города о проделанной работе, и этот отчет должен быть правдивым и соответствовать законам¹⁸⁴.

и внук составляют столетие (с. 486, 501). Каталог мы датируем последней третью — концом III в. (с. 502/3), что соответствует вековой хронологической разнице между ним и надписью стеностроителей (для чистоты конструкции отметим, что датировка ее последней четвертью IV в. дана Денисовой). Для иллюстрации перехода одного набора имен в поколениях семьи достаточно напомнить, что отца Протогена звали Геросонт Протогенов, есть также Евдор Протогенов, Протоген Евдоров (I² 201 A. 17, 33, 63), Евник Евдоров, внук Протогена [Русяева, Крапивина, 1992].

¹⁷⁹ Леви отнесла вотив ситонов ко времени не ранее конца III в., скорее к первой половине II в. (коммент. к НО 72; с ней солидарны Карышковский, также Виноградов [Pont. St. S. 90]: перед временем Протогена), к III в. в целом отнес его Белецкий [1969, с. 158].

¹⁸⁰ Обзор «хлебных» эпизодов [Отрешко, 2009д, с. 131/2].

¹⁸¹ Возможно, о ситометрии ведется речь в декрете IOSPE I² 246 от II — первой половины III в. н. э. (с. 598).

¹⁸² [Ольвия, 1999, с. 202], что еще раз подтверждает нашу датировку Анфестериева декрета поздним III в.

¹⁸³ Далее следуют стандартные почести: увенчание, провозглашение венка в театре, установка стелы с данным постановлением в святилище Афины.

¹⁸⁴ В так называемых Тавроменийских фастах изложены траты городской казны на снабжение хлебом, бобовыми и прочим продовольствием (Syll.³ 954. 25–43, 65–83, 99–111, г. Тавромений в Сицилии, ок. 100 г. до н. э.), они составлены по отчетам ситофилаков. Подробнее о деятельности ситонов говорит закон II в. до н. э. из Самоса о поставках хлеба (Syll.³ 976). В Афинах функции ситонов и ситофилаков различались, но применительно к другим городам данных об этом нет.

Все это составляло существо деятельности также ольвийских ситонов. По крайней мере формально, поскольку классовый (лучше сказать, сословный) характер греческих полисов сам по себе предполагает, что исполнение тех или иных полисных должностей осуществлялось либо в интересах плебса, иначе говоря, основной массы населения, либо местной олигархии. Например, на Самосе во II в. до н. э. ежегодно в ситоны могли быть избраны только богатеи с состоянием не менее 3 талантов, при этом их было всего двое (Syll.³ 976. 36–38); ясно, что снабжение полиса хлебом осуществлялось здесь в интересах олигархии. Напротив, в Дельфах соблюдались здоровые моральные нормы: условием избрания в коллегию ситонов (их трое) был возраст — не младше 30 лет и не старше 60, а также авторитет (ἀξιόχρητος, Syll.³ 671 A. 14–15, ок. 162 г.). Такая коллегия, принимая во внимание господство олигархической теократии в Дельфах, скорее действовала в интересах всех слоев населения. По-видимому, в Ольвии, где, с одной стороны, полисом рулили олигархи типа Протогена, но с другой — работали и полисные институты в интересах общей массы населения (с. 509), ситония приближалась по характеру к дельфийской. Как можно судить по приенскому декрету, ключевые условия работы ситонов, по крайней мере на уровне деклараций (справедливость и соответствие законам), устраивали народ в целом, но мы не должны упускать из виду, что эллинистическая греческая экономика рыночная, т. е. в значительной мере спекулятивная (достаточно сослаться на современную рыночную российскую экономику, наполовину криминальную). В связи с деятельностью ольвийских ситонов обратим внимание на заклятие, включающее выписанные в столбец на свинцовой пластинке личные имена проклинаемых (Dubois, 103): «Олимп, Ксенон, Афинодор, Афиней, Павсаний, Деметрий, Аск, Гиппокл». Из 8 имен 3 находят соответствие в именнике ситонов — Афинодор, Афиней, Деметрий, причем следуют они друг за другом, что может указывать на некую их связь, не исключено, коллегиальную. Существенно и то, что имя Афинодор засвидетельствовано еще лишь в Каталоге, причем дважды и рядом: Афинодор Мосхов, Аминтор Афинодоров (I² 201 A. 57–58), они отец и сын, а сын — из одного поколения с ситоном Афинодором Демагоровым. Эти 3 Афинодора современники, каких-либо других нет, так что один из них и проклят. Признаём, что больше всего шансов на проклятие у ситона по причине его деятельности как контролера¹⁸⁵. Обратим также внимание на число ситонов — в Приене их 3 (столько и в Дельфах), Ольвия как город меньше Приены, но ситонов в ней пятеро — свидетельство того, что работы у них больше¹⁸⁶. Это можно понять, вспомнив о внутренней нестабильности полиса, на которую указывает письмо Анонима. На рельефе ольвийских ситонов (рис. 108а на с. 658) показан жертвенник, на нем стоит сосуд, средний из ситонов держит его за ручку. Видимо, это мерный сосуд, основной инструмент работы

¹⁸⁵ В связи с этим встает вопрос о хронологии 6 наговоров на свинцовых табличках, опубликованных Виноградовым [ACSS. 1994, р. 103/8, № 1 = SEG 44, 669 = Dubois, 106] и Тохтасьевым [2000, с. 296, 299, 308, 311], все с курсивным письмом или его элементами, все отнесены издателями ко второй половине IV в. (Тохтасьев свои датировки не обосновал, просто сослался на датировку заклятия, изданного Виноградовым). Если правильна усмотренная нами связь между ситонами и рассмотренным наговором (Dubois, 103), хоть в нем нет курсивных элементов, упомянутая группа заклятий относится к III–II вв., см. о развитии курсивного письма в ольвийской эпиграфике с. 472.

¹⁸⁶ В других греческих городах бывало и по одному ситону (Syll.³ 951, Карист, II в. н. э.).

ситонов на хлебном рынке¹⁸⁷. Ввиду одного лишь этого обстоятельства — проверки правильности мер у торговцев — конфликты интересов в реальной работе ситонов на ольвийском хлебном рынке неизбежны. Поэтому зачисление ситона в список проклинаемых вполне логично.

Свой рельеф ольвийские ситоны посвятили Герою внемлющему. Культ этого северобалканского божества, более всего распространенного во Фракии, хтонический по характеру. Это первое по времени свидетельство о его культе в Ольвии, второе — частное посвящение Благосклонно внемлющему за счастливое плавание (НО 74, см. с. 617/8). Столь скудное представление указывает, что это не ольвийский культ — обе надписи поставлены *ad hoc*, по случаю каких-то однократных связей с Зап. Понтом. В случае с ситонами следует думать, что в решении своих проблем, вызванных кризисом III–II вв., Ольвия обращалась к западнопонтийскому продовольственному рынку: это будет наиболее здравое объяснение того, что ольвийские ситоны посвятили по отбытии должности рельеф фракийскому хтоническому божеству, «ответственному» за урожай. Хотя в западнопонтийских полисах III–II вв. также случались хлебные кризисы, это был ближайший рынок. Боспор тоже переживал кризис в III–II вв., он перестал быть общегреческой житницей; Ольвия, и раньше не имевшая с ним контактов (с. 345/7), обратилась к традиционным партнерам — портовым полисам Зап. Причерноморья¹⁸⁸.

6. КАТАЛОГ ОЛЬВИЙСКИХ ГРАЖДАН И ОЛИГАРХИЧЕСКИЕ КЛАНЫ ОЛЬВИИ IV–II вв. до н. э.

6.1. Вводные замечания

Существенные данные об Ольвии позднего III в. до н. э. представляет Каталог граждан города IOSPE I² 201. Это мраморная доска, сохранившая целым лишь левый край, высотой 110 см, толщиной 10 см (рис. 75). Имена и патронимики разделены на 3 колонки, от третьей колонки сохранились только начальные буквы имен. Ширина сохранившейся части доски 31 см. Из ольвийских надписей наибольшую ширину имеет Никератов декрет (I² 34) — 56 см, у близкого Каталогу по письму Протогенова декрета ширина 44 см, и это указывает, что Каталог содержал не более трех колонок. Высота наибольших ольвийских эллинистических стел (вместе с Протогеновой и Никератовой) не превышает 2 м. Хотя первый отбит снизу, а второй сверху, утрачена небольшая часть стел, ибо при большей высоте тексты были бы

¹⁸⁷ Описание рельефа [Белецкий, 1969, с. 156/8] (о мерном сосуде не сказано). Наше описание см. в примеч. 32 на с. 28. См. о ситометрии — раздаче стандартных хлебных пайков ситонами [Wilhelm, 1932, p. 899 s.].

¹⁸⁸ Косвенное указание на это дает и характер рельефа НО 72, имеющий соответствие в посвящении месембрийских стратегов [Vinogradov, 1997, S. 53]. Даже в начале I в. до н. э., когда ситуация в Ольвии была совсем плоха, эти ее торговые связи сохранялись: в чествующем тирита Нила декрете Том этого времени говорится, что он содействовал «всем купцам (эмпорам) города (т. е. Том), плывущим в город Ольвию» [ISM II, 5; Соjосагu, 2013a, p. 120]. По поводу Боспора см., однако, с. 511, 510 о горгиппийских надписях НО 143, 145, попавших в Ольвию в качестве корабельного балласта.

Рис. 75. Каталог граждан Ольвии
IOSPE I² 201, начальная часть
колонки А (ОАМ), фото автора

недоступны для чтения. Это означает, что стела с Каталогом могла быть максимум вдвое выше и содержать имен не более чем вдвое больше сохранившихся. В левой колонке осталось более всего имен — 66, умножив эту цифру на число колонок и удвоив, получим максимально возможное число имен — около 400. В действительности их было не более 300, так как 12-миллиметровые буквы на высоте около 2 м читаются плохо, так что высота стелы была меньшей. Составлявшиеся в греческих полисах каталоги имели различное назначение¹⁸⁹. В. В. Латышев в комментарии к этой надписи в IOSPE отметил, что ему неизвестна цель составления Каталога, но он издавна [Латышев, 1887, с. 84] считал его Каталогом ольвийских граждан. По Виноградову [1981б, с. 145], это «диахронный каталог ольвийских жрецов-эпонимов, фиксированный в конце II — первой половине I в. до н. э.». Он ничем это не аргументировал (высказал, чтобы хоть что-то противопоставить моему мнению, что это список граждан полиса), да это и невозможно, ибо списки такого рода резко различаются: списки граждан всегда состоят во многом из членов семей, отцы, сыновья, деды, внуки которых носят повторяющиеся излюбленные имена, тогда как в специализированных списках, например эпонимов, это встречается нечасто — например, в большом милетском списке эпонимов, и это при том, что в элли-

¹⁸⁹ [Guarducci, 1970, p. 328]. Формальный признак каталога граждан, отличающий его от других списков имен — повторяющиеся имена сыновей, отцов, дедов, внуков.

нистическое время там было несколько жреческих родов [Milet I, 122–128; Didyma II, 159, 167, 171, 220]. Напротив, ольвийский Каталог, как мы увидим далее, в основном состоит из членов полутора-двух десятков семей (из сотни персон с хорошо сохранившимися именами лишь два десятка не принадлежат к тем семьям). Что ольвийский Каталог не список эпонимов, показывает и отсутствие в нем имен известных нам жрецов IV–II вв. Ленея¹⁹⁰, Герогейтона (НО 26), Анаксимена (НО 30)¹⁹¹, Фрасибула, Евбиота Аристонова (I² 166, 191) и др.

Личные имена Каталога находят параллели в именах ольвийских надписей IV–II вв., иначе говоря, он является как бы снимком с антропонимики, излюбленной у ольвиополитов эллинистической эпохи. Эпиграфические материалы, в которых фигурируют упоминаемые Каталогом лица, а также соименные им родственники, принадлежавшие к разным поколениям, показывают, что все они вели деятельность различного рода — были стеностроителями, торговцами, финансистами, жрецами и пр. Широкий профессиональный спектр определенно указывает, что Каталог является списком не какой-либо узкой категории лиц (например, подобно перечню победителей на спортивных состязаниях в Горгиипии КБН 1137), а большого круга людей, граждан города. Рассмотрим сначала вопрос о времени составления Каталога. Он написан лунарным шрифтом, плохо поддающимся датировке в пределах одного и даже двух столетий. В таких условиях решающее слово за просопографическими данными. Говоря далее о дате Протогеновского декрета, мы установим соответствия между кругом лиц, упоминаемых в датированных делосских надписях, Каталоге и ряде других ольвийских надписей (ниже, с. 502/3). Упоминаемый в Каталоге (В. 27) Дионисий Агротов, по очень вероятной мысли Латышева, отец Посидея и Агрота, которые поставили в его честь статую, когда он отбыл срок жречества, в святилище Аполлона Дельфиния (IOSPE I² 189). Поскольку Посидей и Агрот принадлежат к поколению делосцев Ликомеда Критиева и Антигона Харистиева, время деятельности которых пришлось на конец III — 170-е гг., отец Посидея и Агрота Дионисий принадлежит к предшествующему поколению делосца Крития Ликомедова, деятельность которого протекала на протяжении последней трети III в. — 200-х или 190-х гг. В Каталоге фигурируют также Агатин Деимахов и Конон, упоминаемые и в ольвийском декрете в честь сыновей Аполлония, датированного последней третью или четвертью III в. (с. 465/6); их отцы Деимах и Ба[—] принадлежат к поколению Дионисия Агротова¹⁹². По этим просопографическим соответствиям датировем Каталог последней третью или концом III в. Показательно, что в нем не отражено уже поколение Посидея Посидеева, соответствующее третьему поколению делосцев — Харистию и пр., действовавшим в 180-е — 170-е гг. Примечательно, что в том же III в. составлен каталог граждан Нимфея (КБН 912), в нем тоже было около 300–400 имен, сохранилось 70 имен-патронимиков [Яйленко, 2010, с. 487/8]. Три списка имен составлены в III в. до н. э. и в Пантикапее (КБН 111)¹⁹³.

¹⁹⁰ IOSPE I² 33, см. с. 528; патронимик его начинался буквой Т, а Леней Каталога был сыном Геродора, так что это не одно лицо, а тезки.

¹⁹¹ О восстановлении в НО 30 жреческой эпонимной должности см. с. 542, 544.

¹⁹² Не удивительно, что в Каталоге присутствуют представители двух поколений, соответствующих первому и второму делосским поколениям, — далее мы увидим, что в Каталоге есть деды и внуки, т. е. представители даже трех поколений ольвиополитов.

¹⁹³ Это не списки имен фиасотов, так как в III в. их еще не было, они появляются на Боспоре со II в. до н. э. — КБН 75. Возможно, НО 168 тоже фрагмент списка ольвийских граждан, см. с. 430.

6.2. Олигархические кланы Ольвии IV–II вв. до н. э.¹⁹⁴

Состав имен Каталога характеризуется прежде всего исключительной чистотой греческого антропонимикона (то же в нимфейском каталоге)¹⁹⁵, а также решитель-

¹⁹⁴Этой теме посвящена книга Н. И. Николаева [2008], ее электронный вариант мне любезно прислал В. Никоноров, за что я ему благодарен. Инженер Николаев почему-то счел, что участие в археологических экспедициях дало ему основание заниматься ольвийской эпиграфикой. Краеугольный камень его опуса — представление о Каталоге как диахронном списке ольвийских эпонимов-жрецов Аполлона, что, как чуть выше показано, на все 100 % ошибочно, по причине чего книга Николаева выстроена на заведомо песчаном основании. По его мнению, датированная 78 г. понтийской эры надпись Дионисия, с. Тиея [Крапивина, Диатроптов, 2005] свидетельствует о введении в Ольвии понтийской системы летоисчисления. Это тоже ерунда, так как Дионисий прислан Митридатом из Синопы, где имя Тией распространено, или Амиса, откуда происходил ряд митридатовых военачальников [SEG 55, 855, *comm.*]. Что понтийская эра не вводилась в Ольвии, указывает отсутствие в ней других надписей или монет с понтийскими датами. Напротив, на Боспоре заимствовали понтийскую эру, и это нашло отражение в множестве датированных надписей и монет. Далее, по Николаеву, в Ольвии существовала эра Аполлона, которую он увидел и в Каталоге, дополнив в столбце III, стк. 67 По[σίδεος Ἀναξαγόρου?], Από[λλωνος Διός] (Аполлон как эпоним вставлен потому, что он числится в милетском списке эпонимов). Дело даже не в самом дополнении имени-отчества эпонима Посидея по двум буквам ΠΟ, а Аполлона, сына Зевса, по буквам ΑΠΟ, а в том, что нигде в хорошо сохранившейся основной части ольвийского Каталога Аполлон не числится эпонимом, а вот в самой разрушенной части, где от имен осталось по 2–3 буквы, Николаев помещает его. Он пишет: «Опорной точкой является год Аполлона, упомянутый в декрете в честь амисенского кибернета (IOSPE 35), что, как показано далее автором, соответствует 90-му г. до н. э. Второй хронологический репер — средняя дата (315 г. до н. э.) исполнения эпонимной должности евергетом Клеомбротом Пантакловым (IOSPE 179)» [с. 7]. Если учесть, что в надписи I² 35 Аполлон вовсе не упоминается, как нет и даты в эпиграмме I² 179, то степень аргументированности и этих основополагающих положений Николаева нулевая. Приравняв свою выдуманную «эру Аполлона» к 90 г. н. э., он датировал с точностью до года или около того едва ли не все ольвийские надписи IV–II вв. Эта развесистая клякwa выращена Николаевым на почве его невежества в области эпиграфики, ни элементарные основы которой, ни язык ему неведомы. Как он управляет с надписями, видно с самого начала книги: в его распоряжении оказался мелкий обломок ольвийской надписи, в одной строке которого сохранились буквы HN, в другой ΓΕΤΗΝ. Приписав Латышеву указание, что нехарактерное окончание вин. падежа –HN представлено только в почетной надписи в честь Пантакла Клеомбротова I² 188 и уловив слово евергет (еще бы — сохранилась большая часть его), он восстановил свой фрагмент так: [Ο ΔΗΜΟΣ? ΠΑΝΤΑΚΛ?]HN | [ΚΛΕΟΜΒΡΟΤΟΥ ΤΟΝ ΕΥΕΡ?]ΓΕΤΗΝ [[ΗΡΑΚΛΕΙ]? Кроме слова евергет, все здесь туфта. Вин. падеж на -ην Латышев дал в числе грамматических признаков языка ольвийских надписей в целом, и Παντακλῆν просто числится в данной рубрике (IOSPE I², р. 571; не зная латыни, Николаев и не мог что-то понять не только в комментариях Латышева, но даже в его указателе). Сей *асс.* сигматических основ представлен в ряде ольвийских надписей (к списку Латышева добавь Προτοῦεῖν I² 32 Α. 35), это нормальный ионийский вин. падеж [Thumb, Scherer, S. 258/9, 275, 294], в Ольвии наряду с ним употреблялся, как и в ионийских надписях в целом, аттиказированный *асс.* на -η (Βορυσθῆνη, I² 24. 1). Поэтому в надписи Николаева могло быть любое имя на -ης. Так из непонятного Николаеву латинского текста в корпусе Латышева (он не знает и греческого языка) родилась его «реконструкция». Он не справился даже с простейшей задачей — определением по излюбленным семейным именам персонального состава ольвийских родов, так как руководствовался своей «хронологией» с точными датами едва ли не по году. Единственно, что можно записать в актив книги, — фото нескольких надписей, до этого документированных прорисьями. Николаев активно тиражирует свои «открытия» в статьях, что небезобидно — его могут принять всерьез неискушенные в эпиграфике специалисты (как Суриков, Снытко). О другом опусе Николаева того же пошиба см. с. 75.

¹⁹⁵Ю. Г. Виноградов [1981б, с. 145] отнес к числу негреческих имя Βάτακος, но оно греческое [Zgusta, 1964 § 156–4], вместе с другими греческими именами на βατ- восходящее к глаголу βαίνω

ным преобладанием аристократических имен, которых вместе с патронимиками 135, при этом у 50 лиц аристократические имя и патронимик, еще у 15 аристократические и теофорные имена-патронимики. Теофорных имен 42 (из их числа имя Геры включают 10 имен, Диониса — 7, Посейдона — 6, Зевса и Афины — по 3, Аполлона — 2), у 4 лиц теофорные имя и патронимик, это возможные представители жречества. Бытовых имен всего 25, причем у 12 лиц они сочетаются с теофорными, в чем усматривается тенденция лиц с бытовыми именами к «облагораживанию» за счет теофорных имен. Поскольку фрагментированный текст сохранил не менее половины всех содержащихся в Каталоге имен, приведенные цифры достаточно полно отражают состав ольвийского гражданства III в. и его социальный облик. Интересно, что такова же по составу имен антропонимика Милета указанного времени¹⁹⁶. Это обстоятельство не дает возможности различить исконных ольвиополитов и милетских новопоселенцев в Ольвии, воспользовавшихся актом об исополитии (с. 421/2), но свидетельствует об одних и тех же социальных тенденциях в обоих полисах¹⁹⁷. Решительное преобладание в ольвийском Каталоге аристократических имен свидетельствует о чрезвычайном консерватизме местного гражданства, об ориентации его на духовные ценности архаической эпохи. Одним из проявлений этого консерватизма была известная любовь ольвиополитов к гомеровским поэмам, отсюда, может быть, проистекала некоторая неразвитость ремесла, свойственная аристократическим полисам, где, как и в Ольвии, отдавали предпочтение торговле (ср. Милет VI в. с его аристократической торговой партией «плутис»)¹⁹⁸.

Таким образом, хотя в политическом отношении Ольвия III в. демократический полис (верховой юрисдикцией обладает демос, полисные постановления санкционируют буле и демос), господствовала в ней, можно полагать, аристократическая идеология олигархического толка. Незначительное число бытовых имен Каталога показывает, что некоторой части социальных низов удалось перейти в полноправное гражданское состояние, но основную массу гражданства составляли представители старинных родов (неоднократное повторение узкого набора аристократических имен в Каталоге свидетельствует об их наследственном, родовом характере). Городские усадьбы Ольвии и были жилищами в первую очередь этих старинных ее насельников.

Причины составления Каталога, скорее всего, кроются в тех условиях, в которых оказался город после разгрома его хоры во второй четверти III в. Несомненно, что часть свободного и зависимого населения хоры переместилась под укрытие городских стен и новая демографическая и социальная ситуация, видимо, требовала конкретной поименной фиксации полноправных членов гражданского коллектива, имевших право голоса при обсуждении и решении полисных дел. Вряд ли подлежит сомнению, что местное устройство в соответствии с общим характером античного

«иду» и имеющее богатые субстратные связи (βάτων и др. [Яйленко, 1982, с. 72; 2010, с. 666; Тохтасьев, 2000, с. 300]).

¹⁹⁶ [Milet I, № 123, 124, 138–1]. Ср. также № 33 f., № 40 f., которые содержат отличающиеся по характеру и репертуару имена критян, принятых в число милетян после 228 г., и выходцев из других полисов.

¹⁹⁷ К примеру, в Кизике тенденции были иными, что явствует из бытового характера имен его жителей, упомянутых в договоре об исополитии с Милетом; их имена контрастируют с аристократическими именами милетских официалов, упомянутыми в этом договоре [St. Verfr. III, 409, ок. 330 г.].

¹⁹⁸ Об аристократическом характере названной партии [Жебелев, с. 57–58].

демократического полиса было демократией для ограниченного числа людей, порядка 300 человек, считавшихся полноправными. В эллинистическую эпоху происходил размыв социальных преград в гражданском коллективе полисов за счет включения в него ксенов, отпущенников и других категорий населения. В Ольвии III в. такая тенденция выражена слабо (если именно ее отражает небольшое количество лиц с бытовыми именами в Каталоге), и это обстоятельство, видимо, следует относить не на счет скудости источников, а на счет консерватизма местных полисных традиций. Этот консерватизм обязан (полу)олигархическому строю Ольвии, который явствует из семейно-родового состава граждан, фигурирующих в Каталоге. Рассмотрим этот важный в социально-политическом отношении вопрос.

В Каталоге определенно просматривается несколько семейно-родовых групп, которые выделяются излюбленным набором личных имен (далее ЛИ). Семейно-родовая традиция наречения детей у греков, как и у многих других народов разных эпох, вплоть до современности, строится на двух принципах — на так называемом рифмовании и наименовании внука по деду. Рифмование — распространенный в антропонимике разных народов прошлого и нового времени обычай употребления одной и той же основы в имени-отчестве; его существо заключается в том, что ребенку подбирается имя, созвучное именам родителей, дедов, бабушек или излюбленным родовым именам, либо созвучное особо почитаемому в семье божеству¹⁹⁹. Рифмование хорошо представлено, например, в антропонимике Боспора: показательна в этом отношении семейная эпитафия КБН 214, все имена которой $\Xi\epsilon\upsilon\acute{\omega}$, $\Xi\epsilon\nu\omicron\tau\epsilon\acute{\iota}\theta\eta\varsigma$, $\Xi\epsilon\nu\acute{\omicron}\delta\eta\mu\omicron\varsigma$ построены на основе $\xi\epsilon\nu\omicron$ -; у фигуранта списка имен КБН 1137 Αντίδωρος Προδῶρου общий с отцом элемент $-\delta\omega\rho\omicron\varsigma$, в имени-отчестве эпитафии КБН 161 Απολλοφάνης Απολλωνίου базовый элемент Απολλο- и т. д. [Яйленко, 2010, с. 129]. На основании подобного рода признаков в Каталоге выделяем полтора десятка семейно-родовых групп²⁰⁰. Наглядно их выказывает список фиаситов и членов жреческого рода Евресибиадов НО 71 (см. о нем ниже), в котором фигурируют 7 сыновей Леократа, из них 6 носят имена, начинающиеся на $\tau\omicron\lambda\upsilon$ - «много»: Поликрат, Полимед, Полистрат, Полихарм, Полидем, Полимедонт (тоже яркий пример рифмования). Имя старшего из братьев Евресибий показывает принадлежность Леократа и его сыновей к роду Евресибиадов, в котором употребительны также ЛИ на $\epsilon\upsilon$ - «блага» (Евресибий, Евмен) и $\lambda\epsilon\omega$ - «народ» (Леократ, Леопреп). Из 14 членов списка НО 71 лишь у пятерых иные имена. Далее мы покажем, что по времени этот список предшествует Каталогу на 1–2 поколения, так что упоминаемые в НО 71 Εὐρησίβιος Λεωκράτεος и Πολυμέδων Λεωκράτεος , числящиеся также в Каталоге (А. I, 39), — соименные деды и внуки²⁰¹. По ЛИ Εὐρησίβιος и Λεωκράτης , характерным только для этого рода, к нему принадлежат также упоминаемые в Каталоге (А. 45, 62, В. 31) Евресибий Пандионов, Евресибий Де[метриев] и Леократ Полимедонтов. Последний приходится сыном упомянутому в колонке А Полимедонту Леократову. Предшественники этого рода (присвоим ему № 1) известны со второй

¹⁹⁹ К примеру, о рифмовании в тюркской антропонимике [Шакуров, 1980; Шатинова, 1980; Петров, 1984, с. 63–64], на Боспоре [Яйленко, 2010, с. 191].

²⁰⁰ Попытку такого рода предпринял Латышев в коммент. к надписям I² 190, 191: у Аристона сыновья Евбиот и Никерат, у последнего сыновья Аристон и Эпикрат.

²⁰¹ Напомним, что при счете поколений греки обычно исходили из расчета 3 поколения на 100 лет [Herod. II, 142; Лурье, 1947, с. 112; Lacey, 1968, p. 106]. Однако реальность понижала соотношение, например, до 23 лет на поколение (Herod. I, 7). См. и с. 501.

четверти IV в. — Евресибий, сын Сириסקа, посвятивший башню оборонительной стены (?) Зевсу Освободителю (выше, с. 405), и его анонимный сын, поставивший по обету статуи отца и Зевса Освободителя²⁰². По имени-отчеству бесспорна принадлежность к роду также Евмена Сирискова Кatalога (В. 26), на что указывает не только отчество упомянутого Евресибия Сирискова, но также присутствие в списке жрецов Евресибиадов НО 71 Евмена Леократа и Сириסקа, патронимик которого мы предпочитаем читать как Ε[ὐρένου?] (с. 495/6). Видимо, род известен с рубежа V–IV вв.: некий Гермес, сын Евресибия, нанес владельческую надпись на свой килик; во второй половине IV в. это сделал еще один Евресибий²⁰³. Упомянутого в Кatalоге Евресибия Де[метриева] Латышев с полным основанием отождествил с Евресибием Деметриевым, которому народ поставил статую за заслуги и посвятил ее Зевсу Царю (I² 187). В эпитафии III в. упомянут Артемон Евресибиев (I² 209)²⁰⁴. ЛИ Евресибий употребительно и в надписях римского времени, причем это стратеги, архонты (I² 101, 130, 131, 134 и др.; LGPN IV, p. 135). По сохранению важной роли этим родом и в эллинистическое время, и в римское легенду ΕΥΡΗ на монетах I в. до н. э. или I в. н. э. (LGPN, I. с.) можно раскрывать в качестве ЛИ Евресибий. По связи с культом Аполлона Врача — покровителя первопоселенцев Ольвии (НО 65) — можно счесть, что этот род составили потомки первых колонистов.

²⁰² [Виноградов, 1989, с. 138, 146/8; Русаева, Крапивина, 1992, с. 22 сл.; Dubois, 8, 9]. Виноградов дополнил в лакуне эпиграммы имя Леократа как сына Евресибия, что возможно, но не факт. Нет данных для дополнения им имени Евресибия в эпиграмме о «тираноубийце» (Dubois, 10), см. выше, с. 249 сл.

²⁰³ В число упоминаний личных имен Евресибий обычно вводят граффито на дне чернолакового килика позднего V или раннего IV в. ΕΡΜΕΩ ΕΥΡΗΣΙΒΙΟΥ. И. И. Толстой [1953, 44] прочел тут Ερμέω Εὐρησιβίῳ и счел его посвящением, сделанным Гермесом, сыном Евресибия. Л. Дюбуа отметил, что в это время ЛИ Гермес не было и, поставив запятую между именами, счел надпись посвящением Гермесу и герою Евресибии [Dubois, 12]. Такому пониманию граффито препятствует ряд обстоятельств: оно написано на дне килика, где обычно размещаются владельческие надписи [ГЛБО I, с. 76], посвящения же Гермесу начертаны на венчиках столовых сосудов или на их внутренней поверхности [ГОП, с. 68–72], кроме того, Гермес почитался в Ольвии вместе с Афродитой. Полагаем, понимание Толстого точнее, поскольку в V–IV вв. известны антропонимы, образованные от теонимов: на Боспоре Ἀπόλλων, Ἄρμα (прозвище Афродиты), в Греции такие имена известны в VI–V вв. — Κέρκοψ, Δηλόπτης, гетеру Фемистокла зовут Σατύρα (Athen. 576c), рабыня Платона (и еще две в IV в.) зовется Ἀρτεμῖς, примеры IV в.: Ἀρτοκράτης, Κάβιρος, Προτεῦς, Σιληνός, Θέμις и др. [Fick, 1894, S. 204; Bechtel, 1902, S. 76; 1917, S. 567; Яйленко, 2010, с. 479, 544/5]. Раннему переходу теонима Гермес в антропоним способствовало то обстоятельство, что теоним Гермес активно присутствовал в поговорках (их перечень — РВ, 384). Таково, к примеру, эротическое граффито на венчике чаши V в. из каталонского Эмпориона: Σανῆς δίζησαι[–] Ἐρμῆς ὦν «Санес желает..., сущий Гермес» [Jeffery, p. 411, № 4, Pl. 54]; тут выражение δίζησαι Ἐρμῆς — поговорка, ср. равнозначное ζητῶν Ἐρμῆν, дословно «ища, желая Гермеса», т. е. «красивого, молодого бога» (Heliod. Aethiop. V, 15; РВ, 383). По керамическим признакам донце с именем Гермеса Евресибиева датировано V в., род. падеж на -ῳ показывает, что это надпись позднего V или раннего IV в. Видимо, аналогичная владельческая надпись [Εὐρη]σιβίου представлена и на другом донце чернолаковой чаши [Толстой, 50]; кроме личного имени, ничего написано не было, ибо сохранилась половина донца, так что владелец удостоверил свою собственность — «чаши Евресибия». Толстому показалось более точным прочтение [Σω]σιβίου (вертикаль перед Σ может принадлежать и ετε, и лапке омега), но наличие владельческой надписи Ερμέω Εὐρησιβίῳ скорее указывает на чтение того же имени. По керамическим признакам донце № 50 отнесено к IV в., род. падеж на -ου показывает, что это вторая половина IV в.

²⁰⁴ Латышев датировал ее по письму IV в. Но заметим, во-первых, что по окончанию -ου в Εὐρησιβίου она не раньше второй четверти IV в.; во-вторых, письмо ее сходно с письмом вотива I² 187, который справедливо отнесен Латышевым к III в. Остальные упоминания ЛИ Евресибий в ольвийских памятниках догетского времени (LGPN IV, p. 135) малодостоверны.

Другой знатный и богатый ольвийский род можно назвать Протогеновским (№ 2). В честь самого известного из них Протогена Геросонтова в 180–170-х гг. принят декрет I² 32 (о дате см. ниже, с. 502/3), в самом начале которого воздается хвала его отцу Геросонту. Латышев с основанием отождествил его с Геросонтом Протогеновым Кatalога (А. 63). Из новонайденного вотива стали известны имена сына и внука Протогена Геросонтова (назовем его Большим Протогеном) — Евдор и Евник²⁰⁵. Это позволяет ввести в род Протогеновичей упоминаемых в Кatalоге (А. 17, 33) Евдора Протогенова и Протогена Евдорова, очевидных отца и сына, первый из которых — брат Геросонта Протогенова, второй — сын Евдора, двоюродный брат Большого Протогена. Стало быть, последний назвал своего сына Евдора в честь дяди, а сей Евдор соблюл давнюю семейную традицию рифмования — наречения имен на εὖ «благо» — и назвал своего сына Евником. Эта же традиция рифмования в сочетании с излюбленным в роду ЛИ Протоген позволяет усмотреть членов данного рода в проклятых Протогеновичах наговора первой половины IV в. Евстене и Евдоре²⁰⁶. В Зап. и Сев. Причерноморье ЛИ Геросонт встречается только в Ольвии (LGPN IV, p. 158), поэтому мы вправе отнести всех пятерых его носителей к одному роду — септемвира середины III в. Леонтомена Геросонтова (I² 76; о дате надписи см. с. 613), Эпикрата Геросонтова наговора середины IV в. (Dubois, 106), Геросонта Филоксенова надписи борейков²⁰⁷. Оно указывает на родовое почитание Геры, в связи с чем встает вопрос о роде Геродоровичей (№ 3). В Кatalоге их шестеро — Геросонт (рифмование по имени Геры), два Стафила, Филиск, Теодект, Леней (А. 4, 5, 12, 55, 56, В. 15). Один Стафил числится в колонке А со всеми остальными Геродоровичами, другой Стафил единственным из Геродоровичей представлен в колонке В. По уникальному для Ольвии ЛИ Стафил, в других ее надписях не встречающемся, оба его обладателя — несомненные родственники (например, дядя и племянник). По связи рода Протогеновых с культом Аполлона Дельфиния (вотив Евника, внука Большого Протогена), внедренным в Ольвии второй волной переселенцев V в. (с. 136, 146), можно думать, что он восходит к этому контингенту старых колонистов.

²⁰⁵ Εὐνικος Εὐδόρου τοῦ Πρωτογένους | Απόλλωνι Δελφινίῳ ἱερῆσάμενος «Евник, сын Евдора, внук Протогена, посвятил Аполлону Дельфинию, отбыв срок жречества». Издание [Русяева, Кравцова, 1992, с. 27] (прорись также [Ольвия, 1999, с. 427]). Сообразуясь с датой Протогеновского декрета и учетом поколений, издатели отнесли надпись внука ко II в. до н. э. Обратим внимание на то, что Аполлон Дельфиний, жрецом которого был Евник, почитался в Ольвии главным образом в V в. Это означает, что род Протогеновых восходит к V в. Конечно, можно думать, что Евник «примазался» к древнему культу, но имена в роду аристократические, так что он древний. Еще один Протогенович фигурирует в списке имен второй половины IV в. на черепке из Ольвии [SEG 55, 857].

²⁰⁶ [Dubois, 104]: Εὐσθένης Πρωτογένης, Εὐδωρος Πρωτογένης.

²⁰⁷ Датировка надписи борейков в пределах последней трети IV — первой половины III в. [ГОП, с. 55] или ок. 300 г. [Dubois, 95] несколько удревлена, по мелкому *омикрон*у курсивного шрифта она второй половины III или II в. Если принять, что Геросонт Филоксенов надписи борейков — отец септемвира середины III в. Леонтомена Геросонтова, она относится к первой половине III в. Однако Геросонт Филоксенов может быть и братом Каллиника Филоксенова Кatalога, в таком случае надпись борейков датируется эпохой Кatalога, т. е. последней третью или концом III в. См. и с. 491. Дальнейшие просопографические сближения скорее указывают на последнюю дату (см. ниже). Приведем именник этой надписи: Καλλίνικος Φιλ[οξέν]ου, [Ποσει]δώνιος Σωκράτ[ου], Πρ[ο]σώμ Φιλοξένου, Δημήτριος Σ[ω]κράτου, βορείκοι θιασῖται «Каллиник Филоксенов, Посидоний Сократов, Геросонт Филоксенов, Деметрий Сократов — бореевские фиаситы».

Следующий крупный род Клеомбровы-Пантакловы (№ 4), излюбленные в нем имена дают в Каталоге два Гикесия Пантакловича, два Клеомброта Пантакловича, Пантакл Гикесиевич, Пантакл К[леомбров?], Пантакл Леодамантов, Гекатеон Пантаклов (А. 10, 37, 40, 51, В. 5, 14, 16, 32). Два Клеомброта Пантакловича — соименные дед и внук, что подтверждается палеографией надписей I² 179 и 180, в которых они фигурируют: раннеэллинистическое письмо первой, безусловно, древнее курсивного письма второй. Отсюда строительная деятельность Клеомброта-внука надписи I² 180 датируется временем, близким к эпохе Каталога, да и по сходству письма тоже (*ср.* и проксению НО 18), а строительная деятельность Клеомброта-деда надписи I² 179 более ранним временем — ок. второй четверти III в.²⁰⁸ Пантакл Клеомбров надписи I² 188, сын или внук Клеомброта-внука, действовал в первой половине II в. (выше, с. 414). Судя по употребительным в роде Клеомбровых-Пантакловых именам Гикесий и Гекатеон, к нему принадлежат лица с этими именами в посвящении I² 160 второй четверти или середины IV в.²⁰⁹ Это самое раннее упоминание о лицах данного рода. Следующий по времени член рода — септемвир Геродот Пантаклов эдикта I² 76 III в. Упомянем также обломок НО 125 от III–II вв. с именем Клеомброт. По Пантаклу Леодамантову к роду Клеомбровых-Пантакловых примыкает клан Леодамантовых (№ 5), все они во втором столбце — Филът, Гикесий, Леодамант (отчество не сохранилось); по ЛИ Филът и рифмованной основе Λεω- сюда, безусловно, примыкает Филът Леонидов из первого столбца (А. 20, В. 14, 23, 25, 37). Судя по эпитафии V или раннего IV в. Леодаманта Гераклидова (I² 211), род Леодамантовых древнее Клеомбровых-Пантакловых. Более древний Филът раннего III в. фигурирует в замечательной спортивной надписи I² 195 о стрельбе из лука²¹⁰. Ко II в. до н. э. относится посвятельная надпись Филъта Гикесиева за сына, Гикесия Филътова²¹¹. Клеомбровым-Пантакловым родственны и Протогеновичи, соединительным звеном между ними выступает септемвир Леонтомен Геросонтов (I² 76). Имя его и патронимик показательны. О принадлежности ЛИ Геросонт исключительно к Протогеновичам речь уже шла. Имя Леонтомен обычно в Зап. и Сев. Причерноморье (LGPN IV, 208), но в Ольвии известен еще лишь один — сын Гикесия, причем в Каталоге упомянуты еще два

²⁰⁸ См. с. 412. К такой относительной хронологии *ср.* абсолютную датировку близких по письму аттических надписей середины III в. [Kirchner, 87–89].

²⁰⁹ Текст I² 160: [ὁ δεῖνα Ἰκ]εσίου | [-- Ἐκα]τέ[ω]νος Διὶ Ἐλευθερίῳ «*такой-то, сын Гикесия -- Гекатеона посвятил Зевсу Освободителю*» (*пер.* наш). Латышев заметил, что соотношение имен может быть понято по-разному: «*такой-то, сын Гикесия и такой-то, сын Гекатеона*», «*такой-то, сын Гикесия, за своего сына Гекатеона*». Латышев датировал надпись первой половиной III в., но выше (с. 489) мы показали, что она относится ко второй четверти или, скорее, середине IV в. Реконструкция Виноградова [1989, с. 135]: [Ἐκατέω] Ἰκ]εσίου | [τὸν πατέρα Ἰκέσιον Ἐκα]τέω[νο]ς маловероятна, так как в источниках нет ни одного, ни другого. Имя Гикесий — одно из самых распространенных в эллинистической Ольвии; имя Гекатеон, как и Гикесий, известно в хорошо засвидетельствованном именами роду Пантакловичей и по употребительному повтору имен предполагаемые Виноградовым лица должны были бы значиться в имеющихся памятниках, но их нет. Свою датировку надписи второй четвертью IV в. он ничем не аргументировал.

²¹⁰ О ее дате см. выше, с. 375/6, о проксении калхедонцу. Самый древний Филът проставил свое имя Φελτῆς на дне чернолаковой чаши IV в. с участка Д жилого квартала Верхнего города; эту форму с ε А. С. Русяева справедливо сопоставила с ЛИ Φιλτῆς [ГОП, с. 108]: в неударном положении имеет место мена ι-ε.

²¹¹ «Гикесий Филътов. Филът Гикесиев посвятил статую сына всем богам» (греч. текст см. на с. 406).

его брата Пантакл и Нумений (А. 10, 18, В. 24). Гикесий — самое распространенное в Каталоге ЛИ (см. ниже) и не может служить показателем родственных связей, но имя Пантакла каким-то образом соединяет это семейство с Клеомбровичами-Пантакловичами. Как покажут далее примеры с Аретой Папиевой и Метробией Посидеевной, это матримониальные связи, что тоже интересно, так как показывает, какие роды и когда были заинтересованы друг в друге.

Род Никератовичей (№ 6) представлен во втором столбце Каталога: Херемон, Калликрат, Аристон, Крит, лишь Плейстонакс в первом (А. 25, В. 6, 7, 9, 17), отчество еще одного Никерата Евре[—], отчество другого не сохранилось, они тоже во втором столбце (В. 30, 35)²¹². Разумеется, концентрация 6 Никератовичей и Никератов в одном столбце свидетельствует об их родственной связи. Из этого рода нельзя исторгнуть Никерата Папиева, героя ольвиополитов, удостоенного ими пышного декрета I² 34, в котором как раз и упоминаются его предки-благодетели (стк. 27). Из этого декрета следует, что Никерат был военным деятелем Ольвии, с этим, собственно, и связано само имя (νίκη — «победа»), поэтому можно думать, что представители этого рода профессиональные военные. Ранее Каталога род неизвестен, так что он выдвинулся во второй половине III в., в первое полустолетие кризиса. Сын одного из двух упомянутых Никератов Каталога и сын Аристона Никератова, состоящего в Каталоге, фигурируют в надписях I² 190, 191: Эпикрат Никератов и Евбиот Аристов²¹³. Обе надписи составляют единый комплекс: первая — это эпитафия, поставленная жене и дочери Эпикратом Никератовым, вторая — посвящение этим же Эпикратом статуи своего брата Евбиота Аристонова Самофракийским богам²¹⁴.

Через Аристона Никератова Каталога и Евбиота Аристонова вотива I² 191 роду Никератовичей родствен клан Аристовых-Феокловых (№ 7) Каталога. Все они числятся в первом столбце, род составляют 4 сына Аристона — Феокл, Трасидам, Гикесий, Аристократ и сын последнего Аристон Аристократов, а также сыновья Феокла Аристон, Менекрат, Аристократ (А. 13, 14, 24, 26, 42, 43, 46, 52). Излюбленные основы рифмования: -αρίστ-, -κрат-. Феоклу Аристову и Трасидаму Аристову Каталога (они очевидные братья) по переключке имен приходится родственником ситон НО 72 Феокл Трасидамов — он сын Трасидама Аристонова, названный в честь брата. Надпись ситонов НО 72 датируется концом III — началом II в. (с. 478/9), и поскольку Каталог относится к последней трети или концу III в., Феокл Трасидамов принадлежит к следующему поколению после Каталога. Иначе говоря, он современник Большого Протогена. Можно установить и предшественников представителей рода Аристовичей-Феокловичей, упомянутых в Каталоге. В надписи стеностроителей последней четверти IV в. упоминается Феокл Аристо-

²¹² Отчество Никерата Εὐρη- Латышев дополнил в Εὐρη[σιβίου?], однако в Каталоге дважды представлено имя Εὐρήμων, поэтому возможен и патронимик Εὐρή[μωνος]. Судя по редкости этого ЛИ ([LGPN IV, p. 135]: в Зап. и Сев. Причерноморье оно встречается только на Боспоре и в Ольвии, в последней лишь в Каталоге), Аристокл Евремонович — сын Евремона Тимеситеева (А. 29, 59).

²¹³ Эпитафия I² 190 хранится в Парутино, вотив I² 191 в Херсонском музее, он вырезан более четким шрифтом сравнительно с прорисью Латышева.

²¹⁴ Латышев построил такую стемму: Аристон — отец Никерата и Евбиота вотива I² 191, третье поколение составили Аристон Каталога и его брат Эпикрат надписей 190, 191. Наша стемма многим проще: поскольку в Каталоге фигурируют два Никерата и один Аристон Никератов, им и приходится сыновьями Эпикрат Никератов и Евбиот Аристов надписей I² 190, 191. Как представители поколения, следующего за Каталогом, они современники Большого Протогена, так что надписи I² 190, 191 датируются временем его декрета, т. е. первой четвертью II в. (с. 502/3).

нов²¹⁵. Полагаем, он приходится дедом Феоклу Аристонову КATALOGA (такова ситуация и с двумя другими стеностроителями — дедом и внуком со сходным именем-отчеством Клеомброт Пантаклов, *см.* с. 414). По счету поколений в 25–30 лет разница между дедом и внуком составляет 75–100 лет (с. 486, 501), что соответствует столетней хронологической разнице между надписью стеностроителей и КATALOGOM. Имя Θρασυδάμας вообще редкое — в Зап. и Сев. Причерноморье оно зафиксировано только в Ольвии, причем трижды (LGPN IV, p. 169). Если два их носителя близкие родственники, то, полагаем, таков и третий — Каноб Трасидамов, инициатор декрета первой половины или середины IV в. о деньгах (I² 24). Возможно, он основатель рода Аристовых-Феокловых.

Деятельность Каллиника, сына Евксена, отмечена почетным декретом I² 25 + 31, принятым во второй четверти III в. (с. 445). Поскольку КATALOGO отражает состав граждан последней трети столетия, резонно ожидать присутствие в нем сына этого Каллиника, чему вполне соответствует Каллипп Каллиников, упоминаемый в первых рядах (A. 16). По правилу рифмования видно, что излюбленные основы именика этого рода (назовем его Каллиниковичами, № 8) καλλι- и -ξεν-, так что к нему вполне можно причислить также Евксена Каллистратова и Каллиника Филоксенова ближайших строк КATALOGA (A. 19, 28). Последний и Каллиник Филоксенова фиаса борейков — то ли одно и то же лицо, то ли соименные дед и внук, но кто именно, неясно ввиду неопределенности даты надписи фиаса борейков²¹⁶. Выше мы отметили, что один из ранних представителей рода Протогеновичей Эпикрат Геросонтов фигурирует в наговоре середины IV в. (с. 488). Исходя из упомянутой там же уникальности ЛИ Геросонт, носители которого в КATALOGO принадлежат к роду Протогеновичей, можно предположить, что и Геросонт Филоксенов из рода Каллиниковичей каким-то образом связан с первыми Протогеновичами.

Род Посейдониевых (№ 9) составляют 3 брата, сыновья Посейдония — Альфин, Сократ, Аристокрит, сын последнего Посейдоний Аристокритович; по базовому имени и рифмованной основе -крат- сюда примыкает также Посейдоний Эпикратов (A. 11, 15, 22, 25, 36). По этим же признакам самые старые представители рода — септемвир Посейдоний Евкратов (I² 76) III в. и, вероятно, члены фиаса борейков братья Посейдоний, Деметрий, Филон Сократовы²¹⁷. Поскольку божество этого

²¹⁵ [Денисова, 1982, с. 95]. Мы разделяем ее хорошо обоснованную датировку надписи.

²¹⁶ Л. Дюбуа вычитал по прориси в книге А. С. Русяевой 1992 г. патронимик Φιλ[ονί]κου (целиком видны усики К) вместо ее [Φ]ιλ[οξέν]ου [Dubois, 95]. Прорись и чтение Русяева дала неизменными в 1999 и 2001 г. [Ольвия, 1999, с. 427; Виноградов, Русяева, 2001, с. 139]. В 2010 г. она отвергает поправку Дюбуа и настаивает на своем чтении [ГОП, с. 47], причем на той же самой прориси (табл. 14) нижний усик буквы К уже подправлен — линия заменена пунктиром. Полагаем, с ее мнением надо считаться, так как она единственная видела подлинник (сейчас неизвестно где находящийся). Кроме того, на патронимик [Φ]ιλ[οξέν]ου указывает и другое: в фиаса борейков 5 человек, из которых трое — братья, сыновья Сократа, поэтому Каллиник как сын Филоксена составит закономерную пару братьев с Геросонтом Филоксеновым. По характеру письма надпись фиаса борейков относится к III–II вв. Если принять, что упоминаемый в ней Геросонт Филоксенов — отец септемвира середины III в. Леонтомена Геросонтова (I² 76), надпись борейков относится к первой половине III в. (с. 488). В таком случае Каллиник Филоксенов надписи борейков будет соименным дедом Каллиника Филоксенова КATALOGA (о других соименных дедах и внуках мы уже вели речь). Проще признать их одним лицом, как и в случае с Каллиником и Геросонтом Филоксеновыми как братьями (*см.* выше), в таком случае надпись борейков современна КATALOGO.

²¹⁷ Как сказано, из 5 членов фиаса борейков трое Сократовичей — несомненные братья (*см.* предыдущее примеч.). Поскольку один из них — Посейдоний Сократов, бесспорно, член рода

рода Посейдон, его члены связаны с морем — они мореходы и тем самым торговцы. Уж точно таковы члены Посидеева рода (№ 10): в Каталоге состоит один Дионисий Агротов, и тот во втором столбце (В. 27), но потомство его обширно: сыновья Агрот и Посидей²¹⁸, внук Посидей Посидеев²¹⁹. Судя по Диодору Агротову делосской надписи (IG XI, f. 4, 814), в роду Посидеевых употреблялось также ЛИ Диодор, поэтому можно предположить принадлежность к нему Диодора Дионисиева (ЛИ Дионисий также употребительно в роду) эпитафии I² 210 второй половины IV или первой половины III в.²²⁰ Для выяснения древности этого рода в Ольвии важно характерное для него ЛИ Ἀγρότας и его варианты. Впервые оно появляется в граффито второй половины VI в. ἰή, Ἀγρότος στέλλῃ Αχιλλεῖ οἰκόθεν «о! да посылает Агрот Ахиллу из дома» (выше, с. 104), затем в третьей четверти V в. в надписи на перстне царя Скила в форме Ἀγρότας (выше, с. 104), в делосской надписи IG XI, f. 4, 814 в форме *gen. Ἀ(γ)ρώτου* (ниже, с. 272, 499). В боспорских надписях формы Ἀγρότας, Ἀγρόδας (КБН 75, 510, II в. до н. э., I в. н. э.). Как ни этимологизировать это имя — как греческое или иранское²²¹, — для нас существенно, что посыльный царя Скила Ἀγρότας — скиф, таков и Ἀγρότης надписи из Неаполя Скифского: он «повелитель Скифии» [Сидоренко, 2005; SEG 53, 775] и через жену член боспорского царского дома (КБН 75). Все это означает, что в роду Посидеевичей имя Агрот заимствовано из скифского царского дома, что связи их восходят еще к V в. Это и объясняет нам активную деятельность Посидея Посидеева в столице крымского царства скифов во II в. Распространение ЛИ Посидей показывает, что оно почти исключительно ольвийское²²² и как базовое собирает всех Посидеевичей в один род, к первым его представителям следует отнести также Главка Посидеева, посвятившего в святилище Ахилла на Левке в V в. чернолаковый лекиф с надписью²²³. К числу поздних представителей рода относятся Посидей Дионисиев, выстроивший во II в. часть оборонительной стены [Лейпунська, 1990]; Посидей Анаксагоров времени Митридата Евпатора; архонт II в. н. э. Анаксимен Посидеев; стратеги того же времени Александр и Асклепид Посидеевы (I² 35, 111, 113, 183). По нашему мнению, Посидей Посидеев надписи из Неаполя — сын Посидея Дионисова и внук Дионисия Агротова, числящегося в Каталоге (с. 502/3). По разнице трех поколений в 75–100 лет внук Посидей действовал в середине — третьей четверти II в., этим временем и датируется косский декрет. О поколениях рода Посидеевых в римское время см. с. 614/5. Подчеркнем, что наличие в Ольвии уже во вто-

Посейдоновичей, таковы также Деметрий и Филон Сократовы. Если принять, что Посейдоний, Деметрий и Филон сыновья Сократа Посейдоновева Каталога, надпись борейков относится к позднему III в. или раннему II в. Они принадлежат к поколению Большого Протогена.

²¹⁸ I² 189. IG XI, f. 4, 813, 814 (см. с. 499). НО 68, 70, возможно, 183.

²¹⁹ [I² 168, 670–672; Дашевская, 1960, № 1; Соломоник, 1962]. См. о надписях Посидея Посидеева ниже, с. 503. Поскольку ЛИ Дионисий распространенное, нет оснований ставить в связь с Дионисием Агровым Филомела и Синмаха Дионисиевых, а также Дионисия Аристидова Каталога (А. 2, 41, 54), хотя она не исключена.

²²⁰ Сейчас эта стела хранится в Николаевском краеведческом музее. Ж. Трео [ID, 1992, p. 22, 73] дал следующие поколения рода: 1) Агрот-I IOSPE I² 201, II. 27; 2) Дионисий I² 185; ID 813; 3) Посидей ID 813, Агрот-II ID 814; 4) Диодор ID 814.

²²¹ *Lum.* [Абаев, 1949, 154; Zgusta, 1955, S. 338; Vinogradov, 1997, S. 618/9; Dubois, p. 13, 103].

²²² [LGPN IV, p. 288]: трижды засвидетельствовано на Боспоре, 1 раз во Фракии, 11 упоминаний в Ольвии.

²²³ [ГЛБО I, с. 84–86, № 3; Dubois, 48]. О представителях рода IV в. см. ниже.

рой половине VI в. именника рода Посидеевичей противоречит распространенному мнению о его родосском происхождении и подтверждает мнение Л. Робера, что Посидеевичи ольвиополиты, так как эмблематическое имя рода Посидей распространено в Ольвии, а не на Родосе [Bull. ép. 1965, p. 136; Sojocaru, 2013a, p. 98].

Через дочь Посидея Посидеева Метробию во II в. до н. э. с Посидеевичами породнились представители клана Агатиновых-Демоконтовых (№ 11) Деметрий Демоконтов и Демоконт Деметриев, отец и сын эпитафии I² 220. В Каталоге их пятеро — отец Агатин Антиместоров и сын Антиместор Агатинов в первом столбце, во втором — Демоконт (отчество не сохранилось), Агатин Демоконтов (оба, возможно, отец и сын), Агатин Деимахов (А. 30, 61, В. 8, 12, 33). Последний упоминается и в декрете в честь сыновей херсонесита Аполлония, синхронном Каталогу (с. 465/6)²²⁴. Самый ранний представитель рода — Демоконт наговора середины IV в. (Dubois, 106). Δημόκων имя редкое, в Сев. и Зап. Причерноморье известно только в Ольвии (LGPN IV, p. 94), это основание считать его носителей родственниками. Поэтому архонт Демоконт Протогеновского декрета (I² 32 А. 19) принадлежит к этому роду, а через Демоконта Евбиотова и его братьев клан Агатиновых-Демоконтовых родствен клану Евбиотовичей (№ 12). В Каталоге это Демокон, Горгий, Ортобул Евбиотовы, сыновья последнего Дионисий и Деимах Ортобуловы; почти все в первом столбце, Деимах — еще одно свидетельство близкородственной связи обоих кланов (А. 8, 23, 49, 50, В. 22). Неясна принадлежность к Евбиотовичам Евбиота (отчество не сохранилось) и Евбиота Метродорова второго столбца (А. 3, 19), впрочем, по какой-то причине Дионисий Ортобулов числится там же. Не исключено, что Евбиот, Геродот, Евфроним Метродоровы братья (А. 3, 34, В. 19) и их старший предшественник середины III в. — септемвир Гистикон Метродоров (I² 76)²²⁵. Имя Εὐβίωτος фигурирует в Ольвии почти исключительно в Каталоге (А. 8, 23, 49, В. 3, 19), вне его известен лишь Евбиот Аристонов надписи I² 191 первой четверти II в. (о нем выше, с. 490). Евбиот Аристонов и Эпикрат Никератов этой надписи, дядя и племянник, своим именем перевязывают родственными связями Никератовичей, Аристоновых и Евбиотовых²²⁶. Вероятно, усиление кризиса в первой четверти II в. заставило олигархов консолидироваться посредством упрочения матримониальных, куначеских и прочих связей.

Как сказано, самое частое в Каталоге ЛII имя Гикесий, популярность его связана с распространенным в Ольвии культом Зевса — Спасителя, Освободителя, Царя и, судя по этому имени, Зевса Гикесия (Ζεὺς Ἰκέσιος «Покровительствующий просящим»). Упоминаются Гикесий Аристонов, Сократов, Поликсенов, Леодамантов, отчество еще одного не сохранилось; два Гикесия — сыновья Пантакла, отец (сын?)

²²⁴ На участке И в слое III в. до н. э. найдены 4 владельческих граффити Δη на доньях чернолаковых чаш — маркировка собственности Деимаха, отца Агатина Деимахова Каталога [ГЛБО I, с. 82; II, с. 101/2, № 146–149]. Поскольку этот Деимах из поколения, предшествовавшего Каталогу или самого старшего в нем (может быть, его имя просто не сохранилось), время его деятельности — третья четверть III в. или шире, вторая половина III в.

²²⁵ Личное имя Метродор распространено, поэтому можно только предполагать принадлежность к Евбиотовичам упомянутых лиц с патронимиком Метродорович; но если они братья, по Евбиоту это вполне возможно. Вероятно, следует выделять род Метродоровичей.

²²⁶ Связь Метродоровичей и Никератовичей подтверждает новая эпитафия первой половины III в. [Диатроптов, 2006]: Ἐκατεώνιδου τοῦ Νικ[ηράτου?] Ἐ[ρ]μ[ο]λάου τοῦ Μητρο[δάρου?]. Дополнение Николаевым [2011] вместо патронима Никератович отчества Никоклович по Никоклу Гекатонимовичу Каталога не объясняет присутствия тут Метродоровича.

одного из них Пантакл, также Леонтомен и Нумений Гикесиевы (А. 10, 18, 26, 38, 51, В. 13, 16, 24, 25, 40)²²⁷. Среди них представители выявленных выше родов: Пантакл Гикесиев, два Гикесия Пантаклова и один Леодамантов — из рода Клеомбровых-Пантакловых, Гикесий Аристов — из числа Аристовичей, Гикесий Сократов, скорее всего, из Посейдоновичей, Леонтомен Гикесиев по септемвиру Леонтомену Геросонтову — из Протогеновых.

Всего в сохранный Каталог опознаются по именам-отчествам или только по именам 102 человека (в первом столбце 66, во втором 36). Из них 70 принадлежат к упомянутым выше родам. Это означает, что на 2/3 полноправное гражданство Ольвии состояло в последней трети III в. из членов полутора десятка родов, — это олигархия в чистом виде! Среди них политики и жрецы (Леократовичи, Агапиновы-Деимаховы), военные (Никератовичи), но более всего они торговцы и толстосумы (Протогеновы, Посидеевы, Клеомбровы-Пантакловы)²²⁸. Скорее всего, по этой причине в наговорах IV–II вв. фигурируют некоторые члены олигархических семейств — Эпикрат Геросонтов и Геродор из Протогеновых-Геродоровых, Демоконт из Демоконтовых, два Посидония из Посейдоновичей (Dubois, 106, середина IV в.; 107, III в.; 110, II–I вв.). Показательно распределение представителей олигархических родов по первому и второму столбцам: в столбце А их 46, в столбце В — 25, что указывает на большую значимость лиц первого столбца. Впрочем, неясно, по какому принципу она определялась. Выше мы предположили, что в Ольвии V–IV вв. господствовала олигархия, но после катастрофы 270-х гг. власть перешла в руки демократов (с. 342/3). Как видно, в третьей четверти III в. вновь возобладала олигархия. Кажется, в этом и кроется причина составления Каталога: демократы (они носители бытовых имен?) частью отсеяны, и полноправными гражданами признаны в основном члены олигархических родов. Во II в. часть их покинула впавшую в беды Ольвию. В Протогеновском декрете констатируется, что город «покинуло большинство ксенов и немалое число граждан», и звучит призыв: «Не допустить, чтобы отечество, издавна береженное, подпало под власть врага» (В. 20–21, 25–27). Протогеновичи остались (во второй половине II в. тут

²²⁷ Пантакл Гикесиев числится в первых местах первого столбца (А. 10), поэтому он, скорее, приходится отцом одному из двух Гикесиев Пантакловых (А. 51, В. 16).

²²⁸ В Восточном торговом ряду Верхнего города Ольвии найдено владельческое граффито на чернолаковом блюде позднего IV в. П. Ποσειδ(εω) «Посидея». Это представитель рода Посидеевых, судя по месту находки, торговец; при этом он скуп — блюдо несет следы починки. (Первое П надписи слабо прочерчено, и Посидей еще раз тверже стал вырезать свое имя; впрочем, это может быть и начало слова πίνωξ «блюдо»). Полную форму имени находим в граффито раннего IV в. на внутренней стороне чернолаковой чаши Ποσειδ(εω) «Посидея» (пример написания имени владельца внутри чаши — ГЛБО II, с. 104, № 182). Найдено оно в доме Е-7, Е-20 на Центральном квартале у юго-запада агоры; как мы бы сейчас сказали, этот Посидей жил в самом центре города, у рынка. (Неоправданно понимание обеих надписей А. С. Русяевой [ГОП, с. 108/9] как посвящений Посейдону.) Обратим внимание, что и Посидей Дионисиев, и его брат Агрот Дионисиев делали посвящения хтоническим божествам — Деметре, Коре, Плутону [НО 70; Лейпунська, 1990], Агрот как купец-мореход почтил еще Афродиту Понтию, а Посидей Посидеев Афродите Благоприятствующую плаванью, а также нимфу Родос [I² 168. НО 68; Дашевская, 1960]. Это позволяет думать, что Посидеевичи были заняты в торговле — в частности, в докризисное время поставляли хлеб с ольвийской хоры «за рубеж». Занимались они и стеностроительством (с. 417). Активное участие Клеомбровых-Пантакловых в строительстве оборонительных сооружений Ольвии свидетельствует о богатстве и этого рода — их покровитель Геракл изображен (в числе прочего) на монетах финансовой коллегии Семи (с. 431).

известен Евник Евдорович, внук Большого Протогена [Русяева, Крапивина, 1992, с. 27]), но это не обязательно свидетельствует об их патриотизме — им было что терять, ибо значительная часть населения находилась у них в долгу. Далее мы выясним (с. 584), что в возрожденную при Августе Ольвию вернулись профессиональные военные Никератовичи, также привыкшие быть на первых ролях члены клана Евресивиевых, да еще торгаши Посидеевичи, связи которых со скифскими царями гарантировали им безопасность. Остальная олигархическая шваль оставила родину в беде и покинула ее навсегда.

Исследование ольвийской просопографии еще только начинается. Это задача монографического уровня (разумеется, не того, что демонстрирует назойливо много печатающийся инженер Николаев). Ольвийские надписи содержат множество имен, поэтому выявление семейных и родовых связей даст много важной информации, в особенности оно позволит установить хронологическую последовательность посвящений архонтов и стратегов римского времени²²⁹. По существу, просопографические данные позволят дать достаточно точную во времени историю Ольвии.

Обратимся к соотношению Каталога со списком фиаситов и членов жреческого рода Евресиадов НО 71 (рис. 76; текст А. А. Белецкого с нашими поправками):

Рис. 76. Список фиаситов НО 71

²²⁹ Изучению личных имен в ольвийских надписях римского времени посвящены работы Т. Н. Книпович [1968], Ю. Н. Трещевой [1975; 1977], П. О. Карышковского [1982; 1993, с. 80 сл.], Л. В. Тарасовой [2010], М. Оллер Гузман [Oller Guzmán, 2014], отчасти С. Ю. Сапрыкина [1988, с. 154]. О трех родах, оставшихся в Ольвии после ее возрождения в конце I в. до н. э., см. ниже, с. 584.

[Ζε]ὺς Σωτ[ήρ],
 [Ι]ερεῖς Εὐρησιβ[ιάδαι],
 [Θι]ασῖται· Λεωκράτης [Ι]κεσίου?
 [Εὐ]ρησίβιος Λεωκράτεος   Ἡραγόρη[ς] Πρα[ξαγόρεω]
 5 [Πο]λυκράτης Λεωκράτεος   Ἀρρενείδης Δ[εωκράτεος]?
 [Πο]λυμήδης Λεωκράτεος   Εὐμένης Λε[ωκράτεος]
 [Πολ]ύστρατος Λεωκράτεος   Εὐρησίβιος Ε[ὐρησιβίου]?
 [Πολύ]χαρμος Λεωκράτεος   Λεωπρέπης Εὐ[ρησιβίου]
 [Πολύδ]ημος Λεωκράτεος   Συρίσκ[ος Εὐμένεος]?
 10 [Πολυμέδ]ων Λεωκράτ[εος--]²³⁰.

В списке 14 человек, но надпись снизу отбита, так что их было больше. Белецкий обратил внимание на сходжение ряда имен списка с Каталогом и вотивом НО 65. В НО 71 и Каталоге присутствуют Εὐρησίβιος Λεωκράτεος и Πολυμέδων Λεωκράτεος²³¹. Главное действующее лицо НО 65 и 71 Леократ. По характеру письма список НО 71 предшествует Каталогу²³². На наш взгляд, уточнить время списка НО 71 помогает вотив Леократа НО 65 (рис. 77). Его текст и перевод (Леви): Λεωκρά[της --]ου | Ἀπόλλωνι | Ἡτ[ρ]ωι. | | Στρατονίδης Ἀθναῖος ἐπόησε «Леократ, сын тако-го-то, Аполлону Врачу посвятил. Стратонид афинянин сделал». Первые 5 букв стк. 1–2 вырезаны стойхедоном, следующие буквы сбиваются с порядка, но нетрудно подсчитать, что от патронимика Леократа утрачено около 8 букв. Имея в виду фиас НО 71, не менее 6 членов которого сыновья Леократа, они же жрецы Евресибиады, отчество Леократа НО 65 хорошо дополнялось как [? Εὐρησιβί]ου²³³. Впрочем, ЛИ шести сыновей Леократа начинаются словом полу-, так что можно думать, что имя его отца было таким же, например [Πολυχάρμ]ου. По упоминанию скульптора Стратонида, мы отнесли вотив НО 65 к середине IV в. (с. 247, 360/1, 369), следовательно, деятельность Леократова отца относится ко второй четверти — середине

²³⁰ Даем разночтения и наши поправки, в том числе по сверке с камнем. Стк. 1–2: поставлены знаки препинания. Левый столбец, стк. 6: Λ[ε]ωκράτεος НО; стк. 10: Λεωκράτ[εος] НО. Правый столбец, стк. 3: [Ι]πποκράτεος ?] НО, однако этого имени в Ольвии нет, следует дополнить самое распространенное здесь имя на Ι-, в особенности в рассматриваемую эпоху Каталога, — [Ι]κεσίου ?; в Каталоге числятся 7 Гикесиев и 3 Гикесиевича (А. 10, 18, 26, 38, 51, В. 13, 16, 24, 25, 40), правда, при них нет имен или отчеств, характерных для Леократовичей (см. выше). Стк. 4: Ἡρα[γ]όρη[ς] Πρα[ξαγόρεω] НО. Стк. 5: у скола сохранилась часть наклонной гаспы, в которой уместно усмотреть *λambδa* обычного в этом списке отчества Δ[εωκράτεος ?]. Стк. 6: Λεω[κράτεος] НО. Стк. 7: Ε[ὐρησιβίου] ?] НО. В стк. 9 имя Συρίσκ[ος] оставлено без отчества, однако в Каталоге присутствует Евмен Сирисков (В. 26), поэтому дополняем патронимик [Εὐμένεος ?], это вероятные отец (Сирик Евменов) и сын (Евмен Сирисков). Ю. Г. Виноградов [1989, с. 148; Pont. St. S. 212] с обычным для него умением видеть на камне то, чего никто другой не видит, «прочел» патронимик Εὐ[ρησιβίου]. Дополнительная лит. о НО 71 [Bull. ép. 1959, p. 216; SEG 1962, p. 112; ГОП, с. 195].

²³¹ P 201 A. 1, 39. В НО 71 *gen.* Λεωκράτεος, в Каталоге Λεωκράτους, род. падеж на -ους стал заменять флексию -εος со второй половины IV в.

²³² Белецкий [1955, с. 181], соотнес членов списка НО 71 с соименными лицами других ольвийских надписей, сначала датировал его III в., затем в коммент. к НО 71 уточнил: конец IV — начало III в. Виноградов [1989, с. 67] без аргументации отнес НО 71 к третьей четверти IV в. Л. Дюбуа, основываясь на присутствии Евресивия Леократова также в Каталоге P 201, отнес список НО 71 ко времени ок. 300 г. [Dubois, p. 25]; не ознакомившись со статьей Белецкого, он повторил его сопоставления имен.

²³³ [Calder, 1971, p. 326], за ним Виноградов [1989, с. 150].

Рис. 77. Вотив НО 65 (сигнатура Стратонида)

IV в., Леократа к середине — третьей четверти, а сыновей его к четвертой четверти IV в. (это дата НО 71). Так как мы датируем Каталог последней третью III в., упомянутые соименные лица НО 71 и Каталога (два Евресибия и два Полимедонта Леократовы) — деды и внуки.

Обратим внимание также на мелкий обломок верхней части мраморной плиты НО 113 (текст Белецкого): -- Εὐρη[σίβιος]--²³⁴. Может быть, тут читается ЛИ, однако обратим внимание, что высота букв этой первой строки — 2 см — такая же, как в стк. 1–2 НО 71, т. е. это заголовок списка, поэтому читается он так же, как заголовок НО 71: [ἱερεῖς] Εὐρη[σιβιάδαι]. По толщине 61 см Белецкий правильно предположил, что это фрагмент базы статуи; таким образом, и с этой стороны НО 113 аналогична вотиву НО 71. По НО 71, род Евресибиадов составил коллегию жрецов культа Зевса Спасителя, однако есть посвящения Евресибия и его сына Зевсу Освободителю (Dubois, 8) и Царю (I² 187). Мы отметили, что заголовки НО 71 и 113 идентичны, однако вряд ли жрецы поставили две статуи Зевсу Сотеру, скорее НО 113 посвящена Зевсу Освободителю или Царю. Поэтому читаем НО 113 так (заголовок в одну строку): [Ζεὺς Βασιλεὺς / Ἐλευθέριος]· ἱερεῖς] Εὐρη[σιβιάδαι]· «Зевс Царь (Освободитель). Жрецы Евресибиады *посвятили*» (далее следовало перечисление имен посвятителей). Постановка имени Зевса в номинативе означает, что статуи с вотивами НО 71 и 113 изображали самого бога. Соответствующим образом надо понимать и заголовок НО 71: [Ζε]ῦς Σωτ[ήρ· ἱερεῖς Εὐρησιβ[ιάδαι, |θι]ασῖται· «Зевс Спаситель. Жрецы Евресибиады, *фиас посвятили*».

К числу ольвийских каталогов относится и мелкий обломок НО 168²³⁵. Стк. 1 дана крупными буквами, это заголовок перечня имен, разделенного на 2 столбца. Текст НО (Белецкий): --ΔΕΩ--|--ΔΟΥ--|--ΟΡΟΣ--|--ΝΟΣ|--, от начала второго столбца показана *сигма*. Издатель обратил внимание на сходство этого документа с НО 71 и счел, что он, возможно, «представляет собой посвящение религиозной коллегии». Эту идею реализовал Виноградов [Pontische St. S. 27], дополнив в стк. 1 [ἱερεῖς] Λεω[κράτιδαι] «Жрецы Леократиды». По нашему мнению, это вероятный список граждан города или его магистратов:

²³⁴ Надпись перемещена из ИА УССР в КИМ.

²³⁵ Также [Белецкий, 1975, № 13]. Надпись перемещена из ИА УССР в КИМ.

[? οἱ δε πολῖται τῆς πό]λεω[ς·]	«следующие лица — граждане гóрода: (пер-
[ὁ δεῖνα --]δου Στ[-- τοῦ δεῖνος]	вый столбец) такой-то, сын --да, такой-то,
[ὁ δεῖνα --]ορος - - -	сын --ора, такой-то, сын --юса, -- (второй
[ὁ δεῖνα --]υος	столбец) Ст--, сын такого-то--»

По характеру письма надпись близка списку жрецов НО 71, но изящно изогнутая форма Υ более декоративна, что может указывать на несколько позднейшее время. Мы отнесли НО 71 к последней четверти IV в., соответственно справедлива датировка НО 168, данная Белецким по письму: конец IV — начало III в. Напомним, что это время расцвета Ольвии, так что причины составления списков НО 71 и 168 по идее должны быть иными, нежели те кризисные явления, которые привели к кодификации списка граждан Ι² 201. Однако при датировке началом III в. список НО 168 может сойтись по времени с гражданскими раздорами, упомянутыми в Каллиниковом декрете (с. 446). Каллиник уладил эти противоречия в ольвийском обществе, возможно, поводом к ним или результатом разрешения их стал список НО 168.

7. ДЕКРЕТ В ЧЕСТЬ ПРОТОГЕНА

7.1. Датировка декрета

Вопрос о датировке Протогеновского декрета IOSPE Ι² 32 (далее ПД, рис. 78а, 78б, 78в) дискутируется полтора столетия. Одни датировали его III в. до н. э., другие II в. Первая датировка подробно обоснована в работах В. В. Латышева, который, приняв мнение В. Шмидта, что в декрете подразумеваются пребывавшие с 280 по 213 г. (точнее, по 218 г.) во Фракии галаты, установил эпиграфический контекст декрета, т. е. круг синхронных надписей, на основе просопографии которых разработал схему последовательности поколений ольвийских граждан. Это, по мнению Латышева, подтвердилось делосским декретом в честь ольвиополитов Посидея Дионисиева и Диодора А(г)ротова. В целом Латышев пришел к выводу о датировке декрета второй половиной III в., до 213 г. [1887, с. 66 сл.; 1909, с. 55–59; IOSPE Ι² 32, *сomm.*). Затем историографию вопроса о дате декрета дал Ф. Слюсаренко [1925, с. 268 сл.], который на основании подробного исторического анализа пришел к датировке его примерно третьим десятилетием II в. до н. э. Тщательный палеографический анализ декрета провела Т. Н. Книпович, заключившая, что по характеру письма он может быть датирован последними десятилетиями III — первыми десятилетиями II в. [1966, с. 24–26; 1966а, с. 142 сл.]. П. О. Карышковский [1968, с. 104], рассмотрев аргументацию предшественников и проведя свой палеографический анализ, датировал надпись примерно 200 г., причем «это скорее первые годы II в., нежели последнее десятилетие III в. до н. э.». Как видно, палеографические и исторические средства датировки декрета исчерпаны²³⁶. Большое значение декрета для истории Ольвии, однако, требует уточнения широких дат, предоставляемых упомянутыми средствами. На наш взгляд, возможности просопографического анализа и эпиграфического контекста использованы не полностью и позволяют несколько уточнить дату декрета.

²³⁶ См. также о дате декрета [Щукин, 1989; Ю. Г. Виноградов, 1989; Русяева, 1993а; Ю. А. Виноградов, 1999; Андреева, 2004; Русяева, 2008].

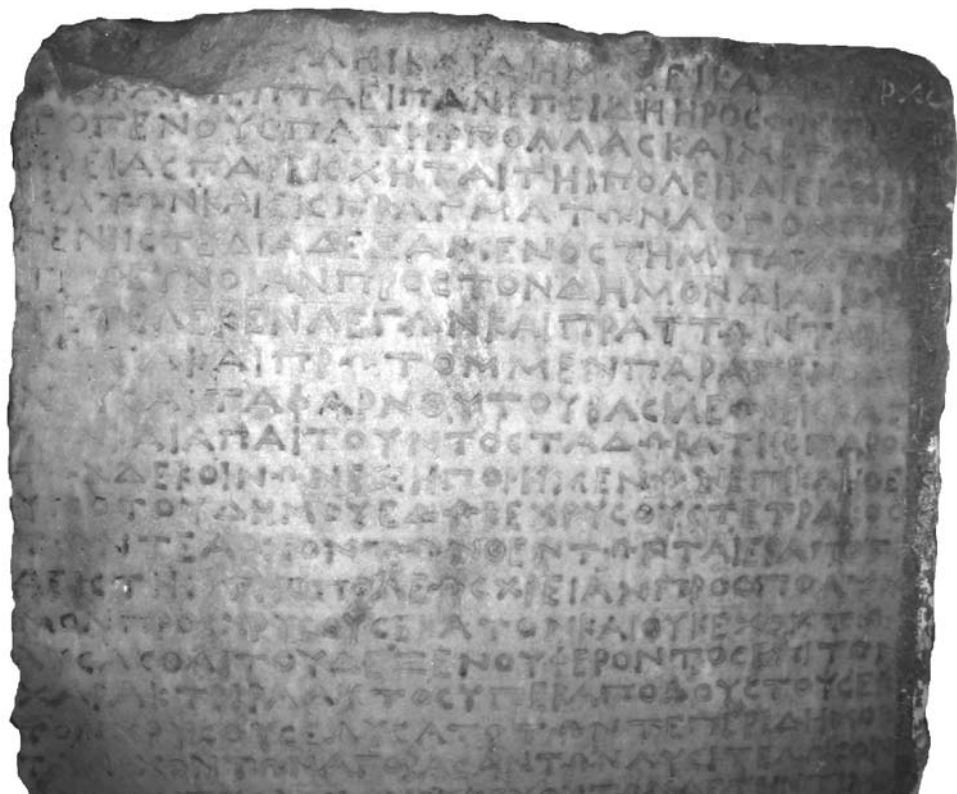

Рис. 78а. Протогеновский декрет, верхняя часть лицевой стороны (фото автора)

Что касается просопографии, то в нашем распоряжении есть два документа с точными датами — упоминавшиеся делосские декреты. Латышев посвятил им краткую заметку [1909, с. 55–59], но так как их значение велико, обратимся к более подробному их рассмотрению. Эти делосские надписи и круг фигурирующих лиц предоставляют существенные данные, позволяющие уточнить просопографическими показаниями датировку не только ПД, но и ряда других ольвийских надписей. Делосский декрет в честь Посидея Дионисиева (IG XI, f. 4, 813 = Граков, 23) принят по предложению Антигона Харистиева на голосовании, проведенном Никанором Никаноровым²³⁷. На этой же стеле вырезан и декрет в честь Диодора А(г)ротова, предложенный Тимесиергом Андروتаловым и утвержденный на голосовании, проведенном тем же Никанором Никаноровым (IG XI, f. 4, 814 = Граков, 24). Хотя этникон Диодора не сохранился, расположение его декрета на одной стеле с декретом в честь ольвиополита Посидея Дионисиева, у которого был, согласно надписи IOSPE I² 189, брат Агрот²³⁸, свидетельствует о его ольвийском происхождении; по справедливой мысли исследователей, он, скорее всего, племянник Посидея (см. коммент. Гракова).

²³⁷ Перевод делосского декрета в честь Посидея Дионисиева, сделанный М. И. Поповым, опубликован в Трудах Ставропольской ученой архивной комиссии. 1910. Т. 2. С. 4. См. также [ДМЮР, с. 56].

²³⁸ То есть ΑΡΩΤΟΥ делосского декрета — это испорченное Α(γ)ρώτου.

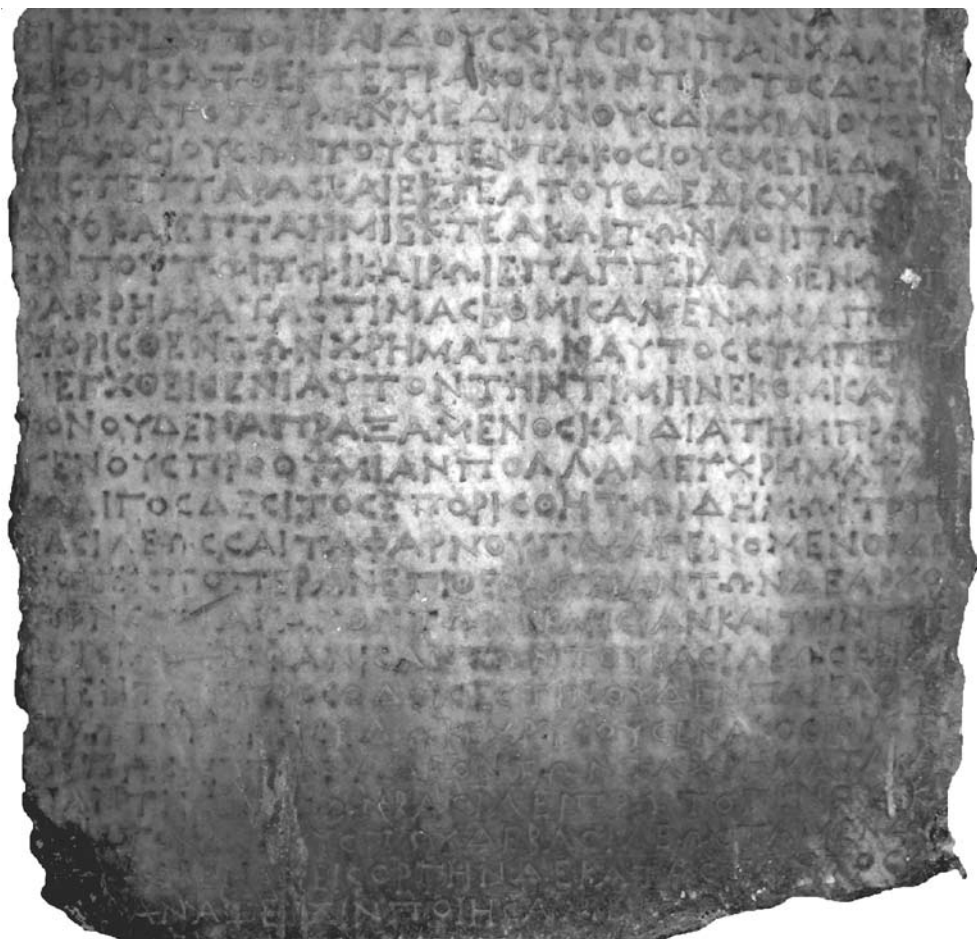

Рис. 786. Протогеновский декрет, нижняя часть лицевой стороны (фото автора)

Деятельность этого Никанора относится ко времени ок. 180 или 176 г. (IG XI, 769), а Тимесиерга к 178 и 173 г. (IG XI, 443, 457). Очень важны для нас родственные связи третьего делосского официала — Антигона Харистиева, поскольку они позволяют синхронизировать его родственников с кругом лиц, известных из ольвийских надписей III—II вв. Этот Антон упоминается в делосских надписях IG XI, 366 A и 1180, относящихся к концу III — началу II в. (см. коммент. П. Руселя к IG XI 813–814)²³⁹. Еще раз Антон Харистиев-старший упоминается в надписи примерно 190 г., где поручителем за него выступает Ликомед Критиев, упоминаемый также в надписи IG XI, 1184, относящейся ко времени после 179 г., вместе с Харистием, сыном названного Антигона Харистиева-старшего (Ликомед был отцом жены этого

²³⁹ Известен и Антон Харистиев-младший надписи IG XI, 116, относящейся к 255 г. Поскольку он значительно отстоит от времени Никанора и Тимесиерга, он вероятный внук Антигона Харистиева, деятельность которого относится к концу III — первым десятилетиям II в. и который действовал также в одно время с Никанором и Тимесиергом.

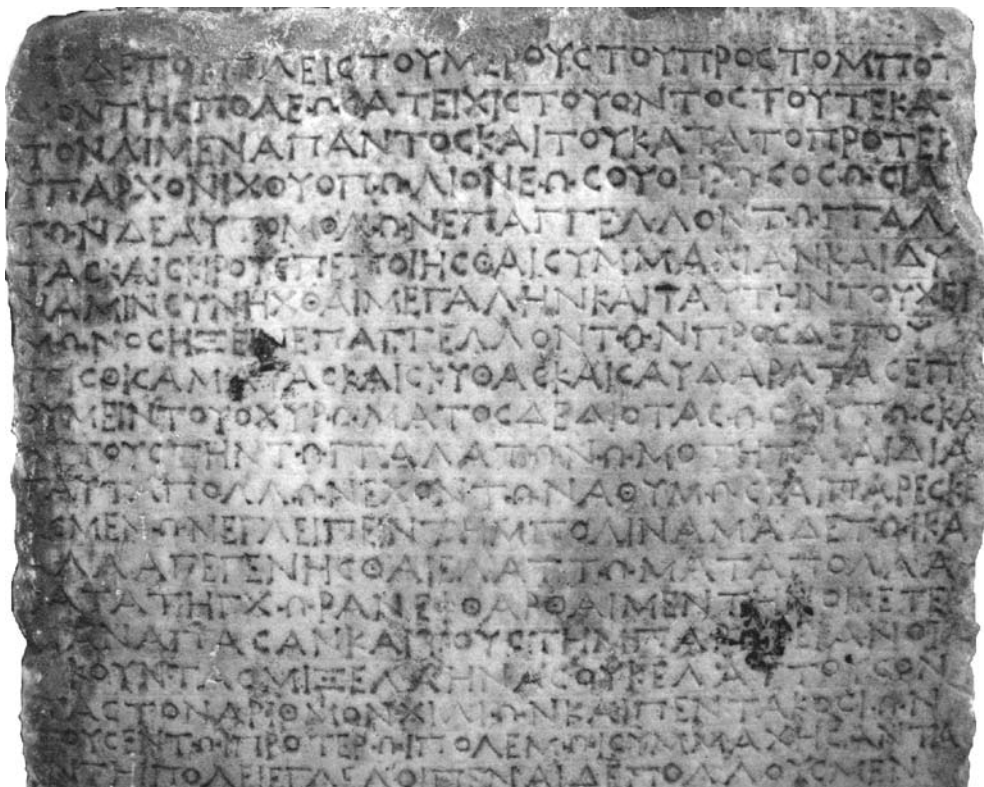

Рис. 78в. Протогеновский декрет, верхняя часть оборотной стороны (фото автора)

Харистия Антигонова, т. е. принадлежал к тому же поколению, что и Антигон Харистиев, деятельность которого, как отмечал Русель, приходится на конец III — первые десятилетия II в. Деятельность Ликомеда Критиева приходится на конец III — 290-е гг.). Время деятельности Никанора и Тимесиерга, как сказано, приходится на 170-е гг., что заставляет продлить до них деятельность Антигона Харистиева, упоминаемого в надписях, как мы видели, вместе с Никанором и Тимесиергом. Отец Ликомеда Критиева — Критий Ликомедов — известен в надписи, относящейся ко времени ок. 200–190 гг. (IG XI, 705, *ср.* 704, где упоминается фигурирующий в обеих надписях Аристид Телемнестов). Таким образом, в упомянутых делосских надписях фигурируют представители трех поколений, деятельность которых приходится на отрезок времени в 60–70 лет, начиная с последних десятилетий III в.²⁴⁰ На основании их хронологии может быть датирована по синхронизму деятельность представителей и соответствующих поколений ольвиополитов (по поводу чтения в декрете в честь сыновей Аполлония имен Агатина Деимахова и Конона *см.* с. 463):

²⁴⁰ Еще раз отметим, что в счете поколений греки обычно исходили из расчета 30 лет на поколение, в целом 3 поколения на 100 лет: *Hes. Opera*, 695/7; *Solo*, fr. 19 Diehl (= 27 Bergk); *Herod.* II, 142 [Burn, p. 141; Лурье, 1947, с. 112; Lacey, p. 106]. Реально это соотношение могло понижаться: например, у Геродота (I, 7) встречается и около 23 лет на поколение. Последняя цифра подходит также для трех упомянутых поколений делосцев.

	Поколение, время	Делос	Ольвия
1.	Последняя треть III в. — ок. 200–190 гг.	Критий Ликомедов	Дионисий Агротов (Каталог IOSPE I ² 201, В. 27), Геросонт Протогенов (Ib. А. 63), Агатин Деимахов (НО 29; Каталог, В. 12), Конон Ба-- (НО 29; Каталог, В. 4; Декрет IOSPE I ² 32 А. 49?)
2.	Конец III в. — 170-е гг.	Ликомед Критиев, Антигон Харистиев	Посидей Дионисиев (IOSPE I ² 189; IG XI, 813), Агрот Дионисиев (НО 68, 70; IOSPE I ² 189), Протоген Геросонтов (IOSPE I ² 32)
3.	Ок. 180-х — 170-е гг.	Харистий Антигонов, Никанор Никаноров, Тимесиерг Андроталов	Диодор Агротов (IG XI, 814), Посидей Посидеев [IOSPE I ² 77, 168, 670–672; Дашевская, 1960, с. 261; Лейпунская, 1990, с. 117–122]

Представитель первого поколения Критий Ликомедов очевидным образом завершал свою деятельность к 190-м гг. На отрезок примерно в треть столетия с конца III в. по 170-е гг. приходится деятельность представителей второго поколения — Ликомеда Критиева и Антигона Харистиева. После 180 г. действует поколение Харистия Антигонова, Никанора и Тимесиерга. Поколения ольвиополитов синхронизируются с поколениями упомянутых делосцев по степени родства с Посидеем Дионисиевым и Диодором Агротовым, а также по упоминанию с их родственниками. Посидей Дионисиев может соответствовать поколению либо Антигона Харистиева, по упоминанию вместе с ним в декрете IG XI, 813, либо, по датировке этого декрета 170-ми гг., следующему поколению. Поскольку он упоминается в этом случае практически одновременно с племянником Диодором Агротовым (оба декрета IG XI, 813 и 814 вырезаны на одной стеле), принадлежащим к третьему поколению, Посидея следует соотносить со вторым поколением — с Антигоном Харистиевым, деятельность которого приходится на конец III — 170-е гг. Диодор же Агротов, как сказано, соответствует поколению Харистия Антигонова, деятельность которого приходится на 180–170-е гг. Упоминаемый в Каталоге ольвийских граждан Дионисий Агротов (IOSPE I² 201 В. 27), по очень вероятной мысли Латышева, отец Посидея и Агрота, которые поставили в его честь статую, когда он отбыл срок жречества, в святилище Аполлона Дельфиния (I² 189). Поскольку Посидей и Агрот принадлежат к поколению Ликомеда Критиева и Антигона Харистиева, время деятельности которого пришлось на конец III — 170-е гг., отец Посидея и Агрота Дионисий принадлежит к предшествующему поколению Крития Ликомедова, деятельность которого протекала на протяжении последней трети III в. — 200-х или 190-х гг. В Каталоге фигурируют также Агатин Деимахов и Конон, упоминаемые и в декрете в честь сыновей Аполлония, датированном последней третью III в. (с. 466); соответственно их отцы Деимах и Ба[–] принадлежат к поколению Дионисия Агротова²⁴¹. По этим просопо-

²⁴¹ Не удивительно, что в Каталоге присутствуют представители двух поколений, соответствующих делосским поколениям 1 и 2: мы видели, что в Каталоге присутствуют деды и внуки, т. е. представители трех поколений ольвиополитов.

графическим соответствиям датируем Каталог последней третью или концом III в. Показательно, что в нем не отражено уже поколение Посидея Посидеева, соответствующее третьему поколению делосцев — Харистию и пр., действовавшим в 180-е — 170-е гг.

Полученная примерная последовательность поколений ольвиополитов позволяет уточнить ее соотношение по времени с Протогеновским декретом. На примере семей Ликомеда Критиева, Антигона Харистиева, Никанора Никанорова, Дионисия Агродова хорошо иллюстрируется обычай древних греков давать детям имена деда и отца. В соответствии с этим обычаем вполне справедлива мысль Латышева, что упоминаемый в Каталоге ольвийских граждан Геросонт Протогенов (IOSPE I² 32 А. 63) был отцом того Протогена, в честь которого принят ПД. Следовательно, первый принадлежит к поколению Дионисия Агродова, Агатина Деимахова и Конона, деятельность которых приходится на последнюю треть III в. — первое десятилетие II в., а Протоген Геросонтов принадлежит уже к следующему поколению вместе с Посидеем и Агротом Дионисиевыми, деятельность которых относится к концу III в. — 170-м гг. Так как в ПД подытожена значительная часть деятельности чествуемого лица, то надпись должна быть отнесена не к началу указанного периода, а к последующему его отрезку, т. е. к 180–170-м гг., тогда как описанные в ней события происходили с конца III в.

В соответствии с полученными датировками рассмотрим хронологию ряда других ольвийских надписей III–II вв. Упоминаемых в Каталоге ольвийских граждан по два раза Клеомброта Пантаклова (IOSPE I² 201, В. 5), Гикесия Пантаклова (А. 51, В. 16), Стафила Геродорова (А. 5, В. 15), вопреки мнению Латышева о повторном упоминании одних и тех же лиц, следует считать соименными дедами и внуками, поскольку двойное упоминание одних и тех же лиц в списке граждан города вряд ли возможно, так что, вероятно, не случайно они фигурируют не в одной и той же колонке, а в разных²⁴². Что это так, подтверждается палеографией надписей I² 179 и 180, в которых они фигурируют: раннеэллинистическое письмо первой, безусловно, древнее курсивного письма второй (см. с. 414).

Отметим несколько историографических частности. Несостоятельна мысль М. Ф. Болтенко [1958, с. 107/9] понимать под Канкитом декрета местность в районе реки Конки с центром на Каменском городище. Удаленность этого городища от Ольвии не соответствует свидетельству декрета о прибытии Саитафарна εἰς τὸ πέριον реки Гипанис, т. е. на левобережье Южного Буга, поскольку πέριον и в таком контексте, и вообще означает «другую сторону» какого-либо объекта, в данном случае — «другой берег» реки Гипанис. Созвучие названий Канкит и Конка случайное, а не генетическое, как полагал Болтенко, ибо есть и другие «конские» гидронимы, тоже никак не связанные с Канкитом (например, р. Конка в Новгородской земле). А. М. Верильяк предложила понимать выражение ПД πρᾶθέντος τε τοῦ στόλου εἰς βασιλεία (А. 45) как торги о перевозке желающих принять участие в празднике в честь Зевса Басилея, культ которого известен из посвящения IOSPE I² 187 [Verilhac, 1979/80, p. 344; Bull. ép. 1981, p. 422]²⁴³.

²⁴² Дедом и внуком являются также Полимедон Леократов надписи НО 71 и Полимедон Леократов Каталога I² 201, см. с. 486.

²⁴³ Новая лит. о ПД [Смирнов, 1985; Марченко, 1985; Щукин, 1989; Русаева, 1993; Соjосапу, 2004, p. 398–403; Былкова, 2005; SEG 29, 717; 40, 632; 43, 503; 46, 946].

7.2. Миксэллыны Протогеновского декрета

Уяснив, что ПД издан в 180–170-х гг., а описанные им события происходили с конца III в., обратимся к содержанию. Основная тема текста А на лицевой стороне — ссуды Протогена городу на уплату дани царю саев Сайтафарну и скептухам окрестных народов, а также на приобретение продовольствия для городского населения — хлеба и вина. Ведущая тема оборотной стороны Б — деятельность Протогена по укреплению оборонительной системы города: возведение новых башен и прясел стены у реки, ремонт обветшалых стен и башен Верхнего города. Эти темы подробно исследованы в литературе [Латышев, 1887, с. 93 сл., 103 сл., 111 сл.; Maier, 1959, S. 268/72; Денисова, 1982; Русяева, 2008; Отрешко, 2009д], мы же обратим внимание на типичность документов типа ПД для Греции и особенно греческой периферии II–I вв. К примеру, близкую параллель составляет декрет 96–74 гг. до н. э. в честь Алексимаха Состратова из Токры в Киренаике: и в нем говорится о решении продовольственной проблемы да денежных операциях чествуемого на благо города в условиях вражеской угрозы [Reynolds, 1973/4, p. 622/30]. Состоятельный гражданин, действующий во благо находящегося в стесненном положении города, — типичная фигура полисов Зап. Причерноморья: тут известны 18 декретов позднеллинистического времени в честь подобного рода благодетелей [Avram, 2000]. Таким образом, тяжелая ситуация, в которой находилась Ольвия во второй половине III — I в., характерна для региона в целом.

Рассмотрим вопрос о миксэллинах, а также степени народовластия в Ольвии. В начале текста Б говорится о событиях, вследствие которых ольвиополиты посредством денег Протогена предприняли мероприятия по укреплению городских стен: галаты и скиры договорились о зимнем походе на Ольвию и стали собирать силы. Опасаясь их, фисаматы, скифы и савдараты намеревались укрыться за стенами Ольвии, положение которой еще больше усугубилось гибелью всех ойкетов, а также не менее 1500 миксэллинов, которые «в предшествующей войне сражались в качестве союзников в городе»²⁴⁴. Поскольку ойкеты — сельское население ольвийской хоры [Pippidi, 1975, p. 74/5; Марченко, 1985, с. 248/9] (выше, с. 438/9), этому сообщению о гибели всех ойкетов соответствует археологически выявленное прекращение жизни на поселениях левого берега Бугского лимана в начале II в.²⁴⁵ Отныне Ольвия лишилась последнего района дальней хоры, что усугубило трудности снабжения города продовольствием, о чем трижды говорится в ПД.

²⁴⁴ Б. 15/8: ἐφάρθαι μὲν τὴν οἰκετείαν ἅπαναν καὶ τοὺς τῇμ παρώρειαν οἰκοῦντας Μιξέλληνας, οὐκ ἐλάττους ὄντας τὸν ἀριθμὸν χιλίων καὶ πεντακοσίων. Латышев [1887, с. 97; IOSPE I², p. 55] по началу перевел ἐφάρθαι как «подкуплены», затем, в соответствии с пониманием А. Бека, «совращены», под чем подразумевал «изменническое настроение умов рабов и миксэллинов», на основании чего в литературе утвердилось мнение о социальном характере отпадения рабов (ойкетов) и миксэллинов от ольвиополитов. Поскольку миксэллины — туземная народность (у них этническое обозначение), нам кажется странным уточнение декрета, что было «совращено» 1500 человек, и остается неясным, весь ли это народ, если же часть его, то какую позицию заняли остальные. Во избежание этих неясностей принимаем основное значение глагола φθείρειν «гибнуть» (ἐφάρθαι — *inf. perf. medio-pass.*), т. е. «были убиты все ойкеты и населяющие предгорья миксэллины числом не менее тысячи пятисот».

²⁴⁵ [Буйских, 1986, с. 24; Крыжицкий, Бураков, Буйских, Отрешко, Рубан, с. 12].

В миксэллинах декрета со времен А. Бека большинство исследователей справедливо усматривало каллипидов Геродота (IV, 17), который характеризовал их как «эллино-скифов» и локализовал «по реке Гипанису к западу от Борисфена»²⁴⁶. Место их обитания уточнил Мела (II, 7), использовавший источник эллинистического времени: «Каллипидов ограждает Гипанис... (река) Асиак ближайшей проходит между каллипидами и асиаками»²⁴⁷. Отсюда А. С. Русяева и М. В. Скржинская [1979, с. 34] с основанием отвергли бытующее в литературе отождествление каллипидов с населением ольвийской хоры (*лит.* [Народы нашей страны, с. 224]), но локализация ими каллипидов «в пределах от Николаева и несколько выше Новой Одессы, в западной части ниже до с. Каменки, между Бугом и Днепром — до Херсона», на наш взгляд, нуждается в уточнении, так как, согласно ПД, миксэллины (они же каллипиды) «населяют предгорье» (παρώρειαν, В. 15–16), очерченный же исследовательницами район степной. Поскольку Геродот и Мела связывают ареал каллипидов с Гипанисом, единственный эквивалент «предгорья» — среднее течение Буга: от устья Иквы на севере до устья Синюхи берега реки скалисты, здесь Буг, по словам гидролога Л. К. Давыдова [1955, с. 103], горная река, берега ее высоки, скалистые пороги; такова река до Первомайска и еще 60 км ниже, т. е. до Александровки²⁴⁸. Это юго-вост. часть Подольской возвышенности, с которой стекают

²⁴⁶ *Лит.* [Латышев, 1887, с. 17 сл.; Народы, с. 225], против Н. В. Шафранская [1956, с. 44 сл.], которая усмотрела в миксэллинах военные отряды, в чем спутала этническое значение термина миксэллины и функциональное [Виноградов, 1984, с. 67]. По мнению В. М. Отрешко [ОД, с. 36], каллипиды — кочевники, оседавшие на землях Нижнего Побужья. Ср. также [Лапин, 1966, с. 151/3; Доманский, 1961, с. 28 сл.; Русяева, Скржинская, с. 25 сл.; Снытко, 1994; 2011]. Наименее аргументирована позиция С. Ю. Сапрыкина [2013а, с. 3 сл., 14], который прав лишь в повторении мнения Отрешко, что каллипиды — скифы, поначалу кочевавшие к северу и сев.-зап. от Ольвии. Дальнейшие соображения Сапрыкина не подкреплены источниками: с рубежа VI–V вв. каллипиды переместились в Лесостепь, где осели и занялись земледелием; вместе с греками они составили тут группу эллино-скифов Геродота. Его локализация нового ареала каллипидов — Лесостепь между Ю. Бугом и Днепром — слишком обща и не учитывает имеющихся сведений об этом.

Наименование «эллино-скифы» равноценно названию миксэллины, ср. свидетельство Деметрия Каллатийца о смешанных греко-скифах Добруджи (*Dem. Call. apud Ps. Scymnum*, v. 751: μιγάδας Ἑλλήνας οἰκητάς «смешанные греки-оикеты», т. е. греки-полукровки на пограничье фракийского племени кробизов и скифов). Аполлоний Родосский упоминает Θρήξιν μιγάδες Σκύθαι «смешанных с фракийцами скифов» (Arg. IV, 320 = SC, 1, p. 423 [Андрух, 2000]). Выражение μιγάδες Ἑλλήνες Деметрия по обоим основам равнозначно слову Μιξέλληνες (основы μιγ- и μιξ- κίμνυμι «смешивать»). Еще примеры образования миксэллинов: по Гелланику, так звали помесь первых насельников Лемноса синтиев с прибывшими на остров немногими фракийцами [FGH I, fr. 71]; Страбону (II, 5, 31) известны в малоазийской Галатии галло-греки. Каллипиды Геродота и Мелы, как и миксэллины ПД, обитали за пределами ольвийской хоры, что, во-первых, может подтверждать их идентичность, во-вторых, наводит на догадку, что они были передовым рубежом обороны Ольвии.

²⁴⁷ Время источника Мелы определяется, с одной стороны, тем, что сочинениям доэллинистического времени река А(κ)сиак неизвестна, а с другой — уже во времена Страбона (XII, 3, 21) каллипидов не было. Вероятно, первое упоминание об Асиаке содержалось в том раннеэллинистическом источнике, в котором говорилось о Буке, т. е. было дано более детализованное сравнительно с геродотовским описание Скифии; на наш взгляд, это писатель IV–III вв. Тимонакт, давший в сочинении «О скифах» описание 55 скифских народов [Яйленко, 2007, с. 66; 2013а, с. 186]. Асиак отождествляется с р. Куяльник, впадающей в Тилигульский лиман.

²⁴⁸ Характеристику среднего Буга как горной реки подтверждает ее средневековое название, известное с VI в., Κωφύη (Менандр), Κοῦφης (Геофан) и *np.* [Marquart, 1903, S. 505; Фасмер, 1967, с. 395; Чичуров, 1980, с. 60, 107/8] (хотя это имя прилагалось и к р. Кубань, но, к примеру, у Геофана под 679 г. это определено Южный Буг по впадению в Некропилы — Каркинтийский залив). Мы связываем этот

Тилигул и Большой Куяльник и которая достигает среднего течения Буга. Рельеф этой местности характеризуется сочетанием плоских междуречий с глубокими долинами, высокими берегами рек, как на среднем Буге (северо-запад Подольской возвышенности представляет собой предгорья Карпат). Такой характер местности вполне подходит для обозначения словом *παράρετα*²⁴⁹. Сказанное предполагает локализацию миксэллинов на Буге в 130 км выше Ольвии, к северу от Александровки (16 км выше Вознесенска), а в широтном направлении до рек Большой Куяльник — Тилигул²⁵⁰. Плиний (Hist. nat. IV, 83) называет насельников Гилеи *Εποικίδιοι* «домашние», по значению аналог слова *οἰκέται*. Следовательно, это миксэллины, в какое-то время сдвинувшиеся ближе к Ольвии как своему союзнику. По времени это передвижение логично связать с понесенными ими потерями в полторы тысячи человек, что заставило их переместиться ближе под защиту союзных ольвиополитов. Судя по датировке ПД и упомянутых в нем событий, это случилось в конце III в.

ПД не уточняет, кто убил не менее 1500 миксэллинов. Поскольку «в прошлой войне» (стк. 19) противником Ольвии подразумеваются эти же галаты, можно думать, что миксэллины как союзники Ольвии вновь оказались в состоянии войны с ними. Западная граница ареала миксэллинов по реке А(к)сиак (Куяльник — Тилигул) отстоит неподалеку от среднего Поднестровья, где во II в. до н. э. появились памятники культуры Поянешты — Лукашевка. Она характеризуется наслоением

гидроним со среднеперс. *kōf*, парф. *kōf* «гора» (из иран. **kaufa-*: авест. *kaofa*, др.-перс. *kaufa*; иран. *ao* передается через греч. *ou, ω* [Zgusta, 1955, S. 215, 225]) [Яйленко, 2015, с. 395]. Эта этимология подтверждается другим названием Южного Буга *Κουβοῦ* у Константина Порфиrogenета (De adm. imp. 38, 42), которое находит соответствие в параллельной среднеперсидскому *kōf* и парфянскому *kōf* хотано-сакской форме *kuva* «холм». К семантике *ср.* русские гидронимы Гора, Горка, Горочка, Холмец и под. [Vasmer, 1971, S. 766].

²⁴⁹ Можно понимать его и в качестве топонима — *Παράρετα*, как предлагалось в LSJ, s. v. *παράρετα*. *Ср.* название города *Παρυαία* на Пелопоннесе, также горной цепи во Фракии (Herod. VIII, 73; Strabo, XII, 8, 14). Значение у слова одно — «предгорья», поэтому понимание его Латышевым в значении «пограничье» («пограничные миксэллины» его перевода ПД), т. е. производство не от *ῥος* «гора», а от *ῥος* «граница», неправомерно и обусловлено лишь отсутствием предгорий в районе Ольвии (в литературе принято толкование Латышева, к примеру [Виноградов, 1984, с. 66]). Обозначение обитателей холмистой или гористой местности по характеру ландшафта *Παράρεται* (Strabo, VIII, 3, 18; Herod. VIII, 73; PB, 1142).

²⁵⁰ Согласно Геродоту (IV, 17), выше каллипидов по Гипанису (Бугу) обитают алазоны, которых со времен Б. Нибура считают фракийцами, причем П. Макан счел каллипидов эллинизированными алазонами, а В. Фогель видел в каллипидах и алазонах эллинизированных фракийцев (*lum.* [Народы, 1982, с. 225]). Алазонам принадлежит восточноподольская группа археологических памятников VI–III вв. (в ареале западноподольской группы обитают иллирийцы [Яйленко, 2014, с. 532]): этой территории соответствуют данные Геродота об ареале обитания алазонов [Яйленко, 1983, с. 60; 2013а, с. 168/9]. Геродот (*l. c.*) отметил сходство обычаев каллипидов и алазонов; одинаковы и их судьбы — после III в. оба этнонима исчезают и уже Страбону (XII, 3, 21) казались вымышленными. Предложенная нами локализация каллипидов позволяет видеть в них окраинное население территории алазонов и подкрепляет мнение о каллипидах как эллинизированной отрасли алазонов (подобно отрасли будинов гелонам, греко-скифским полукровкам). По содержанию прозвания *Καλλιπίδαι* «Прекрасноконные» (иные толкования [Народы нашей страны, с. 226]) можно думать, что это была часть алазонской дружины, и это объясняет, почему потеря каллипидами ПД 1500 человек была катастрофой для обороны Ольвии. Впрочем, наименование каллипиды скорее является греческой адаптацией иллирийского племенного названия *Colapiani* (выше, с. 280).

кельтских и германских артефактов на гетскую основу²⁵¹. Возможно, это обстоятельство указывает на передвижение к Днестру кельто-германских бастарнов, разгромивших ольвийскую хору во 2–3 четверти III в. (выше, с. 418/9). Утвердившись в Среднем и Нижнем Поднестровье, они приблизились к ареалу миксэллинов, которым, вероятно, и нанесли упомянутый декретом урон. С этого днестровского плацдарма они угрожали и скифам, судя по концентрации последних во II в. в Крыму, также савдаратам и фисаматам. В результате Ольвия оказалась в начале II в. меж двух огней: от галатов она отбивалась, а от скифов откупалась ежегодной данью в 300–400 золотых. Но и эта символическая повинность (к примеру, Византий выплатил в 220 г. кельтскому царю Кавару 80 талантов [*Polyb.* IV, 46, 3–4; Ștefan, 1984, p. 335]) была непосильной для нее, «покинутой большинством ксенов и немалым числом граждан» (ПД, В. 20–21). Судя по связи с упомянутой тут же «прошлой войной», гибелью ойкетов и части миксэллинов, это случилось в начале II в.²⁵²

С выселением ксенов и части граждан Ольвия лишилась их капиталов и существенно обеднела. И уменьшение населения города и его бедность во II в. фиксируются археологически: строительство новых сооружений более не ведется, осуществляются лишь перестройки; возможно, во второй половине века пустеет сев.-зап. жилой квартал — тут появляются гончарные печи; тогда же, вероятно, разрушается часть сооружений теменоса, детали которых используются для достройки сев.-зап. куртины и башни [Крыжицкий, 1985, с. 30, 121, 176]. К этому времени относится лишь одна строительная надпись, возможно, сообщавшая о посвящении оборонительной башни или стены Аресу (с. 622/3). Гибель хоры и выезд большинства ксенов привели к свертыванию внешних связей полиса, утратившего роль житницы метрополии и посредника в торговле последней с варварским населением Сев. Причерноморья. Ограниченность внешних связей Ольвии отражает ее эпиграфика: сокращается число проксенических и почетных декретов: 2 декрета в честь родосцев относятся ко времени ок. 220–180 гг., также проксения неизвестному лицу НО 18²⁵³; ко II в. относится декрет в честь смирейца (НО 27); декрет в честь сыновей херсонесита Аполлония (с. 449 сл.); еще 2 декрета в честь амисенцев, по историческим соображениям (подъем Амиса с воцарением Митридата Евпатора), могут быть отнесены к позднему II в.²⁵⁴ Скудные и упоминания об ольвиополитах в документации других городов: в раннем II в. косцы чествовали Посидея Посидеева (I² 77 и ниже, с. 613); херсонесским декретом начала II в. чествуется некий ольвиополит²⁵⁵; в декрете II–I вв. в честь тирита Нила упоминается Ольвия, видимо, в контексте связей

²⁵¹ [Романовская, 1969, с. 93–95], *ср.* с. 81 сл. — историография: Р. Вульпе связал эту культуру с бастарнами, Р. Хахман, К. Такенберг с германскими мигрантами из междуречья Одера и Эльбы. [Woźniak, S. 30]: ок. 200 г. Ольвии угрожали кельты-бритолаги, возможно, осевшие в дельте Дуная. Одни исследователи связывают галатов ПД с кельтами III в. [Щукин, 1989; Ю. А. Виноградов, 1999, с. 70 сл.], другие с кельтами латенизированной зарубинецкой культуры Среднего Поднепровья, начиная с рубежа III–II вв. [Максимов, 1999, с. 145].

²⁵² Возможно, одним из этих выселенцев был Дионисий Ольвийский, о котором *см.* с. 569.

²⁵³ НО 24, IOSPE I² 30, по характеру письма вторая половина III в., соотносим их дату с временем наиболее интенсивного родосского импорта в Ольвию [Леви, 1964, с. 227 сл.]. Путь от Родоса до устья Борисфена был промерен (*Strabo*, II, 5, 9), что свидетельствует о налаженности этой торговой артерии.

²⁵⁴ IOSPE I² 35; о проксении в честь другого амисенца *см.* с. 547. О надгробии IOSPE I² 207, поставленном аполлониятами с Риндака скончавшемуся в Ольвии согражданину, *см.* с. 630.

²⁵⁵ [Соломоник, 1973, с. 11–13]. Согласно М. И. Золотареву [1994, с. 129], пик херсонесского импорта в Ольвию приходится на 290 г., с 250 г. следует упадок, небольшой подъем наблюдается ок. 200 г.,

с нею купцов-томитян при его посредничестве [Граков, 1939, с. 310]; в Аттике II–I вв. поставлено надгробие борисфенита Пофа Деметриевича [IG II² 8423]. Чествуемый декретом НО 27 (полный текст см. ниже, с. 653/4) смирнеец также был деловым человеком, но в любом случае связи со Смирной стимулировались горячей любовью ольвиополитов к Гомеру — жители Смирны считали свой город его родиной, их страсть к гомеровским поэмам была настолько высока, что у них был портрет с храмом Гомера (*Strabo*, XIV, 1, 37).

7.3. Социальный портрет Протогена

Обнищание Ольвии, безусловно, дестабилизировало не только экономическое, но и социальное положение ее населения. Когда вследствие выселения большинства ксенов и части граждан число состоятельных людей резко сократилось, значительно повысилась роль немногих оставшихся «денежных мешков» вроде Протогена. Он профессиональный финансист — город так много задолжал ему, что на ликвидацию долгов ушло 3 года (В. 65 сл.). Для погашения долгов полис поставил во главе финансового ведомства своего основного кредитора, и Протоген засчитывал себе в уплату долга дефицитную часть доходов, которую город почему-то недополучал²⁵⁶. Понятно, что суть этой операции заключалась в том, что Протоген находил способы сделать недоходную сферу поступлений доходной и в результате очистил городскую казну от долгов. Вряд ли стоит сомневаться, что город поставил Протогена во главе финансового ведомства в порядке литургии, т. е. выполнения состоятельным гражданином обязательных услуг полису. И Протоген, и его отец Геросонт (можно думать, также сын Протогена Евдор и внук Евник) были ростовщиками: в лихолетье, наступившее после разгрома ольвийской хоры во второй четверти III в., Геросонт (он упоминается в Каталоге граждан последней трети века) и его сын кредитовали многих ольвиополитов, оказавшихся разоренными. В результате долг многих граждан достиг 6000 золотых — сумма, которой Ольвия могла бы откупиться от скифского царя на 20 лет вперед. Авторы ПД не раскрывают подробностей финансовых операций своего героя, но как это происходило в действительности, показывает приведенный выше (с. 458) декрет из Абдер, в котором обрисована ситуация, близкая ольвийской: заемщик охотно ссужал городу и частным лицам деньги, которые ввиду тяжелого положения было трудно вернуть в положенное время; заимодавец учитывал плохое состояние дел должников и предоставлял отсрочки под щадящие 10 %, что способствовало возврату долгов²⁵⁷. Так и в Ольвии: «все в городе было в расстройстве вследствие войн и недорода» (В. 79, сл.) и многие граждане были в долгу у Протогена, а сам он оставался крупнейшим богачом Ольвии. Учитывая данные абдерского декрета, нет оснований давать восторженную оценку его деятельности подобно Латышеву [1887, с. 113/4], который некритически воспринял славословия декрета: этот ростовщик явно наживался

прекращается импорт ок. 180 г. Это позволяет отнести надпись, по характеру письма датированную Э. И. Соломоник II в., ко времени ок. 200–180 гг.

²⁵⁶ Так мы понимаем выражение τὰ δ' ἀπὸ τῶν προσόδων πίπτουσα (при οὐ γεγενημένον τοῦτου ἐπ' ἀληθείας) «дефицитную часть доходов ... в действительности не состоявшуюся» (см. LSJ, s. v. πίπτω, В, V, 3). Латышев понял указанное выражение как «излишки доходов», что вряд ли правильно.

²⁵⁷ Об евергетах позднеллинистического времени в городах Понта в целом [Avram, 2000].

в условиях всеобщего обнищания, в том числе посредством спекулятивных процентов, ибо 10 % в условиях обнищания вовсе не «щадящие», а мироедские. Видя невозможность возврата частных долгов, Протоген вел осторожную политику, не перегибая палку: он «первым предоставил себя в распоряжение народа, как тот пожелает, и когда *народ* счел возможным²⁵⁸ кассировать долги заемщиков, он простил все долги всем». Отмеченная особенность лексики ПД в рассказе об этом (ἀξιῶσαντος — «когда *народ* счел возможным») определенно показывает, что снятие долгов полиса и частных лиц Протоген осуществил по настоянию демоса, а не по личной инициативе. Но мы видели, что в конце III в. гражданство Ольвии состояло в основном из полутора десятка олигархических родов (с. 494), так что «демос» ПД по существу был олигархической кликой. Они решали совместно с Протогеном, что и как делать. Также деятельность по достройке оборонительных сооружений и снабжению города продовольствием не была делом исключительно доброй воли Протогена — это тоже литургии, наложенные полисом на богатого согражданина. Употребленная в соответствующих местах лексика декрета показывает добровольное сотрудничество обеих сторон: население Ольвии нуждалось в средствах Протогена, и тот, дабы не потерять все, принимал деятельное участие в общественных нуждах, сохраняя тем самым свою позицию первейшего благодетеля города. В соответствующем ключе выдержан и тон надписи: как почетный декрет он восхваляет чествуемого, но, подчеркивая добровольность благодеяний Протогена, отмечает соответствующие решения «демоса», сиречь олигархической верхушки: ὁ δῆμος... παρὲκάλει «народ... призывал», ἡξίου ὁ δῆμος «народ... приглашал», ἡξίωσε «счел», ὁ δῆμος... ἐστεφάνωσεν «народ... увенчал» и пр. Укажем на разницу между населением города в целом и принявшим декрет «демосом».

Стремление ольвийской олигархии находить взаимоприемлемые пути решения проблем в условиях общей опасности выявляется на следующем примере. Возглавляя финансовое управление полиса, Протоген «никого из откупщиков податей не выгнал из имения и ни у кого не отчуждал ничего из имущества, но, снизойдя к их *стесненному* положению, одним простил долги (это долги частных лиц полису. — В. Я.), другим дал отсрочки на столько времени, сколько они желали, и не взыскал никаких процентов» (пер. Латышева). А немногим раньше, в период процветания Ольвии, попавшийся на расхищении откупных доходов отец Биона был продан в рабство со всей семьей (Diog. Laert. IV, 46). В соответствии с законом тогда задолжавшие откупщики лишались имущества — его распродавали для возмещения долга казне. Теперь же в условиях дестабилизации олигархическая верхушка, в том числе в лице Протогена, предпочитает ненасильственное решение той же проблемы задолженности, поступаясь материальной выгодой ради сохранения своего материального и социального *status quo*. Благодаря этому в условиях всеобщего разорения она сохраняла бразды правления в своих руках, пример чему — опутавший всех и всё Протоген²⁵⁹. Только консенсус всех слоев ольвийского населения

²⁵⁸ В. 87: ἀξιῶσαντος ἄφεσιμ ποιήσας[θαι] «когда *народ* счел возможным кассировать долги». Конструкцию ἀξιῶσαντος + acc. cum inf. следует понимать в общем для нее смысле «счел возможным» (LSJ, s. v. ἀξιόω, III, cum inf.): «считать, считать возможным, ожидать, соглашаться, решать»), а не «попросил», как в переводе Латышева (I², p. 56) и Виноградова [1989, с. 195].

²⁵⁹ Отмеченные обстоятельства не позволяют разделить мысль М. Парович-Пешикан [1974, с. 155] о волнениях должников, заставивших Протогена кассировать долги, как и мнение Виноградова [1989, с. 226/7]: Протоген не наживающийся на бедах сограждан мироед, ему было что терять в случае

давал возможность в условиях постоянной внешней угрозы, бегства части населения (надо думать, прежде всего зажиточной) и всеобщего оскудения в течение длительного времени «не допустить, чтобы отечество, с давних пор сбереженное, было захвачено врагом» (В. 25–27)²⁶⁰.

8. ДЕКРЕТЫ В ЧЕСТЬ СОГРАЖДАН-БЛАГОДЕТЕЛЕЙ И ИХ ТЕКСТОЛОГИЯ²⁶¹

8.1. Декрет в честь Каллисфена, сына Дага (IOSPE I² 43)

Этот Каллисфен упоминается в декрете I² 42 в качестве архонта, исполняющего обязанности председателя собрания, а в надписи I² 174, датированной 198 г., как глава архонтов. Рассматриваемая надпись в его честь относится к последующим годам, ибо он назван в ней уже «трижды отбывшим значительнейшие и эпонимные первые должности» (I² 43, стк. 9). Перевод: «Народ ольвиополитов увенчивает золотым венком. При архонтах во главе с Фрасибулом Флеймнаговым, во второй раз, 18 числа месяца Кианепсиона на всеобщем народном собрании по предложению синедров Нил Пурфеев предложил. Поскольку Каллисфен Дадов, происходя из блистательного и известного Августам рода, соревнуя отеческой славе, ведет жизнь, всячески достойную похвалы: трижды пребывая на значительнейших и эпонимных первых должностях, усердно, честно и справедливо отбыл срок магистратур; будучи стратегом, осуществил всяческую заботу о мире, всегда первым подвергаясь опасности за отечество...» После этого в конце стк. 13 сохранились буквы ΣΕΙ, а в конце следующей строки ΥΜΙ ΑΣ, которые Латышев восстановил как σε[ι]μοῦ τε υειομένηου μετὰ πάσης προθυμίας «когда случилось землетрясение, он со всем усердием...» Восстановление обычного в почетных декретах слова [προ]θυμίας надежно. Но предположение о землетрясении маловероятно, и не случайно Латышев не обосновал его. Известий о землетрясении в Ольвии нет, и хотя по искажениям кладок они прослеживаются²⁶², если есть другие пути объяснения рассматриваемых

гибели полиса, и поскольку граждане нуждались в благотворительности, Протоген и ему подобные волей-неволей платили «за нее некоторым ущемлением своих реальных политических прав». Виноградов не подтвердил свое мнение анализом словоупотребления декрета, отсюда такие ошибочные положения, как «некоторое ущемление» политических прав Протогена, — ни одна строка надписи не дает оснований для такого вывода. Наша интерпретация близка мнению Н. В. Шафранской [1951, с. 19–20] о распаде ольвийского полиса как политической организации и сосредоточении власти в руках отдельных богатей.

²⁶⁰ Мнение, что почетный декрет принят после смерти Протогена [Андреева, 2004; Русяева, 1993], ошибочно, ибо в посмертных декретах изложение деяний чествуемого кратко (I² 34, 39, 40), тогда как в честь живых пространно: например, таков декрет херсонеситов в честь Диофанта (I² 352) или жителей Сеста в честь Менаса (Michel, 327).

²⁶¹ Выше (с. 363), дав классификацию ольвийских декретов, мы вынесли в отдельную рубрику также фрагменты декретов, уцелевший текст которых не позволяет определенно заключить, изданы они в честь ольвиополитов или иноземцев. Понятно, что в основном ими все же чествуются сограждане, поэтому включаем часть их сюда.

²⁶² Например, землетрясение 1893 г. затронуло территорию между Кишиневом и Николаевом [Башкиров, 1948, с. 6]. Пример эпиграфического известия о землетрясении — декрет с острова Телоса

строк надписи, имеющие аналогии в ольвийской эпиграфике, они предпочтительнее. В Протогеновском декрете находим в одном и том же предложении слова *προθυμία* и *σίτος* (А. 81–82): καὶ διὰ τὴν Πρωτογένους προθυμίαν πολλὰ μὲν χρήματα οὐκ ὀλίγος δὲ σίτος ἐπορίσθη τῷ δήμῳ «и вследствие усердия Протогена много денег, немало и хлеба было доставлено народу». Слово *σίτος* в надписях римского времени по принятой тогда манере растягивать *i*-долгое в *ει* [Доватур, 1965а, с. 803/4] писалось и как *σεῖτος* (Syll.³ 880 и др.). На основании указанной параллели из Протогеновского декрета нам представляется, что в стк. 13–14 надписи в честь Каллисфена Дадова речь шла о его усердии ([προθ]υμίας) в деле снабжения города хлебом — *σεῖ[του]* (или какое-либо сложное с ним слово: *σεῖ[τωνίαν]* *etc.*). Забота о снабжении города хлебом — одна из важнейших задач магистратов, и в почетных надписях Греции заслуги подобного рода фигурируют часто. Заслуги Протогена в снабжении хлебом Ольвии несколько раз упоминаются в чествующем его декрете. Известна здесь и коллегия ситонов, функционировавшая в конце III — начале II в. (НО 72). Из декрета в честь Каллисфена Дадова, если наше дополнение верно, следует, что проблема снабжения Ольвии хлебом оставалась актуальной и в начале III в. н. э. В связи с этим нелишним будет упомянуть о двух фрагментах горгиппийских надписей, найденных в Ольвии (НО 143, 145, см. с. 610), которые, без сомнения, являются свидетельством торговых связей между Ольвией и Горгиппией (эти обломки, скорее всего, служили балластом на корабле). Поскольку Ольвия нуждалась в хлебе, как может явствовать из Каллисфенова декрета, не исключено, что статьей торгового обмена между городами мог быть хлеб Синдики, которая во II–III вв. н. э. все еще оставалась житницей Боспора [Гайдукевич, 1949, с. 369 сл.]. Слово *[ἐξ]αγώγιον* надписи КБН 1134 показывает, что из Горгиппии в это время хлеб шел на вывоз.

8.2. IOSPE I² 54

Утраченный фр., известный в маяускулах, списанных с камня Потоцким и Кларком (рис. 79): ΑΙΤΙΟΣΠΟΛΛΟΙΣΚΑΙ--| ΑΥΘΑΙΡΕΤΟΣΠΟΛΛΑ--| ΤΗΣΠΑΡΧΕΙΟΣΥΠΑ--| ΣΑΡΜΑΤΙΑΣΒΑΣΙΛΕΙΣ--| ΦΕΙΣΑΜΕΙΝΟΣΜΟΕΠ--| ΔΥΝΑΤΑΙΤΗΕΠ--| ΔΑΣΥΜΦΕΡΟ--| ΘΕΙΝΒΥΛΕΝΣ--| ΚΥΡΙΟΥΣ--| ΤΟΥΑΝΑΒΑ--| ΤΟΙΜΕ--|. Восстановление Латышева:

- [.... κατ' ἰδίαν τε ἀγαθῶν γενόμενος παρ]-
 1 αἷτιος πολλοῖς καὶ [κοινῇ τῇ πατρίδι χρήσιμος]
 αὐθαίρετος πολλὰ[κίς ἐλειτούργει ἐν ταῖς χρεῖαις]
 τῆς ἐπαρχείῳ[υ], ὑπα[ντιάσας δὲ καὶ τοὺς τῆς]
 Σαρματίας βασιλεῖς [ἀόκνως, οὐδενὸς κόπου]
 5 φεισάμε<ι>νος, [χρ]ε[ί]ας παρέχεται καθ' ὅσον[?]
 δύναται τῇ ἐπ[αρχείῳ] ? λέγων δὲ καὶ πράττων
 τ]ὰ συμφέρο[ντα τῇ πατρίδι πατὴρ ἀπεδείχ]-
 θ[η τ]ῇ[ς πό]λε[ω]ς· [ἐπρέσβευε δὲ καὶ παρὰ τοὺς]
 κύριους [ῥήμῳ ἀνεικήτους Αὐτοκράτορας ὑπὲρ]
 10 τοῦ ἀναβα[λεῖν κτλ.]

в честь Аристомена [Michel, 429]: «когда случилось землетрясение (σεισμοῦ τοῦ γενομένου) и дома, стены, башни были сотрясены (δισαεισθέντων), он со всяческим рвением и щедростью отстроил...»

1 ΑΙΤΙΟΣΠΟΛΛΟΙΣΚΑΙ...
 ΔΥΘΑΙΡΕΤΟΣΠΟΛΛΑ...
 ΤΗΣΕΠΑΡΧΕΙΟΥΣΥΠΑ...
 ΣΑΡΜΑΤΙΑΣΒΑΣΙΛΕΙΣ...
 5 ΦΕΙΣΑΜΕΙΝΟΣΜΟΕΠ...
 ΔΥΝΑΤΑΙΤΗΕΠ...
 ΔΑΣΥΜΦΕΡΟ...
 ΘΕΙΝΒΥΛΕΝΣ...
 ΚΥΡΙΟΥΣ...
 10 ΤΟΥΑΝΑΒΑ...
 ΤΟΙΜΕ...

Рис. 79. Декрет IOSPE I² 54

«...бывший в частности для многих виновником добра и вообще полезным для отечества, часто добровольно исполнял общественные службы в нуждах епархии, встречал также и сарматских царей немедленно, не щадя никаких трудов, и оказывает епархии услуги насколько может; за полезные советы и деятельность получил титул отца города; отправлялся и послом к господам нашим непобедимым императорам об отсрочке...»

Как видно, Латышев заменил ряд букв копии: в стк. 3 Σ на Υ, в стк. 5 ΜΟΕΠ на [χρ]ε[ί]ας, в стк. 7 Δ на Τ, в стк. 8 ΘΕΙΝΒΥΛΕΝΣ на [η τ]ῆ[ς πό]λε[ω]ς. Однако очевидно, что в целом Кларк и Потоцкий скопировали текст хорошо, поэтому

нельзя согласиться с радикальным изменением маюскула, которое предпринял Латышев в попытке дать связный текст. Рассмотрим соответствующие строки. В стк. 4 нет оснований менять *сигму* в ΕΠΑΡΧΕΙΟΣ копии на Υ (ἐπαρχείου[ν] Латышева), ибо наряду с ἐπαρχεῖον есть форма ἐπάρχειος, обозначающая префекта провинции или с подразумеваемым χώρα саму провинцию [LSJ, s. vv.]. В стк. 5 ΦΕΙΣΑΜΕΙΝΟΣΜΟΕΠ Латышев прочел как φεισάμε<ι>νος, [χρ]ε[ί]ας παρέχεται κτλ.; дополнение [χρ]ε[ί]ας не соответствует маюскулам копии. Поскольку в почетном декрете φεισάμεινος в принципе должно сопровождаться отрицанием (т. е. *не избегнув, не щадя чего-либо*, см. с. 518), достаточно исправить Ο копии на отчасти близкое по очертаниям Η, чтобы получить должный контекст: φεισάμεινος μ(ἢ) ἐπ[ισ]τήμων χρυσίων ?, ἀλλ' ὅτι μὴ] δύναται τῇ ἐπ' αὐτῷ κεμένειν εἰς πράττειν τὴν πατρίδα συμφερό[ντως], т. е. *честуемый встречал сарматских царей, упоминаемых в предыдущей стк. 4, «сожалея не о чеканном золоте (?), но что не может всеми своими средствами благоспособствовать отечеству с пользой»*²⁶³. Как видно, предложенное чтение дает связный смысл четырем строкам копии при исправлении одной лишь буквы, позволяя также избежать латышевской эмэндации ΔΑ в стк. 7 копии (ΔΑΣΥΜΦΕΡΟ) на (τ)ά. Стк. 8 копии Латышев читал как [πατήρ ἀπεδείχ]θη τῇ πόλεω[ς] (при ΘΕΙΝΒΥΛΕΝΣ копии). Эта слишком радикальная операция не оправдана при том, что в целом текст декрета скопирован хорошо. Видимо, следует читать [--]θείη β(ί)α ἐν σ--, где --θείη представляет собой суффикс пассивного аористного опатива. Здесь эмэндация также минимальна: замена Υ на Ι. По упоминанию «насилия» (β(ί)α) можно ἐν σ-- предположительно дополнить в ἐν σ[τάσει?] «*при гражданском раздоре*». Предложенные восстановления показывают, что данная копия не нуждается в радикальных исправлениях, для связности текста достаточно минимальной правки. Наш текст:

²⁶³ К отрицанию при φεισάμεινος в почетном декрете см. Syll.³ 708. 36: οὐδενὸς φεισάμενος οὔτε τῶν πρὸς τοὺς θεοὺς οὔτε τῶν πρὸς τοὺς πολεῖτας δικαίων «не жалея ни того, что положено богам, ни того, что гражданам» (Истрополь, перед 100a); см. и с. 518. «Золотую монету» (ἐπίσημον χρυσίον в собирательном смысле — I² 24. 7) выплачивал варварским царькам Протоген — I² 32 A. 34 sq. Возможно и другое понимание того, чего опасался честуемый ольвиополит, отправляясь к сарматским царям: φεισάμεινος μ(ἢ) ἐπ[ικινδυνεύ]σασθαι, ἀλλ' --] «опасаясь не подвергнуться опасности, а того, что не сможет тем, что в его силах, благоспособствовать отечеству с пользой». Принимаем этот вариант ниже, на с. 715. Там же и на с. 601 см. о гневе царя Сайтафарна, которому показалась недостаточной бóльшая по сравнению с предыдущей сумма даров; понятно, что царский гнев был угрозой для послов, доставивших ему деньги.

- [-- *е. г.* *χρείας γενόμενος*]
 1 αἴτιος πολλοῖς καὶ [--]
 αὐθαίρετος πολλὰ [--]
 τῆς ἐπάρχειας, ὑπα[ντιάσας δὲ καὶ τοὺς τῆς]
 Σαρματίας βασιλεῖς [--]
 5 φεισάμενος μ(ῆ) ἐπ[ισήμων χρυσίων ?, ἀλλ' ὅτι μὴ]
 δύναται τῇ ἐπ' [αὐτῷ πάση εὖ πράττειν πατρί]-
 да συμφερό[ντως --]-
 θείῃ βίῃ ἐν σ[τάσει?-- καὶ πρὸς τοὺς]
 κυρίους [Αὐτοκράτορας ἐπρέσβευε ὑπὲρ]
 10 τοῦ ἀναβα[λεῖν κτλ.]

«-- *е. г.* *явившийся* для многих виновником *пользы*, и -- мно-
 гое добровольно -- провинция,
 встречал также и сарматских ца-
 рей --, сожалея не о *чеканном зо-*
лоте (?), но что не может всеми
 своими средствами *благоспо-*
собствовать отечеству с поль-
 зой -- *насилием* при *гражданс-*
ком раздоре (?); *отправлялся* и
послом к владыкам-императо-
 рам об отсрочке...»

8.3. Декрет IOSPE I² 56 + HO 46

Декрет I² 56 — это фр. утраченной надписи, известный в копии Рошета (рис. 80), по которой Латышев читал в стк. 1–5: [--ἐποίη]σεν ἀξίως τ[οῦ γένους? | -- ὑπερβα]λόντως ἑαυ[το..... | --] πᾶσι φιλάγα[θον ἑαυτὸν καὶ εὐχρηστον] ἐπιδιδούς εἰ[ς ἅπαντα | τὰ συμφέροντα τῷ δ]ήμῳ διέτέ[λεσε, καὶ --]. На наш взгляд, стк. 1–5 этого фр. текстуально соединяется с фр. HO 46, отбитым со всех сторон и сохранившим остатки 5 строк почетного же декрета (рис. 81). Обломок HO 46 содержит минускулярные формы *сигмы*, *эпсилона*, *омеги*, а в копии Рошета присутствует только минускулярная *сигма*, тогда как *эпсилон* прямой, а *омега* имеет обычную форму Ω. Такие формы букв присутствуют в количественно немногих памятниках ольвийского минускулярного стиля III–II вв. до н. э. Например, формы Ε, Σ, Ω (как в копии Рошета) содержат надписи HO 18, 24, 174 и др., а формы Ε, Σ, ω (как в HO 46) представлены в надписях HO 35–38 и др. Иная картина наблюдается в надписях II–III вв. н. э., т. е. времени, к которому относятся фр. I² 56 и HO 46. Минускулярный стиль в эти столетия редок, и имеющиеся образцы уже не дают примеров сосуществования округлых и прямых форм *сигмы*, *эпсилона* и *омеги*, как это было в III–II вв. до н. э. Сюда относятся HO 131, 170, IOSPE I² 170, 223 и, вероятно, 328, 329, 331, датировка которых не вполне ясна²⁶⁴. Единственное исключение — надпись I² 332 с формами Ε, Σ, Ω, но, во-первых, это граффито на обломке сосуда, во-вторых, как и в случае с фр. I² 56, это копия первой половины XIX в. с утраченного подлинника. Таким образом, принятый в ольвийских надписях императорского времени узус минускулярных форм позволяет считать, что формы Ε и Ω рошетовской копии фр. I² 56 переданы ошибочно: при лунарной *сигме* в надписи этого времени следует ожидать округлые же С

1 CENAEIΩCT
 ΛONTΩCEAY
 ΠACIΦΛAΓAC
 EΠIΔIΔOYCEIP
 5 . H M Ω Δ I E T E
 . K T O Y K A I P O Y Y Π O
 Y Π E M E I N E K A I T
 Θ Ω C H N A Y T Ω I
 T E I M I A N E K E N E

Рис. 80. Декрет IOSPE I² 56

²⁶⁴ Надписи I² 192 с Ε, Σ, ω, датированная Латышевым «императорским временем», и I² 206 с Ε, Σ, Ω «римского времени», по шрифту и чистоте греческой антропонимии относим к догетскому времени.

Рис. 81. Декрет НО 46

и ω. Этот вывод очевиден применительно к фр. I² 56 и НО 46, которые сочетаются текстуально — последний (его текст даем по подлиннику) подсоединяется слева к стк. 1–5 фр. I² 56:

- [-- ἀρχὰς--
 1 ..? ἄρ]ξας ἐ[κόσμη?]σεν ἀξίως τ[ὰ πράγμα-
 та? τοῦ] δήμου κα[ὶ ὑπερβαλ]λόντως ἐαυ[τοῦ τὸ
 3 ?κλέο]ς, καὶ ἐν τοῖς [καιροῖς ?]πᾶσι φιλαγά[θως συν-
 εργῶν?] καὶ ἐκτενῶ[ς ἐαυτὸν] ἐπιδιδούς εἰ[ς ἅπαν-
 5 та τ]ὰ συνφέροντα ἀεὶ? τῷ] δήμῳ διετε[λεῖτο, καὶ--]

«...отбыв магистратуры, украсил достойно деяния народа и превосходно — свою славу. И во всяких затруднительных обстоятельствах добродушнво оказывая содействие и ревностно предоставляя себя, во всем всегда содействовал пользе народа».

Удачное дополнение Латышева в стк. 2 [ὑπερβαλ]λόντως показывает, что оба обломка примыкают друг к другу не в контакте, а через недостающий фрагмент с 6–7 буквами в строке. В объединенном виде фр. I² 56 + НО 46 составляют две фразы обычного для почетных декретов текста. В стк. 1–3 содержится первая фраза, смысл которой состоит в том, что чествуемое лицо, отбыв магистратуры, украсило своей деятельностью на этих постах как город в целом, так и свою добрую славу (вариант: славу своего рода). Ср. декрет I² 34. 9–10: ἐν πᾶσιν τῇ πατρίδι μὲν τὰ συμ[φορ]ώτατα διαπρα[ττόμ]ενος, ἐατῷ δ[ὲ] δόξαν καὶ τιμὴν κτῶ]μενος «во всем для отечества совершая полезнейшие деяния, а себе приобретая славу и честь» (пер. Латышева). Также I² 44. 5–7: πολλὰ καὶ μεγάλα ἀγα[θὰ] τῷ δήμῳ κατ[η]νύσατο διαφερό[ν]τως, [τῇ]ν

τοῦ γένου[ς] ἀξίαν ζηλώσας «многие и значительные благодеяния свершил для народа превосходно, соревнуя достоинству рода», где помимо сходного смысла представлена та же структура предложений, построенных на сочетании причастия, наречия и глагола при тех же лексических элементах πατρίς, δῆμος, ἄξιος, ἀξία, γένος.

Рассмотрим теперь текстологию предложенного чтения. В НО надпись 46 дана без чтения остатков стк. 1. На подлиннике можно разобрать слабые остатки *альфы* (сохранились ломаная перекидаина и нижние части наклонных гас), а перед нею, кажется, нижнюю часть *кси* (?), после *альфы* видны верхние части двух дужек от С или Є. В соответствии с этим в стк. 1 предположительно можно прочесть обычные для ольвийских почетных декретов выражения [-- ἀρχάς-- ἄρ]ξας или же [ἐπιδεί]ξας и т. д., ср. близкие по структуре и смыслу выражения (в том же общем контексте): ἄρξας [τὰς λαμπρο]τάτας ἀρχάς... ἐπιφανῶς καὶ δικαί[ως ἐπιτελή]σας «отбыв значительнейшие должности..., славно и справедливо *исполнив*» (IOSPE I² 51. 4–7) или ἐν... ἀρχαῖς πρώταις τρισὶν ἄρξας ἐπιμελῶς διήνυσεν τὰς ἀρχάς «трижды пребыв на первых должностях, вполне их исполнил» (IOSPE I² 43. 9–11). Следующий в стк. 1 за причастием глагол в точности неопределим. По смыслу это может быть ἐ[κόσμη]σεν «украсил» (ср. I² 42. 9–10: προγόμω... ἀρετὴν... ἐπεκόσμησεν «доблесть... предков... приукрасил» и I² 55. 5: τὰ δίκαια [--]ς κοσμήσαι «справедливое... украсить») или ἐ[τίμη]σεν «почтил» и т. д. Слово δῆμου стк. 2 показывает, что деятельностью чествуемого лица украшено нечто, относящееся к народу, в связи с чем предположительно восстанавливаем тут τ[ὰ πράγ]ματα? τοῦ δῆμου, ср. НО 45. 4: πράγματα как дела, относящиеся к полису в целом, и I² 34. 11: τὰ τῆς πατρί[δος] πρά[γματα]. Возможны и иные варианты восстановления объекта при δῆμου стк. 2. К восстановленному здесь Латышевым [ὑπερβαλ]λόντως ср. ὑπερβαλλόντων... πράξεω «превосходящих деяний» НО 42. 17, которым обозначена деятельность Дадага. Если ἀξίως стк. 1 относится к деятельности чествуемого лица на благо народа, то [ὑπερβαλ]λόντως, можно полагать, относится к его собственной вящей славе: сопоставленным наречиям сопутствует и сопоставление слов δῆμου «народа» — ἐαυ[τοῦ] «его самого» (о чествуемом). При ἐαυτοῦ, как сказано, может стоять обозначение ἀρετὴν, δόξαν и т. д., характеризующее доблесть, славу, благомыслие самого чествуемого и его рода. При возможном восстановлении в стк. 2–3 ἐαυ[τοῦ] τὸ | γένο[ς] не остается места для обязательных в таком случае слов ἀρετὴν, ἀξίαν и др., и это указывает, что речь шла о доблести, достоинстве и прочем самого чествуемого лица, а не его рода, в связи с чем предположительно восстанавливаем тут ἐαυ[τοῦ] τὸ | κλέο[ς].

Далее в стк. 3–5 следует другая фраза декрета, смысл которой состоит в том, что чествуемое лицо ревностно предоставляло себя в распоряжение народа, всячески содействуя его пользе, ср. то же в декрете в честь Феокла, который всяческим образом ἐαυτὸν ἀφελῶς τῇ πατρίδι εἰς ἅπαντα ἐπεδίδου «во всем прямодушно отдавал себя отечеству» (I² 40. 23–24). Выражение [τ]ὰ συνφέρ[οντα ἀεὶ? τῷ] δῆμῳ (с различными глаголами, в том числе и διατελεῖν) распространено в ольвийских декретах эллинистического и римского времени. К предположительно восстановленному для заполнения лакуны в стк. 5 ἀεὶ при τῷ δῆμῳ ср. τῇ πατρίδι ἀεὶ декрета I² 42. 24. Остается объяснить лакуну в стк. 3 между ἐν τοῖς и πᾶσι. По общему смыслу фразы здесь могут быть восстановлены такие существительные, как καιροῖς (ср. τοῦ καιροῦ стк. 6 этого декрета, τοῖς καιροῖς Протогеновского декрета: I² 32. А. 37; В. 69; также ἐν ἐπείγουσι καιροῖς в I² 42. 7) или τρόποις (ср. НО 163. 5: καὶ ἐν τρόποις),

либо же χρόνους и т. д. Выражение стк. 4 καὶ ἐκτενῶ[ς]... ἐπιδιδούς указывает, что это καὶ соединяет два равных по структуре периода рассматриваемой фразы, что предполагает чтение и восстановление в первом из них причастия и наречия, соответствующих словам ἐκτενῶ[ς] и ἐπιδιδούς. В качестве наречия хорошо читается φιλαγά[θως], а в качестве причастия может быть предположительно восстановлено συνερῶν (как в НО 25. 9: συνερ[γῶν]) или διαπραττόμενος (ср. I² 34. 9) и др. Судя по письму фр. НО 46, рассмотренный декрет относится ко II в. н. э.

8.4. Декрет IOSPE I² 71

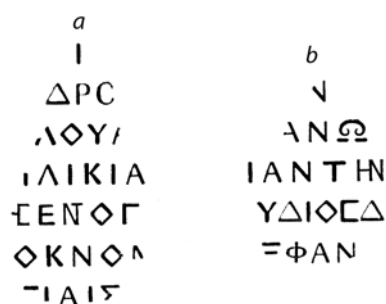

Рис. 82. Декрет IOSPE I² 71

Два фр. (не в контакте), данные Латышевым в маюскулах с присовокуплением чтения нескольких строк (рис. 82). Фр. А: I | ΔΡC | ΔΟΥ/ | ΙΛΙΚΙΑ | -[ΕΝΟΓ | ΟΚΝΟ | ΙΑΙΣ, где Латышев усмотрел [ή]λικία в стк. 3, [ᾗ]οκνο[ν ἐαυτὸν παρέχων] в стк. 5, и, возможно, [ἐν ταῖς πρεσβε]ίαις в стк. 6. Фр. В: Ν | ΑΝΩ | ΙΑΝΤΗΝ | ΥΔΙΟCΔ | ΦΑΝ, где, может быть, читается [τοῦ] Διός· δ[εδόχθαι... στε]φαν[ῶσαι]. К чтению Латышева можно добавить следующее. Упоминание слова [ή]λικία, обозначающего юный и молодой возраст, может указывать, что это начальные строки декрета: выражение [ἐκ ή]λικία[ς] «с молодых лет» соответствует по смыслу обычной для почетных оль-

вийских декретов формуле εὐθὺς ἐκ παίδων, которая, естественно, стоит в начальной части декретов: после имени-патронимика чествуемого лица сообщается о принадлежности его к славному роду и о том, что он с младых лет выказывал такие-то положительные качества. Ср. НО 163 (с. 525), где стк. 1 содержит конец преамбулы [οἱ ᾗ]ρχον[τες εἶπαν], в стк. 2 говорится о происхождении чествуемого ἐκ προγόνων λαμπροτάτων «от славнейших предков», а в стк. 3 свидетельствуется, что он выказывал свои доблести εὐθὺς ἐκ παίδ[ων]. Сказанное дает основание считать стк. 1–2 фр. А рассматриваемого декрета принадлежащими к преамбуле и читать в стк. 2 имя месяца [Βοη]δρο[μιῶνος], в стк. 3 предположительно читать [ἐπειδὴ ὁ δεῖνα (τοῦ) --]λου, ἀ[ν]ήρ «поелику *имярек*, сын --ла», в стк. 4 уверенно читать [ἐκ ή]λικία[ς], в стк. 5 [?] ἐκόσμ[ησεν τὸ γένους κλέος?] «украсил славу рода». К последнему ср. προγόνων... ἀρετὴν... ἐκόσμ[ησεν] «украсил доблесть предков» (I² 42. 9–10). В стк. 6 читается [στρατη]γίαις или [λειτουρ]γίαις, ср. καὶ στρατηγίαις καὶ λειτουργίαις ἀπάσαις декрета I² 40. 23. По аналогии со стк. 17–18 упомянутого декрета I² 42 ἱερεὺς δὲ γενόμενος τοῦ προεστῶτος τῆς πόλεως ἡμῶν θεοῦ Διός в стк. 3–4 фр. В восстанавливается [ἱέρε]ιαν τὴν -- [τοῦ προεστῶτος τῆς πόλεως ἡμῶν θεοῦ] Διός· δ[εδόχθαι --]. Таким образом, фр. В принадлежит к средней части декрета, он размещается ниже фр. А. Текст в целом:

(Фр. А) [ἐπὶ ἀρχόντων τῶν περὶ τὸν δεῖνα τοῦ δεῖνος μηνὸς Βοη]δρο[μιῶνος τῇ
δεῖνι, ὁ δεῖνα τοῦ δεῖνος εἶπεν· ἐπειδὴ ὁ δεῖνα (τοῦ) --]λου, ἀ[ν]ήρ — — — — —

- — — ἐκ ἧ]λικία[ς — — — — —
5 — — ? ἐκόσμ]ησεν τὸ γ[ένους κλέος? — — — — —
- — — ᾗ]οικον[υ ἑαυτὸν παρέχων — — — — καὶ
? λειτουρ]γίαις [ἀπάσαις ἑαυτὸν ἀφελῶς ἐπεδίδου — — — —
- — — — — — — — — — —
(*Φρ. Β*) — — N — — — — — — — — — —
[- — ? χρυσῷ στεφ]άνω²⁶⁵ — — — — — — — — — —
10 — — — — — — — — — — τοῦ προσεστῶτος τῆς
πόλεως ἡμῶν θεο]ῦ Διός· δ[εδόχθαι μὲν τῇ βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ
ἐπαινῆσαι καὶ στ]εφανῶσαι αὐτόν - — — — —]

«при архонтах во главе с таким-то, сыном такого-то, в месяце Боэдромиие такого-то числа, имярек, сын такого-то, предложил. Поскольку такой-то, сын --ла, муж -- с молодости -- украсил славу рода (?) -- без промедления предоставляя себя (т. е. свои услуги) -- запросто предлагал себя к исполнению различных общественных повинностей (?) -- золотым венком (?) -- жречество (?) -- покровителя города нашего бога Зевса. Постановлено советом и народом похвалить и увенчать его--».

8.5. IOSPE I² 73 u HO 165

Под № 73 Латышев поместил три фр. (рис. 83), заметив по поводу третьего: «не знаю, принадлежит ли он к той же плите»²⁶⁶. При общей близости письма всех трех обломков обращает на себя внимание неодинаковая форма *сигмы* фр. А и С — на последнем она дважды дана с перекрещивающимися внахлест наклонными гастами, тогда как обе *сигмы* фр. А не имеют такого нахлеста. В ольвийской эпиграфике известны отдельные надписи с разными формами *сигмы* (например, в декрете I² 47 представлены и прямоугольная форма и с наклонными гастами), поэтому

Рис. 83. Декрет IOSPE I² 73:

фр. *a, b, c* — прорись Латышева; фр. *a* — фото ОАМ; *d* — прорись автора стк. 6 фрагмента *a*

²⁶⁵ Дополнение [στεφ]άνω предложил нам С. Ю. Сапрыкин.

²⁶⁶ Фр. А, В хранятся в ОАМ, фр. С в ГИМ'е. Я видел фр. А, его размеры $13 \times 17 \times 7,5$ см.

Рис. 84. Декрет НО 165

в принципе можно считать, что обломки А и С принадлежат одному декрету, но не меньше, если не больше оснований относить их к разным надписям, тем более, что на фр. В Σ имеет ту же форму, что и на фр. А. Дополнительный свет на данный вопрос проливает обломок НО 165, чрезвычайно близкий фрагменту С по характеру письма (рис. 84). На обоих обломках представлены идентичных форм Α, Σ, Ν и такая редкая для ольвийских почетных декретов осо-

бенность, как минимальное расстояние между строками. Издателью НО 165 Е. Г. Кастанаян местонахождение обломка осталось неизвестным, поэтому она не дала ее параметров (позднее Карышковский [1969, с. 116] указал, что он хранится в ОАМ). Судя по фото, толщина камня примерно такая же, как и у фр. А (толщины фр. С Латышев не указал). Далее, на фр. НО 165 (с остатками двух строк текста) представлено Α двух форм: одно с прямой переключиной и два с ломаной. Таким образом, мы располагаем системой перекрещивающихся показаний: фр. А и С содержат разных форм Σ, но фр. НО 165, имеющий *сигму*, идентичную *сигме* фр. С, содержит разных форм *альфу*, а по толщине он примерно соответствует фр. А. Это подводит к мысли, что все 4 фр. принадлежат одной надписи, в которой содержались разных форм Σ и Α. Сказанное, разумеется, нуждается в проверке посредством сличения обломков, поэтому пока ограничимся передачей их текста по отдельности.

Фр. А: --ριϝ-- |[-μ]ενος -- | --ε τῆς αὐτ[οῦ] -- | --παρέσχ[εν] τὴν χρ[ε]ίαν -- | --κεν μὴ φει[σάμενος] -- | -- τῷ τῶν προγόνων ἀξι[ώματι] -- | «-- его самого -- доставил выгоду -- не избегши -- славой предков --». Стк. 2–4 даны в чтении Латышева. В стк. 5 дополняем μὴ φει[σάμενος] «не жалея, не избегши» по φεισάμενος μ(η) декрета I² 54. 5 (см. выше, с. 512). В стк. 6 на камне (рис. 83d) сохранились дужка *омеги*, Μ, верх перекрестия наклонных гас, верхняя горизонталь, т. е. [ἀξι]ώματι, как в декрете I² 40. 13, по которому и восстанавливаем выражение «славой предков» в рассматриваемом фрагменте. В стк. 1, где Латышев видел Ν и Ο, кажется, лучше читать --ριϝ-- (принятая им за Ν буква вряд ли является таковой, поскольку наклонная гас в других Ν надписи идет иначе, ср. ее в стк. 4–5; кроме того, она прорезана неглубоко, так что это случайная черта). Фр. В: -- Μ -- | --τα με-- | -- καὶ τοῖς -- | -- τρό[πος] --|. Не исключено, что со строками 3–4 этого фр. текстуально контактирует фр. НО 165 (--ν πασιν ΑΙ ος ἦφατο --), так что в целом образуется следующий текст: -- καὶ τοῖς [με]ν πασιν ἀν[θρώποις] -- е. г. ἔχων] τρό[πος] ἀγαθ]ὸς ἦφατο [τῆς πολιτείας]. Местоимение πασιν с подразумеваемым πολίταις или ἀνθρώποις нередко фигурирует в ольвийских почетных декретах (например, I² 40. 16, 25), а слово ἀνθρωποι представлено в Маркиановом декрете I² 57. 3 (см. с. 553). Выражение τρόπος ἀγαθός «хороший образ действий» или «добрый нрав» известно в декретах I² 40. 15 и НО 163, а ἦφατο фр. НО 165 (как указала Кастанаян) находит соответствие в Каллисфеновом декрете: ἀνδρωθεὶς δὲ ἦφατο τῆς πολιτείας «возмужав же, приступил к государственной деятельности» (I² 42. 13, пер. Латышева). Восстановленное во фр. В + НО 165 выражение [-- е. г. ἔχων] τρό[πος] ἀγαθ]ὸς ἦφατο [τῆς πολιτείας], таким образом, означает «имея хороший образ действий» (вариант: «добрый нрав»), приступил к государственной деятельности».

Латышев не дал чтения фр. С (как и фр. В), ограничившись прорисью. Судя по ней, в стк. 2 фр. С читаются буквы ΑΤΙΝΙ, в стк. 3 — *сигма* и то ли слово, то ли имя на καλλ--, например Καλλ[ισθένης]. Наиболее интересна последняя строка обломка, где читаются буквы ΣΤΕΡΤ (горизонталь последней буквы слегка сколота справа, так что здесь можно читать не только Т, но и Π). Подходящих слов на ΣΤΕΡΤ или ΣΤΕΡΠ нет, что убеждает в чтении здесь имени известного из тирасской надписи Ι² 4. 32 имени легата Нижней Мезии Овиния Тертулла: [-- 'Οουίνιο]ς Τέρτ[υλλος]. Этот римский чиновник фигурирует и в ольвийской надписи (см. с. 597/8). Упоминание имени легата Нижней Мезии в рассматриваемом фрагменте следует понимать в том смысле, что в числе заслуг чествуемого данным декретом лица отмечалось его сношение с наместником провинции, к которой принадлежала Ольвия. Ср. декрет в честь неизвестного ольвиополита (Ι² 54, см. с. 512/3), деятельность которого связана с делами провинции в целом. Упоминание Овиния, легата Нижней Мезии в 198–202 гг., датирует этими же годами и данный декрет. По характеру письма ему весьма близок Агафоклов декрет НО 45, датируемый рубежом II–III вв. н. э. (см. ниже, с. 557). Как сказано, в стк. 2 фр. С можно читать имя Καλλ[ισθένης], как раз в это время действовал Каллисфен Дадов рассмотренного выше декрета Ι² 43, поэтому не исключено, что это еще один декрет в честь него.

8.6. IOSPE Ι² 241

Фр. левого края мрам. плиты, маюскулы и коммент. Латышева: OENO--| ΕΙΣΗ--| ΕΠΙΚ--| ΗΡΟΣ--| ΝΕΣ--| ΚΑΤ | --| ΠΡΟΣ--| ΓΕΝC--| ΤΟΣ--| ¹⁰ ΝΙC--| Ν. «Здесь нельзя восстановить ни одно слово в целом. Однако, если видишь, сколь тщательно вырезаны буквы, легко убедишься, что это остатки почетного декрета». Это так: сохранившийся в первых строках текст позволяет нам восстановить типовую вводную формулу почетного декрета:

[ἐπὶ ἀρχόντων τῶν περὶ ? Καλλισθένην Καλλισ]-
θένο[ν, μηνὸς --, ἐκκλησίᾳς γενομένης πανδήμου],
εἰση[γησαμένου τοῦ δεινός τοῦ δεινός],
Ἐπικ[ράτης? τοῦ δεινός εἶπεν· ἐπειδὴ ὁ δεινός],
Ἡροσ[ώντος? κτλ.]

«при архонтах во главе с Каллисфеном (?), сыном Каллисфена, в месяце таком-то, числа такого-то, на всенародном собрании, состоявшемся по предложению имярека, сына такого-то, Эпикрат, сын такого-то, предложил. Поскольку имярек, сын Геросонта --».

Ольвийским архонтом с патронимиком Καλλισθένου был Каллисфен Каллисфенов, четырежды занимавший эту должность (Ι² 42; НО 86). Эпикрат — распространенное в эллинистической и римской Ольвии имя (Ι² 93, 134, 153; НО 87; Dubois, 45, 106, 108, 109), тогда как Геросонт популярно здесь в III–II вв. до н. э. (Ι² 32, 76, 201; Dubois, 95, 106) в роду Протогеновичей (выше, с. 488). Дальнейшие остатки текста вполне соответствуют лексике почетных декретов. Сначала, как обычно, упомянуто происхождение чествуемого от славных предков, которых, вероятно, знали сами

высшие римские власти — [? ἡγεμό]νες. Такое восстановление может быть аргументировано, во-первых, тем, что деятельность Каллисфена Каллисфенова, в архонтство которого, вероятно, был принят данный декрет, приходилось на время правления Септимия Севера с сыновьями (I² 174; *ср.* НО 42 — эти же императоры или их наместники обозначены словом ἡγεμόνες), во-вторых, почетные декреты в честь ряда ольвиополитов особо оговаривают, что их предки были известны императорам (I² 42. б: προγόνων ἐπιστήμων τε καὶ σεβαστογνώστων). В следующей стк. 7 можно читать глагол κατή[νύσατο]; например, в декрете I² 44 этот глагол также стоит в следующей строке после упоминания славных предков, известных императорам. В стк. 8 рассматриваемого декрета читается предлог или приставка προς, в стк. 9 — γένος[υς], речь здесь шла о том, что чествуемое лицо достойно следовало славе предков, *ср.* упоминавшийся декрет I² 44, в следующей строке которого после κατή[νύσατο] стоит γένος[υς] ἀξίαν. По датировке деятельности Каллисфена Каллисфенова (в 198 г. н. э. он носил почетный «отставной» титул «отца отечества»: I² 174. 9) данный декрет может быть отнесен к последней четверти II в. н. э.

8.7. Декрет НО 34

В НО принято чтение первого издателя этого фрагмента Коцевалова: --αιδ[-- ἐπὶ τῷ ἄριστα πεπολιτ]εύσθαι [καὶ ὑπὲρ τῆς πατρίδος αὐτὸν | про?]έντα τεθνάναι [-- στέφανοῦν δὲ| αὐτὸ]ν καθ' ἑκάστον ἐνια[υτὸν ἐν τῷ συλλόγῳ] τῶμ πολιτῶν καὶ τ[ῶν --|--] ἐκ Νομίας κώμης χρυσῶι στέ[φάνῳ ἀπὸ] τριάκον[τα χρυσῶν --]. «*восхвалить такого-то, сына такого-то..., за то, что он и умер, пожертвовав собою за отечество, увенчивать его ежегодно в собрании граждан и... из деревни Номии золотым венком стоимостью в 30 золотых...*» (пер. НО)²⁶⁷. Полагаем, этот текст нуждается в поправках. Выражение καθ' ἑκάστον ἐνιαυτόν (известное почетным надписям Греции) в ольвийских декретах встречается еще лишь раз — в постановлении в честь Никерата Папиева в следующем контексте (I² 34. 29–31): [στέφα]νοῦσθαι δὲ αὐτὸν καθ' ἑκάστον ἐνιαυτὸν ἐν τῇ ἀρχαιρετικῇ ἐκκλησίᾳ καὶ ἐν τῷ... ἀ]γῶνι τὰχιλλεῖ «увенчивать его также ежегодно на народном собрании, созываемом для выборов магистратов, и на -- состязании в честь Ахилла». Ежегодное провозглашение на народном собрании и на состязании в честь Ахилла, назначенное городом уже покойному Никерату, как видим, санкционировано в Ольвии еще раз в отношении лица, чествуемого рассматриваемым декретом НО 34; следовательно, заслуги его были столь же велики, сколь и Никератовы, о которых мы узнаем из декрета в его честь. Оба декрета близки по отсутствующей в других ольвийских декретах изоглоссе καθ' ἑκάστον ἐνιαυτόν, и приведенный пассаж из Никератова декрета дает полный материал для реконструкции соответствующих стк. 3–5 декрета НО 34: [στέφα]νοῦσθαι δὲ αὐτὸ]ν καθ' ἑκάστον ἐνια[υτὸν ἐν τῇ ἐκκλη]σίᾳ] τῶμ πολιτῶν καὶ

²⁶⁷ Комментатор НО указала, что надпись хранилась в КИМ'е, «в настоящее время местонахождение неизвестно». Я видел ее в Керченском музее. Во время немецкой оккупации ольвийские лапидарные надписи и граффити вывезены из КИМ'а в Германию (думаю, не последнюю роль сыграл в этом перебежчик А. С. Коцевалов, сынок харьковского профессора), после войны они возвращены вместе с другими коллекциями, и часть ольвийского материала ошибочно отправили в Керчь. Из числа граффити в Керчи оказалось посвящение рекам Гипанису и Борисфену [ГЛБО II, с. 80]. *См.* и ниже, с. 532.

τ[ἀχιλλεῖ ἀγῶνι] «увенчивать его также ежегодно на народном собрании граждан и на состязании в честь Ахилла». В стк. 2–3 дополняем часто встречающееся в разных модификациях выражение-поговорку (καὶ) καλὸν ὑπὲρ τῆς πατρίδος τεθνάναι (Stobaei Flor. I, p. 92 Meineke). Как и Никератов декрет, также IOSPE I² 239 (ниже, с. 564), данное постановление принято в связи с кончиной чествуемого лица (τεθνάναι стк. 3). Чтение Коцеваловым стк. 6 ἐκ Νομίας κώ[μης] неудовлетворительно по ряду причин (хотя комментатору НО 34 Книпович и показалось, что «надпись интересна тем, что в ней упоминается название одной из деревень ольвийской χώρα»). Во-первых, такому чтению препятствует контекст: «увенчивать -- из деревни Номии золотым венком *стоимостью* в 30 золотых» — ведь это одна фраза, а упоминание деревни Номии и сразу вслед за этим золотого венка алогично, тем более, что остается неясным, что это за деревня и какое отношение она имеет к чествуемому деятелю. Во-вторых, упоминание деревни не имеет аналогий в почетных надписях вообще, оно свойственно документам иного рода²⁶⁸. Текст этой строки ΕΚΝΟΜΙΑΣΤΩ/Ω труден для понимания, но прибегать к вычитыванию имен собственных, как известно, *ultima res* в эпиграфике. Здесь можно читать подходящее по смыслу к почетному декрету [ἀρετῆς κ]ἐκνομίας κοινότητος ἔνεκα?, т. е. чествуемое лицо увенчивается «за доблесть и необыкновенную участливость (?)»²⁶⁹. Реконструируем декрет в целом:

.ΑΙΔ[--? πεπολι-
τ]εῦσθαι κ[αὶ καλὸν ὑπὲρ τῆς πατρίδος
? νο]έντα τεθνάναι· [στεφανοῦσθαι δὲ
αὐτὸ]ν καθ' ἑκαστον ἐνια[υτον ἐν τῇ ἐκκλη-
σ[ίαι] τῶμ πολιτῶν καὶ τ[ἀχιλλεῖ ἀγῶνι
ἀρετῆς κ]ἐκνομίας κοινότητος? ἔνεκα στε-
φάνῳ ἀπὸ] τριάκον[τα χρυσῶν --]

«...исполнить политическую деятель-
ность, и полагавшего, что прекрасно
умереть за родину. Увенчивать же его
ежегодно на собрании граждан и состязании
в честь Ахилла за доблесть и
необыкновенную участливость (?)
венком стоимостью в 30 золотых».

²⁶⁸ Слово κώμη в эпиграфике уместно в постановлениях о разграничении территории полисов (termini), посланиях эллинистических царей или римских официалов городам, в записях о дарах храмам и пр. [Syll.³ 344, 407, 807, 880, 888 и др.; Didyma, II, 492 etc.]. В указателе Syll.³ IV, p. 431 приведен лишь 1 пример наличия его в почетном декрете — № 331 из Мегары, в котором комой назван город Эгостена (он был городом, поскольку известен этникон его жителей [PB, 31]), видимо, к концу IV в ставший селением мегарской хоры (см. Syll.³ 331, коммент. 7).

²⁶⁹ Gen. fem. прилагательного ἐκνομίας может указывать, что буквами ко- начинается существительное жен. рода, которым может быть κοινότης «обходительность, общительность, участливость»; вместе с тем буквы ко- могут принадлежать наречию, стоящему между прилагательным и существительным, например κομῖδῃ «вполне, совершенно», κοινῇ «сообща, совместно». Не исключено и чтение прилагательного 3-х окончаний νόμιος «пастушеский, пастырский» (употребляется в поэтическом языке, у философов, историков, в эпиграфике) или его омонима, тоже прилагательного, но 2-х окончаний νόμιος «законный» [Syll.³ 47, Навпакт, Va; LSJ, s. vv.], однако в таком случае придется предположить, что оно также 3-х окончаний. Ранее мы читали [τῆς] ἐκνομίας κο[μῖδης] «за необыкновенную заботу (?)» [МКЛНО I, с. 196], но Виноградов [1989, с. 31] справедливо отметил, что ἐκνόμιος — слово поэтического лексикона, как и значение слова κομῖδῃ «забота». Заменяем по этой причине последнее словом κοινότης, что же до ἐκνόμιος, то оно тоже возможно, ибо есть и другие поэтизмы, представленные в письме Анонима (выше, с. 473), в декретах I² 44 (с. 526), НО 75 (с. 622), да еще свойственное эпическому языку растяжение ε в ει, известное почетным декретам Ольвии, позволяют думать, что исключительная любовь ольвиополитов к гомеровским поэмам способствовала проникновению элементов поэтического языка в прозу. Это и общегреческое явление: например, обычное в декретах παρὰ τις (в т. ч. I² 54) пришло из поэтического лексикона; в том же декрете I² 54 и глагол ὑπαντίαιω — из эпического языка.

8.8. Декрет НО 50

Текст НО в стк. 3–4: --ν τοῦ γένους ε--[[-- πα[τρίδι εὔ--]]²⁷⁰. По мнению Белецкого [1975, с. 112], «с третьей строкой этой надписи можно сравнить IPE, I² 56, где ἐποίησεν ἀξίως τοῦ γένους». По этому поводу отметим, что, во-первых, в приведенном тексте последние два слова восстановлены, во-вторых, эта строка декрета I² 56 читается иначе (см. с. 514). Согласно узусу ольвийских почетных надписей, слово τὸ γένος ставится в род. падеже, при нем стоят слова ἀρετήν, ἀξίαν, δόξαν, т. е. чествуемое лицо выказывало рвение не о своем роде вообще, а точнее — о его доблести, достоинстве и тому подобном, ср. [τῇ]ν τοῦ γένους[ς] ἀξίαν ζηλώσα[ς] (I² 44. 7), προγόνων --τὴν ἀρετήν -- ἐπεκόσμησεν (I² 42. 9–10; выше, с. 514/5). Эти параллели позволяют читать в стк. 3 декрета НО 50 [e. g. τὴν ἀρετὴν]ν τοῦ γένους ἐ[αυτοῦ]. Чтение ἐ[αυτοῦ] обосновывается тем обстоятельством, что при убористой графике надписи свободное поле после Ε предполагает наличие наклонной гасты в следующей букве. В стк. 4 перед π[α]τρίδι, кажется, сохранилась часть вертикальной гасты, видимо, тут следует читать член τῇ. Стк. 1: --λα ὑπὸ τῆς φ-- может быть понята по-разному в свете имеющихся параллелей. Так, можно читать в соответствии с ἄλλ' ὑπὸ θεῶν προνοίας παιδευθεὶς αὐτοφυῆ φιλοσοφίαν ἀσύκριτον ἐκτήσατο «но по промыслу богов воспитанный, обрел несравнимую природную мудрость» Флимнагова декрета (I² 42. 11–12) что-то вроде [ἀ]λλὰ ὑπὸ τῆς φ[ιλοσοφίας?] «но под *воздействием* философии» (?) С этим согласуется и стк. 2 декрета НО 50: --ν αὐξηθεὶς ἐξ--, смысл которой может разъяснять выражение ἐύνοιαν αὐξεν «умножил благосклонность» почетного декрета из Кносса (Syll.³ 721. 44, около 100a). Ср. также συναυξῆσαι -- φιλοτιμίαν «соприумножить честолюбие (славу, любочестие)» декрета милетян Syll.³ 721. 44 (ок. 196a). Обычное в разного рода декретах φιλοτιμία нередко сопровождается предлогами причинности διὰ, ἐκ, ἔνσκα (Syll.³ 543, 560, 714, 1109 и др.). Причинность в особенности выражается страдательным залогом (у нас αὐξηθεὶς) с предлогом ὑπὸ. Сохранившееся в конце стк. 2 ἐξ — предлог или приставка слова, например, известных почетным декретам слов ἐξαίρετος «избранный, отличный, особенный», ἐξαιρέτως «особо, отлично». Подходящий контекст предоставляет херсонесский почетный декрет II в. н. э. I² 364: ἐναγχος ἐξ(α)ρέτω φι[λο]τειμία τῇ πρὸς τὸν δᾶμον κεχαρμένος ἄξιον [ἀ]γάσασθαι «обратившись недавно к особому любочестию по отношению к народу, счел достойным...» К [τῇ πα]τρίδι εὔ стк. 4 ср. εὔ ποιεῖν τὴν πατρίδα «оказывать отечеству благо» (I² 34. 33).

Наш текст e. g.:

[[--ἀ]λλὰ ὑπὸ τῆς φ[ιλοτιμίας] πρὸς τὸν
δῆμον]ν αὐξηθεὶς ἐξ[αίρετον ἀρετὴν
καὶ δόξαν]ν τοῦ γένους ἐ[αυτοῦ]
-- τῇ πα]τρίδι εὔ [ποιεῖν? --]
--ΣΤΩΝ--

«-- но *щедростью* по отноше-
нию к народу особенно возвели-
чив *доблесть* и *славу* своего
рода -- *оказывать* отечеству
благо--».

²⁷⁰ Надпись хранится не в ИА Украины, как сказано в НО, а в КИМ'е.

8.9. Декрет НО 92

Текст НО: --ΟΝΟΣΛ--|--ΕΩΣΕΡ--|--Σ(?)ΙΟΣΑΓΧΙ--|--PONTO--|--ΣΩΣΟΥ--|--ΥΝΤΟΣ--²⁷¹. Комментатор НО Белецкий читал в надписи остатки различных имен, полагая, что «возможно, надпись является посвящением ольвийских магистратов». Сохранившийся текст, однако, противоречит чтению имен, и не случайно, что для остатков стк. 4 подходящего имени он не нашел. На наш взгляд, данный фр. нижней части плиты (стк. 6 — последняя, за нею *vacat*) представляет собой заключительную часть почетного декрета:

[--τελαμ](ω)νος λευκοῦ λίθου καὶ --	«беломраморной стелы и -- города --
-- τῆς πό]λεως ερ--	достойное место, как сочтут бли-
[--? τόπος ᾗ]ξιος ἀγγχ[στεῖς? --	жайшие родственники -- распро-
--? διαφε]ρόντω[ν --]	страненных -- что ни одного (народ
5 --ς ὡς οὐ[δενὸς? --	не забыл), благотворительствующего
-- e. g. τὴν πατρίδα εἰ ποιο]ῦντος	отчизне--».

Две последние строки соответствуют по наличию союза и причастия последним фразам почетных декретов, открываемых словами ὅπως, ἵνα, εἰς τό (I² 34. 32; 39. 37; 40. 43), которым соответствует ὡς нашего декрета и смысл которых заключается в самом общем виде в том, что перечисленные в эпитафии заслуги и почести должны подвигнуть читающих ее на ревностное служение отчизне. Ср., к примеру, такую «назидательную» концовку Никератова декрета: ἀναγράψαι δὲ καὶ τὸ ψήφισμα εἰς τε[λαμῶνα λευκόλιθον κα]ῖ ἀναθεῖναι ἐν ᾧ ἂν τόπω οἱ προσήκοιτες αὐτοῦ βο[ύλ]ωντ(α), ὅπως καὶ οἱ λ[οιποὶ πολεῖται προθυμότη]ροι γ[ε]ίνωνται εἰ ποιεῖν τὴν πατρίδα, τοὺς εὐεργέτας ταῖς καθηκο[ύσαις τιμαῖς κοσμουμέν]ους ὁρῶντες «постановление это вырезать на белокаменной плите и поставить в том месте, где захотят его родственники, для того чтобы и остальные граждане были более ревностны в услугах отечеству, видя, что благодетели украшаются надлежащими почестями» (I² 34. 32–34, пер. Латышева). По выражению εἰ ποιεῖν τὴν πατρίδα иллюстративно восстанавливаем в последней строке рассматриваемого декрета [e. g. τὴν πατρίδα εἰ ποιο]ῦντος, что с ὡς οὐ[δενὸς?] предыдущей строки, возможно, означает: «что никого (народ не забыл), благотворительствующего отчизне». Такие концовки стоят после формулы о записи постановления на беломраморной стеле и постановки ее на виднейшем месте города (ἐν τῷ ἐπισημωτάτῳ τόπῳ τῆς πόλεως, — I² 40. 42–43 и др.) или на том месте города, которое сочтут подходящим родственники покойного, как в приведенной концовке Никератова декрета. Элементы таких концовок τελαμῶνα λευκοῦ λίθου, τῆς πόλεως, οἱ προσήκοιτες имеют соответствие в стк. 1–4 рассматриваемого декрета. В стк. 1 здесь читается -ονος и наклонная гаста, причем первое О по размерам значительно превосходит маленький *омикрон*, присутствующий во всех строках надписи. Окружность этого О равна *омега*, и ясно, что резчик начал вырезать окружность *омеги*, но вместо ее лапок ошибочно замкнул круг, так что вместо Ω получил-ся гигантский *омикрон*. Эта деталь показывает, что здесь следует читать -(ω)νος, что вместе с последующей наклонной гастой вполне читается как [τελαμ](ω)νος λευκοῦ

²⁷¹ В НО местом хранения камня указан ЛОИА, теперь он находится в КИМ'е. Мраморная плита утоняется книзу — вверх 5,5, вниз 4 см.

λίθου]. В стк. 2 у скола слева видна нижняя часть наклонной гасты, что дает основание читать здесь остатки текста как [τῆς πό]λεως — элемент формулы о постановке надгробия в том месте города, которое сочтут достойным родственники покойного: [--? τόπος ἃ]ξιος ἀγχι[στεῖς?] стк. 3 (у скола слева частично сохранились средняя и нижняя горизонтالي *кци*). Слово стк. 2, начинающееся на *ερ*-, не имеет аналогии в концовках ольвийских почетных декретов (впрочем, такие концовки сохранились лишь в четырех из них), поэтому оставляем его без объяснения. Также и буквы PONTΩ стк. 4 могут быть прочтены по-разному; примера ради восстанавливаем [? διαφε]ρόντω[ν] по διαφερόντων «отличающихся (заботами об общем благе)» заключительной части декрета I² 40. 39. Итак, в целом и по лексике, и по структуре рассмотренный фр. принадлежит к числу почетных декретов.

8.10. Декрет НО 163 + I² 45А + I² 250?

Рис. 85. Декрет IOSPE I² 45А + НО 163 + IOSPE I² 250

Три фр. почетного декрета (рис. 85). Текст и пер. НО 163: [--οἱ ἄ]ρχον[τες εἶπαν· ἐπειδὴ ὁ δεῖνα τοῦ δεῖνος ἀνὴρ γενόμενος ἐ]κ προγόνων λ[αμπρῶν --]-- κα]ὶ εὐθὺς ἐκ παι[δ--|--τ]ῶν προγόνων --]-- καὶ ἐν τρόποις--]-- οὖν ταῖς ἐλατ--]--ικαα-- «--архонты предложили: так как *такой-то*, сын *такого-то*, происходящий от знаменитых предков -- и тотчас же, выйдя из детского возраста -- предкам -- и по своему нраву подобный предкам--». IOSPE I² 45, фр. А, В, С²⁷²; текст фр. А: [ἐπὶ ἀρχό]ντω[ν τῶν περὶ τὸν δεῖνα τοῦ δεῖνος, μὴν]δς Ληγεῶν[ος κτλ.]. Из коммент. Брашинского к НО 163: «Местонахождение неизвестно... По особенностям письма идентична надписям IPE, I², № 45 и 250. Не исключено, что все указанные фрагменты принадлежат одному декрету или во всяком случае были вырезаны одним резчиком». Близость письма НО 163 с надписями I² 45 и 250 отмечена справедливо, и хотя расстояние между строками в обломках I² 45 В и С большее, нежели в НО 163, на фр. I² 250 оно такое же, как на обломке НО 163, что позволяет предположительно объединить их. По этому же признаку, вероятно, к ним следует отнести и фр. I² 45А: промежуток между двумя его сохранившимися строками меньше, чем на фр. I² 45 В и С, но соответствует таковому фр. НО 163 и I² 250. Наша реконструкция текста (стк. 1–2 даны в чтении Латышева, стк. 4–5 в чтении НО):

²⁷² Фр. А обколот со всех сторон, сохранились две строки, над ними чистое поле, это начало надписи; стк. 1 как заглавная написана большими буквами. Фр. В обколот со всех сторон, сохранились 5 строк, содержание которых показывает, что это средняя часть надписи (этот обломок мы видели в ОАМ). Фр. С — это мелкий осколок левого края мраморной плиты, сохранились 5 букв в две строки: ΑΣΤ--|Α-- (после Α видна верхняя часть наклонной гасты Χ или Υ).

А (I² 45A)

[ἐπὶ ἀρχό]ντω[ν τῶν περὶ τὸν δεῖνα τοῦ δεῖ-
νος, μην]ὸς Ἀθηναίων[ς τῇ δεῖνι, ἐκκλησίας γενομένης

Б (НО 163)

πανδήμου, εἰσηγησαμένου τοῦ δεῖνος τοῦ
δεῖνος, οἱ ἄ]ρχον[τες εἶπαν· ἐπειδὴ ὁ δεῖνα
5 τοῦ δεῖνος ἀνὴρ] ἐκ προγόνων λα[μπρωτάων
γενόμενος κα]ὶ εὐθὺς ἐκ παί[δων κατεκο-
λουθῶν τῷ τ]ῶν προγόνων ἀ[ξιώματι? — —
— — — —] καὶ ἐν τρόποις [ἀγαθοῖς — —
— — — —] -οι ταῖς ἐλατ[τούσαις? — —
10 — — — —] ? τὰ δ[ικαία — —

В (I² 250)

[-- καλῶς πράττοντα κα]ὶ εἶ[ποντα? — —
— — — —] e. g. τὴν πατρίδα] ἡμῶν — — —
— — — —] -ΣΤΟ- — —

«При архонтах во главе
с таким-то, месяца Ленео-
на числа такого-то, на все-
народном собрании по до-
кладу такого-то архонты
предложили. Поскольку
имярек, сын такого-то,
муж, происходящий от сла-
вейших предков и с самих
детских лет следующий сла-
ве предков -- и прекрасным
образом действий -- умень-
шившимися (ухудшивши-
мися?) -- надлежащее (?) --
прекрасно исполнявшего и
советовавшего (?) --нашей
отчины (?) --».

В лексическом отношении декрет близок постановлению в честь Феокла Сатириова, где находим примерно такую же вводную формулировку, как и во фр. А, и в начале лаудативной части (фр. Б) — это выражения ἀνὴρ γενόμενος ἐκ προγόνων λαμπρῶν, κατηκολούθησεν ὁ ἀνὴρ τῷ τῶν προγόνων ἀξιώματι, καὶ τρόπῳ ἀγαθῷ (I² 40. 9–15), которые соответствуют остаткам текста стк. 5–8 рассматриваемого декрета и определяют предложенное выше их чтение и дополнение. Дальнейший текст содержит в стк. 9 то ли прилагательное ἐλάττων «меньший» (как в Протогеновском декрете: I² 32 В. 17), то ли причастие от ἐλαττώω «уменьшаться, ухудшаться». С этим словом может быть связана следующая стк. 10, где читается, скорее всего, [τὰ δ]ικαία «надлежащее; право, справедливость» (как в почетном декрете НО 42. 16: τὰ δίκαια ἐφύλαξεν «сохранил надлежащее»; также I² 55. 5). В свете этих параллелей смысл стк. 9–10 мог заключаться в том, что чествуемое лицо сохранило нечто надлежащее городу, претерпевавшему какой-то ущерб. По этому пункту декрет близок постановлению в честь Дадага Падагова (НО 42. 11 сл., о чем подробно см. с. 596). Сохранившийся текст фр. В, вероятнее всего, содержит распространенную в почетных декретах формулу καλῶς πράττων καὶ ἔπων (например, в декрете I² 42. 16), но в вин. падеже, каковой фигурирует иногда в средней, лаудативной, части декретов, но обычно стоит в заключительной «назидательной» концовке (к примеру, ζήσαντα καλῶς конца декрета I² 39. 35). Комментатор НО Брашинский отнес декрет к первой половине II в. н. э., однако по письму он близок Маркианову декрету рубежа II–III вв. (о чем см. с. 555). На это указывает и отмеченная выше его содержательная близость с Феокловым декретом, который относится к поздним десятилетиям II в. Близость рассматриваемой надписи Феоклову декрету и НО 163 следует понимать в том смысле, что составитель ее ориентировался на лексику этих почетных надписей. Как сказано, по письму рассмотренному декрету почти идентичны фр. I² 45 В, С, близок ему также декрет НО 43, датированный комментатором НО Книпович второй половиной II — началом III в. н. э.

8.11. Декрет I² 44

Почетный декрет в честь некоего сына Каллисфена, имя которого приходится на лауну между фр. В и С (рис. 85а). По хорошо восстанавливаемому здесь же (но в следующей стк. 5) слову σ[εβαστογυνώστω]ν нетрудно подсчитать, что имя чествуемого лица было коротким, порядка 5 букв. В ольвийских надписях II–III вв. н. э. известны три сына Каллисфена — Каллисфен, Аврелий Василевс (I² 42, 185), имена которых слишком длинны для лауны рассматриваемого декрета, но имя третьего — Ἄνθος (I² 98) вполне подходяще, тем более что он исполнял должность стратега, за что наряду с другими заслугами мог быть почтен декретом. Таким образом, в стк. 4 рассматриваемого декрета можно читать: εἰπεῖ[δὴ Ἄνθος? Καλ]λισθένου (см. на рис. 85а нашу реконструкцию стк. 4). Имя-отчество лица, предложившего декрет, сохранилось частично: αἴσιος Κ[---]. Оно восстанавливается по декрету НО 138 (ниже, с. 532) как [Πραυ]αἴσιος Κη[νεξартου]. Не исправляем написание εἰ вместо должного ἐ в слове εἰπεῖ[δὴ] (Латышев исправил: ἐ<ι>πεῖ[δὴ], также φεισάμεινος в I² 54 вместо φεισάμενος, см. с. 512, 518), ибо такая графика известна метрическим надписям римского времени, например на Боспоре [Доватур, 1965а, с. 799, § 2. 1]. Это влияние гомеровского языка, в котором замена ε через εἰ обычна; учитывая популярность поэм Гомера в Ольвии римского времени, можно считать такую замену и в прозаических надписях отголоском узуса метрических текстов (см. об этом с. 473, 521, 622). К [αὐθ]αίρετος μητ-- стк. 11 ср. αὐθαίρετος πολλὰ «добровольно многое» (принял на себя) декрета I² 54. На фр. d, не прочтенном Латышевым, продолжается речь о деяниях Анта: упоминаются доходы (πόρο[ι]), сооружение некоего объекта ([---]κε ποίησ[ιν]), видимо, оборонительного, поскольку далее упоминаются тяжкие для города обстоятельства ([ἐν τ]ῷ πον(η)ρ[ῶ] --]). Все

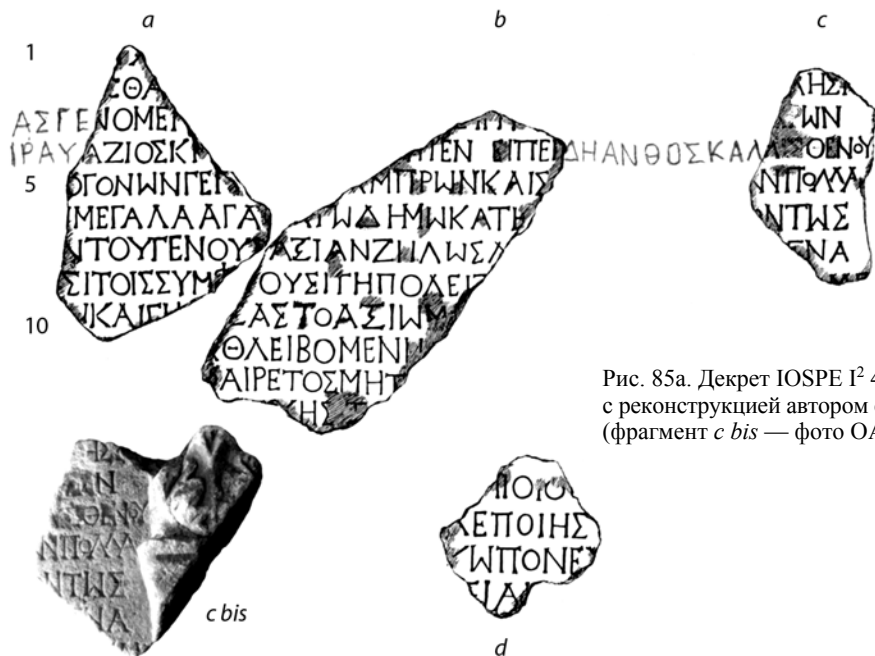

Рис. 85а. Декрет IOSPE I² 44, с реконструкцией автором строк 3–4 (фрагмент c bis — фото ОАМ)

это знакомые деяния лиц, чествуемых почетными декретами позднеэллинистического и римского времени, в особенности Протогеновского. В целом декрет гласит:

- [ἐπὶ ἀρχ[όντων τῶν περὶ τοῦ δεῖνος
 μηνὸς Θα[ργηλιῶνος - -, ἐκκλη]ησί-
 [ας γε]νομέ[νης πανδήμου, εἰς]ηγ[ηγεσαμένων τῶν συνέδ]ρων,
 [Ιραυ]αζιος Κη[νεξαρτου εἰ]πεν· εἰπεῖ[δὴ Ἄνθος? Καλ]λισθένου
 5 [ἐκ πρ]ογόνων γε[γονὸς λα]μπρῶν καὶ σ[εβαστογνώστω]ν, πολλὰ
 [καὶ] μεγάλα ἀγα[θὰ] τῷ δήμῳ κατ[ηνύσατο διαφερό]ντως,
 [τῇ]ν τοῦ γένου[ς] ἀξίαν ζηλώσα[ς - - -] ἐν ᾧ-
 [πα]σι τοῖς συμ[φέ]ρουσι τῇ πόλει - - -με-
 .... καὶ γ[νωρί]σας τὸ ἀξίωμ[α τοῦ γένους - -
 10 ..... δι' αὐ]θλειβομένη [ἡ πόλις - -
 ..... αὐθ]αίρετος μητ- -
 - -ηστ- -
 fr. d: e. g. -- πόρο[ι - -|--]κε ποίησ[ιν - -|-- ἐν τ]ῷ πον[η]ρ[ῶ - -]|-εἰα--

«при архонтах во главе с таким-то, в месяце Таргелионе, на состоявшейся всена-
 родно экклесии, по представлению синедров Иравадзий Кенексартов предложил:
 поскольку Ант (?) Каллисфенов происходит от предков славных и известных им-
 ператорам, многие и значительные благодеяния оказал народу превосходным обра-
 зом, соревнуя достоинству рода --, во всех случившихся для города -- и осознавая
 славу (своего) рода -- вследствие чего удрученный город -- добровольно принял
 на себя -- доходы --л сооружение -- в тяжком --».

8.12. Varia honorifica

IOSPE I² 26. Сохранилась левая верхняя часть декрета. Латышев с большой вероятностью восстановил его в качестве декрета в честь неизвестного лица, оказывавшего услуги ольвиополитам, плившим на Левку. Обращает на себя внимание отсутствие этника чествуемого — в стк. 4–5 на его имя-отчество приходилось не более десятка букв: εἰπα[ν· ἐπειδὴ.....]ρας ἐβεργέτεῖν (длину строк примерно в 20 букв указывает формула стк. 2–4). Следовательно, это декрет в честь ольвиополита, проживавшего вне Ольвии (трудно представить себе, что он оказывал содействие ольвиополитам, отправлявшимся на Левку, в Ольвии). На Левке он не мог жить, так как остров необитаем²⁷³, поэтому надо думать, что он пребывал в качестве ксена в одном из ближайших к Левке городов Зап. Причерноморья — в Томах, Истрии, Одессе, Каллатисе или Дионисополе (ср. [Ростовцев, 1918, с. 184]). Еще К. Келер отметил, что в позднеэллинистическое время (к которому относится данный декрет) Ольвия утратила свой протекторат над Левкой, перешедший к одному из перечисленных городов. Это позволяет предположить, что чествуемый рассматриваемым декретом ольвиополит проживал в качестве ксена в одном из них, где

²⁷³ Ср. [Arr. Рег. 32; Ростовцев, 1918, с. 190/1]; здесь же Ростовцев отметил: «очень жаль, что мы не знаем, кто это лицо и гражданин какого города».

и оказывал содействие своим компатриотам, отправлявшимся на поклонение в храм Ахилла на Левке. О дорийских мужских именах на -α (род. падеж на -ας) у ионийцев [Thumb, Scherer, 1959, S. 270].

I² 29. Фр. начальной части декрета в честь лица, о котором известно лишь, что оно ἐπιμελ[ητῆς γενόμενος --] ἤνευ[κε--] «будучи попечителем...» Слово ἤνευ[κε] можно понимать как «доставил» городу нечто или скорее «внес деньги», ср. в Протогеновском декрете: ἡνέγκας εἰς τὴν ἐκκλησίαν χρυσοὺς πεντακοσίους «внеся в собрание пятьсот золотых» (I² 32 В. 33). Латышев отнес надпись к III в. до н. э. По близости письма декрету в честь сыновей Аполлония (с. 465/6) она принадлежит ко второй половине столетия.

I² 33. Текст Латышева: [ἐπὶ ἀρχόντος] Αἰν[α]ίου τ[οῦ --] --μη]νὸς Ἀνθεστηρι[ῶνος --] | -- ἔδοξε βουλῇ καὶ δήμῳ, ἐ[ισηγησαμένον? | τοῦ δεῖνος, οἱ ἄρχον]τες εἶπαν· [ἐπειδὴ κτλ.]. Стк. 1 сейчас видна на камне плохо в своей левой части, но можно различить ΑΗΝΑ, т. е. Αἰηναίου. В стк. 3 у скола слева Латышев принял две разрушенные вертикальные гасты за Η; судя по приписной *иоте* в δήμῳ, следует читать не [βουλ]ῇ, а [βουλ]ῇ. У правого скола после Ε следуют две вертикальные гасты, вторая из которых не соответствует восстановленному Латышевым ἐ[ισηγησαμένον?]. Скорее тут следует читать εἰκ[άδι], как в Протогеновском декрете (Α. 1) и НО 26: ἔδοξε βουλῇ καὶ δήμῳ εἰκάδι. Стк. 4: показанной на прориси Латышева буквы Т у скола слева сейчас нет. У скола справа после Ν сохранился верхний уголок Ε. В стк. 5 видны: уголок наклонных гаст и частично Ν, скорее всего, ΑΝ. В целом читаем декрет так:

[ἱερωμένου?] Αἰηναίου Τ....
[....., μη]νὸς Ἀνθεστηρι[ῶνος
ἔδοξε βουλ]ῇ καὶ δήμῳ εἰκ[άδι,
οἱ ἄρχον]τες εἶπαν· ἐ[πειδὴ ὁ
δεῖνα (τοῦ)]ΑΝ --

«при жреце Ленее, сыне Т.....,
в месяце Анфестерионе постанов-
лено советом и народом 20-го чис-
ла, архонты постановили: *посколь-
ку имярек, сын такого-то...*»

На дополнение ἱερωμένου или ἐπὶ ἱερέῳ указал Карышковский [1978, с. 85]. Патронимик Ленея начинался с буквы Т и состоял примерно из 10–11 букв. Буквы ΑΝ стк. 5 принадлежат имени-патронимику чествуемого лица. По характеру письма декрет датируется III или II в. до н. э.²⁷⁴

I² 39. По поводу понимания стк. 26–28 декрета см. ниже с. 595.

I² 40. Декрет в честь Феокла Сатинова, о нем [Heinen, 2009; Dana, 2012, р. 263/5].

I² 42. Декрет в честь Каллисфена Каллисфенова от 198 г. н. э. Восстановление Латышева в стк. 20, что Каллисфен τὴν τε οὐσίαν π[άσαν] ἐξανήλωσε «и все достояние потратил, предоставляя средства нуждающимся», кажется слишком сильно сказанным. Это обычное в почетных декретах эллинистического и особенно римского времени преувеличение заслуг чествуемого лица. Подобный пример дает декрет Истрии в честь Аристагора, сына Апатурия, который принимал деятельное участие в возобновлении города после гетского разгрома и тратил много своих

²⁷⁴ Черта под буквой Т слова [ἄρχον]τες значит, что она была видна во времена Латышева, сейчас ее нет.

средств на разные нужды населения. В частности, говорится, что он «несмотря на свою бедность (τιθελμμένων τῶν ἰδιωτικῶν βίων), взял на себя» требовавшую расходов должность жреца, потом еще раз исполнил ее, тратясь на отправление культа Аполлона и нужды граждан; стало быть, заключим мы, деньги у него на самом деле были.

I² 45. Не исключено, что в стк. 1 фр. В читается ΕΠΙ.

I² 47. Почетный декрет в честь Καλλ[--]. Латышев предположительно читал здесь имя Каллисфен. Из числа ольвийских магистратов кандидатами могут быть: 1) Каллисфен Сатиров, глава стратегов; 2) Καλλι[--], стратег; 3) Каллистрат Гераклидов, жрец (I² 110, 137, 140), 4) Καλλ[--] фр. I² 73 в нашем чтении (выше, с. 519).

I² 72. Текст Латышева: --|σθαι ὑπό --| ἐν τε πολέ[μοις?--] καὶ τοῦ σώμ[ατος?--] μηδὲ τὴν --| τὸν παι--. В стк. 2–3 речь идет о войне или врагах и теле покойного. Может быть, в таком контексте, напоминающем стк. 18 сл. Никератова декрета, где говорится об умерщвлении его врагами (οἱ πολέμιοι --ἐδο[λοφ]όνη[σαν]) и перевозке тела (σώμα) в город, следует восстанавливать в стк. 0–1 глагол [? δολοφονή]σθαι, а в стк. 2 [--]εν τε πολέ[μιοι?]. О доставке раненого или убитого Леокса с дальнего поля битвы мы вели речь выше (с. 265). Декрет издан в честь ольвиополита.

I² 74. Фр. декрета, текст Латышева: -- τῆς τε χ[ώρας? -- | [-- τ]οὺς ἀστυγεί[τονας --] | -- πρεσβεύοντ--. Из этих сохранившихся слов декрета явствует, что чествуемое лицо участвовало в посольстве (πρεσβεύοντ--), видимо, к царям близлежащих племен: [-- τ]οὺς ἀστυγεί[τονας βασιλεῖς?].

I² 242. Фр. декрета, текст Латышева: [--? διαλ]ύσεσιν?-- | -- τὴν πόλι[ν --][--ο]ῦντας τ -- | -- ἐμφύ[λιος --], без комментария. В дополнение читаем в стк. 1–3: --Σ-- | --σιν ἀν-- | [--? διέλ]υσε σίν[ος?--] (рис. 856)²⁷⁵. Глагол διαλύειν употребляется в ольвийских декретах в двух значениях. Во-первых, в выражении τὴν τιμὴν (ὠνήν, χρυσίον) διαλῦσαι «выплатить деньги» (Протогеновский декрет: I² 32 А. 21/2, 50, В. 44). В таком случае чествуемый участвовал в решении финансовых нужд Ольвии (τὴν πόλι[ν]). Однако контекст исследуемой надписи иной. В Никератовом декрете (I² 34. 7) [διέλ]υσεν означает, что чествуемый прекратил внутреннюю распрю: [διέλ]υσεν μὲν τὴν μεταξὺ α[ὐτῶν διαφοράν, κατέσ]τησεν δὲ τὴν πόλιν εἰς εἰρήνην «прекратил гражданский раздор, установил мир в городе» (см. с. 578)²⁷⁶. На фр. I² 242 представлен и другой элемент этой формулы — τὴν πόλι[ν] стк. 4, а следующие за [διέλ]υσε буквы σιν- вполне дополняются в слово σίν[ος?] «вред, ущерб, пагуба», эквивалентный по духу элементу διαφορά «раздор,

Рис. 856. Декрет IOSPE I² 242, фото автора

²⁷⁵ Фр. хранится в ГИМ'е. На камне перед *сигмой* стк. 1 сохранился нижний апекс, который Латышев приписал вертикальной гаске, мне он показался остатком наклонной гаски, перед *сигмой* это может быть только Α.

²⁷⁶ Восстановление [διέλ]υσεν бесспорно по всей формуле, так как представлены все остальные элементы указанной формулы διαλύειν τὴν διαφοράν καταστήσας τὴν πόλιν εἰς εἰρήνην «прекратить гражданский раздор, установив мир в городе», в той или иной модификации свойственной почетным декретам римского и эллинистического времени, а в Ольвии засвидетельствованной также в Каллиниковом декрете и, может быть, еще одном фрагменте (с. 445, 535).

Рис. 86. Декрет IOSPE I² 245

читаем в стк. 1 ἵνα τεῖμῶν — элемент обычной формулы почетных декретов, гласящий, что демос воздает почести благодетелям (с. 452, 459). В стк. 2–3 читается еще одна формула почетных декретов, отмечающая, что чествуемый охотно сам предлагал городу свои услуги: κτ[ή]σει, αὐτὸς παρ[έ]χ[ων] ἑαυτὸν ἐκὼν[τήν], ср. то же дословно в Феокловом декрете (I² 40. 20); вариации этой формулы представлены в декретах I² 35. 11; 40. 24; 42. 10. В полном соответствии с ней находится и предшествующее κτ[ή]σει «имуществом, достатком». Наш текст:

-- ἵνα τεῖμῶν --	«-- так воздавая почести
-- κτ[ή]σει, αὐτὸς παρ[έ]χ[ων]	-- имуществом -- сам
ἑαυτὸν ἐκὼν[τήν] --]	охотно предоставляя
--ΣΤ (?) --	себя -- (нечто первое или
--πρω-- (vel ἱρω--)	священное?) --ет тою же
--σεε τῇ αὐ[τῇ]--]	--».

I² 247. Обломок мрам. плиты, помещенный в раздел Varia. Латышев ограничил-ся маюскульной копией Л. Стефани:.... AMEN..... |...ΧΟΥΣΙΚ... |... ΝΕΑΥΤΟΝ.. |... ΤΟΣΤΟ"..... |ΙC..... Полагаем, эти остатки соответствуют лексике почетных декретов: [--σ]αμενο-- | [e. g. ἄρ]χουσι (vel ὑπάρ]χουσι) κ--|[e. g. παρ[έ]χ[ων] ἑαυτὸν-- | --τος τοῦ --|--ΙC-- «-- властвуют (или «властям», «располагают») — предоставляя себя --». Местоимение ἑαυτὸν стк. 3 — обычный элемент почетных декретов. В стк. 2 содержится остаток то ли причастия в дат. падеже мн. числа (ср., к примеру, ταῖς τρεποῦσαις «приличествующими почестями» декрета I² 39. 31) или глагола 3 лица мн. числа (интерпретируем предположительно).

I² 255. Обломок мрам. плиты, Латышев поместил его в раздел Varia и ограничил-ся прорисью (рис. 87). Мы видели его в ОАМ, полагаем, это фр. «назидательной» формулировки конца почетного декрета (после заключительной строки камня следует *vacat*). В последних двух строках декрета читается [τῇ]ς πατρίδ[ος] -- | -- ἀ]ξιούντες. Общий смысл фразы, согласно содержанию «назидательных» концовок (ср. I² 34. 32 сл.; 39. 38/9; 40. 43 и сл.), заключается в том, что отечество чтит тех, кто

²⁷⁷ В других ольвийских декретах словом ἐμφύλιος выражена принадлежность чествуемого к отечеству.

провел жизнь во имя его блага. *Ср.* εὖ ποιεῖν τὴν πατρίδα «благодетельствовать отечеству» из такой же концовки Никератова декрета, а к [ἀ]ξιούτες *ср.* βίον ἐπαινούμενον «похвальную жизнь» концовки Карзоазова декрета (I² 34, 39). В концовке декрета I² 53 Латышев восстанавливал [κατὰ τὴν ἀξίω]σιν τῶν αὐτῶν αἰῶν[ίωv τιμῶν] «согласно признанию достойными их вечных почестей». Наш текст фр. I² 255: --κ-- ||--]ομεν α-- | [-- τῇ]ς πατρίδ[ος -- | -- ἀ]ξιούτες.

I² 298 = HO 181. В разделе Varia Латышев поместил прорись мелкого обломка. В HO Белецкий дал текст: --ΚΑΔ-- | --|-- ΘΥΣ[Ε? --] | -- ΒΙΟΝ--, считая, что тут представлены личные имена. Между тем в стк. 2 уверенно читается обычное в почетных декретах римского времени выражение [ἐ]ὐθὺς ἐκ παίδωv], чему соответствует и слово βίον стк. 3. Это элементы начальной

Рис. 87. Декрет IOSPE I² 255, фото автора

части первых строк почетных декретов, *ср.* HO 163⁺, где стк. 1 содержит конец преамбулы [οἱ ἀ]ρχοι[τες εἶπαν], в стк. 2 говорится о происхождении чествуемого лица ἐκ προγόνων λ[αμπροτάτω], а в стк. 3 свидетельствуется, что он выказывал свои доблести εὐθὺς ἐκ παίδωv]. В стк. 1 фр. декрета HO 48 (*см.* с. 532) упоминается архонт-эпоним, в стк. 2 — имя чествуемого лица и в стк. 3 — выражение [ἐ]ὐθὺς ἐκ παίδωv]. Та же картина и в декрете I² 71 (*см.* с. 516): сходное выражение [ἐκ] ἡλικία[s] следует за двумя начальными строками, в которых надлежит читать вводную формулу почетных декретов. Эти аналогии показывают, что буквы ΚΑΔ стк. 1 можно увязывать со строкой, содержащей имя чествуемого декретом лица, каковым мог быть Ἀχιλλεύς Καδδίνου, архонт-эпоним надписей I² 46 (*см.* с. 561) и HO 52. Это была одна из крупных фигур Ольвии: в декрете HO 52 указано, что он во второй раз занимает должность главы коллегии архонтов. Это обстоятельство подтверждает возможность издания декрета в его честь: [-- ἐπειδὴ Ἀχιλλεύς] Καδδίνου -- γεγόμενος | ἐκ προγόνων ἀγαθῶν ε]ὐθὺς ἐκ παίδωv ἐπικεκῆ | καὶ κόσμιον ζῆσα]ς βίον -- (восстановленный текст от слова γεγόμενος до конца берем из декрета HO 42. 4–7, где вместо εὐθὺς ἐκ παίδωv употреблено близкое по смыслу νεανίας). Текстология: перед тетой стк. 2 сохранилась часть усика Υ, перед В стк. 3 видна часть верхней горизонтали, которая могла принадлежать буквам Γ, Ε, Ξ, Σ, Τ. Карышковский [1959, с. 129] справедливо отметил сходство письма надписей HO 52 и I² 184, последняя из которых датирована временем Александра Севера. Следовательно, рассмотренный фрагмент, как и декрет I² 46, по упоминанию в них, как и в HO 52, Ахилла Каддинова относится к первой трети III в. н. э.

I² 325. Об этом найденном на Левке ольвийском почетном декрете *см.* [Robert, 1960, р. 267–276; Виноградов, 1989, с. 164/8] и здесь, с. 411.

HO 44. Текст HO: --|ΕΠΟ--|--ΤΝΩΝ--|-- πρεσ]βεῖα --|--Π|--. Полагаем, в стк. 1 читается обычное для почетных декретов слово вроде πρεπο[λιτεῦσθαι] или πρεπο[ιηκε], либо Ι ἐπο[ιησε] и др., а в стк. 2 γινώμ[η], *ср.* ἐαυτοῦ τὴν γινώμην в декрете I² 52. 3.

НО 48. Текст НО (Книпович): vac. Δ vac. | [-- Αμ]αγου Ρ--|-- Ἄγγελος Π--|-- εἰθὺς ἐκ παί(?)δων--|-- εἰν τῇ πόλει?--]| --Ο--ΑΠ--|--. Издатель сочла, что это фрагмент «декрета или почетного посвящения». Структура надписи, однако, определенно свидетельствует, что это почетный декрет. Стк. 1 выделена большими по размерам буквами и расстоянию между ними, где, видимо, нужно читать [ὁ] δ[ῆμος] или более расширенную формулировку подобно стк. 1 на рамке плиты почетного декрета I² 43: ὁ δῆμος ὁ Ὀλβιολιτέων χρυσῶ στεφάνῳ στεφανοῖ. В стк. 2 (первая строка собственно декрета), согласно структуре почетных надписей, должно фигурировать имя-отчество архонта-эпонима. В рассматриваемом фрагменте здесь сохранилось окончание патронимика -αγου (перед Ν видна часть вертикальной гасты), в котором можно вместе с Книпович читать [-- Αμ]αγου, но известны два декрета, принятые при архонте Θρασύβουλον Φλειμναγού τὸ β' (I² 42, 43). Что при нем был принят и декрет НО 48, явствует из буквы, следующей за патронимиком: конечно, она не Ρ, как читала Книпович (Ρ после патронимика в типовой преамбуле объяснить трудно), а цифра β', с опущенным членом τό. В начале стк. 3, как заметила А. И. Болтунова [1971, с. 286], читается поврежденная *эта*, которая, на наш взгляд, принадлежит слову [ἐπειδ]ή. Следующее за ним имя Ἄγγελος Π-- принадлежит лицу, в честь которого издан декрет. В стк. 4 фигурирует формула [εὐ]θὺς ἐκ παί[δων], представленная в ряде декретов (с. 516, 525, 531). В стк. 6 текста НО (--Ο--ΑΠ--) неудачно показано дефисом, что утрачено неизвестное количество букв, хотя на фото видно, что между Ο и Α стоит одна поврежденная буква. Итак, читаем следующим образом: [ὁ] δ[ῆμος]? [ἐπὶ ἀρχόντων τῶν περὶ Θρασύβουλον Φλειμναγού (τὸ) β' --]| [-- οἱ δεῖνες εἵπαν· ἐπειδ]ή Ἄγγελος Π--|[εὐ]θὺς ἐκ παί[δων --]| -- εἰν τῇ πόλει --?]| --ο.απ --. Поскольку деятельность Фрасибула Флимнагова приходится на рубеж II–III вв. н. э. (при нем приняты декреты в честь Каллисфена Каллисфенова и Каллисфена Дадова I² 42, 43), к тому же времени относится и данный декрет.

НО 138⁺. Текст и коммент. НО (Брашинский): «Местонахождение в настоящее время неизвестно... --|--ΡΙ--|--ΛΗ--|--ΚΗΝ--|--ΠΟΝΕ--|--|. Определить характер надписи невозможно. По предположению Коцевалова, она представляла собой список имен». Отметим по этому поводу, что камень хранится в Керченском музее (инв. Кл. 962). Там же к нему подобрался еще один фрагмент (инв. Кл. 963), который найден Ольвийской экспедицией после 1935 г. (когда найден обломок НО 138), но еще до войны, и сложен с фр. НО 138, так как после войны при сортировке возвращенных из Германии музейных вещей оба фрагмента оказались в Керченском музее²⁷⁸. Обозначим фр. НО 138 литерой А, второй обломок литерой Б. Фр. Б с тремя строками текста примыкает слева в контакте к стк. 1–3 фр. А (рис. 88), составляя начало почетного декрета:

[ἐπὶ ἀρχόντων τῶν περὶ] Σατορι[εῖλον Πεισιστράτου,
μηδὲ τοῦ δεῖνος ι (vel κ)]α', ἐκ[κ]λη[σίας γενομένης παν-
δήμου, εἰσηγησαμένου? Ιρα]ναζι[ου] Κην[εξαρθου? οἱ ἀρχοντες
εἵπαν· ἐπειδὴ ὁ δεῖνα] Ἰπρονε[ίκου? --]

«при архонтах во главе с Сатурнином, сыном Писистрата, месяца такого-то, числа 11 (21?), на собрании, состоявшемся всенародно, по предложению Иравадзия,

²⁷⁸ Их по ошибке причислили к боспорским надписям вместе с НО 47 и еще несколькими графити (см. с. 520).

Рис. 88. НО 138 (а) и новый фрагмент из Керченского музея (б), реконструкция, фото и прорись автора

сына Кенексарта, архонты постановили: поскольку имярек, сын Гипоника, --».

Остатки стк. 1 вполне соответствуют имени архонта Сатурнина Писистратова, известного из Маркианова декрета (ниже, с. 552). В стк. 2 от обозначения числа месяца сохранилась цифра α', перед которой следует восстанавливать цифру ι' или κ' (в первый день месяца собрания не созывались). От имени-отчества докладчика в стк. 3 сохранились буквы υαζι... Κηϋ, которым соответствуют

остатки имени лица, предложившего декрет Ι² 44. 4: αζιος ΚΙ. Комбинация этих остатков дает имя [--]υαζιος, которое может быть предположительно восстановлено по имени Ιραναδης из Танаиса (КБН 1279. 13). Патронимик нашего докладчика начинается на Κηϋ, что имеет единственное соответствие в антропонимике Ольвии — имя Κηνεξαρθος надписи Ι² 133. Этот Кенексарт архонт, поэтому с полным основанием можно предполагать, что сын его также принимал участие в полисных делах, и восстановить на этом основании в надписях НО 138 и Ι² 44 в качестве патронимика Κηνεξαρθου²⁷⁹. В стк. 4, судя по типовой вводной формуле, сохранился патронимик чествуемого лица с упрощенной двойной согласной: [Πουε[ικου?]] (вместо [Π(π)ουε[ικου]). Архонтство Сатурнина Писистратова приходится на начало III в. н. э., судя по Маркианову декрету, изданному после 198 г. (с. 555). В связи с вышеизложенным к этому же времени следует относить также декреты Ι² 44 и НО 138.

НО 164. Текст и коммент. НО (Белецкий): [--]ANA[---]HΣEIΣ[--]A]ΥΤΟΥΚ[AI-]--[--]ENTΩ--». «Судя по остатку третьей строки, надпись являлась декретом о предоставлении различных прав. Восстановление текста ввиду его фрагментарности невозможно. По характеру письма — II в. н. э.». На наш взгляд, здесь справедлива лишь датировка. Сохранившийся текст вполне соответствует заключительным формулировкам ольвийских почетных декретов: [-- ὁ δὲ κήρυξ] ἀνακ[ηρυξάτω, ὅτι ὁ δῆμος στεφανοῖ τὸν δεῖνα τοῦ δεῖνος τῆς εἰς [τὸν δῆμον εὐνοίας ἔνεκεν καὶ ἀνδραγαθίας α]ὐτοῦ· κ[αὶ ἀναγράφαι τὸ ψήφισμα καὶ ἀνατιθῆναι αὐτῷ] ὃ ἐν τῷ [τῆς πόλεως ἐπιστημοτάτῳ τόπῳ --] «вестник же пусть провозгласит, что народ увенчивает такого-то, сына такого-то, за благорасположение к народу и его доблесть; и написать это постановление и поставить его на значительнейшем месте города --». Наша реконструкция показывает примерное содержание утраченного текста, демонстрируя последовательность типовых формул и лексику, принятую в почетных ольвийских декретах (ср. Ι² 39. 34 сл.; 52. 13 сл.; 57. 5 сл.). Белецкий предположительно отнес надпись к числу ольвийских, по мнению Карышковского

²⁷⁹ Хотя Латышев считал, что патронимик в надписи Ι² 44 состоял из 7 букв, по прориси видно, что в лакуне вполне помещается Κ[ηνεξαρθου ε] [πεν.

[1969, с. 111], ее ольвийское происхождение не может быть доказано. Предложенное здесь чтение фрагмента не оставляет сомнений в принадлежности надписи к числу ольвийских памятников, ибо из числа северопричерноморских центров только в Ольвии представлены почетные декреты с данным набором формул и лексики. Кроме того, сам факт хранения обломка в КИМ'е, где сконцентрированы ольвийские материалы из раскопок 20–30-х гг. и где нет неольвийских лапидарных античных надписей, свидетельствует в пользу его ольвийского происхождения.

НО 166. Текст НО (Кастанаян): --ΙΑΣ--|--ΝΔΙΚ--|--Ν(?)ΟΜΗ--|--[Μ]ΕΓΑΛ --|--ΟΝ--|--. Буквы стк. 1, по мнению справедливо отнесшей надпись к числу почетных декретов Кастанаян, «предположительно можно восстановить как [ἐκκλησι]ας». Отметим, однако, что слово это фигурирует в прескриптах декретов, а не в лаудативной их части, к которой явно принадлежит сохранившийся текст. Поэтому тут лучше читать, к примеру, [πρεσβ]είας «посольства», так как упоминания об участии чествуемых лиц в посольствах обычны в почетных декретах (например, I² 40. 19–20: εἰς τε πρεσβείας αὐτὸς ἑαυτὸν ἐκοιτῆν παρέχων ἄοκνον «для участия в посольствах сам себя предлагая незамедлительно и охотно». В стк. 2 перед Ν сохранились окончания верхней и средней апещированных горизонталей Ε; далее, как справедливо отметила Кастанаян, следует прилагательное δίκαιος. На основании хорошей параллели — стк. 15–16 Дадагова декрета (НО 42: τῇ πρεσβείᾳ τῆς πόλεως τὰ δίκ[α]ια ἐφύλαξεν «в посольстве города надлежащее сохранил») можно связать стк. 1–2 рассматриваемого декрета: [e. g. παρέχων εἰς πρεσβ]είας [τῆς πόλεως ἐφύλαξ]εν δίκ[α]ια «предоставляя себя для участия в посольствах города, сохранил надлежащее». В стк. 3, вероятно, упоминалось слово [δια]νομή «раздача, порядок, установление» (ср. Syll.³ 850, 885, 1020). В стк. 4 Кастанаян справедливо усмотрела прилагательное μεγάλος. Например, в том же Дадаговом декрете оно следует в стк. 17 после приведенной выше цитаты (μεγάλων... πράξεων). Сказанное позволяет дать следующий текст декрета:

[e. g. παρέχων εἰς πρεσβ]είας [τῆς πόλεως
ἄοκνον καὶ ἐκοιτῆν διεφύλαξ]εν δίκ[α]ια τῇ πατρίδι
[— — — — — δια]νομή —
[— — — — — μ]εγάλ— —
— — — — — -ΟΝ- — —

«-- предоставляя сам себя для участия в посольствах города незамедлительно и охотно, сохранил отечеству надлежащее -- раздача (установление, порядок) -- больш--».

8.13. Фрагмент нового декрета²⁸⁰

К числу почетных декретов относится и небольшой фрагмент, найденный в 1948 г. (рис. 89). Это обломок беломраморной плиты, обколотый со всех сторон, высотой 13,5 см (по фасу 12 см), шириной 8,5 см, толщ. 4,4 см. Обратная сторона отполирована. Справа фрагмент ровно сколот, но это не первоначальная грань, а позднейшее выравнивание края, так как в стк. 4 оказалась частично утраченной крайняя *лямбда*; вероятно, справа утрачено по 1–2 буквы текста. Сохранились 4 строки, высота букв 1,8–2,2 см. Содержание улавливается по остаткам стк. 2–4.

²⁸⁰ Опубликовано [МКЛИО I, с. 215/6]. Полевой № О/48–43, хранится в Ольвийском заповеднике в Парутино. С. Д. Крыжицкий любезно разрешил мне опубликовать его.

В стк. 2 сохранились буквы υσα, которым предшествовала буква с наклонной гаской, что может быть прочтено как [? διαλ]ύσα[--]. В стк. 3 упоминается «народ ольвиополитов», а в стк. 4 сохранившиеся буквы ΝΑΛ неплохо дополняются в слово [ἀ]ναλ[ωμα] «средства». В целом читается: --Ν-- [[-- διαλ]ύσα[-- | -- ὁ δῆμος] ὁ Ὀλ[βιοπολειτῶν -- | -- ἀ]ναλ[ωμα--] «-- выплатить / прекратить -- народ ольвиополитов -- расходы --». Незначительность текста позволяет датировать надпись лишь суммарно I–II вв. н. э.

Возможны две интерпретации содержания декрета в зависимости от двух значений слова [-- διαλ]ύσα [--], представленных в ольвийских надписях: «выплатить» и «прекратить *распрю*». Предпочтителен первый вариант в силу своей компактности: [-- διαλ]ύσα[--] и [ἀ]ναλ[ωμα--] «выплатить... расходы» находит соответствие в выражении τὴν τιμὴν (ὠκίην, χρυσίον) διαλῦσαι «выплатить деньги», трижды упоминаемое Протогеновским декретом (I² 32 А. 21/2, 50, В. 44). Может быть, речь об этом шла и в декрете I² 242: [--? διέλ]υσε σιν-- (выше, с. 529). В таком случае содержание обломка таково: чествуемый «выплатил -- *ко благу* народа ольвиополитов — *понес* расходы».

Не исключен и вариант с «прекращением распри»: соответствующий контекст, в который укладываются данные остатки, предоставляет начало Никератова декрета, сообщающее, что Никерат прекратил ([διέλ]υσε, — восстановление бесспорно по всей формуле) некую распрю, за что награжден статуей и рельефом (см. с. 578). Такой контекст мог быть и в нашем фрагменте: чествуемый прекратил распрю ([? διέλ]ύσα[το] или [? διαλ]ύσα[ς]), за что ольвиополиты ([ὁ δῆμος] ὁ Ὀλ[βιοπολειτῶν]) почтили его статуей или рельефом, изготовленными за общественный счет ([ἀ]ναλ[ωματι δημοσίᾳ]). Этот контекст предполагает присутствие в стк. 2–3 формулы διέλυσε τὴν διαφορὰν καταστήσας τὴν πόλιν εἰς εἰρήνην «прекратил гражданский раздор, установил мир в городе», в той или иной модификации свойственной почетным декретам римского и эллинистического времени, а в Ольвии засвидетельствованной в Каллиниковом и Никератовом декретах (с. 444, 578). В таком случае наш фрагмент может быть *e. g.* прочитан так:

— — — — — Ν —
[— — — — — καὶ τὴν διαφορὰν διαλ]ύσα[ς
κατέστησεν τὴν πόλιν εἰς εἰρήνην, δι' ὃ ὁ δῆμος] ὁ Ὀλ-
[βιοπολειτῶν ἐτέιμυσεν αὐτὸν τότε ἀνδριάντι ἀ]ναλ[ω-
ματι δημοσίᾳ --]

Рис. 89. Фрагмент нового декрета, прорись автора

«-- и прекратив распрю,
установил в городе мир,
за что народ ольвиополитов
почтил его статуей на об-
щественный счет--».

О постановке статуи или рельефа чествуемого лица сообщают несколько ольвийских декретов: в эллинистическое время это постановления в честь Каллиника, сыновей Аполлония, Протогена, в римское — Никерата, Феокла и фр. I² 63, 67. В Феокловом декрете указано, что изображение чествуемого поставлено δημοσίᾳ «на общественный счет» (I² 40. 40).

9. ДЕКРЕТЫ В ЧЕСТЬ БЛАГОДЕТЕЛЕЙ-ИНОПОЛИТОВ И ИХ ТЕКСТОЛОГИЯ

В Греции IV в. достигло апогея развитие ораторского искусства, в связи с чем в эпиграфике окончательно сложился класс почетных декретов в честь заслуженных сограждан и инополитов, которым воздавали разного рода почести. Инополитам предоставлялся определенный в конкретном полисе набор почестей, в том числе стандартные проксенические привилегии. Декреты такого рода мы называем почетно-проксеническими, они включают в себя преамбулу, лаудативную среднюю часть, как в почетных декретах, и в финале проксенические формулы. В Ольвии это надписи НО 174, 175 (вторая половина III в.); НО 25 + 39 (вторая половина III — первая половина II в. до н. э., см. ниже, с. 540 сл.); IOSPE I² 30 (конец III — начало II в.); НО 17⁺ (ниже, с. 542/5), НО 24, НО 27⁺ (ниже, с. 562, 642 сл.), IOSPE I² 27, 28 (II в. до н. э.); НО 35⁺ (ниже, с. 545 сл.), IOSPE I² 35 (время Митридата Евпатора); НО 45 (конец II — начало III в. н. э., ниже, с. 557)²⁸¹. Доскональное изучение темы ольвийских проксенов в контексте проксенических связей Ольвии от классического до римского времени [Соjосагу, 2009, 2009а, 2009/10, 2014а, 2016; Avram, 2013].

9.1. Декреты НО 174, 175

Фр. НО 174 (рис. 90б) в чтении А. А. Белецкого: --ΑΙ |[--Α]ΡΧΕΙΝ |--ΑΙΕΙΣ |--ΝΕΙ |[--ΑΣ]ΥΛΕΙ |--ΑΣ |--ΙΚΑΙ |--ΝΑ |--ΕΙΣ |--Η. Осмотр камня позволил нам уточнить чтение сохранившегося текста: перед Ρ стк. 2 имеются остатки Α, перед Ν стк. 4 сохранились кончики верхней и нижней перекладин Ε, перед Α стк. 6 почти полностью видно Π, перед первой *иотой* стк. 7 сохранилась часть верхней перекладки Ν, Τ или Γ. Белецкий предположил, что это почетный декрет, однако бесспорно читаемое в стк. 5 [ἀσ]υλεῖ уточняет, что это почетно-проксенический декрет, что предполагает восстановление в данном контексте 3 обязательных формул проксенических декретов, следующих в финале надписи одна за другой: 1) εἰσπλεῖν καὶ ἐκπλεῖν; 2) καὶ ἐν εἰρήνῃ καὶ ἐν πολέμῳ; 3) ἀσυλεῖ καὶ ἀσπονδεῖ, которые находят

²⁸¹ В тексте декретов I² 30, 35 содержатся указания на их время. Наиболее поздний из них декрет 35 чествует амисенского капитана, присланного Митридатом Евпатором (хотя проксенические привилегии не сохранились, но, судя по большому объему надписи, они, скорее всего, были в утраченной заключительной части). Декрет № 30 чествует родосца Гелланика, который содействовал формированию в Ольвии значительной суммы денег, на которые совершались жертвоприношения и выплачивалась дань варварским царям (рис. 90). Это та ситуация, которая обрисована в Протогеновском декрете до того времени, когда Ольвию «покинули многие ксены и немалое число граждан» (I² 32 В. 20–21); из нашей датировки Протогеновского декрета 170–180-ми гг. и констатации, что описанные в нем события происходили с конца III в. (выше, с. 502/3), следует, что декрет в честь Гелланика издан в конце III — начале II в. Близкие друг другу по письму декреты I² 27, 28 Латышев отнес к III в., но палеографически декрет I² 27 (рис. 90а), в том числе по разной высоте прямых букв, ближе к Анфестериеву декрету последней трети III в., отчасти декрету в честь родосца Гелланика и НО 18 последней трети III — первой четверти II в. (рис. 74, 90), так что декреты I² 27, 28 лучше отнести к последней трети III — первой половине II в. до н. э. Нижеследующий текст опубликован [Яйленко, 1984, с. 210/7].

Рис. 90. Почетно-проксенический декрет
IOSPE I² 30, фото ОАМ

Рис. 90а. Проксения IOSPE I² 27,
фрагмент а, фото ОАМ

соответствие в сохранившихся буквах стк. 3–5. Кроме того, обязательная последовательность этих формул в указанном порядке дает длину стк. 5 в 23 буквы, чем определяется примерная длина строк этого декрета в целом:

[Ολβιοπολίται ἔδωκαν τῷ δεῖνι τοῦ δεῖνος, <i>ethnicum</i> , προξέναν καὶ πολιτείαν, καὶ ὅσα τοῖς ἄλλοις προξένοις δέδοται, [τὰ μὲν λοιπὰ πάντα ὑπ]άρχειν 5 [αὐτῷ καὶ ἐκγόνοις, κ]αὶ εἰς- [πλεῖν καὶ ἐκπλεῖν καὶ] ἔν ει- [ρήνῃ καὶ ἐν πολέμῳ, ἀσ]υλεῖ [καὶ ἀσπονδεῖ· καὶ τὰς λοι]πὰς [τιμὰς δοῦναι <i>nomen</i>] καὶ 10 [ἀναγράψαι μὲν εἰς τελαμῶ]να [τὸ ψήφισμα, τὸ δὲ ἀνάλωμ]α εἰς [αὐτὸν τοὺς ἄρχοντας ὑπηρετ]ῆ- [σαι]	«Ольвиополиты предоставили <i>имя-</i> <i>реку, сыну такого-то, ethnicum</i> , проксению и политию и что другим проксенам предоставляется, также всему прочему быть у него самого и потомков — и вливаться и выплы- вать, и в мирное время и в военное, без ушерба и заключения договора. И остальные почести предоставить <i>имяреку</i> , и записать это постанов- ление на стеле, средства же на нее изыскать архонтам».

Структура декрета аналогична другим декретам того же типа (I² 27, 28, HO 45): преамбула, похвалы чествуемому лицу, предоставляющая ему привилегии санкция, проксенические привилегии (стк. 1–8), финальное постановление (стк. 8–13). Оборот с [ὑπ]άρχειν (стк. 4–5), свойственный проксениям других центров (например, Горгиипии, КБН, с. 937), часто фигурирует в почетных декретах²⁸². По приведенным примерам видно, что формула с ὑπάρχειν в HO 174 могла иметь разные нюансы, не уточняемые сохранившимся скудным текстом, но основная идея — наличие оборота с ὑπάρχειν — бесспорна. Аналогичный оборот восстанавливаем и в HO 13 (с. 364). Если структура и формулы стк. 1–8 HO 174 более или менее определены, то финальная часть (стк. 8–13) реконструирована предположительно. Обычно финальная часть почетно-проксенических декретов (а надписи этого типа и отличаются от проксенических актов лаудативным вступлением и финальным дополнением) включает следующие формулы (с некоторыми вариациями в лексике): 1) τὸ δὲ ψήφισμα τόδε ἀναγράψαι εἰς τελαμῶνα λευκοῦ λίθου «написать это постановление на белокаменной стеле»; 2) στήσαι εἰς τὸ ἱερόν «поставить ее в святилище» поименованного божества; 3) τὰ ἀνάλωμα δοῦναι «средства пусть выдадут» соответствующие магистраты (I² 27, HO 35 + 36, 45). Первая формула обязательна, остальные факультативны. Остаткам текста HO 174 соответствует восстановление формул 1 и 3 (вторая опущена); можно предложить и другой вариант формулы о записи постановления на стеле (стк. 9–11): καὶ [ἀναγράψαι τόδ' εἰς τελαμῶ]να [λευκοῦ λίθου, τὸ δ' ἀνάλωμ]α εἰς [αὐτὸν κτλ.] «и написать это *постановление* на белокаменной стеле, средства же на нее пусть выдадут...»

²⁸² Он содержит глагол в безличной форме (καὶ τὰ λοιπὰ πάντα, ὅσα καὶ τοῖς ἄλλοις προξένοις τὰς πόλις ὑπάρχει «и все прочее, что и другим проксенам полиса надлежит» [Michel, 184, Лакония, Πα]) или инфинитивной (πρόξενον εἶμεν καὶ εὐεργέταν..., ὑπάρχειν δὲ αὐτῷ καθάπερ καὶ τοῖς ἄλλοις προξένοις «быть проксеном и благодетелем..., располагать ему *тем*, что и прочим проксенам» [Ib. 174, Эгостены, Πα; cf. 184]; в делосском декрете в честь ольвиополита Посидония начала Πα [IG XI, f. 4, 813]): ὑπάρχειν δὲ αὐτοῖς καὶ τὰλλα πάντα, ὅσα δέδοται τοῖς ἄλλοις προξένοις «располагать им всем *тем*, что и другим проксенам предоставляется».

Рис. 90б, в. Почетно-проксенические декреты:
б — NO 174, в — NO 175

Скудный остаток последней сохранившейся стк. 12 (буква Н) не позволяет дать точное восстановление формулы о выдаче денег. Поскольку известно, что в Ольвии ведали расходами архонты (НО 35) и, может быть, эконоμы (НО 36), примерно дополняем формулу о выдаче денег по соответствующему предписанию ряда декретов со словом [ὑπηρετ]ή[σαι]²⁸³. Некоторое затруднение сопряжено и с реконструкцией стк. 8, где буквы ΠΑΣ скорее всего находят соответствие в предписании почетных декретов об оказании чествуемому лицу τὰς λοιπὰς τιμὰς «остальных почестей» (Syll.³ 536. 39 *etc.*). В связи с этим привлекает внимание фр. NO 175 (рис. 90в), изданный Белецким так: --|--ΝΚΑΙ--|--ΜΩΙΑ--|--ΤΑΣΑ--|--ΣΚΑΘ--|--Q--²⁸⁴. Буквы ΜΩΙΑС и ΣΚΑΘ стк. 2, 4 позволяют нам усмотреть и в нем почетно-проксенический декрет:

5 [-- καὶ εἰσπλεῖν καὶ
ἐκπλεῖν καὶ [ἐν εἰρήνῃ
καὶ ἐν πολέμῳ, ἀσ[υλεῖ καὶ
ἀσπονδεῖ· καὶ] τὰς λοιπὰς
ε. g. εἶναι αὐτοῖς καθ[ηκούσας
τιμὰς, ὧν καὶ ἄλλοι πρόξενοι
ὑπάρχουσιν]

«...и вливаться и выплывать,
и в мирное время и в военное,
без ущерба и заключения догово-
ра; и остальным быть у них
приличествуемым почестям,
коими располагают и другие
проклены».

²⁸³ Например, в постановлении приенцев 333a о Мегабиксе (Syll.³ 282): ἀναγράφαντας τόδε [εὐ τὸ ψ]ήφισμα, τὸ δ[ε] ἀνάλωμα εἰς τὸν ἀνδριάντα καὶ τ[ὴν] στήλην ὑπηρετῆσαι τοὺς νεωποίας «...написав это постановление, расходы же на статую и стелу пусть обеспечат храмовые магистраты».

²⁸⁴ Белецкий (также Карышковский [1969, с. 111]) сомневались в ольвийском происхождении камня, но завотделом КИМ'а Л. Н. Романюк и ее сотрудники, по устному сообщению мне, установили, что он найден в Ольвии в 1938 г.

В НО 174, 175 присутствует финальная часть постановления и буквам τας λ второго вполне соответствуют буквы πα со стк. 8 первого, что в целом дает τας λοιπας (напомним, оба остатка занимают одинаковую позицию в начале финальной части, после ἀσπονδεῖ). Буквы ΣΚΑΘ стк. 4 НО 175 уверенно дополняются в --ς καθ[ηκούσας τιμάς] по соответствующему выражению декрета НО 42. 23 (это распространенное выражение почетных декретов — Syll.³ 1104. 29 etc.). Оно употребляется в разном лексическом окружении, поэтому наше дополнение стк. 5–7 дано иллюстративно, для пояснения общего содержания.

Декреты НО 174, 175 не только синхронны, но и выполнены одним резчиком, ибо по письму они идентичны (с той лишь разницей, что в НО 174 буквы расположены поубористее). По характеру письма они близки почетно-проксеническому декрету НО 24 второй половины III в. (о его дате с. 507), это также время НО 174, 175.

9.2. Декрет НО 25 + 39?

Обломки НО 25 и 39 (ИИМК СПб.) близки друг другу по характеру письма и всем параметрам, что позволяет поставить вопрос о принадлежности их одной надписи (рис. 90г)²⁸⁵. НО 25 левая верхняя часть, НО 39 средняя правая часть декрета. Непосредственного контакта между обломками нет, они близки лишь текстуально в том плане, что содержат *laudatio* чествуемого лица. Не исключено вместе с тем, что стк. 11–12 фр. НО 25 и стк. 1–2 фр. НО 39 дают текстуальный контакт. Если эти фрагменты принадлежат к одной надписи, текст ее читается так:

- ἔδοξε[ν τ]ῇ β[ουλῇ καὶ τῷ
 δήμ[ω τρι]η[κάδι· ὁ δεῖνα τοῦ]
 ΕΡ.... [εἶπεν· ἐπειδὴ
 ὁ δεῖνα του δεῖνος
 5 *ethnium* κοινῇ καὶ]
 ἰδί[αι τοῖς ἀ]φικ[νουμένοις τῶν
 πολιτῶν [εἰς *nomen urbis* χρείας]
 παρέχε[ται καὶ διατελεῖ]
 συνερ[γῶν εἰς ἅπαντα τῇ πόλει]
 10 τὰ συμ[φέροντα καὶ χρεῶν τὸ προ]-
 σὸν ἐᾶ [πολίταις, τὴν εὖν]οιαν
 παρ[αδεξάμενος, ἦν αὐτοῦ] οἱ πρό-
 [γονοὶ ἀπεδείκνυν]το εὖ χρη-
 [στον τῷ δήμῳ, δεδόχ]θαι τῇ
 15 [βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ ἐπαι]νέσαι ἐπ[ὶ
 τούτοις τὸν δεῖνα e. g. Ε]πι[κρά-
 [του *ethnium*, δεδόσθαι δ]᾿ [α]ὐτῷ
 [καὶ ἐκγόνοις προξενίαν,] πολιτε[ί-
 αν κτλ.]

НО 25, стк. 11 = НО 39, стк. 1

НО 25, стк. 12 = НО 39, стк. 2

²⁸⁵ Оба хранятся в петербургском ИИМК'е. Принадлежность их к одной надписи нуждается в проверке посредством соединения камней. В 1980-х гг. я просил Е. И. Леви показать мне хранящиеся в ЛОИА ольвийские надписи, и хотя все они опубликованы в НО, она отказала под предлогом, что корпус ольвийских надписей готовит Ю. Г. Виноградов. Результат ее позиции бесплодный: ни виноградовского корпуса, ни моей уточненной текстологии этих надписей.

Рис. 90г. Декрет НО 25 + 39, реконструкция автора

«совет и народ постановили тридцатого числа. Имярек, сын такого-то, предложил. Поскольку имярек, сын такого-то (этникон), и вообще и в частности оказывает услуги гражданам, прибывающим в такой-то город, и приносит пользу, содействуя во всем городу (ольвиополитов), а также предоставляет в наличии необходимое гражданам, унаследовав благосклонность, которую его предки выказывали полезной для народа, постановлено советом и народом похвалить за это такого-то, е. г. сына Эпикрата, из города такого-то, предоставить ему и потомкам проксению, гражданские права» (и т. д.).

Текст НО 25 удовлетворительно восстановлен Леви. Для большей связности мы слегка перекомпоновали его. В стк. 2 читаем [τρι]η[κάδι] «в тридцатый день», *ср.* тот же день принятия декрета НО 24 — [τρι]ακάδι²⁸⁶. В стк. 10–11 читаем примерное [καὶ χρεὼν τὸ προ]σὸν ἐᾶ [πολίταις] в попытке объяснить буквы ΣΟΝΕΑ начала стк. 11. Стк. 1–2 НО 39 ([εὖν]οιαν и οἱ πρό[γονοι]) текстуально совмещаются с последней строкой НО 25 таким образом, что позволяют восстановить здесь и далее ординарный троп почетных декретов, гласящий, что чествуемый унаследовал от предков свою благосклонность к народу ольвиополитов. *Ср.* те же элементы в стк. 5–7 синхронного декрета в честь сыновей Аполлония, которые διαδεξάμενο[ι παρὰ τοῦ πατρὸς προαίρεσιν, πᾶσαν εὖνοιαν εἰς τὰ συμφέρ[οντα τῷ δήμῳ] ἀποδείκνυμενοι διαλοῦσιν «унаследовав от отца склонность, всегда продолжали выказывать всяческое благорасположение к делам народа». Этому соответствуют стк. 8–13 нашего декрета, где читаем те же лексические элементы [διατελεῖ --τῇ πόλει] τὰ συμ[φέροντα] и с инверсией [τὴν εὖν]οιαν παρ[αδεξάμενος, ἦν αὐτοῦ] οἱ πρό[γονοι ἀπεδείκνυν]το. К εὖχρη[στον] стк. 13–14 *ср.* то же в истрийском декрете III–IIa (ISM I, 4. 6). Со стк. 14 следуют обычные для ольвийских декретов этого времени формулировки о похвале чествуемого лица советом и народом, о предоставлении ему проксенических привилегий, гражданских прав и пр. По характеру письма декрет относится ко второй половине III — первой половине II в. до н. э.

9.3. Декрет в честь сына Зобия (НО 17 + 21 + 30 + 120)²⁸⁷

Леви издала в НО указанные обломки порознь, отметив, что фр. 21, 30 и 120, возможно, составляют один декрет (поддержал Карышковский [1969, с. 111]). Полагаем, единство письма и параметров связывает в одну надпись не только их, но и фр. НО 17; всем 4 обломкам свойствен необычно большой интервал между строками. Обозначим все сохранившиеся части декрета: фр. А — это НО 30, правая верхняя часть стелы с акротерием; фр. Б — НО 120, с частью текста справа, имеет текстуальное соответствие со следующим обломком В (= НО 17), который представляет собой левую часть надписи с боковой гранью; фр. Г (=НО 21) — средняя часть декрета, текстуально контактная с фр. Б (общую схему расположения обломков см. на рис. 91, 91a). Наш текст *е. g.*:

[ἱερωμένου τοῦ δεῖνος Ἀνα]ξιμένους,
[μηνὸς - — — - ἔ]δοξε βου(λ)ῆι
[καὶ δήμῳ, οἱ ἄρχοντες εἶπαν· ἐπεὶ δὴ
— -ος Ζωβίου *ethnicon* ἀνὴρ πρόθυμος
— — — — —

«при жреце Анаксимене, месяца
такого-то, числа такого-то, по-
становлено советом и народом, ар-
хонты предложили: поскольку --,
— сын Зобия, муж ревностный --

²⁸⁶ На тридцатый день принимались почетные декреты и другими полисами [Michel, 215, 552 *etc.*]. *Ср.* ἐικάδι «двадцатого числа» датировочной части вводной формулы декрета НО 26. 3 и I 33 (см. с. 528).

²⁸⁷ Этот параграф опубликован [Яйленко, 1981, с. 125; 1984, с. 217/9].

Рис. 91. Декрет
в честь сына Зобия,
фото НО 17 + 21 + 30 + 120,
монтаж автора

5 — — — — — — —] προ[σ-
 ε]π[έδωκε — — — — — τὰ συμφο]ρά κα[ι
 δ]έ[δωκε - — — — — - δ]εδ[ό]-
 χθ[αι μὲν βουλῇ καὶ δῆμῳ]ι ἄνδρα γενό]-
 με[νον ἀγαθόν - — —]ον Ζωβίο[υ στεφανωθῆ]-
 10 ν[α]ι, δε[δόσθαι δὲ] αὐτῷ τε [καὶ τοῖς ἐκγό]-
 νοις π[ροξενίαν, π]ολιτ[εῖαν, εἴσπλουν καὶ]
 ἔκπ[λουν κτλ.].²⁸⁸

предоставил еще сверх того --
 несчастье и дал -- постановлено
 советом и народом увенчать доб-
 рого мужа --, сына Зобия, предо-
 ставит ему и потомкам проксе-
 нию, право гражданства, впло-
 вать и выплывать» и т. д.

²⁸⁸ Стк. 1–3: [ἱερομένου (?) Ἀνα]ξιμένους [[-- ἔ]δοξε βουλῇ καὶ δῆμῳ --] (Леви НО 30). Стк. 7–8: [δεδόχθαι βουλῇ καὶ δῆμῳ] (Леви, НО 17). Стк. 10–12: δε[δόσθαι δὲ αὐτῷ καὶ ἐκγό]νοις π[ροξενίαν καὶ εἴσπλουν καὶ] ἔκπ[λουν κτλ.] (Леви, НО 17). Стк. 7–12: [δεδόσθαι τῇ βουλῇ καὶ τῷ δῆμῳ]ι --[--]ιον Ζωβίο[υ --] δεδόσθαι αὐτῷ τε [καὶ τοῖς ἐκγόνοις προξενίαν, πολιτ[εῖαν καὶ εἴσπλουν καὶ] ἔκπλουν --] (Леви, НО 21).

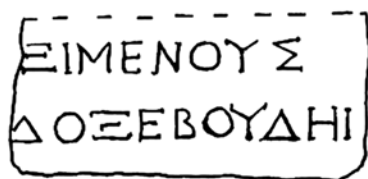

Рис. 91а. Декрет в честь сына Зобия
(НО 17 + 21 + 30 + 120), прорись [Яйленко, 1984]

Стк. 9–10 дают примерную длину строки в 31–33 буквы. Прескрипт надписи дополняется по декретам НО 26: *ἱερομένου Προγείτονος, ἔδοξε βουλῇ καὶ δήμῳ εἰκάδι* и *IOSPE I² 33* (после сверки с камнем даем свой текст: [*ἱερωμένου*] *Ληναίου Τ[---μη]νὸς Ἀνθεστη[ρίωνος] --[---] ἔδοξε βουλῇ καὶ δήμῳ, εἰκ[άδι]·-- οἱ ἄρχοντες εἶπαν· [ἔπειδῃ--][---] ἈΝ[---]*)²⁸⁹. Таким образом, декрет в честь сына Зобия содержит в стк. 1 эпонимную датировку по жрецу, имя которого, возможно, сопровождалось патронимиком, как в декрете *I² 33*. В соответствии с числом букв в строке в стк. 2 перед [--ἔ]δοξε βουλ(λ)ῇ следует дать не краткое хронологическое указание типа *εἰκάδι* НО 26, а более пространное — с названием месяца, как в *I² 33* (может быть, плюс *εἰκάδι* и подобное). После прамбулы (стк. 1–3) следовала лаудационная часть, в которой излагались заслуги сына Зобия. Сколько в ней было строк, неясно. В стк. 5–6 условно дополняем глагол *τρο[σε]π[έδωκε]* «сверх того еще дал (предоставил)», который может указывать, что в предыдущих строках лаудативной части речь шла о предоставлении им Ольвии каких-то средств (*ср.* *προσέπεδωκε* дельфийского почетного декрета *Syll.³ 431* (ок. 267*a*). Естественным продолжением такого понимания текста становится дополнение букв *ΡΑ* как [*τὰ συμφο*]ρά «несчастье» (как в *I² 39. 30*), обычное в почетных декретах в разных своих значениях. Затем со стк. 7 следовала санкция об увенчании сына Зобия и предоставлении ему и его потомкам проксенических привилегий, как в аналогичных почетно-проксенических декретах НО 24, 27, 45, в которых упоминаются проксения, предоставление гражданских прав и прочие проксенические привилегии. Имя *Ζώβιος* известно в надписях от классического до римского времени в виде одно-

²⁸⁹ Буква *Τ* — начало патронимика жреца, который заполнял всю лакуну до слова *[μη]νός*, а меж названием месяца *Ἀνθεστη[ρίωνος]* и [*ἔδοξε βουλῇ*] указывался день месяца, вероятно, *εἰκάδι* «в 20-й день».

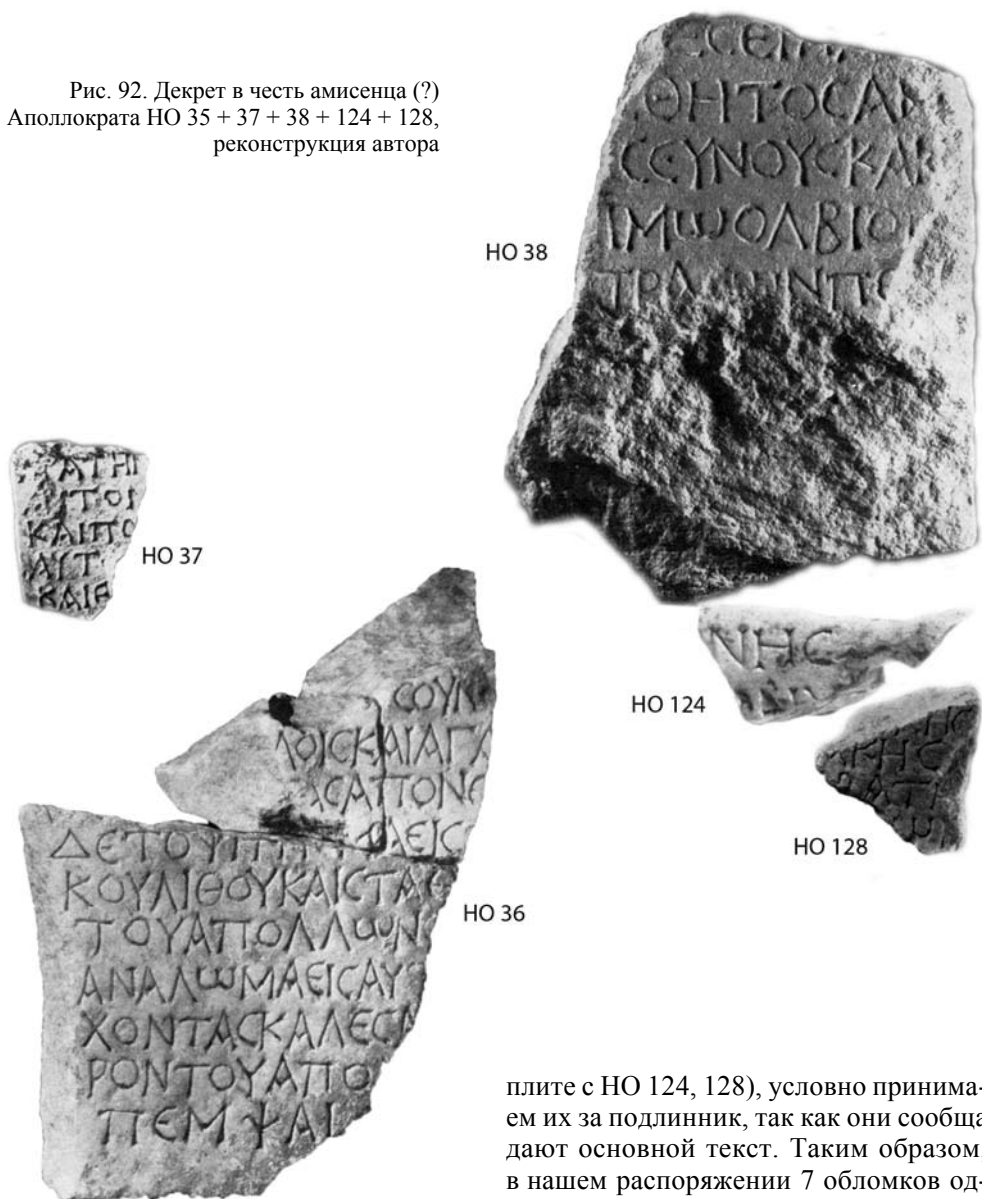
коренных форм Ζῶβεις, Ζῶβία и пр. в Ольвии, Фракии, Македонии (LGPN IV, 145, в том числе I² 105, 176). Скорее всего, сын Зобия происходил из какого-то города Зап. Причерноморья. Леви отнесла НО 17, 21, 30, 120 ко второй половине III в. до н. э. Ниже (с. 581, 584, 653, 815) мы покажем, что такого рода письмо употреблялось со II в. до н. э., которым и датируется сей декрет.

9.4. Декрет в честь амисенца (?) Аполлократа (НО 35 + 37 + 38 + 124 + 128 = НО 36 + I² 253)

В числе надписей Ольвии, исполненных курсивным шрифтом, есть группа фрагментов, чрезвычайно близких друг другу по содержанию, характеру письма и всем цифровым параметрам. Издатель их Леви отметила близость обломков НО 35 и 38, но издала их порознь. Между тем объединение их, а также фр. НО 37, 124, 128 показывает, что это части одного почетного декрета, изданного, судя по всему, в честь амисенца Аполлократа (рис. 92), а также обломки дубликата этого декрета (рис. 92а), предназначавшегося к отправке на родину проксена, но почему-то не отосланного. Это устанавливается следующим образом. Удовлетворительно восстановленный издателем стандартный текст фр. НО 35 — это заключительная часть декрета, в которой говорится об изготовлении стелы с данным постановлением и о постановке ее в святилище Аполлона, куда приглашается на угощение и чествуемое лицо. После этого в последней фрагментированной строке стоит слово πέμψαι — остаток нередкой формулы, гласящей, что постановлено также отослать дубликат данной псефизмы на родину проксена (как, например, в декрете византийцев в честь ольвиополита Оронта IOSPE I² 79: διατέμψασθαι δὲ καὶ τὸ ψήφισμα τοῦτο κτλ. «отправить и это постановление ольвийским властям при письме, чтобы и его отечество узнало о благосклонности византийцев к этому мужу и почестях») ²⁹⁰. Фр. НО 36 содержит практически тот же текст, что и НО 35, — это, стало быть, обломок того самого дубликата, ἀντίγραφοι, об отсылке которого шла речь в заключительной фразе декрета НО 35. С этим фр. НО 36 текстуально совмещается фр. I² 253: фр. НО 36 составляет левую нижнюю часть стелы-дубликата, а обломок I² 253 ее нижнюю правую часть, причем, начиная со стк. 2 фр. НО 36 и стк. 1 фр. I² 253, оба обломка контактируют текстуально. Кроме названных фрагментов имеются еще 4 обломка этого декрета — НО 37, 38, 124, 128, в отношении которых нельзя сказать определенно, принадлежат ли они к подлиннику постановления, предназначавшегося к постановке в святилище Аполлона, или к дубликату (обломок НО 38 определенно не принадлежит к одной

²⁹⁰ Упомянем несколько ἀντίγραφα. Декрет Минои на острове Аморгосе в честь родосца Николая предоставил ему проксению, политию, энктесис недвижимости и заключается так: «Чтобы и родяне знали о предоставленных почестях их гражданину Николаю, пусть секретарь Совета пошлет ἀντίγραφοι этого постановления на Родос, скрепленный народной печатью» (Michel, 383, II в. до н. э.; также № 184, 185 и др.). В почетно-проксеническом декрете из Акраганта предписано изготовить его в двух экземплярах, один из которых остается в Акраганте, а другой отдается проксену «на память» (DGE 307; также 623). Граждане фессалийской Спалавтры поставили декрет в честь магнета Лисия в своем святилище Артемиды, а копию отослали ему в Магнезию, где она и найдена (Michel, 308). Изготовлены и два экземпляра декрета этolian в честь царя Евмена, один отослан в Термос, другой в Дельфы (Michel, 291. 33–34). Другие примеры см. по индексу Syll.³ IV, p. 218.

Рис. 92. Декрет в честь амисенца (?)
Аполлократа НО 35 + 37 + 38 + 124 + 128,
реконструкция автора

плите с НО 124, 128), условно принимаем их за подлинник, так как они сообщают основной текст. Таким образом, в нашем распоряжении 7 обломков одного декрета, из которых по тексту видно, что фр. НО 38 представляет собой

начальную его часть (правый верхний край стелы), фр. НО 37, 124, 128 принадлежат средней его части (фр. НО 124 и 128 принадлежат середине правого края, ниже залегает фр. НО 37 — левый средний край плиты). Обломки НО 35, 36 и I² 253 составляют заключительную часть декрета, которая хорошо восстанавливается, поскольку все они, хотя и принадлежат двум стелам, содержат одинаковый текст (за мелкими исключениями), т. е. взаимно корректируются. Даем сначала текст подлинника, затем антиграфа.

HO 36

IOSPE 12 253

W N O C I G
 Y T O Δ O
 C A I Δ E A T
 M N O C K A I E E N

Рис. 92а. Декрет в честь амисенца (?) Аполлократа, антиграф НО 36 + IOSPE I² 253,
реконструкция автора

Подлинник:

HO 38

[— — — οἱ ἄρχοντ]ε εἶπα[ν·
ἐπειδὴ Ἀπολλοκράτης (?) Μενέ]εθριος Ἀμ[ι-
σηνὸς (?) ἀνὴρ ἀγαθὸ]ς, εὖνους καὶ φ[ί-
λος ὢν διατελεῖ τῷ δ]ήμῳ Ὀλβιοπ[ο-
5 λιτῶν τὰ ἄριστα λέγων καὶ] πράξ(ε)ων πε[ρὶ
πάντων — -

-- (отсутствует около 5 строк) --

τῶν πολιτῶν ἰδίᾳ καὶ κοι]νῇ ε[υνερ- HO 124
γῶν τοῖς ἀφικνουμένοις εἰς Ἀμιc]ὸν χ[ρεί-
ας παρέχεται καὶ πᾶσιν ἐπιει]κῆς

- — — — -AKHC HO 128

10 — — — ? Ἀπολλοκ[ράτη]

$$-\frac{1}{\omega} \frac{\partial \psi}{\partial t}$$

[- — — — δεδóσθαι Ἀπολλο-

HO 37

κρ)άτη Μ[ενέσθητος Ἀμικηνῶ αὐτῶ
καὶ] τοῖ[ς ἐκγόνοις αὐτοῦ προξενίαν]
15 καὶ πο[λιτεῖαν καὶ ἀτέλειαν πάντων, ὧν ἄν]
αὐτ[ὸς εἰσάγῃ ἢ ἐξάγῃ ἢ παῖδεσ],
καὶ εἴ[σπλουν καὶ ἔκπλουν καὶ εἰρή-
νης καὶ πολέμου, ἀσυλεῖ καὶ ἀσπονδεῖ
e. g. καὶ τᾶλλα, ὅσα τοῖς ἄλλοις προξένοις

HO 35

20 ὑπάρχει, ὅπω]ς οὖν [καὶ ὁ δῆμος φαίνεται
τοῖς κα]λοῖς καὶ ἀγα[θοῖς ἀνδράσιν]
ἀ[ξίας χάριτ]ας ἀπονέ[μω· ἀναγράψαι]
δὲ τὸ ψήφισμα εἰς [τελαμῶνα λευ-
κοῦ λίθου καὶ σταθῆναι ἐν τῷ ἱερῷ]

25 τοῦ Ἀπόλλωνος[с, τὸ δὲ ἐσόμενον]
ἀνάλωμα εἰς αὐτ[ὸ δοῦναι τοὺς ἄρ]-
χοντας· καλέσαι[ι Ἀπολλοκράτην εἰς τὸ ἱε-
ρόν τοῦ Ἀπόλλωνος καὶ ξενίσαι ἐς αὖριον·]
πέμψαι [δὲ ψήφισμα τοῦτο κτλ.]²⁹¹

«-- архонты предложили. Поскольку Аполлократ, сын Менеста, амисенец, будучи добрым мужем, благосклонным и дружелюбным, осуществляет наилучшее народу ольвиополитов словом и делом касательно всего--, в частности и вообще оказывая услуги тем из граждан, которые прибывают в Амис, и всем выказывая надлежащий -- Аполлократу -- предоставить Аполлократу, сыну Менеста, амисенцу, и его потомкам проксению и гражданские права, а также беспристрастность всего, что ни ввезет или вывезет он сам или дети, влиывать и выплывать в мирное время и военное, неприкосновенно и без заключения договора, а также все прочее, что надлежит и остальным проксемам, чтобы и народ оказался воздающим равные почести прекрасным и превосходным мужам. Записать также данное постановление на беломраморной стеле и поставить в святилище Аполлона, а необходимые на это деньги пусть выделяют архонты. Позвать Аполлократа в святилище Аполлона завтра на угощение. Также отправить это постановление --».

Копия декрета, предназначавшегося к отправке в Амис, содержала в стк. 1 тот же текст: как сказано, фр. НО 37, 38, 128 могут принадлежать и подлиннику, и копии. Безусловно, к копии принадлежат, как отмечено, фр. НО 36 и I² 253. Текст копии:

	НО 36	I ² 253
Стк. 22	[ἀναγράφαι δὲ τὸ ψήφισμα εἰς τελαμῶ]- ν]α λευ[κοῦ λίθου καὶ σταθῆναι ἐν τῷ ἱε- ρῷ τοῦ Ἀ[πόλλ]ωνος· τὸ [δὲ ἀνάλωμα	
Стк. 25	τὸ] ἐσόμε[νον εἰς α]ὐτὸ δο[ῦναι τοὺς οἰκονό- μους· καλέσαι δὲ Ἀπ[ολλοκράτην εἰς ἱερὸν Ἀπόλλωνος καὶ ξενί[σαι ἐς αὖριον·]	

Как видно, копия во всем следовала тексту подлинника, за исключением 3 пунктов. В стк. 3–4 слова переставлены местами: τὸ [δὲ ἀνάλωμα τὸ] ἐσόμε[νον] при [τὸ δὲ ἐσόμενον] ἀνάλωμα подлинника. Это мелочь, а вот в стк. 25–26 указано, что средства на изготовление стелы должны выдать экономы, тогда как в подлиннике это предписано архонтам. Это обстоятельство может служить основанием для сомнения в правильности предложенной здесь трактовки фр. НО 36 + I² 253 как копии указанного декрета. Сомнение, однако, опровергается следующими данными. Во-первых, по характерному письму все 7 обломков составляют компактную группу, не имеющую соответствий в остальных эпиграфических памятниках Ольвии. Кроме того, они близки друг другу и текстуально (за единственным исключением — архонтов фр. НО 35 заменили экономы фр. НО 36), и по всем цифровым параметрам. Во-вторых, фр. I² 253 отличается любопытной чертой: после заключительной строки [Ἀ]πόλλωνος καὶ ξενί[σαι ἐς αὖριον·] текста не было, далее книзу следует свободное пространство. Это третье отличие фр. НО 36 от фр. НО 35, в ко-

²⁹¹ Предварительная публикация греческого текста [Яйленко, 1984б, с. 54].

тором после приведенной фразы содержится еще заключительная формулировка об отправке копии постановления на родину проксена (πέμψαι стк. 29). Отсутствие такой формулировки естественно именно для копии, ибо она сама является объектом, о котором идет речь. В-третьих, можно отметить, что имеющиеся в нашем распоряжении немногие случаи, когда мы располагаем подлинником постановления и его копией (ἀντίγραφον), показывают, что текст копии содержит отличия от текста подлинника [Guarducci, 1970, p. 3]. Все это позволяет заключить, что фр. НО 36 + I² 253 действительно представляют собой копию, а присутствие экономов в ней на месте архонтов подлинника объясняется тем, что на практике деньги выделяли экономы, которым давали соответствующее распоряжение архонты. Отсюда, из двойной системы выдачи денег и могла исходить разность в определении инстанции, которая должна выделить деньги на стелу. Кроме денег на изготовление стелы-копии были еще расходы по пересылке ее на родину проксена, возможно, эта статья расходов была в ведении экономов.

Перейдем к обоснованию предложенного текста. В стк. 2 в соответствии с формальной структурой ольвийских почетных декретов после формулы [οἱ ἄρχοντες ἐῖπα]v следуют имя-отчество и этникон чествуемого проксена. Они устанавливаются следующим образом. На фр. НО 38 сохранилось окончание отчества и начало этника: --σθητος Ἀμ--. В этнике после Α уверенно читается Μ: хотя сохранились лишь левая вертикальная и наклонная гасы, по характеру примыкания последней к вертикали видно, что это Μ, а не Ν, ибо в Ν наклонная черта примыкает к самой оконечности левой гасы, тогда как в рассматриваемой букве она примыкает к вертикали ниже, как в букве Μ стк. 4 этого же фр. НО 38 (ср. также стк. 3 фр. НО 36 и стк. 7 фр. НО 35). Этникон на Ἀμ--, без сомнения, следует понимать как Ἀμ[ι]σθητός или Ἀμ[α]στριανός, ибо из числа названий городов на Ἀμ-- лишь эти два города Южного Понта, судя по эпиграфическим данным, поддерживали связи с Ольвией. При этом предпочтителен Амис ввиду следующего. Во-первых, из всех фрагментов НО явствует, что резчик декрета придерживался грамматически правильного переноса слов. Если считать, что проксен был Ἀμ[α]στριανός, то в конце стк. 2 фр. НО 38 надо читать его с переносом Ἀμ[α]στριανός, а не Ἀμ[α]στριανός — это неправильный перенос). Однако для букв ΑΜ[Α] места в конце стк. 2 явно нет, здесь едва помещается ΑΜ[Ι], т. е. Ἀμ[ι]σθητός. Во-вторых, данный декрет относится ко II в. до н. э., и если связи Ольвии с Амастрией засвидетельствованы применительно ко II–III вв. н. э. (I² 40, 41, 233), то связи с Амисом как раз применительно к концу II — первой трети I в. до н. э. (декрет I² 35 в честь амисенского капитана, о датировке которого см. ниже). Этот синхронизм также указывает на предпочтительность чтения в рассматриваемом декрете этника «амисенец».

Имя проксена устанавливается по фр. I² 253 и НО 37, 128. В конце стк. 3 первого (= стк. 26 копии) сохранились, судя по копии Латышева, буквы ΑΤ или ΑΠ. В стк. 1 фр. НО 37 сохранились буквы ΑΤΗ, которые согласно формальной конструкции декрета, бесспорно, принадлежат имени проксена, ибо в следующих строках перечисляются проксенические почести. Эти буквы могут принадлежать либо упомянутому выше началу имени ΑΤ, т. е. в целом Ατη--, либо концу его. Вопрос этот до некоторой степени, хотя и не окончательно, проясняется фр. НО 128, в стк. 3 которого фигурируют те же буквы ΑΤΗ с предшествующей буквой Ρ или Β. Если читать здесь Β, то перед нами, бесспорно, окончание датива имени проксена --βατη, если читать Ρ, то это либо конец датива имени на [--κ]ράτη, либо конец какого-то

слова (например, πατήρ) и начало имени Ατη-. Условно принимаем первый вариант и, соединяя ΑΤ фр. I² 253 (т. е. ΑΤ или ΑΠ) с [-κ]ράτη фр. НО 128, предположительно читаем имя Απολλοκράτης.

Теперь об отчестве проксена. В стк. 1 фр. НО 37 (= стк. 13 декрета) после букв ΡΑΤΗ следует вертикальная гаста. Если мы приняли указанные буквы за окончание дат. падежа имени проксена (при перечислении проксенических привилегий имя ставится в дативе), то следующая вертикальная гаста принадлежит патронимику. Соединяя эту гасту с окончанием патронимика --ςθητος, сохранившимся на фр. НО 38, получаем начало и конец отчества. В обратном антропонимическом словаре Б. Хансена есть 5 имен на --σθης [Hansen, 157], из которых 4 экзотических²⁹² и лишь одно греческое — Μενέσθης (PB, 899; II. 5, 609). Его и принимаем за патронимик Απολλοκράτα, поскольку упомянутая вертикальная гаста первой буквы вполне соответствует букве Μ²⁹³.

Сохранившиеся в стк. 3–5 остатки формулы εὔνοος καὶ φίλος, [τῷ δ]ήμῳ Ὀλβιοπ[ολιτῶν] имеют соответствие в декрете НО 26, где она сохранилась целиком: ἐπειδὴ Διονύσιος Θάγονος Χερσονησίτης κοινῇ τε εὔνοος καὶ φίλος ὦν τυγχάνει τῷ δήμῳ καὶ ἰδίαι τοῖς ἀφικνουμένοις εἰς Χερσόνησ[ον] χρ[ε]ί[ας] π[α]ρέχεται [«поелику Дионисий Тагонов, херсонесит, и вообще благосклонен и дружески расположен к народу, и оказывает полезные услуги прибывающим в Херсонес персонально». По этой аналогии восстанавливаем текст стк. 3–8 Απολλοκράτοβα декрета, причем в эту формулировку, судя по πράσ(σ)ον стк. 5, включена формула λέγων (συμβουλευῶν) καὶ πράττων (πραττόμενος), фигурирующая в почетных декретах, в том числе ольвийских, римского времени: λέγων τε καὶ συμβου[λεύων] τὰ ἄριστα τῷ δήμῳ διέτέλε[σεν] «прожил, говоря и советуя народу наилучшее» (I² 42. 16) и др. К этой трафаретной формулировке текстуально подключается небольшой фр. НО 124, а к окончанию ее условно подключаем фр. НО 128, правый край средней части стелы, где можно предположительно восстанавливать прилагательное ἐπ[ι]ει[κ]ής (ср. ἐπ[ι]ει[κ]ῇ... βίον декрета НО 42. 7). В следующей строке буквы ΑΚΗΣ уверенному восстановлению не поддаются, как и -ων стк. 11. Далее следует та часть декрета, в которой после *laudatio* чествуемого лица следует санкция о предоставлении ему проксенических привилегий. Она содержит трафаретные для ольвийских проксений формулы, восстановление которых не требует аргументации. Со стк. 19 следует текст фр. НО 35, он стандартный и вполне восстановлен Леви, в него, однако, пришлось внести некоторые уточнения, предоставляемые копией этого декрета — фрагментами НО 36 + I² 253. Это ἐσόμενον в стк. 25 вместо γενόμενον Леви, εἰς αὐτ[όν] стк. 26 вместо εἰς αὐτ[όν] Леви, [ξενί]σαι по ξενί[σαι] копии вместо [ἐπὶ ξέν]α Леви, в стк. 27 инкорпорировано имя проксена, отсутствующее у Леви. Слову πέμψαι придан соответствующий вероятный контекст (ср. I² 79. 28 сл.).

²⁹² Имя скифа у Лукиана Βάσθης, халдейский царь Ἰαπετόσθης у Бероса (PB, 199, 528), египетский царь Μοσθῆς (PB, 916) и еще один египтянин Μύσθης [Preisigke, 1922].

²⁹³ Засвидетельствованный *gen.* Μενέσθους (PB, 899) показывает, что имя принадлежит к основам на -σ-, однако последние с IV в. до н. э. стали склоняться также по типу основ на -α-, отсюда можно предположить, что от *nom.* Μενέσθης образован *gen.* Μενέσθητος, как Ἑρμῆς, Ἑρμητος, ср. [Доватур, 1965а, с. 815, § 6, 5; с. 817, § 10, 1]. Дважды поставив в реконструированном выше тексте знак вопроса при имени-отчестве и этниконе проксена (стк. 2–3), далее не ставим его при них.

Леви справедливо датировала надпись II в. до н. э. На наш взгляд, достаточно определенное чтение этника проксена в стк. 2–3 как Αμ[ιστηνός] (ср. стк. 7: $[\epsilon\iota\varsigma \text{ Αμιστ?}] \phi\upsilon$) позволяет поставить ее в один ряд с ольвийским декретом в честь амисенского капитана (I² 35). М. И. Ростовцев [1907, с. 23 сл.] связывал его с событиями 71–70 гг., когда Митридат под натиском Лукулла терял один за другим свои понтийские города, и датировал его примерно 64 г., когда Митридат вновь усилился и завладел Боспором. Его аргументы, однако, имеют косвенный характер, и ничто не мешает относить его вместе с С. А. Жебелевым [1953, с. 287] еще к последнему десятилетию II в., когда Митридат вел войны с таврическими скифами, упомянутые в Диофантовом декрете (I² 352), и когда Ольвия, подобно Херсонесу, вошла в состав его державы [Слюсаренко, 1925, с. 277/8]²⁹⁴. Одним из звеньев в цепи взаимоотношений Ольвии с Амисом, одной из столиц Митридата, была деятельность Аполлократа (?), вырисовывающаяся из рассмотренного декрета.

9.5. Декрет в честь прусийца Маркиана

Шесть фрагментов декрета в честь Маркиана, сына Домниона: IOSPE I² 57 + 263 + HO 47 + 53 + 179. Латышев под № 57 опубликовал большой фр. заключительной части декрета, в которой сохранилось имя чествуемого лица Маркиан. По его мнению, к этому же декрету (хранится в ОАМ) принадлежит и небольшой обломок из коллекции Суручана с остатками нескольких букв (обозначим его цифрой 57'). В HO под № 47, 53, 179 помещены три фрагмента (два первых опубликованы Коцеваловым [Ольвия, 1940, с. 263 сл.]). Фр. HO 47 хранится в Керченском музее (инв. № К 3707), фр. HO 53, 179 в КИМ'е. HO 47 — это левый верхний угол стелы, увенчанной фронтоном и акротериями, к нему Ж. и Л. Роберы подсоединили фр. HO 179 (Bull. ép. 1970, 408). Текстуально к этим фрагментам начальной части декрета Виноградов подсоединил обломок I² 263 (это верхний правый угол стелы), который дал имя чествуемого лица — Маркиан, и небольшой обломок HO 53 [Vinogradov, 1984; 1997, S. 351]. Его текст (перевод он не дал):

ἐπὶ ἀρχόντων τῶν περὶ Σατορνείλου Π]εισιστράτου
μηνὸς Ἀνηεῶνος κ[. ', ἐκκλησίας συνηθρο]σμένης παν-
δήμου, εἰσηγησαμένου [τοῦ δέϊνος --ο]ν, οἱ περὶ Σα-
τορνείλου <Π>εισιστράτου ἀρχ[οντες εἶπαν· ἐπεὶ] Маркиαν[ὸς]
Δομνίωνος Προυσιεύς πρὸς τῷ 'Υπίῳ ἐνδέδεικται ἐν π]ᾶσι τῶν
παρὰ ἡμεῖν εὖ γεγενοῦτ[ω]ν π[ρ]αγμάτων ἑαυτοῦ τὴν εὐνοίαν κτλ.].

HO 53:

--AI--

-- I ἐαυ[το --]

[--ἐπιμ]εληθῆν[αι --]

²⁹⁴ Дальнейшая лит. [Vinogradov, 1997, S. 93].

--HPΩAN--

[-- Πρδυσιας --

--ΑΤ--.

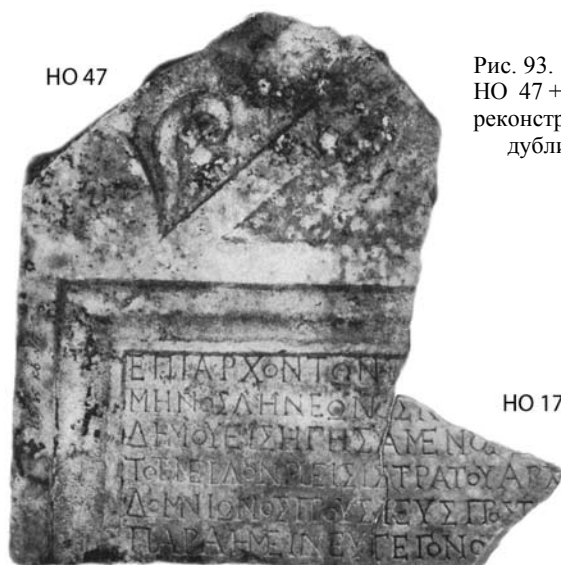
Наш перевод (без учета НО 53): «при архонтах во главе с Сатурнином Писистратовым 20 числа месяца Ленеона на всенародно состоявшемся собрании по докладу имярека, сына такого-то, архонты во главе с Сатурнином Писистратовым предложили. Поскольку Маркиан Домнионов прусиец, что на Гипии, во всех благоустроенных у нас делах выказал свою доброжелательность... ».

В том же 1984 г. я пришел к мысли, что две пары фрагментов у Латышева и Робертов составляют одну надпись, и это существенно расширило текст декрета [Яйленко, 1984а, с. 82; 1985, с. 181/8]. Фр. НО 53 — это обломок средней части декрета, с ним текстуально может быть соединен фр. I² 57. Условно относим к средней части плиты и маленький фр. I² 57'. На наш взгляд, все указанные выше фрагменты объединяются в одну стелу по одному и тому же характеру письма (особенно примечательна специфической формы и позиции в строке *omega*), по примерно одинаковой высоте букв (от 1,2/1,4 до 2 см), одним и тем же лигатурам, одинаковому расстоянию между строками, одинаково пепельному фону мрамора, наконец, по упоминанию во фр. I² 57 имени Μαρκιανός, а во фр. НО 47 патронимика Δομνίωνος — это Маркиан Домнионов, известный в качестве ольвийского архонта из надписи I² 174, датированной 198 г. н. э. Тыльная сторона стелы обработана суммарно, поэтому толщина всех фрагментов неодинакова (НО 47 — от 3 до 4,3 см, НО 53 — 4,5 см, НО 179 — 4,8 см, I² 57 — 9,5 см), чем, по-видимому, и объясняется двойная толщина фр. I² 57 сравнительно с остальными²⁹⁵. Упоминание в этом фрагменте Маркиана верифицирует принадлежность его к остальным обломкам стелы²⁹⁶. Одинаковый пепельный тон мрамора всех обломков при отмеченном сходстве остальных параметров и характера письма также указывает на принадлежность обломка I² 57 к одной с ними стеле (я видел подлинники НО 47 и I² 57 в Керченском музее и ОАМ; разумеется, желательно объединение в одну плиту всех имеющихся камней). В объединенном виде указанные обломки дают следующий текст [Яйленко, 1985, с. 182/3] (рис. 93):

Фр. А (НО 47)   А' (НО 179)   Б (I² 263)
 ἐπὶ ἀρχόντων τ[ῶν περὶ Σατοριεῖλον Πει]σιστράτου,
 μηνὸς Αἰνεῶνος κ', [ἐκκλησίας γεν]ομένης παν-
 δήμου, εἰσηγησαμένου Ξ[-- (τοῦ) --ο]ν, οἱ περὶ Σα-
 τοριεῖλον Πεισιστράτου ἀρχ[οντες εἰπαν· ἐπεὶ] Μαρκιαν[ός]
 5 Δομνίωνος Προυσιεύς πρὸς τ[ῷ ὕπ]ιω -- ^{ca. 15-20} --? π[ᾶ]σι τ[οῖς]
 παρὰ ἡμεῖν εὖ γεγενοῦς   —   —   —   —   —   —

²⁹⁵ Также мраморная плита НО 92 по нашим промерам утоняется книзу: сверху 5,5, внизу 4 см. (см. и ниже, с. 620). Другие примеры неодинаковой толщины разных частей мраморной плиты [Яйленко, 2010, с. 640].

²⁹⁶ Фр. I² 57 по содержанию представляет собой заключительную часть почетного декрета в честь Маркиана; если не соединять его с другими фрагментами, то это либо другой Маркиан, что маловероятно, так как другие носители этого имени в Ольвии не засвидетельствованы, либо второй декрет в честь того же Маркиана, однако нет других примеров издания Ольвией двух почетных декретов в честь одного деятеля (хотя выше, на с. 519, мы предположили такой случай с декретом I² 43 и 73 в честь Каллисфена Дадова).

HO 47

Рис. 93. Декрет в честь прусийца Маркиана
HO 47 + 53 + 179 + IOSPE I² 57 + IOSPE I² 57',
реконструкция автора. Слева внизу фото про-
дублировано прорисью В. В. Латышева

HO 179

IOSPE I² 263

ΙΣΙΣΤΡΑΤΟΥ
ΦΜΕΝΙΣΠΑΝ
ΥΟΥΠΕΡΙΣΑ
ΜΑΡΚΙΑΝ
ΑΣΙΤ

IOSPE I² 57'

ΠΕΡ/
ΙΠΟ

IOSPE I² 57

HO 53

7	В (I ² 57')	—	—	—	ΠΕΡ/	—	—	—
		—	—	—	—	Προ[υσί-	—	—]
9	Г (HO 53) + Д (I ² 57) ²⁹⁷	—	—	—	—	—	—	Ν!...
10	[—	—	—	—	—	—	—	?
		—	—	—	—	—	—	τῇ]ν
		—	—	—	—	—	—	ἐαυ[τοῦ φιλομ]άθε[ιαν?
		—	—	—	—	—	—	μ]εληθῆν[αι ἀν]θρώπο[υς
		—	—	—	—	—	—	—] ἤρω ἀν[ῆκε? σ]υνφορ[ά...
		—	—	—	—	—	—	—? ο]υσίας ... πᾶσαν τ[ῇν
		—	—	—	—	—	—	ἀνακηρυξ]άτ[ω δὲ] ὁ κήρυξ, ὅτι ἡ
15	[βουλή καὶ ὁ δῆμος ὁ Ὀλβιοπολεϊτῶν στεφάνοι Μαρκίαν]ον							

²⁹⁷ В стк. 9–14 сохранного текста слева буквы HO 53, справа I² 57, со стк. 15 сохранен текст только I² 57.

Δομνίωνος *e. g.* εὐεργέτην ὄντα ἀρετῆς ἔν)εκεν καὶ εὖν[όι-
ας· *e. g.* ἀναγράψαι δὲ τὸ ψήφισμα καὶ ἀνατεθῆναι] πρὸς τὸ μ..
[— — — — *e. g.* εἰς τὸ μαθεῖν τοὺς] νέους..
— — — — — — — AK...

(А + А' + Б) «При архонтах во главе с Сатурнином Писистратовым 20 числа месяца Ленеона на всенародно состоявшемся собрании по докладу Кс--, сына такого-то архонты во главе с Сатурнином Писистратовым предложили. Поскольку Маркиан Домнионов прусиец, что на Гипии, во всем благопрестыжая у нас -- (В) -- пруси -- (Г + Д?) -- свою любознательность (?) -- проявлять заботу о людях -- покойного возникло несчастье -- имущества (?) -- всю -- пусть глашатай возвестит, что совет и народ ольвиополитов увенчивает Маркиана Домнионова, благодетеля, за его доблесть и благосклонность. Записать это постановление и поставить около -- для наставления молодежи--»²⁹⁸.

Фр. А и А' примыкают друг к другу в контакте. Фр. Г и Д дают определенное текстуальное соответствие: в стк. 10 — [ʔ t̪ɪ] ʏ éav[toú filom]áθe[lanʔ], в стк. 11 — [μ]εληθῆν[ai án]θróp[os], в стк. 12 — ἦρω «покойного» и [σ]υvφορ[á] «несчастье»; в стк. 14 [ἀνακτρυξ]ἴτ[ω δὲ] ὁ κήρυξ. По поводу фр. Б отметим, что издавший его Э. Р. Штерн (Латышеву местонахождение обломка было неизвестно, и он повторил публикацию Штерна), в целом правильно разобравший надпись, некоторые буквы прочел неточно: в стк. 1 обломка он усмотрел перед первой *сигмой* эту вместо *иоты*, в стк. 3 вместо *иоты* прочел перед Π *ипсилон*. Чтение фр. А и А' даем по Роберам с небольшим изменением. Чтение на фр. В этника или топонима Προ[υσί--] с той же лигатурой букв Π и Ρ, что и в стк. 5 фр. А, подтверждает мысль Латышева о принадлежности его к данному декрету.

Лексика надписи обычна для почетных ольвийских декретов²⁹⁹. К $\epsilon\alpha\nu[\tau\omicron\upsilon\phi\iota\lambda\omicron\rho]\acute{\alpha}\theta\epsilon[\iota\alpha\nu?]$ «свою любознательность» стк. 10 *ср.* $\alpha\upsilon\tau\omicron\phi\upsilon\eta\ \phi\iota(\lambda)\omicron\sigma\omicron\phi\iota\alpha\nu\ \acute{\alpha}\sigma\upsilon\nu\kappa\rho\iota\tau\omicron\nu\ \acute{\epsilon}\kappa\tau\eta\varsigma\alpha\tau\omicron$ «обрел несравнимую природную мудрость» Каллисфенова декрета (I² 42. 12). *Gen.* $\eta\rho\omega$ «покойного» (или *dat.* $\eta\rho\omega$, либо даже *acc.* $\eta\rho\omega\alpha$, — падеж неясен) стк. 12 находит соответствие в заголовке декрета I² 40: «следующие города увенчали покойного ($\eta\rho\omega\alpha$) Феокла Сатинова». Идущее далее слово $[\sigma]\upsilon\nu\phi\omicron\rho[\acute{\alpha}]$ «несчастье» этой же стк. 12 вполне соответствует предыдущему слову «покойного», и его следует понимать так же, как и в декретах I² 34. 20 и 39. 30, где им обозначено «несчастье» города, каковым явилась для него смерть чествуемого лица. Сохранившееся в стк. 13 $\psi\omicron\varsigma\iota\alpha\varsigma$ может быть понято различно. Нам представляется вероятным чтение Коцевалова $[\omicron]\psi\omicron\varsigma\iota\alpha\varsigma$ «имущества», поскольку оно имеет параллель в Каллисфеновом декрете (I² 42. 20). Дополнение Белецкого (НО 53) $[\theta]\psi\omicron\varsigma\iota\alpha\varsigma$ име-

²⁹⁸ Перепечатав свою статью 1984 г. в *Pont. Studien* 1997 г., Виноградов ни словом не обмолвился в Nachträge к ней о моей реконструкции декрета (экземпляр МКЛНО я передал ему в 1985 г. через Л. С. Баюна). Между тем она дает более содержательный текст сравнительно с его вариантом, и умолчание о ней, как и во многих других случаях (см. с. 272, 468, 623 и др.), показывает, что личные интересы были для него выше интересов науки. Поэтому, мягко говоря, далеки от действительности и мрачные пророчества Тохтасьева [2001, с. 155]: без Виноградова-де у эпиграфики не осталось перспектив, и ламентации М. И. Золотарева, А. С. Русаевой [Археология. 2000. № 3, с. 137]: «трагично загинув далеко від рідного міста» (в баварском Констанце), из которых у несведущего читателя может сложиться впечатление, что он героически погиб на чужбине в борьбе за лучшую долю баварских крестьян, а вовсе не от сивухи.

²⁹⁹ Σατορνείλος — один из вариантов передачи латинского имени Saturninus [PB, 1350].

ет аналогию в ольвийских декретах эллинистического времени в честь родосца Гелланика и сыновей Аполлония, где это слово уверенно дополняется, но в декретах Ольвии римского времени предписания о совершении жертвоприношений не фигурируют. До стк. 11 декрета следовало перечисление заслуг покойного Маркиана и восхваление его качеств, в стк. 12–14, судя по остаткам стк. 12, сообщалось о его смерти и о решении городских властей похоронить его в соответствии с почетным ритуалом. Из числа соответствующих предписаний сохранилось указание на провозглашение Маркианова венка, присужденного ему советом и народом за выдающиеся заслуги (стк. 14–16; стк. 16 восстановлена иллюстративно в соответствии с декретом I² 34. 28). Далее должно следовать обычное в таких концовках предписание о записи декрета на стеле и постановке ее на видном месте в городе для того, чтобы (к примеру), видя ее, люди могли узнать о заслугах этого славного мужа в назидание себе (и тому подобное, как в декретах I² 34, 39, 40). В Маркиановом декрете после мотивировки увенчания [ἀρετῆς ἐν]εκεν καὶ ἐν[οίας] в следующей стк. 7 сохранилось --ι πρὸς τόμ, а в стк. 18 — νέους «молодежи». Последнее показывает, что данный декрет действительно завершался назидательной концовкой. Если читать вместе с Латышевым здесь πρὸς τὸ μ[αθεῖν] (элемент назидательной формулировки), то не останется места для обязательного предписания о постановке стелы на видном месте города. Это заставляет думать, что читать надо πρὸς τόμ — выражение, как раз и относящееся к формулировке о постановке стелы (ср. I² 40. 40: декрет в честь Феокла ставится ἐν τῷ γυμνασίῳ), т. е. Маркианов декрет ставился около чего-то, обозначение которого в начале следующей строки не сохранилось, но начиналось оно глухим согласным. Ср. также предписание поставить изображение сыновей Аполлония [πρὸς] τὴν εἰκόνα их отца (выше, с. 452, стк. 23). К νέους стк. 18 предположительно добавляем [εἰς τὸ μαθεῖν τοὺς] νέους «-- для наставления молодежи--», как в декрете I² 40. 43.

Итак, объединение обломков указывает, что после 198 г. (см. ниже) ольвиополиты приняли декрет в честь Маркиана Домнионова, гражданина Прусы на реке Гипии в малоазийском Понте. У Ольвии были налаженные связи с этим городом: прусийцы увенчали трех ксенов-ольвиополитов (I² 40, 41; НО 51), соответственно и Ольвия почтила за большие заслуги прусийца Маркиана почетным декретом. *Curriculum vitae* Маркиана вследствие фрагментарности надписи краток (ср. [Vinogradov, 1997, S. 352]). Он вел дела в Ольвии удачно (стк. 6) и вошел в администрацию города — в 198 г. он член коллегии архонтов (I² 174). Это означает, что, будучи гражданином Прусы, Маркиан принял также ольвийское гражданство. Вряд ли стоит сомневаться, что последнее обстоятельство было обусловлено состоятельностью Маркиана: в эллинистическое и римское время бедные греческие города охотно предоставляли «права» своего гражданства всем состоятельным людям, а иногда и просто тем, кто мог заплатить за это установленную таксу. Предоставление Маркиану ольвийского гражданства имеет параллель в декрете того же времени НО 45 второй половины II — начала III в. н. э., согласно которому ольвийское гражданство предоставлено присланному сюда римскими властями официально Агафоклу. Упоминаемый в надписи I² 174 архитектор был одновременно гражданином Никомерии и Том, ольвиополит Аристоник гражданин еще одного полиса (I² 162)³⁰⁰. В это же время

³⁰⁰ Ср. [Dana, 2013]. Стимулирующую роль в предоставлении прав гражданства инополитам сыграл и эдикт Каракаллы 212 г., давший право римского гражданства всем свободным подданным империи.

(в 222 и 223 г.) другие выходцы из понтийской Пруссии проявляли интерес к Боспору и его западному пограничью [КБН 55, 953; Яйленко, 2010, с. 515/6].

Маркианов декрет содержал, по-видимому, в какой-то связи упоминание об имуществе покойного ([? ο]ύσις стк. 15) и об исполнении им каких-то попечительских функций ([μ]εληθήν[αι ἀν]θρώπου стк. 11). Пекся он и о благоустройстве Ольвии, судя по пребыванию его в числе архонтов, при которых здесь были возведены бани (I² 174). Из декрета мы узнаем, что Маркиан, кажется, отличался любознательностью ([? τῇ]ν ἐαυ[τοῦ φιλομ]άθε[ιαν?] стк. 10). Выше уже приводилось соответствующее свидетельство декрета в честь Каллисфена, который αὐτοφυῆ φι(λ)οσοφίαν ἀσύνκριτον ἐκτήσατο «обрел несравнимую природную мудрость» (I² 42. 12). Эти слова можно понимать как указание на интерес Каллисфена к современным философским учениям — стое и второй софистике: как известно, первая внушала человеку склонность к самоанализу, вторая — широту познания. Ольвия как периферийный город не имела своей стоической или софистической школы, поэтому Каллисфен приобщался к мудрости αὐτοφυῆ — из природной любознательности, посредством самообразования. Сказанным отчасти может быть аргументировано восстановление в Маркиановом декрете выражения ἐαυ[τοῦ φιλομ]άθε[ιαν?] «его любознательность» (стк. 10), поскольку он был современником Каллисфена: когда последний был номинальным главой Ольвии с титулом «отец города», Маркиан входил в коллегию архонтов (I² 174). Это дает основания полагать, что в Ольвии не один Каллисфен проявлял интерес к культурным движениям современности. Вероятно, духовные запросы ольвийского гражданства конца II — начала III в. н. э. в какой-то мере соответствовали картине столетней давности, ярко обрисованной Дионом Хрисостомом, кстати, как и Маркиан, прусийцем по происхождению (XXXVI, р. 50–51): в своей массе ольвиополиты увлекались произведениями Гомера, но отдельные граждане интересовались и Платоном, его диалогами об устройстве полиса и управлении им. Именно об этом вел здесь речи Дион, вложивший в уста одного из слушателей — Гиеросонта — высказывание, что некоторые ольвиополиты наряду с Гомером любили также Платона, т. е. интерес к проблеме устройства полиса и изучение диалогов Платона взаимно питали друг друга. Приведенное Дионом высказывание Гиеросонта представляется вполне реальным, поскольку характеристика последнего (πρεσβύτερο αὐτῶν καὶ μέγιστον ἀξίωμα ἔχων «старейший из них и в высшей степени уважаемый», — § 24) позволяет отождествить с ним одноименного главу коллегии ольвийских архонтов, упоминаемого в надписи НО 87; в надписях I² 154, 332 он фигурирует как архонт и жрец [Соколов, 2014а, S. 45–46]. Еще в одном упомянутом Хрисостомом ольвиополите — молодом Каллистрате, который «уже был сведущ в речах и премудрости» (περὶ τοὺς λόγους καὶ φιλοσοφίαν, § 8) и которого можно отождествить с одноименным жрецом Ахилла надписи I² 140, виден интерес к только нарождавшейся второй софистике, отличительной чертой которой и был как раз синтез красноречия и философии. Беседы Диона, одного из основателей второй софистики, вероятно, увеличили число ее адептов в Ольвии, почему эта культурная традиция сохранилась здесь до начала III в. (Каллисфен Каллисфенов). И уже вряд ли оставался высохшим ручей софистической мысли в Пруссии, на родине Диона Хрисостома, где он много лет жил и учил. Эти соображения позволяют нам предложить чтение ἐαυ[τοῦ φιλομ]άθε[ιαν?] в стк. 10 декрета в честь Маркиана, выходца из той же Пруссии на Гипии. Как λόγους приведенного пассажа из «Борисфенитской речи» Диона свидетельствует, что речь идет именно

о второй софистике, краеугольным камнем которой было красноречие, так и [φιλομ.]άθε[ιαν?] Маркианова декрета указывает на то же культурное движение: любознательность, в особенности устремленная в древность, была одной из основных ее черт. В начале III в. Ольвия выживала лишь благодаря римским воинским отрядам, так что тем более удивительно, что и в это время здесь теплился очаг современной духовной жизни³⁰¹.

9.6. Декрет в честь Агафокла (НО 45)

Декрет в честь присланного официала (эвоката) Агафокла, текст и пер. НО, стк. 1–3: [-- οἱ ἄρχοντες]ς εἵπαν· ἐπε[ιδὴ --] Ἀγ[αθοκλῆς] ἡνοκάτος ἀ[ποσταλῆς] ὑπὸ τῶν ἡγουμένων πρὸς τὴν π[όλιν] «-- архонты постановили. Поскольку -- Агафокл Эвокат, посланный командующими в город --». В стк. 2 по камню читаем ἀπο[σταλῆς]. Текст первоиздателя С. С. Дложевского [1930] по типографским обстоятельствам лишен диакритик, восстановление некоторых из них комментатором НО Брашинским неточно: вместо ἀνακαῖον стк. 4 должно быть ἀνακαίων (в лемме редактору SEG 3, 584 Крёнерту приписано ударение ἀνακαῖων), вместо διακεῖσθαι стк. 10 должно быть διακεῖσθαι. В конце надписи идет речь о выдаче денег на изготовление стелы с декретом; дополнение τ[ὸν ταμίαν], означающее, что выдать их должен казначей, Карышковский (устно) счел твердым, указав, что такая должность была у Протогена (I² 32 В. 64). Брашинский неточно перевел sg. τ[ὸν ταμίαν] мн. числом «казначей». Ошибочно и его понимание слова «эвокат» в выражении [Ἀγ]αθοκλῆς ἡνοκάτος стк. 2: это не прозвище («Агафокл Эвокат» его перевода), а должность (= лат. evocatus). В стк. 1 следует дополнить римское родовое имя Агафокла (на необходимость его указал издатель декрета Дложевский [1930, с. 49]) Αὐρήλιος. Об институте эвокатов [Robert, 1960, p. 561; Birley, 1981, p. 28].

Поучителен вопрос о дате надписи. Дложевский, полагая, что институт эвокатов возник при Северах, датировал ее началом III в. н. э., в чем усомнилась Книпович [1966], склонившись по палеографии ко II в. н. э., к ней примкнул комментатор НО 45 Брашинский. Еще дальше пошел Зубарь [1993а, с. 42]: надпись Агафокла Яйленко вслед за издателями НО³⁰² отнес ко времени Северов, однако в соответствии с палеографическим анализом Виноградова «с этим согласиться трудно по полному несоответствию ее палеографии северовского времени». Поскольку «палеографический анализ Ю. Г. Виноградова» в печатном виде так и не состоялся (он лишь походя заметил, что НО 45 относится к I в. н. э. и ко времени Траяна [Pont. St. S. 344]), их датировка повисла в воздухе. В принципе, стремление к удревнению декрета до второй половины I в. н. э. или первой половины II в. понятно, так как письмо его близко декрету I² 48⁺ этого времени (ниже, с. 643). Однако в особенности важна его близость к декрету I² 73 + НО 165, в котором упоминается Овиний Тертулл, легат Нижней Мезии в 198–202 гг. (ниже, с. 597), что датирует Агафоклов декрет концом II — началом III в. Здесь мы имеем тот же случай, что и в ряде боспорских надписей конца I — начала III в. н. э., трудноразличимых по письму [Яйленко, 2010, с. 579/81].

³⁰¹ Об интерпретации содержания декрета см. также [Robert, 1980, p. 61 s.; Pont. St. S. 352/3].

³⁰² Тут у Зубаря двойная ошибка: издатель НО один — Брашинский, и у него другая датировка.

9.7. Декрет из Драгомирны

Рис. 94. Декрет из Драгомирны,
Фото ISM I² 65

Декрет из монастыря Драгомирна на сев.-вост. Румынии найден на берегу Черного моря, издан неназванным полисом в честь приглашенного из Византия архитектора Эпикрата Никобулова (рис. 94). Со времени опубликования в 1885 г. декрет служит предметом дискуссии о месте его происхождения и времени создания (III или II в. до н. э.). Последним обратился к этому памятнику В. Кожокару, хорошо знающий эпиграфику Зап. и Сев. Причерноморья³⁰³. Его статья — образцовая для жанра штудии одной надписи, так как рассмотрены все аспекты ее исследования: историография, лексика и формулярная структура, должностная номенклатура издавшего декрет полиса, ономастика и пр.³⁰⁴ Его комплексный подход (в отличие от предшественников, которые заостряли внимание на отдельных аспектах) позволил убедительно доказать, что по всем показателям надпись происходит из Ольвии. Поскольку он опубликовал свою статью также на русском языке, читатель сам имеет возможность познакомиться с ней. Нам остается лишь дать здесь его текст (= ISM I² 65) и перевод (с небольшими изменениями) этого старого памятника, теперь нового ольвийского:

³⁰³ [Cojocaru, 2010; 2016, каталог, № 54; Кожокару, 2011]. Сейчас печатается его всеобъемлющий указатель литературы по эпиграфике, нумизматике, просопографии Сев. Причерноморья [Cojocaru, 2014]. Когда из-за долгой болезни я не мог посещать библиотеки, он любезно переслал мне фото драгомирского декрета из ISM I² 65, которое и прилагаю.

³⁰⁴ Другая его образцовая статья посвящена исследованию декрета византийцев в честь Оронта Абабова IOSPE I² 79 [Cojocaru, 2009a], см. ниже.

--ἐπι- - - -ΙΕΣ.ΕΙΣ- -
 [δ]εκάτη(ι) οἱ σύνεδροι εἰπ[αν· ἐ]-
 πειδὴ πρεσβευτῆς ἀποστ[αλεῖς]
 5 Εὐπολὶς Φιλομήλου εἰς Βυζ[άν]-
 τιον καὶ προσταχὴν λαβὼν ἐπ[ά]-
 γειν ἀρχιτέκτονα ἐμισθώσ[α]-
 το Ἐπικράτην, ὃς παραγενόμε[ε]-
 νος πολλὰ καὶ λυσιτελῆ συνετ[ε]-
 λέσατο παρὰ τὰς ἐγδόσεις τῶν
 10 ἔργων, τοῖς τε καιροῖς συμπερι-
 φερόμενος τοῖς κατὰ τὴν πόλιν
 τοῖς μισθοῖς ἐλάμβανεν
 οὓς ὁ δῆμος ἡξίου, πολέμου τε
 προσαγγελθέντος Ὀλατικού
 15 τὰ πρὸς τὸν καιρὸν ἐμπείρωσ καὶ
 προθύμως παρεσκεύασεν, ὧν ἦν
 χρεία, εἰς τε τὸ μετὰ ταῦτα
 χρόνον ἐπιμελητὰς ἐλομένου
 τοῦ δήμου τῶν τειχῶν εἰς ἔτη
 20 δύο, ἐπικληθεὶς ὑπὸ τῶν συνέδρων
 ἐπεστάτησε συμφερόντως, πα-
 ρεπιδημῶν τε ἔτη πλείω ἀνέγκλη-
 τος ὧν διετέλεσεν, καὶ τὰ λοιπὰ εὖ-
 νους ὧν διατελεῖ τῷ δήμῳ, δόξ[αι
 25 τ]ῇ βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ, ἐπαινέσαι
 [ἀ]ρχιτέκτονα Ἐπικράτην Νικοβούλ[ου
 Βυ]ζάντιον ἀρετῆς ἕνεκε καὶ εὖν-
 [οῖ]ας τῆς εἰς τὴν πόλιν, καὶ στεφ[α]-
 νῶσαι αὐτὸν χρυσῷ στεφάνῳ τοῖς
 30 Θαρ]γυλίοις ἐν τῷ θεάτρῳ· δεδόσ[θαι
 δὲ αὐτῷ τετάρτοι σιτηρέσια καὶ μ[ισ]-
 θόν·] εἶναι δὲ αὐτῷ καὶ ἐκγόνοις προξ[ε]-
 νίαν], πολιτείαν, εἴσπλουν καὶ ἔκπλου[ν
 καὶ ἐ]μ πολέμῳ καὶ ἐν εἰρήνῃ ἀσυλε[ῖ
 35 καὶ ἀ]σπονδεῖ καὶ ἔφοδον ἐπὶ τὴν βουλ[ῃ
 καὶ] τὸν δῆμον μετὰ τὰ ἱερά· τὸ δὲ ψή-
 [φισ]μα τοῦτο ἀναγραφῆναι εἰς τελαμ[ῶ]-
 να] λίθινον ὑπὸ τῶν ἀρχόντων καὶ στ[α]-
 θῆ]ναι ἐν τῷ ἱερῷ τοῦ Ἀπόλλωνος, τ[ὸ
 40 δὲ] ἀνάλωμα τὸ εἰς τὸν τελαμῶνα δ[οῦ]-
 ναι] τοῖς οἰκονόμοις ἀφ' ὧν χειρίζουσ[ιν
 αὐτ]οί· καλέσαι δὲ αὐτὸν καὶ ἐπὶ ξέν[ια
 εἰς] τὸ ἱερόν τοῦ Ἀπόλλωνος

«-- десятого числа синедры предложи-
 ли: поскольку посол Евполид, сын
 Филомела, отправленный в Византий
 с поручением доставить архитектора,
 нанял Эпикрата, который по прибы-
 тии совершил много полезного в свя-
 зи с подрядными работами и ввиду
 сложного положения полиса доволь-
 ствовался оплатой, назначенной наро-
 дом³⁰⁶, когда же пришла весть о (г)о-
 латской войне³⁰⁷, он принял необходи-
 мые меры умело и усердно. Потом,
 когда народ избрал на два года эпиме-
 летов стен, он по приглашению синед-
 ров полезным образом руководил ра-
 ботами; и пребывая у нас в течение
 многих лет, вел себя безукоризненно,
 также и на будущее время остается
 благосклонным к народу. Посему со-
 вет и народ предложили почтить ар-
 хитектора Эпикрата, сына Никобула,
 византийца за доблесть и благосклон-
 ность к нашему городу, и увенчать его
 золотым венком в театре во время
 празднования Таргелий. Предоставить
 ему четверной продовольственный
 паек (?) и зарплату³⁰⁸. Также дать ему
 и сыновьям проксению, гражданство,
 право влипать в гавань и выплывать
 в военное время и мирное, беспре-
 пятственно и без договора, также до-
 ступ к совету и народу по очередно-
 сти после дел, связанных с куль-
 том³⁰⁹. Записать это постановление на
 каменной стеле тщанием архонтов³¹⁰
 и установить ее в храме Аполлона,
 необходимые на плиту деньги пусть
 выделяют эконоы из тех средств, ко-
 торые определяют сами. Также пригла-
 сить его на угощение в святилище
 Аполлона».

³⁰⁵ В Ольвии известен еще один архитектор, упоминаемый в надписи I² 174; никомедиец, он был одновременно гражданином также Том, т. е. строил и там. В Ольвии он выстроил при Северах термы.

³⁰⁶ Кожокару: «олатской войне», см. ниже.

³⁰⁷ Неясное место. Кожокару: «Выделить ему четвертому (как одному из эпимелетов?) провиант и гонорар».

³⁰⁸ Кожокару: «после решения священных дел».

³⁰⁹ Кожокару: «Постановление это архонтам записать...»

Для интерпретации исторического содержания надписи важна упомянутая в стк. 13–14 πόλεμος Ὀλατικός. В. Кожокару читал «в олатской войне», но сочувственно отнесся к догадке О. Фибигера о тождестве ее с упоминаемыми в Протогеновском декрете (В. 11 sq.) «предыдущей войной» (τῷ προτέρῳ πολέμῳ стк. 19) и последующими приготовлениями галатов и скиров к нападению на Ольвию. Коль доказано, что драгомирнский декрет происходит из Ольвии, «олатская война» и приведенные указания Протогеновского декрета о нападениях галатов тождественны — и потому, что это один и тот же этноним³¹⁰, и по причине совпадения времени (также по ряду других показаний мы пришли к выводу, что в III–II вв. на Ольвию с запада нападали кельты и германцы, см. выше, с. 418/9). Кожокару справедливо датировал драгомирнскую надпись второй половиной III в., но полное сходство ее формуляра с ольвийским декретом в честь смиренца Стефана второй половины II в. (ниже, с. 653) скорее указывает на II в. Однако глубоко в это столетие отодвигать драгомирнский декрет нельзя, так как письмо его все-таки характерно для III в.³¹¹ Можно лишь отодвинуть к началу II в., и это вполне согласуется с временем Протогеновского декрета, который мы датировали 180–170-ми гг., заметив вместе с тем, что изложенные в нем события происходили с конца III в. (выше, с. 502/3). Таким образом, «(г)олатская война» драгомирнского декрета имела место в первой четверти II в. Из него явствует, что Ольвия благополучно пережила это нападение, и надо думать, не в последнюю очередь благодаря своей фортификации, над которой трудился Эпикрат. Из одновременности драгомирнского и Протогеновского декретов следует, что он реализовывал мероприятия по укреплению стен и башен, профинансированные Протогеном (стены Нижнего города и 5 башен, см. выше, с. 415, 417). Эпикрат работал в Ольвии в течение «многих лет», возглавляя коллегия эпимелетов, занимавшейся совершенствованием ее оборонительных сооружений. Гражданином Ольвии он все же не стал, судя по тому, что за свои заслуги перед городом его удостоили почетно-проксенического декрета, т. е. он оставался византийцем. Из Протогеновского декрета известно, что в те времена городская казна частью пустошала, и не исключено, что Эпикрату подвернулось более денежное приглашение на родине или в другом полисе. Скорее всего, декрет издан в связи с отъездом архитектора из Ольвии (на это может намекать и туманная формулировка стк. 23–24: «также и на будущее время он остается благосклонным к народу»). Тем не менее деятельность по совершенствованию фортификации Ольвии продолжалась: в середине — второй половине II в. этим занимался Посидей Дионисиев (см. выше, с. 417/8). Ко II в. относится и строительная надпись НО 75 (см. о ней с. 622/3).

³¹⁰ Словарь В. Папе — Г. Бензелера дает примеры утраты начального Г во всех сферах ономастики — этнонимах, топонимах, личных именах, также в лексике (РВ, 20, 234/6, 245, 248, 250, 258, 262). Этнонимы: Γάβροι = Ἀβροι (St. Byz.). Топонимы: Γέροι у Скилака, Ἐραί у Фукидида (город в Ликии), Γήρωις, Νηωίς (город в Македонии), Γεῦδις, Εὔδις (река в Малой Азии). Личные имена Γυρτιάδας = Ὑρτίος Илиады, Γορσιάδας = Ὀρσιάδας. Лексика: αἶα и Αἶα из γαῖα, также γιτέα = ἰτέα у Гесихия и пр. Мена α-ο в греческих передачах кельтских названий обычна: к примеру, наименование горной цепи Альпы τὰ Ἀλπια и τὰ Ὀλπια у Посидония (fr. 48 Jас.).

³¹¹ Прямых соответствий письму драгомирнского декрета в Ольвии нет, но близкая разновидность этого эллинистического Zierschrift'a представлена в декрете в честь сыновей Аполлония последней трети или четверти III в., см. выше, с. 464/6.

9.8. Прочие декреты в честь инополитов

В числе ольвийских декретов в честь инополитов есть документы, не содержащие указания на предоставление проксенических привилегий (декреты с этими привилегиями мы рассмотрели выше, с. 536/60). Наиболее полно сохранившийся из их числа декрет в честь сыновей херсонесита Аполлония показывает, что это в основном вызвано тем обстоятельством, что привилегии ранее даны их отцам и, по обычной формуле αὐτῶν καὶ ἐκγόνοις, распространялись также на сыновей. В этот параграф включаем фрагменты тех декретов, из которых известно, что они изданы в честь инополитов, но утрата текста не позволяет уверенно заключить, содержались в них проксенические привилегии или нет.

IOSPE I² 35. Чтения Вильхельма и Робера привел Жебелев [1953, с. 275 сл.]. О прескрипте декрета [Карышковский, 1978, с. 86–87], перевод надписи [ДМЮР, с. 49].

I² 38. Это декрет в честь царя Митридата Аспургова, см. с. 586/8.

I² 46. Стк. 1–3 по Латышеву: [ἀγαθῇ τύχῃ· |ἐπὶ ἀρχόντων τῶν δεῖνα] Καδδίνου | [μηνὸς -- ἐν Ὀλβι] πόλει Βω[-- ἐκκλησίας γενομένης πα] νδήμου εἰ[σηγησαμένου κτλ.]. Карышковский [1959а, с. 130] справедливо отметил, что в стк. 2 надписи следует читать имя архонта Ахилла Каддинова, известного из НО 52. В честь этого архонта издан почетный декрет *I² 298 = НО 181* (с. 531). Интересна стк. 2 надписи *I² 46*, не имеющая аналогий в числе ольвийских декретов: [μηνὸς -- ἐν Ὀλβι] πόλει Βω[--]. Далее в стк. 3 следует обычное для начальных формул упоминание о состоявшемся всенародно собрании. Последовательность вводных формул преамбулы почетных декретов такова: 1) при архонтах во главе с *таким-то*; 2) в месяце *таком-то*, числа *такого-то*; 3) на всенародно состоявшемся собрании. Это показывает, что во всей стк. 2 и начале стк. 3 содержался либо второй элемент, т. е. название месяца, либо третий, и это не совсем обычное определение экклесии. Что касается месяцев ольвийского календаря, то нет оснований предполагать здесь наличие какого-то необычного названия. Поэтому буквы Βω-- надо отнести к не совсем обычному определению экклесии и понимать их следует в качестве этника Βω[ρυσθενεῖται] (написание его через *омегу*, а не *омикрон*, как обычно, представлено в одном из кодексов Борисфенитской речи Диона и в эпиграфическом памятнике — запросе ольвиополитов к оракулу кларосского святилища Аполлона, озаглавленном Ὀλβιπολεῖτῶν τῶν καὶ Βωρυσθενεῖτῶν [Карышковский, 1968а, с. 174 и примеч. 16]). Ввод в преамбулу рассматриваемого декрета названия издавшего его города и этника принявших декрет граждан может быть обусловлен тем, что он издан в честь скончавшегося здесь ксена. Копия этого декрета могла предназначаться к отправке на родину ксена, и авторы документа сочли нужным уточнить, что за Ольвия имеется в виду, подобно упомянутому запросу к кларосскому оракулу, где уточнено, какие именно ольвиополиты делают запрос³¹². Сказанное позволяет восстановить стк. 2–5 так:

[ἐπὶ ἀρχόντων τῶν περὶ Ἀχιλλέα] Καδδίνου
[μηνὸς τοῦ δεῖνος, τῇ δεῖνι, ἐκκλησίας τῶν ἐν Ὀλβι] πόλει Βω-
[ρυσθενεῖτῶν γενομένης πα] νδήμου εἰ-
[σηγησαμένου κτλ.]

³¹² В античном мире было 11 Ольвий [РВ, 1048]. По Плинию (IV, 82), Ольвиополь и Милетополь — древние названия Ольвии.

«-- при архонтах во главе с Ахиллом Каддиновым, в месяце таком-то, числа тако-го-то на всенародном собрании борисфенитов, что в Ольвиополе --»³¹³.

НО 24. Три обломка верхней левой части мрам. плиты, текст и перевод НО (Леви, с учетом замечаний Карышковского [1959] и Роберова [Bull. ép.]):

(Фр. А) [ἐδοξε βουλῇ κ[αὶ δῆμῳ τρι]ακάδι· Νουμήνιο[ς τοῦ δεῖνος εἶ]]πεν· ἐπειδὴ Ἀγησ[ικλῆς ? Ἀγη] |σάνδρου Ρόδιο[ς --]]⁵ ὦν εἵνους [διατελεῖ τῇ πόλει] καὶ τοῖς ἐ[ν τυχάνουσιν αὐτῷ] (Фр. А-Б) τῶν πο[λιτῶν --]] χρέας παρεχόμε[νός --]] -- Ἀγησι[κλῆς ? --]¹⁰ ἀρετῆς ἕνεκα καὶ εἰν]οί[ας --]] (Фр. В) --СПО--[[--τ]οῦς --]][- προξείαν καὶ πολ]ιτεία[ν καὶ --]]

«Совет и народ постановили тридцатого числа. Нумений, сын такого-то, предложил. Так как Агесикл (?), сын Агесандра, родосец... пребывает благосклонным к городу и обращающимся к нему гражданам... услуги оказывая... Агесикл (?)... доблести ради и благосклонности... проксению и право гражданства...»

По мнению Карышковского [1969, с. 114], на фото видно, что стк. 8 фр. А и стк. 1 фр. Б не стыкуются так, как приняла Леви. Его примерный текст, начиная со стк. 8:

[-- ἐπαίνεσαι] Ἀγησικλ[ῆν Ἀγησάνδρου Ρόδιον εἰν]οί[ας ἕνεκεν
εἰς δῆμον καὶ εἰ]ς πόλιν τῶν Ὀλβιοπολιτῶν στεφαν]οῦσ[θαὶ αὐτόν κτλ.].

9.9. Ольвиополиты в иногородних декретах римского времени

Латышев выделил такие надписи в отдельный раздел, включив в него декреты Коса, Тенедоса и Византия (I² 77–79). По неизвестной причине он не включил сюда декреты делосцев в честь ольвиополитов Посидея Дионисиева и Диодора А(г)ротова, которым посвятил специальную заметку [1909, с. 55–59]. Разумеется, в данный раздел должны быть введены и эти декреты IG XI, f. 4, 813, 814 (о них см. выше, с. 499/508), а в отдельный раздел — договор Ольвии и Милета об исополитии (Syll.³ 286 = Граков, 35, см. выше, с. 421/4).

I² 77. Декрет косцев в честь ольвиополита Посидея Латышев читал так: Κωίων.| ἐδοξε [τ]ῇ βουλῇ καὶ τ[ῶι] δῆμῳ, γνώμα προσ[τα]τᾶν· ἐπειδὴ Ποσίδε[ος .....]ου Ὀλβι]οπ[ολίτας κτλ.]. По осмотре камня в ОАМ отметим, что в окончании патронимика перед --ου стк. 5 хорошо виден уголок предшествующей буквы Ε (сохранились верхняя горизонталь и часть вертикали, см. рис. 95). Это указывает на чтение патронимика Посидея как [Ποσιδ]έου и таким образом подтверждается мнение Латышева и Миннза, что сим декретом чествуется Посидей Посидеев, известный из ряда надписей³¹⁴. По нашему мнению, Посидей Посидеев — сын Посидея Дионисова и внук Дионисия Агротова, числящегося в Каталоге ольвийских граждан

³¹³ Из уверенного восстановления декрета Латышевым явствует, что всего в строке около 35–40 букв. Бесспорный текст стк. 2 ἐκκλησίας τῶν ἐν Ὀλβι]οπ[ολε]ι Βω содержит 25 букв, так что на название месяца и число приходится до 15 букв.

³¹⁴ [I² 168, 670–672; Minns, 1913, p. 463; Дашевская, 1960, с. 261]. Подробнее об этом Посидее см. с. 613/4. Виноградов [1989, с. 243] отметил, что уже Латышев в книге 1887 г. об Ольвии [с. 133 сл.] счел этого Посидея сыном Посидея, и саркастически продолжил: «почти через столетие это “открытие” повторил В. П. Яйленко (Греческая колонизация. С. 283. Примеч. 63)». Для ясности процитирую все,

последней трети или конца III в. (с. 502/3). По разнице трех поколений в 75–100 лет внук Посидей действовал в середине — третьей четверти II в., это время и косского декрета.

Ι² 79. Декрет византийцев в честь ольвиополита Оронта, сына Абаба. В. Кожокару дал детальную и всестороннюю разработку его в образцовой по мастерству штудии одной надписи [Сојосагу, 2009а] (см. также [Dana, 2012, p. 262/3]). Тут мы коснемся лишь одного вопроса, в котором не согласны с Кожокару. По его предположе-

нию, восходящему к А. Бёку, Абаб ввиду своего семитского имени мог принадлежать к семье, переселившейся из греко-семитской среды Сирии (сына зовут Оронтом по реке в Сирии!) или сопредельного региона в возрожденную послегетскую Ольвию [Сојосагу, 2009/10, S. 45]. Может быть, это и так, но, к примеру, антиохиец Гермий вел дела в Добрудже, оставаясь на родине [Граков, 17; Блаватская, 1952, с. 145/6]. У сына Абаба Оронта персидское имя, отсюда обоснованность мнения об иранском происхождении имени Абаба — ему близко имя аланской женщины, матери императора Максимиана, Ababa [Jord. Get. 15, 83; Zgusta, 1955, S. 293]; Згуста правильно указал, что по происхождению имя Абаб «детское» (то же [Яйленко, 2010, с. 128], сюда, кстати, и семитское Abab-os: к *ab(a)* «отец»). Имея в виду аланское, т. е. сарматское происхождение имени Абаба, можно думать, что он был представителем скифского или сарматского семейства, специализировавшегося на торговле с греческими, именно ольвийскими, купцами. В таком случае получает конкретное наполнение замечка Диона Хрисостома: «После разгрома борисфениты снова заселили город, как мне кажется, по желанию скифов, нуждавшихся в торговле и посещениях эллинов... сами скифы не желали и не умели устроить им торговое место по греческому образцу» (SC I, p. 173). Одним из этих скифов или сарматов, «нуждавшихся в торговле и посещениях эллинов», и был Абаб. Предложенное решение выгодно отличается от гипотезы Бёка единством географического ареала: речь идет о скифах и (или) сарматах Нижнего Поднепровья — Нижнего Побужья, как и ранее, заинтересованных в торговле с Ольвией. См. об Абабе ниже, с. 576.

Ι² 239. Два обломка (рис. 96), обозначим один литерой А (это начало декрета, хранится в ГИМ³е), другой литерой Б (левая часть заключительных строк декрета, хранится в ОАМ). В стк. 3 фр. А Латышев читал [τ]ὰν πόλιν, в стк. 4 фр. Б: --ναν ἢ ἄν--. Ф. Струве прочел в стк. 3 фр. Б παῖδος, в стк. 5 τόδε ψά[φισμα], что навело его на мысль о дорическом языке надписи, к которой склонился и Латышев³¹⁵. Поскольку формы с аканьем [τ]ὰν πόλιν и ψά[φισμα] определенно указывают на дорийский язык надписи, перед нами ἀντίγραφον декрета, принятого каким-то дорийским городом в честь ольвиополита (надпись найдена в Ольвии)³¹⁶. Этот

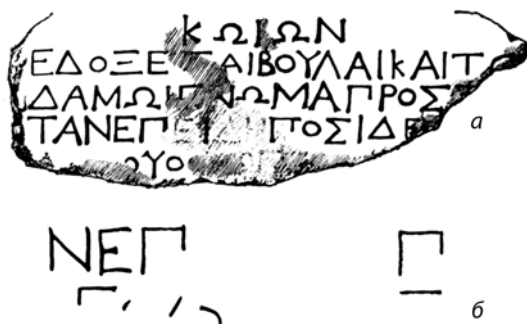

Рис. 95. Декрет IOSPE Ι² 77 (а), прорись автора стк. 4–5 (б)

что я написал там: «IOSPE Ι² № 77: Ποσιδε[ος Ποσιδ]έου», так что я всего лишь уточнил по камню чтение патронимика. Такого рода передержки типичны для приемов Виноградова в полемике со мной.

³¹⁵ Струве явственно видел А после Ψ и читал ψά[φισμα].

³¹⁶ О другом ольвийском антиграфе — копии декрета в честь Аполлократа см. выше, с. 548.

почетный декрет издан по случаю смерти чествуемого лица, так как в стк. 10 фр. Б вполне читается [θ]ανάτωι. Таким образом, чествуемый ольвиополит скончался в городе пребывания. Наш иллюстративный текст:

(Фр. А) [ἔδοξε τῷ δήμῳ] τῷ ἐν [— — —,
οἱ -- εἰπαν· (vel ὁ -- εἰπε·)] ἐπεὶ Πολ[-- τοῦ
δεῖνος Ὀλβιopolίτης -- τ]αν πόλιν - -
- - - - -ν γεν[όμενος - -
5 — — — — — α]ῦξ[ηθείς? — —
(Фр. Б, стк. 6) ...νιον ..Ι^ - - - -
[ἀπ]αθῇ ν..αν- - - - -
..ω παιδὸς αὐ[τοῦ - - - - -]
..ναν ἢ ἀναι — — — — —
10 [..θ]ανάτωι καὶ π[— — — — — στῆσαι]
μ(ε)ν τόδε ψ[άφισμα — — — — — καὶ τὰν σταλί]-
δα ἀνψ[- -]

«постановлено народом, что в --, такие-то должностные лица предложили (вариант: имярек, сын такого-то, предложил): поскольку Пол--, сын такого-то, ольвиополит, -- город -- является-- приумноженный (?) -- быть невозмутимым -- сына его -- смертью и -- Итак, поставить этот декрет в -- и надгробную стелу на вершине --»

Фр. А — верхняя часть плиты, на что указывают характер поля и текст стк. 2. Над стк. 1 расположены чистое поле и тения, отделяющая его от надписи. В стк. 2 читается наречие ἐπεὶ, которым открывается мотивировочная часть преамбулы почетных декретов³¹⁷. Этим обстоятельством подтверждается, что данный декрет (τόδε ψ[άφισμα]) относится к разряду почетных, следовательно, Пол — начало имени чествуемого лица. Стк. 3–4 содержат обычные в таких декретах слова о городе, благодетельствованном евергетом, и уверения в том, что он является носителем таких-то высоко нравственных качеств. В стк. 1 почетных декретов упоминаются инстанции, принявшие декрет: обычно это народ и совет, архонты, пританы и прочие должностные коллегии (они

Рис. 96. Декрет IOSPE I² 239, фрагмент а — фото автора, фрагмент б — фото ОАМ

³¹⁷ Обычно употребляется ἐπειδή, но и ἐπεὶ часто [Michel, 252, 266, 267, 291, 297, 307 и пр.], также IOSPE I² 79. 3, Византий. В почетных декретах одного города может употребляться то и другое.

ἐῖπαν). Часто называется по имени-отчеству фигурант, предложивший декрет (он εἶπε). В таком контексте и должны быть поняты необычные для начальных строк остатки τωεν стк. 1. Буквы τω почти наверняка относятся к слову демос: [ἔδοξε τῷ δήμῳ] τῷ ἐν [--]. Подобного рода конструкции — «народ такой-то (*этникон*), что в (*топоним*)» — известны, в том числе в почетных декретах³¹⁸. Прямое соответствие предоставляет почетный декрет лерийцев: ἔδοξε Λερίων τοῖς κατοικοῦσιν ἐν Λέρῳ «постановлено лерийцами, обитающими на Леросе» (Michel, 372, остров Лерос, Па). В стк. 5 фр. А на камне отчетливо видны усы буквы Υ и обе верхние полочки Ξ, что укладывается в свойственное ольвийским почетным декретам слово αὐξηθεῖς или иную форму глагола αὐξάνω «увеличивать, возрастать», ср. αὐξηθεῖς ἐξ[αίρετον ἀρετὴν καὶ δόξα]ν τοῦ γένους ἐ[αυτοῦ] декрета НО 50 (с. 522)³¹⁹. Речь идет об увеличении чествуемым славы своего рода или о его возмужании (чуть далее упоминается детский возраст).

Остатки текста фр. Б также укладываются в лексику почетных декретов. Слова стк. 8 παιδὸς αὐ[τοῦ] подразумевают то ли самого чествуемого (в таком случае речь велась об отце)³²⁰, то ли его сына, также отметившегося благодеяниями³²¹. В стк. 7 соблазнительно дополнение [...] Ἀθη[αί]αν, однако в дорической надписи ожидалось бы Ἀθαν[αί]αν. Поэтому предположительно усматриваем тут [ἀπ]αθή — вин. падеж прилагательного ἀπαθής, в контексте почетного декрета употребленного в значении «невозмутимый, не подверженный»³²². В стк. 10 фр. Б, как сказано, читается [θ]ανάτῳ «смертью», указывающее на кончину чествуемого лица. Упоминание псефизмы (τόδε ψ[άφισμα]) в предпоследней строке надписи соответствует неперенным концовкам почетных декретов, предписывающим поставить стелу с этим постановлением на почетном месте, а если речь идет о скончавшемся ксене, то и об отправке копии декрета на родину. Хотя необходимое содержание концовки ясно, сохранившиеся буквы ΜΙΝ в стк. 11 и ΔΛΑΝΩ стк. 12 трудны для понимания. В стк. 11 не обойтись без исправления *иоты* на Ε для получения обычного выражения [στῆσαι μ(ε)ν τόδε ψ[άφισμα] «поставить же данное постановление»; далее в почетных декретах уточняется, в каком именно месте ставится стела. Поэтому понимаем ΔΛΑΝΩ стк. 12 как распоряжение поставить плиту с постановлением и надгробную стелу на высоком (т. е. видном) месте, вероятно, кладбища: καὶ τὰν σταλί[δα] αὐ[τοῦ] --]. Подобным образом почетный декрет из Краннона в Фессалии предписал поставить стелу с постановлением «на священных высотах» (ἄκρον ἐν τοῖς ἱερουτοῖς, — Michel, 302, конец IVa). В память о Никерате поставлены его статуя с надписью на базе и стела с почетным декретом, место для них подбирают родственники (I² 34. 31–33).

³¹⁸ Такого рода обозначения относятся к изгнанникам, колонистам, либо к полисам, граждане которого живут парциально, на смежных географических объектах: ὁ δῆμος ὁ Σαμίῳν ὁ κατοικῶν ἐν Μινώα (Syll.³ 1047. 27–28), Σάμιοι οἱ ἐμ Μινοῖαι (Ib. 562. 80), Ἀθηναίων ὁ δῆμος ὁ ἐν Σάμῳ (Ib. 276 A. 5–6), Ζακυνθίων ὁ δ. ὁ ἐν τῷ Νήλλῳ (Ib. 147. 131), ὁ δ. ὁ Ἐρυθραίων τῶν ἐν Ἰωνίᾳ (Ib. 412. 12).

³¹⁹ В связи с добавлением во фр. А стк. 5 нумерация строк фр. Б увеличивается на строку сравнительно с нумерацией Латышева.

³²⁰ К примеру, Протогеновский декрет начинается упоминанием благодеяний отца Протогена Геросонта.

³²¹ Примером служит декрет в честь сыновей Аполлония: сначала отец, затем сыны — благодетели Ольвии.

³²² В почетном декрете эгиалейцев с острова Аморгос говорится, что благодаря решительным действиям чествуемых захваченные пиратами люди (τὰ ἀχμάλωτα σώματα) освобождены и они ἀπαθῆ «не пострадавшие» (Syll.³ 521. 28, вин. падеж).

10. УРОЖЕНЦЫ ОЛЬВИИ В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ ГРЕЦИИ: ФИЛОСОФ БИОН, МИФОГРАФ ДИОНИСИЙ, ИСТОРИК И ГЕОГРАФ ПОСИДОНИЙ

Периферийная Ольвия не могла быть очагом высокой по греческим меркам культуры — сюда, на край света, приезжали простые люди в поисках материального достатка, а не духовных высот³²³. Показательно в этом отношении отсутствие тут высокохудожественных памятников изобразительного искусства. Любви к Гомеру хватало лишь на доморощенное версификаторство. Однако известие Диона Хрисостома, что ольвиополиты чтут только Гомера, других поэтов не читают, скорее преувеличение, нежели правда: поэт второй половины I в. до н. э. Секст Проперций утверждал, что слава его достигла Ольвии³²⁴. Так что тут не было питательной среды для возникновения, скажем, местной оригинальной школы в какой-либо отрасли художественного или научного творчества, что имело место в городах метрополии, даже порой заштатных. Поэтому логично, что из Ольвии вышли всего 2–3 деятеля культуры, получившие известность в Греции эллинистического времени, — философ Бион, историки Дионисий и Посидоний (о них [Спиридонов, 1918; Коцевалов, 1928; FGH, Т. III A (Leiden, 1940), S. 156, № 279; Блаватский, 1978; Яйленко, 1988, 2011; Скржинская, 2002; Брагинская, 2008, *лит.*]). Мы знаем, что отдельные ольвиополиты занимались «домашним» философским самообразованием. Таков Каллисфен Каллисфенов, которого ольвиополиты почтили в самом конце II в. н. э. декретом IOSPE I² 42. Происходя из знатного рода и занимая разные государственные должности, он отличался любовью к философии, которую постигал индивидуально: αὐτοφυῆ φι(λ)οσοφίαν ἀσύνκριτον ἐκτήσато «достиг несравненного, самостоятельно постигнутого философского знания» (стк. 12). Слово αὐτοφυῆ дословно означает «самородный», «самостоятельно постигнутый» и указывает, что подразумевается вторая софистика — именно ее постулатом было внушение человеку мысли о необходимости заниматься философией (выше, с. 556)³²⁵. В Ольвии не было постоянно работавших риторов или философов, сюда время от времени делали краткие визиты той или иной степени известности деятели вроде Диона Хрисостома, поэтому ольвиополиты, тяготевшие к самообразованию в философской области, постигали ее премудрости в основном самостоятельно. Такое бывало в разные периоды истории Ольвии. Так, можно предполагать, что и первая стоя достигла Ольвии: по словам Плутарха, стоик Хрисипп из Сол (281/278–208/205) посылает софиста разносить учение в Пантикапей и Скифскую пустыню (SC I, р. 498; тут «Скифская пустыня» — метафорическое обозначение прочих греческих городов Скифии), ср. Σκυθίας πόλις I² 226. 3 — об Ольвии.

³²³ Опубликовано [Яйленко, 1988; 2013а, с. 152/4], здесь доработано.

³²⁴ Элегии, II, 7: «Ведь отсюда заслужила такое имя моя слава, пронесшаяся до зимних борисфенидов».

³²⁵ На Боспоре самостоятельно постигал основы орфического учения Гекатей эпитафии КБН 121 [Яйленко, 2010, с. 680/1]. Из декрета в честь современника Каллисфена, Маркиана из Амиса, кажется, тоже явствует, что он отличался любознательностью (выше, с. 556).

Наиболее известный из них Бион Борисфенит, мы знаем его по данным Диогена Лаэртского (IV, 7), Афиней и др. Его деятельность хорошо исследована [Брагинская, 2008, *лит.*], поэтому ограничимся краткой справкой. Он сын вольноотпущенника, женившегося на проститутке. Проворовавшегося отца продали в рабство, а молодого да красивого пашенка купил некий ритор, по смерти завещавший ему свое имущество. Вступив в наследство, Бион первым делом сжег все сочинения благодетеля и отбыл в Афины, где увлекся философией (*см.* о вояжах выходцев из Причерноморья за границу для учебы [Dana, 2014]). Пристал к поздней платоновской Академии, но одновременно слушал киника Кратета; под влиянием Феодора склонился к атеизму, в конце концов стал слушателем Теофраста, который вел школу перипатетиков в 322–287 гг. Учил в разных городах, в том числе риторике на Родосе. Умер в Халкиде в царствование Антигона Гоната. По отзыву Диогена Лаэртского, был искусным софистом, оставил много сочинений о разных достопамятностях и неплохих изречений. Его творчеству свойственны брутальность, юмор невысокого пошиба, чем он снискал дешевую популярность. Высмеивал те области деятельности, которые требовали специальной подготовки и действительного таланта — геометрию, музыку. Был безмерно себялюбив, обожал роскошь, перед смертью покался в безбожии, надеясь на долгую жизнь после смерти. Искусно пародировал коллег, язык его отличался смешением разных стилей. Словом, типичный, донельзя варваризованный провинциал из рабов, герой классической и эллинистической комедии: сребролюбивый, хамоватый, трусливый, не замеченный в создании оригинальных философских идей — таков самый известный продукт своей культуры выдала Греции Ольвия. К счастью, не только его.

Историк Дионисий Ольвийский известен под несколькими прозвищами, что затрудняло его идентификацию, наша задача состоит в том, чтобы из нескольких персонажей вычленил того, кто был уроженцем Ольвии. Διονύσιος ὁ Ὀλβιανός лишь раз упомянут в схолиях к «Аргонавтике» Аполлония Родосского (к II, 658: ἐνρεῖας ποταμοῦ ἡύνας «прибрежье широкой реки»): «Дионисий Ольвийский говорит, что так называется Ахиллов бег». Название его сочинения неизвестно (фрагменты [FGH III, 804]). Этому Дионисию уделена содержательная заметка В. Д. Блаватского [1978], который опирался лишь на приведенную фразу. Тем не менее он выяснил, что Дионисий творил между временем Аполлония Родосского (ок. 280–200) и I–II вв. н. э., когда жили схолиасты его «Аргонавтики», скорее всего, в конце III — II в. до н. э. Блаватский обратил внимание, что Дионисий писал о δρόμοι Αχιλλῆα, поэтому под ἐνρεῖας ποταμοῦ ἡύνας Аполлония подразумевались Тендровская и Северная (на Тамани) песчаные косы. Это выявляет хорошее знание Дионисием географии Сев. Причерноморья, и Блаватский с основанием счел, что точное описание Тендры Страбоном основано на его сочинении. Этим снимается мнение Э. Диля, что сей Дионисий происходил из другой Ольвии, не северочерноморской [Diehl, 1953, Sp. 5]. Мы дополним соображения Блаватского своими топонимическими выкладками, исходя из гипотезы об индоариях в Сев. Причерноморье. По нашему мнению, названию залива, местности и мыса, от которого тянется Ахиллодром, Ταμνράκη (*Pseudo-Arr.* Per. 83–84), соответствует наименование обширной приморской области в Юго-Зап. Индии Λιμυρική³²⁶. Оба происходят от др.-инд. ḍimba- «росток, побег» + mūrāka

³²⁶ По свойственному древнеиндийской фонетике соответствию церебрального ведического / и собственно санскритского церебрального ḍ.

«корень, подошва, нижняя часть, основание»; это предполагает, что первично название относилось к Тендровско-Джарылгачской косе, которая, как и все песчаные косы, периодически размывается и намывается морем: * ðimba-mūrāka дало по гаплогонии * ðimūrāka со значением «низина с порослью» — о песчаной косе и неглубоком дне моря тут, затянута водорослями. Употребленное Страбоном (VII, 3, 19) для характеристики Ахиллодрома слово ἀλιτενής «тянущийся вдоль берега; неглубокий, поверхностный (о море)» своим значением соответствует предложенной этимологии (подробнее, но ошибочно в первой части слова [Яйленко, 2013а, с. 57–58]). Этому значению близко слово ἡϊών (в выражении ἐὺρείας ποταμοῦ ἡϊόνας «прибрежье широкой реки»), которым Дионисий Ольвийский обозначил Ахиллов бег.

Полагаем, Дионисий Ольвийский тождествен Дионисию Милетскому, автору сочинения Τὰ Ἀργοναυτικά, и Дионисию же Митиленцу, тоже автору «Аргонавтики» (на этих трех Дионисиев — Ольвийца, Милетянина, Митиленца — ссылается схолиаст Аполлониевой «Аргонавтики»). Все трое осведомлены о северочерноморской мифологии: первый упоминает Ахиллодром, два вторых знают местное предание об Эете и Персее, царе тавров (Scholia in *Apoll. Rhod. Arg.* III, 200). Источник известия Диодора (IV, 45), что Геката родила от Эета Кирку и Медею, передав им умение смешивать яды, — сочинение Дионисия Милетского об аргонавтах (Scholia in *Apoll. Rhod. Arg.* II, 658, *cp.* III, 200, 242). Схолиаст «Аргонавтики» Аполлония Родосского (к III, 200) излагает эту версию полнее Диодора, сначала со ссылкой на Дионисия (без прозвища или этника), затем на Дионисия Милетского. В. Г. Борухович [1972, с. 104] отождествлял Дионисия Милетского с Дионисием Митиленцем Скитобрахионом, но сделал ошибочную отсылку к справке Свида о Дионисии Милетском, который не имеет отношения к упомянутому автору «Аргонавтики»: Дионисий Милетянин справки Свида — другой автор, живший в V в. и писавший на ионическом диалекте [Suidas, 1931, p. 110]. На наш взгляд, Дионисий Скитобрахион, он же Митиленец, — то же лицо, что Дионисий Ольвийский, т. е. он уроженец понтийской Ольвии³²⁷.

У Митиленца странное прозвище — Σκυτοβράχιων «кожаная рука» (еще одно Σκυτεύς «кожевник»: *Svet. De gramm.* 7; *Athen.* XII, 515e; *Suidas, s. n.* Διονύσιος Μυτιληναῖος). На наш взгляд, форма scythobrachion ряда рукописей Светония³²⁸ устраняет эту странность: прозвище Σκυτοβράχιων представляет собой переосмысление первоначальной формы Σκυθοβράχων (= scythobrachion Светония) «скифозвучный», т. е. «говорящий по-скифски» (Σκυθο + βράχων, *aor. part.* к βραχεῖν «звучать» *etc.*), *cp.* глоссу Стефана Византийского Σκυθογλωσσός «говорящий по-скифски»³²⁹. Это понятное прозвище для Дионисия как ольвиополита и милетянина: уроженец скифской Ольвии Дионисий был одновременно и милетянином, поскольку Милет и Ольвия связаны узами исополитии [Syll.³ 286 = Граков, 1939, с. 264] (возможно, два таких ольвиополита, переселившихся по исополитии в метрополию, опознаются в надписях Милета [Ib.])³³⁰.

³²⁷ Справка лексикографа Гесихия Милетского о Митиленце (*Hesichii Milesii Onomat.* CCXVI): «Дионисий Митиленец, сочинитель эпических произведений, прозывался он также Σκυτοβράχιων и Σκυτεύς, написал «Поход Диониса и Афины», «Аргонавтику» в 6 книгах (эта исполнялась без аккомпанемента), «Мифологию» соответственно Парменонту».

³²⁸ Scythobrachionis cod. U, scitho-cod. K, Scitho-cod. Q, Scytho-прочие рукописи [Brugnoli, 1960, p. 10].

³²⁹ *Ср.* «говорящие» прозвища скифов, изображенных на аттических вазах: Εὐβόλος «стреляющий хорошо», Εὐθύβολος «стреляющий прямо» и др. [Иванчик, 2002, с. 42–48].

³³⁰ FHG II, p. 5 sq., 490. *Hesichii Milesii Onomat.* CCXXI: «Дионисий Милетский, историк, написал «Историю персов после Дария» в 5 книгах, «Объезд населенного мира», «Персидскую историю»

Таким образом, по этниконам восстанавливается следующий жизненный путь ольвийца Дионисия: во II в. до н. э. Ольвия находилась в кризисе, возможно, поэтому он переселился в Милет, откуда перебрался в Митилену (Лесбос также имел давние связи с Ольвией [Лейпунская, 1981, с. 52–53; ГЛБО, с. 82, № 79]); позднее он окончательно осел в Александрии. Стихотворные надписи разного времени из Ольвии, лапидарные и граффити, в том числе III–II вв. до н. э., свидетельствуют о местных стихотворцах, был им и Дионисий Скитобрахион. Второе его прозвище Σκυτεύς «кожевенник», можно думать, указывает на его социальное происхождение и вполне реально как указание на первую профессию (*ср.* Luc. Zeuxis, 3 sq.: скифы занимаются скорняжным делом); точно так же из низов Ольвии происходил Бион, сын рыботорговца, тоже выселившийся в Грецию. Прозвище Σκυτεύς как раз и могло стать причиной переосмысления другого его прозвания Σκυδοβράχιον «скифозвучный» в Σκυτοβράχιον «кожаная рука». Что под разными этниконами (Ольвиополит, Милетянин, Митиленец) фигурирует один и тот же автор сочинения об аргонавтах, свидетельствует распределение их упоминаний у схолиаста к Аполлонию Родосскому (есть у него и ссылки на Дионисия без упоминания этникона — к I, 54, 256; II, 906, 967). Ольвиополит фигурирует лишь раз в справке об Ахиллодроме, Милетянин упомянут несколько раз (к III, 200, 242; IV, 119, 223, 228, 1153), в том числе как автор сочинения Τὰ Ἀργοναυτικά. Митиленец упомянут дважды без названия его сочинения (к I, 1289; IV, 177) и дважды без этникона, но с названием сочинения — Οἱ Ἀργοναῦται (от Свида известно, что его автор Митиленец). Таким образом, упоминания о Дионисиях схолиастом Аполлония ни разу не дают оснований для заключения, что это разные лица (различие названий — Οἱ Ἀργοναῦται и Τὰ Ἀργοναυτικά — вполне объясняется путаницей в этниконах)³³¹. Дионисий был мифографом, *см.* Diod. III, 66, 5: «Мы проследили в основных чертах то, что рассказано о стране Ливии у Дионисия, составившего свод древней мифопеи. Последний ведь сочинил книги о Дионисе, амазонках, аргонавтах, о событиях, имевших место во время Троянской войны, и о многом другом, ссылаясь на поэмы древних мифологов и поэтов». Жил Дионисий во II–I в. до н. э., судя по упоминанию сармат в переложении его сочинения Диодором (IV, 45, 4): дочь Эета Кирка отдана замуж за царя сарматов, которых некоторые называют скифами. Фрагменты Дионисия Скитобрахиона многочисленны [FGH, fr. 33: Teil 1. В. 1923, S. 228/57] и ожидают своего исследователя.

Сведения об историке, географе и софисте Посидонии Ольвиополите сохранил Свида (*s. n.*): ему принадлежат сочинения «Об Океане и его окружении», «Аттическая история», «История Ливии», вероятно, продолжение «Истории» Полибия³³².

на ионическом диалекте, три книги «Троянской истории», «Мифологию», «Киклическую историю» в 7 книгах». Первые 3 сочинения принадлежат Дионисию Милетскому, историку V в. (*см.* о нем выше, с. 181/2), остальные 3 сочинения написал интересующий нас одноименный эпик и мифограф.

³³¹ Один раз пересечение встречается: схолиаст к Аполлониевой «Аргонавтике» (к III, 200) ссылается сначала на Дионисия (без этникона), а затем противопоставляет ему мнение Дионисия Милетского. Полагаем, этим первым Дионисием (без этникона) может быть Дионисий Халкидский, упоминаемый схолиастом ранее (к I, 1024).

³³² О нем [Mette, 1953, Sp. 826/7], фрагменты [FGH. Т. 3 А (Leiden, 1940), S. 156, № 279], комментарий Ф. Якоби [FGH. Т. 3а (Leiden, 1943), S. 362/3]. У Свида даны справки о соименных писателях — Посидонии из Апамеи, александрийце и ольвиополите (*s. nn.* Ποσειδώνιος). Приведем справку о двух последних: «Посидоний александрийский..., ученик Зенона..., написал «Историю» после Полибия в 52 книгах до Киренской войны и Птолемея, также «Ораторские выступления», предисловия

Упоминается и трактат «О стране, называемой Τυρικῆς». Название такой страны нигде более не встречается, оно явно испорчено, поэтому предлагались разные исправления: Τυρ(α)ικῆς, Τυρι(γῆτι)κῆς (Г. Бернхарди в своем издании словаря Свида — Т. 2, Hft. 2); К. Мюллер считал Τυρικῆς гентильной формой к этнику Τυρίτης, полагая, что тут описана местность по реке Тирас [FHG III, p. 172]. Ада Адлер резонно ограничилась рукописной формой Τυρικῆς [Suidas, 1935, p. 180]. На наш взгляд, это был трактат ольвиополита Посидония «О стране, называемой Таврикой» — при минимальном исправлении Τ(α)υρικῆς, т. е. сочинение посвящено Таврике. Вполне логично, что подробное, никому другому не известное описание внутренней Тавриды, дал уроженец близлежащей Ольвии, у которой были связи разного рода с Херсонесом. Это согласуется с географическими интересами Посидония, о которых свидетельствует упомянутый трактат «Об Океане». Можно полагать, что его сочинение о Тавриде послужило источником для «Географии» Птолемея, в которой дан подробный список названий городов внутренней части полуострова, нигде более не упоминаемых (Geogr. III, 6, 5; 6). Видимо, жизненный путь Посидония сходен с путем Биона Борисфенита: оставив Ольвию, он переселился в Атику, на что может указывать написание им «Аттической истории». Судя по данным Плутарха (Aemil. 19, 3; 20), который сохранил 2 фрагмента его сочинения о деяниях македонского царя Персея [FHG III, p. 172/3], ольвиополит Посидоний жил в первой половине II в. до н. э.

11. ПОВТОРНОЕ ОСНОВАНИЕ ОЛЬВИИ ПОСЛЕ ГЕТСКОГО РАЗГРОМА

Декрет IOSPE I² 42 издан в честь Каллисфена Каллисфенова, *curriculum vitae* которого неплохо освещен ольвийскими надписями [Русяева, 1991a]. Он четырехжды первый архонт, карьера увенчана титулом «отец города» (I² 174. 9; HO 86). Дата надписи I² 174–196/8 гг. н. э. — определяет время его деятельности примерно последней третью или четвертью II в.³³³ Согласно рассматриваемому декрету, он принадлежал к славному роду, известному римским императорам. Предки его из числа κτισάντων τῇ πόλει (стк. 6). Эта формулировка лишь раз фигурирует в ольвийской эпиграфике и может быть понята двояко: его род принадлежал к числу то ли первопоселенцев Ольвии VI в. до н. э., то ли к числу семей, возобновивших город после гетского погрома середины I в. до н. э. Память о принадлежности к роду первооснователей сохранялась у греков в течение столетий³³⁴, поэтому

к речам Демосфена, думаю, они скорее принадлежат софисту Посидонию Ольвиополиту». «Посидоний Ольвиополит, софист и историк. Сочинения: «Об океане и его окружении», «О стране, называемой Т(а)врикой», «Аттическая история» в 4 книгах, «Ливийская история» в 11 книгах и прочие». У Свида же в справке о Полибии (s. n. Πολύβιος): «видимо (вариант: «должно видеть» — ἰοτέον), что продолжил «Историю» Полибия софист Посидоний Ольвиополит».

³³³ Есть медные монеты ок. 193–197 гг., чеканенные в четвертое его архонтство [Карышковский, 1968b, с. 174; 1988, с. 125; Зограф, с. 143; Анохин, 1989, с. 73–74]. Завершил деятельность в начале III в.

³³⁴ Ср. [Graham, 1964, p. 73 f.]. Аристократические роды сохраняли генеалогическое древо на множестве поколений: например, в эпитафии раннего Va с Хиоса перечислены по именам 15 предков (DGE

вряд ли стоит решать вопрос чисто механически: что ближе ко II в. н. э., то и подразумевается, т. е. возобновление Ольвии через несколько десятилетий после гетского разгрома. Для решения вопроса рассмотрим некоторые сопутствующие данные, прежде всего узус имени Каллисфен в надписях Ольвии. Оно хорошо представлено в надписях римского времени, но отсутствует в предшествующие столетия. Современником Каллисфена Каллисфенова был Каллисфен Дадов, упоминаемый в надписи I² 42 в качестве докладчика. Когда первый был «отцом города», второй был главой архонтов (I² 174), в его честь принят декрет I² 43. Их современником был Аврелий Василевс Каллисфенов (I² 85). Известны стратеги Каллисфен Сатиров, Ант Каллисфенов, также *Имярек* Каллисфенов, чествовавшийся декретом ольвиополитов [I² 44, 98, 137; Sojosaqi, 2009/10, S. 51; 2014a, S. 152].

Имя Каллисфен явно излюбленное в роду Каллисфена Каллисфенова, так что можно думать, что часть названных лиц принадлежала к одному с ним роду. В этом плане обратим внимание на автоэпитафию Евресивия Каллисфенова и Ареты I² 221 первой половины I в. н. э. (рис. 97)³³⁵. Датировка надписи показывает, что супружеская пара принадлежала к числу насельников, возобновивших Ольвию после гетского разгрома. Присутствие здесь имени Каллисфен вполне созвучно утверждению декрета в честь Каллисфена Каллисфенова о принадлежности его рода к числу «основателей города», что позволяет предполагать принадлежность Евресивия Каллисфенова к тому же роду. Но если это так, с таким же основанием можно думать, что данный Евресивий принадлежал к роду ольвийских Евресибиадов³³⁶, столь широко представленных в жреческой и административной номенклатуре Ольвии эллинистического и римского времени, начиная с IV в. до н. э. (см. выше, с. 486/7 и [Белецкий, 1955, с. 183/5]), тем более, что

690). Из расчета 25–30 лет на поколение получим 375–450 лет, т. е. в этом роду помнили предков X–IX вв., т. е. времени колонизации Хиоса. Поэтому первопредки Киприй и его сын Элдий были основателями Хиоса.

³³⁵ «Евресивий, сын Каллисфена, и Арета, дочь Папия, выстроили для себя эту гробницу за 17 дней». Надпись сделана на мраморном столике. По характеру письма относится ко второй половине I в. до н. э. — первой половине I в. н. э. (ср. [Kirchner, 118, 119, 122]), однако вторую половину I в. до н. э. надо исключить, так как после нашествия гетов Ольвия несколько десятилетий оставалась заброшенной. Капитальный склеп Евресивия и Ареты мог быть сооружен лишь в благополучное для Ольвии время — не ранее начала I в. н. э., когда в городе возобновилось строительство (I² 181), а в середине века выпускались золотые Фарзоя [Карышковский, 1988, с. 108]. Нет оснований для датировки склепа Евресивия и Ареты II в., это плод эпиграфического казуса. Склеп подвергся ограблению, и Гохман продал в 1899 г. Одесскому музею мраморный столик с надписью, сообщив, что найдена еще одна надпись. Последнюю осмотрел А. Л. Бертъе и признал в ней подделку, с чем согласились Э. Р. Штерн и В. В. Латышев. К сожалению, в дальнейшем вопрос запутала Э. И. Соломоник [1986]. Обнаружив в Ялтинском музее плиту с той же надписью, она приняла на веру утверждение торговцев о находке в склепе двух надписей. Отсюда последовала реинкарнация фальшака: в хорошей во всех отношениях книге «Ольвия» [1999], на с. 465/6 приведен текст надписи Евресивия и Ареты на мраморном столике (с типографской погрешностью — IOSPE I² 22 вместо 221), но приложена прорись ялтинского фальшака, а он другого формата и текст его короче текста I² 221. Последняя, как сказано, исполнена письмом второй половины I в. до н. э. — первой половины I в. н. э., а подделка выполнена письмом II в. н. э. (Тем не менее отмечу, что Элла Исаковна была выдающимся эпиграфистом и мы были дружны. А проколы случаются с каждым из нас.)

³³⁶ Выше, применительно к эллинистическому времени мы употребляли форму Евресибий, но с рубежа новой эры греч. *b* (на письме *beta*) произносилось как *v*, поэтому здесь даем форму Евресивий.

Рис. 97. Надпись Евресивия и Ареты IOSPE I² 221, фото автора

Каллисфен Каллисфенов занимал как жреческие должности, так и административные [Сојосагу, 2009/10, S. 54]. Поскольку в роду Евресибиадов имени Каллисфен в доримское время не было, возможна матримониальная связь: представитель ольвийского рода римского времени Каллисфенов женился на женщине из рода Евресибиадов.

Итак, в надписи подразумевается принадлежность Каллисфена к роду, во второй раз основанному город после гетского разгрома, на что в особенности указывает распространенность здесь имени Каллисфен как раз в римское время. Приведем в связи с этим истрийскую надпись рубежа I в. до н. э. — I в. н. э., в которой перечислены *ἐὐεργέται μετὰ τὴν δευτέραν κτίσιν τῆς πόλεως* «благодетели времени после второго основания города» [Pippidi, 1967, p. 153/66; 1968, p. 226 *sg.*]. Истрия разделила судьбу Ольвии — она тоже разрушена в середине I в. теми же гетами Биребисты и так же пережила второе рождение, как видно из приведенного выражения, за которым в надписи следует перечисление имен «благодетелей города».

Утверждение декрета в честь Каллисфена, что род его *ἐπιστήμων τε καὶ σεβαστογυώστων καὶ κτισάντων τὴν πόλιν* «из числа знатных и известных августам, также основателей города» вполне отвечает контексту вторичного основания Ольвии и Истрии: *κτισάντων τὴν πόλιν* соответствует выражению *τὴν δευτέραν κτίσιν τῆς πόλεως* истрийской надписи, а *σεβαστογυώστων* синхронизируется с временем вторичного основания названных городов. Л. Робер привел примеры подобного «сооснования» родного города видными фамилиями: *τῶν συνκτισάντων τὴν πόλιν* (варианты: *τὴν πατρίδα, τὸν δῆμον*), *γένους πρώτου καὶ συνεκτικότης τὴν πόλιν* «из числа сооснователей этого города», «из рода видного и сооснователя этого города» [Robert, 1965, p. 213; 1969, p. 424]³³⁷.

Как происходило новое основание Ольвии, можно понять из упомянутого истрийского декрета в честь Аристагора, сына Апатурия, принимавшего деятельное участие в возобновлении Истрии после гетского разгрома [Блаватская, 1952, с. 247/8]: «Аристагор, сын Апатурия, происходящий от доблестного отца и предков-благодетелей, бывших жрецами всех богов, и сам желая следовать их примеру и идти по их стопам, вернувшись на родину после постигшего город несчастья, когда город оставался без стен и граждане вновь подвергались опасности вместе со своими женами и детьми, он, будучи избран гражданами стеностроителем, мужественнейшим и искуснейшим образом выполнил руководство делами, не устранившись ни от физических трудов, ни от чего-либо из того, что входит в строительство. Когда же отечество окрепло и постепенно граждане стали возвращаться из варварской страны в город, он, умно встречая некоторых из варваров, владеющих этою страной, и предлагая некоторым из граждан деньги на прожитие, показал себя исключительно обходительным при организации встречи тех, кто уцелел. Также он взял на себя большую часть сделок с инополитами³³⁸, совершая

³³⁷ Неточно передал мою позицию Виноградов [1989, с. 272]: я-де отнес Каллисфена к роду основателей Ольвии VI в. К сожалению, эту выдумку не проверил по моей работе поддерживавший его В. Кожокару [Сојосагу, 2009/10, S. 51]. Повторю: это не исключено по матримониальной связи с Евресибиадами.

³³⁸ В переводе Т. В. «иностранными», но позднее она предложила замечательный термин «инополиты».

их вообще бескорыстно...³³⁹ Вновь, когда спустя три года, из-за особенно сильного нажима со стороны владеющих страной варваров граждане искали жреца Аполлона Врача, он, стеснив себя в своих жизненных средствах, посвятил себя этому... И когда в третий раз город и страна оказались в подобной же опасности, он сам выполнил жреческие обязанности, желая воздать подобающие благочестивые приношения богам и вместе с тем щедро тратить на граждан из своего собственного состояния..., благодаря этому город оставался спокойным, а граждане были спасены...³⁴⁰ Участвуя во многих посольствах от лица государства, он вел переговоры на пользу граждан с варварами, владеющими страной и рекой...»³⁴¹

Все это было и в Ольвии. Об отъезде из-за нашествий варваров говорится в Протогеновском декрете: «выселилось множество ксенов и немалое число граждан» (В. 20–21). Если так было в начале II в., тем более активным было выселение горожан в другие города ввиду разливавшейся по Сев.-Зап. Причерноморью грабительской гетской массы. Аналогичным образом часть граждан Том покинула город, тогда как основная масса населения защищалась от гетов Биребисты [Syll.³ 731; Граков, 19]. Ныне полагают, что жители покинули Ольвию и укрылись на скифских поселениях Нижнего Поднепровья [Крижицкий, Крапивина, Лейпунська, 1994; Ольвия, 1999, с. 229, 296/7]. Однако из Никератова декрета, по нашему мнению, связанного с событиями времени восстановления Ольвии, явствует, что враги нападали и на город, и на Гилею, так что это были не геты (они не могли нападать с днепровского Левобережья [Слюсаренко, 1925, с. 276]), а скифы Нижнего Поднепровья, — и левобережья, и правобережья. Это противоречит гипотезе о переселении ольвиополитов на их городища. Выявленные М. И. Вязьмитиной следы

³³⁹ Затем перечисляются исполнявшиеся им главные жреческие должности, наперво он стал жрецом Зевса «Защитника города». Как видно, жрецы не преминули приписать возрождение Истрии богам, что понятно: они сыто жили благодаря своей «непыльной» работе (ср. нынешний сытый российский бизнес в рясах: РПЦ во главе с топ-менеджером Гундяевым, он же патриарх Кирилл, — одна из богатейших фирм страны).

³⁴⁰ Далее говорится о трехлетнем исполнении им должности агораномы.

³⁴¹ Дав перевод Т. В. Блаватской, хочу этим помянуть Татьяну Васильевну самыми добрыми словами, она была мне старшим другом с 1968 г., когда стала моим руководителем в аспирантуре Ин-та всеобщей истории АН СССР. Да будет земля ей пухом. А вот пример поступков обратного свойства: когда в 1968 г. троица в составе Трещева, Виноградов, Яйленко слушала на дому лекции В. Д. Блаватского по античной керамике, Виноградов носил Татьяне Васильевне цветочки, а через 20 лет украл у нее фанаторийскую надпись о митридатовских ветеранах [Виноградов, 1991]. Чтя Т. В., я не мог не предать гласности эту неприглядную историю [Яйленко, 1996, с. 219/20]. Подробности читатель найдет там, а здесь процитирую примечание отсюда со с. 220 по другому поводу: «Коль уж речь зашла об этике, отмечу, что со второй половины 1970-х годов, когда Ю. Г. Виноградов заведовал отделом, затем был ответственным секретарем ВДИ, в ряде журнальных статей <по Сев. Причерноморью>, принадлежащих перу разных авторов, были нередки критические выпады по моему адресу в виде отдельных примечаний. Меня удивляло то, что статьи деловые и написаны знающими людьми, а вот выпады по моему адресу нередко никак не связаны с текстом и по преимуществу некомпетентны. Эта несуразица объяснилась, когда двое из авторов статей такого рода (упомяну лишь ныне здравствующую Э. И. Соломоник) сказали мне, что такого рода примечания вставлены в их статьи в редакции ВДИ без их ведома. Поскольку в качестве редактора эти статьи готовил к печати Ю. Г. Виноградов, полагаю необходимым восстановить в правах его авторство в отношении упомянутых примечаний». Возражений на это со стороны Виноградова не последовало.

эллинизации скифских городищ крайне слабы, так что если какая-то часть ольвийского населения и переселилась на них, то это была беднота. Граждане же, в особенности состоятельные, переселялись в другие города, пребывая в них на положении ксенов (ниже мы покажем, что Ольвию навсегда покинули представители ее виднейших олигархических родов). Есть намек, что часть ольвиополитов переселилась в Херсонес: во-первых, оба города издавна связаны торговыми и соответственно проксеническими отношениями (выше, с. 293, 449 *сл.*, 550), во-вторых, и в Ольвии послегетского времени была фигура, подобная Аристагору из Истрии, — Никерат, сын Папия, в начале декрета в честь которого почему-то говорится, что он замирил ввавших в распри херсонеситов. Участие ольвиополита Никерата в улаживании херсонесских дел на рубеже эр, полагаем, свидетельствует о его пребывании в Херсонесе, соответственно можно думать, и других ольвиополитов, выселившихся сюда во время нашествия гетов Биребисты³⁴². Мы предположили также, что часть ольвийских граждан могла переселиться в Смирну (с. 653).

Раньше считали, что геты разрушили Ольвию (Б. В. Фармаковский, В. Д. Блаватский), но современные раскопки не видят слоев разрушений и полагают, что город был просто оставлен жителями. С уходом гетов ольвиополиты постепенно возвращались в город. Также о возвращении жителей Истрии после разгрома города теми же гетами говорится в приведенном декрете в честь Аристагора; в Одессе составлен каталог жрецов, исполнявших должность после возвращения жителей (*μετὰ τὸν κάθοδον*) [Блаватская, 1952, с. 251]. Возрожденная Ольвия занимала примерно треть прежней территории, включив Нижний город и часть Верхнего, прослеживаются слабые следы небольшой оборонительной стены [Ольвия, 1999, с. 230/6].

Мы отметили, что супружеская пара Евресивий Каллисфенов и Арета Папиева были в числе насельников, возобновивших Ольвию после гетского разгрома. Постройка ими отменного склепа показывает, что они, подобно истрийцу Аристагору Апатуриеву, богаты; полагаем, это богатство все они составили на посреднической торговле между товаропроизводителями греческой метрополии и потребителями из числа туземной владельческой верхушки, ибо такова, к примеру, роль антиохийца Гермия, торговавшего во II в. со скифским окружением царя Канита в Добрудже через Одесс, жителям которого он оказывал beneficia [Граков, 17; Блаватская, 1952, с. 145/6; Карышковский, 1962а, с. 56–57; Соjосагу, 2013а, р. 119]. Таков и ольвийский род Посидеевичей, связи которого с правящим домом царских скифов начались еще в V в. до н. э. и продолжались вплоть до времени Северов (с. 492/3, 613/5). Связаны они и с Родосом, по амфорной таре I–III вв. прослеживаются также торговые связи Ольвии с Боспором и Юж. Причерноморьем [Крапивина, 2013а]. По догадке Диона Хрисостома, восстановление Ольвии инициировали скифы: «После разгрома борисфениты снова заселили город, как мне кажется, по желанию скифов, нуждавшихся в торговле и посещениях эллинов... сами скифы не желали и не умели устроить им торговое место по греческому образцу» (SC I, р. 173). Отсюда явствует, что именно на торговле со скифами

³⁴² Это можно подтвердить эпитафией ольвиополита II в. до н. э. из Херсонеса (IOSPE I² 546), еще один адрес может дать эпитафия ольвиополита Аристона того же времени из Каллатиса (ISM III 166 = Соjосагу, 2013а, р. 117).

и сарматами составили состояние первые богачи послегетской Ольвии (см. также выше о вероятном происхождении Абаба из скифской или сарматской семьи, торговавшей с ольвийскими купцами, — с. 563).

Есть данные, позволяющие заглянуть в историю возобновления Ольвии, прежде всего это Никератов декрет. Возобновление Ольвии пришлось на время правления Августа. Со стабилизацией Рима при нем в римской внешней политике вновь проявился интерес к Причерноморью: по Евтропию (VII, 9), в числе присоединенных при Августе к римскому государству территорий (*Romano adiecit impregio*) наряду с Египтом, Далмацией, Паннонией и пр. были «все приморские государства Понта, среди них важнейшие — Боспор и Пантикапей». Проникновение римских интересов до отдаленного Боспора означает, что в их сфере были также Ольвия и Херсонес³⁴³. Это находит поддержку в сообщении Аммиана Марцеллина (XXII, 8, 40) о стоявших в Гилее алтарях (алтаре) Августа. Аммиан упомянул там и алтари Александра Македонского, которые, по нашему мнению, были поставлены его полководцем Зопирионом после изгнания им скифов из Гилеи (выше, с. 386/7). Постановка алтарей Августа сама по себе указывает на помощь Рима ольвиополитам, и, поскольку их стесненное положение вызвано давлением окружающих варваров, можно думать, что и в правление Августа римские отряды, подобно Зопириону, очистили от них Гилею (см. ниже). Возрождение связей Ольвии с Римом при Августе подтверждает упоминание Августа в ольвийской эпиграфике: в 14 г. н. э. Абаб Каллисфенов (о нем [Русяева, 2002; Sojosa, 2009/10, S. 50–51]) выстроил на собственные средства стою, посвятив ее Августу, Тиберию и народу (IOSPE I²181). Так как стоя общественное здание, то это строительство не было продиктовано лишь желанием Абаба выслужиться перед римлянами: санкционировал строительство демос, третий адресат Абабова вотива. Датировка надписи I²181 устанавливается по титулу Тиберия Σεβαστός, который перешел к нему со смертью Октавиана в августе 14 г. Примерно к этому же времени относится почетный декрет византийцев в честь Оронта, сына Абаба, в котором указано, что отец «преуспел в известности августам» [I² 79. 6; Inschr. Byzantion, 2000, S. 26–30]; уже А. Бек отметил, что эти августы — Октавиан и Тиберий (CIG II, 2060). Вольноотпущенник Оронта Диомед воздвиг в честь хозяина экседру (I² 182)³⁴⁴.

Есть еще один памятник, относящийся к деятельности Абаба, — I² 275 (обломок правой части стелы). Латышев поместил его в число *Varia*, прочел в стк. 3 [ο]ν κλυτὸν ἄστυ τ[ὸ--], в стк. 4 [--]ατος εἰκὼν, в стк. 5 [--]ηνω στορυῆ и отметил, что эти элементы встречаются в херсонесском гимне в честь Гермеса: ὅσοι κλυτὸν ἄστυ τὸ Δώρου ναίουσιν κτλ. (I² 436). Между тем на камне в стк. 1 ольвийской надписи вполне читается имя [Α]βας (рис. 97а), а лексика стк. 3–5 κλυτὸν ἄστυ, εἰκὼν, στορυῆ обычна в эпитафиях (например, εἰκὼν, στορυῆ в эпитафии КБН 139), поэтому не исключено, что это обломок стихотворной эпитафии или строительно-мемориальной надписи:

³⁴³ Исходим из посылки, что акции римлян в отношении удаленного Боспора не могли не сопровождаться соответствующими действиями в отношении более близкой Ольвии и стратегически важного Херсонеса, как это было с середины II в. н. э. (ниже, с. 596).

³⁴⁴ Предположение А. С. Русяевой [2002, с. 184] о принадлежности Абаба и Оронта к роду Евресивиевых бездоказательно. О связях Абаба с римлянами [Sojosa, 2009/10, S. 45–48, 50–51].

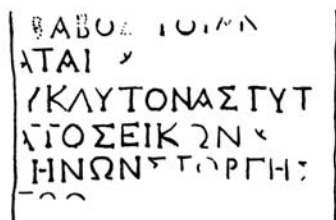

Рис. 97а. Надпись Абаба
IOSPE I² 275, фото ОАМ
и прорись автора

0 10 20 см

- [- — Ά]βαβός τοι ἀν[έστη?
- — -]αταί· vac.
[- ? πολ]ὺ κλυτὸν ἄστν τ'
[- - -]ατος εἰκὼν· vac.
5 [- — -]ηνων στωργῆς
[- — —? πα]τρὸς --]

«-- Абаб воздвиг (?) -- весьма
славный град и -- статуя (рель-
еф) -- любви -- отца (?) --»³⁴⁶.

Сей Абаб, видимо, тот же, который фигурирует в строительно-посвятительной надписи I² 181, поставленной ок. 14 г. н. э. Это оставляет возможность думать, что фр. I² 275 может быть также строительно-мемориальной надписью (об этом типе надписей см. [Яйленко, 2010, с. 573/5]). Можно также думать, что слова «воздвиг — славный град» означают построение новой Ольвии. Сохранившийся текст образует правильные метрические стопы, в целом три дистиха.

Упомянутые надписи I² 79, 181, 182, 275 приходятся на конец правления Августа и время Тиберия (14–37 гг.). Ввиду изложенного следует принимать как данность утверждение «Деяний божественного Августа» (Граков, 50): «нашей дружбы попросили через послов бастарны, скифы и из сарматов живущие по сю сторону реки Танаиса, и цари с другой ее стороны, а также цари албанцев, иберов и мидийцев».

³⁴⁵ В стк. 2 и 4 за последними буквами вырезан листок (в виде маленькой русской буквы у), обозначающий конец фразы или ее периода. Буквы стк. 6 едва различимы. Возможно, обломок служил порогом. Левая грань на нем — результат обтески для вторичного употребления. Конечная *сигма* стк. 5 сейчас не видна.

За вычетом албанцев, иберов, мидийцев, остальные народы — обитатели внутренних областей Сев. и Вост. Причерноморья, «разобраться» с которыми в Скифии / Сарматии нельзя было, не укрепившись в Истрии, Тире, Ольвии, Херсонесе, на Боспоре. Полагаем, результатом действий Августа в ольвийском направлении и стала постанова алтаря (алтарей) в честь него в сакральной зоне Ольвии Гилее. Такое заключение находит хорошую параллель в ольвийском декрете в честь Никерата Папиева (I² 34. 10–22, *пер.* Латышева): «Отражая постоянно устремляющихся на город врагов и в большинстве случаев спасая граждан, он обезопасил положение города, в каждом случае подавая разумные советы и еще лучше исполняя постановления. Наконец, когда граждане переправились в Гилею, он и в этом не преминул позаботиться об отечестве; ибо, полагая, что его присутствие будет более важною охраною для народа, без [воинов]³⁴⁶ и надлежащей свиты явившись туда, оберегал *граждан*; увидев же нашествие неприятелей, он отправил граждан в город, а сам остался, чтобы отразить их нападение, ибо с основанием полагал, что если вообще не заботиться о городе, то и в частности о нем не поспешествовать»³⁴⁷. Поэтому враги, испугавшись его непобедимой доблести, не осмелились напасть явно, но устроили ночью засаду и вероломно умертвили его» (далее идет речь о почестях герою)³⁴⁸.

Гилея лишь дважды фигурирует в ольвийских источниках — в надписи VI в. (выше, с. 252/9) и здесь, так что упоминание ее в контексте войны с варварами хорошо соответствует постановке в Гилее алтарей Августа и тоже за победу над

³⁴⁶ Лакуна начала стк. 15 может быть заполнена по-разному, но по контексту понятно, что речь ведется о прибытии Никерата без воинского отряда. Поэтому вставляем в перевод слово «воинов».

³⁴⁷ Стк. 17–18 даем в чтении А. Артимовича νε[μ]εσητόν γάρ ἦγεῖτο, [ε]ἰ κοινῇ μὲν τῆς πόλεως προῦνοί, [ἰδίαι δὲ ὑπὲρ αὐτῆς μὴ φρ]οντίσειεν и своем переводе (см. следующее прим. 349). Надпись хранится в ГИМ'е, где мурована в стену и уже два десятилетия недоступна для осмотра (закрыта шкафами для выставок).

³⁴⁸ Мраморная плита с Никеровым декретом отбита сверху и слева, в первых 7 строках надписи сохранилось по несколько букв (рис. 98). Латышев [1887, с. 140] отнес ее по письму и языку ко второй четверти I в. до н. э. — первым десятилетиям I в. н. э. По упоминанию Херсонеса он счел, что деятельность Никерата затронула и этот город — он умиротворил впавших в распрю херсонеситов, за что почтен ими статуей и рельефом. Исторический анализ декрета дал Ф. Слюсаренко [1925, с. 276/9, 289] в содержательной статье о греко-скифских отношениях во II в. до н. э. Полагая, что вырисовывающаяся из декрета ситуация не соответствует условиям времени Митридатовского протектората (107–63 гг.) над северочерноморскими городами, он датировал его предшествующим временем. Другой предел — Протогеновский декрет начала II в. Указал Слюсаренко и несколько, как ему показалось, текстуальных соответствий между формуляром обеих надписей. Полагаем, они достаточно отдаленны, так как Латышев сразу подметил различие их языка — надпись Протогена составлена языком эллинистических декретов, надписи Никерата свойствен язык декретов, переходных от эллинистического к римскому времени. Согласно Слюсаренко, в Никеровом декрете нет указаний на зависимость Ольвии от скифов, напротив, она ведет с ними борьбу. Текстологии стк. 7–9 и 17–18 уделена заметка А. Артимовича [Artemović, 1925, p. 139/41]. По его мнению, в стк. 7–9 речь идет о том, что Ольвия и Херсонес отягчены постоянными войнами и Никерат, прекратив раздор между ними, умиротворил Ольвию. Указанные строки он читал так: [ἐπεὶ εἶδε] συνεχέσι πολέμοις καταβυθισθ[ε]ἰ[σας τὰς πόλεις,] δι[μ]έ[λυσεν] τὴν μεταξὺ αὐτῶν διαφορὰν, κατέσ[τησεν] δὲ πόλιν εἰς εἰρήνην -- [ἐκ νεὶ ἀντὶ το]ύτων «когда Никерат увидел охваченные (буквально «потопленные») беспрерывными войнами *города*, он прекратил распрю между ними, умиротворил город (Ольвию), за что почтен ими постановкой статуи и рельефного изображения» (*пер.* наш). В стк. 17–18 Артимович принял дополнение Диттенбергера [ε]ἰ (вместо [κα]ί Латышева) и дал чтение νε[μ]εσητόν γάρ ἦγεῖτο, [ε]ἰ κοινῇ μὲν τῆς πόλεως προῦνοί, [ἰδίαι δὲ ὑπὲρ αὐτῆς μὴ φρ]οντίσειεν «ибо с основанием полагал, что если вообще не заботиться о городе, то и в частности о нем не поспешествовать» (*пер.* наш).

врагами. Упомянутый комплекс надписей времени Августа и Тиберия свидетельствует, что восстановление Ольвии происходило в их правление и что началось оно при Октавиане. При нем Гилею очистили от врагов, так что деятельность Никерата, погибшего при обороне Гилеи, приходилась на это время. Как сказано, по догадке Диона Хрисостома, Ольвия восстановлена по желанию окрестных скифов. Наши данные показывают, что важной причиной возобновления города были также интересы римлян, которые, как свидетельствует приведенный пассаж «Деяний

Рис. 98. Никератов декрет IOSPE I² 34

божественного Августа», стремились установить протекторат над варварской массой Сев. Причерноморья во имя мира в регионе. Содержание Никератова декрета показывает, что римляне главным образом делали ставку на местные ресурсы — население Ольвии, которые вели в основном борьбу с варварами. Однако постановка алтаря сама по себе предполагает, что были задействованы также римские отряды, очистившие от варваров Гилею. Это была акция, подобная позднейшей экспедиции Плавция Сильвана по освобождению Херсонеса от наседавших скифов и военным действиям Антонина Пия по освобождению Ольвии от тавроскифов.

Исторические данные, присутствующие в Никератовом декрете, следующие: 1) Никерат вернулся на родину; 2) замирил херсонеситов³⁴⁹; 3) ведя военные действия против врагов, обезопасил положение Ольвии; 4) из того, что он подавал разумные советы и исполнял необходимые предписания, следует, что он занимал высокую административную и военную должности; 5) в соответствии с военной должностью он обеспечивал охрану ольвиополитов, отправившихся в Гилею³⁵⁰. И сама фигура Никерата, и изложенные события находят соответствия в надписях западнопонтийских городов времени борьбы с гетами Биребисты. Возвращение Никерата в Ольвию находит параллель в упоминаниях надписей из Истрии и Одесса о возвращении их жителей после гетских погромов (см. выше). Участие Никерата в замирении херсонеситов мы объяснили выше тем, что ввиду гетского нашествия часть ольвиополитов переселилась в незатронутый грабителями Херсонес. После ухода гетов враждебную позицию по отношению к возрождавшимся греческим городам заняли местные варвары, так что вернувшимся жителям западнопонтийских полисов приходилось воевать с ними. Деятели, подобные Никерату, фигурируют в декрете из Том времени борьбы с Биребистой: город оказался в отчаянном положении, часть жителей покинула его, но основная масса населения защищалась, и для ведения военных действий были избраны два военачальника (ἡγεμόνες), успешная деятельность которых отмечена почетным декретом [Syll.³ 731; Граков, 19]. Между прочим там упоминаются должностные лица, ненадлежащим образом исполняющие обязанности, и гегемоны должны карать их; в Никератовом декрете тоже говорится о надлежащем исполнении им обязанностей. Таким образом, содержание Никератова декрета перекликается с соответствующими данными надписей из западнопонтийских городов времени гетских войн, что верифицирует его датировку этим временем.

При защите Гилеи Никерат погиб (в стихотворной эпитафии I² 274 того же времени говорится о погибшем где-то в Скифии юноше, см. с. 632/3). Несмотря на неумеренную велеречивость Никератова декрета, заслуги его действительно велики, судя по предписанию об оказании пышной погребальной церемонии и дальнейших периодических почестей, прежде всего постановку стелы с декретом и конной статуи. Для только возродившегося города это не было проблемой больших затрат — декрет вырезан на мраморной стеле высотой несколько более метра, шириной чуть более полуметра, толщиной 9 см. Если Евресивий и Арета построили себе

³⁴⁹ По мнению В. А. Кутайсова [2003, с. 81–82], плохая сохранность текста о херсонеситах не позволяет думать, что Никерат замирил их, такая ситуация больше подходила бы для самой Ольвии — она близка той, что представлена в Протогеновском декрете; странно, что о заслугах перед другим полисом говорится раньше, чем о заслугах перед Ольвией (тут же см. и новую лит.).

³⁵⁰ Они спасались от осады города, либо направились на летние работы [Слюсаренко, с. 279], либо отправились на празднество в честь Ахилла [Виноградов, 1989, с. 187].

большой склеп, то и у города были возможности для оплаты бронзовой конной статуи героя, кстати, не обязательно натуральной величины. Важно упоминание родственников Никерата — он принадлежал к олигархическому роду, скорее всего к тому, члены которого упомянуты в надписях II в. до н. э. IOSPE I² 190, 191 (рис. 98а, 98б). Вот его стемма, по Латышеву: глава Аристон, сыновья Никерат, Евбиот (№ 191), от Никерата происходят Аристон (№ 201) и Эпикрат (№ 191, 192), жена последнего Тимо, дочь Ипсикреонта (№ 190). Это выделенный нами выше (с. 490) род Никератовичей, появившийся в эпоху кризиса III в. до н. э. и давший Ольвии военачальников. Таковым, собственно, и был Никерат Папиев. Личное имя Папий изредка встречается в IV–III вв. (Херсонес, Горгиппия), но в Причерноморье становится распространенным со II–I вв. до н. э. [LGPN IV, 270], это, кстати, тоже свидетельство принадлежности Никератова декрета к позднему времени.

В связи с нашей трактовкой событий рассмотрим палеографическую дату декрета (рис. 98). Латышев [IOSPE I² 34, коммент.] отнес его по письму и языку к I в. до н. э., историческую ситуацию обрисовал известием Протогеновского декрета III в. о наседавших на Ольвию варварах и сообщением Диона Хрисостома, что город не раз захвачен ими, самое большое разорение претерпел при Биребисте. Поскольку город еще в состоянии оказать погибшему Никерату пышные почести, Латышев заключил, что случилось это перед гетским погромом, в первые десятилетия I в.³⁵¹ П. О. Карышковский тоже отнес декрет ко времени перед гетским погромом. Как сказано, Ф. Слюсаренко по соображениям исторического плана отнес Никератов декрет к концу II в. Еще более удревнил его Ю. Г. Виноградов [1989, с. 184/8] — до начала II в. Он отметил, что шрифт декрета характерен для первой половины II в., сославшись на письма НО 21 + 30 + 120; 34, 74, датированные издателями НО концом III — первыми десятилетиями II в.³⁵² Датировки издателей НО он изложил неточно³⁵³. Обратимся к письму Никератова декрета. Это непростой орешек, не случайно Т. Н. Книпович [1966, с. 26] отказалась рассматривать его в своем обзоре ольвийского лапидарного письма. Раннеэллинистическое письмо эволюционировало ко II–I вв. до н. э. в сторону технической усложненности, повышенной декоративизации букв, сложности распределения их по полю надписи (т. н. *Zierschrift*). Декоративизация была большей или меньшей, представителем упрощенного варианта является Никератов декрет. Его Σ, Ε составлены из горизонталей и вертикалей, верхняя горизонталь *сигмы* подана чуть вперед относительно нижней, скрещение диагоналей отмечено справа декоративным прочерком. Тело *омеги* округло, кружок покоится непосредственно на лапках, лежащих на нижней линии строки. *Альфа* с прогнутым средником, правая боковина продолжается над пересечением с левой. Боковины Δ и Λ прогнуты, у первой правая продолжается за пересечением, у второй обе скрещены; *ипсилон* двух форм — Υ, V, с завитком вверх; перекрытие Π выходит за стойки, правая из которых укорочена; стойки Ν, Μ прямые. Апексаций нет, все буквы, в том числе круглые, одинаковой высоты и величины, они равномерно и тесновато следуют друг за другом, т. е. отличаются убористым расположением. Виноградов правильно указал на сходство письма

³⁵¹ Мнение Латышева в основном восприняли В. Диттенбергер (Syll.² 324) и Ф. Хиллер (Syll.³ 730).

³⁵² К концу III — началу II в. отнес надпись В. Кожокару [Cojocaru, 2013a, p. 116].

³⁵³ НО 21 датирован временем «не ранее второй половины III в.», НО 30, 120 — «вторая половина III в.», НО 74 — «скорее всего II в. до н. э.». Лишь дата НО 34 соответствует изложению Виноградова — «не ранее конца III, скорее первые десятилетия II в. до н. э.».

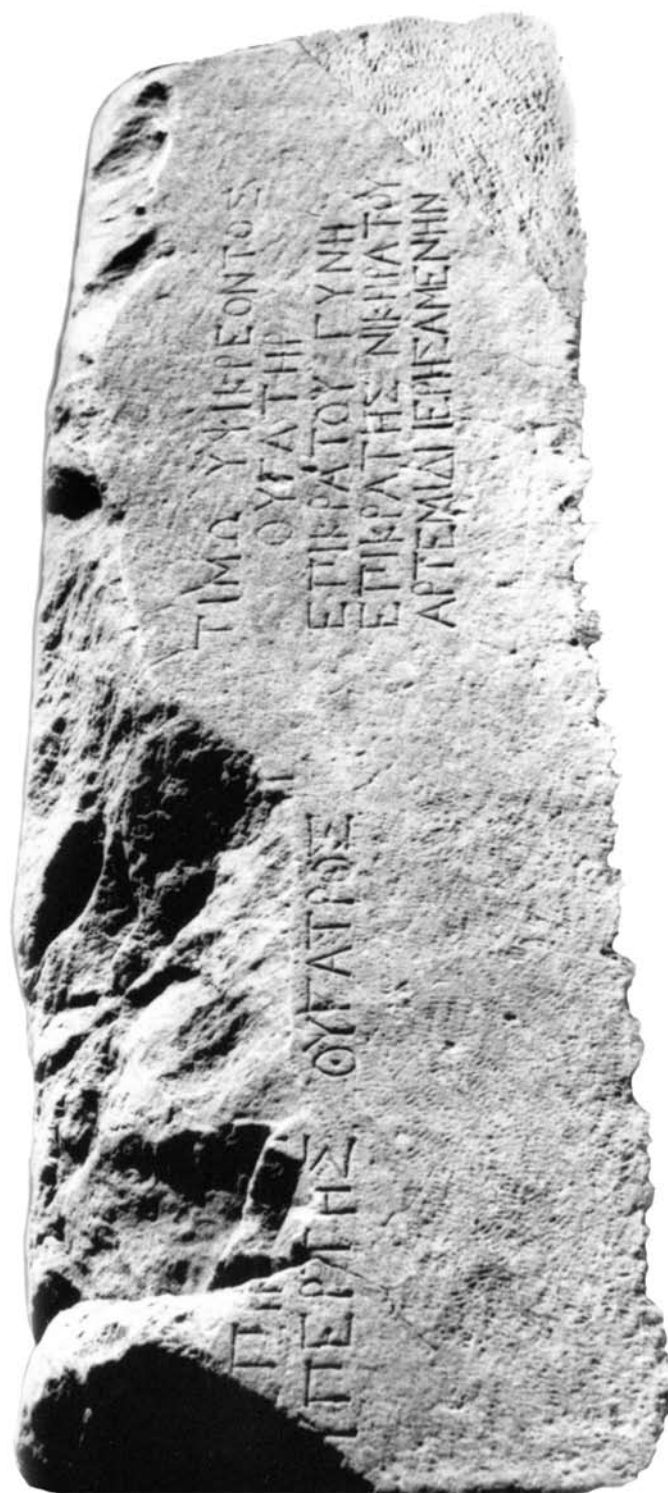

Рис. 98а. Вотив Эпикрата Никератова IosPE I² 190, фото автора

Рис. 98б. Вотив Эпикрата Никератова IOSPE Г² 191, фото Археол. комиссии

Никератова декрета с НО 21 + 30 + 120, также 74 и отчасти 34. Однако эти надписи II в. до н. э. знаменуют собой лишь начало данного пошиба позднеллинистического письма, он еще долго продолжал употребляться — до начала новой эры, о чем свидетельствуют датированные аттические памятники [Kirchner, 104 (ок. 153 г.), 110 (106 г.), 112–119, 121–123 (81 г. до н. э. — 36 г. н. э.)]. При этом убористость письма проявляется в надписи конца II в. [Ib. 110 от 106 г.]. И в Ольвии такие памятники следуют со II в. до н. э. по I в. н. э.: НО 76 (коммент. Книпович: по характеру письма вторая или первая половина I в. н. э., по условиям находки скорее II в.), IOSPE I² 37 (по Латышеву, II–I вв.), 190, 191 (по Латышеву, обе III–II вв. до н. э.), 221 (по Латышеву, римское время; по нашей датировке, первая половина I в. н. э., *см.* выше, с. 571), 226 (по Латышеву, II в.); сюда также I² 68, 73, 85, 148 (без даты у Латышева, для чистоты картины не даем своих дат). Таким образом, палеографически Никератов декрет может датироваться широким периодом от II в. до н. э. по I в. н. э., так что дата его устанавливается по содержанию и соответствующим ему историческим обстоятельствам. Ключевой момент нашей интерпретации — уникальное по совпадению упоминание Гилеи в декрете и наличие алтарей Августа в ней, а также аналогии, предоставляемые западнопонтийскими надписями середины и второй половины I в. до н. э. Соответствует нашей датировке и палеография надписи.

Как сказано, род Никератовичей действовал в Ольвии с III в. до н. э. и его представители остались в отечестве после ее гибели, отстраивая новый полис. Из числа старых догетских олигархических родов строили новую Ольвию немногие. По личным именам надписей I–II вв. н. э. можно заключить, что это были еще только Евресивиевы и Посидеевичи³⁵⁴. Все остальные сбежали в метрополию. Поэтому твердо можно заключить: новую Ольвию создали, по существу, новые люди. По именику надписей I–II вв. просматривается несколько новых главенствующих родов — Каллисфеновы, Каллистратовы, Ахилловичи, Эротовичи, Деметриевичи, Дионисиевичи, Зефовы, Зобиевы, Иеросонтовы, Дионисодоровичи, Никиевичи, Папиевы, Понтиковы. Выявление этой родовой структуры города, стемм родов, их хронологии — важная задача будущих исследований. Ее составная часть — выявление варварских родов, их этническая атрибуция, время внедрения в Ольвию и занятия доминирующего положения наряду с греческими родами. Видимо, выпуск в Ольвии монет Фарзоя ок. середины I в. н. э. обозначает начало этой инвазии скифо-сарматского населения в город³⁵⁵.

³⁵⁴ Евресибиевичи: Эрот Евресивиевич IOSPE I² 138; Евресивий Стратонов, Евресивий Адоевич, Евресивий Амормарович; Амормар, Анаксимен, Арсевах, Омпасалак Евресивиевичи (I² 83, 106, 130, 131, 175). В роду Евресибиевичей догетского времени имени Анаксимен не было, это имя Посидеевичей, стало быть, в послегетское время Евресивиевичи и Посидеевичи породнились. Род Посидеевичей хорошо представлен в эпиграфике I–II вв. (стемму *см.* ниже, с. 614/5): Александр, Анаксимен, Асклепиад, Ахилл Посидеевы, Маниаг, Мулиург, Сараксаз, Сороз Посидеевы (I² 95, 96, 102, 111, 113, 183); Посид Дадов, Посид Зефов, Посид Сатиров, Нил Посидов, Посид[–] (I² 51, 100, 129; НО 82, 86). Может быть, характерное для рода Посейдониевичей имя Сократ, весьма употребительное в поздних надписях вместе с употребительным у Евресибиевичей именем Анаксимен (I², р. 156), свидетельствует, что часть Посейдониевичей породнилась с Евресивиевыми и строила новую Ольвию. Маловероятно, что фигурирующие в надписях I–II вв. Феокл Сатиров, Феокл, Папий Аристонов, Аристон Варгадаков (I² 40, 93, 147, 289) принадлежат к старому роду Аристоновых-Феокловых, так как у них нет сопряжения с излюбленными именами этого рода.

³⁵⁵ [Зограф, с. 138; Карышковский, 1988, с. 108; Анохин, 1989, с. 64–66]. Обычно нумизматы думали о подчинении Ольвии скифскому царю Фарзою, но более обоснованным представляется мнение В. А. Ано-

12. ОЛЬВИЯ, РИМ И ВАРВАРЫ

в I в. до н. э. – III в. н. э. по эпиграфическим данным

Ольвийские надписи, так или иначе связанные с Римом, помещены Латышевым в разных разделах IOSPE I² — «Посвящения строений», «Подписи под статуями и другие почетные надписи», «Varia» и пр. Распыление освещающих эту существенную тему надписей по разным разделам неоправданно: скудость наших сведений об этом предполагает необходимость сведения воедино всех надписей, так или иначе трактующих данную тему (в том числе утверждения декретов в честь частных лиц об их сношениях с римскими властями). Таких надписей немного, но, собранные воедино, они дают картину развития взаимоотношений Ольвии с Римом на протяжении I–III вв. н. э. Ее дополняют отрывочные литературные известия³⁵⁶. Хронологически отношения Ольвии и Рима можно группировать по 4 периодам: 1) от Лукулла до конца I в. до н. э.; 2) от Августа до Траяна; 3) от Антонина Пия до Северов; 4) эпоха «солдатских» императоров.

12.1. От Лукулла до конца I в. до н. э.

Впервые Ольвия попадает в сферу римских интересов в связи с тем, что подержала, как и города Зап. Понта, Митридата Евпатора в его борьбе с Римом. С союзниками Митридата в Зап. Понте и Фракии воевал в 72–71 гг. Марк Лукулл [Латышев, 1887, с. 191; Блаватская, 1952, с. 165/9]. По словам Феста, он взял Аполлонию, Каллатис, Партенополь, Томы, Истрию, «и добравшись до Дуная, показал

хина о мирном сосуществовании города и скифов. Происхождение имени Φαρζεος, Φαρζοιος неясно [Zgusta, 1955, 336], по В. И. Абаеву [1979, с. 288], оно, вероятно, имеет осетинское соответствие. На наш взгляд, это то же имя, что Πατρισά-δης, но в форме, близкой среднеиранскому языковому состоянию. Говоря, что греки варьируют иностранные имена, Страбон (XVI, 4, 27) привел в пример пару Φάρζιρις = Παρίσατις. Последнее как антропоним есть в персепольских документах ахеменидского времени, этимологическое его значение *pari-auijah- «полнота силы, превосходство в силе», «победа, победоносный», оно же у имени Πατρι/ισάδης [Грантовский, 1970, с. 201/3; Расторгуева, Молчанова, с. 40]. Более поздняя его форма (с III в. до н. э.) — ср.-перс. rēdōz = Пероз (Парвиз, Фируз). Значение «победоносный» свойственно иранским царским прозвищам: авест. arəjah-, среднеперс. čēr, также бактр. oanindo (Kanēško oanindo «победоносный Канишка» большой Сурхкотальской надписи) [Яйленко, 2010, с. 337/8].

³⁵⁶ Опубликовано [МКЛИО 1987, с. 73–85; Антонова, Яйленко, с. 76–78], здесь расширено и доработано. Это обзор эпиграфических памятников, относящихся к взаимоотношениям Ольвии и Рима, основное внимание уделено их текстологии. Исторический аспект этой темы [Зубарь, 1998; 2003/4; 2004; Zubar, 2007], археологический аспект, в том числе строительные надписи [Крапивина, 1993; Ольвия, 1999, гл. 6–7; Зубарь, Крапивина, 2004]. Из моей работы 1987 г. идею эпиграфического обзора позаимствовал Ю. Г. Виноградов, но без указания на источник своего вдохновения: через 3 года он опубликовал свой обзор (краткий вариант [1990, с. 27–32 = Pont. St. S. 341/5], расширенный вариант [Vinogradov, Nazarov, 1994, S. 101/8]). Эпиграфическая часть последней статьи, разумеется, написана Виноградовым (Назаров археолог), и она по сути повторила мое изложение в МКЛИО 1987 г. — там тот же принцип хронологической последовательности от времени Августа до первой половины III в., те же надписи IOSPE I² 181, затем 79 (именно те же стк. 6–7), надписи Северина, известие Юлия Капитолина о помощи Антонина Пия ольвиополитам, эпитафия IOSPE I² 687, NO 42, 45 и пр. Выводы, разумеется, всегда противоположны моим. Как всякий вторичный продукт, это повторение пройденного, а выводы мертворожденные, ибо если я даю два варианта понимания надписи и выбираю один из них, Виноградов обязательно берет второй (см. ниже, в качестве примера надписи Северина).

скифам римское оружие»³⁵⁷. У Евтропия (Brev. VI, 10) следует примерно тот же текст, откуда следует, что оба историка почерпнули его из общего источника, в котором эпизод излагался подробнее (например, [Bird, 1993, p. 103]). Отметим при этом, что у Евтропия в списке взятых Лукуллом городов, очевидным образом перечисляемых с юга на север (в соответствии с направлением его движения), после Истрии следует некий город *Burziaonem* (*acc.*), нигде более не засвидетельствованный³⁵⁸. Название тем более удивительное, что Евтропию тамошние города хорошо известны — он посетил их, участвуя в кампаниях Валента 367 и 369 г. [Ib. p. 103/4]. На наш взгляд, это испорченное название *Borysthenem*, т. е. Ольвия, и такое чтение оправдывается тем, что она не только находилась в союзе с Митридатом, но в ней вершил дела его наместник [Крапивина, Диатроптов, 2005], т. е. она занимала достаточно важное место в антиримских планах царя. Поэтому нелогично со стороны Лукулла подавить все промитридадовские очаги, но оставить без внимания Ольвию. Однако Евтропий и Фест пишут о походе Лукулла до Дуная, а не Борисфена³⁵⁹. Поэтому следует думать, что Лукулл не пошел с войском на Ольвию, а ограничился отправлением легата, который убедил ее лидеров заключить с Римом примерно такой же договор о союзе, какой подписан с Каллатисом [Блаватская, 1952, с. 167/8; Avram, 1999]. Каллатису договор выгоден в числе прочего статьей о взаимопомощи в борьбе с варварским окружением, нуждалась в этом и Ольвия³⁶⁰.

В середине — третьей четверти I в. до н. э. отягощенный внутренними усобицами Рим не интересовался городами Зап. и Сев.-Зап. Понта, так что договора не спасли их от опустошения гетами в середине века.

12.2. От Августа до Траяна

Со стабилизацией Рима при Августе в римской внешней политике вновь проявился интерес к Причерноморью. Именно в его правление и отчасти в римских интересах возобновлена Ольвия (подробности выше, с. 576). Однако сложившиеся при Августе и Тиберии связи Ольвии с Римом оказались непрочными — в противостоянии боспорского царя Митридата III, сына Аспурга, с Римом Ольвия поддержала Митридата, который шел под лозунгами своего великого предка Митридата Евпатора о свободе греческих городов от римского господства. Об этом свидетельствует ольвийский декрет I² 38, изданный в честь Митридата III. Латышев полагал, что он издан в честь Котиса I и читал в стк. 3–5: [κή]ρυκος ἀ[ναγορεύοντος, ὅτι ὁ δῆμος στεφανοῖ Κότιν | Ασπ]ούργου βασιλέα μέγαν Βοσπόρου, φιλοκαίσαρα καὶ || φιλόπατριν ἀ[ρετῆς ἕνεκεν κτλ.]³⁶¹. На наш взгляд, Латышев безосновательно усмот-

³⁵⁷ *Festus*, Brev. 9, 3: ad Danubium usque perveniens Romana Scythis arma monstravit.

³⁵⁸ Рукописи согласно дают эту форму. Отчасти близки названия городов Βιζώνη и Βόρυζα, но они далеко на юге.

³⁵⁹ По Фесту (*l. c.*), с походом Лукулла под власть римлян подпали (dicioni... adquisitae) 6 фракийских областей (provinciae) — «Фракия, Гемимонт, Нижняя Мезия, Скифия, Родопа, Европа». Скифия тут — Добруджа, так что Нижний Дунай был границей продвижения римлян на север вдоль Понта.

³⁶⁰ Так, в 15 г. до н. э. римский военачальник Гай Луций, видимо, в Добрудже разбил савроматов и вытеснил их за Истр (*Dio Cass.* LIV, 20). Это было в интересах и тамошних припонтийских городов.

³⁶¹ Уже по напечатанию тома Латышев в *Corrigenda* (I², p. 593) отказался от дополнения надписи после слова βασιλέα]. Сохранилась левая нижняя часть плиты.

рел в данной надписи Котиса I, — у Аспурга был и второй сын, Митридат, причем уникальный титул *φιλόπατρις* фигурирует именно в его титулатуре (КБН 1123), а Котис I, судя по имеющимся надписям, ограничивался обычными для боспорских царей элементами титулатуры *φίλοκαισαρ καὶ φιλορώμαιος* (см. КБН, с. 840)³⁶². Это обстоятельство, бесспорно, свидетельствует, что ольвийский декрет издан в честь Митридата Аспургова, имя и титул которого следует восстанавливать в стк. 3: *[Μιθραδάτην Ἀσπ]οῦργου βασιλέα μέγαν Βοσπόρου, φιλοσύμμαχον καὶ [ ] φιλόπατριν ἀ[ρετῆς ἔνεκεν κτλ.]* — «*увенчивает Митридата, сына Аспурга, великого царя Боспора, друга союзников и друга отечества доблести ради...*» (далее следует заключительная статья о постановке стелы на видном месте города). Отсюда в корне меняется значение этой надписи как исторического источника³⁶³. Митридат III ориентировался на политику Митридата Евпатора, конечной целью которого была ликвидация римского господства над эллинским миром (подробнее [Яйленко, 2010, с. 266 сл.]. Евпатор еще в начале своей деятельности оказывал Ольвии помощь в ее борьбе с таврическими скифами, да и в планах последних лет его жизни по мобилизации варварского мира Сев. Причерноморья и Балкан на борьбу с Римом (*Appiani Mithr.* 101, 102, 109) Ольвия играла не последнюю роль³⁶⁴. В связи с этим можно предполагать, что и в планах Митридата Аспургова по борьбе с римлянами известное место занимала Ольвия, которая, судя по рассказу Диона Хрисостома, еще ок. 95 г. н. э. выказывала антиримские настроения, в чем можно усматривать ее традиционную приверженность политике Евпатора и его потомков. В связи с этим дружеские сношения Митридата Аспургова с Ольвией являются существенным звеном, показывающим, что о помощи Евпатора Ольвии (I² 35 и упомянутая надпись его наместника) по отражению скифской угрозы и о его политике автономизации греческих городов здесь еще долго помнили. Издание декрета в честь Митридата Аспургова свидетельствует о сочувствии Ольвии его антиримским планам. Лишь в середине II в. в связи с постоянной варварской угрозой Ольвия отказалась от своей фрондерской позиции в отношении Рима, который помог просуществовать ей еще столетие.

Низложение Митридата, в котором приняли участие его мать Гепеирия и брат Котис, произошло ок. 42–45 гг., свергнутый царь еще несколько лет вел борьбу на

³⁶² Это отметил П. О. Карышковский [1964, с. 145; 1982, с. 26, примеч. 25], но текстуально не реализовал. Подробнее о титуле Митридата [Яйленко, 2010, с. 279]. Сомнения В. А. Анохина [1989, с. 59] в антиримской направленности титула *φιλόπατρις* напрасны, так как он употреблен вместо титула *φιλορώμαιος* титулатуры его отца Аспурга. Да и по содержанию титул «любящий отечество» вполне противостоит титулу «римлянолюбивый», особенно в контексте ярко выраженной антиримской направленностью политики Митридата Аспургова.

³⁶³ По мнению С. Ю. Сапрыкина [1988], данный декрет принят ольвиополитами в честь согражданина, а не боспорского царя. Он соединил имеющуюся под декретом посвятельную надпись «Сократ, сын Сократа, своему брату посвятил» с собственно декретом, полагая, что он был принят в честь некоего ольвиополита, сына Сократа. Аргументы его, однако, недостаточны. В пользу чтения патронимика *[Ἀσ]ποῦργου* свидетельствуют остатки стк. 4–5 *ΟΥΡΓΟΥ Β* и элемент титулатуры *[φί]λοπατρίν*. Если бы посвятельная надпись относилась к декрету, вместо патронимика *-οῦργου* ожидалось бы *Σωκράτου*, так что наличие посвятельной надписи, как правильно полагал Латышев, — результат вторичного использования камня.

³⁶⁴ [Слюсаренко, 1925, с. 277/8; Виноградов, 2003/4; Крапивина, Диатроптов, 2005]. Далее Ольвии планы Митридата простирались на города Зап. Понта [Avram, Voynegru, 2006], это была часть общего замысла по мобилизации всех греческих городов Причерноморья на борьбу с Римом [Dana, 2013, p. 78]. О враждебной Риму пропарфянской ориентации Евпатора [Marek, 2009].

периферии своего царства [Горончаровский, 2003; Яйленко, 2010, с. 269]. Ольвия издала декрет в честь Митридата III еще в бытность его царем (39–45 гг.), так как употребляет его титул. Видимо, быстрый разгром царя-повстанца римлянами произвел впечатление на ольвиополитов, так что они вряд ли оказали ему какую-либо помощь. По В. А. Анохину [1989, с. 62], разбивший Митридата в 46 г. Дидий Галл провел какие-то мероприятия и в Ольвии, судя по совпадению во времени его акции с началом ольвийской эры.

Следующий этап взаимоотношений Рима с Сев. Причерноморьем связан с военными действиями римлян против варваров, которые вел легат пропретора Мезии Плавций Сильван³⁶⁵. В его эпитафии (Dessau, 986) Ольвия не упоминается, можно лишь предполагать, что его победа над сарматами в 60-х гг. могла сказаться и на ней, подобно Херсонесу, от которого Сильван отогнал наседавших скифов. В эпитафии довольно неопределенно говорится, что наместник увеличил границы провинции, но конкретных данных нет³⁶⁶. Согласно Иосифу Флавию (Bell. Jud. II, 16, 4), в его время римляне господствуют над гениохами, колхами, таврами, боспорцами и другими народами вокруг Понта и Меотиды посредством 3 тыс. воинов и 40 военных кораблей. Как часть вводной хроники событий до 66 г. н. э. это известие относится к середине 60-х гг. и вполне перекликается с мероприятиями Сильвана³⁶⁷. Ольвию Иосиф не упомянул, так как он перечислил не города, а народы. Когда вскоре сарматы перешли Дунай и опустошили Мезию, их разгромил консул-суффект 70 г. Рубрий Галл; во избежание их набегов в дальнейшем, он отграничил область от них, увеличив количество и численность гарнизонов (φυλακαῖς τὸν τόπον διέλαβει, — *Ios. Phl.* Bell. Jud. VII, 4, 3). Эти мероприятия не коснулись ни Тире, ни Ольвии, — укреплялся Дунайский лимес. Не было заметных сношений римлян с Ольвией и во времена Домициана (81–96), причиной чего стал его неудачный поход на сармат, которые уничтожили в Сарматии целый легион вместе с командиром (*Eutr.* Brev. VII, 23 = SC I, 320). К концу правления Домициана или к началу правления Траяна (98–117) относится сообщение Диона Хрисостома (XXXVI, р. 53–54), который посетил Ольвию в 90-х, что римлян в городе нет, а к единственному проримски настроенному гражданину ольвиополиты относятся враждебно. Обычно полагают, что их неприязнь к римлянам вызвана тем, что они не оказывали им помощи в войнах с варварским окружением [Ростовцев, 1915], на наш взгляд, это скорее определялось сохранением в городе давних свободлюбивых митридатовских традиций. При Траяне достигнут некоторый успех в Зап. и Сев. Причерноморье — цари тех же сармат (также Боспора) приняты под римское покровительство (*Eutrop.*

³⁶⁵ *Curriculum* Плавция и *лит.* о нем [Дьяков, 1942; Златковская, 1951; PIR VI, S. 197/8; Зубарь, 2003; Раупов, Doncheva, 2013]. Критическое отношение к реальности действий Сильвана в Сев. Причерноморье [Сарновски, 2006; Sarnowski, 2006] неубедительно. О тщетной попытке Виноградова привлечь сюда мангупский декрет *см.* ниже, с. 603/5.

³⁶⁶ Есть известие Феста (Brev. 20) о принятии Нероном под покровительство (*in fidem*) Боспорского царства. Согласно Т. Д. Златковской [1951, с. 59–61] и В. Н. Дьякову [1942, с. 47], для экспедиции Сильвана в Херсонес необходима база в Тире и Ольвии, но первая сочла, что римляне захватили территорию между Дунаем и Днестром, второй полагал, что они продвинулись и далее Тире к северо-востоку. Согласно П. О. Карышковскому [1971, с. 158], при Нероне римляне не выходили за пределы Дуная, лишь в конце правления Траяна в Тире утвердился римский гарнизон, хотя пребывал он тут и в конце правления Домициана. Эти соображения утвердились в литературе (например, [Бондарь, 1973, с. 158]).

³⁶⁷ Арамейский подлинник «Иудейской войны» завершен в 73 г., греческий извод в 76 г. Известие Иосифа относят и к 66 г., например [Ritterling, RE. Bd. XII, Sp. 1261/2].

VIII, 3: in fidem accepit)³⁶⁸. Резюмируем изложенное: у нас нет данных о сколько-нибудь заметных сношениях Рима и Ольвии в период от Клавдия до Адриана включительно³⁶⁹.

Отчасти эту лакуну заполняет надпись IOSPE I² 68 — фрагмент письма наместника Мезии ольвиополитам (рис. 99)³⁷⁰. Текст Латышева: --θεο[ίς] (*aut* θεο[ύς]) -- | -- εἰς ἱερὸν τοῦ -- |³ -- τῆς π]όλεως. *vacat* | -- ἐπερωτᾷ τὸν κύρι[ον] -- |⁵ -- τί ἂν ποιήσαντες -- | --ς χαλεπῶν. Он привел замечание Х. Рёля, что вторая часть надписи «представляет собой запрос оракула наподобие додонских». Сам Латышев на основании клаузулы о размещении надписи в святилище города отнес ее к числу декретов. В заметке 1987 г. [МКЛНО II, с. 42–43] мы тоже сочли, что ἐπερωτᾷ τὸν κύρι[ον] указывает на запрос оракула — «за-

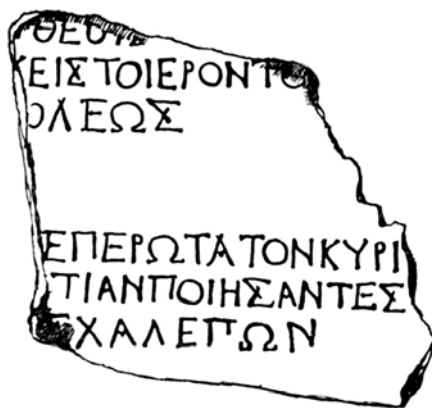

Рис. 99. Письмо императора и наместника Нижней Мезии ольвиополитам IOSPE I² 68

прашивает владыку», тем более, что вначале упоминается «бог» или «боги». Однако κύριος «господин, владыка», судя по справке LSJ (s. v. В 3), прилагалось в источниках римского времени в основном к восточным богам, особенно египетским, к греческим редко (упомянуты лишь Зевс и Артемида). Напротив, обычно обозначение им римского императора (например, КБН 1000, 1047; IOSPE I² 4. 35). Кроме того, данная надпись находит лексическое соответствие в декрете в честь Дадага Падагова (НО 42), в котором говорится о его участии в посольстве к римским императорам (πρὸς τοὺς ἡγεμόνας) в связи с тяжелым ([χαλ]εποῦ) положением Ольвии, в чем он добился успеха — «соблюл права города». Параллельны следующие элементы обеих надписей. 1) Упоминание императоров: πρὸς τοὺς ἡγεμόνας и τὸν κύρι[ον]. 2) Ведется речь о тяжелом положении: [χαλ]εποῦ — χαλεπῶν. 3) Выражению надписи I² 68 ἐπερωτᾷ τὸν κύρι[ον] -- ἐναν]τίαν ποιήσαντες -- | --ς χαλεπῶν «запрашивает владыку... противоположную (враждебную) содеявшие... (?) *при таковых* трудностях» соответствует общей ситуации Дадагова декрета — по важному для себя вопросу Ольвия нуждается в помощи и потому обращается через своих послов к римскому императору³⁷¹. 4) Выражение

³⁶⁸ Попытка Виноградова [Pont. St. 341/5] прочесть в ольвийской надписи IOSPE I² 687 имя Траяна беспочвенна (ниже, с. 602/3). Поэтому ошибался и В. М. Зубарь, заключивший на основании этого мнения Виноградова, что в Ольвии уже ок. 106–111 гг. стоял римский гарнизон [Zubar, 2007].

³⁶⁹ Виноградов [Pont. St. 342], предлагая датировку вотивов Северина (о них ниже) временем Нерона и Флавиев, смог привести в поддержку лишь эрмитажный солдатский «медальон»-зеркало. При отсутствии других данных это не аргумент — вещь могла попасть в Ольвию каким угодно путем.

³⁷⁰ Фр. мрам. доски, обломан со всех сторон; сохранились 3 строки сверху, затем сделан бланковый интервал на 2 строки и следуют остатки тоже 3 строк, после которых, кажется, сделан еще 1 интервал. Это означает, что на плите написаны 2 или более документа, как, например, письма Евмена II и Атталы II жрице Аттиде в Пессинунте (Michel, 45).

³⁷¹ К ἐπερωτᾷ «запрашивает» ср. ἐπερωτήμα «запрос», направленный в афинский Совет 500 и упоминаемый в частном вотиве времени Адриана [Guarducci, 1975, p. 96]. Вместо τί ἂν ποιήσαντες предшествующих издателей читаем более соответствующее контексту надписи (χαλεπῶν!) выражение [ἐναν]τίαν ποιήσαντες (ср. *Aristoph. Plut.* 14: τοὐναντίον ποιεῖν). По κύριοι αὐτοκράτοροι письма

θεὸ[ν] -- εἰς ἱερὸν τοῦ *e. g.* Διός] «богов... в святилище *Зевса*» означает, что плита с распоряжением императоров должна быть выставлена в наиважнейшем святилище Ольвии (это обычная практика)³⁷². Как сказано, на плите вырезаны два документа. В контексте переговоров ольвиополитов с императорскими чиновниками аналогию данной надписи находим в плите IOSPE I² 4 из Тиры, на которой помещены копии двух писем императора и сопроводительное письмо наместника Нижней Мезии Овиния Тертулла от 201 г. к тирянам. Таким образом, надпись I² 68 включает копию письма императора I в. н. э. к наместнику Мезии по поводу запроса ольвиополитов, и от него сохранилась лишь приписка наместника с распоряжением выставить этот документ в главном святилище (т. е. в государственном архиве Ольвии). Ниже наместник приложил письмо к ольвиополитам, сохранилось начало. Наш текст:

- Α [--τοῦ] θεοῦ -- καὶ ἀναθεῖναι
τὴν στήλην σὺν τῇ κρίσει αὐτοῦ] εἰς τὸ ἱερὸν τὸ [ἐπι-
σημότατον τῆς τῶν Ὀλβιопολιτέων π]όλεως.
vacat
Β [*e. g.* περὶ ὧν ἡ πόλις Ὀλβιопολιτέων] ἐπερωτᾷ τὸν κύρι[ον
αὐτοκράτορα -- ἐναν]τίαν ποιήσαντες
[--] χαλεπῶν

Α: «-- бога (в титуле императора)... и выставить стелу с его постановлением в самом значительном святилище города ольвиополитов». Β: «по поводу того, что город ольвиополитов запрашивает у владыки императора... противоположную (враждебную) содеявшие... (?) при таковых трудностях».

Выражение [ἐναν]τίαν ποιήσαντες может быть понято двояко: как «содеявшие противоположную» — об акции, предпринятой вопреки какому-то предшествующему постановлению римских властей, или «содеявшие враждебную» — об акции врагов Ольвии, скорее всего, ее варварского окружения. По шрифту надпись I² 68 относится к I в. н. э. или первой половине II в. (*ср.* [Kirchner, 119, 124, 129]). Т. Н. Книпович [1966, с. 8, 11, табл. III, X, I] установила характер письма I в. по вотиву Абаба I² 181. По письму надписи I² 68 и 181 соответственны. Провинция Мезия образована при Тиберии, так что, если равняться на указанную ольвийскую параллель, рассмотренный документ может быть связан с кругом упомянутых надписей его времени I² 79, 181, 182. Однако лучше воздержаться от столь точной датировки и ограничиться I в. н. э.

Полагаем, также обломок I² 290 (= NO 130), никак не определенный издателями, содержит титул одного из римских императоров I в. н. э. Читаем его так: --NI-- | --MO-- | [--? ἡγεμ]ῶν ἡ[μῶν? -- | --*e. g.* Δροῦσ]ος Γερ[μανικὸς -- | -- Σεβασ]τὸς Ὀλβιопολεῖταις χαίρειν? --]. Разумеется, данное иллюстративно восстановление

наместника Нижней Мезии Овиния Тертулла тирянам (I² 4. 35–36) читаем тут τὸν κύρι[ον αὐτοκράτορα ?] «?самодержавного владыку».

³⁷² К θεὸ[ν] или θεοῦ] стк. 1 *ср.* θεὸς θεοῦ в титулатуре Августа посвящения ему и Тиберию 14 г. I² 181. В письмах царей и наместников нередко распоряжения выставить указ на видном месте города или его святилище [Welles, 1934, № 13, 36, 37 *etc.*], КБН 1202 в нашей интерпретации [Яйленко, 2010, с. 299].

части титула Нерона предположительно, но сохранившиеся в стк. 4–5 буквы ΟΣΓΕΡ и ΤΟΣ находят связное объяснение, если мы отнесем их к императорской титулатуре. К I в. н. э. относится и фр. I² 24, в котором ведется речь о римском назначенце в Ольвии в ранге «блюстителя» (ἐπίσκοποι), который контролировал дела «на земле и на море» (подробности ниже).

12.3. Вотивы центуриона Северина

Сведенные воедино приведенные данные, литературные и эпиграфические, показывают эпизодический интерес Рима к Ольвии до времени Антонина Пия (138–161), когда тут появился римский гарнизон. Император выслал войско на помощь Ольвии, в результате чего нападавшие тавроскифы разбиты и выдали ольвиополитам заложников (SHA, III, 9)³⁷³. И херсонеситы ходатайствовали перед тем же Пием о каких-то своих нуждах через послов-гераклеотов (IOSPE I² 362). Раскопками в Ольвии обнаружена римская цитадель, существовавшая примерно с середины II в. по середину III в. (о последней дате [Зубарь, Крапивина, с. 166 сл.]). С ольвийско-римскими отношениями во второй половине II или первой половине III в. связаны два вотива центуриона I Италийского легиона Эмилия Северина. Одна из этих надписей, NO 131, имеет забавную историю. Ее комментатор Брашинский писал: «Обломок круглой профилированной базы из белого мрамора... Хранился в Киевском гос. историческом музее. Местонахождение в настоящее время неизвестно. (Текст): [-- ἀφ]ήρεῖ νόσφ' ἀττ[η--]. Перевод: «...избавил от болезни безумия... Надпись, возможно, метрическая. По характеру письма — II–I вв. до н. э.». Брашинский без какой-либо проверки воспроизвел надпись по первоизданию А. С. Коцевалова [Ольвия, 1940, с. 266 сл.]. Между тем надпись не пропала, с ее подлинником можно было ознакомиться в Историческом музее УССР (Киев), что позволило бы не повторить ошибок первоиздания. Это не обломок базы, а круглый мраморный алтарь, профилированный двумя ободками сверху и внизу, h = 6 см, d = 16,5 внизу и 13,3 сверху³⁷⁴. Сверху имеется углубление для жертвенных приношений, окаймленное бордюром шир. 2 см. Надпись размещена вкруговую на нижнем ободке алтарика, начало ее сколото (рис. 100а, 100а-bis). Высота букв 1 см. Текст: --HPICINOC · P · Λ · Α · ΙΤΑΛ³⁷⁵. Ясно, что тут речь идет не об «избавлении от безумия» (это фантазия филолога Коцевалова): перед нами алтарь, поставленный центурионом (сокращение P с числовым дифферентом = ἐκατοντάρχης [Avi-Yonach, p. 99]) первого (Α) Италийского (ΙΤΑΛ) легиона (Λ). Буквы --HPICINOC в начале надписи — остаток имени центуриона. Его полное имя содержится в надписи на другом беломраморном алтарике в том же музее³⁷⁶. Он найден в Ольвии в 1935 г. (инв. № Б-2-2877а), по форме очень близок предыдущему, h — 8,5 см, d внизу — 15,5 см, сверху 14 см. Целиком сохранившаяся надпись (рис. 100б, 100б-bis) также раз-

³⁷³ Любопытную интерпретацию причины ольвийско-тавроскифской войны дал Д. Браунд [1991]: она велась за нижнеднепровскую соль, необходимую и варварам, и грекам.

³⁷⁴ Пример подобного алтарика цилиндрической формы с ободками внизу и сверху и посвятителем надписью — КБН 22, III–II вв. до н. э.

³⁷⁵ Черточка как знак сокращения находится при головке P и над Α.

³⁷⁶ Приношу благодарность дирекции музея за разрешение опубликовать его и заведующей античным фондом Л. Н. Романюк за любезное содействие в работе.

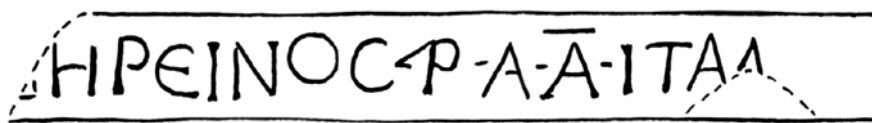

Рис. 100а. Первый вотив Северина (прорись автора)

Рис. 100а-bis. Первый вотив Северина, фото НО 131

мещена на нижнем ободке алтаря (высота букв 1–1,1 см; кое-где на буквах заметны следы красной краски). Текст: Μ·ΑΙΜΙ·Λ·ΣΕΒΗΡΕΙ·Ι·ΝΟΣ·Ρ·Α·Α·Ι·ΤΑΛ, или, с раскрытием этих обычных сокращений: Μ(άρκος) Αἰμί(λιος) Λ(ουκίου) Σεβήρε[ι]νος, ἑκατοντάρχης λεγεῶνος α Ἰταλ(ικῆς) «Марк Эмилий, сын Лукия, Северин, центурион I Италийского легиона (*посвятил*)»³⁷⁷. Отсюда следует, что

³⁷⁷ Казалось бы, можно читать Αἰμί(λιος), присоединяя Λ к ΑΙΜΙ, но это Λ отделено и точкой — знаком сокращения, — и некоторым расстоянием от Ι, большим, нежели расстояние между буквами ΑΙΜΙ, вследствие чего тут читается ΑΙΜΙ·Λ·. Это Λ· либо сокращенный патронимик Λ(ουκίου) (так Т. Сарновски [SEG 45, 1003]), либо дополнительный гентилиций именика (МКЛИНО II, с. 74): Λ(ούκιος)). По справедливому замечанию проф. И. Пизо (устно), римские офицеры обычно не указывали свой патронимик. Подобранная Ф. Матей-Попеску замечательная сводка именика офицеров нижнедунайских легионов показывает, что из 158 центурионов 32 указали свой патронимик [Matei-Popescu, 2010, p. 302/9], лишь двое дали четвертый элемент именика [Ib., p. 303, № 27, p. 308, № 24] (но у офицеров более высокого ранга это обычно), что решает вопрос в пользу чтения Сарновски. Виноградов [Pont. St. S. 342] напрасно злословил по поводу моего чтения λεγεῶνος Ἰταλ(ικῆς), исправляя на Ἰταλ(ικοῦ), ибо слово λεγεῶν (вариант λεγίων) жен. рода (LSJ, s. v.; Plut. Rom. 20, 1; Syll.³ 805; отсюда и форма λεγίωνη в Syll.³ 830; мужской род критик почерпнул из словаря И. Х. Дворецкого). Поначалу Виноградов [1990a = Pont. St. S. 342] заявил, что это не алтарики, а подставки под колонки, без аргументации (это неосторожно приняли киевские коллеги [Крижицкий, Крапивіна, Лейпунська, с. 39]). Позднее он [Pont. St. S. 345] счел их подставками под бюсты, сославшись на статью Х. Гетте с копенгагенским аналогом. Действительно, подставка под копенгагенским бюстом близка ольвийским алтарикам: у нее тоже сверху два профиля, разделенные желобком посередине, и на желобке надпись, удостоверяющая, что это изображение М. Виления Варрона [Goette, 1984, Taf. 4]. При внешнем сходстве ольвийских и копенгагенской вещей возникает несообразность: поскольку ольвийских подставок две, то было и два бюста Северина. Для объяснения столь необычного нарциссизма римского центуриона Виноградову пришлось предположить, что в некое святилище Ольвии посвящены два изображения римского офицера, причем наличие сразу двух бюстов объясняется его чрезвычайными заслугами перед ольвиополитами. Это явно надуманная конструкция, не случайно Виноградов не привел примеров посвящения в святилище сразу двух бюстов рядового римского офицера, так что идея мертворожденная. Напротив, посвящение двух маленьких алтариков естественно и надписи на них вотивные — это всего лишь

Μ·ΑΙΜΙ·Λ·ΣΕΒΗΡ·ΝΟΣ·Ρ·Λ·Α·ΙΤΑΛ

Рис. 1006. Второй вотив Северина (прорись автора)

Рис. 1006-bis. Второй вотив Северина, фото автора

в НО 131 (–НΡΕΙΝΟС · Ρ · Λ · Α · ΙΤΑΛ) следует читать тот же текст: [Μ(άρκος) Αἰμί(λιος) Λ(ουκίου) Σεβ]ηρεῖνος, ἑκατοῦτάρχης λεγεῶνος) αἰταλ(ικῆς). Как видно, надписи идентичны по содержанию и датируются не II–I вв. до н. э., как считал комментатор НО 131, а временем не ранее 69 г. н. э., когда I Италийский легион, созданный в 68 г., расквартирован в Мезии. Поэтому 69 г. — *terminus post quem* для обеих надписей.

Надпись НО 131 отличается от второго посвящения курсивными формами Ε и Σ. Курсивный шрифт в Ольвии римского времени выражен слабо (см. с. 513, ср. 613), и датированных надписей с ним здесь нет. Зато он неплохо представлен в датированных надписях Истрии, где имеются аналогии первой половины III в. ольвийским надписям на алтариках (ISM P 94, 182). При этом, однако, надо учитывать принадлежность указанных истрийских аналогий к возродившемуся в первой половине III в. торжественному стилю I в. н. э. При всей миниатюрности обеих ольвийских надписей, и курсивной и прямого шрифта, письмо их тяготеет к этому стилю: буквы лишены какой-либо вычурной декорации, они скромно апещированы, отсутствует ярко выраженная прогнутость гас, наклонные линии не продолжают за пере-

указание на посвяителя; так что сходство ольвийских мраморов с копенгагенским чисто формальное, внешнее. Если думать, что ольвийские изделия — подставки под бюст, то нельзя также предположить, что это бюсты правящего императора (или соправителей), ибо в таком случае Северин обязательно должен был в первую очередь указать его имя и титулатуру, а не ограничиваться своими данными. Не знавший русского языка главред SEG Г. Плекет (см. о его ляпах ниже, с. 660/1) подал дело так (SEG 45, 1003), что всю историю с вотивами Северина вскрыл Т. Сарновски, хотя последний ясным образом сослался на мои МКЛНО 1987, с. 73–76 (я передал ему эту книгу через С. Б. Буйских).

сечением, буквы имеют гармоничные пропорции и свободно размещены по полю строки. Это обстоятельство не дает возможности установить определенную эпиграфическую дату надписей Северина — они могут относиться ко времени от последней трети I в. (69 г. — *terminus post quem*) до первой половины III в.³⁷⁸ Что до первой даты, то мы видели, что при Флавиях Ольвия не была значимым регионом для Рима; в близкой по историческим судьбам Тире римские солдаты появляются в 116/7 гг. [Matei-Popescu, 2010, p. 51] и это означает, что I Итал. легион не был в Ольвии ранее этого времени. Если думать о II–III вв., то важно отметить, что в Истрии этого времени известны Северин, командир корабля Флавиева флота (ISM I² 281, палеографич. дата II в. н. э.), Элий Севериан, булевт Дуросторума, поставивший надгробие своему брату, бенефициарию I Итал. легиона (ISM I² 302, палеографич. дата II–III вв.)³⁷⁹. Данные параллели указывают на связь ольвийского центуриона с греко-римской средой Нижней Мезии и свидетельствуют в пользу датировки алтариков из Ольвии второй половиной II — первой половиной III в.³⁸⁰ При этом письмо вотива Б своей правильностью форм и четкостью линий производит впечатление принадлежности более ко II в., нежели к первой половине III в. Из *cursus* а всаднической карьеры Тиберия Плавция Феликса Феррунтияна известно, что при Марке Аврелии и Коммодe он командовал понтийскими вексилляциями в Скифии и Таврике³⁸¹. Подчиненным командира такого ранга и такой должности как раз и мог быть центурион Северин, стоявший во главе расквартированной в Ольвии сотни. Для нашей датировки вотивов Северина показательно, что и в Тире, близкой Ольвии по историческим судьбам, отряд того же I Италийского легиона расквартирован в середине или, скорее, конце II в.³⁸² Согласно надписи IOSPE I² 322, во второй половине II — первой половине III в. части V Македонского, I Италий-

³⁷⁸ Судя по надписи IOSPE I² 322, во второй половине II — первой половине III в. в Ольвии стояли отряды V Македонского, I Италийского и XI Клавдиева легионов [Сарновски, Ковалевская, 2004]. Надгробие солдата I Итал. легиона Юлия Руфа из Ольвии относится к середине III в. [Зубарь, Козуб, 2005].

³⁷⁹ *O classis Flavia Moesica* в I–III вв. [Bounegru, Zahariade, p. 7 sg.; Matei-Popescu, p. 245 f.]. В Ольвии известен диплом моряка этого флота и двух солдат вспомогательного отряда от 157 г. [Matei-Popescu, p. 247, 253].

³⁸⁰ Виноградов [Pont. St. S. 342] предпочел время Нерона и Флавиев, как сказано, «обосновав» это лишь солдатским зеркалом из Ольвии. Причина такой «датировки» экстраординарна: если в МКЛНО 1987 из дилеммы 69–95 гг. или вторая половина II — первая половина III в. я склонился к поздней дате, то мой вечный оппонент автоматически выбирал раннюю. В. М. Зубарь [1994], часто следовавший Виноградову, некритически воспринял его датировки и счел, что эвokat Агафокл и центурион Северин направлены в Ольвию во второй половине I в., возможно, для улаживания отношений сармат и Ольвии (об ошибочности его датировки Агафоклова декрета см. выше, с. 557). В отличие от их поверхностных суждений основательно мнение Т. Сарновски [Sarnowski, 1993, S. 213], который сначала отнес надписи ко II в. (также [Sarnowski, Savelja, Karasiewicz-Szczygiorski, 2007, p. 57]), затем уточнил в соответствии с указанным свидетельством Юлия Капитолина о посланном на помощь ольвиополитам войске — времени Антонина Пия. Будущим исследователям Ольвии надо установить по полевым дневникам 1935 и 1936 г., в каких слоях найдены алтарики: возможно, это поможет решить вопрос об их дате.

³⁸¹ CIL III, 619 = Dessau, 2747: *praepositus vexillationibus Ponticis apud Scythia(m) et Tauricam* (лит. [Matei-Popescu, p. 279]).

³⁸² [Карышковский, 1959а, с. 118; Клейман, 1971; 1976; Карышковский, Клейман, с. 95]. Отряды I Италийского легиона участвовали в так называемой Боспорской войне [Sarnowski, 2000], давно известное клеймо этого легиона из Харакса (CIL III, 14215, 4) относили ко II–III вв., в последнее время преобладает датировка II в. (Зубарь, Сарновски, 1997, с. 55–56; Сарновски, 2006, с. 122/3).

ского и XI Клавдиева легионов стояли в Ольвии³⁸³. Происходящие из Ольвии эпитафии солдат I Итал. легиона Гая Валерия Виктора и Антония Герма, видимо, относятся к концу II — сер. III в. [Зубар, Козуб, 2002; Matei-Popescu, 2010, p. 113; Иванчик, 2013a]. Эти данные могут поддерживать датировку надписей Северина временем от правления Антонина Пия до середины III в.

12.4. От Антонина Пия до Северов

В почетных декретах II — первой половины III в. содержатся несколько упоминаний о контактах ольвиополитов с римскими властями. Карзоаз Атталов «даже стал известен от пределов земли до Августов, подвергшись опасностям из-за любви к союзникам» (I² 39. 26–28: καὶ (μέχρι) περάτων γῆς ἐμαρτυρήθη τοὺς ὑπὲρ φιλίας κινδύνους μέχρι Σεβαστῶν συμμαχία παραβολευσάμενος). Этот пассаж понимался по-разному (см. коммент. Латышева). Частично следуя за Г. Хенценом, Л. Уссингом, Латышев перевел так: «но он прославился (собственно, был засвидетельствован) и (до) крайних пределов земли, подвергаясь опасностям из-за дружбы и содействуя друзьям даже до Августов», что очевидным образом не вполне соответствует тексту, и не случайно ему пришлось вводить в текст дополнительное μέχρι перед περάτων, а в переводе подразумевать слово «друзья», к чему склонялись Хенцен, Уссинг и Ростовцев. Между тем данный пассаж не требует никаких дополнительных элементов, тем более утраченной строки (о чем думал Уссинг), он предельно краток и четок по структуре. Выражение περάτων γῆς — μέχρι Σεβαστῶν, дословно «от дальних земель до Августов», обозначает пределы известности Карзоаза от Скифии, где расположена Ольвия, до Рима; вставка Латышевым слова μέχρι при περάτων γῆς (видимо, под влиянием декрета византийцев — I² 79. б), таким образом, излишне. Слово συμμαχία Латышев перевел отдаленным «содействуя»; если держаться точнее смысла слова, это «союз, союзники, территория союзников», так что выражение τοὺς ὑπὲρ φιλίας κινδύνους — συμμαχία не требует никаких подразумеваемых «друзей»: это опасности, проистекающие из склонности Карзоаза к союзу или союзникам, т. е. к римлянам. Уместно в связи с этим снова припомнить упомянутого Дионом Хрисостомом жителя Ольвии, безбородого романофила, к которому остальные ольвиополиты относились неприязненно. Это сообщение недвусмысленно говорит о непопулярности Рима в Ольвии 90-х гг. Как сказано (с. 588), Ростовцев объяснял ее тем, что Рим вывел свой гарнизон из города, оставив его один на один с варварами; мы полагаем, это могло быть обязано и крутым мерам римских официалов в отношении полиса, подобным, например, разорительным требованиям Гая Антония Гибриды к западнопонтийским городам [Блатовская, 1952, с. 170], также живучестью промитридатовских традиций в среде ольвиополитов. Аналогичная ситуация вырисовывается и из приведенного пассажа Карзоазова декрета — он также подвергся опасностям за свое романофильство. И во времена Августа — Тиберия мы видели проримскую ориентацию лишь со стороны олигархического семейства Абаба Каллисфенова и сына его Оронта (его богатый вольноотпущенник поставил в честь хозяина экседру). Видимо, до середины II в. проримской ориентации

³⁸³ Эти даты определяются по историческим обстоятельствам: римский гарнизон стоял в Ольвии с середины II по середину III в.

придерживались лишь отдельные олигархические кланы. Уссинг по упоминанию Σεβαστῶν отнес надпись ко времени соправления Марка Аврелия и Люция Вера (161–169). Полагаем, это может быть и соправление в 146–161 гг. Антонина Пия с тем же Марком Аврелием. Можно думать, что к данному времени в Ольвии, где традиционно преобладали антиримские настроения, в деятельности отдельных олигархов вроде Карзоаза возобладала тенденция к союзу с Римом (συνμαχία декрета), и именно они воззвали к Антонину Пию, который послал войско на помощь ольвиополитам, так что нападавшие тавроскифы были разбиты. Эпизод завершился устройством римской цитадели, т. е. в Ольвии обосновался римский гарнизон, поскольку, кажется, население Ольвии осознало, что без Рима город не выживет.

Устройство римского гарнизона в Ольвии, которой до Антонина Пия римляне не придавали особого значения, объясняется его активной деятельностью в Сев. Причерноморье в целом. Девизом его политики была не только покупка мира у варваров (денарии Антонина — самая распространенная на их землях в Скифии монета), но и демонстрация военной силы: «он вел многие войны через своих легатов», пишет Юлий Капитолин, из побежденных скифских народов наряду с тавроскифами упомянул и алан: «часто укрощал поднимавшихся алан» (SHA, III, 5). Уже в I в. н. э. часть алан обитала в Нижнем Поднепровье, другие обретались на границах провинций Дакия и Мезия, так что для борьбы с первыми римляне и выстроили при Антонине Пие крепость в Ольвии.

В декрете в честь Дадага Падагова упоминается «посольство к гегемонам, в котором (Дадаг) более всего оказал помощь городу, подвергнутому затруднительной и тяжелой угрозе, так что... соблюл права города» (НО 42. 11–16: πρεσβεῖαν πρὸς τοὺς ἡγεμόνας, ἐν ᾗ βαρέο[ς] καὶ [χαλ]εποῦ ἐπικρεμασθέντος τῇ πόλει κινδύνου [π]λεῖστα συνωφέλησεν, ὥς -- τῆς πόλεως τὰ δί[κ]αια ἐφύλαξεν). Датировка надписи по историческим и палеографическим показаниям широка: если О. О. Крюгер полагал, что под гегемонами подразумеваются императоры Септимий Север да Каракалла, и соответственно датировал декрет 202–208 гг., то Т. Н. Книпович отметила, что по характеру письма он едва ли может быть позднее I — первых десятилетий II в. н. э. (ее коммент. к НО 42)³⁸⁴. По нашему мнению, определяющую роль в данном вопросе играет формулировка ἄρχων εἶπεν (ἄρχοντες εἶπαν), присутствующая в декретах рубежа II–III вв.³⁸⁵ Таким образом, Дадагов декрет следует относить к самому началу III в. (как думал Крюгер), в связи с чем получает интересное освещение вопрос о конкретном содержании выражения τῆς πόλεως τὰ δί[κ]αια «права города». В это же время римские власти рассматривали апелляцию Тиры о ее праве на свободу от пошлин. Поскольку дело дошло до Септимия Сeve-

³⁸⁴ Датировку Книпович поддержали Карышковский [1969, с. 114], Виноградов [Pont. St. S. 342], оба без аргументации. На первый взгляд, Книпович права, однако декрету НО 42 близок по письму декрет НО 45, предпочтительной датой которого она же сочла II в. Разумеется, есть эволюция в письме надписей I–III вв. н. э. (она хорошо прослежена в известных статьях Т. Н. Книпович и А. И. Болтуновой о развитии письма эпиграфических памятников Боспора и Ольвии), но немало надписей не имеет ярко выраженных новаций, они исполнены невыразительным банальным письмом, отсюда проблематичность их датировки [Яйленко, 2010, с. 579–582]. Это относится и к надписям Северина. В таких случаях решающее слово принадлежит экстрапалеографическим показаниям; декреты НО 42, 45 как раз таковы.

³⁸⁵ Р² 32. 4; НО 45. 1, плюс стк. 4 Маркианова декрета (выше, с. 551). Также в Феокловом декрете Р² 40. 8, не имеющем хороших показаний для датировки, но упоминающем как докладчика того же Антифонта Анаксименова, который провел и Дадагов декрет.

ра и Каракаллы, можно считать, что тириты в ответ на какие-то ущемившие их права действия провинциальных властей отправили посольство в Рим, добившееся в конечном счете положительного решения, так что императорская канцелярия «спустила» распоряжение наместнику Нижней Мезии, в котором подтвердила привилегию тирян на пошлинный иммунитет, что и сообщил легат провинции Овиний Тертулл в письме к ним, датированном консульством Муциана и Фабиана, т. е. 201 г. (I² 4)³⁸⁶. Ольвия принадлежала к той же провинции, поэтому можно предположить, что нечто подобное произошло тогда и с нею: провинциальные власти усомнились в ее праве на пошлинный иммунитет, в связи с чем ольвиополиты отправили посольство к тем же императорам (ἡγεμόνας NO 42, *ср.* κύριοι αὐτοκράτοροι письма тирянам: I² 4. 35–36), которое, судя по Дадагову декрету, также добилось сохранения прав города (τῆς πόλεως τὰ δίκαια ἐφύλαξεν).

Предложенная гипотеза, объясняющая конкретное содержание этого выражения в свете синхронной тирской надписи, может быть дополнительно аргументирована следующим. Мы уже вели речь о почетном декрете I² 73 в честь некоего ольвиополита, в котором по какому-то поводу упоминается тот же легат Нижней Мезии Овиний Тертулл (с. 519). Этот же Тертулл фигурирует еще в одной ольвийской надписи: под № 299 в разделе *Varia* Латышев поместил два незначительных обломка, текста которых не дал, ограничившись маюскулами. По ним читаем: --ος δε -- | Τέρτυλλος-- | -- Απεδόθη *nomen mensis*] τῇ γ' (*vacat*) «-- Тертулл-- Дано *месяца такого-то*, в день третий», откуда явствует, что данная надпись представляет собой фрагмент официального документа — письма к ольвиополитам, исходившего из канцелярии Овиния Тертулла³⁸⁷. Таким образом, в Ольвию, как и в Тиру, также посланы письма Тертулла, что позволяет думать об одной и той же причине появления их в обоих соседних городах. Что до декрета I² 73, в котором по какому-то поводу фигурирует тот же Тертулл, можно думать, что чествуемое данным декретом лицо вместе с Дадагом участвовало в сношениях ольвиополитов с римскими властями по поводу сохранения за городом прав на беспошлинность, лишение которых, вероятно, означало для него, как и для Дадага, опасность «подвергнуться затруднительной и тяжелой угрозе».

В декретах рубежа II–III вв. I² 42–44 свидетельствуется, что предки чествуемых лиц были «известны Августам» (σεβαστόγυνστοι). Содержание сношений этих предков с Римом, вероятно, также могло быть засвидетельствовано в свое время ольвийской эпиграфикой, но остается нам неизвестным³⁸⁸. Из числа мероприятий римских властей в отношении Ольвии мы знаем также о назначении Агафокла, мобилизованного по императорскому призыву на какую-то должность: [Ἀγ]αθοκλῆς ἡουκάτος ἀπο[σταλεῖς] ὑπὸ τῶν ἡγουμένων πρὸς τὴν π[όλιν] περὶ πραγμάτων

³⁸⁶ Еще 3 города Зап. Понта были вовлечены вместе с Тирой в эту историю о возврате пошлинного иммунитета. Недавно опубликован новый декрет Тиры в честь боспорца Валента, с. Филокала: тириты предоставили ему гражданство за участие в двух их посольствах к Каракалле [Avram, 1996/1997]. О Тертулле [Stein, S. 84–86; Fitz, S. 49].

³⁸⁷ К чтению последней строки *ср.* стк. 41–42 письма его к тирянам: Ἀπεδόθη πρὸς γ' καλανδῶν Μαρτίῳ, Ἀηρεῖνος ἡ' «дано накануне 13 дня мартовских календ, *сиречь* 8 дня *месяца* Ленеона». О Тертулле и письме его к тиритам [Nawotka, 1993]. Следует, однако, иметь в виду, что ок. 170 г. прокуратором Нижней Мезии был Вигелий Тертулл (*см.* с. 753), так что и он мог фигурировать в надписи I² 299.

³⁸⁸ По заключению Б. Наделя, титул σεβαστόγυνστος хотя и уступал титулу «друг императора», был высоким по значению, его добивалась не только римская элита, но и провинциальная знать, давался он тем, кто был лично представлен императору [Nadel, 1962; Cojocaru, 2009/10, S. 51].

ἀναγκαῖον κο[ινωνῶν] «эвокат Агафокл, присланный провинциальными властями в город из необходимости по поводу общественных дел» (НО 45. 2–4)³⁸⁹. В данном контексте πράγματα ἀναγκαῖα κο[ινωνά] (или, быть может, κο[υστοδίας]), как бы ни восстанавливать утраченное слово, безусловно, означает «необходимые мероприятия» не только внутриольвийского масштаба, но также имеющие значение для провинции в целом, поскольку Агафокл не ольвиополит, а временно присланный откуда-то официал, причем прислали его именно провинциальные власти (ἡγεούμενοι, ср. ἀγεμῶν Μυσίας I² 420 «префект Мезии»). Еще один такой официал, уже ольвиополит, известен нам из фрагментированного декрета в его честь (I² 54, см. с. 512/3). Как и в случае с Агафоклом, его деятельность не ограничивалась Ольвией, но затрагивала интересы провинции в целом (της ἐπαρχείας, ср. I² 174. 8). Он также имел сношения с римскими властями (стк. 9) с целью то ли отсрочить, то ли передать нечто: τοῦ ἀναβα[λεῖσθαι?] стк. 10. Еще один ольвиополит, М. Аврелий, согласно обломку декрета в его честь (I² 55), назначен к охране ольвийского региона римскими властями. Дальнейшая карьера Аврелия в Ольвии включала исполнение им выборных должностей стратега и архонта (стк. 6–7). Как называлась его должность до стратегии и архонтата, когда он по распоряжению римских властей нес охрану региона, как назывались должности упомянутых выше официалов Агафокла и неизвестного по имени ольвиополита, чествуемого декретом I² 54, неизвестно. В этом плане привлекают внимание обломки I² 243 и 246. Фр. I² 246 проиллюстрирован Латышевым только маюскулярной копией Ю. А. Кулаковского: ΜΙΝΟΦ | ΑΤΗΝΤΟΥ | Ρ/ΒΙΑΝΚΑΙΑΣ | .ΥΠΑΡΧ | ΠΟΛ | ΕΝ, что предположительно читаем так: [--|-- ὅ]μῖν ὡφ[έλιμον?--|--? ἐπιστ]άτην τοῦ --[--? εἰς Ὀλ]βίαν καὶ ἀσ[φάλειαν?--]-- ὑπάρχ[ων -- τῇ] |⁵ πόλ[ει --] ἐν[τολήν? --] «-- полезным нам -- эпистатом (такой-то структуры) — (?) в Ольвию и защиту (?) -- располагая -- нашему городу -- письмо --». В стк. 1 читается [ὅ]μῖν, возможно, указывающие, что документ относится к числу писем, распоряжений (ср. εἰς ὑμᾶς письма Тертулла к тирьянам: I² 4. 38), с чем согласуется также возможное чтение в стк. 6 слова ἐν[τολήν] «письмо, распоряжение». Как можно понять из сохранившего текста, речь идет о назначении в Ольвию для пользы граждан эпистата. Такая интерпретация фрагмента соответствует отмеченной выше присылке римскими властями Агафокла «из необходимости по поводу общественных дел» — то ли дел просто общественного свойства, то ли специально для защиты (ἀσ[φάλειαν?]) города ([τῇ] πόλ[ει])³⁹⁰. Ср. и назначение М. Аврелия (чествуемого декретом I² 55) римскими властями на должность, связанную с охраной

³⁸⁹ Эвокат = лат. evocatus «завербованный или добровольцем поступивший на службу» к римским провинциальным властям (выше, с. 557). О датировке Агафоклова декрета концом II — началом III в. см. с. 519, 557.

³⁹⁰ В начале стк. 3 сохранилась верхняя часть В или Р, если это Р, то понимание надписи в качестве письма наместника отпадает вместе с дополнением слова ἐν[τολήν ?] последней строке. В таком случае тут можно предположительно дополнить [? σιτομετ]ρίαν, — ср. выше параграф о ситонах (с. 481) и с. 511 о декрете I² 43. Остальные дополнения сохраняются как возможные, так что в целом это почетный декрет в честь ольвиополита: [--|-- ὅ]μῖν ὡφ[έλιμον ?--|--? ἐπιστ]άτην τοῦ --[--? σιτομετ]ρίαν καὶ ἀσ[φάλειαν ?--]-- ὑπάρχ[ων -- τῇ] |⁵ πόλ[ει --]--ΕΝ-- «-- нам полезным -- главой (такой-то коллегии) -- распределением продовольствия (или коллегии ситометрии) -- располагая -- городу--». Однако к чтению [? ἐπιστ]άτην τοῦ ср. ἐπίσκοπον упоминаемого чуть ниже фр. I² 243, в связи с чем находят свое место дополнения [? εἰς Ὀλ]βίαν καὶ ἀσ[φάλειαν ?] и ἐν[τολήν ?], склоняющие в пользу письма наместника. Дополненное прилагательное ὡφ[έλιμον ?] обычно в надписях разных жанров, ἀσ[φάλειαν ?], к примеру, упоминается в декрете Тиры в честь Автокла [Виноградов, 1999, с. 54].

ольвийского региона. Датируется фр. I² 246 тем же временем, что и упомянутые декреты (по угольчатому шрифту вторая половина II — первая половина III в.). В таком же плане может быть понят и более ранний фр. I² 243 (рис. 101): -- | παρέχων τὰ -- | [-- катὰ γῆν καὶ κατὰ] | θάλασσαν -- | ἰδίου παντός -- | ἐπίσκοπον π-- |..... διην[εκής? --] «осуществляющий -- на земле и на море -- своего всего -- блюстителя -- постоянный (?) --»³⁹¹. Здесь в весьма отрывочном контексте фигурирует ἐπίσκοπος «блюститель». К восстановлению слова διην[εκής?] ср. εἰς τὸ διηνε[κής] вотива I² 177³⁹². Таким образом, чествуемые декретами I² 54, 55 и НО 45 официалы, скорее всего, исполняли должности эпистата и епископа.

Рассмотрим еще несколько памятников, относящихся к связям Ольвии с Римом. Подобно Оронту Абабову, по частной инициативе посвятившему стою Августу, Тиберию и народу (I² 181), Аврелий Юлиан, Александров сын, возвел на свои средства храм с портиком, который он посвятил «за счастье владыки императора Марка Аврелия Севера Александра, священного синклита и воинств, и за здоровье и благосостояние города» (I² 184, *пер.* Латышева). Несколько ранее, в 198 г., ольвийские магистраты выстроили на общественные средства бани, которые посвятили от имени ольвийского полиса императорам Септимию Северу, Каракалле и всему их дому в правление префекта Нижней Мезии Коскония Генциана (I² 174). К этим строительным надписям, упоминающим римских владык, следует добавить и обломок I² 244, помещенный Латышевым в разделе Varia. Латышев полагал, что это, вероятно, фрагмент декрета, и дал следующий его маюскулярный текст: ОΛΕ-- | ΕΓΕΙ-- | ΚΑΙ Σ-- | ΔΙΩΝ-- |⁵ ΚΑΙΚΟΙ-- | Υ-. На наш взгляд, это отрывок строительной

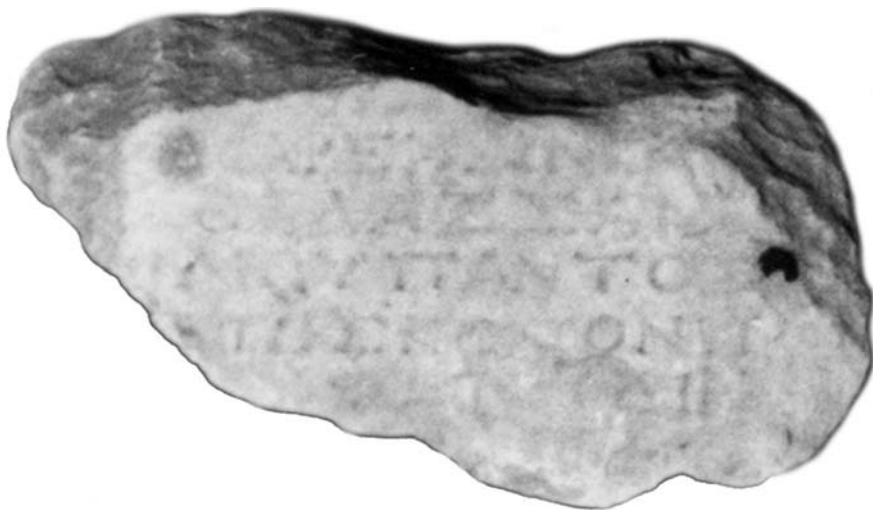

Рис. 101. Фрагмент декрета IOSPE I² 243, фото автора

³⁹¹ Даем текст по камню (ОАМ), высота — 12, ширина — 20, толщина — 8 см. Он не сколот со всех сторон, как считал Латышев — это левый край плиты. Чтение Латышева: -- παρέχων --, -- θάλασσαν --, --[τοῦ] ἰδίου παντός, -- ἐπίσκοπον π--. В стк. 5 читается ΔΙΡ или ΔΙΝ, ΔΙΗ, ΔΙΜ. По письму I в. н. э.

³⁹² Разумеется, предложенная интерпретация фр. I² 243 и 246 предположительна, но всякая скольконибудь обоснованная интерпретация обломков, безмолвно пребывающих в разделе Varia Латышевского корпуса, имеет свой *raison d'être*.

надписи (сохранился левый край известняковой плиты): [? ἡ τῶν Ὀλβιῶν]-[ολε[τῶν πόλις -- ἀν]ίγει[ρεν ὑπὲρ τῆς τοῦ Αὐτοκράτορος --]] Καίσα[ρος *nomen aedifici* ἐκ θεμε[λίων -- | καὶ κοι[ν--]] ΥΠΙ--. Стк. 1–3 восстанавливаем по соответствующей лексике строительной надписи I² 174, согласно которой бани возвел (ἐποίησεν) ольвийский полис за вечность Септимия Севера и Каракаллы, титул которого включал также имя Καῖσαρ, как и в рассмотренном фрагменте. Кто именно из императоров подразумевался в данной надписи I или II в. н. э., неясно.

Вероятно, к числу надписей, упоминающих римских императоров, принадлежит и обломок НО 177: --Α--|--ΑΡΟΣ--|--ΡΟΣΨ--|--ΗΜΩΝΠΙ--|--Π-- (текст НО). Комментатор Е. Г. Кастаная предположительно отнесла фр. к числу почетных декретов, П. О. Карышковский [1969, с. 116] указал, что он хранится в ОАМ. На наш взгляд, типологическая принадлежность фрагмента поясняется повторением одного и того же слова в стк. 2 и 3, стоящего в род. падеже: --αρος, которое вполне читается как [Καῖς]αρος. Оба слова, написанные друг под другом, занимают одну и ту же позицию в строке, что может свидетельствовать о принадлежности их двум сходным выражениям, конкретно — именам двух императоров. В этой связи обращает на себя внимание почетная надпись «совета и народа ольвиополитов» в честь Каракаллы и Геты, вырезанная на одной базе со статуями обоих императоров. Слева титул Каракаллы: [Αὐτοκρ]άτορα Σεβαστὸν Μ. Αὐρήλιον Αντωνεῖνον Αὐγουστον, справа — Геты: Σεπτί[μ]ιον Γέταν Καίσαρα (I² 199). Эти статуи, можно думать, поставлены за какое-то благодеяние императоров в отношении Ольвии. Оба они включали в свою именную титулатуру имя Καῖσαρ (в приведенной надписи I² 199 в титуле Каракаллы оно отсутствует, но представлено в надписи I² 174). Это позволяет предположительно соединить в качестве звеньев одной цепи почетную надпись I² 199 в честь Каракаллы и Геты с фр. НО 177, в котором предположительно могут быть восстановлены их именные титулы: --Α--[e. g. -- ὑπὲρ -- τῶν κυρίων Αὐτοκρατόρων Μ. Αὐρηλίου Αντωνεῖνου Καῖς]αρος | [Αὐγουστοῦ καὶ Σεπτίμιου Γέτα Καῖς]αρος ψ[ι]ηφίσματι --] --] ἡμῶν π[ό]λεως --]] --Π-- «за -- владык наших императоров М. Аврелия Антонина Цезаря Августа и Септимия Гету Цезаря по постановлению -- нашего города --».

С водворением в Ольвии римского гарнизона в ее эпиграфическом архиве появились и латинские надписи, в основном надгробия (I² 234–238, 322–324). В Ольвии стояли части I Италийского, V Македонского и XI Клавдиева легионов (I² 236, 322). Одна из последних ольвийских надписей — посвящение 248 г. за императора Филиппа Аравитянина [I² 167; Зубарь, Крапивина, 2000].

Рассмотренные надписи³⁹³ показывают, что интенсивность связей Ольвии с Римом в I–III вв. н. э. неодинакова. В I — первой половине II в. их взаимоотношения ограничивались романофильскими симпатиями отдельных олигархов вроде Абаба Каллисфенова и его сына Оронта³⁹⁴. На государственном уровне контак-

³⁹³ См. также статью Т. Н. Книпович [1968] о римских именах в Ольвии.

³⁹⁴ Если я в МКЛНО 1987 г. писал о слабых связях Ольвии с Римом до середины II в., Виноградов [1990а, с. 27–32 = Pont. St. S. 341/5], разумеется, через 3 года утверждает обратное: связи активные, однако источники у него те же самые и ничего подобного они не сообщают. Более того, ольвийский почетный декрет I² 38 в честь Митридата Аспургова (выше, с. 586/8), врага римлян, показывает, что Ольвия, издавна связанная с Митридатом Евпатором, в середине I в. н. э. придерживалась промитридатовской, т. е. антиримской позиции, и Дион Хрисостом в конце I в. сообщает об антиримской позиции ольвиополитов, так что активных связей у Ольвии с Римом до Антонина Пия и не могло быть.

ты выразились в акции Августа по очистке Гилеи от варваров. В середине II в. ольвиополиты, возможно, при помощи посольства Карзоаза Атталова получили помощь от императора Антонина Пия в отражении тавроскифов. Тогда же в Ольвии на столетие разместился римский гарнизон. Если период от Августа до воцарения Северов отражен единичными эпиграфическими памятниками, то на 190-е гг. и первую половину III в. приходится абсолютное большинство надписей, относящихся к теме ольвийско-римских связей (новые латинские надписи III в. из Ольвии [Зубарь, 2001; Зубарь, Крапивина, 2000; 2004; Зубарь, Козуб, 2005]). Именно во время правления Северов Рим стал играть основную роль в политических судьбах Ольвии, которая, стало быть, рассматривалась им в качестве передового поста у грандиозного варварского массива, наседавшего на провинции Нижняя Мезия и Паннония. Стратегически важная позиция Ольвии и обусловила интенсивность римско-ольвийских связей во времена Северов, эта же позиция ее в системе римских передовых постов противоборства варварскому миру стала причиной основательного разрушения города в середине III в. готами. Основательно пострадала тогда и Тира, но оба города вскоре отстроились; после следующего погрома ок. 269 г. жизнь в них на какое-то время прекратилась, но при Диоклетиане возобновилась. Кое-как Ольвия обживалась и в первой половине IV в., около середины столетия окончательно завершилась ее тысячелетняя история [Зубарь, 2001; Крапивина, 2009; 2013]³⁹⁵.

12.5. Посольства к скифским и сарматским царям во II в.

В ольвийской эпиграфике нередки и упоминания о посольствах к скифским да сарматским царям во II в. н. э. Декрет в честь Карзоаза свидетельствует о его участии «в посольствах к соседним царям» (I² 39. 16–17). Проявил себя на этом поприще и Посидей, сын Сатира, «охотно встречая скифских царей» (ὑπα[ντιάσας καὶ τοὺς Σκυθῶ]ν βασιλεῖς ἀόκνως, — I² 51. 1–2). Оставшийся нам неизвестным по имени ольвиополит «часто избирался (в интересах?) области для встречи сарматских царей» (τῆς ἐπαρχείας ὑπα[ντιάσας δὲ καὶ τοὺς τῆς] Σαρματίας βασιλεῖς, — I² 54. 2–4). Два последних свидетельства особенно интересны для нас, так как деятельность этого Посидея относится ко времени Антонина Пия и Марка Аврелия, что устанавливается его родословной (ниже, с. 614). Согласно почетному декрету в его честь, как сказано, он возглавлял депутации, которые ольвиополиты отправляли с дарами навстречу (ὑπαντιάσας) скифским и сарматским царям, проезжавшим вблизи ольвийской хоры. Смысл подобных акций поясняется Протогеновским декретом (I² 32 А. 9–11, 83 сл.): «когда царь Сайтафарн прибыл в Канкит и потребовал даров по случаю своего проезда», ольвиополиты снарядили депутацию, вручившую царю 400 золотых; когда же царь явился в заречье напротив Ольвии, ему вынесли 900 золотых. «Дары» были отступной платой ольвиополитов скифским царям за ненападение, и следует думать, что εἰρήναι, видимо, заключенные Римом с царями Малой Скифии и подтвержденные в результате деятельности Кальпурниана

³⁹⁵ Дальнейшие суждения об ольвийско-римских связях см. на с. 714/5.

Аполлонида (ниже, с. 712/3), подкреплялись аналогичными «дарами». Собственно, из-за уменьшения подобных выплат и произошло возмущение сарматов и роксолан в Мезии, улаженное Адрианом лишь по восстановлении следуемых выплат. Вряд ли подлежит сомнению, что успех миссии Аполлонида был стимулирован соответствующим пополнением казны скифских и сарматских царей Нижнеднепровской Малой Скифии. Параллелизм близких по времени акций Аполлонида в Херсонесе и ольвиополитов по укреплению мирных отношений с варварскими царями Малой Скифии позволяет предполагать, что и миссии Посидея, сына Сатира, инспирировала администрация Нижней Мезии подобно тому, как миссия ее прокуратора Аполлонида направлена в Херсонес самим Марком Аврелием (с. 708/9).

Такое же заключение может быть сделано и в отношении того неизвестного ольвиополита, который «часто избирался в *интересах* (?) области для встречи сарматских царей» (I² 54. 2–4). Этот обломок декрета известен только в маюскулярной передаче Потоцкого и Кларка и потому не имеет палеографической даты. Однако обратим внимание, что в нем употреблен тот же термин ἐπαρχία, который представлен и в Аполлониновом декрете, но нигде более в эпиграфике Сев. Причерноморья³⁹⁶. Кроме того, текстуальная идентичность формулы о встрече варварских царей синхронизирует данный декрет с декретом в честь Посидея Сатирова (ἵπα[ντιάσας καὶ τοὺς Σκυθῶν βασιλεῖς ἀόκνως в I² 51. 1–2 и της ἐπαρχείας ἵπα[ντιάσας δὲ καὶ τοὺς τῆς] Σαρματίας βασιλεῖς в I² 54. 2–4). Указанные обстоятельства дают основание связывать и декрет I² 54 с эпохой Марка Аврелия, предполагая, что посольства ольвиополитов и Аполлонида к сарматским и скифским царям были звеном в цепи мероприятий императора по стабилизации отношений с варварскими царями Сев. Причерноморья, чтобы из этого котла кочевых народов не выплескивались на границы империи очередные волны противников, которых и без того было в избытке на дунайско-дакийском пограничье (ниже, с. 709 сл., 715).

12.6. Эпиграфические свидетельства в ложном освещении

Эпитафия I² 687 в чтении и переводе Латышева: ἐνθάδε τὴν | σεμνὴν κεφαλὴν κατὰ γαῖα καλύπτει. Ἀθηνόκλῆς Ἀθηνοκλέους | πεζὸς τῶν ὑπὸ Θ[ι]άωντι θυρεοκοίλῃ· χαῖρε «Здесь земля кроет почтенную главу. Афинокл, сын Афинокла, пехотинец из *отряда* щитников, *состоявшего* под *начальством* Тлианна, прощай». Читая не засвидетельствованное личное имя Θ[ι]άωντος, Латышев апеллировал к иранскому имени Φλιανός, известному в Ольвии (I² 101), что ошибочно, так как последнее отражает иран. Friiāna- [Justi, 106; Zgusta, 1955, S. 164; Mayrhofer, 1979, S. I/45], а иран. fr не передается через греч. θλ. Однако не по этой причине, а вследствие осмотра камня Ю. Г. Виноградов [Pont. St. S. 343] усмотрел тут имя императора Траяна — Θ[ι]άωντι. Я видел камень в ОАМ (рис. 101а), и в обсуждаемом месте, в самом начале стк. 7, сохранилась правая наклонная гаста Α или Λ,

³⁹⁶ В надписи о строительстве городских терм в Ольвии (I² 174) субстантивированным прилагательным τὴν ἐπαρχείον, sc. χῶρον, обозначена провинция Нижняя Мезия. Упоминается это прилагательное и в боспорском посвящении 306 г. н. э. Аврелия Сога (КБН 64. 12) и в том же значении «провинция» (так [Гайдукевич, 1949, с. 457 сл.] иначе [Nadel, 1977, p. 103]).

Рис. 101а. Эпитафия IOSPE I² 687, фото автора

далее $\lambda\alpha\upsilon\upsilon\omega\iota$. При этом А или Λ по общему старту остальных строк — первая буква стк. 7. Поэтому Латышев и читал имя $\Theta[\lambda]\iota\lambda\iota\upsilon\omega\iota$. Чтение же $\Theta[\rho]\alpha\lambda\iota\upsilon\omega\iota$ требует дополнительной буквы спереди — оно возможно только при условии, что утраченная буква Ρ отклонилась от общего старта: подобно букве Κ стк. 5 она была вырезана у самого края плиты (остальные вырезаны с отступом от него). Вопрос об имени решил В. Аппель³⁹⁷. Он иронизирует над чтением Виноградова (в частности, по поводу неоправданного двойного Ν в имени Траяна спрашивает: неужели солдаты не знали, как зовут императора?) и указывает, что без каких-либо натяжек тут читается имя $\Theta\alpha\iota\lambda\iota\upsilon\acute{o}\varsigma$, известное в Аттике (IG II, 3740); есть и форма $\Theta\alpha\iota\lambda\iota\upsilon\acute{o}[\varsigma]$ (SEG 29, 152). Заметим, против чтения Виноградова свидетельствует и необычность упоминания императора в таком контексте: в переводе его чтение означает «Афинокл, сын Афинокла, пехотинец из *отряда* щитников, *состоявшего* под начальством Траяна, прощай». Разумеется, Траян не командовал отрядом щитников, это обычный для Виноградова ляп. Если в эпитафии римского воина указан вышестоящий командир, то это непосредственный его начальник (как в I² 322), а вовсе не правящий император. Таким образом, остается в силе чтение и перевод надписи Латышевым, но с заменой имени командира — Тайанна.

В заключение рассмотрим попытку Виноградова [1993, с. 166/8] подсоединить к мероприятиям Плавтия Сильвана в Сев.-Зап. Причерноморье надпись из Мангупа в предгорьях Юго-Зап. Крыма. Это декрет какого-то города ($\rho\acute{o}\lambda\iota\varsigma$) в честь

³⁹⁷ [Appel, 2001, S. 179/82]. Он пользовался фотографией, присланной ему из ОАМ С. Б. Охотниковым. Как сказано, на камне видна только правая гаста *альфы* или *ламбды*. Она показана и на прориси Б. Варнеке, приложенной Латышевым; прорись эта точная, целиком соответствующая камню.

неизвестного по имени лица, найденный в средневековой базилике. Он отнес декрет к I в. н. э. и связал с Ольвией. От надписи сохранилась половина или треть текста в 23 разрушенных строках, он состоит из набора обычных для почетных декретов малоинформативных формул, лишь в конце говорится об участии чествуемого лица в посольстве к «могущественным царям Аорсии». На первый взгляд, историческую информацию дает и чтение Виноградова [--τοῖς ἀναλώμασιν ἰδίους πρὸς τοὺς τῆς Μυ[σίας ἡγουμένους Σαβεῖνον καὶ Αἰ]λια[ν]ὸν ἄνδρας μεγίστους «ездил на собственные средства к *правителям Мезии Сабину и Элиану*, значительнейшим мужам». Отсюда следует, что чествуемый имел сношения с властями Мезии и царями Аорсии, а поскольку он, по мысли Виноградова, ольвиополит, то создателю всей этой гипотетической картины пришлось переместить аорсов из области между низовьями Дона и Волги, где обычно помещают их источники, ни много ни мало к Дунаю! Одно это делает построения Виноградова фантастичными, так как незадолго до правления Сильвана в Мезии низложенный боспорский царь Митридат воевал в 45 г. именно на азиатском Боспоре с теми же аорсами (*Тас. Ап. XII, 15*). За недостатком данных декрет можно объяснять по-разному. Например, чествуемый муж мог происходить из Танаиса, который был полисом (его совет и народ издавали почетные декреты [Яйленко, 2010, с. 602]), к востоку от него как раз и располагались аорсы³⁹⁸.

На первый взгляд, странно сношение лица, чествуемого мангупским декретом, с наместниками Мезии, но обратим внимание, что выражение ἄνδρας μεγίστους и упоминание одних лишь личных имен ставит акцент на личностных качествах наместников, т. е. чествуемый осуществлял сношения с ними на личной почве. Это не были посольства, отправленные городом, именно поэтому он ездил к наместникам «на собственные средства». Да и речь о наместниках Мезии в случае танаисского происхождения надписи проблематична: во-первых, их имена восстановлены Виноградовым по трем буквам λια, что малодостоверно, во-вторых, чествуемый вполне мог отправиться в какую-то область Греции (Μυδορία, Μυκήναι, Μύλασα и т. д.)³⁹⁹ к двум каким-то «значительнейшим мужам» по частному интересу, т. е. они могли быть кем угодно — поэтами, политиками, философами и пр.

При танаисском происхождении надписи проще объяснить, почему камень оказался на Мангупе, так как боспорская почетная надпись Савромата II поставлена в Партените, на приморской полосе того же Юго-Зап. Крыма [Яйленко, 2010, с. 512/5]. Известно, что боспорские официалы, как и положено государственным чиновникам, перемещались с должности на должность, меняя и место жительства (например, Эпитинханонт [Ib. с. 588]), поэтому и чествуемый танаит получил назначение на крайний запад контролируемой боспорскими царями территории близ Мангупа. Здесь и был выставлен декрет танаитов в его честь, может быть, как ἀντίγραφον. Напомним, что таким же перемещением неизвестного по имени ольвиополита в Истрию или Томи, кураторов святилища Ахилла на Левке, объясняется присутствие декрета I² 325 в его честь на этом острове (с. 411/2). Есть и другое решение: как человека со связями в администрации Нижней Мезии этого танаита

³⁹⁸ Совет и народное собрание были также в Фанагории, Гермонассе, Пантикапее, но отсюда чествуемый вряд ли происходил, ибо в этих городах нет почетных декретов в честь частных лиц.

³⁹⁹ Список длинный [РВ, 956/68]. Не исключен даже боспорский Мирмекий (Μυρμήκιον)!

могли привлечь жители одного из городков предгорий Юго-Зап. Крыма (их перечислил Птолемей [Geogr. III, 6, 5]) для улаживания своих дел подобно тому, как за тирян ходатайствовал перед римскими властями боспорец Валент, за херсонеситов гераклеоты (см. с. 597, 609). В таком случае не требуется насильственное перемещение камня с надписью — это декрет его жителей в честь благодетеля (таков декрет тирян в честь боспорца Валента, выставленный в Тире)⁴⁰⁰.

Как видно, могут быть предложены разные варианты понимания надписи из Мангупа (см. также работы В. А. Сидоренко), но интерпретация Виноградова, перемещающая аорсов на Дунай, беспочвенна, так что Ольвия не имеет отношения к данному декрету. Вся статья Виноградова о сарматах полна подобного рода фантастических построений, поэтому и подверглась в основном критике⁴⁰¹.

13. БОСПОРЦЫ И БОСПОРСКИЕ НАДПИСИ В ОЛЬВИИ⁴⁰²

Вопрос о связях Боспора и Ольвии в римское время темен, так что в силу одного этого обстоятельства можно заключить, что они не были значительными, как и в предшествующие эпохи⁴⁰³. Можно отметить лишь, что на Боспоре представлены гири ольвийской весовой системы, свидетельствующие о каких-то торговых связях обоих центров; крайняя незначительность найденных в Ольвии боспорских медных монет и их мелкий номинал указывают, что эти связи эфемерны (подробнее выше, с. 345/7). Во II–III вв. отмечается транспортировка боспорского вина к варварским владыкам Нижнего Побужья — так, на наш взгляд, следует интерпретировать присутствие в Марицынском могильнике амфор боспорского происхождения с дипинти. Прямого отношения к Ольвии данное обстоятельство, конечно, не имеет — это вопрос связей Боспора с варварским населением Нижнебужского региона. Если в надписях Боспора упоминаний об ольвиополитах и Ольвии нет (это само по себе красноречивое свидетельство отсутствия какого-либо интереса Боспора к отдаленному рядовому полису), то в ольвийской эпиграфике засвидетельствованы декрет в честь Митридата Аспургова (о нем с. 586/8), 3 надгробия II в. н. э., поставленные боспорцам, и 2 обломка горгиппийских надписей.

Обратимся к найденным в Ольвии надгробиям боспорцев I² 202–204. Надгробие Тита Флавия Ахемена, сына Ахемена, поставил Адой, сын Дельфа (I² 202):

⁴⁰⁰ В принципе можно связывать мангупский декрет и с Тирой: буквы ΜΥ в выражении πρὸς τοὺς τῆς Μυ[–] могут обозначать страну близлежащего скифского народа Μυρῦται, упоминаемого Гекатеем и Геродианом, которых К. Мюллер отождествлял с тирагетами. В таком случае вполне естественна поездка чествуемого тирита к ἄνδρας μεγίστους соседних скифов (напомним, что имена мезийских официалов восстановлены Виноградовым по трем буквам λια, чего явно недостаточно). Отсюда следует, что чествуемый проявлял интерес к сношениям с вождями варварских народов, и это делает понятным его вояж также к задонским аорсам. Однако трудно объяснить перемещение камня из Тиры на Мангуп.

⁴⁰¹ [Браунд, 1994, с. 173; Щукин, 1995, с. 177/9; Скрипкин, 1996, с. 161/2]. Завиральные идеи Виноградова нашли отклик у В. М. Зубаря [1994, с. 218/22].

⁴⁰² Опубликовано [МКЛНО II, с. 84–89], здесь доработано.

⁴⁰³ Некоторые соображения по этой теме высказал П. О. Карышковский [1964, с. 145], наша оценка его выводов — с. 346. Дальнейшая лит. [Сапрыкин, 1985; Уженцев, 1999].

Τίτωι Φλαυίωι Ἀχαιμένει Ἀχαι- μένους Βοσπορε- ανῶι Ἀδόης Δέλφο(υ) 5 τὴν στήλλην ἀνέ- στησεν μνήμης χάριν	«Титу Флавию Ахемени, боспорцу, Адой, сын Де- льфа, поставил эту стелу памяти ради» ⁴⁰⁵ .

Можно думать, что Ахемен Ахеменов происходил из знатного рода: во-первых, на Боспоре правила местная ветвь иранских Ахеменидов, во-вторых, обретались многочисленные потомки ахеменида Митридата Евпатора, который выдавал своих дочерей замуж за местных варварских царьков (*Appiani Mithr.* 102). Одним из таких мелкопоместных ахеменидов и мог быть Ахемен Ахеменов данной эпитафии, который, подобно другим боспорским сановникам, носил также родовое имя императорской династии Флавиев — Тит Флавий⁴⁰⁵. Мраморный блок с его эпитафией — один из самых крупных в северочерноморской эпиграфике (в рост мужчины того времени), что свидетельствует о богатстве постановщика надгробия и значительности погребенного. На нерядовой ранг Ахемена Ахеменова указывает и то обстоятельство, что надгробие ему поставил Адой Дельфов, архонт Ольвии (I² 156).

Эпитафия другого боспорца, скончавшегося в Ольвии, Марка Ульпия Парфенокла (I² 203):

[Μ]ά[ρκω] Οὐλπίω Παρθ[ε]- ν[ο]κλεῖ, τῷ καὶ Μαστο[ύ]- νῳ (?), [Β]οσπορανῶ Δ[ά]- δ[ο]ς Σωσιβίου ὁ καὶ [Α]δ[ο]σ- θ[ο]ς (?) τὴν στήλ[λ]ην ἀ[νέ]- σ[τη]σεν μνήμης χάριν	«Марку Ульпию Пар- феноклу, он же Мастун (?), боспорцу, Дад Со- сибиев, он же Адост (?), поставил эту стелу памяти ради» ⁴⁰⁷ .

Как и Тит Флавий Ахемен, Марк Ульпий Парфенокл — видный боспорский сановник: М. И. Ростовцев отождествил его с Парфеноклом посвящения КБН 32 и Ульпием Парфеноклом, управителем царского дворца, надписи КБН 628 ([ὁ ἐπὶ τῆς] βασιλε[ίας])⁴⁰⁷. Что он действительно важный человек, свидетельствует

⁴⁰⁴ Эпитафия дважды вырезана на обеих сторонах большого мраморного квадрата высотой 155 см, шириной 46, толщиной 20 см. Вторично квадрат использован как база статуй Каракаллы и Геты (I² 199). В комментарии к эпитафии Латышев отметил, что надпись не старше начала II в., так как пометы и графопометы получены после смерти Веспасиана.

⁴⁰⁵ Ср. другого боспорского официала с флавианским именем — Луций Флавий Эпитинханонт, вероятно, один из магистратов боспорского городка Никеи, основанного Савроматом I, в честь которого Луций поставил статую с надписью КБН 44; его вероятная должность «посол царя» [Яйленко, 2010, с. 588/9]. Там же [с. 224] см. о царях азиатского Боспора как мелкопоместных ахеменидах. В боспорских надписях упоминаются несколько Ахеменов, они не обязательно ахемениды, так как в эллинистическое и римское время имена персидских Ахеменидов стали употребительными в разных сословиях.

⁴⁰⁶ Стела использована вторично — на ней есть и другая эпитафия.

⁴⁰⁷ Посвящение КБН 32 сделано за Котиса II, правившего в 123–132 гг. (не за Савромата I [Яйленко, 2010, с. 504/5]), Парфеноклом и двумя его родичами, все трое занимали крупную должность ([ὁ ἐπὶ --]).оборот ὁ καὶ между личными именами обозначал с I в. до н. э. вольноотпущенников

мраморный блок — он такой же громадный, как надгробие Ахемена Ахеменова (высота — 153 см, ширина — 54 см). Более того, размеры обоих надгробий идентичны, оба камня — близнецы, явно сделаны *ad hoc*, по случаю смерти обоих, т. е. умерли они или погибли вместе. Как видно, и Ахемени и Парфенокл носили родовые имена, принятые в честь римских императоров Веспасиана и Траяна.

Третье надгробие — упомянутому Адосту — поставил боспорец Зенон, сын Стратоника (I² 204): Ἀδοσθῶ υἱὶ ᾧ Ἀρσάκου τῷ ὁμωνύμῳ | Ζήνων Σ[τ]ρατον(ε)ῖ[κ|ο]υ Βοσπο[ρ]ρεᾶνὸς μ[ι]ν[ι]μης χάριν | «Адосту, сыну Арсака, сродственнику, поставил Зенон Стратоников, боспорец, памяти ради»⁴⁰⁸. Тут τῷ ὁμωνύμῳ означает «сродственнику, компатриоту», отметил издавший надпись Ф. Струве (см. коммент. к I² 204), т. е. Адост был боспорцем. Поставивший надгробие Зенон Стратоников, отметил Латышев, отец или сын известного на Боспоре Стратоника Зенонова (КБН 145), а наш Зенон занимал в Ольвии должность главы коллегии стратегов (I² 136). Это дало основание Латышеву заключить: «Может быть, этот самый боспорец после того, как переехал в Ольвию, получил гражданские права». Стихотворную эпитафию Стратонику Зенонову КБН 145 поставил его вольноотпущенник Сосий, имя которого явно перекликается с патронимиком Дада Сосибиева, поставившего надгробие Парфенокла I² 203. Это еще одно указание на тесную связь между всеми персонажами, фигурирующими в эпитафиях I² 202–204 и в упомянутых боспорских надписях⁴⁰⁹.

Датируется рассмотренная группа надписей I² 202–204 по посвящению КБН 32, которое Парфенокл поставил вместе с другим членом семьи Ульпиев Антиммахом и, вероятно, Примом. Все трое — родственники и сановники. В частности, Антимах — видный сановник («губернатор острова»); он поставил в 106 г. надгробие Ульпии Каллисфении (КБН 697; уж не из ольвийского ли клана Каллисфенов происходила сия дама?). Казалось бы, эта дата подтверждает, что ольвийские эпитафии боспорцев относятся ко времени Траяна (98–117), однако вотив КБН 32 Парфенокл

(к примеру, Syll.³ 782), причем он мог быть персоной высокого ранга (например, александриец Νόνιος ὁ καὶ [Δη]μήτριος булв и гражданин, — Ib. 842). Однако этот оборот издавна употреблялся для обозначения двух-трех имен, имени и прозвища и прочих лиц гражданского состояния и знати, например, Ὁχος ὁ καὶ Δαρειάδος (Ctesi fr. 29). Поэтому выражение τῷ καὶ Μαστο[ύ]νῳ (?) обозначает ввиду известного нам высокого положения Парфенокла его прозвище. Нельзя составить определенное представление о статусе Дада Сосибиева, ὁ καὶ [Α]δ[οσθ]ῶς «он же Адост (?)», так как имя Сосибий, широко распространенное у лиц свободного состояния, давалось также рабам (по этой причине в МКЛНО 1987 мы сочли Дада Сосибиева вольноотпущенником, принявшим имя своего хозяина Адоста эпитафии I² 204). Но жена Дада Сосибиева Зальса почетной надписи I² 200 — дочь стратега Арсеваха, упоминаемого в посвящении I² 82 или 83 (см. ниже). Поскольку эпитафии I² 202–204 принадлежат одному клану, члены которого ставили друг другу надгробия, надписи носят приватный характер, так что можно думать, что оборотом ὁ καὶ обозначены прозвища: у Парфенокла — Мастун (об именах этого корня и *лит.* [Яйленко, 2010, с. 165/6]), у Дада — Адост (о нем [Zgusta, 1955, S. 186]).

⁴⁰⁸ Это известняковая плита, отбитая снизу, так что высота неизвестна (сохранившийся камень высотой 65 см), шириной 46, толщиной 11 см.

⁴⁰⁹ Согласно эпитафии КБН 145, Стратоник Зенонов писал книги. Из ее содержания явствует также, что она поставлена покойному при жизни отца. Такие случаи редки относительно нормального хода событий, когда дети ставят памятник своим родителям. Это дает основание думать, что данный Стратоник Зенонов был дедом Зенона Стратоникова эпитафии I² 204. В. В. Шкорпил датировал надпись I в. н. э., комментаторы КБН концом I — первой половиной II в. Подсчитаем годы: Зенон-внук жил в 120-е — 130-е гг. (это время нашего комплекса надписей I² 202–204), соответственно Зенон-дед жил, по счету трех поколений, дат с 75–100, т. е. во второй четверти — середине I в. Так что прав Шкорпил.

поставил с родственниками в правление Котиса II (123–132), т. е. в Ольвии он оказался не ранее 124 г. Это и дает искомую дату ольвийским надгробиям боспорцев: вторая половина 120-х — 130-е гг.

Имя Ἀδοσθος, фигурирующее в надписях I² 203, 204, очевидным образом является однокоренным с Ἀδοης, представленным в надписи I² 203, это случай так называемого рифмования имен (см. о нем выше, с. 486)⁴¹⁰. И у других лиц, засвидетельствованных рассматриваемыми надписями, прослеживается тенденция к употреблению определенного круга имен — Ахемен Ахеменов, Зенон Стратоников отец или сын Стратоника Зенонова. Исходя из рифмования, а это средство формирования семейно-родового именника, можно полагать, что Адой Дельфов эпитафии I² 203 приходился сродственником Адосту надгробия I² 203. Иными словами, все фигурирующие в трех эпитафиях лица боспорцы по происхождению, что позволяет думать о пребывавшем в Ольвии клане выходцев с Боспора, вероятно, родственных друг другу. Причины их переселения в Ольвию могут быть поняты по-разному. М. И. Ростовцев объяснял присутствие этих надписей в Ольвии протекторатом Боспора над нею в начале II в. н. э.; по его мнению, можно предположить на основании этих надписей, что Траян поручил боспорским царям защиту Ольвии, которая, согласно Диону Хрисостому, сама с трудом защищалась от варваров⁴¹¹. В этом усомнился Д. Б. Шелов [1981, с. 60], объяснявший наличие этих памятных стел здесь обычными связями между ольвиополитами и боспорцами; его мнение ошибочно, ибо как раз обычных связей между двумя государствами и не было (выше, с. 345/7). Мы обратим внимание на нерядовой ранг по меньшей мере Ульпия Парфенокла; как сказано, есть основания думать также о нерядовом ранге Ахемена Ахеменова, не исключено и боспорское происхождение ольвийского архонта Адоя Дельфова. Учитывая это, в МКЛНО 1987 г. мы сочли, что сии государственные мужи были политическими изгнанниками с Боспора. Для этого, однако, пришлось предположить, что при Котисе II (он подразумевается в посвящении КБН 32, поставленном за царя его сановниками, они же родственники, Парфеноклом, Антиммахом, Примом [Яйленко, 2010, с. 504]) произошла некоторая «смена караула» в придворной среде, в результате которой часть сановников (по меньшей мере, Парфенокл) бежала с Боспора и выбрала местом своего жительства Ольвию. Может быть, это и так, однако опубликованный недавно декрет из Тиры показывает также иную возможную причину переселения группы боспорских родственников в Ольвию. Это

⁴¹⁰ Поясним мысль об однокоренном составе имен Ἀδοης и Ἀδοσθος (или Ἀδόσθος). Первое имеет хорошую иранскую этимологию Кайпера и Юсти: к авест. *adavau-* «не обманывающий»; это причерноморская параллель к известному из Эсхила (Persae, 312) персидскому имени Ἀδεύης [Zgusta, 1955, S. 62]. Напротив, предложенная Юсти этимология имени Ἀδοσθος (к авест. *duš-*, *dur-*, греч. *δυσ-* «невинный»), по заключению Л. Згусты, невозможна [S. 186]. На наш взгляд, у обоих имен одна основа, это детские имена, восходящие к основе **at(t)a*, в среднеиранском состоянии также **ada* (в осет. *æda*) «баба, дедушка». Поясним: в осетинском озвончение иран. *t* в *d* после гласных в основном завершилось в позднеантичную эпоху, хотя глухой частично сохранялся [Абаев, 1979, с. 33 сл.], отсюда осет. *æda* при исходном лепетном слове **at(t)a* (осет. *æ* происходит из др.-иран. *a* перед единичной согласной). Эта основа представлена, например, в части личных имен Ἀδας (КБН 373, 650, 688, 744, I–IV вв. н. э. [Vasmer, 1923, S. 30]). В имени Ἀδοσθος эта употребительная в среде иранских боспорцев основа расширена греческим (?) суф. *-σθ-*, ср. пары *Αἰγ-εὐς* / *Αἰγ-ῖ-σθ-ος*, *Μεν-ε-ας* / *Μεν-ε-σθ-ος*. Подробнее о детских именах, образованных от лепетного слова **at(t)a* [Яйленко, 2010, с. 122/9].

⁴¹¹ [Ростовцев, 1915, с. 12–13], его мнение приняли С. В. Дьячков [1992, с. 87], В. М. Зубарь [1998, с. 70–71], Ю. А. Виноградов [2006, с. 202/3].

декрет в честь Валента, сына Филокала, боспорца, которому тириты предоставили гражданство за участие в двух их посольствах к Каракалле (SEG 47, 1196):

Τυραν[οῖ] ἔδωκαν πολ-
ιτεῖαν Βοσπορεαν<ω>[ι]
Οὐαλέ {τ}ντι Φιλοκάλου
πρεσβεύσαντα τὸ δεύτερον
5 [ἐπ]ὶ μεγίστῳ αὐτοκράτ-
ορι Σεβαστῳ Μάρκῳ
Ἀντωνεῖν[ωι]
ὑπὲρ τῶν συμφερόντων
τῆς πατρίδος καὶ πάντα κα-
10 λῶς καὶ δημῳφε<λ>ως· νας.
ταῦτ' ἔδοξε βουλῇ καὶ ὁ δ-
ῆμ<ο>ς ὁ Τυρανῶν ἐπὶ ἄρ-
χοντος Θεοκ<λ>έα Ἱεροσῶν-
τος, μηνὸς γ'

«тириты предоставили граж-
данство боспорцу Валенту
Филокалу, принявшему
во второй раз участие в по-
сольстве к великому самодер-
жцу Севасту Марку Антони-
ну по поводу дел отечества и
все *устроил* хорошо и полезно
для народа. Сие постановили
совет и народ тиритов при ар-
хонте Феокле Гиеросонтове,
третьего месяца».

Отсюда следует, что некий видный боспорец Валент привлечен тирянами к хлопотам по восстановлению пошлинного иммунитета Тиры перед Каракаллой (выше, с. 605). Привлечение полисами уважаемых граждан других городов к ходатайству перед римскими властями за свои интересы — распространенная практика. К примеру, херсонеситы отправили к Антонину Пию гераклеотов Гераклида и Прокла ходатайствовать за свои нужды (IOSPE I² 362). Понятно, что выбор послов из числа гераклеотов определялся не столько тем, что Гераклея — метрополия Херсонеса, сколько связями Гераклида и Прокла с персоналом императорского окружения. По-видимому, и у Валента были какие-то входы в императорскую администрацию (вспомним ольвиополитов и боспорцев σεβαστόγυνωστοι)⁴¹², ходатайство было удовлетворено, и за успешное устройство дел тириты предоставили Валенту свое гражданство. Вообще-то декретов различных городов римского времени о предоставлении своего гражданства множество и предоставлялось оно за разного рода благодеяния. Находят эти декреты, как правило, в родных городах чествуемых лиц (например, декреты Коса, Тенедоса, Византия I² 77–79 в честь ольвиополитов найдены в Ольвии), однако Валентов декрет остался в Тире, и это можно понимать так, что Валент по какой-то причине воспользовался правом гражданства и проживал далее не на Боспоре, а в Тире. По аналогии можно думать, что и влиятельная группа боспорцев — Парфенокл, Ахемен и др. — оказала какие-то благодеяния олиополитам, за которые те предоставили им гражданство. Вероятно, это было выгодно боспорцам, они и остались в Ольвии.

Обращает на себя внимание еще одно обстоятельство. Надгробная известняковая плита Асфоруга Карастова I² 205 по размерам идентична мраморным памятникам Ахемена и Парфенокла, известняковому надгробию Адоста (высота — 161 см, ширина — 54, толщина — 16 см). Сама идентичность масштабов этих надгробных монументов указывает на их одновременное изготовление⁴¹³. Следовательно, все

⁴¹² Выше, с. 520, 526, 597 и КБН 58, 64.

⁴¹³ Для сравнения укажем, что остальные ольвийские надгробные плиты I–III вв. н. э. по высоте не превышают 70 см (I² 222–228, 230, 233–236), почти все известняковые. Из них выделяются

четверо погибли вместе, скорее всего, в обычном для Ольвии II в. столкновении с варварами. На нерядовой ранг Асфоруга Карастова указывает изображенная на его надгробии тамга, что лишний раз подтверждает его соучастие в акции, приведшей к гибели боспорцев высокого ранга.

В связи с исследуемой темой боспорско-ольвийских связей следует рассмотреть еще несколько надписей. Текст НО 143: -- | -- Ω ἐπὶ -- |[Φαρνα]κίωνα ΑΠΛ -- | -- ΩΝ καὶ ΣΥ-- | -- Ι ΣΤΙΩ--. Имя Фарнакион, как справедливо отметила комментатор Е. Г. Кастанаян, встречается на Боспоре, где особенно характерно для Горгиппии II в. н. э. Присутствие в надписи нехарактерного для Ольвии имени и датировка ее тем самым II в., когда оно популярно в Горгиппии, дает основание усмотреть в ней горгиппийский, а не ольвийский памятник, что может подтвердить наше прочтение сохранившегося текста (дополнения даем *exempli gratia*):

[-- καὶ συναγωγὸν τὸν δεῖνα
(τοῦ) --]ς ἐπὶ [τῆς νῆσου καὶ φροντι-
στὴν Φαρνα]κίωνα Πα[νταλέοντος
ἐπὶ τῶν ἱερῶν]ων καὶ συ[νοδείται· --
-- Ἡφα]ίστιω[ν --]

«-- и синагогом таким-то, сыном имярека,
наместником Горгиппии, и фронтистом
Фарнакионом Панталеонтовым, управляющим
святынями, а также члены синода: -- Гефести-
он--».

Это начальная часть обычного для Горгиппии акта фиаса с перечислением иерархов — жрец, синагог, фронтист, при которых он принят. В надписи фиасотов КБН 1134 из Горгиппии перечислены иерархи фиаса Посейдона, в котором должность синагога занимал ὁ ἐπὶ τῆς Γοργυπτείας «наместник Горгиппии», а должность фронтиста исполняли два человека (в других горгиппийских фиасах было по одному фронтисту), один из которых ἱερῶν οἰκονόμος; ср. также должность ἐπὶ τῶν ἱερῶν (КБН 1129), которую также можно восстанавливать в тексте НО 143⁴¹⁴. Единственно сохранившееся из перечня фиасотов [Ἡφα]ίστιω[ν --] — имя или патронимик.

Текст НО 145: --ΙΠΠΟΣ Δ-- | --ΑΘΟΥ Αν-- | Φαρνακίω[ν --] --. По характерному для Горгиппии набору имен, особенно имени Фарнакион, не засвидетельствованному в других надписях Ольвии, данный фрагмент, как и предыдущий, относится к числу горгиппийских актов фиасов (это список имен членов фиаса): [-- Πά]ππος Χ[-- | -- ὁ δεῖνα Αὐ]θαοῦ, Αν-- | -- Φαρνακίω[ν --]. Принадлежность обоих обломков горгиппийским надписям подтверждается и их внешним обликом, это обычные для актов горгиппийских фиасов тонкие мраморные доски, отполированные с обеих сторон. Скорее всего, оба фрагмента попали в Ольвию в качестве балласта на кораблях, что косвенно свидетельствует о торговых сношениях Ольвии с Горгиппией во II в. или первой трети III в. н. э. в поисках хлеба (выше, с. 511).

размерами только мраморное надгробие Стратона Протомахова высотой 2,1 м и известняковое надгробие римлян с латинской надписью высотой до 1, 80–2 м (I² 229, 237). Вместе с плитами Ахемена, Парфенокла, Асфоруга эти 5 надгробных монументов далеко превосходят все остальные.

⁴¹⁴ Вместо ἐπὶ [Γοργυπτείας] можно дополнять и ἐπὶ [νῆσου], так как после *иоты* предлога видна близко стоящая нижняя часть вертикали. Примеры отсутствия одного или другого артикля в должностной номенклатуре типа ὁ ἐπὶ τοῦ (τῆς) — КБН 36, 1115, 1129 и др., но отсутствия обоих артиклей не припомним. Поэтому, хотя первая вертикаль буквы слова после предлога стоит близко к *иоте*, вынужденно принимаем ее за остаток Т.

Еще несколько памятников связано с трактуемой темой ольвийско-боспорских отношений. В ольвийском декрете в честь Феокла Сатирова, относящемся к рубежу II–III вв. н. э., Боспор фигурирует в числе городов, увенчавших чествуемого (I² 40. 3). Из надписей, включенных В. В. Латышевым в IOSPE I², упомянем также граффито на обожженном (по словам А. Бёка, т. е. побывавшем, вероятно, в огне пожара) сосуде (I² 332, с нашим дополнением имени Филиска):

ἐπὶ [ἱερέως Φιλίσκου?] Τ]-	«при жреце Филиске (?), сыне Гиеро-
εροςῶντος Ἀχιλλεΐ	сонта, благодарственное приношение
ε]ὑχαριστήριον [ὁ δέϊνα τοῦ	сделал имярек, сын такого-то, с Бос-
δεΐνος] ἀπὸ Βοσπ[όρου --	пора, -- мореход».
-- να]ύτης	

Полагаем, под Гиеросонтом данного посвящения вполне можно подразумевать того соименного ольвиополита, которого упомянул Дион Хрисостом и с сыном которого Филиском мы связали посвящение Ахиллу Понтарху НО 87 (см. с. 619/20). Поскольку Дион посетил Ольвию в 90-х гг., деятельность Гиеросонтова сына Филиска относится, стало быть, к началу II в. н. э. Этим временем, можно полагать, и датируется сделанное в его жречество посвящение некоего боспорца-морехода. Данная надпись является свидетельством торговых связей между Ольвией и Боспором в начале II в. н. э., осуществлявшихся по морю ([-- να]ύτης стк. 5).

В заключение о двух известняковых стелах с эпитафиями НО 96 и 97. Место их обнаружения неизвестно, находились они в коллекции Суручана в Кишиневе, затем коллекция поступила в Херсонский исторический музей. Текст НО 96: Πατρ[οφ]ιλῆ Πόσιος. Комментатор НО Брашинский отметил, что имени Патрофила в Ольвии нет, оно есть на Боспоре; датировал он надпись концом V — первыми десятилетиями IV в. до н. э. По нашему мнению, стелу Патрофила следует отнести к числу боспорских надписей, где это имя засвидетельствовано в трех эпитафиях — КБН 219, 288, 421. Типологическую параллель надгробной надписи НО 96 составляет эпитафия КБН 219 IV в. до н. э.: Πατροφίλῃ | Ταπερεσαιῶ «Патрофила, дочь Тапересая» (см. о ней [Яйленко, 2010, с. 148/9]). Текст НО 97 (Брашинский, с нашей поправкой): Πρωτα Βαττίωνος θυγῆ, | Νικομάχῳ [θ]υγάτρ «Прота, жена Баттиона, дочь Никомаха»⁴¹⁵. Брашинский отметил, что упомянутые надписью личные имена в Ольвии не встречались. Отметим в связи с этим, что имя Прота представлено в боспорских эпитафиях КБН 649, 895. Известно на Боспоре и имя Никомах, в Ольвии отсутствующее (КБН 209, 1137). По данному признаку и эпитафия НО 97 боспорского, а не ольвийского происхождения. В связи с этим отметим, что в коллекции Суручана хранилось много боспорских эпитафий — КБН 349, 405, 417, 445, 447, 450, 460, 486, 524, 525, 555, 583, 586, 598, 604, 635, 655, 657, 793. Из их числа и происходят НО 96, 97, предположительно зачисленные Брашинским в ольвийские надписи, но, как показано, это ошибка.

⁴¹⁵ Брашинский прочел Νικομάχου, однако для Υ места нет, поэтому здесь окончание род. падежа -ῶ. Он отнес надпись к первой половине IV в. до н. э., что справедливо, так как на Боспоре γεν. -ῶ употребляется до 340-х гг. (выше, с. 362).

14. НАДПИСИ РАЗНЫХ ЖАНРОВ

14.1. Сакральные надписи

14.1.1. Посвящение Ахиллу IOSPE I² 327

Известняковый круглый алтарь, найден на Кинбурнской косе, хранится в Херсонском музее. Текст: Ἀχιλλεῖ τῷ βομὸν καὶ τὸ κέδρον. В комментарии к этой надписи IV в. до н. э. Латышев заметил, что τὸ κέδρον может означать дерево кедр (так в аттической комедии: LSJ, s. v.), но он в Сев. Причерноморье не растет, поэтому Ахиллу посвящено кедровое масло как благовоние⁴¹⁶. Поскольку все-таки место действия роща Гекаты, А. С. Русяева [1992, с. 119/20] правильно сочла, что в дар Ахиллу посажено дерево. Однако греческая лексика не дает оснований для мнения Э. Диля и А. С. Русяевой, что это сосна или сосновая шишка. Более соответствует глоссам Гесихия и Большого этимологика мнение Л. Дюбуа, что имеются в виду ягоды можжевельника [Dubois, p. 104]. Но на наш взгляд, можно думать как о посадке кедрового дерева, так и об изображении из кедра. Рядом с Гилеей на Кинбурне произрастают дубы, березы, вербы. Кедр — дерево гор, но это не препятствует имплантированию его и на равнине (например, кедровая сосна — горное и равнинное дерево). Отличительная особенность вечнозеленых кедровых — высота, стройность, раскидистость кроны, долголетие (кедровая сосна живет до 500 лет), отсюда их символика: в шумерской мифологии кедр — Древо жизни, символ могущества и бессмертия, в семитской — величия, долголетия [Тресиддер, с. 142]. С другой стороны, из кедра сделано немало статуй греческих богов, героев, ларец Кипсела, кедровыми балками перекрывали храмы (*Paus.* III, 15, 11; V, 17, 5; VI, 19, 8, 12; VIII, 13, 2; 17, 2; IX, 10, 2; *Plinii Nat. hist.* XIII, 53; XVI, 213–216). Как видно, кедр употребителен в сакральном обиходе, и это позволило давно предположить, что Ахиллу посвящено какое-то изображение, сделанное из кедра (уже авторы LSJ, s. v. κέδρον, не без оснований думали об изображении кедровой шишки). Полагаем, это изображение должно быть представлено в числе символов Ахилла на бейкушских амулетах, и даже конкретно то, которое подразумевает надписью ἄλσος (с. 106 и рис. 23. 3) ту самую «рощу» Ахилла в Гилее, где сделано исследуемое посвящение, — на этом амулете показана протома змея. Отсюда можно предположить, что известняковый алтарь с рассмотренной надписью был украшен изображением протомы змея, символизировавшей самого бога, Ахилла. Как раз на Кипселевом ларце из кедра, произведении VII в., изображен Борей, похищающий Орифию, «вместо ног у него змеиные хвосты» (*Paus.* V, 19, 1). Это и есть Аполлон-Иетр-Борей-Борисфен ольвийских посвященных граффити V в., которому по змеиной природе идентичен ольвийский Ахилл (выше, с. 107).

14.1.2. Сакральный закон I² 76

См. о нем статью Н. И. Новосадского в Сборнике статей в честь С. А. Жебелева. Б. м., 1926, с. 76–77 (этот машинописный сборник имеется в Библиотеке им. Ленина

⁴¹⁶ По Геродоту (IV, 75), скифские женщины очищаются составом из растертой на камне древесины кипариса, кедра и ладанного дерева; считается, что это привозная древесина, но кипарис растет в Крыму [Народы нашей страны, с. 315, *лит.*].

в Москве). По поводу датировки надписи высказывались различные точки зрения, приведенные Латышевым в комментарии. В частности, В. Диттенбергер полагал, что надпись близка по времени декрету в честь Протогена и что упоминаемый в ней Леонтомен Геросонтов мог быть братом Протогена Геросонтова. Сам Латышев отметил, что надпись более ранняя сравнительно с Протогеновским декретом, судя по формам букв, может быть, даже IV в. Отметим, что лапидарных надписей с лунарными формами букв в Ольвии последних веков до н. э. немного и они выстраиваются примерно следующим образом. Надписи I² 180, 201 и HO 24, 174, 175 укладываются в III в., причем каталог I² 201 относится к последней трети или концу III в., а строительная надпись Клеомброта Пантаклова I² 180 к последней четверти III в. (с. 414, 502/3). К позднему II в. относится декрет в честь Аполлократа (с. 551). Сакральный закон включает формы прямых букв, близкие группе III в. (HO 24, 174, 175), в то же время его лунарная *омега* находит соответствие в Каталоге I² 201. Каталог по характеру письма, особенно по формам прямых букв, позднее группы проксений HO 24, 174, 175, следовательно, близкий последним по основным характеристикам письма сакральный закон предшествует Каталогу. Этому соответствует и то обстоятельство, что упомянутые в сакральном законе с патронимиками члены коллегии Семи не имеют соответствия по имени-отчеству в Каталоге. Они действовали за 1–2 поколения до эпохи Каталога, т. е. около середины III в.

14.1.3. Посвятительные надписи Посидея Посидеева

Известны 4 надписи этого Посидея из Неаполя Скифского, 1 из Ольвии [I² 168, 670–672; Дашевская, 1960; Соломоник, 1962; Нуре, 2003]. Надпись I² 672 Латышев издал по эстампажу А. С. Уварова, затем по эстампажу А. В. Орешникова [Латышев, 1921, с. 18–22]. Э. И. Соломоник [1962, с. 38] опубликовала архивное фото эстампажа, вслед за Латышевым сочтя надпись пропавшей. В 1975 г. наследники Н. П. Розановой сдали в букинистический магазин экземпляр IOSPE I², который я приобрел; до нее книгой владел А. В. Орешников. При № 672 на с. 507 Орешников написал: «Находится в Историческом музее» и приложил фото надписи, которое публикуем (рис. 102). Оно показывает, что прориси в IOSPE I² 672 и у Соломоник не вполне точны, тем не менее текст сохранившейся части надписи Латышев передал адекватно. Вопрос заключается в дополнениях лакун. Текст Латышева (I² 672): Ἀχιλλεῖ νῆσον [μεδέοντι] | Ποσίδεος Ποσι[δέου τοὺς] | Σαταρχαίου [νικήσας] | πειρατεύσαντ[ας ἀνέθηκεν?]. И. И. Толстой [1918, с. 41] обратил внимание, что глагол πειρατεύω требует вин. падежа, и хорошо дополнил в стк. 3–4 с опорой на ольвийский декрет с Левки I² 325: Σαταρχαίου [νικήσας τοὺς] | πειρατεύσαντ[ας τὴν νῆσον]. Поправку отвергли Латышев [1921, с. 21] и Э. Диль [Gnomon. 1927. Bd. 3. S. 639]. Реконструкция А. Вильгельма: Ἀχιλλεῖ νῆσον [Λεύκης μεδέοντι] | Ποσίδεος Ποσι[δέου Ὀλβιοπόλιτας] | Σαταρχαίου [τοὺς τὴν νῆσον Λεύκην (или короче: τοὺς τὴν Λεύκην)] | πειρατεύσαντ[ας νικήσας ἀνέθηκεν]⁴¹⁷. Чтение Толстого одобрили Ростовцев [1918, с. 190] и Соломоник [1962, с. 39]. Последняя вместо τὴν νῆσον «остров» резонно предложила τὴν ἀκτὴν «побережье». К замечанию Толстого о переходности глагола πειρατεύω, и потому требующего дополнения, приведем соответствующие

⁴¹⁷ Сводку лит. и чтение Вильгельма дал И. Хондиус [SEG 3, 606]. См. о надписях Посидея также [Гайдукевич, 1949, с. 533; Bull. ép. 1965, 272; Виноградов, 1989, с. 241/4].

Рис. 102. Надпись Посидея IOSPE I² 672, фото А. В. Орешникова

примеры (LSJ): οἱ πε[ιρατε]υοντες τοὺς πολεμίους (Syll. ³ 582. 13–14 и коммент. 6; Делос, Πα); Sept. Gen. 49:19: Γαδ, πειρατήριον πειρατεύσει αὐτόν, αὐτὸς δὲ πειρατεύσει αὐτὸν κατὰ πόδας. В непереходном значении πειρατεύω означает «быть пиратом» (Strabo, XIV, 3, 2), что не подходит к контексту надписи Посидея, так что остаются правильными дополнения Толстого и Вильхельма.

Текст четвертой надписи Посидея (Дашевская): Ρ[ό]δωι · Ποσιδέ[ο]ς Ποσιδέο[υ] | χαρι[σ]τήριον | «нимфе Родос *посвятил* благодарственное приношение Посидей Посидеев»⁴¹⁸. Латышев [1887, с. 131 сл.] справедливо датировал надписи Посидея II в. Правильно мнение Э. Миннза, что в косском декрете IOSPE I² 77 в честь некоего Посидея, отчество которого не сохранилось, имеется в виду этот же Посидей [Minns, 1913, p. 463], — от патронимика сохранилось окончание -εου (см. с. 562). Латышев отнес косский декрет к III в.

Род Посидеевичей, известный с V в. до н. э. (с. 492), действовал и в римское время. В ольвийских надписях II в. н. э. упоминаются стратег Артемидор, сын Посидея (НО 83), и архонт Сатир, сын Артемидора (I² 142), которые по перекличке имен явным образом составляют три колена одной и той же знатной семьи, поставившей Ольвии государственных мужей. Сатира, отца архонта Дада, от имени которого выпускались монеты, В. А. Анохин [1989, с. 73] предположительно отождествил с Сатиром, отцом нашего Посидея. Это безусловно один и тот же Сатир, отец архонтов Посидея и Дада, так как у Дада был сын Посидей (НО 86). Наша стемма этой семьи римского времени:

Первое поколение: Артемидор, сын Посидея, стратег (НО 83). *Второе поколение:* Сатир, сын Артемидора, архонт (I² 142 и, может быть, 176, монеты). *Третье поколение:* Посидей, сын Сатира, занимавший высшие должности в Ольвии (I² 54 и, может быть, НО 82), Дад, сын Сатира, архонт (I² 281 и монеты). *Четвертое поколение:* Нил, сын Посидея, и Посидей, сын Дада, архонты (НО 86).

⁴¹⁸ Перевод наш. Что посвящение сделано нимфе или божеству по имени Родос, указал Л. Робер (Bull. ép. 1965, 272).

Упоминаемый надписью НО 82 Посидей (патронимик не сохранился) — вероятно, Посидей, сын Сатира, так как сделавшую данное посвящение коллегию стратегов возглавлял Евпл, сын Каландиона, известный как член коллегии стратегов, возглавляемой Посидеем, сыном Сатира (I² 100). Имя Сатира, сына Артемидора, стоит на монетах, которые Карышковский [1986, с. 28, 31; 1988, с. 123] отнес ко времени Марка Аврелия, а Анохин [1989, с. 73] ко времени Коммода; монеты с именем Дада, сына Сатира, оба исследователя определили временем Коммода. Карышковский отнес надписи I² 142, упоминающую Сатира, сына Артемидора, и I² 176, где его имя восстановлено Латышевым, к третьей четверти II в., конкретно ко времени Марка Аврелия. Укажем, что абсолютный хронологический репер предоставляет надпись НО 86, упоминающая представителей четвертого колена данной семьи Посидея, сына Дада, и Нила, сына Посидея, членов коллегии архонтов, возглавляемой Каллисфеном Каллисфеновым, который действовал во времена Септимия Севера (193–211 гг.: I² 174, *ср.* 42). По счету поколений деятельность представителя второго поколения семьи Сатира, сына Артемидора, не может приходиться на время Коммода (180–192 гг.) — он жил в середине II в. при Антонине Пие и Марке Аврелии. Иначе говоря, второе и четвертое поколения разделяют примерно 50–60 лет (30 лет на одно поколение), и если четвертое поколение действовало в 193–211 гг., то второе ок. 133/143–151/161 гг. Следовательно, деятельность представителя промежуточного между ними — третьего — поколения семьи (Посидей, сын Сатира, и Дад, сын Сатира) приходится на время Марка Аврелия.

14.1.4. Посвятительные надписи

IOSPE I² 83. Посвящение стратегов Аполлону Простату, *пер.* [ДМЮР, 54].

I² 84. Посвящение стратегов Аполлону Простату. Сейчас стела хранится в Эрмитаже. В стк. 3 имя главы стратегов Латышев дал в форме Ἀρχέδημων, камень: Ἀρχίδημων.

I² 97 = НО 83. Посвящение стратегов Аполлону Простату. Фр. В хранится в ОАМ, фр. А, С в Эрмитаже, фр. Д в СПб. ИИМК^е.

I² 110. Посвящение стратегов Аполлону Простату. Текст Латышева: [ἀγαθῆι τυχῆι. |[Ἀπόλλωνι Προ]στάτῃ οἱ |[περὶ --]ν Μητά[.ου στρατηγοί·] Καλλι|[σθένης - -]ς, [Δ]ά|[δος? κτλ.]. Латышев отметил, что имя в стк. 3–4 может быть восстановлено как Μητάγου или Μητάκου по надписям I² 101, 108. Мы обратим внимание на надпись I² 185, в которой упоминается глава архонтов Πα.νήιον Μητά[γ/κ]ου и архонт [Α]ῦρ. Βασιλεὺς Καλλισθένους. Если принять, что в надписи I² 110 отсутствовало слово στρατηγοί (как в I² 103), можно читать в ней имена Папнея Метагова и Василея Каллисфенова: οἱ |[περὶ Πάπνειο]ν Μητά|[γ/κου· Βασιλεὺς] Καλλι|σθένης. Об имени Папней см. с. 624.

I² 122. Фрагмент посвящения, надпись повторена в НО 172.

I² 129. Посвящение агораномов Гермесу Рыночному, *пер.* [ДМЮР, 56].

I² 133. Посвящение архонтов Ахиллу Понтарху, 4 фр. В Херсонском музее мы видели фр. А. О культе Ахилла Понтарха [Нур, 2006, S. 209/15; 2007]

I² 136. Посвящение стратегов Ахиллу Понтарху, хранится в ОАМ. После обычной вводной формулы, завершающейся словом στρατηγοί·, следует перечисление имен-отчеств стратегов. После στρατηγοί· в конце стк. 5 Латышев прочел Τ(ίτος) Φ(λάουιος) Φι(λου)μενός. Однако в конце стк. 5 на камне вырезано Γ·Φ·Φ·Ι·Σ, далее

лист, обозначающий конец строки (ср. стк. 2: лист обозначает конец слова). Видимо, чтение Латышева Τ(ίτος) Φ(λάουιος) правильно, но начальное Τ следует показать в скобках как исправленное. Наоборот, в имени Θεόδωρος взятое Латышевым в скобки Ρ на камне есть — головка этой буквы дана в лигатуре с вертикалью омеги: W°, т. е. скобки при Ρ излишни. Слова [χαριστήριον], которым Латышев закончил надпись, не было: под последним патронимиком Βουτουνατος изображен лист, означающий конец текста (как, например, в вотиве стратегов I² 97).

I² 139. Об этом посвящении архонтов Ахиллу Понтарху [Dzikowski, 1939; Карышковский, 1969, с. 114].

I² 140. Слово διαμονή «вечность» имеет в виду существование города в ольвийских посвящениях римского времени и относится к самой Ольвии; в греческие надписи оно пришло из римской эпиграфики, где относилось к Риму [Белоусов, 2011, 2013].

I² 159. Частное посвящение, хранится в ОАМ, текст Латышева: [ὁ δεῖνα τοῦ δεῖνος ὑπὲρ τῆς ἡ--ἀνέθηκε θ]εοῖς πᾶ[σι]. Латышев полагал, что в стк. 2 можно восстанавливать πόλεως, т. е. посвящение сделано за Ольвию. Однако полукружие на сколе стк. 1, принятое Латышевым за Ρ, может принадлежать и омикрону, так что окончание -ΟΤΗΣ может быть и остатком имени посвяtitеля, например [Θεοδ]ότης. Возможный текст: [ὁ δεῖνα καὶ Θεοδ]ότης ἡ[τοῦ δεῖνος θ]εοῖς πᾶ[σιν] «такой-то и Феодот, сыновья имярека, посвятили всем богам». Ср. I² 191.

I² 161. Посвящение Зевсу Сотеру. См. об этой надписи выше, с. 406, также: [Латышев, 1921, с. 17 сл.].

I² 167. Латинское посвящение 248 г. за императоров. Пер. [ДМЮР, 57].

I² 169. Посвящение архонтов. Фото надписи [Книпович, 1966, с. 27].

I² 186. Почетно-посвяtitельная надпись: отбыв должность гимнасиарха, Никодором посвятил Гермесу и Гераклу статую своего сына Дионисия, с эпиграммой. Интересно спортивное имя этого профессионального спортсмена — «Победитель в беге». Позднее семейка в чем-то провинилась, судя по тому, что текст надписи выскоблен, остались лишь следы букв. Это прекрасный образец умения Латышева работать с подлинниками — когда он видел камень, давал поразительно точное прочтение. Другое дело, что большую часть надписей он издавал по присланным эстампам, что приводило к просчетам.

I² 190. Посвящение Эпикрата Никератова за дочь. Полный пер. [ДМЮР, 56].

I² 329. Мраморная плита из святилища Ахилла на Кинбурне с посвящением римского времени (курсивное письмо). Латышев дал текст по А. Бёку: Ὑπανος.... [.. Ἀχιλλ[εῖ] | ἀνέσ[τησεν]. На приложенных маюскулах перед теонимом показаны буквы ΘΩ, поэтому читаем тут θ(ε)ῶ Ἀχιλλ[εῖ]. Судя по полному слову ἀνέστησεν, справа в стк. 1–2 утрачен небольшой текст. В стк. 1 после имени посвяtitеля показана вертикаль, т. е. следующее слово начиналось с прямой буквы. Вряд ли в столь краткой надписи был патронимик посвяtitеля, скорее тут было короткое слово, обозначающее, что именно посвящено; можно предположить [βωμόν?]. Наше чтение:

Ὑπανος [βωμόν?]

θ(ε)ῶ Ἀχιλλ[εῖ]

ἀνέστησεν

«Гипанис посвятил

алтарь (?) богу Ахил-

лу».

НО 69. Мраморная плита с фронтоном, отбита слева и снизу, хранится в КИМ'е. Текст НО (Белецкий): [ὁ δῆμος] τὸν ναὸν καὶ τὰ ἔδῃ | [καὶ τὸν] βωμὸν Γλυκεΐαι|-- (повторное издание [Белецкий, 1975, с. 99]). Отметим, что на камне перед В стк. 2 сохранилась наклонная гаста буквы М, т. е. перед словом был артикль с уподоблением: [τὸμ] βωμὸν, как в НО 68. Сохранились и плохо различимые остатки верхних частей букв стк. 3 (под буквами ΒΩΜΟΝΓΛΥ стк. 2): Ι.Γ.ΙΚΟ.Ι (до конца строки было еще 4 буквы). В них можно видеть [Ἀφροδίτῃ]ι [ἐ]πιχο[ύ]ρ[ωι]: по мысли Белецкого, Γλυκεΐα — эпитет Афродиты, добавим, что у нее был также эпитет Ἐπίκουρος «помощница» (II. 21, 431). По понятной причине посвящения Афродите делали преимущественно частные лица (I² 168, 440; НО 68; КБН 7, 13, 17 и др.). Стела увенчана фронтоном, посреди которого изображена женская личина, в которой и следует усматривать изображение Афродиты. Расположение его строго по центру позволяет рассчитать, что в каждой строке было около 22 букв. В стк. 1 сохранилось 15, в стк. 2 — 13 букв, так что в лакуне слева дополняется около 7 букв. Наш текст:

[ὁ (ῆ) δεῖνα] τὸν ναὸν καὶ τὰ ἔδῃ
[? θεᾶς καὶ τὸμ] βωμὸν Γλυκεΐαι
[? Ἀφροδίτῃ κα]ι [Ε]πιχο[ύ]ρ[ωι] ἱερη-
σάμενος (-μένη) ὁ (ῆ) τοῦ δεῖνος]

*«имярек посвятил(а) божницу, и изобра-
жения богини, и алтарь Сладкой Афроди-
те и Помощнице, отбыв срок жречества,
сын (дочь) такого-то».*

НО 70. Надпись хранится в КИМ'е. Обратная сторона заглажена заподлицо. Высота букв 1,2–1,4 см. Сохранилась не левая часть надписи, как указано в НО, а правая. Повторное издание [Белецкий, 1975, с. 73].

НО 74. Посвящение Стефана, текст и *пер.* НО (Брашинский): [Στέ]φανος Ἀλε[ξάνδρου?] εἰς[π]λεύσας τὸ ε--[...μα Ἐπηκόω καὶ Τ[-- ἀνέθηκεν] «Стефан, сын Александра (?), ..., приплывший... Внемлющему и... посвятил» (рис. 103)⁴¹⁹. Иванчик [2011, с. 36] вслед за Ю. Г. Виноградовым отождествил этого Стефана с проксином НО 27 из Смирны Стефаном, сыном Александра, и дал текст: [Στ]έφανος

Рис. 103. Вотив Стефана НО 74

⁴¹⁹ Белецкий [1969, с. 159] дал в стк. 2–3 иной текст: [--] πλεύσας τὸ ἐ[τος--| ἀνάθη]μα Ἐπηκόω<ι> καὶ τ-- «совершивший путешествие по морю (в... году? ...) приношение Благоосклонно внемлющему и...» Дополнение им слова [ἀνάθη]μα не соотнобразуется с числом букв лакуны, ограниченной слева краем плиты; указание на год неуместно для посвящения за счастливое окончание плавания. Критику чтения Виноградова [εἰς]πλεύσας τὸ ἐ[μ[ποριον] см. [Иванчик, 2011, с. 33].

Ἀλε[ξάνδρου Ζμυρναῖος | εἰς]πλεύσας τὸ ε-- ||[θεᾶ] Μᾶ ἐπεκόω καὶ τ[οῖς θεοῖς πᾶσιν?]⁴²⁰. Его чтение [θεᾶ] Μᾶ невозможно, так как Ма воинское божество, она покровительница военного дела, а вовсе не мореплавания, поэтому ее святилища обычно расположены во внутренних частях, как в горной Комане (*Strabo*, XII, 2, 3). Посвящения за счастливое плавание делались разным богам (см. ниже), но Ма там не числится. Неприемлемы и другие его суждения⁴²¹.

Имея в виду обычное обозначение Фракийского Боспора как στόμα τοῦ Πόντου⁴²², мы предположительно восстанавливаем в конце стк. 2 — начале стк. 3 Ε[ὐξείνου Πόντου | στό]μα «устье Евксинского Понта», ср. обозначение плывущих в Ольвию и другие города οἱ εἰσπλέοντες εἰς Πόντον «выплывающие в Понт» (IOSPE I² 79. 14, gen., декрет Византия в честь ольвиополита Оронта, который оказывал им содействие в Византии и Ольвии). Выход из Боспора в Черное море фланкирован двумя Кианейскими скалами, течение тут бурное. Выплывавшие из него и направлявшиеся в Ольвию вдоль фракийского побережья суда проходили мимо сурового для мореходов Салмидесского побережья, где из-за ветров и каменистого берега без гаваней происходили кораблекрушения; это побережье начиналось от Кианейских скал и тянулось на 700 стадий; разбойничали тут и местные фракийцы (*Strabo*, VII, 6, 1; *Arriani* Per. 25). Ср. *Aesch.* Prom. vinct. 727: «челюсть Сальмидесская, страх кораблей, трепещущих проплывающих мачеха». И сам Боспор Фракийский бывал негостеприимным: описавший его Дионисий Византийский (Anaplus Bospori, 65–68) сообщает о суровом его возвышенном берегу и выдающихся из моря скалах (Кианей), прозванных Вакхиями за то, что волны безумствуют там как бы в вакхической пляске. Одна из причин этого — петляющее течение вод Понта (*Polyb.* IV, 43), кроме того, пролив узкий, до 500 м, потому течение быстрое. Счастливо миновавший устье Фракийского Боспора или Кианей (от мыса Гиерон до Кианей 40 стадий, т. е. около 3 км: *Arriani* Per. 25, 4) и благополучно добравшись до Ольвии, Стефан сделал посвящение божеству. На нашу интерпретацию надписи с устьем Боспора как местом действия указывает и то обстоятельство, что он поблагодарил тамошнее, а не ольвийское божество с эпитетом Благоклонный. Равным образом ольвийские ситоны, раздобывшись хлебом в Зап. Причерноморье, поставили посвящение тамошнему Благоклонно-внемлющему герою (НО 72, см. выше, с. 481)⁴²³.

Проблематично дополнение Иванчиком этника Стефана Смирнеец: хотя он обычен в вотивах, в позднее время его может и не быть — например, поставивший на Темир-горе спасителю Асклепию жертвенный мраморный стол называет себя лишь по имени-отчеству (КБН 957); подобным образом указали только их и братья,

⁴²⁰ Об ольвийском декрете в честь этого Стефана см. ниже, с. 642/55.

⁴²¹ Иванчик уделил 4 страницы узусу глагола εἰς]πλεῖν [с. 31–33], не дойдя до банальной мысли, что тут могут быть и другие предлоги: δια-, ἀνα-, ἐπι-. Дополнение Иванчика в стк. 3 τ[οῖς θεοῖς πᾶσιν ?] мотивировано лишь первой буквой да размерами лакуны.

⁴²² Например, Арриан (Per. 25, 4) так называет место выхода из Боспора в Понт у мыса Гиерон со святилищем Зевса Урия. Также Геллеспонт считался στόμα τοῦ Πόντου (например, *Thuc.* IV, 75, 2), именовался он и Θράκιον στόμα (*Eustathi in Dion.* Per. 764). Черное море часто называлось и просто Евксином (например, *Arist.* Meteor. II, 12).

⁴²³ За счастливый исход плавания (шедший в Ольвию из Амиса корабль попал в шторм) ольвиополиты почтили декретом его капитана, который проявил мастерство судовождения (IOSPE I² 35). Ср. и ольвийское граффито с выпиской 39 стиха девятой песни «Одиссеи»: «От Илиона унеся меня, ветер к киконам пригнал»; причиной выписки могло быть и то, что автор ее во время плавания был занесен ветрами на фракийское по берегу [ГЛБО II, с. 88].

поставившие мраморный вотив «Богу высочайшему, внемлющему за спасение от великих опасностей» на реке Дон⁴²⁴. Но существенней другое — в надписях такого рода употребительно прилагательное или наречие, указывающие на счастливый исход плавания [Sandberg, 1954, *passim*]. Краткость надписи Стефана заставляет выбирать между этником и прилагательным / наречием, так что ввиду сказанного о последних предпочтительней дополнение одного из них, например, εὐτυχῶς⁴²⁵.

При сохранившемся πλεύσας был предлог (слева утрачены 3 буквы)⁴²⁶, на что указывает контекст со свершившимся проплывом опасного места: ἀναπλεύσας (ср. Od. 12, 234: στενωπὸν ἀνεπλέομεν «мы проплыли узкий пролив»), ἐπιπλεύσας (II. 5, 284: πόντον ἐπιπλώων «плывя по морю»), εἰσπλεύσας (ср. Plato, Crit. 115d: διελόντες στόμα ναυσὶ τοῖς μεγίστοις ἰκανὸν εἰσπλεῖν — цари Атлантиды, прокопав канал, «сделали устье достаточным для захода самых больших кораблей»). Ввиду вышеизложенного читаем HO 74 так:

[Στέ]φανος Ἀλε[ξάνδρου εὐτυχῶς? «Стефан, сын Александра, благополучно про-
ἀνα / δια]πλεύσας τὸ Ε[ὐξείνου Πόντου? плыв устье Евксинского Понта (?), Благосклон-
?στό]μα Ἐπηκόω καὶ Τ[-- Ἦρω?] но внемлющему и Т—Герою (?) (посвятил)».

Белецкий полагал, что второе божество Ахилл Понтарх, но ошибся, ибо тот почитался в Ольвии лишь в римское время. За успешное плавание благодарили Афины, Артемиду, Асклепия, Афродиту, Деметру, Диониса, Диоскуров, Гестию, Геракла, Посейдона, Сераписа [Sandberg, 1954, p. 16]. Эти имена не соответствуют оставшейся в стк. 3 после καὶ букве Τ (сохранилась левая часть ее горизонтали), поэтому видим тут вторую эпиклесу того же божества: Τ[--] (первая эпиклеса Ἐπηκόος). Эпиклеса Ἐπηκόος свойственна в надписях Фракии Аполлону, Асклепию, Диоскурам, Зевсу, Герою, Нимфам, Гелиосу, Гефесту, Кибеле и другим божествам. В Ольвии она прилагается только к Герою (Ἦρω Ἐπηκόω HO 72), поэтому дополняем его имя: Ἐπηκόω καὶ Τ[-- Ἦρω?] «Благосклонно внемлющему и Т-- Герою (посвятил)». Эпиклеса на Т- у фракийского Героса: Τασαγίς, Ταρσαζιε-, Τотоηт- и др. [Георгиев, 1977, с. 52].

HO 87. Текст HO (Книпович по изданиям Штерна и Карышковского⁴²⁷): [Ἀγαθῆι τύχηι. | Ἀχιλλεῖ] Ποντάρχη | [οἱ π]ερὶ Δαδακὸν [Ἦ]ε[ρο]σῶντος τὸ [β'] στρατηγού·]]⁵ Μο[υ]γισαγὸς Ἀσανου, Α[μ]ω[σ]παδὸς Ἀχιλλέος, Θυσ[σ]κῆς Δ[ά]δου, Ἀττας Σωμά[χ]ου, Μ[η]τρόδωρος Πραξί[αν]ακ[τος, χαριστήριον]]¹⁰ ἐπὶ ἀ[ρχόντων τῶν περὶ] τῶν Ἱεροσῶντα Ἐπικράτους]. Размеры и место хранения не указаны в изданиях (Штерн, Карышковский, HO). Надпись хранится в ОАМ. Это два фрагмента плиты из мраморовидно-

⁴²⁴ КБН 1316. Плита найдена в Ростове-на-Дону, на этом месте братья и избегли опасности [Яйленко, 2010, с. 597], коль вотив поставлен при реке, угроза подстерегла их во время плавания. Так, за спасение на Ниле поставлена благодарственная надпись близ Эдфу: «Благословение божье: Тевдот, сын Дориона, иудей, спасенный от водной бездны (πελ<άγ>ους)» [Guarducci, 1975, p. 206].

⁴²⁵ Ср. и благопожелание ἐπ' ἀγαθῶ «на счастье» в надписи о спасении на море в святилище Афродиты в Нимфее [Яйленко, 1995а, с. 257/9]. Для наречия место есть только в стк. 1. Впрочем, поскольку Стефан поставил вотив не дома, а в Ольвии, не исключен и его этникон Ζμυρναῖος.

⁴²⁶ Поэтому невозможно предложенное Б. Лифшицем дополнение [κατα]πλεύσας [Lifshitz, 1969].

⁴²⁷ Карышковский [1959а, с. 127/8] отметил, что публикация Штерна была изъята военной цензурой из ЗООИД [1915. Т. 32], но сохранилась в небольшом числе оттисков.

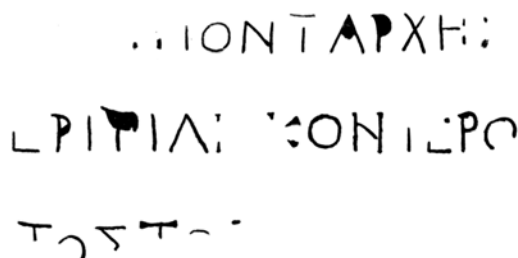

Рис. 104. Вотив НО 87, верхний фрагмент, прорись автора

го песчаника, по облому не сходятся (рис. 104)⁴²⁸. На фр. А сохранились остатки 3 строк надписи, расстояние между строками равно высоте строки (буквы). На фр. Б сохранились начала 7 последних строк надписи, промежуток между строками очень небольшой. Иначе говоря, вводная часть посвящения выделена большим промежутком между строками сравнительно с последующим перечислением имен. Судя по сохранившемуся тексту, фр. А состав-

ляет верхнюю правую часть плиты, фр. Б — нижнюю левую часть. Поскольку фрагменты непосредственно не контактируют, одна или несколько промежуточных строк утрачены. Восстановление издателями вводной формулы Ἀγαθῇ τύχῃ не оправданно — ее не было (как и в посвящениях I² 134, 147, 148), так как справа на фр. А сохранилась часть верхней грани и она бланковая. Имя главы коллегии стратегов не Дадаков, как читал Штерн и вслед за ним не видевшие камня Карышковский и комментатор НО, а Φιλί[σ]ков. Буквы ΣΩΝ его отчества в начале стк. 3 сейчас не видны, но у Штерна они представлены и, по-видимому, утрачены в последующее время выбоинами. Остатки имен в 2–3 буквы, сохранившиеся на фр. Б, восстанавливать, вопреки предшествующим издателям, смысла нет. Вряд ли мы ошибемся, полагая, что глава стратегов Филиск Гиеросонтов был сыном главы коллегии архонтов Гиеросонта, упоминаемого в стк. 10. Этот Гиеросонт, вероятно, как думали предшествующие издатели, тот же Гиеросонт Эпикратов, который упоминается в посвящении Ахиллу I² 134. Вместе с тем можно думать, что это тот самый Гиеросонт, которого Дион Хрисостом упоминал как прилежного слушателя его речей (XXX, р. 56), см. с. 556. Не исключено, что сын Гиеросонта Филиск упоминался в эпонимной датировке керамического посвящения I² 332: ἐπὶ [ἱρέως Φιλίσκου Τ]ιερσοῦ[ντος Ἀχιλλεῖ?]. Карышковский [1969, с. 115] датировал надпись концом I — началом II в. н. э., но оснований для столь узкой датировки нет: она могла быть исполнена на протяжении всего II в. н. э. Наш текст: [Ἀχιλλεῖ Ποντάρχῃ | [οἱ π]ερὶ Φιλί[σ]ков Ἱερο[σ]ῶντος⁴²⁹ τὸ [β' στρατηγού·] -- ΜΟ-- |⁵ ΜΩ-- | κῆς Δ-- | χου, Μ--|άνακ[τος χαριστήριον] | ἐπὶ ἀρχόντῳ τῶν περὶ ||¹⁰ Ἱεροσ[ῶντα τοῦ δεῖνος].

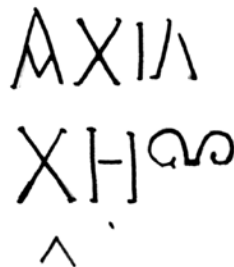
НО 89. Текст и коммент. НО (Книпович): Ἀχιλλεῖ Ποντάρ[χ]ῃ--|--. «Размеры в изданиях надписи не указаны... Место хранения надписи неизвестно». Надпись хранится в ОАМ, это обломанный со всех сторон фрагмент левого края тонкой беломраморной плиты (склеены 3 куска) высотой 11, шириной 10, толщиной 1,3 см. Сохранились остатки трех строк надписи, высота букв 2,1–2,7 см (рис. 105). Первоначальная левая грань плиты слегка отколота или вообще не была обработана, слева на лицевой стороне видны остатки слегка возвышающейся над лицевым

⁴²⁸ Фр. А — верхняя часть плиты, высота 11, ширина 19 см. Сохранилась грубо обработанная правая грань, небольшая часть верхней грани, остальные сколоты. Толщина фрагмента неодинакова — слева 7 см, справа 8,2. Фр. Б сохранил левую грань, суммарно обработанную, и часть нижней грани, она за- ровнена; правый и верхний края обломаны, высота 21, ширина 8, толщина 7–7,5 см (и этот фрагмент утолщается направо). Высота букв на обоих фрагментах 1,7–2 см. Обратная сторона заглажена.

⁴²⁹ Подчеркиваем буквы, которые видел Штерн, но сейчас на камне их нет.

полем филенки. На лицевой стороне видны следы разметки линейки, которых резчик не придерживался. Обратная сторона заглажена под лицевую. В стк. 2 после Н вырезан бутон цветка как словоразделитель. От первой буквы стк. 3 сохранился верхний уголок; поскольку уголки А и Λ стк. 1 вверху имеют другие очертания, это уголок Δ. Наш текст: Ἀχιλ[λεῖ Ποντάρχῃ] οἱ περὶ τὸν δεῖνα|| Δ---. Дельта стк. 3 принадлежит имени главы коллегии, сделавшей это посвящение II в. н. э.

НО [90a]. Добавь к числу посвящений Ахиллу Понтарху надпись, изданную М. Ф. Болтенко [1953], которую случайно пропустили издатели НО. Это мраморная плита серого оттенка, обработана со всех сторон, высота 64, ширина 23, толщина 20 см, хранится в

Рис. 105. Вотив НО 89, прорись автора

ОАМ. Текст: ἀγαθῇ τύχῃ· Ἀχιλλεῖ Ποντάρχῃ οἱ περὶ | Δάδαν Πεισιστράτου | τὸ γ' ἄρχοντες· | Ἀμόσπαδος | Ἀχιλλέος, Στράτων Ἀχιλλέος ||¹⁰ Διονυσιοδώρος Ἐρωτος, | Σκάρτανος | Ἀζιαίου χαριστήριον «в добрый час, Ахиллу Понтарху посвятили приношение архонты во главе с Дадасом Писистратовым, главой архонтов в третий раз: Амоспад Ахиллеев, Стратон Ахиллеев, Дионисодор Эротов, Скартан Адзиаев» (пер. наш). В архиве Института археологии в Киеве находится рукопись заметки В. И. Семенова «Новооткрытая стела с посвянительной надписью Ахиллу Понтарху» (Одесса, 25. XII. 1937 г.)⁴³⁰. Даем пересказ машинописной стр. 1: в 1937 г. Одесскому историко-археологическому музею передана новонайденная мраморная стела с греческой надписью. Она случайно обнаружена крестьянином Ивановым в селе Малый Бейкуш, находящемся на расстоянии 2,5 км от Очакова, во время устройства изгороди, когда копали ямки для столбиков. Стелу подобрал заведующий райархивом Очакова Ф. Д. Везно и доставил в Одессу. Стела прекрасной сохранности, размеры 64,5 × 23 × 20 см, имеет вид обычной четырехгранной призмы, на одной из сторон которой высечена надпись, целиком дошедшая до нас (далее следует перевод). На последнем рукописном листе надпись датирована II в. н. э. на основании того, что перечисленные в ней имена встречаются в памятниках этого столетия (ссылка на [Латышев, 1887, с. 161/7]). Рукопись правлена А. С. Коцеваловым. Для меня эта неопубликованная заметка Семенова интересна уважительным отношением и простого крестьянина, и районного чиновника к памятнику древности: за 20 лет государство сумело внушить населению (по крайней мере его части) социально зрелое и разумное понимание важности памятников истории. Это важно для опровержения лжи, распространяемой нынешней официальной и неофициальной либерально-прозападной пропагандой об СССР того времени. Тогда страну строили, сейчас разворачивают, в том числе и «черные археологи».

НО 155. На обломке с буквами ΟΙ вырезана елочка. Она нередко фигурирует на граффити — посвящениях Ахиллу (рис. 23. 1, 8), поэтому возможна принадлежность фрагмента к числу посвящений: [Ἀχιλλεῖ Ποντάρχῃ] οἱ || [περὶ κτλ.].

НО, 169. Уточняем по камню восстановление НО: [-- ὕπερ τ[ῆς πό]λεως καὶ τ[ῆς] αὐτ[ῶν] σωτ[η]ρίας. Высота букв 2–2,4 см (в НО не указана).

⁴³⁰ Архив, Ф 12 № 117, С 29 н. Это 3 страницы машинописи, им предшествует листок с греческим текстом надписи от руки, в конце приложена еще одна рукописная страница.

14.2. Строительные надписи

Строительные надписи эллинистического времени проанализировал Ф. Майер, давший републикацию Протогеновского декрета и надписей IOSPE I² 179, 180 [Maier, 1959, № 82–84]. К числу строительных надписей, выделенных Латышевым, следует добавить НО 52 (НО 53 исключается из их числа, это обломок декрета, см. с. 551) и, на наш взгляд, НО 75.

НО 75. Текст НО (Книпович): --ἀνεψίωνος (?) |--. σαρῆος |-- ἐπεμελήθη. Роберы и рецензенты НО указали, что в стк. 1 читается название месяца Кианепсиона, причем А. И. Болтунова [1971, с. 286] отметила, что здесь присутствовала та же формула, что в НО 42: при архонтах во главе с таким-то, в месяце Кианепсионе; «надпись следует, вероятно, считать скорее строительной, чем посвятитальной». Действительно, в ольвийских надписях, содержащих датировку по месяцу, год определяется по соответствующему архонту (I² 33, 35, 39, 40, 42–45, 47, 49; НО 42, 47). В стк. 2 Книпович справедливо усмотрела личное имя, но упомянутое ею имя Ἀσαρος здесь, конечно, ни при чем. Нет оснований усматривать тут и незасвидетельствованное туземное имя на -σαρῆος (ср. имена на -ῆος [Hansen, S. 221; Zgusta, 1964 § 257, 1551, 1558–2]: Δαρῆος, Τῆος, Τιῆος) ввиду чистоты антропонимикона ольвийских граждан III–II вв. до н. э. (в Каталоге ольвийских граждан I² 201 только греческие имена). Мы вычитываем в сохранившихся буквах ΣΑΡΗΟΣ теоним Ἄρης, род. падеж Ἄρηος⁴³¹. Коль упоминается Арес, уместно вспомнить, что в Ольвии II в. постоянно укреплялись оборонительные сооружения (I² 32 В), причем тогда и ранее башни или стены посвящались богам — Зевсу Освободителю, Гераклу (I² 188), Деметре, Коре, Плутону [Лейпунська, 1990, № 3]. В данном случае сооруженная стена или башня посвящена Аресу. Слово ἐπεμελήθη встречается в ольвийской эпиграфике в грамматической форме пассивного аориста 3-го лица в строительных надписях: ἐπε[με]λήθησαν τοῦ τείχους «позаботились о стене» Александр Стесандров и Никарх Калликлов (I² 178); Клеомброт Пантаклов τοῦ πύργου καὶ τῆς σχοινιάδας ἐπεμελ[ή]θη «позаботился о *строительстве* башни и прясла стены» (I² 180). Эти параллели дают основание предполагать, что и НО 75 относится к числу строительных надписей, чему соответствует также характер камня. Это мраморная плита, суммарно обработанная с боков, еще менее тщательно сверху, — свидетельство того, что она предназначалась для вставки в возведенное сооружение. Таковым сооружением мог быть храм (ср. I² 184: храм Сараписа и Исида возвел на личные средства Аврелий Юлиан Александров), какое-либо фортификационное сооружение (ср. I² 178–180: частные лица возводят башню, пилон, стены города), здания различного характера (ср. I² 185: Аврелий Василей Каллисфенов построил здание стратегииона; I² 181: Абаб Каллисфенов возвел стою). И хотя перечисленные надписи не содержат календарной датировки по месяцу, вряд ли стоит сомневаться в принадлежности рассматриваемой надписи к числу строительных, поскольку, например, на Боспоре строительные надписи содержат календарную датировку вплоть до дня месяца⁴³². Таким образом, стк. 1 рассмотренной надписи содержала датировку по ар-

⁴³¹ Хотя Ἄρης ионийская и эпическая форма генитива, маловероятная для данной прозаической надписи II в. до н. э., мы уже встречались с проникновением поэтизмов в документальный язык ольвийской эпиграфики (с. 473, 521, 526).

⁴³² КБН 62, 942 и мн. др., в том числе содержащие и слово ἐπιμελήθεις [Яйленко, 2010, с. 564 сл.].

хонту или жрецу и месяцу. В стк. 2 упоминались: глагол, выражающий акт строительства (οἰκοδομεῖν, ἀνιστάναι, ἀνεγείρειν и др.)⁴³³, название сооружения (в род. падеже) и указание на посвящение его Аресу. Посвящение сооружения Аресу указывает, что выстроен элемент фортификации — стена или башня. В стк. 3 содержалось имя-отчество заказчика. В целом предположительно читаем надпись так:

[ἄρχοντος (vel ἱερωμένου) τοῦ δεῖνος, μηνὸς Κ]υανεψιδῶνος
[— e. g. ἀνεγέρθη τὸ τεῖχος Ἄρης
[ὁ δεῖνα τοῦ δεῖνος —] ἐπεμελήθη

*«при архонте (либо жречествующем) таком-то, сыне такого-то, в месяце Кианепсионе -- сооружена эта стена Ареса; имярек, сын такого-то, позаботился»*⁴³⁴.

I² 175. Надпись о возобновлении стратегами храма Аполлона Простата, см. о ней [Robert, 1960, p. 267/76]. Пер. [ДМЮР, 57].

I² 176. Надпись II в. н. э. о сооружении архонтами молельни некоего бога. Полемику вызвало значение слова προσευχή — часть ученых необоснованно увидела в нем иудейскую синагогу. Ветхозаветному закону не соответствует наличие статуи бога в этой молельне, да и с чего это ольвийские власти станут строить иудейскую синагогу — это дело самих иудеев, присутствие которых в нищей Ольвии исключено, так как они выселялись в состоятельные регионы Римской империи. *Лит.* [Латышев, 1921, с. 22 сл.; Эрлих, 1928, с. 124/7; Kotsevalov, 1948 (есть в Москве, б-ка ИНИОН); Яйленко, 2010, с. 374/5].

I² 178. Надпись IV в. до н. э. о стеностроительстве. Пер. [ДМЮР, 58].

I² 179. Надпись о строительстве башни Клеомбротом Пантакловым-дедом, о дате см. с. 412. Пер. [ДМЮР, 59]. Экспонируется в Эрмитаже. Текст ее чрезвычайно фрагментирован, и прочтение его Латышевым — еще один образец высочайшего мастерства в работе с камнем.

I² 180. По поводу соотношения строительных надписей *I² 179* и *180* Клеомброта Пантаклова см. выше, с. 412, 414, где показано, что они принадлежат не одному лицу, а соименным деду и внуку, поскольку письмо первой из них явно старше письма второй. Там же отмечено, что надпись *I² 180* (рис. 69) близка по письму Каталогу граждан *I² 201* и Протогеновскому декрету, что предполагает ее датировку последней четвертью III в. Этим временем следует датировать и проксению НО 18, близкую по письму к *I² 180*.

I² 181. Сооружение Каллисфеном Абабовым стои. Надпись хранится в Херсонском музее. В стк. 3 Латышев читал по эстампажу ἀ[νθρ]ώπων, но на камне все буквы слова хорошо видны. Надпись относится ко второй половине 14 г. н. э., когда в августе скончался Август и его титул Σεβαστός унаследовал Тиберий.

⁴³³ В боспорских строительных надписях, откуда заимствуем и глагол ἀνεγέρθη, эта же конструкция (эпонимная и хронологическая датировки, название сооружения, глагол) обычно завершается указанием имени попечителя через выражение δι' ἐπιμελείας или ἐπιμελεθείς.

⁴³⁴ Этот материал об НО 75 опубликован в 1987 г. [МКЛНО II, с. 54–56]. Через 2 года Виноградов [1989, с. 256/7] изложил его основные идеи как собственные, без ссылки на источник своего вдохновения (экземпляр МКЛНО сразу по опубликовании сборника я передал ему через Л. С. Баюн). Были и другие случаи таких неприглядных заимствований у меня (примеров тут выше и далее предостаточно, см. их и дальнейшие ссылки на с. 468), также у Т. В. Блаватской [Яйленко, 2004, *passim*].

I² 184. Сооружение храма Исиде и другим богам. Републикация надписи [Vidman, 1969, № 713].

I² 185. Сооружение здания для стратегов. Имя главы коллегии архонтов в стк. 2–3, по Латышеву: Πα.νήιον Μητά|[γ]ου. По-видимому, имя следует читать как Πατρίηιον (сохранилась, судя по прориси Латышева, половина второй буквы Π — в виде Γ) и видеть в нем сокращенную форму патронима Πατπούνειος, известного в Фессалии (PB, 1130).

14.3. Рабство и вольноотпущенничество в поздней Ольвии

По словам А. С. Русяевой [Ольвия, 1999, с. 463], «прямых данных о том, что в Ольвии первых веков нашей эры существовало рабство, нет. Однако, учитывая безынвентарные погребения [Козуб, 1986], изображения домашних слуг на надгробных рельефах II–III вв., которые традиционно представлены в виде маленьких фигурок, а также то, что рабы упоминаются в надписях догетского времени, вполне допустимо, что они были здесь и в этот период». Это так — есть 2–3 надписи, которые несколько раскрывают тему рабства и вольноотпущенничества в Ольвии II–III вв.

14.3.1. Эпитафия НО 170

Рис. 106. Эпитафия НО 170

Эта надпись II–III вв. н. э. известна только по архивному фотоснимку (рис. 106). Ее издатель И. Б. Брашинский дал такой текст и перевод: ἀγαθῇ τύχῃ· Διονύσιου καὶ Σεμήλης. Δημήτριος Ἀλεξάνδρου, Ἀνέθετο[s], Αντώνιος, ||¹⁰ Αἰνίς ΣΑΙΒΟ vac. (?) «В добрый час! Диониса и Семелы *памятник*. Деметрий, сын Александра, Анетер, Антоний, Айнис (?)... посвятили». Ю. Г. Виноградов [1978, с. 48] подверг критике чтение стк. 8 и дал свое толкование надписи: «Здесь следует читать довольно позднюю для лапидарных вотивов (надпись — римского времени) глагольную форму ἀνέθετο “посвятил”, что дает более стройный контекст, поскольку имена божеств (стк. 2–5) стоят в *gen.* (Διονύσιου καὶ Σεμήλης), а не в *dat.*, как следовало бы ожидать при конструкции с *nom.* имени дедиканта». Он действительно улучшил чтение стк. 8 — здесь и в самом деле читается ἀνέθετο, но одновременно усугубил атрибуцию надписи, довольно сдержанно данной Брашинским в качестве посвятительной: у Виноградова уже фигурирует глагол «посвятил», присутствуют дедиканты, имена богов и надпись в целом определена как «лапидарный вотив». Однако в действительности

надпись представляет собой ординарное надгробие, а посвятителем она стала только потому, что издатель НО 170 и Виноградов вслед за ним исправили в стк. 1–2 обычный антропоним, имя покойного Διονύσιος на теоним Διονύσιον. А дальше все пошло само собой: супруга Дионисия вслед за своим мужем обожествлена и превратилась в Семелу, мать Диониса. Должен сказать, что налицо непоследовательность в операциях с именами: коль убрана *иота* из имени Дионисия, надо это сделать и с третьим упоминаемым именем — с Деметрием. Убрав и отсюда *иоту*, коллеги получили бы и *gen.* третьего теонима Δημήτριος «Деметры». Забавно, что все эти эпиграфические ляпы произведены Виноградовым в контексте методических указаний о необходимости глубокого изучения текста, внимательной работы с подлинником, осторожности в реконструкции текста и пр.

Рассматриваемая надпись определяется как надгробная по ряду признаков, прежде всего текстуально: ἀγαθῇ τύχῃ· Διονυσίου καὶ | Σεμήλῃς Δημήτριος Ἀλεξάνδρου | ἀνέθετο. | Ἀντώνιος, ||¹⁰ Αἰνίς, Σ(ιλ)βος «в добрый час, *памятник* Дионисия и Семелы поставил Деметрий, *сын* Александра. Антоний, Айнис, Силб» (три последних имени умерших позднее лиц добавлены, см. ниже). Имена Διονύσιος, Σεμήλη употреблялись не только как теонимы, но и антропонимы, особенно в качестве рабских имен⁴³⁵. Глагол ἀνέθετο стк. 8 не обязательно означает «посвятил», ибо основное значение ἀνατίθεαι «ставить что-либо на что-нибудь». Поэтому наряду с широким вторичным значением «посвящать» он употреблялся в надписях и у авторов в другом вторичном значении — как синоним ἀνιστάναι, ἐγείρειν и др. «ставить, воздвигать» что-либо, например статую, памятник, сооружение. В таком смысле «поставил надгробный памятник» глагол ἀνατίθεαι и употреблен в рассматриваемой надписи, как, например, в надгробиях КБН 88 или OGIS 602.

Интересно присутствие формулы ἀγαθῇ τύχῃ в надгробной надписи. Это редкий образец, известный в надгробии КБН 731 и эпитафии из Фронтowego на европейском Боспоре. Присутствие этой формулы в трех указанных надгробиях объясняется происшедшим во II–III вв. н. э. сдвигом ее из области строительных надписей, где она была обычной, также на сферу надгробных монументов по акту «возведения, сооружения» надгробного памятника [Яйленко, 2010, с. 675/6].

После имени Деметрия, сына Александра, поставившего памятник Дионисию и Семеле, следуют имена родственников или близких людей покойных, добавленные впоследствии, как это случается на древних надгробных монументах (КБН 274, 393 и др.) и на новых. На это указывает и бланковый отступ перечисляемых имен после основного текста надписи. Имена этих людей Αἰνίς, Σ(ιλ)βος (на фото хорошо читается Σιλβος) — малоазийские по происхождению, а имя Ἀντώνιος повсеместного распространения популярно в той же Малой Азии. Надгробие из Фронтowego с формулой ἀγαθῇ τύχῃ также поставлено малоазийцу. У Деметрия, сына Александра, типичное для ольвийского именника имя-отчество; напротив, имена погребенных людей, которым он поставил памятник, нетипичные, чуждые. Их малоазийское происхождение может указывать, что их носители были челядью Деметрия. Иначе говоря, это привозные рабы. На рабский статус указывает и рабский характер имен Дионисий, Семела (ср. теофорные имена отпущенников в боспорских манумисси-

⁴³⁵ [РВ, 310, 1367]. Так, Трималхион отпускает на волю раба по имени Дионис, сказав Dionysus Liber с игрой слов: с одной стороны, это означает имя бога и эпиклему — «Дионис Либер», с другой — «Дионис, будь свободен» (Petr. Sat. 41).

ях КБН 70, 985 Ἡρακλᾶς, Διονύσιος). Таким образом, надпись НО 170 свидетельствует о частновладельческом рабстве или близком ему зависимом статусе в Ольвии II–III вв. н. э. Возможно, надгробие I² 229, судя по употреблению слова χρηστός, поставлено вскормленнику (с. 629). Но рабство тут мало распространено, судя по отсутствию других источников. И это понятно: рабы северочерноморского происхождения всегда могли уйти в свои края из Ольвии и из хоры⁴³⁶. Другое дело привозные малоазийцы — им деваться некуда. Малоазийских же имен в послегетской Ольвии, даже при том, что ее население существенным образом пополнилось вчерашними скифами да сарматами, ничтожно мало. Это свидетельство минимального развития рабства в ней. Отсюда и отсутствие манумиссий в Ольвии — нет рабов, нет и вольноотпущенничества. Тем не менее эпизодическое наличие рабовладения тут позволяет усматривать в одной фрагментированной надписи отпусной акт.

14.3.2. Манумиссия НО 95 = I² 262

Обломок беломраморной плиты 16 × 14 × 6 см, оборотная сторона обработана суммарно. Сохранилась часть верхнего лицевого поля и внизу левый край плиты, справа и снизу отбиты. Сохранились 9 строк надписи, текст НО (Книпович вслед за Латышевым): *vac. ἀ[γαθῇ τύχη·* | *--ΕΩΠΑΡ--* | *--ος Ανα--* | *--ους Το--* | ⁵ *--μωρ Αμ--* | *--ως δὲ Πα--* | *--χαφλεις Π--* | *Αβναγ--* | *ψ--*. Латышев читал в надписи вводную формулу и имена [Α]μωράμ[αρος?], Χάφλεις (?), Ἀβι[αγος] (коммент. к I² 262 и Addenda, p. 593). По его заключению, «установить содержание надписи невозможно. Очевидно, что в основном представлены мужские имена». Книпович предположила, что надпись со списком имен может быть посвятительной. На наш взгляд, сохранившийся текст позволяет предположительно видеть в ней манумиссию (текст даем *e. g.*):

vac. ἀ[γαθῇ τύχη·
θ]εῶ Παρ[θένῳ ἐπὶ ἄρχον-
τ]ος Ανα[ξιμένους? Σωκρά-
τ]ους τὸ [δ' ἀνατιθέασι
 5 *Α]μωράμ[αρος τοῦ δεῖνος, φύσε (?)]-*
ως δὲ Πα[πίου καὶ υἱὸς Θα]-
χαφλεις ἐ[αυτῶν θρεπτὸν]
Αβναγ[ον --]

*«В добрый час. Богине деве при
 архонте Анаксимене Сократове,
 исполнявшем должность в чет-
 вертый раз, посвятили Амора-
 мар, сын такого-то, а от приро-
 ды сын Папия, и сын Тахафлейс
 своего вскормленника Абнага --».*

Обоснуем предложенное примерное восстановление текста. В стк. 1 Латышев справедливо восстановил вводную формулу; хотя сохранилась только первая ее буква, размещение ее с отступом на 5 букв от старта последующих строк указывает на ее заглавный характер. Имея в виду этот отступ, надо принять, что резчик разместил вводную формулу посередине лицевого поля (как в посвящениях I² 84, 99 и мн. др.), и это обстоятельство позволяет рассчитать приблизительное количество букв в последующих строках — их около 20 (9 букв вводной формулы + 5 букв слева и столько же справа). Принадлежность надписи к числу манумиссий явствует из наличия в начальных строках посвящения [θ]εῶ Παρ[θένῳ] и эпонимной датировки.

⁴³⁶ Я совершал дальние пешие прогулки из Ольвии вдоль берега и по степи, так что говорю об этом не понаслышке. См. о рабстве в Ольвии раннего времени выше, с. 206/31, 257/60, 393/7.

Это обязательные элементы манумиссий, *ср.*, к примеру, боспорский отпускной акт КБН 74: после эпонимной и календарной датировок следует посвящение вскормленницы θεῶ τῆς Μᾶς καὶ Παρθένῳ⁴³⁷. Ольвийские посвящательные надписи римского времени имеют три разновидности датировочных формул (не считая упоминаний римских императоров): ἐπὶ ἀρχόντων τῶν περὶ τοῦ δεῖνος τοῦ δεῖνος (это самая распространенная формула); ἐπὶ ἀρχοντος τοῦ δεῖνος τοῦ δεῖνος (I² 129, 142; HO 90); ἱερατεύοντος (ἱερατεύσαντος) τοῦ δεῖνος τοῦ δεῖνος (I² 134, 155, дополнительная датировка по жрецу). По числу букв подходит к рассматриваемой надписи датировка по архонту (хотя не исключена и датировка по жрецу), предполагающая восстановление его имени и патронимика: [θ]εῶ Παρ[θένῳ ἐπὶ ἀρχοντ]ος Ἀνα[ξιμένους? Σωκράτ]ους τὸ [ε. г. δ']. Из имен на Ἀνα- в Ольвии представлено только имя Анаксимен, причем известны архонт Анаксимен Анаксименов (I² 132) и первый архонт Ἀναξιμένης Σωκράτους τὸ δ' (I² 130). Начало имени, окончание патронимика и указание на занятие им должности первого архонта в четвертый раз вполне соответствуют тексту, сохранившемуся в стк. 3–4 нашей надписи. Поскольку в ней не сохранилась цифра, указывавшая, в какой раз Анаксимен Сократов занимал должность архонта, ясно, что данная манумиссия совершена во второе, третье или четвертое его архонтство (τὸ β', γ', δ'). Вслед за датировкой акта и именем божества, которому посвящался отпущенник, в манумиссиях следуют имя манумиссора, глагол, обозначающий акт отпуска, также имя отпущенника и обозначение его статуса (θρεπτός, ἀπελεύθερος и др.). Поскольку имя манумиссора упоминается в нашей надписи в стк. 5, лакуну между ним и датировочной формулой уместно заполнить глаголом, обозначающим акт отпуска. В боспорских манумиссиях прослеживается закономерность — если отпущенник посвящается поименованному божеству, то в качестве глагола употребляется какая-либо форма глагола (ἀνα)τίθημι (КБН 74, 985, 1021, 1123). Поскольку именно такое условие присутствует в ольвийском акте — отпущенник посвящается «богине Деве», восстанавливаем в лакуне стк. 4 примерную форму ἀνατίθεαι. Мн. число глагола обусловлено тем обстоятельством, что далее упоминаются два манумиссора — [Α]μωραμ[αρος] и [Θα]χαφλεῖς. Первое имя Латышев справедливо восстановил по известному в Ольвии имени Αμωρομαρος (I² 80, 84, 101, 130, 155). Разница в огласовке (а-ο) — лишь оттенок тематической гласной, соединяющей две иранские основы имени (Zgusta, 1955, 277). Имя Αμωρομαρος можно восстановить также в посвящении I² 152: [?] Αμω[ραμ]α[ρος]. Для нас существенно, что в той же надписи I² 130, датированной по первому жрецу Анаксимену Сократову, в числе архонтов упоминается Α[μωρ]ομαρος Εὐρησι[βί]ου. Так как наша манумиссия датирована по Анаксимену Сократову, можно полагать, что упоминаемый в ней Аморомар и есть тот самый Аморамар Евресибиев. Однако такой патронимик кажется слишком длинным, поскольку в этой же стк. 5 надо восстановить слово [φύσε(?)ως (*см. ниже*). Поэтому воздержимся от дополнения патронимика *Евресибиев*, хотя он вероятен.

⁴³⁷ [Яйленко, 2010, с. 394/5]. Как видно, на Боспоре Мать и Дева почитались в одном храме [Яйленко, 2006, с. 379]. В Ольвии V в. до н. э. был храм Матери [ГОП, с. 56 *сл.*], было ее святилище и в Гилее (с. 255). В догетской Ольвии эта универсальная хтоническая пара почиталась в греческом облике — Деметра и Кора-Персефона [Лейпунська, 1990; ГОП, с. 104 *сл.*]. Видимо, в позднеантичное время эта богиня, почитавшаяся в античном мире под многими именами (Великая Мать, Кибела и пр., в Херсонесе Дева), чтилась в Ольвии также как Дева, и это не херсонесское влияние, а местный нижнебузский культ, на что указывают туземные имена манумиссоров Аморамар и Тахафлейс.

В следующей стк. 6 представлены буквы ΩΣΔΕΠΑ, которые вряд ли можно читать иначе, чем -ως δὲ πα-, поскольку имени на Δεπα- в надписях Сев. Причерноморья нет. Это δὲ указывает, что Аморамар упоминался с двумя патронимиками, по типу Ἑρμοκράτης Μύρωνος φύσει δὲ Τιμοθέου — «Гермократ, сын Мирона, по природе же сын Тимофея», т. е. Мирон усыновил Гермократа, получившего таким образом новый патронимик (I² 440, Херсонес; в Ольвии такая формула представлена в надписи I² 185). В стк. 5–6 ольвийской манумиссии, видимо, и следует восстанавливать указанный оборот, с той лишь разницей, что слово φύσις, судя по окончанию -ως, поставлено в род. падеже: [φύσε]ως δὲ Πα-- . Хотя обычно в такой функции употребляется дат. падеж φύσει, возможно и употребление слова в *gen. originis*, тем более, что в первых столетиях нашей эры начала проявляться тенденция к замене родительным падежом дательного, постепенно исчезавшего. Имя природного отца Аморамара должно быть недлинным (из числа употребительных в Ольвии, например, Παπίας), поскольку в той же лакуне стк. 6 следует дополнять имя и степень родства второго манумиссора. Имя последнего, без сомнения, [Θα]χαφλείς (ср. КБН 1232: Θαχαμφλία[s]; форма без μ ольвийской надписи объясняется спорадической утратой на письме сонорного перед φ: νύφεισιν вместо νύμφεισιν и др.)⁴³⁸. Что Тахафлейс — второй манумиссор, явствует из именит. падежа его имени; падежи имен Аморамара и Абнага не сохранились, поэтому не исключено, что манумиссоров было трое, тем более, что эти имена не рабские по характеру — их носили архонты и стратеги Ольвии (ср. КБН 1125: фактически манумиссоров трое). Кроме того, в соответствии с формульной последовательностью манумиссий, обычно вначале перечисляются имена манумиссоров, затем отпущенников. Все же *exempli gratia* восстанавливаем имя Абнага в вин. падеже, т. е. в качестве имени отпущенника, что обуславливает примерное восстановление его статуса как θρεπτός. После имени Тахафлейса сохранился уголок буквы Ε или Π. Эту букву можно, во-первых, счесть началом патронимика Тахафлейса (если он не был сыном Аморамара, как предложено в иллюстративном дополнении в стк. 6 степени родственной связи καὶ υἱός); в случае, если он был братом Аморамара, возможны чтения типа Ε[ὕρησιβίου] и Π[απίου]. Во-вторых, вероятно и чтение слова ξ[αυτών], часто фигурирующего при θρεπτός, ἀπελεύθερος наряду с μου, αὐτῶν и другими притяжательными местоимениями (как в КБН 985, 1123).

Еще раз подчеркнем, что предложенное восстановление утраченного справа текста во многом примерное, ибо лексика актов об отпуске многообразна, но исходный пункт нашей реконструкции — принадлежность данного фрагмента к числу манумиссий — представляется более или менее вероятным ввиду соответствия остатков его текста лексике и последовательности формул, свойственных актам об отпуске. Если наши догадки правильны, это первая ольвийская манумиссия, и надо сказать, что обнаружение здесь актов подобного рода следовало ожидать, ибо, как сказано, эпитафия НО 170, содержащая имена гражданина (Деметрий Александров) и рабские имена (Дионис, Семела), представляет определенные указания на наличие в Ольвии первых веков нашей эры частного рабовладения или близких ему форм зависимости, а значит, и вольноотпущенничества. Письмо рассмотренной надписи характерно для II — первой половины III в. По упоминанию

⁴³⁸ См. об именах на -εις и дискуссию по поводу работ Тохтасьева и Д. Вебера [Яйленко, 2010, с. 175/81].

первого архонта Анаксимена Сократова, как указывалось, она синхронна посвящению I² 130 в пределах трех или нескольких лет (второе, третье и четвертое его архонтство).

Наконец, обратим внимание на эпитафию I² 229: Στράτων Пр(ω)τομάχο[υ] χρεστέ, *vas.* χαῖρε «Стратон Протомахов, честной, прощай»⁴³⁹. К употреблению слова χρεστός *ср.* эпитафию из Потенцы: χαῖρε, Ἀθηναί χρεστὰ τροφή «прощай, Афинаис, честная вскормленница». Не исключено, что и ольвийское надгробие поставлено вскормленнику.

14.4. Эпитафии

14.4.1. Прозаические эпитафии

I² 207. Нижняя часть надгробной плиты, отбитая со всех сторон, с остатками 4 строк эпитафии (рис. 107), завершающейся формулой μνήμης χάρι[ν] (только ее Латышев и прочел). В 1987 г. я дал такое чтение и коммент. (МКЛНО II, 60): [τῷ δεῖνι τοῦ δεῖνος | (οἱ δεῖνες) | --]κλ[εους? Ἀπολλω]νιᾶται πρὸς P[--]KON| μνήμης χάρι[ν] «*такому-то, сыну такого-то (стелу воздвигли) такие-то, аполлониаты, что у --, памяти ради*». К восстановлению этника аполлониатов *ср.* НО 99 — надгробие, поставленное аполлониатам. К выражению [--]κλ[εους? Ἀπολλω]νιᾶται πρὸς P[--] *ср.* Маркиαν[ος] Δομνίωνος Προυσιεύς πρὸς τῷ Ὑπίω] из декрета в честь прусийца Маркиана [МКЛНО I, 183 = выше, с. 552, стк. 1–5]. Структура надписи определяется формулой μνήμης χάρι[ν] и имеет аналогию в эпитафии I² 204, поставленной боспорцем Зеноном сродственнику Адосту. Отсюда в рассматриваемом надгробии следует восстанавливать имя покойного с патронимиком и имена аполлониатов, поставивших ему памятник.

Патронимик последнего из них, кажется, оканчивался на --κλ[εους] или --κλ[ῆος] (стк. 3)⁴⁴⁰. В том же 1987 г. Ю. Г. Виноградов догадался, что речь идет об уроженцах Аполлонии на Риндаке⁴⁴¹. Позднее он дал такой текст надписи, приложив свою прорись [Виноградов, 1994]: --Τυρ<α>ν[οἱ. |[-- Ἀπολλω]νιᾶται πρὸς Ρύ[νδα]KON |τῷ δεῖνι -- ο]υ μνήμης χάρι[ν] *vas.* В его понимании надписи приемлема лишь догадка об Аполлонии на Риндаке, остальное ошибочно. Даже в чтении [Ἀπολλω]νιᾶται πρὸς Ρύ[νδα]KON должны быть исключены

Рис. 107. Эпитафия IOSPE I² 207, фото ОАМ

⁴³⁹ В патронимике Протомах Латышев показал *омегу*, на камне вырезан *омикрон*. Первое Σ надписи вырезано в обратном направлении, т. е. в зеркальном отражении. Такое же обратное написание *сигмы* представлено в боспорских эпитафиях КБН 101, 635, 747, в чем следует усматривать апотропейческий прием, представленный в магических текстах (другие примеры [Яйленко, 2010, с. 552, 663]).

⁴⁴⁰ На этом завершился мой текст 1987 г.

⁴⁴¹ [Acta Centri historiae Terra antiqua Balcanica. Trinovi, 1987, p. 70].

показанные им *omega* в этниконе и *ипсилон* в топониме, ибо на камне их нет. Неприемлемо и чтение в стк. 1 $\Gamma\upsilon\rho <\alpha>\nu[\omicron\iota]$, которое он объяснил странным образом: эпитафия-де имеет черты, сходные с почетными декретами, в которых бывают перечни почтивших покойника городов. Более того, отсюда он заключил, что это мемориальная надпись с перечислением иногородних жителей, которые почтили некоего скончавшегося ольвиополита. Для всего этого, кроме чтения гидронима Риндак, оснований нет. Во-первых, в мемориальных надписях, на которые Виноградов сослался как на аналогии прочтенному им тексту (IOSPE I² 40, 41; HO 51), нет формулы «памяти ради», которая присуща исключительно надгробным надписям. Во-вторых, прочтение им этника $\Gamma\upsilon\rho(A)N[OI]$ проблематично ввиду необходимости переправить букву Λ . В-третьих, маловероятно, чтобы ксены-иноземцы почтили своего ольвийского ксеноприимца столь неряшливо сделанной надписью: текст прочерчен не по линейкам, вразброс, строки не соблюдены, буквы неаккуратны и разной величины⁴⁴². Уже одно это обстоятельство определенно указывает, что перед нами заурядное частное надгробие (именно так я трактовал ее в 1987 г. [МКЛНО II, с. 60–61])⁴⁴³. На это указывает прежде всего финальная формула $\mu\eta\acute{\iota}\mu\eta\varsigma \chi\acute{\alpha}\rho[\iota\nu]$, обычный элемент эпитафий, не содержащих какие-либо посторонние примеси из надписей другого жанра. По одной этой причине этникон тиритов неуместен в эпитафии, поставленной в Ольвии аполлониатами своему компатриоту. Маловероятно и размещение имени-отчества покойного перед заключительной формулой «памяти ради», ибо в таком случае надпись получает широтный формат, нехарактерный для надгробных стел (у них высотный формат). В результате даем следующее чтение:

$[\tau\acute{\omega} \delta\epsilon\acute{\iota}\nu\iota \tau\omicron\upsilon \delta\epsilon\acute{\iota}\nu\omicron\varsigma$	«имяреку, сыну такого-то,
$\omicron\iota \delta\epsilon\acute{\iota}\nu\epsilon\varsigma]$	(стелу поставили) такие-
-- $\upsilon\rho \Lambda\iota$ --	то (= имена-отчества),
[-- Ἀπολ-	аполлониаты, что на Рин-
5 $\lambda\omega]\mu\acute{\iota}\alpha\tau\alpha\iota \pi\rho\omicron\varsigma \text{P}[\acute{\iota}\nu\delta\alpha]-$	даке, памяти ради».
$\nu\alpha\varsigma. \kappa\omicron\nu$	
$\mu\eta\acute{\iota}\mu\eta\varsigma \chi\acute{\alpha}\rho[\iota\nu]$	

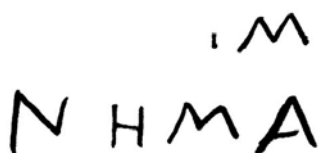

Рис. 107а. Стк. 3–4 эпитафии IOSPE I² 215, прорись автора

I² 210. Эпитафия Диодора, сына Дионисия. На наш взгляд, покойный принадлежал к роду Посидеевых (с. 492). Стела хранится в Николаевском музее.

I² 215. Эпитафия Харма V в. до н. э. Стела находится в Херсонском музее, где я видел только нижнюю часть (верхняя с двумя строками отбита; Латышев дал фото целой стелы). Прилагаем прорись уцелевшего текста (рис. 107а).

⁴⁴² Снимаем и свое прежнее чтение [--] $\kappa\lambda$ [$\epsilon\omicron\upsilon\varsigma$?] в стк. 3, так как на камне хорошо видно $\iota \Upsilon\rho\Lambda\iota$. Это остаток имени-отчества одного из постановщиков надгробия: -- $\upsilon\rho \Lambda\iota$ --.

⁴⁴³ После 1987 г. Виноградов еще трижды публиковал свою заметку [Виноградов, 1994; Studia in honorem G. Michailov. Sofia, 1995; Pont. St. S. 336/40], но ни разу не упомянул известную ему (судя по другим его ссылкам) мою работу 1987 г., где обосновано понимание этой надписи в качестве надгробной эпитафии, поставленной ксенами-аполлониатами своему согражданину, скончавшемуся в Ольвии.

I² 216. Стела хранится в Херсонском музее. Чтение Латышева: [τοῦ θεῖνος μν]ῆμα το(ῦ) Διονυσέρ[μου?]. Свою форму патронимика он объяснял аналогичными именами Ἀρχερμος, Πύθερμος, Χρύσερμος. Приведем, однако, и точное соответствие имени из азиатской Ионии: Διονυσέρμδ ἐμὶ τῶι τήνорот «я статуя Дионисерма, сына Антенора»⁴⁴⁴. На камне последняя сохранившаяся буква, однако не Ρ, а Ι с царапиной у скола, поэтому читаем: [μν]ῆμα τῶ Διονυσεῖ[ο] — «надгробный памятник Дионисия». В аттическом языке IV в. до н. э. (это время данной эпитафии) наблюдается растяжение ε, стоящей перед гласной, в ει [Meisterhans, Schwyzer, 1900, S. 46, № 3].

I² 221. Евресибий Каллисфенов с женой соорудили себе погребальный склеп при жизни. Латышев отнес надпись к римскому времени, мы датировали ее первой половиной I в. н. э. (выше, с. 571). Пер. [ДМИОР, с. 59].

I² 272. Мраморная плита с рельефным изображением жертвоприношения и остатком надписи, давно утрачена. Однако рисунок с рельефа и надписи хранится в архиве ОАМ, судя по всему, это поздний V — первая половина IV в. до н. э. Латышев привел текст П. Кеппена --ΟΞΑΤΟΜΗ-- и прорись надписи А. С. Уварова, подтверждающую текст Кеппена. На наш взгляд, это надгробие: [τῶ θεῖνος ? Γορυ]οσᾶ τὸ μνή[μα] «надгробный памятник такого-то, сына Горгоса». Чтение τὸ μνή[μα] несомненно: Кеппен показал ΤΟΜΗ, Уваров ΤΟΜΝ. Пример эпитафии, построенной по конструкции имя + μνήμα, дает надгробие I² 216 [μν]ῆμα τῶ Διονυσεῖ[ο] (см. выше). Проблема в патронимике покойного. Показанное Кеппеном окончание --ΟΞΑ предполагает ном. на -οξας, но подходящего личного имени словарь Б. Хансена не дает. На рисунке Уварова показано окончание -σα с ретроградным Σ, уже знакомым нам по эпитафии I² 229 (с. 629). Добавив необходимое Ο (или Ω) Кеппена, находим искомое имя Γορυοσᾶς (РВ, 256). Можно пойти и по пути построения неизвестного имени. Например, имя Λέωξος эпитафии I² 270 — уникальный гипокористик от также не засвидетельствованного имени *Λεώξενος [Dubois, p. 88, лит.]. Наряду с Λέωξος можно предположить образование от того же ЛИ *Λεώξενος параллельного гипокористика *Λεωξᾶς. Но это детали, важно установленный надгробный характер надписи, соответственно таков и рельеф.

I² 277. Мелкий обломок плиты мраморовидного известняка, обколотый слева и справа (ОАМ). Текст в 2 строки: ΣΤΩΝΑ | ΑΡΙΣΤΟ. Латышев отметил, что в Калталоге I² 201 А. 52 упоминается Αρίστων Αριστοκράτους. Поскольку он писал о постаменте, очевидно, что он считал надпись почетной (он поместил ее в раздел Varia). По нашему мнению, сохранившиеся на буквах следы красной краски скорее указывают на надгробный характер надписи.

I² 289. В разделе Varia Латышев дал в маюскулах надпись на мраморной плите, отбитой со всех сторон: ΟΥ / NAMMI | ΜΑΣΙΚΕ | ΤΟΥΘΕΟΚΛΗ | ΧΑ. Он отметил, что различается лишь имя Θεοκλή[s]. Полагаем, это надгробие II в. н. э., читаем по камню в ОАМ е. g.: [Κ]ουλί[ας τὸ μνήμειο]ν Ἀμμί[α --,] Μασι, Κέ[ρδωνι] τοῦ Θεοκλή[ου,] χαί[ρετε] «Кулиас поставил этот памятник Аммии --, Масае, Кердону, сыну Феокла, прощайте». Еще раз подчеркнем, что предложенное восстановление примерное как по части структуры, так и по подбору имен. Имя Κουλί[ας] представлено в посвящении стратегов конца II–III вв. I² 103 (ничто не мешает и прежнему

⁴⁴⁴ [Lazzarini, 1976, p. 120, № 418]: посвятельная надпись середины VI в. до н. э. на статуе из Лувра. Другие подобные имена: Νικήσερμος, Αγέσερμος [Jeffery, p. 414, № 42e; Syll.³ 1]. В обратном словаре имен Б. Хансена есть имена на -σερμος, но в действительности это имена на -ερμος [Hansen, 263].

нашему прочтению [МКЛНО II, с. 62]: [ʔ ʔ]ουλ[ία]). Женское имя Ἀρμία повсеместно распространено в римское время, особенно в Малой Азии, известно в Зап. Причерноморье, на Боспоре [Яйленко, 2010, с. 137]. Здесь Μασι = Μαση — дат. падеж малоазийского женского имени Μασα [Zgusta, 1964, § 875–1]. Кердон — распространенное «низкое» имя, в Ольвии присутствует в письме Артикона IV в. до н. э. (выше, с. 237)

I² 688. Эпитафия месембрийца Сатира. Сейчас стела хранится в Николаевском музее. Фото всей стелы [Античные города Северного Причерноморья. М.; Л., 1955. Т. I, с. 52].

НО 99. Текст НО (Белецкий): --Ε Τελεσικλῆς ΚΟΝΙΣ | [-- Ἀπολλωνιάται, с предположительным восстановлением: [χαίρετ]ε· Τελεσικλῆς Κωνίσι[κος Ἀπο]λλωνιάται (*лит.* [Карышковский, 1969, с. 116]). По поводу этого текста заметим, что слева у скола сохранились усики не Ε (они у этой буквы горизонтальные, см. их в имени Телесикла), а скорее Σ, ибо они имеют легкий наклон, как еще две сигмы стк. 1. По этой причине надо думать, что эпитафия включала имена трех покойных аполлониатов (от имени первого сохранилась только эта конечная сигма): --Σ, Τελεσικλῆς, Κωνίσι | [Ἀπο]λλωνιάται. В лакуне стк. 2 мог быть обозначен общий патронимик покойных вместо прощальной формулы, еще только появлявшейся в эпитафиях III в. до н. э. Имя Κωνίσι женское, малоазийского происхождения [Zgusta, 1964, § 781].

Новая эпитафия. Слегка уточняем по фото текст издателей [Крижицкий, Крапивина, Лейпунська, 1994, с. 23]: ὤπικράτ(η)ς, μνημέϊον ἔχῃ | παῖς Ἰσοκράτεος ἐὼν | τύμβου καὶ στήλην, | μνήματ' Εὐάνωρος ἐὼν «о, Эпикрат, сын Эпикрата, надгробный памятник у тебя есть — насыпь и стела — благодаря памяти Еванора по тебе». В окончании имени Эпикрата резчик дал Ε вместо Η (ср. с. 35, 104, 209, 211), в имени Еванора пропущено Υ. IV в. до н. э.

14.4.2. Стихотворные эпитафии

По-видимому, все надписи, содержащие стихотворные тексты (к упомянутым ниже добавь *I² 175, 179, 186, 195, далее см. по сборнику Л. Дюбуа*), следует объединить в одном разделе, чтобы таким образом лучше оттенялась поэтическая культура Ольвии. Следует подумать и о выделении в специальную рубрику всех надписей, упоминающих спортивные состязания (*I² 130, 138, 195*). Помимо метрических надгробий *I² 226, 687*, атрибутированных Латышевым, к их числу, на наш взгляд, относятся также фрагменты *I² 274–276, НО 116, 119*. Надпись *I² 270* убедительно интерпретировал в качестве эпитафии О. О. Крюгер (выше, с. 260).

I² 252. Фр. из раздела *Varia* с остатками трех строк, показанных Латышевым в маюскулах: ΜΗΔΕ | ΟΛΙΓΟΙ | ΤΩΛΛΟΥ. Текст, однако, вполне читаемый: -- μηδὲ (μηδεῖς etc.) --|-- ὀλίγοι --| --το λαοῦ -- «-- и не -- немногие --ет людей --». Слово λαός — обычный элемент поэтической лексики, что с предыдущим текстом, скорее всего, аттестует надпись в качестве стихотворной эпитафии.

I² 274a, b. Два обломка мраморной плиты, не в контакте, один хранился в музее Киевского университета (фр. А, левый край, с остальных сторон отбит), другой в ОАМ (фр. Б, обломан со всех сторон; *рис. 1076*). Латышев дал маюскулярный текст, фр. А: Ο | ΑΣ | ΠΟ.ΝΔ | ΚΑΙΔΗ | ΟΥΡΟ |--, (фр. Б): ΙΕΝΣΚΥ° | ΥΡΙΠΝΕΥΣΤ | ΟΥΛΥΝΣΤΑΔ | ΤΑΚΑΙΟΥΚΑ | F°. Он определил стихотворный характер надписи, отнес к I в. н. э. и читал в стк. 1–3 фр. Б слова πυρίπνευστος, πουλὺς, ἐν Σκυ[θή].

Я видел только фр. Б в ОАМ; где находятся надписи из музейного собрания Киевского университета, мне неизвестно (В. В. Лапин говорил мне, что их там нет). Это обломок плиты из серого мрамора, отбитый со всех сторон, высотой 8,7, шириной 13, толщиной 5,5 см, высота букв 1,2 см. Фр. Б располагался справа от фр. А, сохранившего левую грань. Над стк. 1 фр. Б свободное лицевое поле, это указывает, что ею начиналась надпись. В. Аппель [SEG 54, 700] дал по I² 274b такой текст: [--έν Σκυ[--π]υρίπνευστ[ον πεδίον --π]ουλὸν στὰχ[υν? --]στα καὶ οὐ κακ[ὰ? --]ε[.]. Наша примерная реконструкция надписи:

Рис. 1076. Фрагмент эпитафии IOSPE I² 274b, фото автора

οὐλόμενος δ' ἔθαν[εν] Σκυ[θί]-	«погибший скончался в огнедыша-
ας [γαίᾳ π]υρίπνευστ[ῆ],	щей Скифской земле, где-то в ее
ποῦ νδ[οθι] π[ουλὸν] στὰς	пределах надолго остановившись
καὶ δ- -τα καὶ οὐ κά[ει]	и -- и не обжигает юношу --».
κ]οῦρο[ν] - - ΕΘ	

Упоминание Скифской земли обычно в метрических эпитафиях Сев. Причерноморья: Σκυθίας πόλις (I² 226. 3), [γῆ] Σκυθία (КБН 117). Указанная боспорская надпись содержит примерно тот же смысл, что и восстановленный здесь текст ольвийской эпитафии: погибший погребен в Скифии. Слова οὐλόμενος, ἔθανε — обычные элементы лексики метрических надгробий. В стк. 3 ποῦ νδ[οθι] = ποῦ ἔνδοθι «где-то в ее пределах». «Огнедышащая земля Скифии» — это пылающая огнем войны земля, погибший был воином. С понятием огня перекликается содержание стк. 4–5: οὐ κά[ει] κ]οῦρο[ν] — его, молодого человека, не жжет огонь погребально-го костра (καίω в гомеровских поэмах означает сожжение погибшего воина, например II. 21, 343; Od. 9, 553).

I² 276. Латышев отметил, что читаемое в стк. 5 обломка слово ἀγλαόν указывает на метрический характер надписи. Добавим, что в стк. 6 можно читать [ὄμ]φαλόν «стержень, средоточие», в стк. 7 ὁσία «божественную, благочестивую», — все три слова стоят в вин. падеже и принадлежат к лаудативной лексике, что позволяет видеть в данной надписи надгробную эпиграмму, прославляющую добродетели покойного.

HO 119 + 116 + 117? HO 119: ΣΤΗΣ --| ΔΕΙΚ. В стк. 1 комментатор HO усмотрел возможность прочтения имени Стесандр. HO 116: --ΝΓΟ-- |--ΕΣΤΙΧ--. Комментатор предполагал возможный посвятельный характер надписи и отмечал вероятную принадлежность к нему обломка HO 117 с буквами ΑΣ. На наш взгляд, по единым параметрам, одинаковому характеру мрамора, наконец, по одному и тому же месту обнаружения фр. HO 119 может составлять одну надпись с фр. HO 116 + 117 (это предположение, разумеется, нуждается в сличении обломков). Если это так, фр. HO 119 принадлежит верхней части стелы (сохранились остатки двух первых строк), HO 116

+ 117 — нижней (сохранились 2 последние строки). В последней строке (место фр. НО 117 в ней неясно) читается косвенный падеж от слова στίξ (или στίχος) — элемент поэтического лексикона, чему могут соответствовать и остатки стк. 1: στήσ-, δεικν-[υ--]. Ср. аналогичные элементы в боспорских метрических эпитафиях: КБН 113, тоже стк. 1 — εἰκόνα στήσε «поставил изображение», КБН 1017. 3 μνήμην [δ]ε στήσε[ν] Σάτυρος «памятник же поставил Сатир». Также слово δείκνυμι содержится в стихотворной эпитафии КБН 132. 6–7: δείξε φίλοις χάριτα. Эти параллели позволяют предполагать, что указанные обломки ольвийской надписи принадлежат метрической эпитафии III в. до н. э. Текст: [ε. g. τὸ μνήμ' εἰ]στήσ[εν ὁ δεῖνα τῶ|δεῖνι --] δεικν[υ--]|| --αν γο[νείς? --]|| --ΑΣ--ε στίχ-- «этот памятник поставил имярек такому-то -- указу(-ет, -я, -ющий) -- потомство -- стихотворная строка (или ряд) --».

14.5. Varia et Pars critica

14.5.1. Varia

14.5.1.1. Мелкие заметки

IOSPE I² 195. Замечательная надпись на мраморной плите о выдающемся выстреле ольвиополита из лука на 521,6 м (ОАМ). Плита сзади не обработана, слева и справа обработана частично, лишь лицевая сторона заглажена целиком (рис. 107в). Это означает, что плита была встроена в какой-то монумент, от лица которого и ведется речь в надписи — φημί «утверждаю, свидетельствую» (на верхней части плиты сохранились остатки рельефа). Латышев прочел в стк. 6: Φιλτέω δὲ πα--, Штерн предложил дополнить слово πα[ῖδα ὀργυιάς], чему Латышев воспротивился

Рис. 107в. Надпись Анаксагора IOSPE I² 195, фото автора

ввиду нарушения метра. Однако первое слово дополнения Штерна убедительно, ибо на камне после ПА следует сохранившаяся почти на всю высоту вертикаль, далее два уголка и верхняя часть кружка (I^{^^}), что хорошо укладывается в слово παῖ[δα]. Следующее слово начиналось на О, Ω или Θ, скорее всего, это первая буква имени сына Филты. Ввиду сказанного инкорпорируем πα[ῖδα] Штерна в последнюю строку текста и перевода надписи Латышевым: φημι διακοσίας τε | καὶ ὀγδοήκοντα ὀργυιάς | καὶ δύο τοξεῖσαι | κλεινὸν Ἀναξαγόραν | υἱὸν Δημαγόρεω, | Φίλτεω δὲ παῖ[δα--] «я свидетельствую, что славный Анаксагор, сын Демагора, пустил стрелу на двести восемьдесят две оргии, Филты же сын *имярек* --». Выше (с. 489) мы ввели этого Филту в род Леодамантовичей. Латышев датировал надпись IV в., однако по письму она относится к раннему III в.⁴⁴⁵ Об адаптации ольвийскими греками скифского, т. е. местного, состязания в стрельбе из лука писал Штерн⁴⁴⁶. По мнению В. Аппеля, надпись метрическая, состоит из двух эгических дистихов, не вполне совершенных [SEG 54, 697].

Рис. 107г. НО 183,
фото [Белецкий, 1975]

Р² 333–338. Шесть двухстрочных эпитафий IV–III вв. до н. э., хранящихся в ОАМ. Латышев выделил их в отдельный раздел «Надписи неизвестных мест Сарматии». Г. Михайлов включил их в IGBulg. I², Appendix, со ссылкой на статью Е. Колендо и со своими поправками.

НО 173. Остаток надписи — буквы ΡΑΤ и три кружочка один над другим у самого правого края камня. Эти кружки — интерпункция, как в аттической надписи ок. 485 г. [Guarducci, 1967, p. 394].

НО 180. Мелкий обломок левой части мраморной плиты с остатками 3 строк, в НО показаны стк. 1–2: --| ΕΝΔ--| ΝΕΩ--|--|. По камню (хранится в КИМ'е) читаем в стк. 3 ἀρχ[άς] или ἀρχ[ήν] «власть», ἀρχ[εῖον] «правительственное здание». В таком случае это, возможно, фрагмент декрета.

НО 183. Фр. известняковой плиты с остатками 6 строк, обломан со всех сторон. Текст НО (Белецкий): --|--ΕΛ?--|--ΠΑΡ--|--ΟΤΑΣ--|--ΙΙ(?)Α--|--ΓΗ--|--|. По фото [Белецкий, 1975, с. 110] читаем, в том числе стк. 1, не показанную в НО (рис. 107г): --ΜΑΙΕ--|--ΘΕΔ (vel Δ)--|--ΠΑΡ--|--ΟΤΑΣ--||⁵--? ΗΠΑ--|--(?) ΤΗ--|--|. В стк. 3 Белецкий предположительно усмотрел имя [Ἀγρ]ότας. Наше чтение в стк. 2 --ΘΕΔ--

⁴⁴⁵ См. выше, с. 375, о проксении калхедонцу.

⁴⁴⁶ [Hermes. Bd. 50. S. 170. Jahreshefte des Oester. archeol. Instituts. Wien, 1901. Bd. IV. Beibl. 58]. Подробнее о стрельбе из лука у иранских Ахеменидов, парфян, в том числе иранцев на Тамани [Яйленко, 2010, с. 422/4]. Об изображениях скифского стрелка из лука на монетах [Зиграф, 1982]. *Лит.* с дальнейшими публикациями надписи [Dubois, 47]. Дюбуа дал чтение по Штерну παῖδα, но так как от двух последних букв сохранились незначительные остатки, читай παῖ[δα].

может подразумевать слово θεά «богиня», и в таком случае надпись сакральная или декрет (как Syll.³ 558, 561 etc.), либо θεά «зрелище, представление» (как Syll.³ 345, 497, 850, 915), тогда надпись — почетный декрет или постановление властей. По характеру письма IV в. до н. э.

14.5.1.2. Dubium

Надпись I² 36 — обломок не известняковой плиты, как считал Латышев, а мраморной, серого оттенка. Надпись вырезана мелкими буквами и очень убористо (рис. 108). По письму она резко выделяется среди ольвийских памятников. В собрании Кури-са, откуда этот фрагмент поступил в ОАМ, были вещи, купленные им как в Греции, так и в Сев. Причерноморье [Труды VI археол. съезда. Одесса, 1886. Т. I, с. XXVI–XXVII]. Не имеющая аналогий среди ольвийских памятников ни по внешнему виду, ни по содержанию, эта надпись, полагаем, скорее всего, аттическая по происхождению, поскольку ее лексика близка аттическим финансовым декретам. Даем ее текст, уточненный по камню: --HΣ--|--ους υπ--|[-? ήλι]αία τοῦ ἀπολ--|[-? ἀ]ναγεγραμμένος --|⁵-- καὶ πάντας τοὺς ή[λιαστὰς? --|[-? τ]αῦτα δι' ἐκθέματ[ων--]|--ν μετὰ πάσης --|[-? πε]πρακότα τὰ--|[-? εν τοῖς λο[γισταῖς? -- ||¹⁰ -- τοὺς ἐν ή[λιαῖαι? --]|-- ἐκ λο[γιστῶν? --|[-? ἐϋ]θυ[ν--|[-? ἐϋ]θυ[ν--]. Лексика надписи свидетельствует о ее принадлежности к числу документов экономического характера: ведется речь о каком-то предписании или чем-то (ком-то), внесенном в список ([ἀ]ναγεγραμμένος), упоминаются какие-то распоряжения общественного характера (ἐκθέματα), нечто проданное ([πε]πρακότα). Слово [ἀ]ναγεγραμμένος указывает, что это документ типа ἀπογραφή, т. е. список, относящийся к финансовой отчетности и упоминающий в числе прочего продажу чего-то ([πε]πρακότα). Ср., к примеру, апографе имущества афинских клерухов на Лемносе: ἀπογραφή -- τῆς νῦν ἀπογεγραμμέ[νης], в которой ведется речь об уплате клерухами своей задолженности; в случае неуплаты имущество по суду конфискуется и продается с торгов [Яйленко, 1982, с. 206 сл.]. В такой контекст укладывается реконструкция

Рис. 108. Надпись IOSPE I² 36, фото автора

дважды повторяемого существительного на λο- (стк. 9, 11) как λο[γισταί ?] (в Аттике они инспекторы финансовых отчетов магистратов), буквы θυ и υν в стк. 12–13 неплохо восстанавливаются в слово ἐϋθύνη, ἐϋθυνος или ἐϋθύνω, обозначающее финансовую отчетность. Наконец, упоминаемое в стк. 5, 10 существительное, начинающееся с буквы η, может быть предположительно отнесено к слову ήλιαστής или ήλιαία, причем последнему может соответствовать окончание -αία в стк. 3. Упоминание логистов, евтинов, гелиастов обычно в аттических финансовых документах (к примеру, ML, р. 189–205). Итак, в целом надпись производит впечатление аттического отчетного документа.

Вероятно, этот обломок попал в Ольвию из Аттики в качестве корабельного балласта, как и обломки горгиппийских надписей (с. 610). Восстановление Латышевым в стк. 3 теонима Ἀπόλλωνος могло бы свидетельствовать об упоминании важного ольвийского божества, через храм которого осуществлялись финансовые операции Ольвии (выше, с. 467), но это лишь один из многих вариантов дополнения здесь слова на ἀπολ--.

14.5.2. Pars critica

14.5.2.1. Как не надо интерпретировать декреты (НО 19 + 32)

Обломки НО 19 и 32 составляют один декрет. Текст и пер. НО 19 (Брашинский): --[[-- καὶ τοῖς ἀφικνουμένοις ἐκ?] τῆς πόλεως --|-- χρείας] παρέ[χεται --]]--ΑΣ--|-- «-- и прибывающим из города (?) -- оказывает услуги --». Издатель отметил «идентичность букв буквам надписи № 32; возможно, что обе надписи вырезаны одним резчиком». Это указание Брашинского реализовал Ю. Г. Виноградов [1978, с. 54], его текст и пер. (рис. 113): [ἐπειδὴ ὁ δέῖνα τοῦ δέῖνος | ethnicum ἀνὴρ γενόμε]ν[ος | ἀγαθός] καὶ τοῖς τε πρεσβέσιν] τῆς πόλεως | βοήθειαν] παρε[ίσχηται καὶ |--ΑΣ--|--М «-- поскольку такой-то, сын такого-то (этникон) будучи [мужем добрым], оказал [помощь] послам нашего города и --». В стк. 1 Виноградов прочел причастие [γενόμε]ν[ος], на основании чего восстановил контекст двух с лишком строк. Между тем на камне сохранились нижняя горизонталь Ε или Σ, два апекса вертикальных гаст, часть дужки Ο или Θ. Очевидно, что эти остатки могут быть дополнены различным образом, исходя из лексики почетных декретов (например, [πολ]εῖ το[--], или εἰκό[να], либо σίτο[ς] и т. д.). А если читать остатки указанных букв так, как прочел Виноградов — [γενόμε]ν[ος], то можно читать и [γ]ενό[μενος]. Ясно, что предложенный им текст имеет лишь иллюстративный характер, но излагается и интерпретируется этот текст Виноградовым безапелляционно. В стк. 2–3 он прочел καὶ τοῖς τε πρεσβέσιν] τῆς πόλεως и, получив таким образом длину строки, утверждал, что при παρε[ίσχηται следующей строки «размер лакуны требует иного, чем χρείας, дополнения. Это означает, что награждаемое лицо оказало какую-то единовременную услугу послам ольвиополитов, причем эта услуга была не стереотипными и бессодержательными χρεῖαι вырождавшихся в эпоху эллинизма проксенических декретов, а представляла собой нечто более существенное, переданное конкретным термином, по моему предложению — βοήθειαν» [с. 55].

Трудно сказать, чего больше в приведенном пассаже — упоения полетом своей фантазии или пренебрежения к эпиграфическому документу. Рассматриваемые фр. НО 19 и 32 принадлежат к средней и правой средней частям плиты, а левого края нет, т. е. размер лакуны установлен Виноградовым по тексту. Но разве нельзя здесь читать, например, комбинируя НО 32 с дополнением Брашинского в НО 19: καὶ τοῖς τε πρεσβέσιν καὶ τοῖς ἀφικνουμένοις ἐκ] τῆς πόλεως? Поскольку такое дополнение столь же вероятно, размер утраченного слева текста остается неизвестным, так что даже текстуально установленная длина строки ни в коей мере не дает оснований считать, что «размер лакуны требует иного, чем χρείας, дополнения». Если даже счесть, что Виноградов правильно установил длину строки, все равно остается неясным, почему размер лакуны не позволяет восстановить обычное в таких случаях χρείας (χρεῖαν). В стк. 2 он восстановил 19 букв, в стк. 3 — 14 букв,

в стк. 4 — 22 буквы, — так можно ли при этом вообще ссылаться на размер лакуны? Наконец, и это главное: почему восстанавливается именно βοήθειαν? Контекст о послых и παρέχειν как элемент формулы χρείας παρέχειν, фигурирующей в каждом втором почетном декрете, достаточно определенно свидетельствуют о необходимости восстановления здесь именно этой обычной формулировки. Так и предлагал читать здесь Карышковский [1969, с. 114]: [χρείας] παρέχ[εται μετὰ πάσης φιλοτιμί]ας.

К сожалению, на этом точку не поставишь. Коль Виноградов прочел то, что прочел, это дело его эпиграфической культуры. Однако, дополнив безосновательное βοήθειαν, на двух следующих страницах он уже выяснял, «куда и по какому поводу было отправлено посольство» за помощью [с. 56–57]. Так на основании произвольно дополненного документа читателю предложен соответствующей пробы «исторический» анализ. Самое удивительное то, что вся эта эпиграфическая лабуда фигурирует в статье, посвященной методике исследования надписей, автор которой на каждой странице предъявляет требование точности, осторожности, тщательности в работе с эпиграфическим материалом; и тут же, перейдя от советов к делу, демонстрирует пренебрежение к основному закону эпиграфики — не делать исторических построений на реконструированном тексте. Впрочем, такой результат предсказуем — о методике работы с материалом пишут умудренные опытом специалисты, когда же за это берется начинающий ученый, неизбежен конфуз.

Вернемся к надписи. Текст ее, еще до объединения фрагментов, на возможность которого указал Брашинский, в основном правильно определен Карышковским и тем же Брашинским. Объединение фрагментов дает следующий текст (см. рис. 946):

— — — — — καὶ τοῖς τε πρεσ-
βέσιν καὶ τοῖς ἀφικνουμένοις ἐκ(?) τῆς πόλεως
[e. g. ἡμῶν μεγάλας χρείας] παρέχ[ο]νται καὶ
? μετὰ πάσης φιλοτιμί]ας ....^{ca. 10}.....M

«-- и послам и прибывающим из нашего города оказывают большие услуги и (?) со всяческим рвением --».

В ольвийских декретах находим следующее обоснование такого чтения. Близкий в целом текст дает ольвийский декрет в честь каллатийца Навтима: καὶ τοῖς ἀφικνουμένοις τῶν πολιτῶν εἰς Κάλλατιν χρείας παρέχεται μετὰ πάσης φιλοτιμίας (I² 27. 4–6). То же выражение, но без φιλοτιμίας содержат декреты НО 25, 26 (другие примеры см. ниже, с. 644). Глагол παρέχειν в ольвийских почетных декретах обычно употребляется с χρείας. Помимо указанных декретов это также πολλὰς καὶ μεγάλας χρείας παρείσχεται Протогеновского декрета (I² 32 А. 3–4), [παρέσχ]εν τὴν χρεῖαν (I² 73a), [χρεῖ]ας παρέχ[εται] (I² 28), χρεῖα[ς παρ]εχόμενος (НО 24) и еще несколько декретов с остатками этой формулы. Лишь в декрете НО 42. 5 представлено выражение πολλὰ δείγματα παρέσχε[το] (но это декрет начала III в. н. э., т. е. отделенный от рассматриваемого почти половиной тысячелетия). Приведенные данные показывают, что в декрете НО 19 + 32 при глаголе παρέχειν следует восстанавливать в соответствии с лексикой почетных ольвийских декретов слово

χρείας⁴⁴⁷. Оснований для иного восстановления ольвийские декреты эллинистического времени не предоставляют⁴⁴⁸.

Остается разъяснить наше чтение παρέ[χο]ῦται. Неоправданное чтение Виноградовым слова βοήθειαν в какой-то мере связано с его чтением перфектной формы глагола παρέ[ίσχ]ηται, что предполагало, по его словам, «единовременную услугу послам ольвиополитов» [с. 55]. В нашем чтении речь идет об услугах послам и вообще прибывающим ольвиополитам (что речь идет не только о послых, но и о других людях, указывает частица τέ, требующая эквивалента выражению το[ῖς] τε πρεσ[βέσιν], присоединяемого с помощью καί или τέ). Иными словами, как обычно в декретах, услуги оказывались ольвиополитам неоднократно, что в принципе требует имперфекта или презенса глагола παρέχειν. Единственно возможная форма в таком случае — мн. число παρέ[χο]ῦται: вертикаль Ν соответствует остатку прямой гасты перед Т на фр. НО 32 (см. рис. 113а). Это означает, что ольвиополиты чествовали двух или более ксенов, как, например, сыновей Аполлония (НО 28 + 29⁺).

Уж вовсе несуразна попытка Н. И. Николаева [2013, с. 452 сл.] всунуть в виноградовский текст декрета изданный им мелкий обломок с остатками двух строк: --ΣΕΠΡΑ--|--τὴν π--. Шедевр его текста — [αὐτὸ]μ τὴν [πρόσοδον], с переменной конечного ν на μ слова [αὐτό]ν перед зубной члена τήν. Он датировал свой обломок 260–160 гг. до н. э., что верно лишь отчасти: не отмеченная им, но существенная для датировки разность прямых букв по высоте указывает на II в. (ниже, с. 553, 653).

14.5.2.2. Фантом конных монументов

Мемориальная заметка искусствоведа М. В. Русяевой [2001] уделена статьям Ю. Г. Виноградова, в которых надписи связаны со скульптурой. Поскольку собственно о скульптуре Виноградов ничего и не мог писать ввиду отсутствия соответствующей подготовки (он и не претендовал на это), Русяеву интересуют тексты на постаментах в его интерпретации как исторический источник. Особенно плодотворной в этом отношении ей показалась группа ольвийских надписей, сведенных в один исторический комплекс [Виноградов, 1989, с. 135 сл.]. «Тонкий знаток ольвийских надписей, Ю. Г. Виноградов со свойственной для него прозорливостью и собственными методическими приемами, владея колоссальным багажом знаний в области античной истории и эпиграфики, впервые проследил эволюцию государственного устройства Ольвийского полиса и время установления демократии», — медоточит Русяева, не подозревая, что ее герой далеко не первопроходец, поскольку именно этим вопросом посвящена вышедшая еще в 1887 г. книга В. В. Латышева, так и названная: *«Исследования об истории и государственном строе города Ольвии»*. Она продолжает: «Главной источниковедческой базой для решения этой кардинальной проблемы его истории послужили посвящения на постаментах статуй,

⁴⁴⁷ В ряде декретов римского времени (I² 40. 20, 24; НО 42. 10) представлена конструкция παρέχειν + ἐαυτόν + наречие, принадлежащая другим формулам, гласящим, что чествуемое лицо охотно предоставляло себя для участия в посольствах; что оно к услугам всех граждан и т. д.; они требуют иного, чем в НО 19 + 32, контекста.

⁴⁴⁸ Правда, судя по декретам иных центров, можно дополнять и что-нибудь иное, как, например, в стк. 11 декрета в честь амисенского капитана (I² 35), но это как раз исключения, подтверждающие правило.

синхронность которых — первая четверть IV в. до н. э. — доказана палеографической, стилистической и просопографической близостью. Их всесторонний анализ позволил исследователю выявить значительные изменения в истории Ольвии, связанные со свержением тирании и спасением города от скифских номадов, в результате чего были поставлены статуи Зевсу Элевтерию (Освободителю). От них сохранились только фрагментированные постаменты с надписями». Автору этой цитаты надо бы знать, что упомянутые четыре надписи в действительности относятся к разному времени: посвящение Сирика, сына Евресибия, по графеме $\bar{o} = ou$ датируется первой или второй четвертью IV в., остальные (посвящение IOSPE I² 160, новонайденные посвящение неизвестного по имени сына Евресибия и метрическая эпиграмма) относятся ко второй — третьей четвертям IV в. (выше, с. 249/52). Метрическая эпиграмма раннеэллинистического времени в действительности гласит не об ольвийском тираноборце, а об афинянах Гармодии и Аристогитоне (выше, с. 249/52). Интерпретация Виноградовым камня с этой эпиграммой в качестве постаментов статуи тираноборца особенно забавна, если учесть его совсем мелкие размеры — на нем можно воздвигнуть разве что статую лилипута⁴⁴⁹. Уж не потому ли тираноборец, как свидетельствует эпиграмма в чтении Виноградова, «не убил мужа тирана»? Русяеву же такие мелочи, как параметры постаментов под воображаемые статуи ольвийских героев, вообще не интересуют. Если Виноградов утверждал, что ольвиополиты воздвигли в честь Каллиника бронзовую статую, не разъяснив, почему именно бронзовую⁴⁵⁰, она исправно вторит ему, тоже не любопытствуя, почему же она такая, хотя слово $\acute{\alpha}\nu\delta\rho\acute{\iota}\alpha\varsigma$ декрета I² 25 + 31 означает просто статую человека, независимо от материала — мраморную ли, бронзовую или иную.

Дальнейшие восторги Русяевой вызвали конные монументы, явленные миру воображением Виноградова. Конная статуя упоминается в эпиграфике Сев. Причерноморья лишь единожды: декретом ольвиополитов I в. н. э. предписано поставить $\acute{\alpha}\nu\delta\rho\acute{\iota}\alpha\iota\tau\alpha$ ξ $\phi\iota\lambda\tau\omega\nu$ в память заслуг Никерата (I² 34. 26). Три других случая, уверяет Русяева, выявил Виноградов: постамент с Левки с надписью в честь неназванного по имени ольвиополита, база из Херсонеса с почетной надписью Агасикла (I² 325, 418) и постамент из Тиры. Процитируем Виноградова [1989, с. 164]: декрет с Левки, датированный им 320–330 гг. до н. э., вырезан «на торцевой стороне прямоугольного постаментов статуи, которая, судя по габаритам базы и расположению следов крепления на верхней ее грани, представляла собой изваяние всадника на спокойно шагающей лошади», с примечанием: «Ср.: [Siedentopf, 1968, S. 68–71,

⁴⁴⁹ Камень обломан со всех сторон, кроме верхней, состоит из двух фрагментов. Виноградов дал параметры лишь одного: высота 17, ширина 19, толщина 28 см, но по количеству букв стихотворного текста нетрудно прикинуть, что камень был не шире 40–45 см. Ср. небольшие по величине ольвийские постаменты позднего IV — раннего III в. под статую Каллиника высотой 35,5, шириной 74, толщиной 58 см и неизвестного по имени ольвиополита высотой 46,5, шириной 62, толщиной 77,5 см (IOSPE I² 25 + 31, 325). Для сравнения приведу параметры нескольких целиком сохранившихся боспорских баз с посвятельными надписями IV в., по длине строки сопоставимых с упомянутыми ольвийскими памятниками. КБН 6: высота 31, ширина 102, толщина 67 см, КБН 10: 35 × 65 × 75, КБН 14: 36 × 95 × 43, КБН 20: 29 × 99 × 24, КБН 21: 58 × 89 × 72 см. Эти базы действительно могли нести статую человека в натуральную величину.

⁴⁵⁰ [Виноградов, 1989, с. 156; Виноградов, Карышковский, 1982, с. 37]: народ почтил Каллиника «постановкой бронзовой статуи (стк. 9 и 15: $\acute{\alpha}\nu\delta\rho\acute{\iota}\alpha\iota\tau\alpha$). Это вся аргументация, так что значение «бронзовая статуя» он вывел лишь из слова $\acute{\alpha}\nu\delta\rho\acute{\iota}\alpha\varsigma$. Издатель надписи Э. Р. Штерн описал камень, но каких-либо следов бронзовой окалины не нашел.

Abb. 14, 18a–d». Вот все обоснование его мнения о конной статуе. Он не обратил внимания, что в самой надписи не говорится о конном монументе: в стк. 11 предписано поставить ему *εἰκόνα*, что может означать и статую, и рельеф, и разного рода изображение, но не всадника на коне. Виноградов не сообщил читателю о повреждениях на верхней плоскости постамента как раз на месте углублений для крепления монумента (см. фото [Виноградов, 1989, с. 165]), что вообще затрудняет атрибуцию скульптурного изображения. Наконец, параметры базы (высота 46,5, ширина 62, толщина 77,5 см) скорее подходят для статуи человека, нежели для конного монумента⁴⁵¹. Столь же игрушечной была бы и конная статуя херсонесита Агасикла (I² 418), по поводу которой Виноградов дал хоть какое-то разъяснение: «База статуи Агасикла имеет сложную профилировку по одной длинной стороне, высеченную явно одновременно с пятью венками: это может свидетельствовать о том, что она возвышалась на высоком цоколе и примыкала — в согласии с эллинистической архитектурной практикой [Siedentopf, 1968, S. 34–38] — к углу какого-то монументального общественного здания — храма, портика и т. п., что еще больше подчеркивало заслуги чествуемого»⁴⁵². Тут странно утверждение Виноградова, что профилировка на длинной стороне камня свидетельствует о размещении статуи на высоком цоколе, ибо наличие или отсутствие профилировки никак не влияет на высоту постамента. Столь же безосновательно и его утверждение, что памятник Агасикла примыкал к какому-то общественному зданию: судя по чистоте противоположной стороны, он действительно примыкал к зданию, но почему, к примеру, не к гробнице покойного? (декрет оставил выбор места для статуи его родственникам). И уж точно небольшая величина базы статуи Агасикла (высота 30, ширина 68, толщина 107 см), ежели она конная, не дает оснований для вывода о ее «выдающемся, неординарном значении» (ниже, с. 691).

Чуть лучше обстоит дело с базой из Тиры — тут Виноградов [1999, с. 51] дал ее описание. Он объединил две мраморные плиты, сохранившие верхние и нижние плоскости, в один постамент под конную статую. По его интерпретации, на верхней плите написана эпиграмма, ниже следует почетный декрет, эпиграмму и декрет разделяет карниз; на верхней плоскости этой плиты ближе к краю сохранилась скрепа в виде ласточкина хвоста, т. е. со скошенными углами. По его утверждению, «еще одно округлое углубление для установки статуарного изображения почти целиком уничтожено». Сославшись на наблюдение Зидентопфа, что крепления под конные монументы располагаются ближе к краю базы, он усмотрел таковую и тут. Между тем характер скреп заставляет усомниться в конной статуе. Во-первых, он не пояснил, насколько сохранны остатки второго круглого крепления, что дало бы повод говорить о нем, если оно «почти целиком уничтожено». Во-вторых, странно, что все углубления для скреп имеют разную форму: одно в виде ласточкина хвоста, другое «округлое», обычно они одинаковы. В-третьих, на нижней плите постамента тоже есть углубление для скрепы (по мысли Виноградова, для укрепления промежуточной плиты) и тоже другой

⁴⁵¹ Ср. близкие по ширине и толщине базы КБН 10, 14, 21 под фигуры божеств. Неверно и предположение Латышева, что постамент IOSPE I² 39 + 187 высотой 155, шириной 76, толщиной 30 см мог нести конную статую Евресибия (Ib., р. 206), так как на нем одно квадратное углубление, а толщина незначительна: опять-таки ср. базу КБН 20 шириной 99, толщиной 24 см под статую Перисада II.

⁴⁵² [Виноградов, Щеглов, 1990, с. 351, примеч. 202; с. 355: фото]. Упоминание все того же Зидентопфа указывает на авторство Виноградова.

формы — квадратной. Три разные формы углублений под скрепы на одном постаменте невозможны, что делает сомнительной интересную на первый взгляд его реконструкцию.

Как видно, утверждения Виноградова о конных монументах не более чем предположение, и даже в случае правоты его в каком-то случае, это не «выдающиеся» монументы, а небольшие изображения, характерные для некрополя периферийного города. Обращаясь к упомянутым постаментам, Виноградов лишь один раз дал подробное описание характера отверстий под скрепы и полные параметры (база из Тиры), без чего нельзя всерьез рассуждать о скульптуре на них; его монументы созданы воображением, а не скрупулезным обследованием постаментов. Не увидевшая это М. В. Русаева сочинила оду виртуальной скульптуре, привидевшейся ее герою. В свете изложенного ее конечный вывод, что рассмотренные Виноградовым памятники скульптуры «очень важны для дальнейшего изучения античных произведений искусства Северного Причерноморья», не более чем риторическая фигура из арсенала *laudatio funebris*. Конечно, *de mortuo bene*, но если еще не готова профессионально обсуждать тему, лучше *nihil*⁴⁵³.

14.5.2.3. Публикация Стефанова гекрета как обурание покойника

Ю. Г. Виноградов подобрал к проксении смирнейца Стефана НО 27 новый фрагмент, найденный в 1994 г. (рис. 113 б на с. 668). Полный текст с дополнениями Е. И. Леви (коммент. к НО 27), Б. Лифшица (Lifshitz, 1969), Е. Б. Новикова (1981, с. 120/1), Г. Михайлова, Г. Плекета (SEG 31, 712) и своими опубликовал Иванчик [2011; Ivantchik, 2007] (рис. 113б). На первый взгляд статья Иванчика производит солидное впечатление — уйма ссылок на эпиграфические источники, обширная литература, когда же начинаешь разбираться во всем этом, ладное с виду здание оказывается картонным домиком. Проблемы начинаются у него с первых же строк. Стк. 1–7 Иванчик прочел и перевел так: [-- ἐπαγγέλλεται | -- καὶ αἰεὶ τίνος ἀγαθ]οῦ παραίτιος ἵ³ [ἵνεσθαι κοινῇ τε τῷ δῆμῳ κ]αὶ ἰδίᾳ τοῖς ἐντυν[χάνουσιν αὐτῷ τῶν πολειτῶν] ἐπιδημήσας τε ἐν ἱ⁵ τῇ πόλει ἢ [μῶν καλὴν καὶ] εὐσχήμονα καὶ εὖτα[κτον τὴν ἀναστροφὴν] ἐποιήσατο ἀξίαν ἐκατέ[ρων τῶν πόλεων «-- обещае[т] [-- и постоянно быть] виновником [всякого блага и вообще для народа], и в частности для обра[щающихся к нему граждан], и поселившись в н[ашем] городе, [прекрасным], почтенным и благопристойным свое пребывание сделал, достойным обоих городов». В стк. 1 дополнение глагола ἐπαγγέλλεται комментатором НО 27 Леви удовлетворительно; в стк. 2–3 предлагались разные дополнения Лифшицем, Новиковым, Михайловым, так что принято Иванчиком дополнение Леви в стк. 2 и Новикова в стк. 3 (с заменой его γενόμενος на ἵνεσθαι Леви), по существу, равноправны как сделанные *exempli gratia* и их следует вывести из текста в лемму. Если же вводить

⁴⁵³ Что бывает, когда торопятся опубликоваться, показывает статья Виноградова «О методике обработки греческих эпиграфических памятников» [1978]: начинающий эпиграфист, не имеющий должного опыта, выступил с методическими рекомендациями. В результате на словах он декларировал осторожность, внимательность и подобное, и тут же, переходя от общих фраз к конкретному материалу, нарушал азы эпиграфической работы — не вносить без нужды исправлений в сохранившийся текст, не делать исторических выводов из реконструированного текста и пр. (выше, с. 299–301, 638).

один из вариантов в текст, как это сделал Иванчик, то непременно следует снабдить его пометкой *exempli gratia*. Это не мелочь, ибо из текста Иванчика неясно, в каком городе Стефан благодетельствовал «обра[щающихся к нему граждан]», поскольку сразу после этого говорится о пребывании его в Ольвии. Игнорируя данные ольвийских декретов на этот счет, Иванчик привел в качестве аналогии декрет томитян в честь тирита Нила, который чествуется не за услуги в период пребывания в Томах, а за услуги томитянам в Тире после его возвращения из Том домой. Но со Стефаном, счел Иванчик, картина обратная: «несмотря на то, что упоминаются его благодеяния по отношению к городу в целом и его отдельным гражданам в прошлом (правда, в настолько общем виде, что неясно, стояли ли в действительности за этими фразами какие-то реальные действия), его последние и, очевидно, главные заслуги относятся к периоду пребывания в городе. При этом, судя по тексту, декрет был принят тогда, когда это пребывание еще не закончилось» [с. 19]⁴⁵⁴. Как видно, Иванчик и не ставил вопрос о месте оказания Стефаном услуг ольвиополитам, отсюда его невинное заключение: «упоминаются его благодеяния по отношению к городу в целом и его отдельным гражданам в прошлом».

Между тем в ольвийских почетно-проксенических декретах нередко присутствует указание на услуги, оказанные прокшеном прибывавшим в его родной город ольвиополитам (IOSPE I² 27, 28, HO 24, 25 + 39, 26). Все элементы этой статьи плюс указание на пребывание проксена в Ольвии представлены в почетно-проксеническом декрете II в. до н. э. IOSPE I² 48⁺ (в чтении и переводе Ю. Г. Виноградова): ἐπιδὴ Βα[-- τοῦ δεῖνος, ethnicum ἀν]ήρ καλλὸς καὶ ἀγαθὸς γενόμενος καὶ ἐκ προγόνων ἀγαθὼν [ῶν, παρεπιδημήσας τε ἐν τῇ πόλει] ἡμῶν τὴν τε ἀναστροφὴν εὐτακτὸν καὶ εὐσχήμονα καὶ ἀξίαν ἐκατέρων τῶν πόλεων ἐποίησατο, χω]ρισθὶς τε [εἰς τὴν ἑατοῦ πατρίδα πρόθυμον] ἑατὸν εἰς [πράγματα τῆς πόλεως παρέσχετο λέ]γων ἀεὶ [καὶ πράσων τὰ βέλτιστα, ἀποδεικνύ]μενος [διατελεῖ ἑατοῦ τὴν εὐνοίαν καὶ ἰδίαν] τ[ο]ῖ[ς ἐντυγχάνουσιν (?) αὐτῷ τῶν πολειτῶν κτλ.] «-- поскольку Βα[...], сын такого-то (этникон), будучи] мужем прекрасным и [добрым и происходя] от хороших родителей, [поселившись в] нашем [городе, сделал] свое [пребывание скромным], благопристойным и достойным [обоих городов] и, возратившись [на свою родину, преданно предоставляет] себя для [дел нашего города], говоря [и творя] всегда [наилучшее, постоянно] выказывает [свою благосклонность и, в частности, прибывающим к нему (?) нашим гражданам, и вообще... и т. д.]»⁴⁵⁵. Эта самая близкая аналогия декрету Стефана осталась неизвестной Иванчику, зато

⁴⁵⁴ Под «городом» Иванчик подразумевает Ольвию. То же он пишет и на с. 18: «Сохранившийся текст начинается с мотивировочной части, где излагаются заслуги Стефана, за которые он удостоился почестей. О заслугах этих говорится в высшей степени туманно, и определенным указанием является лишь то, что Стефан посетил Ольвию и что по меньшей мере частично его заслуги перед городом были связаны с этим пребыванием. Впрочем, нельзя исключать, что более конкретная информация содержалась в исчезнувшем начале мотивировочной части». Коль «нельзя исключить», так флаг Иванчику в руки — восстанавливай! Ан нет, в дополненном тексте у Иванчика о заслугах Стефана (воспользуемся его процитированной формулировкой) «говорится в высшей степени туманно».

⁴⁵⁵ Виноградов [1978, с. 60–63] удачно сложил фр. I² 48 с новым обломком и отнес его к концу I в. до н. э. — I в. н. э. Он дополнил его по близкому в формулярном отношении декрету Том I в. до н. э. в честь тирита Нила [ISM II, 5]. Драгомирский декрет начала II в. до н. э. из Ольвии (выше, с. 558) также содержит формулировки, близкие проксении Стефана.

он обрушил на читателя тьму зарубежных эпиграфических публикаций, по существу, как увидим, не имеющих никакого отношения к тексту декрета Стефана. Так сказать, за иноземным лесом не увидел русского дерева, — типичная черта работ Иванчика, плохо знающего отечественную литературу⁴⁵⁶. В данном случае это тем более забавно, что посвятил он свою статью памяти того самого Виноградова.

Приведенные параллели подсказывают, что в стк. 1–4 до слов ἐπιδημήσας τε ἐν τῇ πόλει ἢ [μῶν] «и поселившись в нашем городе» (стк. 4–5) речь шла о благодеяниях, которые Стефан оказывал ольвиополитам у себя на родине⁴⁵⁷. Подобного рода содержание, как следует из только что приведенных примеров, выражается в декретах по-разному, поэтому можно дать лишь примерное дополнение стк. 1–4: [e. g. ἀόκνως | τοῖς ἀφικνουμένοις ἐς Ζμύρναν ἐπαγγέλλεται | καὶ γενόμενος προστασίας ὠφελίμ]ου παραίτιος |³ [χρείας παρέχεται κοινῇ τε δῆμῳ κ]αὶ ἰδίᾳ τοῖς ἐντυν[χάνουσιν αὐτῷ πολειτῶν, καὶ] ἐπιδημήσας τε «прибывавшим в Смирну незамедлительно предлагал себя и, будучи виновником полезного руководства, оказывал услуги и по общественным делам и по частным обращавшимся к нему гражданам, и поселившись...» Все элементы этого текста представлены в почетно-проксенических декретах из Ольвии⁴⁵⁸. После этого в декрете говорится о превосходном пребывании Стефана в Ольвии, и далее следует ряд предоставленных ему стандартных привилегий⁴⁵⁹. Этот текст сохранился неплохо, так что у Иванчика

⁴⁵⁶ Из литературы об НО 27 он упустил рецензию А. И. Болтуновой [1971], которая справедливо заметила, вопреки мнению А. И. Доватура, что в стк. 8 чтение τοῖς [ἀγ]αθοῖς правильно.

⁴⁵⁷ Без указания на пребывание в Ольвии такая статья сохранилась целиком в проксении НО 26 конца III–II вв. до н. э. (датировка НО): ἐπειδὴ Διονύσιος Θάγονος Χερσωνησίτης κοινῇ τε εὖνους καὶ φίλος ὢν τυγχάνει τῷ δῆμῳ καὶ ἰδίᾳ τοῖς ἀφικνουμένοις εἰς Χερσόνησ[ον] χρ[ε]ί[ας] π[α]ρέχεται] «поелику Дионисий Тагонов, херсонесит, и вообще благосклонен и дружески расположен к народу, и оказывает полезные услуги прибывающим в Херсонес персонально». То же в ольвийском декрете в честь каллатийца Навтима (IOSPE I² 27. 4–6): καὶ τοῖς ἀφικνουμένοις τῶν πολιτῶν εἰς Κάλλατιν χρείας παρέχεται μετὰ πάσης φιλοτιμίας «и тем гражданам, которые прибывают в Каллатис, оказывает услуги со всем любочестием». В почетно-проксеническом декрете II в. до н. э. в честь амисенца Аполлократа НО 35 + 37 + 38 + 124 + 126 (см. выше, с. 547) читаем: [ἐπειδὴ Απολλοκράτης Μενέ]ρ[ε]τος Ἀμ[ι]σηνὸς ἀνὴρ ἀγαθός, εὖνους καὶ φίλος ὢν διατελεῖ τῷ δῆμῳ Ὀλβιῶν[ολιτῶν τὰ ἀρίστα λέγων καὶ] πράξ[ε]ων περὶ πάντων, τῶν πολιτῶν ἰδίᾳ καὶ κοινῇ συνεργῶν τοῖς ἀφικνουμένοις εἰς Ἀμ[ι]σην χρείας παρέχεται καὶ πᾶσιν ἐπ[ε]κ[τ]ής -- «поскольку Аполлократ, сын Менеста, амисенец, будучи добрым мужем, благосклонным и дружелюбным, осуществляет наилучшее народу ольвиополитов словом и делом касательно всего, в частности и вообще оказывая услуги тем из граждан, которые прибывают в Амис, и всем выказывая надлежащий --». Далее, в НО 25 + 39 второй половины III в. (выше, с. 540) после упоминания имени-отчества и этника проксена говорится, что он [κοινῇ καὶ] ἰδί[αι] τοῖς ἀφικνουμένοις τῶν πολιτῶν [εἰς *nomen urbis* χρείας] παρέχεται καὶ διατελεῖ συνεργῶν εἰς ἅπαντα τῇ πόλει] τὰ συμ[φέροντα καὶ] χρεῶν τὸ προ[σ]ὸν ἑ[α] [πολίταις] «(поскольку имярек, сын такого-то, этникон) и вообще и в частности оказывает услуги гражданам, прибывающим в такой-то город, и приносит пользу, содействуя во всем городу (ольвиополитов), а также предоставляет в наличности необходимое гражданам --». То же в только что рассмотренном декрете НО 19 + 32. В НО 24 (выше, с. 562): [διατελεῖ τῇ πόλει] καὶ τοῖς ἐ[ν]τυχάνουσιν αὐτῷ] τῶν πολ[ι]τῶν --] χρείας παρέχόμενος].

⁴⁵⁸ Выражение γενόμενος τῆς προστασίας ὠφελίμου «осуществлял полезное руководство» заимствуем из декрета византийцев IOSPE I² 79. 10 в честь ольвиополита Абаба. При желании можно подобрать и другие соответствия.

⁴⁵⁹ Полный текст надписи см. в конце параграфа. Опубликовано сокращенный вариант этого параграфа [Яйленко, 2015а, с. 195–208].

проблем с ним нет. В стк. 14 трафаретные формулы заканчиваются (тут в лакуне они дополняются без труда), но со стк. 15 текст основательно утрачен, и у Иванчика снова начинаются проблемы. Понимание им стк. 15–21 надписи в ряде пунктов ошибочно. Его чтение и пер.: καὶ ἰσοτέλῃαν χρη[μάτων πάντων, ὧν εἰσά]]γωσιν ἢ ἐξάγωσιν]] ἐπὶ χρ[ήσει ἢ κτήσει πάντων χρημ.]]¹⁷άτων, ὑπάρχειν δὲ αὐτοῖς ἐ[φοδον ἐπὶ τὴν βουλὴν καὶ]] τὸν δῆμον πρώτοις μετὰ τὰ [ἱερὰ καὶ τὰ βασιλικά, δεδόσ]]¹⁹θαι δὲ αὐτοῖς θύειν ἐπὶ τῶν α[ὐτῶν βωμῶν ὧν μέτεσ]]τι καὶ τοῖς ἄλλοις πολίταις, [καὶ τὰ λοιπὰ πάντα]]²¹ ἃ τοῦ δήμου πρὸς τὸν ἄνδρα φαν[ερὰς χάριτας ποιεῖ] «и исотелию имущ[ества всего, какое бы ни] ввезли или вывезли для по[льзования или приобретения любого имуще]ства; и пусть они располагают д[оступом к совету и] народу первыми после [священных и царских дел, и даро]вать им право приносить жертвы на тех [же алтарях, на которых] и другие граждане, [и все остальное,] что явл[яет благодарность] народа к этому мужу».

Ошибочен, *во-первых*, ничем не оправданный повтор выражения χρημάτων πάντων в короткой фразе стк. 15–17. Это излишняя тавтология, хотя Иванчик хитро «припудрил» ее, переведя в стк. 15 словами «имущества всего», а в стк. 16–17 «любого имущества» (это тоже неправильно: χρημάτων πάντων означает «всего имущества», отнюдь не «любого»). Это творчество самого Иванчика, так как более грамотный Виноградов тавтологии не допустил, дополнив (при χρημάτων πάντων стк. 15) в стк. 16–17 [ἐν πάσι τῶν πραγμ]άτων «во всех делах»⁴⁶⁰. *Во-вторых*, в переводе Иванчиком стк. 19–20 («[даро]вать им право приносить жертвы на тех [же алтарях, на которых] и другие граждане») выпало слово [μέτεσ]τι «надлежит». Правильный перевод: «на которых и другим гражданам надлежит». *В-третьих*, неточно понимание Иванчиком стк. 20–21: ([δεδόσ]θαι) [καὶ τὰ λοιπὰ πάντα]] ἃ τοῦ δήμου πρὸς τὸν ἄνδρα φαν[ερὰς χάριτας ποιεῖ] (предоставить) «[и все остальное,] что явл[яет благодарность] народа к этому мужу». Тут целая гроздь огрехов: *в-четвертых*, в переводе не нашло отражения прилагательное φαν[ερὰς] «явные» при χάριτας «благодарности»; *в-пятых*, глагол ποιεῖν не имеет значения «являть», так что требуется другой глагол⁴⁶¹. При выражении τὰ λοιπὰ πάντα (или τὰ ἅλλα πάντα) употребляются глаголы ὑπάρχειν, (ἀπο)διδόναι, ἀπονέμειν и др.⁴⁶² Но наряду с этим у нас речь идет еще и о формулировке χάριν (χάριτας) ἀποδιδόναι. Употребительная в литературном языке (например, *Dem. LV, 13 etc.*), она свойственна множеству

⁴⁶⁰ Дополнено по τὰ τῆς πόλεως πράγματ[α] декрета в честь Нила [Граков, 1939, Доп. 2, стк. 24] и потому прочно.

⁴⁶¹ В связи с дополнением Иванчиком глагола ποιεῖν в не свойственном ему значения «являть» привлекает внимание то, что дополнена полная форма ποιεῖ, а в переводе она показана частично сохранившейся — «явл[яет]» (контекст: [и все остальное,] что явл[яет благодарность] народа к этому мужу). Это, как и отсутствие прилагательного φαν[ερὰς] «явные» (при χάριτας), показывает, что первоначально Иванчик читал тут какую-то форму глагола φαίνειν или φανεροῦν «являть», например φαν[εροῖ--], откуда и его перевод «явл[яет]». По такой же причине Иванчик упустил в своем переводе слово [μέτεσ]τι «надлежит»: он понимал сохранившиеся буквы τι иначе, нежели [μέτεσ]τι Виноградова. Эти обстоятельства важны для рассматриваемого далее вопроса о вкладе Иванчика в текстологию надписи.

⁴⁶² Например, ὑπάρχειν δὲ αὐτοῖς καὶ τὰλλα πάντα, ὅσα δέδοται τοῖς ἄλλοις προξένοις «располагать им всем тем, что и другим проксенам предоставляется» (делосский декрет в честь ольвиополита Посидония начала IIa [IG XI, f. 4, 813]). Почетно-проксенический декрет NO 174: [καὶ πολιτεῖαν, καὶ ὅσα τοῖς ἄλλοις προξένοις δέδοται], [τὰ μὲν λοιπὰ πάντα ὑπ[άρ]χειν | αὐτῶι ... καὶ τὰς λοι[πὰς] | τιμὰς δοῦναι ποτε]] (пер. см. выше, с. 538).

декретов (Syll.³ 162, 330, 336, 485, 559 и т. д.), представлена и в ольвийской эпиграфике⁴⁶³. Таким образом, по двум конструкциям в данном тексте Стефанова декрета требуется дополнение глагола ἀποδίδοι (или ἀπονέμειν). Это тем более так, что формула χάριτας ἀποδίδοι (или ἀπονέμειν) есть и в стк. 7–9 Стефанова декрета: ἵνα [οὖν ὁ] δῆ[μος φ]αίνηται τὰς καταξίας χάριτας ἀπ[οδίδου]ς τοῖς ἀγαθοῖς ἀνδράσιν «чтобы и народ казался воздающим вполне достойные благодарности этим прекрасным мужам». Здесь присутствуют также οἱ ἀγαθοὶ ἄνδρες «прекрасные мужи», вполне равнозначные слову τὸν ἄνδρα «этому мужу» стк. 21, и соответствующие друг другу по значению «явный» глагол [φ]αίνηται стк. 7 да прилагательное φαν[ερὸς] стк. 21. Ввиду близкого соответствия контекста стк. 7–9 и 21 дополнение глагола ἀποδίδοι (или ἀπονέμειν) «воздавать» прочно, так что стк. 20–21 Стефанова декрета гласят: [καὶ τὰ λοιπὰ πάντα], ἃ τοῦ δήμου πρὸς τὸν ἄνδρα φαν[ερὰς χάριτας ἀποδίδωσι], т. е. предписано предоставить ему (управляющий глагол [δεδός]θαι стк. 18–19) «и все остальное, что воздает явные благодарности народа этому мужу».

В-шестых, самая большая ошибка Виноградова и слепо следовавшего ему Иванчика заключена в дополнении слова τὰ βασιλικά в лакуне стк. 18 (этому вопросу уделена половина статьи Иванчика об этой надписи — с. 22–29). Вот контекст стк. 17–19 (текст и пер. Иванчика): ὑπάρχειν δὲ αὐτοῖς ἔ[φοδον ἐπὶ τὴν βουλήν καὶ] ¹⁸ τὸν δῆμον πρῶτοις μετὰ τὰ [ἱερά καὶ τὰ βασιλικά, δεδός]θαι δὲ αὐτοῖς θύειν «и пусть они располагают д[оступом к совету и] народу первыми после [священных и царских дел, и даро]вать им право приносить жертвы...» По Иванчику, право первоочередного доступа евергета к совету и народу предоставляется в греческих декретах после «священных дел» (τὰ [ἱερά]) и царских ([τὰ βασιλικά]). Он дает, на первый взгляд, солидную справку об употреблении такой формулировки в греческих надписях — 35 примеров, однако результат нулевой: она представлена лишь на Самосе и в Эфесе (в Баргиии случайно один раз), причем только на Самосе она была устойчивым элементом постановлений, в Эфесе засвидетельствована 5 раз в короткий промежуток рубежа IV–III вв. Поскольку нет никаких оснований думать о воздействии формуляра самосских декретов на дипломатику ольвийских постановлений (хотя бы по причине хронологического несовпадения: эфесские надписи относятся к последней четверти IV — первой половине III в., ольвийская датируется II в.), все это оказывается бесполезной тратой времени и сил читателя, но, несмотря на это, Иванчик вываливает на него столь подробную выборку примеров, ибо они призваны показать широкую эрудицию автора. И другие выкладки Иванчика по вопросу о рассматриваемой формуле приводят читателя к нулевому результату: «в подавляющем большинстве случаев» привилегия первоочередного доступа дается только после «священных дел» (τὰ [ἱερά] надписи Стефана) [с. 22]; оговорка τὰ βασιλικά «гораздо более редка и до сих пор в понтийском регионе не встречалась» [с. 23]; «употребление формулировки τὰ [ἱερά καὶ τὰ βασιλικά] в публикуемом декрете остается единственным случаем во всем греческом мире в период после середины III в. до н. э.» [с. 26]. Иванчику достаточно было перечитать свои же процитированные выводы, чтобы

⁴⁶³ Например, в декрете в честь сыновей Аполлония, стк. 3: ἀποδίδου χάριν, стк. 27: [τὰς χάριτας ἀ]ποδίδωσι, В декрете об амисенце Аполлократе в значении «воздавать» употреблен глагол ἀπονέμειν (стк. 23): ἀ[ξίας χάριτ]ας ἀπονέ[μωι] (см. выше, с. 547).

убедиться в бесплодности дополнения τὰ βασιλικά, однако, движимый идеей, что после τὰ [ἱερὰ --] есть место для еще одного слова, он настаивает на дополнении τὰ βασιλικά, не задумавшись, что тут могло быть что-либо другое, например αὐτῷ καὶ ἐγγόνοις «самому или сыновьям»⁴⁶⁴, или ὧν ἂν δέηται «ежели в чем возымеет нужду»⁴⁶⁵. Наконец, τὰ [ἱερὰ --] могло сопровождаться простым определением, например τὰ [ἱερὰ τὰ δεμόσια] «общественные священные дела»⁴⁶⁶ или, как в ольвийской эпиграфике, τὰ ἱερὰ τοῖς θεοῖσιν «священнодействия богам» и пр.⁴⁶⁷ В результате Иванчик подхватывает мертворожденную идею Виноградова о протекторате Скилура над Ольвией, вынеся ее даже в заголовок французского варианта своей статьи ([Ivantchik, 2007]: «Une nouvelle proxénie d’Olbia et les relations des cités nord-pontiques avec le royaume scythe de Skilouros» «Новая проксения из Ольвии и отношения северопонтийских городов со скифским царством Скилура»), чем продемонстрировал к тому же пренебрежение к основному постулату эпиграфики как исторической дисциплины — не делать исторических выводов из дополненного текста (в этом он достойный преемник Виноградова, у которого такая порочная методика была основой работы, что мы многократно показали на страницах данной книги)⁴⁶⁸.

Декрет в честь Стефана не простая проксения, как ошибочно считает Иванчик, а почетно-проксенический декрет (см. ольвийские надписи этого класса выше, с. 536/51, 559, 562). Почетно-проксенический декрет — это почетный декрет, в который включены проксенические почести (выше, с. 536). Иванчику этот тип

⁴⁶⁴ Так в декрете Приены 334 г. в честь Антигона после перечня проксенических привилегий (Syll.³ 278): καὶ ἔφοδον ἐπὶ τὰς ἀρχὰς καὶ τὸν δῆμον τὸν Πριηνέων πρῶτῳ μετὰ τὰ ἱερὰ. ταῦτα δὲ εἶναι καὶ αὐτῷ καὶ ἐγγόνοις «и доступ к властям и народу приенцев первым после священных дел; быть сему и ему самому и сыновьям». То же в почетно-проксеническом декрете Syll.³ 426 (стк. 25 sq.) после формулы о первоочередном доступе: τὰ [δὲ αὐτὰ ὅ]παρχειν καὶ τοῖς ἐγγόνοις αὐτοῦ «располагать сим также сыновьям его» (далее ведется речь о записи его на стеле, где записаны и другие проксены, о приглашении его в пританей на угощение и пр.). В афинском почетно-проксеническом декрете 318 г. в честь сикионца Евфрона между статьей о первоочередном доступе и предписанием об изготовлении стелы вставлена большая статья о сыне чествуемого проксена (Syll.³ 317. 41 sq.). В ольвийском декрете вместо αὐτῷ καὶ ἐγγόνοις можно дополнить и чуть более краткое αὐτῷ καὶ πασί.

⁴⁶⁵ Так в почетно-проксеническом декрете Самоса ок. 306 г. (Syll.³ 333. 21 sq.): εἶναι δὲ αὐτῷ καὶ ἔφοδον ἐπὶ τὴν βουλὴν καὶ τὸν δῆμον, ἂν του δέηται, πρῶτῳ μετὰ τὰ ἱερὰ καὶ τὰ βασιλικά «быть у него и доступу к совету и народу, ежели в чем возымеет нужду, в первоочередном порядке после священных и царских дел». Это ἂν του δέηται «ежели в чем возымеет нужду» может стоять в любой части такого короткого предложения, в том числе после τὰ ἱερὰ.

⁴⁶⁶ Так в декрете Зелее ок. 334 г. до н. э. (Syll.³ 279. 35 sq.) в статье, следующей за формулой о доступе после священных дел: пусть архонты выделяют средства εἰς τὰ ἱερὰ τὰ δημόσια «на священные (т. е. культовые) общественные дела».

⁴⁶⁷ Условно предпочитаем первый вариант. У каждого эпиграфиста есть свой спам — отработанные варианты с кучей эпиграфических параллелей уходят в корзину. Но Иванчику нечего больше сказать, раз он вываливает свой спам на читателя.

⁴⁶⁸ См. с. 244/7, 249/51, 476/8, 637/9 и пр. Курьез с Иванчиком-историком случился в эксперименте со сдачей ЕГЭ в Университете дружбы народов 2004 г., в котором он участвовал, заняв четвертое место из 6. Вот оценка развернутого письменного ответа Иванчика на задание по истории: «А вот, кстати, у Член-корра плохо с историческим анализом. В одном из заданий части «С» мало альтернативных оценок события, и они почти не аргументированы» (Качуровская А., Смирнов К. Шестеро смелых // Коммерсант-Власть от 07.06.04; выложено в google). Если уж учителя заметили односторонность и слабую аргументированность писаний Иванчика, то это сама очевидность. Тем не менее объективности ради отмечу, что его книга «Накануне колонизации» написана на хорошем профессиональном уровне.

декретов Ольвии вообще неизвестен, так как он называет Стефанов декрет только проксенией, вынеся этот термин даже в название французского варианта своей статьи.

Иванчику следует почаще заглядывать в элементарный курс греческой грамматики для студентов-первокурсников: он упорно ставит обличенное ударение в *dat. pl. ἀνδράσιν* [с. 16–17] вместо правильного острого — ἀνδράσιν «мужам». Ему неведомо, что τέ при причастии ἐπιδημήσας делает обязательным восстановление в лакуне или причастия же в пандан к ἐπιδημήσας, или καί, которое усиливается этим τέ (наше дополнение стк. 4: [καί] ἐπιδημήσας τέ «и поселившись», см. ниже). В нашей науке еще не было член-корра РАН, которому приходилось бы делать такие детские замечания по языку его специальности.

Есть у Иванчика и проблемы с этикой. Пером в одной руке он восхваляет Виноградова, а другой рукой по существу ободрал его. Не кто иной, как Виноградов подобрал новый большой фрагмент к НО 27, полностью прочел новый греческий текст, в упомянутой статье 1998 г. именно он опубликовал перевод, из которого вполне явствует его греческий текст надписи; в его архиве есть этот греческий текст и частичный текстологический комментарий к надписи. Хотя всю основную работу за несколько лет до Иванчика выполнил Виноградов (новый фрагмент найден в 1994 г.), Иванчик тем не менее начал излагать историю ее изучения с себя [с. 15]: летом 2001 г. «мне удалось прочесть и частично восстановить надпись и объединить ее с уже известным фрагментом, обнаруженным в 1953 г. и опубликованным в “Надписях Ольвии” (№ 27)». Это странно, ибо уже за 3 года до этих «открытий» Иванчика Виноградов в статье 1998 г., известной ему, дал перевод соединенного текста обоих фрагментов, из которого вполне явствует и чтение его греческого текста надписи, в том числе дополнения обильных лакун, так что «открытия» Иванчика 2001 г. — не более чем обстоятельства его личного знакомства с надписью, к истории изучения ее текста, как вторичные, никакого отношения не имеющие⁴⁶⁹. Однако и далее он настаивает на своей активной причастности к уже проделанной Виноградовым работе. В сентябре того же 2001 г., продолжает Иванчик, в архиве Виноградова «обнаружился восстановленный текст (включая объединение с фрагментом НО 27) и перевод надписи, а также фотографии и прорисовки обоих фрагментов. Сделанные нами независимо чтения ольвийского фрагмента почти полностью совпали, а в восстановлении лакун Ю. Г. Виноградов продвинулся дальше меня, дополнив ряд мест, которые оставались мне неясными. В основе этой публикации, таким образом, лежит текст Ю. Г. Виноградова, подтвержденный изучением надписи, проведенным мною до знакомства с этим текстом. Незначительные расхождения между чтениями и дополнениями, предложенными Ю. Г. Виноградовым, и теми, что кажутся правильными мне, представлены в критическом аппарате. Те случаи, когда наши чтения совпали, в аппарате не отмечаются». Тут задним числом предъявлены читателю лжесвидетельства «нашей», т. е. Иванчика и Виноградова, одинаковой работы: «Сделанные нами независимо чтения ольвийского фрагмента почти полностью

⁴⁶⁹ С. Д. Крыжицкий и В. В. Крапивина, разрешившие Иванчику работать в парутинском лапидарии, не могли не проинформировать его о проведенной уже работе Виноградова, в том числе об объединении обоих фрагментов, тем более что результаты его текстологической работы были опубликованы 3 года назад в виде перевода надписи.

совпали», «случай, когда наши чтения совпали», «текст Ю. Г. Виноградова, подтвержденный изучением надписи, проведенным мною до знакомства» с его текстом и пр., хотя вполне ясно, что «чтения» Иванчика вторичны по отношению к уже выполненной Виноградовым работе над документом, частично опубликованной в 1998 г. (тем более, что с подлинником НО 27 Иванчик ознакомился в 2003 г., так что в 2001 г., когда он составил свой текст надписи, он мог пользоваться только фотографией НО 27, которая по своему качеству не гарантирует точности прочтения надписи). Утверждая задним числом, что его чтение совпало с чтением Виноградова, Иванчик, мягко говоря, вводит читателя в заблуждение, поскольку сохранились выявленные выше реликты его собственного чтения стк. 19–21, совсем отличные от виноградовского. Напомним, в стк. 21 он дополнил полную форму ποιεῖν, а в переводе показал ее частично сохранившейся — «явл[яет]», что, как и отсутствие прилагательного φαῖν[ε]ράς «явные» в его переводе, показывает, что первоначально Иванчик читал тут какую-то форму глагола φαίνεῖν или φαίετο «являть», например, 3-е лицо наст. времени φαίετο, откуда и его перевод «явл[яет]». Того же содержания отмеченное выше странное отсутствие в переводе Иванчика слова [μέτεσ]τι «надлежит» (контекст стк. 19–20, по Иванчику: «[даро]вать им право приносить жертвы на тех [же алтарях, на которых] и другие граждане»; правильный перевод: «на которых и другим гражданам надлежит»). Это показывает, что Иванчик понимал сохранившиеся буквы τι иначе, нежели [μέτεσ]τι Виноградова. Скорее всего, из этой же серии дополнение вводной формулы ἔδοξε τῇ βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ «постановлено советом и народом»: Иванчик не разъяснил, почему принял именно ее, тогда как во II в. до н. э. в ольвийских декретах употреблялись разные преамбулы⁴⁷⁰. Если же он имел в виду, что формулировка ἔδοξε τῇ βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ присутствует во всех них, то это требует непременно разъяснения в комментарии, а в самом тексте это должно быть показано отточиями до нее и после. Иванчик в своем комментарии дал пояснения к каждой формуле надписи, а к этой не дал, и это служит основанием подозревать, что она заимствована у Виноградова, который ее не обосновал, у самого же Иванчика ее не было и он не знал разнообразия преамбул ольвийских декретов II в. до н. э.

Приведенные случайно сохранившиеся реликты работы самого Иванчика с надписью показывают, что он исправлял свой греческий текст по тексту Виноградова, когда познакомился с ним в личном архиве того. Из них явствует, что чтение Иванчика было по ряду пунктов иным до знакомства с ним и настолько слабым, что свою реконструкцию надписи Иванчик *volens nolens* заменил более обоснованным текстом предшественника. Нетрудно догадаться, что ложными свидетельствами о тождестве своей текстологии с текстом Виноградова

⁴⁷⁰ НО 26: ἱερωμένου Προγείτονος, ἔδοξε βουλῇ καὶ δήμῳ εἰκάδι, Ἡφαιστόδωρος Διογένης εἶπεν· ἐπειδὴ... IOSPE I² 33: [ἱερωμένου?] Δημίου Τ.... [....., μηνὸς Ἀνθεστηριώνος ἔδοξε βουλῇ καὶ δήμῳ εἰκ[άδι, οἱ ἄρχον]τες εἶπαν· ἐ[πειδὴ ὁ δεῖνα τοῦ δεῖνος] (см. выше, с. 528). Декрет в честь Протогена: ἔδοξε βουλῇ καὶ δήμῳ εἰκάδι, οἱ ἄρχον]τες καὶ οἱ Ἐπτά εἶπαν· ἐπειδὴ... НО 25: ἔδοξε [ν τ]ῇ βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ τριηκ[άδι· ὁ δεῖνα τοῦ] ΕΡ.... [εἶπεν· ἐπειδὴ...] (см. выше, с. 540). Декрет в честь сына Зобия (выше, с. 542): [ἱερωμένου τοῦ δεῖνος Ἀναξ]ιμένους, [μηνὸς --] ἔδοξε βουλῇ [καὶ δήμῳ, οἱ ἄρχοντες εἶπαν· ἐπειδὴ...]. IOSPE I² 35: [ἱερωμένου τοῦ δεῖνος] τοῦ μετὰ Ποσίδεον Ἀναξα[γόρου, μηνὸς Μεταγειτ]ριώνος σκ', ἦν ὁ δῆμος ἐψη[φίσατο γνώμην κυρώσα]ι, ἔδοξε βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ· ἄρ[χοντες οἱ περὶ Ποσίδεον] Ἀναξαγόρου εἶπαν· ἐπειδὴ...

Иванчик пытается обосновать свое право на публикацию нового текста документа⁴⁷¹.

Свои дополнения сравнительно с реконструкцией Виноградова он назвал «незначительными», а мы уточним картину — подсчитаем по лемме на с. 17 статьи Иванчика, что в тексте надписи принадлежит ему: это даст реальную картину вклада Иванчика в текстологию надписи. Так вот оказывается, что она и вовсе ничтожна. Весь сохранившийся текст прочтен Виноградовым, участие Иванчика выразилось лишь в правке одного (!) слова (ἰσοτέλῃαν Иванчика в стк. 15 при ἰσοτέλειαν Виноградова). Наряду с этой крохой Иванчику принадлежат еще 3 новшества в дополнениях надписи (это при том, что всего дополнено 16 существенно утраченных строк — стк. 2–5 и 13–24). Два из них опять-таки крохи, причем частично, как вариант, возможна лишь одна — тоже правка ([ἐπιμεληθέντων] Иванчика в стк. 22 вместо [ἐπιμελλούντων] Виноградова)⁴⁷²; вторая ошибочна и у Виноградова, и у Иванчика (вместо *conj.* ποιῇ Виноградова в стк. 21 Иванчик дал *praes.* ποιεῖ), так как не учитывает узус ольвийских декретов (как мы показали выше, должно быть ἀποδίδωσι). Что до третьего новшества Иванчика (ἐπὶ χρήσει ἢ κτήσει πάντων χρημάτων), то оно, как показано выше, тавтологично и потому неприемлемо. Итого, вклад Иванчика составляет одна кроха — ἰσοτέλῃαν (проявим щедрость к нему и выдадим еще полкрохи за дополнение [ἐπιμεληθέντων], возможное как вариант).

В результате, не принимая ложных уверений Иванчика о совпадении его реконструкции греческого текста с реконструкцией Виноградова, заключаем: текст Иванчика на 99 % вторичен относительно текста Виноградова, вклад самого Иванчика в текстологию надписи составили одна или полторы крохи, настолько несущественные, что для них достаточно было бы одного краткого примечания. Вся текстологическая работа на 95 % выполнена Виноградовым (остальные 5 % — несколько дополнений Е. И. Леви и Е. Б. Новикова к НО 27).

Таким образом, вопрос о вкладе Иванчика в работу с текстом надписи Стефана не стоит — она почти целиком выполнена Виноградовым, полторы крошечные

⁴⁷¹ Как поступали другие ученые, публикуя материалы из личного архива Виноградова, покажем на следующей странице. На официальном сайте «Преподаватели кафедры истории древнего мира» истфака МГУ указано, что Иванчик «автор 170 научных публикаций, в том числе 5 монографий», но далее следует список из 9 книг. Это мыльный пузырь, ибо в списке одна и та же книга, изданная на русском и французском, фигурирует дважды (Les Cimmériens au Proche-Orient. Fribourg Suisse, Göttingen, 1993 — это первое издание книги [Иванчик 1996], тоже стоящей в списке). Числится тут и «научпоп» — написанная в соавторстве переводная книжка на японском языке о русской науке и русских ученых. А без них список-то скуден — на год избрания член-корреспондентом в 2003 г. их было всего две, с 2005 г. — три. Скудость списка его монографий незаметно дополнена сборниками статей, в которых Иванчик принимал участие как составитель. Поскольку не оговорено, что это сборники статей других авторов, получилась солидная подборка из 9 «монографий» Иванчика при реальных трех.

⁴⁷² Да и то с оговоркой: в форме пассивного аориста глагол ἐπεμεληθῆναι встречается в ольвийской эпиграфике в строительных надписях: ἐπε[με]ληθῆσαν το[ῦ] τε[ί]χους «позаботились о стене» (I² 178); τοῦ πυλῶνος καὶ τῆς σχοιναίας ἐπεμελ[ή]θη «позаботился о *строительстве* башни и прясла стены» (I² 180), также НО 75 (о ней с. 622/3). Поэтому предпочитаем формулировку [? ἀναλωμάτων τῶν] ἀρχόντων (ср. с. 464).

перелицовки Иванчика (ἰσοτέλειαν, [ἐπιμεληθέντων]) слов Виноградова (ἰσοτέλειαν, [ἐπιμελλούντων]) меньше вклада Леви и Новикова. Но заметки Виноградова об этой надписи нет и уже не будет — его работу присвоил себе Иванчик, этот документ фигурирует отныне в списке печатных трудов не Виноградова, а Иванчика. До Иванчика неоконченные статьи из архива Виноградова публиковались, как и положено приличным ученым, под его именем: заметку Виноградова [2002] о надписи из Лабриса опубликовал и снабдил комментариями Ф. В. Шелов-Коведяев; С. Ю. Сапрыкин [ВДИ. 2005, № 2, с. 45–80] свою статью о логиионе из Пантикапея предварил публикацией из архива Виноградова с текстом надписи и небольшим комментарием [Виноградов, Шестаков, ib., с. 42–44]. Высокий уровень этики продемонстрировала Меделина Дана — собрала по строкам из разных публикаций Виноградова его текст письма Апатурия, в цельном виде так и не опубликованный им, и указала, что пользуется его прочтением [Dana, 2004]. Иванчик же обокрал покойника, не напечатав труд Виноградова в виде отдельной заметки. Если бы Иванчиком действительно двигала благодарная память о нем, он собрал бы в одну заметку реконструкцию большого греческого текста надписи Виноградовым и частичный текстологический комментарий к нему (архив), также перевод и исторический комментарий (из статьи 1998 г.). Предварив свою статью такой заметкой Виноградова, Иванчик поступил бы так, как принято, — как сделали перечисленные коллеги. Как минимум, Иванчик должен был дать свои статьи 2007 и 2011 г. под двумя фамилиями — Виноградова (указанные материалы) и своей (его комментарий). Однако в стремлении присвоить себе публикацию надписи Иванчик просто нарастил на стержень Виноградова свои эпиграфические параллели к формулировкам надписи Стефана да дополнил историческую байку Виноградова о протекторате Скилура над Ольвией своими эпиграфическими псевдопараллелями к надуманному [τὰ βασιλικά]. И своей цели он добился — стал автором нового текста декрета Стефана и комментария к нему: например, В. Кожокару критиковал именно Иванчика как автора статьи об этой надписи [Ivantchik, 2007], особенно за безосновательные предположения о связи ее со Скилуrom [Sojosa, 2009, S. 356/7], хотя автор и текста надписи, и сей псевдоисторической байки Виноградов⁴⁷³.

Выявленные ухищрения Иванчика выставить свою текстологию надписи как тождественную тексту Виноградова («и мы пахали» притчи Гесиода о сидевшей на пашущем воле мухе) изящно закамуфлированы дифирамбами в честь него: «я рассматриваю эту публикацию как продолжение работы, начатой моим покойным другом и коллегой, и посвящаю ее его светлой памяти» [с. 15]. Здесь все ложь — труд Виноградова Иванчик *de facto* присвоил себе, не числился он и в кругу его друзей (если понадобится, перечислю его поименно). Иванчик прагматичен, у него все продумано с точки зрения личных интересов⁴⁷⁴, так что его декларации о своей сопричастности к Виноградову преследует практическую

⁴⁷³ По существу, наши вышеизложенные критические замечания по текстологии надписи относятся к Виноградову как ее автору, однако, поскольку Иванчик претендует на равнозначность своей текстологии и опубликовал ее, половина критики по праву принадлежит ему.

⁴⁷⁴ В Интернете он перечислил на трети страницы свои руководящие должности да звания, чем, сам того не замечая, позиционировал себя всего лишь карьеристом, ибо вклад в науку должностями-званиями не измеряется.

цель — он, Иванчик, одного поля с крупным эпиграфистом Виноградовым, одного с ним калибра⁴⁷⁵. В реальности все наоборот: каков Иванчик член-корр (с двумя-то книгами!), таков и эпиграфист⁴⁷⁶, а что до этики, у него она своя⁴⁷⁷.

Таким образом, рассмотренная статья Иванчика в эпиграфическом отношении слаба, его историческая трактовка надписи в качестве свидетельства сношений Ольвии с царством Скифия несостоятельна. В плане научной этики присвоение Иванчиком труда Виноградова предосудительно.

⁴⁷⁵ Это полезно во всех отношениях. Даже в сионистском пасквиле на меня [ВДИ. 2011. 4, с. 278] воспеванием Виноградова как признанного корифея эпиграфики умело оттенена моя роль навозного жука в ней. Но, переходя от дифирамбов к делу, прагматичный Иванчик, как правило, критикует конкретные положения Виноградова (см. ее в рассматриваемой статье на с. 19, 30, 36–37; также [Иванчик, 2008, надпись № 1]). Что до посылки Иванчика о Виноградове как корифее эпиграфики, то мне достаточно упомянуть общую оценку, данную Ф. Готье книге Виноградова *Pontische Studien*: «этим томом надо пользоваться (в том, что относится к надписям) с осторожностью» (*avec précaution*) [Bull. ép. 1998, 288]. Поскольку в этой книге Виноградов собрал свои основные труды, оценка Готье — приговор ему как эпиграфисту (напомню, что Готье — один из лучших эпиграфистов наших дней, после смерти Л. Робера он сделал невозможное — сумел организовать продолжение издания Bull. ép., возглавляет его, будучи одним из ведущих авторов). Объективности ради еще раз отмечу, что при всей неудачности вклада Виноградова в эпиграфику Сев. Причерноморья, ее, эту эпиграфику, он знал, в отличие от Иванчика, который по существу специализируется на дайджестах из новых работ зарубежных ученых, вставляемых им в свои статьи о Сев. Причерноморье.

⁴⁷⁶ На эпиграфическом конгрессе 2012 г. в Берлине Иванчик анонсировал работу по переизданию IOSPE В. В. Латышева [Ivantchik, Levinskaya, 2014, S. 512 f.]. Ольвийский том Иванчик взял на себя, хотя у него лишь несколько статей по ольвийской эпиграфике (не считаю переводы их на английский, французский), т. е. опыта никакого; качество его работы мы только что видели. При этом у него нет исследования текстологии ольвийских надписей, а это основная работа с ольвийской эпиграфикой. О детских опытах Иванчика в области боспорской эпиграфики (тут работ у него столько же, сколько по Ольвии) я уже отзывался [Яйленко, 2010, с. 208/12, 597–603]. Между тем на официальном сайте Истфака МГУ (преподаватели кафедры истории древнего мира) первой областью своих научных интересов он назвал «греческую и латинскую эпиграфику». Это при десятке с половиной статей по эпиграфике! В полном справочнике литературы по Сев. Причерноморью числятся всего 16 его статей, причем лишь 9 из них написаны самим Иванчиком, 7 изданы с соавторами (в этом он достойный преемник Бонгарда) [Sojocaru, 2014b, № 63, 64, 406–411, 1228, 2221–2227]. Статьи эти мелкие, публикация коротких новых надписей, ничего проблемного, не говоря уже о концептуальном.

⁴⁷⁷ Свою научную скудость Иванчик восполняет умело написанными поклепами да пасквилями на коллег. Таков поклеп на издателей КБН-альбома А. К. Гаврилова и команду (см. электронный ресурс: Bryn Mawr Classical Review от 20. 11. 2005 г.; отметили это А. К. Гаврилов, Н. А. Павличенко, Д. В. Кейер [2008, с. 163, 165], их ответ Иванчику см. на том же электронном ресурсе от 04. 02. 2006 г.). Разгромную статью на работы С. В. Кулланды по скифскому языку Иванчик [2009] написал, по его собственным словам, в отместку за его рецензию на книгу Иванчика 2005 г. «Накануне колонизации», в которой Кулланда сделал 2–3 деловых замечания по ономастике. Эта месть абсурдна: историк Иванчик, к тому же не знающий ни одного иранского языка, учит лингвиста Кулланду иранскому скифскому языку! (подробности выше, с. 655 и [Яйленко, 2013а, с. 91–92]). Неспособный возразить что-либо по существу моей критики его публикаций по боспорской эпиграфике (см. о ней в предыдущем примечании), Иванчик разразился сионистским пасквилем на меня, о чем см. следующий параграф.

Выскажем в заключение соображения о возможном историческом существовании этого декрета, дате и дадим его должный текст. Влекомый неконтролируемым полетом фантазии, Виноградов [1998] счел Стефана наместником либо иным официальным представителем царя Митридата Евпатора в Ольвии; ни комментариев, ни возражений на это не может быть, так как текст надписи (даем его на следующей странице) не содержит ничего подобного. По характеру письма декрет относится ко II–I вв. до н. э., ввиду запустения Ольвии с середины I в. речь может идти о первой половине столетия; однако почетно-проксенические декреты этого времени неизвестны, так что Стефанов декрет относится ко II в. Судя по палеографии, позднейшей относительно письма Протогеновского декрета 180-х — 170-х гг., он мог быть составлен, начиная со второй четверти II в.⁴⁷⁸ Во II в. до н. э. издательская деятельность Ольвии свелась к единичным почетным декретам в честь жителей причерноморских городов: сына Зобия, выходца из Зап. Понта (с проксеническими привилегиями, с. 543), амисенца (с. 547/51, с проксеническими привилегиями). Если применительно ко II в. — первой половине I в. до н. э. можно еще говорить об экономических связях Ольвии с Зап. и Юж. Понтом⁴⁷⁹, то относительно таковых со Смирной думать не приходится, ибо связей с Эгеидой в это время, судя по таре, почти нет, как нет и эпиграфических свидетельств. Свое мнение, что пребывание Стефана в Ольвии связано с «частными, скорее всего, торговыми делами», Иванчик [с. 20] ничем не подкрепил. Мы же отметим, что ожившая во времена Антигона и Лисимаха Смирна проявляла некоторую активность в Зап. Причерноморье, на что указывает метрическая эпитафия смирейца из Истрии [ISM I² 261]. При указанном отсутствии свидетельств тары о связях Ольвии с Эгеидой вряд ли стоит объяснять присутствие двух смирейцев в Истрии и Ольвии деловыми отношениями, так как безошибочен поиск связей Ольвии со Смирной в духовной сфере — на почве гомеромании, свойственной жителям обоих городов. Смирна претендовала на роль родины Гомера, там даже был его храм (*Strabo*, XIV, 1, 37). Это хороший повод ольвиополитам совершать «хадж» в гомеровскую «Мекку» (*cp. οἱ ἀφικνούμενοι ἐς Ζῆῦρσαν* «прибывавшие в Смирну» нашего дополнения стк. 1 Стефанова декрета) для поклонения своему божеству. Но наряду с этим духовным аспектом можно предположить иной — материальный: выше мы показали, что большинство олигархических родов Ольвии позорно покинуло ее до гетского нашествия (с. 494/5, 584). Возможно, ввиду налаженного гомероманией пути сюда Смирна была одним из новых адресов этой богатой дряни, оставившей отечество в лихую годину (*cp.* бегство такой же наворовавшей богатство швали из современной России в Лондон, Израиль и далее).

⁴⁷⁸ По письму проксении Стефана близок мелкий обломок декрета HO 40 и, разумеется, посвящение того же Стефана HO 74 (этой надписи посвящена вторая часть рассмотренной статьи Иванчика, о чем см. с. 617/9). Характерные признаки этого письма: литера А укрупненных размеров сравнительно с другими буквами; небольшая *omega* в виде половинки окружности с лапками подвешена к верхней линии строки. Декоративное развитие эта манера получила в Аполлократовом декрете времени Митридата Евпатора (выше, с. 551, 553, 639).

⁴⁷⁹ В декрете Том начала I в. до н. э. в честь тирита Нила говорится, что он содействовал «всем купцам (эмпорам) города (т. е. Том), плывущим в город Ольвию» [ISM II, 5; Sojosaq, 2013a, p. 120]. Были в Ольвии и резиденты из Аполлонии на Риндаке, что в Вифинии, судя по эпитафии того же времени IOSPE I² 207 (см. о ней выше, с. 629/30).

С учетом вышеизложенных замечаний даем текст надписи, оговорив, что он воссоздан Виноградовым, также указав в лемме свои дополнения, Леви, Новикова, отдаем должное и полутора крохам Иванчика:

- [--ἔδοξε τῇ βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ -- εἶπε (εἶπαν)·
 ἐπειδὴ Στέφανος Ἀλεξάνδρου, Ζμυρναῖος --
 -- | -- *e. g.* ἀόκνως
 1 τοῖς ἀφικνουμένοις ἐς Ζμύρναν ἐπαγγέλλεται
 καὶ γενόμενος προστασίας ὠφελίμου παραίτιος
 [χρεῖας παρέχεται κοινῇ τε δήμῳ καὶ ἰδίᾳ τοῖς ἐντυν-
 [χάνουσιν αὐτῷ πολειτῶν, καὶ] ἐπιδημήσας τε ἐν
 5 [τῇ?] πόλ[ει ἡμῶν καλὴν καὶ] εὐσχήμονα καὶ εὐτακ-
 τον τὴν ἀναστρωφῆ[ν] ἐποιήσατο ἀξίαν ἐκατέ-
 ρων τῶν πόλεων· ἵνα [οὖν ὁ] δῆ[μος φ]αίνεται τὰς
 καταξίας χάριτας ἀπ[οδιδούς] τοῖς ἀγαθοῖς ἀν-
 δράσιν, τύχη ἀγαθῇ· δεδ[όχθαι τῇ] βουλῇ καὶ τῷ δή-
 10 μῳ τῷ Ὀλβιοπολιτῶν ἐπ[αινέσαι] ἐπὶ τοῖς ἐψη-
 φισμένοις Στέφανον Ἀλε[ξάνδ]ρου Ζμυρναῖον,
 δεδόσθαι δὲ αὐτῷ καὶ ἐκγόν[οις] προξενίαν, [πολι]-
 τήν καὶ ἔκκτησιν γῆς καὶ οἰκίας καὶ εἴσπλου·]
 καὶ ἔκπλου ἐν πολέμῳ καὶ εἰρήνῃ ἀσυλεῖ καὶ ἀσ]-
 15 πονδεῖ καὶ ἰσοτέλῃαν χρη[μάτων πάντων, ὧν ἂν εἰσά]-
 γωσιν ἢ ἐξάγωσι [ν ἐ]πὶ χρ[ήσῃ] ἐν πᾶσι τῶν πραγμάτων,
 ὑπάρχειν δὲ αὐ[τοῖς] εἴ[φοδον ἐπὶ τὴν βουλὴν καὶ]
 τὸν δῆμον πρώτοις μετὰ τὰ [ἱερὰ *e. g.* αὐτῷ κέγγονοις, δεδός]-
 θαι δὲ αὐτοῖς θύειν ἐπὶ τῶν αὐτῶν βωμῶν, ὧν μέτεσ]-
 20 τι καὶ τοῖς ἄλλοις πολεῖταις [καὶ τὰ λοιπὰ πάντα],
 ἃ τοῦ δήμου πρὸς τὸν ἄνδρα φαν[ερὰς χάριτας ἀποδίδωσι·]
 ἀναγραφῆναι τόδε τὸ ψήφισμα [ἀναλωμάτων τῶν·]
 ἀρχόντων εἰς τελαμῶνα λευ[κοῦ λίθου καὶ ἀνα]-
 θεῖναι ἐν τῷ ἐπιφανεστάτῳ τόπ[ῳ τοῦ ἱεροῦ Ἀπόλ]-
 25 λωνος

«-- постановлено советом и народом -- предложил (предложили): поскольку Стефан, сын Александра, смирнеец, прибывавшим в Смирну незамедлительно предлагал себя и, будучи виновником полезного руководства, оказывал услуги и по общественным делам и по частным обращавшимся к нему гражданам, и поселившись в нашем городе, хорошим, почтенным и правильным сделал свое пребывание, достойным обоих городов. Чтобы и народ казался воздающим вполне достойные благодарности прекрасным мужам, постановлено советом и народом ольвиополитов: похвалить в соответствии с этими решениями Стефана, сына Александра, смирнейца, предоставить ему и потомкам проксению, гражданские права, право приобретения земли и домов, влипать и выплывать в военное время и мирное, без конфискации и заключения договора, также равную уплату пошлины со всего имущества, которое ввезут или вывезут для пользы во всех делах. Располагать им также первоочередным доступом к совету и народу после священных дел, самому и сыновьям, предоставить им и право совершать жертвоприношения на тех же алтарях, на которых надлежит и остальным гражданам, и все остальное, что воз-

дает явные благодарности народа этому мужу. Написать это постановление за счет средств (?) архонтов на беломраморной плите и выставить на самом заметном месте святилища Аполлона»⁴⁸⁰.

14.5.2.4. О рецензии А. И. Иванчика на обложку «Тысячелетнего боспорского рейха»

Как сказано (прим. 478), Иванчик не оставляет без брани критические замечания по своему адресу. В моем «Тысячелетнем боспорском рейхе» за детские писания по боспорской эпиграфике Иванчику оплеух досталось сполна [Яйленко, 2010, с. 120, 208/12, 528, 597–603]. Приведу оттуда лишь один забавный пример. В перечне личных имен танаисской надписи Иванчик [2008] принял за таковое СΦΑΝΟС начала одной из строк, и Тохтасьев тут же сочинил для него собачью иранскую этимологию⁴⁸¹. Оба незадачливых эпиграфиста не догадались, что первая *сигма* — окончание предыдущего патронимика (я привел ряд таких примеров из танаисских надписей), за которым следует обычное греческое имя Φᾶνος (РВ, 1599), на Боспоре представленное его разновидностью Φάνις. Вдохновленный иранской этимологией своего «Сфана», Иванчик посчитал иранским и его патронимик Σαυρου, которому сочинил иранскую же этимологию от основы sau- «черный» (нет даже археолога, который не знал бы ее), не осознавая, что такого иранского имени не может быть, так как в иранской антропонимии суффикс -г- редкий. Далее цитирую из «Боспорского рейха» [с. 600–601]: «Прежде, чем сочинять детские иранские этимологии, члену-корреспонденту РАН не мешало бы заглянуть в ономастический словарь В. Папе — Г. Бензелера, из которого он узнал бы, что имя Σαῦρος греческое, известное в Пелопоннесе, на Крите и пр. (Paus. VI, 21, 3; РВ, 1354 — Σαῦρος, Σαύρου, Σαυρίας; к σαῦρος, σαύρα “ящерица” и пр.). Добро бы А. И. Иванчик ограничился сочинением несуществующих имен и этимологическими забавами, но он далее пространно рассуждает

⁴⁸⁰ Мы не раз отмечали на страницах данной книги особенность транскрипций Виноградова (к примеру, см. с. 637, 731): если есть крошечные следы от букв, даже неясно, каких, он показывал их как целые. Иванчик просто воспроизвел такие чтения по Виноградову. Мы уточняем эти места по фото. *Лемма*. В стк. 01 уточняем черточками (--) антураж необходимых дополнений: [--ἔδοξε τῇ βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ -- εἶπε (εἶπαν)]. Стк. 03 и 1–3 дополнил Яйленко, инкорпорируя в стк. 1 дополнение Леви [ἐπαγγέλλεται] и в стк. 3 [τῷ δήμῳ κοινῇ κ]αὶ Новикова (с исправлением). Стк. 4: [καὶ] ἐπιδημήσας τε Яйл. Стк. 5: [τῇ?] Яйл. (Виноградов не учел в начале строки, что старт строк одинаков и должны быть еще две начальные буквы). Стк. 9: ставим запятую после ἀνδράσιν. Стк. 15: ἰσοτέληαν Иванчик. Стк. 17: αὐ[τοῖς] Яйл., αὐτοῖς Вин. Стк. 18: [e. g. αὐτῷ κέγγονοις vel καὶ παισὶ] Яйл., [τὰ βασιλικά] Вин. Стк. 21: [ἀποδίδωσι] Яйл., [ποιῇ] Вин. Стк. 22: [?] ἀναλωμάτων τῶν] ἀρχόντων Яйл. (как в декрете в честь сыновей Аполлония, см. с. 464), [ἐπιμελλομένων] Вин., [ἐπιμεληθέντων] Иванчик.

⁴⁸¹ Не прочитав ни одной строчки из какого-нибудь литературного сочинения или надписи на любом из многих иранских языков, попросту говоря, не зная оных, Тохтасьев да Иванчик тем не менее опубликовали по статье о скифском языке (Тохтасьев даже печатно называл себя иранистом). При этом Иванчик в критике работ С. В. Кулланды по скифскому языку опирается на опус Тохтасьева, иначе говоря, одна хромая нога опирается на другую хромоножку. До сих пор о скифском языке писали профессиональные иранисты и лингвисты, так что сочинения указанного тандема о нем — дилетантство.

об общественном статусе своих «иранцев» Сфана да Савра [с. 67]. Он много рассуждает о культе Танаиса в городе, но работа П. Д. Диатроптова [2001], в которой этот вопрос наиболее подробно освещен, ему неизвестна». Двенадцать страниц «Боспорского рейха» уделено критике немощных эпиграфических потуг Иванчика, ни на одно мое замечание он не ответил по существу, зато разразился сионистским пасквилем на эту книгу и на меня [ВДИ. 2011. 4, с. 277/9] с обвинениями в нацизме и антисемитизме. Поскольку на провокацию Иванчика «повелись» некоторые коллеги (А. Бехтер, ВДИ. 2013. 1, с. 11, примеч.), разъясню читателю существо и причины поднятой Иванчиком бури в стакане.

Обвинения Иванчика в нацизме абсурдны хотя бы потому, что он обнаружил его лишь на обложке книги, в содержании ее ничего такого не нашел, лишь антисемитизм, положенный ему по должности у сионистов (на то они и дали ему членкорра при двух книжках). Бесплодный на деловое опровержение моей критики его дилетантских опытов в эпиграфике, Иванчик организовал профанацию «Боспорского рейха», заказав отрицательные отзывы на него Кошеленко [РА. 2012. 4] (они в связке: его, как и Иванчика, провел в членкорры Бонгард) да Авраму (о последнем см. следующий параграф). В пасквиле на меня основное оружие Иванчика — ложь, рассчитанная на плохую осведомленность античников в реалиях фашистской Германии. Он лжет, утверждая, что выражение «тысячелетний рейх» вкупе с изображением орла нацистское, ибо не одним специалистам, даже осведомленным дилетантам вроде меня хорошо известно, что это выражение нацистское только вместе со словом «третий» («тысячелетний третий рейх»), да и то лишь с 1934 по 1943 г.: его лишь однажды употребил Гитлер в речи 1934 г., затем пропагандистская машина «раскрутила» его, но в 1938 г. по внутреннему циркуляру от него отказались, после 1943 г. его окончательно забыли⁴⁸². Просто «тысячелетний рейх» по происхождению библеизм (Откр. Иоанна, 20), популярный со средневековья по XX в. Чтобы показать лживость утверждения Иванчика о нацистском характере выражения «тысячелетний рейх», мне достаточно сказать, что именно так называется книга искусствоведа В. Фрэнгера о средневековом художнике Иерониме Босхе: Fränger W. Das Tausendjährige Reich. Grundzüge einer Auslegung. Koburg, 1947. Что до употребленного мною слова «рейх», то достаточно заглянуть в современный словарь иностранных слов русского языка, чтобы увидеть его как лексему **русского языка** (например: Словарь иностранных слов. М., 1982, с. 425). Я люблю подпускать новые словечки в ученый обиход⁴⁸³, отсюда и введение мною свойственного немецкой литературе выражения «Тысячелетний рейх». В особен-

⁴⁸² О его смысле в нацистском узусе [Klemperer, 1949, S. 216, 262]. (Эти сведения любезно предоставил мне старый друг Армин Эйне, за что я ему благодарен.) Кстати, тоже восходящее к раннему христианству выражение «третий рейх» имеет такую же долгую и разнообразную по политическому наполнению историю до того, как вошло в арсенал нацистской пропаганды [Мёллер, Васильченко, 2009, с. 69–83]. Выражение «тысячелетний рейх» муслируется как исключительно фашистское в безграмотной мути Интернета, Иванчик или оттуда почерпнул свои «знания» о нем, или намеренно лжет.

⁴⁸³ Так, из моей книги 1982 г. «Греческая колонизация» вошли в нашу ученую литературу слова «эпойки», «ойкопедон», «агломерация» (применительно к скоплениям сельских поселений) и др., в том числе немецкие: не кто иной, как я пустил на I Цхалтубском симпозиуме 1977 г. слово «хинтерланд», сразу же закрепившееся в языке коллег. Последнее мое нововведение, постепенно принимаемое коллегами, — Аполлон Иетр вместо обычного, но ошибочного Аполлон Врач.

ности оно стало употребительным в литературе разного рода, в том числе исторической, после падения Священной Римско-Германской империи в 1805 г. Причина — она реально существовала тысячу лет [Брайс, 1891, с. 290/1], точно так же, как Византия, которую также часто называют «тысячелетним государством» (например, [Успенский, 2005, с. 5]). Обе эти державы унаследовали от императорского Рима изображение орла в качестве герба, также у Австро-Венгерской империи как наследницы Священной Римской империи было 3 герба в виде орла с распростертыми крыльями⁴⁸⁴. Боспорское царство тоже просуществовало тысячу лет с V в. до н. э. по V в. н. э., и Боспор тоже вошел в состав Византийской империи, что и послужило мне основанием озаглавить книгу «Тысячелетний боспорский рейх». Если бы Иванчик удосужился посмотреть эту книгу, то нашел бы на с. 377, что изображенный на обложке рельеф с орлом танаисской надписи КБН 1260 от 155 г. н. э. — цитирую — не что иное, как «символ Зевса..., он же римский Юпитер» (то же на с. 389).

Изложенное свидетельствует, что ничего нацистского, вопреки лжи Иванчика, нет ни в заголовке «Тысячелетний боспорский рейх», ни в изображении рельефа с орлом: выражением «тысячелетний рейх» и изображением орла я причислил Боспорское царство к тысячелетним монархиям — Священной Римско-Германской империи (отсюда и слово «рейх») и Византии, прямой продолжательнице Римской империи (ее официальное название Ρώμη, в нее вошел Боспор), на что и указывает орел рельефа: как сказано на с. 377 и 389, это «римский Юпитер». Мое разъяснение обложки книги тем более точно, что случайным образом за 3 года до открытия Иванчиком моего «нацизма» мне пришлось выразить свое отношение к немецкому фашизму — я попенял издателям КБН-альбома, что он опубликован на деньги фонда Круппа: «Со своей стороны поставил бы в упрек А. К. Гаврилову неосторожность в поисках спонсора: в основе фонда Круппа лежат деньги Густава и Альфреда Круппов, отца и сына, которые, помимо прочего, были президентами *Фонда Адольфа Гитлера*, а сын еще и штандартенфюрером СС. Их концерт "*Фридрих Крупп*" — основной производитель германского оружия, на его заводах работали и умирали военнопленные и узники концлагерей, так что эти деньги обогреты кровью советских людей и других жертв Второй мировой войны» [Яйленко, 2008, с. 544]. Одной этой цитаты достаточно для вывода о лживости рассуждений Иванчика о моем нацизме.

На точность моего разъяснения указывает и то обстоятельство, что ничего нацистского в содержании книги Иванчик не обнаружил, а мой антисемитизм понадобился ему лишь для того, чтобы отслужить свою сионистскую службу — осудить мое мнение, изложенное на с. 380–393 «Боспорского рейха», что И. А. Левинская и ей подобные историки еврейского происхождения преувеличивают роль еврейского народа во времена Римской империи в целом, а в частности их роль в практике отпуска рабов на волю в Боспорском царстве⁴⁸⁵. Мой

⁴⁸⁴ Энциклопедический словарь Брокгауза, Ефрона. СПб., 1890. Т. 1, с. 107.

⁴⁸⁵ Поясню для ясности, что сионизм — это еврейский национализм, проповедующий идеи превосходства евреев над другими нациями (националисты есть у каждого народа; в Израиле их называют крайне правыми и националистами, в европейской лексике употребителен термин «сионизм»). Сионизм — идеология крупного еврейского капитала, он существует лишь в 5 странах, где этот капитал есть (США, Англия, Франция, Израиль, Россия). Уже четвертый год пасквиль

Рис. 108а. Вотив ситонов NO 72

антисемитизм Иванчик явил миру посредством вырванных из контекста цитат — излюбленного приема нечистых на руку критиков. Я с равным успехом могу набрать подобного рода цитаты из осуждающей антисемитизм книги выдающегося советского историка Соломона Яковлевича Лурье «Антисемитизм в древнем мире» (Берлин, 1923, из одного лишь «Предисловия» со с. 7, 9, 17: «Для автора этой работы [т. е. Лурье. — В. Я.] уже тогда было несомненно, что причина антисемитизма лежит в самих евреях»; «евреи в нравственном отношении ниже окружающей среды — они корыстолюбивы и кровожадны»; «в различных спекулятивных отраслях торговли и государственного хозяйства евреи играют преобладающую роль») и объявить его антисемитом. Нет нужды опровергать ложь Иванчика моим контекстом каждой его «цитаты» — для этого пришлось бы перепечатать все с. 380–393 «Боспорского рейха». Проще сказать следующее: какой я антисемит, видно из тех добрых слов, какие я написал выше (с. 48, 76, 112, 123, 321, 571) и еще читатель найдет ниже в этой книге (с. 664, 919, 920) о своих друзьях и коллегах Петре Осиповиче Карышковском, Исааке Бенционовиче Клеймане, Леониде Александровиче Гиндине, Николае Яковлевиче Мерперте, Элле Исаковне Соломоник, Вадиме Цымбурском, Жене Хелимском, Диме Мачинском. Я уж не говорю о тех, кто жив и с кем поддерживаю многолетние добрые отношения.

Иванчика размещен в Интернете (google и др.) на нескольких сайтах, причем на первых позициях, все это стоит неслабых денег. Не сам же Иванчик платит их — какая-то сионистская контора, с которой он связан, так что налицо долговременный заказ, спланированное шельмование «Боспорского рейха» и меня.

Поскольку Иванчик больше не смог наскрести компромата в «Боспорском рейхе», он перешел на мою такую-сякую личность, заявив, в частности, что основной смысл моей научной работы свелся к полемике с выдающимся эпиграфистом Виноградовым. Это очередная ложь Иванчика — в опубликованном списке 185 моих работ [Эмбаторион, 2011, с. 12–24], лишь в десятке-другом ведется упомянутая полемика. В конце своего пасквиля Иванчик недвусмысленно сравнил мою книгу с кучей навоза, ковыряться в котором ему не позволяет брезгливость. Если учесть, что моя книга «Боспорский рейх» — результат 20-летнего труда над несколькими сотнями камней с надписями, то сравнить ее с навозной кучей могло только обитающее в навозе и прочей грязи хрюкающее существо. А сама рецензия Иванчика на обложку «Боспорского рейха» (на большее у член-корра по пятому пункту силенок нет), говоря словами классика, — «гром, что гремит не из тучи, а из навозной кучи» (А. Н. Островский. Свои люди — сочтемся).

Полагаю, лучший ответ инсинуациям Иванчика дает компендиум «*Bibliographia classica orae Septentrionalis Ponti Euxini. Vol. 1. Epigraphica, numismatica, onomastica et prosopographica*» [Cojocaru, 2014b], где книга «Тысячелетний боспорский рейх» расписана по главам — № 2249–2278, р. 255–258: это свидетельство значимости ее содержания.

Подведем итог: Иванчик использовал для написания своего пасквиля весь арсенал приемов писак-негодяев из желтых сионистских медийных средств (коих в России немерено): ложь, вырванные из контекста цитаты, диффамацию личности. Как сказано, одна причина появления его пасквиля — моя сокрушительная критика в «Боспорском рейхе» его потуг в области боспорской эпиграфики, вторая причина — его выплывший наружу *ad hoc* сионизм. Есть и третья причина. После опубликования И. А. Левинской и С. Р. Тохтасьевым [ВДИ. 2005. 4] облыжной критики КБН-альбома я выступил в защиту его издателей [ДБ. 2008, с. 541/5], после чего последовала немедленная реакция — статья Левинской [ДБ. 2009] о моем антисемитизме. В «Боспорском рейхе» я дал критику сионистских положений Левинской, вслед за чем появился пасквиль Иванчика. Такова канва событий. Настоящая причина атак этой троицы на меня кроется в том, что Левинская и Тохтасьев готовят (в рамках затеянного французским Институтом греко-латинской эпиграфики проекта по переизданию IOSPE Латышева) боспорский том, и появление моего «Боспорского рейха», где я пересмотрел чтение сотен боспорских надписей, стало для них костью в горле. Не случайно сразу после выхода «Боспорского рейха» весной 2011 г. именно Левинская и Тохтасьев стали рассылать письма коллегам с обвинениями книги в нацизме и антисемитизме. Так что отнюдь не идейные причины стоят за клеветой указанной парочки, а их шкурные интересы — любыми способами объявить мою книгу нецитируемой, чтобы не ссылаться на нее в подготавливаемом ими боспорском своде. Был подключен и испытанный в клевете на КБН-альбом их подельник Иванчик. Что нового могут дать в своем Корпусе Левинская и Тохтасьев, которые на двоих не опубликовали и десятка статей по боспорской эпиграфике⁴⁸⁶? Новые материалы могут быть получены главным образом при по-

⁴⁸⁶ Статьи Тохтасьева по боспорской антропонимике — другая область, ономастика.

мощи ревизии камней с надписями с целью уточнения их текстологии, но эту работу в основном уже выполнил я, пересмотрев по камням чтение сотен боспорских надписей и опубликовав результаты в «Боспорском рейхе», так что, разумеется, эту книгу Левинская и Тохтасьев используют сполна, но без ссылок на нее. Вынужден предупредить их о юридической ответственности за нарушение авторских прав.

В предисловии к «Боспорскому рейху» [с. 6] я писал: «На этом я заканчиваю работу над лапидарной эпиграфикой Боспора, так как требуют завершения другие темы. *Quid potui feci*, идущим на смену исследователям желаю успеха на этом интересном поприще». Досадно, что в числе «идущих на смену» оказалась столь недостойная троица, противно оставлять боспорские надписи на произвол этих импотентов от эпиграфики, которые за несколько лет, прошедших с того времени, как я надавал им оплеух за детские потуги в боспорской эпиграфике, не смогли ничего ответить по существу, зато умело орудуют ложью и грязью — это их стихия. Что ж, *suum cuique* «каждому свое».

14.5.2.5. Проблемы с северочерноморским разделом в Supplementum epigraphicum Graecum

В течение долгих лет этот раздел успешно вел Г. Михайлов, но после его смерти он стал являть собой жалкое зрелище. Следующий редактор Г. Плекет, в общем малоприметный эпиграфист, волей случая вошедший в издательский совет SEG, не знал ни эпиграфики Сев. Причерноморья, ни русского языка. Он с радостью ухватился за услуги в этой области, предложенные Ю. Г. Виноградовым, который постоянно рыскал по зарубежью в поисках трибуны для пропаганды своих достижений в эпиграфике Сев. Причерноморья. В результате северочерноморский раздел SEG 1990-х превратился в вотчину Виноградова и весь состоял из саморекламы его работ и критических измышлений по поводу опубликованных другими специалистами надписей, главным образом по моему адресу. Виноградов снабжал каждую надпись своими чтениями и комментариями, не подкрепленными аргументацией, так что в результате в SEG шли на равных статья какого-либо автора, в которой обосновывалось его понимание документа, и письмо Виноградова Плекету, в котором тот высказывал свое мнение, печатным образом не обоснованное (стандартное выражение Плекета: “as V. has pointed out *per litteras*”). Если у Виноградова или Плекета есть собственные суждения по поводу опубликованной кем-либо из российских эпиграфистов надписи, они **обязаны** дать свое аргументированное мнение в собственной статье и только после этого помещать свою оценку на страницах SEG. Без этого ничем не обоснованные оценки этого тандема не стоят и ломаного гроша, поэтому пользоваться северочерноморским разделом SEG 1990-х нельзя (я напрасно тогда не обращал внимания на это). Вместо моего текста Аполлонидова декрета Виноградов дал в 1999 г. свой (SEG 45, 985, формально материал подан от лица Плекета), что было неслыханным безобразием, нарушением принятого в этом издании порядка: дать текст издателя, а в лемме комментариев редактора. Вот таким гешефтсмахером от науки был Виноградов. В результате этих хитростей публикатором декрета для зарубежных ученых стал он, поскольку мои статьи им недоступны ввиду незнания русского языка. Я трижды публиковал свой текст Аполлонидова декрета, улучшая его

(Антонова, Яйленко, 1995; Jailenko, 1999; Яйленко, 2000), но ни разу Плекет (разумеется, по наущению Виноградова) не дал мой текст целиком, помещая лишь выдержки. К счастью, в 2000 г. Плекета убрали из северочерноморского раздела SEG, за всю историю этого серьезного ежегодника, отмеченную прекрасной работой редакторов, начиная с основателя И. Хондиуса, столь слабого раздела по Сев. Причерноморью, как при Плекете, не было. Немало ляпов принадлежит и самому Плекету, у меня нет желания давать тут их список — сделаю это, если понадобится.

С 2000 г. этот раздел ведут А. Аврам и А. Ханиотис, но ситуация изменилась мало, так как оба не знают северочерноморской эпиграфики (нет лишь назойливой саморекламы Виноградова). Они хорошие специалисты, но каждый в своей области (первый в эпиграфике Зап. Причерноморья, второй в греческой — Крит, Афродисий и пр.). Ханиотис не знает и русского языка, Аврам знал его в советское время, когда это было нужно, теперь, судя по его комментариям, он подзабыл его. В качестве примера комментариев Ханиотиса приведу его суждение по поводу апории с употреблением при глаголе χαίρειν род. падежа (он требует *acc.* или *dat.*) в нимфейском граффито Θέρσιππος | Σατύρῳ κα[?] Παρισάτου | χαίρειν (подробнее см. ниже, с. 813/5). Ханиотис увидел решение вопроса в смешении дат. и род. падежей в греческих надписях, сославшись на ряд примеров (SEG 56, 894). Но ему неизвестно, что на Боспоре такое смешение засвидетельствовано лишь дважды и, что существеннее, только в надписях II–III вв. н. э. (КБН 1087, 1108; Доватур, 1965а, с. 826, § 4. 3], в эллинистическое время оно неизвестно, так что предложение Ханиотиса безосновательно. В его комментариях порой присутствует нагромождение ошибок. Например, в обзоре моей публикации посвяительных граффити из Пантикапея по поводу посвящения Гераклу Ἡρακλέους· Καλλωνίκου «канфар Геракла, от Каллоники» [Яйленко, 2006, с. 392, № 35] Ханиотис или Аврам [SEG 56, коммент. 925, № 34] делает отсылку к комм. 926, где Ханиотис (именно он) подал надпись так: «А) Ἡρακλέους В) Καλλωνίκου», со своей ремаркой, что она «должна быть понята как посвящение Гераклу Каллинику» — Ἡρακλέους Καλλνίκου. Тут грозь ошибок. 1) Вовсе не дано мое чтение и понимание надписи, но приписана мне отсебятина Ханиотиса «А) Ἡρακλέους В) Καλλωνίκου». 2) Его мнение, что надпись «должна быть понята как посвящение Гераклу Каллинику» — Ἡρακλέους Καλλνίκου — не соответствует подлиннику, и если бы он знал русский язык, то на с. 393 моей статьи прочел, что такое понимание надписи невозможно, ибо написано не Καλλνίκου, а Καλλωνίκου, и такой эпиклеса нет, зато есть антропоним Καλλνίκος, который и представлен в надписи как имя посвяtitеля. 3) В комм. SEG 926 правильно указан номер этого вотива в моей публикации — 35, а в комм. 925 он дан под № 34. 4) В начале комм. SEG 925 сказано: «Тип сосуда никогда не может быть установлен»; независимо от того, приписано сие мне или сам комментатор так счел, это ошибочно, поскольку я дал подробное описание канфара, на котором сделано упомянутое посвящение Гераклу; и при других граффити указан тип сосуда, когда это возможно — кратер, солонка и пр. 5) Утверждается, что моя статья «широко базируется на неопубликованных материалах Е. М. Придика» (в начале SEG 925). И это не так: я определенно указал на с. 356, что из «Корпуса» Придика включил в нее лишь «несколько несохранившихся надписей». Подводя итог комментариям Ханиотиса в SEG 925, 926, можно сказать, что дезинформации в них так много, что профнепригодность его к работе с эпиграфикой Сев. Причерноморья очевидна. Наряду с ошибками,

происходящими от незнакомства Ханиотиса с нею, обычны и ляпсусы, обусловленные его незнанием русского языка. Так, статья И. Емеца в украинском журнале *Археологія* (2004, № 1) подана им так [SEG 54, 677]: «*Archeologija* (Sofia)... (in Bulgarian)», из чего следует, что Ханиотис слышал о болгарском журнале «Археология», но вовсе не знает о соименном киевском. Видимо, осознав недавно ущербность работы с литературой, языка которой он не знает, Ханиотис взял в помощники некоего русскоязычного Кантора из Оксфорда, начинающего ученого и совершенно неизвестного на ниве эпиграфики; тем не менее его комментарии уже появляются в SEG, «украшая» его страницы. Их качество видно из того, что в моей индоарийской этимологии имени из Фанагории Παλος (см. ниже, с. 869/70) он намеком усмотрел мое нацистское арийство [SEG 57, 739], даже не подозревая, что тем самым сделал нацистами не только П. Кречмера, О. Н. Трубачева и других ученых, развивавших гипотезу об индоарийском происхождении части туземного населения Скифии, но также К. Риттера, писавшего об этом в 1820 г. [Ritter, 1820, S. 58–63 f., 181 f., etc.]! В SEG 59, 807 (опубл. в 2013 г.) он уже прямо рассуждает о моем расизме, ссылаясь на пасквиль Иванчика — этническая солидарность для него явно превышает научной истины. Допуск этого эпиграфического нуля, Кантора, к обзорам северочерноморской эпиграфики — тоже «заслуга» Ханиотиса перед нею.

А. Аврам плохо знаком с эпиграфикой Сев. Причерноморья. Вот несколько примеров. В ольвийской проксении и договоре с неким Сатиром я дал такое чтение стк. 8–10: ὁ[μολογεῖ τοῖς Ὀλβίοι]πολίταις κατὰ ἐ[ῤνοϊαν(?) Σάτιρος·] φίλους εἶναι ἀ[λλήλοις κτλ.] «Сатир заключает договор с ольвиополитами: быть друзьями *обеим сторонам* (?)--» [Jajlenko, 2001, S. 229] (см. об этом выше, с. 351/2). Комментарий Аврама по этому поводу (SEG 51, 971): in this context κατὰ ἐ[ῤνοϊαν] could hardly be paralleled «в таком контексте к κατὰ ἐ[ῤνοϊαν] трудно будет подобрать параллели». Это странное замечание, ибо ἐῤνοϊα хорошо засвидетельствована в договорах и почетных декретах в честь эллинистических царей (в полной публикации своей статьи об этой надписи я привел необходимые параллели [Яйленко, 2010, с. 90], см. и выше, с. 351 сл.). Например, в контексте, близком ольвийскому документу: τὴν ἐῤνοϊαν διατέλει βασιλεὺς Ἀντί[ο]χος καλῆς, φίλους κτλ. [Staatsverträge, III 486], также Syll³. 352. 12; 762. 28 etc. Употребляется ἐῤνοϊα в надписях и у авторов также с предлогами. Например, в договоре Филиппа V с Ганнибалом: τὸν ὄρκον τοῦτον θέσθαι περὶ φιλίας καὶ ἐῤνοίας [Staatsverträge, III 528]; наше κατὰ находим в почетном декрете с Теоса от 188 г. до н. э.: κατὰ τὴν λοιπὴν ἐῤνοϊαν (Syll³. 620. 5). Другой пример. На той же странице Аврам (SEG 51, 970) комментирует “private letter” VI в. до н. э. из Ольвии. Приведу только предложенное им чтение стк. 4: Ἰροφῶ[Σ] νῆσ[--]. Во-первых, Аврам забыл, что вычитывание личных имен в неясном контексте — *ultimum refugium* эпиграфиста, тем более, с удалением буквы. Во-вторых, как мы видели (выше, с. 255/6), ни издатели, ни комментаторы SEG не заметили, что каждая строка этой надписи содержит полный гекзаметр, так что это не «частное письмо», а поэтический гимн к Гилее и ее богам. На самом деле в стк. 4 читается κάμε ἱρὸ φῶς νῆσ[ο] «муж священного острова выковал --» (подразумевается Гефест на Лемносе). Еще пример комментариев «высокоученого Куиня» (персонаж вьетнамского фольклора). Я опубликовал посвяtitельное граффито I в. до н. э. или I в. н. э. на амфоре из Керченского музея: ἱερὸν Θαυοτα, ποοδαὶ Θρασυμήδου «я священная *амфора*

Тагота, *дар* Фрасимеда»; здесь $\Theta\alpha\gamma\omicron\tau\alpha\varsigma$ (*gen.* $\Theta\alpha\gamma\omicron\tau\alpha$) — туземный эпитет местного Зевса [Яйленко, 2006, с. 289/92]. Аврам так прокомментировал это [SEG 56, 925, к № 33]: a Doric form ($\Theta\alpha\gamma\omicron\tau\alpha$) raises problems in Pantikapaion «дорическая форма ($\Theta\alpha\gamma\omicron\tau\alpha$) проблематична для Пантикапея». На самом деле это проблема самого Аврама, ибо именно он пишет о «дорической форме... в Пантикапее», да еще в надписи I в. до н. э. или I в. н. э.! У меня, повторяю, это туземный эпитет местного Зевса. Разумеется, доризм тут ни при чем, ибо $\Theta\alpha\gamma\omicron\tau\alpha$ — род. падеж к номинативу $*\Theta\alpha\gamma\omicron\tau\alpha\varsigma$, это обычное склонение имен на $-a\varsigma$ (*gen.* $-a$), хорошо известное и боспорским надписям с IV в. до н. э. по III в. н. э. [Доватур, 1965а, с. 814–815].

В то же время Аврам дал в Bull. *ép.*, посвященном литературе 2010 г., по заказу Иванчика отрицательную оценку моей книге «Тысячелетний Боспорский рейх» (это понятно: румынский гражданин, прозябающий в заштатном университете Ле Мана и желающий закрепиться во Франции, рассчитывает на поддержку сионистского лобби из Бордо). Грош цена его комментариям, ибо у ученого с моралью ниже плинтуса они не могут быть объективными.

Неважно обстоят дела после смерти Л. Робера с северочерноморским разделом и в Bull. *ép.* Поначалу туда сунулся было Ю. Г. Виноградов: Ф. Готье заказал ему пару раз раздел по Сев. Причерноморью, но увидев его сплошную саморекламу, прекратил сотрудничество с ним⁴⁸⁷. Хорошо шли дела в конце 90-х и нулевых годах, когда раздел стали вести сам Ф. Готье и Л. Дюбуа, но, к сожалению, с 2006 г. они передали северочерноморский раздел Авраму, где тот продолжает плодить туфту. Так, не сумев разглядеть любительский характер публикаций инженера Николаева по ольвийской эпиграфике (о них выше, с. 75, 484), он тиражирует его чушь в обзорах Bull. *ép.* 2010 *etc.*, при том, что даже Кантор увидел ее (SEG 58, 763).

Я привел тут лишь несколько примеров неудовлетворительности комментариев редакторов SEG двух последних десятилетий. Я не ставил своей целью дать фронтальную критику их деятельности на этой ниве (мне это незачем), ограничился лишь примерами из двух томов SEG (51, 56), да и то выборочно, не просмотрев весь северочерноморский раздел, поскольку и из приведенных примеров явствует, что дела с ним плохи. Плекету, Авраму, Ханиотису надо помнить, что они всего лишь гости в северочерноморской эпиграфике, их задача — информировать читателя о новых российских и украинских эпиграфических публикациях, а не комментировать их, — это уже дело самого читателя. Я работаю в эпиграфике Сев. Причерноморья почти полвека и мне неприятно, что западные ученые

⁴⁸⁷ Как Виноградов занимался саморекламой, работая в редакции ВДИ, — вставляя во все статьи разных авторов по Сев. Причерноморью ссылки на свои работы, — я уже писал (ср. и с. 574). Вот еще пример его вставок. Году в 1980-м питерские авторы замечательной книги по историографии Геродотовой Скифии [Народы нашей страны, 1982] прислали ее рукопись на рецензию в сектор источников по истории СССР Ин-та истории СССР. Оттуда ее передали в отдел истории древнего мира Ин-та всеобщей истории, где были два специалиста по Сев. Причерноморью — я и Виноградов. Рукопись вручили мне, я просмотрел ее и дал положительный отзыв; затем ее передали Виноградову и вернули в сектор источников. Через некоторое время из этого сектора мне снова дали посмотреть рукопись, и я с изумлением увидел, что Виноградов повсюду вставлял ссылки на свои статьи, к месту и не к месту. Часть его вставок авторы книги убрали, часть сохранили. Вот так начинал сей ученый муж.

получают информацию о ней в их кривом зеркале. SEG — информационное издание, в нем много территориальных разделов, и их ведут большие специалисты по эпиграфике именно этих территорий. Только северочерноморский раздел ведут «ученые соседи», соответствен и результат⁴⁸⁸. Вижу решение вопроса в том, чтобы редакторами этого раздела стали российские специалисты, именно И. А. Макаров, успешно занимающийся херсонесскими надписями, и А. В. Белоусов [2012], который начал публиковать обзор русской и украинской эпиграфической литературы. Они вполне справятся с информационной работой в северочерноморском разделе SEG⁴⁸⁹.

15. НОВЫЕ МЕЛКИЕ НАДПИСИ

Эпиграфисты любят издавать новые надписи, чем тешат самолюбие — *этот важный источник ввел(а) в науку* я. Таковы были В. В. Латышев, А. И. Болтунова, редко обращавшиеся к изданным памятникам, и особенно Ю. Г. Виноградов, у которого публикация новых надписей была самоцелью ввиду сильно преувеличенных представлений о своей значимости⁴⁹⁰. Напротив, Э. И. Соломоник органично сочетала кропотливую работу над изданным материалом с обработкой новых надписей. Я не стремился к изданию новых надписей, потому что видел, какое море неисчерпанной информации содержит масса уже изданных, да и зрелище суетливости Виноградова в погоне за ними, вплоть до кражи фанагорийской надписи о ветеранах Митридата у Т. В. Блаватской (выше, с. 574), внушало отвращение. Поэтому сосредоточился на том, что не привлекало коллег — на граффити и обработке уже изданных камней; издавал и небольшие лапидарные надписи Боспора, некоторые из которых важны, как эпитафия Матиана⁴⁹¹. Из числа ольвийских предлагаю читателю неучтенные предшественниками мелочи, попадавшие мне в архивах или лапидариях.

1. В Керченском музее хранится обломок посвятительной надписи, судя по формулярной структуре которой она ольвийская, случайно попавшая в Керчь после

⁴⁸⁸ Поскольку названные персонажи русского не знают, чтобы они не остались в прекраснородном неведении относительно своей, мягко говоря, малопродуктивной деятельности на ниве северочерноморской эпиграфики, опубликую этот параграф в будущем и на английском языке.

⁴⁸⁹ При условии, что смогут избежать тлетворного влияния Иванчика, от которого зависят: Макаров, непосредственный подчиненный Иванчика в так называемом Центре сравнительного изучения цивилизаций, Белоусов прогибается перед Иванчиком и Тохтасьевым, дважды благодаря их за содействие, ни разу не уточнив, в чем оно заключалось.

⁴⁹⁰ В 1970-х гг. в экспедиции Е. И. Леви необдуманно назвала его новым Ростовцевым, что он воспринял всерьез. Латышев не давал никому публиковать надписи Сев. Причерноморья, лишь Э. Штерн и Ю. А. Кулаковский противостояли ему; со Шкорпилом Латышев поделил издание новых боспорских надписей пополам, предоставив ему за это возможность публиковаться в ИАК'е, с Кулаковским грязясь, Штерна оскорблял в частных письмах [Яйленко, 2008, с. 542/3].

⁴⁹¹ Так, в 1970-х М. М. Кобылина отдала мне найденные ею фанагорийские надписи. Я обработал их и оставил статью в столе, лишь когда в 1990-х часть надписей опубликовал Д. Даньшин, спохватился и отдал ее в печать. И. А. Антонова дала мне для совместной публикации декрет в честь Аполлониды, я 3 года манкировал, лишь когда Инна Анатольевна стала поторапливать, взялся за работу. (Отсюда и недостаточная разработка текста надписи, чем я единственный раз дал повод Виноградову уязвить меня по существу.) Кроме того, она предоставила мне еще 9 обломков греческих надписей и 2 латинских, я обработал их в Херсонесском музее, но дальше не продвинулся, так как не испытывал к ним интереса.

Второй мировой войны вместе с некоторыми другими ольвийскими памятниками (см. с. 520, 532). Мраморный фр. обломан со всех сторон, кроме левой, на обороте профилировка, т. е. это архитектурная деталь, вторично употребленная под надпись. Высота 17, ширина 12, толщина 6 см. Высота букв до 2,8 см. В 3 последних строках содержится типовой для посвящений ольвийских магистратов текст (рис. 109): -- ὑπὲρ ἐ[ὑσταθείας?] τῆς πόλ[εως καὶ τῆς ἐαυτῶν] ὑγείας «-- за *благосостояние* города *и свое* здоровье» («свое» — о посвятителех). Лигатуры: стк. 1 — Π и Ε, стк. 2 — Τ, Ε, [. Дата II–III вв. Восстановление ориентировано на посвящения стратегов Аполлону Простату I² 80 сл. В стк. 1 можно читать также ἐ[ὑποσίας], что следующей строкой дает текст, характерный для посвящений Ахиллу Понтарху (I² 144 и др.).

2. При раскопках В. В. Лапина 1978 г. на Березани найден фрагмент посвячительной надписи (раскоп О, кв. 285, слой 1, развал внутри здания римского времени). Обломок тонкой плиты из белого мелкозернистого мрамора, вторично употребленный для какой-то цели: он представляет собой правый верхний угол, отпиленный от доски с надписью. Высота 13, ширина 5,9 сверху, 5,5 внизу, толщина 1,5 см, обратная сторона заглажена под лицевую. Выс. букв 2,8–3 см. Сохранились прочерченные по линейкам 2 строки надписи, но три линейки над стк. 1 указывают, что сохранившемуся тексту предшествовали еще 2 строки (рис. 109а). В стк. 1 сохранился предлог [π]ερί, в стк. 2 — последняя в строке буква Α. Предлог περὶ в начале надписи, если говорить о надписях на тонких досках, принадлежит серии посвящений ольвийских стратегов Аполлону Простату, агораномов Гермесу Рыночному, а стратегов, архонтов и жрецов Ахиллу Понтарху. Внутри этого же здания найдено граффито с именем Ахилла, что может указывать на принадлежность лапидарного посвящения Ахиллу Понтарху. Если это так, надпись восстанавливается примерно так: [ἀγαθῇ τύχῃ· | Ἀχιλλεῖ Πον|τάρχη οἱ π]ερί | [*nomen magistratus*]α | --. К восстановлению имени главы магистратов *ср.* НО 52: ἄρχοντες οἱ περὶ Ἀχιλλέα Καδδινου, т. е. последней *альфе* может соответствовать, к примеру, имя этого архонта. Если дополнять имя этого магистрата, надпись относится к первой трети III в.; по характеру письма II–III вв.

3. При раскопках Ольвии 1938 г. на участке НГ, кв. 45 в поперечной стене, проходившей по восточной части квадрата, найден мраморный эллипсовидный диск. Его большой d 22 см, малый 17 см, толщина 7 см (сзади сколот), на лицевом поле

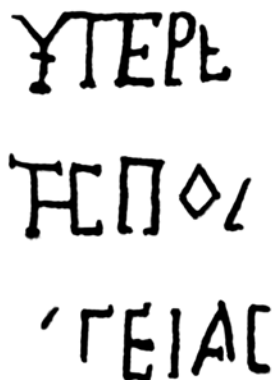

Рис. 109. Фрагмент ольвийской посвячительной надписи из Керченского музея, прорись автора

Рис. 109а. Фрагмент посвячительной надписи с Березани, прорись автора

Рис. 110. Надпись на диске, прорись автора

диска расположены 4 углубления, 2 круглых и глубоких, а также 2 продолговатых и неглубоких (рис. 110). Между этими углублениями вырезаны буквы ΛΕΙΚ (высота *лямбды* 2 см, буквы Ε 1,4 см). По шрифту надпись датируется позднеэллинистическим временем. Хранится в КИМ'е, инв. № Б5–2935 (полевой № 0/38–4236), любезно предоставлена мне для публикации Л. Н. Романюк. Назначение предмета неясно, как и смысл надписи. Подходящего слова на λεικ- (также λικ-, λεκ-) нет, так что это скорее всего сокращение. Может быть, читается λ(ε)πτ(α) εἴκ(οσι) «двадцать лепт», если считать упомянутые углубления мерными. IV в. до н. э.

4. Фотоархив петербургского ИИМК'а, 0. 790. 5. Большой фрагмент карниза с меткой мастера: Ε (рис. 111, 111а). Раскопки Фармаковского 1905 г. Данная цифра обозначала место детали при сборке карниза здания IV в. до н. э. Такие обозначения были, например, на склепе, раскопанном Половцовой в урочище «Сто могил» (к юго-зап. от Ольвии): камни на фасаде обозначены цифрами Γ, Δ, Ε, Η. I–, указывающими место камня в кладке [Archaeologischer Anzeiger, 29, 1914, S. 249]. Ср. также

Рис. 111. Карниз с меткой, фото Археол. комиссии

Рис. 111а. Карниз, деталь

[Ольвия, 1964, с. 258]: обломок мрамора с *дельтой*. О метках мастеров [Poros-Architektur, 1904, S. 180/2; Tracy, 1975; Didyma, S. 68–97; Samothrace IV, 2, p. 38–47]. V в. до н. э.

5. Фотоархив ИИМК'а (0. 321. 92, инв. № 34466, негатив П-5061). Раскопки Фармаковского 1902–1903 гг. Фр. антаблемента, исчерченный различными знаками, в том числе имя Ἀλέξανδρος (рис. 112, 112а). Оно употребительно в ольвийских надписях первых веков нашей эры, что и датирует надпись. Обратим внимание на своеобразную форму буквы *кси*.

6. Сборы С. А. Булатович на Левке 1968 г., обломок мрам. плиты выс. 3 см, шир. 6 см, толщ. 4 см (рис. 113). Мрамор серый, с широкой коричневато-охристой прожилкой. Обратная сторона обработана. ОАМ, инв. № 83359. Остатки трех глубоко вырезанных букв (выс. 2,5 см), что характерно для латинских надписей: INE.

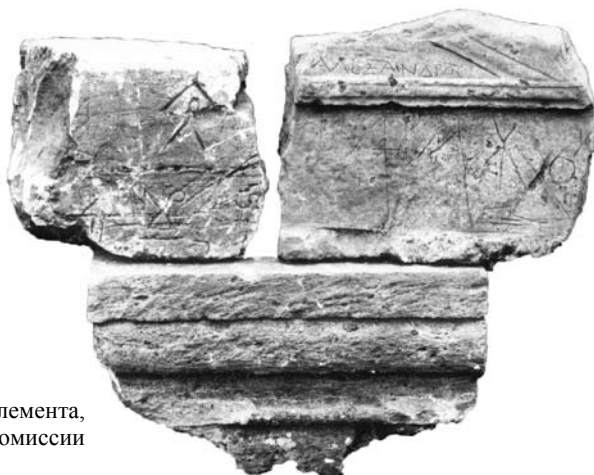

Рис. 112. Фрагмент антаблемента, фото Археол. комиссии

Рис. 112а. Фрагмент антаблемента, тамга, имя Александр

Рис. 113. Фрагмент надписи с Левки, прорись автора

а

б

Рис. 113а. Декрет НО 19 + 32:

а — реконструкция Ю. Г. Виноградова [1978],
б — реконструкция автора [Яйленко, 1985, 1996]

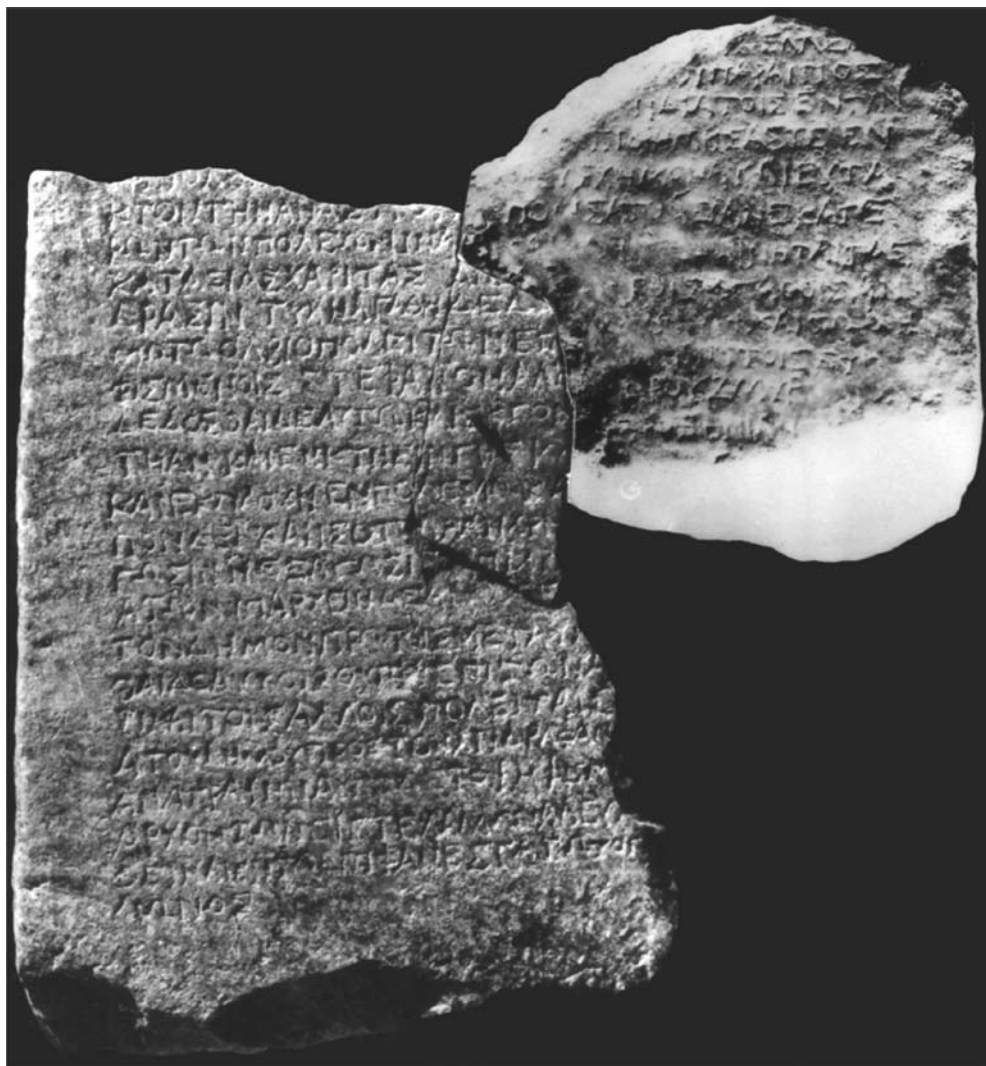

Рис. 113б. Декрет НО 27+, фото [Иванчик, 2011]

*«Здесь Рима, Греции, Востока
воскресли люди и дела».*

Шенин, 2003, с. 31

Часть вторая

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ И ЭПИГРАФИКИ
ХЕРСОНЕСА И БОСПОРА

Раздел V

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ И ЭПИГРАФИКИ ХЕРСОНЕСА

1. ТЕНИ ОЛЬВИОПОЛИТОВ И ХЕРСОНЕССКИХ ОЛИГАРХОВ В ЗАПАДНОЙ ТАВРИДЕ (ГРАФФИТИ С ПАНСКОГО I)

В 1980-х гг. А. Н. Щеглов развивал гипотезу о заселении Сев.-Зап. Крыма варварами — переселенцами из Нижнего Побужья. В частности, они основали тут форт Панское I, просуществовавший до середины IV в., когда погиб в пожаре: в это время на прибрежную полосу Сев.-Зап. Крыма с ее ольвийскими поселениями вторгается Херсонес, интенсивно расширявший свою территорию. Херсонес и Ольвия вступили в военный конфликт, который ярче всего проявился в гибели форта Панское I. В дальнейшем Панское существует как херсонесское поселение, и ионийские черты постепенно замещаются дорийскими. Гипотеза изложена Щегловым тезисно, даже в наиболее подробной статье 1987 г. он ограничился перечислением археологических аргументов: сероглиняная керамика ольвийского типа, могилы с подбоем сев.-вост. ориентации, надгробные алтарики, имеющие аналогии в Ольвии, имя Леократ на тарелке с Панского, известное в Ольвии. Затем гипотезу активно поддержал Ю. Г. Виноградов, опубликовавший граффито с Панского, которое, по его мнению, представляет собой выписку из ольвийской проксении НО 5. Если Щеглов осторожно говорил об ольвиополитах в Зап. Таврике, делая акцент на варварах-переселенцах, то Виноградов усугубил гипотезу утверждением о физическом пребывании ольвиополитов на Панском, либо, по меньшей мере, о юрисдикции Ольвии в Зап. Крыму. В 1990 г. оба автора выступили со статьей, в которой гипотеза об ольвийском присутствии в регионе получила, на основе эпиграфических выводов Виноградова, законченный вид: по их мнению, с рубежа V–IV вв. «происходила широкая и интенсивная экспансия Ольвии на побережье Северо-Западного Крыма»¹.

¹ [Щеглов, 1985а; 1986; Щеглов, Рогов, 1985; Sceglov, 1987; Виноградов, 1989; 1990; Виноградов, Щеглов, 1990]. Тезис о Панском I и Чайке как ольвийских портах в Зап. Крыму воспринял М. И. Зо-

Поскольку приведенные в пользу этой гипотезы археологические материалы неоднозначны и сами по себе не указывают на присутствие собственно ольвиополитов, но скорее говорят о единстве материальной культуры местного эллинизированного населения Нижнего Побужья, Нижнего Поднепровья и степного Зап. Крыма, ее авторы придают решающее значение эпиграфическим свидетельствам. По словам Виноградова, «изложенная историческая реконструкция оставалась весьма вероятной и привлекательной гипотезой до появления» опубликованного им граффито конца IV в. на стенке чернолаковой чаши с поселения Панское I, в которой он усмотрел «выписку» из проксении НО 5, данной ольвиополитами афинянам Ксантиппу и Филополиду. В начале своей статьи Виноградов высказал трезвое суждение, что эта надпись была сделана «по соображениям, которые едва ли удастся доподлинно установить», однако далее предложил «осторожную догадку о создании надписи в обстановке веселого симпозиа как своеобразного “удостоверения”, подтверждающего право афинского купца торговать на данной территории беспоплавно»². А уже через несколько строк он забывает о застольной шутке и заключает всерьез: «Историческое значение граффито из Панского I состоит в том, что оно бесспорно свидетельствует либо о физическом присутствии ольвиополитов в этом районе Тарханкутского п-ова, либо — по меньшей мере — о распространении на эту территорию юрисдикции постановлений Ольвийского полиса: только в этом случае эксцерпт из ольвийской псефизмы — будь он исполнен на месте или доставлен сюда — имел бы *raison d'être*». В этом выводе не все логично: поскольку, как он счел, выписку сделал сам афинский эмпор или его потомок, разумеется, тоже афинянин, нет никаких оснований говорить о «физическом присутствии ольвиополитов» на Панском: можно предполагать физическое присутствие афинян. Стало быть, остается вариант с юрисдикцией Ольвии в данном районе, во имя чего Виноградов далее возводит искусственную конструкцию из домыслов исторического характера и насильственно интерпретированных эпиграфических свидетельств.

Сначала он привлек надпись рубежа IV–III вв. на канфаре, происходящем с могильника при том же поселении, которую понял ни много ни мало в качестве обозначения общинной собственности: δάμω ἐκ πόλε(ος) («сосуд» народа из города» (sic!). Он счел, что на рубеже IV–III вв. в Херсонесе шла борьба между олигархами и демократами, и очень вероятно, что в конце IV в. часть побежденных олигархов удалилась на границу херсонесской области и поселилась на Панском I. По его словам, они «обратились за подмогой к соседнему Ольвийскому полису, к тому же владевшему некогда этой территорией. В обмен на предоставленную помощь ольвиополиты могли выставить ряд условий экономического порядка, одним из которых могло быть восстановление прежних прав беспопластной торговли на данной территории для лиц, которым была дарована ольвийская ателия. Именно в такой обстановке заехавший сюда в самом конце IV в. афинский эмпор Ксантипп, сын Аристофонта, а скорее — один из его потомков, который унаследовал от отца право ольвийского таможенного иммунитета, и мог предъявить “отложившимся” херсонеситам оригинальный эксцерпт из соответствующего документа».

лотарев [1991]. Сомнения в идее о переселении нижнебужского населения в Зап. Крым [Ланцов, 1994]. Данная наша статья опубликована [Яйленко, 2001].

² Эти и следующие цитаты из статьи [Виноградов, 1990, с. 56, 61–62].

Вся эта живописная конструкция соответствует своим полетом фантазии историческому анекдоту — стоит только реально представить себе обрисованную Виноградовым ситуацию: на Панском I Ксантипп или его потомок на застольном веселье вручает местным олигархам черепок чашки с «выпиской» из ольвийской проксении в подтверждение своего права не платить пошлину! Поскольку сия научно-художественная конструкция претендует не на литературную премию (Антибукер, например), а на научный статус, придется разобраться в ней. Начнем с того, что данное Виноградовым чтение и понимание надписи на канфаре в качестве обозначения общинной собственности «(сосуд) народа из города», по смыслу просто анекдотичное, абсолютно невозможно по ряду причин. 1). При дорической форме слова δᾱίο ожидается дорическая же форма и второго слова — πόλιος (именно такова мегарская форма его род. падежа в IV в., такой она должна быть и в памятнике того же времени с хоры Херсонеса, выселка мегарской колонии Гераклеи Понтийской)³. Иначе говоря, в IV в. на Панском как на херсонесском поселении закономерно употреблена дорическая форма слова δᾱίος, соответственно такой должна быть форма генитива и πόλιος, а не эпическо-ионийская форма πόλεος, которую вычитал Виноградов и которая, как сказано, появилась в дорийском диалекте Херсонеса позднее. Поскольку граффито имеет форму ПОЛЕ, вычитывание тут слова πόλις по меньшей мере проблематично. 2). Выражение «народ из города» по-гречески довольно тавтологично, а по смыслу в качестве обозначения коллектива собственников и вовсе невероятно, во всяком случае подобных прецедентов не имеет. 3). В подтверждение своего чтения Виноградов ссылается на другое граффито на тарелке с одной из усадеб Панского I — δᾱίος, в котором также усматривает обозначение общинной собственности. Однако даже из приведенных им примеров вполне явствует, что для обозначения общественной собственности употребляется не номинативная форма существительного δᾱίος, а прилагательное δημόσιον (обычно в сокращении), либо род. падеж существительного — πόλεως (также обычно в сокращении)⁴.

Обо всем этом в общем и не стоило бы говорить, так как Виноградов попросту неточно передал текст надписи (см. рис. 114): никакого предлога ἐκ с якобы «перевернутой» *кантой*, как он счел, там нет. Не потрудился он и объяснить, почему в нормально написанном связном тексте буква К повернута назад. В действительности здесь прочерчена буква Υ со случайным прочерком слева, так что граффито, ежели не мудрствовать лукаво, бесспорно читается следующим образом: ΔΑΜΟΕΥΠΟΛΕ. Поскольку канфар найден в индивидуальной могиле (при двух

³ Например, [Michel, 166–168, 171–172]: мегарские и эгостенистские декреты конца IV в. [Bechtel, 1921, S. 187]. Лишь позднее в мегарский диалект Херсонеса проникает эпическо-ионийская форма род. падежа πόλεος, впервые в присяге первой трети III в. (IOSPE I² 401. 6 сл.); в Дифантовом декрете конца II в. (I² 352. 40); по II в. н. э. она сосуществует в Херсонесе с исконной дорийской формой. Столь раннее проникновение эпическо-ионийской формы в диалект Херсонеса объясняется ионийским компонентом его населения: к примеру, в мегарских колониях Зап. Понта дорийская форма γεν. πόλιος стабильно удерживалась в эллинистическую эпоху [Славова, 1996, с. 45 сл.]. Граффито с Панского датируется не рубежом IV–III вв., как утверждал Виноградов, а первой половиной IV в., на что указывает передача дифтонга ΟΥ через Ο, повсеместно завершившаяся к середине IV в. в дорике и в аттическом языке [Bartonek, 1972, p. 103, 114; Threatte, 1980, p. 256 f.]. Такая дата, с учетом появления формы πόλεος в Херсонесе в первой трети III в., делает обязательной дорийскую форму генитива πόλιος в граффито с Панского.

⁴ Подробнее об обозначениях общественной собственности [Guarducci, 1970, p. 454, 464, 467 sg.].

Рис. 114. Граффито на канфаре с могильника при поселении Панское I, прорись автора с фото А. Н. Щеглова [Scegllov, 1987]

косяках) и поскольку надпись сделана на коническом основании сосуда, это, в соответствии с общей типологией подобных надписей, всего лишь обычная владельческая надпись, включающая имя и патронимик владельца (см. с. 761/2): Δάμοϛ Εὐπολέ(μοϛ) «сосуд Дамоса, сына Евполе(ма)», в которой представлено обычное имя Дамос и сокращенный патронимик⁵. Соответственно и упомянутое граффито ΔΑΜΟΣ на тарелке с усадьбы на Панском, вопреки Щеглову и Виноградову, вовсе не означает коллективную собственность сотрапезников, а представляет собой имя владельца тарелки Δάμοϛ, уже знакомого нам по предыдущему граффито. На хоре Херсонеса, как и в самом городе, найдено предостаточно образцов владельческих надписей, как обычно, представляющих собой сокращения имен, реже полные имена, процарапанные

на донцах сосудов снизу; полные имена обычно стоят в род. падеже, которым, собственно, и выражена принадлежность (*gen. poss.*), но нередко и в именительном⁶.

Поскольку очевидно, что надписи на канфаре и тарелке не имеют никакого отношения к обозначению общественной собственности, лишается основания и без того явно искусственный тезис Виноградова об уходе потерпевших поражение в Херсонесе олигархов на границу государственной территории — на Панское I: никакого «народа», удалившегося «из города», в действительности тут не было. Соответственно рушится и его конструкция о том, что эти олигархи обратились за помощью к Ольвии, что та выставила требование соблюдать ее ателии и прочие домыслы, цитированные выше. Дорийские имена на посуде владельцев, понятно, принадлежат херсонеситам, так что Панское I всего времени своего существования — обычный херсонесский выселок и никаких оппозиционеров здесь не было, все это плод несдержанной фантазии Виноградова⁷.

Равным образом безосновательно утверждение Щеглова и Виноградова, что имя Λεωκράτης свидетельствует об ольвийском присутствии на Панском; Виноградов

⁵ [Guarducci, 1967, p. 401]: в IV в. патронимик нередко сокращается, например Δημάδης Δη(μέου). Ср. подобные владельческие надписи на доньях сосудов из Херсонеса: Πασίχῳ Κλε «сосуд Пасиха, сына Кле(--)» и пр. (ниже, с. 769). О размещении владельческих надписей, представляющих собой имена и их сокращения, на доньях сосудов [Lang, 1976, p. 28]: 73 % их расположены на доньях. Также [ГЛБО I, с. 76]. Распространенность имени Дамос (ион.-аттич. Демос) [LGPN I, 117, 128; II, 110; III, 113 etc.]. К такому чтению через год после моей публикации 2001 г. пришел и В. Ф. Столба, который тоже отмел беспочвенные домыслы Виноградова [Stolba, 2002, p. 234].

⁶ Владельческие имена херсонеситов в *nom.*: Аполлас, Бавкида, Гиаракс, [Дело]птий, Дионисас, Лас, Нардас, Неополис, Темис с. Пасея, Ринон, Формион (ниже, с. 771/2). Среди владельческих граффитов с афинской агоры 51 полное имя написано в номинативе, 72 в генитиве [Lang, 1976, p. 26]. Имена владельцев сосудов на хоре [Соломоник, 1984, табл. IV, 71, 77, табл. VIII, 445 и мн. др.], на Панском [Stolba, 2002].

⁷ По поводу других аргументов Виноградова об удалении олигархов на границу херсонесской хоры см. ниже. Виноградов [1989, с. 171] категоричен: «Раннее поселение Панское I стало, таким образом, неопровержимым свидетельством территориальной экспансии ольвиополитов на запад Крымского полуострова в первой половине IV в.». Как видно, это «неопровержимое свидетельство» в который раз оказывается всего лишь картонным домиком.

даже опознал в нем «начальника ольвийского форта»! Всякому непредвзятому специалисту понятно, что появление здесь ионийского имени обязано ионийскому компоненту населения Херсонеса — как самого города (наряду с гераклеяцами его основали делосцы), так и близлежащей Керкинитиды, около середины IV в. вошедшей в состав Херсонесского государства. Искать же источник имени за морем, пренебрегая ближайшими фактами, можно лишь в угоду надуманной концепции (а почему тогда оно занесено не из Нимфея, в котором тоже засвидетельствовано?)⁸.

Перейдем к основному эпиграфическому документу, который определен Виноградовым в качестве выписки из ольвийской проксении НО 5. Это граффито написано на внутренней стороне стенки чаши (обозначим его буквой А); сохранился и другой фрагмент этой чаши — часть поддона (надпись Б на внешней стороне) с прилегающим основанием стенки, на внешней стороне которой тоже сохранились незначительные остатки надписи В (рис. 116). Виноградов справедливо отметил, что все три надписи сделаны одной рукой. Текст надписей Б и В он счел безнадежным и передал лишь сохранившиеся буквы. Б: --ΕΟΥ (?) ΣΟΛ (?) --, В: --ΟΥΧ (?) --ΣΡΑΚ-. Мы же не считаем эти надписи безнадежными — как увидим, они тоже дают полезную информацию. Ясно, что идущая вкруговую вдоль кольцевого поддона по внешней стороне дна надпись Б представляет собой владельческую маркировку, такую же, о каких речь уже шла: это остаток имени и патронимика владельца: Σόλ[ωνος? --]έου⁹. Как сказано, в Херсонесе имеются образцы таких идущих вкруговую по внешней стороне донца владельческих надписей, представляющих собой полное имя (реже с патронимиком или его сокращением). Таким образом, надпись на донце предоставляет в наше распоряжение имя и патронимик лица, сделавшего все 3 записи, и это имя-отчество, как бы их ни читать, никак не соответствует имени-отчеству Ксантиппа Аристофонтова или его предполагаемого сына (ἔκγονοι, на которых распространяются привилегии проксенов, это не потомки вообще, а «сыновья»), один из которых, согласно Виноградову, сделал все 3 надписи. Уже только поэтому лишается обоснования его мнение об этом граффито как

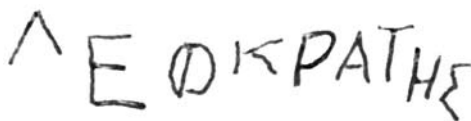

Рис. 115. Граффито с именем Леократа на котиле с поселения Панское I, прорись автора с фото А. Н. Щеглова [Scegllov, 1987]

⁸ Ионийские имена на остраконах из Херсонеса см. ниже, с. 755. Ионийские имена и диалект Керкинитиды [Голенцов, 1983, с. 60; Соломоник, 1987, с. 120 сл.; Кутайсов, 1990, с. 142]. Виноградов неточен даже в передаче этого краткого имени, читая форму Λεοκράτης («омега оригинально переправлена из омикрона посредством вертикальной (!) черты», — уверяет он). В действительности имя написано не с омегой, а с омикроном (рис. 115), при начертании которого, как нередко бывает, округлость замкнулась не на старте, а чуть дальше, образовав слева двойной контур (примеры такого начертания кружка омикрона или теты [Толстой, 88, 149; ГЛБО I, с. 97, рис.; МКЛНО II, 14, 25, 26; с. 9, рис. III, 1, 1а; ГЛБО II, с. 114, рис. X, 4, 6, 16]. Форма Λεοκράτης данного граффито интересна в диалектном отношении: она обусловлена количественным изменением корневого гласного, возможно, позиционной природы в ионийском диалекте, которое засвидетельствовано в числе прочего однокоренным именем Λεοθέρης [Thumb, Scherer, 256]. Впрочем, не исключено, что омикрон в данном граффито обязан простому смешению с омегой, что периодически встречается в разных диалектах, к примеру, в аттическом [Threatte, 1980, p. 223].

⁹ Вряд ли Ολ (или Ομ?)[--]έους, наиболее вероятно чтение имени Солон, его и употребляем далее как возможное.

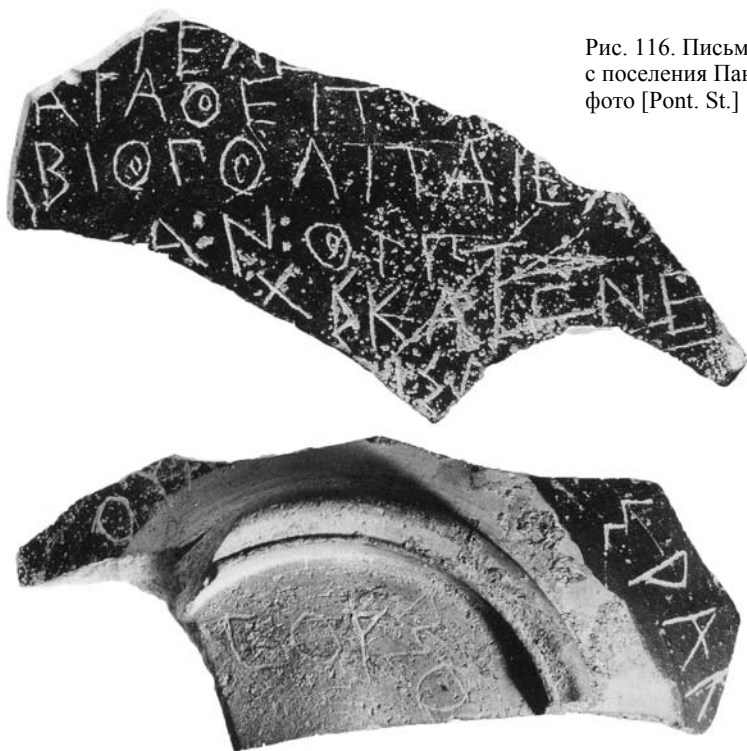

Рис. 116. Письмо на черепке с поселения Панское I, фото [Pont. St.]

выписке из НО 5: если бы ее сделал Ксантипп или его сын, это можно понять, но для чего это какому-то Солону?

Текст А Виноградов прочел следующим образом: [Α]τέλε[ια.] | Ἀγαθεῖ τύχ[ει]. | [Ο]λβιπολῖται ἔδωκαν Ξανθίππῳ τῷ vac. | [Ἀριστοφῶντος]? Ἐρ[χιεῖ]? καὶ ἐν ἐ[ιρήνῃ] πᾶσι τοῖς α[ὐτοῦ]--. На первый взгляд, граффито действительно соответствует началу ольвийской проксении НО, 5 (ἀγαθεῖ τύχει. Ὀλβιπολῖται ἔδωκαν Ξανθίππῳ κτλ.). Однако сопоставление с фотографией граффито явственно обнаруживает натяжки и несоответствия такому чтению, в том числе тех, что Виноградов сам вынужден признать. Перечислим эти несоответствия. Стк. 1: реконструированного Виноградовым заголовка *ателия* в НО 5 нет. Стк. 3: у правого скола целиком сохранилась нижняя половина буквы Χ, он переправил ее на *дельту*. Стк. 4: буква *кси* имени Ксантипп отсутствует, Виноградов же представил ее целиком сохранившейся; вовсе не передана интерпункция в виде двоеточия при буквах Α, Ν, Χ. После Τ следует разубра (затертый текст), в которую он вставил *омегу* и *иоту*, получив в результате имя Ксантиппа в сокращении, но с членом при реально отсутствующем патронимике! Стк. 5: превосходно выписанную *сигму* он переправил на ΕΙ, чтобы получить демотикон проксена. По буквам ΕΝΕ восстановлено ἐν ἐ[ιρήνῃ], но для неумолимого к нему πολέμῳ места нет. Стк. 6: после *сигмы* Виноградов прочел Α, но реально там целиком представлен знак 4 (о нем поведем речь далее).

Очистив граффито от указанных добавлений Виноградова и неточностей в передаче реального текста, сравним его с проксенией НО 5. Так вот, общими остаются

всего 3 слова: ἀγαθεῖ τύχει и Ὀλβιopolίται, причем в обоих памятниках представлена аттическая графика финали дати́ва EI (ион. ΠI). Эти слова настолько распространённые и употребительные в текстах самого разного жанра, что сами по себе не дают оснований увязывать их ни с ольвийским декретом НО 5, ни с декретами вообще. Сходство придает начало стк. 4, т. е. все упирается в чтение имеющихся тут букв, в которых Виноградов усмотрел «почти целиком сохранившееся имя чествуемого лица». Если бы это было действительно так, сходство обоих памятников не требовало иных доказательств. Однако мы видели, что он приписал букву *кси*, которой в подлиннике нет, проигнорировал интерпункцию при двух буквах (это и понятно: объяснить ее появление в середине имени невозможно; ср., к примеру, [DGE, 809]: в эретрийской надписи начала III в. двоеточие последовательно отделяет имена от патронимиков), но и так получил сокращённую форму имени, что опять-таки нонсенс. Но более всего существенно, что начало стк. 4 читается по-разному ввиду одинакового написания *теты* и *омикрона* (с декоративным кружком в центре), а следующая буква T или I. Варианты прочтения таковы: 1) A: N:ΘI Π, 2) A:N:OΠ, 3) A:N:OTΠ, 4) A:N:ΘTΠ. Как видно, с именем Ξάνθιππος отождествляется лишь один вариант из 4, да и то при дополнении буквы *кси* и игнорировании интерпункции; немотивирована и сокращённость имени. Если учесть наш вывод о нелогичности и самого изготовления выписки неким Солоном из ольвийской проксении, данной другим лицам, то ясно, что интерпретация данного граффито в качестве выписки из проксении НО 5 представляет собой крайне маловероятный вариант понимания надписи. Что он вообще невозможен, указывает дальнейший текст граффито.

Для понимания важны проигнорированные издателем элементы — интерпункция при 3 буквах и знак ζ, которые определенно указывают, что граффито содержит цифровые записи, т. е. это бытовое письмо с цифровыми выкладками:

[? Σόλων ἐπέσ]τελε [τῷ δεῖνι ·]
ἀγαθεῖ τύχει — — —
Ὀλβιopolίται ἔχ[ουσι ? --]
— -α:ν' : οἱ πτ *rasura*
— — -:X Σ καὶ ἐνέ[χυρον? — -]
— — — — ΙΣζ — — — —

«(?) Солон сообщает *такому-то*: ольвиopolиты *имеют* (?) -- 51 (*сосуд*), они *идут* по пять *драхм* с четвертью -- за хой по *статеру* и залог (?) -- (?) 10 *статеров*, (полу)драхма --».

По надписи B, содержащей имя-отчество владельца сосуда и автора всех трех записей на его черепках, восстанавливаем возможное имя составителя письма — Солон. В начале представлены элементы эпистолы. Формула ὁ δεῖνα ἐπιστέλλει τῷ δεῖνι содержится в письмах V в. из Афин [DGE, Appendix I, 14 — письмо Мнесиерга; Jordan, 2000, p. 95], в березанском письме Ахиллодора (выше, с. 206). Если к ней добавлено благопожелание (χαίρειν), это *formula valetudinis*, представленная в письмах из Аттики уже в V в. [Jordan, 2000, p. 91–92], в эллинистическое и римское время она обязательна в частных письмах¹⁰. В нашем граффито выражение ἀγαθῇ τύχῃ занимает то же место, что и χαίρειν в письме Мнесиерга, и может выполнять ту же роль приветствия (например, ею начинается письмо императора

¹⁰ Об этой формуле [Ziemann, 1911, S. 302 f.; Witkowski, 1911, *passim*; Select Papyri, *passim*; Koskeniemi, 1956, S. 130 f.; Guarducci, 1975, p. 319].

Траяна пергамлянам: Syll³. 831). Выражение ἀγαθῇ τύχῃ отнюдь не является только вводной приветственной формулой, это лишь часть его распространенной функции благопожелания (*formula auspiciandi*) «на доброе счастье». В качестве благопожелания оно представлено в источниках самого разного жанра — в авторских текстах, в том числе письмах, в официальных документах. Из числа частных актов упомянем благопожелательное граффито позднего VI в. на амулете с Березани: τύχῃ ἀ[γαθῇ Σώφ]ῳρος «доброй судьбе Софрона» [Яйленко, 1982, с. 293]. Из числа авторских текстов сошлемся на произведения того же IV в., к которому относится исследуемое граффито (см. ниже), например, Платона¹¹. В ряде его диалогов ἀγαθῇ τύχῃ выражает благопожелание в начале дела и в таком качестве близко формуле *valetudinis*: «Итак, в добрый час, пусть Федр положит начало и произнесет похвальное слово Эроту» (Conv. 177e); «Если мы его (*предмет рассуждения*) отвергнем, где и как мы найдем что-нибудь лучше? Это невозможно. Так в добрый час! Начинайте» (Tim. 26e). Это выражение занимает место и в середине текста в качестве простого пожелания: «Если же у всех троих или у двоих из них получится равное число голосов, то надо обратиться к благой судьбе и жребию» (Legg. 946b, то же 759c). Данное выражение встречается и в результирующей функции (в заключительной позиции): «В добрый час, Сократ. Дадим этот ответ мастерам» (Phileb. 57e). Все три позиции и соответствующие функции этого выражения представлены также в эпиграфике — в начале декретов и строительных надписей, в середине документов («принять на доброе счастье союзный договор», Syll³. 148, 184, договоры афинян 378 г. с халкидянами и 361 г. с фессалийцами), а в заключительной позиции, к примеру, в проксении дельфийцев Филодаму (Syll. 270, 335 г.) и в посвящении Праксидама за Птолемея [Welles, 1934, p. 34 f.].

Поскольку граффито с Панского является письмом, отметим присутствие рассматриваемого выражения и в эпистолографии. В частности, оно стоит в первой же фразе письма Платона к друзьям; «Мне кажется, кто-то из богов послал нам счастливую судьбу» [Epist. 6]. Особенно интересную параллель представляет эпиграфический документ — письмо Селевка I милетянам от 288 г.: переданные милетянам золотые и серебряные сосуды он сопроводил указанием в начальной части послания (стк. 8): «взяв их, на доброе счастье отдайте в святилище» [OGIS]. Таким образом, ἀ. т. в начале письма с Панского представляет собой обычную благопожелательную формулу литературных и эпиграфических текстов самого разного содержания — «с добрым счастьем».

Далее упоминаются ольвиополиты и следует ряд цифр, т. е. письмо носит деловой характер. Этниконы встречаются среди деловых граффити¹². Чтение букв ΕΧ у правого скола имеет в данном контексте 2–3 варианта, из которых наиболее вероятен глагол ἔχειν. В качестве деловой записи могут быть поняты все 4 вари-

¹¹ Подборка таких текстов [Ast, p. 426]. Цитаты приводим по изданию [Платон, 1968/1972].

¹² В сицилийском письме V в. до н. э. торгового содержания упоминаются леонтинцы [Agha, 1989, p. 81; 1992, p. 36]. В письме того же времени из испанского Эмпориона, тоже торгового содержания, упоминаются эмпориты и топоним Σαγαυδῆ, а также, как и в письме с Панского (см. ниже), цифры: εἴκοσι, δύο, ἑμισυ, глагол ἀνῆσθαι «покупать, приобретать». В другом письме из Эмпориона говорится об отправке партии вина в Α[-], упоминаются партнеры и Τίελαρ[-], топоним или этникон [Sanmartí, Santiago, 1987, p. 119/27; 1989, p. 36–38; Slings, 1994, p. 111/7; Somolinos, 1996, p. 74]. Граффито с Левки с этниконом тирита, сделанное на амфорном черепке, может иметь деловой характер (ГЛБО II, 80).

анта чтения начала стк. 4 (наиболее вероятен — -Α:Ν: ΟΙ ΠΤ ввиду нижеследующей параллели). В этих буквах стк. 4 налицо отсутствие словесного текста, следовательно, это цифровая запись, тем более при наличии интерпункции. В проксениях цифры отсутствуют, это лишнее доказательство, что рассматриваемое граффито к ним не имеет отношения. Примеров употребления в граффити интерпункции в виде двоеточия после слов, их сокращений, перед и между цифрами, как в нашей надписи, множество. Приведем несколько аттических примеров (как увидим далее, владелец сосуда и составитель письма принадлежал к аттическому кругу): 1) ΚΡΑΤΕΡΕΣ:ΠΙ:ΙΠΙ, ΟΞΙΔΕΣ:ΔΔΔΔ: |-, ΟΞΥΒΑΦΑ:ΠΔ:ΙΠΙ, 2) ΑΗΚΥ:ΙΓ:ΙΔ, 3) ΧΥ:ΙΗ, 4) ΚΡΑΤΕΡΕΣ:ΠΙ, ΤΙΜΕ: | - | - | -, ΒΑΘΕΑ:ΑΛΗ, 5) ΑΥΔΙΑΜΕΖΩ:Ι:Ε: ΛΕΠΑΣΤΙΔΕΣ:Κ:Ζ: и т. д.¹³ В числе таких записей, именуемых «торговыми», имеются довольно близкие нашему тексту: граффито V в. на кратере круга Полигнота (вторая четверть — середина V в.) из Гелы, стк. 1: ΑΠΠ |-, стк. 2: Α Χ Ε Ν Α ΤΩ·ΚΟΡΙΟΙ ΠΗ¹⁴. Тут в стк. 1 указана цена в драмах, в стк. 2 цифирь сопровождается словесным текстом с сокращениями, из которых 3 первые буквы неясны по значению, далее следует цифра ΝΑ = 51 и τῷ Κορί(νθίῳ) οἱ π(έντε) ἥ(μισυ) «51 сосуд коринфянину (?), цена пять с половиной драхм». Вероятно, тут подразумевается упаковка из 51 керамического изделия; артикль οἱ заменяет подразумеваемое название сосудов; обратим внимание на различие функций алфавитной и акрофонической систем: количество обозначено цифрами алфавита, цена написана акрофонически. В граффито с Панского представлена аналогичная цифровая запись, с той лишь разницей, что последняя акрофоническая буква обозначает не «половину», а «четверть» — Α:Ν: οἱ π(έντε) τ(έταρτον). Присутствует в обеих надписях рядом с цифрами и этникон: в граффито из Гелы коринфянин, в граффито с Панского ольвиополиты; понятно, что в таком контексте это контрагенты по торговым делам. Аналогичность количества изделий и цены прямо указывает, что и в стк. 4 нашего граффито речь шла о продаже сосудов: «51 (сосуд), идут по пять драхм с четвертью» (данные о соотношении цен и количества товаров позволяют определить характер товара)¹⁵. Понятно, что речь может идти о продаже либо 51 сосуда, либо упаковок (корзин), содержащих 51 сосуд каждая. Также в двух последующих строках граффито с Панского представлены цифровые обозначения. В тексте стк. 5:ΧΣΚΑΙΕΝΕ интерпункция предшествует букве Χ, тогда как в предыдущей строке она стоит после цифр; следовательно, перед Χ стояла цифра (или цифры), а буква Χ — обычное акрофоническое сокращение слова *хой*; следующая далее изолированная *сигма* — обычное и акрофоническое же

¹³ [Hackl, 1909, S. 107, Taf. II, № 557, 560, 561; S. 108, Taf. III, № 592, 595/7; Johnston, 1979, fig. 1a, b, j; Lang, 1976, Pl. 3, B 14].

¹⁴ [Johnston, p. 167, тип 24 F № 2; Fig. 13; Lang, 1976, p. 9, № B 10]. По Джонстону, ΚΟΡΙ — сокращение слова κορίνθιος «коринфский», без какой-либо спецификации [p. 232]. Об интерпункции, в том числе в виде двоеточия [Larfeld, 1902, S. 564 f.].

¹⁵ [Lang, 1956, p. 9, № 37; p. 10, № 40, 43; p. 14 f. и др.; 1976, p. 10 № B 12–14]; примеры с ΠΤ = π(έντε) τ(έταρτον) и ΠΗ = π(έντε) ἥ(μισυ) [p. 13 f.]: цены на товары в целом, на керамические изделия (к примеру, 50 оксибавов стоят 3 драхмы). В принципе артикль (или указательное местоимение) οἱ может относиться и к денежной сумме, в таком случае он подразумевает слово *статер*, т. е. партия из 51 керамического изделия идет по 5 статеров с четвертью = 10 с половиной драхм; это дает цену менее 1 обولا за 1 сосуд, что находит соответствия в имеющихся данных о стоимости керамики [Johnston, p. 33]. Согласно граффито на пелике ок. 420 г., один стамнос в партии из 5 штук стоит 4 обولا [Arena, 1992, p. 61].

сокращение слова *статер*. Следовательно, наряду с продажей керамических изделий упоминается продажа вина или масла: обычная стоимость хоя вина 2 драхмы, т. е. 1 статер (так и в нашем тексте), хой масла стоил 1–3 драхмы¹⁶. *Сигма* стоит и в следующей строке, где ей предшествует *иота* (= 10 статов), за *сигмой* следует оригинальный знак ζ, частый среди граффити на аттической лаковой керамике VI–V вв. и обозначающий полудрахму или драхму, тем более, что у нас он следует за обозначением статера¹⁷.

С *сигмой* как акрофоническим знаком мы вновь встречаемся в надписи *B: vac. (?) ΟΥΑ-- vac. ΣΡΑΚ--*. Поскольку перед нею нет буквы или знака, она может быть понята только в качестве уже встречавшегося в основной надписи *A* акрофонического знака, т. е. обозначения статера: σ(τατήρων) ρα' κ[αί?] «101 статер и--». Эта *сигма* безусловным образом разъясняет значение *сигм* в стк. 5 и 6 основного текста *A* в качестве сокращений слова *статер*. Она, а также обозначение цены ζ со всей бесспорностью указывают на цифровое содержание стк. 4–6 рассматриваемого граффито, в которых они представлены. Поэтому нет никаких оснований вычитывать в начале стк. 4 сокращение имени Ксантипп, что окончательно ставит крест на трактовке надписи в качестве выписки из НО 5.

Еще раз обратим внимание на торговый характер записей в стк. 4–6 граффито *A* и граффито *B*: в частности, указано количество товара (51 сосуд), его цена в драмах или статерах, стандартная цена 1 хоя вина за 1 статер, также сумма в 101 статер. Это содержание определяет характер и предшествующих строк: в контексте с цифровыми выкладками торгового плана этникон ольвиополитов естественным образом обозначает торговых партнеров, а стк. 1–2, как сказано, составляют преамбулу письма. Упоминание ольвиополитов в документе торгового свойства вполне органично, так как Ольвия была торговым партнером Херсонеса со времени его основания, на что указывают эпиграфические данные — проксения гераклеоту конца V в., т. е. времени основания Херсонеса (НО 2; торговля Ольвии и Гераклеи в это время несомненно осуществлялась *via* Херсонес), и проксения херсонеситу Пирралиону начала IV в. (НО 3 + 12), *с.м.* выше, с. 286/91, 293/6, 350. Связи IV в. засвидетельствованы и нумизматически, а экспорт херсонесской тары в Ольвию начинается в конце столетия, чему соответствует херсонесский декрет Γ² 345

¹⁶ Примеры употребления буквы X как акрофонического сокращения слова *хой* многочисленны [Lang, 1956, p. 2 f.]. Из этой подборки М. Лэнг приведем пример обозначения количества хоев и цены [p. 10, № 44]: ΔxKK | ΔΣ «десять хоев, две котилы, цена десять статов». Хотя буква X может быть также акрофоническим обозначением «тысячи», последующая *сигма* как обозначение статера скорее предполагает значение «хой» для X, поскольку хой вина стоил как раз 1 статер. *Сигма* как сокращение или акрофоническое обозначение слова *статер* в граффити [Tod, 1926/7, p. 143 f.; Lang, 1976, p. 22, E 3; p. 76, He 1], в лапидарных надписях [Avi-Yonah, p. 114, 118]. Примеры из аттической эпиграфики [ML, 232 (счет сокровищницы Афины, 418–414 гг.), 102 (ΣΤ как сокращение слова статер)]. [Johnston, p. 119, 206]: *сигма*, в том числе с интерпункцией в виде двоеточия, как возможное сокращение слова *статер*. О ценах на вино и масло [Pritchett, 1956, p. 184 f., 199 f.; Lang, 1956, p. 13 f.]. Текст за *сигмой* стк. 5 нашего граффито -- καὶ ΕΝΕ ввиду отрывочности можно понять по-разному: καὶ ἓν €- «и одно--» (продолжение цифири), καὶ ἐνε[χυσάζειν?] «и взять в залог» или ἐνέ[χυσον] «залог» и т. д., предположительно берем последний вариант.

¹⁷ Полуобол на абаке из Эретрии [Schärlig, 2001, p. 137], драхма (аналогичный знак в зеркальном повороте и с наклоном) в надписи IV в. из Кирены [Tod, 1926/7, p. 149]. В комбинации с *ламбдой* или *ипсилоном* он представляет собой торговую маркировку [Johnston, p. 84, тип 25 A, с коммент. на p. 191; также p. 128, тип 8 E, с коммент. на p. 211; *ср.* p. 92, тип 5 B, с коммент. на p. 195].

в честь ольвиополита¹⁸. Но автор исследуемого письма не был ольвиополитом, на что указывают особенности его графики: финаль дати́ва слова ἀγαθεῖ (с εἰ вместо ион. ηῖ, принятого в Ольвии) и не отмеченное Виноградовым исполнение надписи в стиле стойхедон. Эти особенности графики проливают свет на происхождение автора письма и на дату надписи. Рассмотрим сначала вопрос о дате.

Виноградов [1990, с. 54 сл.] отнес граффито к рубежу IV–III вв. на основании археологических данных, уточненных соображениями исторического плана. По его словам, стратиграфически залегание черепков с надписью в зольнике, перекрывшем руины середины IV в., указывает на вторую половину столетия, хотя не исключено и переотложенное его попадание сюда из слоя первой половины века. Тип сосуда указывает на вторую половину IV в. Эти показания, по его мнению, уточняются его трактовкой граффито в качестве выписки из проксении НО 5, отнесенной им к 330/40-м гг., и усмотренной им связью этой «выписки» с борьбой демократов и олигархов в Херсонесе в конце IV в. Однако палеография надписи им вовсе не рассмотрена, а поскольку никакой связи между исследуемым граффито и проксенией НО 5 нет и борьба олигархов с демократами никак не отражена в нем, остается в силе археологическая дата, весьма широкая: стратиграфически предпочтительна вторая половина IV в., но возможна и первая, особенно при том, что поселение дважды гибло в пожаре между первой и второй четвертями столетия и в его середине, т. е. черепки могли быть не единожды переотложены. Принять на веру заключение Виноградова, что форма сосуда указывает на вторую половину IV в., не позволяют неоднократные прецеденты «подтягивания» им датировок керамики к заранее определенной дате надписи¹⁹. В таких условиях основой для

¹⁸ [Карышковский, 1963, с. 157 сл.; Золотарев, 1991, с. 28 сл.; Лейпунская, 1981, с. 67; Русяева, Археологія, 1984. Т. 44, с. 7 сл.].

¹⁹ Приведу несколько примеров. См. ниже, с. 756/7: профили доньев и мелких стенок сосудов, использованных под остраконы, сближены им с профилями каталога чернолаковой керамики афинской Агоры, по которым он устанавливал дату. Понятно, что одного донца и мелкого кусочка стенки недостаточно для установления профиля сосуда, тем более для поиска аналогий с целью установить дату остракона. Отсюда и результат: определенно датированные IV в. по палеографии надписи отнесены им к V в., и не просто к столетию, а к точным датам вроде «425–400, 470–460, са. 480». Амфорную ручку с граффито из Фанагории он идентифицировал как амфору V в. со стаканообразными доньями, что в сочетании с палеографией якобы датирует надпись первой половиной этого столетия, тогда как тесто фанаторийской ручки не такое, как у амфор со стаканообразными доньями, а палеография надписи (Σ с горизонтальным усиком и Π с равновеликими гасами, как и написание флексии род. падежа через ΟΥ) определенно указывают на время не ранее второй половины IV в. [Яйленко, 2010, с. 96]. Столь завышенная датировка понудила Виноградова для того, чтобы образовать комплекс сведений о ценах на хлеб в позднеархаическое время вместе с другим граффито с Березани на стенке «ионийского килика первой половины VI в. до н. э., покрытого лаком красного цвета и украшенного пурпурными поясками» [Виноградов, 1971б, с. 65]. На самом деле подобные килики бытовали вплоть до начала V в. [Корпусова, 1987, с. 43]. Ср. [Скуднева, 1988, с. 44, № 28, 3 и рис.; с. 72, № 93, 4 и рис.]: оба килика схожи с березанским и происходят из комплексов последней трети и последней четверти VI в.), да и палеография надписи указывает на вторую половину VI в. (Б. Браво датировал эту надпись второй половиной, А. Джонстон третьей четвертью, мы последней четвертью VI в. [Bravo, 1977, p. 41; Johnston, p. 209; Яйленко, 1996, с. 176]). Фрагмент лощеного сосуда из Ольвии и граффито на нем Виноградов датировал началом VI в. [1971а, с. 233], но по палеографическим показаниям граффито его владельца не может быть датировано временем ранее последней четверти VI в. По оценке В. Ф. Столбы [2005, с. 79], датировка Виноградовым надписи с именем Котьютион V веком занижена, ее археологический контекст — свалка IV в. По поводу других археологических соображений Виноградова (между прочим, выпускника кафедры археологии МГУ) раскопщик аттического Vagi house Дж. Грэйем с основанием

датировки исследуемого граффито служит характер его письма и особенности графики. По характеру письма граффито очевидным образом принадлежит к позднеклассическому стилю: строки ровные, буквы крупные, располагаются в строке свободно, декорация проявляется только в мелких кружочках внутри *теты* и *омикрона*, наклонные гасы *альфы* и *лямбды* прямые, без прогибов; круглые буквы той же высоты, что и прямые; правые гасы П и Н короче левых, длинные усики *каппы* лежат на линейках строки; особенно характерна *сигма* с классически прямыми углами. Это письмо конца V — середины IV в.²⁰ Учитывая пребывание черепков с граффити в зольнике, связанном со слоем второй половины IV в., можно датировать надписи серединой столетия, что согласует указанное стратиграфическое обстоятельство с их палеографией. Иначе говоря, при палеографической дате первая половина IV в. предпочтительнее конца этого периода. При этом существенно, что автор письма явно стремился располагать буквы в стиле стойхедон, помещая их с большей или меньшей правильностью друг под дружкой. В связи с этим отметим, что все указанные параллели из числа аттических лапидарных надписей исполнены стойхедоном, что в целом подкрепляет их привлечение в качестве аналогии письму с Панского, а тем самым и его датировку первой половиной IV в. Расцвет стиля стойхедон пришелся на V–IV вв., к середине III в. он в основном исчезает. Хотя в IV в. эта манера представлена в различных греческих центрах, импульсы ее шли из Аттики²¹. Понятно, что употребление стойхедона автором исследуемого письма определялось широким узусом этого стиля в лапидарной эпиграфике того полиса, в котором он жил, что в IV в. характерно именно для Аттики. Таким образом, стиль письма указывает на предпочтительность аттического происхождения автора граффито с Панского. Это заключение уточняется другой особенностью его графики — финалью датива $\epsilon\iota$. Такое написание вместо $\eta\iota$ в IV в. свойственно двум областям — Аттике и ионийской Евбее (в III в. оно появляется и в Беотии). В аттической эпиграфике в финали датива первый пример написания $\epsilon\iota$ вместо $\eta\iota$ засвидетельствован в 425 г., и далее следуют другие примеры; в 340–325 гг. оно еще

заметил, что в его книжке об Ольвии «не место для поиска хорошего обращения с археологией — области, в которой он очевидным образом не дома... Большие и рискованные исторические заключения, часто извлекаемые из археологического свидетельства, также обнаруживают незнание с этим видом материала» [Graham, 1983, p. 461]. С Джоном Грэйемом меня связывали очень давние дружеские отношения, он крупный ученый и добросердечный человек. К сожалению, канцер, с которым он долго и мужественно боролся, свел его в могилу. То же было и с Хайнцем Хайненом. Пусть будет земля им пухом.

²⁰ Из числа граффити укажем следующие аналогии [Lang, 1976, Pl. 17, F 141, 146, вторая четверть и первая половина IV в., датировка Лэнг; ГАХ, табл. XVIII, 1129, 1392, 1494, начало и середина IV в., датировка Соломоник; Голенцов, с. 59, рис. 7, дата издателя первая четверть IV в.; Толстой, 63, 69, 118, 125, 147, 169, 172, 178, 183, 18, 219, 230, 232, все датированы К. С. Горбуновой по керамическим признакам IV в.; ГЛБО II, с. 114, табл. X, 1; Соломоник, 1987, с. 33, письмо из Керкинитиды конца V — начала IV в., датировка издательницы). Лапидарные параллели из числа датированных аттических надписей [Kirchner, 39, 41, 43–46, 55, 56, 60, с 408 по 343 г.]. Из датированных боспорских надписей — КБН 8, 1111 (390–351 гг., здесь *омикрон* с декоративной точкой внутри). Наглядную разницу между позднеклассическим (350 — к. IV в.) и раннеэллинистическим (к. IV в. — III в.) стилями демонстрируют, к примеру, проксенические декреты Ольвии IV в.: проксении HO 3, 4 (их палеография та же, что и в граффито с Панского) справедливо отнесены издателями к первой половине века, тогда как проксении HO 5–10 с их уменьшенными по размерам круглыми буквами, уплощенной *сигмой* и некоторой декоративизацией букв относятся к последней четв. IV — первой четв. III в (см. выше, с. 380). См. характеристику палеографии позднеклассического стиля [Erxleben, 1974a, S. 1898 f.].

²¹ [Guarducci, 1967, p. 413; 1987, p. 30; Austin, 1938]. Пример употребления стойхедона в граффито [Толстой, 10, Ольвия, VI в.], о стойхедоне в Ольвии см. выше, с. 74, 78, 81, 84–86, 203, 246–248, 287, 301, 302, 393.

редко, но становится частым после 325 г. В ионийских надписях евбейских полисов Эретрии и Халкиды замещение η на ϵ в финали датива sporadически происходит с конца V в.; ок. 400 г. эта графическая особенность перемещается и в эпиграфику ионийского Оропа, лежащего на материке напротив Евбеи²². Отсюда можно заключить: во-первых, согласно динамике узуса графемы ϵ : чем далее в IV в., тем она чаще встречается, так что предпочтительна более поздняя палеографически возможная дата, т. е. середина столетия; во-вторых, автор граффито с Панского может происходить из евбейских полисов или Аттики, не исключен и Ороп. Однако в любом случае по торговому роду своей деятельности он принадлежит к аттическому кругу, — Евбея была теснейшим образом связана с Аттикой, ее города состояли членами и 1-го и 2-го Афинского морского союза; сюда были выведены две афинские клерухии, способствовавшие, так сказать, аттизации острова. Плодородная Евбея играла важнейшую роль в снабжении Аттики хлебом, своим и привозным; Ороп был перевалочным пунктом доставки евбейских товаров в Аттику [*Thuc.* VII, 28; *Michell*, 1940, p. 261]. Уже давно в литературе бытует предположение, что евбеицы принимали участие в доставке понтийского хлеба в Аттику²³. Оно подкрепляет вариант с евбейским происхождением автора граффито с Панского.

Итак, автор письма с цифровыми выкладками — заезжий купец аттического круга, евбеец или афинянин, ведущий свои дела с контрагентами в Зап. Таврике и Ольвии (на последнее указывает упоминание этника ольвиополитов). Поставки хлеба из Сев. Причерноморья в Аттику не были делом исключительно афинских и северочерноморских купцов — в нее вовлечены торговцы из разных полисов, это был, так сказать, международный бизнес. Если наш Солон был евбеец, то подобные ему купцы подразумеваются известным пассажем произнесенной ок. 341 г. речи Демосфена против Лакрита: купцы из Фаселиды, что на юге Малой Азии, взяв в Афинах ссуду у евбеица из Кариста и афинянина, загрузились вином в Менде и Скионе, которое, по условиям контракта, были вольны везти на продажу на Боспор или по левой стороне Понта к Борисфену (*Dem.* 35, 10). В Сев. Причерноморье купцы привозили из различных центров метрополии вино, а из Аттики оливковое масло и керамику, вывозили же в основном хлеб, половина которого поступала в Аттику. Это касается и Сев.-Зап. Тавриды IV в. — Керкинитиды и Панского: сюда поступали гераклейские, синопские, хиосские амфоры с вином, а оливковое масло и керамика поступали из Аттики. Этому соответствует содержание нашего письма с Панского — упоминается партия керамических изделий, хой вина или масла, их продажные цены, стандартные по величине; упоминается и денежная сумма в 101 статер. Все это вместе взятое производит впечатление записи о разовой торговой операции. Поскольку Ольвия с самого начала существования Херсонеса поддерживала торговые сношения с ним, вполне оправдано участие ее купцов в деловых операциях в Зап. Таврике вместе с заезжими торговцами из метрополии. Уже

²² [Hoffmann, 1898, S. 438 f.; Threatte, 1980, p. 369, 377 f.; Thumb, Scherer, S. 254 f., cf. 26 f.; IG XII/9, 187–191, 195, 196, Эретрия, надписи от 411 примерно до 320 г.].

²³ [Gernet, 1909, p. 269 f.; Michell, p. 308 f.]. Основанием служат известные пассажи Фукидида и Ксенофонта, повествующие о событиях Пелопоннесской войны в 413 г.: захватив Декелию, пелопоннесцы лишили Аттику своего продовольствия, но оно поступало с Евбеи; увидев из Декелии, что в Пирей приплывает множество кораблей с хлебом, спартанский царь Агис высказал мнение, что пелопоннесцы напрасно теряют время в Декелее, — надо перерезать гелеспонтский путь, по которому хлеб поступает в Афины (*Thuc.* VII, 28; *Xen. Hell.* I, 1, 35); понятно, что подразумевался хлеб с Понта, прежде всего из Сев. Причерноморья.

в позднеархаическое время сложилась северо-западная экономическая зона Черноморья, включившая прибрежные города от Истрии до Ольвии, в которую в V в. включилась и Керкинитида, на что указывают прежде всего нумизматические данные [Анохин, 1989, с. 81 *сл.*; Кутайсов, 1990, с. 145 *сл.*, *лит.*]. Именно такое, торговое, присутствие ольвиополитов в Сев.-Зап. Крыму следует из граффито с Панского, а вовсе не надуманная Виноградовым колонизация ими этого края. Ольвия расширила в IV в. свою хору до нынешнего Николаева, Березанского и Тилигульского лиманов и мыса Станислав, ее земельные возможности в Нижнем Побужье были неограничены, так что уже только поэтому неоправданы попытки приписать ей колонизацию Сев.-Зап. Таврики. На реальное присутствие в этой части Тавриды аттических и евбейских купцов может указывать и упомянутое выше граффито с именем Леократ. Это имя географически не очень распространенное: его нет в Зап. Черноморье, Средней Греции, на Пелопоннесе, в Великой Греции, зато оно популярно в Аттике и есть на Евбее²⁴. И в Сев. Причерноморье оно зафиксировано на Панском, в Нимфее (КБН 921, первая половина IV в. по передаче дифтонга ОУ через О) и особенно в Ольвии в последней трети IV и последней трети III в. [LGPN IV, 209]. Можно констатировать, что в Сев. Причерноморье это имя разово появляется в первой половине IV в. в Нимфее и на Панском, где более не повторяется, тогда же и в Ольвии, где укореняется: основоположник рода Леократ-отец надписи НО 65 имел 7 сыновей (НО 71), потомки которых, судя по их патронимикам в Каталоге IOSPE I² 201, обретались в Ольвии по меньшей мере до последней трети III в. (выше, с. 486). При этом обратим внимание, что все 3 центра вовлечены в торговлю хлебом с Аттикой. О Панском в этом отношении речь уже шла, о Нимфее это свидетельства Эсхина (III, 171) и других источников о так называемой измене Гилона, предавшего Сатиру I Нимфей, которым «владели» Афины. Как бы ни трактовать эти источники, очевидно, что в конце V — начале IV в. Нимфей играл важную роль в снабжении Аттики боспорским хлебом и что обеспечивали поставки хлеба афинские резиденты: С. А. Жебелев [1953, с. 193] справедливо сопоставил Гилона с Мантифеем и его братом, которых отец отправил на жительство к Сатиру на Боспор и которые вернулись домой два года спустя в 403 г. (*Lys.* 16, 4)²⁵. Таким же резидентом из Аттики или Евбеи на Панском мог быть Леократ: его граффито на сосуде владельческое, т. е. он физически присутствовал на Панском.

Что до Ольвии, то ее связи с Аттикой разнообразны и освещены нумизматикой, эпиграфическими и археологическими источниками²⁶. Из их числа нам особенно интересен проксенический декрет последней четверти IV в. НО 5, предоставивший привилегии афинянам Ксантиппу, сыну Аристофонта, и Филополиду, сыну Филополида (о датировке надписи и родословной афинян *см.* с. 366/8). Основателем рода Филополида был известный делец Полистрат; с этим именем мы встречаемся в Ольвии (в числе сыновей Леократа-отца НО 71) и Херсонесе (номофилак первой трети III в. — I² 343, это высшая должность здесь). Имя Полистрат повторяет картину распределения имени Леократ: распространено в Аттике [LGPN II,

²⁴ Аттика [LGPN II, р. 282]: 26 имен, 17 из них IV в.; оно было даже наследственным в ряде семей IV–III вв., к примеру [Kirchner, 1901/3, № 9156; Евбея: IG XII/9, 56, 237–238, *cf.* 77 — Леократид, VI–V вв.]. На Эгейских островах в VI–II вв. 9 Леократов [LGPN I, р. 286].

²⁵ Подобные случаи привели Брашинского [1963, с. 130] к справедливому заключению: «На Боспоре всегда было много афинян».

²⁶ [Карышковский, 1959, с. 57 *сл.*; Брашинский, 1960, с. 319 *сл.*; Виноградов, 1989, с. 136 *сл.*].

р. 375], а в Сев. Причерноморье по разу зафиксировано в IV–III вв. лишь в Ольвии и Херсонесе²⁷. Если учесть, что Леократ-отец заказал посвященную им Аполлону Иетру статую афинскому скульптору Стратониду, предположение о связи имен не будет безосновательным: члены афинского рода Полистрата и ольвийского Леократа рода могли скрепить свои деловые связи брачным союзом. Оказался ведь афинянин Демосфен внуком боспорянки ввиду того, что дед его, афинянин Гилон, женился на ней, живя на Боспоре; там он и остался насовсем, а дочерей отправил в Афины, где одна из них, выйдя замуж, стала матерью великого оратора.

Таково истинное, довольно банальное содержание граффити с Панского. Фантастические же построения Виноградова явно навеяны разгоряченным воображением²⁸.

2. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ХЕРСОНЕССКОЙ ПРИСЯГИ И ПОЧЕТНОЙ НАДПИСИ АГАСИКЛА²⁹

Как сказано, Ю. Г. Виноградов и А. Н. Щеглов [1990] сформулировали свое понимание исторического процесса в Сев.-Зап. Крыму в IV в. до н. э. По их мнению, с рубежа V–IV вв. «происходила широкая и интенсивная экспансия Ольвии на побережье Северо-Западного Крыма, Панское — это ольвийский по происхождению форт, захваченный в середине столетия Херсонесом. В конце века здесь укрепились херсонесские олигархи, потерпевшие поражение в борьбе с демократами. По словам Виноградова [1990], беглые олигархи «обратились за подмогой к соседнему Ольвийскому полису, к тому же владевшему некогда этой территорией. В обмен на предоставленную помощь ольвиополиты могли выставить ряд условий экономического порядка, одним из которых могло быть восстановление прежних прав беспопытной торговли на данной территории для лиц, которым была дарована ольвийская ателія» (подробности и критика в предыдущей главе). Виноградов и Щеглов выстроили гипотезу об удалении на границу херсонесской хоры потерпевших поражение в городе олигархов также на основе «косвенных данных»

²⁷ Несколько персон известно и в Зап. Понте [LGPN IV, 285], много Полистратов в Средней Греции, на Пелопоннесе и в Великой Греции [LGPN III A, B].

²⁸ Читатель, особенно молодой, не сведущий в нравах коллег моего поколения, имеет право знать правду: последние полтора-два десятилетия жизни Виноградов страдал алкоголизмом, от которого и умер. Содержание многих его построений 1980–1990-х явно не поддается анализу на трезвую голову: наряду с художественной интерпретацией надписей с Панского это и видение пятой колонны Зопириона в Козырке, и навязчивое стремление поселить в Ольвии беглых тиранов Тимесилея да Фарнабаза, понимание банального вотива из Кара-Тобе на невзрачной известняковой плите в качестве победного трофея солдат Митридата, трактовка обыкновенных кружков для голосования, владельческих надписей на донцах сосудах да амулетов из Херсонеса в качестве остраконов для изгнания и пр. В таких случаях не мешало бы брать пример с древних персов, у которых, согласно Геродоту, был хороший обычай проверять решения, порожденные на пиру, на другой день и на трезвую голову. А так на развешивание его фантазий разным ученым, особенно мне, пришлось потратить немало времени и сил.

²⁹ Опубликовано [Яйленко, 2001б].

Присяги херсонеситов, почетной надписи в честь Агасикла и надписи о продаже земельных участков (IOSPE I² 401, 403+, 418). Исследованию этих документов посвящена данная глава, составляющая продолжение предыдущей.

Сначала напомним читателю основное содержание Присяги херсонеситов I² 401, относящееся к политическим и социальным вопросам. В городе или вне его есть какие-то злоумышленники (стк. 18–22: «буду врагом злоумышляющему и предающему и склоняющему к отпадению Херсонес или Керкиниту, или Прекрасную гавань, или укрепления и область херсонеситов»; здесь и далее *пер.* Латышева). Часть территории Херсонеса оказалась утраченной, к чему могут быть причастны греки и (или) варвары (стк. 7–13: «не предам ни Херсонес, ни Керкиниту, ни Прекрасную гавань, ни прочие укрепления, ничего из прочей земли, коей херсонеситы владеют или владели, ничего никому — ни эллину, ни варвару»). Эти греки и варвары расположены недалеко — они могут вступать в контакт с херсонеситами; в самом городе какие-то лица объявлены врагами народа (стк. 25 *сл.*: «и не передам на словах ничего тайного ни эллину, ни варвару, что может повредить городу; и дара не дам и не приму ко вреду города и граждан; и не замыслю никакого несправедного деяния против кого-либо из граждан не отпавших, и злоумышляющему *не дозволю*..., и в заговор не вступлю ни против общины херсонеситов, ни против кого-либо из граждан, кто не объявлен врагом народу»). Дающий клятву обязан содействовать сохранению демократии в Херсонесе (стк. 8–9).

Как видно, эти данные о социально-политической обстановке в Херсонесе носят довольно общий характер, что определяется типологией документа как присяги и что адекватно выразил С. А. Жебелев [1953, с. 227, 234]: «На основании отдельных указаний, даваемых документом, можно лишь допустить, что сторонниками переворота был составлен заговор, заговор был раскрыт, над заговорщиками был учрежден суд, и они были объявлены врагами народа... Херсонесская присяга по многим вопросам лишь дразнит пытливость исследователя». В частности, неясно, кто злоумышлял против демократии — олигархи, тиран(ы) или демократы, кто были отложившиеся эллины, при каких обстоятельствах и когда произошла утрата части херсонесской территории. Сам Жебелев [с. 233 *сл.*] допускал в очень осторожной форме, что запрещение Присягой транспортировки хлеба в какое-либо иное место, кроме Херсонеса, могло быть вызвано случаями контрабандного вывоза его через Керкиниту и другие порты Зап. Крыма и что городская верхушка могла замыслить переворот с целью сосредоточения в своих руках доходов от хлебного экспорта; она могла привлечь на свою сторону окрестных скифов. Однако предположение о кознях городских верхов ничем нельзя аргументировать, и это привело А. И. Тюменева к заключению, что в Присяге нет ничего, что говорило бы о внутренних причинах кризиса в Херсонесе: эти причины внешнеполитического свойства; его предположение об «отпавших эллинах» Присяги как керкинитидянах, вытесненных Херсонесом из родного города и боровшихся за возвращение домой, неплохо сопоставляется с последней монетной чеканкой Керкинитиды первой четверти III в., которая указывает на временное обретение ею независимости от ослабленного внешними коллизиями Херсонеса³⁰. Однако реальность внутренней социально-политической борьбы недавно подтверждена фрагментом закона о возвращении изгнанников; к сожалению, он не пояснил, кто были заговорщики — оли-

³⁰ [Тюменев, 1955, с. 44–47; Кутайсов, 1990, с. 158; Столба, 1990, с. 149; *ср.* Анохин, 1977, с. 84 *сл.*].

гархи, тиран(ы) или демократы, и кто были изгнанники, т. е. существо социально-политической коллизии остается неизвестным³¹.

Анализ упомянутых данных Виноградов резюмировал так: «под “эллинами” составитель Присяги имел в виду прежде всего отложившихся и закрепившихся на хоре херсонеситов (τῶν ἄφεστακόντων), одну часть которых составили собственно изменники, стремившиеся при скифской поддержке (ἐπὶ βαρβαρισμῶι) свергнуть демократию и потому объявленные врагами народа (πολέμιοι τῷ δάμωι), а другую — все прочие примкнувшие к ним единомышленники, не пожелавшие воспользоваться Законом об амнистии, вернуться в город и примириться с демократами»; инсургенты закрепились на Панском и, возможно, других фортах³². Понятно, что все это прямо не следует из текста Присяги, но основано на «косвенных данных» — неких нюансах ее содержания, усмотренных Виноградовым, и на ряде параллелей из социально-политических коллизий Греции IV–III вв. На наш взгляд, за изложенными данными Присяги могут стоять эти догадки, но они, естественно, получают право на существование только в случае апробации каким-либо другим херсонесским источником, что вполне сознавал и Виноградов, привлекая в подтверждение херсонесскую почетную надпись на базе статуи Агасикла (I² 418). Тут 3 надписи с перечислением чрезвычайных заслуг Агасикла сделаны внутри больших венков на передней стороне базы, а 5 надписей на боковой стороне внутри венков поменьше информируют об остальных его деяниях и магистратурах. Приведем текст трех основных надписей: 1) εἰσαγγασμένωι τὰν φρου[ρὰ]ν καὶ катаσκευάξαντι «предложившему декрет о гарнизоне и устроившему его»; 2) ὀρίξαντι τὰν ἐπὶ τοῦ πεδίου ἀμπελείαν «размежевавшему виноградники на равнине»; 3) τεῖχοποῆσαντι «бывшему стеностроителем» (перевод Латышева). По поводу надписи в среднем венке Виноградов заявил: «Думается, настало время сказать решительное non licet этому эпиграфическому заблуждению, вот уже почти два столетия кочующему из работы в работу, порождая всевозможные псевдоисторические реконструкции» [Виноградов, Щеглов, с. 363 сл.]³³. Он отметил, что слово ἄμπελεία должно означать не «виноградник», а «виноградную область», глагол же ὀρίζω «никогда не имел значения “делить на участки, размежевывать”», его значение «проводить границу вокруг какой-либо территории, раз/отграничивать», так что надпись в целом «означает только: “провел границу виноградной области на равнине”», и это была граница между территорией Херсонеса и укрепившимися на ее краю олигархами.

³¹ [Соломоник, 1984, *ср.* Сапрыкин, 1986, с. 157 сл.]. Развивая указанные Соломоник варианты, но без ссылок на них, Виноградов предложил несколько удачных дополнений к этой надписи [Виноградов, Щеглов, с. 344 сл.], которые не снимают чтение Соломоник, а расширяют возможности понимания содержания документа. Гипотезу о попытке установления тирании развивала Е. И. Леви [1947], об олигархах как противниках демократии и захвате ими власти в городе на срок не менее 18 лет писал В. А. Анохин [1977, с. 48 сл.]. Если Жебелев [1953, с. 225] думал о попытке антидемократического переворота, возможно, предпринятой неким тираном, то Соломоник [1984, с. 77] сочла фрагмент о возвращении изгнанников свидетельством прямого захвата власти антидемократическими элементами, предполагая, что это могли сначала сделать олигархи, затем тиран.

³² [Виноградов, Щеглов, с. 347]. Позднее Щеглов несколько отошел от этой тенденциозной точки зрения, заключив, что под злоумышляющими эллинами и варварами присяги подразумевались не только внутренние влиятельные противники демократии в самом Херсонесе, на его хоре или община в Керкинитиде, но также внешние силы, в том числе заинтересованные лица в метрополии [Гилевич, Щеглов, с. 123].

³³ Разумеется, эпиграфическая часть статьи написана Виноградовым.

Соответственно надпись в венке 1 говорит об устройстве Агасиклом гарнизонов в одном или нескольких фортах на пограничье, а надпись в венке 3 — о воздвижении, ремонте или перестройке там одной или ряда крепостей.

Однако нетрудно показать, что существо интерпретации Виноградова, именно понимание слова ὀρίξαντι и надписи в центральном венке в смысле «проведшему границу виноградной области на равнине» неправомерно и возникло лишь из стремления хоть чем-то доказать свою гипотезу о закрепившихся на границе херсонесской хоры олигархах. Действительно, основное значение глагола ὀρίζειν «проводить границу», но это могут быть границы самого разного свойства, в связи с чем достаточно обратиться к словоупотреблению знаменитых Гераклейских таблиц — надписи конца IV в. из Гераклеи Луканской³⁴. Здесь крупные землевладельцы, видимо, дорвавшись до власти, прихватили храмовые угодья; по смене власти полис образовал комиссию гористов, которые ὤριξαν καὶ συνμέτρησαν καὶ ἐτέρμαξαν καὶ ἐμέριξαν «отодвинули границы, размежевали их, измерили и разделили на участки» (стк. 10)³⁵. Тут ὤριξαν означает разграничение частновладельческого и храмового массива земель друг от друга посредством установки межевых столбов, и Виноградов с полным основанием привел эту цитату в подтверждение значения «проводить границу» у глагола ὀρίζειν. Однако если бы он дал себе труд заглянуть далее в текст гераклейской надписи, то встретил и иной контекст употребления этого глагола (стк. 84 сл.): гористы установили межевые столбы также внутри храмовых земель, обозначив ими отдельные участки, которые затем сданы частным лицам в аренду: «все эти столбы надписей не имеют, они отделяют друг от друга участки (ὀρίζοντας τὰς μερείας τὰς ποτ' ἀλλήλως) арендаторов священных земель». Таким образом, данный глагол обозначает также разграничение земельных участков друг от друга (например, посредством установки межевых столбов), т. е. употребляется именно в том значении, которое справедливо «вот уже почти два столетия кочует из работы в работу» и которое отражено в латышевском переводе «размежевавшему виноградники на равнине». Что речь идет именно о размежевании на участки сельскохозяйственных угодий указывает слово ἡ ἀμπέλεια «виноградник»³⁶. Напротив, в том смысле, который усмотрел в надписи Виноградов, упоминание ἀμπέλειαν нелепо, ибо получается, что Агасикл провел границу между виноградным районом и врагами!

Таким образом, интерпретация Виноградовым надписи в центральном венке ошибочна и не служит доказательством его конструкции об удалившихся на Панское и другие форты олигархах, потерпевших поражение в борьбе с демократами в Херсонесе, — это как раз то самое (воспользуемся его словами) «эпиграфическое заблуждение», которому «настало время сказать решительное non licet»³⁷. Что же

³⁴ IG XIV, 645; DGE 62–63; Buck, p. 273; Guarducci, 1969, p. 277/84]. Специальные издания [Фельсберг, 1905; Пригоровский, 1925, с. 91 сл.; Uguzzoni, Ghinatti, 1968; Яйленко, 1971].

³⁵ Для объективности в передаче смысла обсуждаемого глагола пользуюсь точным переводом Фельсберга. Перевод Пригоровского: «определили, отграничили, измерили и распределили».

³⁶ LSJ, s.v.: vineyard. Виноградов предложил значение «виноградная область», что возможно, но по сути то же самое, так что его попытка исключить значение «виноградник» безосновательна.

³⁷ Объективности ради отметим, что эпиграфические разделы статьи Виноградова и Щеглова содержат ряд интересных частных замечаний, хорошие эпиграфические параллели, но основная идея о захвате потерпевшими поражение в Херсонесе олигархами Панского и других фортов, сама по себе не невероятная, осталась бездоказательной.

касается деятельности Агасикла по стеностроительству и устройству гарнизонов, то ее исторический контекст зависит от датировки надписи на базе его статуи и соотношения с Присягой, законом о возвращении изгнанников и надписью о продаже земельных участков. Традиционно вслед за Латышевым деятельность Агасикла относят к III в., ко всему столетию или одной из его половин³⁸. Ранее и Щеглов, придерживаясь датировки надписи III в., считал, что размежевание виноградников Агасиклом относилось к началу его карьеры и связал это мероприятие с освоением Херсонесом земель Сев.-Зап. Крыма в конце IV — начале III в., к чему склонялась также Э. И. Соломоник; Щеглов придерживался тогда и традиционной даты составления Присяги («не позже первых двух-трех десятилетий III в.»); по мнению Соломоник, Присяга датируется 280-ми гг. и вскоре был принят закон об изгнанниках³⁹. Виноградов объединил в единый временной комплекс Присягу, Агасиклову надпись и закон об изгнанниках; по его мнению, Присяга и закон об изгнанниках приняты в общем одновременно, а деятельность Агасикла он поместил в контекст реконструированных им событий рубежа IV–III вв.: Агасикл-де провел «твердую демаркационную линию» между территориями херсонеситов и олигархов, укрепившихся на Панском и других фортах, обеспечил защиту херсонесских владений «рядом фортификационных мероприятий» и водворил «в одном или нескольких фортах боеспособный гарнизон» [Виноградов, Щеглов, с. 335, 346, 358]. Отметим, что для датировки столь значительных оборонных мероприятий в условиях внутренней борьбы концом IV — началом III в. необходимы данные, указывающие на опасное военное положение Херсонеса в это время в результате внутреннего социально-политического стасиса. Виноградов и Щеглов усмотрели их в сокрытии в это время нескольких кладов в городе и на хоре, в разборке «небольшой херсонесской сельской усадьбы Панское III» и постройке башни при окраинном доме на Панском I тогда же⁴⁰. Однако понятно, что апелляция к разборке мелкой усадьбы и постройке башни при другой (это не более чем эпизоды бытовой истории «панского» микрорайона) несостоятельна ввиду разницы в масштабах сопоставляемых явлений; сокрытие же кладов А. М. Гилевич с основанием увязывала не с социально-политической ситуацией в Херсонесе, но с набегами варваров на его территорию⁴¹. Тем не менее именно эти безнадёжные для выявления хронологии упомянутого комплекса надписей данные послужили Виноградову основанием для датировки его концом IV — началом III в., причем выдвинутые им аргументы эпиграфического свойства для такой датировки не более основательны. По его мнению, недавно передатированная Соломоник и Николаенко 270–60-ми гг. надпись о продаже земли представляет собой надежный эталон для

³⁸ [Белов, 1948, с. 44; Ахмеров, 1949, с. 106, 112; Блаватский, 1953, с. 28; Анохин, 1977, с. 51; Соломоник, 1990, с. 17]. Виноградов привлек сюда и надпись Г² 403 о продаже или аренде земли, приняв передатировку ее 260–70 гг., предложенную Э. И. Соломоник и Г. Н. Николаенко (см. ниже).

³⁹ [Щеглов, 1978, с. 121, 127; Соломоник, 1984а, с. 79; Соломоник, Николаенко, с. 97]. Полный обзор мнений о дате Присяги [Jähne, 2002, S. 181 f.].

⁴⁰ [Ib., с. 333]. Здесь авторы апеллируют также к последнему выпуску монет Керкинитидой ок. 300 г., но далее [с. 360] оказывается, что за ним стоит симполития или синойкизм ее с Херсонесом, что само по себе предполагает мирный характер процесса.

⁴¹ [Гилевич, 1970, с. 13], при этом она писала не о конце IV — начале III в., а о периоде с конца IV по первую половину III в. Общую картину увязки сокрытия кладов конца IV — первой половины III в. с нападениями скифов дал и В. Ф. Столба [1990, с. 150].

абсолютной хронологии данного эпиграфического комплекса и «сравнение шрифта этой надписи с палеографией Присяги, Закона об амнистии и почетной надписью Агасикла убеждает в том, что они исполнены разными резчиками, но целиком в стиле еще переходного от позднеклассического к раннеэллинистическому периоду, иными словами, должны компактно располагаться на рубеже IV–III вв., не позднее самого начала III в.»⁴².

Ход мыслей автора приведенной цитаты нам как читателю не вполне понятен, поскольку он не пояснил, чем именно «показательна эволюция» перечисленных им букв, т. е. чем конкретно шрифт эталонной надписи отличается от трех остальных и почему последние «должны компактно располагаться» именно «на рубеже IV–III вв.», а не в пределах, скажем, первой трети III в. или последней четверти IV в. Отсутствие детализации не случайно, ибо перечисленные надписи явно распадаются на 2 группы: одну составляют Присяга и Агасиклова надпись, отличающиеся раннеэллинистическим письмом со сдержанной декоративностью, другую образуют закон об изгнанниках и надпись о продаже земли, принадлежащие к развитому эллинистическому письму и отличающиеся от первой группы ярко выраженной декоративностью букв (сильная апексация, декоративный клинышек над верхним углом *альфы*, *дельты*, *лямбды* и т. д.). Обе разновидности письма сосуществуют в пределах раннеэллинистического стиля, т. е. памятники подобного рода могут датироваться и рубежом IV–III вв., и первой третью III в. Иначе говоря, мы не располагаем надежными палеографическими критериями для более точной датировки исследуемого комплекса надписей, для этого должны быть привлечены экстраэпиграфические показания. На наш взгляд, тому коллизионному характеру внутреннего и внешнего состояния Херсонеса, который отражен Присягой, и тем мероприятиям оборонительного свойства, которые предпринял Агасикл, более всего соответствуют 280–70-е гг., на которые пришелся распад *raх Scythica*, повлекший за собой дестабилизацию всего греческого мира Сев. Причерноморья. Сев.-Зап. Крым разделил судьбу региона в целом: погибли почти все неукрепленные поселения херсонесской хоры⁴³. Сходный процесс в Ольвии подсказывает, что бегство населения из хоры в город создавало перенаселенность и продовольственную проблему, что в конечном счете дестабилизировало социально-политическую ситуацию в полисе (выше, с. 474/6, 478). Именно этому периоду

⁴² [Виноградов, Щеглов, с. 335]. К приведенной цитате присовокуплено: «При сравнении особенно показательна эволюция таких букв, как тета, ню, омикрон, сигма и омега. О просопографических критериях датировки надписи в честь Агасикла см. ниже, примеч. 206». Вот и все палеографическое «обоснование» его датировки комплекса надписей, особенно наглядное в контексте сделанного страшицей ранее уничижительного замечания о предшествующих исследователях Присяги, «собственного палеографического анализа не предпринимавших». О «просопографических критериях» соавторов см. ниже.

⁴³ Мнение Щеглова о гибели всех поселений херсонесской хоры [Scegllov, p. 250] встретило аргументированные возражения С. Б. Ланцова [1994, с. 91]: нет следов разгрома на Беляусе, в Маслинах, Керкинитиде, Калос Лимене; массовое уничтожение скифами неукрепленных поселений херсонесской хоры предпочтительнее датировать концом первой трети — серединой III в., но вряд ли его первой четвертью ввиду присутствия синопских клейм IV группы на Н. Федоровке, Гаршино, могильнике Панское I. По материалам Н. Федоровки, Кастеля, Песчанки, Гераклеяского полуострова Ланцов установил перерыв в существовании этих поселений, приходящийся на третью четверть III в. В частности, уничтоженная в 260-х гг. Н. Федоровка (в районе Саки) возродилась в последней трети века и окончательно погибла ок. 170 г.

истории Херсонеса соответствует все, что сообщают нам Присяга, Агасиклова надпись и что подразумевает декрет об изгнанниках: утрата части территории, социально-политическая нестабильность в городе, также в Керкинитиде и Калос Лимене, мероприятия властей по преодолению кризисной ситуации — возведение оборонительной линии в виде отдельных укреплений *τείχη*, обустройство сторожевых гарнизонов (*ἑσταγασμένῳ τὰν φρου[ρά]ν καὶ κατασκευάξαντι, τεῖχοποήσαντι* Агасикловой надписи) и санация социально-политической ситуации посредством изгнания бунтующих элементов, возвращенных после стабилизации положения (закон о возвращении изгнанников)⁴⁴. Нам известны случаи принятия присяги ввиду условий военного времени; так, в период Критской войны ок. 220 г. в Дреросе принята клятва, содержащая наряду со стандартным для документов такого рода текстом обязательства по борьбе с враждебным городом Литтосом (Syll³. 527). Интересно, что завершается клятва жителей Дрероса (стк. 137 *сл.*) упоминанием ранее размежеванных земель города и предписанием каждому обязательного выращивания масличных деревьев. С этим сопоставима деятельность Агасикла по размежеванию виноградников — сопоставима в том плане, что условия военного положения заставляют город уделять особое внимание проблемам сельского хозяйства, т. е. продовольственного снабжения населения. Подчеркнем также, что соотношение комплекса рассматриваемых документов с указанным историческим периодом соответствует их традиционной датировке: Присяга — первые десятилетия III в., Агасиклова надпись — первая половина столетия, декрет о возвращении изгнанников — 270-е гг. (судя по приведенным Соломоник эпиграфическим аналогиям и по принятию декрета после Присяги, датированной ею 280-ми гг.). Хотя в такой исторический контекст можно вписать и надпись о продаже земли, представляется предпочтительной ее традиционная датировка концом III в.

Роль Агасикла в тяжелый для Херсонеса период значительна, но ее не следует переоценивать. Виноградов усмотрел в мраморном блоке с надписью базу конной статуи Агасикла («судя по следам крепления на верхней плоскости, Агасикл был изображен восседающим на спокойной стоящей лошади»), третьей в Сев. Причерноморье; более того, база «взвешивалась на высоком цоколе и примыкала... к углу какого-то монументального общественного здания — храма, портика и т. п., что еще больше подчеркивало заслуги чествуемого» [с. 351]. Для охлаждения фантазии автора этой архитектурно-скульптурной композиции напомним параметры мраморного блока с надписью: длина 1 м 8 см, ширина 68 см, высота 30 см. Поскольку блок со всех сторон отполирован, к нему ничто более не присоединялось сбоку, т. е. он и был собственно базой стоящей фигуры Агасикла (на базе таких размеров можно поместить лишь игрушечный конный монумент)⁴⁵. Виноградов и Щеглов

⁴⁴ На возникновение *τείχη* Присяги в первой половине III в. после набега скифов и утраты Херсонесом части земли указывал Сапрыкин [1982, с. 62 *сл.*; 1986, с. 156]. Возражения Виноградова и Щеглова [1990, с. 337 *сл.*] против этого свелись к таким аргументам, как «мы убеждены», «по нашему убеждению». Декрет об изгнанниках написан на известняковой плите, тогда как остальные декреты Херсонеса на мраморе, что Соломоник объясняла спешкой изготовления надписи или нехваткой средств в казне после смутного периода внутренней борьбы; мы объясняем это обстоятельствами военного времени — борьбы со скифами.

⁴⁵ Размещение надписей лишь на двух сторонах базы указывает, что монумент не рассчитан на обозрение с обходом, а стоял очень близко или прислонен к какому-то сооружению — стене, алтарю и прочему. О других фантастических конных монументах Виноградова *см.* выше, с. 640/2.

возвели Агасикла в ранг маршала Маннергейма или министра Мажино, приписав ему устройство оборонительной линии в виде ряда фортов и водворение в них охранных гарнизонов⁴⁶, хотя единственное число τὰν φρουρὰν надписи определенно указывает на обустройство Агасиклом лишь одного гарнизона, что естественно наводит на мысль о литургическом характере этого дела: в тяжелое время полис обязывал своих богачей раскошеляться на оборонные мероприятия. Этому соответствует и другое деяние Агасикла — стеностроение, хорошо засвидетельствованная, к примеру, в Ольвии литургическая повинность толстосумов, в том числе в первой половине III в. в связи с тем же самым событием — разгромом ольвийской хоры скифами (выше, с. 509).

Этого Агасикла резонно усматривать в соименном монетарии, выпустившем серебряные тетрадрахмы ок. 290–80 гг., и соименном же магистрате, удостоверявшем стандартность тары клеймением своего имени между 300–285 гг. [Анохин, 1977, с. 26, 139; Кац, 1994, с. 83]. Если это и так, полагает Виноградов, то «говорит скорее в пользу, чем против» его датировки Агасикловой надписи рубежом IV–III вв., «поскольку в надписи не упомянуто исполнение им ни той, ни другой должности», тогда как монеты и клейма относятся к 290–70-м гг. [с. 351]. Однако противоречие с должностным статусом Агасикла возникает лишь в случае датировки размежевания виноградников рубежом столетий, если же относить это размежевание к 270-м гг., никакого противоречия нет: Агасикл начал свою карьеру между 300 и 285 г. с низшей магистратской должности астинома (заметим, что имя его отца Ктесия нигде не засвидетельствовано, т. е. он вряд ли происходил из городской верхушки), затем был агораномом и монетарием, а разбогатев, исполнял остальные должности и повинности; срок в полтора-два десятилетия (280-е и 270-е гг.) вполне соответствует такой карьере. На время после частичного разгрома херсонесской хоры логично помещается акция Агасикла по размежеванию виноградников (*ср.* вышеуказанную параллель из Дрероса) — это было возрождение разрушенной системы землепользования и землевладения (судя по уменьшению производства амфорной тары [Монахов, 1989, с. 94], объем производства вина и зерна неуклонно сокращался). Определенно можно полагать, что Агасикл был главой комиссии гористов, подобной той, что провела восстановление священных (по сути полисных) земель в Гераклее Луканской, установила границы участков и сдала их в аренду, чем существенно увеличила поступления средств в городскую казну (*см.* соответствующие расчеты Фельсберга и Гинатти, Угуццони). Можно догадываться, что такие же меры предприняла и херсонесская комиссия и что целью ее деятельности было увеличение полисных доходов в условиях нестабильного времени. Видимо, это был венец карьеры Агасикла, в конце которой он удостоился почетной надписи и статуи, вероятно, ок. 270–60 гг. Имя Агасикл еще раз встречается в качестве патронимика магистрата Матриса, действовавшего между 272 и 262 г. [Кац, 1994, с. 103]; монетарий Агасикл известен ок. конца III в. [Анохин, 1977, с. 29 *сл.*]. Более это имя в Херсонесе не встречается.

⁴⁶ [1990, с. 357 *сл.*: «Итак, если Агасикл разработал столь же подробный или похожий декрет об устройстве гарнизона и претворил его в жизнь в опасной военно-политической обстановке, когда на границах его государства прочно засели жаждавшие свержения демократии инсургенты, можно себе представить, что он по праву заслужил столь выдающуюся награду от сограждан», «водворение в одном или нескольких фортах боееспособного гарнизона» и т. д.

ся. Имея в виду принадлежность всех трех фиксаций имени к одному столетию и одинаковость магистратур, можно предположить, что Матрис был сыном нашего Агасикла, а монетарий соименным деду внуком. Если это так, при счете поколений в 30 лет получится, что Агасикл-дед родился в конце IV в. (может быть, ок. 310), что лишний раз подтверждает датировку его деятельности в качестве астинома 280-ми гг.⁴⁷

В заключение рассмотрим вопрос о датировке надписи об аренде земли. Мы не можем принять передатировку надписи 270–60 гг., предложенную Э. И. Соломоник и Г. Н. Николаенко (см. ниже, с. 757/9). Пока мы располагаем лишь двумя твердыми отождествлениями, установленными еще первыми исследователями херсонесских клейм: Невмений Филистиев этой надписи идентичен астиному Невмению Филистиеву группы 2 А, Гимн Скифов тождествен Гимну Скифову группы 3 А. Группу 2 А Кац отнес к 285–272 гг., группу 3 А к 230–215 гг., причем дата последней группы сориентирована как раз на соответствие Гимна Скифова дельфийскому проксену 195 г. Промежуток примерно в полстолетия между этими лицами слишком велик для того, чтобы усматривать в них современников, поэтому, если придерживаться указанной хронологии и состава групп, надпись о земельных участках может быть соотнесена лишь с одним из них. Соломоник и Николаенко приняли дату Невмения Филистиева, предложив видеть в Гимне Скифове соименного деда дельфийского проксена. Это по существу стержень их датировки (все остальное не имеет точной абсолютной даты). Вместо создания предполагаемого «деда» гораздо проще, принимая во внимание «необычайно пеструю» типологию группы 2, переместить Невмения Филистиева в пределах этой группы из подгруппы А в подгруппу В (262–237), Г (237–230) или 3 А, что делает его старшим современником Гимна Скифова (переместил ведь В. И. Кац в связи с новыми данными ряд магистратов группы 2 А в группу 3 А). Давно Р. Б. Ахмеров идентифицировал астинома Невмения Филистиева с соименным фигурантом надписи о земельных участках, которую вслед за Латышевым датировал концом III — началом II в. Если предложенное перемещение правильно, Невмений и Гимн действовали в последней трети II в. Таким образом, традиционную датировку надписи о продаже земельных участков концом III в. следует лишь для вящей осторожности увеличить до последней трети столетия.

Таким образом, вопреки Виноградову, передатировка надписи о продаже земли 270–260-ми годами вовсе не представляет собой надежный эталон для абсолютной хронологии Присяги, закона об амнистии и почетной надписи Агасикла рубежом IV–III вв. Как сказано, это разные по времени надписи, укладываемые в III в. Ни с точки зрения своей хронологии, ни в отношении содержания они никак не служат доказательством концепции Виноградова и Щеглова, но укладываются в традиционные представления о сокращении херсонесской хоры в результате скифского наступления на нее ок. 270-х гг., об обусловленной этим скученности населения в Херсонесе и дестабилизации социальной обстановки в нем, наконец, о мероприятиях, проведенных полисом для преодоления кризиса, — принятии закона об амнистии и Присяги, новом размежевании виноградных участков и их продаже, укреплении τεῖχη да их гарнизонов и пр.

⁴⁷ А. Б. Колесников [1985, с. 74] отнес деятельность Агасикла как астинома к 420-м гг., что больше соответствует хронологии Агасикла, принятой Виноградовым и Щегловым. См. далее и [Зубарь, 2004а].

3. ХЕРСОНЕС, СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ И МАРКОМАННСКИЕ ВОЙНЫ по данным херсонесского декрета 174 г. н. э. в честь Тита Аврелия Кальпурниана Аполлониды

3.1. Декрет⁴⁸

Экспедиция Херсонесского музея под руководством И. А. Антоновой раскрыла термы византийского времени, раскопками 1993 г. установлено, что им предшествовало здание претория II–III вв. н. э., с которым связаны обломки нескольких греческих и латинских надписей. Самая крупная эпиграфическая находка сделана в 1990 г. — мраморная плита в вымостке пола фригидария (рис. 117, 118, 119). Плита обломана сверху, мрамор белый, с крупными серыми прожилками. Лицевое поле тщательно заглажено, слева и справа филенки сложного профиля общей шириной 7 см: простая филенка шириной 3,3 см идет по внешнему краю, затем желоб и внутренняя филенка шириной 3,5 см со скосом к надписи и желобом посередине шириной 1,3–1,5 см. Боковые грани заглажены, тыльная поверхность обработана суммарно. Высота по левой стороне 108 см, по правой — 96 см, ширина 100, толщина 7,5 см. Надпись сделана в два столбца, разделенных промежутком в 2,5–3 см. Хранится в Херсонесском музее, инв. № 37206/30. Левый столбец шириной 44 см содержит декрет А в честь Т. Аврелия Кальпурниана Аполлониды, правый столбец шириной 35 см — декрет В в честь его жены Паулины. Со стк. 32 текст первого декрета идет во всю ширину плиты. Высота букв в верхней части надписи 1,8–1,7 см, в нижней части уменьшается до 1,5–1,4 см. Плита разбита на множество кусков, подобранных и склеенных реставраторами музея. Отдельно, не в контакте, находится фр. С с остатками 5 строк средней правой части декрета Паулины⁴⁹.

3.1.1. Текстология

Декрет А

...ΣΙ[— — — — са. 18 — — — τὰν παρ' ἀμείν]
ἐπιδάμιαυ [e. g. πεπόταται ποτὶ τὰν πόλιν ἀμῶν τε]-
λεώτατα εὐδαίμων[α, στεφανῶσαι αὐτὸν τᾶς]
ἐκκλησίας πανσυ[δὶ χρυσέῳ στεφάνῳ, οὗ? τὸν δᾶ]-
5 μων καὶ τοὺς ποτ[ιγεγραμμένους? ἀναγορεύσαι· ἀ-
ναβοᾶσαι μὲν αὐτ[ὸν ἐς τὰν ἀ]γορὰν κεχαρμέ-
να τᾶ φωνᾷ, ἀθρόο[υς τ' οὖν?] εὐφαιῆσαι πολί-

⁴⁸ Опубликовано по частям [Антонова, Яйленко, 1995; Яйленко, 1999; 2000; Jailenko, 1999], здесь они впервые собраны вместе и доработаны. Статья 1995 г. целиком написана мною, И. А. Антонова стала соавтором как раскопщик. В связи с публикацией в ВДИ критических отзывов и необходимостью ответить на них я отметил это обстоятельство еще при ее жизни, поскольку вся ответственность за возможные ошибки лежала на мне [Яйленко, 2000, с. 118, примеч.]. С Инной Анатольевной меня связывали многолетние дружеские отношения, посвящая эту главу ее светлой памяти.

⁴⁹ Его параметры: высота 10, ширина 12,5, толщина 5,7 см, тыльная поверхность сколота.

Рис. 117. Декрет Аполлонида, общий вид [Антонова, Яйленко, 1995]

10 ταν ἔμμεν, βουλευτάν [τε κα]ῖ πρόεδρον καὶ
 πάσα τᾶ παρ' ἀμείν τε[ιμᾶ οὖν?] ἀξιωθῆμεν εἰς
 ἀμοιβάν τᾶς εὐποίας [καθᾶ]κον ἔμμεν· δι' ἃ
 δεδόχθαι τᾶ βουλᾶ καὶ τῷ [δάμ]ῳ· πρῶτα μὲν ἐπι-
 θειάξαι τῷ Αὐτοκρ[ά]τορ[ι ὡς] τοιοῦτον ἀγεμό-
 να σωτῆρα τᾶ[ς συ]ν[ο]τ[ή]ρος[ι]ος[?] ἔπεμψεν, ἐπαρ-
 χείας σκάπ[τρον?, e. g. εἴτα οὖν] τῆνον τε εὖ

Рис. 118. Декрет Аполлониды, стк. 11–17 [Антонова, Яйленко, 1995]

- 15 [τειμᾶ?]σαι [ὥς] δοκιμάξας [ἐ]ς χάριν τὰς πό-
λιος ἀμῶν τοιοῦτον κ[ατ]έστασεν ἀγέ-
ταν τὰς παρ' ἀμείν εἰράν[ας·] ἔπειτα δὲ καὶ
αὐτὸν ἐπαινέσαι Τ. Αὐρή[λιο]ν Καλπουρνια[ν]δ[ον]
Ἀπολλωνίδαν, τειμᾶσαι τε πά[σα] τειμᾶ, ὥστε εἰκόνα
20 τε ἀναθῆμεν καὶ ἀνδριάντας, [ὅπως] τ' ἡμεῖν αἰῶν[α]
κάρνυγμα τὰ ἐσσούμενα τᾶ[ς φ?]άν[σι]ος ἐς ἀμ[ἐ] ε[ὔ]-
νοίας· δόμεν δὲ αὐτῷ προξ[ε]νίας, πολειτεῖ[α]ν, ἔ[σ]-
πλουν τε καὶ ἔκπλουν ἐν εἰ[ρ]άνα καὶ π[ολέ]μ[ω] ἀ-
συλεί, ἀσπονδεῖ αὐτῷ τε καὶ [ἐ]κγόνοις κα[ὶ] χ[ρ]ή[μα]-
25 σιν αὐτοῦ· βουλευτάν τε ἔμμ[ε]ν αὐτὸν καὶ σύνψα-
φον τοῖς ἀρχᾶθεν Χερσον[α]σιτᾶν προέδροις,
μετέχειν τε πάντων τῶν ἐν τᾷ π[ό]λει τῶν καὶ Χερσο-
νασιτᾶν τοῖσι πρ(ά)τοις μέτεσ[τ]ιν· τὸ [δὲ] ψάφισμα
τοῦτο ἀναγραφάμεν λευκοῦ[ι]θω στάλα καὶ θέμεν
30 ἐν τῷ ἐπισημοτάτῳ τὰς πόλ[ι]ος τόπῳ· τ[α]ῦτ' ἔδο[ξε]
βουλᾷ, δάμῳ βασιλευούσας Π[αρθέ]νου ἔ[τε]ρος ρα[ή], ἰ-
ερέως δὲ Οὐλπίου Βακχίου, μη[ν]ος Εὐκ[λ]είου [α'], γρ[αμ]ματέως δὲ
τᾶς βουλᾶς Τ. Φλ. Ἀττιανοῦ,
ἐσφραγίσαντο ἀ' (στίχῳ)· θεὰ βασιλίσσ[α] Παρθένος, Οὐλ[πι]ος Βάκχιος
ἱε[ρ]εὺς, Θέμιστος Στράτωνος,
πρῶτος ἄρχων, Αἰρίστων Θεα[γέ]νους, [Α]πολλω[ίδ]ης Ἰέρωνος,
Στρατοκλῆς Στρατοφίλου,
35 Πείσων Γαίου, Κελεριανὸς Στ[ρα]τοφί[λου], Φιλόμο[υ]σος β',
Χρηστό[ς] τοῦ [Π]απίου, Κυρήνιος

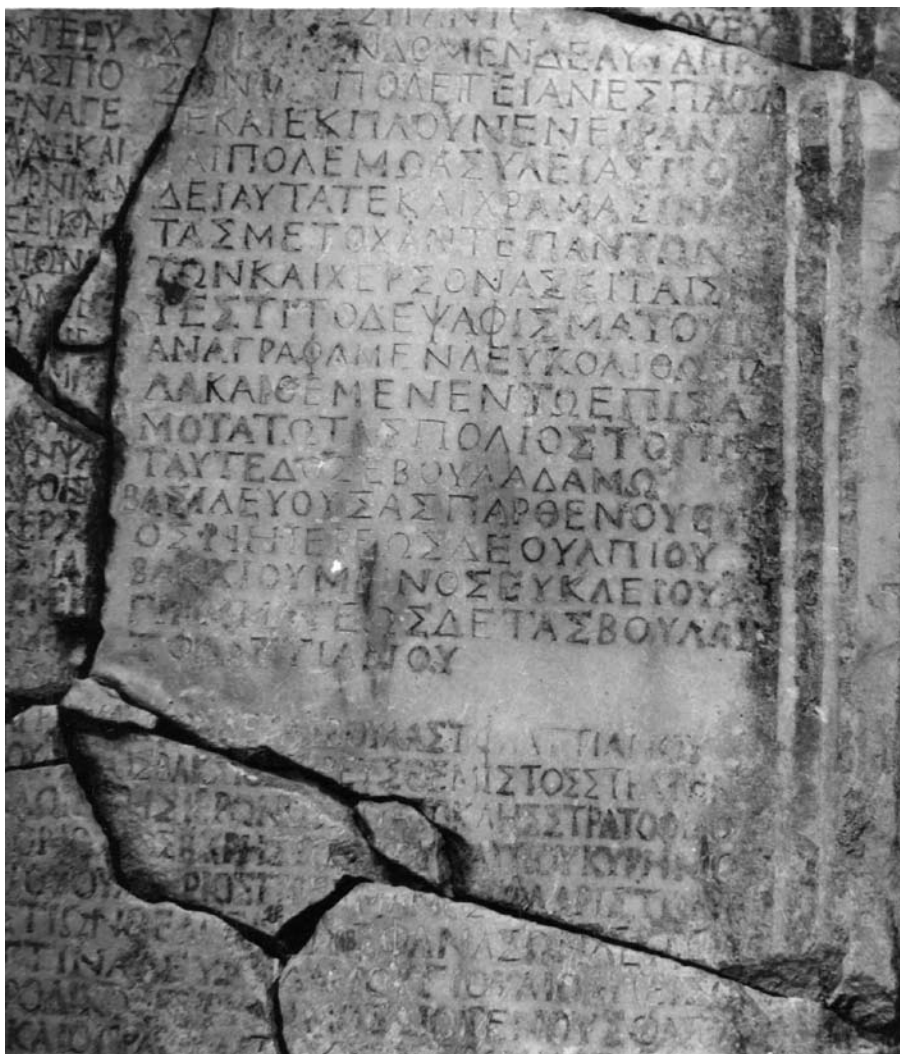

Рис. 119. Декрет Паулины
[Антонова, Яйленко, 1995]

Рис. 119а. Декрет Паулины,
фр. С [Антонова, Яйленко, 1995]

Λυσιμάχου, Ἀντιπατρος β', Α[τ]τ[ι]ν[α]ς Πάτρου, Οὐ[αλ]έριος
 Πρεϊμανός, Τ. Φλ. Ἀρίστων, Ἐ-
 πίγονος Ποντικοῦ, Ἀπολλώνιος β', [Χ]ρηστίων Θεαγέ[ο]υς· (β στίχῳ)· Φλ.
 Νάσων, δεύτερος
 ἄρχων, Δημοτέλης Δημ[ο]τέλους, Ἀττίνας Εὐρ[υ]δάμου· γ' (στίχῳ)· Ἰούλιος
 Πείσω[ν],
 τρίτος ἄρχων, Ἀττίνας [Ἀρίσ]τ[ω]ν[ο]ς α' πρόδικος, Εὐρύδαμος Διογένους·
 Φλ. Παρ-
 40 θενοκλῆς νόμων φύλαξ ὑπέ[γ]ραφεν καὶ ὁ γραμματεὺς τῆς βουλῆς.

Декрет В

 $\Phi p. C:$

— — — ΚΑ
— — — παρα

— — I λαοῦ οὔσα
— — συναγέρθη
5 — — —

- — — — — καὶ πάσα τῷ]
παρ' ἃ[μεῖν τειμᾶ ἄξιωθῆμεν καθᾶ]-
κον ἔμ[μεν] δι' ἃ δεδόχθαι τᾶ βουλᾶ καὶ]
τῷ δάμ[ω'] ἐπαινέσ[αι μὲν ἐπὶ] τούτοις
10 Αὐρηλί[αν] Παυλείνα[ν] γυναῖκα τοῦ
εὐεργέ[τ]α τᾶς πόλιος Τ. Α[ὐρ]ηλίου Καλ-
πουρν[ια]νοῦ Ἀπολλωνί[δα], στεφανώ-
σαι τ[ή]ναν[?] τε τᾶς βουλᾶς [κα]ὶ τᾶς ἐκκλα-
σίας [χρυσ]ῆς στεφάνω [κα]ὶ ἀναγο-
15 ρεῦ[σαι ἐ]ν τ[αῖς] [παντ]?ελέσι πα-
ν[αγ]γυρίεσσι τὰν τοῦ δ[ῆ]μ[ου] εὐ-
χ[α]ριστεῖαν· δόμεν δὲ αὐτᾶ προ-
ξ[ε]νίας, πολειτεῖαν, ἔσπλουν
τε καὶ ἔκπλουν ἐν εἰρήνᾳ
20 [κ]αὶ πολέμῳ ἀστυλεί, ἀσπον-
δεῖ αὐτᾶ τε καὶ χράμασιν αὐ-
τᾶς, μετοχάν τε πάντων
τῶν καὶ Χερσωνασεῖταις μέ-
τεστι· τὸ δὲ ψάφισμα τοῦτο
25 ἀναγραφᾶμεν λευκολίθῳ στά-
λᾳ καὶ θέμεν ἐν τῷ ἐπισα-
μοτάτῳ τᾶς πόλιος τόπῳ·
ταυτ' ἔδοξε βουλᾶ, δάμῳ
βασιλευούσας Παρθένου ἔτε-
30 ος ῥηγ', ἱερέως δὲ Οὐλπίου
Βακχίου, μηνὸς Εὐκλείου ᾠ·
γραμματοῦς δὲ τᾶς βουλᾶς
Τ. Φλ. Ἀττιανοῦ

Декрет А

(...поскольку Аполлонид) «...свое пребывание у нас сделал всецело счастливым для нашего города, увенчать его золотым венком на народном собрании в полном составе, чтоб о нем произвели провозглашение народ и те должностные лица, которым это предписано; громко призвать его на агору радостным кликом и всем вместе провозгласить благословие: быть ему гражданином, булевтом и проедром, и быть почтённым всякой принятой у нас почестью в ответ за благодеяние, как надлежит. Посему постановлено советом и народом: допрежь всего призвать богов содействовать императору за то, что такого прокуратора провинции, спасителя дружественного союза прислал, опору провинции, и затем же (?) одного (императора) превосходно почитать, ибо, сочтя нужным, он ко благу нашего города направил такого вождя мира у нас. Далее и самого Тита Аврелия Кальпурниана Аполлонида восхвалить и почитать всякой почестью: чтоб и изображение поставить и статуи, и чтобы быть вовеки на будущее провозглашению глашатаем этого явления (?) благосклонности к нам. Предоставить ему проксении, право гражданства, право вплывать и отплывать в мирное время и военное, неприкосновенно и без заключения договора — самому, потомкам и имуществу его. И быть ему булевтом, голосовать вместе с проедрами херсонеситов, что издревле, участвовать во всех тех делах в городе, в которых участвуют и первые из херсонесских граждан. Этот декрет вырезать на беломраморной стеле и поставить на виднейшем месте города. Сие постановлено Советом и народом в 198 году царствования Девы, при жреце Ульпии Вакхии, в первый день месяца Евклея, при секретаре Совета Т. Фл. Аттиане. Скрепили печатью в первом ряду: богиня царица Дева, Ульпий Вакхий жрец, Темист, сын Стратона, первый архонт, Аристон, сын Теагена, Аполлонид, сын Гиерона, Стратокл, сын Стратофила, Писон, сын Гая, Келериан, сын Стратофила, Филомуз, сын Филомуза, Хрест, сын Папия, Кирений, сын Лисимаха, Антипатр, сын Антипатра, Аттин, сын Патра, Валерий Приман, Т. Фл. Аристон, Эпигон, сын Понтика, Аполлоний, сын Аполлония, Хрестион, сын Теагена. (Второй ряд): Фл. Насон, второй архонт, Демотел, сын Демотела, Аттин, сын Евридама. Третий ряд: Юлий Писон, третий архонт, Аттин, сын Аристона, первый продик, Евридам, сын Диогена. Фл. Парфенокл, номофилак, подписал и секретарь совета».

Декрет В

«-- народа будучи -- собрано (снаряжено) -- богов (?) -- и быть почтённой всякой принятой у нас почестью, как надлежит. Посему постановлено советом и народом: восхвалить за все то Аврелию Паулину, жену благодетеля города Т. Аврелия Кальпурниана Аполлонида, увенчать золотым венком на совете и в народном собрании, и объявить во время всеобщих празднеств благодарность народа. Предоставить ей проксении, право гражданства, право вплывать и выплывать в мирное время и военное, неприкосновенно и без заключения договора — ей самой и ее имуществу, участие во всем том, что и херсонеситам надлежит. Это постановление вырезать на беломраморной стеле и поставить на виднейшем месте города. Постановлено советом и народом в 198 году царствования Девы, при жреце Ульпии Вакхии, в первый день месяца Евклея, при секретаре совета Т. Фл. Аттиане».

Надпись представляет собой важный в ряде отношений документ. Она содержит два декрета, один из которых относится к числу почетно-проксенических

и не имеет аналогов в херсонесской эпиграфике, так как чествует императора Марка Аврелия и прокуратора провинции Нижняя Мезия Тита Аврелия Кальпурниана Аполлонида. Второй декрет издан в честь жены последнего Аврелии Паулины и содержит стандартный набор проксенических привилегий. Видимо, Паулина оказала какое-то благодеяние городу из личных средств, за что также получила гражданские права и проксенические привилегии в Херсонесе. Так как стела разбита на множество кусков и текст во многих местах утрачен или разрушен, его реконструкция требует подробного обоснования и пояснений. Судя по формуле первых 5 строк надписи, это ее середина.

Стк. 1–3. В начале стк. 1 сохранились остатки какого-то слова: четвертая от начала строки буква Σ, за нею следуют вертикальная гаста и от следующей буквы уголок Ε или Σ. *Стк. 2:* ἐπιδάμειν — обычное для проксенических декретов указание, что чествуемый сделал полезным свое пребывание у нас (IOSPE I² 79, 354, 357; Syll³. 637 *etc.*). В херсонесских почетно-проксенических декретах римского времени такая статья упоминается в начальной части⁵⁰. Это указывает, что в Аполлонидовом декрете утрачено около 10 начальных строк. Конструкция типовых проксенических декретов Херсонеса I–II вв. н. э. такова: текст открывается факультативным приветствием ἀγαθαὶ τύχαι (I² 357, 359 и др.), за ним идет преамбула πρόεδροι Χερσονασεῖταιν τῶν ποτὶ ταῖ Ταυρικαῖ ἐῖπαν «проедры Херсонеса, что в Таврике, предложили» (I² 357, 359, 362 и др.), затем следует мотивировочная часть: поскольку *имярек* оказал городу такие-то важные услуги и свое пребывание у нас сделал (τὰν πόθ' ἀμὲς ἐπιδάμειν πέποιται) полезным и т. д.⁵¹ Это позволяет дополнить в стк. 1–2 данную формулу: [τὰν παρ' ἀμείν] ἐπιδάμειν [πέποιται *e. g.* ποτὶ τὰν πόλιν ἀμῶν τε] λέωτατα εὐδαίμων[α] (*поскольку Аполлонид*) «...свое пребывание у нас сделал всецело счастливым для нашего города». Судя по обратному словарию Локера — Кречмера, понимание букв ΛΕΩΤΑΤΑ стк. 3 как [τε]λέωτατα едва ли не единственно возможное. При εὐδαίμονα как предикативе к ἐπιδάμειν это τέλεωτατα (*acc. pl.*) выступает в наречном значении «всецело», «наисовершеннейшим образом», *ср.* аналогичную конструкцию (ἡ πόλις) τέλεωτατα ἄδικος «государство всецело несправедливое» (*Plato, Resp. 351b*)⁵². В почетно-проксенических декретах употребление наречия при ἐπιδάμειν часто⁵³. Текст стк. 2 между πέποιται и [τε]λέωτατα для примера можно дополнить обычным в херсонесских почетно-проксенических декретах выражением ἡ πόλις ἀμῶν в косвенном падеже (I² 352. 6; 364. 7; 365. 3) с предшествующим предлогом ποτὶ (= πρός) или простым дательным без предлога (ταῖ πόλει ἀμῶν), т. е. Аполлонид «свое пребывание у нас сделал всецело счастливым для нашего города». Такое восстановление стк. 2 оптимально в силу своей простоты: [τε]λέωτατα εὐδαίμων[α] начала стк. 3 логично увязывается с ἐπιδάμειν стк. 2, так что приходится дополнять лишь иллюстративное ποτὶ τὰν πόλιν ἀμῶν⁵⁴.

⁵⁰ [I² 354. 6; 357. 4; 368. 5, *ср.* 364. 7–8; НЭПХ I, с. 23, стк. 10; Суков, 1960, с. 154, стк. 4].

⁵¹ [I² 357. 5; *ср.* 368. 5; Суков, с. 154, стк. 3–4].

⁵² Образец сочетания прилагательного εὐδαίμων с наречием: τὸν καλῶς εὐδαίμονα (*Athen. IV, p. 165b*). Примеры сочетания его с производными от τέλος, как в нашем декрете: *Eurip. Iph. Aul. 161–162; Bacch. 73; Sozom. Hist. eccl. I, 1, 19.*

⁵³ [Syll³. 539, 604, 637, 658 и пр. Херсонес: I² 364. 8; Суков, 1960, с. 154, стк. 4].

⁵⁴ Не исключены и другие варианты восстановления стк. 2–3. Так, по аналогии с выражением τέλεως εὐδαίμωνήσιν (*Isocr. 2, 26*) можно переиначить предложенное дополнение следующим образом:

Стк. 4: ἐκλασίας πανσυ[δί--] «всем составом народного собрания». Экклесия впервые упоминается в херсонесских декретах. Упоминание ее всего через 1 строку после слова ἐπίδαμία стк. 2 свидетельствует, что в нашем декрете контекст о пребывании в городе чествуемого лица не был таким же, как в других надписях с ним, ибо там экклесия не упоминается и речь ведется о достоинствах чествуемого. В Аполлонидовом декрете уже через строку после упоминания экклесии говорится, какие именно почести оказать благодетелю. В следующем слове стк. 4 πανσυδ после ипсилона виден левый нижний уголок Σ или Δ, что позволяет читать тут наречие πανσυ[δί]⁵⁵. Выражение «всем составом народного собрания» подразумевает различные составные части экклесии, упоминаемые в следующей строке. Предполагает оно и наличие в предшествующем тексте, т. е. в лакуне стк. 3, указания на чествование Аполлониды, чему соответствует общий строй лаудативной части декретов: так как имярек оказал нам услуги, оказать ему такие-то почести. Поэтому продолжаем восстановление лакуны стк. 3 иллюстративным [στεφανῶσαι αὐτὸν], т. е. [στεφανῶσαι αὐτὸν τᾶς] ἐκλασίας πανσυ[δί χρυσῶ στεφάνῳ] «увенчать его золотым венком на народном собрании в полном составе». Восстановление в лакуне стк. 3 статьи об оказании почестей Аполлониду тем более необходимо, что сразу же далее речь идет о народном собрании и конкретных формах этих почестей: прокричать здравицу и пр. Для увязки стк. 4 и 5 вставляем в лакуне стк. 4 мотивировочное [οὐ? τὸν δᾶ]μον «о чем пусть народ...»

Стк. 5: тут следуют два вин. падежа: [τὸν δᾶ]μον καὶ τοὺς ποτὶ --, затем лакуна, в которой от последнего слова строки сохранились буквы ΑΙ и ἀναβοᾶσαι μὲν в начале стк. 6, частица μὲν которой свидетельствует о начале новой фразы или нового периода. Аналогии из числа почетно-проксенических декретов определенно указывают на контекст стк. 5 с ее двумя вин. падежами: за клаузулой о награждении венком нередко следует указание на коллегия или должностных лиц (в аккумулятиве), которым надлежит позаботиться (ἐπιμελεῖν, ἐπιμέλειαν ποιεῖν и др.) о присуждении, изготовлении, объявлении венка или произвести это действие⁵⁶.

ἐπίδαμίαν [e. g. πεπόταται ὥστε τὰν πόλιν ἀμῶν τε]λεώτατα εὐδαίμων[εῖν]: Аполлонид таким «сделал свое пребывание у нас, чтобы наш город наисовершеннейшим образом процветал».

⁵⁵ Нередко по значению это наречие эквивалентно слову πανотратία «войско в полном составе» [LSJ, s. v. πανσυδί. Maiuri, 1925, № 25; Syll.³ 570. 29, *cp.* 567. 4, 569. 35]. Наречие πασσυδί в херсонесском почетном декрете времени Антонина Пия I² 362. 17: «мы всенародно постановили воздать им приличествующими воздаяниями», близком по времени Аполлонидову декрету, делает твердым чтение в последнем πασσυ[δί].

⁵⁶ Обычно выражение ἀναγορεύσαι τὸν στεφάνον «объявить о венке» (Syll.³ 409, 493, 547 *etc.*), об изготовлении венка, провозглашении и награждении чествуемого заботятся различные должностные лица. К примеру: τῆς δὲ ποιήσεως τοῦ στεφάνου καὶ τῆς ἀναγορεύσεως ἐπιμεληθῆναι τοὺς ἐπὶ τῇ διοικήσει «об изготовлении венка и объявлении *его* позаботиться управляющим хозяйственными делами» (то же в № 371. 44–45, 409. 78–80). Декрет из Эфеса 302 г. предписывает увенчать чествуемого золотым венком стоимостью в 20 золотых, τοῦ δὲ στεφάνου ἐπιμελεῖσθαι τὸν οἰκονόμον «о венке же позаботиться эконому» (Syll.³ 352. 14 *сл.*). Декрет Митилены середины II в. предписал заботу о венке коллегии жрецов-басилеев и пританам (DGE 357. 45–46). Херсонесский декрет III в. до н. э. предписал провести церемонию увенчания симмнеонам: [αὐτὸν -- στεφ]ανῶσαι τοὺς συμμνά[μ]ονας (I² 344. 11). В особо важных случаях забота о венке возлагалась на народное собрание. Так, декретом Смирны II в. присуждены судьям из города Кавноса, уладившим пограничные споры смирейцев, золотые венки, о которых следует позаботиться агонифетам; далее декрет постановляет просить народ Кавноса проявить заботу о ежегодном увенчании этих судей: καὶ παρακαλεῖν τὸν δῆμον τὸν Καννίων ἐπιμέλειαν ποιεῖσθαι, ὅπως οἱ τε στεφάνοι [Robert, 1949, p. 173, стк. 14–15, 35–36]. Как

В декрете В объявление о венке обозначено глаголом ἀναγορεύσαι «провозгласить». Это, как и приведенные аналогии, позволяют восстановить стк. 5 декрета А следующим образом: [οὐ (sc. στεφάνου) τὸν δᾶ]μον καὶ τοὺς ποτί-- ἀναγορεύσαι «(увенчать золотым венком), чтоб о нем произвели провозглашение народ и --». В контексте с экклесией стк. 4 буквы -μον естественно дополняются в [τὸν δᾶ]μον, а выражение καὶ τοὺς ποτί(--) соответственно обозначает какую-то структуру, властную или жреческую. Ею могут быть власти, на конституционном уровне сосуществующие с демосом, т. е. архонты, продики, номофилаки и другие должностные лица. Близкий контекст представлен в 3 херсонесских декретах, наиболее полно в Диофантовом: на праздничном шествии увенчать Диофанта золотым венком, о чем должны объявить должностные лица — симмнемоны, а также поставить его статую: περὶ δὲ τούτων ἐπιμελὲς γενέσθαι τοῖς ἐπιγεγραμμένοις ἄρχουσι «о сем позаботиться тем должностным лицам, которым это предписано» (I² 352. 52–53)⁵⁷. Это обозначение предположительно восстанавливаем в качестве второй составляющей херсонесской экклесии наряду с демосом. Связь предписания об увенчании с указанием, кому надлежит произвести провозглашение о венке, осуществляет упомянутая условная связка οὐ (sc. στεφάνου): [χρυσῶ στεφάνῳ, οὐ ? τὸν δᾶ]μον καὶ κτλ. «(увенчать) золотым венком, чтоб о нем произвели провозглашение народ и...»

Какие бы части народного собрания ни упоминались в стк. 4–5, очевидна необходимость восстановления в лакуне стк. 3 или 5 глагола со значением «созывать» экклесию — [συνάξ]αι, [ἀπορίσασθ]αι и пр. Восстановление контекста слова ἐκκλασίας подтверждается декретом В, в стк. 12–14 которого находим все необходимое: τᾶς ἐκκλασίας, ἀναγορεύσαι «провозгласить», соответствующий глаголу ἀναβοᾶν «громко призывать». Тут речь идет об увенчании чествуемой Паулины золотым венком на совете и народном собрании: στεφανῶσαι τ[ῆ]ναν τε τᾶς βουλᾶς [καὶ] τᾶς ἐκκλασίας [χρυσῶ] στεφάνῳ «увенчать оную (Паулину) и в совете и на народном собрании золотым венком»⁵⁸. Этот необходимый контекст, фигурирующий в почетном и почетно-проксенических декретах в честь еще трех наиболее выдающихся благодетелей херсонеситов (I² 344. 11 sq., 352. 48, 355. 38–39: στεφανοῦν, στεφανῶσαι χρυσῶ στεφάνῳ), и должен быть дополнен в стк. 3–5 Аполлонидова декрета. Паулине венок преподносится в совете и экклесии, тогда как Аполлониду, согласно нашему чтению, в ἐκκλασίας πανσυ[δί], что делает упоминание совета излишним: ἐκκλησία πανσυδί — это «народное собрание в полном составе», т. е. включая совет. Оно равнозначно по содержанию выражению ольвийских декретов

и Паулине, почести и награждение золотым венком производят совет, народ и экклесия Астипалеи: διαψηφίσασθαι τὴν βουλὴν καὶ τὴν ἐκκλησίαν «(совет и народ решил...), чтобы издали постановление народ и экклесия» (acc. + inf., как и в Аполлонидовом декрете: Syll.³ 946. 10 sq., III–Па, cp. 560. 19, Эпидамн, 206 г.).

⁵⁷ Выражение οἱ ἐπιγεγραμμένοι ἄρχοντες как обозначение властей представлено и в субстантивированной форме: οἱ ἐπιγεγραμμένοι (Vetus Test. Sept. Dan. 3, 3).

⁵⁸ В контексте об увенчании τᾶς ἐκκλασίας может выполнять функции *gen. loci* или *auctoris*, употребительные в эпиграфике. Принимаем τᾶς ἐκκλασίας за *gen. loci* «и в совете и на народном собрании», *Gen. auctoris* означает исхождение от лица или вещи [Нидерле, с. 57 сл.], что в нашем случае означает «и от имени совета, и от имени народного собрания». Забегая вперед, отметим, что ввиду сказанного дополняем в лакуне стк. 13 декрета Паулины τ[ῆ]ναν], дорический эквивалент αὐτήν, в соответствии с τῇον (acc. masc.) стк. 14 декрета А, т. е. «увенчать ее».

ἐκκλησία πάνδημος (I² 40, 42, 43), также выражению σύμπας δῆμος родосских почетных декретов.

Стк. 5–6: ἀναβοᾶσαι μὲν αὐτ[ὸν ἐς τὰν ἀ]γοράν⁵⁹. Частица μὲν указывает на начало новой статьи декрета. Согласно стк. 3 сл., на всенародном собрании херсонеситов Аполлонид торжественно провозглашался гражданином, булевтом и проедром Херсонеса, что закреплялось далее постановлением совета и народа (стк. 22 сл.). Выражение ἀναβοᾶσαι κεχαρμένα τῇ φωνῇ имеет значение «громко, прокричать радостным кликом», «одобрить радостным криком» и т. п. Κ ἐὺφαιῆσαι восстанавливаем в лакуне стк. 7 необходимое [αὐτόν] как часть конструкции асс. + inf.

Стк. 9: πάσα τῇ παρ' ἡμῶν τε[ιμᾶ οὖν?] ἀξιωθῆμεν «быть почётным всякой принятой у нас почестью». К дополнению лакуны ср. стк. 19: τειμᾶσαι τε πά[σα] τειμᾶ. Стк. 10: [καθᾶ]ρον ἔ[μμεν] «как надлежит» — обычное в проксенических декретах выражение (I² 358. 2; 368. 10; ср. 362. 18), завершающее текст преамбулы. Вслед за ним следует, как и в нашем декрете, мотивировочная формула δι' ἃ δεδόχθαι «посему постановлено». Стк. 11–12: ἐπιθείάξαι τῷ Αὐτοκρά[τ]ορ[ι]: из значений глагола ἐπιθείάζειν «клясться богами», «объявлять божественным знамением», «вдохновлять» и пр. подходяще «призвать богов содействовать» императору за благодеяния. Упоминание одного императора, без соправителя, обусловлено тем, что Марк Аврелий в это время правил единолично (в 161–169 гг. вместе с Луцием Вером, в 176–180 гг. с Коммодом). Стк. 12–14: ἐπιθείάξαι τῷ Αὐτοκρά[τ]ορ[ι ὡς] τοιοῦτον ἀγεμόνα σωτήρα τῆς συ[ν]σ[τ]άσε[ως?] ἔπεμψεν, ἐπαρχείας σκάπ[τρον?] «призвать богов содействовать императору за то, что такого прокуратора провинции, спасителя дружественного союза прислал, опору провинции». Греческим словом ἡγεμόν передаются разные римские должности [Mason, 1974, p. 52], в том числе прокуратор, оба cursus'a Аполлониды (о них ниже) сообщают, что он прокуратор. В стк. 13 текст очень поврежден, предположительно читаем: σωτήρα τῆς συ[ν]σ[τ]άσε[ως?] ἔπεμψεν «спасителя дружественного союза прислал»⁶⁰. За первым словом следуют буквы ТА, после которых виден левый верхний уголок сигмы, что указывает на чтение члена τᾶ[ς] (в следующей строке то же сочетание род. и вин. падежей). Буква за ним целиком утрачена, от следующей буквы сохранилось сверху округлое очертание, далее видна половина вертикальной галги и верхняя половина сигмы, затем лакуна на одну-полторы буквы, причем перед -ας сохранилась правая часть верхней горизонтали (рис. 118). Утраченное слово в род. падеже указывало, спасителем чего был Аполлонид. Отмеченным буквам и остаткам соответствует дополнение τᾶ[ς] συν[σ]τ[α]σε[ως?] «дружественного союза (?)».

Стк. 13–15: ἐπαρχείας σκάπ[τρον?], е. г. εἴτα οὖν τῇρον τε εὖ [τειμᾶ?]σαι «опору провинции, и затем же (?) оно (императора) превосходно почитать». Стк. 14 разрушена посередине, стк. 15 повреждена в начале. Буквы σκάп[τ-] в контексте с предшествующим ἐπαρχείας «провинции» (род. падеж) составляют начало существительного или субстантивированного причастия, образуя выражение, структурно подобное стоящему в той же стк. 13 выражению σωτήρα τᾶ[ς], т. е. вин. падежа с родительным⁶¹. Одинаковая структура указывает, что тут продолжается речь

⁵⁹ Чтение [ἐς τὰν ἀ]γοράν дал Ю. Г. Виноградов, см. ниже.

⁶⁰ Переиначиваю чтение Виноградова [πε]ριστάσε[ως] (см. ниже).

⁶¹ Казалось бы, после ἐπαρχείας можно поставить запятую и читать ἔπεμψεν ἐπαρχείας «прислал из провинции», т. е. Нижней Мезии. Но в таком случае ожидался бы при ἐπαρχείας предлог ἀπό или

о достоинствах Аполлониды. Вариантов дополнения букв σκάπ[τ-] немного, и все они связаны со словом σκήπτρον «палка, посох, жезл», в переносном смысле «опора», либо с исходным глаголом σκήπτω «упирать», мед. «опираться» (например, ὁ σκήπτοῦμενος «заступник, защитник»). Таким образом, в начале стк. 14 при слове «прислал» дополняем ἐπαρχείας σκάπ[τρον?] «опору провинции» или ἐπαρχείας σκάπ[τοῦμενον?] «защитника провинции» (ἐπαρχεία = ἐπαρχία = лат. provincia). Оба варианта не заполняют целиком лакуну — от следующего слова (слов) сохранилось конечное Ν, дальнейший текст хорошей сохранности (посреди лакуны виден остаток ножки вертикальной гасты). Тут τῆνον — асс. к дорич. τῆνος (= ἐκείνος) «тот, тот самый», также «известный, славный» (в последнем значении — Theocr. I, 120, 125 и др.). Это указательное местоимение может подразумевать и Аполлониду и императора. Вопрос проясняется дальнейшим текстом: в следующей стк. 15 и далее говорится о благодарности города императору, который, стало быть, и подразумевается под словом τῆνον «оного» (вин. падеж). Следовательно, после σκάп[τρον?] начинается второй период фразы стк. 11–17, относящейся к императору. Содержание начала этого периода (т. е. второй половины стк. 14 и начала стк. 15) неясно ввиду лакуны в начале стк. 15⁶², однако оно поясняется дальнейшим текстом: город должен сделать нечто благое (εἶν) и тем самым выказать свою благодарность императору за присылку такого выдающегося деятеля, как Аполлонид. Очевидно, что оба периода фразы стк. 11–17 одинаковы по структуре и содержанию: в первом периоде говорится о принесении клятвы императору за присылку Аполлониды, во втором периоде декретируется оказание некоего «блага» императору за то же самое. Исходя из такого контекста, восстанавливаем в лакуне начала стк. 15 глагол [? τεῖμ]ᾶσαι «почтить», буква Μ которого соответствует остаткам двух вертикальных гаст, видимым перед альфой. *Exempli gratia* открываем новый период фразы ни к чему не обязывающим [ε. g. εἶτα οὖν] «затем же». Между [τεῖμ?]ᾶσαι и δοκίμαξας находится лакуна на 2 буквы, причем первая буква круглая. Резонно думать тут о связующем ὡς[?] «так, таким образом». Следующую за причастием δοκίμαξας лакуну в 1–2 буквы заполняем предлогом: [? ἐ]ς χάριν. В целом текст стк. 14–17 гласит о почестях императору: [ε. g. εἶτα οὖν] τῆνον τε εἶν [τεῖμ?]ᾶσαι [ὡς] δοκίμαξας [ἐ]ς χάριν τὰς πόλιν ἀμὼν τοιοῦτον κ[ατ]έστασεν ἀγέταν τὰς παρ' ἀμείν ἐῖράν[ας]. «затем же превосходно почтить, ибо, сочтя нужным, он ко благу нашего города направил такого вождя мира у нас» (дополненный союз [ὡς] имеет причинное значение «так как»).

Стк. 16: κ[ατ]έστασεν — после К видна левая нижняя часть наклонной гасты альфы, а перед Ε — правая половинка горизонтали Т. Стк. 17: ἀγέταν τὰς παρ' ἀμείν ἐῖράν[ας] (сохранились концы горизонталей последней сигмы). Слово ἡγέτης употребляется с род. падежом (например, Anth. Pal. VI, 167: ἀγέτα θηροσύνης «предводителя охоты», VII, 425: ἀγέτιν οἶ[κου] «хозяюку дома»). У нас та же конструкция: ἀγέταν τὰς ἐῖράν[ας] — буквально «вождя мира», высокопарная риторическая фигура, вполне соответствующая велеречивости всей фразы. Παρ' ἀμείν

ἐκ «из», так как при πέμπειν «место, откуда присылается, выражается предлогами ἀπό, ἐκ» (LSJ, s. v. πέμπω, I, 3).

⁶² См. рис. 118: в начале стк. 15 видны лишь буквы ΑΣΑΙ и за *иотой* — верхняя дужка округлой буквы: *омикрона*, *омеги*, головки *ро* или *беты*. Перед *сигмой* виден верхний уголок и правая наклонная гаста *альфы* (вряд ли *лямбды*), которой предшествуют верхние апексы двух вертикальных гаст; перед последними в лакуне помещались две буквы (т. е. две первые буквы начала стк. 15, полностью утраченные).

(= ἡμῖν) — устойчивое выражение со значением «у нас»⁶³. Слово εἰρήνη имеет значение «мир» и «мирный договор», нередко неразделимые⁶⁴.

Стк. 18–19: πά[σα] τεῖμα (то же в стк. 9). Обычно употребляется мн. число τεῖμα «почести», но бывает и ед. число (Syll³. 768. 21; 814). Стк. 18: в имени Καλποურიαν[ό]ν оба Ν даны в лигатуре, что предполагает начертание мелкого омикрона, как в конце стк. 12. Стк. 20–21: ἀνδριάντας ὅπως — мн. число подразумевает статуи Марка Аврелия, Аполлонида и его жены, чествуемых данными декретами. От сигмы дополняемого слова ὅπως сохранилась верхняя треть. В конце строки αἰῶν дополняется как αἰῶν[α] — вин. падеж слова αἰῶν «век, время, вечность», согласованное со следующим в стк. 21 τὰ ἐσσούμενα «на будущие времена». Интересна форма этого причастия буд. времени среднего рода от глагола εἰμί: форма койне ἐσόμενον (так, к примеру, в декрете НО 36, см. выше, с. 548), эпическая, эолийская и дорическая формы футурума имеют двойное σσ (ἐσσομαι и т. д.), причем известна и дорическая форма со слитным οο — ἐσσοῦνται (договор у Thuc. V, 77). Таким образом, τὰ ἐσσούμενα нашей надписи — своеобразная дорическая форма причастия.

Стк. 21–22: τᾱ[ς]..ΑΝ..ΟΣ ἐς ἀμ[ε] ἐ[ν]νοίας]. Следующие за ἐσσούμενα буквы ΤΑ, скорее всего, принадлежат члену τᾱ[ς] при ἐ[ν]νοίας] (от сигмы члена сохранился верхний уголок). Далее с отступом не более как для одной иоты следуют нижние остатки буквы: апекс и наклонная гаста, затем хорошо читается ΑΝ и левый нижний уголок Δ, Σ или Ε. Точное слово подобрать к этим остаткам трудно, предположительно читаем τᾱ[ς φ?] ἀν[σι]ος ἐς ἀμ[ε] ἐ[ν]νοίας «этого явления благосклонности к нам»⁶⁵. Отметим также, что лакуна после Μ вмещает лишь одну букву, поэтому в конце стк. 21 читается краткая форма местоимения ἀμ[ε]⁶⁶. Стк. 25–26. Начинаясь со стк. 25 статья предусматривает присуждение Аполлонида почетных должностей: быть ему булевтом и голосовать вместе с проедрами херсонеситов. При этом в выражении βουλευτὰν τε ἔμμεν αὐτὸν καὶ σύνψαφον τοῖς ἀρχᾶθεν Χερσωνασιτᾶν προέδροις обращает на себя внимание положение наречия ἀρχᾶθεν между членом и определяемой группой. Это означает, что оно относится не к тексту до члена, а к тексту, определяемому этим членом (как, например, в пассаже Plut. Mor. 238d: τῆς ἀρχῆθεν διατεταγμένης μοίρας «по издревле установившемся обычаю»). Иначе говоря, если бы данное наречие стояло вне конструкции τοῖς Χερσωνασιτᾶν προέδροις, оно означало бы привилегию Аполлонида голосовать «с самого начала вместе с проедрами херсонеситов». Однако включение его в конструкцию, определяемую членом τοῖς, означает, что данное наречие относится к ней, а именно к Χερσωνασιτᾶν и означает «херсонеситов издревле», «изначальных херсонеситов» (отнесение наречия к проедрам бессмысленно). Стк. 28: в πρώτοις наклонные гасты Α не соединены горизонталью. Стк. 30: обычное указание о постановке стелы «на виднейшем месте города» в свете раскопок 1993 г. может означать постановку декрета в честь Аполлонида около претория — римской ставки

⁶³ На чтение его в надписи указал нам Г. А. Таронян.

⁶⁴ Например, Xen. Hist. Gr. II, 2, 13; 15: εἴ τι δέονται εἰρήνης «если афиняне нуждаются в мире» со спартамцами; εἰρήνῃ ποιεῖσθαι «заключить мир» или «мирный договор».

⁶⁵ О редком слове φάνσις «(по)явление, проявление» (о звездах и пр.), к глаголу φαίνομαι «(по)являться, показываться, выявляться, проявляться» см. LSJ, s.vv. φάνσις, φάσις.

⁶⁶ Так же, как в Диофантовом декрете I² 352. II и еще в одном декрете того же времени, что и наш [Граков, Виноградов, с. 127], о котором речь поведем далее.

в городе. Стк. 32: день принятия декрета восстанавливается по стк. 30 декрета В. Стк. 39: после имени Ἀττίνας видны верхние части первых четырех букв патронимика [Ἀρίστω]νος]. Стк. 40: имя секретаря совета не указано, поскольку упомянуто ранее, в стк. 32.

Декрет В

Фр. С (рис. 119а) не стыкуется с верхней гранью стелы справа, поэтому он должен размещаться несколько выше; поскольку он содержит в трех последних строках полные слова, а в двух предшествующих полные слоги, это фрагмент правого края стелы. Принадлежность обломка декрету в честь Паулины подтверждается и формой причастия жен. рода οὔσα в его стк. 3. В стк. 4 после *теты* сохранилась вертикальная гаста, которая может принадлежать *эте* или *эпсилону*, что предусматривает чтение συναγέρθη «собран (-а, -о)», «снаряжен» или συναγέρθη[ς] «снаряженный (-ная)» (о народном собрании и пр.). Стк. 13–15: ἀναγορεύ[σαι ἐ]ν ταῖς [παντ]ελέσι. От Е перед Ν сохранилась нижняя горизонталь, далее видны нижние половины букв, которые читаем как член ταῖς к [παντ]ελέσι «на заключительных всеобщих празднествах». Стк. 15–16: τὰν τοῦ δ[άμ]ου εὐχ[α]ριστεῖαν. От *дельты* сохранилась горизонталь с нижними уголками, хорошо видно окончание ου, перед которым сохранилась верхушка прямой гасты; лакуна на две буквы. Всем условиям удовлетворяет чтение δ[άμ]ου. Стк. 21–22: μετοχάν τε πάντων τῶν «участие во всем том», т. е. во всех делах херсонеситов. Соответственное содержание и в стк. 27 декрета А: μετέχειν τε πάντων τῶν ἐν τῇ πόλει «участвовать во всех делах города» (дословно: в городе). Стк. 29–30: в дате стк. 29 титло отсутствует, его заменяет точка, поставленная перед Ρ. В стк. 30 цифра Α снабжена титлом и точками по бокам⁶⁷.

3.1.2. Исторический комментарий

Декреты приняты первого числа месяца Евклея 198 г. херсонесской эры, что соответствует февралю 174 г. н. э. Поясним это соответствие дат. По А. Л. Бертье-Делагарду [1893, с. 60–61], начальный год херсонесской эры приходится на март/апрель 24 г. до н. э., согласно П. О. Карышковскому [1961, с. 108/10], херсонесская эра введена в апреле 25 г. до н. э., по В. А. Анохину [1963, с. 75 сл.], в апреле 24 г. Поскольку уточнения Карышковского и Анохина, будучи в равной мере аргументированы нумизматическими материалами, не имеют бесспорного характера, принимаем дату Бертье. Соответственно 198 г. херсонесской эры приходится на март 173 — март 174 г. н. э. Однако наш декрет имеет точную датировку и в пределах года — первый день месяца Евклея, что дает возможность уточнить время его принятия в пересчете на наше летосчисление. Этот месяц уже третий раз упоминается херсонесскими документами (см. также [Суров, с. 155; IOSPE I² 361]). Последовательность месяцев в херсонесском календаре неизвестна, но определенные указания на место в нем Евклея, на наш взгляд, дают календари других городов,

⁶⁷ В надписи широко применены лигатуры (строки декрета в честь Паулины помечены литерой Β). Лигатура TE 19 quater, 20, 22–24, 27 bis, 28, 30–32, 16 Β. Лигатура ME 6 bis, 11, 21, 27, 28, 29 bis, 22 Β. Лигатура MME 8, 10, 25. Лигатуры MA 35, NN 18, NT 25, 27 ter, 28, 30, HME 9, 20, AP 13, ΔA 19. Лигатуры THME 20, NE 23, 27, NK 27, MH 32, PP 34, IE 34, ΠI 35, NA 19.

в которых он представлен, — Византия, Тавромения, Керкиры⁶⁸. Из литературных источников известно, что в Византии (это мегарская колония) Евкле́й был третьим по счету месяцем и приходился на март. В календаре сицилийского Тавромения (наследник Накса, халкидской колонии) Евкле́й был последним, двенадцатым, месяцем и, при мартовском счислении года, он, стало быть, приходился на февраль-март. В определенной мере это подтверждается самим наименованием месяца, которое представляет собой эпитет Зевса Εὐκλείος (*Bacchyl.* I, 116), от которого невозможно отделить праздник τὰ Εὐκλεία, справлявшийся в Дельфах в месяце Бисии [DGE 323 D, стк. 1 sq.], соответствующем февралю-марту⁶⁹.

Взятые в совокупности приведенные данные показывают, что в Византии и Тавромении Евкле́й приходился на март, хотя в первом городе календарный год начинался в декабре-январе, а во втором в марте-апреле. Эта одинаковая приуроченность обуславливалась связью с весенним празднеством в честь Зевса Евклея. Следовательно, на Керкире и в Херсонесе Евкле́й приурочивался к тому же марту, точнее, февралю-марту при мартовском счислении года и марту-апрелю при январском счислении. Наши декреты приняты в первый день месяца Евклея, т. е. еще в феврале, так как в Херсонесе принято мартовское летосчисление и Евкле́й, следовательно, был последним месяцем календаря. Итак, наши декреты приняты в феврале 174 г. н. э.

Ближайшие прямо или косвенно датированные надписи Херсонеса относятся к следующим годам: 129–131 (I² 359 и Суровский декрет), 132–154 (почетная надпись I² 423, упоминающая боспорского царя Реметалка), 138–161 (декрет I² 362, упоминающий Антонина Пия), 185–186 (переписка по поводу проституционной подати — I² 404) и еще две надписи времени правления Коммода, т. е. 180–192 гг. (I² 417; НЭПХ I, 43), 205 г. (обломок строительной надписи: НЭПХ I, с. 73). Как видно, третья четверть II в. не освещена датированными надписями, так что наши декреты отчасти проясняют этот темный период херсонесской истории.

Как сказано, декрет А чествует императора Марка Аврелия и прокуратора Тита Аврелия Кальпурниана Аполлонида, который известен нам еще по двум надписям, дающим его *cursus honorum* [PIR1933, S. 297, № 1471]. Одна из них — его эпитафия, найденная в Египте (IGR I, 1107): «Т. Аврелий Кальпурниан Аполлонид, трибун 14-го двойного легиона, трибун 13-го двойного легиона, прокуратор Галлии Аквитанской по цензу, прокуратор Нижней Мезии, прокуратор Фракии, прокуратор Далмации, прокуратор частного фиска Египта. Прожил 55 лет»⁷⁰. Другая — почетная надпись, найденная в вифинской Никее (IGR III, 41): «По обету. Изображение Т. Аврелия Кальпурниана Аполлонида, трибуна 14-го двойного легиона, трибуна 13-го легиона, прокуратора Августов в провинции Галлия Аквитанская по цензу, прокуратора провинции Нижняя Мезия, прокуратора провинции Фракия, прокуратора-дуценария провинции Далмация и Истрия, прокуратора-дуценария частного фиска Александрии, своего друга *поставил* Г. Лукен Архелай --».

Обе надписи дают один и тот же порядок прохождения должностей Аполлонида, что указывает на их хронологическую последовательность от первой до по-

⁶⁸ О последовательности месяцев в этих полисах [Samuel, 1972, p. 79, 87, 89, 137].

⁶⁹ См. таблицу соответствия месяцев [Бикерман, с. 16].

⁷⁰ Τ. Αὐρήλιος Καλπουρνιανὸς Απολλωνίδης χιλίαρχος λεγιῶνος ἰδ' Γεμίνης, χιλ. λεγ. ὑ' Γεμίνης, ἐπίτροπος Γαλλίας Ἀκουταϊκῆς ἐπὶ κήνσων, ἐπίτροπος Μυσίας τῆς κάτω, ἐπί(τροπος) Θράκης, ἐπί(τροπος) Δελματίας, ἐπί(τροπος) Αἰγύπτου ἰδίου λόγου, ζήσας ἔτη νε'. Должность ἐπί(τροπος) Αἰγύπτου (Ἀλεξανδρείας) τοῦ ἰδίου λόγου = procurator idiologus ad Aegyptum.

следней. Начал он службу в качестве *tribunus militum* XIV, затем XIII легиона. В середине II в. и при Марке Аврелии XIV легион стоял в Верхней Паннонии, имея базой Карнунт, XIII легион стоял в Дакии, имея базой Апулум [Schulten, 1925, Sp. 1719 f.; Mocsy, 1974, с. 96, 99]. Далее Аполлонид идет на повышение в Аквитанскую Галлию, где занимает должность прокуратора по цензу, затем переводится в Нижнюю Мезию на должность прокуратора, потом идет на повышение во Фракию (в той же должности, но это была более значительная провинция). После Фракии Аполлонид перемещается в Далмацию-Истрию в качестве прокуратора-дученария, затем в Александрию в должности прокуратора-дученария частного фиска, в функции которого в Египте входил надзор за всяким выморочным имуществом и тем имуществом, которое должно отойти к императору (*Strabo*, XVII, 1, 12).

Ни один ни другой *cursus* не упоминает о службе Аполлонида в Херсонесе, поэтому резонно полагать, что он прибыл сюда в качестве прокуратора провинции Нижняя Мезия, к которой формально «принадлежал» таврический город. Указанием на это может служить и прокураторский ранг Аполлонида в нашей надписи — ἀγερῶν стк. 12 (ср. τῆς Μυσίας ἀγερῶν «прокуратор Мезии» в херсонесской надписи второй половины I или II в. н. э. I² 420)⁷¹. Прозорливец А. Штайн правильно угадал, что Аполлонид был прокуратором Нижней Мезии в правление Марка Аврелия⁷². Дата херсонесского декрета указывает, что в 174 г. он был прокуратором этой провинции, куда переведен из Аквитании. Следующий этап его карьеры — прокураторство в провинции Фракия — приходится на следующее пятилетие или на ближайшее после 180 г. время (между 175–180 гг. здесь были прокураторами Азелий Эмилиан и Клавдий Беллик [PIR I, p. 241 sq., № 1211; II, p. 185, № 815; IG Bulg. II, 727, comm.]). После этого Аполлонида оставалось занять еще две прокураторские должности в Далмации и Египте, где он и закончил свой жизненный путь в возрасте 55 лет. Это было, скорее всего, во время Коммода (180–192), самое позднее в начале правления Северов (192–235). В любом случае его деятельность закончилась не позднее 190-х гг. Поскольку никейская почетная надпись упоминает ту же последнюю должность Аполлонида, что и его эпитафия, она относится к конечному этапу его службы и жизни: обе надписи датируются концом 180-х — 190-ми гг. Постановка Г. Лукемом статуи Аполлонида в вифинской Никее может указывать на его никейское происхождение, где он мог начать свою всадническую карьеру, продолженную в Паннонии и Дакии в качестве военного трибуна.

Цель миссии Аполлонида в Херсонесе поясняется стк. 11–17 нашего декрета, наиболее содержательными в историческом плане: «Прежде всего восхвалить императора за то, что прислал такого прокуратора спасителем дружественного союза, опору провинции; также превосходно почтить его (императора), так удостоверяя, что к благу нашего города он прислал такого вождя мира у нас». Из данной статьи декрета явствует, что основной итог деятельности Аполлонида в Херсонесе — устройство мира (τῆς παρ' ἡμεῖν εἰρήνης). Этот мир παρ' ἡμεῖν «у нас» может быть по характеру внутривосточным и внешнеполитическим, т. е. миром в сре-

⁷¹ Слово ἀγερῶν — греческий эквивалент лат. princeps, praeses, praefectus etc., также procurator [Mason, p. 52]. В частности, в надписях Фракии прокураторы преторского ранга обычно именуются по-гречески ἡγεμονεύων, реже ἡγερῶν (последнее, к примеру: IG Bulg. III, 615, 660 — время Марка Аврелия и Коммода).

⁷² Он отметил, что в Аквитании, где Аполлонид был прокуратором по цензу, цензы проводились со 161 г. [Stein, 1940, S. 113].

де херсонеситов, либо миром между херсонеситами и варварским окружением. Если считать, что «мир у нас» — это мир в среде херсонеситов, то это означает, что в Херсонесе имели место гражданские междоусобицы, которые уладил прибывший из Нижней Мезии прокуратор. Но для такой трактовки событий достаточных оснований нет. Конечно, можно отметить существенное обновление именника городской номенклатуры 174 г. по сравнению с 129–140 гг., но эти изменения нельзя связывать лишь с внутренними междоусобицами (см. ниже). Можно также видеть вслед за В. И. Кадеевым и издателями найденного им декрета указания на социальную борьбу, однако, на наш взгляд, содержание его иное (см. ниже). Наконец, трудно полагать, что у Марка Аврелия, находившегося в 174 г. в прифронтовой ставке, были необходимость и возможность вникать во внутригородские херсонесские дразги да еще отвлечь на их решение наместника нижнедунайской провинции, который по своей должности занимался в это время подготовкой к открытию фронта против сарматов и языгов междуречья Дуная и Тиссы (см. ниже).

Таким образом, следует заключить, что деятельность Аполлониды в Херсонесе направлена на установление мирных отношений города с его варварским окружением. На такую стратегическую задачу указывает сам факт отправки прокуратора провинции Аполлониды в Херсонес императором. Знаменательна в этом отношении дата декрета — 174 г. Это важнейший год Маркоманнской войны, когда произошел перелом событий в пользу римлян и Марк Аврелий переехал из Карнунта в Паннонии на восток, в словацкий Грануа и Сирмий в Сербии в связи с открытием фронта в междуречье Дуная и Тиссы против языгов, роксолан и сарматов.

Подробное рассмотрение этих и других обстоятельств составляет существо нашего исторического комментария. Итак, по нашему мнению, дата декрета и миссия Аполлониды в Херсонес связаны с событиями Маркоманнских войн (166/167–180), грандиозного военного столкновения Рима с многочисленными германскими и сарматскими народами, положившего начало закату римской мощи. Военные действия велись на всем протяжении среднедунайского и дакийского пограничья сначала с переменным успехом, со 173–174 гг. в пользу римлян⁷³. Из числа народов, выходцев из Сев. Причерноморья, Риму противостояли ираноязычные языги, аланы и роксоланы, родственные друг другу; источники называют их в целом сарматами и савроматами (*Paus.* VIII, 43, 6; *Euseb.*, p. 170 Schoene; SHA. M. Ant. Phil. 22, 1; 27, 10). В I в. до н. э. — I в. н. э. аланы, языги и роксоланы обитали у Танаиса и Меотиды (*Strabo*, VII, 3, 17; *Ios. Phl. Bell. Iud.* VII, 7, 4) [Симоненко, 1991]. Такая локализация показывает, что это же время отражают данные Птолемея (*Geogr.* III, 5, 7) и «Страбоновская хрестоматия» (кн. VII). Уже с начала I в. н. э. эти народы передвигались на запад по степному коридору сначала до Днепра, затем до низовьев Дуная⁷⁴. К середине I в. н. э. часть языгов прорвалась далеко на запад и осела на

⁷³ См. об этом [Режабек, с. 119 сл.; Елипашева-Стручалина, с. 48 сл.; Колосовская, с. 216 сл.; Чаплыгина, с. 60 сл.; Petersen, Domaszewski, Calderini, 1896; Dodà, 1913, p. 162 f.; Zwiicker, 1941; Carrata Thomes, 1953, p. 103 f.; Caprino, 1955, p. 81 f.; Oliva, 1962, p. 259 f.; Morris, 1979, S. 73 f.; Langmann, 1981; Parain, 1982, p. 147 f.; Birley, 1987, p. 159 f.].

⁷⁴ *Strabo*, II, 5, 7; VII, 3, 17: роксоланы обитают между Танаисом и Борисфеном. К. Ф. Смирнов [1947, с. 213] отнес это передвижение еще ко II в. до н. э. Согласно Тациту (*Hist.* I, 79), в 68 г. н. э. 9 тыс. роксолан вторглись в Мезию и были разбиты. По Плинию (*NH*, IV, 80), к северу от Истра прибрежные местности занимали в прошлом разные народы, последними аланы и роксоланы. Сенека (*Thyest.* 629) отмечал, что аланы проникают до Истра. Согласно Авиену (*Descr.* 443), по Истру рядом с даками обитают аланы (известие восходит к утраченной «Истории» Саллюстия). По Овидию (*Epist.*

Среднем Дунае около Карнунта в Паннонии (*Plini Hist. nat.* IV, 80). В 117 г. союзные Риму сарматы и роксоланы в Мезии восстали из-за уменьшения выплат им; расследовав дело, Адриан заключил мир с рокосланским царем (SHA. *Hadr.* 6, 6–7). К середине II в. еще одна часть языгов утвердилась в Тисско-Дунайском междуречье, у западной границы Дакии (*Ptol. Geogr.* III, 5, 1; VIII, 10, 2 и восходящие к нему известия: *Marc. Per.* II, 38; *Anonymi Per. epit.* IV, 11). Роксоланы обретались в Прутско-Днестровском междуречье. В Маркоманнских войнах аланы, языги и роксоланы выступили в числе прочих народов против Рима (SHA. *M. Ant. Phil.* 22, 1).

К 172 г. римляне вытеснили германцев и сарматов из провинций Дакия, Мезия, возможно, также Норик, Паннония, и перенесли военные действия на территорию противника. В частности, зимой 172/173 или 173/174, либо даже 174/175 г. римляне разбили языгов на льду Дуная (*Dio Cass.* LXXI, 7, 1)⁷⁵. Весной 174 г. завершилось покорение квадов и маркоманнов, после чего Марк Аврелий перенес основные действия на восточный — сарматский — фронт: из Карнунта он переехал на восток, в Грануа (на современной реке Грон в Словакии), затем в Сирмий (современная Сремска-Митровица в Сербии) к языгско-дакийскому пограничью на Тиссе, где находился в 174–175 гг. Деятельность его здесь почти не освещена письменными источниками, но, возможно, рельефы на триумфальной колонне императора в Риме рисуют походы на Тиссу и в Затисье⁷⁶. В конце 174 или начале 175 г. понесшие большие потери языги прислали посольство к императору для заключения мира. Видимо, в это время у императора зародился план создания двух новых провинций — Маркоманнии и Сарматии, однако восстание Авидия Кассия в Сирии весной 175 г. вынудило его спешно заключить мир с сарматами и отбыть на Восток⁷⁷. По заключении мира языги оказали какие-то значительные услуги Риму, за что Марк Аврелий уменьшил наложенные на них повинности и позволил им сноситься через Дакию с родственными им роксоланами (*Dio Cass.* LXXI, 19, 2). В конце 175 г. за победы над сарматами сенат преподнес императору титул *Sarmaticus*, победа нашла отражение в изображениях на римской монетной чеканке [Абрамзон, 1999].

I, 2, 79–83; IV, 7, 8–10), языги в своих набегах переправляются через Истр. Подробнее о сарматах на Нижнем Дунае [Konik, 1959/60; Instinsky, 1972; Подосинов, 1984, с. 125 сл.; 1985, с. 161 сл.; Чаплыгина, 1990, с. 44 сл.; Буйских, 1991, с. 127 сл.].

⁷⁵ См. об этих датах [Режабек, с. 178 сл.; Елипашева-Стручалина, с. 56; Birley, p. 177].

⁷⁶ [Carpino, p. 101 f.]. По мнению Морриса, однако, фигура Виктории разделяет сцены с изображением событий 173–175 и 177–180 гг. [Morris, S. 76].

⁷⁷ *Dio Cass.* LXXI, 33, 4; SHA. *M. Ant. Phil.* 24, 5; 27, 10. В § 24, 5 Юлий Капитолин говорит, что восстание Авидия Кассия помешало осуществлению этого замысла, который, стало быть, вынашивался в 174–175 гг. Однако далее (§ 27, 10), рассказывая о трех последних годах жизни Марка Аврелия (177–180), снова проведенных в войне с квадами, гермундурами, маркоманнами и сарматами, Капитолин отмечает, что для осуществления плана по созданию новых провинций ему не хватило лишь одного года, т. е., можно заключить, план вынашивался или возник в 179–180 гг. (ср. у Диона Кассия, I. с.: «и если бы он жил дольше, подчинил бы весь этот регион»). На этом основании одни исследователи относили эти планы к 174–175 гг., другие к 179–180 гг., третьи вообще отрицали историчность сведений об этих планах (см. резонные аргументы А. Мочи и А. Бирли против последней точки зрения [Mocsy, 1971, S. 63 f.; Birley, p. 253]). Заметим, что приведенные сообщения Капитолина не противоречат друг другу: план мог возникнуть еще в 174–175 гг., но восточные дела отвлекли императора, а со 175 г. война с германцами и сарматами отодвинула его осуществление до успешного ее окончания, которое обозначилось в 179 г. Марк Аврелий снова вернулся к замыслу пятилетней давности по созданию новых провинций, однако внезапная смерть в марте 180 г. и поспешный отвод войск Коммодом сняли его с повестки дня. Такой ход событий и объясняет оговорку Капитолина и Диона Кассия, что для окончательного покорения региона и создания провинций императору не хватило лишь одного года.

Таковы события, имевшие место на германо-сарматском пограничье Римской империи, на фоне которых и в связи с которыми, полагаем, произошла поездка Аполлониды в Херсонес. Данные декрета в его честь дополняют приведенные выше немногие известные нам сведения о мероприятиях Марка Аврелия на сарматском фронте. Мы отмечали, что до прокуратуры в Нижней Мезии Аполлонид прокуратурировал в Аквитании. Это перемещение из Галлии на Нижний Дунай резонно связывать с переносом театра войны на сарматское пограничье весной 174 г.: Аполлонид служил ранее в качестве военного трибуна XIV и XIII легионов в Паннонии и Дакии и потому как сведущий в военных делах данного региона офицер или официал переведен сюда из Аквитании. Это позволяет предполагать, что назначение в Нижнюю Мезию (с повышением в должности) Аполлонид получил в том же 173/174 г. Стало быть, поездка в Херсонес могла быть одним из первых мероприятий Аполлониды на новом месте его службы. Такой ход дел объясняет участие императора в направлении миссии Аполлониды в Херсонес. В литературе вслед за А. Домашевским открытие сарматского фронта относят обычно к 174 г., но другие высказывались за 173 г.⁷⁸ Отправка Аполлониды в Херсонес для упрочения мирных отношений с тамошними варварами в январе-феврале 174 г., на наш взгляд, указывает на подготовку сарматской войны с начала данного года (или еще с конца 173 г.) и на открытие военных действий на новом фронте весной 174 г. Как сказано, весной этого года завершилось покорение квадов и маркоманнов и Марк Аврелий переместился на сарматский фронт. Датировка Аполлонидова декрета февралем 174 г. подтверждает такую хронологию и ход событий. Инициированная императором поездка прокуратора Нижней Мезии в Херсонес была дипломатическим мероприятием, очевидно, имевшим целью сохранить спокойствие и мирные отношения с империей в глубоком тылу сарматов Потисья, — этот мир лишил языгов, алан и роксолан поддержки со стороны их северочерноморских сородичей. Уже в ходе германской войны 166–172 гг. Марк Аврелий широко использовал дипломатию, чему способствовали противоречия внутри германских и сарматских народов, у которых были сильные проримские партии. В частности, мы знаем о римской и антиримской партиях у языгов, возглавляемых своими царями, и именно проримская партия прислала в 174 г. посольство к императору с просьбой о мире. Использовал Марк Аврелий и межэтнические противоречия у противника. Так, в 172 г. он подкупил германцев с тем, чтобы они напали на языгов. Он также принимал некоторые племена в римские пределы и использовал их для борьбы с противником.

Теперь выясним, с какими народами Аполлонид мог вести переговоры из Херсонеса. Территория Херсонесского полиса ограничивалась на севере городищем Алма Кермен, представляющим собой на протяжении II в. римский военный пост (такие *stationes* устраивались по всему римско-варварскому лимесу и до Маркоманнских войн и особенно по их завершении). Здесь стояла часть, приписанная к XI Клавдиеву легиону. Римляне оставались тут до третьей четверти III в. Городище расположено на полпути между Бахчисараем и Симферополем и было форпостом против угрозы, исходившей из столицы скифского царства Неаполя. Население Юго-Зап. Крыма во II в. продолжало оставаться преимущественно скифским, хотя некоторую его часть

⁷⁸ Датировка 174 г. [Режабек, с. 179; Елипашева-Стручалина, с. 56; Carrata Thomes, p. 117; Caprino, p. 101 f.; Birley, p. 176]. Датируют 173 г. [Rohden, 1894, Sp. 2299; Zwicker, S. 198 f.; Кудрявцев, 1954, с. 194].

составляли сарматы⁷⁹. Юго-Западная и Центральная Таврида вместе с областью за перешейком до Борисфена составляла отдельный политический регион Сев. Причерноморья, так называемую Малую Скифию (*Strabo*, VII, 4, 5; *Chrest. Strab.* VII). Во времена Домициана (81–96) Малую Скифию населяли тавры, аланы и роксоланы⁸⁰. По Плинию (NH, IV, 88), от Бука (Сиваш) над Меотидой живут сарматы, т. е. те же аланы и роксоланы; по Страбону (II, 5, 7; VII, 3, 17), роксоланы обитают между Танаисом и Борисфеном. Эти данные отражают ситуацию еще I в. до н. э. Они указывают, что территория Малой Скифии от Перекопа до Нижнего Днепра уже в I в. н. э. занята сарматами, именно роксоланами и аланами. На уцелевших позднескифских городищах (Красномяцкое, Николаевское, Золотая балка и др.) того времени, как и во II в. н. э., обитали потомки скифов, обратившиеся к земледелию, тогда как в степях господствовали сарматы [Вязьмитина, 1971, с. 240 сл.]. Присутствие скифского населения в Нижнем Поднепровье удостоверяется сообщением Птолемея (*Geogr.* III, 5, 11) о тавроскифах, обитающих на Ахилловом беге, т. е. на Тендровской и Джарылгачской косах, а также на Кинбурнском полуострове.

Таким образом, в пограничной с Херсонесской областью Малой Скифии во II в. обитали потомки скифского населения, более склонные к оседлости, и кочевые сарматы, именно роксоланы и аланы. Часть этих кочевников уже в I в. н. э. оказалась далеко на западе (см. выше), на границах римских провинций Дакия и Нижняя Мезия, где с языгами и тамошними германцами составила «сарматский фронт» в период Маркоманнских войн. Языги, роксоланы и аланы как родственные народы одного сарматского (иранского) корня поддерживали сношения друг с другом, о чем свидетельствует упомянутое разрешение Марка Аврелия языгам Затисья сноситься с родственными им роксоланами через Дакию (*Dio Cass.* LXXI, 19, 2). Эти роксоланы, напомним, обретались в междуречье Прута и Днестра, не очень далеко от роксолан низовий Днепра, так что те и другие могли подразумеваться в этом сообщении Диона Кассия. У нас нет, однако, известий об участии приднепровских алан и роксолан в Маркоманнских войнах, и это немаловажное обстоятельство, можно

⁷⁹ [Высотская, 1987, с. 56 сл.]. В Херсонесе II в. варварский компонент населения незначителен [Зубарь, 1987, с. 98].

⁸⁰ Обратим внимание читателя, что здесь и далее мы говорим об этой Малой Скифии (иначе называемой также Тавроскифией), а не о нижнедунайской. Географ времени Домициана Дионисий Периегет, перечисляя народы между Дунаем и Меотидой, упомянул среди них алан и тавров, причем последние, как вытекает из его сообщения, населяют Бег Ахилла и местности далее к востоку вплоть до устья Меотиды, под которым следует видеть западный, а не северо-восточный угол Азовского моря (*Dion. Per.* 305–307). Евстафий Фессалоникийский в комментарии к Дионисию замечает: «тавры или росы, живущие около Ахиллова бега» (*Euslath. ad Dion. Per.* 302). Эти росы (Ῥῶσοι) — не другое название тавров, как полагают некоторые ученые, а обозначение роксолан: значение этнонима Ῥωξολανοί, Ῥοξολανοί «светлые аланы», что со времени К. Мюллехофа правильно объясняют из иран. *gaoxšpa- «светлый» (среднеперс. gūxš «сияние, блеск», осет. gūxs, gōxs «свет, светлый», габри guš «светлый», памир., рушан. и др. guš «свет»), и *a(i)ryana- «арии», «аланы» [Müllenhoff, 1892, S. 112 f.; Vasmer, 1923, S. 49], с нашими добавлениями). В. И. Абаев [1949, с. 178; 1973, с. 435 сл.] выводил этноним роксолан из осет. gōxs + alān «светлые аланы». Мы полагаем, что Ῥῶσοι — нормальная греческая передача среднеиран. *gao(x)š- (осет. gūxs и др. или формы с утраченным x типа памир. guš) «светлый». Поэтому упомянутые росы, если придерживаться конкретно-исторической этнической картины данного времени в Малой Скифии, а не абстрактной этимологизации этнонима, — те же роксоланы, которых Дионисий называет аланами, а его комментатор Евстафий росами. Нет никаких оснований видеть в этих росах ни предков славян, ни индоариев, как предлагалось [Трубачев, 1978, с. 402; Стрижак, 1988, с. 155].

теперь думать, объясняется сохранением мирных отношений, установленных с ними Римом ранее: перед интенсификацией военных действий против сарматов на Дунае Марк Аврелий в начале 174 г. посредством миссии Аполлониды удержал царей скифов и сарматов нижнеднепровско-таврической Малой Скифии от оказания помощи своим сородичам и соблазна пожить вместе с ними на римском дунайском пограничье — они остались нейтральными. Далее мы увидим, что Марк Аврелий предпринимал активные действия в варварской глубине Сев. Причерноморья через тамошние греческие города, и это дает основание думать, что мирные отношения с причерноморскими варварами Рим установил еще на первом этапе Маркоманнских войн (166–172 гг.), скорее всего, в виде мирных договоров с ними.

Какую роль играл во всех описанных событиях Херсонес? Из нашего декрета явствует, что ему угрожала непосредственная опасность, ибо Аполлонид назван «спасителем» и «вождем мира» для херсонеситов. Само расположение римских *stationes* на границе Херсонесской области и Малой Скифии (Тавроскифии) указывает, что опасность исходила от тамошних скифов, алан, роксолан, сарматов (напомним, именно они составляли население таврической Малой Скифии). Это показывает, что к началу 174 г. сарматская масса Малой Скифии активизировалась. Естественно предположить, что это было отзвуком активизации языгов, алан и сарматов Тисско-Дунайского пограничья, так что открытие сарматского фронта римлянами было реакцией на их действия там. Соответственным образом их сородичи в Малой Скифии стали угрожать Херсонесу — опорному пункту римлян в Тавриде и Сев. Причерноморье в целом. В результате деятельности Аполлониды в Херсонесе (может быть, и в таврической Малой Скифии), направленного туда — еще раз отметим — самим императором, что подчеркивает стратегический характер миссии прокуратора Нижней Мезии, мир сохранен. В обрисованных выше условиях военно-политического противостояния на дунайском пограничье это означало, во-первых, замирение глубокого сарматского тыла противника, во-вторых, снятие непосредственной угрозы римскому форпосту в Тавриде и Сев. Причерноморье в целом — Херсонесу — со стороны варваров Тавроскифии. То, что римляне и греки Сев. Причерноморья добивались мира с варварами посредством дипломатии «даров», мы покажем далее, здесь же отметим, что в условиях прямой угрозы Херсонесу Аполлонид, вероятно, прибыл в город не только с «дарами», но и с какой-то военной силой, так что интенсификация римского присутствия в Херсонесе и его области отчасти связана и с его визитом (может быть, устройство части или большинства тамошних *stationes*)⁸¹.

Итак, декрет в честь Аполлониды приоткрывает завесу над мероприятиями Марка Аврелия, предпринятыми в Сев. Причерноморье в ходе Маркоманнских войн. Имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют составить теперь

⁸¹ Насколько бесполезны работы зарубежных ученых, не знающих русского языка, но пишущих о надписях Сев. Причерноморья, показывают работы Р. Хенша [Haensch, 1997; 2005]. Не зная, что я писал о военном отряде, сопровождавшем Аполлониду в Херсонес, не ведая, что акцент на этом сделал Виноградов, отрицая дипломатический характер миссии Аполониды, не зная, что Смышляев прямо назвал этот отряд вексилляцией, Хенш, руководствуясь только текстом надписи в SEG 45, 985; 51, 958, думает, что это его открытие. Таковы и другие «достижения» Хенша (куцый список ольвийских эвокатов и пр.) и ему подобных. Напротив, владеющие русским языком Э. Миннз, Я. Харматта, Х. Хайнен, Б. Браво, В. Кожокару, Дж. Хайнд, Д. Браунд внесли значительный вклад в нашу науку.

об этом самое общее представление. Разрозненные до сих пор, в комплексе они свидетельствуют о целенаправленной политике Марка Аврелия в отношении данного региона. Его мероприятия прослеживаются на всей территории — в Орловке на Нижнем Дунае, в Тире, Ольвии, Херсонесе, на Боспоре.

Орловка — предместный военный пост римлян на левом берегу Нижнего Дуная (неподалеку от г. Рени), наиболее активно функционировавший, как показывают монетные находки, при Траяне, Антонине Пие и Марке Аврелии⁸². Здесь стояли векиллиции I Итальянского и V Македонского легионов. Единственный памятник лапидарной эпиграфики дошел до нас именно от времени Марка Аврелия — посвящение за императора (IOSPE I² 1), само по себе подразумевающее его мероприятия по усилению этого стратегически важного форпоста. Активность римлян здесь в это время, без сомнения, связана с Маркоманнскими войнами, и нельзя исключить, что результатом этого напряженнейшего столкновения Рима с варварами было возведение части нижних бессарабских валов, преграждавших кочевникам путь на Нижний Дунай [Бондарь, 1973, с. 151 *сл.*]. Что касается Тиры, то Марк Аврелий подтвердил свободу тиритов от уплаты пошлин [I² 4. 13; Карышковский, Клейман, 1985, с. 123]. В период Маркоманнских войн Тира прекратила выпуск монеты, что может объясняться тяжелой ситуацией военного времени. Сразу же после мира, заключенного Коммодом с варварами, выпуск монет Тирой возобновился в 180 г. [Анохин, 1989, с. 99]. В Ольвии источников по интересующей нас теме больше. Ее эпиграфика представляет нам данные «кадрового» характера — о назначении в Ольвию во II — первой половине III в. должностных лиц для руководства местными делами. Подобно херсонеситам ольвиополиты чествовали их декретами. Так, во II в. провинциальные власти Нижней Мезии (ἡγεμόνιοι) прислали в Ольвию эвоката, т. е. призванного на военную службу ветерана, Агафокла «для необходимых мероприятий» (НО 45. 2–4, *см.* с. 557). О присылке в Ольвию в конце II или первой половине III в. некоего лица в должности эпистата ([? ἐπίστ]άτην), кажется, свидетельствует обломок надписи I² 246⁸³. В таком же плане может быть понят и обломок I² 243, упоминающий «блюстителя» (ἐπίσκοπον), в ведении которого находились дела «на земле и на море» ([? κατὰ γῆν καὶ κατὰ] θάλασσαν, *выше*, с. 599). Некий Марк Аврелий, по мысли Латышева, прислан в Ольвию императорами Септимием Севером и Каракаллой в качестве военачальника (στρατηγός[ας]) для охраны края (φυλαχθῆν[αι]), причем в дальнейшем он избран на должность первого архонта (I² 55). Декрет в честь Карзоаза, сына Аттала, упоминающий Σεβαστῶν, подразумевает соправителей 146–169 гг. Антонина Пия и Марка Аврелия, либо того же Марка и Луция Вера (I² 39, *сomm.* и *выше*, с. 596); упоминаемая в стк. 28 декрета συμμάχια — это союз Ольвии и Рима, заключенный ездившим к императорам в Рим Карзоазом (*выше*, с. 595).

В ольвийской эпиграфике нередки и упоминания о посольствах к скифским и сарматским царям во II в. н. э. (подробно о них с. 601/2). Их целью была выплата царям «даров» — отступной платы за мирные отношения, и следует думать, что ἐῖρηνη, видимо, заключенные Римом с царями Малой Скифии и подтвержденные

⁸² [Бондарь, Булатович, 1982, с. 156]: преобладают монеты II в., особенно Антонина Пия и Марка Аврелия (но численность монет невелика).

⁸³ *См.* *выше*, с. 598. *Ср.* IG Bulg. III, 891 от 230 г.: эпистат Филиппополя, столичного города провинции Фракия, прислан римскими властями, по происхождению он кимеец из Эолиды; *ср.* [Ib. 1515].

в результате деятельности Аполлониды, подкреплялись аналогичными «дарами». Собственно, из-за уменьшения подобных выплат и произошло упоминавшееся возмущение сармат и роксолан в Мезии, улаженное Адрианом лишь по восстановлению следуемых выплат. Вряд ли стоит сомневаться, что успех миссии Аполлониды стимулирован тем, что он пополнил казну скифских и сарматских царей Малой Скифии. Параллелизм близких по времени акций Аполлониды и ольвиополитов по укреплению мирных отношений с варварскими царями Малой Скифии позволяет предполагать, что и миссии Посидея, сына Сатира (выше, с. 601), были инспирированы Марком Аврелием подобно миссии Аполлониды.

Если верно наше предположение о связи декретов I² 51 и 54 с временем Марка Аврелия, можно заключить, что император, ввиду обстоятельств Маркоманнской войны, придавал важное значение Херсонесу и Ольвии как центрам дипломатической стабилизации варварской массы Нижнего Поднепровья. Еще во времена Антонина Пия в самой Ольвии возведена цитадель, а в хоре образуются укрепленные *stationes* — Козырка, Скулька, Дидова Хата, Дарьевка на Ингульце [Буйских, 1991, с. 135 сл.]. Эти форпосты прикрывали Ольвию от скифов и сармат Нижнего Поднепровья, и, по заключению С. Б. Буйских, обстановка здесь была стабильной при Марке Аврелии и Коммоде. Этот вывод согласуется с данными декретов I² 51 и 54 о мирных отношениях Ольвии со скифами и сарматами, лишний раз подтверждающих датировку временем Антонина Пия и Марка Аврелия. Конечно, отношения с варварами не были идиллическими, что можно понять из декрета I² 54: цествуемый ольвиополит охотно участвовал во «встречах» сарматских царей, «боясь не опасности подвергнуться, а того, что не сможет тем, что в его силах, благоспособствовать отечеству с пользой» (текст наш, с. 512). «Встречи» царей были непредсказуемы по исходу вследствие отсутствия фиксированной величины «даров» и переменчивости царских запросов: так, один раз ольвиополиты дали царю Сайтафарну 400 золотых, другой раз 900, но именно второй суммой царь был разгневан и выступил в поход на Ольвию, которой пришлось ублажать его дополнительно (I² 32 А. 83 сл., см. с. 601).

Во II в. н. э. Рим субсидировал мир с кочевниками Сев. Причерноморья своей монетой, особенно активно это делали Антонин Пий и Марк Аврелий⁸⁴. Полученные от Марка Аврелия римские денарии были тем платежным средством, «дарами», которыми послы Ольвии Посидей, сын Сатира, и Аноним, а из Херсонеса Аполлонид покупали мир и нейтралитет сармат и скифов, столь необходимые Риму в период Маркоманнских войн. Часть этих субсидий шла также через Боспор, на примере которого видно, что Рим обеспечивал свои стратегические интересы в Сев. Причерноморье во многом за счет местного эллинизма⁸⁵. К выявлению мероприятий Марка Аврелия в Сев. Причерноморье может быть привлечен еще один памятник — удивительная по месту обнаружения в Партените почетная надпись Савромата II на мраморной плите в честь некой благодетельницы (текст и пер. Латышева = КБН 955, с нашими поправками по его прориси): [Τ. Πούλιος) βασιλ(εὺς)

⁸⁴ По подсчетам В. П. Кропоткина [1961, с. 32, табл.], на территории Восточной Европы найдено 478 монет Траяна, 540 Адриана, 1733 Антонина Пия, 1600 Марка Аврелия и Луция Вера, 606 Коммода, 109 Септимия Севера. По его заключению [с. 33], это серебро не только служило для накопления сокровищ, но и участвовало в торговом обмене.

⁸⁵ [Фролова, 1982, с. 61]. Лукиан (Alex. 57) упоминает ежегодную дань, выплачиваемую Боспором римскому наместнику в провинции Вифиния при царе Тиберии Евпаторе (154–170), т. е. Рим одной рукой брал у Боспора, а другой отдавал взятое у него варварам Сев. Причерноморья.

Σαυρο]μάτης φιλόκ[αισαρ] καὶ φιλορώμ[αιος εὖ]σεβ(ῆς) τὴν ἰδ[ίαν καὶ τῆς] βασι[λείας] ε[ὖ]εργέτ[ιν--] «Тиберий Юлий царь Савромат, друг цезаря и друг римлян, благочестивый, личную свою и своего царства благодетельницу...»⁸⁶ Надпись удивительна не текстом — он типовой, а местом обнаружения, так как район Гурзуфа на побережье Юго-Зап. Крыма принадлежал не Боспору, а Херсонесу. Вряд ли оправданно предположение Латышева [1908, с. 37] о перемещении плиты сюда в качестве строительного материала из Феодосии или Старого Крыма. Полагаем, ее присутствие тут объяснимо «присоединением Таврики по договору» к Боспору (КБН 1237 от 193 г.): Савромат мог поставить благодарственный монумент благодетельнице за содействие в чем-либо, например в заключении этого договора. В Херсонесе ключевую роль во внешнеполитических делах играли римляне, поэтому памятник боспорского царя на его территории не мог бы появиться без их содействия. Согласно КБН 1237, Таврика присоединена к Боспору не только по договору, но и в результате войны Савромата II с крымскими скифами [Яйленко, 2010, с. 587]. Но можно ли представить себе Таврику без территории Херсонесского государства? Вряд ли, поэтому следует заключить, что и Херсонес был по крайней мере номинально вновь, как в прежние времена, до Антонина Пия (о них [Анохин, 1977, с. 56 *сл.*; Фролова, 1978; Кадеев, 1981, с. 19 *сл.*; Уженцев, 1999]), подчинен Боспору через союзный договор. Обратим внимание, что сын и наследник Савромата II Рескупорид III был царем «всего Боспора и тавроскифов» (КБН 1008)⁸⁷, а не Таврики, как его отец, так что при Рескупориде Херсонес освободился от боспорской опеки. Разница терминов — Таврика у Савромата и тавроскифы у Рескупорида — показывает точность их употребления, соответствие политической действительности. Выявляемое археологическим материалом активное экономическое присутствие Херсонеса на Боспоре в это время [Сорочан, 2002] подтверждает их политическую связь.

По мнению В. Ф. Гайдукевича (коммент. к КБН 955), партенитская почетная надпись поставлена Савроматом II в честь римской императрицы, что сомнительно⁸⁸. Понятно, почему Динамия и Гепепирия ставили благодарственные надписи Ливии:

⁸⁶ КБН: [--εὖ]σεβ(ῆς) τὴν ἰδ[ίαν καὶ τῆς] βασι[λείας] ε[ὖ]εργέτ[ιν--]. Чтение титула [τῆς] βασι[λείας] ε[ὖ]εργέτ[ιν] прочно, других мало-мальски обоснованных вариантов нет. Первая строка длинная, остальные короче, это указывает, что справа от текста могло размещаться рельефное изображение. Другой обломок двух строк (в верхней сохранилось Ε, в нижней остаток буквы Ν) можно подсоединять справа к стк. 5–6 (как в КБН-альбоме), либо размещать его ниже и дополнять, быть может, обычную концовку [τεῖς χάρι]ν, но не дату по босп. эре, так как цифры ΝΥ = 450 не соответствуют правлению Савромата II и III, времени которых вполне соответствует шрифт надписи.

⁸⁷ [Гайдукевич, 1949, с. 336]. По письму КБН 1008 может относиться ко всему III в. и позднее, но правившие в бедственные для Боспора времена Рескупориды IV, V, VI не могли иметь значительного титула «царь Боспора и тавроскифов».

⁸⁸ По письму надпись относится ко времени Савромата II и ко всему III в., но из числа правивших в III в. Савроматов Савромат III сидел на троне всего 2 года, а Савромат IV и вовсе 1 год, что сводит к минимуму их шансы на постановку надписи так далеко от Боспора. В. М. Зубарь [1998, с. 113] принял мнение о постановке надписи римской императрице и связал это с вероятным «победоносным окончанием совместных действий против варваров» боспорян и римлян. Нам, однако, ничего не известно об участии римлян в военных действиях Савромата II, завершившихся присоединением Таврики «по договору»: вотив КБН 1237 сообщает лишь о присоединении да еще о войнах с сираками и скифами. Если бы в надписи шла речь об императрице, скорее это была бы жена Септимия Севера Юлия Домна, императрица со 193 г. По краткости обладания этим титулом еще менее вероятны жена Марка Аврелия Фаустина, умершая в 176 г. (Савромат занял трон в 173 г.) и жена Коммода Криспина (178–182). С 200 по 205 г. влияние Юлии Домны невелико, она была в силах в 193–199 гг. и с 206 г.

хотя официальное решение выносил Август, почву царицы «рыхлили» в свою пользу через его жену. Однако участие римской императрицы в таком эпизоде внешнеполитической истории на границах империи, как боспорско-херсонесские отношения, маловероятно. Полагаем, этой благодетельницей могла быть Аврелия Паулина, жена прокуратора провинции Нижняя Мезия Тита Аврелия Кальпурниана Аполлонида. В феврале 174 г. он прибыл с женой в Херсонес и провел тут настолько важные для города мероприятия, что местные жители почтили его почетными декретами, причем Аврелия Паулина удостоилась за свои благодеяния отдельного декрета (напомним, что начало декрета в честь Паулины отбито, поэтому реальное содержание ее благодеяний неизвестно). Масштабные задачи миссии Аполлонида в Херсонес по замирению варварской массы Нижнего Поднепровья и Крыма вряд ли могли увенчаться успехом без участия Боспора, основной силы в Крыму и Приазовье, поэтому можно предположить, что недавно вступивший на трон Савромат II был вовлечен в дела миссии. И Херсонес, и Боспор крайне заинтересованы в победе Рима над языгами, роксоланами и сарматами (в противном случае они оказались бы без римской поддержки, лицом к лицу с грозными кочевниками). Паулина оказала благодеяния Херсонесу, вероятно, не обошла она ими и Савромата, за что царь и поставил ей благодарственную надпись в Партените, неподалеку от Херсонеса. Если наши сопоставления верны, дата этой надписи 174 г.

Наша реконструкция проливает свет на еще одно мероприятие Марка Аврелия в Сев. Причерноморье — интронизацию Савромата II. Вопрос о начале его правления неясен (подробнее [Сапрыкин, 2009, с. 330/1]). Он не был сыном своего предшественника, царя Евпатора, его отец — давно умерший Реметалк (131–153), соперник Евпатора. Последняя датированная монета Евпатора выпущена в 467 г. б. э. = 170/1 г. н. э., первая монета Савромата II — в 471 г. б. э. = 174/5 г., с указанием царского титула. Налицо 3–4-летний перерыв в преемственности боспорского престола⁸⁹. Означает ли этот *interregnum*, что Савромат получил царский титул не ранее октября — декабря 174 г.? Если принять нашу дату партенитской надписи — февраль 174 г. или чуть позднее, у него уже тогда был минимальный набор царских титулов: «Тиберий Юлий царь Савромат, друг цезаря и друг римлян, благочестивый». Вместе с тем получает объяснение также постановка почетной надписи в честь Паулины в качестве «личной своей и своего царства благодетельницы» — супруга прокуратора также причастна к благополучному для него разрешению вакуума власти на Боспоре Марком Аврелием. Решение им вопроса о престолонаследии в пользу Савромата, видимо, в обход прямого наследника Евпатора, свидетельствует о поисках императором в условиях войны с сарматами сильного правителя на Боспоре: Савромат действительно известен нам как энергичный и воинственный царь, покоривший в 193 г. сираков азиатского Боспора, скифов Таврики и присоединивший юго-запад полуострова к своему царству (КБН 1237). По-видимому, эти акции Савромата

⁸⁹ Последние монеты Тиберия Евпатора чеканены в 170/1 г., первые монеты Савромата II в. 174/5 г. На то, что это был перерыв в царствовании, указывает регулярный характер эмиссии золота на Боспоре в середине — второй половине II в., не допускавшей столь больших перерывов без причин тронного свойства. Были лишь годовые перерывы технического характера в 443 г. босп. эры = 146/7 г. н. э. при Реметалке, в 465 г. босп. эры = 168/9 г. при Евпаторе; четыре однолетних перерыва в 182/3, 185/6, 202/3, 207/8 г. при Савромате II [Анохин, 1986, с. 110, 112, 114]. Лишь в 434–438 гг. босп. эры = 137/8–141/2 гг. случился длительный перерыв эмиссии вследствие борьбы за престол, начатой Евпатром после смерти Адриана в 138 г. [Ib., с. 110].

в Крыму соответствовали интересам Рима и были задуманы Марком Аврелием как условие или предпосылка возведения Савромата на царство. Подчинив скифов, которых римлянам приходилось ублажать в 174 г. посредством миссии Аполлониды, Савромат взял под свой контроль Юго-Зап. Тавриду, которую сильный Боспор легче контролировал, нежели слабый Херсонес⁹⁰.

Наконец, в Херсонесе есть еще один памятник, связанный с исследуемыми нами событиями. Он близок рассмотренным ольвийским декретам I² 51 и 54 по упоминанию варваров и действиям в связи с ними. Это найденный в 1968 г. обломок декрета, чрезвычайно близкий Аполлонидову декрету по письму и оформлению стелы (рис. 120)⁹¹. Надпись 1968 г. и декрет в честь Аполлониды вышли из одной мастерской камнетёсов и резчиков письма. У них близкая толщина плиты (7,5 и 9 см), оформление лицевого поля филенками сложного профиля, более того, подобного по сечению. Одинаков характер письма, включая те же лигатуры, одинаково расстояние между буквами и строками, одни и те же размеры и формы букв, в том числе таких показательных, как *сигма*, *омега*, *кси*. Имеющиеся различия лишь в нюансах, так что это, бесспорно, очень близкие по времени памятники, можно сказать, синхронные. Сохранившийся текст надписи 1968 г. отрывочен, наше чтение: [--με]νος τάξις --|το των εν[-- пот' *vel* пар'] ἂμὲ στратίῳ[ται --]|⁵ τε γὰρ κοσμή[--? εἰρά]ναι τὰ βαρβ[ар--? χάμ]ατα ἑᾶ ἑξαμεί[βειν -- εὖ]νόμεως δὲ ἀμ[--? ἀρι]στείῳ μεγαλοδ[ρω τε --]| δ(ό)μεν<ν> ὡς οἱα ||¹⁰ καὶ τοῖς ἱεροῖς --| τὰν διασάμ[ων -- δαμο]κράτιαν пот' -- «-- порядок (воинский строй?) -- у нас солдаты -- устроить мир (?), варварск-- (?) деньги дают возможность миновать -- благозаконно -- (?) почетным даром и щедрым подношением -- давать примерно -- и священным(и) -- славны-- демократию у--».

Обоснуем наше понимание надписи. *Стк. 1.* Слово τάξις «боевой порядок, строй» сочетается с различными глаголами — καθίστημι, ἄγω, ποίεω и пр.; от медиально-пассивного причастия одного из них сохранилось окончание [--με]νος. *Стк. 4:* κοσμή[--] — это остаток глагола κοσμεῖν «устанавливать, упорядочивать, править» или слова κόσμος «порядок, устройство». Слова τάξις и κόσμος, κοσμεῖν употребительны в военном смысле и нередко сочетаются друг с другом⁹². У нас между τάξις стк. 1 и κοσμή- стк. 4 стоит слово στратίῳ[ται] стк. 3, что подтверждает военный контекст первых четырех строк надписи, состоящий приблизительно в том, что чествуемое декретом лицо осуществляло военные мероприятия. Выражение стк. 2–3 [пот' *vel* пар'] ἂμὲ στратίῳ[ται] подразумевает «солдат, находящихся у нас (херсонеситов)», т. е. не воинов-херсонеситов, а солдат, расположенных у херсонеситов; на обустройство этих солдат в Херсонесе могут указывать слова τάξις и κοσμή- предшествующих строк. Все это указывает, что упоминаемые солда-

⁹⁰ Подробнее о боспорско-херсонесских отношениях во II–III вв. [Яйленко, 2010, с. 511/6].

⁹¹ [Граков, Виноградов, с. 128 (фото)]. Надпись издана небрежно: не указана даже ширина филенки, и это не мелочь: при бордюре такой ширины строка должна насчитывать не 21–24 буквы, как сочли издатели (получается, что треть лицевого поля занимают филенки), а больше на 10–15 букв, как в Аполлонидовом и Евтихиановом декретах (I² 364) и др. Соответственно становятся сомнительными их дополнения во всю строку. Остальные дополнения произвольны и ничем практически не аргументированы. Издатели, ориентируясь на характер письма надписи 185/186 г. о проституционной подати (I² 404), отнесли рассматриваемую надпись к последней четверти II в. В. И. Кадеев [1981, с. 26] датировал ее 130-ми гг.

⁹² Xen. Суг. II, 1, 26: τάξεις κεκοσμένας. Herod. IX, 31: ἐπὶ τάξιν πλείνας ἑκεκοσμέατο. Ср. в невоенном смысле Plato, Gorg. 504a: τάξεις καὶ κόσμος.

Рис. 120. Херсонесский декрет, найденный в 1968 г. [Граков, Виноградов, 1970]

ты не ополчение херсонеситов, а римский отряд, и чествуемое декретом лицо, возможно, командир этого отряда.

Содержание стк. 5–9 определяется словами τὰ βαρβ[αρ--], т. е. нечто, связанное с варварами; ἐὰ ἐξαμεί[[βειν] «дает возможность миновать (избежать)»; μεγαλόδω[ρῳ] «щедростью, щедротами» или «дающим большие дары»; δ(ό)μεν «давать». Как видно, это контекст, близкий по содержанию ольвийским надписям IOSPE I² 51 и 54 (плюс Аполлонидов декрет), повествующим о дарах варварам для сохранения мира. В связи с таким содержанием стк. 5–9 надписи и военным контекстом стк. 1–4 в остатках стк. 5 [--]ναν предположительно усматриваем слово [? εἰρά]ναν, соответствующее слову τᾶς εἰράν[ας] стк. 17 Аполлонидова декрета. В пандан к слову μεγαλόδωρον (-ς) весьма вероятно дополнение по смыслу слова ἀρί[στον] «благодарственное подношение, почетный дар», что определяет наше чтение стк. 7–8:

[? ἀρι]στειῶ μεγαλοδω[ρῳ τε] «почетным даром и щедрым подношением». Смысл стк. 10–12 надписи состоит в констатации того, что деятельность чествуемого «славного» мужа способствовала сохранению или упрочению демократии в Херсонесе, т. е. его политического строя.

Итак, данный фрагмент по содержанию перекликается с Аполлонидовым декретом и упомянутыми ольвийскими надписями, повествуя, вероятно, о командире римского отряда, действовавшем не только на военном поприще, но и дипломатическом, покупая «дарами» мир у варваров. Такие его функции близки функциям Аполлониды, и можно думать, принимая во внимание близость обоих декретов по времени, что Марк Аврелий не ограничивался отправлением в Херсонес одного Аполлониды — это был отработанный прием направления легатов в Ольвию и Херсонес, а также использования местных дипломатов для замирения глубокого варварского тыла противника в ходе Маркоманнских войн. По аналогии с декретом 1968 г. можно предполагать, как сказано, что и Аполлонид прибыл в Херсонес не только с деньгами, но, возможно, и с отрядом римских войск — не последним аргументом в переговорах с варварами Малой Скифии. Напомним, что в Херсонесе стояли вексилляции легионов, расквартированных в Нижней Мезии, прокуратором которой был Аполлонид. Надо учитывать, что о его действиях в Херсонесе и за его пределами речь шла также в утраченной части декрета в его честь.

Возможное направление командиров вексилляций в Херсонес и Ольвию с отрядами солдат и деньгами для военных и дипломатических операций органично встраивается в прослеживаемые от Орловки на Нижнем Дунае до Боспора мероприятия Марка Аврелия по упрочению римского присутствия в Сев. Причерноморье и закреплению мирных отношений с местными сарматами и скифами, в которых Рим особенно заинтересован в период Маркоманнских войн. Это обстоятельство позволяет связать с ним же учреждение объединенного командования всеми римскими силами в Сев. Причерноморье, о котором свидетельствует *cursus* Тиберия Плавция Феррунтияна, исполнявшего должность *praepositus vexillationibus Ponticis apud Scythia(m) et Tauricam* «командир понтийских вексилляций в Скифии и Таврике» (CIL VIII, 619). Во время Маркоманнских войн Тиберий Плавций командовал вексилляцией III легиона, в его надписи также упоминалось стертое впоследствии имя Коммода, т. е. его деятельность проходила на службе у Марка Аврелия и Коммода⁹³. Сказанное о направлении Марком Аврелием командиров вексилляций в Херсонес и Ольвию позволяет считать учреждение единого командования римскими войсками «в Скифии и Таврике» элементом именно его политики в Сев. Причерноморье. Этот акт хорошо сочетается с его вышеупомянутыми планами по созданию провинции Сарматия: Скифия и Таврика — составные части планировавшейся провинции, в которой по типу других провинций вводилось единое военное командование⁹⁴. Это был первый шаг по реализации плана, не получивший развития

⁹³ О проблемах датировки карьеры Феррунтияна [Беляев, 1968, с. 136].

⁹⁴ Обычно полагают, что планировавшаяся Марком Аврелием новая провинция Сарматия территориально должна была располагаться в Задунавье — до Тиссы. Однако, по нашему мнению, существовавшее в середине II в. территориальное понимание Европейской Сарматии многим шире, оно подробно описано Птолемеем (Geogr. III, 5, 1–2): западная граница Сарматии ограничена Вислой, частью Германии между истоками Вислы и Карпатами; южные пределы включают область языгов — переселенцев Затисья, дакийское пограничье и береговую линию Понта до устья Борисфена, далее Сиваш. Хотя формально Таврида в состав Сарматии не входила, вместе с местностями до устья Бо-

вследствие смерти императора в 180 г. Следовательно, учреждение единого военного командования римскими вексилляциями в Скифии и Таврике (скорее всего, со ставкой в Херсонесе или его области) относится к последнему 179/180 г. правления Марка Аврелия, и не исключено, что Феррунтийан был первым и последним командиром всех римских войск Сев. Причерноморья.

Сведенные нами воедино данные о мероприятиях Марка Аврелия в Сев. Причерноморье предстают элементами многообразной политики, предполагавшей уже в 174–175 гг. конечной целью организацию новой римской провинции здесь. Началась эта политика с направления в Херсонес и Ольвию уже с первых лет Маркоманнской войны легатов, подобных Аполлонида, с военно-дипломатическими миссиями; использовались также местные дипломаты и денежные средства. В целом политика Марка Аврелия была продолжением курса, начатого Антонином Пием, соправителем которого он был в 146–161 гг., т. е. на протяжении большей части правления Антонина (138–161). Курс последнего в Сев. Причерноморье основывался на твердом противостоянии мечом и денарием попыткам ущемить римские интересы здесь. Когда тавроскифы Малой Скифии разорили хору Ольвии, Антонин выслал вспомогательные войска, наголову разбившие неприятеля (видимо, с этого времени в Ольвии размещен римский гарнизон)⁹⁵. Сообщив об этом, Юлий Капитолин продолжил: «Поистине, никто не имел столько влияния на народы за пределами империи, поскольку (Антонин) всегда предпочитал мир, так что постоянно повторял высказывание Сципиона: лучше спасти одного гражданина, нежели погубить тысячу врагов» (*Jul. Capit. Ant. Pius*, 9, 10). Подтверждением этого в отношении Сев. Причерноморья служит упомянутое решительное преобладание антониновской монеты на территории варварских народов, получавших ее через Ольвию, Херсонес, Боспор. Следы деятельности Антонина прослеживаются в основных центрах Сев. Причерноморья. Об Ольвии и Боспоре речь уже шла⁹⁶. Херсонесу император дал элевтерию, удовлетворил и другие нужды херсонеситов, чего они давно добивались [*IOSPE I*² 362, 423; Кадеев, 1981, с. 25 сл.]. Статьи декретов в честь Аполлонида и Паулины о даровании им прав гражданства в Херсонесе и прочих привилегий свидетельствуют о сохранении свободного статуса города и в 174 г.

Статьи декрета о предоставлении Аполлонида гражданства, должности булевта и права участия в совете первейших граждан города не более чем дань традиционной вежливости по отношению к чествуемому лицу. Статьи же о предоставлении права въезда и выезда из херсонесской гавани неприкосновенно и без заключения договора (стк. 22–25) выглядят по отношению к прокуратору Нижней Мезии традиционной риторикой, они давно уже не имели реального наполнения⁹⁷.

рисфена, как мы показали выше, она составляла Тавроскифию, так что фактически последняя была одним из регионов Сарматии.

⁹⁵ [Буйских, 1991, с. 134 сл.]. По свидетельству Юлия Капитолина, Антонин «послал к ольвиополитам на побережье Черного моря вспомогательные войска против тавроскифов и одержал настолько решительную победу над тавроскифами, что они дали ольвиополитам заложников» (*SHA. Ant. Pius*, 9, 9). Предположение Зубаря [1993, с. 187] о связи этого сообщения не с Ольвией, а Херсонесом, не имеет должной аргументации.

⁹⁶ Добавим еще одно сообщение Капитолина (9, 8): Антонин «отпустил Реметалка в Боспорское царство, расследовав *спорное* дело между ним и Евпатором». Палатинская рукопись, к которой восходят остальные рукописи *SHA*, дает чтение *curatorem*, что М. Кэри резонно исправил на *Eupatorem*; см. аргументы *pro et contra* [Доватур, 1959, с. 33 сл.; Фролова, 1972, с. 187 сл.].

⁹⁷ По мнению В. Кожокару и А. Лицу [2009], это не пустые привилегии.

Рассмотрим теперь данные декрета об устройстве херсонесского общества. Он завершается перечнем номенклатурной знати города, скрепившей декрет своими печатями. Перечисленные лица в основном впервые упомянуты в херсонесской эпиграфике. Это связано с тем, что третья четверть II в. плохо документирована надписями. Сохраняется деление номенклатуры на три «ряда» (στίχοι), численность их неодинакова: к первому ряду принадлежат 16 человек, ко второму и третьему по 3 человека (всего 22). В целом упомянуто 35 имен и патронимиков (без учета повторений). Менее трети лиц имеет имена, употребительные в правящей верхушке города во второй четверти II в.⁹⁸: Аполлоний, Аристон, Аттин, Гиерон, Диоген, Парфенокл, Понтик, Теаген, Ульпий, Филомуз. Семейная преемственность хорошо прослеживается в ряде случаев. Это, во-первых, Тит Флавий Аристон, Фл. Парфенокл и Фл. Насон (стк. 36, 39), имеющие соименных предков в знатной семье Флавиев, члены которой упоминаются в «номенклатурных» декретах; стемма ее построена Латышевым [1915, с. 30; IOSPE I² 359, коммент.], уточнена Э. И. Соломоник [НЭПХ II, с. 30, 34 сл., 39 сл.], С. Ю. Сапрыкиным [1998, с. 49 сл.]⁹⁹. Во-вторых, Аттин, сын Евридама, и его отец Евридам, сын Диогена (стк. 38–39), принадлежат по переключке имен к роду Аттина, сына Диогена¹⁰⁰. В-третьих, братья Аристон и Хрестион, сыновья Теагена, а также Аттин, сын упомянутого Аристона (стк. 34, 37, 39), родственны по переключке имен Аристону, сыну Аттина, которому посвящен декрет I² 423, датированный временем Реметалка (138–154 гг.), и который упоминается в проксии 106–114 г. Члены этой семьи представлены в каждом из трех «рядов» херсонесской номенклатуры 174 г.: Аристон в первом, его брат во втором, тогда как сын Аристона Аттин в третьем. Это обстоятельство соответствует подмеченной Соломоник иерархии «рядов» — от низшего третьего к высшему первому¹⁰¹. Видимо, все три семьи состояли в родстве друг с другом, на что может указывать употребление одних и тех же имен у отдельных их представителей: имени Аристон у Флавиев и Теагенидов, имени Евридам у Евридамов и у тех же Флавиев (НЭПХ II, с. 40). Подобное отмечается и в именнике знати 106/114–129–140 гг. В целом все эти связи обусловлены матримонийными узлами между знатными семьями Херсонеса.

В списке лиц, скрепивших печатями Аполлонидов декрет, более двух третей имен (25 из 35) новые. Это означает, что за 3–4 десятилетия, отделяющие списки 106/114–129–140 гг. от списка 174 г., произошла существенная смена верхушечного слоя Херсонеса. Имел место какой-то решительный внутренний переворот, о котором мы не имеем пока никаких сведений. Разумеется, речь не обязательно идет о социально-политическом перевороте: эти изменения могут быть связаны и с внешними факторами, например гибелью старой олигархии в войне или от эпиде-

⁹⁸ Номенклатура первой половины II в. упомянута в декретах 106–114 гг., 129, 130 и ок. 140 г. [I² 359; Суров, с. 155; НЭПХ II, с. 24 сл.; Сапрыкин, 1998].

⁹⁹ В декрете 106–114 гг. [Сапрыкин, 1998] и Аполлонидовом декрете числятся Тит Флавий Аристон, Флавий Насон, Аристон Аттинов, они соименные деды и внуки.

¹⁰⁰ [НЭПХ II, с. 24, стк. 15–16]. К этому роду принадлежат также, видимо, Теаген, сын Диогена [Пб., стк. 9–11; I² 359, 30], Афиней, сын Диогена [I² 359, 27]. Ср. [НЭПХ II, с. 24, стк. 9], где следует дополнять имя Афиней или какое-либо другое при сохранившемся патронимике Диоген. Эти лица действовали между 106–140 гг.

¹⁰¹ [НЭПХ II, с. 27 сл.], но ср.: Аттин, сын Евридама, состоит во втором «ряду», но его вероятный отец Евридам, сын Диогена, в третьем. Братья Стратокл и Келериан, сыновья Стратофила, оба числятся в первом «ряду», а братья же Аристон и Хрестион Теагеновы в разных: Аристон в первом, Хрестион во втором.

мии. Что дело не в социально-политических усобицах, указывает сохранение трети старой знати. Декрет предоставляет важные сведения и о стратификации общества в Херсонесе. В стк. 26 упоминаются οἱ ἀρχαῖοι Χερσωνησίται «изначальные херсонеситы», т. е., надо думать, потомки старинных насельников города, даже восходящих к его основателям¹⁰². Это те самые ἀπὸ γένους [πολίται] «граждане по рождению» декрета II в. н. э. I² 364. 23. Видимо, их следует отличать от новой торговой знати первых веков новой эры, разбогатевшей на рыбо- и виноторговле (о ней [Кадеев, 1970, с. 16 сл.]). «Потомственные херсонеситы» и новая знать вместе составляли верхушечную часть гражданства, так называемых первых херсонеситов Аполлонидова декрета (стк. 27–28: Χερσωναῖται οἱ πρῶτοι)¹⁰³.

Аполлониду как лицу высокого ранга дано право «участвовать во всех тех делах в городе, в которых участвуют и первые из херсонесских граждан» (А. 27–28), тогда как его жене Паулине предоставлено «участие во всем том, что и херсонеситам надлежит» (В. 21–23). Эти Χερσωναῖται — рядовые граждане города, δᾶμος стк. 4–5 и др.

Полагаем, в этой тройной структуре херсонесского гражданства и заключается объяснение трех так называемых рядов (στίχοι)¹⁰⁴. В первом «ряду» — «изначальные херсонеситы», во втором нувориши, в третьем представители рядовой гражданской массы (демоса). Декреты 129 и 130 г. насчитывают в городской номенклатуре 23 человека, из них 6 в первом «ряду», 8 во втором, 9 в третьем (в декрете 106–114 гг. «рядов» нет). Номенклатура декрета ок. 140 г. насчитывает 37 человек с распределением по «рядам» 8 : 16 : 13. Декрет 174 г. упоминает всего 22 «номенклатурщика» с распределением по «рядам» 16 : 3 : 3¹⁰⁵. Можно отметить, что за десятилетие между 129–140 гг. существенно возросла численность второго «ряда» (вдвое) и третьего (в полтора раза), тогда как к шести членам первого «ряда» добавились лишь двое. За 35 лет между 140 и 174 г. соотношение числа членов «рядов» существенно изменилось в пользу первого «ряда»: он насчитывает 16 чел. (против 8 ок. 140 г. и 6 в 129–130 гг.), тогда как число членов второго «ряда» сократилось до 3 чел. (против 16 ок. 140 г. и 8 в 129–130 гг.), как и третьего «ряда» (против 13 ок. 140 г. и 9 в 129–130 гг.). Если правильна наша догадка о связи трех «рядов» с тремя социальными группами херсонесского гражданства, можно заключить, что в 129–130 гг. в Херсонесе наблюдалось равновесие всех трех групп, к 140 г. демос и нувориши возобладали в правящих органах полиса, тогда как в 174 г. они потеряли свое значение за счет усиления политического веса «изначальных херсонеситов»¹⁰⁶.

¹⁰² То же в Ольвии, возобновленной после гетского разгрома, и Истрии (выше, с. 570/1, 573).

¹⁰³ Исследователи и раньше догадывались о существовании официального обозначения херсонесской номенклатуры словом «первые» (πρῶτοι) рассказа источника Константина Порфиrogenета о Гикии, — De adm. imp. 53, 236), теперь это подтвердилось документально: πρῶτοι стк. 28. Тем самым удостоверено мнение исследователей и о добротном херсонесском источнике упомянутого рассказа Порфиrogenета (ср. [НЭПХ II, с. 30–31]).

¹⁰⁴ Ср. соображения Соломоник о происхождении и характере «рядов» [НЭПХ II, с. 33 сл.], С. Ю. Сапрыкина [1995] о векторах социальной динамики буле.

¹⁰⁵ С. Ю. Сапрыкин [1998] насчитал по тексту Аполлонидова декрета в версии Виноградова (о нем ниже) 25 членов Совета, в чем усмотрел число гекатостий — по одному члену от каждой гекатостии (сотни). Это было бы убедительно, знай мы из другого источника количество херсонесских «сотен».

¹⁰⁶ Отмеченные выше (также НЭПХ II, с. 28] случаи присутствия членов одного семейства в 2–3 «рядах» можно объяснять по-разному: выходом из своего социального клана в политических целях (подобно переходу римских патрициев в ряды плебеев в Риме для доступа к должности плебейского трибуна), неравноценным имущественным статусом выделившихся членов семейства (сыновей) и пр.

Социальной природе «рядов» соответствует присутствие в каждом из них архонта — первого, второго и третьего (стк. 34, 37–39): можно думать, что каждая из трех социальных групп гражданства имела своего архонта в данный период истории Херсонеса — ок. 174 г. При этом случай с Теагеном, сыном Диогена, который в 129 г. был архонтом третьего «ряда», а ок. 140 г. переместился в первый «ряд», видимо, указывает на эпизодическое или регулярное правило выбора архонта третьего «ряда» из числа потомственных граждан (подобно тому, как в давние времена ойкисты городов выбирались из знати). В 129 г. было 5 архонтов, причем первый архонт состоял в первом «ряду», остальные 4 архонта — в третьем «ряду», в 130–140 гг. было 6 архонтов, в 174 г. 3 архонта. Налицо упрощение руководящей должностной номенклатуры в 174 г. — по одному архонту на каждый «ряд».

Некоторые новшества заметны и в положении номофилака. В декрете 106–114 гг. числятся 3 номофилака, в декретах 129–130 гг. в третьем «ряду» их тоже трое, в декрете ок. 140 г. один номофилак в том же «ряду», как и в декрете I² 364. 2 времени Антонина Пия. В Аполлонидовом декрете номофилак тоже один, но, если придерживаться буквы декрета, он выведен за пределы третьего «ряда» глаголом ὑπέγραψεν «подписал» вместе с секретарем совета (стк. 40), тогда как действия членов всех трех «рядов» обозначены глаголом ἐσφραγίσαντο «скрепили печатью» (стк. 33)¹⁰⁷. В сведении числа номофилаков до минимума Соломоник не без оснований усмотрела ограничение должностной верхушкой их контрольных функций [НЭПХ II, с. 32]; стало быть, начался этот процесс перед 140 г. и длился как минимум, до 174 г. Выведение номофилака из третьего «ряда», если принимать наше предположение о социальной природе херсонесских «рядов», означает полное лишение верхушкой города третьего «ряда», т. е. демоса, контрольных функций. Секретарь совета, в 129 г. числившийся в третьем «ряду», в 174 г. тоже оказывается выведенным из него. Лишь должность первого продика осталась за этим рядом, причем уточнение «первый» подразумевает наличие еще одного или более продигов, но они не входили в «ряды» вообще — настолько незначительной стала эта должность в Херсонесе к 174 г. (в 129–130 гг. в третьем «ряду» числился один продик, один был и в 106/114 г.).

В целом же можно констатировать, что в политико-правовом отношении население Херсонеса делилось на четыре слоя: 1) «изначальные херсонеситы»; 2) новая знать (вместе с потомственной знатью они образовали прослойку «первых»); 3) рядовое гражданство (демос); 4) неграждане, в свою очередь обладавшие разным статусом. Это классический тип олигархического полисного устройства, обычный для дорийцев, да еще с пережитком номинальной царской власти: «богиня царица Дева» — первое лицо в государстве (стк. 33).

Именник Аполлонидова декрета более романизирован по сравнению с именником 129–130 гг., в нем шире состав римских имен, а также имен, образованных по римскому образцу. Четверо носят исключительно римские имена: Писон, сын Гая, его вероятный сын Юлий Писон, Валерий Приман, Флавий Насон; имена трех последних построены по латинскому образцу. У пятерых лиц смешанные греко-римские имена: Ульпий Вакхий, Келериан, сын Стратофила, Тит Флавий Аристон, Тит Флавий Аттиан, Флавий Парфенокл. Имя Πρεϊμανός (см. еще IG Bulg. III, 1193 и др.) восходит к лат. *primanus* «солдат первого в армии легиона». Это означает, что Валерий Приман,

¹⁰⁷ См. и объяснение Сапрыкиным [1998, с. 60] разницы между ἐσφραγίσαντο и ὑπέγραψεν.

член первого «ряда», был ветераном, отслужившим свой срок в римском отряде, стоявшем в Херсонесе или его области. Это новый источник пополнения рядов херсонесской знати. Еще одного олигарха того же происхождения — Гая Юлия Эмилиана встречаем в списках 140–150 гг. [НЭПХ II, с. 24, стк. 17; с. 39, стк. 12]: ок. 140 г. он состоял в третьем «ряду», немного позже в первом (и он, и Валерий Приман могли попасть в первый «ряд», к примеру, через брак с потомственной херсонеситкой).

Язык именника 174 г. проще: если в надписях 129–140 гг. часты «аристократизмы» — употребление слова *ύἱός* между именем и патронимиком, а также имени деда с членом *τοῦ* (I² 359), то в Аполлонидовом декрете их нет; лишь единожды встречен указанный член¹⁰⁸. Интересен и язык нашей надписи. Она написана на хорошем дорийском диалекте и представляет собой последний датированный диалектный памятник Херсонеса, достойный включения в сборники диалектных надписей как образец поздней дорикки. Латышев полагал, что дорийский диалект дожил в Херсонесе до середины II в. н. э., после чего тут вошел в употребление язык койне (коммент. к I² 425). Теперь этот рубеж отодвигается еще на четверть столетия. Отметим также многословность декрета, пышность и цветистость его формулировок в постановляющей части (стк. 11–22). Это в целом свойственно греческим декретам римского времени (в Сев. Причерноморье также ольвийским — I² 38 сл.). Херсонеситы как дорийцы несколько сдержаннее в этом отношении, но, чувствуя лицо столь высокого ранга, как прокуратор провинции, и они не удержались от славословия. Это следует отнести на счет нравов II в., ибо еще в I в. надпись под статуей наместника Нижней Мезии Секста Октавия Фронтоня, видимо, посетившего Херсонес в 90–93 гг., составлена в лапидарном стиле (I² 422).

3.2. К дискуссии о херсонесском декрете в честь Т. Аврелия Кальпурниана Аполлониды

Публикация херсонесских декретов 174 г. н. э. в честь прокуратора Нижней Мезии Тита Аврелия Кальпурниана Аполлониды и его жены Паулины вызвала отклики Ю. Г. Виноградова [1996], И. С. Свенцицкой [1996], А. Л. Смышляева [1996]. Если заметки двух последних авторов представляют собой попытку положительного разъяснения отдельных вопросов интерпретации надписи, то статья Виноградова имела целью оспорить все мои положения — по чтению текста, датировке, исторической интерпретации. Однако лишь несколько его поправок моего текста надписи обоснованы, все остальное — нагромождение текстологических, грамматических, эпиграфических, исторических ошибок и фикций, что и разъясним далее. Отозовемся на некоторые соображения Смышляева, Свенцицкой, также разъясним ряд положений первоиздания, которые были опущены по причине его предельного объема для ВДИ¹⁰⁹.

¹⁰⁸ Виноградов усмотрел в стк. 36–37 личное имя *Ἐπίγονος*, что возможно, однако в перечне имен более чем уместно слово *ἐπίγονος* «потомок»: «Т. Фл. Аристон, потомок Понтика». Если это так, можно думать, что Аристон был сыном Понтика от второго брака: о таком значении слова *ἐπίγονος* (*Pollux*. III, 25).

¹⁰⁹ Разбору критики Виноградова я посвятил статью объемом 2 п. л., но главред ВДИ Бонгард, разумеется, по наущению своего зама Виноградова, предоставил мне для ответа лишь 1 п. л., хотя

3.2.1. Вопросы текстологии

Основная часть статьи Виноградова посвящена текстологии — чтению и пониманию декрета; рассмотрим его критику моего текста и предложенное им чтение. Самим фактом критики я доволен, так как это побудило меня еще раз взглянуть на свой текст и доработать его. Предварительно напомним, что стела с декретами разбита на множество кусков, текст во многих местах утрачен или разрушен, особенно в первых строках, вследствие чего издание надписи в 1995 г. выполнено с методически оправданной осторожностью, в текстологическом комментарии там я указал иные возможные варианты ее чтения и понимания.

Чтение и *пер.* Виноградова стк. 1–3: [ἐν | πᾶ]σι ἐ[πικρεμασθέσι κινδύνοις? πτόπαται τὰν] ἐπιδάμ[ια]ν [e. g. χρασίμαν τῷ Αὐτοκράτορι καὶ τῇ τε] λεωτάτῃ εὐδαίμων[α] τὰν πολιτῶν, ἀνθ' ὧν --] «...во всех (нависших тяжким бременем военных опасностях сделал свое) пребывание (полезным как для императора, так и) для наисовершеннейшего благоденствия (граждан)». Его замечания мне: не дополнены стандартные при ἐπιδάμ[ια] глагол πτόπαται и прилагательное χρασίμαν или подобное, которое подменено «неуместным» определением [τοῦ ἐὐεργέτα ἀμῶν]. Однако нетрудно увидеть, что «определения [τοῦ ἐὐεργέτα ἀμῶν]» в моем тексте декрета нет (оно дано в комментарии в качестве одного из возможных вариантов чтения стк. 2). Что до πτόπαται и прилагательного, то я разъяснил содержание мотивировочной части херсонесских почетно-проксенических декретов: «поскольку *имярек* оказал городу такие-то важные услуги и свое пребывание у нас сделал (τὰν ποθ' ἀμὲς ἐπιδάμ[ια]ν πτόπαται) досточтимым и т. д.», так что необходимость стандартных при ἐπιδάμ[ια] глагола и прилагательного (у меня «досточтимым») отражена, только они не введены в текст надписи по причине того, что при ἐπιδάμ[ια] употреблялись разные прилагательные (χρασίμη, ὠφελίμη, σεμνή, εὐσχήμων и пр.). Однако теперь вижу, что нет нужды дополнять какое-либо прилагательное, ибо оно стоит в тексте — εὐδαίμων[α] стк. 3¹¹⁰. Глагол же πτόπαται может стоять и сразу после

статья того намного больше. Поэтому я вынужден был разделить статью на две части, вопросы текстологии сдал в редакцию ВДИ, а вторую часть опубликовал в малотиражном сборнике [Яйленко, 1999]. Хотя я сдал статью в редакцию ВДИ 22. I. 1997 г., Виноградов (как зам Бонгарда, он распоряжался отделом Сев. Причерноморья по своему усмотрению) опубликовал ее только через 3 года [Яйленко, 2000], при том, что свою статью он издал в ВДИ, 1996 № 1 сразу после публикации моей статьи в ВДИ, 1995 № 4. Из-за этой грязной возни Виноградова только сейчас, через 20 лет, обе части моей статьи впервые соединены тут (теперь я их доработал). Подвизавшийся при никчемном Плекете в северочерноморском разделе SEG Виноградов дал вместо моего текста Аполлонидова декрета свой (формально материал подан от лица Плекета — SEG 45, 985). Это было неслыханным нарушением принятого в этом издании порядка: дать текст издателя, а в лемме комментарий редактора. В результате этих хитростей публикатором декрета для зарубежных ученых стал Виноградов, поскольку мои статьи им недоступны по незнанию русского языка. В 2000 г., увидев в SEG текст Аполлонидова декрета по Виноградову, а выдержки из моего текста приложенными в качестве разночтений, я отправил Плекету письмо с протестом против этого подлога и вообще против публикации ничем не аргументированных комментариев Виноградова к моим статьям (он был еще жив). Плекет цинично ответил: Виноградов умер и больше не сможет досаждать вам. Далее о неблагоприятном положении дел в северочерноморском разделе SEG см. выше, с. 660/4.

¹¹⁰Поскольку оно не имеет артикля, это предикативное определение: [τὰν παρ' ἀμείν] ἐπιδάμ[ια]ν [πτόπαται-- τε] λεωτάτα «свое пребывание у нас сделал всецело счастливым». Такое дополнение стк. 2 оптимально в силу своей простоты: [τε] λεωτάτα εὐδαίμων[α] начала стк. 3 логично увязывается с ἐπιδάμ[ια]ν стк. 2, так что приходится дополнять лишь иллюстративное ποθ' τὰν πόλιν ἀμῶν.

ἐπιδαμίαν, и в следующей, и даже в третьей строке далее, т. е. в лакунах трех строк, вследствие чего я ограничился в комментарии указанием на его необходимость. Что подобная осторожность не лишняя, указывает пример Виноградова, который в первой же строке ошибся, поместив этот глагол перед ἐπιδαμίαν, тогда как в херсонесских декретах он ставится только после него (I² 343, 349, 351, 357, 358; НЭПХ I, с. 23; Суров, с. 154)¹¹¹. По его словам, десятки и сотни параллелей показывают постоянное присутствие в данном формульном контексте указания, с одной стороны, на отправивший чествуемое лицо город, правителя и т. д., а с другой — полис его местопребывания, в связи с чем он восстановил в стк. 2–3 τῷ Ἀυτοκράτορι и ταῖν πόλεσιν. Однако его ссылка на «сотни декретов», призванная количественно подкрепить сделанное им дополнение текста, ложна, так как в действительности упоминание в надписях одновременно двух объектов (полиса-отправителя и полиса-местопребывания чествуемого лица) встречается несравнимо реже, нежели упоминание одного лишь объекта — полиса местопребывания проксена, издающего в его честь декрет. Именно таков узус херсонесских декретов: указание лишь на один объект представлено в нескольких декретах (I² 351, 356, 359, 364, 365, 368, Суровский декрет), тогда как определенного указания на два объекта нет¹¹². Одно это говорит о ничтожной обоснованности восстановления Виноградовым в Аполлониидовом декрете его «бинарной структуры» τῷ Ἀυτοκράτορι и ταῖν πόλεσιν.

В стк. 1 я дополнил ταῖν παρ' ἡμεῶν, необходимое к ἐπιδαμίαν, на что указывают херсонесские декреты I² 354, 357 и Суровский декрет¹¹³. В Аполлониидовом декрете вместо παρ' или ποτ' ἡμεῶν употребляется равнозначное по смыслу παρ' ἡμεῶν (стк. 9, 17 и др.), которое и должно быть восстановлено перед ἐπιδαμίαν (в постпозиции оно употреблено после род. падежа ἐπιδαμίας Суровского декрета). Вместо этого безусловно, необходимого элемента Виноградов поместил целиком произвольное (хотя и формульное, но ничем не мотивированное) [ἐν πᾶσι ἐπικρεμασθεῖσι κινδύνοις] «во всех нависших тяжким бременем опасностях», в поддержку чего привлек текстуально никак не связанное с остатками стк. 1 Аполлониидова декрета выражение πολεμικῶν κινδύνων херсонесского декрета раннего I в. н. э. I² 355. Объявив свое дополнение «весьма вероятным», он ввел его в число трех доказательств своего понимания исторического контекста надписи. Так, на основании никак не связанного с остатками стк. 1 выражения из херсонесского декрета, отнюдь не равнозначного его дополнению, да нижнего уголка то ли Σ, то ли Ε он выстроил свою реконструкцию текста и интерпретацию содержания. Его восстановление [πᾶσι] попросту невозможно ввиду того, что перед *сигмой* сохранился остаток нижней горизонтали, которая не может принадлежать букве Α (рис. 121, а)¹¹⁴.

¹¹¹ Если брать греческие проксении в целом, этот глагол ставится перед ἐπιδαμίαν (Syll.³ 637, 807 и др.) или после него (Ib. 539 A, 615 и др.), но, разумеется, в конкретном случае следует руководствоваться узусом данного центра.

¹¹² В декрете I² 349. 10, на который сослался Виноградов, представлено лишь слово βασιλεῖ[ι], дополнение Латышевым второго объекта при нем — βασιλεῖ[ι καὶ τοῖς δάμοις] — всего лишь возможность. Это единственная ссылка Виноградова на херсонесские декреты, так что, вопреки ему, указания на два объекта в херсонесских декретах нет.

¹¹³ По ним Латышев уверенно дополнил в декрете I² 368 формульное [τὰν ποτ' ἡμεῶν ἐπιδαμίαν.

¹¹⁴ Все это не досадный промах моего критика, но обычная его методика работы с надписями — он произвольно восстанавливал текст, на основе которого делал броские построения исторического плана (многочисленные примеры [Яйленко, 1987, с. 161 сл., 168 сл.; 1996; МКЛНО I, с. 205 сл., 233 сл.; II, с. 17 сл., 44 сл., 63 сл., 70 сл.]; это отмечали и другие специалисты [SEG 34, 758; Bull. ép. 1984, 276;

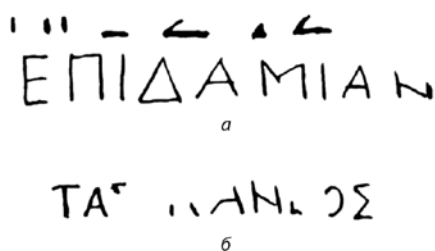

Рис. 121. Декрет Аполлониды, прорись стк. 1 (а) и 21 (б) [Яйленко, 2000]

В самом начале стк. 4 упоминается эккле- сия. В начальной лаудативной части проксе- нических декретов Херсонеса народное соб- рание не фигурирует, следовательно, уже с конца стк. 3 начинается постановляющая часть декрета, обычно выстраиваемая по кон- струкции *acc. + inf.* (по мнению Л. Дюбуа, ин- финитивы зависят от стоявшего в утраченной начальной части декрета управляющего гла- гола ἐψαφισάμεθα, как в I² 362. 18). Поэтому я дополнял тут [τεῖμαῖσαι αὐτὸν] ἐκκλασίας πανσυδ[ί] «почтить его всем составом народ- ного собрания». Виноградов спрашивает: почему я не усмотрел в слове ἐκκλασίας *gen. abs.*? Отвечаю: потому, что конструкция ἐκκλασίας + *part. gen.* стоит во вводной части декретов (I² 40. 5; 42. 2; 43. 4 и др., Ольвия, II в. н. э.), которая в херсонесских декретах не представлена. У нас экклесия упомянута в средней части декрета, поэтому для понимания этого слова как части *gen. abs.* должны быть контексту- альные основания. Есть ведь это самое ἐκκλασίας в декрете В (стк. 13), вовсе не образуя такого оборота! Родительный падеж сам по себе имеет разные граммати- ческие функции, так что критик обязан аргументировать, почему здесь должен быть именно оборот *gen. abs.* (распространенность его в греческих надписях отнюдь не аргумент). Он же не только не сделал этого, но и восстановил свой оборот с экзотическим дополнением ἐκκλασίας πανσυδ[ιασμένης *e. g.* πασσυδῖ] «создав в полном составе народное собрание» — с причастием от глагола πασσυδιάζειν, известного поздним авторам, но в эпиграфике сей глагол засвидетельствован лишь один раз диалектной надписью из эолийской Кимы¹¹⁵. И это при том, что наречие πανσυδῖ, которое стоит в сохранившемся тексте и которое я так и читал, он вос- становил в лакуне в качестве примерного сразу после своего практически невоз- можного πανσυδ[ιασμένης]! По смыслу можно восстановить πασσυδ[ιασμένης] или πασσυδ[ί], но то и другое вместе тавтология. Контекст слова ἐκκλασίας пояс- няется декретом В, в стк. 12–14 которого находим все необходимое: τὰς ἐκκλασίας, глагол ἀναγορεύσαι «провозгласить», соответствующий глаголу ἀναβοᾶν «громко призывать» рассматриваемых стк. 4–5 Аполлонидова декрета, где ведется речь об увенчании чествуемой Паулины золотым венком на Совете и в народном собра- нии — στεφανῶσαι τ[ὴν]αυ[τήν] τε τὰς βουλᾶς [καὶ] τὰς ἐκκλασίας [χρυσ]έῳ στεφάνῳ «увенчать оную (Паулину) и в Совете и в народном собрании золотым венком». Как сказано выше в комментарии к этим строкам, τε τὰς βουλᾶς [καὶ] τὰς ἐκκλασίας понимается в качестве *gen. loci* «в совете и народном собрании» или *gen. auctoris* «от имени совета и народного собрания».

Предложенное Виноградовым понимание и восстановление стк. 4–5 неправиль- но по существу, на что указывает не соответствующий его греческому тексту пере- вод: ἐκκλασίας πανσυδ[ιασμένης *e. g.* πασσυδῖ τὸν τε δᾶ]μον καὶ τοὺς ποτ[ικλήτου

1998, 288; Hansen, 1989, p. 279; Lebedew, 1996, p. 263 f.; Gauthier, 1998, p. 1185/8 и т. д.]; в данной книге читатель уже видел подобного рода примеры, увидит и еще не раз).

¹¹⁵ Последнее обстоятельство отметил Х. Энгельман в своем издании этой надписи рубежа новой эры [Inscr. Куме, коммент. к № 19]. Как диалектная она фигурирует в сборниках диалектных надписей [DGE 647; Buck, p. 218, № 28]. К. Бак отметил, что πασσυδιάζειν — лесбосское диалектное слово [p. 82].

βουλευτὰς κ]αὶ ἀναβοᾶσαι μὲν αὐτόν... «созвав в полном составе народное собрание, надлежит, чтобы как народ, так и (участники) специально созванного заседания (Совета сообща) призвали его». С одной стороны, слово «надлежит» перевода отсутствует в его греческом тексте, с другой — дополненное им [κ]αὶ не отражено в переводе и, замечу, не может быть отражено ввиду неправильного построения греческого текста. Его перевод «надлежит, чтобы как народ, так и участники... призвали» ясно показывает, что он соединяет с вин. падежом τὸν δᾶμον καὶ τοὺς ποτ[ικλήτου βουλευτὰς κ]αὶ инфинитив ἀναβοᾶσαι, что невозможно при дополнении [κ]αὶ перед ἀναβοᾶσαι, ибо частица μὲν после этого глагола, безусловно, указывает на принадлежность его другому предложению. Иначе говоря, если восстанавливать καί, то глагол ἀναβοᾶσαι не может относиться к предшествующим вин. падежам. Таким образом, в восстановлении Виноградова не хватает инфинитива при вин. падежах τὸν δᾶμον καὶ τοὺς, и он не случайно вводит в перевод глагол «надлежит» — этот или другой угодный ему глагол должен быть в греческом тексте при указанных вин. падежах; но в реконструированном Виноградовым тексте его нет.

Теперь о его дополнении τοὺς ποτ[ικλήτου βουλευτὰς]. Оно построено на основании выражения οἱ ἐν προσκλήτῳ (о булевтах), т. е. «участники специально созванного заседания Совета» неапольских декретов, словоупотребление которых, по его словам, «с учетом модификаций у лексикографов (ὁ ἐκ τῆς συγκλήτου) делает вполне оправданным употребление редактором херсонесской псефизмы вместо οἱ ἐν + *dat.* или οἱ ἐκ + *gen.* простого *genetivus possessivus*, а тем самым и наше дополнение в стк. А 5 τοὺς ποτ[ικλήτου βουλευτὰς]». Все процитированное на деле представляет собой насильственное удаление предлога ἐν из устойчивого оборота (фразеологизма) οἱ ἐν προσκλήτῳ неапольских декретов (IG XIV, 757, 760). Как раз неизменность именно такого словоупотребления неапольских декретов — обязательно с предлогом ἐν, как и другая форма этого фразеологизма с предлогом ἐκ у лексикографов (ὁ ἐκ τῆς συγκλήτου), безусловно, указывают, что, ежели Виноградов желает восстановить это выражение в Аполлонидовом декрете, оно непременно должно включать предлог после артикля, т. е. τοὺς ἐν ποτ[ικλήτῳ βουλευτὰς]. Отсутствие предлога ἐν или ἐκ на надлежащем ему месте в сохранившемся тексте херсонесского декрета, т. е. между τοὺς и ποτ-, однозначно указывает на невозможность его дополнения (Виноградов явно не в ладах с предлогом ἐν — он еще раз, и тоже напрасно, удалил его из другого фразеологизма, см. ниже).

Лишь переходя к стк. 6 надписи, могу признать, что тут Виноградов разглядел слово [ἀ]γοράν, которого я не увидел. В стк. 7 с лакуной на 7 букв я читал ἀθρόο[ν δ' αὐτόν] ἐϋφαιῆσαι «сообща торжественно провозгласить», критик — ἀθρόο[υς δὲ ἂν] ἐϋφαιῆσαι с переводом, адекватным моему: «все вместе провозгласили». Форма ἀθρόο[υς] стилистически немногим лучше моего ἀθρόο[ν], его вариант тоже приемлем, но при нем, как и моем, пропадает ἔμμεν последующего текста (πολίταν ἔμμεν, βουλευτάν): дословно получается корявое «провозгласить быть булевтом». Поэтому ἐϋφαιῆσαι и ἔμμεν относятся к разным периодам одной фразы¹¹⁶. Кроме того, хотя его [ἀν]ἐϋφαιῆσαι неплохо вписывается в контекст, предпочтительнее воздержаться от дополнения, если сохранившийся текст дает полную форму, в данном случае

¹¹⁶ Собственно, и без того видно, что эта фраза состоит из 5 периодов, каждый из которых со своим инфинитивом: 1) ἀναβοᾶσαι; 2) ἐϋφαιῆσαι; 3) ἔμμεν; 4) ἀξιολῆμεν; 5) ἔμμεν. Эта картина представлена и в стк. 22–28, где также присутствует тот же самый период βουλευτάν τε ἔμμεν.

ἐὺφαιῆσαι. На предпочтительность этой формы указывает и глосса Гесихия (s.v. ἐὺφημῆσαι): βοῆσαι μετ' ἐὺφημίας «вскричать с благословием», подходящая именно к контексту нашего декрета с его ἀναβοᾶσαι «вскричать, торжественно провозгласить». Далее, в контекст с δᾶμον и ἐκλασίας Аполлонидова декрета вписывается ἐὺφημεῖν ряда пассажиров Геродиана: ἡ τε σύγκλητος καὶ ὁ δῆμος ἐὺφημοῦντες «сенат и народ славословили» вступившего в Рим Максима; ἐὺφημοῦμενον ὑπὸ τοῦ δήμου «благословимого народом» (Hist. VII, 10, 8; VIII, 7, 8). Приведенных параллелей достаточно, чтобы воздержаться от излишнего виноградовского дополнения, так как и сохранившееся в тексте ἐὺφαιῆσαι вполне отвечает имеющемуся контексту. В стк. 9 критик прочел τε[ιμᾶ] συ[ναξι]ωθῆμεν «удостоили всякой почести» вместо моего τε[ιμᾶ] πο[ι]τ' ἄξιωθῆμεν «почестью по заслугам воздать». Тут он снова, как и в случае с πανσυνιδάζειν стк. 4, предпочел прибегнуть к редкому глаголу συναξιοῦν, более того, еще раз восстановил этот раритет греческой лексики в лакуне декрета В и в результате дал подозрительную статистику: Аполлонидов декрет упоминает два раза слово, отсутствующее в эпиграфике, да и в прочих источниках крайне редкое. Кроме того, он вычитал в стк. 9 пассивную форму этого глагола, а перевел ее активной. Все это указывает на ничтожную вероятность его чтения. Теперь читаем тут: πάσα τᾷ παρ' ἡμῶν τε[ιμᾶ] οὐδ' ἐξισωθῆμεν «быть почтённым всякой принятой у нас почестью» (см. с. 695, 699).

Отвергая мое прочтение, критик пишет: дорийская форма *inf. aor.* глагола τίθημι — θέμεν, а не θῆμεν, выражение πρὸς ἄξιω не засвидетельствовано; после лакуны читается не Т, а Ν. Первое замечание отпадает само собой, ибо ту же форму θῆμεν дает стк. 20: ἀναθῆμεν, т. е. наша надпись дала новую дорическую форму инфинитива наряду с обычным θέμεν¹¹⁷. В стк. 13 я в 1995 г. предположительно усматривал в разрушенном месте σωτῆρα τᾷ[ς ἀρ]χ[ι]τ[η]ας [γαῖας?] «спасителя прекраснейшего края» (?), т. е. Херсонеса и его области (*cp. Soph. Oed. Col.* 463: τῆς δὲ γῆς σωτῆρα «спасителя этой земли»), указывая на полную условность данного чтения двумя вопросительными знаками. Виноградов дал лучшее по смыслу дополнение τᾷς [πε]ριστασίας [το]ς «спасителя от опасности», однако оно невозможно, так как для букв ΠΕΡΙ нет места в лакуне: между *сигмой* члена и следующей сохраненной *сигмой* помещается никак не более трех букв¹¹⁸. Казалось бы, что за проблема — нет места для вертикали, но размер лакуны таков, что и 3 предшествующие буквы приходится буквально втискивать туда, что не соответствует характеру письма в данном месте надписи: в этой строке, как и в смежных, буквы расставлены свободно, с промежутками, они не теснятся друг к другу. С учетом именно такого

¹¹⁷ По поводу моего чтения этой строки Виноградов иронизировал: «θῆμεν (sc. αὐτὸν? — Ю. В.) εἰς ἀμοιβάν ... вообще комическим образом будет переводиться как «призвать его к ответу»». Но у меня нет ничего комического, ибо критик приписал то, чего у меня нет и не подразумевается: θῆμεν в моем чтении сочетается не с придуманным им αὐτόν, а с πάσα τᾷ παρ' ἡμῶν τε[ιμᾶ] «воздать всякой принятой у нас почестью».

¹¹⁸ Отмечу тут характерную для Виноградова неадекватность передачи букв подлинника (как и в других его статьях): тут он передает в качестве целых букв *сигму* в артикле τᾷς и ΡΙΣΤΑΣ в следующем слове. Достаточно обратиться к моему фото, которое вполне передает состояние подлинника, чтобы убедиться, что от *сигмы* члена сохранилась лишь мелкая часть верхнего уголка, а в ΡΙΣΤΑΣ (их он дал как целые буквы) от первой буквы вообще ничего не сохранилось — переданная им в качестве буквы Ρ часть дужки в действительности является повреждением, глубоким врезом, не имеющим продолжения; от следующих вертикальной мачты и *сигмы* на камне сохранились только верхние половинки, от Т — изуродованная правая оконечность горизонтали (так что тут могут быть усмотрены и другие буквы); от последней *сигмы* его [πε]ριστασίας [το]ς вообще видны лишь апексы горизонталей, которые могут принадлежать разным буквам (в статье 1995 г. я дал описание этих остатков на с. 66).

характера письма убедиться в невозможности размещения в лакуне 4 букв ПЕРІ легко, примерив по фото к лакуне стоящие над нею буквы предшествующей строки и буквы ЕПЕМ следующего слова $\epsilon\pi\epsilon\mu\psi\epsilon\nu$ ¹¹⁹. Предлагая новое дополнение в стк. 13 $\tau\acute{\alpha}[\varsigma\ \sigma\upsilon\nu]\sigma[\tau]\acute{\alpha}\sigma[\iota\omicron\varsigma\ ?]$, отмечу, что имеющиеся тут остатки текста слишком скудны и любое восстановление, вопреки Виноградову, не может быть привлечено к исторической интерпретации надписи¹²⁰.

В стк. 14, разрушенной посередине, и стк. 15, поврежденной в начале, я читал в 1995 г.: $\epsilon\pi\epsilon\mu\psi\epsilon\nu\ \epsilon\pi\alpha\rho\chi\epsilon\acute{\iota}\alpha\varsigma\ \sigma\kappa\acute{\alpha}[\tau\rho\omicron\nu\ ?,\ \kappa\alpha\iota\ \kappa\alpha\lambda\omicron]\nu\ \tau\eta\eta\omicron\nu\ \tau\epsilon\ \epsilon\upsilon\ [\tau\epsilon\iota\mu]\acute{\alpha}\sigma\alpha\iota,\ \omega[\varsigma\ ?]$ $\delta\omicron\kappa\iota\mu\acute{\alpha}(\sigma)\alpha\varsigma\ [\acute{\epsilon}]\varsigma\ \chi\acute{\alpha}\rho\iota\nu\ \tau\acute{\alpha}\varsigma\ \pi\acute{o}\lambda\iota\omicron\varsigma$ «такого спасителя прислал, опору провинции; также превосходно почтить одного (императора), так удостоверив, что ко благу нашего города...» Нет смысла опровергать критику Виноградовым этого прочтения — она целиком надумана, обратимся к его тексту: $\epsilon\pi\epsilon\mu\psi\epsilon\nu\ \epsilon\pi\alpha\rho\chi\epsilon\acute{\iota}\alpha\varsigma\ \sigma\kappa\acute{\alpha}\pi[\tau\rho\omicron\nu\ \acute{\alpha}]\nu[\alpha\lambda\alpha\beta\epsilon\acute{\iota}]\nu,\ \tau\eta\eta\omicron\nu\ \tau\epsilon\ \epsilon\upsilon\ [\tau\epsilon\iota]\mu\acute{\alpha}\sigma\alpha\iota,\ \acute{o}[\varsigma]$ $\delta\omicron\kappa\iota\mu\acute{\alpha}\xi\alpha\varsigma\ [\acute{\epsilon}]\varsigma\ \chi\acute{\alpha}\rho\iota\nu\ \tau\acute{\alpha}\varsigma\ \pi\acute{o}\lambda\iota\omicron\varsigma$ император «направил (принять в свои руки) скипетр провинции, и по достоинству почтить одного (императора), который, испытав в деле, во благо нашего города...» Это его чтение покоится на следующих основаниях (опускаю его неуместные рассуждения о синтаксисе): вместо предположительно усмотренного мною фразеологизма $[\ ?\ \kappa\alpha\lambda\omicron]\nu\ \tau\epsilon\ \epsilon\upsilon$ «превосходно» предложено целиком восстановленное $[\acute{\alpha}]\nu[\alpha\lambda\alpha\beta\epsilon\acute{\iota}]\nu$, вместо моего $\omega[\varsigma\ ?]$ «так, таким образом» дано $\acute{o}[\varsigma]$ «который». Если последнее можно прочесть по камню, ибо от *омеги* или *омикрона* осталась лишь верхняя половина окружности, то чтение $[\acute{\alpha}]\nu[\alpha\lambda\alpha\beta\epsilon\acute{\iota}]\nu$ абсолютно невозможно. Во-первых, ввиду дополнения слишком большого числа букв для лакуны¹²¹. Во-вторых, читая $\epsilon\pi\alpha\rho\chi\epsilon\acute{\iota}\alpha\varsigma\ \sigma\kappa\acute{\alpha}\pi[\tau\rho\omicron\nu\ \acute{\alpha}]\nu[\alpha\lambda\alpha\beta\epsilon\acute{\iota}]\nu$ с переводом «принять в свои руки скипетр провинции», Виноградов противоречит сам себе: ведь, по его мнению, Аполлонид был недавно уже назначен «главой провинции» и в Херсонес прибыл в качестве легата со специальными полномочиями. Однако «принятие в свои руки скипетра провинции» означает именно вступление в должность наместника провинции¹²². В результате

¹¹⁹ Предположим, что в восстановленном им слове буквы ПЕ были даны в лигатуре, однако такая-кая вовсе не представлена среди многочисленных лигатур надписи (они перечислены выше).

¹²⁰ Из значений слова $\sigma\acute{\upsilon}(\nu)\sigma\tau\alpha\sigma\iota\varsigma$ подходящим для интерпретации Виноградова (см. ниже) было бы «бой, сражение», т. е. Аполлонид был «спасителем сражения», тогда как подходящим для моей интерпретации значение «дружественный союз» (как *Polyb.* I, 78, 2: дружеские связи, союз Ганнибала и вождя нумидийцев Нараваса; III, 78, 2: то же с кельтами), т. е. Аполлонид назван «спасителем дружественного союза». Три дополняемые буквы $\Sigma\Upsilon\mathrm{N}$ потому умещаются между *сигмой* члена и стоящей далее *сигмой*, что сохранившаяся перед последней вертикаль принадлежала бы в таком случае дополняемой букве N, ее правой мачте. Таким образом, при предлагаемом мною дополнении $\tau\acute{\alpha}[\varsigma\ \sigma\upsilon\nu]\sigma[\tau]\acute{\alpha}\sigma[\iota\omicron\varsigma\ ?]$ в лакуне приходится помещать две с половиной буквы, что возможно с трудом, тогда как при дополнении Виноградова 3, что невозможно. К форме слова $\sigma\acute{\upsilon}\sigma\tau\alpha\sigma\iota\varsigma$ с исходным N приставки *ср.*, к примеру, $\epsilon\pi\iota\sigma\acute{\upsilon}\nu\sigma\tau\alpha\sigma\iota\varsigma$ истрийского декрета ок. 100 г. до н. э. (*Syll.*³ 708. 27).

¹²¹ В лакуне видны следы верхней правой дужки округлой буквы, каковую можно принять за дужку Р, так что слово $\sigma\kappa\acute{\alpha}\pi[\tau\rho\omicron\nu]$ или его производное читается уверенно. От него и до конца лакуны есть место для 6 букв (достаточно примерить к лакуне буквы нижеследующей строки), тогда как Виноградов вложил туда 8 букв. Там, где он усмотрел «остатки ню», на камне виден апекс вертикали, от которой до конца лакуны есть место максимум для 4 букв, он же втиснул туда 6 букв, что невозможно. Сколько букв помещается в этой лакуне стк. 14, четко показывает сохранившийся сразу за нею текст из 10 букв: этот текст как раз умещается в лакуне между буквами П и N, следовательно, в ней утрачено 10 букв.

¹²² Что это имело место в Херсонесе, указывает дополненное Виноградовым $\sigma\omega\tau\eta\rho\alpha\ \tau\acute{\alpha}\varsigma\ [\pi\epsilon]\rho\iota\sigma\tau\acute{\alpha}\sigma[\iota\omicron\varsigma]$ «спасителя от опасности» при $\epsilon\pi\epsilon\mu\psi\epsilon\nu$. Поскольку этой «опасностью» он считал угрозу Херсонесу со стороны местных варваров, то $\epsilon\pi\epsilon\mu\psi\epsilon\nu$ означает присылку именно в Херсонес.

последующего дополнения Виноградовым [ἀ]ν[αλαβεῖ]ν получается, что Аполлонид прибыл в Херсонес для «принятия в свои руки скиптра провинции» — символа наместнической власти в Нижней Мезии, и это при том, что этот город административно не входил в состав данной провинции, а был свободным! Ясно, что все эти притворчества обусловлены полной произвольностью дополненного Виноградовым глагола¹²³.

Ко всему этому критик не разобрался в синтаксисе стк. 11–17, в которых устанавливаются почести императору. Посвятив этому синтаксису целый пассаж, он не уловил очевидной роли аористного инфинитива тут и параллелизма в конструкции всего предложения. Реконструированный им *aor. inf.* [ἀναλαβεῖ]ν он соотнес с Аполлонидом, который должен был «принять в свои руки скипетр». Между тем в фразе стк. 11–17 через аористный инфинитив выражены предписываемые декретом действия херсонеситов по оказанию почестей императору: ἐπιθειάζει, [ῥ] τεῖμαῖσαι, то же в предшествующем и последующем текстах: ἀναβαῖσαι, εὐφαιμῆσαι, ἀξιωθῆμεν, ἐπαινεῖσαι, τεῖμαῖσαι, ἀναθῆμεν (стк. 6–20). Напротив, деяния императора в статье об оказании ему почестей обозначены личной формой глагола: ἔπεμψεν, κατέστασεν. Таким образом, если восстанавливать в лакуне стк. 14 аористный инфинитив, то он будет представлять собой указание декрета на очередную почесть императору. При очевидном параллелизме конструкции в стк. 12–14 *acc. + gen.* + личная форма глагола (т. е. σωτήρα τῶν — ἔπεμψεν, с одной стороны, и ἐπαρχείας σκάπτρον — с другой) следует думать, что N после лакуны (ἐπαρχείας σκάπτρον?, ...)ν является остатком личной формы глагола к предшествующему *acc. + gen.* Возможны и иные варианты понимания этого N. Ввиду неясности заполняем лакуну нейтральным [е. г. εἶτα οὐ]ν¹²⁴. Таким образом, статья декрета, устанавливающая почести императору, включает два аористных инфинитива, которые конкретизируют эти почести: ἐπιθειάζει и [τεῖμαῖσαι], т. е. декрет предписывает, во-первых, «призвать богов содействовать императору», во-вторых, «превосходным образом почитать» (допол-

¹²³ Столь же странным образом Виноградов понял и выражение ὁ[ς] δοκιμάσας в стк. 15: «который (император), испытав в деле», ибо получается, что до присылки в Херсонес Марк Аврелий каким-то образом «испытывал» Аполлонида, хотя мы определенно знаем, что до назначения в Нижнюю Мезию тот служил в тихой Аквитании. Еще раньше Аполлонид был военным трибуном в Паннонии и Дакии, но и там он вряд ли был боевым офицером: судя по его карьере финансового прокуратора (см. ниже), он скорее был интендантским офицером, что плохо согласуется с нарисованной Виноградовым картиной прибытия Аполлонида в Херсонес во главе войска и разгрома окрестных варваров. Среди всех этих ошибок единственно верное его замечание — формы ἐπιθειάζας и δοκιμάσας стк. 12, 15 представляют собой дорический аорист зубных основ на ξ (поэтому мое исправление *ksi* на *sigmu* ошибочно). Напротив, ошибочно его утверждение, что мое чтение ὁ[ς] δοκιμάσας «требовало бы по смыслу οὐτως «так, таким образом», но не ὥς «как»». Критику следовало бы заглянуть, например, в «Древнегреческо-русский словарь» И. Х. Дворецкого, где на с. 1809 он нашел бы нужную информацию: «ὥς, также ὥς, adv., так, таким образом», или в LSJ, s. v. ὥς Aa: ὥς = οὐτως «так, таким образом». Столь же необоснованно сомнение Виноградова в метафорическом значении слова σκάπτρον как «опора»: оно есть в LSJ, s. v. 1, с примерами из *Soph.* OC, 848, 1109, где Эдип называет «опорой» своих детей. Заменяю свой прежний перевод слов ἐπιθειάζει Ἀυτοκράτορι «восхвалить императора» более близким к значению этого глагола («призывать богов в свидетели, клясться богами; приписывать божественную силу» и т. д.) «призвать богов содействовать императору», так как основа слова θεῖ- производная от θεός.

¹²⁴ Статья о почестях императору (стк. 11 сл.) открывается выражением πρῶτα μὲν, статья же о почестях Аполлониду открывается зависящим от него ἔπειτα δέ стк. 17. Предлагаемое мною исключительно иллюстративное εἶτα также продолжает предыдущее πρῶτα μὲν, но без δέ, поскольку не открывает новую статью, а продолжает уже начатую.

нение [τεῖμα]σαι более или менее определенно: перед Σ видны остатки, идентифицируемые с верхней половинкой Α и вершками Μ).

Завершается данная статья декрета разъяснением, за что ему оказана вторая почесть: ὥ[ς] δοκιμάξας κτλ. «ибо, сочтя нужным, он ко благу нашего города направил такого вождя мира у нас». Здесь следует пояснить вопрос о чтении союза ὥ[ς], принятого мною, или местоимения ὅ[ς], предложенного критиком (оба они возможны, так как сохранилась верхняя половинка окружности). Конструкция всей статьи об оказании почестей императору (стк. 11–17) построена по одной схеме: а) оказать такую-то почесть, б) разъясняется, за что она дается. Так, сначала предписывается (а) «призвать богов *содействовать* императору» (б) за то, что ([ὥς] стк. 12) он «прислал такого вождя спасителем». И далее та же схема: (а') «превосходно почтить онго» (императора), (б') «ибо, сочтя нужным, он ко благу нашего города направил такого вождя мира у нас». Параллелизм обеих мотивационных частей — (б, б') подчеркнут параллелизмом их конструкции, включающей личную форму глагола и потестарного существительного с одним и тем же прилагательным τοιοῦτον: в первой мотивации — [ὥς] τοιοῦτον ἀγέμονα σωτήρα... ἔπεμψεν «за то, что такого вождя спасителем... прислал» (стк. 12–13), во второй мотивации — ὥ[ς]... τοιοῦτον κ[ατ]έστασεν ἀγέταν «за то, что (= ибо)... такого направил вождя». Этот очевидный параллелизм обеих мотивационных частей (б, б') определенно показывает, что обе они должны соединяться со своей постановляющей частью (а, а'), включающей аористный инфинитив) одним и тем же способом. В стк. 12 между τῷ Ἀὐτοκράτορι и τοιοῦτον ἀγέμονα в лакуне есть место лишь для двух букв, которые я восстановил в качестве соединительного союза [ὥς] «за то, что». Соответственно и в лакуне на две буквы в стк. 15 между [τεῖμα]σαι и δοκιμάξας союз, соединяющий мотивировочную часть с постановляющей, может быть тем же [ὥς], но, по контексту, в значении «так как». Виноградов же, с одной стороны, принял мое дополнение соединительного союза [ὥς] в стк. 12, а с другой — восстановил в стк. 15 не союз же, а ὅ[ς], во-первых, имеющее совсем иное значение, во-вторых, относящееся к персоне императора и, в-третьих, противоречащее синтаксису всей фразы. Его восстановление показывает, что он просто не понял параллелизма в конструкции фразы стк. 11–17.

В стк. 19–21 я читал ὥστε εἰκόνα τε ἀναθήμεν καὶ ἀνδριάντας, [ῥω]ς τ' ἦμεν αἰών[α] κάρυμα τὰ ἐσσούμενα τᾶ[ς]..ΑΝ.ΟΣ ἐς ἀμ[έ] ἐννοίας — почтить всякой почестью, «чтобы и изображение поставить и статуи, и чтоб быть на будущие времена извещению через глашатая о -- к нам благорасположенности». Текст Виноградова: ὥστε εἰκόνα[ς] τε ἀναθήμεν καὶ ἀνδριάντας [ἀνασ]τήμεν αἰών[α] κάρυματα ἐσσούμενα τᾶ[ς] φ]ανερ[ᾶ]ς ἐς ἀμ[έ] ἐννοίας «так чтобы и изображения посвятить и статуи воздвигнуть, которым надлежит стать на века провозглашением о его проявленной к нам благосклонности». Критикуя мой текст, он утверждал, что при εἰκόνα «заметны следы концевой сигмы». Однако это не так — там выбоина, которая заставила резчика надписи прибегнуть к лигатуре букв ΝΑ, единственной лигатуре этих букв во всей пространной надписи, полной лигатур. Это обстоятельство наводит на мысль, что выбоина была тут изначально и никаких «следов концевой сигмы» не только нет, но и не могло быть. Далее, в конце следующей строки «разобрав после ню след иоты», он прочел αἰών[α], с чем согласовал *pl.* κάρυματα ἐσσούμενα. Однако, «след иоты» после Ν крайне спорен: на камне сохранился небольшой верхний остаток гасты скорее наклонной, нежели вертикальной, т. е.

соответствующий А, но не *иоте*, что препятствует прочтению слова αἰώνι[α] (ибо после Ν в таком случае следует Α, не Ι). Предложенное им чтение *pl.* καρύματα ἐσσούμενα в принципе лучше моего κάρυμα τὰ ἐσσούμενα, хотя я ориентировался на словоупотребление другого херсонесского декрета (I² 353. 3–5, см. ниже, с. 735), в таком же контексте которого стоит именно ед. число τὸ κήρυμα (замечу также, что, читая мн. число καρύματα, Виноградов перевел его ед. числом «провозглашение»). Данная херсонесская параллель¹²⁵ указывает на предпочтительность моего варианта¹²⁶. При этом восстановление мною тут союза ὅπως вовсе не «стилистически коряво», как утверждал критик, а органично, так как с будущим временем (у нас ἐσσούμενα) этот союз означает побуждение, что хорошо соответствует контексту: «и чтоб быть навек провозглашениям через глашатая на будущие времена» (примеров таких оценок, не обоснованных знанием грамматических реалий, в статье Виноградова слишком много, чтобы останавливаться на них)¹²⁷. Критику не нравится и форма инфинитива ἦμεν «быть», так как в других местах надписи употреблена форма ἔμμεν. Однако в параллельном употреблении составителем надписи двух инфинитивных форм глагола «быть» нет ничего необычного: например, Пиндар в своем дорийском же языке употреблял сразу три инфинитивные формы этого глагола: ἔμμεν, ἔμμεναι, εἶναι [Гринбаум, 1973, с. 237 сл.], и эпиграфика изредка дает подобные примеры¹²⁸. При этом замечу, что ἦμεν Аполлонидова декрета исконно дорийская форма, тогда как ἔμμεν заимствовано дорикой из эпического языка. Форма ἦμεν потому кажется Виноградову сомнительной, что он хочет вместо нее вычитать [ἀνασ]τήμεν «воздвигнуть». В принципе его чтение εἰκόνα[ς] τε ἀναθήμεν καὶ ἀνδριάντα[ς ἀνασ]τήμεν может быть поддержано близким выражением декрета римского времени из Пессинунта ἀνδριάντων ἀναστήσει

¹²⁵ Число их может быть умножено, например, в делосском декрете IIIa: καὶ ἀναγορεῦσαι τὸν ἱεροκήρυκα... τότε τὸ κήρυμα [Michel, 389. 10 sq.], ср. и κήρυμα πειῆσαι, ὅπως... [Syll.³ 741. 23].

¹²⁶ Поскольку критику «непонятно, как acc. sing. αἰών[α] В. Я. удалось согласовать с plur. τὰ ἐσσούμενα», разъясняю: они согласуются не по числу, как показалось ему, а по одинаковой наречной функции *acc. temporis*: αἰὼνα «навек», τὰ ἐσσούμενα «на будущее». Приведу в связи с этим примеры совмещения αἰὼνα с другими наречиями времени в одном предложении и даже рядом: αἰὼν' εἰς τὸ λοιπὸν «навек на будущее» (Euip. Andr. 1214); δι' αἰῶνος ἀεί «в течение века всегда» (Ios. Phl. Bell. Jud. VI, 105); то же с *part. fut.* от εἰμί — ἐσόμενα ὕστερον «на будущее впоследствии» (Schol. Pind. Pyth. IV, 85), ср. αἰὼνα... ἐσόμενος «навек..., то что будет» (Plat. Tim. 38c). Еще примеры употребления αἰὼνα в значении *acc. temporis* «навек» без предлога и артикля: Od. XVIII, 204; Hymni Hom. XX, 6; Ion Chius, fr. I, 15. Итак, дословно мое [ὅπως] τ' ἦμεν αἰών[α] κάρυμα τὰ ἐσσούμενα означает «чтоб быть навек провозглашению через глашатая на будущие времена», а с καρύματα ἐσσούμενα «чтобы быть вовеки будущим провозглашением через глашатая». Употребленная здесь форма причастия ἐσσούμενα мегарская (Perez Molina, 1991, p. 110). Те же особенности — удвоенную *сигму* и дифтонг — дает личная форма ἔσσομαι клятвы херсонеситов I² 401. 18. А. Ханиотис усмотрел в моих стк. 19–22 что-то не по-гречески прочтенным [SEG 51, 958], поскольку это обычный текст херсонесских надписей, он, видимо, мыслил по-новогречески.

¹²⁷ [Нидерле, с. 186]: ὅπως с будущим временем выражает побуждение. Историк Виноградов в своих суждениях о стилистике греческого языка неоднократно садился в лужу (примеры его уморительных эскапад такого рода см. выше, с. 197, 199, 200, 272/4, 339 и др.). Так и в данном случае мне достаточно привести примеры с таким же контекстом (т. е. при εἰκών, ἀνδρίας, κήρυμα): τῆς εἰκόνας τοῦ ἀνδριάντος τοῦ Φιλίτου, ὅπως στεφανοθήσεται (Syll.³ 284. 20–21, Эрифры, IVa); κήρυμα πειῆσαι, ὅπως... (741. 23, письмо Митридата Евпатора).

¹²⁸ Так, в дорийской надписи ок. 220 г. до н. э. из Дрероса в стк. 46 ἦμην, в стк. 79 ἦμην (Syll.³ 527, это разные формы инфинитива). В другой надписи: εἶναι в стк. 6, ἔμμεναι в стк. 23 [Inscr. Kaledon, № 5].

καὶ εἰκόων [ἀνα]θήσει (Syll.³ 537), однако узус дорийской формы этого глагола с корневой *альфой* (ἀνα)στᾶμεν настолько прочен в херсонесской эпиграфике, что свидетельствует против прочтенной Виноградовым формы [ἀνασ]τήμεν, тем более, что и в самом Аполлонидовом декрете представлена дорическая огласовка στα-глагола ἴσθημι (κατέστασεν стк. 16; в других херсонесских декретах σταθήμεν, ἀναστᾶσαι, — I² 352. 51, 355. 40).

Общая идея интерпретации Виноградовым рассматриваемых строк состоит в том, что статуям прокуратора «надлежит стать на века провозглашением о его проявленной к нам благорасположенности». Она привлекательна разве лишь с художественной точки зрения, ибо эпиграфические параллели определенно указывают, что суть предписания Аполлонидова декрета отражена в моем чтении: трафаретное содержание, вложенное составителем надписи в слово карύγματα, вполне поясняется другим херсонесским декретом, в котором говорится в завершении статьи о почестях чествуемому лицу: καὶ καθ' ἑτο[ς] στεφανοῦσθαι -- καὶ τοὺς συμμνάμ[ονας] πο[οεῖ]σθαι τὸ κάρυγμα· ὁ δ᾿ αἶμος [στεφανοῦ...] «и ежегодно увенчивать... и симмнеонам провозглашать через глашатая: народ увенчивает...»¹²⁹ Отсюда явствует, что и нашим декретом предписано на будущее провозглашать через глашатая заслуги Аполлонида, а отнюдь не статуи должны служить провозглашением их, как счел Виноградов¹³⁰.

Я полагал, что предписание εἰκόνα τε ἀναθήμεν καὶ ἀνδριάντας «и изображение поставить и статуи» (стк. 19–20) своим мн. числом ἀνδριάντας подразумевает постановку статуй всех чествуемых лиц — Марка Аврелия, Аполлонида, Паулины. Член τὰς при εἰνοίας понят Виноградовым как «его» (Аполлонида) «благорасположенности», и на этом основании он утверждал, что ставятся изображения и статуи одного лишь Аполлонида. На первый взгляд, это обосновано: данное распоряжение входит в статью стк. 17–22, устанавливающую почести Аполлониду; кроме того, эпиграфика дает примеры постановки нескольких статуй и изображений одного чествуемого лица¹³¹. Однако такое понимание слова ἀνδριάντας противоречит имеющимся данным о соответствующей херсонесской практике: всем

¹²⁹ I² 353. 3–5. То же, к примеру, в декрете Па филы из Мефимны в честь своего филарха: κ[αθ'] ἑκαστον ἐνιαυτὸν διὰ βίου τοῦ αὐτοῦ... ἀναγορεύοντος τοῦ κήρυκος «ежегодно в течение его жизни... провозглашения через глашатая» об увенчании (Michel, 362. 10 sq.).

¹³⁰ Подобные контексты не единичны (обычно в них фигурирует не κήρυγμα, а κήρυξ). Так, в Никератовом декрете из Ольвии (I² 34. 29 sq.) предписано: «чтоб он был увенчиваем и ежегодно в народном собрании..., причем глашатай должен произносить провозглашение...» (пер. Латышева). Декретом г. Сеста в честь Менаса от 125 г. до н. э. (Michel, 327. 96 sq.) установлено: «увенчать его, и глашатаю каждый год провозглашать: народ увенчивает Менаса...» То же в декрете в честь Акорниона (Syll.³ 762. 46), также OGIS I, 339. 95 sq. и пр. Ежегодное увенчивание и провозглашение заслуг чествуемого лица — наивысшая степень почта; в менее значительных, но тоже достаточно важных случаях полисы декретировали постановку статуи благодетеля и однократное провозглашение заслуг (Syll.³ 282. 25 и мн. др.). В том смысле, который пытался вложить в Аполлонидов декрет Виноградов, в качестве «провозгласителя» выступают не сами статуи, а надписи при них, к примеру: ἀνδριάντα... ἐπιγραφὴν ἔχοιτα τῆς τε τῶν ἄλλων ἀγῶνων μαρτυρίῃ «статуя с надписью, которая (надпись) является свидетельством этой (Олимпиады) и других состязаний» (Syll.³ 1073, 117 г. н. э.). То же в Никератовом декрете (стк. 31) и пр.

¹³¹ [Syll.³ 567, 867. 69–70; Bull. ép. 1951, 236]. Словом εἰκών обозначалась картина, нарисованный портрет чествуемого, о чем прямо свидетельствует, к примеру, декрет III в. до н. э. из Рамнунта: «пусть написавшие его изображение на картине поставят ее в святилище Немесиды» [Petrakas, 1992, S. 35] (эту ссылку любезно указал мне Х. Хайнен). Подробнее об этом [Heinen, 1991, S. 266 f.].

чествующим лицам херсонеситы ставили только по одной статуе¹³². Да и вообще странно, если бы скупые на материальные затраты херсонеситы, чествующие данной надписью и Аполлонида, и Марка Аврелия, и Паулину, поставили несколько статуй Аполлонида, не оказав подобной почести императору, это нонсенс.

Рассматривая стк. 20–21, критик спросил: «почему читаемые в стк. 21 буквы не подвигли его дополнить здесь наречие [φ]ανερά[α]ς?». Отвечаю: потому, что и на опубликованном фото перед *сигмой* отчетливо видны две трети окружности *омикрона* (см. фото, рис. 117, и прорись, рис. 121, б). Кроме того, в отличие от него я не изобретаю новых греческих слов — подразумеваю его «наречие» φανεράς, ибо до сих пор было известно, что в наречном значении употребляется средний род φανερών (LSJ, s.v. φανερός 5 b). Так что, если уж читать φανεράς, то ясно, что это прилагательное к ἐννοίας, — не случайно именно так критик и перевел свое «наречие»: «его проявленной к нам благорасположенности»¹³³. Очень предположительно читаю тут τᾶ[ς φ?]άν[σι]ος ἐς ἄμ[ε]ν ἐννοίας «этого явления благосклонности к нам»¹³⁴.

По поводу заключающего декрет списка имен критик справедливо отметил, что вместо моего [Α]ρηστίων стк. 37 следует читать [Χ]ρηστίων. Остальные его замечания по списку имен безосновательны. Отчетливо читаемое в стк. 36 имя Πρεϊμιανός он заменил на Πρεϊμιανός (= лат. Primianus) с удивительной лигатурой букв Μ и Ι, считая вычитанное мною имя «маловероятным». Увы, Зоил, ты, как обычно, ошибся — это далеко не первый Приман в причерноморско-балканском регионе¹³⁵. По поводу стк. 35 Виноградов отметил: «вместо неверно разобранного патронимика Στ[ρα]τωφί[λου] по фото отчетливо читается Στратоφί[λου]». Тут он совсем запутался, ибо у меня патронимик дан правильно, с *омикроном*, а не *омегой*.

Несколько слов о текстологии декрета в честь Паулины. Тут в актив Виноградова может быть занесено лишь верно подмеченное соответствие стк. 6–7 выражению стк. 9 декрета Α: [-- καὶ πάσα τᾶ] παρ' ἡμεῖν τεῖμα], остальные поправки неприем-

¹³² Помимо Аполлонидова декрета еще в двух херсонесских надписях говорится о постановке статуи чествуемому лицу. Даже Диофанту, оказавшему важнейшие услуги, херсонеситы ставят лишь одну стацию; такая же почесть предоставлена еще одному евергету (I² 352. 51, 355. 39–40). Херсонесит Аристон, сын Аттина, почтен согражданами портретным бронзовым бюстом (εἰκόνη χαλκία) и нарисованным портретом (εἰκόνι I² 423. 6, 9). Надписи в честь императорских легатов (I² 421, 422) указывают на постановку по одной статуе и этим лицам, так как мы не располагаем двумя надписями на базах в честь одного лица. Что до артикля τᾶς при ἐννοίας, то напомним, что член имеет не только притяжательное значение («его благосклонности», как счел Виноградов), но и указательное, т. е. «этой благосклонности».

¹³³ Невозможно и чтение тут наречия φανερός, ибо ясно видно, что перед *сигмой* стоит *омикрон*.

¹³⁴ Слово φάνσις «(по)явление, проявление» (о звездах и пр.) редкое, к глаголу φαίνωαι «(по)являться, показываться, выявляться, проявляться», см. LSJ, s.vv. φάνσις, φάσις. Однокоренное прилагательное ἐκφανής «явный» употреблено в Диофантовом декрете (I² 352. 16). По Виноградову, «в стк. 24 даже на фото ясно читается не χρή[μα]σιν, как в издании, а χρᾶ[μα]σιν». Это можно было бы подтвердить формой χρᾶμασιν декрета В. 21, на которую он не сослался. Однако его утверждение, что *альфа* «ясно читается», несостоятельно: после ΧР сохранилась левая нижняя треть вертикальной мачты, т. е. буквы Н (эта часть *альфы* была бы наклонной). В связи с этим напомним, что в херсонесской эпиграфике римского времени форма койне χρῆμα сосуществует на равных правах с дорийской формой χρᾶμα (I² 349. 16; 376. 7; 423. 7; 574. 2 и др.), т. е. в Аполлонидовом декрете даны обе употребительные в языке херсонеситов формы этого слова. Ср. равноправное употребление форм δαφο- и δηφο- в именнике нашей надписи: Δημότηλης и Εὐρυδάμου стк. 37.

¹³⁵ IG Bulg. III, 1, 1193: Тит Флавий Πριμιανός (Πρ); CIL III, 1318: Публий Гельвий Приман, легионер XIII легиона (Дакия, 177–179 гг. н. э.). В Македонии [Riel, 1993, s. 132].

лемы. О невозможности его чтения в стк. 7 τε [ἐπί] τε уже сказано. В стк. 15 вместо моего чтения ἀναγορεύ[σαι ἐ]ν ταῖς [παντ]ελέσει παν[αγυρίεσσι «объявить на заключительных всеобщих празднествах» (об увенчании Паулины) Виноградов прочел ἀναγορεύ[θη]μεν ταῖς δ[α]μ[от]ελέσει παναγυρίεσσι «на общественных празднествах была провозглашена». Я восстанавливал активную инфинитивную форму ἀναγορεύ[σαι] по предшествующим активным же аористным инфинитивам ἐπαίνεσ[αι] стк. 8, στεφανῶσαι стк. 11 данного декрета, которые не дают предпочтения предложеной им пассивной форме. Но суть в другом: указание на время праздников в *dat. temporis* непременно сопровождается предлогом ἐν, в чем он мог убедиться хотя бы по приведенным им же примерам (ἐν ταῖς ἐορταῖς, ἐν ταῖς πανηγυρίεσσι)¹³⁶. Отсутствие этого необходимого предлога в дополненном им тексте свидетельствует о невозможности вычитанной им пассивной формы ἀναγορεύ[θη]μεν, которая поглотила его. Что до чтения прилагательного δ[α]μ[от]ελέσει, то его утверждение, что «следы дельты и мю четко различимы на фото» не соответствует реальности: на камне перед ΕΛΕΣΙ сохранились не идентифицируемые остатки букв, что не отдает предпочтения никакому варианту чтения¹³⁷.

Подведем итоги разбору основной части статьи Виноградова, уделенной критике моего текста надписи. Он кропотливо переиначил мой текст настолько, что в английском резюме своей статьи с гордостью отметил: к публикации Яйленко «я сделал около 35! corrigenda». Выше я проанализировал все эти corrigenda, относящиеся к текстологии (об интерпретации надписи речь впереди), и заключил, что лишь несколько действительно обоснованных можно принять, а именно: чтение [ἐς τὰν ἀ]γοράν в стк. 6, ἀθρόο[υς] стк. 7 стилистически лучше моего ἀθρόο[ν], указание на ἐπιθειάζαι и δοκιμάζας стк. 12, 15 как правильный дорийский аорист, чтение в стк. 37 имени [Χ]ρηστῶν, возможно, *pl.* καρύμμα вместо моего *sg.* κάρυμα τά в стк. 21, причем часть их просто альтернативна моему чтению, как и дополнение [καὶ παῖσα τᾶ] παρ' ἀμείν τειμᾶ] в начале декрета В, да его [δαμ[от]ελέσει наряду с моим [παντ]ελέσει стк. 15 декрета В¹³⁸. Итого лишь 5–6 бесспорных поправок, что скучновато для статьи такого объема и такого критического запала, ибо

¹³⁶ По индексу в Syll.³ IV, p. 487 датив данного слова с предлогом ἐν представлен в надписях № 589, 596, 714, 729, 736, 888; этот датив без предлога в № 330 и 708 не имеет темпорального значения. Вопрос о предлоге лучше поясняется более употребительным словом того же семантического поля ἀγών, узус которого нормативный для подобных случаев. Его обязательный узус в подобном контексте — с предлогом: ἐν ἀγῶνι, ἐν ἀγῶσι (331, 370, 401, 426, 482, 598, 730, 889, 1007, 1017, 1045). Датив τῷ ἀγῶνι, без указанного предлога, фигурирует только в случаях с дополнительным обозначением агона (его название, название праздника в целом и т. д.) в род. падеже, например: ἀναγορεύειν τοῦτον τὸν στέφανον Διονυσίων τῷ πατρίῳ ἀγῶνι «объявлять об этом венке на оетическом состязании во время Дионисий» (1019, также 371, 485, 547, 567 и др.). В нашем декрете такого дополнительного обозначения нет, вследствие чего употребление предлога ἐν обязательно.

¹³⁷ К увенчанию чествуемого лица на массовом собрании *cp.* декрет II в. до н. э. из Галикарнасса в честь жителей г. Коса: объявить о венке в театре на первых Дионисиях и на Асклепиях, отмечаемых κατὰ πανηγυρίην (Michel, 455), что соответствует по смыслу моему дополнению [ἐ]ν ταῖς [παντ]ελέσει παν[αγυρίεσσι «на всенародных празднествах» (то же и в № 522). К лексическому соответствию прилагательному παντελής *cp.* то же в постановлении милетян от 196 г. до н. э.: τοῦ δήμου... τὰς τε παναγύρεις... συντελοῦντος «народа, устрояющего праздники». Также в дельфийском декрете около 234a: τὸν ἀγῶνα παντελῆ «на всеобщем состязании» или «на состязании по полной программе» (Syll.³ 489. 11).

¹³⁸ Вслед за ним ввожу в текст в стк. 1–2 оборот [-- πεπότα] ἐπιδαμίαν (в 1995 г. я дал его в примечании). Переиначиваю его [σύν]αξιωθῆμεν стк. 9 на ἀξιωθῆμεν, его [πε]ριστάσι[ος] стк. 13 на [συν]σ[τ]άσι[ος].

остальные три десятка его «*corrigen*da», как показало все изложенное, оказались смесью грамматических, текстологических, семантических ошибок и фикций, неадекватного прочтения сохранившихся букв и их остатков в разрушенных местах, да порой неточного толкования моего текста.

3.2.2. Вопросы интерпретации исторического содержания

Выявив незначительность вклада Виноградова в текстологию надписи, посмотрим, какими плодами исторического анализа увенчалась его критика. Он сосредоточился на трех моих основных позициях — датировке документа, сути миссии Аполлониды в Херсонес, трехслойном делении херсонесского общества. Напомню читателю, что декрет имеет точную дату — он принят 1 числа месяца Евклея 198 г. херс. эры, который соответствует марту 173 — марту 174 г. н. э. Уточнить датировку февралем — мартом 174 г. позволило отождествление Евклея с конкретным месяцем современного календаря. Еще К. Ханелл отождествил мегарский месяц Евклея с мартом. Я идентифицировал его с февралем-мартом, ибо в Византии (это мегарская колония, как и Гераклея, метрополия Херсонеса) Евклея приходился на март, а в Дельфах в феврале — марте праздновались Евклеи, посвященные Зевсу¹³⁹. Виноградов попытался дезавуировать этот вывод: моей аналогии с Византием он противопоставил (со ссылкой на Э. И. Соломоник, которая в свою очередь сослалась на К. Причетта) общее рассуждение, что-де одноименные месяцы в разных городах могут не совпадать по времени года, а параллели с дельфийскими Евклеями противопоставил указание на то, что в Коринфе Евклеи посвящены беотийской Евклее-Артемиде. Немотивированность его возражений очевидна: для календарного приурочивания дельфийских Евклея существенно то, что они отмечались весной, а не то, кому они посвящены. Коротко говоря, для того чтобы оспорить мой вывод, что в Херсонесе Евклея соответствовал нашему февралю-марту, Виноградов должен был привести пример того, что в другом городе мегарского круга (на худой конец, в любом другом городе) Евклея приходился на иное время года. Коль таковых данных нет, его суждения беспочвенны.

Теперь посмотрим, какими же плодами исторического знания увенчалась критика Виноградовым моего вывода, что миссия Аполлониды была главным образом дипломатической по характеру и имела целью замирение северочерноморских сродственников языгов и прочих варваров перед открытием «сарматского» фронта в Маркоманнской войне. Увы, критика осталась бесплодной. Мое осторожное предположение, что Аполлонид прибыл в Херсонес с военным отрядом, Виноградов [с. 81] превратил в безапелляционное утверждение, что «прокуратор не только прибыл в Херсонес с войском (без которого его миссия была лишена всякого смысла!), но и успешно ввел его в боевые действия против варваров, избавив город от серьезной опасности разорения» (и так далее в духе исторического романа). Основанием критику послужили титул Аполлониды *σωτήρ τῆς περιστάσιος, ἀγέτας τῆς παρ' ἡμεῖν ἐβράνας* и восстановленное им в стк. 1 *[ἐν πᾶσι] ἐπικρέμασθέσι κινδύνοις*. Что до последнего аргумента о «нависших угрозах», то выше показано, что это

¹³⁹ Чуть ранее такую идентификацию апробировал В. И. Кадеев [1994, с. 35], работа которого вышла после сдачи статьи Антоновой и Яйленко в печать.

всего лишь плод воображения Виноградова. Чтение же слова [περ]ι[σ]τ[ά]σις[ι]ος], как сказано, невозможно ввиду узости лакуны для первых трех букв, кроме того, значение «военная угроза», которое придал ему критик, вытекает не непосредственно из этого слова, а из сопутствующих ему определений типа πολεμικαὶ περιστάσεις декрета из Сеста [Michel, 327]. Об этом же свидетельствуют и другие надписи [Syll³. 685. 37, SEG 26, 1817], на которые он сам сослался. Хотя слово περιστάσις, начиная с Полибия, само по себе и употребляется в значении «военная угроза», в эпиграфике оно обязательно сопровождается сопутствующими определениями, указывающими, что это именно она. Поскольку в Аполлонидовом декрете такие сопутствующие указания отсутствуют, значение «военная угроза» остается неподтвержденным.

Хвалебный титул Аполлонида σωτήρ «спаситель» и ἀγέτας τὰς παρ' ἀμείν εἰράνας «предводитель мира у нас» для Виноградова тоже однозначное свидетельство победных военных действий прокуратора против угрожавших Херсонесу варваров. Между тем в херсонесских надписях, как и прочих вообще, слово σωτήρ употребляется часто и по разным поводам. С одной стороны, боспорский царь Полемон получил его от херсонеситов за какие-то заслуги (IOSPE I² 704, Латышев без аргументации думал, что за военную помощь), с другой — титулом σωτήρ награжден победитель на спортивных состязаниях (I² 434)! В декрете в честь послов из Гераклеи их успешное ходатайство перед Антонием Пием за интересы херсонеситов названо сотерией (I² 362). Такие указания на спасительный характер действий чествуемых лиц нередки в херсонесских декретах (I² 343, 346, 362), и нет никаких оснований усматривать за этим исключительно заслуги на военном поприще. Таким образом, «спаситель», «спасение, спасительность» фигурируют в херсонесских декретах по разным поводам, так что сам по себе титул «спаситель» никак не является доказательством ведения победных военных действий. Конечно, из общегреческой истории можно привести много примеров присуждения его за избавление от военной угрозы, но на военный характер действий чествуемого лица указывает не титул сам по себе, а сопутствующие свидетельства. Коль таковых в Аполлонидовом декрете нет, титул «сотер» не служит доказательством мнения Виноградова, тем более что мы располагаем декретами греческих полисов в честь прокураторов провинций, в которых последние без какого-либо намека на их воинские подвиги именуются титулами ἐὐεργέτης (τῆς πόλιος) καὶ σωτήρ, например: [IGR V, 779. 107] — декрет времени Адриана в честь проконсула провинции Азия; Bull. ép., 1976, 660 — почетный декрет города Кавноса в честь губернатора той же провинции; также титул σωτήρ τῆς πόλιος [Herwerden, 1910, p. 1420]. Эти примеры, а их число нетрудно увеличить, показывают, что в эпоху империи титул «сотер» часто был лишь риторическим элементом почетной титулатуры римских официалов высокого ранга, чествуемых греческими полисами.

Теперь о титуле ἀγέτας τὰς παρ' ἀμείν εἰράνας. Виноградов ввел в свой перевод его «предводитель по водворению у нас мира» слово «водворение». Хотя никаких текстуальных оснований для этого нет, оно ему необходимо для придания оттенка активности действиям Аполлонида в пользу Херсонеса — выдуманной победе над варварами. Если бы это было так, скорее ожидалась бы формулировка ἀγέτας τὰς νίκας «предводитель победы» (ср. титул νικηφόρος), а не εἰράνας «мира». Конечно, мир может быть результатом войны, но он также результат дипломатической деятельности. Например, Демосфен (18, 24), ведший активную дипломатическую деятельность ввиду македонской угрозы, именует себя τῆς εἰρήνης ἡγέμων «вождь

мира». Словом, и титул «предводитель мира у нас» сам по себе ни в коей мере не служит доказательством военной победы, — и для этого требуются сопутствующие указания, которых в Аполлонидовом декрете тоже нет.

Виноградов придавал большое значение выражению, близкому титулу ἀγέτας τῆς εἰρήνης Аполлонидова декрета, из косского декрета времени Северов в честь флотоводца Семпрония Виктора, который τῆς ἐπὶ πᾶσαν θάλασσαν ἡγεσάμενος εἰρήνης μετ' ἐξουσίας σιδήρου «предводительствовал миром на всем море посредством *jus gladii*»¹⁴⁰, в чем видел подтверждение своей мысли о военном характере миссии Аполлонидова. На самом же деле эта аналогия не подтверждает его точку зрения, а опровергает по той причине, что у Аполлонидова не было *jus gladii*. Поясню: это право командования солдатами иногда предоставлялось в провинциях, управлявшихся прокураторами сенаторского ранга (таковой была и Нижняя Мезия), в военных условиях также финансовым прокураторам [Millar, 1964, p. 181; Mason, p. 44; Liebs, 1981], каковым был и Аполлонид. Во всаднических *cursus'ax* это обстоятельство обязательно отмечалось, ибо наделение финансового прокуратора всаднического ранга сенаторской привилегией — большая почесть¹⁴¹. Однако известные нам *cursus'ы* Аполлонидова — и никейский и египетский — не говорят о присвоении ему *jus gladii*, так что его деятельность в военной сфере ограничивалась обязанностями по снабжению армии, что входило в его компетенцию как прокуратора по финансам. Как легат императора в Херсонес Аполлонид мог получить право ведения военных действий, однако ни одна из трех надписей в его честь не упоминает наличия у него столь лестной для финансового прокуратора почести.

Поскольку очевидно, что никаких реальных указаний на военные действия Аполлонидова против таврических варваров нет, остается в силе мое заключение, что направленная Марком Аврелием миссия Аполлонидова имела своей основной целью замирение глубинной варварской массы Тавриды и, быть может, прилегающих областей Сев. Причерноморья дипломатическими средствами перед открытием весной 174 г. «сарматского» фронта на Среднем Дунае (ср. *Herodian* I, 3, 5: Марк Аврелий в ходе Маркоманнской войны одних варваров привлек к союзу посредством дипломатии, других одолел оружием). Этот вывод сделан выше на основании анализа большого числа разнообразных источников. Херсонес как опорная база римлян в Сев. Причерноморье тотчас стал бы объектом натиска варваров с наступлением Рима на их сродственников на Среднем Дунае, поэтому успешность дипломатических действий Аполлонидова на самом деле была спасительной для херсонеситов — именно поэтому они величают его «предводителем мира у нас», а не войны или победы¹⁴². Обращу внимание на то обстоятельство,

¹⁴⁰ [IGR IV, 1057], перевод мой, Виноградов не дал перевода.

¹⁴¹ Например, Титий Симилис, как и Аполлонид, прокуратор Нижней Мезии по финансам эпохи Северов, получил *jus gladii*, что и было отражено в его *cursus'е* [Dessau, 1372; Pflaum, 1957, Sp. 1266; 1960, p. 857].

¹⁴² Эту линию Марка поначалу продолжал и Коммод: «тем временем в Сарматии дела шли хорошо усилиями других вождей», т. е. легатов и наместников провинций (SHA, Commodus, VI, 6, 1). Какого характера были эти *res gestae* вождей (*duces*), показывает сравнение с соседней Дакией: «даки побеждены (*victi Daci*)..., хотя в Германии и Дакии население отвергало его (Коммода) власть; все это было улажено вождями» (*per duces sedata sunt*, — Ib. VI, 13, 5). Здесь *victi* указывает на военные действия, а выражение *sedata sunt* «осажены, утихомирены, улажены» подразумевает действия мирного, дипломатического характера (см. об этом также Ib. I, 6, 8: наместники придунайских провинций сдерживают варваров оружием и приобретают дружбу их правителей крупными денежными дарами).

что греческие города Сев. Причерноморья интересовали Рим прежде всего как опорные пункты в тылу у варваров, беспокоивших придунайские провинции (в этом смысле их роль сродни роли Армении, которая была важна Риму не сама по себе, но как буфер перед постоянной парфянской угрозой восточным римским провинциям). Поэтому римское присутствие в Сев. Причерноморье имело прежде всего превентивный характер и опиралось не столько на военную силу, сколько на дипломатию и подкуп варварской верхушки (примеры даны выше). Первый пример такой деятельности наместников Нижней Мезии в Сев.-Зап. Причерноморье и Тавриде дает почетная надпись 60-х гг. н. э. в честь Плавция Сильвана, который, с одной стороны, подавил сармат и снял скифскую осаду с Херсонеса, а с другой — завязал дружеские сношения с царями бастарнов и роксолан, возвратив им сыновей; у других царей он взял заложников (или залогов — *opsides*); действиями того и другого рода он «укрепил и расширил (*protulit*, т. е. продвинул до Сев. Причерноморья) мир провинции» [Dessau, 986].

Приведенные данные свидетельствуют, что в придунайских провинциях и смежных с ними варварских анклавах римляне традиционно использовали для поддержания *pax Romana* наряду с оружием дипломатические меры, в контекст которых органично вписывается мой вывод о дипломатическом характере миссии Аполлониды. Приведу в его пользу и другие данные. Служебные обязанности прокураторов по финансам, каковым, скорее всего, был Аполлонид, в числе прочего связаны с приемом иностранных послов, т. е. они по роду службы вовлечены в дипломатическую сферу¹⁴³. Участие прокураторов по финансам в дипломатических сношениях с вождями варваров обуславливалось тем, что как раз одной из самых обычных мер римской политики был их подкуп (к примеру, *Herodiani* I, 6, 8: наместники придунайских провинций удерживают варваров оружием и крупными денежными выплатами их вождям). Наконец, обратим внимание на то обстоятельство, что Аполлониды сопровождала в поездке его жена Паулина. Если Аполлонид прибыл в Херсонес для ведения боевых действий против варваров, как показалось Виноградову, причем это имело характер военного десанта, то странно, что полководец взял с собой в десантную операцию жену (нормальный официал воздержался бы от этого). Напротив, не вызывает вопросов прибытие главы дипломатической миссии с супругой, которая оказала херсонеситам какие-то ценные услуги, за которые была удостоена отдельного почетного декрета. Если учесть, что конструкция Виноградова включает и такие подробности, как немедленное введение сразу по прибытии войска в бой, о чем в декрете нет никаких указаний, то всего сказанного достаточно для сдачи в архив подходящей лишь для исторического романа идеи Виноградова о войне Аполлониды с таврическими варварами¹⁴⁴.

Еще один объект критики Виноградова — моя гипотеза о трехслойном делении херсонесского общества. Напомним, что в декрете фигурируют 3 социальных слоя: 1. «Изначальные херсонеситы» (οἱ ἀρχαῖοι Χερσον[α]σίται стк. 26). 2. «Первые херсонеситы» (Χερσονασιτᾶν οἱ πρῶτοι стк. 28), которые, судя по списку булевтов,

¹⁴³ Так, Миницию Марциалу, пропретору Сирии времени Северов, губернатор провинции Марк Максим вменил в обязанность обеспечить прием парфянского посла [Année épigraphique. 1933, № 107, р. 30–31]. Г. Девийер отметил, что карьера Аполлониды по преимуществу административная [Devijver, 1989, р. 93].

¹⁴⁴ Другое возможное понимание цели миссии Аполлониды — улаживание социального конфликта внутри херсонесского общества — было рассмотрено выше и отвергнуто по ряду причин.

состояли из представителей родовой знати и «новых» граждан вроде римских ветеранов. 3. Рядовое гражданство ($\delta\acute{\alpha}\mu\omicron\varsigma$, и просто $\chi\epsilon\rho\sigma\omicron\nu\alpha\iota\tau\alpha\iota$ стк. 4–5, 31; В, стк. 8, 15, 22; $\acute{\alpha}\sigma\tau\omicron\iota$ IOSPE I² 377. 11). Отсюда, заключил я, и происходит деление херсонесских должностных лиц на 3 «ряда» ($\sigma\tau\acute{\iota}\chi\omicron\iota$). Критика Виноградова свелась к тому, что в выражении стк. 26 $\tau\omicron\iota\varsigma \acute{\alpha}\rho\chi\acute{\alpha}\theta\epsilon\nu \chi\epsilon\rho\sigma\omicron\nu[\alpha]\sigma\iota\tau\acute{\alpha}\nu$ проέδροις наречие $\acute{\alpha}\rho\chi\acute{\alpha}\theta\epsilon\nu$ относится не к $\chi\epsilon\rho\sigma\omicron\nu[\alpha]\sigma\iota\tau\acute{\alpha}\nu$, а к проέδροις , кроме того, обозначение второго «ряда», ошибочно пропущенное резчиком в списке магистратов, надо начинать не с имени второго архонта, как понял я, а где-то ранее. Хотя последнее не имеет прямого отношения к вопросу о социальных слоях херсонесского общества и связи «рядов» с ними, но рассмотреть этот вопрос стоит. Напомню читателю, что список должностных лиц, утвердивших Аполлонидов декрет, возглавляет в каждом «ряду» соответствующий архонт: перечисление членов первого «ряда» открывается именем первого архонта, третий «ряд» открывается именем третьего архонта (стк. 33, 38); указание на второй «ряд» ошибочно пропущено резчиком (т. е. цифра 2 — β). В известных нам херсонесских декретах II в. н. э. первый «ряд» открывается именем первого архонта, третий — именем просто архонта (их тут несколько), во втором же «ряду» обычно числятся булевты-неархонты (в двух надписях тут присутствуют и архонты, но не они открывают этот «ряд»: I² 392; Суров, с. 155). С точки зрения этой обычной картины Виноградов действительно мог бы начинать второй «ряд» с любого имени, что он и сделал, однако все дело в том, что в Аполлонидовом декрете мы впервые встречаемся с должностями «второй архонт» и «третий архонт» (в остальных херсонесских декретах фигурируют «первый архонт» и просто «архонты», т. е. должностная номенклатура была иной). Но в Аполлонидовом декрете первый «ряд» открывается именем «первого архонта», а третий «ряд» — именем «третьего архонта» (стк. 33, 38), так что второй «ряд» должен открываться именем «второго архонта» в стк. 37. Иначе говоря, пропущенная резчиком цифра β (= 2) должна быть восстановлена перед именем «второго архонта» Флавия Насона. Эту простейшую арифметику Виноградов не осознал.

Теперь о понимании выражения $\sigma\acute{\upsilon}\nu\psi\alpha\phi\omicron\nu \tau\omicron\iota\varsigma \acute{\alpha}\rho\chi\acute{\alpha}\theta\epsilon\nu \chi\epsilon\rho\sigma\omicron\nu[\alpha]\sigma\iota\tau\acute{\alpha}\nu$ проέδροις стк. 25–26. Я отнес наречие $\acute{\alpha}\rho\chi\acute{\alpha}\theta\epsilon\nu$ «с самого начала, изначально, издревле» к этнику $\chi\epsilon\rho\sigma\omicron\nu[\alpha]\sigma\iota\tau\acute{\alpha}\nu$, перед которым оно стоит, и понимал всю статью декрета в качестве указания «голосовать вместе с проедрами изначальных херсонеситов», полагая, со ссылкой на соответствующие примеры, что потомки древних насельников Херсонеса ценили древность своих родов как основу своего привилегированного положения. При наличии двух высказанных мною альтернативных вариантов Виноградов, как обычно, выбирал противоположный — отнес упомянутое наречие к слову проέδροις . То, что он обошелся без какой-либо аргументации, понять можно: и в самом деле эта связь напрашивается сама собой, она естественна, однако такому пониманию противоречит исторический факт — должность проедров появилась в Херсонесе совсем недавно по отношению ко времени принятия Аполлонидова декрета, ок. 130 г., поэтому она не могла быть названа в нем «исконно существующей» (*пер.* Виноградова). Так как его мнение поддержала И. С. Свенцицкая (также без аргументации), остановимся на этом вопросе. Проедры фигурируют в декретах II в. (I² 357–359, 362, 364, 366, 367, 369, *ср.* 425), их официальное наименование проέδροι $\chi\epsilon\rho\sigma\omicron\nu[\alpha]\sigma\iota\tau\acute{\alpha}\nu$ (так обычно начинаются декреты II в., ибо проедры вносили постановления в Совет и народное

собрание)¹⁴⁵. В Аполлонидовом декрете представлено развернутое их обозначение (в соответствии с экстраординарным характером этого документа сравнительно с прочими декретами): οἱ ἀρχᾶθεν Χερσον[α]σιτᾶν πρόεδροι, и очевидно, что здесь сделано смысловое ударение на наречии ἀρχᾶθεν «издревле, изначально», поскольку все другие надписи содержат формулировку без него. В этой же фразе далее Аполлонида предоставляется почетное право участвовать во всех делах, в которых участвуют Χερσονασιτᾶν οἱ πρ(ᾶ)τοι (стк. 28–29). Эти обозначения — οἱ ἀρχᾶθεν Χερσον[α]σιταί и Χερσονασιτᾶν οἱ πρ(ᾶ)τοι — почти идентичны по смыслу: ἀρχή «начало», πρῶτος «первый, начальный» (πρῶτη «первый раз, начало»), и это со всей определенностью указывает на соотносительность наречия ἀρχᾶθεν с Χερσον[α]σιτᾶν (как и в обозначении Χερσονασιτᾶν οἱ πρ(ᾶ)τοι), а не с πρόεδροις в рассматриваемом выражении стк. 26.

Обратим внимание на еще одно обстоятельство: в стк. 25 сл. Аполлонид объявлен булевтом и имеющим право «голосовать вместе с τοῖς ἀρχᾶθεν Χ. πρόεδροις (ранее, в стк. 7 сл. ему предоставлено гражданство, он булевт и проедр). В контексте стк. 25–26: βουλευτᾶν τε ἔμμε[ε]ν αὐτὸν καὶ σύνψαφον τοῖς ἀρχᾶθεν Χ. πρόεδροις, где рядом стоят βουλευτᾶς и πρόεδροι, отнесение наречия ἀρχᾶθεν к πρόεδροι невозможно по причине того, что как раз булевты — изначальная должность в Херсонесе, тогда как проедры — нововведение ок. 130 г. Еще раз отмечу, что нельзя считать применительно к 174 г. эту недавнюю новацию «исконно существующей», как сочли оппоненты.

Что мое понимание позиции указанного наречия в рассматриваемом выражении синтаксически правильное, сошлюсь на аналогичную конструкцию у Платона (Resp. 366e), предварительно отметив, что наречию ἀρχᾶθεν по смыслу равнозначно наречие ἐξ ἀρχῆς¹⁴⁶ и что в классическом языке этникону Χερσον[α]σιτᾶν должен предшествовать артикль τᾶν (= τῶν): ὅσοι (= οἱ)... ἀπὸ τῶν ἐξ ἀρχῆς ἥρώων ἀρξάμενοι «начиная от первых героев» (*пер.* А. Н. Егунова), дословно «начинающие от героев издревле». Тут наречие ἐξ ἀρχῆς очевидным образом поясняет слово ἥρώων, перед которым стоит, а не стоящее далее причастие ἀρξάμενοι, что и отражено в переводе Егунова «от первых героев». Стало быть, в аналогичном по конструкции выражении οἱ (τᾶν) ἀρχᾶθεν Χερσονασιτᾶν πρόεδροι наречие поясняет этникон

¹⁴⁵ В декрете I² 354 Латышев восстановил формулу οἱ Χερσονασιτᾶν τῶν ποτὶ τᾷ Ταυρικᾷ πρόεδροι εἰ]παν, а также имя и титул боспорской царицы Динамии. По замечанию И. А. Макарова [2006, с. 87], это дополнение не бесспорно — оно отличается порядком слов от позднейшей формулы πρόεδροι Χερσονασιτᾶν τᾶν ποτὶ τᾷ Ταυρικᾷ εἰ]παν, но предложить что-либо другое не позволяет сохранившееся начало οἱ Χερσονα--.. Наше суждение о реконструкции Латышева радикальнее — оно находится в кричащем противоречии с характером письма декрета, типичным для надписей II–III вв., так что ни о каком дополнении имени и титула Динамии речи быть не может, как и о дополнении в лакуне проедров. Впервые проедры фигурируют в декрете I² 357, который отнесен Лёпером и Латышевым по просопографическим показаниям к самому концу I или началу II в., либо же к 129–130 гг. Поскольку в декрете I² 354 список номенклатуры открывается именем Т. Фл. Аристана, сына Фл. Агеполида, он (как и I² 358) по времени близок декрету I² 359 от 129–130 гг., номенклатурный список которого возглавляет тот же Аристон. Таким образом, должность проедров появляется в Херсонесе ок. 130 г., и такая датировка косвенно подтверждается отсутствием их в декрете 106–114 гг., в котором остальная должностная номенклатура представлена широко.

¹⁴⁶ Оно употребительно уже у Гомера. Позднее узус поменялся: согласно лексикографу Фриниху, наречие ἀρχᾶθεν употребляют поэты, сведущие же в прозе употребляют ἐξ ἀρχῆς (цитирую по комментарию к *Aeschylus*, fr. 758 Mette = fr. 416 Nauck).

Ἡερσωνασιτᾶν, перед которым стоит, так что вся фраза означает «голосовать вместе с проедрами херсонеситов издревле». Такое понимание данного выражения снимает указанное противоречие с исторической реальностью — недавним введением должности проедров в Херсонесе.

У меня, однако, нет острой необходимости настаивать именно на своем понимании рассмотренного выражения, так как гипотеза о трехслойном делении херсонесского общества вовсе не покоится исключительно на нем: ее основу составляют ясные свидетельства херсонесских декретов II в. о четко проводившемся здесь различии, по меньшей мере на терминологическом уровне, между потомственными гражданами и теми, кто сравнительно недавно получил гражданские права. В ряде декретов подчеркивается потомственность гражданского состояния: особо почтенные ксены получали гражданские права, равные правам «природных» граждан Херсонеса (I² 359. 14: ὧν καὶ τοῖς ἐνφύ[τοις τ]ῶν ἀστώων μέτεστιν «которыми (правами) пользуются и природные *граждане* из числа горожан» (то же в формуле того же значения в I² 364. 23: ἀπὸ γένους [πολίταις] «гражданам по рождению»)¹⁴⁷. Эту традицию херсонеситы вынесли из своей метрополии, ибо в декрете в честь гераклеота Фрасимеда подчеркивается, что он «природный гражданин Гераклеи» (I² 357. 3: Ἡρακλέας φύσει πολείτας), также в Суrowsком декрете в честь другого гераклеота: ἐκ φύσιος πολείτας «природный гражданин». Последние примеры особенно показательны: с одной стороны, они свидетельствуют, что это древняя традиция, восходящая ко временам основания Херсонеса гераклеотами, а с другой, ввиду датировки упомянутых декретов II в. н. э., обнаруживают устойчивость этой традиции выделения потомственных аристократов из общей массы херсонесских граждан.

Соответственным образом херсонеситы отличали от граждан по рождению тех, кто сравнительно с ними недавно стал гражданами — πολί[τας ποι]ηθείς, дословно «сделанный гражданин» (I² 691. 5–6). Таковыми были разбогатевшие представители третьего сословия — купцы, рыбозаводчики, виноторговцы, осевшие в городе римские ветераны; наиболее влиятельные из них становились членами Совета. Понятно, что в Херсонесе потомственные граждане выделились в особую привилегированную группу при наличии «новых» граждан (последние обозначались терминами πρόσγραφοι = лат. adscripticii, ποιηθέντες и пр.). Отсюда и происходит моя гипотеза о трехслойном составе херсонесского общества: 1) родовая аристократия — потомственные «природные граждане»; 2) οἱ πρῆτοι — знать Херсонеса в целом, наряду с потомственными гражданами включающая «новых» граждан, нуворишей; 3) δᾱμος, ἀστοί, Ἡερσωναῖται — рядовые граждане. Кстати, это обычная схема социальной стратификации на протяжении всей истории Греции. Отсюда сама собой напрашивается догадка о связи этих трех социальных слоев с загадочными тремя «рядами» (στῆχοι) членов херсонесского Совета, которые («ряды») возникли между 120–130 гг. н. э. [НЭПХ II, с. 33]. В декрете 129–130 гг. I² 359 в числе 6 членов первого «ряда» числятся 4 представителя рода Агеполида и по одному от родов Парфенокла и Аттина (Евридам, сын Диоскорида). Представите-

¹⁴⁷ Ср. также I² 355. 42: φύσεως, 368. 5: φύσει, 377. 3: [? ἐνφύτο]ς ἀστοῖς (дополнение мое). Напротив, лица с меньшими заслугами получали права, которыми обладали рядовые херсонеситы: I² 357. 8: [ὧν καὶ τοῖς] Ἡερσωνασιτέοις μέτεστι «права, которыми пользуются херсонеситы»; также 358. 7 и др.

ли двух последних родов присутствуют и в составе Совета, спустя 44 года увенчавшего Аполлонида. Таким образом, можно заключить, что в документе 130 г., близкого ко времени возникновения «рядов», члены первого «ряда» принадлежали исключительно к родовой знати — «природным» гражданам. Но в дальнейшем социальный состав «рядов» изменился: в первом «ряду» Совета 174 г. присутствуют наряду с потомственными аристократами «новые» граждане вроде римских ветеранов Писона, сына Гая, и Валерия Примана.

В дополнение к уже сказанному о связи трех «рядов» с тремя социальными слоями херсонесского общества добавлю, что эта связь прослеживается и по характеру имен членов Совета. У членов первого «ряда» греческие имена «высокие» — с развернутым именем, теофорные, аристократические, мифологические. Такие имена представлены и в двух других «рядах», но здесь встречаются и «низкие» бытовые имена. При этом интересно, что имена сложные со словом δᾱμος присутствуют преимущественно во втором и третьем «рядах». В целом, как бы ни объяснять сущность херсонесских «рядов» (по Латышеву, это просто столбцы в подлинных документах; Соломоник указывала в качестве возможных источников три ряда в театральном хоре, три группы римских должностных лиц, три возрастных класса у дорийцев [НЭПХ II, с. 33 сл., 264]), мне представляется, что природа их социальная, на что указывает подмеченная Соломоник их иерархичность [НЭПХ II, с. 26 сл.]. Также напомним, что это разделение должностных лиц на три «ряда» — не традиционный для Херсонеса институт, а нововведение 120-х гг.¹⁴⁸ По-видимому, именно в 120-х гг. потомственной аристократии и торгово-финансовой олигархии Херсонеса удалось полностью захватить политическую власть в свои руки, что и было реализовано на конституционном уровне разделением общества на три «ряда».

Итак, сущность введения трех «рядов» заключается в том, что потомственной аристократии удалось таким образом выделить преимущественность своего социально-политического статуса, обособившись в отдельный первый «ряд». Дальнейшая социально-политическая эволюция херсонесского общества вносила коррективы в социальный состав и численность членов «рядов» (см. выше), так что к 174 г., согласно Аполлонидову декрету, основная часть городской знати сконцентрировалась в первом «ряду», что само по себе свидетельствует о его наибольшей престижности, тогда как второй и третий «ряды» численно сократились до трех магистратов (в первом «ряду» их 16!). По-видимому, такая диспропорция, сменившая относительное равенство числа членов трех «рядов» второй четверти — середины II в., означала резкое усиление родовой и торгово-промышленной знати, сбившейся в одну камарилью; маргинальность второго и третьего «рядов» может свидетельствовать, что камарилья сохранила их лишь в качестве видимости конституционного представительства второго и третьего сословий. В целом это тема отдельного исследования, поэтому здесь ставим на ней точку.

¹⁴⁸ [НЭПХ II, с. 33]: развернутые списки должностных лиц, регулярно скреплявших своими подписями важные документы, появляются с начала II в. н. э. С. Ю. Сапрыкин [1998, с. 58–62] не согласился с нашим объяснением причин возникновения трех «рядов» и увидел в них пережиток древнего деления на три дорийские филы. Однако такая причина появления «рядов», во-первых, должна повлечь за собой древность же самих «рядов», тогда как реально они возникли лишь в 120-х гг., во-вторых, она не объясняет ни разительных изменений в численности «рядов» между 120-ми — 170-ми, ни отмеченной Соломоник их иерархичности — от высшего первого «ряда» к низшему третьему. Напротив, наша версия объясняет эти качественные и хронологические особенности «рядов».

Попутно коснусь вопроса о херсонесских проедрах. Понятно, что проедры — коллегия с пробулевматическими функциями, но до сих пор было неясно ее соотношение с херсонесским буле. По Латышеву, проедры — члены Совета, т. е. булевты; согласно А. Беку, они председатели Совета, по Л. А. Пальцевой, нет оснований для отождествления проедров с членами Совета¹⁴⁹. Аполлонидов декрет проливает некоторый свет на этот вопрос. Поскольку декретом предписано оказание Аполлонииду наивысших почестей, указание стк. 25–26 о его праве голосовать вместе с проедрами свидетельствует о первоочередном праве голосования данных должностных лиц, иными словами, о том, что члены этой коллегии пользовались наивысшим почетом. Далее, декрет разделяет булевтов и проедров: дважды отмечается, что Аполлонид становится булевтом и проедром (стк. 8, 25–26). Те и другие принадлежат к числу *Ἡερσωνασιτᾶν οἱ πρῶτοι* (стк. 27–28). В обоих случаях должность булевта упоминается первой, должность проедра второй. Сказанное означает, что должность булевта считалась самой важной в Херсонесе (они упоминаются первыми), а должность проедра самой почетной (они голосуют первыми). Налицо разделение булевтов и проедров: политическая верхушка Херсонеса поделена на две основные коллегии (таким образом, мнение Пальцевой подтвердилось). При этом функции местных проедров имеют представительский характер — они предлагают на народном собрании решения, выработанные в буле, что явствует из вводной формулы местных декретов: «проедры херсонеситов, что в Таврике, предложили». Содержание этой формулы раскрывает почетная херсонесская надпись в честь Демократа, который, «будучи проедром, представлял с почетом и выступал перед народом» (I² 425: *πρόεδρος [μὲν εἰσηγη]σάμενον ἐνδόξως [καὶ δημηγορήσοντα]*). В Афинах проедрами становились по жребию члены буле от дежурной филы, т. е. они составляли, так сказать, рабочий президиум буле; соответственно можно предположить, что в Херсонесе коллегия проедров кооптировалась из числа членов Совета, но не на время дежурства филы, а была постоянным по составу органом — президиумом херсонесского буле, действовавшим на постоянной основе; отсюда и происходит разделение буле и проедров, удостоверенное нашим документом. Иначе говоря, из числа херсонесских булевтов кооптировалась коллегия проедров (дословно «сидящих впереди»): нескольких наиболее влиятельных олигархов, которые в силу своего авторитета исполняли представительские функции, внося решения Совета на народное собрание, чем в глазах публики подчеркивалась авторитетность этих решений, предварительно выработанных Советом и проедрами.

Коснусь также вопроса о *προξενίας, πολιτείας* (А, стк. 22; В, стк. 17) нашей надписи и других херсонесских декретов, который за недостатком места не был рассмотрен. По мнению Виноградова, я ошибочно ставлю запятую между указанными словами и перевожу первое мн. числом «проксении», — такой перевод лишён всякого смысла. Он напомнил, что Латышев и другие исследователи читали *προξενίας πολιτείας* и переводили как «гражданство проксении», это, по А. Вильхельму, «право гражданства на основании проксении». Однако мне представляется, что это «гражданство проксении» мало достоверно. Как известно, за термином *προξενία* стоял набор определенных привилегий, наделение же проксена правом гражданства обозначалось термином *πολιτεία*. Оба они не случайно проходят рука об руку через всю историю проксении; в том числе в Херсонесе до 130 г. представ-

¹⁴⁹ *Лит.* [Пальцева, 1977, с. 178; Владиміров, 2000; Тарасова, 2011].

лена обычная формулировка — проксену дают προξενίαν , πολίτειαν [I² 340, 356. Суров, с. 155]: за каждым из них стоял определенный набор проксенических привилегий и гражданских прав. По-видимому, Суровский декрет от 130 г. в последний раз упоминает эту обычную формулировку, — далее в херсонесских декретах содержится уникальная формула προξενίας с последующим πολίτειαν [I² 357, 364, 377–379. НЭПХ, I, с. 32], которую Латышев походя счел единой формулировкой «гражданство проксении» [IOSPE IV, р. 46; I², р. 317], что приняли последующие исследователи, в том числе также мельком обративший на нее внимание Вильхельм¹⁵⁰. Однако, на мой взгляд, такая трактовка существенно уменьшает объем проксенических привилегий, сводя их до обычного права «вливать и выплывать в мирное время и военное, неприкосновенно и без заключения договора — самому, потомкам и имуществу». В действительности же проксенические права были многим шире, прежде всего в юридическом отношении [Gschnitzer, 1974, Sp. 710 f.]. Следовательно, προξενία как обозначение полных по объему проксенических прав и привилегий не может быть элиминирована из херсонесских декретов, принятых после 130 г., даже если проксену предоставлено право гражданства (πολίτεια). Некоторые данные по рассматриваемому вопросу предоставляют нам лишь декрет в честь гераклеота Фрасимеда и Аполлонидов декрет. Ок. 130 г. Фрасимеду, ранее уже получившему от херсонеситов исополитию (I² 357. 12), дается $\text{ΠΡΟΞΕΝΙΑΣ ΠΟΛΙΤΕΙΑΝ}$. Если понимать последнее в качестве «гражданства проксении», то получается, что херсонеситы, уже наделив Фрасимеда правом гражданства у себя «как достойного... мужа и ради матери нашей, а его отчизны Гераклеи», еще раз предоставляют ему то же самое право, но уже на основании проксении! Налицо отсутствие логики при такой постановке вопроса. Кроме того, Фрасимеду предоставлено право «участия во всем, в чем участвуют и сами херсонеситы» (стк. 18–19). Такое же право участия в делах херсонеситов, иначе говоря, исополитические права, предоставлено и Паулине (В, стк. 22–24), но Аполлониду на основании все того же пресловутого «гражданства проксении» предоставлены наибольшие гражданские права и привилегии — те, которыми обладали самые важные персоны города проедры. Ясно, что разность в объеме получаемых прав определяется не мифическим «гражданством, предоставляемым на основании проксении», а реальными заслугами чествуемого лица: Фрасимед и Паулина получили права рядового гражданина Херсонеса, тогда как Аполлонид сразу введен в состав высших городских властей — в Совет и коллегию проедров. Иными словами, одновременно с получением гражданских прав он как бы сразу реализует свое гражданское право быть избранным на полисные magistratury. Столь разительная разница в объеме прав и привилегий не может определяться одним и тем же «гражданством проксении», ибо проксенические права — это одна сфера прав и привилегий, а право гражданства — иная сфера. Это хорошо видно на примере так называемого памятника Евдема из Селевкии — надписи, представляющей собой собрание выписок из почетных декретов различных городов и союзов в честь Евдема (Syll³. 644/645, ок. 172 г. до н. э.): декретом калхедонян ему предоставлено право гражданства (πολίτεια), после чего сказано: «а чтобы ему стать проксеном, пусть стратеги...

¹⁵⁰ См., к примеру, [НЭПХ I, с. 30; Gschnitzer, 1974, Sp. 721; Wilhelm, 1974, S. 665]. Поскольку до 130 г. употребляется обычная формула προξενίαν , πολίτειαν , в декрете 106–114 гг. следует читать ее, а не προξενίας πολίτειαν , как дополнил Сапрыкин.

войдут с предложением в Совет согласно закону» (VI, стк. 71 сл.), т. е. право гражданства и право проксении составляют настолько различные правовые институты, что в Калхедоне для наделения ими чествуемого лица проводились две элективные процедуры. Кстати, на основании именно этого декрета Вильхельм пытался увязать предоставление гражданства с получением проксении в смысле «гражданства на основании проксении», в подтверждение чего процитировал затем вскользь оброненную Латышевым мысль о προξενίας , πολιτείας херсонесских декретов как «гражданстве на основании проксении» (это практически вся аргументация сторонников такой точки зрения). Между тем калхедонская процедура предоставления сначала гражданства, а затем отдельным постановлением проксении (есть еще несколько таких примеров) является перевернутой картиной обычной общегреческой практики, согласно которой, напротив, чествуемому лицу сначала предоставлялись проксенические права и уже на основании их гражданские права, что и отразилось в неперменной последовательности элементов обычной формулы проксенических декретов — προξενίαν , πολιτείαν ($\text{πρόξενον καὶ πόλιν}$). Как видно, зависимость обретения гражданских прав от предварительного получения проксенических прав несомненна (примеры [Wilhelm, 1974, S. 662 f.]), однако эта зависимость вполне передается двумя вин. падежами — προξενίαν , πολιτείαν , что само по себе дает полное основание усматривать в слове προξενίας херсонесских декретов винительный же падеж мн. числа, а не вводить род. падеж, который никогда не был свойствен рассматриваемой формулировке. Наконец, при чтении προξενίας πολιτείαν из декрета исчезает собственно проксения, существо предоставляемых проксену привилегий.

Изложенное указывает на порочность понимания слов $\text{ΠΡΟΞΕΝΙΑΣ ΠΟΛΙΤΕΙΑΝ}$ декретов Херсонеса 130–174 гг. н. э. в качестве единой формулировки «гражданство проксении». На мой взгляд, тут следует ставить запятую между обоими словами, приняв первое за *acc. pl.* «проксении». Такое решение упрощает вопрос до уровня грамматической новации: греческому языку, как и русскому, свойственно употребление существительных, и вещественных и отвлеченных, во мн. числе вместо единственного, например: ἄλς (мн. число) вместо ἄλς «соль» (крупинки соли), πυροί, κριθάι «пшеница», «ячмень» (зерна), ταφαί, γάμοι «похороны», «свадьба» (т. е. похоронные и свадебные обряды), φίλῃαι, τιμαί, ἐπαῖνοι и т. д. [Нидерле, с. 24 § в, г].

Уже в позднеэллинистическое время наиболее активные деловые люди, действовавшие в общегреческом масштабе, удостоивались почестей от различных городов, в том числе проксенических привилегий. Одну такую фигуру мы только что упомянули: Евдем из киликийской Селевкии получил проксении от 7 греческих городов. Троянец Кассандр, сын Менестея (обратим внимание на его эпискийский именник), удостоился проксений от союза критян, а от Ахейского союза — проксений и прав гражданства ($\text{τὸ κοινὸν τῶν Κρηταίων προξενίαι... τὸ κοινὸν τῶν Ἀχαιῶν προξενίαι καὶ πολιτεία}$ [Syll³. 653 A. 8 sq., Илион, 165a]). Употребление тут мн. числа προξενίαι обусловлено не столько тем, что подразумевались входившие в состав Критского и Ахейского союзов города (ср. Syll³. 598 d: Этолийский союз дает чествуемому лицу $\text{προξενίαν καὶ πολιτείαν}$, т. е. дает одну проксению на все свои города), сколько обыденностью наличия у одного лица нескольких проксений. Отсюда происходит и спорадическая перемена числа слова проксен при наделении приоксением одного лица, как в декрете беотян в честь все того же Евдема из Селевкии: вместо ед. числа в обычной формуле «быть проксеном ему и его потомкам»

здесь находим (беотийское диалектное) *acc. pl.* προξένων (= προξένους) «быть проксенами ему и потомкам (Syll³. 644. 29–30).

По изложенным причинам, а также ввиду узуса в греческом языке *pluralis pro singulari* можно предполагать, что херсонеситы II в. н. э. стали употреблять вместо ед. числа множественное προξέναι, чем обозначали всю полноту проксенических прав и привилегий. Эти соображения, не вошедшие в публикацию ввиду ее предельного объема, и побудили меня читать в Аполлонидовом декрете обычным порядком προξένιας, πολιτείας «проксении, право гражданства». Предоставление херсонеситами проксенических прав чествуемому лицу в 174 г. н. э. интересно и само по себе: в греческом мире институт проксении уже давно изжил себя (к рубежу новой эры), так что лишь херсонеситы да еще 1–2 центра по-прежнему наделяли малозначущими проксеническими привилегиями своих благодетелей. Это проявление консерватизма окраинных дорийцев, как и инертности местного чиновнического делопроизводства.

Теперь коротко о кратких же заметках И. С. Свенцицкой [1996] и А. Л. Смышляева [1996]. В отличие от Виноградова они ставили перед собой позитивную задачу — уточнить мои отдельные положения, если они не устраивали их. Так, риторическому характеру языка надписи я уделил лишь последний абзац статьи 1995 г., в работе Свенцицкой он получил развернутое освещение. Интересно ее дополнение в стк. 5 ποτ[ικληθέντας], предполагающее, что для чествования Аполлониды на народное собрание наряду с демосом приглашены также неграждане, проживавшие в Херсонесе. Если бы были приведены соответствующие примеры, такое дополнение стало бы более основательным. Свенцицкая возражает против моей гипотезы о трехслойном делении херсонесского общества. Я согласен с ней в том, что «эта проблема нуждается в дальнейшем всестороннем исследовании», однако аргументы, заставившие ее сомневаться в ней, не показались мне убедительными. Их у нее два. Первый — в выражении τοῖς ἀρχαῖοις Χερσονησιτῶν προέδροις наречие ἀρχαῖοις относится к проедрам — уже разобран выше. Второй аргумент прямо к данному вопросу не относится, но так как он фигурирует и у Виноградова, упомяну его: если три социальных слоя херсонеситов соотносятся с тремя же «рядами», то критикам непонятно, куда относятся номофилак и грамматей, выведенные мною за пределы должностных лиц третьего «ряда». Однако отнюдь не я вывел их из третьего «ряда», а составители декрета своим словоупотреблением: если члены всех трех «рядов» ἐσφραγίσαντο «скрепили печатью» декрет, то упоминаемый последней строкой декрета Α νομοφίλας ὑπέγραψεν — всего лишь «подписал» документ вместе с секретарем Совета. Верно, что в декретах предшествующего времени номофилаки числятся в третьем «ряду», но фактом остается и то, что значение этой должности падало: в декретах 106–130 гг. в третьем «ряду» числятся три номофилака, а в декретах середины столетия фигурирует лишь один, так что словоупотребление Аполлонидова декрета, выведшее «контролера» за пределы «рядов», лишь завершает падение значимости данной должности. Что я точно интерпретировал словоупотребление декрета, показывает херсонесская проксения синопейцу [Сапрыкин, 1998], изданная между 106–114 гг., в котором секретарь Совета (γραμματοῦχος) упоминается в эпонимной датировке, но не входит в число членов Совета, скрепивших печатью документ (ἐσφραγίσαντο стк. 33).

Заметка А. Л. Смышляева, как указывает ее заголовок, уделена вопросам карьеры и статуса Аполлониды, а также выяснению характера его миссии в Херсонес.

Все эти вопросы рассматривались мною, и он в основном пересматривает их. Ведущая тема — карьера Аполлониды — хорошо исследована им. Напомню читателю, что она описана в двух его *cursus*¹⁵¹ из Египта и Никеи: военный трибун XIV, затем XIII легионов, стоявших соответственно в Верхней Паннии и Дакии, затем последовательно прокуратор по цензу в Аквитании и прокуратор Нижней Мезии, Фракии, Далмации-Истра, наконец, прокуратор частного фиска в египетской Александрии, где он и умер в возрасте 55 лет. Я дал следующую хронологию его карьеры. Согласно никейской надписи, он получил назначение в Аквитанию «при Августе», т. е. во время совместного правления Марка Аврелия и Луция Вера, закончившегося со смертью последнего в феврале 169 г. Стало быть, Аполлонид был военным трибуном в Паннии и Дакии примерно между 160–168 гг., в конце которых получил назначение в Аквитанию. Дата херсонесского декрета — весна 173/4 г. — указывает, что его прокураторство в Нижней Мезии приходилось примерно на 173–175 гг. Первая из этих дат определяется предположением о связи перевода Аполлониды из Аквитании в Нижнюю Мезию ввиду открытия весной 174 г. «сарматского» фронта: как сведущий в делах дунайского региона офицер, служивший ранее в Паннии и Дакии, он возвращен на Нижний Дунай. Его прокураторство во Фракии приходится на время между 175–180 гг., затем последовало прокураторство в Далмации и Египте, приходившееся, скорее всего, на время Коммода (180–192), самое позднее на начало правления Северов. В любом случае его деятельность закончилась не позднее 190-х гг. Согласно Смышляеву, в конце 160-х Аполлонид служит в Аквитании, ок. 173–175/6 гг. — в Нижней Мезии (тут он солидарен со мной), но дальнейшая его карьера двигалась более ускоренными темпами, нежели думал я: ок. 175/6–177/8 гг. он служит во Фракии, предположил Смышляев, примерно со 177/8 г. в Далмации, после 180 г. в Египте. Конечно, карьера Аполлониды могла закончиться и в 180-х, как считал Смышляев, и в начале 190-х, как думал я. Если учесть римские возрастные мерки для замещения должностей военного трибуна и прокуратора, можно предположить, что Аполлонид стал прокуратором Аквитании в 35–40-летнем возрасте, т. е. его прокураторская карьера длилась 15–20 лет (в 55 лет он умер)¹⁵¹. Прибавив эти цифры к 165–168 гг., когда он занял свою первую прокураторскую должность, получим, что его карьера завершилась ок. 180–188 гг.¹⁵² В целом разница между схе-

¹⁵¹ [RPaum, 1956, Sp. 1266]: в большинстве случаев прокураторскую должность занимали в возрасте после 40 лет. Замечу, однако, что в условиях военного времени нижний порог мог быть меньше, почему и принимаю цифры 35–40 лет.

¹⁵² Примерно к таким результатам приводят и известные нам данные о продолжительности службы наместников в одной провинции. При Антонине Пие хорошие наместники пребывали в одной провинции по 7–9 лет (SHA, III, 5, 3). Марк Аврелий в принципе продолжал линию предшественника, но в условиях Маркоманнской войны вынужденно прибегал к частой смене наместников придунайских провинций. Так, Гельвий Пертинакс между 175–181 гг. управлял обеими Мезиями, Дакией и успел заступить на прокураторство в Сирии (SHA, VIII, 2, 10–11). Поскольку частая смена наместников разоряла провинции, Песценний Нигер обратился к Марку Аврелию (в конце его правления) и затем к Коммоду с предложением установить 5-летний срок управления провинцией (SHA, XI, 7, 2). Но при Коммоде практиковалась продажа должностей, в том числе наместнических, что опять-таки приводило к частой смене высших провинциальных властей, видимо, в пределах 3 лет (SHA, VII, 14, 6–8). Соответственно и наш Аполлонид в период с 165–168 по 174–175 гг. прослужил в двух провинциях, проводя в каждой по 3–5 лет. Последние цифры считаются средними для наместнического срока [Колосовская, 1988, с. 20]. Отсюда получим, что с 165–168 гг. (начало службы в Аквитании) прокураторство Аполлониды в пяти провинциях длилось 15–20 лет, т. е. опять-таки до 180–188 гг.

мами Смышляева и моей составляет десяток лет, что малосущественно и неразрешимо при нынешнем состоянии источников.

Далее Смышляев кратко остановился на вопросах о цели — военной или дипломатической — миссии Аполлонида в Херсонес и его статусе. Поскольку в первом вопросе он примкнул к точке зрения Виноградова, ограничусь тем, что изложено об этом выше. Напротив, суждения Смышляева о статусе Аполлонида ценны тем, что на новом материале он подтвердил давно данное А. Штайном определение должности Аполлонида как прокуратора по финансам (*Finanzprokurator* [Stein, 1920, S. 75 f.; 1940, S. 113, 127]). Мысли Смышляева о том, в каких условиях могла проходить служба Аполлонида во Фракии и Далмации, показались мне наиболее интересными в его заметке. Вместе с тем его отдельные суждения о статусе Аполлонида уязвимы. Оглушительные военные успехи, приписанные Виноградовым Аполлонида, явно навевали предположение Смышляева о том, что Аполлонид прибыл в Херсонес во главе вспомогательной вексилляции. Сославшись на примеры употребления слова *σκῆπτρον* в значении «знамя» (лат. *vexillum*), он предложил свой вариант перевода стк. 13 декрета: «гегемона спасителем из опасности»¹⁵³ (император) направил (принять в свои руки) знамя провинции», т. е. поставил во главе сводного отряда (*vexillatio* или *vexillum*), сформированного из дислоцированных в провинции частей. При таком прочтении данного места Аполлонид чествуются херсонеситами как препозит вексилляции, спасшей город от военной опасности [Смышляев, с. 147].

Мне сомнительна допущенная им подстановка значений: в его переводе *σκῆπτρον* = *vexillum* «знамя», а в выводе отсюда *vexillum* уже «отряд» — по той причине, что для этого приходится ввести выражение «принять в свои руки», отсутствующее в тексте. Одно это делает малоосновательным предложенный им вариант понимания статуса Аполлонида как препозита вексилляции. Но суть дела не только в этом: крайне сомнительно, чтобы самый пышный и пространный по своим формулировкам херсонесский декрет чествовал Аполлонида всего лишь в качестве командира вспомогательного отряда. Мало логики и в том, что именно в таком ранге, более подходящем для военного трибуна или центуриона, чествовался прокуратор провинции. В Херсонесе пребывали разные препозиты вексилляции (в ранге военного трибуна и центуриона), но ни один из них не удостоился почестей, хоть сколько-нибудь подобных почестям, оказанным Аполлонида. Херсонеситы чествовали и наместника Нижней Мезии Секста Октавия Фронтоня, между 90–93 гг. посетившего их город, но довольно скромно — краткой почетной надписью под статуей с указанием пропреторского ранга чествуемого легата Августа¹⁵⁴.

С помощью версии об Аполлонида как командире вексилляции Смышляев хотел преодолеть противоречие между обозначением его термином *ἐπίτροπος* (в послужных *cursus* ax в соответствии с его всадническим рангом и должностью прокуратора по финансам) и обозначением его в херсонесском декрете термином *ἀγέμων* (стк. 12), который применялся по отношению к наместникам провинций. Это противоречие действительно непросто разрешить¹⁵⁵. Возможно, *ἀγέμων* здесь не *terminus technicus*,

¹⁵³ Конечно, «спасителем от опасности».

¹⁵⁴ I² 422. Быть может, был издан и более пространный декрет, но мы об этом ничего не знаем.

¹⁵⁵ Греч. *ἀγέμων* = лат. 1) *princeps*, *imperator*, 2) *dux*, 3) *praefectus Aegypti*, 4) *praeses provinciae*, 5) *legatus*, 6) *praefectus*, 7) *magistratus*. Греч. *ἐπίτροπος* = лат. 1) *procurator provinciae*, 2) *procurator Augusti in provincia publica*, 3) *procurator praediorum vel aliarum curarum extraordinarium*, 4) *praeses*

а риторический элемент, на что может указывать риторический же контекст фразы в целом и конкретно относящееся к этому слову указательное местоимение τοιοῦτον: прислал «такого вождя»¹⁵⁶. На это может указывать и абсолютно тождественное по конструкции другое выражение в той же фразе декрета (стк. 16): τοιοῦτον κατέστασεν ἄγέταν «такого направил вождя» (= τοιοῦτον ἄγεμῶνα... ἔπεμψεν стк. 12: «такого прислал вождя»), где слово ἄγέτας вообще не имеет терминологического значения, т. е. не употреблялось для перевода римских должностных терминов. Этот параллелизм словоупотребления внутри одной фразы декрета может свидетельствовать против понимания слова ἄγεμῶν в качестве официального обозначения должности Аполлониды. Этим снимается противоречие между словоупотреблением херсонесского декрета и реальной всаднической должностью Аполлониды как прокуратора по финансам (ἐπίτροπος никейской и египетской надписей). Соответственно исчезает преграда моему заключению, что Аполлонид прибыл в Херсонес именно в качестве финансового прокуратора Нижней Мезии. (Кстати, если бы он явился в Херсонес в качестве препозита вексилляции, это скорее всего нашло бы отражение в никейском и египетском *cursus*¹⁵⁷.)

Можно указать и причины, заставившие херсонеситов вопреки официальному узусу применить к Аполлониду слово ἄγεμῶν, в общем не соответствующее его всадническому происхождению. Это, во-первых, приподнятый риторический язык надписи, содержащий эпические поэтизмы, эмфатические глаголы и выражения (ἀρχᾶθεν, ἀναβοᾶσαι, εὐφαιῆσαι, ἐπιθειάζει, τοιοῦτον ἄγεμῶνα σωτήρα, ἐπαρχείας σκάπτρον, τοιοῦτον κατέστασεν ἄγέταν τᾶς παρ' ἡμεῖν εἰρήνας, αἰῶνα κάρυγμα τὰ ἐσσούμενα etc.). Само собой разумеется, что столь торжественный язык декрета определялся значимостью визита Аполлониды для херсонеситов и важностью его должности как финансового прокуратора. В связи с этим обращаюсь к великому прозорливцу А. Штайну (книги его неказисто изданы сравнительно с роскошными просопографическими компендиумами наших дней Девийвера, Томассона и др., но многое он угадал точнее их, в том числе и время деятельности Аполлониды). Штайн отметил, что Аполлонид как прокуратор Фракии имел высокий ранг, который он обрел еще в Нижней Мезии; этот высокий ранг означает, что должность прокуратора по финансам во Фракии (и, добавим мы, в Нижней Мезии) немногим уступала по значимости должности президиального прокуратора [Stein, 1920, S. 76 f.]. В связи с этим обращаю внимание на незначительность числа известных нам прокураторов Нижней Мезии по финансам сравнительно с президиальными прокураторами, иначе говоря, губернаторами провинций. Если воспользоваться даже несколь-

provinciae, 5) procurator praesidialis [Mason, p. 49, 52, 144]. Одинаковое значение praeses provinciae «наместник провинции в ранге проконсула» в обоих греческих терминах, разумеется, к Аполлониду не относится. Есть, однако, случай совмещения этих терминов в почетной надписи III в. н. э. из Массалии в честь Т. Порция Элиана: ἐπίτροπος καὶ ἡγεμῶν τῶν παραθαλάσσιων Ἀλπεῶν [IG XIV, 2433; Mason, p. 49]. Он происходил из известной всаднической фамилии, под конец карьеры дважды занимал должность прокуратора, из которых последняя — президиальный прокуратор (ἐπίτροπος καὶ ἡγεμῶν) Приморских Альп.

¹⁵⁶ Конечно, малоуместен перевод «прислал такого финансового прокуратора», обязательный при понимании ἄγεμῶνα стк. 12 в качестве *terminus technicus*, т. е. греческого перевода римского должностного термина.

¹⁵⁷ Во всаднических *cursus*^{ax}, и не только в них, пребывание на посту препозита вексилляции также отмечалось, — см., к примеру, карьеру всадника и префекта претория Юлиана, служившего при Марке Аврелии и Коммодe [Dessau, 1327].

ко устаревшими сводками Штайна, то получим следующую картину [Stein, 1940, S. 113, 126/7]. Ближайший предшественник Аполлониды, прокуратор всаднического ранга, служил в Нижней Мезии ок. 120 г., следующий после Аполлониды прокуратор по финансам Тит Симилис действовал во времена Северов. В целом же с 92 г. по конец III в. н. э. в Нижней Мезии правили более полусотни наместников сенаторского ранга (т. е. губернаторов) и только 6 прокураторов по финансам. Такое соотношение указывает на чрезвычайность или специфичность полномочий последних. Не исключено, что миссия Аполлониды в Херсонес пришлось на такое время, когда в Нижней Мезии не оказалось наместника сенаторского ранга; в таком случае для херсонеситов он действительно был олицетворением главы провинции (хотя фактически не являлся таковым), в связи с чем они и нарекли его титулом ἀγέρων, употребительным по отношению к наместникам любого ранга или высшим армейским офицерам¹⁵⁸.

В описанной Смышляевым карьере Аполлониды вызывает возражение также заключение, что с переводом во Фракию он как бы пошел на понижение в смысле значимости своего поста. Во-первых, мнение Г. Пфлаума, что прокураторская должность во Фракии сексагенарная, не общепринято — к примеру, Г. Девийвер полагает, что должность Аполлониды в Мезии и Фракии одинаково центенарная [Devijver, p. 92–93]. Во-вторых, если Пфлаум и прав, в военных обстоятельствах перевод на ту же, но менее оплачиваемую в другой провинции должность не был понижением статуса. Например, Адриан для руководства Иудейской войной отозвал Секста Юлия Севера со значительного прокураторского поста в Британии, назначив его прокуратором сравнительно менее значимой Иудеи. Во время Парфянской войны Луций Вер вызвал из той же Британии М. Стация Приска, который стал одним из ведущих командиров, дав ему низшую по рангу Каппадокию [Fitz, 1963, p. 272]. Если говорить о карьере Аполлониды с точки зрения оплаты, то она постоянно шла вверх: в Аквитании он занимал сексагенарную должность, в Нижней Мезии и Фракии центенарную, в Далмации и Египте дученарную [Devijver, p. 92 f.]. Удачно прослужив в балканских провинциях, Аполлонид к концу жизни заслужил покойную должность в теплой и богатой Александрии. Это был заслуженный удел хороших чинов высокого провинциального ранга. Например, профессиональный финансист Папирий Ксенофонт при Коммод в числе прочих должностей последовательно был прокуратором портория Иллирийских провинций по Нижней Мезии и трем Дакиям, прокуратором паннонских и далматинских аргентариев, прокуратором Дакии Апуленсис и закончил свою службу, как и Аполлонид, прокураторством в Египте (Dessau, 1421)¹⁵⁹.

Наконец, остановлюсь на вопросе о надписях, близких Аполлонидову декрету. Выше я отметил сходство его письма с фрагментом декрета 1968 г., они настолько близки, что вышли из-под руки одного резчика или из одной мастерской. Это

¹⁵⁸ В 170-х гг. в Нижней Мезии правили следующие губернаторы: ок. 170 г. Вигелий Тертулл, которому наследовал до 172 или 173 г. Макрин Виндекс. За ним следует Валерий Брадуа Клавдиан, правление которого выявляется из одной каллатийской надписи, датируемой до 175 г. Длительность его правления неизвестна, но очень вероятно, что с 177–178 гг. провинцией руководил Гельвий Пертинакс, за ним Кальпурний Юлиан, надпись которого из Нов относится ко времени до 180 г. [Dobruțiu-Boila, 1984, p. 109 f.; 1987, S. 258; cf. Stein, 1940, S. 126; Alföldi, 1977, S. 233; Thomasson, 1984, col. 137 sq.].

¹⁵⁹ На карьере еще одного, неизвестного по имени лица, сходную с карьерой Аполлониды, указал Девийвер [Devijver, p. 93].

повторил Виноградов (без ссылки на меня) и отметил принадлежность к этой же мастерской фрагмента, изданного Э. И. Соломоник [1974, с. 33 сл.], по его мнению, составляющего одно целое с фрагментом 1968 г. Разделяя отчасти это мнение, отношу к числу произведений той же мастерской еще один декрет [НЭПХ I, с. 23 сл., фото на с. 32]. Для всех четырех упомянутых надписей характерно употребление одного и того же пошиба письма, одного шрифта, а также больших сложно профилированных филенок на лицевом поле плиты. Все они, стало быть, относятся к середине второй половины II в. Полагаю, что изданный Соломоник в 1974 г. фрагмент составляет одно целое не с фрагментом 1968 г., а с Аполлонидовым декретом, на что может указывать одинаковое вторичное использование их в качестве строительного материала: на обоих лицевых полях имеется известковый строительный раствор (о фрагменте 1968 г. таких сведений нет). Если это так, изданный Соломоник фрагмент принадлежит к начальной части Аполлонидова декрета, так как он упоминает императора: [--? Αὐτοκράτ]ωρ βα[--][--]λα δὲ καὶ [--][-- Σε]βαστὸς[ς--[-- πό]λιν (?) --. В начале сохранившейся части Аполлонидова декрета высота букв 1,8–1,7 см, далее она уменьшается до 1,5–1,4 см; у изданного Соломоник фрагмента высота букв 1,9 см, что может соответствовать как раз начальной части Аполлонидова декрета, судя по явному увеличению высоты букв к началу надписи.

В заключение отмечу, что дискуссия прояснила, хотя и не до конца, некоторые аспекты понимания этого важного источника по истории Херсонеса и Сев. Причерноморья в целом во второй половине II в. н. э., важного как в отношении внутренней истории региона, так и в контексте крупнейшего события времени Марка Аврелия — войны Рима и варварского мира Юго-Вост. Европы. Дальнейшие усилия исследователей этого документа могут быть направлены на уточнение, во-первых, чтения некоторых разрушенных мест надписи (стк. 2–5, 13–15), во-вторых, цели миссии Аполлонида в Херсонес, в-третьих, социально-политического положения херсонесского общества в середине и второй половине II в. н. э. Есть и ряд частных вопросов, требующих специального исследования: карьера Аполлонида, номенклатура должностей в Херсонесе II в., социально-политическая стратификация общества и просопография должностных лиц этого столетия. Наконец, благодатная тема — профессиональное исследование языка надписи, которая представляет собой интереснейший и один из последних памятников дорического диалекта.

4. ЗАМЕТКИ К ХЕРСОНЕССКИМ НАДПИСЯМ

4.1. Остраконы и влагельческие надписи

Ю. Г. Виноградов и М. И. Золотарев опубликовали 3 десятка граффити на остраконах с именами и патронимиками либо только с именами. Сначала соавторы сочли, что они использовались для голосования при выборах магистратов, затем присоединились к мнению Э. И. Соломоник о предназначении их для голосования по остракизму¹⁶⁰. Отдельную статью об остраконах опубликовал Виноградов [Pont.

¹⁶⁰ [Золотарев, 1993; Виноградов, Золотарев, 1998, 1999; Vinogradov, Zolotarev, 1999], см. и SEG 37, 654; 40, 612. Критика [Saprykin, 1991 и SEG 47, 1170; Стоянов, 2007; Буйских, 2008].

St. S. 397–419], с приложением каталога остраконов, имена на которых он разделил на дорические, ионийские и амбивалентные. Отдельные положения этой статьи подверглись критике. Заключение Виноградова [S. 412 f.] о характере имен устранил Л. Дюбуа, отметивший завышение числа дорийских имен — таковых всего 4, ионийских 3, остальные амбивалентны; он указал также на ошибочность выводов о социальном статусе носителей этих имен, ибо они присущи всем сословиям [Bull. ép. 1991, 420]. Мы рассмотрим типологию этих надписей¹⁶¹.

Отдавая должное самому факту публикации новых граффити, отметим неоправданное включение в число остраконов тех надписей, которые сделаны на доньях и уже только по такому месту расположения должны быть отнесены к разряду надписей владельцев сосудов. В числе афинских остраконов для голосования по остракизму встречаются надписи на доньях, но их относительно мало и имена на них имеют соответствия в остраконах, сделанных из стенок сосудов. Так, из 120 остраконов для голосования об остракизме, найденных на Керамике и опубликованных в довоенное время, лишь 9 сделаны на доньях сосудов, остальные написаны на стенках битой чернолаковой керамики и амфор [Peek, 1941, S. 51–87]. Несогласно с приведенными цифрами, в числе херсонесских остраконов Виноградова — Золотарева имена на доньях составляют почти половину, и нет ни одного соответствия с именами на стенках. Поэтому ошибочно замечание Виноградова, что данные граффити «не являются марками собственников» [Pont. St. S. 405] (и это все, что сказано им по сему важнейшему вопросу!). Малая херсонесская эпиграфика не составляет исключения из общегреческой практики: написанные на доньях сосудов имена с патронимиками (или без них) и их сокращения составляют наиболее обширный класс граффити; обычно полные имена стоят в род. падеже, чем и выражена принадлежность сосуда указанному по имени лицу (*gen. poss.*), но нередка и номинативная форма (ниже, с. 761/2).

По причине сказанного из каталога должны быть исключены имена на доньях сосудов: I, № 6, 8–11, 13; II, 2, 3; III, 1, 3, 5, 7, 8 — это владельческие граффити. Из числа надписей на доньях на некоторых остановимся особо. На дне солонки написана явно владельческая надпись III, 1: имя Αἰγινόμω «солонка Эгинома», идущая изгибом вдоль кольцевого поддона, что характерно именно для владельческих надписей (I, 6, 9, 11–13; II, 2; III, 7), а не остраконов, в которых имя пишется по прямой (I, 1 и др.). Внутри солонки написано то же имя в сокращении; размещение владельческих имен внутри сосуда не характерно, но в числе херсонесских

¹⁶¹ Опубликовано [Яйленко, 2000а, с. 186/7], тут дополнено. Через несколько лет Тохтасьев [2007а] повторил мои выводы, в связи с чем процитирую уже написанное мною по этому поводу [Яйленко, 2008, с. 576, примеч.]: «Непривлекательная склонность С. Р. Тохтасьева к выпячиванию своей роли в интерпретации источников и замалчиванию предшественников вполне проявилась также в его заметке о херсонесских граффити [2007а], в которой он, по существу, пришел к тем же результатам, что и я [Яйленко, 2000, с. 186–187], но упомянул мою работу лишь в последнем примечании. С. Р. Тохтасьев обязан не отсылать читателя в конце своей статьи к сравнению с работой предшественника, а, приводя в начале интерпретацию херсонесских остраконов Виноградовым и Золотаревым, изложить имеющееся в литературе мнение их критика. Для всех изложение и учет уже опубликованной литературы — сами собой разумеющиеся азы и этики, и исследовательской работы, но Тохтасьев не считает их обязательными для себя». Поэтому и в случае с херсонесскими граффити Тохтасьев в очередной раз предстал эпигоном, который ползает по уже исследованным мною темам и повторяет мои выводы (см. ниже, с. 820/1, примеч. 135 и [Яйленко, 2010, с. 179/80, примеч. 5]). В принципе я доволен — подтверждается моя точка зрения, хотя и таким извращенным способом.

граффити имеются подобные случаи¹⁶². Ввиду этой особенности следует аналогичным образом понимать и одинаковые по содержанию граффити III, 7–8, первое из которых сделано на донце скифоса снаружи, второе на другом скифосе изнутри. Виноградов субъективно прочел эту надпись: [οὐ --]ς ἀλλὰ Χαῖρ[-] (т. е., пояснил он, голосующий предлагает на должность не *имярека*, а Хар[идема]), и безосновательно сопоставил с совершенно иными по содержанию остраконами для изгнания из Афин, ибо тут читаются имя и патронимик: [ῥ? Ἀρχ]ιάλλα Χαῖ[--] «*скифос* Архиалла, сына Хай(--), т. е. оба сосуда принадлежали одному владельцу¹⁶³. Напротив, граффито I, 14, тоже сделанное на донце сосуда изнутри, явно относится к числу остраконов, так как имя и патронимик написаны по прямой, т. е. на черепке. Наконец, из числа остраконов должны быть выведены фрагментированные надписи неясного содержания, состоящие из 3–5 букв: I, 12, III, 2, 4, 6.

Итого к числу остраконов для голосования принадлежат лишь 8 граффити каталога (4 из них дублетны, т. е. в целом 12 остраконов): I, 1, 1a Παρμέιχος | Μελαίθιδ, 2, 2a [Ἀμφί]δων [ῥ? Ὑπε]ρόχιδ, 3 Ἰασικλῆς | Νεομηρίδ N, 4 Ζηρόδοτος | Εὐαρχίδα, 5 Πασ[--] | Θέμι[σ--], 7, 7a Πεισίστ[ратос] | Νυμ[φ--], 14 Χαρίκλ[ῆς] | Ἐρμόδ[ώρου], II, 1, 1a Ἀντίλοχ(ος) | Κρητίνης Μυός.

Виноградов датировал все надписи своего каталога V в., по сближению профиля черепка с аналогией из каталога чернолаковой керамики афинской Агоры и по палеографии надписи, без какого-либо обоснования (например: «cf. Ath. Agora XII, 578», «вторая треть V в.», и ничего более). Однако любому понятно, что одного донца или мелкого кусочка стенки недостаточно для установления профиля сосуда, тем более для поиска аналогий с целью установить дату остракона. Отсюда и результат: бесспорно датируемые IV в. по палеографии надписи отнесены им к V в., и не просто к столетию, а к псевдоточным датам вроде 425–400, 470–460, са. 480. На наш взгляд, к V в. определенно относятся лишь граффити I, 1 с трехчастной *сигмой* и *хи* в виде креста (✕), I, 2 с крестообразной формой *хи*, I, 3 — черепок ионийского сосуда, I, 10, 11 с трехчастным *ро* (это все датирующие признаки V в.). Напротив, определенно к IV в. относятся граффити I, 4, 7 и II, 3 (нижний усик *сигмы* горизонтален), I, 6 (оба усика *сигмы* горизонтальны), I, 9 (в монограмме AN боковины N равновелики, параллельны и опущены на одну горизонталь), I, 12 и III, 1 (мелкие *омикрон* и *омега*, по род. падежу на -ῶ датируются первой половиной IV в.), II, 1 (мелкий *омикрон*), III, 7, 8 (в граффито 7 боковины *альфы* и *лямбды* прогнуты; хотя в граффито 8 они прямые, владелец обоих скифосов один, см. выше). Соломоник справедливо отнесла подобные по начертанию граффити к IV в. (ГАХ 297, 1039, 1046 и мн. др.). Остальные граффити I, 5, 8, 13, 14; II, 1, 2; III, 5 не имеют четко выраженных признаков и скорее датируются IV в., так как в ГАХ им могут

¹⁶² На тарелке (ГАХ, 1170, табл. 5) на дне снаружи написаны в сокращении имя-отчество владельца: Σω ῥ? Ὑμ[--], сверху Σκυ Μ (или Σ). В сокращениях имен нетрудно распознать владельцев, известных нам по керамическим клеймам членов одного рода: Сополиса, сына Гимна и Скифа, сына Сополиса, первый из которых действовал ок. 200–185 гг., второй ок. 237–230 гг. [Кац, 1994, с. 111, 113]. Таким образом, тарелка принадлежала сначала Скифу, затем сыну его Сополису, что оба и поместили поочередно, написав на ней сокращения своих имен-отчеств, один сверху, другой на дне тарелки.

¹⁶³ Имя воспитателя Париса Ἀρχιάλας упоминает Порфирий в схолиях к II, 3, 325. Удвоение плавного в подобных именах обычно: Κόλας — Κόλλας, Μέλας — Μέλλας, Ὀφέλας — Ὀφέλλας и мн. др. [Hansen, 135]. Усмотренной Виноградовым перед ἀλλὰ *сигмы* нет: перед первой *альфой* виден лишь вертикальный штрих. Но даже и при угодной ему *сигме* можно найти соответствующее имя Σαλᾶς [КБН 1283; Hansen, 135] с тем же удвоением плавной.

быть подобраны массовые параллели этого времени (табл. 7, № 684, 743; т. 8, № 1101, 1167, 1231, 1620; т. IV, № 295/9 и мн. др.). Таким образом, по времени данная группа остраконов связана с дорийским Херсонесом, основанным, согласно распространенной точке зрения, в последней четверти V в., а не с ионийско-дорийским выселком позднеархаического времени, придуманного Виноградовым и Золотаревым.

Из числа выделенных нами остраконов к V в. относятся I, 1–3, к V–IV вв. I, 5, 14, к IV в. I, 4, 7, II, 1. Итого на два столетия приходится всего 12 остраконов — ничтожная цифра, не дающая оснований для мнения об их предназначении для голосования об остракизме. В целом назначение их неясно, возможны разные варианты. Они могли употребляться для голосования при выборах магистратов, как поначалу думали Виноградов и Золотарев, либо играть какую-то роль в судопроизводстве (в ольвийском дикастерии наряду с полутысячей псефов найдены остраконы IV–III вв.: стенки амфор с нацарапанными или написанными краской именами, от I до 5 [Леви, 1985, с. 95]). Возможно употребление их и для так называемого подтверждения присутствия на собрании или участия в голосовании, с которым связывают комплекс из 200 глиняных жетонов, найденных около театра в Мантинее (IG V, f. 2, 323), и большую серию свинцовых тессер V в. с именем-патронимиком из Камарины [Cordano, 1992, p. 85–88], которую Э. Робинсон связал с установлением демократии [Robinson, 2004]. Мнение Виноградова и Золотарева об остракизме (его поддержал вездесущий И. Е. Суриков [2009]) наименее вероятно, поскольку нет серий повторяющихся имен, которые (серии) характерны для афинского комплекса остраконов для голосования об изгнании самых заметных политиков¹⁶⁴. Еще пример, количественно сопоставимый с херсонесскими черепками: в Кирене из 12 найденных остраконов последней четверти V в. 9 содержат имя одного лица — Праксиада, поэтому они могли предназначаться и для голосования по остракизму, как счел публикатор [Bacchielli, 1994], но и для голосования по выборам магистрата. 33 свинцовые пластинки V в. до н. э. из г. Стира на Евбее с именами в номинативе определенно не являются остраконами для голосования по остракизму, ибо повторяются лишь 2 имени [Masson, 1992, p. 61].

4.2. Датировка надписи об аренде / продаже земли

Э. И. Соломоник и Г. М. Николаенко [1990] предприняли передатировку надписи об аренде или продаже земли I² 403, отнеся ее к 270–260 гг. К сожалению, мы не можем принять ее, так как глубокоуважаемые коллеги опирались на просопографию, но их корреляция именника трактуемой надписи с именами других памятников лапидарной и керамической эпиграфики, а также монет проведена

¹⁶⁴ По новым данным, на афинском Керамике найдено 8653 остракона, основная их особенность — многократное повторение одних и тех же рекомендуемых по имени персон к изгнанию: например, за Мегакла ратуют авторы 4145 остраконов, это почти половина общего числа [Willemsen, Breune, 1991, S. 147 f.]. По нашим подсчетам, острака с именами, которые повторяются 1–2 раза, составляют всего 1/94 часть общего числа остраконов с Керамикой. На афинской Агоре найдено 1337 остраконов [Lang, 1990], из которых, по нашим подсчетам, острака с повторяющимися 1–2 раза именами составляют и того меньше — 1/45 часть. Среди них есть также остраконы с именами не для голосования по остракизму: класс C — любовные [Ib., p. 12, 14 № 3, 8, 23, 24]; класс D — имена на черепках, в основном одно имя в *nom.* (бывают и в *gen.*), редко 3, 4, 7 имен [p. 17 f. № 39, 41, 44]. В Ольвии есть остракон с именем-отчеством (ГЛБО II, с. 93, № 101), ср. к нему [Леви, 1985, с. 95].

не вполне правомерно. Понятно, что граффити и монеты не дают должной точности, так что по сути мы располагаем лишь установленной В. И. Кацем [1985] хронологией херсонесских клейм и датой 195 г. для Гимна, сына Скифа, которая и послужила В. В. Латышеву основанием для датировки надписи концом III — первыми десятилетиями II в. Соавторы отметили, что 20 имен этой надписи представлены на амфорных клеймах, но это сопоставление шатко, поскольку имеется в виду не тождество соименных лиц, а лишь фиксация того или иного имени в клеймах. Приведу эти соответствия из их таблицы (взяв лишь имена с отчествами как наиболее надежный материал). № 9: Артемидор Артемидоров, ссылка на группу клейм 2 Б (по Кацу), но там указан Артемидор Пасиадов, кроме того, есть патронимик Артемидор в группе 1 В, похоже, это тот же Артемидор Пасиадов. № 10: Ксанф Теокидов, ссылка на группу 1 Б, но там представлено только имя Ксанф, встречающееся в Херсонесе в разное время. № 14: Феокл Феагенов, ссылка на группу 1 Б, в которой представлено имя Феаген, также популярное в Херсонесе в разное время. № 30: Промаф Дио[нисиев?], ссылка на группу 2 Б, где находим Дионисия; отсылка неправомерна ввиду множества имен на Дио-. № 38: Теламон Эсхинов, ссылка на группу 1 А, где числится Эсхин; но почему это не Эсхин Ксеноклов группы 3 Б? Очень показателен в отношении правомерности таких ссылок № 13: Сокрит Диоскоридов, отсылка к группам 1 А (там представлено имя Сокрит) и 1 В (там есть имя Диоскорид); если предполагать в этом Диоскориде отца Сокрита группы 1 А, то его деятельность следует относить ко времени до начала клеймения, а вовсе не ко времени следующей хронологической группы 1 В. Если же авторы таблицы не подразумевают родства указанных лиц, то почему даны именно эти сопоставления, а не с Сокритом группы 2 В или с Диоскоридом группы 3 Б? Словом, судя по имени, между отдельными магистратами разных хронологических групп существуют определенные родственные отношения, но эта работа еще не проделана, поэтому сопоставление имен надписи о продаже участков с именами астиномов преждевременно.

Пока мы располагаем лишь двумя твердыми отождествлениями, которые установили еще первые исследователи херсонесских клейм: Невмений Филистиев этой надписи идентичен астиному Невмению Филистиеву группы 2 А, Гимн Скифов тождествен Гимну Скифову группы 3 А. Группу 2 А Кац [1985, с. 104 *сл.*; 1994, с. 76–77] отнес к 285–272 гг., группу 3 А к 230–215 гг., причем дата последней группы сориентирована как раз на соответствие Гимна Скифова дельфийскому проксену 195 г. Промежуток примерно в полстолетия между этими лицами слишком велик для того, чтобы усматривать в них современников, поэтому, если придерживаться указанной хронологии и состава групп, надпись о земельных участках может быть соотнесена лишь с одним из них. Соломоник и Николаенко приняли дату Невмения Филистиева, предложив видеть в Гимне Скифове соименного деда дельфийского проксена. Это, по существу, стержень их датировки (все остальное не имеет точной абсолютной даты), нас не убеждающий. Вместо создания предполагаемого «деда» гораздо проще, принимая во внимание «необычайно пеструю» [Кац, 1985, с. 104; 1994, с. 58] типологию группы 2, переместить Невмения Филистиева в пределах этой группы из подгруппы А в подгруппу В (262–237 гг.), Г (237–230) или даже в группу 3 А, что делает его старшим современником Гимна Скифова. Переместил ведь В. И. Кац [1994, с. 58] в связи с новыми данными ряд магистратов группы 2 А в группу 3 А. Кстати, Р. Б. Ахмеров [1949, с. 119] идентифицировал

астинома Невмения Филистиева с соименным фигурантом надписи о земельных участках, которую вслед за Латышевым отнес к концу III — началу II в. Если предложенное нами перемещение правильно, Невмений и Гимн действовали в последней трети III в. Таким образом, традиционную датировку надписи о продаже / аренде земельных участков концом III в. следует лишь слегка расширить — это последняя треть столетия.

4.3. Надпись из Кара-Тобе

На пути из Херсонеса в Керкинитиду (между Евпаторией и Саки) расположено скифское городище Кара-Тобе. На нем в комплексе I в. до н. э. — I в. н. э. С. Ю. Внуков нашел обломок верхней части известняковой плиты с незначительными остатками 4 строк: ΠΑΡ | ΠΑΙΟΝ | ΤΟΝΙ | ΤΙΚΟΙ. Ю. Г. Виноградов реконструировал эти остатки в качестве победной надписи солдат Митридата Евпатора¹⁶⁵. Он дал два варианта восстановления, краткий и пространный, приведем краткий: [Δὶ Σωτῆρ]ι, Παρ[θένωι τὸ τρό]παιον ||[ἔστησαν Ἀρι]στόνι|[κος καὶ Πον]τικοὶ ||[στρατιῶται?] ὑ[ικη]σαντες? κτλ.] «Зевсу Спасителю, Деве поставили этот трофей Аристоник и солдаты (?) из Понта, победившие (?)» (перевод с немецкого наш). Восстановление сделано в связи с сообщением Диофантова декрета (I² 352. 9, 23) о постановке Диофантом от имени царя Митридата трофея после победы над скифами (τρόπαιον ἀναστῆσαι) и о покровительстве богини Девы херсонеситам, — отсюда восстановление в стк. 1–3 Παρ[θένωι τὸ τρό]παιον ||[ἔστησαν]. В числе офицеров Митридата, участвовавших в третьей Митридатовской войне, известен наварх Аристоник, имя которого Виноградов усмотрел в данной надписи: стало быть, он был командиром отряда понтийских солдат. На основании своей реконструкции, как обычно, Виноградов сделал ряд выводов исторического плана: скифское поселение на Кара-Тобе было в числе укреплений (τὰ τεῖχη), взятых Диофантом перед осадой Калос лимена; тактика Диофанта при взятии укрепленных пунктов неприятеля была разнообразной: крупные города осаждались всеми силами, рядовые укрепления отдельными отрядами; высчитан возраст наварха Аристоники и пр.¹⁶⁶

Все это интересно, но только как художественный Kunststück. Если подходить к делу ответственно, то прежде всего следует считаться с типологией уже известных надписей, найденных на рядовых скифских или полускифских поселений Крыма. Поскольку в Зап. Крыму это первый случай обнаружения надписи на таком поселении, достаточно обратиться к Восточному Крыму, где на подобных поселениях к западу и северу от Керчи (Тобечик, Светляки, Старый Крым, Судак, Партенит, Войково, Партизаны, Бондаренково, Илурат, Тасуново, Пиалы Сарай) найдено 24 надписи, из которых 16 эпитафии¹⁶⁷. В соответствии с этой статистикой ранее я считал надпись из Кара-Тобе эпитафией [Яйленко, 1999а], однако найденный в святилище на мысе Джангул в Зап. Крыму комплекс посвятительных надписей

¹⁶⁵ «Ближе неизвестный эпизод войны Митридата VI Евпатора с крымскими скифами» [Pont. St. S. 493 f.]. Этот параграф опубликован [Яйленко, 1999а], здесь доработан.

¹⁶⁶ По мнению Ф. Готье, сомнительно, чтобы это был начальник понтийского флота, который погиб спустя 40 лет, в 73 или 72 г. [Gauthier, 1998, p. 1188].

¹⁶⁷ Из остальных 8 по две почетные, посвятительные, строительные, неизвестной принадлежности (КБН, с. 522 /8, 534/51).

моряков позволил С. Ю. Внукову убедительно восстановить в таком же ключе надпись из Кара-Тобе: [oi p̄er]i Παρ[|θενο]παῖον [[καὶ Ἀρι]στόβι|[ικον ναυ]τικοί [--] [Сапрыкин, Внуков, 2014, с. 359] (эта реконструкция будет также опубликована в статье С. Ю. Сапрыкина «Греческие моряки в Северо-Западном Крыму» в сб. *Scripta antiqua*, т. 4).

Изложенное показывает, что явленный ученому миру воображением Виноградова «эпизод войны Митридата Евпатора с крымскими скифами» потому оставался нам «ближе неизвестным», что его вовсе не было.

4.4. К публикации свода херсонесских граффити¹⁶⁸

Коллективом крымских археологов во главе с Э. И. Соломоник подготовлен корпус херсонесских граффити, первым выпуском которого вышел данный свод, включающий надписи на чернолаковых сосудах (далее ГАХ). В каталоге 1800 граффити, 8 таблиц с фотографиями наиболее значительных, 31 таблица прорисей. Авторы провели большую работу по выявлению, каталогизации и интерпретации граффити, хранящихся в Херсонесском музее, Эрмитаже, Историческом музее Москвы. Подавляющая часть надписей впервые введена в научный оборот. Во введении изложены общие установки, которыми они руководствовались в работе с материалом. Многие граффити получили правильную интерпретацию, что существенно расширило наши представления об античном Херсонесе. Выход в свет данного свода граффити — заметное явление в источниковедении античного Сев. Причерноморья. Воздав должное их большой работе, хотим вместе с тем поделиться соображениями как о методике работы, так и об интерпретации большого числа надписей.

В эпиграфике, в том числе и малой, давно уже принята группировка материала одного центра по содержанию. Однако в ГАХ граффити расположены в алфавитном порядке, что не только не оправданно, но снижает их ценность как исторического источника. Авторы свода отклонили разделение граффити по их содержанию или времени, поскольку типология многих не может быть определена в точности, например посвятительных или владельческих. Действительно, для значительной части надписей утрачен археологический контекст, в котором они были найдены (что могло бы в известной мере пролить свет на типологию надписи), но ведь это справедливо только по отношению к спорным случаям. Даже если многие граффити, особенно с сокращенными словами, нельзя с уверенностью отнести к определенной группе, это вовсе не основание для отказа от классификации надписей по содержанию. Подавляющее большинство херсонесских граффити, как будет показано далее, достаточно определенно поддается классификации по содержанию в полном соответствии с принципами, характерными для общегреческой практики¹⁶⁹. Массовый характер материала всегда обнаруживает основные закономерности распределения надписей по типу, и это обстоятельство легло в основу уже первых

¹⁶⁸ Опубликовано [Яйленко, 1987а], здесь доработано. См. также рецензию С. Ю. Сапрыкина [ВДИ. 1980. 2] и заметку Роберов [Bull. ép. 1979, 301]. Литература по херсонесским граффити большая, требует отдельного обсуждения, поэтому тут ограничиваемся минимумом.

¹⁶⁹ О методике работы с граффити и их классификации [ГЛБО I, с. 72 сл.; Соломоник, 1985, 3, с. 77 сл.; Емец, 2005].

опытов классификации граффити по содержанию, выполненных П. Кречмером, Э. Р. Штерном, Р. Хаклем [Kretschmer, 1893; Штерн, 1897; Hackl, 1909]. Кстати, Штерн положил в основу своей классификации главным образом херсонесский материал, так что распределение надписей по алфавитному признаку возвращает данный свод в методическом отношении к доштерновскому состоянию. Своды лапидарных надписей систематизируются по содержанию, и малая эпиграфика, как сказано, не составляет в этом смысле исключения. Алфавитный порядок расположения граффити в данном своде привел к отсутствию какой-либо цельной картины о культах, экономике, составе населения и культуре Херсонеса V–II вв. до н. э. Между тем распределение надписей по содержанию дало бы достаточно определенное представление об этом, чего, к сожалению, не восполняет беглый очерк содержания надписей, данный во введении Э. И. Соломоник.

Свод не избежал еще одного существенного недостатка — сплошь и рядом для сокращений типа АП, АР, НР и пр. предполагается одинаковая возможность трактовки в качестве посвяtitельных граффити или надписей владельцев с сокращениями теофорных имен. Сознательное неразличение таких надписей в значительной мере искажает действительный состав херсонесских граффити. Впрочем, подобный подход весьма распространен (например, [ВДИ, 1970 (Бабинов); Сапрыкин, 1980]). Эту позицию авторов свода подробно разъяснила Соломоник [1985]. По ее мнению, написание на доньях сосудов полных теонимов предполагает размещение там же и сокращенных теонимов, каковые и следует считать посвяtitельными надписями. Заметим, однако, что в числе херсонесских граффити полных теонимов или эпиклес, вырезанных на дне сосуда, нет. Далее Соломоник отметила, что если придерживаться моего тезиса о владельческом характере сокращений на доньях сосудов, то окажется, что из 1791 граффити свода лишь около 10 окажутся посвяtitельными. Это, полагает она, противоречит «историческим сведениям о роли религии в античном обществе... Наши наблюдения приводят к несколько иному выводу: на стенках сосудов (за очень малым исключением) писали теонимы, причем чаще всего без сокращений, а на доньях помещали и имена владельцев, дедикантов и дарителей. В пользу предложенной расшифровки части аббревиатур на доньях как теонимов свидетельствует и монограмма ПАР, сходная с монетной, и сочетание ААААА и др., раскрываемое на основе мифологических данных как совместное посвящение Артемиде, Аполлону и Латоне». Приведенная аргументация сводится к основному тезису о поразительной редкости посвящений как следствию предложенной мною классификации. Действительно, на первый взгляд десятков посвящений на 1791 граффити — слишком малое число. Однако и раскопки афинской Агоры дали ничтожный процент посвящений. Соломоник видит объяснение этого удивительного феномена в том, что многочисленные сокращения на доньях сосудов с афинской Агоры следует относить к числу посвящений. Однако причина отмеченного феномена лежит, на наш взгляд, в другом: следует различать граффити по месту их происхождения из святилища или с городища. В святилищах посвяtitельных граффити, естественно, много, на городищах их, что тоже естественно, мало. Посвяtitельных граффити на афинской Агоре потому мало, что это agora, а не теменос. Также и граффити херсонесского свода происходят в абсолютном своем большинстве из раскопок городища, почему в их числе мало посвящений. Та же картина на Боспоре: из тысячи доступных мне граффити Пантикапея лишь полсотни посвяtitельных [Яйленко, 2006]. В подборке ольвийских граффити [ГЛБО II]

только 20 посвяtitельных из 160, причем, если брать чистый археологический контекст, т. е. надписи из раскопок 1930-х гг. на городище, то их вдвое меньше. Напротив, раскопки ольвийского теменоса дали многочисленные находки посвяtitельных граффити (ГОП). Таким образом, находки с городищ дают незначительное количество посвящений, поскольку последние естественным образом концентрируются в святилищах, и у нас нет оснований пополнять число их на городищах за счет аббревиатур на доньях сосудов. Повторим, согласно общей для греческой малой эпиграфики закономерности типологии граффито во многом определяется местом его размещения на сосуде: посвяtitельные и застольные надписи вырезались на открытых, обозримых частях сосудов — венчиках и стенках, а граффити владельцев — на доньях снаружи, т. е. на закрытой части сосуда. Херсонесские граффити данного свода в абсолютном своем большинстве размещены на доньях сосудов снаружи, что само по себе характеризует их в основном в качестве надписей владельцев. В греческой практике имеются случаи размещения на дне снаружи также посвяtitельных надписей в виде полного теонима или эпиклеса либо их сокращений. Такой узус характерен для святилищ нескольких центров. Известен даже уникальный в этом роде случай: в храме Афины Линдии на Родосе посвящения вырезались главным образом на доньях сосудов [Lindos. 1931, Taf. 131/2]. То обстоятельство, что в числе херсонесских граффити на доньях сосудов нет полных имен божеств, что указывало бы на посвяtitельный характер надписей, само по себе достаточно показательно. Поскольку все бесспорно посвяtitельные граффити размещены на открытых частях сосудов, надписи на доньях должны относиться к другим жанрам.

Предположим, однако, что в Херсонесе представлен редкостный обычай размещения посвяtitельных надписей на доньях сосудов и авторы свода правы, не отличая сокращения теонимов и эпиклес божеств от сокращений теофорных имен владельцев сосудов. Истинность или неправомотность подобной посылки проверяется следующим образом. В городе особо почитались два местных божества — *Херσόνας* и Дева. Как установил А. В. Орешников [1922, с. 159], первый персонафицировался на городских монетах в виде бородатой мужской головы при легенде *ΧΕΡ*, вторая также представлена на монетах с монограммой *ΠΑΡ*. Эти сокращения и должны ожидатьс в числе граффити на доньях, буде они посвяtitельными, причем в преобладающем количестве. Так вот, сокращение *ΧΕΡ* вообще отсутствует в данном своде, а *ΠΑΡ*, хоть и встречено около десятка раз, не имеет отношения к Деве¹⁷⁰. Можно вместе с авторами свода принимать за посвящения Деве граффити *ΠΑΡ*, *ΠΑ* и *Π*, но одного лишь наличия монограммы *ΠΑΡ* на монетах для аргументации этого тезиса явно недостаточно.

Изложенное показывает, что к херсонесскому материалу полностью применима та общая закономерность, которая позволяет нам отличать сокращения имен божеств и их эпиклес, т. е. посвяtitельные надписи, от сокращений теофорных имен, т. е. надписей владельцев. Эта общая закономерность, как сказано, состоит в том, что посвяtitельные надписи, как правило, размещались на стенках и венчиках сосудов, а имена владельцев на доньях. Ею и следует руководствоваться при ин-

¹⁷⁰ Часть их сочетается с другими сокращениями — *Παρ Ευ*, *Παρ Μυ*, как и многие другие граффити сокращения имени-отчества владельцев, кроме того, в своде нет ни одного бесспорного посвящения Деве на открытых или закрытых частях сосудов. Коль нет ее полного имени среди граффити, то по меньшей мере ожидалось бы сокращение *Παρθ*, но и такового нет.

терпретации херсонесских граффити. Кстати, вышеизложенное показывает, что и при алфавитном порядке размещения граффити в своде не удалось избежать ошибок в определении типа надписей. Это лишний раз подтверждает методическую необоснованность положенного в основу свода алфавитного принципа распределения материала.

Вследствие не вполне аргументированных методических установок многие граффити получили ошибочную, на наш взгляд, интерпретацию. Перейдем к рассмотрению конкретного материала, имея основной целью классификацию херсонесских граффити по содержанию. Они разделяются на следующие группы: сакральные (посвящения и магия), застольные (в том числе метрические), цифровые обозначения, надписи владельцев (полные или сокращенные имена и отчества, инициалы), метки неграмотных владельцев, *varia*. Ввиду отсутствия в своде ясного различия между сокращениями теонимов и теофорных имен, т. е. между посвятельными и владельческими граффити, значительная часть их трактована авторами свода в качестве посвятельных. Создается даже впечатление, что херсонеситы в основном оставляли надписи на посвящаемых различным божествам сосудах. Между тем действительно посвятельных граффити в данном своде немного. Все они сделаны на венчиках да стенках сосудов и по содержанию безусловно классифицируются в качестве посвятельных (это как раз отмечено в своде): № 384: [Αφ]ροδίτας, 385: Α<ι>φροδίτ[ας], 386: [Α]φροδίτη[ς], 1679: [? Αφρο]δείτη[ς], 619–620: Διός, 626: Διός[ς], 1714: [Δι]ὸς Σωτήρος, 1715: [Δι]ὸς Σω[τή]ρος (видимо, так читается и 1716). Далее, 625: Διονύσου, 687: Ἑρμ[ᾱ], 688: Ἑρ[μᾱ], 957: ἱερὰ Ἑρ[μᾱ], 699: Ἑρω[τος], 1301: Νύμφαισιν(?), 1658 Χαρίτω[ν] (последнее может быть и дарственным граффито — женское имя в дативе: -- Χαρίτῳ)¹⁷¹. К числу посвятельных относится также надписи на венчиках и стенках сосудов, содержащие имена посвятителей (в своде сакральный характер этих граффити не отмечен): 1621: [Φ]ορμίω[ν], 1689: [e. g. Νυή]σιππ[ος] и, вероятно, 1704: [e. g. Αθα]νᾱς. Граффито 1738, прочитанное в своде как Αχι[λλέως?], скорей следует читать как [? Απο]λλω[ν--], т. е. как теоним, или теофорное имя. Нужно, однако, иметь в виду, что в эллинистическую эпоху с появлением накладной или полихромной декорации на канфарах, мегарских чашах и других сосудах возникла тенденция размещать имя владельца на открытых частях сосуда, как бы вплетая его в декорацию, поэтому часть приведенных имен на таких сосудах может относиться и к числу надписей владельцев. Наконец, в ряд храмовой маркировки отнесем сделанную на дне сосуда надпись 959: ἱερὸ «собственность святилища» и к числу посвящений, хотя и очень предположительно, вырезанную на дне же надпись 960: ἱερῷ «святилищу», но равным образом возможно и данное в своде определение их в качестве сокращений имен владельцев, например Ἱερο(σῶντος), Ἱερω(νύμου).

Приведенными надписями по сути ограничен круг посвятельных граффити свода, сотни остальных, определенных в своде в качестве посвятельных, к такому не относятся: как сказано, по месту расположения на доньях они являются сокращениями имен владельцев сосудов.

Вторую группу сакральных надписей составляют магические граффити, прежде всего амулеты. Авторы свода правильно определили несколько магических надписей

¹⁷¹ Как обычно, у нас в прямые скобки заключен утраченный и потому дополненный текст, в круглых раскрыт сокращенный текст.

(728, 1177, 1313, 1744–1746, 1748–1752), но число их несколько больше. Сюда отнесем следующие амулеты. № 296: на дне снаружи прочерчено имя Аполл(α)ῶδ[ρ(ου)], рисунок неясного значения и У-образный знак («инсильон»), встречающийся на многих греческих амулетах (также № 297, 1170), который является, скорее всего, начальной буквой таких слов, как ὑ(γ)ίεια «здоровье, исцеление», ὑ(γ)αίνειν «быть здоровым» и т. д. [Яйленко, 1982, с. 226/30, 293/7; ср. ГЛБО II, с. 87, № 87a]. В сводке типологическая принадлежность этой надписи, как и следующей, не определена. № 297: по черепку вторичного использования на дне написано Ἠρίχας Ἀριστέα — имя и отчество лица, сделавшего амулет. Между двумя чертами тот же «инсильон», обозначающий испрашиваемое Герихом, сыном Аристея, здравие. На обороте, судя по описанию в сводке, буквы «ХА, I и несколько неясных тонких линий», что, возможно, следует понимать как обращение к Ахиллу. Нанесение хаотичных линий на поверхность черепка — характерная особенность магических надписей.

№ 388: на обколоте донышке — Ἀχιλλεῖ[τ] «Ахиллу». В сводке указано: «посвящение Ахиллу», но это амулет. Только граффиты № 297 и 388 свидетельствуют о почитании Ахилла в Херсонесе. Остальные граффиты АХ (№ 390–402) — не посвящения Ахиллу, как сочли авторы свода, а сокращения имен владельцев¹⁷². № 623: ΔΙΟΔΩ ΣΟΙ ΠΥΡ ΕΙΗ, в сводке указано: «Возможно, разные владельцы», но это, полагаем, скорее всего наговор: Διόδω(ρος), σοὶ πῦρ εἴη «Диод(ор), чтоб тебя пожрал огонь!», ср. греческую proverbialную фразу ἐν πυρὶ γένεσθαι «сгинуть, быть уничтоженным» огнем (II, II, 340 и др.). В этом граффито εἶναι = γένεσθαι, что обычно в греческом словоупотреблении. Не исключено, что следует читать не сокращение имени Диодор, а дат. падеж Διόδω от имени Διόδῳς, что согласуется с дат. падежом местоимения σοί. Написание слова ΠΥΡ в лигатуре, вероятно, подчеркивает его магическое значение в контексте наговора.

№ 728: двусторонний амулет (рис. 122). На дне снаружи — повторенное дважды пожелание εὖ «благо», правильно определенное в сводке. Ε — начальная буква того же слова, а ΔΗΧ — цифровое обозначение, известное также на двух черепках из Тиры¹⁷³. На обороте схематически изображен *membrum virile*. № 967 (рис. 122a):

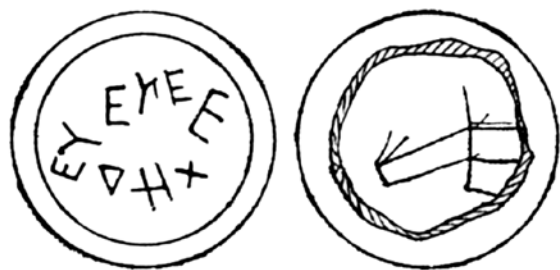

Рис. 122. Магическое граффито из Херсонеса [ГАХ, 728]

обломок стенки краснофигурного открытого сосуда, от лаковой росписи сохранились бородастая мужская голова в профиль и трезубец — это Посейдон. На внутренней стороне процарапано изображение корабля с веслами. Черепок подобран в соответствии с адресатом амулета — Посейдоном, символом которого служил трезубец (к нему обращена голова). При голове надпись ΙΑΙΜΙ, под трезуб-

¹⁷² Чтение № 389 неясно: здесь скорее не ΑΧΙ, а ΑΛΙ, если начало не отбито.

¹⁷³ [Яйленко, 1995, с. 256, № 58, 59, ср. 60 — ΔΧΑ]. Здесь мы предположительно понимали ΔΗΧ в качестве цифры 1110, но скорее это акрофоническая запись: δεκά ἡ(μιόβoλια), χαλκοῦς) «десять полуболов, халк», т. е. в целом 41 халк.

Рис. 122а. Магическое граффито из Херсонеса

цем ΛΙΚ, это, без сомнения, глагол ἔλμι и сокращение имени Λικ: «я милостив к Лик(--)»; личное имя подразумевалось в дат. падеже. Ясно, что это амулет, сделанный мореплавателем для умиловления морского бога, надпись сделана от его имени. По существу это «говорящий» амулет, ср. такое же употребление глагола в 1-м лице ед. числа *praes.* λίθῳ εἰμί «я присущ камню» на березанском амулете VI–V вв. (ГЛБО I, с. 91). В своде какого-либо суждения о характере надписи нет. Разъясним написание ἔλμι. По шрифту надпись IV в.; дорич. форма глагола ἔλαμι (с ā), но перехода ā в i дорика практически не знала¹⁷⁴. Такой переход есть в эолийском, но эолийская форма этого глагола ἔλλαθι (с ā). Мена η/ι присутствует также в памфилийском и кипрском диалектах [Thumb, Scherer, S. 157/8, 181/2], и поскольку амулет сделан мореходом, можно думать о пребывании памфилийца или киприота в дорическо-ионийском Херсонесе IV в. В речи Демосфена против Лакрита, произнесенной ок. 341 г., упоминаются два купца из памфилийской Фаселиды, которые по договору с заимодавцами должны были плыть на Боспор или через Зап. Причерноморье в Ольвию (*Dem.* 35, 10).

№ 1170: на внешней стороне фрагмента тарелки вместе с авторами свода читаем имя Матери богов — Μάτηρ (Н и Р в лигатуре) и еще раз Μάτηρ. Тут же трижды вырезана буква Υ, начало слова ὑγίεια «здоровье, исцеление», ὑγιαίνειν «быть здоровым» и подобных, а также σω(τηρία) «избавление» от болезни или здоровое самочувствие — значение, свойственное этому слову в ряде египетских папирусов II–III вв. н. э. (LSJ, s. v., 5). На внутренней стороне обломка вырезано ΣΚΥ (с угольчатой *сигмой*) и, кажется, Μ, что может быть инициалом теонима Матерь. Буквы ΣΚΥ — сокращение имени изготовителя амулета Σκύθας; имя хорошо представлено в Херсонесе III в. до н. э.: в IOSPE I² 403, также сокращение имени владельца Σκυ на дне открытого сосуда (ГАХ, 1513) и др. Угольчатая *сигма* позволяет разобрать монограмму на внешней стороне донца (посередине, над словом Μάτηρ) — то же самое ΣΚΥ. Поэтому, вопреки авторам ГАХ, надписи на обеих сторонах сделаны одним лицом по имени Скиф, из битого донца он сделал амулет. № 1177 (рис. 123): обломок кф. открытого сосуда с процарапанными рисунками на обеих сторонах.

¹⁷⁴ Известно лишь написание составного числительного с -χηλῖος вместо -χιλῖος [Thumb, Kieckers, S. 182].

Рис. 123. Магическое граффито из Херсонеса

Толстой [1953, 95] отметил лишь изображения вепря и льва. Авторы ГАХ усмотрели над головой льва буквы МАΘ, которые «можно расшифровывать как Μά(τηρ) θε(ῶν) — Мать богов» (лев — священное животное Кибелы). На внешней стороне прорисован вепрь, на внутренней, видимо, лев и множество прочерков. Однако для вычитывания буквы М приходится сажать льва на зад так, что он опрокидывается на спину и задирает лапы. Поэтому читаем монограмму при нормальном положении сидящего льва (как показано на рисунке Толстого) — с ретроградной *сигмой* над

его головой: в целом в монограмме вычитываются буквы ΣΑΤΥΡ. Это монограмма имени Σάτυρος), известного в Херсонесе (I² 691 и др.). Ср. изображение магических спирали и креста в середине донца при имени владельца Σατύριων [Толстой, 239, Пантикапей; Яйленко, 2005, с. 467], также изображение протомы чудовищного зверя на магическом тексте V в. до н. э. из Ольвии (ГЛБО II, с. 85 и табл. VII, 1з). Перед вепрем на херсонесском черепке, похоже, схематически изображено деревце, в таком случае адресатом данного магического упражнения мог быть Ахилл.

К числу магических надписей относятся также № 1744–1752, 1755, из которых 1744/6, 1748/52 правильно отнесены издателями свода к числу магических. Уточним их содержание. № 1746 (рис. 124). Амулет в виде хорошо обточенного кружка из стенки чл. сосуда IVa. Вполне вычитывается местоимение μοί «мне» и еще дважды — его начальное Μ. Оно употребительно в магических надписях, так как изготовители амулетов спрашивают что-либо для себя [Толстой, 6]. Также вырезаны два кружка с прочерком, как и на амулете 1745. Авторы свода вычитали буквы Ο, Α, γ, соединенные черточками, и отнесли их к позднеантичному времени. Однако ничто не мешает усматривать обычную для IV в. до н. э. форму Μ или Σ. № 1747 (рис. 125): фр. донца чл. тарелки с буквами ΛΕ и пентаграммой, концы которой соединены сверху и справа чертой; ниже также солярный крест. На сколе перед ΛΕ авторы свода усмотрели Ψ, однако это не дает связанных букв слова, так что читаем Κ. Буквы ΚΛΕ могут быть началом имени изготовителя амулета или составлять слово [παρ]κλε[ίται] «отвращается» — о напасти, как в ольвийском магическом граффито Va (ГЛБО II, с. 85). 1748/52, 1755 — рисуночная магия.

Перейдем к застольным надписям. Если бы читатель рассматриваемого свода заинтересовался надписями подобного жанра, ему пришлось бы удовольствоваться скудным материалом — лишь № 737: ΕΥΜΗ, ΤΑΝΨΥ, ΛΕΙΧ определен в своде как шуточная надпись, «процарапанная во время пирушки, с началом имени Εὐμη... и словом от глагола λείχω (лизать)», а правильно понятая надпись 1676: [ὁ δεῖνα εἴ]γραψε τὸν πίν[ακα] «такой-то написал тарелку» не сопровождается указанием на застольный характер граффито, о чем свидетельствует ряд аналогий с γραφεῖν (например, [Яйленко, 1979, с. 537]). Наряду с упомянутыми надписями к числу застольных относятся следующие граффити, оставленные в своде без интерпретации (№ 1675, 1690, 1727), либо ошибочно понятые (№ 1491, 1709). № 1491 — трехстрочная надпись

Рис. 124. Амулет из Херсонеса [ГАХ, 1746]

Рис. 125. Магическое граффито из Херсонеса [ГАХ, 1747]

на стенке канфара III–IIa: --C vac. A-- [[-- π]ολλὰ [[--] νᾱῆ «многое текло», — о вине, наливавшемся в данный сосуд; граффито метрическое, судя по имперфекту νᾱῆ без приращения. Данное в своде чтение имени [Απ]ολλᾶ возможно, но не объясняет ΝΑΕ стк. 3 (Ε прочерчено небрежно, но усматривать в нем лигатуру ΤΕ нельзя).

№ 1675 — на стенке чаши хорошо читаемая трехстрочная надпись позднего IV — раннего III в. до н. э.: [ε. g. οὔτο]ς βασιλ[εύσει | ὅς κατὰ] γράμ[μα]τ[α δυνήσεται | πέποκε]ν πέντ' ἀκατ[αστρόφως]. Общий смысл надписи: на пирушке «будет царить тот, кто может согласно записанному условию выпить пять раз без перерыва» из данного кубка, т. е. пять кубков подряд. Наряду с наречием ἀκαταστρόφως могут быть восстановлены и другие слова на ἀκατ-.

№ 1690 особо интересен: --ΙCΑΛΛΟΠΙΤΑΝΙ, что читаем как [--]Ι σαλᾱ ὀπὶ τανί «-- глупым взглядом ее» или «-- глупому выражению ее лица», видимо, это отрывок стихотворной эпиграммы на какую-то женщину. Прилагательное σαλός «глупый» редкое (LSJ, s. v.). Вообще τανί — аркадский эквивалент указательного местоимения τῆοδε, подразумевающего предмет женского рода, о котором только что (т. е. в лакуне) шла речь. Но употребление при этом местоимении ι вместо δέ свойственно и элейскому диалекту [Buck, p. 100], входящему в группу северо-западных дорийских диалектов, что оправдывает появление этого феномена в дорийском Херсонесе. Слово ὄψ «взгляд, внешний вид», эквивалент слова ὄψις, принадлежит к поэтическому лексикону, что указывает на стихотворный характер надписи. № 1709: на фр. плеча кувшина двустрочная надпись, прочитанная авторами свода как [Απ]ολλωνίου [[--]ισμος «(кувшин) Аполлония ...» Однако в стк. 2 сигма перед М четырехчастная, так что последняя буква не лунарная сигма, а иота, т. е. здесь читается слово μοί «мне». Следовательно, надпись носит не владельческий характер, а застольный или подарочный. Издатели отнесли кувшин к IV в. до н. э., но роспись плечика красной краской вьющимся усиком, как и детали шрифта (растянутая форма Μ, крошечный *омикрон*), безусловно, указывают на III–II вв. В остатке буквы на сколе слева, кажется, можно усматривать и Ε. № 1727: данная в своде без интерпретации надпись на фр. стенки сосуда ΤΙΝΕ--|--ΟΣ — не что иное, как остаток хорошо известной в Сев. Причерноморье по ольвийским и роксоланскому граффити застольной формулы ἀ[μυσ]τὶν ἔ[κτι]εν | ὥς τάχ[ος] «выпить залпом как можно быстрее», ср. аналогичные надписи из Ольвии ἀμυσσὶν ἐκτιῆ и ἐκτῖν ὥς τάχος из Роксолан [ГЛБО I, с. 85, примеч. 64; II, с. 90–91].

Большой раздел херсонесских граффити составляют разного рода цифровые записи. Они образуют следующие группы: 1) акрофонические цифровые обозначения; 2) денежные суммы; 3) цифирь при сокращениях имен; 4) текстуальные торговые записи. Простейшие надписи первой группы в основном правильно выделены

в свод, граффити остальных групп интерпретированы, на наш взгляд, неправильно. К первой группе относим следующие номера: 544–546: $\Delta\Pi = 15$; 547: $\Delta\Pi\Pi = 17$; 549–557: $\Delta\Delta = 20$; 558: $\Delta\Delta\Delta = 30$; 560: $\Delta\Delta\Delta\Pi = 32$; 561–564: $\Delta\Delta\Delta\Delta = 40$; 566–567: $\Delta\Delta\Pi = 25$; 1385–1388: $\Pi = 6$; 1389: $\Delta\Pi\Pi = 8$; 1770: $\Lambda I = 31$ и рядом $\Lambda\Pi\Pi = 33$. Обозначения денежных сумм — № 548: $\vdash\Delta\Delta = 20$ или 21 драхма; № 1397–1402: $\Pi = 5$ оболов (в свод робко отмечено: Π с кружком внутри могло иметь и цифровое значение); № 1754: $ZX\Pi O = 7$ халков 5 оболов; № 1760: $F XO = 6$ халков 1 обол; № 1771: $\Lambda \vdash = 31$ драхма (в свод последние 3 надписи оставлены без какой-либо интерпретации). Третью группу составляют цифровые обозначения при сокращениях имен, известные и в других греческих центрах. Поскольку авторам свода многие граффити казались посвятельными, сюда же были зачислены и надписи типа $\text{Ap } \Delta\Delta\Delta$, что предлагается понимать как приношение чего-то 30 Артемиде, $\text{HP } \Pi$ Гераклу два и т. д. Если это так, то какому божеству, к примеру, даны драхма и полтора обولا при сокращении PE на березанском граффито, или 6–7 при сокращении AN , или статер при сокращении EY на ольвийском граффито [ГЛБО I, с. 95, № 47; II, с. 99, № 115/6]? А кому предназначались $\Delta\Pi = 15$ при Υ херсонесского граффито № 543? Вывод один: это цифры, в том числе при сокращенных антропонимах. Из числа херсонесских граффити сюда относятся следующие: № 345–346: $\text{Ap } \Delta\Delta\Delta = \text{Ap } 30$; № 350: $\text{Ap } \tau(\acute{\epsilon}\tau\alpha\rho\tau\omicron\nu) \vdash\vdash = \text{Ap } 2$ драхмы с четвертью (в свод значение τ осталось неопределенным); № 401: $\text{X}\alpha$ (или $\text{A}\chi$ в лигатуре) $\Delta\Pi\Pi = \text{X}\alpha 13$; № 543: $\Delta\Pi\Upsilon$ (Π и Υ в лигатуре) = 15 Υ ; № 559: $\Delta\Delta\Delta M = M 30$; № 565: $\Delta\Delta\Delta\Delta = 40$; № 610: $\Delta i \Pi\Pi = \Delta i 3$ обولا; № 668: $E I \Sigma =$ один или $E 16$; № 257: $A \Pi P = A, 5$ оболов, P .

В числе граффити этой группы полное имя содержится в надписи № 1130, трудной для интерпретации, поскольку она вырезана не вполне обычным шрифтом. Толстой [1953, 91] прочел на стенке чашки имя $\Lambda\upsilon\sigma\alpha\nu(i)\alpha[s]$, с двумя первыми буквами в лигатуре. В надписи IC на дне он усмотрел цену сосуда или его содержимого: «10 оболов». Предложенное Толстым понимание граффито на стенке чашки принято авторами свода и развито далее следующим образом: «возможно, Лисаний (посвятил) Исиде». Однако почему в таком случае имя посвятителя вырезано на стенке чашки, а сокращенный теоним на дне? Что означает *сигма* перед именем Лисания? Возможен ли в Херсонесе III в. до н. э. (так датируется чашка по керамическим признакам) культ Исиды? Мог ли Белов, родившийся в 1898 г., производить раскопки в 1908 г.?

Рис. 126. Херсонесское граффито Сосаны, прорись автора

Осмотр подлинника в Эрмитаже показал, что надпись имеет специфические формы *сигмы* и *омеги* (рис. 126). *Сигма* двухчастная, с нее начинается надпись на стенке сосуда. За нею следует редкой формы угольчатая *омега*, известная в граффити Сев. Причерноморья с V в. до н. э., лапки которой, однако, по моде эллинистического времени примыкают не к концам буквы, а к середине¹⁷⁵. Далее следует двухчастная же *сигма* (при процарапывании верхней гасты острие

¹⁷⁵ [ГЛБО II, с. 77, № 67a]: угольчатая *сигма*. Поднятые до середины лапки, при дышлообразном абрисе буквы, свойственны эллинистической разновидности *омеги*, например в IOSPE, I² 32; IV, 432 и др.

скользнуло ниже пересечения с нижней гастой, что хорошо видно на подлиннике). Таким образом, здесь читается Σωσάνας, персидское женское имя с дорийской огласовкой род. падежа — «Сосаны» (автор IV в. до н. э. Ктесий Книдский упоминает дочь царя Нина по имени Σωσάνη [FGH 688, fr. 1 = *Diod.* II, 6, 9]). Далее, обращает на себя внимание расположение надписи на чашке: имя Сосаны вырезано крупными буквами, заполняя почти всю свободную поверхность стенки. Такое расположение имени, при небрежном исполнении граффито, не характерно для надписей владельцев, и, судя по соотношению надписи с полем стенки, она сделана на черепке вторичного употребления. На это может указывать и вторая надпись, состоящая из черты и той же двухчастной *сигмы*, что может быть прочитано как IC = «10 статеров». В таком случае данное граффито следует понимать как памятную запись, скажем, заимодавца или должника: «от (у) Сосаны 10 статеров». Но это может быть и аббревиатура имени прежнего владельца сосуда. Судя по лунарной *сигме*, надпись не древнее III в. до н. э., скорее II–I вв. до н. э.

Наконец, последнюю группу — текстуальные торговые записи — составляют граффиты № 497, 1065 и 1403. Граффито 1065 на дне сосуда ΚΟΤΥΛΙΑ/ОНК (или ΘНК) интерпретировано в своде следующим образом: «Возможно, Κοτύλια | [ἀνέ]θηκ(ε) “Котилия посвятила”». Имени Котилия словари не дают, *ср.* κοτύλη «чаша и мера». Действительно, словари личных имен ничем не могут помочь, поскольку κοτύλια не имеет никакого отношения к антропонимике: это уменьшительная форма мн. числа ср. рода к слову κοτύλη «мера жидкости» в 0,274 литра, засвидетельствованная в папирусе III в. н. э.¹⁷⁶ (*ср.* ἡμικοτύλιον, встречающееся уже у Гиппократы и Аристотеля). Так как неясно, целиком или частично сохранилась стк. 2, более точной интерпретации надписи дать нельзя. Можно лишь предполагать, что буквы ОНК обозначают 28 оболов, в таком случае в сколотом тексте стояла цифра, которая указывала, сколько котил вина стоили 28 оболов. Но равным образом можно принимать здесь букву К за сокращение слова κοτύλιον или κοτύλη, что обычно в аттических граффиты, или НК принимать за сокращение слова ἡμικοτύλιον¹⁷⁷. Это обычное в аттических надписях сокращение κ(οτύλη) с цифирью следует усматривать и в херсонесском граффито 497: ΛΚ ΔΚ = 30 котил, 10 котил. По своду же эта надпись понимается так: «Лигатура НК — посвящение Нике или теофорное имя» (!).

Граффито 1403 на дне кф. скифоса прокомментировано в своде так: «ΔΠΙ = 16. Ποι, видимо, начало имени. *Ср.* Ποιμήν — сын Геракла и названное в его честь местечко около Гераклеи (РВ)». Здесь все излишне, кроме цифрового обозначения, поскольку ποι — не что иное, как сокращение слова ποίκιλος, *ср.* σκύφος «расписной» скифос. Цифра ΔΠΙ скорее всего цена скифоса в 16 халков¹⁷⁸ (хотя, конечно, не исключено и обозначение количества сосудов).

Из числа *Varia* заслуживают внимания следующие надписи. Граффито 1049 содержит имена владельцев сосуда Πασίχῳ Κλε, дважды Фор, Ап, А в лигатуре и 0ε в лигатуре (*ср.* № 349). Граффито 1107, как правильно отмечено в своде, представляет

¹⁷⁶ LSJ, Suppl., s. v. κοτύλιον.

¹⁷⁷ [Sammelbuch griechischer Urkunden aus Ägypten. Strassburg, 1913, I, N 22].

¹⁷⁸ См. цены на керамические изделия [Lang, 1956, p. 14–15]. *Ср.* надпись на дне кф. пелики последней четверти Va, происходящей с некрополя Гелы — Вассаладжи в Сицилии: ποικίλια τέτορες >|Ο σταμνία «4 расписных стамниона за драхму и обол с четвертью», т. е. по 14 с половиной халков за каждый сосуд типа небольшого стамноса. О букве Π как сокращении ποικίλος [Beazley, 1967, p. 143].

собой дарственную надпись Λαγίωι «Лагию». Такой же характер имеет и граффито 1271 Νικαῖ «Никасу» (в своде оно определено как посвящение Нике). Интересна группа граффити, вырезанных на доньях открытых сосудов снаружи. № 1032 καθάρει(ος), 1033 καθάρι(ος), 1034 καθα и сокращение имени владельца Εβ. 1035 и 1055 (на фрагменте края рыбного блюда, снаружи) καθ. Первые две надписи представляют собой сокращение слова καθάρος «чистый» (καθάριος — более поздняя форма), остальные являются сокращениями этого же прилагательного или другого καθάρος «чистый», как показывает аналогичное ольвийское граффито καθάρη [ГЛБО II, с. 92, № 96 б]. Мы отнесли эту единичную ольвийскую надпись к числу застольных («чистый» — о сосуде или «несмешанный» — о его содержимом), но херсонесские аналогии показывают, что это другая группа граффити, значение которой «очищенный» в ритуальном смысле, и хотя для прилагательного καθάριος он не засвидетельствован, его употребление в переносном смысле в том же сакральном значении вполне возможно. Такое значение могло относиться к сосуду и его содержимому, но надпись 1034, сделанная на чаше, показывает, что эти надписи делались на сосудах, предназначенных не для хранения жидкостей, а для их застольного потребления. Это может указывать, что марка «очищенный» относилась скорее к сосуду, а не к его содержимому, но для твердого суждения необходимы дополнительные примеры. Таким образом, граффити данной группы по содержанию лучше помещать в числе сакральных надписей.

Наиболее многочисленная группа граффити — имена, имена-отчества, изредка полные, но обычно сокращенные, а также инициалы владельцев, вырезанные на доньях сосудов. В других центрах Сев. Причерноморья владельческие граффити также составляют наиболее многочисленную группу. Поскольку в рецензируемом своде надписи этой группы не получили четкой классификации, будучи в массовом порядке смешаны с посвятельными граффити, необходимо дать их перечень для правильного осмысления состава херсонесских граффити. Нередко при этом мы даем иное чтение надписей сравнительно со сводом, но оговаривать это здесь в каждом отдельном случае нет возможности¹⁷⁹. Из числа снабженных прорисями или фотографиями надписей (остальные привлекаются спорадически) к граффити владельцев относятся следующие (все на доньях сосудов). № 1–80, 174: инициал А (типология 4 граффити на стенках и 1 на дне изнутри неясна, поскольку нет подробного описания черепков и прорисей). 86 ΑΑ Δα. 87, 89–94 Α Α. 98 Μάμα (род. падеж от Μάμας)+ Пр Λα+ (?) 101 Η ΧΧ или ΑΑ+. 102 Απα +. 103 Αρη + (или Παρ+). 106 Τυν дважды, Δαρ, *ср.* 1569 Τυνδαρ. 112 Α ΔΑ, на стенке N. 116 Α Μα. 117 Αλ или αλ' = 30, либо Αυλ+. 119 Αβ. 120–123 Αβ +. 124 Κ Αρ. 125–133 Αγ+. 140 Αχαρ Αγ+? 141 Φι, крест или Χ Αγ+. 144–147 Αγα. 148 Ἀγέλο «чашечка Агела» (род. падеж). 149, 241 Αγ+ Η. 153 Αγν. 154 Αδ. 157, 159 Α Ε. 163–168 Αθα. 169 Αν+. 170–172 Αθ (граффито на стенке скорее всего посвятельное). 177 Αφ Ηρ. 178–186 Αι. 187 Αι Σι. 188 Ματα+? Αι. 189 Α Αισχι. 190–192 Αισ. 194–197 Ακ. 198 Ακυ. 199 Ακκα. 202 Αλ или

¹⁷⁹ Для экономии места лигатуры обозначены знаком +, даже если из нескольких букв надписи слиты только 2. Если граффито состоит из нескольких букв, часть которых дана в лигатуре (например, ΑΡΙ в лигатуре и рядом Τ, № 233), то это может быть сокращением имени Арт либо имени-отчества Ар Т. Условно такие случаи принимаем за сокращение имени. Если граффито состоит из 2 букв, данных не в лигатуре, скажем, ΑΕ, то это могут быть инициалы или сокращение имени ΑΕ, условно принимаем их за сокращение имени: Αε и т. д.

Ma+. 205 Αλ Δελ. 207 Αλι. 209 Αλκι. 210 ..λμ? 211–213 Αμ. 214 Αμ Αμ. 216–219 Αν. 220–232: AN+. 233 Αρτ+. 235 Ναρ+. 236 Ανδρ. 239 Αντι. 243–246 Απολ. 248 Πανο? 251 Απο. 254 [--]ε Απο, Απ, *ср.* 256 Απο Σε. 255 Απο Нр+. 258 Απ и черта. 263–282 Απ+. 288 Απα+ Λ? 292 Απ Нр. 294: Απ+? Т. 295 Απολλοδωρῶ «скифос Аполлодора». 298 Αριστ. 299–301 Αρτο. 302–306 Αρι. 308 Αρμα. 309 Αρτ. 310 Ταρ+. 311 Αρτ+ [Φι]λαρέτα (род. падеж). 312–319 Αρ (на стенке, поэтому владельческая или посвя- тительная надпись), *ср.* 320–342a Αρ+ (на стенке, поэтому владельческая или по- свяtitельная надпись). 343 Αρ Αμ или Αρ+ с чертой. 347 Διο Αρ+. 349 Нр+ два или три раза; Αρκ и то же в лигатуре; Χ с чертой и Πολυ — памятная запись имен, как № 1049, или сокращения имен 2–3 владельцев. 351 Хар+. 352 Αρχ. 353 Αρχι. 354 Ασι? 355 Ασκλα (род. падеж имени Ασκλᾶς или сокращение более пространного имени). 356–361 Ασ. 362 Απ. 363–373 Ατ+ (значение граффито на дне изнутри не- ясно). 374 Π, Πα+ Ау+? 375, 383 Αφαιστῖδ+ «Гефестия» (род. падеж). 376, 378–381 Ау. 377 Т Αβ. 382 Ερ+ Ау+. 387 Αφει или Αφερ и крест. 389 Αλι (Αχι?). 390 Αχ. 391–396 Αχ+ или Χα+. 400 Α Αχ+. 403–420 инициал Β. 422–435, 437 Βα. 438 Βα дважды или Βαβα, *ср.* 439 Βαβα Βα (род. падеж имени Βάβας и его сокращение). 442 Βατα (если не было продолжения — это род. падеж имени Βάτας или сокращение более пространного имени). 443–444 Βι. 445 Βλ. 446 Βο. 447 Βολλ. 448 Βρι. 452 инициал Γ. 457 Γλα+. 458 Γο. 460 Γυ. 461 Γυ Στα. 462 Γωσ. 463–493 инициал Δ (4 надписи на стенках неясного значения). 494 Η Δ. 495 Δ Κριτω. 496 Δ Μ. 499 Δαμᾶ (род. падеж имени Δαμᾶς или сокращение более пространного имени). 500–506 Δαμ+. 507 Δ Δαμ+. 509 Νι Δαμ+. 511–524 Δα (граффито на стенке, поэтому вла- дельческая или посвяtitельная надпись). 525–526 Δα Нр+. 527 Δα Η. 528 Δα Θ. 529 Δα с чертой. 530 [e. g.-- Πασ]υάδα (род. падеж имени). 531 Δα Βα? 532–539 Δα+. 542 Δαρ+. 549 ΔΔ или Β. 568–570 Δε. 571 Δελι, *ср.* 577 Δηλι. 572–574 Δε. 575 Δελ. 578 Δημοκράτεος (ионийско-аттич. род. падеж). 579–606 Δι. 613 Δι Πα (Δι здесь и в № 615 Δι Пр+ К может служить цифровым обозначением). 618 Αγ+ Αγ+, черта, Αγυ? и черта. 621 Δασι. 622 Δικ. 624 Διονυ(σ)ᾶς (именит. падеж). 627–631 Διο. 632 Δις. 633 Δρομ. 634, 663 Ε и две черты. 635–659 инициал Ε (3 надписи на стенках неясного значения). 661 Ε[--]. 670 [?]Θ]εάυ. 671 Επ+. 673 Εὐθυλλ(λ)ᾶ, род. падеж. 674? Εἰθ К. 675 Εισ. 676 Εκ (на стенке), Нрм+. 677 [?]Δ]ελ, то же 678? 679 Εκ+ или Ευ. 630 Ελ Μатυ? 681 Ευ. 682 Ερα. 683 Επ. 684–685 Επι. 689–691 Ερ. 692–693a Ερ+. 694 Ερ и Υ? 695 Ερ Τι NP (сокращения и инициалы имен 2–3 владельцев)? 697 Ερι. 698 Ερις. 700 Εσ. 703–720 Ευ. 721–726 Ευ+. 727 ΥΛ. 729 Εύρη. 731 Εὐκλει К, сокра- щение имени Εὐκλείος или Εὐκλεία, см. следующее имя. 735 Εὐκλ<λ>εος (ионийско- аттич. род. падеж). 732 Εὐβο. 733 Εὐς. 734 Εὐθ. 736 Εὐκ. 738 Εὐρυ и неясная моно- грамма. 740 Ζη. 741 Η Ζη. 742: Ζω. 743 Ζω Κρε. 745–784 Η. 787 Ζ Ψ. 788 Η с пред- шествующей буквой. 791 Δυ Η. 792, 796 Ηκ+. 793–795 Ηβ+. 797 Αη+. 798–802 Нра. 803 Нра+. 807: на дне Η, на стенке у дна Нра+. 808–810 Нрак. 811, 818 Нрак+. 812 Нрау+. 819 Нрак Αρι. 820–870 Нр+ (две надписи на дне чаши внутри и на стенке кан- фара неясного значения). 871 Нр+ Αγα Га (последнее, видимо, следует читать как неправильно вырезанное Га). 872 Нр Απαθ. 873 Απ+ Η, затем имя или отчество в со- кращении повторено лигатурой Нр+. 874 Нр+Δ. 875 Нр+ Η. 876 Нр+ Θε+. 877 Нр, по- одаль две черты. 879 Нр и верхний уголок буквы. 881 Нр+ [?]Ο]λβι. 882 Нр и Μ или ско- рописное Η. 883 Нр+ Μα+. 884 Нροх, *ср.* 896 тоже, с лигатурой. 886 Нρ(ο)ξένους, аттич. род. падеж. 885 Нр+ Сω. 886 Нракλέδα, род. падеж (ε=ει). 887 Нракλίδα, род. падеж. 889–890 Нρι+. 893–895 Нрок+. 897 Нроστρ. 898 Нроφιλ. 899, 1720 Нру. 901

Нρω+. 902 инициал Θ. 906 Θα. 907 Θε. 912, 915 Θε+. 923 Θε Α. 924 Θε Δαμ. 925 Αθηναΐδος Θε+ Мак+? 926 Θεογνήτου. 927 Θεοδω. 928 Θεοφίλου. 929 Θεο. 930 [?--]θης. 931 Θρ Ν. 932–934 Θυ. 943–945 Ια. 947 Ἰάραξ¹⁸⁰. 948: 949–950 Ιβ. 951–953 Ιδ (значение граффито на стенке неясно). 955 Ἰε. 956 Ἐλπία, род. падеж, черта. 958 Θερ. 961 Ιθ. 962 Ικα. 963–964 Ιλ. 965 Ιλ Με. 966 Ιλα. 968 Ιν. 969 Ἰνδ, крест и прочерки. 971–976 Ιπ. 977–982 Ισ. 983 Ισ Μ+. 986 Ἰστίειου. 987 Ισω. 988 Ἰφι. 989 Ἰφ. 152, 992–1021: инициал Κ (два граффити на дне чашки изнутри и на стенке неясного значения). 1022 Κνε+? 1023 Κ Νι (Ιν?) 1024–1029 Κα (на стенке неясного значения). 1030 Κα+. 1036–1037 Καλ. 1038 Καλλι. 1039 Κάσιος. 1041–1042 Κε. 1043 Κελε. 1044–1045 Κι. 1046 Κλεοῦς, аттич. род. падеж. κ Κλεώ. 1047–1048 Κλε. 1050–1053 Κλ. 1054 Κλι. 1056 Κλυ на стенке блюда, Α[--] на дне. 1058 Κ Μ. 1059–1062 Κο. 1063: Κοι Με+. 1064 Κομ. 1066 Κρα. 1067 Κραι. 1068 Κρι. 1069: Κτησι. 1070–1071 Κτη. 1072 Κτ. 1073 Κυ. 1074 Κω. 1075–1089 инициал Λ (значение двух граффити на доньях изнутри неясно). 1090 Λ Βα+. 1091–1102, 1104 Λα (граффито на стенке неясного значения). 1105–1106 Λ α+. 1108 Λαу, дважды, на дне и стенке. 1109 Λασ. 1111–1112 Λε. 1117 Δок? 1118–1128 Λυ (два граффити на стенках неясного значения). 1129 Λυσ. 1131 [? Θεο]δω. 1132–1161 инициал Μ или Σ. 1166 Μαν. 1167 Μαρ. 1171 Μάτιος, род. падеж. 1172–1173 Μат. 1174 Μат, дважды? 1175 Κ Μат+. 1178–1181 Μα. 1132–1197 Μαρ+. 1198 Σαττ? 1200 Μα+ Нро+. 1201 Κασ. 1202–1203 Με. 1204–1206 Με+. 1207 Με+ Κιλ. 1208 Μεγαρ(ε)ῦ, род. падеж. 1209 Απ+ Μεν Μαγνητίς «Магнетянка»¹⁸¹. 1210 Μεν. 1211 Με. 1212–1213 Μη+. 1214–1215 Μην+. 1216–1221 Μι. 1223 Κα... εἰμί (или κα[λός?] εἰμί). 1224–1226 Μικ. 1227 Μίλου. 1228 Μιλ? 1231 Μολόγρ¹⁸². 1232 Μ Σα. 1233 Μυ+. 1235 Μύρμακος. 1236 Μυτ. 1237 Μω. 1238–1260 инициал Ν. 1261–1262 Να. 1263 Ναχ (Ναλ?) Γέτο¹⁸³. 1264 Νάρδας. 1265 Νάρδας Cω. 1266 Νατ. 1267–1268 Νε. 1269 Νεύπολις. 1270 Νευ. 1272 Νικα — сокращение или род. падеж имени Νικᾶς, см. с. 770. 1273 Νικα Cπιν. 1275–1290 Νι (значение граффито на стенке канфара неясно). 1291 Νι Βλα. 1294 Нр+ Νικέα, очень показательный пример: Гер(--), сын Никеаса. 1295 Νικέα (род. падеж), дважды, на дне и на подставке. 1297 ΝΚ+. 1300 Νο. 1302–1310 инициал Ξ. 1312 Ξαυ. 1313 Ξα и лабрис, *ср.* 1750. 1314 Ξε. 1316 Ολ. 1317 Ολυ. 1318 Ομ. 1319–1347 Π (граффити на стенках по значению неясны). 1349–1354 Πα. 1355 то же дважды. 1356–1366 Πα+. 1367 Πα+ Π Ασ (Πάπας). 1369 Παи. 1371 [Π]αλάκου. 1372 Παρ Ευ. 1374–1378 Παρ. 1379 Παρ Μυ. 1381 Παρα. 1382 Θέμις Πασέα, полные имя и патронимик. 1384 Περισ. 1385–1388 Πι. 1390 Πισᾶς. 1391 Πλ+. 1392 Πλειоти. 1393–1396 Πο. 1404: Πολυ Н. 1405 Πολυ. 1406 Πομα. 1407 Προ+. 1408–1409 Пр.

¹⁸⁰ Это обычное имя Ἰέραξ (например, лакедемонек у Хел. Hell. V, 1, 3), но с огласовкой, характерной для северо-западных дорийских диалектов, где ε перед ρ переходило в α, [Buck, p. 23, § 12]. Таким образом, в надписях 947, 1690 (см. выше) представлены особенности северо-западных диалектов.

¹⁸¹ Как личное имя этникон Μαγνητίς не засвидетельствован, но этниконы, естественно, становятся личными именами, в том числе женскими: например, Μηλησία — владельческое граффито на донце с Боспора в ОАМ, Ὀλβίας — владельческое граффито на дне чл. сосуда из Роксолан [ГЛБО I, с. 95, № 43]. В раннее время нередко это имена гетер, с эллинистического времени имена рабынь. Ввиду сказанного считаем Μαγνητίς личным именем. Пример мужского имени, образованного от этникона, дает предшествующее граффито 1208 Μεγαρ(ε)ῦ «Мегарец».

¹⁸² Может быть, это не засвидетельствованное местное имя Μόλογρος, но не исключено, что здесь надо читать греческое имя Μολο(β)ρος, бытовавшее, например, в лакедемонской среде (Thuc. IV, 8, 9), либо, скорее, это форма с метатезой плавного от имени Μόλορχος, Μόλορκος.

¹⁸³ Предпочитаем такое чтение, так как данное в своде имя Ναπιό не засвидетельствовано. Это род. падеж антропонима этнонимического происхождения Γέτης.

1410–1412 Пр+. 1413 Пр+, дважды, [Π]ρι? 1414 Прίϛ (на Пріо-- имен нет, есть Прίας, -αντος, видимо, оно мыслится в Херсонесе IV в. как аттич. форма Прίης, *gen.* Прίου). 1415 Προμ. 1416 Προ. 1417–1422 Пу+. 1423–1426 Пуv. 1427 Прω. 1428–1434 Пу (граффито на стенке неясного значения). 1435–1442 Пу+. 1443 Пу Па+ (Пар?). 1444 Пуθo. 1445 Пуθ. 1446–1447 Пуv+ или Пуvр+. 1448 Пуvр+ Ψ? 1449 Пуvрa+. 1451–1460 инициал Р. 1463–1466 Ρι. 1467 Ρ[ι]νωv Δ (номинатив). 1468 Ροδίϛ. 1470 Κρ+, тоже, вероятно, 1450. 1471–1481 инициал Σ или Μ (на стенке неясного значения). 1483–1489 Σα. 1492 Са Пр+. 1493 Σατα. 1494 Σατυ. 1495–1496 Σατ. 1498 Γη. 1499 Σθε. 1501–1509 Σι (граффито на стенке неясного значения). 1510 Σιλ. 1511 Σιν? 1512 Σκ. 1513 Σκυ. 1518 Στε? (на стенке). 1519 Σт. 1522–1525 Συ. 1527 Συκ+. 1528 Συμ.α. 1529 Σώα, род. падеж имени Σώας (РВ, 1468). 1530 Сōв. 1531 Сωσ. 1532–1533 Сωτη. 1534–1538 Сω. 1539 Сω Α Μα. 1540 Νευμηρίου на дне изнутри, снаружи Сωτι. 1541–1548 инициал Т (на стенке неясного значения). 1550 Т В+ (Τιβ+?). 1551 Τελα. 1552–1555 Те. 1556–1560 Те+. 1563–1565 Τι. 1566 Τιαγ или Τι Αγ (по венчику). 1567 Τιμαι. 1568 Τιμε+, на стенке. 1570 Туχ. 1571–1578 инициал Υ (значение граффито на стенке неясно). 1579 Му+ (Συ+). 1580–1581a Пу+ (Υπ+?). 1582 Μυχ? 1584–1597 инициал Φ. 1598 Φανι. 1599–1603 Φα. 1604–1605a Φει. 1606 Φιλαи. 1607 Φιλίδ[ος?], род. падеж? 1608 Φιλ. 1610–1619, 1735–1737 Φι. 1620 Φορμίων Φ. 1622 Фор. 1623 то же и Αγ+. 1624 Фо Нр?+. 1625–1626 Φρ ι. 1627 Φω. 1628–1652 инициал Х или крест (кроме надписи на дне внутри). 1654 Χα. 1655 Ха+ (Хар) Нра+. 656 Χα Υ. 1657: в сегментах перекрестья Хаο? 1660 Хо. 1662–1663 Ψα? 1665 инициал Ω. 1666 Ω Н. 1671 Ανθία или [--]ανθια. 1672–1673 [--]ατ. 1674 [--]ав. 1677 [--]δωρϛ. 1692 [--]ιωvος. 1695 [-]μϛ? 1696 [--]λου. 1708 [--]vος. 1719 [--]ράτωνος. 1722 [--]υσιλας. 1723 [--]σιπ. 1725 [--]στ. 1729 [--]πτυχος. 1731 [e. g. Β]αυκίς с ретроградной *сигмой*. 1732 Εϛκλ. 1733 [--]υρου. 1734 Υта. 1741 Ω Α? 1742 [?]-- Φ]ώκρι(τος). 1756 Πα Нр+, трижды. 1757 Σθ или метка владельца. 1767 Κοη Η.

Как видно, граффити существенно расширяют херсонесскую антропониимику, известную по лапидарным надписям. В полном объеме она служит хорошим подспорьем для работы над просопографией античного и средневекового Херсонеса. Кроме того, граффити владельцев дают новые образцы греческой (Νάρδας, Ηρίχας, Μαυνητίς) и местной, туземной антропониимики (Τιαγ, Μολογρος), в других памятниках не засвидетельствованные. В действительности именной состав херсонесских граффити намного шире, чем мы показали, так как многие надписи не иллюстрированы в своде прорисями, а многие иные нуждаются в осмотре подлинника для уточненного чтения. Если черепок утрачен, обязательно привлечение любых сохранившихся изобразительных материалов, например из публикаций Э. Р. Штерна и др., вплоть до зарисовок в полевых дневниках или в архивных материалах Е. М. Придика, который готовил материалы для корпуса граффити Сев. Причерноморья.

В заключение несколько слов о комментариях к надписям свода. Леммы с фактическими данными о месте, времени находки, с описанием черепка, как правило, носят исчерпывающий характер. Напротив, комментарии к тексту не всегда удачны. Существеннейшего подспорья — аналогий из области малой эпиграфики — почти нет. Комментарии, как правило, не дают адекватной интерпретации соответствующих граффити, они очень отрывочны, зачастую содержат только почерпнутые из словаря В. Папе — Г. Бензелера сведения, не относящиеся к действительному значению надписи.

*«Есть два рода эпох: времена,
когда борьба идет за то, кому пра-
вить, и времена, когда борются,
чтобы никто не правил».*

Х. Ортега-и-Гассет, «Заметки на полях»

Раздел VI

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ И ЭПИГРАФИКИ БОСПОРА

1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ БОСПОРА

VI–II вв. до н. э.

Общество и государственность Боспора прошли в своем развитии три большие эпохи: I. Время колонизации и становления (вторая четверть VI — третья четверть V в.); II. Царство Спартокидов (ок. 432–108 гг. до н. э.); III. Римская эпоха. С точки зрения существа исторических процессов эти эпохи соответствуют позднеархаической эпохе истории древней Греции в целом, классической, эллинистической и римской эпохам. Позднеархаическая эпоха истории Боспора включает собственно колонизационный период и завершающий ее период правления Археанактидов (ок. 480–432). Царствование Спартокидов составляет классическую (от Спартока I до Перисада I: 432–310) и эллинистическую эпохи истории Боспора (от Евмела до последнего Перисада: 309 — около 108). Раннеримская эпоха (по существу исторического процесса это поздний эллинизм) включает Митридатовский период (правления Митридата Евпатора и Фарнака: около 108–47) и постмитридатовский (до падения Митридата Аспургова ок. 45 г. н. э.). Здесь мы ограничимся концом царства Спартокидов.

1.1. Политическое состояние Боспора в VI–V вв.

Основная задача данного параграфа — выяснить, когда на Боспоре появились полисы. В Греции полис — основная форма коммуникации свободного населения локальных областей страны, он прошел эволюцию от складывания в VII–VI вв. и расцвета в классическое время (V–IV вв.) до преобразования в эллинистическую эпоху в сторону ослабления экономической автаркии, засилья богачей-олигархов во внутренних делах и утраты независимости во внешних. На Боспоре история полиса нам видится иной. Основной вопрос политической истории Боспора VI–V вв. — были ли здесь полисы — сомнений у исследователей не вызывал: были,

в связи с чем предложен ряд индикаторов полисного статуса нескольких городов¹. Между тем политическая история Боспора в VI–V вв. — *tabula rasa*: источников почти нет, отсюда простор для разного рода построений и их критики. В таких условиях суть исследования заключается не столько в создании новых исторических конструкций, сколько в извлечении из источников данных, расширяющих понимание этой проблематики. Один из индикаторов полисного статуса, еще не привлекавшийся к решению проблемы, — наличие ойкиста. На Боспоре известны две апойкии, выведенные по классической схеме во главе с ойкистом: Гермонасса, основанная ионянами во главе с Гермоном и эолийцами во главе с митиленцем Семандром, также Фанагория, основанная теосцами под началом Фанагора (сообщения Арриана и Стефана Византийца об этом см. выше, с. 331). Очень вероятно, что ойкистом был и Археанакт, основатель рода Археанактидов [Блаватский, 1964, с. 46], но неизвестно, какой город он основал (обычно полагают, что это Пантикапей). В греческой колонизационной практике задача ойкиста, вытекающая из самого термина οἰκιστής «устроитель государства» (из οἰκεῖν «селиться», «устраивать государство или домашнее хозяйство»), — создание поселка для жилья и полиса как гражданского коллектива². Складывание полиса связано с разделом земли колонистами, возникновением в их среде хозяйственных, социальных и политических отношений, нормами взаимоотношений с эпойками (присоединяющимися позднее переселенцами), а также с местным населением. Поэтому и формально и практически наличие ойкиста указывает на начало возникновения гражданского общества в новооснованном городе, иначе говоря, на сложении полиса. Поэтому можно сказать: где есть ойкист, там есть полис³. Ойкисты (археgetы) Фанагории и Гермонассы известны нам по именам, у Феодосии, Пантикапея, Кеп, судя по сообщению Псевдо-Скимна об основании их милетянами, тоже должны быть основатели (скорее всего, один из них Археанакт)⁴.

¹ По Ю. А. Виноградову [1993, 1995, 1999а, 2000, 2002 и др.], если есть письменное известие о выводе колонии, этникон ее жителей, монетный чекан и пр., это полис; таковы Фанагория, Гермонасса, Кепы, Пантикапей, Нимфей, Феодосия (критика [Кузнецов, 2001; Завойкин, 2009]). У С. Н. Прокопенко [2006, 2007] критерии полисного статуса материальные — теменос, агора, хора. См. об этом, а также о колонизации Боспора в целом [Молев, 1997, с. 5–23; Tsetschladze, 1997; Цецхладзе, 1999; Масленников, 2001; 2013; Завойкин, 2001б; 2013б; Кузнецов, 2013а, 2001; Борисова, 2003; Povalachev, 2008, S. 155 f.; Поваляев, 2010, 2012; Бутягин, 2009; Олешкевич, 2010; Кошеленко, Кузнецов, 2010; Вахонеев, 2011; 2011а; Журавлев, Шлотцауер, 2011; Подосинов, 2011; Федосеев, 2012; Vinogradov, 2012; Gourova, 2013; Яйленко, 2013б, 2014а; Иванов, Сударев, 2014; Шелов-Коведяев, Толстиков, 2014; Schlottzhauer, Zhuravlev, 2014]. Литература двух последних десятилетий большая, требует монографического анализа. Зарубежную литературу о полисе как многообразном феномене даем ниже.

² LSI, s. v. οἰκῶ II. Например, *Isocr.* II, 19: οἰκεῖ τὴν πόλιν ὁμοίως ὥσπερ τὸν πατρίων οἶκον «устраивай город словно как отчий дом».

³ Термины οἰκιστής, οἰκιστή употреблялись с VI–V вв. (Геродот, надписи и пр.), в архаическое время, по VI в. включительно, употреблялся термин βασιλεὺς ἀρχηγέτης «царь-предводитель» и просто ἀρχηγέτης «основатель-предводитель» (см. ниже). Разница в терминах и во времени отражает разность функций археgetов и ойкистов, но по существу они близки.

⁴ Остальные поселения VI в. Нимфей, Мирмекий, Торик и др., по вероятной мысли А. М. Бутягина, заложены небольшими группами переселенцев, которые, сохраняя гражданство метрополии, осваивали местные природные ресурсы [Бутягин, 2009; Вахонеев, 2011]. Образец такого поселения Торик (я участвовал в раскопках Н. А. Онайко). Он не предназначался для зернового сельского хозяйства, так как окрестная земля полна мергеля (из него выложены помещения этого небольшого компактного поселка). Тут возможно виноградарство, были развиты рыболовство и металлургическое производство,

Исходя из одного этого, казалось бы, можно считать все названные апойкии изначальными полисами. Однако у нас нет данных о полисном статусе названных апойкий, ни прямых, ни косвенных, по крайней мере в классическом понимании этого политического термина (предполагавшиеся критерии мы рассмотрим далее). Такую картину дает и лучше освещенная источниками Ольвия: у нее был ойкист и в надписи ок. 512 г. упомянут «Ольвийский полис», но главных полисных институтов — народного собрания и совета — не было до второй четверти IV в., а о полисном гражданском законодательстве, при неплохой представительности эпиграфики, известий вообще нет до эллинистического времени, когда стал функционировать дикастерий (выше, с. 342/3).

На Боспоре имевшие основателей центры не стали полисами, и наша задача выяснить причины этого. Фанагорию основали ок. середины VI в. колонисты с Теоса (*Ps. Scymnus*, 886: «Фанагория, которую, как говорят, некогда основали теосцы»), согласно приведенному выше (с. 331) свидетельству Арриана, бежавшие от насилия персов. Теос — мелкий островок, его население в VI–V вв. около 2 тыс. человек [Roebuck, p. 22], по Геродоту (I, 168), ок. 546 г. после захвата персами города теосцы «поголовно» отплыли в Абдеру, где и обосновались. Какая-то их часть прибыла на Тамань и было их, ввиду сказанного, немного⁵, однако в последней четверти VI в. фанагорийский куст поселений увеличился за счет старотитаровских колонистов (см. ниже). Поскольку основной целью греческой колонизации было освоение новых земель для ведения сельского хозяйства, обычно обосновавшиеся на новом месте переселенцы делили землю между собой на участки⁶. Между ними и еще более у их потомков как частных землевладельцев возникали разного рода отношения, требовавшие юридического урегулирования, что способствовало раннему развитию права в колониях Сицилии и Южной Италии (Залевк в Локрах Эпизефирских, Харонд в Катане и пр.), это было основой превращения апойкии в полис⁷. Но там свободной земли было немного, особенно ввиду немалого тузем-

---

изделия которого могли быть статьей торговли с местным населением. Не позднее середины V в. поселок разрушен и жители покинули его [Онайко, 1980]. Никаких свидетельств полисного статуса Торики нет. Обстоятельства основания Нимфея неизвестны. Сообщения Эсхина (III, 171) и Кратера (*Pseph. syn.* IX, fr. 12 = SC I, p. 390, 589), что одно время он принадлежал афинянам и платил 1 талант, свидетельствуют о его независимом статусе на Боспоре, т. е. он был полисом в последней четверти V в. Судя по захвату Феодосии силой при Левконе, независимым полисом была и она, ср. [Завойкин, 2002]. Ее судьба показывает, что Спартокиды не терпели независимых полисов, поэтому можно думать, что примерно тогда же и Нимфей утратил полисный статус. В плохо сохранившем текст списке 425 г. об уплате фороса У. Келер и Г. Бузольт дополнили имена боспорских городов — Г[ермонасса], Ни[мфей], Ким[мерий?], Пат[рей?] [Граков, 1939, № 1]. Нам эти дополнения кажутся интересными, критика С. А. Жебелева [1953, с. 181/3] слабой. Состав интригующий — из европейских городов лишь Нимфей, зато с Тамани три, но отсутствует Фанагория. Поле для домыслов обширное (И. Б. Брашинский, О. Н. Усачева, Г. А. Кошеленко и др.), но вспахивать его стоит, ибо это одна из интересных и, видимо, драматичных страниц истории всего Сев. Причерноморья от Тиры до Тамани.

⁵ Вопреки С. А. Жебелеву [1953, с. 61] В. Д. Кузнецов [2001а; 2010, с. 315/6] сомневается, что небольшая партия теосцев могла одновременно колонизовать Абдеру и Фанагорию: последнюю вывели теосцы-абдериты. Это вполне возможная мысль, но далее мы покажем, что к теосцам присоединились «старотитаровские» колонисты.

⁶ [Яйленко, 1982, с. 130/4]. Основная причина колонизации архаической поры — недостаток земли в метрополии, в колонию отправлялись главным образом обезземеленные [Яйленко, 1990а, с. 68–69].

⁷ [Яйленко, 1983а, с. 164 сл.]. Кодификация права в эпиграфике архаической Греции [Effenterre, Ruzé, 1994; Thomas, 1996].

ного населения, отсюда и необходимость ее дележа, а на Боспоре ее хоть отбавляй, потому и дележа не было — каждый брал столько, сколько мог освоить⁸. Отсюда отсутствие конфликтности в отношениях между частными собственниками, отсутствие необходимости в кодификации юридических норм, регулирующих эти отношения, т. е. в целом тех глобальных причин, которые порождали возникновение полиса.

Если нет полиса, нет политической мотивировки для урбанизационного процесса, он замедленный и движется лишь экономическими стимулами. В результате — отсутствие данных о складывании полиса как формы политической организации населения Боспора. Наглядно это проявляется в Нижнем Побужье, где земель много, потому экистический процесс (т. е. освоение территории) вылился в стихийное формирование обширной сети сельских поселений, городов же не было. Березанское поселение вовсе не стало городом, а Ольвия приобретала урбанизационные черты настолько медленно, что исследователи говорят о ней как о городе применительно к V в. в целом, лишь констатируя рост территории и наличие отдельных общественных зданий [Ольвия, 1999, с. 98 *сл.*]. Обратим внимание и на то, что становление Ольвии как города не стало результатом роста ее как полиса, т. е. внутреннего социально-политического развития, на это повлиял внешний фактор — сокращение хоры в первой четверти века вследствие скифской угрозы (выше, с. 147, 163), которое привело к концентрации населения в Ольвии, что и вызвало увеличение ее территории, а также внутреннее социально-политическое напряжение. Та же экистическая картина и в Истрии: ранняя Истрия — это сеть сельских поселений, удаленных в глубь материка на 20 км, они открытые, лишь при одном есть вал, города в материальном смысле не было (в V в. он только начал формироваться, окончательно сложился лишь в эллинистическое время); даже в основном на рубеже V–IV вв. Каллатисе представлена та же картина аграрного освоения территории, а не целенаправленное строительство города [Avgam, 2000/1; 2006].

Близкая картина наблюдается на азиатском Боспоре: в третьей четверти VI в. здесь сформировались 4 аграрных округа вблизи Фанагории, Старотитаровки, Корокондамы, Кеп; каждый округ представлял собой куст (группу, зону, кластер) из 4–6 наиболее крупных сельских поселений, всего таковых 26 (рис. 127)⁹. Это позволяет думать, что в первой половине VI в. на Тамань прибыли 4 партии колонистов,

⁸ Даже в период наибольшего развития сети сельских поселений оставалась свободная земля [Паромов, 2006, с. 375]. Земли Таманского полуострова (тогда острова [Горлов и др., 2002; с. 255; Журавлев и др., 2010, с. 167/8]) не осваивались *in toto*: во-первых, оставались свободными буферные зоны между 4 кластерами сельских поселений (о них ниже), во-вторых, слабо освоена восточная часть острова, обращенная к материковой зоне обитания туземного населения.

⁹ [Гарбузов, Завойкин, Строкин, Сударев, 2011, карта на с. 97]. По мнению названных авторов, Кепы, Гермонасса, Патрей находятся вне этих зон, но, принимая во внимание их роль религиозных центров (см. ниже), это вряд ли так. Кластер поселений между Кепами и Патреем поначалу прилегал к обоим центрам, в следующие полстолетия он придвинулся к Кепам вплотную, тогда как Патрей по-прежнему оставался в стороне, см. карту [Пб., с. 103]. По заключению А. В. Батасовой [2013], которая учла 109 сельских поселений VI — первой четверти V в., территория Таманского полуострова освоена неравномерно, есть несколько незаселенных буферных зон. Наиболее плотно освоена поселениями северная часть Тамани, центральная и южная части покрыты поселениями равномерно, восточная наименее освоена — тут представлены несколько изолированных групп поселений. На ее карте они сгруппированы в те же гермонасскую и кепскую группы, фанагорийская и старотитаровская группы объединены в один кластер, т. е. это картина на первую четверть V в.

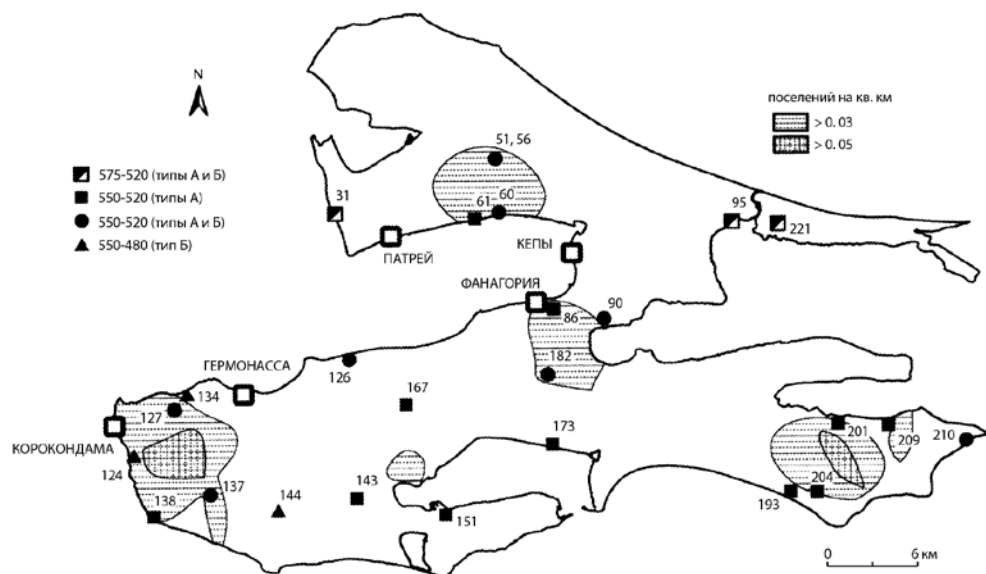

Рис. 127. Районы концентрации сельских поселений на Тамани в третьей четверти VI в. до н. э. [Гарбузов и др. 2011]

которые рассеялись по осваиваемой территории, образовав 4 кластера сельских поселений: теосцы и милетяне освоили район Фанагории, куст Кеп (и Патрея, как покажем ниже) освоили милетяне, причем на аграрный характер их поселений указывает само название Κῆποι «Сады». Кусты Гермонассы и Кеп лежат в отдалении на 3–4 км от «городского» центра (хорой Гермонассы был куст в районе Корокондамы, *ср.* [Müller, 2007]). Нет письменных известий о происхождении лишь тех колонистов, которые освоили Старотитаровский кластер. В последней четверти VI и первой четверти V в. развитие хоры на Тамани достигло пика: площадь освоенных земель значительно расширилась, на них было до 110 сельских поселений разной величины. Значительно увеличили свою хору и число поселений Гермонасса (за счет цукурской группы), Кепы, Фанагория (рис. 128). По масштабам этот процесс сравним с освоением Нижнего Побужья, где в позднеархаическое время насчитывалось около 70 поселений (с временными станциями до 100). На них проживало от 5 до 7,5 тыс. человек [СОО, с. 36], так что примерно столько же колонистов осваивало и Тамань.

Неясно, сколько было городских центров и были ли они вообще в VI в.; при 4 партиях колонистов их могло быть столько же. Но у Старотитаровского куста никогда не было городского центра, стало быть, прибывшие сюда колонисты вовсе не озадачивались постройкой города. В Фанагории открыты остатки двух крупных зданий второй половины VI в., но в целом жилищно-хозяйственная застройка мелкая [Кузнецов, 1995; 2009, с. 296; 2010, с. 315]. Такова картина и в Нижнем Побужье: сельские жилищно-хозяйственные ойкосы мелки, но на поселении Старая Богдановка открыто здание пл. до 750 м² (функции его не вполне ясны; характеристика поселения [Марченко, 2013]). Поэтому нет препятствий для определения Фанагории VI в. в материальном плане как сельского поселения, на что указывает и располо-

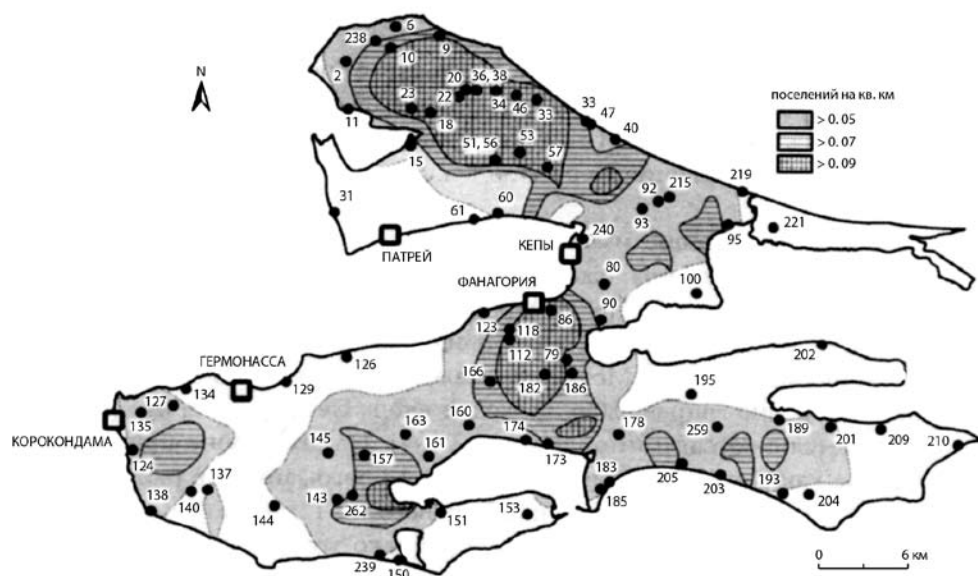

Рис. 128. Районы концентрации сельских поселений на Тамани в последней четверти VI — первой четверти V в. до н. э. [Гарбузов и др. 2011]

жение ее остатков VI в. не в приморской полосе, как ожидалось бы для портового города, а в глубинной части городища, открытой в степь. Непосредственно рядом с нею лежит еще одно крупное сельское поселение, что лишь подчеркивает сельский же характер Фанагорийского поселения VI в. В третьей четверти VI в. наряду с этими двумя были в фанагорийском кусте еще лишь 2 крупных сельских поселения, так что их создавала сотня-другая теосских переселенцев (кстати, это минимальное число колониальных экспедиций: например, столько же ферян выселилось в Кирену)¹⁰. Хотя милетский логограф позднего VI — раннего V в. Гекатей назвал Фанагорию полисом (см. выше), никакого противоречия между дефинициями ее как сельского поселка и полиса нет: аналогичным образом в письме Ахиллодора ок. 500 г. Оливия названа полисом в материальном смысле, т. е. городом (выше, с. 213), хотя в строительном отношении это был сельский поселок.

На европейской части Боспора экистический процесс отличался от таманского — тут освоение земельных угодий выразилось в основании не только сельских поселений, но и так называемых малых городов, население которых, однако, занималось тем же самым сельским хозяйством да рыболовством [Масленников, 1996, с. 65 сл.]. Это характерные для глубинки в Греции, и древней и современной, небольшие поселки, жители которых, по Гесиоду (Erga, 580–581), с восходом солнца выходили на свои поля (можно называть их и аграрными городками, так как у Гесиода это πόλις)¹¹. На европейском Боспоре сельские поселения, как и в Нижнем

¹⁰ Характеристика этих поселений [Горлов, 2007]. Данные о численности колониальных партий см. на с. 184.

¹¹ [Яйленко, 1990а, с. 40 сл.]. В современной Греции из 6 млн чел. населения 5 млн проживают в таких руральных поселках, еще полмиллиона обитает в городках с населением от 5 до 20 тыс. чел. [Ib., с. 93].

Побужье, теснятся к береговой линии (параллели между обоими регионами [Соловьев, 2003/4]). Близкий экистический вариант дают греческие колонии на фракийском побережье Эгеиды: ввиду основательного заселения территории местным фракийским населением хора городов простиралась узкой полосой вдоль побережья [Bagalis, 2008, p. 115 f.]. Разница заключается в том, что в Вост. Крыму не было стабильного туземного населения, настолько значительного, чтобы его археологические следы были четкими¹². Отсюда и разница в политическом устройстве обеих областей: на указанном побережье Эгеиды для противостояния военной угрозе со стороны соседних фракийцев складываются полисы, на европейском Боспоре с середины VI в. возникают «малые города» с оборонительными сооружениями, но свидетельств их полисного статуса нет. Поэтому можно заключить, что возникновение городов на европейском Боспоре, отличавшихся от прочих поселений элементами спланированного центра, включающего общественные и культовые сооружения, а также оборонительные стены, обусловлено внешней угрозой, а также наличием природного камня как строительного материала. Эта угроза исходила от кочевников: Нижнее Поднепровье и степной Крым были доменом царских скифов [Яйленко, 2013а, с. 196], их рейды до пролива и могли послужить причиной обстройки Тиритаки, Пантикапея, Мирмекия, Порфмия, Парфения оборонительными сооружениями уже с середины VI в.¹³ На Тамани исторический процесс времен колонизации проходил несколько иначе, ибо как остров она природно защищена, укрепления VI–V вв. в виде валов и рвов единичны. Но и тут не обошлось без внешней угрозы, о чем могут свидетельствовать погребения второй половины VI в. с оружием. Небезынтересно в данном отношении посвящение начала V в. до н. э. Афродите Апатуре КБН 1234 с рельефом, найденное далеко от греческого Боспора — на городище Маджары при р. Большой Зеленчук. Между тем оно имеет конкретный адрес — было посвящено в святилище Афродиты Апатур, которое находилось на Тамани. Мастеровито сделанный, этот посвященный рельеф не мог быть поставлен в глубине Прикубанья, в 480 верстах отсюда, следовательно, перемещен в результате набега обитавших при р. Большой Зеленчук варваров на Тамань. Этот набег, случившийся в начале V в., — наглядное свидетельство того, что одной из причин объединения боспорских полисов в единый военно-политический организм была нужда в отражении набегов не только царских скифов, как сочли некоторые [Vinogradov, 1997, S. 114; Толстиков, 1984], но в целом варваров глубокого Прикубанья (подробней о надписи КБН 1234 [Яйленко, 2010, с. 477/9]; о комплексе причин объединения [Завойкин, 2006]). Отсутствие камня тоже сдерживало урбанизацию.

Справедливо заключение А. А. Завойкина [2009, с. 194], что «при плохой сохранности культурного слоя и очень небольших размерах апоикий древнейшего

¹² О туземном населении Тамани времени греческой колонизации [Иванов, Сударев, 2012]. По мысли А. В. Иванова и Н. И. Сударева [2013, с. 183], причиной неоформленности археологической культуры у туземного населения Тамани времени перехода к железному веку стали появившиеся тут с первой половины VI в. греки. Та же мысль о полном восприятии греческой материальной культуры, но применительно к германцам III–IV вв. н. э. на Боспоре [Шаров, 2012]. В последнее время констатируются отдельные случаи занятия греческими колонистами и европейского Боспора туземных поселений [Куликов, Бейлин, Ермолин, Столяренко, 2012; Федосеев, 2014, с. 142 сл.].

¹³ Кое-где прослеживаются насыпные валы и рвы (Голубицкая 2, не позднее третьей четверти VI в. [Журавлев, Шлотцауер, 2011, с. 82 сл.], Ахтанизовская 4, возможно, рубежа VI–V вв. [Ломтадзе, 2013, с. 225]), здесь военная ситуация менее напряженная, нежели на европейском Боспоре примерно до конца первой четверти V в., когда в Фанагории, Гермонассе фиксируются слои сильных пожаров.

периода их существования, их обнаружение и определение статуса — дело почти безнадежное» (то же относительно сицилийских колоний [Поваляев, 2010]). Однако суть явления, повторим, нам видится в другом: при обилии земли на Боспоре колонисты занимались не основанием городов и их строительством, а тем, ради чего и прибыли — аграрным освоением территории. Как сказано, это наглядно проявилось в Нижнем Побужье, та же картина и на Боспоре, так что строительные остатки VI в. на месте городов V в. принадлежат не урбанистическим комплексам, а сельским поселениям разной степени обжитости. Даже Гермонасса с ее двухметровым культурным слоем VI–V вв. не была городом, так как строительные остатки этого времени ничтожны¹⁴.

*«В городе никогда не обретишь
покоя и счастья»¹⁵.*

Для понимания характера колонизационного процесса на обеих частях Боспора, не сопровождавшегося сложением полисов, считаем методически важными работы двух последних десятилетий о сельских областях Средней Греции (Фессалия, Фокида, Восточная Локрида) и Пелопоннеса (Ахайя, Аркадия), в которых в архаическое и классическое время было всего несколько полисов, у основной же части населения общественная коммуникация осуществлялась в виде кластеров (групп, кустов) сельских общин, объединявшихся вокруг общих для них локальных святилищ (назовем такие группы общин руральными, или сельскими, койнониями). Исследователи не считают их примитивными сравнительно с полисами, это сосуществующие типы государственных образований, в которых важнейшую роль играют не экономические и политические отношения, а существующие исстари традиционные религиозно-культовые связи¹⁶. Один из характерных образцов — Спарта, где было гражданское сообщество, но не было полиса в классическом смысле [Oliva, 1971; Hodkinson, 2005]. На протяжении всей своей истории Спарта пребывала на предшествующей полису ступени организации общества в виде военно-родовой демократии. Один из признаков полиса (хотя и не всегда обязательный) — наличие города, в котором функционируют полисные институты, руральные же койнонии в городе не нуждаются¹⁷. Устройство общества руральных койноний традиционно для архаической и классической Греции: подобного рода

¹⁴ [Блаватский, 1985, с. 209; Финогонова, 2005, 2006], ср. скепсис А. А. Завойкина. Отсутствие городской застройки в VI–V вв. С. И. Финогонова [2006, с. 337, 348] объяснила тем, что ранняя Гермонасса эмпорий. Если это так, концентрировавшийся при Корокондаме куст сельских поселений с нею не связан, ибо она находилась в стороне, — это кластер Корокондамы. Фанагория в середине VI в. «была относительно небольшим поселением» [Кузнецов, 2010, с. 315] без каких-либо признаков города. Выше мы отметили, что она остается сельским поселком по V в.

¹⁵ Джон Флетчер (1579–1625), английский драматург.

¹⁶ [Hansen, 1995; 1999; 2002; Roy, 1996; 1999; 2000; Heine Nielsen, 1996; 1996a; 1996b; 1997; 1999; 2000; Heine Nielsen, Roy, 1998; Jost, 1999; Forsén, 2000; Morgan, 2000]. Особенно важны обобщающие монографии Т. Хейне Нильсена и К. Моргана [Heine Nielsen, 2002; Morgan, 2003].

¹⁷ [CPCA 4; Hansen, Fischer-Hansen, 1994; Leslie Shear, 1995; Miller, 1995; Hansen, 1996a; 1997; 2004; Morgan, Coulton, 1997]. Урбанистическая планировка и оборонительные стены как основные признаки города — хоть и предмет дискуссии, но из числа основополагающих [Miller, 1995; Fischer-Hansen, 1996; Ducrey, 1995; Camp, 2000; Shipley, 2005]. Хотя не всякий город полис, с VI–V вв. полисный центр обычно представляет собой город [Hansen, 2004].

и гомеровское общество¹⁸. В обществах этого раннего типа социальные и политические отношения малоразвиты, основа экономики — ойкос и личный труд в нем крестьянина, это гесиодовский тип хозяйства VIII в. [Яйленко, 1990а, с. 37–62]. Как во всяких ранних обществах, не только духовная жизнь населения сосредоточена в религиозной сфере, но через религию, культы, празднества, символы осуществляется связь населения в некое единство (в современной западной литературе это называется идентичностью). В материальном выражении связи такого рода замкнуты на общем святилище; в архаическую эпоху святилище было во многих случаях и ядром будущего города-полиса¹⁹.

Полагаем, на уровне руральных койноний находилось также общество в Нижнем Побужье и на Тамани, заселявшиеся происходившим из разных областей Ионии разношерстным населением, которое покидало отечество ради обретения достаточного земельного надела на новой родине (выше, с. 121/2, 135/6, 140 и др.). Отсюда сельское поселение как главенствующий и едва ли не единственный экистический тип в Сев. и Зап. Причерноморье VI–V вв., отсутствие полисов и в VI в. их материального выражения — городов. Как сказано, в упомянутых сельских областях Средней Греции и Пелопоннеса руральные койнонии группировались вокруг общих локальных святилищ, такую картину можно усмотреть и в Сев. Причерноморье. В Нижнем Побужье с начала V в. главная роль перешла к Ольвии, что обусловлено не только ее удобным расположением (у поселений в районе Козырки или Чертоватого оно такое же), но главным образом тем, что со второй четверти VI в. она была сакральным центром региона в целом²⁰. Такую же картину мы усматриваем и на Тамани, где объединительными культовыми центрами выступали святилища Афродиты Апатуры в Фанагории (КБН 971, IV в. до н. э.) и Гермонассе, с которой, полагаем, связано святилище при Цукурском лимане, также святилище Афродиты в Кепах²¹.

Поясним сказанное фанагорийским примером. По словам Стефана Византийского (*с. п. Απάτουρον*), Гекатею «известен и залив Апатур в Азии»; вряд ли стоит сомневаться, что он получил имя по фанагорийскому святилищу Афродиты Апатуры²². Время Гекатея (ок. 540 — ок. 480) указывает, что Фанагория при своем облике сельского поселения была уже во второй половине VI в. (по меньшей мере на рубеже VI–V вв.) религиозным центром для своих колонистов. Из надписей Фанагории IV в. известно, что у этой Афродиты есть также эпиклеса Урания (КБН 971, 972). Открытие в Милете святилища Афродиты VII–VI вв. с культовыми признаками Урании [Русяева, 2001; Бунин, 2004] свидетельствует, что в Фанагории во второй половине VI в. были не только теосцы, но также милетские колонисты²³. Обратим внимание, что в последней четверти VI — первой четверти V в. границы

¹⁸ [Туманс, 2009, *лит.*]. Даже хозяйство гомеровского базилея руральное [Перевалов, 2002].

¹⁹ [Burkert, 1995; Cole, 1995; Polignac, 1995; 1995a; Voyatzis, 1999].

²⁰ По мнению С. Б. Буйских [2007], периферийные святилища Ольвии на Бейкуше, в Гилее, на Кинбурне обозначали границу ее земель и освящали ее.

²¹ Из фанагорийского или цукурского святилища перемещен вотив КБН 1243, найденный на р. Зеленчук и датируемый ранним V в. [Яйленко, 2010, с. 478], что может удостоверить их существование в VI в. Вотив КБН 1111 найден на западном побережье Цукурского лимана, потому и связываем его с Гермонассой.

²² [Горлов и др. 2002, с. 255]. О фанагорийском святилище Апатуры [Кузнецов, 2013, *лит.*].

²³ Д. С. Бунин справедливо отнес активное внедрение культа Афродиты Урании на счет Спартокидов, но отметил несомненную связь его со скифским ее культом, вынесенным из Аскалона. О ее хтоническом существе [Бунин, 2001; Завойкин, 2007а].

фанагорийской хоры придвинулись вплотную к старотитаровской группе сельских поселений (рис. 128), среди которых поселения городского типа никогда не было²⁴. Дружественность отношений (старотитаровцы могли сами освоить прилегающие земли, но предоставили их фанагоритам) указывает, что присоединившимися к фанагоритам ионийцами были старотитаровские колонисты третьей четверти VI в.²⁵ Вероятно, к объединению могли побуждать и политические причины, но несомненно культовая коммуникация старотитаровцев и части фанагорийцев как милетян на основе святилища Афродиты Апатуры Урании. Так как на Цукурском святилище почиталась та же Урания (КБН 1111, IV в.) и поскольку мы связали его с Гермонассой, основавшие ее ионийцы во главе с Гермоном (*Arriani Bith. fr. 55 Roos*, текст *см.* на с. 331) тоже милетяне. На Боспоре эпиклеса Афродиты Ἀπατούρα, по нашему мнению, иранского происхождения (ниже, с. 832/5), но у местных греков она ассоциировалась и с отмечавшимся в метрополии праздником единения жителей полиса или области Ἀπατούρια²⁶. Это подразумевает, что Апатурии отмечались и на Боспоре. Тем самым подтверждается наш тезис о группировании колонистов на Тамани и в Пантикапее вокруг святилищ милетской Афродиты Урании.

Показателен в рассматриваемом отношении и куст сельских поселений Кеп: в третьей четверти VI в. колонисты игнорировали земли, расположенные непосредственно у Кеп, а в последней четверти VI — первой четверти V в. осваивали их, что указывает на ориентацию жителей сельских поселков того времени на Кепы, где было святилище Афродиты²⁷. Ту же роль можно усмотреть и у древнейшего

²⁴ Более полная карта [Гарбузов, 2013, с. 127].

²⁵ Поскольку все диалектные надписи Фанагории ионийские, старотитаровские колонисты, как и теосцы, тоже ионийцы.

²⁶ В Ионии Апатурии не связаны с Афродитой, что указывает на местное происхождение ее эпиклеса Апатура на Боспоре. В классическое время существом трехдневного празднования Апатурий, особенно популярного в Ионии, заключалось в записи детей во фратрию, что сопровождалось разного рода жертвоприношениями Зевсу и Афине. Это фратриальный праздник, т. е. по существу праздник единения родов (греч. φράτηρ «родственно» др.-рус. *братръ*; одну солоновскую фратрию составляли 30 родов), а через филы единение населения в целом, причем филы были территориально-родовыми образованиями [Яйленко, 1990а, с. 9–17]. Само название праздника Ἀπατούρια указывает на единение отмечающих его людей, как бы восходящих к общему предку: *a-copulativum* + πατήρ «отец» (= ὄμο-πάτορες, ὄμο-πάτριος «того же самого отца», LSJ, s. n. Ἀπατούρια).

²⁷ Свою роль сыграла в этом также внешняя угроза, о чем речь пойдет далее. Скорее всего, кепская Афродита была той же Уранией, так как Кепы, по Пс.-Скимну, основаны милетянами. В таком случае имя города «Сады» указывает на хтоническую сущность этой богини. Связь Кеп с Милетом подтверждается милетским именем жреца святилища Афродиты Мольпагор, написанном на ножке килика. По письму это граффито датируется не концом VI в., как счел Н. И. Сокольский [1973, с. 88] и принял Д. С. Бунин [2004], а первой половиной V в. Сельские поселения третьей четверти VI в. расположены в глубине от побережья, они равноудалены от Кеп и Патрея. С последней четверти века сельские поселения придвигаются к Кепам, по-прежнему сторонясь Патрея. Изолированность Патрея от сельских поселений можно объяснить аналогией из Сицилии: прибывшие туда мегаряне поначалу основали Тротил и Тапс, через несколько лет Мегару Гиблейскую, которая процветала, в отличие от Тротила и Тапса, оставшихся в дальнейшем, судя по археологическим данным, небольшими поселениями [Яйленко, 1990а, с. 78–79]. Отсюда можно предположить, что милетяне основали Патрей, но вскоре большая их часть основала Кепы (ранний материал из Патрея и Кеп одинаково относится ко второй четверти VI в.). Материалы из Патрея идут до конца V в., после чего он сник (слоев IV–III вв. нет). Иначе говоря, милетяне в основном утвердились в Кепах, тогда как Патрей хирел. Эту картину подтверждает само название Πατρεῖς «отеческий» (к πάτρα «отечество»), как и Πάτραι, город в Ахее, этникон жителя Πατρεῖς [РВ, 1147; *Strabo*, XI, 2, 8]: перешедшие в основном в Кепы милетские колонисты назвали свою первоначальную апойкию «Отечеством» (*см.* о понятии «отчества» у греков

святилища Аполлона Иетра и Гекаты-Артемиды на верхнем плато Пантикапея, поскольку эта Геката-Артемиды идентична фанагорийской Афродите-Апатуре²⁸.

Наш вывод об аграрном освоении Боспора колонистами предусматривает, что колонисты происходили преимущественно из сельских районов Ионии. В этом отношении показательна незначительная грамотность боспорского населения VI–V вв., на что указывает небольшое количество граффити этого времени. Напротив, березанско-ольвийская эпиграфика VI–V вв. по числу граффити разных жанров занимает одно из первых мест в Греции. Поскольку массовая грамотность — характерный признак городского населения, это означает, что основная масса березанских и ольвийских колонистов происходила из городов Ионии, а не из хоры (выше, с. 157)²⁹. Соответственно небольшое число граффити VI–V вв. на Боспоре указывает на происхождение тамошних колонистов из сельской местности. Так что свой привычный крестьянский уклад жизни они перенесли в новые места обитания, не испытывая необходимости ни в полисной организации общества, ни в городском центре.

Традиции архаической эпохи просматриваются на Боспоре и в V в. При внешней угрозе и при отсутствии сильных полисов руральные койнонии объединяются в военно-политические союзы типа симмахии (о ней [Латышев, 1997, I, с. 287 сл.]). Возможно, внешняя (скифская) угроза конца VI — начала V в. в какой-то мере активизировала этот процесс на Боспоре [Молев, 2005]. Уже Археанактиды, очень вероятные потомки ойкиста Археанакта, правили не своим городом, а регионом в целом: они οἱ τοῦ Κιμμερίου Βοσπόρου βασιλεύσαντες «царствовавшие над Киммерийским Боспором» (*Diod.* XII, 31). Так как Диодор говорил о закончившемся их правлении, он употребил *aor. historicus*, но если заменить его настоящим временем, получим примерную их титулатуру οἱ Βοσπόρου βασιλεύοντες «царствующие над Боспором», что близко титулу Спартокидов «архонт Боспора и царствующий над (Βασιλεύων)...» (с перечнем подвластных и союзных народов). Из отсутствия в титуле Археанактидов перечня народов следует, что они правили только греческим Боспором. По мнению В. Д. Блаватского [1985, с. 208], сообщение Диодора об их правлении «в Азии», указывает, вопреки распространенному мнению об их резиденции в Пантикапее, что правили они только азиатским Боспором³⁰. Это суждение

архаического и классического времени [Heine Nielsen, 2004]). По эпиграфическому материалу Патрей древнее Кеп — в нем найдено самое раннее на Боспоре посвящение Аполлону Иетру второй четверти VI в. [Емец, 1995, с. 28]. Характеристика Патрея (поселок Гаркуша) как поселения [Абрамов, 2010].

²⁸ О нем [Толстиков, 2013]. Культ Афродиты Апатуры Урании засвидетельствован в Пантикапее лишь со II в. до н. э. и связан с царями (КБН 31, 35, 75), поэтому сюда он, скорее всего, привнесен с Тамани. Аполлон Иетр на Боспоре тоже покровитель царской власти [Яйленко, 2013а, с. 285/6], но Геката-Артемиды — древнее хтоническое божество и она же фигурирует в качестве Афродиты Апатуры в фанагорийском мифе, в котором парой Апатура — Геракл заменена исходная пара Геката — Тифон греческой мифологемы, известной с VIII в. [Там же, с. 25–30]. По существу Геката-Артемиды пантикапейского святилища идентичны Афродите Апатуре таманских святилищ, что и дает основание думать о той же его объединительной роли.

²⁹ Почти все школьные упражнения Сев. Причерноморья происходят из городов, образцы с поселений хоры единичны [Яйленко, 1988а].

³⁰ κατὰ δὲ τὴν Ἀσίαν οἱ τοῦ Κιμμερίου Βοσπόρου βασιλεύσαντες, ὀνομασθέντες δὲ Ἀρχαινακτίδαι, ἥρξαν ἔτη δύο πρὸς τοῖς τετταράκοντα· διεδέξατο δὲ τὴν ἀρχὴν Σπάρτακος καὶ ἥρξεν ἔτη ἑπτὰ «в Азии те, кто царствовали над Киммерийским Боспором, называемые Археанактидами, правили сорок два года; власть же от них унаследовал Спарток и правил 7 лет». Утверждение Ю. Г. Виноградова [1983, с. 396], что термин βασιλεύσαντες принадлежит Диодору, несостоятельно, ибо приведенная цитата в точности соответствует характеру изложения материала в использованной Диодором истории прав-

резонно, но и сомнения в нем небезосновательны, ибо Диодор, хотя ему известна переправа через Киммерийский Боспор (IV, 28), в рассказе о войне между сыновьями Перисада I не дал понять читателю, что столица Пантикапей располагается на одной стороне царства, а Кепы и река Фат, у которой происходили сражения, — на другой. Статус Археанактидов βασιλεύσαντες тоже понимали по-разному: они были царями (Де Боз, П. Сабатье и др.), избранными магистратами-архонтами (А. Бек, В. В. Латышев и др.), тиранами [Блаватская, 1959, с. 17; Завойкин, 2011а и др.]³¹. На наш взгляд, они были царями, но особого свойства, царями-ойкистами древнеионийского типа: поскольку нет сомнения, что они унаследовали титул βασιλεύοντες от своего предка Археанакта, титул его, следовательно, включал в себя понятие βασιλεύς «царь» или βασιλεύων «царствующий». Но он был ойкистом, а фигура царя-ойкиста характерна для эпохи древнеионийской колонизации. Прежде чем осветить этот вопрос, заключим, что примерный титул Археанакта — βασιλεὺς ἀρχηγέτης «царь-предводитель» или βασιλεύων ἀρχηγέτης «царствующий предводитель». Этот титул представлен в ретре (договоре) ферян в связи с отправлением ок. 631 г. колонии в Кирену: Батт возглавил колонистов в качестве архажета и царя (ἀρχαγέταν καὶ βασιλῆα) [Яйленко, 1982, с. 75]³². Но сей титул еще древнее: цари-архажеты подразумеваются в составленной в VIII в. ретре, приписываемой Ликургу (*Plut. Lyc. 6, 2 = Aristot. fr. 536*): «установить герусию из 30 человек с архажетами»; у Тиртея (*fr. 3 Diehl*) ἀρχαγέται этой ретры названы царями — βασιλεῖς [Яйленко, 1990а, с. 111/2]³³. Равнозначный слову архажет по смыслу термин οἰκιστής — поздний, употреблялся с V в. (*Herod. IV, 159; IG I² 15*).

В Ионии предания о царях-архажетах приурочены ко времени основания тамошних городов в XI–VIII вв.³⁴ В рассказах античных авторов «первые базилеи Ионии

ления Евмела, написанной боспорским автором — это указание на число лет правления царей-Спартокидов и их последовательность (о чем см. ниже). Об Археанактидах [Ю. А. Виноградов, 2002]. Исправление Ф. В. Шеловым-Коведяевым [2013=2014] имени Ἀρχανακτίδαι у Диодора на некое исходное ἀρχαὶ ἀνακτίσται «власти-восстановители» было бы хоть как-то оправдано в случае, если бы текст Диодора порождал грамматическое или смысловое затруднение, поскольку же текст безупречен, исправление неоправдано.

³¹ Старая историография [Жебелев, с. 21–23], новая [Чурекова, 2014, с. 175/82]. В литературе последнего столетия сложилось бездоказательное мнение, «что Диодор модернизировал прошлое, назвав Археанактидов и первых Спартокидов царями» [Васильев, 1992, с. 121]. Эти исследователи не учитывали, что Диодор, как отмечено выше, давал выписки из своего боспорского источника, а не сочинял за него историю Спартокидов. Так что констатируем: кроме первой точки зрения, все остальное фантазии, ибо единственное, что мы знаем об Археанактидах, — они βασιλεύσαντες «царствовавшие» над страной (Βοσπόρου), только из этого и надо исходить, так что они цари. Поэтому фиктивна и гипотеза об Археанактидах как тиранах. Как всегда, курьезный И. Е. Суриков [2007, 2014], рассуждал даже, что Археанактиды-де подобны старшей тирании в Греции, а Спартокиды — младшей, но в 2014 г. отрекся от этого открытия и постановил, что правление Спартокидов — олигархия, да не простая, а крайняя. Сторонница гипотезы о тирании Археанактидов и Спартокидов Н. Б. Чурекова не без сарказма отметила по этому поводу: «Не будем специально останавливаться на аргументах И. Е. Сурикова, отметим лишь, что они вполне убедительны, впрочем, настолько же, насколько были убедительны его же собственные аргументы в пользу тирании Археанактидов в предыдущих работах» [Чурекова, 2014, с. 181, примеч. 31].

³² По происхождению ретра — устный договор (родственно русскому «врать»).

³³ Да и Аристотель (тут же у Плутарха, 6, 3) разъясняет, что архажеты ретры — это цари, а герусией у спартанцев называлось буле.

³⁴ Легендарная традиция относит эти основания к XII–XI вв., по археологическим данным, колонизация островов Эгеиды и запада Малой Азии ионийцами началась во второй половине XI в. и шла по VIII в.

предстают героями-ойкистами, предводившими на новые места поселения племена ионийцев», при этом исключительна их роль как «ойкистов, организовавших и возглавивших мигрантов во время переселения, объединивших ионийские общины на новом месте» [Лаптева, 2009, с. 199]. Функции бацилея-ойкиста VIII в. в полной мере обрисованы в «Одиссее», авантюрной поэме, порожденной первыми колонизационными плаваниями (VI, 7–10): стесненных циклопами феаков «поднял и увел Навсифой боговидный в Схерию, далеко от людей промышляющих, там он город стеною обвел (ἀμφὶ δὲ τεῖχος ἔλασσε πόλει), построил жилища (ἐδείματο οἶκους), соорудил храмы богам, провел наделение земельными участками (ἐδάσσατ' ἀρούρας)»³⁵. О политическом строительстве не говорится, в VIII в. могла быть только монархия, и Навсифой был царем. Те же функции устроителя полиса выполняли архегеты, выводившие ионийцев из страдавшей стенохорией Ионии, начиная с VIII в. (Синопа, Трапезунт). Процесс освоения греками Ионии перетек без большого временного перерыва в ионийское колонизационное движение, направленное в Пропонтиду и Причерноморье, что обеспечило преемственность роли ойкиста, точнее, архегета. Однако в связи с падением монархий ойкист выбирался в VII–VI вв. уже не из царского рода, а аристократического. Но были и ойкисты-цари, например Батт, выведший ферян в Кирену, коринфские Бакхиады (о них [Яйленко, 1990а, с. 95–96]), которые возглавили вывод ряда колоний VIII–VII вв. В частности, в Сиракузах, основанных коринфянами во главе с Бакхиадом Архией, тоже поначалу установлена царская власть [Иб., с. 113/4]. По логике вещей, из царского рода должен происходить и Археанакт, судя по его титулу βασιλεύς или βασιλεύων. Древние ионийские цари-ойкисты, устроив колонию, далее выполняли функции жрецов, предводителей войска, судей [Лаптева, 2009, с. 199–205], стало быть, их выполнял и Археанакт. В VII–VI вв. власть царей была ограниченной, уже была выработана практика равенства колонистов, что нашло отражение в упомянутой ретре ферян: отплывающие во главе с Баттом «товарищи» (ἑταῖροι) по статусу свободные (ἐλεύθεροι), имеют «равные и одинаковые права»³⁶. Таков был статус не только тех переселенцев, что прибыли на Боспор во главе с Археанактом, но и остальных, поскольку только равенство в правах гарантировало их консолидацию, необходимую для выживания в чуждой земле.

Потомки царей-архегетов сохраняли за собой функции жрецов, предводителей войска, судей или одну из них, также царский титул. Например, по словам логографа Ферекида (у Страбона, XIV, 1, 3), еще в его время потомки основателя Эфеса царя Андрокла назывались царями, носили в знак этого пурпурные одеяния и жезл, а также были жрецами Деметры; из их числа был и философ Гераклит, отказавший-

³⁵ Эти функции царей отражены в мифологии Зевса-культуртрегера: согласно трагедии Эсхила «Прометей огненосец», Зевс примирился с ним, оставил вражду к людям, дал им αἰδώς «совесть» и δίκη «праведный суд» как регуляторы социальных отношений [Aeschylus, 1983, p. 282]. Еще раньше об этой функции Зевса говорил Гесиод: ἐκ Διόθεν θέμις ἦεν «от Зевса право становилось» (Scutum, 22). В связи со сказанным выше об Аполлоне Гиперборейском (с. 24) отметим, что в поэме Алкея (fr. 1) о нем в пересказе Гимерия говорилось: Зевс дал Аполлону колесницу и «отправил в Дельфы к Касталийскому ключу, чтобы он прорицал грекам праведный суд (δίκη) и справедливые законы (θέμις)». Роль ойкиста-устроителя полисов греческая мифология, в соответствии с реалиями архаической эпохи, приписала и Дионису: индийцы жили подобно скифам: городов не имели, богов не чтити, но явившийся к ним Дионис населил страну городами и дал законы городам (πολῆας τε οἰκίσαι καὶ νόμους θέσθαι τῇσι πόλεσιν), обучил их виноделию и хлебопашеству (Μεγασφεν, FGH 715, fr. 12 = Arr. Ind. 7).

³⁶ ἐπὶ ταῖ ἴσαι καὶ ταῖ ὁμοῖαι πλῆν «плыть на равных и одинаковых основаниях» [Яйленко, 1982, с. 75, 82].

ся от должности базилея-жреца в пользу брата (*Diog. Laert.* IX, 1, 6). По аналогии можно считать, что те же функции военачальников, судей и жрецов (видимо, культа Афродиты Апатуры Урании) выполняли Археанактиды³⁷. Это позволяет отчасти понять, почему род ойкиста одного из городов стал править с 480 г. по меньшей мере азиатским Боспором: внешняя угроза заставила тамошние аграрные койнонии объединить свои воинские силы, а отсутствие такой полисной функции, как урегулирование внутренних отношений (так было в Ольвии, см. с. 225, 235, 341), восполнялось единством обычного правосудия, необходимым для консолидации населения³⁸. На внешнюю угрозу указывает совпадение даты прихода Археанактидов к власти с пожарами конца первой четверти V в. на ряде поселений европейского Боспора [Зинько, 2013, с. 188/90], со второй четверти V в. стала сокращаться хора таманских городов³⁹. Функции Археанактидов как военачальников, жрецов и судей не ущемляли самостоятельности сельских койноний, поэтому их 42-летнее правление не отмечено в источниках какими-либо драматическими событиями⁴⁰.

Таким образом, испытывая нужду хоть в какой-то центральной власти в условиях внешней угрозы, боспорские греки восполнили отсутствие полисных институтов призванием на царствование потомков ойкиста одного из тамошних городов Археанакта. Видимо, в своей политике Археанактиды стимулировали центростремительные силы, с накоплением которых мирно передали власть Спартокидам — уже полноценным царям греко-варварского типа вроде тех, что правили во Фракии, Македонии и других областях.

Из всего изложенного проистекает вывод о преимущественно аграрном по своей сути характере колонизации Боспора и Нижнего Побужья. Традиции городского образа жизни большинства основателей Березани и Ольвии привели, по крайней мере на формальном уровне, к устройству полиса (напомним, в надписи ок. 512 г. Ольвия именуется полисом). Традиции же большинства колонистов Боспора, крестьянского происхождения по преимуществу, не предусматривали ни образования полисного политического организма, ни урбанизации освоенных областей. Поэтому

³⁷ По мысли А. Е. Терещенко [2013], Археанактиды как тираны возглавляли амфиктионию или симмахию боспорских городов, группировавшуюся вокруг культа Аполлона, что может явствовать из чекана ими монет с легендой АПОΛ. В таком случае речь может идти о древнейшем храме Пантикапея Аполлона Иетра и Артемиды-Гекаты, о чем см. выше, но объединяющим божеством для руральных койноний европейского Боспора, при варианте Терещенко, был Аполлон.

³⁸ Об обычном праве, на основе которого вершилось правосудие в гесиодовском полисе, и его политическом устройстве [Яйленко, 1990а, с. 39–40, 53–62].

³⁹ В. В. Латышев и др. считали основной причиной объединения городов Боспора скифскую угрозу, С. А. Жебелев, В. Ф. Гайдукевич предпочли объединяющие экономические процессы, по Д. П. Каллистову, главенствовали политические резоны, Т. В. Блаватская указала на социальную борьбу, В. А. Анохин, А. С. Русаева — на религиозно-идеологические факторы, см. историографию вопроса [Чурекова, 2004; Венцова, 2008]. А. А. Завойкин [2007; 2013а], считая Спартокидов тиранами, полагает, что они военным путем создали свое царство. В указанной работе [2013а] он дал справедливо критический обзор идей Д. В. Грибанова [2013] о федеративном устройстве царства Спартокидов, о мифическом «двойном гражданстве» боспорян — как подданных Спартокидов и как граждан своих полисов.

⁴⁰ И. Р. Пичикян [1984] предполагал на основании посвящения КБН 25, сделанного Левконом по отбытии жречества Аполлону Врачу, что отдельные члены Спартокидского дома исполняли должность потомственного жреца-базилея этого бога. Несмотря на справедливость критики А. Н. Васильева [1992, с. 119/20], рациональное зерно в догадке Пичикяна есть: отдельные Спартокиды занимали должность жреца Аполлона Иетра, но не наследственную, а годичную; в свете изложенного нами об Археанактидах как царях древнеионийского типа не исключено также наименование жрецов Спартокидского рода «царями».

возникновение городов здесь было обусловлено не социально-политическим и юридическим существом местного колонизационного процесса, а внешними факторами. Считается, что Нимфей, Мирмекий, Тиритака и ряд других центров к концу VI в. были поселениями городского типа [Бутягин, 2000; Зинько, 2001; 2013a], но это, полагаем, результат не столько предшествующего материального и социально-политического развития, сколько следствие внешней угрозы, из-за которой потребовались убежища для сельчан. Разовьем этот тезис.

Город в материальном плане представляет собой результат, во-первых, экономического и социально-политического развития какого-либо территориального сообщества. Так, вопреки критике А. А. Завойкина, справедлива мысль Ю. А. Виноградова о 70–80-летнем периоде накопления демографических и материальных ресурсов для того, чтобы город стал необходимостью для колонистов, прибывших ради аграрного освоения земли, — поначалу им вполне хватало сельского поселения. Во-вторых, город может возникнуть под воздействием внешних факторов, прежде всего сторонней угрозы. В Сицилии и Южной Италии колонисты сразу начинали строить города ввиду небезопасной ситуации: земли мало, окружение враждебно — не только туземное, но и близко подселяющиеся переселенцы из других городов метрополии (*ср.* злостные мегарские колонисты в Сицилии: *Thuc.* VI, 4). В Нижнем Побужье и на Тамани VI в. ситуация принципиально отлична от сицилийской — земли много, туземное население обитает преимущественно в глубоком хинтерланде [Кононов, Иванов, 2013]. Но в обеих областях вдруг происходит сокращение хоры, в Нижнем Побужье в первой трети V в., на Тамани во второй-третьей четвертях. Одинаковость процесса в обоих отдаленных друг от друга регионах и его одновременность указывают на одну и ту же причину — внешнюю угрозу, причем проявляется она с середины VI в., но особенно в конце VI и на исходе первой четверти V в.⁴¹ Население сельских поселков стекается в один центр, который начинает приобретать признаки города: возводятся оборонительные сооружения, возникают и общественные комплексы с более или менее регулярной планировкой. Особенно наглядно этот процесс проходил в Ольвии, такая картина характерна и для Боспора. Широкими по масштабам были военные действия в конце VI в., о чем свидетельствуют пожарища в Пантикапее, Мирмекии, Порфмии, Парфении, Тиритаке, Нимфее [Зинько, 2013, с. 184/8]. Этому соответствует наличие более или менее численных погребений конца VI–V вв. с оружием на Тамани [Паромов, Сударев, 2000; Завойкин, Сударев, 2006; Паромов, 2011, 2013], возведение оборонительных сооружений на ряде боспорских поселений второй половины VI в. [Вахтина, Виноградов, 2001; Вахтина, 2011; Столяренко, 2013]. События конца VI в. справедливо ставятся в связь с походом полководца Дария Ариарамна на Боспор против скифов⁴². Хотя строительство оборонительных стен само по себе не обязательный показатель полисного статуса, в нем можно усматривать начатки политической интеграции населения (*см.* дискуссию [Ducrey, 1995; Camp, 2000]).

Некоторые специалисты усматривают признаки урбанизации на ряде поселений со второй половины VI в. — выделение главной улицы, темена, обстройка оборонительными стенами. По точной мысли В. Н. Зинько [2013, с. 188], разрушения

⁴¹ [Зинько, 2013]. О времени существуют контroversии [Григорьев, 1998; Завойкин, 2005; 2010a, с. 212].

⁴² [Зинько, 2013, с. 191] (*см.* об этом походе ниже). А. А. Масленников [2001, с. 313] указал на приморское расположение скифов, с которыми воевал Ариарамн.

конца VI в. стали катализатором урбанизации Тиритаки, Парфения, Порфмия, Мирмекия, Пантикапея. Но урбанизация была маловыразительной и в V в., да и проходила она по-разному: так, в Пантикапее формировался городской центр, а оборонительных сооружений еще долго не строили. Причины различные, но главная та, что эти начатки урбанизации не были следствием развития названных центров как полисов, это больше результат воздействия внешних обстоятельств, приведших к завершению позднеархаического аграрного этапа истории Боспора и Нижнего Побужья во второй — третьей четвертях V в. Показательный пример — Ольвия, которая после сокращения хоры стала местом скопления сельского населения, после чего она начала приобретать в строительном отношении городские черты (выше, с. 240/1).

Если связь начатков урбанизации ряда боспорских центров со скифской угрозой очевидна, то нет убедительных оснований связывать с нею и политическое развитие Боспора. Мысль, что скифская угроза была катализатором объединения боспорских полисов давняя, еще до времен В. В. Латышева, который также разделял ее. Наиболее полное развитие она получила в статье Ю. Г. Виноградова «Историческое развитие полисов Северного Причерноморья в V в. до н. э.» [Виноградов, 1995; Pont. St. S. 100–132]. Вопреки названию, она уделена главным образом Боспорскому царству: рассмотрены отечественная историография возникновения царства, правление Археанактидов и первых Спартокидов, их титулатура, обоснованы гипотезы о скифском протекторате над греческими полисами Сев. Причерноморья и установлении тирании в них. Виноградов увязал процесс возникновения Боспорского царства с усилением скифской державы в результате победы над Дарием, после которой они безраздельно господствовали в Сев. Причерноморье, так что их отношения с греческими полисами приняли здесь форму политического протектората. На Боспоре, однако, счел он, местные полисы объединились в симполитию с целью противостоять скифской угрозе. В результате этих событий, по его мнению, в Ольвии и на Боспоре в первой половине V в. утвердились тирании; он подробно обосновал старое мнение о боспорских Археанактидах как тиранах. Что до скифской угрозы боспорским полисам как причине их политического объединения и захвата власти Археанактидами, то эту идею поддерживали с некоторыми вариациями В. П. Толстиков [1984, с. 24 *сл.*], Ф. В. Шелов-Коведяев [1985а, с. 63 *сл.*] и др., но подвергли основательной критике А. Н. Васильев [1992, с. 112/20], Е. А. Молев [1997, с. 27–33] и др. Ограничимся лишь справедливым, на наш взгляд, заключением Васильева [с. 115] о методике, идеях и аргументации Виноградова и его адептов: «Анализ рассматриваемых положений весьма затруднителен, поскольку большая их часть носит чисто гипотетический характер. На основании одного положения высказывается второе, затем третье — и в итоге образуется цепочка предположений, основанных друг на друге. В результате читателю предлагается картина боспорской истории, весьма далекая от той, о которой можно судить по имеющимся источникам». Со своей стороны отметим отсутствие примеров из классической эпохи, когда внешняя угроза приводила бы к добровольному отказу полисов от своего политического суверенитета ради объединения в монархическое государство. К примеру, сицилийские полисы неоднократно испытывали угрозу со стороны Карфагена, которая спланивала их во временные союзы, но вовсе не в единое государство.

Вернемся в VI в. Помимо того, что колонисты в основном занимались аграрным освоением территории, был и внешний фактор, не способствовавший в последней

четверти столетия ни материальному строительству городов, ни оформлению их в качестве суверенных полисов — протекторат Персидской империи над Боспором⁴³. Согласно данным V колонки Бехистунской надписи и рассказа Ктесия об этом, в 520 или 519 г. сатрап провинции Понт Ариарамн предпринял по велению Дария морской поход на боспорских скифов, который закончился пленением их царя Скунхи; Ариарамн поставил на его место свою креатуру, и «та страна стала его», Дария, т. е. Боспор вошел в орбиту Персидской державы [Яйленко, 2010, с. 10]. По контексту обоих источников создается впечатление, что суть этой акции состояла в реституции персидской власти над регионом, т. е. за некоторое время до этого скифский царь захватил Боспор. Персидское господство могло быть установлено при Кире (559–530) или Камбисе (530–522), т. е. в период первоначального освоения его греками. Понятно, что персы не желали политической консолидации местного эллинства, так как разрозненными общинами легче управлять⁴⁴. Нежелательным было и строительство боспорскими греками городов, которые стали бы их оплотом, в том числе против самих персов, чему есть красноречивая аналогия — рассказ Геродота (V, 11, 23–24) о строительстве Миркина во Фракии тираном Милета Гистиеем. Он сохранил мост через Дунай, что спасло бежавших из Скифии персов, за что выговорил у Дария разрешение построить для себя город. Строительство уже шло, когда сатрап Фракии Мегабаз убедил царя, что это несет угрозу их господству: Миркин может стать оплотом борьбы местного населения против персов. Дарий отозвал Гистиея к себе, а город персы разрушили [Rehm, 2010, p. 140/1].

Если говорить в целом о полисе как политической форме организации населения, то источники, прежде всего Платон («Государство», «Законы») и Аристотель («Политика», «Афинская полития»), указывают следующие его сущностные признаки⁴⁵. Народное собрание всех граждан как верховный институт (либо собрание сотни, 200, 500 и т. д. в олигархических полисах); полисное законодательство, регулирующее права и обязанности граждан; полисная администрация — готовящий важные вопросы Совет и осуществляющие текущую деятельность чиновники во главе с архонтом. Далее: урбанистический, он же политический центр; территория с фиксированными границами; контингент граждан — свободнорожденных взрослых мужчин, составляющий войско; налоги, бюджет, экономическая самодостаточность (включая собственную монету); автономия, автаркия, суверенная внешняя политика и пр.⁴⁶ Ныне западные исследователи придают важное значение ощущению идентичности свободного населения полиса на основе общих культов и пантеона, культурных традиций, празднеств, символов (например, «вечный» огонь в пританее),

⁴³ О нем [Fedoseev, 1997; Яйленко, 2010, с. 7–11; Яценко, 2011; Федосеев, 2014, с. 154 сл.; Цецхладзе, 2014, с. 213/20, *ср.* Brosius, 2010; Nieling, 2010]. Беспочвенна попытка Хр. Туплина усмотреть в рассказе Геродота о проходе войска Дария в глубинную Скифию фантастическое переоформление его похода в Нижнее Подунавье [Tuplin, 2010].

⁴⁴ Персам были известны формы политического устройства греков демократия и олигархия (*Herod.* III, 80–83), но их традиционный политический строй монархия.

⁴⁵ О данных Платона и Аристотеля [Murray, 1993; Ober, 1993; Hansen, 1994a; 1996; 1999], в том числе другие источники [Hansen, 2000; CSCP 8]. Изучение проблемы полиса получило мощный импульс в трудах Копенгагенского Polis Centre, возглавлявшегося М. Х. Хансеном, — ряде сборников статей [CPCA 1–6; CSCP 1–8; Polis and Politics, 2000; Comparative Study, 2000; 2002; The Inventory, 2004] и работах самого Хансена [Hansen, 1994; 1998; 2002; 2004; 2006].

⁴⁶ Три последних качества подвергаются сомнению: для полисного уровня достаточно самостоятельной внутренней юрисдикции в области права, суда, администрирования.

часто — общего происхождения из одной «прародины», от одного «первопредка» (обычно это легендарная генеалогия).

Всего 2–3 этих признака фигурируют в источниках времени первых Спартокидов, интерпретация их неоднозначна и, как покажем, не свидетельствует о полисном устройстве местных центров. Мы располагаем свидетельством «Истории» правления Евмела, написанной придворным боспорским историком в конце IV или начале III в. (в пересказе Диодора; о ней ниже), что в IV или даже V в. в Пантикапее существовала экклесия — народное собрание, и это некоторые специалисты сочли признаком его полисного статуса. Когда Евмел устроил в 309 г. резню родных и их окружения, в Пантикапее поднялось волнение и он вынужденно созвал народное собрание, на котором произнес оправдательную речь (*Diod. XX, 24*). Но ни созыв народных масс на экклесию (συλλαγαὼν εἰς ἐκκλησίαν τὰ πλήθη), ни восстановление «отеческого устройства» (τὴν πατρίον πολιτείαν ἀποκατέστησε) не свидетельствуют о возобновлении Евмелом полисного устройства Пантикапея, на что, казалось бы, указывает аорист ἀποκατέστησε «восстановил»: поскольку тут же разъясняется, что Евмел вернул пантикапейцам свободу от пошлин на ввозимые товары (ἀτέλειαν) и от чрезвычайных податей (τῶν εἰσφορῶν), под πατρίον πολιτείαν подразумевается не государственный строй Пантикапея при предках (= «отеческое устройство»), а «отеческие права» на пошлинный иммунитет⁴⁷. Тут мы имеем дело с квазиэкклесией: участники народного собрания обозначены не техническим термином полисного статуса πολῖται «граждане» или δῆμος «народ», а словом τὰ πλήθη «народная масса», население Пантикапея вообще, и речь шла не о гражданских свободах, а о пошлинном иммунитете пантикапейцев. Это имитация полисных установлений монархами-Спартокидами, а не полисные реалии прошлого⁴⁸. Таков и их титул ἄρχων: по природе это полисная должность [Латышев, 1997, т. 1, с. 67, 220 сл.], но царь был архонтом не полиса, а страны в целом — он ἄρχων Βοσπόρου⁴⁹. Показательно также, что экклесию созвал не Совет народного собрания, а царь, это тоже подчеркивает ее квазиполисную суть⁵⁰. Поэтому оба полисных инструмента — народное собрание и титул архонта у правящего Спартокида — не реальность, а популистское мероприятие Евмела, сыгравшего в якобы полисные традиции (как хитрая лиса Август, «скромно» утверждавший, что он всего лишь primus inter parum «первый среди равных»).

В числе признаков полисного статуса указывают также монетный чекан и этникон (демотикон) граждан⁵¹. На наш взгляд, выпуск монеты сам по себе

⁴⁷ Лит. о понимании приведенных греческих терминов [Завойкин, 2001а, с. 163].

⁴⁸ По Диодору (XX, 24), Евмел ἐβασίλευεν ἄρχων νόμιμος. П. И. Прозоров усмотрел в слове νόμιμος значение «в соответствии с законами» (есть и значение «по обычаю»). Его перевод: «царствовал, правя в соответствии с законами» (SC I, р. 477). Но Евмел — царь и правил, руководствуясь обычаями предков, а не полисными законами (νόμος — и обычай и закон).

⁴⁹ Титул «архонт Феодосии» у Левкона I (его титул в целом «архонт Боспора и Феодосии etc.») временный и появился в связи с присоединением им Феодосии к своему царству.

⁵⁰ Приведа аналогию с созывом экклесии Дионисием Младшим, А. А. Завойкин [2001, с. 164] пишет: «Евмел созывает народное собрание граждан, чтобы санкционировать узурпированную им власть в государстве». Однако оба узурпатора созвали собрание в разных условиях: Дионисий для подтверждения «законности» наследования им власти отца, Евмел же был в критической ситуации — столичное население могло смести его с трона. Излишне в цитате слово «граждане», его нет ни в «Истории» Евмела (τὰ πλήθη «толпа, народная масса» у Диодора), ни в каком-либо другом источнике о пантикапейцах. Подробности [Грибанов, 2011].

⁵¹ Ср. [Мельников, 2003]; Е. Я. Туровский [2012] увязал материальное становление города и начало монетной чеканки.

(подчеркнем: без указаний других источников) не служит показателем развития политических процессов, это скорее индикатор развития экономических, прежде всего торговых, отношений (ср. Martin, 1995; Кузнецов, 2001, с. 239)]. На это указывает ряд обстоятельств. Во-первых, регулярный выпуск монеты несколькими городами Боспора (Пантикапей, Фанагория, Нимфей, Феодосия) начался примерно в одно и то же время, во второй половине V в. У нас нет сведений об одинаково интенсивном их политическом развитии, зато по данным раскопок мы можем судить о более или менее равной мере их материального становления в качестве предурбанистических центров. Во-вторых, показателен выпуск монеты на азиатском Боспоре: по идее, ее должны чеканить равно все три апойкии — Фанагория, Гермонасса, Кепы, буде их политическое развитие одинаково. Однако из них выпускает монету одна Фанагория, а вместо ожидаемых Гермонассы и Кеп вдруг стали выпускать монету синды. Если увязывать чекан монеты с политическим развитием, получается, что синды обогнали в своем политическом движении греческие города Гермонассу и Кепы, но это маловероятно, ибо дорогая синдская монета явным образом призвана обслуживать лишь племенную или государственную верхушку (у синдов наследственная монархия) [Горончаровский, 2011; 2013]. Впрочем, по нашему мнению, монетная легенда $\Sigma\iota\nu\delta\omega\iota$ означает не этническое имя народа «синдов», как сочли Тохтасьев и др., но подобно всем ранним монетным легендам Боспора представляет собой этникон, обозначение жителей города $\Sigma\iota\nu\delta\alpha$ (*Ptol. Geogr.* V, 8, 8: $\Sigma\iota\nu\delta\alpha$ κώμη, ср. Киммерий, тоже бывший поначалу городом, потом деревней, — *Strabo*, XI, 2, 5; видимо, Синдой называлась предшественница Горгииппии или Семибратнее городище). В-третьих, не случайно первое эпиграфное серебро на Боспоре несет храмовую легенду Ἀπόλλ(ω)νος «Аполлона» или Ἀπολλ(ω)νίδ «монета храма Аполлона» (по характеру письма его дата — третья или последняя четверть V в.)⁵². Это может означать, что и предшествующая анепиграфная монета была храмовым чеканом. Нам известно активное участие храмов в экономической жизни ионийских полисов, но вклад их в политическое развитие городов существенно меньший. Итак, нет достаточных оснований усматривать за появлением городской монеты развитость полисных институтов. Соответственно не указывают на это и этникины на городской монете.

Судя по письму легенд, этникины пантикапейцев, фанагорийцев, феодосийцев, нимфейан появляются на монетах в последней четверти V в., но особенно в IV в.

⁵² Воспроизведения [Анохин, 1986, т. 1–2]. Классический монументальный стиль, представленный на монетах с легендами АПОΛ и ΠΑ, ΠΑΝΤ, сложился в афинских мастерских в середине — третьей четверти V в.: ср. из числа аттических датированных надписей архаичное письмо списка погибших 465 г. [Kirchner, 32] с классическим письмом следующих по времени датированных декретов 450, 440, 434 г. и далее до 390-х гг. [Ib. 33–46]; с 390–380-х гг. начинается легкая декоративизация букв [Ib. 48 сл.]. Поэтому фигурирующая в литературе датировка монет с АПОΛ первой половиной V в. (А. Н. Зограф, Д. Б. Шелов и др.) ошибочна; потому и в отношении начальных анепиграфных выпусков, которые В. А. Анохин [1986, с. 17] механически занес во вторую половину VI в., более обоснована позиция С. А. Коваленко [2005], ограничившего их V в. Обычное мнение о выпуске ранней анепиграфной монеты Пантикапем оспорил В. Л. Строкин [2010], по данным которого 80–85 % ее найдено на Тамани; по его убеждению, тут выпускалась и «аполлоническая» монета. Его суждения интересны, но станут фактом после опубликования статистических данных. Вряд ли стоит думать о первоначальном названии Фанагории или Гермонассы Аполлонией, проще вариант с выпуском этой монеты фанагорийским или (и?) гермонасским храмом Аполлона Иетра (ср. КБН 974, 1037).

Однако в других боспорских источниках V–IV вв. местные этникины не упоминаются⁵³. Показательно, что в эпитафии жителя Пантикапея V в. Тихона КБН 114 указан не его этникон «пантикапеец», но этнос — «тавр»⁵⁴. Аркадяне называли Левкона I (390–351) пантикапейцем (КБН 37), но он «архонт Боспора и Феодосии» (КБН 6 и др.), вовсе не Пантикапея, так что аркадяне называли царя пантикапейцем, а не боспорцем, лишь во избежание путаницы с Боспором Фракийским, никакого полисного наполнения за его этником нет, это всего лишь географический индикатор⁵⁵. Присутствие этниконов в позднем V в. только на монете подчеркивает их связь не с политическим развитием выпускавших ее городов в качестве полисов, а с их экономической деятельностью. Да это уже время правления Спартокидов, когда они в политических целях употребляли полисные термины для камуфляжа своего самодержавия (см. выше — у них титул квазиἄρχων, Евмел создал в критической ситуации квазиэκκλησία). Весьма показательна для нашей трактовки вопроса Ольвия: она полис, что засвидетельствовано оракулом 512 г., но лишь формально — народное собрание и Совет лишь раз фигурируют в 370–350-х гг. в финансовом декрете Каноба, адресованном инополитам, а регулярно декреты стали издаваться от имени народа и совета только с 270-х (выше, с. 343). С конца V в. и весь IV в. ольвийские декреты представляют собой только ателии и проксении, так что они обслуживают лишь сношения с иностранцами, приняты они от имени «ольвиополитов». Поскольку этот этникон фигурирует и на местной монете, то ясно, что сфера его употребления ограничена торговыми операциями, внутренними и внешними. Внутренняя жизнь полиса, его граждане и население в целом никак не освещаются декретами до III в., что указывает на крайне узкую сферу деятельности ольвийского полиса в прежнее время —

⁵³ Клеймо ΦΑ на кувшине второй четверти V в. из Патрея не обязательно этникон Φα[ναγορείτῶν], как счел А. П. Абрамов [2010, с. 12], приняв на этом основании кувшин за мерный сосуд, это может быть и клеймо фабриканта с сокращением его личного имени, как, например, на боспорской черепице. А. А. Завойкин [2010а, с. 204] привлек этникон Ἀχιλλήϊ[ω] (dat.) эпитафии V–IV вв. КБН 1059 из Гермонассы, однако он проблематичен, так как известна ионийская форма личного имени Ἀχιλλῆος [Hansen, 232], которое и было патронимиком покойного гермонасита: Πολέμ[αρχ]ος | ἔστησεν | Ἰσοκράτῃ | τῷ Ἀχιλλήϊ[ῳ] (ῶ или ου) «Полемарх поставил памятник Исократу, сыну Ахиллееву». Это тем более так, что в эпитафиях V–IV вв. *in toto* присутствует патронимик, вовсе не этникон покойного, который при вычитывании этникона остается без обязательного отчества, т. е. безродным, что допустимо лишь как исключение в локальной традиции (см. ниже эпитафию тегеата Пантия, с. 860). Также время эпитафии неопределенно: по Латышеву, V или IV в. (подлинник не сохранился; если надпись V — первой четверти IV в., окончание род. падежа патронимика ῶ, если остальной IV в., окончание ου).

⁵⁴ О сочетании греческого и варварского в его погребении [Блаватский, 1964, с. 51; Масленников, 2001, с. 303]. Это ослабляет позицию Д. Браунда [2004], сомневающегося в правильности прочтения Латышевым этнонима Тихона «тавр». По мысли А. Грейэма, отсутствие напутственных даров в могиле Тихона указывает, что он иностранец [SEG 44, 671].

⁵⁵ Показательно в этом плане, что у аттических ораторов и в надписях Аттики с IV в. упоминаются не пантикапейцы, а боспориты [IG II/III, p. 3, f. 2 (1940), 8427 *etc.*; Казакевич, 1961, с. 19; Скржинская, 1997, с. 118; 2005, с. 243; Яйленко, 2010, с. 107/10], то же в III в. в Дельфах, со II в. до н. э. в Египте, на Родосе [Fouilles de Délyphes. T. III, pt. 3/2, 207; Morelli, 1956, p. 150; Foraboschi, 1971, p. 333]; пантикапейцы упомянуты дважды в III в. — на Хиосе и Делосе [IG XI, pt. 4, 609; Vanseveren, 1937, p. 325; Cojocaru, 2014a, S. 54–55, 82], что в свете абсолютного преобладания общего обозначения «боспорцы» является исключением из правила и представляет собой точную «прописку».

только в экономической сфере, да и то в рамках сношений с инополитами. Поэтому можно заключить, что этникон ольвиополитов на местной монете V–IV вв. является прежде всего географическим индикатором, обозначая жителей нижне-бужской Ольвии, никак не будучи показателем степени политической развитости тамошнего полиса.

Еще раз отметим, что на Боспоре этникины фигурируют только на монетах, начиная с последней четверти V в., что само по себе в свете сказанного об ольвийском этниконе на монетах и в проксециях указывает на их географическое содержание. Показательно в этом отношении и то, что в боспорских надписях IV–III вв. только раз упомянут этникон жителя тамошнего города — Κηπίτης, да и то лишь потому, что он скончался в Пантикапее. Употребление его этникона понимается по-разному (КБН 188, коммент.), но в свете приведенных данных об узусе этникона в Ольвии можно заключить, что этот кепит первой половины IV в. был торговцем и его этникон отражает не полисный статус Кеп, а его «прописку», место постоянного жительства. Показательна в этом отношении эпитафия КБН 199, в которой упомянут этникон кремнита, жителя города Кремны на северном побережье Азовского моря⁵⁶. По графеме $\bar{o} = ou$ и письму она датируется первой третью IV в., ее язык чисто ионийский, так что Кремны основаны ионийцами с Боспора или из Ионии. Но сам по себе этникон «кремнит» не основание считать Кремны самостоятельным полисом, как и в случае с эпитафией кепита, он скорее обозначает «прописку» покойного.

Отсутствие во вненумизматической документации по IV в. этниконов однозначно указывает, что жители боспорских городов поголовно были подданными спартокидских царей, а не гражданами местных полисов.

Резюмируем: ни выпуск монеты с V в. в Ольвии и на Боспоре, ни этникины на них не могут сами по себе, без свидетельств других источников, служить показателем полисного статуса, это в основном результат экономического развития. На наш взгляд, полисы со своими основными институтами — народным собранием, советом, управляющими повседневной жизнью выборными магистратурами и пр. — появились на Боспоре лишь в правление Митридата Евпатора, девизом которого было освобождение греков от римского господства. Его политика по усилению роли греческих городов Малой Азии и Причерноморья была действенным средством борьбы с Римом. Статус полиса получила Фанагория, как следует из декрета ее буле и демоса от 88 г. [Виноградов, 1991, с. 16]. Воздвижение в Нимфее почетной надписи в честь Митридата мы связали с восстановлением им независимости Нимфея как полиса, ибо не случайно единственный раз засвидетельствованный этникон Νυμφαίτης (помимо Стефана Византийского) фигурирует именно в надписи времени включения Боспора в державу Митридата (Syll.³ 1126, около 100a). В почетных надписях непременно именуется лицо или коллектив, от имени которых они сделаны, в связи с чем мы дополнили в лакуне стк. 4

⁵⁶ Кремны известны Геродоту (IV, 20, 110), есть и проксеция IV в. кромниту. Локализация определяется значением топонима — «Кручи». Северный берег Азовского моря высок и обрывист между Мариуполем и Бердянском, западнее Бердянска и восточнее Мариуполя он плоский и низкий. Поэтому из предлагавшихся локализаций [Народы нашей страны, 1982, с. 242–243] возможны лишь те, что ориентированы на Бердянск и Мариуполь (предпочтителен Бердянск). Но раннего античного материала тут нет (есть ранний скифский), возможно, по причине трансгрессии Кремны ушли на дно моря.

этникон нимфейцев Ν[υμφαίται?]⁵⁷. Судя по функционировавшему в Пантикапее со II в. до н. э. пританею, полисный статус получил тогда и он. Может быть, Митридат дал его всем крупным городам Боспора, но данные его времени есть лишь по трем названным. Число полисов с более или менее полноправной юрисдикцией во внутренних делах увеличилось с вхождением Боспора в орбиту Римской империи во второй половине I в. до н. э. По существу римляне продолжали на греческом Востоке политику Митридата, но в своих целях — они хотели превратить их в противовес тамошним царям. Предоставление автономии греческим городам — характерная черта политики Августа на греческом Востоке [Машкин, с. 503/4]. Ту же цель преследовало наделение полисными прерогативами Гермонассы-Кесареи, Горгиппии, Танаиса — как противовеса центральной царской власти Боспора. Однако лояльные к ним правления местных царей, начиная с Динамии, показали римлянам ненужность реальной независимости боспорских полисов от местной царской власти. В результате боспорские цари выхолостили из названных городов существо полисного статуса — независимость во внутренних и внешних делах⁵⁸. Судя по всему, как полисы они обладали юрисдикцией лишь муниципального уровня⁵⁹. Вследствие неразвитости политических инструментов, прежде всего права, полисный статус названных городов был больше формальным. Основные полисные институты — народное собрание, совет, архонтат — функционировали в зачаточном виде, нет никаких следов выработки гражданского законодательства.

Подведем итоги: в первой половине — середине VI в. на Тамань прибыли 4 партии ионийских колонистов, которые образовали 4 больших сельскохозяй-

⁵⁷ [Β]ασιλέα vac. βασιλέ[ων μέγαν Μιθραδάτην Εὐπά]τορα Διόνυσον, τὸν ἐ[αὐτῶν (?) σωτή]ρα καὶ εὐ[ε]ργέτην, κρατήσαν[τα] е. g. Σκυθῶν διὰ μεγάλων π[η]ραγμ(ά)των καὶ ὑπ[ο]τάξαντα Ταύρους, Νυμφαίται (?) «великого царя царей Митридата Евпатора Диониса (его статуя), своего спасителя и благодетеля, е. g. победившего скифов чрез великие деяния и покорившего тауров (?), (поставили) нимфейцы (?)» [Яйленко, 2010, с. 201/2].

⁵⁸ Как показал рескрипт Аспурга от 16 г. н. э. наместникам Горгиппии, в кризисный для него период ее поддержка была для него существенной [Блаватская, 1965]. Следовательно, этот город получил полисный статус ранее (на развитие институтов требуется время), возможно, до переименований 12 г. н. э. (о них [Яйленко, 2010, с. 281/3], ср. [Завойкин, 2002]).

⁵⁹ Подробнее об автономных боспорских городах римского времени [Завойкина, 2009б; 2013, с. 158/79; Яйленко, 2010, с. 281/95; Федосеев, 2013]. Эпитафия гермонасита из Пантикапея КБН 495 I в. н. э. представляет собой яркую иллюстрацию к нашему тезису об этниконах кепита и кромнита как указаниях лишь на их «прописку»: если бы этникон гермонасита имел полисное наполнение, покойный был бы назван кесарейцем — по официальному наименованию полиса, однако он назван по-бытовому традиционным этниконом гермонасит. Несмотря на элементы полисного строя в Пантикапее римского времени [Яйленко, 2010, с. 288], постановка почетной надписи в честь Савромата I КБН 1048 в гермонасском храме Цезаря (Августа) неким сыном Диофанта, который назвал себя пантикапейцем, обусловлена его придворным статусом: он поставил статую своего господина как царедворец, а не как гражданин пантикапейского полиса, т. е. и в этом случае этниконом обозначена «прописка» посвяителя. Интересны в этом отношении эпитафии боспорцев из Рима: «Гедик, сын Евода, посол фанагорийцев, что на Боспоре. Аспург, сын Биомаса, переводчик сармат, боспорец», также «Макария, дочь Фанна, боспорянка, прощай» [Moretti, 1972, № 567, 763]. Аспург и Макария обозначены этниконом Βοσποριανός (-νή), а Гедик назван по должности — «посол фанагорийцев, что на Боспоре», где упоминание Боспора сделало ненужным повторение его этникона «боспорец». Не по именам городов, а общим обозначением «боспорцы» названы резиденты и переселенцы с Боспора в Египте, на Родосе и других центрах Греции. Это означает, что они подданные Боспорского царства, а не граждане боспорских городов.

ственных кластера — фанагорийский, гермонаско-корокондамский, кепско-патрейский, старотитаровский. К концу столетия фанагорийский и старотитаровский кластеры слились в один, их стало 3. Таким же было число общих для населения каждого кластера святилищ Афродиты Урании Апатуры, вокруг которых оно группировалось — в Фанагории, Кепах, на Цукурском лимане. Колонизация Тамани была исключительно аграрной — колонисты осваивали землю и потому рассеялись по сельским поселкам. Политическое устройство этих аграрных кластеров (койноний) было архаичным, гесиодовского типа, т. е. восходило к традициям еще VIII в. Его основу составлял автаркичный ойкос с личным трудом крестьянина в нем, ойкосы группировались в сельские общины. Такой экономический уклад не нуждался ни в полисной организации населения, ни в городе, ему достаточно сакрального центра — святилища общего божества. В метрополии такой уклад пребывал всегда, в классическое время так жило население Средней Греции (Фессалия, Фокида, Восточная Локрида) и Пелопоннеса (Ахайя, Аркадия), так жила почти вся Северо-Западная Греция. На европейском Боспоре картина колониционной эпохи несколько иная. Из сообщения Псевдо-Скимна об основании Пантикапея и Феодосии милетянами можно заключить, что было как минимум две партии колонистов. Здесь колонизация тоже носила аграрный характер, но наряду с устройством сельских поселков с середины VI в. строились и так наз. малые города — Мирмекий, Парфений, Тиритака, Порфмий, Нимфей с начатками градостроительных элементов и оборонительными сооружениями. Строительство городов было обусловлено не внутренним экономическим и политическим развитием общества, а внешней причиной — скифской угрозой. На Тамани городов до начала V в. не было. Препятствовало ему и персидское господство до 512 г. на Боспоре. Внешняя угроза стимулировала с начала V в. также объединение руральных койноний (азиатского?) Боспора в военно-политический союз под властью Археанактидов. С приходом к власти Спартокидов завершилась архаическая эпоха истории Боспора. Выстроенная ими монархия также не нуждалась в полисной организации населения, ибо сконцентрированное в несколько крупных полисов, свободное и обладающее гражданским самосознанием, оно несло угрозу царской власти (так, сицилийские тираны V в. нередко прибегали к депортации населения полисов, представлявших для них угрозу, *см.* подробности [Высокий, 2002]). Спартокиды выработали оригинальное политическое устройство, соединившее греческое и варварское население Боспора. Как цари они обладали властью над подданными варварского происхождения и сопредельными союзными варварскими племенами. Греческое население по причине отсутствия полисов не имело гражданства, в политическом отношении оно составляло единый массив греков Боспора в целом, их правителем был спартокидский царь с титулом ἄρχων Βοσπόρου. Как и туземное население, греки были не гражданами, а подданными Спартокидов. Лишь при Митридате Евпаторе статус полиса получила Фанагория, Нимфею и, вероятно, Феодосии этот статус возвращен. Политику Митридата продолжили Август и его ближайшие преемники — также Пантикапей, Гермонасса, Горгиппия стали полисами. Римляне стимулировали превращение крупных боспорских городов в полисы для того, чтобы они были противовесом местной царской власти. Однако вполне проримская политика Динамии, Аспурга, Котиса I видоизменила этот процесс — полисная юрисдикция распространялась лишь на сферу муниципального самоуправления.

1.2. Спартокиды IV в.⁶⁰

Обратимся теперь к политической истории Боспора IV в. Она скудно освещена случайными известиями, литературными и эпиграфическими. Лишь отрывочные данные Диодора проливают некоторый свет на династическую историю царства в IV в., довольно неясную и в III–II вв. Переход власти от Археанактидов к Спартокидам ок. 438 г. прошел гладко и легитимно: по словам Диодора (контекст см. выше), διεδέξατο δὲ τὴν ἀρχὴν Σπάρτακος «власть же от них унаследовал Спарток». В выражении διαδέχεσθαι τὴν ἀρχήν глагол с вин. падежом имеет только значение «унаследовать что-либо от кого-либо» (LSJ, s. v. διαδέχομαι, I), так что никакой конфронтации, вопреки расхожему мнению, между родами не было. И другое расхожее мнение — что Спартокиды были тиранами — ошибочно, поскольку правили они долго, более трех столетий, тирании же, как справедливо напомнила Т. В. Блаватская [1959, с. 23], наблюдение глубокого исследователя раннегреческой тирании П. Оливы, по времени кратки⁶¹. Уникальность политической истории Боспора в первое столетие правления Спартокидов заключается в том, что они самостоятельно выработали такую форму монархии, которая, с одной стороны, была подобна царской власти у скифов (Спартокиды по происхождению царские скифы, см. следующую главу), с другой стороны, органично включила в себя греческие полисы, жизнедеятельность которых строилась на республиканских принципах. Это разумное биполярное устройство нашло отражение в титуле правящего Спартокида «архонт *греческого* Боспора», «царствующий» над туземными племенами. Лишь начиная с Евмела, Спартокиды стали царями эллинистического типа.

Выясним сначала хронологию Спартокидов IV в.⁶² Диодор (XVI, 31; 52; XX, 22) синхронизировал смерть Левкона I с правлением афинского архонта 354 г. Диотима и отметил, что тому наследовал сын Спарток, царствовавший 5 лет. Смерть последнего синхронизирована с правлением архонта 349 г. Каллимаха и отмечено, что власть унаследовал брат его, Перисад, царствовавший 38 лет и умерший при архонте 310 г. Гиеромнемоне. Из этих показаний следует, что правление Левкона закончилось в 354 г., Спарток III правил 5 лет с 353 по 349 г., Перисад I властвовал 38 лет (с 348 по 310 г.). Но афинский декрет, принятый при архонте 347 г. Фемистокле (Syll³. 206 = Граков, 3) и чествующий Спартока III и Перисада I, показал, что первый царствовал по меньшей мере до 347, а не 349 г., как писал Диодор. А. Шэфер объяснил это противоречие тем, что Диодор не знал о совместном пятилетнем правлении Спартока и Перисада, вследствие чего счел 5 лет правления первого отдельно от 38-летнего правления второго. По его расчетам, Левкон I умер в 347 г. и с этого года началось совместное правление Спартока и Перисада, длившееся до 343 г., когда Спарток умер⁶³.

⁶⁰ Нижеследующие § 2–3 опубликованы [Яйленко, 1990, с. 283–307], здесь переработаны.

⁶¹ Адептов тиранического характера власти Спартокидов много, один из них А. А. Завойкин [2007; 2013б, с. 101] констатировал даже «окончательно утвердившиеся в последние десятилетия представления о тиранической природе власти боспорских правителей».

⁶² См. об этом также [Завойкин, 1999; Мельников, 2009].

⁶³ [Schaefer, 1878, S. 424 f.]. Его поддержали [Латышев, 1909, с. 79–80; Ростовцев, 1925, с. 123] (с дальнейшей лит.). Принял и Р. Вернер, отнеся соправление Спартока и Перисада к 349–344 гг. [Werner, 1955, S. 418, 430].

На наш взгляд, предположение о совмещении 5-летнего правления Спартока с 38 годами единоличного правления Перисада не соответствует характеру боспорского источника, которым пользовался Диодор⁶⁴. В нем могли присутствовать только указания на число лет правления отдельных Спартокидов, а относительных синхронизированных дат не было, так как на Боспоре до I в. до н. э. не было своей эры, и вообще принцип синхронизации исторических событий в разных регионах еще только вырабатывался в III в. у историков *Universalgeschichte*⁶⁵. Локальные греческие хроники дают летоисчисление по правлениям магистратов и жрецов в полисах, а в монархиях по последовательности царей с указанием числа лет их правления (например, в использованной Геродотом (IV, 159 *etc.*) киренской хронике). Об этом говорят извлеченные из боспорского источника указания Диодора в кн. XII–XX о последовательности правления боспорских царей и числе лет их царствования, начиная с основателя династии Спартока I и до Спартока IV, в качестве известий о боспорских делах. Так что в источнике Диодора периоды нахождения у власти Спартока III и Перисада I были даны раздельно: 5 лет правил первый и 38 второй, что и передал Диодор. Поэтому, вопреки Шэферу, годы правления Спартока не могут быть включены в годы царствования Перисада.

Чем обусловлено несовпадение дат смерти Спартока в показаниях Диодора и афинского декрета 347 г., разъясняют методы хронологизации, принятые автором «Библиотеки». Основные его источники по хронологии — «Всеобщая история» Эфора и «Хроника» Аполлодора [Christ, S. 535, 537]. Фрагменты этих сочинений не содержат эксцерптов из того боспорского источника, которым пользовался Диодор, и нет никаких оснований предполагать это. Следовательно, синхронизацию правлений боспорских царей с афинскими архонтами, годами олимпийского цикла и римскими консулами Диодор произвел сам. Известно, что он часто распределял события по этим хронологическим реперам неточно, так и в нашем случае. Полагаем, сопоставление относительных дат с числом лет правления упоминаемых Спартокидов показывает, что он помещал начало царствования каждого царя не на год смерти предшественника, а на следующий. Здесь и кроется причина его ошибочных дат вплоть до Евмела. Так, годом смерти Левкона I указана Ol. 106, 3 = 354 г., а Спартока III — Ol. 107, 4 = 349 г. Спарток царствовал 5 лет, и если он правил с 354 г., то умер бы в 350, а не 349 г., как счел Диодор. То же и с Перисадом I: он умер в 310 г. и правил 38 лет, но не с 349 или 348 г., а с 347. Но хронология Евмела точна: по Диодору (XX, 100), он скончался в архонтство Ферекла (304 г.) на 6 году правления (ранее сицилиец уточнил, что он правил 5 лет и 5 месяцев). Прибавив 5 с половиной лет к 304 г., мы получим 309 г., добавив к которому 9 месяцев царствования Сатира II и месяц-другой Притана

⁶⁴ Об использовании Диодором именно боспорского источника [Ростовцев, 1925, с. 125; Блаватский, 1985, с. 203 *сл.*; Скржинская, 2001, 2014]. М. В. Скржинская думала о трех боспорских источниках Диодора, А. А. Завойкин о двух; возможно, это так, но для моих целей достаточно представления и об одном источнике. Более полное рассмотрение вопроса о Диодоре и его данных [Завойкин, 2013, с. 508 *сл.*] (эта его превосходная монография реально стала распространяться в мае 2014 г., уже после сдачи моей книги в издательство, так что я мог использовать ее лишь отрывочно в дополнениях).

⁶⁵ Поэтому ошибочно мнение М. В. Скржинской [2001, с. 44] и О. Н. Мельникова [2009], что боспорский историк синхронизировал события своей истории с афинскими архонтами, тем более, что эта синхронизация свойственна всему труду Диодора, который привлекал для датировки событий также счет по олимпиадам и от основания Рима.

(в целом около года), обнаружим указанную Диодором дату Ol. 117, 3 = 310 г. как время смерти Перисада I.

Сказанное позволяет сделать некоторые наблюдения над работой Диодора с боспорской хронологией. Во-первых, использованный им боспорский источник содержал упоминания о каких-то известных лицах или событиях, происходивших вне царства, что позволило Диодору точно синхронизировать с ними правление Евмела и год смерти Перисада I⁶⁶. Во-вторых, как справедливо заметил М. И. Ростовцев [1925, с. 123/4], Диодор исчислял даты правления боспорских царей как бы назад от себя, в глубь времени, от определенной даты, а именно от правильно установленного им года смерти Перисада I и начала правления Сатира II, — года, с которого и начиналось изложение боспорским источником непосредственной истории Евмела⁶⁷. Ошибочное исчисление назад от этой даты года смерти Спартока III и воцарения Перисада I обусловлено выявленным выше способом вычисления относительных дат Диодором. Располагая числом лет правления того или иного Спартокида и отталкиваясь от базисной даты — 310 г., Диодор и построил свою хронологию боспорских царей (к примеру: Перисад I правил 38 лет, т. е., сосчитал Диодор, с 310 по 338 г., а царствовавший 5 лет Спарток с 359 по 353 г.). Поскольку же правление нового царя следовало непосредственно за смертью его предшественника (пример: Притан заступил на царствование сразу вслед за кончиной Сатира II), калькуляция хронологии Спартокидов должна быть более короткой по сравнению с датами Диодора: закончившееся в 310 г. правление Перисада началось в 347 г., когда умер не Левкон I, как ошибочно заключил Шэфер, а Спарток III, царствовавший 5 лет с 351 г., года смерти Левкона I. Способ исчисления дат Диодором не мог повлечь за собой совмещение им 5-летнего царствования Спартока III с 38-летним правлением Перисада I. Следовательно, афинский декрет 347 г. в честь Спартока и Перисада издан в год смерти первого. Третий же сын Левкона, Аполлоний, может быть, потому и добавлен к числу чествуемых декретом боспорских владык, что в Афины пришло известие о смерти Спартока и воцарении Перисада, который, вероятно, сделал своим соправителем младшего брата Аполлония⁶⁸.

⁶⁶ Вопреки распространенному мнению, что этот источник был действительно боспорской хроникой, подробный рассказ Диодора о Евмеле и указание только числа лет правления других царей определенно свидетельствуют, что хроника повествовала именно об этом царе и предвлялась краткой справкой о его предках-царях и сыне Спартоке, с указанием числа лет правления каждого. См. о связи этого боспорского источника с Евмелом [Блаватский, 1985, с. 204 сл.]. М. В. Скржинская [2014, с. 366] различает в рассказе Диодора о Евмеле три боспорских источника, что заманчиво, но недостаточно аргументировано.

⁶⁷ Ростовцев полагал, что Диодор исчислял свои даты от правления Перисада I. На наш взгляд, это справедливо отчасти: боспорский источник Диодора, как сказано, посвящен царствованию Евмела, но содержал также данные, позволившие Диодору установить точный год смерти Перисада I. Если бы этот источник был обращен к истории Перисада, Диодор не ошибся бы в исчислении года начала его правления.

⁶⁸ Продолжим калькуляцию при помощи числа лет правления царей, указанных Диодором (XII, 3; 36; XIV, 93): основатель династии Спарток правил 7 лет, ему наследовал Селевк, царствовавший 4 года (или 14 либо 40 лет — в рукописях разночтения); следующим царем назван Сатир, сын Спартока, но данных об этом Спартоке у Диодора нет, и его считают третьим Спартокидом, правившим после Селевка и перед Сатиром I; последний царствовал 14 лет, и ему наследовал Левкон, правивший 40 лет. Итак, на основании этих данных получаем следующую хронологию: Левкон I правил в 351 (+ 40) — 390 гг., Сатир I в 390 (+14) — 403 гг. Далее приходится прерывать обратный счет, ибо число лет правления Спартока II неизвестно, однако есть начальная дата Спартока I — 438 г., а находился он у власти 7 лет,

В конце жизни у Левкона I был титул «архонт Боспора и Феодосии, царствующий над синдами, торетами, дандариями и псессами»⁶⁹. По нашему мнению, в титулатуре Спартокидов перечисляются не столько завоеванные народы, сколько заключившие с царями Боспора союзные договоры [Яйленко, 2010, с. 27–30]. В качестве их сюзеренов Спартокиды имели титул βασιλεύων «царствующий», более высокий сравнительно с титулом βασιλεύς, которым обозначались подвластные им племенные цари Боспора. Сын Евмела Спарток IV в противоположность своим предкам имел титул βασιλεύων без перечня подвластных народов, чему соответствует обозначение его просто «царем» (βασιλεύς) в аттическом декрете 284 г., и такое понижение его титула определенно отражает утрату им верховной власти над племенным миром Боспора в условиях наступившего в его правление кризиса боспорско-скифских отношений.

Упомянутый титул Левкона I перешел в 351 г. к его преемнику Спартоку III, правление которого боспорскими надписями не документировано. Ввиду краткости его царствования можно думать о переходе этого титула и к Перисаду I. По-видимому, Перисад поначалу был его соправителем на азиатском Боспоре: на связь Перисада с этим регионом указывает ряд обстоятельств. Ближайшие его родные упоминаются в памятниках именно этой части царства. В Гермонассе еще при Левконе проживала дочь Перисада Акия (КБН 1037, 1041), с азиатского Боспора происходила его жена Комосария, дочь Горгиппа, с именем которого, безусловно, связано название города Горгиппии в Синдике; единственная известная нам надпись Комосарии (КБН 1015) происходит с берега Ахтанизовского лимана⁷⁰. Характерно, что из числа посвяtitельных надписей, датированных правлением Перисада, 8 найдены на Тамани и только 3 в Пантикапее, причем одна из этих трех сделана Федином, род которого происходил из Гермонассы [Яйленко, 2010, с. 45]⁷¹. Это объяснимо тем, что при Левконе азиатским Боспором владел его брат Горгипп, а Перисад как средний сын и соправитель отца (вспомним формулу Λεύκων καὶ οἱ παῖδες мителенской копии [Граков, 32]) занял этот пост после смерти Горгиппа, к малоизвестной личности которого мы обратимся далее.

Дошедшие до нас данные связывают Горгиппа с азиатским Боспором, прежде всего отмечается связь названия города Горгиппии с его именем. Согласно Полиену (Strateg. VIII, 55), Горгипп сын Сатира и после его кончины из-за истории с Тиргатао унаследовал власть (τὴν ἀρχὴν διαδεξάμενος). Поскольку традиция сохранила и другое предание о смерти Сатира — во время осады Феодосии⁷², А. Бек и за ним

т. е. до 432 г. Затем правил Селевк 4 года или 14 лет, т. е. до 429 или 419 г. Соответственно Спарток II был царем с 429 (419 г.) до 403 г. (перечень правлений боспорских царей см. в конце главы).

⁶⁹ КБН 6, 1037, 1038. Что это титул конца правления Левкона, следует из посвящения КБН 1037, упоминающего его замужнюю внучку Акию. Издавший этот вотив Ю. Ю. Марти [1934, с. 58] резонно отождествил ее с соименной дочерью Перисада I надписи КБН 1041. Вполне вероятно, что тою же носительницей малоазийского имени, более на Боспоре не представленного, сделана владельческая надпись Ἀκίς на дне чл. закрытого сосуда, хранящегося в Керчи (КМГ 305; рис. 129а).

⁷⁰ Добавим и ее вотив из Нимфея [Тохтасьев, 1999а, с. 90].

⁷¹ Мнение, что Перисад сначала правил Феодосией и азиатским Боспором, а Спарток Пантикапеем и его округой, высказал столетие назад Шэфер [Schaefer, 1883, S. 511], но вывел его только из своего чтения надписи КБН 9 и ничем дополнительно не аргументировал, почему встретил мало сочувствия. Ранее и мы считали так, но отказались от своего восстановления надписи в пользу реконструкции Н. С. Беловой [Яйленко, 2010, с. 43–45].

⁷² [Schol. Rav. in Dem. XX = SC I, p. 370; Harpocr. Lex. s. n. Θεοδοσίαν = SC I, p. 589].

другие исследователи сочли, что у Полиена подразумевается какой-то другой Сатир, а не соименный боспорский царь, которому наследовал его сын Левкон I. Однако В. В. Латышев [1909, с. 75–76] с полным основанием указал, что о смерти известных правителей традиция сохраняла разные предания⁷³, так что сообщение Полиена о Горгиппе как сыне и наследнике Сатира I вполне реально: Левкон стал царем европейского Боспора, а Горгипп унаследовал от Сатира власть над азиатской его частью; это, собственно, и явствует из рассказа Полиена, что Горгипп имел сношения с меотянкой Тиргатао и в конце концов убедил ее подарками и просьбами прекратить опустошение страны, под каковой может подразумеваться только азиатский Боспор⁷⁴. Добавим к сказанному и то обстоятельство, что в посвятителной надписи Демарха, сына Скифа, Левкон именуется только архонтом Боспора и Феодосии (КБН 1111); если бы он был правителем также азиатской части Боспора, то в найденной здесь (на Цукурском лимане) надписи Демарха его титулатура обязательно включала бы указание на царствование над местными народами, что представлено в посвятителных надписях времени Левкона, происходящих из соседних местностей — Ахтанизовки и Гермонассы (КБН 1014, 1037, 1038). Жебелев [1953, с. 171 сл.] объяснял отсутствие этого перечня тем, что царь еще не начал их подчинение, но это маловероятно, ибо, во-первых, Боспор при Сатире I вряд ли мог быть крупным экспортером зерна в Грецию без обладания Синдикой, так что наличие их этнонима в титуле Левкона в таком случае было бы непременно; во-вторых, объяснение Жебелева предполагает недостоверность данных Полиена о Горгиппе как владыке азиатского Боспора, для чего, как мы видели, оснований нет. Как отметил М. И. Артамонов [1949, с. 36], азиатские народы потому не упоминаются в титулатуре Левкона указанной надписи, что той частью царства правил Горгипп⁷⁵.

Мы располагаем и другими сведениями о Горгиппе. Помимо посвящения Комосарии (КБН 1015), где Горгипп фигурирует в качестве ее отца и тестя Перисада I, известно, что по инициативе Демосфена в Афинах поставлены почетные статуи Перисада, Сатира и Горгиппа (*Dinarchus, Contra Dem.* 43), т. е. Перисада I, его сына Сатира II и тестя Горгиппа. В. В. Латышев [1909, с. 76] заметил по этому поводу, что в 324 г., к которому относится упомянутая речь Динарха, Горгипп не обязательно был в живых⁷⁶. Как младший брат Левкона, правившего в 390–351 гг., Горгипп мог жить еще в третьей четверти IV в.⁷⁷ Однако существенно, что в афинском декрете 347 г. в честь Спартока, Перисада и Аполлония Горгипп не фигурирует. При значительности его особы для афинян, которые поставили его статую наряду со статуями боспорских царей, это выглядит несколько странно и указывает, что к тому времени Горгиппа уже не было в живых. Поэтому, полагаем, пост соправителя Спартока III на азиатском Боспоре перешел к Перисаду I. Есть еще один памятник, связанный с Горгиппом, — надпись на золотом футлярчике: Ὀρχάμῃ τοῦ

⁷³ К примеру, отметим, что могилу Олега показывали, согласно летописям, в Киеве и Старой Ладогге.

⁷⁴ Следовательно, представление о Горгиппе как синдском по происхождению правителе [Ростовцев, 1925, с. 293; Блаватский, 1964, с. 64] противоречит данным Полиена.

⁷⁵ К мысли о Горгиппе как соправителе на азиатском Боспоре пришел и А. Грейэм [SEG 52, 732].

⁷⁶ Н. Л. Грач [1968, с. 108 сл.], напротив, полагала на этом основании, что Горгипп прожил долгую жизнь.

⁷⁷ Так как Левкон получил в удел до смерти Сатира I европейский Боспор, он должен был быть старшим братом Горгиппа, которому досталась азиатская часть царства.

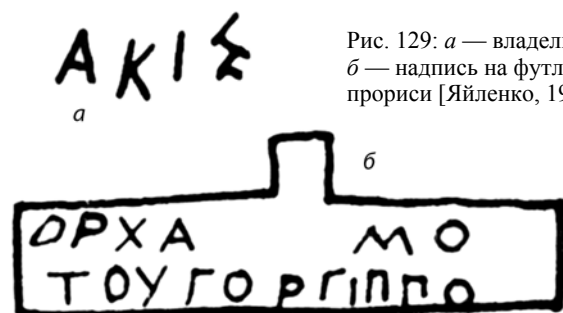

Рис. 129: а — владельческое граффито Акии, б — надпись на футлярчике с именем Орхама, сына Горгиппа; прорисы [Яйленко, 1990]

Горυίππo (рис. 129, б)⁷⁸. По передаче дифтонга ou дважды через o и 1 раз через ou надпись относится примерно к 370-м гг. (ср. выше, с. 362, и [Threatte, 1980, p. 243/6, 352; Яйленко, 2010, с. 24–25]), чему

не противоречит ее шрифт. Антропоним Орхам известен в качестве имени мифического ахеменидского царя персов (*Ovid. Met. IV, 212*) и еще дважды встречается в агонистическом каталоге первой половины III в. до н. э. из Горгиппии. Употребление на Боспоре имен Орхам и Горгипп именно в Горгиппии, их царский характер, дата надписи на футлярчике и материал последнего (золото) — все это указывает, что в ней подразумевается сын Горгиппа, царя азиатского Боспора. Вряд ли случайно, что Горгипп дал своему сыну имя, связанное с легендарной историей персидских царей: вероятно, это вызвано его связями с домом последних персидских Ахеменидов⁷⁹.

Видимо, у Орхама были виды на отцовское наследство, так как Перисад I совершил неожиданный матримониальный кульбит, женившись на его родной, а своей двоюродной сестре Комосарии (для греков это инцест). Видимо, с этой женитьбой Перисад получил основания претендовать на наследство Горгиппа, что и реализовал после смерти последнего. Мы отмечали, что титул Левкона «архонт Боспора и Феодосии, царствующий над синдами, торетами, дандариями и псессами» перешел к Спартоку III и, не исключено, Перисаду. Однако памятников с такой титулатурой Перисада нет. В надписи КБН 9 он назван лишь «царствующим над всеми синдами и фатейми», значит, подчиненные Левкону тореты, дандарии и псессы откололись от него. Это могло быть следствием устранения им прямого наследника Горгиппа Орхама либо узурпации им власти Спартока (см. ниже).

Обстоятельства воцарения Перисада на азиатском Боспоре были нелегкими: потеря власти над упомянутыми народами сопровождалась также отпадением час-

⁷⁸ [Древности, 1854, Надписи, № LXVIII]. В комментарии Л. Стефани справедливо предположил, что упомянутый Горгипп может быть идентичен Горгиппу надписи, изданной им под № V (= КБН 1015). Я видел надпись на футлярчике (это условное название амулета в виде цилиндрика диаметром около 0,5 см с петелькой для вдевания шнура или цепочки для ношения на шее) в Эрмитаже при любезном содействии Ю. П. Калашника, по словам которого, из инвентарных записей явствует, что он найден Д. Карейшей в одном из ближайших к Керчи курганов в небольшой гробнице, включавшей также черепицы с клеймом βασιλική. А. А. Завойкин [2006, с. 220, 259] указал, что такая черепица идет с начала III в. Полагаем, скорее с середины (см. ниже), так что надпись на амулете древнее черепицы более чем на сотню лет. Следовательно, этот амулет был (пра)дедовым наследством у погребенного (либо куплен, подарен, украден и пр.).

⁷⁹ КБН 1137. С одним из этих Орхамов, возможно, тождествен Орхам, упоминаемый на черепичных клеймах из Горгиппии [Гайдукевич, 1934, с. 308]. Попытка Тохтасьева [2007, с. 194] объявить это имя вымыслом Овидия безосновательна [Яйленко, 2010, с. 158/63]. Митридат Аспургов был родственником Ахеменидов [Ib., с. 267/8]. КБН 1233.

ти синдов: в титуле Перисада надписи КБН 9 π[άντ]ων Σίνδων καὶ Θατέων слово πάντων затерто после того, как надпись уже была сделана и выставлена в святилище. Это может быть объяснено в том смысле, что Перисад утратил власть также над частью синдов, всегда фигурировавших в качестве подданных боспорских царей [Яйленко, 2010, с. 27–30]. Все это очень напоминает историю с меотянкой Тиргатао, которую Сатир I хотел отторгнуть от ее мужа, синдского царя Гекатея, женив его на своей дочери. Удалившись во внутренние районы азиатского Боспора, Тиргатао подняла на Сатира жившие там народы (конечно, используя свои родственные связи) и фактически лишила его этой части страны, доведя к тому же Сатира до смертельного исхода, так что лишь его наследнику здесь Горгиппу удалось откупиться от нее. Также и Перисад сумел в конечном счете справиться с ходом событий, хотя ему пришлось преодолевать сопротивление не только народов азиатского Боспора, но даже и части боспорских греков, о чем позволяет догадываться то обстоятельство, что имя отца, посвятителя надписи КБН 9 Фениппа, было предано *damnatio memoriae* тогда же, когда было затерто слово πάντων в титулатуре Перисада [Ib., с. 45]. Надпись КБН 9 — из числа ранних эпиграфических документов времени Перисада [Ib., с. 25, 47], она отразила перипетии получения им власти на азиатском Боспоре между 351–347 гг. в то время, когда правил Спарток и умер Горгипп. Присутствие в титуле Перисада фатеев на месте отпавших торетов, дандариев и псессов резонно объяснять тем, что они вошли в союз с ним, как сделали это и позднее, в период борьбы Сатира II с Евмелом, сражаясь на стороне последнего до победного конца (*Diod.* XX, 22). На наш взгляд, памятником военных операций его времени может служить надгробие наемнику с Хиоса Ангелиппу, поставленное на Нижней Кубани⁸⁰. Наемниками пользовались и предшественники Перисада; в частности, известно надгробие первой половины IV в., поставленное наемнику из Пафлагонии, который «погиб, сражаясь в земле меотов» (КБН 180). Эпитафия сиракузянина того же времени (КБН 203) также, скорее всего, принадлежит наемнику, ибо мы не располагаем другими сведениями о торговых связях Боспора и Сиракуз. По той же причине к числу наемных воинов второй половины IV в. может быть причислен и киприот, упоминаемый в эпитафии КБН 236. Надгробия наемников времени Перисада I, найденные на Нижней Кубани и в Пантикапее (хиосец да киприот), показывают, что профессиональные солдаты использовались для ведения военных действий на территории азиатской части царства и для гарнизонной службы в его столице.

За долгое время правления Перисад добился самой пышной у Спартокидов титулатуры, в которой фигурировало наибольшее число подвластных и союзных народов азиатского Боспора⁸¹. Как следствие, в эпитафии КБН 113 его времени сказано, что Перисад «правитель земли, границы которой вершины тавров и Кавказские горы». Это показывает, как далеко раздвинулись при нем границы царства сравнительно с временами Левкона. Афинский декрет 347 г. свидетельствует, что Спарток и Перисад продолжали политику отца и деда в отношении экономических

⁸⁰ КБН 1233. Стела обнаружена на р. Ангелке, вдали от городов Боспора, в которых обычно находят эпитафии ксенов-торговцев, поэтому Ангелипп был наемником, а не купцом [Яйленко, 2010, с. 68].

⁸¹ О дальнейшем развитии титулатуры Перисада, которое раскрывает вехи расширения числа союзных народов на азиатском Боспоре уже после того, как он стал единоличным правителем царства, т. е., как мы выяснили, после 347 г. [Яйленко, 2010, с. 53–54, с *лит.*].

связей с греческим миром — они ориентировались прежде всего на Афины («предоставить афинянам те же привилегии, которые дали Сатир и Левкон», стк. 20–21). И в период единоличного царствования Перисада I афиняне пользовались правом беспоплатной торговли на Боспоре (*Dem.* 34, 36). Первые Спартокиды IV в. Сатир и Левкон в своих внешних сношениях выражали склонность к ориентации на демократические режимы Греции, что указывает на относительно демократичный характер их власти (о связях с демократическим Аркадским союзом см. с. 858/60). Видимо, в первую очередь по этой причине греческая традиция сохранила благоприятные отзывы о Сатире, Левконе и Перисаде⁸². Обещание Спартока и Перисада «позаботиться об отправке хлеба, подобно их отцу, и с готовностью содействовать афинскому народу во всем необходимом» (декрет 347 г., стк. 14–17) подтверждает их демократическую ориентацию. Если бы Перисад только снабжал хлебом Афины и не придерживался демократизма в своей политике, вряд ли Демосфен сумел добиться постановления в Афинах статуй самого Перисада и его сына Сатира. Отметим в связи с этим, что в официальных документах межполисного характера Спартокиды IV в. обозначались лишь по именам и отчеству как частные граждане⁸³. И сами они в своих внешнеполитических документах опускали свою титулатуру, употреблявшуюся только во внутригосударственных актах⁸⁴. Наконец, при отсутствии демократических тенденций у Спартокидов IV в. афиняне вряд ли могли заключить с ними договор о военной помощи, упоминаемый в декрете 284 г. в честь Спартока IV, причем с указанием на его существование и при предках этого царя⁸⁵. Можно полагать, что именно в соответствии с этим договором Спарток и Перисад, затребовав задолженную им афинянами денежную сумму, попросили предоставить в их распоряжение судовые экипажи (*αἱ ὑπηρεσίαι*, стк. 59–60 и 62 декрета 347 г.) — просьба, вполне соответствующая статье договора с обязательством афинян оказывать помощь боспорским царям *κατὰ θάλατταν* «на море». Требование денег и матросов на задуманное боспорскими царями предприятие, возможно, предназначалось на военное дело, каковое может быть сопоставлено, к примеру, с позднейшими мерами Евмела по очистке Сев.-Вост. Понта от пиратов⁸⁶. Если это так, то такие меры Спартока и Перисада могли быть призваны обеспечить нормальное

⁸² [*Isocr.* 17, 57; *Chrysip.* Lib. I = SC I, p. 498; *Strabo*, VII, 3, 8; *Dio Chrys.* Or. 2, p. 35 = SC I, p. 505].

⁸³ Аркадяне называют Левкона просто пантикапейцем (КБН 37: *Λεύκωνα [τὸν Σατύ]ρῶ Παντικάπειαν*, в декрете 347 г. все боспорские цари названы только поименно, без титулов.

⁸⁴ В митиленской копии декрета Левкона титулатура царя отсутствует: *Λεύκων καὶ οἱ παῖδες*. То же в проксении Перисада I: *Παισιάδης καὶ παῖδες*, а также в горгиппийской проксении Селевка, сына Евмела [Яйленко, 2010, с. 71–76].

⁸⁵ [Syll.³ 370 = Граков, 4, стк. 17–20]: афинский народ сделал гражданами предков Спартока и его самого и «постановил, что, ежели кто-либо посягнет на власть предков его или самого Спартока, оказывать помощь всеми силами на суше и на море». В выражении *ἐπὶ τὴν ἀρχὴν τ[ῆν προγόνων]ν αὐτοῦ ἢ τὴν Στα [ρ]τόκου* восстановление слова *[προγόνων]ν* бесспорно и означает наличие такого договора еще при предках Спартока.

⁸⁶ По словам Демосфена, у афинян всегда были деньги боспорских царей, вырученные от продажи хлеба. Так как поставки боспорского зерна были крупными, Спартокиды располагали большими суммами в виде депозитов в афинской казне. Стало быть, Спарток и Перисад затребовали значительную сумму денег. Что касается набора матросов в связи с этим и военных целей всего мероприятия, то можно отметить, что, если бы имелась в виду покупка грузов в Греции и доставка их на Боспор, речь шла бы о судах, а не одних матросах. Последний факт предполагает наличие у царей необходимых кораблей, и это указывает на продолжение службы этих матросов именно на Боспоре.

функционирование торговых путей, связывавших Боспорское царство с остальным Причерноморьем и Элладой. В данном отношении можно отметить и то, что свою письменную просьбу к афинянам о выдаче денег и предоставлении матросов Спарток и Перисад сопровождали обещанием «и впредь заботиться об отправке хлеба, как и отец их заботился, и с готовностью оказывать содействие во всем, в чем афинский народ возымеет нужду» (стк. 15 сл.).

Небезынтересны лица, упоминаемые в votивных надписях времени Перисада I. Это жена его Комосария и дочь Акия (КБН 1015, 1041), которая в конце царствования Левкона проживала в Гермонассе и была замужем за Демофонтом, сыном Эргина (КБН 1037). Демофонт посвятил статую Аполлону Иетру за жену в период наивысшего могущества Перисада, отраженного в его титулатуре. Сатирион, сын Патайка, принес в дар Аполлону Иетру статую по отбытии жречества в его пантикапейском храме (КБН 10). Отец его Патайк вполне идентичен Патайку пантикапейского граффито того же времени «победа Гигента и поэма Патайка»⁸⁷. Имя Патайкос определенно не греческое, оно неизвестного происхождения, поэтому Патайк либо происходил из туземной знати, либо, что называется, выбился в люди из туземной среды⁸⁸. Еще одно лицо негреческого происхождения, на этот раз малоазийского, фигурирует в посвящении КБН 11, сделанном сыном или женой Койрана за дочь Итию (ее имя малоазийское). Таким образом, негреческие имена жены Перисада Комосарии (оно иранское) и дочери Акии (оно малоазийское), обусловленные негреческим происхождением династии Спартокидов (о чем см. ниже) и потому использовавшиеся в их семейном антропонимиконе, органично дополняются туземным патронимиком Сатириона, жреца Аполлона Иетра, патрона царского дома.

Vотив сына или жены Койрана за дочь Итию принесен Артемиде Эфесской. Сочетание малоазийского имени Итии с малоазийским же по месту культа божеством может указывать на связь членов этой семьи с Ионией через предков-колонистов, основавших Пантикапей. Остальные посвятителю, фигурирующие в надписях времени Перисада, носят греческие аристократические имена: Аполлотор, сын Фанагора, Кассалия и Ксеноклид (вероятно, сестра и брат) — дети Посия,

⁸⁷ Принадлежность обоих имен одному лицу подтверждается тем, что имя дважды упоминается в одно и то же время в Пантикапее и более не встречается. См. о том граффито [Блаватский, 1964, с. 83; Яйленко, 2010, с. 153/4]. Сатирион также фигурирует в магическом граффито из Пантикапея [Яйленко, 2005, с. 467/8].

⁸⁸ Имя Πάταϊκος употребительно в Греции и производится от финикийского наименования корабельных носов [Herod. III, 37; PB, 1145] (странным образом Тохтасьеву [2007, с. 191] осталась неизвестной подборка В. Папе — Г. Бензелера). Л. Згуста с основанием сомневался в появлении финикийского имени на Боспоре в IV в. до н. э. (а с пантикапейским граффито в V в.) из Греции [Zgusta, 1955, 739b]. М. Фасмер без объяснений причислил имя к сарматским [Vasmer, 1923, S. 48]. Полагаем, можно связывать его со скифским словом у Геродота (IV, 110) πατά «убивать». Трудно сказать, насколько справедливо сопоставление этого скифского слова Б. А. Серебрянниковым [1957, с. 43] с чувашским пет «уничтожать». Б. А. Серебрянников великий лингвист, его мнения всегда основательны. В последнее время поисками праторков на юге России в античное время занимается Р. Исмагил [2002; 2013]; хотя его сближения наивны (так, Τάναϊς к казахскому *тениз*, татар., башкир. *тенгиз*, *дингез* «море, озеро» < *«река»), поиски праторкских и древнетюркских следов в топонимии юга России следует продолжать. Что до названия Τάναϊς, то и сближение его с авест. *dānu- «река» [Vasmer, 1923, S. 74], как указывали И. Маркварт, О. Семереньи и др., беспочвенно, ибо иран. d не передавалось через греч. t, проблематична и мена ā = ã. Оно восходит к иран. *tanu- «длинный», о чем свидетельствует и указание ал-Хорезми, что Танаис — «Длинная» река [Яйленко, 2010, с. 355; 2015, № 5].

Местор, сын Гиппосфена (КБН 971, 972, 1014, 1039), они тоже могут считаться потомками ионийских основателей Фанагории и Гермонассы. Предки лиц с аристократическими именами, упоминаемых и в других надписях IV–III вв., тоже происходили из Ионии, с чем согласуется наблюдение М. И. Ростовцева [1925, с. 191] о соответствии подкурганых захоронений пантикапейского некрополя IV в. старинному ионийскому погребальному обряду. Во II в. аристократические имена почти полностью исчезают из боспорского антропонимикона, что свидетельствует о растворении потомков первопоселенцев в общей массе горожан. Но в IV–III вв. этот высший слой проносил свои наследственные имена из поколения в поколение и составлял опору власти Спартокидов⁸⁹. Отмеченные обстоятельства вполне подтверждаются на примере семьи Фениппов — Федимов — Артемонов, прослеживаемой по надписям на протяжении нескольких поколений от рубежа V–IV вв. до третьей четверти III или раннего II в. [Яйленко, 2010, с. 46].

1.3. Спартокиды эллинистической эпохи

С концом царствования Перисада I на авансцену политической жизни Боспора выходит яркая фигура правителя эллинистического типа Евмела. Средний сын Перисада, он в духе своего времени поднимает вооруженную борьбу за престол, занятый по смерти отца старшим сыном Сатиром II. До Евмела, насколько мы знаем, принцип наследования трона старшим сыном не нарушался (может быть, какая-то заминка произошла по смерти Селевка, царем после которого Диодор называет Сатира, сына Спартока), но Евмел бросил вызов вековой традиции своего рода, поставив на карту жизнь. Подробный рассказ о войне братьев и правлении Евмела сохранил Диодор (XX, 22–26)⁹⁰. Евмел заключил союз с рядом ближайших варварских племен и, собрав большое войско, начал борьбу за власть с Сатиром. На его стороне был царь фатеев Арифарн с 20 тыс. конных и 22 тыс. пеших воинов. Сатир располагал 4 тыс. греческих наемников и местных фракийцев с азиатского Боспора, а также войском союзных скифов, включавшим 10 тыс. конницы и вдвое большее количество пеших воинов⁹¹. Первая битва случилась на реке Фате, от названия которой произошел этникон фатеев и которая протекала где-то на азиатском Боспоре, причем, судя по упоминанию лесов и гористой местности, в предгорьях Сев.-Зап. Кавказа. Театр военных действий — азиатский Боспор — позволяет заключить, что Евмел как средний сын получил в удел азиатскую часть царства,

⁸⁹ Анализ состава имен жителей Пантикапея IV–II вв. [Яйленко, 2010, с. 105/16].

⁹⁰ Об этом эпизоде истории Боспора [Гайдукевич, 1949, с. 73 *сл.*; Струве, 1968, с. 149 *сл.*; Шелов-Коведяев, 1984, с. 149 *сл.*; Блаватский, 1985, с. 203 *сл.*; Виноградов, 2003].

⁹¹ Исследование топонимики азиатского Боспора показало, что часть его меотского населения была фрако-дакийским по этнолингвистической принадлежности и обитало в Вост. Меотиде с VIII–VII вв. по эллинистическое время [Яйленко, 2014]. Подтверждение этому дает эпитафия владыки крымских царских скифов II в. до н. э. Аргота [Виноградов, Зайцев, 2003], упоминающая «фракийцев-меотов» (Φρακῶν Μαιω[τῶν]). В связи с этим иначе теперь следует понимать также известие Диодора (XX, 22) об «Арифарне, царе фракийцев» (Αριφάρνης ὁ τῶν Φρακῶν βασιλεὺς) в войске Сатира — это фрако-дакийцы Вост. Приазовья. Упоминание царя фракийцев в войске Сатира казалось настолько неожиданным, что предлагалось заменить этноним фракийцев на фатеев или сираков (*лит.* [Десятичиков, 1977, с. 46]), мы сочли этих фракийцев наемниками [Яйленко, 1990, с. 297]. Все это теперь излишне.

подобно Горгиппу и Перисаду I. Сатир выиграл битву при Фате и осадил крепость царя Арифарна, но, раненный копьем, умер, процарствовав 9 месяцев. Власть принял на себя младший сын Перисада Притан. Евмел с помощью союзных варваров захватил значительную часть азиатского Боспора, и когда Притан пошел на него с войском, разбил его. Оттесненный к Фонталовскому п-ову, Притан вынужденно заключил соглашение с Евмелом, по которому сдал оставшееся войско и обязался покинуть пределы царства. Явившись в Пантикапей, Притан безуспешно пытался вернуть себе власть и бежал в Кепы, где был убит. Евмел начал свое правление с резни ближайшего окружения Сатира и Притана, не только их φίλοι, но также жен и детей, так что спасся лишь юный сын Сатира Перисад, укрывшийся у скифов. В связи с этой резней в Пантикапее поднялось волнение, но Евмел созвал народное собрание и произнес оправдательную речь. Вернув пантикапейцам свободу от пошлин на товары и чрезвычайных податей (см. выше, с. 791), Евмел утвердился на царстве и правил в дальнейшем (309–304) согласно с законами (*Diod. XX, 25*), т. е., как мы отметили выше (с. 791), с установлениями своих предков-царей, а не с полнским законодательством.

Ряд значительных деяний принес ему широкую известность. По Диодору (XX, 26), он оказывал содействие Византию, Синопе и другим греческим городам Понта. Во время осады Каллатиса Лисимахом он оказал помощь осажденным, приняв на Боспор тысячу каллатийцев, которым дал город для поселения и местность Псою, разделенную на участки. И это название из рассказа Диодора подвергалось конъектурам [Латышев, 1909, с. 171 сл.], и снова напрасно, ибо его основа соответствует адыгским лексемам *пс*, *псы* «вода, река», присутствующим в ряде исторических наименований Сев.-Вост. Причерноморья, в том числе азиатского Боспора⁹². Следовательно, местность Псоя располагалась на азиатском Боспоре, в районе Синдики или к югу от нее в предгорье Сев.-Зап. Кавказа (судя по приведенным однокоренным названиям адыгского происхождения). Дорийские имена в списке победителей на спортивных состязаниях из Горгиппии (Агесилас, Апеллас и др.) обязаны своим появлением упомянутым дорийским переселенцам из Каллатиса⁹³. Другое значительное деяние Евмела — очистка Понта от пиратствовавших гениохов, тавров и ахейцев, улучшившая торговые связи Боспора с причерноморскими городами. Евмел, продолжает Диодор, присоединил к своему царству множество окрестных варваров и имел намерение покорить все обитающие вокруг Понта народы. Последнее тоже типично для эллинистической эпохи — стремление монарха к подчинению больших регионов. Однако внезапная смерть, как теперь бы сказали, в дорожной катастрофе, не дала осуществиться этому широкому замыслу⁹⁴. У нас

⁹² [Яйленко, 2010, с. 322/3]: река в Юго-Вост. Меотиде $\Psi\acute{\alpha}\theta\iota\varsigma$ (*Ptol. Geogr. V, 8, 2*) = $\Psi\acute{\alpha}\tau\eta\varsigma$ Страбоновской хрестоматии, § XI; река в земле зихов $\Psi\acute{\alpha}\chi\alpha\psi\iota\varsigma$ (*Ps. Arr. Per. 58*); этнонимы $\Psi\eta\sigma\sigma\acute{o}\iota$ (к адыг. *псылу* «побережье»), упоминаемый с IV в.; $\Psi\epsilon\chi\alpha\nu\acute{o}\iota$ (к адыг. *псыхэ* «низовье», *псыгу* «середина воды, остров», *псухо* «речная долина»), встречающиеся в надписях рубежа I–II вв. н. э. (КБН 1048 и др.). Также ряд современных названий [Коков, 1974, с. 24–26; Яйленко, 2015, глава XXI].

⁹³ КБН 1137. В. В. Латышев [1909, с. 256/7] справедливо счел их принадлежащими дорийским переселенцам.

⁹⁴ Евмел ехал в крытой повозке и, когда кони понесли, погиб, выпрыгнув из нее. Нам интересно передвижение Евмела в закрытой повозке: это мера предосторожности, обычная у правителей, опасющихся покушения, продиктованная опасением мести за резню, устроенную после захвата власти. Более того, использованная Диодором боспорская история царствования Евмела, без сомнения, была панегириком, так что царь правил не так благостно и ему было чего опасаться.

нет оснований сомневаться в сообщении сицилийского историка, точнее его боспорского источника, в широких завоевательных планах Евмела, так как при нем Боспор по-прежнему находился в зените своего расцвета.

Характерно для эллинизма и создание своей панегирической исторической традиции, именно того боспорского источника, эксцерпты из которого сохранил для нас Диодор. Выше отмечено, что это боспорское сочинение посвящено деяниям Евмела и содержит настолько живые подробности хода событий, что, безусловно, написано вскоре после них, и само сочинение составлено либо в правление самого царя, стремившегося обелить себя в глазах современников и потомства, либо в царствование его сына Спартока. Он неизменно подчеркивал в своей титулатуре, что он сын Евмела, и следовательно, считал вполне законным насильственное вступление отца на боспорский престол. Имя Евмела упоминается и в надписи КБН 817, которая в нашей реконструкции представляет собой ателию: [Βασιλεὺς Εὐμήλος Π[αίρις]ά[δε]ρος [τὸν δεῖνα τοῦ δεῖνος *ethnicon* | ἀτελὴ εἶναι καὶ χρήμ]ατα ὑπῆρξεν «царь Евмел, сын Перисада, предоставил *такому-то и имуществу* право *быть свободным от пошлин*» [Яйленко, 2010, с. 77].

Мы упоминали типичные для эллинистической эпохи черты правления Евмела, означающие, что в конце IV в. Боспор уже вступил в эллинистическую фазу своего политического развития. На смену классическому представлению о доблестях монарха, ограниченных морально табуирующими предписаниями, эллинистическая мораль выдвинула фигуру правителя, не стесненного никакими рамками в своих действиях, и на Боспоре такой фигурой был Евмел. Успехи его правления и личные достоинства, видимо, сумели затмить в глазах позднейших Спартокидов его братоубийство, судя по тому, что имя Евмела фигурирует на клейменной черепице II в. до н. э., в носителе которого можно видеть одного из членов Спартокидского дома, названного по имени предка-царя⁹⁵.

Согласно Диодору (XX, 25; 100, 7), Евмел царствовал 5 лет и 5 месяцев, его сменил на престоле сын Спарток, правивший 20 лет. Горгиппийский проксенический декрет позволяет уточнить вопрос о наследнике Евмела. Согласно формулярной последовательности спартокидских проксенических декретов, в стк. 1 указывается царь и его соправитель, давшие проксению (КБН 1 и *сл.*). В стк. 1 горгиппийской проксении читается имя Селевка, сына Евмела. А. И. Болтунова [1964, с. 137 *сл.*] сочла его Селевком, вторым спартокидским царем, и потому датировала надпись рубежом V–IV вв. Издатель надписи в КБН (с. 938) В. Ф. Гайдукевич напрасно усомнился в чтении имени Селевка тут, но правильно указал на сильно завышенную датировку надписи Болтуновой. На камне в стк. 1 бесспорно читается [Σέλε]υκος Εὐμήλο[v]. Из числа боспорских правителей только один носил имя Евмел — сын Перисада I, правивший в 309–304 гг., так что декрет издан от имени правившего после него сына Селевка. Это подтверждается палеографией документа. Его письмо — развитый раннеэллинистический стиль, характеризующийся декоративной апексацией всех букв, удлиненностью верхнего уголка Α, Δ, Λ, уменьшенными размерами круглых букв, уплощенностью усиков *сигмы* и т. д. Особенно существенна для палеографической датировки форма и положение в строке *омеги*: ее высота в половину меньше прямых букв, она размещается (в вертикальном от-

⁹⁵ [Граков, 1934, с. 205]. В. А. Анохин [1999, с. 199] ошибочно атрибутировал это клеймо с явным письмом II в. Евмелу конца IV в.

ношении) в середине или верхней части строки. Впервые эта особенность проявилась на Боспоре в надписи времени Левкона I КБН 8 (ср. также КБН 1038, где уменьшенных размеров *омега* помещена в нижней части строки, см. КБН-альбом). Поскольку остальные надписи времени Левкона содержат более крупную *омегу* классического стиля (КБН 6а, 1111 и др.), то ясно, что посвящение КБН 8 относится к концу правления этого царя, т. е. к середине IV в. В надписях Перисада I (347–310) как стиль в целом, называемый уже раннеэллинистическим (с 310х гг.), так и отмеченные особенности начертания *омеги* проявляются чаще (например, КБН 9, 1015, а также 1042, датируемая скорее временем Перисада [Яйленко, 2010, с. 49]). Ближайшую аналогию письму рассматриваемого анапского декрета составляет вотив КБН 18, датируемый временем упоминаемого в нем Спартока, сына Евмела. Если обратиться к датированным аттическим надписям, то ближайшую аналогию по характеру письма составляют документы, относящиеся к последней четверти IV в. Таким образом, палеография горгиппийского декрета находит ближайшие параллели в надписях последней четверти IV — начала III в., что заставляет видеть без колебаний в упомянутом Евмеле соименного боспорского царя конца IV в.⁹⁶ Следовательно, на престоле его сменил сын Селевк, о чем мы впервые узнаем из данного декрета. Множественное число глагола стк. 3 ἔδωκαν указывает, что декрет издан от имени Селевка и еще одного лица, что вполне соответствует боспорской практике соправления отца и детей или братьев-царей (см. ниже). Поскольку из сочинения Диодора известно, что Евмелу наследовал сын Спарток, мы и дополняем его имя в стк. 1 горгиппийского декрета в качестве соправителя Селевка: [Σέλε]υκος Εὐμήλο[υ καὶ Σπάρτοκος]. То обстоятельство, что этот Селевк оставался неизвестным нам до сих пор, тогда как 20-летнее правление Спартока IV засвидетельствовано 4–5 боспорскими надписями и 3 аттическими, видимо, объясняется недолгим соправлением Селевка и Спартока — последний вскоре после 304 г. стал единоличным правителем⁹⁷. Это предполагает, что анапская проксения и соответственно правление Селевка относятся к последним годам IV в. Обратим внимание, что соправление Спартока III и Перисада I было также недолговечным и продолжалось всего 5 лет. Двадцатилетнее правление Спартока IV, таким образом, приходится на два первых десятилетия III в.

Боспорская история III–II вв. известна крайне отрывочно — мы располагаем лишь отдельными упоминаниями имен царей в эпиграфических и отчасти папирусных документах, что симптоматично само по себе: это было время постепенного упадка Боспорского царства и, видимо, в нем не происходило ничего примечательного, что могло бы привлечь к нему внимание древних писателей.

Пантикапейские надписи, упоминающие инополитов, позволяют заключить, что на рубеже IV–III вв., а также в первой половине III в. Боспор сохранял связи, ориентированные в основном на причерноморские города, а вне Понта продолжал торговать с Афинами, Родосом, Колофоном. От конца IV — начала III в. сохранились посвятельная надпись византийца Тисия, сына Делоптиха, и надгробие

⁹⁶ [Kirchner, 65, 68]. Подробнее о палеографии, дате горгиппийской проксении и связи ее с Селевком Евмеловым [Яйленко, 2010, с. 74–76].

⁹⁷ Это обстоятельство не позволяет дополнять в стк. 1 по формуле проксений Перисада I, как предложил Виноградов [Vinogradov, 1990, p. 557]: [Σέλε]υκος Εὐμήλο[υ καὶ παῖδες]. Если бы у Селевка были сыновья-соправители, старший из них и занял бы престол, но этого не случилось — царем стал другой сын Евмела Спарток. Критика его текста в целом [Яйленко, 2010, с. 73–74].

некоего инополита (КБН 16, 117). К первой половине III в. относятся эпитафии скончавшихся в Пантикапее херсонесита, гераклеотки, колофонца, амисенца и его жены⁹⁸. Во второй половине столетия внешние связи Боспора резко сократились, судя по упоминанию в это время в боспорской эпиграфике лишь каллатийца (КБН 252), не исключено, однако, что это один из переселенцев времени Евмела, скончавшийся в Пантикапее) да проксена делосцев пантикапейца Койрана [Граков, 21]. Антропонимика пантикапейских надписей III в. сохраняет черты, характерные для предшествующего столетия, но с важным отличием: число имен резко сократилось. Это само по себе свидетельство дестабилизации Боспора со второй четверти III в. в результате крупнейшей катастрофы в истории северочерноморского региона — распада *pax Scythica* ок. 280–270-х гг. На беспокойную обстановку военного времени помимо гибели сельских поселений указывает и обустройство ряда боспорских центров оборонительными сооружениями (Тиритака, Порфмий и др.). На Семибратнем городище оборонительная стена III в. сооружена на месте погибшей стены предшествующего времени [Анфимов, 1953, с. 110]. Изменение внешнеполитического положения Боспора началось в правление Спартока IV, который, судя по его титулатуре, в значительной мере утратил реальную власть над варварскими народами, входившими в состав царства при его предках. Датированные его временем надписи найдены на европейском и азиатском Боспоре, но в них отсутствует упоминание подчиненных и союзных варварских племен. В надписях из Пантикапее титул его скромнее: «архонт Спарток, сын Евмела» и «царствующий Спарток, сын Евмела», в таманских надписях он «архонт и царствующий Спарток, сын Евмела» (КБН 18, 19, 974, 1043). В афинском декрете 284 г. [Syll³. 370; Граков, 4; Хайнен, 1999, с. 165; Heinen, 2005] он именуется просто «царем» (стк. 33: [βασιλέ]α), что показательнее в двух отношениях. Во внешнеполитических актах IV в., относящихся к Спартокидам, как мы видели, последние именовались без титулов. Наименование Спартока IV царем отражает изменения раннеэллинистического времени, когда титул царя перестал быть одиозным для демократических полисов. С другой стороны, титул βασιλεύς, рангом более высокий сравнительно с титулом βασιλεύς, в надписях Спартока IV лишен конкретного содержания, т. е. перечня подвластных народов, поэтому наименование его в афинском декрете «царем» отражает реальное снижение его ранга⁹⁹.

Умеренный титул Спартока IV воспринял занявший престол ок. 280 г. его сын Перисад II, которого родосцы также титулуют «царем» и который в боспорских надписях поначалу именуется «архонтом Перисадом, сыном Спартока», и «царствующим Перисадом, сыном Спартока» (КБН 20, 21, 1036). Однако следующий титул Перисада II явно ориентирован на титулатуру его царственного прадеда Перисада I: «архонт Боспора и Феодосии, царствующий над синдами, всеми мео-тами и фатейми» (КБН 25; фатеи фигурируют еще только в надписях Перисада I). Это явный анахронизм для III в., он никогда более не повторяется, но мы не можем отнести его возрождение Перисадом II только на счет его тщеславия, ибо для появления такого титула необходимы реальные предпосылки, т. е. он должен хот

⁹⁸ КБН 243, 246, 248, 249. Ср. КБН 250: надгробие III в., вероятно, также амисенца. О боспорско-египетских отношениях см. ниже.

⁹⁹ Возможно, он упоминается еще в двух фрагментированных аттических надписях идентичного содержания (IG II/III 731, 732 = Граков, 1939. Дополнения, 1), которые И. Кирхгоф отнес ко времени ок. 307 г. и предположительно читал его имя: «Спарток с Понта увенчал народ афинян».

как-то соотноситься с действительностью. Иначе говоря, пышный титул Перисада II в этой посвяtitельной надписи, сделанной его сыном Левконом, отражает определенные успехи, достигнутые царем в стабилизации царства и даже восстановлении его в пределах, приближающихся к границам IV в. Окончательное исчезновение этого титула из узуса боспорских владык последующего времени указывает, что это был кратковременный успех. Неблагоприятная обстановка вокруг Боспора проявляется и в попытках его царей заполучить помощь в греческом мире. Собственно, поселение тысячи каллатийцев на азиатском Боспоре вряд ли было актом одной лишь филантропии Евмела: его целью было скорее создание крепкого греческого форпоста на варварском пограничье. Афинский декрет 284 г. в честь Спартока IV содержит обещание военной помощи царю на суше и на море, традиционный пункт боспорско-афинских договоров. Постановка почетной статуи Перисада II родосцами (КБН 20) отражает их участие в делах царя, ибо Родос известен активным содействием местным властям в сфере его торговых интересов (он оказывал помощь Византию, Перинфу и другим городам). В том же плане поисков помощи вовне, на наш взгляд, следует трактовать и боспорско-египетские контакты III в., ранее понимавшиеся исследователями в контексте конкуренции между Боспором и Египтом по части хлебной торговли, с которой якобы связано известие папируса 254 г. о прибывших в Египет послах Перисада (например, [Шургая, 1974]). Сторонники этой точки зрения упускали из виду, что в середине III в. Боспор уже не мог составить конкуренцию процветающему Египту в хлеботорговле ввиду существенной утраты поселений хоры. Поэтому послы Перисада, упомянутые в письме Зенона 254 г. [Граков, 1939, с. 261; Greek Papyri, 1974, p. 65; Archibald, 2007, p. 253 f.], явились в Египет отнюдь не для улаживания дел с конкурентами¹⁰⁰. Мобилизация сил с помощью отдельных греческих центров предполагала привлечение на Боспор наемников. Таковыми в III в. были спартанец Бафилл Деркиев, сделавший в III в., видимо, в пантикапейском святилище Гекаты посвящение спартанской Гекате¹⁰¹; элеец Демохар эпитафии КБН 1194 из Горгиппии, форпоста боспорских царей в Синдике; киприот Аристократ (КБН 236)¹⁰². В III в. на Боспоре появляются (и более до римского времени не встречаются) перечни имен: 3 в Пантикапее, по одному в Нимфее и Горгиппии (КБН 109–111, 912, 1137)¹⁰³. Из них лишь последний имеет определенный характер — это диахронный список победителей горгиппийских спортивных агонов. Назначение остальных неизвестно, но одновременность появления их может определяться одними и теми же причинами. Полагаем, это перечни, составленные в условиях нестабильной ситуации в качестве списков воинов (и в Ольвии в это время составлен Каталог граждан города, см. выше, с. 483). Составление списков граждан, т. е. воинов, в городах явно выражает усилия центральной власти по мобилизации внутренних ресурсов царства в условиях военной конфронтации с варварским окружением.

¹⁰⁰ [Хайнен, 1999, с. 160]. По М. Ю. Трейстеру [1985], оснований для мнения о конкуренции нет, египетские Птолемеи стремились утвердить свое господство в Эгее в борьбе с Лагидами и Македонией. Он счел, что появляющиеся на Боспоре с начала III в. круглые галатские щиты попали сюда через Египет. По мнению И. А. Ладынина [2007], в середине III в. Египет и Боспор сотрудничали в военной сфере против общих противников. См. также [Литвиненко, 1991; Archibald, 2007; Lungu, 2007].

¹⁰¹ КБН 22. У него типично дорийский, не характерный для Боспора патронимик.

¹⁰² Все эти центры не замечены в торговых связях с Боспором, поэтому их уроженцы наемники.

¹⁰³ Список имен из Гермонассы КБН 1056 относится к IV в.

Таким образом, почти все данные о Боспоре первой половины III в. указывают на мобилизацию боспорскими царями внутренних сил и внешней помощи для отражения варварской угрозы. Правления Спартока IV и частично Перисада II характеризовались основательными территориальными утратами. На некоторое время последнему, который, судя по всему изложенному, был деятельным правителем, удалось стабилизировать страну и даже добиться некоторого восстановления ее прежней территории. Это возрождение имело место в 260-е и 250-е гг.: на 250-е гг. указывают упоминавшиеся контакты Перисада II с Египтом и Делосом, а к предшествующему десятилетию относятся два дельфийских упоминания о боспорцах: ок. 268–266 гг. в местном музыкальном состязании принял участие боспорит, ок. 263–260 гг. упоминается боспорский проксен [Граков, 11, 12]. Внешние культурные и торговые связи указывают на относительную стабильность положения Боспора в это время.

Утрата Боспорским царством своего значения определялась в основном внешним фактором — наступлением варварского мира, которое ограничило экономические возможности страны, чем лишило ее и прежде всего дом Спартокидов основной статьи доходов — экспорта зерновых. Это был общий для северочерноморских центров удел: та же участь постигла в то же время Ольвию и Херсонес. Мощное движение варварских народов Сев. Причерноморья не только положило конец *ραx Scythica*, но и повергло в упадок местные греческие центры от Тиры до Горгиппии. Что касается Боспора, то здесь общая неблагоприятная обстановка сопровождалась внутривосточными неурядицами. Последнее упоминание о Перисаде в отчетах делосских гиеропеев за 250 г. мы вполне можем относить к Перисаду II, правившему примерно с 280 г. Отсутствие сведений о нем в последующее время справедливо принимают за указание на его смерть после 250 г. Надпись КБН 25 упоминает Левкона, сына Перисада II, поставившего прижизненную статую отца, а надпись КБН 24 называет «царствующего Спартока, сына Перисада». Согласно схолии к «Ибису» Овидия, Левкон убил брата Спартока из-за страсти к его жене и сам стал царем¹⁰⁴. Таким образом, ок. 240-х Перисада II сменил на престоле старший сын Спарток V (названный в честь деда Спартока IV)¹⁰⁵. Тогда же или в следующем

¹⁰⁴ [Schol. Ovid. Ibid. 310 = SC II, p. 106; Латышев, 1909, с. 86–87]. Схолиаст передает несколько версий этого рассказа, в которых взаимоотношения действующих лиц перепутались: по одной версии, Левкон совершил убийство из страсти к жене брата, по другой — из-за страсти того к своей жене. Поскольку есть мотив, что сам Левкон пал от руки этой женщины, когда пытался овладеть ею, следует заключить, что исходной является первая версия. Левкон, таким образом, был царем очень недолго, в пределах года, чему соответствует то обстоятельство, что памятников, в которых он фигурировал бы в качестве царя, нет, есть лишь посвящение КБН 25, сделанное им при жизни отца, Перисада II. Р. Вернер отнес рассказ о Спартоке и Левконе ко II в. вместе с надписями КБН 24, 25 [Werner, S. 422 f.]. Палеографически эти надписи могут быть датированы III и II в., однако титулатура Перисада в посвящении КБН 25, как сказано, ориентирована на титулатуру Перисада I и потому ее лучше отнести к III в., а не II, ближе ко времени Перисада I, когда память о нем была свежее.

¹⁰⁵ А. И. Болтунова, Т. Н. Книпович [1962, с. 15] и Н. С. Белова [1967, с. 85] справедливо увидели этого Спартока в надписи КБН 822: [Σ]πάρτοκ[ος] | Π[α]ρισαδά[δου]. Издатели КБН датировали ее второй половиной III — началом II в. Отметим сходство ее письма с вотивом КБН 23, поставленным при Перисаде II. Связываем с этим Спартоком клейма βασιλέως Σπαρτόκου, Спар, по письму относящиеся к III в., см. прориси [Гайдукевич, 1934, с. 313, № 81–83]. В. А. Анохин [1999, с. 199, № 125] вслед за Гайдукевичем отнес клеймо № 83 к Спартоку Евмелову, а № 81 Гайдукевич зачислил в правление Левкона I, именно к 360–350-м гг. [Иб., с. 198, № 111]. Однако письмо букв ΣΠΑΡ обоих клейм во всем одинаково, так что это может быть Спарток Евмелов, но по очень уж мелкому *омикрону* мы предпочитаем приписать его Спартоку V, сыну Перисада II, или даже Спартоку VI.

десятилетия он пал от руки младшего брата Левкона, воцарившегося на боспорском престоле, как отмечалось, на очень короткий срок.

Между Левконом II и царем раннего II в. Спартоком VI (о котором *см.* ниже) образуется лакуна в треть или четверть столетия¹⁰⁶. На наш взгляд, ее следует заполнить правлением Перисада, упоминаемого в граффито на фреске нимфейского святилища Афродиты (рис. 130): Ἀφροδίτη, χαῖρε·| Ἀδας χαίρειν Σάτιρον | καὶ Παῖρυσάτου καὶ τοῦ ἱερὸν || καὶ τοὺς Εὐνοῦ καὶ || Ἀπολλωνίου || γυν(α)κί «Афродите привет. Адас приветствует Сатира, также Перисатову и того (Сатира) жрицу; и сыновей Евна и жену Аполлония»¹⁰⁷. Что этот Сатир сын Перисада, явствует из другого граффито: Θέρσιππος | Σατύρω κα[ι] | Παῖρυσάτου | χαίρειν «Терсипп шлет привет Сатиру, в том числе сыну Перисата»¹⁰⁸. Род. падеж имени Перисада не согласуется с глаголом χαίρειν, но ошибки тут нет, поскольку точно такую же надпись сделал чуть выше и левее Аполлоний¹⁰⁹. Из этих записей можно заключить, что

¹⁰⁶ Гайдукевич [КБН, с. 832] и Анохин [1999] заполнили лакуну в последней четверти III в. архонтом Гиgienонтом. Надписи на черепичных клеймах и монетах «архонта Гиgienонта» по письму относятся к III–II вв. Однако причислять его к боспорским царям III в. трудно, так как тогда они носили титул *басилея*, также имя Гиgienонт стоит вне традиционного имени Спартокидов, он не принадлежит к их роду. Для его правления как архонта, а не царя и нетрадиционного имени более подходит конец II в., когда царская власть совсем ослабела и царями становились даже рабы, как Савмак (*см.* о Гиgienонте ниже). *См.* также суждения Анохина [1999, с. 91–92] о Спартокидах нимфейских граффито.

¹⁰⁷ [Яйленко, 1995а, с. 231]. В стк. 4 принимаем чтение Виноградова [Vinogradov, 1990, p. 555] Εὐνοῦ καὶ; имя Εὐνοῦ распространено [РВ, 415] (в остальном критику его и Тохтасьева [2006] положений *см.* [Яйленко, 2008, с. 567/8]). В конце имени Σάτιρον сохранилась верхняя часть вертикали, которая не может принадлежать букве Υ, так как слева был бы виден ее левый усик, посему это Ν, т. е. вин., а не род. падеж. Глагол χαίρειν сочетается с вин. и дат. падежами. Адас приветствует под эгидой Афродиты членов царской семьи Сатира, сына Перисада, также Аполлония и его жену. Адас упомянул себя и того же Аполлония еще в двух записях поодаль: одна Ἀδας, Ἀπολλώνιος, другая справа от хорошо нарисованного изображения шагающего коня: у хвоста Ἀδας, у копыта Ἀπολλώνιος, на туловище коня ἵππ<π>κί «искусство верховой езды» (в последнем слове прочерк за последней буквой может быть принят за *сигму*, и тогда читается род. падеж: ἵππικῆς) [Яйленко, 1995а, с. 233]). Особое выделение Адасом имени Аполлония, изображение при его записях корабля, коня, упоминание верховой езды указывают на их дружескую или родственную связь, видимо, проявлявшуюся в совместных поездках по морю и уж точно в таком аристократическом занятии, как верховая выездка. Имя Адас распространено на Боспоре в римское время (КБН 373, 650, 688, 744, I–IV вв. н. э.; о датировке эпитафии 650 I в. до н. э. — I в. н. э. [Яйленко, 2010, с. 125]). Адас близок не только с Аполлонием, но и с его женой, Сатиром, жрицей. Именник этой записи соответствует именнику членов семьи Перисада I (347–310), у которого были брат Аполлоний и сын Сатир, вследствие чего Аполлония записей Адаса вполне можно считать членом Спартокидского дома, несмотря на распространенность этого имени на Боспоре. Имя Адас не характерно для именника Спартокидов, но имена мужей спартокидских женщин не спартокидские: мужа дочери Перисада I Акии звали Демофонтом, мужа царицы Камасарии Арготом (КБН 75, 1037). Видимо, связь Адаса со Спартокидами была матримониальной, либо же он их φίλος. Пример родственной связи со Спартокидами по матримониальной линии: дочь сановника Сопея вышла замуж за сына Сатира I (*Isocr.* 17, 11).

¹⁰⁸ В работе 1995 г. [Яйленко, 1995а, с. 233] я ошибочно читал по фото в стк. 1–2 этого граффито Θέρσιππος | Σατύρου и перевел его в целом так: «Отправляется в качестве послов всадничество Сатира и Перисата. В добрый час!», откуда заключил, что Сатир был отцом или старшим братом Перисада и что они соправители [с. 256]. Осмотр подлинника в Эрмитаже показал точность чтения Виноградовым в стк. 1 имени Терсипп [Vinogradov, 1990, p. 555, *ср.* Тохтасев, 2006].

¹⁰⁹ Ни Виноградов, ни Тохтасев не объяснили род. падеж имени Перисада (как сказано, глагол χαίρειν требует вин. или дат. падежа). Мы видим решение в том, что в выражении κα[ι] | Παῖρυσάτου | χαίρειν при Παῖρυσάτου подразумевается υἱὸς «сыну» и у καὶ чуть более широкое значение «также и»: «в том числе и», свойственное и литературному языку (то же в записи Адаса: «также и»). Отсюда

Рис. 130. Граффито из святилища Афродиты в Нимфее, фото автора

в то время правил Перисад, на это указывает и круг имен Спартокидов, явно повторяющий окружение Перисада I, у которого был брат Аполлоний и сын Сатир. Тождествен ли этот Перисад кому-либо из соименных царей, может показать датировка граффити¹¹⁰. Рассмотрим ее.

выражение «также и сыну Перисада» означает, что Терсипп и Аполлоний «шлют привет» двум Сатирам: один назван по имени, а второй назван «сыном Перисата» (первый мог быть, к примеру, дядей второго Сатира, сына Перисада). В надписи «Адас приветствует Сатира, также Перисатову и того (Сатира) жрицу» тоже присутствует связь Перисада и Сатира, но степень родства неясна. Из надписей Терсиппа и Аполлония при нашем понимании καὶ Πατριστάου «также и (в том числе) сыну Перисата» явствует, что подразумеваемый в надписи Терсиппа Сатир — сын Перисада. Комментарий SEG A. Ханиотис попытался объяснить род. падеж имени Перисада смещением род. и дат. падежей в греческих надписях (SEG 56, 894), что лишний раз выдает его неосведомленность в эпиграфике Сев. Причерноморья: здесь это явление засвидетельствовано лишь пару раз в надписях II–III вв. н. э. [Доватур, 1965а, с. 826, § 4. 3], в эллинистическое время оно неизвестно (см. и выше, с. 661).

¹¹⁰ Н. Л. Грач [1984, с. 82] датировала комплекс по сопутствующему археологическому материалу и имени Перисад второй четверти III в., увидев в нем Перисада II. Тохтасьев [2006] «без апелляции к палеографии» отнес нимфейские граффиты к первой половине III в., уделив доказательству этого небольшой абзац, избавив нас тем самым от необходимости разбирать его «аргументацию». Его поверхностной датировке сродни и понимание им смысла «династических» надписей, из которых никакого исторического содержания он, весьма далекий от истории, да и эпиграфики тоже, филолог, по сути, не извлек. Показательна в этом отношении его статья об историческом смысле вотива Левкона из Лабриса [Тохтасьев, 2004: *Боспор и Синдика в эпоху Левкона I*], из которой читатель по существу

Эти две надписи, как и другие [Яйленко, 1995а], исполнены курсивным письмом III–II вв. до н. э., именно, как указывают аналогии, второй половины III — первой половины II в.¹¹¹ По Н. Л. Грачу, штукатурка с фреской и надписями упала на обвалившуюся ранее крышу святилища с клейменной черепицей βασιλική. Она выпускалась с середины III в. по первую половину II в.¹¹² Образцы III в. не имеют курсивных форм¹¹³, они есть в клеймах II в.¹¹⁴, но отсюда вряд ли стоит заключать, что данные граффити ближе к первой половине II в., нежели ко второй половине III в., поскольку клейма и граффити — разные виды надписей¹¹⁵. Так как комплекс граффити и изображений на штукатурке с фреской относится ко второй половине III — первой половине II в., упоминаемый в них Перисад не может быть Перисадом II, правившим ок. 280–250 гг. Как увидим далее, в первой половине II в. правили Спарток VI (ок. 200–190), Перисад IV (ок. 190–180), регентша Камасария (ок. 180–170), Перисад V Филометор (ок. 170 —?). Таким образом, Перисадам нимфейских граффити можно заполнить лауну в списке монархов, приходящуюся на последнюю четверть III в. — между Левконом II и Спартоком VI, либо отождествить с одним из двух Перисадов вотива первой половины II в. КБН 75 за Перисада Перисадовича¹¹⁶. Видимо, дилемму решает то обстоятельство, что у Перисада и Камасарии был сын Перисад, который при тождестве с нимфейским Перисадом должен фигурировать в числе нимфейских Спартокидов. Так как там его нет,

узнает лишь, что такое грамматический апобат, никакой исторической конкретики, вопреки названию статьи, в ней нет и взяться ей неоткуда.

¹¹¹ Письмо нимфейских граффити находит параллели в ряде датированных папирусов [Seider, 1967. Taf. 3 (260–246 гг.), 6 (241 г.), 8 (215–213 гг.), 16 (126 г.); Boswinkel, Sijpestaaijn, 1968. Tab. 1 (176–165 гг.), 4b (162 г.), 6 (160 г.)]. К общей характеристике письма нимфейских граффити ср. также недатированные папирусы [Seider, 1970. Taf. 8 (начало III в.), 10 (II в.); Boswinkel, Sijpestaaijn, 1968. Tab. 10b (III–II вв.)].

¹¹² [Гайдукевич, 1935, с. 291/2]: шла с начала или середины III в. [Граков, 1935, с. 207/8]: ее выпускали после 220 г. до раннего II в. [Анохин, 1999, с. 204]: выпускалась от времени Перисада II (283–245) до регентства Камасарии (ок. 180–155). [Толстиков, Ковальчук, 2005, с. 384]: начало выпуска после 265 г.

¹¹³ [Гайдукевич, 1935, с. 258, № 72, с. 279, рис. 76д; Веселов, 1962, с. 357, рис. 33, 35–37; Анохин, 1999, с. 199, № 132–133].

¹¹⁴ [Гайдукевич, 1935, с. 277/8, рис. 76б, в, г; Веселов, с. 357, рис. 34, 39; Анохин, 1999, с. 199, № 136–137, с. 200, № 140, 152, 154].

¹¹⁵ Самое позднее граффито — Ἰοῦς при центральной фреске с изображением корабля, его название. Письмо его строгое и вместе с тем декоративное, относится ко второй половине II — I в. до н. э., ср. [Kirchner, 110 f.], на Боспоре оно представлено вотивом Фарнака КБН 20, эпитафиями 258, 262–264 и др. *Сигма* клейм II в. βασιλική с горизонтальными усиками, но в граффито Ἰοῦς присутствует ее более поздняя форма: горизонтальные усики завершаются слева и справа апексами, к которым примыкают наклонные гасы; в аттической эпиграфике она появляется во второй половине II в. [Larfeld, 1902. S. 479], на Боспоре представлена в нимфейском посвящении Митридату Евпатору конца II в. или первой трети I в. М. Новицкая вслед за нами [Яйленко, 1995а, с. 254] датировала надпись Ἰοῦς II–I вв., полагая, что она добавлена позднее к рисунку корабля [Nowicka, 2000]. По Н. Ф. Федосееву [2009], комплексы из цистерны № 1 святилища дают в качестве его верхней границы последнюю четверть II в.; судя по черепичным клеймам, здание с фреской пострадало во времена Спартока IV (ок. 245 — ок. 240); в конце третьей четверти II в. участок подвергся перестройке, в это время засыпаны обе цистерны. С такой хронологией Федосеева совпадают наши выкладки о времени надписей святилища.

¹¹⁶ КБН 75 надежно датируется первой половиной II в. по упоминанию Камасарии в числе донаторов Дидимейского храма в надписи 178–177 гг. и ряду других показаний [Латышев, 1909, с. 288–302].

нимфейский Перисад не имеет отношения к Перисадам КБН 75, поэтому помещаем его в лакуну между правлениями Левкона II и Спартока VI, отведя на его правление последнюю четверть III в. и обозначив Перисадам III. Однако в числе Спартокидов нимфейских граффити нет и Спартока VI, отца Камасарии, который, как увидим далее, должен править в первом-втором десятилетии II в. Это заставляет предположить, что после Перисада III правил сын его Сатир, сыном которого, возможно, и был Спарток VI. Если это так, правление его пришлось на рубеж III–II вв.¹¹⁷

Обратимся теперь к Спартокидам II в. В дельфийской проксении Перисад IV назван царем, его жена Камасария¹¹⁸. Она фигурирует в упомянутом списке донаторов храму Аполлона Дидимейского от 178–177 гг. одна, в ранге царицы и без мужа. Это указывает, во-первых, на завершение правления Перисада IV перед указанным годом, во-вторых, на ее единоличное правление. Из титула ее «Филотекна» («Сынолюбивая») и ее сына Перисада «Филометор» («Матерелюбивый») надписи КБН 75 вытекают их добрые отношения, по причине чего единоличное правление Камасарии следует признать регентством при несовершеннолетнем Перисаде Филометоре. Это, в свою очередь, предполагает ограниченный период правления отца его, Перисада IV: ок. 190–180 гг. Таким образом, при всей условности цифровых прикидок можно полагать, что правление Спартока VI, отца Камасарии, завершилось ок. 190 г., царствовал же он примерно с начала века¹¹⁹. При нем изготовлены черепичные клейма с именем Σπαρτόκου [Гайдукевич, 1935, с. 314, № 84–86], так как это декоративное письмо II в.¹²⁰ Перисад Филометор упомянут в посвящениях КБН 75, 1044, в списке донаторов Дидимского храма 154 г. [Граков, 39], при нем делалась черепица, клейменная именем Перисада, относящаяся по шрифту ко II в.¹²¹ Монеты II в. с именем Перисада должны быть поделены между тремя носителями этого имени. Последний Перисад неплохо представлен в источниках: в известии Страбона (VII, 4, 4), декрете в честь Диофанта IOSPE I² 352; подразумевается он, на наш взгляд,

¹¹⁷ В таком случае это будет Сатир III. Ср. также соображения В. А. Анохина [1999, с. 91–92] о нимфейских граффити и царском доме.

¹¹⁸ SEG 23, 314 (текст с исправлениями Ж. Буске [BCH. 1966. Т. 90, р. 442; SEG 23, 314]): [ἐξδοξε ταῖς πόλει τῶν Δελφῶν | ἐν ἀγορᾷ τελείῳ συμ]ψάφοις | ταῖς ἐννομαῖς·] ἐπειδὴ βασι[λεὺς Πατρι]σάδας καὶ βασιλ[ισ]σα Καμασαρ[ύ]α βασιλέως Σπα[ρ]τόκου διατε[λέ]οντι καὶ αὐτοὶ |[καὶ οἱ πρόγο]νοι αὐτῶν τὸν τ[ε] | θεὸν τιμ[έ]οντες καὶ τοῖς ἐν |[τυχε]ῶν τοῖς τῶν πολ[ι]τῶν φιλανθ[ρ]ώπως χρεῖμ[ε]νοι, δεδόχθ[η]αι τ[ᾶ]ς πόλ[ει] --] «*постановлено полисом дельфийцев на полномочном собрании с законным голосованием. Поскольку царь Перисад и царица Камасария, дочь царя Спартока, остаются и сами и предки их почитающими дельфийское божество, а также человеколюбиво обходятся с обращающимися к ним гражданами Дельфы, постановлено полисом --*».

¹¹⁹ Как видно, целиком ошибочно мнение Р. Вернера, что после Перисада II правил ок. 245–215 гг. его сын Спарток IV, которому наследовала ок. 215–175 гг. дочь Камасария [Werner, S. 428].

¹²⁰ Шрифт этих клейм тот же, что и надписи КБН 26, которую издатели справедливо датировали «по характеру письма — не ранее конца III, скорее первая половина II в. до н. э.», приписав Спартоку, отцу Камасарии, датируя его правление 200–180 гг. Ему же приписал их В. А. Анохин [1999, с. 200, № 147, 148]. Во II в. не было другого царя по имени Спарток, поэтому К. В. Голенко [1982] напрасно отнес к середине II в. две серебряные дидрахмы с именем Спартока, так что Анохин [1986а, с. 62–63] справедливо связал их со Спартоком, отцом Камасарии.

¹²¹ [Гайдукевич, 1935, с. 311, № 70]. В. А. Анохин [1999, с. 200, № 151] связал его со своим Перисадам III, правление которого отнес к 185–180 гг. Он прав в том смысле, что это клеймо по письму близко клеймам Спартока, отца Камасарии, поэтому мы связываем клеймо «Перисад» с Филометором.

и в надписи КБН 825: ἄρχωντος Παρισά[δου], где отсутствие царского титула указывает на то время, когда он уже отрекся от престола в пользу Митридата Евпатора (Strabo, *l. c.*), но управлял еще страной от имени сюзерена с титулом «архонта Боспора» до своей гибели в результате дворцового переворота, осуществленного скифами Савмака (IOSPE I² 352. 32). Из Диофантова декрета следует, что между отречением от престола и гибелью Перисада прошло не менее года. После подавления мятежа Савмака Диофантом, на наш взгляд, Боспором управлял от имени Митридата в ранге архонта Гиgienонт, правление которого засвидетельствовано монетами и черепичными клеймами. Правление Гиgienонта продолжалось несколько лет до прибытия на Боспор Махара, сына Митридата¹²².

Заклучим наш краткий очерк истории Боспора в эллинистическую эпоху таблицей разработанной нами тут хронологии Спартокидов¹²³:

Дата	Царь	Соправитель на азиатском Боспоре
438–432	Спарток I	Горгипп Орхам (?), Перисад I Аполлоний (?) Евмел
432–429 (или 419)	Селевк I	
429 (или 419) — 403	Спарток II (?)	
403–390	Сатир I	
390–351	Левкон I	
351–347	Спарток III	
347–310	Перисад I	
310–309	Сатир II	
309	Притан	
309–304	Евмел	
304 — ок. 300	Селевк II	
Ок. 300 — ок. 280	Спарток IV	
Ок. 280 — после 250	Перисад II	
Третья четв. III в.	Спарток V	
Ок. конца третьей четв. III в.	Левкон II	Спарток IV
Последняя четв. III в.	Перисад III (сыновья Сатир, Аполлоний?)	
Ок. рубежа III–II вв.	Сатир III (?)	
Ок. 200 — ок. 190	Спарток VI (сын Сатира?, отец Камасарии)	
Ок. 190 — ок. 180	Перисад IV (жена Камасария)	
Ок. 180 — ок. 170	Камасария (регентство)	
Ок. 170 — ок. 140	Перисад V Филометор	
Ок. 140 — ок. 109	Перисад VI, в последний год архонт	
Ок. 108 — ок. 100	Гиgienонт, архонт	

¹²² Лит. с разными датировками правления Гиgienонта [Завойкин, 2008, с. 214]. Аргументировано мнение Е. А. Молева [2014] о правлении Гиgienонта во второй пол. II в., возможна и догадка, что он был опекуном последнего Перисада. К правлению последнего Перисада и Гиgienонта в качестве архонта Боспора при царе Митридате ср. правление здесь полвека спустя Асандра сначала в ранге архонта, затем царя.

¹²³ Ср. хронологию Р. Вернера [Werner, 1955], В. Ф. Гайдукевича [КБН, с. 832/3], Ю. Г. Виноградова (в кн.: [Rostowzew, 1993, S. 223]), В. А. Анохина [1999, с. 236], О. Н. Мельникова [2009, с. 288], А. А. Завойкина [2004; 2010б; 2013, прилож. 2].

1.4. Культ правящего монарха у Спартокидов¹²⁴

Стк. 1–3 приведенной выше надписи Адаса хорошо сохранились и читаются четко (рис. 130), но ΤΟΥΙΕΡΙΝ конца стк. 3 понять непросто: Ἀδας χαίρειν Σάτυρον | καὶ Παίριδάτου καὶ ΤΟΥΙΕΡΙΝ. Ю. Г. Виноградов поначалу ограничился чтением τοῦ ΙΕΡΙΝ [Vinogradov, 1990, p. 555], затем в противовес моему чтению ἱερὸν «жрицу» (вин. падеж) [Яйленко, 1995а, с. 231] дал чтение личного имени Ἱέρην [SEG 45, 997]. Его и моя трактовки покоятся на единичных основаниях: имя Ἱέρης лишь единожды засвидетельствовано¹²⁵, как и слово ἱερίς «жрица»¹²⁶. Чтению имени препятствует предшествующее τοῦ, которое Виноградов не объяснил, так что остается мой вариант с ἱερὸν¹²⁷. Здесь τοῦ — указательное местоимение, имеет значение «того» и употреблено в качестве эквивалента имени Сатира, только что упомянутого¹²⁸. В целом читаем: Ἀδας χαίρειν Σάτυρον | καὶ Παίριδάτου καὶ τοῦ ἱερὸν «Адас приветствует Сатира, также Перисатову и того (Сатира) жрицу». Иначе говоря, Адас шлет привет жрице Сатира и Перисада, откуда явствует, что она была жрицей культа Сатира и Перисада. Она не названа по имени, как и жена Аполлония, что объяснимо: она жрица того святилища, в котором Адас сделал свою запись, имя ее, что называется, у всех на устах. Это не неожиданное свидетельство, так как на Боспоре уже отправляли культ Перисада I (*Strabo*, VII, 4, 4), и ввел его, скорее всего, Евмел в своих политических целях (ср. выше, с. 808)¹²⁹. Культ Перисада I удивительно долго отправлялся здесь — еще 4 с лишком столетия после ухода Спартокидов с династической сцены Боспора: в надписи КБН 36 времени царя Тираниса (275–278 гг. н. э.) упоминается распорядитель культа Перисада: ὁ ἐπίτροπος).. Παίριδάδους (стк. 33 в нашем чтении [Яйленко, 2010, с. 585]). Отметим и зафиксированное рядом надписей жречество представителей верхушки царства в храме Аполлона Иетра, покровителя власти Спартокидов. Жрецом был и Левкон, сын Перисада II, будущий царь Левкон II (КБН 25). При этом все упоминаемые боспорскими надписями представительницы Спартокидского дома сделали свои посвящения Афродите: Акия — в Гермонассе¹³⁰, Комосария — Астаре, ипостаси Афродиты, в храм на горе Бориса и Глеба (КБН 1015, 1041); посвящение Афродите

¹²⁴ Этот параграф опубликован [Яйленко, 1995а, с. 235/9], здесь доработан.

¹²⁵ [LGPN IIIA, p. 216, Элида, III в. до н. э.].

¹²⁶ LSJ, s. v. Эту форму дает cod. O «Моралий» Плутарха (II, 435b), в cod. E обычная форма Ἱέρεια.

¹²⁷ Беспомощный Тохтасьев [2006] возродил бессмысленное ΙΕΡΙΝ.

¹²⁸ Это артикль, он же указательное местоимение («тот» и др.), часто употребляется в качестве личного местоимения, у Гомера почти исключительно в таком значении, с V в. и в прозе (Платон, Фукидид, Ксенофонт и др.). Пример с заменой только что упомянутого персонажа членом — II, I, 33: ὁ γέρων «старец» (жрец Хрис) молится Аполлону, I, 43: τοῦ δ' ἔκλυε Φοῖβος «его услышал Феб». То же в боспорских стихотворных эпитафиях [Доватур, 1965а, с. 826, § 5, I]. Пример употребления этого указательного местоимения [τ]ῷ «ему» представлен в прозаическом граффито III в. до н. э. из Козырки (выше, с. 399).

¹²⁹ Ранее мы полагали, что введение культа Перисада было делом Евмела, так как у Сатира II и Притана, занятых войной, вряд ли было время для этого. Евмелу же, запятнанному братоубийством, такое предприятие политически выгодно для реабилитации в глазах боспорцев [Яйленко, 1990, с. 298]. Однако излагаемые ниже данные указывают на прижизненный культ Перисада I. Сомнения в этом [Завойкин, 2008, с. 210].

¹³⁰ Обломок посвяtitельной надписи из Гермонассы с эпонимной датировкой по Перисаду I [Павличенко, 2005], скорее всего, тоже связан с Афродитой.

в Кепях сделала жена Спартока Евмелова, отбыв жречество (ниже, § 5). Поскольку отдельные Спартокиды обоего пола исполняли жреческие обязанности, можно предположить, что и жрица нимфейского граффито принадлежала к Спартокидам, тем более, что она была жрицей Сатира и Перисада. Это указывает на их статус царей-соправителей Боспора, следовательно, жрица нимфейского святилища Афродиты была жрицей культа правящих царей Боспора. Этот вывод важен, поскольку свидетельствует о культе правящих монархов-Спартокидов, нам же до сих пор был известен официально отпавлявшийся посмертный культ Перисада I. Собственно, выражение Страбона (VII, 4, 4): Παρισάδης δὲ καὶ θεὸς νενομίσται «Перисад даже почитается богом» не содержит указания на посмертное его обожествление — это мог быть и прижизненный культ¹³¹.

Если и другие боспорские цари были объектом прижизненного культа, почему Страбон упоминает именно Перисада I? Ведь он говорит о его обожествлении в развитие только что высказанного утверждения, что, хотя боспорские цари назывались тиранами, большинство из них было достойными людьми, начиная с Перисада и Левкона¹³². Если Страбон не говорит об обожествлении отца Перисада I Левкона, а только о Перисаде I, то это означает, что именно с его персоны на Боспоре введен культ правящего монарха. Такой вывод соответствует историческим обстоятельствам начала эллинистической эпохи, на которое приходится правление Перисада I и Евмела: культ правящего монарха впервые учрежден Александром Македонским в 332–331 гг. в Египте (*Curti Rufi* IV, 7, 28–31). В 307 г. божеские почести оказаны Деметрию Полиоркету в Афинах, где назначен специальный жрец, учрежден алтарь, жертвоприношения, процессии в честь Деметрия и отца его Антигона, почитавшихся в качестве спасителей и благодетелей. Около того же времени складывался культ Селевка I, к земному отцу которого Антиоху причислили в качестве небесного родителя Аполлона, храм которого эти селевкидские владыки воздвигли в окрестностях основанной в 300 г. Антиохии на Оронте [*Justini* XV, 4, 2–9; Бенгстон, 1982, с. 63–64, 114/5]. Поскольку Перисад I действительно самый выдающийся царь Боспора (напомним, согласно эпиграфии КБН 113, он «правитель земли, границы которой вершины тавров и Кавказские горы»), у него были все основания для ввода вслед за великим Македонцем культа собственной персоны для обожествления своей власти. Это вполне отвечает духу новой эпохи, открытой великими деяниями Александра Македонского — деяниями и реально великими, и пропагандистскими: не забудем, что Александр жульничал, объявив после проведенной ночи в святилище Амона, что бог признал его своим чадом. Если Александру это было нужно для преодоления военно-демократических представлений македонян о царе как первом из равных, то купавшемуся в лучах славы Перисаду I культ собственной персоны мог быть нужен для идеологического подтверждения своего величия: не забудем, что для греческого населения Боспора он всего лишь «архонт». Д. В. Григорьев

¹³¹ Хотя Страбон упоминает в указанном пассаже двух Перисадов, первого и последнего, свидетельство об обожествлении явно относится к Перисаду I, самому значительному из царей Боспора.

¹³² Выражение Страбона ἀρχαῖμενοι ἀπὸ Παρισάδου καὶ Λεύκωνος «начиная с Перисада и Левкона», безусловно, подразумевает Перисада I. Упомянутый вторым Левкон, конечно, не Левкон II, краткое время правивший примерно в конце третьей четверти III в., это отец Перисада I Левкон I (390–351). Видимо, Страбон потому назвал его вторым, что слава Перисада I, активно торговавшего с Грецией, затмевала у греков славу его отца, впрочем, тоже настолько известного, что некоторые авторы называли Спартокидов Левконидами.

[2011/2] не без оснований счел, что одной из причин прижизненного обожествления Перисада стала его успешная военная деятельность.

Подтверждение вводу культа правящего монарха при Перисаде I мы находим в неожиданном эпиграфическом «взрыве»: сразу несколько членов его дома поставили при нем вотивы Афродите. Чтобы пояснить это явление, обратимся к упоминавшемуся посвящению КБН 75, суть которого теперь иначе выявляется в свете открытия прижизненного культа правящих боспорских монархов. Его сделал фиас Афродиты Урании Апатуры за царя Перисада V (ок. 170–140), мать его царицу Камасарию и мужа ее Аргота. Теперь ясно, что это не просто фиас почитателей Афродиты, как полагали ранее [Гайдукевич, 1949, с. 212], а специальный фиас, отправлявший культ правящего монарха под эгидой храма Афродиты Урании Апатуры в Пантикапее¹³³. Лишний раз этот вывод подтверждается тем обстоятельством, что жрица Перисада III и Сатира III фигурирует в нимфейском граффито из местного святилища той же Афродиты.

Поскольку культ правящего монарха отправлялся под эгидой Афродиты Урании Апатуры, можно заключить, что он осуществлялся не только в столичном храме этого божества, но и в его «филиалах» — храмах Афродиты в Нимфее, Кепях, Фанагории, Гермонассе, Апатуре. Этим объясняется и непонятное до сих пор обстоятельство: почему посвящения Афродите, так сказать, безадресны, тогда как посвящения Артемиде, Деметре, Матери и прочим богам обычно имеют «адрес» — сделаны за брата, дочь и других родственников (КБН 9, 14, 23 и пр.)¹³⁴. Теперь можно сказать, что это посвящения, сделанные за правящих монархов: как правило, они имеют эпонимную датировку по правящему царю, чем и указывалось, за кого именно сделано данное приношение Афродите. Это посвящения КБН 7, 75 (Пантикапей), 971, 972 (Фанагория), 1015 (Ахтанизовская), 1041, 1043 (Гермонасса), 1111 (Цукурский лиман, о связи ее со святилищем Апатуры [Гайдукевич, 1949, с. 214]), посвящение жены Спартока IV из Кеп (о нем ниже). Из этих 9 посвящений 7 сделаны при Перисаде I, причем 4 сделаны его родными — братом Аполлонием или Спартоком (КБН 7)¹³⁵, женой Комосарией (КБН 1015), дочерью Акией (КБН

¹³³ Текст надписи: «Венки Перисада, Камасарии, Аргота. За архонта и царя Перисада, сына царя Перисада, Матерелюбивого, и царицу Камасарию, дочь Спартока, Чадолубивую, а также Аргота, сына Исанта, мужа царицы Камасарии, синагог Феокрит Деметриев и фиаситы посвятили стелу Афродите Урании, владычице Апатура» (далее следуют имена 7 членов фиаса, ниже стела обломана). Под стк. I изображены три венка, что указывает на повод постановки стелы — увенчание правителей. Посвящение сделано в период регентства царицы-матери Камасарии при малолетнем еще Перисаде ок. 180–170 гг.

¹³⁴ Исключение, подтверждающее правило: вотив Афродите КБН 17 за брата сделан жителем Византия.

¹³⁵ По поводу нашей интерпретации посвящения КБН 7 отметим следующее. От патронимика посвяtitеля сохранились буквы [--]ικωνος, что при учете контекста надписи Латышев с основанием дополнил как [Λε]ϊκωνος. У Левкона I было 3 сына, названные афинским декретом 347 г. — Спарток III (351–347), Перисад I, Аполлоний. Если посвяtitель Спарток или Перисад, эпонимная датировка должна содержать имя Левкона, если Аполлоний, эпонимная датировка может содержать имя и Левкона, и Перисада (на рельефе при афинском постановлении 347 г. Аполлоний, младший из братьев, изображен бородатым, т. е. он был совершеннолетним еще при жизни Левкона). С учетом сказанного восстанавливаем текст КБН 7: [Σπάρτοκος vel Πατρισάδης vel Απολλώνιος Λε]ϊκωνος Αφ[ροδίτῃ Ουρανίῃ Απατούρου | μεθεούσῃ ἀν[έ]θηκε ἄρχ[οντος Λεύκωνος Βοσπόρου καὶ | Θεοδοσίης καὶ] βασι[λεύοντος Σινδων καὶ --] «Спарток / Аполлоний / Перисад, сын Левкона, посвятил Афродите Урании, владычице Апатура, при архонте Боспора и Феодосии Левконе, царствующем над синдами...» В статье 1995 г. я дал это восстановление надписи, поставив в качестве имени посвяtitеля имя Аполлония, но отметил,

1041), женой его внука Спартока IV (Кепы, см. ниже); еще два посвящения сделаны при Перисаде лицами, о которых нет данных, указывающих на принадлежность их напрямую к Спартокидскому дому (КБН 971, 972), хотя побочная (матримониальная?) принадлежность их к нему вполне вероятна.

Подобный взрыв посвящений за правящего монарха не имеет аналогий на Боспоре времени Спартокидов¹³⁶. «Взрывной» характер их появления служит доказательством ввода прижизненного культа Перисада I. Вместе с тем первая по времени из этих надписей сделана еще при отце его Левконе I (КБН 1111), что может указывать на ввод прижизненного культа монарха при нем. Эта дилемма проявится, если мы зададимся естественно встающим вопросом: почему культ боспорских царей осуществлялся именно под эгидой Афродиты? Ответ подсказывает характер культа Афродиты на Боспоре и монархической власти здесь. Культ Афродиты древнейший на Боспоре: ее святилище Апатур в Фанагории известно Гекатею, того же времени посвящение КБН 1234 из Зеленчука «богине Апатура» [Яйленко, 2010, с. 477/8]. Со времен Левкона I (390–351) у Афродиты Апатуры появляется эпитет Урания (КБН 1111), далее по времени следует выделенная выше группа votivov времени Перисада I. Считается, что почитавшаяся на Боспоре, и только здесь, Афродита Урания Апатура — синкретическое греко-туземное божество: прозвище Апатура связано с ионийским фратриальным праздником Апатурии, олицетворявшим единение всех ионян (боспорские греки происходили из нескольких ионийских центров). Как Урания она — скифская Артимпаса, богиня плодородных сил земли, воды, покровительница зверей¹³⁷. По Геродоту (I, 105; IV, 59, 67), Артимпаса (рукописные варианты: Аргимпаса, Ариппаса) соответствует греческой Афродите Урании. Культ Артимпасы восходит к аскалонской Небесной Афродите (Астарте), жрецы ее у скифов именуются энареями. Указание Геродота на связь скифской Артимпасы с западносемитской Астартой подтверждается посвящением жены Перисада I Комосарии (КБН 1015, происходит из окрестностей ст. Ахтанизовской) «крепкому богу Санергу и Астаре». Эта Астара — западносемитская Астарты, богиня любви и плодородия, богиня-воительница, олицетворение утренней планеты Венеры. Греческий культ Афродиты как Урании сформировался под влиянием культа Астарты (ниже, с. 832/3). В Передней Азии Астарте соответствует Иштар с теми же функциями, а также, что примечательно в интересующем нас аспекте, покровительницы царей (ее эпитет «царица царей»), — функция, возникшая под влиянием иранской Анахиты. У Астарты был мужской парэдр Астар. В остальных надписях, выделенных выше в связи с прижизненным культом боспорских царей, Астаре votiva Комосарии соответствует в посвящениях других родственников Перисада и прочих лиц Афродита Урания Апатура: это посвящения (по нашей интерпретации) за Левкона I (КБН 1111), Перисада I (КБН 7, 971, 972), Спартока

что может быть дополнено также имя Спартока [Яйленко, 1995а, с. 237]. Тохтасьев [2001, с. 157] повторил мой текст слово в слово, заменив лишь имя Аполлония именем Спартока. Я же курьезным образом забыл о своей реконструкции надписи 1995 г. и в книге «Боспорский рейх» отдал авторство ему [Яйленко, 2010, с. 38–39]. Возвращаю его себе, Тохтасьев же не автор, а *fur*.

¹³⁶ Взрыв подобного рода наблюдался и при Динамии, что тоже было вызвано политическими обстоятельствами ее времени [Яйленко, 2010, с. 238/9].

¹³⁷ [Ростовцев, 1918, с. 32, 35 сл., 124 сл.; Харко, 1946; Гайдукевич, 1949, с. 211/3; Народы, 1982, с. 297 (лит.); Бессонова, 1983; Ustinova, SEG 48, 990; Бунин, 2004; Шауб, 2007]. Излишне сложная конструкция М. Александреску Виану — восточные влияния на культ Афродиты Урании Апатуры на Боспоре шли через Милет [BCH. 1998. T. 121; SEG 47, 1178] — не учитывает скифской Артимпасы.

IV (КБН 1043), Перисада V (КБН 75)¹³⁸. Таким образом, посвящение КБН 1111 времени Левкона Афродите Урании, которая была покровительницей царской власти, может указывать на ввод культа правящего монарха еще при Левконе I.

Появление в боспорской надписи времени Перисада I имени западносемитской Астарты не может быть мотивировано связями Боспора с западносемитским миром ввиду отсутствия каких-либо известий о таковых. Следовательно, боспорская Афродита как Урания — действительно скифская Артимпаса, в соответствии с указанием Геродота восходящая к западносемитской Астарте¹³⁹. Однако эта специфическая скифская богиня могла стать покровительницей боспорских царей только в том случае, если Спартокиды сами были скифами по происхождению и принадлежали к царским скифам, иранцам по языку и этносу (к этому вопросу мы обратимся в следующей главе). В таком случае культ правящего царя у Спартокидов должен иметь скифские корни, однако у царских скифов как иранцев по происхождению имелось исконное представление о божественности царской власти (фарне), а не царей: обожествление личности царя, попросту говоря, возведение его или родословия к предку-богу, несвойственно исконной иранской мифологии и политической идеологии. Его проявления наблюдаются лишь в тех областях персидской державы, где такие представления имелись у туземных народов — в Египте, отдельных странах Передней Азии¹⁴⁰.

Представление о божественности царя чуждо и грекам классической эпохи, но со времени Александра Македонского, объявившего себя богом с помощью египетского святилища Амона (собственно, подкупленных его жрецов), в греческих эллинистических царствах стал насаждаться культ царя-основателя, затем и правящего царя. Не случайно этот процесс зародился в ближневосточном царстве Селевкидов и Птолемеевском Египте, где обожествление царя было давней местной традицией. Поэтому для введения прижизненного культа боспорского царя требовалось создание определенных общественных условий, которые стали формироваться в греческом мире с начала эллинистической эпохи под влиянием египетских прежде всего представлений о божественности личности фараона, удачно приспособленных Александром Македонским к обожествлению своей персоны и подхва-

¹³⁸ Вотив Комосарии, дочери Горгиппа, из Нимфея, очень вероятно, принесен в местное святилище Афродиты: [Κομοσαρί]ῃ Γοργίππου | θυγάτηρ ἀν[?]έρηκεν | [?] Ἀφροδίτῃ | θεῇ | [---] «Комосария, Горгиппа дочь, посвятила богине *Афродите* --», на что указывает аналогичная формула Ἀφροδίτῃ θεῇ других боспорских посвящений (КБН 35, 1055, 1115). У другой популярной в Нимфее богини — Деметры — такой формулы нет. Тохтасьев [1999а, с. 90] читал в стк. 3 [εὐχαμέων] θεῇ, что тоже возможно; малоприемлема его датировка надписи второй половиной IV в. — судя по указанному времени жизни Горгиппа, это вторая-третья четверть столетия.

¹³⁹ [Ростовцев, 1913а, с. 16–17; Бессонова, 1983, с. 38; Бунин, 2004, с. 109]. Упоминание Астарты в посвящении Комосарии КБН 1015, связанном с кругом других надписей в честь боспорских царей и упоминающих Афродиту Уранию, делает безосновательным скепсис некоторых исследователей (например, [Дюмезиль, 1976, с. 136]) в отношении заимствования скифами культа аскалонской Астарты. Вопрос об Афродите как Анахите Апатуре рассмотрим в следующей главе.

¹⁴⁰ Дария I обожествляли египетские жрецы, а не персы [Дандамаев, Луконин, с. 338/9]. Отсюда и происходят известия Эсхила (Persae, 145, 156–157) и перипатетика Фания (*apud. Plut. Them.* 27) об обожествлении персами своих царей Дария I и Ксеркса. Персидские источники не знают обожествления личности царя. Например, сам Дарий говорит в начале Бехистунской надписи о 8 своих предках-царях, происходящих от царя (не бога!) Ахемена, тогда как «царь он милостью Ахурамазды, Ахурамазда дал мне царство», т. е. божественной была царская власть, а не личность царя [Фрай, с. 136/7; Дандамаев, Луконин, с. 330; Ahn, 1992; Нефедов, 2014].

ченных правителями эллинистических царств. Так было и в сильно иранизированной Коммагене, где в I в. до н. э. учрежден мемориальный культ Антиоха Теоса в Нимруд-Даге, соединивший в себе персидские и греческие черты [Guarducci, 1970, p. 421; Nemrud Dag, 1996]. Поэтому, хотя надпись КБН 1111 (и, может быть, 7) может указывать на введение прижизненного культа боспорского монарха уже при Левконе I (390–351), в полном объеме официального культа он отправлялся со времени Перисада I (см. выше). Собственно, численное соотношение связанных с этим культом посвящений: 1–2 при Левконе и 5–6 при Перисаде I (КБН 971, 972, 1015, 1041, надпись из Кеп и, может быть, КБН 7) — предполагает такой вывод¹⁴¹.

1.5. Общая оценка развития Боспора и Ольвии в эллинистическую эпоху

Подведем некоторые итоги. Эллинизм вполне проявился своими характерными чертами в экономическом, политическом, демографическом и культурном развитии Боспора и Ольвии. В экономической жизни их тесная связь со скифским рынком достигла апогея во второй половине IV — первой четверти III в. Вытеснение в начале IV в. царских скифов из Нижнего Поднепровья агафирсами [Яйленко, 2013а, с. 204/15] привело к образованию нового модуса греко-скифских отношений: с устранением барьера между греческими городами Сев. Причерноморья и Скифией, каковыми были царские скифы, на местный рынок пошел интенсивный поток греческих товаров. Оживленный торговый обмен между скифами и греческими северо-причерноморскими центрами стимулировал экономический подъем обеих сторон. Торговля Ольвии и Боспора была ориентирована на удовлетворение скифского спроса, они служили перевалочными пунктами в поставках товаров метрополии в Скифию. Часть их собственного промышленного производства также шла в Скифию. Тем самым автаркичная полисная экономика классического типа уступила место экономике эллинистического типа, в значительной мере ориентированной на варварский спрос. Отсюда зависимость Ольвии и Боспора от скифского рынка: к примеру, война Перисада I со скифами ок. 328 г. привела в расстройство хозяйство Боспора. В III в. произошла переориентация внешних экономических связей: традиционные партнеры Боспора и Ольвии классического времени — Афины, Хиос, Лесбос и др. — уступили место Родосу, Косу и другим центрам, возвысившимся

¹⁴¹ Наши идеи о прижизненном культе Спартокидов принял Д. С. Бунин [2004], специально рассмотревший его в аспекте почитания Урании. Критику нашего мнения о культе правящих Спартокидов дали коллеги, походя затронувшие вопрос [Толстикова, Виноградова, 1999, с. 294/6; Завойкин, 2000, с. 47–48, 55–56; Нефедов, 2007, с. 85, 91]. Возражения в основном связаны с нашим прочтением и пониманием двух вышеприведенных нимфейских граффити, но критики не дали своего чтения, так что реальной пока остается наша их интерпретация. По К. Ю. Нефедову, сакрализация власти у иранцев не имеет ничего общего с культом эллинистических правителей. Это не совсем так, ибо мы ведем речь об эллинистическом времени, когда в образовавшихся на обломках империи Александра Македонского царствах стал внедряться культ царя. Пример с иранским миром дает упомянутая сильно иранизированная Коммагена с ее культом Антиоха Теоса в Нимруд-Даге, который, как сказано, соединил в себе персидские и греческие черты. Подобного рода культ на иранизированном Боспоре установлен на два столетия раньше. Кстати, он стал основанием для устройства культа римских императоров в гермонасском храме Цезаря — Кесареоне [Яйленко, 2010, с. 306/9].

в раннеэллинистический период. Первостепенную роль приобрели взаимные торговые связи понтийских городов. Сложение региональной экономики — одна из характерных черт эллинистической эпохи, проявившаяся на Боспоре, в Ольвии и в их торговых связях с городами Юж. и Зап. Понта.

Эллинистические тенденции отразились в демографическом развитии Боспора и Ольвии увеличением их населения за счет новых поселенцев из метрополии и из числа окрестных туземных элементов. В целом экономический и демографический рост Боспора и Ольвии выразился в интенсивном урбанистическом их развитии. Существенно, что в эллинистическую фазу они вступили без изменения своего политического строя — в Ольвии олигархического полиса, на Боспоре монархии с демократическими тенденциями. Эллинизм сказался здесь не на сущности политических организмов, а на характере политической жизни. Так, на Боспоре устойчивый порядок престолонаследия был нарушен Евмелом, начавшим вооруженную борьбу с легитимным наследником престола Сатиром II. Греко-скифское происхождение династии Спартокидов определило появление на Боспоре уже с конца V в. черт эллинистического характера: сращивание греческой и туземной верхушки в единое правящее сословие, конвергенция греческого и туземного миров в самых разных сферах жизнедеятельности (в этом отношении представляется справедливым мнение М. И. Ростовцева и В. Д. Блаватского о раннем возникновении реалий эллинизма на Боспоре — так называемом протоэллинизме). Другие проявления эллинистического толка в политической жизни Боспора разнообразны, причем порой они возникали здесь раньше, чем в остальном греческом мире. Это появление правителей эллинистического типа (Евмел, Перисад II, Спарток V), кровнородственные браки (Перисад I и Комосария, Спарток VI и Камасария), обожествление предка-монарха (прижизненный культ Перисада I), принятие титулов-эпиклес монархами (Филотекна, Филометор), апологетика деяний царя в местной хронистической литературе (Евмел)¹⁴².

Нормальное и поступательное развитие греческих центров Сев. Причерноморья было нарушено кризисом в первой половине III в. вследствие не внутренних, а внешних факторов — по причине дестабилизации скифского мира. Первым толчком ее, видимо, послужило вторжение кельтов в 280 г. на Балканы, в том числе концентрация части их в Сев.-Зап. Причерноморье, вероятно, около середины III в.

История Ольвии, как отметил еще Д. П. Каллистов, лишь отчасти подтверждает распространенное в современной историографии представление о внутреннем кризисе греческого полиса эллинистической эпохи в Причерноморье [Соколов, 2014а, с. 50, *лит.*]. Положение окраинных греческих городов принципиально отличалось от метрополий наличием варварского окружения, контакт с которым,

¹⁴² Дискуссия о протоэллинизме на Боспоре, о сущностных чертах эллинистической эпохи и о времени ее завершения в Сев. Причерноморье в особенности проявилась на специальном симпозиуме 1985 г. [ПЭЭ]. Последние работы по этой тематике [Молев, 2013; Подосинов, 2013а, 2014; Сапрыкин, 2013]. Мои представления о греко-скифском характере Спартокидов оспорил А. А. Завойкин [2014, с. 36–37], но едва ли действенен его аргумент о громадном превосходстве греков над боспорскими варварами в отношении развитости политической теории и практики: как раз у них — синдов, меотов и др. — традиционно культивировалась монархия, в том числе в V–IV вв., когда у греков метрополии ее почти не было. Показательно в этом отношении обсуждение политического устройства Персии после убийства магов Дарием и прочими заговорщиками: Отан предложил демократию, Мегабиз олигархию, а Дарий — монархию как традиционный политический строй персов, которая и была сохранена (*Herod.* III, 80–83).

вольный или невольный, требовал консолидации внутренних оборонных ресурсов, в том числе политического единства граждан. В третьей четверти III в. Ольвия вступила в кризисное состояние, и это результат воздействия в основном внешнего фактора — упомянутой дестабилизации скифского мира, которая повлекла за собой прекращение торговли с Боспором и Ольвией. Вместе с тем эпиграфические документы последней трети III–II вв. свидетельствуют о существенной социально-политической дестабилизации ольвийского полиса по внутренним причинам — ввиду концентрации основных его средств и богатств в численно небольшом кругу олигархических кланов. Хотя тяжелое положение города, подвергавшегося нападениям ближних и дальних варваров, стимулировало укрепление внутреннего единства, прочного согласия не было. По данным Протогеновского декрета, в конце III — первых двух десятилетиях II в. немало ксенов и граждан покинуло Ольвию; ясно, что это были те, кому было что терять — олигархические кланы, на новые адреса обитания они перевели и свои немалые средства, чем обескровили Ольвию окончательно, и около середины I в. до н. э. она стала добычей гетов Буребисты. Ключевым фактором ослабления Боспорского царства по нарастающей на протяжении III–II вв. была та же дестабилизация варварского окружения, сокращение хоры, прекращение прибыльной торговли хлебом с метрополией и посреднической торговли со Скифией. О событиях внутренней социальной жизни Боспора известий нет, по изменениям имени жителей Пантикапея можно лишь констатировать, что на протяжении III–II вв. происходило постепенное угасание традиционной для V–IV вв. греческой антропонимики, вытесняемой туземными личными именами [Яйленко, 2010, с. 116]. В I в. до н. э. — I в. н. э. население боспорской столицы в значительной мере варваризировалось, это было уже новое Боспорское царство.

1.6. Вотив жены (?) Спартока IV из Кеп¹⁴³

В 1963 г. на городище Кепы найден фрагмент мраморной базы, обколотый слева и справа, со средней частью трехстрочной посвятельной надписи (рис. 131, 134, ж), прочтенной Н. С. Беловой [1970] так: ⁵⁻⁷.....ῥσα Σπαρ[τόκου | ὑπὲρ Πατρ]ῆς Ἰσάδου[ς | τοῦ | Ἀδελφοῦ] Ἀφροδί[της]. По ее предположению, в начале стк. 1 стояло имя дочери Спартока, заканчивавшееся буквами -ῥσα, она сделала посвящение Афродите за брата Перисада. Белова отнесла надпись по характеру письма к концу IV — началу III в. и усмотрела в ней Спартока, сына Евмела, и его сына, будущего царя Перисада II. Датировка ее правильна, но интерпретация сомнительна, прежде всего в отношении формульной структуры: посвящения времени Спартокидов, как правило, имеют эпонимную датировку по правящему царю (КБН 6–11, 18, 23–26, 971–972, 974, 1014–1015, 1036–1040, 1042–1044, 1111; также вотив времени Левкона из Гермонассы [Белова, 1967])¹⁴⁴. Есть и простые посвящения типа «Аристион Аристофонов Афродите» (КБН 13), но они редки и их именик не связан с именами членов Спартокидского дома. Вотивы самих Спартокидов непременно датированы

¹⁴³ Опубликовано [Яйленко, 1995а, с. 226/30], здесь переработано.

¹⁴⁴ Поразительным образом непременность эпонимной датировки сохранилась в посвящении времени Савромата I или II: [Ἀφροδίτῃ Οὐρανίῃ Ἀπα]τοῦρῳ μεθε[ούσῃ | ἐπὶ βασιλείῳ] Σαυρο[μάτου] κτλ. [Тохтасев, 2002а].

Рис. 131. Вотив жены (?) Спартока из Кеп, фото Н. С. Беловой [1970]

по правящему монарху (КБН 7, 25, 1015, 1037)¹⁴⁵. Причастность к правящей династии делала их частные акты официальными, так что эпонимная датировка обязательна. Наконец, посвящения, найденные на азиатском Боспоре, всегда имеют ее, и это означает, что [Παιρ]ισάδους стк. 2 принадлежит ей: [ἄρχοντος Παιρ]ισάδους «при архонте Перисаде»¹⁴⁶. Какой Перисад имеется в виду, первый или второй, указывает письмо — оно раннеэллинистическое со всеми характерными его признаками. Параллели находим не только в справедливо указанном Беловой вотиве КБН 18 времени Спартока Евмелова (ок. 300–280), но и в других надписях последней трети IV — начала III в. до н. э.¹⁴⁷ Это проксенический декрет из Горгиппии времени соправления Селевка II и того же Спартока IV в 304 — ок. 300 г., но также вотивы второй половины правления Перисада I (347–310) КБН 1, 11, 1040 [Яйленко, 2010, с. 25], его же проксения кромниту [Виноградов, Толстиков, Шелов-Коведяев, фото] (судя по графеме ου и письму, она того же времени).

¹⁴⁵ Поэтому безграмотно возражение Ю. Г. Виноградова [SEG 45, 990] против моего утверждения (в статье 1995 г. с этими материалами), что эпонимная датировка обязательна в посвящениях времени Спартокидов. Он апеллировал к вотиву КБН 1041, где ее якобы нет. Вот текст надписи по КБН: [Ἀ]κίς Παιρ[ισάδ]ους ἀνέθηκεν | Ἀ]φρ[οδίτ]τι --], почему здесь ее нет? Вместо впадения в критический раж Виноградов следовало бы усвоить, что многочисленность приведенных примеров с эпонимной формулой, в том числе обязательное присутствие ее в вотивах азиатского Боспора, указывает, что она должна быть дополнена и в посвящении КБН 1041, которое читаем так: [Ἀ]κίς Παιρ[ισάδ]ους θεῇ | Ἀ]φρ[οδίτ]τι ἀνέθηκεν | ἄρχοντος Παιρ[ισάδ]ους] «Акис, дочь Перисада, посвятила богине Афродите при архонте Перисаде». По Латышеву [1906, с. 125], расположение следов ступней статуи на этой базе показывает, что она была вдвое шире сохранившегося обломка (ок. 75 см), т. е. в строке было около 20 букв; снизу постамент сколот, так что могло быть 3 и более строк. Для соблюдения числа букв в строке дополняем после [Ἀ]κίς Παιρ[ισάδ]ους слово θεῇ (?) по выражению Ἀφροδίτῃ θεῇ вотивов КБН 35, 1055, 1115.

¹⁴⁶ Эпонимную датировку такого типа содержит посвящение КБН 1036 времени Перисада II или III: [ἄρχοντος Παιρ]ισάδου τοῦ Σπα[ρ]τόκου (ср. эпонимную датировку βασιλεύοντος Παιρ[ισάδ]ου τοῦ Σπαρτόκου посвящений КБН 21, 23). Вотивы времени Перисада I обычно включают в эпонимной датировке полную титулатуру царя (их перечень [Яйленко, 2010, с. 48]). Краткая формула Παιρ[ισάδ]ους ἄρχοντος представлена в метрическом посвящении КБН 113 (ради метра члены формулы переставлены местами). Она происходит из краткой эпонимной формулы отца его Левкона I (390–351) в КБН 1111: ἄρχοντος Λεύκωνος Βοσπόρου καὶ Θευδοσίης.

¹⁴⁷ Другая надпись, КБН 17, также приведенная Беловой в качестве параллели к посвящению из Кеп, весьма отличается по письму (см. ее фото и КБН 18 на с. 69 статьи Беловой) и принадлежит, на наш взгляд, ко второй половине III в., ср. КБН-альбом, № 21: посвящение Спартока V за отца, Перисада II (ок. 280–250), № 26: вотив Спартока VI за отца Перисада III (последняя четверть III в.).

Приведенные параллели последней четверти IV — начала III в. указывают, что Перисад посвящения из Кеп — Перисад I (347–310), а не Перисад II (ок. 280–250). В таком случае Спарток стк. 1 может быть только его внуком Спартоком IV (ок. 300–280). Как видно, время их правления разделяет небольшой промежуток примерно в десятилетие. Перисад правил долго, так что его старшие сыновья, будущие цари Сатир II (310–309) и Евмел (309–304), уже сами имели детей, в частности, у Евмела был сын Спарток, который ок. 300 г. сел на престол отца. Так как он правил лет 20, в конце правления Перисада I он был, скорее всего, молод. А другой внук Перисада, сын Сатира Перисад, во время междоусобной войны 310 г. был подростком (*Diod.* XX, 24: νέος ὢν παντελῶς τὴν ἡλικίαν «совершенно юного возраста»). Это указывает, во-первых, что рассматриваемое посвящение относится к одному-двум последним десятилетиям правления Перисада I, т. е. к 320–310-м гг., во-вторых, предполагает, что женщина, связанная узами родства или брака со Спартоком (--υσα Σπαρ[τόκου] стк. 1), не принадлежит к числу детей Спартока, поскольку он сам еще молод.

Рассмотрим теперь вопрос об авторе посвящения, т. е. о дополнении лакуны стк. 1. Сохранившиеся буквы [--ο]υσα показывают, что это была женщина, и сказанное о возрасте Спартока предполагает, что это его жена, так что дополняем в лакуне стк. 2 перед эпонимной датировкой: [γυνή? ἄρχοντος Παρι]σάδους «*такого-то жена при архонте Перисаде посвятила*»¹⁴⁸. Длина стк. 2 показывает, что помимо имени по-святительницы в стк. 1 содержалось упоминание жреческого сана типа ἱερή или ἱερομένη, как свидетельствуют вотивы времени Спартокидов¹⁴⁹. В боспорских вотивах времени Спартокидов указание на жречество следовало после имени или имени-патронимика посвятителя (например, КБН 10: «Сатирион Патайков ἱερησάμενος, 14: «Аристоники, жрица Деметры, дочь Ксенокрита»). У нас окончание [--ο]υσα стк. 1 показывает, что соответствующее причастие стояло не в медиальном залоге, обычно свойственном греческим надписям, а в более редкой активной форме: [ἡ δεῖνα ἱερατεύουσα «*такая-то, будучи жрицей*»]. На Боспоре активная форма такого причастия зафиксирована в III в. н. э. (КБН 36 А. 11: ἱερατέων) и, что для нас существеннее, в посвящении IV в. до н. э. КБН 1042, в котором буквы [--]ων перед эпонимной датировкой по правящему монарху вряд ли дополняются иначе, нежели как указание на жреческую должность: по Латышеву, [ἱερατέων?]ων¹⁵⁰.

¹⁴⁸ Обозначение родства автора посвящения обычно ставится после его патронимика, например: «Гестия, Менодора дочь» (КБН 21), «(--)сфена жена» (КБН 18) и др. Показательно в этом отношении посвящение КБН 1015: «Комосария, Горгиппа дочь, Перисада жена». Поскольку по-святительница позиционирует свою близость Спартоку, она не член Спартокидского дома по рождению (им ссылки на родство не требуются), а вошла в него со стороны, т. е. жена или ее мать. Как сказано, посвящения Спартокидов Афродите сделаны за Перисада I, так что Спарток фигурирует в надписи из Кеп лишь для указания на степень косвенных родственных отношений по-святительницы с Перисадом. Ориентируемся на приведенный вотив Комосарии как «Перисада жены». С дополнением в стк. 2 [γυνή, ἄρχοντος Παρι]σάδους в лакуне насчитывается 16 букв. В лакуне стк. 1 должно стоять только имя по-святительницы; за вычетом 9 букв причастия на него остается 7 букв.

¹⁴⁹ КБН 6, 10, 25, 974, 1044: ἱερησάμενος, 26: ἱερώμενος, 14: ἱερή, 8, 21, 1040: ἱερομένη. Перечислим посвящения эпохи Спартокидов, сделанные женщинами. КБН 8, 14: Креуса, дочь Медонта, Аристоники, дочь Ксенокрита, жрицы Деметры; 18: жена [--]сфена посвятила Деметре; 21: Гестия, дочь Менодора, жрица Фригийской матери; 27: Плусия посвятила Ангиссе; 972: Кассалия, дочь Посия, Афродите Урании; 1015: Комосария, дочь Горгиппа, жена Перисада I, посвятила Санергу и Астаре; 1040: безымянная жрица, посвятила Артемиде; 1041, 1043: Акия, дочь Перисада I, и безымянная дочь Федима, жена Стратия, Афродите.

¹⁵⁰ Глагол ἱερατεύω «исполнять жреческую должность» вошел в широкое употребление со II в. до н. э., но есть примеры и более раннего узуса (DGE 202 C, вотив IV–III в. с Крита и пр.). В боспорских

Изложенное позволяет реконструировать вотив из Кеп таким образом:

[ῆ δέῖνα ἱερατεύου]σα, Σπαρ[τόκου γυνή ?, ἄρχοντος Παρι]σάδους [τοῦ Λεύκωνος ἀνέθηκεν τῇ] Ἀφροδί[τῃ]	«такая-то, будучи жрицей, жена Спартока, посвятила при архонте Перисаде, сыне Лев- кона, Афродите» ¹⁵¹ .

Попробуем выяснить, почему жена Спартока избрала для своего посвящения святилище Афродиты в Кехах. Выше мы отметили, что Спарток в недолгий период соправления с братом Селевком (304 — ок. 300) по спартокидскому обычаю был соправителем на азиатском Боспоре. Согласно этому обычаю (о нем ниже) старший сын правящего царя сидел в Пантикапее, помогая отцу в управлении, а следующий по старшинству сын управлял азиатским Боспором. Разумеется, при Перисаде I внук его Селевк не мог управлять азиатским Боспором, но как раз отец его Евмел был там соправителем (это следует из того факта, что во время войны Евмела с Сатиром театром военных действий был азиатский Боспор: там Евмел поднял мятеж против законно севшего на престол старшего брата Сатира). Следовательно, сын Евмела Спарток обретался при дворе своего отца, управлявшего при Перисаде I азиатским Боспором. Дворец принца-соправителя, возможно, располагался в Фанагории, крупнейшем городе азиатского Боспора. Из ее дальней округи происходит посвящение Комосарии, дочери Горгиппа и жены Перисада I, сделанное «по обету» (КБН 1015, найдена близ ст. Ахтанизовской), из ближайших к Фанагории городов Гермонассы и Кеп происходят посвящательные надписи Акии, дочери Перисада I (КБН 1041) и жены внука его Спартока исследуемой

посвящениях времени Спартокидов употреблялся только глагол ἱεράομαι. Примеры употребления активной формы причастия от глаголов ἱερόω, ἱερατεύω, хоть и менее многочисленны по сравнению с медиальной формой, но тоже распространены в греческих надписях: DGE 553 — ἱεροῦντος (Фессалия, около Πα), 202 С — ἱερατεύων (Крит, IV—III в.), 236 (Кирена, Ia — Ip), 448 (Танагра, IIIa) etc. Эти и приведенные боспорские примеры снимают возражение Ю. Г. Виноградова [SEG 45, 990] против моего дополнения (в статье 1995 г.) [ἱερο]ῦσα, что-де в боспорской эпиграфике такой формы нет. Во-первых, как сказано, она есть — ἱερατεύων КБН 36, а в посвящении IV в. до н. э. КБН 1042 буквы [--]ων перед эпонимной датировкой по правящему монарху вряд ли дополняются иначе, нежели [ἱερατεύ]ων Латышева. Во-вторых, к примеру, в Ольвии в I в. н. э. сосуществуют две формы причастия от двух глаголов: посвящения II в. до н. э. — I в. н. э. дают форму ἱερῆσάμενος (I² 189–191: II в. до н. э.; 192: I в. до н. э. — I в. н. э.), вотивы I–II вв. н. э. дают формы ἱερατέυσας, ἱερατέων (I² 139–142, 144).

¹⁵¹ В лакуне справа дополняется не более 5 букв (с тыльной стороны базы сохранилась ее правая грань). Боспорские посвящения сделаны действующими жрицами или жрецами (КБН 8, 14, 21, 26, 1040) и отбывшими жречество (КБН 6, 10, 25, 974, 1044). Перепроверим более краткий вариант Беловой с именем посвящательницы, но, как сказано, с обязательной эпонимной датировкой по Перисаду I (возьмем краткую конструкцию, как в приведенном выше нашем чтении вотива Акии КБН 1041). В лакуне стк. 2 нельзя дополнять ничего, кроме [γυνή, Παρι]σάδους, ибо в лакуне стк. 1 по краткому варианту может быть лишь имя посвящательницы. Из многочисленных имен на -ουσα [Hansen, 43] возьмем наиболее пространное, представленное в боспорских надписях — Арескуса (КБН 356, 937, I в. н. э.), с ним лакуны стк. 1–2 уравниваются по числу букв. Однако в таком случае титул Перисада «архонт» приходится переместить в конец стк. 2 и начало стк. 3: [e. g. Ἀρέσκο]υσα, Σπαρ[τόκου] γυνή, Παρι[σάδους] [ἄρχοντος θεᾶ] Ἀφροδί[τῃ] «Арескуса, жена Спартока, посвятила при архонте Перисаде богине Афродите». Этот вариант потому неприемлем, что в эпонимной датировке титул «архонт» стоит после имени Перисада I. Как сказано, такая перестановка есть в стихотворной надписи КБН 113, но там она обусловлена требованиями метра.

надписи¹⁵². Как сказано, все упомянутые представительницы дома Спартокидов сделали свои посвящения Афродите: жена Спартока ее святилищу в Кепях, Акия в Гермонассе, Комосария в храм Астарты-Афродиты на горе Бориса и Глеба, что связано с культом правящего боспорского монарха, отправлявшегося под эгидой Афродиты. Следовательно, посвящение жены Спартока сделано в рамках прижизненного культа Перисада I¹⁵³.

2. ИРАНСКОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ СПАРТОКИДОВ¹⁵⁴

По вопросу об этнической принадлежности Спартокидов высказывались мнения, что они были фракийцами [Латышев, 1909, с. 73; Гайдукевич, 1949, с. 56; Жебелев, 1953, с. 167; Шелов-Коведяев, 1985а, с. 83–84; Васильев, 1977, *лит.*; Федосеев, 2014, с. 146 *сл.*], греками [Блаватская, 1959, с. 26 *сл.*; Блаватский, 1964, с. 56; 1976; Брашинский, 1965, с. 118 *сл.*], иранцами [Десятчиков, 1985], либо принадлежали к туземной среде Боспора, скорее всего к синдам или скифам Вост. Крыма [Артамонов, 1949, с. 34; Каллистов, 1952, с. 114/5, *ср.* Васильев, 1974]¹⁵⁵. Сторонники первой точки зрения ссылались в основном на фракийский характер имени основателя династии Спартока, согласно адептам второго мнения, Боспор был прежде всего объединением местных греческих городов; сторонники местного происхождения апеллировали к туземной основе населения Боспора. Проблема еще ждет своего полного изучения, мы приведем соображения в пользу скифо-иранского происхождения Спартокидов, предварительно отметив правильную в целом посылку большинства исследователей, начиная с Дюбуа де Монпере, о важнейшей роли туземного компонента населения Боспора. Он был настолько силен здесь, что греки до прихода к власти в 438 г. местной по происхождению династии сильно эллинизированных Спартокидов оказывали небольшое воздействие на тамошнее население [Завойкин, 2011]. Внутренняя политика Спартокидов зиждилась на основополагающем принципе равновесия греческого и туземного компонентов царства: как правители греческого, городского по преимуществу населения они «архонты Боспора», как владыки туземного населения, сгруппированного по племенному признаку и имевшего своих царей и царьков, они верховные цари (*βασιλεῖοντες*). Иначе говоря, для обоих компонентов царства Спартокиды избирали привычную им форму правления: для греков полисную, для туземцев царскую. Аргументы в пользу иранского происхождения Спартокидов многообразны, касаются разных сфер, приведем их.

¹⁵² По-видимому, эта традиция сохранялась и при Митридате Евпаторе, дети которого сидели в Фанагории, а правивший ранее сын его Махар бежал, страшась отца, с азиатского Боспора на европейский [App. Mithr. 102, 108; Яйленко, 2010, с. 223].

¹⁵³ Святилище Афродиты в Кепях дало не только лапидарный памятник, но и посвященные граффити.

¹⁵⁴ Опубликовано [Яйленко, 1995а, с. 239/53], здесь переработано.

¹⁵⁵ Филолог Тохтасьев как плохой историк по своему обыкновению только помутил воду: проблема есть, у основателя династии Спартока фракийское имя, но он скорее скифского происхождения, будущие исследования археологов (!) прояснят ее [Tohtashev, 1986].

Аргумент 1: Посвящения за правящего Спартокида Аполлону Иетру

Культ Аполлона Иетра засвидетельствован малой эпиграфикой со второй четверти VI в., можно сказать, со времени греческой колонизации Тамани¹⁵⁶. В Пантикапее самое древнее посвящение — на венчике килика начала V в. [Толстиков, 1992, с. 69, рис. 10, 13; Яйленко, 2006, с. 366/7]. Он найден на Митридаде, где со второй четверти V в. действовал храм Аполлона Иетра [Толстиков, 1984, с. 78]. Для нашей темы существенны лапидарные votives, которым свойственна та же особенность, что и посвящениям Афродите Урании, — они не имеют «адреса», следовательно, поставлены за правящего монарха или его родных¹⁵⁷. По времени они идут с раннего IV в. (Левкон I) до II в. (Перисад V). Выше мы выяснили (с. 26, 27), что у фракийско-греческого Аполлона Иетра Сев.-Зап. Понта не было функции покровительства царской власти, так что наличие ее в культе Спартокидов объяснимо лишь через скифский аналог Аполлона *Forṓsuros* = *Vāta-sura «Ветер-повелитель». Это очевидный аналог Аполлона Иетра как «Ветра», который делает понятным и отождествление Геродотом скифского Войтосуры с Аполлоном, и функцию покровителя царской власти у Аполлона Иетра на Боспоре: *Vāta- исконное иранское божество, в числе прочего покровитель царской власти. Спартокиды осеяли свою власть культом ее носителя Войтосура, но, поскольку грекам он был незнаком, они отождествили его с греко-фракийским аналогом Иетром. Только таким образом можно объяснить появление на Боспоре у Аполлона Иетра не свойственной ему функции охранителя царской власти, и это красноречивое свидетельство иранской принадлежности Спартокидов. В твердыне их власти — на акрополе Пантикапея — неподалеку от их дворца располагался храм Аполлона Иетра [Толстиков, 2010].

Аргумент 2: Связь культа Перисага I с Анахитой Апатурой

Мы разделяем мнение, что домен Спартокидов до их утверждения на боспорском престоле находился на азиатском Боспоре. Давно замечено, что во всех списках подчиненных или союзных народов, фигурирующих в их титулатуре, обязательно

¹⁵⁶ Граффито [Ἰη]τρῶ «Иетра» (*gen.*) на обломке стенки родосско-ионийского сосуда типа Tardiff (580–560 гг.) из Патрея [Емец, 1995, с. 28], в нашем чтении [Яйленко, 2006, с. 367]. Подборка посвященных граффити Аполлону Иетру [Сударев, 1999]. В Нижнем Побужье почитание Аполлона Иетра зафиксировано с первой четверти VI в., тоже в колонизационную эпоху, и мы выяснили, что греки заимствовали его у местного фракийского и киммерийского населения (выше, с. 19–22). Соответственно и боспорские греки заимствовали его из местной среды, которая, следовательно, тоже была фракийской и киммерийской (выше, с. 28).

¹⁵⁷ КБН 6, 10, 25 (Пантикапей, Левкон I, Перисад I, Левкон II), 974 (Фанагория, Спарток IV), 1037, 1044 (Левкон I, Перисад V). Как бы для иллюстрации их постановки за Спартокидов votiv 25 поставил, отбыв жречество в храме, сын Перисада II, будущий царь Левкон II; votiv 1037 сделан за дочь Перисада I Акию. Из 6 votivov лишь 1 поставлен вроде бы за частное лицо — при Левконе I некий Стратокл почтил статуей своего отца Дейнострата по отбытии им жречества в храме Аполлона Иетра (КБН 6). Однако он может быть родственником Спартокидов по матримониальной линии: еще К. Нойман считал, что в честь этого Стратокла назван боспорский город Стратоклея.

представлены, притом на первом месте, синды, и это наряду с другими данными давало повод усматривать в синдо-меотах их коренную почву [Ростовцев, 1925, с. 293; Артамонов, 1949, с. 31 *сл.*; Блаватский, 1954, с. 42 *сл.*]. Уточним, что малая родина Спартокидов — Тамань: отсюда происходит основная часть связанных с ними эпиграфических памятников, здесь погребен привезенный из-под Феодосии Сатир I, и над его могилой насыпан столь большой курган, что и 4 века спустя Страбон (XI, 2, 7) отметил его как одну из достопримечательностей страны [Блаватский, 1954, с. 42]. Иранские корни Спартокидов как таманского царского рода находят соответствие в имени IV в. до н. э., до сих пор не привлекавшего к себе внимания, Καβαθαξης. Оно засвидетельствовано дважды. В списке имен IV в. из Гермонассы (КБН 1056, кол. I. 20) среди 38 греческих имен только оно принадлежит туземцу, причем греческие имена ярко ионийские, это список потомственных граждан города, наследников его основателей VI в. Еще раз мы встречаемся с этим человеком по печальному поводу: на той же Тамани у Кизилташского залива на кургане над гробницей найдена стихотворная эпитафия его внука Кпеефира¹⁵⁸. Имя Καβαθαξης еще не объяснялось, полагаем, оно иранское: *Kavāta χṣāya «Кавата царь»¹⁵⁹. Греческая передача личного имени Каваты со словом «царь» совместила имя Каваты с титулом, т. е. этот человек местный царек, ибо только этим можно объяснить включение его, единственного из туземцев, в гражданский список Гермонассы. Местонахождение эпитафии его внука указывает, что владения Каваты располагались (по меньшей мере) у Кизилташского залива. «Царское» значение имени Каваты явствует из того, что оно династическое в легендарной истории иранцев: Kavāta — первый царь мифологической династии Кайанидов (Kavi-, Яшт, XIII, 132) [Christensen, p. 70–71], в общем 8 царей династии имели при личном имени титул Kavi-Kavāta [Justi, S. 159/60; Wb. Myth. 1986, S. 375/6]. Имя Kavāta носили также парфянские и сасанидские цари¹⁶⁰.

Упоминание имени Каваты в таманских надписях IV в. до н. э. примечательно в ряде отношений. Оно свидетельствует о распространенности легендарно-исторической авестийской традиции от Средней Азии и Ирана до Сев. Причерноморья и, что особенно важно, показывает присутствие авестийской традиции в северочерноморском регионе. Оно удостоверяет раннюю датировку XIII Яшта, упоминающего Кавату — конец доахеменидского периода или время Ахеменидов; видимо,

¹⁵⁸ КБН 1113, IV в. Упоминание имени Καβαθαξης в двух надписях, близких по времени и месту обнаружения, при том, что более оно не встречается, свидетельствует о принадлежности его одному лицу.

¹⁵⁹ Иранское *v* обычно передавалось греч. *β* [Zgusta, 1955, S. 229], особенно ввиду того, что в ряде диалектов греческого языка, в том числе ионийском, с IV в. до н. э. стало проявляться спирантное произношение *β* как *v* (u) [Bechtel, 1924, S. 40; Buck, p. 47]. Иранскому *t* регулярно соответствовали греч. *τ*, *θ* [Zgusta, S. 221], авест. χṣāya «царь» (др.-перс. χṣāyaθiya-, ср. перс. šār) передавалось через ξαί, ξη, ξι, например, в имени Ξη-υοδης первая основа Ξη = χṣāya [Ib. S. 121/2, 219]. См. также [Яйленко, 2010, с. 151]. Индоарийская этимология имени, данная О. Н. Трубачевым [1999, с. 34], под вопросом: из *kumbha-takša- «отесывающий сосуды», настолько экзотична, что в словарь индоарийских имен и названий Сев. Причерноморья он его не включил.

¹⁶⁰ Подробнее об имени-титуле Kavāta [Christensen, 1931]. В иранских и арабских источниках династия Кайанидов локализуется в пределах юга Средней Азии, Афганистана, Ирака, также Нововавилонского царства VII–VI вв. до н. э., с которым синхронизируется разными источниками («Денкарт», «Шахнаме», Масуди, Беруни). Одни исследователи считают династию исторической (А. Кристенсен, В. Б. Хеннинг и пр.), другие — вымышленной зороастрийским жречеством (Р. Фрай, М. Моле и пр.).

с такой древностью авестийской традиции в Сев.-Вост. Причерноморье связана необъяснимость имени внука Каваты Κττῆθυρης. По мнению ряда исследователей, после переднеазиатского похода VII в. царские скифы некоторое время оставались на Сев. Кавказе, потом перешли в Нижнее Поднепровье [Мозолевский, 1990]. Полагаем, их остатком был род Каваты на Тамани. Род Спартокидов тождествен роду Каваты, ибо трудно представить себе сосуществование двух царских родов в пределах небольшого Таманского полуострова, так что Кавата и его потомки — ответвление царского Спартокидского дома, проживавшее на исконной родовой территории. Подобно Спартокидам они вполне эллинизованы, на что указывает составление стихотворной эпитафии Кпеефиру, но иранский именник их чист.

Уяснив исконный таманский ареал Спартокидов, продолжим тему их иранского происхождения. Их принадлежность к высшей аристократии царских скифов хорошо объясняется связью культа Перисада I именно с Афродитой, греческим эквивалентом иранской Ардвисуры Анахиты, которая входила в основную триаду иранских божеств вместе с Ахурамаздой и Митрой. Если Ахурамазда — абстрактный верховный бог зороастрийской религии, воспринятой Ахеменидами («Ахурамазда дал мне царство», утверждал Дарий в Бехистунской надписи), то Митра и Анахита почитались в широкой иранской среде [Дандамаев, Луконин, с. 314]. Функции Анахиты очерчены в посвященном ей Абан-Яште «Авесты»: она вызывает любовную страсть, помогает рожать детей, покровительствует дому, имуществу, стадам, стране (см. пер. [Брагинский, 1972, с. 57 сл.]). По происхождению она божество водной стихии, «бескрайняя, знаменитая, равная всем водам, текущим по земле». Как подательница богатства она подательница власти, фарна. От нее получил власть над миром людей и полубогов первочеловек Йима: «Даруй мне такую удачу, чтобы я наивысшим властителем над всеми кишварами стал, над дэвами и людьми, над волшебниками и пери, над кавийскими и карапанскими властителями... и даровала ему эту удачу Ардвисура Анахита» (V, 7). Анахита дает верховную власть Хушенгу, третьему мифическому царю Ирана, царям из рода Кайанидов и другим эпическим богатырям Ирана. Разумеется, на конечном оформлении Ардвисур-Яшта сказалось определенное воздействие сасанидской эпохи, но в целом он считается достаточно ранним произведением и входит в древнейшую часть «Авесты», относясь к ахеменидскому или доахеменидскому времени¹⁶¹. Это означает, что Анахита как подательница фарна почиталась в различных частях иранского мира по меньшей мере с середины I тыс. до н. э., хотя мы располагаем сведениями об этой ее функции преимущественно при первых Сасанидах: она представлена вручающей фарн в сценах инвеституры царей II–III вв. н. э. [Луконин, 1969, с. 83–84, 97].

Артимпаса царских скифов, которую Геродот (IV, 59) назвал Афродитой Уранией, видимо, одна из ипостасей авестийской Ардвисуры Анахиты¹⁶². Ее культ обогащен западносемитским культом Астарты [Абаев, 1990, с. 94]. Функция Ард-

¹⁶¹ [Брагинский, 1984, с. 53]. Существует даже мнение, впрочем, вряд ли справедливое, что Анахита изначально была богиней-воительницей и покровительницей династии, и лишь после неоднократных маздакистских редакций религиозных текстов «Авесты» ее модифицировали в богиню любви и плодородия [Луконин, 1969, с. 97].

¹⁶² О предпочтительности чтения теонима Ἀρτίμπασα, а не Ἀρϋίμπασα и связи первого компонента с иран. arta- «право», «божество» [Vasmer, 1923, S. 12]. Лит. об Артмпасе — Аргмпасе [Народы, 1982, с. 297/8].

висуры Анахиты как подательницы царской власти объясняет, почему культ Перисада I и других Спартокидов осуществлялся под эгидой скифской Афродиты Урании Апатуры: от нее они как скифский, *resp.* иранский по происхождению, род получали атрибуты царской власти, она же по этой причине покровительница династии¹⁶³.

Указанная триада божеств мыслилась в иранском мире и порознь и синкретически слитной. Первоначальное синкретическое состояние явствует из отождествления Митры и Анахиты у персов (*Herod.* I, 131), в чем усматривается андрогинный характер исконного иранского божества (Митры-Анахиты), выступавшего то в мужском, то в женском облике¹⁶⁴. Это означает, что Анахита имела также солнечную, огненную природу, откуда и проистекает ее связь с фарном¹⁶⁵. Собственно, на пластинке из Карагодеуашха представлены все три ипостаси некогда единого божества: Митра-Анахита-Фарн. Расщепление этого единого образа хорошо просматривается на памятниках кушанского царства первых столетий новой эры. Тут образ Ардвисуры Анахиты расщепился на женскую и мужскую ипостаси божеств водной стихии Ардохшо, т. е. Ардвиг Окса (Аму-Дарья) и Вахша (тоже речное название); фарн персонифицирован мужским образом Фарро, который часто изображался вместе с Ардохшо [Тревер, 1958, с. 138 сл.]. Троица божеств на Карагодеуашхской пластинке показывает, что на Боспоре скифская Артимпаса-Анахита прошла такой же путь развития уже к IV в. до н. э.¹⁶⁶

¹⁶³ К этой мысли вплотную подошел М. И. Ростовцев [1913а, с. 18]: «Не знаю, однако, позволено ли было бы утверждать, что религиозное влияние это (культ Афродиты-Артимпасы-Астарты. — В. Я.) шло так далеко, что повлияло и на представление Боспора о царской власти». С. С. Бессонова [1983, с. 40] со ссылкой на эту работу вкладывает в нее мысль, что с IV в. до н. э. Афродита стала покровительницей царской династии. Надо оговориться, что на золотой пластинке из Карагодеуашха изображена не сцена инвеституры, как счел Ростовцев, а заупокойное предложение Анахитой напитка бессмертия покойному.

¹⁶⁴ [Струве, 1968, с. 116, 124; Грантовский, 1970, с. 304; Бессонова, с. 38]. Под воздействием восточных культов андрогинных божеств Астарты-Атара, Анахиты-Митры в эллинистическом греческом искусстве сложился образ обоеполого Гермафродита, синкретической ипостаси Афродиты и Гермеса.

¹⁶⁵ Иран. *hvānah-: авест. хваэнах- «слава, величие, сияние, царская харисма», др.-перс. fānah-, среднеперс. хваганах- «величие, слава, божественная сущность, царская слава, царское величество». О солнечной природе фарна [Топоров, 1972, с. 29–30, 32–33]. Б. А. Литвинский [1968, с. 55] вслед за Г. Бейли отметил в качестве исходного значение «хорошая вещь», но привел и указания на солнечную природу фарна.

¹⁶⁶ Упомянутый в посвящении жены Перисада I Комосарии (КБН 1015) наряду с Астар(т)ой «крепкий бог» Санерг является, на наш взгляд, ипостасью Митры. В литературе кочует предположение Хефера (в словаре греко-римской мифологии Рошера) о тождественности этого Санерга, более нигде не упоминаемого, с малоазийским божеством Сандоном. Однако тут присутствует всего лишь случайное сходство начала теонимов. Обратим внимание на обозначение этого бога в надписи Комосарии: ἰσχυρὸς θεὸς Σανέρουε «крепкому (мощному, сильному) богу Санергу». Эпитет ἰσχυρὸς «могучий, твердый, крепкий» имеет соответствие в среднеперс. sana «резкий, крепкий, твердый» (авест. sāēnau- «острый»). Греческому θεός «бог» соответствует иран. *ahura- «господь, бог» (авест. ahura-, др.-перс. aura-, среднеперс. dhr). В греческой передаче группа консонант + r подвергалась метатезе (иран. θr > ρθ, gr > ργ, χr > ρχ [Zgusta, 1955, S. 252]), поэтому иран. *sāēna-ahura- в близком среднеиранском состоянии может быть передано через греч. Σανέρουε, и в таком случае эпитет ἰσχυρὸς θεός передает значение исходной иранской эпителесы божества. Вот почему теоним Санерг более нигде не встречается: это не имя божества, а эпиклеса, переданная по-гречески как Σανέρουε и снабженная тут же переводом ее значения ἰσχυρὸς θεός «крепкий бог». Поскольку Анахита выступала в паре с Митрой, в том числе у скифов азиатского Боспора, можно полагать, что Санерг в паре с Астар(т)ой надписи Комосарии — это Митра и Анахита Астар(т)а. См. [Яйленко, 1995а, с. 251/2; 2010, с. 619/20], о семитском влиянии [Тохтасьев, 1994а].

Напомним в связи с этим, что в «Драматиконе» Ямвлиха в качестве паредров мистерий Афродиты упомянуты наряду с Перисадом I (Фарсирида) Фарн и Танаис как олицетворение реки Танаис, т. е. те же ипостаси некогда единого божества Митра-Анахита, как и в кушанском пантеоне [Яйленко, 2010, с. 336/9]. Иначе говоря, на азиатском Боспоре, как и в кушанском царстве, Анахита почиталась в качестве речной богини и подательницы фарна одновременно. На азиатском Боспоре эта богиня по меньшей мере с VI в. до н. э. именовалась Апатурой (Гекатею Милетскому известен залив Апатур), и в свете сказанного сущность этого эпитета на Боспоре должна быть уточнена. Популярное мнение о связи его с ионийским праздником Апатурий [Кошеленко, 1999, с. 153/4] справедливо лишь в том смысле, что у боспорских греков святилища Афродиты Апатуры были объединительными центрами для колонистов VI в. (выше, с. 783). В самой Ионии праздник Апатурий не связан с Афродитой (в Аттике он связан с Афиной), поэтому применительно к греко-варварскому Боспору следует думать о контаминации греческого и местного божеств по созвучию имен. По мнению некоторых исследователей, эпитет Απατούρα местного происхождения. В частности, Д. С. Раевский [1977, с. 57] усматривал в нем имя скифской богини земли Апи, сложенное с иран. *tura- «быстрый», но в имени богини земли почему-то увидел иран. *ар- «вода»: *Aritura, *Apatura «быстрая вода». Подтвержденное Ямвлихом почитание Анахиты как персонификации реки Танаис и фарна одновременно на азиатском Боспоре позволяет нам усматривать в наименовании ее храма на Тамани Απάτουρον¹⁶⁷ иран. *ар(а)- «вода, река» и *ātṛ- «огонь» (авест. ātərə- «огонь»), значение «вода-огонь»¹⁶⁸. В боспорских надписях название храма сопровождается причастием μεδέουσα (κ μέδω «покровительствовать, властвовать», так что обозначение богини Αφροδίτη Οὐρανίη Απατούρου μεδέουσα (КБН 31, 35, 75, 971, 1111) имеет значение «Афродита Небесная, владычица *храма* воды-огня». Исходя из такого содержания названия храма Апатур можно заключить, что храмы Афродиты на Боспоре были близки иранским храмам огня¹⁶⁹. Параллель им в Иране — храмы огня, посвященные Анахите. В частности, на родовой территории Сасанидов был храм Анахиты, называвшийся в начале III в. н. э. «Стахрским огнем», т. е. храмом огня Анахиты, также Атуранахит, дословно «*храм* огня Анахиты». Этот храм древний, еще ахеменидского времени, и Сасани-

¹⁶⁷ КБН 971, 1111 и др., с IV в. до н. э., отсюда поздняя ее эпikleca Απατουριάς в КБН 1045 от 105 г. н. э. О местоположении храма Апатурион на Тамани [Тохтасьев, 1986; Кузнецов, 2013].

¹⁶⁸ Иран. *ātṛ- передавалось через греч. āтра-, āтро-, āтар- в именах собственных [Mayrhofer, 1973, S. 158], но в восточноиранских языках, к которым принадлежат скифские языки Сев. Причерноморья, в числе рефлексов слогового г отмечено иг [Эдельман, 1986, с. 75]. Собственно, необходимая нам форма *ātur- представляет собой *ātṛ- с нулевой огласовкой и развитием, подобным среднепер. ātur- [Расторгуева, Молчанова, с. 56]. По нашему мнению, основа *ар- «вода» содержится и в догреческом по происхождению теониме Αφροδίτη (< *ар-wredh- «воднорожденная», — таков по смыслу ее эпитет у Гомера Αφρογένηα [Яйленко, 1977, с. 219]), и наличие основы *ар- «вода» в эпiklece Афродиты Απατούρα может подтверждать эту этимологию (греч. ἄφρος «пена» первоначально означало «дождевая вода», судя по этимологически родственным др.-инд. abhrām «туча» и лат. imber «проливной дождь, дождевая вода»).

¹⁶⁹ О них [Gropp, 1969]. Это квадратные в плане или прямоугольные подвышенные площадки, с одной стороны лестница для подъема на нее, на самой площадке посередине расположен алтарь огня. Видимо, и в Ольвии иранский культ Анахиты-Апатуры повлиял на местный культ Афродиты, так как на алтаре при вскрытом раскопками А. В. Буйских последних лет храма Афродиты V в. до н. э. производились сожжения.

ды присвоили себе титул «владык» этого храма¹⁷⁰ (-pt, -pati, иран. *-patay, к *ра- «хранить, охранять, защищать»). Иранскому *ра- в точности соответствует значение греч. μέδω, следовательно, причастная формула Ἀπατοῦρου μεδέουσα является переводом иранской эпиклесы *ар-ātur-rāyatī «хранительница храма воды-огня». «Водная» составляющая обусловлена хтоническим характером боспорской Афродиты Урании Апатуры (о нем [Бунин, 2001]).

В иранском мире древнейшие храмы огня известны с середины VIII — VII в. до н. э. (Нуш-тепе, Джан-тепе и др.). Наличие храмов огня на Боспоре, предполагаемое упоминанием Апатуры источниками конца VI (Гекатей) и IV в. до н. э. (надписи), показывает принадлежность местного населения в религиозном отношении к огнепоклонничеству, общей религии иранцев. В таком плане следует понимать указание Геродота (IV, 59): «более всего скифы умилоствивляют Гестию»: эта Гестия, судя по причастности ее к фарну (царь Иданфирс говорит: «своими владыками я считаю моего предка Зевса и царицу скифов Гестию»: *Herod. IV, 127*) — ипостась иранской Анахиты.

В древнеиранской мифологии огонь мыслился не самостоятельной силой, а свойством различных божеств (лишь в младоавестийской мифологической системе он персонифицируется в самостоятельное божество Атар, в частности сопричастное фарну). Огонь как свойство боспорской Апатуры-Анахиты соответствует древнеавестийским гатическим представлениям об огне как сущности мироздания, которым наделены земля, небо, вода, растения, животные, люди. В Ардвисур-Яште Анахита мыслится восходящим светилом и утренней зарей, жертвы ей приносят от утренней зари до вечерней (V, 16), вся она покрыта золотыми вещами и сияет, — это мотивы, указывающие на синкретическую ее сущность Митры и Ардвисуры одновременно: небесного огня-солнца и небесной воды-дождя (образ Анахиты как небесной воды центральный в этом яште). Сообщение Полиена (VII, 12), что Дарий I поклонялся «бессмертному огню и священной воде», подразумевает культ, тождественный культу боспорской Апатуры, и вполне вероятно, что этот культ Ахемениды осуществляли в храмах Анахиты, подобных боспорским ее храмам воды и огня. Культ Ардвисуры Анахиты возник на иранской почве с завершением индоиранской эпохи. Она заменила Апам-Напата индоиранского пантеона, который совмещал в себе водную стихию и огненную природу (по происхождению он дождь и грозная молния) и был хранителем фарна, который укрыл в воде. Апам-Напат — это индоарийский прообраз раннеиранского божества Анахиты-Митры (Фарна), подательницы небесного дождя и света, хранительницы огненного фарна, династического покровителя у древних иранцев.

Аргумент 3: Спартокиды-энареу, травестизм

Практическая реализация царской власти Спартокидами как выходцами из иранской боспорской среды осуществлялась в соответствии с обычаями, принятыми на сей счет у царских скифов, — в виде улусного соправления и верховенства над племенными царями — титул βασιλεύς выше титула βασιλεὺς. Само положение

¹⁷⁰ [Луконин, 1969, с. 31, 60, 83]. Жрец храма принадлежал к высшим должностным лицам Ирана и назывался āturpat «хранитель огня» [Ib., с. 97, 100].

боспорских владык как царей над царями подвластных им племен приближало их титул βασιλεύς + этноним к титулу «царь царей», существовавшему в то же самое время у Ахеменидов и, может быть, у верховных владык царских скифов. В таких условиях естественно, что и политическая идеология скифского царства воспроизводилась на Боспоре, в частности скифские представления о природе царской власти. Их кратко сформулировал Д. С. Раевский [1977, с. 162]: «Происхождение от богов, принадлежность к сословию, божественным указанием поставленному во главе общества, и бракосочетание с верховной богиней — вот три опоры, на которых покоится представление о скифских царях как о богоизбранных, высшей волею вознесенных над остальным обществом личностях». Первая «опора», как мы выяснили (с. 822/3), требует уточнения в том плане, что персам не свойственно обожествление личности царя. В Бехистунской надписи Дарий упоминает своих предков-царей, происходящих от царя (не от бога!) Ахемена, тогда как «царь он милостью Ахурамазды», т. е. божественна царская власть, а не личность царя¹⁷¹.

Рассмотрим теперь вторую базисную опору скифских представлений о царской власти: принадлежность монарха к определенной общности людей — роду, клану, племени, сословию, из среды которой избирался царь. На наш взгляд, в сведениях о Перисаде I имеются данные, указывающие на принадлежность его к высшей скифской знати — энареям (сведения о них предоставляют Геродот, Гиппократ, Аристотель). По Геродоту (I, 105; IV, 67 сл.), они жрецы культа Афродиты Небесной у скифов: на обратном пути от Египта часть скифов разорила в Аскалоне храм Афродиты Урании (Астарты), за что богиня поразила их самих и потомков во всех поколениях некой «женской болезнью» (θήλειαν νοῖσον). Так говорят и сами скифы о своей болезни, поясняет Галикарнасец, да и всякий прибывший в скифскую землю может видеть, как обстоит дело с теми, кого скифы называют Ἐνάρες. Далее Геродот возвращается к теме энареев в связи с рассказом об искусстве гадания у скифов: у них много предсказателей, которые прорицают при помощи связок ивовых прутиков¹⁷². Это искусство гадания наследственное, и энареи, женомужчины (ἀνδρόγυνοι), говорят, что его дала им Афродита. В случае болезни царя призываются три прорицателя, если нужно, еще больше. Прорицавших ложно сжигают в телеге с хворостом (если они не смогут выбраться из нее). Как обычно у Геродота, рассказ полон неясностей, недомолвок, противоречий. В частности, ему осталось неизвестным, что же это за «женская болезнь» — суть всей истории с энареями.

Более обстоятелен, но так же неточен Гиппократ, использовавший наряду с данными Геродота какой-то ближе неизвестный нам источник второй половины V или начала IV в. до н. э.¹⁷³ Он отмечает любопытный для него как медика факт — среди

¹⁷¹ Раевский не привел данных об исконно иранских корнях обожествления личности скифского царя, так что скифская легенда о происхождении их первопредка от Зевса-Папая и речной нимфы (Herod. IV, 5, скифская версия) — это легендарное представление о божественном происхождении первопредка иранцев вообще, соответствующее иранской мифологеме о происхождении Йимы от солнечной инкарнации Вивахванта, а не только царского рода скифов. Сами скифы указывали, по словам Геродота, что со времени появления их первопредка Таргитая прошла тысяча лет, а это время существования не династии, но народа.

¹⁷² Возможно, это неточно понятое Геродотом или его информантом действие: авест. naska-, среднеперс. nask- «связка, пучок» обозначает еще книгу, часть «Авесты», т. е., возможно, предсказания делались стихами священной книги иранцев. По Геродоту (I, 132), при жертвоприношениях персидские жрецы (маги) распевали гаты «Авесты» (Геродот называет ее «Теогонией»).

¹⁷³ De aere, 29–30 = SC I, p. 63–64. О возможном соотношении этих источников [Жебелев, с. 34].

скифов встречается множество евнухов, называемых анареями (ἀναρείς)¹⁷⁴, которые занимаются женскими делами, одеваются и говорят по-женски. Местные жители, приписывая причину этого божеству, почитают таких людей и падают перед ними ниц, опасаясь за себя. По-гречески рациональный Гиппократ не видит ничего божественного в этой болезни скифов — это импотенция, происходящая от постоянной езды верхом и неудачного оперативного вмешательства при лечении. По Гиппократу, убедившись в своей импотенции, больной надевает женское платье, чем выказывает свое немужское состояние (ἀνανδρείην), обабивается и занимается вместе с женщинами свойственными им работами. Этой болезнью страдают богатые скифы, продолжает косский врач, не самого низкого происхождения, но самого благородного (εὐγενέστατοι) и снискавшие наибольшее могущество. Более осторожен в вопросе об энареях Аристотель: не обладая ясной информацией о них, он просто констатирует (Eth. Nic. VII, 7, 6 = SC I, p. 382): «этот недуг у скифских царей отличается признаками пола — как нечто женское у мужского пола»¹⁷⁵.

Сведения Гиппократа и Аристотеля ценны тем, что в отличие от Геродота говорят о высоком социальном статусе энареев — это высшая скифская знать, благороднейшие по происхождению и состоятельнейшие скифы. Сообщение о том, что скифы падают ниц (προσκύνουσι) перед энареями, соответствует обряду падения ниц (προσκύνησις) перед персидскими Ахеменидами¹⁷⁶, — аналогия, указывающая на царский ранг энареев и подтверждаемая прямым указанием Аристотеля на то, что энареи — скифские цари. Можно приветствовать стремление Гиппократа рационалистически объяснить загадочную «болезнь» скифской знати, но объяснение его вряд ли состоятельно: сам он энареев не видел и поставил свой диагноз, так сказать, заочно, в результате чего его объяснение болезни как импотенции вряд ли соответствует тому факту, что у энареев было много поколений потомства (ἀεὶ ἔκγονοι, — Herod. I, 105)¹⁷⁷.

Итак, энареи — высшая скифская аристократия, цари, в одежде, облике и обычаях которых просматривается нечто немужское (иран. ана(i)гуа-). Предложенные в литературе объяснения феномена энареев сводятся к двум точкам зрения. Одни (В. Холлидей, К. Мейли и др.) видят в них шаманов, в практике которых (у чукчей, палеоазиатов, индейцев) известно переодевание в женское платье, проричание женским голосом, переход во время камлания в женское состояние, словом, все то, что могло быть принято Геродотом или его греком-информатором (Тимном?) за какую-то «женскую болезнь»¹⁷⁸. Второе объяснение принадлежит Ж. Вандриесу

¹⁷⁴ По Жебелеву, рукописи трактата дают формы ἀνδρείς, ἀναρδρείς, ἀνανδρείς, в литературе принято исправление Гомперца ἀναρείς, передающее значение исходного иранского слова ана(i)гуа- (авест. а-, ап-, «не» + paīrua- «мужской, мужественный, сильный»), т. е. «немужской» [Zgusta, 1955, S. 260].

¹⁷⁵ ἐν τοῖς Σκυθῶν βασιλεῦσιν ἡ μαλακία διὰ τὸ γένος καὶ ὡς τὸ θῆλυ πρὸς τὸ ἄρρεν διέστηκεν. Несколько иначе текст передан в SC: «скифские цари от природы изнежены и отличаются от других людей, как женщины от мужчин».

¹⁷⁶ Об этом писал перипатетик Фаний (apud Plut. Them. 27). По Геродоту (I, 134), у персов человек более низкого ранга падает ниц при встрече с лицом более высокого ранга. См. также [Фрай, с. 136; Дандамаев, Луконин, с. 330].

¹⁷⁷ На это обратили внимание, в частности, наши комментаторы Геродота [Народы, 1982, с. 306]. Согласно Арриану (Anab. IV, 11, 9), обычай падения ниц перед царем ввел Кир, сын Камбиза (559–530).

¹⁷⁸ Halliday, 1912, p. 95 f.; Meuli, 1935, S. 130 f.; Народы, 1982, с. 305 (здесь приведены и другие точки зрения, неприемлемые ввиду слабой аргументации).

и развито Ж. Дюмезилем и Ж. Грисваром: это обряд кувады, имитация мужской женских родов¹⁷⁹. У скифов переход в женское состояние, как показывают аналогии из нартского эпоса осетин и ирландского сказания о недуге уладов, мог быть связан с ожидаемым рождением сына-богатыря. Вообще травестизм свойствен скифским обычаям [Троицкая, 1987]¹⁸⁰.

Можно предложить еще одно объяснение. Так как у скифов само возникновение энареев и их функционирование (прорицание) связано с культом западносемитской Астарты, у которой был мужской парэдр Астар с теми же функциями, можно думать, что отправление скифами амбивалентного в половом отношении культа Астарты-Астара сопровождалось перемены пола мистов: жрецы переходили во временное женское состояние — переодевались в женское платье, изменяли голос, переходили на женский язык и прочее (ср. [Грантовский, 1970, с. 21, 303/4]).

В известиях о Перисаде I прослеживаются черты, сближающие его с энареями. Полиен (VII, 37 = SC I, p. 566) рассказывает о его пристрастии к переодеванию: в одной одежде он строил войско, в другой вступал в битву, в третьей обращался в бегство в случае надобности. Свидетельство о перемене Перисадам своего пола находим в «Драматиконе» писателя II в. н. э. Ямвлиха (SC I, p. 583), сообщающем о связи мистерий Афродиты у жителей области Танаиса с Фарнухом, Танаидом и Фарсиридой: Танаис тут Дон, Фарнух — иранское божество фарна, Фарсирида — персидская форма иранского имени Парисатида (Φάρσιρις = Παρύσατις)¹⁸¹. Связь культа Афродиты с культом Перисада I, причем в контексте с ее ипостасью Фарном (см. выше) — божеством царской власти, указывает, что под Парисатидой данного рассказа подразумевается Перисад I в облике противоположного пола. Приведенные обстоятельства позволяют думать о принадлежности Перисада I, а тем самым и

¹⁷⁹ [Vendryes, 1934, p. 329 sq.; Дюмезиль, 1976, с. 132 сл.; 1990, с. 168 сл.]. Нет оснований для утверждения Дюмезиля о взаимоисключаемости обоих мнений, ибо шаманские действия могли быть составными элементами кувады.

¹⁸⁰ Это универсальное явление, известно оно и греческой мифологии. Сразу несколько свидетельств дает рассказ Плутарха о Тезее (§ 18, 20, 23). Отправляясь на Крит, он не взял с собой девушек, но нарядил двух юношей в женские одежды; этот обычай остался в празднике в честь Диониса и Ариадны. Присутствует и кувада, причем в связи с Афродитой: когда Ариадна умерла до родов, в амафунтском празднике в день принесения жертвы какой-нибудь молодой человек ложится на постель и подражает роженице стонами и телодвижениями; рошу, где погребена Ариадна, амафунты называют рошей Афродиты-Ариадны. И другой эпизод, как и у скифов, связан с Афродитой: отправляясь на Крит, Тезей получил оракул взять в качестве спутницы Афродиту; когда он приносил на морском берегу ей в жертву козу, та внезапно превратилась в козла, отсюда и прозвище Афродиты «Козлиная».

¹⁸¹ Ср. Strabo, XVI, 4, 27: греки передают персидское имя Парисатида также в форме Φάρσιρις. Подробнее об этом [Яйленко, 2010, с. 336/9]. Перевод фрагмента по SC: «Итак, Ямвлих говорит как бы в виде эпизода о святилище Афродиты и об установлении, чтобы посещавшие его женщины публично возвещали виденные ими в храме сны. Здесь же он подробно рассказывает о Фарнухе, Фарсириде и Танаиде, от которого получила название и река Танаид, и говорит, что мистерии Афродиты у жителей этой местности и области Танаида суть мистерии Танаида и Фарсириды» (ввиду свидетельства Страбона последнее имя следует переводить женским родом: Фарсирида). В городе Танаисе близ устья Дона было святилище Зевса, Ареса и Афродиты (КБН, 1237, 193 г. н. э.). Согласно Ямвлиху, Танаис — персонификация местной реки. Фарнух — название иранского бога фарна (авест. xvaṇaṇah-, др.-перс. farnah- + vohu- «хороший, добрый, благой», т. е. «Благой фарн»). В Малой Азии Фарнухом назывался бог Мен, лунное божество иранского происхождения. На Боспоре культ Мена засвидетельствован монетами и терракотами I–III вв. н. э., преимущественно в образе Мена-Аттиса [Кобылина, 1978, с. 17, рис. 25–32]. См. выше: эпитет Афродиты Апатура подразумевает почитание ее тут в синкретическом облике богини воды и огня, т. е. Танаиса и Фарнуха рассказа Ямвлиха.

Спартокидов в целом, к энареям, высшей аристократии царских скифов. Как сказано, у Спартокидов в связи с культом царя и у скифов в связи с энареями фигурирует одна и та же Афродита Урания, что напроочь перевязывает боспорскую правящую династию с царскими скифами.

Аргумент 4: Улусное соправление

Соправление у Спартокидов засвидетельствовано источниками со времени Сатира I, когда Левкон I получил европейский Боспор, а Горгипп азиатский (выше, с. 800)¹⁸². Сам Левкон тоже правил вместе со своими сыновьями, что явствует из формулы Παρισάδης καὶ παῖδες в митиленской копии Левконова декрета (Syll³. 212 = Граков, 32). Судя по тому, что еще при жизни Левкона сыновья его были в зрелом возрасте, соправление с ними могло прийти к достаточно длительному отрезку его 40-летнего царствования¹⁸³. Также Перисад I правил с сыновьями, что следует из формулы Παρισάδης καὶ παῖδες проксений КБН 1, 2, 5. Принятый у Спартокидов обычай соправления был продолжением существовавшего по меньшей мере с VI в. у скифов Сев. Причерноморья раздельного правления царя и сыновей. Этот обычай — результат «улусного» принципа распределения владений между членами правящего рода у кочевников [Хазанов, 1975, с. 196 *сл.*]. У Спартокидов, как и у скифов, верховным владыкой был отец при соправителях-сыновьях, также старший брат при соправителях-братьях. Разграничение территорий соправителей проявляется, во-первых, в особенностях употребления формулы ἐν παντὶ Βοσπόρῳ проксений (*см.* далее), во-вторых, в рассмотренных выше обстоятельствах правления Горгиппа и воцарения Перисада I (с. 800/1). Сведения Полиена о Горгиппе как наследнике власти Сатира I на азиатском Боспоре и надпись КБН 1111, дающая титул Левкона «архонт Боспора и Феодосии», освещают некоторые принципы института соправления у Спартокидов. Старший сын правящего царя как наследник и соправитель находился под рукой у отца, помогая ему в управлении и приобретая соответствующий опыт (Левкон I при Сатире I, Спарток III при Левконе). Следующий по старшинству сын как соправитель получал в удел азиатский Боспор (Горгипп при Сатире) или, если там сидел брат царя, Феодосию (Перисад I при Левконе). Из братьев-соправителей старший владел европейским Боспором, младший — азиатской частью царства (Левкон и Горгипп, Спарток III и Перисад I). Уделы Спартокидов были боспорской разновидностью «улусов» кочевых скифов. По этой причине Горгипп и фигурирует в рассказе Полиена в качестве наследника Сатира на азиатском Боспоре. Отсюда происходят и территориальная, так сказать, особенность титулатуры Левкона в КБН 1111 и употребление формулы ἐν παντὶ Βοσπόρῳ в случае издания проксений от имени правящего монарха и соправителей¹⁸⁴. Как и у скифов, удельная власть у Спартокидов не была наследственной, а замещалась после смерти старшего правителя удела средним или младшим сыном верховного царя Боспора. История монархий показывает, что сыновья удельных владетелей

¹⁸² Историография проблемы [Васильев, 1986].

¹⁸³ Внучка Левкона, дочь Перисада Акия, была замужем при жизни Левкона (КБН 1037). На рельефе с афинским декретом 347 г. Спарток, Перисад и младший Аполлоний изображены бородатыми мужчинами.

¹⁸⁴ КБН 1, обе фанагорийские проксении [Яйленко, 2010, с. 55, 63, 66, 72, 74], проксения кромниту [Виноградов, Толстиков, Шелов-Коведяев, с. 59].

иногда стремятся закрепить удел за собой, сделать его наследственным, и не исключено, что попытку такого рода предпринял Орхам (если правильна наша догадка об утрате Перисадом власти над племенами азиатского Боспора ввиду поддержки ими мятежного Орхама, см. с. 802/3).

Аргумент 5: Инцест

Перисад I женился на своей двоюродной сестре Комосарии. Для грека такой брак немислим, и одно это указывает на негреческое происхождение Спартокидов. Еще раз такой брак засвидетельствован у Спартокидов II в.: другая Камасария, дочь царя Спартока VI, была замужем за его преемником Перисадом III (КБН 75), которому она приходилась, видимо, тоже двоюродной сестрой. Кровосмесительные браки Спартокидов находят аналогию у Ахеменидов, нередко женившихся на своих сестрах (например, Камбиз: *Herod.* III, 91), а также в обычае кровосмешательства у скифов (*Philo Jud. De prov.* I, 85 = SC I, p. 481): «племена скифов... допустили постыдное кровосмешение с матерью и скифы передали это своим детям и потомкам, так что с течением времени этот обычай принял силу закона»¹⁸⁵. Наличие такого обычая у скифских царей предполагается и на основе рассказа Аристотеля о случае скифским царем своего лучшего жеребца с матерью последнего [Раевский, 1977, с. 51]. В конечном счете обычай кровосмешения у скифов восходит к иранской мифологии о браке богини земли Спендармат, матери рожденного ею от Ахурамазды первочеловека Гайомарда, со своим сыном. Подобное представление имело у скифов об их первопредке Таргитае, сыне Папая и змееногой богини [Иб., с. 50].

Аргумент 6: Иранские имена у Спартокидов

Часть коренного именника династии иранская — Перисад, Камасария, Аргот, возможно, Спарток. Имя Παίρσιδάης, вопреки мнению некоторых (например, [Zgusta, 1955, S. 284]), не фракийское, поскольку не имеет фракийской этимологии; вообще иранские имена появились у фракийских династов в результате брачных связей с царскими скифами [Бешевлиев, 1965, с. 14–15]. Имя Перисад (среднеперс. Peroz) представлено в персепольских документах ахеменидского времени (в форме жен. рода) и имеет хорошую иранскую этимологию: Pairisati из paṛi-aujah «полнота силы, превосходство в силе», «победа», «победоносный» [Грантовский, 1970, с. 201/3; Расторгуева, Молчанова, 1981, с. 40]. Имя скифского царя Φαρζοῖος, фигурирующее на ольвийских монетах I в. н. э., отражает среднеиранскую форму имени Перисад, сопоставимую со среднеперс. Peroz. В первой основе имени Камасария видели иран. *kama- «желание» [Justi, S. 154, 165], во второй иран. sarah- «голова» [Vasmer, 1923, S. 41]; В. И. Абаев [1979, с. 350] понимал имя как иран. *kama-sar- «с непокрытой головой». Имя второго мужа царицы Камасарии Ἀρυότας

¹⁸⁵ По Евсевию (SC I, p. 663), под влиянием христианства персы уже не сожительствовают с матерями. Наши положения, изложенные в данном параграфе (напомним, это републикация статьи 1995 г.), критиковал И. Е. Суриков [2014, с. 402/7]. Критика настолько пустословна, что не стоит внимания; я не раз отмечал непрофессионализм писаний этого автора по Сев. Причерноморью — см. выше, с. 326/34, также [Яйленко, 2010, с. 481/2; 2016, 2016a].

восходит к иран. *ārgā- «благословлять» [Vasmer, 1923, S. 32; Абаев, 1979, с. 279] (производство его от крымского топонима Л. Згустой [Zgusta, 1955, S. 338] ошибочно). Имя Спарток обычно объясняют в качестве фракийского: из *spaga- «копье» и *takos- «славный» [Zgusta, 1955, S. 287; Георгиев, 1977, с. 95], но возможно и сближение имени с иран. *spara- «щит» [Vasmer, 1923, S. 53], представленном в ряде персепольских имен [Mayrhofer, 1973, S. 294] и боспорских: Σπαρο-φотος (КБН 247, III в. до н. э.), Σπαρο-βαϊς (КБН 965, II в. н. э.) [Zgusta, 1955, S. 148; Петров, 1968, с. 142]. Вторая основа имени, на наш взгляд, сопоставима с иран. *tāv(a)ka- (среднеперс., tāvag- «сильный, крепкий»); иран. av передавалось через греч. o [Zgusta, 1955, S. 215]. Ю. М. Десятчиков [1985, с. 17] понимал имя из глагола *spag- «наступать, давить» и *taka- «сильный, стремительный» [Абаев, 1949, с. 182, 184].

Суммируем изложенные аргументы. Спартокиды — иранская по происхождению династия, принадлежавшая к высшей знати царских скифов и происходившая из Синдики, точнее с Тамани. В IV в. до н. э. на Боспоре введен прижизненный культ царя, осуществлявшийся под эгидой Афродиты Урании Апатуры — иранской Анахиты, подательницы царской власти (фарна) и тем самым покровительницы царской династии.

3. НОВЫЕ ЖЕНСКИЕ ЭПИТАФИИ БОСПОРА¹⁸⁶

№ 1. Известняковая стела, суживающаяся кверху, где расколота на два фрагмента, в контакте (рис. 132, 133, 134, а). Найдена в Керчи в 1972 г. на Второй нагорной улице, 27, хранится в музее. Стела обломана снизу и по углам, высота 63, толщина 10,5, ширина вверху 37,5, внизу 39,5 см. Обратная сторона заглажена. На рельефе изображена стоящая в рост фронтально женщина в длинном хитоне, с головой закутанная в покрывало. Левая рука, придерживающая край покрывала, опущена, правая прижата к груди. Рядом небольшая фигурка служанки в хитоне с непокрытой головой и сложенными на груди руками, обращена в пол-оборота к хозяйке. Под рельефом надпись, сохранились 6 строк текста, выс. букв 2 см. Надпись обломана справа и, начиная со стк. 4, слева. Скол справа проходит по косой, так что в стк. 1 утрачены 2 буквы, в следующей строке 3 буквы и т. д. по нарастающей. На поле надписи текст местами

¹⁸⁶ Как и во всем античном мире, на Боспоре многие надгробные стелы с надписями поставлены женщинами. В числе нижеследующих эпитафий 2 метрические (№ 1–2), остальные прозаические. Они хранятся в Керченском и Темрюкском музеях, обработаны мною в 1973–1975 гг. (с благодарностью еще раз вспоминаю их директоров того времени С. В. Башарина и М. И. Лют за разрешение опубликовать их). Эта глава опубликована в тематическом сборнике «Женщина в античном мире» [Яйленко, 1995а, с. 204/20, 224/6], здесь доработана. Идея издать «женский» сборник принадлежала мне, но поскольку в 1994 г. я перешел из Ин-та всеобщей истории, где этот сборник собирался, в Горный институт, редакторы скромно умолчали об этом. Мысль об издании «Античной Греции» (М., 1983, т. 1–2) тоже моя, но я был молодым сотрудником Ин-та всеобщей истории, так что старшие руководящие коллеги молчаливо воспользовались ею. Мне не жалко: важно, что мои идеи реализованы в содержательные сборники. В том же институте я собрал и издал 5 малотиражных сборников по древним языкам и древнегреческой эпиграфике, один по ономастике Восточной Европы в Средневековье (выше, с. 10), но так как был кандидатом наук, приходилось ставить в качестве редакторов сборников своих коллег докторов наук. В 1996 г. я собрал и издал на деньги Физико-технического и Горного институтов сборник «История и культура древнего мира», который с удовольствием посвятил юбилею Т. В. Блаватской.

Рис. 132. Эпитафия черкешенки, фото стелы [БН, 11]

утрачен. Это стихотворная эпитафия, состоявшая из 2 элегических дистихов:

εἰπέ, τίνος πατρὸς ἐλ[άσ?]-
σατο; Μάζακα χώρος· [?] ὄνο]-
μ[ά] μοι ..νεῖ· βλέψο[ν μὲν
π]αῖδα, εἰ[?]δεῖ, ὅσω[ν ἐτέ-
ων ἦν·] τὰς δεκάδα[ς δύο εἰ-
χε ἡ δ' ἄρα δύ]σμορο[ς --]

«скажи, из какого отечества
приехала? — Мадзака край.
Имя мне..ней. Виждь же девуш-
ку, узнай, скольких лет она
была — лишь два десятка лет
жизни получила сия несчастная
в удел...»

Эпитафия построена на диалоге прохожего с покойной, это распространенный вид надгробных эпиграмм [Peek, 1960, № 424–440], представленный и на Боспоре (КБН 131). В начале таких надписей ставится один или несколько вопросов о месте рождения покойного, его имени, родителях, возрасте и пр. Вопросу нашей надписи εἰπέ, τίνος πατρὸς соответствует, например, τί, τίνος πατρὸς «что за отечество?», «из какого

отечества?» или πατράν καὶ γένετ' ἢν ἐνετ' «поведай об отчизне и отце» других эпитафий¹⁸⁷. В конце стк. 1 — начале стк. 2 предположительно читаем ἐλ[άσ]σατο «приехала, прибыла»¹⁸⁸. Что затем следовал вопрос об имени покойной, показывает прямое соответствие керченской эпитафии в надгробной эпиграмме III–IV вв. н. э. из Маркианополя: τίς ἡ πατρίς ἢ τ' ὅτις εἰμί; πατρίς μὲν Οἴσκος, τοῦνομα δὲ Ἀλέξανδρος «что за отечество и кто я? — Родина Эскос, имя же Александр» [Angelov,

¹⁸⁷ [Peek, 1960, № 428, 429], Парос и район Леонтополя в Египте, обе I в. до н. э. Ср. также эпитафию Anth. Pal. VII, 44 и КБН 131: φράζε τετὴν πατρίν «назови твоё отечество».

¹⁸⁸ Наше дополнение глагола предположительно потому, что не вполне удовлетворяет метрике. Судя по окончанию -σατο с двумя краткими гласными, ему в искомом слове должна предшествовать долгая по природе или положению гласная, с чем проблем нет: такова корневая *альфа* по положению перед двумя *сигмами* в слове ἐλ[άσ]σατο. Но с его начальным *эпсилоном* проблема: в связке с этой предыдущего слова πατρὸς он должен быть долгим по положению; для этого можно удвоить *лямбду*, поскольку поэтический язык часто прибегает к подобным удвоениям (например, ἔλλαχον при нормативном ἔλαχον и пр.). Но это крайняя мера; видимо, составитель эпитафии руководствовался правилом, согласно которому может удлиниться начальная или срединная гласная в слове, включающем одни краткие гласные (это правило представлено в слове [?] ὄνο]μ[α] данной эпитафии). Однако эта норма действует в арсисе, *эпсилон* же дополненного нами слова в тмисисе. Одно из двух: либо автор эпиграммы счел возможным применение указанного правила в тмисисе, либо наше дополнение ошибочно. Например, можно бы читать без дополнения ἐάσατο «оставила», но это слово не согласуется с род. падежом τίνος πατρὸς.

Рис. 133. Эпитафия черкешенки, фото надписи [Яйленко, 1995a]

Conrad, Lurpe, p. 103]. В эпитафиях-диалогах после вопроса нередко следует ответ $\theta\upsilon\omicron\mu\alpha \mu\omicron\iota$ [Peek, 1960, № 431, 432, 435 *etc.*; Болтунова, 1973, с. 125, Керчь]. Сохранившиеся буквы середины стк. 3 NEI можно понять двояко: это союз $\epsilon\iota$ с предшествующим ν , окончанием короткого ласкательно-уменьшительного имени покойной (например, [Mí(o)ν], либо окончание имени на $\nu\epsilon\iota$, например [Ní]ν $\epsilon\iota$ ¹⁸⁹. Однако происхождение женщины из северокавказской Мадзаки, к вопросу о чем мы сейчас перейдем, указывает, что у нее могло быть адыгское имя. Как раз имена на $\epsilon\iota$ (ς) с азиатского Боспора — адыгского происхождения [Яйленко, 2010, с. 178/9].

В стк. 2 от буквы М названия Мадзака сохранились левая гаста и часть правой с характерным для этой буквы в данной надписи апексом, обращенным влево, что дает уверенное чтение Μάζακα χῶρος «Мадзака край»¹⁹⁰. В числе народов, обитавших между Меотидой и Керавнскими горами (Сев. Кавказ) Плиний (Hist. nat. VI, 6 Mayhoff) упоминает мадзаков (mazacae)¹⁹¹. Их этноним производный от Μάζακα

¹⁸⁹ Из имен на $\nu\epsilon\iota$ (плюс две утраченные буквы начала) приемлемым было бы [? Ní]ν $\epsilon\iota$ [Hansen, 75; RB, 1010], однако лакуна такой ширины, что вместо I требуется более широкая буква. В публикации 1995 г. мы приняли первый вариант, однако он требовал исправления в глаголе стк. 4 *омикрона* на *эту*, что излишне; новый вариант не предусматривает исправления, чем оптимален.

¹⁹⁰ Желаящий мог бы усмотреть здесь слово γάζα как обращение к покойной — «сокровище», известное эпитафиям, но в таком случае последующее ΚΑΧΩΡΟ пришлось бы исправлять на κα(λ) χῶρος «и края» или даже κἀχ(ο)ρος «и безрадостная». Эти варианты, естественно, уступают чтению Μάζακα как не требующему исправлений. Вряд ли стоит вычитывать также Γάζακα — название двух городов Центральной Азии, никак не связанных с Боспором. Известны две Мадзаки — область в Предкавказье и город в Каппадокии, позднее называвшийся Цезареей. Ко второму решению склонен С. Ю. Сапрыкин, однако о связях Боспора с Каппадокией сведений нет (известны уроженки других малоазийских центров, проживавшие на Боспоре). Напротив, связи Боспора с Предкавказьем прослеживаются с V в. до н. э. и до римского периода [КБН 1236; Ксенофонта, 1983, с. 225, 227]: фасосские амфоры из Уляпа, материалы V–II вв. до н. э. из Зап. и Среднего Прикубанья; все они не могли поступить сюда минуя Боспор. Сказанное дает основание видеть в Мадзаке эпитафии область Предкавказья.

¹⁹¹ Разнотечения рукописей по изданию Майхофа: mazamacas, mazacacas, mazacasos, mazacas. Μάζακα χῶρος нашей надписи свидетельствует, что предпочтительна форма mazacae.

Рис. 134. Прориси боспорских эпитафий (а–е) и вотива жены Спартока (ж) [Яйленко, 1995а]

нашей надписи. В публикации 1995 г. мы сочли, что это Моздокская равнина на севере современной Осетии (адыг. Маздогу «огромный лес») и что девушка по происхождению черкешенка [Яйленко, 1995, с. 206–207]. Но это очень отдаленный от Боспора край, поэтому теперь полагаем, что Мадзака могла располагаться гораздо ближе, на территории современной Адыгеи, где есть немало топонимов, включающих адыг. мес, мэс «лес» [Меретуков, 1990, с. 64, 106–107 и др.]. Осюда и происходила покойная женщина исследуемой эпитафии. Адыгский (черкесский) характер этнонима мадзаков показывает, что родом она из адыгов, обитавших далеко на восток и юг от Тамани и от Горгииппии в Предкавказье¹⁹². Как сказано, боспор-

¹⁹²Эту и нижеследующие надписи комментировал в SEG 45, 1006, 1010–1012, 1014, 1024 Ю. Г. Виноградов. Камней он не видел, свои «поправки» давал по моим фото (он сам указал на это в № 1006, 1011, 1012), но, поскольку сохранность текста переиначенных им надписей не вполне удовлетворитель-

ские греки уже с V в. до н. э. проникали в глубь Сев. Кавказа на восток, судя по находке греческих надписей в районе Майкопа и реки Большой Зеленчук (КБН 1234–1236). Причина появления адыгской женщины на Боспоре вряд ли будет предметом спора, если принять во внимание, что черкешенки славились своей красотой и украшали собой гаремы стран Вост. Черноморья¹⁹³.

Далее в стк. 3 читаем *imp. aor.* βλέφο[ν] «узри, виждь», по форме ему соответствует глагол εἶ[ι]δεῖ «узнай» стк. 4 из той же фразы. В начале стк. 4 хорошо читается слово [π]αῖδα, раскрывающее суть эпитафии — молодость, слишком ранняя смерть покойной. В конце стк. 4 почти целиком сохранилась *omega*, дающая чтение ὅσω[ν]. Контекст с *acc. pl.* τὰς δεκάδα[ς] «декады» стк. 5, [δύ]σμορο[ς] «несчастливая» стк. 6 и параллели дают основание дополнить указание на годы покойной — ὅσω[ν] ἐτέ[ε]ων. В целом в соответствии с метрикой и параллелями понимаем текст стк. 3–6 примерно так: εἶ[ι]δεῖ ὅσω[ν] ἐτέ[ε]ων ἦν· τὰς δεκάδα[ς] δύο εἶ[ι]χε ἡ δ' ἄρα δύ[ς]μορο[ς] --] «узнай, скольких лет она была — лишь два десятка лет жизни получила сия несчастная в удел...»¹⁹⁴ Ср. близкое выражение μοῦνα δέ με δώδεκα ἐτῇ βιώσαντα «меня, прожившую лишь 12 лет» в одной из эпитафий [Peek, 1960, № 464. 12–13]. К τὰς δεκάδα[ς] δύο] нашей надписи *ср.* τρὶς δεκάδας ἐτέων и ἕξ δεκάδας в эпитафиях КБН 131, 1057, также δι[ς] δεκάδας «две декады» новой стихотворной эпитафии из Пантикапея [Иванчик, Толстиков, Ковальчук, с. 110]. Поскольку покойная находилась в девическом возрасте (тем не менее покрытая голова на рельефе говорит, что она замужем), на что указывает слово παῖς стк. 4, в лакуне определенно дополняем δύο — «две декады», т. е. ей было 20 лет¹⁹⁵.

на, его чтениям грош цена, посему и давать их нет смысла. Все же для наглядности приведу пример с этой надписью (SEG 45, 1012). В стк. 2 безусловно читается топоним Μάζακα, буква К которого полностью сохранна (см. прорись, рис. 134а), что подтвердил *de visu* А. Твардецкий [БН, с. 43]. Между верхом мачты К и верхним ее усиком выбоина, видная и на фото (рис. 133), ее-то вместе с мачтой Виноградов принял за Р и прочел название города Ἀζара в Вост. Меотиде (и Твардецкий отверг чтение Ἀζара как не подтверждаемое камнем). Чтобы не повисла в воздухе предшествующая буква Ν, Виноградов вычитал форму двойственного числа глагола — ἐλ[αά]σатов, объяснив это тем, что женщина, вероятно, прибыла в Пантикапей с дочерью. Такому чтению и объяснению противоречит данный тип эпитафии — это диалог прохожего с покойным, всегда в ед. числе. Этому правилу соответствует и лексика нашей надписи: εἰπέ «скажи» — обращение только к покойной и ее ответ тоже в ед. числе μοι «мне» (а не «нам», что следовало бы из чтения Виноградова); указан возраст лишь одной покойной (τὰς δεκάδα[ς]), а не двух, наконец, приведено только одно имя покойной. Все эти ляпы Виноградова подтверждают точность выставленной нами оценки его «поправок», впрочем, и гроша они не стоят. Показательный пример цены его «поправок» по фото (так было почти всегда) — случай с фанагорийской надписью Устана: в ней на фото Виноградов увидел *иоту* и дал совсем иной текст, нежели я. Однако эта «иота» была просто дефектом моего фото, и я позднее опубликовал другую фотографию, снятую под иным углом освещения камня, на которой соответствующая строка была хорошо видна и его «иоты» не было [Яйленко, 2002а, с. 288, 290; 2010, с. 410]. Так из фотodefектов рождались текстологические «поправки» Виноградова (подробности этой позорной истории [Яйленко, 2010, с. 410/11]).

¹⁹³ См. в этом отношении портрет Бэлы в одноименной повести М. Ю. Лермонтова: «И точно, она была хороша: высокая, тоненькая, глаза черные, как у горной серны, так и заглядывали к вам в душу».

¹⁹⁴ В эпитафии КБН 129 δύσμορος «несчастный» тоже употреблено при указании на молодой возраст покойного.

¹⁹⁵ Эпитафия включена в свод боспорских надгробий [БН, № 11, комментатор А. Твардецкий] в таком чтении: εἰπέ, τίνος πατήρ ἐάσато. Μάζακα χῶρος [--⁴⁻⁵--]³ Χ[ι].ΜΟΡ[...].ΝΕΙΒΛΕΨΟ[...].π[αῖ]δα. ΔΕΙΟΣ [--²--]ΠΑΣΔΕΚΑΔ[...].λ.ν[ο]--]. Это чтение противоречиво. В стк. 1–2 дано ἐάσато «оставила», но отмечено, что Яйленко «совершенно верно» указал на наличие места еще для двух букв в конце стк. 1. Если это «совершенно верно», то забракованное нами в первоиздании чтение ἐάсато, подхваченное Виноградовым, отпадает, тем более, что оно не согласуется с род. падежом τίνος πατήρ (глагол ἐάω

В надписи два элегических дистиха, второй пентаметр сохранился частично¹⁹⁶. Число строк надписи и стихов эпитафии не совпадает. В стк. 7 резчик сильно умень-

Рис. 135. Эпитафия жены Сатириона, фото [Яйленко, 1995a]

шил буквы, это означает, что места оставалось мало и что эпитафия заканчивалась, т. е. она состояла из двух дистихов. Надпись составлена правильным стихом, с соблюдением правил, имеющиеся нарушения (во второй части первого пентаметра два спондея), скорее всего, обусловлены неточностью нашей реконструкции этого текста. По характеру письма эпитафия датируется I в. до н. э.¹⁹⁷

№ 2. Известняковая стела, суживается кверху, где обломана. Внизу шип для вставки в основание памятника. Высота с шипом 58, ширина внизу 42, толщина 15 см (рис. 134, б, 135). Хранится в Темрюкском музее (инв. номер отсутствовал). Время и место находки в музейной документации не зафиксированы, поэтому констатируем лишь, что памятник найден на территории

требует вин. падежа). Чтение буквы Х в начале стк. 3 неточно, так как она не первая в строке, а вторая, судя по отступу от общей линии старта для всех строк. Чтение букв ΜΟΡ (именно с Ρ) возможно, но приведенные нами параллели дают ответ ὅμοια μοι «имя мне» в ответах на вопрос «откуда ты и каково твое имя», так что наше чтение ΜΟΙ уверенно. Буквы ΒΛΕΨΟ нельзя давать маюскулами, поскольку они раскрываются только как *aor.* или *fut.* глагола βλέπω «видеть». Напрасно и чтение ΠΑΣΔΕΚΑΔ в стк. 5, поскольку и на фото в БН хорошо видно, что первая буква не Π, а Τ, четвертая и последняя не Α и Λ, но Δ, так что чтение τὰς δεκάδα[s] «декады» надежно, тем более, что приведенные параллели указывают на стандартность подобного выражения. При всей трезвости и полезности комментария Твардецкого отметим ничем не оправданное представление текста Виноградова, ибо его, этого текста, не существует: это мой текст, в который Виноградов инкорпировал две свои беспочвенные новации: чтение названия Ἀζαρα, не подтверждаемое камнем, да мой глагол ἐλ[αά]σато, слегка переименованный им в невозможный для контекста и такого типа эпитафии *dualis* ἐλ[αά]σатов. К сожалению, есть и ляпы на с. 42: мне приписана форма ἐλ[αά]σатов Виноградова, а ему приписано имя [e. g. Μίον], приведенное мною в первоиздании [1995, с. 208] как вариант.

¹⁹⁶ Первый гекзаметр оканчивается словом χῶρος, первый пентаметр словом [π]αῖδα (дизерес частей после имени [N]ιϵι); второй гекзаметр завершаем дополнением ἐλχε, затем следует первая часть пентаметра.

¹⁹⁷ В первоиздании мы датировали эпитафию первой половиной I в. до н. э. по близости к письму декрета в честь Митридата Евпатора из Нимфея и метрической эпитафии КБН 122. Однако Т. А. Матковская указала на близость рельефа надгробию Дасхас КБН 306 второй половины I в. до н. э. — начала I в. н. э., А. Твардецкий — на сходство письма с метрическими эпитафиями КБН 126, 127 второй половины I в. до н. э., также эпитафией Гликариона, отнесенной А. И. Болтуновой к началу I в. н. э. В целом авторы БН отнесли рассмотренную эпитафию к концу I в. до н. э. — первой половине I в. н. э. Соглашаясь с ними в том, что касается второй половины I в. до н. э., отметим, что первая половина I в. н. э. не документирована аналогиями, да и некоторая близость с декретом в честь Митридата не способствует такому омоложению. Учитывая указанные авторами БН аналогии, датируем данный памятник I в. до н. э.

Темрюкского района. В верхней половине стелы выемчатое поле с рельефом, ограниченное бордюром, под рельефом трехстрочная стихотворная эпитафия. На рельефе представлена стоящая в рост женщина в длинном хитоне, закутанная с головой в покрывало, один край которого придерживает левой рукой у левого плеча, другой край придерживает правой рукой на левом бедре. Рядом фигурка служанки в такой же позе. Сразу под рельефом надпись (высота букв 2,5 см):

τᾶν δὲ πολυδά-	«так вот поставил Сатирион
κρυτον Σατυρί[ων]	многооплаканную супругу
παράκοιτ[ιν] Μα[ῖαν ?]	Μαῖον» (ее изображение).

Старт каждой строки расположен левее предыдущей на одну букву. Буквы в стк. 1 вырезаны менее убористо по сравнению со стк. 2–3. Текст надписи читается хорошо, лишь мелкие утраты в конце стк. 2–3. Письмо эпитафии находит параллели в лапидарных памятниках последней трети III — первой половины II в. до н. э. (КБН 26, 247) с тем отличием, что в нашем случае присутствуют лунарные формы *эпсилона* и *сигмы*¹⁹⁸. Последние заимствованы большой эпиграфикой из курсивного письма, хорошо представленного на Боспоре нимфейскими граффити последней четверти III в. — II в. до н. э.¹⁹⁹ Язык эпитафии поэтический: πολυδάκρυτος, παράκοιτις — стихотворная лексика, заимствованная из гомеровских поэм, на которые ориентировался автор исследуемой эпитафии, как и прочие его сотоварищи по кладбищенскому стихотворному ремеслу позднеэллинистического и римского времени. В гомеровском языке присутствует идиома ἄν δὲ + личное имя, первый элемент которой — анастрофически употребленное апокопированное наречие ἄνα «наверху, сверху, вверх» при глаголе ὄρνυτο, ὄρτο «встает», «встал» [LSJ, s. v. ἀνά G: ἄνα]. Например, II. XIII, 810–811: ὄρτο δ' ἔπειτα μέγας Τηλαμώνιος Αἴας, ἄν δ' ἄρα Τυδείδης ὄρτο «поднялся великий Аякс Теламонид, встал и Тидид». При этой идиоме употреблялся и глагол ἀνίστημι, например, ἄν δ' Ὀδυσσεὺς ἀνίστατο «Одиссей поднялся». Во избежание повторения глагол мог опускаться, так что его функцию полностью брало на себя наречие, например, II. XXIII, 836–839: ὄρτο δ' ἔπειτα μενεπτόλεμος Πολύποιπτις, ἄν δὲ Λεοντήος κρατερὸν μένος ἀντιθέοιο, ἄν δ' Αἴας Τηλαμωνιάδης καὶ δῖος Ἑπειός, ἐξείης δ' ἴστατο «и встал Полипет, бранодышащий воин; встала и грозная мощь Леонтея, подобного богу; встал и Аякс Теламонид и сильный Эпеос огромный; стали порядком» (пер. Н. И. Гнедича). Такая функция наречия ἄνα даже побудила лексикографов отмечать в словарях: эпическое ἄν = ἀνέστη (например, [Вейсман, с. 80; Дворецкий, с. 109]). Глагол ἀνίστημι имел значение «ставить *памятник*», причем в кратких надгробных надписях он мог отсутствовать, так как естественно подразумевался (ниже, с. 854).

Приведенные данные позволяют заключить следующее: автор исследуемой эпитафии, ориентировавшийся на гомеровский язык, заимствовал из него не только

¹⁹⁸ Посвящение КБН 26 сделано при Спартоке V или VI, первый из которых правил в третьей четверти III в., второй ок. 200–190 гг. до н. э. Со Спартоком V или VI связаны черепичные клейма с именем «Спарток» и письмом того же характера, что КБН 26, 247 (выше, с. 812).

¹⁹⁹ Выше, рис. 130 и прориси других нимфейских граффити из святилища Афродиты [Яйленко, 1995а, с. 232, 258, 268]. Аналогичное письмо с использованием курсивных форм имеют некоторые синопские керамические клейма IV и V хронологических групп, датировка которых разными исследователями приходится на 260–150 гг. до н. э. [Граков, 1928, т. XII, 2, 8; Шелов, 1975, с. 136/7].

лексику, но и конструкцию $\alpha\nu \delta\acute{\epsilon}$ + личное имя с подразумеваемым $\alpha\nu\iota\sigma\tau\eta\mu\iota$ (но не в значении «встать», как в поэмах Гомера, а в значении, свойственном языку эпитафий, — «поставить *памятник*»): $\tau\acute{\alpha}\nu \delta\acute{\epsilon} \dots \Sigma\alpha\tau\upsilon\rho\iota\omega\nu$ «поставил *памятник* Сатиррион». Предваряет эту конструкцию частица $\tau\omicron\iota$, «склеенная» с наречием $\alpha\nu$ (как с частицей $\alpha\nu = \tau\acute{\alpha}\nu$) и потому ставшая контрактированной в красисе: $\tau\acute{\alpha}\nu$ «так вот поставил»²⁰⁰.

У прилагательного πολυδάκρυτος 2 значения: «многослезный (-ная)», «многооплаканый (-ная)», из которых следует предпочесть второе, так как эпитафия поставлена женщине от имени скорбящего мужа. Вин. падеж прилагательного показывает, что слова стк. 3, к которым оно относится и окончания которых не сохранились, также стояли в аккумулятиве. В стк. 3 παρακοίτ может быть восстановлено как παρακοίτ[ην] «супруга» (вин. падеж муж. рода) и παρακοίτ[ιν] «супругу» (вин. падеж жен. рода). Второе предпочтительнее, так как сопряжение прилагательного πολυδάκρυτος напрямую с именем покойной, без связующего существительного, стилистически неудачно. За последними буквами стк. 3 МА следует лакуна, в которой утрачено не более 3 букв. Предположительно восстанавливаем здесь метрически подходящее имя покойной Μα[ίαν] , известное на Боспоре (КБН 201, Пантикапей, IV в. до н. э.). Имя $\Sigma\alpha\tau\upsilon\rho\iota\omega\nu$ зафиксировано лапидарной боспорской надписью IV в. до н. э. и рядом граффити V–III вв. [Яйленко, 2005, с. 468].

В метрическом отношении эпитафия представляет собой один гекзаметр²⁰¹: — ∼ ∼ | — — | — ∼ ∼ | — ∼ ∼ | — — | — ∼. Гекзаметр правильный: в первой, третьей и четвертой стопах дактили, в третьей стопе сделана цезура, спондей употреблен во второй и пятой стопах. Она обогатила наши представления о языке боспорских версификаторов двумя неизвестными здесь ранее элементами поэтического лексикона — παρακοίτης , πολυδάκρυτος , а также гомеровской идиомой $\alpha\nu \delta\acute{\epsilon}$ + личное имя. Всего на Боспоре известны 51 метрическая эпитафия, из которых 41 найдена в Пантикапее и только 10 вне его²⁰². Почти все они относятся к двум столетиям от рубежа II–I вв. до н. э. по I в. н. э., тогда как более ранних, от V — середины II в. до н. э., только 10, из которых 6 пантикапейских (КБН 113–118), 3 из Фанагории, Патрея и с Кизилташа (КБН 991, 1057, 1113), плюс наш № 2.

№ 3. Известняковая стела, обломана сверху и снизу, высота 106, ширина 73, толщина 21 см (рис. 134, в, 136). Найдена на Ильичевской «Батарейке», поступила в Террюкский музей в 1969 г. Вверху и внизу рельефы, между ними надпись. На верхнем рельефе представлена сидящая в кресле женщина в длинном хитоне,

²⁰⁰ [LSJ, s. v. $\tau\acute{\alpha}\nu$]. Вообще $\tau\omicron\iota$ энклитика, не занимающая первой позиции, однако у поздних авторов в «склеенном» состоянии она употреблялась и в начале предложения, например: $\tau\omicron\iota\iota\upsilon\lambda\iota$, $\sigma\omicron\upsilon \delta\acute{\epsilon}\omicron\mu\alpha\iota$, $\gamma\rho\alpha\phi\epsilon \text{ πλείονα}$ «поэтому больше пиши, умоляю тебя» (Поллиан, Anth. Pal. XI, 127); еще пример из боспорской метрической эпитафии конца I в. до н. э. — начала I в. н. э.: $\tau\omicron\iota\gamma\alpha\rho \delta\tau' \acute{\epsilon}\varsigma \phi\theta\iota\mu\acute{\epsilon}\nu\omicron\upsilon\varsigma$ «и вот когда к мертвецам» [Болтунова, 1968, с. 131; Яйленко, 2010, с. 543].

²⁰¹ Это единственное приемлемое замечание Виноградова из его «поправок» [SEG 45, 1024]. Он и тут отличился: дал вместо моего παρακοίτ[ιν] свое παρακοίτ[ιδα] , при том, что на моем фото ничего не видно.

²⁰² Пантикапей: КБН 113–148, сюда также 835, 840 [Яйленко, 2010, с. 541/2] плюс 4 [Болтунова, 1968, 1973, 1977; Иванчик, Толстиков, Ковальчук, 2007] плюс наш № 1. Остальные города Боспора: КБН 913 (Нимфей), 991, 992 (Фанагория), 1017 (Патрей), 1057 (Гермонасса), 1113 (Кизилташ), сюда также фанагорийская эпитафия 991 и 1080 из Гермонассы [Яйленко, 2010, с. 542] плюс эпитафия из Гермонассы [Блаватская, 1996] плюс наш № 2.

с головой закутанная в покрывало (голова частично сколота), руки сложены на животе. Кресло с резными боковыми панелями: подлокотники в виде фигурок сфинксов, ниже сидища поставленные на торец волюты, перевязанные посередине жгутом²⁰³. По обеим сторонам кресла — уменьшенных размеров фигурки служанок в рост, одетых в длинные хитоны и покрывала, перекинутые через голову; у левой в руках ларец, у правой полотенце. Все трое замужние женщины. От нижнего рельефа сохранились два сильно фрагментированных изображения, одно из которых определенно мужское. Обратная сторона стелы заглажена. Трехстрочная надпись вырезана по линейкам, высота букв 5,5 см. Текст:

Κλεοπάρα, γυνή	«Клеопрата, жена
Γαίου, τοῖς πα[ρ]ά-	Гая, прохожим
γο(υ)σιν χαίρει[ν]	шлет привет».

Рис. 136. Эпитафия Клеопраты, фото [Яйленко, 1995а]

Женское имя Клеοπάρα не засвидетельствовано в греческих ономастических справочниках, но вряд ли стоит исправлять его на имя Клеопатра, известное и на Боспоре. Видимо, это местное новообразование, которое хорошо объясняется из слов κλέος и πράττω как «достигшая славы». По характеру письма эпитафия находит близкие параллели в боспорских надписях времени Савромата I (93–123) и Котиса II (123–132)²⁰⁴. По аналогичному изображению кресла на рельефах КБН 324, 576, 666 и эти надписи, и нашу стелу следует отнести к I в. н. э. — первой половине II в. н. э. Аналогичное обращение к прохожим от имени покойного содержится и в других боспорских надписях (КБН 691, 1035, 1091, 1095). Это прием, более свойственный составителям эпитафий с азиатского Боспора (лишь одна из них пантикапейская).

№ 4. Верхняя часть мраморной стелы, увенчанной акротерием в виде листа аканфа и побегов. Высота 78, ширина 45 (без карниза, отделяющего акротерий от поля стелы), толщина 13 см (рис. 137). Хранится в Керченском музее, инв. № Кл-30. Стела обломана примерно по середине высоты. Под карнизом двухстрочная надпись (высота букв 3,3 см):

Νίκαινα	«Никена, дочь
Νευμηνίου	Невмения».

²⁰³ Такое же кресло изображено на рельефе КБН 324 I в. до н. э. или I в. н. э.

²⁰⁴ [КБН 33; Блаватская, 1976]. В этих надписях даже одинаковая *сигма* с шевроном на скрещенных гестах.

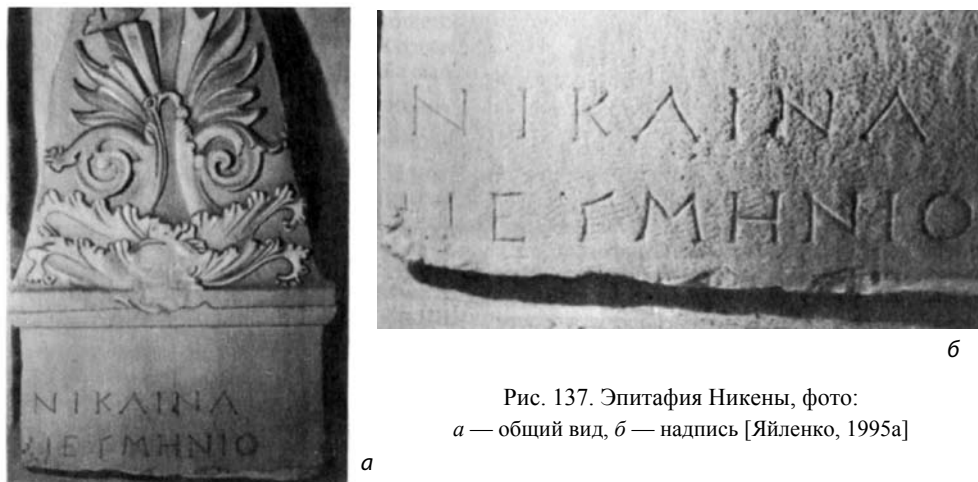

Рис. 137. Эпитафия Никены, фото:
а — общий вид, б — надпись [Яйленко, 1995а]

Буквы вырезаны тщательно, с ровными промежутками, наклонные гасы слегка прогнуты, кончики мачт апецированы. Это декоративное письмо IV в. до н. э. По передаче дифтонга *ou* через *ō*, наиболее поздние образцы которой относятся к 340-м гг. (выше, с. 362 и [Яйленко, 2010, с. 25]), надпись датируется второй или третьей четвертью IV в. Имя Никена засвидетельствовано в греческом антропонимиконе впервые, но значение его вполне ясное — «победоносная» (прилагательное от *νίκη* «победа» с суффиксом *-αῖνα*: *νίκαῖνα, как в именах *Λάκαῖνα*, *Λύκαῖνα*). Интересно, что по смыслу оно равнозначно иранскому имени *Παίρσισάδης* (выше, с. 840); так как по времени эпитафия синхронна с началом правления Перисада I, не исключено, что новообразованный женский антропоним копировал по смыслу имя царя. Имя Нумений известно на Боспоре, как и в греческом мире в целом, в двух формах: *Νεομήνιος* (КБН 163, 210, 211, 1056, 1064), характерной для IV в. до н. э., и *Νουμήνιος*, известной на Боспоре с III в. (КБН 912 и др.). Форма *Νεομήνιος* встречается в надписях с IV в., она результат перехода *eo* в *eu* в ионийском диалекте²⁰⁵.

№ 5. Стела известняковая, сверху фронтон с акротериями по бокам, в середине фронтона и над акротериями по розетке; внизу стелы шип для вставки в основание (рис. 134, г, 138). Хранится в Керченском музее. Под фронтоном рельеф: стоящие в рост мужчина и женщина протягивают друг другу правую руку, они соединены рукопожатием. Мужчина в штанах и накидке, край которой перекинут через левую руку, женщина одета в длинный хитон и с головой закутана в покрывало. У ног мужчины маленькая фигурка слуги, у ног женщины маленькая фигурка служанки с пиксидой. Под рельефом надпись в 4 строки, вырезанная по линейкам:

Καλοῦς Δαμοφίλου, Χρύσι Καλοῦ, | χαίρετε

«Калус, сын Дамофила, Хрисэ, дочь Калуса, прощайте». По письму — I в. н. э.²⁰⁶

²⁰⁵ [Thumb, Scherer, S. 258], в том числе у прилагательного *νέος* «новый» в композитах, также *Θεοδοσίη* и *Θευδοσίη* в титулатуре Спартокидов и пр. [Доватур, 1965, с. 804; Яйленко, 2010, с. 142/3].

²⁰⁶ В первоиздании мы читали *Χρυ[σ]ι[ο]ν*, однако А. Твардецкий [БН, № 130] дал более точное чтение *Χρύσι* (вокатив к *Χρύση*), которое принимаем.

Рис. 138. Эпитафия Калуса и Хрисион, фото:
а — общий вид, б — надпись [БН, 130]

Рис. 139. Строительно-мемориальная надпись, фото [Яйленко, 1995а]

№ 6. Левый нижний угол мраморной плиты, обломанной справа и сверху, высота 16,5, ширина 9, толщина 6 см (рис. 134, д, 139). Обратная сторона заглажена. Хранится в Керченском музее. Сохранились остатки 6 последних строк надписи, высота букв 1,7 см в стк. 1–4, а в стк. 5–6 1,4 см. Текст:

--| τεξ με--| καιρόν [-- *e. g.* Γό]κων ΕΙ [-- σὺν γυν]αϊκός
ποτην οἰκοδόμη]]⁵σεν τ[ὸ μνημεῖον ἐν τῷ]] βλτ' [ἔτει]

«-- надлежащее время -- *e. g.* Гокон, сын Э--, вместе с женой (имя) *выстроил эту гробницу в 332 году*».

Фрагмент содержит элементы, присущие эпитафиям и строительно-мемориальным надписям: слово *καιρός* свойственно эпитафиям (КБН 128: Мойра исхитила Трифонида из жизни «в надлежащее время»)²⁰⁷; необычный по употреблению род. падеж при предлоге *σὺν* в формуле *σὺν γυναικός* указывает на постройку гробницы или постановку стелы мужем вместе с женой, причем после нее следует имя жены (КБН 705, 709); точная датировка по босп. эре (у нас 332 г. = 35 г. н. э.) свойственна эпитафиям и мемориально-строительным надписям. В публикации 1995 г. я считал ее эпитафией по близкой аналогии КБН 335 от 14 г. н. э., которая сохранилась полностью и может указывать на примерное содержание нашего фрагмента²⁰⁸. Однако впоследствии выяснилось, что КБН 335 датируется 284 г. [Яйленко, 2010, с. 543/4]. Далее, по форме наш мраморный обломок не надгробная стела, а закладной камень постройки; такая же мраморная закладная плита — КБН 711. Что наш фрагмент не эпитафия, указывает расположение текста до самого низа плиты: это не свойственно эпитафиям без рельефа, которые обычно размещаются вверху стелы или посередине; если же внизу, то не доходя до самого нижнего края (в эпитафиях с рельефом такое случается, как в нижеследующей надписи № 7). В числе боспорских надписей мы выделили строительно-мемориальные акты, сообщающие о постройке склепа или иной гробницы; как в строительных актах, в них факультативно дается датировка по босп. эре: КБН 335 (284 г.), 711 (140 г.); без даты 709, 731 [Иб., с. 573/5]. Ввиду изложенного теперь мы реконструируем текст фрагмента в качестве строительно-мемориальной надписи. Структура актов этого типа обычно стандартна: имярек с женой

²⁰⁷ В комментарии (SEG 45, 1006) Виноградов глубокомысленно «выяснил, что *καιρόν* не дает смысла в таком тексте». Поскольку изложенное тут об этом слове было и в моей публикации 1995 г. [с. 220], ясно, что он давал Плекету недостоверные сведения, зная, что тот русского языка не ведал и проверить не сможет. Таков мой оппонент. Слово как *καιρός* раз присуще надгробным надписям, указывая на «надлежащее время» смерти, т. е. в старости. Так, в эпитафии I в. до н. э. КБН 128 говорится, что Мойра похитила покойную Трифонида «не безвременно, а в надлежащую пору» — *καιρόν*.

²⁰⁸ Ἀλκίμος Ἀσκληῶ καὶ [ἡ] αὐτοῦ γυνὴ Φιλοπάτρα | θυγάτηρ Ἀλκίου οἰκοδόμησαν [τ]ὸ μνημεῖον ἐν τῷ αὐτ' [ἔτ]ει «Алким, сын Аскласа, и его жена Филопатра, дочь Алкия, выстроили этот памятник в 311 году».

(имя) выстроили (*aor. sg.* или *pl.* οἰκοδόμησεν, οἰκοδόμησαν) гробницу (τὸ μνημα, τὸ μνημεῖον) в году таком-то. Слово καίρως указывает, что наша надпись была пространнее (этим она близка строительно-мемориальной надписи КБН 731, автор которой рассуждает о необходимости относиться к мертвым с почтением) и смысл «предисловия» состоял в том, что «в надлежащее время» супруги скончались, для чего и построили себе заранее гробницу. Такого рода мотивировка присутствует в стихотворной автоэпитафии КБН 147 от 227 г. н. э.: прежде чем умереть, мы единодушно поставили себе эту надгробную стелу. Поскольку слово καίρως засвидетельствовано в стихотворной эпитафии КБН 128, не исключено, что начало публикуемой надписи тоже было поэтическим, далее следовал прозаический текст, как в эпитафиях КБН 122, 126, 128 и мн. др.). Датированные боспорские эпитафии и мемориально-строительные надписи дошли до нас главным образом от II–III вв. н. э., первая по времени от 106 г.²⁰⁹ Теперь самым ранним стал рассмотренный фр. от 35 г. н. э.²¹⁰

№ 7. Фр. мраморной плиты, 2 куска в контакте, обломан сверху и слева, высота 22, ширина 17, толщина 5 см (рис. 134, е, 140). Сохранилась правая часть надгробной надписи, над нею остаток рельефа: слева голень конской ноги с копытом,

²⁰⁹ Берем только пантикапейские: КБН 147 (227р), 335 (284р), 656 (130 р), 675 (133р), 697 (106р), 703а (124р), 705 (129р), 710 (143р), 711 (140р), 733а (214р), 734 (285р), 744 (между 343–353р). Виноградов выхолостил содержание надписи, дав пустой текст [SEG 1006]: -- τῆς με[---] καίρως [---] κων Ε[---] | αἰκος [---] | σεν τ[---] | βλτ' [ἔτει]. (Оговорюсь, что главред SEG Плекет, ничего не смысливший в эпиграфике Сев. Причерноморья по причине незнания русского языка (см. выше, с. 660/1), давал комментарии от себя, но все они со ссылкой на Виноградова, который и был автором этой чепухи). «Виноградов выяснил, — пишет Плекет, — что эпитафии редко датируются». Тут Виноградов опять обманул его: в статье 1995 г. я привел этот список. Расцениваю все это как злопахательство нечистоплотного на руку оппонента, спекулировавшего на незнании Плекетом русского языка.

²¹⁰ Свою трактовку надписи дал С. Ю. Сапрыкин [2011а]. По его мнению [с. 267], в стк. 1 после τῆς читается не με, как счел я, но ΑΣ — у скола четко виден «нижний левый уголок Σ». Буквы τῆς он счел окончанием имени царя [Μιθραδά]τῆς, сына царя Аспурга — Ασ[πύρου]. После О стк. 2 у скола он различил «остатки поперечной гасты от Μ или Ν», но слово καίρως счел неуместным, поскольку в боспорских стихотворных эпитафиях оно встретилось лишь раз, «но в дательном падеже» (sic!). Тут он вычитал имя фракийского царя Ρο(ι)μ[ητάλκην] и в целом реконструировал текст в качестве почетной надписи Митридата, сына Аспурга, за «царя Фракии Реметалка, своего и своей жены благодетеля». Далее на этой основе дан пространный исторический экскурс, выясняющий благодеяния Реметалка Митридату. Мы не приводим текст Сапрыкина, поскольку это бесполезно — нельзя давать исторически ответственный текст по буквам ΤΗΣ и ΑΣ, сигмы которых крайне предположительны, да еще с исправленным РОМ надписи на ΡΟ(Ι)Μ. Это порочная методика в духе Ю. Г. Виноградова, строившего броские исторические концепции на реконструированных текстах, примеров чего мы привели множество в разделах I–IV об Ольвии. Я бы не возражал против чтений Сапрыкиным ΤΗΣ и ΑΣ, дай он их по камню, однако, к сожалению, он, как Виноградов, вычитал их по моему фото, игнорируя прорись, на которой показано то, что есть на камне (см. рис. 134, д). Обратись он к камню, то увидел бы, что в конце стк. 1 читается именно Μ, а не Α, поскольку здесь на сохранном поле нет декоративной черточки, свисающей со средокрестия альфы, как у альфы стк. 4 (см. рис. 140); после Μ на камне следует прямой левый нижний уголок Ε; фотография же в данном месте обманчива — на ней можно увидеть как прямой уголок Ε, так и скошенный уголок Σ. Еще раз Сапрыкин стал жертвой фото в стк. 3, где он прочел (после имени Реметалка) [βασιλέα Θρα]κῶν ε[ὐεργέτας κτλ.]: на фото совсем не получила отражения целиком сохранная прямая гаста после Ε, т. е. *ипсилон* титула ε[ὐεργέτας] тут не может быть. Поскольку текстологическая база прочтения С. Ю. Сапрыкина недостоверна, его чтение отпадает.

справа жертвенник, направо от которого стояла фигура (сохранилась ее правая ступня в башмаке). Следовательно, это надгробие всадника или второго персонажа, женского или мужского. Надпись пятистрочная, высота букв 2–2,8 см. Хранится в Керченском музее, на одном куске плиты инв. № Л 148, на другом 3607. Место и время нахождения неизвестны. Примерный текст:

[τῷ δεῖνι] Ἡλίου, σύν-	«такому-то, сыну Элия, жена
[βίος Δημη]τρία μνή-	Деметрия поставила памятник
[μα καὶ βω?]μόν ἰδίῳ	и жертвенник своему мужу.
[ἀνδρί· ...]δα καὶ οὐ	-- и не чтущему их быть несчастным».
[ε. g. σεβόντα εἶναι] ἀτυχῇ	

Число утраченных слева букв определяется заполнением стк. 2. Так как это мужское надгробие (всадник), имя [Δημη]τρία стоит в номинативе. При имени женщины, поставившей надгробие мужчине, предлог σύν предшествующей стк. 1 резонно дополнить в слово σύν[βίος] «супруга». Дат. падеж слова ἰδίῳ стк. 3 показывает, что имя мужа в стк. 1 стояло в этом же падеже; после ἰδίῳ дополняем *dat.*

Рис. 140. Эпитафия сына Элия, фото [Яйленко, 1995a]

ἀνδρί «мужу», как в эпитафии КБН 675: супруга Диогения ставит надгробие τῷ ἰδίῳ ἀνδρί «своему мужу». В статье 1995 г. мы реконструировали в стк. 2–3 формулу μνή[μης χάριν βω?]μόν «памяти ради жертвенник», но после выделения строительно-мемориальных надписей (см. коммент. к № 6) мне стало ясно, что сюда относится и данная эпитафия, в связи с чем вместо μνήμης χάριν следует дополнять μνήμα, как положено в надписях этого класса (КБН 697, 711)²¹¹. Буквы ΜΟΝ стк. 3 можно дополнить как [βω?]μόν «алтарь, жертвенник» в качестве составной части надмогильного памятника. В малоазийских эпитафиях нередко фигурирует постройка наряду со стелой жертвенника (βωμός), в том числе при идиоме τῷ συνβίῳ, τῷ ἀνδρί, как в нашем случае (например, [Bull. ép. 1957, 368]). В реконструированном тексте стк. 1–4 отсутствует глагол. Это обычное явление в эпитафиях и строительно-мемориальных надписях (КБН 697, 705), в которых глагол ἀνέστησεν «поставил(а)» подразумевается.

²¹¹ На эту типологическую принадлежность эпитафии указывает и то обстоятельство, что она доходит до нижнего обреза камня, т. е. он был вмурован в памятник. Виноградов (SEG 45, 1014) отметил, что формула μνήμης χάριν ставится только в конце эпитафий, и дополнил имя — Μνη[σίμαχος] «Деметрия, дочь Мнесимаха». Он ошибается: прощальная формула ставится также в средней части, как, например, в КБН 696: Ἀριστείδης καὶ Παντόνικος Αἰφούτος καὶ Λαοδική μὴ τὸς μνήμης χάριν ἐν τῷ ἔτει | ζκυ', Πανήμου. Χαῖρε «Аристид и Пантоник, сыновья Аффута, и Лаодика поставили стелу ради памяти матери в 427 году, в месяце Панеме. Прощай». Поскольку издаваемая надпись строительно-мемориальная, буквы ΜΝΗ уверенно дополняются как μνή[μα] или μνη[μεῖον] — это их обязательный элемент. По сей причине ошибочно и, как обычно, ничем не мотивировано дополнение их Виноградовым в качестве личного имени Μνη[σίμαχος]. В последней строке по фото он прочел [τα]ῦτ' ἀτυχῇ или [τα]ῦτα τύχη (его τύχη — глагол *aor. conj.*), но какие буквы были перед Α этой строки, по камню определить нельзя, тем более по фото. Я на прориси показал короткую верхнюю горизонталь, но и она сомнительна, так как полочка стоящей за Α буквы Τ залегает выше.

В двух последних строках, видимо, следует охранительная статья. Она обычна в малоазийских эпитафиях: предается проклятию тот, кто причинит вред надгробию, в том числе такому, при котором стоит жертвенник (например, [МАМА 1939. Т. 6, № 19]). Предположительно восстанавливаем такой текст в заключение эпитафии. Буквы -δα в таком случае принадлежат какому-то слову, которое в пандан к [e. g. σεβόντα] тоже стоит в вин. падеже²¹². В числе боспорских эпитафий подобная охранительная статья представлена только в строительно-мемориальной надписи III в. н. э. КБН 731. Если восстановление ее в публикуемой надписи правильно, можно думать, что она скорее связана с выходцами из Малой Азии. По характеру письма она относится к III в. н. э., и это обстоятельство согласуется с тем, что переселение малоазийских контингентов на Боспор шло как раз во II–III вв. [Яйленко, 2010, с. 676/7].

Это не единственный вариант понимания надписи. Как сказано, на рельефе справа от жертвенника стояла женская или мужская фигура. Если это женщина, возможна и такая реконструкция:

[ὁ δεῖνα τοῦ δεῖνος καὶ ἡ δεῖνα] Ἡλίου, σὺν- [βίος, ἀνέστησαν Δημη]τρίᾳ μνη- [μα τοῦτο καὶ τὸν βω?]μὸν ἰδίῳ ? τροφίμῃ καὶ στηλῇ?]δα· καὶ οὐ [e. g. σεβόντα μνημα εἶναι] ἀτυχῇ	<i>«такой-то, сын имярека, и такая-то, дочь Элия, супруга, поставили Деметрии этот памятник и этот жертвенник сво- ей вскормленнице и стелиду. И быть не чтущему памятник несчастливым».</i>

Образцами для такого прочтения служат строительно-мемориальные эпитафии КБН 705, 710. Согласно первой, Север Сократов с женой Мелитиной поставили памятник «своему вскормленнику Мемнону» (τῷ ἰδίῳ τροφίμῳ), по второй — вольноотпущеннику Филофему поставил стелу брат Понтикион. Буквы -δα дополняются в [? στηλῇ]δα. Эта стелида (буквально «маленькая плита, стела») и есть наш небольшой камень с надписью, вставлявшийся в памятник (μνημα). Ширина закладной плиты КБН 711 35 см, нашей закладной плиты № 6 около 30 см (высчитывается по ширине фрагмента плюс число сохранившихся букв в соотношении с числом дополненных букв). У закладной плиты № 7 при первом варианте реконструкции ширина стандартная — около 35 см, при втором варианте около 50 см, что тоже не составляет проблемы — к примеру, у закладного камня какой-то постройки КБН 970 ширина 56 см. Изображение всадника на рельефе также не препятствует второму варианту реконструкции, так как постановщики стел порой представлены конными: например, на рельефе КБН 438 с эпитафией «Каллистратия, жена Папа, прощай» покойная супруга показана сидящей в кресле, а поставивший ей надгробие Пап на коне (то же КБН 502)²¹³.

Воспользуемся случаем дать уточнения к изданной нами в другом месте эпитафии из Керчи [Яйленко, 2010, с. 662]: Ζώσιμον ὑὲ Α[ρμ]άδ[ου?] ὁ Πανοπτίου,

²¹² В 1995 г. я дополнил [στηλῇ?]δα, но оно не помещается в лакуне при дополнении перед ним [ἀνδρὶ καί]. При новом дополнении помещается.

²¹³ Такого же рода рельефы, но с эпитафией мужу поставили жены (КБН 352, 414 и др.). Это показывает надпись КБН 689 «Каморсаз и сын Ксайорсая, прощай», в которой слово «сын» указывает, что сидящая на кресле женщина — его мать (она же жена Каморсаза), поставившая обоим надгробие.

Рис. 140а. Эпитафия Зосима [БН, 187]

χαῖρε «Зосимчик, сын Армада (?), приемный сын Паноπтия, прощай» (рис. 140, а). Во-первых, ее издал С. А. Шестаков [1996, с. 84], и это мой второй промах: надпись на солнечных часах из Китея [Яйленко, 2010, с. 672] тоже издана им ранее (текст у него другой); приношу глубоко уважаемому мною Семену Алексеевичу свои извинения за недосмотр его публикаций. Во-вторых, комментатор свода «Боспорские надгробия» А. Бехтер дала такой текст: Ζώσιμ[ε] Ἀλέ[ξ]ανδρε | υἱε(οἱ) --³⁻⁴--ιου, χαῖρε «Зосим и Александр, сыновья --ия, прощай»; ед. число «прощай» при двух покойных, хоть и имеет аналогии, но дает основание, по Бехтер, и для другого варианта перевода, для которого придется принять, что у Зосима было второе имя Александр: «Зосим Александр, сын --ия, прощай» [БН, № 187]. Надпись основательно повреждена, чем и обусловлены разночтения, но отметим точность прочтения ею стк. 1 — вокатива Ζώσιμ[ε] и имени Александр. И напротив, стк. 2 прочтена ею ошибочно: ни на камне, ни на фото в БН нет буквы Υ усмотренной ею в слове υἱε(οἱ), как не соответствуют имеющимся очертаниям необходимые для этого слова буквы (οἱ). Тут вполне читается наше ὁ Πανοπτίου. Таким образом, текст эпитафии следующий: Ζώσιμ[ε] Ἀλέ[ξ]ανδρ[ου], ὁ Πανοπτίου, χαῖρε «Зосим, сын Александра, приемный сын Паноптия, прощай».

4. НОВЫЕ НАДПИСИ ФАНАГОРИИ

4.1. Эпитафия тегеата Пантия

Верхний край беломраморной плитки с карнизом, высота 13,5, ширина 22,3, толщина 4,7 см (рис. 141)²¹⁴. Козырек карниза выступает над полем надписи на 1,5 см, высота его 3,3 см, на его скошенной грани остатки красной краски. Боковые грани плитки заглажены одинаково с лицевой поверхностью, справа сохранилась незначительная часть выступавшего с боков козырька. Верхняя грань карниза заглажена менее тщательно, обратная сторона стелы не обработана. В нижней части лицевой поверхности видны следы двух пятен красной краски, т. е. стела была раскрашена. Надпись размещена в 2 строки непосредственно под козырьком карниза (высота букв 1,3–1,5 см), исполнена стойхедоном и настолько тщательно, что по письму это один из самых изысканных памятников Сев. Причерноморья. Буквы гармоничных пропорций равномерно размещены по полю стелы. Первая строка с именем умершего вырезана строго по середине поля, в стк. 2 этникон, имеющий на букву больше, справа доходит до края плиты. Буквы вырезаны двускатными желобками, на концах небольшие утолщения. Надпись слегка повреждена свежими сколами.

Текст: Παντίας | Τεγεάτας «Пантий тегеат».

Надпись предоставляет в наше распоряжение дополнительные данные к вопросу о связях Боспора и Аркадии, разобранному В. Ф. Гайдукевичем [1960], который отстоял мнение А. Бека, что почетный декрет в честь Левкона I (КБН 37: ἔδοξε τῷς Ἀρκάδι· Λεύκωνα [τὸν Σατύ]ρῳ Παντικάπαϊταν «постановлено союзом аркадян: Левкона, сына Сатира, пантикапейца --») принят Аркадским союзом. Теперь мы располагаем тремя найденными на Боспоре эпиграфическими памятниками, связанными с аркадянами. Наряду с КБН 37 из Пантикапея это фанагорийская стихотворная эпитафия КБН 991 и надгробие Пантия. В последнем обращает на себя внимание аркадская диалектная форма Τεγεάτας (ионийско-аттич. Τεγεάτης). Это, как и довольно своеобразный в кругу боспорских надгробий внешний вид стелы, указывает, что она прислана из Тегеи и установлена на могиле скончавшегося в Фанагории Пантия. Равным образом в декрете Аркадского союза в честь Левкона I этникон последнего также написан на аркадском диалекте: Παντικάπαϊταν. На издание

Рис. 141. Эпитафия тегеата Пантия, фото [Яйленко, 1986]

²¹⁴ Опубликовано [Яйленко, 1986]. Случайная находка 1975 г. на западном некрополе Фанагории, хранится в Ин-те археологии (Москва), передана мне В. С. Долгоруковым (он давно ушел из жизни; мы были в приятельских отношениях с 1960-х, когда вместе играли в баскетбольной команде истфака МГУ).

этого декрета Аркадским союзом указывает преамбула $\epsilon\delta\omicron\varsigma\epsilon\nu\ \tau\omicron\iota\varsigma\ \text{Αρκαδίαν}$, т. е. это, как определил еще А. Бек, присланная в Пантикапей копия постановления народного собрания аркадян²¹⁵. Таким образом, транспортировка надписей из Аркадии на Боспор действительно имела место в IV в. до н. э., и вряд ли стоит сомневаться в привозном характере надгробия Пантия, тем более, что в числе боспорских эпитафий, отмечавших могилы скончавшихся здесь инополитов, имеются указания на доставку стел с их родины (например, КБН 732). В таком же плане следует понимать и фанагорийскую надпись КБН 991 (см. далее).

Обращает на себя внимание синхронность всех трех эпиграфических памятников, относящихся к аркадянам, — первая половина IV в. до н. э. Декрет КБН 37 датируется по упоминанию Левкона I (390–351), по характеру письма он соответствует ряду аттических надписей 370–350-х гг. [Kirchner, 48, 50, 51, 54, 55.]. Надгробие мантинейца находит точную аналогию по письму в проксении КБН 6а, изданную тем же Левконом I. Хорошие датированные аттические параллели надгробию Пантия — эпитафия Дексилея 394 г., также договор 375 г. о союзе Афин с Керкирой [Ib. 46, 51]. На основании этих аналогий эпитафию тегеата также датируем временем Левкона I. Принадлежность всех трех надписей ко времени правления этого царя указывает на взаимосвязь их в том плане, что своим возникновением они обязаны установлению контактов между Боспором и Аркадией в его царствование. К первой половине IV в. по палеографии относится и проксения аркадянину из Орхомена НО 4 (выше, с. 251/2), которую по этой причине мы также связали с Аркадским союзом (с. 376). Имевшие место в Аркадии второй четверти IV в. события политической жизни позволяют уточнить датировку указанных надписей и проливают свет на характер аркадско-боспорских связей.

История Аркадского союза претерпела в IV в. следующие фазы: образование союза (371–370), период беотийского протектората (370–366), зенит его деятельности приходится на 366–362 гг., а в 362–338 гг. аркадские полисы вновь существуют разобщенно [Hammond, 1959, p. 495–505; Dušanič, 1970, s. 290]. Союз управлялся «тысячью», административным советом, собиравшимся в Тегее, иногда в Мантинее и Мегалополисе. Города-члены Лиги восприняли в целом демократическое устройство, хотя правление «тысячи» означало некоторое ограничение демократии имущественным цензом, предусматривавшим способность гражданина купить оружие. К исходу 360-х в истории Союза наступил кризис. После войны 365 г. с Элидой демократические элементы настояли на захвате части священных сумм Олимпии для выплаты жалованья солдатам, им возражала олигархически настроенная Мантиnea, последствием чего стал раскол Лиги. Тегея, Мегалополь и другие полисы обратились за помощью к Эпаминонду, а мантинейская коалиция к Элиде, Ахайе, Афинам и Спарте. Эти события завершились в 362 г. битвой при Мантинее.

Декрет КБН 37 издан от имени Аркадского союза, что в свете изложенного датирует его временем расцвета деятельности Лиги, приходящимся на 370–365 гг. (Д. В. Грибанов [2013а] предпочел 364–362 гг., что тоже возможно.) Совместное пребывание в Фанагории представителей Мантиinei и Тегеи резонно относить к периоду сотрудничества этих городов в Аркадской лиге, но ничто не препятствует

²¹⁵ Преамбула такого типа ($\epsilon\delta\omicron\varsigma\epsilon\nu$ + этникон) известна в Аркадии, ср. декрет Аркадского союза 369–361 гг.: $\epsilon\delta\omicron\varsigma\epsilon\ \tau\eta\ \beta\omicron\upsilon\lambda\eta\ \tau\omicron\upsilon\upsilon\ \text{Αρκαδῶν καὶ τοῖς μυρίοις}$, также $\epsilon\delta\omicron\varsigma\epsilon\ \tau\omicron\iota\varsigma\ \text{Αρ[-]}$ декрета II–III вв. из Орхомена, и преамбула декрета V в. до н. э. из аркадской Алеи $\epsilon\delta\omicron\varsigma\epsilon\nu\ \text{Αλειοῖσι}$ [Swoboda, 1890, S. 27, 31, 255].

датировке эпитафий мантинейца и тегеата также последующим временем, когда их полисы противостояли друг другу — хлеб нужен всем. Характер связей Аркадской лиги с Боспором определяется их декретом в честь Левкона: как афиняне чествовали этого царя почетно-проксеническим декретом за крупные поставки хлеба (*Dem.* XX, 29–34), так и аркадяне почтили благорасположенного к ним боспорского владыку. Демократические конституции аркадских полисов на практике предполагали проведение мероприятий по удовлетворению насущных жизненных потребностей масс. Снабжение населения хлебом составляло главную задачу демократических Афин, точно так же демократические полисы бедной продовольствием Аркадии обратились к рынкам Сев. Причерноморья: Тегея и Мантинея к Боспору, Орхомен к Ольвии (НО 4 того же времени, *см.* с. 376)²¹⁶. Резонно полагать, что эпитафии аркадцам поставлены в Фанагории не наемникам, служившим на Боспоре²¹⁷, а находившимся там деловым представителям Тегеи и Мантинеи, поскольку принятый Аркадской лигой декрет в честь Левкона, как показал Гайдукевич, хорошо объясняется именно торговым характером ее связей с Боспором, а не пребыванием аркадских наемников на службе у этого царя. Отметим в связи с этим, что реальные следы пребывания аркадян обнаружены в Фанагории, декрет Аркадского союза в честь Левкона в Пантикапейском порту. Такая дистрибуция памятников может указывать, что связанные с ними аркадяне были не наемниками (такowymi счел их Н. И. Сокольский [1958, с. 298]), а купцами, ведшими свои операции в Фанагории, которая, по известной характеристике Страбона (XI, 2, 10), была перевалочным пунктом продукции, поступавшей с азиатского Боспора. Еще одно косвенное свидетельство принадлежности фанагорийских эпитафий аркадским купцам, а не наемникам, состоит в синхронности их упомянутой ольвийской проксении орхоменцу Аристандру, сферой деятельности которого была торговля, поскольку проксении давались деловым людям.

Установление торговых связей Боспора с демократическим Аркадским союзом обнаруживает устойчивую коммерческую демократическую ориентацию Спартокидов. В полной мере это проявилось на примере крупных пожертвований хлеба боспорскими царями демократическим Афинам. Можно думать, что ряд боспорских надписей второй половины IV — первой половины III в., относящихся к инополитам, продолжает сложившуюся на Боспоре в правление Левкона I ориентацию на связи с полисами — членами второго Афинского морского союза Византией, Кизиком, Митиленой, Халкедоном, Хиосом [*ср.* КБН 2, 17, 155; Граков, 1939, 32; Guarducci, 1970, р. 599–600]. Ориентация боспорского экспорта на демократические Афины и их союзников сыграла определяющую роль в установлении торговых связей с Аркадией: само формирование Аркадского союза во многом происходило под афинским влиянием и связано с деятельностью мантинейских эмигрантов в Афинах еще в 385 г. [Dušanič, s. 289/90]. Это позволяет думать, что с ликвидацией демократической Аркадской лиги сошли на нет и торговые связи ее членов с Боспором. Во всяком случае памятников другого времени, связанных с аркадянами, кроме 3 упомянутых надписей времени Левкона, на Боспоре нет, и это, во-первых, является лишним свидетельством в пользу того, что эпитафии мантинейцу и тегеату поставлены в Фанагории не наемникам, а купцам, во-вторых,

²¹⁶ В горной Аркадии дороги были немногочисленны, поэтому выход к морю из Мантинеи и Тегеи осуществлялся через Аргос.

²¹⁷ Как, например, найденное на Сицилии надгробие аркадянина Алексиада [Guarducci, 1953]. Известно, что наемники служили в войске Сатира II (*Diod.* XX, 22).

позволяет заключить, что обе эпитафии относятся ко времени деятельности Аркадского союза, т. е. к 360-м гг.²¹⁸

Остается отметить, что надгробие мантинейца найдено на востоке городища Фанагории, а тегеата на западном некрополе. Погребения IV в. до н. э. обнаружены как на восточной периферии городища, так и на западной [Блаватский, 1951, с. 191, 208; Кобылина, 1956, с. 41].

4.2. Опистограф со строительной надписью и эпитафией фиасота²¹⁹

В 1974 г. на Центральном раскопе Фанагории при разборке колодца IV в. н. э. в третьем сверху ряду кладки обнаружена известняковая плита с надписями на обеих сторонах (опистограф). Плита прямоугольная, правый нижний угол сколот, высота 23–23,5 см, ширина 57,5 см, толщина 12,5–13 см. Хранится в Институте археологии РАН, инв. № 107. Тогда же руководитель раскопок М. М. Кобылина любезно предоставила мне надписи для публикации. Сторона с более ранней строительной надписью лицевая.

4.2.1. Строительная надпись

Плита была положена лицевой стороной вовнутрь колодца, так что из-за трения ведер она стерта посередине, хорошо различимые буквы сохранились слева и справа, нетронутой осталась примерно треть текста (рис. 142). Надпись семистрочная (не исключено, что была и стк. 8), в начале последней стк. 7 видны только *омикрон* и вертикальная гаста. Буквы врезаны глубоко, до 4–5 мм, концы гаст прямых букв и окружности круглых букв углублены буравчиком²²⁰. По письму резчик стремился к монументальности, но исполнение не очень аккуратное: высота букв колеблется от 1,8 до 2,3 см. Видимо, на лицевой стороне правый нижний угол плиты был изначально слегка сколот, так как стк. 5–6 справа приподняты кверху и буквы мельчают (но на оборотной стороне поначалу угол был цел — это показывает текст эпитафии, затем тоже сколот). Судя по остаткам текста, это строительная, точнее, строительно-посвятительная надпись типа КБН 63, 1014, 1045, 1115, 1122 и др.:

²¹⁸ Если из дилеммы Пантий купец или наемник я выбрал первое, то Ю. Г. Виноградов, разумеется, берет второе [SEG 37, 676], что вызывает скудость его репертуара. У меня несколько доказательств, у него единственный аргумент — отсутствие патронимика у Пантия. Боспорские эпитафии наемников чаще с отчеством [КБН 22, 203, 1194, 1233; Болтунова, 1986, с. 60], реже без него [КБН 180, 236]. Отсутствие отчества у Пантия обусловлено тем, что надгробие, как показано, прислано из Аркадии, а там есть эпитафии без патронимиков погребенных (например, DGE 672). Обсуждение вопроса о наемниках или торговцах боспорских эпитафий V–III вв. [Яйленко, 2010, с. 97–98].

²¹⁹ Опубликовано [Яйленко, 20026], здесь доработано.

²²⁰ Применение буравчика при резке букв известно с VI в. до н. э. [Richter, 1961, fig. 202]. Этот прием заимствован из техники работы по металлу [Guarducci, 1967, p. 463/6]. Буравчик применялся в Сев. Причерноморье при изготовлении надписей вплоть до поздневизантийского времени, см. образец из Херсонеса [Археологические памятники Боспора и Херсонеса (МИА, 4). М.; Л. 1941, с. 240]: как и на нашем памятнике, концы букв надписи на мраморной церковной чаше обозначены буравчиком.

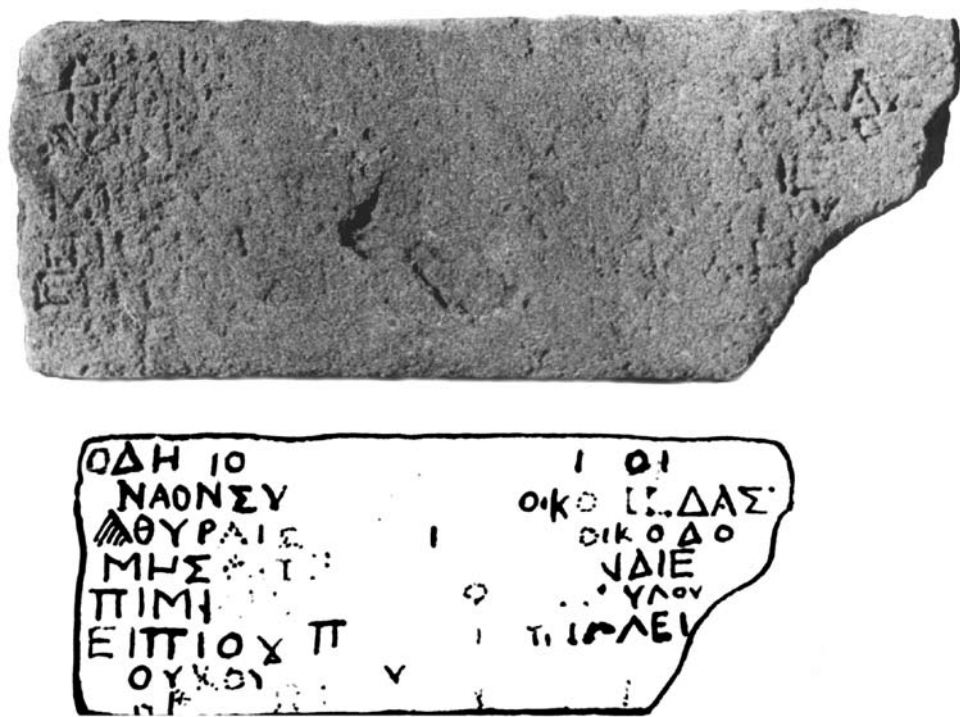

Рис. 142. Описостограф из Фанагории, строительная надпись, фото и прорись [Яйленко, 2002б]

ὁ δῆμο[ς ὁ Ἀγριππέ]ω[ν τὸν]
 ναὸν σὺ[ν οἴκῳ (?) καὶ τὰ] οἴκ[ό]πεδα σ-
 [ὺν] θύρα[ις ἐκ θεμελίων οἱ]κοδό-
 μη[ας ἀνέγειρε]ν δι' ἐ-
 5 πιμε[λητῶν τοῦ δεῖνος (?) Κορ]ύλου,
 Εἰπίο[υ].π...^{ca. 8-9}.....]λει-
 ου — — — — —
 ΟΙ — — — — —

«народ агриппейцев возвел этот
 храм с двором (?) и ойкопедоны
 с воротами, выстроив от осно-
 вания через попечителей: имяре-
 ка, сына Корила, Гиппия, сына
 такого-то, ... лея, ...»

В начале стк. 1 читается ὁ δῆμο[ς], в начале стк. 2 ναὸν, что указывает на объект постройки — храм и заказчика — народ. В строительных и посвяtitельных надписях объект постройки обязательно сопровождается артиклем, который имеет указательное значение, в связи с чем восстанавливаем его в конце стк. 1: [τὸν] ναὸν «этот храм»²²¹. Слово δῆμος как обозначение гражданского сообщества должно сопровождаться уточнением в виде этника, как, например, в строительной надписи КБН 942:

²²¹ КБН 63, 64, 942, 1014, 1112, 1115, 1134 и др. В стк. 1–2 можно читать и [τὸ πρό]ναον «этот пронаос», как в надписи КБН 62, но более общий случай для строительных и посвяtitельных надписей — возведение храма, как в документах КБН 63, 942, 1014, 1134 и пр. Обычно строительные надписи открываются благопожелательной формулой ἀγαθῇ τύχῃ, примеры отсутствия ее, как в нашей надписи, редки: КБН 64, 1053, 1122, 1243, 1254. См. о боспорских строительных надписях в целом [Яйленко, 2010, с. 564/78].

ἡ πατρίς Κοιτείτων «община китейцев». Фанагорийские надписи КБН 979 и 983, поставленные от имени «народа агриппейцев», указывают, что в стк. 1 нашей надписи фигурирует тот же ὁ δῆμος ὁ Ἀγριππείων[ν] как заказчик постройки. Сигма после слова ναὸν соответствует предлогу σύν формулы строительных надписей, поясняющей, что именно сооружено наряду с основным зданием храма, как в китейской надписи КБН 942: τὸν ναὸν σὺν τοῦ παρακειμένου οἴκου καὶ τοῦ περιούλου «этот храм с прилегающим ойкосом и оградой» или в ольвийской надписи IOSPE I² 184: τοὺς τοῖκους ἀπὸ θεμελίων σὺν τῇ στοᾷ καὶ κεραμώσει καὶ θύραις καὶ θύρῃσι «эти храмы от основания с портиком, черепичной работой, дверями и окнами». Для заполнения лакуны стк. 2 заимствуем из китейской надписи выражение [τὸν] ναὸν σ[ὺν] οἴκῳ (?), слово οἴκος которого соответствует промежутку в 3–4 буквы между предлогом σύ[ν] и [καὶ τὰ], обязательным перед οἴκ[ό]πεδα. В начале стк. 3 публикуемой надписи упоминается слово θύρα[ις], как и в приведенном ольвийском документе²²², которое относится к явственно читаемому в стк. 2 слову [τὰ] οἴκ[ό]πεδα, составляя в целом выражение [τὰ] οἴκ[ό]πεδα σ[ὺν] θύρα[ις] «ойкопедоны с воротами»²²³. Слово οἰκόπεδον имеет в источниках значения «строительный участок», собственно «строение», «комплекс хозяйственных и жилых построек с двором», «земельный участок» [Pritchett, 1956, p. 265/6; Яйленко, 1982, с. 115/6, 123/4]. Ойкопедон при храме упомянут в «Аттических стелах»: [οἰκό]πεδον [?] ἐλὺ [κ]αὶ χέρ[ρον] παρ[ὰ] τὸ Πύθιον «ойкопедон илистый и сухой около Пифиона» [ML 79, В. 100–101]. В. К. Притчетт [l. c.] счел, что слово «ойкопедон» может означать тут и «строительный», и «земельный» участок, пожалуй, последнее вероятнее.

Выражение фанагорийской надписи [τὸν] ναὸν σ[ὺν] οἴκῳ (?) καὶ τὰ] οἴκ[ό]πεδα σ[ὺν] θύρα[ις] во многом соответствует цитированному выше пассажи строительной надписи КБН 942 из Китея, сообщающей о возведении храма Бога Гремящего: τὸν ναὸν σὺν τοῦ παρακειμένου οἴκου καὶ τοῦ περιούλου «этот храм с прилегающим ойкосом и оградой», где «прилегающий ойкос» представляет собой комплекс сооружений с двором при храме. Слово οἴκος само по себе означает «храм» и «помещение», причем не только само здание, но также другие части храмового комплекса, как и в нашем случае: так, хиосской фратрии Клитидов предписано выстроить на своем теменосе οἶκον τεμένιον ἱερόν «теменный священный ойкос», при котором предусматривается устройство алтарей и прорицалища (Syll³. 987, IV в. до н. э.)²²⁴. Как бы ни понимать слово περίουλον — «двор» или «ограда», оба значения предполагают наличие двора с постройками разного рода при храме²²⁵. Таким образом, в китейской и фанагорийской надписях речь идет не об изолированно стоящем храме, а о теменосе — священном участке, включающем наряду с основным зда-

²²² С той только разницей, что θύραι ольвийской надписи — дверной проем собственно храма, тогда как в нашей надписи это въездные ворота при упоминаемых тут же οἰκόπεδα. Двери храма обозначались также словом πύλαι (Eurip. IT, 1286 и др.).

²²³ Между *сигмой* предлога σύν и правым краем плиты есть место для одной буквы, но никаких следов ее нет; не доведен текст до края плиты и в двух следующих строках. Перед *тетой* стк. 3 были вырезаны 1–2 буквы, сейчас неопределимые, где и восстанавливаем указанный предлог: σ[ὺν].

²²⁴ LSJ, s. v. οἴκος, I, 3, с примерами от Геродота (VIII, 143) до Евангелия от Матфея (21, 13).

²²⁵ [Латышев, 1922, с. 84]: «двор». КБН 942: «ограда» (А. И. Доватур, Д. П. Каллистов). Оба значения приняты в LSJ, p. 1368 + Supplement, p. 118. Ограда теменоса обозначалась также словами οἴκος (Eurip. Suppl. 30) и περίβολος (Paus. I, 28, 6–7).

нием храма дополнительные сооружения, двор и пр.²²⁶ В целом выражение стк. 2–3 фанагорийской надписи [τὸν] ναὸν σὺν οἴκῳ (?) καὶ τὰ οἰκ[ό]πεδα σὺν θύρα[ις] означает, что при храме возведен комплекс строений (οἶκος) и присовокуплены земельные участки (οἰκοπεδοны), огражденные или нет, но с входными воротами²²⁷. Такое понимание слова τὰ οἰκόπεδα находит соответствие в фанагорийской надписи 151 г. н. э. КБН 976, в которой упоминаются земельные участки (γέαι) при храме Афродиты (τῇ θεῶ), см. ниже), расположенные в местности Фианнеи.

В конце стк. 3 — начале стк. 4 восстанавливаем причастную форму [οἰ]κοδόμησ[ας], согласно узусу боспорских (и греческих в целом) строительных надписей (к примеру, ἐκ θεμελίων οἰκοδομήσας τὴν προσευχὴν «выстроивший молельню от основания» или [ἐκ] θεμελίων οἰκοδομή[η]σας Τρύφων ἀνεστήσато «Трифон воздвиг, выстроив от основания» (КБН 64, 1241). В других боспорских строительных надписях употреблены иные термины того же значения в этой формуле, включающей глагол в личной и причастной форме: ἀνοικοδομήσαντες ἀπεκατέστησαν (КБН 1242) или ἐξαρτίσας... ἀπεκατέστησα (КБН 1245 и др.). Выражающий акт строительства глагол может быть употреблен и без сопроводительного причастия: ἐποίησεν, ἀνιγειρεν, ἀνεστήсато, ἀνεκτίσθη, ἀνοικοδομήθη (КБН 942, 1014, 1112, 1122, 1241, 1250 и др.). Эти примеры позволяют, во-первых, восстановить в лакуне стк. 3 перед причастием [οἰ]κοδόμησ[ας] неизменную формулу строительных надписей ἐκ θεμελίων, во-вторых, в лакуне стк. 4 любой из указанных глаголов, например [ἀνέγειρε]ν²²⁸. В конце стк. 4 и далее содержится обычное для строительных надписей указание, что сооружение возведено попечением такого-то лица или группы лиц, т. е. выражение δι' ἐπιμε[λητῶν τοῦ δεῖνος] или διὰ ἐπιμελείας, сопровождаемое их именами-отчествами, иногда с указанием должности. Последние строки надписи сохранились особенно плохо, более или менее определенно читаются два имени; из двух вариантов указанной формулы условно восстанавливаем δι' ἐπιμε[λητῶν]. В конце стк. 5 видно окончание патронимика первого попечителя -ύλου (*омикрон* и последний *ипсилон* уменьшенных размеров), соответствующее известному на Боспоре имени Κώρυλος, т. е. [? Κωρ]ύλου. В начале следующей стк. 6 читается имя второго попечителя Εἰπί[ο]υ, это имя Ἰππίος с растяженным долгим *i* в *ei*. Далее в стк. 6–7 читаются буквы, которые принадлежат патронимику Гиппия (от него сохранилась лишь буква Π), также имени-отчеству третьего попечителя: .π...^{ca. 8–9}.....λεῖ|ου²²⁹. Завершаются строительные надписи датировкой по го-

²²⁶ Слова ναὸν и [τὰ] οἰκ[ό]πεδα стоят одинаково в вин. падеже, что предопределяет постановку между ними связки καί. В китейской надписи предлог σὺν сочетается с род. падежом, а не нормативным дательным, — это черта позднегреческого языка, представленная в папирусах и эпиграфике, в том числе в боспорских надписях КБН 705. 2; 709. 5; 1057. 5; 1125. 9–10.

²²⁷ Вопреки обыкновению, выражение σὺν θύρα[ις] не содержит артикля, аналогичным образом нет для него места и в предшествующем ναὸν σὺν οἴκῳ ?].

²²⁸ Выражение ἐκ θεμελίων означает возведение постройки целиком, начиная с фундамента (говоря по-гречески, ἐκ καυῆς). Оба выражения широко употребительны в эпиграфических и литературных источниках античной и византийской эпох. Такой обычай сохранился вплоть до итальянского Возрождения: например, Н. Маккиавелли [1973, с. 265], рассказывая о строительной деятельности Козимо Медичи, особо подчеркнул, что тот не только восстановил, но от самого основания возвел многочисленные постройки.

²²⁹ В статье 2002 г. мы прочли тут имя Геракла ([Ἡρακ]λεῖ | .ΟΙ--), полагая, что ему посвящен построенный храм. Это возможно, так как культ Геракла эпиграфически засвидетельствован в Фанагории с IV в. до н. э. (КБН 973). Однако последние буквы стк. 6 ΑΕΙ хорошо увязываются с буквами

ду боспорской эры и месяцу, она содержалась в последней стк. 7 нашей надписи вместе с именем божества, которому посвящен храм.

Датировка надписи определяется характером письма и формулой $\delta\delta\eta\mu\omicron[\varsigma\ \delta\ \text{Α} \gamma \rho \iota \pi \pi \acute{\epsilon}] \omega[\nu]$. В связи со смертью Агриппы в марте 12 г. до н. э. Фанагория наряду с другими городами тогда же переименована в Агриппию [Яйленко, 2010, с. 281/3]. Впервые формулировка $\delta\delta\eta\mu\omicron\varsigma\ \delta\ \text{Α} \gamma \rho \iota \pi \pi \acute{\epsilon} \omega \nu$ появляется в почетной надписи фанагорийцев КБН 979 в честь Динамии, далее она встречается в фанагорийских надписях КБН 982 и 983, первая из которых датирована 30 г. н. э., вторая относится ко II в. н. э. Палеографически публикуемая надпись датируется концом I в. до н. э. — I в. н. э. По характеру письма (с поправкой на плохое состояние текста и некоторую неаккуратность его исполнения) она сопоставима с такими памятниками, как надгробие Матиана, поставленное Динамией [Яйленко, 2010, с. 239, 669/71], херсонесская надпись IOSPE I² 419, упоминающая Полемона, почетная надпись КБН 40 в честь Аспурга, манумиссия 59 г. н. э. КБН 1124, надпись фиаса КБН 76 от 82 г. н. э. Предложенной датировке соответствует также отмечавшееся растяжение долгого i в ei , засвидетельствованное в именах и лексике боспорских надписей с I в. н. э. [Доватур, 1965а, с. 804].

Издаваемый памятник является второй (или третьей) строительной надписью, найденной в Фанагории, и первой по времени составления (вторая относится к времени Савромата I, третья ко II–III в.)²³⁰. Археологические и эпиграфические данные показывают, что после разрушений I в. до н. э. в городе велось активное строительство в I–II вв. н. э. Раскопками вскрыты остатки многочисленных рядовых и монументальных построек — жилых помещений, хозяйственных сооружений, каменных вымосток, также колодцы, водостоки, субструкции и пр. [Кобылина, 1956, с. 66 сл.]. Фанагорийские надписи I–II вв. н. э. упоминают святилище Аполлона в Диоклеях, сакристию и алтари храмового комплекса Афродиты (КБН 975, 1005). Из новой надписи мы узнаем о строительстве фанагорийцами еще одного теменоса. Топография храмовых сооружений Фанагории определяется местами находок соответствующих надписей на городище [Розанова, 1949; Ломтадзе (Завойкина), 1996]. Основная группа надписей найдена в центральной его части — у Большого холма и холма Г (сад бывшего хутора П. Семеняки). Здесь находились храмы патронессы города Афродиты Урании Апатуры и Аполлона Иетра²³¹. По глав-

ОУ в патронимик третьего попечителя; имен на $-\lambda \epsilon \iota \omicron \varsigma$ и $-\lambda \iota \omicron \varsigma$ так много [Hansen, 230, 234/6], что нет возможности выбрать какое-либо.

²³⁰ [Блаватская, 1976]. Скорее всего, к числу строительных актов принадлежит мелкий обломок надписи второй половины II или первой половины III в. с буквами ΠΙΜ [Белова, 1977, с. 115], в которых угадывается слово «эпимелет» или «эпимелейя».

²³¹ Тут найдены посвящения Афродите Апатуре (КБН 971, 972) времени Перисада I, Аполлону Иетру (КБН 974) времени Спартока III, а также постаменты статуй Ливии и Динамии с надписями КБН 978, 979 (подробности [Розанова, 1949, с. 170 сл.; Ломтадзе, 1996, с. 149 сл.]). Поскольку надпись КБН 976, упоминающая посвященные неназванной по имени «богине» земли, найдена тут же, то ясно, что под этой «богиней» подразумевается та же Афродита Апатура [Розанова, 1949, с. 172], а не Артемида Агротера, как счел С. Я. Лурье [1948, с. 204 сл.]; уже М. И. Ростовцев [1913а, с. 29] указал, что упоминаемая без имени в надписях КБН 976 и 1005 $\eta\ \theta \epsilon \acute{\alpha}$ — главное божество города Афродита. Посвящение «отеческим богам» КБН 977, найденное на «северном береговом» раскопе в хищнической кладке IV–V вв. н. э., скорее всего, судя по близости главного священного участка, было перемещено с него, на что может указывать также само упоминание «отеческих богов», каковыми для фанагорийцев являлись как раз Афродита Апатура и Аполлон. Надпись

ному святилищу эта часть города, кажется, называлась Апатуром, на что может намекать заметка Гекатея (*apud St. Byz., s. Απάτουρον*): «Апатур, святилище (или священный участок — ἱερόν) в Фанагории», *ср.* свидетельство Страбона (XI, 2, 10): «в Фанагории расположено знаменитое святилище Афродиты Апатуры». Другая группа надписей найдена в западной прибрежной части городища, у бывшего хутора Боровика-Шапырева, в них упоминается Аполлон, причем в одной из них приведено и название этого района города — Диоклеи (Διόκλεα), по нынешней топографии это город А²³². Судя по значению названия Διόκλεα — «Зевославный», тут располагалось также святилище Зевса.

Как сказано, камень с публикуемой надписью найден в хищнической кладке IV в. н. э. на Центральном раскопе, поэтому месторасположение упоминаемого документом храма неопределенно. Хотя Центральный раскоп расположен около Апатура, главного священного участка Фанагории, он не мог находиться там, так как в конце II–III вв. был использован в качестве надгробия, т. е. перемещен со своего первоначального места. Захоронения III в. н. э. имеются на некрополях В, С, холме И, участках II и III, из которых первые два расположены к западу от Центрального раскопа, остальные к востоку²³³. В связи с вопросом о первоначальном месте расположения надписи обращают на себя внимание два обстоятельства — материал, на котором она сделана, и упоминание ойкопедонов. Обычно строительные надписи делались на мраморных плитах (как фанагорийская надпись о строительной деятельности Савромата I), наша же статусом ниже: она вырезана на известняковой плите, что само по себе указывает на далеко не парадный архитектурный облик построенного храмового комплекса. Это свидетельство бедности то ли храма, то ли города в целом. Из числа боспорских строительных надписей не на мраморе сделаны, наряду с нашей, лишь две еще, происходящие из близлежащей Гермонассы: КБН 1052, встроенная в восстановленную царем Реметалком (131–153 гг.) башню, и 1053 от 208 г. н. э., вделанная в не названное здание. Датированная I в. н. э. фанагорийская надпись отстоит недалеко от них

найдена при раскопках В. Д. Блаватского [1948, с. 204 *сл.*], ныне считается утраченной. Поскольку описание камня в литературе отсутствует, приведу устное сообщение о нем В. Д. Блаватского (он обладал удивительно точной памятью и описал камень подробно, отвечая спустя 35 лет на мой вопрос): надпись сделана на тонкой боковой стороне небольшой мраморной плиты, примерная высота букв 2–3 см, шрифт IV–III вв. до н. э. Упомянув Владимира Дмитриевича, хочу сказать о нем добрые слова: я многому научился у него, слушая на дому несколько курсов по античной археологии. Наряду с моим главным учителем Виктором Никитичем Лазаревым Владимир Дмитриевич и Татьяна Васильевна Блаватские были для меня примером беззаветного служения науке, а их труды поныне остаются образцом исследовательской работы. Помяну добрыми словами и сподвижниц В. Д. по раскопкам Фанагории и Пантикапея Марию Михайловну Кобылину, Нину Михайловну Лосеву, Ирину Дмитриевну Марченко, у которых я учился не только полевой археологии (античной керамике наставляла меня Нина Михайловна), но и бескорыстной жизни в науке. Я уже сам пожилой человек (пишу эти строки на 75-м году жизни), но образы этих давно ушедших из жизни учителей и старших товарищей стоят предо мной живыми. За последние 20 лет наука разрушена, но как высока она была по 1980-е гг., когда они работали! *Vivant professores, pereant osiores!*

²³² Это надписи КБН 975 от 123 г. н. э. и 985 от 16 г. н. э., об их топографии [Розанова, 1949, с. 177; Блаватский, 1953а, с. 47 *сл.*; Ломтадзе, 1996, с. 147 *сл.*]. Археологическая характеристика этого района [Блаватский, 1948, с. 290].

²³³ См. план городища Фанагории [Паромов, 1993], где они обозначены номерами 27, 30, 50, 65, 66.

по времени, что может указывать на одинаково малоблагополучные обстоятельства сооружения всех трех построек.

Упоминание ойкопедонов, строительно-земельных участков при храме, указывает, что к храму прилежала не застроенная или не освоенная местность. Следовательно, наш храм располагался на городской периферии. Периферийному положению новопостроенного храма соответствует невзыскательный материал — известняк, употребленный для закладной строительной надписи. Упоминаемые в надписи ойкопедоны, по-видимому, указывают на наличие храмового землевладения в Фанагории конца I в. до н. э. — I в. н. э. Еще одна надпись — КБН. 976 от 151 г. н. э. — сообщает о землях и пелатах, принадлежащих храму Афродиты и расположенных в местности, называемой Фианнеями (Θιάννεοι или Θιάννεα). По предположению Н. П. Розановой [1949, с. 172] и В. Д. Блаватского [1953а, с. 47 сл.], это предместье Фанагории, примыкавшее к восточной части городища.

4.2.2. Эпитафия фиасота Пала

На оборотной стороне плиты вырезана надгробная надпись фиасота Пала, сына Николаса (рис. 143). Это третья, наиболее пространная надпись фиаса, происходящая из Фанагории. Три других надгробных памятника фанагорийских фиасотов типологически несколько отличны в силу своей краткости (КБН 987, 988, I и IV в. н. э.; Габелко, Завойкина, Шавырина, 2006). Издаваемая надпись выполнена красивым лунарным шрифтом, но небрежно: первые 6–7 строк этой 18-строчной надписи следуют более или менее горизонтально, следующие сильно скошены направо вниз. Высота букв неодинакова, от 1,5 до 3 см. Округлые буквы меньших размеров сравнительно с прямыми, прямые буквы почти все апецированы. Сколом вверху слева уничтожена небольшая часть текста, легко восстанавливаемая:

[ἡ σύνοδος τ]ῶν | [περὶ ἐρ]έα Δά[δας Κα]λλίωνος |[καὶ ἐ]ρομάστωρ |⁵ [Διο]νύσιος
Ἡλί|[ου] καὶ φιλάγαθ[ος] Νεοπτόλε[μος] Σαμβίωνος καὶ γραμ|[¹⁰ματεὺς Ἡρακλ]είδης
Ἀριστο[ν]είκου καὶ λοιποῖ[οι] θιασέ[ται] | ἀνέστησαν |¹⁵ λίθου Πάλου| Νεικοῶ θ[ι]ασείτη
μνη|[μη(ς)] χάριν

«Синод (фиасотов) во главе со жрецом Дадом, *сыном* (?) Каллиона, гиеромастор Дионисий, *сын* Гелиоса, филагаф Неоптолем, *сын* Самбиона, секретарь Гераклид, *сын* Аристоники, и остальные фиасоты воздвигли надгробный памятник Пала, *сына* Николаса, фиасоту, памяти ради».

Эпитафия представляет интерес главным образом в отношении фанагорийской антропонимики, а также языка позднебоспорских эпиграфических документов. По характеру письма она датируется концом II–III в. н. э.²³⁴ В стк. 1 восстанавли-

²³⁴ Ср. близкие по письму датированные надписи из Понта [Studia Pontica, 1910]: № 121 (172 г. н. э.), 182 (193 г.), 212 (207 г.). Из числа датированных боспорских надписей ср. КБН 35 (245 г.), 64 (306 г.). От датированных боспорских надписей минускулярного шрифта второй четверти II в. (КБН 48, время Адриана; 705–129 гг.; 656–130 гг.; 710–143 гг.) наша надпись отличается немонументальным характером письма, разнообразием формата букв, их ярко выраженной орнаментальностью, несоблюдением горизонталей строк, т. е. чертами, более свойственными памятникам III–IV вв.

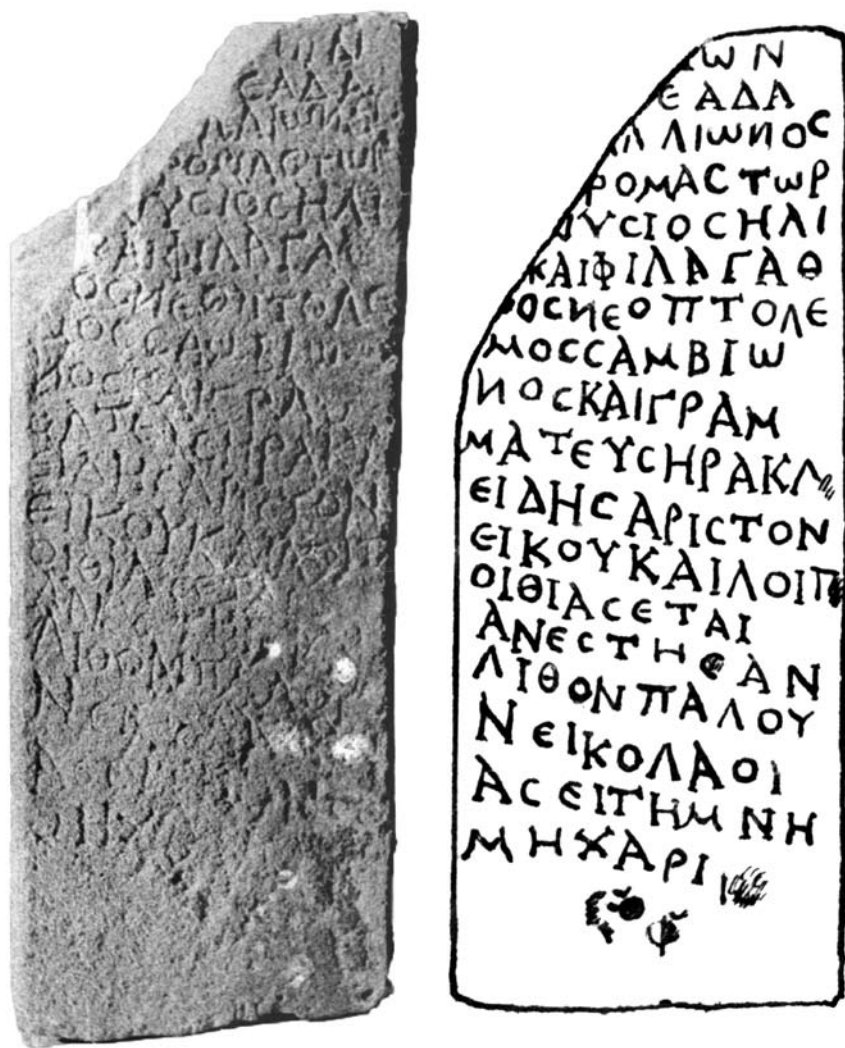

Рис. 143. Опистограф из Фанагории, эпитафия Пала, фото и прорись [Яйленко, 2002б]

вается слово [ἡ σύνοδος] по аналогии с другой фанагорийской эпитафией фиасота КБН 988. Дополнение именно этого слова, а не θίασος обусловлено тем, что должность секретаря (γραμματεὺς) встречается в актах боспорских фиасов только при обозначении сообщества словом σύνοδος (КБН 89, 93, 1054, 1263). От Т артикля стк. 1 сохранилась нижняя часть ножки. Со стк. 2 следует обычное перечисление должностных лиц фиасов и синодов, возглавляемых жрецом. В стк. 3 хорошо дополняется широко известное на Боспоре имя Δάδας, представленное и в Фанагории (КБН 988); многим менее вероятно другая форма этого имени Δάδος, засвидетельствованная в КБН лишь дважды. Падеж имени, однако, не вполне ясен, поскольку в данной надписи, как и во многих других актах фиасов, показывающих значительные отступления от норм классического языка в позднеантичное время, нарушено

согласование падежей²³⁵. Несогласно с вин. падежом слова [ίερ]έα, требуемым предлогом περί, перечисляемые далее должности и имена стоят в номинативе (это свойственно надписям фиасов окраинных городов — Горгиппии и Танаиса). По этой причине восстанавливаем имя Дадаса в именит. падеже в соответствии со следующими далее именами руководителей синода. Это не единственное отступление составителя эпитафии от нормативного языка. Как и в других надписях римского времени, не повторяется член после ἡ σύνδοτος (т. е. τῶν вместо ἡ τῶν [Kotsevalov, p. 438; Доватур, 1965а, с. 827, § 5. 4]). Напротив, опущение артикля при λοιποί — редкое явление в боспорских актах фиасотов [Доватур, 1965а, с. 827, § 5. 7]. Отметим также употребление слова λίθος в специфическом значении «надгробная стела», перекочевавшем в прозаический язык надгробий из стихотворных эпитафий²³⁶.

Надпись содержит полную должностную номенклатуру фанагорийских фиасов. Упоминаемые ею должности жреца и гиеромастора засвидетельствованы двумя другими надгробиями фиасотов из Фанагории (КБН 987, 988), филагаф и секретарь встречены впервые в актах фиасов этого города. В стк. 4 упоминается ἱερομάτωρ — одна из должностей фиаса, засвидетельствованная только в надписях Таманского полуострова и функционально не вполне ясная²³⁷. В. В. Латышев сблизил это местное новообразование с μαυτεύειν «искать», μαστήρ, μαστρός, в основе которых лежит μαίεσθαι «обследовать, искать», и вывел отсюда значение *sacrorum explorator*, т. е. гиеромастор — должностное лицо, наблюдавшее за отправлением жертвоприношений и устройством празднеств (IOSPE IV, *comm. ad* № 421). По мнению И. И. Толстого, в основе слова лежит то же μαυτεύειν, но в значении «производить следствие», т. е. функции гиеромастора имели сакрально-следственный характер (КБН, с. 616). Эта точка зрения маловероятна, поскольку в таком случае гиеромастор отчасти дублирует функции филагафа (см. ниже). В. Ф. Гайдукевич [1949, с. 435] полагал, что гиеромастор мог быть помощником жреца, выполнявшим различные подготовительные работы к священнодействиям. На наш взгляд, слово ἱερομάτωρ следует сблизить с глоссой Гесихия μάστα· ἡγεμῶν «руководитель, наставник»; в таком случае гиеромастор, всегда упоминающийся вслед за жрецом, руководил отправлением священнодействий²³⁸. Третья по значению должность фанагорийского фиаса, упоминаемая в стк. 6, — филагаф, функции которого давно разъяснены Ф. Поландом, Н. И. Новосадским [1928, с. 65–66] и другими исследователями (также его помощника парафилагафа): наблюдение за моральным обликом членов фиаса и производство докимасии вновь принимаемых членов.

²³⁵ [Kotsevalov, 1953, p. 437 f.; Доватур, 1965а, с. 825/6, § 4].

²³⁶ Примеры [Callim. fr. 64, 7 Pf.; Anth. Pal. IX, 67, 1; Bernand, 1969, № 55 (II–III вв. н. э.); КБН 129, 137, 146 (стихотворные эпитафии), 1089 (надгробие фиасота II в. н. э. из Гермонассы); Яйленко, 2010, с. 667] (надгробие III–IV вв. из-под ст. Старо-Титаровской).

²³⁷ КБН 1054 (Гермонасса, время Котиса II), 1016 (ст. Ахтанизовская, ок. III в. н. э.), 988 (Фанагория, IV в.) [Завойкина, 2013, с. 76–83].

²³⁸ Дальнейшее обсуждение проблемы [Twardecki, 2008; Завойкина, 2013, с. 40–41]. По мнению Н. В. Завойкиной, мое предложение приводит к дублированию функций жреца, упоминаемого в актах фиасов первым, и гиеромастора, упоминаемого вторым. Я не вижу дублирования: жрец как глава фиаса осуществляет общее руководство, тогда как гиеромастор руководил, так сказать, практической работой — отправлением священнодействий (подобно функциям пресвитера в христианской должностной номенклатуре, который помогает епископу, имея вторую степень священства).

Состав упоминаемых надписью 10 имен и патронимиков интересен необычной для III в. н. э. чистотой греческого антропонимикона: за исключением имени Пал, которое мы рассмотрим особо, еврейского Самбион и «детского» имени Дадас [Zgusta, 1955, S. 302], все имена греческие, что необычно для Боспора указанного времени, в котором уже второе-третье столетие проходил процесс варваризации, в том числе в области антропонимии. Из числа греческих имен 4 уже встречались на Боспоре — Аристоник, Гелий, Гераклид, Дионисий, но в Фанагории засвидетельствовано лишь последнее; еще 3 греческих имени впервые появляются в боспорских надписях — Неоптолем, Николас, Каллион²³⁹.

Особенно интересно имя погребенного фиасота Πάλος. Присутствие его в греческой антропонимике проблематично²⁴⁰. На Боспоре оно определенно скифское: Диодор (II, 43, 3–4) в рассказе о происхождении скифов называет двух потомков Скифа, родившихся от соития Геракла со змееногой дево́й, Пала (Πάλος) и Напа, так что нам предстоит расшифровать, какому именно из скифских языков принадлежит имя Пал. Основа имени Πάλ-ος имеет соответствие в имени скифского царя начала I в. до н. э. Πάλ-ακος (IOSPE I² 352, Херсонес), в составных именах Όαροζ-βαλ-ακος (КБН 1264, Танаис, II в. н. э.), Όαρχ-βαλ-ος (IOSPE I² 91, Ольвия, II–III вв. н. э.), Όαστο-βαλ-ος (КБН 1282, Танаис, 228 г. н. э.). Эти имена определенно иранские, так как хорошо соотносятся, при учете значения первой основы, с осет. bal-«дружина, отряд» [Абаев, 1949, с. 160; Zgusta, 1955, S. 123, 126, 127].

Как видно, в чистом виде имени Πάλος в иранском эпиграфическом антропонимиконе Сев. Причерноморья нет, но есть в легендарной традиции, сохраненной Диодором, иранский характер которой не доказан. Полагаем, его следует считать местным, синдским, памятуя, что Фанагория расположена на земле синдов. Мы целиком разделяем развитую К. Риттером, П. Кречмером, О. Н. Трубачевым, Ю. А. Шиловым, А. К. Шапошниковым гипотезу об индоариях в Сев. Причерноморье²⁴¹. Ее составной частью является представление об индоарийской принадлежности синдов и их языка, в свете которого мы склонны сопоставить имя Πάλος с др.-инд. *pāla-* «страж, защитник, пастух, покровитель, правитель» (о синдах как индоариях [Kretschmer, 1944; Трубачев, 1999, с. 15 сл., 93 сл.; Яйленко, 2013а, с. 47–49]). Тамань была родовым уделом боспорских Спартокидов, принадлежавших к царским скифам, коренным иранцам по происхождению (выше, с. 832), но в свете гипотезы об индоарийской принадлежности синдов следует признать, что правящий дом царских скифов был индоарийского происхождения²⁴². Что до связи имени Πάλος с др.-инд. *pāla-*, то последнему

²³⁹ Хотя первая буква утрачена, чтение имени [К]аллион очень вероятно, поскольку иные возможные варианты (судя по обратному словарю имен Б. Хансена): Баллион, Галлион, Даллион, Таллион, Маллион, Фаллион — редкие. К выводу о чистоте греческого антропонимикона Фанагории в III в. н. э. ср. также обломок списка имен этого времени [Белова, 1977, с. 116], все 4 сохранившихся имени которого греческие.

²⁴⁰ Ф. Хиллер вычитал его в архаической надписи из Аттики [IG I, 409], но Л. Джеффери предпочла чтение *Ττάλο* [Jeffery, 1969, p. 401]. Столь же неясно чтение имени Πάλον или *Ττάλον* еще в одной надписи [Bull. ép. 1973, 235]. Определенно основа *πάλη* «борьба» представлена в составных именах [Αν]τίπαλος (Этолия), Βούπαλος (Хиос), Εὔπαλος (Парос) [Bechtel, 1917. S. 356].

²⁴¹ [Ritter, 1820; Kretschmer, 1944; Трубачев, 1999; Шилов, 1995; Шапошников, 2000, 2003; Яйленко, 2013а].

²⁴² [Трубачев, 1999, с. 33, 111, 163, 181, 200/1, 239, 240, 243, 258, 273, 281, 285; Яйленко, 2013а, с. 90–93]. Принадлежность правящего дома какого-либо народа, в особенности кочевому, к иному

родственно упомянутое осетинское *bal-* [Абаев, 1958, с. 233; Myrhofer, 1960, S. 416 f.], поэтому О. Н. Трубачев с полным основанием возвел к др.-инд. *pālaka-* «пастих, защитник, правитель» имя владыки царских скифов Палака, а также предложил индоарийские этимологии правителей царских скифов более раннего времени Иданфирса, Гнура, Савлия и др.²⁴³ На наш взгляд, в Фанагории индоиранские элементы представлены с довольно раннего времени. Это имя Патика в эпитафии начала IV в. до н. э.²⁴⁴, сопоставимое с др.-инд. *patika* «господин, повелитель, муж», равнозначное имени Пал. Возможное индоарийское происхождение имен I в. н. э. Карсак (см. ниже) и III в. н. э. Пал удостоверяет местный, синдский, характер индоарийской ономастики. Вывод о синдском происхождении имени Пал на первый взгляд противоречит в основном греческому характеру имен публикуемой надписи. Однако он соотносится с процессом постепенной варваризации материальной и духовной культуры позднеантичного Боспора и Сев. Причерноморья в целом. «Сарматизация» сказывается на материальной культуре и Фанагории [Кобылина, 1956, с. 79 сл.], которая столь ревностно блюла свой эллинский облик. При всей чистоте ее греческого антропонимикона по III в. н. э. в ней все же постепенно появляются негреческие имена. Уже в I в. н. э. в Фанагории представлена негреческая антропонимика: иранское имя Фодакос [КБН 985; Zgusta, 1955, S. 165], возможно, *Zaζζους*, так как оно упоминается еще только в Горгииппии²⁴⁵. В манумиссии 51 г. н. э. представлен ряд негреческих имен (см. ниже). Во II в. засвидетельствовано иранское имя Фарнак (КБН 975), в плохо читаемой надписи III в. КБН 1003 представлено, возможно, тюркское имя *Θιαβωγ(ος)* [Яйленко, 2010, с. 457/8, 558].

Как видно, на фоне других боспорских городов позднеантичного времени, антропонимика которых буквально пестрит негреческими именами, Фанагория представляет собой оазис эллинской чистоты, в нее просачиваются лишь единичные местные элементы. Один из них Пал, по нашему мнению, такой же синд, как упомянутый Зазз, адыг тот или индоарий. Оба они происходят из эллинизированных семей: их отцы носят греческие имена (впрочем, деды их могли быть соименны внукам). Показательны в этом отношении горгииппийские Заззы: четверо из них называли своих сыновей греческими именами (лишь один иранским Ардар), отцы еще четверых тоже с греческими именами (КБН, с. 869).

этносу обычна: например, у кочевых тюрок-булгар правящий род Ашина иранский [Яйленко, 1995б]. Смеха ради над нынешними монархистами в России отметим, что первый правящий дом Рюриковичей скандинавский, второй царский дом Романовых литовско-русских корней, а женитьба наследников престола на немецких принцессах с XVIII в. закончилась тем, что у Николая II было всего 2,5 % русской крови.

²⁴³ [Трубачев, 1999, с. 163, 174, 181 сл., 199 сл., 258 и др.]. Оговоримся, что имя Октамасад с такой же вероятностью этимологизируется из иранского [Vasmer, 1923, S. 15; Куланда, 2006, с. 202].

²⁴⁴ [Белова, 1977, с. 105]: *Μικκαλίων Δημητρίδ*, *Πατίκα Δημητρίδ* «Миккалион, сын Деметрия, Патика, дочь Деметрия», с коммент.: «Женское имя Патика в античной просопографии встречается, по-видимому, впервые, в греческой ономастике ни это имя, ни его мужской вариант пока не засвидетельствованы; до специального исследования остается неясной и его этимологическая сторона».

²⁴⁵ Маловероятно объяснение его из осет. *Zaz* — названия звезды из созвездия Плеяд [Zgusta, 1955, S. 191]. Мы предпочитаем думать об адыгском происхождении этого имени, на что указывает распространение его более десятка раз лишь в Горгииппии (при такой статистике единичный Зазз фанагорийской манумиссии КБН 986 от 79 г. н. э. — горгииппиец, переехавший в Фанагорию). См. об адыгских именах азиатского Боспора, главным образом Горгииппии [Яйленко, 2010, с. 178/9].

В заключение упомянем важную для вопроса об антропонимике Фанагории манумиссию 51 г. н. э. [Даньшин, 1993; Heinen, 2001; Яйленко, 2010, с. 367/71]. В ней вслед за эпонимной датировкой по правящему царю Котису I и точной датой по боспорской эре следуют имена манумиссоров — $\Psi\chi\alpha\rho\iota\omega\nu$, $\Sigma\omicron\upsilon\gamma\omicron\varsigma$, $\Lambda\nu\omicron\varsigma$ (вариант: $\Sigma\omicron\upsilon\gamma\omicron\sigma\alpha\nu\omicron\varsigma$) [οἱ τοῦτου (υ)είοι, и отпущенных рабов — Κάρ , Σάνδανος , Καρράγος , Μ(η)τρότεμπος (даем в нашем чтении). Имена Психарион, Метротим греческие, Кар («Кариец»), Сандан и, возможно, Тут малоазийские; имя Καρράγος ввиду параллели из Амфиополя Κόρραγος фракийского происхождения. Имя $\Sigma\omicron\upsilon\gamma\omicron\varsigma$ иранское, популярно на Боспоре, сопоставление его с осет. sag «олень», по замечанию Л. Згусты, затруднительно [Zgusta, 1955, S. 205]. Мы видим в нем этническое обозначение saка-, поскольку в среднеиранский период глухой этнонима sporadически озвончался: Sagi у Курция Руфа (VIII, 4, 20), Segestani у Марцеллина (XIX, 2), парфянское наименование Сакастана (современный Систан) skstn восходит к форме *sagastān, также согдийское его обозначение sgst'n [Оранский, 1963, с. 91]; стало быть, $\Sigma\omicron\upsilon\gamma\omicron\varsigma$ означает «Сак». Так как имени $\Lambda\nu\omicron\varsigma$ нет, возможно, следует читать $\Sigma\omicron\upsilon\gamma\omicron\sigma\alpha\nu\omicron\varsigma$, незасвидетельствованное, но имеющее параллель в иранском наименовании части Ирана и Армении $\Sigma\alpha\kappa\alpha\sigma\epsilon\iota\eta$ и означающее в таком случае «Сакасенец» (как Κάρ «Кариец»). Возможно и другое, но того же плана понимание имени $\Sigma\omicron\upsilon\gamma\omicron\sigma\alpha\nu\omicron\varsigma$ — как вполне мыслимое на иранской почве имя с вероятным значением «враждебный сакам» (первая основа та же, что в $\Sigma\omicron\upsilon\gamma\omicron\varsigma$, вторая, возможно, иран. sapa- «враждебный, враг», как в имени $\Sigma\alpha\nu\alpha\gamma\omicron\varsigma$ [IOSPE I² 128; Zgusta, 1955, S. 140]). Итак, манумиссия 51 г. существенно разбавляет чистоту греческой антропонимики Фанагории.

Как видно, новые эпиграфические памятники проливают свет на ряд существенных вопросов истории Фанагории.

5. ВОТИВ АВЛУДЗЕНИСА, ПРОИСХОДЯЩИЙ С БОСПОРА (?)²⁴⁶

А. И. Маркевич [1895, с. 281 и табл. 7] опубликовал рельеф с фракийским всадником из собрания Е. Н. Скаржинской, под рельефом надпись (рис. 144), прочтенная по его просьбе А. В. Никитским так: ἀγαθῇ τύχη· Ἀβλουζένις Μουκατόρρεος ἀνέθηκεν εὐχαριστήριον²⁴⁷. Наш великий эпиграфист прочел надпись не до конца, отметив, что в конце стояло имя божества, которому посвящен рельеф (не разобрал его и крупный румынский исследователь И. Руссу). По фото мы уверенно читаем этот теоним — Ἀβλαρκινῶ. Итак, полный текст вотива таков: ἀγαθῇ τύχη· Ἀβλουζένις Μουκατόρρεος ἀνέθηκεν εὐχαριστήριον Ἀβλαρκινῶ «в добрый час, Авлудзенис, сын Мукапориса, посвятил благодарственное приношение богу Авларкену», Эпиклеса Ἀβλαρκινός прилагалась к Аполлону и Θεῶι Ἐπηκόωι (Μεγίστῳ) во Фракии²⁴⁸. Из числа указанных в примеч. 248 надписей три с рельефом фракийского всадника относятся к Богу

²⁴⁶ Опубликовано [Яйленко, 1987б, с. 22–23; 1987г, с. 250/1], тут доработано.

²⁴⁷ Фото рельефа и надпись в этом чтении дал затем И. Руссу [Russu, 1958, p. 310, 318] (он ошибочно указал местом хранения Эрмитаж). Этого Авлудзениса Д. Дечев включил в свой свод фракийской ономастики [Detschew, 1957, S. 36]. Здесь ставим условные ударения на именах собственных.

²⁴⁸ [IGBulg. 353, 801, 802, 841, 1597, 1622, 1838, 2143; Detschew, 1957, S. 34].

ΑΓΑΘΗ ΤΥΧΗ ΑΥΛΟΥΖΕΝΙΣ ΜΟΥ ΚΑΤΟ
ΡΕΩΣ ΑΝΕΘΗΚΕΝ ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ ΑΥΤΟΥ

Рис. 144. Вотив Авлудзениса, фото Археол. комиссии и прорись автора с него

Внемлющему и одна, содержащая только эпитет Ἀὐλαρκῆνω , — при рельефе, который, по мнению Г. Михайлова, несет изображение Аполлона и Дианы (IGBulg. 2143, район Павталии). Следовательно, соотнося наш памятник с указанными аналогиями, можно отметить, что он поставлен в честь Бога Внемлющего, поскольку его надпись, как и надписи IGBulg. 1597, 1622, 1838, сделана при изображении фракийского всадника²⁴⁹. Надпись из Полтавского музея составлена по стандартной схеме фракийских посвящений Всаднику, ср., к примеру, аналогичный по структуре и лексике вотив с его изображением и надписью: $[\Pi]αυσανίας -- [ο]ν θεῷ Ἀὐλαρκῆνω εὐχ[α]ριστήριον ἃ[νέθηκεν]$ «Павсаний, сын такого-то, богу Авларкене посвятил благодарственное приношение» [IGBulg. I² 353, район Месамбрии]. Также рельеф полтавского вотива стандартен: всадник в коротком римском плаще на остановившемся коне с приподнятой левой ногой целит правой рукой копьё в кабана, который повернут мордой к всаднику (как на рельефах [Kazarov, 1938, № 182, 184], обычно кабан убегает от него); за спиной кабана древо, с кроны которого свисает змея²⁵⁰.

Фракийские имена Алудзенис и Мукапор распространены, так что в надписях Фракии упоминаются несколько лиц по имени Авлудзенис, сын Мукапора²⁵¹. По ха-

²⁴⁹ Кстати, это обстоятельство исключает возможность подделки, так как все три фракийские надписи с рельефом опубликованы в начале нашего века, т. е. после приобретения памятника Скаржинской и публикации А. И. Маркевича.

²⁵⁰ Вместо кабана на таких рельефах могут присутствовать также заяц, лев, олень; как правило, изображена и собака, отсутствует она редко [Kazarov, 1938, № 346 и др.].

²⁵¹ IGBulg. II, 846 (окрестности Маркианополя, II–III вв. н. э.), 1690 (b 50 и с 63: два лица в каталоге переселенцев, основавших в 202 г. эмпорий Пидзос).

рактору письма вотив Авлудзениса датируется концом I–II вв. н. э., но так как надпись сделана на Боспоре (см. ниже), судить надо по местным аналогиям, которые указывают на первую половину II в.²⁵² Для интерпретации надписи существен вопрос о месте ее обнаружения. По словам Маркевича, камень найден в Сев. Причерноморье, вероятно, на Боспоре. Архивисты Археологической комиссии и музейщики Полтавы последующего времени ориентировались на его сведения, с понятной осторожностью они указывали на находку плиты в Сев. Причерноморье²⁵³. Лишь И. Руссу констатировал происхождение камня с Боспора, но без доказательств [Russu, 1958, p. 310, 318]. Обоснуем такое мнение. Данные Маркевича о месте находки купленного камня происходят от самой Скаржинской или ее сотрудника, которые получили их от продавца, по информации которого он найден в Сев. Причерноморье, вероятно, на Боспоре. Боспор не мог появиться в этой устной традиции (продавец явно не первая инстанция, так как он не указал точного места обнаружения) как предположение или выдумка, ибо ни в то время, ни сейчас подобных памятников там нет. Иначе говоря, ничто не могло спровоцировать первого продавца камня на упоминание Боспора всуе, так что, по логике изложенных рассуждений, он, скорее всего, найден там.

Теперь мы можем подойти к этому вопросу и в аспекте присутствия на Боспоре памятников, оставленных во II–III вв. н. э. фракийскими войсками римских отрядов²⁵⁴. Это эпитафии офицера и двух солдат-фракийцев из Пантикапея КБН 666, 691, 726²⁵⁵. При этом Дидза, сын Бития, эпитафии КБН 666 — «центурион и командир фракийского манипула». В римской армии было много фракийских манипулов [Ростовцев, 1900, с. 145]. В энкомии II в. или первой половины III в. из Пантикапея говорится о начальствовании покойного над каким-то «фракийским отрядом» [Сапрыкин, 2005, с. 77]. Таким же начальником «фракийского отряда» был и некий сын Асандра, который поставил статую Савромата III (229–231) в Танаисе [Иванчик, 2013]. Побывали на Боспоре и моряки римского флота [Сапрыкин, Ермолин, 2010].

Эти отрывочные сведения о воинах-фракийцах из бывавших на Боспоре вспомогательных римских отрядов дополняются найденным в 2001 г. в окрестностях Керчи воинским медальоном с портретом не идентифицированного римского императора и надписью на обороте: $\Delta\iota\mu\epsilon\rho\alpha\nu\omicron\upsilon$ «Зевса Димеранского» (ударение условно)²⁵⁶. По происхождению $\Delta\iota\mu\epsilon\rho\alpha\nu\omicron\varsigma$ — этникон жителя области во Фракии

²⁵² Боспорские аналогии ему по письму: КБН 48 (вероятное время Адриана), 656 (от 130 г.), IOSPE I² 359 (Латышев [1909, с. 319] датировал ее в соответствии с херсонесской эрой 129–130 гг.).

²⁵³ В картотеке негативов Археол. комиссии (теперь ИИМК в СПб.) указано, что рельеф найден в Сев. Причерноморье, хранится в частном музее Е. Н. Скаржинской в деревне Круглино близ Лубен Полтавской губернии. На мой запрос директор Полтавского краеведческого музея М. Д. Онипко любезно сообщили в письме от 24. 02. 1976 г., что камень находится в музее, передан туда из собрания Скаржинской в 1906 г. (его вступительный № 2787, инв. № 1439, старый инв. № 325); точное место находки неизвестно, в инвентарной книге за 1912 г. (т. 1) указано Сев. Причерноморье.

²⁵⁴ О рельефах с изображением фракийского всадника в Сев. Причерноморье [Щеглов, 1969; Трейстер, Зубар, Строкова, 2003; Завойкина, 2009, 2009а; Яйленко, 2010, с. 331/3]. Корпус его изображений во Фракии [Gočeva, Oppermann, 1979, 1984].

²⁵⁵ Их историческая оценка [Ростовцев, 1900, с. 144/5, 151; Гайдукевич, 1949, с. 334/5; Блаватский, 1954б, с. 132/3; Speidel, French, 1985; Зубарь, 2002; 2003а; Сидоренко, Зинько, с. 221/2; Sarnowski, Savelja, Karasievicz-Szczypiorski, 2007, p. 57].

²⁵⁶ [Сидоренко, Зинько, 2002]. В $\Delta\iota\mu\epsilon\rho\alpha\nu\omicron\upsilon$ (с точкой над I) вместо одного эпитета божества издатели безосновательно вычитали $\Delta\iota\Delta\iota\mu\epsilon\rho\alpha\nu\omicron\upsilon$, усмотрев в $\Delta\iota$ с точкой над I «двойную

близ Горной Оряховицы (тут найден алтарь с этим именем божества, ставший эпиклесой Зевса: IG Bulg. II, 715) или близ Маркианополя (тут тоже найден алтарь с этой эпиклесой: Ib. 827)²⁵⁷. Во Фракии весьма распространены локальные божества; некоторых местные жители отождествили с греческими и римскими богами, имена которых часто сопровождаются локальной эпиклесой, — таков и Зевс Димеранский. Посвящения ему найдены также на острове Миконос и в Херсонесе, но связь его с областью *Димерания во Фракии указывает на происхождение почитателей из нее. Происходил из нее и тот воин, которому принадлежал керченский медальон.

М. Шпайдель и Д. Френч показали, что воины указанных пантикапейских эпиграфий КБН 666, 691, 726 происходили из Вифинии. Медальон из Керчи, принадлежавший уроженцу области *Димерания во Фракии, свидетельствует о происхождении части солдат и офицеров расквартированных на Боспоре манипулов также из Фракии. Скорее всего, и Авлудзенис, сын Мукапора, числился во фракийской когорте, стоявшей на Боспоре. Посвященный им рельеф не имеет соответствий в пластике Боспора, как сказано, он стандартно фракийский, поэтому явно транспортирован сюда из Фракии и здесь, на Боспоре, подписан. Культ фракийского всадника отправлялся также в среде римских воинов фракийского происхождения, стоявших в Херсонесе [Щеглов, 1969, с. 174/6].

Таким образом, теперь мы располагаем пятью эпиграфическими памятниками, которые оставлены воинами-фракийцами стоявших на Боспоре во II–III вв. вспомогательных отрядов римской армии. Датировка вотива Авлудзениса первой половиной II в. указывает, что в это время по какой-то причине здесь располагался римский отряд. Боспорских официальных надписей, упоминающих римских императоров, немного, это в основном чествующие их почетные надписи (КБН, с. 839): Динамия и Аспург почтили Августа и Динамию (КБН 38, 978, 1046)²⁵⁸, Котис I Нерона (КБН 41), Рескупорид II чествовал Веспасиана (КБН 1047), Реметалк Адриана (КБН 47)²⁵⁹, Савромат II Каракаллу (КБН 52)²⁶⁰. В основном эти над-

гаплографию» (*sic!*) — одновременно род. падеж имени Зевса и предлог, в целом δι(à) Δι(ὸς) Διμερανοῦ «Клянусь Зевсом Димеранским!» Они излишне намудрили, ибо читается одна эпиклеса Διμερανοῦ как *gen. auctoris*, который означает происхождение (в нашем случае медальона) от какого-либо лица, или как *gen. poss.* в более широком смысле принадлежности: *медальон Зевса «Димеранца»*.

²⁵⁷ О предлагавшихся локализациях области [НЭПХ II, с. 93; Сидоренко, Зинько, с. 220]. Текст надписи из Маркианополя Г. Михайлова: -- Κορ(νήλιος) Μάκερ ὃ [καὶ ?-] ΩΔΙΒΕΡΙΑΝ[.] εἰς ἡχαιστῆριον [ν] ἀνέθηκα [IG Bulg. 827]. Его в стк. 2 подправила Э. И. Соломоник [НЭПХ II, с. 92]: [θε]ῶ Διβεριαν[ω] «богу Дибераанскому». Однако при ее чтении остался не к месту кружок после имени Макр, который Михайлов предположительно прочел как *омикрон*. На наш взгляд, это *тета* слова θε[ε]ῶ (в стк. 3 надписи *тета* тоже имеет вид небольшого кружка с мелкой черточкой посередине, см. прорись надписи [IG Bulg. 827, tab. 118]). Далее, перед родовым именем Корнелий предпочтительнее ставить сокращенный до 1–2 букв *praenomen*, например, как у других Корнелиев Фракии (IG Bulg. II, р. 230). С учетом сказанного читаем надпись так: . Κορ(νήλιος) Μάκερ θε[ε]ῶ Διβεριαν[ω] εἰς ἡχαιστῆριον [ν] ἀνέθηκα «(инициал) Кор(нелий) Макр богу Диберианцу приношение посвятил». Из Херсонеса происходит еще одно посвящение Димеранцу — графито Διμερανοῦ на кубке [Золотарев, 1975, с. 140].

²⁵⁸ Плюс почетная надпись в честь Ливии от имени Пифодориды [Болтунова, 1989; Яйленко, 2010, с. 237].

²⁵⁹ В честь того же Адриана поставлен частным лицом по загадочным причинам вотив КБН 48.

²⁶⁰ Губернатор Феодосии Сог отметил в своей краткой «автобиографии», что он «был почтен Диоклетианом и Максимианом» (КБН 64).

писи сделаны в знак благодарности за утверждение на боспорском троне, остальные поставлены по неизвестным поводам; по наличию трех упомянутых надписей, указывающих на присутствие римских отрядов, можно связывать их с римской военной помощью Боспору. Из числа императоров II в. чувствуется лишь Адриан, показательна и близость письма вотива Авлудзениса почетной надписи КБН 47 в его честь. Ее поставил Реметалк в благодарность за утверждение на престоле в соперничестве с Евпатором [Яйленко, 2010, с. 506/7]. По времени вотив Авлудзениса соотносится с правлением этих царей, о событиях царствования которых почти ничего не известно. Видимо, в какие-то годы правления Реметалка или Евпатора сложилась настолько неблагоприятная для Боспора военная обстановка, что впервые в его истории потребовалась помощь римских отрядов (правление Савромата I было настолько триумфальным, что вести речь о его времени не приходится). Вероятно, таким образом объясняется появление на Боспоре вотива Авлудзениса²⁶¹.

---

²⁶¹ Через 3 года появилась заметка С. М. Крыкина [1990] о вотиве Авлудзениса, в основном следующая моей заметке 1987 г. о нем, можно сказать, расширенный ее вариант. Например, если я лишь перечисляю номера надписей IGulg., в которых упоминается эпитет Авларкен, то Крыкин подробно рассматривает вопрос о его интерпретации в литературе. Что он напрямую руководствовался моей заметкой, показывает тот же порядок рассмотрения вопросов у него, что и у меня: сначала речь идет о заметке Маркевича, далее о нахождении плиты в Полтавском музее, затем о тексте надписи, об именах Авлудзенис и Мукапорис, о римских отрядах на Боспоре и пр. При этом Крыкин умолчал, что источником его вдохновения была моя заметка 1987 г. О впервые прочтенном мною эпитете Авларкен он говорит безлично: в надписи читается эпитет бога Авларкена. При всем этом мою заметку 1987 г. он упомянул лишь раз для того, чтобы сказать: Яйленко дезориентирован слишком кратким письмом из Полтавского музея. Хорошо, что вскоре Крыкин практически ушел из науки: мелкие воришки пользы ей не приносят. Его монография о фракийцах в Сев. Причерноморье слаба, он не профессионал ни в вопросах ономастики, ни археологии, ни архитектуры, ни чего-либо иного, так как по образованию и своим возможностям учитель истории; на нее ссылаются лишь потому, что серьезного обобщающего труда на русском языке по указанной тематике нет.

Раздел VII

ХРИСТИАНСКАЯ ЭПИГРАФИКА СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

1. ХРИСТИАНСКИЕ ЛАПИДАРНЫЕ НАДПИСИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО БОСПОРА²

Центром византийского присутствия в Крыму был Херсонес, поэтому он освещен большим числом письменных и археологических памятников средневековой истории и материальной культуры. На Боспоре византийские вещественные памятники немногочисленны [Кулаковский, 1908; Засецкая, 1993; Болгов, 2004], более всего представлены эпиграфические памятники — их около полусотни. Традиционно исследователи уделяют основное внимание античному Боспору как эпохе наивысшего подъема региона, средневековые же изучалось эпизодически, теперь можно сказать, ветеранами этого дела³. Но в последнее время исследование средневекового Боспора активизировалось — сформировался целый отряд ученых⁴. Наиболее плодотворны ныне раскопки раннехристианских некрополей Керчи, чему посвящены публикации местных археологов Е. А. и А. В. Зинько, Л. Ю. Пономаревой, С. А. Шестакова, а также упомянутых симферопольских коллег. В контексте сказанного существенно отстает изучение христианской эпиграфики Боспора, которое было и остается эпизодическим занятием ученых ввиду небольшого числа памятников (сравнительно с античными надписями это капля в море). Известный на конец XIX в. материал собран в боспорских разделах *«Сборника греческих надписей христианских времен из Южной России»* В. В. Латышева [1896]. В дальнейшем надписи публиковали в основном он же, В. В. Шкорпил, Ю. Ю. Марти.

В советское время не было таких крупных эпиграфистов, как В. В. Латышев, время от времени византийским надписям уделяли внимание Н. И. Новосадский, М. А. Шангин, М. А. Тиханова и др., хотя в масштабах юга России набрался достаточный для обобщения материал (см. библиографию в следующей главе). Моя

¹ Анна Луиза Сталь, французская писательница эпохи Просвещения.

² Это часть опубликованной статьи [Яйленко, 2010a].

³ А. К. Амброз, В. Ф. Гайдукевич, И. П. Засецкая, Т. И. Макарова, Э. Я. Николаева.

⁴ Это А. П. Абрамов, А. И. Айбабин, Е. Д. Артеменко, А. Г. Атавин, Н. Н. Болгов, О. Б. Бубенок, И. О. Гавритухин, А. Л. Ермолин, А. П. Медведев, С. А. Мульд, В. Е. Науменко, Л. Ю. Пономарев, В. Ю. Радочин, М. Л. Рябцева, А. В. Сазанов, А. В. Смокотина, А. А. Строков, В. С. Флеров, Э. А. Хайрединова, З. В. Ханутина, Н. И. Храпунов, В. А. Хршановский, В. Н. Чхаидзе, В. Ю. Юрочкин.

инициатива по созданию Корпуса византийских надписей СССР [Яйленко, 1987, см. следующую главу] не нашла поддержки среди наших византинистов, так как их было немного и у каждого свои научные интересы. Поэтому заслуживает положительной оценки работа П. Д. Диатроптова и И. А. Емеца по сбору боспорских христианских надписей, хотя в целом их «Корпус христианских надписей Боспора» [1995] откровенно слаб — корпусом он отнюдь не является, ибо, во-первых, практически отсутствуют текстология и комментирование надписей, во-вторых, включены лишь надписи ранневизантийского времени, чего авторы не оговорили; при этом не учтен ряд и таких памятников⁵. Предлагаемая нами читателю глава уделена текстологии и комментированию изданных лапидарных надписей, попавших в поле моего зрения в разное время, начиная с 1970-х гг., когда я обрабатывал эпиграфический архив Керченского музея. Надписи относятся к IV–VII вв., лишь три-четыре более поздние.

1.1. Надпись гуннской царицы (Б)оарекс и гуннского царя Грода

1. Прямоугольная стела из мягкого песчаника, снизу справа слегка сколота, оборотная сторона заровнена. Керченский музей, инв. № Кл-532 (К-3174), высота 50, ширина 49,5, толщина 19 см (рис. 145, 146, 147)⁶. Во всю высоту плиты вырезан крест, между его стволом и ветвями в 4 строки надпись⁷. Высота букв 4,5–8 см, они прописаны красной краской. Текст:

† ἐνθάδε | κατέβα|ν | Ὁαρήξ, | Χρόδ   «Сюда явились Оарекс, Хрод».

Оба имени принадлежат персонажам рассказа «Хроник» Малалы и Теофана под 527/8 г. о событиях боспорско-византийской истории, связанных с царицей гуннов-савилов Боарекс и царя пограничных с Боспором гуннов Грода⁸. Место обитания савилов Прокопий определил так (Bell. Pers. II, 29, 15): абасги, зихи, за зихами (μετ' αὐτοῦς) савиры. Абасги — это абхазы (поныне один из абхазо-адыгских народов зовется абазинами), насельники Колхиды и приморской части Кавказских гор. Зихи жили к северу от них: по Страбону (XI, 2, 12–14), они обитают в приморской части Предкавказья, причем согласно Дионисию Перизегету (Per. 680), граничат с синдами.

⁵ К примеру, публикация Ю. Ю. Марти [1919, с. 53–56] четырех эпитафий.

⁶ Почти все прорисы этого раздела сделаны автором с камней. Авторы других прорисей и фотографий названы в подписях к рисункам. К сожалению, мне осталась недоступной книга В. М. Зубаря и А. И. Хворостяного «От язычества к христианству» (К., 2000). Впрочем, отзывы о ней в литературе нелестны.

⁷ Издал В. В. Латышев [1905, с. 132], с прорисью, которую воспроизводим на рис. 147. Латышев камня не видел, сделал прорись с присланного ему эстампажа, поэтому у него нет деталей, которые я различил на камне: крест в начале надписи и горизонталь внутри *теты* стк. 1; горизонталь в кружке *омикрона* стк. 3 (Латышев увидел в нем только вертикаль); следы *дельты* в конце стк. 4. Это и позволило связно прочесть надпись (о трактовке ее Латышевым см. ниже).

⁸ Пример подобного рода упоминания в эпиграфике лиц времени Юстиниана, известных из исторических сочинений, — Александр, сын Прокла, стратег и *magister militum*, служивший под началом Велизария в одной из готских войн и оставивший молитвенную запись на дверных откосах греческой бани в Бехраме близ Ассоса в Малой Азии [Grégoire, 1968, p. 14].

Рис. 145. Надпись Боарекс и Грода, фото автора

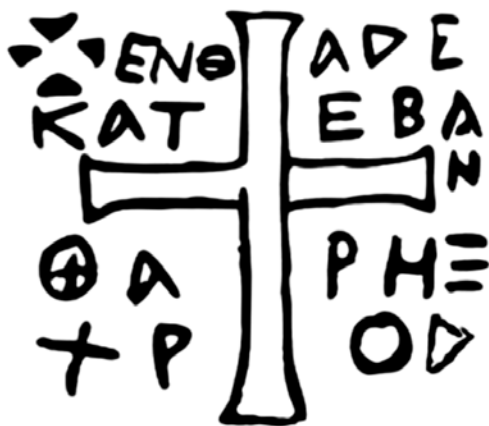

Рис. 146. Надпись Боарекс и Грода, прорись автора

Поскольку Прокопий вел отсчет как бы глядя из Константинополя, пребывание савиrow «за зихами» может означать расположение их к востоку или северу от зихов. Восточная локализация невероятна, ибо в этом случае гунны-савиры становятся насельниками Кавказских гор, что невозможно — они кочевники, а не горцы. Следовательно, они обитали к северу от зихов, т. е. в Сев.-Зап. Предкавказье, близ приморской полосы, неподалеку от южных границ азиатского Боспора⁹. По этой причине выражение Малалы, которым он начал рассказ о Боарекс (она προσερρή τοῖς Ῥωμαίοις etc. «пришла к ромеям..., имея двух детей и 200 тысяч подданных» гуннов [Malala, 1831, p. 430]), следует понимать в том смысле, что она снеслась с византийской администрацией города и области Боспора (Керчи), а не Константинополя. Согласно Теофану, командовал местным византийским гарнизоном трибун Далмаций, он и мог вести переговоры с Боарекс¹⁰. Малала же, отметив, что охрану в Боспоре осуществляли италийские солдаты, называвшиеся «испанцами», заключил, что «в этом городе происходили сношения (συναλλαγáι) ромеев с гуннами» [Malala, 1831, p. 432], что удостоверяет нашу догадку о сношении Боарекс с римскими властями именно в городе Боспоре. Существо переговоров заключалось в том, что иранский шах Кавад склонил к союзу царей двух групп северокавказских гуннов — Стиракса и Глона; когда те, идя с 20 тыс. воинов на помощь воевавшему с византийцами Каваду, проходили через территорию савиrow, Боарекс разбила их, Глон погиб, а плененного Стиракса царица отправила в Константинополь¹¹. «По этой

⁹ Поэтому ошибочно мнение И. С. Чичурова [1980, с. 78], что, по Прокопию, савиры жили у реки Боас в Закавказье. По созвучию имен он счел, что имя Боа (Βοα+ρήξ «царица»), т. е. Боарекс, произошло от названия этой реки. (Я был с Игорем в дружеских отношениях; талантливый византист и симпатичный человек, он рано покинул нас; да будет земля ему пухом.)

¹⁰ В параллельном рассказе Теофан выписал слова Малалы, что Грод, как и Боарекс, προσερρή к ромеям, но добавил, что он прибыл в Константинополь, чего нет в рассказе о Боарекс. Рассказ Теофана о Боарекс и Гроде восходит к тексту Малалы и какого-то другого источника, подробности [Чичуров, 1980, с. 79].

¹¹ Теофан дал форму Στύραξ, Малала, источник Теофана — Τύραγξ. Последней форме соответствует имя боспорского царя 275–278 гг. Τίρανγς. Чувашская (гуннская) этимология этого имени

причине она стала союзницей и пребывающей в мире с императором Юстинианом», — заключил Теофан. Обратим внимание на христианское окружение савиров: византийский азиатский Боспор, царь соседних с Боспором гуннов Грод — христианин и тоже союзник Византии; южные соседи зихов абасги «христиане и издавна состоят в дружбе с ромеями» (*Procop. Bell. Pers.* II, 29, 15). Известно, что Юстиниан фанатически проводил христианизацию не только населения империи (это результат его смертельного испуга в ходе восстания 532 г. Ника), но и пограничных с империей варварских народов. Боарекс как его союзница, подобно Гроду, также могла стать христианкой, на что, собственно, и указывает исследуемая надпись (см. ниже). Совсем не удивительно, что этот мемориальный памятник поставлен ею совместно с Гродом, к истории которого мы и перейдем.

Рис. 147. Надпись Боарекс и Грода, прорись В. В. Латышева [1896]

Завершив рассказ о Боарекс, Малала и Теофан переходят к Гроду: тогда же явился к ромеям и царь обитавших близ Боспора (πλησίον Βοσφόρου) гуннов Грод. Теофан добавил, что он прибыл в Константинополь к Юстиниану. Крестившись и получив традиционные для византийской дипломатии дары, Грод обязался охранять пределы империи (φυλάττειν τὰ Ῥωμαϊκά) и «город Босфор». Когда же он стал искоренять традиционные гуннские верования и заменять христианством, подстрекаемые жрецами гунны возмутились, убили его и выбрали царем брата его Мугеля (Μυαгериса). Подступив к городу Босфору, они перебили гарнизон, в том числе трибуна Далмация. Узнав об этом, Юстиниан учредил должность комита Понтийских проливов¹², двинул на них большие силы, но гунны бежали, после чего на Босфоре установилась мирная жизнь; отныне, заключил Теофан, «ромеи владели им безбоязненно»¹³.

Продолжение истории Боарекс и Грода дала надпись трибуна Ангулы, найденная на так называемой Суворовской крепости близ станицы Тамань [Латышев, 1896, № 98, с. 98–105]: «-- часть -- по замыслу августа вовеки и императора Юстиниана, тщанием же светлейшего комита (?) этого города -- Ангулы, знатного трибуна и производителя работ, месяца --, в одиннадцатый индикт» (*пер. наш*). Латышев подметил связь этой надписи с событиями после убийства Грода, добавив к рассказу Малалы и Теофана известие Прокопия (*De aed.* III, 7), что Юстиниан сильно укрепил обветшавшие стены Боспора (разумеется, в сферу внимания императора входили оба побережья Киммерийского пролива). Ангула выстроил какое-либо

позволила предположить, что Тиранис происходил из того же гуннского племени, что и Тиранкс Малалы [Яйленко, 2010, с. 462/3].

¹² ἐποίησε κόμητα στενῶν τῆς Ποντικῆς θαλάσσης [Malala, 1831, p. 432]. Хотя комит сидел в Иерии, множ. число «понтийские проливы» означает, что он заведовал и делами на берегах Киммерийского Боспора. Собственно, с операции на этом Боспоре и началась деятельность назначенного комитом ипата Иоанна, который явился сюда с войском, состоявшим из готов.

¹³ [Чичуров, 1980, с. 27, 51, 79]. Малала пишет, что тут наступил мир в пределах Римской империи (ὑπὸ Ῥωμαίων οἰκουμένη). См. об этом эпизоде [Кулаковский, 1914, с. 60; 2003, с. 169; Храпунов, 2002a].

общественное здание или укрепления. Одиннадцатый индикт приходился в правление Юстиниана на 533, 548, 563 г., поскольку Грод был у него в 527/8 г., для деятельности Ангулы подходит 533 г.¹⁴ С одним из высших византийских или гуннских правителей на Боспоре, вероятно, времени Грода и Боарекс, связан великолепный и очень дорогой щит с изображением Юстиниана, найденный в тайнике керченского склепа [Покровский, 1892, с. 36]. Это наградное оружие за большие военные заслуги. Так как Юстиниан изображен молодым, возможна принадлежность щита Гроду, Далмацию или какому-либо преемнику последнего в должности командира воинов империи на Боспоре.

Гибель Грода в 528 г. дает *terminus ante quem* для нашей надписи. Употребленный в ней глагол κατέβαν — 3 pl. aor. II к καταβαίνειν «сходить вниз, спускаться, совершать переход из глубины страны к побережью» (И. Х. Дворецкий). Применительно к землям Боарекс и Грода, их приход в Боспор-Керчь и есть передвижение из внутренних частей страны к побережью. Установить типологию исследуемой надписи позволяет памятный знак, поставленный в IV в. официалом Боспорского царства Установ близ Фанагории, тоже начинающийся словом ἐνθάδε [Яйленко, 2010, с. 409/24]:

Ἐνθάδῃ | τοξεύει | Οὐστάνος | πρὸς τῶ[κ]ομίτες | Χιμρίδας, υἱὸς Ἀγαθοῦ τοῦ [--]

«Здесь стреляет из лука Устан, протокомит Киммериды, сын Агафа...»

Таков и памятник Боарекс и Грода — это мемориальная надпись, сделанная ими по случаю посещения византийского города Боспора: † ἐνθάδε | κατέβα[ν] | Ὀάρηξ, |

¹⁴ Интерпретацию В. В. Латышева оспорил Ю. А. Кулаковский [1895, с. 189/90], который положил в основу своего понимания надписи известие Прокопия о приеме Юстинианом на 21-м году правления посольства готов-тетракситов, обитавших на азиатском Боспоре. Будучи православными христианами (остальные готы арианцы), они просили дать им епископа, и Юстиниан удовлетворил их просьбу. Так как случилось сие в 547 или 548 г., заключил Кулаковский, это совпадает с 11-м индиктом 548 г., и можно думать, что в надписи Ангулы речь идет о перестройке или обновлении церковного здания. На это Латышев возразил: в таком случае ожидалось бы, что строительством церкви ведал церковный чин. Этот аргумент Латышева действителен — церковное строительство обычно вели клирики (эпиграфические примеры [Kaufmann, 1917, S. 388 f.; Grégoire, 1968, p. 44, 51, 81 etc.]), иные постройки курируют чиновники, в том числе λαμπρότατοι «светлейшие», как и Ангула (например, крепость в Дидимах выстроил дукс Фука [Grégoire, 1968, p. 46, 53, 63–64 etc.]). Пожалуй, Кулаковский прав в одном — надпись Ангулы может происходить не только из Гермонассы, как поначалу счел Латышев, но также из Фанагории, поскольку камень на строительство Суворовской крепости свозили из обоих городов. Еще одна надпись из Тамани сообщает, что при императоре Маврикии (582–602) здесь велась перестройка Кесариона — храма августов [Латышев, 1896, № 99, с. 108/9; 1909, с. 201/17]. Это не церковная христианская постройка, а храм в античном понимании слова — тут осуществлялся с I в. н. э. культ римских императоров [КБН 1050; Яйленко, 2010, с. 305/9]; поскольку и византийские императоры были августами, при Маврикии храм был возобновлен тщанием дукса Херсона Евпатерия. И в этом случае нецерковной стройкой ведал крупный чиновник. Критика Кулаковского [1896а, с. 1 сл.], возразившего против чтения в надписи имени Маврикия, малоосновательна, так как сохранились буквы Μ и κίς. Если же в надписи и читается имя Маврикий, продолжил критик, то это не обязательно византийский император — Евпатерий действовал от имени своего какого-то варварского государя. И это неубедительно, так как императоры вели церковное строительство через своих высоких чиновников (при этом были задействованы и церковные иерархи). Например, строительство мартирия Св. Христофора император Феодосий II вел через своего кувикулария Евфемиды и халкидонского епископа Евлалия (надпись из Хаджи Паша в Малой Азии) [Kaufmann, 1917, S. 391/2]).

Χρόδ «Сюда явились Оарекс, Хрод»¹⁵. Понятно и совместное посещение ими города Боспора — оба союзники Византии в регионе, потому оба прибыли для общения с трибуном Далмацией по интересующему администрацию вопросу — борьбе с проирански настроенными гуннами. Визит Боарекс и Грода состоялся в 527 или 528 г. (Юстиниан взшел на престол 1 или 4 апреля 527 г.), 528 г. и есть время постановки монумента, увековечившего их визит на Боспор.

Обратимся к личным именам действующих лиц. Имя царя Грода имеет в литературных памятниках следующие формы: в рукописях Теофана Γορδᾶς *e, m, z*, Χορδᾶς *d*, Gorda латинского перевода Анастасия, у Малалы Γρῶδ *etc.* [Moravcsik, 1958, S. 114; Чичуров, 1980, с. 79]. Форма Χρόδ нашей надписи соответственна им. Начальный глухой имени согласуется с правилом глухого анлаута тюркских слов и имен. Еще одно правило: тюркский корневой слог трехморфемный — SVC [Сравнит. грамм. 1984, с. 383], поэтому исходная форма должна быть с корневым гласным. Этому отвечают фиксация рукописей Теофана Γορδᾶς, Χορδᾶς и лат. Gorda, следовательно, реконструируется форма *Χορδ-¹⁶. В исконно чувашских словах литературного языка (чувашский — наследник гунно-булгарского языка) заднерядное *o* не встречается, но представлено в верховом диалекте и только в начальном слоге [Егоров, 1971, с. 135; Сравнит. грамм. 1984, с. 68–69]; именно такую позицию оно занимает в гермонасских гуннских именах Χορμάγ, Όμαρ [Яйленко, 2010, с. 445, 454]. Однако в тюркском нет метатезы *rd* — *dr*, которая представлена в фиксациях имени (т. е., с одной стороны, Χρόδ нашей надписи и Γρῶδ Малалы, с другой, Γορδᾶς и Χορδᾶς Теофана). Это приводит нас к мысли, что Χρόδ не тюркское, а германское по происхождению имя, *ср.* Chrode-bertus (CIL XIII, 7320, раннехристианское время), первая основа которого к гот. *hroþeis* «победоносный» [Schönfeld, 1911, S. 142]. Так как часть готов вошла в гуннскую орду [Буданова, 1990, с. 132], германские имена у гуннов не редкость: к примеру, таково имя вождя гуннов Баламбера, разгромивших в 375 г. готов Германариха, также имя брата Атиллы Бледа и др.¹⁷

¹⁵ По существу, это банальная запись типа современных «Тут были Маша, Паша». Аналогично надписи Боарекс и Грода составляет граффито наемника по имени Каик из Магнесии на Сипиле, который написал, явившись в храм Мемнонион в египетском Абидосе: [Μάγνης ἦλθ' ἐν]θάδε «магнет Каик прибыл сюда» [Jeffery, p. 360, 415, № 2]. То, что эта надпись VI в. до н. э., не должно смущать — это класс так называемых памятных надписей «поклонения и посещения», в том числе «туристского» характера, самого разного времени (*см.* обширное их обозрение и *лит.* [Guarducci, 1975, p. 198–226]). Подобного рода записи известны во все периоды античности, начиная с архаики — надписи греческих наемников в египетском Абу-Симбеле [ML, p. 12–13], на ногах колосса Мемнона и пр. Обычно в таких надписях употребляются глаголы ἦκω «достиг, явился», ἦλθον «пришел» [Ib., p. 208], у нас того же значения βαίνω «иду» (+ катá «схожу вниз, спускаюсь»). Приведем примеры «туристских» надписей на ногах колоссов Абу-Симбела разного времени: «Памбис колофонец, *идя* вместе с Псамметихом» (архаика), «Кратер, *сын* Левкара, охотник на слонов, явился» (ἔλθεν); с опущенным глаголом движения: «Гересибий теосец», «Телеф меня написал, ялсиец», «Пифон, *сын* Амоибиха», «Никий, Гелиодор», «Филодем, Дион(исий)», «Аристон, *сын* Тимодора, куреец, охотник на слонов, вместе с Аристием» (птолемеевское время) [Bernand, Masson, 1957, p. 15, 16, 17, 19, 23, 25, 29, 34]. Посетители святилища Сераписа в Эль Араба в Египте оставили «надписи посещения» III–II вв. до н. э. на греческом языке типа «имярек явился (ἦκων)» [Grafton Milne, 1901].

¹⁶ Этимологически ее возводили к тюрко-венг. *Oyurda* (?) или тюрк. *qurt* «волк» (*лит.* [Moravcsik, 1958, S. 114]).

¹⁷ *Iord.* 129–130, 248, 249: Balamber, rex Hunnorum, *codd.* Balamir, Balamur; *Priscus*, fr. 28: Βαλάμερος, *Malchus Philad.* fr. 15, 18: Βαλάμηρος [PB, 195; Иордан, 1960, с. 280]. Это германское имя Valamir, к гот. *walis* «избранный, возлюбленный» [Schönfeld, 1911, S. 250/1]. Об имени Бледы [Ib. S. 51].

Имя царицы Боарекс имеет в литературных памятниках следующие формы: в рукописях Теофана Βοαρῆς *e, m*, Βοαρίξ *f*, Βοαρῆς *xz*, Boazer латинского перевода Анастасия, у Малалы Βόα и др. [Moravcsik, 1958, S. 107; Чичуров, 1980, с. 77]. Форма нашей надписи Οαρῆς соответственна им, но с примечательным отличием в анлауте, которое уточняет этимологию имени. У гуннов тюркский язык, тюрк. *b* в начальной позиции сохраняется, поэтому форма Οαρῆς не есть Βοαρῆς *etc.* с утраченным *b*: поскольку с рубежа нашей эры пошла спирантизация греческого *b* (на письме β, фонетически *v*), в фиксациях Βοαρῆς *etc.*, как правильно заключил Ф. Альтгейм на основании эфиопской передачи этого имени Wārāks, она означает тюрк. *v*¹⁸. В тюркском языке *v* — протетический согласный, образовавшийся из начального *ō*, которое разложилось на консонантный элемент и гласный, т. е. *ō > vā* [Сравнит. грамм. 1984, с. 386, 394]¹⁹. Следовательно, корневая основа имени должна иметь форму Vār-²⁰. Она снимает имеющуюся тюркскую этимологию имени Боарекс (Bo-arīk, *лит.* [Moravcsik, 1958, S. 108]), а также показывает ошибочность мнения, что второй компонент имени — лат. *gex*²¹.

Теперь разясним невозможность иного чтения имен в надписи. В кружок О стк. 3 вписан крестик, но букву нельзя принять за *тету*, ибо эта буква писалась с крестом внутри только в архаическую эпоху²², в классическую и эллинистическую эпохи писалась с горизонталью или с точкой внутри кружка²³, в римское и византийское время только с горизонталью внутри²⁴. Так и в нашей надписи — в слове ἐνθάδε *тета* написана с горизонтальной чертой внутри кружка. Здесь это встречающийся в христианских надписях, в том числе ранневизантийского времени, *омикрон* с вписанным крестом, представленный и на Боспоре — в первом слове псалма христианской катакомбы 1895 г. конца V или начала VI в. [Кулаковский, 1896, с. 66 и табл. XIII]²⁵. Кроме того мн. число глагола κατέβαν, безусловно, указывает, что в надписи следует вычитывать два личных имени. Ввиду изложенного, да и в соседстве с именем Грода, чтение в стк. 3 имени 'Οαρῆς не подлежит сомнению. В имени Χρόδ первые три буквы вырезаны глубоко, видна и левая гаста *дельты*, остальные ее гасты стерты,

¹⁸ [Altheim, 1960, S. 37–38]. Сам Альтгейм возвел имя к парф. Varahrān, среднеперс. Bahrām + суф. *k*, но это оставляет не разясненной утрату *p/m* источника.

¹⁹ Более всего протетические согласные проявляются как раз в чувашском языке; обсуждение вопроса о них [Сравнит. грамм. 1984, с. 380–402]. Разумеется, Boazer перевода Анастасия не указывает на начальное *b*, это простая транслитерация греческой формы.

²⁰ Как сказано, тюркский корневой слог трехморфемный — SVC [Сравнит. грамм. 1984, с. 383]), и греческие фиксации βοар-, βοαρ-, οαρ- представляют собой разную передачу начальной лабиальной группы гуннского корня *vār-*, который в самом тюркском развивался в *vā*, *uo* и *pr*.

²¹ Такое понимание имени дал уже Малала или его переписчики: Βόα ρῆξ, где последнее якобы передает лат. *gex*. Но в таком случае должно быть *regina*, *regnatrix*, ρηγῖσσα «царица».

²² [Jeffery, 1969], Table of Letters в конце книги.

²³ Например, на Боспоре [Болтунова, Книпович, 1962, табл. I–IV].

²⁴ Ср. [Gardthausen, 1913, Taf. 1–2]. Это не единственный пример такого надписания середины кружка. Точка внутри него обозначала сокращение, это могли быть *тета* и *омикрон*; с точкой внутри знак употреблялся и в качестве символа: так, по Филону Библискому, кружок с точкой внутри обозначает круг вселенной, также глаз магического Агатодаймона; кружок с *альфой* внутри = ὁ ἄγιος [Gardthausen, 1913, S. 96–97; PGM II, p. 213; Avi-Yonah, 1940, p. 89].

²⁵ По этой же причине нельзя вычитать имя Θάρῆς, хотя в Аттике IV в. до н. э. известно имя Θάρρηξ [Dem. XIX, 191; Bechtel, 1917, S. 199]) и к нему можно было бы отнести хро стк. 4 в качестве сокращения слова χρ(ιστιαν)ός(ς), ср. Ἀρσάκις χριστιανός керченской эпитафии [Латышев, 1904, с. 86 = Диатроптов, Емец, 1995, № 8], и есть сокращение χρ [Avi-Yonah, 1940, p. 112].

но частью просматриваются (ниже букв ОД плита слегка отбита). *Дельта* в стк. 1 слова ἐνθάδε написана не традиционно, т. е. не с горизонтальной чертой основания (Δ), а наклонно — поставлена на острый угол; так и в имени Грод левая гаста почти вертикальна, с легким наклоном вправо, свойственным всем прямым буквам надписи. Это лишнее подтверждение чтения тут *дельты* и тем самым имени Χρόδ. Большой крест, вокруг которого сгруппирована надпись, — свидетельство христианской веры Грода²⁶. Хотя о крещении Боарекс сведений нет, можно предполагать, что во время посещения города Боспора вместе с Гродом и она стала христианкой. Это удостоверяется написанием первой буквы ее имени О с крестиком внутри. Такой знак част в раннехристианских надписях [Kaufmann, 1917, S. 64–65, 67], причем иногда при крестике добавлены хрисма или геральдические павлины [Ib. S. 89, 116], что раскрывает значение креста внутри кружка — это знак, равноценный имени Христос.

В заключение обсудим возможность иного понимания надписи — как эпитафии, ибо на первый взгляд она производит впечатление надгробной: начинается со свойственного эпитафиям слова ἐνθάδε и вписана в большой крест, покрывающий все поле плиты: таков ряд боспорских эпитафий [Латышев, 1896, № 86; Диатроптов, Емец, 1995, с. 31, 33–34]. Однако крест во все поле плиты и соотношение с ним текста надписи свойственно не только эпитафиям — такова и строительная надпись трибуна Ангулы. Что исследуемая надпись представляет собой эпитафию, думал ее издатель В. В. Латышев [1905, с. 132]: «Чтение надписи затруднительно. В стр. 1-й ясно ἐνθάδε; в стр. 2-й едва ли можно видеть форму κατέβαν = κατέβησαν; скорее следует думать, что буквы КАТЕ представляют собою сокращенное написание кат(άκ)τ€ = κατάκειται, как, например, в керченской же надгробной надписи Феодоры, а буквы ΒΑΝ относятся к личному имени погребенного, которое нам не удалось разгадать в комплексе кое-как разбросанных букв». В инвентарной описи Керченского музея (К 3174) дана ссылка на публикацию Латышева 1905 г. и добавлено: «Надгробие христианское Банфария. Надпись: “Здесь покойся Банфарий”». Отметим, что понимание надписи как эпитафии обязывает вычитывать глагол кат(άκ)τ€ в сокращении и имя Βανθαρη, что ошибочно: нет знака сокращения при КАТЕ²⁷, нельзя и вычитать имя Βανθαρη, поскольку четвертая его буква не *тета*, но *омикрон*, как разъяснено выше. Если считать надпись эпитафией, то следовало бы читать ее так:

† ἐνθάδε | κατέβα|ν | Ὁαρῆξ, | Χρόδ   «Здесь скончались Оарекс, Хрод».

Наряду с отмеченной невозможностью ряда элементов при понимании надписи как эпитафии отметим, что таковая интерпретация требует и ряда допущений.

²⁶ В сборнике статей «Православные древности Таврики» (К. 2002, с. 179/81) помещена заметка анонима в рясах, который велеречивым церковным языком вкратце рассказал о крещении и гибели Грода, а в конце торжественно отметил, что по решению Международной православной конференции 2000 г. начат сбор материалов для канонизации царя-мученика Грода гуннского. Это, конечно, актуально, в Крыму других проблем нет, феодализм с элементами капитализма там уже построен, на очереди поголовное обращение туземцев в православие и неминуемое чудесное обретение мощей Грода лет эдак через полсотни, когда атеисты вымрут (на мощах жулье в сутанах поднаторело с IV в. — они привлекают огромные паломнические деньги, см. об этом [Яйленко, 2010а, с. 644, примеч. 100, 101].

²⁷ Ср. κατ€ с титулом-знаком сокращения над *tau* = κατάκειται в боспорской эпитафии [Латышев, 1896, № 91]; также у нас рис. 145, 4 — эпитафия Никианы [= Ib. № 89] с сокращением катаS = κατάκειται.

В христианских эпитафиях Боспора (также по преимуществу и в античных римского времени) при ἐνθάδε употребляется глагол κατάκειται, а не катаβαίνω, причем число примеров существенно²⁸. Глагол катаβαίνειν имеет значение «спускаться вниз», откуда в позднеантичном языке и «умирать» (*Liban. Or. XXXVIII*, 16), так что κατέβαν с ἐνθάδε может означать «здесь скончались». Можно думать, что Грод убит в городе Боспоре, однако отсюда следует, что одновременно была убита и Боарекс, для чего тексты Малалы и Теофана оснований не дают. Больше того, из погребения их вместе следует, что они муж и жена, о чем наши источники навряд ли бы умолчали. Резюмируем: формально можно считать надпись эпитафией Боарекс и Грода, но это требует ничем не подтверждаемых допущений. Напротив, для понимания надписи в качестве памятного знака визита двух гуннских владык к союзным властям византийской области никаких препятствий нет²⁹.

1.2. Фрагмент эпитафии IX–X вв.

2. Мелкий осколок мраморной доски с остатками двух строк надписи средне-византийского времени (рис. 148). Обломан со всех сторон, оборотная сторона заглажена под лицевую. Высота 6, ширина 5,5, толщина 2,4 см, высота букв 1,8 см. Керчь, музей, инв. № К-103674 (Корчев, 1963, № 476, раскопки Т. И. Макаровой). Его любезно показала мне В. Н. Боровкова. Над первой строкой свободное поле, указывающее, что сохранились стк. 1–2 надписи. Текст:

[ἐνθάδε κατέκειται (ὁ) δοῦλος || τοῦ θεοῦ ὁ δεῖνα, ἐ]ν τῇ ᾿ς (= Ἰνδικτιῶνος)

«Здесь покоится раб божий имярек, в году индиктиона восьмом»³⁰.

По письму надпись относится к IX–X вв. (ср. [Латышев, 1896, № 69]). Ключ к раскрытию ее содержания дают слово δοῦλος и указание на 8-й год индикта, — их содержит другая христианская эпитафия, происходящая с раннесредневекового некрополя Пантикапея: † ἐνθάδε κα[τ]άκειτε Θε[ὸ]δωρος δ[ὸ τὸ θδ] Ἰνδ β «Здесь покоится Феодор, раб божий, индикта год 2» (см. ниже, № 11). Слову δοῦλος обычно предшествует член (ὁ δοῦλος), иногда он опускается. Год индикции обычно ставится после слова *индикт*, редко перед ним (например, [Ορλανδος, 1973, σ. 48]). В публикуемой надписи слово *индикт* в соответствии с обычным узусом византийских письменных

²⁸ Это 28 эпитафий из 39 подборки Диатроптова — Емеца [1995, № 5–11, 14, 16–24, 28–30, 32, 33, 35–37, 39, 41, 42]. Остальные состоят из одного имени покойного, порой с патронимиком [Ib. № 4, 12, 15, 25–27, 31, 34, 38, 40]; особняком стоит № 13 — памятник (μνημεῖον) диакона Евсевия, датированный 733 г. босп. эры = 436 г. н. э. Также КБН 116, 144, 733, 743, 1225.

²⁹ По сведениям Латышева, плита найдена в 1904 г. на северном склоне Митридата «перед аркою катакомбы... она служила подпоркою другой четырехугольной плиты, которою был закрыт вход в катакомбу». К сожалению, не зафиксировано положение лицевого поля плиты с надписью относительно склепа — кнаружи, лицом к посетителям или иначе. В первом случае это был бы обычный для склепов (например, в римских катакомбах) идентификационный для родственников *titulus*, соответственно отпали бы сомнения в надгробном характере надписи. Поскольку вход в боспорские склепы обычно закрывался большой плитой, положение камня с надписью под нею внизу в качестве подставки скорее указывает на его вторичное использование при устройстве входа в склеп. На северном склоне Митридата располагалось в числе прочего и христианское кладбище.

³⁰ Можно сказать проще: «в 8 индикцию».

памятников дано в сокращении: ἵϙ = ἰνδικτιῶνι, однако такое сокращение нечасто, самое обычное ἰνδ' [Avi-Yonah, 1940, p. 72]³¹. Знак сокращения в трактуемой керченской надписи представляют собой два клинышка над *иотой*, обращенные остриями книзу, они мастерски исполнены профессиональной рукой писца манускриптов (обычно делаются два коротеньких параллельных штришка над буквой)³². Данная эпитафия отсутствует в подборке боспорских надписей христианского времени Диатроптова и Емеца [1995].

Рис. 148. Эпитафия № 2, прорись автора

1.3. Надпись царя Дуптуна (КБН 67)

3. Текст и пер. КБН (рис. 149):

† Ἀγαθ[ῆ τ]ύχη.
Ἐπὶ Τιβερίου Ἰουλίου Δουπτοῦνο[v]
βασιλ(έως) εὐσεβο[ῦ]ς, φιλοκέσαρος καὶ
[φ]ιλορωμέου [ἀν]έστη ὁ πύργος οὗ-
5 [τος] καὶ ἐπὶ ἐπάρχου Εἰσγουδίου
[καὶ ἐ]πὶ τοῦ κόμ(ητος) Ὀπαδίνου τοῦ ἐ-
[πὶ τῆς πι]να[κ]ίδος καὶ ἐπὶ τοῦ πρω-
[τεῦντος?]...[τα Σεαυάγου καὶ ἐπὶ τοῦ
[ἐπιμελητο]ῦ ? τοῦ ἐπὶ τοῦ ἔργου
10 [-- μηνὸς Γο]ρπιαίου κον --
-- αὔγετ. θ--

«В добрый час. При царе Ти-
берии Юлии Дуптуне благо-
честивом, друге цезаря и дру-
ге римлян, воздвигнута эта
башня при епархе Исгудии и
комите Опадине, заведующем
пинакидой, и при первенству-
ющем (?)... сыне Савага, и
при попечителе (?) работы...
месяца Горпия --».

Стк. 6–11 текста КБН нуждаются в поправках. В стк. 6 первая буква имени — *сигма*, так что читается имя Σπαδίνης³³, так звали царя приазовских аорсов (Strabo, XI, 5, 8). Название должности Савага в конце стк. 7 — начале стк. 8 начиналось буквами πρω[τ-] (до букв -та стк. 9 утрачено около 11 букв). Это начало ряда должностей позднего римского и ранневизантийского времени, но ни одна из них не совмещается с -та или -τας должности Савага. По этой причине приходится изобретать сию должность. Тут после скола слева Латышев (IOSPE II, p. 292) читал [...]τα Σεαυάγου, Ю. Г. Виноградов [1998, с. 235] дал лучшее чтение [...]τας Саυάγου, ибо форма Саυαγα(ς) представлена в других надписях³⁴. В начале стк. 10 стояло

³¹ Например, в боспорских надписях [Латышев, 1896, № 93, 95, 99]. В IX в. восьмой год индикта приходился на 800, 815, 830, 845, 860, 875, 890 гг., в X в. на 905, 920, 935, 950, 965, 980, 995 г.

³² К примеру, в надписи из бывшей Кубанской обл. [Латышев, 1896, № 106]; в Греции [Ορλανδος, 1973, σ. 3, 9, 166 etc.].

³³ Наблюдение Тохтасьева [Виноградов, 1998, с. 234].

³⁴ Чтение -та или -τας больше зависит от обозначения должности Савага. Виноградов в соответствии с эпитафией КБН 1099 полагал, что он комит; по его мнению, упоминаемые в надписях V в. Саваги подразумевают одного и того же человека, однако это разные лица [Яйленко, 2010, с. 432/3, 438/9]. В стк. 7–8 Дуптуновой надписи Виноградов предложил чтение не засвидетельствованной должности ἐπὶ τοῦ πρώ[του] ἐπὶ κόμ[η]τας (?) Σαυαγου «при первом среди комитов Саваге» (по своему обыкновению отсутствующую на камне *эту* он показал как целую букву), но Н. И. Храпунов [2002] с основанием заметил, что в результате «первый над комитами» оказался на иерархической лестнице ниже просто комита Спадаина, поэтому такое дополнение неприемлемо. Сам Н. И. Храпунов (его чте-

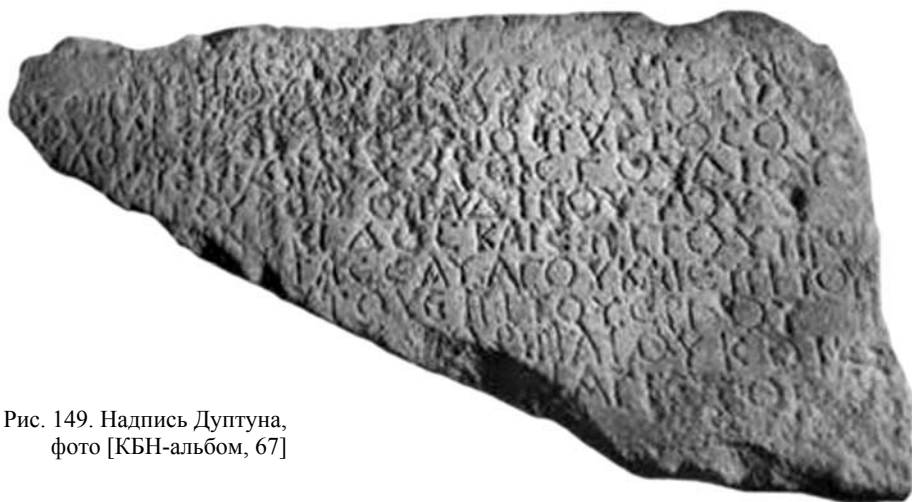

Рис. 149. Надпись Дуптуна,
фото [КБН-альбом, 67]

имя попечителя строительства; вполне различимы и остатки первых трех букв названия месяца Горпия — полочка Г, верхняя треть О, верхняя половина Р. *Kan-na* после названия месяца Горпия может означать 20-е число месяца (чтение Виноградова). В стк. 10–11 он [1998, с. 236/8] восстановил датировочный текст по двойному счислению — по индикту и босп. эре: [μηρὸς] Горπιαίου · κ', Οἰκ[τοβρίου] · ι', ἰνδ(ικτιῶνος) ς', ὥς δὲ Βόσπ(орос) ἄγι· ἔτ(ους) θρ[ψ] «месяца Горпия 20 числа, октября *такого-то* числа, индикта шестого *года*, а как считает Босп(ор) — в году 779»³⁵. Однако дополнение выражения [ὥς δὲ Βόσπ(орос) ἄγι] «как считает Босп(ор)» невозможно, поскольку в таких формулах всегда стоит не название города или области, а этникон жителей³⁶, дополнение же этникона [Βοσπορανοί] не поместится в лакуне и с ним не согласуется сохранившееся αγι. Невозможно и понимание следующего за *тетой* кружка в качестве *омикрона*, на чем настаивал Виноградов, так как он меньше стандартного *омикрона* надписи и потому может соответствовать

ние: ἐπὶ τοῦ πρῶ[τοκομῆ]του Ἄτ[τα]ς (?) Σαυάγου «при протокомите Атте (или Анте, Мате), *сыне* Савага») усмотрел тут должность протокомита, апеллируя к надписи Устана из Киммерика, однако это не подтверждается кругом обязанностей сельского старосты (их разъяснение [Яйленко, 2010, с. 421/2]); эта должность не сопоставима с первыми дворцовыми должностями упомянутых ранее сановников царя Дуптуна; наконец, надпись сообщает о постройке городской стены Пантикапея, к чему сельский староста вряд ли мог иметь отношение (ср., к примеру, типичную для сельского старосты, комета, скромную семейную эпитафию из Лидии [Grégoire, 1968, p. 125, № 343]). По нашему мнению, неприемлемо и понимание Храпуновым букв -τας в качестве личного имени сына Савага, ибо остальные сановники названы только по именам, без отчеств (или, подобно гермонасской эпитафии, по именам и прозвищам), как принято у гуннов [Яйленко, 2010, с. 439]. Предположительно читаем в стк. 7/8 ἐπὶ τοῦ πρῶ[του ἐπὶ ἀρχῶν?]τας Σαυάγου «при первом среди архонтов Саваге», в обоснование чего сошлемся на наличие в Танаисе коллегии архонтов еще в III в. (КБН 1251), в Кесарее-Гермонассе в начале IV в. (КБН 1051 от 307 г.), ср. πρῶτος ἀρχὼν прусийцев (КБН 953).

³⁵ Для удобства читателя даем наш перевод, так как Виноградов его не дал. В реконструированном тексте на с. 238 его статьи при индикте набрана *сигма* вместо *стигмы* — это опечатка, так как далее на с. 242 Виноградов говорит о шестом годе индикта. В стк. 11 Латышев читал ἔτ(ους) θ--. Историография вопроса о дате Дуптуновой надписи [Nadel, 1977, p. 96, 110/1]. Сам Б. И. Надель осторожно счел, что она не древнее первой половины IV в., из сотен можно дополнять только χ = 600 или ψ = 700.

³⁶ К примеру, не Ахейя, а ахейцы, не Милет, а милетяне и т. д.: ὥς οἱ Ἀχαιοὶ ἄγουσι (Syll.³ 531. 5; 588. 89; 599. 31; 852. 19), то же находим и в Сев. Причерноморье: ὥς δὲ Τυρανοὶ ἄγουσιν (IOSPE I² 2. 20).

только кружку *копты* (=90)³⁷. Его замечание, что *копна* имела форму q, верно лишь отчасти, так как в первых веках нашей эры и позднее употреблялись и другие ее формы — разомкнутая *ς* (= *стигма*) и сомкнутая Q [Gardthausen, 1913, S. 367/8]³⁸. В дате Дуптуновой надписи я вижу повторение *стигмы* той же формы, что и при сокращении слова $\xi\tau(\omicron\upsilon\varsigma)$; полагаю, время Дуптуновой надписи удачно определено А. И. Болтуновой (см. коммент. КБН): поскольку в дате после *теты* виден кружок, тут читается *копна* — $\theta\varphi[\chi'] = 699$ г. б. э. = 402 г. н. э. Такая датировка вполне поясняет позднеантичный, а не византийский, характер этой строительной надписи царя Дуптуна, ибо, подобно предшественникам на боспорском престоле (последний из них Рескупорид VI правил еще в 342 г.), Дуптун демонстрирует свою принадлежность к аспургинской династии Тибериев-Юлиев, а надпись его открывается характерной для античных строительных актов формулой «В добрый час», да и построена по их структуре и формуляру. Достаточно сравнить Дуптунову надпись со строительными же надписями из византийского Херсона, которые датированы временем правления Феодосия, Аркадия (между 383–395 гг.; IOSPE I² 450) и Зинона от 488 г. [Латышев, 1901a] и отличаются совсем другим формуляром. Новое в Дуптуновой надписи — лишь наличие должностей эпарха (= praefectus) и комита, что указывает на введение в штатное расписание высших государственных должностей Боспора после потрясений гуннского времени, т. е. 370-х гг., элементов римской провинциальной административной номенклатуры.

Наиболее неясна стк. 11. С. А. Жебелев прочел тут $\alpha\upsilon\iota\epsilon\tau(\omicron\upsilon\varsigma)\theta--$ (коммент. КБН), что маловероятно, ибо после $\alpha\upsilon\iota$ стоит двоеточие — знак словораздела или сокращения [Avi-Yonah, 1940, p. 33]. За буквой *Т* слова $\xi\tau(\omicron\upsilon\varsigma)$ следует еще один знак сокращения *S* (он из числа самых распространенных знаков сокращения, см. ниже заметку об эпиграфии Евтропида)³⁹. В целом в конце стк. 10 — стк. 11 читается: $\text{OI}[\cdot] --^{17/18}--\alpha\upsilon\iota: \xi\tau(\omicron\upsilon\varsigma)\theta\varphi[\chi']$. Можно бы счесть, что после упоминания месяца Горпия необходимое указание на год постройки башни стояло в лакуне начала стк. 11, но знак сокращения перед и после букв *ЕТ* препятствует этому: в буквах *ЕТ* со знаком сокращения определено следует видеть слово $\xi\tau(\omicron\upsilon\varsigma)$, так как указанием на год постройки обычно и завершаются строительные надписи. Полагаем, попытка Жебелева усмотреть в $--\alpha\upsilon\iota\epsilon\tau\theta--$ слово, образованное от $\alpha\gamma\iota\omicron\varsigma$ «святой», естественна для надписи христианского времени (ср. сокращения $\alpha\gamma$, $\alpha\gamma\iota = \alpha\gamma\iota\omicron\varsigma$ в надписях VI в. [Avi-Yonah, 1940, p. 45]), но с оговоркой, что за $--\alpha\upsilon\iota$ следует знак сокращения и далее дата по году. Возникающий разрыв датировки — между месяцем и годом вставлена христианская формула — для византийских надписей обычен, в том числе в строительных надписях⁴⁰. Таким образом, предположительно читаем

³⁷ Чтение цифры *P* = 100, разумеется, исключено, как и *Φ* = 500 [Nadel, 1977, p. 110].

³⁸ Датировку Болтуновой проигнорировали Диатроптов и Емец [1995, с. 16], их комментарий к надписи малоинформативен, текст Дуптуновой надписи буквально воспроизведен по КБН.

³⁹ Другие знаки сокращения: в стк. 3, после $\beta\alpha\sigma\iota\lambda$ знак *l*, в стк. 6 после $\kappa\omicron\mu$ то же *l*, но с прогнутой вертикалью, это вариант знака сокращения *S* в $\xi\tau(\omicron\upsilon\varsigma)$. В одной надписи могло быть несколько знаков для сокращения слов [Avi-Yonah, 1940, p. 40–41]. Так, в строительной надписи 488 г. из Херсона в последней строке с датой употреблены *S* и двоеточие: как знаки сокращения (см. фото [Яacobсон, 1959, с. 69]).

⁴⁰ Строительная надпись 1440 г. из Тире [Латышев, 1896, № 3]. В поминальных записях [Ορλανδος, 1973, σ. 21, 72, 73, 75 etc.], к примеру, σ. 21: $\mu(\eta\iota\lambda)\ \text{Ὁκτωβρίῳ ιε', ἡμ(έρᾳ) α', ἡνδ(ικτιῶνος) ζ' ἑτελειῶθη Ἀνδρέας ὁ ἀγ(ι)ῶτ(ατος) ἡμ(ῶν) ἐπίσκ(οπος) ἔτους σςβ'}$ «в 15 день месяца октября, в 1 часу, индикта года 7, скончался святейший Андрей, наш епископ, года 6202» (= 693).

в конце стк. 10 и стк. 11: οἰκ[έ]ταις? σοῖς βοήθει, κύ(ριε) καὶ ἅγιοι, ἔτ(ους) θϞ[χ'] «рабам твоим помощи, господи, а также святые, года 699»⁴¹.

С указанными поправками читаем:

† ἀγαθ[ῆ] τ[ὴ] ὕχη,
† ἐπὶ Τιβερίου Ἰουλίου Δουππουνο[υ]
βασιλ(έως) εὐσεβο[ῦ]ς, φιλοκέσαρος καὶ
[φ]ιλωρωμέου [ἀν]έστη ὁ πύργος οὗ-
5 [τος] καὶ ἐπὶ ἐπάρχου[υ] Εἰσγούδιου
[καὶ ἐ]πὶ τοῦ κόμη(η)τος Σπαδίνου τοῦ ἐ-
[πὶ τῆς π.]να[κ]ίδος καὶ ἐπὶ τοῦ πρῶ-
[του ἐπὶ ἄρχου?]τας Σεαυαγου καὶ ἐπὶ τοῦ
[? ἐπιμελητο]ῦ τοῦ ἐπὶ τοῦ ἔργου
10 [τοῦ δεῖνος, μηνός] Γορπιαίου κ', οἰκ[έ]-
ταις? σοῖς βοήθει, κύ(ριε) καὶ ἅγιοι,
ἔτ(ους) θϞ[χ']

«В добрый час! При благочестивом
царе Тиберии Юлии Дуптуне, друге
цезаря и друге римлян, воздвигнута
башня сия при эпархе Эсгуди и коми-
те Спадине, заведующем канцелярией,
и при первом *среди архонтов* (?) Са-
ваге, а также при *попечителе* строи-
тельства *имярек*, 20 числа месяца Гор-
пия, рабам твоим помощи, господи,
а также святые, года 699» (= 402 г.).

Н. Н. Болгов [2005], не зная нашей критики даты Виноградова [Яйленко, 2002а, с. 306], привел свои критические замечания: двойная датировка маловероятна, в V в. индикт не употреблялся, ведению фортификационных работ в конце V в. мешали бы ближние гунны, название месяца октября не писалось через Οἰκ-. Он согласен с Виноградовым, что в дате вторая цифра *ομικρον* или *κοππα*; поскольку цифра сотен не сохранилась, из возможных вариантов чтения (χ', ψ', ω' = 600, 700, 800) Болгов [2005, с. 23] принял среднюю, его дата 502/3 г. Он, очевидно, забыл свой же аргумент о невозможности ведения фортификационных работ в конце V в., но сей аргумент не безусловен, и дело не в этом. Так как теперь мы знаем, что Савага принадлежит к роду, известному в надписях второй половины V в. [Яйленко, 2002, с. 307 = 2010, с. 438/9], цифра 800 отпадает, остается альтернатива χ' или ψ' = 600 или 700. В работе 2002 г. я принял дату Болтуновой 402 г., полагая, что род Савага Дуптуновой надписи существовал на протяжении всего V в., однако, если принимать во внимание датированные надписи Савагов (их две: от 478 г., см. следующий параграф, и на склепе 491 г.), то дата 502 г. ближе к ним и образует с ними естественный хронологический комплекс. Это сильный аргумент, но ему противостоят не менее существенные обстоятельства.

1. У Дуптуна *praenomen* и *nomen* Τιβερίος Ἰούλιος боспорских царей III в., в последний раз он засвидетельствован у Тираниса (275–278 гг.). Этих элементов нет у царей IV в. Хедосбия, Фофорса, Радамсадия, Рескупорида VI, но мы располагаем настолько малым числом упоминающих их надписей (КБН 65, 66, 846, 1112), что

⁴¹ В конце стк. 10 хорошо видны буквы ΟΙ, затем, вероятно, Κ, после которой есть место для одной буквы. В лакуне стк. 11 утрачено 17–18 букв; дополняем тут обычную формулу молитвенных надписей. Слово οἰκέτης употребительно в народном языке византийских надписей в значении «раб *божий*» [Grégoire, 1968, p. 75, № 226; Орландос, 1973, σ. 2, 82, 111, 136] (но сохранялось и значение еще античного времени «хозяйский раб», например, [Grégoire, 1968, p. 108, № 310, Памфилия]). Возможен вариант: в новозаветном языке прилагательное οἰκέτοι с членом обозначает верующих в Христа (Epist. Gal. 6, 10: πρὸς τοὺς οἰκέτους τῆς πίστεως = familia Domini [Stephanus, 1842/6, p. 1768]), что придает тот же оттенок и обычным значениям «свои, родные, домашние, близкие, слуги» *господа*. Ввиду притяжат. местоимения σοῖς артикль опущен. Перед ἀγί определенно стоит *iota* — из числа букв с прямыми гасками только она писалась с выносом верхушки над строкой. Глагол βοήθew соединяется в византийских надписях с дат., род. и вин. падежами.

сделать определенный вывод нельзя. С одной стороны, логично, что они не Тиберий Юлий, так как имена Хедосбия, Фофорса, Радамсадия совсем чужды не только царскому именику Боспора римского времени, но и местной антропонимике вообще; они определенно не принадлежали к аспургианской династии, правившей от Аспурга до предшественников Тираниса, судя по их династическим именам — Рескупорида V (242–276) и Савромата IV (275). С другой стороны, у последнего известного нам царя IV в. Рескупорида VI (318–342) имя династическое, так что вполне естественно ожидать наличие у него элементов Тиберий Юлий. От него до Дуптуна всего полстолетия при датировке надписи последнего 402 г. и целых полтора столетия при датировке 502 г., что делает последнюю дату вряд ли возможной⁴².

2. У Дуптуна не только именик, но и титулатура боспорских царей I–III вв. — он βασιλεὺς ἐυσεβής, φιλόκαισαρ καὶ φιλορώμαιος. Если датировать его надпись 502 г., то окажется, что титулатура возобновлена через 225 лет после Тираниса (или 150 лет после Рескупорида VI, у которого она могла быть), что трудно обосновать.

3. Как сказано, по характеру надпись Дуптуна воспроизводит структуру и формуляр позднеантичных строительных надписей, а не византийских. Таким образом, во всех своих компонентах надпись Дуптуна принадлежит к позднеантичной боспорской традиции, и потому предпочитаем датировку ее 402 г. Только в случае обнаружения хоть одной надписи V в., сохранившей подобные элементы позднеантичной боспорской традиции, появятся основания для датировки памятника Дуптуна 502 г.⁴³ Об историческом контексте надписи Дуптуна и ее личных именах [Яйленко, 2010, с. 467/9].

1.4. Надпись комита Саваги с Тамани

4. Чтение Виноградова [1998, с. 239] по приложенной прориси Б. А. Раева (без перевода): ΠΠΕΙ... [ὁ] τόπος | ἀλιευτικός νέος | διαφέρων Σαυαγᾶ Ἀρίστονος κόμ(η)τος | ἐν τῷ ἐοφῇ ἔτ(ει). Это нижний обломок надписи, т. е. предшествующий текст утрачен. Читаем по прориси (рис. 150) в стк. 1: -- ἵππει[ος καὶ τ]όπος⁴⁴. В стк. 3 нужно читать причастие διαφέρων вместо *neutr.* διαφέρων подлинника, не соответствующего муж. роду слова τόπος (в надписи представлен и другой случай неразличения *омикрона* и *омеги* — патронимик Ἀρίστονος вместо Ἀρίστωνος), чего не сделал Виноградов [1998, с. 240], который оставил форму διαφέρων вопреки им же приведенным

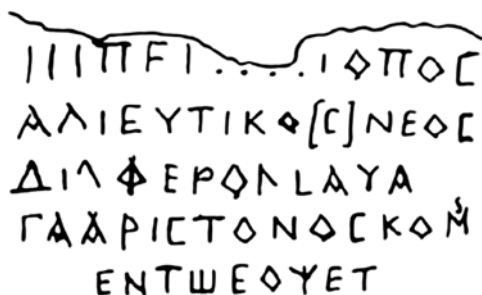

Рис. 150. Надпись комита Саваги с Тамани, прорись Б. А. Раева

⁴² Поскольку элементы Тиберий Юлий есть в надписи Дуптуна, их можно ожидать у Рескупорида VI, так как сохранение такой династической традиции после более чем векового перерыва маловероятно.

⁴³ Независимо от датировки 402 или 502 г. устарела статья В. Г. Васильевского (ее суммировал Латышев — IOSPE II, р. 293) об этой надписи, так как он связал ее содержание с событиями времени Юстиниана.

⁴⁴ Н. В. Завойкина любезно показала мне фото надписи, присланное ей Б. А. Раевым.

примерам. По содержанию это учредительная надпись из числа строительных, поэтому в ней был глагол типа καθίστημι «устанавливать, учреждать» (чтению А. Ю. Виноградова [2010, с. 149/51] ὠνεῖ[θη δὲ] τόπος «куплен участок» препятствует и показанное на прописи Π, переправленное им на Ν, и невразумительный тип «покупательской» надписи).

Наш текст и пер.:

-- ε. g. καθεσ- τάθη μάνδρα] ἵππει[α καὶ] τόπος ἀλιευτικὸ[ς] νέος 5 διαφέρ(ω)ν Σαυα- γα Ἀρίστ(ω)νος κόμ(η)τος ἐν τῷ εὐψῆ ἔτ(ει)	«... ε. g. устроен конный загон и новый рыболовец- кий участок, которым вла- деет комит Савага, сын Аристона, в 775 г.» (= 478 г. н. э.).

Поскольку два «устроенных» объекта — загон (?) и станция — соединены связкой καί, глагол мог стоять в ед. и мн. числе (καθεστάθη и καθεστάθησαν, как и по-русски); *part. sg.* διαφέρων обусловлен номинативом имени Аристон. Устройство новых рыболовецких станций вызвано упадком рыбного хозяйства в IV в., о котором см. [Гайдукевич, 1952, с. 33, 58, 60–61; Зинько, 2005].

1.5. Эпитафия Евтропуга (КБН Add. 3)

Рис. 151. Эпитафия Евтропида,
фото [КБН-альбом, Add. 3]

5. Текст КБН:

ἐνθάδε κατάκει|τ(αι) Εὐτρόπις, χαS

«здесь покоится Евтропид, 601 год»
(= 304 г. н. э.) (рис. 151).

Это чтение В. В. Шкорпила, дружно разделяемое поныне (например, [Диатроптов, Емец, 1995, с. 12, 16; Шестаков, 2004, с. 430]). Иначе думает А. Ю. Виноградов: χαS не дата χα', а сокращение слова χαῖρε, по письму он отнес эпитафию к IV–VI вв.⁴⁵ В связи с этим рассмотрим сопутствующие обстоятельства — наличие в христианских эпитафиях даты по босп. эре, прощальной формулы χαῖρε, креста и *стигмы* (в виде S). Сначала приведем аргументы в пользу чтения Шкорпила и даты 304 г.

1. Уже через 20 лет боспорский епископ Кадм примет участие в Ни-

⁴⁵ Не опубликовано, на его мнение сослался Тохтасьев [Матковская, Тохтасьев, 2006, с. 191; Тохтасьев, 2007, с. 118].

кейском соборе 325 г. Боспорская епископия возникла, скорее всего, после 312 г., что вполне оправдывает появление христианской эпитафии в первые годы IV в., тем более, что на Боспоре есть 3 христианских памятника III в. [Яйленко, 2010а, с. 649/50].

2. Четыре десятка известных ныне боспорских христианских эпитафий [Диатроптов, Емец, 1995, с. 10–16] не содержат формулы $\chi\alpha\iota\rho\epsilon$, дата по босп. эре употребляется, но в IV–VI вв. редко⁴⁶.

3. Формулы $\chi\alpha\iota\rho\epsilon$ нет не только в христианских эпитафиях Боспора, но и всего Сев. Причерноморья (редкая она и в других областях империи [Studia Pontica, 1910, p. 21; Kaufmann, 1917, S. 133; Grégoire, 1968, p. 19]).

4. Это не вся проблема: $\chi\alpha$ как сокращение слова $\chi\alpha\iota\rho\epsilon$ не зарегистрировано в своде аббревиатур памятников восточных провинций империи М. Ави-Йонаха⁴⁷.

5. *Стигма* в виде S, ς (и *копна* φ) обозначали слово $\alpha\rho\theta\mu\acute{o}\varsigma$ «цифра, число» [Gardthausen, 1913, S. 352] и потому представляли собой цифровой дифферент, что подкрепляет данное Шкорпиллом чтение.

Употребление *стигмы* не дает преимущества мнению Шкорпила или А. Ю. Виноградова: по словам Ави-Йонаха, S — «излюбленный знак сокращения византийского времени» [Avi-Yonah, 1940, p. 37], заметим, в том числе на Боспоре, где он употреблялся в надписях V–VI вв., преимущественно христианских⁴⁸. По данным Ави-Йонаха, в надписях восточных провинций Римской империи во II в. употреблено 3 сокращения S, в III в. 2, в IV в. 15, в V в. 28, в VI в. 123, в VII в. 19, далее знак практически исчезает [Avi-Yonah, 1940, p. 37]; эта статистика указывает на принадлежность эпитафии Евтропида к IV–VI вв.

Аргументы в пользу чтения А. Ю. Виноградова вижу следующие.

1. Крест дает основание сомневаться в столь ранней дате эпитафии Евтропида, как 304 г., ибо он вошел в употребление главным образом во второй половине IV в. Это существенное обстоятельство. Дохристианская античность использовала крест как солярный апотропеический знак, и, собственно, христиане приспособили его к своему культу через сходство с римским крестом казни в виде буквы T, этим и обусловлены редкие случаи употребления ими его в III в.⁴⁹ Еще в начале XX в.

⁴⁶ [Пб. № 13 = Латышев, 1896, № 86]. В эпитафиях IV–VI вв. не часта дата и в других областях, например, в той же Малой Азии [Studia Pontica, 1910, p. 25; Grégoire, 1968, p. 125, № 342 etc.].

⁴⁷ Есть $\chi\acute{\alpha}(\rho\iota\nu)$, в том числе в эпитафиях: $\mu\nu(\eta\mu\eta\varsigma) \chi\acute{\alpha}(\rho\iota\nu)$ [Gardthausen, 1913, S. 352; Avi-Yonah, 1940, p. 111] (к сожалению, мне недоступен сборник сводов сокращений: Abbreviations in Greek. Ed. by A. N. Oikonomides. Chicago, 199-, репринт).

⁴⁸ КБН 1099, начало стк. 2 сохранившегося текста: $[\kappa]S = \kappa\acute{\alpha}\iota$ [Яйленко, 2010, с. 427/8] (стк. 3 моего текста). В другой эпитафии [Латышев, 1896, № 89]: $\epsilon\nu\theta S \kappa\alpha\tau\alpha S = \epsilon\nu\theta\acute{\alpha}\delta\epsilon \kappa\alpha\tau\acute{\alpha}\kappa\epsilon\iota\tau\alpha\iota$ (рис. 145, 4, моя прорис; у Диатроптова и Емца [1995, с. 13, 33, № 24] рисунок отличается). В эпитафии Феодора имя дано с этим знаком сокращения: $\Theta\epsilon\acute{o}\delta\omicron\rho S$ (см. ниже и рис. 145, 9, 10). В надписи Саваги с Тамани от 478 г. (см. выше): $\kappa\omicron\mu S = \kappa\omicron\mu\eta\tau\omicron\varsigma$. Есть и другие боспорские примеры [Латышев, 1909, с. 207; Марти, 1911, с. 7].

⁴⁹ Этот римский крест наказания восходит к дереву, на котором поначалу вешали преступников [Saglio, 1887, p. 1573]. Возникновение культа креста в христианстве связано с почитанием легендарного места казни Христа на Голгофе, где была выстроена в 320-х гг. церковь Креста (позднее она стала называться храмом Гроба Господня); происхождение культа креста именно от этого памятника подтверждается датированной 359 г. надписью из базилики в Тикстере (Сев. Африка): «дерево Креста из земли обетованной, где был рожден Христос» [Райт, 2003, с. 314 сл.; Беляев, 2001, с. 33 сл., 65, 148]. В датированных памятниках Рима крест появляется в 407 г., христогрामма в виде креста с петлейкой сверху в 355 г. [Kaufmann, 1917, S. 84]; в Малой Азии надгробия с формулой $\mu\eta\eta\mu\eta\varsigma \chi\acute{\alpha}\rho\iota\nu$, в которых

считалось, что у христиан крест вошел в употребление около времени Феодосия I (379–395) [Покровский, 1999, с. 38; Глушак, Наумова, 1997, с. 87], в дальнейшем отдельные специалисты по церковной археологии пытались удревнить его до II–III вв. (Б. Багатти, Э. Сукеник и др.), но их доказательная база оказалась ошибочной: «кресты» на оссуариях из пещеры близ Иерусалима частью оказались маркировкой для правильного совмещения крышки с урной, частью буквой *tāw*, а «кресты» из Помпей и Геркуланума — оттисками деревянных балок на верхних частях стен [Беляев, 2001, с. 26–27, 61]. Е. А. Зинько [2007, с. 144] в заметке о крестах на позднеантичном Боспоре привела лишь один пример III в. — склеп в палестинском Бейт Гуврине с изображением креста меж двух птиц и виноградного усика с гроздьями. Но птицы и лоза обычны в росписях позднеантичных гробниц в целом (в том числе боспорских [Ростовцев, 1913, *passim*]), так что палестинский склеп не обязательно христианский, тем более, что некрополь в Гуврине иудаистский и христианский, а у иудаистов буква *tāw* подобие креста (от нее произошло греч. Т) была знаком избранности и скорби (Иезекииль, 9:4), вследствие чего ее прочерчивали на оссуариях. С другой стороны, в римском мире, тем более в соседней с Египтом Палестине, крест — универсальный знак возрождения жизни после смерти типа египетского *ankh* «жизнь», который и был воспринят христианами во второй половине IV в. [Тресиддер, с. 171]. Один пассаж у критика христианства конца II в. Цецилия как будто намекает на культ креста у христиан его времени (Oct. 12): «вот перед вами угрозы, казнь, пытки, крест — уже не как предмет поклонения, а как орудие казни», но далее участвующий в диалоге с ним апологет христианства решает этот вопрос отрицательно (§ 29): «Что касается крестов, то мы их совсем не почитаем: нам не нужны они, нам, христианам; это вы, язычники, вы, для которых священны деревянные идола, вы почитаете деревянные кресты» [Голубцова, 1967, с. 83; Нейхардт, 1975; Ранович, 1990, с. 345]. Это точная диагностика: для христиан крест действительно был поначалу языческим знаком, а вот у нехристианского населения Римской империи почитание креста распространено повсюду, поскольку это древнейший и популярнейший апотропей.

В целом эпитафия Евтропида с крестом выглядит типичным христианским надгробием IV–VI вв., хотя при сравнении с другими боспорскими эпитафиями, содержащими крупное изображение креста, у нее есть две особенности.

2. Первая особенность — необычное соотношение текста и креста. Надгробие Евтропида — это почти квадратная известняковая плита (64 × 63 × 16 см), двухстрочная эпитафия поднята под самую верхнюю грань камня, под нею посередине поля красуется монументальный крест высотой в треть плиты; надпись и крест разделены, крест бесспорно ведущий элемент надгробия, надпись играет при нем второстепенную роль. Это необычное решение, ибо, как правило, при наличии большого креста на плите с раннехристианской надписью любого типа (строительная, эпитафия и

буква Х имеет вид креста (+), относят к III–IV вв. [Guarducci, 1978, p. 313 *etc.*, см. Indice, p. 580, s. v. *croce*]. На почитание Креста Распятия наложился заимствованный у египтян культ символа жизни *ankh*, который изображался в виде трех- или четырехстороннего креста с петлей вверх. Его находим, к примеру, на плинфе в византийском Херсоне среди прочих строительных меток христианского характера [Романчук, 2004, табл. 27]. Склонные к удревнению христианства на Боспоре исследователи ссылаются на находку в илуратском склепе № 141 серебряного перстня, на сердоликовой вставке которого изображен Т-образный крест и две рыбки под ним; верхняя граница комплекса III в. н. э. [Хршановский, 1998, с. 105]. Это не обязательно христианская символика [Яйленко, 2010а, с. 649].

пр.) текст как бы вплетается в изображение креста, располагается при его ветвях. Это правило как для метрополии и Сев. Причерноморья (ранне)византийского времени в целом, так и для Боспора в частности⁵⁰. Однако нет оснований подозревать разновременность исполнения креста и надписи, поскольку отдельные примеры расположения текста над большим крестом эпитафии ранневизантийского времени (или под ним) имеются [Kaufmann, 1917, S. 63, 73, 93, 94].

3. Вторая особенность — своеобразие креста на надгробии Евтропида: у него удлиненная мачта, что не характерно для ранневизантийских надписей, равносторонние кресты которых обычны для V–VI вв. Этот аргумент относителен: хотя боспорские эпитафии, как положено, несут равноконечный крест, надгробие Адельфы — с удлиненным крестом, таковы же кресты в склепе 491 г. [Латышев, 1896, № 88; Кулаковский, 1891; Диатроптов, Емец, 1995, № 6, 49].

4. Ближайшее по времени и подобию датированное боспорское надгробие с большим крестом относится к 436 г. [Латышев, 1896, № 86 = Диатроптов, Емец, 1995, с. 12, № 13], т. е. позже эпитафии Евтропида на 132 года; при этом текст эпитафии 436 г. в соответствии с указанным правилом вплетен в ветви креста.

Взвешивая приведенные «за» и «против», можно констатировать, что основания для пересмотра чтения Шкорпила есть, прежде всего наличие креста. С этой точки зрения мою аргументацию идеи А. Ю. Виноградова поддержала Ю. К. Рогова [2013], но надо и самому ему найти дополнительные аргументы в пользу своего мнения (с этим солидарна и Е. А. Зинько [2014, с. 187]).

1.6. Эпитафия Агораства

6. Стела известняковая, по фасу трапезиевидной формы, но для написания текста ее положили набок, так что надпись сделана под боковой гранью, которая стала верхней и потому правый ее край приподнят (рис. 152). Найдена в 1897 г. на Глинище; Керчь, музей, инв. № Кл-1143, высота 57,5, ширина 42, толщина 17 см, высота букв 3,5–4 см [Шкорпил, 1898, с. 209, № 19; Марти, 1913, с. 49; Диатроптов, Емец, 1995, с. 11, № 5; с. 30 — текст и прорись Шкорпила]: † Ἐνθάδε | κατὰ κτε | Ἀγοραστος | Λούου † «Здесь покоится Агораств, сын Луя»⁵¹. Поскольку имя Λουος или Λουης в антропонимических справочниках отсутствует⁵², полагаем, в последней строке следует усматривать обычное для христианских эпитафий сокращение δοῦ(λος) θ(εο)ῦ, и в целом надпись такова:

† Ἐνθάδε | κατὰ κτε | Ἀγοραστος | δοῦ(λος) θ(εο)ῦ †

«здесь покоится Агораств, раб божий».

⁵⁰ [Латышев, 1896, с. 28–31, 35, 46, 59, 86, 88, 92, 97; Studia Pontica, 1910, № 19b; Grégoire, 1968, p. 91, № 260; Орландос, 1973, σ. 10, 24, 83, 96, 121, 144, 164; Диатроптов, Емец, 1995, с. 29–31, 33–36, 39]. Это обусловлено употреблением христианского надгробия в виде креста, на ветвях которого сделана надпись (в Сев. Причерноморье в целом и на Боспоре в частности таковы надгробия [Латышев, 1896, № 31, 89; Диатроптов, Емец, 1995, с. 30, 32, 34]). Ср. надгробие Арсака из Керчи, увенчанное фигурным крестом, сразу под которым на плите расположена надпись [Диатроптов, Емец, 1995, с. 30, № 8].

⁵¹ Видимо, в корпусе Диатроптова и Емца случайно не указаны публикации Шкорпила и Марти, так как и текст, и прорись даны ими по Шкорпилу.

⁵² Есть Λύος и забавно звучащее для нашего уха Λύης классической эпохи [Bechtel, 1917, S. 288], но они не имеют отношения к Λουος или Λουης.

Рис. 152. Эпитафия Агораста, фото Археол. комиссии

Омикрон и гамма этой красиво исполненной надписи имеют ромбовидную форму и мельче других. Шкорпил допустил ряд ошибок в своей публикации. Предпоследняя ромбовидная буква стк. 4 не *омикрон*, а *тета*, внутри которой не проставлена черта. Первая буква стк. 4 имеет наклонные гасы — *Л* (Шкорпил и другие приняли ее за *лямбду*), но между ними есть и наклонная поперечная черта, т. е. это мелкая *дельта* слова $\delta\omicron\upsilon(\lambda\omicron\varsigma)^{53}$. Обычно в эпитафиях выражение $\delta\omicron\upsilon\lambda\omicron\varsigma\ \tau\omicron\upsilon\ \theta\epsilon\omicron\upsilon$ предшествует имени покойного, но нередко ставится и после него [Орландос, 1973, ст. 67, 69, 74 *etc.*]. Перед $\theta\epsilon\omicron\upsilon$, как правило, ставится член $\tau\omicron\upsilon$, но изредка он отсутствует (например, [Шкорпил, 1900, с. 60, № 2 = Диатроптов, Емец, 1995, с. 13, № 20; Орландос, 1973, ст. 117]). Шкорпил напрасно привел в качестве параллели имени покойного имя Αγώρατος (Лус. XIII), здесь это рабское имя — к отглагольному прилагательному $\alpha\gamma\omicron\rho\alpha\sigma\tau\acute{o}\varsigma$ «купленный». Сзади слева плита срезана наполовину своей толщины, т. е. использовалась дважды.

1.7. Краткие заметки к отдельным надписям

7. Найденная при раскопках Шкорпила 1909 г. на пантикапейском некрополе стела христианского времени с буквами $\Theta\acute{\Upsilon}\epsilon$ под ветвями большого креста (рис. 153), которые, по его мнению, вряд ли представляют собой сокращение имени $\Theta\epsilon(\delta\omega\tau\omicron\varsigma)$, скорее это сокращенное выражение $\Theta(\epsilon\grave{\epsilon})\ \acute{\epsilon}(\lambda\acute{\epsilon}\eta\varsigma\omicron\nu)$ «господи, помилуй!», хотя такое ему неизвестно [Шкорпил, 1909, с. 30–31; Phmakowsky, 1910; Диатроптов, Емец, 1995, с. 22, № 63]. Судя по сводке М. Ави-Йонаха, буквы $\theta\epsilon$ могут быть сокращением слов $\theta\epsilon\acute{o}\varsigma$ «бог», $\theta\epsilon\omicron\tau\acute{o}\kappa\omicron\varsigma$ «богородица», $\theta\acute{\epsilon}\varsigma\iota\varsigma$ «(рас)положение *etc.*» [Avi-Yonah, 1940, р. 69]. К данной надмогильной стеле подходит первое значение ввиду аналогии V в. из Малой Азии: $\theta\acute{\Upsilon}\epsilon = \theta\epsilon\acute{\epsilon}$ «боже!»

Рис. 153. Молитвенная запись, прорись [Диатроптов, Емец, 1995]

⁵³ При написании Δ резец соскочил так, что правая наклонная черта продолжилась книзу за пересечением с горизонталью. Такой же соскок резца представлен при букве Κ стк. 2: резчик писал нижний усик снизу вверх, так как черта продолжилась за пересечением с вертикалью, в результате буква стала похожа на Χ . В стк. 1 Шкорпил показал на прориси прямоугольную *тету*, но поверхность камня тут стерта, усматриваем остатки ромбовидной *теты*.

на иудейском надгробии [Ib., p. 116 = МАМА, 1937, p. 138, № 312; Grégoire, 1968, p. 14].

8. Эпитафия Абики, V–VII вв. (рис. 154), Керченский музей [Латышев, 1896, № 87; Диатроптов, Емец, 1995, с. 10, № 4]⁵⁴. Имя Ἀβική относится к местной антропонимике, оно этнонимическо-географического происхождения: писатель I в. до н. э. Александр Полигистор упоминает параллельное наименование Гилеи в Нижнем Поднепровье Ἀβική (*apud St. Byz., s. v. Ὑλαία*). В связи с этим полагают, что вместо этнонима Ἀκιβοι в Скифии у Птолемея (Geogr. III, 5, 10) следует давать чтение по *cod. X* Ἀβικοι [Latyshev, 1896, p. 429]⁵⁵.

Рис. 154. Эпитафия Абики, прорись автора

9. Эпитафия Феодора (Керчь, музей, инв. № Кл-547):

† ἐνθάδε κί|τε ὁ δοῦλος τοῦ θεοῦ | Θεόδωρου

«здесь покойся раб божий Феодор».

Издан Ю. Ю. Марти [1911, с. 6–7], с приложением плохого фото, текст повторили Диатроптов, Емец [1995, с. 13, № 21]. Марти отметил наличие большого креста слева от надписи, но на прориси Диатроптова и Емца [1995, с. 32] он не показан⁵⁶. Поскольку на фото Марти текст едва заметен, а крест и вовсе не виден, прилагаем фото Археол. комиссии из Архива СПб. ИИМК'a и свою прорись надписи с камня (рис. 155). Надпись исполнена характерным квадратным шрифтом, который представлен также в керченских эпитафиях Феодосия, Феодоры, Стефана [Диатроптов, Емец, 1995, с. 32, № 17, 18; с. 33, № 29]. Марти напомнил указание С. Рейнака, что лигатура ѳ (ο + υ), написанная в эпитафии Феодора, становится частой в употреблении с VI в. (в надписи ок. 512 г. [Gardthausen, 1913, Taf. 2]). На этом основании указанные 4 керченские эпитафии можно отнести к VI в.

10. Эпитафия Геннея [Латышев, 1896, № 90] (Керчь, музей, инв. № К-3237; рис. 156):

† ἐνθάδε[ε] | κατὰ κί|τε ὁ δοῦλος τοῦ θεοῦ | Γεννέος †

«здесь покойся раб божий Генней».

⁵⁴ См. рис. 154, наша прорись; на прориси Диатроптова и Емца [с. 30] вместо К показано Х, но имя дано по Латышеву — Ἀβική. Почтенных авторов «Корпуса» ввело в заблуждение фото Латышева, где обсуждаемая буква неточно ретуширована. Тут до написания имени была выбоина и резчик по ней прочертил К с прямой вертикалью, которую и передаем на своей прориси, ретушер же руководствовался очертаниями выбоины.

⁵⁵ Надгробие сделано в виде креста, современное состояние (инв. № К-3176): высота 46, ширина 31, толщина 18 см, высота букв от 2 до 4,5 см. Обращает на себя внимание обработка камня преимущественно с лицевой стороны: отступя на 6–7 см от нее все грани обработаны плохо, т. е. крест, видимо, был закладным — вставлен в проход (склепа?) и замурован заподлицо, как это делалось с закладными *loculi* в катакомбах.

⁵⁶ На с. 32 при их прориси случайно проставлен № 20 надписи вместо должного № 21.

Рис. 155. Эпитафия Феодора (№ 9),
фото и прорись автора

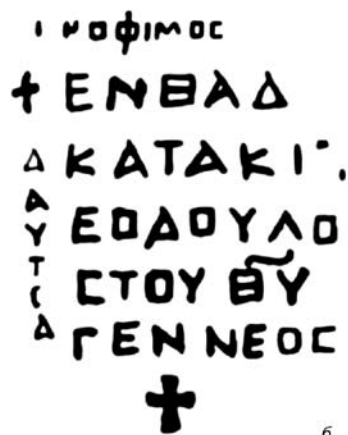

Рис. 156. Эпитафия Геннея,
фото и прорись автора

Γεννέος = Γενναῖος. Это надгробие стало семейным: сверху надписано имя нового покойника † Τρόφιμος⁵⁷. Вдоль левого края стелы написано по одной букве сверху вниз, Латышев не прочел их. Полагаем, это еще одно добавленное имя — Λαύρια, оно не засвидетельствовано, однако вполне вероятно как женский коррелят к мужским именам Λαυρίκιος, Λαῦρος и женскому Λαυρίνη [РВ, 778].

⁵⁷ Это имя, а не слово τρόφιμος «вскормленник», поскольку перед ним поставлен крест. После сгмы поверхность сбита, но прослеживаются следы, кажется, креста.

11. Эпитафия Феодора с Митридата (Керчь, музей; рис. 157):

† ἐνθάδε κα[τ]άκτε Θε[ὸ]ς δωρος δ[ὸ] τὸ θδ[ε] ἰνδ' β

«здесь покойся Феодор, раб божий, индикта год 2».

Издан В. Д. Блаватский [1956, с. 117; 1962, с. 36; Диатроптов, Емец, 1995, с. 13, № 22]; даем текст в слегка уточненном чтении и своем переводе. Чтение издателя: † ἐνθάδε κα[τ]άκτε Θε[ὸ]ς δωρος δ(οῦλος τοῦ) [θ](εοῦ) | [ἐν] ἰνδ(ικτιῶνι) β. В издании 1962 г. Блаватский удалил свое прежнее излишнее добавление предлога [ἐν] и дат. падежа слова «индиктион», поскольку обычное для христианской эпиграфики сокращение ἰνδ' β' представляет собой *gen. temporis* ἰνδ(ικτιῶνος) β' «во вторую индикцию»⁵⁸. Но осталась проблематичной в его чтении трактовка сокращения формулы ὁ δοῦλος τοῦ θεοῦ. Как видно по прилагаемой прориси, боковые ветви креста, на котором написана эпитафия, обломаны. В конце стк. 4 у облома сохранилась *дельта* слова δοῦλος, далее должно следовать продолжение формулы — τοῦ θεοῦ. Судя по минимальному числу букв в стк. 1–3 и 5, вся эта формула должна быть в лигатуре, и Блаватский сократил ее до 3 букв: δ(οῦλος) τ(οῦ) θ(εοῦ), что для раннесредневекового времени маловероятно: в своде М. Ави-Йонаха есть сокращение θ(εοῦ), но нет δ(οῦλος) τ(οῦ) [Avi-Yonah, 1940, p. 60, 69] (без члена формула редка, например, [Ορλανδος, 1973, σ. 117])⁵⁹. Поэтому даем сокращение δ[ὸ] τὸ θδ[ε], ср. сокращение τ[ε] θδ (но при δοῦλος) в керченской эпитафии Тудруга IV–VI вв. [Шкорпил, 1912, № 10 = Диатроптов, Емец, 1995, с. 34, рис. 32]. В числе граффити

Рис. 157. Эпитафия Федора (№ 11):

а — фото [Блаватский, 1962], б — прорись автора

⁵⁸ Диатроптову и Емцу публикация Блаватского 1962 г. осталась неизвестной, поэтому они повторили текст его издания 1956 г.

⁵⁹ Об эпитафии Феодора [Шкорпил, 1900, с. 60, № 2] см. ниже, № 12.

из афинской церкви Богородицы (Парфенона) есть $\delta' \tau' \theta\upsilon'$ в надписи 863 г., $\delta' \tau\omicron\upsilon$ $\theta\upsilon'$ в надписи IX–X вв. [Ορλανδος, 1973, σ. 99, 100]; в Сев. Причерноморье $\delta\delta \tau\omicron\delta \theta\delta$ в надписи 1183 г. [Латышев, 1896, № 27], в Крыму $\omicron \delta\delta [\tau]\delta \theta\delta$, последнее слово под титлом (деревня Лаки, 1362 г. [Латышев, 1918, с. 36]).

12. Эпитафия Федора [Шкорпил, 1900, с. 60, № 2; Диатроптов, Емец, 1995, с. 13, № 20]. Маюскулы Шкорпила: $\epsilon\text{N}\theta\text{A}\Delta\epsilon\text{K}\text{A}\text{T}\text{A}|\text{K}\text{I}\text{T}\epsilon\text{O}\Delta\text{Y}\text{A}\text{O}\text{C}|\theta\text{Y}\theta\epsilon\theta\epsilon\text{O}\Delta|\text{O}\text{P}\text{O}\text{C}$, его чтение: $\epsilon\nu\theta\acute{\alpha}\delta\epsilon \kappa\alpha\tau[\acute{\alpha}]\kappa(\epsilon)\iota\tau\alpha\iota \omicron \delta\omicron\upsilon\lambda\omicron\varsigma | \theta(\epsilon\omicron)\upsilon^{60} <-\theta\epsilon> \theta\epsilon(\acute{\omicron})\delta|(\omega)\rho\omicron\varsigma$. Ю. Ю. Марти [1913, № 75] повторил чтение Шкорпила, Диатроптов и Емец дали в стк. 3 чтение: $\theta(\epsilon\acute{\omicron})\varsigma \theta\epsilon(\acute{\omicron})\delta|(\omega)\rho\omicron\varsigma$, видимо, по небрежности элиминировав буквы $<\theta\epsilon>$, согласно Шкорпилу, излишне написанные. Где находится надпись, неизвестно, так что мы располагаем лишь маюскулами Шкорпила для суждения о тексте. На наш взгляд, следует признать первую букву стк. 3, т. е. θ маюскул Шкорпила, ошибочно вырезанной резчиком, либо это неточно прочтенная Шкорпилом буква τ^{61} . В таком случае все становится на свои места: $\epsilon\nu\theta\acute{\alpha}\delta\epsilon \kappa\alpha\tau\acute{\alpha}|\kappa\iota\tau\epsilon \omicron \delta\omicron\upsilon\lambda\omicron\varsigma | \tau(\omicron)\upsilon \theta\epsilon(\omicron\upsilon) \theta\epsilon(\acute{\omicron})\delta|(\omega)\rho\omicron\varsigma$ «здесь покоится раб божий Федор». Выше мы отметили, что в формуле $\omicron \delta\omicron\upsilon\lambda\omicron\varsigma \tau\omicron\upsilon \theta\epsilon\omicron\upsilon$ член $\tau\omicron\upsilon$ отсутствует редко, в нашем чтении он на своем месте. Сокращение слова $\theta\epsilon\acute{\omicron}\varsigma$ до букв $\theta\epsilon$ обычно [Avi-Yonah, 1940, p. 69].

1.8. Стихотворная эпитафия с Тамани

Рис. 158. Стихотворная эпитафия с Тамани, прориси Латышева [1896]

13. В. В. Латышев [1896, с. 113, № 103]: «известняковый камень, справа обломанный. В 1883 г. служил ступенью южной боковой двери Таманской церкви. Списан мною лично. Надпись не поддается восстановлению». Судя по приложенной издателем прориси (рис. 158), содержание надписи все же улавливается: в стк. 2 читается остаток слова $\delta\chi\upsilon\rho\acute{\omicron}\varsigma$ «крепкий, укрепленный»⁶²; в стк. 3 $\tau\epsilon\rho\pi\upsilon[\acute{\omicron}\varsigma]$ «приятный, радостный», которое отсылает нас к стихотворным эпитафиям (например, КБН 122: $\delta\omega\rho\acute{\eta}\mu\alpha\tau\alpha \tau\epsilon\rho\pi\acute{\nu}\alpha$ «радостные дары»⁶³; в стк. 5 $\tau\omicron \chi(\omega)\rho\acute{\iota}\omicron\nu$ «эта местность». Слово $\delta\chi\upsilon\rho\acute{\omicron}\varsigma$ и однокоренные варианты («укрепленный, укрепление» *etc.*) употребляется применительно к местности ($\theta\acute{\rho}\omicron\varsigma$ «возвышенность», $\chi\omega\racute{\iota}\omicron\nu$ «местность», $\pi\acute{\omicron}\lambda\iota\varsigma$ «город»), применительно же к предметам и людям имеет значение «твердый, сильный»

⁶⁰ Над буквами θY титло как знак сокращения.

⁶¹ Недостаточная аккуратность в передаче текста ему свойственна. Например, в маюскулах этой надписи в конце стк. 1 он показал букву Λ , а в минускульном тексте показал ее как несохранившуюся: $[\alpha]$, забыв при этом даже закрыть квадратную скобку.

⁶² Варианты: $\delta\chi\upsilon\rho\acute{\omicron}\varsigma = \delta\chi\upsilon\rho\acute{\omicron}\varsigma$, также $\delta\chi\upsilon\rho\acute{\omicron}\mu\alpha$ «укрепленное место, крепость», $\delta\chi\upsilon\rho\acute{\omicron}\varsigma$ «находящийся в безопасности», $\delta\chi\upsilon\rho\acute{\omicron}\omega$, $\delta\chi\upsilon\rho\omicron\tau\omicron\iota\epsilon\omega$ «укреплять», $\delta\chi\upsilon\rho\acute{\omicron}\tau\upsilon\rho\omicron\varsigma$ «с крепкими башнями» [Lexikon, 2005, S. 1167].

⁶³ Но употребляется и в прозе применительно к разным ситуациям; наречие $\tau\epsilon\rho\pi\acute{\nu}\omega\varsigma$ «радостно» бытует лишь в поэтическом языке [LSJ, s. vv.].

(примеры [LSJ, s. v.]). Первое его значение может указывать на строительный характер надписи, в таком случае это документ, по содержанию близкий надписи трибуна Ангулы, проводшего какие-то работы на Тамани, который Латышев [1896, с. 101 сл., № 98] хорошо связал с мероприятиями Юстиниана по укреплению Боспора (*Procopii Aed.* III, 7), см. № 1⁶⁴. Однако слово $\tau\epsilon\rho\pi\upsilon[\acute{o}s]$ «приятный, радостный» лишь отчасти может соответствовать такому содержанию, так как им обычно обозначаются приятные человеческие эмоции и обстоятельства⁶⁵. В связи с этим обратим внимание на стк. 1, где сохранились буквы ΡΑΝΗΠΕ, и начало стк. 2, где можно усмотреть окончание пассивного аориста - $\eta\theta\eta$ ⁶⁶. Слово $\tau\omicron\chi(\omega)\rho\acute{\iota}\omicron\nu$ стк. 5 позволяет предположительно усмотреть в стк. 1 [?-- $\chi\acute{\omega}$]ραν, и следующие буквы НΠΕ вполне укладываются в прилагательное к нему $\eta\pi\epsilon[\iota\rho\acute{\omega}\tau\iota\delta\alpha]$; прилагательное $\eta\pi\epsilon\iota\rho\acute{\omega}\tau\iota\varsigma$, *fem.* $\eta\pi\epsilon\iota\rho\acute{\omega}\tau\iota\varsigma$ имеет значение «материковый, относящийся к суше», но означает также нечто азиатское, относящееся к Азии. Тамань, на которой найдена надпись, как раз азиатская сторона (*Strabo*, XI, 2, 1: $\tau\omicron\upsilon\tau\omicron\upsilon$ Βοσπόρου τὰ κατὰ τὴν Ἀσίαν [Яйленко, 2010, с. 205]). Припомним и то, что боспорские стихотворные эпитафии иной раз упоминают землю, в которой погиб или умер покойный (КБН 117: скифская земля скрывает Гекатея, 129: земля Боспора таит урну Фарнака). Стк. 1–2 могут быть поняты в таком плане: [? $\epsilon\pi\grave{\iota}$ τὴν $\chi\acute{\omega}$]ραν $\eta\pi\epsilon[\iota\rho\acute{\omega}\tau\iota\delta\alpha$ | οἰκοδομ]ῆθη ὁχυρ[ὰν *e. g.* τὸ μνημα] «(?) на азиатской твердой земле сооружен этот памятник» (ср. КБН 335, 709, 711: οἰκοδομεῖν τὸ μνημα «соорудить этот памятник»).

Со слова $\tau\epsilon\rho\pi\upsilon[\acute{o}s]$ стк. 3 следует продолжение темы, как, например, в КБН 122: «*(e. g. эту гробницу матери поставил)* сын Эней; $\tau\omicron\upsilon\tau\omicron\upsilon\delta\epsilon\theta\epsilon\omicron\iota\delta\omega\rho\eta\mu\alpha\tau\alpha\tau\epsilon\rho\pi\upsilon\alpha\delta\omicron\iota\eta\sigma\alpha\nu\gamma\omicron(\nu)\acute{\epsilon}\omega\nu\acute{\epsilon}\nu\epsilon\kappa\alpha\epsilon\upsilon\sigma\epsilon\beta\acute{\iota}\varsigma$ «пусть пошлют ему боги приятные дары за почитание родителей». В исследуемой таманской надписи стк. 4 не читается; по логике эпитафии, тут можно ожидать имя покойного. В конце надписи упоминается «эта местность», возвращающая рассказ к начальной части, указывающей на место расположения памятника. Последняя строка непонятна ввиду неразборчивости букв. Текст в целом:

[? $\epsilon\pi\grave{\iota}$ τὴν $\chi\acute{\omega}$]ραν $\eta\pi\epsilon[\iota\rho\acute{\omega}\tau\iota\delta\alpha$
οἰκοδομ]ῆθη ὁχυρ[ὰν
e. g. τὸ μνημα·] $\tau\epsilon\rho\pi\upsilon[\acute{o}s$ --|
--|--]α τὸ $\chi(\omega)\rho\acute{\iota}\omicron\nu$ [--|--]

«(?) на азиатской твердой земле
сооружен этот памятник; --
приятный -- эта местность --»⁶⁷.

⁶⁴ Слово $\delta\acute{\chi}\iota\rho\omega\mu\alpha$ находим, к примеру, в ольвийском декрете в честь Протогена: при нашествии галатов ряд ближних народов искал убежища в «укрепленном месте» (*IOSPE I² 32. B 10*).

⁶⁵ Несколько примеров из поэзии: песни Демодока приятны людям (*Od.* VIII, 45); приятный цветок (*Theogn.* 1019); что за радость без Афродиты (*Mimn.* I, 1). В прозе: стремление к приятным удовольствиям (*Thuc.* II, 53), приятное — это образ проникающего душу порыва (*Plato, Crat.* 419d); по отношению к приятному и прочим удовольствиям следует вырабатывать твердость характера (*Isocr.* I, 21).

⁶⁶ Эта имеет форму, свойственную папирусному письму, такая и в начале стк. 2. От второй *эты* в читаемом глагольном окончании - $\eta\theta\eta$ сохранилась левая вертикаль. Эта такой формы представлена и в боспорском граффито [Яйленко, 2010а, № 23].

⁶⁷ Буква Λ в начале стк. 5 перед $\tau\omicron$ может быть только *альфой*, поэтому не исключено чтение тут медиального окончания какого-то глагола, т. е. - $\acute{\alpha}\tau\omicron$, относящегося к слову $\chi(\omega)\rho\acute{\iota}\omicron\nu$.

Судя по письму, эпитафия относится к ранневизантийскому времени, IV–VI вв. (представленная в ней форма *эты* возникает в папирусном письме в I в. н. э., ср. [Gardthausen, 1913, Taf. 1]). Стихотворные эпитафии активно составлялись и в византийское время⁶⁸.

1.9. Надписи КБН 735а и 742

14. КБН 735 — это обломанная сверху известняковая стела, на обеих сторонах которой вырезаны, по Латышеву (IOSPE II, 306; Архив), две надписи (рис. 159). На лицевой стороне более ранняя (*б*): Ἀγάθ[ων] | Ἀρίστ[ωνος] (или что-то вроде этого), на оборотной более поздняя (*а*), в три строки: Ν. | ΟΥ Α | | ΣΤ Η *vac.*, причем буквы Ν. и ΟΥ и ΣΤ отделены соответственно от Α | и Η сплошной вертикальной чертой, видимо, стволем семисвечника или креста. Этот рисунок Латышев срисовал с камня, впоследствии утерянного, так что он служит единственным подспорьем для интерпретации надписи *а*. Латышев прав в том, что она по времени позже эпитафии на другой стороне, так как содержит характерную для позднеантичных и ранних христианских памятников *альфу* псевдоархаической формы (о ней и стиле в целом [Gardthausen, 1913, S. 120, Taf. 1; Яйленко, 2010, с. 412]). Латышев даты не дал, в КБН сказано, что «надпись может быть отнесена к III в. н. э.», скорее всего, комментаторы имели в виду надпись *б*. Соответственно надпись *а* позднейшая и относится к IV–V вв. Добавим, что обе надписи исполнены характерными для позднеантичных и ранневизантийских надписей крупными буквами (КБН 726, 727, 729, 733а, 739, 741 и *сл.*). Латышев не дал текста *а*, комментаторы КБН привели чтение О. О. Крюгера: --ἀν[έ]στῃ[σ--], которое невозможно потому, что справа от вертикали креста располагалось по 1–2 буквы, не более, а для чтения Крюгера требуется 3 буквы (ἀν[έ]). Но чтение буквы Ν после Α возможно — тут Латышев показал остаток прямой галсы следующей буквы. Читаем тут имя Οὐστάν[ν]η — коррелят женского рода к известному иранскому имени, в том числе на Боспоре, Οὐστάνος [КБН 742, 1278; Яйленко, 2010, с. 412]. Если это так, то это боспорское новообразование — окончание муж. рода заменено греческим окончанием жен. рода. Однако Οὐστάνος не единственно возможная форма номинатива, исходное иран. hu-stāna- или uštāna- [Zgusta, 1955 § 176] позволяет предполагать также *nom.* Οὐστάνης⁶⁹. Отсутствие конечной *сигмы* известно раннехристианским надписям (она уже не всегда звучала в живой речи), нередко конец имени или патронимика

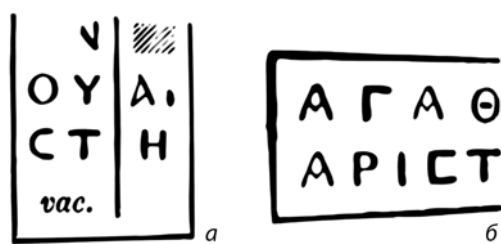

Рис. 159. Эпитафии КБН 735:

а — эпитафия Устаны, *б* — эпитафия Агафона (?), прориси IOSPE II, 306

⁶⁸ В раннехристианской эпиграфике [Kaufmann, 1917, S. 56, 329/30]. Anth. Pal. VII, 204, 220, 307, 551–552, 560–562, 565, 566–614 *etc.* Русские переводы [Греческая эпиграмма, 1960, с. 260/2, 264, 265, 283, 289, 322; 372; Памятники, 1968, с. 164; Памятники, 1969, с. 285, 287/9, 328/30].

⁶⁹ Вообще как язык среднеиранского состояния сарматский утратил тематическую гласную, но в списке 300 скифских и сарматских имен В. И. Абаева [1979, с. 311/5, 337] есть два десятка с сохраненной темой (подробности [Яйленко, 2010, с. 173]), что позволяет думать и о *nom.* Οὐστάνης.

сокращался (см. № 9). Важно, что имя Устан засвидетельствовано в христианской эпитафии КБН 742, т. е. оно реально употреблялось христианами на Боспоре IV–V вв. В комментарии к КБН 742 приведено мнение Латышева, что надпись может быть христианской потому, что в той же могиле найден камень с тремя крестами. Мы же обратим внимание на то, что в самой эпитафии присутствует крест — вертикаль иоты стк. 4 соединена с вертикалью буквы Ф под нею так, что они составили одну линию, которую снабдили горизонталью в межстрочном пространстве и таким образом составили крест (рис. 160).

Поясним еще одну особенность в нашем чтении женского имени Устана КБН 735а: слева от вертикали креста сначала написаны его первые 4 буквы в две строки — ОУ|СТ, затем справа дописана остальная часть, тоже в две строки — А[Н]|Н. Такое расположение текста известно боспорским эпитафиям⁷⁰. Наконец, имя Устана позволяет определить эпитафию как христианскую, а не иудейскую, так как иранские имена у боспорских иудеев пока неизвестны, они пользовались своей, греческой и римской антропонимией. И по другой причине вертикаль скорее принадлежит кресту, нежели семисвечнику, ибо последний чаще рисовался с основанием, так как это канделябр (классическая менора была с подставкой, Исход, 37:27)⁷¹.

Рис. 160. Эпитафия Устана КБН 742, прорись [КБН-альбом]

«Именно через христианство иудаизм завоевал весь мир. Христианство — это шедевр иудаизма, его слава и совершенство»⁷².

III. Лапидарные иудейские надгробия

Во второй половине XIX — начале XX в. на Боспоре подобралась неплохая коллекция еврейских надгробий. Так, по словам Е. Люценко [1879/80, с. 575], в станции Сенной хранилось 59 таких камней⁷³. Вероятно, они преимущественно

⁷⁰ [Кулаковский, 1891, с. 4–5, табл. IV, 1; Латышев, 1896, № 96] (в других центрах [Kaufmann, 1917, S. 290]).

⁷¹ Менора с подставкой на боспорских стелах [Люценко, 1879/80, табл. II–VI; Марти, 1913, с. 18, 55, 75, 77; Вайсенберг, 1913, с. 62; КБН-альбом, 746, 777]. Другие центры [Berliner, 1893, S. 60; Kaufmann, 1917, S. 56; Rostovtzeff, 1938, Pl. XXII; ПМИ, 1982, рис. 175а, 340ж]. Обратим внимание на уникальное дипинто — изображение меноры с основанием на обломке позднеантичной амфоры из Пантикапея [Емец, 2005, с. 190 и табл. CXVI]. Реже изображения без подставки: к примеру, таковы на таблицах Люценко 3 меноры.

⁷² Амброз Бирс (1842–1914), американский писатель.

⁷³ Считается, что это А. Е. Люценко [Даньшин, 1993, с. 68; Кашаев, Кашовская, 2009, с. 64 и др.], но в Трудах III съезда востоковедов автором статьи последовательно называется Е. Люценко — и в оглавлении тома, и при статье, и в кратком изложении программы работы съезда [Труды III междунар. съезда ориенталистов. СПб. Т. 1, 1879/80, с. XCV]. Заметим, что Д. А. Хвольсон [1884, стб. 134] говорит только, что А. Е. Люценко нашел в Фанагории у Блеваки иудейские надгробия, о нем как об авторе публикации в Трудах III съезда у него речи нет. А. Я. Гаркави [1881, с. 314]

хазарского времени, большинство их найдено на горе Блеваке (тут в VI–II вв. до н. э. было святилище божеств плодородия). Есть известие Теофана под 678 г. о евреях в Фанагории [Чичуров, 1980, с. 60, 110], вероятно, к VII–X вв. относится большая часть упомянутых плит. Сразу несколько еврейских надгробий найдено в 1899 г. в Керчи [Шкорпил, 1900а, с. 107/8], С. Вайсенберг [1913, с. 61] видел в Мелек-Чесменском музее 13, из них 2 с греческими эпитафиями⁷⁴. К сожалению, почти все это пропало, как и немереное множество греческих надписей. Сейчас еврейских надгробий известно немного, в последнее время их изучение активизировалось [Кашаев, 2009; Кашаев, Кашовская, 1999; 2001; 2002; 2008]. Особо отметим последнюю статью С. В. Кашаева и Н. В. Кашовской [2009, с. 55–75], в которой изложена история находок еврейских эпитафий Боспора и их изучения, даны и прокомментированы тексты надписей⁷⁵. Стоит отметить, что боспорские надгробия евреев отличаются от надгробий их соплеменников, скажем, в Риме (см. их каталог [Vogelstein, Rieger, 1896, S. 459/83]) по внешнему виду, лексике, формуляру и содержанию, у них общая лишь начальная формула ἐνθάδε κεῖται «здесь покоится», заимствованная из греческой погребальной лексики [Peek, 1957, S. 13–14]. Это свидетельство приспособления похоронной практики боспорского еврейства к местной погребальной обрядности и эпиграфике.

пишет о статье директора Керченского музея Е. Люценко в Трудах III съезда, но он руководствовался только самим томом Трудов. В «Систематическом указателе книг и статей по греческой филологии» П. И. Прокурова числятся 3 работы Е. Люценко, работ А. Е. Люценко нет [Прокуров, 1898, IV, 105, VIII, 123, IX, 956]. Известно, что Е. Е. Люценко сделал в 1875 г. перевод извлечений из Voyage au Caucase Дюбуа, он автор статьи «Ашик и Карейша» (ИТУАК, 1907), а также статей о статуях, о статуях с надписями и др. (ЗООИД, 1872, 1875, указаны у Прокурова) [Тункина, 2002, с. 100, примеч.; 180, примеч.; 304, примеч.]. Ввиду изложенного оставляем статью об иудейских надгробиях за Е. Люценко. Ср. работы Е. В. Власовой, Л. М. Лазенковой, В. Ю. Зуева об А. Е. Люценко.

⁷⁴ Вайсенберг сослался на Ю. Ю. Марти, по словам которого эти 13 надписей происходят частью из так называемой Цементной слободы, частью могут быть привезены из Фанагории (В. В. Шкорпил уточнил, что одна из них перевезена в 1898–1899 гг. из Фанагории [Кашаев, Кашовская, 2009, с. 57]). В частности, надгробная стела Самоила, сына Севера, с изображением семисвечника КБН 743 найдена в 1912 г. вместе с двумя другими плитами с изображением меноры в могиле за Цементной слободой, направо от шоссе, ведущего в Керченскую крепость [Марти, 1913, № 167; КБН]. В 1899 г. несколько еврейских надгробий найдено около лазарета по левую сторону шоссе на Керченскую крепость. Е. Люценко [1879/80, с. 575] упомянул, что один такой камень хранится в Керчи у грека Синопли, найден около Керченской крепости, на Ак-Бурунском мысу.

⁷⁵ Разделяем их мнение о важности изучения поселения Вышестеблиевская II и о том, что определенную часть его населения составляли евреи (но надгробие Ма, матери Патея, с этого поселения [Яйленко, 2010, с. 668] к иудейским не относится). Работам этих авторов свойственна спокойная объективность, отличающая их от тех коллег, которые без достаточных оснований стремятся преувеличить роль иудейства на Боспоре. Их статья 2009 г. опубликована в сборнике *Archeologia Abrahamica*, по поводу названия которого приходится упрекнуть его редактора Л. А. Беляева: если уж давать название по-латыни, то должно быть *Archaeologia* (нисколько не хочу умалить его авторитет, напротив, отмечу ценность его работ по библейской археологии). Недавно я вспоминал, как в 1970-х гг. выкопал из насыпи Царского кургана надпись [Яйленко, 2008, с. 545, примеч. 4]. С. В. Кашаев и Н. В. Кашовская [2009, с. 59] написали о неизвестном мне обстоятельстве: по слухам, в начале войны часть хранившихся на Царском кургане надписей была закопана. Может быть, вырытая мною надпись действительно происходит из этих «закопок»? Я выковырял надпись справа от входа метрах в 20, у внутренней стороны забора. Может быть, стоит слегка прокопать в этом месте грунт, та надпись лежала в земле неглубоко, на поверхность выглядывал ее угол.

1.10. Эпитафия КБН 1225

15. По информации В. В. Латышева (1895, с. 63, № 69; IOSPE IV, 426), эпитафия подарена в 1892 г. Керченскому музею торговцем Букзелем, по словам которого эта известняковая стела привезена с Таманского полуострова (рис. 161). Чтение Латышева и КБН: $\xi\nu\theta\alpha \chi\acute{\iota}\theta\eta$ (?) | $\acute{\epsilon}\mu\nu[\omega\nu?]$. Однако имя $\acute{\epsilon}\mu\nu[\omega\nu]$, даже под вопросом, вычитать тут нельзя ввиду последовательности букв сверху вниз MENM. Станным образом Латышеву осталась неизвестной статья Е. Люценко [1879/80, с. 579 и табл. V, 9] с прорисью этой же надписи, на которой она читается справа налево и, что самое важное, целиком показано имя покойного (рис. 162, а). Позднее это было отмечено [Даньшин, 1993, с. 68], но ни Люценко, ни Даньшин текста эпитафии не дали. По рисунку Люценко читается $\xi\nu\theta\alpha \chi\acute{\iota}\theta\eta$, ниже, слева от ветвей меноры, начало имени покойного $\acute{\epsilon}\mu\nu$ (две первые буквы в лигатуре), еще ниже, по сторонам ствола, справа налево его продолжение $\alpha\gamma\alpha\mu$. В целом читаем:

$\xi\nu\theta\alpha \chi\acute{\iota}\theta\eta$ | $\acute{\epsilon}\mu\nu\alpha\gamma\alpha\mu$ «здесь покоится Менахим».

Справа от ветвей меноры два символа⁷⁶. Форма $\chi\acute{\iota}\theta\eta$ = $\kappa\epsilon\acute{\iota}\tau\alpha\iota$ встречается и в иудейских надписях диаспоры, например в Риме⁷⁷. Имя покойного $\acute{\epsilon}\mu\nu\alpha\gamma\alpha\mu$ известно в еврейской эпитафии примерно V–VI вв. с Тамани в форме מנחם , Menachim⁷⁸. По мнению Даньшина [1993, с. 68], разное направление текста исследуемой надписи на фото Латышева (слева направо) и Люценко (справа налево), вероятнее всего, объясняется тем, что последний срисовал надпись не с камня, а с эстампажа (это приняли также С. В. Кашаев, Н. В. Кашовская [2009, с. 64]). На наш взгляд, это не предположение, а факт, на что указывает особенность графики *альфы* у Люценко. Это так называемая псевдоархаическая *альфа*, распространена в позднеантичных памятниках Боспора (появилась на папирусном письме еще в I в. н. э. [Gardthausen, 1913, S. 120; Taf. 1]). По нашим впечатлениям от надписей империи позднеримского времени в целом, в 99 случаях из 100 у такого *A* диагональ

Рис. 161. Эпитафия Менахима КБН 1225, фото [IOSPE IV, 426]

⁷⁶ О символах на еврейских надгробиях [Berliner, 1893, S. 57 f.; Vogelstein, Rieger, 1896, S. 51–52].

⁷⁷ Плюс $\kappa\epsilon\acute{\iota}\tau\alpha\iota$ [Vogelstein, Rieger, 1896, S. 462, 464, 469, № 23, 35, 78].

⁷⁸ Эпитафия Менахима, сына Амца [Люценко, 1879/80, табл. VI, 12; Гаркави, 1881, с. 316; Хвольсон, 1884, стб. 137/8, № 135; Даньшин, 1993, с. 65]. По словам А. Я. Гаркави, рисунок Люценко неточен. Дану Шапире [2010, с. 15] эпитафия Менахима, сына Амца, показалась подозрительной, но аргументов он не привел, поэтому его мнение опускаем. Нельзя сказать, что греческая транскрипция $\acute{\epsilon}\mu\nu\alpha\gamma\alpha\mu$ точно соответствует еврейскому имени מנחם , но известно, что в еврейских эпитафиях на греческом языке иудейские имена часто пишутся не вполне правильно [Vogelstein, Rieger, 1896, S. 54].

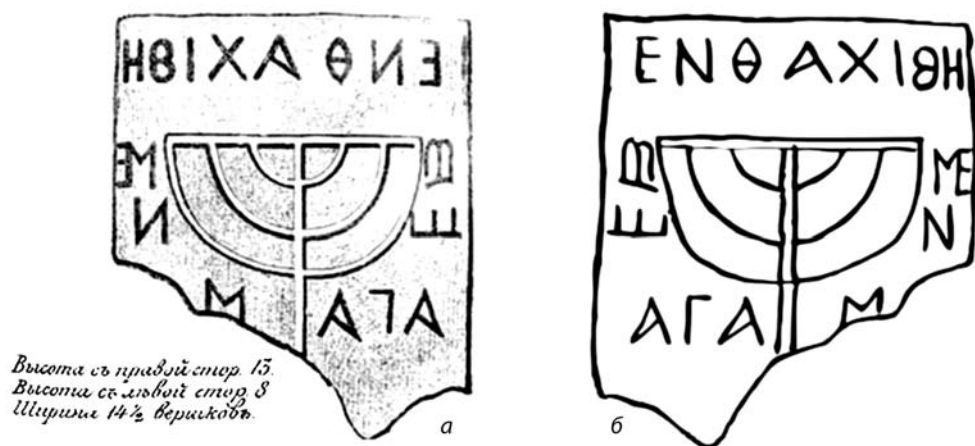

Рис. 162. Эпитафия Менахима:

а — прорись Е. Люценко, б — перелицовка прориси Люценко автором

примыкает к концу левой стойки, достигая середины правой стойки. Исключения единичны, у Люценко же все *альфы* имеют косую, идущую от конца правой стойки вверх. Поэтому даем перелицовку рисунка Люценко (рис. 162, б), которая и являет текст в правильном направлении.

Следующий вопрос интерпретации надписи — соотношение фото и рисунка, причем речь не о мелких, хотя и многочисленных, различиях в формах букв и характере письма в целом, а о разных параметрах плит у Люценко и Латышева, на что еще не обращалось внимания. По Латышеву, высота 25 см, по Люценко, высота справа 13 вершков (58,5 см), слева 8 вершков (36 см)⁷⁹. У Латышева ширина 32 см, у Люценко 14,5 вершков (65 см) — двойная разница, что слишком много для обмеров одного и того же камня — это две разные плиты. В отличие от текста надписи, свои обмеры Люценко определенно делал не по эстампажу, так как во всех случаях он указывал толщину публикуемых плит. Лишь толщину плиты с исследуемой надписью он не указал, что может насторожить; есть и ошибка в обмерах Люценко: не правая сторона плиты выше левой, как он указал, а левая выше правой, однако соотношение высот при этом точное. Резюмируем: Люценко точен в обмерах и работал с плитой, но обмерял не ту плиту, которую обмерял Латышев, так как она не могла получиться почти вдвое шире, не сопоставима и разница по высоте⁸⁰. Как сказано, между фото Латышева и рисунком Люценко много мелких различий, но сличение их мало что может дать ввиду ретушированности фото и схематичности рисунка. Однако одно различие так велико, что бросается в глаза: на фото первая строка надписи нависает прямо над горизонталью меноры, тогда как на рисунке они разделены значительным промежутком. Пола-

⁷⁹ Вершок = 4,45 см, округляем до 4,5 см.

⁸⁰ Можно счесть вместе с Даньшиным, что левая сторона плиты с буквами АГА отбилась, но с этим не согласуются мои промеры соотношения высоты плиты и уровня букв последней строки на рисунке Люценко — оказалось, что отбитый кусок уменьшил бы высоту всего на 12–13 см, что не восполняет разницу высоты плиты у Латышева и Люценко в 34 см (59 у Люценко, 25 у Латышева).

гаем, это обстоятельство окончательно подтверждает вывод, вытекающий из разницы обмеров: были две плиты с одной и той же надписью — одну в 1870-х гг. обработал в ст. Сенной Люценко, другую в 1892 г. передал в Керченский музей Букзель. Тут самое время припомнить, что Букзель был торговцем древностями и нечист на руку. Как раз в это время Гохман и К^о начали производство фальшивых надписей в Очакове и Одессе, причем одна из них доставлена на Боспор, где куплена⁸¹. Это могло подвигнуть Букзеля тоже к подделке надписи. Видимо, камень с надписью, которую срисовал Люценко, уже пропал или оказался далеко перемещенным (связанный с Новороссийском, Букзель должен был знать ситуацию с антиками на Тамани), поэтому с опубликованного рисунка Люценко там была сделана надпись на древней плите. Покупателя Букзель не нашел (также подделка надписей «фирмой» Гохмана была вскоре прекращена из-за отсутствия спроса) и передал ее музею⁸². Бояться ему было нечего, так как никто еще не знал о подделке надписей гохмановской компанией (первая статья Латышева об этом появится в 1895 г.)⁸³.

16. Слегка фрагментированная сверху и снизу стела (рис. 163) с изображением семисвечника и надписью в чтении Латышева (IOSPE II, 304; КБН 746): ... θυν|, γυνή Χρηστίων(ος). В стк. 1 справа сохранились 3 последние буквы имени жены — θυν, слева, по сообщению Латышева, в копии Ф. И. Гросса показаны буквы ΜΥ.

⁸¹ [Латышев, 1895, с. 16]: составлена она из обрывков ольвийских и херсонесских надписей.

⁸² Известен еще один случай подделки надписи на Боспоре: по Л. А. Мацулевичу [1947, с. 137], в Таманском музее хранится «грубая подделка начала XX в.» надгробия КБН 1053 из Гермонассы (подлинник в Керченском музее). Последняя найдена в 1910 г., так что, скорее всего, подделка изготовлена между 1910–1914 гг.

⁸³ Может быть поставлен вопрос о личности самого Е. Е. Люценко, так как недавно Ю. Г. Виноградов объявил его причастным к фальсификации древностей, чем обосновывал свое мнение о неподлинности опубликованных мною свинцовых табличек с именами Митридата Евпатора и Фарнака [Vinogradov, 1990, p. 537]. Типичный пример доказательства одного предположения другим: лишь сведение о продаже этих табличек Е. Люценко П. О. Бурачкову послужило Виноградову основанием объявить Люценко причастным к фальсификации древностей. Очерняя Люценко, Виноградов обязан был привести факты торговли Люценко подделками, чего не сделал. В 1870-х гг. в Керчи М. Сазонов эпизодически подделывал незначительное число монет, которые сбывались в Одессе и Херсоне, и как раз Е. Е. Люценко способствовал разоблачению фальсификации, записав признания Сазонова и передав их в архив музея (его запись опубликовал Шкорпил [1907, с. 61 сл.]). Люценко обнаруживал это разоблачение в своей «Археологической оде», отправленной В. Г. Тизенгаузену, который копал на Боспоре, кроме того, «Ода» разошлась в среде антиковедов в списках. Сам Е. Е. Люценко помогал брату, А. Е. Люценко, в его работе директора Керченского музея, выполняя функции музейного лаборанта [Тункина, 2002, с. 304]. Жили братья вместе и, по отзыву мемуариста, бедновато [Боровкова, с. 41–46], что мало согласуется с утверждением Виноградова о торговле Е. Е. подделками. У братьев были свои небольшие коллекции, поэтому неудивительно, что Е. Люценко участвовал в торговле антиками — этим занимались и занимаются все коллекционеры. Обвиняя его в причастности к фальсификации древностей, Виноградов обязан был привести факты, указывающие на его торговлю подделками, а не на причастность к торговле антиками вообще, иначе, по его логике, все коллекционеры причастны к фальсификации древностей, что абсурдно. По сведениям В. Н. Боровковой, в конечном счете коллекции братьев Люценко оказались в музеях Москвы и Петербурга, переход которых к государству, а не продажа в частные руки, на наш взгляд, тоже характеризует братьев с хорошей стороны. Положительную оценку их деятельности дала изучившая мир керченских коллекционеров и торговцев XIX в. В. Н. Боровкова. Все это дает основание заключить, что у Е. Люценко чистые руки (в отличие от Ю. Г. Виноградова) и к изготовлению букзелевской эпиграфической подделки он не имел никакого отношения.

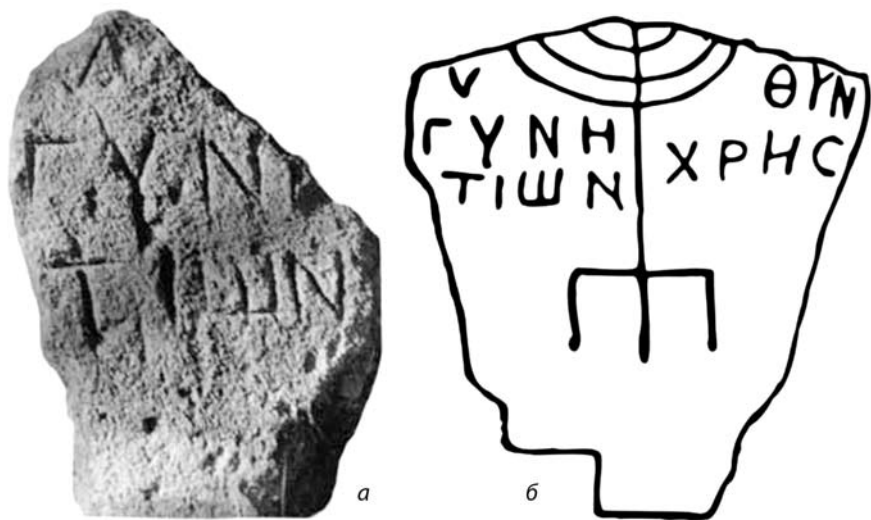

Рис. 163. Эпитафия жены Хрестиона:
а — фото, б — прорись [КБН-альбом]

Судя по сводке Б. Хансена, имен на -θυν нет, а из имен на -θυνη есть только Θύνη и Βιθύνη [Hansen, 1958, S. 59]. Судя по фото, в начале стк. 1 вряд ли были буквы ΜΥ, скорее ΑΛ, в любом случае имя покойной (что-то вроде Μυθυνη) не греко-римское, а еврейское или арамейское⁸⁴.

2. О «КОРПУСЕ ВИЗАНТИЙСКИХ НАДПИСЕЙ С ТЕРРИТОРИИ РОССИИ, УКРАИНЫ И ЗАКАВКАЗЬЯ»⁸⁵

Византийские, т. е. средневековые греческие, надписи зафиксированы в пределах России, Украины и Закавказья на значительной территории: от Килии на Нижнем Дунае до Закавказья на юге и Новгородско-Псковской земли на севере страны. Этот ареал делится на 3 исторических региона: Сев. Причерноморье, Сев. Кавказ и Закавказье, Древняя Русь. Здесь известны различные типы византийских надписей IV–XVI вв.: памятники лапидарной эпиграфики, фресковые надписи и граффити на стенах церквей и склепов; граффити, дипинти и клейма на керамике; моливдовулы;

⁸⁴ По рисунку Е. Люценко [1879/80, т. V, № 8] считалась закладной надгробной керамической плитой еще одна надпись, последним эту ошибку повторил я [Яйленко, 2010а, № 16]. А. В. Ковальчук любезно указала мне, что известно несколько десятков таких плит, так что это имя-отчество фабриканта.

⁸⁵ Опубликовано [Яйленко, 1987в], тут доработано. Хотя работа над предполагавшимся коллективным Корпусом не была начата и в обозримом будущем не предвидится, сама идея его издания остается актуальной, потому и перепечатываем данную статью. В 1987 г. велась речь о «Корпусе византийских надписей с территории СССР», теперь в связи с распадом СССР речь идет о территории России, Украины и Закавказья.

надписи на различных предметах культового и бытового назначения. Они изучались неравномерно. Наименее исследованы греческие надписи на территории Древней Руси, с X в. вошедшей в сферу культурного влияния Византии. Греческие архитекторы сооружали на Руси храмы, живописцы украшали их фресковой и мозаичной декорацией, одним из элементов которой были греческие надписи. Сюда относятся памятники Киева (София, Михайловский монастырь, Успенская Лаврская церковь и др.), Владимиро-Суздальской земли (Успенский собор во Владимире и др.), Новгорода, Пскова (София, Нередица, церкви Федора Стратилата и Спаса на Ильине, Мирожский собор и т. д.). Кроме того, на стенах киевской Софии сохранилось около двух десятков почти еще не исследованных греческих граффити. На территории Древней Руси найдены также многочисленные памятники малой эпиграфики — греческие надписи на иконах в дереве, камне, мозаике, на печатях, камеях, энколпионах, сосудах и т. д., равно как и граффити, дипинти и клейма на импортной византийской керамике. Весь этот разнообразный эпиграфический материал не только не собран *in toto*, но даже изучен и опубликован лишь частично. Исследованы только мозаичные греческие надписи киевской Софии, моливдовулы из Киева, Новгорода и других древнерусских центров, а также отдельные надписи различных жанров⁸⁶.

Изучение надписей Сев. Кавказа и Закавказья имело результатом публикацию двух сводов. Сначала И. В. Помяловский [1881] собрал корпус из 150 надписей региона. В дальнейшем опубликован ряд работ различных исследователей о греческих надписях, причем быстрее продвигалось изучение надписей в Грузии, которые собрала воедино Т. С. Каухчишвили [1951]. В этот свод вошло несколько сот надписей, ставших существенным историческим источником в значительной мере благодаря обстоятельным комментариям издательницы. На Сев. Кавказе подобных памятников известно многим меньше, изучение их нередко сопряжено с малодоступностью подлинников, с наличием малопонятных надписей, исполненных на местных языках, но греческим письмом. Не последнюю роль в том, что северокавказские памятники изучены слабо, играет и отсутствие местных специалистов по греческой эпиграфике. Тем не менее нашей науке удалось достигнуть некоторых успехов и в этой области⁸⁷.

Наиболее интенсивно исследовались византийские надписи Сев. Причерноморья. С конца XVIII — начала XIX в. многие ученые изучали и издали более сотни таких надписей, главным образом лапидарных, происходящих в основном с территории Крыма⁸⁸. Особо значительный вклад в освоение этого круга надписей внесли

⁸⁶ [АИЗ, 1893, с. 167/8; 1894, с. 155/6; Петров, 1898, с. 157 сл.; Бенешевич, 1913, с. 101/16; Новосадский, 1930, с. 116/9; Янин, 1957, с. 113 сл.; 1970; Корзухина, 1958, с. 129 сл.; Белецкий, 1960, с. 161 сл.; Кропоткин, 1971, с. 194/5; Аверинцев, 1972, с. 25 сл.; Высоцкий, 1974, с. 122/6; Пуцко, 1974, с. 209/14; Куза, 1977, с. 121/9; Ивакин, 1981, с. 406/13; Гуревич, 1982, с. 178/83] (здесь и далее даем основную библиографию).

⁸⁷ [Латышев, 1887а, с. 44–47 (с замечкой А. Пападопулоса-Керамевса на с. CLXI); 1904а, с. 98–105; Миллер, 1893, с. 110/8; 1893а, с. 119/36; Древние храмы, 1894; Сысоев, 1898, с. 132; Абаев, 1949; Турчанинов, 1947, с. 509/20; 1957, с. 250/1; 1971; Алборов, 1956, с. 229 сл.; Пчелина, 1960, с. 298–302; Скржинская, 1962, с. 118/26; Каштанов, 2010; Каштанов, Пьянков, 2013].

⁸⁸ Это П. С. Паллас, П. И. Сумароков, П. И. Кеппен, Ф. Дюбуа де Монпере, Л. Видуа, Л. Ваксель, М. Рауль-Рошет, Н. Н. Мурзакевич, Ф. А. Струве, П. И. Беккер, Б. В. Кене, В. Н. Юргевич, А. Бек, А. Кирхгоф, А. С. Уваров, Л. Э. Стефани, А. Л. Бертье-Делагард, Г. Э. Караулов, А. А. Кочубинский, А. И. Пападопуло-Керамевс, отцы Л. Одерико, Клопотович, Гавриил, В. Г. Васильевский, В. Ф. Миллер, В. В. Шкорпил, И. В. Помяловский, Ф. А. Браун и др.

Ю. А. Кулаковский и В. В. Латышев. Первый опубликовал пространные молитвенные настенные надписи керченских склепов, открытых в 1890 и 1895 г.; в ряде работ он подробно исследовал отдельные вопросы истории Сев. Причерноморья византийской эпохи, в том числе на основе данных эпиграфических источников [Кулаковский, 1891⁸⁹, 1895, 1896⁹⁰, 1896а, 1898, 1898а, 1914]. Ряд византийских памятников издал В. В. Латышев, в 1896 г. он опубликовал свод всех известных к тому времени византийских надписей Сев. Причерноморья [Латышев, 1896], поныне остающийся незаменимым⁹¹. Он оперативно подготовил его как юбилейное издание к 50-летию Русского археологического общества. Сжатые сроки работы не позволили Латышеву дать подробный комментарий к надписям, как правило, он ограничивался небольшими извлечениями из первоизданий и собственными краткими заметками к публикуемым памятникам, за исключением нескольких, которые он ранее детально комментировал в отдельных статьях, полемизируя с Ю. А. Кулаковским. В «Сборник» вошли 120 надписей, начертанных на камнях, на стенах церквей, а также 8 на иконах и утвари. По месту происхождения эти надписи распределялись так: Аккерман 4, Херсонес 24, предгорья и южный берег Крыма от Инкермана до Феодосии 48, Керчь и ее окрестности 24, Таманский полуостров 10.

Со времени выхода в свет латышевского «Сборника» накопилось значительное число новых надписей, которые ввели в научный оборот тот же Латышев⁹², В. В. Шкорпил [1898, 1900, 1900а, 1902, 1908а, б, 1909, 1912], С. П. Шестаков [1906], Р. Х. Лепер [1913], А. Л. Бертъе-Делагард [1910, 1915], Ю. Ю. Марти [1913, 1913а, 1919], М. А. Тиханова-Клименко [1926], Н. В. Малицкий [1933], М. А. Шангин [1938], Н. П. Розанова [1949], Е. Ч. Скржинская [1958, 1961], Ж. и Л. Роберы (Bull. ép. 1966, 437), Э. И. Соломоник [1971, 1986а; НЭПХ II, с. 119/22], А. И. Романчук [2004; Романчук, Соломоник, 1987], П. Д. Диатроптов, И. А. Емец [1995], А. Ю. Виноградов [2005, 2008, 2009, 2009а, 2011, 2012 и др.; Vinogradov, 2007], В. П. Яйленко [2010а] и др.; кое-кто из них обращался также к повторному анализу надписей латышевского сборника⁹³. Работы названных ученых в значительной мере расширили наши представления о Сев. Причерноморье византийской эпохи. Изученный ими материал показал, что при скудости известий византийских авторов о регионе надписи — наш наиболее информативный источник. Важна точность их текстологии, ибо не вполне адекватное прочтение влечет за собой соответствующее сужение или даже искажение информации. Но надписи легко «ранимы», редко какой памятник доходит до нас в целостном виде, что наряду с препятствиями побочного характера мешает точному прочтению текста. В таких условиях очевидна необходимость повторного возвращения исследователей к опубликованным и, казалось бы, достаточно изученным памятникам. О плодотворности этого свидетельствует, к примеру, статья Е. Ч. Скржинской «Греческая надпись из Тматорокани» [1961], в которой дан подробный анализ одной из надписей латышевского сборника.

⁸⁹ См. рец. В. В. Латышева [1891, с. 393–405].

⁹⁰ Переиздание надписей, впервые опубликованных В. В. Шкорпилем [1895, с. 185 сл.].

⁹¹ См. рец. Ю. А. Кулаковского [1897, с. 232/8; 1897а, с. 157/61].

⁹² [1897, с. 149/62; 1898, с. 225/54; 1898а, с. 245/50 (= 1909, с. 201/17); 1899, с. 26–51; 1901, с. 74–78; 1901а; 1901б, с. 15–22 (= 1909, с. 303/10); 1902, с. 28–33, 48–50; 1904, с. 86–90; 1905, с. 131/3; 1906, с. 121/5; 1907, с. 39; 1908, с. 28–35, 41; 1913, с. 107/9, 115/6; 1915, с. 37–38; 1916, с. 1–6 1918, с. 17–21; 1918а, с. 33–46].

⁹³ Добавим также [Виноградов, Джанов, 2003].

Можно привести и другие примеры в подтверждение сказанного. В публикации материалов, полученных во время раскопок базилики на Мангупе, М. А. Тиханова [1953, с. 386] дала маюскулярный текст надписи на обломке известнякового фриза из крещальни при базилике: † ΟΘΕΣΤΙ ΠΡΟΣΒΕΙΑ ΤΟΥ ΑΓΙΟΥ | ΙΩΑΝΝΟΥ ΣΩΣΟΝ ΤΟΝ ΔΟΥΛΟΝ | ΣΟΥ ΠΑΠΑΝ ΓΡΙΓΩΡΙΝ ΑΝΑΓΝΟΣ | ΤΗΝ ΑΜΑΡΤΟΛΟΝ ΑΜΗΝ, с переводом: «О боже, [услышь] просьбу св. Иоанна и спаси раба его, отца Григория, чтеца грешника». Ни камень, ни фото надписи не сохранились, но по маюскульмам видно, что текст не вполне правильно и прочтен ею (опущены буквы ΠI стк. 1, σoυ стк. 3 переведено как «его»), и понят в качестве некой просьбы отца Григория к богу, обращенной через посредство святого Иоанна. Странно и расположение монументальной надписи подобного содержания на фризе крещальни. Обычно на таких архитектурных деталях располагаются строительные надписи votивного, обетного или молитвенного характера, чему в данном случае вполне соответствует слово стк. 1 πρeσβeίa «честные дары» (а не πρeσβeίa «просьба», как читала Тиханова). Сказанное позволяет прочесть следующий текст надписи: ὁ θε(ὸ)ς, τῇ (= τῇ) πρeσβeίa τοῦ ἀγίου | Ἰωάννου· σῶσον τὸν δοῦλον | σοῦ πάπα Γριγ(ό)ριν, ἀναγιν(ώ)σ|την ἀμαρτολόν «Господи, в сем месте честные дары святого Иоанна. Спаси раба твоего попа Григория, грешного чтеца. Аминь»⁹⁴. Таким образом, судя по расположению надписи на фризе, крещальня выстроена во имя св. Иоанна Крестителя. Это редкий случай информации подобного рода, ибо абсолютное большинство культовых построек Сев. Причерноморья остаются для нас безымянными. Далее, из надписи следует, что баптистерий выстроен попом Григорием, что свидетельствует об известной состоятельности мангупского духовенства в VI в.

Еще пример. В 1868 г. в станице Тамань на берегу моря найден ствол мраморной колонны с надписью. Это городище античной Гермонассы-Кесареи, хазарской, русской и византийской Тмутаракани-Таматархи. Надпись издал без комментария Э. Л. Стефани, чтение которого уточнил затем по подлиннику В. В. Латышев (IOSPE II, 389); он отметил, что, хотя слово ἀγίωv стк. 3 и крест в стк. 6 дают основания считать надпись христианской, этому противоречит упоминание в стк. 4–5 македонского месяца Ксантика и слова συνθιασεῖται, ввиду чего надпись является либо эпитафией, либо списком членов фиаса античного времени. М. А. Тиханова-Клименко [1926, с. 546 сл.] отвергла это заключение, указав на употребление названий македонских месяцев в византийских надписях Сев. Причерноморья, а слова συνθιασεῖται — у ранневизантийских авторов, что привело ее к выводу о христианском характере памятника, относящегося к рубежу античной и византийской эпох. По ее мнению, надпись представляет собой посвящение или, возможно, начертана

⁹⁴ Местоимение ὁ по ср. роду соответствует слову βαπτιστήριον «крещальня», что позволяет подразумевать его в переводе, т. е. «эта крещальня»; ед. число местоимения предполагает единственное же число слова πρeσβeίov, но употреблен pl. πρeσβeίa, так что под «дарами» имеются в виду само здание и его культовое оснащение внутри. В статье 1987 г. в начале надписи я читал ὁ ἐστὶ «сия крещальня есть». Г. Плекет [SEG 39, 700] предпочел понимание Тихановой и прочел: ὁ θεός· τῇ (= τῇ) πρeσβeίa τοῦ ἀγίου Ἰωάννου κтл. «О God, through the intermediary of St. John, save your priest etc.», т. е. «Господи, чрез сие посредство Св. Иоанна спаси твоего священника» и т. д. Этот вариант тоже приемлем. В моем понимании словом πρeσβeίa «честные дары» (pl. neutr. к τὸ πρeσβeίov) обозначена крещальня (τὸ βαπτιστήριον) во имя Св. Иоанна (под pl. πρeσβeίa «дары» имеется в виду здание и совершаемый в нем обряд крещения). Плекет своим τῇ πρeσβeίa (к ἡ πρeσβeίa) предпочел смысл «сим посредством (заступничеством, ходатайством)». Принимаю теперь чтение ὁ θεός, но в τῇ = τῇ вижу наречие «здесь, в этом месте».

в память какого-нибудь лица или события. Она также предложила несколько поправок к чтению личных имен надписи, впрочем, не вполне удачных (см. также SEG 3, 609). В 1965 г. латышевский текст надписи повторен с незначительными поправками в КБН 1099. Кратко изложив историю изучения памятника, издатели КБН ограничились своим комментарием замечанием, что «почти все имена в этой надписи негреческие. По характеру письма — скорее всего, IV в. н. э.». Как видно, вследствие отрывочности изданного текста надпись не давала почти никакой информации.

Обследование нами хранящегося в Керченском музее подлинника показало, что Латышев не увидел ряда букв, которые позволяют прочесть связный текст надписи (рис. 164):

[e. g. κ(ύρι)ε, ἐλέησον δούλους σους πε- ρ]ιπόλου[s? πιστ]οὺς ἐπτά κ(αὶ) σ(ὧ)σο(ν) αὐτοὺς καὶ μνημ[ον- ε]ῖε μετὰ τῶν ἁγίων. ψ.]	«господи, помилуй рабов твоих, верных пограничных стражей се- мерых, и спаси и поминай вместе со святыми. В году 700... и месяце Ксантике, <i>такого-то</i> дня. Сочле- ны же фиаса суть: Дуджага Савага комит, Хоримаг Даппаей, Трофим Омар, Салдих Мидах, Табулгай Аттай, Малдаг Кандись, адма..... кси Севраг. --, аминь (?)».
5 ἔτ(ε)ι καὶ μηνεὶ Ξανδικ[ῶ.··] εἰσὶν δὲ οἱ συνθιασεῖτα[ι··] Δουτζάγας † Σαναγας κό[μ](ης), Χοριμάγ Даппαεις, † Τρόφιμος Ὀμαρ,	
10 Σαλδίχ Μιδαχ, Ταβουλαεις Ατταεις, Μαλδαγ Κανδίτζις, .αδμα.....ξις Σευραγ. [Α?]ΔΑ[.....? ἀμή]ν	

Надпись оказывается важнейшим историческим источником по истории Боспора V в. (от даты сохранилась сотня: Ψ = 700, т. е. надпись датируется между 700 и 799 г. босп. эры = 403–502 гг. н. э.). Из семерых убитых пограничных стражей лишь двое христиане (Дуджага Савага и Трофим Омар — при них кресты), остальные придерживались иных верований. Личные имена и прозвища в основном гунно-булгарские, их морфология и фонетика соответствуют древнетюркскому состоянию. Это гунны тюркского, именно булгарского, происхождения, их имена находят соответствия в традиционном чувашском именнике, а также в именах гуннов и булгар, сохраненных греческими и латинскими источниками. Данная семерка воинов состояла на военной службе в завоеванном гуннами в IV в. Боспорском царстве. Гунны не уничтожили местную государственность, но сохранили, приспособив к своим нуждам. Равным образом они сохранили и местную позднеантичную цивилизацию: судя по облику их потомков V в., адаптировались к ней — восприняли греческий язык, религию и местную культовую организацию, фиас (все подробности по тексту надписи и ее исторической интерпретации [Яйленко, 2010, с. 425/76]; об ошибочной текстологии А. Ю. Виноградова [2010, с. 147/9] выскажусь отдельно).

Приведенные примеры, а число их можно увеличить, показывают плодотворность реинтерпретации надписей, улучшения их текстологической базы, в результате чего они становятся более точным и содержательным историческим источником, красноречиво свидетельствуя в то же время, сколь значительные резервы информации еще кроются в опубликованных ранее памятниках. Не вполне удовлетворительное в прошлом издание ряда надписей, необходимость повторного исследования многих

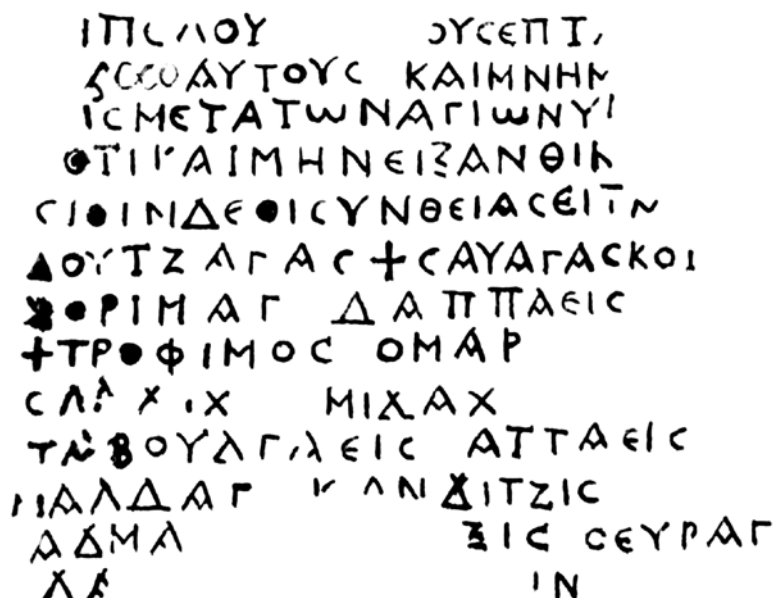

Рис. 164. Мемориальная надпись
из Гермонассы КБН 1099 [Яйленко, 2010]

из них, накопление нового эпиграфического материала, наконец, настоятельная потребность исторической науки в синтезе всех средневековых греческих эпиграфических источников, найденных на территории России, Украины и Закавказья, давно уже поставили на повестку дня вопрос о создании «Корпуса византийских надписей России, Украины и Закавказья». Подготовка такого «Корпуса» явилась бы мощным стимулом для тотального пересмотра опубликованного эпиграфического материала и выявления надписей, еще не введенных в научный оборот. Об актуальности подобного «Корпуса» писала полвека назад Е. Ч. Скржинская [1958, с. 156]: «Необходимо оживить исследование эпиграфических памятников, создать систематически и полно составленные, тщательно обработанные и научно изданные собрания средневековых надписей Крыма и всего Северного Причерноморья. Такие корпусы надписей могли бы помочь дальнейшему изучению эпиграфических памятников нашего причерноморского Юга». Хотя в 1980-х гг. в СССР не было достаточного числа византинистов для разворачивания работы над «Корпусом византийских надписей СССР», организаторским ядром мог бы выступить Сектор истории древнейших государств на территории СССР Института истории СССР. Однако «реформы» 1990-х свели на нет эти возможности и подготовка «Корпуса» отодвинулась в неблизкое будущее. Тем не менее все указывает на возрождение кадров византиноведения в будущем, что позволит приступить к работе над «Корпусом», который станет органической составной частью работы ученых в области издания византийских источников по средневековой истории России, Украины и Закавказья, частично уже осуществленной⁹⁵. Известия византийских авторов об этих странах и народах во многом

⁹⁵ Извлечение сведений 15 основных византийских авторов о юге России впервые провел еще Латышев (в продолжение соответствующей работы по извлечению сведений из трудов античных авторов — *Scythica et Caucasica*), но в послевоенное время рукопись подготовленного им издания затерялась.

дополняются сведениями происходящих с юга страны византийских надписей. Собранные воедино, они станут полноценным источником по их истории.

Подготовка «Корпуса» предусматривает предварительную выработку основных принципов его составления: территориальные и хронологические рамки, видовое и жанровое распределение материала, в конечном счете — внутренняя структура издания. Решение этих вопросов частью само собой очевидно, частью дискуссионно. На наш взгляд, «Корпус» должен состоять из 4 основных разделов (выпусков). Три из них строятся по историко-географическому принципу и соответствуют трем вышеупомянутым регионам — Сев. Причерноморье, Сев. Кавказ и Закавказье, Древняя Русь. Четвертый раздел составили бы византийские надписи на предметах, найденных вне пределов России, Украины, Закавказья и поступивших в тамошние собрания в новое время (XVII–XXI вв.). В каждом из трех основных разделов надписи распределяются по центрам их происхождения, далее по виду эпиграфического материала (монументальные лапидарные и фресковые надписи, памятники малой эпиграфики и т. д.), затем по жанровой принадлежности. В самом общем виде структура и содержание «Корпуса» видится такой.

Раздел I. Северное Причерноморье (от Килии на Дунае до Анапы). Включает лапидарные надписи, фресковые надписи церквей и склепов, памятники малой эпиграфики (граффити, дипинти и клейма на керамике, надписи на различных предметах культового и бытового назначения).

Раздел II. Северный Кавказ и Закавказье. Включает монументальные лапидарные, фресковые и мозаичные надписи, памятники малой эпиграфики. Раздел состоит из двух частей, содержащих памятники Северного Кавказа и Закавказья по отдельности.

Раздел III. Древняя Русь. Включает монументальные фресковые, мозаичные и лапидарные надписи, памятники малой эпиграфики.

Раздел IV. Византийские надписи на предметах, найденных за рубежом и поступивших в отечественные собрания в новое время. (Надписи на предметах, найденных на территории нашей страны, но поступивших в зарубежные коллекции, включаются в I–III разделы соответственно месту находки⁹⁶.)

Кратко охарактеризуем материалы указанных разделов. Основу первого раздела составит «Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России» В. В. Латышева, поскольку часть эпиграфического материала уже к 1896 г. была утрачена (немало его погибло и в последующее время) и поскольку структура «Сборника» вполне соответствует вышеупомянутым принципам «Корпуса». С другой стороны, византийский эпиграфический фонд Сев. Причерноморья значительно пополнился новыми надписями, найденными после 1896 г. Это лапидарные

Опубликована лишь часть ее — извлечение из трактата Константина Багрянородного «Об управлении государством» (ИГАИМК. 1934. Вып. 91; теперь есть и полный перевод [Конст. Багр. 1989]). Сведения византийских писателей о Грузии извлекли и свели воедино А. Г. Гамкрелидзе и главным образом С. Г. Каухчишвили (см.: Сведения византийских писателей о Грузии. Тб., 1936–1970. Т. 1–8). С. Г. Каухчишвили собрал также сведения грузинских источников о Византии, в том числе о византийцах, пребывавших в Грузии (см.: Грузинские источники по истории Византии. Тб., 1974. Т. 1). С образованием сектора истории древнейших государств на территории СССР (Ин-т истории СССР АН СССР) оживилась работа по извлечению и интерпретации известий византийских авторов о народах нашей страны. Много работ опубликовано в сборниках «Древнейшие государства на территории СССР» (теперь «Древнейшие государства Восточной Европы»). Особенно важны тексты византийских писателей, переведенные и прокомментированные И. С. Чичуровым [1980] и М. В. Бибиковым [1981].

⁹⁶ Например, моливдовулы из Армении [Юзбашян, 1980, с. 68–72].

памятники, монументальные фресковые надписи в церквах и склепах, опубликованные в ряде работ (см. выше). Есть и находки последнего времени, еще не опубликованные, они содержат интересный материал по Херсонесу, Фунам, Партениту, Тамани. В качестве образца приведем памятник, найденный в 1962 г. на городище античной и средневековой Фанагории. Сначала даем ее в оригинальной огласовке подлинника, затем в нормативной орфографии ἐνθάδῃ | τοξεύει | Οὐστάνος | протω|κ|ομίτες | Χιμρίς,| υἱὸς Ἀγαθοῦ τοῦ [--], т. е. ἐνθάδ(ε) τοξεύει Οὐστάνος пр(ω)т(о)κ|κ|(ω)м(ή)т(η)ς Χιμρί(δο)ς, υἱὸς Ἀγαθοῦ τοῦ [--] «Здесь стреляет из лука Устан, протокомит Киммериды, сын Агафа...»

Надпись относится к IV — началу V вв. н. э. и свидетельствует, что в какой-то период указанного времени Таманский полуостров был устроен в административном отношении иначе, чем во II—III вв. н. э., когда его территория разделялась на владения боспорского царя и полисные земли Гермонассы и Фанагории. С 370-х гг. Боспором владели гунны, это продолжалось до 528 г., когда Юстиниан восстановил здесь власть ромеев (*Procop. De aed.* III, 7, 12; *Theoph.* 175), причем, судя по одной из надписей, от имени византийского царя велось строительство и на Таманском полуострове. Ввиду общего запустения греческих центров азиатского Боспора после гуннского нашествия указанная территория, кажется, была реорганизована в сельский округ, называвшийся Киммеридой; во главе округа стоял сельский староста — протокомит, происходивший из местной иранской знати, как можно судить по его имени (подробности по текстологии надписи и ее исторической интерпретации [Яйленко, 2010, с. 409/24]; о домыслах А. Ю. Виноградова [2010, с. 159/61] выскажемся отдельно).

Больше всего византийских надписей происходит из Херсона и Юго-Зап. Таврики. Они составляют $\frac{2}{3}$ материала, вошедшего и в латышевский «Сборник». Отсюда происходит основная часть и новых находок. Таково, к примеру, найденное в Херсоне надгробие Гота (рис. 165): † κ(ύρι)ν, τι κίετον ποησ|ει| τον δουλο|ν| τον τ(οῦ) θε(οῦ) Γότου, что в нормативном правописании выглядит так: † κ(ύρι)ε<ν>, τ(ῆ) κ(ο)ί<ε>τον πο(ι)ησ|η| τον δουλο|ν| τον τ(οῦ) θε(οῦ) Γότο(ν) «Да упокойшь здесь, господи, раба божьего Гота»⁹⁷. По форме креста надпись датируется VI—VII вв., чему соответствует и палеография. В историческом отношении надпись интересна именем Γότος, образованным от этнонима готов, которое свидетельствует о проникновении элементов этого этноса в Херсон и об адаптации ими греческой культуры и религии⁹⁸.

⁹⁷ Массивная известняковая стела высотой 80, шириной 73, толщиной 14 см; высота букв 1–4 см. Найдена раскопками И. А. Антоновой, которая любезно предоставила ее в мое распоряжение. Выражение κίετον ποησ|ει| в классическом языке означает «ложиться спать» (*Herod.* VII, 17), откуда позднейшее значение «упокоиться» в данной надписи. Даже при скидке на замену долгих гласных и дифтонгов краткими гласными в среднегреческом языке эпитафия написана неряшливо. На это указывают: излишнее написание ν в слове κ(ύρι)ε<ν>; в слове κίετον дифтонг οί не сокращен в ι, как обычно, а передан через излишнее ιε; написание *gen.* Γότου вместо должного *acc.* Γότο(ν), навешанное предшествующим род. падежом τ(οῦ) θε(οῦ). В начале стк. 2 стоит буква Ι, затем следует выбоина и буква Η — первоначально написанное окончание глагола ποησ|η| (вместо должного окончания *aor. conj.* 2 лица ποίησ|η|), над которым малограмотный резчик посчитал нужным надписать правильное, по его мнению, окончание ει. TI камня = τ(ῆ) «здесь».

⁹⁸ [Айбабин, 2007]. Моя интерпретация надписи не устроила Тохтасьева [2007, с. 196]: «Имя Готон (асс.), которое В. П. Яйленко (Византийский современник. 1987. Т. 48. С. 168; SEG XXXIX. 693) вычитал в ранневизантийской надписи из Херсон(ес)а, не существует (любезное сообщение А. Ю. Виноградова)». Этим замечанием Тохтасьев всего лишь проявил поверхностность своих суждений, поскольку эпитафия и написана, и читается четко, содержит связный текст с обычными для византийских надписей лигатурами и неразличением долгих да кратких гласных. Имя Γότος этнонимического образования

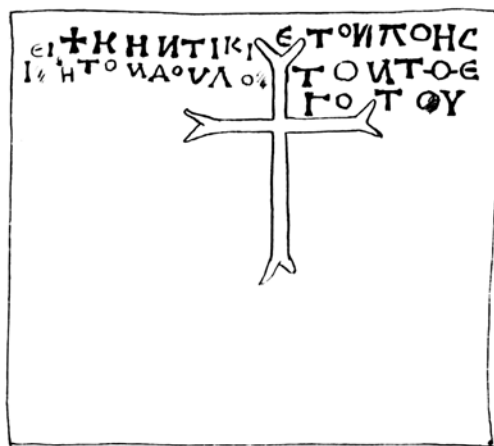

Рис. 165. Эпитафия Гота из Херсона, прорись [Яйленко, 1987в]

Как видно, при скудости сведений византийских авторов о Сев. Причерноморье каждый точно прочтенный и проанализированный эпиграфический памятник дополняет новыми штрихами наши фрагментарные представления об истории отдельных городов и местностей региона. Сгруппированные по центрам происхождения надписи позволяют воссоздать более детализированную картину региональной истории. Особенно большая работа предстоит по систематизации имеющихся в значительном количестве памятников малой эпиграфики, прежде всего граффити и дипинти на византийской керамике, добытых за более чем полуторавековую историю археологических работ в Крыму и на

Таманском полуострове. Они исследованы неравномерно. Хорошо изучены клейма на черепице, керамике, гирях, а также печати из Херсона и других центров⁹⁹, мало исследованы граффити и дипинти на керамике, дереве, кости, металле¹⁰⁰.

Во втором разделе группируются надписи Сев. Кавказа и Закавказья. Его надо разделить на две части, в одной — памятники Сев. Кавказа, в другой — Закавказья, поскольку исторические судьбы обеих областей различны. Надписи Закавказья составят памятники Грузии, в основном уже изданные [Каухчишвили, 1951]. В печати отмечались как его достоинства, так и недостатки, справедливо указывалось на целесообразность второго издания [Болтунова, 1953, с. 84]. Отчасти это диктуется не вполне корректной текстологией и графическим воспроизведением многих надписей, отчасти тем, что он опубликован на грузинском языке, недоступном

(Гот), это *sg. k pl.* Γόθοι, лат. *Goti*, известному с конца IV в. до в. н. э. этнониму: уже Пифею (у Плиния, N. h. 37, 35) известен этноним Γούθωνες. Далее это *Got(h)ones* Тацита, в надписях с III в. н. э. *Goti*, Γόθοι и др. [Schönfeld, 1911, S. 120/3]. Среди древнегерманских имен, известных со II—III вв. н. э., не просто выделить относящиеся сюда формы ввиду совпадения их с древнегерманскими словами *gūth*, *gūdis* «бог», *gōds* «хороший» [Förstemann, 1856, Sp. 529/30, 537; Kaufmann, 1968, S. 150], но такие имена, как *Ostro-gotho*, *Theudo-guto*, *Godo-land*, *fem. Got-landa*, несомненно, указывают на связь части их с этнонимом *готов* (жители Готланды называли свою родину *Gutland* [Браун, 1899, с. 277]), представляя его в чистом виде и с теми же вариациями, что этноним (см. их у Шенфельда): *Godo*, *Goddo*, Γόδας Прокопия, *Gotha*, *Gotho*, *Goth*, *Got*, *Gudo*, *Gate*, *Goda*, *Gotti* etc. Значение этнонима *гот* (др.-норв. *gautar*, *gotnar* «мужи, герои», *goti* «жеребец») вполне подходяще для перехода в антропоним. Таково личное имя Γούθος, *sg.* к этнониму *готов* Γούθοι в глоссе *Etym. magnum*, 238. 61: Γούθος ὁ ἄρχων τῶν Σκυθῶν τῶν δὴ καλομένων Γούθων «Гот: правитель у скифов, называемых готами» (у готов правитель не назывался готом, так что это личное имя). Готы пребывали в Крыму с III в. н. э. до позднего Средневековья [Васильев, 2005, 2005а; Пиоро, 1990, с. 51 сл., 59 сл., 89 сл.; Зубарев, Ярцев, 2007, с. 329 сл.], что дает все основания для употребления в херсонесской эпитафии этого имени.

⁹⁹ [Толстой, 1887, с. 28–43; Юргевич, 1898, с. 39–41; Панченко, 1906, с. 160/4; Васильев, 1922, с. 237/40; Чуистова, 1962, с. 94 сл.; Якобсон, 1979; Соколова, 1983; Романчук, 2004; Степанова, 2007; Хайрединова, 2007; Алексеенко, 2008, 2009].

¹⁰⁰ Этот материал издан главным образом в разного рода публикациях археологических памятников [МИА, 17, 25, 34, 63, 85 etc.; Залеская, 1964, с. 167/75; Кадеев, 1968, с. 288/90; Соломоник, 1973, с. 55–57; Литаврин, Пяташева, 1978, с. 262/5; Романчук, Быков, 1981, с. 145].

широкой аудитории¹⁰¹. В закавказском разделе должны присутствовать также надписи на стенах христианских церквей Абхазии, еще в недостаточной мере выявленные и изученные, и памятники малой эпиграфики¹⁰².

Часть кавказского раздела, посвященная памятникам Сев. Кавказа, включает византийские надписи, найденные на территории Краснодарского края (кроме надписей Таманского и Темрюкского районов, исторически прилежащих к Северочерноморскому ареалу), Ставропольского края, Кабардино-Балкарской, Чеченской, Ингушской, Северо-Осетинской республик. Со времени выхода в свет упоминавшегося сборника И. В. Помяловского здесь выявлен и по большей части изучен существенный эпиграфический материал, требующий систематизации: лапидарные памятники, фресковые надписи в церквях, памятники малой эпиграфики (см. выше). В «Корпус» должны быть включены надписи не только на среднегреческом языке, но также билингвы — надписи на местных языках, выполненные греческим алфавитом и содержащие отдельные греческие слова и выражения. Предстоит большая работа по выявлению греческих и двуязычных эпиграфических памятников, поскольку некоторые из них, найденные местными жителями и краеведами, хранятся в школьных музеях (например, в станице Отрадной Краснодарского края). Новый материал из раскопок и сборов, особенно памятники малой эпиграфики, поступает и в городские музеи, научные учреждения, вузы. Такова, к примеру, надпись из Анапского музея (рис. 166; сохраняем ее графику и морфологию):

† ἐκμῆθη [ὁ δῶ]-	«Упокоился раб божий и дитя
λωζ τῷ θεῷ	Охормаз; Генеджуата, жена
κὲ τὸ <ν> τέκνον Ὁ-	Кан[...].атола, в году тысяча сто--
χωρμαζ, Γενη-	<i>поставила памятник»</i> ¹⁰³ .
τζαθα γινε Кан...-	
ατολ, ἔτω ωт.	

Надпись свидетельствует о проникновении элементов византийской цивилизации (религия, язык, хронология) в среду адыгских племен. Она содержит имена из адыгской средневековой ономастической номенклатуры и вместе с тем фиксирует крайний северо-западный предел зоны обитания адыгов в XII в. В Анапском районе, где берут начало предгорья Сев. Кавказа, разведками экспедиции Е. М. Алексеевой обнаружен ряд средневековых поселений и могильников, находки в которых показывают, что население, которому они принадлежали, было христианским¹⁰⁴.

¹⁰¹ [Каухчишвили, 1955, с. 211/8; 1957, с. 227/36; 1958, с. 129/33; 1968, с. 269/74]. Памятники малой эпиграфики публиковались в трудах разных археологических экспедиций, раскапывавших Нокалакеви и другие центры.

¹⁰² [Мацулевич, 1956, с. 146/53; Ельницкий, 1964, с. 142/5]. Памятники малой эпиграфики публиковались главным образом в трудах различных археологических экспедиций, раскапывавших Пицунду, Сухуми и другие центры.

¹⁰³ Любезно предоставлена мне дирекцией музея для публикации. Это известняковая стела, обколотая справа сверху и справа внизу, высота 83, ширина 50, толщина 26 см. Средняя высота букв 3,5 см. Найдена в 1962 г. у поселка Гостагай Анапского района. Надпись датирована по эре «от рождества Христова» 1100 г. (омега и тау даны в лигатуре); далее следует скол, которым, вероятно, уничтожены 1–2 последние цифры даты, т. е. в целом надгробие относится к XII в., чему соответствует и палеография. Текст в нормативной орфографии: ἐκμῆθη [ὁ δῶ]λωζ τῷ θεῷ κὲ καὶ τὸ <ν> τέκνον Ὁχωρμαζ, Γενητζαθα γινε Кан...ατολ, ἔτω ωт.

¹⁰⁴ См., например, большой каменный крест из Уташа [Яйленко, 1987в, рис. 5]. О раскопках в Уташе см. [Новичихин, 1992] и другие его работы.

Рис. 166. Эпитафия Охормаза
из Анапского музея [Яйленко, 1987в]

Третий раздел «Корпуса», посвященный византийским надписям Древней Руси, наряду с монументальной фресковой эпиграфикой, включает еще недостаточно изученные малые эпиграфические памятники — граффити на стенах церквей, дипинти, клейма и граффити на византийской керамике, найденной во многих древнерусских центрах, метки на камнях и кирпичах построек, возведенных византийскими мастерами, надписи на печатях, иконах, образках, произведениях торевтики, перстнях и пр. Собранные вкупе, эти памятники позволяют составить более полное представление о роли Византии в культурной истории Древней Руси. Пока еще этот пласт изучен недостаточно. Так, исследователи обычно считали, что византийские художники сопровождали свои произведения греческими надписями, причем такие случаи, когда при фресках новгородской церкви Спаса на Ильине улице, расписанной Феофаном Греком, имелись древнерусские надписи, объяснялись тем, что их делали русские помощники греческих мастеров (например, [Лазарев, 1960, с. 72]). Однако с равным основанием можно полагать, что византийские мастера, работая на Руси, адаптируясь к иноязычной среде, усваивали ее язык, чем и объясняется,

скажем, наличие в той же церкви на Ильине, а также близкой ей по художественной декорации церкви Федора Стратилата и древнерусских, и греческих надписей. Восприятие византийскими мастерами древнерусского языка хорошо прослеживается на примере художника Алексея Гречина, в чьей усадьбе найдена переписка на нем [Колчин, Хорошев, Янин, 1981, с. 136 сл.]. Прозвище художника Гречин может быть понято единственно в том смысле, что он грек по происхождению: не случайно все три художника, упомянутые новгородскими летописями по имени, имеют прозвище Гречин, в том числе и Феофан, — это отражает соответствующий обычай номинации византийских мастеров на Руси Гречинами¹⁰⁵. Вывод об усвоении греческими живописцами на Руси местного языка позволяет расширить круг их произведений и дает основания думать, что греческие надписи на произведениях с характерными чертами византийского стиля делали греческие мастера, так что ошибочно старое мнение, будто русские художники копировали греческие надписи типов¹⁰⁶.

¹⁰⁵ По мнению В. Л. Янина [2004, с. 87, 95; Колчин, Хорошев, Янин, 1981, с. 147, *ср.* 148] и А. А. Гippiуса [2005, с. 99 сл.], Олисей Гречин русский по происхождению и знал греческий язык, а под пером присоединившейся к этому мнению В. Г. Брюсовой [2001, с. 122] Алексей Гречин превратился в «русского иконописца, завершившего свое образование в Византии». Эта гипотеза основана всего лишь на том, что Олисей Петрович, он же Гречин, был членом сместного суда, а до него эту должность исполнял некий Петр Михайлович; поскольку «многие должности и обязанности в Новгороде бывали наследственными», счел Янин, «не удивляемся теперь тому, что и сын Петра Олисей был полномочным лицом сместного суда». Конечно, соответствие имени одного сместного судьи и отчества другого может служить основанием для предположения об их связи как отца и сына, но, на наш взгляд, оно шаткое, ибо ему противоречит ряд обстоятельств. Во-первых, достаточно обратиться к сохраненным новгородскими летописями спискам посадников и тысяцких: в них встречаются отцы и сыновья на одной должности, но в виде исключения сравнительно с общим правилом — сменявшие друг друга официалы не связаны родством [Новгородская первая летопись. Рязань. 2001, с. 471 сл.]. Во-вторых, этому предположению противоречит наличие на усадьбе Алексея Гречина написанной на греческом языке грамоты № 552, в которой Янин [2004, с. 173] признал автограф Гречина, но не объяснил, зачем русскому художнику писать в Новгороде на греческом языке, тем более, что другие его автографы написаны на русском. В-третьих, образ Богоматери в Деисусе Нередицкой церкви написан Алексеем Петровичем с найденной на его усадьбе византийской печати XI в. [Янин, 1988], и естественно, что к греческому подлиннику такого рода прибегает греческий художник, но подобного случая использования византийской печати русским художником нет. Кроме того, в древнерусской живописи редкий извод Богоматери Агнесоритиссы до нередицкой росписи не представлен (в мозаичном Деисусе киевской Софии, выполненном греческим художником, у Богоматери руки вытянуты на уровне живота; чуть выше, до уровня груди подняты ее руки в Деисусе Мартирьевской паперти новгородского Софийского собора), тогда как в живописи византийского круга он есть. Предположение Янина, что Алексей Петрович мог совершить поездку в Византию и потому получил прозвание Гречин, основано на череде гипотез, не позволяющих принять его, тем более, что мы можем привести достаточно свидетельств новгородских летописей, что Гречином именуется именно приезжий грек (даем примеры из Первой новгородской летописи): в 1233 г. скончался киевский митрополит Кирилл, родом Гречин из Nikei; в 1237 г. митрополитом в Киеве сел Гречин Есиф из той же Nikei; русский митрополит Феоност «Гречинь родом» (1329) и т. д. См. и другие обоснованные возражения А. А. Гippiусу и В. Л. Янину [Эттингер, 2005, с. 115 сл.].

¹⁰⁶ В свое время наличие русских фресковых надписей в Георгиевской церкви Старой Ладоги при общей византийской стилистике росписей привело В. Н. Лазарева [1960, с. 71 сл.] к заключению о принадлежности ее основных циклов новгородскому художнику-грекофилу. Поскольку теперь мы знаем, что греческий художник мог владеть русским языком, работая на Руси (как Алексей Гречин), отпадает необходимость в таком несколько искусственном определении, как «новгородско-грекофил»: перед нами роспись ведущего византийского мастера. К этому же выводу можно прийти и другим путем. Б. А. Колчин, А. С. Хорошев и В. Л. Янин [1981, с. 156 сл.] с полным основанием предположили, что Алексей Гречин участвовал в росписи Нередицкой церкви, а В. Н. Лазарев [1960, с. 73–74] отметил, что «наибольшее количество точек соприкосновения старолadoжская роспись обнаруживает с фресками Нередицы». Эта близость отдельных циклов нередицких росписей старолadoжским

Последний, IV раздел «Корпуса» включает надписи на различных предметах византийского происхождения, найденных вне пределов России, Украины, Грузии, Абхазии и поступивших в тамошние собрания в XVII–XXI вв. Таковы надписи на рельефах из Пальмиры, на иконах, посуде из металла и керамики, на крестах, образках и пр., хранящихся в различных коллекциях, в том числе частных. Эти предметы выявлены и каталогизированы усилиями ученых [Банк, 1966; Искусство Византии, 1977], а надписи на некоторых рассмотрены в ряде публикаций¹⁰⁷.

Как явствует из изложенного, такая структура «Корпуса византийских надписей» обуславливается тремя основополагающими принципами: распределение памятников по месту происхождения, по типу (лапидарные, фресковые, граффити и т. д.), по жанровой принадлежности. Эти принципы давно апробированы эпиграфикой, но остается дискуссионным сведение воедино при том или ином центре всех найденных в нем надписей — и монументальных, и малых форм. С этого начинала практика античной эпиграфики (так построен *Corpus inscriptionum Graecarum* А. Бёка), но в XX в. своды надписей включают порознь памятники малой и монументальной эпиграфики (например, в серии материалов античной афинской Агоры). В целом этот принцип выдерживается, когда налицо обилие надписей того и другого типов в одном центре, если же надписей не слишком много, они издаются вместе. Количество византийских надписей в отдельных местах на территории России, Украины, Закавказья обычно невелико, исключая Херсон, что и обусловило предложенную здесь совместную публикацию монументальных и малых эпиграфических памятников того или иного центра, включенного в «Корпус». Конечно, возможна и раздельная систематизация материала: отдельным томом могут быть изданы, в частности, лапидарные надписи северочерноморских центров или моливдовулы, происходящие из зарубежных центров, но хранящиеся в собраниях России, Украины, Закавказья (главным образом в Эрмитаже). Словом, по ряду пунктов структуру «Корпуса» можно уточнить в зависимости от конкретного материала, а также внешних обстоятельств (издательские возможности, вкусы исследователей, их предпочтения в отношении того или иного материала, количество имеющихся эпиграфических памятников и пр.).

Вышеизложенное со всей очевидностью показывает актуальность подготовки «Корпуса византийских надписей России, Украины, стран Закавказья». Сложная и трудоемкая работа по их выявлению и систематизации, усовершенствованию текстологии и комментированию потребует значительных усилий специалистов. Сейчас их мало, так что работа над «Корпусом» предстоит в будущем, ибо она настоятельно востребована.

позволяет предположить, что и последние в основном принадлежали руке Алексея Гречина, который мог быть ведущим исполнителем этих фресок. Таким образом, создателем росписи староладожской Георгиевской церкви мог быть византийский мастер (Гречин!). То обстоятельство, что Алексей Гречин прочно осел в Новгороде и обзавелся собственной усадьбой, вовсе не превращает его в русского мастера: подобным образом и Феофан Грек при многолетнем пребывании на Руси как был, так и остался византийским художником. Приведенный пример с фресками Георгиевского храма Старой Ладogi показывает потенциальную принадлежность византийским мастерам еще ряда художественных памятников Древней Руси, содержащих греческие и древнерусские, а то и только древнерусские надписи. Дальнейшая работа в данном направлении представляется перспективной, поскольку она могла бы уточнить наши знания о подлинном масштабе вклада Византии в художественную сокровищницу Древней Руси.

¹⁰⁷ [Панченко, 1907, 1908; Банк, 1952, с. 191–202; 1956, с. 331/7; 1958, с. 234 сл.; 1959, с. 206/15; Гюзальян, 1952, с. 202/6; Шандровская, 1959, с. 173/82; 1968, с. 244/53; 1977, с. 102/19; Филатов, 1969, с. 226/32; Залесская, 1973, с. 54–58; 1979, с. 135/8].

ПРИЛОЖЕНИЕ

«Березанские алканавты»

В русской традиции завершить большое и серьезное дело доброй шуткой². Так и мы закончим сей увраж своей песней «Березанские алканавты». Она написана в последний сезон работы на Березани в составе экспедиции В. В. Лапина в 1980 г. (в августе он умер от «археологической» болезни), причем в последний день, отчего она так и осталась при мне (все та же «болезнь» и ужасная смерть Лапина заставили меня с тех пор воздерживаться от участия в археологических экспедициях вообще). В песне отражены поэтически преобразованные реалии экспедиционного быта, детали которых разъясняю в примечаниях.

Буен остров Березань,
Из него, куда ни глянь,
Видно средиземноморские порты —
Хиос, Фасос, Родос, Кос
И одесский брат Привоз
С Березанью были издавна на «ты».

И Лапин говорит,
что это только флирт,
Торговый флирт, не более того:
Крестьяне жили тут,
Что сеют, то и жрут,
Не покупая в общем ничего³.

Жили греки здесь давно,
Пили терпкое вино,

¹ Так назвали первую главу своей книги Л. А. Гиндин и В. Л. Цымбурский [1996, с. 3], с которыми меня связывали дружеские отношения и которых, увы, уже заключила в свои объятия история. Пусть эта маленькая цитата послужит увековечению их светлой памяти в моей книге (см. о них выше, с. 48, 112).

² Один из самых известных примеров — шутка А. С. Пушкина по завершении поэмы «Борис Годунов»: «Ай да Пушкин!»

³ Подразумевается лапинская концепция аграрной колонизации Березани, изложенная в его книге 1966 г.

На туземцев наводили шмон и страх,
Были в общем неплохи,
Сочиняли тут стихи,
Проводили время в шутках и пирах⁴.

И Лапин говорит,
Что остров знаменит
Своим вином. Он безусловно прав:
Собрались тут в глуши
Одни лишь алкаши,
Кого ни вспомни — каждый алканавт⁵.

Мы ведь сами хоть куда,
Возле острова вода,
Но вино милей воды нам во сто крат.
Чтобы остров не зачах,
Запускаем по ночам
По палаткам и воронкам сепарат⁶.

И Лапин говорит,
Что, мол, душа горит,
Что, мол, уже давно всем выпить хочется.
Чего же медлить тут —
На «Лайдугу» махнуть,
Всегда нас тетя Галя ждет, молочница⁷.

Воскресенье — выходной,
Брат лопата, бог с тобой,
Погулять с утра возможность есть у нас.
В стаканáх вино бурлит,
И глядишь, в траве лежит
То один, а то другой Равдоникас⁸.

⁴ О березанских шуточных и застольных стихотворных граффити см. выше главу об эпиграфике Березани (параграфы об Идане и дарственной надписи, а также [Яйленко, 1982, с. 298–303; Скржинская, 2013]).

⁵ Для мужской части лапинской экспедиции существовал незыблемый «мокрый» закон: кто побывал по какому-то делу на материке, возвращается с питием в любой таре — в канистре, «бомбе» ли, бутылке.

⁶ То есть групповые выпивки, а не всеобщие.

⁷ «Лайдуга» — это катер «Радуга» в картавом произношении завхоза экспедиции Вити Малишевского, единственное средство сообщения с материком. Тетя Галя торговала разливным вином на очаковском рынке, была она по размерам под стать своей огромной металлической бочке на колесах; муж ее шофер, мелкий мужичок, приезжал к закрытию рынка за нею на грузовике.

⁸ Подразумевается бродячая археологическая байка о пьянстве известного питерского первобытника 1930–1940-х В. И. Равдоникаса. На истфаке МГУ байки об археологах того времени распространял Б. Н. Граков. После окончания истфака МГУ в 1966 г. по кафедрам истории зарубежного искусства и истории древнего мира и, работая в охране памятников архитектуры, я продолжал экстерном свое образование на филологическом факультете и на кафедре археологии. По археологии слушал лекции В. Д. Блаватского, Н. Я. Мерперта, Б. Н. Гракова. Лекции первых двух были чрезвычайно интересны, насыщены информацией, пролетали незаметно. Владимир Дмитриевич был всегда серьезен, даже строг, чрезвычайно основателен в излагаемом материале; лекции он читал дома, под стать ему была «старорежимная» мебель. Для меня он всегда олицетворял глубочайшее знание своей профессии. Милейший Николай Яковлевич Мерперт был не только крупнейшим знатоком неолитических древностей, но и симпатичным, доброжелательным в общении человеком. Я навсегда сохранил благодарную память о В. Д. и Н. Я. Напротив, два курса Гракова по железному веку и скифской археологии оказались малоинтересными: поговорив с полчаса по существу заявленной темы, он надолго сбивался на всякого рода личные воспоминания и археологический фольклор. Хотя лектор он был неважный, знаток своего дела отменный, о чем свидетельствуют

Приложение. «Березанские алканавты»

И Лапин говорит:
Пускай себе лежит,
М-мы обойдем — на острове простор!
А тот, в траве, не жлоб,
Пополз — и на раскоп,
Так то ж Умалишевский наш, Виктор⁹.

Есть и девочки у нас,
Нимфа к нимфе, высший класс,
Все красавицы, с такими пропадешь.
Из горла изящно пьют,
Песни гарные поют,
Как сирены, украшают наш балдѣж.

И Лапин говорит,
Что их боготворит —
От одного их вида будешь пьян.
Тут истина одна —
Всегда была славна
Гетерами с Подола Березань¹⁰.

Чуден остров Березань,
Из него, куда ни глянь,
Не заметно лучше местностей других.
Здесь бывают чудеса —
Повстречаешь вдруг глаза
И забудешь все на свете ради них.

И Лапин говорит,
Что, мол, душа болит,
Что, мол, давно любовью остров полнится.
Чего же медлить тут,
На «Радуге» махнуть, —
Нас бочка ждет, всеобщая любовница.

Про глаза пропет куплет
Не последний, братцы, нет:
Все, что вспомнил — словно сказка, а не был.
Закругляться не спешу,
Но в конце концов скажу:
На Буяне каждый что-то не допил.

Ты — вино, я — купорос¹¹,
Тот — компот, а эта — слез,
Каждый должен свою чашу пить до дна.
Но сегодня хорошо —
Общей встречи час пришел,
Много нас, и Березань на всех одна!

письменные его труды, даже жаль, что из филолога-классика он «опустился» до скифолога — мог бы много интересного сделать в области письменных источников о Сев. Причерноморье.

⁹ Юмор заключается в том, что как завхоз Витя не появлялся на раскопе.

¹⁰ Основу экспедиции составляли первокурсники Киевского университета.

¹¹ Отравившимся вином или брагой парутинский медбрат, бывало, прочищал желудки медным купоросом.

Список литературы

1. Абаев — **1949:** *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949; **1958:** Παντίκπαλον // Исследования в чест на акад. Д. Дечев. София, 1958; **1958a, 1979a:** Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.; Л., 1958, 1979. Т. 1, 3; **1972:** К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов // Древний Восток и античный мир. М., 1972; **1979:** Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979; **1981:** Геродотовские Scythai-georgoi // Вопросы языкознания. 1979. 2; **1990:** Избранные труды. Владикавказ, 1990. Т. 1.
2. Абикулова, Пиворович, 1982 — *Абикулова М. И., Пиворович В. Б.* Неопубликованные находки ольвийских монет на поселениях Нижнего Днепра // Нумизматика античного Причерноморья. К., 1982.
3. Абрамзон, 1999 — *Абрамзон М. Г.* Тема борьбы с племенами Европейской Сарматии и Скифии в монетной чеканке Римской империи // ВДИ. 1992. 2.
4. Абрамов, 2010 — *Абрамов А. П.* Динамика торговых связей Патрея во второй половине VI–V вв. до н. э. по материалам керамической тары // ДБ. 2010. 14.
5. Аверинцев, 1972 — *Аверинцев С. С.* К уяснению смысла надписи над конхой центральной апсиды Софии Киевской // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. М., 1972.
6. Агбунов — **1978:** *Агбунов М. В.* К вопросу о локализации Башни Неоптолема и Гермонактовой деревни // ВДИ. 1978. 1; **1987:** Античная лоция Черного моря. М., 1987; **1992:** Античная география Северного Причерноморья. М., 1992.
7. Азимов, 2007 — *Азимов А.* Академия. М., 2007.
8. Айбабин, 2007 — *Айбабин А. И.* Христианизация крымских готов // БК. 2007.
9. Акимова, 2007 — *Акимова Л. И.* Искусство древней Греции. Классика. СПб., 2007.
10. Акройд, 2005 — *Акройд П.* Лондон. Биография. М., 2005.
11. Алборов, 1956 — *Алборов Б. А.* Новое чтение надписи на Зеленчукской надгробной плите // УЗ Северо-Осетинского пед. ин-та. Орджоникидзе, 1956. Т. 21. Вып. 2.
12. Алексеев — **1987:** *Алексеев А. Ю.* Заметки по хронологии скифских степных древностей IV в. // СА. 1987. 3; **2013:** «Центростремительная» и «центробежная» хронология скифских древностей Северного Причерноморья // БФ. 2013.
13. Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991 — *Алексеев А. Ю., Мурзин В. Ю., Ролле Р.* Чертомлык. К., 1991.
14. Алексеева, 1972 — *Алексеева Е. М.* Предметы из египетского фаянса VI в. до н. э. — IV в. н. э. в Северном Причерноморье // КСИА. 1972. 130.
15. Алексеенко — **2008:** *Алексеенко Н. А.* “Militaria Byzantium” в Таврике (по данным византийских моливдовулов) // БК. 2008; **2009:** Новые находки византийских моливдовулов на территории Украины и в Крыму // БК. 2009.
16. Андреев, 2003 — *Андреев Ю. В.* Раннегреческий полис (гомеровский период) // Андреев Ю. В. Избранные статьи. СПб., 2003.
17. Андреева, 2004 — *Андреева С. Э.* Еще раз к вопросу о датировке декрета в честь Протогена // БФ. 2004. 2.
18. Андрух, 2000 — *Андрух С. И.* «...Смешанные с фракийцами скифы» // ВДИ. 2000. 3.

19. Аннинский, 1940 — *Аннинский С. А.* Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах в Восточной Европе // Исторический архив. М., 1940.
20. Анохин — **1963:** *Анохин В. А.* О начале эры Херсонеса Таврического // Нумизматика и сфрагистика. К., 1963. 1; **1977:** Монетное дело Херсонеса. К., 1977; **1986:** Монеты-стрелки // Ольвия и ее округа. К., 1986; **1986а:** Монетное дело Боспора. К., 1986; **1989:** Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. К., 1989; **1999:** История Боспора Киммерийского. К., 1999; **2011:** Античные монеты Северного Причерноморья. К., 2011.
21. Антонова, Яйленко, 1995 — *Антонова И. А., Яйленко В. П.* Херсонес, Северное Причерноморье и Маркоманнские войны по данным херсонесского декрета 174 г. н. э. в честь Тита Аврелия Кальпурниана Аполлонида // ВДИ. 1995. 4.
22. Анфимов, 1953 — *Анфимов Н. В.* Исследования Семибратнего городища // КСИА. 1953. 51.
23. Ардзинба, 1982 — *Ардзинба В. Г.* Ритуалы и мифы древней Анатолии. М., 1982.
24. Артамонов — **1949:** *Артамонов М. И.* К вопросу о происхождении боспорских Спартокидов // ВДИ. 1949. 1; **1974:** Киммерийцы и скифы. Л., 1974.
25. Археологія УРСР, 1971 — Археологія Української РСР. Київ, 1971. Т. 2.
26. Ахманова, 1966 — *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
27. Ахмеров, 1949 — *Ахмеров Р. Б.* Об астиномных клеймах эллинистического Херсонеса // ВДИ. 1949. 4.
28. Банк — **1952:** *Банк А. В.* Восточный сосуд с греческой надписью // ВВ. 1952. 5; **1956:** Гемма с изображением Соломона // ВВ. 1956. 8; **1958:** Византийские серебряные изделия XI–XII вв. в собрании Эрмитажа // ВВ. 1958. 14; **1959:** Несколько византийских камней из собрания Гос. Эрмитажа // ВВ. 1959. 16; **1966:** Византийское искусство в собраниях Советского Союза. Л.; М., 1966.
29. Бараг, 1963 — *Бараг Л. Г.* «Асілкі» белорусских сказок и преданий // Русский фольклор. М.; Л., 1963. Вып. 8.
30. Бартольд, 1964 — *Бартольд В. В.* Сочинения. М., 1964. Т. II, 2.
31. Батасова, 2013 — *Батасова А. В.* Пространственный анализ расположения поселений на раннем этапе греческой колонизации Таманского полуострова // БФ. 2013.
32. Башкиров, 1948 — *Башкиров А. С.* Антисейсизм древней архитектуры. IV. Юг СССР. Калинин, 1948.
33. Белецкий — **1955:** *Белецкий А. А.* Греческая надпись на базе статуи из Ольвии // ВДИ. 1955. 2; **1960:** Греческие надписи на мозаиках Софии Киевской // Лазарев В. Н. Мозаики Софии Киевской. М., 1960; **1969:** «Благосклонно внемлющий герой» в Ольвии // ВДИ. 1969. 1; **1975:** Греческие надписи Ольвии из раскопок 1950–1967 гг., хранящиеся в Киеве // Ольвия. К., 1975; **1975а:** Три эпиграфических памятника // Новейшие открытия советских археологов. К., 1975. 2.
34. Белов, 1948 — *Белов Г. Д.* Херсонес Таврический. Л., 1948.
35. Белова — **1967:** *Белова Н. С.* Новая надпись из Гермонассы // ВДИ. 1967. 1; **1970:** Посвятительная надпись из Кеп // ВДИ. 1970. 2; **1977:** Эпиграфические материалы Фанагорийской экспедиции // ВДИ. 1977. 3.
36. Белоусов — **2007:** *Белоусов А. В.* Нереиды и культ Ахилла на Боспоре // Боспорский феномен: Сакральный смысл региона, памятников, находок: Материалы международной научной конференции. СПб., 2007. 1; **2008:** [Рец.] *Der Achilleus-Kult*, 2006 // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитар. ун-та. III. Филология. 2008. Вып. 1; **2009:** Новая книга о культе Ахилла в Северном Причерноморье // ВДИ. 2009. 4; **2009а:** Ахилл, Палемон, дети Медеи и Лемносское очищение. К вопросу о фессалийском культе Ахилла в Троаде // Новый Гермес. Вестник классич. филологии и археологии. 2009. 3; **2011:** «Вечная» Ольвия // Индоевропейское языкознание и классическая филология. СПб., 2011; **2012:** Греческая и римская эпиграфика Северного Причерноморья. 2011 // Аристей. 2012. 6; **2013:** К ольвийской надписи IOSPE I² 140 // ВДИ. 2013. 2.

37. Беляев, 2001 — *Беляев Л. А.* Христианские древности. СПб., 2001.
38. Беляев, 1968 — *Беляев С. А.* К пониманию СІЛ. VIII. 619 // ВДИ. 1968. 4.
39. Бенгстон, 1982 — *Бенгстон Г.* Правители эпохи эллинизма. М., 1982.
40. Бенешевич, 1913 — *Бенешевич В. Н.* К изучению Перещепинского клада // ИАК. 1913. 49.
41. Бертъе-Делагард — **1893:** *Бертъе-Делагард А. Л.* Надпись времени императора Зенона в связи с отрывками из истории Херсонеса // ЗООИД. 1893. 16; **1910:** К истории христианства в Крыму // ЗООИД. 1910. 28; **1915:** Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ЗООИД. 1915. 32.
42. Бессонова, 1983 — *Бессонова С. С.* Религиозные представления скифов. К., 1983.
43. Бешевлиев, 1965 — *Бешевлиев В.* Проучвания върху личните имена у траките. София, 1965.
44. Бибииков, 1981 — *Бибииков М. В.* Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII–XIII вв.) // ДГТ. 1981.
45. Бидзиля, Полин, 2012 — *Бидзиля В. И., Полин С. В.* Скифский царский курган Гайманова могила. К., 2012.
46. Бикерман, 1975 — *Бикерман Э.* Хронология древнего мира. М., 1975.
47. Білецький, 1953 — *Білецький А. О.* Проблема мови скіфів // Мовознавство. 1953. Т. IX.
48. Билимович, 1958 — *Билимович З. А.* Граффито на чернолаковом килике // СА. 1958. 28.
49. Билкова, 1994 — *Билкова В. П.* До питання про східну межу сільської округи Ольвії в пізньокласичний — раньоелліністичний період // Археологія. 1994. 3.
50. Блаватская — **1952:** *Блаватская Т. В.* Западнопонтские города в VII–I вв. до н. э. М., 1952; **1959:** Очерки политической истории Боспора в V–IV вв. до н. э. М., 1959; **1962:** Обломок мраморного блюда с надписью // Пантикапей (МИА, 103). М., 1962; **1965:** Аспург и Боспор в 15 г. н. э. // СА. 1965. 3; **1976:** Фанагорийская надпись Савромата I // КСИА. 1976. 145; **1983:** Из истории греческой интеллигенции эллинистического времени. М., 1983; **1996:** Критянин Диодот в Боспорском царстве // ИКДМ. 1996.
51. Блаватский — **1948:** *Блаватский В. Д.* Раскопки в Фанагории в 1938–1939 гг. // ВДИ. 1948. 3/4; **1950:** Античная культура в Северном Причерноморье // КСИИМК. 1950. 35; **1951:** Раскопки некрополя Фанагории в 1938, 1939 и 1940 гг. // МИА. 1951. 19; **1953:** История античной расписной керамики. М., 1953; **1953а:** Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953; **1954:** Архаический Боспор // МИА. 1954. 33; **1954а:** Рабство и его источники в античных государствах Северного Причерноморья // СА. 1954. Т. XX; **1954б:** Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954; **1955:** Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1955; **1956:** Раскопки Пантикапея в 1953 г. // КСИИМК. 1956. 63; **1958:** Об этническом составе населения Пантикапея в IV–III вв. до н. э. // СА. 1958. Т. 28; **1962:** Отчет о раскопках Пантикапея в 1945–1949, 1952 и 1953 гг. // Пантикапей (МИА, 103). М., 1962; **1964:** Пантикапей. М., 1964; **1968:** Βορυσθεῖς // ВДИ. 1968. 4; **1976:** Об именах Спартокидов // ХКААМ. 1976; **1978:** Дионисий Ольвианский // СА. 1978. 3; **1985:** Античная археология и история. М., 1985.
52. Блаватский, Кошеленко, Кругликова, 1979 — *Блаватский В. Д., Кошеленко Г. А., Кругликова И. Т.* Полис и миграции греков // ПГК. 1979.
53. Болгов — **2004:** *Болгов Н. Н.* Предметы христианского прикладного искусства позднеантичного Боспора (к проблеме культурного континуитета) // БФ. 2004. 1; **2005:** Об историческом контексте надписи Дуптуна (КБН 67) // БК. 2005.
54. Болтенко — **1930:** *Болтенко М. Ф.* До питання про час виникнення та назву давньої йонійської оселі над Бористеном // Вісник Одеської комісії краєзнавства. Ч. 4–5. Одеса, 1930; **1949:** О названии острова Березань // Известия Одесского ун-та. Одесса, 1949. Т. 2. Вып. 3; **1949а:** Раскопки на острове Березани в 1946 г. // Археологические памятники

- УССР. 1949. Вып. 2 (на укр. яз.); **1953**: Новая надпись в честь Ахилла Понтарха // ВДИ. 1953. 4; **1962**: Herodoteana // МАСП. 1962. 4.
55. Болтрик — **2000**: *Болтрик Ю. В.* Основной торговый путь Ольвии в днепровское Лесостепное Правобережье // РА. 2000. 1; **2004**: Большие золотые «ворварки» у скифов // Borysthenica-2004. Материалы конф. Николаев, 2004.
56. Болтунова — **1953**: *Болтунова А. И.* [Рец. на кн.: Каухчишвили, 1951] // ВДИ. 1953. 4; **1968**: Метрическая эпитафия из пантикапейского некрополя // ВДИ. 1968. 2; **1971**: [Рец. на кн. «Надписи Ольвии»] // СА. 1971. 4; **1973**: Надгробная эпитаграмма Диндиана // SC. 1973. Т. 15; **1977**: Надгробная эпитаграмма жены Дия // ИКАМ. 1977; **1989**: Надпись Пифодориды из раскопок Гермонассы // ВДИ. 1989. 1.
57. Бонгард, Грантовский, 1983 — *Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А.* От Скифии до Индии. М., 1983.
58. Бондар — **1957**: *Бондар М. М.* Торговля Ольвії з грецькими містами в елліністичний час // Археологія. 1957. 11; **1961**: Торгові відносини Ольвії з містами Причорномор'я в елліністичний час // Археологія. 1961. 13.
59. Бондаренко, 2007 — *Бондаренко М. Е.* Государственные пантеоны древнегреческих полисов Северного Причерноморья. М., 2007.
60. Бондарь, 1956 — *Бондарь Н. Н.* Торговые отношения Ольвии со Скифией в IV–I вв. до н. э. // СА. 1956. 25.
61. Бондарь, 1973 — *Бондарь Р. Д.* Некоторые проблемы истории нижнедунайского лимеса // ВДИ. 1973. 3.
62. Бондарь, Булатович, 1982 — *Бондарь Р. Д., Булатович С. А.* Находки римских монет в Орловке // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. К., 1982.
63. Борисова, 2003 — *Борисова В. С.* Проблема государственного устройства городов Боспора в доархеанактидовский период // БК. 2003.
64. Боровкова, 1999 — *Боровкова В. Н.* Коллекционеры и торговцы керченскими древностями. Керчь, 1999.
65. Борухович — **1972**: *Борухович В. Г.* Античная мифология и «Библиотека» Аполлодора // Аполлодор. Мифологическая библиотека. Л., 1972; **1985**: Архаический Милет // Проблемы политической истории античного общества. Л., 1985; **2002**: Вечное искусство Эллады. СПб., 2002.
66. Боузек, 1981 — *Боузек Я.* Кавказ, Греция и галыштатская Европа в VIII–VII вв. до н. э. // ДСП. 1981; **2013**: Греки и греческая керамика за пределами колоний — параллели между областями Дона и Марицы // ПАРВ.
67. Брагинская, 2008 — *Брагинская Н. В.* Бцион Борисфенит // Античная философия. Энциклопедический словарь. М., 2008.
68. Брагинский — **1972**: *Брагинский И. С.* Из истории таджикской и персидской литературы. М., 1972; **1984**: Иранское литературное наследие. М., 1984.
69. Брайс, 1891 — *Брайс Дж.* Священная Римская империя. М., 1891.
70. Браун, 1899 — *Браун Ф. А.* Разыскания в области гото-славянских отношений. СПб., 1899.
71. Браунд — **1991**: *Браунд Д.* Діон Хрісостом, торгівля Ольвії та ольвійська «тавроскіфська війна» // Археологія. 1991. 3; **1994**: «Препарируя сарматов»: проблемы источниковедческой и археологической методологии // ВДИ. 1994. 4; **2004**: Эпитафия Тихона — тавра (КБН 114): предварительные замечания // ДБ. 2004. 7.
72. Брашинский — **1960**: *Брашинский И. Б.* Ольвия и Афины в IV в. до н. э. // ЗОАО. 1960. 1; **1963**: Афины и Северное Причерноморье. М., 1963; **1963а**: Древнейшая ольвийская проксения // СА. 1963. 3; **1965**: Раскопки в районе теменоса Ольвии в 1960–1962 гг. // КСИА. 1965. 103; **1965а**: О некоторых династических особенностях правления боспорских Спартокидов // ВДИ. 1965. 1; **1970**: Опыт экономико-географического

- районирования античного Причерноморья // ВДИ. 1970. 2; **1976:** Амфоры Менды // ХКААМ. 1976.
73. Брашинский, Щеглов, 1979 — *Брашинский И. Б., Щеглов А. Н.* Некоторые проблемы греческой колонизации // ПГК. 1979.
74. Брун, 1879 — *Брун Ф. К.* Черноморье. Одесса, 1879. 1.
75. Бруйко — **1999:** *Бруйко И. В.* О событиях III в. до н. э. в Северо-Западном Причерноморье // ВДИ. 1999. 3; **2003/4:** Исторические судьбы фракийцев Карпато-Днестровских земель // *Stratum plus*. 2003/4. 4; **2004:** Формирование фракийской «диаспоры» в Нижнем Побужье в архаическую эпоху // БФ (II). 2004.
76. Брюсова, 2001 — *Брюсова В. Г.* София новгородская. М., 2001.
77. Буданова, 1990 — *Буданова В. П.* Готы в эпоху Великого переселения народов. М., 1990.
78. Буйских — **1988:** *Буйских А. В.* Ордерные архитектурные детали из Ольвии // АДСП. 1988; **2004:** О керамических комплексах VI в. до н. э. из Ольвии // БК. 2004; **2005:** Некоторые полемические заметки по поводу становления и развития Борисфена и Ольвии в VI в. до н. э. // ВДИ. 2005. 2; **2008:** Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху. Симферополь, 2008; **2010:** К хронологии архаических поселений хоры Ольвии Понтийской // Боспорские исследования. Симферополь, 2010. XXIV; **2010a:** Східногрецька та коринфська кераміка з Ольвії // Археологія і давня історія України. К., 2010. 3; **2012:** О застройке юго-восточной части Ольвии в VI — начале V в. до н. э. // БК. 2012; **2013:** О греческой колонизации Северо-Западного Причерноморья // ВДИ. 2013. 1; **2013a:** Архаическая расписная керамика из Ольвии (восточногреческая, лаконская, коринфская, имитации). К., 2013.
79. Буйских — **1986:** *Буйских С. Б.* Некоторые вопросы пространственно-структурного развития ольвийской хоры // Ольвия и ее округа. К., 1986; **1991:** Фортификация Ольвийского государства (первые века нашей эры). К., 1991; **2001:** Исследование святилища Ахилла на Бейкушском мысу // ХС. 2001. 11; **2006:** Граффити VI–III вв. до н. э. на серой керамике из Нижнего Побужья // ДП. 2006; **2007:** Греческие святилища Нижнего Побужья как сакрально-территориальный символ колонизации региона // БК. 2007; **2008:** Бейкушское граффити с изображением гоплита // БК. 2008. IX; **2008a:** Греческая колониальная хора в Нижнем Побужье // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков, 2008; **2009:** Сложение, принадлежность и ранние этапы развития античной хоры в Нижнем Побужье // БИ. 2009. 21; **2009a:** Хора колониального полиса в Нижнем Побужье: от архаики к эллинизму // Старожитності степного Причорномор'я і Криму. Запоріжжя, 2009. 15.
80. Буйских, Буйских, 2009 — *Буйских С. Б., Буйских А. В.* К хронологии архаических поселений Нижнего Побужья // БК. 2009.
81. Буйских, Отрешко, 2009 — *Буйских С. Б., Отрешко В. М.* Основные этапы развития сельской округи Ольвии доримского времени // ОД. 2009.
82. Буйських, 2011 — *Буйських С. Б.* До проблеми заснування та становлення Ольвійського полісу // ДП. 2011. 9.
83. Булатович — **1970:** *Булатович С. А.* Клад кизикинов из Орловки // ВДИ. 1970. 2; **1982:** О классификации и хронологии электронов монет Кизика // Нумизматика античного Причерноморья. К., 1982.
84. Бунин — **2001:** *Бунин Д. С.* К вопросу о хтонических элементах в культе Афродиты на Боспоре // БФ (I). 2001; **2004:** К вопросу об обстоятельствах формирования культа Афродиты Урании на Боспоре // БФ (I). 2004.
85. Бунятян, 1985 — *Бунятян Е. П.* Методика социальных реконструкций в археологии: На примере скифских могильников IV–III вв. до н. э. К., 1985.
86. Буркерт, 1990 — *Буркерт В.* Аполлон Дидим и Ольвия // ВДИ. 1990. 2.
87. Бурлаченко, 2011 — *Бурлаченко Н. В.* Структура гражданской общины Ольвийского полиса в архаическую эпоху // Классическая и византийская традиция. Белгород, 2011.

88. Бутягин — **2000**: *Бутягин А. М.* Ранний Мирмекий // Пантикапей — Боспор — Керчь — 26 веков древней столице. Керчь, 2000; **2009**: К проблеме освоения Северного Причерноморья // БК. 2009; **2011**: Меоты в Мирмекии в VI–V вв. до н. э. // БФ. 2011.
89. Былкова — **1991**: *Былкова В. П.* Нижнее Поднепровье в IV–II вв. до н. э. // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Херсон, 1991; **1995**: Греки и варвары в Нижнем Поднепровье в конце V — первой трети III в. до н. э. // ВДИ. 1995. 4; **2005**: О возможности использования данных декрета в честь Протогена для реконструкции исторической ситуации в Нижнем Поднепровье // БФ. 2005.
90. Вайсенберг, 1913 — *Вайсенберг С.* Исторические гнезда Кавказа и Крыма // Еврейская старина. 1913. 6.
91. Васильев, 1922 — *Васильев А. А.* Описание византийских гирь и эксагиев, хранящихся в Академии // ИРАИМК. 1922. 2.
92. Васильев — **2005**: *Васильев А. А.* О времени появления германских дружин на Боспоре // БФ. 2005; **2005а**: О некоторых особенностях хронологии предметов вооружения германцев в Северном Причерноморье // БК. 2005.
93. Васильев — **1974**: Васильев А. Н. К вопросу о синдо-меотском происхождении Спартокидов (анализ гипотезы) // Социально-политическая история СССР. М., 1974. Ч. 2; **1977**: *Васильев А. Н.* К вопросу о фракийском происхождении Спартока // Вопросы политической истории СССР. М.; Л., 1977; **1986**: К вопросу о соправительстве на Боспоре // Проблемы античного источниковедения. М.; Л., 1986; **1992**: К вопросу о времени образования Боспорского государства // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992.
94. Вахонеев — **2011**: *Вахонеев В. В.* Первые греческие колонисты на Боспоре Киммерийском // БФ. 2011; **2011а**: Історіографія грецької колонізації Боспору Кіммерійського: дореволюційний етап // ДП. 2011. 9.
95. Вахтина — **1984**: *Вахтина М. Ю.* Греко-варварские контакты VII–VI вв. до н. э. по материалам степной и лесостепной зон Северо-Западного Причерноморья и Крыма. АКД. Л., 1984; **1991**: // ВИАБ. 1991; **1996**: Греческая расписная керамика из раскопок Немировского городища // Археология. 1996. 4; **1998**: Основные категории греческой импортной керамики из раскопок Немировского городища // МАИЭТ. 1998. 6; **2000**: Греческая столовая керамика VI в. до н. э. из раскопок Немировского городища в Побужье // ΣΥΣΣΙΓΓΑ. СПб., 2000; **2005**: Греческое искусство и искусство Европейской Скифии в VII–IV вв. до н. э. // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005; **2011**: Об оборонительных сооружениях и планировке Порфмия // БФ. 2011.
96. Вахтина, Виноградов, 2001 — *Вахтина М. Ю., Виноградов Ю. А.* Еще раз о ранней фортификации Боспора Киммерийского // БФ. 2001. 1.
97. Вахтина, Виноградов, Горончаровский, Рогов, 1979 — *Вахтина М. Ю., Виноградов Ю. А., Горончаровский В. А., Рогов Е. Я.* Некоторые вопросы греческой колонизации Крыма // ПГК. 1979.
98. Вахтина, Кашуба, 2013 — *Вахтина М. Ю., Кашуба М. Т.* Об особенностях греко-варварских контактов начальной поры греческой колонизации Северного Причерноморья в свете изучения материалов Немировского городища // БФ. 2013; **2014**: Находки ранней греческой керамики в варварских памятниках Северного Причерноморья и время появления постоянных античных поселений в регионе // БК. 2014.
99. Венцова, 2008 — *Венцова М. И.* Причины объединения боспорских полисов в единое государство: историография проблемы // Классическая и византийская традиция. Белгород, 2008.
100. Веселов, 1962 — *Веселов В. В.* Новые формы и варианты клейм боспорских кровельных черепиц // Археология и история Боспора. Симферополь, 1962. 2.
101. Виноградов — **2005**: *Виноградов А. Ю.* Херсонесский храм св. Петра и его эпиграфические памятники // ХС. 2005. 14; **2008**: Первый эпиграфист, «год от Адама» и боспорский

- Апостолеон. История феодосийской колонны // Образ Византии. М., 2008; **2009**: Загородный крестообразный храм в Херсонесе и его надписи // ВЭ. 2009. 3; **2009а**: Надпись из Табана-Дере: пятьсот лет спустя // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 2009. Т. 39; **2010**: Ранневизантийская эпиграфика // Античное наследие Кубани. М., 2010. т. 2; **2011**: Строительные надписи византийского Крыма. Addenda et corrigenda // ВЭ. 2011. 4; **2012**: Наблюдения над палеографией ранневизантийских надписей Северного Причерноморья // ВДИ. 2012. 1.
102. Виноградов, Джанов, 2003 — *Виноградов А. Ю., Джанов А. В.* Греческие надписи Сугдеи // Сугдейский сборник. К., Судак, 2003.
  103. Виноградов — **1993**: *Виноградов Ю. А.* К проблеме полисов в районе Боспора Киммерийского // АМА. 1993. 9; **1995**: Некоторые дискуссионные проблемы греческой колонизации Боспора Киммерийского // ВДИ. 1995. 3; **1999**: Северное Причерноморье после падения Великой Скифии // Hyperboreus. 1999. V, 1; **1999а**: Греческая колонизация и греческая урбанизация Северного Причерноморья // Stratum plus. 1999. 3; **2000**: К проблеме становления древнегреческих городов в районе Боспора Киммерийского // ΣΥΣΤΙΤΑΙ. СПб., 2000; **2002**: Особенности и историческое значение объединения Археанактидов на Боспоре Киммерийском // Античное государство. Политические отношения и государственные формы в античном мире. СПб., 2002; **2003**: Усобица сыновей боспорского царя Перисада I // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2003; **2003/4**: Народы Северного Причерноморья и Митридатовы войны // Stratum plus. 2003/4. 3; **2005**: Боспор Киммерийский // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005; **2006**: Счастливый город в войне. СПб., 2006.
  104. Виноградов, Марченко — **1986**: *Виноградов Ю. А., Марченко К. К.* Античное поселение Лупарево 2 // Ольвия и ее округа. К., 1986; **1991**: Северное Причерноморье в скифскую эпоху // СА. 1991. 1.
  105. Виноградов, Марченко, Рогов, 1997 — *Виноградов Ю. А., Марченко К. К., Рогов Е. Я.* Сарматы и гибель «Великой Скифии» // ВДИ. 1997. 3.
  106. Виноградов, Тохтасьев, 1998 — *Виноградов Ю. А., Тохтасьев С. Р.* Новые посвященные граффити из Мирмекия // Hyperboreus. 1998. IV, 1.
  107. Виноградов — **1969**: *Виноградов Ю. Г.* Киклические поэмы в Ольвии // ВДИ. 1969. 3; **1971**: Древнейшее греческое письмо с острова Березань // ВДИ. 1971. 4; **1971а**: Из истории архаической Ольвии // СА. 1971. 2; **1971б**: Новые материалы по раннегреческой экономике // ВДИ. 1971. 1; **1976**: О политическом единстве Березани и Ольвии // ХКААМ. 1976; **1978**: О методике обработки греческих эпиграфических памятников // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978; **1980**: Перстень царя Скила // СА. 1980. 3; **1981, 1981а**: Синопа и Ольвия в V в. до н. э. // ВДИ. 1981. 2, 3; **1981б**: Варвары в просопографии Ольвии // ДСП. 1981; **1983**: Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. М., 1983. Т. 1; **1984**: Декрет в честь Анфестерия и кризис Ольвийского полиса в эпоху эллинизма // ВДИ. 1984. 1; **1984а**: Два бронзовых котла с греческими надписями из сарматских степей Донбасса и Поволжья // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984; **1989**: Политическая история Ольвийского полиса. М., 1989; **1990**: Ольвиополиты в Северо-Западной Таврике // Древнее Причерноморье. Одесса, 1990; **1990а**: Ольвия и Траян // Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения. М., 1990; **1991**: Фанагорийские наемники // ВДИ. 1991. 4; **1993**: Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н. э. // ВДИ. 1993. 4; **1994**: От Риндака до Борисфена // Археология. 1994. 2; **1995**: Историческое развитие полисов Северного Причерноморья в V в. до н. э. // Античные полисы и местное население Причерноморья. Севастополь, 1995; **1996**: Новое документальное досье императорской эпохи из Херсонеса // ВДИ. 1996. 1; **1998**: Митридат Евпатор и Ольвия // ДП. 1998; **1999**: Истрия, Тира и Никоний, покинутый и возрожденный // НЭ. 1999. 16;

- 2001:** Палеография ранних лапидарных надписей Ольвии (VI–V вв. до н. э.) // ХС. 2001. 11; **2002:** Левкон, Гекатей, Октамасад и Горгипп // ВДИ. 2002. 3.
108. Виноградов, Головачева, 1990 — *Виноградов Ю. Г., Головачева Н. В.* Новый источник о походе Зопириона // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. Кишинев, 1990.
  109. Виноградов, Доманский, Марченко, 1990 — *Виноградов Ю. Г., Доманский Я. В., Марченко К. К.* Сопоставительный анализ письменных и археологических источников по проблеме ранней истории Северо-Западного Причерноморья // ПВ. 1990.
  110. Виноградов, Зайцев, 2003 — *Виноградов Ю. Г., Зайцев Ю. П.* Новый эпиграфический памятник из Неаполя Скифского // Археологія. 2003. 1.
  111. Виноградов, Золотарев — **1998:** *Виноградов Ю. Г., Золотарев М. И.* Год рождения Херсонеса Таврического // Херсонесский сборник. Севастополь, 1998. Вып. 9; **1999:** Херсонес изначальный // ДГВЕ 1996–1997 (1999).
  112. Виноградов, Карышковский — **1976:** *Виноградов Ю. Г., Карышковский П. О.* Ольвийский декрет Каноба о деньгах и стоимость драгоценных металлов на Понте в IV в. до н. э. // ВДИ. 1976. 4; **1982, 1983:** Калинин, сын Евксена. Проблемы политической и социально-экономической истории Ольвии второй половины IV в. до н. э. // ВДИ. 1982. 4; 1983. 1.
  113. Виноградов, Крапивина, 1995 — *Виноградов Ю. Г., Крапивина В. В.* Ольвия и Боспор в раннем IV в. до н. э. // Античные полисы и местное население Причерноморья. Севастополь, 1995.
  114. Виноградов, Марченко, 1991 — *Виноградов Ю. А., Марченко К. К.* Северное Причерноморье в скифскую эпоху // СА. 1991. 1.
  115. Виноградов, Русяева — **1980:** *Виноградов Ю. Г., Русяева А. С.* Культ Аполлона и календарь в Ольвии // ИААСП. 1980; **2001:** Граффити из святилища Аполлона на Западном теменосе Ольвии // ХС. 2001. 11.
  116. Виноградов, Толстиков, Шелов-Коведяев, 2002 — *Виноградов Ю. Г., Толстиков В. П., Шелов-Коведяев Ф. В.* Новые декреты Левкона I, Перисада и Эвмела из Пантикапея // ВДИ. 2002. 4.
  117. Виноградов, Щеглов, 1990 — *Виноградов Ю. Г., Щеглов А. Н.* Образование территориального херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990.
  118. Виппер, 1918 — *Виппер Р. Ю.* История Греции. М., 1918. Ч. 1.
  119. Виппер, 1972 — *Виппер Б. Р.* Искусство древней Греции. М., 1972.
  120. Владіміров, 2000 — *Владіміров А. О.* Інститути синедрів в Ольвії та проєдрів у Херсонесі Таврійському в римський період // Археологія. 2000. 3.
  121. Вовк, 2007 — *Вовк О. В.* Энциклопедия знаков и символов. М., 2007.
  122. Высокий, 2002 — *Высокий М. Ф.* Миграции в архаической Сицилии (первая половина V в.) // ПИФК. 2002. 12.
  123. Высотская, 1987 — *Высотская Т. Н.* Этнический состав населения Крымской Скифии // Материалы к этнической истории Крыма. К., 1987.
  124. Высоцкий, 1974 — *Высоцкий С. А.* Автограф художника из Софийского собора в Киеве // Культура средневековой Руси. Л., 1974.
  125. Вязьмітіна, 1971 — *Вязьмітіна М. І.* Сарматський час // Археологія Української РСР. Т. 2. К., 1971.
  126. Габелко, Завойкина, Шавырина, 2006 — *Габелко О. Л., Завойкина Н. В., Шавырина Т. Г.* «Стела Омпсалака» и фиасы Фанагории в первые века н. э. // АМА. 2006. 12.
  127. Гаврилов, 1992 — *Гаврилов А. К.* Скифы Савмака — восстание или вторжение? // Этюды по античной истории и культуре. СПб., 1992.
  128. Гаврилов, Павличенко, Кейер, 2008 — *Гаврилов А. К., Павличенко Н. А., Кейер Д. В.* К полемике вокруг КБН-альбома // ВДИ. 2008. 2.

129. Гаврилюк, 2007 — *Гаврилюк Н. А.* Отклик на публикацию В. П. Яйленко «Очерки этнической и политической истории Скифии в V–III вв. до н. э. // Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия. Скифия. Боспор. Запорожье, 2007.
130. Гаврилюк, Кравченко, 1995 — *Гаврилюк Н. О., Кравченко С. М.* Початок осідлості у степових скіфів // Археологія. 1995. 3.
131. Гаврилюк, Черненко, 1991 — *Гаврилюк Н. А., Черненко Е. В.* «Скифский поход» Зопириона // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Херсон, 1991.
132. Гайдукевич — **1934:** *Гайдукевич В. Ф.* Строительные керамические материалы Боспора // ИГАИМК. 104 (1934); **1949:** Боспорское царство. М.; Л., 1949; **1952:** Раскопки Мирмекия в 1935–1938 гг. // Боспорские города. I (МИА. 25). М.; Л., 1952; **1952а:** Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1935–1940 гг. // Боспорские города I (МИА. 25). М.; Л., 1952; **1958:** Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946–1952 гг. // Боспорские города II (МИА. 85). М.; Л., 1958; **1959:** Некрополи некоторых боспорских городов // Некрополи боспорских городов (МИА. 69). М.; Л., 1959; **1960:** Боспор и Аркадия, ЗОАО. 1960. 1.
133. Гамкрелидзе, Иванов, 1984 — *Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984. Т. 1–2.
134. Гарбузов, 2013 — *Гарбузов Г. П.* К вопросу определения «естественной» территории азиатского Боспора // ДБ. 2013. 17.
135. Гарбузов, Завойкин, 2010 — *Гарбузов Г. П., Завойкин А. А.* О состоянии хоры центров азиатского Боспора в середине — второй половине V в. до н. э. // ДБ. 2010. 14.
136. Гарбузов, Завойкин, Строкин, Сударев, 2011 — *Гарбузов Г. П., Завойкин А. А., Строкин В. Л., Сударев Н. И.* Освоение греками Таманского п-ова в VI–V вв. до н. э. // ДБ. 2011. 15.
137. Гаркави, 1881 — *Гаркави А. Я.* Еврейские надгробные памятники, найденные на Таманском полуострове // Еврейские записки. 1881. 5.
138. Георгиев — **1958:** *Георгиев В.* Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958; **1977:** Траките и техният език. София, 1977.
139. Георгиева, 1988 — *Георгиева Р.* Поминальная практика во Фракии // ТД Международ. симпозиума «Античная балканистика-6». М., 1988.
140. Гибсон, 2007 — *Гибсон К.* Символы, знаки, эмблемы, мифы. М., 2007.
141. Гилевич, 1970 — *Гилевич А. М.* Кучук-Мойнакский клад херсонесских монет IV–III вв. до н. э. // НЭ. 1970. 8.
142. Гилевич, Щеглов, 1996 — *Гилевич А. М., Щеглов А. Н.* Херсонесец Батилл, сын Никагора // Hyperboreus. 1996. II, f. 2.
143. Гиндин — **1967:** *Гиндин Л. А.* Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. М., 1967; **1977:** Миф о поединке и мифология Аполлона // Славянское и балканское языкознание. Античная балканистика и сравнительная грамматика. М., 1977; **1981:** Древнейшая ономастика Восточных Балкан. София, 1981; **1985:** Лингвофилологический анализ X песни «Одиссеи» и некоторые принципы гомеровской поэтики // Античная культура и современная наука. М., 1985.
144. Гиппиус, 2005 — *Гиппиус А. А.* К биографии Олисея Гречина // Церковь Спаса на Нередице: от Византии к Руси. К 800-летию памятника. М., 2005.
145. Глебов — **2002:** *Глебов В. П.* Еще раз о проблеме III в. до н. э. // БФ (II). 2002; **2003:** О «сарматской» концепции кризиса первой половины III в. до н. э. в Северном Причерноморье // БК. 2003.
146. Глускина, 1963 — *Глускина Л. М.* Имущественные отношения и рабство в Аттике IV в. до н. э. по речам Исея // Проблемы социально-экономической истории древнего мира. М.; Л., 1963.
147. Глушак, Наумова, 1997 — *Глушак А. С., Наумова Н. В.* Христианство в Херсонесе и на Боспоре // Боги Тавриды. История религий народов Крыма. Севастополь, 1997.

148. Голенко, 1982 — *Голенко К. В.* Новая монета царя Спартока // Нумизматика античного Причерноморья. К., 1982.
149. Голенцов, 1983 — *Голенцов А. С.* Граффити из Керкинитиды // КСИА. 1983. 174.
150. Голубцова, 1969 — *Голубцова Е. С.* Рабство и зависимость в эллинистической Малой Азии // Рабство в эллинистических государствах в III–I вв. до н. э. М., 1969.
151. Голубцова, 1967 — *Голубцова Н. И.* У истоков христианской церкви. М., 1967.
152. Горбунова, 1969 — *Горбунова К. С.* Древние греки на острове Березань. Л., 1969.
153. Гордезиани — **1971:** *Гордезиани Р. В.* К этимологии термина *Φῶσις* // Труды Тбилисского гос. ун-та. Серия гуманитар. наук. Вып. 2 (140). Тбилиси, 1971; **1972:** *Αἶα* в древнейших греческих источниках // Античность и современность. М., 1972; **1978:** Проблемы гомеровского эпоса. Тб., 1978.
154. Горлов, 2007 — *Горлов Ю. В.* К изучению сельской округи Фанагории // ДБ. 2007. 11.
155. Горлов и др., 2002 — *Горлов Ю. В., Поротов А. В., Янина Т. А., Фуаш Э., Мюллер К.* К вопросу об историко-географической ситуации на Таманском полуострове в период греческой колонизации // ПИФК. 2002. 12.
156. Горончаровский — **2003:** *Горончаровский В. А.* Римско-боспорский конфликт 40-х годов I в. н. э. // ВДИ. 2003. 3; **2011:** Синдика в период возведения Семибратних курганов // Мнемон. 2011. 10; **2013:** Престижные предметы из погребальных комплексов синдской аристократии // БФ. 2013.
157. Граков — см. список сокращений (= Граков, 1939).
158. Граков — **1928:** *Граков Б. Н.* Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1928; **1935:** Эпиграфические документы царского черепичного завода в Пантикапее // ИГАИМК. 1935. 104; **1939:** Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. 3; **1947:** Термин *Σκίθαί* и его производные в надписях Северного Причерноморья // КСИИМК. 1947. Вып. 16; **1954:** Каменское городище на Днепре. М., 1954; **1971:** Скифы. М., 1971.
159. Граков, Виноградов, 1970 — *Граков Б. Н., Виноградов Ю. Г.* Новые надписи из Херсонеса Таврического // ВДИ. 1970. 3.
160. Грантовский — **1960:** *Грантовский Э. А.* Индо-иранские касты у скифов // XXV междунар. конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960; **1970:** Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970; **1980:** Проблемы изучения общественного строя скифов // ВДИ. 1980. 4.
161. Грач — **1968:** *Грач Н. Л.* О Горгиппе и некоторых династических особенностях правления ранних Спартокидов // АИКСП. 1968; **1984:** Открытие нового исторического источника в Нимфее // ВДИ. 1984. 1.
162. Греция, 2009 — Греция (путеводитель). М., 2009.
163. Греческая эпитафия, 1960 — Греческая эпитафия. М., 1960.
164. Гречко, 2011 — *Гречко Д. С.* К вопросу о демографическом потенциале Ольвии в VI–V вв. до н. э. // БФ. 2011.
165. Грибанов — **2011:** *Грибанов Д. В.* К вопросу о социальном составе пантикапейского народного собрания 309 г. до н. э. // ДП. 2011. 9; **2013:** Поліс на ранньоспартокідівському Боспорі (438–303 рр. до н. е.): адміністративний та соціально-правовий устрій. Харків (АКД), 2013; **2013a:** Левкон I, Мемнон и Аркадия: к вопросу о месте Боспора в международной политике периода фиванской гегемонии // БФ. 2013.
166. Григорьев — **1998:** *Григорьев Д. В.* К вопросу о военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI — первой половине V в. до н. э. // ПИФК. 1998. 5; **2009:** Особенности взаимоотношений эллинов и местного населения в период освоения Северного Причерноморья // БК. 2009; **2011/2:** Военная деятельность Перисада I как основание для его обожествления // Сакральное и власть в античности. Электронный журнал (vlast.at.ua/publ/vypusk 2). 2011/12.

167. Гринбаум, 1973 — *Гринбаум Н. С.* Язык древнегреческой хоровой лирики. Кишинев, 1973.
168. Гуревич, 1982 — *Гуревич Ф. Д.* Новые данные о стеклянных иконках-литиках на территории СССР // ВВ. 1982. 43.
169. Гюзальян, 1952 — *Гюзальян Л. Т.* Приложение к статье А. В. Банк «Восточный сосуд с греческой надписью» // ВВ. 1952. 5.
170. Давыдов, 1955 — *Давыдов Л. К.* Гидрография СССР. Л., 1955. 2.
171. Дандамаев, Луконин, 1980 — *Дандамаев М. А., Луконин В. Г.* Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980.
172. Даньшин, 1993 — *Даньшин Д. И.* Фанагорийская община иудеев // ВДИ. 1993. 1.
173. Дашевская, 1960 — *Дашевская О. Д.* Четвертая надпись Посидея из Неаполя Скифского // СА. 1960. 1.
174. Дворецкий, 1958 — *Дворецкий И. Х.* Древнегреческо-русский словарь. М., 1958.
175. Денисов, 1888 — *Денисов Я. А.* Основания метрики у древних греков и римлян. М., 1888.
176. Денисова, 1982 — *Денисова В. И.* Новый эпиграфический документ из Ольвии // СА. 1982. 1.
177. Десятчиков — **1977:** *Десятчиков Ю. М.* Арифарн, царь сираков // ИКАМ. 1977; **1985:** К вопросу о происхождении династии Спартокидов // КСИА. 1985. 182.
178. Джавахишвили, 1939 — *Джавахишвили И. А.* Проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока // ВДИ. 1939. 4.
179. Диатроптов — **2001:** *Диатроптов П. Д.* Культ героев в античном Северном Причерноморье. М., 2001; **2006:** Надгробие с рельефом сюжета «загробной трапезы» и надписью из раскопок Ольвии // Hyperboreus. 2006. 12.
180. Диатроптов, Емец, 1995 — *Диатроптов П. Д., Емец И. А.* Корпус христианских надписей Боспора // ЭВ. 1995. 2.
181. Диль, 1915 — *Диль Э.* Ольвийская чаша с наговором // ИАК. 1915. 58.
182. Дложевский, 1930 — *Дложевский С. С.* Епіграфічні дрібниці // Вісник Одеської комісії краєзнавства. Одеса, 1930. Ч. 4–5.
183. Добролюбский, Красножон — **1998:** *Добролюбский А. О., Красножон А. В.* Блуждающие гавани истриан и исиаков // ДП. 1998; **2003:** «Финикийский след» в греческой колонизации Северо-Западного Причерноморья (по материалам сероглиняной лощеной керамики) // ДП. 2003.
184. Доватур — **1959:** *Доватур А. И.* Реметалк и Евпатор // ВДИ. 1959. 4; **1965:** Рец. на кн. «Надписи Ольвии» // ВДИ. 1965. 2; **1965а:** Краткий очерк грамматики боспорских надписей // КБН. 1965. С. 797–831; **1980:** Рабство в Аттике VI–V вв. до н. э. Л., 1980.
185. Доманский — **1961:** *Доманский Я. В.* Из истории населения Нижнего Побужья в VII–IV вв. до н. э. // АСГЭ. 1961. 2; **1965:** О начальном периоде существования греческих городов Северного Причерноморья // АСГЭ. 1965. 7; **1979:** О характере греческой колонизации и постколониационном периоде в Северном Причерноморье // ПГК. 1979; **1985:** Ольвия и Скифия в раннеэллинистическое время // ПЭЭ. 1985.
186. Доманский, Копейкина, Марченко, 1978 — *Доманский Я. В., Копейкина Л. В., Марченко К. К.* Из истории Нижнего Побужья в VII–V вв. до н. э. // Проблемы археологии. Л., 1978. 2.
187. Доманский, Марченко, 2007 — *Доманский Я. В., Марченко К. К.* К вопросу о базовой функции первоначального Борисфена // ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ. Антиковедческо-историографический сборник памяти Я. В. Доманского. СПб., 2007.
188. Дондуа Г. Ф., Дондуа Т. Г. Экономические связи Ольвии с Грузией по нумизматическим материалам // ПИО.
189. Древние храмы, 1894 — Древние христианские храмы и Св. Александро-Афонский Зеленчукский монастырь. М., 1894.

190. Древности, 1854 — Древности Босфора Киммерийского. СПб., 1854. 2.
191. Дройзен, 2003 — *Дройзен И. Г.* История эллинизма. М., 2003. 1.
192. Дудко, 1993 — *Дудко Д. М.* Белый остров Ахилла и индоиранская мифология // Восток. 1993. 1.
193. Дюмезиль — **1976:** *Дюмезиль Ж.* Осетинский эпос и мифология. М., 1976; **1990:** Скифы и нарты. М., 1990.
194. Дьяков, 1942 — *Дьяков В. Н.* Таврика в эпоху римской оккупации // УЗ МГПИ. 1942. 23.
195. Дьяконов, 1981 — *Дьяконов И. М.* К методике исследований по этнической истории // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.). М., 1981.
196. Дьячков, 1992 — *Дьячков С. В.* Римские граждане и римская политика на Боспоре в I в. до н. э. — III в. н. э. // Вестник ХГУ. 1992. 363.
197. Егоров, 1971 — *Егоров В. Г.* Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. Чебоксары, 1971.
198. Егоров, 1985 — *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985.
199. Елипашева-Стручалина, 1960 — *Елипашева-Стручалина Р. А.* Последняя римская агрессия на Дунае по барельефам колонны Марка Аврелия // Из истории древнего Рима. Уч. зап. МГПИ. 1960. 153^a.
200. Ельницкий — **1949:** *Ельницкий Л. А.* Киммерийцы и киммерийская культура // ВДИ. 1949. 3; **1961:** Знания древних о северных странах. М., 1961; **1964:** О малоизученных или утраченных греческих и латинских надписях Закавказья // ВДИ. 1964. 2; **1977:** Скифия евразийских степей. Новосибирск, 1977.
201. Емец — **1995:** *Емец И. А.* Граффити и дипинти как источник по сакральным представлениям населения Боспора // Эпиграфический вестник. 1995. 3; **2005:** Граффити и дипинти из античных городов и поселений Боспора Киммерийского. М., 2005.
202. Ефремов, 2013 — *Ефремов Н.* Карийцы в Северном Причерноморье. Легенда и действительность // ПАРВ.
203. Жебелев — **1933:** *Жебелев С. А.* Счастливые города // ИГАИМК. 1933. 100; **1953:** Северное Причерноморье. М.; Л., 1953.
204. Железняк, 1990 — *Железняк И. М.* Контакты праславян Среднего Поднепровья с другими народами (на материале гидронимии) // VI Междунар. конгр. славянской археологии. ТД советской делегации. М., 1990.
205. Журавлев и др., 2010 — *Журавлев Д. В., Шлотцауер У., Камелина Г. А., Кельтербаум Д.* Поселение Стрелка 2 на Таманском полуострове // ДБ. 2010. 14.
206. Журавлев, Шлотцауер, 2011 — *Журавлев Д. В., Шлотцауер У.* Греческая колонизация восточной части Таманского полуострова // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. М., 2011. 1.
207. Завойкин — **1999:** *Завойкин А. А.* Почему Диодор умолчал о кончине Селевка и воцарении Сатира, сына Спартока // ДГВЕ 1996–1997 (1999); **2000:** Памятник Сатира I на азиатском Боспоре // ДБ. 2000. 3; **2001:** Титулатура ранних Спартокидов: заметки по абсолютной и относительной хронологии // Античность в современном измерении. Казань, 2001; **2001a:** «Боспорский феномен» или псевдоэллинизм на Боспоре // ДБ. 2001. 4; **2001b:** Боспор: территориальное государство и полис // БФ (I). 2001; **2002:** К вопросу о статусе Феодосии и Горгиппии в державе Спартокидов // ДБ. 2002. 5; **2004:** Краткий очерк истории Боспора VI — первой четверти III в. до н. э. // ПИФК. 2004. 14; **2005:** Кризис «первой половины» V в. до н. э. на Боспоре // БК. 2005; **2006:** Об институте династических имен у Спартокидов // ДБ. 2006. 10; **2007:** Боспорская монархия: от полисной тирании к территориальной державе // Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия. Скифия. Боспор. М.; К.; Запорожье, 2007; **2007a:** Афродита

- на святилище Деметры и Коры // БФ. 2007; **2009**: О «больших» и «малых» боспорских городах // ДБ. 2009. 13; **2010**: Σάτυρος Динарха (I. 43 Blass) и satyros Плиния (NH. XXXIV. 64) (к вопросу о культе правителя на Боспоре) // ДБ. 2010. 12/1; **2010а**: Периодизация освоения греками Таманского п-ова в I–V вв. до н. э. (соотношение письменных и археологических источников // АМА. 2010. 14; **2010б**: Архаический, классический и эллинистический периоды (VI–II вв. до н. э.) // Античное наследие Кубани. М., 2010. 2; **2011**: Эллины Таманского полуострова и их соседи: первые контакты // БФ. 2011; **2011а**: Были ли Археанактиды «царями Киммерийского Боспора (Diod. XII, 3, 1)?» // Эмбатерион. Сборник статей по искусствоведению, филологии, истории. М., 2011; **2013**: Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления державы Спартокидов. Симферополь; Керчь (Босп. исследования. Suppl. 11), 2013; **2013а**: Союз коня и всадника (заметки о «Боспорской федерации» периода ранних Спартокидов) // ПИФК. 2013. 2; **2013б**: «Царская хора» и ранние Спартокиды // БФ. 2013; **2014**: Образование Боспорского государства: от полиса к царству // ДГВЕ 2012 (2014).
208. Завойкин, Гарбузов, 2010 — *Завойкин А. А., Гарбузов Г. П.* О первом этапе освоения греками Таманского полуострова // ДБ. 2010. 14.
209. Завойкин, Масленников, 2001 — *Завойкин А. А., Масленников А. А.* Специфика освоения сельских территорий Восточного Крыма и Таманского полуострова в VI–V вв. до н. э. // БК. 2001. 7.
210. Завойкин, Сударев, 2006, 2007 — *Завойкин А. А., Сударев Н. И.* Погребения с оружием VI–V вв. до н. э. как источник по политической и военной истории Боспора. Часть 1, 2 // ДБ. 2006, 2007. 9, 10.
211. Завойкина, 1996. См. Ломтадзе, 1996.
212. Завойкина — **2009**: *Завойкина Н. В.* Гипотезы и иконография рельефа на стеле 104 г. н. э. из Танаиса (КБН 1259) // БФ. 2009; **2009а**: Не бог, не царь и не герой... (Еще раз о стеле 104 г. из Танаиса, КБН 1259) // Эмбатерион. Сборник статей по искусствоведению, филологии, истории. М., 2009; **2009б**: О полисе в боспорском государстве в первые века н. э. // БК. 2009; **2013**: Боспорские фиасы: между полисом и монархией. М., 2013.
213. Загинайло, 1976 — *Загинайло А. Г.* К вопросу об экономических связях Западного и Северо-Западного Причерноморья в VI–IV вв. до н. э. по нумизматическим данным // МАСП. 1976. 8.
214. Загинайло, Карышковский, 1990 — *Загинайло А. Г., Карышковский П. О.* Монеты скифского царя Скила // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. Кишинев, 1990.
215. Задников — **2009**: *Задников С. А.* Античная керамика третьей четверти VII в. до н. э. из раскопок на Бельском городище // МОБЧМ. 2009; **2013**: Античная керамика из землянок конца VII — первый четверти VI в. до н. э. Западного Бельского городища // БФ. 2013.
216. Залеская — **1964**: *Залеская В. Н.* Часть бронзового креста-складня из Херсонеса // ВВ. 1964. 25; **1973**: Гностическо-христианский амулет с изображением ангела Арлафа // Сообщения Гос. Эрмитажа. 1973. 36; **1979**: Византийский вотивный сосуд с текстом псалма // ВВ. 1979. 40.
217. Засецкая, 1993 — *Засецкая И. П.* Материалы боспорских некрополей 2-й пол. IV — 1-й пол. V в. // МАИЭТ. 1993. 3.
218. Зельин, 1960 — *Зельин К. К.* Исследования по истории земельных отношений в Египте II–I вв. до н. э. М., 1960.
219. Зинько, 2005 — *Зинько А. В.* Кризис рыболовного промысла в боспорском городе Тиритака во второй половине III в. н. э. // БК. 2005.
220. Зинько — **2008**: *Зинько В. Н.* Боспоро-скифская война последней трети IV в. до н. э. // БК. 2008. 9; **2011**: Становление Нимфейского полиса // БФ. 2011. 1; **2013**: Позднеархаическая история Европейского Боспора в свете новейших археологических исследований // ПИФК. 2013. 2; **2013а**: Актуальные вопросы ранней истории Тиритаки // БФ. 2013.

221. Зинько, 2007 — *Зинько Е. А.* Изображение крестов в ранневизантийских склепах Боспора // БК. 2007.
222. Златковская, 1951 — *Златковская Т. Д.* Мезия в I–II вв. нашей эры. М., 1951.
223. Зограф — **1951:** *Зограф А. Н.* Античные монеты. М.; Л., 1951; **1982:** Лук и стрельба из него на монетах Северного Причерноморья // Нумизматика античного Причерноморья. К., 1982.
224. Золотарев — **1975:** *Золотарев М. И.* Подводные археологические работы у западного берега Стрелецкой бухты близ Херсонеса // 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР. ТД. К., 1975; **1985:** Взаимоотношения Ольвии и Херсонеса в IV–II вв. до н. э. // ПИО. 1985; **1991:** Міжполісні відносини в Північному Причорномор'ї в кінці V — перш. пол. IV ст. до н. е. Херсонес, Боспор та Ольвія // Археологія. 1991. 4; **1994:** Взаимоотношения Ольвии и Херсонеса в IV–II вв. до н. э. (по материалам херсонесских керамических клейм из Ольвии) // Северо-Западный Крым в античную эпоху. К., 1994.
225. Зубар, Козуб, 2002 — *Зубар В. М., Козуб Ю. И.* Нова епітафія римського легіонера з Ольвії // Археологія. 2002. 2.
226. Зубарь — **1987:** *Зубарь В. М.* Этнический состав населения Херсонеса Таврического первых веков н. э. // Материалы к этнической истории Крыма. К., 1987; **1993:** По поводу достоверности одного письменного источника по истории Ольвии середины II в. н. э. // СА. 1993. 2; **1993а:** Северное Причерноморье и Септимий Север // ВДИ. 1993. 4; **1994:** Ольвия, сарматы и Рим во второй половине I в. н. э. // ВДИ. 1994. 3; **1998:** Северный Понт и Римская империя (середина I в. до н. э. — первая половина VI в. н. э.). К., 1998; **2001:** О заключительном этапе истории Ольвии // ВДИ. 2001. 1; **2002:** Еще раз по поводу интерпретации надгробия солдата Кипрской когорты Луция Волузия из Пантикапея // БФ (I). 2002; **2003:** Еще раз о походе Тиберия Плавция Сильвана в Таврику // Исседон. 2003. 2; **2003а:** Латинские эпитафические памятники Пантикапея // БИ. 2003. 3; **2003/4:** Ольвия и Римская империя: динамика и характер контактов // Stratum plus. 2003/4. 4; **2004:** Таврика и Римская империя. Римские войска и укрепления в Таврике. К., 2004; **2004а:** Еще раз по поводу интерпретации надписи в честь Агасикла, сына Ктесия (IOSPE I² 418) // ВДИ. 2004. 3.
227. Зубарь, Козуб, 2005 — *Зубарь В. М., Козуб Ю. И.* Новые надгробия с латинскими эпитафиями из Ольвии // Исседон. 2005. 3.
228. Зубарь, Крапивина — **2000:** *Зубарь В. М., Крапивина В. В.* Новая латинская надпись и некоторые вопросы истории Ольвии в середине III в. // Stratum plus. 2000. 6; **2004:** О римском гарнизоне Ольвии в середине III в. // ВДИ. 2004. 4.
229. Зубарь, Сарновски, 1997 — *Зубарь В. М., Сарновски Т.* Новая латинская строительная надпись с Ай-Тодора и некоторые вопросы римской военной организации в Таврике во второй половине II в. // ВДИ. 1997. 4.
230. Зубарь, Сон, 2007 — *Зубарь В. М., Сон Н. А.* Северо-Западное Причерноморье в античную эпоху. Симферополь, 2007.
231. Ивакин, 1981 — *Ивакин Г. Ю.* Памятники сфрагистики и нумизматики // Новое в археологии Киева. К., 1981.
232. Иванов, 1989 — *Иванов Вяч. Вс.* Ритуальное сожжение конского черепа и колеса в Полесье и его индоевропейские параллели // Славянский и балканский фольклор. М., 1989.
233. Иванов, Сударев — **2012:** *Иванов А. В., Сударев Н. И.* К вопросу о догреческом населении Таманского полуострова // ДБ. 2012. 16; **2013:** Об автохтонном населении Тамани накануне колонизации // ДБ. 2013. 17; **2014:** О двух моделях колонизации Азиатского Боспора // БК. 2014.
234. Иванов, Топоров, 1974 — *Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей. М., 1974.
235. Иванова, 1953 — *Иванова А. П.* Искусство античных городов Северного Причерноморья. Л., 1953.

236. Иванчик — **1996:** *Иванчик А. И.* Киммерийцы. М., 1996; **1999:** Современное состояние киммерийской проблемы. Итоги дискуссии // ВДИ. 1999. 2; **2005:** Накануне колонизации. М.; Берлин, 2005; **2002:** Кем были «скифские» лучники на аттических вазах эпохи архаики? // ВДИ. 2002. 3; **2008:** Три надписи фиасов эллинистического времени из Танаиса // ВДИ. 2008. 2; **2009:** К вопросу о скифском языке // ВДИ. 2009. 2; **2011:** Стефан, сын Александра из Смирны: Ольвия и ее эвергет второй половины II в. до н. э. // НЭ. 2011. 18; **2013:** Новые данные о римском военном присутствии на Боспоре // ВДИ. 2013. 1; **2013а:** Новое надгробие римского легионера из Ольвии // ПАРВ.
237. Иванчик, Толстиков, Ковальчук, 2007 — *Иванчик А. И., Толстиков В. П., Ковальчук А. В.* Новая надгробная эпитафия из Пантикапея // ВДИ. 2007. 1.
238. Иевлев — **1992:** *Иевлев М. М.* Природні умови та їх вплив на господарську діяльність населення Нижнього Побужжя в епоху грецької колонізації (VII–V ст. до н. е.) // Археологія. 1992. 4; **2009:** Роль торговых путей при выборе места для основания первых архаических греческих поселений на территории Северного Причерноморья // МОБЧМ. 2009.
239. Иевлев, Минаева — **2006:** *Иевлев М. М., Минаева Н. И.* К вопросу о выборе места и направленности хозяйственной деятельности Ягорлыцкого поселения // БК. 2006; **2009:** Хозяйственная деятельность населения крупнейших поселений Ольвийской хоры в архаический период // БК. 2009.
240. Иессен, 1947 — *Иессен А. А.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947.
241. Іллінська, Тереножкін, 1971 — *Іллінська В. О., Тереножкін О. І.* Скіфський період // Археологія Української РСР. Київ, 1971. 2.
242. Ильина — **2000:** *Ильина Ю. И.* О новых находках восточногреческой керамики на острове Березань // ΣΥΣΤΙΓΙΑ. СПб., 2000; **2004:** Ранняя керамика из Ольвии // БФ. 2004. 2; **2005:** Хиосская керамика из раскопок на острове Березань // Борисфен — Березань. Археологическая коллекция Эрмитажа. СПб., 2005. Т. 1.
243. Ильинская, 1966 — *Ильинская В. А.* Скифские курганы около г. Борисполя // СА. 1966. 3.
244. Иордан, 1960 — *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. Вступит. статья, перевод, коммент. Е. Ч. Скржинской. М., 1960.
245. Искусство Византии, 1977 — Искусство Византии в собраниях СССР. М., 1977. 1–3.
246. Исмагил — **2002:** *Исмагил Р.* Танаис и другие восточные реки Геродота. Ранние тюркизмы в «скифском логосе» // Вопросы археологии Поволжья. 2002. 2; **2013:** Танаис: река и город // БФ. 2013.
247. Кадеев — **1968:** *Кадеев В. И.* Средневековые граффити из Херсонеса // СА. 1968. 2; **1970:** Очерки истории экономики Херсонеса в I–IV вв. н. э. Харьков, 1970; **1981:** Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков, 1981; **1983:** О календаре Херсонеса Таврического // Вестник Харьковского ун-та. 1983. Т. 385.
248. Казакевич, 1961 — *Казакевич Э. Л.* О рабах-агентах в Афинах // ВДИ. 1961. 3.
249. Казаманова, 1964 — *Казаманова Л. Н.* Очерки социально-экономической истории Крита V–IV вв. до н. э. М., 1964.
250. Казанский, 1983 — *Казанский Н. Н.* Диалекты древнегреческого языка. Л., 1983.
251. Казанский, Мастыкова, 2007 — *Казанский М. М., Мастыкова А. В.* Золотая гривна из Фанагории: о германцах на Боспоре Киммерийском в позднеримское время // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2007. 8.
252. Каллистов — **1949:** *Каллистов Д. П.* Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949; **1952:** Северное Причерноморье в античную эпоху. М., 1952.
253. Капошина, 1956 — *Капошина С. И.* Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья // Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху. М.; Л., (МИА, 50) 1956.

254. Карагодин, 1987 — *Карагодин А. И.* Унаган боголы // Советская этнография. 1987. 2.
255. Карасев, 1964 — *Карасев А. Н.* Монументальные памятники Ольвийского теменоса // Ольвия. М.; Л., 1964.
256. Карасев, Леви, 1976 — *Карасев А. Н., Леви Е. И.* Исследования Ольвии после Б. В. Фармаковского // ХКАМ. 1976.
257. Карышковский — **1958:** *Карышковский П. О.* Утерянная ольвийская надпись // СА. 1958. XXVIII; **1959:** Ольвия и Афинский союз // МАСП. 1959. 3; **1959а:** Материалы к собранию древних надписей Сарматии и Тавриды // ВДИ. 1959. 4; **1959б:** Из истории монетного дела и денежного обращения Ольвии в V–III вв. до н. э. // ПИСПАЭ. 1959; **1960:** О монетах с надписью ΕΜΙΝΑΚΟ // СА. 1960. 1; **1960а:** Из истории денежного обращения в Северном Причерноморье в III в. до н. э. // ЗОАО. 1960. 1; **1960в:** Об обращении кизикинов в Ольвии // НЭ. 1960. 2; **1961:** Об эре Херсонеса Таврического // КСОАМ. 1961; **1962:** О надписях на ранних монетах Ольвии // МАСП. 1962. 4; **1962а:** Монеты западнопонтийских династов, найденные в Северном Причерноморье // СА. 1962. 4; **1963 (1965):** Ольвия и Херсонес по нумизматическим данным // КСОАМ. 1963 (1965); **1964:** Ольвия и Боспор по нумизматическим данным // КСОАМ. 1962 (1964); **1966:** Материалы к собранию древних надписей Сарматии и Тавриды // ВДИ. 1966. 2; **1966а:** К вопросу о древнем названии Роксолановского городища // МАСП. 1966. 5; **1967:** Заметки об Ольвии и Борисфене // ЗОАО. 1967. 2; **1968:** (П. Й. Карышковский) До питання про дату ольвійського декрету на честь Протогена // Археологія. 1968. 21; **1968а:** Новые данные о связях Ольвии с Малой Азией во II в. н. э. // АЙКСР. 1968; **1968б:** Из истории поздней Ольвии // ВДИ. 1968. 1; **1969:** Рец. на кн. «Надписи Ольвии» // ВДИ. 1969. 2; **1969а:** Монетное дело и денежное обращение Ольвии. АДД. Л., 1969; **1971:** Из истории Тиры в I–II вв. н. э. // МАСП. 1971. 7; **1976:** Монеты ольвийской коллегии Семи // ХКААМ. 1976; **1978:** Ольвийские эпонимы // ВДИ. 1978. 2; **1982:** Ольвия и Рим в I в. н. э. // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. К., 1982; **1983:** Ольвийские монеты, найденные на острове Левке // Материалы по археологии Северного Причерноморья. К., 1983; **1984:** Ольвийские молады // Северное Причерноморье. К., 1984; **1984а:** Новые материалы о монетах Эминака // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. К., 1984; **1986:** Монетное дело Ольвии во второй половине II в. н. э. // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры. К., 1986; **1987:** Новые клады ольвийских «борисфенов» // Вторая нумизматическая конференция. ТД. М., 1987; **1988:** Монеты Ольвии. К., 1988; **1993:** Новые ольвийские посвящения первых веков нашей эры // ВДИ. 1993. 1.
258. Карышковский, Клейман, 1985 — *Карышковский П. О., Клейман И. Б.* Древний город Тира. К., 1985.
259. Каряка, 2005 — *Каряка А. В.* К вопросу об оборонительных сооружениях в Нижнем городе Ольвии в эллинистическое время // БФ. 2005.
260. Каухчишвили — **1951:** *Каухчишвили Т. С.* Греческие надписи Грузии. Тбилиси (на груз. яз.), 1951; **1955:** Греческая надпись найденной в Цилкани геммы // Материалы по археологии Грузии и Кавказа. Тбилиси, 1955. 1; **1957:** Греческая надпись на сухумском светильнике // Тр. Абхаз, ин-та языка, литературы и истории. Сухуми, 1957. 28; **1958:** Эпиграфические новости из Грузии // ВДИ. 1958. 4; **1968:** Греческая надпись из Казрети // ВВ. 1968. 29.
261. Кац — **1985:** *Кац В. И.* Типология и хронологическая классификация херсонесских магистратских клейм // ВДИ. 1985. 1; **1994:** Керамические клейма Херсонеса Таврического. Саратов, 1994.
262. Кашаев, 2009 — *Кашаев С. В.* К вопросу об иудейских некрополях Боспора // БК. 2009.
263. Кашаев, Кашовская — **1999:** *Кашаев С. В., Кашовская Н. В.* Две надгробные плиты из станицы Вышестеблиевской близ Тамани // БФ. 1999; **2001:** Новые боспорские надгробия // БФ. 2001. 1; **2002:** К вопросу о плитах с иудейской символикой на Боспоре

- Киммерийском // БК. 2002; **2008**: Культурный комплекс (СК-6) и эпиграфические материалы с поселения Вышестеблиевская-II // ДБ. 2008. 12-I; **2009**: Иудейская диаспора на Боспоре по данным археологии // *Archeologia Abrahamica*. М., 2009.
264. Каштанов, 2010 — *Каштанов Д. В.* Греческая эпиграфика Северного Кавказа: проблемы датировки // Проблемы датировки и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. ТД. Магас, 2010.
265. Каштанов, Пьянков, 2013 — *Каштанов Д. В., Пьянков А. В.* Греческая надпись из станицы Курджипской // Шестая междунар. археологическая конф. Материалы. Краснодар, 2013.
266. КБН-альбом — см. список сокращений.
267. Кёйпер, 1986 — *Кёйпер Ф.* Труды по ведийской мифологии. М., 1986.
268. Керасиди, 1999 — *Керасиди Н. Х.* Древнегреческие авторы о земле киммерийцев // БФ. 1999.
269. Кислый, 1999 — *Кислый А. Е.* Феномен античной письменной традиции: Боспор Киммерийский, киммерийская культура на Боспоре // БФ. 1999.
270. Клейман — **1971**: *Клейман И. Б.* Раскопки помещения вексилляции I Италийского легиона в Тире // МАСП. 1971. 7; **1976**: К стратиграфии напластований римского времени в Тире // МАСП. 1976. 8.
271. Кляшторный, 1986 — *Кляшторный С. Г.* Формы социальной зависимости в государствах кочевников Центральной Азии // Рабство в странах Востока в средние века. М., 1986.
272. Книпович — **1934**: *Книпович Т. Н.* К вопросу о торговых сношениях греков с областью реки Танаиса в VII–VI вв. до н. э. // ИГАИМК. 1934. 104; **1956**: Население Ольвии в VI–I вв. до н. э. по данным эпиграфических источников // Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху (МИА, 50). 1956; **1966**: Греческое лапидарное письмо в памятниках Ольвии // НЭ. 1966. 6; **1966а**: К вопросу о датировке ольвийского декрета в честь Протогена // ВДИ. 1966. 2; **1968**: К вопросу о римлянах в составе населения Ольвии I–III вв. н. э. // АИКСП. 1968.
273. Кобылина — **1956**: *Кобылина М. М.* Фанагория // МИА. 1956. 57; **1965**: Милет. М., 1965; **1978**: Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н. э. М., 1978.
274. Коваленко, 2005 — *Коваленко С. А.* О начале монетной чеканки на Боспоре // БФ. 2005.
275. Кожокару, 2011 — *Кожокару В.* «Возвращение» Эпикрата // Труды Института лингвистических исследований. СПб., 2011. Т. VII, 1.
276. Кожокару, Лицу, 2009 — *Кожокару В., Лицу А.* Проксенические декреты как инструмент взаимоотношений с чужеземцами в понтийских греческих обществах и на острове Кос: предварительные итоги сравнительного исследования // Северное и Западное Причерноморье в античную эпоху и средневековье. Симферополь, 2009.
277. Козловская — **1981**: *Козловская В. И.* Эмпорион и хинтерланд // ДСП. 1981; **1990**: Проблемы греческой колонизации Западного Средиземноморья // ПВ. 1990; **2006**: Фокея и Западный Лангедок. Агата: от туземного эмпория к западноионийскому полису // Античная цивилизация и варвары. М., 2006.
278. Козуб — **1974**: *Козуб Ю. И.* Некрополь Ольвии V–IV вв. до н. э. К., 1974; **1979**: Передмістя Ольвії // Археологія. 1979. Вип. 29.
279. Коков, 1974 — *Коков Д. Н.* К постановке вопроса о черкесской топонимике на Черноморском и Азовском побережье // УЗ Кабардино-Балкарского ун-та. 1974. 7.
280. Колесников, 1985 — *Колесников А. Б.* Керамические клейма из раскопок усадеб у Евпаторийского маяка // ВДИ. 1985. 2.
281. Колесников — **2001**: *Колесников М. А.* Метод грубой оценки динамики роста численности поселения и возраста греческой колонии по полной площади городища // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков, 2001; **2003**: Греческая колонизация Средиземноморья. К., 2003.

282. Колобова, 1963 — *Колобова К. М.* Термин ΟΙΚΕΤΗΣ у Фукидида // Проблемы социально-экономической истории древнего мира. М.; Л., 1963.
283. Колосовская — **1973**: *Колосовская Ю. К.* Паннония в I–III веках. М., 1973; **1988**: Римский наместник и его роль во внешнеполитической истории Дакии // ВДИ. 1988. 4.
284. Колпинский, 1988 — *Колпинский Ю. Д.* Великое наследие античной Эллады. М., 1988.
285. Колчин, Хорошев, Янин, 1981 — *Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л.* Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981.
286. Кон, 1974 — *Кон И. С.* Понятие дружбы в Древней Греции // ВДИ. 1974. 3.
287. Кононов, Иванов, 2013 — *Кононов В. Ю., Иванов А. В.* Соседи Азиатского Боспора в VI–IV вв. до н. э. // БФ. 2013.
288. Константин Багрянородный 1989 — *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М., 1989.
289. Копейкина — **1970**: *Копейкина Л. В.* Родосско-ионийская керамика из раскопок на острове Березань // Wiss. Zeitschrift der Universität Rostok. Gesellschafts- und Sprachwiss. Reihe. 1970. Hft. 8; **1973**: Самый ранний образец расписной древнегреческой керамики из раскопок на острове Березань // СА. 1973. 2; **1975**: Новые данные об облике Березани и Ольвии в архаический период // СА. 1975. 2; **1976**: Некоторые итоги исследования архаической Ольвии // ХКААМ. 1976; **1979**: Особенности развития Березанского поселения в связи с ходом колонизационного процесса // ПГК. 1979; **1981**: Особенности развития поселения на о-ве Березань в архаический период // СА. 1981. 1; **1982**: Родосско-ионийская керамика VII в. до н. э. с о. Березань и ее значение для изучения раннего периода существования поселения // Художественные изделия античных мастеров. Л., 1982.
290. Копылов — **1998**: *Копылов В. П.* Таганрогское поселение в системе раннегреческих колоний Северного Причерноморья // ДП. 1998; **1999**: Таганрогское поселение в системе раннегреческих колоний Северного Причерноморья // ВДИ. 1999. 4; **2009**: Нижнедонской культурно-исторический район в системе международных отношений (VII — первая треть III в. до н. э.) // МОБЧМ. 2009.
291. Копылов, Коваленко — **2011**: *Копылов В. П., Коваленко А. Н.* О динамике греко-варварских взаимоотношений в Нижнедонском культурно-историческом районе в скифо-античный период и времени появления греков в составе населения Елизаветовского городища // ДП. 2011. 9; **2012**: К вопросу об урбанистических центрах скифо-античного времени в Нижнедонском культурно-историческом районе // БК. 2012.
292. Копылов, Литвиченко, 2006 — *Копылов В. П., Литвиченко Л. В.* Расписные килики из Таганрогского поселения // МОБЧМ. 2006.
293. Копылов, Рылов, 2006 — *Копылов В. П., Рылов В. Г.* Историко-географические предпосылки начала освоения греками устьевой области реки Танаис // ДП. 2006.
294. Корзухина, 1958 — *Корзухина Г. Ф.* О памятниках «корсунского дела» на Руси // ВВ. 1958. 14.
295. Корпусова, 1987 — *Корпусова В. Н.* Восточногреческая расписная керамика // КНОО. 1987.
296. Коссович, 1848 — *Коссович И. А.* Греческо-русский словарь. М., 1848.
297. Коцевалов, 1928 — *Коцевалов А. С.* Деякі данні про науку і літературу в грецьких колоніях північного побережжя Чорного моря // Східний світ. 1928. 5.
298. Кошеленко — **1975**: *Кошеленко Г. А.* Градостроительная структура «идеального» полиса» // ВДИ. 1975. 1; **1999**: Боспорский вариант мифа о гибели гигантов // ДБ. 1999. 2.
299. Кошеленко, Кузнецов — **1990**: *Кошеленко Г. А., Кузнецов В. Д.* Греческая колонизация Боспора // ПВ. 1990; **2010**: Греческая колонизация азиатского Боспора // Античное наследие Кубани. М., 2010. Т. 1.
300. Крапивина — **1993**: *Крапивина В. В.* Ольвия. Материальная культура I–IV вв. н. э. К., 1993; **2009**: Тира, Ольвия и варвары в III в. н. э. // МОБЧМ. 2009; **2013**: Позднеантичный

- период истории Ольвии Понтийской // ВДИ. 2013. 1; **2013а**: О торговле Ольвии в первые века н. э. // БФ. 2013.
301. Крапивина, Буйских, 2011 — *Крапивина В. В., Буйских А. В.* Новый производственный комплекс позднеархаического времени из Ольвии // БК. 2011.
  302. Крапивина, Диатроптов, 2005 — *Крапивина В. В., Диатроптов П. Д.* Надпись наместника Митридата VI Евпатора из Ольвии // ВДИ. 2005. 1.
  303. Красухин — **2000**: *Красухин К. Г.* Греческие инфинитивы в императивной функции // Классическая филология и индоевропейское языкознание. СПб., 2000. Т. 2; **2010**: Лошади, ослы и индоевропейцы в Малой Азии // Эмбатерион: Сборник статей по искусствоведению, филологии, истории. М., 2010.
  304. Крижицкий, 2001 — *Крижицкий С. Д.* Ольвія і скіфи у V ст. до н. е. До питання про скіфський «протекторат» // Археологія. 2001. 3.
  305. Крижицкий, Буйских, 1990 — *Крижицкий С. Д., Буйских А. В.* Реконструкція споруд Центрального теменоса в Ольвії // Археологія. 1990. 3.
  306. Крижицкий, Крапивина, Лейпунська, 1994 — *Крижицкий С. Д., Крапивина В. В., Лейпунська Н. О.* Головні етапи історичного розвитку Ольвії // Археологія. 1994. 2.
  307. Крижицкий, Русяева, 1978 — *Крижицкий С. Д., Русяева А. С.* Найдавніші житла Ольвії // Археологія. 1978. Вып. 28.
  308. Крижицкий, Щеглов, 1991 — *Крижицкий С. Д., Щеглов О. М.* Про зерновий потенціал античних держав Північного Причорномор'я // Археологія. 1991. 1.
  309. Кропоткин — **1961**: *Кропоткин В. В.* Клады монет на территории СССР. М., 1961; **1971**: Византийская чаша из Крылосского клада VII в. // ВВ. 1971. 31.
  310. Кругликова, 2004 — *Кругликова И. Т.* Джагат-тепе // ПИФК. 2004. 14.
  311. Крутилов, Смирнов, Бондаренко, 2012 — *Крутилов В. В., Смирнов А. И., Бондаренко Д. В.* Керамический производственный комплекс середины VI в. до н. э. на Березанском античном поселении // БК. 2012.
  312. Крутилов, Чистов, 2012 — *Крутилов В. В., Чистов Д. Е.* К вопросу о реконструкции планировки Березанского поселения во второй половине VI — первой трети V в. до н. э. // БК. 2012.
  313. Крыжицкий — **1971**: *Крыжицкий С. Д.* Жилые ансамбли древней Ольвии. К., 1971; **1979**: Древнейшие слои жилых кварталов Ольвии // ПАИК. 1979. 2; **1979а**: О развитии городской территории Ольвии в первом тысячелетии до нашей эры // ПГК. 1979; **1982**: Жилые дома античных городов Северного Причерноморья. К., 1982; **1984**: Основные итоги изучения затопленной части Нижнего города Ольвии // Античная культура Северного Причерноморья. К., 1984; **1985**: Ольвия. К., 1985; **1985а**: К вопросу об определении количества населения в греческом эллинистическом городе // ПЭЭ. 1985; **1998**: Храм Аполлона Врача на Западном теменосе Ольвии // ВДИ. 1998. 1; **2002**: Ольвия и скифы в V в. до н. э. К вопросу о скифском «протекторате» // Археологические вести. 2002. 9; **2004**: Позднеархаические храмы Борисфена и Ольвии // Aspects of Spiritual Life in South East Europe from Prehistory to the Middle Ages. Iași, 2004.
  314. Крыжицкий и др., 1979 — *Крыжицкий С. Д. и др.* Основные объекты работ Ольвийской экспедиции // Археологические открытия за 1978 г. М., 1979.
  315. Крыжицкий, Буйских, Отрешко, 1990 — *Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Отрешко В. М.* Античные поселения Нижнего Побужья. К., 1990.
  316. Крыжицкий, Бураков, Буйских, Отрешко, Рубан, 1980 — *Крыжицкий С. Д., Бураков А. В., Буйских С. Б., Отрешко В. М., Рубан В. В.* К истории ольвийской сельской округи // ИААСП. 1980.
  317. Крыжицкий, Лейпунская — **1988**: *Крыжицкий С. Д., Лейпунская Н. А.* Комплекс Западных ворот Ольвии // АДСП. 1988; **2006**: Северный квартал и оборона в Нижнем городе Ольвии // БК. 2006. 7.

318. Крыжицкий, Отрешко, 1986 — *Крыжицкий С. Д., Отрешко В. М.* К проблеме формирования Ольвийского полиса // Ольвия и ее округа. К., 1986.
319. Крыкин — **1980:** *Крыкин С. А.* К вопросу о боспорском всаднике // *Thracia antiqua*. Sofia, 1980. Т. 7; **1990:** Вотивный рельеф Фракийского всадника из Полтавского Краеведческого музея // ВДИ. 1990. 1.
320. Крюгер, 1920 — *Крюгер О.* Надгробие Леокса, сына Молпагора // ИРАИМК. 1920. 1.
321. Ксенофонтова, 1983 — *Ксенофонтова И. В.* Всесоюзная научная конференция «Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье» // ВДИ. 1983. 1.
322. Кудрявцев, 1954 — *Кудрявцев О. В.* Эллинские провинции Балканского полуострова во II в. н. э. М., 1954.
323. Куза, 1977 — *Куза А. В.* Печати Евстафия // СА. 1977. 3.
324. Кузнецов — **1995:** *Кузнецов В. Д.* Ранние типы греческого жилища в Северном Причерноморье // Боспорский сборник. 1995. 6; **2001:** Полис на Боспоре (эпоха архаики) // ДБ. 2001. 4; **2001а:** Метрополия Фанагории // ДБ. 2001. 4; **2009:** Причерноморские греки в варварской земле // ДБ. 2009. 13; **2010:** О времени основания Фанагории // ДБ. 2010. 14; **2013:** Апатур // Материалы по археологии и истории Фанагории. М., 2013. 1. (Фанагория. Т. 1); **2013а:** Заметки по греческой колонизации Боспора // ПАРВ.
325. Кузнецова — **1984:** *Кузнецова Т. М.* Анахарсис и Скил // КСИА. 1984. 178; **2009:** Хронология скифского присутствия на Ближнем Востоке (по следам Геродота) // *Stratum plus*. 2009. 3; **2013:** Скифы и греки в период архаики (мифы и реалии) // БФ. 2013; **2013а:** О дате основания Истрии и Борисфена // ПАРВ.
326. Кузьма, 1967 — *Кузьма М. И.* Взаємовідносини Ольвії з Грецією в IV–III ст. до н. е. // *Іноземна філологія*. Львів, 1967. 13.
327. Кулакова, 2003 — *Кулакова А. Л.* Клазоменцы на Боспоре (к вопросу о «клазоменских вышках» Страбона) // БК. 2003.
328. Кулаковский — **1891:** *Кулаковский Ю. А.* Керченская христианская катакомба 491 г. // МАР. 1891. 6; **1895:** К объяснению надписи с именем императора Юстиниана, найденной на Таманском полуострове // ВВ. 1895. 2; **1896:** Две керченские катакомбы с фресками // МАР. 1896. 19; **1896а:** К истории Боспора Киммерийского в конце VI в. // ВВ. 1896. 3; **1897:** [Рец. на кн.: Латышев, 1896] // ВВ. 1897. 4; **1897а:** [Рец. на кн.: Латышев, 1896] // ФО. 1897. 12; **1898:** К истории готской епархии (в Крыму) в VIII в. // ЖМНП. Февр. 1898; **1898а:** Новейшие находки в Старом Крыму // АИЗ. 1898; **1908:** Керчь и ее христианские памятники // Православная богословская энциклопедия. СПб., 1908. 9; **1914:** Прошлое Тавриды. К., 1914; **2003:** История Византии. СПб., 2003. 1.
329. Куликов, Бейлин, Ермолин, Столяренко, 2012 — *Куликов А. В., Бейлин Д. В., Ермолин А. Л., Столяренко П. Г.* Археологические разведки на южном склоне Митридатской гряды (еще раз к вопросу о догреческом поселении на месте Пантикапея) // ДБ. 2012. 16.
330. Кулланда — **2006:** *Кулланда С. В.* *Lingua Scythica ad usum historici* // Древности скифской эпохи. М., 2006; **2013:** Скифские этимологии // Иранский мир II–I тыс. до н. э. М., 2013.
331. Кулланда, Раевский, 2004 — *Кулланда С. В., Раевский Д. С.* Эминак в ряду владык Скифии // ВДИ. 2004. 1.
332. Кунов, 1929 — *Кунов Г.* Всеобщая история хозяйства. М.; Л., 1929. Т. 1.
333. Кутайсов — **1990:** *Кутайсов В. А.* Античный город Керкинитида. К., 1990; **2003:** Керкинитида и Херсонес в IV–II вв. до н. э. // ВДИ. 2003. 2.
334. Ладынин, 2007 — *Ладынин И. А.* Еще раз о перстнях «Птолемеевского типа» из Северного Причерноморья: к возможной попытке интерпретации в свете внешней политики эллинистического Египта в III в. до н. э. // ДБ. 2007. 11.
335. Лазарев, 1960 — *Лазарев В. Н.* Фрески Старой Ладоги. М., 1960.
336. Ланцов — **1994:** *Ланцов С. Б.* Античное поселение Ново-Федоровка и некоторые вопросы херсонесской хоры // Северо-Западный Крым в античную эпоху. К.,

- 1994; **2001**: Боспорская медь из херсонесского святилища на Сакской пересыпи // БФ. 2001. 2.
337. Лапин — **1966**: *Лапин В. В.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. К., 1966; **1971**: Групповая находка ольвийских «дельфинов» на Березани // МАСП. 1971. 7.
338. Лапин, Карышковский, 1979 — *Лапин В. В., Карышковский П. О.* Денежно-вещевой клад эпохи греческой колонизации, найденный на Березани в 1975 г. // ПГК. 1979.
339. Лаптева — **1996**: *Лаптева М. Ю.* Типология старшей ионийской тирании // ИКДМ. 1996; **2009**: У истоков древнегреческой цивилизации. Иония XI–VI вв. до н. э. СПб., 2009.
340. Латышев — **1887**: *Латышев В. В.* Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887; **1887а**: Кавказские памятники в Москве // ЗРАО. 1887. 2; **1891**: [Рец. на кн. Кулаковский, 1891] // ЖМНП. Дек. 1891; **1895**: О поддельных греческих надписях из Южной России // ЗООИД. 1895. 18; **1896**: Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896; **1897, 1898, 1901**: Заметки к христианским надписям из Крыма // ЗООИД. 1897, 1898, 1901. 20, 21, 23; **1898а**: К надписи Евлатерия // ЗООИД. 1898. 21; **1899**: Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1895–1898 годах // МАР. 1899. 23; **1901а**: Надпись о постройке херсонесской стены // ИАК. 1901. 1; **1901б**: К церковной археологии Херсонеса // ЖМНП. Окт. 1901; **1904, 1905, 1906, 1907, 1908, 1913, 1915, 1918**: Эпиграфические новости из Южной России // ИАК. 1904, 1905, 1906, 1907, 1908, 1913, 1915, 1918. 10, 14, 18, 23, 27, 47, 58, 65; **1904а**: Заметки о кавказских надписях // ИАК. 1904. 10; **1909**: ПОНТИКА. СПб., 1909; **1916**: Вновь найденные в Крыму христианские надписи // ИТУАК. 1916. 53; **1918**: Новые христианские греческие надписи из Крыма // ИТУАК. 1918. 54; **1921**: Заметки по греческой эпиграфике // ИРАИМК. 1921. 1; **1922**: Неизданные боспорские надписи // ИРАИМК. 1922. 2; **1997**: Очерк греческих древностей. СПб., 1997. 1–2.
341. Лебедев, 1989 — *Лебедев А. В.* Фрагменты ранних греческих философов. М., 1989. 1.
342. Леви — **1947**: *Леви Е. И.* К вопросу о датировке херсонесской присяги // СА. 1947. IX; **1956**: Ольвийская агора // Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху. М.; Л., (МИА, 50) 1956; **1964**: Керамический комплекс III–II вв. до н. э. из раскопок ольвийской агоры // Ольвия. М.; Л., 1964; **1965**: Ольвийская надпись с посвящением Аполлону Врачу // ВДИ. 1965. 2; **1966**: К вопросу о культе Аполлона Дельфиния в Ольвии // КАМ. 1966; **1968**: Новый ольвийский декрет в честь синопейца // АИКСП. 1968; **1978**: Раскопки Ольвийской агоры и теменоса // КСИА. 1978. 156; **1985**: Ольвия. Л., 1985.
343. Левинская, 1992 — *Левинская И. А.* Чтущие Бога Высочайшего в надписях из Танаиса // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992.
344. Левинский, 2009 — *Левинский А. Н.* Заселение греческими колонистами Нижнеднепровской равнины в VI в. до н. э. // МОБЧМ. 2009.
345. Лейпунская — **1981**: *Лейпунская Н. А.* Керамическая тара из Ольвии. К., 1981; **1986**: Жилой район Ольвии к юго-западу от агоры // Ольвия и ее округа. К., 1986; **2006**: Северный квартал и оборона в Нижнем городе Ольвии // БК. 2006. 7.
346. Лейпунська — **1970**: *Лейпунська Н. О.* О культе Ахилла в Северном Причерноморье // Археологія. 1970. 23; **1980**: Лутерії з Ольвії // Археологія. 1980. 33; **1984**: Ливарні форми з Ольвії // Археологія. 1984. 145; **1990**: Новий напис з Ольвії // Археологія. 1990. 3; **1995**: Економіка Ольвійської держави // Археологія. 1995. 3.
347. Лейпунська, Назарчук, 1993 — *Лейпунська Н. О., Назарчук В. І.* Нова знахідка монети Емінака з Ольвії // Археологія. 1993. 1.
348. Ленцман, 1963 — *Ленцман Я. А.* Рабство в микенской и гомеровской Греции. М., 1963.
349. Лепер, 1913 — *Лепер Р. Х.* Археологические исследования в Мангупе в 1912 г. // ИАК. 1913. 47.
350. Лившиц, 2010 — *Лившиц В. А.* Парфянская ономастика. СПб., 2010.

351. Литаврин, Пятыешева, 1978 — *Литаврин Г. Г., Пятыешева Н. В.* Бронзовая пластинка из Херсонеса с именем Анастаса // *Studia in honorem V. Besevliev. Sofia, 1978.*
352. Литвиненко, 1991 — *Литвиненко Ю. Н.* Птолемеевский Египет и Северное Причерноморье в III в. до н. э. // ВДИ. 1991. 1.
353. Литвинский, 1968 — *Литвинский Б. А.* Кангюйско-сарматский фарн. Душанбе, 1968.
354. Ломтадзе, 2013 — *Ломтадзе Г. А.* Комплекс находок архаического времени из раскопок поселения Ахтанизовская 4 // ДБ. 2013. 17.
355. Ломтадзе, 1996 (Завойкина) — *Ломтадзе Н. В.* Картографирование эпитафических памятников Фанагории как источник по исторической топографии города // ИКДМ. 1996.
356. Лосев, 1957 — *Лосев А. Ф.* Античная мифология. М., 1957.
357. Луконин — **1969:** *Луконин В. Г.* Культура сасанидского Ирана. М., 1969; **1977:** Искусство древнего Ирана. М., 1977.
358. Лурье — **1947:** *Лурье С. Я.* Геродот. М.; Л., 1947; **1948:** Культ Матери и Девы в Боспорском царстве // ВДИ. 1948. 3.
359. Львов, 1967 — *Львов А. С.* Из лексикологических наблюдений // Этимология 1965. М., 1967.
360. Люценко, 1879/80 — *Люценко Е.* Древние еврейские надгробные памятники, открытые в насыпях фанагорийского городища // Труды III междунар. съезда ориенталистов. СПб., 1879/80. 1.
361. Магомедов, 1983 — *Магомедов М. Г.* Образование Хазарского каганата. М., 1983.
362. Мади, 1967 — *Мади З.* Припонтийские кельты // Античное общество. М., 1967.
363. Макаров — **2006:** *Макаров И. А.* Новые надписи из Херсонеса Таврического // ВДИ. 2006. 4; **2007:** Боспор, Фракия и Херсонес Таврический в первой четверти II в. н. э. // ВДИ. 2007. 4.
364. Маккиавелли, 1973 — *Маккиавелли Н.* История Флоренции. Л., 1973.
365. Максимов, 1999 — *Максимов Е. В.* Про перебування кельтів в Україні // Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тисячолітті н. е. Київ; Львів, 1999.
366. Максимова, 1956 — *Максимова М. И.* Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М.; Л., 1956.
367. Малицкий, 1933 — *Малицкий Н. В.* Заметки по эпиграфике Мангупа // ИГАИМК. 1933. 71.
368. Маркевич, 1895 — *Маркевич А. И.* К вопросу о народах, живших в древнее время в Черномории // Труды IX археологического съезда. М., 1895. Т. 1.
369. Марков, 1976 — *Марков Г. Е.* Кочевники Азии. М., 1976.
370. Марр, 1927 — *Марр Н. Я.* Значение и роль изучения нацменьшинства в краеведении // Краеведение. 1927. 1.
371. Марти — **1911:** *Марти Ю. Ю.* Три христианские надгробия, приобретенные для Мелек-Чесменского кургана в 1908 и 1909 г. // ЗООИД. 1911. 29, Протоколы; **1913:** Описание Мелек-Чесменского кургана и его памятников в связи с историей Боспорского царства // ЗООИД. 1913. 31. Приложение; **1919:** Несколько новых надгробий ранневизантийской эпохи, найденных в г. Керчи // ЗООИД. 1919. 33; **1929:** Раскопки городища Китей в 1928 г. // ИТОИАЭ. 1929. 3; **1934 (1935):** Новые эпиграфические памятники Боспора // ИГАИМК. 1934 (1935). 104.
372. Марченко — **1974:** *Марченко К. К.* Фракийцы на территории Нижнего Побужья во второй половине VII — I в. до н. э. // ВДИ. 1974. 2; **1976:** Лепная керамика Березани и Ольвии второй половины VII — VI в. до н. э. // ХКААМ. 1976; **1979:** Взаимодействие эллинических и варварских элементов на территории Нижнего Побужья в VII—V вв. до н. э. // ПГК. 1979; **1980:** Модель греческой колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. 1980. 1; **1982:** К вопросу о так называемом предместье Ольвии // ВДИ. 1982. 3; **1985:** Ойкеты декрета в честь Протогена // ПЭЭ. 1985; **1988:** Варвары в составе населения

- Березани и Ольвии. Л., 1988; **1993**: К вопросу о протекторате скифов в Северо-Западном Причерноморье в V в. // Петербургский археологический вестник. 1993. 7; **1994**: «Стихийная линия» греческой колонизации, или К вопросу о характере и путях формирования сельского населения Северо-Западного Причерноморья позднеархаического периода // ВДИ. 1994. 4; **2005**: Греки и варвары Северо-Западного Причерноморья // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005; **2013**: Хора Ольвии (дополнения к этнокультурной характеристике сельскохозяйственной территории полиса // *Stratum plus*. 2013. 3.
373. Марченко, Доманский, 2006 — *Марченко К. К., Доманский Я. В.* О базовой функции раннего Борисфена // ДП. 2006.
374. Масленников — **1988**: *Масленников А. А.* Эллинистическая хора на краю Ойкумены. М., 1988; **1999**: Греки и варвары на «границах» Боспора // ДГТ. 1996–1997. М., 1999; **2001**: Варвары, греки и Боспор Киммерийский до Геродота и при нем // ДБ. 2001. 4; **2007**: Крымское Приазовье в античную эпоху // Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия. Скифия. Боспор. Запорожье, 2007; **2013**: Темные века боспорской истории // БФ. 2013.
375. Матковская, Тохтасев, 2006 — *Матковская Т. А., Тохтасев С. Р.* Малоизвестные и неизданные стелы Керченского лапидария // Научный сборник Керченского заповедника. Керчь, 2006. 1.
376. Махабхарата, 1950 — *Махабхарата*. Книга первая Адипарва / пер. В. И. Кальянова. М.; Л., 1950.
377. Мацулевич — **1947**: *Мацулевич Л. А.* Аланская проблема и этногенез Средней Азии // Советская этнография: Сборник статей. Л., 1947; **1956**: Открытие мозаичного пола в древнем Питиунте // ВДИ. 1956. 4.
378. Мачинский — **1973**: *Мачинский Д. А.* Кельты на землях к востоку от Карпат // АС. 1973. 15; **2011**: Время основания поселения Борисфен на острове Березань и древнейшие этапы освоения эллинами северных берегов Понта // БФ. 2011.
379. Машкин, 1949 — *Машкин Н. А.* Принципат Августа. М.; Л., 1949.
380. Меликишвили — **1959**: *Меликишвили Г. А.* К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959; **1962**: Кулха // Древний мир. М., 1962.
381. Мельников — **2003**: Боспорская государственность VI — начала IV в. до н. э. по данным нумизматики // БК. 2003; **2009**: К интерпретации сообщения Диодора Сицилийского о хронологии правления Спартокидов на Боспоре // БК. 2009.
382. Мелюкова, 1979 — *Мелюкова А. И.* Скифия и фракийский мир. М., 1979.
383. Меретуков, 1990 — *Меретуков К. Х.* Адыгейский топонимический словарь. Майкоп, 1990.
384. Мёллер, Васильченко, 2009 — *Мёллер ван дер Брук А., Васильченко А. В.* Миф о вечной империи и Третий рейх. М., 2009.
385. Миллер — **1893**: *Миллер В. Ф.* Древнеосетинский памятник из Кубанской области // МАК. 1893. 3; **1893а**: Отголоски кавказских верований на могильных памятниках // Ib. 1893.
386. Мирошниченко, 1967 — *Мирошниченко Б. А.* По Днепру. М., 1967.
387. Младшая Эдда, 1970 — Младшая Эдда. Л., 1970.
388. Мозолевский, 1986 — *Мозолевский Б. Н.* К вопросу о скифском Герросе // СА. 1986. 2.
389. Мозолевський — **1979**: *Мозолевський Б. М.* Товста могила. К., 1979; **1990**: Щодо започаткування у Скіфії династії скіфів-царських // Археологія. 1990. 4.
390. Мозолевский, Полин, 2005 — *Мозолевский Б. Н., Полин С. В.* Курганы скифского Герроса IV в. до н. э. К., 2005.
391. Молев — **1997**: *Молев Е. А.* Политическая история Боспора VI–IV вв. до н. э. Н. Новгород, 1997; **2005**: Греко-скифский конфликт в конце VI — начале V в. до н. э. и процесс формирования государственной системы Боспора // БК. 2005; **2013**: «Прото-, просто и

- постэллинизм» на Боспоре // БФ. 2013; **2014**: О хронологии правления архонта Гигие-
нонта // БК. 2014.
392. Монахов — **1989**: Монахов С. Ю. Амфоры Херсонеса Таврического IV–II вв. до н. э. Саратов, 1989; **1999**: Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары. Саратов, 1999; **2003**: Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Саратов, 2003.
393. Монгайт, 1974 — Монгайт А. Л. Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М., 1974.
394. Монеделеро Домингес, 2005 — Монеделеро Домингес А. Х. Греки в Иберии и их контакты с туземным миром // ВДИ. 2005. 4.
395. Мусбахова, 2011 — Мусбахова В. Т. Аристей Проконнесский и время создания «Ари-
маспей» // БФ. 2011.
396. Назаров — **1986**: Назаров В. В. Архитектурные сооружения на монетах Боспора // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры. К., 1986; **1996**: О башнях декрета в честь Протогена // ДП. 1996; **1999**: О военном деле ольвиополитов // VI чтения памяти профессора В. Д. Блаватского. М., 1999.
397. Назаров, Соловьев, 2000 — Назаров В. В., Соловьев С. Л. Оружие архаической Береза-
ни // Античное Причерноморье. СПб., 2000.
398. Назаров, Крутилин, 2002 — Назаров В. В., Крутилин В. В. О производстве бронзовых
наконечников стрел в Ольвии // Северное Причерноморье в античное время. К., 2002.
399. Назаров, Отрешко, 2009 — Назаров В. В., Отрешко В. М. Открытие теменоса Березан-
ского поселения // ОД. 2009.
400. Намойлик, 2007 — Намойлик А. С. Посвящение Ахиллу (?) // БК. 2007. VIII.
401. Народы (нашей страны), 1982 — Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982.
402. Невелева, 1975 — Невелева С. Л. Мифология древнеиндийского эпоса (Пантеон). М.,
1975.
403. Невская, 1953 — Невская В. П. Византий. М., 1953.
404. Нейхардт, 1975 — Нейхардт А. А. Происхождение креста. М., 1975.
405. Нерознак — **1974**: Нерознак В. П. Палеобалканские и кельтские ономастические парал-
лели // Кельты и кельтские языки. М., 1974; **1978**: Палеобалканские языки. М., 1978.
406. Нефедов — **2007**: Нефедов К. Ю. Боспор и держава Антигонидов в эпоху раннего эл-
линизма // Лагеа. К 80-летию проф. В. И. Кадеева. Харьков, 2007; **2014**: Культ прави-
теля и царская власть в эпоху эллинизма // ДГВЕ. 2012 (2014).
407. Нидерле, 1880 — Нидерле Г. Синтаксис греческого языка. М., 1880.
408. Никитина, 1976 — Никитина И. П. Эволюция института проксении в Ольвии // Науч-
ные труды Свердловского юридич. ин-та. 1976. Вып. 44.
409. Николаев — **2008**: Николаев Н. И. Политическая и культовая элита Ольвии IV–I вв. до
н. э. Николаев, 2008; **2010**: Николаев М. І. Нові матеріали про написи колегії мольпів з
Ольвії // Наукові праці. Серія «Історичні науки». Чорноморський Державний Університет
ім. Петра Могили. 2010. Вып. 107. Т. 120; **2011**: Просопография в интерпретации и дати-
ровке лапидарных надписей догетской Ольвии // БФ. 2011; **2013**: Фрагмент эллинистич-
еского декрета из Ольвии о взыскании (долга) // Вопросы эпиграфики. М., 2013. VI, 1.
410. Никонов, 1966 — Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. М., 1966.
411. Никулицэ — **1977**: Никулицэ И. Т. Геты IV–III вв. до н. э. в Днестровско-Карпатских
землях. Кишинев, 1977; **1987**: Северные фракийцы в VI–I вв. до н. э. Кишинев, 1987.
412. Новиков — **1981**: Новиков Е. Б. *Varia epigraphica* (К вопросу о пересмотре и дополнении
некоторых ольвийских проксенических декретов) // ВДИ. 1981. 4; **1983**: О реконструк-
ции античных эпиграфических памятников (формуляр ольвийских почетных публика-
ций V — первой половины IV в. до н. э. // ВИД. 1983. XIV.
413. Новичихин, 1992 — Новичихин А. М. Средневековое поселение у хут. Уташ Анапского
района // Древности Кубани. Материалы научно-практич. конф. Краснодар, 1992.

414. Новосадский — **1928:** *Новосадский Н. И.* Боспорские фиасы // ТСА РАНИОН. 1928. 3; **1930:** Древний топорик Исторического музея // ТСА РАНИОН. 1930. 5.
415. Огибенин, 1968 — *Огибенин Б. Л.* Структура мифологических текстов «Ригведы». М., 1968.
416. Одрін, 2005 — *Одрін О. В.* Природні ресурси та торговельно-економічний потенціал античних держав Північного Причорномор'я. Нижнє Подністрів'я та Нижнє Побужжя. К., 2005.
417. Олешкевич, 2010 — *Олешкевич А. О.* К проблеме колонизации европейского Боспора // Материалы по истории и археологии античного и средневекового Крыма. Симферополь, 2010. 2.
418. Ольвия, 1940 — Ольвия. К., 1940.
419. Ольвия, 1964 — Ольвия. Теменос и агора. М.; Л., 1964.
420. Ольвия, 1975 — Ольвия. К., 1975.
421. Ольвия, 1999 — *Крыжицкий С. Д., Русяева А. С., Крапивина В. В., Лейпунская Н. А., Скржинская М. В., Анохин В. А.* Ольвия. К., 1999.
422. Ольговский, 2009 — *Ольговский С. Я.* Литейное ремесло на ольвийской периферии // ОД. 2009.
423. Онайко — **1966:** *Онайко Н. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII–V вв. до н. э. М., 1966; **1970:** Экономические связи античных городов Северного Причерноморья с племенами Поднепровья и Побужья в IV–II вв. до н. э. // ВДИ. 1970. 1; **1977:** Аполлон Гиперборейский // ИКАМ. 1977; **1980:** Архаический Торик. М., 1980.
424. Оранский — **1963:** *Оранский И. М.* Иранские языки. М., 1963; **1976:** *Indo-Iranica.* 1–4 // Этимология 1976. М., 1976.
425. Орешников, 1922 — *Орешников А. В.* Олицетворение общины Херсонеса Таврического на монетах // ИРАИМК. 1922. 2.
426. Островецких — **1978:** *Островецких А. С.* Экономические связи Ольвии, Березани и Ягорлыцкого поселения со Скифией. АКД. К., 1978; **1978а:** Антична склоробна майстерня на Ягорлицькому поселенні // Археологія. 1978. 25; **1978б:** Про чорну металургію на Ягорлицькому поселенні // Археологія. 1978. 28; **1979:** К вопросу о сырьевой базе античного ремесленного производства в районе Днепровского и Бугского лиманов // ВДИ. 1979. 3; **1980:** Этапы и характер греко-скифских экономических связей в Поднепровье и Побужье // Исследования по античной археологии Юго-Запада Украинской ССР. К., 1980; **1981:** Ольвия и торговые пути Скифии // Древности Северо-Западного Причерноморья. К., 1981.
427. Откупщиков — **1980:** *Откупщиков Ю. В.* Карийцы в Причерноморье // Кавказ и Средиземноморье. Тбилиси, 1980; **1988:** Догреческий субстрат. Л., 1988.
428. Отрешко — **1977:** *Отрешко В. М.* Граффити, найденные на поселении Большая Черноморка II в 1973 г. // Некоторые вопросы археологии Украины. К., 1977; **1979:** К проблеме экономического районирования Нижнего Побужья в архаическую эпоху // ПГК. 1979; **2009:** О датах основания Истрии и Борисфена // ОД. 2009; **2009а:** О локализации гавани исиаков и гавани истриан // ОД. 2009; **2009б:** Население Нижнего Побужья в архаическое время // ОД. 2009; **2009в:** Про основи економіки Березанського поселення // ОД. 2009; **2009г:** Каллипиды, алазоны и поселения Нижнего Побужья // ОД. 2009; **2009д:** Протоген // ОД. 2009; **2009е:** З історії Ольвійського полісу в IV–I ст. до н. е. // ОД. 2009; **2009ж:** О плотности застройки населенных пунктов Нижнего Побужья в VI–V вв. до н. э. // ОД. 2009; **2009з:** О демографическом и военном потенциале Ольвийского полиса в конце архаического периода // ОД. 2009; **2009и:** Этническая атрибуция сельских поселений Нижнего Побужья V–III вв. до н. э. // ОД. 2009.
429. Отрешко, Мазарати, 2009 — *Отрешко В. М., Мазарати С. Н.* Архаические сооружения Березани // ОД. 2009.

430. Отрошенко, 1986 — *Отрошенко В. В.* Белозерская культура // Культуры эпохи бронзы на Украине. К., 1986.
431. Отрошенко, Мочева, 1989 — *Отрошенко В. В., Мочева О. П.* Обряд кремації у стародавнього населення України V тис. до н. е. — I тис. н. е. // Археологія. 1989. 2.
432. Охотников, 1990 — *Охотников С. Б.* Нижнее Поднестровье в VI–V вв. до н. э. К., 1990.
433. Охотников, Островерхов, 1993 — *Охотников С. Б., Островерхов А. С.* Святилище Ахилла на острове Левке (Змеином). К., 1993.
434. Охотников, Субботин, Островерхов, Редина, 2000 — *Охотников С. Б., Субботин Л. В., Островерхов А. С., Редина Е. Ф.* Греческие колонии Нижнего Поднестровья. Одесса, 2000.
435. Павленков, 1995 — *Павленков В. И.* Стеностроительство Керкинитиды и Херсонеса Таврического // Античные полисы и местное население Причерноморья. Севастополь, 1995.
436. Павличенко, 2005 — *Павличенко Н. А.* Новая надпись из Гермонассы // БФ. 2005.
437. Павловская, 1969 — *Павловская А. И.* Рабство в эллинистическом Египте // Рабство в эллинистических государствах в III–I вв. до н. э. М., 1969.
438. Пальцева, 1977 — *Пальцева Л. А.* О должностных лицах херсонесского Совета в первые века н. э. // ВДИ. 1977. 3.
439. Памятники, 1968 — Памятники византийской литературы IV–IX веков. М., 1968.
440. Памятники, 1969 — Памятники византийской литературы IX–XIV веков. М., 1969.
441. Панченко — **1906:** *Панченко Б. А.* Шесть моливдобулов из Партенита // ИАК. 1906. 18; **1907, 1908:** Каталог моливдобулов // ИРАИК. 1907, 1908. 8, 9, 13.
442. Панченко, 2012 — *Панченко Д. В.* Три этюда о гомеровской космографии, географии и навигации // Аристей. 2012. 5.
443. Пападимитриу, 1910 — *Пападимитриу С. Д.* Древние сведения об острове Березань // ЗООИД. 1910. 28.
444. Папанова, 1998 — *Папанова В. А.* Развитие права в Ольвии // ДП. 1998.
445. Папанова, Каира, 2014 — *Папанова В. А., Каира Ф. В.* К вопросу о датировке ольвийских дельфинов // БК. 2014.
446. Парович-Пешикан, 1974 — *Парович-Пешикан М.* Некрополь Ольвии эллинистического времени. К., 1974.
447. Паромов — **1993:** *Паромов Я. М.* Археолого-топографический план Фанагории // Боспорский сборник. М., 1993. 2; **2006:** Таманский полуостров в раннеантичное время (VI–V вв. до н. э.) // ДБ. 2006. 10; **2011:** Ранние погребения с оружием в могильниках Таманского полуострова // БФ. 2011; **2013:** Характерные черты погребального обряда раннеантичных могильников Таманского полуостров БФ. 2013.
448. Паромов, Сударев, 2000 — *Паромов Я. М., Сударев Н. И.* Новые погребения из раскопок некрополя у пос. Пересыпь // ДБ. 2000. 3.
449. Перевалов, 2002 — *Перевалов С. М.* Хозяйство гомеровского базилика // ПИФК. 2002. 12.
450. Петров, 1968 — *Петров В. П.* Скифы. К., 1968.
451. Петров, 1984 — *Петров Л. П.* Из истории чувашских дохристианских имен // Вопросы традиционной и современной культуры и быта чувашского народа. Чебоксары, 1984.
452. Петров, 1898 — *Петров Н.* О некоторых змеевиках, энколпионах и образках, найденных в Киевской губернии и вообще на юге России // АИЗ. 1898.
453. Платон, 1968/1972 — *Платон.* Сочинения. М., 1968/1972. Т. 1–3.
454. Плетнева — **1967:** *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. М., 1967; **1987:** Города кочевников // От доклассовых обществ к раннеклассовым. М., 1987.
455. Пичикян, 1984 — *Пичикян И. Р.* Малая Азия и Северное Причерноморье. М., 1984.
456. Поваляев — **2008:** *Поваляев Н. Л.* Еще раз о моделях греческой колонизации // ПИФК. 2008. 2; **2010:** Идеальный полис и колонизация // ПИФК. 2010. 1; **2012:** Основание

- городов на Боспоре и общегреческая практика // БК. 2012; **2014**: Характер колонизации: литературная традиция и хронология ранних заморских поселений греков // БК. 2014.
457. Повесть, 1950 — Повесть временных лет. М.; Л., 1950. 1.
458. Погорелая, 1985 — *Погорелая В. В.* Остров св. Эферия // ДГТ. 1984. М., 1985.
459. Подосинов — **1984**: *Подосинов А. В.* Овидий и Причерноморье // ДГТ. 1983. М., 1984; **1985**: Произведения Овидия как источник по истории Восточной Европы и Закавказья. М., 1985; **2000**: Легенды об основании греческих колоний Северного Причерноморья: исторические предания и (или) литературная фикция? // ДГВЕ. 2000; **2010**: Как Александр Македонский оказался на Дону? // ДГВЕ (2009). 2010; **2011**: Возникновение Боспорского государства: от полиса к царству // Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние государства Европы и Азии: Проблемы политогенеза. XXIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва, 19–21 апреля 2011 г. Материалы конференции. М., 2011; **2012**: Куда плывал Одиссей? // Аристей. 2012. 5; **2013**: Роман о гипербореях Гекатея Абдерского // ВДИ. 2013. 1; **2013а**: Еще раз о протоэллинизме на Боспоре // БФ. 2013.
460. Покровский — **1892**: *Покровский Н. В.* Византийский щит, найденный в Керчи // МАР. 1892. 8; **1999**: Очерки памятников христианского искусства. СПб. (репринт издания 1910 г.), 1999.
461. Полин, 1992 — *Полин С. В.* От Скифии к Сарматии. К., 1992.
462. Помяловский, 1881 — *Помяловский И. В.* Сборник греческих и латинских надписей Кавказа. СПб., 1881.
463. Предания, 1973 — Грузинские народные предания и легенды. М., 1973.
464. Пригоровский, 1925 — *Пригоровский Г.* Греция. М.; Л., 1925.
465. Прозоров, 1898 — *Прозоров П. И.* Систематический указатель книг и статей по греческой филологии, напечатанных в России с XVII столетия по 1892 г. на русском и иностранных языках. М., 1898.
466. Прокопенко — **2006**: *Прокопенко С. Н.* К вопросу определения статуса древнегреческих апойкий в Северном Причерноморье на ранних этапах их существования // Иресиона. Античный мир и его наследие. Белгород, 2006. 3; **2007**: Боспорские полисы VI — 1-й четверти V в. до н. э. // БК. 2007.
467. Пропп, 1986 — *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.
468. Пуцко, 1974 — *Пуцко В. Г.* Греческая надпись из Воиня // НЭ. 1974. 11.
469. Пчелина, 1960 — *Пчелина Е. Г.* Греко-славянские эпиграфические памятники на Северном Кавказе // Археографический ежегодник. 1959 г. М., 1960.
470. Раевский — **1977**: *Раевский Д. С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977; **1980**: Эллинские боги в Скифии? // ВДИ. 1980. 1; **1985**: Модель мира скифской культуры. М., 1985.
471. Райт, 2003 — *Райт Дж. Э.* Библийская археология. СПб., 2003.
472. Ранович, 1990 — *Ранович А. Б.* Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики христианства. М., 1990.
473. Расторгуева, Молчанова, 1981 — *Расторгуева В. С., Молчанова Е. К.* Среднеперсидский язык // Основы иранского языкознания. М., 1981.
474. Рашид-ад-Дин, 1952 — *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. М.; Л., 1952. Т. 1. Вып. 2.
475. Редер, 1947 — *Редер Д. Г.* Восточные тексты // ВДИ. 1947. 1.
476. Редина — **2006**: *Редина Е. Ф.* Античные поселения междуречья Южного Буга и Днестра в древнегреческой литературной традиции и попытки их локализации // ДП. 2006; **2012**: Освоение греками Днестро-Тилигульского междуречья и формирование поселенческих структур (VI — первая половина III в.) // БК. 2012.
477. Режабек, 1896 — *Режабек Ф. В.* Маркоманские войны // Записки Новороссийского ун-та. Одесса, 1896. 68.

478. Ригведа, 1972 — Ригведа. Избранные гимны / пер. Т. Я. Елизаренковой. М., 1972.
479. Рогова, 2013 — *Рогова Ю. К.* К вопросу о датировании изображений христианского креста на погребальных памятниках Боспора // БФ. 2013.
480. Рождественская, 1992 — *Рождественская Т. В.* Древнерусские надписи на стенах храмов. СПб., 1992.
481. Розанова — **1947:** *Розанова Н. П.* Неизданные надписи Таманского музея // ВДИ. 1947. 2; **1949:** Посвятительные надписи Фанагории как источник для топографии города // ВДИ. 1949. 3; **1968:** Бронзовое зеркало с надписью из Ольвии // АИКСП. 1968.
482. Романовская, 1969 — *Романовская М. А.* Об этнической принадлежности населения, оставившего памятники типа Лукашевка // Древние фракийцы в Северном Причерноморье. М., 1969.
483. Романчук, 2012 — *Романчук А. А.* Загадочная Офиусса и ранняя сероглиняная гончарная керамика Поднепровья // *Stratum plus*. 2012. 3.
484. Романчук, 2004 — *Романчук А. И.* Строительные материалы византийского Херсона. Екатеринбург, 2004.
485. Романчук, Быков, 1981 — *Романчук А. И., Быков М. Я.* Рисунки средневековых кораблей из крепости Каламита // ВВ. 1981. 42.
486. Романчук, Соломоник, 1987 — *Романчук А. И., Соломоник Э. И.* Несколько надписей на средневековой керамике Херсонеса // ВВ. 1987. 48.
487. Ростовцев — **1900:** *Ростовцев М. И.* Римские гарнизоны на Таврическом полуострове // ЖМНП, март. 1900; **1907:** Новые латинские надписи из Херсонеса // ИАК. 1907. 23; **1913, 1914:** Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913 (Таблицы), 1914 (Текст); **1913а:** Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре // ИАК. 1913. 49; **1915:** Военная оккупация Ольвии римлянами // ИАК. 1915. 58; **1918:** Новая книга о Белом острове и Таврике // ИАК. 1918. 65; **1918а:** Эллинство и иранство на юге России. Пг., 1918; **1925:** Скифия и Боспор. Л., 1925.
488. Рубан — **1978:** *Рубан В. В.* Комплекс памятников античного времени в урочище Дидова хата на Бугском лимане // КСИА. 1978. 156; **1980:** Из истории взаимоотношений Тиря и Ольвии // Исследования по античной археологии Юго-Запада Украинской ССР. К., 1980; **1980а:** О датировке Ягорлыцкого поселения // ИААСП. 1980; **1985:** Проблемы исторического развития ольвийской хоры в IV–II вв. до н. э. // ВДИ. 1985. 1; **1989:** О датировке поселения Козырка II // Памятники древних культур Северного Причерноморья. К., 1989; **2009:** Заметки о расселении ионийских греков в Причерноморье // ОД. 2009.
489. Русяева — **1978:** *Русяева А. С.* Орфизм и культ Диониса в Ольвии // ВДИ. 1978. 1; **1979:** Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. К., 1979; **1979а:** Деякі риси культурно-історичного розвитку Північно-Західного Причорномор'я в VI–V ст. до н. е. // Археологія. 1979. 30; **1979б:** Вопросы развития культа Ахилла в Северном Причерноморье // Скифский мир. К., 1979; **1982:** Античные терракоты Северо-Западного Причерноморья. К., 1982; **1986:** Милет — Дидимы — Борисфен — Ольвия // ВДИ. 1986. 2; **1987:** Эпиграфические памятники // Культура населения Ольвии и ее округи в архаическое время. К., 1987; **1988:** Архаическая архитектурная терракота из Ольвии // АДСП. 1988; **1991:** Исследования Западного теменоса Ольвии // ВДИ. 1991. 4; **1991а:** Каллисфен, сын Каллисфена из Ольвии // ДП. 1991; **1992:** Религия и культы античной Ольвии. К., 1992; **1993:** Протоген Ольвийский // Археологія. 1993. 2; **1994:** Основные черты и особенности культурно-исторического развития Нижнего Побужья в период колонизации // ВДИ. 1994. 4; **1994а:** Ольвия и Гилея // ДП. 1994; **1998:** К вопросу об основании ионийцами Ольвии // ВДИ. 1998. 1; **1999:** Проникновение эллинов на территорию Украинской Лесостепи в архаическое время // ВДИ. 1999. 4; **2001:** Афродита Урапия — патронесса милетско-понтийской колонизации // БФ. 2001. 1; **2002:** Абаб, сын Каллисфена — политический деятель Ольвии Понтийской // АМА. 2002. 11; **2003:** Календарь Ольвии Понтийской: история и методика исследования // ВДИ. 2003. 2; **2006:**

- Эпиграфические памятники // ДТО. 2006; **2006а**: Святылище Ахилла на Тендре в контексте истории и религии Ольвии Понтийской // ВДИ. 2006. 4; **2008**: Протогеновская хроника // БК. 2008; **2009**: О главных критериях определения времени основания северо-понтийских полисов в современных исследованиях // БК. 2009; **2010**: Граффити Ольвии Понтийской. Симферополь (= ГОП), 2010.
490. Русяева, 2001 — *Русяева М. В.* Скульптура как исторический источник в научных трудах Ю. Г. Виноградова // Херсонесский сборник. Симферополь, 2001. 11.
  491. Русяева, Русяева, 1999 — *Русяева А. С., Русяева М. В.* Верховная богиня античной Таврики. К., 1999.
  492. Русяева, Скржинская, 1979 — *Русяева А. С., Скржинская М. В.* Ольвийский полис и каллипиды // ВДИ. 1979. 4.
  493. Русяева — **1971**: *Русяева А. С.* Культові предмети з поселення Бейкуш поблизу о-ва Березань // Археологія. 1971. 2; **1979**: Деякі риси культурно-історичного розвитку Північно-Західного Причорномор'я в VII–V ст. до н. е. // Археологія. 1979. 30; **1993а**: Протоген Ольвійський // Археологія. 1993. 2; **1994б**: Ольвійська демократія // Археологія. 1994. 2.
  494. Русяева, Крапівіна, 1992 — *Русяева А. С., Крапівіна В. В.* До історії Ольвії IV–I ст. до н. е. // Археологія. 1992. 4.
  495. Русяева, Одрін, 2003 — *Русяева А. С., Одрін О. В.* Ольвійський декрет на честь калхедонця та деякі питання ольвійсько-калхедонських взаємин // Археологія. 2003. 2.
  496. Ручинская, 2007 — *Ручинская О. А.* К вопросу о «поощрении» и «порицании» в греческой гражданской общине // *Laurea*. К 80-летию проф. В. И. Кадеева. Харьков, 2007.
  497. Рыбаков, 1979 — *Рыбаков Б. А.* Геродотова Скифия. М., 1979.
  498. Рыдзевская, 1947 — *Рыдзевская Е. А.* О названии острова Березань // Советская археология. 1947. 9.
  499. Саймак, 1988 — *Саймак К.* Избранное. М., 1988.
  500. Сальников, 1960 — *Сальников А. Г.* Монеты скифских царей, чеканенные в Ольвии // ЗООИД. 1960. Т. 1 (н. с.).
  501. Самойлова, 2012 — *Самойлова Т. Л.* Основание Тире и ее место в системе греческих полисов Северо-Западного Причерноморья // БК. 2012.
  502. Самойлова, Кожокару, 2002 — *Самойлова Т. Л., Кожокару В.* Новые данные о культах и культовых античных постройках в Тире // Северное Причерноморье в античное время. К., 2002.
  503. Сапрыкин — **1982**: *Сапрыкин С. Ю.* Присяга граждан Херсонеса о хоре города в свете новых исследований // Проблемы истории античной гражданской общины. М., 1982; **1985**: Ольвия и Боспор в I в. н. э. // ПИО. 1985; **1986**: Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986; **1988**: К ольвийской надписи IOSPE I² 38 // ВДИ. 1988. 1; **1993**: Из истории Понтийского царства // ВДИ. 1993. 2; **1995**: Херсонесская буле // Археологія. 1995. 1; **1998**: Херсонесская проксения синопейцу // ВДИ. 1998. 4; **2005**: Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I — начале II в. н. э. // ВДИ. 2005. 2; **2009**: Савромат II и фиасы Боспора // ДБ. 2009. 13; **2011**: Дорийская колонизация Причерноморья // В царстве Клио. Российско-германский сборник статей по историческим дисциплинам. Посвящается 70-летию... А. Ейне. М.; Берлин, 2011; **2011а**: Заметки по боспорской эпиграфике // ДБ. 2011. 15; **2013**: Постэллинизм на Боспоре (предпосылки и развитие) // БФ. 2013; **2013а**: Эллинизация и варваризация античных государств Северного Причерноморья (каллипиды и миксэллины догетской Ольвии) // ВДИ. 2013. 3; **2014**: Памятники «малой» эпиграфики из Северо-Западного Крыма античной эпохи // Материалы к археологической карте Крыма. Вып. XIV. История и археология Северо-Западного Крыма. Симферополь, 2014.
  504. Сапрыкин, Ермолин, 2010 — *Сапрыкин С. Ю., Ермолин С. А.* Римский флот на Боспоре: новая латинская надпись из Пантикапея // ВДИ. 2010. 3.

505. Сапрыкин, Масленников, 2007 — *Сапрыкин С. Ю., Масленников А. А.* Граффити и дипинти хоры античного Боспора. Симферополь; Керчь, 2007.
506. Сарновски, 2006 — *Сарновски Т.* Плавтий Сильван и «эскадра-призрак» на Черном море в I в. н. э. // ВДИ. 2006. 1.
507. Сарновски, Ковалевска, 2004 — *Сарновски Т., Ковалевская Л. А.* О защите Херсонесского государства союзным римским военным контингентом // РА. 2004. 2.
508. Свенцицкая, 1996 — *Свенцицкая И. С.* Еще раз о новом херсонесском декрете // ВДИ. 1996. 3.
509. Серебренников, 1957 — *Серебренников Б. А.* Происхождение чуваш по данным языка // О происхождении чувашского народа. Чебоксары, 1957.
510. Серебряков, 1971 — *Серебряков И. Д.* Очерки древнеиндийской литературы. М., 1971.
511. Сидоренко, 2005 — *Сидоренко В. А.* Эпитафия скифского царя Аргота // МАИЭТ. 2005. Т. 11.
512. Сидоренко, Зинько, 2002 — *Сидоренко В. А., Зинько В. Н.* Воинский медальон с клятвой Зевсу Димеранскому, найденный на Боспоре // БК. 2002.
513. Сидорова, 1962 — *Сидорова Н. А.* Архаическая керамика из Пантикапея // МИА. 1962. 103.
514. Симоненко, 1991 — *Симоненко О. В.* Роксоланы // Археология. 1991. 4.
515. Скржинская — **1958:** *Скржинская Е. Ч.* Новые эпиграфические памятники средневекового Крыма // История и археология средневекового Крыма. М., 1958; **1961:** Греческая надпись из Тматорокани // ВВ. 1961. 18; **1962:** Греческая надпись из средневековой Алании // ВВ. 1962. 21.
516. Скржинская — **1977:** *Скржинская М. В.* Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. К., 1977; **1980:** «Перипл Понта Евксинского» анонимного автора // ИААСП. 1980; **1981:** О происхождении названия города Ольвии // ВДИ. 1981. 3; **1982:** Скифские сюжеты в исторических преданиях ольвиополитов // ВДИ. 1982. 4; **1984:** Зеркала архаического периода из Ольвии и Березани // Античная культура Северного Причерноморья. К., 1984; **1991:** Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье. К., 1991; **1997:** Боспорский купец Формион в Афинах // Торговля и торговец в античном мире. М., 1997; **2000:** Будни и праздники Ольвии. СПб., 2000; **2001:** Хронологические исчисления на Боспоре и в Ольвии // БФ. 2001. 2; **2005:** Боспоряне в Элладе (IV–II вв. до н. э.) // БК. 2005; **2013:** Поэзия в культуре античных государств Северного Причерноморья // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 12. Из истории античности и нового времени. Сборник статей к 80-летию со дня рождения проф. Э. Д. Фролова. СПб., 2013; **2014:** О времени появления древнейших исторических сочинений на Боспоре // БК. 2014.
517. Скрипкин, 1996 — *Скрипкин А. С.* К вопросу этнической истории сарматов первых веков нашей эры // ВДИ. 1996. 1.
518. Скуднова — **1957:** *Скуднова В. М.* Хиосские кубки из раскопок на острове Березани // СА. 1957. 4; **1958:** К вопросу о торговых связях Синопы с Боспором в V в. до н. э. // Труды Гос. Эрмитажа. Л.; М., 1958. 2; **1960:** Родосская керамика с о. Березани // СА. 1960. 2; **1988:** Архаический некрополь Ольвии. Л., 1988.
519. Славин — **1958:** *Славин Л. М.* Ольвия как город в VI–I вв. до н. э. // СА. 1958. 28; **1959:** Периодизация исторического развития Ольвии // ПИСПАЭ. 1959; **1964:** Раскопки западной части ольвийской агоры // Ольвия. 1964; **1967:** Здесь был город Ольвия. К., 1967; **1975:** Кварталы в районе ольвийской агоры // Ольвия. 1975; **1976:** Некоторые итоги изучения ольвийской хоры // ХКААМ. 1976.
520. Славова, 1996 — *Славова М.* На каком диалекте говорили дорийские колонисты на Балканском полуострове? // ИКДМ. 1996.

521. Слюсаренко, 1925 — *Слюсаренко Ф.* Грецько-скитські взаємовідносини II ст. пер. Хр. // Науковий ювілейний збірник Українського університету в Празі, присвячений п. президентові чесько-слов'янської республіки Т. Г. Масарикові. Прага, 1925. Т. 1.
522. Смирнов — **1948:** *Смирнов К. Ф.* О погребениях роксолан // ВДИ. 1948. 1; **1984:** Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984; **1985:** Ольвийский декрет в честь Протогена и сарматы // Античные государства и варварский мир. Орджоникидзе, 1985.
523. Смышляев, 1996 — *Смышляев А. Л.* Карьера, миссия и статус Т. Аврелия Кальпурниана Аполлониды // ВДИ. 1996. 3.
524. Снытко — **1988:** *Снытко И. А.* Античные некрополи сельской округи Ольвии VI–III вв. до н. э. // Первая Правобережная краеведческая конф. Кировоград, 1988; **1994:** Еще раз о миксэллинах ольвийского декрета в честь Протогена // Проблемы скифо-сарматской археологии. Запорожье, 1994; **2009:** О культе Ахилла в Нижнем Побужье в античную эпоху // БФ. 2009; **2011:** Миксэллины и ойкеты ольвийского декрета в честь Протогена (к вопросу о историко-культурной и территориальной идентификации) // ДП. 2011; **2011а:** Ольвийская тирания, «скифский протекторат» и некоторые вопросы социально-политической и экономической истории Ольвийского полиса позднеларинского и раннеклассического времени // МАСП. 2011. 12.
525. Снытко, Снытко, Халычев, 2011 — *Снытко Е. В., Снытко И. А., Халычев А. С.* Лепная керамика из античных сельских некрополей Нижнего Побужья VI–III вв. до н. э. // ДП. 2011.
526. Соболевский, 1957 — *Соболевский С. И.* Аристофан и его время. М., 1957.
527. Соколова, 1983 — *Соколова И. В.* Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983.
528. Соколова, Павличенко, 2002 — *Соколова О. Ю., Павличенко Н. А.* Новая посвятельная надпись из Нимфея // *Hyperboreus*. 2002. VIII, 1.
529. Сокольский — **1958:** *Сокольский Н. И.* К вопросу о наемниках на Боспоре в IV–III вв. до н. э. // СА. 1958. 28; **1973:** Культ Афродиты в Кепях конца VI — V в. до н. э. // ВДИ. 1973. 4.
530. Соловьев — **1994:** *Соловьев С. Л.* Новые аспекты истории и археологии античной Березани // Петербургский археол. вестник. 1994. 8; **1997:** Жилые дома Березанского поселения позднеларинского времени // ТГЭ. 1997. 28; **2000:** Из истории полисов Нижнего Побужья: Борисфен и Ольвия // Античное Причерноморье. СПб., 2000; **2003/4:** Хора Борисфена, Ольвии, Нимфея и Гермонассы // *Stratum plus*. 2003/4. 4; **2004:** Березань и Северное Причерноморье в VII в. до н. э. // *Borysthenica-2004*. Материалы конф. Николаев, 2004; **2013:** Народы Малой Азии и проблемы греческой колонизации Северного Причерноморья // ПАРВ.
531. Соломоник — **1962:** *Соломоник Э. И.* Эпиграфические памятники Неаполя Скифского // НЭ. 1962. 3; **1970:** Новые данные о связях Ольвии с Истрией // *Klio*. 1970. Bd. 52; **1971:** Средневековая надпись *diplinto* из башни Зенона в Херсонесе // Археологические исследования на Украине. К., 1971. 3; **1973:** Новые эпиграфические памятники Херсонеса. К., 1973; **1973а:** Из истории религиозной жизни в северопонтийских городах позднеларинского времени // ВДИ. 1973. 1; **1974:** Несколько неизданных надписей Херсонеса и его округи // НЭ. 1974. 11; **1976:** Некоторые группы граффити из античного Херсонеса // ВДИ. 1976. 3; **1984:** Граффити с хоры Херсонеса. К., 1984; **1984а:** Фрагмент надписи из Херсонеса о политических изгнанниках // ВДИ. 1984. 3; **1985:** О методике изучения и принципах публикации античных граффити // ВДИ. 1985. 3; **1986:** Об одной утерянной ольвийской надписи // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры. К., 1986; **1986а:** Несколько новых греческих надписей средневекового Крыма // ВВ. 1986. 47; **1987:** Два античных письма из Крыма // ВДИ. 1987. 3; **1990:** Каменная летопись Херсонеса. Симферополь, 1990.

532. Соломонік, 1992 — *Соломонік Е. І.* Присвята з городища Беляус // Археологія. 1992. 1.
533. Соломоник, Николаенко, 1990 — *Соломоник Э. И., Николаенко Г. М.* О земельных участках Херсонеса в начале III в. до н. э. // ВДИ. 1990. 2.
534. Сорочан, 2002 — *Сорочан С. Б.* Экономические связи Херсонеса Таврического с Боспором в I в. до н. э. — V в. н. э. // БК. 2002.
535. Спиридонов, 1918 — *Спиридонов Д. С.* Уроженцы северного побережья Черного моря в истории древнегреческой мысли // ИТУАК. 1918. 54.
536. Сравнит. грамм. 1984 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. М., 1984.
537. Степанова, 2007 — *Степанова Е. В.* Византийские печати, найденные в Керчи и на Таманском полуострове, из собрания Н. П. Лихачева // БК. 2007.
538. Стефани, 1872 — *Стефани Л.* Борей и Бореады. СПб., 1872.
539. Столба — **1990:** *Столба В. Ф.* Монетная чеканка Керкинитиды и некоторые вопросы херсонесско-керкинитидских отношений в IV–III вв. до н. э. // ДП. 1990; **2002:** Проблемы нумизматики Нимфея // *Hypoboreus*. 2002. 8/1; **2005:** Греческое письмо с поселения Панское I // ВДИ. 2005. 4.
540. Столяренко, 2013 — *Столяренко П. Г.* Новые данные об архаической оборонительной стене Парфения // БФ. 2013.
541. Стоянов, 2001 — *Стоянов Р. В.* Взаимоотношения между Боспором и Херсонесом по материалам херсонесского некрополя эллинистического времени // БФ. 2001. 2.
542. Стрижак, 1988 — *Стрижак О. С.* Етнонімія Геродотової Скіфії. К., 1988.
543. Строкин, 2010 — *Строкин В. Л.* Монеты с поселения Голубицкая 2 // ДБ. 2010. 14.
544. Струве, 1968 — *Струве В. В.* Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968.
545. Сударев — **1999:** *Сударев Н. И.* Культ Аполлона Врача на Боспоре // ДБ. 1999. 2.
546. Султанов, 1986 — *Султанов Т. И.* О невольниках в Казахском ханстве в XV–XVII вв. // Рабство в странах Востока в средние века. М., 1986.
547. Суриков — **2007:** *Суриков И. Е.* К вопросу о характере тирании на Боспоре Киммерийском: стадильно-типологический контекст // Из истории античного общества. Н. Новгород, 2007. Вып. 9–10; **2009:** «Херсонес изначальный» или «предхерсонесское поселение»? // *Studia historica*. 2009. 9; **2012:** Об этимологии названий Фанагории и Гермонассы // ДБ. 2012. 16; **2013:** Древнегреческие надписи классической эпохи как памятники исторической мысли // ВЭ. 2013. VII. Ч. 1; **2014:** Некоторые проблемы боспорского политогенеза V–IV вв. до н. э. // ДГВЕ. 2012 (2014); **2014а:** Кем, когда и почему был обожествлен Перисад I? // ДБ. 2014. Т. 18.
548. Суров, 1960 — *Суров Е. Г.* Новая херсонесская надпись // ВДИ. 1960. 3.
549. Сысоев, 1898 — *Сысоев В.* Поездка на реки Зеленчук, Кубань и Теберду летом 1895 года // МАК. 1898. 7.
550. Тарасова — **2010:** *Тарасова Л. В.* Теофорные имена в просопономике Ольвии второй половины I — первой половины II в. н. э. // Научные труды Калужского гос. ун-та. Гуманит. науки. Калуга, 2010; **2011:** Место проздров в системе государственного устройства Херсонеса I–II вв. н. э. // Научные труды Калужского гос. пед. ун-та. Серия Гуманит. науки. Калуга, 2011.
551. Таронян, 2007 — Древний Восток в античной и раннехристианской традиции (Индия, Китай, Юго-Восточная Азия) / подбор текстов, перевод с древнегреческого и латинского, примечания и аннотированный указатель Г. А. Тароняна. М., 2007.
552. Темкин, Эрдман, 1982 — *Темкин Э. Н., Эрдман В. Г.* Мифы древней Индии. М., 1982.
553. Тереножкин — **1966:** *Тереножкин А. И.* Об общественном строе скифов // СА. 1966. 2; **1976:** Киммерийцы. К., 1976.

554. Терещенко, 2013 — *Терещенко А. Е.* «Аполлонийская» чеканка на Боспоре Киммерийском. В поисках имитента // БФ. 2013.
555. Тиханова, 1953 — *Тиханова М. А.* Базилика // Материалы по археологии Юго-Западного Крыма (МИА. 34). М.; Л., 1953.
556. Тиханова-Клименко, 1926 — *Тиханова-Клименко М. А.* Греческая надпись с Таманского полуострова // Сборник статей в честь С. А. Жебелева. Б. м. (рукопись в Библиотеке им. Ленина), 1926.
557. Толстиков — **1984:** *Толстиков В. П.* К проблеме образования Боспорского государства // ВДИ. 1984. 3; **1992:** Пантикапей — столица Боспора // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992; **2001:** Ранний Пантикапей в свете новых археологических исследований // ДБ. 2001. 4; **2010:** Храм Аполлона на акрополе Пантикапея // ПИФК. 2010. 1; **2013:** Новые материалы к локализации древнейшего теменоса Пантикапея // БФ. 2013.
558. Толстиков, Виноградов, 1999 — *Толстиков В. П., Виноградов Ю. Г.* Декрет Спартокидов из дворцового храма на акрополе Пантикапея // Евразийские древности. М., 1999.
559. Толстиков, Ковальчук, 2005 — *Толстиков В. П., Ковальчук А. В.* Черепичные клейма из раскопок Пантикапея 1990–1991 гг. // ДБ. 2005. 8.
560. Толстой, 1887 — *Толстой И. И.* О византийских печатях Херсонской фемы // ЗРАО. 1887. 2.
561. Толстой — **1904:** *Толстой И. И.* Культ Аполлона на Боспоре и в Ольвии // ЖМНП. Янв. 1904; **1905:** Врач и Дельфиний // ИАК. 1905. 14; **1918:** Остров Белый и Таврика. Пг., 1918; **1953:** Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.; Л., 1953.
562. Топоров — **1972:** *Топоров В. Н.* О происхождении нескольких русских слов // Этимология 1970. М., 1972; **1976:** Πύθων, Ahi Budhnyà, бадньак и др. // Этимология 1974. М., 1976; **1983:** Древние германцы в Причерноморье: результаты и перспективы // Балтославянские исследования 1982. М., 1983; **1990:** Об архаичном слое в образе Ахилла // Образ — смысл в античной культуре. М., 1990; **2010:** Мировое древо. М., 2010. 1.
563. Тохтасьев — **1984:** *Тохтасьев С. Р.* Scythica в «Трудах II всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья» // ВДИ. 1984. 3; **1985:** Об одном граффито с острова Березань // Thracia Pontica. Jambol. 1985; **1986:** Апатур. История боспорского святилища Афродиты Урании // ВДИ. 1986. 2; **1994:** Из ономастики Северного Причерноморья // Hyperboreus. 1994. I, f. 1; **1994a:** Вотив царицы Комосарии // Петербургский археологический вестник. СПб., 1994. 8; **1999:** [Рец. на кн. Dubois, 1996] // Hyperboreus. 1999. V, 1; **1999a:** Надписи // Древний город Нимфей. Каталог выставки. СПб., 1999; **2000:** Новые tabellae defixionum из Ольвии // Hyperboreus. 2000. VI, 2; **2001:** Эпиграфические заметки // ХС. 2001. 11; **2002:** Имя киммерийского царя Ἀνδραμῆς // История и языки Древнего Востока. СПб., 2002; **2002a:** Надписи Таманского музея // Таманская старина. СПб., 2002. 4; **2004:** Боспор и Синдика в эпоху Левкона I // ВДИ. 2004. 3; **2005:** Граффити // Гос. Эрмитаж. Борисфен — Березань. Начало античной эпохи в Северном Причерноморье. Каталог выставки. СПб., 2005; **2006:** К политической истории Боспора в III в. // ДБ. 10. 2006; **2007:** Из ономастики Северного Причерноморья. XIX: малоазийские имена на Боспоре (V–IV вв. до н. э.) // ВДИ. 2007. 1; **2007a:** К ономастикону и датировке херсонесских остраконов // ВДИ. 2007. 2; **2007b:** Из ономастики Северного Причерноморья. XX: Заметки по морфологии // ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ. Антикведческо-историографический сборник памяти Ярослава Витальевича Доманского. СПб., 2007; **2010:** Контакты Борисфена и Ольвии с Боспором в архаический период в свете эпиграфических источников // АСГЭ. 2010. 38; **2013:** Из ономастики Северного Причерноморья. XXI. Тракана // ВДИ. 2013. 1.
564. Тревер — **1937:** *Тревер К. В.* Сэнмурв-Паскудж, собака-птица. Л., 1937; **1958:** Золотая статуэтка из селения Хаит (Таджикистан) // Труды Гос. Эрмитажа. Л.; М., 1958. 2.
565. Трейстер — **1985:** *Трейстер М. Ю.* Боспор и Египет в III в. до н. э. // ВДИ. 1985. 1; **1998:** Ионийские ремесленники — скифам // ВДИ. 1998. 4.

566. Тресиддер, 1999 — *Тресиддер Дж.* Словарь символов. М., 1999.
567. Трещева — **1975:** *Трещева Ю. Н.* О двух ольвийских посвящениях Ахиллу // ВДИ. 1975. 1; **1977:** Просопография должностных лиц Ольвии I–III вв. н. э. // ВДИ. 1977. 4.
568. Троицкая, 1987 — *Троицкая Т. Н.* Травестизм в скифо-сибирском мире // Скифо-сибирский мир. Новосибирск, 1987.
569. Трубачев — **1968:** *Трубачев О. Н.* Названия рек правобережной Украины. М., 1968; **1978:** Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье // VIII Международный съезд славистов. Славянское языкознание. М., 1978; **1999:** *Indoarica* в Северном Причерноморье. М., 1999.
570. Трубецкой, 1908 — *Трубецкой Е. Н.* Социальная утопия Платона // Вопросы философии и психологии. 1908. Т. 91, 92.
571. Туманс — **2006:** *Туманс Х.* К идее государства в архаической Греции // ВДИ. 2006. 3; **2009:** О месте города в системе полисных ценностей // Мнемон. 8. СПб., 2009.
572. Тункина, 2002 — *Тункина И. В.* Русская наука о классических древностях Юга России. СПб., 2002.
573. Туровский, 2012 — *Туровский Е. Я.* К вопросу о связи урбанизации и начала монетной чеканки // БК. 2012.
574. Турчанинов — **1947:** *Турчанинов Г. Ф.* Эпиграфические заметки // Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. 1947. 6; **1957:** Дополнение к чтению и датировке надписи на кресте из Краснодарского историко-краеведческого музея // СА. 1957. 1; **1971:** Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Л., 1971.
575. Тюменев, 1955 — *Тюменев А. И.* Херсонесские этюды. V // ВДИ. 1955. 3.
576. Уженцев, 1999 — *Уженцев В. Б.* Боспор и Северо-Западный Крым в первые века н. э. // БФ. 1999.
577. Успенский, 2005 — *Успенский Ф. И.* История Византии. М., 2005. 1.
578. Фабрициус, 1951 — *Фабрициус И. В.* Археологическая карта Причерноморья УССР. К., 1951.
579. Фармаковский — **1905:** *Фармаковский Б. В.* Памятники античной культуры, найденные в России. III // ИАК. 1905. 14; **1915:** Памятники античной культуры, найденные в России. VI. Мраморная стела Херсонского музея из Ольвии // ИАК. 1915. 58.
580. Фасмер, 1967, 1971, 1986 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1986. 1; 1967. 2; 1971. 3.
581. Федоров-Давыдов, 1973 — *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.
582. Федосеев — **2009:** *Федосеев Н. Ф.* Керамическая эпиграфика и актуальные вопросы археологии Боспора Киммерийского // БК. 2009; **2012:** Урбанизация поселений Боспора Киммерийского // БК. 2012; **2013:** К вопросу о существовании полисных магистратур на Боспоре // БФ. 2013; **2014:** Некоторые дискуссионные вопросы организации и развития Боспорского государства // ДГВЕ. 2012. М., 2014.
583. Фельсберг, 1905 — *Фельсберг Э.* Исследования в области Ираклийских таблиц. Юрьев, 1905.
584. Фиалко, 2005 — *Фиалко Е. Е.* Скифские амазонки по письменным и археологическим источникам // БФ. 2005.
585. Филатов, 1969 — *Филатов В. В.* Портативная мозаика «Св. Николай» Киевского музея // ВВ. 1969. 30.
586. Финогенова — **2005:** *Финогенова С. И.* Архаические слои Гермонассы // БФ. 2005; **2006:** Архаическая керамика Гермонассы из раскопок последних лет // ДБ. 2006. 9.
587. Фол, 1975 — *Фол А.* Тракия и Балканы през ранноеллинистическата епоха. София, 1975.
588. Фрай, 1972 — *Фрай Р.* Наследие Ирана. М., 1972.
589. Фролова — **1978:** *Фролова Н. А.* Из истории Боспора в середине II в. н. э. // ВДИ. 1978. 1; **1978:** О взаимоотношениях Рима, Боспора и Херсонеса в начале II в. н. э. // Вопросы

- древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978; **1982**: О римско-боспорских отношениях в I — середине III в. н. э. по нумизматическим данным // Нумизматика античного Причерноморья. К., 1982.
590. Фурманская — **1953**: *Фурманская А. И.* Медно-литейное ремесло Ольвии. АКД. К., 1953; **1960**: Новые эпиграфические памятники из Тиры // СА. 1960. 4.
  591. Хазанов, 1975 — *Хазанов А. М.* Социальная история скифов. М., 1975.
  592. Хайнен, 1999 — *Хайнен Х.* Афинский почетный декрет в честь Спартока III (IG, II², 653) // ДГВЕ 1996–1997. М., 1999.
  593. Хайрединова, 2007 — *Хайрединова Э. А.* Вещи с христианской символикой VI–VII вв. из Юго-Западного Крыма // БК. 2007.
  594. Харко — **1946**: *Харко Л. П.* Культ Афродиты на Боспоре Киммерийском // КСИИМК. 1946. 13; **1964**: Монеты из раскопок Ольвии в 1946–1947 гг. // Ольвия. 1964.
  595. Хвольсон, 1884 — *Хвольсон Д. А.* Сборник еврейских надписей. СПб., 1884.
  596. Хирст, 1908 — *Хирст Г. М.* Ольвийские культы // ИАК. 1908. 27.
  597. Холл, 2004 — *Холл Дж.* Словарь сюжетов и символов в искусстве. М., 2004.
  598. Хоммель, 1981 — *Хоммель Х.* Ахилл-бог // ВДИ. 1981. 1.
  599. Храпунов — **2002**: *Храпунов Н. И.* К дискуссии о «надписи Дуптуна» // БФ. 2002. 1. **2002а**: О взаимоотношениях Боспора и Византии при Юстиниане I // БК. 2002.
  600. Хршановский, 1998 — *Хршановский В. А.* Некрополи Илурата и Китея. Археологическая экспедиция ГМИР 1968–1998 // БФ. 1998.
  601. Цветаева, 1979 — *Цветаева Г. А.* Вопросы греческой колонизации Северного Причерноморья в трудах русских дореволюционных и советских ученых // ПГК. 1979.
  602. Цецхладзе — **1999**: *Цецхладзе Г. Р.* О полисном статусе городов античного Боспора // ДГВЕ 1996–1997. М., 1999; **2014**: Боспорское царство: особенности образования и развития ДГВЕ 2012 (2014).
  603. Циркин — **1970**: *Циркин Ю. Б.* К вопросу о родосской колонизации в Испании и Галлии // ВДИ. 1970. 1; **1972**: К характеристике фокейской колонизации в Западном Средиземноморье // Klio. 1972. Bd. 54; **1981**: Массалия и окружающее население // ДСП. 1981.
  604. Цымбурский, 1985 — *Цымбурский В. Л.* Анхиз в Троаде и в «Энеиде» // Античная культура и современная наука. М., 1985.
  605. Чаплыгина, 1990 — *Чаплыгина Н. А.* Римляне на Дунае. Кишинев, 1990.
  606. Чаттерджи, 1977 — *Чаттерджи С. К.* Введение в индоарийское языкознание. М., 1977.
  607. Чаттопадхья, 1981 — *Чаттопадхья Д. П.* Живое и мертвое в индийской философии. М., 1981.
  608. Чердениченко, 1986 — *Чердениченко Н. Н.* Срубная культура // Культуры эпохи бронзы на Украине. К., 1986.
  609. Черненко, 1887 — *Черненко Е. В.* Скифо-персидская война. К., 1887.
  610. Черняков, 1988 — *Черняков И. Т.* Археологические культуры киммерийцев и фракийцев в Северном Причерноморье во II тыс. до н. э. // ТД Междунар. симпозиума «Античная балканистика-6». М., 1988.
  611. Чистов — **2005**: *Чистов Д. Е.* Следы разрушений и пожаров в Мирмекии IV в. до н. э.: время ли Клеофона // БК. 2005. 6; **2007**: Новый комплекс с пожарищем второй половины VI в. до н. э. из раскопок на участке «О» античного поселения на о. Березань // Древности Северного Причерноморья в античное время. Симферополь, 2007; **2011**: Новые исследования в восточной части Березанского поселения: хозяйственно-промысловая зона середины — второй половины VI в. до н. э.? // БФ. 2011; **2012**: Комплексы и напластования конца VII — середины VI в. до н. э. // Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. СПб., 2012. 2; **2013**: Тип «Дома колониста» в Северном Причерноморье архаического периода // БФ. 2013.

612. Чичуров, 1980 — *Чичуров И. С.* Византийские исторические сочинения. М., 1980.
613. Чуистова, 1962 — *Чуистова Л. И.* Античные и средневековые весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье // Археология и история Боспора. Симферополь, 1962. 2.
614. Чурекова — **2004:** *Чурекова Н. Б.* Модели формирования государственных институтов власти в греческих колониях Северного Причерноморья (VII — середина III в. до н. э.). Саратов (АКД), 2004; **2012:** Археанактиды на Боспоре: к проблеме происхождения // Вестник Нижегородского ун-та. 2012. Вып. 6; **2014:** К проблеме периодизации тирании на Боспоре // ДГВЕ 2012 (2014).
615. Шакуров, 1980 — *Шакуров Р. З.* Рифмование имен у башкир // Ономастика Востока. М., 1980.
616. Шалаев, 2011 — *Шалаев О. О.* Иберо-финикийские взаимоотношения на начальном этапе тирской колонизации Испании // Классическая и византийская традиция. Белгород, 2011.
617. Шалагінова, 1980 — *Шалагінова О. І.* Розписні родосько-іонійські кіліки архаїчного часу з Березанського поселення // Археологія. 1980. 33.
618. Шангин, 1938 — *Шангин М. А.* Некоторые надписи Херсонесского музея // ВДИ. 1938. 3.
619. Шандровская — **1959:** *Шандровская В. С.* Григорий Каматир и его печать в собрании Гос. Эрмитажа // ВВ. 1959. 16; **1968:** Памятники византийской сфрагистики в Эрмитаже // ВВ. 1968. 29; **1977:** Поправки и дополнения к «Каталогу моливдовулов» В. А. Панченко // ВВ. 1977. 38.
620. Шапира, 2010 — *Шапира Д.* Евреи в Северном Причерноморье от древности до раннего средневековья // История еврейского народа в России. Иерусалим; М., 2010.
621. Шапошников — **2000:** *Шапошников А. К.* Этимологические наблюдения // Этимология 1997–1999. М., 2000; **2003:** Три ареала арийских языковых реликтов в Восточной Европе // Этимология 2000–2002. М., 2003.
622. Шарафутдинова, 1986 — *Шарафутдинова И. Н.* Сабатиновская культура // Культуры эпохи бронзы на Украине. К., 1986.
623. Шаров, 2012 — *Шаров О. В.* Проблема присутствия германских переселенцев в городах Боспора: боспоряне или аллохтоны? // БК. 2012.
624. Шатинова, 1980 — *Шатинова Н. И.* Рифмование личных имен у алтайцев // Ономастика Востока. М., 1980.
625. Шауб — **2002:** *Шауб И. Ю.* Ахилл на Боспоре // БФ. 2002. 1; **2007:** Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н. э.). СПб., 2007.
626. Шафранская — **1951:** *Шафранская Н. В.* К вопросу о кризисе Ольвии в III в. // ВДИ. 1951. 3; **1956:** О миксэллинах // ВДИ. 1956. 3.
627. Шахермайр, 1986 — *Шахермайр Ф.* Александр Македонский. М., 1986.
628. Шеворошкин, 1965 — *Шеворошкин В. В.* Исследования по дешифровке карийских надписей. М., 1965.
629. Шейнина, 2006 — *Шейнина Е. Я.* Энциклопедия символов. М., 2006.
630. Шелов — **1967:** *Шелов Д. Б.* Западное и Северное Причерноморье в античную эпоху // Античное общество. М., 1967; **1975:** Керамические клейма из Танаиса III–I вв. до н. э. М., 1975; **1981:** Римляне в Северном Причерноморье // ВДИ. 1981. 4.
631. Шелов-Коведяев — **1985:** *Шелов-Коведяев Ф. В.* Новые боспорские декреты // ВДИ. 1985. 1; **1985а:** История Боспора в VI–IV вв. до н. э. // ДГТ. 1984. М., 1985; **1991:** О центрах миграции греков в Северо-Восточное Причерноморье в эпоху Великой греческой колонизации // Terra antiqua Balcanica. Serdicae. 1991. Т. 6; **2013:** Археанактиды: фикция? // ПАРВ; **2014:** Кем были «Археанактиды»? // ДГВЕ. 2012 (2014).
632. Шелов-Коведяев, Толстиков, 2014 — *Шелов-Коведяев Ф. В., Толстиков В. П.* Боспор в первой четверти V в. до Р. Х. // ДБ. 18. 2014.

633. Шенин, 2003 — *Шенин А.* Похождения пажа // Русский эрос. XIX век. М., 2003.
634. Шестаков, 1906 — *Шестаков С. П.* К истолкованию херсонской надписи времени Зенона // ЖМНП. Март. 1906.
635. Шестаков — **1996**: *Шестаков С. А.* О реконструкции курганных некрополей и проблема создания CORPUS TUMULORUM // Проблемы археологии и истории Боспора. К 170-летию Керченского музея древностей. Керчь, 1996; **2004**: Топография поздних некрополей как показатель этнического состава населения Пантикапея-Боспора // БК. 2004.
636. Шилов — **1991**: *Шилов Ю. А.* О названии полуострова Чонгар // ПИК. 1991. 2; **1991a**: «День Брахмы» на Чонгаре // Вокруг света. 1991. 3; **1995**: Прародина ариев. К., 1995.
637. Шишова — **1968**: *Шишова И. А.* Долговое рабство // Рабство на периферии античного мира. Л., 1968; **1975**: О статусе пенестов // ВДИ. 1975. 3.
638. Шкорпил — **1895**: *Шкорпил В. В.* Вновь открытая христианская катакомба // ЗООИД. 1895. 18; **1898**: Три христианские надписи, найденные в окрестностях Керчи // ЗООИД. 1898. 21. Протоколы; **1900**: Три христианские надгробия, найденные в 1898 году // ЗООИД. 1900. 22. Протоколы; **1900a**: Надгробные надписи, приобретенные Мелек-Чесменским музеем в 1899 г. // ЗООИД. 1900. 22; **1902**: Керамические надписи, найденные при раскопках на северном склоне горы Митридата в городе Керчи в ноябре и декабре 1901 г. // ИАК. 1902. 3; **1907**: Из архива Керченского музея древностей // ИТУАК. 1907. 40; **1908**: Три свинцовые пластинки с надписями из Ольвии // ИАК. 1908. 27; **1908a**: Боспорские надписи, найденные в 1907 г. // ИАК. 1908. 27; **1909**: Боспорские надписи, найденные в 1908 г. // ИАК. 1909. 33; **1912**: Боспорские надписи, найденные в 1911 г. // ИАК. 1912. 45; **1914**: Боспорские надписи, найденные в 1913 г. // ИАК. 1914. 54.
639. Шталь — **1985**: *Шталь И. В.* Мотивы вазовой живописи в искусстве Северного Причерноморья эллинистического периода // ПЭЭ. 1985; **1989**: Эпические предания Древней Греции. М., 1989.
640. Штейн, 1927 — *Штейн В. Ф.* Бронзовый браслет с острова Березани // ИГАИМК. 1927. 5.
641. Штерн — **1901**: *Штерн Э. Р.* Новый эпиграфический материал, найденный на юге России // ЗООИД. 1901. 23; **1901a**: О новейших раскопках в г. Аккерман и на острове Березани // ЗООИД. 1901. 23. Протоколы; **1914**: Отчет о раскопках на острове Березани летом 1913 г. Одесса, 1914.
642. Шургая — **1972**: *Шургая И. Г.* О торговых сношениях Ольвии с Александрией в эллинистическую эпоху // ВДИ. 1972. 3; **1974**: Вопросы боспоро-египетской конкуренции в хлебной торговле Восточного Средиземноморья раннеэллинистической эпохи // КСИА. 1974. 138.
643. Щеглов — **1969**: *Щеглов А. Н.* Фракийские посвятельные рельефы из Херсонеса Таврического // Фракийцы в Северном Причерноморье. М. (МИА. 150), 1969; **1972**: Заметки по древней географии и топографии Сарматии и Тавриды // ВДИ. 1972. 2; **1978**: Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978; **1985**: О греко-варварских взаимодействиях на периферии античного мира // ПЭЭ. 1985; **1985a**: Ольвия и Херсонес: новые материалы и аспекты проблемы // ПИО. 1985; **1986**: Процесс и характер территориальной экспансии Херсонеса в IV в. до н. э. // Античная гражданская община. Л., 1986; **1990**: Северопонтийская торговля хлебом во второй половине VII — V вв. до н. э.: письменные источники и археология // ПВ. 1990.
644. Щеглов, Рогов, 1985 — *Щеглов А. Н., Рогов Е. Я.* Погребения в подбойных могилах в Нижнем Побужье, Нижнем Поднестровье и в Северо-Западном Крыму // ПИО. 1985.
645. Щукин — **1989**: *Щукин М. Б.* О галатах и дате декрета в честь Протогена // Скифия и Боспор. Новочеркасск, 1989; **1995**: Две реплики о Фарзое и надписи из Мангупа, о царе Артавасде и погребении в Косике // ВДИ. 1995. 4.

646. Эдельман, 1986 — *Эдельман Д. И.* Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Фонология. М., 1986.
647. Элиаде, 1987 — *Элиаде М.* Космос и история. М., 1987.
648. Эмбаторион, 2011 — *Эмбаторион.* Сборник статей по искусствознанию, филологии, истории. Семидесятилетию профессора В. П. Яйленко посвящается. М., 2011.
649. Эрдман, 1980 — *Эрдман В. Г.* Очерк истории ведической литературы. М., 1980.
650. Эрлих, 1928 — *Эрлих Р. Л.* Ольвийская надпись IOSPE I² 176 // ДАН. Серия В. 1928.
651. Этнич. проблемы, 1981 — Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.). М., 1981.
652. Эттингф, 2005 — *Эттингф О. Е.* Заметки о греко-русской иконописной мастерской в Новгороде // Церковь Спаса на Нередице: от Византии к Руси. К 800-летию памятника. М., 2005.
653. Юзбашян, 1980 — *Юзбашян К. Н.* Новые данные для изучения византийской администрации в Армении и Грузии в XI в. // Кавказ и Византия. Ереван, 1980. 2.
654. Юргевич, 1898 — *Юргевич В. Н.* О свинцовых печатях византийских, хранящихся в музее Одесского общества истории и древностей // ЗООИД. 1898. 21.
655. Юрочкин, 2000 — *Юрочкин В. Ю.* Готы-трапезиты на пограничье Боспора // Пантикапей — Боспор — Керчь. 26 веков древней столицы. Материалы междунар. конф. Керчь, 2000.
656. Яйленко — **1971:** *Яйленко В. П.* [Рец.] Uguzzoni A. Ghinatti F. Le tavole greche di Eraclea. Roma, 1968 // ВДИ. 1971. 4; **1971a:** К интерпретации декрета иссейцев о разделе земли колонистами // ВДИ. 1971. 2; **1973:** Греческая колонизация архаической поры в эпиграфических источниках // ВДИ. 1973. 2; **1974:** К датировке и чтению березанского письма Ахиллодора // ВДИ. 1974. 1; **1975:** Вопросы интерпретации березанского письма Ахиллодора // ВДИ. 1975. 3; **1977:** Заметки по греческой лексике и ономастике // ИКАМ. 1977; **1979:** Березанское граффито — приношение другу // ПАИК. 1979. 1; **1979a:** Несколько ольвийских и березанских граффити // КСИА. 1979. 159; **1979б:** Древнегреческая колонизационная практика // ПГК. 1979; **1979в:** Платоновская теория основания полиса и эллинская колонизационная практика // Платон и его эпоха. М., 1979; **1980:** Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ. 1980. 3 [= ГЛБО II]; **1980a:** Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ. 1980. 2 [= ГЛБО I]; **1981:** Материалы к истории проксенической и сакральной деятельности Ольвийского государства // VIII Всесоюзная конф. ВДИ АН СССР. ТД. М., 1981; **1982:** Греческая колонизация Средиземноморья VII–III вв. до н. э. по данным эпиграфических источников. М., 1982; **1982a:** Всесоюзный симпозиум «Античная балканистика 4» // ВДИ. 1982. 3; **1983:** К вопросу об идентификации рек и народов Геродотовой Скифии // Советская этнография. 1983. 1; **1983a:** Архаическая Греция // Античная Греция. М., 1983. Т. 1; **1984:** К проксенической деятельности Ольвии и Боспора // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984; **1984a:** Эпиграфические заметки // Второй всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке. ТД. Ереван, 1984; **1984б:** Из истории проксенической деятельности Ольвийского полиса // Античная балканистика. Предварительные материалы. М., 1984; **1984в:** Фрако-дакийская и иллирийская топонимика европейской Сарматии и Скифии // Античная балканистика. Карпато-дунайский регион в диахронии. Предварительные материалы к междунар. симпозиуму. М., 1984; **1985:** Материалы к «Корпусу лапидарных надписей Ольвии» // ЭПП (= МКЛНО I). 1985; **1985a:** Новые надписи Горгиппии // ЭПП. 1985; **1986:** Одна боспорская эпитафия // Проблемы античной культуры. М., 1986; **1987:** Материалы к «Корпусу лапидарных надписей Ольвии». Продолжение // Исследования по эпиграфике и языкам Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М. (= МКЛНО II), 1987; **1987a:** К публикации свода херсонесских граффити // Исследования по эпиграфике и языкам древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1987; **1987б:** Материалы по боспорской эпиграфике // Надписи и языки древней

Малой Азии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1987; **1987в**: О «Корпусе византийских надписей с территории СССР» // ВВ. 1987. 48; **1987г**: Вотив Авлудзениса из Северного Причерноморья // Actes du IXe congrès intern. d' épigraphie grecque et latine. Sofia, 1987. Vol. 1; **1988**: Уроженцы Ольвии в духовной жизни Греции: философ Бион, поэт Дионисий, историк Посидоний // Проблемы античной культуры. ТД. Симферополь, 1988. Часть 3; **1988а**: Начальное школьное образование в античных греческих городах Северного Причерноморья // Памятники культуры. 1987. М., 1988; **1989**: Ольвийский декрет в честь сыновей херсонесита Аполлония // ВИД. 1989. XX; **1989**: Тервинги и гревтунги в Восточной Европе // ТД XI Всесоюз. конф. по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. М., 1989. 1; **1990**: Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990; **1990а**: Архаическая Греция и Ближний Восток. М., 1990; **1990б**: Династическая история Боспора от Митридата Евпатора до Котиса I // Эпиграфические памятники и языки древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1990; **1990в**: Готы в этногенезе славян Киевского Поднепровья // VI Междунар. конгресс славянской археологии. ТД советской делегации. М., 1990; **1991**: Фракийские гидронимы VIII–V вв. до н. э. на северном побережье Понта // Thracia Pontica. Sofia, 1991. T. IV; **1991а**: Происхождение названия Борисфен // Terra antiqua Balcanica. Serdica. 1991. T. VI; **1995**: Граффити Тиры // Studia in honorem Georgii Mihailov. Sofia, 1995; **1995а**: Женщины, Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях // Женщина в античном мире. М., 1995; **1995б**: Правящий тюркский род ашина: истоки и продолжение // Элита и этнос средневековья. М., 1995; **1996**: Псевдоэпиграфика античного Северного Причерноморья // ИКДМ. 1996; **1998**: Человек в античной Ольвии (очерк социальной истории) // Человек и общество в античном мире. М., 1998; **1999**: К дискуссии о херсонесском декрете в честь Т. Аврелия Кальпурниана Аполлониды (II) // Закон и обычай гостеприимства в античном мире. М., 1999; **1999а**: Призрак боспорского Сатира в Ольвии и тени ольвиополитов да митридатовых солдат в Западном Крыму: комментарий к эпиграфическим видениям // VI чтения памяти проф. В. Д. Блаватского. М., 1999; **2000**: К дискуссии о херсонесском декрете в честь Т. Аврелия Кальпурниана Аполлониды (I) // ВДИ. 2000. 1; **2000а**: Дискуссионные вопросы истории и эпиграфики античного Северного Причерноморья // РА. 2000. 3; **2001**: Тени ольвиополитов и херсонесских олигархов в Западной Тавриде // ПИФК. 2001. XI; **2001а**: Ольвийская проксения Истроклу и проксения афинянам: НО 1; 5 // Из истории античного общества. Н. Новгород, 2001. 7; **2001б**: Некоторые вопросы интерпретации херсонесской присяги и почетной надписи Агасикла // ПИФК. 2001. X; **2001в**: Архитектурные ордера, архитектурные памятники, архитекторы // От Иктина до Беллини. Из истории античного и ренессансного искусства. М., 2001 (совместно с Е. В. Яйленко); **2002**: Идентификация и реконструкция зданий ольвийского теменоса // РА. 2002. 3; **2002а**: «О бедном Устане замолвите слово» // Μνήμη. Сборник научных трудов, посвященный памяти проф. В. Д. Жигунина. Казань, 2002; **2002б**: Описограф из Фанагории со строительной надписью и эпитафией фиасота // ПИФК. 2002. 12; **2004**: Вотив Левкона I из Лабриса // ДБ. 2004. 7; **2004а**: Дельфийские максимы и формирование учения Ашоки о дхарме // ПИФК. 2004. 14; **2004б**: Очерки по истории и архитектуре Лефортово XVII–XVIII веков. М., 2004; **2005**: Магические надписи Боспора // ДБ. 2005. 8; **2006**: Посвятительные граффити Пантикалея и округи // ДБ. 2006. 9; **2007**: Очерки этнической и политической истории Скифии в V–III вв. до н. э. // Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия. Скифия. Боспор. М.; К.; Запорожье, 2007; **2008**: Критические заметки по эпиграфике и «искусствознанию» Северного Причерноморья // ДБ. 2008. 12/2; **2008а**: Реплика по поводу «Отклика» критика на «Очерки этнической и политической истории Скифии в V–III вв. до н. э.» // ДБ. 2008. 12/2; **2009**: Александр Македонский, Северное Причерноморье и поход Зопириона // ОД. 2009; **2010**: Тысячелетний Боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н. э. —

- V в. н. э. М., 2010; **2010a**: Христианские и паракристианские надписи Боспора IV–VI вв. // ДБ. 2010. 14; **2011**: Индоарийский Ахилл, индоарии и киммерийцы Северного Причерноморья в VIII–VI вв. до н. э. // В царстве Клио. Российско-германский сборник статей по историческим дисциплинам. Посвящается 70-летию... А. Ейне. М.; Берлин, 2011; **2011a**: Индоарии — киммерийцы — тавры: Северное Причерноморье VIII–VII вв. до н. э. в мифологической традиции и ономастике // ДБ. 2011. 15; **2012**: Индоарии — киммерийцы — тавры: Северное Причерноморье VIII–VII вв. до н. э. в мифологической традиции и ономастике (продолжение) // ДБ. 2012. 16; **2012a**: Источниковедческий анализ известий Псевдо-Скимна об основании городов Понта // БК. 2012; **2013**: Скифский Ахилл в Северном Причерноморье VIII–V вв. до н. э. и его индоарийские истоки // ДБ. 2013. 17; **2013a**: Очерки этнической, политической и культурной истории Скифии VIII–III вв. до н. э. М., 2013; **2013b**: Политическое состояние Боспора в VI–V вв. до н. э. // БФ. 2013; **2014**: Фрако-дакийская и иллирийская топонимика Северного Причерноморья (Сарматии и Скифии) // ДБ. 2014. 18; **2014a**: Этапы развития боспорского общества и государства, или Почему не сложились полноценные местные полисы // БК. 2014; **2015**: Топонимика и этнонимия античного Боспора // ДБ. 19. М. 2015; **2015a**: Слово и дело: о публикации ольвийского декрета в честь смирейца Стефана // АМА. 2015. Вып. 17; **2015b**: Ольвийский гимн VI в. до н. э. // БИ. 2015. Вып. 31; **2016**: Источниковедение известий Эсхина о Гилоне и Арриана об ойкистах Фанагоре, Гермоне // ДБ. 2016. Т. 20; **2016a**: Сказ про то, как исследователь И. Е. Суриков отправил в небытие Фанагора, Гермона, Гилона и разоблачил лжецов Демосфена да Эсхина // БК. 2016; **2017**: Источниковедение античных известий о Фанагоре, Археанактидах, синдской диасфагме, сестере // ДБ. 21 (в печати).
657. Яacobсон — **1959**: *Яacobсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес // МИА, 63. М.; Л., 1959; **1979**: Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979.
658. Яковенко, 1985 — *Яковенко Э. В.* К проблеме происхождения предметов торевтики из раннеэллинистических курганов Скифии и Боспора // ПЭЭ. 1985.
659. Янин — **1957**: *Янин В. Л.* Из истории русской художественной жизни XII в. // СА. 1957. 1; **1970**: Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1970. 1–2; **1988**: К проблеме авторства нередицких фресок // Памятники культуры. 1987. М., 1988; **2004**: Средневековый Новгород. М., 2004.
660. Янушевич, 1986 — *Янушевич З. В.* Культурные растения Северного Причерноморья: палеоботанические исследования. Кишинев, 1986.
661. Яценко, 2011 — *Яценко С. А.* Северное Причерноморье и Ахемениды: некоторые аспекты взаимоотношений // БФ. 2011.
662. Der Achilleus-Kult, 2006 — (J. Hupe, Hrsg.) Der Achilleus-Kult im nördlichen Schwarzmeer-raum vom Beginn der griechischen Kolonisation bis in die römische Keizerzeit. Beiträge zur Akkulturationsforschung. Leidorf, 2006.
663. Aeschylus, 1983 — Aeschylus. Prometheus Bound / Ed. by M. Griffith. Cambr., 1983.
664. Ahn, 1992 — *Ahn G.* Religiöse Herrscherlegitimation im achämenidischen Iran. Leiden, 1992.
665. Alföldi, 1977 — *Alföldi G.* Konsulat und Senatorenstand unter den Antoninen. Bonn, 1977.
666. Alp, 1940 — *Alp S.* Untersuchungen zu den Beamtennamen im hettischen Festzeremoniell. Lpz., 1940.
667. Altheim, 1959, 1960 — *Altheim F.* Geschichte der Hunnen. B., 1959, 1960. Bd. 1–2.
668. Alvar, 1988 — *Alvar J. Berezan'* — Ampurias: sobre los modelos de comportamiento colonial // МОП. 1988.
669. Amit, 1973 — *Amit M.* Great and Small Poleis. Brussels, 1973.
670. Andreou, 2000 — *Andreou V.* Remarques sur l'histoire des classes dirigeantes de Milet // Politic, Administration and Society in the Hellenistic and Roman World. Leuven, 2000.

671. Angelov, Conrad, Luppe, 1996 — *Angelov A., Conrad S., Luppe W.* Eine Grabinschrift aus Marcianopolis (Moesia inferior) // ZPE. 1996. Bd. 112.
672. Anthologia, III — *Anthologia Graeca ad Palatini codicis. Editio stereotypa C. Tauchnitiana, nova impression. Lipsiae. Vol. III (s. a.).*
673. Appel, 2001 — *Appel W.* Grabinschrift für Athenokles (zu IOSPE I² 687) // ZPE. 2001. Bd. 137.
674. Archibald, 2007 — *Archibald Z. H.* Contacts between the Ptolemaic Kingdom and the Black Sea in the Early Hellenistic Age // BSEE. 2007.
675. Arena — **1967:** *Arena R.* Le iscrizioni corinzie su vasi. R., 1967; **1989, 1992, 1994:** Iscrizioni greche di Sicilia e Magna Grecia. Pisa, 1989, 1992, 1994. Vol. 1–3.
676. Artimović, 1925 — *Artimović A.* Symbola critica ad Olbiopolitanorum decretum, quo honoratur Niceratus // Науковий ювілейний збірник, присвячений... Т. Г. Масарикові. Прага, 1925. Т. 1.
677. Asheri, 1969 — *Asheri D.* Leggi greche sul problema dei debiti // Studi classici e orientali. Pisa, 1969. Т. 18.
678. Ast, 1835 — *Ast F.* Lexicon Platonicum. Lpz., 1835. Vol. III.
679. Athenian Agora, 1990 — *The Athenian Agora. A Guide to the Excavation and Museum. Athenes, 1990.*
680. Austin, 1938 — *Austin R. P.* The Stoichedon Style in Greek Inscriptions. Oxf., 1938.
681. Avi-Yonach — см. Список сокращений.
682. Avram — **1995:** *Avram A.* Poleis und Nicht-Poleis im Ersten und Zweiten Attischen Seebund // CPCP. 1995. 2; **1996/7:** Décret inédit din Tyras // Studia antiqua et arhaeologica. 1996/7. Т. 2 (Iași); **1999:** Der Vertrag zwischen Rom und Callatis. Amsterdam, 1999; **2000:** Wohlstätten des Volkes (εὐεργέται τοῦ δήμου) in den pontischen Städten der späthellenistischen Zeit // Bürgersinn und staatliche Macht in Antike und Gegenwart. Konstanz, 2000; **2000/1:** The Territories of Istros and Kallatis // Talanta. 2000. Т. 32/33; **2003:** An Istrian Dedication to Leto // Cauldron of Ariantas. Aarhus. 2003. (BSS, 1); **2006:** The Territories of Istros and Callatis // (P. Guldager, V. F. Stolba, eds.) Surveying the Greek Chora. The Black Sea Region in a Comparative Perspective. Aarhus, 2006; **2013:** Prosopographia Ponti Euxini externa. Leuven, 2013.
683. Avram, Bărbulescu, Ionescu, 2004 — *Avram A., Bărbulescu M., Ionescu M.* A propos des Pontarques du Pont Gauche // Ancient East & West. 2004. Pt. 3/2.
684. Avram, Bounegru, 2006 — *Avram A., Bounegru O.* Mithridates VI Eupator und die griechischen Städte an der Westküste des Pontos Euxeinos // (S. Conrad et alii, eds.) Pontos Euxeinos. Beiträge zur Archäologie und Geschichte des antiken Schwarzmeer- und Balkanraumes. Langenweissbach, 2006.
685. Babelon, 1893 — *Babelon E.* Catalogue des monnaies grecques de la Bibliothèque Nationale. P., 1893.
686. Bacchielli, 1994 — *Bacchielli L.* L'ostracismo a Cirene // Rivista di filologia. 1994. Т. 122.
687. Bachmakoff, 1948 — *Bachmakoff A.* La synthèse des Periples Pontiques. P., 1948.
688. Bain, 1991 — *Bain D.* Six Greek Verbs of Sexual Congress // The Classical Quarterly. 1991. Vol. 41.
689. Banaru, 2013 — *Banaru V.* Comerț organizat, sau schimb de mărfuri? Considerații cu privire la modalitățile de difuzare a importurilor grecești în nord-vestul Pontului Euxin // PMN. 2013.
690. Baralis, 2008 — *Baralis A.* The Chora Formation of the Greek Cities of Aegean Thrace. Towards a Chronological Approach to the Colonization Process // Meetings of Cultures — between Conflicts and Coexistence. Aarhus. 2008. (BSS, 8).
691. Barker, 1947 — *Barker E.* Political Theory. Plato and His Predecessors. L., 1947.
692. Barnett, 1956 — *Barnett R. D.* Ancient Oriental Influences on Archaic Greece // The Aegean and the Near East. Locust Valley (NY), 1956.

693. Bartholomae, 1904 — *Bartholomae Chr.* Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904.
694. Bartoněk — **1966:** *Bartoněk A.* Development of the Long-Vowel System in Ancient Greek Dialects. Praha, 1966; **1972:** Classification of the West Greek Dialects at the Time about 350 B.C. Prague, 1972.
695. Beazley — **1955:** *Beazley J. D.* Ten Inscribed Vases // *Archaeologike Ephemeris*. 1955. T. 1; **1967:** *Antike Kunst*. 1967. Bd. 10.
696. Beauchet, 1897, 1897a — *Beauchet L.* Histoire du droit privé de la République athénienne. P., 1897. T. 2, 3.
697. Bechtel — **1905:** *Bechtel F.* Die ionischen Inschriften // *Sammlung der griechischen Dialektinschriften*. Göttingen. 1905. Bd. III, 2; **1917:** Die historischen Personennamen des Griechischen bis zum Kaiserzeit. Halle, 1917; **1921, 1923, 1924:** Die griechischen Dialekte. B., 1921, 1923, 1924. Bd. 1–3.
698. Becker, 1932 — *Becker W.* Platons Gesetze und das griechische Familienrecht. München, 1932.
699. Benveniste, Renou, 1934 — *Benveniste E., Renou L.* *Ἰῶννα et Ἰῶννα*. P., 1934.
700. Berliner, 1893 — *Berliner A.* Geschichte der Juden in Rom. Frankfurt am M., 1893. Bd. 1.
701. Bernard, 1969 — *Bernard E.* Inscriptions métriques de l’Égypte gréco-romaine. P., 1969.
702. Bernard, Masson, 1957 — *Bernard A., Masson O.* Les inscriptions grecques d’Abou-Simbel // *REG*. 1957. T. 70.
703. Berneker, 1967 — *Berneker E.* *Ξενίας γραφή* // *RE*. 1967. Hlbd. 18.
704. Berve, 1967 — *Berve H.* Die Tyrannis bei den Griechen. München, 1967. Bd. I, II.
705. Bethe, 1894 — *Bethe.* Abaris // *RE*. 1894. Bd. 1.
706. Bilabel, 1920 — *Bilabel F.* Die ionische Kolonisation. Lpz., 1920.
707. Bird, 1993 — *Bird H. W.* Eutropius: Breviarium... by H. W. Bird. Liverpool, 1993.
708. Birley, 1981 — *Birley E.* Evocati Aug.: a Review // *ZPE*. 1981. Bd. 43; **1987:** Marcus Aurelius. New Haven; L., 1987.
709. Bisinger, 1925 — *Bisinger J.* Der Agrarstaat in Platons Gesetzen // *Klio*. 1925. Splbd. 17.
710. Blümel, 1966 — *Blümel C.* Die klassischgriechischen Skulpturen der Städtlichen Museen zu Berlin // *Abh. der Deutschen Ak. der Wiss. zu Berlin*, 1966. Hft. 2.
711. Blumenthal, 1930 — *Blumenthal A.* Hesychstudien. Stuttgart, 1930.
712. Boardman, **1973** — *Boardman J.* The Greek Overseas. Harmondsworth, 1973; **1991:** Early Greek Pottery on Black Sea Sites? // *Oxford Journal of Archaeology*. 1991. Vol. 10; **1995:** Greek Sculpture. The Late Classical Period. L., 1995; **1996:** Greek Art. L., 1996; **1998:** Olbia and Berezan: the Early Pottery // *GCB*. 1998.
713. Bonner, 1950 — *Bonner C.* Studies in Magical Amulets. Ann Arbor, 1950.
714. Borecky, 1964 — *Borecky B.* Die sozialökonomischen Grundlagen der griechischen Polis und Platons Gesetzesstaat // *Eirene*. 1964. T. 2.
715. Bosch, 1960 — *Bosch F.* The Golden Germ. St. Gravenhage, 1960.
716. Boshnakov, 2004 — *Boshnakov K.* Pseudo-Skymnos (Semos von Delos?). Τα αριστερα του Ποντου. Zeugnisse griechischer Schriftsteller über den westlichen Pontosraum. Stuttgart, 2004.
717. Boshnakova, 2007 — *Boshnakova A.* Hermeneutics of the Archeological Artifact Destruction and Reconstruction of the Lost Meaning // *Сборник в памет на Карел и Херменегилд Шкорпил*. София, 2007.
718. Boswinkel, Sijpestaijn, 1968 — *Boswinkel E., Sijpestaijn P. J.* Tabula palaeographica. Amsterdam, 1968. F. 1.
719. Bounegru, Zahariade, 1996 — *Bounegru O., Zahariade M.* Les forces navales du Bas Danube et de la Mer Noire aux Ier — Ve s. Oxf., 1996.
720. Bousquet, 1975 — *Bousquet J.* Arbinas fils de Gergis, dynaste de Xanthos // *CRAI*. 1975. № 1.
721. Bouzek — **1990:** *Bouzek J.* Studies of Greek Pottery in the Black Sea Area. Prague, 1990; **2009:** Greek Pottery and Greek Presence in the Inland Areas of the Black Sea Regions // *МОБЧМ*. 2009.

722. Bowden, 1996 — *Bowden H.* The Greek Settlement and Sanctuaries at Naukratis: Herodotus and Archaeology // CPCP. 1996. 3.
723. Bowie, 2001 — *Bowie E. L.* Ancestors of Historiography in Early Greek Elegiac and Jambic Poetry // The Historian's Craft in the Age of Herodotus. Oxf., 2001.
724. Brandenstein, 1953 — *Brandenstein W.* Die Abstammungssagen der Skythen // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. 1953. Bd. 52.
725. Braund — **2005**: *Braund D.* Pericles, Cleon and the Pontus: the Black Sea in Athens c. 440–421 // SG. 2005; **2007**: Apollo the Healer «Master of Istros» // Древности Северного Причерноморья в античное время. Симферополь, 2007; **2007a**: Black Sea Grain for Athens? From Herodotus to Demosthenes // BSEE. 2007; **2011**: Phanagoria and Kabeiromania: Imagined Kabeiroi on the North Coast of the Black Sea // Phanagoreia und seine historische Umwelt. Göttingen, 2011.
726. Bravo — **1974**: *Bravo B.* Un lettre sur plomb de Berezan' // DHA. 1974. T. 1; **1977**: Remarques sur les assises sociales, les formes d'organisation et la terminologie du commerce maritime grec a l'époque archaïque // DHA. 1977. T. 3; **1980**: Συλᾶν. Represailles et justice privée contre des étrangers dans les cités grecques // Annali della Scuola normale superiore di Pisa. Classe di lettere e filosofia. Ser. III. 1980. Vol. X, 3; **1987**: Un tablette magique d'Olbia Pontique, les morts, les héros et les démons // Poikilia. Études offerts à J.-P. Vernant. P., 1987; **2001**: Luoghi di culto nella chora di Olbia Pontica // Problemi della chora coloniale dall'Occidente al Mar Nero. Taranto, 2001.
727. Bredow, 1986 — *Bredow I.* Die thrakische Namen bei Homer // Acta Centri historiae Terra antiqua Balcanica. Trinovi, 1986. Vol. 1.
728. Briant, 1978. — *Briant P.* Colonisation hellénistique et population indigènes. La phase de l'installation // Klio. 1978. Bd. 60.
729. Brosius, 2010 — *Brosius M.* Pax Persica and the Peoples of the Black Sea Region: Extent and Limits of Achaemenid Imperial Ideology // AIBS. 2010.
730. Buck — см. Список сокращений.
731. Büchner, 1885 — *Büchner L.* Die Besidelung der Küsten der Pontos Euxeinos durch die Milesier. Kempten, 1885.
732. Bujskikh, 2007 — *Bujskikh S.* Der Achilleus-Kult und die griechische Kolonisation des Unteren Bug-Gebiets // KP. 2007.
733. Burkert, 1995 — *Burkert W.* Greek Poleis and Civic Cults: Some Further Thoughts // CPCP. 1995. 2.
734. Burn, 1935 — *Burn A. R.* Dates in Early Greek History // JHS. 1935. Vol. 55.
735. Burstein, 1974 — *Burstein S.* Outpost of Hellenism. Berkeley, 1974.
736. Busolt, Swoboda, 1920, 1926 — *Busolt G., Swoboda H.* Die griechische Staatskunde. München, 1920, 1926. Bd. 1–2.
737. Calder, 1971 — *Calder W. M.* Stratonides Athenaios // AJA. 1971. Vol. 75.
738. Calderini, 1908 — *Calderini A.* La manomissione e la condizione dei liberti in Grecia. Milano, 1908.
739. Caldwell, 1956 — *Caldwell R.* A Comparative Grammar of the Dravidian or South-Indian Family of Languages. Madras, 1956.
740. Calmeyer, 1991 — *Calmeyer P.* Der “Apollon” des Dareios // AMI. 1991. Bd. 22.
741. Camp, 2000 — *Camp J. McK. III.* Walls and the Polis // Polis and Politics, 2000 (см. ниже).
742. Caprino, 1955 — *Caprino C.* I rilievi della colonna: la guerra germanica e sarmatica // La colonna di Marco Aurelio. R., 1955.
743. Carrata Thomes, 1953 — *Carrata Thomes F.* Il regno di Marco Aurelio. Torino, 1953.
744. Casevitz, 1993 — *Casevitz M.* Emporion. Emplois classiques et histoire du mot // L'Emporion. P., 1993.
745. Chadwick, 1973 — *Chadwick J.* The Berezan Lead Letter // Proceedings of the Cambridge Philol. Association. Cambr., 1973. T. 199.

746. Chamoux, 1953 — *Chamoux F.* Cyrène sous la monarchie des Battiades. P., 1953.
747. Chantraine, 1968, 1970, 1974, 1980 — *Chantraine P.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. P., 1968, 1970, 1974, 1980. T. 1–4.
748. Charalampakis, 2013 — *Charalampakis P.* Some Notes on the Names ΦΑΝΑΓΟΡΕΙΑ and ΦΑΝΑΓΟΡΗΣ // *AMA*. 2013. 16.
749. Charneux, 1966 — *Charneux P.* Liste argivienne de théarodoques // *BCH*. 1966. T. 90.
750. Chase, 1933 — *Chase A. H.* The Influence of Athenian Institutions upon the Laws of Plato // *Harvard Studies in Classical Philology*. 1933. Vol. 44.
751. Christ, 1890 — *Christ W.* Geschichte der griechischen Litteratur. München, 1890.
752. Christensen, 1931 — *Christensen A.* Les Kayanides. København, 1931.
753. Čistov, 2012 — *Čistov D.* La Borysthène archaïque (site de l'île de Bérézan). Première colonie grecque du nord de la mer Noire, d'après le matériel des fouilles récentes du Musée d'Etat de l'Ermitage menées dans la partie orientale de l'île // *ÉP*. 2012.
754. Clairmont, 1970 — *Clairmont Ch.* Gravestone and Epigram. Mainz, 1970.
755. Cobet, 2007 — *Cobet J.* Das alte Ionien in der Geschichtsschreibung // *Frühe Ionien*. Mainz, 2007.
756. Cojocaru — **2004**: *Cojocaru V.* Populația zonei nordice și nord-vestice a Pontului Euxin în secolele VI–I a. Chr. pe baza izvoarelor epigraphice. Iasi, 2004; **2005**: Die Beziehungen zwischen Griechen und “Barbaren” im Norden und Nordwesten des Pontos Euxeinos zwischen dem 7. und dem 1. Jh. v/ Chr. Zur Geschichte ihrer Erforschung. 2005; **2008**: Zum verhältnis zwischen Steppenbevölkerung und griechischen Städten. Das ‘Skythische Protektorat’ als offene Frage // *Beiträge zur Alten Geschichte, Papyrologie und Epigraphik*. Wien, 2008; **2009**: Zur Proxenie in den griechischen Städten des Pontischen Raumes // *Pontica*. 2009. T. 42; **2009a**: Von Byzantion nach Olbia: zur Proxenie und zu den Aussenbeziehungen auf der Grundlage einer Ehreninschrift // *Archeologia Moldovei*. 2009. T. 32 (2010); **2009/10**: “Fremde” in griechischen Städten Skythiens und Kleinskythiens auf Grundlage der epigraphischen Quellen bis zum 3. Jh. n. Chr. Forschungstand und Perspektive // (A. Goşkun, H. Heinen, S. Pfeiffer, Hrsgg.) *Identität und Zugehörigkeit im Osten der griechisch-römischen Welt*. Frankfurt a/M. etc. **2010**: Inscriptia greacă de la Dragomirna // *Pontica*. 2009/10. T. 48; **2011**: Von Pfeilspitzen zu “skythischen” Münzen: zu griechisch-skythischen Beziehungen im Spiegel des Geldumlaufs am Rande der Steppe // (L. Praeger, Hrsg.) *Nomadizmus in der “Alten Welt”*: Formen der Repräsentation in Vergangenheit und Gegenwart. Münster etc., 2011; **2013**: Proxenia // (R. Bagnall et alii, eds.) *Wiley-Blackwell's Encyclopedia of Ancient History*. Oxf., 2013; **2013a**: Relațiile interpontice ale oraşelor greceşti de la nordul Mării Negre și contactele acestora cu barbarii din hinterland pe baza izvoarelor epigrafice // *PMN*; **2014**: *Bibliographia classica orae Septentrionalis Ponti Euxini*. Vol. I. Epigraphica, numismatica & prosopographica (Pontica et Mediterranea, Hrsg. von V. Cojocaru und J. Hupe, Bd. II). Cluj, Napoca, 2014; **2014a**: Die Aussenbeziehungen der griechischen Städte der nördlichen Schwarzmeerküste in hellenistischer und römischer Zeit auf Grundlage der epigraphischen Quellen // *Die Aussenbeziehungen pontischer und kleinasiatischer Städte in hellenistischer und römischer Zeit*. Stuttgart, 2014; **2016**: Instituția proxeniei în spațiul pontica. Cluj-Napoca, 2016 (в печати); *Un espace dorien pontique d'après les décrets de proxénie // Mégara. Nouvelles recherches sur Mégare, les cités de la Propontide et du Pont-Euxine*. P., 2016.
757. Cole, 1995 — *Cole S. G.* Civic Cult and Civic Identity // *CPCA*. 1995. 2.
758. Collon, 1995 — *Collon D.* Ancient Near Eastern Art. L., 1995.
759. Colombo, 1973 — *Colombo I.* Acculturation et cultes thérapeutiques // *Les syncrétismes dans les religions de l'antiquité*. Leiden, 1973.
760. Comparative Study, 2000 — (M. H. Hansen, ed.). *A Comparative Study of Thirty City-State Cultures* (Det Kongelige Danske Videnskabernes Selskab. Historisk-filosofiske Skrifter. Bd. 21). Copenhagen, 2000.

761. Comparative Study, 2002 — (M. H. Hansen, ed.). A Comparative Study of Six City-State Cultures (Det Kongelige Danske Videnskabernes Selskab, Historisk-filosofiske Skrifter. Bd. 27). Copenhagen, 2002.
762. Convivenze etniche, 2012. Convivenze etniche, scontri e contatti di culture in Sicilia e Magna Grecia // Aristonothos. Scritti per il Mediterraneo antico. Trento, 2012. Vol. 7.
763. Cordano, 1992 — *Cordano F.* Le tessere pubbliche dal tempio de Atena a Camarina. Roma, 1992.
764. Cornillot, 1981 — *Cornillot F.* L'origine du nom des Scythes // Indo-Iranian Journal. 1981. Vol. 23.
765. Coulton, 1976 — *Coulton J.* The Architectural Development of the Greek Stoa. Oxf., 1976.
766. Crielaard — **1998:** *Crielaard J. P.* Cult and Death in Early 7th-Century Euboea. The Aristocracy and the Polis // *Nécropoles et pouvoir. Idéologies, pratiques et interprétations.* Lyon, 1998; **2006:** *Basileis at Sea. Elites and External Contacts in the Euboean Gulf Region from the End of the Bronze Age to the Beginning of the Iron Age // Ancient Greece. From the Mycenaean Palaces to the Age of Homer.* Edinburg, 2006; **2009:** *The Ionians in the Archaic Period. Shifting Identities in a Changing World // Ethnic Constructs in Antiquity.* Amsterdam, 2009.
767. Crombie, 1962 — *Crombie I. M.* An Examination of Plato's Doctrines. L., 1962.
768. Crönert, 1910 — *Crönert W.* Die beiden ältesten griechischen Briefe // *Rheinisches Museum.* 1910. Bd. 65.
769. Crusius, 1890 — *Crusius O.* Hyperboreer // *ALM.* 1890. Bd. I, 2.
770. Cuno, 1871 — *Cuno J. G.* Forschungen im Gebiete der alten Völkerkunde. I Th. Die Scythen. B., 1871.
771. Daebritz, 1914 — *Daebritz R.* Hyperboreer // *RE.* 1914. Hlbd. 17.
772. Dana — **2004:** *Dana M.* Lettre sur plomb d'Apatorios à Lénax. Un document archaïque d'Olbia du Pont // *ZPE.* 2004. Bd. 148; **2007:** Traditions de fondation dans l'épigraphie de Sinope // *RÉG.* 2007. 120; **2012:** Pontiques et étrangers dans les cités de la mer Noire: le rôle des citoyennetés multiples dans l'essor d'une culture régionale // (A. Heller, A.-V. Pont, eds.) *Patrie d'origine et patries électives: les citoyennetés multiples dans le monde grec d'époque romaine.* Bordeaux, 2012; **2013:** Ἐχω δὲ πατρίδας νῦν δύο (CIRB 134): relații și rețele cetățile grecești din sudul Mării Negre și vecinii lor pontici // *PMN.* 2013; **2014:** Etudiants et enseignants du Pont-Euxin à l'étranger d'après les données épigraphiques // *Die Aussenbeziehungen pontischer und kleinasiatischer Städte in hellenistischer und römischer Zeit.* Stuttgart, 2014.
773. Davis, 1971 — *Davis J. K.* Athenian Properted Families. Oxf., 1971.
774. Delev, 1984 — *Delev P.* The Cult of the Dead in Thrace and Mycenaean Greece // *Contributions au IV-e Congrès intern. de thracologie.* Sofia, 1984.
775. Denniston, 1954 — *Denniston D.* The Greek Particles. Oxf., 1954.
776. Dessau — см. Список сокращений.
777. Detschew, 1957 — *Detschew D.* Die thrakische Sprachreste. Wien, 1957.
778. Dettori, 1997 — *Dettori E.* ΝΑΥΑΓ, / ΝΑΥΗΓ-, una iscrizione e alcune forme di ἄγνυμι // *Annali dell' Istituto orientale di Napoli. Sezione filosofico-letteraria.* 1997. Vol. 19.
779. Devijver, 1989 — *Devijver H.* The Equestrian Officers of the Roman Imperial Army. Amsterdam, 1989.
780. Dey, 1979 — *Dey N. L.* The Geographical Dictionary of Ancient and Mediaeval India. New Dehli, 1979.
781. Didyma I, II — Didyma. B., 1941, 1958. Bd. 1–2.
782. Diehl, 1953 — *Diehl E.* Pontarches. 2 // *RE.* 1953. Hlbd. 43.
783. Diller, 1952 — *Diller A.* The Tradition of the Minor Greek Geographers. Oxf., 1952.
784. Dirlmeier, 1931 — *Dirlmeier F.* FILOS und FILIA im vorhellenistischen Griechentum. München, 1931.

785. Dobruțiu-Boila — **1984:** *Dobruțiu-Boila E.* Legati Moesiei Inferioare între 175–180 și 198–212 // SC. 1984. T. 22; **1987:** *Der Status von Moesia Superior unter Markus Aurelius* // ZPE. 1987.
786. Dodà, 1913 — *Dodà H.* Chronology of the Danubian Wars of the Emperor Marcus Aurelius // Numismatic Chronicle. 1913.
787. Dominguez, 2006 — *Dominguez A. J.* Greeks in the Iberian Peninsula // Greek Colonization. An Account of Greek Colonies and Other Settlements Overseas I. Leiden; Boston, 2006.
788. Dougherty — **1993:** *Dougherty C.* The Poetics of Colonization. From City to Text in Archaic Greece. NY., 1993; **1994:** *Archaic Greek Foundation Poetry: Questions of Genre and Occasion* // JHS. 1994. Vol. 114.
789. Dowden, 1979 — *Dowden K.* Apollon et l'esprit dans le machine: origines // REG. 1979. T. 92.
790. Drerup, 1969 — *Drerup H.* Griechische Baukunst in geometrischer Zeit. Gött., 1969.
791. Dubois, 1991 — *Dubois L.* Bull. ép. // REG. 1991. См. также Список сокращений.
792. Ducrey, 1995 — *Ducrey P.* La muraille est-elle un élément constitutif d'une cité? // CPCA. 1995. 2.
793. Dugas, 1925 — *Dugas Ch.* La céramique des Cyclades. P., 1925.
794. Dunbabin, 1948 — *Dunbabin T. J.* The Western Greeks. Oxf., 1948.
795. Dupont, 2007 — *Dupont P.* Le Pont-Euxin archaïque. Lac milésien ou lac nord-ionien? Un point de vue de céramologie // KP. 2007.
796. Dupont, Lungu, Solovyov, 2009 — *Dupont P., Lungu V., Solovyov S.* Ceramiques anatoliennes du Pont Evxine archaïque // МОБЧМ. 2009.
797. Duridanov, 1969 — *Duridanov I.* Thrakisch-dakische Studien. I. Sofia, 1969 (Linguistique Balkanique. T. XIII, 2).
798. Dušanič, 1970 — *Arkadski savez IV veka.* Beograd, 1970.
799. Dzikowski, 1939 — *Dzikowski N.* The Olbian Inscription CIG 2080 Rediscovered // JHS. 1939. Vol. 59.
800. Ebeling, 1874 — *Ebeling H. I.* Lexicon Homericum. Lpz., 1874. Vol. 1.
801. Ebert, 1972 — *Ebert J.* Griechische Epigramme auf Sieger an gymnischen und hippischen Agonen. B., 1972.
802. Effenterre, 1948 — *Effenterre H. van.* La Crète et le monde grec de Platon à Polybe. P., 1948.
803. Effenterre, Ruzé, 1994 — *Effenterre H. van, Ruzé F.* (éds.). Nomima. Recueil d'inscriptions politiques et juridiques de l'archaïsme grec. Rome, 1994. T. 1–2.
804. Ehrhardt — **1983:** *Ehrhardt N.* Milet und seine Kolonien. Frankfurt a. M., 1983; **1987:** *Beziehungen zwischen den griechischen Schwarzmeergründungen und ihren Mutterstädten* // Acta Centri historiae "Terra antiqua Balcanica". Trinovi, 1987. Vol. 2; **1989:** *Apollon Ietros. Ein verschollener Gott Ioniens?* // Istanbulur Mitteilungen. 1989. Bd. 39; **2006:** *Die karische Bevölkerung Milets* // Maiandros. Festschrift für V. von Graeve. München, 2006.
805. L'Emporion, 1993 — *L'Emporion. P.*, 1993.
806. Engels, 2014 — *Engels D.* (Hrsg.). Jacoby Continued. FGrH IV C 2. Peri poleon. Ktiseis. Aitia. Peri neson. Leiden, 2014 (forthcoming).
807. Erbse, 1995 — *Theosoporum Graecorum fragmenta* / Rec. H. Erbse. Stuttgart; Lpz., 1995.
808. Erxleben — **1974:** *Erxleben E.* Die Rolle der Bevölkerungsklassen im Aussenhandel Attikas im 4. Jh. v. u. Z. // Hellenische Poleis. B., 1974; **1974a:** *Die Entwicklung der Steinschrift in Attika zwischen Nikiasfrieden und Haironeia* // Hellenische Poleis. B., 1974. Bd. 4.
809. Espinas, 1914 — *Espinas K.* L'art économique dans Platon // REG. 1914. T. 27.
810. Eusebius, 1884 — *Eusebii Canonum epitome ex Dionysii Telmaharensis Chronico* / Ediderunt C. Siegfried, H. Gelzer. Lpz., 1884.
811. Farnell, 1907 — *Farnell L. R.* The Cults of the Greek States. Oxf., 1907. T. 4.
812. Fedoseev, 1997 — *Fedoseev N. F.* Zum achaemenidischen Einfluss auf die historischen Entwicklung der nordpontischen griechischen Staaten // AMIT. 1997. Bd. 29.
813. Feyel, 1942/3 — *Feyel M.* Nouvelles inscriptions d'Abdère et de Maronée // BCH. 1942/3. T. 66–67.

814. Fick — **1887**: *Fick A.* Hesiods Gedichte. Gött., 1887; **1894**: Die griechischen Personennamen. Gött., 1894; **1905**: Vorgriechische Ortsnamen. Gött., 1905.
815. Fick, Bechtel, 1894 — *Fick A., Bechtel F.* Die griechischen Personennamen. Gött., 1894.
816. Finley, 1965 — *Finley M. I.* La servitude pour dettes // *Revue historique de droit français et étranger*. 1965. N 2.
817. Fischer-Hansen, 1996 — *Fischer-Hansen T.* The Earliest Town-Planning of the Western Greek Colonies. With Special Regard to Sicily // *CPCA*. 1996. 3.
818. Fitz — **1963**: *Fitz J.* Legati Augusti pro praetore Pannoniae Inferioris // *Acta antiqua*. 1963. T. 11; **1966**: Die Laufbann der Statthalter in der römischen Provinz Moesia Inferior. Weimar, 1966.
819. Focei, 1982 — I focei dall'Anatolia all'Oceano // *PP*. 1982. F. 204–207.
820. Förstemann, 1856 — *Förstemann E.* Altdeutsches Namenbuch. Nordhausen, 1856.
821. Fol, 2004 — *Fol A.* Orphica magica. Sofia, 2004.
822. Fontenrose, 1988 — *Fontenrose J.* Didyma. Apollo's Oracle, Cult and Companions. Berkeley, Los Angeles, 1988.
823. Foraboschi, 1971 — *Foraboschi D.* Onomasticon alterum papyrologicum. Supplemento al Namenbuch di F. Preisigke. Milano, 1971.
824. Forrest — **1957**: *Forrest W. G.* Colonisation and the Rise of Delphi // *Historia*. 1957. Bd. 6; **1963**: The Inscriptions of South-East Chios // *BSA*. 1963. Vol. 58.
825. Forsén, 2000 — *Forsén B.* Population and Political Strength of Some Southeastern Arkadian Poleis // *CPCP*. 2000. 5.
826. Fourlas, 1971 — *Fourlas A.* Das Ring in der Antike und im Christentum. Der Ring als Herrschaftssymbol und Würdezeichen. Münster, 1971.
827. Frankfort, 1996 — *Frankfort H.* The Art and Architecture of the Ancient Orient. New Haven; L., 1996.
828. Frederixen, 1977 — *Frederixen M. W.* // *Archaeological Reports for 1976–1977 Years*. 1977. N 23.
829. Friedländer, 1948 — *Friedländer P.* Epigrammata. Berkeley; Los Angeles, 1948.
830. Frisk, 1954/65, 1970 — *Frisk H.* Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heid, 1954/65, 1970. Bd. 1–2.
831. Fritz, 1968 — *Fritz K. von.* Platon in Sicilien und das Problem der Philosophenherrschaft. B., 1968.
832. Frühgriechische Lyriker, 1976 — Frühgriechische Lyriker. Dritter Teil. Deutsch von Z. Franyó, griechischer Text bearb. von B. Snell. B., 1976.
833. Gärtchen, Hoffmann, 1914 — *Gärtchen P., Hoffmann O.* Die Sprache der ionischen Inschriften // *Sammlung der Griechischen Dialekt-Inschriften*. Bd. 4. Hft. 4, 2. Gött., 1914.
834. Gallavotta, 2005 — I rapporti tra l'Eolide e le regione del Mar Nero // (A. Mele et alii, eds.) *Eoli ed Eolide tra madrepatria e colonie*. Napoli, 2005.
835. Ganszyniec, 1923 — *Ganszyniec R.* Apollon als Heilgott // *Archiv für die Geschichte der Medizin*. 1923. Bd. 15.
836. Gardner, 1886, 1888 — *Gardner E. A.* The Inscriptions // *Naukratis*. L., 1886, 1888. Vol. 1, 2.
837. Gardthausen, 1913 — *Gardthausen V.* Griechische Palaeographie. Lpz., 1913. Bd. 2.
838. Gauthier, 1972 — *Gauthier Ph.* Symbola. Les étrangers et la justice dans les cités grecques. Nancy, 1972; **1998**: A propos de l'ouvrage de J. Vinogradov, *Pontische Studien* // *CRAI*. 1998. Fasc. 4.
839. Gavriljuk, 2003 — *Gavriljuk N.* The Graeco-Scythian Slave-Trade in the 6th and 5th Centuries BC // *Cauldron of Ariantas*. Aarhus. (BSS, 1). 2003.
840. Gavrilov, 1996 — *Gavrilov A. K.* Das Diophantosdekret und Strabon // *Hyperboreus*. 1996. T. II, 1.

841. Gehrke, 1980 — *Gehrke H. J.* Zur Geschichte Milets in der Mitte des 5. Jh. // *Historia*. 1980. Bd. 29.
842. Georgiev, 1984 — *Georgiev V.* Die thrakische Sprache im System der indoeuropäischen Sprachen // *Dritter intern. thrakologischer Kongress*. Sofia, 1984. Bd. 1.
843. Gergova, 2010 — *Gergova D.* Orphic Thrace and Achaemenid Persia // *AIBS*. 2010.
844. Gernet, 1909 — *Gernet L.* L'approvisionnement d'Athènes en blé au Ve et IVe siècle // *Mélanges d'histoire ancienne*. P., 1909.
845. Glotz, 1953 — *Glotz G.* La cité grecque. P., 1953.
846. Gočeva, Oppermann, 1979, 1984 — *Gočeva Z., Oppermann M.* Corpus cultis Equitis Thracii. Leiden, 1979, 1984. Vol. 1–2.
847. Görgemanns, 1960 — *Görgemanns A.* Beiträge zur Interpretation von Platons Nomoi. München, 1960.
848. Goette, 1984 — *Goette H. R.* Das Bildnis des Marcus Vilenius Varro in Kopenhagen. Zu den Basen von Portraibüsten und zum Realismus flavisch-traianischer Bildnisse // *Boreas*. Münsterische Beiträge zur Archäologie. 1984. Bd. 7.
849. Goetz, 1920 — *Goetz W.* Legum Platonis de iure capitali praecepta cum iure Attico comparantur. Giessen, 1920.
850. Gomperz, 1928 — *Gomperz H.* Platons Selbstbiographie. B.; Lpz., 1928.
851. Gonda, 1965 — *Gonda J.* Veda und älterer Hinduismus. Stuttgart, 1965.
852. Gorman, 2004 — *Gorman V. B.* Milesian Decrees of Isopoliteia and the Refoundation of the City ca. 479 B.C. // *Oikistes*. 2004 (см. ниже).
853. Graf, 1974 — *Graf F.* Das Kollegium der Molpoi von Olbia // *Museum Helveticum*. 1974. T. 31.
854. Grafton Milne, 1901 — *Grafton Milne J.* Greek Graffiti // *El Arábah. A Cemetery of the Middle Kingdom*. L., 1901.
855. Graham — **1958:** *Graham A. J.* The Date of the Greek Penetration of the Black Sea // *Bulletin of the Institute of Classical Studies*. University of London. 1958. Vol. 5; **1964:** ΟΙΚΗΙΟΙ ΠΕΡΙΝΘΙΟΙ // *JHS*. 1964. 84; **1971:** Patterns in Early Greek Colonization // *JHS*. 1971. Vol. 91; **1971a:** Colony and Mother-City in Ancient Greece. Manchester, 1971; **1982:** The Colonial Expansion of Greece // *Cambridge Ancient History*. Vol. III, 3. Cambr., 1982; **1983:** [Рец. на кн. Vinogradov, 1981] // *Gnomon*. 1983. Bd. 55; **1988:** Megara Hyblaea and the Sicels // *ΜΟΠ*. 1988; **1994:** Greek and Roman Settlements on the Black Sea Coasts: Historical Background // *Greek and Roman Settlements on Black Sea Coast*. Bradford, 1994.
856. Gras, 1993 — *Gras M.* Pour une Méditerranée des emporia // *L'Emporion*. P., 1993.
857. Greaves — **2000:** *Greaves A. M.* The Shifting Focus of Settlement at Miletos // *CPCP*. 2000. 5; **2007:** Milesians in the Black Sea: Trade, Settlement and Religion // *BSEE*. 2007.
858. Greek Colonists, 1990 — *Greek Colonists and Native Population*. Oxf., 1990.
859. Greek Papyry, 1974 — *Greek Papyri in the British Museum*. Vol. VII / Ed. by T. S. Skeat. L., 1974.
860. Grego, 1994 — *Grego E.* Pithekoussai: emporion o apoikia? // *Apoikia*. Scritti in onore di G. Buchner. Napoli, 1994.
861. Grégoire, 1968 — *Grégoire H.* Recueil des inscriptions grecques-chrétiennes d'Asie Mineure. Amsterdam, 1968. F. 1.
862. Gropp, 1969 — *Gropp G.* Die Funktion des Feuertempels der Zoroastrier // *AMI*. 1969. Bd. 2.
863. Gruppe, 1906 — *Gruppe O.* Griechische Mythologie und Religionsgeschichte. München, 1906.
864. Gschnitzer — **1963:** *Gschnitzer F.* Studien zur griechischen Terminologie der Sklaverei // *Abh. Ak. der Wiss. Mainz. Geistes... Klasse*. Jg. 1963. № 13; **1974:** Proxenos // *RE*. Splbd. 1974. XIII.

865. Guarducci — **1950:** *Guarducci M.* Inscriptiones Creticae. R., 1950. Vol. 4; **1953:** Arcadi in Sicilia // PP. 1953. F. 30; **1967, 1970, 1975, 1978:** Epigrafia greca. Roma, 1967, 1970, 1975, 1978. T. 1–4; **1983:** Scritti scelti sulla religione greca e romana e sul cristianismo. Leiden, 1983; **1987:** L'epigrafia greca dalle origini al tardo imperio. Roma, 1987.
866. Günther, 1971 — *Günther W.* Das Orakel von Didyma in hellenistischer Zeit. Tüb., 1971.
867. Guzzo, 1973 — *Guzzo P. G.* Scavi à Sibari // PP. 1973. Vol. 28.
868. Haas, 1966 — *Haas O.* Die Phrygischen Sprachdenkmäler. Sofia, 1966 (Linguistique balkanique, X).
869. Hackl, 1909 — *Hackl R.* Merkantile Inschriften auf attischen Vasen // Münchener archaologische Studien. München, 1909.
870. Haensch — **1997:** *Haensch R.* Capita provinciarum. Mainz, 1997; **2005:** Die Beziehungen zwischen beiden Staaten im Lichte der Ehrung von T. Aurelius Calpurnianus Apollonides // ECC. 2005.
871. Halliday, 1912 — *Halliday W. H.* A Note on the $\theta\eta\lambda\epsilon\iota\alpha$ νοῦσος of the Scythians // BSA. 1912. Vol. 17.
872. Hamm, 1957 — *Hamm E.-M.* Grammatik zu Sappho und Alkaios. B., 1957.
873. Hammond, 1959 — *Hammond N. G. L.* A History of Greece to 322 B. C. Oxf., 1959.
874. Hansen — см. Список сокращений.
875. Hansen — **1994:** *Hansen M. H.* Polis, Civitas, Stadtstaat and City-State // CPCP. 1994. 1; **1994a:** Polis, Politeuma and Politeia. A Note on Arist. Pol. 1278b6–14 // CPCP. 1994. 1; **1995:** Kome. A Study in how the Greeks Designated and Classified Settlements which were not Poleis // CPCP. 1995. 2; **1996:** Aristotle's Two Complementary Views of the Greek Polis // Transitions to Empire. Essays in Greek and Roman History in Honor of E. Badian. Norman, 1996; **1996a:** Pollachos polis legetai (Arist. Pol. 1276a23). The Copenhagen Inventory of Poleis and the Lex Hafniensis de Civitate // CPCA. 1996. 3; **1997:** Emporion. A Study of the Use and Meaning of the Term in the Archaic and Classical Periods // CPCP. 1997. 4; **1997a:** The Polis as an Urban Centre. The Literary and Epigraphical Evidence // CPCA. 1997. 4; **1998:** Polis and City-State. An Ancient Concept and its Modern Equivalent. Copenhagen, 1998; **1999:** Aristotle's Reference to the Arkadian Federation at Pol. 1261a29 // CPCA. 1999. 6; **2000:** A Survey of the Use of the Word Polis in Archaic and Classical Sources // CPCP. 2000. 5; **2002:** Was the Polis a State or a Stateless Society? // CPCP. 2002. 6; **2004:** Was Every Polis State Centered on a Polis Town? // CPCP. 2004. 7; **2006:** Polis. An Introduction to the Ancient Greek City-State. Oxf., 2006.
876. Hansen, Fischer-Hansen, 1994 — *Hansen M. H., Fischer-Hansen T.* Monumental Political Architecture in Archaic and Classical Greek Poleis // CPCP. 1994. 1.
877. Harmatta — **1950:** *Harmatta J.* Studies in the History of the Sarmatians. Budapest, 1950; **1978:** Migrations of the Indo-Iranian Tribes // Acta antiqua Hungarica. 1978. Vol. 26.
878. Hartmann, 1928 — *Hartmann A.* Ma // RE. 1928. Hlbd. 27.
879. Hausmann, 1970 — Itinerarium Alexandri. Bearb. von H.-J. Hausmann. Köln, 1970.
880. Heckenlach, 1912 — Heckenlach. Hekate // RE. 1912. Bd. 14.
881. Heichelheim — **1931:** *Heichelheim F. M.* Ausbreitung der Münzgeldwirtschaft und der Wirtschaftsstil im archaischen Griechenland // Schmollers Jahrbuch. 1931. Bd. 51; **1958:** An Ancient Economic History. Leiden, 1958. Vol. 1.
882. Heine Nielsen — **1996:** *Heine Nielsen Th.* A Survey of Dependent Poleis in Classical Arkadia // CPCP. 1996. 3; **1996a:** Was there an Arkadian Confederacy in the Fifth Century B.C.? // CPCP. 1996. 3; **1996b:** Arkadia. City-Ethnics and Tribalism // CPCA. 1996. 3; **1997:** Triphylia. An Experiment in Ethnic Construction and Political Organisation // CPCP. 1997. 4; **1999:** The Concept of Arkadia — the People, their Land, and their Organisation // CPCA. 1999. 6; **2000:** Epiknemidian, Hypoknemidian, and Opountian Lokrians. Reflections on the political organisation of East Lokris in the Classical Period // CPCP. 2000. 5; **2002:** Arkadia and its Poleis in the Archaic and Classical Periods, Göttingen, 2002

- (Hypomnemata. Bd. 140); **2004**: The Concept of Patris in Archaic and Classical Sources // CPCS. 2004. 7.
883. Heine Nielsen, Roy, 1998 — *Heine Nielsen Th., Roy J.* The Azanians of Northern Arkadia // *Classica et Mediaevalia*. 1998. Vol. 49.
884. Heinen — **1991**: *Heinen H.* Herrscherkult im römischen Aegypten und damnatio memoriae Getas // *MDAI. Römische Abteilung*. 1991. Bd. 38; **2001**: Sklaverei im nördlichen Schwarzmeerraum: Zum Stand der Forschung // *Fünfzig Jahre Forschungen zur antiken Sklaverei an der Mainzer Akademie 1950–2000*. Stuttgart, 2001; **2005**: Athenische Ehren für Spartokos III. (IG II² 653) // *ECC*. 2005; **2009**: Repräsentation von Identität und Zugehörigkeit: eine Einführung. 3. Theokles von Olbia: ein idealer Polisbürger und Freund der Fremden // (A. Goşkun, H. Heinen, S. Pfeiffer, Hrsgg.) *Identität und Zugehörigkeit im Osten der griechisch-römischen Welt*. Frankfurt a/M. etc., 2009.
885. Henry, 1983 — *Henry A. S.* Honours and Privileges in Athenian Decrees. Hildesheim, 1983.
886. Herda — **2006**: *Herda A.* Der Apollon-Delphinios-Kult in Milet und die Neujahrsprozession nach Didyma. Mainz, 2006; **2011**: How to Run a State Cult. The Organization of the Cult of Apollo Delphinios // *Current Approaches to Religion in Ancient Greece*. Stockholm, 2011.
887. Herwerden, 1910 — *Herwerden H.* Lexicon Graecum suppletorium et dialecticum. Lugdunum Batavorum. 1910.
888. Herzog, 1912 — *Herzog R.* Die Umschrift der älteren griechischen Literatur in das ionische Alphabet. Lpz., 1912.
889. Hiller, 1975 — *Hiller H.* Ionische Grabreliefs der 1. Hälfte des 5. Jahrhunderts v. Chr. // *Istanbuler Mitteilungen*. Tübingen, 1975. Beiheft 12.
890. Hind — **1988**: *Hind J.* The Colonization of Sinope and the South-East Black Sea Area // *MOH*. 1988; **1995/6**: Traders and Ports-of-Trade (Emporoi and Emporia) in the Black Sea in Antiquity // *Il Mar Nero*. 1995/6. Vol. 2; **1997**: Colonies and Ports-of-Trade on the Northern Shores of the Black Sea // *Yet More Studies in the Ancient Greek Polis*. Stuttgart, 1997; **1998**: Megarian Colonisation in the Western Half of the Black Sea // *GCB*. 1998.
891. Hirzel, 1927 — *Hirzel R.* Der Name. Lpz., 1927.
892. Hodkinson, 2005 — *Hodkinson S.* The imaginary Spartan polis // *CPCA*. 2005. 7.
893. Hodot, 1990 — *Hodot R.* Le dialecte éolien d'Asie. P., 1990.
894. Hoffmann, 1891, 1893, 1898 — *Hoffmann O.* Die Griechischen Dialekte. Gött., 1891, 1893, 1898. Bd. 1–3.
895. Hommel, 1980 — *Hommel H.* Das Gott Achilles. Heid., 1980.
896. Hooker, 1977 — *Hooker J. T.* The Language and Text of the Lesbian Poets. Wien, 1977.
897. Houwink, 1961 — *Houwink Ten Cate Ph. H. J.* The Luwian Population Groups of Lycia and Cilicia Aspera. Leiden, 1961.
898. Hualde Pascual, 1997 — *Hualde Pascual M. P.* Eolismos en Jonia: revision de un problema de geografia intradialectal // *Emerita*. 1997. T. 65/2.
899. Hupe — **2006**: *Hupe J.* Die olbische Achilleus-Verehrung in der römischen Kaiserzeit // *Der Achilleus-Kult* (см. выше). 2006; **2007**: Aspekte des Achilleus Pontarches-Kultes in Olbia // *KP*. 2007.
900. Huxley, 1990 — *Huxley G.* Eusebios on the Founding of Trapezous // *PIB*. 1990.
901. Inschr. Byzantion, 2000 — *Die Inschriften von Byzantion*. Bonn, 2000. Bd. 1 (IK. Bd. 5).
902. Inschr. Ephesos, 1979, 1980 — *Die Inschriften von Ephesos*. Bonn, 1979, 1980. Bd. 2, 3 (IK. Bd. 12, 13).
903. Inschr. Erythrai, 1973 — *Die Inschriften von Erythrai und Klazomenai*. Bonn, 1973. Bd. 2 (IK. Bd. 2).
904. Inschr. Kalchedon, 1980 — *Die Inschriften von Kalchedon*. Bonn, 1980. Bd. 1 (IK. Bd. 20).

905. Inschr. Kyme — Die Inschriften von Kyme. Bonn, 1976 (IK. Bd. 5).
906. Instinsky, 1972 — *Instinsky H. U. Cassius Dio, Marc Aurel und die Jazygen* // Chiron. 1972. Bd. 2.
907. The Inventory, 2004 — *Hansen M. H., Heine Nielsen T.*, (eds.). An Inventory of Archaic and Classical Poleis. Oxf., 2004.
908. Ivantchik — **1998**: *Ivantchik A.* Die Gründung von Sinope und die Probleme der Anfangsphase der griechischen Kolonisation des Schwarzmeergebietes // GCB. 1998; **2007**: Une nouvelle proxénie d'Olbia et les relations des cités nord-pontiques avec le royaume scythe de Skilouros // KP. 2007.
909. Ivantchik, Levinskaya, 2014 — *Ivantchik A., Levinskaya I.* A Digital Corpus of Ancient Inscriptions from the Northern Black Sea Coast (IOSPE³) // Öffentlichkeit — Monument — Text. XIV Congressus internationalis epigraphiae Graecae et Latinae. Akten. B., 2014.
910. Jähne, 2002 — Jähne A. Zur Datierung des Bürgereides von Chersonesos (IOSPE I², 401) // Jubilaeus V. Сборник в чест на проф. Маргарита Тачева. София, 2002.
911. Jailenko — **1996**: Thracian, Baltic and Indo-Aryan Hydronyms of North Pontic Area // The Thracian World at the Crossroads of Civilization. Bucharest, 1996; **1999**: New decrees from Chersonesus Tauricus in honour of T. Aurelius Calpurnianus Apollonides, procurator of Lower Moesia, and his wife // XI Congresso intern. di epigrafia greca e latina. Preatti. Roma (= XI Congresso internazionale di epigrafia greca e latina. Atti. Roma, 1999. Vol. 2); **2001**: Über den Umgang mit pontischen Inschriften // Das Altertum. 2001. Bd. 46.
912. Jakoby — **1912**: *Jakoby F.* Hecataios // RE. 1912. Hlbd. 24. **1956**: Abhandlungen zur griechischen Geschichtschreibung. Leiden, 1956.
913. Jeffery (1968) — см. Список сокращений.
914. Jeffery, 1976 — *Jeffery L. H.* Archaic Greece. L., 1976.
915. Jessen — **1901**: Jessen. Delphinios // RE. 1901. Hlbd. 8; **1905**: Eleutherios // RE. 1905. Bd. 5.
916. Johnston, 1979 — *Johnston A. W.* Trademarks on Greek Vases. Warminster, 1979.
917. Jons, 1988 — *Jons C. P.* A Monument from Sinope // JHS. 1988. Vol. 108.
918. Jordan — **1985**: *Jordan D. R.* A Survey of Greek Defixiones not Included in the Special Corpora // Greek, Roman, and Byzantine Studies. 1985. Vol. 26; **2000**: A Personal Letter found in the Athenian Agora // Hesperia. 2000. Vol. 69.
919. Jost, 1999 — *Jost M.* Les schémas de peuplement de l'Arcadie aux époques archaïque et classique // CPCA. 1999. 6.
920. Justi, 1895 — *Justi F.* Iranisches Namenbuch. Marburg, 1895.
921. Kaibel, 1878 — *Kaibel G.* Epigrammata Graeca ex lapidibus conlecta. B., 1878.
922. Kaufmann — **1917**: *Kaufmann C. M.* Handbuch der altchristlichen Epigraphik. Freiburg im Br., 1917; **1922**: Handbuch der christlichen Archäologie. Paderborn, 1922.
923. Kaufmann, 1968 — *Kaufmann H.* Ergänzungsband zu Förstemanns Altdeutschen Personennamen. München, 1968.
924. Kayser, 1965 — *Kayser B.* Carte de la distribution géographique de la population grecque en 1961 // Annales Economies Sociétés Civilisations. 1965. T. 20.
925. Kazarov, 1938 — *Kazarov G. I.* Die Denkmäler des thrakischen Reitergottes in Bulgarien. Tafelband. Budapest, 1938.
926. Kees, 1935 — *Kees H.* Naukratis // RE. 1935. Hlbd. 32.
927. Keith, 1925 — *Keith A. B.* The Religion and Philosophy of the Vedas and Upanishads. Cambr. (Mass.), 1925.
928. Kerameikos, 1954 — *Kerameikos.* Die Nekropole des 10. bis 8. Jahrhunderts. Bd. V. Teil 1. B., 1954.
929. Kern — **1900**: *Kern O.* Die Inschriften von Magnesia am Maeander. B., 1900; **1901**: Daktyloi // RE. 1901. Bd. 4; **1913**: Inscriptiones Graecae. Bonnae, 1913.

930. Kerschner, 2006 — *Kerschner M.* Zum Beginn und zu den Phasen der griechischen Kolonisation am Schwarzen Meer. Die Evidenz der ostgriechischen Keramik // *Eurasia antiqua*. Mainz, 2006. Bd. 12.
931. Kirchner — см. Список сокращений.
932. Kirchner, 1901/3 — *Kirchner J.* Prosopographia Attica. B., 1901/3. Vol. 1–2.
933. Klaffenbach, 1960 — *Klaffenbach G.* Bemerkungen zum griechischen Urkundenwesen. B., 1960.
934. Klein, 1898 — *Klein W.* Die griechischen Vasen mit Lieblingsinschriften. Lpz., 1898.
935. Klein, 1959 — *Klein K. K.* Germanen in Südosteuropa // *Völker und Kulturen Südosteuropas*. München, 1959. Bd. 1.
936. Kleiner, 1966 — *Kleiner G.* Altmilet. Wiesbaden, 1966.
937. Klemperer, 1949 — *Klemperer V.* Lingua Tertii Imperii. B., 1949.
938. Knipović, 1971 — *Knipović T.* Traces of Ionic and Attic Influence in Olbian Inscriptions of the 5th Century B. C. // *Acta of the V Congress of Greek and Latin Epigraphy*. Oxf., 1971.
939. KOINON ΔΩΡΟΝ, 2015 — KOINON ΔΩΡΟΝ. Сборник статей [к 60-летию В. П. Никонова]. СПб., 2015 (в печати).
940. Konik, 1959/60 — *Konik E.* Markomania i Sarmacja niedoszł provinceje rzymskie // *Eos*. 1959/60. T. 50.
941. Koromila, 1991 — *Koromila M.* The Greeks in the Black Sea. Athens, 1991.
942. Koskenniemi, 1956 — *Koskenniemi H.* Studien zur Idee und Phraseologie der griechischen Briefes. Helsinki, 1956.
943. Koshelenko, 2007 — *Koshelenko G. A.* Les première contacts entre Grecs et barbares aux franges du Bosphore Cimmérien // *KP*. 2007.
944. Kothe — **1963:** *Kothe H.* Die Herkunft der kimmerischen Reiter // *Klio*. 1963. Bd. 41; **1970:** Apollons ethnokulturelle Herkunft // *Klio*. 1970. Bd. 52.
945. Kotsevalov — **1948:** *Kotsevalov A.* Beiträge zu den euxeinischen Inschriften // *Würzburger Jahrbücher*. 1948. Jg. III, Hft. 1; **1953:** Koine Syntax of Greek Colonies on the Black Sea // *Studies Presented to D. M. Robinson*. St. Louis, 1953. Vol. 2.
946. Kränzlein, 1963 — *Kränzlein A.* Eigentum und Besitz in griechischen Recht des funften und vierten Jahrhunderts v. Chr. B., 1963.
947. Krahe, 1955 — *Krahe H.* Die Sprache der Illyrier. Wiesbaden, 1955. Bd. 1.
948. Krapivina, 2012 — *Krapivina V.* Olbia Pontica. Principaux résultats des fouilles menées de 2006 à 2010 // *ÉP*. 2012.
949. Kraus, 1960 — *Kraus Th.* Hekate. Heidelberg, 1960.
950. Kretschmer — **1894:** *Kretschmer P.* Die griechischen Vaseninschriften. Gütersloh, 1894; **1901:** Eine naxische Schmähinschrift // *Jahreshefte des Oesterreichisches archaeologisches Instituts*. 1901. Bd. 4; **1928:** Weiteres zur Urgeschichte der Inder // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*. 1928. Bd. 55; **1935:** Zum Balkan-Skytischen // *Glotta*. 1935. Bd. 24. Hft. 1–2; **1944:** Inder am Kuban // *Anzeiger der Oesterreichischen Ak. der Wiss. Phil.-hist. Kl*. 1943. Wien, 1944.
951. Kryzhitskiy, 2005 — *Kryzhitskiy S. D.* Olbia and the Scythians in the Fifth Century BC. The Scythian “Protectorate” // *SG*. 2005.
952. Kuhner, Blass, 1890, 1892 — *Kuhner R., Blass F.* Ausführliches Grammatik der griechischen Sprache. Hannover, 1890, 1892. T. 1, Bd. 1–2.
953. Kühner, Gerth, 1898, 1904 — *Kühner R., Gerth B.* Ausführliche Grammatik der griechischen Sprache. Hannover, 1898, 1904. T. 2, Bd. 1–2.
954. Kupiszewski, 1974 — *Kupiszewski H.* La lettera di Berezan // *Actes du IIe Colloque international d’histoire du droit grec et hellénistique*. P., 1974.
955. Kurtz, Boardman, 1971 — *Kurtz D. C., Boardman J.* Greek Burial Customs. L., 1971.
956. Lacey, 1968 — *Lacey W. K.* The Family in Classical Greece. L., 1968.

957. Lambert, 1996 — *Lambert S. D.* IG, II, 1471 A and the Value of Gold at Athens in the 320s. B.C. // ZPE. 1996. Bd. 110.
958. Lambrechts, 1958 — *Lambrechts A.* De Atheense Proxeni edicten. Brussel, 1958.
959. Lampros, 1873 — *Lampros S.* De conditorum coloniarum Graecarum indole, premiisque et honoribus. Lpz., 1873.
960. Lang — **1956:** *Lang M.* Numerical Notations on Greek Vases // *Hesperia*. 1956. Vol. 25; **1976:** *Graffiti and Dipinti* // *The Athenian Agora*. Princeton, 1976. Vol. 21; **1990:** *Ostraka* // *The Athenian Agora*. Princeton, 1990. Vol. 25.
961. Lang, Crossby, 1964 — *Lang M., Crossby M.* Weights, Measures and Tokens // *The Athenian Agora*. Princeton, 1964. Vol. 10.
962. Langmann, 1981 — *Langmann G.* Die Markomannenkriege. Wien, 1981.
963. Larfeld, 1902 — *Larfeld W.* Handbuch der griechischen Epigraphik. Lpz., 1902. Bd. 2. Die attische Inschriften.
964. Lasciale, 1971 — *Lasciale B.* Brevi note su tre anelli digitali con epigrafi greche // *Acme*. 1971. T. 51, f. 1.
965. Lasserre, 1976 — *Lasserre F.* L'historiographie grecque à l'époque archaïque // *Quaderni di storia*. 1976. Vol. 4.
966. Lauffer, 1936 — *Lauffer S.* Die platonische Agrarwirtschaft // *Vierteljahrsschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*. 1936. Bd. 29.
967. Laumonier, 1958 — *Laumonier A.* Les cultes indigènes en Carie. P., 1958.
968. Lazarov, 1998 — *Lazarov M.* Notizen zur griechischen Kolonisation am westlichen Schwarzen Meer // *GCB*. 1998.
969. Lazzarini — **1973:** *Lazzarini M. L.* Una iscrizione vascolare arcaica della Sicilia // *Rendiconti dell'Accademia dei Lincei*. 1973. Vol. 28; **1976:** Le formule delle dediche votive nella Grecia arcaica. R., 1976; **1994:** Una nuova defixio greca di Tiriolo // *Annali dell'Istituto orientale di Napoli. Sezione filologico-letteraria*. Napoli, 1994. Vol. 16.
970. Lebedew — **1996:** *Lebedew A.* A New Epigram for Harmodios and Aristogeiton // ZPE. 1996. Bd. 112; **1996a:** Pharnabazos, the Diviner of Hermes // ZPE. 1996. Bd. 112.
971. Lehman, 1921 — *Lehman K.* // *Festschrift C. F. Lehman-Haupt*. Wien; Lpz., 1921.
972. Lehmann-Haupt, 1921 — *Lehmann-Haupt K. F.* Kimmerier // *RE*. 1921. Hlbd. 21.
973. Lepore, 1988 — *Lepore E.* Greci e indigeni nell'Italia meridionale antica // *MOI*. 1988.
974. Leschhorn, 1984 — *Leschhorn W.* Gründer der Stadt. Stuttgart, 1984.
975. Leslie Shear, 1995 — *Leslie Shear T., Jr.* Bouleuterion, Metroon and the Archives at Athens // *CPCP*. 1995. 2.
976. Letronne, 1840 — *Letronne M.* Fragments des poèmes géographiques de Scymnus de Chio et du faux Dicéarque. P., 1840.
977. Leumann, 1959 — *Leumann M.* Kleine Schriften. Zürich; Stuttgart, 1959.
978. Lévêque, 2000 — *Lévêque P.* Apollon et l'Orphisme à Olbia du Pont // *Tra Orfeo e Pitagora. Origini e incontri di cultura nell' antichità*. Napoli, 2000.
979. Levy, 1956 — *Levy C. R.* Plato in Sicily. Lpz., 1956.
980. Lexikon, 1996, 2005. *Lexikon zur byzantinischen Gräzität*. Wien. Fasc. 2 (1996), 5 (2005).
981. Lex. iconogr. 1981 — *Lexicon iconographicum mythologiae classicae*, Vol. I, 2. München, 1981.
982. Leypunskaya, 2007 — *Leypunskaya N. A.* Olbian-Scythian Trade: Exchange Issues in the Sixth to Fourth Centuries BC // *Classical Olbia and the Scythian World*. Oxf., 2007.
983. Liebs, 1981 — *Liebs D.* Das jus gladii der römischen Provinzgouverneure in der Kaiserzeit // ZPE. 1981. Bd. 43.
984. Lifshitz — **1964:** *Lifshitz B.* Notes d'épigraphie grecque // *PP*. 1964. Vol. 19; **1966:** Le culte d'Apollon Delphinios à Olbia // *Hermes*. 1966. Bd. 94; **1969:** Inscriptions grecques d'Olbia // ZPE. 1969. Bd. 4.

985. Lippold, 1931 — *Lippold G.* Stratonides // RE. 1931. Hlbd. 7 (Bd. IV A).
986. Lisičar, 1951 — *Lisičar P.* Crna Korkira. Skopje, 1951.
987. Locker, 1933 — *Locker E.* Die Bildung der griechischen Kurz- und Kosenamen // Glotta. 1933. Bd. 22.
988. Lohmann, 2007 — *Lohmann H.* Die Chora Milet's in archaischer Zeit // Frühes Ionien. Stuttgart, 2007.
989. Lopez Eire, 1987 — *Lopez Eire A.* Géographie intradialectale de l'ionien-attique // Verbum. T. 10. 1987.
990. Luccioni, 1958 — *Luccioni J.* La pensée politique de Platon. P., 1958.
991. Lungu — **2000/1:** *Lungu V.* La tombe d'un Ἡρώς et l'organisation de la nécropole d'un cité milésienne du Pont Euxin: le tumulus T-A 95 d'Orgamè // Talanta. 2000/1. Vol. 32/33; **2007:** L'Égypte Lagide et les cités grecques du Pont Nord // KP. 2007.
992. Luria, 1963 — *Luria S.* Kureten, Molpen, Aisymneten // Acta antiqua Academiae scientiarum Hungaricae. 1963. T. 11.
993. Maas, 1913 — *Maas P.* Verschiedenes // Philologus. 1913. Bd. 72.
994. Macdonell, 1972 — *Macdonell A. A.* A History of Sanskrit Literature. New Delhi, 1972.
995. Mahābh. = Mahābhārata — The Mahābhārata. Poona, 1933. Vol. 1.
996. Maier, 1959, 1961 — *Maier F. G.* Griechische Mauerbauinschriften. Heid. 1959, 1961. Bd. 1–2.
997. Maiuri, 1925 — *Maiuri A.* Nuova sylloge di Rodi e Cos. Firenze, 1925.
998. Majercik, 1989 — The Chaldaean Oracles / Ed. R. Majercik. Leiden, 1989.
999. Malala, 1831 — Ioannis Malalae Chronographia. Ex rec. L. Dindorfii. Bonnae, 1831 (Corpus scriptorium historiae Byzantinae).
1000. Malkin — **1985:** *Malkin I.* What's in a Name? The Eponymous Founders of Greek Colonies // Athenaeum. 1985. T. 63; **1987:** Religion and Colonisation in Archaic Greece. L., 1987; **1996:** Land Ownership, Territorial Possession, Hero Cults and Scholarly Theory // Nomodeiktes. Ann Arbor, 1996.
1001. Manganaro, 1996 — *Manganaro G.* Fallocrazia // ZPE. 1996. Bd. 111.
1002. Mannhardt, 1905 — *Mannhardt W.* Wald- und Feldkulte. B., 1905. Bd. 2.
1003. Marcotte, 2000 — Géographes grecs. 1. Introduction générale. Circuit de la terre. Ps. Scymnos. Texte établi et trad. par Didier Marcotte. P., 2000.
1004. Marek, 1984 — *Marek Chr.* Die Proxenie. Frankfurt am Main, 1984.
1005. Marek, 2009 — *Marek J. O.* Mithridates VI Eupator and Iran // Mitridates VI and the Pontic Kingdom. Aarhus. 2009 (BSS, 9).
1006. Marquart, 1903 — *Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Lpz., 1903.
1007. Martin, 1954 — *Martin R.* La Notion d'État dans la Grèce antique // L'Information historique. 1954. T. 16.
1008. Martin, 1995 — *Martin T. R.* Coins, Mints, and the Polis // CPCA. 1995. 2.
1009. Mason, 1974 — *Mason H. J.* Greek Terms for Roman Institutions. Toronto, 1974.
1010. Masson — **1992:** *Masson O.* Les lamelles de plomb de Styra, IG XII, 9, 56: essai de bilan // BCH. 1992. T. 116; **1994:** Onomastique de l'ancienne Bysance. Epitaphes et monnaies // Epigraphica Anatolica. 1994. T. 23.
1011. Matei-Popescu, 2010 — *Matei-Popescu F.* The Roman Army in Moesia Inferior. Bucharest, 2010.
1012. Mayer, 1957, 1959 — *Mayer A.* Die Sprache der alten Illyrier. Wien, 1957, 1959. Bd. 1–2.
1013. Mayrhofer — **1955, 1960:** *Mayrhofer M.* Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Heid, 1955, 1960. Lfg. 4, 14; **1964:** Über Kontaminationen der indoiranischen Sippen von ai. takṣ-, tvakṣ-, tvarṣ- // Indo-Iranica. Wiesb., 1964; **1973:** Onomastica Persepolitana. Wien, 1973; **1979:** Die altiranischen Namen. Wien, 1979.
1014. Meiggs, 1972 — *Meiggs R.* The Athenian Empire. Oxf., 1972.

1015. Meisterhans, Schwyzer, 1900 — *Meisterhans K., Schwyzer E.* Grammatik der attischen Inschriften. B., 1900.
1016. Mette, 1953 — *Mette H. J.* Poseidonios // RE. 1953. Hlbd. 43.
1017. Meuli, 1935 — *Meuli K.* Scythica // Hermes. 1935. Bd. 70.
1018. Meyer, 1896 — *Meyer G.* Griechische Grammatik. Lpz., 1896.
1019. Michel — см. Список сокращений.
1020. Michell, 1940 — *Michell H.* The Economics of Ancient Greece. Cambr., 1940.
1021. Mielczarek, 1981 — *Mielczarek M.* Uwagi o znaleziskach monet Olbii i Pantikapajonu na obszarze Polski // Wiadomości numizmatyczne. 1981. R. 25.
1022. Milet — см. список сокращений.
1023. Millar, 1964 — *Millar F.* Some Evidence on the Meaning of Tacitus' Annals XII, 60 // Historia. 1964. Bd. 13.
1024. Miller, 1975 — *Miller A. P.* Notes on the Berezan lead letter // ZPE. 1975. Bd. 17.
1025. Miller, 1995 — *Miller S. G.* Architecture as Evidence for the Identity of the Early Polis // CPCA. 1995. 2.
1026. Miller, 1997 — *Miller Th.* Die griechische Kolonisation im Spiegel literarischer Zeugnisse. Tüb. 1997.
1027. Milne, Bothmer, 1953 — *Milne M. J., Bothmer D.* ΚΑΤΑΠΥΓΩΝ, ΚΑΤΑΠΥΓΑΙΝΑ // Hesperia. 1953. Vol. 22.
1028. Minns, 1913 — *Minns E. H.* Scythians and Greeks. Cambr., 1913.
1029. Mitrea, 1961 — *Mitrea B.* Sur les monnaies des cités Pontiques // SC. 1961. T. 3.
1030. Mocsy — **1971:** *Mocsy A.* Das Gerücht von neuen Donauprovinzen unter Marcus Aurelius // ÄCUD. 1971. 7; **1974:** Pannonia and Upper Moesia. L.; Boston, 1974.
1031. Möller, 2000 — *Möller A.* Naukratis. Trade in Archaic Greece. Oxf., 2000.
1032. Moraleio Alvarez, 1999 — *Moraleio Alvarez J. L.* Jonismos en lesbio // Desde los poemas Homericos hasta la prosa griega del siglo IV a. C. Madrid, 1999.
1033. Moravcsik, 1958 — *Moravcsik G.* Byzantinoturcica. B., 1958. Bd. 2.
1034. Morel, 2006 — *Morel J.-P.* Phocaeen Colonization // Greek Colonization. An Account of Greek Colonies and Other Settlements Overseas I. Leiden; Boston, 2006.
1035. Morelli, 1956 — *Morelli D.* Gli stranieri in Rodi // Studi classici e orientali. 1956. Vol 5.
1036. Moretti — **1967, 1976:** *Moretti L.* Iscrizioni storiche ellenistiche. Firenze. 1967, 1976. Vol. 1–2; **1972:** Inscriptiones Graecae urbis Romae. R., 1972. Vol. 2.
1037. Morgan — **2000:** *Morgan C.* Politics without the Polis. Cities and the Achaean Ethnos, c. 800–500 BC // Alternatives to Athens. Varieties of Political Organization and Community in Ancient Greece. Oxf., 2000; **2003:** Early Greek States beyond the Polis. L., 2003.
1038. Morgan, Coulton, 1997 — *Morgan C., Coulton J. J.* The Polis as a Physical Entity // CPCA. 1997. 4.
1039. Morris, 1979 — *Morris J.* Die Datierung der Markus-Säule // Marc Aurel. Darmstadt, 1979.
1040. Morrow — **1939:** *Morrow G. R.* Plato's Law of Slavery in its Relation to Greek Law. Urbana. 1939; **1960:** Plato's Cretan City. Princeton, 1960.
1041. Morrow, 1985 — *Morrow K. D.* Greek Footwear and the Dating of Sculpture. Madison, 1985.
1042. Müllenhoff, 1892 — *Müllenhoff K.* Deutsche Altertumskunde. B., 1892. Bd. 3.
1043. Müller — **2007:** *Müller Ch.* Quelques réflexions à propos de la chôra d'Hermonassa dans le Bosphore Cimmérien // KP. 2007; **2010:** D'Olbia à Tanaïs: territoires et réseaux d'échanges dans la mer Noire septentrionale aux époques classique et hellénistique. Bordeaux, 2010 (Scripta antiqua, 28).
1044. Müller, 1951 — *Müller G.* Studien zu den platonischen Nomoi. Köln, 1951.
1045. Murray — **1982:** *Murray O.* Das frühe Griechenland. München, 1982; **1993:** Polis and Politeia in Aristotle // CPCA. 1993. 1.

1046. Nadel — **1962:** *Nadel B.* A Note about Σεβαστόγνωστος // *Eos*. 1962. T. 52; **1977:** Literary Tradition and Epigraphical Evidence: Constantine Porphyrogenitus' Information on the Bosporan Kingdom of Emperor Diocletian // *DHA*. 1977. T. 3.
1047. Nagel, Jacobs, 1989 — *Nagel W., Jakobs B.* Königsgötter und Sonnengottheit bei altiranischen Dynastien // *Iranica antiqua*. 1989. Bd. 24.
1048. Naukratis, 1886, 1888 — Naukratis. L., 1886, 1888. Pt. 1, 2.
1049. Naukratis, 2006 — Naukratis: Greek Diversity in Egypt. L., 2006.
1050. Nawotka — **1993:** *Nawotka K.* Tyras and Roman Rule // *Antiquitas*. 1993. T. 18; **1999:** Boule and Demos in Miletus and its Pontic Colonies from Classical Age until Third Century A.D. Wrocław, 1999.
1051. Nemrud Dag, 1996 — The Hierothesion of Antiochos I of Commagene. Winona Lake (Indiana), 1996. Vol. 1.
1052. Neumann, 1855 — *Neumann K.* Die Hellenen im Skythenlande. B., 1855.
1053. Nicorescu, 1933 — *Nicorescu P.* Fouilles de Tyras // *Dacia*. 1933. T. III, 3.
1054. Nieling, 2010 — *Nieling J.* Persian Imperial Policy Behind the Rise and Fall of the Cimmerian Bosphorus in the Last Quarter of the Sixth to the Beginning of the Fifth Century BC // *AIBS*. 2010.
1055. Nilsson — **1906:** *Nilsson M. P.* Griechische Feste. Lpz., 1906; **1927:** The Minoan-Mycenaean Religion. L., 1927; **1955 (1967, 1974):** Geschichte der griechischen Religion. München, 1955 (1967, 1974). Bd. 1–2.
1056. Nowicka, 2000 — *Nowicka M.* Quelques remarques sur l' "Isis" de Nymphaion // *Archeologia*. T. 50. 1999 (2000).
1057. Ober, 1993 — *Ober J.* The Polis as a Society. Aristotle, John Rawls and the Athenian Social Contract // *CPCA*. 1993. 1.
1058. Oliva — **1954:** *Oliva P.* Počátky otrokarské výroby v antickém Recku // *Ceskoslovenský časopis historický*. 1954. №. 1; **1962:** Pannonia and the Onset of Crisis in the Roman Empire. Praha, 1962; **1971:** Sparta and her Social Problems. Prague, 1971.
1059. Oller Guzmán, 2014 — *Oller Guzmán M.* Recherches sur la proposographie des magistrats d'Olbia du Pont d'après les inscriptions Achille Pontarchès // *IMPW*. 2014.
1060. Onyshkevych, 2004 — *Onyshkevych L.* Interpreting the Berezan Bone Graffito // *Oikistes*. 2004 (см. список сокращений).
1061. Орландос, 1973 — *Орландос А. К.* Τα χαραγματα του Παρθενωνος. Αθηнай, 1973.
1062. Orphica, 1885 — *Orphica*. Rec. E. Abel. Prague, 1885.
1063. Osborne, 1981 — *Osborne M. J.* Naturalization in Athens. Brussel, 1981. Vol. 1.
1064. Osborne — **1998:** *Osborne R.* Early Greek Colonization? The Nature of Greek Settlement in the West // *Archaic Greece. New Approaches and New Evidence*. L., 1998; **2008:** Reciprocal Strategies: Imperialism, Barbarism and Trade in Archaic and Classical Olbia // *Meetings of Cultures — between Conflicts and Coexistence*. Aarhus. 2008 (BSS, 8).
1065. Pais E. — *Pais E.* Storia dell'Italia antica. R., 1925. Vol. 1.
1066. Panait-Bîrzescu, 2010 — *Panait-Bîrzescu F.* Apollon Bores / Boreas in den griechischen Kolonienstädten des Schwarzmeergebietes // *Dacia*. 2010. 54.
1067. Panayotova, 1998 — *Panayotova K.* Apollonia Pontica: Recent Discoveries in the Necropolis // *GCB*. 1998.
1068. Pape, Benseler, 1884 — см. список сокращений (= PB).
1069. Parain, 1892 — *Parain Ch.* Marc-Aurèle. P., 1892.
1070. Parnicki-Pudelko, 1985 — *Parnicki-Pudelko S.* Architektura starożytnej Grecji. Warszawa, 1985.
1071. Paunov, Doncheva, 2013 — *Paunov E., Doncheva D.* The Role and Military Significance of Moesia in the "Year of the Four Emperors" and under Vespasian // *Diomedus*. Salzburg, 2013. Hft. 6.

1072. Pecirca — **1966:** *Pecirca J.* The Formula for the Grant of Enktesis in Attic Inscriptions. Praha, 1966; **1986:** Рец. на кн.: Vinogradov Ju. G. Olbia. Konstanz. 1981 // *Eirene*. 1986. T. 23; **1992:** The Privilege of Enktesis in the Greek Cities on the Black Coast // *L'Etranger dans le monde grec*. II. Nancy, 1992.
1073. Peek — **1941:** *Peek W.* Inschriften. Ostraka. Fluchtafeln // *Kerameikos*. B., 1941. Bd. 3; **1955:** Griechische Vers-Inschriften. B., 1955; **1957:** Verzeichnis der Gedicht-Anfänge und vergleichende Übersicht zu den griechischen Vers-Inschriften I. B., 1957; **1960:** Griechische Grabgedichte. B., 1960.
1074. Penkova, 2003 — *Penkova E.* Orphic Graffito on a Bone Plate from Olbia // *Thracia*. 2003. T. 15.
1075. Perez Molina, 1991 — *Perez Molina M. E.* Index verborum in inscriptiones Megarae et coloniarum. Hildesheim, 1991.
1076. Petersen, Domaszewski, Calderini, 1896 — *Petersen E., Domaszewski A., Calderini G.* Die Markus-Säule auf Piazza Colonna in Rom. Bd. 1–2. München, 1896.
1077. Petrakas, 1992 — *Petrakas B.* Anaskaphe Rhamnuntos // *Praktika*. 1989 (1992).
1078. Petropoulos, 2005 — *Petropoulos E. K.* Hellenic Colonization in Euxeinus Pontos. Penetration, Early Establishment and the Problem of the “Emporion” Revisited. Oxf., 2005.
1079. Pflaum — **1956:** *Pflaum H.-G.* Procurator // *RE*. 1956. Hlbd. 45; **1960:** Les carrières procuratoriennes équestres. P., 1960. T. 2.
1080. Pfuhl, Möbius, 1977 — *Pfuhl E., Möbius H.* Die ostgriechischen Grabreliefs. Mainz, 1977. Bd. 1.
1081. Pippidi — **1965:** *Pippidi D. M.* Décrets hellénistiques d'Istros; Glamures épigraphiques; Notes de lecture // *SC*. 1965. T. 7; **1966:** Inscriptions inédites d'Istros; Sur un décret des thiasites de Callatis; Notes de lecture // *SC*. 1966. T. 8; **1967:** «A doua întemeiere» a Histriei, în lumina unui document inedit // *SC*. 1967. T. 9; **1967a:** Tiberius Plautius Aelianus și frontiera Dunării de Jos în sec. I e. n. // *Contribuții la istoria veche a României*. Buc. 1967; **1968:** “La seconde fondation” d'Istros, à la lumière d'un document inedit // *BCH*. 1968. T. 92; **1975:** Scythica minora. București, 1975; **1977:** Les plus anciennes inscriptions d'Istria // *Epigraphica*. Buc., P., 1977; **1984:** Parerga. Bucuresti, 1984.
1082. Pleket, 1964 — *Pleket H. W.* Epigraphica. Leiden, 1964. Pt. 1–2.
1083. Pokorny, 1959 — *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern; München, 1959.
1084. Polignac — **1995:** *Polignac F. de.* Repenser la “cité”? Rituels et société en Grèce archaïque // *CPCP*. 1995. 2; **1995a:** Cults, Territory, and the Origins of the Greek City-State. Chicago; L., 1995.
1085. Polis and Politics, 2000 — *Polis and Politics*. Studies in Ancient Greek History Presented to M. H. Hansen. Copenhagen, 2000.
1086. Poros-Architektur, 1904 — *Die archaische Poros-Architektur der Akropolis zu Athen*. Cassel-Lpz.; 1904.
1087. Posamentir, Solovyov, 2007 — *Posamentir R., Solovyov S.* Zur Herkunftsbestimmung archaisch-ostgriechischer Keramik: die Funde aus Berezan in der Eremitage St. Petersburg. II // *Mitteilungen des Deutschen Archaeologischen Instituts*. 2007. Bd. 57.
1088. Povalachev — **2008:** *Povalachev N.* Die Griechen am Nordpontos: Die nordpontische Kolonisation im Kontext der Großen Griechischen Kolonisationsbewegung vom 8. bis 6. Jahrhundert v. Chr. München, 2008; **2011:** Woher kam das Korn: Zum Kornreichtum und Kornhandel am Nordpontos // (Povalachev N., Kuznetsov V., Hrsg.) *Phanagoreia, Kimmerischer Bosphoros, Pontos Euxeinus*. Gött., 2011.
1089. Preisendanz, 1974 — *Preisendanz K. et alii.* Papyri Graecae magicae. Stuttgart, 1974. Bd. 2.
1090. Preisigke, 1922 — *Preisigke F.* Namenbuch, enthaltend alle... Menschnennamen. Heid., 1922.
1091. Pringsheim, 1950 — *Pringsheim F.* The Greek Law of Sale. Weimar, 1950.

1092. Pritchett, 1956 — *Pritchett W. K.* The Attic Stelai. I, II // *Hesperia*. 1956. Vol. 25.
1093. Problemi, 2001 — *Problemi della chora coloniale dell'Occidente al Mar Nero*. Taranto, 2001.
1094. Raubitschek, 1949 — *Raubitschek A. E.* Dedications from the Athenian Akropolis. Cambr. (Mass.), 1949.
1095. Recueil, 1904 — *Recueil des inscriptions juridiques grecques*. P., 1904. Pt. 2–3.
1096. Reger, 2007 — *Reger G.* Traders and Travellers in the Black and Aegean Seas // *BSEE*. 2007.
1097. Rehm, 2010 — *Rehm E.* The Impact of the Achaemenids on Thrace: A Historical Review // *AIBS*. 2010.
1098. Reinach, 1910 — *Reinach A. J.* Bull. ép. // *REG*. 1910. T. 23.
1099. Renou, 1953 — *Renou L.* Religions of Ancient India. New Delhi, 1953.
1100. Reynolds, 1973/4 — *Reynolds J. M.* A Civic Decree from Tocra in Cyrenaica // *Archeologia classica*. 1973/4. T. 25/26.
1101. Rich, 1861 — *Rich A.* Dictionnaire des antiquités romaines et grecques. P., 1861.
1102. Richter, 1961 — *Richter G. M. A.* The Archaic Gravestones of Attica. L., 1961.
1103. Ricl, 1993 — *Ricl M.* Konsekracije robova u Makedoniji u doba Rimskog carstva // *Ziva antika*. 1993. T. 43.
1104. Ridgway, 1990 — *Ridgway B. S.* Hellenistic Sculpture. Madison, 1990. Vol. 1.
1105. Rîgveda — *Die Hymnen des Rîgveda*. Hrsg. von Th. Aufrecht. B., 1955. Bd. 1.
1106. Ritter, 1820 — *Ritter C.* Die Vorhalle europäischer Völkergeschichten von Herodotus. B., 1820.
1107. Ritter, 1923 — *Ritter G.* Platon. München, 1923. Bd. 2.
1108. Robert — **1933:** *Robert L.* Inscriptions d'Erythrai // *BCH*. 1933. T. 57; **1949, 1960, 1965:** *Hellenica*. P., 1949, 1960, 1965. Pt. VII, XI–XII, XIII; **1960a:** The Inscription of the Sepulchral Stele from Sardis // *AJA*. 1960. Vol. 64; **1969–1989:** *Opera minora selecta*. Amsterdam. 1969–1989. T. 1–5; **1980:** *A travers l'Asie Mineure*. Athènes, 1980.
1109. Robinson, 2004 — *Robinson E. W.* Lead Plates and the Case for Democracy in Fifth-Century B.C. Camarina // *Oikistes*. 2004.
1110. Robu, 2014 — *Robu A.* La cité de Mégare et les établissements mégariens de Sicile, de la Propontide et du Pont-Euxin. Berne, 2014.
1111. Roebuck, 1959 — *Roebuck C.* Ionian Trade and Colonization. NY., 1959.
1112. Roehl, 1883 — *Roehl H.* Imagines inscriptionum Graecarum antiquissimarum. B., 1883.
1113. Rohden, 1894 — *Rohden P.* Annus // *RE*. 1894. Bd. I.
1114. Roos, 1968 — *Flavii Arriani quae extant omnia*. Vol. II / Edidit A. G. Roos. Lipsiae, 1968.
1115. Roscher, 1884 — *Roscher W.* Apollonos // *ALM*. 1884. Bd. 1.
1116. Rosén, 1987 — *Rosén H.* Herodoti Historiae / Edidit H. B. Rosén. Lpz., 1987. T. 1.
1117. Rostovtseff, 1938 — *Rostovtseff M. I.* Dura-Europos and its Art. Oxf., 1938.
1118. Rostowzew, 1993 — *Rostowzew M.* Skythien und der Bosporus. Stuttgart, 1993. Bd. 2.
1119. Roussel, 1976. *Roussel D.* Tribu et cité. P., 1976.
1120. Roy — **1996:** *Roy J.* Polis and Tribe in Classical Arkadia // *CPCP*. 1996. 3; **1999:** The Economies of Arkadia // *CPCA*. 1999. 6; **2000:** The Frontier between Arkadia and Elis in Classical Antiquity // *Polis and Politics*. 2000; **2002:** The Synoikismos of Elis // *CPCP*. 2002. 6.
1121. Russjaeva, Vinogradov, 1991 — *Russjaeva A. S., Vinogradov Ju. G.* Der "Brief des Priesters" aus Hylaia // *Gold der Steppe*. Archäologie der Ukraine. Schleswig, 1991.
1122. Russu — **1958:** *Russu I. I.* Elemente traco-getice în Scitia și Bosporul Cimmerian // *Studii și cercetări de istorie veche*. 1958. T. 9; **1959:** *Limba traco-dacilor*. București, 1959; **1969:** *Illirii*. București, 1969.
1123. Saglio, 1887 — *Saglio E.* Crux // *Dictionnaire des antiquités grecques et romaines*. Paris, 1887. T. I, 2.
1124. Sakolowski, 1969 — *Sakolowski F.* Lois sacrées des cités greques. P., 1969.

1125. Salmasius, 1689 — *Salmasius C.* Pliniana exercitationes in Solini Polyhistora. Trajecti ad Rhenum. 1689. Vol. 2.
1126. Samothrace, IV — Samothrace. NY., 1964. Vol. IV. Pt. 2.
1127. Samuel, 1972 — *Samuel A. E.* Greek and Roman Chronology. München, 1972.
1128. Sandberg, 1954 — *Sandberg N.* ΕΥΠΑΛΙΑ. Études épigraphiques. Göteborg, 1954.
1129. Sanders, 1984 — *Sanders G.* Reassessing Ancient Population // BSA. 1984. Vol. 79.
1130. Sandvoss, 1971 — *Sandvoss E.* Soteria. Philosophische Grundlagen der platonischen Gesetzgebung. Gött., 1971.
1131. Sanmartí, Santiago — **1987:** *Sanmartí E., Santiago R. A.* Une lettre grecque sur plomb trouvée à Emporion // ZPE. 1987. Bd. 68; **1989:** Une nouvelle plaquette de plomb trouvée à Emporion // ZPE. 1989. Bd. 77.
1132. Santiago Alvarez, 1997 — *Santiago Álvarez R.-A.* Lesbismos en jonio: nuevos datos y revision del problema // Annali del Istituto orientale di Napoli. Sezione filologico-letteraria. 1997. Vol. 19.
1133. Santiago Álvarez, Gardeñes Santiago, 2006 — *Santiago Álvarez R.-A., Gardeñes Santiago M.* Algunas observaciones a la “Lettre d’Apatorios à Léanax” // ZPE. 2006. Bd. 157.
1134. Saprykin, 1991 — *Saprykin S.* Khersonesos Taurike: New Evidence on the Hellenic State in the Western Crimea // Hellenic Diaspora. Amsterdam, 1991. T. 1.
1135. Sarnowski — **1991:** *Sarnowski T.* Barbaricum et ein Bellum Bosporanum in einer Inschrift aus Preslav // ZPE. 1991. Bd. 87; **1993:** Primi ordines et centuriones legionis I Italicae // ZPE. 1993. 95; **2006:** Ti. Plautius Silvanus, Tauric Chersonesos and classis Moesica // Dacia. 2006. T. 50.
1136. Sarnowski, Savelja, Karasievicz-Szczypiorski, 2007 — *Sarnowski T., Savelja O., Karasievicz-Szczypiorski R.* Roman Military Sentry Posts in the Border Zone of Crimean Chersonesos // Archeologia (Warszawa). 2007. T. 58.
1137. Sarnowski, Zubar, 1996 — *Sarnowski T., Zubar V.* Römische Besatzungsgruppen auf der Südkrim und eine Bauinschrift aus dem Kastel Charax // ZPE. 1996. Bd. 112.
1138. Saunders — **1961:** *Saunders T. J.* The Property Classes and the Value of the ΚΑΗΡΟΣ in Plato’s Laws // Eranos. 1961. Vol. 59; **1972:** Notes on the Laws of Plato. L., 1961.
1139. Scegllov, 1987 — *Scegllov A.* Un établissement rural en Crimée: Panskoje I // DHA. 1987. T. 13.
1140. Schaefer — **1878:** *Schaefer A.* Athenischer Volksbeschluss zu Ehren der Söhne Leukons von Bosporos // RhM. 1878. Bd. 33; **1883:** Die Regierungszeit des Königs Paerisades I von Bosporos // RhM. 1883. Bd. 38.
1141. Schärlich, 2001 — *Schärlich A.* Une pièce trouvée à Laurion // ZPE. 2001. Bd. 134.
1142. Schlerat, 1986 — *Schlerat B.* Tištrya // Wörterbuch der Mythologie. Stuttgart, 1986. Bd. 4.
1143. Schlotzhauer, Zhuravlev, 2014 — *Schlotzhauer U., Zhuravlev D.* Greek Colonization in the Cimmerian Bosporus: Russian-German Interdisciplinary Investigations in Southern Russia // Tyritake. Antique Site at Cimmerian Bosporus. Warsaw, 2014.
1144. Schmid, Stählin, 1929, 1979 — *Schmid W., Stählin O.* Geschichte der griechischen Literatur. München, 1929, 1979. Bd. 1.
1145. Schmidt, 1904 — *Schmidt J.* // Beiträge zur Allgemeine Zeitung. Oktober. 1904.
1146. Schmitt — **1978:** *Schmitt R.* Die Iranier-Namen bei Aischylos. Wien, 1978; **1978a:** Marginalia Irano-Graeca // Die Sprache. 1978. Bd. 24.
1147. Schönfeld, 1911 — *Schönfeld M.* Wörterbuch der altgermanischen Personen- und Völkernamen. Heid., 1911.
1148. Schretter, 1974 — *Schretter M.* Alter Orient und Hellas. Innsbruck, 1974.
1149. Schuller, 1993 — *Schuller W.* Die Polis als Staat // CPCA. 1993. 1.
1150. Schulten, 1925 — *Schulten A.* Legio // RE. 1925. Hlbd 24.
1151. Schulz, 2005 — *Schulz R.* Die Antike und das Meer. Darmstadt, 2005.

1152. Schwyzer — **1939:** *Schwyzzer E.* Griechische Grammatik. München, 1939. Bd. 1; **1946:** Ein armenisch-griechisches Nominalsuffix // *Museum Helveticum*. 1946. Bd. III, 2.
1153. Seeliger, 1894 — *Seeliger*. Argonautensage // *ALM*. 1894. Bd. 1.
1154. Seider, 1967, 1970, 1990 — *Seider R.* Paläographie der griechischen Papyri. Stuttgart. Bd. I, 1 (1967). Bd. II, 2 (1970). Bd. III, 1 (1990).
1155. Select Papyri — *Select Papyri*. Vol. I. Cambr. (Mass.).
1156. Shipley, 2005 — *Shipley G.* Little Boxes on the Hillside: Greek Town Planning, Hippodamos, and Polis Ideology // *CPCA*. 2005. 7.
1157. Siedentopf, 1968 — *Siedentopf H. B.* Das hellenistische Reiterdenkmal. Waldassen, 1968.
1158. Siegert, 1976 — *Siegert H.* Wo einst Apollo lebte? Wien, Düss., 1976.
1159. Sjöquist, 1973 — *Sjöquist E.* Sicily and the Greeks. Ann Arbor, 1973.
1160. Slings, 1994 — *Slings S. R.* Notes on the Lead Letters from Emporion // *ZPE*. 1994. 104.
1161. Smekalova, 2002 — *Smekalova T. N.* Coinage Alloys of the Northern Black Sea Littoral States // Электронный ресурс http://www.pontos.dk/e_pub/Smekalova.htm 2002.
1162. Snodgrass, 1967 — *Snodgrass A. M.* Arms and Armour of the Greeks. Ithaca; NY., 1967.
1163. Solin, 1982 — *Solin H.* Die griechischen Personennamen in Rom. B.; NY., 1982. Bd. 1.
1164. Solovyov — **1998:** *Solovyov*. Archaic Berezan: Historical-Archaeological Essay // *GCB*. 1998; **1999:** Ancient Berezan. Leiden, 1999; **2006:** Monetary Circulation and the Political History of Archaic Borysthenes // *ACSS*. 2006. 12.
1165. Somolinos, 1996 — *Somolinos H. R.* The Commercial Transaction of the Pech Maho Lead // *ZPE*. 1996. Bd. 111.
1166. Sparkes, Talcott, 1970 — *Sparkes B. A., Talcott L.* Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B. C. // *The Athenian Agora*. Princeton, 1970. Vol. 12.
1167. Speidel, French, 1985 — *Speidel M. P., French D.* Bithynian Troops in the Kingdom of the Bosphorus // *Epigraphica Anatolica*. 1985. T. 6.
1168. Stacul, 1971 — *Stacul G.* Cremation Graves in North-West Pakistan and their Eurasian Connections // *East and West*. 1971. Vol. 21, f. 1.
1169. Ştefan — **1974:** *Ştefan A.* Die Getreidekrisen in den Städten an den westlichen und nördlichen Küsten des Pontos Euxeinos in der hellenischen Zeit // *Hellenische Poleis: Krise — Wandlung — Wirkung*. B., 1974. Bd. 2; **1984:** Relations étrangères des cites du Pont Gauche à l'époque hellénistique // *Actes du VIIe Congrès de la Fédération intern. des associations d'études classiques*. Budapest, 1984. Vol. 1.
1170. Steier, 1927 — *Steier*. Lotos // *RE*. 1927. Hlbd. 26.
1171. Stein — **1920:** *Stein A.* Römische Reichsbeamte der Provinz Thracia. Sarajevo, 1920; **1940:** Die Legaten von Moesia. Budapest, 1940.
1172. Steinhart, 1873 — *Steinhart K.* Platon's Leben. Lpz., 1873.
1173. Stephanus, 1842/6, 1842/7 — *Stephanus H.* Thesaurus Graecae linguae / Edd. C. B. Hase, G. et L. Dindorf. Parisii. T. 5 (1842/6), T. 6 (1842/7).
1174. Stern, 1909 — *Stern E.* Die griechische Colonisation am Nordgestade des Schwarzen Meeres im Licht archäologischer Forschung // *Klio*. 1909. Bd. 9.
1175. Stolba, 2002 — *Stolba V. F.* Graffiti and Dipinti // *Panskoye I*. Aarhus. 2002. Vol. 1.
1176. Studia Pontica, 1910 — *Studia Pontica*. Bruxelles, 1910. Pt. 3.
1177. Suceveanu, 2012 — *Suceveanu A.* Histria 1990–2010 // *Pontica*. 2012. T. 45.
1178. Suidas, 1931, 1935 — *Suidas*. Lexicon / Edidit A. Adler. Stuttgart. Vol. II (1931), IV (1935).
1179. Sukas, 1970–1983 — *Sukas*. Vol. 1–7. København, 1970–1983.
1180. Sundwall, 1913 — *Sundwall J.* Die einheimischen Namen der Lykier. Lpz., 1913.
1181. Swoboda — **1890:** *Swoboda H.* Die griechischen Volksbeschlüsse. Lpz., 1890; **1905:** Beiträge zur griechischen Rechtsgeschichte. Weimar, 1905.

1182. Szemerényi, 1954 — *Szemerényi O.* Latin promulgare // *Emerita*. 1954. T. 22.
1183. Тацева, 1976 — *Tačeva-Hitova M.* Zur Religionsgeschichte Thrakiens in der Hellenistischen Zeit // *Pulpudeva*. Sofia, 1976. T. 1.
1184. Talamo, 1973 — *Talamo C.* Per la storia di Colofone in età arcaica // *PP*. 1973. T. 28.
1185. Teodor, 1974 — *Teodor S.* Le commencement de La Tene dans le Nord-Est de la Roumanie // *Thracia*. Serdicae. 1974. Vol. 3.
1186. Thalheim, 1909 — *Thalheim.* Ἐξαιρέσεως δίκη // *RE*. 1909. Bd. 12.
1187. Thomas, 1996 — *Thomas R.* Written in Stone? Liberty, Equality, Orality and the Codification of Law // *Greek Law in its Political Setting*. Oxf., 1996.
1188. Thomasson, 1984 — *Thomasson B.* Laterculi praesidium. Göteborg, 1984. T. 1.
1189. Threatte, 1980, 1996 — *Threatte L.* The Grammar of Attic Inscriptions. B.; NY. T. 1 (1980); Berlin. T. 2. (1996).
1190. Thumb, Kieckers, 1932 — *Thumb A., Kieckers E.* Handbuch der griechischen Dialekte. Heid., 1932. Bd. 1.
1191. Thumb, Scherer, 1959 — *Thumb A., Scherer A.* Handbuch der griechischen Dialekte. Heid., 1959. Bd. 2.
1192. Tod — **1926/7:** *Tod M. N.* Further Notes on the Greek Acrophonic Numerals // *BSA*. 1926/7. Vol. 28; **1948:** A Selection of Greek Historical Inscriptions. Oxf., 1948. Vol. 2.
1193. Tohtasjev — **1986:** *Tohtasjev S. R.* Zur Herkunft der bosporanischen Spartokiden // *Pulpudeva*. 1986. T. 5; **1995:** Thrakische Personennamen am Kimmerischen Bosporos // *Studia in honorem G. Michailov*. Sofia, 1995.
1194. Tomaschek, 1899 — *Tomaschek W.* Chalkis // *RE*. 1899. Bd. 3.
1195. Touloumakos, 1996 — *Touloumakos J.* Historische Personennamen und Geschichtsbewusstsein in den griechischen Städten des Bosporanischen Reiches // *Hellas und der griechische Osten*. Saarbrücken, 1996.
1196. Tracy, 1975 — *Tracy S. V.* The Lettering of an Athenian Mason // *Hesperia*. 1975. Suppl. XV.
1197. Trail, 1995 — *Trail J. S.* Persons of Ancient Athens. Toronto, 1995. T. 3.
1198. Treimer, 1960 — *Treimer K.* Die illyrische Namengebung // *Kongressberichte (6 Intern. Congress of Onomastic Sciences)*. München, 1960. Bd. 1.
1199. Treister, 2005 — *Treister M.* Masters and Workshops of the Jewellery and Toreutics from Fourth-Century Scythian Burial-Mounds // *SG*. 2005.
1200. Tsetschladze — **1997:** *Tsetschladze G.* A Survey of the Major Urban Settlements in the Cimmerian Bosphoros (with a Discussion of their Status as Poleis) // *CPCP*. 1997. 4; **1998:** Greek Colonization of the Black Sea Area: Stages, Models, and Native Population // *GCB*. 1998.
1201. Tsimbursky, 1991 — *Tsimbursky V. L.* Anchises-Serpent. An Early Thracian Motiv in Virgil's «Aeneid» // *Orpheus. Journal of Indo-European and Thracian Studies*. Sofia, 1991. F. 1.
1202. Tuplin, 2010 — *Tuplin Chr.* Revisiting Dareios' Scythian Expedition // *AIBS*. 2010.
1203. Twardecki, 2008 — *Twardecki A.* Hieromastor — an Inquisitor or Adviser // *БК*. 2008. 9.
1204. Usener, 1948 — *Usener H.* Götternamen. Frankf. a/M, 1948.
1205. Vachtina, 2007 — *Vachtina M.* Greek Orientalising Pottery from Barbarian Sites of the Forest-steppe Zone of the Northern Black Sea Coastal Region // *BSEE*. 2007.
1206. Vallet, 1960 — *Vallet G.* La cité et son territoire dans les colonies grecques d'Occident // *La città e il suo territorio. Atti del VII convegno di studi sulla Magna Grecia*. Napoli, 1960.
1207. Vanhoutte, 1953 — *Vanhoutte M.* La philosophie politique de Platon dans les «Lois». Louvain, 1953.
1208. Vanseveren, 1937 — *Vanseveren J.* Inscriptions d'Amorgos et de Chios // *Revue de philologie*. 1937. T. XI.

1209. Varenne, 1972 — *Varenne J.* The Garuḍa upaniṣad // *India major*. Leiden, 1972.
1210. Vasmer — **1923**: *Vasmer M.* Die Iranier im Südrussland. Lpz., 1923; **1971**: *Schriften zur slavischen Altertumskunde und Namenkunde*. B., 1971. Bd. 1–2.
1211. Vedic Age, 1957 — *The Vedic Age*. L., 1957.
1212. Velissaropoulos, 1977 — *Velissaropoulos J.* Le monde de l'emporion // *DHA*. 1977. T. 3.
1213. Vendries, 1934 — *Vendries J.* La couvade chez les Scythes // *CRAI*. 1934.
1214. Vidman, 1969 — *Vidman L.* *Silloge inscriptionum religionis Isiacae et Sarapiacae*. B., 1969.
1215. Viennot, 1954 — *Viennot O.* La culte de l'arbre dans l'Inde ancienne. P., 1954.
1216. Vinogradov, 2007 — *Vinogradov A. Ju.* Von der Antiken zur christlichen Koinè. Typische und untypische Inschriften der nördlichen Schwarzmeerraums // *KP*. 2007.
1217. Vinogradov, 2012 — *Vinogradov Ju. A.* La colonisation grecque du Bosphore Cimmérien // *ÉP*. 2012.
1218. Vinogradov — **1980**: *Vinogradov Ju. G.* Die historische Entwicklung der Poleis des nördlichen Schwarzmeergebietes im 5. Jahrhundert v. Chr. // *Chiron*. 1980. 10; **1981**: *Olbia*. Konstanz. 1981; **1984**: *Olbia und Prusias am Hypios zur Severerzeit* // *Sodalitas*. Scritti in onore di A. Guarino. Napoli, 1984; **1990**: *Bull. ép.* 1990 (= *REG*. T. 103); **1997**: *Pontische Studien*. Mainz, 1997 (= *Pont. St.*); **1998**: *The Greek Colonization of the Black Sea Region in the Light of Private Lead Letters* // *The Greek Colonization of the Black Sea Area*. Stuttgart, 1998; **1998a**: *Phantasmomagia Olbiopolitana* // *ZPE*. 1998. Bd. 121.
1219. Vinogradov, Zolotarev, 1999 — *Vinogradov J. G., Zolotarev M. I.* L'ostracismo e la storia della fondazione di Chersonesus Taurica // *Minima epigraphica et papyrologica*. 1999. T. II, f. 2.
1220. Vinogradov, Nazarov, 1994 — *Vinogradov Ju., Nazarov V. V.* Römische Besatzungstruppen in Olbia Pontica im 1. bis 3 Jh. und ihre Bewaffnung // *Beiträge zu römischer und germanischer Bewaffnung in den vier ersten nachchristlichen Jahrhunderten*. Lublin; Marburg, 1994.
1221. Vlahov, 1963 — *Vlahov K.* Nachträge und Berichtigungen zu den thrakischen Sprachresten und Rückwörterbuch // *Годишник на Софийският университет. Филологически факултет*. София, 1963. Т. 57. № 2.
1222. Voemel, 1843 — *Demosthenis opera* / ed. Voemel J. Th. Parisii, 1843.
1223. Vogel, 1972 — *Vogel J. P.* Indian Serpent-Lore, or the Nāgas in Hindu Legend and Art. L., 1972.
1224. Vogelstein, Rieger, 1896 — *Vogelstein H., Rieger P.* *Geschichte der Juden in Rom*. B., 1896. Bd. 1.
1225. Voyatzis, 1999 — *Voyatzis M. E.* The Role of Temple Building in Consolidating Arkadian Communities // *CPCA*. 1999. 6.
1226. Vulpe, 1955 — *Vulpe R.* La problème des Bastarnes à la lumière des découvertes archéologiques en Moldavie. Bucarest, 1955.
1227. Wackernagel, 1953 — *Wackernagel J.* *Kleine Schriften*. Gött., 1953. Bd. 1.
1228. Wallace, 1970 — *Wallace M. B.* Early Greek Proxeni // *Phoenix*. 1970. Vol. 24.
1229. Wąsowicz, 1975 — *Wąsowicz A.* Olbia pontique et son territoire. P., 1975.
1230. Wb. Myth. 1986 — *Wörterbuch der Mythologie*. Stuttgart, 1986. Bd. 4.
1231. Weiler, 1968 — *Weiler T.* Greek and Non-Greek World in the Archaic Period // *Greek, Roman, and Byzantine Studies*. 1968. Vol. 9.
1232. Weill, 1959 — *Weill R.* L'«archéologie» de Platon. P., 1959.
1233. Weiss, 1923 — *Weiss E.* *Griechisches Privatrecht*. Lpz., 1923. Bd. I.
1234. Welles, 1934 — *Welles C. B.* *Royal Correspondence in the Hellenistic Period*. New Haven, 1934.

1235. Welwei, 2002 — *Welwei K.-W.* Die griechische Frühzeit. München, 2002.
1236. Werner, 1955 — *Werner R.* Die Dynastie der Spartokiden // *Historia*. 1955. Bd. 4.
1237. Westermann — **1935:** *Westermann W. L.* Sklaverei // *RE. Supplbd.* 1935. VI; **1955:** *The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity.* Philad., 1955.
1238. Wielowiejski, 1970 — *Wielowiejski J.* Kontakty Noricum i Pannonii z ludami polnocznymi. Wroclav, 1970.
1239. Wiesner, 1939 — *Wiesner J.* Fahren und reiten in Alteuropa und im Alten Orient // *Der Alte Orient*. 1939. Bd. 38. Hft. 2–4.
1240. Wikander, 1941 — *Wikander S.* Vayu. Uppsala; Lpz., 1941.
1241. Wilhelm — **1909:** *Wilhelm A.* Der Brief des Artikon // *Oesterreichische Jahreshefte*. 1909. Bd. 12; **1932:** ΣΙΤΟΜΕΤΡΙΑ // *Mélanges G. Glotz. P.*, 1932; **1974:** *Akademieschriften zur griechischen Inschriftenkunde.* Lpz., 1974. Bd. 1.
1242. Willemsen, Breune, 1991 — *Willemsen F., Breune S.* Verzeichnis der Kerameikos-Ostraka // *Mitteilungen des Deutschen archäologischen Instituts*. 1991. Bd. 106.
1243. Willetts, 1965 — *Willetts R. F.* Ancient Crete. L., 1965.
1244. Wilson, 1997 — *Wilson J.-P.* The Nature of Greek Overseas Settlements in the Archaic Period. Emporion or Apoikia? // *The Development of the Polis in Archaic Greece.* L.; NY., 1997.
1245. Witkowski, 1911 — *Witkowski S.* Epistula privata Graeca. Lpz., 1911.
1246. Wolters, 1913 — *Walters P.* Eingeritzte Inschriften auf Vasen // *Athenische Mitteilungen*. 1913. Bd. 38.
1247. Woodhead, 1970 — *Woodhead A. G.* The «Adriatic Empire» of Dionysius I of Syracuse // *Klio*. 1970. Bd. 52.
1248. Woodhouse, 1965 — *Woodhouse W. J.* Solon the Liberator. N-Y., 1965.
1249. Woźniak, 1970 — *Woźniak Z.* Osadnictwo celtickie w Polsce. Wrocław etc., 1970.
1250. Zgusta — **1955:** *Zgusta L.* Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955; **1964:** *Kleinasiatische Personennamen.* Prag. 1964; **1984:** *Kleinasiatische Ortsnamen.* Heid., 1984.
1251. Ziehen, 1906 — *Ziehen L.* Leges Graecorum sacrae e titulis collectae. Lpz., 1906. Bd. 2.
1252. Ziemann, 1911 — *Ziemann F.* De epistularum Graecarum formulis solemnibus quaestiones selectae. Halis Saxonum. 1911.
1253. Zubar, 2007 — *Zubar V.* Roman Military Units in Olbia // *COSW*. 2007.
1254. Zwicker, 1941 — *Zwicker W.* Studien zur Markussäule. Amsterdam, 1941.

Сокращения

- АДСП — Античные древности Северного Причерноморья. К., 1988.
АИЗ — Археологические известия и заметки Московского археологического общества.
АИКСП — Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968.
АК — Археологическая комиссия. СПб.
АМА — Античный мир и археология. Саратов.
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
БК — Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь. IV, 2003. V, 2004. VI, 2005. VII, 2006. VIII, 2007. IX, 2008. X, 2009. XI, 2010. XII, 2011. XIII, 2012.
БН — Боспорские надгробия II в. до н. э. — III в. н. э. К. 2009. Часть первая (Из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Лапидарная коллекция. Т. III, книга 2).
БФ — Боспорский феномен. СПб.
ВВ — Византийский временник.
ВДИ — Вестник древней истории.
ВИА — Всеобщая история архитектуры. М., 1973. Т. 2.
ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины. Л.
ВЭ — Вопросы эпиграфики. М.
ГАХ — Граффити античного Херсонеса. К., 1978.
ГИМ — Государственный исторический музей, Москва.
ГЛБО I, II — Яйленко, 1980а (I), 1980 (II).
ГОП — *Русяева А. С.* Граффити Ольвии Понтийской. Симферополь, 2010.
Граков (1939) — *Граков Б. Н.* Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. 3.
ДБ — Древности Боспора. М.
ДАН — Доклады Академии наук.
ДГВЕ — Древнейшие государства Восточной Европы. М.
ДГТ — Древнейшие государства на территории СССР. М.
ДМЮР — Древний мир на юге России. М., 1918.
ДП — Древнее Причерноморье. Одесса.
ДСП — Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тбилиси, 1981.
ДТО — Древнейший теменос Ольвии Понтийской. Симферополь, 2006.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
ЗОО — Записки Одесского археологического общества.
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей.
ЗРАО — Записки Русского Археологического общества.
ИААСП — Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. К., 1980.
ИАК — Известия Археологической комиссии.
ИГАИМК — Известия государственной Академии истории материальной культуры.
ИКАМ — История и культура античного мира. М., 1977.
ИКДМ — История и культура древнего мира. М., 1996.
ИРАИК — Известия Русского археологического института в Константинополе.
ИРАИМК — Известия Российской Академии истории материальной культуры.
ИТОИАЭ — Известия Таврического общества истории, археологии, этнографии. Симферополь.
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь.
КАМ — Культура античного мира. М., 1966.
КБН — Корпус боспорских надписей. М.; Л., 1965.
КБН-альбом — Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций. СПб., 2004.
КИМ — Национальный исторический музей Украины, г. Киев.

- КМГ (с инвентарным номером) — Керченский музей, граффити.
КНОО — Культура населения Ольвии и ее округи. К., 1987.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
КСОАМ — Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея.
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии.
МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
МАК — Материалы по археологии Кавказа.
МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья.
МИА — Материалы и исследования по археологии.
МКЛНО I, II = Яйленко, 1985, 1987.
МОБЧМ — Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. Ростов-на-Дону.
МОП — Местные этно-политические объединения Причерноморья в VII–IV вв. до н. э. Тбилиси, 1988.
НО — Надписи Ольвии. Л., 1968.
НЭ — Нумизматика и эпиграфика. М.
НЭПХ I, II — Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. К., 1964; 1973.
ОАМ — Одесский археологический музей.
ОД — Ольвийские древности. К., 2009.
ОК — Ольвия и ее округа. К., 1986.
Ольвия, 1940. Ольвия. Т. 1. Отчеты и материалы за 1935–1936 гг. и исследования. К.
Ольвия, 1964. Ольвия. Теменос и агора. М.; Л.
Ольвия, 1975 — Ольвия. К.
Ольвия, 1999. Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. К.
ПАИК 1, 2 — Проблемы античной истории и культуры. Ереван.
ПАРВ — Причерноморье в античное и раннесредневековое время: Сб. научных трудов, посв. 65-летию проф. В. П. Копылова. Ростов-на-Дону, 2013.
ПВ — Причерноморье в VII–V вв. до н. э. Тбилиси, 1990 (здесь сокращение В = Вани).
ПГК — Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тб., 1979.
ПНО — Проблемы истории Ольвии. Парутино. 1985.
ПИСПАЭ — Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959.
ПИФК — Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск, М.
ПМИ — Памятники мирового искусства. М., 1982.
ПЭЭ — Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985.
РА — Российская археология.
СА — Советская археология.
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа. Л.; СПб.
СОО — *Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Бураков А. В., Отрешко В. М.* Сельская округа Ольвии. К., 1989.
ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа. Л.; СПб.
ТД — Тезисы докладов.
ТСА РАНИОН — Труды секции археологии Института археологии и искусствознания Российской ассоциации научных институтов общественных наук. М.
ХКААМ — Художественная культура и археология античного мира. М., 1976.
ХС — Херсонесский сборник. Севастополь.
ЭПП — Эпиграфические памятники древней Малой Азии и античного Северного и Западного Причерноморья как исторический и лингвистический источник. М.
ЭСП — Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992.
ACSS — Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Leiden.
AIBS — Achaemenid Impact in the Black Sea. Communication of Powers. Aarhus, 2010 (BSS, 11).
ALM — Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie. Lpz.
AJA — American Journal of Archaeology.

- AMI(T) — Archaeologische Mitteilungen aus Iran (und Turan).
- Avi-Yonach — *Avi-Yonach M.* Abbreviations in Greek Inscriptions. L., 1940.
- BCH — Bulletin de correspondance hellénique.
- BSA — Annual of the British School at Athens.
- BSEE — The Black Sea in Antiquity: Regional and Interregional Economic Exchanges. Aarhus, 2007.
- BSS — Black Sea Studies. Aarhus.
- Buck — *Buck C. D.* The Greek Dialects. Chicago, 1968.
- Bull. ép. — Bulletin épigraphique (REG).
- CEG I, II — *Hansen P. A.* Carmina epigraphica Graeca. B.; NY., 1983, 1989. T. 1–2.
- CIA — Corpus inscriptionum Atticarum. B.
- CIG — *Boeckh A. et alii.* Corpus inscriptionum Graecarum. Berolinum. 1828–1856. Vol. 1–4.
- CIL — Corpus inscriptionum Latinarum.
- COSW — Classical Olbia and the Scythian World from the Sixth Century BC to the Second Century AD. Oxf., 2007.
- CPCA 1–6 — Copenhagen Polis Centre. Acts (=Det Kongelige Danske Videnskabernes Selskab., Historisk-filosofiske Meddelelser. Bd. 67, 72, 74, 75, 76, 77. Copenhagen). **1:** The Ancient Greek City-State. 1993. **2:** Sources for The Ancient Greek City-State. 1995. **3:** Introduction to an Inventory of Poleis. 1996. **4:** The Polis as an Urban Centre and as a Political Community. 1997. **5:** = Hansen, 1998. **6:** Defining Ancient Arkadia. 1999.
- CPCP 1–8 — Copenhagen Polis Centre. Papers (= Historia. Einzelschriften. Bd. 87, 95, 108, 117, 138, 162, 198. Stuttgart). **1:** From Political Architecture to Stephanus Byzantinus. 1994. **2:** Studies in the Ancient Greek Polis. 1995. **3:** More Studies in the Ancient Greek Polis. 1996. **4:** Yet More Studies in the Ancient Greek Polis. 1997. **5:** Further Studies in the Ancient Greek Polis. 1999. **6:** Even More Studies in the Ancient Greek Polis. 2002. **7:** Once Again: Studies in the Ancient Greek Polis. 2004. **8:** The Return of the Polis: the Use and Meanings of the Word Polis in Archaic and Classical Sources. 2007.
- CRAI — Comptes rendus de l'Académie des inscriptions et belles lettres. P.
- Dessau — *Dessau H.* Inscriptiones Latinae selectae. B. Vol. 1–3. 1892–1916.
- DGE — *Cauer P., Schwyzer E.* Dialectorum Graecarum exempla epigraphica potiora. Hildesheim, 1960 (репринт).
- DHA — Dialogues d'histoire ancienne. Besançon, Paris.
- Dubois — *Dubois L.* Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont. Genève, 1996.
- ECC — Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest. Iași, 2005.
- ÉP — Études pontiques. Histoires, bibliographie et sites archéologiques du bassin de la mer Noire. Lausanne, 2012.
- FGH I, II, III C — *Jakoby F.* Die Fragmente der griechischen Historiker. B., 1923 (T. I); 1926 (T. II; Leiden, 1961, репринт); 1927, 1929 (T. II B, Lfg. 1–3 = Leiden, 1962, репринт); 1940 (T. III A); 1950 (T. III B); Leiden, 1958 (T. III C, Bd. 1–2).
- FHG I–IV — *Müller K.-O.* Fragmenta historicorum Graecorum. Parisii, 1841, 1848, 1849, 1851. Vol. I–IV.
- GCB — The Greek Colonization of the Black Sea Area. (Ed. by G. Tsetschladze). Stuttgart, 1998.
- GGM I, II — *Müller K.-O.* Geographi Graeci minores. Parisii, 1855, 1862. T. I, II.
- Hansen — *Hansen B.* Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Eigennamen. B., 1958.
- IG — Inscriptiones Graecae. Berolini.
- IGBulg. I–IV — *Michailov G.* Inscriptiones Graecae in Bulgaria repertae. Serdicae. T. 1²–4. 1958–1970.
- ID 1937, 1992 — Inscriptions de Délos. P. (1937); Index. T. 1 (1992).
- IGR I–IV — Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes. P., 1901–1927. T. 1–4.
- IK — Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien. Bonn.
- IMPW — Interconnectivity in the Mediterranean and Pontic World during the Hellenistic and Roman Periods. (V. Cojocaru, A. Goşkun, M. Dana, eds.). Cluj-Napoca, 2014.

- IOSPE I–IV — *Latyshev B.* Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini. Petropoli. T. I² (1916), II (1890), IV (1901).
- ISM I², II — *Inscriptiones Scythiae Minoris Graecae et Latinae* (Inscriptiile din Scythia Minor). București. Vol. I². *Inscriptiones Histriae et viciniae*. Collegit... D. M. Pippidi. 1983. Vol. II. Tomis et territorium. Collegit... I. Stoian. 1987.
- Jeffery — *Jeffery L. H.* The Local Scripts of Archaic Greece. Oxf., 1969 (1990²).
- JHS — *Journal of Hellenic Studies*.
- Kirchner — *Kirchner J.* *Imagines inscriptionum Atticarum*. B., 1948.
- KP — *Une koïnè pontique: cités grecques, sociétés indigènes et empires mondiaux sur le littoral nord de la mer Noire* (VIIe s. a.C.–IIIe s. p.C. Edd. Bresson A., Ivantchik A., Ferrary J.-L.). Bordeaux, 2007.
- LGNP I, II, IIIA, IIIB, IV — *A Lexicon of Greek Personal Names*. Oxf. 1987, 1994, 1997, 2000, 2005. By P. M. Fraser, E. Matthews (Vol. 2 by M. J. Osborne, S. J. Birne).
- LSJ — *Liddell H. G., Scott R., Jones H. S.* A Greek-English Lexicon. Oxf., 1968.
- MAMA — *Monumenta Asiae Minoris antiqua*. Manchester; L.
- Michel — *Michel Ch.* *Recueil d'inscriptions grecques*. Bruxelles, 1900.
- Milet I, III, VII — *Milet. Ergebnisse der Ausgrabungen*. B. 1914. Bd. I. Hft. 3: Kawerau G., Rehm A. Das Delphinion in Milet (у нас Milet I). B., Lpz. 1922. Bd. I. Hft. 7: Wiegand Th. Der Südmarkt und die benachbarten Bauanlagen (у нас Milet VII). B. 1913. Bd. III, Hft. 1: Wiegand Th. Der Latmos (у нас Milet III).
- ML — *Meiggs R., Lewis D.* A Selection of Greek Historical Inscriptions. Oxf., 1969.
- OGIS — *Dittenberger G.* *Oriens Graeci inscriptiones selectae*. Lipsiae. T. 1–2. 1903–1905.
- Oikistes — *Oikistes. Studies in Constitutions, Colonies, and Military Power in the Ancient World*. Leiden; Boston, 2004 (Festschrift A. J. Graham).
- PB — *Pape W., Benseler G. E.* *Wörterbuch der griechischen Eigennamen*. Braunschweig, 1884. Bd. 1–2.
- PIR I, II, VI (1933, 1936, 1998) — *Prosopographia imperii Romani. Pars I*. B.; Lipsiae, 1933. II. 1936. VI. B. 1998.
- PMN — *Poleis în Marea Neagră: Relații interpontice și producții locale*. București, 2013.
- Pont. St. = *Vinogradov J.* *Pontische Studien*.
- PGM I, II — *Papyri Graecae magicae*. Hrsg. und übersetzt von K. Presendanz [und andere]. Lpz.; B. Bd. I (1928), II (1931).
- PP — *Parola del Passato*.
- RE — *Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Stuttgart.
- REG — *Revue des études grecques*.
- RhM — *Rheinisches Museum*.
- SC — *Латышев В. В.* *Scythica et Caucasica*. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. СПб., 1893–1906. Т. 1–2.
- SEG — *Supplementum epigraphicum Graecum*.
- SG — *Scythians and Greeks: Cultural Interactions in Scythia, Athens and the Early Roman Empire* (sixth century BC — first century AD). Exeter, 2005.
- SGDI — *Sammlung der griechischen Dialektinschriften*. Göttingen.
- St. cl. — *Studii clasice*. București.
- St. Vertr. II, III (= Staatsverträge) — *Die Staatsverträge des Altertums*. Hrsg. von H. Bengtson. München; B., 1962, 1969. Bd. 2–3.
- Syll.³ — *Dittenberger G. et alii.* *Sylloge inscriptionum Graecarum*. Lipsiae, 1914–1925. Vol. 1–4.
- ZPE — *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*.

Текстуальные сокращения:

коммент. — комментарий; мрам. — мраморный; пер. — перевод; фр. — фрагмент;
 чл. — черноточный; стороны света: зап. — западный, сев. — северный, Сев.-Зап. — Северо-Западный и т. д. В датировках после латинской цифры: a = ante (например, Ia = I в. до н. э.), p = post (например, Ip = I в. н. э.).

УКАЗАТЕЛИ

Указатель надписей

Структура указателя:

1) IOSPE I², IV; 2) Надписи Ольвии; 3) Корпус боспорских надписей; 4) Dubois, Inscriptions... d'Olbia; 5) А. С. Русяева, Граффити Ольвии; 6) ГЛБО I, II; 7) В. П. Яйленко, Греческая колонизация; 8) Важнейшие декреты Ольвии в честь благодетелей; 9) Важные надписи Ольвии и Херсонеса разного содержания.

1) IOSPE I ²	39 — см. раздел 8: Карзоаза	70 — 363
1 — 714	Атталова декрет	71 — 363, 516, 517, 531
2 — 886	40 — см. раздел 8: Феокла Саттирова декрет	72 — 265, 363, 529
4 — 519, 589, 590, 597, 598, 714	41 — 363, 383, 549, 555, 620	73 — 363, 517–519, 529, 552, 584, 597, 638
20 — 342, 346, 363, 369, 379–382	42 — см. раздел 8: Каллисфена Каллисфенова декрет	74 — 363, 529
21 — см. HO 15	43 — см. раздел 8: Каллисфена Дадова декрет	75 — 363
22 — 342, 363, 379, 380, 400, 472	44 — 363, 463, 520, 522, 533, 571, 597, 622	76 — 92, 93, 400, 415, 431–433, 466, 467, 472, 488, 491, 493, 519, 612, 613
23 — 363, 365, 369–372, 374, 376, 380, 382, 426, 465, 491, 591	45 — 363, 524, 529, 622	77 — 363, 427, 502, 507, 562, 563, 609, 614
24 — 46, 363, 420, 426, 484	45a — см. HO 163	78 — 363, 562, 609
25+31 — см. раздел 8: Каллиников декрет	46 — 363, 531, 561	79 — 363, 383, 545, 550, 558, 562–564, 576, 577, 585, 590, 595, 609, 618
26 — 343, 363, 410, 426, 431, 432, 463, 527	47 — 41, 363, 517, 529, 622	80 — 627, 665
27 — 343, 363, 378, 380, 426, 536, 538, 638, 643	48 — 363	82 — 607
28 — 363, 380, 536, 538, 638, 643	49 — 363, 622	83 — 584, 607, 615
29 — 343, 363, 433, 463, 466, 528	50 — 363	84 — 615, 626, 627
30 — 343, 363, 426, 433, 460, 466, 507, 555	51 — 363, 515, 584, 601, 602, 715, 719, 818	85 — 571, 584
31 — см. № 25	52 — 363, 531, 533	91 — 869
32 — см. раздел 8: Протогеновский декрет	53 — 363, 531	93 — 584
33 — 74, 363, 463, 483, 528, 544, 622, 649	54 — 363, 511–513, 518, 519, 526, 598, 599, 601, 602, 614, 715, 718, 719	95 — 584
34 — 30, 46, 265, 363, 490, 510, 514–516, 522, 523, 530, 549, 551, 554, 555	55 — 363, 515, 525, 598, 599, 714	96 — 584
35 — 363, 484, 492, 507, 530, 536, 561, 587, 618, 622, 639, 649	56 — см. HO 46	97 (= HO 83) — 614–616
36 — 363, 636, 637	57 — см. HO 47	98 — 526, 571
37 — 363, 584	58 — 363	99 — 626
38 — 363, 561, 586–588, 725	59 — 363	100 — 584, 615
	60 — 363	101 — 487, 602, 615, 627
	61 — 363	102 — 584
	62 — 363	103 — 615, 631
	63 — 363, 535	105 — 545
	64 — 363	106 — 584
	65 — 354, 363, 429	108 — 363, 615
	66 — 363	110 — 529, 615
	67 — 363, 535	111 — 492, 584
	68 — 584, 589, 590	113 — 492, 584
	69 — 363	114 — 254
		128 — 871

- 129 — 584, 627
 130 — 487, 584, 627, 629, 632
 131 — 487, 584
 132 — 74, 627
 133 — 533
 134 — 487, 620, 627
 137 — 529, 571
 138 — 632
 140 — 529, 556
 154 — 556
 155 — 627
 156 — 606
 159 — 616
 160 — 251, 252, 354, 405, 406, 488, 640
 161 — 406
 162 — 555
 163 — 92
 164 — 84, 85
 165 — см. IOSPE I² 73
 166 — 63, 354, 483
 167 — 63, 600, 616
 168 — 492, 494, 508, 562, 613, 617
 169 — 616
 170 — 513
 174 — 510, 520, 552, 555, 556, 559, 570, 571, 598–600, 602
 175 — 584, 623, 632
 176 — 74, 545, 614, 615, 623
 177 — 539
 178 — 354, 409, 622, 623, 650
 179 — 412–415, 417, 466, 472, 484, 489, 503, 622, 623, 632
 180 — 377, 400, 414, 415, 466, 489, 503, 613, 622, 623, 650
 181 — 571, 576, 577, 585, 590, 599, 622, 623
 182 — 576, 577, 590
 183 — 492, 584
 184 — 79, 375, 531, 599, 622, 624, 862
 185 — 492, 526, 615, 622, 624, 628
 186 — 616, 632
 187 — 414, 429, 487, 503
 188 — 414, 416, 417, 484, 489
 189 — 63, 92, 468, 483, 492, 499, 502, 828
 190 — 61, 490, 581, 582, 584, 616, 828
 191 — 246, 406, 483, 490, 493, 581, 583, 584, 616, 628
 192 — 513, 581, 828
 195 — 375, 488, 632, 634, 635
 198 — 363
 199 — 600, 606
 200 — 607
 201 — 74, 79, 218, 414, 429
 202 — 605–607
 203 — 605–608
 204 — 605–608, 629
 205 — 609, 610
 206 — 513
 207 — 507, 629, 630, 653
 208 — 204
 209 — 487
 210 — 492, 630
 211 — 488
 212 — 84, 201, 202
 213 — 84, 201, 202
 215 — 84, 201, 202, 630
 216 — 630
 220 — 493
 221 — 571, 584, 631
 223 — 513
 226 — 584, 632, 633
 229 — 610, 626, 629, 631
 230 — 609
 233 — 549, 609
 234 — 600, 609
 235 — 609
 236 — 600, 609
 237 — 600, 610
 238 — 600
 239 — 363, 521, 563–565
 240 — см. HO 28+
 241 — 363, 519, 520
 242 — 363, 529, 530, 535
 243 — 363, 588, 599, 714
 244 — 599, 600
 245 — 363, 530
 245 — 363, 598, 599, 714
 247 — 363, 530
 248 — 363
 249 — 363
 250 — см. HO 163
 252 — 632
 253 — см. HO 35
 255 — 363 530, 531
 256 — 363
 258 — 363
 259 — 363
 261 — 363
 263 — см. HO 47
 270 — см. раздел 9: стела Леокса
 271 — 354, 360, 361, 379
 272 — 631
 273+HO 63 — 79, 82, 83
 274 — 265, 632, 633
 275 — 576, 577, 632
 276 — 632, 633
 277 — 631
 279 — 363, 453
 280 — 363, 453
 281 — 614
 287 — 201
 289 — 584, 631
 290 (= HO 130) — 590, 591
 298 (= HO 181) — 363, 531, 561
 299 — 597
 307+HO 55 — 73, 75, 76, 78, 80–82, 84, 85, 88, 94
 322 — 594, 600, 603
 323 — 600
 324 — 600
 325 — 214, 363, 410–412, 443, 604, 613, 640
 327 — 106, 257, 612
 328 — 103, 513
 329 — 103, 513, 616
 330 — 103
 331 — 103, 513
 332 — 103, 513, 556, 611, 620
 333–338 — 635
 340 — 747
 343 — 684, 727, 739
 344 — 456, 701, 702
 345 — 382, 426, 680
 346 — 739
 349 — 727, 736
 351 — 727
 352 — 510, 551, 673, 700, 702, 705, 735, 736, 759, 816, 817, 869
 353 — 734
 354 — 700, 727, 743
 355 — 702, 727, 735, 736, 744
 356 — 727, 747
 357 — 700, 727, 742–744
 358 — 703, 727, 742–744, 777
 359 — 700, 707, 722, 725, 727, 742–744
 361 — 706
 362 — 591, 609–791, 703, 707, 718, 721, 728, 739, 742
 364 — 742, 744, 747

- 365 — 700, 727
 366 — 742
 367 — 742
 368 — 700, 703, 727, 744
 369 — 742
 376 — 736
 377 — 742, 744, 747
 378 — 747
 379 — 747
 392 — 742
 401 — см. раздел 9: присяга херсонеситов
 403+ — 686, 689, 690, 693, 757–759, 765
 404 — 707, 718
 410 — 406
 417 — 707
 418 — см. раздел 9: Агасиклов декрет
 419 — 864
 420 — 444, 598, 708
 421 — 736
 422 — 725, 736, 751
 423 — 444, 707, 721, 722, 736
 424 — 444
 425 — 444, 725, 742, 746
 434 — 739
 436 — 576
 440 — 617, 628
 450 — 887
 546 — 383, 431, 575
 574 — 736
 670 — 492, 502, 562, 613
 671 — 492, 502, 562, 613
 672 — 383, 431, 492, 502, 562, 613, 614
 687 — 585, 602, 603, 632
 688 — 426, 632
 691 — 744, 766
 704 — 739
- IOSPE IV
 48 — 75, 82
 421 — 868
 426 — 903
 432 — 768
- 2) Нагписи Ольвии (НО)
 1 — 46, 283–286, 289–292, 311, 363, 364, 379–381
 2 — 75, 84, 85, 248, 283, 285–292, 302, 348, 354, 363, 378–381, 680
 3+12+107 — 60, 248, 283, 285, 287, 288, 290, 292–296, 342, 346,
 350, 354, 363, 373, 375, 378–382, 680, 682
 4 — 46, 251, 252, 292, 315, 342, 354, 360, 363, 376, 379–382, 465, 682, 858
 5 — 252, 287, 292–294, 342, 354, 360, 363–370, 372–374, 380–382, 426, 465, 471, 671, 672, 675–677, 680, 681
 6 — 252, 287, 289, 292–294, 342, 348, 360, 363, 365, 369, 370, 372–374, 380–382, 426, 465
 7 — 292, 342, 343, 346, 363, 365, 369, 374, 376, 377, 380–382
 8 — 294, 363, 365, 369, 373, 379, 380, 381
 9 — 252, 342, 360, 363, 365, 369–372, 374, 380–382, 426, 465
 10 — 363, 364, 377, 380, 381, 465
 11 — 60, 85, 285, 290–293, 354, 363, 370, 378–381
 12 — см. НО 3+
 13 — 354, 363, 364, 378–381
 14 — 363, 369, 372–374, 380–382, 426
 15 (= I2 21) — 342, 343, 363, 365, 369, 374, 377, 378, 380, 382, 426, 465
 16 — 363, 377, 379–381
 17+21+30+120 — см. раздел 8: декрет сына Зобия
 18 — 363, 375, 377, 380, 400, 472, 488, 507, 513, 536, 623
 19+32 — 363, 375, 461, 465, 637–639
 20 — 342, 343, 363, 377, 378, 380
 21 — см. НО 17
 22 — 363, 369, 372–374, 380, 381, 426
 23 — 342, 343, 363, 378, 380
 24 — 343, 380, 400, 463, 472, 507, 513, 540, 542, 544, 562, 613, 638, 643, 644
 25+39 — 343, 363, 462, 465, 516, 536, 540–542, 638, 643, 644, 649
- 26 — 94, 343, 363, 463, 465, 483, 544, 550, 638, 643, 644, 649
 27 — 363, 369, 373, 459, 462, 465, 507, 538, 544, 618, 644
 28+29+123+IOSPE I² 240 — см. раздел 8: Аполлония сыновей декрет
 29 — см. НО 28+
 30 — 946 483
 31 — 362, 363
 32 — см. НО 19
 33 — 363
 34 — 363, 520, 521, 581, 584
 35+37+38+124+128=НО 36+ IOSPE I² 253 — см. раздел 8: Аполлократов декрет
 36, 37, 38 — см. НО 35+
 39 — см. НО 25
 40 — 363, 653
 42 — см. раздел 8: Дадага Падагова декрет
 43 — 363, 532
 44 — 363
 45 — см. раздел 8 Агафокла декрет
 46+IOSPE I² 56 — 363, 513–516, 522
 47+53+179+IOSPE I 57+263 — см. раздел 8: Маркиана декрет
 48+ — 363, 531, 532, 643
 49 — 363
 50 — 363, 522, 565
 51 — 363, 383, 555, 630
 52 — 531, 561, 622, 665
 53 — см. НО 47
 55+IOSPE I² 307 — 73, 75, 76, 78, 80–82, 84, 85, 88, 94, 302
 56+57 — 76–82, 84, 85, 88, 94, 246, 248, 302
 57 — см. НО 56
 58 — 60, 63, 72–75, 77, 79–82, 84, 85, 88, 94, 246, 247
 59 — 60, 82–85, 94
 60 — 60, 83, 85
 61 — 83, 85
 63+IOSPE I² 273 — 79, 82–85, 88, 93, 238, 302
 64 — 83–85
 65 — 30, 86, 247, 361, 369, 487, 496, 684

- 67 — 246
 68 — 492, 494, 502, 617
 69 — 79, 617
 70 — 375, 492, 494, 502, 617
 71 — 405, 410, 435, 486, 487, 496, 498, 684
 72 — 28, 375, 465, 478–481, 490, 511, 618, 619
 74 — 481, 581, 584, 617–619, 653
 75 — 418, 622, 623, 650
 76 — 584
 82 — см. IOSPE I² 97
 86 — 519, 570, 584, 614, 615
 87 — 519, 611, 619, 620
 89 — 620, 621
 90 — 627
 [90a] — 621
 92 — 363, 523, 552
 96 — 611
 97 — 611
 98 — 375, 426, 465
 99 — 375, 426, 465, 629, 632
 107 — см. HO 3
 108 — 294, 378, 380, 381
 113 — 497
 114 — 45, 46, 364, 379, 389
 116 — 632–633
 117 — 632–634
 119 — 632–633
 120 — см. HO 17
 123 — см. HO 28+
 124 — см. HO 35
 125 — 488
 128 — см. HO 35
 130 — см. IOSPE I² 290
 131 — 513, 591–593
 138 — 526, 532
 143 — 511, 610
 145 — 511, 610
 155 — 621
 163+IOSPE I² 45A+IOSPE I² 250 — 363, 515, 516, 518, 524, 525, 531
 164 — 363, 533, 534
 165 — 363, 517–519
 166 — 363, 534
 167 — 63, 77–80, 83–85, 88, 93, 268, 302
 168 — 430, 497, 498
 169 — 621
 170 — 513, 624–626, 628
 172 — см. IOSPE I² 122
 173 — 635
 174 — 363, 364, 380, 400, 472, 513, 536–540, 613, 645
 175 — 363, 380, 400, 472, 536–540, 613
 176 — 472
 177 — 600
 179 — см. HO 47
 180 — 363, 635
 181 — см. IOSPE I² 298
 183 — 363, 492, 635
 3) Корпус боспорских надписей (КБН)
 1 — 377, 808, 826, 839
 2 — 839, 859
 3 — 426
 5 — 839
 6 — 640, 793, 800, 825–827, 828, 830
 6a — 809, 825, 858
 7 — 617, 820, 821, 823, 825, 826
 8 — 314, 375, 682, 809, 825, 827, 828
 9 — 800, 802, 809, 820
 10 — 640, 641, 805, 825, 827, 828, 830
 11 — 375, 805, 825, 826
 13 — 617, 825
 14 — 640, 641, 820, 827, 828
 15 — 375
 16 — 810
 17 — 406, 617, 820, 826, 859
 18 — 809, 810, 825–827
 19 — 810
 20 — 640, 641, 810, 811, 815
 21 — 640, 641, 810, 826–828
 22 — 591, 811, 860
 23 — 820, 825, 826
 24 — 812, 825
 25 — 787, 810, 812, 818, 825–828, 830
 26 — 825–828, 830
 27 — 827
 32 — 607, 608
 33 — 849
 35 — 784, 722, 826, 834, 866
 36 — 232, 610, 818, 827
 37 — 315, 376, 793, 804, 857, 858
 38 — 874
 40 — 864
 41 — 874
 44 — 606
 47 — 874, 875
 48 — 866, 873, 874
 52 — 874
 55 — 556
 58 — 609
 62 — 622, 861
 63 — 860, 861
 64 — 602, 609, 861, 863, 866, 874
 65 — 888
 66 — 888
 67 — 885–889
 70 — 626
 74 — 627
 75 — 483, 492, 784, 813, 815, 816, 820, 822, 834
 76 — 864
 88 — 625
 89 — 866
 93 — 866
 101 — 629
 106 — 488
 109 — 811
 110 — 811
 113 — 634, 803, 819, 826, 828, 848
 114 — 203, 793, 848, 884
 115 — 848
 116 — 848
 117 — 633, 810, 848, 899
 118/120 — 848
 121 — 566, 848
 122 — 846, 848, 853, 898, 899
 122/125 — 848
 126 — 846, 848, 853
 127 — 846, 848
 128 — 848, 852, 853
 129 — 848, 868, 899
 130 — 848
 131 — 842, 845, 848
 132 — 634, 848, 868
 133/143 — 848
 144 — 848, 884
 145 — 607, 848
 146 — 848, 868
 147 — 848, 853
 148 — 848
 155 — 426, 859
 161 — 486
 163 — 850
 173 — 346
 180 — 263, 314, 315, 803

- 188 — 794
 194 — 346
 195 — 346
 199 — 794
 200 — 611
 201 — 848
 203 — 848, 860
 209 — 611
 210 — 850
 211 — 850
 214 — 486
 219 — 611
 220 — 205
 236 — 263, 803, 811
 237 — 346
 243 — 810
 246 — 810
 247 — 841, 847
 248 — 810
 249 — 810
 250 — 810
 252 — 810
 258 — 815
 262 — 815
 163 — 815
 264 — 815
 274 — 322, 625
 288 — 611
 306 — 846
 324 — 849
 335 — 852, 853, 899
 349 — 611,
 352 — 855
 356 — 828
 373 — 608, 813
 393 — 625
 405 — 611
 414 — 855
 417 — 611,
 421 — 611
 438 — 855
 445 — 611
 447 — 611
 450 — 611
 460 — 611
 486 — 611
 495 — 795
 502 — 855
 510 — 492
 524 — 611
 525 — 611
 555 — 611
 576 — 849
 583 — 611
 586 — 611
 598 — 611
 604 — 611
 628 — 606
 635 — 611
 649 — 611
 650 — 608, 813
 655 — 611, 629
 656 — 853, 866, 873
 657 — 611
 666 — 849, 873, 874
 675 — 853, 854
 688 — 608, 813
 691 — 849, 871, 873, 874
 697 — 607, 853, 854
 703a — 853
 705 — 852, 853–855, 963, 866
 709 — 852, 863, 899
 710 — 853, 855, 866
 711 — 852–855, 899
 726 — 871, 873, 874, 900
 727 — 900
 729 — 900
 731 — 635, 852, 853, 855
 732 — 858
 733 — 884
 733a — 853, 900
 734 — 853
 735a — 900, 901
 739 — 900
 741 — 900
 742 — 900, 901
 743 — 884
 744 — 608, 813, 853
 746 — 901, 905, 906
 747 — 629
 777 — 901
 793 — 611
 817 — 808
 822 — 812
 825 — 817
 835 — 848
 840 — 848
 846 — 888
 895 — 611
 912 — 483, 811, 850
 913 — 848
 914 — 239
 921 — 684
 937 — 828
 939 — 211
 942 — 622, 861–863
 953 — 556, 886
 955 — 715, 716
 957 — 618
 965 — 841
 967 — 213
 970 — 855
 971 — 782, 806, 820, 821, 823,
 824, 834, 864
 972 — 782, 806, 820, 821, 823,
 825, 827, 864
 973 — 863
 974 — 792, 810, 825, 827, 828,
 830, 864
 975 — 864, 865, 870
 976 — 863–865
 977 — 864
 978 — 864, 874
 979 — 862, 864
 982 — 864
 983 — 862, 864
 985 — 626–628, 865, 870
 986 — 870
 987 — 866, 868
 988 — 866–868
 991 — 315, 848, 857, 858
 992 — 848
 1000 — 589
 1003 — 870
 1005 — 864
 1008 — 716
 1014 — 79, 801, 806, 825, 860,
 862, 863
 1015 — 800–802, 805, 809, 818,
 820, 821, 823, 825, 827, 828,
 833
 1016 — 828
 1017 — 205, 634, 848
 1021 — 627
 1035 — 849
 1036 — 810, 825, 826
 1037 — 792, 800, 801, 805, 813,
 825, 830, 839
 1038 — 322, 800, 801, 809, 825
 1039 — 806
 1040 — 825–828
 1041 — 800, 805, 818, 820, 823,
 825–828
 1042 — 809, 825, 827
 1043 — 810, 820, 823, 825, 827
 1044 — 816, 825, 827, 828, 830
 1045 — 79, 834, 860
 1047 — 589, 874
 1048 — 795, 807

1050 — 880	Addenda 3 (с. 937) — 890–893	с. 109 — 494
1051 — 886	Addenda 4 (с. 937/938) — 294,	с. 160 — 278
1052 — 865	538, 808, 826	
1053 — 861, 865, 905		6) ГЛБО I
1054 — 867, 868	4) Dubois, Inscriptions... d'Olbia	с. 82 — 493
1055 — 822, 826	(номера надписей)	с. 84/86 — 335, 492
1056 — 811, 831, 850	1 — 283	с. 86 № 9 — 103
1057 — 845, 848, 863	2 — 73	с. 89 № 17 — 63
1061 — 322	4 — 273	с. 90 № 19 — 63, 74
1064 — 850	8 — 487	с. 92 № 22 — 107
1080 — 848	9 — 487	с. 93 № 23 — 107
1089 — 868	10 — 243, 487	с. 95 № 43 — 772
1091 — 849	12 — 487	с. 95 № 47 — 768
1095 — 849	24 — 253, 254	с. 97, рис. — 675
1099 — 885, 891, 910	40 — 337	
1104 — 232	45 — 519	ГЛБО II
1111 — 314, 682, 782, 783, 801,	48 — 492	с. 68 № 33 — 157
809, 820–823, 825, 826, 834,	58 — 16	с. 75 № 61 — 62
839	93 — 31	с. 75 № 62 — 62
1112 — 861, 863, 888	95 — 488, 491, 519	с. 76 № 64 — 61
1113 — 832, 848	101 — 79	с. 77 № 67a — 63, 768
1115 — 610, 822, 823, 826, 860,	102 — 474	с. 77/79 № 69 — 221
861	103 — 480	с. 79 — 145
1122 — 860, 861, 863	105 — 218	с. 80 № 71 — 16, 520
1123 — 587, 627, 628	106 — 480, 493, 494, 519	с. 81 № 73 — 204
1124 — 864	107 — 494	с. 82 № 79 — 426, 569
1125 — 628, 863	108 — 519	с. 82/83 № 80 — 400, 426, 678
1129 — 610	109 — 469	с. 83 № 82 — 400
1134 — 511, 610, 861	110 — 474, 494	с. 85 № 85 — 63, 106, 276, 766
1137 — 483, 486, 611, 802, 807,		с. 86 № 87 — 79
811	5) А. С. Русаева.	с. 87 № 87a — 764
1194 — 811, 860	Граффити Ольвии (ГОП)	с. 88 № 89 — 473, 618
1202 — 590	с. 25/31 — 49	с. 88/89 № 89a — 473, 618
1225 — 884, 903–905	с. 31/33 — 56	с. 90/91 № 92, 93 — 767
1232 — 628	с. 33/35 — 26	с. 91 № 92 — 457
1233 — 263, 426, 802, 860	с. 44 № 1, 2 — 16	с. 91 № 93 — 204
1234 — 780, 821, 845	с. 45 № 3, 4, 5 — 16	с. 92 № 96 б — 770
1235 — 263, 845	с. 46 № 6, 8 — 16	с. 93 № 101 — 757
1236 — 843, 845	с. 47 № 9 — 16	с. 99 № 115, 116 — 768
1237 — 716, 717, 839	с. 47 № 10 — 17, 491	с. 101/102 № 146–149 — 493
1241 — 863	с. 48 № 11 — 17, 48	с. 103/104 № 173 — 74
1242 — 863	с. 49 № 12 — 17, 48	с. 104 № 182 — 494
1243 — 782, 861	с. 49 № 13 — 37	с. 114 — 675
1245 — 863	с. 55 — 18, 26, 488	
1250 — 863	с. 56 сл. — 627	7) В. П. Яйленко.
1251 — 886	с. 68 — 46	Греческая колонизация
1254 — 861	с. 68/72 — 487	с. 220, рис. 3 — 304
1260 — 657	с. 70/72 — 44	с. 226/270, № 124–164 — 764
1263 — 867	с. 74/75 — 57	с. 226, рис. 116 — 312
1264 — 869	с. 76 № 146 — 34	с. 227, рис. 128–130 — 107
1279 — 533	с. 104 сл. — 627	с. 259/267 — 150–156, 305–
1283 — 756	с. 107 — 41	311
1316 — 619	с. 108 — 489, 494	с. 269/275 № 1 — 312–320

- с. 275/277 № 2 — 303
с. 276 — 238
с. 277/281 — 166
с. 283 № 7 — 238
с. 286 № 61 — 74
с. 287 № 89 — 238
с. 288 — 62
с. 289 № 96 — 16
с. 290 — 61, 63, 100
с. 292 № 116 — 167
с. 293 № 121 — 678
с. 293/298 № 121–164 — 764
с. 295 — 23, 40
с. 298/303 — 157
с. 303 — 238
с. 305 № 179 — 298
- 8) Важнейшие декреты
Ольвии в честь
благодетелей
Агафокла д. (НО 45) — 363,
378, 459, 464, 515, 519, 531,
536, 538, 544, 555, 557, 585,
596–599
Анфестерия д. — 363, 431, 432,
475–478, 530, 536
Аполлократа д. (НО 35+37+
38+124+128 = НО 36+
IOSPE I² 253) — 57, 363,
462, 464, 468, 472, 513, 538,
539, 545–551, 644, 646
Аполлония сыновей д. (НО 28+
29+123+IOSPE I² 240) —
57, 92, 343, 449–468, 502,
535, 542, 555, 561, 565, 639,
646, 655
Дадага Падагова д. (НО 42) —
363, 443, 515, 520, 525, 531,
534, 540, 550, 585, 589, 596,
597, 622, 638, 639
Драгомирский д. — 363, 417,
558–560
Зобия сына д. (НО 17+21+
30+120) — 363, 536, 542–
545, 581, 584, 649
Каллиников д. (IOSPE I² 25+
31) — 342, 343, 354, 362,
363, 428–431, 440–449, 456,
463, 491, 498, 530, 535, 640
Каллисфена Дадагова д. (IOSPE
I² 43) — 363, 463, 510, 511,
515, 519, 530, 532, 552, 571,
597, 598, 622, 703, 728
- Каллисфена Каллисфенова д.
(IOSPE I² 42) — 363, 510,
515, 516, 518–520, 522, 525,
526, 528–530, 532, 550, 554,
556, 566, 570–573, 597, 615,
622, 703, 728
Канобов д. (IOSPE I² 24) — 288,
343, 355–363
Карзоаза Атталова д. (IOSPE I²
39) — 363, 510, 523, 525,
528, 531, 533, 544, 554, 555,
595, 601, 622, 714
Маркианов д. (IOSPE I² 57+
263+НО 47+53+179) —
363, 518, 533, 551–557
Никератов д. (IOSPE I² 34) —
363, 456, 481, 520, 523, 529,
531, 535, 555, 565, 575, 578–
581, 584, 640, 735
Протогеновский д. (IOSPE I²
32) — 92, 154, 204, 228, 343,
363, 377, 384, 414–418,
428–434, 437, 442, 443, 446,
454–456, 458, 461, 463, 466,
467, 472, 474, 475, 479, 481,
484, 488, 495, 498–511, 512,
515, 519, 525, 527, 528, 535,
536, 557, 560, 565, 574, 576,
578, 580, 581, 596, 601, 613,
622, 623, 638, 649, 768,
899
Сатира гераклейца д. и дого-
вор — 287, 342, 344–354,
364, 379–382, 662
Стефана смирейца д.
(НО 27+) — 642–655
«Тимесилеев» д. — 84, 85, 242–
248, 285, 286, 288–290, 292,
293, 302, 341–343, 363, 378–
381
Феокла Сатирова д. (IOSPE I²
40) — 363, 383, 443, 510,
515, 516, 518, 523–525, 528,
530, 534, 535, 549, 554, 555,
584, 596, 611, 622, 639, 703,
728
- 9) Важные надписи
Ольвии и Херсонеса разного
содержания
Агасиклов д. (IOSPE I² 418) —
444, 640, 641, 686–693
- ателии — 283–290, 421
Аполлониды Кальпурниана д. —
601, 602, 694–754
гимн Гилее и ее богам — 252–
260
граффито Идана — 312–325
договор об исополитии Милета
и Ольвии (Syll.3 286) —
58, 421–424, 429, 568
каталог ольвийских граждан
(IOSPE I² 201) — 74, 377,
463, 466, 472, 478, 479–
498, 502, 503, 508, 519, 562,
581, 613, 622, 623, 631,
684
коллегии Семи д. (IOSPE I²
76) — 431–433
Леокса стела (IOSPE I² 270) —
82, 84, 201, 260–270, 631,
632
Мастора эпитафия — 150–156,
305–311
оракулы — 30–46
письма Овиния Тертулла —
590, 597, 598
письмо Анонима — 469–475
письмо Апатурия — 232–236
письмо Артикона — 237–242
письмо Ахиллодора — 149,
197–232
письмо с Панского — 677–
685
посвящение Евника, внука Про-
тогена — 92
посвящение Ксанфа — 84,
85
посвящение ситонов (НО 72)
— 478–481
почетные декреты с проксени-
ческими привилегиями —
536–551, 559, 696, 698, 699,
746–749
присяга херсонеситов (IOSPE I²
401) — 673, 686–693, 734
проксении — 57, 63, 245, 281–
283, 286–296, 344–354, 363–
383
Северина центуриона вотивы
— 591–595
херсонесский закон о возвра-
щении изгнанников (Соло-
моник, 1984) — 686, 687,
689–691, 693

Указатель имен собственных

Структура указателя:

1) Имена божеств, их эпитеты, мифологические скифские цари-эпонимы; 2) Названия святилищ, религиозных коллегий, праздников, месяцев, даров богам, храмовая маркировка и пр.; 3) Атропонимика; 4) Имена и титулы римских императоров и царей Боспора; 5) Географические и этнические наименования, этникины (т. е. названия жителей городов).

1) Имена божеств, их эпитеты, мифологические скифские цари-эпонимы	Δημήτηρ 417 Διμεράνος (Зевс) 873 Διόνυσος 106, 763 Ἐβδόμειος (Аполлон) 37 Ἐπήκοος (Ἥρως) 617, 619 Ἐπίκουρος (Афродита) 617 Ἑρμῆς 44, 312, 487, 763 Ἑρως 763 Φοιτόσυρος 26, 27 Ζεύς 516, 517, 763, 768 Ζεύς Βασιλεύς 497 Ζεύς Ἐλευθέριος 405, 406, 489, 497 Ζεύς Ἰκέσιος 493 Ζεύς Ὀλύμπιος 406 Ζεύς Σωτήρ 406, 496, 763 Ἥρακλῆς 255, 661 Ἥρως 619 Ἥρως Ἰατρός 23 Θαγώτας (Зевс) 663 Θένιος (Аполлон) 16, 18, 20 θεοὶ ἐντεμένιοι 56 θεοὶ οἱ ἐν Σαμοθράκῃ 406 θεοὶ πάντες 406, 616 θεὸς Μέγας 93 Θέτις 257 Ἰατρός 23, 37, 39 Ἰητρός 16–18, 20 Ἰητрос 16, 18 Κολάξαῖς 114, 115, 119 Κόρη 417 Λήθη 249 Λητώ 31, 33, 34, 36 Λιπόξαῖς 114, 115 Λύκειος (Аполлон) 39 Μᾶ 618, 627 Μήτηρ 35, 255, 765 Νικηφόρος (Аполлон) 35, 36 Νύμφαι 763 ξένιος 57 ὀλβοφόρος 35, 36 Οὐαταφάρνος 27	Πλούτων 417 Παρθένος 626, 627, 696, 698 Ρόδος 614 Σανεργῆς 833 Ταργι 108, 114 Ταργίταος 113, 115 Ὑπανις Βορυσθένης 16 Χάριτες 763 Χερσόνας 762 Авх, Авхат 115 Аид 111, 112 Ангисса 827 Анхиз-змея 112 Аполлон 619, 819, 865 Аполлон Гипербореяский 15, 19, 20, 22–25, 29, 48, 786 Аполлон Дельфиний 17, 26, 31, 37–39, 47–64, 72–76, 99, 488, 545 Аполлон Иетр 15–20, 88, 99, 107, 165, 784, 787, 792, 805, 818, 830, 864 Аполлон Простат 615, 623, 665 Аполлон Эгинский 417 Ардвисура Анахита 830–835, 841 Арес 623, 839 Артемиды 36, 41, 56, 61, 75, 93, 97, 619, 784, 787, 805, 820, 827 Аримпаса 821, 822, 832 Асклепий 417, 619 Афина 56, 57, 62, 90, 94, 619, 783, 834 Афродита 40, 45, 202, 487, 617, 619, 782, 783, 813, 818, 819–822, 825, 827–829, 832–834, 836, 838, 864, 865, 899 Афродита Апатура (Урания) 783–786, 796, 820–823, 825,

- 827, 830, 833, 835, 836, 839, 840, 841, 864, 865
 Ахилл 15, 60, 95–109, 111–120, 165, 304, 665, 764, 766
 Ахилл Понгарх 615, 616, 619–621, 665
 Борей 17–19, 22–24, 35–37, 48, 79
 Борисфен 16, 18, 20, 93, 97, 116, 256, 257
 Геката 56, 60–62, 95, 98, 102, 116, 784, 787, 811
 Гелиос 619
 Гера 110, 488
 Геракл 102, 111, 116, 117, 256, 257, 431, 494, 616, 619, 622, 661, 863
 Гермес 42–46, 323, 487, 615, 616, 665
 Герой внемяющий 481, 617–619
 Гестия 619, 835
 Гефест 256, 619
 Дева 626, 627, 762
 Дельфиний 17, 26, 37–39, 47–64, 72, 79, 80, 83, 87, 88, 90, 94, 130, 145, 146
 Деметра 22, 61, 91, 417, 619, 622, 627, 786, 820, 822, 827
 Дионис 62, 63, 74, 75, 91, 619, 625, 786, 838
 Диоскуры 619
 Зевс 49, 56, 57, 61, 62, 93, 116, 619, 663, 707, 783, 786, 835, 838, 865, 874
 Зевс Гикесий 493
 Зевс Олимпийский 406, 429
 Зевс Освободитель 405, 406, 410, 141, 429, 493, 497, 622
 Зевс Спаситель 406, 410, 414, 429, 446, 493, 497, 616
 Зевс Царь 429, 493, 497
 Иетр (Ιητρος) 15–30, 37–40, 48, 64, 66, 69–72, 79, 80, 86, 107, 145, 146, 166, 255
 Исида 624
 Кибела 92, 619, 627, 766
 Кора 417, 622, 627
 Ленеи 75
 Лето 31, 33, 34, 36
 Ма 618
 Матерь, Матерь богов 35, 36, 60, 102, 116, 256, 257, 417, 627, 766, 820, 827
 Нимфы 619
 Отческие боги 864
 Персефона 627
 Плутон 417, 622
 Посейдон 491, 492, 494, 619, 764
 Самофракийские боги 490
 Санерг 827, 833
 Семела 625
 Серапис 619
 Таргитай 113–116, 836, 840
 Тепепинус 47, 55, 61, 87
 Тиштрия 27
 Фракийский всадник 871–874
 2) Названия святилищ, религиозных коллегиум, праздников, месяцев, храмовая маркировка и пр.
 Άνθεστηριών 528, 544
 Άπατουρία (праздник) 783
 Άπάτουρον 820, 825, 834, 835
 Άχιλλειος, -ον 120
 Βοηδρομιών 516
 βορεικοί θιασῖται 18, 22, 48, 488
 Δελφίνιος ξυνῆ Ἱητροῦ 17, 145
 Διονύσια 452, 457
 Ἑπτά (οἱ) 443
 Εὔκλειος 696, 698
 Θαργῆλια 559
 Θαργελιών 39, 40, 527
 θιασῖται 18, 22, 48, 488, 496, 498
 ἱερά Ἑρμᾶ 763
 ἱερεῖς Εὐρησιβιάδαι 496, 497
 ἱερεῖς Λεωκρατίδαι 497, 498
 ἱερεὺς τοῦ Ἀπόλλωνος 452, 462
 ἱερόν 78, 79, 452, 462, 464, 763, 865
 ἱερόν τοῦ Ἀπόλλωνος 452, 462
 ἱερός 63, 559
 Ἱητρόον 16, 40, 64–66, 69–72, 90, 146
 ἱρή Αθηναίης 56
 ἱρή Ζηνός 56
 Ἰσις (название корабля) 815
 Κυανειών 623
 Ληνείος 524, 525, 551, 552, 597
 Μάρτιος 597
 Μεταγειτινών 649
 μολποί 22, 72–94, 146
 ναός 78–82
 Πάνημος 854
 στεφανηφόροι 72–94
 Ταυρέων 41, 43
 Апатурии (праздник) 783, 821
 бореики (фиас почитателей Борея) 18, 22, 48, 488
 Дельфинион (храм Аполлона Д.) 49, 53, 55–63, 89–93
 Кесареон (храм Цезаря в Гермоноссе) 823
 мошпы 22, 72–94, 146
 стефанефоры 72–94
 3) Атропонимика
 Ἀβαβος Καλλισθένης 576, 577
 Αβναγος 626
 Ἀγάθαρκος 237, 240
 Ἀγαθῖνος Δημάχου 93, 452
 Ἀγαθος 610
 Ἀγαθοκλῆς Αὐρήλιος 557, 597
 Ἀγάθων Ἀρίστωνος 900
 Ἀγησικλῆς Ἀγησάνδρου Ρόδιος 562
 Ἀγρότος 104, 106
 Ἀδός Δέλφου 606, 608
 Αθηναῖς 772
 Αθηνοκλῆς Αθηνοκλέους 602
 Αἰγινόμος 755
 Αἰνις 624, 625
 Αἰσχι-- 770
 Ἀλέξανδρος 666, 857
 Ἀλκιμήδων Προμάχου 409
 Ἀλκιμος Ἀσκληᾶ 852
 Ἀμμία 631, 632
 Ἀμοσπαδος Ἀχιλλέος 621
 Ἀμφίων Ὑππρόχο 756
 Ἀμοραμαρος 626–628
 Ἀμωρομαρος Εὐρησιβίου 627
 Ἀναξαγόρας Δημαγόρεω 375, 635
 Ἀναξαγόρης 206, 207, 209–213, 218
 Ἀναξιμένης 542
 Ἀναξιμένης Σωκράτους 626, 627
 Ἀνδοκίδης 37–40
 Ἀνθίας 773
 Ἄνθος Καλλισθένου 526, 527
 Ἄνος 871
 Ἀντίλοχος Κρητίνης Μυός 756

- Αντίπατρος β' 698
 Αντώνιος 624, 625
 Απατούριος 233
 Απολλόδωρος 763, 771
 Απολλοκράτης Μενέσθετος
     Αμισηνός 547–550, 644
 Απολλωνίδης 78, 79, 83, 93
 Απολλωνίδης Ίέρωνος 696
 Απολλώνιος Απολλωνίου Χερσονησίτης 449
 Απολλώνιος β' 698
 Απολλώνιος Εὐφρόνεος Χερσονησίτης 449, 454, 461
 Ἀργότας 272, 273
 Ἀρισ-- (τοῦ) --εους Θ-- 372
 Ἀρίστας Θεοπρόπου 376
 Ἀριστείδης Αἰφούτος 854
 Ἀριστοκράτης 470
 Ἀριστόνικος 760
 Ἀρίστων Ἀριστοκράτους 631
 Ἀρίστων Θεαγένους 696
 Ἀριστώνυμος 308
 Ἄριχος 90, 91, 94, 238
 Ἀρρενείδης Λ[εωκράτεος?] 496
 Ἀρτικῶν 237–240
 Ἀρχίδημον 615
 Ἀσκλᾶς 771
 Ἀτάκης 237–240
 Ἀτοῦς Ἀταχαίω 322
 Ἀττίνας Ἀρίστωνος 698, 706
 Ἀττίνας Εὐρυδάμου 698
 Ἀττίνας Πάτρου 698
 Αὐρηλία Παυλεῖνα 698
 Αὐρήλιος Βασιλεὺς Καλιθένης 615
 Τ. Αὐρήλιος Καλπουρνιανός Απολλωνίδης 696, 698, 705
 Αὐλουζένης Μουκαπόρεος 871
 Αἰαίστιος 771
 Ἀχιλλόδωρος 206
 Ἀχίλλειος 793
 Ἀχιλλεύς Καδδινου 531, 561, 665
 Βάβας 771
 Βάκχιος 466
 Βάτας 771
 Βαυκίς 773
 Βουτουνας 616
 Γαῖος 849
 Γεραῖος 81, 82, 94
 Γέτης 772
 Γοργασᾶς 631
- Γόκων 852
 Δάδας Καλλίωνος 866, 867
 Δάδας Πεισιστράτου 621
 Δάδος Σωσιβίου ὁ καὶ Ἀδοσθος 606, 608
 Δάμος Εὐπολέμου 674
 Δαμαῖς 771
 Δηλόπτιχος Μηνίσκου Βυζάντιος 371
 Δημητρία 854, 855
 Δημήτριος Ἀλεξάνδρου 624, 625
 Δημήτριος Σωκράτου 18, 488
 Δημοκῶν 493
 Δημοκράτης 771
 Δημόπολις 470
 Δημοτέλης Δημοτέλους 698
 Δημώνασσα Ληναῖο 74
 Διόδης 764
 Διόδωρος 764
 Διονυσᾶς 771
 Διονυσιδάωρος 74
 Διονυσιδάωρος Ἑρωτος 621
 Διονύσιος 78, 79, 469, 625, 626, 630
 Διονύσιος Ἡλίου 866
 Διονύσιος Θάγονος Χερσονησίτης 550
 Διονύσιος ὁ Ὀλβιανός 567
 Διονύσιος Μυτιληναῖος Σκυθοβράχων 567, 568
 Διονύσιος Ποσειδίππου 409
 Διονύσιος Σκυτεὺς 568, 569
 Διονύσιος Στρουθίνος Ἰστριανός 377
 Διονυσόδωρος Ληναῖο 73, 74, 94
 Δρόσανις, Δρύσανις 314
 Ἑκατ-- 73, 74
 Ἑκατέων 406, 489
 Ἑκατέωνυμος τοῦ Νικ[ηράτου] 493
 Ἑλπίς 772
 Ἑμνακης, Ἑμνακος 90, 91, 93
 Ἐπίγονος Ποντικοῦ 698
 Ἐπικράτης 470, 632
 Ἐπικράτης Νικεράτου 406
 Ἐπικράτης Νικοβούλου Βυζάντιος 559
 Ἑρμῆς Εὐρησιβίδο 487
 Ἑρμόλαος τοῦ Μητρο[δώρου] 493
- Ἑρμων 323–325, 328
 Ἑρμώναξ 323–325, 327
 Ἑστιαῖος 470, 472
 Εὐάνωρ 632
 Εὐβίωτος 493
 Εὐβίωτος Ἀρίστωνος 406
 Εὐδωρος Πρωτογένης 488
 Εὐθυλλᾶς 771
 Εὐκλει-- 771
 Εὐκλῆς 771
 Εὐνικος Εὐδώρου τοῦ Πρωτογένης 488
 Εὐμένης Λε[ωκράτεος] 496
 Εὐπολις 469
 Εὐπολις Φιλομήλου 559
 Εὐρήμων 490
 Εὐρησίβιος 497
 Εὐρησίβιος Ε[ὐρησιβίου ?] 496
 Εὐρησίβιος Λεωκράτεος 486, 496
 Εὐρησίβιος Συρίσκου 405
 Εὐρύδαμας Διογένης 698
 Εὐσθένης Πρωτογένης 488
 Εὐφρόνης Απολλωνίου Χερσονησίτης 449
 Ζαῖζους 870
 Ζηνόδοτος Εὐαρχίδα 756
 Ζώβεις 545
 Ζώβιος 543, 544
 Ζωπυρίων 399
 Ζώσιμος Ἀλεξάνδρου 855, 856
 Ἥγησιππος 763
 Ἥλιος 854, 855
 Ἥραγῶρης 470, 472
 Ἥραγῶρης Πρα[ξαγόρεω] 496
 Ἥρακλᾶς 626
 Ἥρακλείδας 771
 Ἥρακλείδης Ἀριστονεῖκου 866
 Ἥρακλείδης Εὐθήριος 233
 Ἥρακλείδης Ἥρακλείδου 406
 Ἥρίχας 773
 Ἥρίχας Ἀριστεά 764
 Ἥρωδωτης 83, 94
 Ἥροστρ-- 771
 Ἥροσῶν Φιλοξένου 18, 488
 Ἥροφιλ-- 771
 Ἥφαιστίων 610
 Θαθαίη 233, 235
 Θαϊανός 603
 Θαϊανός 603
 Θαργῆλιος 38
 Θαχαφλεις 626–628
 Θαχαφλίας 628

- Θέμις Πασέα 772
 Θέμιστος Στράτωνος 696
 Θεόγνητος 772
 Θεοδότης (?) 616
 Θεόδωρος 616
 Θεοκλής 631
 Θεοκλής Ἀρίστωνος 409
 Θεόπροπος 289
 Θεοφάνης Θεοπρόπου 376
 Θεόφιλος 772
 Θέρσιππος Σατύρου 661
 Θιαβωγος 870
 Θρασύβουλος Φλειμναγού 532
 Θρασυδάμης 491
 Θρασυμήδης 663
 Θυμώλης (Θυμώδης ?) 233
 Ἰασικλῆς Νεομηνίδ 756
 Ἰάραξ (= Ἰέραξ) 772
 Ἰδάνης 312
 Ἰδάνθυρος, Ἰνδάθυρος 334, 335
 Ἰεροσῶν 196, 620
 Ἰητροκλῆς Ἐκαταίδ Συνωπεύς 283, 284
 Ἰθυκλέας 322
 Ἰκέσιος 406, 489
 Ἰκέσιος Φιλτέους 406
 ? Ἰουλία 632
 Ἰούλιος Πίσων 698
 Ἴππιος 861, 863
 Ἴπ(π)όνικος 532
 Ἰραναδης 533
 Ἰραναζιος Κηνεξάρτου 526, 527
 Ἰσοκράτης 632, 793
 Ἰστιεῖος 772
 Καβαθαξής 831
 Καθηγήτωρ 417
 Καλανδακῆς 119
 Καλλίνικος Εὐξένου 445
 Καλλίνικος Φιλοξένου 18, 488
 Καλλισθένης 519
 Καλλόνικος 661
 Καλοῦς Δαμοφίλου 850
 Κάσιος 772
 Κάνωβος Θρασυδάμαντος 355, 362, 363
 Κάρ 871
 Καρραγος 871
 Κελεριανὸς Στρατοφίλου 696, 736
 Κέρδων 237, 632
 Κλεοπράτα 849
 Κλεώ 772
 Κόνων Βα-- 452, 463
 Κουλίας (?) 631
 Κπηεθυρης 832
 Κυρήνιος Λυσιμάχου 696, 698
 Κωμαῖος 470
 Κωνίς Ἀπολλωνιάτης 632
 Κώρυλος 861, 863
 Λάγιος 770
 Λάμπων Πεδιεύς 409
 Λαυδίκη 854
 Λέαγρος 298
 Λεάναξ 233
 Λεο-- 304
 Λεπτίνας 470
 Λεωκράτης 674, 676
 Λεωκράτης Ἰ[κεσίου ?] 496
 Λέωξος Μολπαγόρεω 260, 261, 631
 Λεωπρέπης Εὐ[ρησιβίου] 496
 Λήναιος Δημόκλου 74
 Λήναιος Τ-- 528, 544
 Λύκειος 39, 40
 Μαγνητῆς 772, 773
 Μαῖα 847, 848
 Μακαρεὺς 470
 Μαρκιανὸς Δομνίνωνος Προ-
 υσιεὺς πρὸς τῷ Ὑπίῳ 551–554
 Μ(άρκος) Αἰμί(λιος) Δ(ουκίου)
 Σεβηρεῖνος 592, 593
 Μάρκος Οὐλπίος Παρθενοκλῆς
 ὁ καὶ Μάστουνος Βοσπο-
 ρανός 606
 Μασα 631
 Ματασος 206, 209–213
 Μάτις 772
 Μεγαρεὺς 772
 Μένων 233
 Μητρότειμος 871
 Μικκαλίων Δημητρίδ 870
 Μιλησία 772
 Μίλος 772
 Μολογρος 772, 773
 Μολπαγόρης 82
 Μυλλίων 237, 239, 240
 Μύρμαξ 772
 Νάρδας 772, 773
 Νευμήνιος, Νουμήνιος 562, 773, 849, 850
 Νεοπτόλεμος Σαμβίωνος 866
 Νεύπολις 772
 Νίκαινα 849, 850
 Νικᾶς 770, 772
 Νικέας 772
 Νικόμαχος 611
 Νικόστρατος Νικοκλέος 409
 Νικοφάνης Αδράστου 399
 Νουμήνιος, Νευμήνιος 562, 773, 849, 850
 Ξάνθας 296, 298
 Ξάνθιππος Ἀριστοφώντος Ἐρ-
 χιεὺς Ἀθηναῖος 365
 Ξάνθος Πόσιος 17
 Ξηγοδῆς 831
 Οαρζβαλακος 869
 Ὀλβία 772
 Ὅρχαμος τοῦ Γοργίππῳ 801, 802
 Ὀουίνιος Τέρτυλλος 519, 597
 Οὐαλέριος Πρεϊμανός 698, 736
 Οὐάλης Φιλοκάλου Βοσπο-
 ρεανός 609
 Ουαστοβαλος 869
 Οὐλπίος Βακχίου 696, 698
 Οὐστάνη 900
 Οὐστάνος 900
 Πάλος Νεικολᾶ 866, 869
 Πάλακος 772, 869
 Πανόπτιος 855, 856
 Παντακλῆς Κ[λεομβρότου ?]
 414
 Παντίας Τεγεάτας 857
 Παπίας 628
 Πάπιος 626
 Πάπνειος Μητάγ/κου 615, 624
 Πάππος Χ-- 610
 Παρθενοπαῖος 760
 Παρμένιχος Μελανθίδ 756
 Πάρμις 340
 Πασιάδας 771
 Πάσιχος Κλε-- 769
 Παταικός 805
 Πατίκα Δημητρίδ 870
 Πατροφίλη Πόσιος 611
 Πατροφίλη Ταπερεσαίδ 611
 Πausανίας 90, 91, 94
 Πεισίστρατος Νυμφ-- 756
 Πισᾶς 772
 Πίσων Γαίου 696
 Πλειστι-- 772
 Πόθος Δημητρίου 427
 Πολέμαρχος 793
 Πολύδημος Λεωκράτεος 496
 Πολυκράτης Λεωκράτεος 496

- Πολυμέδων Λεωκράτεος 486, 496
 Πολυμήδης Λεωκράτεος 496
 Πολύστρατος Λεωκράτεος 496
 Πολύχαρμος Λεωκράτεος 496
 Ποσειδῆς 494
 Ποσειδώνιος 569
 Ποσειδώνιος Σωκράτου 18, 488
 Ποσίδεος Διονυσίου 417
 Ποσίδεος Ποσιδέου 562, 613, 614
 Πρεϊμανός 724
 Πρίης 773
 Πρωτα Βαττίωνος 611
 Πρωτογένης 511
 Πρωταγόρης 206
 Πυρραλίωνος (ὁ δεῖνα) Χερσo-
 νησίτης 293
 Ρίνων 773
 Ρόδιος 773
 Σαναγος 870
 Σάνδανος 871
 Σατορνεῖλος Πεισιστράτου 532, 551, 552
 Σατυρίων 766, 847, 848
 Σάτυρος 351, 354, 766
 Σαῦρος 655
 Σεμήλη 625
 Σκάρτανος Ἀζιαίου 621
 Σκύθας 765
 Σκύλης 272
 Σκυθοβράχων 568, 569
 Σκυθοβραχίων 568, 569
 Σογος 871
 Σογοσανος 871
 Σπαροφοτος 841
 Σπαροβαῖς 841
 Στέφανος Ἀλεξάνδρου
 Ζμυρναῖος 617–6110, 654
 Στρατοκλῆς Στρατοφίλου 696
 Στράτων Ἀχιλλέος 621
 Στράτων Πρωτομάχου 629
 Συρίσκ[ος Εὐμένεος ?] 496
 Σώας 773
 Σῶν 773
 Σωσάνα 769
 Σωσίας (ὁ ἥρως) 414
 Ταξάκις 119
 Τελεσικλῆς Ἀπολλωνιάτης 632
 Τιαγ 773
 Τιργαταῷ 115
- Τ. Φλ. Ἀρίστων 698
 Τ. Φλ. Ἀττιανός 696, 698
 Τίτος Φλάвиος Ἀχαιμένης
 Ἀχαιμένους Βοσπορεανός 606
 Τίτος Φλάвиος Φιλουμένος 615, 616
 Τοῦτος 871
 Τρύφων 863
 Τυνδαρ-- 770
 Ὑπανος 616
 Φαναγόρης 329, 331
 Φάνις 655
 Φανισαλούς 439
 Φαρζοῖος 840
 Φαρνάβαζος 34, 42–45
 Φαρνακίων Πανταλέοντος 610
 Φιλαρέτα(ς) 771
 Φιλίς 773
 Φιλίσκος Ἱεροσώντος 611 (?), 620
 Φιλόμουσος β' 696
 Φιλοπάτρα Ἀλκίου 852
 Φιλόπολις Φιλοπόλιδος Δει-
 ραδιώτης Ἀθηναῖος 365
 Φίλτης 375, 634, 635
 Φίλτης Ἰκεσίου 406
 Φίλων Σωκράτου 18
 Φλ. Νάσων 698
 Φλ. Παρθενοκλῆς 696
 Φοδακος 870
 Φορμίων 763, 773
 Φώκρι(τος) 773
 Χαρικλῆς Ἑρμοδώρου 756
 Χαριτώ 763
 Χρηστίων Θεαγένους 698, 736, 737
 Χρηστός Παπίου 696
 Χρύση Καλοῦ 850
 Ψυχάρων 871
- Заметные имена Ольвии,
 Херсонеса, Скифии, римские
 провинциальные официалы
 Αβαδ Καλλισφενος 563, 576–
 578, 590, 595, 599, 600, 622
 Αβάρис 23, 27–30, 259
 Анахарсис 17, 29, 259
 Απολλωνιδ Καλπурνιαν 601,
 602, 694–754
 Απαтурий 232–236
 Απολλоний и сыновья, херсо-
 неситы 449–469
- Απολλократ αμισенец 468
 Αρτικон 237–242
 Αχιλλοдор 197–231
 Βιον Борисфенит 439, 440,
 566, 567
 Γекатей (царь синдов) 803
 Дионисий (μифογραφ) 566–
 569
 Ζοπιριон 383–401
 Идан 312–320
 Иетрокл синопеец 283–286
 Καλλινик 440–449
 Καλλисφен Καλλισφενов 519,
 520
 Κανοβ Τрасидаμανтов 355–363,
 793
 Леокс Μολπαγορος 150, 260–
 269
 Μαστορ 150–156, 305–311
 Μатасий 207–232
 Οвиний Τερтулл 519, 590, 597,
 598
 Πлавций Сильван 588, 603
 Посидоний (историк, γεογραφ) 566, 569, 570
 Προτοген 508–510
 Северин (центурион) 591–596
 Сатир (тиραν Γερακλει) 347–
 354
 Скил 270–274
 Τιργатаο 800, 801, 803
 Эминак 274–277
- 4) Имена и титулы
 римских императоров
 и царей Боспора
 Ριμ
 Αὔγουστος 660
 Αὐτοκράτωρ 511, 513, 695, 703,
 733, 754
 Αὐτοκράτωρ Σεβαστός (Αὔγο-
 уστος) 600
 [? Δροῦς]ος Γερ[μανικός --
 Σεβασ]τός (Нерон) 590
 Καῖσαρ 600
 Μ. Αντωνεῖνος μέγιστος Αὐτο-
 κράτωρ Σεβαστός (Καρα-
 καλλα) 609
 Μ. Αὐρήλιος Αντωνεῖνος (Κα-
 ρακαλλα) 600
 Σεβαστός 590, 595, 623, 714,
 754
 Σεπτίμιος Γέτα Καῖσαρ 600

- Βοσπορ*
ὁ δεῖνα βασιλεὺς μέγας Βοσ-
πόρου 586, 587
βασιλεὺς βασιλέων μέγας
Μιθραδάτης Εὐπάτωρ
Διόνυσος, σωτήρ καὶ
ἐνεργέτης 804
Λεύκων ὁ Σατύρῳ Παντικά-
παίτης 804
Λεύκων καὶ οἱ παῖδες 800, 804
[Μιθραδάτης Ἀσπ.] οὐργου
βασιλεὺς μέγας Βοσπόρου,
φιλοσύμμαχος καὶ φιλόπα-
τρης 587
Τ. Ἰούλιος βασιλεὺς Σαυρο-
μάτης φιλόκαισαρ καὶ φι-
λωρώμαιος, εὐσεβής 716
Παιρισάδης καὶ παῖδες 804
πάντων Σίνδων καὶ Θατέων
803
φιλόκαισαρ καὶ φιλωρώμαιος
587
φιλοσύμμαχος καὶ φιλόπατρης
586, 587
Спарток I (438–432) 774, 797,
799, 806, 817
Селевк I (433–430/419) 799, 800,
806, 817
Спарток II (429/419–403) 797–
800
Сатир I (403–390) 799–801, 803,
804, 813, 817, 839
Левкон I (390–351) 793, 797–
804, 809, 812, 817, 819–823,
826, 830, 839, 857–859
Спарток III (351–347) 797–805,
817, 820, 839, 864
Перисад I (347–310) 774, 797–
807, 810, 812–814, 817, 818,
820, 821, 823, 824, 826–830,
832, 833, 836, 838–840, 850,
864
Сатир II (310–309) 798, 799,
803, 806, 814, 817, 818, 824,
827, 828, 859
Притан (309) 798, 807, 817,
818
Евмел (309–304) 774, 785, 791,
793, 797–799, 803, 804, 806–
811, 817–819, 824, 827, 828
Селевк II (304 — ок. 300) 808,
809, 817, 826, 828
Спарток IV (ок. 300 — ок. 280)
798, 800, 804, 808–812, 815–
817, 819–822, 825–829
Перисад II (ок. 280 — после 250)
810–812, 814–817, 824–827
Спарток V (третья четв. III в.)
812, 817, 824, 826, 848
Левкон II (ок. конца третьей
четв. III в.) 811–813, 816–
819, 830
Перисад III (последняя четв. III
в.) 813, 815–817, 820, 826,
840
Сатир III ? (рубеж III–II вв.)
816, 820
Спарток VI (ок. 200 — ок. 190)
813, 815–817, 824, 826, 840,
848
Перисад IV (ок. 190 — ок. 180)
813, 815–817
Камасария Филотекна (регент
ок. 180 — ок. 170 гг.) 815–
817, 820
Перисад V Филометор (ок. 170 —
ок. 140) 815–817, 820, 822,
830
Перисад VI (ок. 140 — ок. 109)
774, 816, 817, 819
Гигиенонт архонт (ок. 108 —
ок. 100) 813, 817
Митридат Евпатор (ок. 108–63)
774, 794–796, 817, 829, 846,
905
Фарнак (63–49) 774, 905
Асандр (49–22) 817
Динамия (9 г. до н. э. — 7 г. н. э.)
795, 796, 874
Аспург (10–37 н. э.) 795, 796,
874, 889
Митридат III Аспургов (39–45)
587, 588, 802
Котис I (45–67) 796
Рескупорид II (68–91) 874
Савромат I (93–123) 795, 825,
849, 864, 865, 875
Котис II (123–132) 849
Реметалк (131–153) 865, 874, 875
Савромат II (173–210) 825, 874
Савромат III (229–231) 873
Рескупорид V (242–276) 889
Тиранис (275–278) 888, 889
Фофорс (285–308) 888, 889
Хедосбий (278–284) 888, 889
Радамсаций (308–322) 888, 889
Рескупорид VI (318–342) 887,
888
*Соправители, родные
и близкие боспорских царей*
Ἄδας 813, 818
Ἄκис Παιρισάδεος 826
Ἀργότας 840
Ἀπολλώνιος 813
Εὐνους 813
Θέρσιππος 813
Адас 813, 818
Акия 800, 805, 813, 820, 827,
828, 830, 939
Аполлоний (брат Перисада I)
799, 801, 814, 817, 820, 839
Горгипп 800–803, 807, 817, 822,
827, 828, 839
Исант 820
Камасария, регент 813, 824, 840
Комосария, дочь Горгиппа 800–
802, 805, 820–822, 824, 827,
828, 833, 840
Махар, сын Митридата Евпа-
тора 817, 829
Орхам Горгиппов 801, 802, 817
Перисад, сын Сатира II 807, 827
Сатир, сын Перисада II 813
5) Географические
и этнические наименования,
этноконы (т. е. названия
жителей городов)
Ἀγριππεύς 861, 862, 864
Ἀθηναῖος 365
Ἀπάτουρον 820, 825, 834, 835,
865
Ἀθρὺς 20
Ἄλπια (τά) 119
Ἀμισηνός 547–549, 644
Ἀμισός 551, 644
Ἄντισσα 323
Ἀπολλωνιάτης (πρὸς Ρύνδακον)
629, 630, 632
Ἀρβινатаί 206, 207, 213, 215,
216, 278
Ἀρκάς 857, 858
Ἀχίλλειος δρόμος 120
Βορυσθένης 16, 18, 20, 122, 162,
355
Βορυσθενίς 162

Βοσπορανός (-η) 795	Ὀλβιοπολιτέων δῆμος, πόλις 761, 769, 797–799, 801, 803–805, 809, 819, 823, 859, 870, 918
Βόσπορος (Κιμμέριος) 611, 784	590, 600, 644, 654
Βυζάντιον 559	Ὀλβιοπολίτης (Ὀλβιοπολίται) 243, 287–290, 293–295, 299–302, 351–354, 411, 564, 590, 677
Βυζάντιος 371	302, 351–354, 411, 564, 590, 677
Βωρυσθενείτης 561	Ὀλβιοπολιτικός 355
Δαρδανία 298	Παντικαπαίτης 804
Δειραδιώτης 365	Παρώρεια (?) 506
Ἕλληνες 411	Πατραεὺς 783
Ἐνοικάδιοι 506	Πόντος 618
Ἑρμώνакτος κόμη 321	Προυσιεὺς (πρὸς τῷ Ὑπίῳ) 551–554, 629
Ἑρμώνεια 323	Πύρρα 323
Ἑρμώνεσσα 322–324, 327, 328	Ρόδιος 562
Ἑρχιεὺς 365	Σαβία, Σαυία 119, 164, 165
Εὐξεινος Πόντος 618, 619	Σαρματία 511, 513
Ζμύρνα 654	Σαταρχαῖοι 613
Ζμυρναῖος 654	Σίνδοι 792, 803
Ἡρακλεώτης 286–288	Σινωπεὺς 283, 284
Θατεῖς 803	Σκύθαι 601, 602
Θεοδοσίη, Θεοδοσία 800, 820, 826, 850	Σκυθία 566, 632, 633
Θρᾶκες 806	Ταμυράκη 567
Θρᾶκες Μαῖωται 806	Τάναϊς 805
Ἴδη 312, 313	Ταυρική 570, 743
Ἰητρός (р. Ю. Буг) 20	Таῦροι 785
Ἴλιον 298	Τεγεάτης 857
Ἰστριανός 377	Τυρανοί 609, 886
Ἰστρος 17, 18, 299	Ὑλαίη 255, 257
Ἰταλικός 592, 593	Ὑπερβόρειοι 23
Κάλλατις 638, 644	Φαναγόρα 329
Καλχηδόνιος 374	Φαναγόρεια 328–331
Κηπίτης 794	Χερσονησίτης 293, 449, 454, 550, 644, 696, 698, 705, 723, 741–744
Κήποι 778	Ψάτης = Ψάθις 807
Κοιτείτης (= Κυτείτης) 862	Ψάχαψις 807
Κυζικηνός 355	Ψεχανοί 807
Κώιος 562	Ψησσοί 807
Μάζακα χώρος 842, 843, 845	Βοгеum 19
Μακάρων νῆσοι 118	Απαтур 820, 825, 834, 835, 865
Μιλήσιος 35	Арбинаты 207, 213, 215, 216, 220, 225, 278
Μιλητόπολις 165, 561	Αφίны, Аттика, афиняне 23, 36, 54, 55, 60, 63, 83–87, 89, 91, 94, 106, 162, 166, 184–186, 188, 190, 191, 220, 224, 228, 229, 235, 236, 240, 242, 245, 284, 300, 310, 341–343, 346, 347, 349, 364–369, 376, 382, 567, 570, 636, 637, 679, 680, 682–685, 746, 755–757,
Μιξέλληνες 504, 505	
Μυρμήκιον 604	
Μυτιληναῖος 568	
Μυσία 498, 708	
Νυμφαίτης 793–795	
Ὀδησός 103, 120	
Ὀλατικός πόλεμος 445, 559, 560	
Ὀλβια (τά) 119, 165, 277	
Ὀλβίη (πόλις) 31, 33, 34, 119, 130, 131, 161–165, 278, 299–302, 598	
Ὀλβιόπολις 165, 561	
	Ахейская гавань 120
	Ахиллодром 95–101, 103, 112
	Белобережье 96–98, 101, 112, 116–118
	Гилея 112, 116, 252–259, 578–580, 612, 627
	гипербореицы 24, 29, 30, 48, 132, 180
	Дидимы 31, 33–37, 46, 55, 146
	Драгомирна 363, 417, 558, 643
	Журовский эмпорий 17, 18
	иллирийцы в Ольвии и Нижнем Побужье 23, 165, 278–280
	индоарии в Северном Причерноморье 25, 26, 95, 108–120
	Левка 95–102, 117, 118, 527, 528, 531
	Милет, милетяне 34, 38, 39, 48, 53, 56–63, 84, 85, 87–90, 99, 102, 108, 124–127, 130, 131, 133–141, 144, 146–148, 156, 157, 163, 165, 166, 168, 169, 172, 174–178, 180, 199, 202, 203, 205, 206, 214, 215, 301, 302, 304, 310, 322, 325, 341–343, 421–424, 427, 485, 568, 569, 778, 782, 783, 790, 796, 821
	Тира, тириты 120, 134, 136, 175, 321, 323, 325, 349, 588, 594, 596, 597, 601, 605, 609, 714, 764, 812
	фракийцы, в том числе в Ольвии и Нижнем Побужье 19–22, 26, 28, 30, 506, 871–875
	эолийцы, Эолия, эолийский диалект 312–318, 320–326, 331, 332
	Эридан (= р. Истр) 22
	Янтра река 20
	Μικροτοпонυμια Ольвии
	Μεγάλοι πύλαι 417
	(πύργος) ὁ Ἐπιδαυρίου 417
	(πύργος) ὁ Καθηγήτορος 417
	(πύργος) ὁ κατὰ τὴν ἀμαξιτόν 417
	башня Посия 417
	героон Сосия 415

Указатель греческих слов, оборотов, грамматических фактов, эпиграфических формул, слов и имен собственных других языков

Структура указателя:

1) Греческая лексика; 2) Грамматические факты, скриптура; 3) Эпиграфические формулы; 4) Древнеиндийская лексика, имена собственные; 5) Иранская лексика, имена собственные; 6) Фракийская лексика, имена собственные; 7) Иллирийская и албанская лексика, имена собственные.

1) Греческая лексика

ἀγαθός 240, 452, 459, 461, 462, 468, 511, 514,
518, 525, 527, 619, 644

ἄγαλμα 80

ἄγαμαι 522

ἀγλαός 633

ἀγχιστεῖς 523, 524

ἄγω 204, 207, 213, 282, 283, 886

ἄγών 520, 521

ἀδελφός 206, 207, 365

ἀδικέω 202, 204, 206–208

ἄδω 298

αἰεί, αἰεῖ 454

αἰναῦται 127

ἄθροος 694, 729, 737

αἰρέω 452, 463, 468, 559

αἰσυνέω 73, 74, 76

αἴτιος 513

αἰών 696, 705, 733, 734, 752

αἰώνιος 531

ἀκαταστρόφως 767

ἀκολουθέω 476

ἀκτή 613

ἀλιτενής 568

ἀλλά 522

ἀλλήλων 351, 352354, 355

ἄλλοθι 355

ἄλσος 106, 612

ἀμαξιτός 417

ἀμπελεία 687

ἄν 292, 355, 563, 847, 848

ἀναβάλλω 511, 513, 598

ἀναβοάω 206, 210, 212, 224, 694, 701–703,
728–730, 732, 752

ἀναγγέλλω 452

ἀναγείρω 17, 600, 861, 863

ἀναγκαῖος 557, 597, 598

ἀναγορεύω 452, 456, 694, 698, 702, 706, 728,
737

ἀναγράφω 452, 463

ἀνακτίζω 863

ἀνάλωμα 452, 463, 464, 535, 604

ἄναξ 324, 325, 328

ἀναπλέω 618, 619

ἀνέγκλητος 559

ἄνασσα 322, 327, 328

ἀνατίθημι 46, 73, 74, 76, 78–83, 405, 417, 605,
624–627, 871

ἀνδραγαθία 533

ἀνδριάς 442, 444, 445, 535, 640, 696, 705, 733–
735

ἀνδρόω 518

ἀνήκω 552

ἀνῆρ 249, 452, 459, 461, 462, 468, 516, 525,
542, 604, 646, 648, 654, 655, 696, 733, 854,
855

ἄνθρωπος 311, 518, 551, 553, 554, 556, 623

ἀνίκητος 511

ἀνίστημι 452, 461, 468, 577, 606, 616, 696, 734,
735, 759, 854, 855, 863, 966

ἀνοικοδομέω 863

ἀντίγραφον 285, 545, 604

ἀντίδωρον 338

ἄνω 564, 565

ἄξια 522

ἄξιος 355, 405, 462, 513–515, 520, 522–524,
527, 730

ἄξιόω 509, 530, 531, 559, 695, 729, 732, 737

ἄξιωμα 518, 525, 527

ἄξιως 515, 522

ἄξιωσις 531

ἄοκνος 516, 517, 534, 601, 602, 654

ἀπαθής 564, 565

ἀπαρχαί 139

ἅπας 355, 504, 515–517, 540

ἀπελεύθερος 628

ἀπηγέομαι 206

ἀποδείκνυμι 449, 511, 540, 542

- ἀποδίδομι 298, 355, 449, 452, 460–462, 468, 597, 646, 650, 654, 655
 ἀπόδοσις 233, 234, 449, 452, 455, 457, 468
 ἀποικία 147
 ἄποινος 255
 ἀποκαθίστημι 791, 863
 ἀποκτείνω 411
 ἀπόλλυμι 233
 ἀπονέμω 462, 646
 ἀπορρέω 442
 ἀποστέλλω 557, 559, 597
 ἀποστερέω 202, 206, 208, 209, 282
 ἄπτω 518
 ἄρα 842, 845
 ἀργύριον 355, 362, 452, 460
 ἀρετή 515, 516, 521, 522, 552, 554, 565
 ἀριθμός 504
 ἀριστεῖον 718–720
 ἄριστος 470, 473, 547, 550, 644
 ἄριχα 275
 ἀρκέω 240
 ἄρτι 239
 ἄρτος 339, 340
 ἀρυστήρ, ἀρυτήρ 312, 314, 315
 ἀρύστιχος, ἀρόστιχος 312, 318
 ἀρυτήρ 312, 314
 ἀρχαιρετικός 520
 ἀρχαία (τά) 476
 ἀρχεῖον 635
 ἀρχή 514, 515, 635, 743, 797, 800
 ἀρχηγέτης 775, 785
 ἀρχῆθην 696, 752
 ἀρχιτέκτων 559
 ἄρχοντες
 ἄρχω 444, 445, 514, 515
 ἀρωγός 415
 ἀσθενεία 434, 449, 455, 466
 ἀσθενής 31, 33
 ἄστνυ 576, 577
 ἀστυγείτων 529
 ἀσύγκριτος 522, 554, 556, 566
 ἀσφάλεια 598
 ἀτέλεια 288, 292, 791
 ἀτελής 283, 286, 287, 289, 291, 292
 ἄτοκος 449, 456
 ἄττα 240
 ἀτυχής 854
 αὖ 255
 αὐθαίρετος 511, 513, 526, 527
 αὐθις 255
 αὐξάνω 405, 522, 564, 565
 αὐριον 452, 462, 463
 αὐτός (αὐτοί etc.) 202, 206, 207, 209, 210, 212–214, 226, 233, 234, 236, 286–289, 294, 336, 411, 442–445, 449, 452, 454, 457, 458, 460–462, 464, 470, 473, 530, 531, 533–535, 550, 559, 565, 566, 628, 654, 694, 696, 698, 729, 743, 852
 αὐτοφνής 522, 554, 556, 566
 ἀφαιρέω 442, 443, 445, 446, 455, 468, 517, 520, 521, 523, 540, 547, 646, 703, 705
 ἀφανής 255
 ἀφείκω 449
 ἀφελώς 515, 517
 ἄφεςις 447, 448, 509
 ἀφίστημι 687
 ἀφορία 456
 ἀχυρόω 17
 βαρβαρισμός 687
 βάρεχος, βάριχος 275, 276
 βαρύς 596
 βασιλεία 716
 βασιλείος 503
 βασιλεύς 405, 511, 513, 529, 601, 602, 727, 785, 786
 βασιλεύω 696, 698, 767, 784–786, 791
 βασιλικά (τά) 646, 655
 βασιλική 802, 815
 βασίλισσα 696
 βέλτιστα 445
 βλάπτω 255, 442, 445
 βλέπω 842, 845
 βουλή 233, 234, 288, 443, 445, 448, 559, 696, 698, 702
 βούλομαι 355, 523
 βωμός 255, 612, 616, 617, 654, 854, 855
 γαῖα 602, 633
 γέα 863
 γένος 515–517, 520, 522, 527, 565, 723, 744
 γῆ 595, 633
 γίγνομαι 236, 411, 443, 445, 452, 457, 468, 508, 511, 516, 523, 525, 528, 531, 551, 552, 564, 644, 654, 702, 764
 γινώσκω 469, 471
 γνώμη 288, 531, 562
 γνωρίζω 527
 γονεύς 634, 899
 γράμμα 399, 767
 γράφω 336, 766
 γυμνάσιον 555
 γυνή 207, 611, 813, 827, 828, 849, 852
 δανείζω 449, 454, 455
 δανειστής 455
 δάπεδον 405

- δεῖγμα 638
 δείκνυμι 634
 δεινός 31, 33, 470
 δεκάς 842, 845, 846
 δέκατος 559
 δελφίς 31, 33, 48
 δένδρον 255, 257
 δέομαι 647
 δεύτερος 609
 δημηγορέω 746
 δημοκρατία 718
 δῆμος 214, 288, 363, 406, 411, 442, 443, 445, 449, 452, 454, 459, 468, 476, 509, 511, 513–515, 522, 527, 532, 540, 550, 559, 564, 646, 687, 694, 698, 701, 702, 706, 791
 δημόσιος 411, 535
 δημωφελῶς 609
 διαδέχομαι 449, 454, 542, 797, 800
 διακεῖμαι 557
 διακόσιοι 255, 635
 διαλύω 444, 529, 535
 διάλυσις 542
 διαμονή 616
 διανομή 534
 διαπέμπω 545
 διαπλέω 619
 διαπράττω 514, 516
 διάσημος 718
 διασώζω 442, 444
 διατελέω 449, 513, 514, 540, 547, 550, 559, 562, 644
 διαφέρω 440, 514, 523, 524, 527
 διαφορά 445
 δίδομι 233, 234, 237, 283, 287–290, 293–296, 298, 336–338, 352, 354, 377, 399, 443, 445, 448, 449, 455, 464, 538, 543, 609, 696, 698, 703, 718, 809, 857, 858, 899
 διηλεκτής 599
 δίκαιος 515, 525, 534, 596, 597
 δικαίως 255, 405, 515
 δίκη 336, 355
 διφθέριον 238
 δόγμα 233, 234
 δολώω 207, 208
 δόξα 514, 522, 565
 δοῦλος 204, 206, 208, 209, 255, 438
 δουλῶω 206–209, 214
 δύναμις 31, 33, 233
 δύο 559, 635, 842, 845
 δύσμορος 842, 845
 δωρεή 31, 411
 δωρέω 33
 δώρημα 898, 899
 δῶρον 79, 336–338, 469, 470
 ξ (= ἦ) 210, 211, 226
 ἄν 211, 233, 237, 470
 ἄω 540, 644, 718, 845
 αὐτοῦ см. ἑωυτός
 ἔγγονος 283, 288 (см. также эпитафич. формулы)
 ἐγώ (μέο, μοί etc.) 206, 214, 233, 236, 308, 399, 405, 470, 473, 475, 628, 767, 842
 ἔζω (εἴσατο) 405
 εἰ 210, 237, 578
 εἶδω 112, 452, 461
 εἴκοσι 233, 666
 εἰκῶν 406, 444, 445, 449, 452, 461, 463, 555, 576, 577, 634, 641, 696, 733–736
 εἰμί (εἶναι, ὦν etc.) 202, 204, 206, 207, 210–213, 216, 233, 286–288, 291, 292, 310–312, 315, 318, 351, 352, 354, 355, 449, 504, 547, 550, 559, 632, 695, 698, 705, 706, 729, 730, 733, 734, 743, 764, 765, 772, 842, 845
 εἶπον 559, 565, 842, 845
 εἰρήνη 31, 33, 34, 162, 601, 696, 704, 705, 708, 714, 718, 719, 739, 740, 752 (см. также эпитафич. формулы)
 εἰσηγέομαι 687, 691
 εἰσκέω 355
 εἰσπλέω 618, 619 (см. также эпитафич. формулы)
 εἰσφέρω 442
 εἰσφορά 791
 ἕκαστος 520, 521
 ἑκάτερος 654
 ἑκατοντάρχης 591–593
 ἐκβάλλω 211, 237, 238, 411
 ἐκγόνος 675 (см. также эпитафич. формулы)
 ἑκδοσις 445, 559
 ἐκεῖ 31, 33, 445, 448
 ἐκεῖνος 449, 452, 461
 ἐκκλησία 452, 456
 ἐκκλησιαστήριον 355
 ἐκνῶμιος 521
 ἐκτενῶς 514, 515
 ἔκτη 339
 ἐλαττώω 525
 ἐλάττων 504
 ἐλαύνω 842, 845
 ἐλευθέριος 46 (?)
 ἐμποδῶν 445
 ἐμφύλιος 529, 530
 ἔμφυτος 744
 ἐνάντιος 589, 590

- ἔνατος 355, 358, 359
 ἐνδέκατος 357, 358
 ἐνδοθι 633
 ἐνδόξως 746
 ἔνειμι 233, 234
 ἔνεκα, ἔνεκεν 442, 443, 521, 522, 533, 552, 554, 899
 ἐνέχυρον 677
 ἐνθάδε 602 (см. также византийский указатель)
 ἐνιαυτός 520, 521
 ἔνοικος 238
 ἔντεα (τά) 255–257, 260
 ἐντελής 421
 ἐντεῦθεν 255, 257
 ἐντολή 598
 ἐντυγχάνω 562, 644, 654
 ἐντυρεύω 255, 258, 260
 ἔξ 845
 ἐξαγώνιον 511
 ἐξακισχίλιοι 454
 ἐξαμείβω 718
 ἐξαίρετος 522, 565
 ἐξαρτίζω 863
 ἐπαγγέλλω 642, 644, 654, 655
 ἐπάγω 559
 ἐπαγωγή (?) 43
 ἐπαινέω 531 (см. также эпиграфич. формулы)
 ἐπαρχεῖον 511, 512
 ἐπάρχеиос 512, 513, 602
 ἐπαρχία 601, 602, 695, 703, 704, 731, 732, 752
 ἐπεί, ἐπειδή 445, 449, 454, 526, 531, 559, 564, 578, 643
 ἐπείγω 515
 ἔπειτα 696
 ἐπερωτάω 589, 590
 ἐπιβλάπτω 442
 ἐπίγονος 725
 ἐπιδείκνυμι 515
 ἐπιδημία 694, 700, 701, 726, 727
 ἐπιδίδομι 513–517
 ἐπικεικός 531, 547, 550, 644
 ἐπιθειάζω 695, 703, 732, 737, 752
 ἐπικαλέω 559
 ἐπικοσμέω 515
 ἐπικρεμάννυμι 596
 ἐπιμέλεια 623
 ἐπιμελέομαι 409, 464, 622, 623, 650, 651, 655
 ἐπιμελής 702
 ἐπιμηκῶς 515
 ἐπιπλέω 618, 619
 ἐπίσημος 355, 362, 363, 512, 520, 523, 533
 ἐπίσκοπος 591, 598, 599, 714
 ἐπιστατέω 559
 ἐπιστάτης 598, 714
 ἐπιτέλλω 255
 ἐπιτίθημι 233–236
 ἐπιφανής 654
 ἐπιφανῶς 515
 ἐπτά 31, 33, 35, 233
 ἐптаδεύω 432
 ἐптаκисχίλιοι 31, 33
 ἐптаκόσιοι 31, 33
 ἐρώτημα 46 (?)
 ἐσθλός 405 (?)
 ἐσόμενον (τό) 464, 752
 ἐσσούμεενος (fut. εἰμί) 696, 705, 733, 734
 ἐταῖρος 336
 ἔτερος 207, 214, 405
 ἔτος 559, 696, 842, 845
 εὔ 233, 236, 336, 337, 452, 461, 462, 522, 523, 551, 552, 695, 704, 764
 εὐδαιμονία 726
 εὐδαίμων 694, 700, 701, 726
 εὐδόκιμος 405
 εὐεργετέω 449
 εὐεργέτημα 452, 459
 εὐεργέτης 353, 354, 452, 459, 523
 εὐεργέτις 716
 εὐθύς 233, 234, 516
 εὐνοια 352–354, 449, 454, 522, 533, 540, 542, 552, 554, 696, 705, 733, 736
 εὐνόμως 718
 εὐνοὺς 547, 550, 559
 εὐρίσκω 255
 εὐρύς 567, 568
 εὐσέβεια 899
 εὐσχήμων 654
 εὐτακτος 654
 εὐτυχῶς 619
 εὐφημέω 694, 729
 εὐχαριστήριον 611, 871
 εὐχαριστία 698, 706
 εὐχή 405
 ἔφιππος 640
 ἔφοδος 559
 ἔχω 206, 223, 230, 231, 421, 445, 632, 842, 845, 846
 ἑωυτός, ἑαυτοῦ 204–206, 210–213, 216, 233, 234, 513–518, 522, 531, 534, 551, 553, 554, 556, 565, 628, 643, 795
 ζάω 411, 531
 ζηλώω 515, 522, 527
 ἦ 563, 564

- ἡγεμών 311, 520, 589, 590, 586–598, 695, 703,
 708, 751–753
 ἡγέομαι 157, 578
 ἡγέτης 696, 704, 733, 738–740, 752
 ἡγούμενος 557, 597, 598, 714
 ἡδύποτος 310
 ἡιών 567, 568
 ἡλικία 516, 517, 845
 ἡμεῖς 569, 470, 472, 473, 511, 516, 517, 525,
 551, 552, 590, 600, 654, 694, 696, 700, 704,
 705, 708, 718, 727, 733, 736, 738, 739, 752
 ἡμίδραχμον 430
 ἡμικτον 339
 ἡμικοτύλιον 769
 ἡμισατήρ 355
 ἡρεμέω 42, 44
 ἡρεμίζω 42, 43
 ἥρως 552–554
 ἡυκάτος 557, 597
 θάλαττα 804
 θάνατος 106, 564, 565
 θάπτω 411
 θέατρον 452, 457, 559
 θέλω 233, 355, 373
 θεοποίητος 255
 θεοπρόπος 44
 θεός, θεά 79, 255, 311, 405, 516, 522, 589, 590,
 616, 626, 627, 636, 647, 696, 822, 825, 828,
 833, 863, 864, 899
 θεράπων 365, 370, 371
 θεραπευτής 255
 θησαυρός 92, 93
 θλίβω 527
 θνήσκω 44, 520, 633
 θρεπτός 628
 θυγάτηρ 611, 852
 θύραι 861–863
 θυρεοκοιλίτης 602
 θυρίς 862
 θυσία 452, 460, 554
 θύω 460, 646, 654
 ἱατρός 19, 20, 23
 ἴδη 312
 ἴδιος 511, 578, 599, 604, 716, 854, 855
 ἰδρύω 79
 ἱεράομαι 827, 828
 ἱερατεία 516, 517
 ἱερατεύω 827, 828
 ἱερεύς 611, 696, 698
 ἱερέω 432, 488, 827
 ἱερός, -ή 255, 646, 647, 663, 718, 827
 ἱερώω 828
 ἱεουργία 255
 ἱή 104
 ἱήσιος 104
 ἱήτης 33
 ἰθύωρα 207, 214
 ἱλημι 765
 ἵνα 445, 452, 459, 523
 ἱππική 813
 ἵππος 255, 399
 ἰσοτέλεια 650, 651, 654, 655
 ἴστημι 260, 405, 452, 463, 564, 633, 634, 735,
 793
 ἰσχυρός 833
 κά (= καί) 470
 καθάριος 770
 καθάρως 770
 καθήκω 523, 539, 540
 καθίστημι 308, 310, 445, 696, 704, 732, 733,
 735, 752
 καιρός 515, 559, 852
 καίω 633
 κακός 255, 633
 καλάνδαι 597
 καλέω 452, 459, 462, 468
 καλός 44, 321, 462, 520, 654
 καλύπτω 602
 καλῶς 525, 609
 κάμνω 255, 256
 κάπηλος 234
 καταβαίνω 207, 214
 καταβυθίζω 578
 καταδράσσομαι 257
 καταδρέπω 255, 257
 κατακολουθέω 525
 καταλαμβάνω 355, 411
 καταλείπω 449, 452, 455–457
 καταλύω 445
 κατανύω 514, 520, 527
 κατὰξιος 646
 κατασκευάζω 687, 691
 κατέχω 470, 473, 475
 κέδρον 612
 κελεύω 272, 273
 κεράμωσις 862
 κέρδος 239
 κεφαλή 602
 κήρυγμα 696, 733, 752
 κήρυξ 452, 456 (см. также эпиграфич. фор-
 мулы)
 κίνδυνος 255, 595, 596
 κλεινός 635
 κλέος 515–517

- κλωτή 17
 κλυτός 576, 577
 κό (= καὶ ὁ) 78
 κοέω 239
 κοί (= καὶ οἱ) 78, 80
 κοινός 365, 432, 434, 449, 452, 455, 460, 466, 511, 578
 κοινότης 521
 κοινωνός 598
 κομιδή 449, 455, 456
 κομίζω 237
 κόπος 511
 κοσμέω 514–517, 522, 523
 κόσμιος 531
 κοτύλη 769
 κοτύλιον 769
 κοῦρος 633
 κουστοδία 598
 κρατέω 795
 κράτος 405
 κρηναῖος 255
 κριθή 255
 κτάομαι 514, 522, 554, 556, 566
 κτείνω 249
 κτήσις 530
 κτίζω 570, 573
 κτίσις 130, 173, 178, 181, 182
 κύλιξ 310, 336
 κύριος 511, 513, 589, 590 (см. также византийский указатель)
 λαμβάνω 470, 473, 475, 559
 λαμπρός 515, 525 (см. также эпиграфич. формулы)
 лаός 249, 632, 698
 λέγω (εἶπον) 202, 204, 207, 260, 440, 445, 463, 511
 λείπω 255, 257
 λειτουργέω 511
 λειτουργία 516, 517
 λεπτός 666
 λευκός 452, 463, 523
 λέων 31, 33
 ληιστεία 411
 λίθος 355, 452, 463, 523, 524, 765, 866, 868
 λοιπός 452, 461, 523, 538, 539, 559, 645, 866, 868 (см. также эпиграфич. формулы)
 λύκος 31–33
 λυσιτελής 559
 λύχνος 311
 μαίομαι 311, 868
 μακαρίζω 31, 33
 μαnθάνω 552, 554, 555
 μαντεύω 868
 μαρτυρέω 595
 μαρτυρία 469–472
 μάστα (= ἡγεμῶν, Гесихий) 311, 868
 μεγαλόδωρος 718–720
 μέγας (μείζων) 214, 311, 411, 449, 452, 461, 462, 514, 527, 534, 604, 605, 795
 μέδω 17, 18, 299, 300, 613, 834, 835
 μέλι 17, 255
 μέλω 551, 553, 554, 556
 μέμνημαι 31
 μέν 564, 565, 695, 701, 703, 729, 746
 μέν — δέ 578, 695, 696, 732, 842
 μέρος 237
 μέτειμι 654, 696, 698, 744
 μετέχω 421, 696
 μετοχή 698, 706
 μέχρι 595
 μή 233, 237, 355, 512, 513, 578
 μηδέ 632
 μηδείς 355, 632
 μήν 39, 41, 43, 544, 696
 μήτηρ 202, 204, 207, 854
 μητρόπολις 147
 μισθός 559
 μισθόω 559
 μισοπονηρία 475, 476
 μνημα 631, 632, 634, 853–855, 899
 μνημεῖον 632, 852, 853, 884
 молпархew 74
 молпеύω 74
 молύβδιον 206
 μυθεομαι 204, 206, 209
 мύλλον 239
 μυλλός 239
 мύλλος 239
 μυριέτης 249
 μυστικός 45
 ναύτης 611
 ναός 617, 861–863
 νάω 767
 νεμεσητός 578
 νεομηνία 41, 43
 νέος 552, 554, 555
 *νεωρός 207, 214
 νηλεής 255–257
 νῆσος 255, 411, 613
 νικάω 613
 νίκη 850
 νοέω 470–473, 521
 νομίμως 791
 νόμισμα 355

νουσέω 204
 ξενία 282
 ξένιον 452, 462
 ξύμβωμος 79
 ξυνή 17
 ξυνήων 80
 ὁ αὐτός 207
 ὀγδοήκοντα 635
 οἶδα 207, 210, 233, 236
 οἰκετεία 228, 437, 504
 οἰκέτης 437, 438, 506
 οἰκέω 150, 775
 οἰκήσιος 301, 302
 οἴκημα 237–239
 οἰκία 147, 206, 209, 230, 237, 239
 οἰκίηται 233, 236
 οἰκιστής 150, 775, 785
 οἰκοδομέω 852, 853, 861, 863, 899
 οἰκόθεν 104
 οἰκονόμος 559
 οἶκος 237, 239, 862, 863
 οἶνος 310
 οἶος 718
 οἶφω 316, 317
 οἰφώλης 312, 316, 318
 ὀλβία 36, 119
 ὄλβος 165, 278
 ὀλίγος 511, 632
 ὄλλυμι 633
 ὁμολογέω 351, 354
 ὁμόνοια 430
 ὁμφαλός 633
 ὄνομα 842, 845
 ὀπάζω 255, 298
 ὅπως 452, 457, 461, 523, 696, 733, 734
 ὀργυιά 634, 635
 ὀρίζω 687, 688
 ὅς 694, 695, 701, 702
 ὅσιος 633
 ὅσος 233, 355, 511, 842, 845
 ὅτι 461
 οὐ 206, 210, 213, 233, 236, 339, 469, 504, 511, 633, 854, 855
 οὐδεῖς 206, 207, 210–213, 226, 511, 523
 οὖν 694, 703, 704, 732
 οὐσία 528, 553, 554, 556
 οὔτε 445, 448
 οὔτος, ταύτης εἰς 470, 508, 540, 545, 548, 559, 578, 698, 702, 767, 899
 οὔτως 452, 461, 469, 470
 ὀφείλημα 452, 457, 468
 ὀφείλω 449, 454

ὄψ 767
 πάθος 106
 παιδεύω 522
 παῖς 206, 289, 365, 371, 516, 563–565, 632, 634, 635, 842, 845, 846
 παιών 104
 πανήγυρις 698
 παντελής 698, 706
 παραβολεύομαι 595
 παραγίγνομαι (-γίνομαι) 214, 411, 470, 471, 559
 παραδέχομαι 540
 παραίτιος 511, 644, 654
 παρακαλέω 106, 509
 παράκοιτις 847, 848
 παρανομέω 355, 475, 476
 παρασκευάζω 470, 559
 πάρεμι 273
 παρεπιδημέω 559 (см. также эпиграфич. формулы)
 παρέχω 452, 461, 511, 512, 516, 517, 530, 534, 599 (см. также эпиграфич. формулы)
 παρόδιος 78, 79
 παρώρεια 504, 506
 πᾶς 228, 291, 292, 355, 363, 364, 405, 449, 513, 514, 518, 527, 542, 547, 551–553, 599, 638, 644, 654, 696, 698, 705, 706
 πάσχω 452, 461, 462, 468
 πατήρ 206, 405, 449, 454, 511, 542, 577, 783
 πάτρα 842, 845
 πάτριος 405, 791
 πατρίς 249, 511, 514, 515, 520, 522, 523, 525, 530, 531, 862
 πατρώιος 365
 πεδίον 687
 πεζός 602
 πειρατεύω 613, 614
 πέμπω 255, 545, 548–550, 695, 703, 704, 731–733, 752
 πεντακόσιοι 504, 528
 πέντε 679, 767
 πέραν 503
 περάτη 595
 περίαυλον 862
 περιναίος 79
 πίναξ 766
 πίπτω 508
 πιτύς 255
 πλεῖστος 596
 πλεῖων 559
 πλέω 476
 πλήθη (τά) 791

- ποιέω 80, 287–289, 336, 351, 353, 354, 447, 449, 452, 455, 456, 461, 462, 468, 509, 522, 523, 531, 589, 590, 600, 655, 726, 863
- ποίησις 526, 527
- ποίκιλος 769
- πόλεμος 529
- πόλεμος 415, 417, 456, 559, 560, 578, 687 (см. также эпиграфич. формулы)
- πόλις 207, 213, 214, 260, 355, 399, 411, 445, 449, 452, 454, 455, 461, 498, 511, 516, 517, 523, 527, 529, 532, 534, 557, 559, 563, 564, 570, 573, 578, 596–598, 600, 603, 633, 644, 654, 694, 696, 700, 704, 706, 731, 754, 779
- πολιτεία 292, 518, 609, 791
- πολιτεύω 520, 521, 531
- πολίτης 287, 292, 351, 353, 354, 518, 523, 540, 547, 654, 694, 695, 744
- πολιτικός (?) 476
- πολλάκις 442, 511
- πολλός 214, 411, 449, 511, 513, 514, 526, 527, 559, 638, 767
- πολυδάκρυτος 847, 848
- πονηρός 526, 527
- πορίζω 511
- πόρος 526, 527
- ποταμός 657, 658
- ποῦ 633
- πουλύς 632, 633
- πρᾶγμα 470–472, 514, 515, 597, 598, 654, 795
- πρᾶξις 515, 534
- πράσσω 355, 440, 445, 503, 511
- πρεσβεία 534, 596
- πρεσβεύς 637–639
- πρεσβεύω 511, 529, 609
- πρίαμαι 355
- προαίρεσις 449, 454, 542
- πρόγονοι 515, 516, 518, 520, 622, 525, 540, 542 (см. также эпиграфич. формулы)
- προεστώς 516, 517
- προθυμία 510, 511
- πρόθυμος 523, 542
- προθύμως 559
- προνοέω 578
- πρόνοια 522
- πρόοιδα 44
- προσαγγέλλω 559
- προσγράφω 694
- πρόσειμι 540, 644
- προσεπίδομι 542
- προσέταιρος 77
- προσευχή 623
- προσθήκω 364, 523
- πρόσοδος 445, 452, 459–461, 508
- προσταγή 559
- προστασία 644, 654
- προστάτης 562
- πρότερος 417, 442, 560
- πρώτος 41, 43, 515, 695, 696, 723, 732, 743
- πυλών 622, 650
- πῦρ 764
- πύργος 409, 417
- πυρίπνευστος 632, 633
- πωλέω 355
- русиάζω 282
- σάγαρις 113
- σαλός 767
- σεβαστόγνωστος 520, 526, 597, 609 (см. также эпиграфич. формулы)
- σέβω 854, 855
- σεμνός 602
- σίνος 529
- σιτηρέσιον 559
- σῆτος 340, 511
- σιτωνέω 478
- σκήπτρον 695, 703, 704, 731, 732, 752
- σκύφος 769
- σός 233, 234
- σπεύδω 440
- στατήρ 233, 355, 430, 680
- στέγη 80
- στέλλω 104
- στερέω 355
- στεφανηφορέω 73, 74, 76
- στέφανος 449, 452, 457, 517, 520, 521, 532 (см. также эпиграфич. формулы)
- στεφανός 442, 443, 445, 448, 449, 509, 516, 517, 520, 521, 532, 694, 737 (см. также эпиграфич. формулы)
- στήλη 452, 463, 606, 632
- στηλῖς 564, 565, 855
- στίξ 634
- στοά 78, 79, 862
- στόλος 503
- στόμα 618, 619
- στοργή 576, 577
- στρατηγέω 714
- στρατηγία 516
- στρατιώτης 718
- σύ 233–235, 469, 470, 472, 473, 764
- сулῶ 207, 208, 233–235, 282, 475, 478
- σῦλον 476
- σύμβιος 854, 855
- συμβουλεύω 550
- συμμαχία 595, 596, 714

- συμπεριφέρω 559
 συμφέρω (τὰ συμφέροντα etc.) 449, 454, 511–515, 559 (см. также эпиграфич. формулы)
 σύμφορος 514, 543, 544, 552–554
 συναγείρω 698, 706
 συνάγω 791
 συναλλάσσω 449, 455
 συνέργω 516, 540, 547, 644
 συνεχής 578
 συνοικιστήρ 327
 σύνστασις 695, 703, 731, 737
 συντάσσω 449
 συντελέω 452, 459, 460, 559
 συνωφελέω 596
 σφείς 207, 210
 σφραγίζω 696, 724, 749
 σχοιναία 622, 650
 σῶμα 529
 σωτήρ 695, 703, 730, 732, 733, 738, 739, 752
 σωτηρία 765
 ταμίας 557
 τᾶν 847, 848
 τανί (дорич. = τῆσδε) 767
 τάξις 449, 455, 718
 τε, τε — τε, τε — καί 443, 696, 703
 τειχοποιέω 687, 691
 τειχοποιής 409
 τεῖχος 409, 417, 559, 622, 623, 650, 691, 693, 759
 τελαμών 523
 τέλειος 694, 700, 701, 726
 τελευτάω 411
 τέλος 355, 442, 443, 445
 τέμενος 80
 τερπνός 898, 899
 τέταρτος 339, 559, 679
 τῆλε 260
 τῆνος 695, 698, 702–704
 τίθημι 77, 104, 249, 336, 338, 512, 513
 τιμάω 405, 411, 452, 461, 470, 535, 695, 703, 704, 731–733
 τιμή 298, 355, 449, 514, 523, 531, 538–540, 695, 705, 730
 τίμιος 296, 355
 τίς 842, 845
 τοί 848
 τοιοῦτος 695, 696, 703, 704, 733, 752
 τόκος 455
 τοξεύω 635
 τοξοφόρος 31, 33, 34
 τόπος 255, 523, 524, 533, 654
 τότε 442, 443, 535
 τρεῖς 515, 845
 τριακάς 540, 542, 562
 τριάκοντα 520, 521
 τρισχίλιοι 449, 455
 τρίτος 452, 456
 τρόπαιον 759
 τρόπος 515, 518, 525
 τροφίμη 855
 τυγχάνω 550, 664
 τύμβος 632
 ὑγίεια 764, 765
 υἱός 406, 449, 452, 461, 468, 626, 635, 725, 871
 ὕμεις 237, 598
 ὕμνοθέτης 255–257, 260
 ὑπαντιάω 511, 513, 601, 602
 ὑπάρχω 538, 598, 645, 646, 654
 ὑπερβάλλω 513–515
 ὑπηρεσία 804
 ὑπογράφω 698, 724, 749
 ὑποκεῖμαι 452, 457, 458
 ὑποτάσσω 795
 ὕστερος 43
 φαίνω 311, 452, 459
 φανερός 646, 654
 φάνσις 696, 705, 736
 φείδομαι 511–513, 518, 526
 φέρω 282, 283, 455, 528
 φεύγω 355
 φημί 202, 206, 207, 209, 210, 212, 213, 233, 634, 635
 φθείρω 504
 φθίνω 848
 φιλάγαθος 513, 514
 φιλαγάθως 516
 φιλία 445, 448, 595
 φίλιος 31, 33
 φιλόκαλος 44, 45
 φιλομαθία 551, 553, 554, 556, 557
 φίλος 310, 336, 351, 352, 354, 547, 550, 634, 807, 813
 φιλοσοφία 522, 554, 556, 566
 φιλοτιμία 452, 461, 462, 468, 522, 638, 644
 φιλότιμος 445
 *φορτηγέσιον 206, 208
 φορτηγέω 208
 φορτηγός 208
 φράζω 842
 φρόνιμος 31, 33
 φροντίζω 578
 φρουρά 687, 691
 φυλάττω 525, 534, 596, 597, 714
 φύσις 626–628

φωνή 694, 703
 φώς 255, 256
 χαίρω (χαῖρε etc.) 237, 238, 590, 694, 703, 813, 818, 849, 854, 856 (см. также эпиграфич. формулы)
 χαλεπός 589, 590, 596
 χαλκεός 736
 χαλκός 255–257, 355, 440, 442, 445
 χάρις, χάρις 449, 452, 461, 462, 468, 634, 696, 704, 731
 χαριστήριον 614, 621
 χειρίζω 559
 χίλιοι 430, 504
 χράω, χράομαι 522
 χρεία 452, 461, 511, 512, 559 (см. также эпиграфич. формулы)
 χρεών 443, 445, 448, 540, 644
 χρῆμα 233–235, 286–289, 442, 444, 447, 511, 654, 696, 698 (см. также эпиграфич. формулы)
 χρῆσις 654
 χρήσιμος 214, 411, 511, 726
 χρηστός 626, 629
 χρόνος 449, 455, 559
 χρυσίον 355, 363, 512
 χρυσός 430, 449, 454, 455, 517, 520, 521, 528, 532
 χωρίζω 643
 χώρος 842, 843, 845, 846
 ψηφίζω 654, 728
 ψήφισμα 355, 452, 463, 545, 548, 563–565
 ὥδή 255, 256
 ὠνέομαι 355
 ὥς 523, 695, 696, 703, 704, 718, 733
 ὦς 731
 ὥσπερ 469, 470
 ὥστε 696, 733
 ὠφέλιμος 598, 644, 654

2) Грамматические факты, скриптура

αι > α перед гласной 43
 αο > αυ 41
 ε + α = η 43
 ε̄ = ει 106, 204, 210, 211, 287, 288, 298, 336, 632, 771
 ε̄ = ει 16, 37, 208, 211
 ε̄ = η 35, 104, 209, 211, 632
 ει = η(ι) 16, 40, 211, 677, 682, 683
 ει > ι 213
 εο = ευ 205, 236, 272, 273, 405, 850
 εο неслитное 204
 ευ > εο 205

η = ηι 33, 34, 43, 78, 337
 -ηι > -ει 284, 368
 -ηιη, -εια > η 256
 раннее растяжение ι в ει 39
 ο̄ = ου 16, 17, 33–35, 37, 40, 43, 204, 206, 207, 233, 259, 286–288, 298, 312, 347, 361, 362, 405, 640, 684, 756, 771–773, 793, 794, 802, 804, 849, 850, 857, 870
 ο̄ = ω 37, 38, 40, 297
 ου в надписях VI–V вв. до н. э. 37, 40, 41, 43, 259
 ου + ε = ου 43

dat. -ει 39
 dat. -ε̄ = -ει, -ηι 16
 dat. -ηι, -η основ на -ευσ 78
 gen. nominis + εἰμί 16
 gen. originis 36
 gen. теонима + nom. существительного 35
 gen. ου основ на -s 37
 παρά + gen. вместо dat. 239

ассимиляция ν 204
 аттицизмы 37, 40, 42–44
 вотивы в род. падеже 16, 17
 вотивы в дат. падеже 16, 17, 74, 76, 78, 81
 гиперионизмы 33, 42, 312, 317, 472
 интерпункция 43, 91, 94, 237, 238, 301, 635, 676, 677, 679, 680
 итацизм в надписях раннего времени (υ > ι, ε > ι) 209, 210, 235, 337, 338
 поэтизмы в прозаических надписях 473, 521, 526, 622

3) Эпиграфические формулы

ἀγαθῇ τύχῃ (τύχῃ ἀγαθῇ) 292, 351, 354, 364, 372, 561, 615, 619–621, 624–626, 665, 677, 678, 700, 861, 871, 885, 888
 ἄμυστιν ἐκπιῆν ὥς τάχος 767
 ἀναγεῖρειν ἐκ θεμελίων 600
 ἀναγορευθῆναι ὑπὸ τοῦ κήρυκος (ὁ κήρυξ ἀνακηρυξάτο) 452, 456, 533, 552–554, 586
 ἀναγράφαι δὲ τὸ ψήφισμα εἰς στήλην ((τελαμῶνα) λευκοῦ λίθου), σταθῆναι ἐν τῷ ἐπισημοτάτῳ τόπῳ κтл. 452, 463, 523, 533, 538, 547, 548, 552, 554, 559, 587, 590, 654, 696, 698
 ἀναθεῖναι (σταθῆναι) τὴν στήλην εἰς τὸ ἱερὸν τὸ ἐπισημότατον τῆς τῶν Ὀλβιопολιτέων πόλεως 590
 ἀναστροφὴν ἀξίαν (εὐσχήμονα κтл.) ἐποιήσατο 643, 654

ἀνὴρ (γενόμενος) ἀγαθός (καλός, πρόθυμος κτλ.) 452, 459, 461, 462, 468, 542, 543, 547, 550, 562, 643, 644
 ἀρετῆς (ἀνδραγαθίας κτλ.) καὶ εὐνοίας 533, 552, 554, 555, 559, 562, 586, 587
 ἀσυλεῖ καὶ ἀσπονδεῖ 293, 294, 354, 365, 370–373, 377, 378, 536, 538–540, 547, 559, 654, 696, 698
 ἀτέλειαν πάντων χρημάτων 288, 292–294, 354, 365, 371, 374, 377, 378
 ἀφαίσεις (ἐξαίσεις) εἰς ἐλευθερίαν 217, 225
 γῆς ἀναδασμός 447
 γῆς καὶ οἰκίης ἔγκτησις 654
 δεδόχθαι (ἔδωκαν κτλ.) αὐτῷ καὶ ἐγγόνοις (παισί) 288, 293, 294, 354, 364, 370, 371, 374, 538, 540, 543, 547, 559, 561, 647, 654, 655, 696
 δεδόχθαι (τῇ) βουλῇ καὶ (τῷ) δήμῳ ἐπαινεῖσαι (στεφανοθῆναι) τὸν δεῖνα 449, 540, 543, 559, 562, 517, 654, 696, 698
 δῆμος (καὶ πόλις) Ὀλβιοπολιτέων 532, 535, 547, 550, 562
 διαλύσαι τὴν τιμὴν (ὠνήν, χρυσίον) 529, 535
 διαλύσαι διαφοράν, καταστῆναι τὴν πόλιν εἰς εἰρήμην 529, 535, 578 (см. и καταστῆναι εἰς διαφοράν)
 δίκη ἀποστασίου 229
 δίκη ἐξαιρέσεως εἰς ἐλευθερίαν 224
 ἔδοξε (δεδόχθαι) (τῇ) βουλῇ καὶ (τῷ) δήμῳ 288, 355, 362, 363, 443, 445, 449, 463, 528, 540, 562, 654, 655, 695, 698
 ἔδοξε τῷ δήμῳ τῷ ἐν nomen loci 563, 654
 εἰς πάντα τὸν χρόνον 291, 292, 294, 295
 εἰσαγωγή καὶ ἐξαγωγή 293–295, 355, 364, 369, 370, 378
 εἰσπλεῖν καὶ ἐκπλεῖν 288, 292–295, 354, 365, 370, 371, 377, 536, 538, 539, 543, 547, 559, 654, 696
 ἐκ ἡλικίας (νεανίας) 516, 531
 ἐκ προγόνων ἐπισήμων (ἀγαθῶν, λαμπροτάτων σεβαστόγνωστος 516, 520, 527, 531, 573, 643
 ἐμ πολέμῳ καὶ ἐν εἰρήμῳ (πολέμου καὶ εἰρήνης) 293, 294, 354, 365, 370–373, 377, 378, 536, 538, 539, 547, 559, 654, 696, 698
 ἐπιδημήσας ἐν τῇ πόλει 643, 644, 648, 654, 655
 ἐπὶ μολπῶν αἰσυμνότος τοῦ δεῖνος 74, 76, 78, 80, 81, 88, 90
 εὐθὺς ἐκ παίδων 516, 525, 531, 532 (см. и ἐκ ἡλικίας)

ἔφοδος ἐπὶ τὴν βουλὴν καὶ τὸν δῆμον πρῶτοις μετὰ τὰ ἱερά 646, 654
 ἱερῶν οἰκονόμος 610
 ἵνα (ὅπως) ὁ δῆμος φαίνεται (τιμῶν τὸν δεῖνα) κατάξιας χάριτας ἀποδίδους τοῖς ἀγαθοῖς ἀνδράσιν 452, 459, 530, 646, 654
 καλέσαι δὲ αὐτὸν (αὐτοῖς) εἰς ἱερὸν ἐπὶ ξένια (ξενίσαι) ἐς αὔριον 452, 462, 548, 556, 559
 καλὸν ὑπὲρ τῆς πατρίδος τεθνᾶναι 521
 κατὰ γῆν καὶ κατὰ θάλασσαν 599, 714
 κατὰ τὴν Μηδικὴν ἐπαρχίαν 131, 177
 καταστῆναι εἰς διαφοράν (см. и διαλύσαι διαφοράν) 445
 κοινῇ — ἰδίαι 644
 (κοινῇ καὶ ἰδίαι) τοῖς ἀφικνουμένοις (ἐπιτυγχάνουσιν) τῶν πολιτῶν χρείας παρέχεται 540, 547, 550, 562, 637–639, 644, 654, 655
 λέγων καὶ πράττων (λέγειν καὶ πράττειν) 440, 445, 511, 525, 547, 550, 643, 644
 μνήμα, μνημεῖον τοῦ δεῖνος 631, 632, 852, 853
 μνήμης χάριν 606, 607, 629, 630, 854, 866
 ξενίσαι ἐς αὔριον 548
 ὁ γράψας 336
 ὁ δεῖνα εἶπε 355, 362, 363, 443, 445, 449, 540
 ὁ δῆμος στεφανοῖ τὸν δεῖνα τοῦ δεῖνος 442, 443, 445, 448, 449, 509, 516, 517, 532, 533, 552, 553, 559, 586
 ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας 606
 ὁ ἐπὶ τῆς Γοργιπείας 610
 ὁ ἐπὶ τοῦ (τῆς) 610
 ὁ ἐπὶ τῶν ἱερῶν 610
 οἱ ἐν οἴκῳ 238
 ὁ καί 606, 607
 Ὀλβιοπολιταὶ ἔδωκαν (ἔδωσαν, ποιοῦνται) 287, 288, 293, 295, 354, 371–373, 536
 ὅτι ὁ δῆμος τοῖς τε ἀγαθοῖς ἀνδράσιν... τὰς χάριτας ἀποδίδωσι (ἀπονέμων, ποιῶν) μείζους, ὧν ἂν εἴ πάσχη 452, 461, 462, 547, 646
 παρέχων ἑαυτὸν ἑκοντήν (ἄσκον) 516, 517, 530
 πολλὰ καὶ μεγάλα ἀγαθὰ τῷ δήμῳ κατηνύσατο διαφερόντως 514, 527
 προξενία καὶ ἀτέλεια 293
 προξενία (καὶ) πολιτεία 365, 374, 538, 540, 543, 559, 562, 654, 696, 698, 748
 προξενία, πολιτεία, ἀτέλεια 371, 372, 547
 σπεύδων τοὺς διαφερομένους (ἐν τῇ πόλει) εἰς ὁμόνοιαν καταστῆναι 445

στέφανος χρυσός 449, 517, 520, 521, 532, 559,
694, 698, 701, 702, 728
στεφανῶσαι (στεφανοῦσθαι) αὐτὸν (πανσυδί)
694, 701, 702, 728
στεφανοῦσθαι αὐτὸν καθ' ἕκαστον ἐνιαυτὸν
ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ τῶν πολιτῶν 520, 521, 735
στήλη (τελαμών) λευκοῦ λίθου 452, 463, 523
τὰ ἐμά 206, 209, 211, 230
τὰ λοιπὰ πάντα (τὰ ἄλλα) ὑπάρχειν 538, 547,
645, 646, 654, 696, 698
τὰ συμφέροντα τῷ δήμῳ (τῇ πόλει, τῆς
πατρίδος) 449, 454, 511, 527, 540, 542, 609,
644
τε — καί 212, 213
τε — τε 443, 452
τειμῆς χάριν 716
τὴν πατρίδα εὖ ποιεῖν 522, 523, 531
τί ἐστιν ἐμοὶ καὶ σοὶ (κοινόν) 211
τὸ δὲ ἀνάλωμα (τὸ ἐσόμενον) τοὺς ἄρχοντας
(οἰκονόμους) δοῦναι (ὑπηρετῆσαι) 463,
464, 538, 547, 559, 650, 654, 655
ὑπάρχειν αὐτῷ ὅσα (καθάπερ) καὶ (τοῖς)
ἄλλοις προξένους δέδοται 364, 538, 539,
540, 547, 644
ὑπὲρ τῆς πόλεως (εὐσταθίας) καὶ (τῆς) ἑαυτῶν
ὑγείας (σωτηρίας) 621, 665
ὑπὸ τὰ Περσικά 177
φίλος καὶ ἐταῖρος 336–338
χαῖρε 602, 629, 631, 632
χάριν (χάριτας) ἀποδίδοναι (ἀπονέμειν) 452,
462, 644, 645, 654
χρεῖαν παρέχειν 452, 461, 511, 518, 637–639
χρεῖων ἀποκοπή (ἄφεσις) 440, 441, 447, 448
ὧν ἂν εἰσάγη ἢ (καὶ) ἐξάγη 364, 365, 369,
370, 371, 547, 654

factis tabulis novis 383, 442, 447, 448
jus gladii 740

*Прескрипты декретов и вотивов Ольвии,
ее полисные институты*

ἔδοξε (τῇ) βουλῇ καὶ (τῷ) δήμῳ, οἱ ἄρχοντες
(σύνεδροι, οἱ Ἑπτὰ) εἶπαν· ἐπειδὴ ὁ δεῖνα
τοῦ δεῖνος 443, 445, 449, 463, 531, 547, 549,
559, 596, 649, 654
(ἐπὶ) ἄρχοντος (ιερομένου) τοῦ δεῖνος (τοῦ δ.)
623, 626, 627
ἐπὶ ἀρχόντων τῶν περὶ τὸν δεῖνα τοῦ δ. 619,
620, 622, 627
ἐπὶ ἀρχόντων τῶν περὶ τὸν δεῖνα τοῦ δ., μηνὸς
τοῦ δ. (μηνὶ τῇ δ.), ὁ δεῖνα τοῦ δ. εἶπεν·
ἐπειδὴ ὁ δεῖνα τοῦ δ. 516, 532, 557, 562

ἐπὶ ἀρχόντων τῶν περὶ τὸν δεῖνα τοῦ δ., μηνὸς
τοῦ δ., ἐκκλησίας γενομένης πανδήμου,
εἰσηγησαμένου τοῦ δεῖνος τοῦ δ. (τῶν
δεῖνων), ὁ δεῖνα τοῦ δ. εἶπεν· ἐπειδὴ ὁ
δεῖνα τοῦ δ. 519, 525, 527, 528, 532, 551,
552, 561, 649
ιερατεύοντος (ιερατεύσαντος) τοῦ δεῖνα
τοῦ δ. 627
ιερομένου τοῦ δεῖνος, μηνὸς τοῦ δ. ἔδοξε
βουλῇ καὶ δήμῳ τῇ δεῖνι, οἱ ἄρχοντες
εἶπαν· ἐπειδὴ ὁ δεῖνα τοῦ δ. 528, 542
οἱ περὶ τὸν δεῖνα τοῦ δ. στρατηγοὶ κτλ. 619–
621, 665

ἄρχοντες 443, 445, 449, 452, 463, 464
οἱ Ἑπτὰ 443
προεδρία 452, 459
προξενία 292, 293
πρόξενος 287, 288, 291, 292, 351, 353, 364
σύνεδρος 452, 463, 527, 559

*Эпиграфические формулы Боспора,
его институции*

ἀναγείρειν (οἰκοδομεῖν) δι' ἐπιμελητῶν τῶν
δεῖνων (δι' ἐπιμελείας τοῦ δεῖνος) 861, 863
ἄρχοντος Λεύκωνος Βοσπόρου καὶ Θεοδοσίης
826
ἄρχοντος Παιρισάδου τοῦ Σπαρτόκου 826
βασιλεύοντος Παιρισάδου τοῦ Σπαρτόκου
826
ἄρχοντος Παιρισάδου 826–828
ἄρχων (Βοσπόρου) 791, 793, 796
βασιλεὺς 800, 810, 835
βασιλεύων 800, 810, 829, 835, 836
γραμματεὺς 866, 867
ἐκ (ἀπὸ) θεμελίων 861–863
ἐν παντὶ Βοσπόρῳ 839
θιασίτης 866
θίασος 867
ἱερεὺς 866, 868
ἱερομάστωρ 866, 868
ἱερεὺς Παιρισάδου καὶ Σατύρου 813, 818
ὁ ἐπίτροπος Παιρισάδου (I) 818
σύνεδρος 866–868
φιλάγαθος 866

*Эпиграфические формулы и полисные
институции Херсонеса*

ἀναγορεῦσαι ἐν τοῖς παντελέσι παναγυρίεσσι
698, 737
ἔδοξε βουλᾷ, δάμῳ βασιλευούσης Παρθένου
ἔτεος τοῦ δεῖνος, ἱερέως δὲ τοῦ δεῖνος,

μηνὸς τοῦ δεῖνος, γραμματέως τᾶς βουλᾶς
τοῦ δεῖνος, πρόεδροι Χερσονασειτᾶν τῶν
ποτὶ τᾷ Ταυρικᾷ εἶπαν 700, 743, 746
ἐκκλησία πάνδημος 703
ἐπιδημίαν παρ' ἀμείν ποιεῖν 694, 700, 701,
726, 737
πάσα τᾷ παρ' ἀμείν τειμᾷ ἀξιωθῆμεν (εἰς
ἀμοιβάν τᾶς εὐποίας) καθᾷκον ἔμμεν 695,
698, 703, 736, 737
συμμνάμονας ποιεῖσθαι τὸ κάρνυμα· ὁ δάμος
στεφανοῖ τὸν δεῖνα 735
τειμᾶσαι πάσα τειμᾷ 696

πρῶτος ἄρχων 696
δεύτερος ἄρχων 698
τρίτος ἄρχων 698

ἄστοι ἔμφυτοι 744
βουλευτής 695, 696, 705, 729, 743, 746
βουλὰ 696, 698, 702, 728
γραμματεὺς τῆς βουλῆς 696, 698, 749
δᾶμος 694, 698, 701, 702, 706, 728–730, 742,
744, 745
ἐκλασία 694, 702, 728, 730
ἐκλασία πανσυδί 694, 701, 702, 728
νόμων φύλαξ 696, 749
οἱ ἀρχᾶθεν Χερσονασῖται 696, 705, 723, 741–
743, 749
οἱ ἐπιγεγραμμένοι (ἀρχαί) 694, 702
οἱ Χερσονασῖται πρᾶτοι 696, 705, 723, 741,
743, 744, 746
πολιτεία 746–749
πολίτης 694, 695, 729, 748
πολίτης ἀπὸ γένους 744
πολίτης ἐκ φύσεως (φύσει) 744
πολίτης ποιηθείς 744
ποτικληθείς 749
πρόδικος 698
πρόεδροι 695, 696, 700, 742, 743, 746, 747,
749
προξενίαι 746–749
πρόξενος 748, 749
στίχος 634, 696, 698, 722, 723, 742, 744
συμνάμων 701, 735
σύμψαφος 696, 705, 742, 743
σύνψαφος τοῖς ἀρχᾶθεν Χερσονασιτᾶν
πρόέδροις 696, 705

4) Древнеунгуйская лексика,
имена собственные
abhrām 834
āhi 109, 111, 120

Āhi 111, 112, 118, 119
Āhi Budhnyā 109, 111, 114
Āhi Çeṣa 109
Āhi Valā 26, 95, 109, 111, 118
Āhi Vṛtrā 109, 111
amṛta 113
anantā 113, 115
āpa 111
ārabh 115
āça 120
baka 110
Budhnyā 109, 111
cakrá 113
Çeṣa 10, 112
dāksinā, dāksināpath, dāksināyana 119
dīrghā 114
dīrgha-tavah 113, 115
dirghatva 115
-dvīpa 109, 120
gadādhara 117
Garuḍa 110
Haladhara 113
Halāyudha 113
han 111
jára 110
Jaratkāra 110
kala 119
*Kalanandaka 119
kapāla 114
kaulya 115
kola 118
kṣaya 115
kūla 115
lip- 115
makara 118
nāgā 109, 120
nandaka 119
pahlaya 110
patika 870
pāla 869
pālaka 870
pātra 113
ṛbhū 114
Sarpasattra 119
Sarpavināçana 119
savyā 119
sm-vidā 111, 112
śakas 110
takṣakā 119
Taksakā 119
tvakṣ, tvākṣas, tvakṣīyas 119
tvakṣ-aka 119

udā 103, 120
 útsa 103
 Valá 111
 vāta, Vāta 19, 27, 120, 830
 Vāta-sura 27, 830
 vātāṣa 120
 Vṛtrá 111

Ахи 120
 Будхня 111, 112
 Бала 111, 112, 118, 120
 Вишну 112, 113, 117
 Ваю 25
 Войтосура 26, 27, 830
 Вритра 25, 111, 112, 118
 Гаруда 109, 110, 113, 117–119
 Индра 24–26, 111, 113, 117, 118
 Индры царство 24–26
 Йима (Яма) 108, 119
 Шеша 112, 113, 115, 116, 118

5) Иранская лексика,
 имена собственные

ahura- 833
 ana(i)rya- 837
 ара- 834
 apra-xšay- 114
 ārgā- 841
 Ardvī-sūrā- 27
 arštibara- 29
 arta 832
 ātr-, ātərā- 834
 aturpat- 835
 bal 869, 870
 Baxram 882
 *darga-tava- 115
 farnah- 27, 833
 hu-stāna- 900
 hvar- xšay- 114
 hvarnah-, xvarənah- 833, 838
 kama- 840
 *kama-sar- 840
 kapol 114
 *Kavata- xšaya 831
 Kavi-, Kavi-Kavāta 831
 lištan- 114
 naska- 836
 pa- 835
 Pairisati < *pa(i)ri-aujah- 840
 *patay-, -pt, -pati 835
 Peroz 840

*ripa- xšaya- 114
 sag 871
 Sagi 871
 saka- 871
 sana- 871
 sarah- 840
 sāenay- 833
 sgst'n 871
 skstn (= Sagastān) 871
 *spar- 841
 *spara- 841
 sūra-, sūra- 26, 27
 taka- 841
 taka-sāka- 119
 taxša- 119
 tāvag- 841
 tigma- 19
 tigratava- 115
 tvaša- 119
 Varahrān 882
 vohu- 838
 vāta-, Vāta- 26, 27
 Vāta-farnah 27
 Vāta-sura- 26, 28, 29, 830
 xšay(a) 114, 831

6) Фракийская лексика,
 имена собственные

Ἡρώς 28
 *iēthru- 20, 27
 Iatrus 20
 Ieterus 20
 Σεύθης 30
 *spara- 841
 *sura- 28
 *Suro- 28
 *takos- 841

7) Иллирийская и албанская лексика,
 имена собственные

*alb- 165, 277, 278
 *alba- 165
 *arb- 165, 278
 arbenesh, arber, arberesh 278
 bari 276
 borē 23
 karpē 280
 olbe 165, 277
 vargēr 275
 verga 275
 vërgar 275

Предметный указатель

- амулеты 763–766
 антиграф 285, 412, 545, 548, 604
 Археанактиды 774, 775, 784–787, 789, 796, 797
- Боспор и Ольвия, связи 345–347, 605–611
 буравчик при изготовлении надписей 860
 бустрофедон 203
- граффити владельческие 312–321, 439, 672–675, 755, 756, 761–763, 770–773, 801, 802
 граффити застольные 763, 766, 767, 920
 граффити магические 763–766, 805, 848
 граффити подарочные 296–298, 312–321, 335–338, 763, 769, 770
 граффити посвященные 16–18, 104–108, 611, 761–763, 829, 830, 874
 граффити экономические 675–685, 763, 767–769
 граффити, разное 31–45, 119, 252–260, 272, 303, 304, 339, 340, 399–401, 754–757, 763, 805, 813–816, 881
- дельфинчики 90, 91, 94, 146, 274, 275
 демократия в Ольвии 93, 341–343, 414, 485, 486, 494, 639
 демократия в Херсонесе 685–688, 710, 720
- журавли и пигмеи 109, 110, 116, 117
- исополития 421–423, 427, 747
- кабала, кабальники 218–220, 223, 224, 229, 231
 коллегия Семи 92, 93, 431–433, 463, 476, 649
 ксены, проклены 57, 62, 63, 87, 89, 220, 225, 231, 245, 281–296, 337, 349, 433, 440, 466, 467, 474, 475, 478, 486, 494, 507, 508, 527, 528, 536–544, 547, 549, 550, 574, 575, 630, 639, 643, 673, 679, 727, 744, 746–749, 803
- Левконида 819
 левый поворот: смерть 28, 45, 106, 107
 лигатуры 706, 764, 770
 лунные формы букв, курсивное письмо 400, 414, 472, 483, 488, 498, 503, 513, 514, 550, 551, 593–595, 613, 624, 769, 814, 815, 847, 866; рис. 62, 69, 72, 75, 78, 80, 81, 92, 100а, б, 106, 112а, 126, 130, 134 б, 135, 143, 144, 148, 149, 151, 158, 159а, 160, 164–166
- мольпы, мольпы-стефанефоры 22, 47, 60, 62, 63, 72–94
 монеты-стрелки 22, 90, 91, 146
- олигархия в Милете 90, 93, 342
 олигархия в Ольвии 87, 93, 342, 343, 429, 431, 480, 485, 486, 494, 509, 584, 595, 596, 824, 825
 олигархия в Херсонесе 672, 674, 686–689, 722–725, 746
 олигархические роды Ольвии:
 Агатиновы Демоконтовы Деимаховы 493, 494
 Аристоновы Феоклоны 490, 491, 493, 494, 584
 Евбиотовичи 493
 Евресибиевичи (Евресибиевичи, Евресибиады) Леоократовы 486, 487, 571, 573, 576, 584
 Каллиниковичи 491
 Каллисфеновы 570, 573, 575, 580, 607, 615–623, 631 (см. также в указателе надписей декреты Каллисфена Каллисфенова и Каллисфена Дадова)
 Клеомбратовы Пантакловы 431, 489, 494
 Леоократовы 486, 487, 494
 Леодамантовы 489, 490
 Метродоровичи 493
 Никератовичи 490, 493, 494, 581, 584
 Посейдоновы 431, 491, 492, 584
 Посидеевичи 492–495, 562, 563, 575, 584, 614, 615
 Протогеновичи 431, 488, 489, 491, 493, 494, 519, 613
 олигархические роды Ольвии I–II вв. н. э. 584
 омикрон с точкой внутри 314, 676 (рис.), 677, 682
 оракулы в Ольвии и на Березани 30–46
- проэдриа, проэдры в Ольвии 376–377, 421, 463, 467
- рабы, рабовладение в Ольвии 171, 206–209, 212, 216–220, 223–231, 257–260, 383, 393–397, 624 сл.
- развитие письма надписей Северного Причерноморья:
 1) раннеархаический период (VII–VI вв.) 100, 303, 304, 307, 310–312, 339, 882; рис. 1, 2, 4, 22, 30, 43–47, 50, 51

- 2) позднеархаический период (конец VI — первая половина V в.) 83, 84, 161, 200–204, 233, 238, 296, 297, 335, 336, 756, 882; рис. 5, 6, 19, 21, 22, 24–27, 41, 49, 107а, 127, 128
- 3) классическое время (вторая половина V — IV в.) 43–46, 75, 84–86, 94, 247, 248, 265–268, 283, 284, 289, 292, 293, 296, 302, 359–362, 368–370, 372–374, 377, 379, 380, 405, 409, 411, 682, 756, 792, 850, 858, 882; рис. 7–9, 17, 18, 20, 28, 31, 32, 34, 36–40, 42, 52–60, 64–67, 76, 77, 107а, г, 110, 111, 111а, 114–116, 122–125, 129, 137, 141
- 4) эллинистическая эпоха (конец IV — I в. до н. э.) 251, 252, 374–377, 380, 400, 412, 414, 444, 445, 464–466, 472, 478, 483, 502, 503, 540, 613, 690, 768, 808, 809, 815, 882; рис. 29, 61, 68–75, 78, 90, 90а–г, 91, 92, 94, 95, 102, 103, 107в, 108, 113а, б, 126, 130–133, 134а, б, ж, 135
- 5) римская эпоха (I–III вв. н. э.) 513, 514, 557, 666, 667, 718, 850, 864, 866, 882; рис. 79–89, 93, 96–101а, 104–107, 107 б, 109, 109а, 113, 117–121, 134в–е, 136, 138–140, 140а, 142–144, 159 б
- 6) византийское время 882, 883, 885, 887, 893, 899, 900; рис. 145–159а, 160–166
- рифмование личных имен 486, 490, 491, 496
- сигма ретроградная в эпитафиях 629, 631, 773
- синедры, синедрия в Ольвии 449, 463, 468
- ситония, ситоны, ситометрия в Ольвии 431, 476, 478–481, 511, 598, ср. 559
- сокращения 39, 40, 45, 104, 106, 592, 593, 597, 615, 616, 649, 677, 679, 696, 698, 706, 707, 756, 762, 768, 770, 884
- Спартокиды 26, 28, 402, 774, 782, 784–787, 789, 791, 793, 794, 797–841
- стефанефоры см. мольпы
- стойхедон 74, 78, 81, 84–86, 203, 246–248, 287, 301, 302, 393, 681, 682, 857
- стоя архитектурная 54, 58–60, 78–80, 623
- стрела, стрелок 19, 22, 23, 27–31, 33, 106, 265, 635
- тирания, тираны в Ольвии, Гераклее, на Боспоре 94, 242–252, 348, 785, 787, 797, 819
- толщина плиты неодинакова 552, 620
- числительные акрофонические 679, 680, 764, 767, 768
- числительные алфавитные 40, 532, 533, 551, 552, 592, 593, 597, 609, 619–621, 626, 627, 666, 672, 679, 696, 698, 706, 707, 716, 742, 764, 768, 769, 852, 854, 884
- экклесия (народное собрание) 89, 696, 698, 791
- энктесис 245
- эсимнет 73, 74, 77–81, 83, 87–90, 92–94, 222

Указатель к византийскому разделу VII

Структура указателя:

1) Указатель надписей; 2) Имена собственные; 3) Лексика, обороты, эпиграфические формулы; 4) Предметный указатель.

1) Указатель надписей
В. В. Латышев. Сборник
греческих надписей
христианских времен,
1896

3 — 887
31 — 893
69 — 884
86 — 883, 891, 893
88 — 893
89 — 883, 891, 893
91 — 883
93 — 885
98 — 879, 899

99 — 880, 885
103 — 898
106 — 885

2) Имена собственные
Αβική 895
Αβικοί 895
Ἀγοραστός 893
Ἀρσάκις 882
Βόσφορος 879
Γενητζουαθα 915
Γεννέος (= Γενναῖος) 895
Γορπιαῖος 885, 886, 888
Γότος 913, 914
Γρηγόρι(ο)ς 909

Δουππουνος см. Τιβέριος
Ἰούλιος
Δουτζαγας Σαναγας 910
Εἰσγουδιος 885, 888
Εὐτρόπι(ο)ς 890
Θεόδωρος 884, 891, 895–898
Ἰωάννης 909
Καν..ατολ 915
Λαύρια 895
Μαλδαγ Κανδιτζις 910
Μεναγαμ 903
Ὁαρήξ (Βοαρήξ etc.) 877, 888,
882
Ὁμαρ 881, 910

- Οὐστάνη 900
 Οὐστάνης 900, 901
 Οὐστάνος Αγαθοῦ 880
 Ὀχωρμαζ 915
 Σαλδιχ Μιδαχ 910
 Σαυαга Αρίστωνος 889, 890, 913
 Σεαυαγος 885, 888
 Σευραγ 910
 Σπαδίνης -885, 888
 Ταβουλгаεις Ατταεις 910
 Τιβέριος Ιούλιος Δουπτονους, βασιλεὺς εὐσεβῆς, φιλόκε-
 σар καὶ φιλορώμεος 885, 888, 889
 Τρόφιμος 895
 Τρόφιμος Ὀμαρ 910
 Χιμιρίς (= Κιμμερίς) 880, 913
 Χοριμαγ Δαппαεις 881, 910
 Χρηστίων 905
 Χρόδ (Γρώδ etc.) 877, 881, 882

Византийские императоры, византийские и боспорские официалы
 Феодосий I (379–395) 892
 Феодосий II (408–450) 880
 Юстиниан (527–565) 877, 879, 880, 899
 Маврикий (582–602) 880
 Ангула 879, 880, 883
 Боарекс (Оарекс) 877–884
 Босфор (Боспор, город) 879
 Грод 877–884
 Далмаций 879–881
 Дуптун 885–889
 Евпатерий 880
 Савага Аристонов 889, 890, 891
 Сеаваг 885, 886, 888
 Устан 880

 3) Лексика, обороты, эпиграфические формулы
 ἄγιος 887–889
 ἀγοραστός 894
 ἀλιευτικός 889, 890
 ἄμαρτωλός 909
 ἀμήν 910
 ἀναγνώστης 909
 ἀνέστη ὁ πύργος οὗτος 885, 888
 ἀριθμός 891
 αὐτός 910
 βαπτιστήριον 909
 βοηθέω 888
 γυνή 905, 915
 διαφέρων (-ον) 889, 890
 (ὁ) δοῦλος τοῦ θεοу ὁ δεῖνᾱ 884, 893–898, 909, 913, 915
 εἰμί 910
 ἐνθάδε 877, 880, 882–884, 913
 ἐνθάδε κεῖται, κατὰκειται 884, 890, 891, 893, 895–898, 902, 903
 ἔπαρχος 885, 889
 ἐπιμελητής ὁ ἐπὶ τοῦ ἔργου 888
 ἐπτά 910
 ἔτος 887–889, 910, 915
 ἡπειρώτης 899
 θεός 894, 909
 Ἰνδικτιών 884–886
 Ἰππειος 889, 890
 καθίστημι 890
 καταβαίνω 877, 880, 882–884
 κατακείμαι 883, 884
 κοιμάω 915
 κοῖτον ποιεῖσθαι 913
 κόμης 885, 888–891, 910
 κύριε, ἐλέησον δοῦλον σοῦ 910
 κύριος 913
 μάνδρα 890
 μήν 885, 888, 910
 μνηῆμα 899
 μνημεῖον 884
 μνημονεύειν μετὰ τῶν ἀγίων 910
 νέος 889, 890
 ὁ ἐπὶ τῆς πινακίδος 885, 888
 ὁ ἐπὶ τοῦ ἔργου 885
 ὁ ἐπὶ τοῦ πρώτου ἐπὶ ἄρχοντας 886, 888
 οἰκέτης 888
 οἰκοδομέω 899
 ὅς 909
 ὀχυρός 898
 πάπας 909
 ποιέω 913
 περίπολος 910
 πρεσβεῖα 909
 πρεσβεῖον 909
 πιστός 910
 πρωτοκομίτης 880, 886, 913
 σός 909
 συνθιασείτης 909, 910
 σῶζω 909, 910
 τέκνον 915
 τερπνός 898, 899
 τῆ, τῖ 909, 913
 τοξεύω 880, 913
 τόπος 889, 890
 υἱός 880, 913
 χαῖρε 890, 891
 χριστιανός 882
 χώρα 899
 χωρίον 898, 899

 4) Предметный указатель
 граффити 906, 907, 912, 914, 916, 918
 дата по боспорской эре 886–891, 910
 дипинти 906, 907, 912, 914, 916
 индикт 884–886, 888, 897
 квадратный шрифт 895; рис. 150, 152, 155–157, 159 б, 163
 крест 877, 882, 883, 885, 890–897, 900, 901, 909, 910, 913, 915, 918; рис. 145–147, 149, 151–157, 160, 164–166
 лигатура «ο + υ» 895, 897, 898, 915
 моливдовулы 906, 907, 912, 914, 916, 918
 подделка надписей 905
 псевдоархаическая альфа 900, 903; рис. 145–147, 152, 156, 161–163
 семисвечник 900–906
 сокращения 883–891, 893–895, 897, 898, 900, 901, 909, 910, 913
 фресковые надписи 906, 907, 912, 915, 916, 918
 числительные 884–888, 890, 897, 910, 915

Contents

Foreword.....	9
Part one	
ESSAYS ON HISTORY AND EPIGRAPHY OF OLBIA	
Section I. The Greek and native cults in the Lower Bug area in VI–V centuries B.C.	
1. Apollo Ietros and Apollo Delphinios	15
1.1. Apollo Ietros	15
1.1.1. The catalogue of the inscriptions concerning Apollo Ietros and Boreus	16
1.1.2. The origins and essence of Apollo Ietros' cult	18
1.2. The oracles from Olbia and Berezan'	30
1.2.1. The oracle on bone plaque from Berezan'	31
1.2.2. The Olbian oracles of V–IV centuries B.C.	37
1.3. The origin, essence and the character of Apollo Delphinios' cult in Olbia, the questions of reconstruction of the buildings on his temenos	47
1.3.1. The essence of Apollo Delphinios' cult	47
1.3.2. The identification and reconstruction of the buildings on the Apollo's temenoi in Olbia	49
2. The stephanephoroi and the molpoi of the V century	72
2.1. The dedications of the stephanephoroi and the molpoi of the V century ..	72
2.2. The dating of the dedications of the stephanephoroi and the molpoi	83
2.3. The Olbian stephanephoroi and molpoi	87
2.4. The list of Olbian eponymous aisymnetoi	93
3. Achilles' cult in the Lower Bug area	95
3.1. The Scythian Achilles	95
3.2. The amulets from Beikush	104
3.3. The Scythian Achilles and the personages of Indo-Aryan mythology ...	109
Section II. The history and epigraphy of Olbia in VII–V centuries	
1. The colonization of the Lower Bug area	121
1.1. The historical and material aspects of the colonization of the region ...	121
1.1.1. A foundation of Borysthene and a question of a certain emporial period	121
1.1.2. A foundation of Olbia	128
1.1.3. The stages of Ionian colonization of the North Pontic area	131
1.1.4. A material formation of the Berezan' and Olbia	140
1.2. The political aspect of the colonization of the region	147
1.3. The colonization and the native labor resources	168

Appendix 1. Pseudo-Skymnos on the time of Olbia foundation and the question about his sources on the Pontic cities foundations. . . .	172
Appendix 2. The old Greek colonization practice	183
Appendix 3. Plato's theory of city foundation and the Greek colonization practice	187
2. The problems of social development of the Olbian polis in VI–V centuries . . .	196
2.1. Achillodoros' letter	197
2.2. Apatourios' letter	232
2.3. Artikon's letter	237
3. The phantom of tyranny in Olbia	242
4. Olbia, the near and remote barbarians in VI–V centuries	252
4.1. Hylaia in the inscriptions of VI–V centuries	252
4.2. Hypothesis on Scythian protectorate over Olbia	269
4.3. Scyles and Olbia	272
4.4. Arichos and Eminakos	274
5. The ateleiai and proxenic decrees of the last third of V — beginning IV centuries	281
6. The textology and interpretation of the Olbian inscriptions of VI–V centuries	296
6.1. The graffito by Xanthos	296
6.2. The dedication IOSPE I ² 164	299
7. Berezanian epigraphy.	303
7.1. The two earliest graffiti of Berezan'	303
7.2. Mastor's epitaph	305
7.3. The graffito by Idanes	312
Appendix 1. How prof. Surikov has mortified the founders Hermon and Phanagoras, but has raised from the dead Hermon's widow Hermonassa	326
Appendix 2. On about the name Idanthursos	334
7.4. The Berezanian graffito – a gift to a friend	335
7.5. The epigraphic evidences of the cost of bread	339
Section III. Olbia in the IV century	
1. A political order of Olbia at V–IV B.C.	341
2. The proxy to tyrant of Herakleia Satyros and his mutual assistance pact with Olbia	344
3. The decree by Kanobos about money exchange	355
4. The proxenic decrees of the IV — first quarter of the III centuries	363
5. Olbia and Zopyrion's campaign	383
Appendix 1. Zopyrion hasn't besieged Olbia (a replay to the critics)	396
Appendix 2. To interpretation of graffito from Kozyrka with a name of certain Zopyrion.	399
Section IV. Olbia in Hellenistic and Roman times (the end of the IV century B.C. – III century A.D.)	
1. Internal and external history of Hellenistic Olbia at the end of the IV — III B.C.	403
1.1. A history of the defence making in connection with the external menaces to Olbia according to the epigraphical data	404

1.2. The principal stages and events of internal history of Olbia at the end of the IV — III B.C.	419
2. Demography of the Olbian polis and the question of the oiketai	434
2.1. Demography of the Olbian polis	434
2.2. The oiketai of the Olbian khora	437
3. Kallinikos imaginary and real	440
4. Decree in honour of Chersonesian Apollonios' children	449
5. The crisis in Olbia according to epigraphic data	469
5.1. The letter by certain Anonymous	469
5.2. The decree in honour of Anthesterius	475
5.3. The dedication by the sitons (Inscriptiones Olbiae 72).	478
6. The catalogue of the Olbian citizens IV—II вв. до н. э.	481
7. Decree in honour of Protogenes'	498
7.1. A date of the decree.	498
7.2. The mixed Hellenes of the Protogenes' decree	504
7.3. A social portrait of Protogenes	508
8. Decrees in honour of the fellow-citizens-benefactors and their textology	510
9. Decrees in honour of the external citizens-benefactors and their textology ...	536
10. The natives of Olbia in spiritual life of Greece: philosopher Bion, mythographer Dionysios, historian Posidonios	566
11. The refoundation of Olbia after the Getic capture	570
12. The interconnections of Olbia and Rome according to the epigraphic data ...	585
12.1. From Lucullus to the end of the I century B.C.	585
12.2. From Augustus to Trajan.	586
12.3. Two dedications by centurion Severinus	591
12.4. From Antoninus Pius to the Severi	595
12.5. The embassies to the Scythian and Sarmatian kings at the II A.D.	601
12.6. The epigraphical evidences have been wrongly interpreted.	602
13. The Bosphorans and the Bosphoran inscriptions in Olbia	605
14. The inscriptions of various types	612
14.1. The sacral inscriptions.	612
14.2. The building inscriptions.	622
14.3. Slavery and slave emancipation in late Olbia	624
14.4. The epitaphs	629
14.5. Varia et Pars critica	634
15. New small inscriptions	664

Part two

ESSAYS ON HISTORY AND EPIGRAPHY OF CHERSONESOS AND BOSPOROS

Section V. Essays on history and epigraphy of Chersonesos

1. The shadows of the Olbiopolitans and of the Chersonesian oligarchs in Western Tavria	671
2. Some questions of interpretation of the Chersonesian oath and Agasikles' honorary decree	685

3. Chersonesos, North Pontic area and the Marcomannian wars according to the Chersonesian decree of 174 AD in honour of Titus Aurelius Kalpournianus Apollonides	694
3.1. Itself decree	694
3.2. To the discussion on the Apollonidean decree	725
4. The notes to the Chersonesian inscriptions	754
4.1. The ostraca and the owner's inscriptions	754
4.2. The date of the inscription on a lease / selling of the lands	757
4.3. The votive inscription from Kara-Tobe	759
4.4. To the publication of the Corpus of the Chersonesian graffiti	760

Section VI. Essays on history and epigraphy of Bosporos

1. The political history of Bosporos in VI–II centuries B.C.	774
1.1. The political state of Bosporos in VI–V centuries	774
1.2. The Spartokids of the IV century	797
1.3. The Spartokids in the Hellenistic epoch	806
1.4. The cult of the ruling monarch among the Spartokids	818
1.5. An estimate of development of Bosporos and Olbia at Hellenistic time	823
1.6. The dedication of Spartokos' IV wife (?) from Kepoi	825
2. The Iranian origin of the Spartokids	829
3. The new women epitaphs from Bosporos	841
4. The new inscriptions of Phanagoreia	857
4.1. Pantias' of Tegea epitaph	857
4.2. The opisthograph concerning building inscription and epitaph of a member of thiasos	860
5. Aulouzenis' votive inscription, originated from Bosporos (?)	871

Section VII. Christian epigraphy of North Pontic area

1. The Christian lapidar inscriptions of the early medieval Bosporos	876
1.1. The inscription of Hunnic queen (B)oarex and of Hunnic king Grodas	877
1.2. A fragment of an epitaph of the IX–X A.D.	884
1.3. The inscription of the king Duptunus (CIRB 67)	885
1.4. The inscription of the comites Sauagas from Taman'	889
1.5. Eutropides' epitaph (CIRB, Add. 3)	890
1.6. Agorastes' epitaph	893
1.7. The notes to some inscriptions	894
1.8. Verse inscription from Taman'	898
1.9. The inscriptions CIRB 735a and 742	900
1.10. The epitaph CIRB 1225	903
2. On "The Corpus of Byzantine inscriptions from the territory of Russia, Ukraine and Transcaucasia"	906
Appendix. "The Berezanian alkanautes"	919
Bibliography	922
Abbreviations	985
Indexes	989

Научное издание

Яйленко Валерий Петрович

**ИСТОРИЯ И ЭПИГРАФИКА ОЛЬВИИ, ХЕРСОНЕСА, БОСПОРА
VII в. до н. э. — VII в. н. э.**

Печатается в авторской редакции

Корректоры *С. Р. Беляева, Н. В. Викторова, Л. А. Макеева*

Технический редактор *Е. М. Денисова*

Художественное оформление *С. В. Лебединского*

Подписано в печать XX.XX.2016. Формат 70 × 100 1/16.

Тираж XXX экз. Усл. печ. л. 83,2. Заказ № .

Издательство «Нестор-История»

197110, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7, e-mail: nestor_historia@list.ru

Отпечатано в ООО «Контраст»

192029, Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 38, лит. А